ИСТОРІЯ РОССІИ

съ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга вторая.

Томъ VI—X.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подъяческая, соб. домъ. № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

Томъ шестой.

Царствованіе Іоанна IV Васильевича и Θеодора Іоанновича.

*

Томъ седьмой.

Царствованіе Іоанна IV и Θеодора Іоанновича.

Томъ восьмой.

Исторія Смутнаго времени.

Томъ девятый.

Томъ десятый.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ шестой.

ЦАРСТВОВАНІЕ

Іоанна IV Васильевича и Ѳеодора Іоанновича.

Глава I.

Правленіе великой княгини Елены.

Право Елены на правленіе.—Смуты.—Заключеніе удѣльнаго князя Юрія.—Торжество Телепнева-Оболенскаго и заключеніе Глинскаго.—Бѣгство вельможъ въ Литву.—Бѣгство удѣльнаго князя Андрея изъ Старицы; пріѣздъ его въ Москву и заключеніе.—Война Литовская; переговоры и перемиріе.—Дѣла Крымскія.—Происки Бѣльскаго въ Константинополѣ.—Вмѣшательство Гиреевъ въ дѣла казанскія.—Мирный договоръ съ Швеціею и сношенія съ другими государствами. Построеніе городовъ; вызовъ поселенцевъ изъ-за границы.—Мѣры противъ поддѣльныхъ и рѣзанныхъ денегъ.—Дѣти боярскія, живущія въ Думѣ.—Онежская уставная грамота; грамота владимірскимъ бобровникамъ.—Могущество Телепнева-Оболенскаго.—Смерть Елены.

Уже въ Русской Правдѣ находимъ, что по смерти отца опека надъ малолѣтними дѣтьми, распоряженіе имуществомъ ихъ принадлежатъ матери; не говоря о древней Ольгѣ, въ позднѣйшее время мы видѣли важное значеніе матери семейства княжескаго, ея вліяніе на дѣла не только при малолѣтнихъ, но даже и при возрастныхъ сыновьяхъ; слѣдовательно, по смерти Василія, опека надъ малолѣтнимъ Іоанномъ и управленіе великимъ княжествомъ естественно принадлежали великой княгинѣ—вдовѣ, Еленѣ. Это дѣлалось по обычаю, всѣми признанному, подразумѣвавшемуся, и потому въ подробномъ описаніи кончины Василія среди подробныхъ извѣстій о послѣднихъ словахъ его и распоряженіяхъ не говорится прямо о томъ, чтобъ великій князь назначилъ жену свою правительницею; говорится только, что тремъ приближеннымъ лицамъ—Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигонѣ—Василій приказалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить. Послѣднія слова о боярскомъ хожденіи мы должны принимать, какъ прямо относящіяся къ правительственному значенію Елены, должны видѣть здѣсь хожденіе съ докладами [1]). Въ одной лѣтописи говорится о возведеніи малолѣтняго Іоанна на престолъ такимъ образомъ: начали государя ставить на великое княженіе въ соборной церкви Пречистыя Богородицы митрополитъ Даніилъ и весь причетъ церковный, князья, бояре и все православное христіанство; благословилъ его митрополитъ крестомъ и сказалъ громкимъ голосомъ: „Богъ благословляетъ тебя, государь, князь великій Иванъ Васильевичъ Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всея Руси! добръ, здоровъ будь на великомъ княженіи, на столѣ отца своего". Новому государю пропѣли многолѣтіе, и пошли къ нему князья и бояре, понесли дары многіе; послѣ этого отправили по всѣмъ городамъ дѣтей боярскихъ приводить къ присягѣ жителей городскихъ и сельскихъ.

Умирающій Василій имѣлъ много причинъ безпокоиться о судьбѣ малолѣтняго сына: при ма-

---

[1]) Только въ позднѣйшихъ украшенныхъ дополненіяхъ къ извѣстію о кончинѣ Василія говорится: «всяжъ правленія всего русскаго царства завѣщеваетъ державствовати и по Бозѣ устрояти и разсуждати, до возмужанія сына своего, матере его, а своей вел. княгинѣ Еленѣ». Царств. книга, 23. А въ Псковской лѣтописи сказано: «И приказа великое княженіе сыну своему большому князю Ивану, и нарече его самъ при своемъ животѣ великимъ княземъ; и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ боярамъ немногимъ» (П. С. Р. Л. IV, 299; здѣсь же и о поставленіи на государство).

люткѣ осталось двое дядей, которые хотя отказались отъ правъ своихъ на старшинство, однако могли, при первомъ удобномъ случаѣ, отговорясь невольною присягою, возобновить старыя притязанія. Эти притязанія тѣмъ болѣе были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старыхъ правахъ своихъ и тяготились новымъ порядкомъ вещей, введеннымъ при Василіи и отцѣ его. „Вы бы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ мы крестъ цѣловали", говорилъ умирающій братьямъ; боярамъ онъ счелъ нужнымъ напомнить о происхожденіи своемъ отъ Владиміра Кіевскаго, напомнить, что онъ и сынъ его прирожденные государи. Василій зналъ, что, въ случаѣ усобицы и торжества братьевъ, должны повториться тѣ же явленія, какія происходили при дѣдѣ его, Василіи Темномъ; что тогда малюткамъ-дѣтямъ его нельзя ждать пощады отъ побѣдителя,—и вотъ онъ обращается къ человѣку, по близкому родству обязанному и по способностямъ могущему блюсти за сохраненіемъ семьи великокняжеской: „А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ".

Опасенія умирающаго сбылись: тотчасъ послѣ похоронъ Василія вдовѣ его донесли уже о крамолѣ. Лѣтописцы оставили намъ объ этомъ дѣлѣ разныя свидѣтельства: по однимъ,—двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Андрей Михайловичи, еще при великомъ князѣ Василіи отъѣзжали къ удѣльному князю Юрію. Василій отправилъ къ брату съ требованіемъ ихъ выдать, и тотъ безпрекословно исполнилъ это требованіе; Василій велѣлъ оковать отъѣзжиковъ и разослать ихъ по разнымъ городамъ; но великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить ихъ по ходатайству митрополита и бояръ. Первымъ дѣломъ Андрея Шуйскаго, по возвращеніи въ Москву, была новая крамола: онъ началъ подговаривать князя Бориса Горбатаго въ отъѣзду, объявилъ, что князь Юрій зоветъ его, Андрея, къ себѣ, и онъ хочетъ къ нему ѣхать. „Поѣдемъ съ мною вмѣстѣ", говорилъ онъ Горбатому: „а здѣсь служить—ничего не выслужишь; князь великій еще молодъ, и слухи носятся о князѣ Юріи,—если князь Юрій сядетъ на государствѣ, а мы къ нему раньше другихъ отъѣдемъ, то мы у него этимъ выслужимся". Горбатый не только самъ не согласился отъѣхать, но и Шуйскому отсовѣтывалъ; тогда послѣдній, видя неудачу и опасаясь послѣдствій своей откровенности съ Горбатымъ, рѣшился предупредить его: явился къ великой княгинѣ и объявилъ, что князь Борисъ зоветъ его отъѣхать къ князю Юрію, который также присылалъ и къ нему съ приглашеніемъ; но правда открылась, и князя Шуйскаго посадили опять подъ стражу. При этомъ бояре сказали правительницѣ, что надобно схватить и князя Юрія; Елена отвѣчала имъ: „Какъ будетъ лучше, такъ и дѣлайте". Бояре сочли за лучшее отдѣлаться заблаговременно отъ удѣльнаго князя, и Юрій, вмѣстѣ съ своими боярами, посаженъ былъ подъ стражу въ той самой палатѣ, гдѣ прежде сидѣлъ племянникъ его, несчастный Димитрій, внукъ Іоанна III.

По второму извѣстію, князь Юрій прислалъ дьяка своего, Третьяка Тишкова, къ князю Андрею Шуйскому звать его къ себѣ на службу. Шуйскій сказалъ дьяку: „Князь вашъ вчера крестъ цѣловалъ великому князю, клялся добра ему хотѣть, а теперь отъ него людей зоветъ!" Третьякъ отвѣчалъ на это: „Князя Юрія бояре приводили заперши къ цѣлованію, а сами ему за великаго князя присяги не дали; такъ что это за цѣлованіе?—это невольное цѣлованіе!" Андрей Шуйскій сказалъ объ этомъ князю Горбатому, послѣдній сказалъ боярамъ, а бояре—великой княгинѣ. Елена отвѣчала имъ: „Вчера вы крестъ цѣловали сыну моему на томъ, что будете ему служить и во всемъ добра хотѣть: такъ вы по тому и дѣлайте; если является зло, то не давайте ему усилиться". И, по приказанію великой княгини, Юрій былъ захваченъ.

Какое же изъ этихъ двухъ извѣстій мы должны предпочесть? Авторъ перваго старается оправдать князя Юрія и обвинить во всемъ бояръ и князя Андрея Шуйскаго; по его словамъ, „дьяволъ вложилъ мысль недобрую: только не схватить князя Юрія Ивановича, то великаго князя государству крѣпку быть нельзя, потому что государь молодъ, а Юрій совершенный человѣкъ, и людей пріучить умѣетъ; какъ люди къ нему пойдутъ, то онъ станетъ подъ великимъ княземъ подъискивать государства. Дьяволъ вложилъ эту мысль, зная, что если князь Юрій не будетъ схваченъ, то не такъ совершится воля его (дьявола) въ грабленіи, продажахъ, убійствахъ". Послѣднія слова показываютъ намъ, что извѣстіе составлено въ то время, когда уже бояре возбудили противъ себя всеобщее негодованіе грабленіями, продажами и убійствами. Когда бояре, по словамъ того же извѣстія, еще только думали, какъ сказать великой княгинѣ о необходимости схватить Юрія, дьяволъ, видя, что мысль его хочетъ сбыться, вошелъ въ князя Шуйскаго и побудилъ его, злодѣя, замыслить отъѣздъ; у князя Юрія и на мысли этого не было, потому что онъ крестъ цѣловалъ великому князю — какъ было ему измѣнить? Князь Андрей Шуйскій *одинъ* помышлялъ зло. *Многіе* разсказывали, что дѣти боярскія и даже бояре говорили князю Юрію, чтобъ онъ ѣхалъ поскорѣй въ Дмитровъ: „Поѣдешь въ Дмитровъ, то на тебя никто и посмотрѣть не посмѣетъ; а будешь здѣсь жить, то уже ходятъ слухи, что тебя непремѣнно схватятъ". Юрій отвѣчалъ имъ: „Пріѣхалъ я къ государю великому князю Василію, а государь, по грѣхамъ, боленъ; я ему цѣловалъ крестъ, да и сыну его, великому князю Ивану,—такъ какъ же мнѣ крестное цѣлованіе преступить? я готовъ на своей правдѣ и умереть!"—Авторъ извѣстія могъ быть

убѣжденъ въ невинности князя Юрія, но, къ сожалѣнію, онъ не приводитъ ясныхъ доказательствъ этой невинности; что князь Юрій крестъ цѣловалъ—это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйскій также крестъ цѣловалъ; разсказы *многихъ* объ отвѣтѣ Юрія своимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ также не имѣютъ сильной убѣдительности. Второе извѣстіе имѣетъ за себя обстоятельность разсказа: авторъ его знаетъ, кого именно князь Юрій присылалъ къ Андрею Шуйскому—дьяка Третьяка Тишкова; знаетъ, чѣмъ дьякъ оправдывалъ своего князя въ нарушеніи присяги. Противъ этого извѣстія приводятъ то обстоятельство, что Андрей Шуйскій дѣйствительно былъ признанъ виновнымъ и содержался подъ стражею до самой смерти Елены; но изъ втораго извѣстія нельзя нисколько заключать о невинности Шуйскаго; первое его возраженіе насчетъ недавней присяги Юрія нисколько еще не ведетъ къ заключенію, что онъ послѣ не могъ согласиться съ доводомъ Тишкова, не убѣдился въ выгодѣ отъѣхать въ князю Юрію и не обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ Горбатому; въ этомъ отношеніи второе извѣстіе нисколько не противорѣчитъ первому: имѣя въ виду только разсказать причину заключенія князя Юрія, оно опускаетъ подробности, относящіяся къ другому лицу. Но въ приведенныхъ извѣстіяхъ есть еще одно обстоятельство: оба полагаютъ взятіе Юрія подъ стражу 11 декабря; но во второмъ извѣстіи Андрей Шуйскій возражаетъ дьяку Тишкову: „Вашъ князь *вчера* крестъ цѣловалъ"; Елена говоритъ боярамъ: „*Вчера* вы крестъ цѣловали сыну моему"; но мы знаемъ, что это крестоцѣлованіе происходило немедленно по смерти Василія, т.-е. не позднѣе утра 4-го числа (Василій умеръ вечеромъ съ 3-го на 4-е число), и, слѣдовательно, Юрій присылалъ къ Шуйскому, или Шуйскій сталъ подговаривать Горбатаго, и дѣло дошло до Елены 5-го числа; какъ же въ такое короткое время Елена успѣла отдать приказъ освободить князей Шуйскихъ, содержавшихся по разднымъ городамъ, и они успѣли пріѣхать въ Москву, гдѣ, *побывъ мало*, какъ говоритъ первое извѣстіе, Андрей затѣялъ новый отъѣздъ? Если мы даже предположимъ невѣрность втораго извѣстія относительно 5-го числа, то и тутъ останется сомнительнымъ разсказъ перваго извѣстія, что Андрей Шуйскій находился съ братомъ въ заточеніи и только по смерти Василія получилъ свободу; въ такое короткое время, отъ 4-го числа до 11-го, Елена успѣла простить Шуйскихъ, гонецъ съ извѣстіемъ объ этомъ прощеніи успѣлъ съѣздить въ тотъ городъ, гдѣ былъ заточенъ князь Андрей, тогда какъ мы не имѣемъ никакого права полагать, чтобъ онъ былъ заточенъ въ ближній отъ Москвы городъ, Андрей успѣлъ собраться и возвратиться въ Москву, гдѣ, побывъ мало, успѣлъ завести крамолу!

По той же самой причинѣ, т.-е. по краткости времени, протекшаго отъ смерти Василія до заключенія Юрія, нельзя думать, чтобъ доносъ извѣстнаго намъ Яганова относился къ замысламъ князя Юрія въ то время, когда еще послѣдній былъ на свободѣ; гораздо вѣроятнѣе, что Ягановъ донесъ на Дмитровскихъ дѣтей боярскихъ князя Юрія, объявилъ, что они жалѣютъ о своемъ князѣ, порицаютъ Московское правительство и т. п.; вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ дѣлѣ въ челобитной: „Приказалъ ко мнѣ князя Юрія Ивановича сынъ боярскій, Яковъ Мещериновъ, который прежде нѣкоторыми дѣлами отцу твоему, государь, служилъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему въ деревню, для нѣкотораго твоего государева дѣла; я сказалъ объ этомъ Ивану Юрьевичу Шигонѣ, и Шигона мнѣ отвѣчалъ: ступай къ Якову, и если у него какое-нибудь дѣло государево поновилось, то ты вмѣстѣ съ Яковомъ пораньше пріѣзжай въ Москву; я объ немъ и объ его службѣ представлю государю. Я пріѣхалъ къ Якову, и что онъ мнѣ сказалъ,—я тотчасъ послалъ объ этомъ грамоту съ моимъ человѣкомъ къ князю Михаилу (Глинскому) и къ Шигонѣ, а самъ остался у Якова, чтобъ довѣдаться полныхъ вѣстей о дѣлѣ. Иванъ Шигона моего человѣка къ намъ отпустилъ съ приказомъ ѣхать намъ въ Москву, а ты, государь, прислалъ за нами своихъ дѣтей боярскихъ и велѣлъ насъ къ Москвѣ взять. Здѣсь, передъ твоими боярами, Яковъ то дѣло съ меня снялъ, что онъ мнѣ сказывалъ, а слышалъ, говоритъ, у княжъ Юрьевыхъ дѣтей боярскихъ; а которыя рѣчи Яковъ мнѣ сказывалъ о Дмитровскихъ дѣлахъ, тѣхъ рѣчей списокъ я подалъ твоимъ боярамъ; Яковъ и тѣ рѣчи съ меня снялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойкѣ жестокую рѣчь съ Яковомъ вмѣстѣ, и мы ту рѣчь сказали твоимъ боярамъ; того я не знаю, спьяна ли они говорили, или вздурясь: мнѣ въ ту пору уши свои не смолою было забить". Доносъ оказался ложнымъ, и Яганова заключили въ оковы; это наказаніе за ложный доносъ показываетъ намъ, что правительство не было расположено вѣрить всякому слуху относительно удѣльныхъ князей, и что если оно рѣшилось заключить Юрія, то имѣло на то основанія.

Изъ челобитной Яганова видно, кто были самые довѣренные, самые вліятельные люди при дворѣ въ первое время по смерти Василія; то были—князь Михаилъ Глинскій и Шигона Поджогинъ; къ нимъ двоимъ обращался Ягановъ съ извѣстіями о государевыхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, Глинскій и въ Москвѣ достигъ почти такого же положенія, какое имѣлъ въ Литвѣ при Александрѣ; но скоро явился ему опасный соперникъ: — то былъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, умѣвшій пріобрѣсть особенное расположеніе великой княгини, сблизившейся съ нимъ, вѣроятно, посредствомъ сестры его Аграфены Челядининой, мамки великаго князя. Оболенскому и Глинскому стало тѣсно другъ съ другомъ, и Елена должна была выбрать между ними; она выбрала Оболенскаго. Глинскій былъ обвиненъ въ томъ, что захотѣлъ держать государство вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ Михаиломъ Се-

мисовичемъ Воронцовымъ;—это обвиненіе понятно для насъ, ибо прежняя дѣятельность Глинскаго обличала въ немъ человѣка, не умѣвшаго умѣрять свое честолюбіе и выбирать средства для достиженія своихъ цѣлей; мы имѣемъ право смотрѣть на борьбу его съ Оболенскимъ какъ на слѣдствіе честолюбивыхъ стремленій, а не нравственныхъ побужденій только; но для современниковъ нужно было еще другое обвиненіе — и Глинскаго въ Москвѣ обвиняли въ томъ, что онъ отравилъ великаго князя Василія, точно такъ, какъ въ Литвѣ обвиняли его въ отравленіи великаго князя Александра. Оба обвиненія явно несправедливы; но могъ ли жаловаться на нихъ Глинскій, могъ ли оправдываться въ нихъ убійца пана Заберезинскаго? Что же касается до соумышленника Глинскаго, Воронцова, то это тотъ самый вельможа, съ которымъ великій князь Василій помирился передъ смертію [1]).

Въ августѣ 1534 года былъ схваченъ Глинскій и посаженъ въ той же самой палатѣ, гдѣ прежде сидѣлъ при Василіи; онъ скоро умеръ. Въ томъ же августѣ, но еще прежде, двое людей изъ самыхъ знатныхъ родовъ: князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій — послѣдній изъ рода Кошкиныхъ — убѣжали въ Литву; за соумышленничество съ ними правительница велѣла схватить брата Семенова, князя Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго и князя Ивана Михайловича Воротынскаго съ дѣтьми; князя Димитрія Бѣльскаго не тронули, и это обстоятельство отнимаетъ у насъ право предполагать, что Иванъ Бѣльскій и Воротынскій были схвачены безъ основанія. Бѣгство Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, заключеніе Ивана Бѣльскаго, Воротынскаго, Глинскаго и Воронцова, случившіяся въ одно время, въ одномъ мѣсяцѣ [2]), могутъ навести на мысль, что все это было слѣдствіемъ общаго негодованія вельможъ на Елену и ея любимца Оболенскаго, негодованія, котораго мы увидимъ сильные слѣды. Въ первыя минуты по смерти Василія, когда правленіе твердаго государя смѣнилось правленіемъ слабой женщины, каждый при этой смѣнѣ видѣлъ возможность для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, и потому всѣ охотно согласились на скорыя и рѣшительныя мѣры противъ замысловъ удѣльнаго князя Юрія; но когда, по прошествіи нѣкотораго времени, отношенія опредѣлились, когда увидали Телепнева-Оболенскаго облеченнымъ полною довѣренностію правительницы, занимающимъ первое мѣсто въ управленіи, когда, слѣдовательно, многіе обманулись въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, то негодованіе и обнаружилось.

При заключеніи князя Юрія, источники выставляютъ на первый планъ бояръ, на рѣшеніе которыхъ Елена отдала это дѣло; при заключеніи втораго дяди Іоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видимъ дѣйствующими саму Елену и князя Телепнева-Оболенскаго. Князь Андрей не былъ нисколько заподозрѣнъ въ соумышленничествѣ съ братомъ своимъ Юріемъ и спокойно жилъ въ Москвѣ до сорочинъ по великомъ князѣ Василіи; но, собравшись послѣ этого ѣхать въ удѣлъ, сталъ припрашивать у Елены городовъ къ своей отчинѣ; въ городахъ ему отказали, а дали, по обыкновенію, на память о покойномъ, шубы, кубки, коней, иноходцевъ въ сѣдлахъ. Андрей уѣхалъ съ неудовольствіемъ въ Старицу; нашлись люди, которые передали объ этомъ неудовольствіи въ Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что въ Москвѣ хотятъ его схватить. Елена отправила въ Старицу князя Ивана Васильевича Шуйскаго и дьяка Меньшого Путятина—внушить Андрею, что это слухъ ложный. Андрей не удовольствовался этимъ, но требовалъ отъ Елены письменнаго удостовѣренія, и, получивъ его, пріѣхалъ въ Москву для личныхъ объясненій съ правительницею, причемъ митрополитъ Даніилъ былъ посредникомъ; Андрей началъ съ того, что до него дошелъ слухъ, будто великій князь и она, Елена, хотятъ положить на него опалу. Елена отвѣчала: „Намъ про тебя также слухъ доходитъ, что ты на насъ сердишься; и ты-бъ въ своей правдѣ стоялъ крѣпко, а лихихъ людей не слушалъ, да объявилъ бы намъ, что это за люди, чтобъ впередъ между нами ничего дурного не было“. Князь Андрей не назвалъ никого, сказалъ, что ему такъ самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего противъ него не имѣетъ. Какъ видно, въ это время, взята была съ Андрея запись, въ которой онъ клялся исполнить договоръ, заключенный имъ прежде съ племянникомъ; обязался не утаивать ничего, что ни слышитъ о великомъ князѣ и его матери отъ брата своего, отъ князей, бояръ, дьяковъ великокняжескихъ, или отъ своихъ бояръ и дьяковъ; ссорщиковъ не слушать и объявлять о ихъ рѣчахъ великому князю и его матери. Эта запись особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые встрѣчаемъ ограниченіе или, лучше сказать, уничтоженіе права удѣльныхъ князей принимать къ себѣ служивыхъ князей, бояръ и слугъ вольныхъ, права, какъ мы видѣли, нарушавшагося при отцѣ и дѣдѣ Іоанна, но не перестававшаго вноситься въ договоры великихъ князей съ удѣльными; Андрей обязался не принимать князей, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и никого другого, если они отъѣдутъ отъ великаго князя *на его лихо*. Но при всякомъ почти отъѣздѣ предполагалось неудовольствіе отъѣхавшаго, ибо какія выгоды могли заставить отъѣхать отъ великаго князя

[1]) Царств. кн. 35—37 и слѣд.; Никон. VII, 1—3; Львов. лѣтоп. IV, 6—11; Герберштейнъ, 80. Первое извѣстіе о заключеніи князя Юрія съ наибольшими подробностями помѣщено въ неизданной лѣтописи изъ Синодальной библіотеки (№ 486), находящейся въ настоящее время въ Археограф. Коммисіи, гдѣ я ею и пользовался. За усердную помощь при пользованіи ею и другими лѣтописями и хронографами, находящимися въ Археогр. Коммиссіи, считаю пріятнымъ долгомъ изъявить благодарность М. А. Коркунову.

[2]) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «И князя Михаила Глинскаго съ нимижъ велѣлъ поимавъ посадити». — См. лѣтопись о владѣніи царя и великаго князя Ивана Васильевича, Рукоп. библіотеки архива мин. ин. дѣлъ.

къ удѣльному? Почему великій князь могъ знать, что бояринъ отъѣхалъ къ дядѣ на его лихо, или нѣтъ?—при всякомъ отъѣздѣ онъ могъ подозрѣвать, что на лихо, и требовать выдачи отъѣхавшаго.

По возвращеніи изъ Москвы въ Старицу, Андрей подозрѣнія и страха не отложилъ и продолжалъ сердиться на Елену, зачѣмъ не прибавила городовъ къ его удѣлу. Въ Москву опять начали доносить, что Андрей сбирается бѣжать. Елена, по свидѣтельству лѣтописи, не повѣрила этимъ доносамъ и послала звать Андрея на совѣтъ по случаю войны Казанской; Андрей отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать по причинѣ болѣзни и просилъ прислать лѣкаря. Правительница послала къ нему извѣстнаго намъ Ѳеофила, который, возвратившись, донесъ ей, что у Андрея болѣзнь легкая, говоритъ, что на стегнѣ болячка, а лежитъ на постели. Тогда Еленою овладѣло подозрѣніе: почему Андрей не пріѣхалъ на совѣтъ о важномъ дѣлѣ Казанскомъ? Она послала опять къ Андрею освѣдомиться о его здоровьи, а между тѣмъ велѣла тайно разузнать, нѣтъ ли какого о немъ слуха, и почему онъ въ Москву не поѣхалъ. Посланные донесли, что у Старицкаго князя есть лишніе люди, которыхъ обыкновенно у него не бываетъ, и эти люди говорить ничего не смѣютъ; но, по словамъ другихъ людей, Андрей затѣмъ притворился больнымъ, что не смѣетъ ѣхать въ Москву. Елена послала вторично звать его въ Москву,—и вторично та же отговорка болѣзнію; послали въ третій разъ съ требованіемъ непремѣнно пріѣхать въ какомъ бы ни было положеніи. Съ отвѣтомъ Андрей отправилъ въ Москву князя Ѳедора Пронскаго, и этотъ отвѣтъ дошелъ до насъ; здѣсь дядя государевъ, удѣльный князь, называетъ себя *холопомъ* великаго князя; несмотря однако на такой униженный тонъ, удѣльный князь не можетъ удержаться, чтобъ не напомнить племяннику старину,—онъ велитъ сказать ему: „Ты, государь, приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ намъ непремѣнно у тебя быть, какъ ни есть; намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно; *а прежде, государь, того не бывало, чтобъ насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили*. И я, отъ болѣзни и отъ бѣды, съ кручины отбылъ ума и мысли. Такъ ты бы государь, пожаловалъ показать милость, согрѣлъ сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ, чтобы холопу твоему впередъ было можно и надежно твоимъ жалованьемъ быть безскорбно и безъ кручины, какъ тебѣ Богъ положитъ на сердце".

Но не успѣлъ еще Пронскій доѣхать до Москвы, какъ одинъ изъ дѣтей боярскихъ Андреевыхъ, князь Голубой-Ростовскій, тайно ночью прислалъ къ князю Телепневу-Оболенскому съ вѣстію, что князь Андрей непремѣнно побѣжитъ изъ своего удѣла на другой день. Тогда Елена отправила къ Андрею трехъ духовныхъ особъ: Крутицкаго владыку, Симоновскаго архимандрита и Спасскаго протопопа, которые должны были сказать удѣльному князю отъ имени митрополита: „Слухъ до насъ дошелъ, что ты хочешь оставить благословеніе отца своего, гробы родительскіе, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, великаго князя Василія и сына его; я благословляю тебя и молю жить вмѣстѣ съ государемъ своимъ и соблюдать присягу безъ всякой хитрости; да ѣхалъ бы ты къ государю и къ государынѣ безъ всякаго сомнѣнія, и мы тебя благословляемъ и беремъ на свои руки". Въ случаѣ, если Андрей не послушаетъ митрополичьихъ увѣщаній, посланные должны были наложить на него проклятіе. Не полагаясь, однако, на дѣйствительность церковныхъ увѣщаній и угрозъ, Московское правительство выслало къ Волоку сильные полки, подъ начальствомъ двоихъ князей Оболенскихъ—князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронскаго, перехватили на дорогѣ, но въ то время, какъ брали Пронскаго, одному изъ его провожатыхъ, сыну боярскому Сатину, удалось убѣжать; онъ прискакалъ въ Старицу и объявилъ своему князю, что Пронскій схваченъ и великокняжескія войска идутъ схватить самого его, Андрея; съ Волока пришли вѣсти, что московскіе полки уже тутъ. Тогда Андрей не сталъ болѣе медлить и, 2 мая 1537 года, выѣхалъ изъ Старицы. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ прежде намѣреніе броситься къ Новгороду и поднять здѣсь недовольныхъ; смотря по характеру всѣхъ дѣйствій Андрея, должно думать, что это намѣреніе завести непосредственную, открытую борьбу съ племянникомъ въ самыхъ областяхъ Московскаго государства было слишкомъ смѣло для него; по всѣмъ вѣроятностямъ, единственнымъ средствомъ спасенія въ крайности представлялось для него бѣгство въ Литву. Но теперь, при извѣстіи, что московскіе полки находятся въ Волокѣ съ цѣлію отрѣзать ему дорогу къ юго-западу, къ литовскимъ границамъ, Андрею не оставалось ничего болѣе, какъ двинуться прямо на сѣверъ въ Новгородскія области, причемъ онъ велѣлъ писать грамоты къ помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ и въ погосты: „Князь великій молодъ, держатъ государство бояре, и вамъ у кого служить? я же васъ радъ жаловать". Многіе помѣщики изъ погостовъ дѣйствительно пріѣхали къ нему служить; но зато въ собственныхъ полкахъ Андреевыхъ открылась измѣна: съ третьяго стану, на Цнѣ, побѣжало нѣсколько дѣтей боярскихъ; одного изъ нихъ успѣли перехватить и привели къ князю, который отдалъ его подъ присмотръ своему дворянину Кашѣ; Каша велѣлъ связать руки и ноги перебѣжчику, посадить его въ озеро въ одной сорочкѣ, выставя только голову на берегъ, чтобъ не захлебнулся, и такимъ образомъ пыталъ: кто еще хотѣлъ бѣжать съ нимъ вмѣстѣ. Перебѣжчикъ назвалъ такъ много соумышленниковъ, что князь Андрей велѣлъ потушить дѣло, потому что нельзя же было ихъ всѣхъ перевѣшать, какъ говорилъ лѣтописецъ. Зато рѣдкою, по тогдашнимъ отношеніямъ, вѣрностію отли-

чился воевода Андреевъ, князь Юрій Оболенскій: еще прежде, заподозривъ Старицкаго князя во враждебныхъ замыслахъ и желая ослабить его, Елена потребовала, чтобъ онъ послалъ на Коломну воеводу, князя Юрія Оболенскаго, съ большимъ отрядомъ дѣтей боярскихъ. Узнавши о бѣгствѣ своего князя, Оболенскій, по выраженію лѣтописца, началъ Богу молиться, и, утаясь отъ воеводъ великокняжескихъ, выѣхалъ изъ Коломны, перевезся черезъ Волгу подъ Дегулинымъ, потопилъ суда, чтобъ не достались преслѣдователямъ, и соединился съ Андреемъ на рѣчкѣ Березнѣ, не доѣзжая немного Ѣдровскаго яма. Въ пяти верстахъ отъ Заячьяго яма, въ Тухолѣ, настигъ Андрея другой Оболенскій, князь Иванъ Овчина-Телепневъ, товарищъ котораго, князь Никита, отправился укрѣплять Новгородъ. Здѣсь извѣстія начинаютъ разногласить, потому что одни лѣтописцы держали сторону Московскаго правительства, другіе—сторону удѣльнаго князя. По московскимъ извѣстіямъ, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не захотѣлъ сражаться, завелъ переговоры съ княземъ Оболенскимъ, обѣщалъ бросить оружіе, если тотъ дастъ ему клятву, что великій князь и Елена не схватятъ его и большой опалы на него не положатъ. Оболенскій, не обославшись съ Еленою, далъ Андрею требуемую клятву и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Москву; но Елена сдѣлала ему строгій выговоръ, зачѣмъ безъ ея приказанія далъ клятву князю Андрею, велѣла схватить послѣдняго и заключить въ оковы, чтобы впередъ такой смуты и волненія не было, ибо многіе люди московскіе поколебались. По другимъ извѣстіямъ, Оболенскіе получили въ Москвѣ отъ правительницы наказъ звать князя Андрея, чтобъ шелъ въ Москву, а князь великій его пожалуетъ и вотчинъ ему придастъ. При встрѣчѣ съ московскими войсками, князь Андрей хотѣлъ биться, но Оболенскій первый сталъ посылать къ князю съ предложеніями, чтобъ не проливалъ крови, и съ обѣщаніемъ свободнаго возвращенія въ отчизну. Андрей пріѣхалъ въ Москву въ четвергъ, и схваченъ былъ въ субботу;—слѣдовательно, съ вѣдома или безъ вѣдома правительницы Оболенскій далъ клятву, въ Москвѣ не вдругъ рѣшились ее нарушить. Одинакой участи съ Андреемъ подверглась жена его и сынъ Владиміръ. Бояре его—князь Пронскій, двое Оболенскихъ, Иванъ и Юрій Андреевичи Пенинскіе, князь Палецкій, также князья и дѣти боярскія, которые были въ избѣ у Андрея и его думу знали,—были пытаны, казнены торговою казнію и заключены въ оковы; тридцать человѣкъ помѣщиковъ новгородскихъ, которые передались на сторону Андрея, были биты въ Москвѣ кнутомъ и потомъ повѣшены по Новгородской дорогѣ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, вплоть до Новгорода. Андрей не болѣе полугода прожилъ въ неволѣ [1]).

[1]) Царств. книга 63—73. Синодальн. лѣтописи № 486, № 788, стр. 529, № 645, стр. 415 (всѣми тремя я пользовался въ Археогр. Коммисс.) С. г. г. и д. II, № 30, 32.

Должно было ожидать, что смутами и неудовольствіями во время малолѣтства Московскаго великаго князя прежде всего захотятъ воспользоваться въ Литвѣ. Мы видѣли, что здѣсь ошиблись въ разсчетахъ на смуты при восшествіи на престолъ Василія и должны были закрѣпить за сыномъ Іоанна III не только всѣ пріобрѣтенія послѣдняго, но даже уступить Смоленскъ. Срокъ перемирія исходилъ, и престарѣлому Сигизмунду вовсе не хотѣлось начинать войны съ Василіемъ; его паны радные, по обычаю, отправили посланника Клиновскаго къ двоимъ боярамъ московскимъ—князю Димитрію Ѳедоровичу Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину, съ просьбою уговорить великаго князя, прежде истеченія перемирія, отправить къ королю великихъ пословъ для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія; если же великій князь не согласится отправить пословъ своихъ къ королю, то пусть пришлетъ въ Литву гонца съ опасною грамотою на пословъ королевскихъ, какъ изстари водилось. Клиновскій не засталъ уже въ живыхъ Василія, и новое правительство распорядилось, чтобъ бояре отправили къ панамъ своего посланника съ опасною грамотою на большихъ пословъ литовскихъ. Въ то же самое время новый великій князь отправилъ къ Сигизмунду сына боярскаго, Заболоцкаго, съ извѣщеніемъ о смерти отцовой и о своемъ восшествіи на престолъ. Заболоцкому данъ былъ, между прочимъ, такой наказъ: „Если спросятъ про великаго князя братьевъ, князя Юрія и князя Андрея Ивановичей,—гдѣ теперь князь Юрій и князь Андрей,—то отвѣчать: князь Андрей Ивановичъ на Москвѣ у государя; а князь Юрій Ивановичъ государю нашему тотчасъ по смерти отца его началъ дѣлать великія неправды черезъ крестное цѣлованіе, и государь нашъ на него опалу свою положилъ, велѣлъ его заключить“. Заболоцкому велѣно было провѣдать: королю въ Вильнѣ долго ли быть, и пословъ своихъ къ великому князю хочетъ онъ отправить, или не хочетъ. Въ Москвѣ имѣли причины безпокоиться насчетъ рѣшенія послѣдняго вопроса, ибо извѣстіе о смерти Василія и восшествіи малолѣтняго сына его, обѣщавшемъ внутреннія безпокойства и слабость правительства, возбудило надежды короля и его рады, и, вмѣсто того, чтобъ прислать своихъ великихъ пословъ по опасной грамотѣ, Сигизмундъ прислалъ свою опасную грамоту на пословъ московскихъ, велѣвъ сказать Заболоцкому: „Хочу быть съ великимъ княземъ въ братствѣ и пріязни точно такъ же, какъ отецъ нашъ Казимиръ король былъ съ дѣдомъ его, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. И если онъ на этихъ условіяхъ захочетъ быть съ нами въ братствѣ и пріязни, то пусть шлетъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, да чтобъ не медлилъ“. То же самое и паны радные отвѣчали боярамъ московскимъ.

Великому князю опасная королевская грамота не полюбилась, потому что онъ къ королю о ней не приказывалъ и пословъ своихъ къ королю от-

правлять не хотѣлъ. Перемиріе истекло, сношенія прекратились, и, лѣтомъ 1534 года, гетманъ Юрій Радзивилъ вмѣстѣ съ Татарами опустошилъ окрестности Чернигова, Новгорода-Сѣверскаго, Радогоща, Стародуба, Брянска. Королю доносили, что въ Москвѣ господствуетъ сильное несогласіе между боярами, и нѣсколько разъ едва дѣло не доходило между ними до ножей; во Псковѣ нѣтъ войска, одни только купцы, переведенные изъ Москвы, да черные люди Псковичи; но черные люди часто сходятся на вѣче; намѣстники и дьяки это имъ запрещаютъ, не зная, что̀ они тамъ думаютъ. Всего важнѣе былъ для короля пріѣздъ такихъ знатныхъ бѣглецовъ, какъ князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій; королю писали, что если онъ хорошо приметъ этихъ бѣглецовъ, то многіе московскіе князья и знатныя дѣти боярскія послѣдуютъ ихъ примѣру; Сигизмундъ послушался и богато наградилъ Бѣльскаго и Ляцкаго. Осенью гетманъ Радзивилъ отрядилъ въ Сѣверскую страну Кіевскаго воеводу Андрея Немировича и конюшаго дворнаго, Василья Чижа; они сожгли Радогощъ, но съ урономъ должны были отступить отъ Стародуба и Чернигова; такую же неудачу потерпѣлъ и князь Александръ Вишневецкій подъ Смоленскомъ.

Встрѣчая сопротивленіе подъ городами, литовскіе воеводы не встрѣчали московскихъ полковъ въ полѣ. Въ Москвѣ боялись Крымскаго хана больше, чѣмъ Литвы, и рать стояла подъ Серпуховомъ; кромѣ того, мѣшали сбору и движенію войскъ внутреннія смуты, бѣгство Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, опала Ивана Бѣльскаго, Воротынскаго, Глинскаго. Только въ сентябрѣ, какъ видно, правительственныя отношенія опредѣлились окончательно и явилась возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Не ранѣе конца октября московская рать двинулась въ Литву: большой полкъ вели князья Михайло Горбатый-Суздальскій и Никита Оболенскій; передовой полкъ—бояринъ конюшій, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій; изъ Новгорода велъ полки князь Борисъ Горбатый для соединенія съ княземъ Михаиломъ. Въ свою очередь, московскія войска не встрѣтили теперь королевскихъ въ полѣ, безнаказанно опустошили области литовскія, не дошедши только 50 или 40 верстъ до Вильны; съ другой стороны, князь Ѳедоръ Овчина-Телепневъ-Оболенскій ходилъ изъ Стародуба до самаго Новгорода Литовскаго.

На другой годъ, узнавши о сильныхъ приготовленіяхъ короля къ походу, изъ Москвы выступила рать: большой полкъ, подъ начальствомъ князя Василья Васильевича Шуйскаго, и передовой—опять подъ начальствомъ князя Ивана Телепнева-Оболенскаго. Эта рать имѣла цѣлію добыть Мстиславль, а съ другой стороны—дворецкій новгородскій Бутурлинъ съ Псковичами долженъ былъ поставить городъ въ Литовской Землѣ, на озерѣ Себежѣ. Но литовское войско, подъ начальствомъ гетмана Юрія Радзивила, Андрея Немировича, польскаго гетмана Тарновскаго и московскаго бѣглеца Семена Бѣльскаго, вторгнулось опять въ Сѣверскую область, взяло Гомель безъ сопротивленія и осадило Стародубъ; здѣсь воевода, князь Ѳедоръ Телепневъ-Оболенскій, оборонялся мужественно, но Литовцы тайно подвели подкопъ, взорвали городъ, и воевода со многими людьми взятъ былъ въ плѣнъ, причемъ погибло 13,000 человѣкъ жителей; Почепъ былъ покинутъ и сожженъ самими Русскими. Литовскіе воеводы удовольствовались взятіемъ Гомеля и Стародуба, не пошли дальше; у нихъ было много наемныхъ иностранныхъ ратниковъ, пушкарей, пищальниковъ и подкопщиковъ; у московскихъ воеводъ не было подобныхъ мастеровъ, и потому они, сожегши посадъ Мстиславскій, не могли взять самого города и удовольствовались опустошеніемъ окрестностей; Бутурлинъ успѣлъ построить и укрѣпить новый городъ Себежъ. Въ началѣ 1536 года литовскій воевода Андрей Немировичъ явился подъ нимъ; но пушки его дѣйствовали плохо, не причинили никакого вреда городу, били своихъ, а подконецъ осажденные сдѣлали вылазку и нанесли сильное пораженіе Литовцамъ, подъ которыми подломился ледъ на озерѣ. Послѣ этого успѣха московскіе воеводы ходили воевать Литовскую Землю подъ Любечъ, сожгли посадъ Витебска, много волостей и селъ повоевали, много людей въ плѣнъ побрали, много богатства у литовскихъ людей взяли, и пришли домой всѣ цѣлы и здоровы. Кромѣ Себежа, построены были на литовскомъ рубежѣ: Заволожье—въ Ржевскомъ и Велижъ—въ Торопецкомъ уѣздахъ; Стародубъ и Почепъ, покинутые Литовцами, были возобновлены.

Не такой войны ждали въ Литвѣ, гдѣ надѣялись на внутреннія смуты и совершенное безсиліе правительства въ малолѣтство сына Василіева. Сигизмундъ обманулся въ своихъ разсчетахъ точно такъ же, какъ обманулся братъ его Александръ по смерти Іоанна III, и хотѣлъ прекратить безполезную борьбу. Еще въ сентябрѣ 1535 года пріѣхалъ въ Москву къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому Андрей Горбатый, человѣкъ брата его, князя Ѳедора, находившагося въ литовскомъ плѣну: Горбатый объявилъ, что гетманъ Юрій Радзивилъ говорилъ ему о желаніи короля быть въ мирѣ и братствѣ съ великимъ княземъ, и поручилъ ему говорить объ этомъ въ Москвѣ всѣмъ боярамъ и дьякамъ; что то же самое говорили ему и другіе паны. Бояре приговорили, что надобно Горбатаго отпустить къ князю Ѳедору, къ которому князь Иванъ пошлетъ свою грамоту. Въ этой грамотѣ Оболенскій писалъ къ брату: что, какъ ему хорошо извѣстно, война начата не съ московской стороны; что великій князь посылалъ къ королю Тимоѳея Заболоцкаго для мира и братства, а король съ нимъ нашему государю прислалъ отвѣтъ жестокій и затѣмъ, вмѣсто посла, отправилъ рать свою на Государеву Землю. „А государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хотѣлъ и теперь не хочетъ, чтобъ кровь христіанская лилась, а бусурманская рука высилась; хо-

четъ нашъ государь того, чтобъ христіанство въ тишинѣ и покоѣ было. Такъ если король желаетъ того же и пришлетъ къ нашему государю, то пересылками между государей добрыя дѣла становятся".

Прошло четыре мѣсяца. Въ началѣ февраля 1536 года, въ Москву дали знать изъ Смоленска, что къ князю Оболенскому идетъ посолъ отъ гетмана Радзивила, человѣкъ его Гайка. Посолъ подалъ опасную грамоту королевскую для проѣзда московскихъ пословъ въ Литву, а въ грамотѣ къ Оболенскому Радзивилъ писалъ, будто плѣнникъ, князь Ѳедоръ Овчина-Оболенскій, билъ челомъ, чтобы паны ходатайствовали у короля о мирѣ, и король, по ихъ ходатайству, посылаетъ теперь опасную грамоту. Эта опасная грамота опять не понравилась въ думѣ великокняжеской; здѣсь разсуждали: „Пишутъ на князя Ѳедора, что имъ князь Ѳедоръ бьетъ челомъ; а князь Ѳедоръ у нихъ въ рукахъ, что хотятъ, то на него пишутъ"; приговорили, чтобъ Оболенскій послалъ къ Радзивилу вмѣстѣ съ его человѣкомъ своего человѣка съ грамотою, написалъ бы, что князю Ѳедору бить челомъ непригоже; приговорили также послать, по прежнимъ обычаямъ, свою опасную грамоту на королевскихъ пословъ: князю же Оболенскому потому нужно было послать своего человѣка, чтобы дѣло не порвалось.

Въ тотъ самый день, какъ Оболенскій отпустилъ Гайка изъ Москвы, именно 27 февраля, литовскія войска потерпѣли пораженіе подъ Себежомъ. Въ Литвѣ понимали, что это событіе не заставитъ Московское правительство исполнить требованіе короля и отправить своихъ пословъ въ Литву, и потому придумали новое средство согласить требованія обѣихъ сторонъ. Въ маѣ Радзивилъ прислалъ къ Оболенскому новую грамоту, въ которой писалъ: „Ты пишешь, чтобы нашъ господарь отправилъ своихъ пословъ къ вашему господарю; но разсудите сами,—кому приличнѣе отправить своихъ пословъ, — нашему ли господарю, который въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, или вашему, который такъ еще молодъ?—прилично вашему господарю послать къ нашему, какъ къ отцу своему. Но если-бъ вашъ господарь и отправилъ своихъ пословъ къ нашему господарю, давши имъ полный наказъ и запретивши выступать изъ него, то можетъ легко случиться, что нашъ господарь не приметъ этихъ условій и послы возвратятся, ничего не сдѣлавши; то же самое можетъ случиться, если и нашъ господарь пришлетъ къ вамъ въ Москву своихъ пословъ. Для избѣжанія этого, посовѣтуй съ братьею своею, князьями и боярами, господарю своему, чтобъ онъ отправилъ пословъ своихъ великихъ на границы, давши имъ полномочіе; а король пошлетъ съ своей стороны также великихъ пословъ съ полномочіемъ, такъ, чтобъ, не заключивши мира или перемирія, они не могли разъѣхаться".

Но это средство не помогло, особенно послѣ Себежскаго дѣла: великій князь говорилъ съ матерью своею и съ боярами, что отправлять къ королю пословъ своихъ ему непригоже,—прежде отецъ его никогда не посылывалъ; и на съѣздъ ему пословъ своихъ отправить также непригоже; много о томъ бывало рѣчей отъ папы и отъ цезаря, чтобъ посламъ быть на съѣздѣ, и князь великій Василій всегда отговаривалъ. Съ этимъ рѣшеніемъ Оболенскій опять отправилъ человѣка своего къ Радзивилу; въ грамотѣ своей онъ далъ ему знать, что государи въ сношеніяхъ своихъ другъ съ другомъ должны поддерживать достоинство государствъ своихъ, а не считаться лѣтами: „Вѣдомо вамъ гораздо, что съ Божіею волею отъ прародителей своихъ государи наши государства свои держатъ; отецъ государя нашего, великій государь Василій, былъ на государствахъ отца своего и на своихъ; теперь сынъ его на тѣхъ же государствахъ дѣда и отца своего; государь нашъ теперь въ молодыхъ лѣтахъ, а милостію Божіею государствами своими въ совершенныхъ лѣтахъ. А что ты писалъ о съѣздѣ посольскомъ на границахъ, то это кто-нибудь, не желая между государями добраго согласія, такія новизны выдумываетъ; отъ предковъ нашихъ государей повелось, что отъ королей къ намъ послы ходили и дѣла у нихъ дѣлали".

Король сдѣлалъ еще шагъ впередъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ прислалъ уже прямо отъ себя къ Іоанну Кревскаго намѣстника, Никодима Техоновскаго, съ прежнимъ требованіемъ присылки великихъ пословъ въ Литву и съ опасною грамотою на нихъ. Въ думѣ рѣшили: Никодима отпустить, а къ королю послать сына боярскаго добраго, для того, чтобъ съ королемъ дѣла не порвать; а не послать къ королю человѣка, то впередъ задрать о мирѣ будетъ тяжело. И отправили въ Литву сына боярскаго Хлуденева съ опасною грамотою на королевскихъ пословъ. Хлуденевъ возвратился уже въ ноябрѣ и объявилъ, что къ Рождеству будутъ въ Москву великіе литовскіе послы, Полоцкій воевода Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ съ товарищами. Хлуденевъ сказывалъ также, что по дорогѣ честь ему была велика, кормы давали вдоволь и чтили его. Янъ Глѣбовичъ явился къ назначенному сроку—и переговоры открылись; они начались споромъ о томъ, кто первый началъ войны—Литовцы или Русскіе. Говорили бояре съ послами о томъ многія рѣчи; бояре говорили: королевы люди начали, а послы говорили: великаго князя люди начали, и долго о томъ говорили. Послы говорили, что король посылалъ гетмана на сѣверскіе города, потому что эти города его король Казимиръ отдалъ ихъ Шемякину и Можайскому, и тѣ измѣнили и передали ихъ Москвѣ. Бояре отвѣчали, что сѣверскіе города были къ Кіеву, а Кіевъ—отчина великому князю, и о томъ рѣчей спорныхъ и бранныхъ много говорили. Когда эти споры наскучили, послы сказали, что не для чего говорить о старинѣ, а надобно найти доброе дѣло, какъ бы между государями миръ устроить. Когда бояре согласились говорить о на-

стоящемъ дѣлѣ, то начался споръ,—кому первому излагать свои условія; бояре настояли, чтобы первые говорили послы, и тѣ начали требованіемъ Новгорода и Пскова. Бояре отвѣчали: „И прежде о томъ бывали рѣчи, да плода не было и не будетъ. Зачѣмъ говорить нелѣпости, отъ которыхъ плода никакого нѣтъ? гдѣ Новгородъ, гдѣ Псковъ? и конца тому нѣтъ, откуда идутъ ваши рѣчи". Послѣ многихъ спорныхъ рѣчей, послы сказали: „Много поговоривши, какъ бы къ концу приговориться", и стали требовать мира, какой былъ между Казимиромъ и Василіемъ Темнымъ. Бояре назвали и это безплодными рѣчами. Послы стали говорить о мирѣ Іоанна III съ Александромъ, Василія съ Сигизмундомъ; бояре, разбранившись съ ними, пошли прочь, и великій князь велѣлъ посламъ ѣхать на подворье.

Во второе совѣщаніе послы пріѣхали и долго сидѣли молча; наскучивъ ихъ молчаніемъ, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ сказалъ: „Паны! хотя бы теперь дни были и большіе, то молчаньемъ ничего не сдѣлать; а теперь дни короткіе, и говорить будете, такъ все мало времени". Послы отвѣчали: „Мы уже говоримъ два дня и все, по приказу господаря своего, спускаемъ, а вы ни одного слова не спустите; скажите намъ, какъ вашъ государь съ нашимъ господаремъ въ вѣчномъ мирѣ быть хочетъ?" Бояре отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на тѣхъ условіяхъ, на какихъ было перемиріе между Сигизмундомъ и покойнымъ великимъ княземъ Василіемъ; т. е. чтобъ Смоленскъ навѣки былъ уступленъ Москвѣ; а которыя дѣла случились уже при Іоаннѣ, о тѣхъ впередъ будетъ разговоръ (говоря). Послы сказали на это: „Положите на своемъ разумѣ,—для чего господарю нашему своей отчины отступиться и въ полную писать?" Бояре опять разбранились съ послами, и тѣ уѣхали на подворье. Третье совѣщаніе началось такъ же, какъ окончилось второе, многими спорными рѣчами; наконецъ одинъ изъ пословъ сказалъ: „Много говоримъ рѣчей, а къ концу не приговоримся; поискать бы намъ средняго пути: господарю нашему Смоленска уступить на голыя слова нельзя". Бояре спросили: „Что значитъ: голыя слова?" Посолъ отвѣчалъ: „Если государь вашъ Смоленска отдать не хочетъ, то пусть дастъ господарю нашему другой какой-нибудь городъ, равный Смоленску величиною и богатствомъ". Бояре съ этимъ предложеніемъ пошли къ великому князю, и, возвратившись, отвѣчали именемъ Іоанна: „Отецъ нашъ ту свою отчину съ Божьею волею досталъ и благословилъ ею насъ, мы ее держимъ за собою и королю никакъ не уступимъ; а другой городъ за нее для чего намъ давать? Смоленскъ наша отчина изначала, отъ предковъ, и если наши предки случайно ее потеряли, то намъ опять далъ ее Богъ, и мы ея не уступимъ". Видя, что нѣтъ возможности заключить вѣчный миръ, послы предложили перемиріе. Великій князь говорилъ съ боярами: „Пригоже ли съ королемъ взять перемирье на время? и приговорилъ, что пригоже для иныхъ сторонъ недружныхъ; Крымъ невѣдомъ, съ царемъ Саипъ-Гиреемъ крѣпости еще нѣтъ никакой, и Исламъ-Гирей человѣкъ шаткій, несостоятельный; а казанскіе люди измѣнили; и съ ними еще дѣла никакого не сдѣлано: для этого пригоже съ королемъ взять перемирье, чтобъ съ тѣми сторонами поуправиться". Въ переговорахъ о перемиріи главное затрудненіе состояло въ томъ, что бояре требовали назадъ Гомеля и свободы плѣнныхъ, на что послы никакъ не соглашались, желая, чтобы война кончилась хотя какимъ-нибудь пріобрѣтеніемъ для Литвы; относительно же плѣнныхъ представляли опять на видъ, какъ и во времена Василіевы, что у короля въ рукахъ знатные плѣнники московскіе и ему невыгодно промѣнять ихъ на незнатныхъ литовскихъ. Бояре говорили: „Какая прибыль плѣнныхъ не отпустить и своихъ не взять? вѣдь они люди, и если люди, такъ смертны; были, да не будутъ,—и въ томъ какая прибыль? А Гомель отчина государя нашего, и королю за собою зачѣмъ чужое держать? У вашего господаря въ плѣну добрые люди, а у нашего молодые, да за то ихъ много: такъ бы на большинство натянуть, меньшихъ людей больше взять. Въ большихъ душа, и въ меньшихъ душа же; обои погибнутъ,—и въ томъ какая прибыль для обѣихъ сторонъ!" Послы никакъ не соглашались и требовали также, чтобъ великій князь разорилъ городки, поставленные имъ, во время войны, на своей и на Литовской Землѣ. Согласились, что плѣннымъ свободы не будетъ, что Гомель останется за королемъ, а новые городки, Заволочье и Себежъ,—за великимъ княземъ; но послѣ этого начались споры относительно границъ волостямъ; тутъ уладиться не могли, переговоры рушились, послы уже откланялись великому князю, но передъ самымъ отъѣздомъ сказали приставу: „Захотятъ бояре еще дѣлать, и мы съ ними хотимъ дѣлать; а государевымъ здоровьемъ у насъ хоромы теплы и кормовъ много, можно намъ мѣшкать за государевыми дѣлами, только бы, далъ Богъ, дѣло сдѣлалось". Приставъ сказалъ объ этомъ боярамъ,—пословъ опять позвали на совѣщаніе, и наконецъ уладились, заключили перемиреніе на пять лѣтъ, отъ Благовѣщеньева дня 1537 до Благовѣщеньева дня 1542 года.

Въ Думѣ прямо объявили о необходимости заключить перемиріе съ королемъ, чтобъ имѣть возможность поуправиться съ Казанью и Крымомъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій правительства по смерти Василія было отправленіе сына боярскаго Челищева въ Крымъ, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Іоанна. Челищевъ долженъ былъ бить челомъ Саипъ-Гирею, чтобъ пожаловалъ новаго великаго князя, учинилъ его себѣ въ прокъ братомъ и другомъ, какъ великій князь Василій былъ съ Менгли-Гиреемъ; посолъ долженъ былъ также сказать хану: „Если дашь шертную грамоту, то большой посолъ, князь Стригинъ-Оболенскій, уже ждетъ въ Путивлѣ съ большими поминками, и немедленно пойдетъ къ тебѣ". Но, суля неопредѣленно большіе поминки за шертную грамоту, Челищевъ, попреж-

нему не доженъ былъ ничего давать въ пошлину, не долженъ былъ давать клятвы, что великій князь будетъ присылать хану поминки урокомъ.

Въ январѣ отправленъ былъ Челищевъ въ Крымъ, а въ маѣ Татары уже разоряли русскія мѣста по рѣкѣ Пронѣ, но были прогнаны. Скоро однако въ самомъ Крыму встала усобица между ханомъ Саипъ-Гиреемъ и старшимъ по немъ изъ Гиреевъ—Исламомъ; Орда раздѣлилась между соперниками, и это раздѣленіе было очень полезно для Москвы [1]), ибо хотя оба хана слѣдовали прежнимъ разбойничьимъ привычкамъ и ни отъ одного изъ нихъ нельзя было надѣяться прочнаго союза, однако силы разбойниковъ были раздѣлены. Исламъ далъ обѣщаніе королю стоять съ нимъ заодно на всѣхъ непріятелей, слѣдовательно и на Московскаго великаго князя, и, въ то же время, прислалъ въ Москву съ предложеніемъ союза; но, разумѣется, главная цѣль посылки была требованіе казны: „Которую казну ты къ Саипъ-Гирею послалъ, ту казну пришли мнѣ,— меня царемъ учинилъ Турскій султанъ, такъ ему надобно послать много поминковъ“. Въ Москвѣ дѣйствительно сочли за лучшее послать казну къ къ Исламу, потому что нерасположеніе Саипа было слишкомъ явно: онъ пограбилъ Челищева и всѣхъ его людей. Князь Стригинъ-Оболенскій получилъ вслѣдствіе этого приказъ ѣхать изъ Путивля въ Крымъ къ Исламу съ большими поминками; очень вѣроятно, что Оболенскій не хотѣлъ ѣхать въ Крымъ, зная, что обыкновенно терпѣли тамъ московскіе послы, и онъ искалъ всякаго рода отговорокъ, но та, которую онъ нашелъ, очень любопытна для насъ. Онъ писалъ великому князю: „Исламъ отправилъ къ тебѣ посломъ Темеша; но этого Темеша въ Крыму не знаютъ, и имени ему не вѣдаютъ; въ томъ Богъ воленъ да ты, государь; опалу на меня положить, или казнить меня велишь,—мнѣ противъ этого Исламова посла Темеша нельзя идти“. Великій князь положилъ на Оболенскаго опалу, и вмѣсто него велѣлъ идти въ Крымъ князю Мезецкому. Начались пересылки съ обычнымъ характеромъ: Московское правительство требовало отъ Ислама шертной грамоты, дѣятельнаго союза противъ Литвы. Исламъ требовалъ денегъ, жаловался, что великій князь не исполнилъ отцовскаго завѣщанія, по которому будто бы Василій, въ знакъ дружбы, отказалъ ему, Исламу, половину казны своей. Въ августѣ 1535 года, когда полки московскіе шли на защиту Сѣверской стороны отъ Литовцевъ, Крымцы напали на берега Оки, были отражены, но отвлекли московскія силы отъ Сѣверской стороны и облегчили королевскому войску взятіе Гомеля и Стародуба. Исламовыхъ пословъ задержали за это въ Москвѣ; но ханъ отговорился, что воевалъ московскія области не онъ, а Саипъ, и пословъ выпустили. Съ московскими людьми въ Крыму поступали по-прежнему: посолъ Наумовъ писалъ къ великому князю: „Пріѣхали къ Исламу твои казаки, и вотъ князья и уланы начали съ нихъ платье снимать; просятъ соболей; я послалъ сказать объ этомъ Исламу; а князья и уланы пришли на Ислама съ бранью: ты у насъ отнимаешь, не велишь великому князю намъ поминковъ присылать; а Исламъ говорилъ: какое наше братство! нарочно великій князь не шлетъ къ намъ поминковъ, не хотя со мною въ дружбѣ и въ братствѣ быть; а князьямъ сказалъ: дѣлайте какъ вамъ любо! — и они всѣ хотятъ казаковъ твоихъ продать“. Въ Москвѣ, наоборотъ, старались избѣгать всякаго повода къ жалобѣ со стороны хана: такъ, когда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ крымскаго посла въ ссорѣ поколотили рогатиною, то виновники были отосланы головою въ Крымъ къ хану; крымскаго посла, при представленіи, два раза дарили платьемъ, самъ великій князь подавалъ ему и товарищамъ его медъ, но требовалось, чтобъ посолъ противъ государева жалованья на колѣни становился и колпакъ снималъ.

Скоро сношенія съ Крымомъ получили для Москвы новое значеніе. Московскій отъѣзжикъ, князь Семенъ Бѣльскій, видя, что дѣла Сигизмундовы съ Москвою идутъ вовсе не такъ хорошо, какъ ему хотѣлось и какъ онъ обѣщалъ въ Литвѣ, отпросился у короля въ Іерусалимъ, будто бы для исполненія обѣта; но вмѣсто того сталъ хлопотать въ Константинополѣ, какъ бы поднять султана и Крымцевъ на Москву въ союзѣ съ Литвою. Съ помощію Турокъ и Литвы ему хотѣлось возстановить для себя не только независимое княжество Бѣльское, но и Рязанское, потому что онъ считалъ себя по матери, княжнѣ Рязанской (племянницѣ Іоанна III), единственнымъ наслѣдникомъ этого княжества по пресѣченіи мужеской линіи князей рязанскихъ. По заключеніи уже мира съ Москвою, Сигизмундъ получилъ отъ Бѣльскаго письмо съ увѣдомленіемъ, что султанъ взялся помогать ему, приказалъ Саипъ-Гирею Крымскому и двоимъ пашамъ, Силистрійскому и Кафинскому, выступать съ нимъ въ походъ; что у пашей этихъ можетъ быть болѣе 40,000 войска, кромѣ Саипъ-Гирея, людей его и казаковъ Бѣлгородскихъ; писалъ, чтобъ и Сигизмундъ высылалъ своихъ великихъ гетмановъ со всѣми войсками въ Московскую Землю; просилъ также короля, чтобъ далъ ему листъ, за которымъ бы могъ безопасно пріѣхать въ Литву для своихъ дѣлъ и безопасно отъѣхать, и чтобъ король позволилъ людямъ, живущимъ въ имѣніяхъ его, Бѣльскаго, въ Литвѣ, ѣхать къ нему въ Перекопъ.

Королю это письмо было вовсе не ко времени, ибо война съ Москвою уже прекратилась; онъ отвѣчалъ Бѣльскому: „Ты отпросился у насъ въ Іерусалимъ для исполненія обѣта, а не сказалъ ни слова, что хочешь ѣхать къ Турецкому султану; когда самъ къ намъ пріѣдешь и грамоту султанову къ намъ привезешь, тогда и сдѣлаемъ, какъ будетъ пригоже. Ты просишь у насъ грамоты для свободнаго проѣзда въ Литву; но вѣдь ты нашъ

[1]) Акты запад. Россіи. II, № 175.

слуга, имѣніе у тебя въ нашемъ государствѣ есть, такъ нѣтъ тебѣ никакой нужды въ проѣздной грамотѣ: всѣ наши княжата и панята свободно къ намъ пріѣзжаютъ; слугъ же твоихъ мы немедленно велѣли къ тебѣ отпустить".

Въ Москву о проискахъ Бѣльскаго далъ знать Исламъ-Гирей, выставляя при этомъ свое доброхотство къ великому князю; онъ писалъ, будто Саипъ-Гирей извѣстилъ султана, что Исламъ болѣе не существуетъ, и, вслѣдствіе этой вѣсти, начались приготовленія къ походу съ княземъ Бѣльскимъ; собрано было 100,000 войска; но когда Бѣльскій, пріѣхавъ въ Бѣлгородъ, узналъ здѣсь, что Исламъ живъ и далъ знать объ этомъ султану, то послѣдній сказалъ: „Если только Исламъ живъ, то нашему дѣлу статься нельзя". Бѣльскій присылалъ человѣка къ Исламу, съ просьбою дать ему дорогу и быть ему товарищемъ; но Исламъ не согласился: „И ты вѣдай", писалъ Исламъ великому князю, „что Оттоманы люди лихіе; султанъ начинаетъ это дѣло вовсе не для князя Бѣльскаго; онъ не думаетъ о томъ, пригоже ли Бѣльскому княженіе или не пригоже, лишь бы только камень о камень ударилъ, лишь бы ему при этомъ что-нибудь себѣ приволочь. Султанъ и нашей Землѣ покоя не даетъ, съ такимъ устремленіемъ живетъ, не разсуждая, кто ему земли достаетъ, отъ холопа или отъ рабы родился—ему все равно, лишь бы земли доставалъ".

Московское правительство благодарило Ислама за дружбу и послало ему дары, съ просьбою, чтобъ выдалъ или убилъ Бѣльскаго; въ то же время рѣшились и на другое средство, чтобъ только отвлечь Бѣльскаго отъ опасныхъ замысловъ; человѣкъ Бѣльскаго объявилъ московскому послу въ Крыму, Наумову, что господинъ его возвратится въ Москву, если великая княгиня его проститъ и дастъ ему опасную грамоту. На основаніи этого объявленія, послана была Бѣльскому опасная грамота такого содержанія: „Мы тебя жаловать хотимъ и гнѣвъ свой отложимъ; вины твоей, которую ты сдѣлалъ по молодости, памятовать не хотимъ, а еще и больше прежняго пожалуемъ тебя нашимъ великимъ жалованьемъ. Вѣдаешь и самъ, что и прежде нѣкоторые наши слуги ѣздили отъ насъ къ нашимъ непріятелямъ, опять назадъ пріѣзжали, и этимъ отечества своего не теряли, предки наши ихъ жаловали, и опять ихъ въ *отечествѣ* (въ родовой чести) возстанавливали. И ты бы нынѣ поѣхалъ къ намъ безъ всякаго опасенія".

Но Бѣльскій почему-то не ѣхалъ, и Московское правительство продолжало вести о немъ переговоры и съ Исламомъ и съ Саипъ-Гиреемъ, къ которому отъ времени до времени такъ же отправляло посольства. Со стороны Саипъ-Гирея цѣлію присылокъ въ Москву были, разумѣется, запросы: „Прислалъ бы ты намъ платье, три шубы собольи, три шубы лисьи, три кречета, да и сокольниковъ бы прислалъ; а мы, сколько будетъ пригоже, братству твоему готовы; да прислалъ бы пять лисицъ черныхъ, да пять черныхъ зубовъ рыбьихъ". Сынъ Саиповъ писалъ: „Сколько прошенья нашего ни будетъ, ты-бъ намъ ни за что не стоялъ, чтобъ тебѣ съ отцомъ нашимъ въ добромъ братствѣ быть". Гонцу отвѣчали отъ имени великаго князя: „Когда будетъ у насъ отъ брата нашего большой посолъ добрый человѣкъ, тогда мы съ нимъ вмѣстѣ отпустимъ своего большого посла, и что у насъ случится, то мы брату своему и пошлемъ; а что ты тамъ отъ царя говорилъ о нашемъ холопѣ Бѣльскомъ, называлъ его Саипъ-Гирей нашимъ другомъ,—то развѣ царь по незнанію о немъ такъ приказалъ, назвалъ его нашимъ другомъ. Бѣльскій холопъ нашъ, а не другъ; и если братъ нашъ захочетъ намъ дружбу свою показать, то онъ бы его къ намъ прислалъ, или велѣлъ бы его тамъ убить,—это была бъ намъ отъ него первая дружба". Гонецъ отвѣчалъ: „Пріѣхалъ Бѣльскій отъ Турецкаго султана къ хану, привезъ грамоту и рать подвигаетъ на Московскую украйну; государю вашему другомъ и братомъ называетъ себя; и которые люди бывали на Москвѣ и его знали, что онъ великаго князя холопъ, тѣ его бранятъ и въ глаза ему плюютъ; а которые люди молодые,—этого не знаютъ, тѣ къ нему пристаютъ, и идти съ нимъ хотятъ; вѣдь Орда и въ ней люди разные, одинъ говоритъ одно, а другой—другое, а государь нашъ для людей такъ молвилъ, а онъ и самъ знаетъ, что Бѣльскій холопъ". Въ одно время съ гонцомъ Саиповымъ отпускали и гонцовъ Исламовыхъ; послѣдніе сказали боярамъ: „Нѣкоторые бояре говорятъ, чтобъ князь великій былъ въ дружбѣ и братствѣ съ Саипъ-Гиреемъ царемъ, а Ислама оставилъ: вѣдомое дѣло, помирится князь великій съ царемъ, то государю нашему Исламъ-Салтану плохо будетъ, но и великому князю добра никакого не прибудетъ же: такъ великій князь не потакалъ бы этимъ рѣчамъ". Имъ отвѣчали, что великій князь Ислама оставить не хочетъ, и у бояръ объ этомъ ни у кого ничего не слыхалъ и слышать не хочетъ.

Ислама не хотѣли оставить въ Москвѣ; Исламъ былъ нуженъ: онъ обѣщалъ выдать Бѣльскаго. Но ему не удалось исполнить этого обѣщанія: одинъ изъ ногайскихъ князей, другъ Саипъ-Гиреевъ, нечаянно напалъ на Ислама и убилъ его, захвативъ въ то же время и Бѣльскаго, котораго Саипъ выкупилъ у него по приказанію султана. Ставши одинъ ханомъ въ Крыму, Саипъ послалъ сказать великому князю Московскому: „Если пришлешь мнѣ, что посылали всегда намъ по обычаю, то хорошо, и мы по дружбѣ стоимъ; а не придутъ поминки къ намъ всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надѣясь на Бога, сами искать пойдемъ, и если найдемъ, то ты уже потомъ не гнѣвайся. Не жди отъ насъ посла, за этимъ дѣла не откладывай, а станешь медлить, то отъ насъ добра не жди. Теперь не по старому съ голою ратью татарскою пойдемъ: кромѣ собственнаго моего наряду пушечнаго, будетъ со мною счастливаго хана (султана Турецкаго) сто тысячъ конныхъ людей; я не такъ буду, какъ Маг-

метъ-Гирей, съ голою ратью, не думай,—побольше его силы идетъ со мною. Казанская Земля мой юртъ, и Сафа-Гирей царь братъ мнѣ: такъ ты-бъ съ этого дня на Казанскую Землю войной больше не ходилъ; а пойдешь на нее войною, то меня на Москвѣ смотри".

Опять съ единовластіемъ Саипа началось вмѣшательство Крымскихъ хановъ въ дѣла казанскія, ибо мысль объ освобожденіи Казани отъ Русскихъ и соединеніи всѣхъ татарскихъ ордъ въ одну или,—по крайней мѣрѣ, подъ однимъ владѣющимъ родомъ была постоянною мыслію Гиреевъ, которую они высказывали, къ осуществленію которой стремились при первомъ удобномъ случаѣ. Мы видѣли, что въ послѣднее время жизни великаго князя Василія Казань спокойно повиновалась Москвѣ въ лицѣ хана своего Еналея[1]). Еналей перенесъ свои подручническія отношенія и къ наслѣднику Василіеву, попрежнему остался вѣренъ Москвѣ. Но, вслѣдствіе перемѣны хановъ, вслѣдствіе разныхъ вліяній, русскаго, крымскаго, въ Казани уже давно успѣли образоваться стороны, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить сторону противную. Въ тяжкой войнѣ Москвы съ Литвою крымская сторона въ Казани увидала удобный случай свергнуть московскаго подручника: составился заговоръ осенью 1535 года, подъ руководствомъ царевны, сестры Магмедъ-Аминя, и князя Булата. Еналей былъ убитъ и царемъ провозглашенъ Сафа-Гирей Крымскій. Но это было торжество одной стороны; другая оставалась: въ Москву пріѣхали съ Волги казаки, Городецкіе Татары, и сказывали, что къ нимъ на островъ пріѣзжали казанскіе князья, мурзы и казаки, человѣкъ 60, объявили объ убійствѣ Еналея, и прибавили: „Насъ въ заговорѣ князей и мурзъ съ 500 человѣкъ; помня жалованіе великихъ князей Василія и Ивана и свою присягу, хотимъ государю великому князю служить прямо, а государь бы насъ пожаловалъ, простилъ царя Шигъ-Алея и велѣлъ ему быть въ Москву; и когда Шигъ-Алей будетъ у великаго князя въ Москвѣ, то мы соединимся съ своими совѣтниками, и Крымскому царю въ Казани не быть". Получивъ эти вѣсти, великая княгиня рѣшила съ боярами, что надобно Шигъ-Алея освободить изъ заключенія. Въ декабрѣ Шигъ-Алея привезли съ Бѣла-озера и представили великому князю; ханъ сталъ на колѣни и говорилъ: „Отецъ твой, великій князь Василій, взялъ меня дѣтинку малаго и жаловалъ, какъ отецъ сына, посадилъ царемъ въ Казани; но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани пришла въ князьяхъ и людяхъ несогласица, и я опять къ отцу твоему пришелъ на Москву. Отецъ твой меня пожаловалъ въ своей Землѣ, далъ мнѣ города; а я, грѣхомъ своимъ, предъ государемъ провинился гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. Тогда Богъ меня выдалъ, и отецъ твой меня за мое преступленіе наказалъ, опалу свою положилъ, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ".

Великій князь велѣлъ царю встать, позвалъ его къ себѣ поздороваться (карашеваться) и велѣлъ ему сѣсть съ правой руки на другой лавкѣ, потомъ подарилъ ему шубу и отпустилъ его на подворье. Но Шигъ-Алей билъ челомъ, чтобъ позволено ему было представиться и великой княгинѣ. Елена держала совѣтъ съ боярами, прилично ли быть у нея царю; бояре рѣшили, что прилично, потому что великій князь малъ и все правленіе государствомъ лежитъ на ней. 9 января 1536 года былъ пріемъ Шигъ-Алея у Елены. У саней встрѣтили его бояре — князь Василій Васильевичъ Шуйскій и князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ-Оболенскій съ двумя дьяками; въ сѣняхъ встрѣтилъ его самъ великій князь съ боярами. Елену окружали боярыни: бояре сидѣли по обѣ стороны, какъ обыкновенно водилось при посольскихъ представленіяхъ. Шигъ-Алей, войдя, ударилъ челомъ въ землю и сказалъ: „Государыня великая княгиня Елена! взялъ меня государь мой, князь Василій Ивановичъ молодаго; пожаловалъ меня, вскормилъ какъ щенка и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ меня какъ отецъ сына, и на Казани меня царемъ посадилъ. По грѣхамъ моимъ, казанскіе люди меня съ Казани сослали, и я опять къ государю своему пришелъ: государь меня пожаловалъ, города далъ въ своей Землѣ, а я ему измѣнилъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ виноватъ. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мнѣ отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государскія дали мнѣ видѣть. А я, холопъ вашъ, какъ вамъ теперь клятву далъ, такъ по этой своей присягѣ до смерти своей хочу крѣпко стоять и умереть за ваше государское жалованье; такъ же хочу умереть, какъ братъ мой умеръ, чтобъ вину свою загладить". Елена приказала ему отвѣчать: „Царь Шигъ-Алей! великій князь Василій Ивановичъ опалу свою на тебя положилъ, а сынъ нашъ и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебѣ видѣть. Такъ ты теперь прежнее свое забывай, и впередъ дѣлай такъ, какъ обѣщался, а мы будемъ великое жалованье и береженіе къ тебѣ держать". Царь ударилъ челомъ въ землю великому князю и великой княгинѣ; его опять одарили и отпустили на подворье. Жена его, Фатьма-Салтанъ, била также челомъ, чтобъ дали ей посмотрѣть очи государскія; Елена приняла ее; у саней и по лѣстницѣ встрѣчали ханшу боярыни; въ сѣняхъ встрѣтила великая княгиня, поздоровалась и ввела въ палату, куда скоро вошелъ и великій князь; при его входѣ царица встала и съ мѣста своего соступила; маленькій Иванъ сказалъ ей „Табугъ-Саламъ и *карашевался*, послѣ чего сѣлъ на своемъ мѣстѣ у матери, а у царицы съ правой руки, бояре съ нимъ по обѣ стороны, а около великой княгини боярыни". Въ тотъ же день царица обѣдала у великой княгини; Иванъ съ боярами обѣдалъ также въ мате-

[1]) Царств. кн. стр. 33 и слѣд.; Львов. II, IV, 23 и слѣд.; П. С. Р. Л. IV, 301; Синодал. рукоп. лѣтоп., № 486; Акты Западной Россіи, II, № 175.

ринской избѣ; послѣ обѣда Елена подавала ханшѣ чашу и дарила ее.

Но въ то время, какъ въ Москвѣ угощали и дарили Шигъ-Алея, чтобъ дать въ немъ опору противной Крымцамъ сторонѣ въ Казани, война уже началась съ Сафа-Гиреемъ. Московскіе воеводы дурно дѣйствовали наступательно; Татары успѣли сжечь села около Нижняго, но отбиты были отъ Балахны, не имѣли удачи и въ нападеніяхъ на другія мѣста. Потомъ Казанцы вторглись въ Костромскія волости; стоявшій здѣсь для защиты князь Засѣкинъ, несобравшись съ людьми, ударилъ на Татаръ, былъ разбитъ и убитъ; но приближеніе большихъ воеводъ московскихъ заставило Татаръ удалиться. Мы видѣли, что казанскія дѣла, шедшія довольно плохо, преимущественно заставили Московское правительство спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою. Успокоивши этимъ перемиріемъ западныя границы, правительство, въ началѣ 1537 года, двинуло войска къ востоку, во Владиміръ и Мещеру; Сафа-Гирей явился подъ Муромъ, сжегъ предмѣстія, но города взять не могъ и ушелъ, заслышавъ о движеніи воеводъ изъ Владиміра и Мещеры. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда единовластіе Саипъ-Гирея дало новое препятствіе къ успѣшному наступленію на Казань. Угрозы Крымскаго хана произвели впечатлѣніе въ Москвѣ: послу отвѣчали, что хотя царь въ грамотѣ писалъ многія непригожія рѣчи, однако требованія его будутъ уважены, и если Сафа-Гирей Казанскій пришлетъ къ государю и захочетъ мира, то государь съ нимъ мира хочетъ, какъ пригоже. Саипъ-Гирей повторялъ: „Ты-бъ къ намъ прислалъ большаго своего посла, добраго человѣка, князя Василія Шуйскаго или Овчину, и казну-бъ свою большую къ намъ прислалъ, а съ Казанью помирился, и оброковъ своихъ съ казанскихъ мѣстъ брать не велѣлъ; а пошлешь на Казань рать свою, и ты къ намъ посла не отправляй, недругъ я твой тогда“. Въ думѣ разсуждали: „Не послушать царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдетъ на наши украйны, то съ двухъ сторонъ христіанству будетъ дурно,—отъ Крыма и отъ Казани“. Приговорили: рати на Казань не посылать, Саипъ-Гиреева человѣка отпустить въ Казань и съ нимъ вмѣстѣ послать сына боярскаго къ Сафа-Гирею съ грамотою; а въ отвѣтной грамотѣ Саипъ-Гирею великій князь писалъ: „Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская Земля юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли Земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами; а какъ дѣдъ нашъ милостію Божіею Казань взялъ и царя свелъ—того ты не помнишь! такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину, и нашей не забывалъ [1])“.

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія въ правленіе Елены. Кромѣ того, въ 1537 году заключенъ былъ мирный договоръ съ Швеціею, по которому Густавъ-Ваза обязался не помогать ни Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ войнѣ съ Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Подтверждены прежніе договоры съ Ливоніею. Продолжались сношенія съ Имперіею—неизвѣстно, впрочемъ, въ чемъ они состояли. По отношеніямъ къ Польшѣ, поддерживалась пересылками пріязнь Молдавскаго воеводы, Петра Степановича, врага Сигизмундова. Султанъ Турецкій попрежнему присылалъ Грека въ Москву для закупки разныхъ товаровъ [2]).

Внутри первымъ дѣломъ правительства было построеніе городовъ или крѣпостей; опасныя нападенія съ трехъ сторонъ дѣлали это необходимымъ. Уже упомянуто было о построеніи городовъ на литовскихъ границахъ, даже на Литовской Землѣ, о возобновленіи старыхъ, пострадавшихъ во время войны. Въ 1535 году построенъ былъ городъ въ Перми, на мѣсто сгорѣвшаго стараго; въ томъ же году поставленъ деревянный городъ въ Мещерѣ на рѣкѣ Мокшѣ, на мѣстѣ, называемомъ Мурунза, для того, сказано въ лѣтописи, что въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ городовъ вблизи. Въ 1536 году били челомъ великому князю и его матери Костромскаго уѣзда волости: Корега, Ликурги, Залѣсье, боръ Желѣзный, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ поставить городъ для того, что тамъ волостей много а отъ городовъ далеко: вслѣдствіе этой челобитной поставленъ былъ Буйгородъ; на Балахнѣ у Соли сдѣланъ городъ земляной для того, что посадъ великъ, а людей много; поставленъ городъ на Пронѣ; сдѣланъ городъ Устюгъ деревянный, весь новый. Городъ Ярославль сгорѣлъ весь: въ томъ мѣсяцѣ велѣно на старомъ мѣстѣ ставить новый городъ; во Владимірѣ большой пожаръ также повредилъ городскую стѣну; ее немедленно починили; также поступлено и въ Твери послѣ большихъ пожаровъ; сдѣланы новыя укрѣпленія въ Новгородѣ Великомъ и Вологдѣ. Въ Москвѣ, по мысли великаго князя Василія, обведено каменными стѣнами мѣсто, получившее названіе Китая, или Средняго города; строитель былъ Петръ Малый Фрязинъ, закладка каменной стѣны происходила 16 мая 1535 года. Попрежнему заботились объ умноженіи народонаселенія выходцами изъ чужихъ странъ: въ 1535 году выѣхали изъ Литвы на государево слово триста семей [3]).

Уже въ послѣднее время княженія Василіева

[1]) Дѣла Крымскія, № 8; Акты Западн. Россіи II. № 189. Царств. кн. 51 и слѣд., Львов. IV, 52 и слѣд.

[2]) Договоры шведскій и ливонскій въ архивѣ мин. ин. дѣлъ; Синод. лѣтоп. № 486, Дѣла Ногайскія, № 2.

[3]) Синодал. лѣтоп., № 486, Арх. № 20 — цитов. у Карамз. VIII, прим. 66.

обнаружилось важное зло—обрѣзъ и подмѣсь въ деньгахъ: изъ гривенки должно было выдѣлывать 250 денегъ новгородскихъ, или въ московское число два рубля шесть гривенъ; но искаженіе дошло до того, что у каждой деньги отрѣзывали по половинѣ, и въ гривенку шло такихъ искаженныхъ денегъ по 500 и больше: отсюда при каждой торговой сдѣлкѣ—крики, брань, клятвы. Въ сентябрѣ 1533 года, незадолго до смерти великаго князя Василія, казнили въ Москвѣ за порчу денегъ многихъ людей: Москвичей, Смольнянъ, Костромичей, Вологжанъ, Ярославцевъ и изъ другихъ городовъ, лили олово въ ротъ, руки сѣкли [1]). Въ мартѣ 1535 года Елена запретила обращеніе поддѣльныхъ и рѣзаныхъ денегъ, приказала ихъ передѣлывать и вновь чеканить изъ гривенки уже по три рубля, или по 300 денегъ новгородскихъ, а прибавлено было въ гривенку новыхъ денегъ для того, говоритъ лѣтописецъ, чтобъ людямъ былъ не великъ убытокъ отъ испорченныхъ денегъ. При великомъ князѣ Василіи изображался на деньгахъ великій князь на конѣ, съ мечемъ въ рукѣ, а теперь сталъ изображаться съ копьемъ въ рукѣ, и деньги оттого стали называться копѣйными (копѣйками) [2]).

Кромѣ этихъ распоряженій, выставляемыхъ лѣтописями, мы должны остановиться еще на нѣкоторыхъ явленіяхъ, о которыхъ впервые встрѣчаемъ извѣстіе въ правленіе Елены. Такъ, напримѣръ, у насъ утвердилось мнѣніе, что до Іоанна IV присутствовали въ думѣ только бояре и окольничіе, и что только этотъ государь, изъ противоборства вліянію знатныхъ людей, ввелъ въ думу третій, низшій разрядъ членовъ, такъ-называемыхъ думныхъ дворянъ; но, при описаніи пріема польскаго посла Никодима Техановскаго, въ правленіе Елены, читаемъ: „Князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре и окольничіе, и дворецкіе, и *дѣти боярскія, которыя живутъ въ думѣ*, и дѣти боярскія прибыльныя, которыя не живутъ въ думѣ“ [3]). Если подъ именемъ думы мы будемъ здѣсь разумѣть совѣтъ великокняжескій и слову *житъ* придадимъ обыкновенное значеніе существованія или присутствія, то должны будемъ признать, что еще прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV были введены въ думу дѣти боярскія. Конечно, мы никакъ не рѣшимся утверждать, что это введеніе послѣдовало именно въ правленіе Елены, а не ранѣе. О значеніи окольничихъ, какъ собственно придворныхъ бояръ, распоряжающихся придворными дѣлами и церемоніями, встрѣчаемъ извѣстіе также при описаніи переговоровъ съ польскими послами. „Велѣлъ князь великій приставу Θедору Невѣжину *отъ окольничихъ* сказать посламъ, чтобъ они были на дворѣ“. Дѣти боярскія, назначенныя приставами къ послу Техановскому, встрѣтивъ его при въѣздѣ въ Москву, сказали ему: „Великаго государя окольничіе велѣли намъ у тебя быть и подворье тебѣ указать“. Когда посолъ былъ поставленъ на подворьи, то кормъ велѣно ему давать съ *Яму*, изъ дворца великокняжескаго, а писанъ кормъ у дьяковъ, которые ямы вѣдаютъ.

[1]) Синод. лѣтоп. № 788, стр. 523.
[2]) Синод. лѣтоп. № 486; Архив. лѣтоп. № 20, что у Карамз. Архив. Ростов. лѣтоп. VIII, прим. 67.
[3]) Акты Западн. Россіи, II, стр. 252, 280.

Въ 1536 году дана была уставная грамота старостамъ и всѣмъ людямъ Онежской Земли, сходная съ уставною грамотою Бѣлоозерскою Іоанна III и уставною Артемоновскимъ крестьянамъ Василія Іоанновича. Въ Бѣлоозерской говорится: намѣстнику, тіунамъ и доводчикамъ побора въ стану не брать, брать имъ свой поборъ у сотскаго въ городѣ; въ Онежской: поборовъ своихъ самимъ по деревнямъ не брать, брать свой поборъ у старостъ на стану; кормы намѣстничьи и тіунскіе, и доводчиковы поборы старосты берутъ по деревнямъ, да платятъ намѣстнику, его тіуну и доводчику на стану. Какъ въ Бѣлоозерской, такъ и въ Онежской грамотѣ говорится: „Если будетъ волостнымъ людямъ и становымъ отъ намѣстника, тіуна, доводчика, отъ другихъ намѣстничьихъ людей или постороннихъ какая обида, то они на обидчиковъ сами срокъ наметываютъ, когда имъ стать передъ великимъ княземъ“; этого нѣтъ въ Артемоновской грамотѣ. Согласно съ Бѣлоозерскою, въ Онежской грамотѣ говорится: ѣздить доводчику въ волости безъ паробка и безъ простой лошади. Въ Бѣлоозерской говорится: тіунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незванымъ не ходить; въ Онежской: тіуну и другимъ намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчины незванымъ не ѣздить, кромѣ доводчика. Онежанамъ дано право не пропускать къ морю за солью Бѣлозерцевъ и Вологжанъ, отнимающихъ у нихъ промыселъ, пусть Бѣлозерцы и Вологжане торгуютъ съ ними въ Каргополѣ. Въ 1537 году дана была уставная грамота владимірскимъ бобровникамъ, въ существенныхъ частяхъ сходная съ извѣстною намъ грамотою удѣльнаго князя Дмитровскаго Юрія; но есть и различія, напримѣръ въ Юріевой грамотѣ: доводчику у нихъ проѣхать по деревнямъ на весь годъ дважды, самъ-другъ съ паробкомъ, а лошадей съ нимъ три; въ Іоанновой: доводчику ѣздить по бобровнымъ деревнямъ одному, на одной лошади, безъ паробка и безъ простыхъ лошадей. Въ грамотѣ Владимірской бобровникамъ говорится: „Вѣдать этимъ бобровникамъ мою великокняжескую службу, бобровую ловлю, ловить имъ бобровъ въ рѣкѣ Клязьмѣ отъ рѣчки Оржавки до рѣки Судогды, рѣку Судогду всю и Колакшу всю; что добудутъ бобровъ, возить ихъ имъ шерстью въ мою казну; а не добудутъ бобровъ, и имъ давать оброкомъ ежегодно полтретья рубля денегъ. Когда они пойдутъ на бобровую ловлю, съ бобровою снастью, то мыта съ нихъ не берутъ; также не берутъ съ нихъ мыта и заднихъ колачей, когда они поѣдутъ въ Москву съ бобрами или съ оброкомъ, человѣка два или три“ [4]).

[4]) Акты арх. эксп. I, № 181, 183.

Грамоты давались отъ имени великаго князя Іоанна; при описаніи посольскихъ сношеній говорится, что великій князь разсуждалъ съ боярами и рѣшалъ дѣла, но это все выраженія форменныя; послѣ этихъ выраженій встрѣчаемъ извѣстія, что все правленіе было положено на великой княгинѣ Еленѣ; видимъ также, кто былъ главнымъ ея совѣтникомъ: желая мира, литовскій гетманъ Радзивилъ отправлялъ пословъ къ боярину конюшему, князю Овчинѣ-Телепневу-Оболенскому; гонецъ казанскій, желая отправить Татарина домой, билъ челомъ тому же боярину конюшему, чтобъ печаловался объ этомъ великому князю и его матери [1]). Послѣ опалы Глинскаго, Бѣльскаго и Воронцова, у Оболенскаго не было явныхъ враговъ и соперниковъ; но могли ли равнодушно сносить первенствующее положеніе Оболенскаго люди, считавшіе за собою болѣе правъ на такое положеніе? Пока жива была Елена, перемѣны нельзя было ожидать. 3 апрѣля 1538 года Елена умерла; Герберштейнъ говоритъ утвердительно, что ее отравили.

Глава II.

Правленіе боярское.

Характеръ князя Василія Шуйскаго.—Гибель Телепнева-Оболенскаго.—Ссора Шуйскаго съ Бѣльскимъ и заключеніе послѣдняго; казнь дьяка Мишурина.—Правленіе Ивана Шуйскаго.—Сверженіе митрополита Даніила и возведеніе Іоасафа.—Освобожденіе Ивана Бѣльскаго; правленіе его и митрополита Іоасафа.—Освобожденіе князя Владиміра Андреевича Старицкаго.—Торжество Шуйскихъ.—Гибель Бѣльскаго.—Сверженіе митрополита Іоасафа и возведеніе Макарія.—Правленіе Андрея Шуйскаго.—Удаленіе любимца государева, Воронцова.—Воспитаніе Іоанна и образованіе его характера.—Гибель Андрея Шуйскаго.—Опалы.—Принятіе царскаго титула и женитьба Іоанна на Анастасіи Романовнѣ.—Пожары въ Москвѣ.—Обвиненія Глинскихъ въ волшебствѣ; возстаніе на нихъ народа.—Сильвестръ и Адашевъ.—Созваніе выборныхъ и рѣчь царя на Лобномъ мѣстѣ.—Значеніе правленія боярскаго.—Дѣла литовскія, крымскія и казанскія въ это правленіе.—Бѣдствія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.—Губныя грамоты.—Новое извѣстіе о дѣтяхъ боярскихъ, живущихъ въ думѣ.—Бѣгство Петра Фрязина.

Кто же изъ бояръ болѣе другихъ долженъ былъ негодовать на первенствующее положеніе Оболенскаго, кто долженъ былъ, имѣлъ право явиться на первомъ мѣстѣ, на которое только случайность возвела Оболенскаго? Мы видѣли, что въ послѣднее время княженія Василія и, слѣдовательно, въ началѣ княженія сына его первое мѣсто между боярами занималъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Мы видѣли, что этотъ Шуйскій энергическою мѣрой успѣлъ удержать Смоленскъ за Москвою послѣ Оршинской битвы: энергическая мѣра состояла въ перевѣшаніи въ виду литовскаго войска всѣхъ знатныхъ Смольнянъ, державшихъ сторону королевскую. Эта черта уже нѣсколько знакомитъ насъ съ человѣкомъ и заставляетъ ожидать отъ него подобныхъ же мѣръ и при достиженіи собственныхъ личныхъ цѣлей. Въ седьмой день по кончинѣ Елены, схвачены были конюшій бояринъ, князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, и сестра его Аграфена, мамка великаго князя, по совѣту князя Василія Шуйскаго, брата его Ивана и другихъ. Оболенскій умеръ въ заключеніи отъ недостатка въ пищѣ и тяжести оковъ; сестру его сослали въ Каргополь и постригли. Заключенные въ правленіе Елены, князь Иванъ Бѣльскій и князь Андрей Шуйскій были освобождены.

Освобожденіе Бѣльскаго не могло обѣщать Шуйскимъ долговременнаго первенства. Бѣльскіе, Гедиминовичи, подобно Патрикѣевымъ, не менѣе послѣднихъ гордились своимъ происхожденіемъ и стремились къ первенству; женитьба князя Ѳеодора Бѣльскаго на княжнѣ Рязанской, родной племянницѣ Іоанна III, конечно не могла содѣйствовать ослабленію этихъ притязаній. Старшій сынъ князя Ѳеодора, Димитрій, несмотря на видное положеніе свое, оставался въ сторонѣ при всѣхъ движеніяхъ и переворотахъ; но не таковы были братья его—Иванъ и Семенъ. Мы познакомились съ первымъ во время походовъ казанскихъ при великомъ князѣ Василіи; характеръ Семена обнаружился въ его безпокойныхъ движеніяхъ по смерти Василія; мы видѣли, какъ онъ мечталъ не только о княжествѣ Бѣльскомъ, но даже и о Рязанскомъ; какъ, для возвращенія себѣ этихъ отчинъ, хлопоталъ въ Литвѣ, Константинополѣ, Крымѣ. Князь Иванъ подвергся опалѣ вслѣдствіе бѣгства брата своего, и, конечно, не потому только, что былъ братомъ измѣнника, ибо князь Димитрій оставался въ покоѣ. Теперь, освободившись изъ заключенія, Бѣльскій не хочетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ распоряженій Шуйскаго, хочетъ самъ также распоряжаться. Такъ какъ главною заботой первенствующаго боярина, Шуйскаго, и добившагося первенства Бѣльскаго было усиленіе своей стороны, повышеніе своихъ доброжелателей, и преимущественно, разумѣется, родственниковъ, то первое столкновеніе между Шуйскимъ и Бѣльскимъ необходимо должно было произойти отсюда: встала вражда, говоритъ лѣтописецъ, между великаго князя боярами; князь Василій да князь Иванъ Васильевичъ Шуйскіе стали враждовать на князя Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго да на Михаила Васильевича Тучкова, за то,

[1]) Синод. лѣтоп. № 486.

что Бѣльскій и Тучковъ совѣтовали великому князю пожаловать боярствомъ князя Юрія Михайловича Голицина (Патрикѣева), а Ивана Ивановича Хабарова окольничествомъ, князья же Шуйскіе этого не хотѣли; и многія были между ними вражды за корысти и за родственниковъ; всякъ о своихъ дѣлахъ печется, а не о государскихъ, ни о земскихъ. На сторонѣ Бѣльскаго былъ митрополитъ Даніилъ и дьякъ Ѳедоръ Мишуринъ. Но сторона Шуйскихъ была сильнѣе; Бѣльскаго снова посадили въ заключеніе, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ. Знатные враги Шуйскихъ подверглись только заключенію или ссылкѣ; за то горькая участь постигла дьяка Мишурина. Мы видѣли этого дьяка въ числѣ самыхъ приближенныхъ людей къ великому князю Василію; ловкость его и важное значеніе доказываются уже тѣмъ, что лѣтопись указываетъ на него, рядомъ съ митрополитомъ Даніиломъ, Бѣльскимъ и Тучковымъ, какъ на лицо, навлекшее на себя ненависть Шуйскихъ. Шуйскіе захватили Мишурина на своемъ дворѣ, велѣли княжатамъ, боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ ободрать его, нагого велѣли положить на плаху и отрубить голову у тюремъ, безъ государева приказанія.

Василій Шуйскій скоро умеръ; братъ его, Иванъ, наслѣдовалъ его значеніе и продолжалъ тотъ же образъ дѣйствія; Василій изъ враговъ своего рода оставилъ нетронутымъ митрополита Даніила: Иванъ свергнулъ Даніила, на мѣсто котораго былъ возведенъ игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іоасафъ Скрыпицинъ [1]) въ февралѣ 1539 года. Но Іоасафъ не долго оставался на сторонѣ Шуйскаго; въ іюлѣ 1540 года онъ выхлопоталъ у великаго князя приказаніе освободить Бѣльскаго, который и явился во дворцѣ. Шуйскій и его сторона были застигнуты врасплохъ; въ-сердцахъ, князь Иванъ пересталъ ѣздить къ государю и совѣтоваться съ боярами. Правленіе перешло къ Бѣльскому и митрополиту Іоасафу [2]). Ходатайству митрополита и бояръ лѣтописи приписываютъ освобожденіе изъ темницы семейства удѣльнаго князя Андрея Ивановича, жены Евфросиніи и сына Владиміра; сперва имъ позволено было только жить въ Москвѣ на дворѣ князя Андрея, а потомъ, въ праздникъ Рождества Христова, 25 декабря 1541 года, имъ позволили пріѣхать во дворецъ видѣться съ великимъ княземъ, возвратили Владиміру отцовскій удѣлъ, дали бояръ и дѣтей боярскихъ, но не отцовскихъ. Въ то время, какъ освободили князя Владиміра Андреевича и мать его изъ темницы, оказали милость и другому удѣльному князю, Димитрію, сыну Андрея Ивановича Углицкаго, племяннику Іоанна III, сидѣвшему около 50 лѣтъ въ оковахъ; оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастнаго. Неравенство милости объясняется тѣмъ, что у Владиміра Андреевича было много доброхотовъ, тогда какъ участь Димитрія никого уже не занимала.

И вторая милость князю Владиміру Старицкому была оказана по печалованію митрополита Іоасафа и бояръ, говорятъ лѣтописи: здѣсь подъ боярами надобно разумѣть князя Бѣльскаго и его пріятелей. Но въ то самое время, какъ Бѣльскій и митрополитъ обнаруживали свое вліяніе, возвращая удѣлъ опальному князю, противъ нихъ составлялся страшный заговоръ; бояре, говоритъ лѣтописецъ, вознегодовали на князя Бѣльскаго и на митрополита за то, что великій князь держалъ ихъ у себя въ приближеніи. Эти бояре были: князья Михайла и Иванъ Кубенскіе, князь Димитрій Палецкій, казначей Иванъ Третьяковъ, съ ними княжата, дворяне и дѣти боярскія многія, и Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ. Эти люди, или принадлежа къ сторонѣ Шуйскаго и желая возстановить его вліяніе, или считая необходимымъ дѣйствовать во имя этого могущественнаго боярина, начали пересылаться съ нимъ: Шуйскій находился въ это время во Владимірѣ, оберегая восточныя области отъ набѣга Казанцевъ. Имя Шуйскаго можетъ объяснить намъ, почему въ заговорѣ участвовали Новгородцы всѣмъ городомъ; одинъ изъ Шуйскихъ былъ послѣднимъ воеводою вольнаго Новгорода, и мы увидимъ, что Новгородцы останутся навсегда преданы этой фамиліи. Московскіе заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его совѣтникамъ срокъ—3 января 1542 года, чтобъ быть въ этотъ день въ Москву изъ Владиміра; Шуйскій привелъ къ присягѣ многихъ дѣтей боярскихъ—дѣйствовать съ нимъ заодно, и ночью на 3-е января пріѣхалъ въ Москву съ своими совѣтниками безъ приказанія великокняжескаго; прежде него пріѣхалъ сынъ его, князь Петръ, да Иванъ Большой Шереметевъ съ 300 человѣкъ дружины. Въ ту же ночь, со 2-го на 3-е число, Бѣльскій былъ схваченъ на своемъ дворѣ, и утромъ на другой день отосланъ на Бѣлоозеро въ заточеніе, но живой онъ былъ страшенъ и на Бѣлоозерѣ, и потому въ маѣ мѣсяцѣ трое преданныхъ Шуйскимъ людей отправились на Бѣлоозеро и умертвили Бѣльскаго въ тюрьмѣ. Двоихъ главныхъ совѣтниковъ Бѣльскаго разослали по городамъ: князя Петра Щенятева въ Ярославль, Ивана Хабарова—въ Тверь; Щенятева взяли у государя изъ комнаты задними дверями. Митрополитъ Іоасафъ былъ разбуженъ камнями, которые заговорщики бросали къ нему въ келью: онъ кинулся во дворецъ, заговорщики ворвались за нимъ съ шумомъ въ спальню великаго князя, разбудили послѣдняго за три часа до свѣту; не найдя безопасности во дворцѣ подлѣ великаго князя, приведеннаго въ ужасъ, Іоасафъ уѣхалъ на Троицкое подворье; но туда за нимъ прислали дѣтей боярскихъ, Новгородцевъ съ неподобными рѣчами; Новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита: только Троицкій игуменъ Алексѣй именемъ Св. Сергія да бояринъ князь Димитрій Палецкій успѣли удержать

[1]) Акты арх. эксп. I, № 184, 185.

[2]) Царств. кн. стр. 100: его (Бѣльскаго) государь у себя въ приближеніи держалъ, и въ первосовѣтникахъ, да митрополита Іоасафа.

ихъ отъ убійства; Іоасафа взяли наконецъ и сослали въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь; на его мѣсто возведенъ былъ въ митрополиты Новгородскій архіепископъ Макарій: мы видѣли, что Новгородцы всѣмъ городомъ участвовали въ низверженіи Бѣльскаго и Іоасафа; видно также, что Макарій и прежде имѣлъ связь съ Шуйскимъ [1]). Иванъ Шуйскій недолго жилъ послѣ этого; власть перешла въ руки троихъ его родственниковъ—князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ и князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго; между ними первенствовалъ князь Андрей, уже извѣстный намъ по своимъ сношеніямъ съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ. По сверженіи и смерти Бѣльскаго, у Шуйскихъ не могло быть соперника сильнаго по собственнымъ средствамъ; но опасность являлась съ другой стороны: великій князь выросталъ и могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но довѣренностію государя, теперь уже не младенца,—и вотъ Шуйскіе свѣдали, что расположеніемъ Іоанна успѣлъ овладѣть Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ, братъ извѣстнаго уже намъ Михаила Семеновича. 9 сентября 1543 года трое Шуйскихъ и совѣтники ихъ — князь Шкурлятевъ, князья Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій и Алексѣй Басмановъ—взволновались въ присутствіи великаго князя и митрополита, въ столовой избѣ у государя, на совѣтѣ схватили Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти; Іоаннъ послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ уговорить ихъ, чтобъ не убивали Воронцова, и они не убили, но повели съ дворцовыхъ сѣней съ позоромъ, били, толкали и отдали подъ стражу. Государь прислалъ опять митрополита и бояръ къ Шуйскимъ сказать имъ, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться въ Москвѣ, то пусть пошлютъ ихъ на службу въ Коломну; но Шуйскимъ показалось это очень близко и опасно: они сослали Воронцовыхъ въ Кострому. „И когда, говоритъ лѣтописецъ, митрополитъ ходилъ отъ государя къ Шуйскимъ, Ѳома Головинъ у него на мантію наступалъ и разодралъ ее“.

Іоанну исполнилось уже тогда 13 лѣтъ. Ребенокъ родился съ блестящими дарованіями; быть можетъ, онъ родился также съ воспріимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою; но, безъ сомнѣнія, эта воспріимчивость, страстность, раздражительность если не были произведены, то, по крайней мѣрѣ, были развиты до высшей степени воспитаніемъ, обстоятельствами дѣтства его. Извѣстно, что ребенокъ даровитый, предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и поставленный при этомъ въ затруднительное, непріятное положеніе, развивается быстро, преждевременно во всѣхъ отношеніяхъ. По смерти матери Іоаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ, которые употребляли его только орудіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей; среди эгоистическихъ стремленій людей, окружавшихъ его, Іоаннъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, своему собственному эгоизму. При жизни отца онъ долго бы находился въ удаленіи отъ дѣлъ; подъ бдительнымъ надзоромъ, въ тишинѣ характеръ его спокойно могъ бы сложиться, окрѣпнуть; но Іоаннъ трехъ лѣтъ былъ уже великимъ княземъ, и хотя не могъ править государствомъ на дѣлѣ, однако самыя формы, которыя соблюдать было необходимо, напримѣръ посольскіе пріемы и проч., должны были безпрестанно напоминать ему его положеніе, необходимо стоялъ онъ въ средоточіи государственной дѣятельности, въ средоточіи важныхъ вопросовъ, хотя и былъ молчаливымъ зрителемъ, молчаливымъ исполнителемъ формъ. Предъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ, у него отнимали; предъ нимъ наглымъ, звѣрскимъ образомъ влекли ихъ въ заточеніе, несмотря на его просьбы; потомъ слышалъ онъ о ихъ насильственной смерти; въ то же время онъ ясно понималъ свое верховное положеніе, ибо тѣ же самые люди, которые не обращали на него никакого вниманія, которые при немъ били, обрывали людей къ нему близкихъ, при посольскихъ пріемахъ и другихъ церемоніяхъ стояли предъ нимъ какъ покорные слуги; видѣлъ онъ, какъ все преклонялось предъ нимъ, какъ все дѣлалось его именемъ, и, слѣдовательно, должно было такъ дѣлаться; да и было около него много людей, которые, изъ собственныхъ выгодъ, изъ ненависти къ осилившей сторонѣ, твердили, что поступки послѣдней беззаконны, оскорбительны для него. Такимъ образомъ, ребенокъ видѣлъ предъ собою враговъ, похитителей его правъ,—но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ: самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человѣка борьба, особенно въ томъ возрастѣ! Голова ребенка была постоянно занята мыслію объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностію прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ Священную, Церковную, Римскую исторію, Русскія лѣтописи, творенія Св. Отцовъ; но во всемъ, что ни читалъ онъ, искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ Священномъ Писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него. Отсюда будутъ понятны намъ послѣдующія стремленія Іоанна, стремленія, такъ рано обнаружившіяся, принятіе царскаго титула, желаніе быть тѣмъ же на Московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на Іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій—на Римскомъ; Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый со-

[1]) Дополн. къ акт. историч. I, № 27.

зналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически.

Но въ то время, какъ умъ былъ занятъ мыслію о правахъ, дерзко нарушаемыхъ, о средствахъ, какъ бы дать окончательное освященіе этимъ правамъ, дать имъ совершенную недосягаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своихъ борьбахъ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, позволяли ему предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и, въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодаго князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляли память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ: оскорбляли такимъ образомъ вдвойнѣ Іоанна,— оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній; оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ. Отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развивались два чувства: презрѣніе къ рабамъ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія.

Іоаннъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Курбскому такъ говоритъ о впечатлѣніяхъ своего дѣтства: „По смерти матери нашей Елены, остались мы съ братомъ Георгіемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя; объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! Сколько бояръ и воеводъ, доброхотовъ отца нашего умертвили! Дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ! Казну матери нашей перенесли въ большую казну, причемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи; иное и себѣ побрали: а сдѣлалъ это дѣдъ твой Михайла Тучковъ“. Описавши поведеніе князей Шуйскихъ относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бѣльскаго, двоихъ митрополитовъ, Іоаннъ продолжаетъ: „Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать, какъ иностранцевъ, или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ: ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало, мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ. Что сказать о казнѣ родительской? Все расхитили лукавымъ умысломъ, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, а между тѣмъ все себѣ взяли, и дѣтей боярскихъ жаловали не за дѣло, верстали не по достоинству; изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая зеленая на куницахъ, да и тѣ ветхи: такъ еслибъ у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бъ шубу перемѣнить. Потомъ на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей; а какія напасти отъ нихъ были сосѣдямъ,—исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами; думали, что правятъ и строятъ, а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія, мзду безмѣрную отовсюду брали, все говорили и дѣлали по мздѣ“.

По словамъ Курбскаго, Іоанна воспитывали великіе и гордые бояре на свою и на дѣтей своихъ бѣду, стараясь другъ предъ другомъ угождать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Когда онъ началъ приходить въ возрастъ, былъ лѣтъ двѣнадцати, то сталъ прежде всего проливать кровь безсловесныхъ, бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ, а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою бѣду. Когда началъ приближаться къ пятнадцатому году, то принялся и за людей: собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ, бить, грабить встрѣчавшихся мужчинъ и женщинъ, поистинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: „О! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!“

Если признать вѣрность показаній Курбскаго, признать, что Іоаннъ дѣйствительно съ 12 лѣтъ началъ обнаруживать дурныя наклонности, отъ которыхъ пѣстуны не удерживали его, то этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Шуйскаго и товарищей его [1]). Прежде, когда Іоаннъ былъ еще очень малъ, то Шуйскіе считали ненужнымъ обращать на него большое вниманіе: князь Иванъ, въ его присутствіи, клалъ ногу на постель его отца, Тучковъ пихалъ ногами вещи его матери, позабывши, что ребенокъ такія явленія помнитъ лучше, чѣмъ взрослый; въ это время многое дѣлалось и не такъ, какъ хотѣлъ ребенокъ, и платье ему давали дурное, и не давали долго ѣсть. Но когда ребенокъ сталъ выростать, то окружающіе перемѣнили обращеніе съ нимъ; стали готовить въ немъ себѣ будущаго милостивца, вдругъ перестали видѣть въ немъ ребенка, котораго еще должно быть воспитывать, и начали смотрѣть на

[1]) Курбск. стр. 182 и слѣд.

него, какъ на великаго князя, которому должно было угождать. Воронцовъ счелъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть расположеніе тринадцатилѣтняго государя, и это расположеніе Шуйскіе и товарищи ихъ сочли для себя опаснымъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, и сами Шуйскіе обходились теперь съ Іоанномъ не такъ, какъ прежде ихъ старшіе; съ ихъ вѣдома, пѣстуны Іоанновы позволяли себѣ тѣ поблажки, о которыхъ говоритъ Курбскій. Новое положеніе Іоанна въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ видно уже изъ того, что, при описаніи сверженія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа, объ Іоаннѣ сказано только, что онъ сильно испугался; при описаніи же происшествія съ Воронцовымъ говорится, что Іоаннъ уже ходатайствовалъ у Шуйскихъ за своего любимца. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ боярскимъ самовольствомъ; неизвѣстно какъ, вслѣдствіе особенно чьихъ внушеній и ободреній, вслѣдствіе какихъ приготовленій, тринадцатилѣтній Іоаннъ рѣшился *напасть* на Шуйскаго; иначе нельзя выразить тогдашнихъ отношеній. Молодой великій князь долженъ былъ начать свою дѣятельность нападеніемъ на перваго вельможу въ государствѣ; понятно, что это нападеніе будетъ такое, къ какимъ пріучили его Шуйскіе; 29 декабря 1543 года Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ; псари убили его, волоча къ тюрьмамъ; совѣтниковъ его, князя Ѳедора Шуйскаго, князя Юрія Темкина, Ѳому Головина, который позволилъ себѣ извѣстный намъ поступокъ съ митрополитомъ, и другихъ разослали.

Нападеніе было удачное: враги застигнуты врасплохъ, напуганы,—съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе. Прошелъ годъ; Іоанну было уже четырнадцать лѣтъ, и опала постигла князя Ивана Кубенскаго; его сослали въ Переяславль и посадили подъ стражу Князь Иванъ Кубенскій съ братомъ Михайломъ были главами заговора противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго; Иванъ же Кубенскій упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся на Воронцова съ Шуйскими. 16 декабря 1544 года былъ схваченъ Кубенскій; въ маѣ 1545 былъ освобожденъ. 10 сентября Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ опять опала на князя Ивана Кубенскаго, князя Петра Шуйскаго, князя Александра Горбатаго, князя Димитрія Палецкаго и на Ѳедора Воронцова. Намъ не удивительно, что не могли остаться въ покоѣ, или не умѣли сдержать своего неудовольствія Шуйскіе и главные ихъ совѣтники, такъ много потерявшіе при новомъ порядкѣ вещей,—князь Петръ Шуйскій, сынъ прежняго правителя, князя Ивана, князь Кубенскій, князь Палецкій, котораго имя стоитъ рядомъ съ именемъ Кубенскаго при описаніи заговора противъ Бѣльскаго и Воронцова; но поражаетъ насъ среди этихъ именъ имя Ѳедора Воронцова, подвергшагося опалѣ вмѣстѣ съ заклятыми врагами своими. Къ счастію, на этотъ разъ лѣтописецъ объясняетъ намъ дѣло и совершенно удовлетворительно. Послѣ казни Андрея Шуйскаго, первымъ дѣломъ великаго князя было возвращеніе изъ ссылки Воронцова, который ничего не потерялъ изъ прежняго его расположенія; возвратившись къ Двору съ торжествомъ, блистательно отомщенный, Воронцовъ сталъ думать, какъ бы самому занять мѣсто Андрея Шуйскаго, одному управлять всѣмъ, одному раздавать всѣ милости именемъ еще несовершеннолѣтняго государя: кого государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома,—и Ѳедору досадно, говоритъ лѣтописецъ; самъ ли Іоаннъ замѣтилъ эти досады, или другіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ, напримѣръ князья Михаилъ и Юрій Глинскіе, дядья государевы, указали ему въ Воронцовѣ другого Шуйскаго,—только Воронцовъ подвергся опалѣ вмѣстѣ съ прежними своими врагами. Но и на этотъ разъ опала продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ; въ декабрѣ 1545 года, для отца своего, Макарія митрополита, великій князь пожаловалъ бояръ своихъ.

Этихъ колебаній, опалъ, налагаемыхъ на одни и тѣ же лица, прощеній ихъ въ продолженіи 13-го, 15-го и 16-го года Іоанновой жизни нельзя оставить безъ вниманія; странно было бы предположить, что молодой Іоаннъ, только по старой неприязни къ родственникамъ и друзьямъ Шуйскихъ, безо всякаго повода, бросался на нихъ и потомъ прощалъ; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйскихъ такъ была поражена казнію князя Андрея, что отказалась совершенно отъ борьбы; но кто боролся съ нею именемъ Іоанна?—лѣтописи молчатъ. Можно указывать вначалѣ на Воронцова, можно указывать на князей Глинскихъ, которыхъ могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельможъ къ нимъ. Но окончательно Кубенскій и Воронцовъ были погублены не Глинскими; на это есть опредѣленное свидѣтельство источниковъ. Въ маѣ 1546 года, великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну по вѣстямъ, что Крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды Іоаннъ, выѣхавши погулять за городъ, былъ остановленъ новгородскими пищальниками, которые стали о чемъ-то бить ему челомъ; онъ не расположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Лѣтописецъ не говоритъ, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе; говоритъ только, что пищальники начали бросать въ нихъ колпаками и грязью; видя это, Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ; тѣ вздумали употребить силу; —тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, изъ пищалей стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ человѣкъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану, онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это про-

нашествіе на Іоанна, напуганнаго въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранявшаго на всю жизнь слѣдствія этого испуга. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ ослушниковъ своей власти не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому сейчасъ же имъ овладѣло подозрѣніе: онъ велѣлъ провѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки этого случиться не могло? Разузнать объ этомъ онъ поручилъ не знатному человѣку, но дьяку своему Василію Захарову, который былъ у него въ приближеніи: мы видимъ, слѣдовательно, что Іоаннъ, подобно отцу, уже началъ приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дьяковъ. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучили бояре, князь Кубенскій и двое Воронцовыхъ, Ѳедоръ и Василій Михайловичъ. Великій князь повѣрилъ дьяку, и, въ великой ярости, велѣлъ казнить Кубенскаго и двоихъ Воронцовыхъ, какъ вслѣдствіе новаго обвиненія, такъ и по прежнимъ ихъ преступленіямъ, за мздоимство во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ; людей близкихъ къ нимъ разослали въ ссылку. Лѣтописцы говорятъ, что дьякъ оклеветалъ бояръ [1]). Курбскій относитъ къ тѣмъ же временамъ и другія казни [2]).

Такъ проводилъ Іоаннъ шестнадцатый годъ своего возраста; на семнадцатомъ, 13 декабря 1546 года, онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться; на другой день митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ, и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Макарію: „Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексѣя, Іоны и Сергія, и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя, но потомъ я эту мысль отложилъ, не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ; если я приведу себѣ жену изъ чужой Земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ; поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословитъ, по твоему благословенію". Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой Іоаннъ тутъ же удивилъ ихъ еще другою рѣчью: „По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть". Бояре обрадовались, что государь въ такомъ еще младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ поискалъ. Но, конечно, всего болѣе удивились они (а нѣкоторые, какъ увидимъ изъ писемъ Курбскаго, не очень обрадовались) тому, что шестнадцатилѣтній великій князь съ этихъ поръ, внутри и внѣ государства, принялъ титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его,—титулъ царя. 16 января 1547 года совершено было царское вѣнчаніе, подобное вѣнчанію Димитрія, внука при Іоаннѣ III [3]). Между тѣмъ, еще въ декабрѣ разосланы были по областямъ, къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ грамоты: „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ будутъ изъ васъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили-бъ. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу" [4]). Выборъ палъ на дѣвушку изъ одного изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, который, при наплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: выборъ палъ на Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича, близкаго, какъ мы видѣли, человѣка къ великому князю Василію; быть можетъ, и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ; надобно замѣтить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Іоаннова [5]).

---

[1]) Царств. кн. 124, Львов. IV, 181; Никон. VIII, 49.

[2]) Стр. 7 и слѣд. «И тогда же убіенъ Ѳеодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянинъ. А мало предъ тѣмъ, аки за два лѣта, удавленъ отъ него князя Богдана сынъ Трубецкаго, въ пятинадесяти лѣтѣхъ младенецъ, Михаилъ именемъ; и потомъ, памятамися, тогожъ лѣта убіени отъ него благородные княжата: князь Іоаннъ Дорогобужскій, и Ѳеодоръ, единочадный сынъ князя Іоанна, глаголемаго Овчины, съ роду княжатъ Торусскихъ и Оболенскихъ, яко агнцы неповинные заколенны, еще въ самомъ наусіи».

[3]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, впрочемъ, подобное только въ первой половинѣ. Въ С. г. г. и д. II, № 33 не упоминается ни о какихъ дѣйствіяхъ на литургіи; въ Царственной книгѣ приписано скорописью внизу; «А на литургіи по херувимской пѣсни помазаніе масломъ; послѣ Достойно есть помазаніе миромъ; да тутъ же писать причащеніе». Въ Чинѣ вѣнчанія, напечат. въ Допол. къ акт. истор. I, № 39, говорится о возложеніи золотой цѣпи послѣ херувимской; послѣ причастнаго стиха о миропомазаніи и причащеніи Св. Таинъ.

[4]) С. г. г. и д. II, № 34, 35.

[5]) Въ житіи Св. Геннадія Костромскаго (января 24) читаемъ: «Нѣкогда же случися святому пріити въ Москву, и пріятъ былъ честно отъ болярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея, Даніила и Никиты, и дщери ея, Анастасіи Романовны». Сказано, что Геннадій предсказывалъ Анастасіи царствен-

3 февраля была царская свадьба; 12 апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ; 20 числа—другой; 3 іюня упалъ большой колоколъ-благовѣстникъ; 21 – новый страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ; загорѣлась церковь Воздвиженія на Арбатѣ, при сильной бурѣ; огонь потекъ какъ молнія, спалилъ на западъ все вплоть до Москвы-рѣки у Семчинскаго сельца; потомъ буря обратилась на Кремль, вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла Оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій, по каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое продолжали и въ это время прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ: онъ вышелъ изъ него, неся образъ Богородицы, написанный митрополитомъ Петромъ, за нимъ шелъ протопопъ и несъ церковныя правила. Макарій ушелъ-было сначала на городскую стѣну, на тайникъ, проведенный къ Москвѣ-рѣкѣ; но здѣсь не могъ долго оставаться отъ дыма: его стали спускать съ тайника на канатѣ на взрубъ къ рѣкѣ, канатъ оборвался,—и митрополитъ сильно расшибся, едва могъ придти въ себя, и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Кремлевскіе монастыри—Чудовъ и Вознесенскій—сгорѣли; въ Китаѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы, за городомъ—большой посадъ по Неглинной, Рождественка до Никольскаго Драчевскаго монастыря; по Мясницкой пожаръ шелъ до церкви Св. Флора, на Покровкѣ—до церкви Св. Василія; народу сгорѣло 1,700 человѣкъ. Великій князь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево.

На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ—отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26 числа, въ воскресенье, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Въ толпѣ закричали: „Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила,—оттого Москва и выгорѣла!“ Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ не унимали. Конюшій бояринъ, князь Михайла Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій, былъ въ это время съ матерью во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе; но братъ его, князь Юрій, былъ въ Москвѣ и стоялъ вмѣстѣ съ боярами на Кремлевской площади. Услыхавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, онъ понялъ, что̀ его можетъ постигнуть,—и ушелъ въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на временщиковъ, напустили чернь: та бросилась въ Успенскій соборъ, убила Глинскаго, выволокла трупъ его изъ Кремля и положила передъ торгомъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умертвивши Глинскаго, чернь бросилась на людей его, перебила ихъ множество; разграбила дворъ; много погибло тутъ и неизвѣстныхъ дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской страны, которыхъ приняли за людей Глинскаго. Но одного Глинскаго было мало; на третій день послѣ убіенія князя Юрія, толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобъ государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея, князя Михаила, которые будто спрятаны у него въ покояхъ; Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить: на остальныхъ напалъ страхъ,—и они разбѣжались по городамъ.

Виновниками возстанія противъ Глинскихъ, главными наустителями черни лѣтописецъ называетъ Благовѣщенскаго протопопа Ѳеодора Бармина, князя Ѳедора Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григорія Юрьевича Захарьина, Ѳедора Нагого. Въ малолѣтство Іоанна Шуйскіе и пріятели ихъ сами управлялись съ людьми себѣ враждебными; но когда Іоаннъ выросъ, когда казнь Андрея Шуйскаго, Кубенскаго, Воронцова показала имъ невозможность дальнѣйшаго самоуправства, то они начали дѣйствовать противъ приближенныхъ къ царю людей, Глинскихъ, не непосредственно, а посредствомъ народа. Въ возстаніи противъ Глинскихъ мы видимъ главныхъ совѣтниковъ Андрея Шуйскаго, которые, послѣ казни его, были сосланы, но потомъ возвращены въ Москву: князя Ѳедора Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина; но они теперь уже такъ слабы, что не могутъ дѣйствовать одни, и дѣйствуютъ въ союзѣ съ приближенными къ Іоанну людьми, которые враждебно столкнулись съ Глинскими въ борьбѣ за вліяніе на волю молодаго царя: Шуйскій и Темкинъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ духовникомъ царскимъ, Барминымъ, и дядею царицы, Григоріемъ Захарьинымъ.

Виновники событій 26 іюня умѣли закрыть себя и достигли своей цѣли относительно Глинскихъ: оставшійся въ живыхъ князь Михайло Васильевичъ Глинскій не только потерялъ надежду восторжествовать надъ своими врагами, но даже отчаялся въ собственной безопасности и, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, побѣжалъ въ Литву; но бѣглецы были захвачены княземъ Петромъ Шуйскимъ, посидѣли немного

ное супружество. Такимъ образомъ мы узнаемъ имя прабабки царя Михаила.

подъ стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію, испугавшись судьбы князя Юрія Глинскаго. Могущество Глинскихъ рушилось, но его не наслѣдовали знатные враги ихъ: полною довѣренностію Іоанна, могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла начинаютъ пользоваться — простой священникъ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, и ложничій царскій, Алексѣй Ѳедоровъ Адашевъ, человѣкъ очень незначительнаго происхожденія.

Сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые видѣлъ Іоаннъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ, произвели въ немъ между прочимъ раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ и къ скорому принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна. Пожаръ московскій произвелъ на молодого царя сильное впечатлѣніе. Вотъ что самъ царь писалъ объ этомъ впечатлѣніи собору, созванному для устройства церковнаго: „Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что я сдѣлалъ дурного по грѣхамъ молодости моей. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнялъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моей, бояре самовластно владѣли царствомъ; по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, много людей погибло въ междоусобной брани; а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навыкъ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я предъ Богомъ, и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы не разъ покушались отомстить врагамъ своимъ, но все безуспѣшно; не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покаялся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насиліемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи то потопомъ, то моромъ, и все я не каялся; наконецъ Богъ наслалъ великіе пожары; и вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія: выпросивъ прощенье у духовенства, далъ прощенье князьямъ и боярамъ“ [1]). Курбскій говоритъ, что, во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ, Богъ подалъ руки помощи Землѣ христіанской такимъ образомъ: пришелъ къ Іоанну одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Новгорода Великаго, сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго заклинать его страшнымъ Божіимъ именемъ; кромѣ того, повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ; не знаю, прибавляетъ Курбскій, правду ли онъ говорилъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобъ только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли, душу его исцѣлилъ и очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощію Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ.

Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора: по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили большую силу. Царственная книга говоритъ, что Сильвестръ былъ очень друженъ съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью; что, по его старанію, они были выпущены изъ заключенія,—свидѣтельство чрезвычайно важное, ибо мы знаемъ, что князь Владиміръ Андреевичъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ отцомъ и освобожденъ изъ заключенія во время правленія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа; о вторичномъ заключеніи его мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что всѣ лѣтописцы, говоря объ опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная книга говоритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Бѣльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе. Для объясненія при этомъ Сильвестрова значенія, припомнимъ событія, встрѣчаемыя нами въ концѣ шестнадцатаго и на семнадцатомъ году возраста Іоаннова: казнь Кубенскаго и Воронцова, бывшая слѣдствіемъ убѣжденія въ неисправимости бояръ; сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли, обнаружившаяся въ Іоаннѣ намѣреніемъ вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій; нравственный переворотъ, долженствовавшій произойти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши; наконецъ пожары, народное возстаніе противъ лицъ, которымъ молодой царь довѣрялъ болѣе всѣхъ по единству интересовъ, по близкому родству, и которые раздражали народъ безнаказанными насиліями слугъ своихъ,—все это заставляло Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другого происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности.

Но если на семнадцатомъ году возраста, вслѣдствіе означенныхъ причинъ и вліяній, произошелъ въ Іоаннѣ важный нравственный переворотъ, то не ранѣе двадцатаго года, вслѣдствіе естественнаго развитія, молодой царь нашелъ въ себѣ силы окончательно порѣшить съ прошедшимъ, которое сильно

[1]) Стоглавъ

тяготило его. Естественнымъ слѣдствіемъ живости, страстности природы въ Іоаннѣ,—было неумѣнье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни одинъ государь нашей древней исторіи не отличался такою охотою и такимъ умѣньемъ поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковномъ соборѣ, съ отъѣхавшимъ бояриномъ или съ послами иностранными, отчего получилъ прозваніе *въ словесной премудрости ритора* [1]). Несчастное положеніе Іоанна съ ранняго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи и письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства увлекли его къ страшнымъ крайностямъ; но при этомъ сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ; отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ собственномъ паденіи.

Теперь онъ хотѣлъ защитить себя предъ народомъ, сложить вину всего прошедшаго зла на людей, которыхъ онъ не переставалъ называть своими врагами, какъ мы видѣли изъ рѣчи его на соборѣ. Прежде онъ хотѣлъ мстить имъ опалами и казнями; теперь, при новомъ настроеніи, онъ хочетъ торжественно объявить ихъ вину. На двадцатомъ году возраста своего, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, умыслилъ царь привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказалъ онъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ воскресный день вышелъ съ крестами на Лобное мѣсто, и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту: „Молю тебя, святый владыко! будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери—осьми; родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ нерадѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же яко глухъ и неслышахъ и не имый во устахъ своихъ обличенія,* по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего". Поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности,—вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать". Въ это время расположеніе царя къ Алексѣю Адашеву достигло высшей степени; въ тотъ самый день, въ который говорена была рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе и при этомъ сказалъ ему: „Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей, для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто-бъ печаль мою утолилъ, и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ, и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія; избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ". Говорилъ онъ это съ прещеніемъ, прибавляетъ извѣстіе, и съ тѣхъ поръ началъ самъ судить многіе суды и разыскивать праведно [2]). Такъ кончилось правленіе боярское.

Въ это правленіе рѣшенъ былъ чрезвычайно важный вопросъ для государственной жизни Россіи. Сѣверо-восточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всея Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты; они примкнули къ московской дружинѣ, къ московскому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованіямъ новаго порядка вещей, перемѣнить свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, и другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необхо-

[1]) О древностяхъ Россійскаго государства, сборникъ рукописн. статей Синодал. библіот.

[2]) С. г. г. и д. II, № 37.

димо было столкновеніе. Это столкновеніе видимъ въ княженіе Іоанна III и сына его, столкновеніе, выражающееся въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Ряполовскихъ, Холмскаго, Берсеня и другихъ; необходимы были стремленія со стороны великихъ князей освобождаться отъ людей, живущихъ стариною и во имя этой старины мѣшающихъ новому; необходимы были стремленія выдвигать людей новыхъ, которые бы не оглядывались назадъ, смотрѣли бы только впередъ и поэтому были бы покорными слугами новаго, отъ котораго получили свое значеніе, свое общественное бытіе. Но вотъ великому князю Василію Іоанновичу наслѣдуетъ малолѣтній сынъ его, Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнимъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ челѣ управленія становятся люди, не сочувствовавшіе стремленіямъ государей Московскихъ; какъ же поступятъ теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые получили полную возможность дѣйствовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдываютъ ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами пользы государственной? Уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать навсегда исчезнувшую удѣльную старину, навсегда исчезнувшія отношенія; что этимъ вызовомъ можно вызвать только тѣни, лишенныя дѣйствительнаго существованія? Сумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка? но, не отказываясь при этомъ отъ старины, сумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? сумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ упрочить благосостояніе государства? Мы видѣли, какъ Шуйскіе съ товарищами воспользовались благопріятнымъ для себя временемъ. Въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не сумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса. Своимъ поведеніемъ они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ; и безъ того уже связь, соединявшая ихъ съ Землею, была очень слаба: мы видимъ, что дѣйствуютъ на первомъ планѣ, борются, торжествуютъ, гибнутъ князья, потомки Рюрика, князья Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Смоленскіе; но гдѣ сочувствіе къ нимъ въ этихъ областяхъ? Не говорится, что за Шуйскихъ стояли Суздальцы и Нижегородцы всѣ городомъ, какъ за потомковъ своихъ прежнихъ князей, а сказано, что за Шуйскихъ стояли Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ: вотъ одно только чувствительное мѣсто, которое отзывается на новыя движенія во имя старыхъ отношеній! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствія князья Бѣльскіе и Глинскіе, литовскіе выходцы. Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ, еслибъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами Земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться насчетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что Земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ, — и вотъ молодой царь пользуется ошибками людей, въ которыхъ видитъ враговъ своихъ, и, съ Лобнаго мѣста, во услышаніе всей Земли, говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась; что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона—и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева: Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо.

Важно было во время боярскаго правленія то обстоятельство, что трудная война съ Литвою уже прекратилась. Престарѣлый Сигизмундъ самъ не думалъ уже начинать новой войны и хлопоталъ только о томъ, чтобъ быть наготовѣ въ случаѣ, если, по истеченіи перемирія, сама Москва вздумаетъ напасть на Литву. Въ сентябрѣ 1538 года Сигизмундъ послалъ сказать литовской радѣ, что до истеченія перемирія съ Москвою остается только три года, и потому надобно думать, какъ быть въ случаѣ новой войны. „Что касается до начатія войны съ нашимъ непріятелемъ Московскимъ, то это дѣло важное, которое требуетъ достаточнаго размышленія. Не думаю, чтобъ жители великаго княжества Литовскаго могли одни оборонить свою Землю безъ помощи наемнаго войска. Вамъ, радѣ нашей, извѣстно, что первую войну начали мы скоро, безъ приготовленій, и хотя земскіе поборы давались, но такъ какъ заранѣе казна не была снабжена деньгами, то къ чему, наконецъ, привела эта война?—когда денегъ не стало, мы принуждены были мириться; какую же пользу мы отъ этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то, по истеченіи перемирія, непріятель нашъ Московскій, видя наше нерадѣніе, къ войнѣ неготовность, замки пограничные въ опущеніи, можетъ послать свое войско въ наше государство и причинить ему вредъ. Такъ, имѣя въ виду войну съ Москвою, объявляемъ вашей милости волю нашу, чтобъ въ остающіеся три года перемирныхъ на каждый годъ былъ установленъ поборъ: на первый годъ серебщизна по 15 грошей съ сохи, на второй по 12, на третій по 10: чтобъ эти деньги были собираемы и складываемы въ казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дѣло, кромѣ жалованья наемнымъ войскамъ“ [1]).

Но когда перемиріе вышло, въ мартѣ 1542 года пріѣхали въ Москву литовскіе послы, Янъ Глѣбовичъ, воевода Полоцкій, и Никодимъ Техановскій.

---

[1]) Акты Западн. Россіи, II, № 191.

Приставамъ, которые должны были провожать пословъ, данъ былъ наказъ: „Пословъ встрѣтить на рубежѣ и ночевать съ ними, не доѣзжая до Смоленска верстъ 10, а въ Смоленскѣ съ послами ни подъ какимъ видомъ не ночевать, и ѣхать съ послами мимо Смоленска бережно, чтобъ съ Смольнянами они не говорили ничего“. Смоленскъ по-прежнему сдѣлалъ безплодными всѣ толки о вѣчномъ мирѣ; по-прежнему ничѣмъ кончились толки и объ освобожденіи плѣнныхъ, котораго добивались московскіе бояре; послы требовали за плѣнныхъ Чернигова и шести другихъ городовъ; они говорили боярамъ: „Людей государю нашему наголо никакъ не отдать; знаете и сами: государь нашъ король тѣхъ людей у государя вашего взялъ саблею, а государя нашего вотчину измѣнники предали; вы хотите того и другого — и Смоленскъ вамъ, и людей вамъ же“. Бояре отвѣчали, что великій князь Василій взялъ Смоленскъ съ Божіею волею. Могли согласиться только на продолженіе перемирія еще на семь лѣтъ, причемъ возникъ споръ о границахъ; по этому дѣлу отправленъ былъ въ Литву Сукинъ, которому, между прочимъ, данъ былъ такой наказъ: „Если станутъ говорить про великаго князя, не думаетъ ли государь жениться? то отвѣчать: „Съ Божіею волею онъ уже помышляетъ принять брачный законъ; мы слышали, что государь не въ одно мѣсто послалъ искать себѣ невѣсты. И откуда къ государю нашему будетъ присылка, и будетъ его воля, то онъ хочетъ это свое дѣло дѣлать“. Что станутъ въ отвѣтъ на это говорить, то записывать, и, пріѣхавъ, сказать государю великому князю“. Но въ Литвѣ не спросили о женитьбѣ малолѣтняго Іоанна [1]).

Готовясь на всякій случай къ войнѣ съ Москвою, Сигизмундъ не переставалъ сноситься съ Крымомъ, гдѣ за него, противъ Москвы, дѣйствовалъ Семенъ Бѣльскій. Осенью 1540 года Бѣльскій писалъ королю, что онъ успѣлъ отвратить походъ Крымцевъ на Литву и взялъ съ хана клятву, что весною пойдетъ на Москву. Король благодарилъ за это своего вѣрнаго и добраго слугу, и послалъ ему сто копъ грошей, да королева отъ себя нѣкоторую сумму денегъ. Въ іюлѣ 1541 года Бѣльскій писалъ Сигизмунду: „Весною рано ханъ не могъ идти на Москву, потому что захворалъ; когда, выздоровѣвши, хотѣлъ выѣхать, пришли всѣ князья и уланы, и начали говорить, чтобъ царь не ѣздилъ на Москву, потому что тамъ собрано большое войско. Услыхавши это, я взялъ съ собою троихъ вельможъ, которые вашей милости служатъ, и просилъ царя, чтобъ ѣхалъ на непріятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая Бога на помощь, царя и войско взялъ на свою шею, не жалѣя горла своего, чтобъ только оказать услугу вашей королевской милости. А передъ выѣздомъ нашимъ пріѣхали къ намъ послы отъ великаго князя Московскаго, отъ братьевъ моихъ и отъ митрополита и отъ всей рады, и листы присяжные привезли съ немалыми подарками, прося насъ, чтобы мы не поднимали царя на Москву, а князь великій и вся Земля отдаются во всемъ въ нашу волю и опеку, пока великій князь не придетъ въ совершенныя лѣта. Но мы, помня слово свое, которое дали вашей милости, не вошли ни въ какія сношенія съ великимъ княземъ Московскимъ“. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это хвастовство на умнаго Сигиз-

---

[1]) Дѣла Польскія, № 3, стр. 1—206. Относительно спора за границы, читаемъ слѣдующее: «У Себежа вступаются Литовскіе люди въ земли и въ воды, переходили за рубежъ за рѣку, за Нечерцицу, и рыбу въ озерѣ въ Нечерцы ловятъ; а межа Себежской землѣ съ Литовскою землею по Литовскія волости: Непадовичи, Посынчи, Обичаны, Непоротовляне. Да въ Себежскую же волостку въ Мочажу, а рубежъ той волосткѣ съ Литовскою землею: отъ Нѣмецкаго рубежа отъ рѣки отъ Швеи до озера до Выдрина, а отъ Выдрина озера до Ярцева озера, да по мосточки на Мохъ, а отъ Ярцова озера въ рѣчку въ Ормицу въ Красныя Луки; а отъ Красныхъ Лукъ по конецъ Зеленскія горы, да въ озеро Нечерцо, а изъ озера внизъ рѣкою Нечерцицею до Лавъ, что на Лсстинской дорогѣ Лавы, а отъ Лавъ до пяти мостовъ къ великой дорогѣ боромъ, что отъ Полоцка идетъ ко Пскову къ рѣчкѣ къ Щелбеницѣ. Великою дорогою до Копыта, а отъ Копыта до Острова на озеро по заозерью. Да по старой рубежъ Польябецкой къ Лукому, да къ Брынищамъ къ красному пню, къ рѣчкѣ Переходницѣ внизъ рѣчкою въ богатый Ручай, да ручьемъ въ Великую рѣку». — Послы отвѣчали: «Тотъ рубежъ говорите поперекъ волостей Полоцкихъ, и многія села королевскія и церковныя Св. Спаса и дѣтей боярскихъ королевыхъ Корсаковичевъ путныя земли, и иныхъ дѣтей боярскихъ путныя земли называете Себежскою землею». Послы означили свой рубежъ Себежскимъ землямъ: «На первой рубежъ Дѣдинцомъ съ Лиденцы, почонши отъ границы Нѣмецкіе отъ трехъ Волотовокъ, которые суть межи границъ у Высцо озеро, а Сысца озера у Ситно озеро да въ Высу рѣку, а Исою рѣкою вверхъ то починаетца рубежъ тою Висою рѣкою Дѣвинцомъ съ Себежаны; а изъ Сысы рѣки въ Везовенъ ручей и Везовнемъ вверхъ, отъ Везовна въ Сухолдо, отголѣ починаетца рубежъ Мочажаномъ съ Себежаны, а изъ Суходола въ Черницо озеро, зъ Черненца озера въ Деменцо озеро изъ Деменца у Попелинцо озерко, а изъ Попелинца у Высорно озерко, а изосырны озерка мхомъ да въ Корасево озерко, а изъ Корасева въ Бѣленицу рѣку, а Бѣляница рубежъ Сталевляномъ съ Себежаны зъ Бѣляницы рѣки да въ Бѣлое озерко, зъ Белого въ Глыбочицу, зъ Глыбочицъ въ Глубокое озеро, зъ Глубокова да въ Межтокъ, а Межтокъ рубежъ Себежаномъ совдошковою землею, зъ Межтока у Колесо озеро, съ Колеса въ Горницу рѣку, а то рубежъ Овдошковой земли съ Себежаны, зъ Горницы да въ Себежо озеро, Себежъ озеро рубежъ Мхинцомъ съ Себежаны, а съ Себежа въ Черную рѣку, а Черная рѣка Мхіянцомъ съ Себежаны рубежъ отъ Черной рѣки у Житицу рѣку, а зъ Житицы великою дорогою Витовтовую, то рубежъ Испоротовичемъ съ Себежаны, да въ верховье у Переходинское, да въ Переходницу рѣку, зъ Переходницы въ Мохъ, мхомъ въ Богатый ручей, съ Богатаго ручья въ Великую рѣку внизъ по земцовъ перевозъ, то починаетца рубежъ Непоротовичамъ съ Опочаны, изъ земцова перевоза у Липу да въ слизки мостокъ, да въ Тетерью гору, да въ Онаньину гору, да въ высокій лугъ въ Дроздину рѣку, зъ Дроздины въ озеро Дрозцо, зъ Дрозца у восинницо озеро да въ Волховицо озерцо у Загоску, изъ Загоски въ бабку въ камень, отъ Бабки у Колпинцо озеро, съ Колпинца да въ Соколенскій мохъ, съ того моху и Вололю рѣку, да въ Елцо ручей, да въ Литовку рѣчку, да въ Чепелицу, да въ Чепило озеро, да въ Крикало въ селищо».

мунда. Бѣльскій узналъ, что при Дворѣ королевскомъ смѣются надъ опекуномъ великаго князя Московскаго, и писалъ опять Сигизмунду, вычисляя свои услуги, писалъ, что три раза поднималъ Ногаевъ на Москву, поднялъ Крымскаго хана и повоевалъ Московское государство, выплѣнилъ, выпалилъ, вывелъ людей, вынесъ добро, вредъ большой надѣлалъ, города побралъ, выпалилъ, выграбилъ, пушки побралъ, на двухъ мѣстахъ войско московское поразилъ, великаго князя Московскаго и его бояръ изъ Москвы выгналъ [1]).

Мы видѣли, что единовластіе Саипъ-Гирея и угрозы его поставили Московское правительство въ затруднительное положеніе. Чтобы не вести войны съ двухъ сторонъ, оно соглашалось терпѣть Сафа-Гирея въ Казани, лишь бы онъ сохранилъ прежнія подручническія отношенія къ Москвѣ. Но въ Крыму именно добивались уничтоженія этихъ отношеній, и, получивши отъ Іоанна грамоту съ изложеніемъ правъ Московскихъ государей на Казань, Саипъ задержалъ великокняжескаго гонца, отправленнаго къ Молдавскому господарю, и писалъ къ Іоанну: „Государскаго обычая не держалъ твой отецъ; ни одинъ государь того не дѣлывалъ, что онъ: нашихъ людей у себя побилъ. Послѣ, два года тому назадъ, посылалъ я въ Казань своихъ людей; твои люди на дорогѣ ихъ перехватали да къ тебѣ привели, и твоя мать велѣла ихъ побить. У меня больше ста тысячъ рати; если возьму въ твоей Землѣ по одной головѣ, то сколько твоей Землѣ убытка будетъ и сколько моей казнѣ прибытка? Вотъ я иду; ты будь готовъ; я украдкою нейду. Твою Землю возьму; а ты захочешь мнѣ зло сдѣлать—въ моей Землѣ не будешь“. Бояре опредѣлили послать въ Крымъ окольничаго Злобина съ хорошими поминками, чтобъ склонить хана къ принятію прежнихъ условій относительно Казани, т.-е. что великій князь не будетъ трогать Казани, но чтобъ Сафа-Гирей остался московскимъ подручникомъ. Узнавши объ этомъ, ханъ прислалъ въ Москву большаго посла, Дивія-Мурзу, и писалъ въ грамотѣ: „Что ты отправилъ къ намъ большаго своего посла Степана Злобина съ добрыми поминками, то помоги тебѣ Богъ, мы этого отъ тебя и ждали“. Ханъ требовалъ, чтобъ великій князь напередъ далъ клятву въ соблюденіи союза передъ Дивіемъ Мурзою, а потомъ прислалъ бы своего большаго посла взять шерть съ него, хана; миръ Москвы съ Казанью поставленъ былъ необходимымъ условіемъ союзнаго договора. Въ другой грамотѣ ханъ писалъ, кому надобно присылать поминки: „Карачей своихъ я написалъ съ братьею и дѣтьми, а кромѣ этихъ нашихъ улановъ и князей написалъ еще по человѣку отъ каждаго рода, сто двадцать четыре человѣка, которые при насъ, да Калгиныхъ пятьдесятъ человѣкъ: пятьдесятъ человѣкъ немного, вели дать имъ поминки, и Земля твоя въ покоѣ будетъ, и самому тебѣ не кручинно будетъ“.

Злобинъ взялъ у хана шертную грамоту; но когда ее привезли въ Москву, то бояре увидали, что она написана не такъ: именно въ ней было обозначено, какія поминки великій князь постоянно долженъ былъ присылать въ Крымъ, на что Московское правительство, какъ мы видѣли, никогда не хотѣло согласиться, ибо это было бы все равно, что обязаться данью. Для окончательнаго рѣшенія дѣла, въ Москву былъ присланъ большой посолъ Сулешъ-Мурза, сынъ Магмедина, племянникъ Аппака, родовой доброжелатель московскій. Сулешъ согласился, чтобъ грамота была переписана въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣли ее бояре, и отправлена къ хану съ требованіемъ новой шерти. Ханъ въ отвѣтъ прислалъ грамоту съ *непригожими* словами,—писалъ, что великій князь молодъ, въ несовершенномъ разумѣ; вслѣдствіе этого, когда Сулешъ сталъ проситься домой, то бояре велѣли отвѣчать ему: „Положи на своемъ разумѣ, съ чѣмъ тебя государю отпустить: царь такія непригожія рѣчи къ государю писалъ въ своей грамотѣ; и государю что къ царю приказать, бить ли челомъ или браниться? Государь нашъ хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и въ братствѣ, но поневолѣ за такія слова будетъ воевать“. Ханъ не довольствовался однѣми непригожими рѣчами: Крымцы опустошили Каширскія и Ростовскія мѣста [2]). Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то у Сулеша взяли лошадей и приставили къ нему стражу, а гонца ханскаго Егупа съ товарищами роздали по гостямъ; но когда языки, взятые у Татаръ, объявили, что ханъ нарочно посылалъ рать, чтобъ великій князь положилъ опалу на Сулеша, на котораго Саипъ сердился за согласіе переписать шертную грамоту съ выпускомъ статьи о поминкахъ, то великій князь приговорилъ съ боярами пожаловать Сулеша, тѣмъ болѣе что онъ былъ сынъ и племянникъ всегдашнихъ московскихъ доброжелателей.

Между тѣмъ Казанцы, надѣясь на защиту Крыма, начали опустошать пограничныя области Московскія. Въ 1539 году они подходили къ Мурому и Костромѣ; въ упорномъ бою, происходившемъ ниже Костромы, убили четверыхъ московскихъ воеводъ, но сами принуждены были бѣжать и потерпѣли пораженіе отъ царя Шигъ-Алея и князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго. Въ декабрѣ 1540, Сафа-Гирей съ Казанцами, Крымцами и Ногаями подступилъ къ Мурому; но, узнавъ о движеніи владимірскихъ воеводъ и царя Шигъ-Алея изъ Касимова, ушелъ назадъ. Сафа-Гирей былъ обязанъ Казанскимъ престоломъ князю Булату; но существовала сторона, противная Крымской, какъ мы видѣли. Сначала эта сторона была слаба и не могла надѣяться на дѣятельныя движенія со стороны Москвы; но черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства перемѣнились: Сафа-Гирей окружилъ себя Крымцами, имъ однимъ довѣрялъ, ихъ обогащалъ.

---

[1]) Акты Западн. Россіи II, № 206, 207, 211, 213.

[2]) Т.-е. Растовецкія. О Растовцѣ въ Исторіи Россіи т. I, стр. 1122, примѣч. 7.

Это оттолкнуло отъ него и тѣхъ вельможъ, которые прежде были на сторонѣ Крымской; Булатъ теперь сталъ въ челѣ недовольныхъ, и, отъ имени всей Казанской Земли, прислалъ въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь простилъ ихъ и прислалъ подъ Казань воеводъ своихъ: „А мы великому князю послужимъ, царя убьемъ или схватимъ, да выдадимъ воеводамъ; отъ царя теперь казанскимъ людямъ очень тяжко: у многихъ князей ясаки отнималъ, да Крымцамъ отдалъ, земскихъ людей грабитъ, копитъ казну да въ Крымъ посылаетъ" (1541 г.).

Великій князь отвѣчалъ Булату и всей Землѣ, что прощаетъ ихъ и посылаетъ къ нимъ воеводъ. Дѣйствительно, бывшій передъ тѣмъ правитель, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, съ другими воеводами и многими людьми, дворцовыми и городовыми изъ 17 городовъ, отправился во Владиміръ съ порученіемъ наблюдать за ходомъ дѣлъ казанскихъ, пересылаться съ недовольными. Зная, что война съ Казанью, съ Сафа-Гиреемъ есть вмѣстѣ и война съ Крымомъ, правительство, т.-е. князь Иванъ Бѣльскій и митрополитъ Іоасафъ, отправили войска и въ Коломну для наблюденія за южными границами. Ихъ предусмотрительность оправдалась: прибѣжали въ Москву изъ Крыма двое плѣнныхъ и сказали, что Сафа-Гирей свѣдалъ о движеніи русскаго войска и далъ знать объ этомъ Саипъ-Гирею. Послѣдній началъ наряжаться на Русь, повелъ съ собою всю Орду, оставилъ въ Крыму только стараго да малаго. Съ нимъ вмѣстѣ шелъ князь Семенъ Бѣльскій, Турецкаго султана люди съ пушками и пищалями, Ногаи, Кафинцы, Астраханцы, Азовцы, Бѣлогородцы (Акерманцы). Пошелъ ханъ на Русь съ великою похвальбою. По этимъ вѣстямъ отправленъ былъ приказъ Путивльскому намѣстнику, чтобъ выслалъ станицу на поле, поперекъ дороги. Станичникъ ѣздилъ и объявилъ, что наѣхалъ на полѣ сакмы (слѣды) великія, шли многіе люди къ Руси, тысячъ со сто и больше. Тогда двинулся изъ Москвы бояринъ князь Димитрій Өедоровичъ Бѣльскій; ему и воеводамъ, стоявшимъ на Коломнѣ, велѣно стать на берегу Оки, тамъ, гдѣ и прежде становились воеводы противъ хановъ. Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ-Голицынъ съ однимъ изъ татарскихъ царевичей долженъ былъ стать на Пахрѣ. Но боялись въ то же время нападенія царя Казанскаго, и потому царю Шигъ-Алею изъ Касимова и костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. Въ іюлѣ пріѣхалъ съ поля станичникъ и сказалъ великому князю, что видѣлъ на этой сторонѣ Дона много людей: шли весь день полки, и конца имъ не дождался. 28 іюля Саипъ-Гирей подошелъ къ городу Осетру; воевода Глѣбовъ бился съ непріятелемъ въ посадахъ, много Татаръ побилъ и девять человѣкъ живыхъ прислалъ въ Москву. Тогда князь Булгаковъ съ Пахры былъ передвинутъ на Оку же, а на его мѣсто отправились другіе воеводы. Между тѣмъ въ Москвѣ великій князь съ братомъ ходилъ въ Успенскій соборъ, молился у образа Владимірской Богородицы, у гроба Петра Чудотворца, и потомъ спрашивалъ у митрополита Іоасафа и у бояръ, оставаться ли ему въ Москвѣ, или ѣхать въ другіе города. Одни бояре говорили, что прежде, когда цари подъ городомъ Москвою стаивали, тогда государи наши были не малыя дѣти, истому великую могли поднять и о себѣ промыслить, и Землѣ пособлять; а когда Едигей приходилъ и подъ Москвою стоялъ, то князь великій Василій Димитріевичъ въ городѣ оставилъ князя Владиміра Андреевича, да двоихъ родныхъ братьевъ своихъ, а самъ уѣхалъ въ Кострому; Едигей послалъ за нимъ въ погоню, и едва великаго князя Богъ помиловалъ, что въ руки Татарамъ не попалъ. А нынче государь малъ, братъ его еще меньше, скорой ѣзды и истомы никакой не могутъ поднять, а съ малыми дѣтьми какъ скоро ѣздить? Митрополитъ говорилъ: „Въ которые города государи отступали въ прежніе приходы татарскіе, тѣ города теперь не мирны съ Казанью; въ Новгородъ и Псковъ государи не отступали никогда по близости рубежей литовскаго и нѣмецкаго; а чудотворцевъ и Москву на кого оставить?—великіе князья съ Москвы съѣзжали, а въ городѣ, для обороны, братьевъ своихъ оставляли; князь великій Димитрій съ Москвы съѣхалъ, брата своего и крѣпкихъ воеводъ не оставилъ,—и надъ Москвою что осталось? Господи, защити и помилуй отъ такой бѣды! А съѣзжали великіе князья съ Москвы для того, чтобъ, собравшись съ людьми, Москвѣ пособлять и инымъ городамъ. А теперь у великаго князя много людей, есть кому его дѣло беречь и Москвѣ пособлять. Поручить лучше великаго князя Богу, Пречистой Его Матери и чудотворцамъ Петру и Алексѣю: они о Русской Землѣ и о нашихъ государяхъ попеченіе имѣютъ. Князь великій Василій этимъ чудотворцамъ сына своего и на руки отдалъ". Всѣ бояре сошли на одну рѣчь, что быть великому князю въ городѣ. Тогда призвали приказчиковъ городскихъ, велѣли запасы городскіе запасать, пушки и пищали по мѣстамъ ставить, по воротамъ, по стрѣльницамъ и по стѣнамъ людей расписать, и у посада по улицамъ надолбы дѣлать. Городскіе люди начали усердно работать и обѣщали другъ другу за великаго князя и за свои домы крѣпко стоять и головы свои класть. Пришли вѣсти, что ханъ уже на берегу Оки и хочетъ перевозиться. Великій князь писалъ къ воеводамъ, чтобы между ними розни не было, и когда царь переправится за рѣку, чтобъ за Святыя церкви и за православное христіанство крѣпко пострадали, съ царемъ дѣло дѣлали, а онъ, великій князь, радъ жаловать не только ихъ, но и дѣтей ихъ; котораго же Богъ возьметъ, того велитъ въ помянникъ записать, а женъ и дѣтей будетъ жаловать. Воеводы, прочтя грамоту, стали говорить со слезами: „Укрѣпимся, братья, любовію, помянемъ жалованіе великаго князя Василія; государю нашему великому князю Ивану еще не пришло время самому вооружиться, еще малъ.

Послужимъ государю малому, и отъ большого честь примемъ, а послѣ насъ и дѣти наши; постраждемъ за государя и за вѣру христіанскую; если Богъ желаніе наше исполнитъ, то мы не только здѣсь, но и въ дальнихъ странахъ славу получимъ. Смертные мы люди: кому случится за вѣру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будетъ, а дѣтямъ нашимъ отъ государя воздаяніе будетъ". У которыхъ воеводъ между собою были распри, и тѣ начали со смиреніемъ и со слезами другъ у друга прощенія просить. Когда же князь Димитрій Бѣльскій и другіе воеводы стали говорить приказъ великокняжескій всему войску, то ратные люди отвѣчали: „Рады государю служить и за христіанство головы положить, хотимъ съ Татарами смертную чашу пить".

30 іюля утромъ пришелъ Саипъ-Гирей къ Окѣ на берегъ и сталъ на горѣ; Татары готовились переправляться; передовой русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Турунтая-Пронскаго, началъ съ нимъ перестрѣлку. Ханъ велѣлъ палить изъ пушекъ и стрѣлять изъ пищалей, чтобъ отбить Русскихъ отъ берега и дать своимъ возможность переправиться; передовой полкъ Пронскаго дрогнулъ-было, но къ нему на помощь подоспѣли князья Микулинскій и Серебряный-Оболенскій, а за ними начали показываться князь Курбскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и, наконецъ, князь Димитрій Бѣльскій. Ханъ удивился, призвалъ князя Семена Бѣльскаго, своихъ князей и началъ имъ говорить съ сердцемъ: „Вы мнѣ говорили, что великаго князя люди въ Казань пошли, что мнѣ и встрѣчи не будетъ, а я столько нарядныхъ людей въ одномъ мѣстѣ никогда и не видывалъ". Саипъ удалился въ свой станъ и былъ въ большомъ раздумьи; но когда услыхалъ, что къ Русскимъ пришли пушки, то ужь не сталъ болѣе раздумывать, отступилъ отъ берега и пошелъ по той же дорогѣ, по какой пришелъ; двое воеводъ, князья Микулинскій и Серебряный, отправились вслѣдъ за нимъ, били отсталыхъ Татаръ, брали въ плѣнъ. Плѣнные разсказывали, будто царь жаловался своимъ князьямъ на безчестіе, какое онъ получилъ, привелъ съ собою много людей, а Русской Землѣ ничего не сдѣлалъ. Князья напомнили ему о Тамерланѣ, что приходилъ на Русь съ большими силами и взялъ только одинъ Елецъ; царь сказалъ на это „Есть у великаго князя городъ на полѣ, именемъ Пронскъ, близко нашего пути: возьмемъ его и сдѣлаемъ съ нимъ то же, что Тамерланъ сдѣлалъ съ Ельцомъ: пусть не говорятъ, что царь приходилъ на Русь и ничего ей не сдѣлалъ". 3 августа пришли Татары подъ Пронскъ, гдѣ воеводами были Василій Жулебинъ, изъ рода Свибловыхъ, да Александръ Кобяковъ, изъ рязанскихъ бояръ. Цѣлый день бились Татары съ осажденными; князья и мурзы подъѣзжали къ городу, говорили Жулебину: „Сдай городъ: царь покажетъ милость; а не взявши города, царю прочь нейти". Жулебинъ отвѣчалъ: „Божіемъ велѣніемъ городъ ставится, а безъ Божія велѣнія кто можетъ его взять? Пусть царь немного подождетъ великаго князя воеводъ, они за нимъ идутъ". Царь велѣлъ всѣмъ своимъ людямъ туры дѣлать и градобитные приступы припасать, хотѣлъ со всѣхъ сторонъ приступать къ городу; а воеводы Пронскіе всѣми людьми и женскимъ поломъ начали городъ крѣпить, велѣли носить на стѣны колья, камни, воду. Въ это время пріѣхали въ Пронскъ семь человѣкъ дѣтей боярскихъ отъ воеводъ Микулинскаго и Серебрянаго, съ вѣстью, „чтобъ сидѣли въ городѣ крѣпко, и мы идемъ къ городу наспѣхъ со многими людьми и хотимъ съ царемъ дѣло дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ". Жители Пронска сильно обрадовались; а ханъ, узнавъ отъ плѣнника объ этой радости, велѣлъ сжечь туры и пошелъ прочь отъ города. Воеводы, не заставши его у Пронска, пошли за нимъ дальше къ Дону, но, приблизившись къ берегамъ этой рѣки, увидали, что Татары уже перевезлись. Тогда, отпустивъ за царемъ небольшой отрядъ, воеводы возвратились въ Москву: и была здѣсь радость большая; государь бояръ и воеводъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, шубами и кубками.

Весною слѣдующаго же 1542 года старшій сынъ Саиповъ, Иминъ-Гирей, напалъ на Сѣверскую область, но былъ разбитъ воеводами; въ августѣ того же года Крымцы явились въ Рязанской области: но, увидавъ предъ собою русскіе полки подъ начальствомъ князя Петра Пронскаго, дрогнули, пошли назадъ; воеводы изъ разныхъ украинскихъ городовъ провожали ихъ до Мечи, причемъ на Куликовомъ полѣ русскіе сторожа побили татарскихъ. Счастливѣе былъ Иминъ-Гирей въ нападеніи своемъ на Бѣлевскія и Одоевскія мѣста въ декабрѣ 1544 г.: тутъ его Татары ушли съ большимъ полономъ, потому что трое воеводъ, князья Щенятевъ, Шкурлятевъ и Воротынскій, разсорились за мѣста и не пошли противъ Крымцевъ. Ханъ писалъ великому князю: „Король даетъ мнѣ по 15,000 золотыхъ ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться—и то въ твоихъ же рукахъ; до сихъ поръ былъ ты молодъ, а теперь уже въ разумъ вошелъ, можешь разсудить, что тебѣ прибыльнѣе и что убыточнѣе." Іоаннъ разсудилъ, что нѣтъ никакой прибыли продолжать сношенія съ разбойниками, и приговорилъ — своего посла въ Крымъ не посылать, а на крымскихъ пословъ опалу положить, потому что Крымскій царь посланнаго къ нему подьячаго Ляпуна опозорилъ: носъ и уши ему зашивали, и, обнажа, по базару водили, на гонцахъ тридевять поминковъ берутъ и теперь московскихъ людей 55 человѣкъ себѣ полонили [1]).

Нечего было надѣяться на какой нибудь успѣхъ въ переговорахъ съ Крымомъ и потому, что съ Казанью надобно было покончить во что бы то ни стало. Послѣ неудачнаго похода Саипъ-Гиреева, въ Казани хотѣли мира. Здѣсь Булатъ помирился съ Сафа-Гиреемъ и писалъ къ боярамъ, чтобъ просили

[1]) Крымскія дѣла № 8, съ стр. 530; № 9-й весь

великаго князя о мирѣ; царевна Горшадна писала о томъ же самому Іоанну. Но эта присылка не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій, и мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о казанскихъ дѣлахъ до весны 1545 года; внутреннее состояніе Московскаго государства, сверженіе Бѣльскаго, правленіе Шуйскихъ, колебанія новаго правительства послѣ казни Андрея Шуйскаго могутъ объяснить намъ это молчаніе. Первымъ важнымъ дѣломъ Іоаннова правленія съ того времени, какъ бояре начали страхъ имѣть передъ молодымъ великимъ княземъ, былъ походъ на Казань, объявленный въ апрѣлѣ 1545 года, не извѣстно по какому поводу. Князь Семенъ Пунковъ, Иванъ Шереметевъ и князь Давидъ Палецкій отправились къ Казани легкимъ дѣломъ на стругахъ; съ Вятки пошелъ князь Василій Серебряный; изъ Перми воевода Львовъ. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побилъ много непріятелей и сошелся съ Пунковымъ у Казани въ одинъ день и часъ, какъ будто пошли изъ одного двора. Сошедшись, воеводы побили много Казанцевъ и пожгли ханскіе кабаки; посылали дѣтей боярскихъ на Свіягу, и тамъ побили много людей. Послѣ этихъ незначительныхъ подвиговъ они возвратились назадъ и были щедро награждены: кто изъ воеводъ и дѣтей боярскихъ ни билъ о чемъ челомъ, всѣ получили по челобитью,— такъ обрадовался молодой великій князь, что дѣло началось удачно, два ополченія возвратились благополучно. Не такова была судьба третьяго: Львовъ съ Пермичами пришелъ поздно, не засталъ подъ Казанью русскаго войска, былъ окруженъ Казанцами, разбитъ и убитъ. Но походъ, совершенный съ такимъ сомнительнымъ успѣхомъ, имѣлъ однако благопріятныя послѣдствія,—усилилъ внутреннее безнарядье въ Казани, борьбу сторонъ: ханъ началъ подозрѣвать князей. „Вы", говорилъ онъ: „приводили воеводъ Московскихъ", и сталъ убивать князей. Тогда многіе изъ нихъ поѣхали въ Москву къ великому князю, а другіе разъѣхались по инымъ землямъ, и 29 іюля двое вельможъ, Кадышъ князь да Чура Нарыковъ, прислали въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь послалъ рать свою къ Казани, а они Сафа-Гирея и его Крымцевъ 30 человѣкъ выдадутъ. Іоаннъ отвѣчалъ имъ, чтобъ они царя схватили и держали, а онъ къ нимъ рать свою пошлетъ. Въ декабрѣ великій князь самъ отправился во Владиміръ, вѣроятно для того, чтобъ получать скорѣе вѣсти изъ Казани; дѣйствительно, 17 января 1546 года дали ему знать, что Сафа-Гирей выгнанъ изъ Казани и много Крымцевъ его побито. Казанцы били челомъ государю, чтобъ ихъ пожаловалъ, гнѣвъ свой отложилъ и далъ имъ въ цари Шигъ-Алея. Въ іюнѣ бояринъ князь Димитрій Бѣльскій посадилъ Шигъ-Алея въ Казани. Но изгнаніе Сафа-Гирея и посаженіе Шигъ-Алея было дѣломъ только одной стороны, и едва князь Бѣльскій успѣлъ возвратиться изъ Казани, какъ оттуда пришла вѣсть, что Казанцы привели Сафа-Гирея на Каму, великому князю и царю Шигъ-Алею измѣнили, и Шигъ-Алей убѣжалъ изъ Казани; на Волгѣ взялъ онъ лошадей у городецкихъ Татаръ и поѣхалъ степью, гдѣ встрѣтился съ русскими людьми, высланными къ нему великимъ княземъ.

Крымская сторона восторжествовала, и первымъ дѣломъ Сафа-Гирея было убіеніе предводителей стороны противной: убиты были князья — Чура, Кадышъ и другіе; братья Чуры и еще человѣкъ семьдесятъ московскихъ или Шигъ-Алеевыхъ доброжелателей успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, прислала Горная Черемиса бить челомъ великому князю, чтобъ послалъ рать на Казань, а они хотятъ служить государю, пойдутъ вмѣстѣ съ воеводами. Вслѣдствіе этого челобитья, отправился князь Александръ Борисовичъ Горбатый и воевалъ до Свіяжскаго устья, привелъ въ Москву сто человѣкъ Черемисы. Въ концѣ 1547 года новый царь Московскій рѣшился самъ выступить въ походъ противъ Казани: въ декабрѣ онъ выѣхалъ во Владиміръ, приказавши везти туда за собою пушки; онѣ были отправлены уже въ началѣ января 1548 года съ большимъ трудомъ, потому что зима была теплая, вмѣсто снѣга шелъ все дождь. Когда въ февралѣ самъ Іоаннъ выступилъ изъ Нижняго и остановился на островѣ Роботкѣ, то наступила сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водою, много пушекъ и пищалей провалилось въ рѣку, много людей потонуло въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Три дня стоялъ царь на островѣ Роботкѣ, ожидая пути; но пути не было; тогда, отпустивши къ Казани князя Димитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и приказавши ему соединиться съ Шигъ - Алеемъ въ устьи Цивильскомъ, Іоаннъ возвратился въ Москву въ большихъ слезахъ, что не сподобилъ его Богъ совершить похода. Эти слезы замѣчательны: онѣ не были слѣдствіемъ только семнадцатилѣтняго возраста,—онѣ были слѣдствіемъ природы Іоанна, раздражительной, страстной, впечатлительной. Бѣльскій соединился съ Шигъ-Алеемъ и вмѣстѣ подошли къ Казани: на Арскомъ полѣ встрѣтилъ ихъ Сафа-Гирей, но былъ втоптанъ въ городъ передовымъ полкомъ, находившимся подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго. Семь дней послѣ того стояли воеводы подлѣ Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявши изъ знатныхъ людей убитымъ Григорія Васильевича Шереметева. Осенью Казанцы напали на Галицкую волость, подъ начальствомъ Арака-Богатыря, но Костромской намѣстникъ Яковлевъ поразилъ ихъ на-голову и убилъ Арака. Въ мартѣ 1549 года пришла вѣсть въ Москву о смерти Сафа-Гирея.

Медленность Московскаго правительства въ войнѣ съ Казанью, во время малолѣтства Іоаннова, медленность, происходившая главнымъ образомъ отъ страха передъ ханомъ Крымскимъ, дорого стоила пограничнымъ областямъ, сильно опустошеннымъ Казанцами. Не менѣе, по свидѣтельству со-

временниковъ, были опустошены и внутреннія области государства въ боярское правленіе [1]). Изъ словъ царя, сказанныхъ на Лобномъ мѣстѣ, можемъ заключить вообще о состояніи правосудія въ Московскомъ государствѣ; лѣтописецъ Псковскій сообщаетъ намъ подробности воеводскихъ насилій въ его родномъ городѣ. Въ правленіе Елены Псковичи были обрадованы выводомъ отъ нихъ дьяка Колтыря Ракова, установившаго многія новыя пошлины. Но радость ихъ была непродолжительна; въ первое правленіе Шуйскихъ намѣстниками въ Псковъ были отправлены извѣстный уже намъ князь Андрей Михайловичъ Шуйскій и князь Василій Ивановичъ Репнинъ-Оболенскій; были эти намѣстники, говоритъ лѣтописецъ, свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе до христіанъ, и начали поклепцы добрыхъ людей клепать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй; дѣла его злы на пригородахъ; на волостяхъ, поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублей и больше, а во Псковѣ мастеровые люди всѣ дѣлали на него даромъ, большіе же люди давали ему подарки. Любопытно, что игумены, по словамъ лѣтописца, бѣжали въ Новгородъ, значитъ—тамъ было лучше; вспомнимъ, что Новгородцы всѣмъ городомъ стояли за Шуйскихъ.

Смѣна Шуйскихъ Бѣльскимъ и митрополитомъ Іоасафомъ повлекла за собою перемѣну въ Псковѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ, терпѣвшихъ при прежнемъ правленіи. Смѣна верховнаго правителя необходимо вела за собою смѣну его родственниковъ и пріятелей въ областяхъ; жалобамъ на нихъ давалась вѣра. Мы видѣли, какъ могущественна была сторона Шуйскихъ, сколько знатныхъ родовъ входило въ нее, какъ живуча была она, даже лишенная главъ своихъ; но мы не можемъ сказать этого о сторонѣ Бѣльскихъ, и потому естественно было князю Ивану и митрополиту Іоасафу стараться пріобрѣсти народное расположеніе перемѣнами къ лучшему, опираться на это расположеніе въ борьбѣ съ могущественными соперниками; притомъ, если мы изъ предыдущихъ поступковъ Бѣльскаго не можемъ вывести выгоднаго заключенія о его благонамѣренности, то не должно забывать, что рядомъ съ нимъ въ челѣ управленія стоялъ митрополитъ Іоасафъ, котораго и видимъ печальникомъ за опальныхъ. Какъ бы то ни было, въ правленіе Бѣльскаго и Іоасафа начали давать грамоты всѣмъ городамъ большимъ, пригородамъ и волостямъ; по этимъ грамотамъ жители получали право сами обыскивать лихихъ людей, по крестному цѣлованію, и казнить ихъ смертною казнію, не водя къ намѣстникамъ и къ ихъ тіунамъ. Псковичи взяли такую грамоту, и начали псковскіе цѣловальники и сотскіе судить лихихъ людей на княжомъ дворѣ, въ судьницѣ надъ Великою рѣкою, и смертною казнію ихъ казнить. Князь Андрей Шуйскій сведенъ былъ въ Москву, остался одинъ князь Репнинъ-Оболенскій, и была ему, говоритъ лѣтописецъ, нелюбка большая на Псковичей, что у нихъ, какъ зерцало, государева грамота. И была христіанамъ радость и льгота большая отъ лихихъ людей, отъ поклепцовъ, отъ намѣстниковъ, отъ ихъ недѣльщиковъ и ѣздоковъ, которые по волостямъ ѣздятъ, и начали Псковичи за государя Бога молить. Злые люди разбѣжались, стала тишина, но ненадолго: опять намѣстники взяли силу.—Значитъ, съ паденіемъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа приверженцы Шуйскихъ повторили прежнее поведеніе въ областяхъ. Есть извѣстіе, что князь Андрей Шуйскій разорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну, продавать ему свои отчины; крестьянъ разорялъ требованіемъ большаго числа подводъ для своихъ людей, ѣздящихъ къ нему изъ его деревень и обратно; каждый его слуга, каждый крестьянинъ, подъ защитою имени своего господина, позволялъ себѣ всякаго рода насилія. Насилія намѣстниковъ во Псковѣ питались и усиливались враждою между большими и меньшими людьми. Мы видѣли, какъ сильна была эта вражда и въ Новгородѣ во время его прежняго быта; но во Псковѣ въ описываемое время вражда эта имѣла еще другое основаніе: старые лучшіе люди, Псковичи, были выведены при великомъ князѣ Василіи и замѣнены Москвичами; слѣдовательно, къ враждѣ сословной присоединялась теперь вражда туземцевъ, меньшихъ гражданъ, къ пришельцамъ незваннымъ. Подъ 1544 годомъ лѣтописецъ говоритъ: вражда была большая во Псковѣ большимъ людямъ съ меньшими, поѣздки частыя въ Москву и трата денегъ большая. Въ концѣ 1546 года, въ одну изъ любимыхъ поѣздокъ своихъ по монастырямъ, Іоаннъ заѣхалъ на короткое время во Псковъ: Печерскому монастырю далъ много деревень, но свою отчину, Псковъ, не управилъ ни въ чемъ, говоритъ лѣтописецъ, только все гонялъ на ямскихъ, и христіанамъ много убытка причинилъ. Лѣтомъ 1547 года 70 человѣкъ Псковичей поѣхали въ Москву жаловаться на намѣстника; поступокъ съ ними молодаго царя показываетъ привычку Іоанна давать волю своему сердцу: жалобщики нашли Іоанна въ селѣ Островкѣ; неизвѣстно, чѣмъ они разсердили его, только онъ началъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палилъ бороды, зажигалъ волосы свѣчею, и велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю; дѣло могло кончиться для нихъ очень дурно, какъ вдругъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ упалъ большой колоколъ; царь поѣхалъ тотчасъ въ Москву,—и жалобщики остались цѣлы [2]).

---

[1]) Курбскій, стр. 8. «Горше всѣхъ отъ царя Козанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадесять миль до московскаго мѣста. А внутрь человѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество».—П. С. Р. Л. IV, 302.

[2]) П. С. Р. Л. IV, стр. 299–307, Щербатова Истор. Росс. V, 181.

Но если мы, принявъ свидѣтельство Псковскаго лѣтописца, что въ правленіе князя Бѣльскаго Пскову было больше облегченія отъ насилій намѣстниковъ, распространимъ это извѣстіе и на другія области; если положимъ, что и вездѣ злоупотребленія уменьшились,—то мы не должны однако думать, что губныя грамоты, о которыхъ говоритъ Псковскій лѣтописецъ и которымъ онъ приписываетъ такую силу, начали даваться только въ правленіе Бѣльскаго: до насъ дошло нѣсколько губныхъ грамотъ отъ времени перваго правленія князей Шуйскихъ; такъ, въ октябрѣ 1539 года, даны были губныя грамоты Бѣлозерцамъ и Каргопольцамъ [1]): „Князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикамъ, и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьянамъ, моимъ, великаго князя, митрополичьимъ, владычнимъ, княжимъ, боярскимъ, помѣщиковымъ, монастырскимъ, чернымъ, псарямъ, осочникамъ, перевѣстникамъ, бортникамъ, рыболовамъ, бобровникамъ, оброчникамъ и всѣмъ безъ исключенія. Били вы намъ челомъ, что у васъ въ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣніе ваше грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ много людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти. А иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники съ разбоемъ пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ. Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ; но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ большіе вамъ убытки, и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая, а сами разбойниковъ обыскивать и ловить, безъ нашего вѣдома, не смѣете. Такъ вы бы, между собою свѣстясь, всѣ вмѣстѣ, поставили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые годятся, да съ ними старостъ да десятскихъ и лучшихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть, и между собою, въ станахъ и волостяхъ, лихихъ людей разбойниковъ сами обыскивали бы, по нашему крестному цѣлованію, въ правду безъ хитрости. Гдѣ сыщете разбойниковъ или тѣхъ, кто ихъ у себя держитъ и разбойную рухлядь принимаетъ, то вы такихъ людей пытайте накрѣпко; а допытавшись и бивши кнутомъ, казните смертію. Я положилъ это на вашихъ душахъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостей продажи вамъ нѣтъ. Если разбойникъ съ пытки объявитъ о своихъ товарищахъ въ другихъ городахъ, то вы объ нихъ пишите грамоты въ тѣ города къ дѣтямъ боярскимъ, которые тамъ поставлены въ головахъ для этихъ дѣлъ, и обсылались бы между собою немедленно. Кого поймаете въ разбоѣ, доведете, казните, кто разбойниковъ поймалъ, въ какихъ дѣлахъ уличены—все это пишите на списокъ подлинно, а которые изъ васъ грамотѣ умѣютъ, тѣ прикладывали бы къ спискамъ руки. По недружбѣ другъ другу не мстите, безъ вины не берите и не казните никого, но обыскивайте накрѣпко. А не станете разбойниковъ обыскивать и брать, или не станете за разбойниками ѣздить, хватать ихъ и казнить, или станете разбойниковъ отпускать и имъ потакать, то я велю на васъ на всѣхъ взыскивать по жалобамъ тѣхъ людей, кого въ вашихъ волостяхъ разобьютъ, безъ суда, вдвое, а самимъ вамъ отъ меня быть въ казни и въ продажѣ. А которыхъ разбойниковъ вѣдомыхъ поймаете и, обыскавъ, казните, тѣхъ имѣнія и подворья отдавайте людямъ, которыхъ поставите у себя въ головахъ, они же пусть отдаютъ тѣмъ людямъ, которыхъ казненные разбойники разбивали, смотря по ихъ искамъ; сколько у какого разбойника возьмете и раздадите истцамъ, записывайте все на списки; а что послѣ этой раздачи останется, перепишите и положите гдѣ пригоже, и отпишите объ этомъ въ Москву, къ нашимъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны“.

Въ правленіе Бѣльскаго дана была губная грамота Галичанамъ въ такой формѣ: „Поставьте между собою у десяти дворовъ десятскаго, у пятидесяти—пятидесятскаго, у ста—сотскаго; и въ которые дворы какіе люди съ чѣмъ-нибудь пріѣдутъ, покупать ли соль, или проѣзжіе люди, объявляйте этихъ людей десятскимъ, тѣ пусть объявляютъ ихъ пятидесятскимъ, а пятидесятскіе—сотскимъ, сотскіе съ пятидесятскими и десятскими пусть этихъ людей осматриваютъ и записываютъ. Остановятся на дворахъ люди проѣзжіе незнакомые, и станутъ сказываться не по именамъ и непутно, такихъ людей брать и приводить къ городовымъ приказчикамъ, и съ городовыми приказчиками обыскивать вправду, безъ хитрости, какіе они люди. Обыщете, что они люди добрые, то перепишите ихъ и отпустите безъ задержки. Если же окажутся лихіе люди, то пытайте ихъ накрѣпко съ городовыми приказчиками, а у пытки пусть стоитъ дворскій, да цѣловальники, да лучшіе люди; а что будутъ говорить съ пытки, тѣ рѣчи пусть записываетъ дьякъ земскій, а вы прикладывайте къ нимъ руки: уличеннаго разбойника, бивъ кнутомъ по всѣмъ торгамъ, казните смертію“. Въ такой же формѣ въ 1541 году даны были губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго-Сергіева монастыря, по просьбѣ игумена Алексія: крестьяне должны были поставить себѣ приказчика въ головахъ и выбрать сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ. Въ 1549 г. данъ былъ губной наказъ селамъ Кириллова монастыря: „Я, царь и великій князь, по ихъ челобитью пожаловалъ, велѣлъ у нихъ быть въ расбойныхъ дѣлахъ *въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ*, дѣтямъ боярскимъ (имена), да съ ними цѣловальникамъ, тѣхъ же селъ крестьянамъ (имена)“. Здѣсь противъ прежнихъ грамотъ встрѣчаются уже подробности управы: „Поймаютъ

[1]) Акты арх. эксп. I, № 187; Дополн. къ акт. историч. I, № 31.

татя въ первой татьбѣ, то доправить на немъ истцевы иски, а въ продажѣ онъ намѣстнику, и волостелямъ, и ихъ тіунамъ; какъ скоро намѣстники, волостели и ихъ тіуны продажу свою на татѣ возьмутъ, то вы, старосты губные, велите его бить кнутомъ и потомъ выбить изъ земли вонъ. За второе воровство бить кнутомъ, отсѣкать руку и выбивать вонъ изъ земли; за третье воровство вѣшать. Дѣла небольшія выборнымъ головамъ можно рѣшать и не всѣмъ вмѣстѣ; но для большихъ они должны съѣзжаться изъ всѣхъ становъ и волостей въ городъ на Бѣлоозеро, и чего не смогутъ управить, пусть пишутъ къ боярамъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла. Въ суды намѣстничьи губные старосты не должны вступаться, а намѣстники въ суды губныхъ старостъ. Посуловъ и поминковъ старостамъ губнымъ и цѣловальникамъ въ разбойныхъ и воровскихъ дѣлахъ не брать ни подъ какимъ видомъ, и другъ за другомъ смотрѣть, чтобъ не брали [1]).

Еще въ правленіе Елены мы встрѣтили упоминовеніе о дѣтяхъ боярскихъ, которыя живутъ въ думѣ. Во время боярскаго правленія встрѣчаемъ такое же извѣстіе съ любопытнымъ дополненіемъ; при описаніи пріема литовскихъ пословъ, Глѣбовича и Техановскаго, говорится: „Стояли у великаго князя для береженья, на правой сторонѣ бояринъ князь М. И. Кубенскій, а на лѣвой окольничій И. С. Воронцовъ. А сидѣли у великаго князя на правой сторонѣ бояринъ князь Димитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій и иные бояре, а на лѣвой сторонѣ бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій и иные бояре. Да въ избѣ же были князья и дѣти боярскія, которыя въ думѣ живутъ и которыя въ думѣ не живутъ. А вотъ князья и дѣти боярскія, которыя въ думѣ не живутъ, а при послахъ въ избѣ были: князи Одоевскій, Трубецкой, Воротынскій, Оболенскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Суздальскіе, Стародубскіе, *Москва* (Ласкиревъ, Морозовъ, Шеины), *Переяславль* (кн. Куракинъ, Бутурлинъ и др.), *Юрьевъ*, *Волокъ* (кн. Хованскіе), *Можайскъ* (кн. Ногтевъ), *Вязма* (Годуновъ), *дворъ Тверской* (кн. Микулинскіе и др.), *Калуга*, *Дмитровъ* (кн. Охлябининъ), *Старица* (Умный Колычевъ), *Ловчіе* (Нагой, Дятловъ)“ [2]).

Безнарядье, послѣдовавшее за смертію великой княгини Елены, заставило бѣжать изъ Москвы извѣстнаго архитектора, italянца Петра (Петра Фрязина), который выѣхалъ изъ Рима при великомъ князѣ Василіи, принялъ православіе, женился въ Москвѣ, получилъ помѣстья. Въ 1539 году, будучи посланъ укрѣплять новый городъ Себежъ, Петръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ пробраться за границу, въ Ливонію. На вопросъ Дерптскаго епископа, что заставило его бѣжать изъ Москвы, Петръ отвѣчалъ: „Великаго князя и великой княгини не стало, государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, и отъ нихъ великое насиліе, управы въ Землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства“ [3]).

Глава III.

Казань, Астрахань, Ливонія.

Неудачный походъ на Казань 1550 года.—Основаніе Свіяжска; подчиненіе окрестныхъ племенъ и самой Казани.—Ненависть въ Казани къ царю Шигъ-Алею, подручнику московскому.—Просьба Казанцевъ дать имъ въ намѣстники боярина московскаго вмѣсто Шигъ-Алея.—Государь соглашается, но Казанцы не пускаютъ къ себѣ бояръ.—Походъ подъ Казань 1552 года.—Нашествіе Крымскаго хана.—Осада и взятіе Казани. — Возвращеніе царя въ Москву.—Значеніе Казанскаго взятья.—Борьба съ пятью казанскими народами.—Отношеніе Москвы къ Ногаямъ.—Покореніе Астрахани.—Отношеніе къ народамъ прикавказскимъ.—Борьба съ Крымомъ. — Война и миръ съ Швеціею.—Война Ливонская.—Сношенія съ Швеціею, Даніею и Литвою.—Начало сношеній съ Англіею.

Смерть Сафа-Гирея, разстроивая Крымскую сторону, усиливая внутреннія волненія въ Казани, была какъ нельзя болѣе выгодна для предпріятій Московскаго царя. Крымцы и Казанцы, ихъ приверженцы, поспѣшили провозгласить ханомъ двухлѣтняго сына Сафа-Гиреева, Утемиша: но этимъ самымъ Казань теперь мѣнялась своимъ положеніемъ съ Москвою: долгое время она могла поддерживать свою независимость, благодаря малолѣтству Іоаннову; теперь, когда Іоаннъ возмужалъ и обнаружилъ намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ Казани, въ послѣдней явился царь-младенецъ. Казанцы понимали невыгоду своего положенія и потому отправили пословъ въ Крымъ просить помощи у взрослаго царя; но московскіе казаки побили этихъ пословъ и ярлыки ихъ переслали въ Москву. Въ іюлѣ 1549 года Казанцы прислали къ Іоанну грамоту, писали отъ имени Утемишъ-Гирея о мирѣ; царь отвѣчалъ, чтобъ прислали для переговоровъ добрыхъ людей. Добрые люди не явялись, и 24 ноября самъ Іоаннъ съ роднымъ братомъ, Юріемъ, выступилъ въ походъ, оставивъ оберегать Москву двоюроднаго, Владиміра Андреевича; во Владимірѣ сдѣланы были всѣ распоряженія; любопытно, что при этихъ разпоряженіяхъ царь

[1]) Акты арх. эксп. I, № 192, 194, 224

[2]) Дѣла Польскія, № 3, стр. 7.
[3]) Акты историч. I, № 140.

счелъ нужнымъ присутствіе митрополита: Макарій, по его вызову, ѣздилъ во Владиміръ, гдѣ увѣщевалъ воеводъ отложить на время похода мѣстническіе счеты и считаться по окончаніи войны. Подъ Казань пришелъ царь уже въ февралѣ 1550 года; приступъ къ городу не удался: множество людей было побито съ обѣихъ сторонъ, а потомъ настала оттепель, подули сильные вѣтры, полился дождь, малыя рѣчки попортило, а иныя прошли. Простоявши 11 дней подъ Казанью, Іоаннъ принужденъ былъ возвратиться назадъ. Это былъ уже второй походъ, предпринятый имъ лично и кончившійся неудачно. На этотъ разъ впрочемъ Іоаннъ не хотѣлъ возвратиться ни съ чѣмъ въ Москву; по примѣру отца, основавшаго Васильсурскъ, онъ заложилъ на устьи Свіяги Свіяжскъ: дьякъ Иванъ Выродковъ отправился съ дѣтьми боярскими на Волгу, въ Углицкій уѣздъ, въ отчизну князей Ушатыхъ, рубить лѣсъ для церквей и стѣнъ городскихъ, и везти его на судахъ внизъ по Волгѣ; а для поставленія города отправились весною на судахъ царь Шигъ-Алей съ двумя главными воеводами, княземъ Юріемъ Булгаковымъ (Голицынымъ-Патрикѣевымъ) и Данилою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицинымъ; туда же поѣхали съ войскомъ и казанскіе выходцы, которыхъ было тогда въ Москвѣ 500 человѣкъ. Князю Петру Серебряному изъ Нижняго велѣно было идти изгономъ на Казанскій посадъ; казаки стали по всѣмъ перевозамъ по Камѣ, Волгѣ и Вяткѣ, чтобъ воинскіе люди изъ Казани и въ Казань не ѣздили. Серебряный въ точности исполнилъ приказъ: явился внезапно передъ Казанскимъ посадомъ, побилъ много людей и живыхъ побралъ, и полону русскаго много отполонилъ.

24 мая пришелъ Шигъ-Алей съ воеводами на Свіягу; тотчасъ начали очищать отъ лѣсу мѣсто, гдѣ быть городу; очистивши гору, пѣли молебенъ, освятили воду и обошли съ крестами по стѣнному мѣсту; потомъ обложили городъ и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергія. Лѣса, который привезли сверху по Волгѣ, стало только на половину горы; другую половину сдѣлали тотчасъ же воеводы и дѣти боярскія своими людьми, и все окончили въ четыре недѣли. Слѣдствія построенія Свіяжска оказались немедленно: Горные Черемисы, увидавъ, что русскій городъ сталъ въ ихъ землѣ, начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и воеводамъ съ челобитьемъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, простилъ, велѣлъ имъ быть у Свіяжскаго города, а воевать бы ихъ не велѣлъ, да пожаловалъ бы ихъ государь, облегчилъ въ ясакѣ и далъ имъ свою грамоту жалованную, какъ имъ впередъ быть. Государь ихъ пожаловалъ, далъ грамоту съ золотою печатью, и ясакъ ихъ отдалъ на три года. Шигъ-Алею и воеводамъ Іоаннъ послалъ золотые въ награду и приказъ—привести всю Горную сторону къ присягѣ и послать Черемисъ войною на казанскія мѣста, а съ ними отправить дѣтей боярскихъ и казанскихъ князей смотрѣть—прямо ли станутъ служить государю. Воеводы привели къ присягѣ Черемисъ, Чувашъ, Мордву, и сказали имъ: „Вы государю присягнули; такъ ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга". Тѣ собрались большими толпами, перевезлись на Луговую сторону и перешли къ городу на Арское поле. Казанцы и Крымцы вышли къ нимъ навстрѣчу и бились крѣпко; когда же изъ города вывезли пушки и пищали и начали стрѣлять, то Черемисы и Чуваши дрогнули и побѣжали. Казанцы убили у нихъ человѣкъ со 100, да съ 50 живыхъ взяли. Воеводы увидали, что Горные люди служатъ прямо, и велѣли ихъ опять перевезти на ихъ сторону. Показавши вѣрную службу, Горные начали ѣздить черезъ все лѣто въ Москву человѣкъ по пяти и по шестисотъ. Государь ихъ жаловалъ, князей, мурзъ и сотныхъ казаковъ кормилъ и поилъ у себя за столомъ; дарилъ шубами, доспѣхами, конями, деньгами.

Построеніе Свіяжска и отпаденіе Горной стороны скоро отозвались въ Казани, усиливъ сторону, противную Крымцамъ: начали розниться Казанцы съ Крымцами, говоритъ лѣтопись; Арскіе Чуваши пришли даже съ оружіемъ на Крымцевъ, крича: „Отчего не бить челомъ государю?" пришли и на царевъ дворъ, но Крымцы—Уланъ Кащакъ съ товарищами—побили ихъ; эта удача однако не поправила дѣла Гиреевъ, потому что казанскіе князья и мурзы одинъ за другимъ перебѣгали къ Русскимъ. Тогда Крымцы, видя, что при первомъ нападеніи московскихъ воеводъ Казанцы ихъ выдадутъ, собрались, пограбили все, что было можно, и побѣжали изъ Казани въ числѣ 300 человѣкъ, побросавъ женъ и дѣтей; они бѣжали вверхъ по Камѣ и вошли въ Вятку; но тутъ вятскій воевода Зюсинъ поразилъ ихъ на-голову и потопилъ; 46 человѣкъ плѣнныхъ и въ томъ числѣ Уланъ Кащакъ были отосланы въ Москву и тамъ казнены смертію, за ихъ жестокосердіе, говоритъ лѣтописецъ. Бѣгство Крымцевъ отдало Казань въ руки русской стороны: тотчасъ явились оттуда послы съ челобитьемъ, чтобъ государь пожаловалъ, плѣнить ихъ не велѣлъ, далъ бы имъ на государство царя Шигъ-Алея, а царя Утемишъ-Гирея съ матерью Сююнбекою взялъ бы къ себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ, что хочетъ Землю Казанскую пожаловать, если они царя, царицу, остальныхъ Крымцевъ и дѣтей ихъ выдадутъ и всѣхъ русскихъ плѣнниковъ освободятъ. Алексѣй Адашевъ отправился въ Свіяжскъ объявить Шигъ-Алею, что государь жалуетъ ему Казанское царство съ Луговою стороною и Арскою, но Горная сторона отойдетъ къ Свіяжску, потому что государь саблею взялъ ее до челобитья Казанцевъ. Это условіе сильно оскорбило Шигъ-Алея; но бояре прямо объявили ему, что рѣшеніе ни подъ какимъ видомъ измѣнено не будетъ; то же было объявлено и вельможамъ казанскимъ, когда они начали-было говорить, что Землю раздѣлить нельзя. Въ августѣ Шигъ-Алей посаженъ былъ въ Казани и, согласно условіямъ, освободилъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ насчиталось 60,000 человѣкъ.

Господство, насилія Крымцевъ поддерживали прежде русскую сторону; тяжелыя условія, наложенныя теперь Русскимъ царемъ, возбудивши большое неудовольствіе, усилили сторону противную; хану, вельможамъ нестерпимо было отрѣзаніе Горной стороны; простые люди терпѣли большой убытокъ чрезъ освобожденіе русскихъ плѣнниковъ. Оставленные при новомъ ханѣ бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ уже въ сентябрѣ увѣдомили государя, что плѣнные освобождены не всѣ; что Шигъ-Алей знаетъ это, но смотритъ сквозь пальцы, боясь волненія. Въ Москвѣ не могли отказаться отъ предписанныхъ условій, не могли терпѣть, чтобъ русскіе люди томились въ плѣну въ подчиненномъ государствѣ и чтобъ русскій городъ, Свіяжскъ, былъ островомъ среди чужой Земли: надѣялись кроткими мѣрами, ласкою заставить Шигъ-Алея и Казанцевъ забыть свои лишенія. Въ Казань поѣхали бояринъ князь Димитрій Палецкій и дьякъ Клобуковъ; они повезли платье, сосуды, деньги хану, ханшѣ, князьямъ казанскимъ и городецкимъ, повезли царю и Землѣ Казанской жалованное слово за службу; но при этомъ они должны были требовать освобожденія всѣхъ плѣнныхъ, въ противномъ случаѣ объявить, что государь, видя христіанство въ неволѣ, терпѣть этого не будетъ. Шигъ-Алею должны были сказать, чтобъ онъ помнилъ жалованье царя и отца его, великаго князя Василія, прямилъ по шертнымъ грамотамъ, русскихъ плѣнниковъ всѣхъ освободилъ и укрѣпилъ бы Казань крѣпко государю и себѣ, какъ Касимовъ городокъ; чтобъ при немъ и послѣ него было неподвижно, и кровь перестала бы литься на-вѣки. Палецкій съ этимъ наказомъ поѣхалъ въ Казань, а изъ Казани въ Москву пріѣхали большіе послы съ челобитьемъ отъ Шигъ-Алея, чтобъ государь пожаловалъ, Горную сторону царю уступилъ; если же не хочетъ уступить всей стороны, то пусть дастъ хотя нѣсколько ясаковъ съ нея, да пожаловалъ бы государь, далъ клятву царю и Землѣ Казанской въ соблюденіи мира. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что съ Горной стороны не уступитъ Казани ни одной деньги, а клятву дастъ тогда, когда въ Казани освободятъ русскихъ плѣнныхъ всѣхъ, до одного человѣка. Тогда же возвратились изъ Казани бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ и сказали, что Казанцы мало освобождаютъ плѣнныхъ, куютъ ихъ и прячутъ по ямамъ, а Шигъ-Алей не казнитъ тѣхъ, у кого найдутъ плѣнниковъ, оправдываетъ себя тѣмъ, что боится волненія: доносятъ ему, что князья казанскіе ссылаются съ Ногаями; онъ объ этомъ развѣдываетъ и дастъ знать государю. Дѣйствительно, въ ноябрѣ Шигъ-Алей и князь Палецкій дали знать, что казанскіе князья ссылаются съ Ногаями, хотѣли убить Шигъ-Алея и князя Палецкаго. Ханъ узналъ о заговорѣ, перехватилъ грамоты и велѣлъ перебить заговорщиковъ у себя на пиру, числомъ 70 человѣкъ, а другіе разбѣжались; онъ просилъ, чтобъ государь не отпускалъ изъ Москвы большихъ казанскихъ пословъ, потому что они также въ числѣ заговорщиковъ.

Это извѣстіе заставляло царя подумать о новомъ шагѣ впередъ относительно Казани. Отправился туда Алексѣй Адашевъ съ такими словами къ Шигъ-Алею: „Самъ онъ видитъ измѣну Казанцевъ, изначала лгутъ государямъ Московскимъ; брата его Еналея убили, его самого нѣсколько разъ изгоняли, и теперь хотѣли убить: *нужно непремѣнно, чтобъ онъ укрѣпилъ городъ русскими людьми*“. Шигъ-Алей отвѣчалъ на это: „Прожить мнѣ въ Казани нельзя,—сильно я раздосадовалъ Казанцевъ, обѣщалъ я имъ у царя и великаго князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалуетъ, Горную сторону дастъ, то мнѣ въ Казани жить можно, и, пока я живъ, до тѣхъ поръ Казань государю крѣпка будетъ. Если же у меня Горной стороны не будетъ, то мнѣ бѣжать къ государю“. Князь Палецкій и Адашевъ говорили ему на это: „Если тебѣ къ государю бѣжать, такъ укрѣпи городъ русскими людьми“. Алей не соглашался на это: „Я бусурманъ“, говорилъ онъ: „Не хочу на свою вѣру стать, и государю измѣнить не хочу же; ѣхать мнѣ некуда, кромѣ государя; дай мнѣ, князь Димитрій, клятву, что великій князь меня не убьетъ и придастъ къ Касимову что̀ пригоже, такъ я здѣсь лихихъ людей еще изведу, пушки, пищали и порохъ перепорчу: государь приходи самъ да промышляй“. Палецкій и Адашевъ отправились въ Москву, оставя въ Казани Ивана Черемисинова съ отрядомъ стрѣльцовъ беречь Алея отъ Казанцевъ и не держать государя безъ вѣсти. Когда Палецкій пріѣхалъ на Свіягу, то жившіе здѣсь князья, Чапкунъ и Бурнашъ, сказали ему, что въ народѣ ходятъ слухи: придетъ весна и Казанцы измѣнятъ государю, а Шигъ-Алея не любятъ,—такъ государь бы своимъ дѣломъ промышлялъ, какъ ему крѣпче, „а мы“, говорили князья, „государю дали правду и по правдѣ къ нему приказываемъ, что Казанцы непремѣнно измѣнятъ, тогда и Горныхъ не удержимъ“.

Такъ прошелъ 1551 годъ. Дѣло приближалось къ развязкѣ. Казань не могла оставаться долго въ такомъ положеніи; послѣ кроваваго пира ненависть къ Алею достигла высшей степени; поддерживать долѣе силою ненавистнаго хана было бы очень неблагоразумно; двинуть большіе полки къ Казани, не дожидаясь перваго движенія со стороны ея жителей, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Алея и находившихся при немъ русскихъ стрѣльцовъ, и дать Казанцамъ полное право къ возстанію; захватить городъ внезапно безъ вѣдома хана было нельзя, а ханъ не хотѣлъ измѣнить бусурманству. Но Казанцы сами пошли навстрѣчу намѣреніямъ Московскаго царя: ненависть къ Алею и въ то же время невозможность избавиться отъ него, невозможность борьбы съ Москвою,—привели ихъ къ мысли предложить Іоанну полное подданство, лишь бы только онъ вывелъ отъ нихъ Алея. Мы видѣли, что въ числѣ главныхъ враговъ послѣдняго были вельмо-

жи, отправленные послами въ Москву, и только это посольство избавило ихъ отъ участи, постигшей товарищей ихъ на пиру ханскомъ; но погибли не всѣ, оставались еще лихіе люди, которыхъ Алей также обѣщалъ извести. Понятно, что эти люди, трепеща каждую минуту за свою жизнь, должны были желать смѣны Алея какимъ бы то ни было способомъ, и понятно, что они въ этомъ желаніи должны были прежде всего сойтись съ послами, задержанными въ Москвѣ, и дѣйствовать черезъ нихъ. Въ январѣ 1552 года эти послы явились къ Іоанну, и объявили, что имъ есть приказъ отъ Казанской Земли бить челомъ государю, чтобъ царя Шигъ-Алея свелъ, далъ бы имъ въ намѣстники боярина своего и держалъ бы ихъ какъ въ Свіяжскомъ городѣ; если же государь не пожалуетъ, то Казанцы измѣнятъ, будутъ добывать себѣ государя изъ другихъ земель. Іоаннъ велѣлъ поговорить съ ними боярину Ивану Васильевичу Шереметеву: за что царя не любятъ въ Казани, какъ его оттуда свести, какъ быть у нихъ намѣстнику, и какъ имъ въ томъ вѣрить. Послы отвѣчали, что: Алей побиваетъ ихъ и грабитъ, женъ и дочерей беретъ силою; если государь пожалуетъ Землю и хана сведетъ, то теперь здѣсь въ Москвѣ улановъ, князей, мурзъ и казаковъ человѣкъ съ триста,—одинъ изъ нихъ поѣдетъ въ Казань, и Казанцы всѣ государю дадутъ правду, намѣстниковъ его въ городъ пустятъ и городъ весь государю сдадутъ; кому велитъ жить въ городѣ, кому на посадѣ,—тѣмъ тамъ и жить, а другимъ всѣмъ по селамъ; царскіе доходы будутъ сбираться на государя, имѣнія побитыхъ бездѣтныхъ князей государь раздастъ, кому хочетъ, и всѣ люди въ его волѣ—кого чѣмъ пожалуетъ. „Если же Казанцы такъ не сдѣлаютъ, то пусть государь велитъ насъ всѣхъ здѣсь побить“; если же Алей не захочетъ ѣхать изъ Казани, то государю стоитъ только взять у него стрѣльцовъ,—и онъ самъ побѣжитъ.

Въ февралѣ отправился опять Алексѣй Адашевъ въ Казань, чтобъ свести Алея, и съ нимъ Татаринъ отъ пословъ съ грамотою къ Казанцамъ, въ которой описывалось, какъ они условились въ Москвѣ съ государемъ. Адашевъ объявилъ Алею, чтобъ пустилъ московскихъ людей въ городъ, а самъ пусть проситъ у государя, чего хочетъ,—все получитъ. Алей отвѣчалъ попрежнему, что бусурманскаго юрта не нарушитъ, но съѣдетъ въ Свіяжскъ, потому что въ Казани ему жить нельзя: Казанцы уже послали къ Ногаямъ просить другого царя. Заколотивъ нѣсколько пушекъ и отправивъ въ Свіяжскъ пищали и порохъ, 6 марта Шигъ-Алей выѣхалъ изъ Казани на озеро ловить рыбу, взялъ съ собою многихъ князей, мурзъ, горожанъ и всѣхъ пятьсотъ стрѣльцовъ московскихъ. Выѣхавши за городъ, онъ сталъ говорить Казанцамъ: „Хотѣли вы меня убить, и били челомъ на меня царю и великому князю, чтобъ меня свелъ, что я надъ вами лихо дѣлаю, и далъ бы самъ намѣстника; царь и великій князь велѣлъ мнѣ изъ Казани выѣхать, и я къ нему ѣду, а васъ съ собою къ нему же веду,—тамъ управимся“. Этихъ князей и мурзъ, приведенныхъ Шигъ-Алеемъ въ Свіяжскъ, было восемьдесять четыре человѣка. Въ тотъ же день бояринъ, князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій, послалъ въ Казань двухъ казаковъ съ грамотами, что, по челобитью казанскихъ князей, государь царь Шигъ-Алея свелъ и далъ имъ въ намѣстники его, князя Семена; чтобъ они ѣхали въ Свіяжскъ присягать, и когда присягнутъ, тогда онъ къ нимъ поѣдетъ. Казанцы отвѣчали, что государеву жалованью рады, хотятъ во всемъ исполнить волю государеву, только бы бояринъ прислалъ къ нимъ князей Чапкуна и Бурнаша, на чьи руки имъ даться. Чапкунъ и Бурнашъ отправились на другой день въ Казань вмѣстѣ съ Черемисиновымъ, и тотъ далъ знать Микулинскому, что вся Земля Казанская охотно присягаетъ государю, и лучшіе люди ѣдутъ въ Свіяжскъ. Лучшіе люди дѣйствительно пріѣхали на другой день вмѣстѣ съ Чапкуномъ и Бурнашемъ и присягнули, взявши съ Микулинскаго и товарищей его также клятву, что они будутъ жаловать добрыхъ казанскихъ людей. Послѣ этого Микулинскій отправилъ въ Казань Черемисинова съ толмачемъ приводить къ присягѣ остальныхъ людей и смотрѣть, нѣтъ ли какого лиха, для того же отправилъ Чапкуна, еще одного князя казанскаго и восемь человѣкъ дѣтей боярскихъ: они должны были занять дворы, которые князья обѣщались очистить, и смотрѣть, чтобъ все было тихо, когда русскіе полки будутъ вступать въ городъ. Ночью Черемисиновъ далъ знать Микулинскому, что все спокойно: царскій дворъ опоражниваютъ и сельскіе люди, давши присягу, разъѣзжаются по селамъ. Черемисиновъ писалъ, чтобъ намѣстникъ уже отправлялъ въ Казань свой легкій обозъ съ съѣстнымъ и прислалъ казаковъ съ сотню, потому что они на царевѣ дворѣ пригодятся на всякое дѣло, и по этой присылкѣ намѣстникъ отпустилъ обозъ съ семидесятью казаками, у которыхъ было 72 пищали.

Скоро двинулись къ Казани и бояре — князь Семенъ Микулинскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, князь Петръ Серебряный; сторожевой полкъ велъ князь Ромадановскій; у него были всѣ тѣ Казанцы, которыхъ вывелъ царь Шигъ-Алей. По дорогѣ встрѣчали ихъ разные князья, били челомъ боярамъ, чтобъ ѣхали въ городъ, а они всѣ холопы государевы, всѣ въ его волѣ; въ Казань и изъ Казани ѣздили къ воеводамъ дѣти боярскія и сказывали, что всѣ люди государеву жалованью рады, и что Иванъ Черемисиновъ продолжаетъ приводить къ присягѣ. Все шло какъ нельзя лучше до тѣхъ поръ, пока не отпросились у воеводъ въ Казань двое князей, Исламъ и Кебякъ, и мурза Аликей, братъ извѣстнаго Чуры. Пріѣхавши въ Казань, они затворили городъ и объявили жителямъ, что Русскіе непремѣнно истребятъ ихъ всѣхъ, что объ этомъ говорятъ городскіе Татары, да и самъ Шигъ-Алей говоритъ то же. Когда бояре подъ-

*

ѣхали къ Казани, то встрѣтилъ ихъ на Булакѣ Иванъ Черемисиновъ съ княземъ Кулалеемъ и объявилъ: „До сихъ поръ лиха мы никакого не видали; но теперь, какъ прибѣжали отъ васъ князья и стали говорить лихія слова, то люди замѣшались; съ нами выѣхали къ вамъ изъ города всѣ князья, одинъ Чапкунъ въ городѣ остался". Бояре подъѣхали къ Царевымъ воротамъ—ворота растворены, а люди бѣгутъ на стѣны. Тутъ пріѣхали къ воеводамъ уланъ Кудайкулъ, князь Лиманъ и другіе князья, и стали бить челомъ, чтобъ не кручинились, возмутили Землю лихіе люди; „подождите, пока утихнутъ". Бояре отправили въ городъ улана Кудайкула и князя Бурнаша сказать жителямъ: „Зачѣмъ вы измѣнили? Вчера и даже сегодня еще присягали, и вдругъ измѣнили! А мы и клятву свою держимъ, ничего дурного вамъ не дѣлаемъ". Дѣйствительно, русскіе ратные люди не обидѣли ничѣмъ посадскихъ людей, которые спокойно оставались въ домахъ своихъ со всѣмъ имуществомъ. Посланные возвратились съ отвѣтомъ: „Люди боятся побою, а насъ не слушаютъ". Много было ссылокъ и рѣчей, но все понапрасну, и бояре, видя, что добраго дѣла нѣтъ, велѣли перехватать Кудайкула, Лимана и всѣхъ князей и казаковъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей, а Казанцы задержали у себя дѣтей боярскихъ, которыя напередъ были отправлены съ обозами воеводскими. Простоявши полтора дня подъ Казанью, воеводы пошли назадъ къ Свіяжску; посада Казанскаго не велѣли трогать, чтобъ не нарушить, съ своей стороны, ни въ чемъ крестнаго цѣлованія; а Казанцы, пославъ къ Ногаямъ просить царя, немедленно начали войну, стали приходить на Горную сторону, отводить ея жителей отъ Москвы; но Горные побили ихъ отрядъ, взяли въ плѣнъ двухъ князей и привели къ воеводамъ: тѣ велѣли казнить плѣнниковъ.

Іоаннъ получилъ вѣсть объ этихъ событіахъ 24 марта, и немедленно отправилъ на помощь къ воеводамъ въ Свіяжскъ шурина своего, Данила Романовича Захарьина-Юрьева, а царю Шигъ-Алею велѣлъ ѣхать въ свой городокъ Касимовъ. Въ апрѣлѣ царь созвалъ совѣтъ насчетъ рѣшительнаго похода на Казань: въ совѣтѣ было предложено много разныхъ мнѣній: говорили, чтобъ государь послалъ воеводъ подъ Казань, а самъ остался бы въ Москвѣ, потому что война будетъ не съ одними Казанцами, и съ Ногаями, и съ Крымомъ. Но опытъ показалъ, какъ нерѣшительны бывали воеводскіе походы подъ Казань; Іоаннъ объявилъ, что непремѣнно самъ хочетъ отправиться въ походъ. Рѣшено было отпустить водою рать, нарядъ большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, какъ приспѣетъ время, идти полемъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ пришли изъ Свіяжска дурныя вѣсти: князь Микулинскій писалъ, что Горные люди волнуются, многіе изъ нихъ ссылаются съ Казанцами, да и во всѣхъ мало правды, непослушаніе большое; но, что хуже всего,—въ русскомъ войскѣ открылась цынга, много уже померло, много лежитъ больныхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Царь, по этимъ вѣстямъ, велѣлъ князьямъ Александру Борисовичу Горбатому и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться въ Свіяжскъ. Князья скоро достигли этого города; но вѣсти, присланныя ими оттуда къ Іоанну, были еще менѣе утѣшительны: Горные люди измѣнили всѣ, сложились съ Казанью и приходили къ Свіяжску на воеводскія стада; воеводы посылали на нихъ казаковъ, но Казанцы казаковъ разбили, убили 70 человѣкъ и пищали взяли, а болѣзнь не ослабѣваетъ, мретъ много людей. Отъ князя Михайлы Глинскаго изъ Камы ѣхали казаки въ судахъ на Свіягу за кормомъ, и тѣхъ казаковъ Казанцы всѣхъ перебили, плѣннымъ пощады не дали; перебили и всѣхъ дѣтей боярскихъ, которыя пріѣхали напередъ въ Казань съ воеводскими обозами и были захвачены тамъ жителями; Казанцы уже получили царя отъ Ногаевъ — Астраханскаго царевича Едигера Магмета. Но отъ этихъ вѣстей въ Москвѣ не пришли въ уныніе: положено было прежде всего поднять духъ въ свіяжскомъ войскѣ средствами религіозными, тѣмъ болѣе что къ болѣзни физической тамъ присоединилась нравственная,—сильный развратъ[1]). Изъ Благовѣщенскаго собора перенесены были въ Успенскій мощи Святыхъ Отцовъ, съ нихъ освящена была вода и отправлена въ Свіяжскъ съ Архангельскимъ протопопомъ Тимоѳеемъ, „мужемъ изряднымъ, наученнымъ богодухновенному писанію"; вмѣстѣ съ водою Тимоѳей повезъ также поученіе къ войску отъ митрополита Макарія. Въ это время пріѣхалъ изъ Касимова царь Шигъ-Алей и началъ говорить, чтобъ Іоаннъ не выступалъ въ походъ до зимы, потому что лѣтомъ должно ожидать прихода другихъ недруговъ, и потому что Казанская Земля сильно укрѣплена природою, лежитъ въ лѣсахъ, озерахъ, болотахъ, зимою легче ее воевать. Іоаннъ отвѣчалъ ему, что уже воеводы со многими ратными людьми отпущены на судахъ съ большимъ нарядомъ и со всѣми запасами, а что у Казанцевъ лѣса и воды—крѣпости великія, то Богъ и непроходимыя мѣста проходимыми дѣлаетъ, и острые пути въ гладкіе претворяетъ.

Поручивъ царицѣ заниматься дѣлами благотворенія, освобождать изъ-подъ царской опалы, выпускать изъ темницъ, Іоаннъ выступилъ 16 іюня на свое дѣло въ Коломну; обѣдалъ въ селѣ Коломенскомъ, откуда отправился ночевать въ Островъ, но на дорогѣ встрѣтилъ гонца, станичника изъ Путивля, съ вѣстію, что идутъ многіе люди Крымскіе къ Украйнѣ,—неизвѣстно, царь ли самъ идетъ или царевичъ, а уже Донецъ Сѣверскій перешли. Царь, ни мало не смутясь, продолжалъ путь въ Ко-

[1]) «Бритву накладующе на брады своя, женамъ угодье творяще... блудъ сдѣвающе съ младыми юношами... растлѣвающе Богомъ свобожоныхъ плѣнниковъ, благообразныхъ женъ и добрыхъ дѣвицъ». Царств. кн. стр. 213, 214; Акты истор. I, 159.

ломну и пришелъ туда 19 числа; тутъ пріѣхалъ новый гонецъ съ вѣстію, что идутъ многіе люди крымскіе, ждутъ ихъ къ Рязани и къ Коломнѣ. Государь послалъ полки на берегъ: большому полку велѣлъ стать подъ Колычевымъ, передовому подъ Ростиславлемъ, лѣвой рукѣ — подъ Голутвинымъ монастыремъ [1]); при этомъ было объявлено, что если придетъ царь Крымскій, то государь умыслилъ дѣлать съ нимъ прямое дѣло. 21 іюня пригналъ гонецъ изъ Тулы: пришли Крымцы къ Тулѣ, какъ видно царевичъ, и не со многими людьми. Государь послалъ къ Тулѣ князей Щенятева, Курбскаго, Пронскаго, Хилкова, Воротынскаго, собрался и самъ выступить на другой день утромъ, какъ получилъ вѣсть, что приходило къ Тулѣ Татаръ немного, тысячъ семь, повоевали окрестности и поворотили назадъ. Іоаннъ, по этимъ вѣстямъ, отпустилъ только воеводъ, а самъ пріостановился; но 23 числа, когда онъ сидѣлъ за столомъ, пригналъ гонецъ изъ Тулы съ вѣстію, что самъ царь пришелъ и приступаетъ къ городу, съ нимъ нарядъ большой и янычары турецкіе. Іоаннъ велѣлъ поскорѣе служить вечерню, потому что никогда не нарушалъ церковнаго правила, всѣмъ воеводамъ велѣлъ поскорѣе перевозиться черезъ Оку, и самъ спѣшилъ къ Каширѣ, гдѣ назначено было перевозиться; но тутъ прискакалъ новый гонецъ и объявилъ, что хана уже нѣтъ у Тулы; 22 іюня пришли Крымцы къ Тулѣ и приступали цѣлый день, били по городу изъ пушекъ огненными ядрами, и, когда во многихъ мѣстахъ въ городѣ дворы загорѣлись, ханъ велѣлъ янычарамъ идти на приступъ, но воевода князь Григорій Темкинъ, несмотря на то, что съ нимъ было немного людей въ Тулѣ, отбилъ приступъ. На другой день утромъ ханъ велѣлъ уже готовиться къ новому приступу, какъ пришла вѣсть, что Русскій царь идетъ къ городу; Туляне съ городскихъ стѣнъ увидали столпы пыли, закричали: „Боже милостивый! помоги намъ! Царь православный идетъ!“ и бросились на Татаръ; вышли изъ города не только ратные люди и всѣ мужчины, но даже женщины и дѣти бросились за ними; Татаръ много было побито въ этой вылазкѣ, и между ними—шуринъ ханскій. Ханъ побѣжалъ въ степь, и, три часа спустя, явились подъ городомъ воеводы, отправленные Іоанномъ, они погнались за Татарами, разбили ихъ на рѣчкѣ Шиворонѣ [2]), отполонили много своихъ плѣнниковъ, взяли телѣги и верблюдовъ ханскихъ. Татары, взятые въ плѣнъ, разсказывали: царь потому пошелъ на Русь, что въ Крыму сказали, будто великій князь со всѣми людьми у Казани. „У Рязани перехватили мы станичниковъ, и тѣ сказали, что великій князь на Коломнѣ ждетъ царя и хочетъ съ нимъ прямое дѣло дѣлать; царь тогда же хотѣлъ возвратиться въ Крымъ, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыдъ, то есть у великаго князя городъ Тула на полѣ, а отъ Коломны далеко, за великими крѣпостями—за лѣсами. Царь ихъ совѣта послушалъ и пошелъ къ Тулѣ“.

Іоаннъ, получивъ эти вѣсти, возвратился въ Коломну, куда 1-го іюня пришли къ нему воеводы съ Тульскаго дѣла; они говорили, что, по словамъ станичниковъ, ханъ идетъ чрезвычайно поспѣшно, верстъ по 60-по 70 на день, и лошадей бросаетъ много. Избавившись такъ счастливо отъ Крымцевъ, царь началъ думать съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, боярами и всѣми воеводами, какъ идти къ Казани, на какія мѣста. Приговорили идти двумя дорогами: самому государю идти на Владиміръ и Муромъ, воеводъ отпустить на Рязань и Мещеру, чтобъ они могли заслонить царя отъ внезапнаго нападенія Ногаевъ, а сходиться на полѣ за Алатыремъ. Но когда надобно было выступать въ походъ, боярскія дѣти Новгородцы начали бить челомъ, что имъ нельзя больше оставаться при войскѣ; съ весны были они на службѣ въ Коломнѣ; иные за Татарами ходили и на бояхъ бывали, а теперь еще идти въ такой долгій путь и тамъ стоять многое время! Государю была немалая скорбь отъ этого челобитья, которое останавливало дѣло въ самомъ началѣ; наконецъ онъ придумалъ средство, оказавшееся очень дѣйствительнымъ; онъ велѣлъ переписать служилыхъ людей и повѣстить: „Кто хочетъ идти съ государемъ, тѣхъ государь хочетъ жаловать и будетъ подъ Казанью кормить; а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ“. Услыхавъ эту повѣстку, всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: „Готовы идти съ государемъ, онъ нашъ промышленникъ и здѣсь и тамъ, промыслитъ нами, какъ ему Богъ извѣститъ“.

3 іюля Іоаннъ выѣхалъ изъ Коломны съ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; во Владимірѣ получилъ онъ пріятную вѣсть изъ Свіяжска, что цынга тамъ прекратилась; въ Муромѣ получилъ другую радостную вѣсть, что воеводы князь Микулинскій и бояринъ Данила Романовичъ ходили на Горныхъ людей и разбили ихъ, вслѣдствіе чего Горные люди по Свіягу рѣку внизъ и по Волгѣ снова присягнули государю. 20 іюля царь выступилъ изъ Мурома, шелъ частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и вездѣ войско находило обильную пищу; было много всякаго овощу; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто бы сами приходили на убой, въ рѣкахъ множество рыбы, въ лѣсу множество птицъ. Черемисы и Мордва, испуганные походомъ многочисленнаго войска, приходили къ царю, отдаваясь въ его волю, и приносили хлѣбъ, медъ, мясо,—что дарили, что продавали, кромѣ того мосты на рѣкахъ дѣлали. На рѣкѣ Сурѣ встрѣтили государя посланцы отъ Свіяжскихъ воеводъ и Горныхъ людей и объявили, что ходили бояре князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и Данила Романовичъ на остальныхъ Горныхъ людей,—и теперь уже всѣ Горные люди добили челомъ и

[1]) Колычево — село Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда; Голутвинъ монастырь въ 5 верстахъ отъ Коломны.

[2]) Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, впадаетъ въ Упу.

приложились къ Свіяжскому городу. Іоаннъ позвалъ на обѣдъ посланцевъ изъ Горныхъ людей, объявилъ, что прощаетъ ихъ народу прежнюю измѣну, и приказалъ мостить мосты по рѣкамъ и чистить тѣсныя мѣста по дорогѣ. За Сурою соединился государь съ воеводами, шедшими черезъ Рязань и Мещеру, и 13 августа достигъ Свіяжска, куда воеводы пришли, какъ въ свой домъ, изъ долгаго и труднаго пути; дичь, рыба и черемисскій хлѣбъ имъ очень наскучили, а въ Свіяжскѣ почти каждаго изъ нихъ ожидали домашніе запасы, привезенные на судахъ; кромѣ того, множество купцовъ наѣхало сюда съ разными товарами, такъ что можно было все достать. Ставши подъ городомъ на лугу въ шатрѣ, царь совѣтовался съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ царемъ Шигъ-Алеемъ, съ боярами и воеводами, какъ ему, государю, своимъ дѣломъ промышлять, и приговорилъ идти къ Казани не мѣшкая, а къ Казанцамъ послать грамоты, что если захотятъ безъ крови бить челомъ государю, то государь ихъ пожалуетъ. Шигъ-Алей долженъ былъ писать къ родственнику своему, новому Казанскому царю Едигеру, чтобъ выѣхалъ изъ города къ государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалуетъ; самъ Іоаннъ послалъ грамоты къ главному муллѣ и всей Землѣ Казанской, чтобъ били челомъ, и онъ ихъ проститъ. 16 августа войска начали уже перевозиться черезъ Волгу и становиться на Казанской сторонѣ; 18 самъ царь переправился за Волгу, 20—за Казанку и здѣсь получилъ отвѣтъ отъ Едигера: въ немъ заключалось ругательство на христіанство, на Іоанна, на Шигъ-Алея и вызовъ на брань. Іоаннъ велѣлъ вынимать изъ судовъ пушки и все устроивать, какъ идти къ городу; тутъ пріѣхалъ къ нему служить Камай-Мурза съ семью казаками и разсказывалъ, что ихъ поѣхало человѣкъ съ двѣсти служить государю, но Казанцы, узнавъ объ этомъ, почти всѣхъ перехватали; про Казань разсказывалъ, что царь Едигеръ и вельможи бить челомъ государю не хотятъ и всю Землю на лихо наводятъ; запасовъ въ городѣ много; остальное войско, которое не въ городѣ, собрано подъ начальствомъ князя Япанчи въ Арской засѣкѣ, чтобъ не пропускать русскихъ людей на Арское поле

Царь созвалъ совѣтъ, разсказалъ Камаевы рѣчи, и разсуждалъ, какъ идти къ городу. Приговорили: самому государю и князю Владиміру Андреевичу стать на Царевомъ лугу, царю Шигъ-Алею—за Булакомъ; на Арскомъ полѣ стать—большому полку, передовому и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андреевича; правой рукѣ съ казаками—за Казанкою; сторожевому полку—на устьи Булака, а лѣвой рукѣ—выше его. Приказано было, чтобъ во всей рати приготовили на 10 человѣкъ туру, да чтобъ всякій человѣкъ приготовилъ по бревну на тынъ: приказано было также настрого, чтобъ безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго повелѣнія никто не смѣлъ броситься къ городу. 23 августа полки заняли назначенныя имъ мѣста; какъ вышелъ царь на лугъ противъ города, то велѣлъ развернуть свое знамя: на знамени былъ Нерукотворенный образъ, а наверху крестъ, который былъ у великаго князя Димитрія на Дону. Когда отслужили молебенъ, царь подозвалъ князя Владиміра Андреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка, и говорилъ имъ: „Приспѣло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за Святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію, православныхъ христіанъ, терпящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ Казанцевъ; вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други своя; припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Не пощадите головъ своихъ за благочестіе: если умремъ, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умремъ, то умремъ же послѣ, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыхъ отъ безбожныхъ Казанцевъ! Если милосердый Богъ милость Свою намъ пошлетъ, подастъ помощь, то я радъ васъ пожаловать великимъ жалованьемъ; а кому случится до смерти пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать“. Князь Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ: „Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго, и потому должны мы всѣ единодушно помереть съ безбожными этими Агарянами. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй пріемлетъ и толкущему отверзется“. Тогда Іоаннъ, взглянувъ на образъ Іисусовъ, сказалъ громкимъ голосомъ, чтобъ всѣ слышали: „Владыко! о Твоемъ имени движемся!“

150,000 войска со 150 пушками обложили Казань; защищенную только деревянными стѣнами; но за этими стѣнами скрывалось 30,000 отборнаго войска. 23 же числа начались сшибки съ осажденными; при этихъ сшибкахъ, обыкновенно удачныхъ для русскаго войска, особенно удивлялись небывалому порядку: бились только тѣ, которымъ было приказано; изъ другихъ полковъ никто не смѣлъ двинуться.

Въ самомъ началѣ осады твердость Іоанна выдержала сильное испытаніе,—страшная буря сломила шатры и, въ томъ числѣ, царскій; на Волгѣ разбило много судовъ, много запасовъ погибло; войско уныло, но не унывалъ царь: онъ послалъ приказъ двинуть новые запасы изъ Свіяжска, изъ Москвы, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью; ѣздилъ днемъ и ночью кругомъ города, разсматривая мѣста, гдѣ удобнѣе дѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно; ставили туры, снабжали ихъ пушками; гдѣ нельзя было ставить туръ, тамъ ставили тынъ, такъ-что Казань со

всѣхъ сторонъ была окружена русскими укрѣпленіями, ни въ городъ, ни изъ города не могла пройти вѣсть. Казанцы безпрестанно дѣлали вылазки, бились отчаянно съ защитниками туръ, бились, схватываясь за руки, но были постоянно втаптываемы въ городъ. Отъ безпрерывной пальбы по городу гибло въ немъ много людей, стрѣльцы и казаки, закопавшись во рвахъ передъ турами, также не давали Казанцамъ всходить на стѣны, снимали ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами. Но скоро вниманіе осаждающихъ было развлечено: изъ лѣса на Арское поле высыпалъ непріятель многочисленными толпами, напалъ на русскіе полки, и хотя былъ отраженъ съ урономъ, однако не меньшій уронъ былъ и на сторонѣ осаждающихъ; плѣнники объявили, что это приходитъ князь Япанча изъ засѣки, о которой говорилъ прежде Камай-Мурза. Послѣ этого Япанча не давалъ покоя Русскимъ: явится на самой высокой городской башнѣ большое знамя, и вотъ Япанча, по этому условному знаку, нападаетъ на Русскихъ изъ лѣсу, а Казанцы изо всѣхъ воротъ бросаются на ихъ укрѣпленія. Войско истомилось отъ безпрестанныхъ вылазокъ изъ города, отъ наѣздовъ изъ лѣсу и отъ скудости въ пищѣ; съѣстные припасы вздорожали; но и сухого хлѣба ратнику было некогда поѣсть досыта; кромѣ того, почти всѣ ночи онъ долженъ былъ проводить безъ сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Для истребленія лѣсныхъ наѣздниковъ, отправились 30 августа князья — Александръ Борисовичъ Горбатый и Петръ Семеновичъ Серебряный; войско Япанчи, конное и пѣшее, высыпало къ нимъ навстрѣчу изъ лѣсу и потерпѣло рѣшительное пораженіе; побѣдители преслѣдовали его на разстояніи 15 верстъ, потомъ собрались и очистили лѣсъ, въ которомъ скрывались бѣглецы: 340 человѣкъ плѣнныхъ было приведено къ Іоанну. Онъ послалъ одного изъ нихъ въ Казань съ грамотами, писалъ, чтобъ Казанцы били челомъ, и онъ ихъ пожалуетъ; если же не станутъ бить челомъ, то велитъ умертвить всѣхъ плѣнниковъ; Казанцы не дали отвѣта—и плѣнники были умерщвлены передъ городомъ [1]).

На другой день, 31 августа, царь призвалъ *размысла* (инженера)—нѣмца, искуснаго въ разореніи городовъ, и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ Казань. Потомъ призвалъ Камай-Мурзу и русскихъ плѣнныхъ, выбѣжавшихъ изъ Казани, и спросилъ, откуда Казанцы берутъ воду, потому что рѣку Казанку давно уже у нихъ отняли. Тѣ сказали, что есть тайникъ, ключъ въ берегу рѣки Казанки, у Муралеевыхъ воротъ, а ходятъ къ нему подземнымъ путемъ. Царь сперва приказалъ воеводамъ сторожеваго полка, князю Василію Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайникъ; но воеводы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, а можно подкопаться подъ тайникъ отъ каменной Даировой бани, занятой уже давно русскими казаками; царь послалъ для этого Алексѣя Адашева и размысла, но послѣднему велѣлъ для подкапыванія тайника отрядить учениковъ, а самому надзирать за большимъ подкопомъ подъ городъ. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ, наконецъ подкопались подъ мостъ, куда ходятъ за водою; самъ князь Серебряный съ товарищами вошелъ въ подкопъ, и, услыхавъ надъ собою голоса людей ѣдущихъ съ водою, далъ знать государю; царь велѣлъ поставить подъ тайникъ 11 бочекъ пороху,—и 4 сентября тайникъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ Казанцами, шедшими за водой, поднялась на воздухъ часть стѣны, и множество Казанцевъ въ городѣ было побито камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты. Русскіе воспользовались этимъ, ворвались въ городъ и много перебили и поплѣнили Татаръ. Только послѣ этого несчастія осажденными овладѣло уныніе; обнаружилось разногласіе: одни хотѣли бить челомъ государю; но другіе не соглашались; начали искать воды, нашли одинъ смрадный потокъ и довольствовались имъ до самаго взятія города, хотя отъ гнилой воды заболѣвали, пухли и умирали. 6 сентября съ большимъ кровопролитіемъ взятъ былъ острогъ, построенный Казанцами въ 15 верстахъ отъ города, на Арскомъ полѣ, на горѣ, между болотами. Взявши острогъ, воеводы пошли къ Арскому городищу, воюя и пожигая села; отъ Арскаго городища возвратились другою дорогою къ Казани, повоевали Арскую сторону всю, многихъ людей побили, женъ и дѣтей въ плѣнъ взяли, а христіанъ многихъ изъ плѣна освободили; воевали они на 150 верстъ поперекъ, а въ длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали къ Казани въ полки.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались: дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ Царевыхъ воротъ башню въ шесть саженей вышиною; внесли на нее много наряду, пищали полуторныя и затинныя; стрѣльцы начали стрѣлять съ башни въ городъ и побивали много народу. Осажденные укрывались въ ямахъ, копали рвы подъ городскими воротами, подъ стѣнами и рыли норы подъ тарасами: у всякихъ воротъ за рвами были у нихъ большіе тарасы, насыпанные землею; выползая изъ норъ, какъ змѣи, бились они безпрестанно, день и ночь съ осаждающими; особенно жестоко бились они, не давая придвигать туръ ко рву. Несмотря на то, князь Михайла Воротынскій успѣлъ придвинуть туры къ самому рву, противъ Арской башни и Царевыхъ воротъ, такъ что между городскими стѣнами и русскими турами оставался одинъ

[1]) Курбскій разсказываетъ иначе. «Егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣлъ, предъ шанцы выведши, привязати ихъ къ колью, да во градѣ сущихъ своихъ молятъ и напоминаютъ: да поддадутъ Казанское мѣсто цареви христіанскому; такоже и наши ѣздяще, напоминали ихъ, обѣщающе имъ животъ и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ, отъ царя нашего; они же, сихъ словесъ выслухавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: «Лучше, рече, увидимъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ басурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ гауры необрѣзанные!»

ровъ, въ три сажени шириною и въ семь глубиною. Придвинувъ туры ко рву, осаждающіе разошлись обѣдать, оставивъ немногихъ людей подлѣ укрѣпленій; увидавши эту оплошность, Казанцы вылѣзли изо всѣхъ норъ, изъ-за тарасовъ и внезапно напали на туры; защитники ихъ дрогнули и побѣжали; но воеводы успѣли выстроить полки и ударили на Казанцевъ, которые были сбиты во рвы; Русскіе били ихъ и тутъ, но они норами убѣгали въ городъ. Дѣло было кровопролитное, и хотя туры были спасены, но это спасеніе дорого стоило осаждающимъ, потерявшимъ много убитыми и ранеными: самъ князь Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и спасся только благодаря крѣпости своего доспѣха. Въ то время какъ ожесточенный бой кипѣлъ противъ Арской башни, Ногаи и Казанцы сдѣлали вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передового полка и ертоула; здѣсь воеводы были готовы, подпустили непріятеля къ турамъ, ударили на него со всѣхъ сторонъ и поразили безо всякаго для себя урона.

Видя, что русскій огонь не причиняетъ большого вреда осажденнымъ, скрывающимся за тарасами, царь велѣлъ подкопать эти тарасы, и, какъ взорветъ ихъ, придвинуть туры къ самымъ воротамъ, Арскимъ и Царевымъ. 30 сентября тарасы взлетѣли на воздухъ съ людьми; бревна побили множество народа въ городѣ, остальные обезпамятѣли отъ ужаса и долго оставались въ бездѣйствіи; стрѣлы перестали летать изъ Казани. Пользуясь этимъ временемъ, воеводы утвердили туры подлѣ воротъ Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ. Наконецъ Казанцы опомнились, выскочили изо всѣхъ воротъ и съ ожесточеніемъ напали на Русскихъ. Въ это время Іоаннъ самъ показался у города; увидавъ его, Русскіе съ новымъ рвеніемъ ударили на непріятеля, схватились съ нимъ въ воротахъ, на мостахъ, у стѣнъ, бились копьями и саблями, схватывались за руки; дымъ отъ пушечной и пищальной пальбы покрылъ городъ и сражающихся; наконецъ осаждающіе одолѣли, взобрались на стѣны, заняли Арскую башню, втѣснились въ самый городъ; князь Михайла Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общій приступъ; но остальные полки не были приготовлены къ этому дню, и, по царскому приказанію, воиновъ вывели насильно изъ города. Стѣны, ворота и мосты были зажжены, въ Арской башнѣ утвердились русскіе люди; мосты и стѣна горѣли цѣлую ночь, изъ стѣны сыпалась земля; русскіе воеводы велѣли своимъ ратникамъ на занятыхъ мѣстахъ заставиться крѣпкими щитами, а туры засыпать землею; Татары также работали: ставили срубы противъ пробитыхъ мѣстъ и насыпали землею.

На другой день, 1-го октября, царь велѣлъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, устроить мосты и бить изъ пушекъ безпрестанно; били весь день и сбили до основанія городскую стѣну. Общій приступъ былъ назначенъ на другой день, въ воскресенье, 2 октября; во всѣхъ полкахъ велѣно было ратнымъ людямъ исповѣдываться и пріобщаться. Но, прежде рѣшительнаго приступа, царь хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать дѣйствіе мирныхъ переговоровъ; къ городу былъ отправленъ Камай-Мурза съ предложеніемъ, чтобы Казанцы били челомъ государю; если отдадутся въ его волю и выдадутъ измѣнниковъ, то государь проститъ ихъ. Казанцы отвѣчали единогласно: „Не бьемъ челомъ! на стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ, и всѣ помремъ или отсидимся". Тогда царь велѣлъ готовиться къ приступу; по дорогамъ велѣлъ разставить также полки, чтобъ не пропускать Казанцевъ, если вздумають бѣжать изъ города.

Въ ночь съ перваго числа на второе, съ субботы на воскресенье, Іоаннъ, проведши нѣсколько времени наединѣ съ духовникомъ, началъ вооружаться; князь Михаилъ Воротынскій прислалъ сказать ему, что размыслъ подставилъ уже порохъ подъ городскія стѣны, что Казанцы замѣтили его, и потому нельзя мѣшкать. Царь послалъ повѣстить во всѣ полки, чтобъ готовились немедленно къ дѣлу, а самъ пошелъ въ церковь, гдѣ велѣлъ поскорѣе совершать правило; на разсвѣтѣ, отпустивъ свой полкъ къ городу и велѣвъ ему дожидаться себя въ назначенномъ мѣстѣ, пошелъ къ обѣднѣ; здѣсь, когда дьяконъ окончилъ Евангеліе словами: *„И будетъ едино стадо и единъ пастырь"*, раздался сильный громъ, земля дрогнула: царь выступилъ изъ церковныхъ дверей и увидалъ, что городская стѣна взорвана, бревна и люди летятъ на высоту; вскорѣ послѣ этого, когда дьяконъ читалъ на ектеніи молитву о царѣ и вымолвилъ слова: *„Покорити подъ нози его всякаго врага и супостата"*, послѣдовалъ второй взрывъ сильнѣе прежняго,—множество Казанцевъ виднѣлось на воздухѣ, одни перерванные пополамъ, другіе съ оторванными руками и ногами. Тогда русское войско, воскликнувъ: „Съ нами Богъ!" пошло на приступъ. Казанцы встрѣтили его крикомъ: „Магометъ! всѣ помремъ за юртъ!" Въ воротахъ и на стѣнахъ началась страшная сѣча [1]). Одинъ изъ ближнихъ людей вошелъ въ церковь и сказалъ царю: „Государь! время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя". Іоаннъ отвѣчалъ: „Если до конца отслушаемъ службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ". Пріѣхалъ второй вѣстникъ и сказалъ: „Непремѣнно нужно ѣхать царю, надобно подкрѣпить войско". Іоаннъ вздохнулъ глубоко, слезы полились изъ глазъ, онъ началъ молиться: „Не остави мене, Господи Боже мой! не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою!" Обѣдня уже оканчивалась, Іоаннъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ Святой воды, съѣлъ кусокъ просфоры, артоса, принялъ благословеніе духовника, сказалъ духовенству: „Простите меня и благословите пострадать

---

[1]) По словамъ Курбскаго, первый вошелъ на стѣну братъ его.

за православіе, помогайте намъ молитвою!" вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Когда Іоаннъ подъѣхалъ къ городу, знамена русскія развѣвались уже на стѣнахъ; присутствіе царя придало ратникамъ новыя силы; князь Воротынскій прислалъ сказать, что русскіе люди уже въ городѣ, чтобъ царь помогъ имъ своимъ полкомъ; Іоаннъ велѣлъ своему полку спѣшиться и идти на помощь, потому что на лошадяхъ въ городскія улицы въѣхать было нельзя по причинѣ страшной тѣсноты. Татары оказывали отчаянное сопротивленіе; нѣсколько часовъ Русскіе не могли сдѣлать ни шага впередъ; наконецъ имъ удалось забраться на крыши домовъ и оттуда бить непріятеля. Но въ эту рѣшительную минуту многіе ратники, прельстившись добычею, перестали биться и бросились на грабежъ; Казанцы начали одолѣвать остальныхъ. Воеводы дали знать объ этомъ царю; тотъ послалъ новую помощь, которая и успѣла поправить дѣло. Русскіе пробились къ мечети, и здѣсь загорѣлась самая жаркая битва, въ которой погибъ главный мулла. Съ другой стороны, царь Едигеръ затворился въ своемъ дворѣ и крѣпко оборонялся; наконецъ, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ринулся въ нижнюю часть города къ воротамъ: спереди не давалъ ему проходу небольшой русскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ князя Курбскаго, а сзади напирало главное войско. По трупамъ своихъ, лежавшимъ наравнѣ съ стѣною, Татары взобрались на башню и закричали, что хотятъ вступить въ переговоры; Русскіе перестали биться—и Татары начали говорить: „Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ; теперь мы отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго; ведите его къ своему царю. А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу". Выдавши царя вмѣстѣ съ тремя приближенными къ нему вельможами, Татары бросились прямо со стѣны на берегъ Казанки, хотѣли пробиться прямо къ рѣкѣ, но, встрѣченные залпомъ изъ русскихъ пушекъ, поворотили налѣво внизъ, бросили доспѣхи, разулись и перебрели рѣку, въ числѣ 6,000; двое князей Курбскихъ, Андрей и Романъ, обскакали непріятеля, врѣзались въ его ряды и были смяты; но троимъ другимъ воеводамъ—князьямъ Микулинскому и Глинскому и Шереметеву—удалось нанести Казанцамъ окончательное пораженіе; только немногіе успѣли убѣжать въ лѣсъ, и то раненые. Въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ, потому что Іоаннъ велѣлъ побивать всѣхъ вооруженныхъ, а брать въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Узнавши, что Казань въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить молебенъ подъ своимъ знаменемъ, собственными руками вмѣстѣ съ духовенствомъ водрузилъ крестъ, и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго Образа на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія города. Послѣ молебна князь Владиміръ Андреевичъ, всѣ бояре и воеводы поздравляли государя; князь Владиміръ говорилъ: „Радуйся, царь православный, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ! будь здоровъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ! Ты по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ Агарянъ; тобою теперь бѣдные христіане освобождаются навѣки и нечестивое мѣсто освящается благодатію. И впередъ у Бога милости просимъ, чтобъ умножилъ лѣтъ живота твоего и покорилъ всѣхъ супостатовъ подъ ноги твои и далъ бы тебѣ сыновей наслѣдниковъ царству твоему, чтобъ намъ пожить въ тишинѣ и покоѣ". Царь отвѣчалъ: „Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля Господня!" Пріѣхалъ и Шигъ-Алей съ поздравленіемъ; Татарскому царю, поздравляющему съ разрушеніемъ Татарскаго царства, Іоаннъ счелъ приличнымъ отвѣчать оправданіемъ этого разрушенія: „Царь господинъ!" сказалъ онъ: „тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покою; тебѣ упорство ихъ вѣдомо, какимъ злымъ ухищреніемъ много лѣтъ лгали; теперь милосердый Богъ праведный судъ свой показалъ, отомстилъ имъ за кровь христіанскую". Іоаннъ велѣлъ очистить отъ мертвыхъ одну улицу отъ Муралеевыхъ воротъ къ цареву двору, и въѣхалъ въ городъ: впереди ѣхали воеводы и дворяне, сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. Царь былъ встрѣченъ русскими плѣнниками, освобожденными отъ неволи; увидавши государя, они пали на землю со слезами и кричали: „Избавитель нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ; для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!" Царь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и кормить, потомъ распорядиться отсылкою по домамъ. Въѣхавши въ городъ, Іоаннъ велѣлъ воеводамъ гасить пожаръ; всѣ сокровища, взятыя въ Казани, и плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей, онъ отдалъ войску, а себѣ взялъ только царя Едигера, знамена царскія и пушки городскія. Побывъ нѣсколько времени на царевомъ дворѣ, возвратился назадъ въ станъ, гдѣ прежде всего пошелъ въ церковь Св. Сергія принести благодарную молитву чудотворцу, потомъ отправился къ столу, утѣшивъ все войско благодарными словами и обѣщаніемъ жаловать.

Казань была взята; но надобно было распорядиться насчетъ дикаго, воинственнаго народонаселенія, жившаго въ ея области: Іоаннъ разослалъ по всѣмъ улусамъ чернымъ ясачнымъ людямъ жалованныя грамоты; писалъ, чтобъ шли къ нему безъ страха,—онъ ихъ пожалуетъ, а они бы платили ему ясакъ, какъ и прежнимъ казанскимъ царямъ. Арскіе люди и Луговая Черемиса прислали съ челобитьемъ. 4 октября вся Казань была очищена отъ труповъ; царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы; отслужили мо-

лебенъ, освятили воду и съ крестами ходили по городскимъ стѣнамъ. На третій день, 6-го октября, заложенная церковь Благовѣщенія уже была готова и освящена. Въ тотъ же день царь назначилъ намѣстниками въ Казань: большого боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина князя Василія Семеновича Серебрянаго, оставилъ съ ними дворянъ своихъ большихъ, много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ. 11-го октября Іоаннъ выступилъ въ обратный путь: самъ государь поѣхалъ Волгою въ судахъ, а конная рать пошла берегомъ на Василь-Сурскъ съ княземъ Воротынскимъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ царь встрѣтилъ посланныхъ съ поздравленіемъ отъ царицы, отъ князя Юрія Васильевича и отъ митрополита; тутъ онъ вышелъ изъ судовъ и поѣхалъ сухимъ путемъ на Балахну во Владиміръ. Здѣсь ждала его новая радость: прискакалъ бояринъ Траханіотъ съ вѣстью о рожденіи перваго сына, Димитрія. Изъ Владиміра, чрезъ Суздаль и Юрьевъ, царь поѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ прежній митрополитъ Іоасафъ, игуменъ и братія встрѣтили его съ крестами: въ селѣ Тайнинскомъ онъ встрѣченъ былъ братомъ Юріемъ, подъ Москвою—кликами безчисленнаго множества народа: „Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанскому!“ У Срѣтенскаго монастыря встрѣченъ былъ митрополитомъ съ крестами; благословившись у митрополита, Іоаннъ говорилъ ему рѣчь, которая оканчивалась такъ: „А тебѣ, отцу своему и богомольцу, и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, много челомъ бьемъ“. Тутъ царь, князь Владиміръ и все войско поклонились въ землю, послѣ чего Іоаннъ продолжалъ: „И теперь вамъ челомъ бью, чтобъ пожаловали, потщились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ милость намъ Свою послалъ и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ, сохранилъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; поставилъ бы насъ на путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопреосвященный градъ Казанскій, по волѣ Его святой намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое, и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ Нему, чтобъ и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя Святыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь“. Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой прославлялъ милость Божію и подвиги царя, сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ Святымъ, Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ. По окончаніи рѣчи, митрополитъ и все духовенство пали также на землю предъ царемъ, благодаря его за труды. Здѣсь, у Срѣтенскаго монастыря, Іоаннъ переодѣлся: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую,—на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча бармы, на грудь крестъ, и пошелъ пѣшкомъ за крестами въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ. 8, 9, 10 ноября были столы у царя для знатнаго духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту, владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ князя Владиміра Андреевича до послѣдняго сына боярскаго; кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями 48,000 рублей [1]).

Награды соотвѣтствовали подвигу, соотвѣтствовали понятію, которое современники имѣли о немъ. Въ концѣ XIV вѣка Русскіе одержали впервые побѣду надъ Татарами, пришедшими напомнить имъ времена Батыя; Русскіе рѣшились защищаться отъ Татаръ, отражать ихъ нападенія, но долго еще не рѣшались вести съ ними войны наступательной; Іоанну III-му, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ Казани, удалось утвердить здѣсь свое вліяніе, посадить хана изъ своей руки; но этотъ ханъ, подъ конецъ жизни Іоанновой, свергнулъ съ себя зависимость отъ Москвы; въ княженіе Василія Іоанновича мы видѣли рядъ походовъ на Казань для возстановленія прежнихъ отношеній; въ малолѣтство же Іоанна IV-го Казань не только свергнула съ себя зависимость отъ Москвы, но даже приняла наступательный образъ дѣйствія, и сосѣднія области терпѣли сильныя опустошенія. И вотъ, благодаря великодушнымъ усиліямъ молодаго государя, Казань взята, присоединена окончательно къ Московскому государству, *завоевано Татарское царство*. Надобно перенестись въ XVI вѣкъ, чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: завоевано Татарское царство! Только нѣсколько лѣтъ назадъ молодой великій князь рѣшился принять этотъ страшный титулъ царя, означавшій до сихъ поръ преимущество Татарскихъ хановъ, верховныхъ повелителей, передъ которыми преклонялись наши князья; вспомнимъ, что Іоаннъ III-й, требовавшій равенства съ императоромъ Германскимъ и султаномъ, не думалъ о равенствѣ съ царемъ Крымскимъ и билъ ему челомъ. И вотъ царство Татарское завоевано, и завоевано съ необыкновенными усиліями, которыя соотвѣтствовали усиліямъ Сѣверо-Восточной Руси для отраженія Мамая въ 1380 году, но слѣдствія усилій были совершенно различны; слѣдствіемъ усилій Донскаго было только отраженіе страшнаго царя; слѣдствіемъ усилій Іоанна IV было—завоеваніе царства. Въ туманѣ самой отдаленной древности представлялись первые князья Русскіе, эти герои, завоевывавшіе чуждыя страны; давно миновались эти счастливыя времена и замѣнились временами усобицъ и нападеній поганыхъ, несшихъ розно Русскую Землю. Недавно Русская Земля начала

[1]) Царств. книга; Синодал. лѣтоп. № 485; Сказаніе кн. Курбскаго; о числѣ русскаго войска, бывшаго подъ Казанью, такъ назыв. Морозовскій лѣтоп. Толстовской библіотеки.

опять собираться, но о пріобрѣтеніяхъ чуждыхъ земель не думали, ибо на присоединеніе областей Литовскихъ смотрѣли какъ на возвращеніе своего. Завоеваніе Казанскаго царства было, слѣдовательно, первымъ завоеваніемъ, и, что всего важнѣе, завоеваніемъ Татарскаго царства: послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился, наконецъ, царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей—завоевателей. Понятно отсюда, почему Іоаннъ IV-й сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для русскихъ людей XVII вѣка это былъ самый величественный образъ въ Русской исторіи, загораживающій собою всѣ другіе образы,—именно такой, какимъ для русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго; но имѣемъ право сказать, что, относительно всей массы русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Іоанна IV-го, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги Сѣверной войны, Полтавская побѣда не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого сильнаго сочувствія, какое въ русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ Татарскаго царства. Притомъ завоеваніе это не было вовсе слѣдствіемъ личнаго славолюбія молодаго государя и не было слѣдствіемъ стремленій великихъ, но не для всѣхъ понятныхъ, каково, напримѣръ, было стремленіе къ завоеванію Прибалтійскихъ областей: завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка; подвигъ этотъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ впечатлѣніе усиливалось еще разсказами о необыкновенныхъ трудностяхъ подвига, ибо всѣ прежніе походы подъ города, походъ Новгородскій, даже Смоленскій не могли идти въ сравненіе съ этимъ послѣднимъ походомъ Казанскимъ.

Въ исторіи Восточной Европы взятіе Казани, водруженіе креста на берегахъ ея рѣкъ имѣетъ важное значеніе. Преобладаніе азіатскихъ ордъ здѣсь было поколеблено въ XIV вѣкѣ и начало никнуть предъ новымъ европейскимъ, христіанскимъ государствомъ, образовавшимся въ области Верхней Волги. Во второй половинѣ XV вѣка Золотая Орда рушилась, но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться: явились три царства татарскихъ, изъ нихъ Астраханское, образовавшееся въ устьяхъ Волги, было самое безопасное для христіанскихъ государствъ Восточной Европы; Крымское скоро обнаружило свой разбойничій характеръ въ отношеніи къ Руси и Польшѣ; но широкая степь отдаляла Московское государство отъ Крыма. Ничто не отдаляло его отъ третьяго царства—Казанскаго, основаннаго на Средней Волгѣ и Нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ новая Сѣверо-Восточная Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ своемъ естественномъ стремленіи—внизъ по Волгѣ. Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей: издавна утвердился здѣсь торговый и промышленный народъ—Болгары; издавна, когда еще Русскій Славянинъ не начиналъ строитъ на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ еще этихъ мѣстъ во имя европейской гражданственности, Болгаринъ слушалъ уже Коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣсь впервые въ Сѣверо-Восточной Европѣ христіанство столкнулось съ бусурманствомъ. Это столкновеніе было необходимо, какъ скоро новая Русь основалась въ области Верхней Волги, какъ скоро славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ; первые князья новой, Сѣверо-Восточной Руси—Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III, Юрій II—ведутъ войны съ Болгарами и доводятъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ закрѣпляютъ ихъ Нижнимъ-Новгородомъ. Болгарамъ трудно было бы защищать Азію и магометанство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ Татаръ—и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ татарскаго владычества это движеніе снова начинается; но тутъ Азія, Татары собираютъ послѣднія силы и утверждаются въ опасномъ мѣстѣ, основывается Казань. До тѣхъ поръ, пока существовала Казань,—до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было не возможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ Татары, эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманія историка: здѣсь Средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя Московскаго. Пала Казань—и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства; завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Мы видѣли, что до сихъ поръ колонизація русская брала сѣверо-восточное направленіе; Юго-Восточная часть великой равнины не была ей доступна по причинѣ господства здѣсь кочевыхъ ордъ; но съ паденіемъ Казани, т.-е. со взятіемъ всей Волги во владѣніе Московскимъ государствомъ, русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокъ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными—Дона.

Около Казани сосредоточивались и укрѣпляли ее разные дикіе народы, жившіе въ привольныхъ для первобытнаго человѣка мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ Волги, западной и восточной, горной и луговой: Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, Башкиры. Мы видѣли, какъ народонаселеніе горной стороны, Горные люди, послѣ разныхъ колебаній, должны были подчиниться Москвѣ

вслѣдствіе основанія Свіяжска; мы видѣли также, что первымъ дѣломъ Іоанна по взятіи Казани была посылка къ этимъ народцамъ съ приглашеніемъ вступить въ подданство Московское, войти къ Москвѣ въ тѣ же отношенія, въ какихъ находились они къ Казани. Они согласились, и дѣло казалось конченнымъ. Курбскій пишетъ, что въ думѣ, созванной для разсужденія объ устройствѣ новозавоеванной Земли, нѣкоторые бояре совѣтовали царю остаться въ Казани до весны со всѣмъ войскомъ для окончательнаго искорененія бусурманскаго воинства, потому что, кромѣ Татаръ, въ Землѣ Казанской обитали еще пять различныхъ народовъ; но царь не принялъ этого совѣта, а принялъ совѣтъ шурьевъ своихъ и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, также священниковъ, и рѣшился возвратиться въ Москву. Мы не знаемъ, что именно представляли ему тѣ и другіе совѣтники въ пользу своихъ мнѣній; вѣроятно люди, совѣтовавшіе возвратиться, представляли, что странно держать цѣлое войско подъ Казанью изъ одного только опасенія возстаній Луговыхъ или Горныхъ людей; что войска, оставленнаго съ Казанскими намѣстниками, достаточно для защиты города, и что въ случаѣ опасности можно двинуть другіе полки; что неблагоразумно обнаруживать враждебныя намѣренія и такимъ образомъ вооружить противъ себя людей, присылающихъ съ челобитьемъ, готовыхъ платить ясакъ; но главное—мы не должны забывать состава и характера тогдашняго русскаго войска, не должны забывать, что служилые люди еще въ Коломнѣ отказывались отъ дальнѣйшаго похода, объявляя себя утомленными. Курбскій же пишетъ, что оставшіеся князья казанскіе, какіе—неизвѣстно,—соединившись съ Черемисами и другими народцами, подняли войну противъ Русскихъ. Лѣтописецъ складываетъ вину на бояръ, которымъ царь поручилъ промышлять казанскимъ дѣломъ: по его словамъ, они заботились только о кормленіяхъ, а казанское строеніе поотложили [1]). Какъ бы то ни было, не прошло еще двухъ мѣсяцевъ по возвращеніи царя въ Москву, какъ 20 декабря воеводы Васильсурскіе прислали вѣсть, что Луговые и Горные люди побили на Волгѣ гонцовъ, купцовъ и боярскихъ людей, возвращавшихся съ запасами изъ-подъ Казани. Царь послалъ приказаніе Свіяжскому намѣстнику, князю Петру Шуйскому, разыскать между Горными людьми, кто изъ нихъ разбойничалъ. Шуйскій отправилъ для розыску воеводу Бориса Солтыкова: тотъ перехваталъ разбойниковъ, числомъ 74 человѣка; однихъ повѣсили на мѣстѣ, другихъ у Свіяжска, имѣніе ихъ отдали истцамъ. Казанскій намѣстникъ, князь Горбатый, доносилъ, что онъ также перевѣшалъ 38 человѣкъ Казанцевъ и Вотяковъ, замышлявшихъ-было дурное дѣло; что ясакъ собирается успѣшно. Въ концѣ 1552 и въ два первые мѣсяца 1553 г. насчетъ Казани слѣдовательно могли быть спокойны въ Москвѣ; но 10 марта пришла дурная вѣсть: князь Горбатый писалъ, что Луговые люди измѣнили, ясаковъ не дали, сборщиковъ ясака убили, пришли на Арское поле, стали всѣ заодно и утвердились на высокой горѣ у засѣки; воеводы послали на нихъ казаковъ и стрѣльцовъ; тѣ разошлись по разнымъ дорогамъ и побиты были на-голову; стрѣльцы потеряли 350, а казаки 450 человѣкъ, послѣ чего мятежники поставили себѣ городъ на рѣкѣ Мешѣ, въ 70 верстахъ отъ Казани, землею стѣну насыпали и положили тутъ отсиживаться отъ Русскихъ. Чрезъ двѣ недѣли пришла другая вѣсть изъ Свіяжска, еще хуже: мятежники, Черемисы и Вотяки, пришли войною на Горную сторону; князь Шуйскій отпустилъ противъ нихъ извѣстнаго уже намъ Бориса Солтыкова съ дѣтьми боярскими и Горными людьми; но Солтыковъ потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ; кромѣ него, Русскіе потеряли 250 человѣкъ убитыми и 200 плѣнными. По этимъ вѣстямъ, изъ Москвы отправился съ дѣтьми боярскими въ Вятку Данила Ѳедоровичъ Адашевъ, родной братъ Алексѣя; ему велѣно было искать измѣнниковъ по рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ; сверху по Волгѣ шли на помощь Адашеву казаки. Адашевъ все лѣто ходилъ по тремъ рѣкамъ—Камѣ, Вяткѣ и Волгѣ, на перевозахъ, во многихъ мѣстахъ билъ Казанцевъ и Ногаевъ, и переслалъ въ Казань 240 человѣкъ плѣнныхъ. Въ сентябрѣ отправились изъ Москвы воеводы: князь Семенъ Микулинскій, Петръ Морозовъ, Иванъ Шереметевъ и князь Андрей Курбскій; зимою 1554 года начали они военныя дѣйствія, сожгли городъ на Мешѣ, который построили мятежники, били ихъ при всякой встрѣчѣ, воевали четыре недѣли, страшно опустошили всю страну, вверхъ по Камѣ ходили на 250 верстъ, взяли въ плѣнъ 6,000 мужчинъ, 15,000 женщинъ и дѣтей, слѣдствіемъ чего было то, что Арскіе и Побережные (при-Камскіе?) люди дали клятву быть неотступными отъ Казани и давать дань государю. Но лѣтомъ взволновались Луговые люди; воеводы попробовали послать противъ нихъ двухъ казанскихъ князей съ Арскими, Побережными и Горными людьми, чтобъ испытать вѣрность послѣднихъ,—опытъ не удался: Казанцы не пошли на измѣнниковъ, соединились съ ними, побили тѣхъ Арскихъ и Горныхъ людей, которые оставались вѣрны, на Камѣ побили рыбаковъ, и начали приходить къ самой Казани на сѣнокосъ. Противъ нихъ отправился князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій: въ двѣ недѣли были опустошены 22 волости; мятежники, напавшіе на сторожевой полкъ, были разбиты на-голову; толпы Луговыхъ явились на

[1]) Царств. кн. 537: „И по малѣ времени Государю со царицею и съ новорожденнымъ своимъ младенцемъ Дмитріемъ пошедши въ обитель Живоначальныя Троицы, да просвѣтятъ новорожденнаго св. крещеніемъ. И вскорѣ Государь къ Москвѣ возвратися. А боярамъ приказалъ Государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти; они же отъ великаго такого подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша богатства, и начаша о кормленіяхъ сѣдѣти; а Казанское строеніе поотложиша“.

Арской сторонѣ; но Арскіе люди подѣлали остроги и отбились отъ нихъ съ помощію московскихъ стрѣльцовъ, которые стрѣльбою изъ пищалей наносили много вреда нападавшимъ; также остались вѣрны и Горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей казанскихъ, отправленные воеводами вмѣстѣ съ стрѣльцами и новокрещеными народами, поразили войско мятежниковъ и привели въ Казань плѣнными многихъ князей и мурзъ, которые были всѣ казнены. Арскіе люди и Побережные продолжали отличаться вѣрностію: побили въ одну эту осень 1,560 мятежниковъ всякихъ званій. Государь послалъ воеводамъ и вѣрнымъ Татарамъ жалованье — золотые. Но если Арскіе и Побережные люди всѣ были вѣрны и заплатили ясакъ исправно, то Луговые сотники— Мамичъ-Бердей съ товарищами—не пошли въ Казань и попрежнему разбойничали по Волгѣ, разбивая суда. Противъ нихъ отправились князь Иванъ Мстиславскій и бояринъ Данила Романовичъ. Въ чемъ состояли ихъ дѣйствія, мы не знаемъ; только весною 1556 года князь Петръ Ивановичъ Шуйскій далъ знать изъ Казани, что Арскіе люди и Побережные опять измѣнили, стоявшихъ у нихъ стрѣльцовъ побили и ссылаются съ главнымъ мятежникомъ—Мамичъ-Бердеемъ, который взялъ уже себѣ царевича отъ Ногаевъ. Къ счастію, Горные люди оставались по-прежнему вѣрными и оказали важную услугу Москвѣ, освободивъ ее отъ Мамичъ-Бердея: съ 2,000 человѣкъ подступилъ онъ къ ихъ острогу, опустошивъ окрестныя мѣста; Горные люди завели съ нимъ переговоры, обѣщались дѣйствовать заодно противъ царскаго войска, и, въ знакъ союза, позвали его къ себѣ на пиръ: Мамичъ-Бердей пришелъ къ нимъ съ двумя стами своихъ; но эта стража была перебита на пиру, Мамичъ-Бердей схваченъ живой и отвезенъ въ Москву. Государь пожаловалъ за это Горныхъ людей великимъ своимъ жалованьемъ и сбавилъ имъ ясака. Мамичъ-Бердей объявилъ въ Москвѣ, что онъ уже убилъ призваннаго имъ царя изъ Ногаевъ, потому что отъ него не было никакой пользы. Черемисы взоткнули голову убитаго на высокій колъ и приговаривали: „Мы было-взяли тебя на царство для того, чтобъ ты съ своимъ дворомъ оборнялъ насъ; а вмѣсто того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только воловъ и коровъ нашихъ поѣли; такъ пусть голова твоя царствуетъ теперь на высокомъ колѣ“.

Мятежники, лишившись ногайской помощи, потерявъ Мамичъ-Бердея, должны были выдержать нападенія боярина Петра Морозова: послѣдній весною 1556 года съ дѣтьми боярскими, казаками, стрѣльцами, новокрещеными инородцами выступилъ къ Чалымскому городку и сжегъ его, повоевавши и побивши многихъ людей, которые встрѣтили его на рѣкѣ Мешѣ и потерпѣли совершенное пораженіе; послѣ этого Морозовъ воевалъ десять дней, опустошилъ всѣ Арскія мѣста, побилъ многихъ людей, плѣнныхъ вывелъ безчисленное множество. Это было въ маѣ; въ іюнѣ Морозовъ, вмѣстѣ съ воеводою Ѳедоромъ Солтыковымъ, выступилъ въ новый походъ, за 50 верстъ только не дошелъ до Вятки: ратники его брали въ плѣнъ однихъ женщинъ и дѣтей, мужчинъ всѣхъ побивали. Кромѣ того, князь Петръ Шуйскій изъ Казани отпускалъ еще другіе отряды, вслѣдствіе чего Арская и Побережная сторона опустошены были вконецъ; спасшіеся отъ меча и плѣна пришли въ Казань и добили челомъ. Весною слѣдующаго года князь Петръ Шуйскій велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ людямъ поставить на Камѣ городъ Лаишевъ, который долженъ былъ служить обороною противъ Ногаевъ; въ городѣ посажены были новокрещены и стрѣльцы, у которыхъ головами были дѣти боярскія; новокрещенамъ воевода велѣлъ тутъ пашню пахать; также у Казани, по пустымъ селамъ велѣлъ всѣмъ пахать пашни, и русскимъ людямъ и новокрещенамъ. Но въ то же самое время Луговые люди продолжали волноваться: подъ начальствомъ богатыря Ахметека, они напали на Горную сторону, но были поражены княземъ Ковровымъ, и Ахметекъ попался въ плѣнъ; другіе толпы Луговыхъ, приходившія на Арскія мѣста, были также побиты, а между тѣмъ изъ Казани, Свіяжска и Чебоксаръ ежедневно выходили русскіе отряды опустошать Луговую сторону. Наконецъ въ маѣ государь получилъ извѣстіе, что Луговые прислали бить челомъ о своихъ винахъ; Іоаннъ послалъ въ Казань и на Свіягу стряпчаго Ярцова приводить Луговыхъ къ присягѣ. Ярцевъ возвратился съ извѣстіемъ, что вся Казанская Земля успокоилась [1]).

Такимъ образомъ, послѣ взятія Казани нужно было еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобы усмирить всѣ народы, отъ нея прежде зависѣвшіе. Въ борьбѣ этихъ народовъ противъ Москвы, такъ же какъ и въ послѣдней борьбѣ самой Казани, принимаютъ дѣятельное участіе Ногаи, съ которыми до тѣхъ поръ не было у Москвы явно враждебныхъ столкновеній. Послы и купцы ногайскіе часто пріѣзжали въ Москву, приводя съ собою на продажу большіе табуны лошадей; станы этихъ кочевниковъ раскидывались подъ Симоновымъ на берегу и въ другихъ подгородныхъ мѣстахъ. Купцы ногайскіе, при удобномъ случаѣ, не могли удержаться отъ хищныхъ привычекъ, изъ людей торговыхъ становились разбойниками: такъ, Московское правительство жаловалось князьямъ ногайскимъ, что гости ихъ, идя по русскимъ украйнамъ, много вреда надѣлали, деревни грабили, жгли, людей головами брали и въ плѣнъ вели. Надобно было поддерживать дружескія сношенія съ ногайскими князьями, посылать имъ подарки, чтобы они не мѣшались въ дѣла казанскія, не соединялись съ Крымомъ. Намъ не нужно слѣдить въ подробности за сношеніями Московскаго правительства съ ногайскими князьями, по однообразію этихъ сношеній: потомки Едигея обыкновенно такъ писали къ *Бѣлому* князю Московскому: „Ты бы при-

[1]) Никонов. VII, 198—286. Курбскій, стр. 53.

слалъ намъ тѣ деньги, которыя обѣщалъ; доведешь намъ свою правду—и мы Казани не пособляемъ, а отъ Крыма бережемъ, потому что Крымскій ханъ намъ недругъ. Деньги пришли, а не пришлешь—то правда на твоей шеѣ. Большого моего посла ты сухо отпустилъ, а меньшому послу мало поминковъ далъ, а если бы ты намъ другъ былъ, то ты такъ ли бы дѣлалъ? Ты всякій годъ намъ лжешь. Если назовешь насъ себѣ друзьями, то пришли тѣ куны, которыя посулилъ. А Казанскій царь ежедневно присылаетъ насъ звать, чтобъ мы съ нимъ Москву воевали". Іоаннъ приказывалъ отвѣчать на это: „Въ грамотѣ къ намъ писалъ ты многія непригожія слова, и за такими словами непригоже въ дружбѣ быть. Если же впередъ станешь къ намъ дружбу свою дѣлать, то пришлешь къ намъ большого посла, и мы съ нимъ пошлемъ къ тебѣ своего боярина, и что у насъ случится, то мы къ тебѣ пошлемъ". Хотя за непригожія слова и не слѣдовало быть въ дружбѣ, однако вражда была опасна, и обѣщались подарки, если придетъ большой посолъ. За подарки Ногаи готовы были писать Іоанну: „Я твой казакъ и твоихъ воротъ человѣкъ; братству моему знамя то: захотятъ младшіе мои братья или дѣти въ вашу сторону войною идти, то я, если смогу ихъ унять, уйму; если же не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю". Но мы видѣли, какое важное значеніе имѣла Казань для всей Средней Азіи и для всего магометанскаго міра, который теперь, благодаря турецкому оружію, былъ не менѣе могуществененъ, какъ и во время первыхъ калифовъ. Еще при отцѣ Іоанновомъ Крымскій ханъ обратилъ вниманіе султана на униженіе, какому подвергается магометанскій міръ, оставляя Казань въ зависимости отъ христіанскихъ государей Москвы; еще при отцѣ Іоанновомъ посолъ турецкій объявлялъ въ Москвѣ, что Казань есть юртъ султановъ; въ малолѣтство Іоанново Крымскій ханъ необходимымъ условіемъ мира поставлялъ то, чтобъ Москва отказалась отъ притязаній своихъ на Казань. Когда Іоаннъ, возмужавъ, показалъ ясно, что нисколько не думаетъ отказаться отъ этихъ притязаній, въ Бакчисараѣ и Стамбулѣ не могли оставаться равнодушными: Крымскому хану, по причинѣ отдаленія и неудобства сообщеній, нельзя было непосредственно помогать Казани, защищать ее отъ Русскихъ; онъ могъ только нападеніемъ на Московскія украйны отвлекать царя отъ Казани, что онъ и попытался сдѣлать; поэтому султанъ писалъ къ ногайскимъ князьямъ, чтобъ они, заключивъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ, защищали Казань. По донесеніямъ нашихъ пословъ, султанъ такъ писалъ къ ногайскимъ князьямъ: „Въ нашихъ бусурманскихъ книгахъ пишется, что Русскаго царя Ивана лѣта пришли; рука его надъ бусурманами высока; уже и мнѣ отъ него обиды великія; поле все и рѣки у меня поотнималъ. Донъ у меня отнялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю: казаки его съ Азова оброкъ берутъ; воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому царю также обиду дѣлаютъ великую: Перекопъ воевали. Русскіе же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ: какъ вы за это стоять не умѣете? Казань теперь какъ воюютъ! а въ Казани вѣдь наша же вѣра бусурманская. И мы всѣ бусурманы сговорились: станемъ отъ Русскаго царя борониться заодно" [1]). Ногаи исполнили султанову волю, посадили въ Казани царемъ Астраханскаго царевича Едигера; защищали ее сколько могли, боролись съ Русскими и послѣ ея паденія. Но главною причиною слабости ихъ при этой борьбѣ, главною причиною успѣха Русскихъ въ Казани съ самаго начала, потомъ въ Астрахани, и между самими Ногаями, была постоянная усобица владѣтелей; усилится одинъ изъ нихъ и обнаружитъ враждебное расположеніе къ Москвѣ—Москва могла быть увѣрена, что найдетъ себѣ союзниковъ и даже подданныхъ въ другихъ князьяхъ, враждебныхъ ему родичахъ. Въ то время, какъ одинъ Астраханскій царевичъ Едигеръ бился съ Русскими на смерть въ Казани, родственникъ его, также Астраханскій царевичъ, Шигъ-Алей, находился въ русскомъ станѣ; другой царевичъ, Кайбула, владѣлъ Юрьевымъ; изгнанный изъ Астрахани, царь Дербышъ-Алей жилъ въ Звенигородѣ. Незадолго передъ тѣмъ преемникъ Дербыша, Астраханскій царь Ямгурчей, присылалъ въ Москву бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ ему себѣ служить и съ юртомъ; когда же, вслѣдствіе похода Іоаннова на Казань, началось между магометанами движеніе для ея защиты, то Ямгурчею трудно было держаться въ Астрахани въ качествѣ союзника московскаго, и онъ обнаружилъ свою вражду къ Іоанну тѣмъ, что ограбилъ его посла. Одинъ Ногайскій князь, Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, не ладилъ съ Москвою и благопріятно слушалъ предложенія султана, ограбилъ въ 1551 году московскаго посла, много дѣлалъ ему докукъ и безчестья, много словъ говорилъ жестокихъ и хвастливыхъ; но другой князь, Измаилъ, постоянно держался Москвы и говорилъ Юсуфу: „Твои люди ходятъ торговать въ Бухару, а мои ходятъ къ Москвѣ: и только мнѣ завоеваться съ Москвою, то и самому мнѣ ходить нагому, да и мертвымъ не на что будетъ савановъ шить". Этотъ Измаилъ еще до взятія Казани предлагалъ царю овладѣть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчея и на его мѣсто посадить Дербыша; послѣ взятія Казани предложенія возобновились. Въ октябрѣ 1553 года пришли къ Іоанну послы отъ Ногаевъ, отъ мурзы Измаила и другихъ мурзъ съ челобитьемъ, чтобъ царь и великій князь пожаловалъ ихъ, оборонилъ отъ Астраханскаго царя Ямгурчея, послалъ бы рать свою на него и посадилъ бы въ Астрахани на его мѣсто царя Дербыша, а Измаилъ и другіе мурзы будутъ исполнять государеву волю. Царь велѣлъ Адашеву разспросить хорошенько ногайскихъ пословъ, чего они хотятъ, и уговориться, какъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними

[1]) Дѣла Ногайскія, № 2, 3, 4, 5 и 6.

противъ Астрахани. Уговорились, что царь пошлетъ къ Астрахани воеводъ Волгою на судахъ съ пушками, а Измаилъ будетъ помогать имъ сухимъ путемъ, или дѣтей и племянниковъ своихъ пришлетъ къ Астрахани; если воеводы Астраханскій юртъ возьмутъ, то посадятъ здѣсъ царемъ Дербыша; Измаилъ же послѣ этого долженъ идти войною на брата своего, князя Юсуфа, который царю и великому князю не прямитъ, пословъ его безчеститъ.

Предложеніе Измаила было какъ нельзя выгоднѣе для Москвы, которая получала возможность утвердить свою власть надъ Астраханью, всегда столь важною для русской торговли, и, кромѣ того, могла обезсилить враждебныхъ ногайскихъ князей, столь опасныхъ теперь для нея по союзу съ казанскими мятежниками. Но любопытно, какъ въ лѣтописи выставлены причины, которыя заставили Іоанна вооружиться противъ Астрахани: онъ вооружился, вопервыхъ, за свою обиду, потому что Ямгурчей царь присылалъ сначала пословъ бить челомъ, а потомъ измѣнилъ и царскаго посла ограбилъ. При этомъ вспомнилъ царь о своемъ древнемъ отечествѣ: когда Святый Владиміръ дѣлилъ волости дѣтямъ своимъ, то эту Астрахань, называвшуюся тогда Тмутораканомъ, отдалъ сыну своему, Мстиславу; здѣсь былъ построенъ храмъ Пречистыя, здѣсь владѣли многіе государи христіанскіе, потомки Св. Владиміра, сродники царя Ивана Васильевича; а потомъ, вслѣдствіе междоусобныхъ браней русскихъ государей, перешла Астрахань въ руки царей нечестивыхъ ордынскихъ. И умыслилъ царь и великій князь послать рать свою на Астрахань.

Весною 1554 года, какъ прошелъ ледъ, 30,000 русскаго войска, подъ начальствомъ князя Юрья Ивановича Пронскаго-Шемякина, поплыли Волгою подъ Астрахань; туда же отправились вятскіе служилые люди подъ начальствомъ князя Александра Вяземскаго. 29 августа, когда царь, по обычаю, праздновалъ въ селѣ Коломенскомъ свои имянины съ духовенствомъ и боярами, прискакалъ гонецъ отъ князя Пронскаго съ вѣстію о взятіи Астрахани. 29 іюня, писалъ Пронскій, пришли они на Переволоку, что между Волгою и Дономъ, и отпустили напередъ князя Александра Вяземскаго и Данилу Чулкова съ дѣтьми боярскими и казаками—астраханскихъ людей поискать и языковъ добыть. Князь Александръ встрѣтился съ Астраханцами выше Чернаго острова, напалъ на нихъ и разбилъ на-голову: ни одинъ человѣкъ не спасся. Плѣнные сказали воеводамъ, что ихъ послалъ Ямгурчей царь провѣдывать про войско московское, а самъ Ямгурчей стоитъ ниже Астрахани въ пяти верстахъ; въ городѣ людей мало, всѣ люди сидятъ по островамъ. Пронскій, оставя большія суда, пошелъ на спѣхъ къ Астрахани; князя Вяземскаго отпустилъ на Ямгурчеевъ станъ, а самъ пошелъ къ городу, куда прибылъ 2-го іюля; высадившись въ двухъ мѣстахъ, Русскіе двинулись на крѣпость и заняли ее безъ малѣйшаго сопротивленія, потому что защитники ея побѣжали при первомъ видѣ врага. То же самое случилось и съ княземъ Вяземскимъ, который, приблизившись къ царскому стану, не нашелъ тамъ никого; Ямгурчей ускакалъ къ Азову, отпустивши женъ и дѣтей на судахъ къ морю; царицы съ царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всѣмъ угламъ и дорогамъ. 7-го іюля настигнуты были толпы Астраханцевъ, спасавшихся бѣгствомъ; часть ихъ была побита, другіе взяты въ плѣнъ, причемъ освобождено было много русскихъ невольниковъ. Тогда остальные Астраханцы прислали съ челобитьемъ къ воеводамъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ, побивать и разводить не велѣлъ, а велѣлъ бы служить себѣ и царю Дербышъ-Алею. Воеводы согласились на ихъ челобитье съ условіемъ, чтобъ они выдали всѣхъ русскихъ невольниковъ, въ какой бы ордѣ ни были куплены; новый царь Дербышъ-Алей также ихъ пожаловалъ, лучшимъ людямъ велѣлъ жить у себя въ городѣ, а черныхъ отпустилъ по улусамъ; во всѣхъ улусахъ нашлось князей и мурзъ 500 человѣкъ, да черныхъ людей 7,000; послѣ еще перехватали по дорогамъ бѣглецовъ и привели въ Астрахань 3,000 человѣкъ. Давши царю Дербышъ-Алею городъ и наловивши ему подданныхъ, Пронскій обязалъ его клятвою давать Московскому государю каждый годъ 40,000 алтынъ да по 3,000 рыбъ; рыболовамъ русскимъ царскимъ ловить рыбу въ Волгѣ отъ Казани до Астрахани и до самаго моря безданно и безъявочно, астраханскимъ же рыболовамъ ловить съ ними вмѣстѣ безобидно. Если умретъ царь Дербышъ-Алей, то Астраханцы не должны тогда искать себѣ другого царя, а должны бить челомъ государю и его дѣтямъ, кого имъ государь на Астрахань пожалуетъ, тотъ и будетъ имъ любъ. По утвержденіи этихъ условій шертною грамотою, воеводы отправились въ Москву, отпустивши всѣхъ астраханскихъ плѣнниковъ, взяли съ собою только царицъ съ дѣтьми да русскихъ невольниковъ.

Въ февралѣ 1555 года пришла вѣсть, что союзникъ московскій, князь Измаилъ убилъ брата своего Юсуфа и многихъ мурзъ, а дѣтей Юсуфовыхъ и племянниковъ всѣхъ выгналъ. Измаилъ писалъ Іоанну, что теперь вся Ногайская орда смотритъ на него и на союзныхъ ему мурзъ, а что они неотступны будутъ отъ царя и великаго князя до смерти; просилъ, чтобъ государь далъ имъ вольный торгъ въ Москвѣ, Казани и Астрахани. Служилый Татаринъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Юсуфу, задержанный послѣднимъ и освобожденный теперь Измаиломъ, разсказывалъ въ Москвѣ, что братья—Измаилъ и Юсуфъ—рѣзались въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пока Измаилъ не одолѣлъ окончательно Юсуфа; Ногайцевъ съ обѣихъ сторонъ пало множество, какъ орда Ногайская стала, такого падежа надъ ними не было. Такъ дорѣзывали кочевники другъ друга въ степяхъ Приволжскихъ, приготовляя окончательное торжество Московскому государству! Измаилъ просилъ государя послать стрѣльцовъ и казаковъ на Волгу по пере-

козамъ для обереганія, на случай прихода Юсуфовыхъ дѣтей; просьба была немедленно исполнена: стрѣлецкій голова Кафтыревъ и казачій атаманъ Павловъ отправились на Волгу. Побѣдитель Измаилъ долженъ былъ хлопотать о русской помощи, ибо при степной войнѣ онъ не могъ быть покоенъ ни одного дня, пока былъ живъ хотя одинъ изъ сыновей убитаго Юсуфа. Положеніе Дербыша было также незавидное: въ постоянномъ ожиданіи нападеній отъ Ямгурчея, во враждѣ съ Крымскимъ ханомъ, что еще важнѣе, во враждѣ съ главою исламизма, султаномъ Турецкимъ, съ тяжелымъ значеніемъ данника московскаго, посаженнаго на царство вопреки желанію Астраханцевъ. Вотъ почему онъ бросился на сторону Крыма и сыновей Юсуфовыхъ, какъ только тѣ дали обѣщаніе избавить его отъ Ямгурчея. Въ апрѣлѣ 1555 года онъ далъ знать въ Москву, что приходилъ къ Астрахани царь Ямгурчей съ сыновьями Юсуфа, Крымцами и янычарами и приступалъ къ городу; но что онъ, Дербышъ, съ Астраханцами и русскіе казаки, оставленные Пронскимъ, отразили непріятелей. Здѣсь ханъ утаилъ самое важное. Въ маѣ, оставленный въ Астрахани, начальникъ русскаго отряда, Тургеневъ, далъ знать также о приходѣ Ямгурчея и сыновей Юсуфовыхъ, но при этомъ извѣщалъ, что Дербышъ вошелъ въ переговоры съ послѣдними, которые побили Ямгурчея съ братьею, а Дербышъ за это перевезъ ихъ на другую сторону Волги, и такимъ образомъ далъ имъ возможность дѣйствовать противъ Измаила, что только и было имъ нужно; они напали врасплохъ на дядю и выгнали его. Самъ Тургеневъ встрѣтился съ Кафтыревымъ на Волгѣ и сказалъ, что Дербышъ отпустилъ его изъ Астрахани, но пословъ своихъ къ государю не отправилъ и ссылается съ Крымскимъ ханомъ; Кафтыревъ воротилъ Тургенева и съ нимъ вмѣстѣ поплылъ въ Астрахань со всѣми стрѣльцами и казаками. Пріѣхавши въ Астрахань, Кафтыревъ нашелъ городъ пустымъ: всѣ Астраханцы разбѣжались, испуганные слухомъ, что Московскій царь послалъ на нихъ свою рать и велѣлъ всѣхъ ихъ побить, а между тѣмъ изъ Крыма пришли уже къ нимъ три царевича съ пушками и пищалями. Кафтыревъ повѣстилъ Дербышу и всѣмъ Астраханцамъ, что царь и великій князь вовсе не хочетъ воевать ихъ, а напротивъ — отправляетъ къ нимъ посла своего Мансурова съ милостями; отсылаетъ назадъ къ нимъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ царицъ, о которыхъ просилъ Дербышъ; отпускаетъ ихъ пословъ, новыхъ Дербышевыхъ и старыхъ Ямгурчеевыхъ, и даритъ имъ годовую дань. По этой повѣсткѣ Дербышъ и Астраханцы возвратились въ городъ. Тогда же была получена вѣсть, что Измаилъ, собравшись съ людьми, опять выгналъ племянниковъ и владѣетъ всѣми Ногаями. Осенью самъ Измаилъ прислалъ пословъ съ жалобою на Дербыша, что тотъ царю и великому князю не прямитъ, имъ, Ногаямъ, надѣлалъ много дурного; чтобъ государь ихъ отъ Дербыша оборонилъ, взялъ бы и Астрахань въ свое полное владѣніе, какъ Казань; такимъ образомъ и здѣсь сами ордынцы потребовали отъ Москвы уничтоженія другого Татарскаго царства. За себя Измаилъ и всѣ мурзы прислали шертную грамоту, въ которой клялись — куда ихъ царь и великій князь пошлетъ—всюду ходить, и на всѣхъ недруговъ быть заодно. Измаилъ вздумалъ-было писать себя отцомъ царю Московскому и требовать, чтобъ ему платили ежегодно съ Казани двадцать сотъ рублей. Іоаннъ отвѣчалъ ему: „Мы для тебя велѣли свое астраханское дѣло дѣлать накрѣпко. И если астраханское дѣло сдѣлается, и понадобится тебѣ самому, или женамъ и дѣтямъ твоимъ жить въ Астрахани, то мы велѣли держать васъ здѣсь съ немногими людьми какъ можно васъ прокормить, и беречь васъ велѣли отъ вашихъ недруговъ, а если астраханское дѣло не сдѣлается, то вамъ и въ Казань пріѣздъ и отъѣздъ вольный съ немногими людьми, съ пятидесятью или шестидесятью, какъ бы можно было ихъ въ Казани прокормить. А что писалъ ты къ намъ въ своихъ грамотахъ многія слова невѣжливыя, и мы на тебя погнѣвались, потому что тебѣ наше государство и прежнія дѣла вѣдомы, какъ прежніе князья ногайскіе и мурзы къ отцу нашему и къ намъ писали. И ты-бъ впередъ бездѣльныхъ словъ не писалъ. А мы нынѣ гнѣвъ свой отложили для того, что на тебя отъ твоихъ недруговъ многія кручины пришли, и мы хотимъ за прежнюю твою дружбу тебѣ помогать". Измаилъ послѣ этого уже не писался отцомъ Іоанну, а писалъ: „Всего христіанства государю, Бѣлому царю много-много поклонъ": просьбы были прежнія: „Пришли мнѣ трехъ птицъ, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красокъ много, да бумаги много, да 500,000 гвоздей". Въ мартѣ 1556 года Измаилъ опять далъ знать въ Москву, что Дербышъ измѣнилъ окончательно, соединился съ Крымскимъ ханомъ и Юсуфовыми дѣтьми, и московскаго посла Мансурова выбилъ изъ Астрахани; что онъ, Измаилъ, пошелъ уже подъ Астрахань, чтобъ и государь посылалъ туда же рать свою. Въ то же самое время пришла изъ Казани вѣсть о возстаніи Мамичъ-Бердея и о приходѣ къ нему царевича отъ Ногаевъ: это заставляетъ думать, что движеніе казанское было въ связи съ астраханскимъ, а толчекъ оба движенія, разумѣется, получили изъ Крыма. Чрезъ нѣсколько дней пришла вѣсть и отъ самого Мансурова: посолъ извѣщалъ, что Дербышъ измѣнилъ, побилъ князей, которые служили прямо царю и великому князю; къ нему, Мансурову, приступалъ три дня со всѣми людьми, но онъ отбился отъ Астраханцевъ въ маломъ городѣ у Волги, пошелъ на судахъ вверхъ по рѣкѣ и теперь у казаковъ на переволокѣ; изъ 500 человѣкъ народу у него осталось только 308,—иные побиты, иные потонули, другіе съ голоду на дорогѣ померли. Государь немедленно въ томъ же мѣсяцѣ отправилъ къ Измаилу 50 казаковъ съ пищалями, и писалъ нему, что отпускаетъ рать свою Волгою на Астрахань, а полемъ послалъ

для него, Измаила, и для астраханскаго дѣла 500 казаковъ съ атаманомъ Ляпуномъ Филимоновымъ.

Волгою отправились подъ Астрахань стрѣльцы съ своими головами Черемисиновымъ и Тетеринымъ, казаки съ атаманомъ Колупаевымъ, и Вятчане съ главнымъ головою Писемскимъ. Атаманъ Ляпунъ Филимоновъ предупредилъ ихъ, напалъ на Дербыша, побилъ у него много людей, много взялъ въ плѣнъ и сталъ дожидаться Черемисинова съ товарищами. Языки сказывали, что Крымскій ханъ прислалъ въ Астрахань 700 Татаръ и 300 янычаръ съ пушками и пищалями. Въ сентябрѣ, когда царь, по обыкновенію, былъ у Троицы для празднованія дня Св. Сергія (25 числа), пришло донесеніе отъ Черемисинова: пріѣхалъ онъ въ Астрахань, а городъ пустъ; царь и люди выбѣжали, разогнанные атаманомъ Ляпуномъ; головы сѣли въ Астрахани, городъ укрѣпили и пошли къ морю; нашли всѣ суда астраханскія, посѣкли ихъ и пожгли, а людей не нашли,—люди скрылись далеко на берегу. Пошли въ другой разъ Писемскій и Тетеринъ, нашли царя отъ берега верстъ съ 20, напали на него ночью и побили многихъ людей; на утро собрался царь Дербышъ съ мурзами ногайскими и крымскими и со всѣми Астраханцами; Русскіе пошли назадъ, Дербышъ преслѣдовалъ ихъ и бился, идучи весь день до Волги. Послѣ этого Дербышъ началъ пересылаться съ Черемисиновымъ, билъ челомъ, что измѣнилъ государю неволею, чтобъ государь ему милость показалъ; вмѣстѣ со всѣми Астраханцами поклялся, что поѣдутъ въ городъ и будутъ служить государю. Головы, въ ожиданіи прихода Астраханцевъ, укрѣпились въ городѣ, чтобы можно было сидѣть безстрашно; по Волгѣ казаковъ и стрѣльцовъ разставили, отняли всю волю у Ногаевъ, у Астраханцевъ отняли всѣ рыбныя ловли и перевозы. Дербышъ не приходилъ въ городъ по обѣщанію, клятвѣ своей измѣнилъ,—отводилъ его отъ государя Крымскій воевода, присланный отъ Девлетъ-Гирея, да Юсуфовы дѣти. Но послѣдніе недолго оставались на Крымской сторонѣ; началась опять рѣзня между Ногаями, три дня бились другъ съ другомъ два рода — Юсуфовы дѣти съ Шигъ-Мамаевыми дѣтьми, и слѣдствіемъ было то, что Юсуфовы дѣти помирились съ дядею Измаиломъ, убійцею отца ихъ, и прислали бить челомъ къ русскимъ головамъ, что хотятъ служить государю, какъ служитъ ему дядя ихъ Измаилъ, будутъ кочевать у Астрахани, а дурного ничего дѣлать не будутъ; головы приняли ихъ челобитье, дали имъ суда, на чемъ ѣхать къ Измаилу и на чемъ кормиться на Волгѣ. Вслѣдствіе такого переворота въ степной политикѣ, судьба Астрахани рѣшилась такъ, что московскому стрѣльцу, сидѣвшему въ астраханскомъ кремлѣ, ненужно было заряжать своей пищали; Юсуфовы дѣти бросились на стараго союзника своего Дербыша и прогнали его, отняли крымскія пушки и прислали ихъ къ Черемисинову въ Астрахань; Дербышъ побѣжалъ къ Азову и не возвращался болѣе; черные люди Астраханцы начали послѣ этого приходить къ головамъ, присягать и бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ жить по-старому у Астрахани и дань давать, казнить бы ихъ не велѣлъ; они люди черные, водилъ ихъ царь и князья неволею; много Астраханцевъ развели также Ногаи въ то время, какъ тѣ бѣгали отъ русскаго войска.

Такъ, устья Волги окончательно закрѣпились за Москвою. Изъ астраханскаго кремля московскій стрѣлецкій голова легко наблюдалъ за Ногаями, которые просили только позволенія кочевать безопасно подъ Астраханью, ловить рыбу на Волгѣ и торговать безпрепятственно. Государь велѣлъ казацкому атаману Ляпуну Филимонову утвердиться на Волгѣ, у переволоки, и сотскому Кобелеву на рѣкѣ Иргызѣ для обереганія Ногаевъ отъ Русскихъ и Крымскихъ казаковъ, также для перевозки пословъ. Усобицы, не перестававшія между кочевниками, ручались и за будущую безопасность этихъ застепныхъ русскихъ владѣній; сыновья Юсуфа недолго нажили въ мирѣ съ дядею Измаиломъ; осенью 1557 года они согнали его съ княженія; но это событіе не повело ни къ какой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Ногаевъ къ Русскому правительству; старшій изъ Юсуфовыхъ дѣтей, ставши княземъ, поклялся въ вѣрности государю и объявилъ: укрѣпится онъ на княженіи—будетъ служить царю и великому князю; сгонятъ ли его—все же онъ государевъ холопъ, и другой надежды у него нѣтъ ни на кого; а за то бы государь на него не сердился, что онъ разбранился съ Измаиломъ; у нихъ прошла кровь, Измаилъ отца у нихъ убилъ.

Причина, почему Ногаи такъ боялись Москвы, извѣстна; въ станѣ у сыновей Юсуфовыхъ говорили: „Если государь царь дастъ Измаилу пищальниковъ, то Ногаи всѣ пропали; государь взялъ всю Волгу до самаго моря, скоро возьметъ и Сарайчикъ, возьметъ весь Яикъ, Шамаху, Дербентъ, и намъ всѣмъ быть отъ него взятымъ. Наши книги говорятъ, что всѣ бусурманскіе государи Русскому государю поработаютъ". Русскіе посланцы доносили: „Ногаи изводятся; людей у нихъ мало добрыхъ, и тѣ голодны необычно и пѣши; не вѣрятъ другъ другу и родные братья; Земля ихъ пропала, другъ друга грабятъ". Измаилъ, который прежде хотѣлъ писаться отцомъ Іоанну, теперь долженъ былъ согласиться писать Іоанна государемъ; вмѣстѣ съ московскимъ посломъ убѣждали его къ этому собственные его люди, бывавшіе въ Москвѣ послами и знавшіе могущество царя; они говорили Измаилу: „Не стыдись, князь Измаилъ! пиши Бѣлаго царя государемъ; Нѣмцы посильнѣе тебя, да и у нихъ государь всѣ города побралъ". Измаилъ опять осилилъ племянниковъ; но старшій изъ нихъ, Юнусъ, отъѣхалъ на службу въ Москву; русскій посолъ доносилъ: „Ногаи всѣ пропали, немного ихъ съ Измаиломъ осталось, да и тѣ въ розни; Измаилъ сильно боится Юнуса, потому что всѣ улусные люди Юнуса очень любятъ и желаютъ видѣть его на юртѣ; а кромѣ Юнуса юрта держать

некому. Измаилъ не юртный человѣкъ, да и старъ уже; улусы у него мятутся, грозятъ ему, хотятъ въ Крымъ бѣжать". Въ 1562 году Измаилъ писалъ царю: „Прежде братство и дружба твоя къ намъ была; прежде ты намъ говорилъ, что если возьмешь Казань, то намъ ее отдашь; ты Казань взялъ, а намъ ея не отдалъ. Потомъ Астрахань взялъ; хотѣлъ и ее также намъ отдать, и не отдалъ. Волга пала въ море 66-ю устьями, и этими рѣками всѣми ты владѣешь; бью челомъ, дай мнѣ одну изъ нихъ, Бузанъ; станутъ говорить: у друга своего, Бѣлаго царя, одной рѣки не могъ выпросить! И твоему, и моему имени добрая ли то слава? Твоимъ жалованьемъ держу у себя слугъ своихъ. Голодны мы и въ нуждѣ большой; не откуда намъ деньгу взять; пожаловалъ бы ты, прислалъ 400 рублей". Царь отвѣчалъ: „Того слова не бывало, что будто мы хотѣли тебѣ Астрахань отдать. А о Бузанѣ мы сыскивали и нашли, что изстари по Бузанъ былъ рубежъ Астраханскій, и ты-бъ велѣлъ людямъ своимъ кочевать по своей сторонѣ Бузана, а за Бузанъ не переходить". Измаилъ просилъ, чтобъ царь вывелъ изъ Астрахани враждебныхъ ему князей; Іоаннъ отвѣчалъ: „Этихъ князей скоро намъ вывести нельзя потому: какъ взяли мы Астрахань, то астраханскимъ князьямъ свое жалованное слово молвили, чтобъ они отъ насъ разводу и убійства не боялись. Такъ чтобъ въ другихъ земляхъ не стали говорить: вѣра вѣрѣ недругъ, и для того христіанскій государь мусульманъ изводитъ. А у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано, не велѣно силою приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судитъ въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право или неправо, а людямъ того судить не дано".

Утвержденіе въ устьяхъ Волги открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьи; князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ Крымцевъ, и потому, какъ скоро увидали у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, свободной торговлѣ въ Астрахани, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно, волею-неволею, затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на Востокъ, къ Кавказу и за него. Тотчасъ послѣ паденія Казани, въ ноябрѣ 1552 года, пріѣхали въ Москву двое Черкасскихъ князей съ просьбою, чтобъ государь вступился за нихъ и взялъ ихъ себѣ въ холопы. Въ августѣ 1555 года пріѣхали въ Москву князья Черкасскіе Жаженскіе [1]), Сибокъ съ братомъ Ацымгукомъ да Тутарыкъ, въ сопровожденіе 150 человѣкъ. Били они челомъ отъ всей Земли Черкасской, чтобъ государь далъ имъ помощь на Турецкаго и Крымскаго царей; а они—холопи царя и великаго князя съ женами и дѣтьми и вовѣки. Государь пожаловалъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, насчетъ же Турецкаго царя велѣлъ имъ отмолвить, что Турскій султанъ въ миру съ царемъ и великимъ княземъ, а отъ Крымскаго государя хочетъ ихъ беречь какъ только можно. Князь Сибокъ просилъ, чтобъ государь велѣлъ окрестить сына его, а Тутарыкъ просилъ, чтобъ окрестили его самого. Лѣтомъ 1557 года пріѣзжали въ Москву другіе черкасскіе князья. Тогда же двое князей Черкасскихъ Кабардинскихъ, Темрюкъ и Тпзрютъ, прислали бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ имъ себѣ служить и велѣлъ бы Астраханскимъ воеводамъ дать имъ помощь на шамхала Тарковскаго; посолъ говорилъ: только государь ихъ пожалуетъ, какъ пожаловалъ Жаженскихъ князей, и поможетъ на недруговъ, то князь Грузинскій и вся Земля Грузинская будутъ также бить челомъ государю въ службу, потому что Грузинскій князь въ союзѣ съ Кабардинскими князьями. Съ другой стороны, изъ владѣній шамхала и князя Тюменскаго (съ береговъ Терека) пришли послы съ челобитьемъ, чтобъ государь велѣлъ имъ быть въ своемъ имени, приказалъ бы Астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговымъ людямъ далъ бы дорогу чистую; что государь велитъ себѣ прислать, то будутъ присылать каждый годъ. Черкасскіе князья просили помощи на шамхала, шамхалъ просилъ помощи на Черкасскихъ князей; Тюменскій мурза просилъ помощи на дядю своего, Тюменскаго князя: посадилъ бы государь его на Тюменѣ, а онъ—холопъ государевъ; подданные шамхала просили, чтобъ государь далъ имъ другого владѣтеля, а они всею Землею холопи государевы; ханы Хивинскій и Бухарскій присылали съ великимъ челобитьемъ, чтобъ государь далъ дорогу купцамъ ихъ въ Астрахань.

Легко понять, какъ смотрѣли на все это въ Крыму. Попытка отвлечь Іоанна отъ Казани нападеніемъ на Московскія украйны не удалась; дѣятельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну безъ надежды на грабежъ не нравилось разбойникамъ: они умѣли только раздувать возстанія на Волгѣ и не умѣли ихъ поддерживать, вслѣдствіе чего Казань и Астрахань стали московскими городами. По возвращеніи Іоанна изъ-подъ Казани, Девлетъ-Гирей завелъ опять пересылку съ Москвою; осенью 1553 года прислалъ даже шертную грамоту, написанную точно такъ, какъ требовалъ царь, только безъ царскаго титула; прописано было даже, что если московскій посолъ потерпитъ безчестіе въ Крыму, то государь Московскій имѣетъ право подвергнуть такому же безчестію крымскаго посла у себя. Попрежнему ханъ жаловался, что Іоаннъ присылаетъ ему мало поминковъ; а если пришлетъ больше, то онъ и помирится крѣпче. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что дружбы подарками не покупаетъ; и, чтобъ миръ съ ханомъ былъ крѣпче, велѣлъ строить городъ Дѣдиловъ въ степи, противъ Тулы. Лѣтомъ 1555 года, поднявши Дербышъ-Алея въ Астрахани противъ Русскихъ, Девлетъ-Гирей вздумалъ опять попытаться напасть врасплохъ на Московскія украйны. По обычаю — *въ одну сторону лукъ натя-*

[1]) Арцыбашевъ спрашиваетъ: не Чеченскіе ли?

нуть, а въ другую стрѣлять[1])—ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на Черкасовъ. Обязавшись защищать этихъ новыхъ подданныхъ, Іоаннъ первый изъ Московскихъ государей рѣшился предпринять наступательное движеніе на Крымъ, и отправилъ боярина Ивана Васильевича Шереметева съ 13,000 войска къ Перекопи въ Мамаевы луга, промыслить тамъ надъ стадами крымскими и отвлечь хана отъ Черкасъ. Шереметевъ двинулся, но на дорогѣ получили вѣсть, что ханъ, вмѣсто Черкасъ, идетъ съ 60,000 войска къ Рязанскимъ или Тульскимъ украйнамъ. Шереметевъ далъ знать объ этомъ въ Москву, и царь, отправивъ тотчасъ же воеводъ, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго съ товарищами, въ походъ, самъ выступилъ за ними на третій день съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ Коломну. Здѣсь дали ему знать, что ханъ идетъ къ Тулѣ; Іоаннъ двинулся туда же; ханъ, узнавши, что самъ царь идетъ къ нему навстрѣчу, поворотилъ назадъ. Между тѣмъ Шереметевъ шелъ за ханомъ съ намѣреніемъ хватать малочисленные татарскіе отряды, когда они разсѣятся для грабежа по украйнѣ, и прежде всего отправилъ треть своего войска на крымскій обозъ, который съ половиною лошадей Татары обыкновенно оставляли назади, въ разстояніи пяти или шести дней отъ главнаго войска, чтобъ лошади и верблюды могли удобнѣе прокормиться. Русскіе взяли обозъ, при которомъ нашли 60,000 лошадей, 200 аргамаковъ, 80 верблюдовъ, и прислали Шереметеву 20 языковъ, которые сказали ему, что ханъ идетъ къ Тулѣ; Шереметевъ продолжалъ идти за нимъ слѣдомъ; но въ это время ханъ уже узналъ о царскомъ походѣ и возвратился назадъ. Въ 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтился онъ съ отрядомъ Шереметева, который, несмотря на малочисленность своего войска, ослабленнаго уходомъ трети ратныхъ людей на крымскій обозъ и еще не возвратившихся, вступилъ въ битву, бился съ полудня до ночи, потопталъ передовой полкъ, правую и лѣвую руку, взялъ знамя князей Ширинскихъ. Но Татары не ушли; надобно было приготовляться къ новой битвѣ на другой день, и Шереметевъ послалъ гонцовъ къ тому отряду, который ходилъ на обозъ, чтобъ спѣшилъ къ нему на помощь; но изъ этого отряда прискакали къ утру только немногіе, остальные съ добычею отправились въ ближайшіе русскіе города, кто въ Рязань, кто въ Мценскъ. Между тѣмъ ханъ, ночью пыталъ двоихъ русскихъ плѣнниковъ; хотѣлось ему дознаться о числѣ войска, такъ храбро бившагося съ нимъ днемъ; одинъ изъ плѣнниковъ не вытерпѣлъ мукъ и разсказалъ, что у Шереметева людей мало, и тѣхъ цѣлая треть отпущена на татарскій обозъ. Ободренный этимъ извѣстіемъ, ханъ на разсвѣтѣ возобновилъ битву; бились до полудня. Сначала и тутъ Русскіе успѣли разогнать Крымцевъ, и около хана оставались только янычары; но воевода Шереметевъ былъ тяжело раненъ и сбитъ раненымъ конемъ; Русскіе замѣшались безъ воеводы и потерпѣли сильное пораженіе; только двумъ воеводамъ, Басманову и Сидорову, удалось собрать около себя тысячъ съ пять или шесть ратныхъ людей и засѣсть въ лѣсномъ оврагѣ; три раза приступалъ къ нимъ ханъ со всѣмъ войскомъ—и всякій разъ безъ успѣха; наступилъ вечеръ; ханъ, боясь приближенія русскаго войска, оставилъ Басманова и Сидорова въ покоѣ и поспѣшилъ переправиться за Сосну; Русскіе потеряли въ Судбищенской битвѣ 320 дѣтей боярскихъ и 34 стрѣльца. Царь переправился уже чрезъ Оку и приближался къ Тулѣ, когда ему дали знать, что Шереметевъ пораженъ и ханъ идетъ къ Тулѣ: мнѣнія раздѣлились между воеводами: одни говорили, что надобно идти назадъ за Оку и оттуда къ Москвѣ; другіе говорили, что не должно обращать тыла передъ врагомъ и помрачать прежнюю славу: хотя ханъ и одержалъ побѣду надъ Шереметевымъ, однако войско его утомилось, потеряло много убитыми и ранеными, потому что битва была упорная, двухдневная. Царь принялъ послѣднее мнѣніе и продолжалъ походъ къ Тулѣ, но, пришедши туда, узналъ, что ханъ спѣшитъ въ Крымъ, дѣлаетъ по 70 верстъ въ день и догнать его нельзя, потому что между нимъ и царемъ уже четыре дня пути. Простоявши въ Тулѣ два дня, дождавшись сбора всѣхъ своихъ ратныхъ людей, Іоаннъ возвратился въ Москву.

Въ мартѣ слѣдующаго 1556 года ему дали знать, что ханъ опять собирается со всѣми людьми, хочетъ быть рано весною на Московскую украйну. Царь послалъ дьяка Ржевскаго съ казаками изъ Путивля на Днѣпръ, велѣлъ ему идти Днѣпромъ подъ Крымскіе улусы, добывать языковъ, провѣдывать про царя. Ржевскій пришелъ на рѣку Пселъ, построилъ здѣсь суда, выплылъ въ Днѣпръ и пошелъ по наказу; въ то же время внизъ по Дону отправился другой отрядъ для наблюденій. Въ маѣ выбѣжалъ плѣнникъ изъ Крыма и принесъ вѣсть, что ханъ вышелъ и велѣлъ брать запасовъ на все лѣто. Тогда царь приговорилъ съ братьями и боярами идти въ Серпуховъ, здѣсь собраться съ людьми и идти на Тулу, изъ Тулы выйти на поле, дожидаться хана и дѣлать съ нимъ прямое дѣло, какъ Богъ поможетъ. Въ Серпуховъ пришелъ къ царю гонецъ отъ Чулкова, начальника того отряда, который плылъ Дономъ для вѣстей; Чулковъ писалъ, что встрѣтилъ близъ Азова 200 человѣкъ Крымцевъ, побилъ ихъ на-голову и узналъ отъ плѣнныхъ, что ханъ въ самомъ дѣлѣ собрался на Московскія украйны, но получилъ вѣсть, что царь готовъ его встрѣтить, и пошелъ-было на Черкасъ, какъ прислали къ нему на Міусъ вѣсть изъ Крыма, что много русскихъ людей показалось на Днѣпрѣ у Исламъ-Керменя,—и ханъ поспѣшилъ возвратиться. Эти русскіе люди были ратники Ржевскаго, къ которому пристали на Днѣпрѣ 300 казаковъ Малороссійскихъ изъ Канева. Получивъ эти подкрѣп-

[1]) Курбскій, стр. 49.

ленія, Ржевскій пошелъ подъ Исламъ-Кермень: люди выбѣжали отсюда, заслышавъ о приходѣ небывалыхъ гостей, и Русскимъ удалось только отогнать лошадей и скотъ; отъ Исламъ-Керменя Ржевскій поплылъ дальше къ Очакову, здѣсь взялъ острогъ, побилъ Турокъ и Татаръ, и поплылъ назадъ; Турки преслѣдовали его: онъ засѣлъ въ засаду въ тростникѣ у Днѣпра, побилъ у непріятеля изъ пищалей много людей, а самъ отошелъ благополучно. У Исламъ-Керменя встрѣтилъ старшаго Крымскаго царевича (калгу) со всѣмъ Крымомъ, съ князьями и мурзами, сталъ противъ него на островѣ, перестрѣливался изъ пищалей шесть дней, ночью отогналъ у Татаръ конскія стада, перевезъ къ себѣ на островъ, потомъ переправился на западную, Литовскую, сторону Днѣпра и разошелся съ Крымцами благополучно. Ржевскій прислалъ сказать государю, что ханъ уже больше не пойдетъ къ Московскимъ украйнамъ, и потому, что боится царскаго войска, и потому, что въ Крыму моровое повѣтріе.

Походъ Ржевскаго произвелъ сильное движеніе въ Литовской украйнѣ, между казаками Малороссійскими; неслыханное дѣло: Московскіе люди явились на Днѣпрѣ и ходили внизъ, искали Татаръ и Турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ! Мы видѣли, что 300 Малороссійскихъ казаковъ не утерпѣли, чтобъ не проводить московскаго дьяка въ его прогулкѣ на бусурмановъ. Когда прогулка удалась, не утерпѣлъ начальникъ всей украйны, староста Каневскій, князь Димитрій Вишневецкій, истый казакъ по природѣ, достойный преемникъ Евстаѳія Дашковича. Въ сентябрѣ 1557 года въ Москву явился одинъ изъ атамановъ, провожавшихъ Ржевскаго подъ Очаковъ, и привезъ царю челобитье отъ Вишневецкаго, чтобъ Государь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служить, а что онъ, князь Димитрій Ивановичъ, отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ и на Днѣпрѣ, на Хортицкомъ островѣ, городъ поставилъ противъ Конскихъ Водъ у крымскихъ кочевищъ. Царь послалъ къ нему двоихъ дѣтей боярскихъ съ опасною грамотою и съ жалованьемъ. Вишневецкій отвѣчалъ съ ними, что онъ, холопъ государевъ, далъ клятву пріѣхать въ Москву, но прежде обѣщалъ идти воевать крымскіе улусы и Исламъ-Кермень, чтобъ показать свою службу царю и великому князю. Объ этой службѣ узналъ царь въ декабрѣ прямо изъ Крыма: пріѣхалъ гонецъ отъ Девлетъ-Гирея съ извѣстіемъ, что ханъ отпускаетъ на окупъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ имъ на бою съ Шереметевымъ; въ грамотѣ ханъ писалъ, что онъ уже всю безлѣпицу оставляетъ и хочетъ крѣпкаго мира, для утвержденія котораго надобно съ обѣихъ сторонъ отправить добрыхъ пословъ. Посолъ московскій, Загрязскій, жившій, по обычаю, все это время въ Крыму, писалъ, что ханъ провелъ все лѣто въ тревогѣ, ожидая царскаго прихода въ Крымъ, посылалъ къ султану, чтобъ тотъ спасъ его отъ бѣды; что перваго октября Вишневецкій взялъ Исламъ-Кермень, людей побилъ, пушки вывезъ на Днѣпръ въ свой Хортицкій городъ; съ другой стороны, Пятигорскіе Черкесы, двое князей, бывшихъ въ Москвѣ, взяли два города—Темрюкъ и Тамань; что ханъ хочетъ мириться и отправляетъ большихъ пословъ. Царь отвѣчалъ, что если ханъ хочетъ быть съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ, то пусть поклянется въ ней передъ Загрязскимъ и пришлетъ въ Москву добрыхъ пословъ. Но хану прежде всего хотѣлось выгнать Вишневецкаго съ Хортицкаго острова: весною 1557 года онъ приходилъ туда со всѣми своими людьми, приступалъ къ городку 24 дня, но принужденъ былъ отступить въ большимъ стыдомъ и урономъ. Вишневецкій, извѣщая объ этомъ царя, писалъ, что пока онъ будетъ на Хортицѣ, Крымцамъ ходить войною никуда нельзя. Но если таково было значеніе Хортицы, то Вишневецкій долженъ былъ понимать, что Крымцы и Турки не оставятъ его здѣсь въ покоѣ; осенью того же года пришла отъ него въ Москву иная вѣсть: онъ писалъ, что, услыхавъ о приближеніи войска крымскаго, турецкаго и волошскаго къ его городку, онъ покинулъ его по недостатку съѣстныхъ припасовъ, отчего казаки его разошлись; что теперь онъ въ прежнихъ своихъ городахъ Черкасахъ и Каневѣ, и ждетъ царскихъ приказаній. Іоаннъ велѣлъ ему сдать Черкасы и Каневъ королю, потому что онъ съ нимъ въ перемирьи, а самому ѣхать въ Москву; здѣсь Вишневецкій получилъ въ отчину Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько селъ.

Ханъ ободрился уходомъ Вишневецкаго съ Хортицкаго острова и писалъ къ царю, что если онъ будетъ присылать ему поминки большіе и ту дань, какую Литовскій король даетъ, то правда вправду и дружба будетъ; если же царь этого не захочетъ, то пусть размѣняется послами. Іоаннъ отвѣчалъ, что ханскія требованія къ дружбѣ не ведутъ, и, въ началѣ 1558 года, отправилъ князя Вишневецкаго на Днѣпръ съ пятитысячнымъ отрядомъ, приказавши Черкесамъ помогать ему съ другой стороны. Ханъ боялся Іоанна, хотѣлъ помириться съ нимъ, но ему хотѣлось выторговать что-нибудь; зная, что даромъ ничего теперь не получитъ изъ Москвы, онъ рѣшился опустошать Литву, чтобъ и покормить свою орду и вмѣстѣ получить награду изъ Москвы. Посолъ Загрязскій возвратился въ Москву съ извѣстіемъ, что Девлетъ-Гирей присягнулъ царю въ дружбѣ и братствѣ, и сына своего отпустилъ на Литву; но, давая шерть, ханъ выговаривалъ, чтобъ царь прислалъ ему казну, какая посылалась къ Магметъ-Гирею: тогда и дружба въ дружбу, а не пришлетъ, то и шерть не въ шерть; и потомъ, когда ханъ повоюетъ короля, то царю присылать въ Крымъ такую же дань, какую королю даетъ. Но и это предложеніе въ Москвѣ не было принято: царь приговорилъ, что ханъ поминки беретъ и клятву дастъ, но всегда измѣняетъ, и потому новаго посла въ Крымъ не отправилъ, а послалъ гонца съ грамотою, въ которой писалъ,

что захочетъ ханъ добра, то безлѣпицу и большіе запросы оставилъ бы. Въ маѣ пришло извѣстіе отъ Вишневецкаго, что онъ ходилъ въ Перекопи, но не встрѣтилъ ни одного Татарина на Днѣпрѣ; улусовъ также не засталъ, потому что король далъ знать хану о приближеніи Русскихъ, и ханъ забилъ всѣ улусы за Перекопь, а самъ сѣлъ въ осадѣ. Вишневецкій хотѣлъ провести лѣто въ Исламъ-Кермени, но государь велѣлъ ему быть въ Москвѣ, а на Днѣпрѣ оставить небольшіе отряды дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Крымцы пытались малыми толпами, человѣкъ въ 300, во 100, пробираться на Волгу, нападать на рыболововъ, но не имѣли нигдѣ успѣха: одни были побиты Горными, другіе Русскими людьми. Лѣто и осень прошли, ханъ не явился,—онъ ждалъ удобнаго времени; зимою, въ концѣ 1558 года, какіе-то Татары дали ему знать изъ Москвы, что здѣсь нѣтъ никого; что царь со всѣми своими силами отправился въ Ливонію къ Ригѣ. Девлетъ-Гирею такъ хотѣлось отомстить Іоанну за Ржевскаго, Вишневецкаго и особенно за то, что давно уже не получалъ поминковъ изъ Москвы, что онъ рѣшился даже на зимній походъ, лишь бы воспользоваться случаемъ и напасть врасплохъ на беззащитныя украйны. Собравши тысячъ до ста войска, ханъ отпустилъ его тремя отрядами на Рязань, Тулу и Каширу; но на рѣкѣ Мечѣ царевичъ Магметъ-Гирей, предводительствовавшій главнымъ отрядомъ, узналъ, что Іоаннъ въ Москвѣ, спросилъ, гдѣ князь Вишневецкій и бояринъ Иванъ Шереметевъ,—два человѣка, болѣе другихъ знакомые и страшные Крымцамъ, и, узнавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а другой въ Рязани, поворотилъ назадъ, и, благодаря зимѣ, переморилъ лошадей и людей. Это нашествіе зимою показывало однако, что ханъ готовъ на самыя рѣшительныя мѣры, чтобъ только повредить Москвѣ, и потому государь принялъ съ своей стороны мѣры на 1559 годъ Въ началѣ года отправлены были: князь Вишневецкій съ 5,000—на Донъ и окольничій Данило Адашевъ съ 8,000—въ городокъ на Пселѣ, чтобъ оттуда выплыть на Днѣпръ и промышлять надъ Крымомъ. Весною Вишневецкій близъ Азова разбилъ 250 Крымцевъ, пробиравшихся въ Казанскую область; Адашевъ сдѣлалъ больше: выплывши на лодкахъ въ устье Днѣпра, взялъ два турецкихъ корабля, высадился въ Крыму, опустошилъ улусы, освободилъ русскихъ плѣнниковъ, московскихъ и литовскихъ. На Татаръ, застигнутыхъ врасплохъ, напалъ ужасъ, такъ что они не скоро могли опомниться и собраться вокругъ хана, который потому и не успѣлъ напасть на Адашева въ Крыму, преслѣдовалъ его вверхъ по Днѣпру до Монастырки, мыса близъ Ненасытицкаго порога; но и здѣсь не рѣшился на него напасть и ушелъ назадъ. Въ Москвѣ все лѣто ждали хана, дѣлали приготовленія къ его пріему: царь распоряжалъ полки, намѣреваясь самъ выступить въ поле при первой вѣсти; но ханъ не приходилъ, приходили только раза два небольшіе отряды Крымцевъ воевать украйны. Крымцамъ доставалось больше: съ одной стороны казаки Малороссійскіе (Черкасы) и Донскіе громили ихъ улусы, съ другой—ходили на нихъ Ногаи и Астраханцы; въ самомъ Крыму свирѣпствовалъ голодъ. Ханъ прислалъ съ мирными предложеніями, съ жалобами на нападеніе со всѣхъ сторонъ; царь отвѣчалъ ему, чтобъ онъ оставилъ безлѣпицы; когда будутъ добрыя дѣла между ними, тогда никто не будетъ нападать на Крымъ; царь отдавалъ на его разсужденіе, что лучше—вражда или миръ съ Москвою, и грозилъ, что русскіе люди узнали дорогу въ Крымъ, и полемъ и моремъ [1]).

Изведанная при наступательномъ движеніи на Крымъ слабость его жителей, храбрыхъ только при грабежѣ беззащитныхъ сельчанъ, и между тѣмъ постоянно опасныхъ государству своими внезапными нападеніями, заставляющими постоянно держать наготовѣ полки, что, при тогдашнемъ состояніи военнаго устройства московскаго, было крайне затруднительно, побуждали приближенныхъ къ Іоанну людей совѣтывать ему покончить и съ Крымомъ точно такъ же, какъ онъ покончилъ съ Казанью и Астраханью. Іоаннъ не принялъ ихъ совѣтовъ, и конечно исторія должна въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдать его. Походы подъ Казань были легки, потому что населенныя области ея соприкасались съ населенными областями Московскаго государства; даже большія пустынныя или рѣдко-населенныя пространства представляли въ лѣсахъ и рѣкахъ своихъ обильную пищу для многочисленнаго войска; кромѣ того, рѣки—Москва, Ока и Волга—представляли другой удобнѣйшій путь; Волга же привязывала и Астрахань къ Московскому государству послѣ покоренія Казани. Но Крымъ отъ Московскихъ украйнъ отдѣленъ былъ обширною степью, начинавшеюся подъ Тулою и Пронскомъ. Легко было ничтожнымъ отрядамъ Ржевскаго, Вишневецкаго, Адашева староваряжскимъ или новоказацкимъ обычаемъ спускаться на легкихъ лодкахъ внизъ по Днѣпру; но не могло идти такимъ путемъ громадное ополченіе, нужное для завоеванія Крыма: бѣдственные походы Голицына въ концѣ XVII вѣка, когда уже Малороссія была соединена съ Москвою, и не менѣе бѣдственные, относительно потери людей, хотя и блистательные походы фельдмаршала Миниха въ XVIII вѣкѣ, доказываютъ очевиднымъ образомъ невозможность большихъ походовъ въ Крымъ для Москвы XVI вѣка и вполнѣ оправдываютъ Іоанна. Но если-бы даже завоеваніе Крыма и было возможно въ половинѣ XVI вѣка, то возможно ли было его сохраненіе? Сколько нужно было усилій, чтобъ подчинить окончательно племена, обитавшія подлѣ Казани; какую истребительную войну нужно было вести для этого? Новыя возстанія, послѣ того уже какъ все казалось успокоеннымъ, привели въ отчаяніе нѣкоторыхъ вель-

---

[1]) Никонов. VII, 202—309; Львов. V, 289—313; Курбскій, стр. 50 и слѣд.; Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 285.

можъ, такъ что они совѣтывали бросить навсегда эту несчастную страну: мы поймемъ это отчаяніе, когда вспомнимъ, что постояннаго войска не было, или если было, то въ зародышѣ. Казанскіе народцы были предоставлены самимъ себѣ въ возстаніяхъ противъ Москвы; Ногаи не могли доставить имъ сильной помощи, Крымцы—еще менѣе. Но Крымскаго хана, въ походахъ его на Московскія украйны, провожали янычары турецкіе; турецкое войско должно было защищать его въ Крыму, какъ магометанскаго владѣльца и какъ подручника султанова,—слѣдовательно дѣятельная наступательная война съ Крымомъ влекла необходимо къ войнѣ съ Турціею, которая была тогда на самой высокой степени могущества, предъ которою трепетала Европа: могло ли Московское государство, при тогдашнихъ средствахъ своихъ, бороться съ нею, вырвать изъ рукъ ея Крымъ и защитить потомъ отъ нея это застепное завоеваніе? Іоаннъ видѣлъ невозможность этого: Адашевъ, взявши въ плѣнъ нѣсколько Турокъ во время своего нападенія на Крымъ, отослалъ ихъ къ Очаковскимъ пашамъ, велѣвъ сказать имъ, что царь воюетъ съ врагомъ своимъ, Девлетъ-Гиреемъ, а не съ султаномъ, съ которымъ хочетъ быть въ вѣчной дружбѣ.

Московское государство могло съ успѣхомъ вступить въ окончательную борьбу съ магометанскимъ Востокомъ, съ Турціею, не прежде какъ по прошествіи двухсотъ лѣтъ, когда уже оно явилось Россійскою имперіею и обладало всѣми средствами Европейскаго государства. Теперь, слѣдовательно, въ XVI вѣкѣ, вниманіе правительства его должно было обращаться главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе этихъ средствъ, должно было для этого обращаться къ западу, гдѣ могло найти ихъ; и вотъ Іоаннъ, какъ скоро успокоилъ свои восточныя границы взятіемъ Казани, обращаетъ вниманіе на западъ. Здѣсь сначала занимала его война съ Швеціею, начавшаяся въ 1554 году вслѣдствіе пограничныхъ ссоръ; ссоры эти могли бы уладиться и мирными средствами; но Шведскаго короля раздражалъ обычай Московскаго Двора, который не хотѣлъ непосредственно сноситься съ нимъ, а предоставлялъ эти сношенія новгородскимъ намѣстникамъ, что король считалъ для себя униженіемъ. Шведы безуспѣшно осаждали Орѣшекъ, Русскіе—Выборгъ; но окрестности послѣдняго были страшно опустошены; Русскіе продавали плѣннаго мужчину за гривну, дѣвку за пять алтынъ; Густавъ-Ваза началъ войну, обнадеженный въ помощи польской и ливонской; но помощь эта не приходила, и престарѣлый король принужденъ былъ искать мира въ Москвѣ и заключить его, какъ угодно было царю. Королевская грамота къ Іоанну начиналась такъ: „Мы Густавъ, Божіею милостію Свейскій, Готскій и Вендскій король, *челомъ бью* твоему вельможнѣйшеству князю, государю Ивану Васильевичу о твоей милости. Великій князь и царь всея Русскія Земли!" Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы для королевскаго челобитья разлитіе крови христіанской велимъ унять. Если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое крестопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ намъ бить челомъ покорно своими большими послами, то мы челобитье его примемъ и велимъ намѣстникамъ своимъ Новгородскимъ подкрѣпить съ нимъ перемирье по старымъ грамотамъ, также и рубежи велимъ очистить по старымъ перемирнымъ грамотамъ; мы не захотимъ нигдѣ взять его земли черезъ старые рубежи, потому что, по своей государской справедливости, мы довольны своими землями, которыя намъ Богъ далъ изстарины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему съ нашими намѣстниками Новгородскими не ссылаться, то онъ бы къ намъ и пословъ не отправлялъ, потому что старые обычаи порушиться не могутъ. Если самъ король не знаетъ, то купцовъ своихъ пусть спроситъ: новгородскіе пригородки—Псковъ, Устюгъ, чай знаютъ, сколькимъ каждый изъ нихъ больше Стекольны (Стокгольма)"! Большіе послы пріѣхали и опять начали просить о непосредственныхъ сношеніяхъ между государями; говорили: „Намѣстники Новгородскіе люди великіе, но холопъ государю не братъ". Имъ отвѣчали: „Намѣстники Новгородскіе люди великіе — князь Ѳедоръ Даировичъ—внукъ Казанскаго царя Ибрагима, князь Михайло Кисло и князь Борисъ Горбатый—Суздальскіе князья отъ корня государей Русскихъ; князь Булгаковъ—Литовскому королю братъ въ четвертомъ колѣнѣ, теперь князь Михайла Васильевичъ Глинскій — дѣда его, князя Михаила Львовича, въ нѣмецкихъ земляхъ знали многіе; Плещеевъ—извѣстный государскій бояринъ родовъ за тридцать и больше. А про вашего государя въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, какого онъ рода и какъ животиною торговалъ и въ Шведскую Землю пришелъ: это дѣлалось недавно, всѣмъ вѣдомо". Послы отвѣчали боярамъ: „Пожалуйста не кручиньтесь, мы эти слова припомянули на разговоръ, а не въ споръ; отъ государя нашего намъ приказано дѣлать по желанію вашего государя". Опредѣлено было, что Шведы своихъ плѣнныхъ выкупятъ, а Русскихъ возвратятъ безденежно; король будетъ сноситься съ Новгородскими намѣстниками; границы останутся по старинѣ. Послы били челомъ, чтобъ государь не велѣлъ вставлять въ грамоту, что миръ нарушенъ былъ королевымъ клятвопреступленіемъ; Іоаннъ согласился. Послы благодарили за такое великое государское жалованье и сказали: „У насъ такого государскаго жалованья и на мысли не было". Однако въ грамотѣ остались подобныя выраженія: „И за нарушеніе перемирья благовѣрный царь и великій князь положилъ-было гнѣвъ на Густава короля и на всю Землю Шведскую". Въ утвержденной грамотѣ постановлено было о взаимной свободной торговлѣ между обоими государствами и о свободномъ проѣздѣ черезъ нихъ въ другія земли: „Шведскимъ купцамъ въ отчину великаго государя, въ Великій Новгородъ, въ Москву, въ Казань и Астрахань ѣздить вольно, имъ и посламъ швед-

скимъ ѣздить во всякія государства, въ Индію и Китай". Это условіе царь велѣлъ внести потому, что „гости и купцы отчинъ великаго государя изъ многихъ городовъ говорятъ, чтобъ имъ въ торговыхъ дѣлахъ была воля, которые захотятъ торговать въ Шведской Землѣ, и тѣ-бъ торговали въ Шведской Землѣ, а которые захотятъ идти изъ Шведской Земли въ Любокъ и въ Антропъ (Любекъ и Антверпенъ), въ Испанскую Землю, Англію, Францію,—тѣмъ была бы воля и береженье, и корабли были бы имъ готовы" [1]).

Такъ высказывалось стремленіе начать дѣятельныя торговыя связи съ Западною Европою; но эти связи должны были зависѣть отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ; своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ не было. Эта замкнутость была тѣмъ болѣе нестерпима, что чувствовалась сильная потребность въ усвоеніи плодовъ европейской гражданственности, а людей, могущихъ принесть въ Москву эти плоды, ученыхъ и художниковъ, не пропускали враждебные сосѣди, справедливо опасавшіеся, что страшное матеріальными силами государство Московское будетъ непобѣдимо, если пріобрѣтетъ еще науку,—могущество духовное. Болѣе другихъ могущества Москвы должно было бояться самое слабое изъ сосѣднихъ государствъ — Ливонское: дѣйствительно, при сильной потребности имѣть непосредственное сообщеніе съ Западною Европою, имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, взоры Московскаго царя необходимо обращались на Ливонію,—добычу легкую по ея внутренному безсилію, увеличенному еще перемѣною исповѣданія католическаго на протестантское, и вмѣстѣ добычу, на которую имѣлись старыя права. Мы видѣли, что, еще, въ правленіе отца Іоаннова, Польское правительство стращало Ливонцевъ этими правами. Понятно, что Ливонцы болѣе другихъ хлопотали о томъ, чтобъ знанія не проникали въ Москву; но этими поступками они, разумѣется, усиливали только въ Московскомъ правительствѣ желаніе пріобрѣсти Балтійскіе берега и ускоряли, слѣдовательно, паденіе своего государства. Въ 1539 году, когда бѣжавшій изъ Москвы Петръ Фрязинъ былъ представленъ Дерптскому епископу, тотъ спросилъ его: знаетъ ли онъ въ Москвѣ Нѣмца Александра? Петръ отвѣчалъ: „Знаю, я жилъ съ нимъ на одной улицѣ; этотъ Александръ сказывалъ въ Москвѣ боярамъ, что у него есть товарищъ въ Дерптѣ, который умѣетъ пушки лить и стрѣлять изъ нихъ, и думаетъ ѣхать въ Москву, служить великому князю". Услыхавъ это, епископъ допытался объ этомъ Нѣмцѣ и сослалъ его невѣдомо куда [2]). Въ 1547 году семнадцатилѣтній Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте выпросилъ на это позволеніе у императора Карла V-го, набралъ 123 человѣка и привезъ уже ихъ въ Любекъ, какъ Ливонское правительство представило императору опасность, какая можетъ произойти отъ этого для Ливоніи и другихъ сосѣднихъ странъ, и достигло того, что Карлъ далъ магистру полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Вслѣдствіе этого Шлитте былъ задержанъ въ Любекѣ и посаженъ въ тюрьму, а набранные имъ люди разсѣялись; одинъ изъ нихъ, мейстеръ Гансъ, попытался-было пробраться въ Москву, былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, освободился и отправился опять въ Москву, но былъ опять схваченъ въ двухъ миляхъ отъ русской границы и казненъ смертію [3]).

Мы видѣли, что въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ Русскихъ съ епископомъ Дерптскимъ, уже говорится о дани, которую послѣдній долженъ былъ платить великому князю, и говорится какъ о старинѣ. Въ Плеттенберговомъ договорѣ, заключенномъ въ 1503 году, условіе о дани съ Дерпта было подтверждено, но не было исполняемо 50 лѣтъ: Василію Іоанновичу, занятому дѣлами Литовскими, особенно Казанскими и Крымскими, находившемуся въ союзѣ съ великимъ магистромъ, нельзя было думать о разрывѣ съ Ливоніею изъ-за дерптской дани, нельзя было думать обо этомъ и въ малолѣтство Іоанново; но обстоятельства были не тѣ, когда въ 1554 году явились въ Москву ливонскіе послы съ просьбою о продолженіи перемирія [4]). Высланный къ нимъ окольничій Алексѣй Адашевъ объявилъ, что Нѣмцы уже давно не платятъ дани съ Юрьевской волости, купцовъ обижаютъ, церкви и концы Русскіе за себя завели; за это неисправленіе государь положилъ свой гнѣвъ на магистра, епископа и на всю Землю Ливонскую, а намѣстникамъ своимъ перемирія не велѣлъ давать. Послы отвѣчали, что не знаютъ, о какой дани говоритъ окольничій: въ старыхъ грамотахъ своихъ они нигдѣ не находили, чтобъ платилась съ ихъ земель дань великому князю. Адашевъ сказалъ имъ на это: „Удивительно, какъ это вы не хотите знать, что ваши предки пришли въ Ливонію изъ-за моря, вторгнулись въ отчину

[1]) Никонов. VII, 247 и слѣд.; Geijer — Geschichte Schwedens, II, 131; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 18—128. О пограничныхъ ссорахъ здѣсь въ царскихъ рѣчахъ сказано слѣдующее: «А рубежъ называютъ (Шведы) въ нашихъ погостѣхъ рѣчку Руетъ Саею рѣкою, что течетъ изъ колодезя изъ нашего изъ Куиважскаго погоста, а пала въ рѣку Сестрь въ нашемъ же Корбосельскомъ погостѣ. И чрезъ Саю рѣку и чрезъ Сестрею рѣку и черезъ иные старинные рубежи, которыя писаны въ княжь Юрьевѣ грамотѣ и въ княжь Магнушевѣ грамотѣ, черезъ всѣ тѣ старинные рубежи вступались».

[2]) Акты истор. I, № 140.

[3]) Monumenta Livoniæ antiquæ V, 114, I, 202; Scriptores rerum Livonicarum I, 213; Faber — Preussisches Archiv, 6; Historica Russiæ monumenta, I, CXXX. Изъ бумагъ Шлитта видно, что онъ хлопоталъ больше о себѣ, чѣмъ о царѣ, и дѣйствовалъ больше по своимъ предположеніямъ, чѣмъ по царскимъ, такъ, наприм., онъ набралъ четырехъ богослововъ.

[4]) По Никонов. лѣтоп. VII, 216. Нѣмцы просили и заключили перемиріе на 15 лѣтъ; по ливонскимъ источникамъ на 50; Monum Liv. antiquæ II, 43.

великихъ князей Русскихъ, за что много крови проливалось; не желая видѣть разлитія крови христіанской, предки государевы позволили Нѣмцамъ жить въ занятой ими странѣ, съ условіемъ, чтобъ они платили дань великимъ князьямъ; но они обѣщаніе свое нарушили, дани не платили, такъ теперь должны заплатить всѣ недоимки. Послы согласились написать перемирную грамоту, по которой Дерптскій епископъ обязывался: платить съ своей области дань въ Москву, по гривнѣ нѣмецкой съ каждаго человѣка, исключая людей церковныхъ, и въ три года заплатить недоимки за 50 лѣтъ; церкви русскія и концы очистить и русскимъ людямъ во всемъ учинить управу безволокитно; русскимъ гостямъ и купцамъ съ литовскими и иностранными купцами дозволить свободную торговлю всякимъ товаромъ, кромѣ панцырей; пропускать въ Москву всѣхъ иностранцевъ, которые придутъ изъ-за моря служить царю, не помогать Польскому королю и великому князю Литовскому противъ Москвы. Но послы выговорили, что такъ какъ они согласились на дань безъ вѣдома магистра и епископа, то послѣдніе имѣютъ право и не согласиться на эти условія. Касательно церквей русскихъ самъ Ливонскій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были разграблены въ Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ протестантскими фанатиками; лѣтописецъ Ливонскій приводитъ по этому случаю и письмо Московскаго государя къ правительству Ордена: „Необузданные Ливонцы, противящіеся Богу и законному правительству, вы перемѣнили вѣру, свергнули иго императора и папы Римскаго; если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ мстителя, долженствующаго привести васъ въ послушаніе“. Лѣтописецъ прибавляетъ, что царь вмѣстѣ съ этимъ письмомъ послалъ правителямъ Ливоніи бичъ, какъ символъ исправленія. Извѣстіе любопытное, показывающее намъ взглядъ тѣхъ Ливонцевъ, которые жалѣли о ниспроверженіи прежняго порядка вещей и въ войнѣ Московской, въ паденіи Ливоніи видѣли слѣдствія новаго порядка [1]).

Для окончательнаго скрѣпленія договора отправился въ Дерптъ царскій посолъ Келарь Терпигоревъ, который потребовалъ отъ епископа, чтобъ тотъ безъ отлагательства исполнилъ обычную форму: при скрѣпленіи договоровъ, отрѣзалъ у грамоты посольскія печати и вмѣсто нихъ привѣсилъ печати свою и магистрову. Епископъ собралъ совѣтъ—что отвѣчать послу? Дѣло было трудное, а Терпигоревъ не хотѣлъ дожидаться. Старый совѣтникъ, Яковъ Краббе, говорилъ: „Если же мы скрѣпимъ грамоту, то вѣдь это будетъ значить, что мы съ женами и дѣтьми вступимъ въ подданство къ великому князю. Мы должны или платить дань, или видѣть опустошеніе Земли своей; что великій князь собралъ противъ насъ всѣ свои силы,—это я знаю навѣрное“. Всѣ сидѣли въ глубокомъ уныніи. Тутъ всталъ епископскій канцлеръ Голтшюръ и сказалъ: „Дѣло трудное, и мы должны хлопотать о томъ, какъ бы, по крайней мѣрѣ, протянуть время. Позовемъ царскаго посла и скажемъ ему, что мы, съ своей стороны, согласны скрѣпить договоръ и скрѣпляемъ, но онъ не будетъ имѣть силы безъ согласія Римскаго императора, верховнаго господина страны“. Мнѣніе Голтшюра было принято, и гонецъ поскакалъ къ императору съ просьбою, чтобъ тотъ отправилъ посольство въ Москву ходатайствовать у царя о сложеніи дани. Терпигоревъ былъ позванъ въ совѣтъ: въ присутствіи двухъ нотаріусовъ договоръ былъ скрѣпленъ новыми печатями, старыя посольскія отрѣзали, послѣ чего нотаріусы начали писать протестъ отъ имени императора. Терпигоревъ спросилъ у Краббе: „Что это они такое еще пишутъ?“ Когда Краббе объяснилъ, въ чемъ дѣло, то посолъ рѣзко отвѣчалъ: „Какое дѣло моему государю до цесаря? дайте мнѣ только грамоту; а не принесете государю дани, такъ онъ ее возьметъ“. Пришедши домой, онъ угостилъ провожавшихъ его гофъ-юнкеровъ водкою, вынулъ изъ пазухи договоръ, приказалъ слугѣ завернуть его въ шелковый платокъ, и сказалъ: „Смотри, береги мнѣ и откармливай этого теленка, чтобъ онъ выросъ и разжирѣлъ“ [2]).

Епископъ обязался въ три года выплатить всѣ недоимки; три года прошло, и въ февралѣ 1557 явились въ Москву ливонскіе послы безъ денегъ, съ просьбою, чтобъ дань была сложена. Адашевъ отвѣчалъ имъ, что такъ какъ магистръ, архіепископъ Рижскій и епископъ Дерптскій нарушили договоръ, то государь будетъ самъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской Землѣ. Іоаннъ не допустилъ къ себѣ пословъ, и они безъ дѣла уѣхали въ мартѣ мѣсяцѣ, а въ апрѣлѣ царь отправилъ князя Шестунова строить городъ и гавань (кора-

[1]) Scriptores rer. Livonic. II, 467.

[2]) Такъ разсказываютъ Nyenstaedt — Monum. Liv. ant., II, 46; Bussov (Script. rer. Livon. I, 49) и по нему Hiärn (Monum. Liv. antiquæ 1, 208) разсказываютъ, что дерптскій бургомистръ Henck совѣтовалъ дѣлать прямо, не соглашаться на дань для проволочки времени: Allein dieser getreue Rath funde keine stat, sondern Holzschur fuhr ihm über die Nase, sagend: der Bürger-Meister möchte sich wohl besser auf Flachs und Bockshäute, denn auf solche hohe Dinge verstehen. Der Moscowiter were ein Tyran, und könte in der ersten Hitze dem Lande leichtlich einen unwiederbringlichen Schaden zufügen. Ob sie schön ihm den Brief versiegelten, dächten sie ihm doch davon so viel zu halten, als ein schwartzes Härlein. Der Moscowiter were ein Baur und verstunde es nicht, si woltens ihm wol in dem Keyserlichen Cammer Gericht wieder abgewinnen etc. Da nun der Brief dem Abgesandten geliefert wurde, reichete er selbigen dem Secretario; als er aber darnach grief, nahm ihn der Gesandte weider zu sich, und steckte selben mit diesen Worten in seinen Busen: Du weist nicht damit umzugehen, denn es ist ein kleines Kindelein, welches man wol warten, mit weissem Brod und süsser Milch versorgen sol; wenn es nu älter wird, so wird es wol sprechen, und unserm Grossfürsten Nutzen schaffen.

бельное пристанище) при устьи рѣки Наровы, ниже Ивангорода; велѣлъ также положить заповѣдь въ Новгородѣ, Псковѣ и Ивангородѣ, чтобъ никто къ Нѣмцамъ съ товарами не ѣздилъ; если же пріѣдутъ Нѣмцы въ царскую отчину, то съ ними торговать безъ всякой зацѣпки. Въ ноябрѣ выступило въ походъ, къ ливонскимъ границамъ, сорокатысячное войско, подъ начальствомъ царя Шигъ-Алея и воеводъ—князя Михаила Васильевича Глинскаго, царицына брата Данила Романовича и другихъ; подлѣ русскихъ полковъ шли Татары, Черемисы, Мордва, Черкесы Пятигорскіе. Нѣмцы прислали за опасною грамотою, и въ декабрѣ явились ихъ послы, били челомъ, чтобъ государь оставилъ поголовную дань по гривнѣ съ человѣка, а взялъ бы единовременно за прошлыя недоимки и за настоящія военныя издержки 45,000 ефимковъ (18,000 рублей по московскому счету), да ежегодно Юрьевъ будетъ платить по 1,000 золотыхъ венгерскихъ. Когда переговоры кончились, царь потребовалъ денегъ; но у пословъ денегъ не было; тогда раздраженный Іоаннъ, видя только желаніе Нѣмцевъ обмануть его и протянуть время, велѣлъ посламъ ѣхать назадъ, а войску своему двинуться въ Ливонію. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что послы отправились въ Москву безъ денегъ, понадѣявшись на обѣщаніе московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Ливоніею, что если миръ будетъ заключенъ, то они дадутъ посламъ денегъ взаймы подъ вексель; но царь подъ смертною казнью запретилъ купцамъ давать посламъ денегъ взаймы. Послы просили, чтобъ оставили ихъ самихъ въ Москвѣ заложниками, пока придутъ деньги изъ Ливоніи; но царь и на это не согласился. Одинъ изъ нѣмецкихъ же лѣтописцевъ разсказываетъ, что передъ отъѣздомъ позвали пословъ къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Въ январѣ 1588 года вступило русское войско изъ Пскова въ Ливонію и страшно опустошило ее на пространствѣ 200 верстъ, вездѣ побивая нѣмецкіе отряды, выходившіе къ нему на-встрѣчу. Погостивши мѣсяцъ, съ огромною добычею возвратились ратные люди назадъ. Курбскій, находившійся въ числѣ воеводъ, говоритъ; „Земля была богатая, а жители въ ней гордые: отступили они отъ вѣры христіанской, отъ обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотеческихъ, ринулись всѣ на широкій и пространный путь, на пьянство, невоздержаніе, на долгое спанье, лѣнь, на неправды и кровопролитіе междоусобное“. По словамъ ливонскихъ лѣтописцевъ, развратъ въ ихъ странѣ въ это время дошелъ до такой степени, что его не стыдились, но гордились имъ: правители подавали примѣръ подчиненнымъ.

Оставивши Ливонію, царь Шигъ-Алей, царевичи, бояре и воеводы послали къ магистру грамоту, въ которой писали: „За ваше неисправленіе и клятвопреступленіе государь послалъ на васъ войну; кровь пролилась отъ васъ; если же хотите предъ государемъ исправиться и кровь унять, то присылайте къ государю съ челобитьемъ: а мы всѣ станемъ за васъ просить“. Магистръ прислалъ за опасною грамотою для пословъ и получилъ ее; царь велѣлъ прекратить войну. Но жители Нарвы не хотѣли прекратить ея и продолжали стрѣлять на сосѣдній, только рѣкою Наровою отдѣляемый отъ нихъ Ивангородъ. Воеводы Новгородскіе дали знать объ этомъ царю и послали сказать жителямъ Нарвы, что они нарушаютъ перемиріе; тѣ отвѣчали: „Князецъ стрѣляетъ, намъ его не унять“. Получивши отъ царя приказъ начать непріятельскія дѣйствія, воеводы съ Ивангорода открыли сильную пальбу; Нарва не могла ея выдержать болѣе недѣли, и 9 апрѣля, въ великую субботу, выѣхали нарвскіе начальники и били челомъ воеводамъ, чтобъ государь показалъ милость, взялъ ихъ въ свое имя, отъ магистра и всей Земли Ливонской они отстали и за князьца не стоятъ: воровалъ онъ на свою голову. Они дали воеводамъ заложниковъ, двоихъ лучшихъ людей, а въ Москву послали депутатовъ. Когда послѣдніе явились во дворецъ, то Алексѣй Адашевъ спросилъ ихъ, о чемъ они пріѣхали бить челомъ? какое государево жалованье хотятъ на себѣ видѣть? Депутаты отвѣчали, что они пріѣхали просить позволенія не отставать отъ магистра, а впрочемъ чѣмъ ихъ государь пожалуетъ. Адашевъ сказалъ имъ на это: „Вы чрезъ опасную грамоту стрѣляли на государевъ городъ и по людямъ; потомъ, видя бѣду, били челомъ, что отъ магистра отстали и хотите быть во всей государевой волѣ; воля государева такова: выдайте князьца, который у васъ начальствуетъ крѣпостью, а крѣпость сдайте нашимъ воеводамъ;—тогда государь васъ пожалуетъ, изъ домовъ не разведетъ, старины вашей и торгу не нарушитъ, а будутъ владѣть и Вышгородомъ (кремлемъ) и Нарвою царскіе воеводы, какъ владѣли магистръ и князецъ: иначе тому дѣлу не бывать“. Депутаты согласились и присягнули за всю Землю Нарвскую. Но когда Ивангородскіе воеводы послали сказать объ этомъ въ Нарву, тамошніе жители отвѣчали, что они не затѣмъ посылали депутатовъ въ Москву, чтобъ отстать отъ магистра; дѣло объяснилось тѣмъ, что они получили помощь отъ послѣдняго. Но эта помощь не спасла Нарвы. 11 мая, воспользовавшись сильнымъ пожаромъ, вспыхнувшимъ въ городѣ, Русскіе, несмотря на жестокое сопротивленіе жителей, овладѣли нижнимъ городомъ и приступили къ кремлю (Вышгороду), къ которому приступали до вечера, стрѣляя изъ пушекъ ивангородскихъ и взятыхъ въ нижнемъ городѣ, или собственной Нарвѣ. Наконецъ изъ Вышгорода прислали бить челомъ, чтобы воеводы пожаловали, приняли крѣпость со всѣмъ нарядомъ, но чтобъ князецъ съ новоприбывшими ратными людьми могъ свободно изъ нея выйти. Воеводы согласились: ратные люди и лучшіе граждане вышли, только безъ имущества, а черные присягнули быть въ подданствѣ у царя и дѣтей его во-вѣки. Іоаннъ очень обрадовался пріобрѣтенію этого важнаго мѣ-

ста, послалъ тотчасъ изъ Новгорода архимандрита и протопопа, велѣлъ ставить церкви въ Нарвѣ, очищать ее отъ вѣры латинской и люторской; пожаловалъ воеводъ и дѣтей боярскихъ; далъ жалованную грамоту и жителямъ Нарвы; даже велѣлъ отыскать всѣхъ прежде взятыхъ плѣнниковъ, родомъ изъ Нарвы, и возвратить въ отечество.

Еще прежде взятія Нарвы пріѣхали въ Москву большіе послы ливонскіе, во главѣ которыхъ былъ родной братъ магистра, Ѳедоръ Фюрстенбергъ. Они привезли 60,000 таллеровъ за недоимки и военныя издержки; касательно же дани съ Дерптской области просили, чтобъ царь не требовалъ теперь ея, потому что эта область опустошена вконецъ и въ нѣсколько лѣтъ не поправится, и потому, что царское войско взяло на войнѣ гораздо больше условленной суммы. Сначала Іоаннъ не хотѣлъ слышать объ этихъ условіяхъ; но потомъ купцы московскіе, желавшіе мира съ Ливоніею, не пожалѣли богатыхъ подарковъ для бояръ, и переговоры начали-было подвигаться впередъ, какъ пришло извѣстіе о взятіи Нарвы. Адашевъ объявилъ посламъ, что Нѣмцы, взявши опасную грамоту, несмотря на то, двѣ недѣли стрѣляли по Ивангороду и били людей; государь велѣлъ промышлять надъ Нарвою, и воеводы взяли ее; теперь государь велѣлъ промышлять надъ другими городами, а вѣрить Нѣмцамъ нельзя: клятвъ своихъ не исполняютъ. Если же они хотятъ мира, то магистръ, архіепископъ Рижскій и епископъ Дерптскій должны сдѣлать то же, что сдѣлали цари Казанскій, Астраханскій и Шигъ-Алей,—должны сами явиться предъ государемъ съ данью со всей Земли Ливонской, ударить ему челомъ и впредь во всемъ исполнять его волю, а города завоеванные останутся за Москвою [1]. Послы уѣхали, и война продолжалась. Нѣкоторые города сдавались безъ сопротивленія, воеводы строили въ нихъ православныя церкви, приводили жителей—Латышей и Нѣмцевъ—къ присягѣ Московскому царю. Съ большимъ трудомъ взятъ былъ Нейгаузъ; магистръ Фюрстенбергъ не помогъ ему, онъ не смѣлъ вступить въ битву съ русскими войсками, имѣя не съ большимъ только 8,000 ратныхъ людей. По взятіи Нейгауза, онъ едва ушелъ отъ Русскихъ къ Валку; здѣсь, по старости, онъ сложилъ съ себя достоинство магистра и на его мѣсто былъ выбранъ Феллинскій коммандоръ Готгардъ Кетлеръ. Но и молодой магистръ такъ же мало былъ способенъ помочь Ордену, какъ и старый: нравственныя силы народонаселенія были истощены. Тщетно раздавался благородный голосъ дерптскаго бургомистра Тиле, который говорилъ, что нечего ждать помощи извнѣ, что надобно пожертвовать всѣмъ богатствомъ для спасенія родной страны, встать всѣмъ какъ одинъ человѣкъ и соединенными силами дать отпоръ врагу, а не дожидаться каждому мѣсту своей очереди. Никто не слушалъ его, никто не хотѣлъ жертвовать своимъ добромъ добру общему, и тѣ, которые прежде кричали, что скорѣе пожертвуютъ 100 рейхсталлеровъ на войну съ Москвою, чѣмъ одинъ талеръ для дани царю, на покупку мира, тѣ—теперь, когда бѣда пришла, не хотѣли жертвовать ничѣмъ ни для мира, ни для войны.

Въ іюлѣ русское войско, подъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго, обложило Дерптъ, гдѣ затворился епископъ Германъ Вейландъ съ гражданами и двумя тысячами [2]) наемныхъ заморскихъ Нѣмцевъ; большая часть дворянъ, узнавъ о приближеніи непріятеля, ночью покинула городъ [3]). Осажденные сначала защищались мужественно, отстрѣливались, дѣлали частыя вылазки, какъ слѣдуетъ рыцарскимъ мужамъ, по выраженію Курбскаго; но осаждающіе придвигались все ближе и ближе; отъ стрѣльбы ихъ рушились стѣны, гибло много людей, остальные были измучены трудами при защитѣ города. Послали къ магистру съ просьбою о помощи; посланный возвратился съ отвѣтомъ, что магистръ порицаетъ поступокъ дворянства, хвалитъ мужество епископа и гражданъ, желаетъ, чтобы они защищали городъ, но самъ не въ состояніи противиться такому сильному непріятелю, и употребляетъ всѣ старанія, чтобъ увеличить свое войско; а московскій воевода объявилъ милость царскую, если осажденные сдадутся; въ противномъ случаѣ грозилъ, что не оставитъ въ живыхъ и малаго ребенка. Осажденные выпросили два дня сроку для размышленія, потомъ выпросили еще одинъ день, на четвертый объявили, что сдадутся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Епископъ получаетъ для жительства своего монастырь Фалькенау, въ двухъ миляхъ отъ Дерпта, со всѣмя принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; подъ его вѣдомствомъ остаются латинское духовенство и церкви съ ихъ имуществомъ. 2) Дворяне, желающіе остаться подъ властію государя, удерживаютъ свои земли и людей, находятся подъ вѣдомствомъ епископа, и не могутъ быть выведены въ Россію. 3) Граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безо всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются какъ были, равно какъ и школы

---

[1]) Никонов. VII, 310; Карамз. VIII, прим. 514 и 515; Monum. Liv. ant. I, 213; II, 49, 50. Мы не имѣемъ права отвергать показанія Ливонскихъ лѣтописцевъ, что послы отправились съ 60,000 талеровъ въ Москву, ибо современникъ Nyenstaedt говоритъ: «Die Stadt Dörpt legte 10,000 Thaler an, welche ich selber habe zehlen helffen. Es wurden also auff der Schreiberei 60,000 Thaler eingepackt, wobei ich selber geholffen». Эти извѣстія можно легко согласить съ извѣстіемъ, содержащимся въ донесеніи пословъ, ибо въ послѣднемъ говорится только о дерптской дани.

[2]) Такъ у Курбскаго; у Ніенштедта упоминается только о 200 солдатахъ.

[3]) У Ніенштедта Adel вообще; я написалъ: большая часть, ибо для кого бы епископъ послѣ выговорилъ условіе: «die von Adel, welche unter dem Grossfürsten begehreten zu bleiben, bey ihren Landen und Leuten und alle dem ihrigen bleiben möchten in Liefflandt».

ихъ. 4) Городовое управленіе остается по старинѣ. 5) Браки съ заморскими Нѣмцами дозволяются. 6) Всѣ горожане и обитатели Дерпта, при его сдачѣ, могутъ выѣхать въ теченіи 8 дней изъ города со всѣмъ своимъ имѣніемъ, и чего не смогутъ взять съ собою, то могутъ оставить у своихъ пріятелей или въ своихъ домахъ и взять послѣ при удобномъ случаѣ. 7) Если потомъ они сами или дѣти ихъ захотятъ опять переселиться въ Дерптъ и жить подъ властію государя, то могутъ это сдѣлать. 8) Ратные люди могутъ выйти изъ города съ имѣніемъ и оружіемъ. 9) Иностранные купцы, нѣмецкіе и русскіе, не могутъ торговать въ Дерптѣ непосредственно другъ съ другомъ, а только съ дерптскими горожанами. 10) Русскіе ратные люди не будутъ становиться въ домахъ обывательскихъ. 11) Государь не будетъ выводить горожанъ или обывателей изъ Дерпта въ Россію или другія мѣста. 12) Всѣ преступленія, даже противъ государя, судятся городовымъ судомъ. 13) Право гражданства дается по старинѣ городовымъ управленіемъ; новый гражданинъ долженъ присягать государю и городовому управленію. 14) Городовое управленіе желаетъ, чтобъ на его судные приговоры могла быть аппелляція къ Рижскому городовому управленію.

18 іюля уполномоченные отъ епископа, дворянства, капитула, отъ городскаго совѣта и общины отправились съ этими условіями къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, который долженъ былъ скрѣпить ихъ. Шуйскій скрѣпилъ ихъ въ надеждѣ, что они будутъ утверждены и государемъ. Уполномоченные просили воеводу, чтобъ русское войско не вторгалось въ домы гражданъ, не пугало ихъ женъ и дѣтей. Это было обѣщано, и обѣщаніе строго исполнено. Епископъ, ратные люди и тѣ горожане, которые хотѣли выѣхать съ семействами изъ города, выѣхали подъ прикрытіемъ русскихъ отрядовъ, чтобъ съ ними не случилось ни малѣйшей непріятности. По вступленіи своемъ въ городъ, Шуйскій повѣстилъ, чтобъ ратные люди не смѣли обижать жителей—подъ страхомъ жестокаго наказанія, а жители чтобъ не смѣли продавать ратнымъ людямъ крѣпкихъ напитковъ. По свидѣтельству современника и очевидца, Нѣмца, порядокъ былъ сохраненъ, нарушители его дѣйствительно подверглись строгимъ наказаніямъ; боярскія дѣти ежедневно объѣзжали городъ, забирали всѣхъ пьяныхъ и дурно ведшихъ себя людей; жители не терпѣли никакого насилія и утѣшали себя этимъ въ несчастіи; Шуйскій объявилъ, что его домъ и уши будутъ отворены для каждаго, кто придетъ съ жалобою на русскихъ ратныхъ людей. Совѣтъ и община послали ему въ подарокъ вина, пива и разныхъ съѣстныхъ припасовъ; а Шуйскій чрезъ нѣсколько дней угостилъ членовъ совѣта и лучшихъ людей хорошимъ обѣдомъ въ замкѣ. 6 сентября царь далъ жителямъ Дерпта жалованную грамоту, въ которой нѣкоторыя изъ условій были дополнены, нѣкоторыя измѣнены; напримѣръ: въ городскомъ судѣ долженъ былъ засѣдать и русскій чиновникъ (Drost) для охраненія русскихъ людей; аппелляціи къ Рижскому городовому суду не были позволены; вмѣсто нихъ поставлена была аппелляція къ Дерптскому воеводѣ; дѣла же, которыхъ и воевода рѣшить не могъ, отсылались къ царю: на монетѣ долженъ быть съ одной стороны гербъ царскій, на другой—городовой; на городовой печати долженъ быть царскій гербъ. Въ случаѣ нужды, ратные люди могутъ стоять въ домахъ черныхъ людей. Дерптскіе жители могутъ торговать безпошлинно въ Новгородѣ, Псковѣ, Ивангородѣ и Нарвѣ; но если поѣдутъ съ торгомъ въ Казань, Астрахань или другія области Московскія, то должны платить пошлины наравнѣ съ русскими купцами; свободно могутъ они отъѣзжать за море и торговать всякими товарами; если не захотятъ жить въ Дерптѣ, могутъ свободно выѣхать за границу со всѣмъ имуществомъ, заплативъ съ него десятую деньгу въ царскую казну. Если кто изъ дерптскихъ жителей дойдетъ по своей винѣ смертной казни, то имущество его идетъ въ казну, которая платитъ его долги. Если преступникъ уйдетъ за море, то имущество его отбирается въ казну, которая изъ него платитъ его заимодавцамъ; если же онъ убѣжитъ со всѣмъ своимъ движимымъ имѣніемъ, то недвижимое все идетъ въ казну, которая ничего не платитъ заимодавцамъ: зачѣмъ они не обращаютъ вниманія на такихъ людей. Дерптскіе жители могутъ свободно покупать дома и сады и жить въ нихъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Иванъ-городѣ, Нарвѣ и во всѣхъ другихъ русскихъ областяхъ: равно какъ Новгородцы, Псковичи, Ивангородцы, Нарвцы и всякіе русскіе люди могутъ покупать дома и сады въ Дерптѣ во всѣхъ мѣстахъ [1]).

Такія льготы, данныя покорившемуся городу, показывали ясно намѣреніе царя завоевать Ливонію и удержать навсегда за собою это завоеваніе; дѣтямъ боярскимъ розданы были земли въ покоренныхъ областяхъ; князь Шуйскій послалъ въ Ревель съ требованіемъ, чтобы онъ послѣдовалъ примѣру Дерпта, что въ такомъ случаѣ государь дастъ ему бо̀льшія привилегіи, чѣмъ тѣ, которыми онъ пользовался прежде; въ противномъ же случаѣ да страшится царскаго гнѣва. Ревель не покорился; но покорилось нѣсколько другихъ городовъ, число которыхъ съ прежде завоеванными дошло къ осени уже до 20. Совершивши такой блистательный походъ, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились въ Москву въ сентябрѣ, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ. Этимъ удаленіемъ воспользовался магистръ Кетлеръ: собравши болѣе 10,000 войска, онъ осадилъ Рингенъ и взялъ его приступомъ, потерявши, какъ шелъ слухъ, 2,000 человѣкъ [2]). Воеводы, остававшіеся въ Ливоніи, не

---

1) Monum. Liv. antiquæ, II, 53; Supplement. ad histor. Russiæ monum. № LXXXV.

2) Число защитник въ Рингена показывается различно: по Псков. лѣтоп. 140 ч л вѣкъ; по Курбскому взято было въ городѣ Ливонцами 500 человѣкъ, которые почти

могли собрать болѣе 2,000 человѣкъ, не могли потому выдержать натиска Нѣмцевъ и, при встрѣчѣ съ магистромъ, обратились въ бѣгство; могли только бить отдѣльные отряды Нѣмцевъ, посылаемые за сборомъ кормовъ; Нѣмцы пробрались и въ собственно Русскія владѣнія, сожгли посадъ у Псковскаго пригорода Краснаго, были и подъ Себежемъ, сожгли монастырь Св. Николая. Взятіемъ Рингена впрочемъ магистръ долженъ былъ удовольствоваться: съ такимъ небольшимъ войскомъ, какое было у него, онъ не могъ предпринять осады болѣе значительныхъ городовъ, и ушелъ назадъ въ концѣ октября. Во время осады Рингена, всѣ мужчины были выведены изъ Дерпта во Псковъ и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока магистръ ушелъ назадъ въ Ригу: тогда ихъ возвратили къ семействамъ, которымъ въ ихъ отсутствіе не было сдѣлано ни малѣйшаго вреда, по свидѣтельству Нѣмецкаго лѣтописца. Эта мѣра объясняется извѣстіемъ русскихъ лѣтописей, что дерптскіе Нѣмцы ссылались съ магистромъ, звали его къ своему городу, гдѣ, по ихъ словамъ, у Русскихъ было мало войска [1]). Кетлеръ накликалъ месть своимъ походомъ: въ январѣ 1559 года вступило въ Ливонію большое московское войско (130,000 по нѣмецкимъ извѣстіямъ), разбило Нѣмцевъ при Тирзенѣ и безъ сопротивленія уже цѣлый мѣсяцъ пустошило всю Землю съ одной стороны—до моря, съ другой—до границъ прусскихъ и литовскихъ, не щадя младенцевъ во чревѣ матерей [2]).

Ливонское правительство обратилось къ сыну Густава-Вазы Шведскаго, герцогу Іоанну, правителю Финляндіи, съ просьбою ссудить 200,000 рейхсталеровъ и войско, предлагая въ залогъ нѣсколько земель въ Ливоніи. Молодой принцъ, желая распространенія своихъ владѣній насчетъ этой страны, былъ непрочь вступить въ переговоры; но старикъ-отецъ посовѣтовалъ ему не вступаться никакимъ образомъ въ дѣло, ибо тогда нужно будетъ поссориться не съ одною Москвою, но также съ императоромъ, королями Польскимъ и Датскимъ, которые всѣ объявляютъ свои притязанія на Ливонію. Когда ревельскія суда напали въ шведскихъ водахъ, при Біоркѣ и Ниландѣ, на лодки русскихъ купцовъ и овладѣли ими, перебивъ людей, то Ревельцевъ захватили за это въ Выборгѣ, и король отправилъ въ Финскій заливъ вооруженныя суда для безопасности русскихъ купцовъ, о чемъ далъ знать въ Москву. Іоаннъ такъ отвѣчалъ ему на это: „Ты писалъ къ намъ о неправдахъ Колыванскихъ людей (Ревельцевъ) и о своей отпискѣ, которую послалъ въ Колывань; мы твою грамоту выслушали и твое исправленье уразумѣли. Ты дѣлаешь гораздо, что свое дѣло исправляешь; намъ твое дѣло полюбилось, и мы за это твою старость хвалимъ; и впередъ ты бы къ намъ свою службу исполнялъ и нашимъ губителямъ недружбу дѣлалъ". Орденъ отправилъ пословъ и прямо въ Стокгольмъ къ Густаву, съ просьбою о помощи; послы представили старому королю, что они ждутъ также сильной помощи отъ императора, нѣмецкихъ князей и короля Польскаго; что слѣдовательно ему, вмѣстѣ съ такими союзниками, нечего бояться Москвы. Густавъ отвѣчалъ имъ, что на помощь Нѣмцевъ и Поляковъ полагаться нечего: императору и нѣмецкимъ князьямъ впору отбиваться отъ Турокъ; а Польскій король обѣщалъ и ему помощь въ войнѣ Московской—и обманулъ; точно такъ же поступилъ съ нимъ и Орденъ; но онъ не хочетъ помнить зла и будетъ просить царя за Ливонію. Эта просьба впрочемъ была не очень усильна; Густавъ писалъ Іоанну: „Мы просимъ васъ за Ливонцевъ собственно не для нихъ (потому что они и съ нами не очень хорошо поступили), но чтобъ угодить императору, который намъ приказывалъ и просилъ объ этомъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что мы немедленно хотимъ отправить посланника къ Ливонцамъ, велимъ спросить у нихъ, хотятъ ли они пасть въ ноги и все исполнить какъ слѣдуетъ. Мы дадимъ вамъ знать, какой отвѣтъ получимъ отъ нихъ". Шведскій посолъ говорилъ въ Москвѣ: „Его величество, государь мой, стоитъ теперь съ тяжкимъ оружіемъ, со многими кораблями, и не хочетъ пропускать ни датскихъ, ни нѣмецкихъ людей, которые захотятъ идти на помощь Ливонцамъ". Іоаннъ отвѣчалъ Густаву: „Мы прежде думали, что ты отъ себя хлопочешь за Ливонцевъ, что такъ тебѣ надобно; а теперь ты пишешь, что дѣлаешь это для императора: такъ если ливонское дѣло тебѣ не очень надобно, то ты бы къ Ливонцамъ и не посылалъ, чтобъ они били мнѣ челомъ" [3]).

Ревельцы, не ожидая ни откуда безкорыстной помощи, обратились къ Датскому королю Христіану III прямо съ просьбою принять ихъ въ свое подданство, такъ какъ нѣкогда Эстонія и Ревель были подъ властію Даніи. Но и Христіанъ III, подобно Густаву-Вазѣ, былъ старикъ, приближавшійся къ гробу; онъ объявилъ посламъ ревельскимъ, что не можетъ принять въ подданство ихъ страны, потому что не имѣетъ силъ защищать ея въ такомъ отдаленіи и отъ такого сильнаго врага; онъ взялся только ходатайствовать за нихъ въ Москвѣ; назначилъ пословъ, но умеръ, не отправивъ ихъ, и послы эти явились въ Москвѣ уже отъ имени наслѣдника Христіанова, Фридриха II-го. Король въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ, чтобъ царь запретилъ войскамъ своимъ входить въ Эстонію, какъ принадлежащую Даніи. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы короля отъ своей любви не отставимъ; какъ

всѣ были поморены въ темницахъ голодомъ и холодомъ; по ливонскимъ свидѣтельствамъ, при осадѣ погибло 400 человѣкъ Русскихъ. Гарнизономъ начальствовалъ стрѣлецкій голова Русинъ Игнатьевъ.

[1]) Львов. V, 264 и слѣд. П. С. Р. Л. IV, 310; Monum. Liv. antiquæ II, 61.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 311; Monum. Liv. ant. I, 220.

[3]) Monum. Liv. ant. I, 219 и слѣд.; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 149, 189.

ему пригоже быть съ нами въ союзномъ пріятельствѣ, такъ мы его съ собою въ пріятельствѣ и союзной любви учинить хотимъ. Тому уже 600 лѣтъ, какъ великій государь Русскій Георгій Владиміровичъ, называемый Ярославомъ, взялъ Землю Ливонскую всю и въ свое имя поставилъ городъ Юрьевъ, въ Ригѣ и Колывани церкви русскія и дворы поставилъ и на всѣхъ ливонскихъ людей дани наложилъ. Послѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ невзгодъ, тайно отъ нашихъ прародителей, взяли-было они изъ королевства Датскаго двухъ королевичей; но наши прародители за то на ливонскихъ людей гнѣвъ положили, многихъ мечу и огню предали, а тѣхъ королевичей Датскихъ изъ своей Ливонской Земли вонъ выслали. Такъ Фридрихъ король въ нашъ городъ Колывань не вступалъ". На просьбу не притѣснять Ливонцевъ, царь велѣлъ отвѣчать посламъ: „Всѣ Ливонцы отъ прародителей нашихъ извѣчные наши данники; какъ мы остались послѣ отца своего трехъ лѣтъ, то наши непріятели пограничные, видя то, наступили на наши земли, а люди Ливонской Земли, смотря на наши невзгоды, перестали платить, и въ Ригѣ церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридни и палаты отдали литовскимъ попамъ и купцамъ; въ Колывани русскія гридни и палаты Колыванскіе люди за себя взяли, въ Юрьевѣ церковь Николы Чудотворца разорили, конюшни на томъ мѣстѣ поставили, а улицами русскими, палатами и погребами Юрьевцы сами завладѣли" [1]). Однако, желая какъ видно, имѣть всѣ войска свои на южныхъ границахъ для дѣйствій противъ Крымцевъ, царь далъ датскимъ посламъ опасную грамоту на имя ливонскихъ правителей; въ грамотѣ говорилось, что, для короля Фридриха, царь жалуетъ перемиріе Ордену отъ мая до ноября 1559 года; чтобъ въ это время или самъ магистръ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или прислалъ бы самыхъ знатныхъ людей для заключенія вѣчнаго мира. Но Кетлеръ понималъ, что челобитьемъ нельзя получить выгоднаго мира; видя, что нѣтъ помощи ни отъ Швеціи, ни отъ Даніи, онъ обратился къ третьему сосѣднему государю, который имѣлъ больше побужденій вступиться за Ливонію, чтобъ не дать Москвѣ усилиться на ея счетъ: Кетлеръ обратался къ королю Польскому.

Въ 1545 году старикъ Сигизмундъ сдалъ управленіе Литвою сыну своему, Сигизмунду-Августу, о чемъ послѣдній и далъ знать Іоанну Московскому [2]). Въ 1548 году умеръ Сигизмундъ старый; срокъ перемирія исходилъ, но изъ Литвы не было никакой вѣсти; это, впрочемъ, происходило не отъ того, что новый король замышлялъ войну—войны меньше всего можно было бояться со стороны Сигизмунда-Августа, литовскаго Сарданапала; 1548 г. онъ провелъ въ борьбѣ за жену свою Варвару, урожденную Радзивилъ, на которой онъ женился тайно отъ отца, матери и вельможъ польскихъ; теперь послѣдніе требовали развода; но когда дѣло шло о любимой женщинѣ, то Сигизмундъ-Августъ обнаруживалъ большую твердость: онъ отстоялъ Варвару. Въ то время какъ на престолъ Польши и Литвы вошелъ государь съ такимъ характеромъ, молодой государь Московскій, принявши царскій титулъ, надѣвши вѣнецъ Мономаховъ, думалъ о томъ, какъ бы возвратить себѣ отчину Мономахову, древнюю Русь, Кіевъ. Но прежде всего и Московскому потомку надлежало совершить тѣ же подвиги, которыми прославился Кіевскій предокъ, т.-е. надлежало защитить Русь отъ *поганыхъ*. Замышляя окончательное низложеніе Казани, зная, что борьба съ Казанью есть вмѣстѣ и борьба съ Крымомъ, Іоаннъ не могъ желать возобновленія войны съ Литвою, и бояре написали къ епископу и воеводѣ виленскимъ, чтобъ они съ другими панами-радою наводили короля на миръ. Вслѣдствіе этой *задирки*, какъ тогда выражались, въ январѣ 1549 года пріѣхали въ Москву литовскіе великіе послы: Станиславъ Кишка, воевода Витебскій, и Янъ Камаевскій, маршалокъ. О вѣчномъ мирѣ думать было нечего: Литва не хотѣла мириться безъ Смоленска; послы твердили: „Безъ отдачи Смоленска не мириться"; бояре отвѣчали имъ: „Ни одной границы изъ Смоленска государь нашъ не уступитъ". Но если Сигизмундъ-Августъ не хотѣлъ вѣчнаго мира безъ Смоленска, то Іоаннъ не хотѣлъ его и съ Смоленскомъ; онъ говорилъ боярамъ: „За королемъ наша вотчина извѣчная, Кіевъ, Волынская Земля, Полоцкъ, Витебскъ, и многіе другіе города русскіе, а Гомель отецъ его взялъ во время нашего малолѣтства;—такъ пригоже ли съ королемъ теперь вѣчный миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, потому что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушать не хочу". И приговорилъ государь съ боярами вѣчнаго мира съ королемъ не заключать для того, чтобъ можно было доставать своихъ старинныхъ вотчинъ, а взять съ королемъ перемирье на время, чтобъ дать людямъ поотдохнуть и съ иными недругами управиться. Такъ, если послы начнутъ допытываться у бояръ, какъ государь хочетъ вѣчнаго мира, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витебска; Полоцка и Витебска требовать для того, чтобъ вѣчный миръ не состоялся; потому что если они отступятся отъ Гомеля, Смоленска, Себежа и Заволочья, то отъ вѣчнаго мира тогда отговориться будетъ непригоже. Заключили перемиріе на пять лѣтъ; но при написаніи грамоты встрѣтилось новое затрудненіе: Іоаннъ хотѣлъ написаться съ новымъ своимъ титуломъ, титуломъ царскимъ; послы никакъ не согласились, говоря, что прежде этого не бывало. Бояре отвѣчали: прежде не бывало потому, что Іоаннъ на царство еще не вѣнчался, а теперь вѣнчался по примѣру Владиміра Мономаха. Но это не

---

[1]) Monum. Liv. ant. I, 218; С. г. г. и д. V, № 116, 115; Дѣла Датскія, № 1, стр. 46 и слѣд.

[2]) Книга Посольская Метр. в. к. Литовскаго, I, стр. 1. Впредь эта книга будетъ цитоваться подъ именемъ Литовской метрики.

убѣдило пословъ; они потребовали отпуска. Іоаннъ долго разсуждалъ съ боярами, можно ли уступить посламъ и написать грамоту безъ царскаго титула. Бояре говорили, что теперь, имѣя въ виду двухъ недруговъ, Казанскаго и Крымскаго, можно написать грамоту и безъ царскаго титула. Царь приговорилъ: „Написать полный титулъ въ своей грамотѣ, потому что эта грамота будетъ у короля за его печатью; а въ другой грамотѣ, которая будетъ писаться отъ имени короля и останется у государя въ Москвѣ, написать титулъ по старинѣ безъ царскаго имени. Надобно такъ сдѣлать потому, что теперь Крымскій царь въ большой недружбѣ и Казанскій также: если съ королемъ разорвать изъ-за одного слова въ титулѣ, то противъ троихъ недруговъ стоять будетъ истомно, и если кровь христіанская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы грѣха передъ Богомъ. А начнетъ Богъ миловать, съ Крымскимъ дѣло подѣлается, и съ Казанью государь перевѣдается, то впередъ за царскій титулъ крѣпко стоять и безъ него съ королемъ дѣла никакого не дѣлать". Относительно пословъ опредѣлено было: если не согласятся на титулъ, отпустить ихъ, и на отпускѣ приказать съ ними поклонъ къ королю, а руки имъ не давать, потому что въ отвѣтѣ на нихъ слово положено гнѣвное. Если послѣ отпуска они не начнутъ сами опять говорить о дѣлѣ и станутъ просить позволенія уѣхать назадъ въ Литву, то велѣть приставу *задрать* ихъ, чтобъ повидались опять съ боярами, — и какъ пріѣдутъ на дворъ видѣться съ боярами, говорить имъ опять накрѣпко о титулѣ; и если никакъ не согласятся, то сдѣлать, какъ было положено, т.-е. написать царскій титулъ въ одной своей грамотѣ. Послѣ отпуска, Кишка и Камаевскій сами потребовали новыхъ переговоровъ, но и тутъ не соглашались на титулъ, а просили, чтобъ имъ дали на письмѣ о царскомъ поставленіи, какимъ образомъ государь на царство вѣнчался, и откуда предки его царское имя взяли. Царь приговорилъ съ боярами, что такой записки имъ не давать, потому что они составятъ на нее свои отвѣты, и тогда въ рѣчахъ будетъ говорить о томъ тяжело. Послы распростились и уже сѣли въ сани, но тутъ ихъ воротили и позволили имъ написать грамоту отъ королевскаго имени безъ царскаго титула.

Для взятія присяги съ короля въ ненарушеніи перемирія отправился въ Литву бояринъ-окольничій Михаила Яковлевичъ Морозовъ; онъ долженъ былъ также требовать царскаго титула для Іоанна, получившаго этотъ титулъ отъ предковъ своихъ, именно отъ великаго князя Кіевскаго Владиміра Мономаха. Король велѣлъ отвѣчать Морозову, что прежде ни самъ Іоаннъ, ни отецъ, ни дѣдъ его этого титула не употребляли; что же касается до великаго князя Кіевскаго Мономаха, то, во-первыхъ, это дѣла давнія; во-вторыхъ, столъ Кіевскій есть и будетъ въ рукахъ его, короля; слѣдовательно, если уже кто имѣетъ право называться царемъ Кіевскимъ, то конечно онъ, король, а не великій князь Московскій; но такъ какъ этотъ титулъ не можетъ принести королю никакой славы и выгоды, то онъ его и не употребляетъ, тѣмъ болѣе что всѣ государи христіанскіе называютъ царемъ только императора Римско-Германскаго; если же король и великій князь Московскій называютъ царями хана Крымскаго и другихъ татарскихъ и поганскихъ господарей, то это ведется изъ старины, давно уже на славянскомъ языкѣ начали ихъ такъ называть, а сами они на своемъ языкѣ такъ себя не величаютъ. — Мы видѣли, какъ Іоаннъ объявилъ, что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не захочетъ. Въ этомъ отношеніи лежало у него на совѣсти, что въ перемирныхъ грамотахъ вставлялось условіе: бѣглецовъ выдавать на обѣ стороны, и условіе это вмѣстѣ съ другими скрѣплялось крестнымъ цѣлованіемъ, а между тѣмъ на дѣлѣ никогда не исполнялось: „И ты, братъ нашъ, поразсуди, велѣлъ сказать царь Сигизмунду-Августу, чтобъ это неисполненіе на нашихъ душахъ не лежало; или вычеркнемъ условіе изъ грамоты, или уже будемъ исполнять его, станемъ выдавать всѣхъ бѣглецовъ". Король не согласился уничтожить условіе; касательно же исполненія его отвѣчалъ неопредѣленно, что онъ ничего не дѣлаетъ вопреки перемирной грамотѣ. Король защищался стариною, обычаемъ противъ новыхъ требованій Іоанновыхъ; Морозовъ долженъ былъ также напомнить ему грозную старину: „Если польется кровь, то она взыщется на тѣхъ, которые покою христіанскаго не хотѣли, а тому образцы были: Александръ король дѣда государя нашего не хотѣлъ писать государемъ всея Руси, а Богъ на чемъ поставилъ? Александръ король къ этому еще много и своего придалъ. А нынѣ тотъ же Богъ". Король не исполнилъ и третьяго требованія Іоаннова: освободить двухъ плѣнныхъ вельможъ московскихъ—князей Михаила Голицу и Ѳедора Оболенскаго-Овчину за 2,000 рублей; вмѣсто денегъ, онъ просилъ за нихъ городовъ и волостей: Чернигова, Мглина, Дрокова, Поповы горы, Себежа и Заволочья, на что, разумѣется, Іоаннъ не могъ согласиться.

Во время перемирія происходили ссылки между двумя дворами о разныхъ дѣлахъ. Въ 1550 году пріѣзжалъ въ Москву посолъ Станиславъ Едровскій, черезъ котораго король велѣлъ сказать Іоанну: „Докучаютъ намъ подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предкахъ твоихъ вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христіанамъ и жидамъ, въ Москву и по всей Землѣ твоей съ товарами ходить и торговать; а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство свое въѣзжать". Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили и пакости многія нашимъ людямъ дѣлали,—такъ тебѣ бы, брату нашему, не годилось и писать о нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла". Еще при

жизни Сигизмунда Стараго жиды Брестскіе были выгнаны изъ Москвы и товары ихъ сожжены за то, что они привозили продавать *мумею*. Важнѣе для обоихъ государствъ было требованіе Іоанна отъ короля: „Я послалъ грамоты всѣмъ своимъ порубежнымъ намѣстникамъ, чтобъ на нашихъ земляхъ позволяли твоимъ сторожамъ стеречь прихода Татарскаго, и велѣлъ своимъ намѣстникамъ беречь твоихъ сторожей, чтобъ имъ отъ нашихъ людей никакихъ обидъ не было. И ты бы также въ Каневѣ и въ Черкасахъ своимъ намѣстникамъ приказалъ накрѣпко, чтобъ они на своихъ земляхъ нашимъ сторожамъ мѣста дали, и какія вѣсти у твоихъ намѣстниковъ про Татаръ будутъ, и они-бъ нашихъ намѣстниковъ безъ вѣсти не держали". Король показалъ-было большую учтивость: безъ окупа освободилъ изъ плѣна стараго воеводу, князя Михайлу Булгакова-Голицу, и прислалъ его въ Москву. Царь принялъ старика очень ласково, къ рукѣ звалъ, о здоровьи спросилъ, велѣлъ ему сѣсть, пожаловалъ шубою и звалъ обѣдать; Голица билъ челомъ, что онъ истомился, и царь велѣлъ ему ѣхать на подворье, а отъ стола своего послалъ ему съ кушаньемъ. Но и этотъ поступокъ не повелъ къ большой пріязни между двумя государями, потому что непризнаніе царскаго титула со стороны короля постоянно раздражало Іоанна; въ наказѣ послу Астафьеву, отправлявшемуся въ Литву, читаемъ: „Станутъ говорить: прежде Московскіе писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причинѣ пишется царемъ?—отвѣчать: государь нашъ учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его великій князь Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ на царство Русское, когда ходилъ ратью на царя Греческаго Константина Мономаха, и царь Константинъ Мономахъ тогда добилъ ему челомъ и прислалъ ему дары: вѣнецъ царскій и діадиму съ митрополитомъ Еѳесскимъ, киръ Неофитомъ, и на царство его митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и съ этого времени назывался царь и великій князь Владиміръ Мономахъ. А государя нашего вѣнчалъ на царство Русское тѣмъ же вѣнцомъ отецъ его, Макарій митрополитъ, потому что теперь Землею всею Русскою владѣетъ государь нашъ одинъ". Эти объясненія не помогали: король не называлъ Іоанна царемъ въ своихъ грамотахъ; за это Іоаннъ въ отвѣтныхъ грамотахъ не писалъ Сигизмунда-Августа королемъ; гонцы не брали такихъ грамотъ и уѣзжали съ пустыми руками.

Такъ было до Казанскаго похода; послѣ взятія Казани, въ ноябрѣ 1552 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Гайко, присланный отъ Виленскаго епископа и двоихъ Радзивиловъ (Николая Чернаго и Николая Рыжаго), самыхъ могущественныхъ вельможъ въ Литвѣ, къ митрополиту Макарію и боярамъ — князю Ивану Михайловичу Шуйскому и Данилу Романовичу Юрьеву. Гайко былъ принятъ Макаріемъ и двумя этими боярами въ митрополичьемъ домѣ, причемъ присутствовали трое владыкъ, архимандриты и игумены. Митрополитъ спрашивалъ о здоровьи пославшихъ сидя, а бояре вставши; митрополитъ звалъ Гайка къ рукѣ и посолъ цѣловалъ его руку; но когда бояре позвали его къ рукѣ и спросили о здоровьи, то онъ, отступя, ударилъ имъ челомъ; послѣ пріема посолъ обѣдалъ у митрополита. Въ грамотѣ, посланной съ Гайкомъ, епископъ и Радзивилы писали, чтобъ митрополитъ и бояре наводили государя на вѣчный миръ, и чтобъ для его заключенія московскіе послы пріѣхали въ Литву. Митрополитъ, по царскому приказанію, отвѣчалъ Гайку, что онъ привезъ грамоту о государскихъ дѣлахъ, а не о церковныхъ, государскія же земскія дѣла до митрополита не касаются, о нихъ отвѣтъ дадутъ епископу и панамъ государскіе бояре; онъ же, митрополитъ, если Богъ дастъ, по времени господину и сыну своему царю и великому князю Ивану станетъ напоминать и на то его наводить, чтобъ разлитія крови христіанской не было. Бояре отвѣчали панамъ, что вся вражда между государями пошла и ссылки прекратились оттого, что король не даетъ Іоанну царскаго титула, а царь за это не называетъ Сигизмунда-Августа королемъ: „Мы думаемъ — писали бояре — что въ великомъ княжествѣ Литовскомъ старые паны радные еще есть и того не забыли, что никогда наши государи напередъ пословъ своихъ не посылали; великій князь Василій, несмотря на просьбы императора и папы, даже и на границу пословъ своихъ не отправилъ для переговоровъ съ литовскими послами; отецъ короля Сигизмунда не добился этого и въ малолѣтство Іоанна; а теперь государь уже не малолѣтній и враговъ своихъ побѣдилъ, Казань взялъ. Мы не только государю, но даже своимъ дядьямъ и братьямъ грамоты вашей показать не смѣли".

Въ 1553 году пріѣхали послы отъ короля — Довойна и Воловичъ. Царь не позвалъ ихъ къ рукѣ, не пригласилъ къ обѣду, и вѣрющую грамоту велѣлъ отдать имъ назадъ, потому что царскаго имени въ ней не было. Послы говорили, что прежде толковъ о титулѣ нужно заключить вѣчный миръ, для котораго Іоаннъ долженъ уступить королю всѣ завоеванныя прежде у Литвы земли; послѣ этого уже можно начать дѣло о титулѣ, на который король не прежде можетъ согласиться, какъ получивъ согласіе императора и папы. Бояре отвѣчали, что императоръ и папа давно называютъ Московскихъ государей царями, и что прежде рѣшенія о титулѣ никакого дѣла дѣлать не станутъ. Послы уѣхали. Тогда царь созвалъ бояръ и говорилъ имъ: „Намъ слѣдовало бы за свое имя стоять крѣпко; но теперь казанскіе люди еще не поукрѣпились совершенно, и мнѣ кажется, что для казанскаго дѣла надобно заключить съ королемъ перемиріе на годъ или на два, чтобъ въ это время можно было Казань укрѣпить, а послѣ этого будемъ стоять за свое имя крѣпко". Бояре отвѣчали, что надобно заключить перемиріе именно для казанскаго дѣла; пословъ воротили съ дороги и заключили перемиріе па два года. Мы видѣли, что до сихъ поръ для

оправданія принятаго имъ царскаго титула Іоаннъ указывалъ только на Владиміра Мономаха; теперь нашлись другія оправданія, и московскимъ посламъ, отправленнымъ въ Литву для подтвержденія двухлѣтняго перемирія, данъ былъ такой наказъ: „Когда спросятъ, почему великій князь называется царемъ?“ отвѣчать:—„Прародитель его, великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и Землю Русскую крестилъ, такъ царь Греческій и патріархъ вѣнчали его на царство Русское, и онъ писался царемъ, а какъ преставился, то и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ; потомъ говорить о Мономахѣ; наконецъ сказать, что царство Казанское взято и потому Іоаннъ сдѣлался царемъ“.

Скоро взято было и другое царство—Астраханское. Іоаннъ послалъ объявить объ этомъ королю. Посланному между прочимъ данъ былъ наказъ: „Спросятъ: Черкесы почему государя вашего холопы“?—отвѣчать: „Черкесы государей нашихъ старинные холопы, потому что бѣжали изъ Рязани“. Поздравить Іоанна со взятіемъ Астрахани король послалъ дворянина своего, пана Тишкевича. Тишкевичъ былъ Русскій, православнаго исповѣданія, и потому просилъ, чтобъ ему было позволено принять благословеніе у митрополита. Царь назначилъ день, когда быть Тишкевичу у Макарія, и послалъ сказать послѣднему, чтобъ велѣлъ убрать у себя палату столовую, гдѣ будетъ принимать посла, и чтобъ на дворѣ у него было все прибрано, а во время пріема были бы у него владыки и архимандриты всѣ, которые въ Москвѣ, и было бы у него все порядочно (чиновно). Митрополитъ принялъ Тишкевича по-царски, какъ царь принималъ обыкновенно пословъ, спросилъ у него, какого онъ закона, и когда Тишкевичъ отвѣчалъ, что Греческаго, далъ ему наставленіе о вѣрѣ и благословилъ. Тишкевичъ говорилъ наединѣ митрополиту, что по рубежамъ Литовскимъ живутъ все христіане Греческаго закона, которые скорбятъ, что между государями вражда, и по всему видно, что скоро наступитъ кровопролитіе. Тишкевичъ просилъ, чтобъ митрополитъ уговорилъ Іоанна отправить къ королю пословъ для заключенія вѣчнаго мира, но прибавилъ, что онъ говоритъ это отъ себя, потому что, какъ слышалъ онъ отъ литовскихъ пановъ, польскіе паны всею радою безпрестанно толкуютъ королю, чтобъ онъ началъ войну съ Московскимъ государемъ, о христіанствѣ же польскіе паны не заботятся; они опредѣлили, чтобъ королю пословъ своихъ въ Москву не отправлять. А литовскіе паны все скорбятъ, что между государями гнѣвъ воздвигается, и о христіанствѣ жалѣютъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что такъ какъ Тишкевичъ говорилъ это отъ себя, и приказа и письма съ нимъ ни отъ кого нѣтъ, то бить челомъ государю нельзя; вражда же между государями идетъ за одно государское имя.

Перемиріе исходило. Виленскій епископъ Павелъ и Виленскій воевода Радзивилъ прислали виленскаго купца Дементія съ грамотою къ митрополиту и князю Ивану Михайловичу Шуйскому, просили, чтобъ они постарались о продленіи перемирія. Дементій, подобно Тишкевичу, объявилъ, что эта посылка тайная, потому что польская рада хочетъ войны. Митрополитъ отвѣчалъ, что хотя это и не его дѣло, однако, видя радѣнье епископа и Радзивила, какъ пастырь добрый, берется склонить бояръ и царя къ миру. Іоаннъ, занятый войною Шведскою, далъ опасную грамоту на пословъ литовскихъ, причемъ отправлены были также списки съ грамотъ императора Максимиліана и султана Солимана, гдѣ Московскій государь называется царемъ. Въ 1556 году пріѣхалъ посолъ князь Збаражскій, и заключилъ перемиріе на шесть лѣтъ; о титулѣ не сговорились. Бояринъ Воронцовъ и казначей Сукинъ, отправленные въ Литву для подтвержденія перемирія, должны были повторить королю о правѣ Іоанна на царскій титулъ съ новыми прибавленіями, а именно: выставлено уже происхожденіе Рюрика отъ императора Августа; въ заключеніи сказано: „А теперь не только на Русскомъ господарствѣ Богъ насъ учинилъ съ этимъ титуломъ, но и Казанскаго и Астраханскаго государствъ титулы царскіе Богъ на насъ положилъ“.

Мы видѣли, что Іоаннъ не хотѣлъ заключать вѣчнаго мира съ Литвою, желая непремѣнно возвратить отъ нея свою отчину—Кіевъ и другіе русскіе города; несогласіе короля признать царскій титулъ Московскаго государя должно было ускорить разрывъ; несмотря на то, перемиріе продолжалось—сперва для Казанскаго дѣла, потомъ для Шведской войны; наконецъ Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на Ливонію. Прибрежье Балтійское явилось въ его глазахъ важнѣе Приднѣпровья: война съ Литвою отлагалась такимъ образомъ опять на неопредѣленное время; между тѣмъ должно было дѣйствовать и противъ Крымскаго хана; отвлекать его отъ нападеній на Московскія украйны, а съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Крыма можно было только въ союзѣ съ Литвою, владѣвшей низовьями Днѣпра. Въ февралѣ 1558 года пришла въ Москву вѣсть, что Крымскій царевичъ повоевалъ въ Литовской Землѣ и на Подольи многія мѣста и досаду Литовской Землѣ учинилъ многую. Царь созвалъ бояръ и говорилъ имъ: „Съ Крымскимъ мы оставили дѣло о дружбѣ; онъ былъ въ дружбѣ съ королемъ, а теперь и королю сдѣлалъ досаду большую; такъ теперь, пока они не помирились, *задрать* короля о дружбѣ, чтобъ отвести его отъ Крымскаго“. Приговорили послать къ королю съ грамотою Романа Алферьева, предложить Литвѣ союзъ противъ Крыма. Алферьевъ, возвратившись изъ Литвы, сказывалъ, что присылка царская королю и всей радѣ была за большую честь, всѣ люди его пріѣзду были рады и честь ему была большая; только паны опасаются одного, что Турецкій султанъ за Крымскаго хана вступится, а царь въ своемъ словѣ не устоитъ, и когда Литва будетъ воевать съ Турками, возьметъ у нея города. Ко-

ролевскій посолъ Василій Тишкевичъ спросилъ Алексѣя Адашева, высланнаго къ нему для переговоровъ, на какихъ условіяхъ хочетъ Іоаннъ заключить вѣчный миръ. Въ отвѣтѣ Адашева высказалось ясно, какъ Іоаннъ, занявшись съ обычною своею страстію дѣлами Ливонскими, перемѣнилъ мысли относительно Литвы. „Прежнія дѣла должно всѣ отложить", сказалъ Адашевъ, „и дѣлать между государями доброе дѣло на избаву христіанамъ; если же станемъ говорить по прежнему обычаю, станемъ просить у васъ Кракова, Кіева, Волынской Земли, Подолья, Полоцка, Витебска и всѣ города русскіе станемъ звать готовою вотчиною своего государя, а вы станете просить Смоленска, Сѣверской страны, Новгорода Великаго,—то такими нелѣпыми рѣчами дѣло сдѣлается ли?" Адашевъ требовалъ, чтобъ вѣчный миръ заключенъ былъ по перемирной грамотѣ; но Тишкевичъ отвѣчалъ, что такъ мириться нельзя; что Москва должна возвратить Литвѣ всѣ завоеванія отца и дѣда Іоаннова. „Пишетъ Златоустъ въ Златоструѣ", говорилъ Тишкевичъ: „что у одного человѣка на дворѣ была змѣя, съѣла у него дѣтей и жену, да еще захотѣла съ нимъ вмѣстѣ жить; миръ, какого вы хотите, похожъ на это; съѣвши жену и дѣтей, змѣя съѣстъ и самого человѣка. Нынѣшній государь вашъ конечно не таковъ, и видимъ, что онъ всякія дѣла по Богѣ дѣлаетъ, христіанство исправляетъ и утверждаетъ; по всей его державѣ христіанство и церкви христіанскія цвѣтутъ, какъ въ старину въ Іерусалимѣ при равноапостольномъ царѣ Константинѣ. Но нашему государю, не взявши своихъ отчинъ, мириться нельзя; какой это миръ—взявши да не отдать!" Адашевъ отвѣчалъ: „Паны! положите вы на своемъ разумѣ,—какъ говорить то, чего и во снѣ не пригрезится? какъ тому взойти, что гнило посѣяно? — только понапрасну истому принимать". Тишкевичъ объявилъ послѣднее слово: безъ возвращенія Смоленска миру вѣчному не быть; причемъ очень откровенно высказалъ опасенія литовскихъ пановъ: „Въ условія вѣчнаго мира будетъ внесено, что стоять на Крымскаго заодно; но Крымскій присяжникъ Турецкаго, Турецкій за Крымскаго наступитъ на нашего государя, вашъ государь нашему тогда не поможетъ, и нашъ до конца свою отчину погубитъ". Адашевъ этотъ страхъ отговаривалъ, утверждалъ, что царь будетъ заодно съ королемъ на всѣхъ враговъ; но Тишкевичъ не оставлялъ своихъ сомнѣній и говорилъ: „Если бы образцовъ не было, а то образцы живые,—отецъ и дѣдъ вашего государя что сдѣлали съ Литвою? Избавившись отъ Крымскаго, вамъ не на кого больше броситься, какъ на насъ. Миру вѣчному теперь быть нельзя, а доброе перемирье чѣмъ не миръ?" Тишкевичъ просилъ, чтобъ перемиріе, заключенное на шесть лѣтъ княземъ Збаражскимъ, продлить еще на нѣсколько лѣтъ; но царь не согласился. Взаключеніе переговоровъ, посолъ просилъ Іоанна отъ имени королевскаго помириться съ Ливонцами; Іоаннъ отвѣчалъ: „Ливонцы, изъ вѣчные наши данники, церкви Божія разорили, образамъ Божіимъ поругались и намъ въ нашихъ даняхъ не исправились; за такія свои дѣла отъ насъ наказанье и приняли; сумѣютъ къ Богу исправиться и своимъ челобитьемъ нашъ гнѣвъ утолить,—тогда мы ихъ пожалуемъ".

Литовское правительство откровенно призналось, что не хочетъ союза съ Москвою противъ Татаръ, потому что Москва опаснѣе для нея, чѣмъ Крымъ. Чего прежде не бывало, московскіе ратные люди плавали по Днѣпру; иногда, воюя съ Крымцами, переходили на западную его сторону; сторожа московскіе стояли по Днѣпру. Въ Москвѣ старались предупредить жалобы на это; послу Ивову, отправленному къ королю съ исчисленіемъ обидъ, нанесенныхъ Литовцами купцамъ московскимъ и порубежникамъ, былъ данъ такой наказъ: „Станутъ говорить: та ли государя вашего правда, что въ отчину нашего государя, въ Днѣпръ, вступается, и людей своихъ на Днѣпрѣ ставитъ, вотчины Черкасскія люди его пустошатъ и рыболововъ грабятъ?—отвѣчать: государь нашъ въ королевскія земли и воды не вступается ничѣмъ, рыболововъ наши люди не грабятъ и вотчинъ Черкасскихъ не пустошатъ; а стоятъ наши люди на Днѣпрѣ, берегутъ христіанство отъ Татаръ, и отъ этого стоянья ихъ на Днѣпрѣ не однимъ нашимъ людямъ оборона, но и королевской Землѣ всей защита,—бывалъ ли хотя одинъ Татаринъ за Днѣпръ съ тѣхъ поръ, какъ наши люди начали стоять на Днѣпрѣ? За такую христіанскую оборону надобно было вамъ нашихъ людей чтить, а вмѣсто того королевскіе казаки безпрестанно крадутъ у нихъ лошадей. Мы дѣлъ государскихъ не знаемъ, какъ между государями о Днѣпрѣ написано. А если о Днѣпрѣ между государями и письма нѣтъ, не положено, въ чьей онъ сторонѣ: такъ онъ Божій! кто захочетъ,—тотъ на немъ и стоитъ. До сихъ поръ мы не слыхали, что противъ Крыма Днѣпръ королевскій; намъ кажется, что Днѣпръ нашъ, потому что течетъ изъ Земли нашего государя". Но въ Литвѣ дѣло шло не о Днѣпрѣ.

Дѣла Ливонскія заставляли Іоанна желать вѣчнаго мира и союза съ Литвою; но эти дѣла не только не могли повести къ вѣчному миру, а ускорили еще разрывъ: 16 сентября 1559 года между Ливонскимъ правительствомъ и Сигизмундомъ-Августомъ заключенъ былъ въ Вильнѣ договоръ, по которому король обязался защищать Орденскія владѣнія отъ Москвы; за это архіепископъ и магистръ отдали ему 9 волостей подъ залогъ, съ условіемъ, что если они захотятъ ихъ послѣ выкупить, то должны заплатить 700,000 польскихъ гульденовъ. Сигизмундъ-Августъ обязался прежде всего отправить посла въ Москву съ требованіемъ, чтобъ царь не вступался въ Ливонію, потому что она отдалась подъ покровительство королевское. Съ этимъ требованіемъ пріѣхалъ въ Москву, въ январѣ 1560 года, Мартинъ Володковъ. Отдавши королевскую грамоту, онъ просилъ повидаться съ

Адашевымъ, и говорилъ ему: „Поляки всею Землею хотятъ того, чтобъ государь нашъ съ вашимъ государемъ началъ войну; но воевода Виленскій, Николай Радзивилъ, и писарь Литовскій, Воловичъ, стоятъ крѣпко, чтобъ король съ государемъ вашимъ былъ въ любви. Поляки съ Радзивиломъ сильно бранятся, говорятъ, что воевода за подарки помогаетъ Русскому государю; говорятъ: намъ Ливонской Земли нельзя выдать, и не станетъ король за Ливонскую Землю, то мы не станемъ его за короля держать, и приговорили накрѣпко, что королю къ вашему государю посланника не отправлять. Такъ вы бы государя своего на то наводили, чтобъ онъ отправилъ къ нашему государю своего посланника, чтобъ о Ливонской Землѣ сговориться: тутъ ужъ непремѣнно Радзивилъ вступится въ дѣло и приведетъ его къ миру". Адашевъ отвѣчалъ, что государю къ королю отправлять посла не годится, потому что король вступился въ Ливонскую *данную* землю, и когда посолъ усумнился, точно ли Ливонія должна платить дань государю Московскому, то ему показали послѣднюю договорную грамоту съ обязательствомъ Дерптскаго епископа платить по гривнѣ съ человѣка. На требованіе королевское не вступаться въ Ливонію Іоаннъ отвѣчалъ: „Тебѣ очень хорошо извѣстно, что Ливонская Земля отъ предковъ нашихъ по сіе время не принадлежала никакому другому государству, кромѣ нашего, платила намъ дань, а отъ Римскаго государства избирала себѣ духовныхъ мужей и магистровъ для своего закона по утвержденнымъ грамотамъ нашихъ прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумалъ идти войною на Ливонскую Землю, то я за нее не вступался и тѣмъ показалъ, что это не моя Земля: знай, что по Всемогущаго Бога волѣ, начиная отъ великаго государя Русскаго Рюрика до сихъ поръ, держимъ Русское государство; и, какъ въ зеркалѣ смотря на поведеніе прародителей своихъ, о бездѣльи писать и говорить не хотимъ. Шелъ ты и стоялъ на своихъ земляхъ, а на наши данныя земли не наступалъ и вреда имъ никакого не дѣлалъ: такъ зачѣмъ было намъ къ тебѣ писать о твоихъ земляхъ?—какъ хотѣлъ, такъ на нихъ и стоялъ; если какую имъ истому сдѣлалъ, то самъ знаешь. А если магистръ и вся Ливонская Земля, вопреки крестному цѣлованію и утвержденнымъ грамотамъ, къ тебѣ пріѣзжали и церкви наши русскія разорили, то за эти ихъ неправды огонь, мечъ и расхищеніе на нихъ не перестанутъ, пока не обратятся и не исправятся". Король отвѣчалъ: „Ты называешь Ливонію своею; но какъ же при дѣдѣ твоемъ была лютая война у Москвы съ Ливонцами и прекращена перемиріемъ? Какой государь съ своими подданными перемиріе заключаетъ?" Но все это остроуміе, желаніе доказать другъ другу свои права на Ливонію ни къ чему не могли повести; дѣло могло рѣшиться только оружіемъ [1]).

[1]) Дѣла Польскія, № 4 и 5 всѣ; Литов. метрика, I, № 6, 33, 34, 35, 37, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 77—80, 89, 90, 95—98, 103—106, 104—129; Monum. Liv. ant. I, 222; Histor. Russiæ monum. I, № CXXXVIII.

Въ то время, какъ Московское государство, чувствуя необходимость сообщенія съ Западною Европою, съ такими усиліями старалось овладѣть берегами Балтійскаго моря, морскія государства Западной Европы чувствовали столь же сильное стремленіе въ противоположную сторону—къ богатому Востоку, и слѣдствіемъ этого стремленія было заведеніе торговыхъ сношеній Россіи съ Англіею на пустынныхъ берегахъ Бѣлаго моря, которые долго должны были замѣнять для Московскаго государства завѣтные берега Балтійскіе. Въ половинѣ XVI вѣка англійскіе купцы замѣтили, что запросъ на ихъ товары въ дальнихъ и ближнихъ странахъ уменьшается, цѣны ихъ понизились, несмотря на то, что англійскіе купцы сами отвозили ихъ въ иностранныя гавани; между тѣмъ какъ требованія на иностранные товары увеличились, цѣны ихъ возвысились чрезмѣрно. Это обстоятельство заставило сильно задуматься лучшихъ гражданъ лондонскихъ; они стали искать средствъ, какъ помочь горю, и остановились на томъ же самомъ, которое обогатило Португальцевъ и Испанцевъ,—именно на открытіи новыхъ странъ, новыхъ торговыхъ путей. Послѣ долгихъ совѣщаній съ знаменитымъ мореплавателемъ, Себастіаномъ Каботою, они рѣшились отправить три корабля для открытія сѣверныхъ частей свѣта и новыхъ рынковъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Составилась компанія, каждый членъ которой долженъ былъ внести 25 фунтовъ стерлинговъ; этимъ средствомъ собрали 6,000 фунтовъ, купили три корабля и отправили ихъ въ сѣверныя моря подъ начальствомъ Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера. Экспедиція отправилась 20 мая 1553 года; буря разнесла флотъ, и Ченслеръ на своемъ кораблѣ Edward Bonaventure одинъ достигъ Вардегуза, въ Норвегіи, мѣста, гдѣ онъ условился соединиться съ Уилльоуби. Но, потерявши семь дней въ напрасномъ ожиданіи, онъ рѣшился ѣхать далѣе, и, благодаря постоянному дню, царствовавшему въ это время въ полярныхъ странахъ, скоро (24 августа) достигъ большого залива, въ которомъ замѣтилъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ; рыбаки, испуганные появленіемъ большого, никогда невиданнаго ими прежде судна, хотѣли-было убѣжать, но были схвачены и приведены предъ Ченслера, который ободрилъ ихъ ласковымъ пріемомъ; послѣ этого окрестные жители начали пріѣзжать съ предложеніемъ съѣстныхъ припасовъ. Англичане узнали отъ нихъ, что страна называется Россіею, или Московіею, и управляется царемъ Иваномъ Васильевичемъ, подъ властію котораго находятся обширныя земли. Русскіе, въ свою очередь, спросили у Англичанъ, откуда они. Тѣ отвѣчали, что они посланы королемъ Эдуардомъ VI, должны доставить отъ него нѣкоторыя вещи царю, ищутъ они только дружбы государя Русскаго и позволенія торговать съ его народомъ, отчего будетъ

большая выгода и для Русскихъ, и для Англичанъ. Между тѣмъ, мѣстное начальство, выборные головы холмогорскіе, отписали къ царю о прибытіи иностранцевъ, спрашивая что съ ними дѣлать. Царь отвѣчалъ, чтобъ пригласили Англичанъ пріѣхать къ нему въ Москву; если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествіе, то могутъ торговать съ Русскими. Но Ченслеръ не испугался долгаго и труднаго пути, и отправился въ Москву еще до прихода отвѣтной грамоты царской; тщетно выборные головы откладывали день за день его поѣздку подъ разными предлогами, все дожидаясь вѣстей изъ Москвы. Ченслеръ объявилъ имъ рѣшительно, что если они не отпустятъ его въ Москву, то онъ отплыветъ тотчасъ же назадъ въ свою Землю.

Проживъ 13 дней въ Москвѣ, Ченслеръ позванъ былъ къ государю, котораго увидалъ сидящимъ на тронѣ, съ золотою короною на головѣ, въ золотомъ платьи, съ богатымъ скипетромъ въ рукѣ; въ наружности Іоанна Ченслеръ нашелъ величіе, сообразное съ его высокимъ положеніемъ. Пріемъ и угощеніе Ченслера послѣдовало по обычному церемоніалу пріема и угощенія пословъ. Получивъ отъ Іоанна грамоту, содержавшую благопріятный отвѣтъ на грамоту Эдуарда, въ которой король просилъ у всѣхъ государей покровительства капитану Уилльуоби, Ченслеръ отправился въ Англію,—гдѣ уже не нашелъ въ-живыхъ Эдуарда: на мѣсто его царствовала Марія. Отъ имени новой королевы и мужа ея, Филиппа Испанскаго, Ченслеръ явился снова посломъ въ Москвѣ въ 1555 году; съ нимъ пріѣхали и двое агентовъ компаніи, составлявшейся для торговли съ Россіею. Ченслеръ и товарищи его были приняты милостиво царемъ, послѣ чего приступили къ переговорамъ съ дьякомъ Висковатовымъ и лучшими купцами московскими насчетъ будущей дѣятельности компаніи. Переговоры кончились тѣмъ, что Англичане получили слѣдующую льготную грамоту: 1) Члены, агенты и служители компаніи имѣютъ свободный путь всюду, вездѣ имѣютъ право останавливаться и торговать со всѣми безпрепятственно и безпошлинно, также отъѣзжать во всякія другія страны; 2) ни люди, ни товары не могутъ быть нигдѣ задержаны ни за какой долгъ или поруку, если сами Англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступленіе,—если не сами Англичане его совершили; въ случаѣ преступленія Англичанина, дѣло выслушиваетъ и рѣшаетъ самъ царь; 3) Англичане имѣютъ полную свободу нанимать себѣ разнаго рода работниковъ, брать съ нихъ клятву въ точномъ исполненіи обязанностей, при нарушеніи клятвы наказывать и отсылать ихъ, нанимать другихъ на ихъ мѣсто; 4) главный факторъ, назначенный компаніею въ Россію, управляетъ всѣми Англичанами, находящимися здѣсь, чинитъ между ними судъ и расправу; 5) если кто-нибудь изъ Англичанъ ослушается фактора, то Русскіе, какъ правительственныя лица, такъ и простые люди обязаны помогать ему приводить ослушника въ повиновеніе; 6) обѣщается строгое и скорое правосудіе англійскимъ купцамъ при ихъ жалобахъ на русскихъ людей; 7) если-кто нибудь изъ Англичанъ будетъ раненъ или убитъ въ Россіи, то обѣщается строгій и немедленный сыскъ, и преступникъ получитъ должное и скорое наказаніе въ примѣръ другимъ. Если случится, что служители купцовъ англійскихъ будутъ подвергнуты за какое-нибудь преступленіе смертной казни или другому наказанію, то имущество и товары хозяевъ ихъ не могутъ быть отобраны въ казну; 8) если Англичанинъ будетъ арестованъ за долгъ, то приставъ не можетъ вести его въ тюрьму, прежде нежели узнаетъ—главный факторъ или депутаты будутъ ли поруками за арестованнаго; если будутъ,—то арестованный освобождается.

Ченслеръ отправился въ Англію съ русскимъ посломъ Осипомъ Непеею; страшная буря застигла ихъ у шотландскихъ береговъ, Ченслеръ утонулъ, но Непея спасся и достигъ Лондона, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ королемъ, королевою и русскою компаніею. Филиппъ и Марія, въ благодарность за льготы, данныя Англичанамъ въ Московскомъ государствѣ, дали и русскимъ купцамъ право свободно и безпошлинно торговать во всѣхъ мѣстахъ своихъ владѣній, гуртомъ и въ розницу; обѣщались, что возьмутъ ихъ подъ свое особенное покровительство; что имъ отведены будутъ въ Лондонѣ приличные домы для складки товаровъ, также и въ другихъ городахъ англійскихъ, гдѣ окажется для нихъ удобнѣе; если корабли ихъ разбиты будутъ бурею,—товары спасаются въ пользу владѣльцевъ безъ расхищенія; русскіе купцы будутъ судиться верховнымъ канцлеромъ. Наконецъ король и королева изъявили согласіе на свободный въѣздъ изъ Англіи въ Россію художниковъ и ремесленниковъ, вслѣдствіе чего Непея уже вывезъ многихъ мастеровъ, медиковъ, рудознатцевъ и другихъ [1]).

[1]) Hacluyt's collection of the early voyages, travels and discoveries, I, стр. 263, 318.—С. г. г. и д. V, № 113; Никон. VII, 291; Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. 18.

Глава IV.

Опричнина.

Причины неудовольствія между царемъ и Сильвестромъ.—Болѣзнь Іоанна и поведеніе нѣкоторыхъ вельможъ во время ея.—Поѣздка въ Кирилловъ монастырь.—Максимъ Грекъ.—Вассіанъ Топорковъ.— Бѣгство князя Семена Ростовскаго.—Разборъ свидѣтельствъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева.—Казни.—Нравственная порча Іоанна.—Ссылка князей Курлятева и Воротынскаго.—Поручныя записи.—Бѣгство Курбскаго въ Литву и переписка его съ Іоанномъ.—Впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ Курбскаго на царя.—Отъѣздъ Іоанна изъ Москвы.—Учрежденіе опричнины.—Митрополитъ Филиппъ.—Гибель князя Владиміра Андреевича.—Казни новгородскія. — Сыскное измѣнное дѣло.—Духовное завѣщаніе Іоанна 1572 года.—Великій князь Симеонъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію развязки борьбы, начавшейся въ Ливоніи, мы должны обратить вниманіе на внутреннія перемѣны, происшедшія при Дворѣ Московскомъ, въ отношеніяхъ царя къ близкимъ къ нему людямъ.

Мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе на воспріимчивую, страстную природу Іоанна произвело страшное бѣдствіе, постигшее Москву въ 1547 году; сильная набожность, которая замѣтна въ Іоаннѣ во все продолженіе его жизни, содѣйствовала тому, что онъ такъ легко принялъ религіозныя внушенія отъ лица духовнаго, священника Сильвестра. Съ другой стороны ненависть къ вельможамъ, которою онъ напитался во время малолѣтства, облегчала доступъ къ нему человѣку, не принадлежавшему по происхожденію своему и сану къ вельможамъ. Самъ Іоаннъ говоритъ, что это именно побужденіе заставило его приблизить къ себѣ Сильвестра: то же побужденіе заставило его облечь полною довѣренностію и Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ; но здѣсь-то уже, мимо всякихъ другихъ отношеній, необходимо было непріязненное столкновеніе между ними. Привыкнувъ требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ Іоанна, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не хотѣлъ своихъ государственныхъ мыслей приносить въ жертву тому уваженію, которое питалъ къ нравственнымъ достоинствамъ Сильвестра:—отсюда тягость, которую началъ чувствовать Іоаннъ отъ притязанія послѣдняго; напримѣръ, Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію; это было намѣреніе, которое сдѣлалось послѣ того постояннымъ, господствующимъ стремленіемъ Іоанновыхъ преемниковъ,—намѣреніе, за которое Петръ Великій такъ благоговѣлъ предъ Іоанномъ. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ; вмѣсто покоренія Ливоніи, они совѣтовали царю покорить Крымъ; но мы говорили уже о неудобоисполнимости этого намѣренія. Іоаннъ отвергнулъ его, и продолжалъ войну Ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ?—Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, которыя послѣ того его постигали, болѣзни его самого, жены, дѣтей,—суть Божія наказанія за то, что онъ не слушался его совѣтовъ, продолжалъ воевать съ Ливонцами. Безспорно, что Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ набожнымъ Іоанномъ; безъ сомнѣнія, и противъ войны Ливонской онъ выставлялъ благовидныя причины: вмѣсто того, чтобъ воевать съ христіанами, слабыми, безвредными,—лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошающими границы государства и т. п.; но въ то же время, какъ изъ знаменитаго Домостроя его, такъ и изъ другихъ извѣстій мы видимъ, что это былъ человѣкъ, иногда предававшійся мелочамъ: такъ, взявшись управлять совѣстію, нравственнымъ поведеніемъ молодаго царя, онъ входилъ въ этомъ отношеніи въ ненужныя подробности, что должно было также раздражать Іоанна. Природа послѣдняго, безспорно, требовала сильнаго сдерживанія, но при этомъ сдерживаніи нужна была большая осторожность, нужна была мѣра.

Несмотря однако на непріятныя столкновенія по причинѣ разности взглядовъ на дѣла политическія, Іоаннъ безъ сомнѣнія не поколебался бы въ своей довѣренности и привязанности къ Сильвестру и Адашеву, еслибъ продолжалъ вѣрить въ полную привязанность ихъ къ своей особѣ и къ своему семейству; но несчастный случай заставилъ Іоанна потерять эту вѣру. Въ 1553 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Казанскаго похода, онъ опасно занемогъ; ему предложили (вѣроятно братья царицы) написать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Димитрію, съ двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, и бояръ. Удѣльный князь не замедлилъ выставить права свои на престолъ по смерти Іоанна, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ Московскіе князья. Когда нѣкоторые вѣрные Іоанну и его семейству люди вооружились за это противъ Владиміра, Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ другого любимца Іоаннова, окольничій Ѳедоръ Адашевъ, прямо объявилъ себя

противъ Димитрія въ пользу Владиміра. Для объясненія этого явленія припомнимъ, что Сильвестръ и Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностію царя въ выборѣ людей, необходимо, если бы даже и не хотѣли того, должны были составить при Дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны имъ своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ ними ихъ стремленія: такъ извѣстно, что Іоаннъ, избирая какого-нибудь сановника духовнаго, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы; въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе на выборъ людей имѣлъ Алексѣй Адашевъ [1]). Многіе изъ вельможъ, князей, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна, примкнули къ числу совѣтниковъ Сильвестра и Адашева; быть можетъ, послѣдніе сами пошли къ нимъ на-встрѣчу, чтобъ имѣть для себя опору въ этихъ, все же стоявшихъ на первомъ планѣ людяхъ; очень вѣроятно, что Сильвестръ и Адашевъ дѣйствовали тутъ по прежнимъ отношеніямъ, прежнимъ связямъ: лѣтописецъ прямо говоритъ о давней и тѣсной дружбѣ Сильвестра съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Іоаннъ, въ перепискѣ своей съ Курбскимъ, главнымъ единомышленникомъ Сильвестра называетъ князя Димитрія Курлятева, или Шкурлятева, котораго мы видѣли прежде въ числѣ соумышленниковъ Шуйскаго. Съ него лѣтописецъ начинаетъ исчисленіе вельможъ, возставшихъ противъ Воронцова; любопытно также, что скоро послѣ московскихъ пожаровъ, когда вліяніе Сильвестра особенно усилилось, Іоаннъ женилъ родного брата своего, князя Юрія, на дочери князя Димитрія Палецкаго, также одного изъ главныхъ совѣтниковъ Шуйскаго и подвергавшагося за это прежде опалѣ. Вліяніе Сильвестра и совѣтниковъ его могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ—Захарьиныхъ-Юрьевыхъ; отсюда ненависть совѣтниковъ Сильвестровыхъ къ царицѣ Анастасіи и ея братьямъ, ненависть, могшая вызвать и со стороны послѣднихъ подобное же чувство. Совѣтники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою Византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра; Курбскій называетъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ, въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ; совѣтники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола князя Владиміра Андреевича.

Оставшійся вѣрнымъ Іоанну, князь Владиміръ Воротынскій и дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый начали говорить удѣльному князю, чтобъ не упрямился, государя бы послушалъ и крестъ цѣловалъ племяннику; князь Владиміръ Андреевичъ сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: „Ты-бъ со мною не бранился и не указывалъ, и противъ меня не говорилъ“. Воротынскій отвѣчалъ ему: „Я далъ душу государю своему и великому князю, Ивану Васильевичу, и сыну его, царевичу Димитрію, что мнѣ служить имъ во всемъ въ правду; съ тобою они-жъ, государи мои, велѣли мнѣ говорить; служу имъ, государямъ своимъ, а тебѣ служить не хочу; за нихъ съ тобою говорю; а гдѣ доведется, по ихъ приказанію, и драться съ тобою готовъ“. И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Больной царь началъ имъ говорить: „Если вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то значитъ у васъ другой государь есть, а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ; я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите; въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните; а кто не хочетъ служить государю-младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить; и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ“. На это отозвался князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій; онъ придумалъ отговорку: „Намъ нельзя цѣловать крестъ не передъ государемъ; передъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ?“ Прямѣе высказался окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца,—что было у него на душѣ больше, чѣмъ у другихъ, то и вылилось: „Тебѣ, государю, и сыну твоему, царевичу князю Димитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею; а мы ужь отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія.“ И былъ мятежъ большой, шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ: не хотятъ младенцу служить. Но къ вечеру поцѣловали крестъ Димитрію слѣдующіе бояре: князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, князь Димитрій Палецкій, дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый; тутъ же поцѣловали крестъ и Захарьины—Данило Романовичъ и Василій Михайловичъ. Но трое князей—Петръ Щенятевъ-Патрикѣевъ, Семенъ Ростовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій (сперва совѣтникъ Шуйскихъ, возстававшій съ ними вмѣстѣ на Воронцова, потомъ отъѣзжикъ вмѣстѣ съ Глинскимъ)—трое этихъ князей продолжали говорить: „Вѣдь нами владѣть Захарьинымъ, и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ и служить намъ государю молодому, такъ мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу“. Окольничій Солтыковъ донесъ, что князь Димитрій Нѣмого, ѣдучи съ

---

[1]) Акты арх. эксп. т. I, 238; Русск. Истор. Сборн. II, стр. 65, 66.

нимъ по площади, говорилъ: „Богъ знаетъ, что дѣлается! насъ бояре приводятъ къ присягѣ, а сами креста не цѣловали, а какъ служить малому мимо стараго? а вѣдь нами владѣть Захарьинымъ“! Царь велѣлъ написать цѣловальную запись, по которой приводить къ присягѣ князя Владиміра Андреевича. Эта запись замѣчательна тѣмъ, что въ ней право отъѣзда совершенно уничтожено: „Князей служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ мнѣ не принимать, также и всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего приказанія, не принимать никого“. Когда князь Владиміръ пришелъ къ Іоанну, то ему подали запись, и царь сказалъ ему, чтобъ онъ далъ на ней присягу; Владиміръ прямо отрекся цѣловать крестъ; когда Іоаннъ сказалъ ему: „Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь креста цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ“. Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, Іоаннъ сказалъ: „Бояре! я боленъ, мнѣ ужъ не до того; а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте“. Бояре, поцѣловавшіе крестъ, начали уговаривать къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью. „Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить,—не хотимъ вашего владѣнья“! кричали они. А между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье. Присягнувшіе бояре стали говорить Владиміру, что онъ и его мать поступаютъ неприлично: государь боленъ, а они людямъ своимъ деньги раздаютъ. Владиміръ сильно разсердился за это на бояръ, а тѣ стали его беречься, не стали часто пускать къ больному государю. Тутъ услыхали и Сильвестра, молчавшаго до тѣхъ поръ; онъ сталъ говорить присягнувшимъ боярамъ: „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю?—онъ государю добра хочетъ“! Бояре отвѣчали: „Мы дали присягу государю и сыну его,—по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче“. Съ этихъ поръ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками.

На другой день Іоаннъ призвалъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобъ они присягали сыну его, царевичу Димитрію, и присягали бы въ передней избѣ, потому что онъ очень боленъ и приводить ихъ къ присягѣ при себѣ ему очень тяжело; вмѣсто себя, онъ велѣлъ присутствовать при крестномъ цѣлованіи боярамъ—князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами. Присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: „Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить; а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть; такъ, если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы пожалуста не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали,—не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ; а вы, Захарьины! чего испугались; или думаете, что бояре васъ пощадятъ?—вы отъ нихъ будете первые мертвецы; такъ, вы бы за сына и мать его умерли, а жены моей на поруганіе не дали“. Изъ послѣднихъ словъ видно, что Захарьины испугались сильнаго сопротивленія враждебной стороны, и царь долженъ былъ напомнить имъ, что ихъ судьба тѣсно связана съ судьбою царицы и царевича; что если они поддадутся требованіямъ противной стороны и признаютъ царемъ Владиміра, вмѣсто Димитрія, то и въ такомъ случаѣ пощажены не будутъ. Слова Іоанна о будущей судьбѣ своего семейства, когда Владиміръ сдѣлается царемъ, испугали бояръ, увидавшихъ, какія мысли на душѣ у больнаго и къ чему могутъ повести такія мысли, если больной выздоровѣетъ. Испугавшись этихъ жесткихъ словъ, по выраженію лѣтописи, бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Подошелъ князь Иванъ Турунтай-Пронскій и, увидавши, что у креста стоитъ князь Воротынскій, не удержался и поспѣшилъ выместить на немъ то непріятное чувство, съ какимъ давалъ присягу. „Твой отецъ“, сказалъ онъ Воротынскому: „да и ты самъ послѣ великаго князя Василія первый измѣнникъ, а теперь къ кресту приводишь!“ Воротынскій нашелся что отвѣчать: „Я измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его, царевичу Димитрію; ты прямой человѣкъ, а государю и сыну его креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь“. Турунтай смутился, не нашелъ что сказать на это, и молча присягнулъ. Послѣ всѣхъ присягнули: князь Курлятевъ и казначей Фуниковъ, подъ предлогомъ болѣзни; пошли слухи, что они пересылались съ княземъ Владиміромъ и его матерью, хотѣли возвести его на престолъ. Но какъ нѣкоторые изъ присягнувшихъ хотѣли выполнять свою присягу,—показалъ князь Димитрій Палецкій: присягнувши Димитрію прежде другихъ, вмѣстѣ съ князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ, Палецкій, несмотря на то, послалъ сказать князю Владиміру Андреевичу и матери его, что если они дадутъ зятю его, царскому брату, князю Юрію (не могшему, по состоянію умственныхъ способностей, чѣмъ-либо управлять), и женѣ его удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ, Палецкій, не будетъ противиться возведенію князя Владиміра на престолъ и готовъ ему служить. По извѣстію одной лѣтописи, бояре насильно заставили присягнуть князя Владиміра Андреевича, объявивши ему, что иначе не выпустятъ изъ дворца; къ матери его посылали трижды съ требованіемъ, чтобъ и она привѣсила свою печать къ крестоприводной записи. „И много она бранныхъ рѣчей говорила. И съ тѣхъ поръ пошла вражда между боярами смута, а царству во всемъ скудость“: говоритъ лѣтопись [1]).

Іоаннъ выздоровѣлъ.—Мы видѣли, какія чувства къ боярамъ вынесъ онъ изъ своего малолѣтства;

---

[1]) Лѣтопись неизданная Александро-Невской библіотеки; я пользовался ею въ Археогр. Коммисіи; всѣ прочія подробности разсказаны по Царств. книгѣ, съ 338 стр. См. также С. г. г. и д. I, № 167.

эти чувства высказываются ясно вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ: въ рѣчи къ собору архіерейскому, въ рѣчи къ народу съ Лобнаго мѣста, самъ Іоаннъ признается, что нерасположеніе къ боярамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева. Курбскій говоритъ, что, на третій день послѣ взятія Казани, разсердившись на одного изъ воеводъ, Іоаннъ сказалъ: „Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ". Понятно, какъ должно было усилиться это враждебное чувство послѣ болѣзни. Но всего болѣе должны были поразить Іоанна: бездѣйствіе, молчаливая присяга Алексѣя Адашева, явное сопротивленіе отца его, Ѳедора, явное заступничество Сильвестра за князя Владиміра; слова, что послѣдній „добра хочетъ государю"; подозрительное отсутствіе князя Курлятева, самаго приближеннаго къ Сильвестру и Адашеву человѣка. Питая враждебное чувство къ вельможамъ, не довѣряя имъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей, обязанныхъ ему всѣмъ, на благодарность которыхъ, слѣдовательно, онъ могъ положиться и, что всего важнѣе, эти люди овладѣли его довѣренностію не вслѣдствіе ласкательствъ, угожденій: онъ не любилъ этихъ людей только какъ пріятныхъ слугъ,—онъ уважалъ ихъ какъ людей высоко-нравственныхъ, смотрѣлъ на нихъ не какъ на слугъ, но какъ на друзей, одного считалъ отцомъ. И эти-то люди, изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату. Но Іоаннъ очень хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его семейство при воцареніи Владиміра, который долженъ будетъ смотрѣть на маленькаго Димитрія, сына старшаго брата и царя, какъ на самаго опаснаго для себя соперника,—а извѣстно было, какъ Московскіе князья, предки Іоанновы, отдѣлывались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ, отъ князей-родичей; у Владиміра передъ глазами была участь его отца и родного дяди: понятно, слѣдовательно, почему Іоаннъ умолялъ вѣрныхъ бояръ бѣжать съ его женою и ребенкомъ въ чужія земли, умолялъ Захарьиныхъ положить головы свои прежде, чѣмъ дать жену его на поруганіе боярамъ. Понятно, какъ Іоаннъ долженъ были смотрѣть на людей, ведшихъ семейство его прямо къ гибели, а въ числѣ этихъ людей онъ видѣлъ Сильвестра и Адашева! Лѣтописецъ справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ пошла вражда; но лѣтописецъ не говоритъ намъ о непосредственномъ выраженіи этой вражды, о скорой мести: тяжелыя чувства затаились пока на днѣ души; выздоровленіе, неожиданное, чудесное избавленіе отъ страшной опасности располагало къ чувству иному,—радость, благодарность къ Богу противодѣйствовали чувству мести къ людямъ. Съ другой стороны, надобно было начать дѣло тяжелое, порвать всѣ установившіяся уже отношенія; тронуть одного значило—тронуть всѣхъ, тронуть одного изъ пріятелей Сильвестра и Адашева значило—тронуть ихъ самихъ, а это, по прежнимъ отношеніямъ, было очень трудно, къ этому вовсе не были приготовлены; трудно было начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны, обступившей престолъ, не имѣя людей, которыхъ можно было бы противопоставить ей, на которыхъ можно было бы опереться; наконецъ, при явномъ рѣшительномъ дѣйствіи, что можно было выставить противъ Сильвестра и Адашева?—они не подавали голоса противъ Димитрія въ пользу Владиміра Андреевича.

Іоаннъ далъ обѣтъ во время болѣзни:—по выздоровленіи, ѣхать на богомолье въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь; и, дѣйствительно, въ началѣ весны, отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ; но малютка на дорогѣ умеръ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ Сильвестровой стороны, Курбскій, оставилъ намъ любопытныя извѣстія объ этой Кирилловской поѣздкѣ: здѣсь являются на сцену лица Василіева княженія, является Максимъ Грекъ—съ одной стороны и монахъ Іосифова Волоцкаго монастыря — съ другой, воскресаютъ прежнія отношенія, прежняя борьба, ведшая начало отъ временъ Іоанна III и Софіи Палеологъ. По свидѣтельству хранителей преданія Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ, молодой внукъ Софіи для начатія послѣдней кровавой борьбы съ ними нуждался въ совѣтѣ ученика Іосифова, тогда какъ другъ Вассіана Косого и жертва сына Софіина, Максимъ Грекъ, старался оказать единомышленникамъ Вассіана послѣднюю услугу, отвращая Іоанна отъ поѣздки въ Кирилловъ монастырь, отъ свиданія съ ученикомъ Іосифа Волоцкаго. Мы нисколько не ручаемся за достовѣрность извѣстій князя Курбскаго; но эти извѣстія драгоцѣнны для насъ, какъ выраженіе сознанія современниковъ о живой связи между событіями и лицами.

Мы видѣли, что Максимъ Грекъ изъ Іосифова Волоцкаго монастыря былъ приведенъ въ Тверской Отрочь, гдѣ съ нимъ обходились лучше; но все ему, какъ еретику, не позволяли пріобщаться Св. Таинъ. Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій посѣтилъ Максима въ его нуждѣ, бесѣдовалъ съ нимъ; это заставило изгнанника обратиться къ нему съ письменною просьбою: „Я уже не прошу—писалъ Максимъ — чтобъ меня отпустили въ честную и всѣмъ православнымъ многожелаемую Святую Гору,—знаю самъ, что такое прошеніе вамъ нелюбезно: одного прошу,—чтобъ сподобили меня пріобщенія Св. Таинъ". Потомъ, въ этомъ же посланіи Максимъ проситъ, чтобъ ему прислали книгъ греческихъ, прибавляя, чтобъ исполнили его просьбу для успокоенія души великаго князя Василія. Просьба эта осталась безъ исполненія. Максимъ обратился съ нею къ митрополиту Макарію; но, прося о Св. Причастіи, Максимъ проситъ и о возвращеніи на Аѳонъ. Макарій разрѣшилъ ему ходить въ церковь и пріобщаться Св. Таинъ, для чего Максимъ написалъ два отвѣщательныхъ слова, гдѣ очищалъ себя отъ обвиненій въ ереси. Въ заключеніи перваго слова онъ говоритъ: „Если я правъ, то покажите мнѣ

милость, избавьте отъ страданій, которыя терплю я столько лѣтъ, да сподоблюсь молиться о благовѣрномъ самодержцѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и о всѣхъ васъ; если же не правъ, то отпустите меня на Святую Гору". Но на Святую Гору его не отпустили, несмотря на просьбы объ этомъ двухъ патріарховъ—Константинопольскаго и Александрійскаго. Максимъ сильно тосковалъ по духовной своей родинѣ, по Аѳонѣ: почти вездѣ въ сочиненіяхъ его, относящихся къ этому времени, слышны жалобы на задержку, просьбы о возвращеніи. Въ поученіи къ молодому царю онъ писалъ: „Царь есть образъ живой и видимый Царя небеснаго; но Царь небесный весь естествомъ благъ, весь правда, весь милость, щедръ ко всѣмъ. Цари Греческіе унижены были за ихъ преступленія, за то, что похищали имѣнія подручниковъ своихъ... Благовѣрнѣйшій царь! Молю преславную державу благовѣрія твоего, прости меня, что откровенно говорю полезное къ утвержденію богохранимой державы твоей и всѣхъ твоихъ свѣтлѣйшихъ вельможъ. Долженъ я это дѣлать, съ одной стороны, боясь участи лѣниваго раба, скрывшаго талантъ господина своего, съ другой,—за многія милости и честь, которыми въ продолженіи 9 лѣтъ удостоивалъ меня государь мой, приснопамятный отецъ твой, князь великій и самодержецъ всея Руси, Василій Ивановичъ. Онъ удостоилъ бы меня большой чести, если-бы, по грѣхамъ моимъ, не поклепали ему меня нѣкоторые небратолюбцы... Принявъ слово мое съ обычною тихостію твоею, даруй мнѣ, рабу твоему и нищему богомольцу, возвращеніе на Святую Гору". Въ другомъ мѣстѣ онъ обращается къ Іоанну съ такими словами: „Истинный царь и самодержецъ тотъ, кто правдою и благозаконіемъ старается устроить житейскія дѣла подручниковъ своихъ, старается побѣдить безсловесныя страсти и похоти души своей, т.-е. ярость, гнѣвъ напрасный... Разумъ не велитъ очи блудно наслаждать чужими красотами, преклонять слухъ къ пѣснямъ непристойнымъ и къ клеветамъ, по зависти творимымъ"... Максимъ уже не говоритъ противъ обычая владѣть духовенству селами, но вооружается на духовныхъ, которые употребляютъ свое имѣніе не на прокормленіе бѣдныхъ, а на свое довольство и обогащеніе племянниковъ и сродниковъ. Максимъ увѣщеваетъ царя прекратить это; въ томъ же поученіи говоритъ: „Да не прельщаемъ себя, думая одною долгою молитвою получить свыше помощь". Оканчиваетъ намекомъ на свою судьбу: „Царь долженъ быть страннолюбивъ, заботиться, чтобъ иностранцамъ, приходящимъ къ нему, было хорошо". Безпорядки, бывшіе во время малолѣтства Іоаннова, побудили Максима написать слово о Василіи: „Шествуя по пути жестокому и многихъ бѣдъ исполненному, нашелъ я жену, сидящую при пути, съ преклоненною къ колѣнамъ головою, горько стенящую и плачущую". Эта жена была *Василія* (власть, царство). „Владѣющіе мною", говорила Василія Максиму: „должны быть крѣпостію и утвержденіемъ для сущихъ подъ рукою ихъ людей, а не пагубою и смятеніемъ безпрестаннымъ". И въ этомъ сочиненіи видимъ намекъ на судьбу автора: Максимъ хвалитъ Мельхиседека за страннолюбіе.

Такова была дѣятельность Максима при Іоаннѣ: гоненія не заставили его перемѣнить характеръ этой дѣятельности, скрыть талантъ господина своего, по его собственнымъ словамъ,—попрежнему онъ обличалъ и поучалъ. По просьбамъ Троицкаго игумена Артемія, Максимъ былъ переведенъ изъ Твери въ Троицкій монастырь: здѣсь нашелъ его Іоаннъ, отправляясь на Бѣлоозеро. Максимъ сталъ уговаривать его не ѣздить въ такой далекій путь, особенно съ женою и новорожденнымъ ребенкомъ: „Если ты и далъ обѣщаніе ѣхать въ Кирилловъ монастырь, чтобъ подвигнуть Св. Кирилла на молитву къ Богу, то обѣты такіе съ разумомъ несогласны, и вотъ почему: во время Казанской осады пало много храбрыхъ воиновъ христіанскихъ; вдовы ихъ, сироты, матери обезчадѣвшія въ слезахъ и скорби пребываютъ,—такъ гораздо тебѣ лучше пожаловать ихъ и устроить, утѣшить ихъ въ бѣдѣ, собравши въ свой царствующій городъ, чѣмъ исполнить неразумное обѣщаніе. Богъ вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зритъ недремлющимъ окомъ: такъ-же и Святые не на извѣстныхъ мѣстахъ молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй нашей волѣ и по власти надъ собою. Если послушаешься меня, то будешь здоровъ и многолѣтенъ съ женою и ребенкомъ". Но Іоаннъ никакъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія. Тогда Максимъ, чрезъ четырехъ приближенныхъ къ Іоанну людей, духовника Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго, автора разсказа, велѣлъ сказать ему: „Если не послушаешься меня, по Богѣ тебѣ совѣтующаго, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за христіанство, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и поѣдешь съ упрямствомъ, то знай, что сынъ твой умретъ на дорогѣ".

Что касается словъ Максима Іоанну о путешествіи, то надобно замѣтить, что они вполнѣ согласны со взглядомъ Максима, выраженнымъ въ его сочиненіяхъ. Какъ бы то ни было, Іоаннъ не послушался: изъ Троицкаго монастыря поѣхалъ въ Дмитровъ, а оттуда въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ нашелъ другого заточенника. Вассіанъ Топорковъ, монахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, вслѣдствіе особеннаго расположенія великаго князя Василія къ этому монастырю и лично къ Вассіану, былъ въ 1525 году возведенъ на Коломенскую епископію, оставался вѣренъ преданію своего монастыря, дѣйствовать заодно съ митрополитомъ Даніиломъ, возбудилъ противъ себя ненависть людей, думавшихъ одинаково съ Патрикѣевыми и Курбскими, и, въ 1542 году, тотчасъ послѣ вторичнаго торжества Шуйскихъ, долженъ былъ оставить епископію и удалиться въ Пѣсношскій монастырь. Іоаннъ, помня, что Топорковъ былъ любимъ отцомъ его, зашелъ нему въ келью и спросилъ: „Какъ я долженъ царствовать, чтобъ вель-

можъ своихъ держать въ послушаніи?" Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который бы былъ умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ". Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: „Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ!" Такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василія, единомышленникъ митрополита Даніила; и догадка ихъ могла быть справедлива; говоримъ — „догадка", ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобъ другіе слушали.

Курбскій говоритъ, что отъ сатанискаго силлогизма Топоркова произошла бѣда, то-есть перемѣна въ поведеніи Іоанна; но мы видимъ, что лѣтописецъ болѣе безпристрастный указываетъ начало бѣды въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой, тогда какъ Курбскій заблагоразсудилъ умолчать объ этихъ событіяхъ. Оба показанія впрочемъ могутъ быть легко соединены: Іоаннъ, подъ впечатлѣніемъ событій, происходившихъ во время болѣзни его, могъ именно желать свиданія съ Вассіаномъ, приверженцемъ отца его и противникомъ вельможъ, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ могъ слушать его бесѣды, которыя, конечно, не могли клониться въ пользу совѣтниковъ Сильвестровыхъ. Но какъ бы то ни было, и Курбскій не указываетъ на немедленныя слѣдствія совѣта Вассіанова; самъ говоритъ, что Іоаннъ и послѣ свиданія съ Вассіаномъ не мало лѣтъ царствовалъ хорошо, хотя, съ другой стороны, уже въ 1554 году мы видимъ довольно значительное движеніе недовольныхъ: въ числѣ князей, не хотѣвшихъ присягать Димитрію, былъ князь Семенъ Ростовскій; въ іюлѣ 1554 года побѣжалъ въ Литву князь Никита Ростовскій, былъ схваченъ въ Торопцѣ и въ допросѣ показалъ, что отпустилъ его въ Литву бояринъ князь Семенъ Ростовскій объявить королю, что онъ самъ ѣдетъ къ нему съ братьями и племянниками. Князь Семенъ былъ схваченъ и показалъ, что хотѣлъ бѣжать отъ убожества и малоумства, скуденъ онъ разумомъ и добрыми дѣлами, попустому изъѣдаетъ царское жалованье и отцовское наслѣдство. Люди его, призванные къ допросу, показали, что онъ сносился съ литовскимъ посломъ Довойною, когда тотъ былъ въ Москвѣ, самъ дважды видѣлся съ нимъ, разсказывалъ ему, что говорилось въ думѣ насчетъ мира съ Литвою, поносилъ государя, уговорился съ Довойною и послалъ человѣка своего къ королю за опасною грамотою. Князь Семенъ подтвердилъ всѣ эти показанія, утверждая, что все это дѣлалъ отъ малоумства, и что съ нимъ хотѣли бѣжать родственники его, князья Лобановы и Пріимковы. Царь съ боярами осудили его за дѣла и слова на смертную казнь и послали на позоръ вмѣстѣ съ товарищами; но митрополитъ съ владыками и архимандритами отпросили его отъ смертной казни, и онъ сосланъ былъ на Бѣлоозеро въ тюрьму, а людей его распустили. Самъ князь Семенъ извинялся малоумствомъ, лѣтописцы также не говорятъ о побужденіяхъ его къ отъѣзду, но само правительство объясняетъ эти причины въ наказѣ послу, отправленному въ Литву: „Если станутъ его спрашивать о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, то говорить: пожаловалъ его государь боярствомъ для отечества, а самъ онъ недороденъ, въ разумѣ простъ и на службу негодится; однако захотѣлъ, чтобъ государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными; государь его такъ не пожаловалъ, а онъ, разсердившись по малоумству, началъ со всякими иноземцами говорить непригожія рѣчи про государя и про Землю, чтобъ государю досадить; государь вины его сыскалъ, что онъ государя съ многими Землями ссорилъ, и за то велѣлъ его казнить.—А станутъ говорить: съ княземъ Семеномъ хотѣли отъѣхать многіе бояре и дворяне?— отвѣчать: къ такому дураку добрый кто пристанетъ? съ нимъ хотѣли отъѣхать только родственники его, такіе же дураки" [1]).

Іоаннъ жалуется въ письмѣ къ Курбскому, что послѣ этого Сильвестръ съ своими совѣтниками держалъ князя Семена въ великомъ береженьи, помогалъ ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его. Въ 1560 году видимъ удаленіе Сильвестра и Адашева отъ Двора. И удаленіе Селивестра немного болѣе уяснено въ памятникахъ, какъ и появленіе его при Іоаннѣ; о послѣднемъ свидѣтельствуетъ Курбскій и свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, очень неудовлетворительно; о причинахъ удаленія говоритъ онъ же и потомъ самъ Іоаннъ въ отвѣтномъ письмѣ къ нему. Мы должны разсмотрѣть подробно оба эти свидѣтельства.

Когда царь, говоритъ Курбскій, оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платитъ оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же это онъ начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя двухъ прежденоименованныхъ мужей, Сильвестра пресвитера и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ невиноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, шурьямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена злость ихъ и да не возбранно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, посулы брать и другія злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клевещутъ и шепчутъ на-ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи, Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то

[1]) Никон. VII, Дѣла Польскія, № 4, 428.

чрезъ письма, то чрезъ митрополита, чтобы дана была имъ очная ставка съ клеветниками. „Не отрицаемся— писали они—и смерти, если будемъ обличены; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и передъ всею думою твоею". Что же умышляютъ клеветники?—писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорятъ: „Если допустишь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; притомъ все войско и народъ любитъ ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ камнями. Но если даже этого и не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ себѣ въ неволю. Такъ они тебя до сихъ поръ держали въ оковахъ; по ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ и съ женою жилъ; не давали они тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Еслибъ не они были при тебѣ и тебя не держали какъ уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною обладалъ. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, отворилъ себѣ очи, смотришь свободно на все твое царство и самъ единъ управляешь имъ". Царь хвалитъ совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь, какъ на враговъ, на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добра хотящихъ ему и души за него полагающихъ. И что жъ прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства, присоединяетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ, Мисаила Сукина, издавна знаменитаго злобою, Вассіана [1]) неистоваго и другихъ, исполненныхъ лицемѣрія и безстыдства, сажаетъ ихъ близъ себя, съ благодарностію слушаетъ ихъ, клевещущихъ на святыхъ. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ?—Читаютъ вины вышесказанныхъ мужей заочно. Митрополитъ говоритъ: „Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобъ выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія". Всѣ добрые были согласны съ нимъ; но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ завопили: нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи „волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ". И такъ осудили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, лежащій на краю Корельскаго языка, въ Лопи дикой. Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ новозятый городъ въ Ливоніи, назначается туда воеводою, но ненадолго: когда враги его услыхали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города ливонскіе хотѣли поддаться ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ, и царь приказываетъ перевести его въ Дерптъ и держать подъ стражею. Черезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ; тогда клеветники возопили къ царю: „Измѣнникъ твой отравился". А Сильвестръ пресвитеръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавши, что царь не по Бозѣ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и наставлялъ много, но онъ отнюдь не внималъ, и къ ласкателямъ умъ и уши преклонилъ; тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ въ монастырь, во ста миляхъ отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи, провождалъ чистое житіе. Но клеветники, услыхавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобъ царь, услыхавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его".

И такъ, по разсказу Курбскаго, сперва выходитъ, что дѣло началось отгнаніемъ Сильвестра и Адашева; что это отгнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, вслѣдствіе клеветы въ отравѣ: а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ [2]); что враги его потомъ, изъ зависти и страха, составили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки. Слѣдовательно, дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде; Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отвратилъ отъ него лицо свое. Что же заставило Іоанна отвратить лицо отъ Сильвестра — объ этомъ Курбскій не говоритъ, и, перемѣшавши порядокъ событій какъ бы намѣренно, поставивши позади то, что должно быть напереди, чтобъ замять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ маѣ 1560 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ въ большемъ полку [3]).

Посмотримъ, разсказъ царя Іоанна не будетъ ли удовлетворительнѣе, причемъ, прежде всего, замѣтимъ, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицаетъ ихъ; слѣдовательно мы имѣемъ право полагаться на его слова. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: „Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вашего начальника, Алексѣя Ада-

[1]) «И Васьяна Бѣснаго, по истинѣ реченнаго, неистоваго».—Издатель напечаталъ Бѣснаго съ большою буквою, какъ прозваніе. Карамзинъ читалъ: Вассіана Бѣскаго; Арцыбашевъ читалъ Бѣснаго, какъ эпитетъ, придаиный Курбскимъ, и разумѣлъ подъ Вассіаномъ Топоркова. Мы соглашаемся съ Арцыбашевымъ и читаемъ такъ: «И Васьяна, бѣснаго поистинѣ, реченнаго (т.-е. прежде реченнаго), неистоваго».

[2]) «Отшелъ бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ», но точно такимъ же образомъ Курбскій опредѣляетъ Кирилловъ монастырь, говоря о поѣздкѣ царя туда послѣ болѣзни.

[3]) Разрядн. кн. и Синодал. лѣтоп. съ картинами, которую Карамзинъ называетъ продолженіемъ Царств. книги, л. 483.

шева, отъ гноища и сравняли его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и родъ его! Потомъ, для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра, думая, что онъ, предстоя у престола Владычнаго, побережетъ души своей: онъ началъ хорошо, и я ему, для духовнаго совѣта, повиновался; но потомъ онъ восхитился властію и началъ совокупляться въ дружбу (составлять себѣ партію) подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевымъ, и начали совѣтываться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными; мало-по-малу начали они всѣхъ васъ, бояръ, въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, частію равняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнивая къ вамъ; начали причитать васъ къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые по уложенію дѣда нашего отобраны у васъ; они это уложеніе разрушили, чѣмъ многихъ людей къ себѣ привязали. Единомышленника своего, князя Димитрія Курлятева, ввели къ намъ въ синклитію, и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы своихъ угодниковъ не посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла; не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя они отвергали, а ихъ и дурные совѣты были хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ. Во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться — все было ими опредѣлено, а я былъ какъ младенецъ. Но развѣ это противно разуму, что въ лѣтахъ совершенныхъ не захотѣлъ я быть младенцемъ? Потомъ вошло въ обычай: я не смѣй слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ; а совѣтники его могли говорить мнѣ что имъ было угодно, обращались со мною не какъ со владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ: кто насъ послушается, сдѣлаетъ по нашему,—тому гоненіе и мука; кто раздражитъ насъ,—тому богатство, слава и честь; попробую прекословить — и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство-то разорится. И такое утѣсненіе увеличивалось не день ото дня, но часъ отъ часу. Когда мы съ христіанскою хоругвію двинулись на безбожный языкъ Казанскій, получили надъ нимъ побѣду и возвращались домой, то какое доброхотство оказали намъ люди, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную Землю! Когда, по возвращеніи въ Москву, я занемогъ, то доброхоты эти восшатались какъ пьяные съ Сильвестромъ и Адашевымъ, думая, что насъ уже нѣтъ, забывъ благодѣянія наши и свои души, потому что отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, что кромѣ нашихъ дѣтей другого государя себѣ не искать: хотѣли воцарить далекаго отъ насъ въ колѣнѣ князя Владиміра, а младенца нашего погубить, воцаривъ князя Владиміра. Если при жизни нашей мы отъ своихъ подвластныхъ насладились такого доброхотства, то что будетъ послѣ насъ? Когда мы выздоровѣли, Сильвестръ и Адашевъ не перемѣнили своего поведенія: на доброжелателей нашихъ подъ разными видами умышляли гоненія, князю Владиміру во всемъ потакали, на царицу нашу Анастасію сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ тяжело имъ было и вспомянуть. Когда князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ и мы наказали его съ милостію, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его. Такимъ образомъ, измѣнникамъ нашимъ было хорошо, а мы терпѣли притѣсненіе; въ одномъ изъ этихъ притѣсненій и ты участвовалъ: извѣстно, что вы хотѣли судить насъ съ Курлятевымъ за Сицкаго. Началась война съ Ливонцами; Сильвестръ, съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ; заболѣю ли я, или царица, или дѣти, — все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы, путешествія по Святымъ мѣстамъ, приношеніе и обѣты ко Святынѣ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи—всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лѣкарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было. Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ, не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнію не казнили никого, но по разнымъ мѣстамъ разослали. Попъ Сильвестръ, видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ, и мы его отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ; а сынъ его и досихъ поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ. А мірскихъ людей мы наказали по ихъ измѣнѣ: сначала смертною казнію не казнили никого; но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними сообщенія, въ чемъ и взята была со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, приказъ нашъ и крестное цѣлованіе вмѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ въ первый чинъ возвратить и составить на насъ лютѣйшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ судъ и приняли".

Въ этомъ разсказѣ насъ не останавливаетъ никакая запутанность или противорѣчіе: причина и постепенность дѣйствія ясны. Іоаннъ самъ объявляетъ, что нерасположеніе къ вельможамъ заста-

вило его приблизить къ себѣ Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія; для совѣта духовнаго, для нравственнаго руководства приближенъ былъ священникъ Сильвестръ, болѣе всѣхъ другихъ къ тому способный; относительно внутренней, нравственной жизни подчиненіе Сильвестру было полное. Но Сильвестръ, соединясь съ Адашевымъ, составивъ себѣ многочисленную и сильную партію, захотѣли полнаго подчиненія во всемъ: несогласіе Іоанна съ Сильвестромъ и его совѣтниками выставлялось какъ непослушаніе велѣніямъ Божіимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ наказанія. Во время болѣзни царя Сильвестръ, отецъ Адашева и пріятели ихъ дѣйствовали такъ, что заставили Іоанна разувѣриться въ ихъ расположеніи къ нему и его семейству, возбудили или усилили нерасположеніе къ себѣ царицы и ея братьевъ, и сами не скрывали своего нерасположенія къ нимъ. Послѣднее столкновеніе, на которомъ остановился Іоаннъ при перечисленіи своихъ оскорбленій, помѣстилъ онъ во время обратнаго пути изъ Можайска съ больною Анастасіею: „Како же убо воспомяну, яже во царствующій градъ съ нашею царицею Анастасіею съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единаго ради малаго слова непотребна“. Извѣстіе это, лишенное подробностей, для насъ темно, какъ извѣстіе о дѣлѣ съ Курлятевымъ и Сицкимъ и многіе другіе намеки, дѣлаемые Іоанномъ въ перепискѣ его съ Курбскимъ; но послѣднее выраженіе ясно указываетъ на столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ Анастасіею: „За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ не угодна; за одно малое слово ея они разсердились“. Это столкновеніе, какъ видно, было послѣднимъ, рѣшительнымъ въ борьбѣ; время путешествія Іоанна съ больною женою намъ извѣстно: это было въ ноябрѣ 1559 года [1]); весною видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправлявшемся въ Ливонію; въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ. Любопытно и тутъ видѣть остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ пользовался Сильвестръ надъ Іоанномъ; послѣдній выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: „Сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники“. Сильвестръ удаляется добровольно; Іоаннъ повторяетъ, что онъ не сдѣлалъ ему никакого зла, что не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ передъ судомъ Христовымъ. Невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе насчетъ Сильвестра: помня столкновенія свои съ послѣднимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ, позволяетъ себѣ называть Сильвестра невѣждою. Очень важно извѣстіе, находимое у Іоанна,—извѣстіе о постепенности въ опалахъ: сперва удаленіе нѣкоторыхъ; взятіе съ оставшихся клятвы не сообщаться съ удаленными; но клятва не соблюдается, совѣтники Сильвестра и Адашева стараются возвратить имъ прежнее значеніе, — и слѣдуютъ казни. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобъ многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего паденія, не стараясь возвратить себѣ прежняго положенія, чего могла достигнуть только чрезъ возвращеніе Сильвестру и Адашеву ихъ прежняго значенія. Это извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что объясненія перевода Адашева изъ Феллина въ Дерптъ и Сильвестра изъ Кириллова въ Соловецкій монастырь, объясненія, которыя сообщаетъ намъ Курбскій, очень невѣроятны: Адашеву хотѣли сдаваться ливонскіе города; Сильвестра Кирилловскіе монахи держали въ большомъ почетѣ, и это возбудило зависть, опасенія во врагахъ ихъ! Наконецъ очень важно, что Іоаннъ, при исчисленіи винъ Сильвестра и Адашева, ни слова не упоминаетъ объ обвиненіи въ отравѣ Анастасіи, и тѣмъ опять подрываетъ достовѣрность извѣстія Курбскаго, будто обвиненіе въ отравѣ царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева и которому повѣрилъ Іоаннъ, было началомъ опалы. Еслибъ Іоаннъ дѣйствительно повѣрилъ отравѣ, еслибъ это было главнымъ пунктомъ обвиненія, то что̀ могло помѣшать ему выставить его въ посланіи къ Курбскому? Только во второмъ посланіи, желая отвѣтить на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ обращается къ Курбскому съ вопросомъ: „А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Еслибъ вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновыхъ жертвъ и не было бы. Только бы на меня съ попомъ не стали, то ничего бы и не было: все учинилось отъ вашего самовольства“. Такимъ образомъ то, что̀ у Курбскаго является на первомъ планѣ,—о томъ самъ Іоаннъ вовсе сначала не упоминаетъ, а потомъ упоминаетъ мимоходомъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобъ только чѣмъ-нибудь оправдаться въ упрекѣ за нравственные безпорядки. Это различіе легко объясняется тѣмъ, что Іоаннъ не считалъ для себя нужнымъ скрывать главныя причины событій—борьбу съ Сильвестромъ, Адашевымъ и совѣтниками ихъ за власть, что повело къ удаленію этихъ лицъ и потомъ движеніе стороны Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ вождямъ прежняго значенія, что повело къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, тогда какъ Курбскому хотѣлось скрыть обѣ причины; для этого онъ перемѣшалъ событія: что нужно было поставить впереди, поставилъ сзади и выставилъ причину не настоящую.

Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ. Слѣдовательно имѣемъ право принять показаніе Курбскаго о казни одной вдовы, Маріи Магдалины, съ пятью сыновьями. Вдова эта была родомъ полька и приняла въ Москвѣ православіе; по словамъ Курбскаго, ее обвиняли въ связи съ Адашевымъ и въ чародѣйствѣ. Курбскій превозноситъ ея христіанскую жизнь.

---

[1]) Продолж. Царств. кн. л. 454.

Тогда же казнены были родственники Адашева: братъ Данила съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ и тестемъ Туровымъ; трое братьевъ Сатиныхъ, которыхъ сестра была за Алексѣемъ Адашевымъ; наконецъ родственники Адашевыхъ, Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми. Мы не можемъ только ручаться за извѣстія Курбскаго во всей ихъ полнотѣ: напримѣръ, не знаемъ дѣйствительно ли Данила Адашевъ былъ казненъ вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. На основаніи признаній самого Іоанна, имѣемъ право принять извѣстіе Курбскаго и другихъ современниковъ о порчѣ нравственности Іоанновой, происшедшей въ это время: мы видѣли, какъ начало порчи положено было въ молодыхъ лѣтахъ его. Бракъ, впечатлѣніе, произведенное пожарами, вліяніе Сильвестра и Адашева повели къ успокоенію страстей, къ очищенію души; но скоро Іоаннъ опять сталъ волноваться подозрѣніемъ и гнѣвомъ вслѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время болѣзни своей, вслѣдствіе образованія при Дворѣ двухъ сторонъ, вслѣдствіе вражды Сильвестра и стороны его къ Анастасіи. Наконецъ Сильвестръ и Адашевъ удалились, но совѣтники ихъ оставались и дѣйствовали для возвращенія себѣ прежняго значенія; надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія; опять возвращалась страшная эпоха Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ. Около Іоанна образовалось пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и, что всего важнѣе, которыхъ уважалъ, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебномъ положеніи, съ укоромъ на устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія. Въ это время новый ударъ: Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ-на-одинъ съ своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа Іоанна мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей; при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Іоанновой переходы отъ зла къ добру и отъ добра ко злу были очень скоры. Какъ слѣдствія порчи нравственной, выставляютъ двѣ казни: казнь князя Михайлы Репнина и князя Димитрія Овчинина. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, призвалъ Репнина на пиръ, желая привязать его къ себѣ; когда все общество, развеселившись, надѣло маски и начало плясать, Репнинъ сталъ со слезами говорить Іоанну, что христіанскому царю неприлично это дѣлать; Іоаннъ въ отвѣтъ надѣлъ на него маску, говоря: „Веселись, играй съ нами!“ Репнинъ сорвалъ маску, растопталъ ее и сказалъ: „Чтобъ я, бояринъ, сталъ такъ безумствовать и безчинствовать!“ Іоаннъ разсердился и прогналъ его, а чрезъ нѣсколько дней велѣлъ убить его въ церкви, подлѣ алтаря, во время чтенія евангельскаго; въ ту же ночь велѣлъ убить князя Юрія Кашина, когда тотъ шелъ въ церковь къ заутрени; убили его на самой церковной паперти. Причины этого послѣдняго убійства Курбскій не объявляетъ. Мы сочли себя въ правѣ упомянуть здѣсь объ этихъ казняхъ потому, что Курбскій въ первомъ посланіи своемъ къ царю уже говоритъ: „Зачѣмъ ты святую кровь воеводъ своихъ въ церквахъ божіихъ пролилъ; зачѣмъ мученическою ихъ кровью пороги церковныя обагрилъ?“ Іоаннъ въ отвѣтѣ, не отрицая казней, говоритъ однако: „Крови въ церквахъ никакой мы не проливали и пороговъ церковныхъ не обагряли“. Молодой князь Димитрій Оболенскій - Овчининъ, племянникъ любимца великой княгини Елены, казненъ былъ, по одному извѣстію [1]), за то, что поссорился съ молодымъ Ѳедоромъ Басмановымъ, любимцемъ Іоанна, и сказалъ ему: „Я и предки мои служили всегда съ пользою государю, а ты служишь гнусною содоміею“. Но молчаніе Курбскаго о причинѣ казни Овчинина заподозриваетъ приведенное извѣстіе; Курбскій также противорѣчитъ его автору относительно того, какъ убитъ былъ Овчининъ.

Самымъ близкимъ человѣкомъ къ Сильвестру и Адашеву изъ бояръ былъ князь Димитрій Курлятевъ; его съ женою и дочерьми сослали въ монастырь [2]). Курбскій говоритъ, что ихъ всѣхъ постригли насильно, дочерей-младенцевъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ удавили. Князь Михайло Воротынскій съ семействомъ сосланъ былъ на Бѣлоозеро. До насъ дошли извѣстія, какъ содержались эти опальные вельможи; въ концѣ 1564 года приставы, отправленные при Воротынскихъ, писали, что въ прошломъ году не дослано было ссыльнымъ двухъ осетровъ свѣжихъ, двухъ севрюгъ свѣжихъ, полпуда ягодъ винныхъ, полпуда изюму, трехъ ведеръ сливъ:—велѣно было дослать. Князь Михаилъ билъ челомъ, что ему не прислали государева жалованья: ведра романеи, ведра рейнскаго вина, ведра бастру, 200 лимоновъ, десяти гривенокъ перцу, гривенки шафрану, двухъ гривенокъ гвоздики, пуда воску, двухъ трубъ левашныхъ, пяти лососей свѣжихъ; деньгами шло князю, княгинѣ и княжнѣ 50 рублей въ годъ; людямъ ихъ, которыхъ было 12 человѣкъ, 48 рублей 27 алтынъ [3]). Мы не знаемъ, въ чемъ обвинялись эти лица, подвергшіяся смертной казни или заключенію; но знаемъ, въ чемъ обвинялись нѣкоторыя вельможи, подвергшіеся-было опалѣ, но прощенные. Въ 1561 году взято письменное обѣщаніе не отъѣзжать съ князя Василія Михайловича Глинскаго, который *проступилъ*. Въ 1562 году 29 человѣкъ поручились по князѣ Иванѣ Димитріевичѣ Бѣльскомъ, что ему не отъѣхать ни въ какія государства, ни въ удѣлы, и за этихъ поручниковъ поручилось еще 120 человѣкъ; но въ томъ же году тотъ же Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій уже снова билъ челомъ за свою вину, что „преступилъ крестное цѣлованіе, и, забывъ жалованье государя своего, измѣнилъ, съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ ссылался, грамоту отъ него себѣ опасную взялъ и хотѣлъ бѣжать отъ го-

---

[1]) Гваньини—Moscoviæ descriptio, cap. V.
[2]) Акты арх. эксп. I, № 289.
[3]) Акты историч. I, № 174.

сударя своего". Несмотря на это, государь „холопа своего пожаловалъ, вины ему оталъ". Въ записи Бѣльскій обѣщается: „Служить мнѣ государю своему, и потомъ сыну его большому, который на государствѣ будетъ. А которыя дѣти государя моего на удѣлахъ будутъ, мнѣ къ нимъ не отъѣхать; также мнѣ къ удѣльнымъ князьямъ ни къ кому не отъѣхать". Въ слѣдующемъ 1563 году Бѣльскій съ шестью другими боярами выручалъ другого отъѣзжика, князя Александра Ивановича Воротынскаго; за поручниковъ поручилось, по обыкновенію, еще 56 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1564 году выручевъ былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ также двойнымъ ручательствомъ [1]). Курбскій пишетъ, что Іоаннъ мучилъ Шереметева, допытываясь, гдѣ его богатство. Шереметевъ отвѣчалъ, что „оно руками нищихъ перенесено въ небесное сокровище ко Христу". Іоаннъ умилился, велѣлъ снять съ него тяжелыя оковы и перевести въ тюрьму болѣе сносную; но въ тотъ же день велѣлъ удавить брата его, Никиту. Но извѣстіе, особенно о смерти Никиты Шереметева, сомнительно; что же касается до Ивана Шереметова, то извѣстно, что, давши запись, онъ долго оставался на прежнемъ мѣстѣ, и потомъ постригся въ Кирилловo-Бѣлозерскомъ монастырѣ; мы видѣли его совѣтникомъ Шуйскихъ, дѣятельнымъ участникомъ въ сверженіи князя Ивана Бѣльскаго.

Вельможамъ, находившимся въ Москвѣ, трудно было отъѣхать; легче было сдѣлать это воеводамъ, находившимся на границахъ, въ Ливоніи; этимъ удобствомъ воспользовался одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ воеводъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, и отъѣхалъ въ Литву, къ королю Сигизмунду-Августу, который принялъ его съ честію. Курбскій былъ въ числѣ самыхъ близкихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, но, какъ видно изъ его собственныхъ показаній, до конца 1559 года пользовался особеннымъ расположеніемъ Іоанна. Отправляя его въ это время вторично въ Ливонію, царь говорилъ ему: „Я принужденъ или самъ идти противъ Ливонцевъ, или тебя, любимаго моего, послать; иди и послужи мнѣ вѣрно". Но эти отношенія Курбскаго къ царю должны были скоро перемѣниться вслѣдствіе удаленія Сильвестра и Адашева, потомъ опалъ и казней родственниковъ и друзей ихъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, неудачная битва Курбскаго съ Литовцами подъ Невлемъ заставила его опасаться гнѣва Іоаннова и отъѣхать. Курбскій, въ письмѣ къ Іоанну, такъ говоритъ о причинахъ отъѣзда: „Какого зла и гоненія отъ тебя не претерпѣлъ я; какихъ бѣдъ и напастей на меня не воздвигъ ты; какихъ презлыхъ лжесплетеній не взвелъ ты на меня? Приключившихся мнѣ отъ тебя различныхъ бѣдъ нельзя разсказать по порядку, за множествомъ ихъ. Не упросилъ я тебя умиленными словами, не умолилъ я тебя многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовалъ отъ тебя никакой милости архіерейскими чинами". Іоаннъ отвѣчалъ ему: „Зачѣмъ ты за тѣло продалъ душу? Побоялся смерти по *ложному* слову своихъ друзей?—отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнился ты на меня яростію! Ты за *одно слово мое гнѣвное* душу свою погубилъ". Но въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ пишетъ: „Зла и гоненій безъ причины отъ меня ты не принялъ, бѣдъ и напастей на тебя я не воздвигалъ; а какое наказаніе малое и бывало на тебѣ, такъ это за твое преступленіе,—потому что ты согласился съ нашими измѣнниками; а ложныхъ обвиненій, измѣнъ, въ которыхъ ты не виноватъ, я на тебя не взводилъ; а которые ты проступки дѣлалъ, мы по тѣмъ твоимъ винамъ и наказаніе чинили. Если ты нашихъ опалъ, за множествомъ ихъ, не можешь перечесть, то какъ вся вселенная можетъ исписать ваши измѣны" и проч. Изъ этого уже видно, что дѣло пошло не изъ-за одного слова гнѣвнаго; что Курбскій дѣйствительно подвергся опалѣ, претерпѣлъ наказаніе за свою связь съ Сильвестромъ и Адашевымъ: „потому что ты согласился съ нашими измѣнниками". Въ чемъ могло состоять наказаніе воеводѣ не отозванному, продолжавшему начальствовать войсками?—быть можетъ въ отобраніи части имущества. Наконецъ *гнѣвное* слово за Невльскую битву могло быть рѣшительнымъ побужденіемъ для Курбскаго къ бѣгству, ибо изъ словъ Іоанновыхъ видно, что пріятели Курбскаго дали знать ему объ этомъ гнѣвѣ и дали знать въ томъ смыслѣ, что ему грозитъ смерть. Изъ подробностей о бѣгствѣ Курбскаго мы знаемъ, что онъ получилъ два письма: одно отъ короля Сигизмунда Августа, другое отъ сенаторовъ—Николая Радзивила, гетмана Литовскаго, и Евстаѳія Воловича, подканцлера Литовскаго. Въ этихъ письмахъ король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить Московское государство и пріѣхать въ Литву. Потомъ Курбскій получилъ еще отъ короля и Радзивила грамоты: король обѣщалъ ему свои милости, Радзивилъ увѣрялъ, что ему дано будетъ приличное содержаніе. Курбскій отправился въ Литву, когда получилъ отъ короля опасную грамоту и когда сенаторы присягнули, что король исполнитъ данныя ему обѣщанія. Извѣстный литовскій ученый Воланъ, восхваляя своего благодѣтеля, гетмана Радзивила, между другими важными заслугами его приводитъ и то, что по его стараніямъ Курбскій изъ врага Литвы сталъ ея знатнымъ обывателемъ [2]).

Курбскій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, начитаннѣйшихъ людей своего времени, не уступалъ въ этомъ отношеніи Іоанну; быть можетъ, одинаковая начитанность, одинаковая страсть къ книгамъ и служила прежде самою сильною связью между ними. Курбскій не хотѣлъ отъѣхать молча, молча разстаться съ Іоанномъ; онъ вызвалъ его на словесный поединокъ. Іоаннъ, по природѣ своей,

[1]) С. г. г. и д. I, № 172, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181.

[2]) Бѣльскій; П. С. Р. Л. IV. Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 193; Pisma historyczno Michala Balinskiego, III, 22.

не могъ удержаться—и отвѣчалъ. Началась драгоцѣнная для исторіи переписка, ибо въ ней высказались не одни только личныя, современныя отношенія противниковъ: въ ней высказались родовыя преданія, въ ней вскрылась историческая связь явленій. Кромѣ писемъ къ Іоанну, Курбскій въ Литвѣ написалъ еще сочиненіе о современныхъ событіяхъ, съ цѣлію оправдать, возвеличить свою сторону и обвинить во всемъ Іоанна; сочиненіе это имѣетъ для насъ такое же значеніе, какъ и переписка съ царемъ.

Мы видѣли [1]), что главное неудовольствіе князей и потомковъ прежней дружины на новый порядокъ вещей состояло въ томъ, что Московскіе государи перестали соблюдать древній обычай ничего не дѣлать безъ совѣта съ дружиною. За это негодовали особенно на великаго князя Василія Іоанновича; совѣтникъ послѣдняго, епископъ Вассіанъ Топорковъ, совѣтуетъ то же самое и сыну Василіеву, Іоанну. Разсказавъ о передачѣ этого правила, этого преданія отцовскаго и дѣдовскаго чрезъ Вассіана Іоанну, Курбскій восклицаетъ: „О, гласъ воистину дьявольскій, всякія злости, презорства и забвенія исполненный? Ты забылъ, епископъ, что написано во 2-й книгѣ Царствъ; когда Давидъ совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ Израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, а царь не послушалъ совѣтниковъ своихъ,—ты забылъ, какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе синклитскому совѣту? Чуть весь Израиль не погибъ! Ты забылъ, что̀ принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ и презрѣніе совѣта старшихъ?“ Приведши многія другія Св. Писанія въ подтвержденіе этой мысли, Курбскій выражаетъ ее такъ: „Если царь и почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій, то долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ“. Потомъ Курбскій хвалитъ Іоанна III, который совершилъ великіе подвиги только потому, что слушалъ совѣтниковъ своихъ; въ другомъ мѣстѣ Курбскій называетъ Іоанна III злымъ тираномъ, истребителемъ родственниковъ и дружины; но ни Курбскій, ни Іоаннъ IV не обращали вниманія на такія противорѣчія, очень естественныя у людей, пишущихъ подъ вліяніемъ страсти и стремящихся, во что бы то ни стало, защищать свою основную мысль. Курбскій не забывалъ, что онъ потомокъ князей ярославскихъ и смоленскихъ: говоря о вельможахъ, падшихъ жертвами Іоанна IV, отца его и дѣда, Курбскій не преминетъ прибавить ихъ родословную, не преминетъ сказать, что то были благородные княжата, потомки такихъ-то и такихъ-то князей. Въ одномъ изъ писемъ къ царю Курбскій говоритъ: „Не знаю, чего еще у насъ хочешь? не только единоплеменныхъ князей, потомковъ Владиміра Великаго, ты различными смертями поморилъ и отнялъ имущества движимыя и недвижимыя, чего еще дѣдъ и отецъ твои не успѣли разграбить, но могу сказать, что и послѣднихъ срачицъ твоему прегордому и царскому величеству мы не возбранили“. Изъ этихъ словъ видно, что въ умѣ Курбскаго дѣятельность Іоанна IV представлялась окончаніемъ дѣятельности отца и дѣда, окончаніемъ борьбы государей Московскихъ съ князьями единоплеменными. Изъ этихъ же словъ видно, что потомкамъ князей не нравился новый титулъ царя, принятый Іоанномъ, потому что этотъ титулъ выдѣлялъ Московскаго государя изъ среды остальныхъ князей единоплеменныхъ. Курбскій сопоставляетъ слова такъ: „Твоему прегордому и царскому величеству“. Но всего лучше выражаются чувства, которыя потомки князей питали къ государямъ Московскимъ, въ слѣдующихъ словахъ Курбскаго. Оправдываясь въ обвиненіи, что учавствовалъ въ отравленіи царицы Анастасіи и въ умыслѣ возвести на престолъ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, Курбскій пишетъ: „Хотя я много грѣшенъ и недостоинъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя Смоленскаго Ѳедора Ростиславича; а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть и кровь братій своихъ пить, какъ у *нѣкоторыхъ* издавна ведется обычай; первый дерзнулъ Юрій Московскій въ Ордѣ на Святаго великаго князя Михаила Тверскаго, а за нимъ и прочіе; еще у всѣхъ на свѣжей памяти, что сдѣлано съ Углицкими и Ярославскими и другими единокровными, какъ они всеродно были истреблены — слышать тяжко, ужасно! Отъ груди материнской оторвавши, въ мрачныхъ темницахъ затворили и поморили; а внуку тому блаженному и *присновѣнчанному* (Димитрію) что сдѣлано? А твоя царица мнѣ, убогому, ближняя родственница. Вспоминаешь о Владимірѣ братѣ, будто мы его хотѣли на царство: я объ этомъ и не думалъ, потому что онъ былъ недостоинъ; но я еще тогда угадалъ грядущее твое мнѣніе на меня, когда ты насильно взялъ сестру мою за этого своего брата, въ этотъ вашъ издавна кровопійственный родъ“.

Мы видѣли, что Московскіе великіе князья, начиная съ Іоанна III, признавая даже право отъѣзда за боярами и слугами вольными, старались однако удержать ихъ отъ пользованія этимъ правомъ посредствомъ клятвенныхъ записей и поручительствъ. Какъ смотрѣли сами князья и потомки старыхъ дружинниковъ на эти „проклятыя“ грамоты, которыми они принуждались отрекаться отъ своего драгоцѣннаго права,—видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго: „Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя поневолѣ крестъ цѣловать, *какъ тамъ естъ у*

[1]) См. Исторію Россіи т. V, стр. 1407 и слѣд., стр. 1710—1715.

вас обычай, а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію. На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ поневолѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было. Если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца, противящійся слову Господню: „Аще гонятъ васъ во градѣ—бѣгайте въ другой“; образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ“. Мы видѣли, что Іоаннъ, съ малолѣтства озлобленный на вельможъ, довѣрялъ болѣе дьякамъ, какъ людямъ новымъ, безъ старинныхъ преданій и притязаній; при немъ дьяки завѣдывали не только письменными и правительственными дѣлами, но являются даже воеводами, какъ напримѣръ Выродковъ и Ржевскій; конечно, это не могло нравиться Курбскому, и онъ вотъ что говоритъ о дьякахъ: „Князь великій очень вѣритъ писарямъ, которыхъ выбираетъ не изъ шляхетскаго рода, не изъ благородныхъ, а преимущественно изъ поповичей, или изъ простого всенародства, а дѣлаетъ это изъ ненависти къ вельможамъ своимъ“. Но касательно отъѣзда и дьяковъ, кромѣ Курбскаго, мы имѣемъ еще свидѣтельство двоихъ другихъ отъѣзжиковъ: это письмо стрѣлецкаго головы Тимоѳея Тетерина и Марка Сарыгозина къ Дерптскому намѣстнику Морозову. Тетеринъ, подпавшій опалѣ, постриженный въ монахи, убѣжалъ изъ монастыря въ Литву; на укорительное письмо воеводы Морозова къ князю Полубенскому, Тетеринъ и Сарыгозинъ отвѣчали слѣдующее: „Называешь ты насъ измѣнниками несправедливо; мы бы и сами, подобясь собакѣ, умѣли противъ лаять, да не хотимъ такъ безумствовать. Были бы мы измѣнниками, если бы, не претерпѣвши малыя скорби, побѣжали отъ государева жалованья; а то и такъ виноваты, что долго не исполняли Христова слова и апостольскаго, и не бѣжали отъ гонителя, а побѣжали уже отъ многихъ нестерпимыхъ мукъ и отъ поруганія ангельскаго образа. Ты, господинъ, бойся Бога больше, чѣмъ гонителя, и не зови православныхъ христіанъ, безъ правды мучимыхъ и прогнанныхъ, измѣнниками. Твое честное Юрьевское намѣстничество не лучше моего, Тимохина, чернечества: былъ ты пять лѣтъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а теперь тебя государь пожаловалъ намѣстничествомъ Юрьевскимъ съ пригородами, жену у тебя взялъ въ закладъ, а доходу тебѣ не сказалъ ни пула; велѣлъ тебѣ двѣ тысячи проѣсть занявши, а Полукашину заплатить нечѣмъ: невѣжливо молвить: чай не очень тебѣ и вѣрятъ! Есть *великаго князя* (и Тетеринъ не хочетъ называть Іоанна царемъ) новые довѣренные люди, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопы не годились, а теперь не только Землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ. Богъ за грѣхи у васъ умъ отнялъ, что вы надъ женами и дѣтками своими и надъ вотчинами головы кладете да и ихъ губите. Смѣемъ, государь, спросить: каково тѣмъ женамъ и дѣткамъ, у которыхъ мужей и отцовъ различными смертями побили безъ правды?“ [1]).

Теперь обратимся къ отвѣтамъ Іоанна IV-го. Прежде всего онъ говоритъ о своемъ правѣ на самодержавный престолъ, правѣ древнемъ, неизмѣнномъ, неутраченномъ: „Самодержавства нашего начало—отъ Св. Владиміра; мы родились на царствѣ, а не чужое похитили“. Это право свое онъ противополагаетъ устарѣлому, утраченному праву Курбскаго на княжество Ярославское [2]). Такъ какъ основное положеніе Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что при Іоаннѣ и прежде тогда только было все хорошо, когда слушались этихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда Іоаннъ удалилъ совѣтниковъ и сталъ управлять самъ,—то, наоборотъ, основное положеніе Іоанна: царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ: „Эта ли совѣсть прокаженная—свое царство въ своей рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это ли противно разуму—не хотѣть быть обладаему подвластными? Это ли православіе пресвѣтлое—быть обладаему рабами? Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи!“ Какъ защитникъ новаго порядка вещей, какъ потомокъ государей Московскихъ, Іоаннъ, въ отвѣтъ потомку ярославскихъ князей, высказываетъ цѣль своего правленія и превосходство новаго порядка вещей. Приводя слова апостола Павла, царь сравниваетъ Старую и Новую Русь съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ: „Какъ тогда, вмѣсто креста, было потребно обрѣзаніе, такъ и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія потребно самовольство. Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся. Неужели это сладко и свѣтъ—отъ добра удалиться и зло творить междоусобными бранями и самовольствомъ?“ Такимъ образомъ, Іоаннъ дошелъ до самаго высокаго понятія о царской власти: „Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя“. Этому понятію онъ даетъ историческую опору: междоусобія, терзавшія Землю, прекратились съ утвержденіемъ единовластія и самодержавія: слѣдствія неповиновенія—усобицы. При такомъ высокомъ понятіи о значеніи царя, Іоаннъ чувствовалъ, что отвѣтъ его на письмо Курбскаго, измѣнившаго подданнаго, есть недостойная царя слабость; но

[1]) Сказаніе кн. Курбск. стр. 373.

[2]) Что Курбскій имѣлъ дѣйствительно притязаніе, по крайней мѣрѣ, на титулъ князя Ярославскаго, доказываетъ его переписка со многими лицами въ Литвѣ, гдѣ онъ величаетъ себя княземъ Андреемъ Ярославскимъ.

онъ былъ человѣкъ чувства, и потому не выдержалъ,—отвѣчалъ; раскаяніе въ этой слабости видно изъ нѣкоторыхъ словъ: „До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и хотя неприлично говорить о винахъ ихъ, но выше было сказано". На обвиненіе въ жестокости царь отвѣчаетъ: „Жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ также вольны". На обвиненіе въ облыганіи своихъ подданныхъ измѣною отвѣчаетъ: „Если ужъ я облыгаю, то отъ кого же другого ждать правды? Для чего я стану облыгать? изъ желанія ли власти подданныхъ своихъ или рубища ихъ худого, или мнѣ припала охота ѣсть ихъ?"

Курбскій принадлежалъ къ сторонѣ Сильвестра, укорялъ Іоанна особенно за удаленіе послѣдняго. Іоаннъ отвѣчаетъ на этотъ укоръ: „Ты считаешь свѣтлостію благочестивою, когда царство обладается попомъ, невѣждою? Но всякое царство, обладаемое попомъ, разоряется. Тебѣ чего хотѣлось:—того же, что случалось въ Греціи? Эту погибель и намъ совѣтуешь?" Курбскій, защищая свое мнѣніе о необходимости совѣта, выбиралъ примѣры изъ Св. Писанія; Іоаннъ не менѣе Курбскаго изучилъ этотъ источникъ примѣровъ, и отвѣчаетъ своему сопернику: „Вспомни, что Богъ, изводя Израиля изъ работы, поставилъ не священника владѣть людьми и не многихъ правителей, но одного Моисея, какъ царя, поставилъ надъ ними, и священствовать ему не повелѣлъ:—Аарону, брату его, повелѣлъ священствовать, а въ людское устроеніе не мѣшаться. Когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ священникамъ не подобаетъ брать на себя царскія дѣла! Такъ же Даѳанъ и Авиронъ захотѣли похитить себѣ власть; но и сами погибли, и какую Израилю погибель навели, что вамъ, боярамъ, прилично! Послѣ былъ судьею Израилю Іисусъ Навинъ, а священникомъ Елеазаръ; съ тѣхъ поръ до Иліи жреца обладали судьи и спасали Израиля; когда же Илія жрецъ принялъ на себя священство и царство, то хотя самъ былъ праведенъ и добръ, но за дурное поведеніе сыновей самъ съ ними злою смертію погибъ, и весь Израилъ побѣжденъ былъ до дней царя Давида". Имѣя такое высокое понятіе о своемъ значеніи, Іоаннъ сильно оскорбленъ былъ грубымъ тономъ князя Курбскаго, помнившаго свое происхожденіе отъ одного родоначальника съ царемъ и противополагавшаго доблестный родъ Смоленскихъ Ростиславичей „издавна кровопійственному роду" князей Московскихъ. Въ гнѣвныхъ выраженіяхъ Іоаннъ напоминаетъ Курбскому о должномъ уваженіи къ особѣ царя примѣромъ изъ Византійской исторіи: „Ты, собака, и того не разсудишь, какъ три патріарха собрались со множествомъ святителей къ нечестивому царю Ѳеофилу и многосложный свитокъ написали, но все такихъ хуленій, какъ ты, не написали, хотя и нечестивъ былъ царь Ѳеофилъ". Если въ письмахъ Курбскаго высказался потомокъ лишенныхъ владѣнія князей, то Іоаннъ, въ своихъ письмахъ, не разъ обнаруживаетъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него поведеніе вельможъ во время его болѣзни. Оправдываясь въ казни вельможъ, царь говоритъ, что они превзошли всѣхъ измѣнниковъ древней исторіи; говоритъ, что императоръ Константинъ казнилъ родного сына, Ѳедоръ Ростиславичъ, предокъ Курбскихъ, пролилъ въ Смоленскѣ множество крови въ самую Пасху, Давидъ казнилъ своихъ измѣнниковъ, и, слѣдовательно, московскіе бояре должны быть также казнимы, потому что они „Богомъ имъ даннаго и родившагося у нихъ на царствѣ, преступивши крестную клятву, отвергли, и, сколько могли зла сдѣлать,—сдѣлали, всячески, словомъ и дѣломъ и тайными умышленіями, и почему же они менѣе тѣхъ заслужили злыхъ казней?" Въ другомъ мѣстѣ царь говоритъ: „Какъ во Израилѣ нѣкоторые, согласившись съ Авимелехомъ, отъ наложницы Гедеоновой рожденнымъ, перебили въ одинъ день семьдесятъ законныхъ сыновей Гедеоновыхъ и воцарили Авимелаха, такъ и вы собацкимъ измѣннымъ обычаемъ хотѣли въ царствѣ царей достойныхъ истребить и воцарить дальняго родственника, хотя и не отъ наложницы рожденнаго. Такъ-то вы доброхотны, такъ-то вы душу за меня полагаете, что, подобно Ироду, грудного младенца хотѣли погубить, смертію свѣта сего лишить, и воцарить вмѣсто него чужого? Такъ-то вы за меня душу полагаете и доброхотствуете?" Если Курбскій, бояринъ и потомокъ Ярославскихъ князей, ведетъ новый порядокъ вещей, начало зла, по его взгляду, отъ Іоанна III-го; если онъ называетъ кровопійственнымъ весь родъ Московскихъ князей: то Іоаннъ IV знаетъ такъ-же старину, знаетъ когда и какъ началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности. Если Курбскій называетъ Іоанна „лютостію, рожденною въ законопреступленіи и сладострастіи":—то Іоаннъ, съ своей стороны, считаетъ себя въ правѣ называть Курбскаго рожденіемъ исчадія ехиднаго, измѣнникомъ прирожденнымъ. „Вы привыкли", говоритъ царь, „отъ прародителей своихъ измѣну чинить: какъ дѣдъ твой, князь Михайла Карамышъ, съ княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана, умышлялъ измѣнные обычаи, такъ и отецъ твой, князь Михайла, съ великимъ княземъ Димитріемъ внукомъ на отца нашего Василія многія пагубныя смерти умышляли; такъ-же и матери твоей дѣдъ Василій и Иванъ Тучко многія пакостныя и укоризненныя слова дѣду нашему, великому государю Ивану, износили: такъ же и дѣдъ твой, Михайла Тучковъ, при кончинѣ матери нашей, великой царицы Елены, дьяку нашему Циплятеву многія надменныя слова изрекъ; и такъ какъ ты рожденіе исчадія ехиднаго, то поэтому такъ и ядъ отрыгаешь". Мы видѣли, что Курбскій и подобные ему отъѣзжики считали присягу недѣйствительною, какъ вынужденную: Іоаннъ,

съ своей стороны, утверждаетъ, что отъѣзжики нарушеніемъ присяги губятъ не только свои, но и прародителей своихъ души: „Какъ ты не постыдишься раба твоего, Васьки Шибанова (который подалъ Іоанну письмо отъ своего господина)?—онъ благочестіе свое соблюлъ: предъ царемъ и предъ всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, ради крестнаго цѣлованія тебя не отвергся, но хвалилъ тебя и былъ готовъ за тебя умереть. А ты такому благочестію не поревновалъ: отъ одного слова моего гнѣвнаго не только свою собственную душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ; потому что дѣду нашему Богъ поручилъ ихъ въ работу, и они, давъ свои души, до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ".

Отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ дорого стоили Іоанну. Приверженцы падшей стороны—Сильвестра и Адашева—не захотѣли безпрекословно сносить гоненія, воздвигнутаго на нихъ царемъ: одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними, одинъ изъ самыхъ близкихъ прежде людей къ Іоанну отъѣхалъ къ враждебному государю; мало этого,—явился предводителемъ его полковъ въ войнѣ съ Москвою; но, что всего хуже, осмѣлился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщеніи; потомокъ князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго, срывая свое сердце въ грамотѣ къ Іоанну, укоряя его въ убіеніи, заточеніи и разогнаніи *сильныхъ во Израили*, позабылъ, чему онъ подвергаетъ людей, равныхъ ему по происхожденію и прежнему положенію, которыхъ онъ явился представителемъ, тѣхъ сильныхъ во Израили, князей и воеводъ, которые не были казнены, заточены и прогнаны и продолжали наполнять Дворъ царя Московскаго! Курбскій, въ глазахъ Іоанна, не былъ простымъ отъѣзжикомъ, оставившимъ отечество изъ страха только личной опалы: Курбскій былъ представителемъ цѣлой стороны; онъ упрекалъ Іоанна не за одного себя, но и за многихъ, грозилъ ему небесною местію за многихъ. Іоаннъ зналъ, какъ велика была сторона Сильвестра и Адашева, какъ многочисленъ былъ сонмъ людей, издавна считавшихъ своимъ правомъ совѣтовать и, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжать. Онъ затронулъ теперь эту враждебную сторону, этотъ сонмъ, и вотъ онъ высказалъ свои стремленія въ лицѣ одного изъ главныхъ представителей своихъ. Къ чему послужатъ теперь клятвенныя записи, поручательства? Если еще можно удержать вельможъ отъ отъѣзда въ Москвѣ, во внутреннихъ областяхъ государства, то какъ удержать ихъ на границѣ? — кого послать съ войскомъ? Но и внутри, если они уже такъ ожесточены и такъ ихъ много, то гдѣ безопасность? Понятно, къ какимъ чувствамъ такія мысли должны были повести человѣка страстнаго, воспріимчиваго, напуганнаго. Мысль: „Враговъ много, я не въ безопасности, нужно принять мѣры для спасенія себя и своего семейства; въ случаѣ неудачи, нужно приготовить убѣжище на чужбинѣ",—эта мысль стала теперь господствующею въ головѣ Іоанна.

Онъ сталъ готовиться къ борьбѣ; прежде всего нужно было испытать силы противниковъ, узнать, найдутъ ли они защиту въ народѣ, или предастъ ихъ народъ. 3-го декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всѣмъ семействомъ своимъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ праздновалъ праздникъ Николая Чудотворца. Выѣздъ этотъ былъ не похожъ на прежніе, когда выѣзжалъ онъ на богомолье или на какія-нибудь потѣхи свои: теперь онъ взялъ съ собою иконы и кресты, золотомъ и каменьями дорогими украшенные, сосуды золотые и серебряные, платье, деньги и всю свою казну; которымъ боярамъ, дворянамъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ велѣлъ съ собою ѣхать,—тѣмъ велѣлъ взять съ собою женъ и дѣтей; а дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которыхъ государь прибралъ выборомъ изо всѣхъ городовъ,—тѣмъ велѣлъ ѣхать съ людьми, конями и со всѣмъ служебнымъ порядкомъ. Непогода и дурныя дороги задержали его въ Коломенскомъ двѣ недѣли. Какъ рѣки стали, онъ поѣхалъ въ село Тайнинское, изъ Тайнинскаго къ Троицѣ, отъ Троицы въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ митрополитъ Аѳанасій, Новгородскій архіепископъ Пименъ, Ростовскій Никандръ, бояре, окольничіе и всѣ приказные люди были въ недоумѣніи и уныніи отъ такого государскаго великаго, необычнаго подъема. Ровно черезъ мѣсяцъ, 3 января 1565 года, ихъ недоумѣніе разрѣшилось: царь прислалъ изъ слободы къ митрополиту списокъ, въ которомъ исписаны были измѣны боярскія, воеводскія и всякихъ приказныхъ людей, какіе измѣны и убытки государству они дѣлали до его совершеннолѣтія. Царь гнѣвъ свой положилъ на богомольцевъ своихъ архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, на бояръ своихъ, на дворецкаго и на конюшнаго, на окольничихъ, казначеевъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и на всѣхъ приказныхъ людей за то, что послѣ отца его бояре и всѣ приказные люди его государства людямъ много убытковъ дѣлали и казны его государскія расхитили, а прибытковъ казнѣ его государской никакой не прибавляли. Бояре и воеводы земли его государскія себѣ разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали; держа за собою помѣстья и вотчины великія, получая жалованья государскія, кормленія, собравши себѣ великія богатства,—о государѣ, государствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ не желая радѣть и отъ недруговъ оборонять, вмѣсто того христіанъ притѣсняли и сами отъ службы начали удаляться. А захочетъ государь бояръ своихъ или приказныхъ, или служивыхъ людей понаказать, духовенство, сложась съ боярами, дворянами и со всѣми приказными людьми, государю по нихъ же покрываетъ. И царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ. Къ гостямъ

же и къ купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ грамоту и велѣлъ ее передъ ними прочесть; въ ней царь писалъ, чтобъ они себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Когда эти грамоты были прочтены, между боярами и народомъ раздались рыданія и вопли: „Увы, горе! согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего многими передъ нимъ согрѣшеніями, и милость его великую превратили на гнѣвъ и на ярость! Теперь къ кому прибѣгнемъ, кто насъ помилуетъ и кто избавитъ отъ нашествія иноплеменныхъ? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?—увидавши овецъ безъ пастыря, волки расхитятъ ихъ!“ Всѣ начали упрашивать митрополита, чтобъ онъ съ остальнымъ духовенствомъ умилостивилъ государя, упросилъ его не оставлять государства, владѣлъ бы имъ и правилъ, какъ ему угодно; а государскихъ лиходѣевъ, виноватыхъ въ измѣнѣ, вѣдаетъ Богъ да государь, въ животѣ и въ казни его государская воля,— „а мы всѣ своими головами идемъ за тобою, святителемъ, бить челомъ государю и плакаться“. Гости и всѣ горожане говорили то же, чтобъ „государь государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей; а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ“.

Духовенство и бояре явились въ Александровскую слободу и объявили Іоанну общее рѣшеніе, общую мольбу: пусть правитъ, какъ ему угодно, только бы принялъ снова въ руки правленіе. Іоаннъ челобитье ихъ принялъ съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ своемъ государствѣ опричнину; Дворъ и весь свой обиходъ сдѣлать особый; бояръ, окольничихъ, дворецкихъ, казначеевъ, дьяковъ, всякихъ приказныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ назначить особыхъ; во дворцахъ—Сытномъ, Кормовомъ и Хлѣбенномъ назначить особыхъ ключниковъ, подключниковъ, сытниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, всякихъ мастеровъ, конюховъ, псарей и всякихъ дворовыхъ людей на всякій обиходъ; наконецъ стрѣльцовъ назначить себѣ особыхъ же. Назначены были города и волости, съ которыхъ доходы шли на государскій обиходъ, изъ этихъ же доходовъ шло жалованье боярамъ, дворянамъ и всякимъ дворовымъ людямъ, которые будутъ въ опричнинѣ; а если этихъ доходовъ недостанетъ, то брать другіе города и волости; въ опричнину собрать князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ 1,000 человѣкъ; помѣстья имъ будутъ розданы въ тѣхъ городахъ, которые взяты въ опричнину, а вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ этихъ городовъ вывесть и дать имъ земли въ другихъ городахъ. Также въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и слободы, и въ нихъ велѣно было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ, которые были отобраны въ опричнину, а прежніе обыватели переведены на другія улицы. Государство Московское, воинство, судъ, управу и всякія земскія дѣла приказалъ государь вѣдать боярамъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ; князю Ивану Димитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Ѳеодоровичу Мстиславскому и остальнымъ, конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ велѣлъ быть по своимъ приказамъ и чинить управу по старинѣ, а съ большими дѣлами приходить къ боярамъ; если же будутъ ратныя вѣсти или земскія великія дѣла, то боярамъ съ ними приходить къ государю. За подъемъ свой приговорилъ государь взять изъ земскаго приказа 100,000 рублей; а которые бояре, воеводы и приказные люди заслужили за великія измѣны смертную казнь, а иные опалу,—у тѣхъ имѣнье отобрать въ казну; духовенству же, боярамъ и приказнымъ людямъ все это положить на государской волѣ.

Вслѣдствіе этой воли, какъ совѣтники Курбскаго, умышлявшіе съ нимъ на государя, жену и дѣтей его всякія лихія дѣла, были казнены: князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій съ молодымъ сыномъ Петромъ, родственники ихъ—двое Ховриныхъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Димитрій Шевыревъ и князь Петръ Горенскій; послѣдній былъ пойманъ на отъѣздѣ. О другихъ, кромѣ неопредѣленнаго обвиненія въ соумышленничествѣ съ Курбскимъ, ничего не знаемъ; не знаемъ о винѣ князей Ивана Куракина и Димитрія Нѣмого: о послѣднемъ знаемъ только, что во время болѣзни Іоанна онъ былъ обвиненъ въ расположеніи посадить на престолъ князя Владиміра Андреевича. У другихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отобрали имѣніе; иныхъ сослали въ Казань; бояринъ Иванъ Петровичъ Яковлевъ билъ челомъ въ проступку и прощенъ за поручительствомъ; князь Василій Семеновичъ Серебряный выручёнъ съ сыномъ изъ-подъ опалы. Левъ Матвѣевичъ Солтыковъ выручёнъ съ двумя сыновьями. Въ слѣдующемъ году билъ челомъ за проступку и за двойнымъ ручательствомъ возвращенъ изъ ссылки съ Бѣлоозера князь Михайла Ивановичъ Воротынскій; въ томъ же году выручены были: князья Иванъ Петровичъ Охлябининъ, бояринъ Овчинъ-Плещеевъ; первый обѣщался никуда не отъѣхать и въ чернецы не постригаться. Чего стоили самому Іоанну отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ, собственный отъѣздъ въ слободу, тревожное ожиданіе послѣдствій, какія будетъ имѣть посылка грамотъ въ Москву, чего стоило ему все это,—видно изъ того, что когда онъ возвратился въ Москву, то нельзя было узнать его: волосы съ головы и съ бороды исчезли [1]).

Страшному состоянію души Іоанновой соотвѣт-

[1]) Александро-Невск. лѣтоп. л. 1022; Донесеніе Кетлеру, Таубе и Крузе (Эверса Beiträge zur Kenntniss Russlands, стр. 187); Дѣла Польскія, № 7, стр. 915, 917; С. г. г. и д. I, № 182, 185, 186, 189 190, 191, 194, 195.

ствовало и средство, имъ придуманное, или имъ принятое, ибо, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, планъ опричнины принадлежалъ Василію Юрьеву и Алексѣю Басманову съ нѣкоторыми другими [1]). Напуганный отъѣздомъ Курбскаго и протестомъ, который тотъ подалъ отъ имени всѣхъ своихъ собратій, Іоаннъ заподозрилъ всѣхъ бояръ своихъ и схватился за средство, которое освобождало его отъ нихъ, освобождало отъ необходимости постояннаго, ежедневнаго сообщенія съ ними. Положить на нихъ на всѣхъ опалу безъ улики, безъ обвиненія, заточить, сослать всѣхъ, лишить должностей, сановъ, лишить голоса въ думѣ, и на ихъ мѣсто набрать людей новыхъ, незначительныхъ, *молодыхъ*, какъ тогда называли,—это было невозможно; прежняго любимца своего, Алексѣя Адашева, Іоаннъ не могъ провесть дальше окольничаго, не могъ далеко вести онъ и новыхъ своихъ любимцевъ. Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство—самому уйти отъ него: Іоаннъ такъ и сдѣлалъ. Дума, бояре распоряжались всѣмъ, только при вѣстяхъ ратныхъ и въ дѣлахъ чрезвычайной важности докладывали государю. Старые вельможи остались при своихъ старыхъ придворныхъ должностяхъ; но Іоаннъ не хотѣлъ видѣть ихъ подлѣ себя, и потому потребовалъ для себя особаго Двора, особыхъ бояръ, окольничихъ и т. д.; но онъ не могъ бы совершенно освободиться отъ стараго вельможества, еслибъ остался жить въ старомъ дворцѣ, и вотъ Іоаннъ требуетъ новаго дворца; онъ не могъ не встрѣчаться со старыми вельможами при торжественныхъ выходахъ и т. п., еслибъ оставался въ Москвѣ,—и вотъ Іоаннъ покидаетъ Москву, удаляется на житье въ Александровскую слободу. Но легко понять всѣ гибельныя слѣдствія такого удаленія главы государства отъ государства или земли, какъ тогда называли: напрасно Іоаннъ увѣрялъ гостей и простыхъ горожанъ московскихъ, что онъ противъ нихъ ничего не имѣетъ, чтобъ они остались спокойны. Эти гости и простые люди очень хорошо понимали однако, что правителями надъ ними, къ которымъ они должны обращаться во всѣхъ дѣлахъ, остаются прежніе вельможи, и, въ то же время, слышали, что царь торжественно называетъ этихъ вельможъ своими недоброхотами, измѣнниками, удаляется отъ нихъ, окружаетъ себя толпою новыхъ людей: видѣли, что верховная власть отказывается отъ собственныхъ своихъ орудій, чрезъ которыя должна дѣйствовать, объявляетъ ихъ негодными для себя, и, въ то же время, признаетъ годными для государства, ибо оставляетъ ихъ при прежнемъ дѣйствіи, и, такимъ образомъ, расторгаетъ связь между государемъ и государствомъ; объявляя себя противъ правителей земли, необходимо объявляетъ себя и противъ самой земли. Несмотря на обнадеживаніе въ милости, эта вражда къ самой землѣ необходимо должна была обнаружиться, если не прямо чрезъ особу царя, то черезъ его новую дружину, чрезъ этихъ опричниковъ. Какъ произведеніе вражды, опричнина, разумѣется, не могла имѣть благого, умиряющаго вліянія. Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрилъ вельможъ въ непріязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей вполнѣ преданныхъ ему; чтобы быть угоднымъ царю, опричникъ долженъ былъ враждовать къ старымъ вельможамъ, и, для поддержанія своего значенія, своихъ выгодъ, долженъ былъ поддерживать, поджигать эту вражду къ старымъ вельможамъ въ самомъ царѣ. Но этого мало: можно ли было поручиться, что въ такомъ количествѣ людей если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, очень многіе не захотятъ воспользоваться выгодами своего положенія, именно безнаказанностію? Кто изъ земскихъ правителей, заподозрѣнныхъ, опальныхъ, могъ въ судѣ рѣшить дѣло не въ пользу опричника? Кто изъ заподозрѣнныхъ, опальныхъ, могъ рѣшиться принести жалобу на человѣка приближеннаго, довѣреннаго, который имѣлъ всегда возможность увѣрить подозрительнаго, гнѣвливаго царя, что жалоба ложная, что она подана вслѣдствіе ненависти къ опричникамъ, изъ желанія вооружить противъ нихъ государя, которому они преданы, котораго защищаютъ отъ враговъ: если не всѣ опричники были одинаково приближены, пользовались одинакою довѣренностію, то всѣ они, отъ большого до малаго, считали своею первою обязанностію другъ за друга заступаться. Цѣлая многочисленная толпа, цѣлая дружина временщиковъ! Послѣ этого неудивительно встрѣтить намъ отъ современниковъ сильныя жалобы на опричнину. Опричнина, съ своей стороны, не оставалась, какъ видно, безгласною: говорили противъ бояръ, что они крестъ цѣлуютъ да измѣняютъ, держа города и волости, отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ, лѣнивѣютъ; что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ правды; что люди приближаются къ царю вельможествомъ, а не по воинскимъ заслугамъ и не по какой другой мудрости, и такіе люди суть чародѣи и еретики, которыхъ надобно предавать жестокимъ казнямъ; что государь долженъ собирать со всего царства доходы въ одну свою казну, и изъ казны воинамъ сердце веселить, къ себѣ ихъ припускать близко и во всемъ вѣрить [2]).

[1]) Сокращенный Временникъ до 1691 года, рукоп. Императ. публ. библ.: «Попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши возъярися царь Иванъ Васильевичъ на все православіе по злыхъ людей совѣту Василія Юрьева да Алексѣя Басманова и иныхъ такихъ же, учиниша опричнину, раздѣленіе земли и градовъ, а самъ царь живяше на Петровкѣ и хождаше и ѣздяше въ черномъ платьѣ и всѣ съ нимъ, и бысть туга и ненависть на царя въ миру, и кровопролитіе и казни учинилися многія».

[2]) См. предъидущее примѣчаніе; см. также Таубе и Крузе въ Ewers—Beiträge zur Kenntniss Russlands; поведеніе опричниковъ, здѣсь описанное, такъ естественно, что намъ не нужно, вмѣстѣ съ нѣкоторыми хронографами, предполагать, что самъ Іоаннъ велѣлъ опричникамъ притѣснять земскихъ; наприм.: «За умноженіе грѣхомъ всего православнаго христіанства царь Иванъ Васильевичъ сопротивникъ обрѣтеся и наполнися гнѣва и ярости; нача подвластныхъ своихъ сущихъ рабъ злѣ и

Неудовольствіемъ, возбужденнымъ опричниною, хотѣли воспользоваться враги Москвы, и неудавшіяся попытки ихъ повели къ новымъ казнямъ, содѣйствовали еще болѣе утвержденію опричнины. Какой-то Козловъ, родомъ изъ московскихъ областей, поселился въ Литвѣ, женился здѣсь, отправленъ былъ гонцомъ отъ Сигизмунда-Августа къ Іоанну и далъ знать королю, что успѣлъ склонить всѣхъ вельможъ московскихъ къ измѣнѣ; отправленный вторично въ Москву, Козловъ вручилъ отъ имени короля и гетмана Хоткѣвича грамоты князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину, съ приглашеніемъ перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены; Іоаннъ велѣлъ написать—или, вѣрнѣе, самъ написалъ отъ имени означенныхъ бояръ—бранчивые отвѣты королю и гетману, которые и были отправлены съ Козловымъ [1]). Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій успѣли выпутаться изъ бѣды; не успѣлъ старикъ Челяднинъ,—и былъ казненъ вмѣстѣ съ женою и соумышленниками, княземъ Иваномъ Куракинымъ-Булгаковымъ, Димитріемъ Ряполовскимъ, троими князьями Ростовскими, Петромъ Щенятевымъ, Турунтаемъ-Пронскимъ, казначеемъ Тютинымъ. Мы видѣли, что этотъ Челяднинъ участвовалъ въ возмущеніи народа противъ Глинскихъ послѣ пожара; князья Ростовскіе возбудили противъ себя гнѣвъ Іоанна съ тѣхъ поръ, какъ хотѣли всѣмъ родомъ отъѣхать въ Литву послѣ болѣзни царя; во время этой болѣзни князья Петръ Щенятевъ и Турунтай-Пронскій выказали себя явными приверженцами князя Владиміра Андреевича (1568 г.).

Мы видѣли, какъ духовенство русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія; но когда московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность—среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду. Усердно помогая Московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство въ то же время брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнію, какъ членовъ Церкви: такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополію вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодаго Іоанна, ходатаемъ предъ Шуйскими за Воронцова, причемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ, умѣлъ не сталкиваться съ Сильвестромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновленіе казней, и умеръ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Преемникомъ Макарія былъ монахъ Чудова монастыря, Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить своихъ лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ, и требовалъ у него отреченія отъ обычая печаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ Казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили и вызвали Соловецкаго игумена Филиппа, сына боярина Колычева. Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ царской воли, но утолять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: „Въ опричнину ему и въ царскій домовый обиходъ не вступаться, а послѣ поставленія, за опричнину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять" [2]). Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни вслѣдствіе дѣла Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло; онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника,—и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій; встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь-то происходили страшныя сцены заклинаній: „Только молчи, одно тебѣ говорю, молчи, отецъ святый!" говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ; „молчи и благослови насъ!" — Филиппъ: „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ". — Іоаннъ: „Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?"—Филиппъ:

немилостиво гонити и кровь ихъ проліяти и царство свое, порученное ему отъ Бога, раздѣли на двѣ части: часть едину себѣ отдѣли, другую же часть царю Симеону Казанскому поручи; самъ же отоиде отъ единыхъ малыхъ градовъ Старицу зовому и тамо жительствуя. Прозва свою часть опришники, а другую часть царя Симеона именова земщина, и заповѣда своей части опую часть насиловати и смерти предавати и домы ихъ грабити, и воеводъ, данныхъ ему отъ Бога, безъ вины убивати повелѣ, не усрамися же и святительскаго чина, овыхъ убивая, овыхъ заточенію предавая, и грады краснѣйшіе Новоградъ и Псковъ разрушати, и въ нихъ православныхъ христіанъ злѣ и немилостиво убивати, даже и до ссущихъ младенцевъ повелѣ. И тако многа лѣта во дни живота своего провождая уже и наконецъ старости пришедъ, нрава же своего никакоже не перемѣни».—Въ оправданіе же поступковъ Іоанновыхъ противъ бояръ написана извѣстная Епистолія Ивашки Пересвѣтова; она напечатана въ сокращеніи у Карамз. IX, прим. 849.

[1]) Дѣла Польскія, № 8 весь занятъ этими отвѣтами. Бѣльскій.

[2]) С. г. г. и д. I, № 193.

„Я пастырь стада Христова?“—Іоаннъ: „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!“—Филиппъ: „Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана; зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?“—Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьи; это раздумье было страшно опричникамъ; они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ Новгородскомъ, Суздальскомъ, Рязанскомъ, Благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ; послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа. Отправились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было,—все молчало. 8 ноября 1568 года, опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора; народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ тверской Отрочъ монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе;—опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь Русской Церкви, мученикъ за священный обычай печалованія [1]). На мѣсто Филиппа возведенъ былъ Троицкій архимандритъ Кириллъ.

Въ 1569 году дошелъ чередъ и до того, за приверженность къ которому уже многіе погибли,—дошелъ чередъ до двоюроднаго брата царскаго, князя Владиміра Андреевича. Мы упоминали о клятвенной записи, насильно взятой съ Владиміра въ въ 1553 году; въ слѣдующемъ 1554 году, послѣ рожденія другого царевича, Ивана, государь взялъ съ двоюроднаго брата другую запись держать этого Ивана вмѣсто царя, въ случаѣ смерти послѣдняго. До какой степени уже Іоаннъ не довѣрялъ брату послѣ своей болѣзни, доказываетъ слѣдующее обѣщаніе Владиміра: „Жить мнѣ въ Москвѣ на своемъ дворѣ; а держать мнѣ у себя на дворѣ своихъ людей всякихъ..... (число людей стерто), а больше того мнѣ людей у себя на дворѣ не держать, а всѣхъ своихъ служилыхъ людей держать въ своей отчинѣ“. Іоаннъ опредѣлилъ поведеніе Владиміра и въ томъ случаѣ, если начнутся междоусобія между молодымъ царемъ и роднымъ его братомъ, Владиміръ обязывается: „Если который братъ родной станетъ недругомъ сыну твоему, царевичу Ивану, и отступитъ отъ него, то мнѣ съ этимъ его братомъ въ дружбѣ не быть и не ссылаться съ нимъ; а пошлетъ меня сынъ твой, царевичъ Иванъ, на этого своего брата, то мнѣ на него идти и дѣлать надъ нимъ всякое дѣло безъ хитрости, по приказу сына твоего, царевича Ивана. Князей служебныхъ съ вотчинами, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей сына твоего мнѣ никакъ къ себѣ не принимать. Которые бояре, дьяки ваши и всякіе люди нагрубили мнѣ чѣмъ-нибудь при тебѣ царѣ Иванѣ,—и мнѣ за тѣ ихъ грубости не мстить имъ никому. Безъ бояръ сына твоего, которые написаны въ твоей духовной грамотѣ, мнѣ никакого дѣла не дѣлать, и, не сказавши сыну твоему и его матери, мнѣ никакого дѣла не рѣшать. Если мать моя, княгиня Евфросинья, станетъ подучать меня противъ сына твоего, царевича Ивана, или противъ его матери, то мнѣ матери своей не слушать, а пересказать ея рѣчи сыну твоему, царевичу Ивану и его матери въ-правду, безъ хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-нибудь зло надъ сыномъ твоимъ, царевичемъ Иваномъ, надъ его матерью, надъ его боярами и дьяками, которые въ твоей духовной грамотѣ написаны, то мнѣ объявить объ этомъ сыну, твоему и его матери въ-правду, безъ хитрости, не утаить мнѣ этого никакъ, по крестному цѣлованію. А возьметъ Богъ и сына твоего, царевича Ивана, и другихъ дѣтей твоихъ не останется, то мнѣ твой приказъ весь исправить твоей царицѣ, великой княгинѣ Анастасіи, по твоей духовной грамотѣ и по моему крестному цѣлованію“. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года взята была со Владиміра третья запись съ нѣкоторыми противъ прежней дополненіями; удѣльный князь обязался не держать у себя на московскомъ дворѣ болѣе 108 человѣкъ. Въ 1563 году, говоритъ лѣтопись, государь положилъ гнѣвъ свой на княгиню Евфросинію и на сына ея: прислалъ къ царю, въ слободу, служившій у князя Владиміра Андреевича дьякъ Савлукъ Ивановъ бумагу, въ которой писалъ многія государскія дѣла, что княгиня Евфросинья и сынъ ея многія неправды къ царю чинятъ и для того держатъ его, Савлука, въ оковахъ въ тюрьмѣ. Царь велѣлъ Савлука къ себѣ прислать; по его словамъ многіе сыски были, неисправленія ихъ сысканы, и предъ митрополитомъ и владыками царь княгинѣ Евфросиньѣ и сыну ея неправды ихъ извѣстилъ. Послѣ этого Евфросинья постриглась; у Владиміра были перемѣнены всѣ бояре и слуги: мы видѣли, что и отецъ Іоанна употребилъ то же средство въ отношеніи къ одному изъ братьевъ своихъ. Въ 1566 году царь перемѣнилъ брату удѣлъ: вмѣсто Старицы и Вереи, далъ ему Дмитровъ и Звенигородъ [2]). По одному иностранному извѣстію, въ 1568 году князь Владиміръ Андреевичъ замышлялъ поддаться Сигизмунду-Августу; въ январѣ 1569 онъ погибъ [3]).

[1]) Лѣтописецъ библ. Москов. арх. мин. ин. д. изъ библіотеки Волынскаго, стр. 82; Житіе Св. Филиппа.

[2]) С. г. г. и д. I, № 168, 169, 187, 188; Александро-Невск. лѣтоп. 948.

[3]) См. Кельха. Въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ подробностей о смерти князя Владиміра; иностранныя свидѣтельства противорѣчатъ другъ другу: по однимъ — его отравили, по другимъ—зарѣзали, по третьимъ—отрубили голову; по однѣмъ—его отравили вмѣстѣ съ женою и сыновьями, по другимъ - жену и сыновей разстрѣляли. По однѣмъ родословнымъ

Страшный огонь жегъ внутренность Іоанна, и для этого огня не было недостатка въ пищѣ: лѣтомъ 1569 года явился къ царю какой-то Петръ, родомъ Волынецъ, и донесъ, что Новгородцы хотятъ предаться Польскому королю; что у нихъ уже написана и грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Волынцемъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно отыскалъ грамоту за образомъ и привезъ къ государю. Подписи — архіепископа Пимена и другихъ лучшихъ гражданъ оказались вѣрными; говорятъ, что этотъ Петръ, бродяга, наказанный Новгородцами, изъ желанія отомстить имъ, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ. Іоаннъ рѣшился разгромить Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 года, онъ двинулся туда изъ Александровской слободы и началъ разгромъ съ границъ тверскихъ владѣній, съ Клина: по всей дорогѣ, отъ Клина до Новгорода, производились опустошенія; особенно много пострадала Тверь. 2 января 1570 года явился въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины, которому велѣно было устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города, чтобъ ни одинъ человѣкъ не убѣжалъ; бояре и дѣти боярскія изъ того же передоваго полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырскія казны; игуменовъ и монаховъ, числомъ болѣе 500, взяли въ Новгородъ и поставили на правежъ до государева пріѣзда. Другія дѣти боярскія собрали ото всѣхъ новгородскихъ церквей священниковъ и дьяконовъ и отдали ихъ на соблюденіе приставамъ, по десяти человѣкъ каждому приставу; ихъ держали въ желѣзныхъ оковахъ и каждый день съ утра до вечера били на правежѣ, правили по 20 рублей. Подцерковныя и домовыя палаты у всѣхъ приходскихъ церквей и кладовыя именитыхъ людей были перепечатаны; гостей приказныхъ и торговыхъ людей перехватали и отдали приставамъ; дома, имущества ихъ были опечатаны; женъ и дѣтей держали подъ стражею. 6 числа пріѣхалъ самъ царь съ сыномъ Иваномъ, со всѣмъ Дворомъ и съ 1,500 стрѣльцовъ, сталъ на Торговой сторонѣ, на Городищѣ. На другой день вышло первое повелѣніе: игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день, въ воскресенье, Іоаннъ отправился въ Кремль, къ Св. Софіи къ обѣднѣ; на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его, по обычаю, владыка Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ; но царь ко кресту не пошелъ и сказалъ архіепископу: „Ты злочестивый, держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце; съ своими единомышленниками, здѣшними горожанами, хочешь нашу отчину, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ предать иноплеменникамъ, Литовскому королю Сигизмунду-Августу; съ этихъ поръ ты не пастырь и не учитель, но волкъ хищникъ, губитель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель“. Проговоривши это, царь велѣлъ Пимену идти съ крестами въ Софійскій соборъ и служить обѣдню, у которой былъ самъ со всѣми своими; послѣ обѣдни пошелъ къ архіепископу въ столовую палату обѣдать, сѣлъ за столъ началъ ѣсть—и вдругъ далъ знакъ своимъ князьямъ и боярамъ, по обычаю, страшнымъ крикомъ; по этому знаку, начали грабить казну архіепископа и весь его дворъ, бояръ и слугъ его перехватили, самого владыку, ограбивъ, отдали подъ стражу, давали ему на кормъ ежедневно по двѣ деньги. Дворецкій Левъ Солтыковъ и духовникъ протопопъ Евстафій съ боярами пошли въ Софійскій соборъ, забрали тамъ ризницу и всѣ церковныя вещи; то же было сдѣлано по всѣмъ церквамъ и монастырямъ. Между тѣмъ Іоаннъ съ сыномъ отправился изъ архіепископскаго дома къ себѣ, на Городище, гдѣ начался судъ: къ нему приводили Новгородцевъ, содержавшихся подъ стражею, и пытали, жгли ихъ какою-то „составною мудростію огненною“, которую лѣтописецъ называетъ *поджаромъ*. Обвиненныхъ привязывали къ санямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку; женъ и дѣтей ихъ бросали туда же съ высокаго мѣста, связавши имъ руки и ноги, младенцевъ—привязавши къ матерямъ; чтобъ никто не могъ спастись, дѣти боярскія и стрѣльцы ѣздили на маленькихъ лодкахъ по Волхову, съ рогатинами, копьями, баграми, топорами, и кто всплываетъ наверхъ, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями, и погружали въ глубину: такъ дѣлалось каждый день въ продолженіи пяти недѣль. По окончаніи суда и расправы, Іоаннъ началъ ѣздить около Новгорода по монастырямъ, и тамъ приказывалъ грабить кельи, служебные домы, жечь въ житницахъ и на скирдахъ хлѣбъ, бить скотъ; пріѣхавши изъ монастырей, велѣлъ по всему Новгороду, по торговымъ рядамъ и улицамъ товары грабить, амбары, лавки разсѣкать и до основанія разсыпать. Потомъ началъ ѣздить по посадамъ; велѣлъ грабить всѣ домы, всѣхъ жителей, безъ исключенія, мужчинъ и женщинъ, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высѣкать; въ то же время вооруженныя толпы отправлены были во всѣ четыре стороны, въ пятины, по станамъ и волостямъ, верстъ за

книгамъ, у князя Владиміра значится одинъ сынъ Василій—бездѣтенъ, по другимъ—трое: Василій, Иванъ да Юрій. Если согласиться съ иностранными показаніями и съ Курбскимъ, что двое были убиты вмѣстѣ съ отцомъ, то третій оставался въ живыхъ, ибо о немъ говоритъ царь Іоаннъ въ своей духовной 1572 года: «А что былъ далъ есми князю Володимеру Андреевичу, въ мѣну противъ его вотчины городовъ и волостей и селъ, городы и волости и села, и князь Володимеръ передо мною преступилъ, и тѣ городы и волости и села сыну моему Ивану, и княжь Володимерова сына князя Василья и дочери, посмотря по настоящему времени, какъ будетъ пригоже». Дополн. къ акт. историч. I, № 222. Этотъ Василій въ 1573 году, во время свадьбы сестры своей, уже былъ женатъ (Древ. Росс. Вивліоѳ. XIII, 97). Но почему младшіе были умерщвлены, а старшій пощаженъ?

200 и за 250, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить. Весь этотъ разгромъ продолжался шесть недѣль. Наконецъ, 13 февраля утромъ, государь велѣлъ выбрать изъ каждой улицы по лучшему человѣку и поставить передъ собою. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изможденные, какъ мертвецы; но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ, и сказалъ: „Жители Великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ Святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ, благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а судитъ Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ; вся эта кровь взыщется на нихъ, измѣнникахъ. Вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно; я вамъ, вмѣсто себя, оставлю правителемъ боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронскаго". Въ тотъ же день Іоаннъ выѣхалъ изъ Новгорода по дорогѣ въ Псковъ: владыку Пимена, священниковъ и дьяконовъ, которые не откупились отъ правежа, и опальныхъ Новгородцевъ, которыхъ дѣло еще не было рѣшено, отослали съ приставами въ Александровскую слободу. Какое впечатлѣніе произвелъ на Новгородцевъ погромъ,—всего лучше видно изъ слѣдующаго извѣстія: 25 мая 1571 г., въ церкви Св. Параскевы, на Торговой сторонѣ, у обѣдни было много народа; когда, послѣ службы, стали звонить въ колокола, вдругъ на всѣхъ напалъ таинственный ужасъ, всѣ побѣжали въ разныя стороны, мужчины, женщины, дѣти, толкали другъ друга, не зная куда бѣгутъ; купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же извѣстіе о переполохѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1239 г., послѣ Батыева погрома.

Изъ Новгорода Іоаннъ направилъ путь къ Пскову. Псковичи боялись участи Новгородцевъ; по распоряженію воеводы, князя Токмакова, они встрѣтили Іоанна каждый передъ своимъ домомъ съ женами и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль; завидѣвъ царя, всѣ падали на колѣни. Іоаннъ недолго прожилъ во Псковѣ; велѣлъ грабить имѣніе у гражданъ, кромѣ церковнаго причта, взялъ также казну монастырскую и церковную, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола. Но дѣло не кончилось Новгородомъ и Псковомъ: по возвращеніи царя въ Москву, началось слѣдствіе о сношеніяхъ Новгородскаго архіепископа Пимена и новгородскихъ приказныхъ людей съ боярами — Алексѣемъ Басмановымъ и сыномъ его Ѳеодоромъ, съ казначеемъ Фуниковымъ, печатникомъ Висковатовымъ, Семеномъ Яковлевымъ, съ дьякомъ Василіемъ Степановымъ, съ Андреемъ Васильевымъ, съ княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ: сношенія происходили о томъ, чтобъ сдать Новгородъ и Псковъ Литовскому королю, царя Іоанна извести, на государство посадить князя Владиміра Андреевича. Это *сыскное измѣнное дѣло* до насъ не дошло, а потому историкъ не имѣетъ права произнести свое сужденіе о событіи. Извѣстны слѣдствія: казнены были князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Висковатый, Фуниковъ, Овчинъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцовъ, сынъ извѣстнаго намъ Ѳедора, и многіе другіе; 180 человѣкъ прощено. Всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ — Басмановыхъ и Вяземскаго; Вяземскій умеръ отъ пытокъ, Алексѣй Басмановъ, какъ говорятъ, былъ убитъ сыномъ Ѳедоромъ, по приказанію Іоанна. Владыка Пименъ Новгородскій сосланъ былъ въ Веневъ [1]).

Извѣстно намъ и состояніе души Іоанна, образъ его мыслей послѣ разсказанныхъ событій: къ 1572 году относится единственное, дошедшее до насъ духовное завѣщаніе его. Въ этой духовной царь высказываетъ убѣжденіе: что онъ и семейство его непрочны на Московскомъ престолѣ; что онъ изгнанникъ, ведущій борьбу съ своими врагами; что этой борьбѣ не видать близкаго конца, и потому Іоаннъ даетъ наставленіе сыновьямъ, какъ имъ жить до окончанія борьбы. Завѣщаніе начинается исповѣдью Іоанна, въ которой замѣчательны слѣдующія слова: „Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлилъ; ждалъ я, кто бы со мною поскорбѣлъ,—и нѣтъ никого; утѣшающихъ я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистію за любовь". Наставленіе дѣтямъ начинается словами Христа: „Се заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга... Сами живите въ любви, и военному дѣлу сколько возможно навыкайте. Какъ людей держать и жаловать и *отъ нихъ беречься*, и во всемъ умѣть ихъ къ себѣ присвоивать; вы бы и этому навыкли же: людей, которые вамъ прямо

---

[1]) Ядро Россійск. Исторіи Таубе и Крузе; П. С. Р. Л. III, 254—262; IV, 343: Псковскій лѣтописецъ говоритъ: «И егда же пріиде князь великій на поле близь града и ста въ обители св. Николы на Любятовѣ, въ нощи къ недѣли и начаши утреннюю звонити по всему граду, и тогда слышавъ князь великій велій звонъ, умилися душою и пріиде въ чувство, и повелѣ всѣмъ воемъ мечи притупити о камень и ни единому бы дерзнути еже во градѣ убійство сотворити; и наставшу дни, тридневному воскресенію, пріиде во градъ и удивися велію душею гражданомъ и любве, еже къ нему показаша. И пріиде благословиться къ блаженному Николѣ, иже Христа ради похабъ ся творя, блаженный же поучивъ его много ужасными словесы, еже престати отъ велія кровопролитія и не дерзнути еже грабити св. Божіи церкви; царь же прежде сія глаголы ни во что же вмѣнивъ, повелѣ у св. Троицы колоколъ сняти, того же часа паде конь его лучшій по пророчествію святаго, и повѣдаша сія царю, онъ же ужасенъ вскорѣ бѣжа изъ града». Въ рукопис. сокращ. Временника до 1691 года Никола говоритъ такъ Іоанну: «Не замай, минухне, насъ и поиди отъ насъ, не начемъ тебѣ будетъ бѣжати» — и въ тотъ часъ паде царевъ аргамакъ лутчей, и тако отъ Пскова отъиде самъ царь скоро». — Разныхъ рѣчей Николы, помѣщенныхъ у иностранцевъ, не выписываемъ.—О дѣлѣ надъ соумышленниками Пимена см. въ Москов. арх. мин. ин. д. Переписную книгу посольскаго приказа 1626 г., № 2, л. 423.

служатъ,—жалуйте и любите, отъ всѣхъ берегите, чтобъ имъ притѣсненія ни отъ кого не было, тогда они прямѣе служатъ; а которые лихи,—и вы-бъ на тѣхъ опалы клали не скоро, по разсужденію, не яростію. Всякому дѣлу навыкайте, божественному, священному, иноческому, ратному, судейскому, московскому пребыванію и житейскому всякому обиходу, какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и здѣшнее государство съ иными государствами что имѣетъ, то бы вы сами знали. Также и во всякихъ обиходахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть, и въ какой мѣрѣ кто держится—всему этому выучитесь: такъ вамъ люди и не будутъ указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владѣть, а люди. А что, по множеству беззаконій моихъ, распростерся Божій гнѣвъ, изгнанъ я отъ бояръ, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ, и вамъ моими грѣхами многія бѣды нанесены: то, Бога ради, не изнемогайте въ скорбяхъ... Пока васъ Богъ не помилуетъ, не освободитъ отъ бѣдъ, до тѣхъ поръ вы ни въ чемъ не раздѣляйтесь: и люди бы у васъ за-одно служили, и земля была бы заодно и казна у обоихъ одна; такъ вамъ будетъ прибыльнѣе. А ты, Иванъ сынъ, береги сына Θедора, и своего брата, какъ себя, чтобы ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, всѣмъ былъ бы доволенъ, чтобъ ему на тебя не въ досаду, что не дашь ему ни удѣла, ни казны. А ты, Θедоръ сынъ, у Ивана сына, а своего брата старшаго, *пока устроитесь*, удѣла и казны не проси, живи съ своемъ обиходѣ, смѣкаясь, какъ бы Ивану сыну тебя безъ убытка можно было прокормить; оба живите за-одно и во всемъ устраивайте, какъ бы прибыточнѣе. Ты бы, сынъ Иванъ, моего сына Θедора, а своего брата младшаго, держалъ и берегъ, и любилъ, и жаловалъ, и добра ему хотѣлъ во всемъ, какъ самому себѣ, и на его лихо ни съ кѣмъ бы не ссылался, вездѣ былъ бы съ нимъ одинъ человѣкъ, и въ худѣ и въ добрѣ; а если въ чемъ передъ тобою провинится, то ты бы его понаказалъ и пожаловалъ, а до конца-бъ его не разорялъ; а ссоркамъ бы отнюдь не вѣрилъ, потому что Каинъ Авеля убилъ, а самъ не наслѣдовалъ же. А дастъ Богъ, будешь ты на государствѣ, и братъ твой Θедоръ на удѣлѣ, то ты удѣла его подъ нимъ не подъискивай, на его лихо ни съ кѣмъ не ссылайся; а гдѣ по рубежамъ сошлась твоя земля съ его землею, ты его береги и накрѣпко смотри правды, а напрасно его не задирай и людскимъ вракамъ не потакай; потому что если кто и множество земли и богатства пріобрѣтетъ, но трилокотнаго гроба не можетъ избѣжать, и тогда все останется. А ты, сынъ мой Θедоръ, держи сына моего Ивана въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ, какъ меня, и покоренъ будь ему во всемъ, и добра желай ему, какъ мнѣ, родителю своему; ни въ чемъ ему не прекословь, во всемъ живи изъ его слова, какъ теперь живешь изъ моего. Если, дастъ Богъ, будетъ онъ на государствѣ, а ты на удѣлѣ, то ты государства его подъ нимъ не подъискивай, на его лихо не ссылайся ни съ кѣмъ, вездѣ будь съ нимъ одинъ человѣкъ, и въ лихѣ и въ добрѣ; *а пока, по грѣхамъ, Иванъ сынъ государства не достигнетъ, а ты удѣла своего*, то ты съ сыномъ Иваномъ вмѣстѣ будь за одинъ; съ его измѣнниками и лиходѣями никакъ не ссылайся; если станутъ прельщать тебя славою, богатствомъ, честію, станутъ давать тебѣ города или право какое будутъ тебѣ уступать мимо сына Ивана, или станутъ на государство звать,—то ты отнюдь ихъ не слушай, изъ Ивановой воли не выходи, какъ Иванъ сынъ себѣ велитъ—такъ и будь, и ничѣмъ не прельщайся; а гдѣ Иванъ сынъ пошлетъ тебя на свою службу, или людей твоихъ велитъ тебѣ на свою службу послать, то ты на его службу ходи и людей своихъ посылай, какъ сынъ мой Иванъ велитъ. А гдѣ порубежная Иванова земля сошлась съ твоею землею, и ты береги накрѣпко, смотри правды, а напрасно не задирайся и людскимъ вракамъ не потакай: потому что если кто и множество богатства и земли пріобрѣтетъ, но трилокотнаго гроба не можетъ избѣжать... И ты-бъ, сынъ Θедоръ, сыну моему Ивану, а твоему брату старшему, во всемъ покоренъ былъ и добра ему хотѣлъ, какъ мнѣ и себѣ; и во всемъ въ волѣ его будь до крови и до смерти, ни въ чемъ ему не прекословь; если даже Иванъ сынъ на тебя и разгнѣвается, или обидитъ какъ-нибудь, *то и тутъ старшему брату не прекословь, рати не поднимай и самъ собою не обороняйся*; бей ему челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ, гнѣвъ сложить изволилъ и жаловалъ тебя во всемъ по моему приказу; а въ чемъ будетъ твоя вина, и ты ему добей челомъ, какъ ему любо; послушаетъ твоего челобитья—хорошо, а не послушаетъ—и ты самъ собою не обороняйся же".

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе останавливается, во-первыхъ, на желаніи царя, чтобъ дѣти его не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій изъ нихъ, Иванъ, не сломитъ всѣхъ крамолъ и не утвердится на престолѣ: ибо, въ противномъ случаѣ, удѣльный князь будетъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ. Во-вторыхъ, въ своемъ завѣщаніи Іоаннъ не довольствуется уже, подобно предшественникомъ, однимъ неопредѣленнымъ приказомъ младшему сыну держать старшаго вмѣсто отца,—онъ опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять это сыновнее повиновеніе: младшій долженъ быть въ волѣ старшаго до крови и до смерти, ни въ чемъ не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго—не смѣть поднимать противъ него оружіе, не смѣть обороняться. Этимъ приказомъ Іоаннъ уничтожаетъ законность междоусобій въ царскомъ семействѣ, ставить младшаго брата въ совершенно подданническія отношенія къ старшему; теперь уже младшіе братья не могутъ сказать старшему, подобно древнимъ Ольговичамъ: „Ты намъ братъ старшій; но если не дашь, то мы сами будемъ искать". Этимъ при-

казомъ Іоаннъ дорушиваетъ родовыя отношенія между князьями.

Что Іоаннъ не былъ увѣренъ въ счастливомъ для своего семейства окончаніи борьбы—свидѣтельствуютъ слѣдующія слова завѣщанія: „Насъ, родителей своихъ и прародителей, не только-что въ государствующемъ градѣ Москвѣ или гдѣ будете въ другомъ мѣстѣ, *но если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете*, въ божественныхъ литургіяхъ, панихидахъ и литіяхъ, въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, сколько возможно, не забывайте".

Іоаннъ благословляетъ старшаго сына „царствомъ Русскимъ (достоинствомъ), шапкою Мономаховою и всѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему, *царю* и великому князю Владиміру Мономаху, царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всѣми шапками царскими и чиномъ царскимъ, что я примыслилъ, посохами и скатертью, а по-нѣмецки центурь. Сына же своего Ивана благословляю своимъ царствомъ Русскимъ (областью), чѣмъ меня благословилъ отецъ мой, князь великій Василій, и что мнѣ Богъ далъ". Здѣсь встрѣчаемъ важную отмѣну противъ распоряженій прежнихъ государей: удѣльный Ѳеодоръ не получаетъ никакой части въ городѣ Москвѣ. Ему въ удѣлъ дано 14 городовъ, изъ которыхъ главный Суздаль; но показывается, что удѣльный князь не долженъ думать ни о какой самостоятельности: „Удѣлъ сына моего Ѳеодора ему же (царю Іоанну) къ великому государству". Наконецъ относительно опричнины Іоаннъ говоритъ такъ сыновьямъ въ завѣщаніи: „Что я учредилъ опричнину, то на волѣ дѣтей моихъ; Ивана и Ѳеодора; какъ имъ прибыльнѣе;—такъ пусть и дѣлаютъ, а образецъ имъ готовъ" [1]).

Дѣтямъ своимъ Іоаннъ давалъ на волю продолжать опричнину или уничтожить; но въ его собственное царствованіе трудно было ожидать ея прекращенія, ибо зло вызывало другое зло:—въ 1571 году князь Иванъ Мстиславскій далъ слѣдующую запись: „Я, князь Иванъ Мстиславскій, Богу, Святымъ Божіимъ церквамъ и всему православному христіанству вѣры своей не соблюлъ, государю своему, его дѣтямъ и его землямъ, всему православному христіанству и всей Русской Землѣ измѣнилъ, навелъ съ моими товарищами безбожнаго Крымскаго Девлетъ-Гирея царя". По ходатайству митрополита Кирилла и 24 другихъ духовныхъ особъ, царь простилъ Мстиславскаго, взявши съ него означенную грамоту, за поручительствомъ троихъ бояръ, которые обязались, въ случаѣ отъѣзда Мстиславскаго, внести въ казну 20,000 рублей; за поручниковъ поручилось еще 285 человѣкъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, Мстиславскій опять билъ челомъ съ двумя сыновьями, что они предъ государемъ во многихъ винахъ виноваты [2]). Подобныя грамоты могли привести къ вопросу: можно ли попрежнему довѣрять правленіе земщиною Мстиславскому съ товарищами, и если самъ царь не хочетъ попрежнему сближаться съ земщиною, то не должно ли поставить въ челѣ ея человѣка, который бы по титулу своему и происхожденію могъ бы стать выше князей и бояръ, и, между тѣмъ, не имѣлъ бы съ ними ничего общаго, могъ бы быть вѣрнѣе ихъ? И, вотъ, въ одной лѣтописи подъ 1574 годомъ находимъ слѣдующее извѣстіе: „Казнилъ царь на Москвѣ, у Пречистой, на площади въ кремлѣ, многихъ бояръ, архимандрита Чудовскаго, протопопа и всякихъ чиновъ людей много, а головы метали подъ дворъ Мстиславскаго. Въ то же время произволилъ царь Иванъ Васильевичъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича (крещеннаго Татарина, Касимовскаго хана) и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и, какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами". Дѣйствительно, до насъ дошли грамоты, въ которыхъ отъ имени *великаго князя Симеона всея Руси* дѣлаются разнаго рода земскія распоряженія, какъ отъ имени царя, царь же Іоаннъ называется *государемъ княземъ Московскимъ*. Симеонъ, впрочемъ, не болѣе двухъ лѣтъ процарствовалъ въ Москвѣ; по словамъ лѣтописи, онъ былъ сосланъ отсюда Іоанномъ, который далъ ему Тверь и Торжокъ [3]). Раздѣленіе на опричнину и земщину оста-

---

[1]) Дополн. къ акт. историч. I, № 222.
[2]) С. г. г. и д. I, № 196, 199, 201.

[3]) Сокращенный Временникъ до 1691 года, рукоп. Императ. публ. библіот.; Акты арх. эксп. I, № 290, 292, 294. Самая любопытная грамота Іоанна къ Симеону относится къ 30 октября 1575 года: «Великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руссіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ Московскій и дѣти его, князь Иванъ и князь Ѳеодоръ Ивановичи Московскіе, а въ челобитной пишетъ: Государю великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руссіи Иванецъ Васильевъ с своими дѣтишками сыванцомъ да с Ѳеодорцомъ челомъ бьютъ: чтобъ еси государь милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ, иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ припять, а с твоими государевыми приказными людьми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися, а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и принимать, и которыя намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси государь ослободилъ прочь отсылати. И какъ государь переберемъ людишка, и мы къ тебѣ ко государю имяна ихъ списки принесемъ, и отъ того времени безъ твоего государева вѣдома ни одного человѣка не возмемъ, а которыхъ людишокъ примемъ, и ты бъ государь милость показалъ вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ какъ прежь сего велось у удѣльныхъ князей, а испомѣстишокъ ихъ имъ хлѣбишко и денженка и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ велѣлъ отдати и людишокъ ихъ пе ограбя велѣлъ выпустити, и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ государь милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ, и которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты бъ государь пожаловалъ, милость показалъ по ихъ челобитью къ себѣ къ государю тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ. Да покажи государь

валось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счелъ за нужное вывести его изъ употребленія: вмѣсто названій „опричнина" и „земщина", видимъ названія: „дворъ" и „земщина"; вмѣсто: „города" и „воеводы опричные и земскіе",—города и „воеводы дворовые и земскіе" [1]). Между тѣмъ казни продолжались по разнымъ поводамъ: по поводу нашествія Крымскаго хана, когда Мстиславскій признался, что онъ съ товарищами привелъ; по поводу болѣзни и смерти невѣсты царской; погибли старые бояре: —знаменитый воевода, князь Михайла Воротынскій, котораго мы видѣли уже прежде въ заточеніи въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ; князь Никита Одоевскій, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, князь Петръ Куракинъ и другія, менѣе значительныя лица. Курбскій говоритъ, что Воротынскій былъ подвергнутъ пыткамъ по доносу раба, обвинявшаго его въ чародѣйствѣ и въ злыхъ умыслахъ противъ Іоанна; измученнаго пытками старика повезли въ заточеніе опять на Бѣлоозеро, но на дорогѣ онъ умеръ.

Современныя русскія свидѣтельства говорятъ, что Іоаннъ до конца жизни оставался съ одинаковымъ настроеніемъ духа, одинаково скоръ на гнѣвъ и на опалы; однако въ послѣднія восемь лѣтъ его жизни мы не встрѣчаемъ извѣстій о казняхъ.

Глава V.

Полоцкъ.

Успѣхи Русскихъ въ Ливоніи; ея распаденіе.—Мысль Іоанна жениться на сестрѣ короля Польскаго.—Взятіе Полоцка.—Переговоры о мирѣ съ Литвою.—Соборъ въ Москвѣ по поводу этихъ переговоровъ.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Прекращеніе ихъ по причинѣ болѣзни короля.—Мысль объ избраніи Іоанна ему въ преемники. — Царь дѣлаетъ Датскаго принца Магнуса вассальнымъ королемъ Ливоніи.—Сношенія съ Швеціею. — Неудачныя дѣйствія Магнуса противъ Ревеля.—Важность прибалтійскихъ береговъ для Россіи по отзывамъ враговъ ея. — Дѣла Крымскія.—Неудачный походъ Турецкаго войска къ Астрахани.—Нашествіе Крымскаго хана и сожженіе Москвы.—Вторичное нашествіе хана и отраженіе его княземъ Воротынскимъ.

Мы видѣли, что магистръ Кетлеръ, отчаявшись собственными средствами спасти Ливонію, заключилъ тѣсный союзъ съ Сигизмундомъ-Августомъ. Обнадеженный этимъ союзомъ и получивши помощь людьми и деньгами изъ Германіи, отъ герцога Прусскаго, отъ жителей Риги и Ревеля, Кетлеръ началъ наступательное движеніе, разбилъ подъ Дерптомъ московскаго воеводу Захарія Плещеева и осадилъ Дерптъ. Осажденные сдѣлали не очень удачную вылазку, но успѣхи Нѣмцевъ этимъ и ограничились: приближалась зима, союзный отрядъ, приведенный герцогомъ Христофомъ Мекленбургскимъ, ушелъ; Кетлеръ съ своими Ливонцами хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть Лаисомъ, но два раза приступъ его былъ отбитъ гарнизономъ, находившимся подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Кашкарова; такимъ образомъ, по словамъ Нѣмецкаго лѣтописца, Кетлеръ, вслѣдствіе храбраго сопротивленія непріятеля, ничего не сдѣлалъ, со стыдомъ и урономъ долженъ былъ уйдти въ Оберпаленъ, куда достигъ съ большими трудностями, везя тяжелый нарядъ по дурнымъ дорогамъ. Здѣсь ратные люди, въ досадѣ на неудачу и не получая жалованья, стали бунтовать, и съ трудомъ были усмирены и разведены по зимнимъ квартирамъ, а тяжелый нарядъ отправленъ въ Феллинъ. Но безснѣжная зима не остановила Русскихъ: князья Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Серебряный повоевали землю до Рижскаго залива, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, и взяли Маріенбургъ. Весною отправился отрядъ Русскихъ въ Эстонію, разбилъ Нѣмцевъ подъ Верпелемъ; съ другой стороны, опустошали Ливонію псковскіе сторонщики, или вольница; плѣнниковъ и скота гоняли много, а нѣкоторыхъ Нѣмцы побивали. Весною же пришелъ князь Курбскій въ Ливонію, поразилъ стараго магистра Фюрстенберга подъ Вейсенштейномъ и Феллиномъ. Взятіе послѣдней крѣпости было цѣлію похода большой шестидесятитысячной московской рати, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и Петра Шуйскаго. 12,000 войска, подъ начальствомъ князя Барбашина, отправились въ обходъ къ морю по слухамъ, что Фюрстенбергъ хочетъ отправить богатую казну въ Гапсаль; лучшіе изъ воеводъ ливонскихъ, ландмаршалъ Филиппъ Белль, съ 500-ми ратныхъ рѣшился напасть врасплохъ на Барбашина, въ надеждѣ, что нечаянность уравняетъ силы, но обманулся: весь отрядъ его былъ истребленъ, самъ Белль, послѣдній защитникъ и послѣдняя надежда Лифляндскаго народа, по выраженію Курбскаго, съ одиннадцатью коммандорами и ста двадцатью рыцарями попался въ плѣнъ. Курбскій съ большимъ уваженіемъ говоритъ о храбрости, остротѣ разума, доброй памяти и краснорѣчіи Белля. Русскіе воеводы обходились съ нимъ по товарищески, сажали

милость, укажи свой государской указъ какъ намъ своихъ мелкихъ людишокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запискамъ и по жалованьишку нашему, или велишь на нихъ полные имати, какъ государь указъ свой учинишь, и о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ: Государь смилуйся пожалуй».—Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 32, въ государственн. архивѣ.

[1]) Акты арх. эксп. I, примѣч. 63; что дворовые и опричники одно и то же, видно изъ слѣдующаго мѣста рукописн. лѣтописи изъ библіот. Волынскаго (библіот. Моск. гл. арх. мин. ин. д.), стр. 82: «которые князи и боляре и вельможи ему годны, называше ихъ опришницами, сирѣчь дворовыми».

вмѣстѣ съ собою за столъ и услаждались его рѣчами, разумомъ растворенными. Изъ рѣчей этихъ Курбскій сохранилъ одну, въ которой Белль разсказывалъ исторію Ордена и объяснялъ причины его паденія. „Когда мы, говорилъ Белль, пребывали въ католической вѣрѣ, жили умѣренно и цѣломудренно, тогда Господь вездѣ насъ покрывалъ отъ враговъ нашихъ, и помогалъ намъ во всемъ. А теперь, когда мы отступили отъ вѣры *церковной*, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли вѣру новоизобрѣтенную, вдались въ невоздержаніе, уклонились къ широкому и пространному пути, вводящему въ погибель: теперь явственно обличаетъ насъ Господь за грѣхи наши и казнитъ насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки вамъ, врагамъ нашимъ. Не трудившись, большихъ издержекъ не дѣлая, вы овладѣли градами высокими, мѣстами твердыми, палатами и дворами пресвѣтлыми, отъ праотцевъ нашихъ сооруженными: не насадивши, наслаждаетесь садами и виноградниками нашими. Но что мнѣ говорить о васъ? Вы мечемъ взяли! А другіе безъ меча вошли даромъ въ наши богатства и стяжанія, нисколько не трудившись, обѣщая намъ помощь и оборону. Хороша ихъ помощь: стоимъ передъ врагами связанные! Но не думайте, что вы силою своею покорили насъ:— Богъ за преступленіе наше предалъ насъ въ руки врагамъ!“ Тутъ Белль горько заплакалъ и привелъ въ слезы всѣхъ Русскихъ воеводъ; потомъ, утерши слезы, Белль прибавилъ съ радостнымъ лицомъ: „Впрочемъ, благодарю Бога и радуюсь, что плѣненъ и страдаю за любимое отечество; если за него и умереть случится, то любезна будетъ мнѣ смерть“. Отсылая Белля въ Москву, воеводы просили царя, чтобъ не лишалъ его жизни; но на суровые вопросы Іоанна плѣнникъ отвѣчалъ сурово и, между прочимъ, сказалъ: „Ты неправдою и кровопійствомъ овладѣваешь нашимъ отечествомъ, не такъ, какъ прилично царю христіанскому“. Іоаннъ разсердился и велѣлъ отрубить ему голову.

Воеводы осадили Феллинъ. Нѣмцы оборонялись храбро, даже когда и внѣшнія стѣны были уже разбиты; но когда Русскіе стали стрѣлять огненными ядрами и зажгли городъ, то осажденные вступили въ переговоры, хотя у нихъ оставалась еще главная, необыкновенно твердая, почти неприступная крѣпость съ тремя другими побочными укрѣпленіями, 18 большихъ стѣнобитныхъ орудій и 450 среднихъ и малыхъ, всякаго рода запасовъ множество. По нѣмецкимъ извѣстіямъ, дѣло объясняется тѣмъ, что гарнизонъ, не получая уже нѣсколько мѣсяцевъ жалованья, не хотѣлъ болѣе служить. Тщетно старый Фюрстенбергъ предлагалъ ему все свое имущество: гарнизонъ сдалъ городъ Русскимъ, выговоривъ себѣ свободный выходъ изъ него; но Фюрстенбергъ долженъ былъ отправиться въ Москву, причемъ воеводы обѣщали ему царскую милость; обѣщаніе было исполнено: старику дали въ кормленіе мѣстечко Любимъ, въ Костромской области, гдѣ онъ и умеръ спокойно. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что когда Фюрстенберга и другихъ ливонскихъ плѣнниковъ въ торжествѣ водили по московскимъ улицамъ на-показъ народу, то одинъ изъ плѣнныхъ татарскихъ хановъ сказалъ: „Подѣломъ вамъ, Нѣмцы! Вы дали великому князю въ руки розги, которыми онъ сначала насъ высѣкъ, а теперь сѣчетъ и васъ самихъ“. Татаринъ разумѣлъ подъ розгами оружіе, которое Русскіе заимствовали у Нѣмцевъ.

Нѣсколько другихъ городовъ послѣдовали примѣру Феллина; русское войско безпрепятственно опустошало страну, разбивая вездѣ малочисленные нѣмецкіе отряды, осмѣливавшіеся выходить къ нему на-встрѣчу; но князь Мстиславскій не могъ взять Вейссенштейна: этою неудачною попыткою кончился походъ 1560 года.

Несмотря на успѣхи русскихъ войскъ, завоеваніе орденскихъ владѣній было еще далеко до окончанія; но удары, нанесенные Іоанномъ Ордену, ускорили его распаденіе: Эзельскій епископъ Меннигаузенъ вошелъ съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ тайныя сношенія, продалъ ему свои владѣнія, Эзель и Пильтенъ, за 20,000 рейхсталеровъ, и уѣхалъ съ этими деньгами въ Германію, несмотря на то, что, по обязательствамъ своимъ, не могъ располагать означенными землями безъ вѣдома и согласія орденскихъ властей. Датскій король, обязанный, по отцовскому завѣщанію, уступить брату своему, Магнусу, нѣсколько земель въ Гольштиніи, вмѣсто нихъ, отдалъ ему свою новую покупку, и Магнусъ, весною 1560 года, явился въ Аренбургѣ, гдѣ вступило къ нему въ службу много дворянъ, въ надеждѣ, что Данія не оставитъ его безъ помощи. Появленіе этого новаго лица въ Остзейскомъ краю было причиною новыхъ смутъ: когда земскіе чины собрались въ Пернау и пріѣхалъ Магнусъ въ качествѣ Эзельскаго администратора, то, вмѣсто какихъ-нибудь полезныхъ для земли рѣшеній, сеймъ былъ свидѣтелемъ сильной ссоры между Магнусомъ и магистромъ Кетлеромъ за земли, которыми Магнусъ хотѣлъ также завладѣть; едва дѣло не дошло до войны между ними; а между тѣмъ Русскіе взяли Феллинъ. По удаленіи ихъ изъ-подъ Вейссенштейна, междоусобная война дѣйствительно началась, только не между Магнусомъ и Кетлеромъ: встали крестьяне, объявили, что такъ какъ дворяне въ мирное время отягощаютъ ихъ страшными поборами, а въ военное не защищаютъ отъ непріятеля, то они не хотятъ имъ повиноваться; стали жечь замки, бить дворянъ; но при осадѣ замка Лоде потерпѣли пораженіе и усмирились. Ревельцы, видя, что московскіе ратные люди подъ самыми стѣнами ихъ уводятъ не только скотъ, но и людей, такъ что никому нельзя выйдти изъ города,—отправили пословъ къ Шведскому королю Эрику, сыну и наслѣднику Густава-Вазы, попросить у него денегъ взаймы и узнать, чего они могутъ ожидать отъ него, въ случаѣ, если московскія войска осадятъ ихъ городъ. Эрикъ отвѣчалъ, что денегъ онъ попустому не дастъ; но если Ре-

вельцы захотятъ отдаться подъ его покровительство, то онъ не изъ властолюбія, а изъ христіанской любви и для избѣжанія московскаго невыносимаго сосѣдства, готовъ принять ихъ, утвердить за ними всѣ ихъ прежнія права и защищать ихъ всѣми средствами. Ревельцы стали думать: отъ императора и Римской имперіи нечего надѣяться помощи, отъ магистра—также; Польша далеко, изъ нея также въ надлежащее время помощь не придетъ, притомъ же у нихъ съ Поляками разные обычаи, языкъ, вѣра; по дальности разстоянія нѣтъ у нихъ, какъ у Рижанъ, торговли съ Поляками и Литвою,—покормиться отъ нихъ нечѣмъ; слѣдовательно отъ соединенія съ Польшею нѣтъ никакой выгоды, скорѣе конечное разореніе; Данія уже прежде отвергла ихъ предложеніе, и притомъ соединеніе съ Швеціею выгоднѣе по единству религіи и по близости: по открытому морю легко получить помощь, легко торговать. Подумавши такимъ образомъ, Ревельцы, въ іюнѣ 1561 года, присягнули въ вѣрности Шведскому королю, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ.

Уже изъ побужденій, заставившихъ Ревельцевъ присоединиться къ Швеціи, легко было понять, что Ливонія захочетъ примкнуть къ Польшѣ: „Мы“, говорили Ревельцы: „не кормимся отъ Польши и Литвы, какъ Рижане“; слѣдовательно Рижане привязывались торговыми интересами, Двиною къ Литвѣ; дворянство ливонское не менѣе рижскихъ купцовъ желало соединенія съ Польшею, ибо ни въ одной другой странѣ не видало болѣе лестнаго положенія своихъ собратій, и вотъ Кетлеръ завелъ сношенія съ виленскимъ воеводою Николаемъ Радзивиломъ насчетъ присоединенія Ливоніи къ Польшѣ; въ ноябрѣ 1561 года дѣло было кончено: Ливонія, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ, отошла къ Польшѣ, а магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигаллію съ титуломъ герцога и съ подручническими обязанностями къ Польшѣ. До насъ дошло любопытное изложеніе причинъ, по которымъ въ Польшѣ считали необходимымъ присоединеніе Ливоніи: „Ни въ одной части государства нѣтъ такого количества городовъ, крѣпостей и замковъ, какъ въ Пруссіи; но Ливонія богатствомъ крѣпкихъ мѣстъ превосходитъ Пруссію, или, по крайней уже мѣрѣ, равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, потому что съ сѣвера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваней; если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ. О пользѣ имѣть гавани въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе прусскія гавани, и теперь народъ нашъ немногимъ европейскимъ народамъ уступитъ въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ. Кромѣ этого, какъ увеличатся могущество, силы королевства чрезъ присоединеніе такой обширной страны! Какъ легко будетъ тогда управляться съ Москвою; какъ легко будетъ сдерживать непріятеля, если у короля будетъ столько крѣпостей! Но главная причина, заставляющая насъ принять Ливонію, состоитъ въ томъ, что если мы ее отвергнемъ, то эта славная своими гаванями, городами, крѣпостями, судоходными рѣками, плодородіемъ страна перейдетъ къ опасному сосѣду. Или надобно вести войну противъ Москвы съ постоянствомъ, всѣми силами, или заключить честный и выгодный миръ; но условія мира не могутъ назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступимъ ей Ливонію. Но если мы должны непремѣнно выгнать Москвитянъ изъ Ливоніи, то съ какой стати намъ не брать Ливоніи себѣ, съ какой стати отвергать награду за побѣду? Вмѣстѣ съ Москвитянами должны быть изгнаны и Шведы, которыхъ могущество такъ-же опасно для насъ; но прежде надобно покончить съ Москвою [1])“.

Это изложеніе причинъ, почему Польша должна была овладѣть Ливоніею, показывало, почему и Москва стремилась къ тому же; но у Польши были прусскія гавани на Балтійскомъ морѣ, тогда какъ у Москвы не было никакихъ; вотъ почему Іоаннъ даже не хотѣлъ подѣлиться Ливоніею съ Сигизмундомъ-Августомъ, удержавши только свои завоеванія въ этой странѣ, ибо завоеванія его, за исключеніемъ Нарвы, ограничились внутренними областями, не имѣвшими для него важнаго значенія. Если въ Польшѣ хотѣли прежде покончить съ Москвою, а потомъ уже обратить свои силы противъ Швеціи, то и въ Москвѣ не хотѣли также имѣть дѣла съ двумя врагами вмѣстѣ, и въ начавшихся переговорахъ съ Швеціей царь не упоминалъ о Ревелѣ. Переговоры эти были не очень дружественны по другой причинѣ: молодой король Эрикъ никакъ не могъ равнодушно подчиняться унизительному обычаю, по которому онъ былъ обязанъ сноситься не прямо съ царемъ, а съ намѣстниками новгородскими. Въ 1560 году Эрикъ прислалъ пословъ съ требованіемъ: чтобъ перемирныя грамоты, написанныя при отцѣ его и скрѣпленныя только печатями новгородскихъ намѣстниковъ, были скрѣплены печатью царскою; чтобы впередъ ссылаться ему прямо съ царемъ, и чтобъ въ прежнихъ грамотахъ уничтожить условіе, по которому Шведскій король обязывался не помогать королю Польскому и магистру Ливонскому противъ Москвы. Чтобъ испугать Іоанна, сдѣлать его сговорчивѣе, шведскіе послы объявили, что императоръ, короли Польскій и Датскій уговариваютъ Эрика къ союзу противъ царя за Ливонію Но имъ отвѣчали: „Того себѣ въ мысляхъ не держите, что государю на-

[1]) Лѣтоп. Львов. V, 299 и слѣд. до конца; Продолж. Царств. кн. л. 472; разряды; Курбскій; П. С. Р. Л. IV, 311 и слѣд. Monum. Livon. antiq.; I, 223 и слѣд.; Historica Russiæ Monum. I, № CXXXIX, CXLIII.

шему прародительскіе старинные обычаи порушить, грамоты перемирныя переиначить; Густавъ король такимъ же гордостнымъ обычаемъ, какъ и государь вашъ теперь съ молодости помыслилъ, захотѣлъ-было того же, чтобъ ему ссылаться съ государемъ нашимъ, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своихъ пролилъ и сколько Землѣ своей запустѣнья причинилъ! Да то былъ человѣкъ разумный: грѣхомъ проступилъ, и за свою проступку великими своими и разумными людьми могъ и челомъ добить; а вашего разума разсудить не можемъ: съ чего это въ такую высость начали? Знаете и сами: за неправду ливонскихъ людей быстро лихое дѣло началось, а теперь укротить его кто можетъ? А въ Казанской и Астраханской Землѣ? И не такія мѣста, великія государства гордостью было-поднялись и въ старинахъ своихъ быть не захотѣли, тѣмъ государя нашего гнѣвъ на себя подвигли, и за ихъ неправды что съ ними случилось—сами знаете. А вашего государя, Эрика короля, видимъ: не прибыло у него ни откуда ничего, на старой своей Землѣ. Намъ кажется, что или король у васъ очень молодъ, или старые люди всѣ извелись, и совѣтуется онъ съ молодыми; по такому совѣту такія и слова". Когда послы сказали, что царю не можетъ быть тяжело самому ссылаться съ королемъ, то бояре отвѣчали: „Тяжелѣе всего на свѣтѣ прародительскую старину порушить". Старина не была нарушена: для подтвержденія перемирія отправлены были въ Швецію послы отъ имени новгородскихъ намѣстниковъ: по наговору толмача шведскаго посольства, который жаловался королю, что имъ въ Новгородѣ и Москвѣ было большое безчестье, московскихъ пословъ приняли очень дурно въ шведскихъ владѣніяхъ, причемъ Эрикъ былъ радъ сорвать свое сердце; послы писали въ Москву: „Отъ короля намъ было великое безчестіе и убытокъ; въ Выборгѣ насъ рѣчами безчестили и бранили, корму не дали и своихъ запасовъ изъ судовъ взять не дали-жъ, весь день сидѣли мы взаперти, не ѣвши". По пріѣздѣ въ Швецію, отвели имъ комнаты безъ печей и лавокъ, къ королю заставили идти пѣшкомъ; позвавши на обѣдъ, король велѣлъ поставить передъ ними мясныя кушанья въ Петровъ постъ, зная, что они у пристововъ брали пищу постную; противъ поклона отъ намѣстниковъ новгородскихъ король съ мѣста не двинулся и шляпы не приподнялъ; три раза пословъ звали къ королю и три раза ворочали съ дороги [1]).

Но эти непріятности не имѣли послѣдствій, ибо все вниманіе царя было обращено теперь на Литву. И здѣсь Іоаннъ хотѣлъ-было сначала рѣшить дѣло мирнымъ образомъ, посредствомъ женитьбы своей на одной изъ сестеръ королевскихъ; кромѣ возможности дѣйствовать чрезъ это родство на мирное соглашеніе относительно Ливоніи, у Іоанна могла быть тутъ другая цѣль: бездѣтнымъ Сигизмундомъ-Августомъ прекращался домъ Ягеллоновъ въ Литвѣ, и сестра послѣдняго изъ Ягеллоновъ переносила въ Москву права свои на это государство; о Польшѣ же, какъ увидимъ, Іоаннъ мало думалъ. Онъ спросилъ митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестрѣ при извѣстной степени свойства между ними, вслѣдствіе брака тетки его Елены съ невѣстинымъ дядею Александромъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что можно, и въ Москвѣ уже рѣшили, какъ встрѣчать королевну, гдѣ ей жить до перехода въ православіе; опредѣлили, что боярамъ на сговорѣ съ панами о крещеніи не поминать, а начнутъ сами паны говорить, чтобъ королевнѣ оставаться въ Римскомъ законѣ, то отговаривать, приводя прежніе примѣры, примѣръ Софьи Витовтовны и сестры Олгердовой, которыя были крещены въ Греческій законъ; если же паны не согласятся, то и дѣла не дѣлать. Ѳедору Сукину, отправленному въ Литву съ предложеніемъ, данъ былъ такой наказъ: „Ѣдучи дорогою до Вильны, разузнавать накрѣпко про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ *тѣльны*, какова которая обычаемъ, и которая лучше. Которая изъ нихъ будетъ лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будетъ такъ же хороша, какъ и меньшая, но будетъ ей больше 25 лѣтъ, то о ней не говорить, а говорить о меньшой: развѣдывать накрѣпко, чтобъ была не больна и не очень суха; будетъ которая больна или очень суха, или съ какимъ-нибудь другимъ дурнымъ обычаемъ, то объ ней не говорить,—говорить о той, которая будетъ здорова и не суха, и безъ порока. Хотя бы старшей было и больше 25 лѣтъ, но если она будетъ лучше меньшой, то говорить о ней. Если нельзя будетъ довѣдаться, которая лучше, то говорить о королевнахъ безымянно; и если согласятся выдать ихъ за царя и великаго государя, то Сукину непремѣнно ихъ видѣть, лица ихъ написать и привезти къ государю. Если же не захотятъ показать ему королевенъ, то просить *парсонъ* (портретовъ) ихъ написанныхъ".—Сукинъ допытался, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому сдѣлалъ королю предложеніе выдать ее за царя. Паны, отъ имени Сигизмундова, отвѣчали, что отецъ королевъ, умирая, приказалъ семейство свое императору, и потому король хочетъ это дѣло дѣлать такъ, какъ отецъ его дѣлывалъ, обослаться съ императоромъ и съ иными королями, своими пріятелями и родственниками—зятемъ, герцогомъ Браунгшвейгскимъ, и съ племянникомъ, королевичемъ Венгерскимъ. Притомъ теперь при королѣ нѣтъ польской рады; король долженъ обослаться съ нею, потому что королевны родились въ Польшѣ и приданое ихъ тамъ. Посолъ отвѣчалъ: „Мы видимъ изъ вашихъ словъ нежеланіе вашего государя приступить къ дѣлу, если онъ такое великое дѣло откладываетъ въ даль". Такъ кончились первые переговоры. Когда послы были призваны въ другой разъ, то Сигизмундъ объявилъ имъ, что согласенъ выдать сестру Екатерину за царя; послы про-

[1]) Дѣла Шведскія, № 1, съ 224 стр. до конца.

сили позволенія ударить ей челомъ, но паны отвѣчали: „И между молодыми (т.-е. незнатными) людьми не ведется, чтобъ, не рѣшивши дѣла, сестеръ своихъ или дочерей давать смотрѣть". Послы говорили: „Не видавши намъ государыни королевны Екатерины и челомъ ей не ударивши, что, пріѣхавъ, государю своему сказать? Кажется намъ, что у государя вашего нѣтъ желанія выдать сестру за нашего государя!" Имъ отвѣчали, что нельзя видѣть королевну явно, потому что у ней всѣ придворные Поляки: они разскажутъ своимъ, что московскіе послы королевну видѣли, и у польской рады съ королемъ будетъ за это брань большая; а если послы хотятъ ее видѣть, то пусть смотрятъ тайно, какъ пойдетъ въ костелъ. Послы сперва не соглашались, но потомъ согласились.

Дѣло однако кончилось ничѣмъ: король хотѣлъ согласиться на бракъ своей сестры съ Іоанномъ только въ томъ случаѣ, еслибъ бракъ этотъ доставилъ ему выгодный миръ; посолъ его Шимковичъ явился въ Москву съ требованіемъ, чтобъ прежде дѣла о сватовствѣ заключенъ былъ миръ, для переговоровъ о которомъ вельможи съ обѣихъ сторонъ должны съѣхаться на границы, и до этого съѣзда Ливоніи не воевать. Сигизмундъ хотѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, какъ прежде пользовался подобнымъ же положеніемъ Іоаннъ III-й Московскій, когда Александръ Литовскій искалъ руки его дочери, Елены; Іоаннъ III-й также прежде дѣла о сватовствѣ требовалъ заключенія мира. Но если искательство родственнаго союза явилось теперь со стороны Московскаго государя, то Іоаннъ IV-й однако вовсе не находился въ положеніи Александра, которому во что бы то ни стало нужно было заключить миръ и скрѣпить его женитьбою на Еленѣ; царь не согласился на порубежные переговоры; мы видѣли, что въ Москвѣ считали тяжелѣе всего на свѣтѣ нарушать прародительскіе обычаи, а эти обычаи требовали, чтобъ мирные переговоры велись въ Москвѣ [8]). Военныя дѣйствія начались наступательнымъ движеніемъ Литовскаго гетмана Радзивила на Русскихъ въ Ливоніи: послѣ пятинедѣльной осады онъ взялъ Тарвастъ въ сентябрѣ 1561 г.; русскіе воеводы разбили Литовцевъ подъ Пернау и разорили Тарвастъ, оставленный Литовцами. 1562 годъ прошелъ въ опустошительныхъ набѣгахъ съ обѣихъ сторонъ, а между тѣмъ не прерывались и сношенія между обоими Дворами; Сигизмундъ не имѣлъ ни средствъ, ни желанія вести дѣятельную войну, ему хотѣлось длить время переговорами. Посолъ Корсакъ пріѣзжалъ отъ него въ Москву, въ началѣ 1562 года, съ жалобами, что Іоаннъ обижаетъ короля и мира не хочетъ; хлопоталъ, чтобъ военныя дѣйствія были прекращены съ обѣихъ сторонъ впредь до ссылки; Іоаннъ отвѣчалъ Сигизмунду: „Во всемъ твоемъ писаньи не нашли мы ни одного такого дѣла, которое было бы прямо написано,—писалъ ты все дѣла ложныя, складывая на насъ неправду... Прежде этого ты послалъ къ намъ Яна Шимковича, а къ Перекопскому писалъ, что Шимковичъ посланъ не дѣлать дѣло, а разодрать его; и прежде посылалъ ты къ Перекопскому свою грамоту, укорялъ въ ней насъ многими неподобными словами. И если уже такъ, то намъ отъ тебя больше чего ждать? всю неправду въ тебѣ мы достаточно высмотрѣли". Упреки Іоанна были справедливы: Сигизмундъ не переставалъ поднимать хана на Москву, писалъ ему: что Іоаннъ, несмотря на перемиріе съ Литвою, воюетъ Ливонію, находящуюся подъ защитою королевскою; что онъ, Сигизмундъ, не хочетъ нарушать клятвы и начать войну съ Москвою до истеченія перемирныхъ лѣтъ, но что хану теперь самое удобное время напасть на Москву, потому что почти всѣ полки ея находятся въ Ливоніи. Паны литовскіе, по старому обычаю, писали къ митрополиту и боярамъ, чтобъ они склоняли государя къ миру и къ уступкѣ Ливоніи, которая искони принадлежала королямъ Польскимъ и великимъ князьямъ Литовскимъ. Митрополитъ отвѣчалъ по царскому наказу: „И прежде бискупъ и воевода виленскій посланниковъ и гонцовъ своихъ къ намъ присылали не одинъ разъ, и мы имъ отвѣчали, что мы люди церковные, и намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ; также и теперь намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ, — то вѣдаютъ боговѣнчаннаго самодержца царя государя бояре и съ панами ссылаются. А мы, какъ пастыри христіанскіе, благовѣнчанному самодержцу напоминаемъ, чтобъ онъ съ пограничными своими сосѣдями имѣлъ миръ и тишину. Мы били челомъ государю, и онъ нашего челобитья не презрилъ, послалъ на литовскихъ пословъ опасную грамоту". Бояре отвѣчали: „Только вспомнить старину, какимъ образомъ гетманы литовскіе Рогволодовичей Данила да Мовколда на Литовское княжество взяли, и какимъ образомъ великому государю Мстиславу Владиміровичу Мономаху къ Кіеву дань давали, то не только что Русская Земля вся, но и Литовская Земля—вся отчина государя нашего; потому что, начиная отъ великаго государя Владиміра, просвѣтившаго Русскую Землю Св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, наши государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а ваши государи посаженые государи: такъ который крѣпче—вотчинный ли государь или посаженный?—сами разсудите. Но такими рѣчами, сколько ихъ ни говорить на обѣ стороны, доброе дѣло не станется, а скорѣе къ разлитію крови христіанской придетъ; мы напомнили вамъ о Литвѣ только для того, что вы въ своей грамотѣ писали непригоже, задираясь за искони вѣчную вотчину государя нашего... Какъ Ливонская Земля повиновалась прежде нашему государю, о томъ не только намъ, но и многимъ землямъ извѣстно; что намъ о томъ и говорить, какъ Ягайло на дядю своего Кестутья нанималъ ливонскихъ

---

[8]) Въ переговорахъ съ Шимковичемъ Іоаннъ, между прочимъ, велѣлъ сказать послу: «А записанъ Смоленскъ въ нашу сторону и въ докончальныхъ грамотахъ в. к. Семена Ивановича съ Ольгердомъ». См. дѣла Польск. № 6, стр. 62.

Нѣмцевъ—вамъ это хорошо извѣстно, посмотрите въ вашихъ хроникахъ—найдете; и какъ Витовтъ, бѣгая отъ Ягайла, ливонскихъ Нѣмцевъ нанималъ,—и то вамъ извѣстно же; и какъ Ягайло и Витовтъ ходили въ Нѣмецкую Землю къ Марьину городку (Маріенбургу), и сколько у нихъ Нѣмцы побили людей, и какъ литовскіе Нѣмцы съ Ягайломъ и Витовтомъ помирились на своей волѣ".

Добраго дѣла нельзя было достигнуть ни такими и никакими другими рѣчами, а только дѣломъ, и, въ началѣ 1563 года, самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ двинулся къ литовскимъ границамъ; цѣлію похода былъ Полоцкъ, городъ важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригою 31 января городъ былъ осажденъ, 7 февраля взятъ былъ острогъ, а 15 февраля, послѣ того, какъ 300 саженъ стѣны было выжжено, городъ сдался. Воевода Полоцкій Довойна, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ королю, и епископъ отосланы были въ Москву, имѣніе ихъ, казна королевская, имѣніе пановъ и купцовъ богатыхъ, много золота и серебра отобрано было на царя; Жиды потоплены въ Двинѣ; но наемные воины королевскіе одарены шубами и отпущены числомъ больше 500 человѣкъ, дана имъ воля, вступить ли въ царскую службу, ѣхать ли къ королю или въ другія земли, потому что они пришельцы изъ чужихъ земель. Увѣдомляя митрополита о взятіи Полоцка, Іоаннъ велѣлъ ему сказать: „Исполнилось пророчество русскаго угодника, Чудотворца Петра митрополита о городѣ Москвѣ, что взыдутъ руки его на плещи враговъ его; Богъ несказанную Свою милость взліялъ на насъ, недостойныхъ, вотчину нашу, городъ Полоцкъ намъ въ руки далъ". Царь возвратился въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ-подъ Казани; въ Іосифовомъ монастырѣ встрѣтилъ его старшій сынъ, царевичъ Иванъ; на послѣднемъ ночлегѣ къ Москвѣ, въ селѣ Крылацкомъ, встрѣтили его младшій сынъ, царевичъ Ѳедоръ, братъ Юрій, Ростовскій архіепископъ Никандръ съ другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ московскимъ встрѣтилъ у церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ; Іоаннъ билъ имъ челомъ, что милостію Пречистой Богородицы, молитвами великихъ чудотворцевъ и ихъ молитвами Господь Богъ милосердіе Свое свыше послалъ, вотчину его, городъ Полоцкъ, въ руки далъ. Духовенство государю многолѣтствовало на его вотчинѣ, благодареніе великое и похвалы воздавало, что своимъ великимъ подвигомъ церкви Святыя отъ иконоборцевъ люторей очистилъ и остальныхъ христіанъ въ православіе собралъ. Въ Полоцкѣ оставлены были трое воеводъ, князья Петръ Ивановичъ Шуйскій, Василій и Петръ Семеновичи Серебряные-Оболенскіе, съ такимъ наказомъ. „Укрѣплять городъ наспѣхъ, не мѣшкая, чтобъ было безстрашно; гдѣ будетъ нужно, рвы старые вычистить и новые покопать; чтобъ были рвы глубокіе и крутые; и въ острогѣ, которое мѣсто выгорѣло, велѣть задѣлать накрѣпко, стѣны въ три или четыре. Литовскихъ людей въ городъ (т.-е. въ крѣпость), пріѣзжихъ и тутошнихъ дѣтей боярскихъ, землянъ и черныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не пускать; а въ какой-нибудь день торжественный, въ великій праздникъ, попросятся въ Софійскій соборъ литовскіе люди, бурмистры и земскіе люди, то пустить ихъ въ городъ понемногу, учинивши въ это время береженье большое, прибавя во всѣ мѣста головъ; и ни подъ какимъ бы видомъ, безъ боярскаго вѣдома и безъ приставовъ, ни одинъ человѣкъ, ни шляхтичъ, ни посадскій, въ городъ не входилъ, въ городѣ должны жить одни попы у церквей съ своими семьями, а лишніе люди у поповъ не жили бы. Въ городѣ сдѣлать свѣтлицу, и ночевать въ ней каждую ночь воеводамъ съ своими полками поочередно; съ фонаремъ ходить по городу безпрестанно. Управу давать литовскимъ людямъ, разспрося про здѣшніе всякіе обиходы, какъ у нихъ обычаи ведутся, по ихъ обычаямъ и судить; судебню сдѣлать за городомъ въ острогѣ: выбрать головъ добрыхъ изъ дворянъ, кому можно вѣрить, и приказать имъ судить въ судебнѣ всякія дѣла безволокитно, и къ присягѣ ихъ привести, чтобъ судили прямо, посуловъ и поминковъ не брали, а записывать у нихъ земскимъ дьякамъ, выбравъ изъ земскихъ людей: на судѣ быть съ ними бурмистрамъ. Кто изъ дѣтей боярскихъ, шляхты и посадскихъ людей останется жить на посадѣ, у тѣхъ бы не было никакого ратнаго оружія. Если въ какомъ-нибудь изъ нихъ воеводы примѣтятъ шатость, такихъ людей, не вдругъ, затѣявши какое-нибудь дѣло, ссылать во Псковъ, въ Новгородъ, въ Луки Великія, а оттуда въ Москву".

Король, узнавши о взятіи Полоцка, послалъ къ хану Крымскому съ выговорами, зачѣмъ тотъ увѣрилъ его, что пойдетъ зимою на Москву и не пошелъ, а между тѣмъ Іоаннъ, безопасный съ этой стороны, пришелъ со всею своею Землею въ Литву и взялъ Полоцкъ; королевская же рада прислала къ боярамъ просить, чтобъ московскія войска удержались отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій; что послы литовскіе будутъ къ Успеньеву дню въ Москвѣ. Іоаннъ велѣлъ унять войну; пересылки продолжались. Въ это время князь Димитрій Вишневецкій оставилъ московскую службу по неизвѣстнымъ причинамъ и перешелъ опять въ Литву, но съ тѣмъ, чтобъ и здѣсь недолго оставаться. Гонцу Клобукову, отправленному въ Литву, данъ былъ наказъ: „Если спросятъ о Вишневецкомъ, то отвѣчать: „Притекъ онъ къ государю нашему, какъ собака, и потекъ отъ государя, какъ собака же, а государю нашему и землѣ убытка никакого не учинилъ". Но на дѣлѣ въ Москвѣ не были равнодушны къ бѣгству удалого казака, который оказалъ такъ много услугъ царю противъ Крыма и могъ оказывать теперь услуги королю противъ царя; Клобукову наказано было развѣдывать: „Какъ пріѣхалъ князь Димитрій Вишневецкій на коро-

левское имя, то король ему жалованье далъ ли, и живетъ при королѣ ли, и въ какой верстѣ держитъ его у себя король? Да провѣдывать про Черкасскихъ—Алексѣя и Гаврилу—каковъ ихъ пріѣздъ былъ къ королю, и чѣмъ ихъ король пожаловалъ? Если Алешка Черкасскій пришлетъ къ гонцу и объявитъ, что хочетъ опять ѣхать къ государю, то отвѣчать ему, что челобитье его будетъ донесено до государя".

Король попрежнему старался только протянуть время, чтобъ имѣть возможность собраться съ силами и поднять хана; теперь, по взятіи Полоцка, онъ менѣе чѣмъ когда-либо могъ надѣяться на заключеніе выгоднаго мира или даже перемирія. Онъ прислалъ гонца съ предложеніемъ продлить перемиріе, вмѣсто Успеньева дня, до Благовѣщенья; но царь не согласился, и продлилъ срокъ только до 6 декабря того же 1563 года. Увѣдомивъ объ этомъ хана, король велѣлъ сказать ему: что переговоры съ Москвою будутъ ведены только для освобожденія плѣнныхъ, взятыхъ въ Полоцкѣ, а миръ заключенъ не будетъ; чтобъ онъ, ханъ, поэтому, шелъ непремѣнно зимою на Москву, которой всѣ силы тогда будутъ устремлены на Литву; что если и заключено будетъ перемиріе, то не далѣе, какъ только до іюля мѣсяца. Посолъ королевскій долженъ былъ спросить у хана, надобно ли королю послать къ султану, чтобъ поднять и его на Іоанна. Эти сношенія остались тайною для Москвы; но обнаружились другія, и когда пріѣхали въ Москву послы литовскіе—крайчій Ходкѣвичъ и маршалокъ Воловичъ, то бояре встрѣтили ихъ упреками, что Троцкій воевода присылалъ въ Тарвастъ къ боярскому сыну, князю Кропоткину, съ грамотою, въ которой звалъ его отъѣхать къ королю, выставляя на видъ жестокости Іоанновы; перехвачены были грамоты Сигизмунда-Августа къ королю Шведскому, въ которыхъ онъ старался уговорить послѣдняго къ войнѣ съ Москвою. Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ: „Это ли брата нашего правда, что ссылается съ Шведскимъ на насъ; а что онъ не бережетъ своей чести, пишется Шведскому братомъ ровнымъ, то это его дѣло, хотя бы и водовозу своему назвался братомъ — въ томъ его воля. А то брата нашего правда ли?—къ намъ пишетъ, что Лифляндская Земля его вотчина, а къ Шведскому пишетъ, что онъ вступился за убогихъ людей, за повоеванную и опустошенную Землю: значитъ, это уже не его Земля! Насъ называетъ беззаконникомъ, а какія въ его землѣ безбожныя беззаконія совершаются, о томъ не думаетъ (Іоаннъ разумѣлъ здѣсь распространеніе протестантизма въ Сигизмундовыхъ владѣніяхъ). Братъ нашъ къ Шведскому пригоже ли такое укорительное слово пишетъ, что Москвичи христіанскіе враги; что съ ними нельзя постояннаго мира, дружбы и союза имѣть? Потомъ епископы и паны оказали неподобную гордость: прежде они назывались братьями, и грамотами ссылались съ нашими боярами, а теперь затѣяли ссылаться съ митрополитомъ, тогда какъ митрополитъ у насъ въ такой же чести, какъ наши братья;—такъ пригоже ли подданнымъ нашимъ митрополиту братьями писаться?" Послы сказали на это, что митрополитъ долженъ сноситься съ епископомъ Виленскимъ, а не съ панами, и братство у него съ епископомъ; бояре отвѣчали, что епископъ митрополиту не ровня: надъ епископомъ есть еще архіепископъ, а потомъ уже митрополитъ. Бояре упрекали пословъ и въ нарушеніи послѣдняго перемирія: ротмистръ, князь Михайла Вишневецкій, съ бѣлгородскими Татарами приходилъ на московскія украйны; приходилъ къ Новгороду-Сѣверскому съ казаками Черкасскими и Литовскими и бѣлгородскими Татарами.

Когда начались переговоры о мирѣ, то бояре потребовали Волыни, Подоліи и Галича; послы отвѣчали, что это земли польскія, а не литовскія, и они, какъ литовскіе послы, о чужихъ земляхъ говорить не могутъ,—говорить о нихъ должны польскіе послы. Потомъ начались уступки: Іоаннъ сначала уступилъ Подольскую Землю, потомъ Волынскую, потомъ Кіевъ съ днѣпровскими городами. Дѣло остановилось на Полоцкомъ повѣтѣ и на орденскихъ владѣніяхъ, потому что послы, уступая Полоцкъ, какъ занятый русскими войсками, не уступали его повѣта и орденскихъ владѣній. Іоаннъ изъ послѣднихъ уступилъ еще Курляндію, назначилъ Двину границею между своими и королевскими владѣніями, и на этомъ условіи хотѣлъ заключить перемиріе лѣтъ на 10 или на 15; но послы не согласились. Тогда Іоаннъ, повинуясь требованіямъ своей природы, нарушилъ обычай, велѣлъ позвать пословъ къ себѣ и сталъ самъ съ ними говорить: „Я, государь христіанскій, презрѣлъ свою царскую честь, съ вами, брата своего слугами, изустно говорю; что надобно было боярамъ нашимъ съ вами говорить, то я самъ съ вами говорю; если у васъ есть отъ брата нашего указъ о любви и добромъ согласіи, какъ между нами доброе дѣло постановить, то вы намъ скажите". Ходкѣвичъ отвѣчалъ: „Милостивый государь великій князь! позволь передъ собою говорить нашему писарю (Гарабурдѣ), потому что я росъ при государѣ своемъ королѣ отъ молодыхъ дней, и языкъ мой русскій помѣшался въ пословицахъ съ польскимъ языкомъ, такъ что рѣчей моихъ и не узнать, что стану говорить" Іоаннъ отвѣчалъ: „Юрій! говори передъ нами безо всякаго сомнѣнія; если что и по-польски скажешь, мы поймемъ. Вы говорите, что мы припоминали и тѣ города, которые въ Польшѣ; но мы припомнили не новое дѣло: Кіевъ былъ прародителя нашего, великаго князя Владиміра, а тѣ всѣ города были къ Кіеву; отъ великаго князя Владиміра прародители наши великіе государи, великіе князья Русскіе, тѣми городами и землями владѣли, а заняли эти земли и города за предковъ государя вашего невзгодами прародителей нашихъ, какъ приходилъ Батый на Рускую Землю, и мы припоминаемъ брату нашему не о чужомъ,—припоминаемъ о своей искони вѣчной вотчинѣ. Мы у брата своего чести никакой не убавляемъ;

а братъ нашъ описываетъ наше царское имя не сполна, отнимаетъ что намъ Богъ далъ; изобрѣли мы свое, а не чужое; наше имя пишутъ полнымъ именованіемъ всѣ государи, которые и повыше будутъ вашего государя; и если онъ имя наше сполна описывать не хочетъ,—то его воля, самъ онъ про то знаетъ. А прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа кесаря, такъ и мы отъ своихъ прародителей на своихъ государствахъ государи, и что намъ Богъ далъ, то кто у насъ возьметъ? Мы свое имя въ грамотахъ описываемъ, какъ намъ Богъ далъ; а если братъ нашъ не пишетъ насъ въ своихъ грамотахъ полнымъ наименованіемъ, то намъ его описываніе не нужно". Бояре, въ разговорѣ съ послами, вывели такъ генеалогію государей Московскихъ: Августъ кесарь, обладающій всею вселенною, поставилъ брата своего, Пруса, на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени его зовется Прусская Земля, а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика.

Но хотя Іоаннъ и объявилъ, что не нуждается въ царскомъ титулѣ отъ короля, хотя такимъ образомъ одно изъ препятствій къ миру было отстранено, однако теперь было другое препятствіе, важнѣйшее—Ливонія: Ходкѣвичъ не могъ согласиться на царскія условія, и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Военныя дѣйствія открылись неудачею Москвитянъ: въ несчастныхъ для московскаго войска мѣстахъ, недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, гетманъ Радзивилъ разбилъ князя Петра Ивановича Шуйскаго; послѣдній лишился жизни вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; двое воеводъ—Захаръ Плещеевъ и князь Иванъ Охлябининъ—были взяты въ плѣнъ; изъ дѣтей боярскихъ было убито не много,—всѣ разбѣжались, потому что дѣло было къ ночи. Но и этою второю Оршинскою битвою литовское войско такъ же мало воспользовалось, какъ и первою; отъѣздъ Курбскаго не увлекъ другихъ воеводъ: начальствовавшій въ Полоцкѣ князь Петръ Щенятовъ не принялъ предложеній Радзивила и не сдалъ ввѣреннаго ему города; Русскіе взяли Озерище, отразили Литовцевъ отъ Чернигова; дѣйствія Курбскаго въ Великолуцкой области состояли только въ опустошеніяхъ открытыхъ мѣстъ; въ Ливоніи дѣла шли съ перемѣннымъ счастіемъ.

Начались опять переговоры; опять пріѣхалъ гонецъ отъ епископа и пановъ къ митрополиту и боярамъ *для задирки*; но, согласно съ прежнимъ объявленіемъ, что митрополиту непригоже сноситься съ епископомъ, гонца къ митрополиту не пустили; представлялся онъ только боярамъ, которые отвѣчали, что государь мира хочетъ и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. Опасную грамоту на литовскихъ пословъ царь отправилъ съ гонцомъ Желнинскимъ, которому данъ былъ такой наказъ: „Если спросятъ про Андрея Курбскаго, для чего онъ отъ государя побѣжалъ, то отвѣчать: государь было его пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а онъ сталъ государю дѣлать измѣнныя дѣла; государь хотѣлъ-было его понаказать, а онъ государю измѣнилъ; но это не диво; ѣзжали изъ государства и не въ Курбскаго версту, да и тѣ измѣнники государству Московскому не сдѣлали ничего: Божіимъ милосердіемъ и государя нашего здоровьемъ Московское государство не безъ людей; Курбскій государю нашему измѣнилъ, собакою потекъ, собацки и пропадаетъ. А если спросятъ о дерптскихъ Нѣмцахъ, для чего ихъ царь изъ Дерпта велѣлъ перевести въ московскіе города,—отвѣчать: перевести Нѣмцевъ государь велѣлъ для того, что они ссылались съ магистромъ Ливонскимъ, велѣли ему придти подъ ихъ городъ со многими людьми и хотѣли государю измѣнить. Если спросятъ: зимою государь вашъ куда ѣздилъ изъ Москвы и опалу на многихъ людей для чего клалъ?—отвѣчать: государь зимою былъ въ слободѣ и положилъ опалу на бояръ и дворянъ, которые ему измѣнныя великія дѣла дѣлали, и за великія измѣны велѣлъ ихъ казнить". Желнинскому, при встрѣчѣ съ Курбскимъ и другими измѣнниками, запрещено было съ ними говорить. Когда пріѣхалъ литовскій гонецъ Юряга въ Москву, то приставу данъ былъ также наказъ, какъ съ нимъ говорить: „Если спросятъ, что это теперь у государя вашего слыветъ опричнина?—отвѣчать: у государя никакой опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ и живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя подальше; а что мужичье, не зная, зоветъ опричниной, то мужичьимъ рѣчамъ вѣрить нечего; воленъ государь,—гдѣ хочетъ дворы и хоромы ставить, тамъ и ставитъ; отъ кого государю отдѣляться?"

Юряга пріѣзжалъ съ извѣстіемъ о большихъ послахъ, Ходкѣвичѣ и Тишкевичѣ. Когда они пріѣхали въ Москву, приставамъ данъ былъ наказъ: „Если спросятъ послы о князѣ Михайлѣ Воротынскомъ, про его опалу, то отвѣчать: Богъ одинъ безъ грѣха, а государю холопъ безъ вины не живетъ; князь Михайла государю погрубилъ, и государь на него опалу было-положилъ; а теперь государь его пожаловалъ по старому, вотчину его старую, городъ Одоевъ и Новосиль, совсѣмъ ему отдалъ, и больше стараго". Послы о вѣчномъ мирѣ не сговорились; начали толковать о перемиріи, уступали Полоцкъ и въ Ливоніи всѣ земли, занятыя московскимъ войскомъ. Царь не согласился, требовалъ Риги и другихъ городовъ, уступая королю Курляндію и нѣсколько городовъ по сю сторону Двины. Послы не согласились и объявили, что всего легче миръ можетъ быть заключенъ при личномъ свиданіи государя съ королемъ на границахъ. Іоаннъ охотно согласился на это предложеніе, но требовалъ, чтобъ послы тутъ же положили, какъ быть съѣзду и всѣмъ церемоніямъ; послы отказались рѣшить такое важное дѣло и требовали сроку для пріѣзда новыхъ пословъ. Но государь приговорилъ съ боярами, что о съѣздѣ съ послами не говорить, потому что этими переговорами дѣло

только затянется, а угадать нельзя, захочетъ ли король самъ быть на съѣздѣ, или не захочетъ; онъ только время будетъ проволакивать. Лучше отправить къ королю своихъ пословъ для переговоровъ о Ливонской Землѣ и Полоцкомъ повѣтѣ; они провѣдаютъ на королѣ, какъ онъ хочетъ съ государемъ о Ливонской Землѣ порѣшить. Да провѣдать бы посламъ въ Литвѣ про всѣ литовскія вѣсти, какъ король съ императоромъ и съ Поляками: въ согласьи ли; какое его впередъ умышленіе. А въ то время, какъ государскіе послы будутъ у короля, государь велитъ готовиться къ своему большому походу на Ливонскую Землю, велитъ всякаго запасу и наряду прибавить,

Согласіе короля на уступку всѣхъ городовъ и земель, занятыхъ московскими войсками, заставило Іоанна задуматься; ему естественно представлялся вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать тяжелую войну, успѣхи которой были очень сомнительны? Оршинское пораженіе, отъѣздъ Курбскаго подавали мало надежды; перемиріе съ удержаніемъ всѣхъ завоеваній, и какихъ завоеваній? — Юрьева, Полоцка,—такое перемиріе было славно; притомъ король слабъ здоровьемъ, бездѣтенъ: вся Литва безъ войны можетъ соединиться съ Москвою! Но, съ другой стороны, отказаться отъ морскихъ береговъ, отказаться слѣдовательно отъ главной цѣли войны, позволить Литовскому королю удержать за собою Ригу и другіе важные города ливонскіе, взятые даромъ, благодаря русскому же оружію,—было тяжело, досадно для Іоанна. Онъ не хотѣлъ рѣшить этого вопроса одинъ; но ему было недостаточно мнѣнія опальныхъ бояръ, мнѣнія людей, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ неискренности, въ злоумышленіяхъ; ему хотѣлось знать, что думаютъ другія сословія о войнѣ; но узнать объ этомъ, по его мнѣнію, было нельзя, ни чрезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни чрезъ бояръ земскихъ, отъ которыхъ онъ не ожидалъ правды; обращаться ко всей Землѣ въ видѣ выборныхъ не было новостію для Іоанна: мы видѣли, какъ онъ въ молодости своей созывалъ выборныхъ къ Лобному мѣсту, чтобъ торжественно очистить себя отъ обвиненія въ прежнихъ бѣдствіяхъ народныхъ и сложить вину ихъ на бояръ. Лѣтомъ 1566 года царь велѣлъ собрать духовенство, бояръ, окольничихъ, казначеевъ, государевыхъ дьяковъ, дворянъ первой статьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, помѣщиковъ съ западныхъ, Литовскихъ границъ, Торопецкихъ и Луцкихъ, какъ людей, которымъ болѣе другихъ знакомы мѣстныя отношенія, дьяковъ и приказныхъ людей, гостей, лучшихъ купцовъ московскихъ и Смольнянъ, предложилъ имъ условія, на которыхъ хочетъ помириться съ королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Духовенство—девять архіереевъ, четырнадцать архимандритовъ и игуменовъ, девять старцевъ—совѣтъ учинили такой: „Велико смиреніе государское! во всемъ онъ уступаетъ, уступаетъ королю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, по Задвинью уступаетъ верстъ на 60 и на 70 на сторону, городъ Озерище, волость Усвятскую, въ Ливонской Землѣ, въ Курской Землѣ (Курляндіи) за Двиною 16 городовъ, да по сю сторону Двины 15 городовъ ливонскихъ съ ихъ уѣздами и угодьями; плѣнныхъ Полочанъ отпускаетъ безъ окупу и безъ размѣны, а своихъ плѣнныхъ выкупаетъ,—государская передъ королемъ правда великая! Больше ничего уступить нельзя; пригоже стоять за тѣ города ливонскіе, которые король взялъ въ обереганье,—Ригу, Венденъ, Вольмаръ, Ранненбургъ, Кокенгаузенъ и другіе города, которые къ государскимъ порубежнымъ городамъ, псковскимъ и юрьевскимъ подошли. Если же не стоять государю за эти города, то они укрѣпятся за королемъ, и впередъ изъ нихъ будетъ разореніе церквамъ, которыя за государемъ въ ливонскихъ городахъ; да не только Юрьеву, другимъ городамъ ливонскимъ и Пскову будетъ большая тѣснота: Великому Новгороду и другихъ городовъ торговымъ людямъ торговля затворится. А въ ливонскіе города король вступился и держитъ ихъ за собою не по правдѣ, потому что когда государь нашъ на Ливонскую Землю наступилъ за ея неисправленіе, магистра, епископа и многихъ людей плѣномъ свелъ, города ливонскіе побралъ и православіемъ просвѣтилъ, церкви въ нихъ поставилъ: тогда остальные Нѣмцы, видя свое изнеможеніе, заложились за короля съ своими городами. А когда государь нашъ на Ливонскую Землю не наступалъ, то король могъ ли хотя одинъ городъ ливонскій взять? А Ливонская Земля отъ прародителей, отъ великаго государя Ярослава Владиміровича, принадлежитъ нашему государю. А и то королева правда ли?—будучи съ государемъ нашимъ въ перемирьи, королевскіе люди пришли да взяли нашъ городъ Тарвастъ и людей свели. И нашъ совѣтъ, что государю нашему отъ тѣхъ городовъ ливонскихъ, которые король взялъ въ обереганье, отступиться непригоже, а пригоже за нихъ стоять. А какъ государю за нихъ стоять,—въ томъ его государская воля, какъ его Богъ вразумитъ; а намъ должно за него, государя, Бога молить; а совѣтовать о томъ намъ непригоже. А что королевы послы даютъ къ Полоцку земли по сю сторону вверхъ по Двинѣ на 15 верстъ, а внизъ на 5 верстъ, а за Двину земли не даютъ, рубежемъ Двину становятъ,—то можно ли, чтобъ городу быть безъ уѣзда? И села и деревни безъ полей и безъ угодій не живутъ, а городу какъ быть безъ уѣзда?“

Бояре, окольничіе и приказные люди говорили: „Вѣдаетъ Богъ да государь, какъ ему, государю, Богъ извѣститъ; а намъ кажется, что нельзя нѣмецкихъ городовъ королю уступить, и Полоцкъ учинить въ осадѣ. Если у Полоцка зарѣчье уступить, то и посады зарѣчные полоцкіе будутъ въ королевской сторонѣ; по сю сторону Двины въ Полоцкомъ повѣтѣ все худыя мѣста, а лучшія мѣста всѣ за Двиною. И если въ перемирныя лѣта литовскіе люди за Двиною поставятъ городъ, то, какъ перемирье выйдетъ, Полоцку не простоять.

*

а если въ ливонскихъ городахъ у короля прибудетъ рати, тогда и Пскову будетъ нужда, не только Юрьеву съ товарищами. Такъ, чѣмъ давать королю свою рать пополнять, лучше государю теперь съ нимъ на такомъ его высокомъ безмѣрьи не мириться. Государь нашъ много сходилъ ко всякому добру христіанскому, и на себя поступалъ; а литовскіе послы ни на какое доброе дѣло не сошли,—какъ замѣрили великимъ безмѣріемъ, такъ больше того и не говорятъ: потому лучше теперь, прося у Бога милости, государю промышлять съ королемъ по своей правдѣ; король надъ государемъ верха не взялъ; еще къ государю Божія милость больше прежняго. О съѣздѣ у бояръ, окольничихъ и приказныхъ людей такая мысль: литовскимъ посламъ о съѣздѣ отказать; боярамъ съ панами на рубежѣ быть непригоже, и прежде этого не бывало; если же король захочетъ съ государемъ нашимъ съѣхаться и договоръ учинить, то въ этомъ государи вольны для покоя христіанскаго. Извѣстно, послы литовскіе все говорятъ о съѣздѣ для того, чтобъ немного поманить, а между тѣмъ съ людьми пособраться, съ Поляками утвердиться, Ливонскую Землю укрѣпить, рати въ ней прибавить; а по всѣмъ вѣстямъ королю недосугъ: съ цесаремъ у него брань, и если Польша будетъ въ войнѣ съ цесаремъ, то Литовской Землѣ помощи отъ Поляковъ нечего надѣяться. По всѣмъ этимъ государскимъ дѣламъ мириться съ королемъ непригоже; а намъ всѣмъ за государя головы свои класть, видя королеву высость, и надежду на Бога держать. Богъ гордымъ противится; во всемъ вѣдаетъ Богъ да государь; а намъ какъ показалось, такъ мы и изъявляемъ государю свою мысль".—Печатникъ Висковатый сказалъ свою мысль отдѣльно, что можно заключить перемиріе съ королемъ и не требуя уступки ливонскихъ городовъ, но только чтобъ король вывелъ изъ нихъ свои войска и не мѣшалъ государю ихъ добывать, обязался бы также не помогать имъ и даже послѣ истеченія перемирныхъ лѣтъ. Дворяне и дѣти боярскія говорили согласно съ духовенствомъ и боярами. Торопецкіе помѣщики сказали: „Мы, холопи государевы, за одну десятину земли Полоцкаго и Озерищскаго повѣтовъ головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ померееть запертымъ; мы, холопи государскіе, теперь на коняхъ сидимъ, и за государя съ коня помремъ. Государя нашего передъ королемъ правда; какъ государь нашъ Ливонской Земли не воевалъ, тогда король не умѣлъ вступаться, а теперь вступается. Понашему, за ливонскіе города государю стоять крѣпко, а мы, холопи его, на государево дѣло готовы". Остальные отвѣчали въ томъ же смыслѣ.

Отобравши такія мнѣнія, Іоаннъ отправилъ въ Литву боярина Умнаго-Колычева съ наказомъ — не заключать перемирія не только безъ Ливоніи, но даже если король откажется давать ему титулъ царя и Ливонскаго, и не согласится выдать Курбскаго. Въ наказѣ было также написано: „Если литовскіе паны станутъ говорить, чтобъ царь далъ имъ на государство царевича Ивана, то отвѣчать: Съ нами о томъ наказу никакого нѣтъ, и намъ о такомъ великомъ дѣлѣ безъ наказа какъ говорить! Если это дѣло надобно государю вашему или вамъ, панамъ, то отправляйте къ государю нашему пословъ: воленъ Богъ да государь нашъ, какъ захочетъ дѣлать. — Если кто станетъ спрашивать: для чего государь вашъ велѣлъ поставить себѣ дворъ за городомъ? — отвѣчать: для своего государскаго прохладу; а если кто станетъ говорить, что государь ставитъ дворы для раздѣла, или для того, что положилъ опалу на бояръ, то отвѣчать: государю нашему для этого дворовъ ставить нечего; воленъ государь въ своихъ людяхъ—добрыхъ жалуетъ, а лихихъ казнитъ; а дѣлиться государю съ кѣмъ? — Кто станетъ говорить, что государь немилостивъ, казнитъ людей, и станутъ говорить про князя Василія Рыбина и про Ивана Карамышева, то отвѣчать: государь милостивъ, а лихихъ вездѣ казнятъ; и про этихъ государь сыскалъ, что они мыслили надъ нимъ и надъ его Землею лихо.— Если паны-рада спросятъ: Вы говорили нашему государю на посольствѣ, чтобъ онъ отдалъ вашему государю князя Андрея Курбскаго и другихъ дѣтей боярскихъ, которые къ нашему государю пріѣхали; но прежде ни при которыхъ государяхъ не бывало, чтобъ такихъ людей назадъ отдавать; — отвѣчать: государь нашъ приказалъ объ этихъ измѣнникахъ для того, что они между государями ссоры дѣлаютъ и на большое кровопролитіе христіанское поднимаютъ. — А если спросятъ: какія отъ князя Андрея государю вашему измѣны?—отвѣчать: надъ государемъ, царицею Анастасіею и ихъ дѣтьми умышлялъ всякое лихое дѣло; началъ называться отчичемъ Ярославскимъ, хотѣлъ на Ярославлѣ государить".

Колычевъ увѣдомилъ Іоанна: что предложенія его отвергнуты; что посольству московскому оказано въ Литвѣ большое безчестье, кормовъ не давали; что король отправилъ въ Москву гонца Быковскаго съ разметомъ, т.-е. съ объявленіемъ войны. Быковскій встрѣтилъ Іоанна на дорогѣ въ Новгородъ; царь принялъ его въ шатрѣ, вооруженный; всѣ окружавшіе были также въ доспѣхахъ. Послѣ жалобъ на дурное обращеніе съ Колычевымъ, Іоаннъ сказалъ гонцу: „Ты не дивись, что мы сидимъ въ воинской приправѣ; пришелъ ты къ намъ отъ брата нашего, Сигизмунда-Августа, съ стрѣлами, и мы потому такъ и сидимъ". Быковскій отвѣчалъ жалобою, что послы Колычевъ съ товарищами ничего добраго не сдѣлали; когда у нихъ рѣшено было съ панами не начинать войны до 1-го октября 1567 года и начали писать грамоту, то послы не захотѣли взять этой грамоты, потому что въ ней Ходкѣвичъ былъ названъ администраторомъ Ливонскимъ. Свидѣтельствуясь Богомъ, что не отъ него начинается война, король объявлялъ ее чрезъ Быковскаго, съ обѣщаніемъ однако принять московскаго посла. Царь и сынъ его, царевичъ Іоаннъ, выслушавши королевскую гра-

моту, приговорили съ боярами задержать Быковскаго за то, что въ грамотѣ, имъ привезенной, писаны супротивныя слова; имѣніе Быковскаго и товары пришедшихъ съ нимъ купцовъ были описаны въ казну. Іоаннъ отправился въ Новгородъ, оттуда выступилъ-было въ походъ, но на совѣтѣ съ воеводами рѣшилъ ограничиться оборонительною войною. Въ началѣ 1568 года гетманъ Ходкѣвичъ осадилъ московскую крѣпость Улу, но принужденъ былъ снять осаду, по причинамъ, о которыхъ онъ такъ доносилъ королю: „Прибывши подъ непріятельскую крѣпость Улу, я стоялъ подъ нею недѣли три, промышляя надъ нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники ихъ трусятъ, боятся смерти, я велѣлъ имъ идти на приступъ ночью, чтобъ они не могли видѣть, какъ товарищей ихъ будутъ убивать, и не боялись бы; но и это не помогло. Другіе ротмистры шли хотя и не скоро, однако кое-какъ волоклись; но простые и ратные люди ихъ всѣ попрятались по лѣсу, по рвамъ и по берегу рѣчному; несмотря на призывъ, увѣщанія, побои (дошло до того, что я собственныя руки окровавилъ), никакъ не хотѣли идти къ крѣпости, и чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ больше крылись и убѣгали, вслѣдствіе чего ночь и утро прошли безо всякой пользы. Также и нанятые мною казаки только-что дошли до рва—и бросились бѣжать. Тогда я отрядилъ Нѣмцевъ, пушкарей и слугъ моихъ (между ними былъ и Орелъ Москвичъ, который перебѣжалъ ко мнѣ изъ крѣпости); они сдѣлали къ стѣнѣ приметъ и запалили крѣпость; но наши ратные люди нисколько имъ не помогли и даже стрѣльбою не мѣшали осажденнымъ гасить огонь. Видя это, я самъ сошелъ съ коня и отправился къ тому мѣсту, откуда приказалъ ратнымъ людямъ двинуться къ примету: хотѣлъ я имъ придать духу, хотѣлъ или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать; но, къ несчастію моему, ни того, ни другого не случилось. Послѣ долгихъ напоминаній, просьбъ, угрозъ, побоевъ, когда ничто не помогло, велѣлъ я, татарскимъ обычаемъ, кидать приметъ, дерево за деревомъ. Дѣло пошло-было удачно, но храбрость московичей и робость нашихъ всему помѣшали: нѣсколько московичей выскочили изъ крѣпости, и, къ стыду нашему, зажгли приметъ, а наши не только не защитили его, но и разу выстрѣлить не смѣли, а потомъ побѣжали отъ шанцевъ. Когда я пріѣхалъ къ пушкамъ, то не только въ переднихъ шанцахъ, но и во вторыхъ и въ третьихъ не нашелъ пѣхоты, кромѣ нѣсколькихъ ротмистровъ, такъ что принужденъ былъ спѣшить четыре конныхъ роты и заставить стеречь пушки; ибо на пѣхоту не было никакой надежды".

Возвратившись въ Александровскую слободу, Іоаннъ оттуда писалъ къ боярамъ въ Москву, велѣлъ имъ поговорить о литовскомъ дѣлѣ и отписать къ нему въ слободу, мириться ли съ королемъ или не мириться; и въ то же время велѣлъ обходиться лучше съ Быковскимъ. Бояре отвѣчали, что надобно Быковскаго отпустить къ королю, и съ нимъ въ грамотѣ отписать королевскія неправды, что король государевыхъ пословъ, Колычева съ товарищами, задерживалъ не по прежнимъ обычаямъ, бесчестилъ ихъ, и иныя неправды короля припомянуть, а послѣ въ той же грамотѣ королю написать поглаже, для того, чтобъ сношеній съ нимъ не порвать; и если король захочетъ прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу; а рухлядь Быковскому и купцамъ отдать или заплатить деньгами, чего стоитъ. Царь на это отвѣчалъ вторымъ запросомъ: мириться или не мириться, и если мириться, то на чемъ? Бояре отвѣчали, что когда король возобновитъ сношенія, тогда и разсуждать, смотря по его присылкѣ; Ливонской Земли не уступать по прежнему приговору. Іоаннъ велѣлъ боярамъ сдѣлать такъ, какъ они думаютъ; но Быковскому и купцамъ всего имѣнія ихъ не отдали, и когда гонецъ на отпуску жаловался на это, то Іоаннъ отвѣчалъ ему: „Чѣмъ мы тебя пожаловали, что велѣли тебѣ дать изъ своей казны,—съ тѣмъ и поѣзжай; пришелъ ты къ намъ съ разметомъ, такъ довольно съ тебя и того, что мы крови твоей пролить не велѣли; а если будетъ между нами и братомъ нашимъ, Сигизмундомъ королемъ, ссылка о добромъ дѣлѣ, то твое и впередъ не уйдетъ". Въ грамотѣ къ королю Іоаннъ писалъ, что онъ за грубую его грамоту хотѣлъ-было идти на него войною, но моровое повѣтріе помѣшало; задержка Быковскаго объяснялась такъ: „Изстари велось—которые пріѣдутъ съ разметомъ, тѣмъ живота не давывали".

Въ Литвѣ очень обрадовались возвращенію Быковскаго, возобновленію сношеній, потому что состояніе королевскаго здоровья заставляло думать о важныхъ перемѣнахъ; въ Москву пріѣхалъ гонецъ съ просьбою объ опасной грамотѣ на большихъ пословъ, и въ поклонѣ отъ короля назвалъ Іоанна *царемъ*. Іоаннъ велѣлъ печатнику спросить у гонца въ разговорѣ, что значитъ эта новость. Гонецъ отвѣчалъ, что велѣли ему это сдѣлать паны радные, чтобъ почесть оказать государю. Слѣдствіемъ такой почести было то, что гонцу отдали задержанное имѣніе Быковскаго; опасная грамота также была дана. Но уже по отъѣздѣ гонца пришла вѣсть, что литовскіе воеводы, князья Полубенскіе, изъ Вольмара овладѣли нечаянно Изборскомъ; царь послалъ своимъ воеводамъ приказъ отнять Изборскъ у Литвы,—и приказъ былъ исполненъ. Съ жалобою на Полубенскихъ и съ требованіемъ отпуска плѣннаго воеводы Изборскаго отправленъ былъ въ Литву сынъ боярскій Мясоѣдовъ, которому поручено было развѣдать: „Которымъ обычаемъ слово въ Литвѣ и Польшѣ носится, что хотятъ взять на великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему это слово въ люди пущено? — обманомъ или вправду того хотятъ, и всѣ ли люди того хотятъ, и почему то слово дѣломъ не объявится, а въ людяхъ носится?" — Мясоѣдову данъ былъ также наказъ: „Станетъ съ

нимъ говорить князь Андрей Курбскій, или иной который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать: съ измѣнникомъ что говорить? Вы своею измѣною сколько ни лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подастъ на враговъ побѣду, и вашу измѣну разрушаетъ; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а съ простымъ измѣнникомъ и того не говорить; выбранивъ его, плюнуть въ глаза, да пойти прочь".

Въ 1570 году пріѣхали большіе послы: литовскій Янъ Кротошевскій и Николай Тавлошъ. При переговорахъ начались опять споры о полоцкихъ границахъ, насчетъ которыхъ никакъ не могли согласиться. Тогда послы, чтобъ облегчить дѣло, попросили позволенія переговорить съ самимъ царемъ, и объявили, что ему особенно выгодно заключить миръ; когда Іоаннъ спросилъ—почему? то послы отвѣчали: „Рада государя нашего короны Польской и великаго княжества Литовскаго совѣтовались вмѣстѣ о томъ, что у государя нашего дѣтей нѣтъ, и если Господь Богъ государя нашего съ этого свѣта возьметъ, то обѣ рады не думаютъ, что имъ государя себѣ взять отъ бусурманскихъ или отъ иныхъ земель, а желаютъ себѣ избрать государя отъ Славянскаго рода, по волѣ, а не въ неволю, и склоняются къ тебѣ, великому государю, и къ твоему потомству". Царь отвѣчалъ: „И прежде эти слухи у насъ были; у насъ Божіимъ милосердіемъ и прародителей нашихъ молитвами наше государство и безъ того полно, и намъ вашего для чего хотѣть. Но если вы насъ хотите, то вамъ пригоже насъ не раздражать, а дѣлать такъ, какъ мы велѣли боярамъ своимъ съ вами говорить, чтобъ христіанство было въ покоѣ". Іоаннъ въ длинной рѣчи (занимающей 44 страницы въ посольской книгѣ) разсказывалъ посламъ по порядку исторію отношеній Москвы къ Литвѣ въ его царствованіе, и заключилъ, что война не отъ него, а отъ короля. Когда Іоаннъ кончилъ, то послы сказали, что они нѣкоторыхъ рѣчей вполнѣ не поняли, потому что иныхъ русскихъ словъ не знаютъ, и потому государь велѣлъ бы имъ дать рѣчь свою на письмѣ. Іоаннъ отвѣчалъ, что писарь ихъ все слышалъ и понялъ, и можетъ имъ разсказать; писарь испугался и сказалъ: „Милостивый государь! такихъ великихъ дѣлъ запомнить невозможно:—твой государскій отъ Бога дарованный разумъ выше человѣческаго разума".

Заключено было перемиріе на три года съ оставленіемъ всего, какъ было, съ тѣмъ, чтобъ въ эти три года переговаривать о мирѣ. Для подтвержденія перемирія отправлены были въ Литву князья Канбаровъ и Мещерскій, которымъ данъ былъ такой наказъ: „Если станутъ говорить: государь вашъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ многихъ людей казнилъ, — отвѣчать: развѣ вамъ это извѣстно? Если скажутъ, что извѣстно, то говорить: если вамъ это извѣстно, то намъ нечего вамъ и разсказывать; о которомъ лихомъ дѣлѣ вы съ государскими измѣнниками лазучествомъ ссылались, Богъ ту измѣну государю нашему объявилъ,—потому надъ измѣнниками такъ и сталось: нелѣпо было это и затѣвать; когда князь Семенъ Лугвеній и князь Михайла Олельковичъ въ Новгородѣ были, и тогда Литва Новгорода не умѣла удержать; а чего удержать не умѣемъ, зачѣмъ на то и посягать? Если спросятъ: зачѣмъ государь вашъ казнилъ казначея Фуникова, печатника Висковатаго, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ многихъ?—отвѣчать: о чемъ государскій измѣнникъ Курбскій и вы, паны радные, съ этими государскими измѣнниками ссылались, о томъ Богъ нашему государю объявилъ,—потому они и казнены, и кровь ихъ взыщется на тѣхъ, которые такія дѣла лукавствомъ дѣлали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непригоже". Данъ былъ наказъ, какъ поступать посламъ въ случаѣ смерти Сигизмунда и избранія новаго короля: „Если король умеръ и на его мѣсто посадятъ государя изъ иного государства, то съ нимъ перемирія не подтверждать, а требовать, чтобъ онъ отправилъ пословъ въ Москву. А если на королевствѣ сядетъ кто-нибудь изъ пановъ радныхъ, то посламъ на дворъ не ѣздить; а если силою заставятъ ѣхать и велятъ быть въ посольствѣ, то посламъ, вошедши въ избу, сѣсть, а поклона и посольства не править, сказать: „Это нашъ братъ; къ такому мы не присланы; государю нашему съ холопомъ, съ нашимъ братомъ, не приходится черезъ насъ, великихъ пословъ, ссылаться". Послы присылали въ Москву пріятныя донесенія: „Изъ Вильны всѣ дѣла король вывезъ; не прочитъ впередъ себѣ Вильны, говоритъ: куда пошелъ Полоцкъ, туда и Вильнѣ ѣхать за нимъ; Вильна мѣстомъ и приступомъ Полоцка не крѣпче, а московскіе люди къ чему приступятся, отъ того не отступятся. Обѣ рады хотятъ на королевство царя или царевича; у Турецкаго брать не хотятъ, потому что мусульманинъ и будетъ отъ Турокъ утѣсненіе; у цесаря взять—обороны не будетъ: и за свое плохо стоитъ; а царь—государь воинственный и сильный, можетъ отъ Турецкаго султана и отъ всѣхъ земель оборонять и прибавленіе государствомъ своимъ сдѣлать. Хотѣли уже послать бить челомъ царю о царевичѣ, да отговорилъ одинъ Евстаѳій Воловичъ, по королевскому темному совѣту, потому что король придумалъ вмѣсто себя посадить племянника своего, Венгерскаго королевича; но королевичъ умеръ. Въ Варшавѣ говорятъ, что кромѣ Московскаго государя другого государя не искать; говорятъ, что паны уже и платье заказываютъ по московскому обычаю, и многіе уже носятъ; а въ королевнину казну собираютъ бархаты и камни на платье по московскому же обычаю; королевнѣ очень хочется быть за царемъ".

Но Іоанна мало прельщало это *избраніе въ короли* его самого, или сына его: и человѣку менѣе его разумному оно не могло казаться очень вѣроятнымъ; попрежнему его занимала одна задушевная мысль—пріобрѣсть Ливонію. Онъ соглашался наконецъ отдать и Полоцкъ Литвѣ за Ливонію; но могъ ли король

согласиться на это? Если бы даже Сигизмундъ-Августъ и сеймъ согласились предать ввѣрившіеся имъ города, то послѣдніе могли найти другихъ защитниковъ, какъ напримѣръ Ревель былъ уже во власти Шведовъ, да и безъ защитниковъ приморскіе города могли долго держаться противъ войска московскаго. Однимъ словомъ, для достиженія непосредственнаго владычества надъ Ливоніею требовалось еще много крови, много времени; и вотъ Іоаннъ напалъ на мысль о владычествѣ посредственномъ,—на мысль дать Ливоніи нѣмецкаго правителя, который бы вошелъ въ подручническія отношенія къ государю Московскому, какъ герцогъ Курляндскій къ Польскому королю. Въ 1564 году Іоаннъ предложилъ плѣннику своему, старому магистру Фюрстенбергу, возвратиться въ Ливонію и господствовать надъ нею, если согласится, отъ имени всѣхъ чиновъ и городовъ ливонскихъ, присягнуть ему и потомкамъ его въ вѣрности, какъ своимъ наслѣдственнымъ верховныхъ государямъ; но Фюрстенбергъ отказался отъ предложенія, не соглашаясь измѣнить клятвѣ, данной имъ Римской имперіи. Такъ разсказываютъ ливонскіе лѣтописцы; но другія вѣсти были получены при Дворѣ Польскомъ въ концѣ 1564 года: сюда писали изъ Москвы, что посолъ отъ великаго магистра Нѣмецкаго Ордена, возстановленнаго по имени въ Германіи, исходатайствовалъ у царя свободу Фюрстенбергу на слѣдующихъ пяти условіяхъ: 1) по возвращеніи въ Ливонію, Фюрстенбергъ обязанъ возстановить всѣ греческія церкви; 2) всѣ главныя крѣпости Ливоніи остаются въ рукахъ московскихъ; 3) въ совѣтѣ магистра будутъ всегда засѣдать шесть московскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ онъ не можетъ рѣшать ничего; 4) если магистръ будетъ имѣть нужду въ войскѣ, то долженъ обращаться съ просьбою о немъ только въ Москву, а не къ другимъ государствамъ, развѣ получить на то согласіе царское; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначаетъ ему преемника. Вѣсть объ этой сдѣлкѣ съ Фюрстенбергомъ сильно обезпокоила короля Сигизмунда-Августа; но въ январѣ 1565 года пришло другое извѣстіе, что Фюрстенбергъ, сбираясь отправиться въ Ливонію, умеръ. Въ это время особенною благосклонностію царя пользовались двое плѣнныхъ ливонскихъ дворянъ—Іоганнъ Таубе и Элертъ Крузе; они не переставали утверждать Іоанна въ мысли дать Ливоніи особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ Московскому государю, и, по смерти Фюрстенберга, указывали ему на двухъ людей, способныхъ замѣнить его, именно: на преемника Фюрстенберга, Кетлера, теперь герцога Курляндскаго, и на Датскаго принца Магнуса, владѣтеля Эзельскаго. Чтобъ вести дѣло успѣшнѣе на мѣстѣ, Таубе и Крузе отправились въ Дерптъ, и оттуда написали сперва къ Кетлеру: тотъ отказался; тогда они обратились къ Магнусу, который принялъ предложеніе, и, въ 1570 году, пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Іоаннъ объявилъ его королемъ Ливонскимъ и женихомъ племянницы своей Евфиміи, дочери Владиміра Андреевича. Жителямъ Дерпта позволено было возвратиться въ отечество. Магнусъ далъ присягу въ вѣрности на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Если царь самъ выступитъ въ походъ и позоветъ съ собою короля Магнуса, то послѣдній обязанъ привести съ собою 1,500 конницы и столько же пѣхоты; если же царь самъ не выступитъ въ походъ, то и Магнусъ не обязанъ выступать; войско Магнусово получаетъ содержаніе изъ казны царской; если Магнусъ поведетъ свое войско отдѣльно отъ царя, то считается выше всѣхъ воеводъ московскихъ; если же Магнусъ не захочетъ самъ участвовать въ походѣ, то обязанъ внести въ казну царскую за каждаго всадника по три талера, а за каждаго пѣхотинца по полтора. Если самъ царь лично не ведетъ своихъ войскъ, то Магнусъ не обязанъ присылать ни людей, ни денегъ до тѣхъ поръ, пока вся Ливонія совершенно будетъ успокоена. 2) Если Магнусъ будетъ вести войну въ Ливоніи, и царь пришлетъ туда же московскихъ воеводъ, то король имѣетъ верховное начальство надъ войскомъ, совѣтуясь съ воеводами. 3) Магнусу, его наслѣдникамъ и всѣмъ жителямъ Ливоніи даруются всѣ прежнія права, вольности суды, обычаи. 4) Сохраняютъ они свою религію Аугсбургскаго исповѣданія. 5) Города ливонскіе торгуютъ въ Московскихъ областяхъ безпошлинно и безъ всякихъ зацѣпокъ. Наоборотъ: король Магнусъ даетъ путь чистый въ Московскія области всѣмъ заморскимъ купцамъ съ всякимъ товаромъ, также всякимъ художникамъ, ремесленникамъ и военнымъ людямъ. 6) Если Рига, Ревель и другіе города ливонскіе не признаютъ Магнуса своимъ королемъ, то царь обязывается помогать ему противъ всѣхъ городовъ и противъ всякаго непріятеля. 7) По смерти Магнуса и потомковъ его, преемникъ избирается по общему согласію всѣхъ Ливонцевъ.

Перемиріе, заключенное между Іоанномъ и Сигизмундомъ-Августомъ, не позволяло новому Ливонскому королю дѣйствовать противъ городовъ, занятыхъ польскими гарнизонами; но второй по значительности, по богатству городъ въ Магнусовомъ королевствѣ, Ревель, былъ занятъ Шведами. Мы видѣли, что, желая обратить всѣ свои силы противъ непріятеля опаснѣйшаго, противъ Литвы, Іоаннъ желалъ сохранить миръ съ Швеціею, несмотря на захваченіе Ревеля; въ 1563 году Іоаннъ заключилъ съ королемъ Эрикомъ новое перемиріе на семь лѣтъ; Эрикъ опять настаивалъ на томъ, чтобъ ему сноситься прямо съ царемъ, и опять получилъ рѣшительный отказъ; царь велѣлъ отписать къ Эрику о безлѣпостномъ и неудовольственномъ его писаніи, писалъ къ нему въ своей грамотѣ многія странныя и подсмѣятельныя слова на укоризну его безумія, да и то написалъ: когда его царское величество будетъ съ своимъ Дворомъ витать на шведскихъ островахъ, тогда королевское повелѣніе крѣпко будетъ; написалъ, что требованіе королевское—сноситься прямо съ царемъ—такъ

отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли. Но скоро между обоими государями завязались очень дружественныя, непосредственныя сношенія. Мы должны нѣсколько остановиться на характерѣ Эрика, потому что онъ въ нѣкоторыхъ чертахъ можетъ служить намъ объясненіемъ характера Іоаннова. Густавъ-Ваза оставилъ четверыхъ сыновей: старшій, Эрикъ, получилъ королевское достоинство, трое остальныхъ — герцогства: Іоаннъ — Финляндское, Магнусъ—Остерготландское, Карлъ—Зедерманландское. Въ какихъ понятіяхъ о своемъ положеніи утверждался Эрикъ, всего лучше видно изъ разговора его съ любимцемъ своимъ Персономъ: „Покойный батюшка", сказалъ однажды король: „поставилъ меня въ тяжелое положеніе, раздавши герцогства братьямъ".—„Покойный король", возразилъ Персонъ, „извинялся тѣмъ, что было бы гораздо хуже, еслибъ ваши братья были менѣе могущественны, чѣмъ вельможи; усобицу между королемъ и могущественными братьями предпочелъ онъ изгнанію королевскаго дома изъ государства и возвращенію чуждаго владычества. Онъ хорошо зналъ, что въ случаѣ усобицы между братьями Швеція все же останется за его родомъ; но будетъ отнята у него, если власть вельможъ усилится, чему стоящій надъ ними могущественный герцогъ легко можетъ воспрепятствовать". Отсюда Эрикомъ, какъ Іоанномъ, овладѣла бояробоязнь, побѣдить которую они оба были не въ состояніи; но понятно, что подозрѣніе, боязнь относительно вельможъ нисколько не исключали въ Эрикѣ подозрѣнія, боязни относительно братьевъ, и скоро поведеніе Іоанна, герцога Финляндскаго, дало поводъ къ усиленію этихъ чувствъ. Занятіе Ревеля влекло Швецію и къ войнѣ съ Польшею, ибо Сигизмундъ-Августъ, подобно Іоанну Московскому, объявлялъ притязанія на всѣ орденскія владѣнія; война началась дѣйствительно: шведскій генералъ Горнъ взялъ у Поляковъ Пернау и Ваттештейнъ. Въ это время Іоаннъ Финляндскій объявилъ себя на сторонѣ Польши, сталъ совѣтовать брату заключить союзъ съ нею противъ Москвы и уступить Сигизмунду-Августу всѣ занятыя Шведами мѣста въ Ливоніи; мало того: Іоаннъ женился на сестрѣ Сигизмунда-Августа, Екатеринѣ, за которую, какъ мы видѣли, безуспѣшно сватался царь; далъ шурину значительную сумму денегъ и въ залогъ взялъ нѣсколько мѣстъ въ Ливоніи; условія брачнаго договора остались тайною для Эрика; но разсказывали, что Іоаннъ въ немъ обѣщался вести себя, какъ свободный и самостоятельный государь. Эрикъ приказалъ финляндскому дворянству двинуться въ Ливонію противъ Поляковъ, а Іоанну явиться въ Стокгольмъ предъ судъ, за союзъ съ врагами государства. Іоаннъ отвѣчалъ тѣмъ, что заключилъ въ темницу посланцовъ королевскихъ, призвалъ Финновъ къ оружію, потребовалъ отъ нихъ присяги себѣ, какъ отдѣльному владѣльцу, и обратился съ просьбою о помощи въ Польшу и Пруссію. Шведскіе государственные чины приговорили его къ смерти; осажденный королевскимъ войскомъ въ Або и не получая ни откуда помощи, онъ послѣ двухъ мѣсяцевъ принужденъ былъ сдаться, отвезенъ въ Швецію и заключенъ въ Грипсгольмскомъ замкѣ вмѣстѣ съ женою, которая отказалась разлучиться съ нимъ. Эрикъ не казнилъ брата, вопреки совѣту Персона, и въ остальное время колебался между страхомъ и раскаяніемъ, удалился отъ вельможъ, окружилъ себя любимцами низкаго происхожденія, которые, для собственныхъ выгодъ, все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ подозрительность, сдѣлали его мрачнымъ, суровымъ и наконецъ довели до припадковъ сумасшествія и бѣшенства. Слѣдствіемъ этого было, то, что въ 1562 году въ Швеціи состоялся только одинъ смертный приговоръ, а въ 1563—пятьдесятъ, изъ нихъ тридцать два по дѣлу герцога Іоанна; всего до октября 1567 года осуждено было на смерть 232 человѣка; слова, знаки причислялись къ государственнымъ преступленіямъ. Въ то же время, даже въ припадкахъ сумасшествія, Эрикъ обнаруживалъ сильную умственную дѣятельность: никто не писалъ такъ много и такъ скоро, какъ онъ. Находясь въ войнѣ съ Польшею и Даніею, Эрикъ естественно долженъ былъ желать сближенія съ царемъ Московскимъ; сближеніе это произошло вслѣдствіе того, что Эрикъ обязался выдать Іоанну невѣстку свою Екатерину, жену заключеннаго герцога Финляндскаго, за что царь уступалъ ему Эстонію, обѣщался помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и Ганзейскими городами. Послѣ Іоаннъ оправдывалъ свое желаніе имѣть въ рукахъ Екатерину тѣмъ, что будто бы Эрикъ самъ предложилъ ее выдать, объявивши о смерти мужа ея; что онъ, Іоаннъ, вовсе не хотѣлъ жениться на ней или держать ее наложницею, но хотѣлъ имѣть ее въ своихъ рукахъ въ досаду брату ея, Польскому королю, врагу своему,—хотѣлъ чрезъ это вынудить у него выгодный для себя миръ. Московскіе послы явились въ Швецію, чтобъ, по обычаю, взять у короля присягу въ исполненіи договора; но Эрикъ не могъ исполнить его: онъ освободилъ брата Іоанна изъ заключенія; въ припадкѣ сумасшествія, ему казалось, что онъ самъ уже въ заключеніи, а братъ царствуетъ. Московскіе послы ждали цѣлый годъ: приходили къ нимъ вельможи съ объясненіемъ, что нельзя исполнить желанія царя и выдать ему Екатерину, что это богопротивное дѣло и безславное для самого царя; послы отвѣчали: „Государь нашъ беретъ у вашего государя сестру Польскаго короля Екатерину для своей чести, желая повышенья надъ своимъ недругомъ и надъ недругомъ вашего государя, Польскимъ королемъ". Когда хотѣли перевести пословъ изъ Стокгольма въ село подъ предлогомъ лучшаго помѣщенія, то они объявили, что по своей волѣ не переѣдутъ, а пусть король дѣлаетъ, что хочетъ: ихъ вины передъ нимъ нѣтъ, пословъ въ село отсылаютъ за вину. Наконецъ ихъ допустили къ королю, который сказалъ имъ: „Мы не дали вамъ до сихъ поръ отвѣта потому,

что здѣсь начались дурныя дѣла отъ дьявола и отъ злыхъ людей, и, кромѣ того, Датская война намъ мѣшала". Потомъ Эрикъ, убѣждаясь въ необходимости схватить вторично брата, приказывалъ сказать посламъ, что выдастъ имъ Екатерину. Однажды пришелъ къ посламъ „дѣтинка молодъ, королевскій жилецъ": извѣстно, что Эрикъ, боясь вельможъ, бралъ изъ школъ молодыхъ людей и давалъ имъ разныя порученія; молодой дѣтинка объявилъ, что прислалъ его король и велѣлъ говорить, чтобъ послы короля съ собою на Русь взяли,—боится онъ бояръ своихъ, и воли ему ни въ чемъ нѣтъ. 29 сентября 1568 года вспыхнуло возстаніе противъ Эрика, который призвалъ московскихъ пословъ и объявилъ имъ объ этомъ. Послы спросили: какъ давно дѣло началось? Эрикъ отвѣчалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ отъ васъ изъ Руси послы мои пришли. Я былъ тогда въ Упсалѣ; у нихъ начала быть тайная измѣна, и я былъ у нихъ запертъ; если бы не пришли въ мою Землю датскіе люди, то мнѣ бы еще на своей волѣ не быть; но какъ датскіе люди пришли, то меня выпустили для того, что некому Землю оборонять, и съ тѣхъ поръ стало мнѣ лучше. Если братъ Яганъ (Іоаннъ) меня убьетъ или въ плѣнъ возьметъ, то царь бы Ягана королемъ не держалъ". О Екатеринѣ Эрикъ сказалъ: „Я велѣлъ то дѣло посулить въ случаѣ, если Ягана въ живыхъ не будетъ; я съ братьями и съ Польскимъ королемъ, и съ другими пограничными государями со всѣми въ недружбѣ за это дѣло. А другимъ чѣмъ всѣмъ я радъ государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на Бога да на вашего государя; а тому какъ статься, что у живого мужа жену взять?" Возстаніе кончилось низложеніемъ Эрика съ престола и возведеніемъ брата его Іоанна; при этомъ возстаніи солдаты ворвались къ московскимъ посламъ и ограбили ихъ. Новый король прислалъ въ Москву просить опасной грамоты для своихъ пословъ; опасную грамоту дали; но когда шведскіе послы пріѣхали, то ихъ ограбили и объявили имъ: „Яганъ король присылалъ къ царю и великому князю бить челомъ, чтобъ велѣлъ государь дать опасную грамоту на его пословъ и велѣлъ своимъ Новгородскимъ намѣстникамъ съ нимъ миръ и сосѣдство учинить по прежнимъ обычаямъ. По этой грамотѣ царь и великій князь къ Ягану королю писалъ и опасную грамоту ему послалъ. Но Яганъ король, не разсмотря той отписки и опасной государевой грамоты, прислалъ пословъ своихъ съ бездѣльемъ, не по опасной грамотѣ. Яганъ пишетъ, чтобъ заключить съ нимъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ царское величество пожаловалъ-было брата его, Эрика короля, принялъ въ докончаніе для сестры Польскаго короля Екатерины. Если Яганъ король и теперь Польскаго короля сестру, Екатерину королеву, къ царскому величеству пришлетъ, то государь и съ нимъ заключитъ миръ по тому приговору, какъ дѣлалось съ Эрикомъ королемъ; съ вами о королевнѣ Екатеринѣ приказъ есть ли?" Послы отвѣчали: „Мы о Ягановой присылкѣ не знаемъ, что онъ къ царю писалъ; а пріѣхали мы отъ своего государя не браниться,—пріѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ государю нашему съ царемъ миръ и сосѣдство сдѣлать, и что съ нами государь нашъ наказалъ, то мы и говоримъ". Посламъ объявили, что ихъ сошлютъ въ Муромъ; они стали бить челомъ боярамъ, чтобъ царь съ нихъ опалу снялъ и велѣлъ Новгородскому намѣстнику заключить миръ съ ихъ королемъ по старинѣ, но съ тѣмъ, чтобъ въ королеву сторону написаны были тѣ города ливонскіе, которые царь уступилъ Эрику. Но тутъ явился въ Москву герцогъ Магнусъ, который, по увѣренію шведскихъ пословъ, много надѣлалъ имъ вреда, сильно раздраживъ противъ нихъ царя. Бояре приговорили, что шведскихъ пословъ надобно задержать; а государю дѣлать бы теперь ливонское дѣло и выслушать челобитье Датскаго королевича Магнуса, какимъ образомъ тому дѣлу быть пригоже; и какъ тѣ дѣла повершатся, тогдабъ государю шведскимъ дѣломъ промышлять. Царь, выслушавъ приговоръ, приказалъ шведскихъ пословъ отпустить въ Муромъ, и 21 августа 1570 года Магнусъ подошелъ къ Ревелю съ 25,000 русскаго войска и съ большимъ отрядомъ изъ Нѣмцевъ, потому что къ нему пристало много дворянъ и городскихъ жителей. Увѣщательная грамота, посланная къ Ревельцамъ, не подѣйствовала, и Магнусъ повелъ осаду; принудить жителей къ сдачѣ голодомъ не было никакой возможности, потому что шведскіе корабли снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ; обстрѣливаніе города также не причинило ему большого вреда; Магнусъ отправилъ въ Ревель своего придворнаго проповѣдника увѣщевать осажденныхъ къ сдачѣ; но и это не помогло. Тогда Магнусъ, видя неудачу, сорвалъ сердце на Таубе и Крузе,—сложилъ на нихъ всю вину, что они своими обѣщаніями привели его подъ Ревель, и, простоявши 30 недѣль подъ этимъ городомъ, 16 марта 1571 года зажегъ лагерь и отступилъ. Русскія войска отправились по дорогѣ къ Нарвѣ; Нѣмцы хотѣли-было взять Виттенштейнъ, но и это не удалось, послѣ чего Магнусъ удалился въ Оберпаленъ. Таубе и Крузе, боясь отвѣтственности за неудачу предъ царемъ, которому они также обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля, уѣхали въ Дерптъ, оттуда завели сношеніе съ королемъ Польскимъ, обѣщая овладѣть Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣ же выгоды, какими пользовались они въ Москвѣ. Сигизмундъ-Августъ принялъ предложеніе, и они подговорили Розена, начальника нѣмецкой дружины, находившейся въ русской службѣ въ Дерптѣ, напасть врасплохъ на Русскихъ въ воскресный день, въ послѣобѣденное время, когда тѣ, по обыкновенію своему, будутъ спать. Сначала заговорщики имѣли-было успѣхъ: перебили стражу, отворили тюрьмы, выпустили заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать заговорщикамъ; но когда послѣдніе обра-

тились къ жителямъ, призывая ихъ къ оружію, то тѣ въ ужасѣ заперлись въ домахъ; русскіе дѣти боярскія и стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ, заперлись также въ домахъ и вооружились; къ нимъ на помощь подоспѣли изъ посада расположенные тамъ стрѣльцы, также русскіе купцы съ оружіемъ всякаго рода, и заставили отрядъ Розена очистить городъ, причемъ раздраженные побѣдители не пощадили жителей, подозрѣвая ихъ въ соумышленничествѣ съ заговорщиками. Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки изъ Дерпта, и теперь, видя неудачу заговора, отправились къ Польскому королю, который принялъ ихъ очень благосклонно. Магнусъ, узнавши о дерптскихъ событіяхъ, испугался царскаго гнѣва; отправивъ къ Іоанну грамоту съ увѣреніями, что ничего не зналъ о заговорѣ, онъ счелъ за нужное выѣхать изъ Оберпалена, и отправился въ прежнее свое владѣніе, на островъ Эзель. Но Іоаннъ спѣшилъ успокоить Магнуса, и когда невѣста его, Евфимія, умерла, предложилъ ему руку младшей сестры ея, Маріи; Магнусъ согласился и прежнія отношенія возстановились.

Упорство Іоанна относительно пріобрѣтенія Прибалтійскихъ областей всего лучше понимали и оправдывали враги его. Такъ Сигизмундъ-Августъ, старавшійся прекратить торговлю съ Нарвою, писалъ по этому поводу къ Елисаветѣ, королевѣ Англійской: „Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; привозятъ не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему не извѣстно?“ Англійское правительство не обращало вниманія на эти опасенія сосѣдей Іоанновыхъ и продолжало сношенія съ Москвою, стараясь доставить здѣсь своимъ подданнымъ какъ можно болѣе торговыхъ выгодъ; но царь, при дружелюбныхъ сношеніяхъ своихъ съ Елисаветою, имѣлъ въ виду еще и другое, кромѣ торговли. Если пріятель его, Эрикъ Шведскій, просилъ московскихъ пословъ, чтобъ взяли его въ Русь, то Іоаннъ просилъ Елисавету дать ему убѣжище въ Англіи, если будетъ изгнанъ изъ отечества; Елисавета отвѣчала, что если когда-либо ея дорогой братъ, великій императоръ и великій князь, будетъ принужденъ оставить свою страну вслѣдствіе ли заговора, или нападенія внѣшняго врага, то она приметъ его, жену его и дѣтей съ почестями, подобающими такому великому государю; что онъ будетъ проводить жизнь въ полной свободѣ и спокойствіи со всѣми тѣми, кого привезетъ съ собою, и будетъ пользоваться полною свободою относительно вѣры; будетъ отведено ему удобное мѣсто, гдѣ онъ и можетъ жить на своемъ содержаніи, сколько времени ему будетъ угодно [1]).

Обратившi все вниманіе свое на Ливонію, Іоаннъ хотѣлъ быть спокоенъ со стороны Крыма. Онъ думалъ, что, послѣ дѣйствій Вишневецкаго, Ржевскаго, Адашева и послѣ взятія Полоцка, ханъ могъ убѣдиться въ безполезности вражды съ могущественною Москвою и союза съ слабою Литвою. Чтобъ попытаться, нельзя ли склонить Девлетъ-Гирея къ миру, отправился въ Крымъ большой посолъ Аѳанасій Нагой. Завоеватель Казани и Астрахани въ грамотѣ своей къ Крымскому хану не хотѣлъ употреблять прежнихъ почтительныхъ выраженій, писать челобитье; Іоаннъ писалъ: „Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, Московскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астраханскаго, Нѣмецкаго и иныхъ—Великія Орды великому царю, брату моему Девлетъ-Гирею царю съ поклономъ слово“. И въ Крыму перемѣнили прежнее поведеніе относительно московскихъ пословъ; Нагой писалъ, что когда онъ шелъ къ хану и отъ хана, то зацѣпки ему не было никакой; встрѣчники и придверники о пошлинахъ не поминали. Посолъ такъ говорилъ хану именемъ своего государя: „Изначала дѣдъ нашъ, великій государь Иванъ, съ твоимъ дѣдомъ Менгли-Гиреемъ царемъ дружбу и любовь держали великую, и кому изъ нихъ надъ недругомъ Богъ помощь подастъ, другъ ко другу сеунчей (вѣстниковъ побѣды) посылывали, сами тому радовались, людей между собою жаловали и богатили; недруги ихъ подъ ихъ ногами были, а друзья ихъ, то слыша, радовались. Этою зимою ходили мы недруга своего короля воевать, сѣдши сами на-конь и со всѣми ратями своими многихъ земель, въ королеву землю пришли и, слава Богу, городъ Полоцкъ взяли. Мы было-хотѣли и къ Вильнѣ идти, но рада королева большая къ нашимъ боярамъ прислана бить челомъ, чтобъ бояре упросили насъ изъ Земли воротиться, а государь ихъ король сейчасъ же пришлетъ къ намъ пословъ своихъ бить челомъ о своемъ неисправленіи. Бояре наши били челомъ брату нашему, князю Владиміру Андреевичу, и вмѣстѣ съ нимъ, падши къ нашимъ ногамъ, говорили: „Великій государь! вѣра у васъ съ королемъ одна, болѣе кровь зачѣмъ проливать? Недруга своего Земли ты воевалъ, рати твои богатствомъ и плѣномъ наполнились, городъ у него

[1]) Дѣла Польскія № 6, 7, 9 — всѣ; Акты истор. I, № 168, 169; Акты Западн. Росс. III, № 35, 41; Nowakowskiego Zródla do dsiejów Polski, I, p. 193. Метрика Литов. I, № 130, 152, 163; С. г. г. и д. I, № 192; Histor. Russ. Monumenta, I, № CXLV, CLI; Monum. Liv. antiquæ I, 267 и слѣд., II, 68 и слѣд.; Александро-Нев. лѣтоп. 951: — Geijer Geschichte Schwedens, II, 151 и слѣд. Monumenta Liv. antiquæ, I, 270; Дѣла Шведскія, № 2; Beiträge zur Kenntniss Ruslands von Ewers und Engelhardt, p. 145, 168. Hacluyt's Collection, I, 378; грамота Елисаветы въ Москов. арх. мин. ин. д.

лучшій ты взялъ, недругъ твой прислалъ къ тебѣ бить челомъ и въ твоей волѣ хочетъ быть!"—И мы, не хотя братняго и боярскаго челобитья оскорбить, на свое государство пришли". Въ наказѣ Нагому было написано: „Если станутъ спрашивать о Казани, то отвѣчать: О Казани что́ и говорить! Казань во всей государской волѣ, церкви въ городѣ и по уѣздамъ многія поставлены, въ городѣ и на посадѣ все русскіе люди живутъ, и многія земли роздалъ государь княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья; этою зимою было на государской службѣ въ Литовской Землѣ однихъ казанскихъ людей съ 50,000, кромѣ русскихъ людей; астраханскихъ людей было тысячи съ двѣ, а въ дальніе походы государь астраханскихъ людей не беретъ, потому что имъ ходить далеко, а велѣлъ имъ государь ходить на тамошнія службы — въ Шавкалы, въ Юргенчъ, въ Дербентъ и въ иныя мѣста, куда государскіе воеводы пошлютъ.—Если вспомнятъ при какомъ-нибудь случаѣ о великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и о царѣ Узбекѣ, и если самъ царь начнетъ говорить, то послу отвѣчать, что онъ еще молодъ, тѣхъ дѣлъ не слыхалъ, то вѣдаетъ Богъ да вы, государи; а если станутъ объ этомъ говорить безъ царя князья, то отвѣчать, что такіе разговоры къ доброму дѣлу нейдутъ, то дѣло было невзгодою государя нашего прародителей, а теперь Божіею волею Узбековъ юртъ у кого въ рукахъ?—сами знаете; извѣстно, отъ кого на томъ юртѣ посланники и воеводы сидятъ; и по Узбекову юрту кому къ кому слѣдуетъ поминки посылать—знаете: Узбекъ и князь великій Иванъ уже минулися, а что теперь, то всѣми видимо, и что видимо, то минувшаго крѣпче; во всѣхъ государствахъ Богъ сегодня то повыситъ, а завтра иное".

На рѣчи Нагого ханъ отвѣчалъ: „Король мнѣ даетъ казну ежегодно, а государь вашъ со мною бранится и казны и поминковъ, какъ было при прежнихъ царяхъ, не посылаетъ; если государь вашъ хочетъ со мною дружбы, то давай мнѣ казну, какъ давалъ Саипъ-Гирею царю, да и ту мнѣ казну давай же, что мнѣ король даетъ, да и сверхъ королевой казны поминки дай; а если не дастъ мнѣ казны и поминковъ, то мнѣ съ государемъ вашимъ для чего мириться и королеву казну изъ чего потерять?" Нагой отвѣчалъ: „Государю моему казны къ тебѣ не присылывать, и въ пошлину государь нашъ никому не даетъ ничего, государь нашъ дружбы не покупаетъ: станется между вами доброе дѣло, такъ государь нашъ тебѣ за поминки не постоитъ". Ханъ жаловался, что Іоаннъ велѣлъ схватить въ Путивлѣ посла его и держать въ Москвѣ подъ стражею; Нагой отвѣчалъ, что это сдѣлалось по распоряженію измѣнниковъ, которые были въ приближеніи у государя; но что теперь эти люди въ опалѣ. Одинъ изъ князей говорилъ Нагому: „Татаринъ любитъ того, кто ему больше дастъ, тотъ ему и другъ". Мирныя предложенія со стороны Іоанна дали хану случай торговаться съ королемъ: когда послѣдній прислалъ ему казну 36 телѣгъ со всякою рухлядью, то ханъ велѣлъ сказать ему, чтобъ присылалъ вдвое, иначе онъ помирится съ Московскимъ и будетъ съ нимъ вмѣстѣ Литву воевать. Взявши казну отъ короля, ханъ дожидался богатыхъ поминковъ изъ Москвы, чтобъ помириться и съ нею, и потомъ смотрѣть, кто будетъ щедрѣе. Новый посолъ царскій, Ржевскій, привезъ хану такіе поминки, которые ему очень полюбились; онъ оказалъ обоимъ посламъ, Ржевскому и Нагому, большія почести, даже ободрилъ ихъ, чего прежде не бывало, и далъ шертную грамоту царю.

Крымскіе ханы, по разбойничему характеру своей орды, не могли постоянно и долго имѣть въ виду высшихъ интересовъ: напуганный Ржевскимъ, Вишневецкимъ, Адашевымъ, прельщенный богатыми подарками, Девлетъ-Гирей позабылъ на время о Казани и Астрахани; но мысль о нихъ, мысль о томъ, что христіанскія церкви поставлены въ древнемъ убѣжищѣ мусульманства, безпокоила другого владѣльца, который считалъ себя главою мусульманскаго міра,—султана Турецкаго. Отдаленность и другія заботы помѣшали Солиману II-му непосредственно заступиться за Казань и Астрахань; онъ поручилъ это дѣло Крымцамъ и Ногаямъ; но мы видѣли, какъ они исполнили его порученіе. Теперь, управившись съ дѣлами и слыша жалобы магометанъ, Солиманъ рѣшился заняться сѣверомъ и отправить войско для завоеванія Астрахани. Но этого намѣренія прежде всего испугался Крымскій ханъ: зависимость отъ Турокъ сильно тяготила его; боясь болѣе всего увеличенія турецкаго могущества на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, на Дону и на Волгѣ, онъ всѣми силами началъ отвращать султана отъ похода на Астрахань; притомъ онъ зналъ, что вся тяжесть этого похода должна пасть на него: Крымцы любили только предпринимать опустошительные набѣги съ вѣрною надеждою на добычу, а теперь заставятъ ихъ предпринять трудный походъ, успѣхъ котораго былъ очень сомнителенъ, заставятъ осаждать городъ, биться съ Русскими, которые нелегко поддаются, и, въ случаѣ даже успѣха, грабить своихъ Татаръ имъ не дадутъ, а московскіе плѣнники достанутся Туркамъ. Нагой далъ знать Іоанну, что въ сентябрѣ 1563 года Турскій *хункеръ* (султанъ) прислалъ къ Девлетъ-Гирею чауша, съ приказаніемъ къ веснѣ запасъ готовить и лошадей кормить, а на весну идти на Астрахань; съ ханомъ Турскій посылаетъ своихъ царевичей; съ ними многихъ людей и янычаръ; велѣлъ Турскій хану приготовить тысячу телѣгъ подъ нарядъ; пойдутъ Турки съ большимъ нарядомъ на судахъ Дономъ до рѣчки Иловли, на устьи Иловли класть имъ нарядъ и телѣги въ малыя суда и плыть Иловлею вверхъ до рѣчки Черепахи, до которой отъ Иловли будетъ у нихъ переволока (въ нынѣшней Качалинской станицѣ) верстъ съ семь, а рѣчкою Черепахою идти имъ внизъ до Волги; за Волгу возиться имъ противъ Черепашскаго устья на Ногайскую сторону,

и идти къ Астрахани сухимъ путемъ. Присылали къ Турскому бить челомъ Черкесы, также астраханскіе, ногайскіе и казанскіе люди, чтобъ Турскій послалъ людей на Астрахань, а они съ ними всѣ готовы вмѣстѣ промышлять; астраханскіе Татары ждутъ только приходу турскихъ людей, хотятъ городъ взять. Большая досада Турскому на государя за то, что когда бусурманы съ Прикавказья и изъ другихъ государствъ поѣдутъ на Астрахань къ Магометову гробу, то московскіе воеводы въ Астрахани ихъ не пропускаютъ. Девлетъ-Гирей отпустилъ чауша съ тѣмъ, что государь Московскій съ нимъ мирится, и послалъ своего человѣка къ Турскому отговорить, чтобъ къ Астрахани людей не посылалъ: „И возьмешь теперь Астрахань у великаго князя, все же ея теперь не удержать: опять ее великій князь возьметъ; только людей потеряешь, а корысти не получишь". Нагой заключаетъ свое донесеніе слѣдующимъ извѣстіемъ: „Обѣдалъ у Ржевскаго ага янычарскій, который у хана живетъ съ янычарами; мы и стали его для вѣстей поить, и какъ онъ опьянѣлъ, то началъ намъ сказывать, что Турскій на весну къ Астрахани непремѣнно посылаетъ многихъ людей и хану велитъ идти; что у Турскаго нарядъ, и для подкоповъ буравы, заступы, топоры, лопаты и корыта—къ веснѣ все готово; но ханъ къ Астрахани идти не хочетъ и Турскому отговариваетъ". Съ такими же вѣстями присылалъ самъ ханъ въ Москву; по словамъ его гонца, султанъ приказалъ на переволокѣ городъ поставить, а другой городъ противъ переволоки на Волгѣ, и между этими двумя городами переволоку прокопать и воду пропустить, чтобъ можно было этимъ мѣстомъ нарядъ везти, а пришедши къ Астрахани, поставить тамъ третій городъ и Астрахань покорить султану. Но вмѣстѣ съ этимъ ханъ извѣщалъ, что султанъ послушался его и отложилъ походъ.

Довольный поведеніемъ хана и шертною грамотою, Іоаннъ отправилъ къ нему третьяго посла, Писемскаго, съ поминками, причемъ писалъ ему: „Въ которомъ платьѣ мы тебѣ, брату своему, клятву дали, и мы то платье съ своихъ плечъ тебѣ, брату своему, послали, и ты-бъ, братъ нашъ, то платье и носилъ на здоровье; а изъ которой чары мы пили,—и мы ту чару съ черпалкою послали къ тебѣ же; и ты-бъ изъ нея пилъ на здоровье". Но долго жить въ согласіи съ ханомъ было нельзя: Нагой обѣщалъ Девлетъ-Гирею, что царь будетъ присылать ему такіе же поминки, какіе присылались Саипъ-Гирею: ханъ согласился; но Татары его не соглашались, требовали такихъ поминковъ, какіе отецъ Іоанновъ присылалъ Магмедъ-Гирею; наконецъ всѣ согласились на Саипъ-Гиреевыхъ поминкахъ, и Нагой сбирался уже выѣхать изъ Крыма, какъ пріѣхалъ гонецъ литовскій съ извѣстіемъ, что король посылаетъ двойную казну и берется присылать Саипъ-Гиреевскіе поминки, которые обѣщаетъ царь, если только ханъ разорветъ съ Москвою. Это дало хану поводъ торговаться съ московскимъ посломъ; онъ послалъ спросить Нагого: ручается ли онъ, что царь пришлетъ ему Магметъ-Гиреевскіе поминки? Нагой отвѣчалъ, что не ручается, и тогда ханъ рѣшилъ, что королева дружба выгоднѣе, и выступилъ къ Московскимъ украйнамъ, ибо король писалъ ему, что всѣ царскія войска на ливонской границѣ. Дѣйствительно, вслѣдствіе шертной грамоты Девлетъ-Гиреевой, украйна была обнажена отъ войскъ, въ Рязани не было ни одного ратника; несмотря на то, Рязанцы, подъ предводительствомъ любимца Іоаннова, Алексѣя Басманова, и сына его Ѳедора, отбили всѣ приступы Татаръ, и ханъ, услыхавъ о приближеніи московскихъ воеводъ, не сталъ ихъ дожидаться и ушелъ назадъ, потерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ, потому что отдѣльные отряды его, разсѣявшіеся для грабежа, были побиты.

Опять, слѣдовательно, Іоанну нужно было не спускать глазъ съ южной украйны, или тягаться съ королемъ на крымскомъ аукціонѣ, наддавать поминки разбойникамъ. Ханъ не отступался отъ своихъ требованій: чтобъ заставить царя согласиться на Магметъ-Гиреевскіе поминки, онъ сталъ требовать Казани и Астрахани; требовать, чтобъ Іоаннъ посадилъ въ Казани сына его, Адыл-Гирея. Нагой отвѣчалъ на это требованіе: „Какъ тому статься? Въ Казани, въ городѣ и на посадѣ, и по селамъ государь нашъ поставилъ церкви, навелъ русскихъ людей, села и волости раздавалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья; а большихъ и среднихъ казанскихъ людей, Татаръ, всѣхъ вывелъ, подавалъ имъ въ помѣстья села и волости въ московскихъ городахъ, а инымъ въ новгородскихъ и псковскихъ: да въ Казанской же Землѣ государь поставилъ семь городовъ: на Свіягѣ, на Чебоксарѣ, на Сурѣ, на Алтырѣ, на Курмышѣ, въ Арскѣ и городъ Лаишевъ". Въ Москвѣ гонцамъ ханскимъ, присланнымъ съ требованіемъ Казани и Астрахани, данъ былъ отвѣтъ, что это требованіе къ доброму дѣлу нейдетъ. Гонцамъ за столомъ даны были, по обычаю, шубы, но полегче тѣхъ, которыя давались прежде; одинъ изъ гонцовъ сталъ жаловаться на это; въ отвѣтъ самъ царь сказалъ ему: „За то ли васъ намъ жаловать, что царь вашъ нарушилъ клятву, Рязань повоевалъ, а теперь Казани да Астрахани проситъ? Города и земли за чашею да за хлѣбомъ не берутся". Быть можетъ, самъ ханъ и позабылъ бы о Казани и Астрахани, еслибъ ему не напоминали о нихъ. Нагой писалъ въ Москву: „Пришли въ Крымъ отъ Ногаевъ послы за миромъ, чтобъ съ ними ханъ помирился, и если онъ захочетъ воевать Казань и Астрахань, то они съ нимъ готовы идти. Вмѣстѣ съ ногайскими послами пришелъ въ Крымъ Казанецъ, Коштивлей уланъ, и говоритъ, что былъ съ Ногаями въ Москвѣ, гдѣ видѣлся съ двумя луговыми Черемисинами, Лаишемъ и Ламбирдеемъ; они приказали съ нимъ къ хану, чтобъ шелъ къ Казани или послалъ царевичей, а они всѣ ждутъ его приходу; какъ придетъ, всѣ ему передадутся и станутъ промышлять заодно надъ

Казанью. Съ другой стороны, Черкесы прислали говорить хану, что царь Иванъ ставитъ на Терекѣ городъ, и если онъ городъ поставитъ, то не только имъ пропасть, но и Тюменъ и Шевкалъ будутъ за Москвою". Ханъ отвѣчалъ Черкесамъ, что у него нѣтъ силы помѣшать царю ставить городъ; у него была сила только нападать врасплохъ на Московскія украйны, и осенью 1565 года онъ подступилъ съ пушками къ Болхову; но тамъ были воеводы съ людьми ратными: они сдѣлали удачную вылазку, не дали Татарамъ даже сжечь посада, а между тѣмъ двое воеводъ, князья Бѣльскій и Мстиславскій, уже приближались съ большимъ войскомъ,—ханъ, по обыкновенію, бѣжалъ назадъ.

И послѣ этого нападенія ханъ прислалъ въ Москву гонцовъ съ требованіями Казани и Астрахани для вѣчнаго мира, богатыхъ даровъ для перемирія; царь отвѣчалъ имъ: „Мы, государи великіе, бездѣльныхъ рѣчей говорить и слушать не хотимъ". Царь не позволялъ также хану возобновлять прежнее поведеніе относительно пословъ московскихъ; такъ въ наказѣ послу Алябьеву читаемъ: „Если станетъ ханъ говорить: посылалъ я къ брату своему, великому князю, гонца Мустафу съ добрымъ дѣломъ, а князь великій велѣлъ его ограбить Андрею Щепотьеву за то, что у Андрея Сулешъ взялъ имѣніе въ зачетъ нашихъ поминковъ; такъ я велю этотъ грабежъ Мустафѣ взять на тебѣ,—отвѣчать: которые поминки государь нашъ послалъ къ тебѣ съ Андреемъ Щепотьевымъ, эти поминки Андрей до тебя и довезъ; а Сулешъ у Андрея взялъ рухлядь силою; Андрей билъ тебѣ челомъ на Сулеша, а ты управы не далъ; Андрей билъ челомъ нашему государю, и государь велѣлъ ему за тотъ грабежъ взять на твоемъ гонцѣ; если же на мнѣ велишь взять что силою, то государь мой велитъ мнѣ взять вдвое на твоемъ послѣ, и впередъ къ тебѣ за то посла не пришлетъ никакого". Нагой уже давно жилъ въ Крыму и не хотѣлъ выѣхать оттуда безъ окончательнаго договора о мирѣ и безъ посла ханскаго. Однажды ханъ попросилъ у него шубы бѣличьей для одного князя; Нагой не далъ; тогда мурзы сказали ему: „Ты шубы не далъ, такъ царь нашъ наложилъ на тебя опалу, высылаетъ тебя вонъ, а что нашъ посолъ задержанъ въ Москвѣ, то Крымъ пустъ не будетъ,—много у нашего царя такихъ холопей, какіе на Москвѣ померли". Нагой отвѣчалъ: „Если царь вашъ отправитъ пословъ и насъ отпуститъ, то мы ѣхать ради; а станетъ высылать безъ пословъ и безъ дѣла, то мы не поѣдемъ; лучше намъ въ Крыму помереть, чѣмъ ѣхать безъ посла". Пребываніе Нагого въ Крыму было необходимо для вѣстей, которыя становились все важнѣе и важнѣе вслѣдствіе неудовольствій, обнаруживавшихся въ Казани и Астрахани, и замысловъ въ Константинополѣ. Такъ Нагой доносилъ царю, что писали къ хану изъ Казани двое знатныхъ людей и вся Луговая Черемиса, просили прислать къ нимъ сына съ воинскими людьми, и какъ къ нимъ царевичъ придетъ, то они отъ Московскаго государя отступятъ и станутъ промышлять надъ Казанскимъ острогомъ; а по всѣмъ селамъ московскіе служилые люди будутъ ихъ; и въ сборѣ у нихъ Луговой Черемисы 60,000. Ногайскіе князья также приказывали хану: „Пока мы были наги и безконны, до тѣхъ поръ мы дружили царю и великому князю; а теперь мы конны и одѣты: такъ если ты царевича въ Казань съ войскомъ отпустишь, то дай намъ знать, мы сыну твоему готовы на помощь". Ханъ не былъ въ состояніи отнять Казань у царя; но помириться ему съ Москвою было трудно; разбойники понимали, какая опасность грозитъ имъ отъ ея усиленія: „Была", пишетъ Нагой, „дума у царевичей; думали царевичи, карачеи, уланы, князья, мурзы и вся Земля, и придумали мириться съ королемъ; поѣхали къ царю и говорили ему, чтобъ помириться съ королемъ, а съ тобою, государемъ, не мириться: „помириться тебѣ съ Московскимъ", говорили они хану, „это значитъ—короля выдать; Московскій короля извоюетъ, Кіевъ возьметъ, станетъ по Днѣпру города ставить, и намъ отъ него не пробыть. Взялъ онъ два юрта бусурманскихъ, взялъ Нѣмцевъ; теперь онъ тебѣ поминки даетъ, чтобъ короля извоевать, а когда короля извоюетъ, то нашему юрту отъ него не пробыть; онъ и Казанцамъ шубы давалъ; но вы этимъ шубамъ не радуйтесь: послѣ того онъ Казань взялъ". Ханъ согласился съ ихъ мнѣніемъ и велѣлъ сказать Нагому, что не хочетъ быть въ мирѣ съ его государемъ. Нагой добился однако свиданія съ ханомъ, который сказалъ ему: „Ко мнѣ пришла вѣсть, что государь вашъ хочетъ на Терекѣ городъ ставить; если государь вашъ хочетъ быть со мною въ дружбѣ и братствѣ, то онъ бы города на Терекѣ не ставилъ, далъ бы мнѣ поминки Магметъ-Гиреевскіе,—тогда я съ нимъ помирюсь. Если же онъ будетъ на Терекѣ городъ ставить, то хотя давай мнѣ гору золотую—мнѣ съ нимъ не помириться, потому что побралъ онъ юрты бусурманскіе, Казань да Астрахань, а теперь на Терекѣ городъ ставитъ и несется къ намъ въ сосѣди". Въ томъ же смыслѣ ханъ послалъ грамоту самому Іоанну; царь приговорилъ съ боярами: отвѣчать, что Казани и Астрахани не отдастъ; на Терекѣ городъ построенъ для безопасности князя Темгрюка, тестя государева; а хочетъ ханъ, пусть пришлетъ царевича; государь выдастъ за него дочь Шигъ-Алееву и дастъ ему Касимовъ; Магметъ-Гиреевскихъ поминковъ не пошлетъ. Царь приговорилъ послать поминковъ на триста рублей, чтобъ съ ханомъ дѣла не порвать.

На предложеніе посадить сына въ Касимовѣ ханъ велѣлъ отвѣчать Нагому: „Просилъ я у вашего государя Казани и Астрахани; государь вашъ мнѣ этого не дастъ, а что мнѣ даетъ и на Касимовъ царевича проситъ,—того мнѣ не надобно: сыну моему и у меня есть что ѣсть; а не дастъ мнѣ государь вашъ Астрахани, такъ Турскій возьметъ же ее". Султанъ Селимъ, наслѣдникъ Солимана, дѣйствительно задумалъ опять о завоеваніи Астра-

хана. Нагой доносилъ: „Прислалъ Турскій весною (1567 года) къ хану съ грамотою; были у Турскаго изъ Хивы послы, да изъ Бухаръ, которые шли къ Меккѣ на Астрахань, и били челомъ Турскому, что государь Московскій побралъ юрты бусурманскіе, взялъ Казань да Астрахань, разорилъ бусурманство и учинилъ христіанство, воюетъ и другіе многіе бусурманскіе юрты; а въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему въ Астрахани тамги на день по тысячѣ золотыхъ. И Турскій писалъ къ хану, чтобъ шелъ съ сыновьями этою весною къ Астрахани, а онъ, султанъ, отъ себя отпускаетъ туда же Крымъ-Гирея царевича, да Касима князя и людей съ нарядомъ, чтобъ Астрахань взяли и посадили тамъ царемъ Крымъ-Гирея царевича". Самъ ханъ сказалъ Нагому: „Я бы съ государемъ вашимъ побранившись и помирился; да теперь на государя вашего поднимается человѣкъ тяжелый, Турскій царь, и меня на Астрахань посылаетъ; да и всѣ бусурманскія государства на государя вашего поднимаются за то, что государь вашъ побралъ бусурманскіе юрты". Нагой отвѣчалъ: „Астрахань государю нашему далъ Богъ, и стоитъ за нее Богъ же да государь нашъ; вѣдаешь и самъ, что государь нашъ сидитъ на своемъ конѣ, и недругамъ свою недружбу мстить". Ханъ сказалъ на это: „Оно такъ, государю вашему эти юрты Богъ поручилъ; но вѣдь и мы надѣемся на Бога же" Нагой отвѣчалъ: „Вѣкъ свой между собою государи ссылаются поминками, а царствами государи не ссужаются; этому статься нельзя".

Ханъ, попрежнему, боялся турецкаго сосѣдства болѣе, чѣмъ московскаго; онъ писалъ султану, что этимъ лѣтомъ къ Астрахани идти нельзя, потому что безводныхъ мѣстъ много, а зимою къ Астрахани идти—Турки стужи не поднимутъ, ктому же въ Крыму голодъ большой, запасами подняться нельзя; идти надобно ему съ сыновьями къ Астрахани на весну раньше и промышлять надъ городомъ; а если Астрахань не возьмутъ, то городъ поставить на Крымской сторонѣ, на старомъ городищѣ, и изъ него промышлять надъ Астраханью. Потомъ ханъ старался вовсе отклонять султана отъ похода на Астрахань: „У меня, писалъ онъ, вѣрная вѣсть, что Московскій государь послалъ въ Астрахань 60,000 войска; если Астрахани не возьмемъ, то безчестіе будетъ тебѣ, а не мнѣ; а захочешь съ Московскимъ воевать, то вели своимъ людямъ идти вмѣстѣ со мною на Московскія украйны; если которыхъ городовъ и не возьмемъ, то, по крайней мѣрѣ, землю повоюемъ и досаду учинимъ". Ханъ прислалъ гонца въ Москву извѣстить о походѣ турецкаго войска подъ Астрахань и требовать, чтобъ царь отдалъ ему Астрахань лучше добромъ: „Мы", велѣлъ сказать ханъ, „не захотѣли турецкимъ людямъ на нашъ юртъ дорогу проложить и потому послали къ тебѣ объявить о томъ". Іоаннъ отвѣчалъ: „Когда то ведется, чтобъ, взявши города, опять отдавать ихъ?"

Весною 1569 года пришло въ Кафу 17,000 турецкаго войска, съ которыми кафинскій паша Касимъ долженъ былъ идти къ Переволокѣ, каналомъ соединить Донъ съ Волгою, и потомъ взять Астрахань, или, по крайнѣй мѣрѣ, основать вблизи нея крѣпость; ханъ съ 50,000 своихъ Татаръ также выступилъ въ походъ; суда съ пушками, подъ прикрытіемъ 500 ратниковъ, плыли отъ Азова Дономъ. На одномъ изъ судовъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, служившихъ гребцами, находился Семенъ Мальцевъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Ногаямъ и захваченный Азовскими казаками. „Какихъ бѣдъ и скорбей не потерпѣлъ я отъ Кафы до Переволоки!" пишетъ Мальцевъ: „Жизнь свою на каторгѣ мучилъ, а государское имя возносилъ выше великаго царя Константина. Шли *каторги* (суда) до Переволоки пять недѣль; шли Турки съ великимъ страхомъ и животъ свой отчаили; которые были янычары изъ христіанъ, Греки и Волохи, дивились, что государевыхъ людей и казаковъ на Дону не было; если бы такими рѣками Турки ходили по Фряжской и Венгерской Землѣ, то всѣ были бы побиты; хотя бы казаковъ было 2,000 и они бы насъ руками побрали: такія на Дону крѣпости (природныя укрѣпленія, удобныя для засадъ) и мели." Достигши Переволоки въ половинѣ августа, Турки начали рыть каналъ; но продолжать работу не было никакой возможности; Касимъ велѣлъ тащить суда по землѣ; ханъ совѣтовалъ уже возвратиться; Татары, по его наказу, разглашали между Турками, что и въ случаѣ успѣха предпріятія имъ придется плохо: ибо въ сѣверныхъ странахъ зима продолжается девять мѣсяцевъ, а лѣтомъ ночи длятся не болѣе трехъ часовъ, слѣдовательно Турки должны будутъ или не спать всю ночь, или пренебрегать своими религіозными обязанностями, по которымъ они должны молиться два часа спустя по захожденіи солнца и потомъ опять на разсвѣтѣ. Ропотъ между Турками усилился; но въ это время явились послы отъ Астраханцевъ и убѣдили пашу въ безполезности брать съ собою суда, обѣщаясь доставить ихъ сколько было нужно, лишь бы только Турки шли поскорѣе къ Астрахани и отняли ее у Русскихъ. Но сдѣлать это было не очень легко: приблизясь къ Астрахани въ половинѣ сентября, Касимъ не рѣшился приступить къ ней, и, остановившись ниже города на старомъ городищѣ, рѣшился строить тутъ крѣпость и зимовать, а хана отпустить назадъ въ Крымъ. Но когда въ войскѣ узнали объ этомъ намѣреніи паши, то вспыхнуло возмущеніе; пришли Турки на пашу (разсказываетъ Мальцевъ) съ великою бранью, кричали: „Намъ зимовать здѣсь нельзя, помереть намъ съ голоду, государь нашъ всякій запасъ далъ намъ на три года, а ты намъ изъ Азова велѣлъ взять только на сорокъ дней корму, астраханскимъ же людямъ насъ прокормить нельзя; янычары всѣ отказали: всѣ съ царемъ Крымскимъ прочь идемъ; ты государя взманилъ, и онъ по твоей *мани* не послушался Девлетъ-Гирея царя, а царь что ни

писалъ къ государю, и намъ что ни говорилъ, и тебѣ передъ нами на Переволокѣ что ни говорилъ,—все вышло правда". Но Мальцевъ не довольствовался только тѣмъ, что подмѣчалъ происходившее въ станѣ турецкомъ: „Взяли Турки въ плѣнъ подъ Астраханью Никольскаго келаря Арсенія да игумнова человѣка, и посадили этого человѣка со мною на одной цѣпи, и вотъ я его сталъ научать; велѣлъ говорить: слышалъ онъ отъ игумена, что князь Петръ Серебряный, а съ нимъ 30,000 судовъ рати, будетъ сейчасъ подъ Астрахань, а полемъ государь подъ Астрахань отпустилъ князя Ивана Димитріевича Бѣльскаго, а съ нимъ 100,000 войска, да и Ногаи съ нимъ будутъ, а Кизильбашскій (Персидскій) шахъ присылалъ къ нашему царю бить челомъ: „Турскіе люди мимо Астрахани дороги ко мнѣ ищутъ, а ты бы, великій царь, сильною своею рукою помогъ мнѣ на Турскаго"; и государь нашъ шаха пожаловалъ, послалъ къ нему посла своего, Алексѣя Хозникова, а съ нимъ 100 пушекъ да 500 пищалей." На другую ночь дѣйствительно Туркамъ дали знать о приходѣ московскихъ воеводъ, князя Петра Серебрянаго и Замятни Сабурова, съ большимъ войскомъ; извѣщали, что Русскіе перехватали уже Ногаевъ, передавшихся на турецкую сторону, и что, по выраженію Мальцева, все около Астрахани трепещетъ царя-государя, единаго подъ солнцемъ страшила бусурмановъ и латиновъ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей, Касимъ 20 сентября зажегъ свои деревянныя укрѣпленія и побѣжалъ съ ханомъ отъ Астрахани; въ 60 верстахъ встрѣтился ему гонецъ отъ султана; Селимъ писалъ: чтобъ Касимъ оставался зимовать подъ Астраханью; что весною получитъ онъ сильное подкрѣпленіе, и, для отвлеченія московскихъ силъ, пойдетъ на Русь Крымскій ханъ и турецкій паша, зять султановъ. Но Касимъ продолжалъ бѣгство; мѣсяцъ шли Турки до Азова; ханъ велъ ихъ мимо Черкесовъ, Кабардинскою дорогою, по безводнымъ мѣстамъ; Турки, терпя нужду, называли Селима несчастнымъ, потому что послѣ вступленія на престолъ впервые отпустилъ рать свою въ походъ и такъ неудачно: „Мы и съ большихъ боевъ", говорили они, „въ такой истомѣ не прихаживали, а если бы еще на насъ непріятели пришли, то ни одинъ бы изъ насъ не возвратился".

Ханъ достигъ своей цѣли: Турки потеряли охоту возстанавливать мусульманскія царства на Волгѣ; но онъ находился въ затруднительномъ положеніи относительно Москвы. Прежде онъ все стращалъ царя султаномъ; но предпріятіе султаново не удалось. Призвавши князя Сулеша, московскаго доброжелателя, ханъ говорилъ ему: „Съ чѣмъ мнѣ послать теперь въ Москву?—не знаю, чего просить. Астраханскимъ походомъ я Турокъ истомилъ; пришедши подъ Астрахань, я за рѣку не переправился и къ городу не приступалъ. Я такъ дѣлалъ и для Московскаго царя и для себя тутъ же: мнѣ не хотѣлось, чтобъ Астрахань была за Турскимъ, хотѣлъ я себѣ помочь, чтобъ Турскаго люди на Крымъ не ходили". Ханъ прислалъ наконецъ гонца въ Москву съ грамотою, въ которой просилъ: Казани и Астрахани, требовалъ размѣна пословъ—Нагого на Ямболдуя, давно уже задержаннаго въ Москвѣ, тысячи рублей денегъ, шубъ, кречетовъ. Іоаннъ ждалъ второго нашествія Турокъ, видѣлъ, что ханъ можетъ быть ему полезенъ въ этомъ случаѣ, и потому отвѣчалъ очень ласково; отказавши на-счетъ Казани и Астрахани, писалъ: „Мы бы тебѣ, брату своему, за Магметъ-Гиреевскіе поминки не постояли, но въ Москвѣ былъ пожаръ большой, и книги, въ которыхъ тѣ поминки значились, потерялись; а который ты намъ счетъ прислалъ Махметъ-Гиреевскимъ поминкамъ, то здѣсь старые люди говорятъ, что столько никогда не посылывалось, и ты бы, братъ нашъ, этотъ счетъ пересмотрѣлъ, и далъ намъ знать, какъ тебѣ съ нами впередъ въ дружбѣ и братствѣ быть".

Но главная опасность грозила изъ Константинополя: если тяжело было при войнѣ Ливонской и при отсутствіи постояннаго войска держать рать на берегахъ Оки противъ хана, то еще тяжелѣе было держать другіе многочисленные полки въ отдаленной Астрахани; Іоаннъ зналъ, что султанъ на весну замышлялъ новый походъ къ этому городу, а ханъ въ то же время долженъ былъ идти къ Москвѣ, причемъ малѣйшій успѣхъ Турокъ въ низовьяхъ Волги служитъ знакомъ къ возстанію недовольныхъ Казанскихъ. Имѣя глаза постоянно обращенными къ берегамъ Балтійскаго моря, готовясь къ важнымъ событіямъ въ Литвѣ и Польшѣ, считая себя не безопаснымъ внутри государства, Іоаннъ долженъ былъ употребить всѣ средства, рѣшиться на важныя пожертвованія, чтобъ только склонить къ миру хана и султана. Соглашаясь давать Магметъ-Гиреевскіе поминки первому, царь въ 1570 году отправилъ посла Новосильцева въ Константинополь подъ предлогомъ поздравленія Селима съ восшествіемъ на престолъ. Посолъ долженъ былъ напомнить султану о прежнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ предшественниковъ его къ предшественникамъ Іоанновымъ, и, главное,—внушить, что магометанство не терпитъ никакого притѣсненія въ новыхъ владѣніяхъ московскихъ, завоеванныхъ у Татаръ. Разсказавши о казанскихъ дѣлахъ при Іоаннѣ III, Василіи, Іоаннѣ IV, Новосильцевъ говорилъ султану: „Государь нашъ за такія ихъ неправды ходилъ на нихъ ратью, и за ихъ неправды Богъ надъ ними такъ и учинилъ. А которые казанскіе люди государю нашему правдою служатъ, тѣ и теперь въ государскомъ жалованьи по своимъ мѣстамъ живутъ, а отъ вѣры государь ихъ не отводитъ, мольбищъ ихъ не рушитъ; вотъ теперь государь нашъ посадилъ въ Касимовѣ-городкѣ царевича Саинъ-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велѣлъ устроить, какъ ведется въ бусурманскомъ законѣ, и ни въ чемъ у него воли государь нашъ не отнялъ; а еслибъ государь нашъ бусурманскій законъ разорялъ, то не велѣлъ бы Саинъ-Булата среди своей Земли въ

бусурманскомъ законѣ утропвать". Султанъ въ грамотѣ, присланной съ Новосильцевымъ, требовалъ: чтобъ Астраханскую дорогу отпереть, Русскій городъ, поставленный въ Кабардинской Землѣ, покинуть, и отовсюду людей проѣзжихъ пропускать. Въ мартѣ 1571 года отправленъ былъ въ Константинополь новый посолъ, Кузьминскій. Царь въ грамотѣ, съ нимъ отправленной, писалъ къ султану: „Желая быть съ тобою впередъ въ братствѣ и любви, мы показали братской любви знамя: городъ съ Терека-рѣки, изъ Кабардинской Земли велѣли снести и людей своихъ оттуда свести въ Астрахань; а что ты писалъ къ намъ о дорогѣ, то она была заперта для того, что многіе люди ходили воровскимъ обычаемъ, измѣны многія и убытки нашему городу Астрахани дѣлали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отперетъ велѣли всякимъ проѣзжимъ людямъ". Кузьминскому было наказано: „Если станутъ говорить, что въ Астрахани кишени разорили и мертвецовъ грабили, то отвѣчать: это дѣлали безъ государскаго вѣдома воры, боярскіе холопи и казаки". Кузьминскій долженъ былъ говорить отъ царскаго имени любимцу султанову, Магметъ-пашѣ: „Захочешь нашего жалованья и любви, то послужи намъ, введи насъ съ своимъ государемъ къ любовь, чтобъ братъ нашъ, Селимъ султанъ, былъ съ нами въ братствѣ и любви, и заодно былъ бы на цесаря Римскаго и Польскаго короля, и на Чешскаго, и на Французскаго, и на иныхъ королей и на всѣхъ государей Италійскихъ" (западно-европейскихъ). Но благопріятнаго отвѣта не было: султанъ требовалъ Казани, Астрахани и даже подручничества, а между тѣмъ вѣсти о непріязненныхъ намѣреніяхъ султана и хана продолжали приходить въ Москву: все лѣто 1570 года прошло въ тревогахъ, въ ожиданіяхъ татарскаго нашествія; войско стояло на Окѣ, самъ Іоаннъ два раза выѣзжалъ къ нему по вѣстямъ о приближеніи хана; но вѣсти оказались ложными; являлись малочисленныя толпы Татаръ, которыя легко были прогоняемы, и въ концѣ сентября бояре приговорили: что станичники, показывая большое непріятельское войско, солгали; что государю самому стоять въ Серпуховѣ не для чего, а постоятъ по берегу воеводы съ недѣлю послѣ 1-го октября, и потомъ разъѣдутся по домамъ. Весною 1571 года тревога возобновилась; воеводы— князья Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Михайло Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Андреевичъ Шуйскій, Иванъ Петровичъ Шуйскій—съ 50,000 войска отправились къ Окѣ; царь выступилъ съ опричниною въ Серпуховъ. На этотъ разъ тревога не была мнимая: ханъ, собравши 120,000 войска, подошелъ къ Московскимъ украйнамъ; въ степи прибѣжали къ нему дѣти боярскія — двое изъ Бѣлева, двое изъ Калуги, одинъ изъ Каширы, одинъ изъ Серпухова,—и сказали, что „во всѣхъ городахъ московскихъ два года сряду былъ большой голодъ и моръ, много людей померло, и много другихъ государь въ опалѣ побилъ, остальные воинскіе люди и Татары всѣ въ Нѣмецкой Землѣ; государя ждутъ въ Серпуховѣ съ опричниною, но людей съ нимъ мало; ты ступай прямо къ Москвѣ; мы проведемъ тебя чрезъ Оку, и если тебѣ до самой Москвы встрѣтится какое-нибудь войско, то вели насъ казнить". Потомъ прибѣжали къ хану двое новокрещеныхъ Татаръ и сказали ему то же самое. Ханъ пошелъ по указанію измѣнниковъ, и неизвѣстно гдѣ переправился черезъ Оку; станичники, которые прошлаго года въ своихъ извѣстіяхъ даже преувеличивали опасность, теперь, должно быть, молчали; Іоаннъ, отрѣзанный отъ главнаго войска, поспѣшилъ отступить изъ Серпухова въ Бронницы, оттуда въ Александровскую слободу и изъ слободы въ Ростовъ, какъ то дѣлывали въ подобныхъ случаяхъ и предшественники его, Димитрій Донской, Василій Димитріевичъ. Онъ говорилъ объ измѣнѣ, говорилъ, что бояре послали къ хану дѣтей боярскихъ провести его безпрепятственно черезъ Оку; князь Мстиславскій признался послѣ въ приведенной выше грамотѣ, что онъ навелъ хана — вотъ все, что мы имѣемъ для объясненія этого дѣла! Какъ бы то ни было, воеводы, узнавши, что ханъ за Окою, предупредили его, пришли въ Москву 23 мая и расположились въ ея предмѣстіяхъ, чтобъ защищать городъ. Татары явились на другой день, 24 мая, въ день Вознесенья, и успѣли зажечь предмѣстья; въ ясный день при сильномъ вѣтрѣ, въ 3 часа пожаръ истребилъ сухую громаду деревянныхъ строеній; одинъ только Кремль уцѣлѣлъ. По иностраннымъ извѣстіямъ, войска и народу погибло до 800,000; допустивъ преувеличеніе при невозможности вѣрнаго счета, вспомнимъ однако, что при вѣсти о Татарахъ въ Москву сбѣжалось много народу изъ окрестностей, что во время пожара бѣжать было некуда: въ полѣ—Татары, въ Кремль не пускали. Всего болѣе, говорятъ, погибло тѣхъ, которые хотѣли пройти въ самые дальнія отъ непріятеля ворота: здѣсь, собравшись въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, они такъ стѣснились въ воротахъ и прилегавшихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли по головамъ другъ у друга, и верхніе давили нижнихъ. По русскимъ извѣстіямъ, людей погорѣло безчисленное множество; митрополитъ съ духовенствомъ просидѣли въ соборной церкви Успенія; первый бояринъ, князь Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій, задохнулся на своемъ дворѣ въ каменномъ погребѣ; другихъ князей, княгинь, бояринь и всякихъ людей кто перечтетъ? Москва-рѣка мертвыхъ не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы внизъ по рѣкѣ; хоронили только тѣхъ, у которыхъ были пріятели.

Пожаръ помѣшалъ Татарамъ грабить въ предмѣстіяхъ; осаждать Кремль ханъ не рѣшился и ушелъ съ множествомъ плѣнныхъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ—до 150,000, услыхавъ о приближеніи большого русскаго войска. Когда Іоаннъ возвращался въ Москву, то въ селѣ Братовщинѣ, на Троицкой дорогѣ, представили ему гонцовъ Де-

влетъ-Гиреевыхъ, которые подали царю такую грамоту отъ хана: „Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество Божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что-де я Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты-бъ пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мысліею въ дружбѣ быть, такъ отдай наши юрты—Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами все свѣтное богатство намъ давать — ненадобно; желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ". Мы видѣли, какъ тяжела, опасна, несвоевременна была, для Іоанна борьба съ Турціею и Крымомъ за Астрахань, какъ онъ и прежде готовъ былъ на важныя уступки, чтобъ только избавиться отъ этой борьбы. Теперь гибельное нашествіе Девлетъ-Гирея и особенно обстоятельства этого нашествія должны были еще болѣе встревожить царя; успѣхъ надмевалъ хана; нужно было ждать скоро новаго нападенія, и Девлетъ-Гирей дѣйствительно готовился къ нему. Надобно было какъ можно долѣе не допускать его до этого, задержать переговорами, новыми уступками. Іоаннъ возобновилъ прежнія учтивости: въ отвѣтной грамотѣ написалъ челобитье хану: „Ты въ грамотѣ пишешь о войнѣ—отвѣчалъ царь—и если я объ этомъ же стану писать, то къ доброму дѣлу не придемъ. Если ты сердишься за отказъ въ Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотимъ тебѣ уступить, только теперь скоро этому дѣлу статься нельзя: для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно; до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ сроки, и Земли нашей не воевалъ". Нагому писалъ Іоаннъ, чтобъ и онъ говорилъ то же самое хану и вельможамъ его: „А разговаривалъ бы ты съ князьями и мурзами въ разговорѣ безъ противорѣчія (не встрѣчно), гладко да челобитьемъ; провѣдывалъ бы ты о томъ накрѣпко: если мы уступимъ хану Астрахань, то какъ онъ на ней посадитъ царя? Нельзя ли такъ сдѣлать, чтобъ ханъ посадилъ въ Астрахани сына своего, а при немъ былъ бы нашъ бояринъ, какъ въ Касимовѣ, а нашимъ людямъ, которые въ Астрахани, насильства никакого не было бы, и дорога въ наше государство изо всѣхъ земель не затворилась бы, и нельзя ли намъ изъ своей руки посадить въ Асрахани ханскаго сына?" Большую уступку противъ принятаго обычая находимъ и въ наказѣ гонцу, отправленному съ этими грамотами въ Крымъ: „Если гонца безъ пошлины къ хану не пустятъ, и государеву дѣлу изъ-за этихъ пошлинъ станутъ дѣлать поруху, то гонцу дать немного, что у него случится, и за этимъ отъ хана не ходить назадъ, а говорить обо всемъ смирно, съ челобитьемъ не враздоръ, чтобъ отъ какихъ-нибудь рѣчей гнѣва не было".

На предложеніе Астрахани ханъ отвѣчалъ: „Что намъ Астрахань даешь, а Казани не даешь, и намъ то не пригоже кажется: одной и той же рѣки верховье у тебя будетъ, а устью у меня какъ быть!" Въ другой грамотѣ ханъ писалъ: „Теперь у меня дочери двѣ, три на выданьи, да у меня же сыновьямъ моимъ царевичамъ двоимъ, троимъ обрѣзанье, ихъ радость будетъ, для этого намъ рухлядь и товаръ надобенъ; чтобъ купить эту рухлядь, мы у тебя просимъ двѣ тысячи рублей, учини дружбу, не *отнѣтываясь*, дай". Мы видѣли, какъ ханъ въ первой грамотѣ своей, написанной послѣ сожженія Москвы, притворился безкорыстнымъ, объявилъ, что не хочетъ богатства всего свѣта, хочетъ только юртовъ бусурманскихъ, воюетъ за вѣру. Недолго однако онъ могъ выдерживать, и запросилъ опять денегъ; но Іоаннъ помнилъ хорошо первую грамоту и не упустилъ удобнаго случая поймать хана на словахъ, что очень любилъ; онъ отвѣчалъ гонцу ханскому: „Братъ нашъ, Девлетъ-Гирей царь, на то не надѣялся бы, что Землю нашу воевалъ; сабля сѣчетъ временемъ, а если станетъ часто сѣчь, то притупѣетъ, и иногда и остріе у нея изломается; проситъ онъ у насъ Казани и Астрахани; но безъ договора и безъ пословъ какъ такому великому дѣлу статься? А что писалъ онъ къ намъ о великихъ запросахъ, то намъ для чего ему запросы давать? Землю нашу онъ вывоевалъ, и Земля наша отъ его войны стала пуста, и взять ни съ кого ничего нельзя". Въ грамотѣ же къ хану Іоаннъ писалъ: „Ты въ своей грамотѣ писалъ къ намъ, что въ твоихъ глазахъ казны и богатства праху уподобились, и намъ вопреки твоей грамотѣ какъ можно посылать такіе великіе запросы? Что у насъ случилось, двѣсти рублей, то мы и послали къ тебѣ". Іоаннъ разсчитывалъ на характеръ Татаръ, которые при видѣ большихъ денегъ забываютъ обо всякихъ высшихъ интересахъ, и потому послалъ наказъ Нагому—хлопотать у хана и царевичей, чтобъ дѣло о Казани и Астрахани оставили, и въ такомъ случаѣ обѣщать не только Магметъ-Гиреевскіе поминки, но и такіе, какіе посылаетъ король Польскій, даже обѣщать и Магметъ-Гиреевскіе и королевскіе поминки вмѣстѣ.

Но ханъ понялъ намѣреніе Іоанна длить время, мало надѣялся на переговоры, и лѣтомъ 1572 г. со 120,000 войска двинулся опять къ Окѣ. Іоаннъ былъ въ Новгородѣ; но на Окѣ, у Серпухова, стояло русское войско подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Ханъ, оставя тутъ двухтысячный отрядъ *травиться* съ Русскими и занимать ихъ, съ главнымъ войскомъ ночью перешелъ Оку; Воротынскій погнался за нимъ, и настигъ въ 50 верстахъ отъ Москвы, на берегу Лопасни, въ Молодяхъ; здѣсь въ послѣднихъ числахъ іюля и въ первыхъ августа происходило нѣсколько сильныхъ схватокъ, которыя всѣ окончились неудачно для хана, и онъ принужденъ былъ бѣжать назадъ, потерявши много войска. Послѣ этого ханъ перемѣнилъ тонъ и прислалъ сказать

Іоанну: „Мнѣ вѣдомо, что у царя и великаго князя Земля велика и людей много: въ длину Земли его ходъ девять мѣсяцевъ, поперекъ—шесть мѣсяцевъ, а мнѣ не даетъ Казани и Астрахани! Если онъ мнѣ города эти отдастъ, то у него и кромѣ нихъ еще много городовъ останется. Не дастъ Казани и Астрахани, то хотя бы далъ одну Астрахань, потому что мнѣ срамъ отъ Турскаго: съ царемъ и великимъ княземъ воюетъ, а ни Казани, ни Астрахани не возьметъ и ничего съ нимъ не сдѣлаетъ! Только царь дастъ мнѣ Астрахань, и я до смерти на его Земли ходить не стану; а голоденъ я не буду: съ лѣвой стороны у меня Литовскій, а съ правой—Черкесы, стану ихъ воевать и отъ нихъ еще сытѣй буду; ходу мнѣ въ тѣ Земли только два мѣсяца взадъ и впередъ". Но Іоаннъ также перемѣнилъ тонъ; онъ отвѣчалъ хану, что не надѣется на его обѣщаніе довольствоваться только Литовскою да Черкесскою Землею. „Теперь—писалъ онъ—противъ насъ одна сабля—Крымъ; а тогда Казань будетъ вторая сабля, Астрахань третья, Ногаи четвертая". Гонцу, отправленному въ Крымъ, опять настрого было запрещенно давать поминки, хотя въ грамотахъ продолжалось писаться челобитье. Іоаннъ не переставалъ колоть хана за первую его величавую грамоту о Казани и Астрахани: „Поминки я тебѣ послалъ легкіе—писалъ царь—добрыхъ поминковъ не послалъ; ты писалъ, что тебѣ ненадобны деньги, что богатство для тебя съ прахомъ равно" [2]).

Глава VI.

Стефанъ Баторій.

Состояніе Польши и Литвы при послѣднемъ Ягеллонѣ.—Смерть Сигизмунда-Августа и вопросъ объ избраніи новаго короля.—Переговоры съ Іоанномъ по этому случаю.—Избраніе Генриха Анжуйскаго.—Его бѣгство изъ Польши.—Новые выборы.—Избраніе Стефана Баторія.—Сношенія Іоанна съ Швецію и война въ Эстоніи и Ливоніи.—Наступательное движеніе Баторія.—Причины его успѣховъ.—Взятіе Полоцка, Сокола и другихъ крѣпостей Баторіемъ; нападеніе Шведовъ съ другой стороны.—Второй походъ Баторія.—Переговоры.—Третій походъ Баторія и осада Пскова.—Іезуитъ Поссевинъ.—Запольское перемиріе.—Разговоръ царя съ Поссевиномъ о вѣрѣ.—Перемиріе съ Швеціею.—Сношеніе съ Англіею о союзѣ.—Сношеніе съ императоромъ и Даніею.—Волненія черемисскія.

Въ то время, какъ отношенія Іоанна къ Крымскому хану поправились, благодаря стойкости воеводъ московскихъ на берегахъ Лопасни,—на западѣ, въ Литвѣ и Польшѣ происходили событія, которыя должны были имѣть великое вліяніе и на судьбы Московскаго государства и на судьбы всей Восточной Европы: въ іюлѣ 1572 года умеръ Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ. Слѣдя изначала за отношеніями Польши и Литвы къ Руси, мы видѣли происхожденіе и развитіе польской аристократіи, видѣли возникновеніе шляхетской демократіи, видѣли и слѣдствія этихъ явленій для внутренняго состоянія и для внѣшнихъ отношеній Польши и Литвы при Казимирѣ Ягеллоновичѣ и дѣтяхъ его [1]). Царствованіе Сигизмунда I-го ознаменовалось борьбою между вельможами и шляхтою; и эту борьбу раздувала королева Бона, единоземка Екатерины Медичи и слѣдовавшая въ своемъ поведеніи одинакимъ съ нею правиламъ. Вельможи, чтобъ выдѣлиться изъ шляхты, стремившейся къ уравненію себя съ ними, стали употреблять разныя средства; въ Польшѣ не былъ извѣстенъ княжескій титулъ, ибо потомство Пяста прекратилось все; князья были только въ Литвѣ, вслѣдствіе сильнаго развѣтвленія рода Рюрикова и Гедиминова; въ 1518 году могущественная вельможеская, но не княжеская литовская фамилія Радзивиловъ получила княжескій титулъ отъ Нѣмецкаго императора; по примѣру Радзивиловъ, многіе вельможи начали пріобрѣтать титулъ графовъ Нѣмецкой имперіи; другіе установили майоратъ въ своихъ фамиліяхъ. Неудовольствіе шляхты высказалось, когда Сигизмундъ, по дѣламъ Валахскимъ, объявилъ всеобщее ополченіе служилаго сословія (посполитое рушеніе); шляхта, въ числѣ 150,000, собралась подъ стѣнами Львова и, послѣ сильныхъ волненій, составила грамоту (рокошъ), въ которой прописала всѣ свои обиды и просьбы. Старый король не могъ ея успокоить и принужденъ былъ распустить. Это событіе получило насмѣшливое прозваніе *Пѣтушиной войны*. Если вельможи хотѣли выдѣлиться изъ шляхты, то шляхта, съ своей стороны, объявила, что имѣетъ право жизни и смерти надъ подвластнымъ ей сельскимъ народонаселеніемъ; старосты и палатины позволяли себѣ всякаго рода насилія относительно городскихъ жителей; представители послѣднихъ были выгоняемы съ сейма шляхтою, которая, съ другой стороны, возставала противъ духовенства.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда

---

[1]) См. Исторію Россіи т. I, стр. 208; т. II, стр. 312; т. III, стр. 1703; т. V, стр. 1529—1530.

[2]) Александро-Нев. лѣтоп. 1002—1010, 1036 и слѣд.; Дѣла Крымскія № 10—14; Hammer's Geschichte des Osmanischen Reiches II, 378. Дѣла Турецкія, № 2; Hacluyt's Collection, I, 533—562; тутъ же: A letter of Richard Uscombe to M. Henrie Lane 5 August 1571. Никон. VII, 313; Ист. Росс. Щербат. V, 278 и слѣд.; Древ. Росс. Вивліоѳ. XIII, 400; Донесеніе Таубе и Крузе; Повѣсть о бою воеводъ Московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ въ книгѣ о Древност. Росс. Государства, т. I, Рукоп. синод. библ.; П. С. Р. Л. III, 173; Histor. Russiæ monum. I, № CLIV.

вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ. Мать, королева Бона, воспитала его согласно съ своими правилами и цѣлями: она ослабила его душевныя силы, держа его постоянно среди женщинъ, не допуская ни до какихъ серьезныхъ занятій. Такое воспитаніе отразилось на поведеніи короля во время его правленія, и онъ былъ прозванъ *король-завтра*, по привычкѣ откладывать и медлить; мы видѣли, какъ эта привычка была выгодна для Іоанна IV-го. Сигизмундъ-Августъ три раза былъ женатъ: первая и третья жена, обѣ изъ Австрійскаго дома, не могли привязать его къ себѣ; вторая, любимая жена, Варвара, вдова Гастольдъ, урожденная Радзивилъ, которую онъ такъ мужественно отстоялъ противъ сената и сейма, требовавшихъ развода, скоро умерла послѣ своей побѣды и коронаціи. Послѣднее время жизни Сигизмундъ-Августъ провелъ окруженный наложницами, которыя его грабили, колдуньями, которыхъ онъ призывалъ для возстановленія силъ, потерянныхъ отъ невоздержности; когда у него спрашивали, отчего онъ не займется нужными дѣлами, то онъ отвѣчалъ: „Для этихъ соколовъ (такъ онъ называлъ женщинъ) ни за что взяться не могу“. Когда король умеръ, то въ казнѣ его не нашлось денегъ, чтобъ заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цѣпи, ни одного кольца, которыя должно было надѣть на покойника. Но не отъ характера Сигизмунда-Августа только зависѣло внутреннее разстройство его владѣній, медленность въ отправленіяхъ государственной жизни: жажда покоя, изнѣженность, роскошь овладѣли высшимъ сословіемъ, и эта жажда покоя, отвращеніе отъ войны оправдывались политическимъ разсчетомъ—не давать посредствомъ войны усиливаться королевскому значенію, причемъ забыто было положеніе Польши, государства континентальнаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ могущественными сосѣдями. Кардиналъ Коммендоне, посолъ папскій, желая побудить Поляковъ къ войнѣ съ Турками, такъ говорилъ въ сенатѣ: „Не похожи вы стали на предковъ вашихъ, они не на пирахъ за чашами распространили государство, а сидя на коняхъ, трудными подвигами воинскими; они спорили не о томъ, кто больше осушитъ бокаловъ, но о томъ, кто кого превзойдетъ въ искусствѣ военномъ“ [1]). Тотъ же упадокъ нравственныхъ силъ въ польскихъ вельможахъ, ту же страсть къ матеріальнымъ наслажденіемъ замѣтилъ и московскій выходецъ, князь Курбскій: „Здѣшній король, пишетъ онъ, думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о плясках да о маскарадахъ; такъ же и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву и Константинополь, а если бы даже на небо забился Турокъ, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проспятся, встанутъ чуть-живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены своими женами, что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ, за кубки и болтаютъ съ своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издалека за врагомъ, и, походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ Татаръ въ лѣсахъ какое-нибудь имѣніе или скотъ—все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ“. Но грабежемъ не ограничивались; Курбскій не говоритъ намъ того, что говорятъ современные польскіе писатели; когда, по ихъ свидѣтельству, шляхтичъ убьетъ хлопа, то говоритъ, что убилъ собаку, ибо шляхта считаетъ кметовъ и всѣхъ сельчанъ за собакъ [2]).

Послѣднему изъ Ягеллоновъ удалось довершить дѣло, бывшее историческою задачею его династіи: склонить Литву къ вѣчному соединенію съ Польшею. При Сигизмундѣ I стремленіе Литвы къ особности продолжало рѣзко высказываться; въ 1526 г. послы отъ вельможъ литовскихъ такъ говорили королю: „Посолъ папскій, отправлявшійся въ Москву, говорилъ здѣсь, что ѣдетъ для склоненія государя Московскаго къ принятію католической вѣры, и въ случаѣ, если великій князь согласится на это, то папа дастъ ему королевскій титулъ; но если отецъ святой хочетъ дать королевское достоинство непріятелю нашему, то лучше бы онъ далъ его сыну вашей милости, пану нашему, великому князю Литовскому, за важныя услуги ваши и предковъ вашихъ, оказанныя вѣрѣ Императоръ и папа послали-было королевскую корону дядѣ вашему Витовту; но онъ умеръ, не дождавшись короны, которую задержали Поляки и до сихъ поръ отдать не хотятъ, не желая, чтобъ отчинное панство вашей милости получило такую честь. Удивительно намъ, что братья наши, Поляки, не хотятъ намъ, братьямъ своимъ, дать того, чего теперь не запрещаютъ взять Москвѣ. Они хотятъ, чтобы панство вашей милости, великое княжество Литовское, было всегда въ униженіи, чтобъ было присоединено къ коронѣ Польской, о чемъ они уже давно хлопочутъ. Покорно просимъ вашу милость не допускать до того, чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными короны Польской. Объ этомъ ваша милость должны стараться для потомковъ своихъ: выгоднѣе будетъ потомкамъ вашимъ, если отчинное панство ваше будетъ отдѣльно отъ короны Польской; такъ и теперь паны литовскіе охотно сына вашего выбрали на государство и присягнули ему, чего паны Поляки и до сихъ поръ сдѣлать не хотятъ; а если бы великое княжество Литовское было присоединено къ коронѣ Польской, то сынъ вашъ еще не былъ бы великимъ княземъ. Покорно просимъ приказать сенаторамъ польскимъ прислать

[1]) Zbior pamiatników o dawnej Polszcze, Niemcewicza. I, п. 95, 83.

[2]) Modrzewii—de republica emendanda, I, 15.

*

сюда королевскую корону, назначенную для Витовта, чтобы сынъ вашъ могъ быть коронованъ королемъ еще при жизни вашей, потому что когда великое княжество Литовское будетъ королевствомъ, то уже не можетъ быть присоединено къ коронѣ Польской, ибо корона въ корону внесена быть не можетъ. Если же Поляки не согласятся прислать сюда короны, то ваша милость постаралась бы выпросить другую у папы и цесаря, и чего будетъ это стоить, мы охотно поднимемъ и ничего не пожалѣемъ“ [1]).

Бездѣтность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить рѣшеніемъ вопроса о вѣчномъ соединеніи Литвы съ Польшею, ибо до сихъ поръ связью между ними служила только Ягеллонова династія. Для приведенія къ концу дѣла надобно было преодолѣть большія затрудненія: въ Литвѣ господарствовала аристократія, боявшаяся тѣснаго соединенія съ государствомъ, гдѣ брала перевѣсъ шляхетская демократія. Сюда присоединилось давнее соперничество двухъ народовъ: для заключенія договора о вѣчномъ соединеніи Литовцы не хотѣли ѣхать въ Польшу, а Поляки—въ Литву. Наконецъ умеръ Николай Черный Радзивилъ, самый могущественный изъ вельможъ литовскихъ и самый сильный противникъ соединенія, и, въ 1569 году, созванъ былъ сеймъ въ Люблинѣ. Литовцы сначала и тутъ сильно упорствовали; но потомъ должны были согласиться на соединеніе (унію), когда увидѣли, что не поддерживаются Русскими; а Русскимъ было все равно, быть ли въ соединеніи съ Литвою или съ Польшею, ибо литовскіе вельможи вели себя въ отношеніи къ русскому народонаселенію вовсе не такъ, чтобъ могли заслужить его привязанность. Соединеніе послѣдовало явно въ ущербъ Литвѣ, которая должна была уступить Польшѣ Подляхію, Волынь и княжество Кіевское; Ливонія объявлена общею принадлежностію обоихъ государствъ; положено, что король избирается на общемъ сеймѣ; въ сенатѣ засѣдаютъ члены изъ обоихъ народовъ; на сеймахъ также происходятъ совѣщанія сообща.

Но въ то время, какъ, повидимому, дѣло соединенія Литвы съ Польшею было окончено, когда коренныя русскія области были непосредственно соединены съ королевствомъ Польскимъ, въ областяхъ Польши и Литвы все болѣе и болѣе усиливалось движеніе, которое должно было повести къ отторженію русскихъ областей отъ Польши: распространялся протестантизмъ. Это распространеніе вызвало католическое противодѣйствіе; на помощь католицизму явились іезуиты, раздули фанатизмъ въ католикахъ. Борьбою съ протестантизмомъ не ограничились, начата была борьба съ православіемъ, которая окончилась отторженіемъ Малороссіи, присоединеніемъ ея къ Россіи Великой, или Московскому государству. Такъ отозвалось въ Восточной Европѣ общее европейское движеніе, которымъ начинается Новая Исторія, — движеніе религіозное.

[1]) Акты Западной Россіи, II, № 144.

Протестантизмъ началъ распространяться въ Польшѣ и Литвѣ еще при Сигизмундѣ I. Сосѣднія страны, которыя имѣли наиболѣе торговыхъ и политическихъ сношеній съ Польшею и Литвою, Пруссія и Ливонія, приняли торжественно протестантизмъ; отсюда онъ скоро распространился въ среднемъ городскомъ сословіи Польши и Литвы; но и высшее ихъ сословіе не могло долго оставаться нетронутымъ: богатые вельможи польскіе, литовскіе и русскіе путешествовали по всей Европѣ, женились на иностранкахъ протестантскаго исповѣданія, посылали сыновей своихъ въ нѣмецкія школы, гдѣ они напитывались новымъ ученіемъ, привозили съ собою книги, его содержащія. Сигизмундъ I враждебно встрѣтилъ протестантизмъ; онъ подтвердилъ право епископовъ наблюдать за поступками отпадшихъ отъ католицизма, увѣщевать еретиковъ и наказывать ихъ; издалъ постановленіе, по которому всякій, заразившійся ересью, терялъ дворянство; запретилъ вызывать учителей изъ Германіи и молодымъ людямъ посѣщать университеты и школы нѣмецкіе. Иначе пошли дѣла при Сигизмундѣ-Августѣ, который былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ различнымъ ея исповѣданіямъ; склонялся то къ тому, то къ другому изъ нихъ, смотря по политическимъ и разнымъ другимъ отношеніямъ. Мы видѣли, что любимою женою его была вторая, Варвара, вдова Гастольдъ, урожденная Радзивилъ. Представителемъ могущественной фамиліи Радзивиловъ въ Литвѣ былъ двоюродный братъ королевы Варвары, Николай Черный Радзивилъ, князь Олицкій и Несвижскій, воевода Виленскій, великій маршалъ и канцлеръ Литовскій, и этотъ-то первый вельможа, имѣвшій, по родству съ королевою и личнымъ достоинствамъ, могущественное вліяніе на Сигизмунда-Августа, былъ ревностный претестантъ, употреблявшій всѣ свои могущественныя средства для распространенія новаго ученія въ Литвѣ. Онъ ввелъ его въ свои обширныя вотчины и помѣстья, вызвалъ изъ Польши самыхъ знаменитыхъ протестантскихъ проповѣдниковъ, принималъ подъ свое покровительство всѣхъ отступившихъ отъ католицизма; простой народъ привлекалъ угощеніями и подарками,—шляхту королевскими милостями: и, такимъ образомъ, почти все высшее сословіе приняло протестантизмъ; не съ меньшимъ успѣхомъ распространился онъ и въ городахъ; только большинство сельскаго народонаселенія оставалось при прежнемъ исповѣданіи, особенно въ русскихъ православныхъ областяхъ. Радзивилу нужно было сдѣлать рѣшительный шагъ, показать торжественно, что и король на сторонѣ протестантизма: для этого онъ уговорилъ Сигизмунда-Августа въ Вильнѣ поѣхать на богослуженіе въ протестантскую церковь, построенную противъ католической церкви Св. Іоанна. Но къ чему одинъ съ сильною волею человѣкъ могъ склонить Сигизмунда-Августа, отъ того другой рѣшительный человѣкъ могъ отвратить его. Узнавши, что король поѣдетъ въ про-

тестантскую церковь, доминиканецъ Кипріанъ, епископъ Литопенскій, суффраганъ Виленскій, вышелъ къ нему на-встрѣчу, схватилъ за узду лошадь и сказалъ: „Предки вашего величества ѣздили на молитву не этою дорогою, а тою". Сигизмундъ-Августъ растерялся и принужденъ былъ послѣдовать за Кипріаномъ въ католическую церковь.

Первымъ тяжелымъ ударомъ, который потерпѣлъ протестантизмъ въ Литвѣ, была смерть Николая Чернаго Радзивила, послѣдовавшая въ 1565 году; въ главѣ рода Радзивиловъ и въ главѣ протестантизма сталъ двоюродный братъ покойнаго, Николай Рыжій Радзивилъ; но этотъ уже не имѣлъ такого значенія. Вторымъ бѣдствіемъ для протестантизма было внутреннее разъединеніе вслѣдствіе усиленія аріанъ, или социніанъ. Между тѣмъ папа Пій V, слыша объ усиленіи протестантизма въ Польшѣ и Литвѣ, отправилъ къ Двору Сигизмунда-Августа посла своего Коммендоне. Послѣдній нашелъ дѣла католицизма въ Польшѣ и Литвѣ въ жалкомъ состояніи: во время борьбы съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ протестантизмъ, между епископами католическими господствовала вражда, зависть; двое главныхъ епископовъ, Яковъ Уханскій, архіепископъ Гнѣзненскій, и Филиппъ Падневскій, епископъ Краковскій, находились въ открытой враждѣ другъ съ другомъ; притомъ Уханскій оказывалъ явную склонность къ протестантизму, въ надеждѣ, что, при торжествѣ послѣдняго, при разрывѣ съ Римомъ, но при сохраненіи іерархіи, онъ, какъ архіепископъ, будетъ независимымъ главою польскаго духовенства. Коммендоне, вывѣдавши состояніе дѣлъ, характеры и отношенія короля и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, началъ, въ тихихъ бесѣдахъ, внушать Сигизмунду-Августу, какъ онъ жалѣетъ о его судьбѣ и судьбѣ цѣлаго государства, потому что когда разновѣрцы возьмутъ верхъ, то въ буйствѣ своемъ не пощадятъ ничего, ниспровергнутъ всѣ учрежденія, божескія и человѣческія, всѣ права и обычаи, потрясутъ наконецъ и самый тронъ; приводилъ ему примѣръ современной Франціи и Германіи, обуреваемыхъ религіозными войнами, вслѣдствіе того, что государи въ самомъ началѣ не подавили еретическихъ ученій. Король, который всего болѣе боялся междоусобныхъ войнъ, принялъ къ сердцу внушенія Коммендоне и охладѣлъ къ протестантизму; этому охлажденію способствовало и поведеніе протестантовъ, которые, желая пріобрѣсти расположеніе шляхты, противились королевскимъ требованіямъ насчетъ большихъ поборовъ, необходимыхъ для успѣшнаго веденія войны съ Москвою. Съ другой стороны, на помощь католицизму явилась дружина, съ которою вѣрна была побѣда надъ раздѣленнымъ и потому ослабѣвшимъ протестантизмомъ: эта дружина была іезуиты. Валеріанъ Проташевичъ, епископъ Виленскій, думая о средствахъ, какъ помочь своему дѣлу въ борьбѣ съ ересью, обратился за совѣтомъ къ кардиналу Гозіушу, епископу Варминскому, въ Пруссіи, знаменитому предсѣдателю Тридентинскаго собора, считавшемуся однимъ изъ главныхъ столповъ католицизма не въ одной Польшѣ, но и во всей Европѣ. Гозіушъ, совѣтуя всѣмъ польскимъ епископамъ вводить въ свои епархіи іезуитовъ, присовѣтовалъ то же самое и Протащевичу. Тотъ исполнилъ совѣтъ,—и въ Вильнѣ былъ основанъ іезуитскій коллегіумъ подъ управленіемъ Станислава Варшевицкаго. Сначала іезуитскія школы мало наполнялись: православные и протестанты не пускали въ нихъ дѣтей своихъ; виленскій капитулъ запрещалъ и католикамъ отдавать дѣтей къ іезуитамъ, боясь, чтобъ его каѳедральное училище не упало; но Варшевицкій не унывалъ, искалъ всюду средства доставить своему коллегіуму уваженіе и силу, дѣйствовалъ неутомимо, училъ въ школахъ, говорилъ проповѣди, проникалъ въ дома значительныхъ иновѣрцевъ для обращенія ихъ къ католицизму,—и старанія его начали приносить пользу.

Въ такомъ состояніи находилась Польша и Литва, когда умеръ Сигизмундъ-Августъ и надобно было думать объ избраніи ему преемника; легко понять, какое важное вліяніе при этомъ избраніи должно было имѣть религіозное движеніе. Протестанты, сильные въ сенатѣ и между шляхтою, хотѣли выбрать короля протестанта, или, по крайней мѣрѣ, такого, который далъ бы имъ полную свободу въ отправленіи ихъ богослуженія. Коммендоне видѣлъ эту опасность для католицизма, и тѣмъ болѣе былъ встревоженъ, что между католиками замѣчалъ совершеное равнодушіе: многіе изъ нихъ смотрѣли на протестантовъ не какъ на еретиковъ, противниковъ истиннаго ученія Церкви, но какъ на людей, желающихъ только ограничить чрезмѣрное могущество духовенства. Для достиженія своей цѣли, т.-е. для того, чтобъ новый король былъ католикъ и выбранъ католиками, Коммендоне нашелъ единственное средство въ личныхъ и родовыхъ отношеніяхъ между вельможами, причемъ онъ старался утушать вражду между католиками и поджигать ее между протестантами. Въ челѣ польскаго вельможества стояли тогда Петръ Зборовскій, воевода Сендомирскій, и Янъ Фирлей, маршалокъ великій коронный и воевода Краковскій,—оба протестанты. Краковское воеводство, полученное недавно Фирлеемъ, было причиною злой вражды между этими обоими вельможами: ибо и Зборовскій также его добивался, но король Сигизмундъ-Августъ, по просьбамъ любовницы, предпочелъ Фирлея. Этою враждою между Зборовскимъ и Фирлеемъ воспользовался Коммендоне: онъ сталъ внушать Зборовскому, что въ домѣ Фирлея сходятся паны и идетъ тамъ дѣло о томъ, чтобъ Фирлея выбрать въ короли. Зборовскій повѣрилъ, ненависть превозмогла надъ привязанностію къ вѣрѣ, и онъ далъ слово, что, хотя онъ и самъ протестантъ, однако не позволитъ, чтобъ престолъ достался протестанту. Между вельможами-католиками первое мѣсто занималъ Альбертъ Ласкій, знаменитый своимъ воинственнымъ духомъ и потому любимый молодежью: его-то особенно постарался Коммендоне привлечь на свою

сторону, и составилъ изъ него, изъ Андрея Зборовскаго и Николая Паца, епископа Кіевскаго, тріумвиратъ, въ которомъ католическая сторона нашла для себя сильную опору и руководство.

Уладивши такимъ образомъ дѣло въ Польшѣ, Коммендоне обратился къ Литвѣ: здѣсь самыя сильныя фамиліи были — Радзивиловъ и Ходкѣвичей, изъ соперничества находившіяся во враждѣ другъ съ другомъ. Мы видѣли, что могущество Радзивиловъ и вмѣстѣ дѣло протестантизма въ Литвѣ поникли вслѣдствіе смерти Николая Чернаго Радзивила, ибо братъ его, Николай Рыжій Радзивилъ, не наслѣдовалъ его значенія, У Чернаго осталось нѣсколько сыновей; старшаго изъ нихъ, Николая-Кристофа, который извѣстенъ подъ прозвищемъ Сиротка, отецъ отправилъ въ Германію, для того, чтобъ молодой человѣкъ окрѣпъ тамъ въ протестантскомъ ученіи; но когда, по смерти отца, Николай-Кристофъ отправился въ Италію, въ Римъ, то прежнее германское вліяніе не могло устоять передъ италіанскимъ,—и Радзивилъ возвратился въ Литву католикомъ. Младшіе братья послѣдовали примѣру старшаго; но Николай Рыжій и его потомство остались вѣрны протестантизму; такимъ образомъ, родъ Радзивиловъ раздѣлился на двѣ линіи — католическую и протестантскую. Янъ Ходкѣвичъ, бывшій прежде протестантомъ, также вслѣдствіе іезуитскаго противодѣйствія и стараній Коммендоне, обратился въ католицизмъ. Комендоне теперь нужно было только помирить Сиротку Радзивила съ Ходкѣевичемъ, что было сдѣлать легко, ибо личной вражды между ними, какъ у Фирлея съ Зборовскимъ, не было. Приготовивши сильныя средства для избранія короля - католика въ Польшѣ и Литвѣ, Коммендоне началъ внушать, что всего лучше выбрать одного изъ сыновей императора Максимиліана; въ Литвѣ и Радзивилъ и Ходкѣвичъ были согласны на это: Радзивилъ—по давней связи своего рода съ Австрійскимъ домомъ, Ходкѣвичъ—изъ боязни, чтобъ выборъ не палъ на царя Московскаго, къ которому онъ питалъ сильное нерасположеніе, предводительствуя постоянно литовскими войсками, дѣйствовавшими противъ Москвы. Но Радзивилъ и Ходкѣвичъ одни не могли помѣшать избранію царя или царевича Московскаго: еще въ 1564 году Коммендоне доносилъ въ Римъ, что всѣ жители Кіева благопріятствуютъ Московскому государю по причинѣ вѣры; по смерти Сигизмунда-Августа, онъ доносилъ также о движеніи православнаго народонаселенія въ Литвѣ въ пользу царя Московскаго. До насъ дошла любопытная статья, составленная аббатомъ Джіованни, въ которой исчисляются всѣ побужденія къ избранію Московскаго царя и всѣ препятствія къ этому: препятствуетъ избранію царя, вопервыхъ, то, что онъ постоянно враждовалъ съ короною Польскою и оскорблялъ ее тѣмъ, что завоевалъ два княжества въ Литвѣ; вторымъ препятствіемъ служитъ Греческая вѣра, имъ исповѣдуемая; третьимъ—суровость нравъ, жестокое обращеніе съ боярами. Будутъ препятствовать ему также императоръ Германскій и султанъ Турецкій: каждый изъ нихъ боится имѣть его въ сосѣдствѣ, особенно Турокъ, который не захочетъ имѣть въ сосѣдствѣ государя могущественнаго и воинственнаго, и, что всего опаснѣе, государя Греческой вѣры, способнаго, слѣдовательно, возбуждать греческое народонаселеніе къ возстанію противъ Турокъ; наконецъ, препятствуетъ выбору царя у Поляковъ мысль, что средоточіе и величество цѣлаго государства перенесутся въ Москву. Напротивъ, къ выбору царя побуждаютъ: его могущество, возможность доставить безопасность и спокойствіе Литвѣ; сходство языка и обычаевъ; одни враги — Татары и Германская имперія: примѣръ Ягайла, великаго князя Литовскаго, который, будучи избранъ въ короли, изъ врага Польши и язычника сталъ другомъ и христіаниномъ. Примѣръ того же Ягайла заставляетъ надѣяться, что царь болѣе будетъ жить въ Польшѣ, чѣмъ въ Москвѣ, ибо сѣверные жители всегда стремятся къ южнымъ странамъ; притомъ же стремленіе расширить или охранить свои предѣлы на юго-западѣ, въ сторонѣ Турціи или Германской имперіи, заставитъ царя жить болѣе въ Польшѣ; можно обязать его клятвою не нарушать законовъ и правъ польской шляхты, какъ было сдѣлано съ Ягайломъ. Что же касается до Греческой вѣры, то протестанты не обращаютъ на это никакого вниманія; притомъ же государь Московскій хотѣлъ нѣкогда соединиться съ Латинскою церковью. Наконецъ, у него много денегъ, посредствомъ которыхъ онъ можетъ пріобрѣсти себѣ много доброжелателей.

Такъ думали сначала въ Польшѣ, но потомъ согласнѣе были на выборъ царевича Ѳеодора, чѣмъ самого царя. Этимъ выборомъ удовлетворилось православное народонаселеніе; онъ не былъ противенъ протестантамъ; Литва пріобрѣтала безопасность со стороны Москвы, а между тѣмъ избавлялась отъ непосредственныхъ отношеній къ Іоанну, котораго характеръ былъ извѣстенъ въ Польшѣ, еще извѣстнѣе на Литвѣ. Давши знать царю, чрезъ гонца Воропая, о смерти Сигизмунда-Августа, польская и литовская рада тутъ же объявили ему о желаніи своемъ видѣть царевича Ѳеодора королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Іоаннъ, по обычаю, самъ отвѣчалъ Воропаю длинною рѣчью: „Пришелъ ты ко мнѣ отъ пановъ своихъ польскихъ и литовскихъ, и принесъ мнѣ отъ нихъ грамоту съ извѣщеніемъ, что братъ мой Сигизмундъ-Августъ умеръ, о чемъ я и прежде слышалъ да не вѣрилъ, потому что насъ, государей христіанскихъ, часто морятъ, а мы все до воли Божіей живемъ. Но теперь уже я вѣрю и жалѣю о смерти брата моего; особенно же жалѣю о томъ, что отошелъ онъ къ Господу Богу, не оставивши по себѣ ни брата, ни сына, который бы позаботился о его душѣ и о тѣлѣ, по королевскому достоинству. Ваши паны польскіе и литовскіе теперь безъ главы, потому что хотя въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ и много го-

ловъ, однако одной доброй головы нѣтъ, которая бы всѣми управляла, къ которой бы всѣ вы могли прибѣгать, какъ потоки или воды къ морю стекаютъ. Немалое время были мы съ братомъ своимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ ссорѣ; но потомъ дѣло начало-было клониться и къ доброй пріязни между нами. Прежде чѣмъ пріязнь эта окончательно утвердилась, Господь Богъ взялъ его къ Себѣ; за нашимъ несогласіемъ бусурманская рука высится, а христіанская низится и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь безъ государя, захотятъ меня взять въ государи, то увидятъ какого получатъ во мнѣ защитника и добраго государя: сила поганская тогда выситься не будетъ; да не только поганство,—Римъ и ни одно королевство противъ насъ не устоитъ, когда земли ваши будутъ одно съ нашими. Въ вашей Землѣ многіе говорятъ, что я золъ: правда, я золъ и гнѣвливъ, не хвалюся; однако пусть спросятъ меня, на кого я золъ? Я отвѣчу, что кто противъ меня золъ, на того и я золъ, а кто добръ, тому не пожалѣю отдать и эту цѣпь съ себя и это платье". Тутъ Малюта Скуратовъ прервалъ его: „Царь и государь преславный!" сказалъ онъ, „казна твоя не убога, въ ней найдешь, кого чѣмъ подарить". — Іоаннъ продолжалъ: „Паны польскіе и литовскіе знаютъ о богатствѣ дѣда и отца моего; но я вдвое богаче ихъ казною и землями. Неудивительно, что ваши паны людей своихъ любятъ, потому что и тѣ пановъ своихъ любятъ; а мои люди подвели меня къ крымскимъ Татарамъ, которыхъ было 40,000, а со мною только 6,000,—равно ли это? Притомъ же я ничего не зналъ; хотя передо мною и шли шестеро воеводъ съ большими силами, но они не дали мнѣ знать о Татарахъ; хотя бы моимъ воеводамъ и трудно было одолѣть такого многочисленнаго непріятеля, однако пусть бы, потерявши нѣсколько тысячъ своихъ людей, принесли ко мнѣ хотя бичъ или плеть татарскую, я и то съ благодарностью бы принялъ. Я не силы татарской боялся, но видѣлъ измѣну своихъ людей, и потому своротилъ немного на сторону отъ Татаръ. Въ это время Татары вторглись въ Москву, которую можно было бы оборонить и съ тысячью человѣкъ; но когда большіе люди оборонять не хотѣли, то меньшимъ какъ было это сдѣлать? Москву уже сожгли, а я ничего объ этомъ не зналъ. Такъ разумѣй, какова была измѣна моихъ людей противъ меня! Если кто и былъ послѣ этого казненъ, то казненъ за свою вину. Спрашиваю тебя: у васъ измѣнника казнятъ или милуютъ? Думаю, что казнятъ. Вотъ у васъ, въ Вильнѣ, Викторинъ, который ко мнѣ писалъ, но я ему не отвѣчалъ. Взвели на меня, будто я этого Викторина подучалъ извести брата моего; но Богъ свидѣтель, что я объ этомъ не думалъ и Викторину не приказывалъ, а если онъ ко мнѣ и писалъ объ этомъ, то письмо его до меня не дошло. Викторина схватили и казнили: видишь, что и въ вашихъ земляхъ измѣнниковъ не милуютъ. Такъ скажи панамъ польскимъ и литовскимъ, чтобъ, посовѣтовавшись между собою обо всемъ и уговорившись, отправляли скорѣе ко мнѣ пословъ. А если Богу будетъ угодно, чтобъ я былъ ихъ государемъ, то напередъ обѣщаю Богу и имъ, что сохраню всѣ ихъ права и вольности и, смотря по надобности, дамъ большія. Я о своей добротѣ или злости говорить не хочу; если бы паны польскіе и литовскіе ко мнѣ или къ дѣтямъ моимъ своихъ сыновей на службу присылали, то узнали бы, какъ я золъ и какъ я добръ. Пусть не дивятся тому, что измѣнники мои говорятъ обо мнѣ: у нихъ уже такой обычай говорить о государяхъ своихъ дурно; какъ бы я ихъ ни учестилъ и ни одарилъ, они все не перестанутъ говорить обо мнѣ дурно. Есть люди, которые пріѣхали изъ моей Земли въ вашу: надобно бояться, чтобъ не ушли они въ другую землю, въ Орду или въ Турцію, если почуютъ, что паны польскіе и литовскіе хотятъ взять меня въ государи. Пусть паны ваши постараются задержать ихъ; а я, клянусь Богомъ, не буду имъ мстить. Курбскій къ вамъ пріѣхалъ; онъ отнялъ у него (указывая на старшаго сына) мать, а у меня—жену; а я, свидѣтельствуюсь Богомъ, не думалъ его казнить, хотѣлъ только посбавить у него чиновъ, уряды отобрать и потомъ помиловать; а онъ, испугавшись, отъѣхалъ въ Литву. Пусть паны ваши отнимутъ у него уряды и смотрятъ, чтобъ онъ куда-нибудь не ушелъ. Что касается до Ливоніи, то, когда буду вашимъ государемъ, Ливонія, Москва, Новгородъ и Псковъ одно будутъ. А если меня въ государи взять не захотятъ, то пусть пріѣзжаютъ ко мнѣ великіе послы для добраго постановленія. Я за Полоцкъ не стою и со всѣми его пригородами уступлю и свое Московское, пусть только уступятъ мнѣ Ливонію по Двину; и заключимъ мы вѣчный миръ съ Литвою; я и на дѣтей своихъ наложу клятву, чтобъ не вели войны съ Литвою, пока родъ нашъ не прекратится. А если паны хотятъ взять себѣ въ государи кого-нибудь изъ сыновей моихъ, то ихъ у меня только два, какъ два глаза у головы: отдать котораго нибудь изъ нихъ все равно, что изъ человѣка сердце вырвать. Есть въ вашей Землѣ польскіе и литовскіе люди вѣры Мартына Лютера, которые образа истребляютъ,—имъ не хочется имѣть меня государемъ. Но я о нихъ ничего не буду говорить, потому что Священное Писаніе дано не на брань и не на гнѣвъ, а на тихость и покорность. Не забудь сказать панамъ своимъ польскимъ и литовскимъ, чтобъ отправляли сюда пословъ своихъ немедленно, людей добрыхъ, чтобъ изъ добраго постановленія не вышло дурного".

Изъ этихъ словъ Іоанна прежде всего оказывается, что онъ въ это время хотѣлъ быть избраннымъ въ короли; отсюда стараніе отклонить отъ себя упрекъ въ бѣгствѣ предъ ханомъ, оправдать жестокость свою относительно бояръ. Въ Польшѣ и Литвѣ, при жизни еще Сигизмунда-Августа и тотчасъ по смерти его, многіе могли также желать избранія Іоанна въ короли, разсуждали при этомъ о полезныхъ и вредныхъ слѣдствіяхъ такого из-

бранія, взвѣшивали ихъ; находя важныя препятствія въ характерѣ Іоанна, въ трудности соединить интересы двухъ самостоятельныхъ государствъ, при управленіи однимъ государемъ, обращались къ одному изъ сыновей Іоанновыхъ, но при этомъ упускали изъ вниманія главное: невозможность согласить выгоды обоихъ государствъ при самомъ соединеніи. Разсуждая о выборѣ Іоанна или сына его, смотрѣли на Москву и Литву какъ на государства, неимѣвшія до сихъ поръ никакихъ столкновеній между собою, или думали, что Іоаннъ, прельщенный честію видѣть себя или одного изъ сыновей своихъ на Польскомъ престолѣ, согласится на всѣ уступки въ пользу Литвы. Естественно было и самому Іоанну вначалѣ смотрѣть на дѣло такимъ же образомъ; главное препятствіе къ избранію онъ находилъ въ своемъ характерѣ, въ поведеніи относительно бояръ, которое должно было прежде всего безпокоить вельможъ польскихъ и литовскихъ, привыкшихъ къ совершенно иному порядку вещей. Онъ думалъ, что обѣщаніемъ сохранить ненарушимо и даже распространять права и вольности пановъ и шляхты и извиненіемъ своей гнѣвливости боярскою измѣною онъ отстранитъ самыя важныя препятствія къ избранію, и упускалъ изъ виду главное: соглашеніе выгодъ Москвы и Литвы: или думалъ, что Польша и Литва, прельщенныя выгодами имѣть королемъ такого могущественнаго государя, какъ онъ, согласятся на его требованія, тѣмъ болѣе что онъ старался, по возможности, умѣрять эти требованія. Но скоро обнаружилось, что было главное въ дѣлѣ, что преимущественно препятствовало избранію. То же, что давно уже было непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію вѣчнаго мира между Москвою и Литвою: спорныя земли, число которыхъ увеличилось теперь Ливоніею. Іоаннъ хотѣлъ самъ быть королемъ; здѣсь прельщала его мысль о возможности вѣчнаго тѣснаго соединенія трехъ державъ; рада польская и литовская преимущественно указывали ему на сына его: избраніе же послѣдняго не могло ничѣмъ прельстить Іоанна, ибо кто могъ поручиться, что по смерти его война между родными братьями не вспыхнула бы гораздо сильнѣе, чѣмъ между государями, совершенно чуждыми другъ другу? Отъ пріѣзда Воропая до пріѣзда новаго посла литовскаго Гарабурды, прошло мѣсяцевъ шесть: Іоаннъ имѣлъ время подумать о дѣлѣ, которое и представилось ему уже въ иномъ видѣ. Избраніе сына представлялось ему столь же невыгоднымъ, какъ и прежде; собственное избраніе представило ему новыя трудности: онъ долженъ былъ управлять двумя самостоятельными государствами, переѣзжать изъ одного въ другое; и у себя, въ Московскомъ государствѣ, боялся онъ измѣны боярской, окружилъ себя опричниною, а теперь долженъ будетъ ѣхать въ Польшу, отдать себя въ руки своевольнымъ панамъ и шляхтѣ, подъ конецъ жизни подчиниться тому, что противорѣчило стремленіямъ всей его жизни. Отсюда естественно должно было у него родиться желаніе быть избраннымъ только въ великіе князья Литовскіе, отдѣльно отъ Польши. Здѣсь уничтожалось главное препятствіе относительно сопоставленія двухъ государствъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнувъ занимать второстепенное положеніе при Польшѣ, легко могла занять такое же при соединеніи съ царствомъ Московскимъ; притомъ въ Литвѣ преимуществовалъ элементъ русскій; большую часть великаго княжества составляли земли, которыя Іоаннъ считалъ своими отчинами; по многочисленности православнаго народонаселенія,—дать здѣсь господство православію было легко; вслѣдствіе близости и второстепеннаго положенія Литвы,—управлять ею и ладить съ панами было легче.

Но если дѣло избранія самому Іоанну представлялось уже иначе, то въ Польшѣ и Литвѣ желаніе видѣть его королемъ не могло усиливаться: другіе государи, желавшіе избранія, отправили въ Польшу пословъ, которые и поддерживали ихъ дѣло. Мы видѣли какъ дѣйствовалъ Коммендоне для того, чтобъ былъ избранъ король-католикъ; но Іоаннъ ждалъ къ себѣ пословъ польскихъ и литовскихъ, и никакъ не хотѣлъ унижаться до искательства и просьбъ. Православное народонаселеніе Литвы желало видѣть королемъ Іоанна, но оно не могло имѣть перевѣса на сеймѣ; притомъ же въ это время религіозный интересъ православнаго народонаселенія не былъ затронутъ и, потому, не стоялъ на первомъ планѣ; другіе интересы преобладали.

Іоаннъ, какъ мы видѣли, наказывалъ Воропаю, чтобъ рада польская и литовская немедленно прислали къ нему уполномоченныхъ для окончательныхъ переговоровъ; литовская рада тотчасъ же дала знать польской объ этомъ требованіи царя съ просьбою удовлетворить ему какъ можно скорѣе, потому что замедленіе можетъ грозить большою опасностію для Литвы. Но прошелъ 1572 годъ—и польскіе уполномоченные не являлись; въ началѣ 1573 литовская рада принуждена была отправить къ Іоанну отъ одной себя посла Михаила Гарабурду. Послѣдній оправдывалъ медленность пановъ моровымъ повѣтріемъ, распространившимся въ Польшѣ и Литвѣ, которое помѣшало имъ съѣзжаться; объявилъ, что литовскіе паны сами хотятъ и польскихъ пановъ будутъ приводить на то, чтобъ избранъ былъ или самъ царь, или сынъ его Ѳеодоръ, и потому просилъ Іоанна дать рѣшительный отвѣтъ, самъ ли онъ хочетъ быть избранъ въ короли или дать сына;—въ обоихъ случаяхъ необходимо обязательство въ ненарушеніи правъ и вольностей шляхетскихъ; при опредѣленіи границъ между государствами Іоаннъ долженъ уступить Литвѣ четыре города—Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ и Озерище; если же царевичъ Ѳеодоръ будетъ избранъ въ короли, то отецъ долженъ дать ему еще нѣсколько городовъ и волостей.—Іоанну не понравились рѣчи Гарабурды: онъ отвѣчалъ ему: „Ты говорилъ, что паны радные такъ долго не присылали къ намъ по причинѣ мороваго повѣтрія; это

воля Божія; а надобно было бы панамъ подумать, чтобъ дѣло поскорѣе уладить, потому что безъ государя Землѣ быть невыгодно. Паны радные литовскіе не хотятъ выбирать себѣ государя безъ короны Польской—на то ихъ воля. Ты говорилъ о подтвержденіи правъ и вольностей; дѣло извѣстное, что въ какихъ земляхъ какіе обычаи есть, отмѣнять ихъ не годится. Ты говорилъ, чтобъ мы возвратили Литвѣ Смоленскъ и Полоцкъ, Усвятъ и Озерище. Это пустое: для чего намъ уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вамъ дамъ сына своего, князя Ѳедора,—къ убытку для своего государства? Хотятъ, чтобъ я далъ сыну еще другіе города и волости: но и безъ нашихъ городовъ и волостей въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ много есть городовъ и волостей, доходами съ которыхъ мы и сынъ нашъ можемъ содержать свой Дворъ. И то по-нашему не годится, что по смерти государя государство не принадлежитъ потомкамъ его; что корона Польская и великое княжество Литовское не будутъ въ соединеніи съ государствомъ Московскимъ: такъ нельзя, такъ мы сына своего Ѳедора не дадимъ. Знаемъ, что цесарь и король Французскій прислали къ вамъ; но намъ это не примѣръ, потому что, кромѣ насъ да Турецкаго султана, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно чрезъ двѣсти лѣтъ,—потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно Корона Польская и великое княжество Литовское—государства не голыя, пробыть на нихъ можно, а нашъ сынъ не дѣвка, чтобъ за нимъ еще приданое давать. Если паны радные польскіе и литовскіе хотятъ нашей пріязни, то прежде всего пусть пишутъ титулъ нашъ сполна, потому что мы наше царское имя получили отъ предковъ своихъ, а не у чужихъ взяли. Вовторыхъ, если Богъ возьметъ сына нашего Ѳедора съ этого свѣта и останутся у него дѣти, то чтобы корона Польская и великое княжество Литовское мимо дѣтей сына нашего другого государя не искали; а не будетъ у нашего сына дѣтей, то Польша и Литва отъ нашего рода не отрывались бы; и если кто изъ нашего рода умретъ, тѣло его привозить для погребенія сюда. А наши дѣти и потомки, кто будетъ на коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ нарушать не будутъ; и пусть Польша и Литва соединятся съ нашимъ государствомъ, и въ титулѣ нашемъ писалось бы напередъ королевство Московское, потомъ корона Польская и великое княжество Литовское; стоять и обороняться отъ всѣхъ непріятелей имъ заодно, а Кіевъ для нашего царскаго именованія уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по рѣку Березыню, того мы, для покою христіанскаго, отступаемся, но Полоцкъ со всѣми пригородами и вся Земля Ливонская—въ нашу сторону, къ государству Московскому, и безъ этихъ условій сына нашего Ѳедора отпустить къ вамъ на государство нельзя; ктому же онъ несовершеннолѣтній, противъ непріятелей стоять не можетъ. Что же касается до вѣчнаго мира, то мы хотимъ его на такихъ условіяхъ: Полоцкъ со всѣми пригородами и Курляндія—къ Литвѣ, а Ливонія—къ Москвѣ; Двина будетъ границею, а Полоцку и его пригородамъ съ нашими землями граница будетъ по старымъ межамъ; и быть бы всѣмъ тремъ государствамъ на всѣхъ непріятелей заодно, а въ короли выбрать цесарскаго сына, который долженъ быть съ нами въ братствѣ и подтвердить вѣчный миръ; мы готовы жить съ цесарскимъ сыномъ точно такъ же, какъ бы жили съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ, еслибъ дали его вамъ въ государи. Знаю, что нѣкоторые изъ Поляковъ и изъ нашихъ хотятъ выбрать меня самого въ короли, а не сына моего: и гораздо лучше, еслибъ я самъ былъ вашимъ государемъ". Гарабурда отвѣчалъ на это, что паны и шляхта рады выбрать его въ государи, но чтобы онъ объявилъ, какъ этому статься? Онъ долженъ будетъ безпрестанно переѣзжать изъ одного государства въ другое, и все по отдаленности не будетъ въ состояніи надлежащимъ образомъ оборонять свои государства; большое будетъ затрудненіе и относительно суда королевскаго; наконецъ безъ принятія Римской вѣры онъ не можетъ быть коронованъ. Царь велѣлъ ему пріѣзжать за отвѣтомъ на другой день, и когда посолъ явился, сталъ опять ему говорить: „Мы на Московскомъ королевствѣ, въ Польшѣ и Литвѣ государемъ быть хотимъ, и управлять всѣми этими государствами можемъ, и, пріѣзжая, по нѣскольку времени оставаться въ каждомъ. Причины, тобою приведенныя, дѣлу не мѣшаютъ; въ титулѣ нашемъ стоять прежде королевству Московскому, потомъ Польшѣ и Литвѣ; а для имени написать къ Московскому государству Кіевъ одинъ, безъ пригородовъ; Полоцкъ съ пригородами и Курляндію—къ Литвѣ, а Ливонію—къ нашему государству Московскому; полный титулъ будетъ такой: „Божіею милостію, господарь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Кіевскій, Владимірскій, Московскій, король Польскій и великій князь Литовскій и великій князь Русскій, Великаго Новгорода, царь Казанскій, царь Астраханскій", а потомъ расписать области русскія, польскія и литовскія по старшинству. Вѣрѣ нашей быть въ почетѣ; церкви въ нашихъ замкахъ, волостяхъ и дворахъ, каменныя и деревянныя, вольно намъ ставить; митрополитовъ и владыкъ почитать намъ по нашему обычаю; правъ и вольностей панскихъ и шляхетскихъ не нарушать, а увеличивать. Вольно намъ будетъ въ старости отойти въ монастырь,—и тогда паны и вся Земля выбираютъ себѣ въ государи изъ нашихъ сыновей, который имъ будетъ любъ; а самъ я неугоднаго имъ назначать не буду. А если бы великое княжество Литовское захотѣло нашего государствованія одно, безъ короны Польской, то намъ еще пріятнѣе. Мы на великомъ княжествѣ Литовскомъ быть хотимъ: хотимъ держать

государство Московское и великое княжество Литовское заодно, какъ были прежде Польша и Литва; титулъ нашъ будетъ, какъ прежде было сказано; а которыя земли литовскія забраны къ коронѣ Польской, тѣ будемъ отыскивать и присоединимъ ихъ къ Литвѣ, кромѣ одного Кіева, который долженъ отойти къ Москвѣ. Еще надобно уговориться о дворовыхъ людяхъ, безъ которыхъ я не могу ѣхать въ Польшу и Литву: этихъ людей немного (опричнина). И то еще тебѣ объявляю, что буду ѣздить въ Польшу и Литву не одинъ, а съ дѣтьми, потому что они по лѣтамъ своимъ еще не могутъ безъ насъ оставаться; доходятъ до насъ слухи изъ вашихъ сторонъ, что Поляки и Литовцы хотятъ взять у насъ сына обманомъ, чтобъ отдать его Турецкому. Не знаю, правда ли это, или злые люди выдумали; только я долженъ тебѣ объ этомъ объявить, потому что теперь хочу все высказать. Особенно объявляю тебѣ то, что я ужъ старѣю, и въ такія три обширныя государства ѣздить мнѣ для управленія трудно: такъ лучше было бы, еслибы Польша и Литва взяли въ государи цесарскаго сына, а съ нами заключили вѣчный миръ, на условіяхъ, какія я уже сказалъ; и намъ это было бы спокойнѣе, да и землямъ также. Но если Польша и Литва не хотятъ цесарскаго сына, а хотятъ насъ, то мы согласны быть ихъ государемъ; только паны должны дать присягу и грамоту, что имъ надъ нами и надъ нашими дѣтьми ничего дурного не дѣлать и ни одного государя противъ насъ не подводить, ни въ какое государство насъ не выдать и никакой хитрости не замышлять, чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ можно было безпечно пріѣзжать для разныхъ дѣлъ въ Польшу и Литву, какъ въ свою Землю. А если и одно великое княжество Литовское, безъ Польши, захочетъ нашего государствованія, то это намъ еще пріятнѣе. Скажи панамъ раднымъ, чтобъ не выбирали въ короли Француза, потому что онъ будетъ больше желать добра Турецкому, чѣмъ христіанству; а если возьмете Француза, то вы, Литва, знайте, что мнѣ надъ вами промышлять. Еще объявляю тебѣ: изъ вашихъ земель многіе писали ко мнѣ, чтобъ я шелъ съ войскомъ къ Полоцку, а тогда вы будете намъ бить челомъ, чтобъ, не пустоша земли, былъ я вашимъ государемъ. Другіе писали такія вещи, которыя къ дѣлу нейдутъ; иные просили у насъ денегъ и соболей, за что обѣщали хлопотать, чтобъ сынъ нашъ былъ выбранъ въ короли: скажи это панамъ раднымъ".—Когда Гарабурда уже совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ обратный путь, пришли къ нему: окольничій Умный-Колычевъ, думный дворянинъ Плещеевъ, дьяки Андрей и Василій Щелкаловы, и сказали отъ имени Іоанна: „Если великое княжество Литовское хочетъ видѣть его своимъ государемъ, то онъ на это согласенъ; и будьте покойны, Польши не бойтесь,—господарь помиритъ съ нею Литву". Потомъ изъ Новгорода присланы были пункты (главизны), о которыхъ статьяхъ писарю Гарабурдѣ не изъявлено: 1) Короноваться и ставиться на корону Польскую и в. к. Литовское государю нашему по христіанскому обычаю, отъ архіепископовъ и епископовъ, и Римскаго закона бискупамъ по Римскому закону въ то время не дѣйствовать, а быть бискупамъ въ своемъ чину съ панами радными. 2) Божьимъ судомъ царское величество и его сынъ царевичъ Иванъ Ивановичъ не имѣютъ у себя супругъ, а царевичъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ приближается къ тому возрасту, когда жениться надобно: такъ паны радные волю бы дали царскому величеству въ Русскомъ царствѣ, въ коронѣ Польской и в. к. Литовскомъ выбирать и высматривать изъ подданныхъ кого пригоже по ихъ государскому чину. А у государей жениться царскому величеству нейдетъ, къ пожитью несхоже, потому что такъ высмотрѣть напередъ нельзя. А если выйдетъ такой случай, что можно будетъ жениться и на государской дочери, то царское величество будетъ говорить о томъ съ панами радными. А у государей нашихъ издавна ведется, что выбираютъ и высматриваютъ себѣ въ супруги изъ подданныхъ своихъ. 3) Когда государь пріѣдетъ съ своими дѣтьми на корону Польскую, и учинится мятежъ между государемъ и Землею, и помириться нельзя будетъ, то паны должны отпустить царя и дѣтей его безо всякой зацѣпки.

Рѣчи Іоанна Гарабурдѣ, высказавшееся въ нихъ колебаніе, желаніе и нежеланіе быть выбраннымъ, условія выбора, предложенныя царемъ, явное нежеланіе дать сына въ короли — все это не могло усилить московскую сторону на сеймѣ; послы московскіе не являлись съ льстивыми словами, обѣщаніями и подарками для пановъ,—и Ходкѣвичу легко было заглушить голосъ приверженцевъ царя. Сторона, хотѣвшая императора Максимиліана или сына его Эрнеста, также не могла осилить: причиною неуспѣха была, вопервыхъ, медленность Максимиліана; и онъ думалъ сначала, что не онъ Поляковъ, но Поляки будутъ просить его принять ихъ корону; потомъ, когда были имъ высланы великіе послы, Розенбергъ и Перштейнъ, то они уже не могли поправить дѣла, и кромѣ того—не хотѣли: оба посла были Чехи, свита ихъ состояла также изъ Чеховъ; подружившись съ Поляками на частыхъ пирушкахъ, Чехи стали вспоминать, что и они прежде пользовались такими же вольностями, какія теперь въ Польшѣ, но домъ Австрійскій отнялъ ихъ у нихъ и утѣсняетъ ихъ поборами, хочетъ истребить ихъ языкъ, и, какъ братья, предостерегали Поляковъ, чтобы они береглись австрійскаго ига. Послы отъ князей имперскихъ, явно хлопоча за Эрнеста, сына Максиміліанова, тайно совѣтовали Полякамъ совершенно иное; къ этому присоединялось еще извѣстное нерасположеніе Поляковъ къ Австрійскому дому. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было французскому послу Монлюку составить многочисленную и сильную сторону для Генриха Анжуйскаго, брата Французскаго короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Въ публичной рѣчи своей Монлюкъ не щадилъ лести

Полякамъ, называлъ государство ихъ оградою христіанства, хвалилъ ихъ обычаи, утверждалъ, что Французы и Поляки похожи другъ на друга болѣе всѣхъ другихъ народовъ; не былъ скупъ и на обѣщанія: по его словамъ, Генрихъ заведетъ флотъ, посредствомъ котораго всего скорѣе воспрепятствуетъ нарвской торговлѣ; приведетъ въ цвѣтущее состояніе Краковскую академію, снабдивши ее учеными людьми; отправитъ на свой счетъ въ Парижъ сто польскихъ шляхтичей для занятія науками; наберетъ для польской службы отрядъ гасконскихъ стрѣлковъ. Начались совѣщанія; послышались голоса въ пользу избранія одного изъ своихъ; но противъ этого избранія вооружился славный своими талантами, краснорѣчіемъ, ученостію Янъ Замойскій, староста Бѣльзскій, приверженецъ шляхетскаго равенства, приверженецъ французскаго принца. При подачѣ голосовъ, большинство оказалось за Генрихомъ; Монлюкъ поспѣшилъ присягнуть за него въ сохраненіи условій, знаменитыхъ Pacta Conventa. Волновались протестанты подъ предводительствомъ Фирлея: имъ, разумѣется, не хотѣлось имѣть королемъ брата Карла IX и ждать повторенія Варѳоломеевской ночи въ Краковѣ или Варшавѣ; но Монлюкъ успокоилъ и протестантовъ, давши за Генриха присягу въ сохраненіи всѣхъ ихъ правъ и вольностей. Въ августѣ 1573 года, двадцать польскихъ пословъ, въ сопровожденіи 150 человѣкъ шляхты, пріѣхали въ Парижъ за Генрихомъ. Начали говорить объ условіяхъ: Поляки потребовали, чтобъ не только Генрихъ подтвердилъ право протестантовъ польскихъ, но чтобъ и французскіе гугеноты получили свободу вѣроисповѣданія, ибо таково было обѣщаніе Монлюка. Спросили послѣдняго, какъ онъ могъ, мимо наказа, давать подобныя обѣщанія? Монлюкъ отвѣчалъ, что дѣйствительно не имѣлъ объ этомъ наказа, но принужденъ былъ обѣщать, чтобъ заградить уста непріятелямъ Франціи; чтобъ успокоить протестантовъ, взволнованныхъ вѣстями о Варѳоломеевской рѣзнѣ. Другіе послы, желая помѣшать избранію Генриха, разглашали, что онъ принималъ участіе въ убійствахъ: онъ, Монлюкъ, отвергалъ это, увѣряя, что рѣзня произошла случайно. „Но если она произошла безъ вѣдома королевскаго", возражали польскіе протестанты: „то король обязанъ наказать ея виновниковъ и дать французскимъ протестантамъ обезпеченіе ихъ правъ".— „Я не зналъ, что отвѣчать имъ", говорилъ Монлюкъ, „и, боясь, чтобъ это обстоятельство не помѣшало избранію, далъ требуемую присягу; но такъ какъ это не касалось Польши, то король не обязанъ исполнять обѣщаніе." Польскіе послы однако не переставали требовать исполненія обѣщанія; тогда Лавро, папскій нунцій, взялся уладить дѣло: въ худомъ платьи ночью пробирался онъ къ польскимъ посламъ изъ католиковъ, къ епископу Познанскому и Альберту Ласкому, которые сначала не очень склонялись на его требованія; наконецъ угрозами католикамъ, обѣщаніями протестантамъ ему удалось достигнуть того, чтобъ послы перестали настаивать на исполненіи Монлюкова обѣщанія. Это извѣстіе всего лучше показываетъ намъ, какъ сильна была въ это время протестантская сторона въ Польшѣ и Литвѣ, и какъ у самихъ католиковъ не было еще религіозной нетерпимости.

Въ началѣ 1574 года Генрихъ пріѣхалъ въ Польшу; протестанты требовали, чтобъ онъ повторилъ присягу въ сохраненіи ихъ правъ; король уклонялся; они криками своими прервали коронаціонный обрядъ, волновали сеймъ. Партіи боролись; Генрихъ, оказывая явное пристрастіе къ Зборовскимъ, поджигалъ еще болѣе эту борьбу; отсюда: крики противъ короля, пасквили, ссоры съ Французами; рѣдкій день проходилъ безъ убійства, совершеннаго тою или другою стороною; наконецъ явно была высказана угроза, что Генрихъ будетъ свергнутъ съ престола, если не станетъ лучше исполнять своихъ обязанностей. Генрихъ не привыкъ къ этимъ обязанностямъ во Франціи и жаловался, что Поляки изъ королей хотятъ низвести его до званія парламентскаго судьи; кромѣ лѣни, страсти къ пустымъ забавамъ, Генриху было трудно заниматься дѣлами еще и потому, что онъ не зналъ ни по-польски, ни по-латыни: кромѣ своего языка, зналъ только немного по-италіански, и потому сидѣлъ какъ нѣмой въ сенатѣ и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вырваться изъ него; цѣлыя ночи проводилъ безъ сна въ пирушкахъ и въ карточной игрѣ, проводилъ все время съ своими Французами, бѣгая отъ Поляковъ; щедрости и расточительности своей не зналъ мѣры; во дворцѣ былъ такой безпорядокъ, такая бѣдность, что иногда нечего было приготовить къ обѣду, нечѣмъ накрыть стола. Въ такомъ положеніи находился Генрихъ, когда получилъ вѣсть о смерти брата, Карла IX-го, причемъ мать, Екатерина Медичи, требовала, чтобъ онъ какъ можно скорѣе возвращался въ Францію. Не успѣвши затаить этого извѣстія, король объявилъ о немъ сенаторамъ; тѣ отвѣчали, что надобно созвать сеймъ, который одинъ можетъ позволить ему выѣхать изъ государства; но Генрихъ зналъ, какъ медленно собирается сеймъ, не надѣялся даже получить его согласія на отъѣздъ, слышалъ о враждебныхъ ему движеніяхъ во Франціи,—и тайно ночью убѣжалъ за-границу.

По отъѣздѣ Генриха, въ Польшѣ не знали что дѣлать: объявлять ли безкоролевье, или нѣтъ. Рѣшили безкоролевья не объявлять, но дать знать Генриху, что если черезъ девять мѣсяцевъ онъ не возвратится въ Польшу, то сеймъ приступитъ къ избранію новаго короля. Въ Москву поспѣшили отправить отъ имени Генриха пословъ съ извѣстіемъ о восшествіи его на престолъ и вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ во Францію, причемъ, будто бы, онъ поручилъ панамъ раднымъ сноситься съ иностранными государями. Іоаннъ отвѣчалъ, что уже отправилъ въ Польшу гонца своего Ельчанинова съ требованіемъ опасной грамоты для пословъ, которые должны ѣхать къ Генриху поздравлять его

съ восшествіемъ на престолъ; что Ельчаниновъ будетъ дожидаться возвращенія короля, а у пановъ радныхъ не будетъ: государь ссылается только съ государемъ, а паны—съ боярами; если же прежде была ссылка между нимъ, Іоанномъ, и панами, то потому, что у нихъ не было короля, и они присылали бить челомъ, прося его или сына его на господарство; но теперь есть у нихъ король, мимо котораго съ панами ссылаться непригоже.—Ельчанинову долго было дожидаться Генриха; онъ дождался сейма, во время котораго пришелъ къ нему тайно ночью литовскій панъ, староста Жмудскій, и говорилъ: „Что бы государь прислалъ къ намъ въ Литву посланника своего добраго, а писалъ бы къ намъ грамоты порознь съ жаловальнымъ словомъ: къ воеводѣ Виленскому грамоту, другую—ко мнѣ, третью—къ пану Троцкому, четвертую—къ маршалку, Сироткѣ Радзивилову, пятую—ко всему рыцарству, прислалъ бы посланника тотчасъ, не мѣшкая; а королю Генриху у насъ не бывать. Я своей вины предъ государемъ не вѣдаю ни въ чемъ, а государь ко мнѣ не отпишетъ ни о какихъ дѣлахъ и себѣ служить не велитъ; намъ безмѣрно досадно, что мимо насъ хотятъ Поляки государя на государство просить, а наша вѣра лучше съ московскою сошлась, и мы всѣ, Литва, государя желаемъ къ себѣ на государство. Если мы умолимъ Бога, а государя упросимъ, что будетъ у насъ въ Литвѣ на государствѣ, то Поляки всѣ придутъ къ государю головами своими бить челомъ; а государю извѣстно, что когда у насъ прежде былъ король Витовтъ, то онъ всегда жилъ въ Вильнѣ, и теперь намъ хочется того же, чтобъ у насъ король былъ въ Вильнѣ, а въ Краковъ бы ѣздилъ на время; но государь какъ будто черезъ пень колоду валитъ“. Далѣе староста говорилъ, что Литва, согласно царскому желанію, хочетъ избрать императорскаго сына, но Поляки хотятъ выбрать пріятеля султанова; говорилъ, что имъ трудно принять условіе относительно наслѣдственности короны въ потомствѣ царя; но если они милость и ласку государскую познаютъ, то отъ потомства его никогда не отступятъ, хотя бы и другой народъ не согласился; потомъ еще жестоко людямъ кажется то, что государь говоритъ о Кіевѣ и Волынской Землѣ, и что вѣнчать его на царство будетъ митрополитъ Московскій Изъ Поляковъ Яковъ Уханскій, епископъ Гнѣзненскій, прислалъ Ельчанинову образцы грамотъ, какія царь долженъ прислать къ духовенству, панамъ, ко всему рыцарству и къ каждому пану въ особенности; въ общихъ грамотахъ Іоаннъ долженъ былъ просить объ избраніи, обозначить въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а христіанинъ, крещенъ во имя Св. Троицы; что Поляки и Русскіе, будучи одного племени, Славянскаго или Сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть одного государя. Замѣчательны образцы грамотъ въ нѣкоторымъ вельможамъ; напримѣръ, къ одному царь долженъ былъ написать: „Ты меня знаешь, и я тебя знаю, что у тебя большая сума (калита); я не калиты твоей хочу, хочу тебя имѣть своимъ пріятелемъ, потому что ты умный человѣкъ на всякія дѣла, умѣешь совѣтовать такъ, что не только калита, но и сундуки будутъ“.

Іоаннъ находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, тяжело ему было унизиться до искательства, невѣренъ былъ успѣхъ и затруднительно положеніе въ случаѣ успѣха; съ другой—непріятно было и видѣть себя обойденнымъ, особенно когда выборъ падетъ на человѣка нежеланнаго, съ которымъ надобно будетъ опять начинать войну за Ливонію. Выслушавши донесеніе Ельчанинова, царь приговорилъ послать гонца Бастанова къ панамъ, съ требованіемъ опасной грамоты для большихъ пословъ. Бастановъ доносилъ, что, по всѣмъ слухамъ, литовская рада хочетъ выбирать Московскаго государя; папскій нунцій доносилъ въ Римъ, что вельможи ни подъ какимъ видомъ не хотятъ Московскаго царя, но народъ показываетъ къ нему расположеніе; въ другомъ письмѣ доносилъ, что Московскаго государя желаетъ все мелкое дворянство, какъ польское, такъ и литовское, въ надеждѣ чрезъ его избраніе высвободиться изъ-подъ власти вельможъ. Узнавши отъ Бастанова о возможности успѣха, Іоаннъ велѣлъ немедленно отпустить въ Польшу посланника Новосильцева съ грамотами къ Уханскому, къ Краковскому архіепископу и свѣтскимъ панамъ; въ грамотѣ къ Уханскому, царь увѣрялъ, что вѣры и почестей духовенства не порушитъ, самому Уханскому обѣщалъ большія награды, если его стараніемъ будетъ избранъ въ короли: „Мы тебя за твою службу почестями и казною наградимъ; дай намъ знать, какого отъ насъ жалованья хочешь, и мы станемъ къ тебѣ свое великое жалованье держать“. Но однихъ обѣщаній частнымъ лицамъ было мало; Іоаннъ ни слова не говорилъ, отказывается ли онъ отъ прежнихъ своихъ условій, а на сеймѣ не хотѣли слышать ни о какихъ другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ былъ избранъ прежде Генрихъ; кромѣ того, Новосильцевъ былъ посланникомъ *легкимъ*, и потому не могъ такъ дѣйствовать, какъ дѣйствовали уполномоченные другихъ соискателей. Эти обстоятельства опять произвели то, что сторона московская, особенно между Поляками, упала, и выдвинулись впередъ двѣ стороны: сторона вельможъ, которые хотѣли избрать императора Максимиліана, и сторона шляхты, хотѣвшей избрать Пяста, т. е. кого-нибудь изъ природныхъ Поляковъ, или, по крайней мѣрѣ, не Австрійца, не кандидата стороны вельможеской.

Въ ноябрѣ 1575 года начался избирательный сеймъ; приступили прежде всего къ выслушанію пословъ иностранныхъ. Послы императорскіе, отъ имени своего государя, предлагали въ короли сына его, эрцгерцога Эрнеста, превозносили достоинства этого князя; говорили: что, вслѣдствіе частаго обращенія съ Чехами, онъ легко понимаетъ ихъ языкъ; легко поэтому можетъ научиться и по-польски, а прежде, чѣмъ научится, будетъ употреблять языкъ

латинскій, которымъ владѣетъ совершенно свободно и который у Поляковъ во всеобщемъ употребленіи; выставляли на видъ выгоды Эрнестова избранія, вслѣдствіе котораго Польша вступитъ въ союзъ съ Австрійскимъ домомъ, владѣтелями германскими, италіанскими, королемъ Испанскимъ и наконецъ съ царемъ Московскимъ. Послѣ императорскихъ говорили послы брата Максимиліанова, эрцгерцога Фердинанда: также превозносили достоинства своего государя, его военное искусство, знаніе чешскаго языка; обѣщали, что Фердинандъ будетъ вносить въ Польшу большую часть доходовъ своихъ, именно 150,000 талеровъ ежегодно, и еще 50,000 талеровъ на поправку и постройку пограничныхъ крѣпостей, приведетъ и сильные полки нѣмецкой пѣхоты для отраженія непріятеля.—Посолъ шведскій началъ свою рѣчь увѣщаніями сейму употребить всѣ усилія для войны съ Москвою, обѣщая, что Шведскій король, съ своей стороны, употребитъ для этой цѣли третью часть податей; для прекращенія же споровъ за Ливонію между Польшею и Швеціею, предлагалъ, чтобъ Поляки уступили Швеціи свою часть Ливоніи, а король Шведскій откажется за это отъ всѣхъ своихъ претензій: отъ денегъ, которыя Польское правительство взяло у него въ займы и уже четырнадцать лѣтъ не платитъ; отъ приданаго своей жены, не отданнаго еще ей; отъ денегъ и земель, слѣдующихъ ей по наслѣдству; или пусть Польша отдастъ свою часть Ливоніи навѣки въ ленное владѣніе Шведскому королевичу Сигизмунду, которому отецъ отдастъ и свою часть этой страны. Потомъ посолъ приступилъ къ главному вопросу: предлагалъ избрать или короля своего Іоанна, или, что для послѣдняго будетъ одинаково пріятно, избрать въ королевы сестру покойнаго Сигизмунда-Августа, Анну; приводилъ въ примѣръ Англичанинъ, которые, поручивъ правленіе королевѣ, достигли наивысшей степени благоденствія; говорилъ, что только однимъ этимъ способомъ уладятся дѣла польскія и шведскія, ливонскія и московскія; будетъ крѣпкій союзъ между двумя сосѣдними государствами, будетъ у нихъ миръ съ Турками, Татарами и Германіею, Москвитяне будутъ изгнаны изъ Ливоніи, наврская торговля, столь вредная для Польши и столь выгодная для Москвы, прекратится. Королева Анна, зная языкъ и обычаи народные, могла бы выслушивать каждаго и всякому оказывать справедливость, не была бы изъ числа тѣхъ, которые сидятъ на тронѣ глухими и нѣмыми и презираютъ обычаи польскіе (намекъ на Генриха); всѣ права и привилегіи были бы подтверждены. А если бы тутъ же сеймъ назначилъ наслѣдникомъ королевны Анны единственнаго сына Шведскаго короля и, по матери, единственную отрасль Ягеллонова рода, Сигизмунда, знающаго въ совершенствѣ языки польскій и шведскій и достаточно латинскій, италіанскій и нѣмецкій, тогда король и королева Шведскіе ничего не пожалѣли бы для сына своего, который явился бы въ Польшу съ значительною суммою денегъ для шляхты.—Еще прежде, въ 1574 году, послѣ бѣгства Генриха, султанъ присылалъ грамоту съ требованіемъ, чтобъ Поляки ни выбирали Австрійца, который необходимо вовлечетъ ихъ въ войну съ Портою; пусть выберутъ кого-нибудь изъ своихъ, напримѣръ, Яна Костку, воеводу Сендомирскаго; а если хотятъ изъ чужихъ, то короля Шведскаго или Стефана Баторія, князя Седмиградскаго. Посолъ отъ Баторія явился на сеймъ, и, послѣ обычнаго исчисленія доблестей своего князя, приступилъ къ обѣщаніямъ: сохранять ненарушимо права пановъ и шляхты, сообразоваться во всемъ съ ихъ волею; заплатить всѣ долги королевскіе; обратно завоевать все, отнятое Москвою, для чего приведетъ свое войско; сохранять миръ съ Турками и Татарами; лично предводительствовать войсками; прислать 800,000 злотыхъ на военныя издержки, выкупить плѣнную шляхту изъ земель русскихъ, захваченную въ послѣднее татарское нашествіе Наконецъ выступилъ посолъ отъ Альфонса II-го, герцога Феррарскаго, который, между прочимъ, обѣщалъ снабдить Краковскую академію людьми учеными, привести въ Польшу художниковъ и содержать ихъ на своемъ жалованьи, воспитывать въ Италіи на свой счетъ пятьдесятъ молодыхъ шляхтичей польскихъ.—Московскихъ пословъ не было: никто не восхвалялъ достоинствъ Іоанна, никто не говорилъ о его обѣщаніяхъ.

Раздвоеніе, соперничество, господствовавшія между вельможами и шляхтою въ Польшѣ, выразились на сеймѣ; 12 декабря австрійская партія, состоявшаяся преимущественно изъ вельможъ, провозгласила королемъ императора Максимиліана, а 14-го—шляхта провозгласила королевну Анну съ тѣмъ, чтобъ она вышла замужъ за Стефана Баторія. Австрійская сторона имѣла большія надежды восторжествовать надъ стороною противною, потому что Литва и Пруссія преимущественно держались Максимиліана, но вначалѣ самъ императоръ повредилъ своему успѣху медленностію: когда явились къ нему послы польскіе отъ стороны, его избравшей, съ извѣстіемъ объ избраніи, то онъ сталъ толковать съ ними о перемѣнѣ условій, на которыхъ былъ избранъ,—условій Генриховыхъ; требовалъ, чтобъ въ эти условія по крайней мѣрѣ внесены были два слова: по возможности (pro posse); говорилъ, что нѣкоторыя статьи касаются не одного его, но всей имперіи, и что такъ какъ, вслѣдствіе двойного избранія, онъ не можетъ безъ помощи оружія сдѣлаться королемъ Польскимъ, то не можетъ ни на что рѣшиться одинъ; предлагалъ, чтобъ для примиренія обѣихъ сторонъ, королевою оставалась Анна, но мужемъ ея и королемъ былъ назначенъ сынъ его эрцгерцогъ Эрнестъ, вмѣсто Баторія. По всему было видно, что старикъ Максимиліанъ, и въ молодости не отличавшійся большою энергіею, охладѣлъ къ желанію получить Польскій престолъ, когда видѣлъ, что надобно добывать его оружіемъ. Такъ же медленно велъ онъ и переговоры съ Москвою, которой интересы были теперь

тѣсно связаны съ интересами Австрійскаго дома. Мы видѣли, что союзы, заключенные между Москвою и Австріею противъ Польши при Іоаннѣ III-мъ и сынѣ его Василіи, кончились ничѣмъ; при Іоаннѣ IV сношенія возобновились по поводу дѣлъ ливонскихъ: въ 1559 году императоръ Фердинандъ I-й писалъ Іоанну, чтобъ онъ не воевалъ Ливоніи, принадлежащей къ Священной Римской имперіи, и возвратилъ завоеванныя уже мѣста. Іоаннъ отвѣчалъ, что если цесарь захочетъ быть съ нимъ въ любви и братствѣ, то пусть пришлетъ великихъ пословъ, съ которыми обо всѣхъ дѣлахъ договоръ учинится. Великіе послы не пріѣзжали, и, несмотря на то, мы видѣли, что Іоаннъ требовалъ отъ Поляковъ и Литвы избранія Австрійскаго эрцгерцога въ короли; это требованіе царя объясняется требованіемъ султана не выбирать императора или его сына; враждебныя отношенія Австріи къ Турціи обезпечивали Московское государство въ томъ, что между Польшею и Турціею не будетъ заключено союза, и что Польскій король изъ Австрійскаго дома, опасаясь постоянно Турціи, будетъ искать московскаго союза, для котораго не пожалѣетъ Ливоніи. Въ іюлѣ 1573 года пріѣхалъ въ Москву императорскій гонецъ Павелъ Магнусъ съ грамотою, въ которой Максимиліанъ II-й предлагалъ Іоанну соединенными силами противиться возведенію на Польскій престолъ Генриха Французскаго. Гонецъ разсказывалъ о Варѳоломеевской ночи, которая очень опечалила его государя: „Король Французскій воевалъ съ королемъ Наварскимъ и умыслилъ злодѣйскимъ обычаемъ, чтобъ съ нимъ помириться; помирившись, сговорилъ сестру свою за Наварскаго короля, и тотъ пріѣхалъ на свадьбу, и съ нимъ много большихъ людей пріѣхало; тутъ король Французскій зятя своего, Наварскаго короля, схватилъ и посадитъ въ тюрьму, и теперь сидитъ въ тюрьмѣ; а людей его всѣхъ до одного съ женами и дѣтьми въ ту же ночь побилъ, и сказалъ, что побилъ ихъ за вѣру, что они не его вѣры; побилъ и своихъ людей, которые одной вѣры съ королемъ Наварскимъ; всего въ то время побилъ до 100,000. Всѣмъ христіанскимъ государямъ пригоже о томъ жалѣть и кручиниться, а съ тѣмъ злодѣемъ Французскимъ не знаться. А вотъ теперь Французскій король брата своего отпускаетъ на Польское королевство, по ссылкѣ съ Турецкимъ султаномъ, и отъ того цесарю кручина. Цесарю хотѣлось, чтобъ на коронѣ Польской былъ или сынъ его, или государь Московскій, и у нихъ была бы по старинѣ любовь и братство; а приговорилъ цесарь, чтобъ государство подѣлить: Польскую корону—къ цесарю, а Литовское великое княжество—къ Московскому государству, и стоять бы имъ заодно противъ Турецкаго и противъ всѣхъ татарскихъ государей. А если королевичъ Французскій будетъ на коронѣ Польской, то съ Турецкимъ у нихъ будетъ союзъ; а христіанству будетъ большая невзгода и пагуба".

Іоаннъ отправилъ въ Вѣну гонца Скобельцына—выразить императору всю готовность свою стараться о томъ, чтобъ Польша и Литва не отошли отъ ихъ государствъ; о Варѳолмеевской ночи писалъ: „Ты, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у Французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ и съ грудными младенцами; христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе Французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ". Скобельцынъ возвратился безо всякаго отвѣта, съ жалобами на дурное обхожденіе съ нимъ гонца императорскаго Павла Магнуса. Скоро пріѣхалъ и послѣдній съ жалобами на Скобельцына, обвиняль его въ томъ, что онъ не хотѣлъ взять цесаревой грамоты, о самомъ цесарѣ говорилъ невѣжливо: „на языкѣ-то у него сладко, а у сердца горько", велъ себя неприлично. Царь велѣлъ позвать Скобельцына къ отвѣту, и тотъ во всемъ оправдывался: напримѣръ, грамоты императорской онъ не захотѣлъ взять потому, что въ ней Іоаннъ не былъ названъ царемъ. Іоаннъ отписалъ императору, что, вслѣдствіе его жалобъ, онъ положилъ опалу на Скобельцына, но при этомъ далъ понять, что вина послѣдняго и правота Павла Магнуса вовсе въ его глазахъ не доказаны: „Мы велѣли ближнимъ своимъ людямъ Скобельцына разспросить передъ твоимъ гонцомъ Павломъ, и Скобельцынъ сказывалъ, что Павелъ взялъ у него въ долгъ 400 ефимковъ, а отдалъ только 138, и много безчестья ему дѣлать, а потому и взводитъ на него такія дѣла. Нашимъ гонцамъ на обѣ стороны пригоже такихъ дѣлъ впередъ не дѣлать и до насъ кручинъ не доносить, чтобъ отъ ихъ бездѣльныхъ вракъ между нами братской любви порухи не было". Потомъ пріѣзжали въ Москву другіе гонцы съ извиненіями, что Максимиліанъ, за большими недосугами, не могъ условиться съ царемъ насчетъ дѣлъ Польскихъ. Эти извиненія очень сердили Іоанна; сердило его и то, что, вмѣсто пословъ, являлись отъ императора купцы, хотѣвшіе выгодно поторговать въ Москвѣ. Наконецъ, въ декабрѣ 1575 года, явились великіе послы: Іоганъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Приставъ, провожавшій ихъ, доносилъ государю о рѣчахъ толмачей польскихъ, взятыхъ въ Польшѣ: „Литовскимъ людямъ не хотѣлось пословъ чрезъ свою Землю пропускать; но, боясь цесаря, пропустили, а слово о нихъ въ Литвѣ такое: идутъ послы отъ цесаря къ Московскому государю на совѣтъ, что-бъ имъ заодно промыслить и Литовскую Землю между собою раздѣлить". Іоаннъ хотѣлъ дать понять посламъ: какъ поздно они пріѣхали, какъ неприлично было императору въ продолженіи столь долгаго времени, при столь важныхъ взаимныхъ интересахъ, присылать однихъ гонцовъ да купцовъ. Онъ велѣлъ остановить пословъ въ Дорогобужѣ, куда явились бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Сицкій и дьякъ Андрей Щелкаловъ съ такимъ наказомъ отъ царя: „Пріѣхавши въ Дорогобужъ, устроить съѣзжій дворъ, и, сославшись съ цесаре-

гыми послами, съѣхаться съ ними на этомъ дворѣ, и спросить ихъ отъ имени государя, за какимъ дѣломъ присланы они отъ цесаря. Если послы откажутся объявить, зачѣмъ они присланы, то понуждать ихъ къ тому, нѣсколько разъ съ ними съѣзжаться и говорить имъ: „Не дивитесь, что государь велѣлъ васъ на дорогѣ спрашивать, не давая вамъ своихъ очей видѣть,—всякое дѣло живетъ по случаю; прежде не бывало, чтобъ пословъ на дорогѣ спрашивали о дѣлѣ; но не бывало прежде и того, чтобъ такіе ближніе люди ѣздили такъ далеко говорить съ послами о дѣлѣ; случилось такъ потому, что отъ государя вашего, цесаря Максимиліана, пріѣзжали къ государю нашему торговые люди, а сказывались посланниками и гонцами. Государь нашъ велитъ имъ почесть оказывать, какъ пригоже посланникамъ и гонцамъ, а посмотрятъ—такъ это гости, торговые люди! Вотъ почему теперь государь и послалъ насъ, ближнихъ своихъ людей, спросить васъ, какіе вы люди у цесаря и по прежнему ли обычаю пріѣхали?“ — Послы отвѣчали, что такія рѣчи имъ очень прискорбны, и что они не могутъ передать цесаревыхъ рѣчей никому другому, кромѣ самого великаго государя; если торговые люди назывались посланниками и гонцами, то цесарь велитъ ихъ за то казнить, а они, послы, ближіе люди у цесаря, и пріѣхали затѣмъ, чтобъ подтвердить прежній союзъ, уговориться и о литовскомъ дѣлѣ и о всякомъ христіанскомъ прибыткѣ.—Максимиліанъ прежде писалъ, что ему нельзя вступить въ переговоры съ Московскимъ государемъ за великими недосугами; Іоаннъ, узнавши объ отвѣтѣ Кобенцеля и Принца, послалъ имъ такую грамоту: „Вы бы о томъ не поскорбѣли, что мы вамъ теперь очей своихъ вскорѣ видѣть не велѣли, потому что у насъ много дѣла, были мы въ отъѣздѣ; а какъ пріѣдемъ въ Можайскъ, то сейчасъ же велимъ вамъ быть у насъ“

Содержаніемъ посольскихъ рѣчей были два требованія: чтобъ Іоаннъ содѣйствовалъ избранію эрцгерцога Эрнеста въ короли Польскіе и великіе князья Литовскіе, и чтобъ оставилъ въ покоѣ Ливонію. „Избраніе Эрнеста въ короли“, говорили послы, „будетъ очень выгодно твоему величеству; ты, Эрнестъ, цесарь, король Испанскій, папа Римскій и другіе христіанскіе государи вмѣстѣ на сухомъ пути и на морѣ нападете на главнаго недруга вашего, султана Турецкаго, и въ короткое время выгоните невѣрныхъ въ Азію,—тогда, по волѣ цесаря, папы, короля Испанскаго, эрцгерцога Эрнеста, князей императорскихъ и всѣхъ орденовъ, все цесарство Греческое Восточное будетъ уступлено твоему величеству и ваша пресвѣтлость будете провозглашены Восточнымъ цесаремъ“. Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ, что, на основаніи прежнихъ предложеній со стороны императора, на престолъ Польскій долженъ быть возведенъ эрцгерцогъ Эрнестъ, но Литва должна отойти къ Московскому государству. Послы отвѣчали, что этому статься нельзя, ибо у короны Польской съ великимъ княжествомъ Литовскимъ крѣпкое утвержденье, чтобъ другъ отъ друга не отстать и быть подъ однимъ государемъ; что же касается до Кіева, то эрцгерцогъ Эрнестъ, какъ будетъ избранъ въ короли, для братской любви, уступитъ его вмѣстѣ съ другими немногими мѣстами царю, ибо и цесарю извѣстно, что Кіевъ искони царская отчина. „О Ливоніи же цесарь велѣлъ намъ только помянуть, а много о ней не велѣлъ говорить; просимъ только, чтобъ государь вашъ не велѣлъ воевать Ливоніи до пріѣзда другихъ большихъ пословъ императорскихъ, князей удѣльныхъ и великихъ людей“. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ, и въ отвѣтѣ этомъ высказалось сомнѣніе относительно цесаревыхъ обѣщаній: „Если между государями такое дѣло начинается о союзѣ, вѣчномъ братствѣ и дружбѣ, то надобно, чтобъ это было крѣпко и неподвижно. У нашего государя въ обычаѣ: кому слово молвитъ о братствѣ и о любви, и то живетъ крѣпко и неподвижно, инако слово его не живетъ; не такъ бы случилось, какъ съ Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ: заключилъ онъ союзъ съ цесаремъ и со многими нѣмецкими государями, захотѣли стоять противъ Турецкаго султана: а какъ на него пришелъ Турецкій, то цесарь и нѣмецкіе государи ему не пособили, выдали его, и Турки рать его побили и самого убили. Пусть бы всѣ союзные Максимиліану государи, папа Римскій, короли Испанскій, Датскій, герцоги, графы и всякіе начальники прислали къ нашему государю пословъ вмѣстѣ съ цесаревыми и утвердили бы докончанье—стоять всѣмъ на всѣхъ недруговъ заодно“. Послы отвѣчали, что цесарь скорѣе кровь на себѣ увидитъ или государства своего лишится, чѣмъ слову своему измѣнитъ. Послѣ этихъ переговоровъ Іоаннъ отпустилъ пословъ съ такими рѣчами къ императору: „Хотимъ, чтобъ брата нашего дражайшаго сынъ, Эрнестъ, князь Австрійскій, былъ на коронѣ Польской, а Литовское великое княжество съ Кіевомъ было бы къ нашему государству Московскому; Ливонская же Земля изначала была наша вотчина и нашимъ прародителямъ ливонскіе Нѣмцы дань давали; да, забывъ правду, отъ насъ отступили, и потому надъ ними такъ и сталось, Ливонской Землѣ и Курской (Курляндіи) всей быть къ нашему государству; да и потому Ливонской Землѣ надобно быть за нами, что мы уже посадили въ ней королемъ голдовника (подручника, вассала) своего Магнуса; такъ братъ бы нашъ дражайшій, Максимиліанъ цесарь, въ Ливонскую Землю не вступался и этимъ бы намъ любовь свою показалъ; а мы Ливонской Земли достаемъ и впередъ хотимъ искать. Къ панамъ польскимъ пошлемъ, чтобъ они выбрали въ короли Эрнеста князя, а къ литовскимъ, чтобъ оставались за нами Если Литва не согласится отстать отъ Польши, то пусть и она выбираетъ Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся имѣть государемъ ни насъ, ни Эрнеста, то намъ съ цесаремъ Максимиліаномъ надъ ними промышлять сообща и въ неволю при-

водить".—То же самое долженъ былъ говорить Миксимиліану и отправленный къ нему царскій посолъ, князь Сугорскій, о Ливоніи же долженъ былъ прибавить: „Государю ни за что такъ не стоять, какъ за свою вотчину, Лифляндскую Землю".

Но Кобенцель и Принцъ вели переговоры съ московскими боярами, когда владѣнія Ягеллоновъ подѣлились уже, только не между Іоанномъ и Эрнестомъ, а между Максимиліаномъ и Баторіемъ. Съ вѣстію объ избраніи Максимиліана и Баторія пріѣхалъ къ царю изъ Литвы московскій гонецъ Бастановъ; но онъ доносилъ, что въ Литвѣ многіе не надѣются, чтобъ кто-нибудь изъ избранныхъ утвердился на престолѣ, а думаютъ, что царь еще можетъ взять верхъ надъ обоими; такъ, приходилъ къ Бастанову каштелянъ Минскій Янъ Глѣбовичъ и говорилъ: „Что-бъ государю послать раньше, не мѣшкая къ панамъ раднымъ и къ рыцарству? А тѣмъ у насъ не бывать ни одному на королевствѣ, вся Земля хочетъ государя царя". То же самое говорилъ ему и молодой Радзивилъ, сынъ воеводы Виленскаго. Литовская рада отправила посольство къ Іоанну съ объявленіемъ, что избранъ Максимиліанъ по приказу царскому; возвратился Новосильцевъ; онъ тоже доносилъ, что царь могъ бы имѣть успѣхъ, еслибъ дѣйствовалъ скорѣе и рѣшительнѣе; когда онъ отдалъ царскую грамоту съ жалованнымъ словомъ Яну Ходкѣвичу, то послѣдній сказалъ ему: „Только бы государь такія грамоты прежде къ намъ прислалъ, то давно былъ бы избранъ. Государь домогался отъ насъ опасныхъ грамотъ на своихъ пословъ; но я приказывалъ съ Ельчаниновымъ, чтобъ государь отправлялъ пословъ скорѣе и безъ опасныхъ грамотъ; опасныя грамоты потому не посланы, что къ нимъ всѣ паны радные прикладываютъ свои печати; но изъ пановъ одни служатъ вашему государю, а другіе его не хотятъ, и потому опасными грамотами волочатъ, печатей своихъ не прикладываютъ. Услыхавши о гонцѣ Бастановѣ, я думалъ, что онъ ѣдетъ къ намъ съ грамотами, съ жалованнымъ словомъ и указомъ, но онъ пріѣхалъ ни съ чѣмъ; мы уже поневолѣ выбрали Максимиліана; Максимиліанъ цесарь старъ и боленъ, и мы тебя затѣмъ держимъ, что ждемъ отъ цесаря присылки, думаемъ, что онъ откажется отъ престола; Ляхи обираютъ на государство Обатуру (Баторія) и къ намъ уже въ другой разъ присылаютъ, чтобъ мы его выбрали; но намъ ни подъ какимъ видомъ Обатуру на государство не брать: Обатура турецкій посаженникъ, и какъ намъ отдать христіанское государство бусурманамъ въ руки? Ты ѣдешь къ Полякамъ, такъ самъ увидишь польскую правду: они ни за что не пошлютъ съ тобою опасной грамоты на государевыхъ пословъ, а я царю государю радъ служить всею своею душою, только бы государь у насъ вольностей нашихъ не отнялъ, потому что мы люди вольные". То же говорилъ и Николай Радзивилъ на тайномъ свиданіи съ Новосильцевымъ, а шляхтичъ Голубь говорилъ: „Паны за посулы выбираютъ цесаря и Обатуру; но рыцарство всею Землею ихъ не хочетъ, а хочетъ царя; паны радные увязли въ посулахъ, и сами не знаютъ какъ быть".

Паны дѣйствительно находились въ затруднительномъ положеніи, выбравши двухъ королей: ихъ вывели изъ этого затрудненія медленность Максимиліана и быстрое движеніе Баторія, который, подтвердивши всѣ предложенныя ему условія, 18 апрѣля 1576 года уже имѣлъ торжественный въѣздъ въ Краковъ, а 1-го мая короновался. Максимиліанъ въ апрѣлѣ 1576 года писалъ къ царю: „Думаемъ, ты давно уже знаешь, что мы въ прошломъ декабрѣ съ великою славою и честью выбраны на королевство Польское и великое княжество Литовское; думаемъ, что вашему пресвѣтлѣйшеству то будетъ не въ кручину". Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы твоему избранію порадовались; но послѣ узнали, что паны мимо тебя выбрали на королевство Стефана Баторія, воеводу Седмиградскаго, который уже пріѣхалъ въ Краковъ короновался и женился на королевнѣ Аннѣ, и всѣ паны, кромѣ троихъ, поѣхали къ нему. Мы такому непостоянному разуму у пановъ удивляемся; чему вѣрить, если слову и душѣ не вѣрить? Такъ ты бы, братъ нашъ дражайшій, промышлялъ о томъ дѣлѣ поскорѣе, пока Стефанъ Баторій на тѣхъ государствахъ крѣпко не утвердился; и къ намъ отпиши съ скорымъ гончикомъ, съ легкимъ, какъ намъ своимъ и твоимъ дѣломъ надъ Польшею и Литвою промышлять, чтобъ тѣ государства мимо насъ не прошли и Баторій на нихъ не утвердился. А тебѣ самому хорошо извѣстно: если Баторій на нихъ утвердился изъ рукъ мусульманскихъ, то намъ, всѣмъ христіанскимъ государямъ, будетъ къ великому убытку". Но Максимиліанъ, вмѣсто того, чтобъ промышлять вмѣстѣ съ царемъ надъ Польшею, сердилъ его просьбами не трогать убогой Ливоніи, тогда какъ Іоаннъ, наоборотъ, видя, что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ, какъ онъ желалъ, рѣшился, во что бы то ни стало, покончить съ Ливоніею.

Мы видѣли, что здѣсь, кромѣ Поляковъ, Іоаннъ долженъ былъ воевать и съ Шведами, занявши Ревель. Послѣ неудачной осады этого города, Іоаннъ, въ концѣ 1571 года, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, приказавши полкамъ собираться въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ для войны со Шведами въ Эстоніи и Финляндіи. Но прежде ему хотѣлось попробовать, не согласятся ли Шведы, испуганные его приготовленіями, уступить безъ войны Эстонію. Для этого онъ призвалъ шведскихъ пословъ и предложилъ имъ не начинать войны до весны будущаго года, если король Іоаннъ пришлетъ другихъ пословъ въ Новгородъ, съ ними 10,000 ефимковъ за обиду прежнихъ московскихъ пословъ, ограбленныхъ во время возстанія на Эрика, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по нѣмецкому обычаю, пришлетъ также рудознатцевъ, обяжется свободно пропускать въ Россію мѣдь, олово, свинецъ, нефть, также лѣкарей, художниковъ и ратныхъ людей. Послы под-

писали эту грамогу; говорили, что король во всемъ исправится и добьетъ челомъ; необходимымъ условіемъ мира Іоаннъ поставилъ отреченіе короля отъ Эстоніи; кромѣ того, требовалъ, чтобъ король заключилъ съ нимъ союзъ противъ Литвы и Даніи и, въ случаѣ войны, давалъ ему 1,000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ требовалъ, чтобъ король включилъ въ царскій титулъ названіе „Шведскаго" и прислалъ свой гербъ для помѣщенія его въ гербъ московскій; царь оправдывалъ себя передъ послами относительно требованія королевы Екатерины отъ Эрика: „Мы просили у Эрика сестры Польскаго короля, Екатерины, для того, чтобъ намъ было къ повышенію надъ недругомъ нашимъ, Польскимъ королемъ; чрезъ нее хотѣли мы съ нимъ доброе дѣло постановить; а про Іоанна намъ сказали, что онъ умеръ и дѣтей у него не осталось". Всѣ эти требованія относительно титула и герба были не иное что, какъ запросы, считавшіеся необходимыми въ то время; отъ нихъ запрашивающій легко отказывался, смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною; тонъ этихъ запросовъ, разумѣется, соотвѣтствовалъ значенію тѣхъ государствъ, къ которымъ обращались съ запросами; мы видѣли, какія формы допускались въ сношеніяхъ съ Швеціею и Даніею: *челобитья*, *пожалованіе* и т. п. Но эти формы давно уже оскорбляли королей Шведскихъ; понятно, какъ долженъ былъ оскорбиться король Іоаннъ запросами царя, особенно при сильной личной ненависти его за дѣло о Екатеринѣ. Онъ не отправилъ новыхъ пословъ для заключенія мира; мало этого: Орѣшковскій намѣстникъ, князь Путятинъ, доносилъ государю, что Выборгскій королевскій намѣстникъ писалъ ему непригоже, будто бы самъ царь просилъ мира у шведскихъ пословъ. Іоаннъ отвѣчалъ на это королю такою грамотою: „Скипетродержателя Россійскаго царства грозное повелѣніе съ великосильною заповѣдію. Послы твои уродственнымъ обычаемъ нашей степени величество раздражили; хотѣлъ я за твое недоумѣтельство гнѣвъ свой на твою Землю простереть; но гнѣвъ отложилъ на время, и мы послали къ тебѣ повелѣніе, какъ тебѣ нашей степени величество умолить. Мы думали, что ты и Шведская Земля въ своихъ глупостяхъ сознались уже; а ты точно обезумѣлъ, до сихъ поръ отъ тебя никакого отвѣта нѣтъ, да еще Выборгскій твой приказчикъ пишетъ, будто нашей степени величество сами просили мира у вашихъ пословъ! Увидишь нашего порога степени величества прощенье это зимою; не такое оно будетъ, какъ той зимы! Или думаешь, что по-прежнему воровать Шведской Землѣ, какъ отецъ твой черезъ перемирье Орѣшекъ воевалъ? Что тогда доспѣлось Шведской Землѣ? А какъ братъ твой обманомъ хотѣлъ отдать намъ жену твою, а его самого съ королевства сослали! Осенью сказали, что ты умеръ, а весною сказали, что тебя сбили съ государства. Сказываютъ, что сидишь ты въ Стекольнѣ (Стокгольмъ) въ осадѣ, а братъ твой Эрикъ къ тебѣ приступаетъ. И то уже ваше воровство все наружи: опрометываетесь точно гадъ разными видами. Земли своей и людей тебѣ не жаль; надѣешься на деньги, что богатъ. Мы много писать не хотимъ,—положили упованіе на Бога. А что Крымскому безъ насъ отъ нашихъ воеводъ приключилось, о томъ спроси, узнаешь. Мы теперь поѣхали въ свое царство на Москву, и опять будемъ въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и ты тогда посмотришь, камъ мы и люди наши станемъ у тебя мира просить".

Король отвѣчалъ на это браннымъ же письмомъ, писалъ не по пригожу. Тогда Іоаннъ, въ концѣ 1572 года, вступилъ въ Эстонію съ 80,000 войска; Виттенштейнъ былъ взятъ приступомъ, при которомъ палъ любимецъ царскій, Малюта Скуратовъ Бѣльскій; плѣнные Шведы и Нѣмцы, по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ, были сожжены. Овладѣвши Виттенштейномъ, Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, а къ Шведскому королю отправилъ новое письмо: „Что въ твоей грамотѣ написана брань (лая), на то отвѣтъ послѣ; а теперь своимъ государскимъ высокодостойнѣйшія чести величества обычаемъ подлинный отвѣтъ со смиреніемъ даемъ: вопервыхъ, ты пишешь свое имя впереди нашего—это непригоже, потому что намъ цесарь Римскій братъ и другіе великіе государи; а тебѣ имъ братомъ назваться невозможно, потому что Шведская Земля тѣхъ государствъ честію ниже. Ты говоришь, что Шведская Земля вотчина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали и на королевствѣ былъ ли, и съ которыми государями ему братство и дружба была, укажи намъ это именно и грамоты пришли. То правда истинная, что ты мужичьяго рода. Мы просили жены твоей Екатерины за тѣмъ, что хотѣли отдать ее брату ея, Польскому королю, а у него взять Лифляндскую Землю безъ крови. Намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось; еслибъ мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены твоей и не просили; мы тебя объ этомъ подлинно извѣстили; а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватаетъ; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно; и впередъ объ этой безлѣпицѣ говорить много не нужно, а станешь говорить, то мы тебя не будемъ слушать. А что ты писалъ намъ о братѣ своемъ, Эрикѣ, что мы для него съ тобою воюемъ,—такъ это смѣшно: братъ твой Эрикъ намъ не нуженъ, вѣдь мы къ тебѣ о немъ ни съ кѣмъ не приказывали и до него не говорили. Ты бездѣлье говоришь и пишешь: никто тебя не трогаетъ съ женою и съ братомъ, вѣдайся себѣ съ ними, какъ хочешь. Спеси съ нашей стороны никакой нѣтъ, писали мы по своему самодержавству, какъ пригоже". Приведя изъ договорныхъ грамотъ съ Густавомъ-Вазою мѣсто: „Архіепископу Упсальскому на томъ руку дать за все королевство Шведское", Іоаннъ продолжаетъ: „Еслибъ у васъ совершенное королевство было, то отцу твоему архі-

епископъ и совѣтники и вся Земля въ товарищахъ не были бы; Землю къ великимъ государямъ не приписываютъ; послы не отъ одного отца твоего, но отъ всего королевства Шведскаго, а отецъ твой въ головахъ, точно староста въ волости. О печати мы къ тебѣ для того писали, что тебѣ хочется мимо намѣстниковъ съ нами самими ссылаться; но даромъ тебѣ этого не видать; а если хочешь изъ-за этого кровь проливать — про то ты знаешь. Твоего титула и печати мы такъ запросто не хотимъ: если хочешь съ нами ссылаться мимо намѣстниковъ, то ты намъ покорись и поддайся и почти насъ, чѣмъ пригоже; тогда мы тебя пожалуемъ, отъ намѣстниковъ отведемъ, а даромъ тебѣ съ нами ссылаться непригоже и по государству, и по отечеству; безъ твоего-жъ покоренія титула твоего и печати не хотимъ. Въ прежнихъ хроникахъ и лѣтописцахъ писано, что съ великимъ государемъ Георгіемъ-Ярославомъ на многихъ битвахъ бывали Варяги; а Варяги—Нѣмцы, и если его слушали, то подданные были. А что просишь нашего титула и печати, хочешь нашего покоренія—такъ это безуміе: хотя бы ты назывался и всей вселенной государемъ, но кто же тебя послушаетъ!"

Русскіе воеводы продолжали военныя дѣйствія въ Эстоніи: взяли Нейгофъ и Каркусъ; но въ чистомъ полѣ, какъ почти всегда, по недостатку военнаго искусства, они не могли съ успѣхомъ бороться противъ Шведовъ, хотя и малочисленныхъ: близъ Лоде они потерпѣли пораженіе отъ шведскаго генерала Клауса Акесона Тотта. Вѣсть объ этомъ пораженіи и возстаніи Черемисъ въ Казанской области заставила Іоанна снова предложить миръ королю Шведскому. Съ этимъ предложеніемъ отправленъ былъ гонецъ Чихачевъ. Король, думая, что привезенная имъ царская грамота написана въ прежнемъ тонѣ, не хотѣлъ брать ея отъ гонца, велѣлъ прежде взять ее вельможамъ и прочесть. Но въ наказѣ посламъ прежде всего говорилось, чтобъ не отдавать грамоту никому, кромѣ самого государя, вслѣдствіе чего произошли сильные споры между Чихачевымъ и Шведами. „Пріѣхалъ ты въ нашего государя Землю, такъ и долженъ исполнять нашу волю, что намъ надобно", говорили Шведы.—„Пріѣхалъ я въ вашего государя Землю, а волю мнѣ исполнять царскаго величества, своего государя, а не вашего", отвѣчалъ Чихачевъ. Шведы грозили, что не дадутъ ему съѣстныхъ припасовъ; гонецъ отвѣчалъ: „Пусть умру съ голоду: однимъ мною у государя не будетъ ни людно, ни безлюдно". Шведы говорили ему: „Ты это сдѣлалъ негораздо, что ѣхалъ безъ королевской опасной грамоты; самъ знаешь, что государь твой нашему государю большой недругъ, такой, какого еще не бываетъ: государя нашего короля хотѣлъ извести, государыню нашу королеву хотѣлъ къ себѣ взять, Землю повоевалъ, два города взялъ, пословъ нашихъ безчестилъ, да писалъ къ нашему государю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человѣку; и надъ тобою государь нашъ сдѣлаетъ то же, если не отдашь намъ грамоты своего государя". Чихачевъ не далъ. Тогда одинъ изъ Шведовъ ударилъ гонца въ грудь, примахивалъ къ шеѣ обухомъ и топоромъ, кричалъ: „Отсѣку голову!" бранилъ непристойными словами. Чихачевъ сказалъ ему: „Если-бъ я, царскаго величества холопъ, сидѣлъ теперь на своемъ конѣ, то ты бы меня, мужикъ, такъ не безчестилъ, умѣлъ бы я тебѣ отвѣтъ дать; а я сюда не драться пріѣхалъ" Стали гонца и людей его обыскивать, раздѣвали, разували; все искали царской грамоты, но не нашли; перешарили всѣ вещи, разломали сундуки съ образами, раскидывали по лавкамъ, и, уходя, пригрозили гонцу: „Уже быть тебѣ на огнѣ, если грамоты не отдашь". Но угроза не подѣйствовала, и король принялъ Чихачева, самъ взялъ отъ него грамоту, послѣ пріема вельможи пріѣхали подчивать гонца и говорили: „Теперь грамоту государь твой написалъ не по старому, можно между государями дѣлу статься, а король думалъ, что письмо будетъ по старому". Чихачевъ былъ задержанъ. Король писалъ Іоанну, что онъ задержалъ гонца и не отпуститъ его до тѣхъ поръ, пока царь не отпуститъ двоихъ шведскихъ толмачей, задержанныхъ имъ отъ прежняго посольства; писалъ, что не пришлетъ великихъ пословъ, опасаясь, чтобъ и съ ними не поступлено было такъ же, какъ съ прежними, а что послы отъ обоихъ государей должны съѣхаться на границѣ для мирнаго постановленія. Іоаннъ отвѣчалъ, чтобъ король присылалъ великихъ пословъ, потому что на рубежѣ посламъ ни о чемъ нельзя уговориться; „а нашего гонца тебѣ держать было незачѣмъ: толмачей мы оставили въ своемъ государствѣ поучить учениковъ, и одинъ умеръ, а другой учитъ двоихъ учениковъ шведскому языку и живетъ безъ всякой нужды; прежде ваши толмачи русской грамотѣ въ нашемъ государствѣ учивались, и только-что толмачъ твой отдѣлается, мы его къ тебѣ и отпустимъ". Король отвѣчалъ прежнее: „Не хотимъ къ тебѣ великихъ пословъ посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошелся съ нашими послами; ты разрушилъ миръ, ты и долженъ отправлять къ намъ пословъ, а не хочешь,—вышли ихъ на границу. Ты пишешь, что толмачи учатъ твоихъ русскихъ ребятъ; но мы отправили ихъ съ нашими послами для нашего дѣла по нашему наказу, а не у подданныхъ твоихъ дѣтей учить; если хочешь русскихъ дѣтей учить шведскому языку, то какъ будетъ миръ,—договорись объ этомъ съ нашими намѣстниками выборгскими, и противъ всякой правды не задерживай нашихъ слугъ" Толмачъ отосланъ былъ на размѣнъ, и князь Сицкій отправился на рубежъ, на рѣку Сестру, куда съ шведской стороны пріѣхалъ адмиралъ Флемингъ. Начали споръ, гдѣ посламъ вести переговоры; Флемингъ требовалъ, чтобъ вести ихъ на мосту, въ шатрахъ; Сицкій отвѣчалъ, что такихъ великихъ дѣлъ на мосту не дѣлаютъ, и настоялъ, чтобы Шведъ перешелъ на русскій берегъ рѣки. Мира за-

ключить не могли; царь требовалъ Эстоніи и присылки 200 человѣкъ Шведовъ нарядныхъ для войны съ Крымомъ, и за это уступалъ королю право сноситься прямо съ нимъ; но король требовалъ послѣдняго безо всякихъ уступокъ съ своей стороны. Заключили только перемиріе на два года (отъ 20 іюля 1575 до 20 іюля 1577 года) между Финляндіею и Новгородскою областью; дѣло же объ Эстоніи должно было рѣшиться оружіемъ, если король не поспѣшитъ отправить своихъ великихъ пословъ въ Москву для заключенія мира; въ договорной грамотѣ употреблены были прежнія выраженія: король *билъ челомъ* царю.

Это странное перемиріе объясняется желаніемъ Іоанна сосредоточить всѣ свои силы въ Ливоніи, не развлекаясь войною въ другихъ мѣстахъ. Онъ не оставлялъ прежняго плана — сдѣлать изъ Ливоніи вассальное королевство, выдалъ племянницу свою, Марію Владиміровну, за Магнуса, но далъ послѣднему только городокъ Каркусъ и не далъ вовсе назначенныхъ въ приданое за Маріею денегъ, потому что измѣна четверыхъ иностранцевъ, находившихся въ русской службѣ и пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Іоанна,—Таубе, Крузе, Фаренсбаха и Вахтмейстера,—сдѣлали царя подозрительнымъ: онъ боялся, чтобъ Магнусъ на русскія деньги не нанялъ войска, съ которымъ сталъ бы дѣйствовать противъ Русскихъ. Немедленно по заключеніи мира со Шведами, московскія войска явились подъ Пернау и овладѣли имъ, потерявши на приступахъ 7,000 человѣкъ; по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ; воевода Никита Романовичъ Юрьевъ обошелся очень милостиво съ жителями Пернау, позволилъ имъ со всѣмъ добромъ выйти изъ города, и чего не могли тутъ захватить съ собою, то взять послѣ. Гелметъ, Ермисъ, Руэнъ, Пуркель сдались Русскимъ тотчасъ по завоеваніи Пернау. Въ началѣ 1576 года 6,000 Русскихъ вторгнулись снова въ Эстонію; Леаль, Лоде, Фикель, Гапсаль сдались имъ безъ выстрѣла; жители Гапсаля вечеромъ послѣ сдачи затѣяли пиры, танцы; Русскіе удивлялись этому и говорили: „Что за странный народъ Нѣмцы! если бы мы, Русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы поднять глазъ на честнаго человѣка, а царь нашъ не зналъ бы, какою казнію насъ казнить". Эзель былъ опустошенъ; Падисъ сданъ послѣ однодневной осады; Шведы тщетно покушались взять его снова.

Въ январѣ 1577 года 50,000 русскаго войска явилось подъ Ревелемъ и расположилось здѣсь пятью лагерями; у осаждающихъ было: три орудія, стрѣлявшія ядрами отъ 52 до 55 фунтовъ; 6 орудій стрѣляли ядрами отъ 20 до 30 фунтовъ; четыре стѣнобитныхъ орудія бросали каменныя массы въ 225 фунтовъ; изъ 15 орудій стрѣляли ядрами отъ 6 до 12 фунтовъ; при каждомъ орудіи находилось по 700 ядеръ. Но если по тогдашнему времени этотъ нарядъ и считался значительнымъ, то въ Ревелѣ было его въ пять разъ больше, притомъ осажденные приняли всѣ мѣры противъ пожаровъ, которые должны были произойти отъ стрѣльбы осаждающихъ; удалены были всѣ удобовозгарающіеся предметы; кромѣ того, что каждый житель долженъ былъ сторожить свой домъ днемъ и ночью, отряды безпрестанно разъѣзжали по ночамъ, смотрѣли, не упало ли гдѣ раскаленное ядро. Составленъ былъ отрядъ изъ 400 крестьянъ подъ предводительствомъ Иво Шенкенберга, прозваннаго Аннибаломъ, сына ревельскаго монетчика; эти храбрецы вмѣстѣ съ шведскими и нѣмецкими ландскнехтами дѣлали днемъ и ночью безпрестанныя вылазки. Послѣ полуторамѣсячнаго безуспѣшнаго обстрѣливанія, Русскіе сняли осаду и удалились. По уходѣ московскихъ войскъ, въ Ревелѣ объявлена была свобода всѣмъ ратнымъ людямъ идти опустошать русскія владѣнія въ Ливоніи, и вотъ поднялись всѣ уличные бродяги, даже калѣки на добычу; ограбленные крестьяне присоединились къ толпамъ грабителей, чтобъ грабить свою же братью.

Лѣтомъ самъ царь выступилъ въ походъ изъ Новгорода, но, вмѣсто того, чтобъ идти къ Ревелю, какъ думали, направилъ путь въ Польскую Ливонію; правитель Ливоніи, Ходкѣвичъ, не рѣшился съ своимъ малочисленнымъ войскомъ противиться Іоанну, и удалился. Городъ за городомъ сдавались царю и его воеводамъ съ одной стороны, королю Магнусу — съ другой. Но скоро между ними возникло неудовольствіе: Магнусъ сталъ требовать, что уже время ему, названному королю Ливонскому, войти во владѣніе всѣми мѣстами, которыя заняты были Русскими; но до Іоанна доходили уже вѣсти о сношеніяхъ Магнуса съ Польскимъ королемъ и герцогомъ Курляндскимъ, и потому на требованіе Магнуса онъ отвѣчалъ: „Хочешь брать у насъ города — бери; мы здѣсь отъ тебя близко; ты объ этихъ городахъ не заботься: ихъ и безъ тебя берегутъ. Приставовъ въ твои городки, сколько Богъ помощи подастъ, пошлемъ, а деньги у насъ — сухари, какіе случились. Если не захочешь насъ слушать, то мы готовы; а тебѣ отъ насъ нашу вотчину отводить не слѣдовало. Если тебѣ нечѣмъ на Кеси жить, то ступай въ свою Землю за море, то мы свою отчину, Лифлянскую Землю, и безъ тебя очистимъ": Велѣвъ своимъ воеводамъ занять города, которыми овладѣлъ Магнусъ, и приблизившись въ Вендену, гдѣ находился самъ Ливонскій король, Іоаннъ приказалъ ему явиться къ себѣ; Магнусъ отправилъ къ нему сперва двоихъ пословъ; но Іоаннъ велѣлъ ихъ высѣчь и отослать назадъ въ Венденъ. Жители этого города умоляли Магнуса, чтобъ не раздражалъ царя дальнѣйшимъ безполезнымъ сопротивленіемъ, ѣхалъ бы къ нему самъ и умолялъ за себя и за нихъ. Магнусъ поѣхалъ въ царскій станъ, впустивши прежде русскихъ ратныхъ людей въ городъ; но замокъ не былъ сданъ. Увидавши Іоанна, Магнусъ бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ о помилованіи. „Еслибъ ты не былъ королевскимъ сыномъ", отвѣчалъ ему Іоаннъ: „то я бы научилъ

тебя, какъ мнѣ противиться и забирать мои города". Магнуса отдали подъ стражу. Въ это время Нѣмцы, укрывшіеся въ Веденскомъ замкѣ, начали стрѣлять; одно ядро чуть-чуть не задѣло самого царя; тогда Іоаннъ поклялся, что не оставитъ въ живыхъ ни одного Нѣмца въ Венденѣ. Уже три дня продолжалась осада зàмка; осажденные видѣли, что долѣе защищаться нельзя, рѣшились взорвать себя на воздухъ, чтобъ не ждать мучительной смерти и не видать, какъ Татары будутъ безчестить ихъ женъ и дочерей. Духовенство одобрило это рѣшеніе, и 300 человѣкъ, большею частію благороднаго происхожденія, заперлись въ комнатѣ, подъ которую подкатили четыре бочки пороха; пріобщившись Св. Таинъ, зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ. Жители города испытали то, отъ чего осажденные въ крѣпости избавились добровольною смертію.

Овладѣвши еще нѣсколькими мѣстами, Іоаннъ окончилъ походъ; въ Дерптѣ онъ простилъ Магнуса, опять далъ ему нѣсколько городовъ въ Ливоніи и право называться королемъ ея; Магнусъ отправился въ Каркусъ къ женѣ; Іоаннъ черезъ Псковъ—въ Александровскую слободу. Но съ отбытіемъ царя дѣла пошли иначе въ Ливоніи. Шведы напали на Нарву, Поляки явились въ южной Ливоніи и брали здѣсь городъ за городомъ; взяли даже Венденъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе Русскихъ; Магнусъ передался Полякамъ. Осенью 1578 года русскіе воеводы осадили Венденъ, но, послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ, сняли осаду, заслышавъ о приближеніи непріятельскаго войска. Поляки напали на нихъ вмѣстѣ со Шведами: Татарская конница не выдержала и обратилась въ бѣгство, Русскіе отступили въ свой лагерь и отстрѣливались тамъ до самой ночи; четверо воеводъ—князь Иванъ Голицынъ, Ѳеодоръ Шереметевъ, князь Андрей Палецкій и дьякъ Андрей Щелкаловъ, воспользовавшись ночною темнотою, убѣжали съ конницею изъ стана; но воеводы, которымъ ввѣренъ былъ нарядъ, не захотѣли покинуть его и были захвачены на другое утро непріятелемъ; пушкари не отдались въ плѣнъ: видя, что непріятель уже въ станѣ, они повѣсились на своихъ орудіяхъ. При этомъ пораженіи погибло четверо воеводъ, четверо было взято въ плѣнъ; всего, по счету ливонскихъ лѣтописцевъ, Русскихъ погибло 6,022 человѣка изъ 18,000 [1]). Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу; въ Псковъ уже привезли тяжелый нарядъ, назначенный для осады Ревеля; но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе—врагъ явился на русской почвѣ.

Мы видѣли, какъ Стефанъ Баторій быстрымъ движеніемъ предупредилъ медленнаго Максимиліана и короновался въ Краковѣ. Литва, Пруссія, державшіяся Максимиліана, не видя со стороны его ни малѣйшаго движенія, должны были признать королемъ Стефана. Упорно стоялъ за Максимиліана только одинъ Данцигъ по особеннымъ причинамъ: въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа жители Даницга были оскорблены распоряженіями Польскаго правительства, нарушавшими ихъ права и выгоды; лица, наиболѣе участвовавшія въ этихъ распоряженіяхъ, были самыми сильными приверженцами короля Стефана; отсюда нерасположеніе жителей Данцига къ послѣднему, отъ котораго они не надѣялись ничего для себя хорошаго; они объявили, что до тѣхъ поръ не признаютъ Стефана королемъ, пока не будутъ подтверждены ихъ права и пока не будетъ сдѣлано какого-нибудь соглашенія съ императоромъ. Извѣстіе о смерти послѣдняго привело ихъ въ большое затрудненіе; но, надѣясь на проволочки сеймовъ, они рѣшились продолжать борьбу уже теперь во имя однихъ своихъ правъ, стали нападать на смежныя съ ихъ городомъ шляхетскія земли, разорять католическія церкви. Дѣло могло быть рѣшено только оружіемъ, и Баторій осадилъ Данцигъ. Волненія противной стороны, непріятности на сеймѣ, наконецъ осада Данцига заставляли до времени не разрывать съ Москвою. Въ іюлѣ 1576 года онъ отправилъ къ Іоанну пословъ—Груденскаго и Буховецкаго—съ предложеніемъ не нарушать перемирія и прислать опасную грамоту на великихъ пословъ; о томъ же писали и паны радные къ боярамъ. Бояре отвѣчали панамъ: „Мы удивились, что господарь вашъ не называетъ нашего господаря царемъ и великимъ княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ и отчину нашего господаря, Землю Лифляндскую, написалъ въ своемъ титулѣ. Господарь вашъ пришелъ на королевство Польское съ неболь-

[1]) Zbior pamiatników, I, 144 и слѣд.; Histor. Russ. Monum. I, № CXLV, CLXV, CLXIV, CLXIII; Акты Западн. Россіи III, № 55 и 56; Histor. monum. № CLXI, CLXX; Albetrandego Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego; Histor. Russ. Monum. I, № CLXXVII, CLXXVIII; Дѣла Польскія, № 10; Histor. Russ. Monum. I, № CLXXX, CLXXXI, CLXXXII, CXXXVII; Продолженіе Царств. книги, февраль 1560; Дѣла Датскія, № 2, со стр. 30; Памятники дипломат. сношеній т. I, стр. 490 и слѣд. —Дѣла Шведскія, № 2 и 3. Monum. Livon. antiquæ, I, 286 и слѣд.; II, 79.—Карамз. IX, прим. 420. Разрядныя книги (Симбирск. сборн. и архив. рукопис.); С. г. г. и д. II, № 48. Heidensteinii — de bello Moscovitico: Карамзинъ, сличая разсказъ Гейденштейна о Венденскомъ дѣлѣ съ извѣстіями нашихъ Разрядныхъ книгъ, говоритъ: «Ночь прекратила битву. Сапега и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынъ, окольничій Ѳеодоръ Шереметевъ, князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ Дьякомъ Щелкаловымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали, —но они говорили, что думали, и явили примѣръ, достойный лучшихъ временъ Рима: воеводы, бояринъ князь В. А. Сицкій, окольничій В. Ѳ. Воронцовъ. Д. Б. Салтыковъ, кн. М. В. Тюфякинъ не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, всѣми силами на нихъ ударилъ; окольн. Татева, князей Хворостинина, Семена Тюфякина, дьяка Клобукова взялъ въ плѣнъ». Но изъ обоихъ источниковъ нѣтъ никакого права заключить, что всѣ эти лица были убиты и взяты въ плѣнъ на другой день. Разрядныя книги говорятъ только о пораженіи и потеряхъ; Гейденштейнъ же говоритъ только о двухъ начальникахъ артиллеріи, которые остались въ лагерѣ и были взяты въ плѣнъ.

наго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, которое подчинено было Венгерскому государству; а нашего государя всѣ его братья, великіе государи, главные на своихъ королевствахъ, называютъ царемъ; такъ вамъ бы, паны, пригоже было совѣтовать Стефану королю, чтобъ впередъ такихъ дѣлъ не начиналъ, которыя къ разлитію христіанской крови приводятъ". Пословъ не позвали обѣдать за то, что они не объявили о родствѣ Баторія; но опасную грамоту на великихъ пословъ дали.

Узнавши о походѣ Іоанна въ Ливонію въ 1577 году, о взятіи тамъ городовъ у Поляковъ, Баторій писалъ Іоанну съ упрекомъ, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забираетъ у него города. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ Божіею волею отчину свою Лифляндскую Землю очистили, и ты бы свою досаду отложилъ. Тебѣ было въ Лифляндскую Землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли съ Седмиградскаго княжества на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую Землю: о Лифляндской Землѣ съ Польшею и Литвою что велось, то дѣлалось до тебя;—и тебѣ было тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались до тебя, передъ себя брать непригоже. Отъ нашего похода въ Лифляндскую Землю наша опасная грамота не порушилась, непріязни мы тебѣ никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего, Литовскаго великаго княжества и литовскихъ людей ничѣмъ на зацѣпили. Такъ ты бы кручину и досаду отложилъ и пословъ своихъ отправлялъ къ намъ, не мѣшкая". Эти послы, воевода Мазовецкій, Станиславъ Крыйскій, и воевода Минскій, Николай Сапѣга, пріѣхали въ Москву въ январѣ 1578 года. Начали говорить о вѣчномъ мирѣ; но съ обѣихъ сторонъ предложили такія условія, которыя давно уже дѣлали вѣчный миръ невозможнымъ: кромѣ Ливоніи, Курляндіи и Полоцка, царь требовалъ Кіева, Канева, Витебска, и, въ оправданіе своихъ требованій, вывелъ родословную Литовскихъ князей отъ Полоцкихъ Рогволодовичей: „Эти князья (Гедиминовичи), говорилъ онъ, были славные великіе государи наши братья, во всей вселенной вѣдомые и по родству (по колѣнству) намъ братья; поэтому корона Польская и великое княжество Литовское наши вотчины, ибо изъ этого княжескаго рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчичъ. Князья и короли Польскіе были въ равенствѣ, въ дружбѣ и любви съ князьями Галицкими и другими въ той украйнѣ; о Седмиградскомъ же государствѣ нигдѣ не слыхали, и государю вашему Стефану въ равномъ братствѣ съ нами быть непригоже; а захочетъ съ нами братства и любви, такъ онъ бы намъ почетъ оказалъ". Послы оскорбились и указывали на царя Давида, избраннаго изъ низкаго званія; Іоаннъ велѣлъ отвѣчать имъ на это. „Давида царя Богъ избралъ, а не люди. Слышите Соломона, Духомъ Святымъ глаголющаго: „Горе дому, имъ же жена обладаетъ, и горе граду, имъ же мнози обладаютъ". Въ томъ ваша воля: мятежемъ человѣческимъ хотя бы кого и хуже родомъ выбрали—то вамъ государь; а намъ съ кѣмъ пригоже быть въ братствѣ, тотъ намъ и братъ, а съ кѣмъ непригоже, тотъ намъ и не братъ. Здѣсь слухи были, что вы хотѣли посадить на королевство и Яна Костку; и воевода Виленскій Николай Радзивилъ хотѣлъ также на государство: такъ неужели по вашему избранью и этихъ намъ надобно считать братьями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряемъ; но мы его не укоряемъ, пишемъ про него правду; можно было бы намъ про него и хуже писать, да не хотимъ для христіанства. Государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во всѣхъ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ Своимъ милосердіемъ помиловалъ, вы его на государство взяли; хвалитесь, что, по великому Божію милосердію, полюбили его: изъ этого ясно, что онъ такого великаго государства былъ не достоинъ, но Богъ его помиловалъ, да вы его полюбили не по достоинству".

Согласились продолжить перемиріе еще на три года, отъ 25 марта 1578; въ грамотѣ, написанной отъ имени царя, внесено было условіе: „Тебѣ, *сосѣду* (а не брату) нашему, Стефану королю, въ нашей отчинѣ, Лифляндской и Курляндской Землѣ, въ наши города, музы, пристанища морскія, острова и во всякія угодья не вступаться, не воевать, городовъ не засѣдать, новыхъ городовъ не ставить, изъ Лифляндіи и Курляніи людей и городовъ къ себѣ не принимать до перемирнаго срока". Но въ польской грамотѣ, написанной послами отъ имени Стефана, этого условія не было. Московскіе послы, Карповъ и Головинъ, поѣхали къ Стефану, чтобъ присутствовать при его присягѣ въ сохраненіи перемирія; но Баторій уже не хотѣлъ мириться: въ концѣ 1577 года жители Данцига присягнули ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ; король оказалъ имъ снисхожденіе, ибо все вниманіе его было обращено на востокъ. Въ февралѣ 1578 года созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ, гдѣ разсуждали, съ которымъ изъ двухъ непріятелей должно начать сперва войну: — съ ханомъ Крымскимъ или царемъ Московскимъ. Татары, во время похода подъ Данцигъ, напали на польскія границы, слѣдовало бы имъ отомстить; но какой добычи можно надѣяться отъ народа бѣднаго, кочевого?—притомъ надобно бояться, чтобъ война татарская не возбудила Турокъ противъ Польши, ибо ханъ подручникъ Турецкій. Силы московскія огромны; но чѣмъ могущественнѣе непріятель, тѣмъ славнѣе побѣда надъ нимъ, а наградой будетъ Ливонія—край богатый и, по приморскому положенію своему, могущій принести большія выгоды. Положено было вести войну наступательную; вычислено, сколько нужно войска для нея, сколько денегъ для войска, назначены поборы. Для всѣхъ этихъ приготовленій нужно было время, а потому Баторій въ мартѣ 1578 года писалъ царю, чтобъ тотъ не

предпринималъ военныхъ дѣйствій въ Ливоніи до возвращенія пословъ своихъ изъ Литвы, съ которыми паны будутъ вести переговоры объ этой странѣ. Царь почти цѣлый годъ держалъ гонца Баторіева и медлилъ отвѣтомъ, дожидаясь слѣдствій похода воеводъ своихъ въ Ливонію; Баторій поступалъ такимъ же образомъ съ послами московскими: ихъ задерживали на дорогѣ, спорили о титулѣ государей, наконецъ представили королю въ Краковѣ. Принимая ихъ, Баторій не хотѣлъ, вставши, спросить о здоровьи царя, какъ водилось прежде; послы, видя нарушеніе стараго обычая, не хотѣли править посольство; тогда Воловичъ, подканцлеръ Литовскій, сказалъ имъ: „Пришли вы не съ обычаемъ къ обычаю; вашего приказа здѣсь не будутъ слушать; какъ здѣсь вамъ скажутъ, такъ и дѣлайте, если за вами есть дѣло, то ступайте къ рукѣ королевской и правьте посольство, а государь нашъ Стефанъ король не встанетъ, потому что вашъ государь противъ его поклона не всталъ". Послы отвѣчали, что король царю не ровня, да и потому еще царь не всталъ, что тогда неизвѣстно было, чего хочетъ король, мира или войны, а теперь заключено перемиріе. Имъ отвѣчали, что они могутъ ѣхать назадъ; послы уѣхали назадъ ни съ чѣмъ, и были еще задержаны въ Литвѣ.

Іоаннъ, обезпокоенный дурнымъ оборотомъ своихъ дѣлъ въ Ливоніи и задержкою пословъ въ Литвѣ, писалъ къ Стефану: „Ты, сосѣдъ нашъ, мимо прежняго обычая, пословъ нашихъ задержалъ; дѣло, которое, по договору пословъ твоихъ, крестнымъ цѣлованіемъ утверждено, до сихъ поръ еще не довершено, чего никогда прежде ни при какихъ государяхъ не бывало, да и ни въ какихъ земляхъ христіанскихъ не ведется; а посламъ нашимъ съ твоими панами о Лифляндской Землѣ говорить нечего, потому что съ ними объ этомъ наказа нѣтъ; то дѣло особенное, а ты для него шли къ намъ своихъ великихъ пословъ немедленно". Между тѣмъ, еще въ декабрѣ 1578 года царь приговорилъ съ боярами, какъ ему, прося у Бога милости, идти на свое государево и земское дѣло на Нѣмецкую и Литовскую Землю. Распорядивъ полки, онъ въ іюлѣ 1579 года выѣхалъ въ Новгородъ, куда явились къ нему послы Карповъ и Головинъ съ извѣстіемъ, что Баторій идетъ къ московскимъ границамъ; вмѣстѣ съ этимъ они доносили: что изъ литовской шляхты идутъ съ Баторіемъ немногіе охочіе люди, которые захотѣли идти на своихъ грошахъ, а которые не захотѣли, тѣ нейдутъ; изъ польскихъ пановъ и шляхты никто нейдетъ, кромѣ наемныхъ людей. Говорилъ король панамъ и шляхтѣ, чтобъ шли съ нимъ всею Землею къ Смоленску или Полоцку; но паны радные королю отговариваютъ, чтобъ онъ отъ литовскихъ границъ войны не начиналъ. Король говорилъ имъ: „Если вы сами съ мною идти не хотите, то дайте людей, я и безъ васъ пойду"; но паны ему отговариваютъ, чтобъ къ Полоцку и Смоленску никакъ не ходилъ, а стоялъ бы за Ливонію. Король говорилъ панамъ, чтобъ шли съ нимъ всею Землею въ Ливонію доступать тѣхъ городовъ, которые Москва захватила; но паны ему отговариваютъ, чтобъ онъ самъ и въ Ливонію не ходилъ, а послалъ бы наемныхъ людей защищать тѣ города, которые за нимъ, а надъ другими промышлять; паны большіе людей королю посулили, а шляхта людей дать не хочетъ, говоритъ: „Вѣдь съ насъ деньги на наемныхъ людей уже взяты"! Паны, желая потѣшить короля, начали уговаривать шляхту, чтобъ шла съ нимъ въ Ливонію; но немного нашлось охотниковъ, и до сихъ поръ у короля еще не улажено, куда ему идти. А во всей Землѣ—въ Польшѣ и Литвѣ, у шляхты и у черныхъ людей у всѣхъ одно слово, что у нихъ Стефану королю на королевствѣ не быть, а пока у нихъ Стефанъ король на королевствѣ будетъ, до тѣхъ поръ ни въ чемъ добру не бывать, а сколько имъ себѣ государей не выбирать, кромѣ сыновей Московскаго государя или Датскаго короля никого имъ не выбрать; а больше говорятъ во всей Землѣ всякіе люди, чтобъ у нихъ быть на государствѣ Московскаго государя сыну.

Донесенія пословъ были справедливы: Баторій находился не въ завидномъ положеніи предъ началомъ Московской войны. Отвращеніе къ войнѣ, какъ мы видѣли, уже давно овладѣло Поляками и Литовцами; частныя выгоды преобладали надъ общимъ дѣломъ: Литовцы боялись подвергнуть опасности свои предѣлы и требовали, чтобъ король перенесъ войну въ Ливонію. Но величіе Баторія оказалось именно въ томъ, что онъ успѣлъ преодолѣть всѣ эти препятствія. Какъ полководецъ, Баторій въ Восточной Европѣ произвелъ тотъ переворотъ въ способѣ веденія войны, какой уже давно произведенъ былъ на Западѣ. Какъ въ Московскомъ государствѣ, такъ въ Польшѣ и Литвѣ, почти не было постояннаго войска; служилое, или дворянское сословіе собиралось подъ знамена по призыву государей, и составляло конницу; о пѣхотѣ же польской можемъ имѣть ясное понятіе изъ приведеннаго выше донесенія гетмана Хоткѣвича объ осадѣ Улы. Такимъ образомъ, войско въ Восточной Европѣ сохраняло еще прежній, средневѣковой, или, лучше сказать, азіатскій характеръ: въ немъ преобладала конница, тогда какъ на Западѣ этотъ характеръ уже измѣнился,—здѣсь конница видимо уступала первое мѣсто пѣхотѣ; здѣсь государи давно уже убѣдились въ необходимости имѣть подъ руками постоянное войско, состоявшее первоначально изъ наемныхъ ратниковъ. Мы видѣли характеръ нашихъ войнъ не только до Іоанна III-го, но при немъ, при сынѣ и внукѣ его, войнъ съ Литвою: ратныя толпы входили въ непріятельскую землю, страшно опустошали ее, рѣдко брали города, и возвращались назадъ, хвалясь тѣмъ, что пришли поздорову съ большою добычею; Литовцы платили тѣмъ же; но движенія съ ихъ стороны были слабѣе, вслѣдствіе указанныхъ уже прежде причинъ, и потому Москва выходила постоянно съ выгодами изъ войнъ съ Литвою. Несмотря однако на это, даже и

въ войскахъ литовскихъ, или, лучше сказать, между вождями литовскими, не говоря уже о Шведахъ. легко было замѣтить бо́льшую степень военнаго искусства, чѣмъ въ войскахъ или воеводахъ московскихъ,—это было видно изъ того, что во всѣхъ почти значительныхъ столкновеніяхъ съ западными непріятелями въ чистомъ полѣ московскія войска терпѣли пораженія: такъ было въ битвахъ при Оршѣ, при Улѣ, въ битвѣ при Лоде, при Венденѣ. Непріятели Московскаго государства понимали это очень хорошо и потому старались всѣми силами не допускать въ него искусства, при которомъ оно было бы непобѣдимо, не пропускать въ него искусныхъ ратныхъ людей, мастеровъ, не пропускать снарядовъ военныхъ. И въ Москвѣ понимали это также очень хорошо: отсюда осторожность московскихъ воеводъ, нежеланіе вступать въ битвы съ войсками, на сторонѣ которыхъ видѣлось большое искусство. Мы должны отдать честь московскимъ воеводамъ за то, что они не полагались на многочисленность своихъ войскъ, сознавая превосходство качества надъ количествомъ, превосходство искусства надъ матеріальною силою. Понималъ это очень хорошо, если не лучше всѣхъ, самъ царь Іоаннъ: отсюда господствующее, неодолимое въ немъ желаніе овладѣть Ливоніею, овладѣть путями, ведущими къ образованнымъ народамъ; отсюда желаніе имѣть въ своей службѣ искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ иностранцевъ, каковъ былъ Фаренсбахъ и другіе; отсюда домогательство, чтобъ Шведскій король прислалъ ему отрядъ ратныхъ людей, обученныхъ, вооруженныхъ по-европейски; отсюда осторожность, уклончивость, робость, происходившія въ немъ отъ отсутствія надежды на успѣхъ, безъ особенныхъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ соединеніи съ родовыми, отъ предковъ заимствованными, осторожностію и уклончивостію. И вотъ въ это время, когда Московское правительство такъ хорошо сознавало у себя недостатокъ военнаго искусства и потому такъ мало надѣялось на успѣхъ въ рѣшительной войнѣ съ искуснымъ, дѣятельнымъ полководцемъ, на престолѣ Польши и Литвы явился государь энергическій, славолюбивый, полководецъ искусный, понявшій, какими средствами онъ можетъ побѣдить соперника, располагавшаго большими, но только одними матеріальными средствами. Средства Баторія были: искусная, закалившаяся въ бояхъ наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, которое давало ему огромное преимущество надъ врагомъ, принужденнымъ рястянуть свои полки по границамъ, надъ врагомъ, незнающимъ, откуда ждать нападенія. Вотъ главныя причины успѣха Баторіева, причины недѣятельности московскихъ воеводъ, робости Іоанна. Мы не можемъ согласиться съ Курбскимъ и писателями, слѣпо ему слѣдовавшими, что причина неуспѣха заключалась исключительно въ поведеніи Іоанна, истребившаго храбрыхъ, искусныхъ воеводъ своихъ; ибо странно было бы говорить объ искусствѣ воеводъ московскихъ, назначавшихся не по военнымъ способностямъ, а по мѣсту, которое они занимали въ думѣ, когда каждый бояринъ, какъ бояринъ, былъ въ то же время и воеводою, хотя бы не имѣлъ ни малѣйшихъ военныхъ способностей; да и гдѣ было узнать эти способности:—въ битвахъ съ Казанцами и Крымцами? Князь Петръ Шуйскій считался знаменитымъ воеводою, но что онъ сдѣлалъ въ битвѣ при Улѣ (второй Оршинской)? Отецъ Іоанновъ не истреблялъ воеводъ своихъ; но какъ вели они себя при наступательномъ движеніи Сигизмунда I-го, которое окончилось первою Оршинскою битвою? Видимъ то же отступленіе, ту же страшную неудачу, какъ и въ войнѣ съ Баторіемъ; разница только въ томъ, что Сигизмундъ съ княземъ Острожскимъ не имѣли средствъ воспользоваться своимъ успѣхомъ, какія приготовилъ себѣ Баторій съ Замойскимъ. Наконецъ, мы привыкли думать, что Іоаннъ располагалъ громадными войсками, которыя однако, вслѣдствіе робости его, оставались въ бездѣйствіи; но о числѣ войскъ московскихъ, во время войны съ Баторіемъ, мы не имѣемъ достовѣрныхъ показаній, на свидѣтельство же псковскаго лѣтописца, въ этомъ отношеніи, менѣе всего можно полагаться.

Приготовившись къ войнѣ, Баторій въ іюнѣ 1579 года отправилъ въ Москву гонца съ ея объявленіемъ; причиною разрыва выставлялъ онъ вступленіе Іоанна въ Ливонію, несмотря на перемиріе съ Литвою. Въ іюлѣ, собравши войско подъ Свиремъ, король держалъ совѣтъ: въ какую сторону лучше предпринять походъ. Литовскіе паны попрежнему совѣтовали идти черезъ Ливонію ко Пскову, потому что взятіе этого богатаго города можетъ вознаградить войско за труды; а взять его не трудно, потому что, по отдаленности отъ театра войны, имъ мало занимались въ послѣднее время, прежнія стѣны должны быть уже ветхи. Но король былъ противнаго мнѣнія: такъ какъ, говорилъ онъ, война предпринимается для освобожденія Ливоніи, то странно было бы перенести войну въ край и безъ того уже опустошенный; притомъ Ливонія усѣяна городами и замками, осада которыхъ повела бы къ большому замедленію; наконецъ, переведши всѣ войска въ Ливонію, надобно было бы оставить Литву безъ прикрытія. Можно не чрезъ Ливонію, а чрезъ непріятельскую Землю пуститься ко Пскову; но тогда въ тылу останется много непріятельскихъ крѣпостей и, углубившись такъ далеко въ непріятельскую Землю, трудно было бы возвратиться, трудно было бы получить подкрѣпленія. Лучше всего взять прежде Полоцкъ: чрезъ это обезпечится и Ливонія и Литва, отъ которой войско не удалится, потому что Полоцкъ, лежащій надъ Двиною, служитъ одинаково ключемъ къ этимъ обѣимъ странамъ; кромѣ того, взятіемъ Полоцка обезпечится судоходство по Двинѣ, важное для Литвы и Ливоніи, особенно для города Риги. Іоаннъ не зналъ объ этомъ мнѣніи Баторія; думалъ, что война, предпринятая за Ливонію, будетъ ведена въ Ливоніи; зналъ, что таковое мнѣніе боль-

шинства въ Польшѣ и Литвѣ, и потому отправилъ большое войско за Двину въ Курляндію. Войско это ограничилось, по обычаю, опустошеніемъ страны, и должно было скоро вернуться назадъ, ибо непріятель явился тамъ, гдѣ его не ждали: въ началѣ августа Баторій осадилъ Полоцкъ. Осажденные воеводы, князь Василій Телятевскій, Петръ Волынскій, князь Димитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій, держались въ дубовой крѣпости болѣе трехъ недѣль съ необыкновеннымъ мужествомъ; жители, старики и женщины бросались всюду, гдѣ вспыхивалъ пожаръ, и тушили его, на веревкахъ спускались со стѣнъ, брали воду и подавали въ крѣпость для гашенія огня: множество при этомъ падало ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; но на мѣсто убитыхъ сейчасъ же являлись новые работники. Нелегко было и осаждающимъ: съ большимъ трудомъ могли они добывать съѣстные припасы въ странѣ малолюдной, лѣсистой и притомъ еще опустошенной недавнею войною Царь, узнавши объ осадѣ Полоцка, двинулъ туда передовые отряды подъ начальствомъ окольничихъ Бориса Шеина и Ѳедора Шереметева; но эти воеводы, увидавъ, что всѣ дороги къ Полоцку были загорожены войсками Баторія, заняли крѣпость Соколъ и оттуда препятствовали подвозу съѣстныхъ припасовъ къ осаждающимъ, избѣгая столкновенія въ чистомъ полѣ съ высланными противъ нихъ полками подъ начальствомъ Христофа Радзивила и Яна Глѣбовича. Кромѣ того, погода стояла дождливая, дороги испортились, обозныя лошади падали, ратники не могли найти сухого мѣста подъ шатрами; особенно страдали Нѣмцы, привыкшіе вести войну въ странахъ богатыхъ, густо населенныхъ; въ противоположность имъ, Венгры отличались терпѣливостью и неутомимостью.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ король созвалъ военный совѣтъ; большая часть воеводъ была того мнѣнія, что надобно идти на приступъ; но король не согласился: „Если приступъ не удастся,“ говорилъ онъ: „то что тогда останется дѣлать?—отступить со стыдомъ!“ Обѣщаніемъ большихъ наградъ онъ уговорилъ Венгровъ подобраться къ стѣнамъ крѣпости и зажечь ихъ со всѣхъ сторонъ. Выбравши ясный день, 29 августа, Венгры бросились къ стѣнамъ и зажгли ихъ; пламя быстро распространилось, и осажденные не могли потушить пожара въ продолженіи цѣлаго дня; а между тѣмъ король съ большою частію войска стоялъ на дорогѣ къ Соколу, боясь, чтобъ тамошніе воеводы, увидя зарево, не явились на помощь къ Полоцку. Помощь однако не приходила, и осажденные начали думать о сдачѣ; десятеро Русскихъ спустились со стѣнъ къ осаждающимъ для переговоровъ; но Венгры умертвили ихъ: они не хотѣли допускать до переговоровъ, хотѣли взять городъ приступомъ, ибо въ такомъ случаѣ они получили бы право разграбить его; особенно прельщала ихъ церковь Св. Софіи, о богатствахъ которой наслышались. Съ этою цѣлію Венгры, безъ приказа королевскаго, кинулись въ городъ сквозь пылавшія стѣны, за ними польская пѣхота: но осажденные уже успѣли выкопать ровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прогорѣла стѣна, встрѣтили нападающихъ залпомъ изъ пушекъ и прогнали ихъ. На другой день пожаръ и напоръ осаждающихъ возобновились; тогда стрѣльцы съ воеводою Волынскимъ выслали переговорщиковъ, и городъ былъ сданъ съ условіемъ свободнаго выхода всѣмъ ратнымъ людямъ; нѣкоторые изъ нихъ вступили въ службу королевскую; но владыка Кипріанъ и другіе воеводы, кромѣ Волынскаго, никакъ не хотѣли соглашаться на сдачу; они уже давно замышляли взорвать крѣпость, но не были допускаемы до этого ратными людьми, и, когда послѣдніе уже сдали городъ, владыка и воеводы заперлись въ церкви Св. Софіи и объявили, что только силою можно будетъ ихъ взять оттуда, что и было исполнено со стороны непріятеля. Добыча, найденная въ Полоцкѣ, обманула ожиданія осаждающихъ; самую драгоцѣнную ея часть составляла библіотека, содержавшая въ себѣ много лѣтописей и твореній Св. Отцовъ греческихъ въ славянскомъ переводѣ: все это погибло. Тѣ изъ Русскихъ, которые рѣшились переселиться въ Литву, были не очень щедро награждены Баторіемъ; до насъ дошла грамота его къ дворному конюшему литовскому такого содержанія: „Многіе стрѣльцы и другіе люди московскіе, послѣ взятія Полоцка и прочихъ крѣпостей русскихъ, поддались намъ, и мы ихъ надѣлили пустыми участками земли въ старостствѣ Гродненскомъ; но имъ нечѣмъ обработывать этихъ участковъ. Такъ приказываемъ тебѣ взять у подданныхъ нашихъ въ Литвѣ клячъ самыхъ негодныхъ и мелкихъ, штукъ съ полтораста, и подѣлить ихъ между этими Москвичами“

25 сентября былъ зажженъ и взятъ Соколъ съ страшною рѣзнею: старый полковникъ Вейеръ, служившій у Баторія, говорилъ, что бывалъ онъ на многихъ битвахъ, но нигдѣ не видалъ такого множества труповъ, лежавшихъ на одномъ мѣстѣ. Взято было и нѣсколько другихъ близлежащихъ крѣпостей. Съ другой стороны, князь Константинъ Острожскій опустошилъ область Сѣверскую до Стародуба и Почепа, а староста Оршанскій Кмита—Смоленскую; Шведы опустошали Карелію и Землю Ижорскую, осаждали Нарву, но были отъ нея прогнаны.

Походъ 1579 года былъ конченъ Баторіемъ; онъ возвратился въ Вильну. Еще въ половинѣ сентября онъ отправилъ къ царю грамоту, въ которой писалъ, что, по восшествіи на престолъ, главнымъ стараніемъ его было сохранить миръ со всѣми сосѣдями, и вездѣ онъ успѣлъ въ этомъ: одинъ только царь прислалъ ему гордую грамоту, въ которой требовалъ Ливоніи и Курляндіи: „Такъ какъ намъ не годилось, заключаетъ король, исполнить это требованіе, то мы сѣли на коня и пошли подъ отчинный нашъ городъ Полоцкъ, который Господь Богъ намъ и возвратилъ; слѣдовательно кровь христіан-

ская проливается отъ тебя". Іоаннъ отвѣчалъ: „Другіе господари, твои сосѣди, согласились съ тобою жить въ мирѣ,—потому имъ такъ годилось; а намъ, какъ было пригоже, такъ мы съ тобою и сдѣлали; тебѣ это не полюбилось; а гордымъ обычаемъ грамоты мы къ тебѣ не писывали и не дѣлывали ничего. О Лифляндской же Землѣ и о томъ, что ты взялъ Полоцкъ, теперь говорить нечего; а захочешь узнать нашъ отвѣтъ, то для христіанскаго покоя присылай къ намъ пословъ великихъ, которые бы доброе дѣло между нами по-пригожу постановить могли. Мы съ тобою хотимъ доброй пріязни и братства и по всѣмъ своимъ границамъ запретили вести войну; распорядись и ты также по всѣмъ своимъ границамъ, пока послы великіе между нами братство и добрую пріязнь поставятъ. Бояре наши били намъ челомъ, чтобъ мы кровопролитія въ христіанствѣ не желали и велѣли имъ обослаться съ твоими панами: мы на просьбу ихъ согласились". Царь, по требованію Баторія, отпустилъ гонца его, Лопатинскаго, который былъ задержанъ за то, что привезъ объявленіе войны; при отпускѣ, царь велѣлъ сказать ему: „Пришелъ ты къ намъ отъ своего государя съ грамотою, въ которой Стефанъ король многія укоризненныя слова намъ писалъ, и нашу перемирную грамоту съ тобою къ намъ прислалъ; людей, которые съ такими грамотами пріѣзжаютъ, вездѣ казнятъ; но мы, какъ господарь христіанскій, твоей убогой крови не хотимъ и по христіанскому обычаю тебя отпускаемъ". Съ Лопатинскимъ отправленъ былъ особый гонецъ, который долженъ былъ требовать освобожденія плѣнныхъ на размѣнъ и на выкупъ. Это было въ январѣ 1580 года; въ мартѣ Стефанъ отвѣчалъ: „Мы къ тебѣ пословъ своихъ посылали, но ты отправилъ ихъ съ необычнымъ и къ доброй пріязни непригожимъ постановленіемъ, а твои послы, бывшіе у насъ, ничего добраго не постановили; такъ послѣ этого теперь намъ посылать къ тебѣ пословъ своихъ непригоже; присылай ты своихъ къ намъ, и присылай немедленно. А что пишешь объ освобожденіи плѣнныхъ, то самъ разсуди, приличное ли теперь къ тому время? А нужды имъ у насъ никакой нѣтъ". Паны прислали боярамъ опасную грамоту на московскихъ пословъ. Царь приговорилъ послать отъ бояръ къ панамъ съ отвѣтомъ, что они прислали опасную грамоту не попригожу, высоко, мимо прежняго обычая; пусть лучше наводятъ государя своего на то, чтобъ отправлялъ пословъ въ Москву немедленно. Іоаннъ отправилъ отвѣтъ свой Баторію съ дворяниномъ Нащокинымъ: „Мы пословъ твоихъ—писалъ царь—приняли и отпустили по прежнимъ обычаямъ, поневолѣ они ничего не дѣлали, безчестья и нужды имъ никакой не было. А наши послы у тебя ничего не постановили потому, что ты не хотѣлъ подтвердить постановленнаго твоими послами у насъ, вставилъ новое дѣло, нашихъ пословъ обезчестилъ, принялъ ихъ не по прежнимъ обычаямъ и безъ дѣла къ намъ отослалъ: а потомъ прислалъ къ намъ гонца Лопатинскаго съ грамотою, и какія рѣчи написалъ ты въ этой грамотѣ,—самъ знаешь. Если намъ теперь всѣ эти дѣла между собою поминать, то никогда христіанство покоя не получитъ: такъ лучше намъ позабыть тѣ слова, которыя прошли между нами въ кручинѣ и въ гнѣвѣ; ты бы, какъ господарь христіанскій, дѣло гнѣвное оставилъ, а пожелалъ бы съ нами братской пріязни и любви; а мы, съ своей стороны, всѣ дѣла гнѣвныя оставили, и ты бы, по обычаю, отправилъ къ намъ своихъ пословъ". Въ случаѣ нужды, Нащокинъ долженъ былъ согласиться на отправленіе царскихъ пословъ въ Литву; касательно поведенія своего, московскіе гонцы получали въ это время такой наказъ: „Будетъ въ чемъ нужда, то они должны приставамъ говорить объ этомъ слегка, а не браниться и не грозить; если позволятъ покупать съѣстные припасы, то покупать, а не позволятъ—терпѣть; если король о царскомъ здоровьи не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то пропустить это безъ вниманія, ничего не говорить; если станутъ безчестить, тѣснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а *прытка* объ этомъ не говорить, терпѣть".

Баторій отвѣчалъ, что онъ уже садится на коня и выступаетъ съ войсками своими туда, куда Господь Богъ укажетъ дорогу; впрочемъ будетъ ждать московскихъ пословъ пять недѣль, считая отъ 14 іюня. Іоаннъ отвѣчалъ на это, что онъ уже назначилъ пословъ—стольника, князя Ивана Сицкаго-Ярославскаго, и думнаго дворянина Романа Пивова; но что въ такой короткій срокъ, какъ назначилъ король, имъ не поспѣть и на границы, не только въ Вильну. Баторій отвѣчалъ: что всѣ эти отсрочки ведутъ только къ упущенію удобнаго времени для войны; что онъ выступаетъ въ походъ, но что это выступленіе нисколько не препятствуетъ московскимъ посламъ пріѣхать къ нему для переговоровъ туда, гдѣ онъ будетъ находиться съ войскомъ. Ясно было, что Баторій пересылался съ царемъ только для того, чтобъ выиграть время, чтобъ собраться съ силами, достаточными для успѣшнаго похода. Для этого ему нуженъ былъ почти цѣлый годъ; вмѣсто благодарности, многіе встрѣтили его съ упреками; упреки эти были опровергнуты на сеймѣ, благодаря искусству и краснорѣчію знаменитаго канцлера Замойскаго; но нельзя было скоро дѣйствовать при недостаткѣ денегъ, при медленности, съ какой собирались войска. Деньги король кое-какъ собралъ, пожертвовалъ свои, занялъ у частныхъ людей, причемъ также много помогъ ему Замойскій; братъ Баторія, князь Седмиградскій, прислалъ опять значительный отрядъ Венгровъ; но все еще было мало пѣхоты: шляхта никакъ не хотѣла служить въ ней; надобно было набирать ее изъ городскихъ жителей, но послѣдніе не были такъ привычны къ военной службѣ, были изнѣжены спокойнымъ пребываніемъ въ городахъ. Придумали средство составить пѣхоту изъ людей крѣпкихъ, способныхъ къ перенесенію трудовъ и ли-

шеній: положили въ королевскихъ имѣніяхъ изъ 20 крестьянъ выбирать одного, котораго, по выслугѣ срочнаго времени, освобождать навсегда самого и все потомство отъ всѣхъ крестьянскихъ повинностей. Въ Москвѣ также не теряли времени, собирали деньги и войско: но здѣсь не было искусныхъ въ военномъ дѣлѣ иностранныхъ дружинъ; здѣсь не было полководцевъ, которые бы могли равняться съ Баторіемъ. Не зная ничего о намѣреніяхъ послѣдняго, Іоаннъ долженъ былъ опять растянуть свои войска, послать полки и къ Новгороду, и ко Пскову, къ Кокенгаузену и къ Смоленску; сильные полки должны были оставаться также на южныхъ границахъ, гдѣ могъ явиться ханъ; на сѣверо-западѣ надобно было отбиваться отъ Шведовъ. При отправленіи къ литовскимъ границамъ крещенаго татарскаго царевича, великаго князя Симеона Бекбулатовича, и боярина князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, въ разрядѣ читаемъ: „То дѣло государь положилъ на Богѣ, на великомъ князѣ Симеонѣ и бояринѣ И. Ѳ. Мстиславскомъ съ товарищами, какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ будетъ пригоже государева и земскаго дѣла беречь и дѣлать". По монастырямъ отправлены были грамоты: „Здѣсь на насъ идетъ недругъ нашъ, Литовскій король, со многими силами; мы къ нему посылали о мирѣ съ покореніемъ, но онъ съ нами мириться не хочетъ и на нашу Землю идетъ съ ратью. И вы-бъ пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ Святыхъ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ праведный Свой гнѣвъ, движущійся на ны, и православнаго христіанства державу сохранилъ мирну и цѣлу, недвижиму и непоколебиму, а православному бы христіанству побѣды далъ на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ".

Баторій рѣшилъ двинуться къ Великимъ Лукамъ, но, чтобы скрыть это отъ непріятеля, приказалъ войску собраться подъ Часниками. Мѣсто это расположено надъ рѣкою Улою такимъ образомъ, что находится въ равномъ разстояніи и отъ Великихъ Лукъ и отъ Смоленска, вслѣдствіе чего до послѣдней минуты оставалось неизвѣстнымъ, къ которому изъ этихъ городовъ король направитъ путь. Онъ выступилъ къ Великимъ Лукамъ съ 50,000 войска, въ числѣ котораго находилось 21,000 пѣхоты. Деревянная крѣпость Велижъ была зажжена калеными ядрами и сдалась; Усвятъ послѣдовалъ ея примѣру. Баторій стоялъ уже у Великихъ Лукъ, какъ явились къ нему въ станъ послы московскіе—князь Сицкій и Пивовъ. Отъ самой границы ихъ уже встрѣчали непріятностями, дерзостями: посланный къ нимъ на-встрѣчу на рубежъ отъ Оршанскаго воеводы Филона Кмиты назвалъ послѣдняго воеводою Смоленскимъ; послы сказали на это: „Филонъ затѣваетъ нелѣпость, называя себя воеводою Смоленскимъ; онъ еще не тотъ Филонъ, который былъ у Александра Македонскаго; Смоленскъ вотчина государя нашего; у государя нашего Филоновъ много по осторожнымъ воротамъ". Когда послы поѣхали къ королю въ станъ, то гайдуки начали стрѣлять изъ ручницъ возлѣ лошадей польскихъ и пыжи падали на пословъ. Король, принимая ихъ, противъ государева имени и поклона не всталъ, шапки не снялъ, о здоровьи государевомъ не спросилъ. Послы требовали, чтобъ Баторій снялъ осаду Лукъ, и тогда они станутъ править ему посольство, ибо имъ наказано править посольство въ Землѣ королевской, а не подъ государевыми городами. На это имъ паны отвѣчали: „Ступайте на подворье!" а Виленскій воевода говорилъ имъ вслѣдъ: „Ступайте на подворье! пришли съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и пойдете." Послы просили, чтобъ король отошелъ, по крайней мѣрѣ, отъ Лукъ на то время, когда они станутъ править посольство,—не согласились; просили, чтобъ не велѣлъ въ это время промышлять надъ городомъ,—не согласились и на это. Послы начали править посольство, уступали королю Полоцкъ, Курляндію, 24 города въ Ливоніи; но король требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новгорода. Послы просили позволенія отправить гонца въ Москву за новымъ наказомъ; гонецъ былъ отправленъ, но Баторій не дожидался его возвращенія; послѣ долгихъ стараній, Замойскому удалось наконецъ зажечь крѣпость; осажденные начали переговоры о сдачѣ; но Венгры, боясь лишиться добычи, самовольно ворвались въ городъ и начали рѣзать всѣхъ, кто ни попадется. Поляки послѣдовали ихъ примѣру; Замойскому удалось спасти только двоихъ воеводъ. Князь Збаразскій съ польскою, венгерскою и нѣмецкою конницею разбилъ князя Хилкова подъ Торопцомъ; Невель, какъ скоро былъ зажженъ, сдался; Озерище сдалось еще прежде пожара; крѣпкое Заволочье отбило первый приступъ, но потомъ также принуждено было поддаться Замойскому. Не такъ счастливъ былъ Оршанскій воевода Филонъ Кмита: съ 9,000 Литвы онъ подошелъ къ Смоленску съ тѣмъ, чтобъ сжечь посады, но въ деревнѣ Настасьинѣ пришли на него царскіе воеводы—Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ съ товарищами,—и сбили съ станомъ; Кмита вечеромъ сталъ въ крѣпкомъ мѣстѣ въ обозѣ, а ночью ушелъ изъ него; Бутурлинъ на другой день погнался за непріятелемъ, настигъ его въ 40 верстахъ отъ Смоленска, на Спасскихъ лугахъ, и разбилъ, взялъ знамена, шатры, 10 пушекъ, 50 затинныхъ пищалей и 370 плѣнныхъ. Баторій взятіемъ Лукъ кончилъ свой походъ 1580 года; но военныя дѣйствія на этотъ разъ продолжались и зимою: въ февралѣ 1581 года Литовцы пришли ночью къ Холму, взяли его и оставили за собою; выжгли Старую Русу, въ Ливоніи взяли замокъ Шмильтенъ, и, вмѣстѣ съ Магнусомъ, опустошили Дерптскую область до Нейгаузена, до границъ русскихъ. Съ другой стороны, шведскій полководецъ Понтусъ Делагарди вошелъ въ Карелію, въ ноябрѣ 1580 взялъ Кексгольмъ, причемъ, по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ, было истреблено 2,000 Русскихъ. Въ Эс-

тоніи Шведы осадили Падисъ (въ 6 миляхъ отъ Ревеля); осажденные, подъ начальствомъ воеводы Чихачева, терпѣли страшный голодъ, 13 недѣль не отвѣдывали хлѣба, переѣли всѣхъ лошадей, собакъ, кошекъ, сѣно, солому, кожи, нѣкоторые тайно отвѣдали, какъ пишутъ, и человѣческаго мяса; наконецъ въ декабрѣ непріятель взялъ городъ вторымъ приступомъ. Въ началѣ 1581 года Делагарди оставилъ Карелію и неожиданно явился въ Ливоніи, подъ Везенбергомъ, который, послѣ сильнаго обстрѣливанія, сдался въ мартѣ подъ условіемъ свободнаго выхода осажденнымъ. Въ томъ же мѣсяцѣ московскіе воеводы, по старому обычаю, ходили изъ Можайска опустошать литовскія земли, были у Дубровны, Орши, Могилева; подъ Шиловымъ имѣли удачную битву съ литовскими войсками и возвратились благополучно въ Смоленскъ.

А между тѣмъ Баторій хлопоталъ о третьемъ походѣ, занялъ деньги у герцога Прусскаго, курфирстовъ Саксонскаго и Бранденбургскаго. На сеймѣ, собранномъ въ февралѣ 1581 года, объявилъ, что мало радоваться успѣхамъ военнымъ, надобно пользоваться ими; если не желаютъ или не надѣются покоренія цѣлаго Московскаго государства, то, по крайней мѣрѣ, не должны полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не закрѣпятъ за собою всей Ливоніи. Потомъ объяснялъ: какъ вредно каждый годъ отрываться отъ войска и спѣшить на сеймъ для вытребованія денежныхъ поборовъ; что отъ этого собственное войско ослабѣваетъ, а непріятелю дается время возстановлять свои силы; что запоздалое собираніе денегъ заставляетъ терять самое удобное для военныхъ дѣйствій время; что единственное средство для избѣжанія этихъ невыгодъ—двухлѣтній поборъ. Сеймъ сначала противился королевскому предложенію, потомъ согласился. Но, при концѣ сейма, земскіе послы просили короля, чтобъ слѣдующимъ, третьимъ походомъ постарался окончить войну, ибо шляхта и особенно ея крестьяне совершенно изнурены поборами и далѣе выносить ихъ не въ состояніи. Король отвѣчалъ чрезъ Замойскаго, что онъ не длитъ нарочно войны, предпринятой для общаго спокойствія и выгоды: непріятель теперь въ такомъ положеніи, что легко довести его до послѣдней крайности, продля хотя немного войну; что, исполняя желаніе Земли, онъ не будетъ препятствовать заключенію мира, какъ скоро принудитъ непріятеля уступить ему всю Ливонію.

Переговоры о мирѣ продолжались во все это время; Сицкій и Пивовъ ѣхали за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до Варшавы; приставы, державши долго пословъ, повели ихъ за королемъ къ Полоцку; на дорогѣ литовскіе люди пословъ безчестили, посольскихъ людей били, грабили, корму людскаго и конскаго посламъ не давали, отчего много лошадей у нихъ попадало. Въ недостаткѣ корма, впрочемъ, послѣ предъ послами объяснились и извинились, и Баторій старался вознаградить пословъ за прежнія нужды, даря ихъ винами иностранными и медомъ старымъ. Но потомъ опять послы начали терпѣть нужду, и приставъ на ихъ жалобы отвѣчалъ: „Вамъ все кормъ давай! вѣдь доброму дѣлу не бывать; тѣ гроши, что было вамъ на кормъ давать, надобны еще на другія дѣла". Въ Варшавѣ паны радные польскіе говорили посламъ великія задорныя рѣчи и непригожія слова; да, и въ радѣ сидя, говорили высокія и задорныя слова, а гладко и склонно никто ничего не говорилъ; послы противъ ихъ разговоровъ молчали, а отговаривали имъ безъ брани, слегка, по государеву наказу. Послы предлагали заключить перемиріе на томъ условіи, что каждому владѣть, чѣмъ владѣетъ; но паны съ этимъ предложеніемъ и къ королю не пошли. Царь прислалъ къ королю гонца съ требованіемъ опасной грамоты на новыхъ пословъ. „Этимъ посламъ — писалъ Іоаннъ — мы велѣли договориться подробно насчетъ Лифляндской Земли, какъ дѣлу пригоже статься; тогда, по договору, и людей изъ Лифляндской Земли велимъ вывести; а до тѣхъ поръ ты бы, братъ нашъ, людей не собиралъ и убытка казнѣ своей не дѣлалъ". Гонцу было наказано: „Если король о царскомъ здоровьи не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то объ этомъ ничего не говорить". Послами были отправлены думные дворяне Пушкинъ и Писемскій; имъ данъ былъ такой наказъ: „Послы не должны отдавать вѣрящей грамоты никому, кромѣ короля; должны требовать, чтобъ ихъ непремѣнно представили Баторію; а если станутъ ихъ укорять, или безчестить или бранить, или бить, то на укоризну, безчестье и брань отвѣчать, смотря по дѣлу, что будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ, слегка, а не браниться, противъ побоевъ терпѣть, и стоять накрѣпко, чтобъ ихъ отпустили къ королю, а пока у короля не будутъ, до тѣхъ поръ грамоты вѣрящей никому не давать и посольства ни передъ кѣмъ не править. Если король не встанетъ и велитъ о государевомъ здоровьи спрашивать панамъ, то и за этимъ не останавливаться, о государевомъ здоровьи говорить, грамоту вѣрящую подавать, посольство править; если будутъ ихъ на посольствѣ бранить или бить,—говоритъ одно, чтобъ дали посольство исправить, и ни зачѣмъ не останавливаться, самимъ не задирать и невѣжливыхъ словъ королю не говорить. Если паны станутъ говорить, чтобъ государя царемъ не писать, и за этимъ дѣло остановится, то посламъ отвѣчать: Государю нашему царское имя Богъ далъ, и кто у него отниметъ его? Государи наши не со вчерашнаго дня государи, извѣчные государи; а если государь вашъ не велѣлъ нашего государя царемъ писать, то государь нашъ для покоя христіанскаго не велѣлъ себя царемъ писать: все равно, какъ его ни напиши, во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь. Если же станутъ спрашивать, кто же это со вчерашняго дня государь?—отвѣчать: мы говоримъ про то, что нашъ государь не со вчерашняго

дня государь, а кто со вчерашняго дня государь, — тотъ самъ себя знаетъ. Если не захотятъ писать государя братомъ королю, то отвѣчать: государи наши извѣчные государи; государю нашему братья Турецкій цезарь и другіе великіе государи, и то нашему государю не важно, что съ вашимъ государемъ писаться братомъ, и если государь вашъ этого не хочетъ, то мы просто напишемъ безъ братства, что взяли перемирье государь съ государемъ. А если станутъ говорить, что въ перемирной грамотѣ написать такъ отъ имени короля: учинили мы тебя (царя) въ братствѣ, и въ дружбѣ, и въ любви,—то и за этимъ дѣло не останавлавать; если король не согласится писать царя Смоленскимъ, то согласиться и на это". Любопытно, что, соглашаясь на все, приказывая посламъ терпѣть все, Іоаннъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи уколоть Баторія, что онъ со вчерашняго дня государь.

Послы пріѣхали съ предложеніемъ королю всей Ливоніи, за исключеніемъ только четырехъ городовъ; но король не только попрежнему требовалъ всей Ливоніи, но прибавилъ еще новыя требованія: потребовалъ уступки Себежа и уплаты 400,000 золотыхъ венгерскихъ за военныя издержки. Это вывело изъ терпѣнія Іоанна. Послы отказались продолжать переговоры, просили дозволенія послать къ своему государю за новымъ наказомъ. Есть также извѣстіе, что послы дали знать ему о затруднительномъ положеніи Баторія, который потерялъ брата, князя Седмиградскаго, и могъ быть вовлеченъ, по этому случаю, въ большія хлопоты. Когда явился гонецъ Баторіевъ съ требованіемъ новаго наказа посламъ, то царь противъ королевскаго имени не всталъ, о здоровьи королевскомъ не спросилъ, потому что и король этого не дѣлалъ; гонцу не было поставлено скамьи, поминковъ у него не взяли, обѣдать не позвали, потому что Стефанъ король на кровопролитіе христіанское стоитъ безпрестанно. Іоаннъ отправилъ съ гонцомъ къ Стефану грамоту, начинавшуюся такими словами: „Мы смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, *по Божіему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію*". Изложивши условія мира, предложенныя послами, царь пишетъ: „Мы такого превозношенья не слыхали нигдѣ, и дивимся, что ты мириться хочешь, а паны твои такое безмѣрье говорятъ. Они говорили нашимъ посламъ, что тѣ пріѣхали торговать Лифляндскою Землею: наши послы торгуютъ Лифляндскою Землею; и это не хорошо; а это хорошо, что паны твои нами и нашими государствами играютъ, и въ гордости своей хотятъ того, чему нельзя статься: это не торговля, разговоръ! Когда на вашемъ государствѣ были прежніе государи христіанскіе, благочестивые, которые о кровопролитіи христіанскомъ жалѣли, тогда паны-рада съ нашими послами разговорныя рѣчи говаривали и многіе приговоры дѣлывали, чтобъ на обѣ стороны любо было. Съѣзжаются, бывало, много разъ, и побранятся, и опять помирятся, дѣлаютъ долго, не въ одинъ часъ. А теперь видимъ и слышимъ, что въ твоей Землѣ христіанство умаляется, потому твои паны-рада, не жалѣя христіанской крови, дѣлаютъ скоро". Укоривъ Баторія въ нарушеніи перемирія, заключеннаго его послами въ Москвѣ, Іоаннъ продолжаетъ: „Никогда этого не бывало; и если ты прежнихъ государей Польскихъ пишешь предками своими, то зачѣмъ по ихъ уложенью не ходишь? Ты пришелъ со многими землями и съ нашими измѣнниками, Курбскимъ, Заболоцкимъ, Тетеринымъ и другими; наши воеводы и люди противъ тебя худо бились, городъ Полоцкъ измѣною тебѣ отдали; а ты, идучи къ Полоцку, грамоту писалъ ко всѣмъ нашимъ людямъ, чтобъ они намъ измѣняли, а тебѣ съ городами поддавались, насъ за нашихъ измѣнниковъ карать хвалился; надѣешься не на воинство, на измѣну! Мы, не желая, чрезъ крестное цѣлованіе, начинать съ тобою войну, сами противъ тебя не пошли и людей большихъ не послали, а послали въ Соколъ немногихъ людей провѣдать про тебя. Но твой воевода Виленскій, пришедши подъ Соколъ со многими людьми, городъ сжегъ новымъ умышленьемъ, людей побилъ и мертвыми поругался беззаконно, чего и у невѣрныхъ не слыхано. Называешься государемъ христіанскимъ, а дѣла при тебѣ дѣлаются не по христіанскому обычаю. Христіанское ли то дѣло, что твои паны крови христіанской не жалѣютъ, а издержекъ жалѣютъ: если тебѣ убытокъ, такъ ты бы Заволочья не бралъ,—кто тебѣ объ этомъ челомъ билъ? Что это за миръ: казну у насъ взявши, обогатившись, насъ изубытчивши, на нашу же казну людей панявши, Землю нашу Лифляндскую взявши, наполнивши ее своими людьми, да немного погодя, собравшись еще сильнѣе прежняго, насъ же воевать и остальное отнять! Ясно, что хочешь безпрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебѣ и всю Лифляндію уступили, да вѣдь тебя этимъ не утѣшишь; и послѣ ты все-равно будешь кровь проливать. Вотъ и теперь, у прежнихъ пословъ просилъ одного, а у нынѣшнихъ просишь уже другого, Себежа; дай тебѣ это, ты станешь просить еще, и ни въ чемъ мѣры себѣ не поставишь. Мы ищемъ того, какъ бы кровь христіанскую унять, а ты ищешь того, какъ бы воевать; такъ зачѣмъ же намъ съ тобою мириться?—и безъ миру то же самое будетъ". Посламъ отправленъ былъ наказъ уступить королю завоеванные имъ русскіе города, но за то требовать въ Ливоніи Нарвы, Юрьева и 36 другихъ замковъ, и на такихъ только условіяхъ заключить перемиріе на шесть или на семь лѣтъ. Паны возразили, что эти условія новыя; послы отвѣчали, что такъ какъ король перемѣнилъ прежнія условія, то и царь сдѣлалъ то же, что другого имъ наказа нѣтъ, — и уѣхали на свое подворье. Переговоры кончились, Баторій выступилъ въ походъ, а къ Іоанну послалъ грамоту, наполненную ругательствами, называлъ его: Фараономъ московскимъ; волкомъ, вторгнувшимся къ овцамъ,

человѣкомъ, исполненнымъ яда, ничтожнымъ, грубымъ. „Для чего ты къ намъ не пріѣхалъ съ своими войсками",—пишетъ между прочимъ Баторій: для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ? и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!" Наконецъ Баторій вызываетъ Іоанна на поединокъ. Гонца, привезшаго эту грамоту, государь обѣдать не звалъ и корму вмѣсто стола дать ему не велѣлъ.

Передъ выступленіемъ въ походъ, Баторій созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, куда направить путь. Почти всѣ были того мнѣнія, что надобно идти ко Пскову, ибо овладѣніе этимъ городомъ предастъ въ руки королю всю Ливонію, за которую и ведется собственно война. Король и съ нимъ нѣкоторые воеводы были не прочь идти прямо къ Новгороду, ибо оттуда приходили вѣсти, что служилые люди готовы отложиться отъ Іоанна; но, съ другой стороны, было опасно, идя къ Новгороду, оставить за собой такой крѣпкій городъ, какъ Псковъ, гдѣ сосредоточены были почти всѣ силы непріятеля. Это соображеніе заставило Баторія согласиться съ большинствомъ и выступить ко Пскову. Каменныя стѣны крѣпости Острова не устояли противъ стрѣльбы,—и крѣпость сдалась. 26 августа польскія войска подошли ко Пскову, гдѣ начальствовали двое бояръ—князей Шуйскихъ, Василій Ѳедоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ, сынъ извѣстнаго воеводы Петра и внукъ Ивана, знаменитаго правителя въ малолѣтство Іоанново; Псковъ славился какъ первая крѣпость въ Московскомъ государствѣ: въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій главною заботою Псковичей было укрѣпленіе своего города, подверженнаго безпрестаннымъ нападеніямъ Нѣмцевъ; теперь обветшавшія укрѣпленія были возобновлены и городъ снабженъ многочисленнымъ нарядомъ (артиллеріею); войска, по иностраннымъ непріятельскимъ показаніямъ, было во Псковѣ до 7,000 конницы и до 50,000 пѣхоты, включая сюда тѣхъ обывателей, которые несли воинскую службу. Число осаждающихъ простиралось до 100,000. Король, обозрѣвши городъ и узнавши отъ плѣнныхъ о его средствахъ, увидалъ свою ошибку; увидалъ, что свѣдѣнія, полученныя имъ прежде о состояніи Пскова, были невѣрны. Онъ увидѣлъ прежде всего, что у него мало пѣхоты, что для приступа надобно было имѣть ея втрое болѣе, чѣмъ сколько было на самомъ дѣлѣ, и пороховыхъ запасовъ для осады такого города было недостаточно 1-го сентября осаждающіе начали свои работы, *копали борозды* (вели траншеи); 7 сентября открыли пальбу, 8—пробили стѣну и пошли на приступъ, который сначала былъ удаченъ: непріятель ворвался въ проломы, занялъ двѣ башни—Покровскую и Свиную—и распустилъ на нихъ свои знамена; осажденные потеряли духъ и начали уже отступать; но воевода, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, второй по мѣсту и первый по мужеству, угрозами, просьбами и слезами успѣлъ удержать ихъ съ одной стороны, а съ другой—сдѣлалъ то же Печерскій игуменъ Тихонъ, вышедшій къ нимъ на-встрѣчу съ иконами и мощами. Сопротивленіе возобновилось съ новою силою; осажденные взорвали Свиную башню, занятую Поляками, и согнали Венгровъ съ Покровской. Приступъ былъ отбитъ; осажденные потеряли 663 человѣка убитыми, 1,626 человѣкъ ранеными; осаждающіе же болѣе 5,000 человѣкъ убитыми, и въ томъ числѣ Гавріила Бекеша, искуснаго предводителя венгерскаго. Послѣ этого осаждающіе долго не могли ничего предпринять, ибо не было пороху; послали за нимъ къ герцогу Курляндскому, въ Ригу; привезли, но и тутъ попытки овладѣть городомъ остались тщетными, не удалась даже попытка овладѣть Печерскимъ монастыремъ; а между тѣмъ начались морозы, войско терпѣло большую нужду и волновалось, требовало прекращенія войны; но снять осаду Пскова и возвратиться на зиму домой,—значило погубить дѣло, и Баторій, во что бы то ни стало, рѣшился оставить войско зимовать подъ Псковомъ. Дѣло было чрезвычайно трудное, но у короля былъ Замойскій! Главною заботою послѣдняго было введеніе дисциплины въ войскѣ, причемъ самое сильное препятствіе встрѣчалъ онъ въ молодыхъ панахъ и шляхтѣ, привыкшихъ къ своеволію; но Замойскій не смотрѣлъ ни на что: чѣмъ знатнѣе былъ преступникъ, тѣмъ, по его мнѣнію, строже долженствовало быть наказаніе; такъ, онъ держалъ въ оковахъ дворянина королевскаго, поступившаго вопреки воинскому уставу, и не выпускалъ его, несмотря на просьбы цѣлаго войска; предъ цѣлымъ войскомъ выставлялъ на позоръ своевольныхъ шляхтичей. Въ нужныхъ случаяхъ наказывалъ тѣлесно, вѣшалъ преступниковъ, строго наказывалъ также женщинъ, осмѣливавшихся пробираться въ обозъ. Легко понять, какую ненависть возбудилъ противъ себя Замойскій такимъ поведеніемъ; кричали: „Онъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ только, что за книгами сидѣлъ, въ италіанскихъ школахъ учился, военнаго дѣла не смыслитъ, совѣтуетъ королю упорно держаться подъ Псковомъ, и этимъ совѣтомъ все войско сгубитъ!" Безсмысленная шляхта укоряла Замойскаго за ученость; а самъ Замойскій признавался, что наука сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, повторяя съ гордостію: Patavium virum me fecit (Падуа, Падуанскій университетъ, сдѣлалъ меня человѣкомъ). Кричали, что Замойскій покинетъ войско подъ Псковомъ на жертву голоду и холоду, а самъ уѣдетъ съ королемъ на сеймъ подъ предлогомъ исполненія канцлерскихъ обязанностей; король уѣхалъ, но Замойскій остался при войскѣ. Кромѣ Пскова, военныя дѣйствія происходили на верхней Волгѣ, въ Ливоніи, въ Новгородской области. Къ Волгѣ пробрались Христофъ Радзивилъ, Филонъ Кмита и Гарабурда, но далеко не пошли, боясь сильныхъ полковъ царскихъ; важнѣе были наступительныя движенія Шведовъ: они взяли Лоде, Фиккель, Ле-

саль, Гапсаль, Нарву, гдѣ пало 7,000 русскихъ, Виттенштейнъ: наконецъ Делагарди перенесъ войну и на русскую почву, взялъ Ивангородъ, Яму, Копорье. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда царь рѣшился начать снова мирные переговоры съ Баторіемъ, причемъ посредникомъ явился папскій посолъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ.

Въ 1550 году Шлиттъ, котораго Іоаннъ отправилъ въ Германію для вызова ученыхъ и художниковъ, самовольно возбудилъ въ императорѣ и папѣ надежду на присоединеніе Московскаго государства къ Римской церкви, и папа Юлій III назначилъ-было уже посольство къ государю съ предложеніемъ королевскаго титула, за что царь долженъ былъ поклясться въ повиновеніи апостольскому престолу. Въ 1561 году папа Пій IV предлагалъ Іоанну отправить пословъ своихъ на Тридентскій соборъ. На всѣ эти предложенія не обращалось вниманія въ Москвѣ; но когда Баторій сталъ грозить опасною войной, то Іоаннъ отправилъ къ папѣ Григорію XIII посла съ грамотою, въ которой жаловался на Баторія, *посаженника* султанова, и объявлялъ желаніе быть съ папой и императоромъ въ любви и согласіи на всѣхъ недруговъ. Григорій воспользовался случаемъ и отправилъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, въ наказѣ которому говорилось: „Пріобрѣтя расположеніе и довѣренность государя Московскаго, приступайте къ дѣлу, внушайте какъ можно искуснѣе мысль о необходимости принять католическую религію, признать главою Церкви первосвященника Римскаго, признаваемаго таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; наводите царя на мысль, какъ неприлично такому великому государю признавать митрополита Константинопольскаго, который не есть законный пастырь, но симоніанъ и рабъ Турокъ; что гораздо лучше и славнѣе для него будетъ, если онъ, вмѣстѣ съ другими государями христіанскими, признаетъ главою Церкви первосвященника Римскаго: съ этою цѣлію возьмите съ собою изложеніе вѣры, составленное на Тридентскомъ соборѣ, въ греческомъ переводѣ; такъ какъ, быть можетъ, монахи или священники московскіе, частію по грубости своей и отвращенію къ Латинской церкви, частію изъ опасенія потерять свое значеніе, будутъ противиться нашему благочестивому намѣренію и употребятъ всѣ усилія, чтобъ не допустить государя оставить Греческую вѣру, то старайтесь всѣми силами пріобрѣсть ихъ расположеніе; болѣе всего старайтесь пріобрѣсти свѣдѣнія обо всемъ, касающемся вѣры этого народа. Внушайте государю, какія великія слѣдствія будетъ имѣть союзъ христіанскихъ государствъ противъ Турокъ: внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгодъ; что ему, какъ сосѣднему и могущественнѣйшему владѣтелю, должны будутъ достаться многія страны турецкія. Вы должны узнать подробно о количествѣ и качествѣ военныхъ силъ московскихъ, сколько, пѣхоты, конницы, съ какой стороны государь Московскій думаетъ лучше напасть на Турокъ; нѣтъ ли какого сосѣдняго народа, съ которымъ бы можно было вступить въ союзъ. Но послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ, воспламенивши желанія государя къ славнымъ подвигамъ, вы обратитесь опять къ главному—къ духовному союзу. Если встрѣтите затрудненія, не теряйте духа, дѣлайте что можете; употребите всѣ средства, чтобъ получить отъ вашего посольства хотя какой-нибудь плодъ. Вы должны испросить позволеніе на постройку одной или нѣсколькихъ католическихъ церквей къ Москвѣ для тѣхъ католиковъ, которые будутъ пріѣзжать по торговымъ дѣламъ: объясните, что иначе никогда не установятся торговыя сношенія съ католическими народами“. Другого рода наказъ данъ былъ царемъ приставу, который отправлялся встрѣтить и провожать Поссевина: „Если посолъ станетъ задирать и говорить о вѣрѣ Греческой или Римской, то приставу отвѣчать: грамотѣ не учивался, да не говорить ничего про вѣру“.

18 августа пріѣхалъ Поссевинъ къ Іоанну въ Старицу. Между прочими дарами, папа прислалъ царю съ Антоніемъ книгу о Флорентійскомъ соборѣ, и писалъ: „Посылаю твоему величеству книгу о Флорентійскомъ соборѣ печатную; прошу, чтобъ ты ее самъ читалъ и своимъ докторамъ приказалъ читать: великую отъ того Божію милость и мудрость, и разумъ получишь; а я отъ тебя только одного хочу, чтобъ святая и апостольская Церковь съ тобою въ одной вѣрѣ была, а все прочее твоему величеству отъ насъ и отъ всѣхъ христіанскихъ государей будетъ готово“. Поссевинъ, заѣзжавшій къ Баторію, объявилъ, что послѣдній не хочетъ мириться безо всей Ливоніи; пересказывалъ собственныя слова Баторія: „Если государь Московскій“, говорилъ король, „не хочетъ уступить мнѣ малыхъ городковъ ливонскихъ, то я пойду къ которому-нибудь большому его городу, къ Пскову или къ Новгороду, и только возьму одинъ который-нибудь большой городъ, то всѣ нѣмецкіе города будутъ мои“. — „И я“, говорилъ Поссевинъ: какія рѣчи у короля слышалъ, тѣ государю и объявляю, а что государь мнѣ объявитъ, то я Стефану королю объявлю, а хочу свою душу и голову отдать за государскую милость“.—Исполняя наказъ, Антоній просилъ, чтобъ позволено было построить въ Москвѣ католическую церковь для купцовъ венеціанскихъ; говорилъ о необходимости союза всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ, но давалъ знать, что союзъ этотъ не можетъ быть крѣпокъ, если всѣ государи не будутъ принадлежать къ одному исповѣданію. Уговаривая Іоанна къ соединенію съ Римомъ, Поссевинъ говорилъ: „Къ царствамъ и богатствамъ, которыхъ у тебя много, къ славѣ той, которую ты пріобрѣлъ расширеніемъ Земли своей, прибавь славу единенія съ вѣрою апостольскою,—и тогда великое множество небеснаго благословенія получишь“. Царь отвѣчалъ: „Мы никогда не желали и не хотимъ, чтобъ кровопролитіе

въ христіанствѣ было; и Божіимъ милосердіемъ отъ младенчества нашего чрезъ много лѣтъ кровопролитіе въ христіанствѣ не велось. Но ненавидящій добра врагъ съ своими сосудами ввелъ въ Литовской Землѣ новую вѣру, что называется Лютеръ Мартынъ; въ нашихъ странахъ эта вѣра сильно распространилась; и какъ это ученіе утвердилось, такъ въ христіанствѣ и кровопролитіе началось, а какъ и которымъ обычаемъ началось и почему между нами и Стефаномъ королемъ недружба стала,—мы тебѣ объ этомъ послѣ скажемъ; а теперь извѣщаемъ тебѣ, какъ намъ быть въ дружбѣ и въ любви съ папою и цесаремъ Рудольфомъ. Что наивышній папа Григорій хочетъ между всѣми нами государями христіанскими мирное постановленіе утвердить, то намъ пріятельно и любительно. Его пресвѣтлѣйшеству опасную грамоту даемъ, что посламъ его къ намъ пріѣхать и отъѣхать добровольно; а дѣти наши въ нашей волѣ: Иванъ сынъ еще государскимъ именемъ не почтенъ, а Ѳедоръ еще не въ томъ возрастѣ, чтобъ могъ съ нами государствомъ править, и потому ихъ въ опасную грамоту писать не нужно, тѣмъ болѣе что наше слово ни отъ кого превратно не будетъ: у насъ не такъ, какъ въ другихъ государствахъ, — дѣти, братья и вельможи превращаютъ слово государево. Венеціанамъ въ наше государство пріѣзжать вольно съ попами и со всякими товарами, а церквамъ Римскимъ въ нашемъ государствѣ быть не пригоже, потому что до насъ этого обычая здѣсь не бывало, и мы хотимъ по старинѣ держать". Затѣмъ Іоаннъ приступилъ къ главному дѣлу; отпуская Пассевина быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, Іоаннъ объявилъ ему условія, на которыхъ можетъ помириться съ королемъ: царь уступалъ послѣднему 66 городовъ въ Ливоніи, кромѣ того русскіе города: Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, а за собою оставлялъ 35 городовъ ливонскихъ. Объясняя свои права на Ливонію, Іоаннъ говорилъ: „Паны радные говорятъ, что еслибъ Ливонія была изстари нашею, то предки наши съ нею перемирія не заключали бы; эта Земля была особная, а у насъ была вотчиною *въ прикладъ*, жили въ ней все нѣмецкіе люди, а писали перемирныя грамоты съ нашими вотчинами, Новгородомъ и Псковомъ, по нашему желанію, какъ мы имъ велимъ, точно такъ, какъ мужики волостные между собою записи пишутъ, какъ имъ торговать, а не такъ, какъ государи между собою перемирныя грамоты пишутъ: Лифляндія была нашею прикладною вотчиною точно такъ, какъ у Стефана короля Пруссія: пишется онъ Прусскимъ, а въ Пруссіи свой князь. Ты говоришь, чтобъ намъ обратить всѣ свои силы на Турецкаго; но какъ намъ это сдѣлать, пока между нами и Стефаномъ королемъ не будетъ мира? Мы велѣли посламъ своимъ поступаться; но онъ ни въ чемъ мѣры не знаетъ. Онъ проситъ у насъ денегъ за убытки: онъ же насъ воюетъ, намъ же ему убытки платить; такъ не ведется и въ бусурманскихъ государствахъ; а кто его заставлялъ убытчиться? Удивляемся, какъ это Стефанъ король дѣлаетъ, что ни въ какихъ государствахъ не ведется; уцѣпится за которое дѣло, да и хочетъ на своемъ поставить. Стефанъ король тебѣ говорилъ, что не хочетъ съ нами мириться до тѣхъ поръ, пока не отдамъ ему обѣщанной Земли; но этому какъ статься? Хотя бы ему и уступили Ливонію, но впередъ миру не будетъ же! Онъ и такъ на насъ всю Италію (т.-е. Западную Европу) поднялъ. Недавно къ намъ привели плѣнника, Французскаго человѣка: ясно, что онъ на насъ всю Италію поднялъ. Тутъ которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко?—добро то миръ, чтобъ на обѣ стороны ровно было. Да и потому намъ нельзя уступить королю всей Лифляндской Земли: если намъ ее всю уступить, то намъ не будетъ ссылки ни съ папою, ни съ цесаремъ, ни съ какими другими государями италійскими и съ поморскими мѣстами, развѣ только когда король Польскій захочетъ пропустить нашихъ пословъ. Король называетъ меня Фараономъ и проситъ у меня 400,000 червонцевъ; но Фараонъ Египетскій никому дани не давалъ".

Касательно соединенія съ Римскою церковію, Іоаннъ отвѣчалъ Поссевину: „Мы тебя теперь отпускаемъ къ Стефану королю за важными дѣлами наскоро; а какъ будешь у насъ отъ короля Стефана, тогда мы тебѣ дадимъ знать о вѣрѣ". Но для Пассевина самымъ важнымъ дѣломъ было дѣло о соединеніи церквей, а потому, получивъ такой неудовлетворительный для себя отвѣтъ, мало надѣясь отъ будущаго свиданія и переговоровъ съ царемъ уже по рѣшительному отказу насчетъ построенія католической церкви, Поссевинъ не могъ быть безпристрастнымъ посредникомъ при мирныхъ переговорахъ: онъ видѣлъ явную выгоду для Римской церкви въ томъ, чтобъ вся Ливонія была за королемъ Польскимъ, ибо, при помощи послѣдняго, легко было возстановить здѣсь падшій католицизмъ. Въ одной изъ записокъ Поссевина, хранящейся въ Ватиканскомъ архивѣ, говорится: „Есть надежда, что, при помощи Божіей, оказанной католичнѣйшему королю, вся Ливонія скоро отойдетъ къ Польшѣ, и тогда не должно упускать случая къ возстановленію здѣсь католической религіи, при королѣ, который среди заботъ военныхъ не оставляетъ святыхъ мыслей о поддержаніи и распространеніи истинной вѣры. Кромѣ того, на Руси, въ Подолѣ, Волыни, Литвѣ и Самогитіи жители упорно держатся Греческаго исповѣданія, хотя имѣютъ господъ католиковъ. Сенатъ, и особенно король, подозрѣвающій ихъ вѣрность, желаетъ обратить ихъ въ католицизмъ, ибо найдено, что жители этихъ областей, по приверженности къ своимъ единовѣрцамъ, Москвичамъ, публично молятся о дарованіи имъ побѣды надъ Поляками". Вотъ почему главнымъ стараніемъ Поссевина, по пріѣздѣ къ королю, было убѣдить Іоанна, что Стефанъ, несмотря на неудачу подъ Псковомъ, рѣшился во что бы то ни стало овладѣть этимъ городомъ, если царь не поспѣшитъ

заключитъ миръ съ уступкою всей Ливоніи. Тогда Іоаннъ съ сыномъ и съ боярами приговорилъ: „Теперь, по конечной неволѣ, смотря по нынѣшнему времени, что Литовскій король со многими землями и Шведскій король стоять заодно, съ Литовскимъ бы королемъ помириться на томъ: ливонскіе бы города, которые за государемъ, королю уступить, а Луки Великія и другіе города, что король взялъ, пусть онъ уступитъ государю; а помирившись съ королемъ Стефаномъ, стать на Шведскаго, для чего тѣхъ городовъ, которые Шведскій взялъ, а также и Ревель, не писать въ перемирныя грамоты съ королемъ Стефаномъ". Уполномоченными для веденія переговоровъ назначены были князь Елецкій и печатникъ Алферьевъ; имъ данъ былъ наказъ держаться за Ливонію до послѣдней крайности. Чтобъ склонить Поссевина на свою сторону, они должны были сказать ему: „Если государь нашъ уступитъ всю Ливонію и не будетъ у него пристаней морскихъ, то ему нельзя будетъ ссылаться съ папою, цесаремъ и другими поморскими государями, нельзя будетъ ему войти съ ними въ союзъ противъ бусурманскихъ государей,—какой же это миръ?" Послы должны были заключить перемиріе на 12 лѣтъ; если же литовскіе послы никакъ не согласятся на перемиріе, то заключить вѣчный миръ.

Въ декабрѣ 1581 года, въ деревнѣ Киверова Гора, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма, начались мирные переговоры; со стороны короля уполномоченными были: Янушъ Збаражскій, князь Альбрехтъ Радзивилъ и секретарь великаго княжества Литовскаго, Гарабурда. Когда московскіе послы начали требовать части Ливоніи, то паны отвѣчали имъ: „Что вы ни говорите, а государю нашему безъ Лифляндской Земли не помириться: вы, какъ видно, присланы говорить, а не дѣлать; мы не хотимъ торговать Лифляндскою Землею; намъ государь велѣлъ все окончить въ три дня, и потому вы съ нами говорите раньше, а намъ безо всей Лифляндской Земли не мириться,—ни одной пяди не уступимъ". Они, пишутъ послы, хотѣли разъѣхаться и прервать переговоры, но Антоній ихъ уговаривалъ и ворочалъ не одинъ разъ. Заключили перемиріе на 10 лѣтъ, отъ 6 января 1582 года, на условіяхъ, на которыя, какъ мы видѣли, рѣшился царь въ совѣтѣ съ сыномъ и боярами. Сдѣлавши главное дѣло, стали спорить о титулахъ и выраженіяхъ въ договорной грамотѣ. Московскіе послы хотѣли писать своего государя царемъ; Поссевинъ возражалъ, что король не можетъ дать ему этого титула безъ повелѣнія папы. „Уговорить пановъ и Антонія никакъ было нельзя", пишутъ послы: „Антоній стоитъ съ панами заодно". Вслѣдствіе чего положили написать Іоанна царемъ, государемъ Лифляндскимъ и Смоленскимъ только въ московской грамотѣ. Въ договорѣ упоминалось о Поссевинѣ, какъ послѣ папы Григорія XIII; Поссевинъ, услыхавъ это выраженіе:—„папы Григорія XIII", закричалъ съ сердцемъ: „Государь вашъ пишетъ папу, какъ простого попа, а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христіанства". Когда московскіе послы хотѣли написать, что царь *уступаетъ* королю Курляндію и Ливонію, то Поссевинъ опять сталъ кричать: „Вы пришли воровать, а не посольствовать!" У Алферьева вырвалъ изъ рукъ грамоту, кинулъ ее въ двери, князя Елецкаго взялъ за воротникъ за шубу, перевернулъ, пуговицы оборвалъ и кричалъ: „Подите отъ меня изъ избы вонъ, я съ вами не стану ничего говорить!" Послѣ этой сцены посламъ дали знать, чтобъ они сбирались домой, что переговоры кончились; тогда они, по конечной неволѣ, собрались написать, что царь уступаетъ тѣ города въ Ливоніи, которые еще за нимъ, а не тѣ, которые уже завоеваны Поляками.

Узнавши о заключеніи перемирія, царь велѣлъ отпустить королевскаго гонца, который привезъ упомянутую бранчивую грамоту; сначала-было этому гонцу дали отвѣтную грамоту также бранчивую; но теперь ее у него взяли и дали другую, въ которой царь писалъ: „Прислалъ ты къ намъ грамоту, и въ ней писалъ многія укорительныя и жестокія слова; слова бранныя между нами были прежде, а теперь между нами мирное постановленіе, и намъ, государямъ великимъ, о такихъ дѣлахъ бранныхъ, которыя гнѣвъ воздвигаютъ, писать непригоже". Въ іюнѣ 1582 года пріѣхали въ Москву литовскіе послы, князь Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора, и вытребовали новое обязательство, чтобъ царь не воевалъ Эстоніи въ продолженіи десяти лѣтъ. Приставамъ посольскимъ давался такой наказъ: „Если послы станутъ хвалиться, что король у государя много городовъ взялъ и королевскіе люди Землю государеву во многихъ мѣстахъ воевали, и нигдѣ королю и его людямъ отъ государя встрѣчи не было, то отвѣчать: вы на ту уступчивость не смотрите, сколько городовъ государь нашъ уступилъ Стефану королю въ своей вотчинѣ, въ Лифляндской Землѣ; а вамъ этимъ хвастаться нечего,—то дѣло Божіе, на одной мѣрѣ не стоитъ, а безмѣрнаго и гордаго Богъ смиряетъ, на смиреннаго же призираетъ. Намъ объ этомъ теперь говорить не надобно,—то все въ Божіей рукѣ; но теперь о томъ говорить пригоже, чтобъ между государями были братство и любовь и христіанству покой, а также безмѣріе пригоже оставлять". Между тѣмъ, непріязненныя дѣйствія по границамъ продолжались: Витебскій воевода Пацъ поставилъ городъ въ Велижской волости, на устьи рѣки Межи, на важномъ мѣстѣ, гдѣ искони шелъ водный путь изъ Смоленска и Бѣлой къ Лукамъ и Торопцу. Царь послалъ жаловаться на это королю, впрочемъ наказалъ посламъ: если король захочетъ разорвать миръ изъ-за Велижской волости, то стоять за нее накрѣпко; но въ конечной неволѣ уступить всю Велижскую волость въ королевскую сторону. Король велѣлъ сломать городокъ, поставленный Пацемъ, и вообще принималъ московскихъ пословъ очень ласково. Причиною тому были непріятности, встрѣченныя на сеймѣ, враждебныя

столкновенія съ Швеціею за Эстонію, наконецъ угрозы Крымскаго хана и султана, озлобленныхъ нападеніями Малороссійскихъ казаковъ. Антоній Поссевинъ, пріѣхавши въ Москву по заключеніи мира, говорилъ Іоанну: „Король Стефанъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ желаетъ Московской Землѣ прибытка, а не завладѣть ею хочетъ: онъ хочетъ, чтобъ всякимъ московскимъ торговымъ людямъ былъ вольный проѣздъ чрезъ его земли, а литовскимъ людямъ точно такъ же во всѣ Московскія земли, чтобъ оба государства всякими прибытками полнились. Король Стефанъ хочетъ идти на Перекопскаго, чтобъ тотъ впередъ христіанской крови не разливалъ, говоритъ: „Перекопскій съ обоихъ насъ, государей, беретъ деньги, а наши земли воюетъ безпрестанно, и Стефанъ король пойдетъ на него съ одной стороны, а съ другой—пошелъ бы на него государь Московскій или рать свою послалъ. Когда король самъ пойдетъ на Перекопскаго, то государь прислалъ бы къ нему въ обозъ человѣка добраго посмотрѣть, какъ онъ пойдетъ противъ Перекопскаго мстить за кровь христіанскую. „А что мы теперь съ обѣихъ сторонъ даемъ Перекопскому деньги, то лучше эти деньги отдать своимъ людямъ и защитить христіанство отъ бусурманъ. Королевскимъ бы людямъ ходить противъ Перекопскаго чрезъ государеву Землю, какъ по своей Землѣ, а государевымъ людямъ ходить чрезъ королевскую Землю, по водѣ и по суху, какъ по своей Землѣ; чтобы между государями было все заодно“. Король говорилъ также Антонію, что онъ, Стефанъ, на государствѣ пришлецъ, ни Полякъ, ни Литвинъ, родомъ Венгерецъ, пришелъ онъ на то, чтобъ правду и любовь сыскать, а христіанство освободить отъ басурманъ, чтобъ при его государствованіи не было отъ Перекопскаго разлитія крови христіанской“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Намъ теперь нельзя послать рать свою на Перекопскаго, потому что наши люди истомилися отъ войны съ королемъ Стефаномъ, да и потому, что послы наши писали изъ Крыма о мирѣ, который они заключили съ ханомъ. Мы не знаемъ еще, на какихъ условіяхъ заключенъ этотъ миръ, и если король хочетъ стоять съ нами заодно на бусурманъ, то онъ бы приказалъ объ этомъ съ своими послами“

Послѣ этого Поссевинъ сталъ просить позволенія говорить съ царемъ наединѣ о вѣрѣ; Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ тобой говорить готовы, только не наединѣ,—намъ безъ ближнихъ людей какъ быть? Да и то поразсуди: ты, по наказу наивышняго папы и своею службою, между нами и Стефаномъ королемъ мирное постановленіе заключилъ, и теперь между нами, далъ Богъ, христіанство въ покоѣ; а если мы станемъ говорить о вѣрѣ, то каждый по своей вѣрѣ ревнитель, каждый свою вѣру будетъ хвалить,—пойдетъ споръ, и мы боимся, чтобъ отъ того вражда не воздвиглась“. Антоній настаивалъ, говорилъ, что брани быть не можетъ при разговорѣ о вѣрѣ: „Ты государь великій, а мнѣ, наименьшему вашему подданному, какъ бранныя слова говорить? Папа Григорій XIII, сопрестольникъ Петра и Павла, хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быть въ соединеніи вѣры, а вѣра Римская съ Греческою одна. Папа хочетъ, чтобъ во всемъ мірѣ была одна Церковь: мы бы ходили въ Греческую, а Славяне Греческой вѣры приходили бы въ наши церкви. Если греческія книги не сполна въ твоемъ государствѣ переведены, то у насъ есть подлинныя греческія книги, Іоанна Златоустаго собственноручныя и другихъ великихъ святителей. Ты будешь съ папою, цесаремъ и другими государями въ любви, и будешь не только на прародительской вотчинѣ на Кіевѣ, но и въ Царь-градѣ государемъ будешь; папа, цесарь и всѣ государи о томъ будутъ стараться“. Іоаннъ говорилъ: „Намъ съ вами не сойтись о вѣрѣ; наша вѣра христіанская съ издавнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а Римская церковь сама по себѣ; мы въ христіанской вѣрѣ родились и Божіею благодатію дошли до совершеннаго возраста,—намъ уже пятьдесятъ лѣтъ съ годомъ, намъ уже не для чего перемѣняться и на большое государство хотѣть; мы хотимъ въ будущемъ принять малое, а въ здѣшнемъ мірѣ и цѣлой вселенной не хотимъ, потому что это къ грѣху поползновеніе; намъ, мимо своей вѣры истинной, христіанской, другой вѣры хотѣть нечего. Ты говоришь, что ваша вѣра Римская съ Греческою одна; но мы держимъ вѣру истинную христіанскую, а не Греческую; Греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Еѳіопіи предваритъ рука ея къ Богу, а Еѳіопія все равно, что Византія; Византія же просіяла въ христіанствѣ, потому и Греческая слыветъ вѣра; а мы вѣру истинную христіанскую исповѣдуемъ, и съ нашею вѣрою христіанскою Римская вѣра во многомъ не сойдется; но мы объ этомъ говорить не хотимъ, чтобъ не было сопротивныхъ словъ. Да намъ на такое великое дѣло и дерзнуть нельзя безъ благословенія отца нашего и богомольца митрополита и всего освященнаго собора. Ты, Антоній, хочешь говорить; но ты за тѣмъ отъ папы присланъ, а самъ ты попъ, такъ ты и смѣло говоришь“.

Поссевинъ продолжалъ настаивать и увѣрять, что брани никакой не будетъ. Іоаннъ началъ опять говорить: „Мы о большихъ дѣлахъ говорить съ тобою не хотимъ, чтобъ тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло,—у тебя борода подсѣчена; а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно не только попу, но и мірскимъ людямъ; ты въ Римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь; и ты намъ скажи, отъ кого ты это взялъ, изъ котораго ученья?“ Поссевинъ отвѣчалъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ. Іоаннъ продолжалъ: „Сказывалъ намъ нашъ паробокъ, который былъ посланъ въ Римъ, что папу Григорія носятъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ, и вотъ первое, въ чемъ нашей вѣрѣ христіанской съ Римскою будетъ разница: въ нашей вѣрѣ крестъ Христовъ на враговъ побѣда, чтимъ его, у насъ не водится крестъ ниже пояса носить“. Поссевинъ отвѣчалъ: „Папу достойно величать,—онъ

глава христіанъ, учитель всѣхъ государей, сопрестольникъ апостола Петра, Христова сопрестольника. Вотъ и ты, государь великій, и прародитель твой былъ на Кіевѣ великій князь Владиміръ,—и васъ, государей, какъ намъ не величать и не славить и въ ноги не припадать". Тутъ Поссевинъ поклонился царю въ ноги низко. Но это не произвело благопріятнаго впечатлѣнія; Іоаннъ отвѣчалъ: „Говоришь про Григорія папу слова хвастливыя, что онъ сопрестольникъ Христу и Петру апостолу; говоришь это, мудрствуя о себѣ, а не по заповѣдямъ Господнимъ; вы же не нарицайтеся учителіе и проч. Насъ пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ всѣмъ, апостольскимъ ученикамъ, должно смиренье показывать, а не возноситься превыше царей гордостію. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако; тѣ, которые его носятъ, не ангелы; папѣ Григорію не слѣдуетъ Христу уподобляться и сопрестольникомъ ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не слѣдуетъ же; который папа по Христову ученію, по преданію апостоловъ и прежнихъ папъ—отъ Сильвестра до Адріана—ходитъ, тотъ папа сопрестольникъ этимъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа волкъ, а не пастырь". Поссевинъ сказалъ на это: „Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить", и замолчалъ.

Видя неудачу въ главномъ намѣреніи, іезуитъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, достигнуть двухъ цѣлей, могшихъ, по его мнѣнію, содѣйствовать мало-по-малу сближенію Русскихъ съ Западною церковію: онъ настаивалъ, чтобъ католикамъ позволено было имѣть свою церковь въ Москвѣ, и чтобъ царь отпустилъ нѣсколько молодыхъ русскихъ людей въ Римъ, для изученія латинскаго языка. Но и этого достигнуть не могъ; царь отвѣчалъ: „Теперь въ скорости такихъ людей собрать нельзя, которые бы къ этому дѣлу были годны; и какъ, дастъ Богъ, наши приказные люди такихъ людей наберутъ, то мы ихъ къ папѣ пришлемъ. А что ты говорилъ о Венеціанахъ, то имъ вольно пріѣзжать въ наше государство и попамъ ихъ съ ними, только бы они ученія своего между русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили; пусть каждый останется въ своей вѣрѣ; въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ; мы ни у кого воли не отымаемъ, живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ; а церквей иновѣрныхъ до сихъ поръ еще въ нашемъ государствѣ не ставливали". Поссевинъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царскимъ гонцомъ; въ грамотѣ, отправленной къ папѣ, Іоаннъ писалъ: „Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего Антонія съ великою любовію приняли; мы хотимъ быть въ братствѣ съ тобою, цесаремъ и съ другими христіанскими государями, чтобъ христіанство было освобождено изъ рукъ мусульманскихъ и пребывало въ покоѣ. Когда ты обошлешься съ цесаремъ и со всѣми христіанскими государями и когда ваши послы у насъ будутъ, то мы велимъ своимъ боярамъ договоръ учинить, какъ пригоже. Прислалъ ты къ намъ съ Антоніемъ книгу о Флорентійскомъ соборѣ, и мы ту книгу у посла твоего велѣли взять; а что ты писалъ къ намъ и посолъ твой устно говорилъ намъ о вѣрѣ, то мы объ этомъ съ Антоніемъ говорили". Гонцу было написано; „Если папа или его совѣтники станутъ говорить: Государь вашъ папу назвалъ волкомъ и хищникомъ, то отвѣчать, что имъ слышать этого не случилось".

Мы видѣли, что Іоаннъ рѣшилъ на боярскомъ совѣтѣ помириться съ Баторіемъ для того, чтобъ свободнѣе было наступить на Шведа, отнять у него завоеванные имъ города и Ревель, слѣдовательно въ Эстоніи вознаградить себя за потерю Ливоніи. Русскія войска имѣли успѣхъ въ одномъ дѣлѣ съ Шведами,—двукратный приступъ послѣднихъ къ Орѣшку былъ отбитъ; но когда, въ началѣ 1583 года, Делагарди приготовился опять вступить въ русскія владѣнія, новгородскіе воеводы предложили ему миръ; уполномоченные для переговоровъ съѣхались на рѣку Плюсу въ маѣ мѣсяцѣ и заключили перемиріе только на два мѣсяца; потомъ съѣхались снова въ августѣ и заключили его на три года съ условіемъ, чтобъ у обоихъ государствъ осталось то, чѣмъ владѣли до сихъ поръ; вслѣдствіе этого, за Шведами остались русскіе города: Ямъ, Ивангородъ, Копорье. Это поспѣшное заключеніе перемирія со Шведами объясняется непрочностью съ Польшею и особенно опаснымъ возстаніемъ Луговой Черемисы въ Казанской области. Но, принимая въ соображеніе и эти причины, можно однако съ достовѣрностію положить, что главною причиною была потеря въ Іоаннѣ надежды получить какой-либо успѣхъ въ войнѣ съ европейскими народами до тѣхъ поръ, пока Русскіе не сравняются съ ними въ искусствѣ ратномъ; защита Орѣшка не могла внушить царю надежды, что легко будетъ взять у Шведовъ Нарву и Ревель, притомъ онъ обязался уже передъ Баторіемъ не воевать Эстоніи.

Что Іоаннъ не оставлялъ мысли о возвращеніи Прибалтійскихъ береговъ, но былъ убѣжденъ, что достигнуть этого можно было только въ союзѣ съ какимъ-нибудь европейскимъ государствомъ, которое бы снабдило Россію плодами западнаго искусства,—это всего яснѣе видно изъ переговоровъ Іоанна съ Елисаветою, королевою Англійскою. Еще въ 1569 году Іоаннъ тайнымъ образомъ, чрезъ англійскаго агента Дженкинсона, переслалъ Елисаветѣ слѣдующія предложенія: царь требуетъ, чтобъ королева была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ и—наоборотъ, царь обязывается этимъ же самымъ относительно королевы. Англія и Россія должны быть во всѣхъ дѣлахъ заодно. Король Польскій недругъ царю и королевѣ: прошлымъ лѣтомъ былъ захваченъ лазутчикъ его съ письмами на имя англійскихъ купцовъ въ Россіи, гдѣ написано: „Я, Сигизмундъ, король Польскій, прошу васъ,

англійскихъ купцовъ, слугъ моихъ вѣрныхъ, помогать подателю этого письма и оказывать помощь русскимъ моимъ друзьямъ, какъ деньгами, такъ и всякими другими способами". Царь сначала былъ этимъ сильно оскорбленъ: но потомъ лазутчикъ признался, что письма были подосланы нарочно для возбужденія негодованія царя противъ Англичанъ и разорванія дружбы между нимъ и королевою, и также для заподозрѣванія сановниковъ царскихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого, царь проситъ королеву соединиться съ нимъ заодно противъ Поляковъ и запретить своему народу торговать съ подданными короля Польскаго. Царь проситъ, чтобъ королева позволила пріѣзжать къ нему мастеровымъ, умѣющимъ строить корабли и управлять ими, позволила вывозить изъ Англіи въ Россію всякаго рода артиллерію и вещи, необходимыя для войны. Царь проситъ убѣдительно, чтобы между нимъ и королевою учинено было клятвенное обѣщаніе такого рода: если бы кто-нибудь изъ нихъ, по несчастію, принужденъ былъ оставить свою Землю, то имѣетъ право пріѣхать въ сторону другого для спасенія своей жизни, будетъ принятъ съ почетомъ и можетъ жить тамъ безъ страха и опасности, пока бѣда минуетъ и Богъ перемѣнитъ дѣла. Это обязательство должно хранить въ величайшей тайнѣ.

Елисаветѣ, разумѣется, не было никакой выгоды входить въ такой тѣсный союзъ съ царемъ и втягиваться въ его войны съ сосѣдями: она длила время и наконецъ отвѣчала уклончиво и неопредѣленно, что не будетъ позволять, чтобъ какое-нибудь лицо или государь вредилъ Іоанну или его владѣніямъ, не будетъ позволять этого въ той мѣрѣ, какъ по возможности или справедливости ей можно будетъ благоразумно этому воспрепятствовать; но противъ общихъ враговъ обязывалась дѣйствовать оборонительно и наступательно. Принятіе царя и семейства его въ Англіи и содержаніе съ почетомъ было обѣщано. Іоаннъ разсердился и велѣлъ написать Елисаветѣ грамоту (въ октябрѣ 1570 года): „Ты то дѣло отложила на сторону, а дѣлали съ нашимъ посломъ твои бояре все о торговыхъ дѣлахъ. И мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такія дѣла и хотѣли съ тобой дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о частяхъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая (обыкновенная) дѣвица. И коли ужъ такъ, и мы тѣ дѣла оставимъ на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государскія головы и нашу государскую честь и нашимъ землямъ прибытокъ, ... смотрятъ своихъ торговыхъ дѣлъ, и они посмотрятъ, какъ учнутъ торговати. А Московское государство покамѣстъ безъ англійскихъ товаровъ не скудно было. А грамоту-бъ еси, которую есмя къ тебѣ послали о торговомъ дѣлѣ (льготная грамота англійскимъ купцамъ), прислала къ намъ. Хотя къ намъ тое грамоты и не пришлешь, и намъ по той грамотѣ не велѣти дѣлати ничего. Да и всѣ наши грамоты, которыя есмя давали о торговыхъ дѣлахъ по сей день, не въ грамоты".

Въ угоду „торговымъ мужикамъ", Елисавета отправила въ Россію любимаго Іоанномъ Дженкинсона съ грамотою, въ которой писала: „Дженкинсонъ правдиво раскажетъ вашему пресвѣтлѣйшеству, что никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и нашими дѣлами, а мы сами печемся о веденіи дѣлъ, какъ прилично дѣвѣ и королевѣ, поставленной Богомъ, и что подданные наши оказываютъ намъ такое повиновеніе, какимъ не пользуется ни одинъ государь. Чтобъ снискать ваше благоволеніе, подданные наши вывозили въ ваше государство всякаго рода предметы, какихъ мы не позволяемъ вывозить ни къ какимъ другимъ государямъ на всемъ земномъ шарѣ. Можемъ васъ увѣрить, что многіе государи писали къ намъ, прося прекратить съ вами дружбу, но никакія письма не могли насъ побудить къ исполненію ихъ просьбы". Іоаннъ смягчился, возвратилъ англійскимъ купцамъ прежнія льготы, хотя и не всѣ, но не переставалъ упрекать Елисавету, что она не хочетъ заключить съ нимъ союза; выражалъ неудовольствіе и на то, что королева, обѣщая ему принять его въ Англіи, не выговаривала для себя такого же пріема въ Россіи: здѣсь царь видѣлъ гордость Елисаветы и собственное уничиженіе. „А похочешь нашея къ себѣ любви и дружбы большей", писалъ ей царь, „и ты-бъ о томъ себѣ помыслила и учинила, которымъ дѣломъ тебѣ къ намъ любовь своя умножити. А чтобъ еси велѣла къ намъ своимъ людемъ привозити доспѣху и ратнаго оружья, и мѣди, и олова, и свинцу, и сѣры горячія на продажу".

Елисавета исполняла послѣднее желаніе, присылала и людей, нужныхъ царю. Приславши къ нему медика, Роберта Якоби, аптекарей и цирюльниковъ, Елисавета въ письмѣ своемъ старалась показать, какое важное пожертвованіе сдѣлала она этимъ для царя; что Якоби нуженъ былъ ей самой, аптекарей же и цирюльниковъ послала неволею, сама себя ими оскудила. У этого Якоби Іоаннъ спросилъ, нѣтъ ли въ Англіи ему невѣсты, вдовы или дѣвицы Якоби отвѣчалъ, что есть, именно Марія Гастингсъ, дочь графа Гонтингдонъ, племянница королевѣ по матери. Любопытно, что разспросить доктора о *дѣвкѣ*, какъ тогда выражались, Іоаннъ поручилъ Богдану Бѣльскому и Аѳанасію *Нагому*, брату своей жены. Въ августѣ 1582 года отправился въ Англію дворянинъ Ѳедоръ Писемскій съ наказомъ договориться о союзѣ Россіи съ Англіею противъ Польши и начать дѣло о сватовствѣ; онъ долженъ былъ сказать Елисаветѣ отъ имени Іоанна: „Ты бы сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Ѳедору показать и *парсону*-бъ ея (портретъ) къ намъ прислала на доскѣ и на бумагѣ для того: будетъ,

она пригодится къ нашему государскому чину, то мы съ тобою, королевною, то дѣло станемъ дѣлать, какъ будетъ пригоже". Писемскій долженъ былъ взять портретъ и мѣру роста, разсмотрѣть хорошенько, дородна ли невѣста, бѣла или смугла, узнать, какихъ она лѣтъ, какъ приходится королевѣ въ родствѣ, кто ея отецъ, есть ли у нея братья и сестры. Если скажутъ, что Іоаннъ женатъ, то отвѣчать: „Государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ по себѣ пріискать невѣсту, да не случилось, и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь не по себѣ; и если королевнина племянница дородна и такого великаго дѣла достойна, то государь нашъ, свою отставя, сговоритъ за королевнину племянницу". Писемскій долженъ былъ объявить, что Марія должна принять Греческую вѣру, равно какъ и тѣ бояре и боярыни, которые пріѣдутъ съ нею и захотятъ у государя жить на дворѣ; а которые не захотятъ креститься, тѣмъ на дворѣ жить нельзя; имъ вольно жить у государя въ его жалованьи; только некрещенымъ жить у государя и у государыни на дворѣ ни въ какихъ чинахъ непригоже. Посолъ долженъ былъ объявить также, что наслѣдникомъ государства будетъ царевичъ Θеодоръ, а дѣтямъ, которыя родятся отъ Маріи, даны будутъ удѣлы,—иначе дѣлу статься нельзя.

4-го ноября Писемскій представился королевѣ въ Виндзорѣ; когда онъ отговорилъ свои рѣчи, то Елисавета съ веселою улыбкою отвѣчала: „Я брата своего и вашего государя братской любви и пріязни рада и желаю, чтобъ велѣлъ Богъ мнѣ брата своего, вашего государя, въ очи видѣть". Посолъ сказалъ: „У нашего государя со многими царями и королями ссылка, а ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ тобою, ты у него сестра любительная, и любитъ онъ тебя не словомъ, а всею душою, вправду". Елисавета: „Я брату своему на его любви челомъ бью, рада быть съ нимъ въ братской любви и докончаніи и на всѣхъ недруговъ стоять заодно. Земля ваша Русская и государство Московское по-старому ли, и нѣтъ ли въ вашемъ государствѣ между людьми какого волненія (шатости)?" Посолъ: „Земля наша и государство Московское, далъ Богъ, по-старому, а люди у государя нашего въ его твердой рукѣ; въ которыхъ людяхъ была шатость, и тѣ, вины своя узнавъ, били государю челомъ, просили милости; государь имъ свою милость показалъ, и теперь всѣ люди государю служатъ прямо, а государь ихъ жалуетъ". Потомъ королева спросила у посла: какъ ему показалась Англійская Земля? Писемскій отвѣчалъ: „Земля Англійская очень людна и угожа, и всѣмъ изобильна".

Послѣ перваго пріема прошло много времени; посолъ началъ скучать. Когда вельможи отъ имени королевы предложили ему ѣхать охотиться на заповѣдные острова, бить оленей, то онъ отвѣчалъ: „На королевнинѣ жалованьи много челомъ бью, а гулять ѣздить теперь не годится потому: мы присланы отъ своего государя къ королевнѣ по ихъ великимъ дѣламъ; мы у королевны на посольствѣ были, а государеву дѣлу до сихъ поръ и почину нѣтъ; да ныньче же у насъ постъ, мяса мы не ѣдимъ, и намъ оленина къ чему пригодится?" Англичане отвѣчали: „Мы мясо ѣдимъ, а если не поѣдете съ нами на охоту, то королевнѣ будетъ на васъ досадно". Посолъ поѣхалъ на острова. Въ половинѣ декабря, въ селѣ Гриничѣ, Писемскій имѣлъ первое совѣщаніе съ англійскими министрами; объявилъ: что король Польскій, союзникъ папы и цесаря, враждуетъ съ царемъ; что Іоаннъ хочетъ заключить съ Елисаветою тѣсный союзъ, дабы имѣть однихъ друзей и враговъ, помогать другъ другу людьми, а гдѣ нельзя людьми, то казною; чтобъ королева велѣла пропускать къ государю снарядъ огнестрѣльный, доспѣхи, сѣру, нефть, мѣдь, олово, свинецъ; велѣла пропускать мастеровъ всякихъ, ратныхъ и рукодѣльныхъ людей, а государь за это всякіе товары велитъ пропускать въ Англію безъ вывѣта. Англійскіе министры соглашались на союзъ, однако съ условіемъ, что, прежде объявленія войны врагу царскому, королева будетъ стараться помирить его съ Іоанномъ; за это посредничество они требовали исключительной торговли. Писемскій отвѣчалъ: „Пусть совѣтники королевнины сами разсудятъ, можно ли Англійской Землѣ пробыть съ однимъ русскимъ торгомъ, а съ другими землями не торговать и къ себѣ другихъ купцовъ не пускать ни съ какими товарами? Но если Англійской Землѣ съ однимъ русскимъ торгомъ быть нельзя, то и Русскимъ людямъ объ одномъ англійскомъ торгу пробыть нельзя же". Положили для окончательныхъ переговоровъ отправить съ Писемскимъ въ Москву посла отъ королевы. За обѣдомъ послѣ переговоровъ, министры сказали Писемскому: „Папа хвалится, что помирилъ царя съ Баторіемъ!" Посолъ отвѣчалъ: „Воля папѣ,—что хочетъ, то говоритъ заочно; а если бы онъ государя нашего съ королемъ помирилъ, то государь бы нашъ Литовскаго короля себѣ недругомъ не называлъ".

Послѣ переговоровъ съ министрами, Писемскій повелъ дѣло съ королевою о сватовствѣ. Елисавета отвѣчала ему: „Любя брата своего, вашего государя, я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но я слышала, что государь вашъ любитъ красивыхъ дѣвицъ, а моя племянница некрасива, и государь вашъ наврядъ ее полюбитъ. Я государю вашему челомъ бью, что, любя меня, хочетъ быть со мною въ свойствѣ; но мнѣ стыдно списать портретъ съ племянницы и послать его къ царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала въ оспѣ, лицо у нея теперь красное, ямоватое; какъ она теперь есть, нельзя съ нея списывать портрета, хотя давай мнѣ богатства всего свѣта". Писемскій согласился ждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока Марія совершенно оправится. Между тѣмъ въ Англіи узнали, что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ (Димитрій); Писемскій послалъ сказать министрамъ, чтобъ коро-

левна такимъ ссорнымъ рѣчамъ не вѣрила; лихіе люди ссорятъ, не хотятъ видѣть добраго дѣла между нею и государемъ. Наконецъ въ маѣ мѣсяцѣ 1583 года Писемскому показали невѣсту въ саду для того, чтобъ посолъ могъ ее хорошенько разглядѣть на открытомъ мѣстѣ. Марія Гастингсъ, доносилъ Писемскій царю, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе. Увидавши Писемскаго послѣ смотра, Елисавета опять сказала ему: „Думаю, что государь вашъ племянницы моей не полюбитъ, да и тебѣ, я думаю, она не понравилась?" Посолъ отвѣчалъ: „Мнѣ показалось, что племянница твоя красива; а вѣдь дѣло это становится судомъ Божіимъ".

Окончивъ дѣла, Писемскій отправился въ Россію съ грамотами отъ Елисаветы къ царю. Королева изъявляла желаніе лично повидаться съ Іоанномъ, писала: „Наша воля хотѣнье, чтобъ всѣ наши царства и области всегда были для тебя отворены; ты пріѣдешь къ своему истинному пріятелю и любимой сестрѣ". Вмѣстѣ съ Писемскимъ отправился въ Москву англійскій посолъ Боусъ. Послѣдній принялъ на себя очень трудное и непріятное порученіе: онъ долженъ былъ домогаться, чтобъ англійскіе купцы получили право исключительной и безпошлинной торговли въ Россіи, и въ то же время долженъ былъ отклонить союзъ Елисаветы съ Іоанномъ противъ враговъ, ибо союзъ этотъ не приносилъ никакой пользы, не имѣлъ смысла для Англіи, и потомъ отклонить бракъ царя на Маріи Гастингсъ, потому что, несмотря на все желаніе пожилой дѣвушки пристроиться, невѣста была напугана извѣстіями о характерѣ жениха. Отсюда понятна неловкость Боуса и раздражительность, происходившая отъ затруднительности его положенія.

Въ переговорахъ съ боярами Боусъ объявилъ, что королева его не прежде можетъ начать войну съ врагомъ царскимъ, какъ попытавшись помирить его съ царемъ. Бояре отвѣчали на это: „Это условіе какъ написать въ договоръ? Если обсылаться съ недругомъ, то недругъ въ это время изготовится; и какъ его извоевать, если онъ готовъ будетъ?" Боусъ возражалъ: „У насъ такъ не ведется, что, не обославшись съ недругомъ, да идти на него ратью". Потомъ Боусъ началъ требовать исключительной торговли для Англичанъ. Бояре отвѣчали: „Что это за любовь къ государю нашему отъ королевны Елисаветы, что всѣхъ государей хочетъ отогнать отъ нашей Земли и ни одного гостя не хочетъ пропустить къ государю нашему въ его Землю?—отъ этого будетъ прибыль только одной королевнѣ, а государю нашему убытокъ будетъ". Боусъ говорилъ: „Дорогу къ Бѣлому морю нашли гости нашей государыни, такъ они одни пусть и ходятъ этою дорогою". Бояре донесли о переговорахъ Іоанну, и тотъ велѣлъ писать въ грамоту: „Елисавета должна послать къ Баторію съ требованіемъ, чтобъ онъ помирился съ царемъ, возвратилъ ему Полоцкъ и Ливонію; а не отдастъ, то пусть Елисавета рать свою на него пошлетъ". Боусъ, услыхавши объ этомъ условіи, сказалъ: „Это дѣло новое, мнѣ съ нимъ къ королевнѣ ѣхать нельзя, меня королевна дуракомъ назоветъ". Царь соглашался, чтобъ одни Англичане входили въ пристани Корельскую, Воргузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую; но Пудожерская останется для испанскаго гостя, Ивана Бѣлоборода, а Кольская—для французскихъ гостей. Посолъ говорилъ, что по прежней льготной грамотѣ одни Англичане входили во всѣ сѣверныя гавани; ему отвѣчали, что прежде у Московскаго государства было морское пристанище—Нарва; но Шведы стали этому пристанищу помѣшку дѣлать, и вмѣстѣ съ шведскими плѣнными при этомъ пойманы и англійскіе наемные люди, за что первая и вторая льготныя грамоты Англичанамъ уничтожены, а дана третья полегче. Бояре говорили: „Вотъ теперь къ государю нашему прислалъ Французскій король къ морскому пристанищу къ Колѣ, проситъ любви и братства; мы слышали, что Елисавета королевна съ Французскимъ королемъ въ дружбѣ и съ Нидерландами тоже: такъ какъ намъ ихъ не пускать,—самъ разсуди?" Боусъ на все отвѣчалъ одно: „Мнѣ ничего другого говорить нельзя, чего мнѣ отъ королевы не наказано; пусть государь посылаетъ къ королевнѣ своихъ пословъ". Бояре отвѣчали: „Къ Пудожерскому устью пожаловалъ государь, велѣлъ приходить Испанской Земли гостю изъ Антропа города (Антверпена) Ивану Бѣлобороду; Иванъ Бѣлобородъ и ходитъ и къ его царскому величеству всякіе узорочные многіе товары привозитъ". Боусъ говорилъ, что англійскіе купцы государю служатъ лучше другихъ; бояре отвѣчали на это, что англійскіе гости начали воровать, съ недругами государевыми —Шведскимъ и Датскимъ— ссылались грамотами, также посылаютъ въ свою Землю грамоты укорительныя про московскихъ людей и про государство, будто московскіе люди ничего хорошаго не знаютъ и, потому, чтобъ присылали изъ Англіи товаръ худой и гнилой: московскіе люди толку не знаютъ! Сукна Англичане вывозятъ рядовыя, которыя старыхъ гораздо хуже. Боусъ отвѣчалъ: „Я въ сукнахъ толку не знаю; прежній гость Томасъ былъ точно воръ; а что вы говорили, что вмѣстѣ со Шведами пойманы были и Англичане, то англійскимъ воинскимъ людямъ вольно вездѣ наниматься". Приступили къ другимъ условіямъ. Потерявши Прибалтійскія области, царь хотѣлъ, чтобъ иностранные послы ѣздили къ нему чрезъ Англію, Сѣверный океанъ и Бѣлое море; Елисавета соглашалась, но требовала, чтобъ не проѣзжали въ Россію черезъ Англію папскіе послы, послы государей католическихъ и тѣхъ, которые съ нею не *въ доконча́ніи*; Іоаннъ уступалъ относительно папскихъ пословъ, но не хотѣлъ уступить относительно всѣхъ другихъ. Бояре говорили: „Вѣра дружбѣ не помѣха; вотъ ваша государыня и не одной вѣры съ нашимъ государемъ, а государь нашъ хочетъ быть

съ нею въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей".

Наконецъ дѣло дошло до сватовства; на вопросъ Іоанна, согласна ли Елисавета выдать за него племянницу,—Боусъ отвѣчалъ: „Племянница королевнина княжна Марья, по грѣхамъ, больна; болѣзнь въ ней великая, да думаю, что и отъ своей вѣры она не откажется; вѣра вѣдь одна христіанская". Іоаннъ сказалъ на это: „Вижу, что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобою объ этомъ дѣлѣ и говорить не станемъ; дѣло это началось отъ задора доктора Роберта". Посолъ испугался неудовольствія Іоаннова, которое могло помѣшать главному для Англичанъ дѣлу, и потому началъ говорить: „Эта племянница королевнѣ всѣхъ племянницъ дальше въ родствѣ, да и некрасива, а есть у королевны дѣвицъ съ десять ближе ея въ родствѣ". Царь спросилъ: „Кто же это такія?" Боусъ отвѣчалъ: „Мнѣ объ этомъ наказа нѣтъ, а безъ наказа я не могу объявить ихъ имена".—„Что же тебѣ наказано?" говорилъ царь: „заключить договоръ, какъ хочетъ Елисавета королевна, намъ нельзя". Посла отпустили; онъ велѣлъ сказать чрезъ Якоби, что хочетъ говорить съ царемъ наединѣ; Іоаннъ велѣлъ позвать его къ себѣ и спросилъ, что онъ хочетъ сказать. Посолъ отвѣчалъ: „За мною приказа никакого нѣтъ; о чемъ ты, государь, спросишь, то королевна велѣла мнѣ слушать, да тѣ рѣчи ей сказать". Царь сказалъ ему на это: „Ты наши государскіе обычаи мало знаешь; такъ говорить можетъ посолъ только съ боярами; бояре съ послами и спорятъ, кому напередъ говорить, а ты вѣдь не съ боярами говоришь; намъ съ тобою не спорить, кому напередъ говорить; вотъ если-бы ваша государыня къ намъ пріѣхала, то она бы могла такъ говорить. Ты много говоришь, а къ дѣлу ничего не приговоришь. Говоришь одно, что тебѣ не наказано; а намъ вчера объявилъ докторъ Робертъ, что ты хотѣлъ съ нами говорить наединѣ; такъ говори, что ты хотѣлъ сказать!" Боусъ: „Я доктору этого не говорилъ; а у которыхъ государей я бывалъ въ послахъ прежде, у Французскаго и у другихъ государей, и я съ ними говорилъ о всякихъ дѣлахъ наединѣ". Іоаннъ: „Что съ тобою сестра наша наказала про сватовство, то ты и говори; а намъ не образецъ Французское государство; у насъ не водится, чтобъ намъ самимъ съ послами говорить". Боусъ: „Я слышалъ, что государыня наша Елисавета королевна, мимо всѣхъ государей, хочетъ любовь держать къ тебѣ; а я тебѣ хочу служить и службу свою являть". Іоаннъ: „Ты скажи именно, кто племянницы у королевы, дѣвицы, и я отправлю своего посла ихъ посмотрѣть и портреты снять". Боусъ: „Я тебѣ въ этомъ службу свою покажу, и портреты самъ посмотрю, чтобъ прямо ихъ написали".

Не добившись ничего самъ отъ посла, Іоаннъ велѣлъ боярамъ продолжать съ нимъ переговоры; когда бояре спросили его опять, кто именно дѣвицы, родственницы Елисаветы,—то посолъ, которому сильно наскучилъ этотъ вопросъ, отвѣчалъ: „Я про дѣвицъ передъ государемъ не говорилъ ничего". Когда же бояре уличили его въ запирательствѣ, то онъ сказалъ: „Я говорилъ о дѣвицахъ; только со мною объ этомъ приказу нѣтъ; государю я служить радъ, только еще моей службѣ времени не пришло". И бояре должны были прекратить разговоры о сватовствѣ; стали говорить о другомъ: чтобъ Елисавета велѣла пропустить чрезъ Англійскую Землю царскаго гонца, отправляющагося къ Французскому королю Генриху. Боусъ отвѣчалъ на это: „Половина Французской Земли отъ своего короля отложилась и била челомъ нашей государынѣ, которая и дала ей помощь; я гонца государева повезу, и думаю, что государыня наша его пропуститъ". Послѣ этого царь позвалъ опять Боуса и спросилъ рѣшительно, какой же данъ ему наказъ. Боусъ отвѣчалъ, что ничего не наказано. Тогда Іоаннъ сказалъ ему: „Неученый ты человѣкъ! какъ къ намъ пришелъ, то посольскаго дѣла ничего не дѣлалъ. Намъ главные недруги Литовскій да Шведскій; а ты намъ рѣшительно не отвѣчаешь, станетъ ли королевна съ нами вмѣстѣ на этихъ недруговъ,—говоришь одно, что она прежде хочетъ съ ними обсылаться, объявлять имъ объ этомъ; но вѣдь это значитъ имъ на насъ вѣсть подавать: и поэтому по первому намъ съ королевною быть въ дружбѣ нельзя. Говорилъ ты о морскихъ пристанищахъ, чтобъ къ намъ пріѣзжали одни англійскіе гости; но такую великую тягость какъ намъ на свою Землю наложить?—давать дань не было бы такъ убыточно. Вотъ и по другому намъ съ королевною быть въ дружбѣ нельзя, а вѣдь намъ у нея мира не покупать стать. Говорилъ ты о сватовствѣ: одну дѣвицу исхулилъ, о другой ничего не сказалъ; но безымянно кто сватается?" Вмѣсто отвѣта, посолъ началъ жаловаться на дьяка Щелкалова, что кормъ ему даетъ дурной: вмѣсто куръ и барановъ, даетъ ветчину, а онъ къ такой пищѣ не привыкъ. Царь велѣлъ изслѣдовать дѣло; дьяка Щелкалова удалили отъ сношеній съ посломъ; кормовщиковъ посадили въ тюрьму. Царь послалъ также боярина Богдана Бѣльскаго объясниться съ Боусомъ, почему онъ назвалъ его неученымъ, смягчить впечатлѣніе, которое должно было произвести на посла это слово. Боусъ, въ свою очередь, оправдывался, что ничѣмъ не заслужилъ гнѣва царскаго: говорилъ онъ только то, что ему приказано; о дѣвицѣ сказалъ онъ такъ, какъ она на самомъ дѣлѣ; о другихъ дѣвицахъ сказалъ, какъ ему приказала королевна говорить; въ условіяхъ договора воленъ Богъ да государь; если государь хочетъ съ королевною любви и кровной связи, то пусть отправляетъ еще пословъ въ Англію. Послѣ этого разговора царь опять позвалъ къ себѣ Боуса и объявилъ, что не можетъ согласиться на прошенье королевны объ исключительной торговлѣ; что онъ дастъ Англичанамъ извѣстныя пристанища, но на Печору и на

Обь пускать ихъ не можетъ: это страны дальнія пристанищъ морскихъ тамъ нѣтъ; водятся тамъ соболи да кречеты, и „только такіе дорогіе товары пойдутъ въ Англійскую Землю, то нашему государству какъ безъ того быть?" Боусъ отвѣчалъ: „Въ томъ воленъ Богъ да ты, государь, а королевнѣ будетъ это нелюбо; что же говоришь про соболей, то соболи въ наше государство нейдутъ, да и не носитъ ихъ никто". Іоаннъ продолжалъ: „Моя просьба о томъ, чтобъ королевна стояла заодно со мною на Литовскаго, Шведскаго и Датскаго; Литовскій и Шведскій—мои главные недруги, а съ Датскимъ можно и помириться,—тотъ мнѣ не самый недругъ". Боусъ отвѣчалъ: „Если дашь англійскимъ гостямъ прежнюю грамоту, то королевна будетъ съ тобою заодно на Литовскаго и Шведскаго; отправь къ ней за этимъ пословъ, которые вмѣстѣ и дѣвицъ посмотрятъ". Іоаннъ велѣлъ спросить у посла: „Если государь всѣ морскія пристанища уступитъ Англичанамъ, то онъ напишетъ ли въ договорной грамотѣ, что королевнѣ быть съ государемъ на Литовскаго и Шведскаго заодно?" Боусъ отказался за неимѣніемъ наказа, причемъ сказалъ: „Государь хочетъ, чтобъ королевна была съ нимъ заодно на Литовскаго, чтобъ Ливонію взять; но королевна набожна,—она не взяла ни Нидерландовъ, ни Франціи, которыя ей отдавались; Ливонія изстари ли вотчина государева?" Іоаннъ оскорбился этимъ сомнѣніемъ въ справедливости его требованій и отвѣчалъ, что онъ сестру свою, Елисавету королевну, не въ судьи проситъ между собою и Литовскимъ королемъ; хочетъ онъ того, чтобъ она была съ нимъ заодно противъ тѣхъ, которые его вотчину, Ливонскую Землю, извоевали [1].

На этомъ прекратились переговоры съ англійскимъ посломъ. Изъ нихъ мы видимъ, что Іоаннъ готовъ уступить Англичанамъ право исключительной торговли, что, по его собственнымъ словамъ, было тяжелѣе дани, лишь бы только пріобрѣсти дѣятельный союзъ Европейскаго государства противъ главныхъ своихъ недруговъ, отнявшихъ у него Ливонію. Понятно, что онъ искалъ союза и съ Австрійскимъ домомъ противъ Баторія; но и въ этомъ исканіи онъ не имѣлъ никакого успѣха. Сынъ и наслѣдникъ Максимиліана II, Рудольфъ II, прислалъ извѣстить царя о смерти отцовской [2]), изъявляя надежду, что Іоаннъ не убавитъ къ нему и Двору Австрійскому того вѣрнаго, добраго, прямого, родственнаго расположенія, какое оказывалъ къ Максимиліану; но тутъ же обращался съ просьбою, чтобъ царь не велѣлъ бѣдныхъ Ливонцевъ войною обижать. Царь отправилъ къ Рудольфу посланника Квашнина съ объявленіемъ, что хочетъ быть съ нимъ въ такомъ же братствѣ и любви, какъ и съ отцомъ его, и стоять на всѣхъ недруговъ заодно. Рудольфъ отвѣчалъ: „Надѣемся, что мы съ вами будемъ въ любви; а до пріѣзда нашихъ пословъ, вы бы на убогую Ливонскую Землю меча и огня не посылали". Когда война съ Баторіемъ приняла невыгодный оборотъ, царь, весною 1580 года, отправилъ къ Рудольфу съ гонцомъ грамоту, въ которой писалъ: „Послы твои, брата нашего дражайшаго и любезнѣйшаго, къ намъ до сихъ поръ, неизвѣстно почему, не бывали. Ты бы къ намъ отписалъ, для чего послы твои позамѣшкались, и пословъ своихъ къ намъ отправилъ бы, не мѣшкая, и договоръ бы съ ними утвердить велѣлъ, чтобъ стоять намъ на всякаго недруга заодно". Гонцу былъ данъ наказъ: „Если спросятъ, какъ теперь царь съ Литовскимъ королемъ?—отвѣчать: какъ я поѣхалъ отъ своего государя, гонецъ литовскій былъ у него и отпущенъ въ Литву, а государя нашего гонецъ къ королю Стефану поѣхалъ; дѣлъ большихъ я не знаю, я паробокъ у государя своего молодой, большія дѣла между государей какъ мнѣ знать можно.—А если спросятъ про Полоцкъ, какимъ образомъ король Литовскій у государя вашего Полоцкъ взялъ,—то отвѣчать: были у государя послы литовскіе и перемирье заключили на три года; и государь нашъ, на то оплошась, большихъ прибылыхъ людей въ Полоцкѣ не держалъ, если крестное цѣлованье не крѣпость, то чему вѣрить? Король къ Полоцку пришелъ нечаянно, чрезъ крестное цѣлованіе, да и взялъ; но кто черезъ правду и крестное цѣлованіе что и сдѣлаетъ, когда крѣпко бываетъ?" Въ августѣ того же года, когда Баторій подошелъ къ Лукамъ, царь послалъ новаго гонца къ императору и въ грамотѣ писалъ: „Послы твои, брата нашего дражайшаго и любезнѣйшаго, къ намъ до сихъ поръ, неизвѣстно по какому случаю, не бывали. А Стефанъ Баторій, воевода Седмиградскій, теперь на коронѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ укрѣпился по присылкѣ султана Турецкаго и, сложась съ нимъ и съ другими мусульманскими государями вмѣстѣ, кровь христіанскую разливаетъ и впередъ разливать хочетъ. А стоятъ всѣ мусульманскіе государи и посаженникъ Турецкаго султана Стефанъ Баторій на наше государство и на насъ за то, что мы съ твоимъ отцомъ и съ тобою пересылались, желали всѣмъ христіанскимъ государямъ прибытка, хотѣли, чтобъ, кромѣ васъ, никто въ Польшѣ и Литвѣ государемъ не былъ. И ты бы, братъ нашъ, намъ противъ нихъ способствовалъ и братскую любовь съ нами утвердилъ, а къ Стефану королю отписалъ бы о такомъ его безмѣрствѣ и о разлитіи крови христіанской и о склад-

[1]) Дѣла Польскія, № 10, 11, -12, 13, 14; Архивъ цар. Польск. св. I въ Москов. Арх. мин. ин. д. Метрика Литовская, II; Акты Западн. Росс. III, № 124. Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 349, 380 и слѣд.; Акты арх. эксп. I, № 306; Albertrandêgo panowanie Henr. Walez. i Step. Batorego; Симбирск. Сборникъ стр. 77, 74; Supplementum ad hist. Russ. Monum. № 11; Monumenta Liv. ant. I, 327; Niemcewicza Zbiór pamiatnikow o dawnej Polszcze. II, 165; Histor. Russiæ Monum. I, № CXXX,—CXXXIII, CXL, CXLI, CCXII. Дѣла Папскія, № 1; Monumenta Livoniæ antiquæ, I, 340; Дѣла Англійскія въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ, № 1. Юрій Толстой—Россія и Англія.

[2]) Памятн. дипломат. сношеній древн. Россіи, I. 714 и слѣд.

кѣ съ султаномъ Турецкимъ, чтобъ Стефанъ король такихъ дѣлъ впередъ не дѣлалъ. — Писали къ намъ изъ Любека бурмистры и ратманы, что ты не велѣлъ въ наше государство возить на корабляхъ товары разные, мѣдь, свинецъ и олово: не жалая ли насъ тобою поссорить, распускаютъ такіе слухи?—ибо я никакъ не думаю, чтобъ ты такой приказъ далъ". Рудольфъ отвѣчалъ съ первымъ гонцомъ: „До сихъ поръ мы всѣ прилежно помышляли, какъ бы отправить къ вамъ пословъ для убогихъ Лифляндцевъ; но люди, которые были для этого посольства назначены, одни померли, а другіе больны. А Ливонская Земля принадлежитъ священной Римской имперіи; въ нынѣшнемъ вашемъ письмѣ о ней ни слова не сказано". Императорскіе придворные утѣшали московскаго гонца тѣмъ, что Баторію скоро нечего будетъ платить своимъ наемнымъ войскамъ [1]). Съ другимъ гонцомъ Рудольфъ отвѣчалъ: „Послы не отправлены потому, что еще не было совѣщанія съ императорскими чинами насчетъ Ливоніи, которая принадлежитъ имперіи; царь покажетъ свою дружбу къ императорскимъ чинамъ, если не будетъ вступаться въ остальные ливонскіе города; возить въ Московское государство мѣдь, свинецъ и олово онъ, Рудольфъ, не запрещалъ; а запрещенъ вывозъ изъ имперіи оружія и всего, относящагося къ ратному дѣлу, еще при императорѣ Карлѣ V-мъ, и потомъ это запрещеніе подтверждено при императорѣ Максимиліанѣ II-мъ; и ваша бы любовь себѣ то поразумѣли, меня въ этомъ любительно очистили и на меня не сердились". По окончаніи войны съ Баторіемъ, царь вмѣстѣ съ Поссевиномъ отправилъ одного посланника, Якова Молвянинова, и къ папѣ, и къ императору; въ грамотѣ къ послѣднему изъявлялъ готовность приступить къ союзу христіанскихъ государей противъ мусульманскихъ, для чего императоръ и всѣ союзники должны отправить пословъ въ Москву; и такъ какъ дѣло идетъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей, то императоръ долженъ отмѣнить запрещеніе вывозить оружіе въ Московское государство.

Мы видѣли, что Іоаннъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, назвалъ и Датскаго короля Фридриха своимъ недругомъ. Въ 1578 году послѣдній прислалъ въ Москву Якова Ульфельда рѣшить дѣло объ Эстоніи, на часть которой Данія предъявляла свои права [2]). Но царь не хотѣлъ признать этихъ правъ, и Ульфельдъ принужденъ былъ заключить пятнадцатилѣтнее перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: король призналъ права Іоанна на всю Ливонію и Курляндію, за что царь уступалъ ему островъ Эзель; король обязался не помогать Польшѣ и Швеціи въ войнѣ ихъ съ Московскимъ государствомъ; обязался не задерживать нѣмецкихъ художниковъ, которые поѣдутъ въ Москву чрезъ его владѣнія. Фридрихъ не былъ доволенъ этимъ договоромъ, осердился на Ульфельда, и началъ обнаруживать вражду свою въ Москвѣ тѣмъ, что требовалъ пошлинъ съ англійскихъ купцовъ на пути ихъ къ Бѣлому морю, объявлялъ свои притязанія на нѣкоторыя пограничныя съ Норвегіею мѣста.

Мы видѣли также, какъ московскія силы въ войнѣ съ Баторіемъ развлекались постояннымъ опасеніемъ крымскихъ нашествій. Тщетно посолъ московскій оказывалъ учтивости хану, билъ ему челомъ, обѣщалъ ежегодные подарки, ханъ безъ Астрахани не хотѣлъ давать шерти [3]); и если не было слышно о Крымцахъ во все продолженіе войны съ Баторіемъ, то этимъ Москва обязана была войнѣ Турокъ съ Персами, въ которой и ханъ долженъ былъ участвовать. Истомленный этою войною, ханъ могъ вредить Москвѣ, только поджигая волненія между Черемисами. „Тридцать одинъ годъ прошелъ отъ покоренія Казани, говоритъ лѣтописецъ, и окаянные бусурманы не захотѣли жить подъ государевою рукою, воздвигли рать, плѣнили много городовъ. Царь, видя ихъ суровость, послалъ въ Казань бояръ и воеводъ съ приказомъ плѣнить ихъ. Но поганые, какъ звѣри дикіе, сопротивлялись рати московской, побивали московскихъ людей то на станахъ, то на походахъ; бояре и воеводы не могли ихъ усмирить" [4]).

Глава VII.

Строгановы и Ермакъ.

Первыя сношенія съ Сибирью.—Непрочность ея зависимости отъ Москвы.—Первыя извѣстія о Строгановыхъ.—Григорій Строгановъ получаетъ земли по Камѣ и строитъ городки.—Строгановы получаютъ право заводить селенія и за Уральскими горами.—Усиленіе казачества на Дону.—Враждебныя столкновенія его съ государствомъ.—Казацкій атаманъ Ермакъ у Строгановыхъ и отправляется ими за Уральскія горы.—Гнѣвъ царскій на Строгановыхъ за это.—Успѣшныя дѣйствія Ермака въ Сибири.—Онъ извѣщаетъ о нихъ Іоанна.—Отправленіе царскихъ воеводъ для принятія сибирскихъ городовъ у казаковъ.—Преждевременная дряхлость Іоанна; причины ея.—Браки царскіе.—Убійство сына.—Болѣзнь и смерть Іоанна.—Объясненіе его характера и дѣятельности.

Въ то время, какъ на Средней Волгѣ и Нижней Камѣ дикіе народцы дѣлали послѣднія, отчаянныя усилія, чтобъ высвободиться изъ-подъ русскаго подданства; въ то время какъ на западѣ Польша и Швеція, благодаря личнымъ достоинствамъ Бато-

---

[1]) «Вѣдаемъ, что у него денегъ нѣтъ въ землѣ, а займуючи деньги, немного съ Московскимъ государемъ воеваться. Угорскими впами не заплатили ему найму».

[2]) Jac. Ulfeldii Hœdoporicon Ruthenicum. Столбцы въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, № 88.

[3]) Дѣла Крымскія, № 15.

[4]) Никон. VIII, 4.

рія, успѣли соединенными силами оттолкнуть Московское государство отъ моря, успѣли отнять у него возможность ближайшаго, непосредственнаго сообщенія съ Западною Европою, возможность пользоваться плодами ея образованности, необходимыми для скорѣйшаго и окончательнаго торжества надъ Азіею:—въ то время движеніе русскаго народонаселанія на сѣверо-востокъ не только не прекращалось, но усиливалось все болѣе и болѣе, и Русскій человѣкъ перешелъ наконецъ черезъ Уральскія горы.

Мы видѣли, какъ послѣ завоеванія Казани князья ногайскіе сами предложили Московскому царю овладѣть Астраханью, какъ потомъ мелкіе владѣльцы прикавказскіе стали обращаться въ Москву съ просьбою о помощи другъ противъ друга, просились въ подданство, чтобъ имѣть сильнаго покровителя и надежную помощь. Точно такъ же поступилъ и владѣлецъ Сибири, татарскаго юрта, лежавшаго въ срединѣ нынѣшней Тобольской губерніи, юрта, очень незначительнаго самого по себѣ, но значительнаго въ той пустынной странѣ, гдѣ на огромныхъ пространствахъ рѣдко разбросаны были малочисленные роды разноплеменныхъ и разнообычныхъ жителей. Въ январѣ 1555 года пришли, говоритъ лѣтопись, послы ка царю отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей Земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, и били челомъ, чтобъ государь князя ихъ и всю Землю Сибирскую взялъ въ свое имя и отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою на нихъ положилъ и человѣка своего прислалъ, кому дань собирать. Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго и всю Землю въ свою волю и подъ свою руку и дань на нихъ положить велѣлъ; послы обязались за князя и за всю Землю, что будутъ давать съ каждаго чернаго человѣка по соболю и по бѣлкѣ сибирской, а черныхъ людей у себя сказали 30,700 человѣкъ. Царь отправилъ въ Сибирь посла и *дорогу* (сборщика дани), Димитрія Курова, который возвратился въ Москву въ концѣ 1556 года вмѣстѣ съ сибирскимъ посломъ Бояндою. Дани Едигеръ прислалъ только 700 соболей, объ остальной объявилъ, что воевалъ ихъ Шибанскій царевичъ и взялъ въ плѣнъ много людей, отчего и мѣховъ собрать не съ кого. Но Куровъ говорилъ, что дань было можно собрать сполна, да не захотѣли, вслѣдствіе чего царь положилъ опалу на Боянду, велѣлъ взять у него все имѣніе, самого посадить подъ стражу, а въ Сибирь отправилъ служивыхъ Татаръ съ грамотою, чтобъ во всемъ исправились. Въ сентябрѣ 1557 года посланные Татары возвратились съ новыми послами сибирскими, которые привезли 1,000 соболей, да *дорожной* пошлины 106 соболей за бѣлку; привезли и грамоту шертную съ княжею печатью, въ которой Едигеръ обязывался быть у царя въ холопствѣ и платить каждый годъ всю дань безпереводно [1]). Но такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы была непрочна: Едигеръ поддался съ цѣлію имѣть помощь отъ Русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или, по крайней мѣрѣ, сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей московскихъ, и та же отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ, и потомъ, въ случаѣ нужды, умилостивить Московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь. Въ Сибири понимали хорошо свое положеніе, характеръ отношеній своихъ къ Москвѣ; такъ Сибирскій князь говорилъ одному изъ русскихъ людей: „Теперь собираю дань, къ господарю вашему пословъ отправляю; теперь у меня война съ Казацкимъ царемъ (Киргизъ-Кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь Казацкій, сядетъ на Сибири, но и онъ господарю дань станетъ же давать“ [2]). Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняютъ, губятъ другъ друга [3]); Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани; князья то соглашались платить ее, то отказывались, надѣясь на безнаказанность вслѣдствіе той же отдаленности: такъ, послѣдній князь, или царь, утвердившійся въ Сибири, Кучумъ, обязался-было платить дань Іоанну, а потомъ убилъ московскаго посла. Прочное подданство Зауралья Москвѣ могло утвердиться только вслѣдствіе извѣстнаго движенія русскаго народонаселенія на сѣверо-востокъ, когда русскіе промышленные люди приблизили свои селища къ Каменному Поясу и потомъ задумали перейти и черезъ него.

Въ исторіи этого движенія на сѣверо-востокъ, въ исторіи колонизаціи Сѣверо-Восточной Европы съ важнымъ значеніемъ является родъ Строгановыхъ. Мы видѣли, какъ ошибочно было такъ долго господствовавшее у насъ мнѣніе, что вся обширная область, извѣстная подъ именемъ Двинской Земли, принадлежала Новгороду Великому; мы видѣли, что здѣсь съ новгородскими владѣніями были перемѣшаны владѣнія Ростовскихъ, а потомъ Московскихъ князей [4]). Отъ второй половины XV-го вѣка, когда Іоаннъ III получилъ возможность раздѣлиться съ Новгородцами въ Двинской Землѣ, отобрать отъ нихъ земли, принадлежавшія прежде ему и Ростовскимъ князьямъ, дошла до насъ выпись изъ судейскихъ списковъ о Двинскихъ земляхъ, гдѣ обозначены отобранныя у Новгородцевъ земли, какъ принадлежащія Ростовскимъ князьямъ, такъ и великому князю Московскому. При исчисленіи этихъ земель говорится, что ихъ искали такіе-то люди на такихъ-то Новгородцахъ, неспра-

[1]) Никон. VII, 228, 274, 291.

[2]) Акты историч. I, № 179.

[3]) Александро-Невск. лѣтоп. год. 1563; Акты историч. I, № 179; Собр. г. г. и д. II, № 40, 42, 45; Лѣтоп. Сибирск. изд. Г. Спасскаго, стр. 28; Дѣла Ногайскія, № 6, стр. 174, 208.

[4]) См. Исторію Россіи, т. IV, стр. 1143.

ведливо эти земли захватившихъ; при исчисленіи земель, долженствующихъ принадлежать Московскому великому князю, говорится, что искалъ ихъ на Новгородцахъ Лука Строгановъ; также, при исчисленіи нѣкоторыхъ земель, принадлежавшихъ князю Константину Владиміровичу Ростовскому, истцомъ обозначенъ тотъ же Лука Строгановъ. Искалъ ли Лука Строгановъ этихъ земель потому, что онѣ находились у него въ оброчномъ содержаніи, или потому, что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, какъ извѣстный, богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ,— изъ приведеннаго акта рѣшить нельзя; мы видимъ, что земли Ростовскихъ князей, кромѣ Строганова, отыскиваются разными лицами, между прочимъ Ѳедоромъ Василисовымъ, старостою Васильскимъ и Пеженскимъ; искалъ этотъ Ѳедоръ на троихъ Новгородцахъ, которые отвѣчали вмѣсто владыки Іоны; слѣдовательно и Строгановъ съ товарищами могъ искать вмѣсто князей Московскаго и Ростовскихъ [1]). На богатство Строгановыхъ при Василіи Темномъ есть любопытное указаніе въ грамотѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, который, уговаривая въ 1610 году Строгановыхъ ссудить его значительною суммою денегъ, пишетъ къ нимъ: „Припомните, когда вы въ прежнія времена выкупили изъ плѣна великаго князя Василія Васильевича, какой великой чести сподобились?“ [2]) Мы видѣли, какъ охотно князья уступали обширные земельные участки людямъ, бравшимся населить ихъ, какія льготы давали этимъ населителямъ: освобожденіе на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей, издержекъ на проѣзжихъ чиновниковъ, право суда надъ поселенными людьми, кромѣ душегубства и суда смѣснаго [3]), и т. п. Строгановы, по своимъ обширнымъ средствамъ, являются главными населителями пустынныхъ земель на сѣверо-востокѣ: при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ внуки упомянутаго Луки Строганова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондакурской волости [4]). Въ царствованіе Іоанна IV-го Строгановы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы: въ 1558 году Григорій Аникіевъ Строгановъ билъ царю челомъ и сказывалъ: „Въ осьмидесяти-осьми верстахъ ниже Великой Перми, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны, до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, и всего пустого мѣста здѣсь сто сорокъ шесть верстъ; до сихъ поръ на этомъ мѣстѣ пашни не паханы, дворы не стаивали и въ царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, въ писцовыхъ книгахъ, въ купчихъ и правежныхъ не написаны ни у кого. Григорій Строгановъ билъ челомъ, что хочетъ на этомъ мѣстѣ городокъ поставить, городъ пушками и пищалями снабдить, пушкарей, пищальниковъ и воротниковъ прибрать, для береженья отъ Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ; по рѣчкамъ до самыхъ вершинъ и по озерамъ лѣсъ рубить, расчищая мѣсто, пашню пахать, дворы ставить, людей называть неписьменныхъ и нетяглыхъ, разсолу искать, а гдѣ найдется разсолъ, варницы ставить и соль варить. — Царскіе казначеи разспрашивали про эти мѣста Пермича Кодаула, который пріѣзжалъ изъ Перми съ данью, и Кодаулъ сказалъ, что эти мѣста искони вѣчно лежатъ впустѣ, и доходу съ нихъ нѣтъ никакого, и у Пермичей тамъ нѣтъ угодій никакихъ. Тогда царь Григорія Строганова пожаловалъ, отдалъ ему эти земли съ тѣмъ, чтобъ онъ изъ другихъ городовъ людей тяглыхъ и письменныхъ къ себѣ не называлъ и не принималъ; также, чтобъ не принималъ воровъ, людей боярскихъ, бѣглыхъ съ имѣніемъ, татей и разбойниковъ; если пріѣдутъ къ нему изъ другихъ городовъ люди тяглые съ женами и дѣтьми, а намѣстники, волостели или выборные головы станутъ требовать ихъ назадъ, то Григорій обязанъ высылать ихъ на прежнія мѣста жительства. Купцы, которые пріѣдутъ въ городокъ, построенный Строгановымъ, торгуютъ въ немъ безпошлинно; варницы ставитъ, соль варитъ, по рѣкамъ и по озерамъ рыбу ловитъ Строгановъ безоброчно; а гдѣ найдетъ руду серебряную, или мѣдную, или оловянную, то даетъ знать объ этомъ царскимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не разработыватъ безъ царскаго вѣдома. Льготы Строганову дано на двадцать лѣтъ: какіе неписьменные и нетяглые люди придутъ къ нему жить въ городъ и на посадъ и около города на пашни, на деревни и на починки, съ тѣхъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ, не надобно никакой дани, ни ямскихъ и селитряныхъ денегъ, ни посошной службы, ни городового дѣла, ни другой какой-либо подати, ни оброка съ соли и рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстахъ. Которые люди поѣдутъ мимо того городка, изъ Московскаго ли государства, или изъ иныхъ земель, съ

---

[1]) Акты арх. эксп. I, № 94.

[2]) Нѣкоторые, на основаніи этого свидѣтельства, хотятъ утвердить, что одни Строгановы выкупили Василія Темнаго, и для этого предполагаютъ, что окупъ былъ незначительный. Но если мы, даже, отвергнувъ показанія Новгородскаго лѣтописца о 200,000, примемъ показаніе Псковскаго о 29,500 рубляхъ, то и это будетъ сумма очень значительная по тогдашнему времени: богатые Новгородцы, откупаясь отъ великихъ князей Московскихъ, не платили имъ болѣе 15,500 рублей; въ обвиненіяхъ Василію Темному отъ Шемяки читаемъ: «золото и серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; христіанъ томишь безъ милости»: здѣсь ясное указаніе на сборъ денегъ для окупа. Говорятъ также, что Василій Темный, въ благодарность за эту услугу, отдалъ Строганову въ оброчное содержаніе тѣ земли, которыя Лука Строгановъ отыскивалъ на Новгородцахъ, и въ этомъ состояла великая честь, которой сподобились Строгановы; но нельзя видѣть большого вознагражденія въ отдачѣ на оброкъ земель, которыя еще нужно было оттянуть у Новгородцевъ; притомъ грамота Шуйскаго говоритъ о великой чести, и мы должны разумѣть только великую честь, а не матеріальныя выгоды.

[3]) См. Исторію Россіи, IV, 1216.

[4]) Акты арх. эксп. I, № 163.

товарами или безъ товару, съ тѣхъ пошлины не брать никакой, торгуютъ ли они тутъ или не торгуютъ; но если самъ Строгановъ повезетъ или пошлетъ соль или рыбу по другимъ городамъ, то ему съ соли и съ рыбы всякую пошлину давать, какъ съ другихъ торговыхъ людей пошлины берутся. Поселившихся у Строганова людей Пермские намѣстники и тіуны ихъ не судятъ ни въ чемъ, праветчики и доводчики въ его городокъ и деревни не въѣзжаютъ ни зачѣмъ, ни поруки его людей не даютъ и не присылаютъ къ нимъ ни зачѣмъ: вѣдаетъ и судитъ своихъ слобожанъ самъ Григорій Строгановъ во всемъ. Если же людямъ изъ другихъ городовъ будетъ дѣло до Строганова, то они въ Москвѣ берутъ управныя грамоты, и по этимъ грамотамъ истцы и отвѣтчики безъ приставовъ становятся въ Москвѣ передъ царскими казначеями на Благовѣщеньевъ день. Когда урочныя двадцать лѣтъ отойдутъ, Григорій Строгановъ обязанъ будетъ возить всѣ подати въ царскую казну въ Москву на Благовѣщеньевъ день. Если царскіе послы поѣдутъ изъ Москвы въ Сибирь и обратно, или изъ Казани въ Пермь и обратно, мимо новаго городка, то Строганову и его слобожанамъ подводъ, проводниковъ и корму посланникамъ въ продолженіи двадцати льготныхъ лѣтъ не давать; хлѣбъ, соль и всякій запасъ торговые люди въ городѣ держатъ и посламъ, гонцамъ, проѣзжимъ и дорожнымъ людямъ продаютъ по цѣнѣ, какъ между собою покупаютъ и продаютъ; также проѣзжіе люди нанимаютъ полюбовно подводы, суда, гребцовъ и кормщиковъ. До урочныхъ двадцати лѣтъ Строгановъ съ Пермичами никакого тягла не тянетъ и счету съ ними не держитъ ни въ чемъ. Если же окажется, что Григорій Строгановъ билъ царю челомъ ложно, или станетъ онъ не по этой грамотѣ ходить, или станетъ противозаконно поступать (воровать), то эта грамота не въ грамоту.

Такимъ образомъ грамота, которою давалось право на заселеніе пустынныхъ Прикамскихъ пространствъ, будучи сходна вообще съ грамотами, которыя давались населителямъ пустынныхъ пространствъ во всѣхъ частяхъ государства, должна была и разниться отъ нихъ; Прикамская сторона была украйна, на которую нападали дикіе зауральскіе и при-уральскіе народцы; правительство не могло защищать отъ нихъ насельника: онъ долженъ былъ защищаться самъ, своими средствами, долженъ былъ строить городки или острожки, снабжать имъ нарядомъ (артиллеріею), содержать ратныхъ людей. Понятно, что къ этому могли быть способны только насельники, обладавшіе обширными средствами; отсюда уясняется важное значеніе Строгановыхъ, которые одни, по своимъ средствамъ, могли заселить Прикамскую страну, приблизить русскія селища къ Уралу и чрезъ это дать возможность распространить ихъ и за Уралъ. Понятно также, что Строгановы могли совершить этотъ подвигъ на пользу Россіи и гражданственности не вслѣдствіе только своихъ обширныхъ матеріальныхъ средствъ: нужна была необыкновенная смѣлость, энергія, ловкость, чтобъ завести поселенія въ пустынной странѣ, подверженной нападеніямъ дикарей, пахать пашни и разсолъ искать съ ружьемъ въ рукѣ, сдѣлать вызовъ дикарю, раздразнить его, положивши предъ его глазами основы гражданственности мирными промыслами.

Для наряда, для пушекъ и пищалей въ своемъ новомъ городкѣ Строгановъ нуждался въ селитрѣ; царь, по его челобитной, позволилъ ему на Вычегодскомъ посадѣ и въ Усольскомъ уѣздѣ сварить селитры, но не болѣе тридцати пудовъ, причемъ писалъ старостамъ тѣхъ мѣстъ: „Берегите накрѣпко, чтобъ при этой селитряной варкѣ отъ Григорья Строганова крестьянамъ обидъ не было ни подъ какимъ видомъ; чтобъ на дворахъ изъ-подъ избъ и хоромъ онъ у васъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ; да берегите накрѣпко, чтобъ онъ селитры не продавалъ никому“ [1]). Строгановъ построилъ городокъ, назвалъ его Канкоромъ; но черезъ пять лѣтъ одного городка оказалось мало: въ 1564 году Строгановъ билъ челомъ, чтобъ царь позволилъ ему поставить другой городокъ, въ двадцати верстахъ отъ Канкора; нашли тутъ разсолъ, варницы ставятъ и соль варить хотятъ, но безъ городка люди жить не смѣютъ, и слухъ дошелъ отъ плѣнниковъ и отъ Вогуличей, что хвалится Сибирскій салтанъ и Шибаны идти на Пермь войною, а прежде они Соликамскъ дважды брали. Царь исполнилъ и эту просьбу, и явился новый городокъ— Кергеданъ съ стѣнами въ тридцать саженъ, а съ приступной стороны, для низкаго мѣста, закладенъ онъ былъ вмѣсто глины, камнемъ. Въ 1566 году братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Аникія Ѳедорова, билъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ взялъ ихъ городки Канкоръ и Кергеданъ и всѣ ихъ промыслы въ опричнину; и эта просьба была исполнена. Въ 1568 году тотъ же Яковъ билъ челомъ, чтобъ додано было ему земли еще на двадцать верстъ къ прежнему пожалованію, причемъ также обязывался построить крѣпости на свой счетъ съ городовымъ нарядомъ скорострѣльнымъ; земля была ему дана съ такими же условіями, какъ и прежняя, но поселенцы освобождались отъ податей только на 10 лѣтъ.

До 1572 года въ Прикамскихъ областяхъ все было тихо; но въ этомъ году Пермскій воевода донесъ царю, что сорокъ человѣкъ возмутившихся Черемисъ, вмѣстѣ съ Остяками, Башкирами и Буинцами, приходили войною на Каму, побили здѣсь Пермичей, торговыхъ людей и ватажиковъ 87 человѣкъ. Іоаннъ, по этимъ вѣстямъ, послалъ Строгановымъ грамоту, въ которой писалъ: „Вы бы жили съ великимъ бережьемъ, выбрали у себя голову добраго, да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, ручницами и саадаками; велѣли бы прибрать также Остяковъ и Вогуличей, которые намъ прямятъ, а женамъ и дѣ-

[1]) Акты арх. эксп. I, № 254.

тямъ ихъ велѣли бы жить въ острогѣ. Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, казаками, Остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ, Черемису, Остяковъ, Вотяковъ, Ногаевъ, которые намъ измѣнили. А которые будутъ Черемисы или Остяки добрые, захотятъ къ своимъ товарищамъ приказывать, чтобъ они отъ воровъ отстали и намъ прямили,— такихъ вы не убивайте и берегите ихъ, и мы ихъ пожалуемъ; а которые прежде воровали, а теперь захотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, такимъ велите говорить наше жалованное слово, что мы ихъ не накажемъ и во всемъ облегчимъ, пусть только собираются и вмѣстѣ съ охочими людьми ходятъ воевать нашихъ измѣнниковъ, и которыхъ повоюютъ, тѣхъ имѣніе, женъ и дѣтей пусть берутъ себѣ, и вы бы у нихъ этого имѣнія и плѣнниковъ отнимать никому не велѣли". Строгановы исполнили приказъ: выбранный ими голова съ охочими людьми ходилъ на государевыхъ измѣнниковъ, однихъ побилъ, другихъ привелъ къ шерти, что будутъ впередъ прямить государю.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы естественно должны были обратить вниманіе и на земли Зауральскія, обѣщавшія имъ еще болѣе выгодъ, чѣмъ страны Прикамскія. Случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе *новыхъ землицъ* за Ураломъ скоро представился Строгановымъ: новый Сибирскій салтанъ Кучумъ дѣйствовалъ враждебно противъ Московскаго государства; билъ, бралъ въ плѣнъ Остяковъ, платившихъ дань въ Москву. Въ іюлѣ 1573 года Сибирскій царевичъ Маметкулъ приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пройти къ строгановскимъ городкамъ и въ Пермь Великую, причемъ побилъ много Остяковъ, московскихъ данщиковъ, женъ и дѣтей ихъ въ плѣнъ повелъ, государева посланника, шедшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду, убилъ. Не доходя пяти верстъ до строгановскихъ городковъ, Маметкулъ возвратился назадъ, испуганный разсказами плѣнниковъ, что въ городкахъ этихъ собралось много ратныхъ людей. Строгановы, увѣдомивши царя о нападеніяхъ Сибирскаго салтана и царевича, били челомъ, что они своихъ наемныхъ казаковъ за сибирскою ратью, безъ царскаго вѣдома, послать не смѣютъ, между тѣмъ какъ зауральскіе Остяки просятъ, чтобъ государь оборонялъ ихъ отъ Сибирскаго салтана, а они будутъ платить дань въ Москву: для этого бы государь пожаловалъ ихъ, Якова и Григорья Строгановыхъ, позволилъ между Тахчеями, на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, которыя въ Тоболъ впадаютъ, до вершинъ ихъ, на устороживомъ мѣстѣ крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владѣть. Предложеніе перенести Русскія владѣнія за Уралъ, пріобрѣсти тамъ новыхъ данщиковъ и оборонять ихъ безъ всякихъ издержекъ и хлопотъ со стороны правительства не могло не понравиться Іоанну; онъ далъ Строгановымъ право укрѣпляться и за Ураломъ, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они завели селенія по Камѣ и Чусовой, съ обязанностію надзирать и за другими промышленниками, которые вздумаютъ поселиться по Тоболу и другимъ рѣкамъ сибирскимъ: „Гдѣ Строгановы найдутъ руду желѣзную, говоритъ царская грамота, то ее разработываютъ; мѣдную руду, оловянную, свинцовую, сѣрную также разработываютъ на испытаніе. А кто другой захочетъ то же дѣло дѣлать, позволять ему да и пооброчить его промыслъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль; если кто-нибудь за этотъ промыслъ возьмется, отписать къ намъ, какъ дѣло станетъ дѣлаться, во что какой руды въ дѣлѣ пудъ будетъ становиться, и сколько на кого положить оброку— все это намъ отписать, и мы объ этомъ указъ свой учинимъ. Льготы на землю Тахчеевъ и на Тоболъ рѣку съ другими рѣками и озерами до вершинъ, на пашни, дали мы на 10 лѣтъ; въ эти годы пришлые люди не платятъ никакой дани. Которые Остяки, Вогуличи и Югричи отъ Сибирскаго салтана отстанутъ, а начнутъ намъ дань давать, тѣхъ людей съ данью посылать къ нашей казнѣ самихъ. Остяковъ, Вогуличей и Югричей съ женами ихъ и дѣтьми отъ прихода ратныхъ людей, Сибирцевъ, беречь Якову и Григорью у своихъ крѣпостей; а на Сибирскаго салтана Якову и Григорью собирать охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ и посылать ихъ воевать вмѣстѣ съ наемными казаками и съ нарядомъ, брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань за насъ приводить. Станутъ къ Якову и Григорью въ тѣ новыя мѣста приходить торговые люди Бухарцы и Киргизы и изъ другихъ земель съ лошадьми и со всякими товарами, въ Москву которые не хотятъ, то торговать имъ у нихъ всякими товарами вольно, безпошлинно. Также пожаловали мы Якова и Григорья: на Иртышѣ и на Оби, и на другихъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для обереганья и охочимъ людямъ для отдыха, строить крѣпости, держать сторожей съ огненнымъ нарядомъ, ловить рыбу и звѣря безоброчно до исхода урочныхъ двадцати лѣтъ" [1]). Такимъ образомъ, Строгановы получили право завести промыслы и за Ураломъ вмѣстѣ съ необходимымъ правомъ или обязанностію не только построить острожки для обереганія этихъ промысловъ, не только вести оборонительную войну, но также и наступательную — посылать войско на Сибирскаго салтана, брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань приводить на царя. Эта наступательная война была необходима: за Ураломъ, прежде чѣмъ взять землю въ свое владѣніе, завести на ней промыслы, надобно было ее очистить отъ Сибирскаго салтана, который считалъ ее своею собственностію. Строгановы обѣщались вести эту войну на свой счетъ, должны были имѣть свое войско. Изъ кого же могли они составить его? На охочихъ инородцевъ—Остяковъ,

[1]) Дополн. къ акт. истор. I, № 117, 118, 119, 120; Лѣтопись Сибирск., изд. Спасскимъ стр. 9; Мюллера—Сибирская Исторія, стр. 87.

Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ была плохая надежда; мирные промышленники нуждались въ передовыхъ людяхъ колонизаціи, которые вовсе не имѣютъ мирнаго промышленнаго характера, нуждались въ отыскивателяхъ путей, новыхъ землицъ, нуждались въ казакахъ.

Мы видѣли уже [1]), какъ, вслѣдствіе географическаго положенія древней Россіи, открытости границъ со всѣхъ сторонъ, соприкосновенности ихъ съ степями и пустынными пространствами, какъ, вслѣдствіе одного изъ господствующихъ явленій древней Русской жизни — колонизаціи, общество должно было постоянно выдѣлять изъ себя толпы людей, искавшихъ приволья въ степи, составлявшихъ передовыя дружины колонизаціи, по имени зависѣвшихъ отъ государства, на дѣлѣ мало обращавшихъ вниманія на его интересы и по первоначальному характеру своему, и по одичалости въ степяхъ, и по безнаказанности, которая условливалась отдаленностію отъ государства и слабостію послѣдняго. Мы видѣли, что уже при Василіи Іоанновичѣ Рязанскіе казаки хорошо знали мѣста по Дону; при сынѣ Василія они здѣсь утверждаются, принимаютъ отъ мѣста названіе Донскихъ и становятся страшны Ногаямъ, Крымцамъ, Азовцамъ. На жалобы одного ногайскаго мурзы, что русскіе казаки грабятъ его людей, Московское правительство отвѣчало: „Вамъ гораздо вѣдомо: лихихъ людей гдѣ нѣтъ; на поле ходятъ казаки многіе, Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки; и изъ нашихъ украйнъ, съ ними же смѣшавшись, ходятъ; и тѣ люди, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники; на лихо никто ихъ не научитъ; а учинивъ какое-нибудь лихо, они разъѣзжаются по своимъ землямъ“. Не изъ однихъ, впрочемъ, жителей Рязанской области составлялись толпы Донскихъ казаковъ: на Донъ шли и Севруки, жители Сѣверной украйны, подобно Рязанцамъ, издавна славившіеся своею отвагою. Ногайскій князь Юсуфъ писалъ въ Москву въ 1549 году: „Наши люди ходили въ Москву съ торгомъ, и, какъ шли назадъ, ваши казаки и Севруки, которые на Дону стоятъ, ихъ побили“. Видимъ, что казаки городовые, находившіеся подъ ближайшимъ надзоромъ государства, сдѣлавши что-нибудь противное его интересамъ, уходили на Донъ; такъ Путивльскіе казаки, замѣшанные въ дѣлѣ о грабежѣ Крымскаго гонца, Левонъ Бутъ съ товарищами, сказывали: было ихъ на полѣ шесть человѣкъ, и весновали на Донцѣ, потомъ было въ Путивль, но на Муравскомъ шляху встрѣтились съ ними Черкасскіе (Малороссійскіе) казаки, 90 человѣкъ, взяли ихъ съ собою, и крымскаго гонца пограбили; послѣ грабежа Левонъ Бутъ самъ-четвертъ пришелъ въ Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Донъ. Русскій гонецъ доносилъ: „Шли мы Волгою изъ Казани въ Астрахань, и, какъ поравнялись съ Иргызскимъ устьемъ, пришелъ на насъ въ стругахъ князь Василій Мещерскій, да казакъ Личюга Хромой Путивлецъ, и взяли у насъ судно царя Ямгурчея; я у нихъ просилъ его назадъ, но они мнѣ его не отдали и меня позорили“. На жалобы Юсуфа Ногайскаго царь отвѣчалъ опять: „Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобъ ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ, и которыхъ добудемъ, тѣхъ казнимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать, и, переловивши, къ намъ присылали. А гости ваши дорогою береглись бы сами, потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ. А намъ гостей нашихъ на полѣ беречь нельзя, бережемъ и жалуемъ ихъ въ своихъ государствахъ.“ Но Юсуфъ не переставалъ жаловаться: „Холопы твои“, писалъ онъ царю: „какой-то Сары-Азманъ слыветъ, съ товарищами, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстахъ города подѣлали, да нашихъ пословъ и людей стерегутъ и разбиваютъ. Какая же это твоя дружба! Захочешь съ нами дружбы и братства, то ты этихъ своихъ холопей оттуда сведи“. Мы видѣли, какъ султанъ жаловался на Донскихъ казаковъ, приписывалъ имъ такіе подвиги, о которыхъ изъ другихъ источниковъ мы не знаемъ; напримѣръ, что они Перекопъ воевали, Астрахань взяли. Вражда была постоянная между Азовскими турецкими казаками и Донскими русскими: московскій посолъ Нагой писалъ къ государю, что ему нельзя послать вѣсти въ Москву „потому что Азовскіе казаки съ твоими государевыми казаками не въ миру“ [2]). Казаки были нужны Московскому правительству въ этихъ пустынныхъ странахъ не для одного противодѣйствія хищнымъ Азіятцамъ: отпуская въ Константинополь посла Новосильцева черезъ Рыльскъ и Азовъ, государь велѣлъ послать проводить его до донскихъ зимовищъ донского атамана, Мишку Черкашенина (прозваніе это показываетъ, что Мишка былъ Малороссійскій казакъ); а съ нимъ его прибору атамановъ и казаковъ 50 человѣкъ. Новосильцевъ долженъ былъ донскимъ атаманамъ и казакамъ говорить государевымъ словомъ, чтобъ они государю послужили, его, посла, въ государевыхъ дѣлахъ слушали. На Донецъ Сѣверскій атаманамъ и казакамъ, всѣмъ безъ отмѣны, послана была царская грамота, чтобъ они Новосильцева слушались во всѣхъ государевыхъ дѣлахъ, ходили бы, куда станетъ посылать: „Всѣмъ бы вы намъ послужили“, писалъ царь: „а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ“ [3]) Какъ важна была помощь казаковъ въ степи русскимъ посламъ, и къ какой жизни должны были привыкнуть здѣсь казаки,—всего лучше видно изъ донесеній пословъ о ихъ многотрудномъ пути. По-

[1]) См. Исторію Россіи, т. V, стр. 1684 и слѣд.

[2]) Дѣла Ногайскія, № 2 и 3; Дѣла Крымскія, № 11 и 12, 10.

[3]) Дѣла Турецкія, № 2, стр. 2, 34.

восильцевъ, напримѣръ, писалъ изъ Рыльска отъ 10-го марта: „Снѣга на полѣ очень велики, и *осеренило* ихъ съ великаго мясоѣда, отчего съ лошадьми идти впередъ нельзя, *серенъ* [1]) не поднимаетъ; мы думаемъ взять салазки, а сами пойдемъ на ртахъ къ Сѣверскому Донцу. Мишкина прибора казакъ помѣстный Сила Нозруновъ на твою государеву службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ на вотчину Рыльскую“. Потомъ Новосильцевъ писалъ: „Шли мы до Донца на ртахъ пѣшкомъ, а твою государеву казну и свой запасишка везли на салазкахъ сами. Какъ пришли мы на Донецъ перваго апрѣля, я велѣлъ дѣлать суда, на которыхъ намъ идти водянымъ путемъ къ Азову, и за этими судами жили мы на Донцѣ недѣлю; а у Мишки Черкашенина, у атамановъ и казаковъ не у всѣхъ были суда готовыя старыя на Донцѣ, и они дѣлали себѣ каюки“. О возвратномъ пути своемъ изъ Азова Новосильцевъ доносилъ: „Какъ мы пошли изъ Азова, пришла ко мнѣ вѣсть, что за нами пошли изъ Азова полемъ казачьи атаманы, Сенька Ложникъ съ товарищами, 80 человѣкъ, да съ ними же приближаются Козыевы Татары, да два атамана крымскихъ, а съ ними человѣкъ съ 300, и хотятъ насъ на Дону или на Украйнѣ громить съ обѣихъ сторонъ; а со мною донскихъ атамановъ и казаковъ идетъ для береженья не много; иные атаманы и казаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали“. Любопытно, что азовскій казацкій атаманъ называется Сенька Ложникъ, а русскій донской атаманъ называется Сары-Азманъ. Какъ упомянутый Мишка Черкашенинъ отмстилъ за своего сына, взятаго въ плѣнъ Крымцами и казненнаго, видно изъ слѣдующаго донесенія изъ Крыма въ Москву: „Прислалъ Турецкій царь чауша къ Крымскому царю, и писалъ къ нему: зачѣмъ ты казнилъ сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня Донскіе казаки за сына Мишкина Азовъ взяли, лучшихъ людей изъ Азова побрали 20 человѣкъ да шурина моего Усеина, кромѣ черныхъ людей“ [2]).

Донскіе казаки, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ вполовину: они нападали не на однихъ Ногаевъ, Азовцевъ и Крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ, русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей; казаковъ казнили и ловили; другіе разбѣжались, какъ волки, по выраженію лѣтописца [3]), и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу и согласилась съ радостію. Это предложеніе пришло не ранѣе весны 1579 года, хотя собственно можно было ожидать, что Строгановы станутъ прибирать охочихъ казаковъ гораздо ранѣе, именно съ 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую имъ право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральскихъ горъ. Но эта медленность объясняется легко событіями въ родѣ Строгановыхъ: Яковъ и Григорій Аникіевы умерли; остался третій братъ, Семенъ, съ двумя племянниками, Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, причемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ. Казаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеевича; другіе атаманы были: Иванъ Кольцо (который, по словамъ царской грамоты къ Ногаямъ, былъ присужденъ къ смертной казни [4]), Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ. Они пришли въ чусовскіе городки въ концѣ іюля 1571 года, и оставались здѣсь до сентября 1581 года. Въ это время, по словамъ лѣтописца [5]), они помогали Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей; въ іюлѣ 1581 г. 680 Вогуличей, подъ начальствомъ мурзы Бегбелія Агтакова, напали нечаянно на Строгановскія владѣнія и начали жечь деревни, забирая въ плѣнъ людей; но ратные люди изъ городковъ съ успѣхомъ напали на нихъ и взяли въ плѣнъ самого мурзу Бегбелія. Изъ словъ же царской грамоты 1582 года [6]) оказывается, что Строгановы не довольствовались только обороною своихъ городковъ, но посылали отряды воевать Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ. Послѣ пораженія Бегбелія, Строгановы рѣшились отпустить казаковъ, Ермака съ товарищами, за Уральскія горы для достиженія той цѣли, съ какою отцы ихъ испросили царскую грамоту въ 1574 году. По словамъ лѣтописи, 1-го сентября 1581 года Строгановы, Семенъ, Максимъ и Никита, отпустили на Сибирскаго салтана казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищами, придавши къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ — Литовцевъ, Нѣмцевъ (плѣнныхъ), Татаръ и Русскихъ, всего 300 человѣкъ, а въ цѣломъ отрядѣ съ казаками было 840 человѣкъ; Строгановы дали имъ жалованье, снабдили съѣстными запасами, одеждою, оружіемъ, пушечками и пищалями, дали проводниковъ, знающихъ Сибирскій путь, и толмачей, знающихъ бусурманскій языкъ.

Но въ томъ самый день, перваго сентября, когда Ермакъ съ своею дружиною пошелъ на очищеніе Сибирской Земли, толпы дикарей, собранныхъ Пелымскимъ княземъ, напали на Пермскія мѣста, на Чердынь и на Строгановскія владѣнія. Семенъ и Максимъ отправили въ Москву грамоту съ жалобою, что Вогуличи пожгли ихъ слободки и деревни, усольскія варницы и мельницы, хлѣбъ всякій

---

[1]) Дѣла Турецкія, стр. 36. Здѣсь ясно значеніе словъ: *серенъ* и *осеренить*: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались.

[2]) Т. ж. стр. 49; Дѣла Крымскія, № 14, стр. 269.

[3]) Хронографъ Хрущовскій, въ библіот. Моск. арх. мин. ин. дѣл. № 5.

[4]) Дѣла Ногайскія, № 10, стр. 258.

[5]) Лѣтоп. Сибирская, изд. Спасскимъ, стр. 15.

[6]) Дополн. къ акт. истор. I, № 128.

и с[illegible] съ женами и дѣтьми въ плѣнъ, взяти [illegible]и, чтобъ царь велѣлъ имъ дать на помощь ратныхъ людей съ ружьемъ. Іоаннъ велѣлъ Пермскому намѣстнику, князю Елецкому, распорядиться, чтобъ земскіе старосты и цѣловальники собрали съ Пермскихъ волостей и Соли-Камской ратныхъ людей со всякимъ оружіемъ, человѣкъ 200; въ головахъ были бы у нихъ земскіе же люди; пусть ратныхъ людей Пермичи и Усольцы собираютъ сами между собою, чтобъ имъ отъ намѣстника убытковъ не было. Собранное такимъ образомъ ополченіе должно было помогать Семенову и Максимову острогу; если же Вогуличи придутъ на пермскія и усольскія мѣста, то строгановскіе люди должны помогать этимъ мѣстамъ. Царь писалъ и Никитѣ Строганову, чтобъ онъ помогалъ своимъ родственникамъ [1]).

Но въ слѣдующемъ году Чердынскій воевода Перепелицынъ, вѣроятно не поладившій со Строгановыми, донесъ царю, что въ то самое время, какъ Пелымскій князь напалъ на Пермь, Строгановы, вмѣсто того, чтобъ защищать эту область, отправили своихъ казаковъ воевать Сибирскаго салтана. Вслѣдствіе этого донесенія, царь велѣлъ отправить къ Строгановымъ такую грамоту: „Писалъ къ намъ изъ Перми Василій Перепелицынъ, что вы изъ своихъ остроговъ послали волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищами, воевать Вотяковъ и Вогуличей, пелымскія и сибирскія мѣста, 1-го сентября; и въ тотъ же самый день Пелымскій князь, собравшись съ сибирскими людьми и Вогуличами, приходилъ войною на наши пермскія мѣста, къ городу Чердыни, къ острогу приступалъ, нашихъ людей побилъ и много убытковъ нашимъ людямъ надѣлалъ. Это случилось по вашей измѣнѣ: вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, войною на нихъ приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ Сибирскимъ салтаномъ; потомъ, призвавши къ себѣ волжскихъ атамановъ, воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа, а эти атаманы и казаки и прежде ссорили насъ съ Ногайскою ордою, пословъ ногайскихъ на Волгѣ, на перевозахъ побивали, ордобазарцевъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ много грабежей и убытковъ чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что нашу Пермскую Землю оберегать; а они, вмѣстѣ съ вами, сдѣлали точно такъ-же, какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни Вогуличи, 1-го сентября, отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами пошли воевать Вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною; если бы вы намъ служили, то вы бы казаковъ въ это время на войну не посылали, а послали бы ихъ и своихъ людей изъ остроговъ Пермскую Землю оберегать. Мы послали въ Пермь Воина Оничкова, велѣли ему этихъ казаковъ, Ермака съ товарищами, взять и отвести въ Пермь и въ Камское Усолье, тутъ велѣли имъ стоять, раздѣлясь, и зимою на нартахъ ходить на Пелымскаго князя вмѣстѣ съ Пермичами и Вятчанами; а вы, обославшись съ Перепелицинымъ и Оничковымъ, посылали бы отъ себя воевать Вогуличей и Остяковъ. Непремѣнно, по этой нашей грамотѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ казаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если для непріятельскаго прихода вамъ въ острогѣ пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, человѣкъ до ста, съ какимъ-нибудь атаманомъ, остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь непремѣнно тотчасъ. А не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищами, станете держать ихъ у себя, и пермскихъ мѣстъ не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впередъ случится надъ пермскими мѣстами отъ Вогуличей, Пелымцевъ и отъ Сибирскаго салтана, то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу Землю выдали, велимъ перевѣшать“ [2]).

Ясно, что выраженіе грамоты: „Вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, войною на нихъ приходили“, никакъ не могутъ относиться къ знаменитому походу Ермака на Сибирь 1-го сентября 1581 года; не могутъ относиться уже грамматически, по многократнымъ формамъ; не могутъ относиться и потому, что извѣстіе о призывѣ Ермака помѣщено послѣ, безъ связи съ прежними нападеніями Строгановыхъ на Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ; наконецъ Ермакъ своимъ послѣднимъ походомъ не могъ возбудить Пелымскаго князя, который на зналъ объ этомъ походѣ, а когда узналъ, то ушелъ назадъ; слѣдовательно прежде посылки Ермака 1-го сентября 1581 года Строгоновы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательныя движенія на сибирскихъ народцевъ Царь обнаруживаетъ неудовольствіе, зачѣмъ Строгановы призвали къ себѣ Волжскихъ казаковъ безъ его указу; но это неудовольствіе выражено не сильно, да и гнѣвъ царскій на казаковъ за ихъ прежнія дѣла на Волгѣ выраженъ такъ-же не сильно; непосредственно слѣдуютъ слова, въ которыхъ выражается, что казаки совершенно покрыли бы свою вину, еслибъ защищали Пермскую Землю отъ сибирскихъ дикарей, и сейчасъ слѣдуютъ распоряженія объ употребленіи казаковъ для этой защиты, причемъ и Строгановымъ позволяется удержать часть ихъ въ своихъ острожкахъ. Царь выражаетъ гнѣвъ свой не за то, слѣдовательно, что Строгановы призвали Волжскихъ охочихъ казаковъ, и не за то, что послали ихъ за Уральскія горы, на что имѣли полное право по прежней грамотѣ; онъ сердится за то, что они предпочли, по его мнѣнію, свои выгоды выгодамъ царскимъ; нападеніями раз-

[1]) Допол. къ акт. истор. I, № 126.

[2]) Т. ж. № 128.

дражали дикарей, и въ то время, какъ эти дикари напали на Пермскую Землю и на владѣнія Строгановыхъ, у послѣднихъ не оказалось средствъ для защиты своихъ земель и для помощи царскимъ воеводамъ, потому что войско, необходимое для защиты, они отослали для завоеваній въ Сибири. Царь грозитъ Строгановымъ большою опалою только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать подобное поведеніе, продолжать заботиться только о своихъ выгодахъ; грозитъ перевѣшать казаковъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ предпочитать службу частнымъ людямъ службѣ царской, слушать Строгановыхъ и служить имъ, а царскую Землю выдавать.

Отправленный царемъ Оничковъ не могъ исполнить его приказаній: Ермакъ съ товарищами не возвратился къ Строгановымъ изъ своего похода. Четыре дня шелъ онъ вверхъ по Чусовой до устья рѣки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до сибирской дороги, здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавши его Ермаковымъ Кокуемъ-городомъ; съ этого мѣста шли волокомъ до рѣки Жаровли, Жаровлею выплыли въ Туру, гдѣ и начиналась Сибирская страна. Плывя внизъ по Турѣ, казаки повоевали много татарскихъ городковъ и улусовъ; на рѣкѣ Тавдѣ схватили нѣсколько Татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучумѣ, именемъ Таузака, который разсказалъ казакамъ подробно о своемъ салтанѣ и его приближенныхъ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кучуму, чтобъ онъ разсказами своими о казакахъ настращалъ хана. Таузакъ, по словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучуму: „Русскіе воины сильны; когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается; стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя, все на-вылетъ пробиваютъ“. Эти разсказы нагнали печаль на хана и раздумье; онъ собралъ войско, выслалъ съ нимъ родственника своего Маметкула встрѣтить Русскихъ, а самъ укрѣпился подлѣ рѣки Иртыша, подъ горою Чувашьею. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, и былъ разбитъ: ружье восторожествовало надъ лукомъ. Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ вельможъ, или карачей, защищалъ свой улусъ; казаки разгромили его, взяли медъ и богатство царское; непріятели настигли ихъ на Иртышѣ, завязалась новая битва, и опять Кучумово войско было разбито; казаки поплатились за свою побѣду нѣсколькими убитыми и всѣ были переранены. Къ ночи казаки взяли городъ Атикъ-Мурзы и засѣли въ немъ; на другой день должна была рѣшиться ихъ участь; надобно было вытѣснить Кучума изъ его засѣки. Казаки собрали кругъ и стали разсуждать: идти ли назадъ или впередъ. Осилили тѣ, которые хотѣли впередъ во что бы то ни стало: „Братцы!“ говорили они: „куда намъ бѣжать? время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается; не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога; Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, которое мы дали честнымъ людямъ (Строгановымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ“. На разсвѣтѣ, 23 октября, казаки вышли изъ города и начали приступать къ засѣкѣ; осажденные, пустивши тучи стрѣлъ на нападавшихъ, проломили сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя, казаки побѣдили; царевичъ Маметкулъ былъ раненъ; Остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ мѣстамъ. Тогда и старый ханъ оставилъ засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ, Сибирь, забралъ здѣсь сколько могъ пожитковъ и бѣжалъ дальше. Казаки вошли въ пустую Сибирь 26 октября. На четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ Остяцкій князь съ дружиною, привезъ много даровъ и запасовъ; потомъ стали приходить Татары съ женами и дѣтьми, и селиться въ прежнихъ своихъ юртахъ.

Казаки владѣли въ стольномъ городѣ Кучумовомъ; но Маметкулъ былъ недалеко. Однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нѣсколько изъ нихъ отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу; Маметкулъ подкрался и перебилъ ихъ всѣхъ. Ермакъ, услышавши объ этомъ, пошелъ мстить за товарищей, настигъ поганыхъ при Абалакѣ, бился съ ними до ночи; ночью они разбѣжались, и Ермакъ возвратился въ Сибирь. Весною, по водополью, пришелъ въ городъ Татаринъ и сказалъ, что Маметкулъ стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ. Ермакъ отрядилъ часть казаковъ, которые ночью напали на станъ царевича, много поганыхъ побили, самого Маметкула взяли въ плѣнъ и привели къ Ермаку въ Сибирь. Плѣнъ храбраго Маметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучума, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ. Но одна дурная вѣсть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идетъ на него князь Сейдекъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата; затѣмъ покинулъ его карача съ своими людьми. Горько плакалъ старикъ Кучумъ: „Кого Богъ не милуетъ“, говорилъ онъ, „тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ“.

Лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; взялъ остяцкій городъ Назымъ, плѣнилъ его князя, но въ этомъ походѣ потерялъ атамана Никиту Папа съ его дружиною. Возвратившись въ Сибирь, Ермакъ далъ знать Строгановымъ о своихъ успѣхахъ, что онъ Кучума салтана одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Маметкула плѣнилъ. Строгановы дали знать объ этомъ царю, который за ихъ службу и радѣнье пожаловалъ Семена городами Солью Большою на Волгѣ и Солью Малою, а Максиму и Никитѣ далъ право въ городкахъ и острожкахъ ихъ производить безпошлинную торговлю какъ имъ самимъ, такъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ. Казаки отъ себя прямо

послали нѣсколько товарищей своихъ въ Москву извѣстить царя объ усмиреніи Сибирской Земли. Іоаннъ пожаловалъ этихъ казаковъ великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибири государь послалъ свое полное большое жалованье; а для принятія у нихъ сибирскихъ городовъ отправилъ воеводъ князя Семена Болховского и Ивана Глухова. Касательно отправленія этихъ воеводъ въ Сибирь до насъ дошла царская грамота къ Строгановымъ отъ 7-го января 1584 года: „По нашему указу велѣно было князю Семену Болховскому взять у васъ, съ вашихъ острожковъ, на нашу службу, въ сибирскій зимній походъ пятьдесятъ человѣкъ на коняхъ. Но теперь дошелъ до насъ слухъ, что въ Сибирь зимнимъ путемъ на коняхъ пройдти нельзя, и мы князю Семену теперь изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь ходить не велѣли до весны, до полой воды, и ратныхъ людей брать у васъ также не велѣли. Весною же велѣли взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, чтобъ струги подняли по двадцати человѣкъ съ запасомъ; а людей ратныхъ, подводъ и проводникомъ брать у васъ не велѣли и обиды вашимъ людямъ и крестьянамъ никакой дѣлать не велѣли. Такъ вы бы тотчасъ велѣли изготовить къ веснѣ струги, чтобъ за ними воеводамъ въ вашихъ острожкахъ и часу не мѣшкать. А не дадите судовъ тотчасъ, и нашему дѣлу учинится поруха, то вамъ отъ насъ быть въ великой опалѣ“ [1]). Эо распоряженіе Іоанна относительно Сибири бю послѣднее: онъ не дождался вѣстей ни о судьбѣ Болховского, ни о судьбѣ Ермака.

Еще будучи только 43 лѣтъ, въ 1573 году, Іоаннъ говорилъ литовскому послу Гарабурдѣ, что онъ уже старъ. Дѣйствительно, такая страшня жизнь, какую велъ Іоаннъ, такая страшная болѣзнь, которою страдалъ онъ, должны были состарить его преждевременно. Несчастная война съ Баторіемъ, потеря Ливоніи, униженіе, претерпѣнное Іоанномъ, должны были также разрушительно подѣйствовать на его здоровье. Наконецъ сюда присоединилось невоздержаніе всякаго рода, протъ чего не могло устоять и самое крѣпкое тѣло сложеніе. Мы видѣли, что по смерти Анастасіи Іоаннъ сватался на сестрѣ Польскаго короля, но сватовство это не имѣло успѣха; Іоаннъ обратился въ сторону противоположную, на Востокъ, и въ 1561 г. женился на дочери Черкесскаго князя Темрюка, которой при крещеніи въ Москвѣ дали имя Маріи. Выгода жениться не на Русской, особенно прио-гдашнихъ обстоятельствахъ, и красота Черкешенки могли прельстить Іоанна; но легко понять, что онъ могъ выиграть въ нравственномъ отношеніи отъ союза съ дикаркою. Марія умерла въ 1569 году. Въ 1571 году Іоаннъ рѣшилъ вступить въ третій бракъ, и выбралъ въ невѣсты Марѳу Собакину, дочь купца новгородскаго [2]); но молодая царица не жила и мѣсяца. Іоаннъ не любилъ сдерживаться никакими препятствіями и, въ началѣ 1572 года, вопреки уставу церковному, женился въ четвертый разъ, на Аннѣ Колтовской; онъ призвалъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ на свой царскій духовный совѣтъ, и молилъ о прощеніи и разрѣшеніи четвертаго брака, потому что дерзнулъ на него по слѣдующимъ причинамъ: женился онъ первымъ бракомъ на Анастасіи, дочери Романа Юрьевича, и жилъ съ нею тринадцать лѣтъ съ половиною; но вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ Черкасъ Пятигорскихъ дѣвицу, и жилъ съ нею восемь лѣтъ; но и та вражіимъ коварствомъ отравлена была. Подождавъ немало времени, захотѣлъ вступить въ третій бракъ, съ одной стороны для нужды тѣлесной, съ другой—для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ; поэтому идти въ монахи не могъ, а безъ супружества въ мірѣ жить соблазнительно; избралъ себѣ невѣсту, Марѳу, дочь Василія Собакина; но врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Марѳу, и они отравили ее, еще когда она была въ дѣвицахъ. Царь положилъ упованіе на всещедрое существо Божіе, и взялъ за себя царицу Марѳу, въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но была она за нимъ только двѣ недѣли и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Царь много скорбѣлъ и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ; но, видя христіанство расплѣняемо и погубляемо, дѣтей несовершеннолѣтнихъ, дерзнулъ вступить въ четвертый бракъ.—Царскіе богомольцы, архіепископы и епископы, видя такое царево смиреніе и моленіе, много слезъ испустили и на милосердіе преклонились. Собравшись въ соборной церкви Успенія, они положили: простить и разрѣшить царя, ради теплаго умиленія и покаянія, и положить ему заповѣдь не входить въ церковь до Пасхи; на Пасху въ церковь войти, меньшую дору и пасху вкусить, потомъ стоять годъ съ припадающими; по прошествіи года ходить къ меньшой и къ большой дорѣ; потомъ годъ стоять съ вѣрными, и, какъ годъ пройдетъ, на Пасху причаститься Св. Таинъ; съ слѣдующаго же 1573 года разрѣшили царю по праздникамъ владычнымъ и богородичнымъ вкушать богородничный хлѣбъ, Святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будетъ подавать, сколько захочетъ. Если государь пойдетъ противъ своихъ невѣрныхъ недруговъ, за Святыя Божія церкви и за православную вѣру, то ему епитимію разрѣшить; архіереи и весь освященный соборъ возьмутъ ее тогда на себя. Прочіе же, отъ царскаго синклита до простыхъ людей, да не дерзнутъ на четвертый бракъ; если же кто по гордости и неразумію вступить въ него, тотъ будетъ проклятъ [3]).—Но Іоаннъ жилъ въ четвертомъ

[1]) Миллера—Сибирская Исторія, стр. 171.

[2]) Beiträge zur Kenntniss Ruslands, 231; П. С. Р. Л. III, 167.

[3]) Акты арх. эксп. I, № 284.

бракѣ не болѣе трехъ лѣтъ: Колтовская заключилась въ монастырѣ. Не имѣемъ права двухъ наложницъ царя, Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву, называть царицами, ибо онъ не вѣнчался съ ними, и въ современныхъ памятникахъ онѣ царицами не называются [1]), въ пятый и послѣдній разъ Іоаннъ вѣнчался въ 1580 году съ Маріею Ѳедоровною Нагою, отъ которой имѣлъ сына Димитрія; но мы видѣли, что онъ считалъ дѣломъ легкимъ росторгнуть этотъ бракъ и сватался на Англичанкѣ. Во время пребыванія Поссевина въ Москвѣ, Іоаннъ исповѣдывался, но не пріобщался вслѣдствіе того, что былъ женатъ на пятой женѣ.

Привычка давать волю гнѣву и рукамъ не осталась безъ страшнаго наказанія; въ ноябрѣ 1581 г., разсердившись за что-то на старшаго сына своего Іоанна, царь ударилъ его—и ударъ былъ смертельный. Мы сказали: *„за что-то“*, ибо относительно причины гнѣва свидѣтельства разнорѣчатъ; у Псковскаго лѣтописца читаемъ: *„Говорятъ*, что сына своего, царевича Ивана, за то поколол жезломъ, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ (отъ Баторія);“ то же самое повторяютъ нѣкоторые иностранные писатели; но Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ спустя только три мѣсяца послѣ событія, разсказываетъ, что убійство произошло вслѣдствіе семейной ссоры; царевичъ вступился за беременную жену свою, которую отецъ его прибилъ [2]). По свидѣтельству того же Поссевина, убійца былъ въ отчаяніи, вскакивалъ по ночамъ и вопилъ; собралъ бояръ, объявилъ, что онъ убилъ сына, не хочетъ болѣе царствовать, и какъ такъ оставшійся царевичъ Ѳедоръ неспособенъ править государствомъ, то пусть подумаютъ, кто изъ бояръ достоинъ занять престолъ царскій. Бояре, опасаясь, чтобъ это предложеніе не было хитростію, объявили, что они не хотятъ видѣть на престолѣ никого, кромѣ сына царскаго, и упрашивали самого Іоанна не покидать правленія.

Не съ большимъ два года прожилъ Іоаннъ по смерти сына; въ началѣ 1584 года обнаружилась въ немъ страшная болѣзнь,—слѣдствіе страшной жизни: гніеніе внутри, опухоль снаружи. Въ мартѣ разосланы по монастырямъ грамоты: „Въ великую и пречестную обитель, святымъ и преподобнымъ инокамъ, священникамъ, дьяконамъ, старцамъ соборнымъ, служебникамъ, клирошанамъ, лежнямъ, и по кельямъ всему братству; преподобію ногъ вашихъ касаясь, *князь великій* Иванъ Васильевичъ челомъ бьетъ, молясь и припадая преподобію вашему, чтобъ вы пожаловали, о моемъ окаянствѣ соборно и по кельямъ молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, вашихъ ради святыхъ молитвъ, моему окаянству отпущеніе грѣховъ даровали, отъ настоящія смертныя болѣзни свободили и здравіе дали; и въ чемъ мы передъ вами виноваты, въ томъ бы вы насъ пожаловали простили, а вы въ чемъ передъ нами виноваты, и васъ во всемъ Богъ проститъ“ [3]). Говорятъ, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался къ боярамъ; убѣждалъ сына Ѳедора царствовать благочестиво, съ любовію и милостію, избѣгать войны съ христіанскими государствами; завѣщалъ уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнныхъ; въ припадкахъ все звалъ убитаго сына Ивана. Говорятъ также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять своихъ требованій... Смертный ударъ застигъ Іоанна 18 марта, когда, почувствовавъ облегченіе, онъ сбирался играть въ шашки. Надъ полумертвымъ совершили обрядъ постриженія, назвали его Іоною [4]).

Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ

---

[1]) Обиходъ Іосифова Волоцкаго монастыря: «По Аннѣ Васильчиковой дачи государскіе 100 рублевъ». Въ одномъ хронографѣ говорится: «Въ лѣто 7081 (1572?), Ноемврія 11 дня, прія (царь) молитву и сочетася отай на княжнѣ Маріи Ивановнѣ Долгорукая, кою утопи въ рѣцѣ Серѣ, въ колымагѣ, затисну ю крѣпцѣ, на ярыхъ конехъ, и воскручинися, занеже въ ней не обрѣте дѣвства; а погуби ю на утро Ноемврія 12 дня. Но вельми бысть добра и красоты юныя колпицы, и восплакася, повелѣ златополосную главу церкви слободы Александровой очернити чрезъ полосу злату». О Василисѣ Мелентьевой тутъ же говорится, что мужъ ея былъ заколотъ опричникомъ, и царь постригъ ее въ Новгородѣ 1 мая 1577 года за то, что замѣтилъ «ю зрящу яро на окружничаго Ивана Девтелева князя, коего и казни». См. отчетъ Импер. публич. библіотеки за 1863 годъ, стр. 60, 61.

[2]) Ant. Possev. De moscovia, commen. I: «Interfectum igitur fuisse Ioannem filium a Magno Moscoviæ duce in arce ea, quæ sloboda Alexandri dicitur, certiore inditio proditum est. Ejus mortis fuisse causam, qui veritatem scrutati sunt (nam et tum erat apud eum alter ex interpretibus meis, quem ad ipsum allegaveram) hunc veriorem retulere. Honestæ quæque, nec pauperes mulieres tribus vestibus indui solent, præ ratione temporum, aut gravibus, aut levibus, si una tantum induantur, haud bene audiunt. Tertia igitur Ioannis filii uxor simplici veste induta, quoniam uterum gerebat, neque a se quemquem aditurum putabat, forte super scamno decumbens, invisitur a Magno Duce Moscoviæ, cui statim assurqens, nihil tamen animum illius emollivit, sed accepta alapa, deinde baculo, quem ille gestabat, ita percussa est, ut in sequenti nocte pueri abortum faceret. Accurit interim ad patrem Ioannes filius, eumque dum reprimit, ne uxorem verberet, in se iram et verbera patris convertit. Itaqne eidem baculo in capite prope tempora gravissime vulneratus est. Et filius antea adversus patrem incensus, multa illi exprobraverat in haec verba: tu mihi primam uxorem nullam ob causam in monasterium instruisti; de secunda id ipsum fecisti; ecce jam tertiam percutis, ut filius, quem in utero gerit, pereat».

[3]) Дополн. къ акт. истор. I, № 129.

[4]) Hakluyt's Collection etc.; «Oderbornii Vitae Ioannis Basilid. I. III». Post longum luctum resumtis parùm per viribus, Arinam, honestæ pulchritudinis foeminam, et filii uxorem sui, officii causa in aulam venientem ad stupri consuetudinem parpellere voluit, nec aliter illa, quam dum clamat, servata est... Morbus ad eo vehementer demum incubuit; ut putrescentibus intestinis et visceribus; ipsa etiam naturalia teterrimo faetore infecta ad animalibes, quæ tabidis in corporibus nasci solent, laniarentur».

непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV-й не былъ понятъ потому, что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе „*Грозный*", которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда, Іоанна III, называли также Грознымъ. Мы жаловались на сухость, безжизненность нашихъ источниковъ въ Сѣверной Руси до половины XVI вѣка [1]); жаловались, что историческія лица дѣйствуютъ молча, не высказываютъ намъ своихъ побужденій, своихъ сочувствій и непріязней. Но во второй половинѣ XVI вѣка борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся въ Москвѣ съ половины XV-го вѣка начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцовъ—внукъ Іоанна III-го и Софіи Палеологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало непріязни въ самомъ собраніи Земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ Сѣверной Руси княжеству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ Московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ,—начало борьбы при Іоаннѣ III—указываетъ на Софію Палеологъ, какъ на главную виновницу перемѣны; еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III-го и Софіи, Василія, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наслѣдника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполнѣ объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится: это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ, и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля; къ Стефану Баторію, многомятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ царемъ Московскимъ.

Мы видѣли, вслѣдствіе чего Іоаннъ дошелъ до ранняго сознанія борьбы, которую онъ долженъ былъ вести, до сознанія началъ, которыя онъ долженъ былъ защищать отъ началъ противоположныхъ. Послѣднимъ, во время его малолѣтства, дана была возможность вполнѣ обнаружиться, и это обнаруженіе вызвало противодѣйствіе, усиленное еще новыми, извѣстными обстоятельствами, характеромъ главнаго дѣятеля, образовавшимися также подъ вліяніемъ борьбы. Въ борьбѣ этой обнаружились значеніе и средства той и другой стороны; она бросила яркій свѣтъ и на прежнія отношенія, на древнюю исторію Руси. Чтобъ уяснить себѣ характеръ отношеній между нашими древними князьями, намъ стоило только спросить у лѣтописцевъ, какъ эти князья звали другъ друга и какъ звали ихъ подданные? Встрѣчаемъ ли мы въ древнихъ лѣтописяхъ названія: князь Кіевскій, Черниговскій, Переяславскій, Туровскій, Полоцкій? Нѣтъ, мы этихъ названій не встрѣчаемъ; встрѣчаемъ одни собственныя имена княжескія, которыя приводятъ обыкновенно въ такое затрудненіе людей, начинающихъ заниматься древнею русскою исторіею. Чего нѣтъ въ древнихъ памятникахъ, того не должны мы искать въ древнемъ обществѣ: князья не титулуются по имени своихъ владѣній, слѣдовательно владѣнія эти не имѣли для нихъ первенствующаго значенія, и дѣйствительно видимъ, что они ихъ мѣняли; видимъ, что они называютъ другъ друга братьями, считаются, ведутъ споры о старшинствѣ по родовой лѣствицѣ:—заключаемъ, что господствующія отношенія между ними были родовыя, а не по владѣніямъ. Обратимся съ тѣмъ же вопросомъ и къ дружинѣ княжеской, къ боярамъ, спросимъ: какъ ихъ зовутъ? При именахъ вельможъ Западной Европы мы привыкли встрѣчать частицы „*фонъ*", „*де*", съ собственными именами земельныхъ участковъ, замковъ. Еслибъ исчезли всѣ извѣстія о происхожденіи западно-европейскаго высшаго сословія, то изъ однихъ фамильныхъ именъ мы заключили бы, что имѣемъ дѣло съ землевладѣльцами; что владѣніе землею положено въ основу сословнаго значенія. Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ: что встрѣтимъ? „Данило Романовичъ Юрьевича Захарьина, Иванъ Петровичъ Ѳедоровича". Какъ у древнихъ князей, такъ и у бояръ нѣтъ слѣда отношенія къ земельной собственности, и одно явленіе объясняетъ другое: если князья не имѣли постоянныхъ волостей, мѣняли ихъ по родовымъ счетамъ, то и дружина ихъ мѣняла также волости вмѣстѣ съ ними, не могла усѣсться на однихъ мѣстахъ, глубоко пустить корней въ землю, пріобрѣсти чрезъ землевладѣніе самостоятельное земское значеніе, зависѣла, получала средства существованія и значеніе отъ князя, или отъ цѣлаго рода княжескаго, ибо дружинники переходили отъ одного князя къ другому. Какой былъ главный интересъ русскаго боярина,—это выражается въ его имени: къ имени, полученному при рожденіи или при крещеніи, онъ прибавляетъ имя отца, дѣда и прадѣда, носитъ съ собою свое родословіе, и крѣпко стоитъ за то, чтобъ роду не было порухи, униженія; отсюда понятно становится намъ явленіе мѣстничества; интересъ родовой господствуетъ. Когда князей было много, когда можно было переходить отъ одного изъ нихъ къ другому, выгодное положеніе друженника обезпечивалось вполнѣ этою возможностью. Когда же эта возможность, съ установленіемъ единовластія, исчезла, дружинникъ долженъ былъ принять то

[1]) См. Исторію Россіи, т. V, стр. 1704, 1705.

*

положеніе, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословныя отличія и преимущества не выработались, не опредѣлились закономъ: мы видѣли, что когда на поле или судебный поединокъ являлись съ одной стороны дѣти боярскія, а съ другой крестьяне, и дѣти боярскія, по сословнымъ требованіямъ, отказывались биться съ крестьянами, то судья обвинялъ ихъ, ибо законъ молчалъ о сословныхъ различіяхъ. Въ отношеніяхъ княжескихъ въ Сѣверной Россіи произошла перемѣна: здѣсь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились всѣ Москвѣ, то князья ихъ явились сюда съ волостными наименованіями. Но князья, отстранивъ отъ первыхъ мѣстъ, заѣхавъ, по тогдашнему выраженію, старинные роды боярскіе, не долго удерживаютъ за собою первенствующее положеніе: кромѣ титула, скоро ничѣмъ болѣе не отличаются отъ остальныхъ членовъ служилаго сословія, и многіе изъ нихъ даже забываютъ свои наименованія по волостямъ и сохраняютъ только имена, отъ личныхъ прозвищъ происходящія. Все это объясняетъ намъ, почему въ малолѣтство Іоанна IV-го мы видимъ только борьбу извѣстныхъ отдѣльныхъ родовъ за первенство, почему служилое сословіе такъ долго и упорно держалось за обычай мѣстничества: въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно изъ одной сферы,—съ большою силою и упругостію обнаружится въ другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, оно объединилось, старое съ новымъ начало сводить послѣдніе счеты: немудрено, что появилось много важныхъ вопросовъ, важныхъ требованій. Вторая половина XVI вѣка, царствованіе Іоанна IV-го, характеризуется преимущественно этимъ поднятіемъ важныхъ вопросовъ въ государственной жизни, наибольшею выставкою этихъ вопросовъ, если начали подниматься они и прежде, ибо въ исторіи ничто не дѣлается вдругъ. Такъ опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія царя къ своимъ старымъ боярамъ; но, съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніи старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся вслѣдствіе государственныхъ требованій и вслѣдствіе свободнаго доступа въ него отовсюду; подлѣ личныхъ стремленій Іоанна видимъ стремленія цѣлаго разряда людей, которымъ было выгодно враждебное отношеніе царя къ старшей дружинѣ. Мы видѣли, что самъ Іоаннъ въ завѣщаніи сыновьямъ, смотрѣлъ на опричнину, какъ на вопросъ, какъ на первый опытъ. Послѣ мы увидимъ, какъ будетъ рѣшаться этотъ важный вопросъ объ отношеніяхъ младшей дружины къ старшей. Государство складывалось, новое сводило счеты съ старымъ: понятно, что долженъ былъ явиться и громко высказаться вопросъ о необходимыхъ перемѣнахъ въ управленіи, о недостаточности прежнихъ средствъ; о злоупотребленіяхъ, отъ нихъ происходящихъ; являются попытки къ рѣшенію вопроса — губныя грамоты, новое положеніе дьяковъ относительно воеводъ и т. д. Понятно, что въ то же время долженъ былъ возникнуть вопросъ первой важности,—вопросъ о необходимости пріобрѣтенія средствъ государственнаго благосостоянія, которыми обладали другіе европейскіе народы: и вотъ видимъ первую попытку относительно Ливоніи. Вѣкъ задавалъ важные вопросы, а во главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный приступать немедленно къ ихъ рѣшенію.

Къ сказанному прежде объ этомъ характерѣ, о его образованіи и постепенномъ развитіи намъ не нужно было бы прибавлять ничего болѣе, еслибъ въ нашей исторической литературѣ не высказывались о немъ мнѣнія совершенно противоположныя. Въ то время какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими, очень нелестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живаго многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметѣ любимомъ, достоинствъ— въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ,—и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и наоборотъ,—въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признавать никакого достоинства

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію

царской воли волѣ собственной; такое стремленіе, въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностію, самовольство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію. Вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы-ль растлѣнны, или я?—что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быть, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли и всю власть съ меня сняли; я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ“. Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „Ты говоришь что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь; но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вскладываете!“ Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы съ крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій, и, получивъ неизреченнымъ Божіемъ милосердіемъ побѣду, возвращались домой,—то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную Землю“. Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „Когда мы двинулись“; потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія, и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы посылали на Казанскую Землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства! Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую Землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты; когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого скораго возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, еслибъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не вовремя“. Какъ согласить эти слова: „Я посылалъ“, „еслибъ я васъ не удержалъ“ съ словами: „Вы государились, а я ничѣмъ ни владѣлъ?“—Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно такъ-же, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ: они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ“. Слѣдовательно Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда, въ 1555 году, царь выступилъ противъ Крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ Татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться; но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ—другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра и къ митрополиту, и къ царю. Это посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію, по поводу дѣла о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Ру-

сіи, и всему освященному собору. Благовѣщенскій попъ Селивестришко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Государь, святый митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина; Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали-жъ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно: и мы то государю сказали жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось, а про Артемья, бывшаго Троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ; но до Троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его, Порфирій, приходилъ къ Благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды-трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать". Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто Троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы — дѣла оставливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобъ человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно Крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля Шведскаго и особенно относительно Баторія. Непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній,—и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія своего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV-го, мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III-го, потомокъ Всеволода III го; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его вначалѣ героемъ, покровителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ; но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ; сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена, такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти Московскіе или, вообще, Сѣверные князья-хозяева, собиратели Земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ, то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною сла-

бостію, неумѣніемъ устоять противъ искушеній, неумѣніемъ совладать съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь: но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ,—но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ, зависѣвшія отъ нихъ, средства къ защитѣ; въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: „Я знаю, что я золъ", говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему; мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій и большой, возможной въ то время, начитанности; но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостію нравовъ времени. Дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнію и честію человѣка. Дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло; такъ, напримѣръ, въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова „О царѣ Турскомъ Магметѣ, како хотѣлъ сожещи книги греческія", строгій судъ и жестокія казни султана прославляются, какъ достойныя подражанія: „Магметъ салтанъ училъ говорити: аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правду въ землю не ввести". Но возможность найти объясненіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI вѣка, потому что оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ салтанъ; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованія этого основнаго начала. Русское общество, выставивъ Св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, непослушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво; но онъ не сознавалъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ,—права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ:—надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не сознаЛъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда; или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами—и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы Смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій; своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами:—выросъ Грозный.

Подобно дѣду своему, Іоанну III-му, Іоаннъ IV былъ очень высокаго роста, хорошо сложенъ, съ высокими плечами, широкою грудью; по иностраннымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ полонъ, а по русскимъ—сухощавъ [1]); глаза у него были маленькіе и живые, носъ выгнутый, усы длинные. Привычки, пріобрѣтенныя имъ во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выраженіе, хотя смѣхъ безпрестанно выходилъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ обширную память, обнаруживалъ большую дѣятельность; самъ разсматривалъ всѣ просьбы; всякому можно было обращаться прямо къ нему съ жалобами на областныхъ правителей. Подобно отцу, любилъ монастырскую жизнь; но, по живости природы своей, не довольствовался однимъ посѣщеніемъ монастырей, созерцаніемъ тамошняго быта: въ Александровской слободѣ завелъ монастырскіе обычаи, самъ былъ игуменомъ, опричники—братіею. По русскимъ и иностраннымъ свидѣтельствамъ, въ первую половину жизни Іоаннъ мало занимался охотою, посвящая все свое время дѣламъ правленія [2]). Когда Баторій, по окончаніи войны, прислалъ просить у царя красныхъ кречетовъ, то Іоаннъ велѣлъ ему отвѣчать, что послалъ за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже онъ мало охотится, потому что пришли на него кручины большія. Баторій, въ благодарность за кречетовъ, спрашивалъ, какія вещи особенно любитъ царь, чтобъ прислать ихъ ему. Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ охотникъ до аргамаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ хорошихъ желѣзныхъ съ наводомъ, пищалей ручныхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки [3]).

---

[1]) Одерборнъ: «Toto habitu succoso et pingui». Кубасовъ: «сухо тѣло имѣя». См. также Подробную лѣтоп. изд. Львов. III, 85.

[2]) Hakluyt-Collection, I, 357; Никон. лѣтоп. VII, 259.

[3]) Дѣла Польск. № 14, стр. 637.

Дополненія къ шестому тому.

I. Замѣтка относительно завоеванія Сибири.

Мы не можемъ оставить нашего разсказа о покореніи Сибири Ермакомъ безъ нѣкоторыхъ объясненій, потому что въ источникахъ этого разсказа находятся разнорѣчія, составляющія предметъ спора. Карамзинъ достовѣрнѣйшею изъ лѣтописей, повѣствующихъ о покореніи Сибири, признаетъ ту лѣтопись, которую мы знаемъ въ печати по изданію г. Спасскаго (1821 года), и полагаетъ составленіе ея около 1600 года: „Авторъ (говоритъ Карамзинъ) имѣлъ въ рукахъ своихъ грамоты Іоанновы, данныя Строгановымъ, и пишетъ основательно, просто: буду называть сію дѣйствительно историческую повѣсть „*Строгановскою лѣтописью*". Въ 1849 году г. Небольсинъ, въ сочиненіи своемъ: „*Покореніе Сибири*", вооружился противъ показаній Строгановской лѣтописи (будемъ называть ее такъ по примѣру Карамзина) и старался дать преимущество другой лѣтописи, Есипова, названной такъ по имени своего составителя. Г. Небольсинъ говоритъ: „Лѣтопись Есипова, несмотря на риторику и фразерство, — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ, худо ли, хорошо ли,—но дѣйствовалъ не безъ критики, и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгановыхъ, пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только „оный велемудрый риторъ Ермакъ" съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей лѣтописи ссылку на другую лѣтопись: „Иніи же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгановы и даша имъ имѣнія" и проч. Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь. Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ Есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень старался подделаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недовѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту, задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ, и всѣми силами старается выставить Ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда. Его казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны покорителей, и каждому поступку ихъ придаетъ видъ самаго строгаго приличія, хотя бы для этого нужно было переиначить событія. Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другого рода ошибки; авторъ выводитъ событія, не подтверждаемыя никакими оффиціальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать важный блескъ имени Строгановыхъ. Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей исторіи, и Есиповскую и Строгановскую лѣтописи обѣ называетъ древнѣйшими и достовѣрными; въ 664 примѣчаніи къ тому-же тому онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ Строгановской лѣтописи, а почему онъ именно ей слѣдуетъ — этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому Строгановскую лѣтопись онъ называетъ достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и сочиненною, вѣроятно, около 1600 года. Эти слова

не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что Строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о Сибирской архіепископіи, тогда какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, и въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи „всея Сибирскія Земли", о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ быть даже она и еще позже составлена.

Всякій, сравнивавшій лѣтописи — Есипова и Строгановскую, согласится съ нами, что отзывъ о способѣ изложенія событій въ обѣихъ, отзывъ, который мы находимъ въ изслѣдованіи г. Небольсина, могъ произойти не иначе, какъ вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго смѣшенія авторомъ обѣихъ лѣтописей, принятія одной вмѣсто другой: иначе невозможно объяснить, какъ, напримѣръ, авторъ позволилъ себѣ сказать, что лѣтопись Есипова излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость! Стоитъ только заглянуть въ главу III, VI, VIII, чтобъ придти къ вышесказанному нами предположенію о смѣшеніи авторомъ обѣихъ лѣтописей;—неужели это не претензія на ученость, говоря о Сибири, толковать объ Италіи; говоря о Кучумѣ, наполнять цѣлую главу толками о Моисеѣ? И можно ли найти что-нибудь подобное въ Строгановской лѣтописи? — Передъ нами двѣ лѣтописи: составитель одной обнаруживаетъ явное пристрастіе къ своему герою, Ермаку, для чего умалчиваетъ о призваніи его Строгановыми; составитель другой разсказываетъ событія на основаніи источниковъ несомнѣнныхъ, именно царскихъ грамотъ, и приводитъ вполнѣ эти грамоты. Котораго изъ двоихъ мы должны предпочесть? Неужели мы должны обличать послѣдняго въ пристрастіи къ Строгановымъ за то только, что онъ упоминаетъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ Ермака, основываясь на царскихъ грамотахъ, прямо говорящихъ объ этомъ участіи? Слѣдовательно, Строгановская лѣтопись должна быть предпочтена всѣмъ другимъ извѣстнымъ лѣтописямъ сибирскимъ по своимъ источникамъ, по согласію извѣстій своихъ съ источниками, неоспоримо достовѣрными. Но если бы даже мы и не знали значенія источниковъ Строгановской лѣтописи, то и тогда мы должны были бы предпочесть ее Есиповской, ибо Строгановская объясняетъ намъ явленіе вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ, указывая на постепенный ходъ, связь событій: колонизуется страна, сосѣдняя съ Сибирью; колонизаторамъ, по обыкновенію, даются большія права. По особеннымъ условіямъ новонаселенной страны, богатые колонизаторы должны взять на себя обязанность защищать собственными средствами свои поселенія, строить острожки, содержать ратныхъ людей; само правительство, въ грамотахъ своихъ, указываетъ имъ, откуда они могутъ набрать ратныхъ людей—изъ охочихъ казаковъ. Эти казаки особенностановятся имъ нужны, когда они намѣреваются перенести свои промыслы и за Уральскія горы, во владѣнія Сибирскаго султана, для чего у нихъ есть царская грамота, и вотъ они призываютъ толпу охочихъ казаковъ съ Волги и отправляютъ ихъ въ Сибирь. Что можетъ быть для историка удовлетворительнѣе этого повѣствованія?—а насъ хотятъ увѣрить, что гораздо удовлетворительнѣе, сообразнѣе съ дѣломъ отвергнуть свидѣтельство царскихъ грамотъ объ участіи Строгановыхъ въ покореніи Сибири и признать, что толпа казаковъ, сама по себѣ, бросилась съ Волги за Уральскія горы и покорила Сибирь!—Но, основываясь на источникахъ достовѣрныхъ, на царскихъ грамотахъ, составитель Строгановской лѣтописи, быть можетъ, дѣйствительно увлекся, обнаружилъ явное пристрастіе къ Строгановымъ и тѣмъ далъ право изслѣдователю заподозрить повѣствованіе? Дѣйствительно, г. Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи, что онъ выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ; г. Небольсинъ не заблагоразсудилъ подтвердить справедливость своего упрека, не привелъ ни одного такого выпуска; причина ясна: ихъ нѣтъ! Г. Небольсинъ упрекаетъ также нашего лѣтописца въ искаженіи характера Ермаковыхъ казаковъ, которые, будто бы, представлены сладенькими витязями, всегда готовыми плакать отъ умиленія; но во всей лѣтописи встрѣчаемъ только разъ извѣстіе, что Ермакъ предъ рѣшительнымъ дѣломъ, когда многіе казаки были испуганы, со слезами увѣщевалъ ихъ молиться Богу; но если-бъ даже лѣтописецъ и нѣсколько разъ заставлялъ казаковъ своихъ плакать, то развѣ г. Небольсинъ не знаетъ, что наши крѣпкіе предки плакали гораздо чаще, чѣмъ мы, слабые ихъ потомки? Поэтому и Мономахъ былъ сладенькій витязь, ибо часто плакалъ? Но, главное, зачѣмъ приписывать лѣтописцу то, чего у него нѣтъ? Зачѣмъ упрекать лѣтописца за то, будто у него казаки являются почти всюду побѣдоносными героями, когда этотъ лѣтописецъ говоритъ намъ, что казаки испугались, когда увидали, что засѣка Кучумова защищается множествомъ народа; говоритъ, въ какихъ случаяхъ казацкіе отряды были истребляемы; а что казаки дѣйствительно должны были болѣе побѣждать, чѣмъ терпѣть пораженіе, свидѣтельствуетъ само дѣло—покореніе Сибири; и развѣ въ другихъ лѣтописяхъ г. Небольсинъ нашелъ больше извѣстій о пораженіяхъ казаковъ? развѣ въ его собственномъ разсказѣ больше этихъ извѣстій? Наконецъ, г. Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи въ томъ, будто онъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны казаковъ; но развѣ въ другихъ лѣтописяхъ мы находимъ извѣстія о томъ, что г. Небольсонъ называетъ неделикатностями? Только тогда можно было бы упрекнуть лѣтописца въ пристрастіи, еслибъ онъ скрывалъ то, что находится въ

другихъ источникахъ; но въ Строгановскомъ лѣтописцѣ, какъ нарочно, нѣтъ ничего въ похвалу нравственности Ермака и его товарищей; нѣтъ извѣстія, что казаки наложили на себя обѣтъ цѣломудрія. Г. Небольсинъ *предполагаетъ* совершенно иное поведеніе казаковъ, выводитъ на сцену добрыхъ Татарокъ; но это предположеніе г. Небольсина, составленное наперекоръ извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, но не Строгановской; за что же г. Небольсинъ именно вооружается противъ послѣдней? Г. Небольсинъ вооружается противъ Карамзина, зачѣмъ тотъ относитъ составленіе Строгановской лѣтописи къ началу XVII вѣка; по мнѣнію самого г. Небольсина, ея составленіе должно относить, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVII вѣка, ибо въ началѣ ея упоминается о Сибирской архіепископіи, а въ концѣ говорится о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири. Но объ архіепископіи говорится не въ началѣ лѣтописи, а въ заглавіи ея, которое, ясно, написано не составителемъ ея, а позднѣйшимъ переписчикомъ; въ самой же лѣтописи, въ концѣ, гдѣ слѣдуетъ ожидать извѣстій объ архіепископіи, ихъ нѣтъ; въ концѣ читаемъ: „Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и объ отпущеніи въ Сибирь атамановъ и козаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и о похожденіи ихъ козачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ царя Кучума, и о взятіи сына его царевича Маметкула, и о владѣніи Сибирской Земли государевыхъ людей русскихъ, сія словеса о семъ преходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый да разумѣетъ и дѣла толикія вещи не забываетъ: на воспоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будетъ толикія вещи трудъ".—Вотъ настоящее заглавіе памятника, написанное самимъ составителемъ и измѣненное позднѣйшимъ переписчикомъ. Что же касается до извѣстія о распространеніи евангельскаго ученія во всѣхъ концахъ Сибирской Земли, то это очень можно было сказать въ началѣ XVII вѣка: подъ Сибирскою Землею разумѣлось не то, что мы теперь называемъ Сибирью, пространство отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана, но Сибирь въ тѣсномъ смыслѣ, царство Кучумово.

Составитель Строгановской лѣтописи основываетъ свои извѣстія на царскихъ грамотахъ, данныхъ Строгановымъ, и потому г. Небольсинъ, для проведенія своей мысли, что Строгановы не участвовали въ дѣлѣ Ермака, долженъ былъ обратиться къ разсмотрѣнію этихъ грамотъ. Онъ упрекаетъ ученыхъ, писавшихъ прежде него о Сибири и о Строгановыхъ, въ томъ, что они не такъ, какъ должно, понимали эти грамоты, и, прежде всего, высказываетъ любопытное мнѣніе, что земли, данныя Строгановымъ, были даны имъ не въ вотчину, а въ поссесію, аренду, кортому! Но спрашиваемъ: въ какой грамотѣ г. Небольсинъ нашелъ опредѣленія срока пользованія данными землями, что было бы необходимо, еслибъ онѣ даны были въ поссесію, аренду, кортому? Ошибка г. Небольсина тѣмъ важнѣе, что ведетъ къ неправильному пониманію древнихъ отношеній: пустыя пространства, которыя давались для обработки и населенія, не имѣли никакой цѣнности въ глазахъ правительства; не могли они даваться на время тому, кто своимъ трудомъ, издержками дѣлалъ ихъ цѣнными, способными приносить правительству доходъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ. Когда московскіе послы, говоря объ избраніи царя Ѳеодора Іоанновича въ Польскіе короли, упомянули, между прочими выгодами, которыя получитъ Польша отъ этого избранія, и то, что царь будетъ раздавать бѣдной шляхтѣ земли по Дону и Донцу, то паны отвѣчали: „Въ такихъ пустыхъ земляхъ что имъ прибытку будетъ? У насъ за Кіевомъ такихъ и своихъ земель много; какъ вамъ не соромъ такихъ земель и въ артикулахъ писать? Будетъ ли государь давать нашимъ людямъ земли въ Московскомъ государствѣ, въ Смоленскихъ и Сѣверскихъ городахъ?" (Москов. арх. мин. ин. д. Дѣла Польскія, № 18.) Такой же точно *соромъ* было бы написать въ жалованныхъ грамотахъ на пустыя земли, что онѣ даются на время. „Почему они (Строгановы) сдѣлались вотчинниками Чусовскихъ земель впослѣдствіи времени,—это другой вопросъ", говоритъ г. Небольсинъ. Нѣтъ, не другой вопросъ, а тотъ же самый, и такъ легко нельзя отдѣлываться отъ важныхъ, непреодолимыхъ возраженій: если Строгановы не получили при Іоаннѣ IV земель въ вѣчное владѣніе, если молчаніе грамотъ о срокѣ владѣнія не указываетъ на эту вѣчность, то спрашивается, когда они получили право на вѣчное владѣніе?

Въ 1574 году Строгановы выпросили себѣ жалованную грамоту селиться и заводить промыслы въ сибирскихъ рѣкахъ, и потомъ видимъ, что Строгановы, призвавши казаковъ, посылаютъ ихъ за Уральскія горы для очищенія тѣхъ мѣстъ, на которыя взята грамота: дѣло ясно для каждаго. Но г. Небольсину надобно было доказать, что Строгановы не имѣли участія въ походѣ Ермака; съ этою цѣлію онъ дѣлаетъ такое заключеніе: прошло много лѣтъ отъ взятія Строгановыми грамоты на Сибирь до похода Ермака,—слѣдовательно они не имѣли видовъ на Сибирь, да и не могли имѣть по недостаточности средствъ. Но спрашивается, зачѣмъ же они взяли грамоту на Сибирь, когда не имѣли видовъ на эту страну и не могли имѣть ихъ по недостаточности средствъ? Разумѣется, что на этотъ вопросъ г. Небольсинъ не даетъ отвѣта. Потомъ господинъ Небольсинъ пытается отвергнуть возможность призыва казаковъ Строгановыми, и говоритъ: „Могли ли честные, набожные люди Строгановы, усердные слуги царя — къ обреченнымъ судьей - государемъ смерти ворамъ посылать ласковую грамоту? Могла ли умнымъ промышленникамъ Строгановымъ придти въ голову мысль—приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и къ какой стати

Строгановымъ, стяжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя?" —Все это написано по взглядамъ XIX вѣка, безъ обращенія малѣйшаго вниманія на понятія XVI вѣка; что Строгановы могли призвать Волжскихъ казаковъ,—это всего лучше объясняется гнѣвною царскою грамотою, къ нимъ присланною, вслѣдствіе донесенія Перепелицына: здѣсь хотя казакамъ и дѣлается упрекъ за ихъ прежнее поведеніе на Волгѣ, однако они принимаются въ царскую службу, велѣно имъ идти на защиту Пермскаго края, часть ихъ позволяется Строгановымъ удержать у себя въ службѣ. Казнью грозитъ царь казакамъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать служить однимъ Строгановымъ, не обращая вниманія на царскіе интересы; надобно вспомнить съ какою легкостію давалось въ то время и послѣ прощеніе казакамъ, которые *„отставали отъ воровства"*, а Ермакъ съ товарищами, соглашаясь не промышлять болѣе на Волгѣ, а служить у Строгановыхъ, тѣмъ самымъ отставалъ отъ воровства. Наконецъ должно замѣтить, что изъ всѣхъ атамановъ, товарищей Ермака, одинъ только Кольцо былъ обреченъ на смерть за прежніе разбои.

„Говорятъ, опираясь на Строгановскую лѣтопись (продолжаетъ г. Небольсинъ), что Строгановы послали къ Ермаку и ко всѣмъ казакамъ призывную, ласковую грамоту, подписанную 6-мъ числомъ апрѣля 1579 года, и что Ермакъ съ 500 казаками явился къ Строгановымъ 21 іюня того же 1579 года, два года укрывался у нихъ и готовился къ войнѣ съ Кучумомъ, и 1-го сентября 1581 года пошелъ завоевывать Сибирь. Разсмотримъ же, есть ли хотя какая нибудь логика въ этомъ извѣстіи; есть ли тутъ хотя тѣнь правды? Посыльный съ Строгановской грамотою могъ ѣхать изъ Пермской Земли на Волгу не ранѣе вскрытія водъ; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака; достичь до этой цѣли; потомъ, тайкомъ отъ мѣстныхъ властей, умѣть найти его, согласить его и другихъ атамановъ и всю шайку этихъ грабителей послѣдовать приглашенію Строгановыхъ, и дать имъ срокъ собраться всѣмъ на сборномъ мѣстѣ. Ермакъ долженъ былъ раздумать о предложеніи, которое будто бы дѣлали ему Строгановы, сговорить свою артель и артели другихъ атамановъ, убѣдиться чѣмъ нибудь видимымъ въ выгодности этого зова, и, рѣшившись на походъ, запастись провіантомъ хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествіе по двумъ большимъ рѣкамъ противъ теченія воды и проплыть, такимъ образомъ, не одну тысячу верстъ, безпрестанно укрываясь отъ преслѣдованій въ мѣстахъ болѣе населенныхъ. Въ 75 сутокъ, если даже предположить, что вскрытіе рѣкъ послѣдовало дѣйствительно 6-го апрѣля, все это начать, устроить и покончить—не было физической возможности!"— Не было физической возможности сдѣлать это по трудностямъ, придуманнымъ г. Небольсинымъ, но которыхъ въ самомъ дѣлѣ не было. Строгановскому посланному не нужно было, прибывъ на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака: Строгановы могли узнать прежде отъ своихъ приказчиковъ и разсыльныхъ о мѣстѣ зимовки казаковъ; посланному не нужно было тайкомъ отъ мѣстныхъ властей находить Ермака; ясно, что г. Небольсинъ, пиша о событіи XVI вѣка, представлялъ себѣ Приволжскую и Прикамскую сторону въ томъ состояніи, въ какомъ она находится теперь, въ половинѣ XIX вѣка; отсюда являются у него на сцену мѣстныя власти, отъ которыхъ надобно было скрываться; изъ описанія Волжскаго пути во второй половинѣ XVI вѣка мы знаемъ, что отъ самаго Казанскаго устья начиналась уже пустыня. Что Ермакъ долженъ былъ долго думать о предложеніи Строгановыхъ,—это предположеніе г. Небольсина, неизвѣстно на чемъ основанное; лѣтопись говоритъ, что казакамъ нечего было долго думать, что они обрадовались предложенію и пошли вскорѣ, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній усомниться въ справедливости этого извѣстія. Незнаемъ, сколько времени думаетъ г. Небольсинъ назначить казакамъ для нагруженія на суда провіанта, который, по собственнымъ словамъ его (стр. 72), состоялъ изъ небольшаго количества толокна, крупы и соли. Г. Небольсинъ предполагаетъ путешествіе Ермака по двумъ большимъ рѣкамъ: это очень неопредѣленно, ибо неизвѣстно мѣсто, гдѣ зимовалъ Ермакъ, гдѣ нашелъ его посланный отъ Строгановыхъ.

„Ермакъ (говоритъ далѣе г. Небольсинъ) съ своею шайкою и другіе атаманы не могли жить два года у Строгановыхъ; два года кормить пятьсотъ человѣкъ не земледѣльцевъ, а людей и безполезныхъ и вредныхъ, при тогдашнемъ населеніи Строгановскихъ арендъ,—было и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ; два года держать такую ватагу людей, не заявивъ, по крайней мѣрѣ, пермскимъ властямъ, или скрывать ее такимъ образомъ, чтобы правительство самое не провѣдало объ этомъ, тоже было невозможно".—Это разсужденіе отзывается опять понятіями XIX вѣка и обличаетъ очень легкое вниманіе къ источникамъ; съ какой стати Строгановы стали бы заявлять пермскимъ властямъ своихъ казаковъ, когда они находились въ полной независимости отъ этихъ властей, когда имъ позволено было прибирать разныхъ людей охочихъ казаковъ и употреблять ихъ какъ для войны оборонительной, такъ и наступательной? Г. Небольсинъ считаетъ невозможнымъ для первыхъ богачей въ государствѣ кормить два года 500 человѣкъ; неужели онъ не знаетъ, сколько дворни держали въ это время въ Москвѣ бояре и окольничіе, у которыхъ было гораздо менѣе средствъ, чѣмъ у Строгановыхъ? Но всего страннѣе, что люди, необходимые Строгановымъ и для войны оборонительной и для наступательной, называются безполезными и вредными.

„Казаки (говоритъ г. Небольсинъ) и съ ними Кольцо не могли придти на Чусовую къ Строгановымъ въ 1579 году, потому что имя неразлучнаго и довѣреннаго товарища Ермака—Ивана Кольца—встрѣчается въ официальныхъ документахъ 1581 года, при описаніи волжскихъ набѣговъ 1580 г.“.—Упоминовеніе объ Иванѣ Кольцо въ 1581 году показываетъ только, что онъ не былъ пойманъ, а не былъ пойманъ извѣстно почему:—онъ укрылся у Строгановыхъ.

„Съ самаго начала 1581 года Вогуло-Остяцкія племена тѣснили владѣнія Строгановыхъ и угрожали Перми. Еслибъ Ермакъ весну и лѣто этого года дѣйствительно былъ уже на Чусовой и былъ наемникомъ и нахлѣбникомъ Строгановыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого пребыванія *было бы* то, что его или Строгановы, или земская власть заставили бы защищать русскіе предѣлы. Строгановымъ въ 1581 году нельзя было посылать Ермака, Богъ знаетъ куда, въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой и когда всякая помощь на мѣстѣ была спасеніемъ цѣлаго края отъ будущихъ разореній. Строгановы, должно быть, даже вовсе не знали о походѣ къ нимъ Ермака; иначе—надо допустить, что (въ началѣ 1581 года), прося у царя ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалуясь ему на Никиту Строганова, что онъ не даетъ имъ подмоги, они дерзнули скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей Ермаковой шайки, и, такимъ образомъ, посредствомъ лжи, довели царя и къ понужденію и Никиты, и пермскихъ властей грамотою отъ 6 ноября 1581 года“.—Непонятно, какимъ образомъ г. Небольсинъ позволяетъ себѣ употреблять эти „*бы*“ относительно дѣятельности Ермака у Строгановыхъ, когда лѣтопись прямо говоритъ, что эта дѣятельность именно состояла въ битвахъ съ безбожными Агарянами, съ мурзою Бегбеліемъ. Строгановымъ можно было послать Ермака въ Сибирь именно въ въ сентябрѣ 1581 года, ибо передъ этимъ временемъ нападеніе Бегбелія было ими отражено, самъ мурза взятъ въ плѣнъ; они не могли ожидать еще новаго нападенія, и рѣшились воспользоваться остающимся до зимы временемъ для сибирскаго похода. Не понимаемъ также, какъ могъ г. Небольсинъ написать, будто Строгановы просили у царя помощи въ началѣ 1581 года, когда въ грамотѣ своей Строгановы именно упоминаютъ о нападеніи Пелымскаго князя 1-го сентября этого года: „Въ нынѣшнемъ-де 90 году, о Семенѣ дни“. Въ это время имъ нечего уже было говорить о Ермакѣ, ибо они его отправили въ Сибирь.

Здѣсь мы должны остановиться, ибо дальнѣйшія предположенія и объясненія г. Небольсина, касающіяся самаго похода Ермака въ Сибирь, не идутъ къ нашему дѣлу: наша цѣль была опровергнуть возраженія, направленныя противъ источника, которымъ мы пользовались при нашемъ разсказѣ.

II. О мирѣ съ Баторіемъ.

Поссевинъ былъ встрѣченъ подозрительно и недоброжелательно въ польскомъ лагерѣ. Подозрѣвали, что онъ держитъ сторону царя, въ надеждѣ обратить его въ католицизмъ, и смѣялись надъ такою претензіею. Въ перепискѣ Замойскаго съ разными лицами нерѣдко встрѣчаемъ выходки противъ іезуита. Такъ, въ письмѣ его къ Збаражскому, читаемъ: „Я было-думалъ, что, по окончаніи мирныхъ переговоровъ, Москва увѣруетъ въ Поссевина и образъ его поставитъ подлѣ Николы или Пречистой въ Пещерахъ; но они и въ перемирномъ листѣ писать его не хотятъ“. Въ одномъ письмѣ къ королю Замойскій говоритъ: „Есть люди, которые всѣхъ іезуитовъ называютъ плутами; это, конечно, несправедливо, но кто этого одного такъ назоветъ, тотъ, къ несчастію, пожалуй не ошибется“. Замойскій обвиняетъ Поссевина, что тотъ, посредствомъ общихъ выраженій, умалчиваній въ договорѣ о разныхъ, уступаемыхъ съ обѣихъ сторонъ, мѣстностяхъ дружилъ Московскому царю.

Но если-бы Поссевинъ дружилъ царю, то ему стоило бы только отписать въ Москву о печальномъ состояніи польскаго войска подъ Псковомъ. 15 января Замойскій писалъ коммисарамъ, ведшимъ переговоры о мирѣ, чтобъ поскорѣе оканчивали дѣло, потому что болѣе восьми дней не можетъ ни удерживать войско подъ Псковомъ, ни вести дальше въ землю непріятельскую, а принужденъ будетъ отступить назадъ со стыдомъ и большою потерею, потому что Венгры все опустошили, и войско на обратномъ пути будетъ помирать съ голоду. Замойскій сильно боялся войны со Шведами и даже совѣтовалъ королю, въ случаѣ этой войны, заключить союзъ съ Москвою и уступить ей морской берегъ въ устьяхъ Невы. (Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, изд. М. Кояловичъ. 1867 года.)

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ седьмой.

ЦАРСТВОВАНІЕ

Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича.

Глава I.

Внутреннее состояніе русскаго общества во времена Іоанна IV.

Титулъ царскій.—Обычаи новаго царскаго Двора.—Составъ Двора.—Знатнѣйшія фамиліи.—Княжескія отчины.—Уменьшительныя имена.—Мѣстничество.—Кормленія и служба.—Стрѣльцы, пушкари, иноземцы.—Продовольствіе войска.—Посоха.—Станичная и сторожевая служба.—Шляхта въ Западной Россіи.—Казаки.—Финансы.—Областное управленіе.—Города.—Села.—Холопи.—Инородцы.—Промышленность.—Торговля.—Физическія бѣдствія.—Города въ Западной Россіи, крестьяне, промышленность, торговля.—Церковь въ Восточной и Западной Россіи.—Новый Судебникъ въ Восточной Россіи.—Новый статутъ въ Западной.—Народное право.—Нравы и обычаи въ Восточной и Западной Россіи.—Литература.—Книгопечатаніе.

Если, по словамъ Герберштейна, еще великій князь Василій Іоанновичъ кончилъ то, что начато было отцомъ его, и властію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ, то сынъ Василіевъ, вслѣдствіе изложенныхъ выше обстоятельствъ, созналъ вполнѣ свое значеніе, созналъ свое отличіе отъ тѣхъ государей, которые выбраны многомятежною волею народною или къ которымъ Земля приписывается. Это сознаніе Іоанна высказалось прежде всего въ принятіи титула царя и самодержца, во введеніи его въ постоянное употребленіе какъ внутри, такъ и внѣ, въ стараніи оправдать это принятіе, утвердить его на историческихъ основахъ средствами, какія употреблялись въ то время. Для приданія титулу большей торжественности, Іоаннъ въ началѣ его сталъ употреблять такъ-называемое богословіе: „Троицепресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлій Крайній Верхъ! направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удрьжахомъ скипетръ Россійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермьскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовскіе Земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе Земли и Сѣверные страны повелитель, и государь отчинный Земли Лифляндскіе и иныхъ многихъ земель государь". Іоанну нравились пышныя выраженія грамотъ, которыя присылались ему восточными владѣтелями, и нѣкоторыя изъ этихъ выраженій мы встрѣчаемъ въ его грамотахъ [1]).

Что касается до обычаевъ новаго царскаго Двора, то обряды царской свадьбы при Іоаннѣ ничѣмъ не отличаются отъ обряда, который мы видѣли при свадьбѣ отца Іоаннова; замѣчательно, что на третьей и на послѣдней свадьбѣ царя, на большомъ мѣстѣ или вмѣсто отца (посаженнымъ отцомъ) былъ у Іоанна меньшой сынъ, царевичъ Ѳеодоръ, а не старшій, Іоаннъ, который былъ тысяцкимъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, причина заключалась въ семейныхъ отношеніяхъ царевича Іоанна; во время третьей свадьбы отцовой онъ былъ самъ женихомъ; въ послѣднюю свадьбу уже не былъ мужемъ первой жены, а мы видѣли, что при обрученіи великой княжны Елены старшій посолъ литовскій не могъ за-

---

[1]) Дѣла Шведскія, № 3, стр. 37.

нимать мѣсто жениха, потому что былъ женатъ на другой женѣ [1]). Въ 1573 году была ва Новгородѣ свадьба нареченнаго Лифляндскаго короля Магнуса, который женился на племянницѣ царской, дочери князя Владиміра Андреевича, Маріи. Женихъ былъ протестантъ, и потому, при описаніи этой свадьбы, читаемъ: „Вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славновѣ, у Дмитрія Святаго, а съ королемъ ѣхать Римскому попу; а княжну обручать и вѣнчать Дмитровскому попу; пріѣхавъ къ вѣнчанью, княжнѣ идти въ церковь, а королю стать на паперти, и вѣнчать короля по его закону, а княжну по христіанскому закону".

Совершеннолѣтіе сына и наслѣдника Іоанна, въ случаѣ своей смерти, царь назначилъ въ двадцать лѣтъ [2]). Воспріемниками при крещеніи младенцевъ царскаго дома по-прежнему были духовныя лица: такъ воспріемникомъ царевича Іоанна былъ митрополитъ Макарій; крещеніе происходило въ Чудовѣ монастырѣ, у мощей Св. Алексія. Крещеніе царевны Анны происходило въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; и какъ родилась царевна, Іоаннъ пріѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь и обложилъ храмъ Св. Іоакима и Анны, тутъ слушалъ всенощную и заутреню, утромъ церковь освящалъ и дочь свою крестилъ; воспріемниками были два старца: Адріанъ изъ Андросовой пустыни и Геннадій—изъ Сарайской; о крестныхъ матеряхъ не говорится. Когда у князя Владиміра Андреевича родилась дочь, то на его радости на другой день были у него царь, царевичъ Иванъ, царь Александръ Казанскій и многіе бояре, и кушали овощи. По случаю рожденія царевича Іоанна прощены были судныя пошлины; царь писалъ дьякамъ: „Какъ сынъ нашъ царевичъ Иванъ народился, и которыя дѣла засужены и кончены до его нарожданья, а пошлины еще не взяты, съ тѣхъ дѣлъ пошлинъ не брать". Въ описаніи пріема польскихъ пословъ во время малолѣтства Іоанна IV читаемъ: „Стояли у великаго князя, для береженія: на правой сторонѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, а на лѣвой—бояринъ и конюшій князь Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Овчина, да у князя Василья стояли Иванъ Ивановичъ Андреевича Челяднинъ, ходилъ у великаго князя *въ дяди мѣсто*" [3]).—Для сироты, лишившагося отца, мѣсто послѣдняго естественно занималъ дядя, наблюдавшій за его воспитаніемъ и поведеніемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мать, какъ женщина, не могла присутствовать. Отсюда и теперь употребительное у насъ слово *дядька* въ смыслѣ человѣка, приставленнаго смотрѣть за ребенкомъ. Поѣздки царскія имѣли троякую цѣль: осмотръ мѣстъ (объѣздъ); такъ, въ 1566 году ѣздилъ Іоаннъ *въ объѣздъ* въ Козельскъ, Бѣлевъ, Болховъ и другія украинскія мѣста, боярамъ же, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказалъ съ собою ѣхать со всѣмъ служебнымъ порядкомъ [4]). Вторая цѣль поѣздокъ было *богомолье*; третья—*забава* или, какъ тогда выражались, *прохлада*. Послѣ стола царскаго бывали *пиры*; въ чемъ они состояли, видно изъ того, что они бывали послѣ стола [5]). Трауръ по особамъ царскаго дома, кромѣ печальной одежды, состоялъ еще въ отращиваніи волосъ, что называлось *быть въ волосахъ*.

Въ описи домашнему имуществу царя Іоанна находимъ перечисленіе образовъ разныхъ *нарядовъ*; число этихъ нарядовъ простирается до 55, потомъ перечисляются государевы комнатные образа; кресты и иконы, которые государь носитъ на себѣ. Изъ платья перечисляются: кушаки, ферези, терлики, армяки, кафтаны, кафтанцы, шапки, чуги, опояски, наурузы, опашни, однорядки, тегиляи, епанчи, тафьи, шубы, колпаки, зипуны; упоминаются чулки сафьянные, шитые золотомъ, серебромъ, шелками, башмаки, чеботы; цѣпи, ожерелья; перечисляются сосуды золотые и серебряные разныхъ названій: кувшины, бочки, ендовы, достаканы, мушермы, рукомойники, братины, чарки, ковши, мисы, ложки, кубки, корцы, корчики, лахани, рога буйволовые, стопы; ножи булатные, клепики муромскіе; упоминаются часы мѣдные золоченые книжкою—и только! [6]).

Мы видѣли, какъ Іоаннъ при учрежденіи опричнины, опредѣлилъ свои отношенія къ думѣ боярской; видѣли, какимъ образомъ созванъ былъ соборъ по поводу войны Литовской. Названіе князей по-прежнему встрѣчаемъ еще выше названія бояръ [7]). Въ духовной Іоанна говорится еще о князьяхъ служилыхъ въ Московской и Тверской Землѣ. Но на соборъ 1566 года явились: бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ, чиновникъ, присутствующій у бояръ въ судѣ, думные дьяки, дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскія другой статьи. Здѣсь какъ не видимъ князей въ отдѣльности и выше бояръ, окольничихъ и дворянъ, такъ не видимъ и дѣтей боярскихъ въ отдѣльности и выше дворянъ, ясный знакъ, что,—вслѣдствіе возвышенія значенія великаго князя, теперь царя, возвышается значеніе службы къ нему близкой, службы при Дворѣ его, и передъ этимъ значеніемъ никнетъ значеніе происхожденія, значеніе князя и сына боярскаго; послѣднее названіе мѣняется своимъ мѣстомъ съ названіемъ дворянина и означаетъ уже низшій разрядъ служилыхъ людей [8]). Но любопытно, что если сверху старались возвы-

---

[1]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. 13; Ист. Росс. V. 1456.

[2]) С. г. г. и д. I, № 168.

[3]) Никон. VII, 214; лѣтоп. рукопис. Синод. библ. № 486; Карамз. VIII, примѣч. 587; Допол. къ акт. истор. I, № 55.

[4]) Александро-Невск. лѣтоп. подъ означ. годомъ.

[5]) «А послѣ стола царь и в. князь пировалъ». Дѣла Крымскія, № 10, стр. 379.

[6]) Дѣла Польск. № 14, стр. 134. — Времен. Москов. Истор. Общ. № 7.

[7]) С. г. г. и д. I, № 163: «отъ твоихъ князей, или отъ твоихъ бояръ»; А. арх. эксп. I, № 187: «отъ В. Князя въ Бѣлозерскій уѣздъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ».

[8]) С. г. г. и д. II, № 35.

сить значеніе дворовой службы надъ значеніемъ происхожденія, то внизу удерживались еще прежнія понятія, вслѣдствіе чего видимъ въ актахъ сопоставленіе старыхъ и новыхъ понятій, что, при тогдашней неопредѣленности, легко допускалось. Такъ, въ началѣ приведеннаго соборнаго акта 1566 года, встрѣчаемъ только названіе бояръ, окольничихъ казначеевъ, печатника, чиновника при боярскомъ судѣ, думныхъ дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи; но въ концѣ акта, предъ прикладываніемъ рукъ, читаемъ: „Мы государя своего царя и великаго князь бояре, и окольничіе, и приказные люди и дьяки на сей грамотѣ государю своему крестъ цѣловали и руки свои приложили. А мы, княжата и дѣти боярскія, и дворяне на сей грамотѣ, на своихъ рѣчахъ, государю своему крестъ цѣловали“. Если, по означеннымъ причинамъ, возвысилось значеніе дворянина, то еще болѣе, по тѣмъ же причинамъ, возвысилось значеніе слуги, ибо это названіе съ описываемаго времени является самымъ почетнымъ; въ 1554 году его носилъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій [1]).

Значеніе окольничаго все болѣе и болѣе уясняется. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія говорится: За великимъ княземъ идутъ его братья и дѣти, за ними бояре и прочіе вельможи и княжата, и дѣти боярскія и всѣ благородные юноши; и никто же тогда дерзнетъ преходить царскаго пути, но всѣ со страхомъ предстоятъ каждый на своемъ мѣстѣ, потому что по обѣимъ странамъ великаго князя идутъ тогда окольничіе и прочіе чиновники, со всякимъ вниманіемъ и украшеніемъ, каждый по своему чину... Поютъ молебенъ. Тогда же великаго князя окольничіе и прочіе чиновники ходятъ по всей церкви и устанавливаютъ народъ, чтобъ стоялъ со всякимъ молчаніемъ и кротостію и цѣломудрымъ вниманіемъ“ [2]). Мы видѣли [3]), что еще въ правленіе Елены, кромѣ бояръ, окольничихъ и дворецкихъ, жили (присутствовали) въ думѣ и нѣкоторыя дѣти боярскія. Въ самостоятельное правленіе Іоанна видимъ дворянъ, которые называются большими и вмѣстѣ съ боярами присутствуютъ при важныхъ дѣлахъ, когда другіе дворяне быть не могутъ; такъ, при описаніи пріема литовскаго посланника Быковскаго, читаемъ: „Царь велѣлъ дворянамъ изъ шатра повыступить, а оставилъ у себя бояръ и дьяковъ избныхъ и дворянъ большихъ, которымъ быть пригоже, и велѣлъ литовскому посланнику рѣчь говорить“ [4]). Потомъ встрѣчаются дворяне, которые „живутъ у государя съ боярами“ [5]); далѣе встрѣчаемъ названія: „бояре ближней думы“ и „дворяне ближней думы“ [6]); наконецъ является и названіе думныхъ дворянъ. При описаніи пріема литовскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ отъ Баторія для подтвержденія Запольскаго перемирія, читаемъ: „Отъ государя сидѣли бояре въ большой лавкѣ, и окольничіе, и дворяне думные и казначеи, и дворяне сверстные; а на окольничемъ мѣстѣ сидѣлъ окольничій Степанъ Васильевичъ Годуновъ, и дворяне большіе и князья Черкаскіе и Тюменскіе“ [7]). Мы видѣли также дворянъ первой и второй статьи при описаніи собора 1566 года. Встрѣчаемъ названія: бояринъ и дворецкій, бояринъ и оружейничій, кравчій, путный ключникъ, печатникъ, дьякъ дворцовый, дьякъ избный, дьякъ введенный. Какъ возвысилось значеніе дьяка, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ нихъ, извѣстный Ржевскій, называется намѣстникомъ Черниговскимъ [8]). Встрѣчаемъ названіе именитыхъ людей; такъ, при описаніи новгородскаго разгрома, лѣтописецъ говоритъ: „Иныя дѣти боярскія въ городѣ гостей и приказныхъ людей государевыхъ, именитыхъ и торговыхъ людей перехватали“. Встрѣчаемъ названіе именной человѣкъ вмѣсто знатный [9]).

Что касается до порядка мѣстъ, занимаемыхъ боярами въ думѣ, то о немъ прежде всего можно получить свѣдѣнія изъ сношеній литовскихъ пановъ радныхъ съ боярами; но этими свѣдѣніями нужно пользоваться однако съ большою осторожностію, ибо паны, при отправленіи своихъ пословъ и грамотъ, сообразовались иногда не съ порядкомъ мѣстъ, но съ особеннымъ значеніемъ, особенною приближенностію бояръ къ государю. Въ 1552 г. литовскіе паны прислали посла къ князю Ивану Михайловичу Шуйскому и боярину и дворецкому Данилѣ Романовичу Юрьеву; въ 1555 году—къ князю Ивану Михайловичу Шуйскому. Въ перепискѣ о мирѣ гетмана Хоткѣвича съ московскимъ воеводою въ Ливоніи, Иваномъ Петровичемъ Ѳедоровичемъ (Челяднинымъ), наивысшею радою московскою называются: бояринъ и воевода наивысшій, намѣстникъ Владимірскій, князь Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій; бояринъ и намѣстникъ Великаго Новгорода, князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій; бояринъ и намѣстникъ Казанскій, князь Василій Михайловичъ Глинскій; бояринъ и намѣстникъ Тверской, Данило Романовичъ Юрьевича-Захарьина [10]). Между боярами, участвовавшими въ соборномъ совѣщаніи 1566 года, не встрѣчаемъ уже именъ князя Василія Глинскаго и Данилы Романовича; здѣсь за Бѣльскимъ и Мстиславскимъ слѣдуютъ: Иванъ Петровичъ Яковля (Челяднинъ), потомъ князь Иванъ Ивановичъ Пронскій; Иванъ Большой и Иванъ Меньшой Васильевичи Шереметевы, князь Василій Семеновичъ Серебрянаго,

[1]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 58.
[2]) Дополн. къ акт. истор. I, № 39.
[3]) Томъ VI, стр. 27.
[4]) Дѣла Польск. № 7. стр. 985.
[5]) Тж. № 9, стр. 99.
[6]) Тж. № 10, стр. 280 и 281.
[7]) Тж. № 14, стр. 140.
[8]) Тж. № 4, годъ 1552; № 6, стр. 21; № 7; стр. 21, 985; Англійскія дѣла, № 1, стр. 219; Акты арх. эксп. I, 207; Акты историч. I, № 180; Дѣла Ногайскія № 5, стр. 134.
[9]) П. С. Р. Л. III, 255; Дѣла Польск. № 7, стр. 506.
[10]) Дѣла Польск. № 4, годъ 1552, 1555; № 7; № 10, стр. 204.

Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Михайла Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, Василій Михайловичъ Юрьевъ, Иванъ Яковлевичъ Чоботовъ, Василій Дмитріевичъ Даниловъ, Василій Юрьевичъ Малый, Семенъ Васильевичъ Яковля. Здѣсь видимъ представителей старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ: двоихъ членовъ рода Акиноова—Ивана Петровича Челяднина и Ивана Яковлевича Чоботова; четырехъ членовъ рода Кошкиныхъ—Никиту Романовича и Василья Михайловича Юрьевыхъ, Ивана Большаго и Ивана Меньшаго Шереметевыхъ (происходившихъ отъ Өедора Кошки чрезъ Константина Александровича Беззубцева); одного Воронцова, одного Морозова; Даниловы вели свой родъ отъ князей Смоленскихъ, служившихъ у Нѣмцевъ и потомъ выѣхавшихъ къ Ивану Калитѣ; что же касается до боярина Малаго, то это потомокъ извѣстныхъ Траханіотовыхъ, выѣзжихъ Грековъ. Шуйскихъ не встрѣчаемъ въ это время между боярами: князь Иванъ Михайловичъ умеръ., князь Петръ Ивановичъ погибъ въ битвѣ съ Литовцами въ 1564 г.; и другіе члены этой фамиліи были еще молоды, и потому встрѣчаемъ ихъ между дворянами первой статьи, именно—князей Ивана Андреевича, знаменитаго впослѣдствіи Ивана Петровича и Василія Өедоровича. Между этими дворянами первой статьи 61 членъ некняжескихъ фамилій и 33 княжескихъ; изъ дворянъ второй статьи 89 членовъ некняжескихъ фамилій и только 11 княжескихъ. Предка знаменитыхъ впослѣдствіи князей Стародубскихъ-Пожарскихъ, князя Ивана Васильевича, встрѣчаемъ въ описываемое время, именно въ 1547 году, намѣстникомъ Переяславскимъ.

Изъ знатныхъ фамилій особеннымъ расположеніемъ царя пользовались три: князья Мстиславскіе, князья Глинскіе и Романовы-Захарьины-Юрьевы,—всѣ три находившіеся въ родствѣ съ царскимъ домомъ; въ духовной Іоанна насчетъ ихъ читаемъ: „Чѣмъ отецъ нашъ князь великій Василій пожаловалъ князя Өедора Мстиславскаго, и что я придалъ сыну его, князю Ивану, и сынъ мой Иванъ въ ту его вотчину и у его дѣтей не вступается. А что я пожаловалъ князя Михаила князя Васильева сына Львовича Глинскаго вотчиною, и сынъ мой Иванъ у него и у его дѣтей не вступается ничѣмъ. А что я пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостями и селами, и сынъ мой Иванъ въ ту вотчину у нихъ и у дѣтей ихъ не вступается". Князья Мстиславскіе и Глинскіе были пріѣзжіе изъ Литвы недавно, и въ средствахъ содержанія зависѣли отъ милостей государя; иного рода распоряженія видимъ относительно русскихъ князей Рюриковичей, которые, и поступивши въ служилые князья, сохраняли еще богатыя отчины. У князя Воротынскаго взята была его старая вотчина, городъ Одоевъ съ двумя другими городами, и взамѣнъ дана вотчина на сѣверѣ, городъ Стародубъ Ряполовскій, Муромская волость Мошокъ, Нижегородское село Княжнино и на Волгѣ Фокино селище. Въ духовной же Іоанна находимъ указанія на отнятіе отчинъ у потомковъ Стародубскихъ князей—князей Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромадановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Нагаевыхъ, Стародубскихъ (собственно), Палецкихъ. Далѣе въ духовной читаемъ: „Которыя вотчины я взялъ у князей Ярославскихъ, тѣ вотчины сыну моему Өедору". Для скорѣйшаго перехода княжескихъ вотчинъ въ казну, въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику сдѣланы слѣдующія распоряженія: „Которыя вотчины за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими, Тверскими, Оболенскими, Бѣлозерскими, Воротынскими, Мосальскими, Трубецкими, Одоевскими, и за другими служилыми князьями вотчины старинныя,—тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавать, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ, и душу свою напишетъ съ той вотчины строить (поминать),—тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать, давать приданое и душу поминать изъ животовъ (движимаго имѣнія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью или сестрою въ приданое дать и душу поминать, то государь, разсудя по вотчинѣ, велитъ дать изъ своей казны, а вотчины велитъ государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишетъ брату родному, или двоюродному, или племяннику, родного брата сыну, или какому-нибудь ближнему роду (родственнику), кромѣ тѣхъ степеней, въ которыхъ можно между собою жениться: и государь, того посмотря, по вотчинѣ и по духовной, и по службѣ, кому какую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинить. А котораго князя не стало бездѣтна, и останется у него жена, и откажетъ ей мужъ въ духовной что-нибудь изъ вотчины, то жить ей на этой вотчинѣ до смерти; а какъ ея не станетъ, то вотчина на царя, а душу ея велитъ государь изъ своей казны устроить. А который князь напишетъ женѣ въ духовной всю свою вотчину, а вотчина будетъ велика, то государь о той вотчинѣ указъ учинитъ". Вслѣдствіе этого распоряженія, встрѣчаемъ грамоты съ любопытными выраженіями; наприм.: „Я царь и великій князь пожаловалъ князя Бориса Димитріевича Палецкаго отца его и братьевъ вотчиною, по брата его, князя Андрея, духовной грамотѣ. Жить князю Борису въ тѣхъ селахъ и владѣть ему ими до смерти, а умретъ или пострижется, то по немъ дать, за тѣ села, въ монастыри, по нашему уложенію, деньги, а тѣ села взять на меня, царя и великаго князя". До насъ дошла любопытная докладная грамота государю о покупкѣ бояриномъ Шереметевымъ вотчины: въ грамотѣ покупатель

говоритъ, что онъ покупаетъ „по жалованной царской грамотѣ“ [1]).

Мы видѣли, какъ измѣненіе отношеній членовъ дружины къ великому князю Московскому отразилось на именахъ служилыхъ людей въ отпискахъ ихъ къ государю; при Іоаннѣ III-мъ знатные люди подписываются обыкновенными именами: „Иванъ“ и „Василій“; менѣе знатные употребляютъ уменьшительныя—„Иванецъ, Васюкъ“; при Василіи встрѣчаемъ форму уменьшительную, уничижительную для людей незначительныхъ, наприм. „Илейка“; при Іоаннѣ IV и люди знатные начинаютъ употреблять эту послѣднюю форму; наприм. князь Александръ Стригинъ подписывается: „Холопъ твой Олешка Стригинъ“; потомъ встрѣчаемъ: „Ѳедко Умный-Колычевъ“ и т. п., а самые знатные, какъ наприм. бояринъ Челяднинъ, употребляютъ форму на „ецъ“ или „юкъ“ [2]).

Но, преклоняясь все болѣе и болѣе предъ значеніемъ единаго властителя и самодержца, члены дружины, теперь принявшіе названіе людей служилыхъ, ревниво берегли родовую честь при служебныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ; число мѣстническихъ случаевъ увеличивается все болѣе и болѣе. Это умноженіе мѣстническихъ случаевъ мы не можемъ приписать только тому, что отъ описываемаго времени дошло до насъ большое количество болѣе полныхъ извѣстій о нихъ:—мы имѣемъ полное право принять, что были причины, дѣйствительно увеличивавшія мѣстническіе случаи въ описываемое время. Во время усиленія Московскаго княжества насчетъ другихъ княжествъ Сѣверо-Восточной Россіи, дружина князей Московскихъ наполнялась пришельцами, которые получали мѣсто по назначенію великаго князя, ихъ принимавшаго; если это мѣсто не казалось имъ достаточно почетнымъ, то они отъѣзжали въ другія княжества; если оставались, то начинали новую службу, независимую отъ прежнихъ преданій; притомъ число ихъ было не велико; число походовъ, въ которыхъ бы сталкивались многіе изъ нихъ, было также не велико; служебныя отношенія предковъ были такъ недавни, такъ на памяти всѣхъ, что трудно было имъ при самомъ назначеніи подавать поводъ къ столкновеніямъ, а если и случались они, то рѣшались легко. Начали пріѣзжать князья, заняли первыя мѣста; но какія могли быть мѣстническія столкновенія между ними?—ихъ служба была слишкомъ нова. Но чѣмъ старѣе становилась служба княжескихъ и служилыхъ родовъ, чѣмъ большее число поколѣній прошло въ этой службѣ, чѣмъ многочисленнѣе становился Дворъ государей Московскихъ и чѣмъ обширнѣе дѣлались военныя предпріятія и блистательнѣе придворныя торжества, — тѣмъ чаще должны были встрѣчаться мѣстническіе случаи, тѣмъ запутаннѣе должны были они становиться. Понятно, что, по мѣрѣ увеличенія мѣстническихъ случаевъ, столь вреднаго для службы, правительство должно было предпринимать мѣры для ихъ ограниченія, должно было стараться уменьшать въ службѣ число столкновеній, объявляя, что такія-то мѣста не находятся ни въ какомъ отношеніи другъ къ другу, ни въ равномъ, ни въ подчиненномъ; съ другой стороны, должно было стараться опредѣлить и нѣкоторыя родовыя отношенія:—вотъ почему съ большою осторожностію надобно объяснять древнія княжескія родовыя отношенія позднѣйшими опредѣленіями старшинства родовыхъ ступеней, встрѣчаемыми въ мѣстническихъ случаяхъ и составившимися явно уже по волѣ правительства, по его уложенію.

Въ 1550 году, царь Іоаннъ приговорилъ съ митрополитомъ, съ роднымъ братомъ, княземъ Юріемъ Васильевичемъ, двоюроднымъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ боярами, и въ нарядъ служебный велѣлъ написать, гдѣ быть на его службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ. „Въ большомъ полку быть большому воеводѣ; этотъ первый воевода большаго полка считается выше первыхъ воеводъ передоваго полка, правой и лѣвой руки и сторожеваго полка; а кто будетъ второй воевода въ большомъ полку,—до него правой руки большому воеводѣ дѣла и счету нѣтъ, быть имъ безъ мѣстъ. Первые воеводы передоваго и сторожеваго полка не меньше воеводъ правой руки; лѣвой руки воевода не меньше воеводъ передоваго полка; лѣвой руки воеводы меньше перваго воеводы правой руки, а второй воевода лѣвой руки меньше втораго же воеводы правой руки. Князьямъ и дворянамъ большимъ и дѣтямъ боярскимъ на царской службѣ съ боярами и воеводами, или съ легкими воеводами, для царскаго дѣла быть безъ мѣстъ; и въ нарядъ служебный царь велѣлъ записать, что если боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ большимъ случится на царской службѣ быть съ воеводами не по ихъ отечеству, то отечеству ихъ тутъ порухи никакой нѣтъ. А которые дворяне большіе нынѣ будутъ съ меньшими воеводами гдѣ-нибудь на царской службѣ не по своему отечеству, а впередъ изъ нихъ кому-нибудь случится самимъ быть въ воеводахъ съ тѣми жъ воеводами вмѣстѣ, или случится гдѣ быть на посылкѣ,—то съ тѣми воеводами, съ которыми они бывали, тогда счетъ имъ дать и быть имъ тогда въ воеводахъ по своему отечеству; а прежде того хотя и бывали съ которыми воеводами меньшими на службѣ,—и тѣмъ дворянамъ съ тѣми воеводами въ счетѣ въ своемъ отечествѣ порухи нѣтъ, по государеву приговору“ [3]). Такимъ образомъ, вопервыхъ, ограничено число случаевъ, въ которыхъ воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться; вовторыхъ, уничтожено право молодыхъ служилыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатнаго происхожденія;

---

[1]) Акты историч. I, № 154; С. г. г. и д. I, № 170; Акты арх. эксп. I, № 304; Акты юрид. № 22.

[2]) Дѣла Крымскія, № 8, стр. 114; Польск. № 7, стр. 985, № 12, стр. 5; № 13, стр. 548.

[3]) С. г. г. и д. II, № 38.

право мѣстничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами, и тутъ прежняя ихъ подчиненная служба не имѣла никакого вліянія.

Опричнина не исключала мѣстничества, хотя иногда нарушала извѣстныя отношенія, ибо послѣ встрѣчаемъ выраженія: „То дѣлалось въ опричнинѣ; хотя такой разрядъ и былъ, но то была государева воля въ опричнинѣ". Воеводы мѣстничались не только при назначеніи въ полки, но и въ города, ибо одинъ городъ былъ честнѣе другихъ; такъ въ разрядѣ 1570 года читаемъ: „А которымъ воеводамъ въ которомъ городѣ быть не вмѣстно, и тѣмъ воеводамъ быть, для государева дѣла, безъ мѣстъ", то-есть—настоящій случай не будетъ имѣть вліянія на послѣдующія столкновенія. Изъ мѣстническихъ случаевъ Іоаннова времени уже открывается ясно, какъ родовыя отношенія, счеты по родовой лѣствицѣ, опредѣляли равенство или неравенство лицъ по службѣ; такъ, въ грамотѣ князю Ѳедору Троекурову 1573 года читаемъ: „Дядя твой князь Иванъ равенъ князю Константину Курлятеву, а ты потому равенъ третьему сыну князя Константина Курлятева". Но мы уже замѣтили, что, для избѣжанія различныхъ взглядовъ, различныхъ толкованій при родовыхъ счетахъ, взглядовъ и толкованій, вынесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, разныхъ княжествъ древней Руси, Московское правительство должно было приводить ихъ къ единству своимъ приговоромъ, своимъ уложеніемъ; такъ, въ грамотѣ по дѣлу Шереметева съ князьями Курлятевымъ и Хованскимъ царь пишетъ: „По нашему счету, князь Александръ Кашинъ князю Константину Курлятеву седьмой дядя; а по нашему уложенью, перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту". Доказывать, основываясь на родовомъ единствѣ, что старшій или равный въ родѣ одного соперника былъ въ извѣстномъ служебномъ случаѣ ниже равныхъ или младшихъ въ родѣ другого соперника,—называлось утягиваніемъ. Легко понять, какъ страшно было это утягиваніе; легко понять, какъ смотрѣли въ родѣ на человѣка, которымъ можно было утягивать, какъ, слѣдовательно, важно было для каждаго служилаго человѣка не признать своего меньшинства предъ членомъ другого рода; ибо это признаніе, припятіе низшаго мѣста повлечетъ за собою пониженіе всѣхъ равныхъ и младшихъ въ его собственномъ родѣ передъ членами извѣстнаго другого рода. Если было сыскиваемо, что двое служилыхъ людей, назначенные на одну службу, одинъ въ большихъ, а другой въ меньшихъ, были равны другъ другу по родовымъ отношеніямъ, по лѣствицѣ и по службѣ, по разряду, то ихъ разводили или отставляли, и эта отставка или разводъ служили и на будущее время доказательствомъ ихъ равенства, невозможности быть вмѣстѣ. Примѣръ вредныхъ слѣдствій мѣстничества и мѣръ, какія правительство должно было принимать при непослушаніи воеводъ, представляютъ извѣстія Разрядныхъ книгъ подъ 1579 годомъ во время Ливонскаго похода: воеводы писали, что имъ быть не вмѣстно; изъ Москвы имъ данъ былъ отвѣтъ, чтобъ были по росписи; но воеводы опять замшились и къ Кеси не пошли; тогда царь, кручинясь, прислалъ къ нимъ изъ Москвы посольскаго дьяка Андрея Щелкалова, а изъ слободы (Александровской) дворянина Данила Салтыкова, и велѣлъ имъ идти къ Кеси и промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ съ ними.

Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ; мѣстничались головы у наряда (пушекъ); мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ: въ 1577 году государь велѣлъ стоять у своего стола съ кравчимъ Борисомъ Годуновымъ князю Ивану Сицкому, и князь Иванъ сказалъ, что ему это не вмѣстно, и билъ челомъ на большаго брата Борисова, а Борисъ Годуновъ билъ челомъ на отца Иванова. Такіе случаи бывали нерѣдко: челобитчикъ, считая того, съ кѣмъ мѣстничался, безспорно ниже себя многими мѣстами, билъ челомъ прямо на высшаго родича своего противника, котораго полагалъ послѣднимъ къ себѣ, т.-е. только однимъ мѣстомъ ниже себя. Иногда, наоборотъ: отвѣтчикъ, считая унизительнымъ для себя бить челомъ самому и увѣренный въ своей высотѣ предъ противникомъ, посылалъ вмѣсто себя бить челомъ или отвѣчать младшаго родича. Средствомъ къ прекращенію мѣстническихъ споровъ, кромѣ развода или отставки, было объявленіе службы безъ мѣстъ или не вмѣстною, т.-е. неимѣющею вліянія на будущіе случаи. Наказаніями за несправедливыя челобитья были: выдача головою (выговоръ, присланный съ царскимъ гонцомъ, причемъ послѣдній бралъ прогоны съ виноватаго), битье батогами предъ Разрядною избою, заключеніе въ тюрьму на извѣстный срокъ, доправленіе безчестья деньгами [1]).

Въ лѣтописи находимъ слѣдующее извѣстіе о распоряженіяхъ Іоанна относительно службы воинской: „Приговорилъ царь и великій князь съ братьями и боярами о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впредь служить. По сіе время бояре, князья и дѣти боярскія сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ, себѣ же для покоя и прокормленія; на которыхъ городахъ и волостяхъ были намѣстники и волостели, тѣмъ городамъ и волостямъ они расправу и устрой дѣлали и отъ всякаго лиха обращали ихъ на благое, а сами были довольны своими оброками и пошлинами указными, что имъ государь уложилъ. И вошло въ слухъ благочестивому государю царю, что многіе города и волости пусты учинили намѣстники и волостели, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, и много злокозненныхъ дѣлъ учинили, не были пастыри и учители, но сдѣлались гонителями-разорителями. Также этихъ городовъ и во-

---

[1]) Симбирскій Сборникъ, Введеніе къ Разрядной.

лостей мужики много коварства содѣлали и убійства ихъ людямъ; и какъ съѣдутъ намѣстники и волостели съ кормленій, и мужики многими исками отыскиваютъ и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ сдѣлалось, и многіе намѣстники и волостели и стараго своего имѣнія лишились. И повелѣлъ государь въ городахъ и волостяхъ опредѣлить старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и страшнымъ грознымъ запрещеніемъ заповѣдь положить, чтобъ имъ судить разбой, воровство и всякія дѣла, отнюдь бы никакая вражда не именовалась, также ни мзда, ни лживое послушество, а кого между собою найдутъ лихаго, таких велѣлъ казнямъ предавать; на города и волости велѣлъ положить оброки по ихъ промысламъ и землямъ, и тѣ оброки сбирать къ царскимъ казнамъ своимъ дьякамъ; бояръ же, вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ и праведными уроками, кто чего стоитъ, а городовыхъ въ четвертый годъ, иныхъ же въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ. Потомъ государь разсмотрѣлъ, что нѣкоторые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли, не противъ государева жалованья и вотчинъ служба ихъ, и государь сдѣлалъ имъ уравненіе землемѣріемъ; дано каждому, чего достоинъ, а лишнее раздѣлено неимущимъ. Съ вотчинъ и помѣстій установлено служить службу: со ста четвертей доброй и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ при двухъ коняхъ. Кто послужитъ по землѣ, тѣхъ государь жалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленіемъ, и на уложенныхъ людей даетъ денежное жалованье; а кто землю держитъ, но службы съ нея не служитъ, на тѣхъ на самихъ брать деньги за людей; а кто даетъ на службу людей лишнихъ передъ землею, тѣмъ отъ государя большое жалованье самимъ, а людямъ предъ уложенными въ полтретья давать деньгами. Все государь устроилъ, какъ бы служба государская была безо лжи и безъ грѣха, и подлинные тому разряды у государскихъ чиноначальниковъ, у приказныхъ людей" [1]).

Въ 1550 году государь приговорилъ съ боярами: „раздать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, въ Рузѣ, Звенигородѣ, въ Числякахъ, Ордынцахъ, въ перевѣсныхъ деревняхъ и Тетеревичахъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1,000 человѣкъ; а которымъ боярамъ и окольничимъ быть готовыми на посылки, а помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ, такимъ боярамъ и окольничимъ дать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей; дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дать помѣстья по 200 же четвертей, другой статьи дѣтямъ бояскимъ дать по 150 четвертей, третьей статьи по 100 четвертей; сѣна давать имъ по стольку-жъ копенъ, на сколько кому дано четвертной пашни, кромѣ крестьянскаго сѣна, а крестьянамъ давать сѣна на выть по 30 копенъ; который изъ той тысячи вымретъ, а сынъ его къ службѣ не пригодится, то на его мѣсто прибрать другого. А за которыми боярами и дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ другомъ городѣ близко отъ Москвы, верстъ за 50 или за 60, тѣмъ помѣстья не давать". Между лицами, назначенными къ надѣленію, упоминаются: псковскіе помѣщики городовые, псковскіе помѣщики дворовые, торопецкіе помѣщики дворовые, Лучане дворяне, луцкіе помѣщики городовые.

Служилые люди отставлялись отъ службы за старостью и болѣзнями; на ихъ мѣсто назначались въ службу ихъ сыновья, внуки; если эти сыновья или внуки были еще малолѣтны, то давалась имъ отсрочка на извѣстное число лѣтъ (какъ поспѣетъ). Раненые освобождались отъ службы до излѣченія. Освобожденнымъ отъ службы давалась отставленная грамота. Когда у служилаго человѣка поспѣвали сыновья на службу, т. е. когда достигали пятнадцати лѣтъ, то они или припускались къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьемъ въ отводъ отъ отца. Когда служилый человѣкъ, вслѣдствіе умноженія семейства, билъ челомъ, что ему съ прежняго помѣстья служить нельзя, то показанія челобитной, по царскому указу, повѣрялись явчимъ спискомъ, писцовыми отдѣльными и приправочными книгами и всякими посыльными грамотами; названіе отдѣльныхъ книгъ объясняется словами царскаго указа о прибавкѣ помѣщику Сабурову двухъ обжъ къ прежнему помѣстью: „Какъ Никиткѣ къ старому его помѣстью къ десяти обжамъ двѣ обжы отдѣлятъ, и вы бы тѣ двѣ обжы и старое его помѣстье велѣли за нимъ написать въ отдѣльныя книги". Указы о прибавкѣ или раздѣлѣ помѣстья обыкновенно оканчивались словами, что распоряженіе это должно имѣть силу до помѣстнаго верстанья. По смерти служилаго человѣка помѣстье его или раздѣлялось всѣмъ сыновьямъ поровну, или нѣкоторымъ изъ нихъ давалось новое помѣстье; вдовѣ и дочерямъ выдѣлялась также часть помѣстья на прожитокъ; какъ скоро дочери или выходили замужъ, или достигали пятнадцатилѣтняго возраста, или умирали, то ихъ участки отписывались на государя и, по распоряженію послѣдняго, могли отдаваться братьямъ; вдовы пользовались своимъ участкомъ до смерти, постриженія или выхода замужъ. Помѣщики могли полюбовно мѣняться своими участками, подъ условіемъ, чтобъ эта мѣна была ровна, чтобъ обжи пашня пашнѣ землею и всякими угодьями и доходомъ были ровны и не пусты, а государевой службѣ и податямъ при этой мѣнѣ убытка не было бы. Въ Новгородской области сохранялось еще различіе между земцами и выводными изъ низовыхъ областей служилыми людьми: такъ, двое служилыхъ людей били челомъ, что дьяки государевы сначала отдѣлили-было имъ въ придачу изъ земецкихъ помѣстій девять обжъ, но потомъ эти земецкія по-

[1]) Никонъ VII, 258.

*

мѣстья у нихъ были взяты и отданы назадъ земцамъ. Если помѣщикъ билъ челомъ, что его помѣстье запустѣло и служить ему не съ-чего, то обыскивалось окольными жителями, на всѣ стороны версты по три, четыре, пяти, шести и больше, игуменами, попами и діаконами по священству, а дѣтьми боярскими и крестьянами по крестному цѣлованію, отъ чего помѣстье запустѣло:—отъ голоду, лихаго повѣтрія, тягла, или отъ самого помѣщика, или отъ иныхъ отъ кого; и если въ обыску скажутъ, что помѣстье запустѣло отъ помѣщика, отъ его небреженья, то челобитчикъ оставался при старомъ помѣстьи. Если скажутъ, что помѣстье запустѣло не отъ помѣщика, то оно отбиралось на царя, отдавалось въ оброкъ или на льготу, на извѣстное число лѣтъ, а челобитчику давалось другое помѣстье. Иногда же помѣщикъ просилъ не о перемѣнѣ помѣстья, но о льготѣ отъ податей, вслѣдствіе того, что крестьяне вымерли отъ мора, а остальные разошлись отъ м е ж е н и н ы (голода). Въ 1548 году путный ключникъ Дуровъ просилъ льготы не только для помѣстья, но и для вотчинъ своихъ, потому что одно сельцо сгорѣло, а другія деревни запустѣли отъ царскихъ податей, отъ проѣзжихъ и ратныхъ людей. Царь далъ льготы на 4 года, въ которые люди и крестьяне вотчинъ и помѣстья Дурова не платили дани, ямскихъ и туковыхъ денегъ, не давали посошныхъ, не строили города, не давали намѣстнику, волостелю и тіуну корма, праветчикова и доводчикова побора, ни подымнаго, коня царскаго не кормили, сѣна не косили, прудовъ не прудили, къ городу камня, извести и колья не возили, на яму съ подводами не стояли, ямскаго двора не дѣлали. При дачѣ помѣстій наблюдалось, чтобъ обжи выдѣлялись сряду, а не въ розни и не черезъ землю. Помѣстья отписывались за неявку на службу; неявившіеся назывались н ѣ т я м и, н ѣ т ч и к а м и; списки, куда записывались ихъ имена, назывались н ѣ т н ы м и списками. Опала съ нѣтчиковъ складывалась, имъ опять давались помѣстья, старыя или новыя, по случаю разныхъ торжествъ, церковныхъ и царскихъ, напримѣръ по случаю принесенія чудотворнаго образа, по случаю рожденія царевича. Сборъ дѣтей боярскихъ на службу производился такимъ образомъ: назначенные изъ Москвы чиновники ѣхали въ извѣстную область; здѣсь у дьяковъ брали губныхъ старостъ, городовыхъ приказчиковъ и разсыльщиковъ, сколько пригоже, и отправлялись за своимъ дѣломъ, имѣя въ рукахъ списокъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; которыхъ изъ нихъ встрѣчали на дорогѣ,—тѣхъ отдавали на крѣпкія поруки съ записями; собравши дѣтей боярскихъ по списку, всѣхъ сполна, за поруками, ѣхали съ ними на государеву службу; остальныхъ дѣтей боярскихъ, укрывающихся, сыскивая, били кнутомъ и высылали на службу. А которые продолжали скрываться, у тѣхъ забирали дѣтей и людей, да гдѣ про нихъ скажутъ, туда посылали и, сыскавъ, били кнутомъ, давали на поруку, а за поруками высылали на государеву службу. А идучи дорогою, берегли накрѣпко, чтобъ дѣти боярскія на дорогѣ не отставали, и насильства, грабежа дорогою никому не дѣлали, кормовъ людскихъ и конскихъ силою не отнимали. Кромѣ помѣстій, служилымъ людямъ давались осадные дворы бѣлые въ городахъ, на которые семейства ихъ перебирались, въ случаѣ опасности отъ непріятеля.

Кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ описываемое время видимъ стрѣльцовъ; они находятся подъ вѣдѣніемъ головъ своихъ и называются: п р и б о р ы т а к о г о - т о г о л о в ы. Подъ головами находились пятидесятники и десятники; точно такъ-же и городовые казаки различались по прибору или сбору головъ своихъ, и, вмѣстѣ со стрѣльцами, находились въ вѣдѣніи Стрѣлецкаго приказа. Изъ служителей при нарядѣ артиллеріи упоминаются пушкари, находившіеся также въ вѣдѣніи головъ своихъ: въ 1555 г. царь писалъ къ новгородскимъ дьякамъ: „Какъ къ вамъ пушкари пріѣдутъ, то вы немедленно велите новгородскимъ кузнецамъ сдѣлать 600 ядеръ желѣзныхъ по кружаламъ, какія посланы съ пушкарями, и велите кузнецамъ ядра дѣлать круглыя и гладкія и какъ имъ укажутъ пушкари. Дайте пушкарямъ десять холстовъ, триста листовъ бумаги доброй, большой, толстой, двадцать два пятка льну мягкаго малаго, восемь ужищъ льняныхъ, по двадцати саженъ ужище, восемь коробокъ на ядра и на мѣшки, осьмеро возжей лычныхъ, двадцать гривенокъ и свинцу, восемь овчинъ. За пушкарями смотрѣть накрѣпко, чтобъ они у кузнецовъ посуловъ и поминковъ не брали.“ Когда нарядъ отправлялся въ походъ, при немъ были плотники и кузнецы съ плотничьею и съ кузнечною снастью. Въ городахъ у наряду, пушекъ и пищалей находились пищальники неотступно, день и ночь, городовые воротники, сторожа, кузнецы, плотники; со всѣхъ съ нихъ бралась присяга и давались они на поруки, что имъ изъ города никуда не отъѣзжать. Знаемъ, что пушкарей и пищальниковъ п р и б и р а л и въ с л у ч а ѣ надобности въ городахъ, иногда даже изъ старыхъ и отставныхъ. Наконецъ, въ составѣ русскаго войска упоминаются иноземные отряды — литовскіе.

Относительно продовольствія войска видимъ, что посылались хлѣбные запасы въ занятые ливонскіе города; доставлять эти запасы было обязанностію посошныхъ людей. Иногда хлѣбные запасы доставлялись въ города по подряду: такъ, въ 1582 году какой-то Тереха Ситниковъ нанялся доставить изъ Нижняго въ Астрахань хлѣбный запасъ 2,500 четвертей муки и толокна. Подрядчику (запасчику) дана была грамота, по которой его пропускали вездѣ безпошлинно и безъ задержекъ; если кто-нибудь на запасчика или на его людей попроситъ пристава, или казаки его, не желая идти у него на судахъ, станутъ на немъ или на его людяхъ чего искать или чѣмъ его клепать, то бояре, воеводы и дьяки не должны давать на него и на его людей пристава и суда; а кому будетъ до него или до его людей какое дѣло, то ихъ судятъ въ Москвѣ

бояре; также бояре, воеводы и дьяки не могли брать казаковъ Терехиныхъ въ стрѣльцы и казаки. Видимъ, что служилымъ Татарамъ и казакамъ давалось на конскій кормъ по двѣ деньги на лошадь въ день. При выступленіи въ походъ татарскаго царевича Кайбулы къ шведскимъ границамъ, велѣно было готовить по всей дорогѣ людскіе и конскіе кормы: на всякомъ стану давали на 80 человѣкъ яловицу, полосмины крупъ, полбезмена соли, или на 10 человѣкъ по барану, крупъ и соли на деньгу; кожи съ яловицъ и овчины съ барановъ отдавались назадъ тѣмъ людямъ, у которыхъ онѣ взяты; конскаго корма на 10 лошадей давали—по четверткѣ овса да по острамку сѣна. „Должно это припасти, сказано въ указѣ, чтобъ ратнымъ людямъ безъ корму не быть, а крестьянству по дорогѣ насилій и грабежа кормоваго не было.“ Царь не прощалъ воеводамъ, которые позволяли своимъ ратнымъ людямъ буйствовать въ Русской Землѣ; такъ, при описаніи похода царя Шигъ-Алея и князя Михайлы Глинскаго на Литовцевъ, читаемъ: „Тотъ князь Михайла съ людьми своими, ѣдучи дорогою, сильно грабилъ своихъ, и на рубежѣ люди его деревни Псковской земли грабили, скотъ сѣкли, дворы жгли христіанскіе; царь на него за это прогнѣвался и велѣлъ обыскать, кого грабили дорогою, и на немъ и нымъ доправили тѣ грабежи“. Городовые казаки и стрѣльцы получали жалованья въ годъ по полтинѣ денегъ, кромѣ хлѣбнаго; пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники получали по рублю въ годъ денегъ, по два пуда соли, по двѣнадцати коробей ржи и по стольку же овса. Городовые казаки получали и земли: такъ, въ 1571 году бояре приговорили относительно путивльскихъ и рыльскихъ казаковъ, что если они захотятъ, то набрать 1,000 человѣкъ казаковъ конныхъ, или сколько пригоже, посмотря по землямъ, сколько гдѣ будетъ земель. Служить имъ посылки польскія (степныя) и сторожи съ земли безъ денегъ, и если который послужитъ, тогда государь велитъ его пожаловать.

Ратные люди собирались съ городовъ и селъ такимъ образомъ: въ 1545 году, напримѣръ, государь велѣлъ нарядить съ Новгорода и пригородовъ, съ бѣлыхъ не-тяглыхъ дворовъ съ трехъ дворовъ по человѣку, да съ тяглыхъ съ пяти дворовъ по человѣку, всего нарядить 1,973 человѣка на коняхъ. Да съ новгородскихъ же посадовъ и съ пригородовъ съ посадовъ, съ рядовъ, погостовъ нарядить 2,000 человѣкъ пищальниковъ, половина на коняхъ, а другая половина пѣшихъ. Пѣшіе пищальники были бы въ судахъ, а суда имъ готовить на свой счетъ; у конныхъ людей также должны быть суда, въ чемъ имъ кормъ и запасъ свой въ Нижній-Новгородъ провезти. У всѣхъ этихъ пищальниковъ, у конныхъ и пѣшихъ, должно быть по ручной пищали, а на пищаль по 12 гривенокъ безменныхъ зелья, да по столько же свинцу на ядра; на всѣхъ людяхъ должны быть однорядки или сермяги крашеныя. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ прислана была въ Новгородъ грамота, по которой уже требовалось собрать съ бѣлыхъ дворовъ и съ гостинныхъ по человѣку съ двора, съ суконничьихъ по человѣку, съ двухъ дворовъ съ черныхъ, попрежнему, съ пяти дворовъ по человѣку, да съ 20 дворовъ по-пуду зелья, со всѣхъ безъ исключенія; но черезъ мѣсяцъ велѣно было съ достаточныхъ людей, живущихъ на черныхъ дворахъ, взять съ двора по человѣку, кромѣ прежняго побора по человѣку съ пяти дворовъ. Освобождены были отъ побора дворы архіепископскихъ дѣтей боярскихъ, софійскихъ священниковъ, всѣхъ служилыхъ людей архіепископскихъ; съ ружныхъ священниковъ велѣно было взять съ 6 священниковъ по человѣку, да по двѣ гривенки зелья, а не съ ружныхъ съ 10 священниковъ человѣка, да по двѣ гривенки зелья; дьяконы же, дьяки, пономари и просвирни помогаютъ своимъ священникамъ по церковному доходу. Которые люди при этомъ объявили, что имъ зелья добыть нельзя, къ тѣмъ посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники указывать имъ, какъ варить зелье. Подъ 1535 годомъ псковскій лѣтописецъ говоритъ, что горожане его нарядили 500 пищальниковъ, 3,000 лошадей въ телѣгахъ и человѣка на конѣ, 3,000 четвертей овсяной заспы на толокно, 3,000 полтей свинины, 3,000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, столько же сѣмени коноплянаго; на Москву послали 400 пищальниковъ, а Новгородцы много посохи послали для построенія новаго города Себежа. Иногда посошные люди разбѣгались во время похода, и тогда области, ихъ поставившія, должны были нанимать новыхъ; подъ 1561 годомъ лѣтописецъ говоритъ: царскіе воеводы людей потеряли много, посохи, а другіе разбѣжались, потому что нечего ѣсть; отъ этого Пскову, пригородамъ и сельскимъ людямъ проторей стало много въ посохѣ: вмѣсто разбѣжавшейся посохи нанимали другихъ, съ сохи по 22 человѣка, а на мѣсяцъ давали человѣку по три рубля, а иные и по три съ полтиной, съ лошадьми и съ телѣгами подъ нарядъ. Во время похода подъ Полоцкъ, въ войскѣ Іоанновомъ было посохи пѣшей и коневой 80,900 человѣкъ; давали посошанамъ во Псковѣ—коневникамъ по 5 р., а пѣшимъ по 2 рубля. Подъ 1570 годомъ псковскій лѣтописецъ говоритъ: Пришелъ царь въ Великій Новгородъ и много людей было побито; къ тому же велѣлъ править посоху подъ нарядъ, мосты мостить въ Ливонскую Землю, зелейную руду сбирать; отъ этого налога и правежа всѣ люди, Новгородцы и Псковичи, обнищали, давать стало нечего и пошли сами въ посоху, и злою смертію тамъ померли отъ голода и мороза, отъ мостовъ и наряду; во Псковѣ байдаки и лодки большія посохой тянули подъ ливонскіе города, и, немного потянувъ, покинули по лѣсамъ, тутъ лодки сгнили, а людей погубили [1]).

[1]) Акты арх. эксп. I, № 218, 225; Временн. Моск. Истор. Общ. кн. 20; Дополн. къ акт. истор. I, № 47, 52, 100, 124, 69, 68, 72, 73, 90, 125, 107, 80, 68,

Московское государство XVI вѣка, относительно юго-восточной границы своей, находилось въ такомъ же положеніи, какъ и древняя Приднѣпровская Русь временъ Св. Владиміра: граничило съ степью, изъ которой стремились кочевые хищники на его опустошеніе. Уже давно московскія сторόжи, сторожевые отряды или станицы разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами [1]); при Іоаннѣ IV московскія сторόжи начали сталкиваться съ ливонскими на Днѣпрѣ; мы видѣли, что царь старался показать Сигизмунду-Августу, какъ выгодно для послѣдняго помогать московскимъ сторожамъ, а не затѣвать споровъ о томъ, что они становятся на Литовской Землѣ. Во второй половинѣ царствованія, обративши все вниманіе на западъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ хлопотать, чтобъ южная граница была защищена, чтобъ Крымцы не могли явиться у Оки безвѣстно. Съ этою цѣлію, въ январѣ 1571 года, государь приказалъ боярину своему, князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому, вѣдать станицы, сторόжи и всякія свои государевы польскія службы. Воротынскій говорилъ государевымъ словомъ въ Разрядѣ дьякамъ, что ему велѣлъ государь вѣдать и поустроить станицы и сторόжи, и велѣлъ доискаться станичныхъ прежнихъ списковъ; въ города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, въ другіе украинные города и въ Сѣверу велѣлъ послать грамоты по дѣтей боярскихъ, по письменныхъ, по станичныхъ головъ, и по ихъ товарищей станичниковъ, и по станичныхъ вожей и по сторожей, которые ѣздятъ изъ Путивля, изъ Тулы, Рязани, Мещеры, изъ Сѣверской страны въ станицахъ на поле къ разнымъ урочищамъ, и которые прежде ѣзжали лѣтъ за десять и пятнадцать, велѣлъ имъ всѣмъ быть въ Москву. Когда они пріѣхали, то государь приказалъ князю Воротынскому сидѣть (заняться) о станицахъ, сторожахъ и всякихъ польскихъ службахъ, станичныхъ головъ, станичниковъ и вожей разспрашивать и, разспрося, расписать подлинно порознь: изъ котораго города, по которымъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ пригоже станицамъ ѣздить, и въ какихъ мѣстахъ сторожамъ на сторожахъ стоять, и до какихъ мѣстъ, на которую сторону отъ которой сторόжи разъѣздамъ быть; и въ которыхъ мѣстахъ на полѣ головамъ стоять для береженія отъ приходу воинскихъ людей; и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ, съ которымъ головою и какимъ людямъ на государевой службѣ быть,—чтобъ государю про приходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскіе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили.

Послѣ разспросовъ, князь Воротынскій приговорилъ съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и станичниками о Путивльскихъ, Тульскихъ, Рязанскихъ и Мещерскихъ станицахъ, и о всѣхъ украйныхъ дальнихъ и ближнихъ мѣсячныхъ сторόжахъ и сторожахъ, изъ котораго города къ которому урочищу станичникамъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторόжахъ и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ сторожей на которой сторόжѣ ставить. А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожамъ на сторόжахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы устороживы, гдѣ-бъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ на сторόжахъ, съ коней не ссаживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же, направо и налѣво, по два человѣка, по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы устороживо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города; а сами позади непріятеля ѣдутъ на сакмы (дороги), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и, поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города. Новые посланные ѣдутъ направо или налѣво, которыми дорогами поближе, чтобъ въ украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріятеля, а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою, какъ пригоже, покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздить бережно и устороживо, и того беречь накрѣпко: на которыя украйны воинскіе люди пойдутъ, и имъ, про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдетъ. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три или по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотря по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣстъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ, провѣдавъ подлинно про непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить наскоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣтивъ людей и не довѣдавшись до-пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторожамъ съ важными вѣстями не ѣздить, и сторόжамъ, не дождавшись на сторόжахъ себѣ перемѣны, съ сторόжъ не съѣзжать. А которые сторожа, не дождавшись смѣны, съ сторόжи сойдутъ, и въ то время государевымъ украйнамъ отъ воинскихъ людей учинится война,—тѣмъ сторожамъ отъ государя быть казненнымъ смертью. Которые сторожа на сторόжахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка на день. Если воеводы или

70, 90; Акты арх. эксп. I, № 205, 314; П. С. Р. Л. VI, 300, 309, 312, 314, 318.—Чтенія Москов. Истор. Общ. № 4, 1846 г.: О сторожев. службѣ, примѣч. 7.

[1]) Исторія Россіи, V, 1519.

головы пошлютъ кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищахъ и на сторóжахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небрежно и неусторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали,—тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя и ѣздили бы на сторóжи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ и доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ; и не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день, и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади.

Ѣздить станицамъ изъ Путивля или Рыльска: первой станицѣ ѣхать на поле съ весны 1-го апрѣля, второй -15-го, третьей—1-го мая, четвертой -15-го и т. д., осьмой станицѣ ѣхать 15-го іюля; потомъ въ другой разъ первой станицѣ ѣхать 1-го августа и т. д.; послѣдній выѣздъ 15-го ноября. Если же надобно будетъ еще ѣздить станицамъ, снѣга не нападутъ (снѣги не укинутъ), то станичниковъ посылать и позднѣе 15-го ноября по разсчету; посылать по двѣ станицы на мѣсяцъ, межъ станицы пропуская по двѣ недѣли со днемъ.

Для разъѣздовъ употреблялись дѣти боярскія, посадскіе люди, казаки и наемные жители Сѣверской украйны, или Севрюки; но потомъ приговорили послѣднихъ отставить, потому: стоятъ на сторóжахъ неусторожливо, воинскіе люди на украйны приходятъ безвѣстно, а они того не видятъ, вѣсти отъ нихъ прямой никогда не бываетъ, а пріѣзжаютъ съ вѣстями ложными. Изъ Путивля и Рыльска на донецкихъ сторóжахъ стерегли дѣти боярскія, Путивльцы и Рыляне съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. Кромѣ Донецкихъ сторóжъ, на ближнихъ Путивльскихъ и Рыльскихъ, смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторóжахъ стерегли съ посадовъ посадскіе люди, равно какъ изъ Новгорода Сѣверскаго на смѣсной Путивльской сторóжѣ. Изъ Мценска и Корачева, на смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторóжахъ стерегли дѣти боярскія—Мценяне и Корачевцы—съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. На Орельскихъ, Новосильскихъ, Дѣдиловскихъ, Донковскихъ, Епифанскихъ, Шацкихъ, Ряжскихъ сторóжахъ стерегли казаки съ земель и изъ денежнаго жалованья. На Кадомскихъ и Темниковскихъ сторóжахъ стерегли Татары и Мордва съ земель Кадомскихъ и Темниковскихъ. На Алаторскихъ сторóжахъ стерегли казаки. Послѣ приговорили также ставить на сторóжу по шести человѣкъ сторожей, вмѣсто прежнихъ четырехъ, для того, чтобъ имъ разъѣзжать направо и налѣво, перемѣняясь безпрестанно по два человѣка. Для надзора за исправностію сторожей назначены были четыре стоялые головы, которые разъѣзжали по всему пространству степи: отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца.

Въ октябрѣ 1571 года, по государеву указу, князь Воротынскій съ товарищами приговорили жечь степь; опредѣлили, изъ которыхъ украинскихъ городовъ и въ какую пору, по какимъ мѣстамъ, къ которымъ урочищамъ, до какихъ мѣстъ, сколькимъ станицамъ и по скольку человѣкъ въ станицѣ ѣздить на поле и жечь его. Жечь поле опредѣлено осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ по заморозамъ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведряной и сухой поры, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону; не зажигать травы вблизи украинскихъ городовъ, вблизи лѣсовъ и лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣланы отъ проходу воинскихъ людей. Станицы для зажженія степи должны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Кропивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожаръ долженъ былъ обхватывать пространство степи отъ верховьевъ Вороны до Днѣпра и Десны.

Въ 1574 году назначенъ былъ новый начальникъ надъ сторожевою и станичною службою, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ. При новомъ начальникѣ видимъ перемѣну относительно перваго срока выѣзда станицъ: вмѣсто 1-го апрѣля, положено сообразоваться со временемъ открытія весны, потомъ выбирать дѣтей боярскихъ на степную службу велѣно разряднымъ дьякамъ, а не воеводамъ по городамъ. По челобитью польскихъ (степныхъ) мѣсячныхъ сторожей, бояре приговорили: въ Шацкѣ, Рязскомъ, Донковѣ, Епифани, Дѣдиловѣ, Кропивнѣ, Новосилѣ и Орлѣ казаковъ, которые стерегутъ мѣсячную сторóжу, помѣстьемъ и денежнымъ жалованьемъ поверстать,—придать къ старому ихъ помѣстью, къ 20 четвертямъ еще по 30 четвертей человѣку; а денежнаго жалованья приговорили имъ дать въ третій годъ по три рубля человѣку для сторожевой службы, чтобъ имъ безконнымъ не быть, а быть у нихъ по два коня добрыхъ, или къ коню меринъ добрый. Велѣли послать въ тѣ города писцовъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ—пересмотрѣть всѣхъ казаковъ на лицо съ конями и со всею ихъ службою; которые казаки собою худы или безконны и въ сторожевую службу ихъ небудетъ, - тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ казачью рядовую службу и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ казаковъ добрыхъ и конныхъ. Во Мценскѣ и Корачевѣ на сторóжахъ стеречь дѣтямъ боярскимъ изъ тѣхъ городовъ съ малыхъ статей, съ 50, 70 и 100 четвертей, потому что въ этихъ городахъ казаковъ въ росписи не написано; въ Шацкѣ, Новосилѣ и Орлѣ въ прибавку къ казакамъ посылать дѣтей боярскихъ. Чтó касается границъ станичныхъ разъѣздовъ, то во время управленія бояряна Никиты Романовича пу-

тивльскія станицы ѣздили къ верховьямъ Тора, по Міюсу, Самарѣ, Арели къ Днѣпру до Песьихъ Костей; тульскія—ко Мжу и Коломаку на Муравскій шлякъ (дорогу); рязанскія—къ Сѣверскому Донцу и къ Святымъ Горамъ, а мещерскія—внизъ по Дону, до Волжской переволоки [1]).

Таково было военное устройство въ Сѣверо-Восточной Россіи, въ государствѣ Московскомъ. Здѣсь мы видимъ, что значеніе дружины все болѣе и болѣе никнетъ предъ значеніемъ государя. Въ Россіи Западной, наоборотъ, шляхта ревниво блюдетъ за поддержаніемъ старыхъ правъ своихъ. На виленскомъ сеймѣ 1547 года шляхта потребовала у короля защиты отъ двухъ сословій — духовнаго и мѣщанскаго (городоваго): просила, чтобъ люди духовные на судахъ земскихъ и свѣтскихъ не засѣдали и не звали бы къ духовному суду по свѣтскимъ дѣламъ; относительно мѣщанъ шляхта жаловалась, что ремесленники виленскіе берутъ непомѣрныя цѣны за свои работы и надбавляютъ цѣны по произволу, отчего шляхта бѣднѣетъ. Король обѣщалъ исполнить просьбу. На сеймѣ 1551 г. шляхта просила, чтобъ простыхъ холопей надъ шляхтою не повышать; чтобъ простой холопъ и шляхтичъ подозрительнаго происхожденія урядовъ не держали. Король отвѣчалъ на это: пусть укажутъ, какой холопъ или подозрительный шляхтичъ посаженъ мною на урядъ. Потомъ шляхта просила, чтобъ паны обходились съ нею почтительно на судахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1576 году браславская шляхта подала королю Стефану челобитную, чтобъ королевскіе указы писались къ нимъ на русскомъ, а не на польскомъ языкѣ [2]).

Мы видѣли характеръ казаковъ московскихъ, т.-е. жившихъ по степямъ, прилегавшимъ къ Московскому государству, и признававшихъ по имени власть послѣдняго; такой же точно былъ характеръ и казаковъ литовскихъ, или малороссійскихъ, извѣстныхъ тогда въ Москвѣ подъ именемъ Черкасъ; притомъ безнаказанность послѣднихъ еще болѣе была обезпечена слабостію Польско-литовскаго правительства. Мы видѣли поведеніе казацкихъ вождей, Дашковича, князя Димитрія Вишневецкаго, который окончилъ свои похожденія жестокою смертію въ Турціи. Въ то самое время, какъ Польское правительство употребляло всѣ усилія, чтобъ жить въ мирѣ съ Крымомъ и Турціею, казаки изъ Черкасъ, Канева, Браславля, Винницы, собравшись въ степи за Черкасами, въ числѣ 800 и больше, подъ начальствомъ старшихъ казаковъ:—Карпа, Андруша, Лесуна, Яцка Бѣлоуса—громили по нѣскольку разъ караваны купцовъ турецкихъ и крымскихъ, шедшіе въ Москву и возвращавшіеся назадъ; мало того, крымскій гонецъ, ѣздившій отъ хана къ королю, былъ убитъ казаками въ степи. Солепики, ѣздившіе за солью въ Кочубеевъ (Одессу), терпѣли постоянно отъ ихъ нападеній. Напрасно король писалъ хану, что это разбойничаютъ казаки ихъ общаго непріятеля Московскаго, выходящіе изъ Путивля, Чернигова, Новгорода Сѣверскаго; крымскіе и турецкіе купцы умѣли очень хорошо различать казаковъ московскихъ отъ Черкасъ. Атаманъ Андрей Ляхъ, съ казаками князя Димитрія Вишневецкаго, напалъ въ степяхъ за Самарою на московскаго гонца Змѣева, шедшаго въ Крымъ; съ Змѣевымъ шелъ вмѣстѣ крымскій гонецъ и, по обычаю, турецкіе купцы и Армяне; казаки убили 13 человѣкъ Турокъ и Армянъ, а троимъ руки отсѣкли за то, что они покупаютъ въ Москвѣ литовскихъ плѣнниковъ.—Московскіе послы, жившіе въ Крыму, извѣщали государя о частыхъ нападеніяхъ Черкасъ на Крымъ. Очень любопытно извѣстіе, присланное изъ Крыма въ Москву посломъ Ржевскимъ. „Пріѣхалъ къ царю Крымскому съ Днѣпра казакъ съ вѣстями; на Днѣпръ прислалъ Московскій государь къ головѣ, къ князю Богдану Рожинскому, и ко всѣмъ казакамъ Днѣпровскимъ съ великимъ своимъ жалованьемъ и приказалъ къ нимъ: если вамъ надобно въ прибавку казаковъ, то я къ вамъ пришлю ихъ сколько вамъ надобно, и селитру пришлю, и запасъ всякій, а вы должны идти весною непремѣнно на крымскіе улусы и къ Козлову. Голова и казаки взялись государю крѣпко служить, и очень обрадовались государской милости. Ханъ, услыхавъ эти вѣсти, созвалъ на совѣтъ князей и мурзъ, и сталъ говорить: „Если приходить казакамъ, то они прежде возьмутъ Бѣлгородъ да Очаковъ, а мы у нихъ за хребтомъ“. Князья и мурзы отвѣчали на это: „Если придетъ много людей на судахъ, то города ихъ не остановятъ; вѣдь казакъ—собака: когда и на корабляхъ на нихъ приходятъ турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ!“ Какъ въ старину Русскіе князья, нуждавшіеся въ войскѣ для своихъ усобицъ, находили готовыя дружины въ степяхъ, гдѣ толпились разноименные народцы: такъ теперь, въ XVI вѣкѣ, владѣльцы Дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, борясь другъ съ другомъ, искали и находили помощь у казаковъ. Такъ одинъ изъ нихъ, Ивонъ, угрожаемый соперникомъ своимъ, Петриллою, котораго поддерживали Турки, обратился съ просьбою о помощи къ Польскому королю Генриху; тотъ отказалъ въ помощи на томъ основаніи, что Польша въ мирѣ съ Турками. Ивонъ обратился къ казакамъ; этимъ не было никакой нужды, что король ихъ въ мирѣ съ Турками; они пошли помогать Ивону подъ начальствомъ Свирговскаго; сначала имѣли успѣхъ, но наконецъ были подавлены многочисленными полками турецкими. Подкова (какъ говорятъ, братъ погибшаго Ивона), прозванный такъ потому, что могъ ломать подкову, нашелъ также убѣжище между казаками, вмѣстѣ съ ними пошелъ противъ Петриллы и одолѣлъ его; но Стефанъ Баторій, не желая разрывать съ Турками, велѣлъ брату своему, князю Седмиградскому, выступить противъ Под-

[1]) См. статью Бѣляева: О сторожевой, станичной и полевой службѣ въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. № 4. 1846 г.

[2]) Акты Западной Росс. III, № 4, 11, 38, 64.

ковы; послѣдній долженъ былъ отступить и, понадѣявшись на ручательство въ безопасности, данное ему отъ имени королевскаго, отдался въ руки Полякамъ. Обѣщаніе было нарушено: Подкову заключили въ оковы, и когда, передъ Московскою войною, посолъ турецкій настаивалъ, чтобъ его казнили, угрожая въ противномъ случаѣ войною, то Баторій исполнилъ его требованіе, и Подкова былъ казненъ во Львовѣ. Несмотря на то, братъ Подковы, Александръ, съ казаками снова выгналъ Петриллу, но попался въ руки Туркамъ, которые посадили его на колъ. Потомъ казаки уже одни отправились противъ Турокъ, сожгли крѣпости Ягорликъ, Бендеры; Баторій велѣлъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ, хватать и ковать казаковъ, возвращавшихся изъ этого похода [1]).

Постоянное увеличеніе государственныхъ потребностей въ Московскомъ государствѣ требовало увеличенія финансовыхъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Какъ же поступало Московское правительство въ этомъ случаѣ? Очень просто и естественно по понятіямъ времени: явится новая потребность, новый расходъ,—оно налагаетъ новую подать; отсюда это накопленіе разнаго рода податей, которыя наконецъ начали такъ затруднять финансовыя отправленія древней Россіи. Такъ явились пищальныя деньги, которыхъ съ Новгородскаго посада, пригородковъ, рядковъ и погостовъ сходило 5,236 рублей. Мы видѣли, что ближайшія къ мѣсту военныхъ дѣйствій области должны были выставлять на войну посошныхъ людей, посошныя деньги,—по два рубля за человѣка. Для продовольствія войска съ земель, находящихся въ частномъ владѣніи, бѣлыхъ, сбирался такъ называемый бѣлый кормъ, съ московской сохи по 43 алтына безъ двухъ денегъ. Относительно податей и соединенныхъ съ платежемъ ихъ издержекъ любопытны платежныя отписи; напримѣръ: „Я, Юшка Митрофановъ сынъ, десятскій, взялъ у Спасскаго игумена Евфимія со братьею дань и горностальныя деньги, и ямскія, кромѣ дани въ поминокъ подъячему и въ Московскій покругъ, и кормъ Великодневный и Петровскій, все сполна, и отпись ему далъ“. Или: „Взято ямскихъ денегъ и примету столько-то; дьячихъ писчихъ пошлинъ столько-то; за городовыя и засѣчныя дѣла, за подъячихъ, за земскаго дьячка, за плотниковъ, кузнецовъ; за подмогу ямскихъ охотникамъ; за емчужное дѣло“ и проч.

Кромѣ дани, источникомъ дохода для правительства служили оброки: въ 1543 году вологодскіе писцы, по слову великаго князя, отдали на оброкъ Кирилловскому игумену двѣ великокняжескія пустоши черныя, потому что эти пустоши находятся между монастырскихъ деревень, а отъ великокняжескихъ деревень отошли; съ этихъ пустошей, сказано въ грамотѣ, великому князю не надобны ни дань, ни посошная служба, ни намѣстничьи кормы, ни тіунскія, ни праветчиковскія, ни доводчиковскія пошлины, и съ черными людьми не тяпутъ они ни во что; а даетъ монастырь съ этихъ пустошей великому князю оброкъ ежегодно по десяти алтынъ. Отдавались на оброкъ пашни, сѣнокосы, лѣса, рѣки, мельницы, огороды; отдавались эти статьи на оброкъ изъ наддачи, тому, кто наддавалъ противъ оброчной цѣны, платимой прежнимъ содержателемъ. Правительство спѣшило пользоваться намѣстничьими доходами въ то время, когда старый намѣстникъ выѣзжалъ изъ города, а новый еще не былъ назначенъ; такъ, въ 1555 г., когда намѣстникъ князь Палецкій выѣхалъ изъ Новгорода, царь писалъ дьякамъ: „Сейчасъ же выберите изъ городничихъ или изъ рѣшеточныхъ приказчиковъ сына боярскаго добраго, кому пригоже и можно вѣрить, и велите ему ту половину Новгорода, намѣстничьи и его пошлинныхъ людей всякіе доходы вѣдать на меня, и приведите его къ присягѣ, и надзирайте надъ нимъ, чтобъ нашимъ доходамъ истери не было“. Какъ сбирались подати, видно изъ царской грамоты къ новгородскимъ дьякамъ 1556 года: „Вы писали къ намъ, что велѣно во всѣ пятины разослать грамоты, чтобъ князья, дѣти боярскія и всѣ служивые люди, игумены, попы, дьяконы, старосты, сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинъ по сыну боярскому доброму, да изъ пятинъ же выбрали человѣка по три и по четыре лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, а изъ малыхъ погостовъ изъ двухъ или изъ трехъ по человѣку; а велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ сбирать наши ямскія и приметныя деньги, и за посошныхъ людей, и за емчужное дѣло, и всякія подати по писцовымъ книгамъ и привозить къ вамъ въ Новгородъ“ [2]).

Мы разсмотрѣли въ своемъ мѣстѣ [3]) уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Бѣлоозерѣ, данный Іоанномъ III; при Іоаннѣ IV, въ 1551 году, дана была туда же, на Бѣлоозеро, таможенная грамота, которая относительно сбора тамги ни чѣмъ не разнится отъ грамоты Іоанна III, но въ ней прибавленъ уставъ о сборѣ помѣрной и дворовой пошлины: помѣрное брать—со пшеницы, ржи, ячменя, солоду, конопель, гречи, гороху, заспы толокна, рѣпы, и со всякаго жита, съ хмелю, также съ рыбы сухой, и съ вандышевъ и съ хохолковъ—брать съ продавца съ четырехъ четвертей деньга, а тамги съ жита и сухой рыбы не брать. А кто продастъ всякаго жита воза два или три безъ мѣры, или кто купитъ не въ ихъ пятенную мѣру, то съ него за-

[1]) Метрика Литовская, I, стр. 20, 22, 26, 30; Дѣла Крымск. № 12, стр. 188; № 15, Вѣстовой списокъ Ржевскаго, 1576 года; L. Gorecii—Descriptio belli Livoniæ ap. Historiam polon, histor. corpus t. III; Solicovii Commentarius; Septentrionalische Historien (Pamietniki Miller. do pan. St. Bat.) стр. 12.

[2]) Дополн. къ акт. историч. I, № 89; Акты арх. эксп. I, № 233. Дополн. къ акт. истор. I, № 78; Акты юридич. № 209, 168—172; Дополн. къ акт. истор. I, № 84, 85, 93.

[3]) Исторія Россіи V, 1507.

повѣди два рубля,—рубль намѣстнику и рубль помѣрщикамъ; а кто продастъ всякаго жита четыре четверти московскихъ, или кто станетъ покупать и продавать не въ ихъ пятенную мѣру, то съ него заповѣди рубль—полтина намѣстнику и полтина помѣрщикамъ. Дворовая пошлина на гостинныхъ дворахъ: кто пріѣдетъ товару купить на гостинномъ дворѣ, дворники берутъ поворотной съ тысячи бѣлки Шувайской или Устюжской по 4 деньги съ тысячи, а съ Кляземской бѣлки по 2 деньги съ тысячи; съ сорока соболей берутъ по тому-жъ разсчету, какъ и съ бѣлки Шувайской; съ куницы съ сорока по деньгѣ; съ десяти бобровъ берутъ по тому-жъ разсчету, какъ и съ 1,000 бѣлки Шувайской; съ постава сукна Ипскаго или Лупскаго по три деньги; а съ Новогонскаго и Трекунскаго по деньгѣ, съ меду съ кади отъ 7 до 10 пудовъ по деньгѣ, будетъ кадь меньше семи пудъ и они берутъ по разсчету; кто купитъ перцу больше рубля или меньще, берутъ по тому-жъ разсчету; съ бочки сельдей—по деньгѣ, съ лукна икры по деньгѣ, съ бочки сливъ по полуденьгѣ, съ круга воску по 4 деньги, съ стопы бумаги по полуденьгѣ. Кто пріѣдетъ на Бѣлоозеро съ мясомъ или съ какимъ-нибудь товаромъ, а на гостинномъ дворѣ не станетъ, станетъ у кого-нибудь, и дворники уличатъ его предъ намѣстникомъ, что сталъ не на гостинномъ дворѣ, у нихъ не просясь, то намѣстникъ, обыскавъ, беретъ на себя заповѣди полполтины на томъ, у кого во дворѣ тотъ купецъ сталъ, а съ купца взять дворникамъ полполтины же, на немъ же намѣстничью приставу взять хоженаго четыре деньги. Кто привезетъ товару цѣною меньше двухъ рублей, станетъ прямо на торгу и ночуетъ тутъ,—съ того дворникамъ не брать ничего; кто привезетъ товару больше (кажется должно читать меньше), чѣмъ на два рубля, и станетъ на чьемъ нибудь дворѣ, а не на гостинномъ, то дворникамъ брать у него поворотное, смотря по товару, съ амбарнаго брать на недѣлю по четыре деньги. Кто не поѣдетъ съ возами на гостинный дворъ стоять, а товару будетъ у него больше двухъ рублей, то дворники ставятъ его на гостинномъ дворѣ; если же не послушаетъ дворниковъ, не поѣдетъ къ нимъ, то дворники ставятъ его у себя за намѣстничьимъ приставомъ, который беретъ хоженаго по четыре деньги.

Въ таможенной грамотѣ, данной въ 1563 году въ принадлежавшее Симонову монастырю село Весьегонское, въ Городецкомъ стану Бѣжецкаго Верха, съ иногородныхъ купцовъ, московскихъ, тверскихъ, новгородскихъ и псковскихъ велѣно брать тамги съ рубля по четыре деньги; съ людей своего уѣзда—съ рубля по полторы деньги; если торговые люди пріѣдутъ рѣкою Мологою въ судахъ, то съ товару тамга берется съ нихъ по таможенной грамотѣ, а съ судна брать съ полубленнаго и неполубленнаго, съ набои, прикольнаго и поводцоваго—по алтыну, а со струга по три деньги. Если же пріѣдетъ въ село Весь Рязанецъ или Казанецъ, или какой-нибудь другой иноземецъ, то у нихъ брать съ рубля по семи денегъ. Тамга и всѣ таможенныя пошлины (то-есть пятно, помѣрное и проч.) въ селѣ Веси отдавались на откупъ Бѣжичанамъ, городецкимъ посадскимъ людямъ и сельскимъ крестьянамъ; но въ 1563 году Симоновъ монастырь, жалуясь, что отъ этого его людямъ и крестьянамъ чинятся обиды и продажи великія, выпросилъ откупъ себѣ, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей, въ прокъ, безъ наддачи.

Въ 1571 году дана была таможенная новгородская грамота о сборѣ пошлинъ на Торговой сторонѣ, въ государевой опричинѣ. И здѣсь, какъ въ предыдущихъ грамотахъ, начиная съ грамоты Новгородскаго князя Всеволода церкви Св. Іоанна на Опокахъ, Новгородцу дается преимущество предъ пригородскими людьми Новгородской Земли и сельскими людьми, также предъ жителями другихъ областей: Новгородецъ платилъ тамги съ рубля московскаго по полторы московки, остальные всѣ по четыре московки; но если пріѣдутъ Новгородцы съ Софійской стороны съ товаромъ въ государеву опричнину, на Торговую сторону, то платятъ пошлины наравнѣ съ пригородскими и волостными людьми Новгородской Земли. Новгородскіе мясники не смѣли покупать коровъ на дорогахъ у нутниковъ (погонщиковъ); нутники должны были гнать коровъ на продажу въ Новгородъ, или же къ Ивану Святому на Опокѣ; кто же за городомъ или на дорогѣ купитъ коровъ, на томъ заповѣди—половина на купцѣ и половина на продавцѣ. При вывозѣ товаровъ изъ Новгорода новгородскими городецкими людьми, по взятіи тамги, таможенники давали узолки за своею печатью. Мы видѣли, что Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ далъ церкви Св. Іоанна на Опокахъ вѣсъ вощаной. Въ описываемое время по-прежнему вѣсили товаръ у Ивана Св.; но пошлины, какъ видно, шли прямо въ казну царскую; въ грамотѣ Іоанна IV-го читаемъ: „Воскъ, медъ, олово, свинецъ квасцы, ладонъ, темьянъ вѣсить по старинѣ, на крюкъ, у Ивана Св. подъ церковью, на Петрятинѣ дворищѣ, а таможникамъ въ это не вступаться". Далѣе грамота говоритъ: „Безъ вѣсу меду, икры и соли не продавать; а кто продастъ или купитъ какой-нибудь вѣсный товаръ безъ вѣсу на рубль или больше рубля, то на нихъ заповѣди рубль новгородскій, половина на купцѣ, а другая на продавцѣ; если покупка меньше рубля, то заповѣди брать столько же, на сколько продано товару; если же меньше пяти алтынъ, то пудовщики вѣсчаго и заповѣди не берутъ. Пуда у себя никто не смѣетъ держать, а кого въ томъ уличатъ, тотъ платитъ заповѣди два рубля. Брать тамгу, пудъ и всѣ пошлины съ товаровъ царскихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, намѣстничьихъ, боярскихъ, съ сельчанъ царскихъ, митрополичьихъ, владычныхъ, монастырскихъ, боярскихъ, съ грамотчиковъ и со всѣхъ безъ исключенія. Если купцы иноземные привезутъ бархаты, камки, всякое узорочье, ло-

шадей, то эти товары не прежде пускать въ продажу, какъ послѣ выбора изъ нихъ пригодныхъ государю. Таможники должны беречь накрѣпко, чтобъ всякіе торговые люди и иноземцы не вывозили изъ Новгорода въ Литву и къ Нѣмцамъ денегъ, серебра и золота, сосудовъ, пуговицъ, серебряныхъ и золотыхъ, въ сундукахъ, коробьяхъ и ящикахъ". Таможники же должны были брать поплашную пошлину по берегамъ рѣки Волхова, съ судовъ и плотовъ, съ плавнаго лѣсу. Тамга и всѣ таможенныя пошлины собирались гостями и купцами московскими и новгородскими на вѣру, въ которомъ году кого въ головы поставятъ и цѣловальниковъ выберутъ намѣстники новгородскіе и дьякъ. Въ 1577 году дана была грамота цѣловальникамъ на Торговой сторонѣ, какъ имъ брать пошлину съ дворовъ гостинныхъ и лавокъ: брать у гостей за одинъ амбаръ на недѣлю, если гостей много, по три деньги, если мало,—то по двѣ, а иногда и по одной; за избу—особый наемъ. Поворотная пошлина въ Новгородѣ дворниками не бралась; цѣловальники должны были жить на гостинныхъ дворахъ, но женъ не могли на нихъ держать. Тамга и вѣсчая пошлина у Ивана Св. на Опокохъ отдавались на откупъ; въ 1556 году откупщики вѣсчей пошлины отказались, потому что воскъ и сало перестали идти къ Нѣмцамъ и они не могли набрать откупной суммы, за что стояли на правежѣ; тогда царь велѣлъ дьякамъ выбрать людей (не опредѣлено какихъ) и поручить имъ сборъ вѣсчей пошлины съ тѣмъ, чтобъ они собрали въ годъ ту же самую сумму, какую прежде платили откупщики, именно 233 рубля 13 алтынъ, а если соберутъ больше, то царь ихъ пожалуетъ; что же будетъ съ ними, если соберутъ меньше, — не сказано.

Въ таможенной Орѣшковской грамотѣ перечисляются пошлины: тамга, пудъ, полавочное, поземь, носовое съ судовъ (съ носа на суднѣ), явка, помѣръ, оброкъ съ домницъ и съ горновъ, въ которыхъ дмутъ желѣзо, и съ кузницъ. Мы видѣли, въ таможенной Новгородской грамотѣ приказъ брать пошлины со всѣхъ товаровъ, чьи бы они ни были; то же стремленіе къ уничтоженію льготъ относительно взиманія торговыхъ пошлинъ видимъ въ царской грамотѣ дмитровскимъ таможеннымъ откупщикамъ 1549 г. Эти откупщики били челомъ, что пріѣзжаютъ въ Дмитровъ и на Кимру и въ село Рогачево изъ царскихъ подклѣтныхъ селъ, изъ Переяславля, изъ царициной Мироносицкой слободы, митрополичьи, владычни, княжіе, боярскіе, монастырскіе и другіе крестьяне, смоленскіе сведенцы, паны московскіе, бараши, огородники, торгуютъ всякимъ товаромъ, а пошлины не платятъ: говорятъ, что у нихъ царскія грамоты жалованныя, тарханныя, освобождающія ихъ отъ платежа таможенныхъ пошлинъ. Царь отвѣчалъ: „Я нынѣ всѣ свои жалованныя грамоты тарханныя въ таможенныхъ и помѣрныхъ пошлинахъ уничтожилъ, кромѣ монастырскихъ: Троицкаго Сергіева монастыря, Соловецкаго, Новодѣвичьяго и Кириллова, да Воробьевской слободы".—Наконецъ мы должны упомянуть о новой мѣрѣ (осминѣ), введенной въ 1550 году; какъ она вводилась, видно изъ царской грамоты на Двину, старостамъ, сотскимъ, цѣловальникамъ, лучшимъ, среднимъ и младшимъ сельскимъ людямъ: „Послалъ я къ вамъ на Двину мѣру мѣдную, новую, и когда къ вамъ эту новую мѣдную мѣру привезутъ, то вы всѣ земскіе люди сдѣлайте съ нея передъ собою спуски новые, деревянные, и велите, передъ собою, на всѣхъ этихъ деревянныхъ спускахъ положить по пятну, и отдайте ихъ помѣрщикамъ, чтобъ они давали мѣрить ими всѣмъ людямъ всякое жито; а мѣрили бы купцы и продавцы и всякіе люди въ тѣ новыя мѣры ровно, безъ верху. Того берегите накрѣпко и въ торгу велите не по одно утро кликать, чтобъ всѣ люди жито мѣрили новыми мѣрами; а кого уличатъ, что онъ мѣрилъ въ старую мѣру, съ того возьмите заповѣди два рубля; уличатъ его въ другой разъ,—возьмите четыре рубля; уличатъ въ третій разъ,—возьмите съ него втрое, да киньте его въ тюрьму до нашего указа; а заповѣдныя деньги пришлите въ Москву".

Въ Литвѣ мѣста королевскія платили: съ волока земли перваго разряда цыншу 50 грошей, средняго—40, низшаго—30, и съ всякой толоки (нови) по 12 грошей; съ домовъ—на рынкѣ съ прута по 7 пѣнязей, а въ улицахъ отъ прута по 5 пѣнязей, съ огорода по 2, съ гуменныхъ мѣстъ на предмѣстьи отъ прута 1 пѣнязь, а отъ морга 3 гроша; копщизна: отъ меду копа грошей, отъ пива копа грошей, отъ горѣлки 30 грошей. Съ мясниковъ ежегодно бралось въ казну за камень (32 фунта) сала по 15 грошей, а уряду въ торговый день платилось особо деньгами отъ каждой скотины за лопатку. Пришлые въ городѣ люди (коморники) платятъ ежегодно по 2 гроша въ казну. Съ волоки сельской доброй земли крестьяне платили въ королевскихъ имѣніяхъ цыншу—21 грошъ, средней 12, дурной 8, самой дурной (песчаной или болотистой) 6, овса съ хорошей и посредственной волоки по двѣ бочки, съ худой одна бочка, или 5 грошей за бочку, да за отвозъ каждой бочки пять грошей; потомъ съ каждой волоки по возу сѣна или по три гроша, за отвозъ 2 гроша; съ волоки очень дурной земли сѣна и овса не давалось; кромѣ того, былъ поборъ гусями, курями, яицами. Волока равнялась 19 русскимъ десятинамъ; грошъ литовскій равнялся пяти копѣйкамъ серебромъ.

Еще въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія, мы видѣли новое важное явленіе въ жизни городскаго и сельскаго народонаселенія: послѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ ихъ является новая власть, иного происхожденія; жители городскіе и сельскіе получаютъ отъ правительства позволеніе сами, независимо отъ намѣстниковъ и волостелей, ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего должны

ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, человѣка три или четыре въ волости, присоединяя къ нимъ старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей; эти выборные старшины называются иногда приказчиками, иногда выборными головами, губными старостами; иногда жители города должны были поставлять между собою десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ для наблюденія за лихими людьми; замѣтивши подозрительнаго человѣка, должно было приводить его къ городовому приказчику и съ нимъ вмѣстѣ обыскивать; при пыткѣ должны были присутствовать также дворскій, цѣловальники и лучшіе люди. Отношенія намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ ихъ къ губнымъ старостамъ опредѣляются такъ: „Поймаютъ татя въ первой татьбѣ, то доправить на немъ истцевы иски, а въ продажѣ онъ намѣстнику, и волостелямъ, и ихъ тіунамъ; какъ скоро намѣстники, волостели и ихъ тіуны продажу свою на татѣ возьмутъ, то вы, старосты губные, велите его бить кнутомъ и потомъ выбить изъ земли вонъ“.

Псковскій лѣтописецъ смотритъ на губныя грамоты, какъ на направильныя противъ намѣстниковъ, вызванныя злоупотребленіями послѣднихъ: въ губныхъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ отъ времени малолѣтства Іоанна IV-го, еще нѣтъ жалобъ на намѣстниковъ: „Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ; но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ большіе вамъ убытки; и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая“. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ жалоба на намѣстниковъ и тіуновъ ихъ встрѣчается впервые въ 1552 году, въ просьбѣ Важанъ: „Важане, Шенкурцы и Вельскаго стана посадскіе люди и всего Важскаго уѣзда становые и волостные крестьяне били челомъ и сказывали, что у нихъ на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ важскихъ намѣстниковъ, отъ ихъ тіуновъ, доводчиковъ, обыскныхъ грамотъ, отъ лихихъ людей, татей, разбойниковъ, костарей; что важскаго намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить имъ нельзя; и отъ того у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли; крестьяне у нихъ отъ того насильства, продажъ, татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные разбрелись безвѣстно кой-куда. На оставшихся посадскихъ людяхъ и крестьянахъ намѣстники и тіуны ихъ берутъ свой кормъ, а праветчики и доводчики свой поборъ сполна, и посадскимъ людямъ и крестьянамъ впередъ отъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тянуть сполна нельзя. И государь бы пожаловалъ, намѣстника и тіуновъ отставилъ, и велѣлъ бы управу чинить во всякихъ земскихъ дѣлахъ по судебнику выборнымъ лучшимъ людямъ, кого они, всѣ Важане и Шенкурцы, посадскіе люди и крестьяне, излюбили. Пошлинъ излюбленнымъ головамъ со всякихъ управныхъ дѣлъ и разбойныхъ не брать; а за всѣ намѣстничьи и тіунскія пошлины, за всѣ поборы и доходы, кромѣ государственныхъ оброковъ, велѣть на нихъ положить оброкъ деньгами 1,500 рублей ежегодно“.—Царь исполнилъ просьбу, велѣлъ быть у нихъ излюбленнымъ головамъ; оброкъ 1,500 рублей разводить посадскимъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ, самимъ между собою, по животамъ и промысламъ, а крестьянамъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ, разводить по пашнямъ, животамъ и сохамъ. Оброкъ привозятъ въ Москву излюбленные головы, перемѣняясь по половинамъ, а съ ними лучшіе люди, не дожидаясь пристава; пріѣхавъ въ Москву съ оброкомъ, посуловъ и поминковъ не даютъ они никому ничего; если же не привезутъ оброка въ срокъ, то царь посылаетъ за ними приставовъ, и доправливаетъ оброки вдвое съ ѣздомъ. Они должны прибрать также земскихъ дьяковъ, кто-бъ имъ въ земскіе дьяки любъ былъ; дьяки эти должны писать всякія дѣла излюбленныхъ головъ.—Эта жалованная грамота называется откупною, ибо 1,500 рублей, вносимые ежегодно, называются намѣстничьимъ откупомъ.

Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Устюжскихъ волостей 1555 года говорится уже о безпрестанныхъ жалобахъ городскаго и сельскаго народонаселенія на намѣстниковъ и волостелей, равно какъ о жалобахъ намѣстниковъ и волостелей на горожанъ и сельчанъ, и о замѣненіи намѣстниковъ и волостелей излюбленными старостами говорится какъ объ общей мѣрѣ, вслѣдствіе этихъ жалобъ предпринятой. „Прежде, „говоритъ царь:“ мы жаловали бояръ своихъ, князей и дѣтей боярскихъ, давали города и волости имъ въ кормленья; и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели, праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего указнаго жалованья, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ и ихъ пошлинныхъ людей намъ докуки и челобитья многія, что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на поруки не даются, кормъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ; отъ того между ними поклепы и тяжбы великія; отъ того на посадахъ многіе крестьянскіе дворы, въ уѣздахъ деревни и дворы позапустѣли, и наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы, жалуя крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, волостелей отставили; а за доходы ихъ, пошлины и присудъ велѣли посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчить деньгами; и велѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ постановить старостъ излюбленныхъ, которымъ между крестьянами управу чинить, намѣстничьи, волостелины и праветчиковы доходы собирать и къ намъ на срокъ привозить, которыхъ себѣ крестьяне между собою излюбятъ и выберутъ всю землю, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, которые умѣли бы

ихъ разсудить вправду безпосульно и безволокитно, и за намѣстничій доходъ оброкъ собрать умѣли бы, и къ нашей казнѣ на срокъ привозили бы безъ недобору".—Въ слѣдующемъ 1556 году дано было право Двинянамъ, вмѣсто намѣстниковъ, выбрать излюбленныхъ головъ, которые тутъ же называются выборными судьями. Эти выборные судьи на Холмогорахъ на посадѣ, въ станахъ и волостяхъ должны были выбрать сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, которые были бы добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы, и велѣть имъ беречь накрѣпко, чтобъ лихихъ людей не было

Несмотря на то, что замѣненіе намѣстниковъ и волостелей выборными отъ горожанъ и сельчанъ властями представлено въ одной изъ приведенныхъ грамотъ какъ общая мѣра, мы видимъ, что не во всѣхъ волостяхъ произошло это измѣненіе. Чтобъ объяснить себѣ явленія, мы должны припомнить, что грамоты, которыми волостямъ давалось право управляться своими выборными властями, назывались откупными; волость извѣстною суммою, вносимою въ казну, откупалась отъ намѣстниковъ и волостелей; правительство давало ей право откупаться вслѣдствіе ея просьбы; если же она не била челомъ, считала для себя невыгоднымъ новый порядокъ вещей, то оставалась при старомъ. Почему волость не рѣшалась на перемѣну?—на это могли быть разныя причины. Мы знаемъ: какъ вездѣ, при неразвитости гражданскихъ понятій, кажется тяжкимъ исполненіе общественныхъ обязанностей; какъ стараются избѣгать общественныхъ должностей, общественныхъ порученій; какъ трудно найти людей, которые бы взялись исполнять ихъ и надлежащимъ образомъ исполняли. Волость избирала людей, которые не только должны были посвятить свое время управленію и суду, но также обязаны были отвозить откупную сумму въ Москву, спѣшить изъ далекихъ мѣстъ къ сроку, а въ противномъ случаѣ подвергались взысканію. Нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторыя волости не могли удовлетворить новымъ требованіямъ и предпочли оставаться при старомъ. Въ 1577 году мы встрѣчаемъ пожалованіе намѣстничества въ кормленіе, дана была грамота князю Морткину на городъ Корачевъ въ кормленіе, со всѣмъ по тому, какъ было за прежними намѣстниками: „И вы, всѣ люди того города, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ, и ходитъ у васъ во всемъ по доходному списку, какъ было при прежнихъ намѣстникахъ". Мы видѣли въ Перми намѣстника въ 1581 году, видѣли однако подозрительность, какую обнаружилъ царь относительно его: „Людей сбирали бы Пермскіе и Усольскіе люди сами между собою, чтобъ имъ при сборѣ отъ тебя убытка не было". Кромѣ кормленія, для содержанія намѣстника назначались еще деревни. Въ пограничныхъ, важныхъ по своему военному положенію городахъ видимъ воеводъ. Въ 1555 году князь Димитрій Палецкій въ Новгородѣ называется и воеводою и намѣстникомъ; потомъ, какъ видно, въ Новгородѣ былъ воевода при намѣстникѣ и считался выше послѣдняго; но въ наказѣ архіепископу Казанскому Гурію видимъ, что намѣстникъ считался честнѣе воеводъ. Въ 1581 году свіяжскій воевода Сабуровъ былъ переведенъ воеводою же въ Казань, причемъ послана была къ нему такая грамота: „Мы велѣли быть на нашей службѣ въ Свіяжскѣ на твое мѣсто воеводѣ князю Петру Буйносову-Ростовскому, а тебѣ велѣли быть въ воеводахъ въ Казани съ княземъ Григоріемъ Булгаковымъ съ товарищи да съ дьякомъ Михайлою Битяговскимъ, вмѣстѣ заодно. И ты бы сдалъ городъ князю Ростовскому: сдай, переписавши нарядъ, пушки и пищали, въ казнѣ зелье и свинецъ и всякій пушечный запасъ, наши прежніе наказы и присыльныя грамоты и всякія наши дѣла. Пріѣхавши въ Казань, былъ бы ты на нашей службѣ въ острогѣ, по прежнему, и списки дѣтей боярскихъ, своихъ полчанъ, которые были прежде у тебя въ полку, взялъ бы у воеводы князя Булгакова, и былъ бы на нашей службѣ въ Казани въ городѣ и въ острогѣ, и дѣтей боярскихъ своихъ полчанъ вѣдалъ, и всякими нашими дѣлами промышлялъ; а съ воеводою княземъ Булгаковымъ съ товарищи и съ дьякомъ Битяговскимъ былъ бы безъ мѣстъ, а розни у васъ не было бы ни въ чемъ".

Въ этомъ наказѣ замѣчательны слова, что воевода Сабуровъ долженъ быть вмѣстѣ за одно съ воеводою княземъ Булгаковымъ и съ дьякомъ Битяговскимъ, чтобъ былъ безъ мѣстъ съ воеводою княземъ Булгаковымъ и дьякомъ Битяговскимъ. Мы видѣли, что значеніе дьяковъ при Дворѣ и въ областномъ управленіи очень усилилось еще при отцѣ Грознаго, и мы видѣли причины, по которомъ оно не могло ослабѣть при самомъ Грозномъ. Курбскій говоритъ, что Іоаннъ вполнѣ довѣрялъ дьякамъ своимъ, которыхъ избиралъ изъ поповичей или изъ простаго всенародства, и поступалъ такъ, ненавидя вельможъ своихъ; другой отъѣзжикъ, Тетеринъ, писалъ къ Морозову: „Есть у великаго князя новые довѣренные люди (вѣрники)—дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ." Псковскій лѣтописецъ не перестаетъ указывать на важное значеніе дьяка въ городовомъ управленіи; такъ, подъ 1534 годомъ, онъ говоритъ: „Дьяка Колтырю Ракова свелъ князь великій на Москву, и была Псковичамъ радость, потому что онъ многія пошлины во Псковѣ уставилъ". Объ отношеніи дьяковъ къ воеводамъ говорится въ царской грамотѣ 1555 г къ новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому: „Велѣли мы боярамъ своимъ и воеводамъ, князю Петру Михайловичу Щенятеву и князю Дмитрію Өедоровичу Палецкому быть для нашего дѣла въ Великомъ Новгородѣ. И которыя наши дѣла у бояръ нашихъ будутъ, и вы бы тѣ дѣла дѣлали и въ нашихъ дѣлахъ ихъ слушали." Но тутъ же видимъ, что, при всѣхъ внутреннихъ рас-

поряженіяхъ, царь обращается прямо къ дьякамъ; а при внѣшнихъ сношеніяхъ, напримѣрь при допущеніи дерптскихъ Нѣмцевъ торговать въ Новгородѣ и Псковѣ, царь обращается къ намѣстнику князю Палецкому и дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому; къ намѣстнику обращается также въ дѣлахъ судныхъ и при распоряженіяхъ относительно войска. Въ концѣ 1555 года, когда намѣстникъ новгородскій, князь Димитрій Палецкій, отправился въ походъ противъ Шведовъ, царское жалованье, Новгородъ, отказалъ и людей своихъ свелъ,—царь велѣлъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому выбрать тіуна и приказать ему судить всякія намѣстничьи дѣла, также выбрать недѣльщиковъ; потомъ царь писалъ къ нимъ: „Теперь мы послали въ Великій Новгородъ Ивана Ивановича Жулебина, велѣли ему, да вамъ, дьякамъ нашимъ, дѣла наши земскія дѣлать, которыя дѣлали прежніе намѣстники. Которыхъ дѣлъ тіунамъ нельзя будетъ рѣшить, тѣ рѣшайте вы съ Иваномъ; а которыхъ и вамъ нельзя будетъ рѣшить, тѣ пересылайте къ намъ.“ Жулебинъ не носилъ никакого особеннаго названія; во всѣхъ грамотахъ царь продолжаетъ попрежнему обращаться къ однимъ дьякамъ; къ Жулебину обращается онъ только разъ, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ, именно о пересылкѣ грамоты къ Шведскому королю; эта грамота пересылалась отъ имени новгородскаго намѣстника, князя Глинскаго; но изъ словъ грамоты можно заключить, что Глинскій въ это время еще не пріѣзжалъ въ Новгородъ.

Встрѣчаются названія городничихъ, городовыхъ приказчиковъ и городчиковъ. Въ губной грамотѣ Галичанамъ говорится, чтобъ выборные сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе привозили лихихъ людей къ городовымъ приказчикамъ и вмѣстѣ съ ними обыскивали ихъ. Изъ другихъ грамотъ видно также, что они вѣдали дѣла земскія, полицейскія и финансовыя. Въ городовые приказчики, или, какъ выражались, на Городовой приказъ выбирали всею землею изъ дѣтей боярскихъ; на содержаніе ихъ выдавалось по пяти вытей въ помѣстье. Подлѣ городовыхъ приказчиковъ упоминаются также рѣшеточные приказчики, выбиравшіеся также изъ дѣтей боярскихъ и получавшіе по пяти обжей въ помѣстье. Мы видѣли, что еще при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ дьяки въ Новгородѣ велѣли поставить рѣшетки по всему городу и сторожей у рѣшетокъ для прекращенія грабежей и убійствъ; это извѣстіе объясняетъ намъ должность рѣшеточныхъ приказчиковъ; въ одной изъ грамотъ царя Іоанна къ новгородскимъ дьякамъ читаемъ: „Вы-бъ еще прислали изъ городчиковъ или изъ рѣшеточныхъ приказчиковъ, которые получше, да подьячихъ добрыхъ, и велѣли имъ по станамъ припасать кормъ конскій и людской для ратныхъ людей.“ Въ Новгородѣ видимъ попрежнему старостъ по концамъ и улицамъ; когда, въ 1548 году, царь пожаловалъ, отставилъ въ Новгородѣ корчмы и питье кабацкое, то давали по концамъ и по улицамъ старостамъ, на 30 человѣкъ, двѣ бочки пива да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра. Въ 1555 году царь писалъ новгородскимъ дьякамъ: „Учиненъ былъ въ Великомъ Новгородѣ въ старостахъ Иванъ Борзуновъ; жалованья нашего онъ получалъ по 50 рублей на годъ, да ему же дано помѣстье для старощенья. Теперь я этого Ивана Борзунова отъ старощенья велѣлъ отставить: и вы-бъ ему въ судѣ у нашихъ намѣстниковъ и дворецкаго быть не велѣли, нашего жалованья ему не давали и помѣстье отписали на меня до тѣхъ поръ, пока выберемъ на его мѣсто другого старосту.“ Этотъ Борзуновъ былъ староста большой, обязанностію котораго, между прочимъ, было ѣздить на посады, вынимать корчемное питье и питуховъ брать; съ нимъ вмѣстѣ ѣздили: подьячій, уличный староста и посадскіе люди; безчестья большому старостѣ платилось 50 рублей.

Относительно городскаго народонаселенія встрѣчаемъ различіе между людьми, имѣющими свои дворы, и людьми, которые не имѣютъ своихъ дворовъ, живутъ при своедворцахъ и носятъ названіе с о с ѣ д е й; такъ, напримѣръ, въ поручной записи, данной нѣкоторыми Новгородцами по недѣльщикѣ въ 1568 году говорится: „Я, Потанъ Ѳоминъ сынъ, скотникъ съ Варецкой улицы, живу своимъ дворомъ, да я, Матвѣй Григорьевъ сынъ, Шелковникъ, живу своимъ дворомъ, да я, Иванъ Ивановъ сынъ Воронковъ, Деменскій купчина съ Павловой улицы, живу у Мити, у Деменскаго же купчины, въ с у с ѣ д ѣ х ъ“ и т. д. Въ Новгородѣ встрѣчаемъ названіе гостей в е д е н ы х ъ; изъ Новгорода, равно какъ изъ Пскова, продолжали выводить горожанъ въ Москву и другіе низовые города; такъ въ 1555 г свели въ Казань опальныхъ Псковичей десять семействъ. Въ 1569 году взялъ царь въ Москву изъ Новгорода 150 семей, да изъ Пскова 500 семей Въ 1572 году поѣхало изъ Новгорода въ Москву изъ земщины гостей веденыхъ сорокъ семействъ, да изъ опричнины шестьдесятъ семействъ. Отъ 1574 года дошло до насъ описаніе Мурома, которое представляетъ намъ этотъ городъ, то-есть посадъ его, въ незавидномъ положеніи. На посадѣ Муромскомъ находился въ это время царскій дворъ, въ которомъ хоромы, горницы, повалуши и сѣни сгнили и развалились; жилъ на немъ одинъ дворникъ; былъ еще другой дворъ царскій п о л е д е н н ы й, ставились на немъ подключники и повара царскіе во время государевыхъ рыбныхъ ловель. На посадѣ же находился дворъ зелейный; купеческія лавки: рядъ мясной, рядъ рыбный, соляной, калачный; лавки раздѣлялись на лавки, полки, лубеники, мѣста лавочныя. Въ царскомъ гостиномъ дворѣ находилось 17 лавокъ—всѣ пустыя; кромѣ казеннаго гостинаго двора, было два частныхъ; тяглыхъ черныхъ дворовъ 111, жителей въ нихъ 149 человѣкъ, да 107 дворовъ пустыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520, тогда какъ восемь лѣтъ тому назадъ было 587 дворовъ населенныхъ (въ живущемъ), и убыло черныхъ тяглыхъ дворовъ „изъ жива въ пусто“ 476 дворовъ; лавокъ занятыхъ было 202, кото-

рыя платили оброку 32 рубля 15 алтынъ, а пустыхъ лавокъ 117.

Если правительство, для своихъ цѣлей, ставило новые города на западной и южной границахъ, то на востокѣ, куда попрежнему продолжало двигаться народонаселеніе, новые городки являлись сами собою. Мы видѣли, что богатые Строгановы собственными средствами построили нѣсколько городковъ; жители Вятской области, Верхнеслободскаго городка, выводили сначала починки и деревни, которыя садились на лѣсу; потомъ этими деревнями и починками поставили себѣ городокъ на Шестаковѣ, на заемныя деньги, причемъ выпросили себѣ у царя льготную грамоту, по которой они могли платить свои долги въ продолженіи пяти лѣтъ въ истую уплату, безъ росту. Слободской намѣстникъ не сталъ-было обращать вниманія на эту грамоту, заимодавцы начали править свои деньги на Шестаковцахъ,—и послѣдніе обратились къ царю съ жалобою, въ которой, между прочимъ, писали: „Которые людишки должные въ Шестаковскій городъ пришли на пусто, и теперь они отъ своихъ должниковъ (заимодавцевъ) разбѣжались и пашни свои пометали". Изъ этого видимъ, вопервыхъ, какого рода люди населяли новые отдаленные городки, и, вовторыхъ, чѣмъ они занимались; должники бросились бѣжать отъ своихъ заимодавцевъ и пометали свои пашни. Какъ заводились слободы, видно изъ слѣдующаго извѣстія лѣтописи подъ 1572 гогомъ: „Въ Новгородѣ кликали: которые люди кабальные, монастырскіе и всякіе, чей кто-нибудь, пусть идутъ въ государскую слободу на Холыню; государь даетъ по 5 рублей, по человѣку посмотря, а льготы на 5-ть лѣтъ".

Города не измѣнили своего прежняго вида; попрежнему встрѣчаемъ извѣстія о мощеніи улицъ деревомъ; кучи деревянныхъ зданій, изъ которыхъ составлялись посады, попрежнему становились легкою добычею пламени. Мы упоминали о большомъ Московскомъ пожарѣ; въ Новгородѣ, въ 1541 г., выгорѣлъ весь Славенскій конецъ, сгорѣло 908 дворовъ и 22 человѣка. Въ 1554 году сгорѣло 1,500 дворовъ; зажгли зажигальщики; но ко времени Іоанна IV-го относится начало строгихъ мѣръ, предписываемыхъ правительствомъ для избѣжанія частыхъ пожаровъ въ городахъ. Въ 1560 году царскіе дьяки велѣли Новгородцамъ ставить по дворамъ своимъ у дымницъ бочки и чаны съ водою, и чтобъ на каждой избѣ были вѣники на шестахъ. Въ 1571 году по всему Новгороду запрещено было лѣтомъ избы топить; Новгородцы дѣлали печи въ огородахъ и по дворамъ, и тамъ пекли хлѣбы и калачи.

Въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о печатяхъ для городовъ, именно для Дерпта и Новгорода Великаго; велѣлъ царь сдѣлать печать въ вотчину Лифляндскую, въ городъ Юрьевъ, а на печати клеймо—орелъ двоеглавый, у орла у правой ноги гербъ, печать Юрьевскаго бискупа, около же печати подпись: „Царскаго величества боярина и намѣстника лифляпскіе земли печать"; и тою печатію велѣлъ грамоты перемирныя съ Шведскимъ королемъ печатать и грамоты въ иныя государства. Государь велѣлъ сдѣлать печать новую въ Великій Новгородъ, намѣстникамъ печатать перемирныя грамоты съ Шведскимъ королемъ, а на ней клейно мѣсто, а на мѣстѣ посохъ; а у мѣста на одной сторонѣ медвѣдь, а на другой рысь, а подъ мѣстомъ рыба, а около печати подпись: „Царскаго величества боярина и намѣстника печать". Изъ этихъ извѣстій ясно видно, что печати эти употреблялись для внѣшнихъ сношеній и, по всѣмъ вѣроятностямъ, были только въ Новгородѣ и Дерптѣ [1]).

Новгородскій лѣтописецъ говоритъ намъ о слѣдующихъ событіяхъ въ своемъ городѣ: въ 1543 г. присланъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ Иванъ Димитріевичъ Кривой, который устроилъ въ Новгородѣ 8 корчемныхъ дворовъ; но черезъ три года корчмы были отставлены. Въ 1549 году царь порушилъ въ Новгородѣ ряды, и грамоты рядовыя собралъ въ казну [2]).

Мы видѣли, что и сельскіе жители вмѣстѣ съ городскими при Іоаннѣ IV-мъ начали получать откупныя грамоты, дававшія имъ право избирать изъ своей среды правителей и судей. Въ 1555 году крестьяне Устюжскаго уѣзда получили право выбрать излюбленныхъ старостъ или судей; послѣдніе должны были людей судить и управу чинить по Судебнику и уставной грамотѣ; но въ разбойныхъ дѣлахъ волостныхъ людей судятъ и управу чинятъ губные старосты. Излюбленные старосты вмѣстѣ со всѣми крестьянами, лучшими, средними и младшими людьми, выбираютъ: цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣть и на разсылкѣ быть; дьяковъ земскихъ, кому судныя дѣла писать; выбираютъ также людей, которые должны заступать мѣсто доводчиковъ, кому у нихъ на поруки давать и на судѣ ставить; выбираются во всѣ эти должности волостные же люди. Въ уставной Двинской грамотѣ 1556 года излюбленнымъ головамъ поручены также и разбойныя дѣла: „А на судахъ и въ обыскахъ и во всякихъ дѣлахъ у выборныхъ судей быть лучшимъ людямъ посадскимъ и волостнымъ, чтобъ у нихъ силъ и обидъ и продажъ безлѣпичныхъ не было бы". Въ 1554 году дана была уставная грамота двумъ дворцовымъ селамъ, Аѳанасьевскому и Васильевскому, по которой царскіе намѣстники, третчики и тіуны крестьянъ этихъ селъ не судили ни въ чемъ, кромѣ душегубства и разбоя

[1]) Акты арх. эксп. I. № 230, 263, 282, 298; Дополн. къ акт. истор. I, № 95, 116; акты арх. эксп. I, № 223; Дополн. къ акт. истор. I, № 45; Акты Запад. Россіи, Ш, № 19; Акты изд. Кіев. Коммис. т. II, уставъ о волокахъ.

[2]) Акты арх. эксп. I, № 234, 243, 250; С. г. г. и д. II, № 46, Исторія Россіи VI, Дополн. къ акт. истор. I, № 76, 79, 127, 103; П. С. Р. Л. IV, 299; Дополн. къ акт. истор. I, № 76 и слѣд.; № 52 слѣд., П. С. Р. Л. III, 153; Дополн. къ акт. истор I, № 86, 146; Акты юридич. № 289, 229; Акты арх. эксп. I, № 184, 210; П. С. Р. Л. III, 152, 160, 164, 174: 156, 158, 164, 169.

съ поличнымъ; судилъ ихъ посельскій, у котораго тѣ села и деревни въ приказѣ; а въ 1556 году царь пожаловалъ крестьянъ своихъ переяславскихъ подклѣтныхъ селъ, отъ ключникова и посельничьяго суда ихъ отставилъ, а велѣлъ быть у нихъ въ судьяхъ тѣхъ же селъ крестьянамъ, которыхъ они всѣ выбрали. Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ слѣдовалъ примѣру царя, давалъ крестьянамъ своихъ волостей право избирать изъ среды себя излюбленныхъ судей. Касательно содержанія этихъ выборныхъ лицъ, знаемъ изъ царской грамоты въ Вышковскій станъ 1565 года, что выборный губной цѣловальникъ получалъ отъ выбравшихъ его крестьянъ подмоги по полтинѣ съ сохи.

Въ царскихъ грамотахъ встрѣчается обыкновенное раздѣленіе крестьянъ на лучшихъ, среднихъ и младшихъ; въ грамотахъ, писанныхъ самими крестьянами, встрѣчаемъ раздѣленіе на крестьянъ пахатныхъ, непахатныхъ и деревенскихъ; именемъ сельчанъ непашенныхъ въ одной грамотѣ называются мельникъ, портной мастеръ, сапожный мастеръ. Такимъ образомъ, если въ городахъ посадскіе люди занимались хлѣбопашествомъ, то, съ другой стороны, въ селахъ видимъ сапожныхъ и портныхъ мастеровъ. Относительно крестьянскаго выхода въ новомъ Судебникѣ Іоанна IV-го повторено положеніе Судебника Іоанна III, что крестьяне отказываются изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ разъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня. Плата за пожилое увеличилась: по Судебнику Іоанна III, крестьянинъ платилъ въ поляхъ за дворъ рубль, а въ лѣсахъ полтину; по Судебнику Іоанна IV-го въ поляхъ платилъ рубль и два алтына, а въ лѣсахъ, гдѣ десять верстъ дохоромнаго (строеваго) лѣсу, полтину и два алтына. Кромѣ этого опредѣленія, что́ разумѣть подъ выраженіемъ: въ лѣсахъ. Въ Судебникѣ Іоанна IV-го находимъ еще слѣдующія прибавки: пожилое брать съ воротъ, а за повозъ брать съ двора по два алтына, кромѣ же того на крестьянинѣ пошлинъ нѣтъ. Если останется у крестьянина хлѣбъ въ землѣ (то-есть если выйдетъ, посѣявъ хлѣбъ), то, когда онъ этотъ хлѣбъ пожнетъ,—платитъ съ него или со стоячаго два алтына; платитъ онъ царскую подать со ржи до тѣхъ поръ, пока была рожь его въ землѣ, а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлать. Если крестьянинъ съ пашни продается кому-нибудь въ полные холопы, то выходитъ безсрочно и пожилаго съ него нѣтъ; а который его хлѣбъ останется въ землѣ, и онъ съ него платитъ царскую подать, а не захочетъ платить подати, то лишается своего земляного хлѣба. Если поймаютъ крестьянина на полѣ въ разбоѣ или въ другомъ какомъ-нибудь лихомъ дѣлѣ и отдадутъ его за господина его, за кѣмъ живетъ или выручитъ его господинъ, и если этотъ крестьянинъ пойдетъ изъ-за него вонъ, то господинъ долженъ его выпустить, но на отказчикѣ взять поруку съ записью:—если станутъ искать этого крестьянина въ какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ, то онъ былъ бы налицо. Встрѣчаются впрочемъ случаи, гдѣ позволялось выводить крестьянъ безсрочно: такъ, напримѣръ, Важане жаловались, что у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли, крестьяне отъ насильства, продажъ и татебъ разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу. Государь, жалуя имъ право выбрать излюбленныхъ головъ, между прочимъ говоритъ въ своей грамотѣ; въ пустыя имъ деревни и на пустоши и на старыя селища крестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде. — Здѣсь безсрочный и безотказный выходъ условливаетъ безсрочный и безпошлинный поворотъ крестьянъ на прежнія жилища.

Понятно, что въ эти времена, когда государство было еще такъ юно, когда оно дѣлало еще только первыя попытки для ограниченія насилія сильныхъ, перезывъ крестьянъ, при которомъ сталкивались такіе важные интересы, не могъ обходиться безъ насилій. Помѣщики, пользуясь безпомощнымъ состояніемъ своихъ сосѣдей, вывозили у нихъ крестьянъ не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно. Крестьяне черныхъ становъ Пусторжевскихъ били челомъ, что дѣти боярскія ржевскія, псковскія и луцкія выводятъ за себя въ крестьяне изъ Пусторжевскихъ черныхъ деревень не по сроку, во всѣ дни и безпошлинно; а когда изъ черныхъ деревень пріѣдутъ къ нимъ отказчики съ отказомъ въ срокъ отказывать изъ-за нихъ крестьянъ въ черныя деревни, то дѣти боярскія этихъ отказчиковъ бьютъ и въ желѣзо куютъ, а крестьянъ изъ-за себя не выпускаютъ, но, поймавъ ихъ, мучатъ, грабятъ и въ желѣза куютъ, пожилое берутъ съ нихъ не по Судебнику, а рублей по пяти и по десяти, а потому вывести крестьянина отъ сына боярскаго въ черныя деревни никакъ нельзя. Эта жалоба на задержку крестьянъ и на взятіе съ нихъ лишняго за пожилое противъ Судебника не была единственною въ описываемое время. Иногда землевладѣлецъ, взявши съ отказывающагося крестьянина всѣ пошлины, грабилъ его, и когда тотъ шелъ жаловаться, землевладѣлецъ объявлялъ его своимъ бѣглымъ холопомъ и обвинялъ въ воровствѣ. Дѣти боярскія пользовались своею силою противъ черныхъ деревень, не отпускали къ нимъ крестьянъ; приказчики и крестьяне царскихъ селъ позволяли себѣ насилія, явные разбои надъ монастырскими крестьянами; такъ приказчики и всѣ крестьяне села Хрепелева, принадлежавшаго Покровскому дѣвичью монастырю, били челомъ, что государевъ Дуниловскій приказчикъ прислалъ своихъ людей и крестьянъ, которые оступили село Хрепелево, бросились грабить монастырскіе дворы конюшенный и большой, старосту и крестьянъ начали бить на смерть, стрѣлять изъ луковъ и ручницъ, колоть рогатинами, сѣчь саблями и топорками, пограбили всего добра монастырскаго и крестьянскаго на 160

рублей. Иногда крестьянинъ, отживъ льготные годы, продолжалъ не платить никакихъ пошлинъ, не давался подъ судъ землевладѣльцу, и когда тотъ высылалъ его,—не ѣхалъ; землевладѣлецъ обращался къ суду, который, найдя жалобу его справедливою, рѣшалъ, чтобъ крестьянинъ выѣхалъ непремѣнно въ мѣсячный срокъ, въ противномъ случаѣ приказывалъ выметать его вонъ немедленно.

До насъ дошли отъ описываемаго времени порядныя крестьянскія грамоты съ землевладѣльцами, съ монастырями. Въ нихъ прежде всего говорится, сколько земель занимаетъ крестьянинъ: потомъ перечисляется: сколько крестьянинъ обязанъ давать оброку землевладѣльцу, причемъ оброкъ хлѣбомъ отдѣляется отъ денежной дани; кромѣ того, крестьянинъ обязывался платить тіунскія, ключничьи и посельничьи пошлины, давать всякіе разрубы и ходить на монастырское дѣло, подобно всѣмъ другимъ крестьянамъ. Иногда, если крестьянинъ приходилъ на новое или запустѣлое мѣсто, долженъ былъ распахать деревню, какъ тогда выражались, огораживать поля, чинить старыя хоромы, строить новыя, то получалъ отъ землевладѣльца подмогу деньгами и льготу на нѣсколько лѣтъ не давать дани и не ходить на работу. Это выраженіе—распахивать деревню указываетъ намъ на первоначальное значеніе деревни и на отношеніе ея къ селу: слово деревня происходитъ отъ дерево и потому означаетъ мѣсто, только недавно освобожденное отъ лѣса, расчищенное для пашни; этому представленію соотвѣтствуетъ уже извѣстное намъ западно-русское выраженіе: сырой корень, сѣсть на сыромъ корню. Если крестьянинъ не отживалъ льготныхъ лѣтъ и уходилъ, не исполнивши своихъ обязанностей, то долженъ былъ возвращать подмогу землевладѣльцу. Въ случаѣ неисправнаго платежа оброка, правительство грозило крестьянамъ, жившимъ на черныхъ земляхъ: „Ослушниковъ изъ волости высылать, и впередъ имъ въ той волости не живать, а на нихъ мѣсто называть иныхъ жильцовъ“. Устроить хозяйство на новомъ или запустѣломъ мѣстѣ—называлось наставить соху. Иногда на одинъ участокъ земли садилось двое крестьянъ, между которыми не видно родственной связи.

Относительно холопей въ новомъ Судебникѣ Іоанна IV-го встрѣчаемъ перемѣны противъ Судебника Іоанна III; перемѣны эти клонятся къ ограниченію числа случаевъ, въ которыхъ свободный человѣкъ становился холопомъ. Въ старомъ Судебникѣ говорится: „По тіунству и по ключу сельскому холопъ—съ докладомъ и безъ докладу“; въ новомъ: „По тіунству безъ полной и безъ докладной не холопъ; а по сельскому ключу—безъ докладной не холопъ“. Далѣе, у полныхъ и докладныхъ холопей отнято право продавать своихъ свободныхъ сыновей, которые у нихъ родились до холопства; эти свободные сыновья могутъ продаваться сами, кому хотятъ, тому ли же господину, у котораго отцы ихъ служатъ, или кому-нибудь другому. Монахи и монахини также лишены права продавать своихъ сыновей и дочерей. Отпускныя можно было давать только въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Если вольный человѣкъ занималъ деньги и за ростъ давалъ на себя кабалу служить заимодавцу, то занимаемая имъ сумма не могла превышать пятнадцати рублей. Если на одного холопа объявятъ притязанія два хозяина, положатъ на одного холопа двѣ полныя или двѣ докладныя, то холопъ присуждается тому, чья полная или докладная будетъ старше, причемъ деньги, заплаченныя новымъ господиномъ, пропали; кромѣ того, послѣдній долженъ заплатить старому господину за убытки, если холопъ ушелъ отъ него, покравши; второй господинъ вѣдается съ своимъ знахаремъ (человѣкомъ, представившимъ ему холопа за вольнаго) самъ, и если станетъ бить челомъ на знахаря, то дать ему на него судъ. Если холопа рать пополонитъ и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, старому господину больше не холопъ, развѣ самъ захочетъ идти къ нему опять въ холопы. Если холопъ убѣжитъ съ господиномъ своимъ, или одинъ побѣжитъ въ чужую Землю, а потомъ опять выйдетъ къ Москвѣ, то онъ старому господину холопъ, развѣ государь пожалуетъ ему вольную грамоту. Дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которыя еще не служили, въ холопи не принимать никому, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ. Кто займетъ деньги въ ростъ, тотъ не можетъ служить заимодавцу, живетъ самъ по себѣ и платитъ ростъ; если же заимодавецъ будетъ держать должника у себя и послѣдній сбѣжитъ у него, покравши, то заимодавецъ не имѣетъ права искать своей пропажи и по кабалѣ денегъ лишенъ. Если какіе-нибудь люди станутъ у кого-нибудь служить добровольно, безъ крѣпостей, и пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ или безъ отказу, и тѣ люди, у которыхъ они служили, станутъ на нихъ искать сносовъ (покражъ), то тѣмъ людямъ, у которыхъ они служили, суда на нихъ не давать, потому что служилъ онъ у него добровольно, и господинъ, не желая его отъ себя отпустить, ищетъ на него сносу; а что у него пропало, то онъ самъ у себя потерялъ, потому что добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости. Если кто станетъ искать людей своихъ въ холопи по полнымъ и по докладнымъ, или по холопѣ рабы, или по рабѣ холопа и сносу, а холопи передъ судьею станутъ отъ холопства оттягиваться, и если кто-нибудь этихъ холопей съ суда выручитъ, и за порукою холопъ сбѣжитъ,—тогда весь искъ и пошлины брать на поручникахъ, съ которыхъ за холопью голову за всякую взять по четыре рубли; и хотя еще господинъ не доказалъ холопства, холопа присудить въ бѣглые:—онъ тѣмъ виноватъ, что сбѣжалъ; гдѣ господинъ его найдетъ, тутъ и беретъ себѣ безъ пристава, а деньги, что взялъ на поручникахъ, назадъ не отдаетъ. О наймитѣ опредѣлено: если наймитъ, не дослуживъ у господина сроку своего, пойдетъ прочь, то найму лишенъ. А который

господинъ наймиту не захочетъ дать найму, и уличитъ его въ этомъ наймитъ, то съ господина доправить наемъ вдвое. Кромѣ названія наймитъ, для означенія вольнонанимающагося работника, въ томъ же смыслѣ продолжаемъ встрѣчать названіе казакъ, преимущественно когда дѣло идетъ о промышленности не земледѣльческой; напримѣръ въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю 1543 года говорится: „Кто у нихъ станетъ жить у Соли, у варницы и въ дворахъ, повара и водоливы и всякіе козаки, намѣстники наши и волостели и тіуны ихъ тѣхъ людей не судятъ; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастыремъ, въ варницы, въ повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дѣло дѣлать,—тäкимъ являться къ нашимъ намѣстникамъ“ и проч. Докладныя грамоты на холопство имѣютъ такую форму: господинъ, поставя передъ намѣстникомъ человѣка, отдающагося ему въ холопство, говоритъ: „Вотъ, господинъ! это человѣкъ вольный царя и великаго князя, беретъ у меня столько-то денегъ и въ этихъ деньгахъ отдается мнѣ на ключь въ мое село, а по ключу отдается мнѣ въ холопи“ Намѣстникъ спрашиваетъ у отдающагося въ холопи, дѣйствительно ли это такъ?—тотъ утверждаетъ показаніе господина. Потомъ прописываются имена тѣхъ, кто былъ на докладѣ (знахари), прописывается: есть ли у отдающагося въ холопи отецъ и мать, или нѣтъ, и что онъ другому никому не холопилъ.

Если при переходѣ крестьянъ были случаи, когда землевладѣльцы позволяли себѣ нарушеніе закона, перезывали не въ срокъ крестьянъ, задерживали ихъ у себя, брали лишнее за пожилое, то и въ отношеніи къ холопямъ видимъ подобное же нарушеніе закона, переманку къ себѣ чужихъ холопей; случалось, что бѣглый холопъ, отыскиваемый господиномъ, объявлялъ передъ судьею, что онъ бѣжалъ и съ покражею совершенно отъ другого господина, по обѣщанію послѣдняго отстоять его отъ законнаго иска. До насъ не дошло случаевъ закабаленія вольныхъ людей безъ ихъ согласія. Судебникъ Іоанна IV опредѣляетъ за это смертную казнь..

Изъ инородцевъ одни платили ясакъ правительству, другіе прежнимъ своимъ природнымъ владѣльцамъ: такъ, въ 1580 году дана была жалованная грамота Кадомскому Ишею Мурзѣ на отцовскій ясакъ съ Талдемской Мордвы, что по рѣкѣ Мошкѣ; ясакъ состоялъ въ семи рубляхъ съ полтиною въ годъ; съ этого ясака Ишей Мурза обязанъ былъ служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее замужъ [1]).

[1]) Акты арх. эксп. I, № 243, 250, 240; Акты истор. I, № 165; Акты арх. эксп. I, № 256; Акты истор. I, № 175; Акты юридич. № 46; Акты истор. № 153; Акты арх. эксп. I, № 234; Дополн. къ акт. истор. I, № 51, 56; Акты юридич. № 46, 176—182; Акты истор. № 134, 153; Акты арх. эксп. I, № 237; Акты юрид. № 21, 22, 228; Акты арх. эксп. I, № 200; С. г. г. и д. II, № 49.

Мы видѣли, что если жители городовъ, т.-е. посадовъ, занимались хлѣбопашествомъ, то жители сельскіе занимались разными ремеслами. Первоначальная промышленность въ царствованіе Іоанна IV распространилась вслѣдствіе пріобрѣтенія новыхъ странъ на востокѣ и населенія незанятыхъ еще тамъ дикихъ пространствъ; особенно распространилось рыболовство вслѣдствіе пріобрѣтенія низовьевъ Волги, гдѣ оно производилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Новоустроенный въ Астрахани Троицкій монастырь, вмѣсто денежной и хлѣбной руги, просилъ нѣсколько мѣстъ въ устьяхъ Волги, удобныхъ для рыболовства. Изъ старыхъ мѣстъ встрѣчаемъ извѣстіе о состояніи рыболовной волости въ Переяславскомъ посадѣ; здѣсь въ 1562 г. было рыболовскихъ дворовъ 99 и въ нихъ столько же людей, одинъ средній и 98 младшихъ, пустыхъ дворовъ 21, пустыхъ мѣстъ 40. Ямскія деньги, за посошныхъ людей и за всякое городовое и засѣчное дѣло—рыболовы переяславскіе взносили деньги въ Большой дворецъ; оброку давали они царю за щуки закорныя и за сельди четыре рубля двадцать алтынъ съ деньгою, кромѣ того давали на дворецъ неводъ сто саженъ да двѣ матицы; ловили на царя сельди безурочно; на царя же ловили на последной ловлѣ двѣ ночи, на царицу—ночь, на поледчика—ночь, на стольника—ночь, на двухъ намѣстниковъ—по ночи. Ловили они во всемъ озерѣ Переяславскомъ и въ рѣкѣ Вексѣ запорнымъ неводомъ, сѣтями, бредняками, котцами съ весны, какъ вода пойдетъ; имъ дано было кругомъ озера Переяславскаго берегу суши отъ воды по десяти саженъ для пристанища, гдѣ имъ неводы и сѣти вѣшать.—Отъ описываемаго времени дошло до насъ любопытное извѣстіе, что дворцовые сокольники, занимаясь своимъ промысломъ на отдаленномъ сѣверѣ, были также населителями пустынныхъ пространствъ: такъ трое вологодскихъ оброчниковъ соколья пути, Блазновы, просили у царя въ 1548 году себѣ во владѣніе дикія мѣста, покрытыя лѣсомъ, мхами и болотами, гдѣ находятся кречатьи и сокольи сѣдьбища, отъ обитаемыхъ мѣстъ версты за три и за четыре; царь далъ имъ просимыя земли, велѣлъ тамъ дворы ставить, лѣсъ на пашни расчищать, на мхахъ и болотахъ помыкать кречетовъ и соколовъ для царской охоты; кого перезовутъ къ себѣ неписьменныхъ и нетяглыхъ людей,—тѣ освобождаются отъ всякихъ пошлинъ на десять лѣтъ; по прошествіи урочныхъ лѣтъ сокольники даютъ на царскую сокольню по три сокола, а не будетъ соколовъ перомъ,—даютъ оброку полтора рубля.

Соляная промышленность распространилась вслѣдствіе занятія Строгановыми дикихъ Прикамскихъ земель и вслѣдствіе пріобрѣтенія Астрахани, въ 30 миляхъ отъ которой находилась ископаемая соль; промышленники сами ломали ее, платя въ казну по копѣйкѣ съ пуда. Въ старыхъ областяхъ упоминаются въ 1543 году соляныя варницы въ уѣздѣ Стародуба сѣвернаго, или Ряполовскаго, при-

надлежавшія Троицкому Сергіеву монастырю; названіе Новая Соль на Холую показываетъ, что варницы эти были заведены недавно. Для селитрянаго производства (ямчужнаго дѣла) посылался ямчужный мастеръ, который въ назначенномъ мѣстѣ строилъ амбаръ; окольные сельчане обязаны были высылать къ этому амбару землю, дрова, золу. Въ описываемое время селитра выдѣлывалась на Бѣлоозерѣ; выдѣлка производилась отъ казны; но въ 1582 году Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь получилъ право поставить амбаръ и варить селитру всею Кирилловскою вотчиною на соху по два пуда, всего 38 пудовъ; это количество селитры доброй, перепущенной, которая бы къ ручному зелью годилась, монастырь обязанъ былъ присылать въ Москву, въ Пушечный Приказъ. Мы видѣли также, что Григорію Строганову позволено было въ Сольвычегодскѣ сварить 30 пудовъ селитры для построеннаго имъ городка, но не на продажу. Въ Двинской области, около Емецкаго яма, жители выдѣлывали много смолы и золы. Псковскіе каменщики не утратили своей славы: когда въ 1555 г. царь задумалъ укрѣпить Казань каменными стѣнами, то псковскій дьякъ Билибинъ, двое старостъ, церковный и городовой мастеръ Посникъ Яковлевъ и каменщики псковскіе Ивашка Ширяй съ товарищами получили приказъ прибрать 200 человѣкъ псковскихъ каменщиковъ, стѣнщиковъ и ломцовъ для отсылки въ Казань. Вообще, какъ видно, и въ описываемое время между русскими людьми мастерства процвѣтали болѣе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Такъ рѣзчики на камнѣ выписывались изъ Новгорода; въ 1556 году царь писалъ къ новгородскимъ дьякамъ: „Мы послали въ Новгородъ мастера печатныхъ книгъ Марушу Нефедьева, велѣли ему посмотрѣть камень, который приготовленъ на помостъ въ церковь къ Пречистой къ Срѣтенію. Когда Маруша этотъ камень осмотритъ, скажетъ вамъ, что онъ годится на помостъ церковный и лице будетъ на него наложить можно, то вы бы этотъ камень осмотрѣли сами, и мастеровъ добыли, кто-бъ на немъ лице наложилъ, какъ у Софіи Премудрости Божіей; а если самъ Маруша захочетъ поискуситься, лице наложить, то вы бы для образца прислали къ намъ камня два или три; да велѣли бы испытать всѣхъ трехъ камней, желѣзницы, голубицы и красный. Маруша же намъ сказывалъ, что есть въ Новгородѣ, Васюкомъ зовутъ, Никифоровъ, умѣетъ рѣзать рѣзь всякую,—и вы бы этого Васюка прислали къ намъ въ Москву". Послѣ большаго московскаго пожара, когда приступили къ возобновленію церквей, то послали за иконописцами въ Новгородъ и Псковъ; изъ псковскихъ иконописцевъ были извѣстны въ это время: Останъ, Яковъ, Михайла, Якушка, Семенъ Высокій Глаголь: въ Новгородѣ—дьяконъ Никифоръ Грабленый. Упоминается колокольный мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ, который слилъ колоколъ для Новгорода въ Александровской слободѣ. Подъ 1558 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Саввиной пустыни покрывали церковь новою кровлею мастера домашніе Захаръ и Семенъ. Но въ 1535 году каменную церковь Св. Георгія на Хутыни „чудесную, какой нѣтъ въ Новгородской Землѣ", строили мастера Тверской Земли: старшему изъ нихъ имя Ермолай. Въ 1536 году, была построена первая теплая церковь въ Новгородѣ, Срѣтенія на Дворищѣ; изъ Новгорода же выписывались серебряные мастера для дѣланія иконныхъ окладовъ; этимъ мастерствомъ были извѣстны Артемій и Родіонъ Петровы съ братьями и дѣтьми. Въ Новгородѣ можно было достать оконничныя разноцвѣтныя стекла, которыя выписывались отсюда царемъ. Въ Москвѣ упоминается особое мастерство ожерелейное; въ Новгородѣ упоминаются сермяжники, молодожники, красильники. По свидѣтельству Михалона Литвина, города московскіе изобиловали мастерами, которые отправляли въ Литву деревянныя чаши, палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія и различныя оружія. Несмотря на то, русскихъ мастеровъ было очень недостаточно: мы видѣли, какъ Іоаннъ домогался гаваней на Балтійскомъ морѣ для того, чтобъ иностранные мастера могли безпрепятственно пріѣзжать въ его государство; какъ сильна была нужда въ знающихъ какое-нибудь мастерство иностранцахъ,—видно изъ слѣдующей грамоты царя къ новгородскимъ дьякамъ въ 1556 году: „Велѣли бы вы въ Новгородѣ, пригородахъ, волостяхъ и рядахъ кликать по торгамъ не одно утро, чтобъ боярскія дѣти и всякіе люди нѣмецкихъ плѣнниковъ Нѣмцамъ и въ Литву не продавали, а продавали бъ ихъ въ московскіе города; а на кого доведутъ дѣти боярскія, что нѣмецкихъ плѣнниковъ продавалъ Нѣмцамъ, тѣхъ дѣтей боярскихъ пожалую своимъ жалованьемъ, а доведетъ черный человѣкъ, и ему на томъ, на кого доведетъ, доправить 50 рублей, а продавцовъ сажать въ тюрьму до нашего указу. Если случится у кого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ и всякихъ людей Нѣмецъ плѣнный, умѣющій дѣлать руду серебряную и серебряное, золотое, мѣдное, оловянное и всякое дѣло, то вы бы велѣли такихъ плѣнныхъ дѣтямъ боярскимъ везти къ намъ въ Москву, и мы этихъ дѣтей боярскихъ пожалуемъ своимъ великимъ жалованіемъ" [1]). Въ 1567 году выѣхали въ Москву изъ Англіи: докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера.

Пріобрѣтеніе Казани и Астрахани должно было усилить торговлю съ востокомъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежнимъ. Объ астраханской торговлѣ до насъ дошли отъ описываемаго времени два противорѣчивыя извѣстія съ востока и запада:

---

[1]) Акты истор. I, № 193; Акты арх. эксп. I, № 261, Акты истор. I, № 301; Акты арх. эксп. I, № 200, 292, 317; Дополн. къ акт. истор. I, № 82, 96, 93; Акты юридич. № 21; Дополн. къ акт. истор. I, № 202. Hakluyt's Collection of the early voyages et. c. v. I. П. С. Р. Л. III. 153, 164, 161, 168, 158.

*

мы видѣли, какъ огроменъ былъ доходъ Московскаго царя отъ таможенныхъ астраханскихъ пошлинъ по показаніямъ магометанскихъ владѣльцевъ, хотѣвшихъ побудить султана къ овладѣнію Астраханью. Но на этихъ показаніяхъ мы конечно не можемъ успокоиться, зная страсть восточныхъ народовъ къ преувеличеніямъ, особенно когда дѣло идетъ объ исполненіи какого-нибудь желанія. Иначе отзываются объ астраханской торговлѣ англійскіе путешественники: по ихъ словамъ, Русскіе привозятъ въ Астрахань кожи, деревянную посуду, узды, сѣдла, ножи и разныя другія бездѣлицы, также хлѣбъ и другіе съѣстные припасы; Татары привозятъ разнаго рода шерстяные и шелковые товары и другія вещи, но въ такомъ маломъ количествѣ и купцы такъ бѣдны, что не стоитъ говорить объ этомъ. Купцы армянскіе и турецкіе попрежнему пріѣзжали въ Москву; по англійскимъ извѣстіямъ, они платили десятую деньгу со всѣхъ товаровъ, кромѣ того за вѣсъ двѣ деньги съ рубля; при продажѣ лошадей—по 4 деньги съ лошади. Бухарцы также пріѣзжали въ Москву, привозили пряные коренья, мѣха, которые скупали въ Сибири; Ногаи продолжали пригонять на продажу огромные табуны лошадей: въ 1555 году, напримѣръ, они пригнали въ Казань 20,000 лошадей и болѣе 20,000 овецъ.

Въ договорахъ со Швеціею, Даніею и Англіею видимъ со стороны Московскаго правительства попытки завести дѣятельную торговлю съ западными европейскими государствами. О значительности торговли со Швеціею можно судить изъ того, что Густавъ-Ваза, предъ началомъ войны съ Москвою, велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ 300 русскихъ купцовъ изъ Новгорода, Корелы и Орѣшка. Здѣсь, разумѣется, могутъ возникнуть два вопроса: не преувеличено ли это показаніе, данное въ Москвѣ въ отвѣтъ Польскому королю, который ходатайствовалъ о мирѣ со Швеціею; потомъ любопытно было бы знать, гдѣ торговали эти русскіе купцы—въ пограничныхъ ли городахъ, напримѣръ въ Выборгѣ, или въ собственной Швеціи. Но мы видѣли, что, при заключеніи мира со Швеціею, царь далъ право шведскимъ купцамъ ѣздить не только въ Москву, Казань и Астрахань, но чрезъ Россію въ Индію и Китай, съ условіемъ, чтобъ и русскимъ купцамъ позволено было изъ Швеціи отправляться въ Любекъ, Антверпенъ и Испанію. Въ договорѣ съ королемъ Датскимъ выговорена была русскимъ купцамъ свободная торговля во всѣхъ городахъ Датской Земли: „А маклеремъ и веркоперомъ на обѣ стороны отнюдь у нихъ не быть, пошлины и мыты платить, какъ гдѣ обычай въ которой землѣ. Которые наши купцы и гости, Русь и Нѣмцы поѣдутъ изъ Копенгагена въ заморскія государства съ товаромъ, или заморскихъ государствъ купцы пойдутъ мимо Датскаго королевства морскими воротами, проливомъ Зундомъ, то король долженъ ихъ пропускать“. Князю Ромадановскому, ѣхавшему посломъ въ Данію, было наказано говорить, чтобъ купецкія мѣста царевымъ гостямъ велѣлъ король очистить такія же, какіе дворы даны въ Великомъ Новгородѣ и въ Иванъ-городѣ, гдѣ бы близко пристани и по обѣимъ сторонамъ русской церкви нѣмецкимъ церквамъ не быть. А если король дворовъ не дастъ въ Копенгагенѣ и въ Готландѣ, то сказать, что царь не дастъ датскимъ купцамъ дворовъ въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ. Подъ 1567 годомъ въ лѣтописяхъ встрѣчается слѣдующее извѣстіе: „Отпустилъ государь съ своею бологодѣтію отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ поморскія государства: въ Антропъ (Антверпенъ) къ бурмистрамъ и ратманамъ послалъ гостя Ивана Аѳанасьева да купца Тимоѳея Смывалова; въ Гурмызъ—купцовъ Дмитрія Ивашева да Ѳедора Першина; въ Англійскую Землю къ Елисаветѣ королевнѣ—купцовъ Степана Твердикова да Ѳедота Погорѣлова“. Были ли это просто послы, отправленные на царскомъ иждивеніи, или ѣздили они съ товарами изъ казны царской, съ цѣлію продать ихъ въ чужихъ земляхъ и купить тамъ другихъ товаровъ, нужныхъ для государя? Какъ видно, и то, и другое. По англійскимъ извѣстіямъ, въ 1568 году дѣйствительно были въ Англіи русскіе послы Твердиковъ и Погорѣловъ.

Голландцы имѣли свой дворъ въ Новгородѣ и торговали безпошлинно; потомъ за какіе-то противозаконные поступки потеряли свои льготы и снова возвратили ихъ, заплативши 30,000 рублей. Изъ переговоровъ царя съ англійскимъ посломъ Боусомъ мы узнаемъ, что къ извѣстнымъ сѣвернымъ гаванямъ приходили французскіе купцы и купецъ изъ Антверпена Иванъ Бѣлобородъ (Iohn de Wale). Но всего болѣе извѣстій имѣемъ мы объ англійской торговлѣ во времена Іоанна IV-го: мы видѣли, какъ началась она и какіе были послѣдніе о ней переговоры у царя съ посломъ Елисаветы, Боусомъ; здѣсь считаемъ нужнымъ привести нѣкоторыя подробности для показанія, въ какомъ духѣ, съ какими цѣлями дѣйствовала русская компанія, утвержденная королемъ Филиппомъ и королевою Маріею въ 1555 году. Агенты, отправленные компаніею въ Россію, обязаны были: изучать характеръ русскаго народонаселенія во всѣхъ сословіяхъ; остерегаться, чтобъ никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, агентами, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ Англичанъ; смотрѣть, чтобъ всѣ пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискаціи товаровъ, чтобъ все происходило спокойно, безъ нарушенія порядка въ тѣхъ мѣстахъ, куда Англичане пріѣдутъ и будутъ торговать; агенты должны въ Москвѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ, или въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ будетъ выгоднѣе торговать, построить одинъ или нѣсколько домовъ для себя и всѣхъ своихъ людей съ магазинами, погребами и другими службами, и смотрѣть, чтобъ никто изъ нижнихъ служителей не смѣлъ ночевать внѣ агентскаго дома безъ позволенія; всѣ нижніе чины должны повиноваться агентамъ, и въ

случаѣ неповиновенія наказываются по произволу послѣднихъ. Агенты и факторы будутъ ежедневно собираться и совѣтоваться о томъ, что было бы всего приличнѣе и выгоднѣе для компаніи. Ни одинъ низшій служитель не можетъ самъ отъ себя произвести никакой торговой сдѣлки, а только по порученію и наказу агентовъ. Агенты должны подробно замѣтить всѣ роды товаровъ, которые могутъ быть съ выгодою проданы въ Россіи; должны имѣть постоянно въ умѣ, какъ бы всѣми возможными средствами узнать дорогу въ Китай, моремъ или сухимъ путемъ; должны заботиться объ изученіи русскаго народа, его характера, нравовъ, обычаевъ, податей, монеты, вѣса, мѣръ, счета, товаровъ, какіе ему нужны и какіе нѣтъ, дабы вслѣдствіе незнанія всего этого компанія не потерпѣла какого-нибудь вреда или убытку, причемъ она объявляетъ, что незнаніе подобнаго рода не будетъ принято въ оправданіе вины.—Послѣ компанія обозначила своимъ агентамъ, какіе изъ русскихъ товаровъ имѣютъ наибольшій сбытъ въ Англіи, это: воскъ, сало, масло, пенька и ленъ; мѣха требуются только дешевые, дорогихъ мѣховъ не надобно присылать много; не присылать и пеньки необработанной, потому что это будетъ дорого стоить; но компанія посылаетъ въ Россію семь канатныхъ мастеровъ, которыхъ агенты должны засадить тотчасъ за работу, снабдивши ихъ работниками,—это дѣло первой надобности; компанія полагаетъ, что это будетъ дешевле стоить, чѣмъ выписывать канаты изъ Данцига. Компанія предписала агентамъ выслать образцы желѣза и мѣди, ибо она слышала, что въ Россіи и Татаріи добывается большое количество этихъ металловъ; дать знать, какого рода шерстяныя ткани привозятся въ Россію изъ Риги, Ревеля, Польши и Литвы, съ подробнымъ описаніемъ ихъ ширины и длины, цвѣта и цѣны, и какое количество ихъ можетъ быть сбыто въ годъ, чтобъ такое же приготовить въ Англіи; выслать всякаго рода кожи, ибо слышно, что Нѣмцы и Голландцы закупаютъ ихъ въ Россіи большое количество. Прислать на пробу извѣстное количество земель или травъ, или чего бы то ни было, чѣмъ Русскіе красятъ шерстяныя и льняныя ткани, кожи и т. п., равно выслать и тѣ красильныя вещества, которыя Турки и Татары привозятъ въ Россію, съ описаніемъ, какъ употреблять ихъ при крашеніи. Русскій посолъ согласился на просьбы компаніи, чтобъ агенты ея могли покупать у Русскихъ товары въ долгъ; вслѣдствіе этого она требуетъ отъ агентовъ, чтобъ они этимъ или какимъ-нибудь другимъ способомъ накупили какъ можно болѣе воску, чтобъ захватить его весь въ свои руки и снабжать имъ не только свою страну, но и чужія. Какія выгоды получила компанія отъ торговли съ Россіею,—видно изъ донесеній агента ея Гудсона (Hoddesdon): въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ продавалъ сукно, стоившее на мѣстѣ 6 фунтовъ стерлинговъ, по 17 рублей за кусокъ, что, по его словамъ, составляло почти тройную цѣну; въ Москвѣ товары, стоившіе 6608 фунтовъ, проданы были за 13,644.—Мы видѣли, какія причины выставляло Московское правительство англійскому послу Боусу, почему ограничены были льготы англійскихъ купцовъ; но Боусъ приводитъ другія причины: по его словамъ, Голландцы пріобрѣли расположеніе трехъ главныхъ совѣтниковъ царскихъ—Никиты Романовича, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова, ибо, кромѣ безпрестанныхъ подарковъ, они заняли у нихъ столько денегъ по 25 процентовъ, что платили каждому изъ нихъ ежегодно по 5,000 марокъ, тогда какъ англійскіе купцы не имѣли въ это время ни одного доброжелателя при Дворѣ.

Самымъ значительнымъ по торговлѣ городомъ и въ описываемое время продолжалъ быть Новгородъ Великій: хотя государь утвердилъ свой столъ въ Москвѣ, пишутъ Англичане, однако удобство водяныхъ сообщеній и близость моря заставляютъ купцовъ посѣщать Новгородъ предпочтительно предъ Москвою. Главные товары, которыми Новгородъ производилъ торговлю, были: превосходный ленъ и пенька, кожи, медъ и воскъ; двумя послѣдними товарами производилъ торговлю также Псковъ. Послѣ Новгорода и Пскова важными торговыми городами были Ярославль и Вологда. Страна между Ярославлемъ и Москвою была самая населенная и считалась очень плодоносною; зимою по Ярославской дорогѣ въ Москву попадались иногда обозы въ 700 или 800 саней, нагруженныхъ хлѣбомъ или рыбою; сѣверные жители за 1,000 верстъ пріѣзжали въ Москву покупать хлѣбъ, и привозили соленую рыбу, мѣха, кожи. Вологда производила торговлю преимущественно льномъ; кромѣ того, вологодскимъ купцамъ принадлежала большая часть судовъ, плававшихъ по Сѣверной Двинѣ, насадовъ и дощаниковъ, на которыхъ перевозилась соль отъ морскаго берега въ Вологду. Англичане устроили въ Вологдѣ контору на основаніи донесенія агента Гасса, который писалъ въ 1554 году о Вологдѣ, что это городъ большой, въ сердцѣ Россіи, окруженъ многими большими и хорошими городами; здѣсь большое изобиліе въ хлѣбѣ, вообще въ жизненныхъ припасахъ и во всѣхъ русскихъ товарахъ; нѣтъ города въ Россіи, который бы не торговалъ съ Вологдою; всѣ вещи здѣсь вдвое дешевле, чѣмъ въ Москвѣ или въ Новгородѣ. Для торговли мѣхами главнымъ мѣстомъ были Холмогоры, куда мѣха привозились на оленяхъ изъ Печоры, Пинеги, Ламцаса (Лампожни, въ 18 верстахъ отъ Мезени) и Пустозерска; жители этихъ мѣстъ скупали ихъ у Самоѣдовъ и промѣнивали купцамъ холмогорскимъ на сукно, олово, мѣдь; для этой мѣны въ зимній Николинъ день была въ Холмогорахъ большая ярмарка, на которую, кромѣ мѣховъ, привозили также тюленій жиръ; жиръ этотъ холмогорскіе купцы отвозили въ Новгородъ, гдѣ продовали Нѣмцамъ; мѣха отвозили въ Новгородъ, Вологду или Москву. Кромѣ того, Холмогоры снабжали сосѣднія страны солью и соленою рыбою. Мы видѣли, что соль эта шла по Сѣверной Двинѣ

въ Вологду; другимъ путемъ шла она на юго-западъ чрезъ посредство Каргопольцевъ, Онежанъ, Турчасовцевъ, Порожанъ, Устьмошанъ и Мехренжанъ, которые ѣздили къ морю, покупали соль у Поморцевъ и въ Каргополѣ продавали Бѣлозерцамъ, Вологжанамъ и жителямъ другихъ городовъ; но эти купцы вели свое дѣло не чисто, подмѣшивали въ соль негодную примѣсь и убытчили купцовъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ; жалуясь на нихъ правительству, Бѣлозерцы выставляютъ на видъ, что въ той соли, которую привозятъ съ Двины сами Двиняне, подмѣси никакой не бываетъ

Сказавши о распространеніи русской торговли въ царствованіе Грознаго, мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя она встрѣчала въ это время. Попрежнему препятствовала торговлѣ громадность разстояній и неудобства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможность лѣтняго пути. Несмотря на всѣ усилія, гаваней на Балтійскомъ морѣ не получили; открытъ былъ далекій путь чрезъ Бѣлое море и Сѣверный океанъ, но для проѣзда отъ гавани Св. Николая, гдѣ приставали Англичане, до Вологды водою должно было употребить 14 сутокъ; въ лѣтнюю пору сухимъ путемъ здѣсь нельзя было ѣздить по причинѣ болотъ; зимою на саняхъ отъ Бѣлаго моря до Вологды можно было проѣхать въ 8 дней; отъ Вологды до Ярославля сухимъ путемъ ѣздили въ два дня; изъ Ярославля до Астрахани плыли 30 сутокъ, слѣд. отъ гавани Св. Николая до Каспійскаго моря на этотъ путь, посредствовавшій между Европою и Азіею, надобно было употреблять 46 дней. На Балтійскомъ морѣ Москва, въ продолженіи нѣкотораго времени, имѣла Нарвскій портъ; но мы видѣли, какъ сосѣднія государства, особенно Польша, хлопотали объ уничтоженіи нарвской торговли. Въ 1567 году агентъ англійской компаніи Гудсонъ приплылъ въ Нарву съ товарами на 11,000 фунтовъ стерлинговъ; товары эти состояли изъ сукна, каразеи и соли; при продажѣ ихъ компанія получила 40 процентовъ прибыли. Въ 1569 году тотъ же Гудсонъ приплылъ изъ Лондона въ Нарву на трехъ корабляхъ, и писалъ компаніи, чтобъ на слѣдующую весну она прислала 13 кораблей, которые всѣ онъ надѣется нагрузить товарами; но притомъ онъ писалъ, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрѣльнымъ оружіемъ, на случай встрѣчи съ корсарами. Дѣйствительно, англійскіе корабли встрѣтили шесть кораблей польскихъ корсаровъ; бой былъ неравный; одинъ корсарскій корабль ушелъ, другой былъ сожженъ, остальные четыре приведены были въ Нарву и 82 человѣка плѣнныхъ выданы были московскому воеводѣ.

Вторымъ препятствіемъ служило то, что пустынныя дороги не были безопасны. По Волгѣ каждое лѣто проходило 500 судовъ большихъ и малыхъ, съ верхнихъ частей рѣки до Астрахани, за солью и рыбою; но суда эти отъ самой Казани до Астрахани должны были плыть чрезъ страну пустынную; мѣсто на Переволокѣ,—тамъ, гдѣ Волга находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Дона, славилось разбойниками; Англичане пишутъ, что, съ тѣхъ поръ какъ Астрахань и Казань подпали подъ власть Русскаго царя, разбойниковъ здѣсь стало меньше; но потомъ мы встрѣчаемъ русскія извѣстія о казацкихъ разбояхъ по Волгѣ, о вредѣ, который они причиняли торговлѣ. На юго-западѣ, малороссійскіе казаки, или Черкасы, грабили купцовъ турецкихъ и крымскихъ, шедшихъ въ Москву или изъ Москвы. Попрежнему встрѣчаемъ постоянныя жалобы литовскихъ купцовъ на притѣсненія и разбои въ московскихъ областяхъ, и жалобы московскихъ купцовъ на притѣсненія въ Литвѣ. Литовскіе купцы жаловались, что подъ Можайскомъ напали на нихъ разбойники. Могилевскихъ мѣщанъ, ѣхавшихъ съ большимъ обозомъ торговать въ Стародубъ, побили до смерти подъ самымъ городомъ и товару пограбили на 600 рублей. Литовскіе купцы остановились въ слободѣ Селижаровскаго монастыря; монастырскій человѣкъ Окуловъ позвалъ ихъ къ себѣ, угостилъ и, отпуская на подворье, далъ въ провожатые четыре человѣка; но эти провожатые напали на дорогѣ на купцовъ, прибили ихъ и отняли 23 рубля денегъ; купцы били челомъ игумену, но игуменъ управы имъ не далъ. Въ обоихъ государствахъ, Московскомъ и Литовскомъ, задерживали купцовъ за то, что они покупали, или старались провезти запрещенные товары: такъ, одинъ литовскій купецъ привезъ въ въ Москву сукна и купилъ здѣсь воскъ, а у серебряныхъ мастеровъ купилъ ковши серебряные, чарку и слитки, всего серебра 15 гривенокъ; весь этотъ товаръ у него взяли, и, по жалобѣ пословъ, бояре приговорили: весь товаръ отдать купцу, кромѣ купленнаго серебра. Псковскій купецъ шелъ изъ Царяграда и везъ нефть вмѣстѣ съ другими товарами; въ Кіевѣ его схватили, товаръ отняли и самого купца держали три года; на жалобы Московскаго правительства, король отвѣчалъ, что нефть запрещено возить съ обѣихъ сторонъ. Въ 1555 году въ Москвѣ запретили вывозъ воска и сала въ Ливонію, также ограничена была торговля со Швеціею; царь велѣлъ порубежнымъ людямъ ѣздить въ Выборгъ только съ мелкими товарами, а съ воскомъ, саломъ, льномъ и посконью ѣздить не велѣлъ.

Число внутреннихъ таможенъ не только не уменьшилось, но еще увеличилось вслѣдствіе учрежденія опричнины; такъ, въ Новгородской таможенной грамотѣ 1571 года читаемъ: „Которые гости и торговые люди Новгородцы, Софійской стороны, станутъ пріѣзжать въ государеву опричнину, на Торговую сторону, съ товарами, то они должны являться таможенникамъ, и таможенники должны брать съ нихъ явку, и съ товаровъ ихъ тамгу и всякія пошлины точно такъ же, какъ берутъ явку и тамгу съ пригородскихъ и волостныхъ людей Новгородской Земли“. Къ числу вредныхъ для торговли распоряженій должно отнести продолжавшійся обычай жаловать монастырямъ право на безпошлинную тор-

говлю: такъ, напримѣръ, астраханскій Троицкій монастырь выпросилъ себѣ право поставить въ Астрахани лавку, покупать въ ней и продавать безпошлинно на монастырскій обиходъ и право держать судно бѣлозерку или дощаникъ, въ длину отъ кормы до носа тридцати саженъ, и провозить въ этомъ суднѣ соль или рыбу изъ Астрахани вверхъ Волгою до Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти товары и покупать другіе безпошлинно. Въ 1582 году подтверждена была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю, по которой монастырь имѣлъ право посылать съ Вологды на Двину въ Холмогоры и за море четыре насада съ подвозками, возить на нихъ хлѣбъ всякій, медъ, хмель и всякій товаръ, продавать и покупать соль въ Холмогорахъ, по Двинѣ, въ Каргополѣ, Угличѣ, Тотьмѣ и за моремъ безпошлинно; кромѣ того, монастырь могъ купить сто возовъ рыбы и везти соль и рыбу до монастыря и до Москвы безпошлинно; привезши въ Москву, продавать и покупать безпошлинно же.

Для избѣжанія внутреннихъ таможенъ, купцы выбирали для ярмарокъ новыя мѣста, гдѣ еще не было таможенниковъ; но послѣдніе провѣдывали объ этомъ и доносили въ Москву, откуда приходила строгая заповѣдь не торговать нигдѣ, кромѣ назначенныхъ мѣстъ, подъ страхомъ отобранія товаровъ. Иногда вотчинники извѣстнаго ярмарочнаго мѣста били челомъ, чтобъ, кромѣ ихъ вотчины, по окрестностямъ не было нигдѣ ярмарокъ, ибо они откупали таможенныя и замытныя пошлины; иногда же, наоборотъ, вотчинникъ просилъ о сведеніи ярмарки съ его земли, потому что, при тогдашнемъ состояніи нравовъ и полиціи, крестьянамъ его было больше убытку отъ нея, чѣмъ прибыли: такъ, игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря съ братіею били челомъ, что подъ ихъ монастыремъ, у Пречистой, на Киржачи, три раза въ годъ съѣзжаются торговать многіе люди со всякимъ товаромъ,—и отъ этого ихъ монастырскимъ крестьянамъ обиды великія, бьютъ ихъ и грабятъ, хлѣбъ и сѣно травятъ, отъ волостеля и его пошлинниковъ крестьянамъ продажи великія, съ торговыми людьми ихъ продаютъ. Царь исполнилъ просьбу игумена, велѣлъ свести торгъ съ Киржачи.

Вообще, хотя мы не имѣемъ достаточнаго числа данныхъ для опредѣленія степени матеріальнаго благосостоянія жителей Московскаго государства въ правленіе Іоанна IV-го сравнительно со временами предшествовавшими и послѣдовавшими, однако изъ тѣхъ извѣстій, которыя дошли до насъ, мы никакъ не можемъ заключить, чтобъ эта степень благосостоянія была велика. Восточныя области государства были успокоены покореніемъ Казани, но южныя страдали попрежнему отъ Крымцевъ: опустошительное вторженіе Девлетъ-Гирея надолго оставило слѣды въ Москвѣ и въ южныхъ областяхъ, лишившихся цвѣта своего народонаселенія. На западѣ шла продолжительная, тяжелая война Ливонская, къ которой присоединились войны Литовская и Шведская; на востокѣ бунтовали дикіе народы; все это требовало сильныхъ напряженій отъ государства юнаго, съ народонаселеніемъ малочисленнымъ; Іоаннъ принужденъ былъ занимать деньги у своихъ подданныхъ, и долги эти были выплачены только Лжедимитріемъ. Право имѣть выборныя власти, отстранять насилія и своевольства намѣстниковъ и волостелей могло во многихъ мѣстахъ содѣйствовать спокойствію и матеріальному благосостоянію жителей; но вспомнимъ жалобы и своихъ, и чужихъ на опричнину, на жестокости Іоанна. Иностранцы даютъ Новгороду первое мѣсто въ торговомъ отношеніи; но вспомнимъ, что Іоаннъ сдѣлалъ съ Новгородомъ, и не съ однимъ Новгородомъ, ибо онъ началъ опустошительный походъ свой съ Твери.

Сюда присоединялись еще бѣдствія физическія. Осенью 1552 года свирѣпствовалъ моръ въ Новгородѣ и по волостямъ его: умерло 279,594 человѣка. Въ 1553 году былъ большой моръ въ Псковѣ: въ годъ положили въ скудельницахъ 25,000 человѣкъ, а по оврагамъ неизвѣстно сколько. Осенью 1565 года свирѣпствовалъ моръ въ Полоцкѣ, продолжался до 6-го декабря; весною слѣдующаго года онъ открылся на Лукахъ, въ Торопцѣ, Смоленскѣ, осенью—свирѣпствовалъ въ Великомъ Новгородѣ, Старой Русѣ, Псковѣ, дошелъ до Можайска и Москвы. Въ 1567 году пришла на казанскія, свіяжскія и чебоксарскія мѣста мышь малая изъ лѣсовъ тучами великими, и не оставила ни одного колоса, поѣла хлѣбъ въ житницахъ и закромахъ; въ 1570 году свирѣпствовалъ страшный голодъ и моръ по всему государству. Изъ мѣръ противъ распространенія заразы упоминаются заставы, сторожа. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1551 годомъ читаемъ: „Былъ кличъ въ Новгородѣ о Псковичахъ и гостяхъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ тотчасъ изъ Новгорода съ товарами своими; а поймаютъ гостя Псковича на другой день въ Новгородѣ съ товаромъ, то, выведши за городъ, сжечь его и съ товаромъ, найдутъ Псковича во дворѣ, то дворника бить кнутомъ, а Псковича сжечь. И была застава на Псковской дорогѣ, чтобъ гости съ товарами не ѣздили ни изъ Пскова въ Новгородъ, ни изъ Новгорода во Псковъ.“ Подъ 1571 годомъ читаемъ: „На которыхъ людяхъ было знамя смертоносное, тѣхъ у церквей погребать не велѣли, а велѣли хоронить ихъ за шесть верстъ отъ Новгорода; поставили заставу по улицамъ и сторожей; въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменемъ, тѣ дворы запирали и съ людьми, и кормили тѣхъ людей улицею; отцамъ духовнымъ исповѣдывать тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а станетъ священникъ такихъ людей исповѣдывать, не доложа бояръ, то его сжечь вмѣстѣ съ больными“. Въ 1566 году, когда въ Можайскѣ явилось лихое повѣтріе, царь велѣлъ учредить заставу крѣпкую. Во время язвы 1571 года, по англійскимъ извѣстіямъ, дороги были загорожены, и кто пытался проѣхать непозволенны-

ми путями, тѣхъ жгли. Въ псковской лѣтописи, подъ 1568 годомъ, читаемъ: „Видѣли сторожа у Череского моста ночью свѣтъ и людей многое множество, вооруженныхъ воинскимъ обычаемъ и ѣдущихъ ко Пскову, а сторожа тѣ поставлены были стеречь отъ мору“ [1]).

Что касается быта городовъ Западной Россіи, то здѣсь продолжается прежнее явленіе, распри горожанъ съ бурмистрами, радцами, воеводами, князьями, панами и боярами, потому что, быть-можетъ, нигдѣ въ то время презрѣніе власти и закона сильными людьми не доходило до такой степени, какъ въ Польшѣ и Литвѣ. Мы видѣли, что жители Вильны, въ распрѣ со своими бурмистрами и радцами, требовали измѣненія въ старомъ городовомъ уставѣ: король Сигизмундъ I не согласился на это, оставилъ все по старинѣ. Но недовольные нашли средство привлечь на свою сторону королеву Бону, и, по ея настоянію, какъ говоритъ самъ король, онъ въ 1536 году приказалъ радѣ и посполитству выбрать изъ среды себя вѣрныхъ, смышленыхъ, изучившихъ нѣмецкое Магдебургское право людей, которые бы рѣшили споры, а въ какихъ статьяхъ не могли согласиться, тѣ передали бы на рѣшеніе королевское. Вслѣдствіе этого, составленъ былъ и подтвержденъ новый городовой уставъ слѣдующаго содержанія: попрежнему должно быть въ городѣ 24 радцы и 12 бурмистровъ, половина римскаго и половина греческаго закона. Изъ нихъ ежегодно два бурмистра — одинъ римскаго и одинъ греческаго закона — и четыре радцы — два римскаго и два греческаго закона — должны быть на степени, присутствующими (сѣдячими), и получаютъ жалованье — бурмистръ по двадцати, а радца по десяти копъ грошей. Городовое имущество, доходы и расходы вѣдаютъ четыре шафера; двоихъ изъ нихъ выбираетъ рада изъ среды себя, а двоихъ выбираетъ рада-жъ изъ посполитства такимъ образомъ: посполитство выбираетъ 8 человѣкъ и ставитъ предъ радою, которая изъ нихъ выбираетъ двоихъ. Шаферы обязаны ежегодно составлять отчеты, причемъ должны необходимо присутствовать два члена рады, остальные же какъ хотятъ; должны присутствовать также изъ цеховъ по одному мастеру, которыхъ выбираетъ рада, а посполитство выбираетъ изъ купцовъ и другихъ виленскихъ горожанъ, постоянно здѣсь живущихъ, 18 человѣкъ, а рада выбираетъ изъ нихъ шесть человѣкъ: эти выборные изъ посполитства и цеховъ, по выслушаніи отчета, присягаютъ, что не будутъ разглашать объ имуществѣ и таємницахъ городскихъ. Отъ казны и привилегій городскихъ должны быть четыре замка и четверо ключей; двое ключей у бурмистра степеннаго вѣры римской и двое — греческой. Казна эта можетъ употребляться только на общія городскія потребности. Рада разсуждаетъ о своихъ дѣлахъ съ бурмистрами въ одной избѣ, а лавники (цѣловальники) сидятъ и судятъ съ войтомъ въ другой, развѣ только когда рада пришлетъ за лавниками для какихъ-нибудь общихъ дѣлъ, — тогда лавники приходятъ къ радѣ; лавники имѣютъ свою печать, которую король даетъ имъ навсегда: такимъ образомъ, сидя въ разныхъ избахъ, рада и лавники не будутъ мѣшать другъ другу. Въ бурмистры, радцы и лавники не могутъ избираться вмѣстѣ отецъ съ сыномъ и родные братья; также не можетъ отецъ сидѣть въ радѣ, и сынъ его въ лавѣ, или одинъ братъ въ радѣ, а другой въ лавѣ. Каждый четвергъ, въ положенный часъ, рада должна собираться въ ратушу, и если кто не явится, тотъ платитъ штрафъ; а если по чьему-либо отсутствію не дойдетъ правды простому человѣку, тогда виновный долженъ быть наказанъ по закону. Послы, пришедшіе отъ города и на городскомъ иждивеніи къ государю, не должны въ то время заниматься своими или чьими-нибудь другими дѣлами, кромѣ общинъ городскихъ; когда послы возвратятся отъ государя назадъ въ городъ, тогда рада созываетъ посполитство, и послы передъ радою и посполитствомъ должны объявить, съ чѣмъ пріѣхали отъ государя. Рада и посполитство должны стараться, чтобъ по возможности все было готово къ оборонѣ противъ непріятеля, пушки, ружья и т. п.; чтобъ каждый мѣщанинъ (горожанинъ) имѣлъ свое ружье, рогатины, ведра, топоры. Если случится пожаръ, то каждый мѣщанинъ обязанъ бѣжать гасить огонь, а бурмистры степенные обязаны принуждать къ этому народъ. Во время повѣтрія добрые люди должны наблюдать, чтобъ люди не умирали безъ завѣщаній. Рада должна заботиться: о снабженіи города водою; о томъ, чтобъ мясники не били нездоровый скотъ и не продавали; должна скупать на городскія деньги хлѣбъ на случай голода или осады; должна наблюдать за вѣсами и мѣрами купеческими; всѣ ворота городскія рада должна имѣть подъ своимъ ключемъ и надзоромъ. Кто захочетъ выйти изъ-подъ Магдебургскаго права и поддаться подъ другое право, тотъ долженъ прежде продать свое недвижимое имущество мѣщанину, ратушѣ послушному. Рада безъ посполитства не можетъ налагать никакихъ новыхъ податей. — Человѣкъ, пришедшій откуда бы то ни было и прожившій въ Вильнѣ шесть лѣтъ, не можетъ быть оттуда выведенъ, ни потревоженъ никакимъ правительственнымъ лицомъ, подъ страхомъ платежа 500 копъ грошей штрафа.

Одинакія финансовыя побужденія заставляли

---

[1]) Hakluyt's Collection of the early voyages et. c. v. I; Начал. торг. и полит. спош. между Англ. и Россіей — Гамеля, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 2 и 3. Дѣла Ногайскія № 4, стр. стр. 350; Дѣла Польскія № 4, стр. 530; Дѣла Шведскія № 1, 128; Дѣла Датскія, № 1, стр. 251, 333; Александро-Невская лѣтопись подъ 7075 г.; Акты арх. эксп. I; № 211; Дѣла Польскія № 3, стр. 58, 60, 61, 62, 180, 200, № 4, стр. 155, 530; Дополн. къ акт. истор. I, № 61; Дѣла Шведскія № 1, стр. 424; Акты арх. эксп. I, № 282; Акты истор. I, № 193; Акты арх. эксп. I, № 188, 269; Акты истор. I, № 138; П. С. Р. Л. Ш. 155, 169, IV, 308, 317; Александро-Невск. лѣтоп. годъ 1566, 1567; Дѣла Крымскія № 13, стр. 140; Карамз IX, прим. 326, 327, 328; Опис. архива старыхъ дѣлъ, стр. 230.

правительство какъ Восточной, такъ и Западной Россіи блюсти за тѣмъ, чтобъ посадскіе люди, или мѣщане не выходили съ своимъ недвижимымъ имуществомъ изъ сословія тяглыхъ людей, ибо казна лишалась чрезъ это доходовъ; остальные же горожане чувствовали большую тягость при исполненіи разныхъ общихъ городскихъ обязанностей. До свѣдѣнія короля Сигизмунда дошло, что многіе домы въ Вильнѣ выходятъ изъ послушанія городовому правленію—одни чрезъ тайныя соглашенія и записи, правительству необъявленныя, другіе—чрезъ супружество со вдовами и дѣвицами дворянскими или служебниковъ панскихъ, чрезъ подданство ремесленниковъ въ оборону панамъ раднымъ и другимъ правительственнымъ лицамъ, отчего доходы королевскіе и городскіе очень уменьшаются. Король въ 1553 году приказалъ войту и радцамъ внимательно наблюдать, чтобъ никто ни подъ какимъ видомъ не высвобождался изъ-подъ городскаго права, и подъ присягою доносить объ этомъ ему, королю, а онъ домы и фольварки такихъ ослушниковъ будетъ отбирать и отдавать на городскія потребности. Но въ томъ же году войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане жаловались королю, что многіе дворяне, бояре и панскіе слуги, взявши въ приданое за женами мѣщанскіе дома, не хотятъ вмѣстѣ съ мѣщанами нести никакихъ городскихъ повинностей; король написалъ воеводѣ виленскому, чтобъ всѣ домовладѣльцы, какого бы званія ни были, исполняли всѣ городскія обязанности. Но черезъ десять лѣтъ приказъ королевскій былъ забытъ, и Сигизмундъ-Августъ долженъ былъ повторить панамъ раднымъ, чтобъ они не принимали къ себѣ мѣщанъ виленскихъ съ ихъ домами.

Въ 1568 году Сигизмундъ-Августъ, въ награду за вѣрность, оказанную особенно въ военное время, далъ шляхетскія права всѣмъ мѣщанамъ виленскимъ, занимавшимъ правительственныя должности въ городѣ; права эти передавались и дѣтямъ ихъ, если послѣднія не запятнали себя низкими ремеслами.

Изъ новой грамоты на Магдебургское право, данное Полоцку Баторіемъ въ 1580 году, узнаемъ, что войтомъ обыкновенно былъ здѣсь воевода.

Нѣсколько разъ войтъ, бурмистры, радцы и все посполъство виленское жаловались королю на притѣсненія, которыя имъ дѣлаются при раздачѣ квартиръ постояльцамъ, дворянамъ и слугамъ королевскимъ, панамъ раднымъ и чиновникамъ, посламъ своимъ и чужеземнымъ (когда всѣ эти лица пріѣзжали въ Вильну, во время пребыванія тамъ короля),—забираютъ лучшія комнаты, хозяина съ женою и дѣтьми выгоняютъ, пожитки ихъ и скотъ забираютъ; помѣстится хозяинъ съ женою и дѣтьми въ одной свѣтлицѣ—и туда часто становятъ постояльца; и все это дѣлается не для того, что постояльцу нужна квартира, а для того, чтобъ взять съ хозяина деньги: не захочетъ откупится, такъ и терпи. Въ 1568 году король приказалъ, чтобы квартиры расписывались непремѣнно въ присутствіи двухъ городскихъ радцевъ, и чтобъ не отводить квартиръ ни кому, у кого есть свои домы въ городѣ. Въ 1539 году, вслѣдствіе жалобъ жителей Черкасъ на своего старосту, было опредѣлено, что они обязаны давать на городовую сторóжу по два гроша съ каждаго человѣка, который ѣстъ свой хлѣбъ; ежегодно должны давать старостѣ по возу сѣна съ каждаго двора; медъ возить въ Кіевъ на продажу не могутъ, но должны продавать его на мѣстѣ старостѣ—по 85 грошей кадь, будетъ ли онъ дешевъ или дорогъ; могутъ сытить ежегодно восемь кануновъ, по двѣ кади каждый разъ: къ Рождеству Христову, къ Великому Дню, къ Св. Иліи, къ Спасу, къ Успенію Пречистой, къ Рождеству Пречистой, къ Св. Михаилу Архангелу, къ Св. Николѣ; съ пасѣкъ старостѣ ничего не даютъ, Что касается уходовъ по Днѣпру бобровыхъ и рыбныхъ, то староста отпускаетъ ихъ на эти уходы изъ доли, на какой съ ними условится; осенью, когда колодки на бобровъ будутъ ставить, даютъ по бобру на городъ; рыбу вольно имъ ловить и продавать, только часть должны давать на городъ. Который казакъ умретъ или Татары возьмутъ, а жены и дѣтей у него не останется, то половину имѣнія его староста беретъ на городъ, а другую отдаетъ по душѣ; Днѣпровскій порогъ Звонецъ мѣщане держатъ за собою, и староста въ него не вступается; коледы на Рождество Христово мѣщане и казаки даютъ старостѣ по лисицѣ, или по куницѣ, а не будетъ лисицы или куницы, то по шести грошей; съ двухъ человѣкъ староста беретъ по подводѣ на поѣздъ въ Каневъ. Случится посолъ или гонецъ татарскій, то мѣщане даютъ ему квартиру, а староста медъ: что касается сторóжи степной и водяной и переѣзжанья татарскихъ шляховъ, то мѣщане обязаны стеречь, а шляхи переѣзжать вмѣстѣ со старостовыми слугами.

Въ 1538 году король позволилъ жителямъ Вильны построить мостъ на городскія деньги, съ правомъ собирать пошлину съ проѣзжихъ по пѣнязю съ воза. Въ томъ же году съ Виленцевъ потребовали-было 500 копъ грошей ордынщины: но они объявили, что по привилегіямъ своимъ платятъ только 80 копъ, и король оставилъ эти привилегіи въ силѣ; но когда потомъ Виленцы, основываясь на своихъ привилегіяхъ, хотѣли отбыть отъ новаго мыта, наложеннаго на вывозные товары на всѣ три года, по случаю войны Московской, то король не исполнилъ ихъ просьбы и велѣлъ платить мыто вмѣстѣ съ другими. Въ 1540 году дана была уставная грамота свислочскимъ гражданамъ и волостнымъ людямъ, замѣчательная для насъ по сохранившимся въ ней названіямъ самыхъ древнихъ на Руси поборовъ; такъ, говорится: „А полюдья по полтора гроша съ дыма, осенью". Въ уставной могилевской грамотѣ 1561 года исчисляются подати, какія горожане должны были платить съ каждаго участка земли, приносящей извѣст-

ный доходъ, съ домовъ, лавокъ, причемъ отличаются дома, находящіеся на рынкѣ, отъ домовъ, построенныхъ на улицахъ: съ первыхъ подать больше, чѣмъ со вторыхъ; луга надъ Днѣпромъ отличаются отъ луговъ на болотахъ,—съ первыхъ также подать больше, чѣмъ со вторыхъ. Грамота эта особенно замѣчательна опредѣленіемъ, когда горожане могли приготовлять у себя хмельное питье, ибо въ этихъ опредѣленіяхъ сходились, какъ увидимъ, уставныя грамоты городамъ Восточной и Западной Россіи: „Сытить медъ вольно панамъ семь разъ на годъ, т. е. къ Спасову дню, къ Вознесенью, къ Троицыну дню, къ Успеньеву дню, Николину, Петрову и Ильину дню; на каждой разъ могутъ покупать меду не больше какъ на два рубля грошей широкихъ. Мѣщанамъ могилевскимъ вольно имѣть 12 складовъ въ годъ на праздники, причемъ также не могутъ сытить меду больше чѣмъ на два рубля грошей широкихъ. Кромѣ того, вольно всѣмъ мѣщанамъ для собственнаго употребленія, а не на продажу, держать медъ, пиво, и, съ вѣдома мытниковъ, палить горѣлку къ свадьбѣ сына или дочери и на коляцыю (collatio); кромѣ того, мѣщане могутъ палить горѣлку пять разъ въ годъ: къ Рождеству Христову, къ Масляницѣ, къ Велику дню, къ Троицину дню и къ Николину дню осеннему; однако они не могутъ каждый разъ употреблять на горѣлку больше четверти солоду". Въ этой же грамотѣ горовumся, что, въ силу новаго постановленія, поручено войтовство мѣщанину могилевскому Іосифовичу, а для лучшаго порядка и управленія установлено четыре сотника, изъ которыхъ каждому поручена въ управу извѣстная часть людей; войты никакихъ городскихъ дѣлъ не могутъ рѣшать безъ совѣта съ сотниками и другими главнѣйшими мѣщанами.

Что касается цеховъ, то Сигизмундъ-Августъ въ 1552 году далъ виленскому войту, бурмистрамъ и радцамъ право старыя ремесленныя товарищества (collegia opificum) исправлять и учреждать новыя, давая имъ привилегіи, предписывая законы и обычаи; никто въ городѣ не смѣлъ заниматься никакимъ ремесломъ, не будучи приписанъ къ извѣстному товариществу (collegium seu universitas),—въ противномъ случаѣ онъ подвергался тюремному заключенію, отнятію инструментовъ ремесленныхъ, конфискаціи движимой собственности.

По челобитію Жидовъ, Стефанъ Баторій въ 1578 году предписалъ войтамъ, бурмистрамъ и радцамъ всѣхъ городовъ, чтобъ Жиды судились правомъ земскимъ, а не Магдебургскимъ.

Мы видѣли, что еще при великомъ князѣ Александрѣ въ Бельзской волости было постановлено, что землевладѣлецъ, который захочетъ установить у себя легчайшія работы и дани, съ цѣлію переманить больше крестьянъ, подвергался пени во 100 копъ грошей. Въ 1551 году землевладѣльцы Витебскаго повѣта согласились между собой и постановили, на какихъ условіяхъ жить у нихъ вольнымъ крестьянамъ: каждый обязался водворять ихъ не иначе, какъ по принятому въ землѣ Полоцкой обычаю, т. е. крестьянинъ долженъ былъ давать пану четвертый снопъ, который молотился при панскомъ посланцѣ. Притомъ крестьяне должны были кормить посланцовъ панскихъ и доставлять панскую долю въ назначенное мѣсто, отъ пчелъ должны были давать панамъ половину меду. Каждое лѣто должны на панскомъ хлѣбѣ работать на пана восемь толокъ, два дня пахать паровое поле, два дня рубить ледъ, два дня косить сѣно, два дня жать рожь и всякіе хлѣба; весною, въ теченіи недѣли, строить на панскомъ дворѣ новыя хоромы или починивать старыя, а зимою ходить на охоту и на рыбную ловлю. Если вольный крестьянинъ (похожій человѣкъ) не захочетъ жить на четвертой долѣ, то долженъ круглый годъ работать два дня въ недѣлю, съ косою, сохою, серпомъ, топоромъ, съ чѣмъ только будетъ приказано, да кромѣ того лѣтомъ отработать 8 толокъ. А если вольный крестьянинъ захочетъ перейти къ другому землевладѣльцу, то обязанъ заблаговременно, лѣтомъ, уступить пану своему паровое поле и, явившись на мірской сходкѣ, на первой недѣлѣ великаго поста, ударивши челомъ и заплативши выходную куницу—12 широкихъ грошей, пойдти прочь. Еслибъ вольный крестьянинъ, живя въ селѣ, допустилъ до разстройства свой домъ или гумно, то, уходя прочь, долженъ поправить и обстроить, чтобъ было такъ, какъ онъ самъ засталъ. А еслибъ кто поселилъ вольнаго человѣка на сыромъ корнѣ, гдѣ прежде не было селитьбы, ни готоваго распаханнаго поля, то поселенцу должно быть дано 10 лѣтъ льготы, по минованіи которыхъ онъ долженъ также давать четвертый снопъ и нести всѣ упомянутыя выше службы.—Постановивши эти условія, землевладѣльцы объявили, что если кто-нибудь изъ нихъ будетъ водворять вольныхъ людей, довольствуясь болѣе легкими повинностями, изъ желанія заселить свое имѣніе, или въ чемъ-нибудь нарушитъ уставъ и будетъ уличенъ, то платитъ королю пени 50 копъ грошей. Въ 1553 году король Сигизмундъ-Августъ, подтвердивъ это постановленіе, принялъ его и для своихъ крестьянъ.

Въ уставѣ о волокахъ, данномъ въ 1557 году для королевскихъ волостей княжества Литовскаго, бояре путные, стародавніе и некупленные были водворяемы на двухъ волокахъ, съ которыхъ они платили за всѣ повинности деньгами, смотря по оцѣнкѣ земли, а въ тотъ годъ, когда ѣздили въ дорогу, ничего не платили; безъ королевскаго приказанія урядъ не могъ ихъ посылать никуда. Изъ числа этихъ бояръ ревизоры выбирали служекъ, которые должны были находиться при каждомъ замкѣ или дворѣ королевскомъ въ потребномъ числѣ: они ѣздили съ листами королевскими къ дворамъ, уряду подлежащимъ; отвозили въ Вильну денежныя подати, ѣздили на слѣдствія по жалобамъ крестьянъ, и за то держали на одного коня по двѣ волоки, свободныхъ отъ всякихъ податей. Бортники платятъ деньгами отъ волоки, смотря

по оцѣнкѣ земли, какъ платятъ новопоселенцы; когда король прикажетъ идти имъ на войну, то въ томъ году они свободны отъ всякихъ податей; они обязаны также чинить мосты. Кучера сѣдельные или дворовые имѣютъ по двѣ свободныхъ волоки. Стрѣльцы владѣютъ также двумя свободными волоками; служба ихъ состоитъ въ томъ, что они, по приказанію королевскому, отправляются на охоту и на войну. Другіе дворовые слуги также имѣютъ по двѣ волоки свободныхъ; сюда причисляются и осочники (загонщики на охотѣ), которыхъ выбираетъ ревизоръ съ лѣсничимъ. Войты по селамъ имѣютъ по одной волокѣ; служба ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: по приказанію уряда, они выгоняютъ крестьянъ на работу, для платежа оброка и податей, присутствуютъ при уплатѣ податей, представляютъ крестьянъ въ урядъ на расправу, надзираютъ за работами, сдаютъ въ Вильнѣ овесъ и сѣно, привозимые туда людьми ихъ войтовства, поправляютъ ежегодно межевые знаки, доносятъ уряду о ихъ порчѣ. Урядъ судитъ крестьянъ въ торговый день во всякихъ дѣлахъ, кромѣ кровопролитія и насильства; въ случаѣ послѣднихъ, войтъ представляетъ крестьянина на судъ, куда урядъ прикажетъ. Войтъ присутствуетъ на судѣ для помощи крестьянину; ведетъ вѣдомость пенямъ, поступающимъ въ казну, и доноситъ ревизорамъ; наблюдаетъ, чтобъ урядъ не бралъ пеней болѣе установленнаго. Войта судитъ урядъ за всякій поступокъ, но лишить его войтовства можетъ только вмѣстѣ съ ревизоромъ. Отставивши одного войта, должны опредѣлить другого изъ людей той же волости не подозрительнаго поведенія, на избраніе котораго согласятся крестьяне. Въ каждомъ войтовствѣ должно быть около 100 волокъ, хотя бы для этого можно было соединить два-три и болѣе селъ. Для измѣренія волокъ войтъ долженъ имѣть межевой шнуръ постоянной мѣры, вѣрный. Лавники (цѣловальники) должны быть опредѣляемы въ селахъ по два, по три и больше, смотря по величинѣ села. Обязанность ихъ состоитъ въ изслѣдованіи вреда, причиняемаго на пашняхъ пасущимся скотомъ, и другихъ случаевъ; за трудъ они получаютъ при каждомъ случаѣ грошъ оглядняго; за ложное показаніе они казнятся смертію.

Мы видѣли, сколько поземельнаго, или цыншу, платили королевскіе крестьяне или тяглые люди; работали они съ каждой волоки по два дня въ недѣлю; свободны были отъ работъ—недѣлю о Рождествѣ Христовѣ, недѣлю на Масляницѣ, недѣлю о Свѣтломъ Воскресеніи. Работа крестьянамъ должна быть заказана войтомъ въ воскресный день. Если крестьянинъ не выйдетъ на работу, то за первый день платитъ грошъ, за другой—барана, за третій наказывается бичемъ на скамьѣ и отработываетъ пропущенные дни. Если же по какому-нибудь случаю крестьянинъ не можетъ выйти на работу, то долженъ извѣстить о томъ урядъ чрезъ сосѣда или лавника; если причина признана будетъ законною, то наказанію крестьянинъ не подвергается, но долженъ въ другой день отработать все, что пропустилъ. Отъ работы никто не можетъ откупиться. Начинаютъ крестьяне работу съ восходомъ солнца, оканчиваютъ съ захожденіемъ; отдыхъ тѣмъ, которые скотомъ работаютъ,—предъ обѣдомъ часъ, въ полдень часъ, подъ вечеръ часъ; а кто работаетъ пѣшкомъ, тому давать только по получасу отдыха. Крестьяне во всѣхъ замкахъ и волостяхъ королевскихъ должны начать отдачу поземельнаго оброка и другихъ податей въ день Св. Михаила и могутъ продолжать платежъ до дня Св. Мартина. Кто не уплатитъ къ этому сроку, и урядъ найдетъ, что не уплачено по нерадѣнію, то виновный отводится въ тюрьму и содержится тамъ, пока не заплатитъ, а воловъ и коней не отбирать никогда за поземельный оброкъ и ни за что другое. А который человѣкъ не можетъ заплатить подати по причинѣ пожара, смерти или болѣзни всего семейства, голода, градобитія и бѣдности,—такого войтъ представляетъ въ урядъ: урядъ, разспросивъ войта, лавниковъ и сосѣдей, и освидѣтельствовавши домъ крестьянина, вноситъ его имя въ реестръ, а подскарбій, принимая отчетъ, долженъ опять изслѣдовать дѣло чрезъ ревизора. Ревизоры должны быть присяжные, люди добрые, набожные, осѣдлые, знающіе хорошо размѣреніе волокъ и хозяйство. Ревизоры должны: наблюдать, чтобъ никто не рубилъ лѣсовъ королевскихъ; доносить о неисправномъ урядникѣ; смотрѣть, чтобъ мѣста для поселеній назначаемы были землемѣрами въ третьемъ среднемъ полѣ, а урядъ долженъ принуждать крестьянъ селиться на назначенныхъ мѣстахъ. Ревизоръ избираетъ землемѣровъ. Во всѣхъ замкахъ и дворахъ королевскихъ тамъ, гдѣ земли раздѣлены были на волоки, урядъ получаетъ: всѣ сборы съ десятой волоки, исключая овесъ и сѣно, изъ гуменъ—третій снопъ всякаго хлѣба, торговую и помѣрную пошлину всю, съ мясниковъ—въ торговые дни, при спускѣ прудовъ—десятую рыбу, пени съ крестьянъ, которые на работу не выйдутъ и проч. Крестьяне имѣютъ право въѣзжать, хотя не глубоко, въ лѣса королевскіе по дрова, хворостъ, строевой лѣсъ, по лыки, впрочемъ для своей только надобности, а не на продажу. Дѣтямъ и женщинамъ не запрещается собирать во всѣхъ лѣсахъ королевскихъ грибы, лѣсныя овощи, ягоды и хмель. На своихъ волокахъ крестьянинъ можетъ убить волка, лисицу, рысь, росомаху, зайца, бѣлку и всякаго другого малаго звѣря, также птицу всякую, и можетъ продавать эту добычу всякому, не объявляя уряду; но сернъ и другихъ большихъ звѣрей не можетъ убивать и на своихъ волокахъ; а особливо въ пущахъ и подъ пущами королевскими крестьяне не должны держать ружей и не должны ловить никакихъ звѣрей, подъ страхомъ смерти. Крестьяне могутъ ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ королевскихъ малыми сѣтями, но езовъ устроять не могутъ; въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ въ озерахъ не могутъ ловить рыбы ничѣмъ,

должны оставлять ее для расплоду, а въ рѣкахъ могутъ ловить всегда. Бѣдный крестьянинъ можетъ, въ голодное время, засѣявъ поля, на зиму уходить для прокормленія, объявивъ о своей бѣдности уряду при войтѣ; у него не отбираются ни хозяйство, ни посѣвъ до дня Св. Іоанна; а если не воротится къ этому времени, то теряетъ посѣвъ и все его хозяйство отдается другому. Если крестьянинъ уйдетъ, не объявивши урянднику при войтѣ, то вся земля его со всѣмъ хозяйствомъ отдается другому, а бѣглеца урядъ отыскиваетъ; если крестьянинъ, ушедшій съ вѣдома уряда, воротится послѣ Св. Іоанна, также если бѣглецъ будетъ вытребованъ или самъ воротится, то водворять ихъ на пустыхъ волокахъ. Если крестьянинъ уйдетъ вслѣдствіе обиды, нанесенной ему урядникомъ или войтомъ, и потомъ возвратится, то ревизоръ долженъ изслѣдовать дѣло и рѣшить—допустить ли его къ посѣвамъ и усадьбѣ, или нѣтъ. Крестьянинъ можетъ продать свое строеніе и хозяйство предъ урядомъ, въ присутствіи войта и лавниковъ, и, водворивъ покупщика (который долженъ быть въ силахъ исполнять повинности), можетъ поселиться въ городѣ или на пустой волокѣ, но только въ королевскомъ же имѣніи. Пустыя волоки заселяются добрыми людьми, которые въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ не должны давать больше 42 грошей за всѣ повинности. Для поставки подводъ въ дальній путь или для постройки замковъ и дворовъ крестьяне складываются съ трехъ или четырехъ волокъ на одинъ возъ или на одного работника, за что крестьяне освобождаются отъ податей. Крестьяне должны строить также мосты, ходить на стражу въ замки и дворы королевскіе. Ремесленники всякаго рода должны быть водворяемы ревизоромъ на одной свободной волокѣ при всѣхъ замкахъ и дворахъ королевскихъ.

Касательно промышленности любопытна грамота, данная Сигизмундомъ-Августомъ виленскому стекляному заводчику, дворянину Мартину Палецкому: заводчикъ обязанъ былъ давать въ казну королевскую ежегодно по 200 сткляницъ большихъ и по 200 малыхъ, и за это получалъ привилегію, что все привозимое въ Вильну стекло, кромѣ венеціанскаго, могло быть продаваемо только одному ему, и въ Вильнѣ не будетъ позволено никому другому устраивать стекляные заводы.

Относительно торговли замѣчательна грамота Сигизмунда-Августа, по которой, для избѣжанія дороговизны съѣстныхъ припасовъ въ Вильнѣ, запрещено перекупать ихъ; смотрѣть за исполненіемъ королевскаго приказа поручено бурмистрамъ и радцамъ. Въ договорѣ, заключенномъ съ Крымскимъ ханомъ въ 1540 году, между прочимъ выговорено, что купцы польскіе и литовскіе могутъ свободно брать соль въ Качибіевѣ (Одессѣ) и, заплативши мыто по старинѣ, возить соль въ Кіевъ, Луцкъ и другіе города, подъ охраною ханскихъ людей, и если бы королевскіе подданные потерпѣли въ Качибіевѣ какой-нибудь убытокъ отъ людей ханскихъ, то ханъ за него платитъ; также всѣмъ купцамъ польскимъ и литовскимъ вольно ходить съ товарами въ Перекопъ и Кафу и торговать тамъ, платя стародавнія мыта, и наоборотъ,—купцамъ татарскимъ вольно торговать во владѣніяхъ королевскихъ. Въ 1540 году установлены были двѣ торговыя дороги изъ Литвы въ Пруссію: одна шла къ Мемелю на Горжды, гдѣ собирался мытъ; другая—на Юрбургъ, гдѣ по пятницамъ происходили торги: изъ товаровъ, складываемыхъ здѣсь, упоминается преимущественно соль. Въ 1547 году, на виленскомъ сеймѣ, король съ панами и шляхтою разсуждалъ о томъ, что подданные его—закона римскаго и греческаго—добываютъ въ пущахъ, лѣсахъ и борахъ великаго княжества Литовскаго всякаго рода лѣсные товары и запродаютъ ихъ купцамъ прусскимъ, лифляндскимъ, а также и своимъ литовскимъ Жидамъ, и купцы эти и Жиды, при запродажѣ товаровъ, при спускѣ ихъ, браковаиьи и продажѣ обманываютъ ихъ, такъ что они получаютъ очень малую прибыль; пущи, лѣса и боры, вѣчная собственность земская, пустошатся, и только чужеземные купцы да Жиды богатѣютъ. Для избѣжанія этого, сеймъ постановилъ: учредить на границахъ складочныя мѣста, куда бы каждый изъ литовскихъ подданныхъ обязанъ былъ привозить лѣсные товары; здѣсь королевскіе чиновники покупали ихъ по назначеннымъ цѣнамъ, и потомъ уже старались сбывать за-границу какъ можно выгоднѣе для казны. Такія складочныя мѣста были устроены: въ Ковнѣ, Брестѣ, въ Дрисѣ подъ Полоцкомъ и въ Салатѣ, въ Землѣ Жмудской.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ извѣстіе о торговомъ значеніи Кіева и его области: „Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо для всего, что привозится изъ Малой Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи на сѣверъ, въ Московское государство, Швецію, Данію (драгоцѣнные каменья, шелковыя и золотошвейныя ткани, ладонъ, ѳиміамъ, шафранъ, перецъ и другіе ароматы), нѣтъ другой, болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ Кафы, чрезъ Перекопъ, Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ и Кіевъ Этою дорогою часто отправляются чужестранные купцы караванами, въ которыхъ бываетъ ихъ до тысячи, со многими повозками и осѣдланными верблюдами. Но когда купцы, чтобъ избѣжать двойной переправы черезъ Днѣпръ и уплаты пошлины, оставя старую дорогу, отправляются отъ Перекопа прямо въ Московское государство на Путивль, то часто подвергаются грабежамъ. Кіевскіе воеводы, откупщики, купцы, мѣнялы, лодочники, возчики, корчмари получаютъ большую выгоду отъ этихъ каравановъ. Выгоды бываютъ отъ каравановъ и тогда, когда проходятъ они въ зимнее время по полямъ и засыпаются грудами снѣга. Такимъ образомъ, случается, что кіевскія хижины, обильныя впрочемъ плодами, молокомъ и медомъ, мясомъ и рыбою, но грязныя, наполняются драгоцѣнными шелковыми тканями, дорогими каменьями, соболями и

другими мѣхами, ароматами и проч., такъ что шелкъ иногда тамъ дешевле, чѣмъ ленъ въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли" [1]).

Что касается состоянія Русской Церкви при Іоаннѣ, то предѣлы ея распространились вмѣстѣ съ предѣлами государства на востокѣ, чрезъ покореніе Казани и Астрахани, которыя, сдѣлавшись городами русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были сдѣлаться городами христіанскими. По важности мѣста, какимъ была Казань, по важности слѣдствій для Церкви и государства, какія могло имѣть обращеніе окружнаго народонаселенія въ христіанство, положено было учредить здѣсь особую епархію. Первый архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, Гурій, отправился въ свою епархію изъ Москвы весною 1555 года. Это отправленіе было необычное, первое въ русской исторіи: архіепископъ ѣхалъ въ завоеванное, невѣрное царство распространять тамъ христіанство, утверждать нравственный нарядъ, везъ съ собою духовенство, нужныя для церкви вещи, иконы и проч. Этотъ духовный походъ Гурія въ Казань соотвѣтствовалъ отправленію греческаго духовенства изъ Византіи и Корсуня для просвѣщенія Руси христіанствомъ, при Владимірѣ; онъ былъ завершеніемъ покоренія Казани, великаго подвига, совершеннаго для торжества христіанства надъ мусульманствомъ; понятно, что онъ совершился съ большимъ торжествомъ. Въ седьмое воскресенье послѣ Свѣтлаго Воскресенья, въ Успенскомъ соборѣ былъ молебенъ; служилъ митрополитъ Макарій, новый архіепископъ Гурій; Крутицкій владыка Нифонтъ съ архимандритомъ и игуменами святили воду надъ мощами; послѣ молебна духовенство съ Крестомъ, Евангеліемъ и иконами пошло на Фроловскій мостъ (къ Фроловскимъ, или Спасскимъ воротамъ), за нимъ шелъ царь съ братьями, князьями, боярами и множествомъ народа; передъ Кремлемъ—другой молебенъ, послѣ котораго царь и митрополитъ простились съ Гуріемъ. Въ это время за Фроловскими воротами уже было положено основаніе знаменитому Покровскому собору, въ память взятія Казани; на этомъ основаніи Гурій говорилъ эктенію, осѣнялъ Крестомъ и кропилъ Святою водою; вышедши на Живой мостъ изъ Новаго города, онъ читалъ Евангеліе, ектенію, осѣнялъ Крестомъ и говорилъ молитву, сочиненіе митрополита Иларіона Русскаго, за царя и за все православіе; здѣсь былъ отпускъ: Гурій осѣнилъ Крестомъ и благословилъ слѣдовавшій за нимъ народъ, окропилъ его и городъ Святою водою, и вошелъ въ судно, гдѣ продолжалось пѣніе и чтеніе Евангелія. Подъ Симоновымъ казанское духовенство вышло изъ судна и было встрѣчено Симоновскимъ архимандритомъ съ крестами. Здѣсь Гурій служилъ литургію, обѣдалъ и ночевалъ, а на другой день рано отправился въ дальній путь, по Москвѣ - рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ: на дорогѣ, по прибрежнымъ погостамъ и большимъ селамъ, посылалъ кропить Святою водою храмы, мѣста и народъ. Коломенскій владыка долженъ былъ въ своемъ городѣ велѣть кликать на торгу, чтобъ весь народъ шелъ къ молебнамъ и на встрѣчу Казанскому архіепископу: встрѣченный владыкою съ крестнымъ ходомъ и всѣмъ народомъ, Гурій служилъ въ Коломнѣ литургію и обѣдалъ у владыки. Во всѣхъ другихъ городахъ былъ ему такой же пріемъ. По пріѣздѣ въ Казань, новый архіепископъ обязанъ былъ: поучать народъ каждое воскресенье; новокрещенныхъ всегда поучать страху Божію, къ себѣ пріучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое береженіе и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились Святымъ крещеніемъ. Въ наказѣ, данномъ Гурію, говорится: Которые Татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи, тѣхъ велѣть крестить, и лучшихъ держать у себя въ епископіи, поучать христіанскому закону и покоить какъ можно; а другихъ раздавать крестить по монастырямъ; когда новокрещенные изъ-подъ ученія выйдутъ, архіепископу звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ квасомъ, а послѣ стола посылать ихъ поить медомъ на загородный дворъ. Которые Татары станутъ приходить къ нему съ челобитьемъ, тѣхъ поить и кормить у себя на дворѣ квасомъ же, а медомъ поить на загородномъ дворѣ, приводить ихъ къ христіанскому закону, причемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а жестоко съ ними не говорить. Если Татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ архіепископу отъ опалы и захочетъ креститься, то назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а крестить, покоить у себя, и посовѣтоваться съ намѣстниками и воеводами: если приговорятъ держать его въ Казани, на старой его пашнѣ и на ясаку, то держать его на старой пашнѣ и на ясаку, а нельзя его будетъ держать въ Казани, изъ опасенія новой измѣны, то, крестивъ, отослать къ государю. Котораго Татарина за какую-нибудь вину воеводы велятъ казнить, а другіе Татары придутъ къ архіепископу бить челомъ о печаловані, то архіепископу посылать отпрашивать виновнаго и, по совѣту намѣстника и всѣхъ воеводъ, взять его у намѣстника и воеводъ за себя и, если можно, держать его въ Казани, а если нельзя,—отослать къ государю. Держать архіепископу совѣтъ съ намѣстникомъ и воеводами: на которыхъ Татаръ будетъ у нихъ опала не великая и захотятъ ихъ остраститъ казнію, а до казни не дойдутъ, о такихъ пусть они сказываютъ архіепископу, и архіепископу отъ казни ихъ отпрашивать, хотя ему отъ нихъ и челобитья не будетъ. Всѣми способами, такъ только можно, архіепископу Та-

[1]) Собр. древ. грам. гор. Вильны и проч. I, № 27, 28, 30, 31, 33, 34, 47, 48, 53, 60, 61, 64; Акты Зап. Росс. III, №№ 28, 92, 121; II, 195, 203; Собр. грам. Вил. и проч. № 44; Акты Зап. Росс. II, № 200, 202; Метрика Литов. I, № 27. Отрывки Михалона Литвина въ Архивѣ Истор. юридич. свѣдѣній, кн. второй, полов. вторая; Акты изд. Кіев. Коммис. I, отд. II, № 23. Т. II, отд. 2.

таръ къ себѣ пріучать и приводить ихъ любовію на крещеніе, а страхомъ ко крещенію никакъ не приводить. Услышитъ архіепископъ безчиніе въ казанскихъ и свіяжскихъ воеводахъ, въ дѣтяхъ боярскихъ и во всякихъ людяхъ, или и въ самихъ намѣстникахъ, относительно закона христіанскаго, то поучать ихъ съ умиленіемъ; не станутъ слушаться—говорить съ запрещеніемъ; не подѣйствуетъ и запрещеніе—писать о ихъ безчинствахъ къ царю. Архіепископу держать намѣстниковъ казанскихъ и свіяжскихъ честно. Если случится намѣстнику казанскому и воеводамъ обѣдать у архіепископа, то намѣстника сажать по конецъ стола, воеводъ сажать у себя по другую сторону въ большомъ столѣ, пропустя отъ себя мѣста съ два; архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ сажать въ кривомъ столѣ; послѣ стола подать чашу царскую архіепископу, архіепископскую чашу намѣстнику, намѣстничью архимандриту или игумену большому, а не случится такого, то архіепископскому боярину О какихъ царскихъ думныхъ дѣлахъ намѣстникъ и воевода станутъ совѣтоваться съ архіепископомъ, то ему съ ними совѣтоваться и мысль свою во всякихъ дѣлахъ имъ давать, кромѣ однихъ убійственныхъ дѣлъ; а мыслей намѣстника и воеводъ никакъ не разсказывать никому. Держать архіепископу у себя во дворѣ береженье великое отъ огня; поварни и хлѣбни подѣлать въ землѣ; меду и пива въ городѣ у себя на погребѣ не держать, держать на погребѣ у себя квасъ, а вино, медъ и пиво держать за городомъ на погребѣ. Намѣстнику и воеводамъ говорить почаще, чтобъ береженье держали отъ огня и отъ корчмы великое; чтобъ дѣти боярскія и всякіе люди ночью съ огнемъ не сидѣли и съѣздовъ у нихъ, ночнаго питья не было; да и днемъ бы не бражничали, по городу и въ воротахъ держали сторожей и береженье великое. Если архіепископъ узнаетъ, что у намѣстника и воеводъ въ городѣ не бережно, или людямъ насиліе, то говорить объ этомъ намѣстнику и воеводамъ дважды и трижды, чтобъ такъ не дѣлали; если же не послушаютъ, то писать къ государю.—Новому архіепископу назначено было, по тому времени, большое жалованье: деньгами 865 рублей, да изъ казанской, свіяжской и чебоксарской таможенной пошлины десятой деньги 155 рублей 11 алтынъ; кромѣ того, столовые припасы шли натурою, отъ ржи до пряныхъ кореньевъ.—Наказъ относительно обращенія Татаръ въ христіанство былъ выполненъ какъ нельзя лучше Гуріемъ и двумя помощниками его—архимандритами Германомъ и Варсонофіемъ, изъ которыхъ первый былъ преемникомъ Гурія на архіепископіи Казанской: нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обращены были въ христіанство. Въ Астрахани были также обращенія; мы видѣли, что черкесскіе князья пріѣзжали въ Москву, крестились сами или крестили сыновей своихъ; къ нимъ въ горы посылались изъ Москвы священники, для возстановленія падшаго тамъ христіанства.

На далекомъ сѣверѣ продолжалось обращеніе Лопарей; при Іоаннѣ IV кончилъ свои подвиги относительно обращенія кольскихъ Лопарей Ѳеодоритъ, печенгскихъ—Трифонъ. Уроженецъ Новгородской области, Трифонъ съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ пустынной жизни; странствуя по лѣсамъ своей родины, онъ услыхалъ голосъ, говорившій ему, что не въ нихъ онъ долженъ искать Христа, что его ждетъ земля не обѣтованная, непроходимая, необитаемая и жаждующая. Трифонъ отправился къ берегамъ моря-океана, поселился въ пустынной странѣ на рѣкѣ Печенгѣ, жилъ бездомно и безкровно, и началъ поучать окрестныхъ Лопарей новой вѣрѣ; дѣло было трудное: колдуны-кебуны лопскіе, не умѣя оспорить Трифона словомъ, били, терзали его, собирались убить; но въ толпѣ дикарей являлись защитники, слышались голоса: „Чѣмъ же онъ виноватъ? говоритъ онъ намъ о добромъ дѣлѣ, о царствіи Божіемъ, смерть нашу называетъ сномъ; говоритъ, что воскреснемъ; оставимъ его теперь, а если найдемъ въ немъ вину, тогда убьемъ“. Трифона выгоняли, но онъ возвращался, и успѣлъ огласить многихъ Лопарей: приведенный имъ изъ Колы священникъ крестилъ оглашенныхъ и освятилъ имъ церковь.

Но въ то время, какъ ревностные проповѣдники распространяли христіанство на пустынныхъ берегахъ Сѣвернаго океана, новгородскіе владыки должны были бороться съ язычествомъ, упорно державшимся въ Водской пятинѣ: въ 1534 году Новгородскій архіепископъ Макарій долженъ былъ писать въ Водскую пятину, въ Чудь и во всѣ копорскіе, ямскіе, ивангородскіе, корельскіе и орѣховскіе уѣзды, къ тамошнему духовенству: „Здѣсь мнѣ сказывали, что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане заблудили отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ, и къ отцамъ своимъ духовнымъ не приходятъ, молятся по сквернымъ своимъ мольбищамъ деревьямъ и камнямъ, въ Петровъ постъ многіе ѣдятъ скоромное и жертву и питья жрутъ и пьютъ мерзкимъ бѣсамъ, и призываютъ на свои скверныя мольбища отступниковъ арбуевъ чудскихъ; мертвыхъ своихъ кладутъ въ селахъ по курганамъ и коломищамъ съ тѣми же арбуями, а къ церквамъ на погосты не возятъ хоронить; когда родится дитя, то они къ родильницамъ прежде призываютъ арбуевъ, которые младенцамъ имена нарекаютъ по своему, а васъ, игуменовъ и священниковъ, они призываютъ послѣ; на кануны свои призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые и арбуютъ скврнымъ бѣсамъ; а вы отъ такихъ злочиній не унимаете и не наказываете ученіемъ. Да въ вашихъ же мѣстахъ многіе люди отъ женъ своихъ живутъ законопреступно съ женками и дѣвками, а жены ихъ живутъ отъ нихъ съ другими людьми законопреступно, безъ вѣнчанія и безъ молитвы“. Архіепископъ для искорененія этихъ безпорядковъ послалъ въ Водскую пятину священника и двоихъ своихъ дѣтей боярскихъ съ приказаніемъ: скверныя мольбища разорять и истреблять, огнемъ жечь, а христіанъ по-

учать истинной вѣрѣ, покаявшихся арбуевъ исправлять по правиламъ церковнымъ, а непослушныхъ хватать и отсылать къ нему въ Новгородъ. Но распоряженія Макарія остались недѣйствительными, потому что, черезъ 13 лѣтъ, преемникъ его, архіепископъ Ѳеодосій, долженъ былъ повторить тѣ же самыя увѣщанія и распоряженія, указывая на тѣ же самые безпорядки, съ прибавкою одного новаго: „Въ вашихъ же мѣстахъ, пишетъ Ѳеодосій, въ Чудской Землѣ замужнія жены и вдовы головы брѣютъ, и покрывало на головахъ и одежду на плечахъ носятъ подобно мертвячьимъ одеждамъ, и въ томъ ихъ безчиніи великое поруганіе женскому полу".

Монастыри по-прежнему продолжаютъ содѣйствовать заселенію пустынныхъ пространствъ. Игуменъ Ѳеодоръ построилъ пустыньку на лѣсу черномъ дикомъ между Вологодскимъ, Каргопольскимъ и Важскимъ уѣздами; по его челобитью, государь, въ 1546 году, пожаловалъ, велѣлъ тотъ лѣсъ расчищать на всѣ стороны отъ монастыря по двѣнадцати верстъ, займище распахивать и людей призывать; призванное народонаселеніе, по обычаю, получило извѣстныя льготы. Иногда монастырь основывался вслѣдствіе челобитья народонаселенія цѣлой страны: такъ, въ 1580 году, съ Вятки, изъ города Хлынова, выборные судьи и всѣ земскіе люди прислали къ царю отъ всей Земли челобитную, что вятскіе города отъ московскихъ городовъ далеко, а монастыря во всей Вятской Землѣ нѣтъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ людямъ постригаться негдѣ, а иные при смерти постричься желаютъ, и потому они хотятъ устроить у себя монастырь, въ строители излюбили Пыскорскаго монастыря постриженника старца Трифона, земля у нихъ есть: намѣстничьи деревни стоятъ пустыя, не пашетъ никто.

Сѣверные пустынные монастыри продолжали воспитывать въ своихъ инокахъ твердость духа въ борьбѣ противъ явленій нехристіанскихъ. Въ страшную эпоху кровавой борьбы и насилій торжествующаго начала, самый отдаленный на сѣверѣ монастырь—Соловецкій—выслалъ въ Москву въ митрополиты своего игумена, который не усомнился поднять голосъ за милосердіе; рядъ знаменитыхъ московскихъ іерарховъ, столько содѣйствовавшихъ усиленію Москвы, установленію единодержавія и признанныхъ Церковью Святыми, заключился великимъ мученикомъ за священное право печалованія о падшихъ, слабыхъ. Іоаннъ, въ посланіи изъ Александровской слободы къ московскому народу, жалуется, что духовенство печалуется за людей, по его мнѣнію, недостойныхъ; но любопытно, что здѣсь царь не упоминаетъ о митрополитѣ; съ Филиппа Іоаннъ взялъ обѣщаніе не вступаться въ опричнину и въ домовый царскій обиходъ, но о печалованіи не было упомянуто ни слова; Казанскому архіепископу Гурію печалованіе было предписано, какъ средство привлекать Татаръ къ принятію христіанства. Ходатайство митрополита Макарія принималось въ уваженіе царемъ и прямо выставлялось какъ побужденіе къ оказанію какой-нибудь милости, исполненію какой-нибудь просьбы; такъ писалъ царь новгородскимъ дьякамъ: „О женѣ князя Богдана Корецкаго поминалъ намъ отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всея Руси, чтобъ намъ ее пожаловать, изъ мужняго помѣстья велѣть дать земли на прожитокъ, и я, для отца своего Макарія митрополита, ее пожаловалъ, велѣлъ ей изъ замужняго помѣстья отдѣлить 15 обежъ". Для митрополита же пожалованъ былъ новгородскій помѣщикъ Курцовъ: не велѣно было отнимать у него стараго помѣстья; по просьбѣ Новгородскаго архіепископа Пимена и митрополита Макарія уменьшенъ былъ денежный взыскъ съ князя Ивана Буйносова-Ростовскаго. Хотя митрополитъ на просьбы литовскихъ пановъ о посредничествѣ для заключенія мира обыкновенно отвѣчалъ, что онъ въ эти дѣла не входитъ, знаетъ только свои церковныя дѣла, однако мы встрѣчаемъ извѣстіе, что государь совѣщался съ митрополитомъ о дѣлахъ вовсе не церковныхъ: такъ, въ 1550 году, государь приговорилъ съ митрополитомъ, братьями и боярами—гдѣ быть на службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ.

Сверженіе Филиппа съ митрополіи вслѣдствіе столкновеній съ опричниною не было первымъ примѣромъ въ XVI вѣкѣ: великій князь Василій свергнулъ митрополита; въ малолѣтство Іоанна свергнуты были два митрополита. До насъ дошелъ чинъ поставленія митрополита Іоасафа; здѣсь сначала сказано: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи съ своими богомольцами, архіепископомъ Макаріемъ Великаго Новгорода и Пскова, съ епископами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ старцами духовными и всѣми боярами, избралъ на митрополію духовнаго старца, Троицкаго Сергіева монастыря игумена Іоасафа, и нарекъ его митрополитомъ всея Россіи." Послѣ этого нареченія, государь пошелъ къ соборной церкви Успенія съ нареченнымъ митрополитомъ, со всѣмъ духовенствомъ и боярами; нареченнаго предъ государемъ вели два епископа подъ руки; приложившись къ образамъ и мощамъ, государь пошелъ на митриполичій дворъ, гдѣ архіепископъ и епископы посадили нареченнаго на уготованномъ мѣстѣ.—Потомъ въ приведенномъ актѣ говорится, что въ тотъ же самый день (февраля 6-го 1539 года) въ соборной церкви Успенія, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы, по совѣту архіепископа Макарія, сѣли епископы—Рязанскій, Тверской, Сарскій, Пермскій,—и выбрали на митрополію по писанію книжному. Но ошибка въ числѣ поправляется другимъ актомъ, гдѣ говорится о формѣ избранія: февраля 5-го означенные епископы, имѣя съ собою волю и хотѣніе остальныхъ епископовъ русскихъ, избрали на митрополію Кіевскую, Владимірскую и всея Россіи троихъ: Чудовскаго архимандрита Іону, Троицкаго игумена Іоасафа, Новгородскаго Хутынскаго игумена Ѳеодосія; запечатавши имена ихъ, отдали архіепископу Макарію, который, помолив-

пись, распечаталъ и нарекъ митрополитомъ Іоасафа.

9-го февраля происходило поставленіе избраннаго: предъ литургіею онъ долженъ былъ громогласно прочесть исповѣданіе православной вѣры. Во время литургіи, на третье „Святый Боже" нареченнаго привели въ алтарь въ Царскія двери, и архіепископъ съ епископами поставили его митрополитомъ, и онъ самъ служилъ литургію, причемъ однако посоха митрополичьяго подьяконы не держали. Послѣ литургіи, когда новый митрополитъ сѣлъ на свое святительское мѣсто каменное, подошелъ къ нему государь и, послѣ рѣчи, подалъ посохъ. По выходѣ изъ церкви, митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ сѣлъ на осля и поѣхалъ на великокняжескій дворъ благословлять государя; осля велъ великокняжескій конюшій да бояринъ митрополичій. Побывъ у государя, митрополитъ ѣздилъ на свой дворъ завтракать съ архіепископомъ и епископами; послѣ завтрака опять отправился на ослѣ около города каменнаго благословлять народъ и весь городъ, послѣ чего обѣдалъ у себя съ архіепископомъ и епископами. Въ письменномъ исповѣданіи своемъ митрополитъ клялся между прочимъ соблюдать православную вѣру согласно со вселенскими патріархами, а не такъ, какъ Исидоръ принесъ отъ новозлочестивнѣ процвѣтшаго несвященнаго латинскаго собора; исповѣдывалъ, что при поставленіи ничего никому не далъ, не обѣщалъ дать и не дастъ; обѣщалъ соблюдать все по старинѣ и не дѣлать ничего по нуждѣ ни отъ царя или великаго князя, ни отъ князей многихъ, если и смертью будутъ грозить, приказывая что-нибудь сдѣлать вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ; обѣщалъ не позволять, чтобъ кто-нибудь изъ православныхъ соединился съ Армянами, Латинами и прочими иновѣрными бракомъ, кумовствомъ и братствомъ.—9-го февраля былъ поставленъ Іоасафъ, и только 26-го марта предшественникъ его, Даніилъ, далъ, то-есть принужденъ былъ дать, отреченную грамоту. По смерти митрополита Макарія, въ 1564 году, царь со сшедшимися для избранія новаго митрополита архіереями приговорилъ: митрополитъ архіепископамъ и епископамъ всѣмъ глава, а въ томъ его высокопрестольной степени почести нѣтъ, что онъ носитъ черный клобукъ, и владыки всѣ носятъ черные же клобуки, а Новгородскій архіепископъ носитъ бѣлый клобукъ,—отъ сего времени носить митрополиту клобукъ бѣлый съ рясами и херувимовъ, печатать грамоты краснымъ воскомъ; архіепископу Новгородскому носить бѣлый клобукъ и печатать грамоты краснымъ воскомъ: архіепископу Казанскому—краснымъ же воскомъ.—Тогда же написанъ былъ новый чинъ митрополичьяго поставленія съ нѣкоторыми незначительными перемѣнами противъ прежняго.

Относительно избранія епископовъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ выраженія: „Повелѣніемъ царя, избраніемъ митрополита и собора"; или: „Повелѣніемъ царя, по благословенію и рукоположенію митрополита, по совѣту священнаго собора".—Въ лѣтописномъ извѣстіи о поставленіи архіепископа Александра въ Новгородъ въ 1576 году встрѣчаемъ слова: „А избралъ его на владычество самъ государь." О Новгородскомъ владыкѣ Ѳеодосіи говорится, что онъ былъ поставленъ въ 1541 году митрополитомъ Макаріемъ и возведенъ на архіепископію московскимъ бояриномъ Григоріемъ Мануиловымъ. Новопоставленный владыка, пріѣхавши въ главный городъ своей епархіи, приказывалъ читать всенародно настольную грамоту, данную ему митрополитомъ; подъ 1572 годомъ новгородскій лѣтописецъ разсказываетъ: Владыка Леонидъ пѣлъ молебны со всѣми соборами у Св. Софіи, а послѣ молебновъ велѣлъ свою настольную грамоту читать, на амвонѣ, Якову, ризничему своему, предъ всѣмъ соборомъ вслухъ людямъ всѣмъ. И въ то же время владыка началъ говорить архимандриту Юрьева монастыря, Ѳеоктисту: „Зачѣмъ ты, архимандритъ, мнѣ своей настольной грамоты не кажешь? по какому праву ты архимандритишь?" Архимандритъ отвѣчалъ: „Государь! я не успѣлъ, была поѣздка въ Москву, и потому я тебѣ своей грамоты не приносилъ". Владыка сказалъ на это: „Когда у меня настольной грамоты не было, такъ я три дня не служилъ". На это архимандритъ отвѣчалъ: „Тебѣ съ меня хочется денегъ содрать, но мнѣ тебѣ нечего дать;—тебѣ и архимандритство, и настольная грамота; хочешь, сдери съ меня и ризы, я и объ этомъ тужить не буду". Тогда владыка сказалъ: „Игумены и всѣ священники! слушайте на соборѣ и послѣ не отопритесь: архимандритъ прекословитъ на соборѣ передъ вами". Тутъ же сказалъ онъ всѣмъ священникамъ: „Вы до сихъ поръ мнѣ не приносили своихъ поповскихъ грамотъ подписывать, и я теперь подписывать ихъ не стану; а которые священники дальніе, тѣхъ Богъ проститъ." Мы видѣли судьбу Новгородскаго владыки Пимена; преемника его, Леонида, царь велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ извѣстіямъ—удавить. Мы видѣли, что жители Хлынова, прося прямо царя объ учрежденіи у нихъ монастыря извѣщаютъ, что они уже излюбили строителя. Иногда игуменъ какого-нибудь монастыря билъ челомъ царю, что онъ уже старъ, и чтобъ царь пожаловалъ, устроилъ на его мѣсто такого-то старца; иногда вся братія просила царя о назначеніи имъ въ игумены такого-то старца. Относительно избранія священниковъ состоялся въ 1551 году соборный приговоръ вслѣдствіе жалобъ новгородскихъ священниковъ: „По всѣмъ церквамъ и улицамъ, старостамъ и уличанамъ избирать поповъ и дьяконовъ искусныхъ, грамотѣ горяздыхъ и житіемъ непорочныхъ, а денегъ у нихъ на церковь и себѣ мзды не брать ничего; выбравши, приходятъ съ ними къ архіепископу, и архіепископъ, поучивъ и наказавъ, благословляетъ, и не беретъ съ нихъ ничего, кромѣ благословенной гривны; отъ дьяконовъ, просвиренъ и пономарей попамъ и уличанамъ, прихожанамъ посуловъ не

брать, но Бога ради избирать священниковъ всѣмъ вмѣстѣ, чтобъ были искусны и непорочны. А который попъ или дьяконъ овдовѣетъ, и останется у него сынъ или братъ, или зять, или племянникъ, на его мѣсто пригожій, грамотѣ гораздый и искусный, то его въ попы на мѣсто поставить, а денегъ на немъ не брать же".

Мы видѣли, что еще при дѣдѣ Іоанна Грознаго Церковь обратила вниманіе на улучшеніе нравственности духовенства, слѣдствіемъ чего было извѣстное постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ; въ царствованіе Іоанна IV еще сильнѣе обнаружилось стремленіе уврачевать нравственныя язвы, которыми страдало русское общество. Это стремленіе, это сознаніе своихъ недостатковъ и нежеланіе мириться съ ними обнаруживало силу общества, способность его къ дальнѣйшему преуспѣянію; но какъ въ описываемое время, такъ и долго послѣ при этомъ стремленіи во многомъ должны были ограничиваться указаніемъ на нравственныя язвы, выраженіемъ желанія уврачевать ихъ, увѣщаніями къ этому врачеванію; зло не истреблялось, ибо главное средство къ его истребленію, по обстоятельствамъ, не могло придти еще въ силу, хотя необходимость его и сознавалась лучшими людьми: это средство—просвѣщеніе. По недостатку яснаго свѣта, должны были идти ощупью, браться за средства внѣшнія, не ведущія къ цѣли и оскорбительныя для нравственнаго достоинства человѣка, какъ, напримѣръ, постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ; по недостатку яснаго свѣта, не могли различать хорошо предметовъ и смѣшивали дѣйствительные нравственные недостатки съ обычаями, не имѣющими никакого отношенія къ нравственности.

Въ 1545 году десятинники жаловались Новгородскому архіепископу Ѳеодосію, что игумены и священники Устюжны Желѣзопольской пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ первобрачныя свадьбы и двоеженцевъ, и троеженцамъ молитвы говорятъ безъ десятильничья знамени и докладу, пошлинъ десятильникамъ не платятъ; а иные, крадучи законное уложеніе, многимъ людямъ молитвы говорятъ четвертымъ и пятымъ бракомъ, выставляя ихъ двоеженцами и троеженцами; а иныхъ вѣнчаютъ въ роду и племени, въ кумовствѣ, сватовствѣ и законныхъ роспускахъ; мужья неповинно женъ своихъ законныхъ отпускаютъ и берутъ другихъ, а пущеницы ихъ выходятъ за другихъ мужей; игумены же и священники такія свадьбы вѣнчаніемъ и молитвою случаютъ законопреступно, отъ безстрашія Божія. Многіе игумены и попы приходятъ изъ митрополіи и отъ иныхъ владыкъ, и служатъ въ Новгородской архіепископіи, въ Устюжской десятинѣ, безъ вѣдома и благословенія владыки Новгородскаго; а иные вновѣ ставятся въ попы и въ дьяконы у митрополита и другихъ владыкъ въ Устюжскую десятину, безъ совѣта, повелѣнія и безъ протропи владыки Новгородскаго, ставятся въ попы и дьяконы хитростію, грамоты отпускныя себѣ вылыгаютъ у митрополита и владыкъ, и этихъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ архіепископу Новгородскому и его десятильникамъ не являютъ; а иные и безъ ставленныхъ и безъ отпускныхъ грамотъ служатъ. Случится попу или дьякону овдовѣть, и они, постригшись въ чернецы, служатъ у церквей литургію самовольно, безъ свидѣтельства, безъ обыску, безъ вѣдома и благословенія владыки. Если за подобныя дѣла десятильникъ станетъ игуменовъ, поповъ и дьяконовъ на поруки давать и назначать срокъ, когда имъ явиться на судъ архіепископскій (срочить), то они на судъ не являются, на поруки не отдаются, десятильниковъ бьютъ и злословятъ неподобною бранью.

Въ 1551 году, на церковномъ соборѣ, царь подалъ святителямъ слѣдующій списокъ безпорядкамъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія: чтобъ по церквамъ звонили и пѣли по уставу; чтобъ поставлены были старосты поповскіе надъ всѣми священниками; при отдачѣ антиминсовъ продажа дѣлается большая; иконы пишутся неприлично; чтобъ при дачѣ вѣнечныхъ знаменъ не было великой продажи христіанству; божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, и, написавъ, не исправляютъ же; ученики учатся грамотѣ небрежно; у владыкъ бояре, дьяки, тіуны, десятинники и недѣльщики судятъ иуправу чинятъ не прямо, волочатъ и продаютъ съ ябедниками вмѣстѣ, а десятинники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости, дѣла сочиняютъ съ ябедниками; а жонки и дѣвки, съ судьею по заговору, чернецовъ, поповъ и мірянъ обвиняютъ ложно въ насиліяхъ и позорѣ. Въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать; архимандриты и игумены нѣкоторыя службы Божіи, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ кельѣ съ гостями; племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастыри и довольствуютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, также и по селамъ; въ кельи жонки и дѣвки приходятъ, ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ, а братія бѣдная алчутъ и жаждутъ и ничѣмъ не упокоены; все богатство монастырское держатъ власти съ своими родственниками, боярами, гостями, пріятелями и друзьями; монахи и монахини по міру бродятъ; монахини живутъ въ мірскихъ просвирняхъ; монахи у мірскихъ церквей въ попахъ живутъ; просвирни надъ просвирами приговариваютъ. Милостыню и кормъ годовой, хлѣбъ, соль, деньги и одежду по богадѣльнымъ избамъ во всѣхъ городахъ даютъ изъ царской казны, христолюбцы также милостыню подаютъ; но въ богадѣльныя избы вкупаются у приказчиковъ мужики съ женами, а прямые нищіе, больные и увѣчные безъ призору по міру ходятъ; монахи и монахини, попы и міряне, мужчины и женщины съ образами ходятъ и собираютъ на церковное строеніе; иноземцы этому дивятся. Надобно подумать, должны ли быть несудимыя грамоты. Въ

монастыри отдаются имѣнія, а строенія въ монастыряхъ никакого не прибыло и старое опустѣло: кто этимъ корыстуется? Надобно рѣшить,—прилично ли монастырямъ отдавать деньги въ ростъ. Монахи и попы пьянствуютъ; вдовые попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ, остаются при церквахъ и исправляютъ всѣ требы, только обѣденъ не служатъ; старецъ на лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, у царя земли и руги просить, а что соберетъ, то пропьетъ; должно избирать игуменовъ и священниковъ достойныхъ. Въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы пьютъ безчинно; церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собою, и въ монастыряхъ то же; попы и дьяконы безъ ризъ служатъ; пономари и дьяки двоеженцы и троеженцы въ алтари входятъ и святыни касаются. Головы и бороды брѣютъ и платье иновѣрныхъ земель носятъ; крестное знаменіе кладутъ не по существу; бранятся скаредными словами: и у иновѣрцевъ такое безчиніе не творится; клянутся именемъ Божіимъ во лжу; ружные попы не исполняютъ своихъ обязанностей. Продаютъ давленину. Христіане приносятъ въ церковь кутью, канунъ, на Великъ день пасху, сыры, яица, рыбы печеныя, въ иные дни калачи, пироги, блины, коровай и всякія овощи: въ Новгородѣ и Псковѣ для этого устроенъ кутейникъ во всякой церкви, въ Москвѣ же все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь. Въ монастыряхъ монахи и монахини и міряне живутъ вмѣстѣ. Надобно заняться выкупомъ плѣнныхъ изъ бусурманскихъ рукъ.

Соборъ, удовлетворяя царскимъ требованіямъ, постановилъ о поповскихъ старостахъ въ Москвѣ: сто священниковъ, или какъ число вмѣститъ, избираютъ себѣ священника, исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію, всякими добродѣтелями украшеннаго; тотъ избираетъ себѣ десятскихъ, и быть у одного старосты храмамъ сряду, чтобъ священники могли удобнѣе собираться для совѣщаній о церковныхъ чинахъ, духовныхъ дѣлахъ и о всякомъ благочестіи. Должно устроить въ Москвѣ семь соборовъ и семь старостъ. Этихъ избранныхъ старостъ приводятъ къ митрополиту, который ихъ испытываетъ и поучаетъ; старосты и священники въ соборномъ храмѣ держатъ полное собраніе божественныхъ правилъ, съ которыми старосты должны постоянно справляться; а священники и дьяконы, которые въ ихъ соборѣ, сходясь, держать передъ ними совѣщанія о всякихъ духовныхъ дѣлахъ; всѣ дѣла рѣшаютъ по правиламъ Св. Отецъ; въ чемъ же будетъ сомнѣніе,—извѣщаютъ общему пастырю и учителю, митрополиту. Относительно церковнаго благочинія и нравственности духовенства соборъ постановилъ: чтобъ церковное и алтарное устроеніе было благообразно, чисто и непорочно,—въ жертвенникъ и алтарь отнюдь бы ничего не вносили, ни съѣстнаго, ни какихъ другихъ вещей, кромѣ иконъ, крестовъ, священныхъ сосудовъ, ризъ, покрововъ, свѣчей, ладону, просвиръ, масла и вина служебнаго; чтобъ на священныхъ сосудахъ непремѣнно былъ третій покровъ, или воздухъ, такъ-же чтобъ престолъ не былъ безъ покрова и Царскія двери безъ занавѣса. У простой чади въ міру дѣти родятся въ сорочкахъ, и былъ обычай эти сорочки приносить къ священникамъ, которые клали ихъ на престолѣ до шести недѣль; соборъ опредѣлилъ: впредь такой нечистоты и мерзости въ Св. церкви не приносить. Соборъ постановилъ: чтобъ просвирни были вдовы послѣ одного мужа, не моложе 50 лѣтъ, въ добрыхъ дѣлахъ свидѣтельствованныя; отнюдь не должны онѣ говорить надъ просвирами никакихъ рѣчей; чтобъ монахини при мірскихъ церквахъ не жили въ просвирняхъ; чтобъ звонъ церковный былъ по уставу; чтобъ священники уговаривали своихъ духовныхъ дѣтей чаще ходить въ церкви, особенно по воскресеньямъ и господскимъ праздникамъ. Священники въ церквахъ должны показывать собою примѣръ всякой добродѣтели, благочестія, трезвости; также на пирахъ, во всенародномъ собраніи и во всякихъ мірскихъ бесѣдахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели, а праздныхъ словъ, кощунства, сквернословія и смѣхотворенія отнюдь бы сами не дѣлали и дѣтямъ своимъ духовнымъ дѣлать запрещали; гдѣ же будутъ гусли, прегудники и потѣхи хульныя,—отъ этихъ игръ священники должны удаляться, уходить домой, а сами на нихъ отнюдь не дерзать; чтобъ службы церковныя священники отправляли чинно и въ ризахъ. Каждому новому десятиннику всѣ городскіе попы и дьяконы обязаны показывать свои жалованныя, ставленныя, благословенныя и отпускныя грамоты, передъ поповскими и земскими старостами и цѣловальниками, которые у десятинниковъ въ судѣ сидятъ, причемъ пошлинъ съ этихъ грамотъ не даютъ; у которыхъ поповъ и дьяконовъ такихъ грамотъ не будетъ, тѣхъ отсылаютъ къ святителямъ за порукою. У сельскихъ поповъ и дьяконовъ смотрятъ грамоты десятскіе священники и старосты земскіе. Для большаго утвержденія всѣ святители посылаютъ къ духовенству и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, по всѣмъ городамъ и селамъ, соборныхъ священниковъ, добрыхъ, искусныхъ, чтобы церковные чины и божественное пѣніе совершались по уставу. Святители также должны посылать грамоты къ архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, чтобъ они наблюдали за поведеніемъ поповскихъ старостъ и десятскихъ и всего духовенства. Относительно наблюденія за исполненіемъ соборныхъ предписаній мы имѣемъ выпись, данную въ 1552 году Берсеневу и Тютину, въ которой говорится: „Не велѣно священническому и иноческому чину, по священнымъ правиламъ и соборному уложенію, въ корчмы входить, упиваться, празднословить, браниться; и

которые священники, дьяконы и монахи станутъ по корчмамъ ходить, упиваться, по дворамъ и улицамъ скитаться пьяные, сквернословить, непристойными словами браниться, драться,—такихъ безчинниковъ хватать и заповѣдь на нихъ царскую брать, по земскому обычаю, какъ съ простыхъ людей бражниковъ берется, и отсылать чернецовъ въ монастыри къ архимандритамъ и игуменамъ, и тѣ ихъ смиряютъ по монастырскому чину; а поповъ и дьяконовъ отсылать къ поповскимъ старостамъ, которые объявляютъ о нихъ святителямъ, и святители исправляютъ ихъ по священнымъ правиламъ; на которомъ чернецѣ нельзя заповѣди доправить, то взять заповѣдь на томъ, кто его напоилъ. Велѣть по торгамъ кликать: чтобъ православные христіане отъ мала и до велика именемъ Божіимъ во лжу не клялись, на кривь креста не цѣловали, непристойными словами не бранились, отцомъ и матерью скверными рѣчами другъ друга не упрекали, бородъ не брили и не стригли, усовъ не подстригали, къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля (судебнаго поединка) чародѣи не были бы". Какія мѣры употреблялись для исправленія церковныхъ служителей, забывавшихъ свои обязанности, видно такъ-же изъ слѣдующаго разсказа новгородскаго лѣтописца подъ 1572 годомъ: „Архіепископъ Леонидъ велѣлъ дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежъ и велѣлъ на нихъ взять по полтинѣ московской за то, что не ходятъ въ церковь къ началу службы".— Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образовъ, какіе греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловутые живописцы, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять. Архіепископы и епископы по всѣмъ городамъ и весямъ и по монастырямъ испытываютъ мастеровъ иконныхъ и ихъ письма сами смотрятъ; каждый въ своемъ предѣлѣ избираетъ нѣсколько живописцевъ, нарочитыхъ мастеровъ, и приказываетъ имъ смотрѣть надъ всѣми иконописцами, чтобъ въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было, а сами архіепископы смотрятъ надъ тѣми избранными живописцами и берегутъ этого дѣла накрѣпко, а живописцевъ берегутъ и почитаютъ больше простыхъ людей; вельможи и простые люди должны также живописцевъ во всемъ почитать. — Относительно изображеній Святыхъ во Псковѣ, въ 1540 г., было любопытное происшествіе: къ Успеньеву дню старцы, переходцы съ иной Земли, привезли образъ Св. Николая и Св. Пятницы на рѣзи въ храмцахъ (кіотахъ); во Псковѣ такихъ иконъ на рѣзи прежде не бывало, и многіе невѣжественные люди поставили это за болванное поклоненіе,—была въ людяхъ молва большая и смятеніе; простые люди начали священникамъ говорить, а священники пошли къ намѣстникамъ и дьякамъ съ собора, что въ людяхъ большое смятеніе; старцевъ схватили, а иконы послали къ архіепископу въ Великій Новгородъ. Владыка Макарій самъ молился предъ этими Святыми иконами, молебенъ имъ соборно пѣлъ, честь имъ воздавалъ, самъ проводилъ до судна, и велѣлъ Псковичамъ эти иконы у старцевъ вымѣнять и встрѣчать ихъ соборно.

На жалобу царя, что ученики учатся грамотѣ небрежно, соборъ отвѣчалъ: Ставленниковъ святители строго допрашиваютъ, почему мало умѣютъ грамотѣ,—и они отвѣчаютъ: „Мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ"; но отцы ихъ и мастера и сами мало умѣютъ, тогда какъ прежде въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали, грамотѣ, писать, пѣть и читать учили; и мы по царскому совѣту соборомъ уложили: выбирать добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ, благочестивыхъ, грамотѣ читать и писать гораздыхъ, и у нихъ устроить въ домахъ училища,—учили-бъ они дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія, особенно отъ сквернаго содомскаго грѣха и рукоблудія. Въ Новгородѣ Великомъ попы, дьяконы, дьяки, пономари, просвирни и уличане къ церкви принимаютъ за большія деньги, на пономарѣ берутъ рублей 15, а иногда 20 и 30, и кто дастъ деньги, съ тѣмъ идутъ къ владыкѣ всею улицею; а если владыка пришлетъ къ церкви попа хорошаго поведенія и грамотѣ гораздаго, но если этотъ попъ большихъ денегъ уличанамъ не дастъ, то они его не примутъ. Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій и постановлено было извѣстное уже намъ правило объ избраніи священнослужителей.

О церковномъ судѣ соборъ постановилъ: Весь священническій и иноческій чинъ судятъ сами святители съ великимъ истязаніемъ и обыскомъ, соборно, по священнымъ правиламъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и въ прочихъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, или судятъ тѣ, кому святители велятъ судить, а не отъ мірскихъ. А что по монастырямъ, у архимандритовъ, игуменовъ и строителей есть царскія жалованныя грамоты, гдѣ написано, что не судить владыкамъ архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, чернецовъ и всякій причтъ церковный,—то грамоты эти давались вопреки священнымъ правиламъ, и впередъ такимъ грамотамъ не быть. Если кому-нибудь изъ священническаго или иноческаго чина случится искать своихъ обидъ на мірскихъ людяхъ, то они ищутъ предъ мірскими судьями, съ которыми вмѣстѣ должны быть святительскіе судьи, десятскіе, священники и земскіе старосты. При судѣ крестное цѣлованіе и поле не допускаются, употребляется только обыскъ; если же свидѣтелей нѣтъ и обыскъ не возможенъ, то употребляется жребій: чей напередъ вынется, тотъ и правъ. Крестнаго цѣлованія и поля священническому и иноческому чину не присужать ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ мірскіе судьи судятъ по мірскимъ законамъ.

*

Монастыри и казны монастырскія вѣдаютъ и отписываютъ по всѣмъ монастырямъ царскіе дворецкіе и дьяки, и приказываютъ архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ съ соборными старцами, и считаютъ архимандритовъ, игуменовъ и строителей во всемъ приходѣ и расходѣ, да не порочемъ будетъ судъ святительскій. Если митрополитъ нездоровъ, то вмѣсто себя приказываетъ судить владыкѣ Сарскому и Подонскому со всѣми архимандритами и игуменами соборно; а бояре митрополичьи въ этомъ судѣ у святителей не сидятъ, кромѣ писарей, кому дѣло записывать. Владыка, судивши соборно и обыскавши достовѣрными свидѣтелями, судный списокъ кладетъ предъ митрополитомъ и ставитъ передъ нимъ обоихъ истцовъ, и митрополитъ, выслушавши списокъ и спросивши истцовъ, былъ ли имъ такой судъ, рѣшаетъ дѣло соборно по священнымъ правиламъ. Если на которыхъ-нибудь духовныхъ пастырей, на архимандритовъ и игуменовъ великихъ честныхъ монастырей станутъ бить челомъ жалобщики объ управахъ, то святители за ними недѣльщиковъ своихъ не посылаютъ и на поруку ихъ не даютъ, а посылаютъ къ нимъ свои грамоты именныя, за своими печатями, съ тѣми жалобщиками, чтобъ съ ними управились; а по жалобщикахъ брать поруки, чтобъ имъ явиться на срокъ, если не управятся; сроки въ посыльныхъ грамотахъ архимандритамъ и игуменамъ назначать по жалованнымъ и уставнымъ царскимъ грамотамъ, исключая духовныхъ дѣлъ. Жалобщики должны отдавать посыльныя грамоты архимандритамъ и игуменамъ передъ братіею на соборѣ; если архимандриты и игумены не управятся съ жалобщиками, то пусть присылаютъ къ отвѣту слугъ своихъ вмѣсто себя, а захотятъ сами ѣхать къ отвѣту — въ томъ ихъ воля. Въ духовныхъ же дѣлахъ архимандриты и игумены ѣздятъ къ отвѣту, какъ имъ святители велятъ; въ случаѣ ослушанія, отправляется за ними приставъ съ записями и ставитъ ихъ предъ святителемъ. Царскимъ боярамъ и дворецкимъ, митрополичьимъ и владычнымъ боярамъ игуменовъ, игуменей и строителей ни въ которыхъ дѣлахъ не судить: судятъ ихъ святители сами по священнымъ правиламъ. А по ряднымъ грамотамъ, по духовнымъ, по кабаламъ, въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ всякихъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, поповъ, дьяконовъ и всѣхъ причетниковъ и мірскихъ людей, приказываютъ святители судить своимъ боярамъ, а у бояръ въ судѣ сидѣть старостамъ поповскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ по недѣлямъ, по двѣ или по три, да градскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, да земскому дьяку, которымъ государь прикажетъ. Судные списки бояре полагаютъ передъ святителей и ставятъ обоихъ истцовъ: святители, выслушавъ списокъ, спросятъ обоихъ истцовъ: „Такой судъ имъ былъ ли?“ —и когда тѣ скажутъ, что былъ, то святители, обговоривъ списокъ съ искусными людьми, велятъ учинить управу и взять пошлины на виноватомъ. Гдѣ прежде, при великихъ чудотворцахъ, Петрѣ, Алексіи, Іонѣ, жили десятильники, вѣдали и судили весь священническій и иноческій чинъ, всѣ причты церковные и прочихъ людей во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, и теперь тамъ быть десятильникамъ и судить, а на судѣ у нихъ быть поповскимъ старостамъ и десятскимъ, также земскимъ старостамъ, цѣловальникамъ и земскимъ дьякамъ; чинятъ они управу по суду и обыску безпосульно и безволокитно; священникамъ и дьяконамъ къ полю и крестному цѣлованію срока не назначаютъ безъ святительскаго вѣдома; если котораго дѣла не смогутъ рѣшить, то обоимъ истцамъ назначаютъ срокъ стать передъ святителемъ. Корчемъ десятильникамъ не держать,—держать имъ питье про себя. Земскіе старосты, цѣловальники, поповскіе старосты и десятскіе священники должны наблюдать за поведеніемъ десятильниковъ, и въ случаѣ злоупотребленій писать къ владыкѣ, а если владыка не управитъ,—писать къ царю: тогда десятильнику быть отъ царя въ великой опалѣ, и взятое напрасно доправляется съ него втрое. Десятильники могутъ давать обвиненнаго на поруку только предъ поповскими старостами и десятскими, священниками или передъ земскими старостами и цѣловальниками, причемъ отъ поруки и поклоннаго не берутъ ничего; обыски пишутъ дьячки церковные или земскіе передъ десятскими, старостами и цѣловальниками. Святительскую дань, десятильничьи пошлины, кормъ, заѣздъ и вѣнечную пошлину должны собирать и доставлять владыкѣ старосты земскіе и поповскіе и десятскіе священники, по книгамъ, которыя пришлетъ къ нимъ владыка; вѣнечной пошлины сбирать съ перваго брака алтынъ, со втораго — два, съ третьяго — три (четыре)

Относительно безпорядковъ въ богадѣльныхъ избахъ соборъ отвѣчалъ: Да повелитъ благочестивый царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ, отдѣльно отъ здоровыхъ строевъ, и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову подклонить довольствовать пищею и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное имъ приносятъ, да приставить къ нимъ здоровыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ, сколько будетъ пригоже. Священникамъ добрымъ, цѣловальникамъ или городскимъ людямъ добрымъ смотрѣть, чтобъ имъ насильства и обиды отъ стряпчихъ не было; священники должны приходить къ нимъ въ богадѣльни, поучать ихъ страху Божію, чтобъ жили въ чистотѣ и покаяніи, и совершать всѣ требы. Чтобъ здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили, а питались бы отъ боголюбцевъ, ходя по дворамъ; которые же могутъ работать,—работали бы.

О выкупѣ плѣнныхъ соборъ отвѣчалъ: Которыхъ окупятъ царскіе послы въ Ордахъ, въ Цареградѣ, въ Крыму, въ Казани или Астрахани, или въ Кафѣ, или сами откупятся,—тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ окупать изъ царской казны. А которыхъ плѣн-

ныхъ православныхъ христіанъ окупятъ Греки, Турки, Армяне или другіе гости и приведутъ въ Москву, а изъ Москвы захотятъ ихъ опять съ собою повести, то этого имъ не позволять, за то стоять крѣпко и плѣнныхъ окупать изъ царской же казны, и сколько этого окупа изъ царской же казны разойдется,—и то раскинуть на сохи по всей землѣ, чей кто ни будь—всѣмъ ровно, потому что такое искупленіе общею милостынею называется. Но когда статьи соборнаго постановленія были посланы въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Іоасафу, бывшему Ростовскому архіепископу Алексію, бывшему Чудовскому архимандриту Вассіану, бывшему Троицкому игумену Іонѣ и всѣмъ соборнымъ старцамъ, то они, утвердивъ всѣ статьи, о выкупѣ плѣнныхъ написали: „Окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крестьянамъ, царь государь, и такъ много тягости; въ своихъ податяхъ, государь, покажи имъ милость".

Запретивъ остальные безпорядки, указанные царемъ, безъ особенныхъ подробностей, соборъ обратилъ вниманіе еще на нѣкоторыя безчинства и суевѣрія: на свадьбахъ играютъ скоморохи, и какъ въ церкви вѣнчаться поѣдутъ,—священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ. Нѣкоторые тяжутся не прямо, и, поклепавъ, крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ, на полѣ бьются и кровь проливаютъ, и въ то время волхвы и чародѣи помощь имъ оказываютъ Кудесы бьютъ, въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, по звѣздамъ и планетамъ глядятъ, смотрятъ дней и часовъ, и, на такія чародѣйства надѣясь, поклепца и ябедникъ не мирятся, крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьются и убиваютъ. Запрещено мужчинамъ и женщинамъ, монахамъ и монахинямъ мыться въ банѣ въ одномъ мѣстѣ:—этотъ обычай указанъ во Псковѣ. По дальнимъ сторонамъ ходятъ скоморохи, собравшись большими ватагами до 60, 70 и до 100 человѣкъ, по деревнямъ у крестьянъ силою ѣдятъ и пьютъ, изъ клѣтей имѣніе грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ. Дѣти боярскія и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло дѣлается: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ. По погостамъ и селамъ ходятъ лживые пророки, мужики, женщины и дѣвицы и старыя бабы, нагія и босыя, волосы отрастивъ и распустя, трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ является Св. Пятница и Св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдать христіанамъ кануны завечивать; они же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, платья не мыть, камней не разжигать. Соборъ запрещаетъ заниматься злыми ересями, которыя перечисляются: рафли, шестокрылъ, вороновграй, остромонія, задей, алманъ, звѣздочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и кобы бѣсовскія; вооружается противъ извѣстныхъ уже намъ суевѣрій, которымъ предавался народъ въ Троицкую субботу, Ивановъ день, Великій четвертокъ и проч.

Мы видѣли, какого рода насилія позволяли себѣ сильные надъ слабыми въ быту помѣщичьемъ и крестьянскомъ. Челобитная царю игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и братіи на старца Александра показываетъ, что могъ позволять себѣ тогда дерзкій человѣкъ даже въ монастырѣ: „Живетъ, государь, тотъ Александръ не по чину монастырскому, въ церковь не ходитъ, а строитъ пустыню, гдѣ и живетъ больше, чѣмъ въ монастырѣ; монастырь опустошаетъ, изъ казны, погребовъ, съ сушила всякіе запасы, изъ мельницъ муку и солодъ, изъ селъ всякій хлѣбъ беретъ и отсылаетъ къ себѣ въ пустыню; пріѣхавши въ монастырь, игумена и старцевъ соборныхъ бранитъ б......... дѣтьми, а другихъ старцевъ изъ собору выметалъ и къ морю разослалъ; прочую братію служебниковъ и клирошанъ колетъ остномъ и бьетъ плетьми, безъ игуменскаго и старческаго совѣта, и на цѣпь и въ желѣза сажаетъ. Строителемъ онъ былъ въ Москвѣ безъ малаго семь лѣтъ, а отчета въ монастырской казнѣ не далъ. Послѣ ефимона на погребѣ пьетъ силою съ тѣми людьми, которыхъ беретъ съ собою въ пустыню; братіи грозитъ, хочетъ на цѣпь и въ желѣза сажать на смерть, и тебѣ же, государю, хочетъ оговаривать ложью старцевъ и всю братію, и отъ тѣхъ его побой и грозъ братія бѣгутъ розно. Православный царь государь! укажи намъ, како съ Александромъ прожить; а про пустыню, про его строенье вели сыскать. Общежительство Кирилловское онъ разоряетъ, слугъ и лошадей держитъ особенныхъ, саадаки, сабли и ружницы возитъ съ собою, солью торгуетъ на себя, лодки у него ходятъ отдѣльно отъ мостырскихъ". Царь Іоаннъ, съ своей стороны, упрекалъ монаховъ, что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на знатныхъ постриженниковъ, въ угоду имъ нарушаютъ древніе строгіе уставы монастырскіе. Въ знаменитомъ посланіи своемъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь онъ пишетъ: „Подобаетъ вамъ усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу: преданіе его крѣпко держать, о истинѣ крѣпко подвизаться, а не быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите вся оружія Божія и не предавайте чудотворцева преданія ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа ради серебра. Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ, Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ—чудотворцево преданіе презрѣнное. Отцы святые! въ маломъ допустете ослабу—большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря уже у васъ не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: „отрицаюсь отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ". Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумену, слушаться всей братіи и любить ее;

но Шереметеву какъ назвать монаховъ братіею? у него и десятый холопъ, что въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. Великіе свѣтильники—Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій—и многіе преподобные въ Русской Землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спасаться; а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его, а Кирилловъ уставъ плохъ—оставьте его! Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра—другой иную слабость, и такъ мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ обычаи мірскіе. И по всѣмъ монастырямъ сперва основатели установили крѣпкое житіе, а послѣ нихъ разорили его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и законъ каковъ былъ—причтите въ житіи чудотворцевѣ; но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости,—и теперь что видимъ въ Симновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается. Вы надъ Воротынскимъ церковь поставили: хорошо! надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ—нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковію. И на страшномъ Спасовомъ судилищѣ Воротынскій да Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынскій—церковію, а Шереметевъ—закономъ, потому что его законъ крѣпче Кириллова. Вотъ въ нашихъ глазахъ у Діонисія преподобнаго, на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра, на Свири, бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. Вотъ у васъ сперва Іоасафу Умному дали оловянники въ келью, дали Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже дали и поставецъ, и поварню. Вѣдь дать волю царю—дать ее и псарю, оказать послабленіе вельможѣ—оказать его и простому человѣку. Вассіанъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ постническое житіе ниспровергнулъ: такъ теперь и сынъ его, Іона, старается погубить послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, хочетъ и въ Кирилловѣ монастырѣ, въ самой пустынѣ, постническое житіе искоренить. Да и въ міру тотъ же Шереметевъ съ Висковатымъ первые не стали за крестами ходить, и смотря на нихъ, и другіе всѣ перестали ходить, а прежде всѣ православные христіане съ женами и младенцами за крестами ходили и не торговали, кромѣ съѣстнаго, ничѣмъ, а кто станетъ торговать, на томъ брали заповѣди. Прежде какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и поопоздали ужинать, то завѣдующій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы,—подкеларникъ отвѣчалъ: „Объ этомъ мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ, теперь ночь,—взять негдѣ; государя боюся, а Бога надобно больше бояться“. Такая у васъ была тогда крѣпость, по пророческому слову: „Правдою и предъ цари не стыдяхся“. А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, а вы молча смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили; но по монастырямъ и фряжскія вина держать зазорно, не только-что горячее! Такъ это ли путь спасенія, это ли иноческое пребываніе? Или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы! Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ, въ хлѣбное время, еслибъ не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ съ-голоду бы померли! Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ, какъ вельможа какой-нибудь, жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и другіе многіе живутъ? То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не сстрижетъ, а холопъ холопства не избудетъ. У Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ; а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ любострастіемъ. Скажу еще страшнѣе: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселенною, то Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставить,—котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ! Видите ли, куда васъ слабость завела? Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и другіе Святые многіе не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись—и обители ихъ распространились, потому что благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто и не дастъ ничего А на Сторожахъ до чего дошли:—уже и затворить монастыря некому, по трапезѣ трава растетъ, а прежде—и мы видѣли, — братій до осьмидесяти бывало, клирошанъ по одиннадцати на клиросѣ стаивало.— Если же кто скажетъ, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ и ему нужно дать послабленіе, то пусть онъ ѣстъ въ кельѣ одинъ съ келейникомъ. А сходиться къ нему на что, да пировать, да овощи въ кельѣ на что? До сихъ поръ въ Кирилловѣ иголки и нитки лишней не держали, не только-что какихъ-нибудь другихъ вещей. А дворъ за монастыремъ и запасы на что?—все это беззаконіе, а не нужда; а если нужда, то онъ ѣшь въ кельѣ, какъ нищій, кромѣ хлѣба, звѣно рыбы да чашa квасу; а что

сверхъ того, если вы послабляете, то вы и давайте, сколько хотите, только бы ѣлъ одинъ, а сходовъ и пировъ не было бы, чтобъ было все какъ прежде у васъ водилось. А кому къ нему придти для бесѣды духовной,—и онъ приди не въ трапезное время, ѣды и питья чтобъ въ это время не было: такъ это будетъ и бесѣда духовная. Пришлютъ поминки братья, и онъ бы это отсылалъ въ монастырскія службы, а у себя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что къ нему пришлютъ, то бы раздѣлялъ на всю братію, а не двумъ или тремъ, по дружбѣ и пристрастію; и вы его въ кельѣ монастырскимъ всѣмъ покойте, только чтобъ было безстрастно. А люди бы его за монастыремъ не жили; пріѣдутъ отъ братьевъ съ грамотами, съ запасомъ, съ поминками, — и они, поживъ дня два-три и взявши отвѣтную грамоту, поѣзжай прочь: такъ и ему будетъ покойно, и монастырю безмятежно. Теперь вы прислали грамоты, отъ васъ намъ отдыху нѣтъ о Шереметевѣ; я писалъ вамъ, чтобъ Шереметевъ и Хабаровъ ѣли въ трапезѣ съ братіею; я это приказывалъ для монастырскаго чина, а Шереметевъ поставилъ себѣ какъ бы въ опалу. Можетъ-быть вамъ потому очень жаль Шереметева, потому такъ сильно за него стоите, что братья его и до сихъ поръ не перестаютъ посылать въ Крымъ и наводить бусурманство на христіанство? А Хабаровъ велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь; я не ходатай ему и его скверному житію; онъ мнѣ сильно наскучилъ. Иноческое житіе не игрушка: три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ! Когда былъ въ міру, то только и зналъ, что образа окладывать, книги въ бархатъ переплетать съ застежками и жуками серебряными, налой убирать, жить въ затворничествѣ, келью ставилъ, четки въ рукахъ; а теперь съ братіею вмѣстѣ ѣсть не хочетъ. Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ плотяныхъ; я самъ видѣлъ, какъ по четкамъ скверными словами бранятся: что въ тѣхъ четкахъ? О Хабаровѣ мнѣ нечего писать: какъ себѣ хочетъ, такъ и дурачится. А что Шереметевъ говоритъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома, то для всѣхъ лежебокъ не разорять стать законы святые! Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго по любви къ вамъ и для иноческаго житія. Больше писать нечего; а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ такихъ же безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ отвѣту не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то вы Шереметеву хотя золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте,—то вы вѣдаете; установите съ Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцево отложите,—и хорошо будетъ; какъ лучше, такъ и дѣлайте, сами вѣдайтесь, какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ; впередъ о томъ не докучайте; говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду; Бога же миръ и Пречистыя Богородицы милость и Чудотворца Кирилла молитва да будетъ со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго." Въ новгородскихъ монастыряхъ и въ описываемое нами время продолжало вводиться общее житіе, по настоянію владыкъ; устроить общее житіе означалось на тогдашнемъ языкѣ выраженіемъ: засѣдать общину.

Мы видѣли, что у митрополита и владыкъ были свои бояре, которымъ они поручали церковный судъ. Объ этихъ боярахъ соборъ 1551 года постановилъ: Митрополиту и владыкамъ, безъ царскаго вѣдома, не отсылать отъ себя бояръ и дворецкихъ, и на ихъ мѣста не ставить другихъ, исключая тотъ случай, когда эти бояре и дворецкіе неоднократно уличены будутъ во взяткахъ, ибо тогда они лишаются своихъ должностей и помѣстій. Если у котораго святителя изведутся бояре и дворецкіе, то ему выбирать новыхъ изъ тѣхъ же родовъ, а некого будетъ выбирать изъ тѣхъ же родовъ,—и онъ выбираетъ изъ другихъ родовъ, обославшись съ царемъ; если же владыка не найдетъ нигдѣ способнаго человѣка, то бьетъ челомъ царю, чтобъ государь пожаловалъ, выбралъ у себя; также и дьяковъ владыки держатъ съ царскаго вѣдома. Что касается до содержанія владычныхъ бояръ, то, какъ видно, они получали помѣстья и отъ царя, ибо Новгородскій архіепископъ Леонидъ, давши въ 1574 году помѣстье боярину своему Ѳомину, пишетъ въ грамотѣ: „Дано то помѣстье на время, до тѣхъ поръ, какъ его государь пожалуетъ, здѣсь въ Великомъ Новгородѣ велитъ дать помѣстье".

На соборѣ 1551 года былъ поднятъ опять важный вопросъ о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ; въ первый разъ рѣшились постановить нѣкоторые предѣлы увеличенія этихъ имуществъ; соборъ опредѣлилъ: впередъ архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ вотчинъ, безъ царскаго вѣдома и доклада, не покупать ни у кого, а князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ докладу не продавать; а кто купитъ или продастъ — у купца деньги пропали, а у продавца вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данныя или которыя впередъ будутъ даваться монастырямъ по душамъ въ поминокъ, не выкупаются никѣмъ и никакимъ образомъ. Если при отдачѣ вотчинъ въ монастырь датель напишетъ въ духовной, данной или какой-нибудь крѣпостной грамотѣ, что родичи могутъ выкупить ее за извѣстную сумму денегъ, то пусть родичи выкупаютъ по старинѣ, какъ водилось при отцѣ и дѣдѣ государевомъ. Которыя царскія помѣстныя и черныя земли задолжали у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, и насильствомъ поотнимали ихъ владыки и монастыри, или которыя земли писцы отдали владыкамъ и монастырямъ, норовя имъ; если владыки и монастыри починки поставили на государевыхъ земляхъ:—сыскать, чьи земли были изстари, за тѣмъ и утвердить ихъ. Возвратить назадъ села, волости, рыбныя ловли, всякія угодья и оброчныя деревни, отданныя послѣ великаго князя Василія боярами владыкамъ и монастырямъ; сдѣлать то же съ ругами и милостынями, приданными

монастырямъ и церквамъ послѣ великаго князя Василія; также милостыни, обращенныя изъ временныхъ въ постоянныя, сдѣлать опять временными. Въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Рязани, также князьямъ Суздальскимъ, Ярославскимъ и Стародубскимъ безъ государева доклада вотчинъ въ монастыри по душѣ не давать; если отдадутъ, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; вотчины, отданныя безъ государева доклада до настоящаго приговора, брать на государя, но платить за нихъ деньги по мѣрѣ и отдавать ихъ въ помѣстья.—Въ 1573 г., по государеву приказу, митрополитъ Антоній и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: Въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать; если вотчина будетъ уже и написана, то ее въ Помѣстной избѣ не записывать, а отдавать роду и племени служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила бы; а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ впередъ не выкупать. Но кто дастъ вотчину монастырямъ малымъ, у которыхъ земель мало, то эти вотчины, доложа государю, записывать. Въ 1580 году сдѣланъ былъ шагъ болѣе рѣшительный,—въ соборномъ приговорѣ, состоявшемся 15 января, говорится: „Ради надлежащаго варварскаго прещенія, отъ Турскаго, Крымскаго, Ногай, отъ Литовскаго короля, съ которымъ совокупились ярымъ образомъ Польша, Венгры, Нѣмцы лифляндскіе и шведскіе, соединились какъ дикіе звѣри, надмились гордостно и хотятъ истребить православіе; ради того, чтобъ церкви Божіи и священныя мѣста были безъ мятежа, а воинскій чинъ ополчался крѣпко на брань противъ враговъ Креста Христова;—мы, Антоній митрополитъ всея Руси, съ благочестивымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, и сыномъ его, княземъ Иваномъ Ивановичемъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ и царскимъ синклитомъ, уложили такъ: сколько ни есть земель и земляныхъ угодій, до сихъ поръ данныхъ въ митрополіи, епископіи и по монастырямъ, изъ нихъ да не исходитъ, ни по какому суду, ни по какой тяжбѣ не берутъ ихъ и не выкупаютъ; что и не утверждено крѣпостями—того не выкупать, и впередъ съ монастырями о вотчинахъ не тягаться. А отъ сего дня, 15 января, на послѣдующее время вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавать, а давать за нихъ въ монастыри деньги, и села брать наслѣдникамъ, хотя бы кто и далеко былъ въ роду. А если у кого не будетъ роду и дальняго, то вотчину брать на государя, а деньги за нее платить изъ казны; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать, а кто послѣ этого уложенія купитъ землю или закладную станетъ за собою держать, то землю брать на государя; а которыя теперь закладни за митрополитомъ, владыками и монастырями,—тѣ земли брать на государя-жъ, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Которыя вотчины княженецкія даны прежде,—и въ тѣхъ воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Впередъ княженецкихъ вотчинъ не брать; а кто возьметъ безъ государскаго вѣдома, тѣ вотчины взять на государя безденежно; кто купилъ княженецкія вотчины,—и тѣ вотчины взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. У котораго монастыря убогаго земли будетъ мало, или вовсе не будетъ, то онъ бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ и боярами, соборно приговоря, устроятъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже“.

Касательно сборовъ съ духовенства въ пользу архіереевъ, соборъ 1551 года, по жалобѣ новгородскихъ священниковъ, отмѣнилъ праздничный сборъ съ священника по алтыну, съ дьякона по три деньги; относительно подводъ Новгородскому владыкѣ съ монастырей и городскихъ священниковъ положено не брать больше прежняго. Какъ видно, также духовенство помогало епископамъ при построеніи и поправкѣ ихъ домовъ; такъ, псковскій лѣтописецъ подъ 1535 г. говоритъ: Начали дѣлать дворъ владычный во Псковѣ, а священники не пособили ни въ чемъ, монастыри же всѣ мшили горницы и повалушу склали. Псковское духовенство давало Новгородскому владыкѣ кормъ, когда онъ пріѣзжалъ во Псковъ; по этому случаю подъ 1544 г. лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее: владыка Ѳеодосій пріѣхалъ во Псковъ, и отдѣлились отъ городскихъ поповъ отъ всѣхъ семи соборовъ сельскіе попы и пригородскіе, потому что городскіе попы взяли съ нихъ корму больше, чѣмъ съ себя, и было у нихъ смятеніе большое; владыка далъ имъ особаго старосту. Въ Стоглавѣ, т. е. въ постановленіяхъ собора 1551 г., читаемъ: Въ Москвѣ на митрополичьемъ дворѣ вѣчная тіунская пошлина ведется, называемая крестецъ; изъ всѣхъ городовъ архимандриты, игумены, протопопы, монахи, священники, дьяконы пріѣзжаютъ по своимъ дѣламъ, и, живучи въ Москвѣ, сходятся на крестецъ въ торгу на Ильинской улицѣ и нанимаются у московскихъ священниковъ по многимъ церквамъ обѣдни служить, къ митрополичью тіуну являются и знамя у него берутъ на мѣсяцъ, на два и больше, и пошлину ему даютъ—на мѣсяцъ по 10 денегъ, другіе по два алтына; а которые, не доложа тіуну, станутъ служить, на тѣхъ онъ беретъ промыты по 2 рубля, а того не обыскиваетъ, есть-ли у нихъ ставленныя и отпускныя грамоты. Соборъ опредѣлилъ досматривать напередъ этихъ грамотъ. Какъ при заселеніи дикой земли правительство давало льготы насельникамъ, освобождало ихъ отъ податей, такъ при построеніи новой церкви архіерей освобождалъ ея причтъ отъ своихъ податей. Въ 1547 г. Пермскій и Вологодскій епископъ Кипріанъ далъ слѣдующую грамоту Кирилловскому игумену и братіи: „Поставили они церковь новую въ моей епископіи Вологодской, и кто у нихъ у этой церкви станетъ служить, игуменъ,

попъ или дьяконъ, не надобно имъ платить мою дань Рождественскую, ни данскія пошлины, ни десятинничьи пошлины, ни недѣльщичьи, ни конюховое, ни поварское, ни людское, ни явленныхъ куницъ съ грамотою; къ старостѣ поповскому съ тяглыми попами они не тянутъ ни во что, и не судятъ ихъ мои десятники ни въ чемъ, приставовъ своихъ за ними не посылаютъ, и не въѣзжаютъ къ нимъ наши недѣльщики ни за чѣмъ; а кто будетъ чего нибудь искать на нихъ, то сужу я ихъ самъ, а вѣдаютъ меня, владыку Кипріана, игуменъ Аѳанасій съ братіею сами собою." Изъ послѣднихъ словъ видно, что Кирилловъ монастырь обязался давать владыкѣ извѣстное вознагражденіе за потерю доходовъ съ новоустроенной церкви. Такую же грамоту далъ Ростовскій владыка Алексѣй Троицкому Сергіеву монастырю относительно церкви въ селѣ Берлюковѣ, причемъ, какъ видно, церковь не была вновь построена. Вообще, монастырямъ было выгодно освобождать духовенство въ принадлежавшихъ имъ селахъ отъ архіерейскихъ пошлинниковъ: для этого они обязывались сами доставлять владыкѣ слѣдующіе ему доходы; такъ, въ 1542 году, Ростовскій владыка Досиѳей далъ грамоту тому же Кирилловскому игумену Аѳанасію: попы въ монастырскихъ кирилловскихъ селахъ вѣнчаютъ въ своихъ приходахъ крестьянъ безъ знаменъ нашего знаменщика, а знамена берутъ въ Кирилловѣ монастырѣ у казначея, и подать платятъ казначею; а казначей, собравши эти знаменныя деньги, платитъ нашему знаменщику бѣлозерскому. Пѣсношскій монастырь въ 1542 г. освободилъ также духовенство своихъ селъ Дмитровской десятины отъ суда митрополичьихъ десятниковъ и вѣдомства поповскихъ старостъ; митрополитъ, въ своей грамотѣ, обѣщалъ судить священниковъ этихъ селъ самъ, съ условіемъ, чтобъ они платили извѣстный годовой оброкъ ему, его десятиннику и заѣзжику. Этотъ оброкъ священники привозили сами въ Москву, въ митрополичью казну, а десятники и заѣзжики къ нимъ не ѣздили и не посылали ни за чѣмъ; подводъ и проводниковъ не брали. Встрѣчаемъ грамоты владыкъ относительно поборовъ съ самихъ монастырей; такую грамоту далъ Новгородскій архіепископъ Леонидъ Старорусскому Козмодемьянскому монастырю въ 1574 году. „Давать имъ въ домъ Св. Софіи и мнѣ за мой подъѣздъ, и за благословенную куницу, и за всѣ десятинничьи пошлины, по новому окладу, всякій годъ, по рублю московскому; но если случится мнѣ по государеву приказу ѣхать въ Москву, въ тотъ годъ монастырь даетъ мнѣ подъѣздъ и десятину сполна по книгамъ". Подъ 1571 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о ссорѣ Новгородскаго владыки Леонида съ священниками за милостынныя деньги: „Владыка Леонидъ послѣ выхода всѣмъ священникамъ, старостамъ десятскимъ и пятидесятскимъ новгородскимъ велѣлъ ризы съ себя снимать и говорилъ имъ: „Собаки, воры, измѣнники, да и всѣ Новгородцы съ вами! вы меня оболгали великому князю, подаете челобитныя въ милостынныхъ деньгахъ, а вамъ достанется по шести московокъ, да дьяконамъ по четыре московки; не буди на васъ моего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!"

Относительно содержанія монастырей попрежнему встрѣчаемъ царскія ружныя грамоты, вкладныя грамоты частныхъ людей и царскія, которыми, до послѣдняго соборнаго приговора, давались въ монастыри земельные участки на поминъ души. Самъ царь, въ 1575 году, далъ въ любимый свой монастырь Кирилло-Бѣлозерскій по душѣ боярина князя Ивана Димитріевича Бѣльскаго двѣ вотчины послѣдняго въ Ростовскомъ и Московскомъ уѣздахъ. Еще отецъ Іоанновъ далъ въ этотъ же монастырь 1,000 рублей на покупку села; самъ Іоаннъ далъ 300 рублей на поминъ своимъ дочерямъ Аннѣ и Марьѣ, умершимъ въ младенчествѣ. Такъ какъ на соборѣ 1551 года было положено, что монастыри не могутъ безъ доклада покупать вотчинъ, то Кирилловскій игуменъ съ братіею въ 1556 году били челомъ о позволеніи купить вотчину на означенные денежные вклады; царь позволилъ имъ купить землю, но не дороже какъ на 2,000 рублей и внѣ предѣловъ новгородскихъ, псковскихъ, рязанскихъ, тверскихъ и смоленскихъ, также не у князей вотчинныхъ, которымъ запрещено было продавать свои земли безъ царскаго вѣдома. Если окажется, что монастырь заплатилъ за вотчину дороже 2,000 рублей, то земли отбираются на царя и монастырь лишается своихъ денегъ; если монастырь купитъ пустыя земли или пустоши, и пустое распашетъ, разсѣчетъ (очиститъ отъ лѣса) и людьми наполнитъ, а старые вотчичи захотятъ выкупить эти земли, то могутъ выкупить, заплативши монастырю за хоромы и за пашню. Изъ этой же грамоты узнаемъ, что Кирилловъ монастырь при отцѣ Іоанна и въ началѣ царствованія Іоанна имѣлъ право торговать 10,000 пудовъ соли, что приносило ему 600 рублей годоваго дохода; но потомъ Іоаннъ отнялъ у него это право.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько уставныхъ грамотъ, которыя давали монастыри своимъ крестьянамъ; такъ, отъ 1548 года дошла до насъ уставная грамота Соловецкаго игумена, Св. Филиппа, крестьянамъ Виремской волости и другимъ монастырскимъ крестьянамъ. Грамота начинается такъ: „Божіею милостію Господа нашего Іисуса Христа и Боголѣпнаго Его Преображенія, и Пречистыя Его Матери честнаго и славнаго Ея Успенія, и Св. Чудотворца Николы и Св. чудотворцевъ Зосимы и Савватія, я, игуменъ Филиппъ Колычевъ, посовѣтовавшись съ священниками, келаремъ, казначеемъ, старцами соборными и со всею братіею, благословилъ и пожаловалъ крестьянъ своихъ: дали мы имъ свою грамоту уставную, какъ у нихъ быть старцу приказчику, старцу келарю и слугѣ нашему доводчику, и свои поминки съ году на годъ брать." Относительно взиманія этихъ поминковъ крестьяне раздѣляются на три разряда: живущіе на тяглыхъ дворахъ, бо-

были, живущіе особыми дворцами, и казаки,—первые платили съ земли, съ лука, сколько за кѣмъ было угодья по разсчету. Пріѣдетъ какой казакъ незнаемый или и прежде живалъ, и захочетъ въ монастырскихъ волостяхъ жить и промышлять, то у котораго человѣка станетъ жить, и тому человѣку идти съ нимъ къ приказчику и доводчику, объявить его, и заплатить за явку обоимъ; захочетъ казакъ вонъ выйти изъ монастырскихъ волостей, то прежній хозяинъ опять идетъ съ нимъ къ приказчику и доводчику, объявляетъ его, причемъ не платится ничего; а который казакъ сойдетъ не объявясь, и тотъ человѣкъ, у кого онъ жилъ, объ его уходѣ не объявитъ же, то приказчику взять на чемъ пошлину монастырскую и свою; если же казакъ пойдетъ прочь, а приказчика и доводчика въ это время въ волости не будетъ, то хозяинъ долженъ явить казака сосѣдямъ своимъ; если же казакъ сбѣжитъ безвѣстно, то приказчикъ опрашиваетъ хозяина по крестному цѣлованію, ему вѣрить и не беретъ съ него ничего. Приказчикъ отправлялъ должность судьи и бралъ судныя пошлины: доводчикъ получалъ ѣздъ, если долженъ былъ ѣхать на правду (слѣдствіе); при тяжбахъ монастырскихъ крестьянъ съ чужими крестьянами, доводчикъ отправлялся къ суду, гдѣ долженъ былъ накрѣпко беречь монастырскихъ крестьянъ, поминковъ и ѣзду съ нихъ не брать; но тотъ крестьянинъ, у кого дѣло, долженъ везти его и кормить. При выдачѣ замужъ монастырской крестьянки въ чужую волость, тотъ, кто выдаетъ, платитъ приказчику за куницу два алтына; если же бракъ заключенъ между крестьянами монастырскихъ волостей, то приказчикъ беретъ алтынъ съ князя и княгини (съ молодыхъ); а приведутъ невѣсту изъ чужой волости въ монастырскую, то взять съ молодыхъ четыре деньги московскихъ. Поѣдутъ по волостямъ торговые люди съ виномъ, то приказчикъ долженъ запретить принимать ихъ на подворьи; ни самъ онъ, ни крестьяне, ни казаки не должны покупать у нихъ вина, не должны и своего курить; если же крестьянинъ или казакъ купитъ вина, то платитъ пеню на монастырь приказчику и доводчику. Если крестьяне или казаки станутъ между собою или съ прохожими казаками играть зернью, то приказчикъ беретъ съ нихъ пеню на монастырь, себѣ и доводчику, и выбиваетъ ихъ вонъ изъ волости: а станетъ какой-нибудь казакъ играть зернью, то приказчикъ выбиваетъ его вонъ, а у кого онъ жилъ на подворьи,—на томъ доправляетъ пеню. Если приказчикъ или доводчикъ обидитъ крестьянина или казака, то быть ему отъ игумена въ п о л ь з ѣ и с м и р е н і и, и доправить на немъ вдвое въ пользу обиженнаго. Въ 1561 году крестьяне монастырскаго соловецкаго села Пузырева, въ Бѣжецкомъ Верху, били челомъ тому же игумену: что приказчики монастырскіе берутъ оброкъ и пошлины и дѣла дѣлать велятъ не по жалованнымъ грамотамъ и не по окладу; что приказчикъ, когда даетъ хлѣба въ-займы, беретъ на сопь на двѣ третью и поминки, и если хлѣбъ дорогъ, то даетъ хлѣбъ въ деньги по торговой цѣнѣ, а не въ-заемъ. Вслѣдствіе этой жалобы, Св. Филиппъ далъ имъ уставную грамоту, въ которой опредѣленъ оброкъ: съ выти по 4 четверти ржи и столько же овса, на Госпожинъ день по сыру сухому, на Покровъ по 50 яицъ, по хлѣбу и по калачу; на приказчика, на слугу и на доводчика крестьяне должны молоть рожь на хлѣбы и солодъ на квасъ, привозить на монастырскій дворъ по три воза дровъ съ выти, возить повозъ въ разные города по лошади съ выти; доводчику съ выти—по гривнѣ московской, да въѣзжаго по три деньги съ дома. Судитъ приказчикъ, а съ нимъ на судѣ быть священнику да крестьянамъ пяти или шести добрымъ и среднимъ, и на виноватомъ брать пошлину. Опредѣлено, что платить приказчику и доводчику съ браковъ, съ продажи лошади, коровы, хоромины. Крестьяне обязаны были также чинить монастырскій дворъ и гумно, перестраивать хоромы; приказчика должны были слушаться во всемъ, и на монастырское дѣло ходить на солнечномъ всходѣ, какъ десятскій вѣсть подастъ; а кто не придетъ,—платитъ заповѣдь приказчику двѣ деньги и доводчику съ десятскимъ двѣ деньги; если приказчикъ позоветъ крестьянъ на монастырское дѣло въ честь, сверхъ урока, то пришедшихъ кормить монастырскимъ хлѣбомъ. У которыхъ крестьянъ на поляхъ рощицы, то имъ ихъ беречь, на дрова и на жерди не сѣчь, а кому понадобится столпъ, подпоръ или перекладъ, то сѣчь деревья, доложа приказчика; а кто будетъ сѣчь безъ доклада,—тотъ платитъ заповѣдь на монастырь. Хлѣбъ давать въ-займы крестьянамъ, рожь и овесъ, безъ наспу и не въ цѣну, а брать у нихъ пыловаго и на умѣръ въ годъ съ четверти—со ржи по четыре деньги московской, съ овса по двѣ деньги; такъ же поступать и въ неурожайные годы. Крестьянамъ вольно дворами и землями мѣняться и продавать ихъ, доложа приказчика; а кто свой жребій продастъ или промѣняетъ,—приказчику брать явки съ обѣихъ половинъ полполтины на монастырь; кто продастъ свой жребій а самъ пойдетъ за волость,—на томъ брать похоромное сполна, а съ купца брать порядное, смотря по землѣ и по угодью; кому не поживется, и захочетъ пойти изъ волости вонъ, а купца на его жребій не будетъ,—на томъ брать похоромное сполна, а его выпускать по сроку".

Въ 1564 году старосты и цѣловальники и всѣ волощане монастырской Соловецкой волости Сумы и крестьяне деревенскіе, и всѣ казаки волостные и деревенскіе били челомъ Св. Филиппу, что у нихъ въ Сумѣ между собою смущеніе живетъ великое относительно разрубовъ (раскладки податей) и всякихъ тяголь. Игуменъ, посовѣтовавшись съ братіею, написалъ имъ такой указъ: „Какъ случится у васъ разрубъ въ волости, то вы бы выбрали изъ большихъ, изъ лучшихъ людей два человѣка, изъ среднихъ два, изъ меньшихъ два, изъ казаковъ два, и тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окла-

дѣ и окладывали земскихъ людей и казаковъ въ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ, другу бъ не дружили, недругу не мстили, и посуловъ бы эти выборные люди окладчики не брали; а кто изъ нихъ возьметъ посулъ или не захочетъ быть окладчикомъ,—того давать на крѣпкія поруки и назначать имъ срокъ становиться на судъ предъ нами въ монастырѣ. Кого земскихъ людей и казаковъ окладчики обложатъ, и тѣ бы люди платили безо всякаго перевода; а кто заупрямится, не станетъ платить,—и вы бы у тіуна просили доводчика и велѣли на тѣхъ ослушникахъ доправлять безсрочно. Придется по царской грамотѣ платить приметъ, обежныя деньги,—и вы бы, земскіе люди, платили по обжамъ, а не по животамъ и не по головамъ, а казаки бы этого не платили; а придетъ служба ратчина,—и вы бы платили по обжамъ и животамъ, по промысламъ и головамъ, земскіе люди и казаки всѣ безъ отмѣны, по разсужденью, кто чего стоитъ. Въ приметныхъ же отписяхъ пишутся разныя деньги—намѣстничьи, дьяческія, старостъ городовыхъ, цѣловальническія, плѣннымъ на окупъ, пищальныя, посошныя, въ городовое дѣло, въ мостовщину, хлѣбныя:—то вы бы земскіе люди и казаки всѣ эти разныя деньги платили по разсужденью, по животамъ, промысламъ и головамъ въ тотъ годъ, когда службы ратчины нѣтъ; если же случится служба ратчина, то всѣ эти разныя деньги платятъ земскіе люди по обжамъ, животамъ, промысламъ и головамъ, а казаки въ этотъ годъ этихъ денегъ не платятъ, платятъ одну ратчину. Если таможныя деньги возьмутъ на землю, то земскіе люди и казаки платятъ ихъ по торгамъ и головамъ, а не по животамъ: кто больше торгуетъ, тотъ больше и даетъ. Выгоозерскаго волостеля кормъ платится съ обежъ; а прогонныя деньги, подводы разрубали бы земскіе люди по обжамъ и црѣнамъ (по соловаренію). У которыхъ казаковъ дворы свои, лошадей и коровъ держатъ,—на тѣхъ бы вы клали выть не цѣлую, по разсужденью, кто чего стоитъ. У которыхъ земскихъ людей есть дѣти или племянники взрослые, которые могутъ звѣря бить, птицу и рыбу ловить, ягоды и грибы брать, то вы бы на нихъ клали противъ казаковъ по разсужденью, кто чего достоинъ. По грѣхамъ случится головщина, то вы бы разрубали по головамъ, земскіе люди и казаки, по разсужденью. О црѣнахъ мы уложили: во всѣхъ нашихъ деревняхъ црѣномъ варить зимою и лѣтомъ 160 ночей, дровъ на црѣну сѣчь на годъ 600 саженъ, запасать дровъ только на одинъ годъ, не больше; а кто станетъ прибылыя ночи варить или лишнія дрова сѣчь, или запасать болѣе чѣмъ на годъ,—съ такихъ брать пенюна монастырь". Далѣе въ грамотѣ слѣдуютъ опредѣленія, что крестьяне должны платить тіуну, доводчику, старостѣ, биричу. Старостѣ и биричу всѣ, и земскіе люди и казаки, должны платить поголовно по московски, исключая тѣхъ, кому меньше 15 лѣтъ.—Въ селѣ Соболевѣ, принадлежавшемъ Троицкому Сергіеву монастырю, крестьяне платили монастырю съ выти по три рубля въ годъ, да приказчику давали со всей волости по 20 четвертей ржи, столько же овса, четыре раза въ годъ—на Великъ день, на Петровъ день, осенью и на Рождество Христово по алтыну съ выти, потомъ съ цѣлой волости по рублю денегъ ежегодно и обязаны были накашивать ему 60 копенъ сѣна. Стоглавъ опредѣлилъ: архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ въ объѣздъ не ѣздить и чернецовъ въ посельскіе не посылать, посылать въ посельскіе слугъ добрыхъ; а для дѣлъ монастырскихъ земскихъ, для дозиранія хлѣбнаго или для управы крестьянской посылать старцевъ добрыхъ на время; а не смогутъ старцы управить, то архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ не возбраняется одинъ или два раза въ годъ ѣздить самимъ для надзора, но въ объѣздъ по селамъ нигдѣ не ѣздить, на пиры не ходить и даровъ не принимать. Стоглавъ запретилъ также святителямъ и монастырямъ деньги давать въ росты и хлѣбъ въ наспы своимъ крестьянамъ и чужимъ людямъ.

Для обереганія монастырей и крестьянъ отъ насилій давались имъ отъ государя приставы: такъ, въ 1540 году игуменъ Успенской Зосиминой пустыни жаловался, что прежній приставъ ему съ братіею не любъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ, старцевъ, слугъ и крестьянъ монастырскихъ продаетъ. Государь игумена съ братіею пожаловалъ, далъ имъ пристава даннаго, который имъ любъ. Должность пристава состояла въ слѣдующемъ: если игуменъ, братія, люди и крестьяне монастырскіе будутъ искать чего-нибудь на комъ-нибудь, или если кто-нибудь будетъ искать на игуменѣ, братіи, людяхъ и крестьянахъ монастырскихъ, то приставъ данный этихъ людей, истцовъ и отвѣтчиковъ даетъ на поруки и назначаетъ срокъ ставиться на судъ, а недѣльщики за игуменомъ, братіею, ихъ людьми и крестьянами не ѣздятъ. Данный приставъ долженъ былъ также наблюдать, чтобъ никто не смѣлъ рубить лѣсъ монастырскій, виновныхъ долженъ брать, давать на поруку и ставить на судъ. Изъ другихъ грамотъ видно, что эти данные приставы назначались изъ подъячихъ и изъ царскихъ пѣвчихъ дьяковъ.

Мы уже видѣли прежде жалобы митрополита Кипріана на искаженіе книгъ священныхъ и богослужебныхъ переписчиками вслѣдствіе отсутствія просвѣщенія; жалоба эта была произнесена вновь царемъ Іоанномъ на соборѣ 1551 года; но какъ было помочь злу безъ отстраненія главной его причины—отсутствія просвѣщенія, когда и отъ священниковъ требовалась только одна грамотность? Кромѣ искаженій ненамѣренныхъ, происходившихъ отъ неразобранія словъ подлинника, отъ описокъ, были еще искаженія намѣренныя, происходившія отъ ложныхъ толкованій словъ и цѣлыхъ реченій. Интересъ религіозный былъ силенъ; человѣкъ грамотный и чувствовавшій потребность въ умственной пищѣ, долженъ былъ обращаться исключительно

къ предметамъ религіознымъ, къ книгамъ церковнымъ, останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, начиналъ объяснять себѣ ихъ; но какъ онъ могъ ихъ объяснять при отсутствіи просвѣщенія, у кого могъ найти руководство, исправленіе въ случаѣ ошибочности своихъ мнѣній?—у священника въ родѣ тѣхъ, о которыхъ писалъ Новгородскій владыка Геннадій? Легко было появляться учителямъ, толковникамъ-самозванцамъ, ибо кто могъ повѣрить законность ихъ званія? Стоило только быть грамотѣемъ, начетчикомъ, говоруномъ, чтобъ пріобрѣсти авторитетъ непререкаемый среди толпы людей безграмотныхъ и мало читавшихъ. Часто говоритъ онъ нелѣпо, темно, но говоритъ онъ о вещахъ высокихъ, внушающихъ всеобщее благоговѣніе, безпрестанно приводитъ слова Св. Писанія, Отцевъ Церкви; чѣмъ непонятнѣе, темнѣе говорилъ онъ, – тѣмъ больше возбуждалось къ нему уваженіе: это называлось говорить высоко. Иногда такой мудрецъ не ограничивался однѣми устными бесѣдами, писалъ книжку, и книжка удостоивалась такого же почетнаго пріема, особенно если самъ авторъ или переписчикъ надписывалъ на ней имя знаменитаго Отца Церкви.

Естественно, что, при отсутствіи просвѣщенія, младенчествующая мысль старинныхъ нашихъ грамотѣевъ обращалась не къ духу, а къ плоти, ко внѣшнему, болѣе доступному, входившему въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни. Просвѣщенный греко-римскій міръ, при появленіи и утвержденіи христіанства, обращалъ вниманіе на главные существенные предметы новаго ученія, слѣдствіемъ чего было постепенное рѣшеніе вопросовъ, постепенное утвержденіе догмата на Вселенскихъ соборахъ; но какіе вопросы занимали древнихъ русскихъ людей и сильно иногда возмущали покой Церкви?—Вопросъ о томъ, какую пищу употреблять въ извѣстные праздники, если они случатся въ постные дни, вопросъ, какъ мы видѣли, возобновлявшійся съ одинакою силою и на югѣ, и на сѣверѣ; потомъ мы видѣли, какъ при Іоаннѣ III сильно занималъ правительство церковное и гражданское вопросъ о томъ, какъ ходить во время освященія церквей — по солнцу или противъ солнца? Неправильному рѣшенію этого вопроса приписывались общественныя бѣдствія. Еще въ первой четверти XV вѣка въ Псковской области возникъ вопросъ о томъ: двоить или троить а л л и л у і а въ припѣвѣ „Аллилуіа, алиллуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже!“. Въ концѣ вѣка, извѣстный намъ Новгородскій владыка Геннадій спрашивалъ знаменитаго въ то время грамотѣя, толмача Димитрія Грека, какъ правильнѣе рѣшить этотъ вопросъ. Димитрій отвѣчалъ ему изъ Рима, что онъ смотрѣлъ въ книгахъ и ничего въ нихъ не нашелъ объ этомъ дѣлѣ. „Но помнится мнѣ, продолжалъ Димитрій, что и у насъ споръ бывалъ объ этомъ между великими людьми, и они рѣшили, что и то и другое можно допустить: троякое аллилуіа съ четвертымъ—слава Тебѣ, Боже! означаетъ единосущіе Тріѵпостаснаго Божества: а сугубое аллилуіа означаетъ въ двухъ естествахъ единое лицо Христа Бога“. Великіе люди судили такъ,—успокоился на этомъ и Геннадій; но не хотѣли успокоиться другіе, и въ 1547 году явилось житіе преподобнаго Евфросина, Псковскаго чудотворца, составленное клирикомъ Василіемъ (Варлаамомъ), спустя около семидесяти лѣтъ по смерти Святаго, въ этомъ житіи провозглашено, что только сугубое аллилуіа есть правильное. Кто-то придумалъ, что надобно класть крестное знаменіе двумя перстами, подобно тому, какъ благословляютъ священники, и мнѣніе это изложено въ сочиненіи, приписанномъ Блаженному Ѳеодориту, писателю V вѣка; какъ мало было у пастырей Русской Церкви возможности повѣрять подобныя мнѣнія и сочиненія, видно изъ того, что ложно-ѳеодоритовское мнѣніе о двуперстномъ сложеніи попадается въ проповѣдяхъ митрополита Даніила; въ Кормчей митрополита Макарія находимъ выписки изъ книги Еноха Праведнаго. Игумены монастырей въ своихъ грамотахъ писали такъ: „Божіею милостію Господа нашего Іисуса Христа и Боголѣпнаго Его Преображенія, и Пречистыя Его Матере честнаго и славнаго Ея Успенія“. Мнѣнія о двуперстномъ сложеніи и о сугубомъ аллилуіа, вмѣстѣ съ запрещеніемъ брить бороды и стричь усы,—замѣшались между постановленіями собора 1551 года и распространились вмѣстѣ съ ними.

Такимъ образомъ, въ описываемое время накоплялись и освящались мнѣнія, которыя впослѣдствіи явились основными мнѣніями раскольниковъ. Но подлѣ этихъ мнѣній встрѣчаемъ мнѣнія о предметахъ религіозныхъ болѣе важныхъ, мнѣнія, имѣющія связь съ старымъ ученіемъ жидовствующихъ, подновленнымъ приверженцами ученія новыхъ западныхъ реформаторовъ.

Послѣ большого московскаго пожара, когда погорѣли кремлевскія церкви, государь послалъ за иконами въ Великій Новгородъ, Смоленскъ, Дмитровъ, Звенигородъ. Изъ этихъ городовъ и изъ другихъ свозили въ Москву иконы и ставили ихъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ иконописцы, пріѣхавшіе изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ, списывали съ нихъ новые образа. Знаменитый Сильвестръ, доложивъ государю, велѣлъ написать слѣдующія иконы: Троицу Живоначальную въ дѣяніяхъ, Вѣрую во единаго Бога Отца, Хвалите Господа съ небесъ, Софію Премудрость Божію, Достойно есть, Почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, Единородный Сынъ Слово Божіе, Пріидите людіе Тріѵпостасному Божеству поклонимся, Во гробѣ плотски, и другія. Извѣстный дьякъ, Иванъ Висковатый, увидавшій эти новыя иконы, соблазнился, и началъ громко говорить при народѣ, что такъ писать иконы не годится, не слѣдуетъ изображать невидимое Божество и безплотныхъ; „Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“—надобно писать словами, а потомъ изображать по плотскому смотрѣнію: „И

въ Господа нашего Іисуса Христа" до конца. Висковатый написалъ и къ митрополиту, что Сильвестръ изъ Благовѣщенскаго собора образа старинные вынесъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Сильвестръ оправдывался предъ митрополитомъ, что если на святомъ Вселенскомъ соборѣ „Достойно есть" и „Вѣрую во единаго Бога" проповѣдано, то и на иконахъ пишутъ иконописцы; что иконники писали все со старыхъ образцовъ своихъ, отъ древняго преданія, идущаго отъ временъ Св. Владиміра, а онъ, Сильвестръ, ни одной черты тутъ не приложилъ изъ своего разума. Сильвестръ требовалъ, чтобъ дѣло было обсуждено на соборѣ; въ началѣ 1554 года соборъ былъ созванъ, и дѣло рѣшено въ пользу Сильвестра: на Висковатаго наложена епитимья за то, что о святыхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ, возмущалъ народъ, православныхъ христіанъ; за то, что нарушилъ правило шестаго Вселенскаго собора, запрещающее простымъ людямъ принимать на себя учительскій санъ. Митрополитъ, между прочимъ, говорилъ Висковатому: „Ты сталъ на еретиковъ, а теперь говоришь и мудрствуешь негораздо о Святыхъ иконахъ;—не попадись и самъ въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены,—не разроняй списковъ"

Но соборъ былъ созванъ не по одному этому дѣлу. Пиша къ митрополиту жалобу на Сильвестра относительно иконъ, Висковатый писалъ: „Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ". Хотя здѣсь не было упомянуто имени Сильвестра, однако послѣдній счелъ за нужное отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, и писалъ къ митрополиту: „Священникъ Семенъ (Благовѣщенскаго собора) сказывалъ мнѣ про Матюшу (Башкина) въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ ко мнѣ сынъ духовный необыкновенный, и великими клятвами умолилъ меня принять его къ себѣ на духъ въ Великій постъ, многіе вопросы предлагаетъ мнѣ недоумѣнные, отъ меня поученія требуетъ, а иногда самъ меня поучаетъ.—Я, продолжаетъ Сильвестръ, пришелъ отъ этого въ большое недоумѣніе и отвѣчалъ: Семенъ! каковъ-то этотъ сынъ духовный у тебя будетъ, а слава про него носится недобрая; и какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, я съ Семеномъ все это разсказалъ ему про Башкина, при Андреѣ протопопѣ (духовникѣ царскомъ) и Алексѣѣ Адашевѣ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша проситъ истолковать ему многія вещи въ Апостолѣ, и самъ ихъ толкуетъ, только не по сущности, развратно. Семенъ сказалъ ему: „Я и самъ того не вѣдалъ, чего ты спрашиваешь," а онъ отвѣчалъ ему: „Спроси у Сильвестра, онъ тебѣ скажетъ." Мы и объ этомъ сказали государю, который велѣлъ Семену сказать Матюшѣ, чтобъ тотъ отмѣтилъ въ Апостолѣ всѣ свои рѣчи; Матюша весь Апостолъ воскомъ измѣтилъ, и Семенъ принесъ книгу въ церковь, гдѣ государь его видѣлъ и всѣ рѣчь и мудрованіе Матюшино слышали. Но тогда государь поѣхалъ въ Коломну и дѣло позаляглось. Захочешь объ этомъ дѣлѣ спросить у Семена, и онъ, что вспомнитъ, все тебѣ скажетъ; а я съ Матюшею никогда не ссылался, и совѣта мнѣ съ нимъ никакого не бывало".

Священникъ Семенъ писалъ митрополиту: „Матвѣй Башкинъ въ Великій постъ у меня на исповѣди былъ и говорилъ на исповѣди: „Я христіанинъ, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ Чудотворцамъ, и всѣмъ Святымъ, на иконѣ написаннымъ." Говорилъ: „Великое ваше дѣло! написано: „Ничтожъ сія любви болши, еже положите душу свою за други своя", и вы за насъ души свои полагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ въ день судный." Послѣ того пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: „Бога ради, пользуй меня душевно; надобно что написано въ Бесѣдахъ Евангельскихъ читать, да на слово не надѣяться, а дѣло дѣлать; все начало отъ васъ: прежде вы, священники, должны начало показать, да и насъ научить." Потомъ прислалъ за мною человѣка, и, когда я къ нему пріѣхалъ, сталъ мнѣ говорить: „Въ Апостолѣ написано: „Весь законъ въ словеси скончавается: возлюбиши искренняго своего яко самъ себе; аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будете". А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя, на иныхъ нарядныя, на иныхъ полныя грамоты; я благодарю Бога: у меня, что было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ, и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему—и онъ живетъ, а нехорошо—идетъ куда хочетъ; вамъ, отцамъ, пригоже посѣщать насъ часто, научать, какъ намъ самимъ жить и людей держать, не томить; я видѣлъ это, въ правилахъ и мнѣ показалось это хорошо".

Соборъ, изслѣдовавши дѣло, нашелъ, что Матвѣй Башкинъ и его единомышленники виновны въ слѣдующемъ: 1) Не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучаютъ на это нечестіе; 2) Тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ; 3) Святую, соборную Апостольскую Церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя—ничто; 4) Изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ Святыхъ называютъ идолами; 5) Покаяніе ни во что полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; 6) Отеческія преданія и житія Святыхъ баснословіемъ называютъ; на семь Вселенскихъ соборовъ гордость возлагаютъ, говоря: все это они для себя писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ; однимъ словомъ, все Священное Писаніе баснословіемъ называютъ, Апостолъ же и Евангеліе неправильно излагаютъ. Башкинъ оговорилъ въ единомысліи съ собою Артемія, бывшаго Троицкаго игумена; поставленный съ Баш-

кинымъ съ очей на очи, Артемій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ, что тотъ взводилъ на него. Но, кромѣ Башкина, Артемія обвинялъ также бывшій Ѳерапонтскій игуменъ Нектарій. Однажды Артемій сказалъ ему: „Въ книгѣ Іосифа Волоцкаго написано не гораздо, что послалъ Богъ въ Содомъ двухъ Ангеловъ, то-есть Сына и Св. Духа;“ по словамъ Нектарія, Артемій еретиковъ новгородскихъ не проклиналъ, Латынь хвалилъ, поста не хранилъ, во всю Четыредесятницу рыбу ѣлъ, и на Воздвиженьевъ день у царя за столомъ рыбу же ѣлъ. Артемій признался, что когда случалось ему изъ пустыни приходить къ христолюбцамъ, то онъ рыбу ѣдалъ, и у царя на Воздвиженьевъ день рыбу ѣлъ. Нектарій на очной ставкѣ обвинилъ также Артемія, что тотъ изъ псковскаго Печерскаго монастыря ѣздилъ въ Новый Городокъ нѣмецкій (Нейгаузъ) и тамъ вѣру нѣмецкую восхвалилъ. На это Артемій отвѣчалъ, что точно ѣздилъ въ Новый Городокъ и говорилъ съ нѣмецкимъ княземъ: есть ли у нихъ такой человѣкъ, съ которымъ бы можно было ему поговорить книгами?—и такого ему человѣка книжнаго не указали. Явился еще обвинитель: Троицкій келарь Адріанъ Ангеловъ объявилъ, что Артемій въ Кирилловѣ монастырѣ, въ кельѣ у игумена, выразился такъ о поминовеніи умершихъ: „Панихидами и обѣднями имъ не поможешь, отъ этого они муки не избудутъ“. Артемій признался, что говорилъ это о людяхъ растлѣнныхъ житіемъ и грабителяхъ. Троицкій старецъ Курачовъ писалъ, что слышалъ отъ Артемія неприличныя рѣчи объ Іисусовѣ канонѣ и акаѳистѣ Богородичномъ. Объ этомъ самъ Артемій сказалъ на соборѣ: „Говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладкій! а какъ услышатъ слово Іисусово о заповѣдяхъ Его, какъ велѣлъ быть—и горько становится, что надобно ихъ исполнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: Радуйся да радуйся, чистая! а сами о чистотѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ; такъ это говорятъ только по привычкѣ, а не вправду.“ Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ царю: когда онъ объявилъ Артемію, что Башкинъ уличенъ въ ереси, то Артемій отвѣчалъ: „Не знаю, что за ересь такая! сожгли Курицина, да Рукаваго, и теперь не знаютъ, за что ихъ сожгли“. Артемій сказалъ на это на соборѣ: „Не упомню, такъ ли я про новгородскихъ еретиковъ говорилъ; я новгородскихъ еретиковъ не помню, и самъ не знаю за что̀ ихъ сожгли; если я говорилъ, что не знаю за что̀ ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, то я говорилъ это про себя, не сказалъ я: они того не знаютъ“ Митрополитъ, обратившись на соборѣ къ Артемію, говорилъ ему: „Матвѣй Башкинъ ереси проповѣдывалъ, Сына Единороднаго отъ Отца раздѣлилъ, называлъ Сына не равнымъ Отцу, говорилъ: сдѣлаю грубость Сыну и въ страшное пришествіе Отецъ можетъ избавить меня отъ муки; а сдѣлаю грубость Отцу, то Сынъ не избавитъ; молился Матвѣй одному Богу Отцу, а Сына и Св. Духа оставилъ; теперь Матвѣй во всемъ этомъ кается, дѣла всѣ свои на соборѣ обнажилъ“. Артемій отвѣчалъ митрополиту: „Это Матвѣй по ребячески поступалъ, и самъ не знаетъ, что̀ дѣлалъ своимъ самосмышленіемъ; въ Писаніи этого не обрѣтается, и въ ересяхъ не написано.“ Митрополитъ говорилъ: „Прежніе еретики не каялися—и святители ихъ проклинали, а цари ихъ осуждали и заточали, и казнямъ предавали“. Артемій отвѣчалъ: „За мною посылали еретиковъ судить и мнѣ такъ еретиковъ не судить, что казни ихъ предать, да теперь еретиковъ нѣтъ и никто не споритъ“. Митрополитъ говоритъ ему: „Написалъ Матвѣй молитву къ Единому началу, Бога Отца одного написалъ, а Сына и Св. Духа оставилъ“. Артемій отвѣчалъ: „Что ему досталось еще врать, вѣдь есть молитва готовая Манасіина къ Вседержителю“. Митрополитъ сказалъ на это: „То было до Христова пришествія, а кто теперь такъ напишетъ къ Единому Началу, тотъ еретикъ“. Артемій отвѣчалъ: „Манасіина молитва въ большомъ ефимонѣ написана и говорятъ ее“. Когда митрополитъ сказалъ Артемію: „Если ты въ чемъ виноватъ, кайся“, то онъ отвѣчалъ: „Я такъ не мудрствую, какъ на меня сказывали; то на меня все лгали: я вѣрую въ Отца, Сына и Св. Духа, въ Троицу единосущную“.—Бывшій Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій обвинялъ Артемія во многихъ богохульныхъ рѣчахъ на христіанскій законъ и Божественное Писаніе, причемъ слался на свидѣтелей: на троихъ пустынниковъ Ниловы пустыни и на одного соловецкаго старца; но на соборѣ эти свидѣтели объявили, что отъ Артемія хулы на христіанскій законъ и Божественное Писаніе не слыхали. Вслѣдствіе этого, что свидѣтели не подтвердили Нектаріева обвиненія, царь освободилъ Артемія отъ казни; но такъ какъ соборъ нашелъ, что Артемій не оправдался въ другихъ обвиненіяхъ, то его присудили на заточеніе въ Соловецкій монастырь; тамъ онъ заключенъ былъ въ м о л ч а т е л ь н о й кельѣ, чтобъ душевредный и богохульный недугъ не могъ распространиться отъ него ни на кого; онъ не могъ ни говорить ни съ кѣмъ, ни писать ни къ кому, ни получать ни отъ кого писемъ или другихъ какихъ-нибудь вещей; онъ долженъ былъ сидѣть въ молчаніи и каяться; приставленъ былъ къ нему отецъ духовный, который долженъ былъ извѣщать игумена, истинно ли покаяніе его; самъ игуменъ долженъ былъ поучать его, и, въ случаѣ исправленія, позволить ему причаститься въ смертельной болѣзни; книги ему имѣть только такія, какія позволитъ соборъ. — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, одинъ изъ отцовъ собора, епископъ Рязанскій Кассіанъ, позволилъ себѣ отзываться дурно о книгѣ Іосифа Волоцкаго; онъ былъ пораженъ параличемъ, лишился употребленія руки и ноги, оставилъ епископію, удалился въ монастырь, но и тутъ не покаялся, не хотѣлъ называть Христа Вседержителемъ.

Изъ отзывовъ Артемія о книгѣ Іосифа Волоцкаго и о новгородскихъ еретикахъ видно, что онъ вмѣстѣ съ другими современными ему грамотными

людьми, какъ напримѣръ, съ знаменитымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ, не раздѣлялъ убѣжденій Іосифа относительно еретиковъ и справедливисти мѣръ, противъ нихъ принятыхъ. Мы видѣли, какъ заволжскіе старцы ратовали противъ мѣръ Іосифа Волоцкаго; Башкинъ, по свидѣтельству лѣтописи, такъ-же говорилъ, что заволжскіе старцы злобы его не хулили, а утверждали его въ ней. Въ связи съ самымъ извѣстнымъ изъ заволжскихъ старцевъ, Вассіаномъ Косымъ, былъ Максимъ Грекъ, который находился еще въ-живыхъ, когда поднялось дѣло о ереси Башкина; вмѣстѣ съ другими онъ былъ приглашенъ на соборъ; но царю донесли, что Максимъ оскорбился этимъ приглашеніемъ, думаетъ, что его зовутъ на соборъ изъ подозрѣнія въ единомысліи съ Башкинымъ, хотятъ изъ его мнѣній и приговоровъ о ереси вывести заключеніе — врагъ, онъ или скрытый доброжелатель еретиковъ. Чтобъ успокоить Максима, царь писалъ ему: „Послалъ я за тобою, да будешь и ты поборникъ православію, наравнѣ съ древними богоносными отцами, да явишься и ты благочестію ревнитель, да примутъ и тебя тѣ же небесныя обители, какія приняли прежнихъ подвижниковъ за благочестіе. Слышали мы, что ты оскорбляешься, думаешь, что мы тебя соединяемъ съ Матвѣемъ (Башкинымъ), и потому за тобою послали: никогда мы не сочетаемъ вѣрнаго съ невѣрными; отложи сомнѣніе и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножи, пришли ко мнѣ писаніе на нынѣшнее злодѣйство". Изъ этого письма видно, что царь освобождалъ Максима отъ присутствія на соборѣ, прося у него только обличительнаго на ересь посланія.

Башкинъ и единомышленники его были заключены по монастырямъ. Изъ послѣдователей его — Бѣлозерскій монахъ, Ѳеодосій Косой, и какой-то Игнатій, были схвачены въ 1555 году и заключены въ монастырь въ Москвѣ, но бѣжали въ Литву, женились тамъ и продолжали проповѣдывать на свободѣ свое ученіе. Это ученіе состояло въ томъ, что Божество не троично; что Христосъ простой человѣкъ; что все внѣшнее устройство церковное не нужно.—Артемію, несмотря на строгій надзоръ, также удалось бѣжать изъ Соловокъ въ Литву.—Есть еще извѣстіе о соборѣ по поводу ереси Давыда, архіепископа Ростовскаго, въ 1582 году; этотъ Давыдъ выставленъ соумышленникомъ Антонія Поссевина, который самъ приводится на соборъ, излагаетъ странное ученіе, совершенно сходное съ ученіемъ Давыда, и опровергается царемъ Іоанномъ. Но извѣстіе о Поссевинѣ явно выдумано: царь не могъ говорить съ нимъ такъ, какъ представленъ говорящимъ на соборѣ; притомъ, еслибъ было что-нибудь подобное, то извѣстіе о немъ сохранилось бы въ статейномъ спискѣ; это сочиненіе—въ родѣ переписки царя Іоанна съ Турецкимъ султаномъ, попадающейся въ нѣкоторыхъ сборникахъ.

Съ православнымъ Востокомъ попрежнему происходили постоянныя сношенія. Въ 1543 году дана была грамота старцамъ Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, по которой они вездѣ въ областяхъ Московскаго государства пропускались свободно, не платя никакихъ пошлинъ, получая кормъ и подводы. Въ 1547 году митрополитъ Макарій писалъ окружное посланіе о вспомоществованіи старцамъ Пантелеймоноба монастыря, пришедшимъ въ Москву за милостынею. Также билъ челомъ царю Паисій, игуменъ Аѳонскаго болгарскаго монастыря Хиландаря, что имъ отъ даней султановыхъ истомы великія и отъ Грековъ обиды большія; государь бы ихъ пожаловалъ, послалъ объ нихъ свою грамоту къ султану, чтобъ тотъ отъ даней ихъ пооблегчилъ и отъ Грековъ оборонилъ. Царь исполнилъ просьбу, послалъ грамоту къ султану. Въ 1545 году Александрійскій патріархъ Іоакимъ писалъ Іоанну, ходатайствуя объ освобожденіи Максима Грека, неправедно заточеннаго: „Такъ православные христіане, пишетъ Іоакимъ, не поступаютъ съ бѣдными людьми, особенно съ иноками, и несправедливо держать человѣка силою и оскорблять; не хорошо вѣрить всякому слову, всякому писанію безъ испытанія. Я никогда не писалъ къ тебѣ, ничего не просилъ; такъ не оскорби меня теперь, не заставь писать вторично, ибо я не перестану писать къ тебѣ, пока просьба моя не будетъ исполнена".

Въ 1556 году пріѣзжалъ въ Москву Іоасафъ, митрополитъ Евгрипскій, съ грамотою патріарха Византійскаго; отпустивши его въ слѣдующемъ году, царь отправилъ съ нимъ грамоту къ патіарху Іоасафу, въ которой просилъ о соборномъ благословеніи на свое царское вѣнчаніе. При этомъ послано было патріарху соболей на 2,000 золотыхъ. Просимая грамота была прислана въ 1562 году; въ ней соборъ восточныхъ святителей признаетъ Іоанна достойнымъ царскаго имени, потому что онъ ведетъ свое происхожденіе отъ царицы Анны, сестры самодержца Василія Багрянороднаго, и потому, что царь Константинъ Мономахъ послалъ съ Ефесскимъ митрополитомъ царскую утварь великому князю Владиміру, который и былъ вѣнчанъ на царство.

По смерти царицы Анастасіи, брата царскаго. князя Юрія Васильевича, царевича Іоанна, посылались патріархамъ, на Синайскую, на Аѳонскую горы, нищимъ цареградскимъ богатыя милостыни. Къ Константинопольскому патріарху посылались изъ Москвы молодые люди учиться греческому языку; къ патріарху Діонисію, въ 1551 году, отправленъ былъ паробокъ Обрюта Михайловъ Грековъ. Царь писалъ патріарху: „Ты бы велѣлъ его у себя учить грамотѣ греческой и языку; а если тебѣ у себя его научить нельзя, то отошли его на Святую гору Аѳонскую, въ нашъ монастырь Св. Пантелеймона." Послѣ Обрюты посланы были учиться двое паробковъ — Ушаковъ и Внуковъ; патріархъ жаловался, что учить ихъ очень трудно, потому что они уже велики, а пристращать ихъ нельзя,—какъ бы къ Туркамъ не бѣжали.

Въ то время, какъ Русская Церковь на востокѣ, въ Московскомъ государствѣ, распространялась вмѣстѣ съ распространеніемъ предѣловъ этого государства, на западѣ въ литовско-русскихъ областяхъ происходило явленіе противное: здѣсь Русская Церковь, вмѣсто пріобрѣтенія новыхъ членовъ, теряла старыхъ, сначала вслѣдствіе распространенія протестантскихъ ученій, потомъ вслѣдствіе католическаго противодѣйствія, главными двигателями котораго были іезуиты. Кромѣ того, нахожденіе подъ властію иновѣрнаго правительства, если еще и не явно враждебнаго, то равнодушнаго къ выгодамъ Русской Церкви, не могло обезпечивать для послѣдней спокойствія и наряда. Послѣ уничтоженія Галицкой митрополіи, названіе Галицкаго митрополита было присоединено къ титулу Кіевскаго митрополита, и Галицкая епархія находилась поэтому въ непосредственномъ завѣдываніи послѣдняго, который назначалъ въ Галичъ своего справцу (приказчика, намѣстника). Но въ то же самое время право назначать намѣстника для управленія православною Галицкою Церковію имѣлъ католическій Львовскій архіепископъ, въ силу грамоты короля Сигизмунда I-го, данной въ 1509 г. Такимъ образомъ, намѣстникъ Галицкій для отправленія своей должности долженъ былъ получить согласіе православнаго Кіевскаго митрополита, католическаго Львовскаго архіепископа и подтвержденіе королевское. Въ сороковыхъ годахъ описываемаго вѣка справцею митрополичьимъ въ Галичѣ былъ Сикора, возбудившій своимъ поведеніемъ негодованіе епархіи. Галичане послали къ митрополиту Макарію просьбу, чтобъ далъ ихъ въ опеку Лаврентію, епископу Перемышльскому; но митрополитъ назначилъ къ нимъ справцею священника Гошевскаго, написавши впрочемъ къ Галичанамъ, что могутъ не принимать его, если онъ имъ нелюбъ. Новый справца дѣйствительно не полюбился Галичанамъ, и они послали опять къ митрополиту челобитную: „Мы всѣ сообща жители Русской (Галицкой) и Подольской Земли не посылали къ вашему святительству попа Гошевскаго и не выбирали его, и теперь никто изъ насъ, великій и малый, богатый и убогій, не хотимъ имѣть его справцею, точно такъ-же, какъ и Сикоры, потому что при Сикорѣ было большое безнарядье, тяжести и непослушаніе къ вашему святительству; то же было бы и при попѣ Гошевскомъ, или еще хуже; и такъ какъ ваше святительство къ намъ писали, чтобъ мы выбрали добраго человѣка и къ вамъ послали, то мы всѣ духовные, шляхта, мѣщане и все посполъство, отъ большихъ и до меньшихъ, выбрали Макарія Тучанскаго, мѣщанина (горожанина) львовскаго, и покорно просимъ ваше святительство благословить его къ намъ въ намѣстники". Митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу; новый намѣстникъ началъ дѣйствовать къ общему удовольствію; но старый справца, Сикора, подбившись къ католическому архіепископу Львовскому, сталъ подучать его противъ Макарія, какъ избраннаго не съ его архіепископскаго согласія; архіепископъ настоялъ у короля, чтобъ назначена была коммисія для обсужденія поступковъ Макарія, и королевскими листами позвали послѣдняго къ суду коммисара. Макарій долженъ былъ явиться на этотъ судъ въ сопровожденіи большаго числа обывателей Галиціи и Подоліи, которые должны были свидѣтельствовать въ его пользу. Какъ обыкновенно водилось, Макарій и его свидѣтели должны были потратить при этомъ много денегъ; но деньги не помогли, и Макарій перенесъ дѣло къ королю на сеймъ. Король рѣшилъ дѣло въ пользу архіепископа: на основаніи старыхъ Ягайловыхъ привилегій, подчинилъ ему православное галицкое духовенство, которое изъялъ изъ вѣдомства митрополита Кіевскаго и его намѣстника; Макарію грозило вѣчное заключеніе; но Галичане, посредствомъ двухъ пановъ, нашли доступъ къ королевѣ Бонѣ, имѣвшей большое вліяніе надъ своимъ мужемъ. Король и королева не постыдились взять съ галицкаго духовенства посулъ—200 воловъ; привилегія, данная католическому архіепископу, была разодрана, и обѣщана была привилегія Макарію, какъ скоро 200 воловъ будутъ доставлены. Но этимъ дѣло не кончилось: когда король пріѣхалъ въ Львовъ, Макарій далъ ему 50 воловъ, за что получилъ приказаніе пріѣзжать въ Краковъ за привилегіей; но передъ самымъ выѣздомъ короля изъ Львова архіепископъ опять упросилъ его отдать въ его вѣдомство русское галицкое духовенство; Макарію опять, слѣдовательно, нужно было приниматься за воловъ: 110 воловъ роздалъ онъ королю, королевѣ и панамъ, и получилъ вторично приказаніе ѣхать въ Краковъ за привилегіею. Макарій поѣхалъ и долго жилъ въ Краковѣ, но привилегіи не получилъ: король отложилъ дѣло до сейма, на который Макарій долженъ былъ пріѣхать. Макарій отправился, безъ малаго годъ выжилъ въ Краковѣ и добылъ наконецъ привилегію „съ великою бѣдою, накладомъ и трудомъ": галицкое духовенство должно было заплатить еще 140 воловъ. Но и этимъ дѣло не кончилось; когда Макарій возвратился изъ Кракова, архіепископъ прислалъ къ нему писаря своего, приказывая ему съ угрозами, чтобъ сталъ передъ нимъ и съ привилегіями. Макарій самъ не пошелъ и привилегій не отослалъ къ нему Тогда архіепископъ сказалъ: „Пока живъ, не отстану отъ этого дѣла; Русь должна быть въ моей власти, король не могъ безъ меня порѣшить иначе." Онъ послалъ къ королю жалобу на Макарія и хотѣлъ вытребовать его на сеймъ. Тогда Галичане немедленно отправили Макарія въ Кіевъ къ митрополиту, съ просьбою посвятить его въ епископы, потому что ему, какъ владыкѣ, нечего уже будетъ больше бояться архіепископа и всѣхъ бискуповъ католическихъ; Макарій поѣхалъ въ Кіевъ въ сопровожденіи многочисленной толпы своихъ Русскихъ: боялись за его жизнь, ибо архіепископъ нѣсколько разъ приказывалъ убить его. Послѣ

между 1569 и 1576 годомъ, видимъ въ Галичѣ явленіе подобнаго же рода: Галицкій владыка, Маркъ Балабанъ, передъ смертію, съ позволенія королевскаго, передалъ владычество сыну своему, Григорію Балабану; но католическій Львовскій архіепископъ, Шломовскій, объявилъ королю, что имѣетъ право назначать православныхъ владыкъ и назначилъ уже Ивана Лопатку Осталовскаго. Сигизмундъ-Августъ, несмотря на позволеніе, данное имъ прежде Балабану, подтвердилъ назначеніе Лопатки. Но Балабанъ и его сторона, опираясь на прежнее позволеніе королевское, не соглашались признать правъ Лопатки, хотя король нѣсколько разъ потомъ подтверждалъ ихъ, и когда Лопатка умеръ, то Балабанъ утвердился на владычествѣ.

Мы видѣли, какъ Сигизмундъ-Августъ былъ равнодушенъ къ католицизму, и потому при немъ панамъ Греческой вѣры легко было испросить уравненіе правъ православнаго шляхетства съ католиками; это уравненіе послѣдовало на Виленскомъ сеймѣ 1563 года. При Баторіи Русская Церковь въ Литвѣ сильно почувствовала, чего она должна ожидать впередъ отъ католическаго противодѣйствія и главныхъ проводниковъ его, іезуитовъ: въ 1583 году король велѣлъ отобрать землю у всѣхъ полоцкихъ церквей и монастырей, кромѣ владычнихъ, и отдать ихъ іезуитамъ. Въ 1584 году, во Львовѣ, наканунѣ Рождества Христова, католики, по приказанію архіепископа своего, съ оружіемъ въ рукахъ напали на православныя церкви и монастыри, выволокли священниковъ изъ алтарей, однихъ уже по освященіи даровъ, другихъ предъ самымъ причастіемъ, запечатали церкви и настрого запретили отправлять въ нихъ богослуженіе.

Еще при жизни владыкъ короли уже назначали имъ преемниковъ, иногда людей свѣтскихъ, бояръ, „ласково взглянувши на ихъ вѣрную службу, по желанію воеводы и бояръ“ Иногда престарѣлый владыка сдавалъ управленіе епархіальными дѣлами какому-нибудь свѣтскому лицу, оставивши за собою только званіе и старшинство; новый правитель обращался къ королю съ просьбою объ утвержденіи его на владычномъ столѣ, въ случаѣ смерти стараго архіерея. Назначивши митрополита въ Кіевъ, король давалъ знать объ этомъ патріарху Константинопольскому, чтобъ тотъ благословилъ новаго митрополита; грамота королевская патріарху въ этомъ случаѣ имѣла такую форму: „Даемъ знать достоинству вашему, что въ панствахъ нашихъ великаго княжества Литовскаго въ животѣ не стало митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Руси; на его мѣсто представленъ намъ отъ жителей греческаго закона годный на то, смиренный владыка такой-то. Благословите его на митрополію по закону вашему, къ службѣ Церкви Святой христіанской, къ наученію и управленію всѣмъ, принадлежащимъ къ этому достоинству, за что будетъ получать и отъ насъ такую же благодарность, какую отъ предковъ нашихъ прежніе митрополиты получали. При этомъ желаемъ вамъ всякаго добра“. Мы видѣли, что распря Полоцкаго владыки съ митрополитомъ о титулѣ и распря того же владыки Полоцкаго съ владыкою Владимірскимъ рѣшены были королемъ съ панами радными; но въ 1548 году, когда Полоцкій архіепископъ Симеонъ, вмѣстѣ съ князьями, панами и боярами своей области, подалъ жалобу королю на митрополита Макарія, что тотъ поставилъ его опять ниже владыки Владимірскаго, то митрополитъ объявилъ королю, что это судъ духовный, въ который король не можетъ вступаться въ силу привилегіи, данной митрополиту Іосифу; что дѣло должно быть рѣшено на соборѣ, по закону греческому; король согласился на созваніе собора, выговоривъ, что если которая нибудь изъ тяжущихся сторонъ найдетъ соборный приговоръ несправедливымъ, то имѣетъ право перенести дѣло на рѣшеніе королевское. Въ томъ же году бурмистры, радцы и мѣщане виленскіе Греческаго закона выпросили у митрополита грамоту, по которой виленское духовенство отдавалось въ ихъ управу, и еслибъ кто-нибудь изъ священниковъ не захотѣлъ ихъ слушаться, того они могли отставлять отъ церкви и замѣщать другимъ, съ позволенія митрополичьяго. Протопопъ и всѣ священники подали жалобу королю на такой поступокъ митрополита. Король въ 1542 году писалъ къ митрополиту: „Очень удивило насъ то, что мѣщане виленскіе мимо насъ обратились съ такимъ дѣломъ къ тебѣ и выхлопотали такія неприличныя грамоты, по которымъ присвоили въ свою мѣщанскую управу наше господарское владѣніе, что́ имъ никакъ не слѣдуетъ; не слѣдовало и тебѣ священниковъ, богомольцевъ нашихъ, записывать своими грамотами кому-нибудь во владѣніе; нельзя церквей Божіихъ нашего стольнаго города брать изъ-подъ нашей господарской управы и отдавать въ управленіе подданнымъ: этого никогда при предкахъ нашихъ не бывало. Мы велѣли эту твою грамоту взять въ нашу канцелярію, и приказываемъ: если у какой нибудь церкви умретъ священникъ, то бурмистръ или кто-нибудь изъ добрыхъ людей, вмѣстѣ съ твоимъ намѣстникомъ, протопопомъ виленскимъ, идутъ въ эту церковь, переписываютъ въ ней церковное имущество и запечатываютъ ее, а ключи церковные отдаются въ соборную церковь Богородицы. Потомъ, выбравши добраго и ученаго человѣка, они даютъ тебѣ знать, и ты, увидавши его годность, ставишь его въ священники и приказываешь отдать ему ту церковь со всѣмъ ея имуществомъ“. Къ мѣщанамъ король писалъ, чтобъ они не смѣли управлять священниками подъ страхомъ пени въ 1,000 копъ грошей, и впередъ подобныхъ грамотъ у митрополита не брали; грамоты эти не имѣютъ никакой силы, ибо митрополитъ имѣетъ власть надъ духовенствомъ только въ дѣлахъ духовныхъ, а въ другихъ дѣлахъ не можетъ ни къ чему ихъ приневоливать. Но этимъ дѣло не кончилось: священники не переставали жаловаться королю на мѣщанъ, а мѣщане на священниковъ; тогда король, въ 1544 году, признавши, что имѣетъ

право чинить постановленіе Божіимъ церквамъ, далъ имъ уставную грамоту, въ которой опредѣлилъ способъ избранія священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ: когда священникъ тяжело занеможетъ, то протопопъ даетъ знать объ этомъ бурмистру Греческаго закона; бурмистръ идетъ самъ или посылаетъ двухъ радцевъ и писаря, которые и переписываютъ всѣ церковныя вещи, вмѣстѣ съ протопопомъ и священниками; когда же священникъ умретъ, то бурмистръ запираетъ церковь и держитъ у себя ключи до тѣхъ поръ, пока будетъ поставленъ новый священникъ; выбираютъ священника, дьякона, уставника и пономаря бурмистры и радцы съ протопопомъ и двумя священниками. Въ грамотѣ опредѣляется, сколько платить священникамъ за погребеніе, за соборованіе масломъ; относительно исповѣди постановлено: мѣщане приходятъ къ отцамъ своимъ духовнымъ по доброй волѣ, а не по нуждѣ, и гдѣ хотятъ, тамъ и исповѣдаются; священники неволею никого не должны къ себѣ призывать. Священники не имѣютъ права вмѣшиваться въ духовныя дѣла лицъ свѣтскихъ.

Недовольные судомъ епископа жаловались королю, и тотъ приказывалъ митрополиту пересмотрѣть дѣло.

Что касается отношеній монастырей ко власти свѣтской, то распри между монахами и архимандритами судились воеводами: такъ, въ 1534 году полоцкій воевода судилъ монаховъ Предтеченскаго монастыря съ ихъ архимандритомъ. Монахи жаловались, что архимандритъ беретъ себѣ слѣдующую имъ половину доходовъ. Архимандритъ отвѣчалъ, что когда полоцкій воевода или его урядники пріѣзжаютъ въ монастырь, тогда архимандритъ и чернецы вмѣстѣ ихъ угощаютъ и дарятъ, а теперь чернецы не помогли ему обдарить пана воеводу, потому онъ и вычелъ изъ ихъ половины доходовъ. Чернецы возражали, что на потребы церковныя и на дары воеводамъ есть деньги постригальныя: когда кто идетъ въ монахи, то даетъ по рублю грошей въ казну монастырскую. Въ 1540 году, вслѣдствіе жалобы монаховъ Уневскаго монастыря на Львовскаго епископа Макарія, поданной королю и митрополиту, дѣло разсматривалось передъ девятью шляхтичами, четырьмя мѣщанами и возным. Макарій оправдался, но писалъ потомъ, что дѣло это стоило ему 20 воловъ, которыхъ онъ долженъ былъ подарить пану Краковскому. Монахи признались, что они жаловались на хищность епископа только для того, чтобъ высвободиться изъ подъ-его управленія, вопреки королевской грамотѣ, по которой монастырь ихъ былъ отданъ въ управленіе Макарію. Черезъ 15 лѣтъ, въ 1555 году, дѣло возобновилось: архимандритъ Уневскаго монастыря жаловался митрополиту Макарію на Львовскаго епископа Арсенія, что тотъ, пріѣзжая въ монастырь, грабитъ его, архимандрита зоветъ къ суду предъ короля и пановъ радныхъ, желая привести монастырь въ свою власть. Король велѣлъ митрополиту разсмотрѣть дѣло; митрополитъ назначилъ срокъ епископу и архимандриту стать предъ нимъ на судъ, и рѣшилъ дѣло въ пользу архимандрита, освободилъ монастырь изъ-подъ управленія епископа, не обращая вниманія на упомянутую выше грамоту короля Сигизмунда; тогда епископъ жаловался королю на несправедливость митрополичья суда, и митрополитъ былъ позванъ на судъ королевскій.—Иногда могущественные паны позволяли своимъ урядникамъ вмѣшиваться даже въ духовный судъ митрополита, и лица духовныя, въ надеждѣ на покровительство какого-нибудь могущественнаго вельможи, позволяли себѣ пренебрегать властію митрополита: въ 1554 году митрополитъ Макарій жаловался королю, что княгиня Слуцкая приказываетъ намѣстникамъ своимъ вступаться въ дѣла духовныя, судить священниковъ, сажать ихъ въ заключеніе, разводить мужей съ женами: когда митрополитъ за двукратную неявку къ суду запретилъ отправлять службу Слуцкому архимандриту Никандру, то послѣдній митрополичьей грамоты не захотѣлъ и читать, служку, присланнаго съ нею, прибилъ, а самъ прибѣгнулъ къ покровительству княгини Слуцкой, которая за него заступилась. Король запретилъ княгинѣ подобные поступки.

Короли, по праву подаванья, продолжали жаловать православные монастыри свѣтскимъ людямъ въ управленіе: такъ, въ 1562 году, Сигизмундъ-Августъ отдалъ полоцкій Предтеченскій монастырь дворянину Корсаку съ условіемъ, чтобъ онъ держалъ въ монастырѣ намѣстника, особу духовную, человѣка ученаго, который бы умѣлъ въ дѣлахъ духовныхъ управляться по закону Греческому. Въ 1568 году, на Городенскомъ сеймѣ, митрополитъ Іона, между прочими просительными статьями, представилъ королю, чтобы достоинства духовныя не раздавать лицамъ свѣтскимъ: и если королю случится отдать духовную должность свѣтскому человѣку и послѣдній въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не вступитъ въ санъ духовный, то владыка въ правѣ отбирать отъ таковыхъ достоинства и хлѣбы духовные, и раздавать людямъ духовнымъ. Король отвѣчалъ, что просьба справедлива; но что если кто-нибудь изъ пожалованныхъ не захочетъ вступить въ духовное званіе, то владыка не имѣетъ права отбирать у него пожалованія и отдавать другому, а доноситъ объ этомъ королю, который самъ отбираетъ пожалованія и отдаетъ другимъ, кого признаетъ достойнымъ. Такой отвѣтъ, какъ видно, былъ данъ съ тѣмъ, чтобъ уклоняться, когда нужно, отъ исполненія просьбы: въ 1571 году Сигизмундъ-Августъ отдалъ кіевскій Межигорскій монастырь безо всякаго условія дьяку коронной канцеляріи Высоцкому за вѣрную службу, желая еще болѣе усилить въ немъ ревность къ службѣ; ясно, что дьякъ, который долженъ былъ продолжать канцелярскую службу, не могъ постричься въ монахи. Но въ другихъ случаяхъ припоминали отвѣтъ королевскій, данный на Городенскомъ сеймѣ. Король Стефанъ далъ минскій Вознесенскій монастырь дворянину Невельскому, а тотъ, не желая

вступать въ духовное званіе, передалъ монастырь, съ вѣдома королевскаго, земянину Достоевскому, который не былъ даже православный. Митрополитъ Илія и каштелянъ минскій Янъ Глѣбовичъ жаловались королю, что Достоевскій пользуется только доходами и вовсе не радитъ объ управленіи монастыремъ, и просили отдать послѣдній земянину же минскому Михаилу Рагозѣ, человѣку благочестивому и въ Священномъ Писаніи знающему, который немедленно пострижется въ монахи. Король исполнилъ ихъ просьбу, ссылаясь на отвѣтъ Сигизмунда-Августа, данный на Городенскомъ сеймѣ митрополиту. Это было въ 1579 году; въ 1581 видимъ жалованную грамоту дворянину Левоновичу на Браславскій монастырь, прямо съ условіемъ, чтобы онъ вступилъ въ духовное званіе. Иногда монастырь отдавался во владѣніе свѣтскому лицу и сыновьямъ его: такъ Сигизмундъ-Августъ отдалъ монастырь Св. Спаса, во Владимірѣ Волынскомъ, Оранскимъ—отцу и троимъ сыновьямъ, которые должны были владѣть одинъ за другимъ: и отецъ, и сыновья при этомъ освобождены были отъ обязанности постригаться въ монахи, только должны были держать въ монастырѣ викарія — духовное лицо. Иногда такіе владѣльцы закладывали монастыри. Виленскій Троицкій монастырь принадлежалъ также къ числу тѣхъ монастырей, которыми распоряжались короли; онъ былъ отданъ королемъ митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Но еще при жизни послѣдняго, въ 1584 году, бурмистры, радцы и лавники виленскіе Греческаго закона били челомъ королю, что, вслѣдствіе рѣдкихъ посѣщеній митрополичьихъ и дальности разстоянія отъ Кіева, монастырь Троицкій обнищалъ и пришелъ въ разстройство; дабы не пришелъ онъ въ окончательный упадокъ, они просили короля отдать имъ его въ управленіе, по смерти митрополита Онисифора. Король исполнилъ просьбу, отдалъ имъ монастырь съ тѣмъ, чтобъ они собирали доходы и употребляли ихъ на монастырскія потребности, на поддержку строенія, на содержаніе архимандрита, священниковъ, чернецовъ, убогихъ монахинь, слугъ церковныхъ, на учрежденіе школъ, гдѣ должны воспитываться дѣти людей, живущихъ въ монастырѣ и при монастырѣ. Бурмистры, радцы и лавники получили право выбирать архимандритовъ въ монастырь, которые не имѣютъ права безъ ихъ вѣдома распоряжаться монастырскимъ имуществомъ; бурмистры, радцы и лавники должны выбрать одного или двухъ добрыхъ людей сами собою или сообща съ православными мѣщанами виленскими; эти выбранные добрые люди должны смотрѣть за доходами монастырскими и ежегодо отдавать о нихъ отчетъ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ. Монастыри, съ вѣдома королевскаго, выбирали себѣ опекуновъ, которые имѣли обязанность охранять ихъ выгоды.

Мы видѣли, что въ 1522 году, вслѣдствіе челобитной, поданной королю Сигизмунду I монахами Кіево-Печерскаго монастыря, возстановлена была у нихъ община, которая пала отъ обнищанія монастыря послѣ татарскихъ нашествій. Но возстановленная община существовала только при одномъ архимандритѣ Игнатіи, преемники котораго уничтожили ее для своихъ выгодъ, отдавая доходы монастырскіе дѣтямъ своимъ и родственникамъ. Монастырь началъ приходить въ упадокъ, и старцы въ половинѣ вѣка снова обратились къ королю Сигизмунду-Августу съ просьбою о возстановленіи общины; король поручилъ это дѣло воеводѣ Кіевскому, князю Фридриху Глѣбовичу Пронскому и дворянину Оранскому, которые и написали уставъ для общины. Здѣсь опредѣлено: какіе доходы должны идти въ казну монастырскую, какіе архимандриту и клирошанамъ; за погребеніе монахи должны брать то, что имъ дадутъ, а не торговаться; братію свою должны хоронить и поминать одинаково, оставитъ ли кто послѣ себя имѣніе, идущее на монастырь, или не оставитъ ничего. Архимандритъ и старцы ѣдятъ и пьютъ въ одномъ мѣстѣ; во время стола происходитъ чтеніе; монахи не смѣютъ выходить изъ монастыря безъ позволенія архимандричьяго и экономова; ослушниковъ архимандритъ съ братіею имѣютъ право наказывать по ихъ духовному праву, имѣютъ право высылать изъ монастыря. Кельи и сады находятся въ общемъ пользованіи: монахъ, желающій выйти изъ монастыря, келью свою не продаетъ, беретъ только движимое имущество; платье и дрова монахамъ даются изъ казны церковной; чернецы не могутъ держать у себя бѣльцовъ, мальчиковъ и никакой живности,—одинъ архимандритъ держитъ слугу и хлопца; печать церковная хранится въ казнѣ; архимандритъ вѣдаетъ одно церковное управленіе; доходы же и расходы и управленіе имѣніями находятся въ завѣдываніи эконома, палатника и братіи; въ доходахъ и расходахъ экономъ и палатникъ дважды въ годъ отдаютъ отчетъ архимандриту и братіи; архимандритъ и старцы не могутъ принимать къ себѣ монаховъ изъ Москвы и Валахіи. Несмотря на то, въ Москвѣ не забывали Кіево-Печерскаго монастыря: по царевичѣ Иванѣ послано туда милостыни 100 рублей.

Извѣстно, что въ 1509 году митрополитъ Іосифъ созывалъ въ Вильнѣ соборъ, гдѣ постановлены были мѣры для отвращенія безпорядковъ, происходившихъ отъ столкновенія духовной власти со свѣтскою; въ 1546 году митрополитъ Макарій долженъ былъ созвать въ Вильнѣ соборъ по требованію короля Сигизмунда-Августа, который писалъ ему: „Слышали мы отъ многихъ князей и пановъ о безпорядкахъ, которые происходятъ между вашимъ духовенствомъ Греческаго закона, также между князьями, панами и простыми людьми, особенно между владыками, какъ напримѣръ на Волыни; а твоя милость, старшій ихъ пастырь, о томъ знать и удерживать ихъ не хочешь“. Поученія священникамъ отъ архіерея послѣ поставленія въ Югозападной Руси были сходны съ извѣстными уже намъ поученіями, употреблявшимися въ Московской Руси.

*

Измѣненіе, сдѣланное въ календарѣ папою Григоріемъ XIII, произвело сильное волненіе какъ между протенстантскимъ, такъ и между православнымъ народонаселеніемъ Польско-Литовскаго государства, не хотѣвшимъ принять новости, вышедшей изъ Рима. Въ 1583 году Константинопольскій патріархъ Іеремія II запретилъ православному духовенству сообразоваться съ новымъ грегоріанскимъ календаремъ, вслѣдствіе чего въ 1584 году Стефанъ Баторій запретилъ правительственнымъ лицамъ принуждать православныхъ къ отправленію праздниковъ по новому календарю.

Нѣсколько разъ упоминали мы о братчинахъ, или складчинныхъ пирахъ,—обычаѣ съ незапамятныхъ временъ распространенномъ въ древней Россіи. О братчинахъ упоминаетъ старинная лѣтопись, о ней поетъ старая пѣсня, о ней безпрестанно говорятъ старые уставы, старыя грамоты. О древности и важномъ значеніи братчины въ жизни нашего народа свидѣтельствуетъ языкъ: въ извѣстной поговоркѣ братчина является представительницею всякаго общаго дѣла, союза; о человѣкѣ, неспособномъ, по своей сварливости, неуживчивости, къ общему дѣлу, говорится: „Съ нимъ пива не сваришь". Другая пословица говоритъ: „Къ пиву ѣдется, къ слову молвится" и свидѣтельствуетъ, какъ было много охотниковъ ѣздить на братчины, къ общему пиву. Нѣкоторыя почетныя лица, какъ мы видѣли, были приглашемы на братчины. Должностныя лица, волостели, тіуны получали съ братчинъ извѣстные поборы. Но, кромѣ званыхъ гостей или такихъ, которые по должности своей имѣли право пріѣзжать на братчины, туда являлось много незваныхъ гостей, и такихъ, съ которыми трудно было пиво сварить. Поэтому разныя волости и села выхлопатывали себѣ жалованныя грамоты, по которымъ запрещалось ѣздить къ нимъ на братчины незванымъ. Но понятно, что за пивомъ и между самими участниками въ братчинѣ и гостями зваными всего легче можно было начаться ссорамъ и даже дракамъ; легко было поссориться и подраться, легко было и помириться при посредничествѣ другихъ участниковъ; нельзя было на ссоры и драки, происшедшія за пивомъ, смотрѣть какъ на безпорядки, произведенные людьми, въ полномъ сознаніи находящимися, и нельзя было взыскивать обычныхъ штрафныхъ денегъ съ человѣка, который поссорился за пивомъ, а протрезвившись спѣшитъ помириться, и потому въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ говорится: „Въ пиру или братчинѣ поссорятся или побьются, и, не вышедши изъ пиру, помирятся, то не платятъ ничего; если, даже и вышедши съ пиру, помирятся за приставомъ, то не платятъ ничего, кромѣ хоженаго" Въ нѣкоторыхъ же областяхъ братчины постарались освободиться совершенно отъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ и пріобрѣсть право суда надъ своими членами, произведшими безпорядокъ во время пира. Легко догадаться, что эту большую степень самостоятельности братчины могли пріобрѣсть преимущественно въ Новгородѣ и его владѣніяхъ, во Псковѣ, по извѣстнымъ формамъ тамошняго быта; такъ, въ Псковской судной грамотѣ говорится: „Братчины судятъ, какъ судьи". То же самое право имѣютъ братчины или братства и въ Западной, или Литовской Россіи, гдѣ бытъ городовъ, какъ мы видѣли, представлялъ сходныя черты съ бытомъ Новгорода и Пскова, и гдѣ видимъ сильнѣйшее развитіе цеховаго устройства. Къ этимъ-то братствамъ Западной Россіи мы и должны теперь обратиться, потому что объ устройствѣ ихъ въ описываемое время дошли до насъ подробныя извѣстія.

Изъ актовъ описываемаго времени и изъ позднѣйшихъ видно, что братства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Вильнѣ, получили свое устройство гораздо прежде, именно въ половинѣ XV вѣка. Въ 1579 году, трое мѣщанъ мстиславскихъ отъ лица всѣхъ своихъ собратій жаловались Стефану Баторію, что у нихъ издавна бываютъ складчины три раза въ годъ—на Троицынъ день и на Николинъ—осенній и вешній; на каждый изъ этихъ праздниковъ разсычаютъ они по 10 пудовъ меду и продаютъ его, воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь, деньги, что выручатъ за медъ, отдаютъ также на церковное строеніе. Но старосты мстиславскіе не позволяютъ имъ продавать этихъ складчинныхъ медовъ долѣе трехъ дней, и что́ у нихъ останется меду непроданнаго въ этотъ срокъ,—забираютъ за замокъ: отъ этого они терпятъ убытокъ, а церкви Божіи пустѣютъ и приходятъ въ упадокъ. Король предписалъ старостамъ, чтобъ они не забирали медовыхъ складовъ, а позволяли мѣщанамъ распродавать ихъ всѣ и по прошествіи трехъ дней. Въ 1582 году виленскіе мѣщане (горожане) братства купеческаго въ челобитной королю объявили, что у нихъ въ Вильнѣ есть особый братскій домъ, на собственный счетъ ихъ построенный; въ этотъ братскій домъ собираются купцы виленскіе Греческаго закона для разсужденія о потребностяхъ церковныхъ и госпитальныхъ, и, по древнему обычаю, покупаютъ медъ восемь разъ въ годъ: на Великій день, на Седьмую субботу, на Петровъ день, къ Успенію Богородицы, на Покровъ, на Николинъ день, на Рождество Христово и на Благовѣщанье, сытятъ этотъ медъ и пьютъ его, сходясь по три дня въ братскій домъ, воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь, а деньги, вырученныя за медъ, обращаютъ на церковное строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню убогимъ. Чтобъ дѣла братскія отправлялись съ большимъ порядкомъ, они просили короля утвердить слѣдующій уставъ: „Братья старшіе и младшіе братства купеческаго выбираютъ ежегодно между собою старостъ, которымъ поручаютъ всѣ деньги братскія, все имущество и всѣ дѣла; по прошествіи года, старосты отдаютъ отчетъ братьямъ старшимъ и младшимъ. Во время братскихъ бесѣдъ эти годовые старосты сами и чрезъ ключниковъ своихъ прилежно смотрятъ, чтобъ братья вписанные и гости приходящіе сидѣли въ дому

братскомъ прилично, дурныхъ словъ между собою не говорили, на столъ не ложились, меду братскаго не разливали, пили бы въ мѣру и никакихъ убытковъ не дѣлали. Если же кто, напившись пьянъ, причинитъ какой-нибудь убытокъ, станетъ говорить неприличныя слова, на столъ ляжетъ и питье разольетъ,—такого старосты должны сперва удержать словами, а въ случаѣ упорства съ его стороны,—берутъ съ него пеню, чѣмъ братья обложатъ. Если бы кто въ братскомъ домѣ завелъ ссору, то обиженный сейчасъ же объявляетъ о своей обидѣ старостамъ; старосты, выслушавъ жалобу, отлагаютъ дѣло до завтрашняго дня, въ который братія, собравшись въ братскій домъ, судятъ и рѣшаютъ, кто правъ и кто виноватъ, и послѣдній платитъ пеню братству. Никто, получивши обиду въ братскомъ домѣ, не жалуется никакому другому начальству, ни духовному, ни свѣтскому, ни земскому, ни городскому, ни Римской вѣры, ни Греческой, но долженъ судиться передъ старостами и братіею въ томъ домѣ, гдѣ произошла ссора. Кто въ братскомъ домѣ выбранитъ старосту, выбранитъ или ударитъ ключника, тотъ наказывается братскою пенею; ключникъ, непослушный старостѣ, сперва удерживается словами, а потомъ наказывается братскою пенею. Если староста провинится предъ братьею, то братья старшіе и младшіе сперва останавливаютъ его словами, а въ другой разъ наказываютъ братскою пенею. Если духовные люди, вѣры Римской и Греческой, или вписанные въ братство, или приглашенные кѣмъ-нибудь изъ братій, или вписавшіеся только на одинъ день, завели съ кѣмъ-нибудь ссору, то не должны жаловаться: Римской вѣры—князю епископу, а Греческой—митрополиту, должны судиться въ братствѣ и довольствоваться братскимъ рѣшеніемъ. Шляхтичъ или дворянинъ, или какой - нибудь чужой человѣкъ, приглашенный на братскій пиръ, или вписавшійся на одинъ день въ братство, не долженъ брезговать мѣстомъ, но обязанъ садиться, гдѣ придется; старосты, зная званіе каждаго, указываютъ мѣста. Никто не смѣетъ входить въ свѣтлицу братскую съ оружіемъ или приводить съ собою слугу. Еслибы кто-нибудь изъ вписанныхъ братьевъ захотѣлъ перейти въ другое братство, то обязанъ объявить объ этомъ старостамъ и братьи, и взять выпись изъ ихъ реестра; если же имя его будетъ стоять въ братскомъ спискѣ, а онъ будетъ исполнять братскія обязанности въ другомъ мѣстѣ, то онъ не считается братомъ, и братство не обязано хоронить его. Если вписанный братъ умретъ, то братья обязаны дать аксамитъ и свѣчи на погребеніе и сами провожать тѣло. Бурмистры и радцы виленскіе, римской и греческой стороны, не должны брать людей, въ купеческое братство вписанныхъ, служить къ себѣ въ братства, потому что каждое братство особенныхъ слугъ себѣ выбираетъ и для себя бережетъ". Король утвердилъ уставъ [1]).

Замѣчательное по выраженію новыхъ потребностей государственныхъ, царствованіе Іоанна IV-го ознаменовалось и составленіемъ болѣе полнаго суднаго устава. Въ 1550 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ своими братьями и боярами уложилъ Судебникъ: какъ судить боярамъ, окольничимъ, дворецкимъ, казначеямъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, по волостямъ волостелямъ, ихъ тіунамъ и всякимъ судьямъ. Такъ какъ въ описываемое время, въ XVI вѣкѣ, явилась сильная потребность въ мѣрахъ противъ злоупотребленій лицъ правительственныхъ и судей, то эта потребность не могла не высказаться и въ Судебникѣ Іоанна IV, что и составляетъ одно изъ отличій царскаго Судебника отъ прежняго великокняжескаго, отъ Судебника Іоанна III. Подобно Судебнику Іоанна III, новый Судебникъ запрещаетъ судьямъ дружить и мстить и брать посулы; но не ограничивается однимъ общимъ запрещеніемъ, а грозитъ опредѣленнымъ наказаніемъ, въ случаѣ ослушанія. Мы видѣли, что Судебникъ Іоанна III-го о случаяхъ неправильнаго рѣшенія дѣла судьями выражается такъ: „Кого обвинитъ бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, то эта грамота въ неграмоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ". Новый Судебникъ постановляетъ: Если судья просудится, обвинитъ кого-нибудь не по суду безъ хитрости, и обыщется то вправду,—то судьѣ пени нѣтъ; но если судья посулъ возьметъ и обвинитъ кого не по суду, и обыщется то вправду,—то на судьѣ взять истцовъ искъ, царскія пошлины втрое, а въ пенѣ, что государь укажетъ. Если дьякъ, взявши посулъ, списокъ нарядитъ или дѣло запишетъ не по суду, то взять съ него передъ бояриномъ въ-по-

---

[1]) Акты арх. эксп. № 241: Рукопис. житіе Св. Трифона Печенскаго. Дополн. къ акт. истор. I, № 28, 43; Акты арх. эксп. I, № 208, 305. Дополн. къ акт. истор. I, № 52, 62; Акты арх. эксп. I, № 184, 185, 264. Акты истор. I, № 173; Акты арх. эксп. I, 186; Акты истор. I, № 158; Акты арх. эксп. I, № 229; Акты истор. I, № 298; Дополн. къ акт. истор. I, № 41; Стоглав. по рукоп. Имп. Публ. библіот.; Акты арх. эксп. I, № 232; Акты истор. № 154, 155; Акты арх. эксп. I, № 231; Акты истор. I, № 212, 204, 190; Акты арх. эксп. I, № 227, 308; С. г. г. и д. I, № 200; Акты арх. эксп. I, № 214, 195, 202, 197; Акты истор. I, № 189; Акты юридич. № 125, 126; Акты арх. эксп. I, № 191, 246, 221, 258, 268, 307, 189, 198; Акты истор. I, № 157.—Еп. Макарія—Исторія Русскаго раскола. стр. 5 и слѣд.; Акты арх. эксп. I, № 238, 239; Никон. лѣт. VII, 204; Акты истор. № 161, 296, 300, 297; П. С. Р. Л. III, 156, 164, 170, 172; Дѣла Греческ. № 1-й и 2.; Собор. Грам. Духов. Правосл. Восточ. церкви, изд. кн. Оболенскимъ 1850 г.; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г. № 3, Акты Запад. Россіи II, № 193, 197, 198; III, № 32, 137, 140, 20, 21, 71, 80; II, 67, 68, 212, 219, 231; III, № 2, 43; II, № 174, 205; III, 14, 15; II, № 230, III, № 29, 43, 53, 89, 118, 110, 129, 144, 126, 10, 3, 31; Исторія Россіи V т. Акты Западн. Россіи, III, 138, 139; Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. II, № 17; Акты Западн. Россіи. III, № 109, 131; Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № L, LIII — LIX, CLXIX—CLXXVI; Акты изд. Кіевск. Коммис. I, отд. II, № 4—9.

ловину, да кинуть въ тюрьму; если же подьячій запишетъ дѣло не по суду за посулъ, то бить его кнутомъ. Если виноватый солжетъ на судью, то бить его кнутомъ и посадить въ тюрьму. По Судебнику Іоанна III-го, судья не долженъ былъ отсылать отъ себя жалобщиковъ, не удовлетворивши ихъ жалобамъ; новый Судебникъ говоритъ и объ этомъ подробнѣе: если судья жалобника отошлетъ, жалобницы у него не возьметъ и управы ему или отказа не учинитъ, и если жалобникъ будетъ бить челомъ государю, то государь отошлетъ его жалобницу къ тому, чей судъ, и велитъ ему управу учинить. Если же судья и послѣ этого не учинитъ управы, то быть ему въ опалѣ. Если жалобникъ бьетъ челомъ не по дѣлу, судьи ему откажутъ, а онъ станетъ бить челомъ, докучать государю, то кинуть его въ тюрьму. При опредѣленіи судныхъ пошлинъ (отъ рублеваго дѣла судьѣ одиннадцать денегъ, дьяку—семь, а подъячему—двѣ) противъ стараго Судебника также прибавлена статья о наказаніи за взятіе лишняго: взявшій платитъ втрое; если въ одномъ городѣ будутъ два намѣстника или въ одной волости два волостеля, а судъ у нихъ не въ раздѣлѣ, то имъ брать пошлины по списку обоимъ за одного намѣстника, а тіунамъ ихъ за одного тіуна, и дѣлятъ они себѣ по половинамъ; а которые города или волости подѣлены, а случится у нихъ судъ общій, то имъ обоимъ пошлины брать однѣ и дѣлить между собою по половинамъ же. Если же два намѣстника или два волостеля, или два тіуна возьмутъ съ одного дѣла двѣ пошлины и уличатъ ихъ въ томъ, то заплатившій пошлины беретъ на нихъ втрое; если же кто станетъ бить челомъ, что съ него взяли на судѣ лишнее, и окажется, что жалобникъ солгалъ, то казнить его торговою казнію и вкинуть въ тюрьму. Постановлены предосторожности противъ злоупотребленій дьяковъ и подъячихъ и наказанія въ случаѣ ихъ обнаруженія: дѣла нерѣшенныя дьякъ держитъ у себя за своею печатью, пока дѣло кончится. Дьяки, отдавая подъячимъ дѣла переписывать съ-черна на-чисто, должны къ жалобницамъ и дѣламъ прикладывать руки по склейкамъ, и когда подъячій перепишетъ, то дьякъ свѣряетъ самъ переписанное съ подлинникомъ, прикладываетъ руку и держитъ дѣла у себя, за своею печатью. Подъячіе не должны держать у себя никакихъ дѣлъ; если же вынутъ у подъячаго дѣло, или списокъ безъ печати и рукоприкладства дьяка, то искъ, пошлины и ѣздъ взять на дьякѣ, а подъячаго бить кнутомъ; если же вынутъ у подъячаго списокъ или дѣло за городомъ или на подворьи, то искъ взять на дьякѣ же, а подъячаго казнить торговою казнію и выкинуть изъ подъячихъ. Недѣльщикъ не долженъ просить посула на судей и самъ не брать; въ противномъ случаѣ казнить его торговою казнію, доправить посулы втрое и выкинуть изъ недѣль (отставить отъ должности). Кромѣ этого, по недѣльщикѣ давались еще поручныя записки, въ которыхъ поручившіеся, человѣкъ 10, обязывались: „Ему, за нашею порукою, недѣли дѣлать вправду, насильства и продажи никому не чинить, разбойниковъ и воровъ оговаривать людей по недружбѣ не научать, колодниковъ и воровъ не отпускать; безсудныя и правыя грамоты давать, а истцовъ и отвѣтчиковъ не волочить; съ записями людей своихъ и племянниковъ не посылать и съ приставными неписьменныхъ ѣздоковъ не посылать же; корчмы, зернщиковъ, подпищиковъ, б.... и всякихъ лихихъ людей у себя не держать и лихихъ дѣлъ никакихъ не дѣлать; съ конченныхъ дѣлъ истцовы иски и царскія пошлины править безволокитно, истцовы иски отдавать истцамъ, а съ судныхъ дѣлъ пошлинъ не красть; доправя пошлины, у себя не держать, отдавать въ царскую казну. А станетъ онъ дѣлать не такъ, какъ въ этой записи писано, то на насъ, на поручникахъ, царская пеня, что государь укажетъ, истцовы иски, царскія пошлины, и наши головы въ его голову, наше имѣніе въ его имѣніе.“

Грозя наказаніемъ корыстолюбивымъ судьямъ, новый Судебникъ заключаетъ въ себѣ мѣры и противъ ябедничества: по городамъ намѣстникамъ посадскихъ людей судить, обыскивая по ихъ имуществамъ, промысламъ и по размету; кто сколько рублей даетъ царской подати, по тому ихъ судить и управу чинить. Старосты, сотскіе, десятскіе и всѣ горожане должны ежегодно присылать разметныя книги въ Москву къ тѣмъ боярамъ, дворецкимъ, казначеямъ и дьякамъ, у кого будутъ ихъ города въ приказѣ, а другія разметныя книги должны отдавать старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ въ судѣ сидятъ. И если посадскіе люди станутъ искать другъ на другѣ много, не по своему имуществу, то сыскивать про такихъ истцовъ разметными книгами, сколько рублей подати даетъ онъ съ своего имѣнія; и если окажется, что у него имѣнія настолько есть, насколько ищетъ, то судъ ему дать; если же нѣтъ, то обвинить его, взять съ него пошлины, а самого прислать въ Москву, къ государю. Городскимъ посадскимъ людямъ искать на намѣстникахъ и на ихъ людяхъ также по своимъ имуществамъ, промысламъ и по размету; а въ который годъ староста и цѣловальники разметныхъ книгъ въ Москву не пришлютъ, въ томъ году имъ на намѣстника суда не давать. По волостямъ волостелямъ судить черныхъ людей по ихъ жалобницамъ и управу имъ чинить безволокитно; а кто взыщетъ много, не по имуществу своему, а отвѣтчикъ станетъ бить челомъ, что истецъ ищетъ много, имѣнія у него столько нѣтъ, насколько ищетъ,—то волостели выбираютъ изъ тѣхъ же волостей лучшихъ людей, да цѣловальника одного или двоихъ, посмотря по дѣлу, и посылаютъ ихъ обыскивать накрѣпко, было ли у истца настолько имѣнія, насколько ищетъ, и послѣ обыску поступать, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Если же истецъ скажетъ, что у него было чужое имѣніе, то обыскивать, правда ли это и много ли было у него чужаго имѣнія, и какимъ

образомъ оно попалось къ нему. — Въ 1582 году государю было доложено, что многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ господъ и нанимаются въ судахъ у другихъ людей, ябедами и крамолами людей проторятъ, въ жалобницахъ пишутъ иски большіе, въ судѣ лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягивая судъ, или составляютъ крамолу, поминая другія прежнія дѣла и брань; а тѣ, которые нанимаются у ищеи или отвѣтчика стоять за него въ судѣ, стакнувшись съ противникомъ, продаютъ своего наемщика, говорятъ въ судѣ лишнее или не договариваютъ чего надобно и тѣмъ его обвиняютъ; иные, хотя, составляютъ жалобницы и суды за деньги, вмѣщаютъ крамолы въ людей и тяжбы негодныя умножаютъ; и такимъ злымъ людямъ, дѣтямъ боярскимъ и холопямъ и иныхъ чиновъ людямъ казни нѣтъ.—Государь приговорилъ со всѣми боярами: ябедниковъ, крамольниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадить. Кто будетъ стоять въ судѣ за себя или за своего господина, или за кого-нибудь другого, и въ жалобницѣ напишетъ искъ большой, и доведетъ отвѣтчикъ, что искъ подписанъ ложно, то жалобника обвинить, и что искалъ лишняго, то, на немъ доправя, отдать отвѣтчику, да пошлина и продажа на немъ же. Если въ судѣ онъ будетъ говорить не по дѣлу, того не слушать и не писать, а его, бивъ кнутомъ, отъ суда отослать и впередъ къ суду не пускать. А если безчестилъ кого прежнимъ дѣломъ, того также не писать, и если не докажетъ того, чѣмъ безчестилъ, то, бивъ его кнутомъ, доправить безчестье безъ суда. Если кто назоветъ другого воромъ, и убійства, крамолы и рокоша на царя государя не доведетъ, того самого казнить смертью за то: въ жалобницѣ и судѣ не безчесть; а кто въ жалобницѣ и судѣ лжетъ и составитъ ябеду, того казнить торговою казнью, да написать въ казаки, въ украинскіе города Сѣвскъ и Курскъ. Если какой-нибудь лихой человѣкъ, взявши деньги, продастъ того, за кого стоялъ: тотъ судъ не въ судъ, наемнаго доводчика казнить смертью, а кто подкупилъ, съ того доправить все, что въ жалобницѣ написано, также пошлины и протори всѣ, да казнить его торговою казнію; если же доводчикъ съ пытки не скажетъ, что подкупленъ, то судъ съ головы. Которыя дѣти боярскія, бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ, или бьютъ челомъ ябедою въ большихъ искахъ, а мирятся на маломъ, потому что въ жалобницахъ пишутъ искъ не по дѣлу,—такихъ истцовъ винить во всемъ иску, и впередъ ихъ въ судъ не пускать, и жалобницъ отъ нихъ не принимать ни въ какомъ приказѣ. А кто уличенъ будетъ въ составѣ и въ крамолѣ, то такого лихого человѣка казнить торговою казнью, да сослать въ казаки въ украинскіе города, а помѣстье и отчины, взявши, раздать роду его, а не будетъ у него рода, то безпомѣстнымъ служилымъ людямъ, кого государь пожалуетъ. Если судья будетъ помогать какому-нибудь составщику или ябеднику, или таить крамольника, ябеду не станетъ обличать, или жалобницу приметъ не по дѣлу, или въ судѣ дастъ говорить что не къ дѣлу: на такомъ судьѣ взять истцовъ искъ, пошлины и протори, а въ пенѣ—что государь укажетъ.

Мы видѣли, что цѣловальники явились въ Новгородѣ въ правленіе великаго князя Василія; въ Судебникѣ сына его читаемъ: На судѣ у бояръ и дѣтей боярскихъ и у тіуновъ ихъ быть, гдѣ дворскій—дворскому, да старостѣ и лучшимъ людямъ цѣловальникамъ; а въ которыхъ волостяхъ прежде старостъ и цѣловальниковъ не было, въ этихъ мѣстахъ всюду теперь быть старостамъ и цѣловальникамъ. Случится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ, или передъ волостелемъ, или передъ ихъ тіунами искать или отвѣчать, то въ судѣ быть старостамъ и цѣловальникамъ той волости, изъ которой кто ищетъ или отвѣчаетъ. Пришлетъ намѣстникъ или волостель, или тіунъ ихъ списокъ судный къ докладу, а ищея или отвѣтчикъ у доклада списокъ оболживитъ,—то послать на правду по дворскаго, старосту и цѣловальниковъ, которые у того дѣла въ судѣ сидѣли. Если эти судные мужи скажутъ, что судъ былъ именно такой, у списка руки ихъ и если противень писанъ намѣстничьимъ дьякомъ, сойдется слово въ слово съ суднымъ спискомъ, который писанъ земскимъ дьякомъ,—то виноватъ тотъ, кто списокъ лживилъ; въ противномъ же случаѣ, если судные мужи скажутъ, что судъ былъ не таковъ, списокъ писанъ не земскаго дьяка рукою, руки у списка не ихъ, противень не сходенъ со спискомъ,—то истцовъ искъ взять на судьѣ, да кромѣ того на немъ пеня, что государь укажетъ. Если скажетъ дворскій и тѣ судные мужи, старосты и цѣловальники, которые грамотѣ умѣютъ, что судъ былъ именно такой и руки у списка ихъ; а тѣ судные мужи, которые грамотѣ не умѣютъ, съ ними порознятся, скажутъ, что судъ былъ, да не таковъ, и противень съ суднымъ спискомъ будетъ не слово въ слово,—то виноватъ судья и судные мужи, которые по списку такали, взять на нихъ истцовъ искъ, да пеню, что государь укажетъ. Если намѣстничьи или волостелины люди станутъ давать кого на поруку до суда и послѣ суда, и по комъ поруки не будетъ, то должны объявить объ этихъ людяхъ въ городѣ приказчикамъ городовымъ, да дворскому, старостамъ и цѣловальникамъ; а въ волости объявлять старостамъ и цѣловальникамъ, которые въ судѣ сидятъ. Если же намѣстничьи или волостелины люди, не явя приказчику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, сведутъ къ себѣ человѣка, по комъ поруки не будетъ, да его у себя скуютъ, и родъ его и племя придутъ къ приказчикамъ, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ бить челомъ,—то приказчикъ, дворскій, староста и цѣловальники этого человѣка у намѣстничьихъ или волостелиныхъ людей должны вынуть и взять на нихъ его безчестье, и, чего онъ на нихъ взыщетъ,—взять искъ вдвое.

Относительно уголовныхъ преступленій въ новомъ Судебникѣ видимъ больше мѣръ предосторожности противъ ихъ возобновленія, еще большее, чѣмъ въ старомъ, обращеніе вниманія на интересы цѣлаго общества. Такъ, въ старомъ Судебникѣ опредѣлено, что пойманнаго на воровствѣ впервые бить кнутомъ, потомъ доправить на немъ вознагражденіе истцу и судьѣ продажу, и отпустить: если же не будетъ у него имѣнія, то, бивши кнутомъ, выдать истцу головою на продажу. Въ новомъ Судебникѣ правительство не отпускаетъ уже такъ легко человѣка, уличеннаго въ преступленіи и могущаго возобновить его немедленно послѣ суда и наказанія; новый Судебникъ постановляетъ: вора, пойманнаго впервые, бивши кнутомъ и доправивши на немъ истцовъ искъ, дать на крѣпкую поруку; а не будетъ по немъ крѣпкой поруки, то вкинуть въ тюрьму, пока порука будетъ. Если у вора не будетъ имѣнія, чѣмъ заплатить истцу, то, бивши кнутомъ, выдать его истцу головою на правежъ до искупа, а истца дать на поруки, что ему, доправя свое, отдать преступника боярамъ; если же истецъ не захочетъ дать по себѣ поруки, что приведетъ преступника къ судьѣ, то вора вкинуть въ тюрьму, пока будетъ по немъ порука, и тогда за этою порукою доправлять на немъ истцовъ искъ. О правежѣ государь приговорилъ съ боярами въ 1555 г.: Стоять на правежѣ во сто рубляхъ мѣсяцъ, а будетъ искъ больше или меньше, то стоять по тому же разсчету; а на которыхъ людяхъ и въ мѣсяцъ истцова иску доправить нельзя,—тѣхъ выдавать истцамъ головою до искупа; которые люди добьютъ челомъ о переводѣ, то дать срокъ деньги перевести и на другой мѣсяцъ, а больше того срока не давать для людской волокиты.

Важное различіе новаго Судебника отъ стараго состоитъ и въ томъ, что въ немъ обращено вниманіе на собственное признаніе преступника: приведутъ его съ поличнымъ впервые, то судить его и послать обыскивать. Назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, то пытать; скажетъ на себя самъ, то казнить его смертною казнію: а не скажетъ на себя самъ, то вкинуть въ тюрьму до смерти, а истцово заплатить изъ его имущества; если же скажутъ въ обыску, что добрый человѣкъ, то дѣло вершить по суду. Также при вторичной поимкѣ на воровствѣ велѣно вора пытать, и если скажетъ на себя самъ, то казнить смертною казнію; если же не признается, то обыскивать: скажутъ, что дурной человѣкъ,—то посадить въ тюрьму на всю жизнь; назовутъ добрымъ человѣкомъ, то дать на крѣпкую поруку. Также, если воръ оговоритъ кого-нибудь и, по обыску, окажется, что обговоренный дурной человѣкъ, то его пытать, и если признается, то казнить; если же не будетъ доказательства вины и въ обыску на него лиха не скажутъ, то рѣчамъ вора не вѣрить и обговореннаго только дать на поруку. Въ разбойныхъ дѣлахъ собственному признанію не дано такой силы. Въ Наказѣ губнымъ старостамъ 1571 года говорится: На кого въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, воры и разбойники, къ кому разбойники пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, кому эту рухлядь продаютъ за разбойное, укажутъ именно на ихъ дурныя дѣла—кого разбивали и кого крали,—то старосты эти рѣчи велятъ губнымъ дьякамъ писать подлинно, архимандритамъ, игуменамъ, попамъ, дьяконамъ и обыскнымъ людямъ, которые грамотѣ умѣютъ, велятъ къ этимъ рѣчамъ руки прикладывать, а кто грамотѣ не умѣетъ,—вмѣсто тѣхъ прикладываютъ руки отцы ихъ духовные. На кого въ обыску скажутъ, что лихіе люди, а истцовъ имъ нѣтъ,—за такими старосты посылаютъ и велятъ ставить ихъ передъ собою, имѣніе ихъ описывается и печатается до окончанія дѣла, а самихъ пытаютъ; станутъ виниться въ разбояхъ и оговаривать другихъ, то старосты посылаютъ за оговоренными и ставятъ ихъ на очную ставку съ оговорителями, а имѣніе ихъ опечатывается. Если на очной ставкѣ языкъ съ нихъ не сговоритъ, то старосты обыскиваютъ объ нихъ многими людьми: окажется по обыску, что люди добрые, то старостамъ отдавать ихъ на чистыя поруки за обыскныхъ людей, которые ихъ одобрили, а по разбойничьимъ рѣчамъ брать на нихъ долю (выти) въ истцовые иски, по сыску и по новому приговору, въ половину истцева иска. Кто самъ повинится въ разбоѣ, того казнить смертію, а объ имѣніи его отписать въ Москву, къ боярамъ, въ Разбойную избу. На кого языкъ взговоритъ въ разбоѣ на одной пыткѣ, а на очной ставкѣ съ него сговоритъ и въ обыску назовутъ его добрымъ,—такого давать на чистыя поруки за обыскныхъ людей, безвытно. На кого языкъ говоритъ на двухъ пыткахъ, а на очной ставкѣ, или на третьей пыткѣ, или идя къ казни, станетъ съ него сговаривать и въ обыску назовутъ добрымъ:—такого человѣка дать на чистую поруку, но взять на немъ выть и сговору не вѣрить. На кого языкъ въ разбоѣ сговоритъ, но въ обыску назовутъ ихъ лихими людьми, такихъ пытать. Если признавшійся на пыткѣ разбойникъ будетъ боярскій человѣкъ, то на господинѣ его брать выть въ-половину истцова иска. На кого языкъ въ разбояхъ говорилъ, и въ обыскахъ назовутъ ихъ лихими людьми, но сами они на пыткахъ не признаются, такихъ казнить смертію по обыску. На комъ истцы ищутъ разбоевъ, но языки на нихъ въ разбояхъ не говорятъ, и истцы кромѣ поля улики не приводятъ никакой,—то обыскивать: скажутъ въ обыску, что лихіе люди, а лиха именно не скажутъ, то пытать; не признаются на пыткѣ, то сажать ихъ въ тюрьму на смерть: если же сами не признаются, но въ обыску именно укажутъ на ихъ разбои, то казнить смертію. На кого языкъ говоритъ, а въ обыскѣ половина назоветъ его добрымъ человѣкомъ, а другая половина лихимъ, то его пытать: не признается,—отдать на поруку за обыскныхъ людей, которые его одобрили, а по разбойничьимъ рѣчамъ взять на немъ выть; если же въ той по-

ловинѣ, которая назвала его лихимъ человѣкомъ, окажется большинство человѣкъ въ пятнадцать или двадцать, а самъ онъ на пыткѣ не признается, то посадить его въ тюрьму на смерть, а послѣ прибудетъ на него другое обвиненіе въ разбоѣ, то казнить смертію; а на обыскныхъ людяхъ, которые его одобрили, взять выть. На кого говорятъ въ разбоѣ языка два или три, а въ обыску одна половина назоветъ его добрымъ, а другая лихимъ, то пытать: не признается—посадить въ тюрьму на смерть, а послѣ прибудетъ новое обвиненіе, то казнить смертію, а на обыскныхъ людяхъ, которые его одобряли, взять выть; сверхъ того, лучшихъ людей двоихъ или троихъ бить кнутомъ. На кого языки скажутъ въ разбоѣ, а на очной ставкѣ сговорятъ, но въ обыску назовутъ лихими людьми съ доводомъ,—такихъ пытать и казнить смертію, хотя бы на пыткѣ и не признались.—Въ Судебникѣ опредѣлено: Кто взыщетъ бою и грабежа, и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ, то отвѣтчика въ бою обвинить и безчестье на немъ взять; а въ пенѣ, посмотря по человѣку, что государь укажетъ; въ грабежѣ же судъ и правда, а во всемъ не обвинять; такъ же поступать, если отвѣтчикъ скажетъ, что грабилъ, а не билъ. И въ другихъ дѣлахъ судить такъ же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ и взять, а въ остальномъ судъ и правда, и крестное цѣлованіе. По старому Судебнику, если скажутъ на кого человѣкъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному цѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять, шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взять на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Въ новомъ Судебникѣ число свидѣтелей въ этомъ случаѣ увеличено до десяти или пятнадцати.

О полѣ или судебномъ поединкѣ въ новомъ Судебникѣ встрѣчаемъ такія постановленія: Къ полю пріѣдутъ окольничій и дьякъ и спрашиваютъ истцовъ и отвѣтчиковъ: кто за ними стряпчіе и поручники; кого за собою стряпчихъ и поручниковъ скажутъ,—тѣмъ велѣть у поля стоять; а доспѣху, дубинъ и ослоповъ стряпчимъ и поручникамъ у себя не держать. Бой полщикамъ давать ровный. А придутъ къ полю посторонніе люди, то окольничій и дьякъ ихъ отъ поля отсылаютъ; кто не послушается—не пойдетъ, тѣхъ отсылать въ тюрьму. Биться на полѣ бойцу съ бойцомъ, или небойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не биться; если же захочетъ небоецъ съ бойцомъ биться, то воля. Если кто пошлется на послуховъ, а послухи между собою порознятъ, одни скажутъ въ истцовы рѣчи, а другіе нѣтъ, и первые попросятъ съ послѣдними поля, то позволять имъ биться. Если послухи, которые показывали согласно съ истцомъ, убьютъ (то-есть поборютъ) тѣхъ послуховъ, которые ему противорѣчили, то истцово и пошлины брать на отвѣтчикахъ и на послухахъ, которые противорѣчили истцу, и наоборотъ. А не попросятъ поля послухи, показавшіе согласно съ истцомъ, или послухи не договорятъ въ истцовы рѣчи, то истецъ обвиняется. Досудятся въ какомъ-нибудь дѣлѣ до поля, а станетъ бить челомъ отвѣтчикъ, что ему стоять у поля нельзя, чтобъ присудили крестное цѣлованіе, то поле отставить, и дать волю истцу: хочетъ—самъ цѣлуетъ или дастъ отвѣтчику цѣловать, и наоборотъ, если станетъ бить челомъ истецъ. Подъ 1575 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что царь уставилъ въ Новгородѣ намѣстника по старинѣ и полямъ велѣлъ быть по старинѣ.

Относительно обыска постановлено въ 1556 г.: Если ищеи и отвѣтчики, тяжущіеся передъ боярами и во всѣхъ приказахъ, пошлются въ обыскъ на многихъ людей безыменно, то бояре посылаютъ обыскивать къ старостамъ и цѣловальникамъ. Старосты и цѣловальники велятъ ѣздить къ обыскамъ многимъ людямъ и всѣмъ лучшимъ, князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, ихъ приказчикамъ и крестьянамъ, архимандритамъ, игуменамъ, попамъ и дьяконамъ; а изъ городовъ съ посаду лучшими людьми обыскивать съ лица на лицо, а заочно обыскныхъ людей не писать; рѣчи свои обыскные люди пишутъ сами; а которые люди грамотѣ не умѣютъ, тѣ руки прикладываютъ, и отцы ихъ духовные къ тѣмъ рѣчамъ также руки прикладываютъ. Если обыскные люди скажутъ не однѣ рѣчи: иные люди говорятъ по истцѣ, а другіе по отвѣтчикѣ, то по комъ скажетъ больше людей, человѣками пятидесятью или шестидесятью, того по большему обыску оправить, по меньшему обвинить, безъ поля и крестнаго цѣлованія. Послѣ того государь прикажетъ владыкѣ или архимандриту, или игумену развѣдать вправду, которая половина солгала,—и лживыхъ казнить. Скажутъ въ обыску поровну, половина по истцѣ, а другая половина по отвѣтчикѣ, то по такимъ обыскамъ дѣла не вершить, а посылать на обыскъ въ другой разъ, велѣть обыскивать другими многими людьми про то, которая половина солгала. На которую половину доведутъ, что она солгала, то выбрать изъ нея, изо ста человѣкъ приказчиковъ и крестьянъ, лучшихъ людей человѣкъ пять или шесть, и бить ихъ кнутомъ, а игуменовъ, поповъ и дьяконовъ отсылать къ святителю; всѣ убытки, которые потерпитъ правый, кромѣ иска, взыскать на тѣхъ, на которыхъ ложь доведутъ, а которыхъ людей пытали по ложному обыску, тѣмъ людямъ взять на нихъ безчестье вдвое, для лжи, чтобъ впередъ не лгали. Тому же самому подвергаются люди, которые на обыскѣ въ одномъ дѣлѣ двойныя рѣчи говорятъ. Пошлется въ судѣ ищея или отвѣтчикъ не на многихъ людей, человѣкъ на пять или на шесть, а вѣрить этимъ людямъ нельзя, то ими не обыскивать, а вершить дѣло по суду и по дѣлу, что положено на судѣ. Пошлется ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на дьяка, или на приказнаго человѣка, кому вѣрить можно, посмотря по дѣлу, то это свидѣтельство принимать, и, какъ скажутъ, по тому и вершить безъ поля и крестнаго цѣлованія. Пошлется ищея или отвѣтчикъ изъ виноватаго, хотя на одного человѣка, то и это

свидѣтельство принимать, что скажетъ, по тому и винить; если бы даже немного не договорилъ противъ ищеи или отвѣтчика—обвинить. Бояре, дьяки, всѣ приказные люди и дворяне должны приказать въ своихъ селахъ накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ люди ихъ и крестьяне не лгали, а говорили правду; если же сыщется, что люди ихъ и крестьяне солгали въ обыскахъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть отъ государя въ великой опалѣ, и людей крестьянъ ихъ казнить, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ. Свѣдаетъ бояринъ, дьякъ, приказный человѣкъ, дворянинъ и сынъ боярскій, что въ обыску люди ихъ и крестьяне лгали, то сказать имъ правду государю, и въ такомъ случаѣ имъ отъ государя опалы не будетъ, а дѣло, сыскавши вправду, вершить. Старостамъ въ воровскихъ, разбойныхъ и всякихъ дѣлахъ обыскивать правду, по крестному цѣлованію, другу не дружить и недругу не мстить. Беречься имъ и сыскивать накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ не говорили бездѣльно, стакавшись семьями и заговорами; старосты должны о такихъ людяхъ писать къ государю; въ случаѣ неисполненія этихъ обязанностей,—старостъ казнить безъ милости.

Новый Судебникъ отличается отъ стараго подробнымъ постановленіемъ о платѣ за безчестіе: безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывать противъ дохода, по книгамъ, а женамъ ихъ—вдвое. Тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которыя получаютъ жалованье, плата за безчестье равняется этому жалованью; женѣ—вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ безчестья, что государь укажетъ, женамъ ихъ—вдвое. Гостямъ большимъ безчестья пятьдесятъ рублей, женамъ ихъ—вдвое. Торговымъ людямъ и посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестья пять рублей, женамъ—вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестья пять рублей, кромѣ тіуновъ и доводчиковъ, которые получаютъ плату за безчестье противъ дохода, женамъ—вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному безчестье рубль, женѣ его два рубля. Боярскому человѣку младшему или черному городскому человѣку младшему безчестья также рубль, женамъ ихъ—вдвое. За увѣчье налагать пеню, смотря по человѣку и по увѣчью.—Отъ описываемаго времени до насъ дошло дѣло знаменитаго дьяка Василія Щелкалова, на котораго подъячій Айгустовъ доводилъ многія лихія дѣла; на пыткѣ обвинитель признался, что составлялъ на Щелкалова многія дѣла по наученію князя Михайлы Черкаскаго; тогда государь велѣлъ взять на Айгустовѣ безчестье Щелкалова и жены его 600 рублей; такъ какъ у Айгустова недостало денегъ для уплаты, то взяли у него вотчину.

Относительно чужеземцевъ къ положенію стараго Судебника прибавлено: Если человѣкъ здѣшняго государства взыщетъ на чужеземцѣ или чужеземецъ на здѣшнемъ человѣкѣ, то давать имъ жребій: чей жребій вынется, тотъ, поцѣловавши крестъ, свое возьметъ, или отцѣлуется. Англичанинъ Лэнъ описываетъ намъ это выниманіе жребія: два восковыхъ шарика съ именами тяжущихся клались въ шапку, и чье имя прежде вынималось,—тотъ выигрывалъ.

Относительно займовъ въ 1557 году царь почелъ за нужное сдѣлать слѣдующее постановленіе: На служилыхъ людяхъ править долги денежные и хлѣбные по кабаламъ и памятямъ и духовнымъ грамотамъ, въ продолженіи пяти лѣтъ (до 1562 года), истину, деньги безъ росту, а хлѣбъ безъ наспу, разочтя на пять жребіевъ; по старымъ кабаламъ, по Рождество Христово 1557 года, всѣ росты государь отставилъ. Но если служилые люди станутъ занимать деньги въ ростъ или хлѣбъ въ наспы въ эти правежныя пять лѣтъ, и въ урочные года въ новыхъ долгахъ не выплатятся, то впередъ съ Рождества Христова 1562 г новые долги на служилыхъ людяхъ править всю истину сполна, да кромѣ того деньги съ половиннымъ ростомъ (10 на 100) и хлѣбъ съ наспомъ. Который заемщикъ въ этотъ пятилѣтній срокъ не станетъ платиться по годамъ, будучи на службѣ или въ отъѣздѣ годъ, два, то, когда возвратится, править на немъ вдругъ за всѣ тѣ годы, въ которые не платилъ. Кто будетъ на службѣ или въ отъѣздѣ всѣ урочныя пять лѣтъ, то по возвращеніи править на немъ весь долгъ вдругъ, но безъ росту. Сторублевый долгъ править на служиломъ человѣкѣ два мѣсяца, а будетъ долгъ больше или меньше, то по разсчету; а неслужилымъ людямъ стоять на правежѣ во сторублевомъ долгѣ мѣсяцъ. По ряднымъ грамотамъ на всѣхъ людяхъ править всегда сполна. На неслужилыхъ людяхъ въ урочныя пять лѣтъ долги по старымъ кабаламъ править всѣ сполна, но безъ росту; если же они станутъ занимать деньги въ ростъ или хлѣбъ въ наспы въ тѣ же правежные годы, то на нихъ въ новыхъ долгахъ правежъ давать всегда, а ростъ и насыпъ на хлѣбъ велѣть править въ половинѣ (10 на 100); а не выплатятъ новыхъ долговъ въ урочныя пять лѣтъ, то править на нихъ съ полнымъ ростомъ и наспомъ (20 на 100). Кто у кого возьметъ деньги взаймы безкабально и безъ памяти, или кто у кого возьметъ въ ссуду что-нибудь, и на судѣ не отопрется, то велѣть на немъ править сполна и правежъ давать всегда. Тотъ, кто занялъ деньги и заложилъ заимодавцу отчину за ростъ пахать, тотъ можетъ выплачивать свой долгъ въ урочныя пять лѣтъ такимъ образомъ: отдастъ на первый годъ пятую долю долга по разсчету, а вотчину возьметъ назадъ; но заимодавецъ продолжаетъ пахать ее у него за ростъ; и должникъ не можетъ ни заложить ея, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ отдать, пока не выплатитъ всѣхъ денегъ, и если не выплатитъ, то вотчину отдавать назадъ заимодавцу. Если же должникъ, не заплативши всѣхъ денегъ по частямъ въ пять лѣтъ, вотчину свою продастъ, да и продавши, не заплатитъ долга, то править на немъ весь долгъ сполна; а не будетъ должника на лицо, то править на томъ, кто у него закладную

вотчину купилъ, и если на немъ доправить нельзя, то взять у него эту вотчину и отдать заимодавцу, у кого она была заложена, а ему дать правежъ на того, у кого онъ ее купилъ; если нельзя будетъ съ него взыскать денегъ, то выдать его головою до искупа; а не будетъ его на лицо, то у того, кто купилъ заложенную вотчину, деньги пропали, потому: покупай вотчину сыскивая, свободна ли она; а если продавецъ послѣ явится, то дать ему на него управу. Въ 1558 году государь приказалъ: Кто займетъ деньги и кабалу на себя дастъ за ростъ служить, но когда дѣло дойдетъ до взысканія, кабалу оболживитъ и скажетъ, что онъ сына боярскаго служиваго сынъ, — то сыскивать: если должнику болѣе пятнадцати лѣтъ, а государевой службы не служитъ и въ десяткѣ не написанъ и кабала написана, когда уже ему минуло пятнадцать лѣтъ, то судъ на него давать; если же ему будетъ менѣе пятнадцати лѣтъ, то на такихъ суда по кабаламъ не давать. Въ 1560 году, по случаю пожара, было постановлено: Кто, потерявши дворы отъ пожара, станетъ искать по кабаламъ заемныхъ денегъ на тѣхъ людяхъ, у которыхъ дворы также погорѣли, то приставовъ не давать и править долговъ не велѣть пять лѣтъ [1]).

Мы видѣли, что въ старомъ Судебникѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ вслѣдствіе вліянія законовъ Моисеевыхъ, помѣщавшихся въ Кормчихъ книгахъ, имущество умершаго, за неимѣніемъ сына, положено отдавать дочери, за неимѣніемъ дочери—ближайшему въ родѣ. Но Іоаннъ IV, какъ мы видѣли также, счелъ нужнымъ право наслѣдованія въ старинныхъ княжескихъ вотчинахъ ограничить мужескимъ потомствомъ умершаго. Относительно наслѣдства послѣ бездѣтныхъ бояръ и сыновей боярскихъ Іоаннъ тогда же, въ 1562 году, постановилъ, что если ближняго рода и духовной у нихъ не будетъ, то вотчина отбирается на государя, а женѣ государь велитъ дать изъ этой вотчины, чѣмъ ей можно прожить, и душу умершаго государь велитъ также устроить изъ своей казны. Въ 1572 году относительно вотчинъ пожалованныхъ было опредѣлено, что, въ случаѣ смерти бездѣтнаго владѣльца, надобно обращать вниманіе на смыслъ жалованной грамоты, будетъ ли въ ней прописано, что вотчина пожалована ему, женѣ, дѣтямъ, роду: какъ написано—такъ и поступать. Если въ грамотѣ написано, что вотчина жалуется одному лицу, то по смерти его она отходитъ на государя; если же у него не будетъ государевой грамоты, то вотчины отбираются по его смерти на государя, хотя бы у него и дѣти были. Впрочемъ, и право боковыхъ родственниковъ наслѣдовать въ выслуженной вотчинѣ ограничено только извѣстными степенями: бездѣтно умершему наслѣдуютъ братья его родные, сыновья и внуки родныхъ братьевъ; если умретъ бездѣтнымъ одинъ изъ этихъ братнихъ сыновей или внуковъ, то участки умершихъ отдаются братьямъ ихъ роднымъ, дядямъ, племянникамъ и двоюроднымъ внукамъ, но родственникамъ далѣе двоюродныхъ внуковъ вотчина не отдается.

Въ новомъ Судебникѣ находимъ постановленіе о правѣ выкупа вотчинъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, возникло изъ крѣпкой родовой связи, изъ общаго родоваго владѣнія поземельною собственностію. Законъ говоритъ: Кто вотчину продастъ, то дѣтямъ его и внукамъ до нея дѣла нѣтъ, не выкупать имъ ея. Если братья или племянники продавца подпишутся свидѣтелями въ купчихъ, то имъ, ихъ дѣтямъ и внукамъ также нѣтъ дѣла до проданной отчины. А не будетъ братьи или племянниковъ въ свидѣтеляхъ, то братья, сестры и племянники вотчину покупаютъ. Если самъ продавшій захочетъ выкупить свою отчину, то можетъ сдѣлать это полюбовно, съ согласія того, кому продалъ, но принудить его не можетъ. Пройдетъ сорокъ лѣтъ послѣ продажи вотчины, то вотчичамъ до нея уже дѣла нѣтъ; нѣтъ имъ дѣла и до купель: кто свою куплю продастъ, дѣти, братья и племянники ея не выкупаютъ. Кто оставитъ свою куплю въ наслѣдство дѣтямъ, то она становится имъ вотчиною и впередъ имъ ее выкупать. Кто вотчину свою выкупитъ въ урочныя сорокъ лѣтъ, тотъ долженъ держать ее за собою, другому въ чужой родъ ея ни продать, ни заложить, отдать ему ее въ свой родъ, именно тѣмъ родственникамъ, которые не подписались въ прежнихъ купчихъ свидѣтелями. Кто выкупитъ вотчину чужими деньгами, или заложитъ, или продастъ, и прежде продавшій его родственникъ докажетъ, что выкупившій выкупилъ ее чужими деньгами и держитъ ее не за собою,—то вотчина слѣдуетъ прежнему продавцу безденежно. Кто захочетъ свою вотчину, мимо вотчичей, заложить у сторонняго человѣка, то эти сторонніе люди должны брать въ закладъ вотчины только въ такой суммѣ, чего вотчина на самомъ дѣлѣ стоитъ. Если сторонній человѣкъ возьметъ вотчину въ закладъ въ большей цѣнѣ, и вотчичъ станетъ бить челомъ, то послѣдній можетъ взять эту вотчину въ закладъ, въ мѣру, чего она стоитъ; а что сторонній человѣкъ далъ въ займы лишняго, то у него деньги пропали. Кто свою вотчину промѣняетъ на вотчину и возьметъ въ придачу денегъ, и если кто-нибудь изъ вотчичей захочетъ ее выкупить, то можетъ это сдѣлать, причемъ онъ долженъ тому, у кого выкупаетъ, оставить земли въ мѣру столько, сколько тотъ своей земли промѣнялъ. Въ одномъ спискѣ Судебника находится слѣдующее прибавочное постановленіе: Если бездѣтные князья, бояре и дѣти боярскія и всякаго чина люди захотятъ свои земли продать или заложить, или въ монастырь по душѣ отдать, то имъ вольно это сдѣлать со всѣми своими куплями; что же касается до отчинъ, то могутъ отчуждать ихъ только половину; если же кто отчудитъ больше половины, и отчичъ будетъ бить челомъ объ этомъ: то лишнюю продажу отдать отчичу: а кто, не раз-

[1]) Акты истор. I, № 153 — 155; Акты арх. эксп. I, № 274; Акты юридич. № 289; Акты арх. эксп. № 281, 280.

узнавши, больше половины купилъ, или подъ закладъ взялъ,—тотъ деньги потерялъ [1]).

Въ 1556 году было постановлено относительно духовныхъ завѣщаній: Если жена, умирая, напишетъ въ духовной мужа своего приказчикомъ, то ему въ приказчикахъ не быть, и духовная эта не въ духовную, потому что жена въ мужней волѣ: что ей велитъ написать, то она и напишетъ. Въ 1561 году велѣно было митрополичьимъ боярамъ выписать изъ митрополичьяго указа, какъ поступать въ слѣдующихъ случаяхъ: кладутъ въ судѣ духовныя,—дѣти отцовъ своихъ, матерей, иные братьевъ своихъ, сестеръ, племянницъ, женъ, душеприказчиками назначены братья или сторонніе люди, у жены мужья, отцы духовные; духовныя не подписаны и не запечатаны, завѣщателевой руки нѣтъ, потому что грамотѣ не зналъ или умеръ внезапно, есть только руки приказчиковъ и отцовъ духовныхъ, а у иныхъ только отцовъ духовныхъ, и отвѣтчики на судѣ эти духовныя лживятъ, называютъ ихъ нарядными, а не указываютъ кто наряжалъ; только на нихъ и пороку, что не подписаны и не запечатаны,—и тѣмъ духовнымъ вѣрить или не вѣрить? Митрополичьи бояре отписали: Вѣрить духовнымъ, которыя хотя не подписаны и не запечатаны, но при нихъ есть отцы духовные, приказчики и сторонніе свидѣтели, противъ которыхъ нѣтъ никакого довода въ составленіи подложной духовной; если въ духовной жена назначила мужа приказчикомъ и вмѣстѣ съ нимъ берутся быть въ приказѣ женины родственники, то такимъ духовнымъ такъ-же вѣрить; но если въ духовной у жены мужъ написанъ одинъ, а стороннихъ людей съ нимъ не будетъ,—то не вѣрить.

Выраженіе въ приведенномъ указѣ: „Жена въ мужней волѣ, что велитъ ей написать, то и напишетъ", ясно указываетъ на положеніе жены въ описываемое время. По понятіямъ этого времени, жена должна была раздѣлять участь мужа въ случаѣ преступленія, совершеннаго послѣднимъ: князь Иванъ Пронскій, давая запись царю, говоритъ въ ней, что въ случаѣ отъѣзда его царь воленъ казнить его и его жену.

Изъ разныхъ юридическихъ грамотъ, отступныхъ дѣльныхъ, отказныхъ, видимъ общее родовое владѣніе и раздѣлы родичей, какъ видно двоюродныхъ или троюродныхъ братьевъ; видимъ раздѣлъ неполный. Замѣчательна форма отступныхъ грамотъ, подтверждающая сказанное нами въ своемъ мѣстѣ о происхожденіи земельнаго владѣнія въ Московскомъ государствѣ: „Мы такіе-то (родные братья) сступились земли великаго князя, а своего владѣнія такимъ-то (роднымъ же братьямъ): не измогли мы великокняжеской службы служить, дань давать и всякихъ разрубовъ земскихъ (или волостныхъ), взяли мы себѣ на носилье столько-то". Видимъ, что цѣлыя общины пріобрѣтали земли: такъ, въ 1583 году Никита Строгановъ отказалъ свою деревню въ волость, въ слободку Давыдову, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ. Видимъ, что при дѣлежѣ земель дѣлившіеся братья прибѣгали къ посредничеству посторонняго лица; это лицо должно было раздѣлить землю на участки, послѣ чего дѣлившіеся бросали предъ нимъ жребій (жеребьевали):

---

[1]) См. отступную грамоту отчича, гдѣ онъ обязывается не выкупать проданной вотчины, въ С. г. г. и д. I, № 173. Неволинъ (Ист. Росс. Гражд. Зак. III, 68), разсуждая о правѣ выкупа, говоритъ: «Неопредѣлительность, въ какой выкупъ родственный является по самымъ первымъ объ немъ извѣстіямъ, едва ли способна произвесть въ насъ убѣжденіе о глубокой его древности. Но онъ можетъ быть тѣмъ не менѣе весьма древенъ, какъ тѣ отношенія, изъ которыхъ онъ могъ возникнуть».—Далѣе онъ отвергаетъ объясненія, что выкупъ есть остатокъ того общаго поземельнаго владѣнія, въ которомъ нѣкогда состояли родственники; онъ не признаетъ существованія у насъ общаго владѣнія родственниковъ, ибо если въ древнія времена родственники владѣли иногда у насъ имуществами совокупно, то это ни въ какомъ случаѣ не была единственная форма обладанія землями; напротивъ, подлѣ нея очень легко могла существовать и дѣйствительно существовала другая форма отдѣльнаго обладанія.

Указаніе, что въ древнія времена, подлѣ совокупнаго обладанія, существовала еще форма отдѣльнаго обладанія, можетъ доказывать только, что первая форма не была исключительною; но тутъ еще рождается вопросъ: которая форма древнѣе? Неволинъ (II, 9) въ баснословномъ извѣстіи о Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, предполагаетъ, что три брата живутъ другъ отъ друга отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами; но это предположеніе ни откуда не слѣдуетъ: три брата могли занять вблизи другъ отъ друга разныя мѣста для хозяйственныхъ удобствъ, но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ они раздѣлились: развѣ теперь мы не видимъ, что братья живутъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ домахъ и однако имѣютъ нераздѣльное имущество? О надѣленіи князей участками нечего говорить, ибо мы знаемъ, что князья смотрѣли на эти участки какъ на временное владѣніе и покидали ихъ для другихъ, стремясь къ старшинству по родовой лѣствицѣ, признавая нераздѣльность рода и родовой собственности, отчинность всей Русской Земли для всѣхъ. Но съ появленіемъ дружины, по самому характеру ея, необходимо должна была явиться отдѣльная собственность подлѣ родовой, какъ вообще съ появленія князей и дружинъ ихъ родовой бытъ началъ ослабѣвать; но до окончательнаго его ослабленія было еще очень далеко; онъ уступалъ нелегко, оставлялъ и оставилъ видные слѣды.

«При существованіи общаго владѣнія, говоритъ далѣе Неволинъ, по самому свойству вещи, участникъ въ искѣ не можетъ отчуждать своей доли безъ согласія прочихъ соучастниковъ; отчужденіе, имъ сдѣланное безъ согласія съ ними, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ не право выкупа для прочихъ соучастниковъ, но недѣйствительность самаго отчужденія. Если же соучастниками дано согласіе на это отчужденіе, то послѣ сего для нихъ не можетъ еще существовать право выкупа».

Мы уже замѣтили, что съ появленіемъ князей и дружинъ ихъ, родовому быту нанесенъ былъ ударъ, онъ долженъ былъ ослабѣвать; но, какъ обыкновенно бываетъ при борьбѣ двухъ формъ, если старая форма такъ сильна, что не можетъ быть совершенно уничтожена новою, то между ними происходятъ, такъ-сказать, сдѣлки, взаимныя уступки; къ таковымъ сдѣлкамъ принадлежитъ и право выкупа: владѣлецъ могъ отчудить владѣніе безъ согласія родичей, но послѣдніе удерживали право выкупать отчужденное. Относительно борьбы между старою и новою формою и сдѣлокъ между ними чрезвычайно важно приведенное нами въ текстѣ постановленіе, что владѣлецъ можетъ отчуждать только половину отчины мимо отчичей, въ противномъ же случаѣ отчужденіе недѣйствительно. То же самое увидимъ и въ Литовскомъ законодательствѣ.

чей жребій напередъ вынется, тому взять любое, другіе жребіи вынимать такимъ же образомъ, а остальному взять остальной жребій [1]).

Что касается законодательной дѣятельности въ Западной Россіи, то здѣсь въ 1556 году изданъ былъ новый статутъ. Въ первомъ отдѣлѣ его (о персонѣ господарской) постановлено: Кто составитъ заговоръ или бунтъ подниметъ противъ государя, то хотя бы намѣреніе и не приведено было въ исполненіе, виновный, при ясномъ доказательствѣ вины, теряетъ честь и жизнь. Кто поднимаетъ бунтъ противъ государя ко вреду государства, станетъ бить монету безъ государской воли, станетъ собирать войско съ намѣреніемъ занять престолъ по смерти государя; кто станетъ сноситься съ непріятелемъ, окажетъ ему помощь, поддастъ ему зàмокъ, приведетъ въ Литву непріятельское войско: тотъ теряетъ честь и жизнь, сыновья его считаются безчестными, имѣніе его отбирается на государя; жены такихъ измѣнниковъ, если присягнутъ, что не знали о замыслѣ мужей, не теряютъ имущества отцовскаго, материнскаго и вѣна, записаннаго имъ мужьями прежде измѣны. Кто нанесетъ безчестіе государскому величеству, тотъ будетъ наказанъ, смотря по важности дѣла и словъ, только не лишеніемъ чести, жизни и имущества. Кто доноситъ о преступленіи противъ государя, долженъ подтвердить истину показанія своею присягою и присягою шляхтичей, достойныхъ вѣры и незаподозрѣнныхъ. Фальшивыхъ монетчиковъ, также золотарей, которые портятъ золото и серебро, примѣшивая къ нему цинкъ или олово, сожигать безъ милосердія. Въ дѣлахъ по имуществамъ великіе князья судятся однимъ судомъ со всѣми подданными литовскими. Заповѣдные листы, отсрочивающіе время явки на судъ, даются государствомъ только въ трехъ случаяхъ: 1) если бы вызываемый къ суду находился въ плѣну у непріятеля; 2) если бы кто находился въ посольствѣ за границею или былъ отправленъ съ какими-нибудь другими порученіями государскими; 3) если кто дѣйствительно боленъ, чтó долженъ послѣ подтвердить присягою. Если бы кто посланца государскаго съ листами государскими, также посланцовъ отъ пановъ радныхъ, старостъ судовыхъ и суда земскаго съ ихъ листами, прибилъ и листы подралъ,—такой долженъ просидѣть 12 недѣль въ замкѣ, а дворянину заплатить безчестье; дворянинъ, при подачѣ листовъ, долженъ всегда имѣть при себѣ двоихъ шляхтичей для свидѣтельства, если чтó съ нимъ случится. Листы желѣзные не будутъ даваться отъ государя такимъ должникамъ, которые по собственной винѣ растратили имѣніе и не могутъ платить долговъ; листы будутъ даваться только такимъ, которые пришли въ убожество по Божьему попущенію, отъ огня, воды, нашествія непріятельскаго, также если кто разорится на службѣ государству: и такимъ больше трехлѣтняго срока для уплаты не будетъ даваться; также не будутъ даваться желѣзные листы простымъ людямъ, купцамъ и Жидамъ противъ шляхты. Никто не смѣетъ заводить новыхъ мытовъ: въ противномъ случаѣ теряетъ имѣніе, въ которомъ заведенъ новый мытъ. Шляхетскія подводы, нагруженныя хлѣбомъ съ ихъ собственныхъ гуменъ, а не купленнымъ,—не платятъ мыта. Въ третьемъ отдѣлѣ о вольностяхъ шляхетскихъ находимъ постановленіе о сеймикахъ повѣтовыхъ и послахъ земскихъ: за четыре недѣли предъ сеймомъ великимъ собираются семейки повѣтовые; на нихъ собираются воеводы, каштеляны, урядники земскіе, князья, паны, шляхта и совѣщаются о всѣхъ потребахъ земскихъ; потомъ, по единогласному приговору, выбираютъ пословъ, по двѣ особы отъ каждаго суда земскаго, сколько ихъ будетъ въ воеводствѣ; этихъ пословъ отправляютъ на великій сеймъ, поручивши имъ всѣ повѣтовыя дѣла и давши имъ полномочіе. Король обязывается все держать по старинѣ; если же понадобится сдѣлать новое распоряженіе, то это можно не иначе какъ на великомъ сеймѣ. Король обязуется не повышать простыхъ людей надъ шляхтою, не возводить ихъ въ достоинства и не давать имъ урядовъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ—о судьяхъ и судахъ—постановлено: Въ каждомъ повѣтѣ долженъ быть судья, подсудокъ и писарь, которые выбираются такимъ образомъ: къ назначенному отъ государя сроку съѣзжаются всѣ землевладѣльцы повѣта къ двору, который находится въ срединѣ повѣта, и выбираютъ изъ шляхты на судейство четверыхъ людей добрыхъ, на подсудство четверыхъ и на писарство четверыхъ, а государь изъ этихъ двѣнадцати выбираетъ троихъ: судью, подсудка и писаря. Писарь земскій обязанъ всѣ листы и позвы писать порусски, а не на иномъ какомъ либо языкѣ. Воеводы для каждаго повѣта выбираютъ возныхъ изъ шляхтичей добрыхъ, постоянно живущихъ въ повѣтѣ; должность вознаго состоитъ въ слѣдующемъ: позвы носить и ими позывать къ суду, срокъ назначать, брать со свидѣтелей присягу въ судѣ, исполнять судейскіе приговоры, дѣлать слѣдствія и все, что найдетъ, записывать въ книги; за злоупотребленіе при своей должности возный казнится смертію. Судьи и подсудки должны судить сами, а не чрезъ намѣстниковъ своихъ. Въ судьи не могутъ быть выбираемы ни духовныя особы, ни урядники государскіе. Судьи судятъ дѣла гражданскія; уголовныя же подлежатъ суду воеводъ, старостъ и державцевъ; кромѣ того, воеводы, старосты всѣ и державы замковые и дворовъ государскихъ повѣтовыхъ должны каждый на урядѣ своемъ выбрать добраго шляхтича, который вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ судитъ всѣ дѣла, относящіися къ замку. Судъ земскій отправляется три раза въ году: съ Троицына дня, съ Михайлова дня и съ трехъ Королей послѣ Рождества Христова; въ это время судья, подсудки и писарь пріѣзжаютъ на назначенное мѣсто и отправляютъ судъ двѣ недѣли, если

---

[1]) С. г. г. и д. I, № 165; исторія Россіи IV, 1294 и слѣд. Акты юрид. № 23, 137, 259.

много дѣлъ; если же мало, то какъ покончатъ? Послѣ, при Баторіи, срокъ продолженъ до трехъ недѣль. Кто, стоя предъ судомъ, будетъ противника своего бранить, того сажать въ ближайшій замокъ на шесть недѣль; если пихнетъ или рукою ударитъ противника, то платитъ ему 12 рублей грошей, а за вину сидитъ шесть недѣль въ заключеніи; если обнажитъ оружіе, то теряетъ руку; если ранитъ, то лишается жизни; то же наказаніе, если подсудимый поступитъ такимъ же образомъ съ судьею, подсудкомъ, писаремъ или съ кѣмъ-нибудь изъ урядниковъ, и наоборотъ—то же наказаніе судьѣ, подсудку, писарю и урядникамъ, если они такимъ же образомъ поступятъ съ подсудимымъ. Урядниковъ государскихъ никто не можетъ судить, кромѣ государя; но въ дѣлахъ по имуществу они обязаны становиться передъ судомъ земскимъ. Свидѣтелями въ судахъ должны быть христіане, люди добрые, вѣры достойные, ни въ чемъ не заподозрѣнные; слуги невольные не могутъ быть свидѣтелями ни за господъ своихъ, ни противъ нихъ; не могутъ быть свидѣтелями безумные; обвиненные вмѣстѣ въ одномъ дѣлѣ не могутъ свидѣтельствовать другъ за друга. Кому изъ судящихся приговоръ суда покажется несправедливымъ, тотъ можетъ перенесть дѣло на судъ государскій, причемъ не долженъ говорить суду никакихъ грубыхъ словъ, а только одно: „Панъ судья! твой приговоръ кажется мнѣ незаконный, переношу дѣло къ государю его милости.“ Въ каждомъ повѣтѣ долженъ быть подкоморій, назначаемый государемъ на всю жизнь. При всякихъ спорахъ земельныхъ и граничныхъ судъ земскій даетъ знать подкоморію, который имѣетъ право посылать позвы по обѣ тяжущіяся стороны подъ собственнымъ именемъ и печатію, назначить срокъ выѣзда на спорную землю за четыре недѣли. Выѣхавши и разсмотрѣвши грамоты, знаки пограничные, выслушавши свидѣтелей, допускаетъ къ доводу ту сторону, у которой лучшія грамоты и свидѣтельства и явнѣйшіе знаки межевые. Выслушавши доводъ, подкоморій кладетъ рѣшеніе, устанавливаетъ границы и даетъ грамоты суда своего за своею подписью и печатію. Въ каждомъ повѣтѣ подкоморій, на помощь себѣ, выбираетъ одного или двоихъ коморниковъ, шляхтичей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ повѣтѣ, людей годныхъ. Въ пятомъ отдѣлѣ говорится о брачныхъ договорахъ: Отецъ, выдавая дочь за мужъ и давая за нею приданое, долженъ взять съ зятя своего грамоту за печатью и за печатями людей добрыхъ, что тотъ записалъ будущей женѣ своей третью часть своего недвижимаго имущества. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то дочь, по смерти мужа, приданое свое теряетъ, хотя бы и бо́льшую сумму денегъ принесла; но дѣти или ближніе умершаго обязаны за вѣнецъ дать ей 30 копъ грошей, если замужъ пойдетъ; если же не захочетъ идти замужъ, то получаетъ изъ имѣній мужа равную часть съ наслѣдниками и остается на ней до смерти. Если же имѣніе умершаго 30 копъ грошей не стоитъ, то жена получаетъ четвертую часть имущества, которую держитъ до смерти своей, еслибъ даже и вышла замужъ. Потомъ слѣдуетъ статья о записываніи вѣна, сходная съ тою же статьею стараго статута. Если бы кто-нибудь постоянный или временный обыватель великаго княжества женился въ Литвѣ и взялъ за женою недвижимое имущество, то во время войны обязанъ нести военную службу съ имѣнія жены своей и съ другихъ, если ихъ пріобрѣтетъ, не отговариваясь тѣмъ, что жена ему ничего не записала; въ противномъ случаѣ онъ и жена его теряютъ имѣніе въ пользу государства. Если бы шляхтянка, дѣвица или вдова, вышла замужъ не за шляхтича, то лишается имѣнія своего, какъ отцовскаго, такъ и материнскаго, которое переходитъ къ другимъ наслѣдникамъ; но послѣдніе обязаны выдать ей сумму денегъ, опредѣленную статутомъ, за каждую службу людей пять копъ грошей и т. д.; вдовы шляхтянки, вышедшія замужъ за простыхъ людей, теряютъ записанное имъ вѣно. Вдова шляхтянка не можетъ выйти вторично замужъ ранѣе шести мѣсяцевъ по смерти перваго мужа; въ противномъ случаѣ теряетъ записанное ей вѣно; если же вѣна не имѣетъ, то платитъ въ казну 12 рублей грошей. При разводѣ, если духовный судъ признаетъ мужа виновнымъ, то жена удерживаетъ вѣно; если же виновата жена, то теряетъ и вѣно и приданое; если же будутъ разводиться по родству или по другимъ причинамъ, гдѣ ни мужъ, ни жена не виноваты, тогда вѣно остается при мужѣ, а приданое при женѣ.—Въ шестомъ отдѣлѣ заключается постановленіе объ опекѣ: Совершеннолѣтіе назначается—мужчины 18, дѣвицы 15 лѣтъ. Отецъ можетъ быть опекуномъ малолѣтнихъ сыновей, которымъ досталось материнское имѣніе; если во время опеки отецъ отчудитъ это имѣніе вѣчно или временно, то сыновья, достигнувъ совершеннолѣтія, имѣютъ право искать имѣніе на томъ, кто его пріобрѣлъ, лишь бы только не пропустили давности. Если отецъ истратитъ на себя имущество сына и потомъ умретъ, оставя нѣсколько другихъ сыновей, то прежде ровнаго раздѣла они должны всѣ подѣлить между собою отцовскій долгъ, не исключая и того брата, кому отецъ остался долженъ, и когда каждый свою долю долга заплатитъ послѣднему, тогда и приступаютъ къ ровному раздѣлу наслѣдства. Опекунами бываютъ: во-первыхъ, тотъ, кого отецъ назначитъ въ завѣщаніи; если не будетъ назначенъ опекунъ въ завѣщаніи, то старшій братъ совершеннолѣтній опекаетъ младшихъ братьевъ и сестеръ; если нѣтъ брата совершеннолѣтняго, то дядья по мужскому колѣну (по мечу); если нѣтъ родныхъ дядей, то ближайшіе родственники по мечу; если и такихъ нѣтъ, то—родственники съ материнской стороны (по кудели); если же нѣтъ и такихъ, то назначается опекунъ отъ государя, или отъ воеводъ, или отъ суда земскаго, не чужеземецъ и котораго имѣніе равнялось бы тому имѣнію, которое будетъ имѣть въ опекѣ; также и опекунъ изъ родственниковъ долженъ имѣть хорошее

состояніе, кромѣ тѣхъ опекуновъ, которые назначены отцомъ въ завѣщаніи.—Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о записяхъ и продажахъ; здѣсь постановлено: Всякому вольно имѣнія свои отцовскія, материнскія, выслуженныя, купленныя и какимъ бы то ни было образомъ пріобрѣтенныя, не по старому статуту съ сохраненіемъ двухъ третей для родственниковъ, но всѣ, въ цѣлости или по частямъ, отчуждать, дарить, продавать и т. п. мимо дѣтей и родственниковъ; но изъ родовыхъ имѣній только одна треть можетъ быть отчуждена на-вѣки, двѣ же трети могутъ быть выкупаемы дѣтьми и родственниками, почему за эти двѣ трети продающій не можетъ брать денегъ больше, чѣмъ во сколько онѣ оцѣнены, ибо послѣ выкупающій не будетъ платить больше.—Въ отдѣлѣ осьмомъ постановляется о духовныхъ завѣщаніяхъ: относительно имущества движимаго или недвижимаго пріобрѣтеннаго всякій можетъ дѣлать духовныя завѣщанія, здоровъ ли кто или боленъ, только долженъ быть въ доброй памяти; можетъ завѣщать кому хочетъ, призвавши урядъ земскій, судью, подсудка, писаря, каплана, а гдѣ бы этихъ лицъ не было, то можно дѣлать завѣщанія передъ тремя свидѣтелями, достойными вѣры. Если завѣщавшій послѣ того умретъ, то хотя бы и печати не приложилъ,—духовное завѣщаніе имѣетъ силу. Свидѣтелями при духовныхъ завѣщаніяхъ не могутъ быть тѣ, которые сами не могутъ дѣлать завѣщаній, женщины, душеприказчики, опекуны, назначенные въ завѣщаніи, наконецъ люди, которымъ что-нибудь по завѣщанію отказано. Никто не можетъ ничего отказать въ завѣщаніи своему рабу, не давши ему прежде свободы. Слуга путный, мѣщанинъ непривилегированныхъ городовъ и простой человѣкъ можетъ завѣщевать треть движимаго, кому хочетъ, а двѣ трети долженъ оставить въ домѣ сыну, который обязанъ служить съ той земли, на которой сидитъ; если же не имѣетъ дѣтей, то эти двѣ части остаются въ домѣ на службу того пана, на чьей землѣ сидитъ. Если же дѣти умершаго, будучи вольными, захотятъ пойти прочь, то, взявши двѣ части отцовскаго движимаго, могутъ идти, но земля остается пану съ хлѣбомъ посѣяннымъ, съ хоромами и со всѣмъ, съ чѣмъ отецъ ихъ эту землю взялъ. Причины, по которымъ отецъ можетъ лишить сына или дочь наслѣдства, состоятъ: въ непочтительномъ обращеніи, въ покинутіи въ бѣдѣ, въ упорной привязанности къ ереси, со стороны дочери—въ безнравственномъ поведеніи. Слѣпой можетъ дѣлать завѣщаніе при осьми свидѣтеляхъ, не менѣе.—Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ: Кто насильно обвѣнчается съ дѣвицею или вдовою, и окажется, что ни ея, ни родственниковъ ея на то позволенія не было, то похититель лишается жизни, а третья часть имѣнія его идетъ къ похищенной; но если бы дѣвица или вдова тайкомъ отъ родственниковъ дала согласіе на бракъ и на похищеніе, то лишается имѣнія отцовскаго и материнскаго. Если кто-нибудь изъ супруговъ лишитъ жизни другого, и преступленіе будетъ подтверждено присягою семи шляхтичей, то преступникъ казнится смертію такимъ же образомъ, какъ убійца отца или матери. Кто кого лишитъ руки, ноги, глаза, губы, зубовъ, уха,—долженъ за каждый такой членъ платить по 50 копъ грошей и двадцать четыре недѣли сидѣть въ крѣпости; если лишитъ обѣихъ рукъ или ногъ, обоихъ ушей и глазъ,—то платитъ сто копъ грошей и сидитъ въ крѣпости годъ и шесть недѣль, и т. д. Если мѣщанинъ, находящійся въ должности бурмистра, ранитъ шляхтича, то платитъ ему какъ выше показано; если же ранитъ простой мѣщанинъ, то теряетъ руку. Если простой холопъ ранитъ шляхтича, то теряетъ руку; если же лишитъ шляхтича руки или ноги, или изувѣчитъ на какомъ-нибудь членѣ, то лишается жизни. Если сынъ или дочь умертвитъ отца или мать, то преступника возятъ по рынку, рвутъ тѣло его клещами, потомъ, завязавши въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужами и кошкою, топятъ; той же казни подвергаются и помощники его; если же отецъ или мать умертвятъ сына или дочь, то должны годъ и шесть недѣль сидѣть въ крѣпости, а потомъ четыре раза въ годъ при главной церкви произносить публичное покаяніе. Кто умертвитъ сестру или брата, лишается жизни, а имѣніе, которое слѣдовало ему и дѣтямъ его, идетъ къ другимъ наслѣдникамъ; кто убьетъ шурина,—лишается самъ жизни, а жена его, сестра убитаго, наслѣдуетъ послѣ брата, равно какъ и дѣти ея. Слуга, убившій господина, казнится жестокою смертною казнію; если только обнажитъ оружіе, то теряетъ руку.—Въ отдѣлѣ двѣнадцатомъ о головщинахъ и вознагражденіяхъ за раны простымъ людямъ, между прочимъ, помѣщено постановленіе, запрещающее Жидамъ и женамъ ихъ ходить въ золотѣ и серебрѣ; желтый цвѣтъ на головномъ уборѣ долженъ былъ отличать Жида отъ христіанина. Жидъ, Татаринъ и всякій бусурманинъ не могли получать никакой должности; не могли имѣть рабовъ христіанъ, не могли имѣть закупней; и если было бы доказано, что кто-нибудь изъ нихъ уговаривалъ закупня перейти въ свою вѣру,—такой безъ милосердія сожигается огнемъ. Христіанки не могутъ быть мамками у дѣтей жидовскихъ и бусурманскихъ, а если бы ихъ кто къ тому принуждалъ, такой лишается жизни.—Въ четырнадцатомъ отдѣлѣ о преступленіяхъ говорится: Воръ, приведенный съ поличнымъ, которое стоитъ больше полтины грошей, казнится смертію; если поличное стоитъ не больше полтины грошей, то вора бить палками у столпа, поличное возвратить тому, у кого украдено, и вознагражденіе ему заплатить изъ имущества вора; если же у вора имѣнья нѣтъ, то отрѣзать ему ухо. Если поймаютъ вора въ другой разъ съ поличнымъ, пусть оно и десяти грошей не стоитъ, во всякомъ случаѣ предавать его смерти [1].

---

[1]) Временн. Москов. Истор. Общ. кн. 23.

Что касается народнаго права, то мы видѣли, что великій князь Василій высказалъ такое правило относительно пословъ отъ европейскихъ христіанскихъ государей: „Въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними ни которой не живетъ". Но сынъ его, Иванъ, по характеру своему, часто не могъ удерживаться отъ насильственныхъ поступковъ ни въ какихъ случаяхъ, и потому онъ позволялъ себѣ задерживать пословъ, если рѣчи ихъ ему неправились: такъ задержаны были послы шведскій и литовскій. Съ Іоанна же IV-го пословъ въ Москвѣ начали содержать гораздо строже, чѣмъ прежде, и строгость эта удержалась впослѣдствіи; причиною этому было открытіе сношеній князя Семена Ростовскаго съ литовскимъ посломъ Довойною во вредъ государству. Когда, послѣ этого, пріѣхалъ новый литовскій посолъ, князь Збаражскій, то его велѣно было держать въ совершенномъ оцѣпленіи; приставы получили наказъ: беречь накрѣпко, чтобъ дѣти боярскія и боярскіе люди и торговые люди мимо посольскаго двора не ходили и на дворъ не входили, и не говорили-бъ съ посольскими людьми. Лошадей поить на посольскомъ же дворѣ, а на рѣку поить не отпускать; если же станутъ говорить, что прежде лошадей паивали на рѣкѣ, а въ колодцахъ вода дурна, лошади не пьютъ, то приставамъ отвѣчать: колодцы хорошіе лучше рѣчной воды; прежде паивали на рѣкѣ, да у водопоя люди посольскіе съ здѣшними людьми всегда дерутся и лошадей теряютъ; если же посольскіе люди никакъ не захотятъ поить лошадей на дворѣ, то посылать ихъ къ рѣкѣ съ приставами, къ особому прорубю, и беречь, чтобъ никто съ ними не говорилъ.

Кромѣ задержки, послы испытывали и другіе знаки царской немилости, если переговоры съ ними не вели къ желанному концу: такъ, когда литовскіе послы, Кишка съ товарищами, не соглашались на царскія требованія и просили отпуска, то царь приговорилъ съ боярами: если отъ пословъ дѣла не явится, то отпустить ихъ, и на отпускѣ приказать съ ними поклонъ королю, а руки имъ не давать, потому что въ отвѣтѣ слово положено на пословъ гнѣвное. Когда пріѣхалъ шведскій посолъ отъ Густава-Вазы послѣ войны, то царь не звалъ его въ рукѣ и обѣдать, потому что пріѣхалъ впервые послѣ войны, и неизвѣстно еще было какого рода грамоты привезъ онъ.

Въ пріемѣ крымскихъ пословъ наблюдались особенные обычаи: посолъ, благодаря за государево жалованье, становился на колѣни и снималъ колпакъ; послѣ цѣлованія руки, послу и его свитѣ подавали медъ, потомъ раздавали имъ подарки. Въ малолѣтство Іоанна встрѣчаемъ извѣстіе о береженіи руки государевой во время представленія пословъ: „Да звалъ (великій князь) его (посла) къ рукѣ, а берегли его руки князь Василій Васильевичъ Шуйскій, да князь Иванъ Овчина". Касательно поминковъ, которые получали послы, любопытно извѣстіе о посольствѣ князя Ромодановскаго въ Данію: послы дали королю отъ себя поминки, король отдарилъ ихъ; но послы объявили королевской радѣ, что дары королевскіе и въ половину не стоятъ ихъ поминковъ, что царь не такъ жаловалъ датскихъ пословъ. Вельможи отвѣчали, что доложатъ объ этомъ королю и при этомъ прибавили, что король пожаловалъ пословъ своихъ жалованьемъ не въ торговлю: что у него случилось, тѣмъ и пожаловалъ. Послы отвѣчали: „Мы привезли королю поминки великіе, дѣлаючи ему честь великую, чтобъ со сторонъ пригоже было видѣть, а не въ торговлю; мы въ королевскомъ жалованьи корысти не хотимъ". Король прислалъ часть ихъ поминковъ назадъ, причемъ имъ сказано: „Вы говорили о своихъ поминкахъ, какъ-будто торговать хотѣли, но государь нашъ торговать не хочетъ,—что ему полюбилось, то взялъ, а что ему не любо, то вамъ отослалъ". Въ Москвѣ былъ обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе, посылая къ нимъ въ подарокъ часть добычи съ царской охоты; по этому поводу въ посольскихъ книгахъ записанъ любопытный случай. Пріѣзжалъ отъ государя къ литовскимъ посламъ псовникъ съ государскимъ жалованьемъ отъ государской потѣхи, съ зайцами; послы подчивали псовника виномъ, но не подарили ничѣмъ; приставы сочли своею обязанностію послать спросить пословъ, зачѣмъ они за государское жалованье псовника не подарили. Тогда послы отправили псовнику отъ себя 4 золотыхъ, да отъ дворянъ своихъ два золотыхъ, причемъ посланный съ деньгами сказалъ псовнику: „Послы тебя жалуютъ, а дворяне челомъ бьютъ". Псовникъ взялъ два золотыхъ отъ дворянъ, но посольскихъ четырехъ не взялъ; онъ обидѣлся выраженіемъ: „жалуютъ". Въ 1537 году великій князь велѣлъ отослать назадъ всѣ поминки, поднесенные ему литовскимъ посломъ, Яномъ Глѣбовичемъ съ товарищами, и вмѣстѣ послалъ къ нимъ свое жалованье. Послы поминки и государево жалованье взяли, но сказали приставу: „Мы пріѣхали къ великому государю для добраго дѣла, и поминки привезли, какъ пригоже его государству; мы думали, что этимъ честь оказали и ему, и своему господарю, а государь насъ оскорбилъ, что нашихъ поминковъ у насъ не взялъ; а намъ на что его жалованье? такъ ты жалованье это возьми и отвези: мы пріѣхали не для корысти, а для дѣла".—Приставъ сказалъ объ этомъ великому князю, который велѣлъ ему сказать посламъ какъ-будто-бъ отъ казначея: „Чего не бывало прежде, и намъ о томъ государю сказать нельзя; прежде бывали у государя ихъ дяди и братья, и что государю полюбится изъ ихъ поминковъ, то онъ возьметъ, а что не полюбится, то велитъ отдать, и сверхъ того жалуетъ своимъ жалованьемъ; сдѣлается ли дѣло, не сдѣлается ли,—все равно, государь жалуетъ: таковъ государскій чинъ. Теперь государь пожаловалъ ихъ, и, понашему, они непригоже говорятъ, что взять жалованье назадъ". Въ 1554 году Московскій посолъ

бояринъ Юрьевъ съ товарищами поднесли королю Сигизмунду-Августу подарки, которые король велѣлъ отослать имъ всѣ назадъ: принесли они кубки, кречетовъ и бубны, но кречеты были хворые и краснаго между ними ни одного не было

Любопытно также извѣстіе о поведеніи литовскихъ пословъ, Яна Кротошевскаго съ товарищами, въ Москвѣ и по дорогѣ; задирка отъ ихъ людей была не въ одномъ мѣстѣ: въ Вязьмѣ дѣтей боярскихъ слуги ихъ били; въ Москвѣ, на встрѣчѣ, то же самое; ѣдучи посадомъ, въ трубы трубили, приставовъ безчестили, въ одного камнями бросали и носъ ему перешибли; дьяка ругали; сыну боярскому давали пить зелья, а тотъ и умеръ съ ихъ зелья; у лошади хвостъ отсѣкли; ѣхалъ отъ Благовѣщенья, послѣ обѣдни, царскій духовникъ, Евстаѳій протопопъ, и люди королевскіе его безчестили, ругали и били, а послы сыску и обороны ни въ чемъ не учинили. Царь, узнавши объ этомъ, велѣлъ сказать посламъ: „Съ посольствомъ они сюда пріѣхали или по своей волѣ ходить, какъ имъ надобно". Съ того человѣка, который обезчестилъ протопопа, царь велѣлъ снять шапку, съ лошади его весь нарядъ конскій оборвать; встрѣчать пословъ государь не велѣлъ, потому что имъ на государскихъ очахъ нельзя быть за ихъ безчинство. Послы оправдывались, что въ Вязьмѣ сами Москвичи били ихъ людей; въ трубы трубили по польскому обычаю, и приставы объ этомъ ничего не говорили, чтобъ не трубить; на другія безчинства имъ не жаловались; кто лошади хвостъ отсѣкъ, сыскать нельзя; больному давали не лихое зелье, а лѣкарство, а онъ умеръ судомъ Божіимъ; протопопа купецъ королевскій позади себя не нарочно ударилъ палкой. Но потомъ, когда самъ царь повторилъ посламъ тѣ же жалобы и сказалъ, что протопопа, снявши съ лошади, били, то послы ничего не сказали въ оправданіе. Потомъ послы съ своей стороны подали листъ, гдѣ перечислялись ихъ убытки: все крали у нихъ по дорогѣ. Послы жаловались также, что въ Москвѣ взяли товары у литовскихъ купцовъ и назадъ не отдали; бояре отвѣчали: „Мы обо всѣхъ этихъ статьяхъ справлялись, и казначей съ дьякомъ намъ сказали, что лошади и товары побраны въ пенѣ царской у Армянъ и Грековъ; а въ прежнихъ обычаяхъ того не бывало, чтобъ съ литовскими послами Армяне и Греки приходили, да и то намъ извѣстно, что въ государствѣ государя нашего Армяне и Греки не живутъ, а теперь новость завелась, что съ литовскими послами приходятъ разныхъ земель люди; съ вами были люди султана Турецкаго, а подъ именемъ вашего государя и были они съ вами для лазутчества, искали надъ Землею нашего государя лихого дѣла; такъ еще царскаго величества милость, что ихъ самихъ не казнили".—Въ наказѣ московскимъ посламъ, отправлявшимся для подтвержденія договора въ Литву, говорится: если станутъ говорить, что королевскимъ посламъ было въ Москвѣ безчестье, то отвѣчать: это дѣлалось потому, что государь вашъ прислалъ къ государю нашему пословъ польскихъ и литовскихъ вмѣстѣ; а Ляхи на Москвѣ вѣдомы и прежде; они пріѣхали гордымъ обычаемъ на рубежъ.

Люди, отправлявшіеся съ русскими послами, иногда не понимали главной своей обязанности—быть молчаливыми; такъ, царь писалъ Наумову, бывшему посломъ въ Крыму: „Ты своихъ ребятъ отпустилъ въ Москву, а они, дорогою ѣдучи, всѣ вѣсти разсказали; знаешь самъ, что такія дѣла надобно держать въ-тайнѣ; ты это сдѣлалъ не гораздо, что людей своихъ отпустилъ, а они всѣ вѣсти разгласили. Такъ ты бы впередъ къ намъ вѣсти писалъ, а людей своихъ въ то время не отпускалъ; чтобъ такія тайныя вѣсти до насъ доходили, а въ людяхъ бы молва не была безъ нашего вѣдома". Дьякъ, отправлявшійся съ посломъ, долженъ былъ цѣловать крестъ, что будетъ дѣлать дѣла по государскому наказу, безъ хитрости, не пронесетъ рѣчей никому до самой смерти и отъ государя не утаитъ ничего [1]).

При описаніи осады Пскова, въ источникахъ встрѣчаемъ извѣстіе о коварствѣ, которое употребилъ Замойскій, чтобъ лишить жизни князя Шуйскаго. Къ послѣднему явился изъ польскаго стана русскій плѣнникъ, съ большимъ ящикомъ и письмомъ отъ Нѣмца Моллера, который прежде былъ въ царской службѣ. Моллеръ писалъ, что хочетъ передаться къ Русскимъ и напередъ посылаетъ свою казну, просилъ Шуйскаго отпереть ящикъ, взять оттуда золото и беречь его. Но Шуйскому ящикъ показался подозрителенъ: онъ велѣлъ открыть его бережно искусному мастеру, который нашелъ въ немъ заряженныя пищали, осыпанныя порохомъ; Баторіевъ историкъ, Гейденштейнъ, говоритъ, что Замойскій позволилъ себѣ этотъ поступокъ изъ мести Русскимъ, которые напали на знаменитаго впослѣдствіи Жолкѣвскаго во время перемирія, заключеннаго для погребенія убитыхъ.

Что касается плѣнныхъ, то мы видѣли, что въ сношеніяхъ Московскаго Двора съ Литовскимъ каждое изъ двухъ государствъ обыкновенно требовало возвращенія свободы плѣннымъ съ обѣихъ сторонъ, когда считало это для себя выгоднымъ, т.-е. когда имѣло плѣнныхъ меньше, чѣмъ другое государство, и всякій разъ послѣднее не соглашалось на это освобожденіе, и дѣло оканчивалось размѣномъ и выкупомъ, или если не соглашались въ цѣнѣ выкупа, то плѣнные оставались умирать въ неволѣ. Иногда плѣнные отпускались въ отечество съ тѣмъ, чтобъ собрали окупъ за себя и за товарищей: смоленскій намѣстникъ писалъ въ 1580 году оршанскому старостѣ, что вышелъ изъ Литвы на окупъ на вѣру государя великаго князя сынъ

[1]) Дѣла Польск. № 4, годъ 1556, стр. 530 и слѣд. стр. 56; Дѣла Шведск. № 1, стр. 18; Дѣла Крымск № 8, стр. 159; Акты Зап. Росс. II, № 175; Литов. метр. I, № 55; Дѣла Датскія № 1, стр. 375; Дѣла Польск. № 9, стр. 33, 198, 375; Дѣла Крымскія. № 8, стр. 326; Дѣла Польскія № 6, стр. 21.

боярскій Сатинъ, а товарищъ его Одоевцовъ остался въ плѣну у виленскаго воеводы; теперь Сатинъ пріѣхалъ въ Смоленскъ съ окупомъ, привезъ за себя и за Одоевцова 250 рублей денегъ, 40 куницъ, лисицу черную и два бобра черныхъ. Въ походахъ на литовскія области иногда отпускали плѣнныхъ на свободу вслѣдствіе религіозныхъ побужденій; такъ, подъ 1535 годомъ, лѣтописецъ говоритъ: „Посылалъ князь великій воеводъ своихъ на Литовскую Землю; они многихъ побрали въ плѣнъ, но многимъ по своей вѣрѣ православной милость показали и отпустили; также церкви Божіи велѣли честно держать всему своему воинству и не вредить ничѣмъ, ничего не выносить изъ церкви“. Мы видѣли, что при заключеніи мира со Швеціею Московское правительство выговорило, чтобъ Шведы своихъ плѣнныхъ выкупили, а Русскихъ отпустили безъ вознагражденія. Что касается до участи татарскихъ плѣнниковъ въ описываемое время, какъ въ малолѣтство Іоанна IV, такъ и при его совершеннолѣтіи, то мы находимъ въ лѣтописяхъ страшныя извѣстія. Подъ 1535 годомъ говорится: „Посадили Татаръ царя Шигъ-Алея, въ Псковѣ, 73 человѣка въ тюрьму на смерть, въ томъ числѣ семеро малыхъ дѣтей, а въ Новгородѣ 84 человѣка; въ продолженіи сутокъ они перемерли, только восемь человѣкъ остались живы въ тюрьмѣ не поены, не кормлены много дней; этихъ побили, а женщинъ посадили въ другую тюрьму, полегче; въ слѣдующемъ году архіепископъ Макарій выпросилъ этихъ женщинъ на свое бремя, и роздалъ ихъ священникамъ, съ приказаніемъ крестить ихъ въ христіанскую вѣру; священники начали выдавать ихъ замужъ, и онѣ были очень усердны къ вѣрѣ христіанской“. Подъ 1555 годомъ читаемъ: давали дьяки по монастырямъ Татаръ, которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли креститься, а которые не захотѣли креститься, тѣхъ метали въ воду. Въ 1581 году, во время войны со Швеціею, царь велѣлъ казнить Шведовъ, которые будутъ приведены въ языкахъ. Царь позволилъ литовскимъ плѣннымъ взятымъ въ Полоцкѣ, видѣться съ литовскими послами, но съ условіемъ, чтобъ они при этомъ свиданіи говорили по-русски, а не по-польски. Что же касается до плѣнниковъ малозначительныхъ, то ихъ дарили и продавали; мы видѣли, что въ 1556 году царь запретилъ продавать шведскихъ плѣнниковъ въ Ливонію и Литву, позволивъ продавать ихъ только въ московскіе города. Однажды царь послалъ хану въ подарокъ краснаго кречета да двухъ плѣнныхъ Литовцевъ, королевскихъ дворянъ. Изъ сношеній съ Крымомъ узнаемъ, что ханскіе гонцы и купцы, пріѣзжая въ Москву, покупали литовскихъ и нѣмецкихъ плѣнниковъ, человѣкъ по пятнадцати и двадцати; эти плѣнники, по ихъ неосторожности, убѣгали отъ нихъ дорогою, а потомъ они докучали объ этомъ государю и приказнымъ людямъ били челомъ, чтобъ бѣглецовъ отыскивали. Однажды царь писалъ хану: „Твои гонцы покупали на Москвѣ полонъ литовскій и нѣмецкій; мы велѣли дать имъ нашу грамоту въ Путивль къ намѣстнику о пропускѣ этихъ плѣнныхъ; но намѣстникъ задержалъ изъ нихъ 17 человѣкъ плѣнныхъ Литовцевъ и Нѣмцевъ, да женщину, которая сказывается Русскою, потому что въ пропускной грамотѣ эти 15 человѣкъ не написаны. Гонцы твои сдѣлали не хорошо, что вели полонъ лишній, грамоты нашей пропускной не взявши“. Ногаи также покупали плѣнныхъ въ Москвѣ; царь писалъ къ князю Измаилу: „Твоему человѣку дали мы 50 рублей покупать что тебѣ нужно, и полонъ нѣмецкій покупать позволили ему, сколько тебѣ надобно“.

Но если Татары накупали много плѣнныхъ Литовцевъ или Нѣмцевъ въ Москвѣ, то, съ другой стороны, во время нападеній своихъ на области московскія они выводили много русскихъ плѣнныхъ. О состояніи этихъ несчастныхъ въ Крыму до насъ дошло современное извѣстіе Литовца Михалона: „Корабли, приходящіе къ крымскимъ Татарамъ часто изъ-за моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, и всякій изъ нихъ, по крайней мѣрѣ имѣющій коня, даже если на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него раба, но предполагая, что можетъ достать ихъ извѣстное количество, обѣщаетъ по контракту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней живыми же, но не конями, а людьми, и притомъ нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ точности, какъ будто бы наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. Поэтому одинъ Еврей, мѣняла, видя безпрестанно безчисленное множество привозимыхъ въ Тавриду плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ сторонахъ или нѣтъ, и откуда ихъ такое множество. Такъ всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости. Тѣ, которые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто, если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, покрытомъ червями, отвратительномъ даже для собакъ. Женщины, которыя понѣжнѣе, держатся иначе, нѣкоторыя должны увеселять на пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть. Красивыя женщины, принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего племени, отводятся къ хану. Когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, не хитры, только-что при-

везенные изъ народа королевскаго, а не московскаго; московское же племя считается у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое. Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи, по цѣнѣ еще большей, отдаленнымъ народамъ".

По извѣстію того же Михалона, христіанскіе плѣнники, увозимые изъ Тавриды въ далекія страны, всего болѣе горевали о томъ, что будутъ удалены отъ храмовъ Божіихъ. Отсюда выкупъ плѣнныхъ христіанъ изъ рукъ татарскихъ сдѣлался необходимо священною, религіозною обязанностію, и изъ дѣла частнаго милосердія обращался въ дѣло государственное, ибо правительство имѣло средства удовлетворительнѣе распоряжаться выкупомъ. Подъ 1535 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ и мать его Елена прислали къ Новгородскому владыкѣ такую грамоту: „Приходили въ прежніе годы Татары на государеву Украйну, и, по нашимъ грѣхамъ, взяли въ плѣнъ дѣтей боярскихъ, мужей, женъ и дѣвицъ; Господь Богъ не презрѣлъ своего созданія, не допустилъ православныхъ жить между иноплеменниками, и умягчилъ сердца послѣднихъ,—они возвратили плѣнныхъ, но просятъ у государя серебра. Князь великій велѣлъ своимъ боярамъ давать серебро, приказываетъ и богомольцу своему, владыкѣ Макарію, собрать со всѣхъ монастырей своей архіепископіи, по обежному счету, семь сотъ рублей". Макарій велѣлъ собрать эти деньги какъ можно скорѣе, помянувъ слово Господне: „Аще злато предадимъ, въ того мѣсто обрящемъ другое, а за душу человѣческую нѣсть что измѣны дати". Мы видѣли, какое распоряженіе относительно выкупа плѣнныхъ было сдѣлано на соборѣ 1551 года. Выкупъ плѣнныхъ сдѣлался очень выгоднымъ промысломъ для крымскихъ гонцовъ; московскіе послы жаловались въ Крыму: „Гонцы крымскіе ѣздятъ не для государскаго дѣла, гонечество покупаютъ у князей и у мурзъ, и ѣздятъ для своихъ долговъ: покупаютъ плѣнныхъ въ Крыму дешево, а берутъ на нихъ кабалы не по государеву уложенью, во многихъ деньгахъ, не по ихнему отечеству". Въ наказѣ, данномъ отправлявшемуся въ Крымъ посломъ князю Мосальскому, говорится: „Если крымскіе князья и гонцы, пріѣзжавшіе въ Москву, станутъ говорить, что приводили они съ собой выкупленныхъ плѣнниковъ, а на Москвѣ деньги за нихъ давали не сполна,—то отвѣчать, что они выкупали дѣтей боярскихъ молодыхъ не по ихъ отечеству; выкупали также казаковъ и боярскихъ людей; которые дѣти боярскія взяты въ бояхъ, за тѣхъ государь давалъ окупъ, кто чего стóитъ. Это дѣло торговое: въ чемъ есть прибытокъ, тѣмъ и торгуютъ; а государю нашему не по цѣнѣ, чего кто не стóитъ, впередъ не платить; казначеи и дьяки государевы гонцамъ вашимъ не разъ говаривали, чтобы они покупали по цѣнѣ, кто чего стóитъ, а лишней безмѣрной цѣны не писали. Теперь, какія кабалы у гонцовъ были, государь нашъ много денегъ дать велѣлъ, чего кто и не стóитъ, потому что ханъ и калга объ этомъ писали, а впередъ пусть плѣнныхъ выкупаютъ, кто чего стóитъ". Самъ царь писалъ хану: „Впередъ, если твои гонцы захотятъ выкупать плѣнныхъ, то пусть выкупаютъ, развѣдывая, кто чего стóитъ, и распрашивая нашихъ пословъ; а если ваши послы и гонцы впередъ приведутъ выкупленныхъ плѣнниковъ, а нашего посла поруки и кабалы по нихъ не будетъ, то мы будемъ такихъ плѣнныхъ отдавать назадъ; а котораго плѣнника нашъ посолъ выкупитъ, давши на себя кабалу, за того платежъ будетъ безъ убавки" [1]).

Что касается состоянія нравовъ и обычаевъ въ Московскомъ государствѣ, то нельзя думать, чтобъ царствованіе Грознаго могло дѣйствовать на смягченіе нравовъ, на введеніе лучшихъ обычаевъ. Явленіе Грознаго, условливаясь, между прочимъ, состояніемъ современныхъ нравовъ, въ свою очередь вредно дѣйствовало на послѣдніе, пріучая къ жестокостямъ и насиліямъ, къ презрѣнію жизни и благосостоянію ближняго. Церковь вооружалась противъ скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ за ихъ безнравственное поведеніе; монастыри предписывали выбивать ихъ изъ своихъ владѣній; но Іоаннъ показывалъ примѣръ пристрастія къ грубымъ забавамъ, доставляемымъ медвѣдями и скоморохами; Іоаннъ любилъ травить людей медвѣдями; слуги подражали господину. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1572 годомъ: на Софійской сторонѣ, въ земщинѣ, Суббота Осетръ билъ до крови дьяка Данила Бартенева и медвѣдемъ его дралъ, и въ избѣ дьякъ былъ съ медвѣдемъ; подьячіе изъ избы сверху метались вонъ изъ оконъ; на дьякѣ медвѣдь платье изодралъ, и въ одномъ кафтанѣ понесли его на подворье. Въ это время въ Новгородѣ и по всѣмъ городамъ и волостямъ на государя брали веселыхъ людей и медвѣдей, отсылали на государя; Суббота поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ съ скоморохами, и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ въ Москву. Для опричниковъ, какъ видно, не было ничего святаго: такъ во время государева разгрома въ Новгородской волости, они разломали гробъ чудотворца Саввы Вишерскаго. Въ посланіяхъ пастырей Церкви встрѣчаемъ указаніе на распространеніе гнуснаго противоестественнаго порока; не повторяемъ того, что говорятъ иностранцы. Кромѣ того, государство было еще слабо, не имѣло достаточныхъ средствъ блюсти за общественнымъ порядкомъ; отсюда противообщественнымъ стремленіямъ, стремленію жить насчетъ ближняго было

[1]) Акты Западн. Росс. III, № 120; П. С. Р. Л. IV, 293; VI, 300, 301, Ш, 200, 157; Акты арх. эксп. I, № 310; Дополн. къ акт. истор. I, № 102. Дѣла Польск. № 7, стр. 461; Дѣла Крымск. № 10, стр. 143, № 11, стр. 126; № 12, стр. 296; Дѣла Ногайскія № 6, стр. 18. Архивъ историко-юридич. свѣд. кн. II, полов. 2. П. С. Р. Л. VI, 293; Дѣла Крымск. № 15, стр. 161, 250, 459.

*

попрежнему много простора. Юное общество обнаруживало свою жизненность, свою силу тѣмъ, что не смотрѣло на это равнодушно, не хотѣло терпѣть подобныхъ явленій и изыскивало всевозможныя средства для устроенія лучшаго порядка; историкъ не можетъ не признать этого, но вмѣстѣ онъ долженъ признать, что благія усилія общества для водворенія наряда встрѣчали могущественныя препятствія.

Общество было еще въ такомъ состояніи, что допускало возможность наѣздовъ, какъ например въ 1579 году государевъ Даниловскій приказчикъ со своими людьми и государевыми кресгьянами наѣзжалъ на монастырское село Хрепелево. Изъ губныхъ грамотъ можно ясно видѣть, до какой степени доходило разбойничество въ описываемое время: „Били вы намъ челомъ, что у васъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣнья ваши грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники разбойную рухлядь привозятъ.“ Любопытенъ въ этомъ отношеніи наказъ князя Өедора Оболенскаго, присланный изъ литовскаго плѣна сыну его, князю Димитрію: „Жилъ бы ты по отца своего наукѣ, смуты не затѣвалъ (не чмутилъ). людямъ отца своего и своимъ красть, разбивать и всякое лихо чинить не велѣлъ, отъ всякаго лиха унималъ бы ихъ, велѣлъ бы своимъ людямъ по деревнямъ хлѣбъ пахать и тѣмъ сытымъ быть. А если людей отцовскихъ и своихъ отъ лиха удержать не сможешь, то бей челомъ боярину князю Ивану Өедоровичу Оболенскому (Телепневу), чтобъ велѣлъ ихъ удержать, чтобъ отъ государя великаго князя въ отцовскихъ людяхъ и въ твоихъ тебѣ срамоты не было“. Дурно было то, что убійства совершались и между людьми, не принадлежащими къ разбойничьимъ шайкамъ: въ 1568 году вологжанинъ Коваль жаловался на бутурлинскаго человѣка, Мамина: „Покололъ у меня Маминъ сынишку моего Тренку, на площади, у судебни; а вины сынишка мой надъ собою не знаетъ никакой, за что его покололъ; а теперь сынишка мой лежитъ въ концѣ живота.“ Доказательствомъ, какъ слабо вкоренены были государственныя понятія, какъ въ этомъ отношеніи общество не далеко еще ушло отъ временъ Русской Правды, служатъ мировыя по уголовнымъ дѣламъ. Въ мировой записи 1560 года говорится: „Я, Михаила Леонтьевъ, слуга Новинскаго митрополичья монастыря, билъ челомъ государю, вмѣсто игумена и братьи, на крестьянъ Кириллова монастыря, которые убили слугу Новинскаго монастыря. И мы, не ходя на судъ передъ губныхъ старостъ, по государевой грамотѣ, передъ княземъ Гнѣздиловскимъ съ товарищи, помирились съ слугою Кириллова монастыря, Истомою Васильевымъ, который помирился съ нами вмѣсто тѣхъ душегубцевъ; я взялъ у Истомы долгъ убитаго и за монастырскіе убытки, что отъ грамотъ давалось, за проѣсть, за волокиту, сорокъ рублей денегъ казенныхъ; и впередъ мнѣ и другимъ монастырскимъ слугамъ на душегубцахъ этого дѣла не отыскивать, въ противномъ случаѣ на игуменѣ Новинскомъ и строителѣ взять сто рублей въ Кирилловъ монастырь“. Дошла до насъ и другая мировая съ убійцами, заключенная родственниками убитаго: „Я, Михайла Кондратьевъ, я, Данила Лукьяновъ, я, Степанъ Скомороховъ, дали на себя запись Ульянѣ Скорняковой да Василью Скорнякову въ томъ, что, по грѣхамъ, учинилось убійство Ульянина мужа, а Васильева зятя, Григорія Иванова, площаднаго писчика убили,—и за убитую голову головщину платить намъ, а Ульянѣ да Василью въ той головщинѣ убытка-де не довести никакого“. Конечно, мировыя съ вѣдомыми разбойниками, совершавшими убійства для грабежа, не допускались; но любопытно это послабленіе противообщественнымъ привычкамъ, этой скорости на убійство въ гнѣвѣ, въ ссорѣ: по грѣхамъ учинилось убійство, убійца, заплатитъ головщину родственникамъ убитаго,—и спокоенъ. Любопытны эти выраженія въ приведенныхъ грамотахъ: „Покололъ моего сынишку а сынишка мой вины на себѣ не знаетъ никакой“, какъ будто если бы была вина, то убійца имѣлъ какое-нибудь оправданіе; а въ другой грамотѣ заключается мировая съ людьми, которые называются настоящимъ своимъ именемъ—душегубцами. Какъ эти мировыя объясняютъ намъ поведеніе Шуйскихъ и самого Іоанна, объясняютъ эту скорость на дѣла насилія въ гнѣвѣ, этотъ недостатокъ благоговѣнія предъ жизнію ближняго. Іоаннъ, по грѣхамъ, и сына покололъ: вѣдь онъ не хотѣлъ этого сдѣлать и послѣ сильно раскаивался.—Попрежнему лѣтописцы жалуются на большіе грабежи во время пожаровъ.

Правительство сочло своею обязанностію вступиться, умѣрить посягательства на собственностъ ближняго подъ законными формами. Мы видѣли, что съ 1557 года въ продолженіи пяти лѣтъ должникамъ дана была льгота выплачивать съ раскладкою и безъ роста; понятно, какъ это не выгодно было заимодавцамъ, и вотъ встрѣчаемъ челобитныя такого рода: „Билъ челомъ Ляпунъ Некрасовъ, сынъ Мякининъ, и отъ имени братьевъ своихъ на Өеодора и Василія Волынскихъ; занялъ онъ съ братьями у Волынскихъ по двумъ кабаламъ, по одной кабалѣ рубль, по другой два, а кабалы писаны на имя ихъ людей; онъ Волынскимъ деньги по кабаламъ платитъ, а они не берутъ, деньги ростятъ силою, хотятъ продержать государево уложенье, урочныя лѣта“. Встрѣчаемъ также челобитную, что заимодавцы не берутъ отъ должника денегъ, желая удержать у себя закладъ. Когда закладывалось недвижимое имущество, то заимодавецъ за ростъ пользовался имъ: „За ростъ деревни пахать, всякими угодьями владѣть и крестьянъ вѣдать“. Мы видѣли, что ростъ „какъ шло въ людяхъ“ былъ 20 на 100

Попрежнему Церковь блюла за тѣмъ, чтобъ противообщественныя явленія не усиливались; Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій писалъ царю: „Бога ради, государь, потщися и промысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что въ ней теперь дѣлается: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія; въ домахъ, на дорогахъ, на торжищахъ, въ городѣ и по погостамъ убійства и грабежи великіе, проходу и проѣзду нѣтъ; кромѣ тебя, государя, этого душевнаго вреда и внѣшняго треволненія уставить некому. Пишу къ тебѣ не потому, чтобъ хотѣлъ учить и наставлять твое остроуміе и благородную премудрость: ибо нелѣпо намъ забывать свою мѣру и дерзать на это; но какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю, напоминаю тебѣ и молю тебя безпрестанно, потому что тебѣ, по подобію небесной власти, далъ Царь Небесный скипетръ силы земнаго царствія, да научишь людей правду хранить и отженешь бѣсовское на нихъ желаніе. Солнце лучами своими освѣщаетъ всю тварь: дѣло царской добродѣтели миловать нищихъ и обиженныхъ; но царь выше солнца, ибо солнце заходитъ, а царь свѣтомъ истиннымъ обличаетъ тайная неправды. Сколько ты силою выше всѣхъ, столько подобаетъ тебѣ свѣтить дѣлами“ и проч.

„Въ 1555 году Троицкаго Сергіева монастыря игуменъ, поговоря съ келаремъ и соборными старцами, по соборному уложенію государя царя и митрополита, приказали своимъ крестьянамъ Присѣцкимъ (поименованы два крестьянина) и всей волости, не велѣли имъ въ волости держать скомороховъ, волхвовъ, бабъ ворожей, воровъ и разбойниковъ; а станутъ держать, и у котораго сотскаго въ его сотной найдутъ скомороха, или волхва, или бабу ворожею, то на этомъ сотскомъ и на его сотной, на стѣ человѣкъ взять пени десять рублей денегъ, а скомороха или волхва, или бабу ворожею, бивши и ограбивши, выбить изъ волости вонъ, а прохожихъ скомороховъ въ волость не пускать“.

Въ старину не любили воевать въ Великій постъ, не дѣлали приступовъ къ городамъ по воскресеньямъ; въ описываемое время, въ 1559 году, царь далъ память казначеямъ: въ который день служится панихида большая, митрополитъ у государя за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, въ тотъ день смертною и торговою казнію не казнить никого. Предъ началомъ важныхъ предпріятій разсылалась милостыня по монастырямъ съ просьбою о молитвахъ: предъ Казанскихъ походомъ послано было въ Соловецкій монастырь семь рублей съ просьбою: „И вы-бъ молили Господа Бога о здравіи и тишинѣ всего православнаго христіанства и о государевѣ согрѣшеніи и здравіи, обѣдни пѣли и молебны служили, чтобъ Господь Богъ государю нашему, его воеводамъ и воинству далъ побѣду, а государя-бъ во всѣхъ его грѣхахъ прощали“. Въ 1562 году царь писалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь: „Чтобы вы пожаловали, молили Господа Бога о нашемъ согрѣшеніи, что, какъ человѣкъ, согрѣшилъ я, ибо нѣтъ человѣка, который и одинъ часъ бы могъ прожить безъ грѣха. И потому молю преподобіе ваше, да подвигнетесь со тщаніемъ на молитву, да вашихъ ради святыхъ молитвъ презритъ Богъ наши великія беззаконія и подастъ намъ оставленіе грѣховъ, даруетъ намъ разумъ, разсужденіе и мудрость въ управленіи и строеніи Богомъ преданнаго мнѣ стада Христовыхъ словесныхъ овецъ. Враги христіанства и наши, Крымскій царь, древній отступникъ Божій, буій варваръ, всегда готовый пролить кровь христіанскую, и Литовскій король, который имя Божіе и Пречистыя Его Матери и всѣхъ Святыхъ много хулилъ, Святыя иконы попралъ, Честному Кресту ругался, съ ними издавна прельщенный отъ дьявола Нѣмецкій родъ—распылались на все православіе, пожрать его желая и уповая только на свое бѣсовское волхвованіе“, и проч. Въ 1567 году митрополитъ прислалъ въ Кирилловъ монастырь грамоту такого содержанія: „Грѣхъ ради нашихъ, безбожный Крымскій царь Девлетъ-Гирей, со всѣмъ своимъ бесерменствомъ и латынствомъ, и Литовскій король, Сигизмундъ-Августъ, и поганые Нѣмцы въ многія различныя ереси впали, особенно въ Лютерову прелесть, и Святыя церкви разорили, честнымъ иконамъ поругались и впередъ злой совѣтъ совѣщаютъ на нашу благочестивую христіанскую вѣру Греческаго закона. Услыхавъ объ этомъ, боговѣнчанный царь-государь очень оскорбился и опечалился за Святыя церкви и честныя иконы, и, въземши Бога на помощь, пошелъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на недруговъ“, и пр. Въ 1571 году, по случаю войны со Швеціею, митрополитъ писалъ въ Кирилловъ монастырь, чтобъ монахи не только упражнялись въ молитвахъ объ успѣхѣ царскаго оружія, но также соблюдали бы и постъ; въ Филипповъ постъ, Великій мясоѣдъ и Великій постъ въ пьянство не упивались бы. Богомольныя грамоты по монастырямъ посылались въ случаѣ болѣзни царя. Во время голода, по предписанію митрополита, пѣли молебны и святили воду, архіерей разсылалъ по епархіи увѣщательныя грамоты о нравственномъ исправленіи. По случаю побѣдъ звонили въ колокола цѣлый день до полуночи, пѣли молебны по церквамъ. Былъ обычай въ городахъ ходить около кремля и посада крестнымъ ходомъ, молебны пѣть и воду святить три раза въ годъ: во второе воскресенье послѣ Велика дня, въ первое воскресенье Петрова поста и въ Успенскій постъ; въ Крещенье и перваго августа святили воду на рѣкѣ; а 1-го сентября, въ новый годъ, лѣтопровожанье провожали передъ церковію. 21 іюня 1548 года царь, по благословенію митрополита, установилъ до скончанія міра общую память благовѣрнымъ князьямъ, боярамъ и христолюбивому воинству, священническому и иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, отъ иноплеменныхъ въ браняхъ и на всѣхъ побоищахъ избіенныхъ и въ плѣнъ сведенныхъ; голодомъ, жаждою, наготою,

морозомъ и всякими нуждами измершихъ, въ пожарахъ убитыхъ, и огнемъ скончавшихся, и въ водахъ истопшихъ.

Однимъ изъ характеристическихъ явленій древняго русскаго общества были юродивые, которые, пользуясь глубокимъ уваженіемъ правительства и народа, позволяли себѣ во имя религіи обличать нравственные безпорядки. Въ описываемое время знамениты были юродивые: въ Псковѣ—Николай; въ Москвѣ—Василій (Блаженный, или Нагой), Іоаннъ (Большой Колпакъ).

Изъ обычаевъ, не относящихся къ религіи, замѣтимъ обычай писать рядныя грамоты предъ женитьбою и выдачею замужъ. Въ 1542 году княгиня Согорская выдавала дочь свою за князя Хованскаго; эта дочь была вдова, но рядная написана отъ имени одной матери; въ грамотѣ перечисляется приданое, которое дается зятю, а не дочери; оно состоитъ изъ образовъ, земель, изъ головъ служнихъ и дѣловыхъ людей и денегъ, которыя, сказано, даются за платье и разныя женскія украшенія. Женихи давали записи, что они непремѣнно женятся въ назначенное время, въ противномъ случаѣ должны заплатить родственникамъ невѣсты означенную въ рядной сумму денегъ за свадебный подъемъ. Иногда женихъ прибавлялъ въ рядной, что по смерти его все имущество его переходитъ къ женѣ; а если кто изъ роду его станетъ отъ нея требовать этого имущества, то долженъ заплатить ей означенную въ рядной сумму денегъ. Одинъ крестьянинъ вдовецъ, у котораго было трое сыновей, сосватался на вдовѣ же, у которой былъ сынъ и четыре дочери; въ рядной исчислено имѣніе, приносимое женихомъ и невѣстою, и положено: дочерей выдавать замужъ сообща по силамъ; если женинъ сынъ (сынъ богоданный) захочетъ отдѣлиться, то опредѣлено, что́ онъ долженъ получить изъ материнскаго имѣнія; если мужъ умретъ, то трое сыновей его отъ перваго брака получаютъ половину имѣнія. Въ другой подобной рядной женихъ говоритъ, что если богоданный сынъ захочетъ уйти, то беретъ деньги за проданный дворъ отца своего; если же останется жить съ вотчимомъ и будетъ его слушаться, то получитъ также часть изъ имѣнія вотчима. Одинъ крестьянинъ женился на вдовѣ тихвинскаго посадскаго, и далъ запись Тихвинскому монастырю, что богоданныхъ сыновей своихъ будетъ кормить и поить до возраста; а какъ они придутъ въ возрастъ, то имъ быть крестьянами Тихвинскаго монастыря, подобно дѣду и отцу своему, а въ то время какъ будутъ жить у вотчима,—послѣдній не долженъ отдавать ихъ никуда, въ боярскій дворъ въ холопство и въ крестьяне не рядить никуда. По Стоглаву положено было вѣнчать мужчинъ не ранѣе 15, а дѣвицъ не ранѣе 12 лѣтъ. Касательно одежды и украшеній встрѣчаемъ названія: кортелъ бѣлій, кортелъ кощатый, одинцы жемчужные, серьги бечата на серебрѣ съ жемчугами, опашень, однорядка большая съ пуговицами хамьянными, однорядка аспидная, ферези, тряски, терликъ, кафтаны суконные однорядочные и сермяжные, новины, лѣтники, сарафаны суконные и крашенинные, тѣлогрѣи, торлопъ, вошны, передцы, птуръ.—Встрѣчаемъ описанія домоваго строенія: дворъ, во дворѣ хоромы—горница на подклѣти, горница съ двумя комнатами на подклѣтяхъ, двѣ повалуши, сушило на подклѣтяхъ, на улицѣ противъ двора погребъ. Или: двѣ избы, клѣть на подклѣти, мыльня, два сѣнника на двухъ хлѣвахъ, сарай. Иногда встрѣчается: изба съ прирубомъ; горница на двухъ щербетахъ, противъ горницъ амбаръ на двухъ подклѣтяхъ и съ передмостьемъ; или: горница большая на подклѣти, а связи у этой горницы сѣни съ подсѣньемъ; горенка на мшаникѣ; или—горница столовая бѣлая на подклѣти съ сѣнями, горница съ комнатой на подклѣти, сушило съ перерубомъ, погребъ, ледникъ; или—три избы да два пристѣна, дверь огорожена заметомъ. При городскихъ дворахъ упоминаются огороды съ деревьями яблоновыми и вишневыми [1]).

Что касается нравовъ и обычаевъ въ Западной Россіи, то до насъ дошли о нихъ любопытныя извѣстія въ не разъ приведенномъ уже сочиненіи Михалона Литвина, хотя авторъ, негодуя на роскошь, изнѣженность нравовъ у современниковъ своихъ и противополагая нравамъ послѣднихъ нравы предковъ и сосѣднихъ народовъ, не чуждъ преувеличеній. „Всего чаще, говоритъ онъ, въ городахъ литовскихъ встрѣчаются заводы, на которыхъ выдѣлывается изъ жита водка и пиво. Эти напитки жители берутъ съ собою на войну и, сдѣлавъ къ нимъ привычку дома, если случится во время войны пить воду, гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку. Отсюда происходитъ то, что, потративъ свое имущество, они доходятъ до голода, обращаются къ воровству и разбою, такъ что въ каждой литовской провинціи въ одинъ мѣсяцъ казнятъ смертію за это преступленіе больше людей, чѣмъ во всѣхъ земляхъ татарскихъ и московскихъ въ продолженіи ста или двухъ сотъ лѣтъ. Нашихъ губитъ невоздержаніе или ссоры во время попоекъ, а не правительство. День начинается питьемъ водки: еще въ постели кричатъ: „вина, вина!“—и пьютъ этотъ ядъ и мужчины, и женщины, и юноши на улицахъ, на площадяхъ, а напившись, ничего не могутъ дѣлать, какъ только спать, и кто разъ

[1]) Опис. рукоп. Румянц. музея. стр. 158; Акты юридич. № 46; Акты арх. эксп. I, № 187; Акты юридич. № 45, 270, 271; Дополн. къ акт. истор. № 239 и слѣд.; Дополн. къ акт. истор. I, № 41; Акты арх. эксп. I, № 244; Акты истор. I, № 154; Акты арх. эксп. I, № 212, 260, 267, 275, 283, 302, 306; Дополн. къ акт. истор. I, № 129, 221, 32; Акты арх. эксп. № I, 219; Акты юридич. № 392—399; П. С. Р. Л. IV, 303; III, 155, 167, 166, 173; Акты юридич. № 21, 46; Дополн. къ акт. истор. № 51; Акты юридич. № 85, 86, 87, 90, 91, 114; Акты Западн. Россіи II, № 188.

привыкъ къ этому злу, въ томъ постоянно возрастаетъ страсть къ пьянству." Михалонъ жалуется на судебные поборы: „Беретъ председатель суда, беретъ слуга судьи, беретъ нотаріусъ, беретъ протонотаріусъ, беретъ вижъ, который назначаетъ день суду, беретъ дѣтскій, который призываетъ подсудимаго, беретъ чиновникъ, который призываетъ свидѣтелей. Бѣднякъ, желая позвать къ суду вельможу, ни за какія деньги не найдетъ себѣ стряпчаго. Свидѣтелемъ можетъ быть всякій во всякомъ дѣлѣ, кромѣ межевыхъ, и всякому вѣрятъ безъ присяги; отъ этого многіе сдѣлали себѣ промыслъ изъ лжесвидѣтельствъ. Подсудимый, хотя бы онъ былъ явнымъ похитителемъ чужой собственности, не прежде обязанъ явиться въ судъ, какъ по истеченіи мѣсяца послѣ позыва. Если у меня отнимается лошадь, стоящая 50 или 100 грошей, въ самое нужное время полевыхъ работъ, то я не могу прежде позвать въ судъ похитителя, какъ заплативъ за позывъ цѣну похищенной лошади, хотя послѣ не только не получу вознагражденія за убытки, но и виновнаго не прежде, какъ мѣсяцъ спустя, могу притянуть къ суду. Такимъ образомъ, обиженный или все уступаетъ похитителю, или вноситъ столько же. Хотя изъ числа вельможъ обязанность судей исполняютъ во всей Литвѣ двое воеводъ, не слишкомъ отдаленные одинъ отъ другого, но какъ могутъ они разсмотрѣть всѣ тяжбы такого многочисленнаго народа и такихъ провинцій, особенно когда они должны заботиться и о государственныхъ дѣлахъ. Поэтому, будучи заняты множествомъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ, они разсматриваютъ тяжбы только по праздничнымъ днямъ, когда бываетъ свободнѣе отъ дѣлъ. И то дурно, что нѣтъ опредѣленныхъ мѣстъ для ихъ засѣданій. Часто приходится обиженному искать правосудія болѣе чѣмъ за 50 миль. Есть у насъ 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы и проводимъ въ тяжбахъ. Упомянутые воеводы имѣютъ своихъ намѣстниковъ, которые, питая свое тѣло, сидятъ обыкновенно въ судѣ при шумѣ гостей, мало знакомые съ законами, но исправно взимающіе свой пересудъ.

„Въ страну нашу собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — Іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы.

„Мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти черезъ бракъ съ рабынями; мы во зло употребляемъ нашу власть надъ ними, мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. Напротивъ того, у Татаръ и Москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка даже при очевидномъ преступленіи, — это право предоставлено только судьямъ въ столицахъ. А у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей. Ктому же на защиту государства беремъ мы подати съ однихъ только подвластныхъ намъ бѣдныхъ горожанъ и съ бѣднѣйшихъ пахарей, оставляя въ покоѣ владѣльцевъ имѣній, которые получаютъ гораздо болѣе съ своихъ владѣній.

„Ни Татары, ни Москвитяне не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря: кто дастъ свободу женѣ, тотъ у себя ее отнимаетъ. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти; а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мужчинами, имѣя села, города, земли—однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія—по праву наслѣдованія, и по этой страсти къ владычеству живутъ онѣ подъ видомъ дѣвства или вдовства необузданно, въ тягость подданнымъ, преслѣдуя однихъ ненавистію, губя другихъ слѣпою любовію.

„Враги наши, Татары, смѣются надъ нашей безпечностью, нападая на насъ, погруженныхъ послѣ пировъ въ сонъ: „Иванъ! ты спишь, говорятъ они, а я тружуся, вяжу тебя". Теперь нашихъ воиновъ погибаетъ среди праздности въ корчмахъ, гдѣ они убиваютъ другъ друга, больше, нежели самихъ непріятелей, которые часто опустошаютъ нашу страну, тогда какъ наши могли бы найти лучше случай показать свое мужество въ бояхъ съ врагомъ трезвымъ и дѣятельнымъ на границахъ Подоліи и Кіева, могли бы тамъ изъ рекрутовъ сдѣлаться храбрыми воинами, и намъ не нужно было бы искать такихъ людей внѣ отечества.

„Смѣются Татары, что у насъ почетные люди мягко покоятся и спятъ на скамьяхъ, когда совершается божественная служба, а людей бѣднаго состоянія не пускаютъ садиться; сами приходятъ въ храмы со многими провожатыми и ставятъ ихъ передъ собой, чтобъ похвастать ихъ количествомъ. Греческіе монахи воздерживаются отъ женъ; а что священники въ древнія времена женились,—это видно изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія. Если бы и наши поступали теперь такъ-же, то были бы непорочнѣе, чѣмъ въ этомъ поддѣльномъ монашествѣ, въ которомъ они живутъ, какъ изнѣженные сибариты, горятъ всегда страстію и содержатъ наложницъ. Обязанности, возложенныя нами на нихъ, слагаютъ они на своихъ викаріевъ, а сами предаются праздности и удовольствіямъ, пируютъ, одѣваются великолѣпно".

Жалобы Михалона на роскошь, изнѣженность мужчинъ въ Западной Россіи, на подчиненіе ихъ женскому вліянію, раздѣляетъ, какъ мы видѣли, московскій отъѣзжикъ, князь Курбскій. Подробности о жизни князя Курбскаго въ Западной Россіи также содержатъ въ себѣ любопытныя черты тамошняго быта. Начнемъ съ его семейныхъ отношеній. Курбскій оставилъ въ Московскомъ государствѣ свою семью, мать, жену и сына-ребенка, которые, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ „Но-

вому Маргариту", были заключены царемъ въ темницу и тамъ троскою поморены. Въ 1571 году Курбскій вступилъ въ бракъ съ Марьею Юрьевною Козинскою, урожденною княжною Голшанскою, вдовою послѣ двоихъ мужей, матерью двоихъ взрослыхъ сыновей отъ перваго брака съ Монтолтомъ. Сначала Курбскій жилъ согласно съ женою, которая записала ему почти всѣ свои имѣнія, и эту запись подтвердила въ духовномъ завѣщаніи. Но скоро отношенія перемѣнились: въ мартѣ 1576 года было написано завѣщаніе княгини, а въ августѣ 1577 уже наряжены были возные съ шляхтою, добрыми людьми, для слѣдствія по жалобѣ сына княгини, Андрея Монтолта, будто бы князь Курбскій избилъ свою жену, измучилъ и посадилъ въ заключеніе, и будто бы отъ этихъ побоевъ и мукъ ея ужъ нѣтъ на свѣтѣ. Возные нашли князя Курбскаго больнымъ, въ постели, а княгиню здоровою, сидящею подлѣ мужа. Курбскій сказалъ возному: „Панъ возный! гляди, жена моя сидитъ въ добромъ здоровьи, а дѣти ея на меня выдумываютъ"; и, обратясь къ княгинѣ, сказалъ: „Говори, княгиня, сама". Та отвѣчала: „Что мнѣ говорить, милостивый князь,—самъ возный видитъ, что я сижу." Курбскій прибавилъ: „Давно они мать свою морятъ, а она все жива и меня еще погребетъ." Княгиня замѣтила на это: „Какъ знать? либо ваша милость меня погребешь, потому что и я плохаго здоровья."

Но въ тотъ же самый день, какъ возный внесъ въ градскія книги описанную сцену, князь Курбскій подалъ жалобу, что недавно жена его взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ хранились привилегіи и другія важныя бумаги, и передала ихъ сыновьямъ своимъ Монтолтамъ; что одинъ изъ нихъ, Андрей, разъѣзжаетъ близъ имѣній Курбскаго, съ слугами и многими помощниками своими, ловя и подстерегая Курбскаго по дорогамъ, дѣлая засады, умышляя на его жизнь. Вслѣдъ затѣмъ Курбскій жаловался, что Андрей Монтолтъ наѣхалъ разбоемъ на его землю Скулинскую, сжегъ сторожку, сторожей побилъ, измучилъ, потопилъ, нѣкоторыхъ связалъ и увелъ съ собою, бочечныя доски всѣ сжегъ. Курбскій нашелъ въ сундукѣ жены своей мѣшечекъ съ пескомъ, волосами и другими чарами; горничная княгини, Раинка, показала, что всѣ эти вещи дала княгинѣ какая-то старуха, но что это была не отрава, а только снадобье, приготовленное для возбужденія въ Курбскомъ любви къ женѣ; а теперь, продолжала Раинка, княгиня старается повидаться со старухою, чтобъ получить такое зелье, которое могла бы она употребить не для любви, а для чего-нибудь другого. Наконецъ, по приговору пріятелей, Курбскій и жена его положили развестись, причемъ нѣкоторыя имѣнія княгини должны были остаться за Курбскимъ. 1-го августа 1578 года подписана была мировая сдѣлка, а 2-го числа бывшая княгиня Курбская подала жалобу на мужа, что онъ обходился съ нею не какъ съ женою, посадилъ безо всякой вины въ заключеніе, билъ палкой, принудилъ къ тому, что она дала ему нѣсколько бланковыхъ листовъ съ своими печатями и собственноручными подписями, и совершалъ акты ко вреду ея; жаловалась, что Курбскій, разведясь съ нею, удержалъ движимое ея имущество, силою удержалъ служанку ея, Раинку, мучилъ ее, посадилъ въ тюрьму и велѣлъ тамъ ее изнасиловать. Курбскій, съ своей стороны, подалъ жалобу, что когда онъ отправилъ бывшую жену свою во Владиміръ со всею учтивостію, въ коляскѣ четвернею, то воевода минскій, Сапѣга, бывшій при разводѣ посредникомъ со стороны Марьи Юрьевны, велѣлъ слугамъ своимъ перебить кучеру Курбскаго палкою руки и ноги и удержать коляску, бранилъ Курбскаго срамными словами. Въ декабрѣ Марья Юрьевна помирилась съ Курбскимъ, объявила, что послѣдній далъ ей во всѣхъ ея искахъ законное удовлетвореніе, и что она не будетъ начинать новыхъ исковъ ни противъ него, ни противъ дѣтей его и потомковъ; при этомъ горничная ея, Раинка, объявила также, что всѣ ея прежнія показанія, какъ противъ Курбскаго, такъ и противъ бывшей жены его, ложны; что она дѣлала ихъ по наущенію другихъ въ гнѣвѣ; что никогда не была она ни бита, ни мучена, ни изнасилована. Но когда Курбскій женился на дѣвицѣ Александрѣ Семашковнѣ, которою, какъ видно изъ его завѣщанія, былъ очень доволенъ, то старая жена подала опять королю жалобу на незаконное расторженіе брака; тогда Курбскій выставилъ законную для суда причину: трое людей показали, что они собственными глазами видѣли, какъ бывшая княгиня Курбская нарушила супружескую вѣрность. Дѣло кончилось опять мировою сдѣлкою.

Кромѣ этихъ неудовольствій, Курбскій долженъ былъ испытать еще много другихъ. Въ 1575 году князь Андрей Вишневецкій, воевода Браславскій, собравшись со множествомъ вооруженныхъ слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ, конныхъ и пѣшихъ, съ пищалями и ружьями, наѣхалъ на его земли, захватилъ два стада, побилъ четырехъ пастуховъ. Когда Курбскій послалъ къ нему слугъ своихъ и постороннихъ добрыхъ людей спросить о причинѣ наѣзда, то Вишневецкій, вмѣсто отвѣта, велѣлъ схватить и убить ихъ. Курбскій поспѣшилъ отомстить ему въ тотъ же самый день: нѣсколько сотъ слугъ его и подданныхъ напали на имѣніе Вишневецкаго, побили крестьянъ, пограбили хлѣбъ. Горожане также не удерживались отъ насильственныхъ поступковъ; любимый слуга Курбскаго, Москвичъ Иванъ Келеметъ, подалъ въ 1571 году такую жалобу: „Былъ я во Владимірѣ, чтобъ отвѣчать передъ судомъ по дѣлу господина моего. Когда я выѣзжалъ уже изъ города, то ландвойтъ, ратманы и мѣщане владимірскіе, приказавъ звонить въ колокола и запереть городскія ворота, собрались со множествомъ мѣщанъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, намѣреваясь лишить меня жизни, безо всякаго съ моей стороны повода, такъ что я едва успѣлъ уѣхать изъ города. Послѣ того, мѣщане, ратманы и ландвойтъ гнались за мною и, догнавши на полѣ, за

милю отъ города, изранили меня самого, бывшихъ со мною слугъ господина моего, моихъ собственныхъ слугъ и коней; рыдванъ мой растрясли, жену мою истерзали, перстни съ рукъ посрывали, а изъ рыдвана взяли сундукъ и шкатулку.“ Въ 1575 году самъ князь Курбскій подалъ жалобу: „Недавно, когда Татары вторгнулись въ Землю Волынскую, я, по своей шляхетской обязанности, поѣхалъ съ своимъ отрядомъ какъ можно скорѣе противъ непріятеля, а урядннку своему, Калиновскому, приказалъ съ деньгами ѣхать вслѣдъ за мною какъ можно скорѣе. Когда онъ проѣзжалъ между Берестечкомъ и Николаевымъ, то мѣщане берестецкіе Остаховичи съ многими помощниками своими, захвативъ на большой дорогѣ Калиновскаго и ѣхавшаго съ нимъ вмѣстѣ боярина моего, Туровицкаго, разбойнически, жестоко избили ихъ и изранили, и все, что съ ними было, побрали, послѣ чего бросили ихъ замертво и возвратились домой въ Берестечко. Урядники берестецкіе, узнавши объ убійствѣ, поймали злодѣевъ и посадили ихъ въ тюрьму; но когда привезенъ былъ Калиновскій чуть-живой въ Берестечко и объявилъ, что онъ мой слуга, то урядники, посовѣтовавшись между собою, забрали все имѣніе, отнятое злодѣями у слугъ моихъ, самихъ злодѣевъ изъ тюрьмы выпустили и неизвѣстно куда дѣвали, а Калиновскаго, продержавши немалое время въ Берестечкѣ, положивъ на возъ едва-живаго, въ одной рубашкѣ, приказали вывезти вонъ изъ города и бросить въ дубравѣ на мѣстѣ разбоя.“

Мы упоминали о вѣрномъ слугѣ Курбскаго, Иванѣ Келеметѣ, о нападеніи на него горожанъ владимірскихъ въ 1571 году; въ слѣдующемъ 1572 его постигла насильственная смерть тамъ же, во Владимірѣ. Когда онъ находился здѣсь опять по дѣламъ господина своего, то къ нему на квартиру, подъ вечеръ, пришли слуги князя Булыги и усѣлись незванные; хозяинъ дома, мѣщанинъ Капля, сталъ ихъ выпроваживать, но они отвѣчали: „Для чего намъ идти,—развѣ для этого Москвитянина?“ Одинъ изъ нихъ, схвативши стклянку съ горѣлкою, бросилъ ею въ Келемета. Тутъ началась ссора, обнажено было оружіе: Келеметъ выгналъ-было ихъ изъ свѣтлицы и заперся, но они начали выбивать двери и окна. Капля въ это время выбѣжалъ изъ дому, и когда возвратился туда опять, то увидалъ, что самъ князь Булыга стоитъ въ сѣняхъ, а Келеметъ, уже убитый, лежитъ въ свѣтлицѣ на землѣ. Деньги и вещи, принадлежавшія Келемету, были пограблены убійцами. Булыга не явился къ суду, и мѣстный судъ приговорилъ его къ уплатѣ головщины и всѣхъ убытковъ, а самого преступника отослать на судъ королевскій; но убійца, при посредничествѣ нѣсколькихъ пановъ, заключилъ мировую съ Курбскимъ, обязавшись заплатить ему за голову убитаго и за всѣ убытки, и высидѣть во владимірскомъ замкѣ годъ и шесть недѣль. Другой слуга Курбскаго, бѣжавшій съ нимъ изъ Московскаго государства, Петръ Вороновецкій, былъ также убитъ неизвѣстно кѣмъ; жена убитаго сначала обвиняла-было въ преступленіи самого князя Курбскаго, но потомъ отреклась отъ своего обвиненія.

Послѣ этихъ случаевъ Курбскій имѣлъ право жаловаться, что онъ, изгнанный безъ правды, пребываетъ въ странствіи, между людьми тяжелыми и очень негостепріимными. Изъ всего видно, что его и его Москвичей не любили въ новомъ ихъ отечествѣ. Но, съ другой стороны, посмотримъ, какъ поступалъ самъ Курбскій въ столкновеніяхъ съ сосѣдями и людьми ему подчиненными. Когда сосѣдніе съ данными ему королемъ волостями крестьяне смединскіе обвиняли его въ завладѣніи ихъ землею, подраніи пчелъ, насиліяхъ, побояхъ и грабежахъ, и король прислалъ ему свой напоминальный листъ, то Курбскій отвѣчалъ: „Я не велю вступаться въ землю Смединскую, а приказываю защищать свою землю; если Смединцы будутъ присвоять мою землю, которую они считаютъ своею, то я прикажу ловить ихъ и вѣшать. А что касается до удовлетворенія, которое Смединцы требуютъ отъ урядниковъ и крестьянъ моихъ за обиду и вредъ, то я имъ въ томъ суда и расправы давать не обязанъ, ибо, если что урядники и крестьяне мои сдѣлали, то сдѣлали, защищая мою землю.“ Курбскій, по какому-то праву, завладѣлъ имѣніемъ пановъ Красенскихъ; король Сигизмундъ-Августъ рѣшилъ, что Курбскій долженъ возвратить имѣніе. Курбскій получилъ королевское приказаніе, когда уже Сигизмунда-Августа не было въ живыхъ. Посланецъ королевскій долго разъѣжалъ по имѣніямъ Курбскаго съ листомъ королевскимъ. Слуги Курбскаго посылали его изъ одного имѣнія въ другое, даже одинъ изъ нихъ грозилъ ему палкой. Наконецъ посланецъ нашелъ Курбскаго и хотѣлъ вручить ему листъ королевскій, но Курбскій, въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, сказалъ ему: „Ты ѣздишь ко мнѣ съ мертвыми листами, потому что когда король умеръ, то и всѣ листы его умерли. Да хотя бы ты и отъ живаго короля пріѣхалъ, то я тебѣ и никому другому имѣніи не уступлю.“ Въ 1572 году на Курбскаго подана была жалоба, что онъ перехватилъ въ своемъ имѣніи слугу враждебнаго ему пана, ограбилъ и мучилъ, пыталъ о намѣреніяхъ послѣдняго противъ него; а въ 1579 году возный, который ѣздилъ къ Курбскому звать его къ суду, подалъ жалобу, что слуги князя напали на него на дорогѣ, били въ шесть кіевъ, бросили едва-живого, и бьючи приговаривали: „Позововъ къ его милости, князю, пану нашему, не носи.“ Вѣрный слуга Курбскаго, извѣстный уже намъ Иванъ Келеметъ, подражалъ своему пану: въ 1569 г. владимірскіе Жиды подали жалобу, что Келеметъ, урядникъ Курбскаго въ Ковелѣ, который былъ отданъ королемъ во владѣніе послѣднему, схватилъ за долги двоихъ Жидовъ ковельскихъ и Жидовку въ субботу, въ школѣ, на молитвѣ, посадилъ въ яму, наполненную водою, запечаталъ въ домахъ ихъ и въ домахъ другихъ Жидовъ лавки и пивницы. Возный, отряженный по этой жалобѣ

въ Ковель, доносилъ, что когда онъ съ понятою шляхтою пришелъ къ воротамъ замка, то привратникъ ихъ въ замокъ не пустилъ. Стоя у воротъ, они слышали вопль заключенныхъ въ водяной ямѣ Жидовъ, которыхъ сосали піявки. Наконецъ вышелъ Келеметъ и сказалъ: „Развѣ пану не вольно наказывать подданныхъ своихъ не только тюрьмою или другимъ какимъ-нибудь наказаніемъ, но даже смертію? А я что ни дѣлаю, все дѣлаю по приказанію своего пана, его милости князя Курбскаго, потому что панъ мой, владѣя имѣніемъ Ковельскимъ и подданными, воленъ наказывать ихъ, какъ хочетъ, а королю его милости и никому другому нѣтъ до того никакого дѣла." Жиды владимірскіе, пришедшіе вмѣстѣ съ вознымъ, сказали на это: „Вольно пану карать своихъ подданныхъ, но только согласно съ закономъ, а ты нарушаешь наши права, подтвержденныя королевскими привилегіями." Келеметъ отвѣчалъ: „Я вашихъ правъ и вольностей знать не хочу," и велѣлъ всѣмъ Жидамъ выбраться изъ города. По королевскому декрету, Курбскій долженъ былъ освободить Жидовъ, отпечатать школу ихъ, домы и лавки. Панцырный бояринъ ковельскій, Порыдубскій, подалъ королю жалобу, что Курбскій наслалъ открытою силою слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ на его имѣніе и на домъ, приказалъ схватить его самого и со всѣмъ семействомъ, и держалъ шесть лѣтъ въ жестокомъ заключеніи, имѣніе все пограбилъ. Что касается до сопротивленія суднымъ королевскимъ приговорамъ, то поведеніе Курбскаго и слугъ его не составляло исключенія: въ 1582 году возный доносилъ, что когда онъ, по приказанію городскаго владимірскаго уряда, ѣздилъ къ пану Красенскому, чтобъ взыскать съ него деньги въ пользу князя Курбскаго, то Красенскій въ панцырѣ, съ нѣсколькими сотнями конныхъ вооруженныхъ людей, загородилъ ему дорогу къ своему селу и сказалъ: „Будемъ васъ бить и защищаться до смерти", причемъ дѣйствительно прибилъ двоихъ слугъ Курбскаго. Король принужденъ былъ дать указъ, чтобъ старосты кременецкій, владимірскій и луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, вооруженною рукою произвели взысканіе съ Красенскаго; но многіе шляхтичи, вмѣсто того, чтобъ исполнить королевскій указъ, присоединились къ Красенскому, который, раздѣливши вооруженныхъ людей своихъ на три отряда, самъ съ однимъ отрядомъ загородилъ дорогу къ двумъ своимъ имѣніямъ, а жена его, Ганна, съ двумя другими отрядами, загородила дорогу къ имѣнію Красному [1]).

Въ 1548 году католическій Виленскій епископъ, Павелъ, жаловался королю, что въ его епархіи многія жены мужей своихъ покидаютъ, живутъ съ Жидами, Турками, Татарами, забывъ свое христіанство. Но подлѣ этихъ извѣстій, которыя не могутъ дать намъ выгоднаго понятія о нравственномъ состояніи въ Западной Россіи въ описываемое время, встрѣчаемъ извѣстія, которыя показываютъ и дѣйствія животворнаго начала, которое будило человѣка и указывало ему высшія цѣли жизни: на дорогѣ, по которой проѣзжалъ съ пира пьяный панъ съ женою, тоже нетрезвою, оба, какъ въ пьяномъ, такъ и въ трезвомъ видѣ, не уважавшіе жизни, чести и собственности меньшихъ братій; на дорогѣ, по которой ѣхалъ панъ съ вооруженнымъ отрядомъ слугъ и крестьянъ, чтобъ напасть на имѣніе своего противника; на дорогѣ, по которой шли слуги и служанки, чтобъ сдѣлать предъ судомъ ложное показаніе или безстыдно объявить ложнымъ справедливое,—на этой же самой дорогѣ можно было встрѣтить молодаго человѣка, который, испытавъ бѣду, призналъ ее Божіимъ наказаніемъ за извѣстный грѣхъ свой, для очищенія себя отъ него предпринялъ подвигъ — идетъ пѣшкомъ собирать на церковное строеніе.

Мы видѣли нравы, образъ жизни, взаимныя отношенія пановъ западно-русскихъ; теперь войдемъ въ ихъ жилища, въ эти домы, гдѣ они пировали, ссорились и мирились. Среди обширнаго двора находился большой домъ съ большими сѣнями; изъ сѣней входъ въ свѣтлицу, въ свѣтлицѣ двери на завѣсахъ, четыре окна, столъ дубовый на ножкахъ, вокругъ четыре скамьи, печь муравленая зеленая; изъ свѣтлицы ходъ въ кладовую. Изъ тѣхъ же сѣней, на противоположной сторонѣ, входъ въ другую свѣтлицу, въ которой такая же мебель, какъ и въ первой, и ходъ въ другую кладовую; изъ тѣхъ же сѣней лѣстница на верхъ. Кромѣ большого дома, на дворѣ еще нѣсколько строеній, свѣтлицъ съ окнами, вправленными въ олово, столами разноцвѣтными, дубовыми, липовыми, печами муравлеными зелеными, скамьями при столахъ и вокругъ свѣтлицъ, кроватями дубовыми, камельками, надъ воротами галлерея съ окнами. При описаніи панскихъ дворовъ встрѣчаемъ и старое знакомое намъ слово „гридня": на дворѣ гридня большая, въ ней столъ, вокругъ четыре скамьи. Домъ со стороны пруда и дикаго лѣса огороженъ острогомъ [2]).

Нравственное состояніе общества, со всѣми своими сторонами, свѣтлыми и темными, должно было отразиться въ памятникахъ литературныхъ. Мы видѣли, что окончательная, доведенная до крайности борьба между новымъ порядкомъ вещей и остатками старины не прошла молча. Двое потомковъ Мономаха, потомокъ старшей линіи, линіи Мстиславовой, князь Андрей Курбскій-Смоленскій-Ярославскій, и потомокъ младшей линіи, линіи Юрія Долгорукаго, Иванъ Васильевичъ Московскій, царь всея Руси и самодержецъ, сразились въ послѣдней усобицѣ, въ послѣдней которѣ, сразились—словомъ. Но одна крайность борьбы, одинъ личный характеръ борцовъ не объяснятъ намъ вполнѣ явленія; надобно прибавить, что борцы эти

[1]) Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Кіевъ. 1849 г.

[2]) Акты Западн. Россіи III, № 8, 37; Акты изд. Кіев. Коммис. III, отдѣл. II.

воспитались въ словесной борьбѣ, въ преданіяхъ о ней, привыкли признавать за этою борьбою важное значеніе, привыкли уважать это новое оружіе—слово. Борьба, которая при Грозномъ оканчивалась, борьба государей Московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями княжеско-боярскими, началась при Іоаннѣ III и тогда же была уже соединена съ литературнымъ движеніемъ; борьба Софіи Палеологъ съ Патрикѣевыми и Ряполовскими тѣсно была соединена съ церковною борьбою по поводу ереси жидовствующихъ; одною матеріальною борьбою, преслѣдованіями и казнями дѣло не могло ограничиться; Іосифъ Волоцкій, требуя отъ правительства строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ этимъ написать книгу для ихъ обличенія. Враги Іосифа не оставались безмолвными; Заволжскіе старцы опровергали письменно мнѣнія Волоцкаго; старецъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) былъ представителемъ этихъ старцевъ, считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ грамотныхъ и смышленыхъ людей. Является Максимъ Грекъ—свѣтило тогдашней науки; около него собираются русскіе грамотные люди; онъ образуетъ учениковъ, въ числѣ которыхъ считаетъ себя и князь Курбскій; но около Святогорскаго старца собираются также люди, недовольные новымъ порядкомъ вещей, принесеннымъ Гречанкою Софьею: движеніе литературное опять тѣсно соединено съ политическимъ. Максимъ Грекъ подвергается опалѣ вмѣстѣ съ Вассіаномъ Косымъ, ихъ врагъ — митрополитъ Даніилъ, также одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей времени; въ борьбѣ политической постоянно употребляется оружіемъ—слово. Такимъ образомъ, литература политико-церковно-полемическая, которою обозначается описываемое время, явно ведетъ свое начало оттуда же, откуда начинается борьба политическая, отъ борьбы Софіи и Волоцкаго съ Патрикѣевыми и жидовствующими.

Мы уже знакомы съ произведеніями пера Іоаннова; но прежде мы преимущественно должны были обращать вниманіе на содержаніе этихъ произведеній; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о формѣ, ибо послѣдняя такъ же послужитъ намъ объясненіемъ характера этого знаменитаго историческаго лица, и средствъ, которыми владѣлъ Іоаннъ. По тогдашнимъ средствамъ къ умственному образованію, Іоаннъ былъ начетникъ, самоучка, и съ нимъ случилось то же самое, что можно видѣть и теперь на подобныхъ начетникахъ; формы языка, на которомъ читалъ онъ, формы, имѣвшія для него важное, священное значеніе, эти формы густо столпились въ его памяти, и когда онъ хотѣлъ употреблять ихъ, то безъ изученія особенностей этихъ формъ, руководясь только одною памятью, онъ часто не могъ совладѣть съ ними, съ постройкою рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ связи, бросался отъ одного предмета къ другому; не окончивши одного, начиналъ другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Іоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что онъ писалъ.

Что читалъ Іоаннъ, это ясно видно изъ его писемъ: Священное Писаніе, переводныя сочиненія Отцовъ Церкви, русскія лѣтописи, хронографы, изъ которыхъ бралъ свѣдѣнія о римской и византійской исторіи; но преимущественно онъ находился подъ вліяніемъ двухъ первыхъ, такъ что посланія его наполнены мѣстами изъ Св. Писаній и сочиненій Св. Отцовъ. Талантъ Іоанна виденъ въ искусномъ употребленіи средствъ; въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ ловко обращается къ религіозному чувству послѣдняго и выставляетъ ему на видъ ту сторону его поступка, противъ которой это чувство особенно должно было вопіять: „Князь, зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло; ты озлобился на меня,—и душу свою погубилъ, потому что поднялъ руки на церковное разореніе. Не думаешь ли, что убережешься отъ этого?—никакъ. Если ты пойдешь вмѣстѣ съ ними (Литовцами) воевать, то непремѣнно будешь церкви разорять, иконы попирать, христіанъ губить. Представь себѣ, какъ нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами. Такимъ образомъ, твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется Иродову неистовству, направленному противъ младенцевъ? Неужели ты назовешь это благочестіемъ? Итакъ, ты ради тѣла погубилъ душу, ради славы мимотекущія пріобрѣлъ безславіе, и не на человѣка озлобился, а на Бога возсталъ. Разумѣй, несчастный, съ какой высоты и въ какую пропасть ты низвергся душою и тѣломъ! Могутъ понять и тамъ, кто поумнѣе, что ты отъѣхалъ, желая славы мимотекущія и богатства, а не отъ смерти бѣгалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, то зачѣмъ испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но пріобрѣтеніе?“ Потомъ Іоаннъ словами Писанія доказываетъ, что и самый отъѣздъ Курбскаго, даже и безъ войны противъ православнаго отечества, есть грѣхъ: „Зачѣмъ ты презрѣлъ апостола Павла, который говоритъ: „Противящійся власти—Божію повелѣнію противится.“ Смотри и разумѣй: кто Богу противится, тотъ называется отступникомъ, и это величайшій грѣхъ.“ Курбскій указываетъ на происхожденіе свое отъ Святаго князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго и отдаетъ свое дѣло на судъ этому предку своему. Но Іоаннъ низлагаетъ его и здѣсь: „Съ охотою принимаю въ судьи Святаго Ѳеодора Ростиславича, хотя онъ тебѣ и родственникъ; потому что кто былъ праведенъ здѣсь, въ земной жизни, тотъ тѣмъ болѣе творитъ праведное по смерти, и праведно разсудитъ онъ между нами и вами. Этотъ самый Святой князь Ѳеодоръ исцѣлилъ царицу нашу Анастасію, которую вы уподобляли Евдокіи; ясно, что онъ не вамъ, но намъ, недостойнымъ, милость свою простираетъ; такъ и теперь надѣемся, что онъ будетъ помогать болѣе намъ, чѣмъ вамъ. Еслибъ вы были чада Авраамля, то творили бы дѣла Авраамля; можетъ Богъ и отъ

камней воздвигнуть чадъ Авраамy; не всѣ происходящіе отъ Авраама къ сѣмени Авраамову причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое въ гробъ со собою положить; значитъ, ты отложилъ уже и послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу; а ты и конечное прощеніе отвергаешь: такъ не слѣдуетъ тебя и погребать нохристіански." Изъ Св. Писанія заимствуетъ Іоаннъ уподобленія свои: „Ради временной славы (пишетъ онъ къ Курбскому), и сребролюбія, и сладости міра сего, ты все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ; ты уподобился сѣмени, падающему на камень и выросшему при жарѣ солнечномъ, но вдругъ ради слова ложнаго ты соблазнился, отпалъ и плода не сотворилъ"

Понятно, что при томъ недостаточномъ состояніи просвѣщенія, въ какомъ находилось русское общество въ описываемое время, грамотѣй, начетникъ тѣмъ большимъ пользовался уваженіемъ, чѣмъ больше выказывалъ свою ученость, начитанность въ рѣчахъ и посланіяхъ; понятно, что Іоаннъ любилъ выказывать свою ученость, помѣщая въ письмахъ своихъ обширныя историческія выписки: любятъ обыкновенно хвастаться тѣмъ, что рѣдко и ново; толпа увлекается количествомъ, обиліемъ; законность вопроса о приличіи, о мѣрѣ признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Іоаннъ же по природѣ своей не могъ принадлежать къ этимъ немногимъ, ибо менѣе другихъ былъ способенъ удовлетворять требованіямъ приличія и мѣры. Плодовитость рѣчи, неумѣнье сдержаться, умѣрить себя, проистекая вообще отъ страстности его природы, зависѣли также болѣе или менѣе и отъ особеннаго состоянія его духа: такъ, первое посланіе къ Курбскому, написанное въ сильномъ волненіи и гнѣвѣ, отличается особеннымъ многорѣчіемъ; второе посланіе кратко: между другими причинами этой краткости нельзя не признать и ту, что второе посланіе написано при большемъ спокойствіи духа, при большемъ довольствѣ своимъ положеніемъ, отъ военныхъ удачъ происшедшимъ. Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣшить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться. Неудивительно, что онъ не щадитъ въ своихъ насмѣшкахъ Курбскаго: „Писалъ ты себѣ въ досаду, отвѣчаетъ онъ ему, что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, посылали; теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекихъ городовъ прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: такъ теперь уже нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ ты думалъ, что ушелъ, а мы тутъ, по волѣ Божіей, догнали. И ты дальше поѣхалъ". Неудивительно, что Іоаннъ находилъ удовольствіе злить Крымскаго хана, напоминая ему о не кстати высказанномъ порывѣ безкорыстія: „Зачѣмъ ты просишь у меня подарковъ?—вѣдь ты писалъ, что всѣ богатства міра для тебя съ прахомъ равны"? Но вотъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и усердныхъ новыхъ слугъ Ивана, возвышенный царемъ вслѣдствіе нерасположенія къ людямъ болѣе родовитымъ, Василій Грязной, попался въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ; къ этому Грязному царь писалъ: „Ты писалъ, что по грѣхамъ взяли тебя въ плѣнъ: такъ надобно было тебѣ, Васюшка, безъ пути средь крымскихъ улусовъ не заѣзжать; а если заѣхалъ, такъ надобно было спать не по объѣздному. Ты думалъ, что въ объѣздъ пріѣхалъ съ собаками за зайцами; но Крымцы самого тебя въ торокъ завязали. Или ты думалъ, что такъ же и въ Крыму, какъ у меня, стоя за кушаньемъ, шутить? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, и умѣютъ васъ, нѣженокъ, ловить. Только бы такіе Крымцы были, какъ вы, жонки, такъ имъ бы и за рѣку не бывать, не только-что въ Москвѣ. Ты сказываешься великимъ человѣкомъ: правда,—что грѣха таить,—отца нашего и наши бояре стали намъ измѣнять, и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое и отцовское величество въ Алексинѣ: такіе и въ станицахъ ѣзжали; ты самъ въ станицѣ у Пенинскаго былъ мало-что не въ охотникахъ съ собаками, а предки твои у ростовскихъ владыкъ служили; мы не запираемся, что ты у насъ въ приближеньи былъ, и мы для твоего приближенья тысячи двѣ рублей за тебя дадимъ, а до этихъ поръ такіе, какъ ты, по 50 рублей бывали" [1]).

Мы видѣли, что Іоаннъ, словесной премудрости риторъ, любилъ устно, въ отвѣтахъ посламъ, выказывать обиліе и красоту своей рѣчи. Отъ спора съ Поссевиномъ онъ уклонялся и потому, что опасался оказаться несостоятельнымъ предъ ученымъ іезуитомъ, и потому, что опасался, говоря противъ католицизма, оскорбить главу католическаго міра. Но дошло до насъ извѣстіе о спорѣ его съ протестантомъ Рогитою, гдѣ онъ уже не боялся никого оскорбить: „Говорилъ я тебѣ прежде и теперь повторяю (началъ Іоаннъ), что не хочу я съ тобой вести спора потому,—тебѣ хочется только разузнать наши мнѣнія, а не согласиться съ нами Итакъ должно поступить по заповѣди Господней: не давайте святыни псамъ, не бросайте бисера предъ свиньями. Прежде скажу объ учителѣ вашемъ Лютерѣ, который и по жизни и по имени своему былъ л ю т ъ" [2]), и проч. Надобно замѣтить,

[1]) Дѣла Крымскія № 14, стр. 215.

[2]) Lasicii -De Russorum Moscovitorum et Tartarorum religione.

что въ это время вездѣ, и въ Западной Европѣ, и въ ближайшей Литвѣ, въ ожесточенныхъ спорахъ или, лучше сказать, перебранкахъ политическихъ и религіозныхъ, не соблюдали никакихъ приличій, и любили, особенно по сходству звуковъ, давать смѣшное и обидное значеніе имени противника: такъ, въ Литвѣ доставалось отъ католиковъ имени знаменитаго протестантскаго борца — Волана [1]); въ Германіи Мюнцеръ называлъ Лютера „докторъ Люгнеръ", а нашъ Грозный нашелъ еще ближайшее созвучіе. Что словопроизводства были въ ходу, видно такъ-же изъ другихъ извѣстій: разсказываютъ, что Грозный одно время ласкалъ очень Нѣмцевъ; это понятно и потому, что онъ хотѣлъ привязать къ себѣ Ливонцевъ, и потому, что подозрѣвалъ своихъ Русскихъ, и потому, что хотѣлъ оправдать собственное поведеніе недостоинствомъ послѣднихъ. Онъ хвалился своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ— именно отъ герцоговъ Баварскихъ, и въ доказательство этому приводилъ названіе: бояре, гдѣ слышалось ему слово Baiern [2]). Флетчеръ разсказываетъ, что однажды царь, отдавая золотыхъ дѣлъ мастеру, англичанину, слитки золота для сдѣланія изъ нихъ посуды, велѣлъ хорошенько смотрѣть за вѣсомъ, прибавя: „Русскіе мои всѣ воры". Англичанинъ улыбнулся и, спрошенный о причинѣ улыбки, отвѣчалъ: „Ваше величество забыли, что вы сами Русскій".—„Я не Русскій, отвѣчалъ царь: предки мои Германцы" [3]).

Письма Курбскаго относительно изложенія носятъ иной характеръ, чѣмъ письма къ нему Іоанновы, по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка; Курбскій—былъ ученикомъ Максима Грека, и поэтому долженъ былъ имѣть уже другія, высшія понятія о риторствѣ въ словесной премудрости, долженъ былъ пріобрѣсти большое умѣнье разбираться въ словесномъ матеріалѣ и давать своей рѣчи бо́льшую стройность. Въ отвѣтѣ Іоанну, Курбскій укоряетъ его за неприличное многословіе, за нестройность рѣчи, за слишкомъ обширныя выписки изъ Св. Писанія и отеческихъ твореній: „Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, выразумѣлъ и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что не только царю, столь великому и во вселенной славимому, но и простому убогому воину было бы неприлично. Особенно въ немъ много изъ Священныхъ Писаній нахватано, и приведены эти слова со многою яростію и лютостію, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры и перепутанно, цѣлыми книгами, и паремьями, и посланіями! Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ, и такъ все варварски, что не только ученымъ и искуснымъ мужамъ, но и простымъ, даже дѣтямъ въ удивленіе и смѣхъ, особенно въ чужой Землѣ, гдѣ находятся люди, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные". Дѣйствительно, если сравнимъ по формѣ письма Іоанна съ письмами Курбскаго, то не можемъ не отдать преимущества послѣднему; вотъ, напримѣръ, начало одного изъ писемъ его къ царю: „Если пророки плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, изъ камня прекраснѣйшаго созданной, и о гибели живущихъ въ немъ, то какъ намъ не восплакать о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, которую создалъ Господь, а не человѣкъ, въ которой нѣкогда Духъ Святый пребывалъ, которая послѣ прехвальнаго покаянія была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ которой чистая молитва, какъ благоуханное миро, или ѳиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ которой, на твердомъ основаніи правовѣрной вѣры, благочестивыя дѣла созидались, и въ этой церкви царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами блисталась, честнѣе и свѣтлѣе золота, благодатію Духа Святаго преукрашенная дѣлами, укрѣпленная и освященная тѣломъ и кровію Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!".

Большей стройности, большему изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способнѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный. Наконецъ на форму рѣчи Курбскаго должно было имѣть сильное вліяніе то положеніе, въ которомъ онъ явился писателемъ,—положеніе изгнанника. Чувство ненависти къ гонителю, побуждавшее его къ рѣчи гнѣвной, умѣрялось другимъ чувствомъ, — чувствомъ глубокой скорби о потерѣ отечества, о безотрадности положенія своего. Это особенно ощутительно въ первомъ посланіи, которое состоитъ изъ одного болѣзненнаго вопля: „Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израилѣ, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковные обагрилъ! на доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя мученья, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму преложить и сладкое прозвать горькимъ? Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель! Не прегордыя ли царства храбростію своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое намъ воздаяніе за это: всеродно губишь насъ! Или думаешь,

[1]) См. Pisma historyczne Michala Balinskiego, т. III.
[2]) Карамзинъ IX, примѣч. 166.
[3]) Fletcher, of the Russe. Common. Wealth, начало VI-й главы.

что ты безсмертенъ; или прельщенъ ересію и думаешь, что не будетъ суда Іисусова? Онъ, Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, судья между тобою и мною. Какого зла и гоненія отъ тебя я не потерпѣлъ? какихъ бѣдъ и напастей на меня ты не воздвигнулъ? какихъ лжесплетеній презлыхъ на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь исчислить, потому что объятъ еще горестію души моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишенъ и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!"

Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ о значеніи „Исторіи князя великаго Московскаго", написанной Курбскимъ въ изгнаніи. О цѣли исторіи вообще авторъ разсуждаетъ здѣсь такъ: „Славныя дѣла великихъ мужей мудрыми людьми въ исторіяхъ для того описаны, да ревнуютъ имъ грядущія поколѣнія; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла для того написаны, чтобъ остерегались ихъ люди, какъ смертноснаго яда или повѣтрія, не только тѣлеснаго, но и душевнаго". Какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ событія, Курбскій подробно описываетъ взятіе Казани. Любопытно посмотрѣть, какъ онъ понимаетъ значеніе этого событія: „Съ помощію Божіею противъ супостатовъ возмогло воинство христіанское. И противъ какихъ супостатовъ? — противъ великаго и грознаго Измаильтянскаго языка, котораго нѣкогда вся вселенная трепетала, и не только трепетала, но и опустошена была; и не противъ одного царя воинство христіанское ополчилось, но заразъ противъ трехъ великихъ и сильныхъ, то-есть противъ Перекопскаго царя, Казанскаго и противъ княжатъ Ногайскихъ. Съ помощію Христа Бога съ этого времени отражало оно нападенія всѣхъ троихъ и преславными побѣдами украшалось, и въ небольшое число лѣтъ предѣлы христіанскіе расширились: гдѣ прежде въ опустошенныхъ краяхъ русскихъ были зимовища татарскія,—тамъ города соорудились; и не только кони русскихъ сыновъ изъ текущихъ въ Азіи рѣкъ напились, но и города тамъ поставились".—Принадлежа къ самымъ грамотнымъ людямъ Восточной и Западной Россіи, Курбскій не упускалъ случая хвалить грамотность и краснорѣчіе въ другихъ; такъ, говоря о князѣ Иванѣ Бѣльскомъ, прибавляетъ: „Онъ былъ не только мужественъ, но и разуменъ, и въ священныхъ писаніяхъ нѣсколько искусенъ". О плѣнномъ ливонскомъ ландмаршалѣ, Филиппѣ Беллѣ, говоритъ: „Былъ онъ мужъ не только мужественный и храбрый, но и с л о в е с т в а полонъ, острый разумъ и добрую память имущій".

Курбскій былъ ученикъ Максима Грека и вмѣстѣ ревностный хранитель Патрикѣевскихъ преданій. Поэтому неудивительно встрѣтить у него такой отзывъ о Вассіанѣ Косомъ: „Оставя мірскую славу, онъ въ пустыню вселился и препровождалъ строгое и святое житіе подобно великому и славному древнему Антонію, и, чтобъ не обвинилъ меня кто въ дерзости, Іоанну Крестителю ревностію уподобился, потому что и тотъ законопреступный бракъ царю возбранялъ". О Максимѣ Грекѣ, по поводу посѣщенія его царемъ, Курбскій отзывается такъ: „Максимъ преподобный, мужъ очень мудрый, и не только въ риторскомъ искусствѣ сильный, но и философъ искусный, старостію умащенный, терпѣніемъ исповѣдническимъ украшенный". Курбскій находился въ тѣсной связи съ извѣстнымъ Артеміемъ, игуменомъ Троицкимъ, который, по его словамъ, былъ совершенно невиненъ въ неправославныхъ мнѣніяхъ. Наши церковные источники того мнѣнія, что Артемій былъ не совсѣмъ правъ предъ соборомъ; былъ ли совершенно правъ Курбскій въ своихъ мнѣніяхъ, въ какой степени на правоту его мнѣній имѣло вліяніе сочувствіе ко врагамъ автора „Просвѣтителя" и всѣхъ Осифлянъ — мы не знаемъ; но извѣстно то, что въ Литвѣ Курбскій явился самымъ ревностнымъ защитникомъ православія какъ противъ католицизма, такъ особенно противъ протестантизма. Понятно, что самое изгнаніе, самая тоска по Землѣ Святорусской, какъ онъ выражается, могли усилить это усердіе къ вѣрѣ, которая больше всего связывала его съ потеряннымъ отечествомъ, которая одна въ Литвѣ заставляла его думать, что онъ не совершенно на чужбинѣ; понятно, что, страдая тоскою по Землѣ Святорусской, Курбскій сталъ такъ усерденъ къ поддержанію того исповѣданія, которое въ Литвѣ называлось Русскимъ. Курбскій испыталъ то, о чемъ говоритъ поэтъ: „Родина—что здоровье: тогда только узнаешь имъ полную цѣну, когда потеряешь". Въ пылу гнѣва, Курбскій назоветъ иногда отечество неблагодарнымъ, но тутъ же невольно выразитъ тоску объ изгнаніи изъ земли л ю б и м а г о отечества.

Въ „Исторіи князя великаго Московскаго" Курбскій, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражаетъ свое сильное нерасположеніе къ протестантизму. Такъ, принятію протестантизма приписываетъ онъ паденіе Ливоніи. Разсказавши о взятіи Нарвы Русскими, Курбскій прибавляетъ: „Вотъ мзда ругателямъ, которые уподобляютъ Христовъ образъ, по плоти написанный, и образъ Матери Его болванамъ поганскихъ боговъ! Вотъ иконоборцамъ воздаяніе! Воистину знаменіе суда прежде суда на нихъ было изъявлено, да прочіе убоятся не хулить святыни". Упадокъ воинственнаго духа у Поляковъ и Литовцевъ Курбскій приписываетъ также распространенію между ними лютеранскихъ ересей: „Когда путь Господень оставили и вѣру церковную отринули, ринулись въ пространный и широкій путь, то-есть въ пропасть ереси лютерскія и другихъ различныхъ сектъ, особенно самые богатые ихъ вельможи,—тогда и приключилось имъ это".

Переводя съ латинскаго языка на славянскій бесѣду Іоанна Златоустаго о вѣрѣ, надеждѣ и любви, Курбскій послалъ свой трудъ князю Константину Острожскому, а тотъ отдалъ его для

перевода на польскій языкъ человѣку неправославному. Курбскій разсердился и писалъ князю Острожскому: „Не знаю, какъ это случилось, что вы отдали мой переводъ на испытаніе человѣку, не только въ наукахъ неискусному, но и грамматическихъ чиновъ отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словъ исполненному, стыда не имущему, глаголы священныхъ писаній нечисто отрыгающему, потому что я самъ изъ устъ его слышалъ искаженіе словъ апостола Павла. Ты пишешь, что отдалъ перевести на польскій языкъ: вѣрь мнѣ, что если бы множество ученыхъ сошлись и стали ломать славянскаго языка чины грамматическіе, перелагая въ польскую барбарію, то въ точности изложить не смогли бы". При сильномъ движеніи и разгоряченіи страстей, какъ было тогда въ Литвѣ по случаю явленія новыхъ ученій, Курбскій не могъ избѣжать горячихъ споровъ съ ревнителями послѣднихъ. Такой споръ онъ имѣлъ у князя Корецкаго съ паномъ Чапліемъ, послѣдователемъ извѣстныхъ намъ московскихъ еретиковъ—Θеодосія Косаго и товарища его Игнатія. Споръ, какъ видно изъ словъ Курбскаго, кончился сильнымъ возвышеніемъ голоса со стороны Чаплія, причемъ Курбскій, видя, что дѣйствуетъ страсть, а не разсудокъ, не сталъ отвѣчать. Но Чаплій не оставилъ его въ покоѣ и прислалъ письменное изложеніе своего ученія. Курбскій отвѣчалъ, что его нечего учить, смолоду Священному Писанію наученнаго; какъ апостолы и ученики ихъ не требовали толкованій отъ древнихъ еретиковъ, такъ и онъ, Курбскій, не требуетъ толкованіи Меланхтона, Лютера и учениковъ его, Цвинглія и Кальвина и прочихъ, которые еще и при жизни его съ нимъ не соглашались; имъ послѣдуютъ теперь и панъ Θеодосій и панъ Игнатій, не ради ученій, а ради паней своихъ. „Ты пишешь, продолжаетъ Курбскій, чтобъ я написалъ тебѣ о Лютерѣ, почему я называлъ его лжепророкомъ; но я уже тебѣ пространно говорилъ, что онъ не только презрѣлъ Святыхъ всѣхъ, но многихъ книгъ Ветхаго Завѣта и Апостольскихъ писаній нѣкоторыхъ не принимаетъ. Ты забылъ или хочешь выманить у меня сочиненіе какое-нибудь и дать пану Игнатію на поруганіе нашей Церкви Божіей. Нѣтъ, это тебѣ не удастся: мы остережемся, по слову Господню, повергать святыню псамъ" Протестанты любили выставлять на видъ богатство епископовъ и монаховъ; Курбскій отвѣчалъ Чаплію: „Что касается до епископовъ богатыхъ и монаховъ любостяжательныхъ, которымъ предки наши дали имѣнія не для корысти, а для страннопріимства, на милостыни убогимъ и на боголѣпіе церковное,— какъ они распоряжаются этими имѣніями, судитъ ихъ Богъ, а не я, потому что у меня самого бремя грѣховъ тяжкое. Мы не о такихъ говоримъ, а объ истинныхъ, апостолоподобныхъ епископахъ и монахахъ нестяжательныхъ, которыхъ Лютеръ вмѣстѣ смѣшалъ съ нынѣшними законопреступниками, похулилъ и уставы ихъ отвергнулъ, какъ ваша милость отвергла Дамаскина. Хулишь его, думаю, не читавши, по чужимъ словамъ, потому что книга не переведена на славянскій языкъ, а хотя часть нѣкоторая и переведена, только такъ дурно, что понять нельзя; а у Грековъ и Латиновъ вся есть. Но ваша милость и учитель твой, панъ Игнатій, не только по-гречески, но и по-латыни, думаю, не умѣете, только хулить и браниться искусны". Сильно обрадовался Курбскій, когда одинъ изъ молодыхъ шляхтичей, Бокей Печихвостовскій, обратился изъ протестантизма снова въ православіе: два увѣщательныхъ письма писалъ онъ ему, чтобъ пребывалъ твердо на новомъ истинномъ пути.

Но во времена Курбскаго не противъ одного протестантизма нужно было ратовать защитнику православія: уже послѣдовало и католическое, іезуитское, противодѣйствіе, болѣе опасное, чѣмъ раздѣленный протестантизмъ. Курбскій писалъ виленскому бурмистру, Кузьмѣ Мамоничу: „Слышалъ я отъ многихъ людей достойныхъ объ этомъ іезуитѣ, который отрыгалъ много ядовитыхъ силлогизмовъ на Святую вѣру нашу, называя насъ схизматиками, тогда какъ сами они совершенные схизматики, напившіеся отъ мутныхъ источниковъ, истекающихъ отъ новомудренныхъ ихъ папъ. Но объ этомъ, Богъ дастъ, будемъ пространнѣе бесѣдовать не только съ своимъ, но, если случится, и съ ними; а теперь одно припомяну, чѣмъ они нашихъ несовершенныхъ въ писаніяхъ устрашаютъ, говоря: „Кто не повинуется папѣ, тотъ не спасется". Это ложное ихъ страшилище обличится; а теперь совѣтуйте нашимъ, чтобъ безъ православныхъ ученыхъ не сражались съ ними, не ходили бы къ нимъ на проповѣди. Не стыдятся они правовѣрныхъ, въ седмостолпныхъ догматахъ стоящихъ, ругать и срамить, съ еретиками смѣшивать, Лютеранами, Цвингліанами, Кальвинистами, и отводить отъ правовѣрія къ полувѣрію, къ новомысленной и хромой θеологіи отъ истиннаго богословія. Похвально словесности навыкать и дѣйствовать, чтобъ правду оборонять; а они, смѣшавши елокуцію съ діалектическими софизмами и придавъ къ тому пронунціацію, на правовѣрныхъ обращаютъ, истину стараются разорить ораторскими штуками, похлѣбствуя папѣ своему, превознося грознаго вельможнаго епископа, оружіемъ препоясаннаго и полки воиновъ водящаго, и хуля нашихъ патріарховъ, убогихъ и нищихъ, смиренномудріемъ Христовымъ украшенныхъ, между безбожными Турками мученически терпящихъ и благочестія догматы невредимо соблюдающихъ". Въ другомъ письмѣ къ тому же Мамоничу Курбскій пишетъ: „О злохитростяхъ іезуитскихъ я уже тебѣ писалъ: не ужасайтесь софизмовъ ихъ, но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпко. Злохитростями своими супостаты не изгубятъ восточныхъ церквей! Что они выдали противъ нашей церкви? Книжки, своими силлогизмами поганскими изукрашенныя, софистически превращая и растлѣвая апостольскую θеологію? Но вотъ, по Божіей благодати, подана намъ книга отъ Святой Горы, точно самою рукою Божіею принесена ради простоты и глубо-

каго неискусства церковниковъ русскихъ церквей, не говорю—по лѣности и обжорству нашихъ епископовъ. Объ этой книгѣ я уже тебѣ говорилъ, что князь Константинъ Острожскій далъ переписать пану Гарабурдѣ и мнѣ. Въ этой книгѣ не теперешнія дудки ихъ и пищульки, но всѣ силлогизмы, папою и всѣми кардиналами и наилучшимъ ихъ ѳеологомъ Ѳомою (Аквинскимъ) на апостольскую ѳеологію восточныхъ церквей отрыгнутые, опровергнуты боговидными мужами, Григоріемъ и Ниломъ, митрополитами солунскими. Я совѣтую вамъ письмо мое это прочесть всему собору Виленскому, да возревнуютъ ревностію Божіею по праотеческомъ родномъ своемъ правовѣріи, да наймутъ писаря добраго, и, переписавши книгу, да читаютъ ее трезво, отлучившись отъ пьянства: въ ней готовые отвѣты блаженныхъ тѣхъ мужей. А если будемъ, растянувшись, лежать въ давнообычномъ пьянствѣ, тогда не только паны іезуиты и пресвитеры Римской церкви, сильные въ Священномъ Писаніи, силлогизмами и софизмами погански могутъ васъ растерзать лежащихъ, но и дрянные звѣрки, то-есть новоявленные еретики, могутъ васъ растерзать и развести каждый въ свою нору. Итакъ, не унывайте, не отчаявайтесь, не ужасайтесь софизмовъ, но выберите одного изъ пресвитеровъ, или хотя изъ простыхъ людей, словеснаго и въ писаніяхъ искуснаго, и, принявъ ту книгу въ руки, противьтесь этимъ непреоборимымъ оружіемъ“

Княгиня Чарторыйская писала къ Курбскому, что сынъ ея въ страхѣ Божіемъ и правовѣріи праотеческомъ утвержденъ, имѣетъ охоту къ Священному Писанію, и что она хочетъ послать его въ Вильну учиться, къ іезуитамъ. Курбскій отвѣчалъ: „Намѣреніе твое похвально; но, какъ слуга и пріятель твой, я не хочу отъ тебя утаить, что многіе родители отдали дѣтей своихъ іезуитамъ учиться свободнымъ наукамъ, но они, не науча, прежде всего отлучили ихъ отъ правовѣрія, какъ сыновей князя Коршинскаго и другихъ. Впрочемъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый ѣздили учиться въ Аѳины къ поганскимъ философамъ, а правости душевной и праотеческаго правовѣрія не лишились. Я оставляю это дѣло на мудрое разсужденіе вашей милости и пріятелей своихъ“.

Другой знаменитый ревнитель по православіи, князь Константинъ Острожскій, считалъ позволительнымъ низлагать враговъ православія однихъ другими, пользоваться сочиненіями протестантовъ противъ іезуитовъ. Курбскій не раздѣлялъ этого мнѣнія: когда однажды Острожскій прислалъ ему книгу іезуита Скарги и письмо аріанина Мотовила, противъ нея направленное, то Курбскій отвѣчалъ: „Кто слыхалъ отъ вѣка, или въ какихъ хроникахъ писано, чтобъ волка-растерзателя къ стаду овецъ на пажить призывать? Гдѣ слыхано, чтобъ христіанинъ правовѣрный отъ аріанина христо-ненавистнаго услаждался эпистоліями, или принималъ отъ него писанія на помощь Церкви Христа Бога?“ Когда, въ другой разъ, Острожскій прислалъ Курбскому книгу Мотовила противъ іезуитовъ, то онъ отвѣчалъ: „Ваша милость прислалъ мнѣ книгу, сыномъ дьявольскимъ написанную, антихристовымъ помощникомъ сочиненную! Мнѣ, христіанину правовѣрному, брату своему присяжному, ваша милость эту книгу вмѣсто поминка шлетъ? О бѣда, плача достойная! О нужда окаяннѣйшая! Въ такую дерзость и стултицію (глупость) начальники христіанскіе впали, что не только ядовитыхъ драконовъ въ домахъ своихъ питать и держать не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ почитаютъ! И что еще дивнѣе: Церковь Божію оборонять имъ приказываютъ и книги противъ полувѣрныхъ Латинъ писать имъ повелѣваютъ!“ Причину такого поведенія князя Острожскаго Курбскій полагаетъ въ лѣности и нерадѣніи, въ нежеланіи самому заняться изученіемъ Св. Писанія: „Отъ лѣности все это намъ приключается, отъ нежеланія читать Св. Писанія; я объ этомъ тебѣ много и на словахъ докучалъ, чтобъ ты читалъ его часто, хотя понемногу, и не перестану тебѣ докучать до самой смерти своей (потому что очень люблю тебя), пока не увижу, что ты приложишь объ этомъ большее стараніе“.

Религіозная дѣятельность Курбскаго не ограничивалась сословнымъ кругомъ: мы видѣли, что онъ обращался съ своими увѣщаніями къ Мамоничу и всѣмъ виленскимъ горожанамъ православнаго исповѣданія; находимъ между письмами его и письмо къ Семену Сѣдельнику, горожанину львовскому, котораго называетъ превозлюбленнымъ братомъ, правовѣріемъ украшеннымъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Семена о чистилищѣ, Курбскій послалъ ему переведенное имъ съ латинскаго толкованіе Златоустаго на Апостола Павла: „Прими этотъ мой подарокъ духовный, пишетъ Курбскій Семену, внимательно читай и услаждайся съ правовѣрными восточныхъ церквей, а схизматикамъ не показывай и не спорь съ ними. Навѣсти меня, и тогда побесѣдуемъ, какъ надобно съ ними поступать, чтобъ не могли противиться правдѣ: у нихъ вѣдь обычай—очень искусными силлогизмами поганскихъ философовъ, смѣшавшихъ ихъ съ упорностію своею, истинѣ Евангельской сопротивляться; особенно нападаютъ на такихъ, которые хотя оружіе отъ Священнаго Писанія имѣютъ, но дѣйствовать имъ не умѣютъ, сопротивляться врагамъ не искусны“.

Курбскій не разъ говоритъ объ этомъ неискусствѣ русскихъ людей дѣйствовать духовнымъ оружіемъ и объ искусствѣ враговъ ихъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отклоняетъ своихъ собратій по вѣрѣ отъ опасныхъ споровъ съ ловкими іезуитами. Ясно понимая недостаточность средствъ къ борьбѣ, разумѣется, онъ всѣми силами долженъ былъ стараться о ихъ пріобрѣтеніи, о пріобрѣтеніи книгъ, доступныхъ по языку своему большинству православныхъ. Для этого нужно было переводить книги Св. Отцовъ Восточной Церкви; какъ хлопоталъ Курбскій объ этомъ переводѣ, всего лучше видно изъ

письма его къ Марку, ученику извѣстнаго намъ Артемія; по всѣмъ вѣроятностямъ, это Маркъ Сарыгозинъ, извѣстный также намъ московскій отъѣзжикъ. Курбскій говоритъ въ этомъ письмѣ, что Артемій, находясь уже въ Литвѣ, просилъ его купить всѣ сочиненія Василія Великаго и добыть такого человѣка, который бы могъ перевести ихъ съ греческаго или латинскаго языка. Курбскій сказалъ ему на это: „Если я и добуду человѣка, знающаго по-гречески и по-латыни, то по-славянски не будетъ умѣть“. Артемій отвѣчалъ: „Хотя я и старъ, но пѣшкомъ приду изъ Луцка туда, гдѣ мнѣ укажешь, и буду помогать въ переводѣ“.—„Я“, продолжаетъ Курбскій въ письмѣ, „услыхавши это изъ устъ преподобнаго, не только началъ отыскивать переводчика, но самъ, будучи уже въ сѣдинахъ, не мало лѣтъ провелъ, учась языку латинскому съ большимъ трудомъ, умоливъ и благороднаго юношу, брата моего князя Михаила Оболенскаго (также отъѣзжика), чтобы онъ изучилъ высшія науки на языкѣ римскомъ, онъ послушался меня и три года провелъ въ Краковской школѣ, и потомъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Италію поѣхалъ, оставя домъ, жену и дѣтей, и пробылъ тамъ два года; теперь возвратился здоровъ и въ праотеческомъ благочестіи невредимъ, какъ корабль, преисполченный дорогихъ корыстей. Я же купилъ не только всѣ сочиненія Василія Великаго, но и другихъ нѣкоторыхъ учителей нашихъ: Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и Хронику, съ новогреческаго на латинскій переведенную, очень потребную и премудрую; написана она Никифоромъ Каллистомъ. Союза ради любовнаго Христа нашего, такъ и раба его, старца твоего, а моего отца, Святаго преподобнаго Артемія, яви любовь къ единоплеменной Россіи, ко всему славянскому языку! Не полѣнись пріѣхать къ намъ на нѣсколько мѣсяцевъ на помощь нашей грубости и неискусству, потому что мы не умѣемъ въ совершенствѣ владѣть славянскимъ языкомъ, какъ ты и князь Оболенскій, и потому боюсь пуститься одинъ безъ помощи на такое великое и достохвальное дѣло. Посылаю тебѣ предисловійце одной книги нашего перевода, не затѣмъ, чтобъ величаться или потщеславиться этимъ, но для показанія недостатка и невѣжества нашего; искалъ я себѣ помощи, обращался туда и сюда, и нигдѣ не нашелъ. Если Богъ тебя принесетъ къ намъ, то я бы сѣлъ съ однимъ баккалавромъ за книгу Павловыхъ посланій, протолкованныхъ Златоустомъ, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу съ княземъ Михаиломъ. Посылаю къ вашей милости въ подарокъ духовный одну рѣчь Григорія Богослова и слово Василія Великаго нашего перевода.“ Предисловіе къ переводу своему словъ Златоустовыхъ, который онъ называетъ „Новымъ Маргаритомъ“, Курбскій начинаетъ жалобами на свое несчастное положеніе, на изгнаніе безъ правды, пребываніе въ странствіи между людьми тяжелыми и негостепріимными, притомъ въ ересяхъ различныхъ развращенными, тогда какъ въ отечествѣ огонь мучительства прелютый горитъ: „Слыша это, объятъ я жалостію и стѣсняемъ отовсюду уныніемъ, съѣдаютъ нестерпимыя бѣды, какъ моль, сердце мое. Обращаюсь въ скорбяхъ къ Господу и утѣшаюсь въ книжныхъ дѣлахъ, изучая разумы древнихъ высочайшихъ мужей. Прочелъ Аристотеля. Часто обращался и читалъ родное мое Священное Писаніе, которымъ праотцы мои были по душѣ воспитаны. При этомъ случилось мнѣ вспомнить о преподобномъ Максимѣ, новомъ исповѣдникѣ, какъ однажды онъ мнѣ говорилъ, что книги великихъ учителей восточныхъ не переведены на славянскій языкъ, но послѣ взятія Константинополя переведены были на латинскій. Вспомнивъ объ этомъ, я началъ учиться по-латыни, чтобы перевести на свой языкъ то, что еще не переведено: нашими учителями чужіе наслаждаются, а мы голодомъ духовнымъ таемъ, на свое глядя. Для этого не мало лѣтъ потратилъ я, обучаясь наукамъ грамматическимъ, діалектическимъ и прочимъ. Научившись языку, купилъ книги и умолилъ участвовать въ переводѣ юношу, именемъ Амвросія, въ писаніи искуснаго и верха философіи внѣшней достигшаго Прежде всего мы съ нимъ перевели съ латинскаго на славянскій языкъ оглавленіе книгамъ Златоустовымъ, вопервыхъ для того, чтобъ всѣ знали, сколько переведено изъ нихъ на славянскій языкъ и какое множество еще не переведено; вовторыхъ, чтобъ благовѣрные мужи возревновали по Богѣ и перевели остальное; втретьихъ потому, что нѣкоторые поэты и многіе еретики приписали свои сочиненія Златоустому, чтобъ удобнѣе принимались ради его имени; такъ пусть реестръ нашъ покажетъ, что принадлежитъ Златоусту и что—нѣтъ. По разсмотрѣніи этихъ главъ, я хотѣлъ начать переводъ посланій апостола Павла, объясненныхъ Златоустымъ, и искалъ мужей, хорошо владѣющихъ славянскимъ языкомъ, но не могъ найти. Кого нашелъ изъ монаховъ и мірскихъ, тѣ не хотѣли помочь мнѣ: монахи отреклись, непохвально уничижая себя, не говорю—лицемѣрно или отъ лѣности; мірскіе не захотѣли, будучи объяты суетами міра сего и терніемъ подавляя сѣмя благовѣрія. Я боялся, что въ молодости не навыкъ славянскому языку, потому что безпрестанно обращался въ исполненіи повелѣній царевыхъ, въ чину стратилатскомъ, потомъ въ синклитскомъ, исправлялъ дѣла, иногда судебныя, иногда совѣтническія, часто и съ воинствомъ ополчался противъ враговъ креста Христова. И, сюда пріѣхавши, принужденъ былъ королемъ въ службѣ военной, а когда освободился отъ службы, ненавистные и лукавые сосѣди мѣшали мнѣ заняться этимъ дѣломъ, желая и крови моей насытиться. Несмотря на то, покусился я съ означеннымъ юношею Амвросіемъ перевести нѣкотарыя изъ словъ Златоустовыхъ, досихъ поръ еще на славянскій языкъ не переведенныя“. Въ предисловіи къ переводу своему книги Іоанна Дамаскина—„Небеса“ Курбскій указываетъ на значеніе просвѣщенія и

вооружается противъ тѣхъ, которые въ Московскомъ государствѣ не понимали этого значенія: „Да пріемлемъ слова предобрѣйшія и, Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, или, лучше сказать, лукавымъ прелестникамъ, выдающимъ себя за учителей. Я самъ отъ нихъ слыхалъ, еще будучи въ Русской Землѣ, подъ державою Московскаго царя,—прельщають они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, говоря имъ—„не читайте книгъ многихъ,“ и указываютъ: „вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ“. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ еретики обличаются, а нѣкоторые исправляются,—это оружіе они отнимаютъ, и это врачевство смертоносным ядомъ называютъ!“ Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „У насъ и десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ не переведено, по лѣности, нерадѣнію властителей нашихъ, потому, что нынѣшняго вѣка мнимые учители больше въ болгарскихъ басняхъ или въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читаютъ ихъ и хвалятъ, нежели великихъ учителей разумомъ наслаждаются. Господи Христе Боже нашъ! отвори намъ мысленныя очи и избави насъ отъ такихъ“ [1]). Наконецъ, чтобъ дать опору православнымъ въ борьбѣ съ католицизмомъ, Курбскій написалъ исторію Флорентійскаго собора.

Такъ дѣйствовалъ для поддержанія вѣры предковъ въ Россіи Западной одинъ изъ первыхъ грамотѣевъ Земли Московской, ученикъ Максима Грека. Это почетное имя, имя ученика Максимова, принадлежитъ не одному Курбскому; оно встрѣчается и при имени другихъ писателей второй половины XVI вѣка и всего лучше показываетъ намъ значеніе знаменитаго Святогорскаго инока. Курбскій въ „Исторіи князя великаго Московскаго“ говоритъ, что митрополитъ Даніилъ злою смертію уморилъ въ своемъ домѣ преподобнаго Сильвана, Максимова ученика, искуснаго въ любомудріи внѣшнемъ и духовномъ. Этотъ Сильванъ, сотрудникъ Максима въ переводахъ, славился какъ грамматикъ; въ одномъ сборникѣ XVII вѣка находится слѣдующее мѣсто: „Никому нельзя правильно писать, кто не знаетъ грамматическаго устроенія, ниже родовъ, ниже чиселъ, ниже падежей, ниже временъ, ниже склоненій, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ падежахъ, болѣе же въ притяжательныхъ именахъ, какъ говоритъ старецъ Селиванъ, ученикъ Максима Грека, преподобнаго старца“ [2]).

Третій ученикъ Максима Грека, Зиновій Отенскій, знаменитъ былъ на Востокѣ тѣмъ же, чѣмъ Курбскій на Западѣ,—борьбою съ новоявившимися ересями, именно съ ересью Ѳеодосія Косаго. Въ началѣ книги, написанной для обличенія этой ереси, Зиновій разсказываетъ, что однажды пришли къ нему въ монастырь три человѣка, двое монаховъ и одинъ міряпинъ; на вопросъ Зиновія, кто они и откуда?—монахи отвѣчали, что они клирошане Старорусскаго Спасова монастыря; одного зовутъ Герасимомъ, а другого Аѳанасіемъ, мірянинъ же—иконописецъ художествомъ, а зовутъ его Ѳедоромъ. „Бога ради, говорили они Зиновію, не отринь насъ отъ себя, не скрой пользы, какъ спастись“. Зиновій отвѣчалъ: „Вы называете себя клирошанами, постоянно слѣдовательно читаете Св. Писаніе, научающее какъ спастись.“ Клирошане: „Книги писаны закрыто“. Зиновій: „Открыто божественное Евангеліе и Отческія слова всякому хотящему, готовы къ разумѣнію.“ Клирошане: „Просвѣщеннымъ открыто Писаніе, а непросвѣщеннымъ и очень закрыто“. Зиновій: „Всякому и не книжнику понятно божественное Евангеліе и Отческія писанія.“ Клирошане: „Есть теперь ученіе, и это нынѣшнее ученіе хвалятъ многіе, потому что открыто, а Отческое ученіе закрыто, и потому Отческое ученіе читать не полезно; умоляемъ тебя: скажи намъ ты истину и не отринь насъ Бога ради“. Зиновій: „Отческое ученіе знаю хорошо и божественнаго Василія книгу постническую знаю, а нынѣшняго ученія не вѣдаю, о которомъ вы говорите.“ Клирошане: „Бога ради, скажи намъ истину; нынѣшнее ученіе какъ по твоему: божественно оно, отъ Бога ли? Вѣдь хорошо нынѣшнее ученіе потому, что возбраняетъ послѣдовать человѣческимъ преданіямъ и повелѣваетъ послѣдовать Писанію, столповымъ книгамъ; Бога ради, скажи намъ истину, многими хвалится и принимается новое ученіе и многіе его любятъ.“ Зиновій отвѣчалъ, что оцѣнка новому ученію готова уже изъ самаго названія его: оно новое, слѣдовательно беззаконное, ибо апостолъ Павелъ сказалъ: „Аще и Ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче еже пріяти, анаѳема да будетъ“. Да скажите, кто это новый учитель? Клирошане: „Новому ученію учитель Ѳеодосій, прозвищемъ Косой.“ — Зиновій: „Съ самаго начала, объявивши только имя учителя, уже вы показали развращенность ученія: косое можетъ ли быть прямо? но скажите, кто и откуда этотъ учитель?“

Клирошане разсказали судьбу Косаго, потомъ изложили его ученіе. Тогда Зиновій приступилъ къ опроверженію этого ученія Мы оставимъ богословскую сторону опроверженія, какъ намъ не принадлежащую, и обратимъ вниманіе на научныя средства, какими обладали самые грамотные люди того времени. Доказывая необходимость первой причины, Зиновій говоритъ: „Не было нигдѣ писано, чтобъ произошла когда птица не отъ яйца, или яйцо не произошло отъ птицы, кромѣ такъ называемаго уединеннаго финика (феникса); также и рыба: нѣтъ рыбы не отъ икры, нѣтъ икры не отъ рыбы. Гдѣ же всему этому родоначальникъ? Скажетъ ли послѣдователь самобытной ереси, что отъ воздуха родоначальники явились, потому что изъ воздушныхъ тучъ нѣкогда дождило жито, иногда пепелъ,

---

[1]) Описаніе Румянцев. музеума, стран. 557, стр. 242; на 243 любопытная выходка противъ Осифлянъ, которые упрекаются въ небытной ереси: „того бо ради люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей, и имѣній желали, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ“.

[2]) Сборникъ Синодал. библіот. № 850, стр. 534.

иногда серебряныя крохи, какъ въ лѣтописныхъ книгахъ пишется, да и на нашей памяти однажды на безводной землѣ, послѣ сильнаго дождя, были найдены рыбы мертвыя; но воздухъ родитель всему этому, а съ низу облака почерпаютъ съ водою рыбу, и потомъ съ дождемъ испускаютъ ее опять на землю; ни земля, ни воздухъ въ 7074 [1]) году не произвели отъ себя вновь никакихъ родоначальниковъ, но воспитываютъ бывшихъ уже.“ Въ книгѣ Зиновія особенно важны для насъ указанія на связь новой ереси съ старою, съ ересью жидовствующихъ, на желаніе послѣдователей Косаго утвердиться на авторитетѣ старца Вассіана (князя Патрикѣева) и Максима Грека. Такъ клирошане, между прочимъ, сказали Зиновію: „Монастыри, преступая заповѣдь нестяжанія, имѣютъ села. Объ этомъ очень хорошо писалъ князь Вассіанъ, также и Максимъ Грекъ много говорилъ объ этомъ, написалъ и разговоръ между любостяжателемъ и нестяжателемъ“. Зиновій отвѣчалъ: „Города и веси ни чѣмъ не отличаются отъ монастырей относительно исполненія заповѣдей Господнихъ; почему же Вассіанъ и Максимъ осуждаютъ монастыри за преступленіе евангельскихъ заповѣдей, а на города и села никакого зазора не положили? Каждая страна имѣетъ свой обычай по климату своему (по особому ея строенія чину солнечнаго ради обхожденія и воздушнаго пошествія): какъ же можно всѣ страны ввести въ одинъ обычай единаго гражданства? Василій Великій говоритъ, что одежда и пища постниковъ должна быть по обычаю каждой Земли. Благоговѣйный Максимъ, кажется, забылъ объ этихъ словахъ Великаго Василія! Я человѣкъ грубый, смысла премудраго Максима разумѣть не могу, но думаю, что онъ писалъ произвольно (хотѣньемъ своего помысла обносился). Русскіе монастыри осуждалъ онъ за любостяженіе, а самъ не могъ, по примѣру пророка Даніила и трехъ отроковъ, оставить великаго князя трапезу, какъ монахъ законоположникъ нестяжанія въ монастыряхъ русскихъ, но былъ самъ изъ числа многостяжательныхъ. И латинскіе и русскіе монастыри одинаково милостынею питаются; различествуютъ только тѣмъ, что латинскій монастырь каждую недѣлю два раза въ годъ проходитъ, собирая брашно и вино, а русскіе монастыри, одинъ разъ лѣтомъ пришедши въ деревню, данную имъ въ милостыню, соберутъ плодъ, а остальное время года безмолвствуютъ въ монастырѣ, прилежа посту и молитвамъ. Хотя и высоко любомудрствовалъ о нестяжаніи добрый Максимъ, однако неприлично ему было латинской области и ереси монастырь предъ русскими монастырями возвышать. Не показалъ онъ, что́ нестяженіе въ которой-нибудь странѣ и что́ стяженіе, потому что разныя страны не одинакое устроеніе отъ Бога имѣютъ. Онъ писалъ только для укора, потому и не представилъ въ примѣръ египетскихъ монастырей, которые просіяли силами и знаменіями, какъ небеса звѣздами, но представилъ въ примѣръ латинскій монастырь; еслибъ предложилъ въ примѣръ египетскій монастырь, то извѣстно, что Египетская страна не похожа на Русскую. Слезы навертываются на глазахъ, когда вспомнишь какъ живутъ эти иноки, которыхъ осуждаютъ за то, что они владѣютъ селами кожа на рукахъ у нихъ растрескалась отъ работы, лица осунулись, волосы въ безпорядкѣ, ноги посинѣли и опухли; сборщики податей истязуютъ ихъ немилосердно; денегъ у нихъ столько, что у нищихъ, которые приходятъ къ нимъ за милостынею; больше,—у рѣдкаго можно найти пять или шесть сребренниковъ. Пища ихъ—хлѣбъ овсяный невѣянный, колосья ржаные толченые; питье—вода; горячее кушанье изъ капустнаго листа, у богатыхъ—свекла и рѣпа; сладкое кушанье—рябина и калина. А князь Вассіанъ какъ жилъ въ Симоновѣ? не угодно ему было симоновскихъ блюдъ кушать—хлѣба ржанаго, щей, свекольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго, очищающаго желудокъ, не пилъ потому, что это кушанье и пиво съ деревень шло; вмѣсто этого онъ питался кушаньями, которыя приносили ему со стола великокняжескаго; пилъ же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино“.

Ненависть къ обличителю первой ереси, Іосифу Волоцкому, отрыгнула у Ѳеодосія Косаго и его послѣдователей; клирошане сказали Зиновію: „Косой говоритъ, что не подобаетъ теперь послѣ Седьмаго собора писать книгъ, а Іосифъ Волоцкій написалъ книги свои послѣ Седьмаго собора законопреступно, и потому читать ихъ не должно.“ Понятно, что Зиновію легко было отвѣчать на это, и, между прочимъ, онъ замѣтилъ: „Косой укоряетъ книгу Іосифову потому, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, ересь его обличается“. Находимъ и еще очень важное указаніе на ересь жидовствующихъ и ея продолженіе. Клирошане говорили: „Нѣкоторые въ Символѣ говорятъ: жду воскресенія мертвыхъ, и Максимъ Грекъ такъ велѣлъ говорить, ибо „*чаять*“ — рѣчь не тверда; чаемъ того, что будетъ или не будетъ, а чего ждемъ, то будетъ непремѣнно“. Зиновій отвѣчалъ имъ: „Максимъ Грекъ былъ очень ученъ, искусенъ и въ переводѣ съ греческаго языка на латинскій; когда онъ пришелъ изъ Святой Горы, и великій князь Василій велѣлъ ему переводить Псалтырь толковую съ греческаго языка на русскій, то онъ пріискалъ толмачей латинскихъ, и перевелъ Псалтырь съ греческаго языка на латинскій, а толмачи латинскіе переводили съ латинскаго на русскій, потому что Максимъ русскій языкъ мало разумѣлъ. Но во времена великаго князя Ивана и сына его Василія возникла ересь безбожная, и многіе тогда вельможи и люди чиновные въ эту ересь поползнулись. Великіе князья судъ на нечестіе воздвигли, особенно великій князь Василій, и огнемъ хульниковъ истребили; тогда многіе вельможи, страха ради предъ самодержцемъ, отверглись нечестія только лицемъ, а не сердцемъ; они-то умыслили лукавство на Свя-

[1]) Указаніе во время составленія книги

тое исповѣданіе вѣры, потрясли народную рѣчь и ввели новое, говоря, что слово „*чаю*"—смысла неопредѣленнаго; Максимъ принялъ это отъ вельможъ. Я думаю, что и это лукавое умышленіе христоборцевъ или людей грубыхъ смысломъ—возводить въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ по-моему приличнѣе книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать".

Послѣ полемическихъ сочиненій религіознаго и политическаго содержанія, въ которыхъ сказался бурный вѣкъ Грознаго, вѣкъ движенія, разнаго рода попытокъ и протестовъ, наше вниманіе останавливаютъ два памятника, въ которыхъ общество старалось собрать свои нравственныя средства и представило въ одномъ сводѣ правила житейской мудрости, въ другомъ — сокровища церковныхъ ученій и образцы высшей духовной жизни: первый памятникъ—„Домострой", второй—Макарьевскія „Минеи"

Неудивительно,что съ „Домостроемъ", собраніемъ правилъ житейской мудрости, домашняго семейнаго благочинія, соединено имя Сильвестра, знаменитаго руководителя нравственности молодаго царя, устроителя благочинія въ семействѣ царскомъ. Въ „Домостроѣ" [1]) безспорно принадлежитъ Сильвестру послѣдняя глава, начинающаяся такъ: „Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анѳиму". Это поученіе сыну, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ, очень напоминающее поученіе Мономаха, легко можетъ быть принято за совершенно отдѣльное сочиненіе, неимѣющее никакой связи съ собственно такъ называемымъ „Домостроемъ" и приложенное къ послѣднему позднѣйшимъ составителемъ или переписчикомъ по сходству содержанія. И потому сначала мы должны обратиться собственно къ Сильвестрову поученію и потомъ къ пространному „Домострою", имѣющему такъ же для насъ большую важность по изложенію понятій и обычаевъ времени. „Сынъ мой"! говоритъ Сильвестръ, „ты имѣешь на себѣ и святительское благословеніе и жалованіе государя царя, государыни царицы, братьевъ царскихъ и всѣхъ бояръ, и съ добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получилъ все доброе: такъ умѣй совершать о Богѣ, какъ начато при нашемъ попеченіи. Имѣй вѣру къ Богу, все упованіе возлагай на Господа, прибѣгай всегда съ вѣрою къ Божіимъ церквамъ; заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не пропивай; навечерницу, полунощницу и часы ты долженъ пѣть каждый день въ своемъ домѣ; если возможно, по времени прибавишь правила; это отъ тебя зависитъ,—большую милость отъ Бога получишь. Въ церкви и дома на молитвѣ самому, женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ стоять со страхомъ, не разговаривать, не озираться, читать единогласно, чисто, не вдвое. Священническій и иноческій чинъ почитай, повинуйся отцу духовному, въ домъ свой призывай священниковъ служить молебны. Въ церковь приходи съ милостынею и съ приношеніемъ. Церковниковъ, нищихъ, малолѣтнихъ, бѣдныхъ, скорбныхъ, странствовавшихъ призывай въ домъ свой, по силѣ накорми, напой, согрѣй, милостыню давай въ дому, въ торгу, на пути. Помни, сынъ, какъ мы жили: никогда никто не вышелъ изъ дому нашего тощъ или скорбенъ. Имѣй любовь нелицемѣрную ко всѣмъ, не осуждай никого, не дѣлай другому, чего самъ не любишь, и больше всего храни чистоту тѣлесную, да возненавидь хмельное питье; Господа ради отвергни отъ себя пьянство: отъ него рождаются всѣ злые обычаи; если отъ этого сохранитъ тебя Господь, то все благое и полезное отъ Бога получишь, отъ людей честенъ будешь и душѣ своей просвѣтъ сотворишь на всякія добрыя дѣла. Жену люби и въ законѣ съ ней живи; что́ самъ дѣлаешь, тому же и жену учи: всякому страху Божію, всякому знанію и промыслу, рукодѣлью и домашнему обиходу, всякому порядку (порядне). Умѣла бы сама и печь и варить, всякую домашнюю п о р я д н ю знала-бъ и всякое женское рукодѣлье; хмельнаго питья отнюдь бы не любила, да и дѣти и слуги у ней также бы его не любили; безъ рукодѣлья жена ни на минуту-бъ не била, также и слуги. Съ гостями у себя и въ гостяхъ отнюдь бы не была пьяна, съ гостями вела бы бесѣду о рукодѣльи, о домашнемъ порядкѣ, о законной христіанской жизни, а не пересмѣивала бы. не переговаривала бы ни о комъ; въ гостяхъ и дома пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія ни себѣ, ни слугамъ не позволяла бы; волхвовъ, кудесниковъ и никакого чарованія не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхомъ, а не гнѣвайся; наказывай наединѣ, да наказавъ примолви, и жалуй, и люби ее. Также дѣтей и домочадцевъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣламъ. Домочадцевъ своихъ одѣвай и корми достаточно. Ты видѣлъ, какъ я жилъ въ благоговѣніи и страхѣ Божіи, въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи, со страхомъ всегда пользуясь Божественнымъ Писаніемъ: ты видѣлъ, какъ я былъ ото всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ; всякому старался я угодить, ни передъ кѣмъ не гордился, никому не прекословилъ, никого не осуждалъ, не просмѣивалъ, не укорялъ, ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида—терпѣлъ и на себя вину полагалъ,—оттого враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія; нищаго, страннаго, скорбнаго никогда не презрѣлъ, заключенныхъ въ темницы, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ; рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ. И всѣ эти рабы наши свободны, и добрыми домами живутъ, и молятъ за насъ Бога, и добра хотятъ намъ всегда. Теперь домочадцы наши всѣ свободные,

[1]) По изданію во Временникѣ Москов. Истор. Общ. № 1.

живутъ у насъ по своей волѣ. Видѣлъ ты, сколько я сиротъ и рабовъ, и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, въ Новгородѣ и въ Москвѣ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста, научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать, пѣть; иныхъ иконному писанію, другихъ книжному рукодѣлію; однихъ серебряному мастерству, другихъ другому какому-нибудь рукодѣлію, нѣкоторыхъ выучилъ торговать. Такъ-же и мать твоя многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ воспитала, выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала; а мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей. Многіе изъ нихъ въ священническомъ и дьяконскомъ чину, въ дьякахъ, подъячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего дородился и въ чемъ кому благоволилъ Богъ. Во всѣхъ этихъ нашихъ вскормленникахъ и послуживцахъ ни сраму, ни убытка, никакой продажи отъ людей, ни людямъ отъ насъ, ни тяжбы ни съ кѣмъ не бывало; а отъ кого изъ нихъ досада и убытки большіе бывали, то все по себѣ понесено, никто того не слыхалъ; а намъ-то Богъ исполнилъ. И ты, сынъ, такъ-же дѣлай: на себѣ всякую обиду понеси и протерпи; Богъ сугубо исполнитъ. Гостей пріѣзжихъ у себя корми; а на сосѣдствѣ и съ знакомыми любовно живи, о хлѣбѣ, о соли, о доброй сдѣлкѣ, о всякой ссудѣ. Поѣдешь куда въ гости, поминки недорогія вези за любовь. А въ пути отъ стола подавай домохозяевамъ и приходящимъ, сажай ихъ съ собой за столъ и питейца также подавай; а маломочнымъ милостыню давай. Если такъ будешь дѣлать, то вездѣ тебя ждутъ и встрѣчаютъ, въ путь провожаютъ, отъ всякаго лиха берегутъ, на стану не подадутъ, на дорогѣ не разобьютъ. Кормятъ вотъ для чего: добраго за добро, а лихого отъ лиха, чтобъ на добро обратился. Во всемъ этомъ убытка нѣтъ: въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль заемное дѣло; и поминки тоже, а дружба вѣчная и слава добрая. На дорогѣ, въ пиру, въ торговлѣ отнюдь самъ брани не начинай, а кто выбранитъ, терпи Бога ради. Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-нибудь брань, то ты на своихъ бранись, а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ. Недруга напоить и накормить: то вмѣсто вражды дружба. Вспомни великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе: отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня никто не давалъ, на судѣ не былъ ни съ кѣмъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много, деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, много было изъ нихъ смутьяновъ и бражниковъ, но со всѣми съ тѣми въ сорокъ лѣтъ разстался я безъ остуды, безъ пристава, безо всякой кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, да своимъ терпѣніемъ. А самъ у кого что покупалъ, продавцу отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ и соль сверхъ. Отсюда дружба во-вѣкъ: мимо меня не продастъ, худого товара не дастъ. Кому что продавывалъ, все въ любовь—не въ обманъ: не понравится кому мой товаръ, назадъ возьму и деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало; оттого добрые люди во всемъ вѣрили, иноземцы и здѣшніе. Никому ни въ чемъ ни солгано, ни манено, ни пересрочено; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давывалъ, ложь никому ни въ чемъ не бывала. Видѣлъ ты самъ, какія большія сплетки со многими людьми бывали, да все, далъ Богъ, безъ вражды кончалось. А вѣдаешь и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми,—правдою да ласкою, да любовью, а не гордостію, и безо всякой лжи."

Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ; человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло, — вотъ Сильвестръ! Таковъ именно долженствовалъ быть этотъ человѣкъ; иначе мы не поймемъ его нравственнаго вліянія надъ молодымъ царемъ, не поймемъ того, какъ простой священникъ могъ собрать около себя остатки боярства. Но спросятъ: какъ же, при этой кротости, уклончивости, Сильвестръ успѣлъ раздражить противъ себя царя и царицу? Это объясняется очень легко изъ того же образа мыслей и дѣйствій, какой высказывается въ „Домостроѣ". Сильвестръ къ Іоанну находился въ отношеніи наставника, руководителя; здѣсь онъ считалъ своею обязанностію поступать строго, требовать буквальнаго исполненія предписаннаго; мы видѣли, что Сильвестръ предписываетъ сыну ударить домочадца, хотя бы и праваго, лишь бы только предотвратить вражду и убытокъ; Іоаннъ былъ для Сильвестра свой, ученикъ, сынъ; какъ самъ Сильвестръ, при столкновеніи съ другими, считалъ своею обязанностію уклоняться, уступать, предотвращая вражду,—такъ требовалъ того же самаго и отъ царя въ столкновеніи послѣдняго съ боярами; отсюда объясняются намъ жалобы Іоанна на это принесеніе въ жертву его выгодъ выгодамъ бояръ. Пользуясь своимъ нравственнымъ вліяніемъ, Сильвестръ позабывалъ въ Іоаннѣ царя и видѣлъ въ немъ только молодаго человѣка, обязаннаго быть кроткимъ, терпѣливымъ и послушнымъ; въ боярахъ видѣлъ онъ мужей совѣта и доблести; и вотъ, когда молодой царь рѣшался прекословить имъ, настаивать на своемъ мнѣніи, какъ, напримѣръ, относительно войны Ливонской, то Сильвестръ смотрѣлъ на это какъ на грѣхъ и грозилъ молодому человѣку небесною карою, за своевольство.

Несмотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, повидимому, религіозный, христіанскій характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его—научить житейской мудрости; кротость, тер-

пѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности; предписывается доброе дѣло,—и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него; предписывая уступчивость, уклоненіе отъ вражды, и основываясь при этомъ, повидимому, на христіанской заповѣди, Сильвестръ доходитъ до того, что предписываетъ человѣкоугодничество, столь противное христіанству: „Ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ,—этимъ брань утолишь, убытка и вражды избудешь". Вотъ слѣдствіе того, что христіанство понято не въ духѣ, а въ плоти! Сильвестръ считаетъ добрымъ дѣломъ освободить рабовъ; хвалится, что у него всѣ домочадцы свободные, живутъ по своей волѣ, и, въ то же время, считаетъ позволительнымъ бить домочадца, хотя бы онъ и справедливъ былъ: хочетъ исполнить форму, а духа не понимаетъ, не понимаетъ, что христіанство, ученіе божественное и вѣчное, не имѣетъ дѣла съ формами преходящими, дѣйствуетъ на духъ, на его очищеніе и посредствомъ этого очищенія дѣйствуетъ уже и на улучшеніе формъ.

Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приноситъ и житейской пользы человѣку—видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говорилъ сыну: „Подражай мнѣ! смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ уноровилъ". Но подконецъ вышло, что не всѣмъ уноровилъ, ибо всѣмъ уноровить дѣло невозможное; истинная мудрость велитъ работать одному господину. По всѣмъ вѣроятностямъ, и во время болѣзни царя Сильвестръ хотѣлъ всѣмъ уноровить, вслѣдствіе чего уклонился, голоса его вначалѣ не было слышно, а потомъ онъ хотѣлъ помирить князя Владиміра съ больнымъ Іоанномъ, говорилъ присягнувшимъ боярамъ: „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю?—онъ государю добра хочетъ."

Въ пространномъ „Домостроѣ" говорится объ обязанностяхъ къ Богу, духовнымъ пастырямъ, ближнему вообще, къ царю. Между предписаніями религіозными, общими всѣмъ временамъ, насъ останавливаютъ особенныя, напримѣръ: Св. крестъ, образа, мощи цѣловать, перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая; зубами просвиры не кусать, какъ обыкновенный хлѣбъ, но ломать маленькими кусочками и класть въ ротъ, ѣсть губами и ртомъ не чавкать. Если съ кѣмъ хочешь сотворить цѣлованіе о Христѣ, также долженъ духъ въ себѣ удержать и губами не плюскать. „Поразсуди человѣческую немощь: нечувственнаго духа гнушаемся — чесночнаго, хмельнаго, больнаго и всякаго смрада,—коль мерзки предъ Господомъ нашъ смрадъ и обоняніе."

Объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ говорится такъ: „Имѣть попеченіе отцу и матери о дѣтяхъ; снабдить ихъ и воспитать въ добромъ наказаніи; учить страху Божію, приличному поведенію (вѣжеству) и всякому благочинію; по времени, и по дѣтямъ, и по возрасту смотря, учить рукодѣлію, кто чего достоинъ, кому какую способность (просугъ) Богъ далъ. Любить ихъ и беречь и страхомъ спасать; уча и наказуя, и разсуждая раны возлагать. Казни сына своего отъ юности,—и будетъ покоить тебя на старости; не ослабѣвай, бія младенца; если жезломъ бьешь его—не умретъ, но здоровъ будетъ; бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти, и проч. т. п. А у кого дочь родится, то разсудительные люди откладываютъ на нее отъ всякаго приплода; также полотна и прочее каждый годъ ей въ особый сундукъ кладутъ, всего прибавляютъ постоянно понемножку, а не вдругъ; дочери растутъ, страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, то все готово."

Относительно обязанностей дѣтей къ родителямъ не встрѣчаемъ ничего особеннаго противъ общихъ нравственныхъ правилъ. Обязанности замужней женщины „Домострой" опредѣляетъ такъ: она ходитъ въ церковь по возможности, по совѣту съ мужемъ. Мужья должны учить женъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ. Если жена по мужнему наученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ, и, наказавъ, пожаловать и примолвить; другъ на друга не должны сердиться. Слугъ и дѣтей также, посмотря по винѣ, наказывать, и раны возлагать, да, наказавъ, пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться: такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе нейметъ, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить и ни чѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа. Жены мужей своихъ спрашиваютъ о всякомъ благочиніи и во всемъ имъ покоряются. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; всякое кушанье, мясное и рыбное, всякій приспѣхъ скоромный и постный, и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобъ могла и служанку научить; если все знаетъ мужнимъ наказаніемъ и грозою и своимъ добрымъ разумомъ, то все будетъ споро и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь никогда не была бы безъ дѣла: тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать; мужъ ли придетъ, гостья ли придетъ — всегда-бъ за рукодѣльемъ сидѣла сама; то ей честь и слава и мужу похвала; никогда не должны слуги будить хозяйку,—хозяйка должна будить слугъ. Съ слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей и пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя жонки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій бы день жена у мужа спрашивалась и съ нимъ совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльи,

о домашнемъ устройствѣ; примѣчать, гдѣ увидитъ что хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо, кто что укажетъ—низко челомъ бить и, пришедши домой, все мужу сказать. Съ такими добрыми женщинами пригоже сходиться; не для ѣды, не для питья, а для доброй бесѣды и науки, внимать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать; спросятъ о чемъ про кого другіе — отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала, и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересужаю. Отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмельную брагу и квасъ и дома, и въ людяхъ; тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужого у себя не держать безъ мужня вѣдома; обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу вправду.

Объ отношеніяхъ къ слугамъ „Домострой“ говоритъ: „Господа должны людей своихъ жаловать, кормить, поить, одѣвать, въ теплѣ держать, во всякомъ покоѣ и благоденствіи; а если держать у себя людей не по силѣ, не по доходу, не довольствовать ихъ ѣдою, питьемъ и одеждою, или держать нерукодѣльныхъ, которые сами ничего не умѣютъ промыслить,—такимъ слугамъ поневолѣ, со слезами, и лгать, и красть, и развратничать, мужчинамъ разбивать и красть и въ корчмѣ пить. Такимъ безумнымъ господамъ отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣхъ, а съ сосѣдями дурное житье. Слугамъ приказывай: о людяхъ не переговаривать, гдѣ въ людяхъ были и что видѣли недоброе—того дома не сказывали бы, а что дома дѣлается, того въ людяхъ не пересказывали бы: помнили бы о томъ, зачѣмъ посланы, а о другомъ о чемъ станутъ спрашивать—не отвѣчать, поскорѣе отдѣлавшись, домой идти; между господами никакой ссоры не будетъ. Куда пошлютъ слугу въ добрые люди, то онъ долженъ у воротъ легонько поколотить; когда будетъ идти по двору и кто спроситъ: за какимъ дѣломъ идетъ,—отвѣчать: не къ тебѣ я посланъ, къ кому посланъ, съ тѣмъ и буду говорить; должно сказать только отъ кого идешь; пусть скажутъ господину. У сѣней, избы или кельи должно ноги грязныя вытереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворить; если аминя не отдадутъ, то и въ другой, и въ третій разъ молитву сотворить побольше перваго раза; если и тутъ отвѣта не дадутъ, то легонько потолкаться; когда впустятъ, Святымъ иконамъ поклонуться и отъ господина челобитье и посылку править, и въ это время носа не копать пальцемъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкать, ни плевать; если же нужно, то, отошедъ въ сторону, устроиться вѣжливенько, стоять и на сторону не смотрѣть, исправить что наказано, ни о чемъ другомъ не бесѣдовать и скорѣе къ себѣ идти. Гдѣ случится быть, при господинѣ или безъ господина,—никакой вещи не ворошить, ни смотрѣть, ни съ мѣста не переложить, ѣды и питья не отвѣдывать; что куда послано, того также не подсматривать и не отвѣдывать“.

Вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ русскимъ обществомъ! Женщина поставлена здѣсь на видномъ мѣстѣ: ея дѣятельность обширна, она—хозяйка, то-есть, раньше всѣхъ встаетъ она, будитъ слугъ и до ночи не перестаетъ работать; указываетъ, распоряжается; минуты она не можетъ быть праздна; мужъ долженъ каждый день ходить въ церковь ко всѣмъ службамъ, жена по возможности, сколько позволяли ей хозяйственныя заботы. Женщина-мать не на первомъ планѣ; кратко, въ общихъ выраженіяхъ говорится, что она вмѣстѣ съ мужемъ должна воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, должна учить дочерей рукодѣльямъ. Гораздо подробнѣе говорится, какъ со дня рожденія дочери она должна копить ей приданое; матеріальныя, хозяйственныя заботы должны поглощать все существо женщины, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда она могла по закону выходить замужъ. Но вотъ она переступаетъ порогъ дома, ѣдетъ въ гости:—чего же требуетъ отъ нея здѣсь „Домострой“? Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣльи и о домашнемъ строеніи: какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать. Необходимаго, для возстановленія нравственныхъ силъ, развлеченія, перемѣны занятія, перемѣны предмета для разговора нѣтъ и быть не должно, по общественнымъ условіямъ. „Домострой“ совершенно правъ, предписывая женщинѣ заниматься только хозяйствомъ и говорить только о хозяйствѣ, ибо другого, приличнаго для нея занятія, другого, приличнаго для нея разговора нѣтъ; если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то она будетъ пересмѣхать, переговаривать. Дома она должна постоянно сидѣть за работою или распоряжаться работами другихъ; развлеченія, какимъ она можетъ предаться,—все это развлеченія постыдныя, вредныя: пустые. пересмѣшные разговоры съ слугами, разговоры съ торговками, жонками бездѣльными, волхвами. Повторяю, что мы не имѣемъ никакого права упрекать „Домострой“ въ жестокости къ женщинѣ; у него нѣтъ приличныхъ, невинныхъ удовольствій, которыя бы онъ могъ предложить ей, и потому онъ принужденъ отказать ей во всякомъ удовольствіи, принужденъ требовать, чтобъ она не имѣла минуты свободной, которая можетъ породить въ ней желаніе удовольствія неприличнаго, или, что всего хуже, желаніе развеселить себя хмелемъ. Сколько женщинъ по доброй волѣ могло приближаться къ идеалу, начертанному „Домостроемъ“; скольких надобно было заставлять приближаться къ нему силою, и сколькихъ нельзя было заставить приблизиться къ нему никакою силою; сколько женщинъ предавалось названнымъ неприличнымъ удовольствіямъ?—на этотъ вопросъ мы отвѣчать не рѣшимся.

Много главъ посвящено въ „Домостроѣ“ подроб-

ностямъ хозяйственнымъ: какъ всякое платье кроить, остатки и обрѣзки беречь, всякую посуду и снасть ремесленную въ порядкѣ держать, чтобъ все было свое, не нужно было идти ни за чѣмъ на чужой дворъ; какъ всякое платье носить бережно, какъ запасъ годовой и всякій товаръ покупать; покупать все, чему привозъ, что дешево; какъ огородъ и садъ водить, и пр. т. п. Въ главѣ о томъ, какъ избу устроить хорошо и чисто, видимъ только перечисленіе посуды, которую должно держать въ чистотѣ и порядкѣ: предписывается мыть избу, стѣны, лавки, скамьи, полъ, окна, двери; у нижняго крыльца класть сѣно для обтиранія ногъ, передъ дверями рогожку или войлокъ. Объ иконахъ говорится, что ихъ должно ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ, свѣтильниками и завѣсою.

Всякій день мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами поетъ на дому вечерню, навечерницу, полунощницу. Послѣ правила отнюдь ни пить, ни ѣсть, ни разговаривать; въ полночь должно тайно вставать и со слезами Богу молиться.

Когда предлагается трапеза, то вначалѣ священники прославляютъ Отца и Сына, и Св. Духа, потомъ Богородицу, Пречистый хлѣбъ вынимаютъ, по окончаніи стола, Пречистый хлѣбъ воздвизаютъ и, отпѣвъ Достойно, ѣдятъ и чашу Пречистой пьютъ; а потомъ о здравіи и за упокой. Когда передъ тобой поставятъ пищу, то не смѣй хулить, а съ благодарностію ѣшь. Очень любопытно наставленіе, какъ вести себя на свадьбѣ, показывающее нравы и обычаи времени: „Когда званъ будешь на бракъ, то не упивайся до пьянства и не засиживайся поздно, потому что въ пьянствѣ и долгомъ сидѣньи бываетъ брань, свара, бой, кровопролитіе. Не говорю не пить вовсе,—нѣтъ! но говорю не упиваться; я дара Божія не хулю, но хулю пьющихъ безъ воздержанія“

Что касается знаменитаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Макарьевскихъ Миней“, то о немъ всего лучше можно получить понятіе изъ предисловія (лѣтописца) самого составителя: „1553 г., мѣсяца ноября, далъ я эту святую великую книгу Минею Четію, мѣсяцъ ноябрь и прочія 12 великихъ книгъ. Въ этихъ Четіихъ Минеяхъ всѣ книги чтомыя собраны: Св. Евангеліе — четыре Евангелиста толковыхъ, Св. Апостолъ и всѣ Св. апостольскія Посланія и Дѣянія съ толкованіями, и три великихъ Псалтыри разныхъ толковниковъ, и Златоустовы книги, Златоструй и Маргаритъ, и Великій Златоустъ, и Великій Василій, и Григорій Богословъ съ толкованіями, и великая книга Никонская съ прочими посланіями его, и прочія всѣ святыя книги собраны и написаны въ нихъ пророческія и апостольскія, и отеческія, и праздничныя слова и похвальныя слова, и всѣхъ святыхъ отецъ житія, и мученія святыхъ мученикъ и святыхъ мученицъ, житія и подвиги преподобныхъ и богоносныхъ отецъ и святыхъ женъ страданія и подвиги; и всѣ святые патерики написаны, азбучные, Іерусалимскіе, Египетскіе, Синайскіе, Скитскіе, Печерскіе и всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ Русской Землѣ находятся, и съ новыми святыми чудотворцами. Написалъ я эти святыя книги въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ; а писалъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ реченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть,—столько и смогъ я исправить“.

До насъ дошли и подробности, какъ трудился Макарій при составленіи своихъ „Миней“; дошли имена грамотѣевъ, которымъ онъ поручалъ написаніе Житій Святыхъ; такъ, подъ 1537 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Новгородъ изъ Москвы сынъ боярскій, храбрый воинъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, для сбора ратныхъ людей; узнавши, что этотъ Тучковъ издѣтства навыкъ Св. Писанію, Макарій началъ благословлять его на духовное дѣло, чтобъ написалъ житіе Михаила Клопскаго; оно и прежде было написано, но очень просто, потому что тогда люди въ Новгородѣ еще не были искусны въ писаніи. По благословенію же Макарія, уже митрополита, инокъ Варлаамъ (въ міру Василій) написалъ страданіе пресвитера Исидора Новаго и 72 Русскихъ людей, замученныхъ Нѣмцами въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), въ княженіе Іоанна III, при митрополитѣ Филиппѣ и Новгородскомъ владыкѣ Іонѣ. Исидоръ былъ священникомъ при церкви Св. Николая и Св. Георгія Каппадокійскаго въ Юрьевѣ, въ Русскомъ концѣ, возбудилъ противъ себя Нѣмцевъ обличеніями ихъ вѣры, былъ схваченъ съ своими прихожанами во время крестнаго хода на рѣку Омовжу, въ день Богоявленія, заключенъ въ темницу, на увѣщанія принять латинство отвѣчалъ сильнѣйшими обличеніями, и утопленъ въ той же рѣкѣ Омовжѣ вмѣстѣ съ 72 Русскими [1]). Тотъ же Василій (Варлаамъ) написалъ нѣсколько житій другихъ Святыхъ, въ томъ числѣ и житіе Евфросина Псковскаго, о которомъ уже выше было сказано. Лѣтописецъ говоритъ, что въ 1536 году, по приказанію владыки Макарія, была переведена толковая Псалтирь съ латинскаго языка на русскій; перевелъ Димитрій Толмачъ въ глубокой старости.

Къ описываемому времени относится составленіе „Степенной книги“—изложенія церковныхъ и гражданскихъ событій русской исторіи съ религіозной точки зрѣнія. Въ описываемое время, какъ мы видѣли, явилась потребность писать украшеннымъ языкомъ; Макарій не былъ доволенъ древнимъ житіемъ Св. Михаила Клопскаго, ибо оно было очень просто написано. „Степенная книга“, представляетъ образецъ того слога, который считался красивымъ; напримѣръ, въ похвалѣ великому князю

[1]) Сборн. Синодал. библіот. № 850.

Василію: „Поистинѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Таковъ убо бысть сей, истовый велеумный правитель, вседоблій наказатель, истинный кормчій, изящный предстатель, молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрія образъ, терпѣнія столпъ, княземъ русскимъ и болярамъ и прочимъ вельможамъ и всѣмъ людемъ о благочестіи твердый поборникъ, архіереямъ и всему освященному собору благоразумный соглагольникъ" и проч.

Составленіе лѣтописей продолжалось попрежнему: въ дошедшихъ до насъ спискахъ легко усмотрѣть два рода составленія—правительственное и частное; что въ описываемое время лѣтописи составлялись правительственными лицами, подъ высшимъ надзоромъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; въ описи царскаго архива читаемъ: „Списки черные, писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Алексѣя (Адашева) взяты"; или: „Ящикъ 224, а въ немъ списки, что писати въ Лѣтописецъ, лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76" [1]). Но въ то же время частными людьми составлялись въ Москвѣ и другихъ городахъ другого рода лѣтописи, въ которыхъ находимъ неодобреніе казнямъ и опричнинѣ. Въ своемъ мѣстѣ были приведены эти отзывы лѣтописей, какъ видно, въ Москвѣ составленныхъ. Псковскій лѣтописецъ очень сильно вооружается противъ московскихъ распоряженій; говоря о переводѣ Нѣмцевъ изъ Юрьева въ московскіе города, онъ прибавляетъ: „Свели ихъ не вѣдаемъ за что, Богъ вѣсть, измѣнивши прямое слово, которое воеводы дали имъ, какъ Юрьевъ отворили, что не выводить ихъ изъ города". Псковскій лѣтописецъ такъ объясняетъ причину гнѣва Іоаннова на бояръ: „Пришелъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ великою опалою въ Великій Новгородъ и многихъ нарочитыхъ людей погубилъ, многое множество людей на правежѣ побито было иноческаго и священническаго чина и монахинь; и была туга и скорбь въ людяхъ большая, Святыя обители и церкви Божіи и села запустѣли. Кромѣ того, царь велѣлъ править посоху подъ нарядъ и мосты мостить въ Ливонскую Землю, зелейную руду сбирать, и отъ этого налога и правежа всѣ Новгородцы и Псковичи обнищали и въ посоху пошли сами, а давать стало нечего, и тамъ въ чужой землѣ померли отъ голода, и холода, отъ мостовъ и наряда; въ Псковѣ байдаки и лодки большія посохой тянули подъ ливонскіе города, и, потянувши немного, покинули по лѣсамъ,—тутъ они сгнили, а людей погубили. Взявъ 24 города у Нѣмцевъ, своихъ людей посадилъ съ нарядомъ и запасами, запасы возили изъ дальнихъ городовъ изъ Замосковныхъ, наполнилъ чужіе города русскими людьми, а свои пусты положилъ. Когда царь возвратился въ Русь, то Нѣмцы собрались изъ-за моря, да Литва пришла изъ Польши, и всѣ эти города себѣ побрали, русскихъ людей въ нихъ побили, а къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва, именемъ Елисея (Бомелія), и былъ онъ у него въ приближеньи, любимцемъ. Навелъ Елисей на царя страхованье, сталъ тотъ бѣгать отъ наважденія невѣрныхъ и совсѣмъ-было отвелъ царя отъ вѣры: на Русскихъ людей царю свирѣпство внушилъ, а къ Нѣмцамъ на любовь преложилъ. Безбожные Нѣмцы узнали по своимъ гаданіямъ, что быть имъ до конца разореннымъ; для этого они такого злаго-еретика и подослали къ царю, потому что падки Русскіе люди на волхвованіе. И наустилъ Елисей царя на убійство многихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ, напослѣдокъ и самому внушилъ бѣжать въ Англійскую Землю и тамъ жениться, а своихъ остальныхъ бояръ побить. Но Елисея не допустили до этого, самого смерти предали, да не до конца разорится Русское царство и вѣра христіанская. Такова была держава грознаго царя Ивана Васильевича". Бомелій былъ медикъ, родомъ Голландецъ, и, по иностраннымъ свидѣтельствамъ, это былъ негодяй, подучавшій Іоанна на убійства и составлявшій отравы, но потомъ обвиненный въ сношеніяхъ съ Баторіемъ и сожженный всенародно въ Москвѣ [2]).

Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сборникахъ нашихъ попадается повѣсть о началѣ Царяграда и взятіи его Турками. Думаютъ, что повѣсть эта, неизвѣстнаго сочинителя, могла быть принесена скоро послѣ описываемаго въ ней событія Греками, которые начали приходить въ Москву за милостынею. Но въ естественной связи съ нею помѣщается разсказъ о распоряженіяхъ султана Магомета, разсказъ, помѣщаемый и отдѣльно, и приписываемый Ивану Пересвѣтову, о которомъ мы уже упоминали [3]). Разсказъ этотъ имѣетъ политическое значеніе и непосредственное отношеніе къ обстоятельствамъ Іоаннова времени. Распоряженія Магомета II-го, почерпнувшаго мудрость изъ христіанскихъ книгъ, представляются въ образецъ: „Царь Магометъ салтанъ велѣлъ со всего царства всѣ доходы къ себѣ въ казну собирать и ни въ одномъ городѣ вельможамъ своимъ намѣстничества не далъ, чтобъ они не прельщались судить неправильно, а давалъ имъ жалованье ежегодно изъ казны своей царской, кто чего достоинъ, и во все царство судъ далъ прямой". Слѣдуетъ описаніе жестокой казни судьямъ за неправду: съ нихъ живыхъ сдирали кожу. „Магометъ салтанъ такъ говорилъ: нельзя царю царство безъ грозы держать; царь Константинъ (Палеологъ) далъ волю вельможамъ, и Богъ разгнѣвался на него, на вельможъ его и на все царство за то, что они правдою гнушались. Магометъ велѣлъ принести книги полныя и докладныя и сжечь ихъ; постановилъ, что рабъ долженъ служить только семь лѣтъ, а если дорого купленъ, то

[1]) Акты арх. эксп. I, № 289.

[2]) Таубе и Крузе, стр. 230: Hacluyt's Collection 1, 520.
[3]) Исторія Россіи, VI.

девять; царь Магометъ выписалъ изъ христіанскихъ книгъ ту мудрость, что въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры.... Греки хвалятся государевымъ царствомъ благовѣрнаго царя Русскаго, другого христіанскаго царства вольнаго и закона Греческаго нѣтъ; и въ спорахъ съ Латинами Греки на Русское царство указываютъ: если-бы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, то съ Русскими людьми ангелы бесѣдовали бы".

Выше приведенъ былъ разсказъ Псковскаго лѣтописца и свидѣтельства иностранцевъ - современниковъ о лѣкарѣ Бомеліи. По этому поводу явилась повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа, что былъ царь православный, боголюбивый и милостивый, ходившій по заповѣдямъ Божіимъ; но, по дѣйству дьявольскому, явился при немъ одинъ изъ синклитовъ, чародѣй злой, который вошелъ къ нему въ милость и началъ клеветать на людей неповинныхъ; оскорбилъ царь неповинныхъ различными печалями, и самъ отъ нихъ печаль имѣлъ и страхъ. Но приспѣло время мести Божіей: встали окрестные города и поплѣнили его земли, города разорили, людей поразили и до царствующаго града дошли; царь, видя бѣду, покаялся и сжегъ чародѣя съ товарищами его [1]).

Событія царствованія Грознаго перешли и въ народныя преданія; въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ встрѣчаемъ пѣсню о взятіи Казанскаго царства; согласно съ настоящимъ дѣломъ, и въ пѣснѣ говорится, что городъ взятъ былъ подкопомъ; говорится, что великій князь Московскій только при взятіи Казанскаго царства воцарился и насѣлъ на Московское царство; что тогда только Москва основалась, и съ тѣхъ поръ пошла великая слава. Мы видѣли, что самъ Іоаннъ однимъ изъ правъ своихъ на царскій титулъ считалъ покореніе царства Казанскаго.— Въ пѣснѣ, какъ Ермакъ Сибирь взялъ, говорится, что три донскихъ атамана собрались въ устьи Волги, и старшій изъ нихъ, Ермакъ, говорилъ товарищамъ: „Не корыстна у насъ шутка зашучена; гуляли мы по морю синему, убили мы посла персидскаго, и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать! Въ Астрахани жить нельзя, на Волгѣ жить— ворами слыть, на Яикъ идти — переходъ великъ, въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ, въ Москву идти — перехватаннымъ быть; пойдемте мы въ Усолья къ Строгановымъ!" Пѣсня разнится съ лѣтописью въ томъ, что посылаетъ самого Ермака въ Москву бить челомъ царю Сибирью. Въ пѣснѣ о Мастрюкѣ Темрюковичѣ описывается борьба Черкасскаго князя Мастрюка, шурина Грознаго, съ двумя московскими богатырями: послѣдніе остаются побѣдителями. Какъ въ этой пѣснѣ, такъ и въ пѣснѣ о Ермакѣ, самымъ приближеннымъ къ царю лицомъ является большой бояринъ Никита Романовичъ. Преданія о грозномъ царствованіи, богатомъ казнями, о любимомъ опричникѣ Малютѣ Скуратовѣ, скоромъ исполнителѣ кровавыхъ приказаній, о ненависти Годуновыхъ къ Романовымъ, о сыноубійствѣ, за которымъ слѣдовало горькое раскаяніе убійцы,—всѣ эти преданія, перемѣшавшись, исказившись въ памяти народной, отозвались въ пѣснѣ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское". Іоаннъ является въ народной памяти грознымъ царемъ, покорителемъ Казани, Астрахани, Рязани, выводчикомъ измѣны изъ Кіева и Новгорода. Любопытно видѣть, какъ народныя сказанія и пѣсни, искажая главныя событія, вѣрно сохраняютъ нѣкоторыя мелкія черты. Извѣстно, что Іоаннъ, въ припадкѣ гнѣва, увидавши человѣка ему неугоднаго, вонзилъ ему въ ногу острый жезлъ свой: такъ онъ поступилъ съ слугою Курбскаго, подавшимъ ему письмо отъ своего господина. Въ пѣснѣ Іоаннъ дѣлаетъ то же самое съ Никитою Романовичемъ, на котораго Годуновы донесли, что онъ веселится во время скорби царя о потерѣ сына. Мы упоминали о донскомъ атаманѣ Мишкѣ Черкашенинѣ [2]), который былъ грозою для Азова; въ пѣснѣ сохранилось преданіе объ этомъ польскомъ (степномъ) атаманѣ: „За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою, издалеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго, какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго, привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михаила Черкашенина" [3]).

Что касается вообще состоянія просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ въ царствованіе Грознаго, то мы не могли не замѣтить усиленнаго литературнаго движенія противъ прежняго. Движенія, и политическое и религіозное, возбуждали умственную дѣятельность, вызывали на борьбу словомъ, къ которой нельзя было приступить безъ приготовленія, безъ начитанности; примѣръ царя въ словесной премудрости ритора и людей къ нему близкихъ не могъ не имѣть вліянія; духовное оружіе собиралось, складывалось въ одно мѣсто, чтобъ удобнѣе можно было имъ пользоваться. Митрополитъ Макарій собралъ всѣ извѣстныя на Руси духовныя книги въ двѣнадцать громадныхъ фоліантовъ; монастыри продолжали собирать книги, а какую важность придавали они своимъ библіотекамъ, видно изъ того, что при нихъ были особые книгохранители; въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ было болѣе 1,000 книгъ. Несмотря однако на усиленіе литературной дѣятельности, на распространеніе грамотности, общество, уважая грамотность, было еще далеко до убѣжденія въ необходимости ея даже для членовъ своихъ, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ; если въ бояринѣ князѣ Курбскомъ видимъ замѣчательнаго по тогдашнимъ средствамъ писателя, то къ соборной грамотѣ 1566 года двое вельможъ, Иванъ Шереметевъ Меньшой и Иванъ Чеботовъ, рукъ не при-

[1]) Москвитян. 1844 года, № 1.

[2]) Исторія Россіи, VI, стр. 314 - 315.

[3]) О другихъ письменныхъ памятникахъ Іоаннова времени, въ которыхъ мы не нашли ничего особенно замѣчательнаго, не упоминаемъ.

ложили, потому что грамотѣ не умѣли. Въ поручной записи по бояринѣ Иванѣ Петровичѣ Яковлевѣ находимъ припись: „Которые князья и дѣти боярскія въ сей записи написаны, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, и тѣ князья и дѣти боярскія, ставши передъ дьякомъ, сказали, что они Ивана Петровича ручали, а у записи рукъ ихъ нѣтъ потому, что они грамотѣ не умѣютъ." Были и такіе, которые отвращали молодыхъ людей отъ ученія, страшая ихъ помѣшательствомъ ума и ересями. Въ „Домостроѣ" не видимъ увѣщанія отцамъ учить дѣтей грамотѣ, которая признается необходимостію только для духовнаго сословія и людей приказныхъ. Мы видѣли, какія средства для распространенія грамотности въ Московскомъ государствѣ употребилъ соборъ 1557 года. Въ житіи Св. Гурія Казанскаго говорится, что господинъ посадилъ его въ темницу; другъ приносилъ ему сюда бумаги и чернилъ, и Святый писалъ книжицы въ наученіе дѣтямъ, продавалъ ихъ и вырученныя деньги раздавалъ нищимъ. Въ Западной Россіи были школы при церквахъ: въ 1572 году Димитрій Митуричъ просилъ у князя Константина Острожскаго участка пустой земли, съ тѣмъ, чтобъ не нести съ нея никакихъ повинностей, а только служить при церкви, держать школу и быть уставникомъ. Поссевинъ пишетъ, что князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ типографіи и школы, которыми шизма питается [1]).

Къ царствованію Іоанна IV относится и введеніе того могущественнаго средства, которое окрылило мысль человѣческую,—введеніе книгопечатанія. Еще въ XV вѣкѣ появилось книгопечатаніе въ славянскихъ странахъ, именно въ Краковѣ съ 1491 года; съ 1525 года видимъ книгопечатаніе и въ Вильнѣ. Царь Іоаннъ, въ 1548 году, между другими мастерами, выписалъ изъ Германіи и типографовъ; но ихъ не пропустили въ Россію. Въ 1552 году Датскій король Христіанъ III присылалъ въ Москву Ганса Миссенгейма, съ предложеніемъ царю принять протестантизмъ; Миссенгеймъ привозилъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ содержалась сущность христіанской вѣры по новому ученію. Если бы царь согласился на предложеніе королевское, то Миссенгеймъ, переведя привезенныя имъ книги на русскій языкъ, долженъ былъ напечатать ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Неизвѣстно, какъ принятъ былъ Миссенгеймъ Іоанномъ; не вѣроятно, чтобъ царь поручилъ устроеніе типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлію распространенія протестантизма. По русскимъ извѣстіямъ, царь, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строящихся многихъ церквей, велѣлъ скупать ихъ на торгахъ, но оказалось очень мало исправныхъ; это привело Іоанна къ мысли о необходимости книгопечатанія; митрополитъ Макарій одобрилъ эту мысль, и съ 1553 года приступили къ дѣлу, построили домъ царскою казною, въ которомъ только съ 1563 года начали заниматься книгопечатаніемъ два мастера—дьяконъ отъ Николы Гостунскаго, Иванъ Өедоровъ, да Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ; кромѣ нихъ, мы уже прежде встрѣчали имя мастера печатныхъ книгъ Маруши Нефедьева подъ 1556 годомъ. 1-го марта 1564 года окончено было печатаніе первой книги—Дѣяній апостольскихъ и соборныхъ посланій съ посланіями апостола Павла. Въ XVII вѣкѣ ходили слухи, что эти первые мастера печатнаго дѣла научились своему искусству у Нѣмцевъ; нѣкоторые же говорили, что сначала русскіе мастера печатали книги малыми и неискусными начертаніями, а послѣ выучились печатать лучше у Нѣмцевъ (у Фряговъ).

Хотя книгопечатаніе было заведено съ цѣлію прекратить порчу книгъ, однако, при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія, не было средствъ повѣрить славянскаго текста греческимъ и изъ славянскихъ текстовъ выбрать лучшій. Доказательство ъ отсутствія просвѣщенія служитъ то, что издатели текстъ Новаго Завѣта называютъ текстомъ 70 толковниковъ! Правописаніе въ первой печатной нашей книгѣ очень плохое, но внѣшность, по времени, очень удовлетворительна. Первые мастера, напечатавши въ 1565 году Часовникъ, принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, обвиненные въ ереси; они сами потомъ объяснили это гоненіе завистію многихъ начальниковъ, священноначальниковъ и учителей, которые на нихъ многія ереси умышляли, желая благое претворить во зло, не потому, чтобы навыкали грамматической хитрости или были исполнены духовнаго разума, но такъ, понапрасну злое слово пронесли. Есть извѣстіе, что типографскій домъ было сожженъ неблагонамѣренными людьми. Въ 1568 году была напечатана Андроникомъ Невѣжею Псалтирь въ Москвѣ, въ 1578 она же напечатана въ Александровской слободѣ; но въ извѣстіи XVII вѣка о книгопечатномъ дѣлѣ говорится, что Андроникъ Невѣжа съ товарищами печаталъ Часовники и Псалтири, Апостолы и Евангелія, Тріоди, Октоихъ и прочія божественныя книги. Московскіе изгнанники, Иванъ Өедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, удалившись въ Литву, напечатали тамъ много книгъ: оба трудились въ Заблудовѣ, у гетмана Хоткѣвича; потомъ Иванъ Өедоровъ печаталъ во Львовѣ, Петръ Тимоѳеевъ въ Вильнѣ, наконецъ Иванъ Өедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ князю Константину, и въ 1581 году напечаталъ тамъ цѣлую славянскую Библію. Хотя къ этому важному изданію приступлено было, повидимому, съ достаточнымъ приготовленіемъ, однако Острожская Библія заключаетъ въ себѣ важныя ошибки; князь Константинъ жалуется, что у него было мало помощниковъ, а одинъ изъ этихъ немногихъ помощниковъ сознается, что никогда не видѣлъ училища.

[1]) Акты истор. т. I, стр. 404; Опись книгъ Волоколам. монаст. въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847, № 7; Опис. Румянц. музея, стр. 127; Possev. de reb. Moscov. въ концѣ 1-го комментарія

Первая книга—Апостолъ—была напечатана на плотной голландской бумагѣ. Лѣтописцы оставили намъ извѣстія о дороговизнѣ бумаги, что́, разумѣется, должно было ихъ занимать; такъ въ Новгородской лѣтописи, подъ 1545 годомъ, находимъ извѣстіе: въ этомъ году была бумага дорога̀, десть два алтына книжная; подъ 1555: бумага дорога̀ была, листъ полденьги писчей.

Считаемъ приличнымъ окончить обзоръ внутренняго состоянія русскаго общества при Іоаннѣ IV словами одного наблюдательнаго иностранца. „Что̀ будетъ изъ Русскихъ людей, если они къ способностямъ переносить суровую жизнь и довольствоваться малымъ присоединятъ еще искусство воинское? Если бы они сознавали свою силу, то никто не могъ бы соперничать съ ними, и сосѣди не имѣли бы отъ нихъ покою“ [1]). Иностранцы смотрѣли односторонне: имъ все казалось, что наука увеличитъ только матеріальныя средства Русскихъ людей, которые употребятъ эти средства противъ сосѣдей. Наука даетъ сознаніе не однѣхъ матеріальныхъ, но и нравственныхъ силъ, даетъ народу средства умѣрять силы матеріальныя, направлять ихъ ко благу своему и ко благу другихъ народовъ.

Глава II.

Царствованіе Θеодора Іоанновича.

Положеніе царскаго дома.—Будущія династіи.—Смуты при утвержденіи Θеодора на престолѣ.—Царское вѣнчаніе Θеодора.—Смерть боярина Никиты Романовича; Годуновъ и его борьба съ Шуйскими.—Образъ царя и правителя.

Іоаннъ Грозный, собственно говоря, былъ послѣдній Московскій государь изъ Рюриковской династіи. Собираніе Земли, уничтоженіе прежнихъ родовыхъ отношеній между князьями и коренившагося на этихъ отношеніяхъ положенія дружины не обошлись безъ насильственныхъ кровавыхъ явленій, которыя, усиливаясь все болѣе и болѣе, подконецъ достигли страшныхъ размѣровъ и принесли свои плоды: боковыя линіи въ потомствѣ Василія Темнаго пресѣклись; князья этихъ линій перемерли безпотомственно въ темницахъ или погибли насильственною смертію; наконецъ, вслѣдствіе страшной привычки давать волю гнѣву и рукамъ, Грозный поразилъ смертельно старшаго сына, поразивши, какъ говорятъ, и внука въ утробѣ материнской. Отчаяніе сыноубійцы должно было увеличиваться сознаніемъ того положенія, въ какомъ онъ оставлялъ свое потомство: младшій сынъ, Θеодоръ, былъ неспособенъ къ правленію; потомъ родился у Іоанна отъ пятой жены еще сынъ, Димитрій; но этотъ при смерти отца былъ еще въ пеленкахъ.

Такимъ образомъ, и по смерти Грознаго государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти отца его: хотя сынъ Грознаго, Θеодоръ, вступилъ на престолъ и возрастнымъ, но былъ младенцемъ по способностямъ; слѣдовательно нужна была опека, регентство, и открывалось поприще для борьбы за это регентство. Но такъ какъ младенчество Θеодора было постоянно и онъ умеръ, не оставя кровныхъ наслѣдниковъ, то борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставиться не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но будущія династіи; двѣ изъ нихъ погибли въ борьбѣ, въ буряхъ смутнаго времени; третья утвердилась на престолѣ Рюриковичей.

Изъ князей Гедеминовичей большимъ почетомъ пользовалась фамилія князей Мстиславскихъ; при смерти Іоанна, князь Иванъ Θедоровичъ Мстиславскій занималъ первое мѣсто между боярами; но члены этой фамиліи не отличались никогда значительными способностями, энергіею; гораздо виднѣе въ этомъ отношеніи была младшая линія знаменитаго Патрикѣевскаго рода,—линія князей Голицыныхъ, и представитель ея, князь Василій Васильевичъ, является искателемъ престола въ смутное время.

Князей потомковъ Рюрика было много, и южныхъ и сѣверныхъ, и племени Святослава Черниговскаго, и племени Всеволода III Суздальскаго; но князья эти, въ борьбѣ съ младшею линіею Невскаго, съ князьями Московскими, потеряли свое значеніе: отношенія родственныя, происхожденіе отъ одного родоначальника, были забыты, когда эти князья назвались холопями государей Московскихъ. Сами князья хорошо помнили свое прежнее значеніе, но народъ забылъ о немъ; мы видѣли, какъ слаба была связь этихъ князей съ областями, которыми прежде владѣли ихъ предки, и какъ Іоаннъ Грозный отобраніемъ въ казну и перемѣною вотчинъ старался окончательно порвать всякую связь; притомъ и названіе „князь“, не напоминало болѣе народу о происхожденіи отъ древнихъ властителей Россіи, ибо подлѣ Рюриковичей съ этимъ же титуломъ явились и Гедиминовичи Литовскіе, и выходцы изъ Орды и съ Кавказа.

Между князьями Рюриковичами, попрежнему, первое мѣсто по родовымъ преданіямъ, по энергіи и выдающимся достоинствамъ своихъ членовъ, занимала фамилія Шуйскихъ. Опала, постигшая эту фамилію при совершеннолѣтіи Іоанна, не могла сломить ея: князь Петръ Шуйскій, какъ полково-

---

[1]) Русск. Истор. Сборн. т. IV, стр. 1116. Сказаніе извѣстно о воображеніи книгъ печатнаго дѣла въ Сборн. Синод. библ. № 850. Флетчеръ гл. 21.—Hakluyt, I, 263.

децъ, является на самомъ видномъ мѣстѣ, и хотя погибъ безъ славы во второй Оршинской битвѣ, но защита Пскова, въ которой прославился сынъ его, князь Иванъ Петровичъ, возстановила съ лихвою славу фамиліи. Извѣстно, какъ дорогъ бываетъ для народа одинъ успѣхъ среди многихъ неудачъ, какъ дорогъ бываетъ для народа человѣкъ, совершившій славный подвигъ, поддержавшій честь народную въ то время, когда другіе теряли ее; неудивительно потому встрѣчать намъ извѣстіе, что князь Иванъ Петровичъ Шуйскій пользовался особеннымъ расположеніемъ горожанъ московскихъ, купцовъ и черныхъ людей.

Но подлѣ княжескихъ фамилій, Рюриковскихъ и Гедиминовскихъ, являются двѣ боярскія московскія фамиліи, приблизившіяся къ престолу посредствомъ родства съ царями,—фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ и Годуновыхъ. Конечно, ни потомки удѣльныхъ, представители отжившей старины, ни литовскіе выходцы не имѣли такого историческаго права наслѣдовать собирателямъ Земли, государямъ Московскимъ, какъ представители древняго, истаго московскаго боярства, которое такъ усердно послужило собирателямъ Земли при ихъ дѣлѣ. Ни одна изъ этихъ старыхъ, истыхъ боярскихъ фамилій такъ устойчиво не удерживала за собою виднаго мѣста, такъ неуклонно не присутствовала при дѣлѣ государственнаго созиданія, совершаемаго Москвою, какъ фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ [1]). Менѣе значительна была фамилія Годуновыхъ: Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ приблизился къ царю Іоанну посредствомъ брака своего на дочери любимца царскаго, извѣстнаго опричника, Малюты Скуратова-Бѣльскаго; потомъ Годуновъ еще болѣе приблизился къ царскому семейству черезъ бракъ сестры его, Ирины, съ царевичемъ Ѳеодоромъ; личныя достоинства давали Борису средства сохранить и усилить значеніе, пріобрѣтенное имъ посредствомъ этихъ связей. Источники говорятъ согласно, что умирающій Іоаннъ поручилъ сыновей своихъ, Ѳедора и Димитрія, нѣкоторымъ изъ самыхъ приближенныхъ вельможъ; но источники сильно разногласятъ относительно именъ и числа этихъ вельможъ. Одни называютъ только двухъ старшихъ членовъ Думы: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и Никиту Романовича Юрьева; другіе—называютъ Никиту Романовича и князя Ивана Петровича Шуйскаго; по нѣкоторымъ—Іоаннъ приказалъ Ѳедора Шуйскому, Мстиславскому и Никитѣ Романовичу; иные — упоминаютъ неопредѣленно о четырехъ главныхъ совѣтникахъ, а иные, наконецъ, о пяти, прибавляя къ тремъ означеннымъ лицамъ еще двухъ — Богдана Бѣльскаго и Бориса Годунова. Сначала изъ этихъ вельможъ самымъ сильнымъ вліяніемъ пользовался дядя царскій, Никита Романовичъ [2]); но уже отъ августа 1584 г. мы имѣемъ извѣстіе о тяжкой болѣзни этого боярина [3]).

Ѳеодоръ утвердился на престолѣ не безъ смутъ: какъ по смерти великаго князя Василія началась немедленно смута по поводу удѣльнаго князя, такъ и теперь смута началась такъ же по поводу удѣльнаго князя, брата Ѳеодорова, Димитрія, хотя этотъ удѣльный и былъ младенецъ. Какъ видно, смута началась еще при жизни Іоанна, потому что въ первую же ночь по его смерти, 18 марта, приверженные къ Ѳеодору вельможи обвинили въ измѣнѣ Нагихъ, родственниковъ Димитрія по матери, велѣли ихъ схватить, держать подъ стражею, схватили и многихъ другихъ, которыхъ жаловалъ покойный царь, и разослали по городамъ, иныхъ по темницамъ, другихъ за приставами; домы ихъ разорили, помѣстья и отчины роздали въ раздачу [4]). Волновались вельможи и горожане; для охраненія порядка, отряды войска ходили по улицамъ и пушки стояли на площадяхъ. Потомъ Димитрій съ матерью, отцомъ ея и родственниками, Нагими, отосланъ былъ въ свой удѣлъ—Угличъ [5]). Иностранцы пишутъ, что главнымъ заводчикомъ смуты въ пользу Димитрія былъ Богданъ Бѣльскій, человѣкъ, славившійся умомъ, досужествомъ ко всякимъ дѣламъ, безпокойный, честолюбивый, склонный къ крамоламъ. По отъѣздѣ Димитрія въ Угличъ, Бѣльскій остался въ Москвѣ и продолжалъ крамолы, вслѣдствіе чего противные ему бояре съ народомъ осадили его въ кремлѣ и принудили къ сдачѣ. Русскіе лѣтописцы также говорятъ о возстаніи московскаго народа противъ Бѣльскаго. По ихъ словамъ, въ народѣ разнесся слухъ, что Бѣльскій съ своими совѣтниками извелъ царя Іоанна, а теперь хочетъ побить бояръ, хочетъ искать смерти царю Ѳеодору, послѣ котораго быть ему самому на царствѣ Московскомъ. Чернь взволновалась, возмутила и ратныхъ людей, пришли съ великою силою и оружіемъ къ городу, и едва успѣли затворить отъ нихъ кремль. Къ черни пристали Рязанцы—Ляпуновы, Кикины и другіе городовые дѣти боярскія, оборотили пушку къ Фроловскимъ (Спасскимъ) воротамъ и хотѣли выбить ихъ вонъ. Тогда царь Ѳеодоръ выслалъ къ народу бояръ, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, Никиту Романовича Юрьева и двоихъ дьяковъ, братьевъ Щелкаловыхъ, велѣлъ уговаривать народъ милостиво, что возмутилъ его кто-нибудь не по дѣлу, хотя пролитія крови христіанской, и разпросить, что

---

[1]) См. Исторію Россіи, т. IV, стр. 1047, 1118, т. V, стр. 1531, примѣч., стр. 1712.

[2]) Извѣстный намъ Англ. посолъ Боусъ пишетъ, что по смерти Грознаго вся власть перешла въ руки боярина Никиты Романовича, котораго главнымъ совѣтникомъ былъ дьякъ Андрей Щелкаловъ; Борисъ же Годуновъ не имѣлъ еще власти до коронаціи царя.—«По малѣжъ времени умре Никита Юрьевичь Романовыхъ, и бысть преемникъ и правитель въ его мѣсто Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ» (Лѣтоп. о мятеж. стр. 7. Хронографы библ. Архива Мин. Ин. Д. № 2 и 14).

[3]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 5. Хронографы библ. Арх. Мин. Ин. Д. № 2, 14, 580; изъ иностранцевъ Одерборнъ, Гейденштейнъ и Горсей; Histor. Russ. Monum, II, № VIII.

[4]) Лѣтоп. о мятеж. 6.

[5]) Одерборнъ, Горсей и Петрей.

ихъ приходъ въ городъ и на кого? На этотъ вопросъ въ народѣ раздался крикъ: „Выдай намъ Богдана Бѣльскаго; онъ хочетъ извести царскій корень и боярскіе роды". Тогда царь велѣлъ объявить народу, что Богдана Бѣльскаго онъ велѣлъ сослать въ Нижній-Новгородъ; и народъ, слыша слова государевы и видя всѣхъ бояръ, разошелся по домамъ [1]). По другимъ извѣстіямъ [2]), въ народѣ ходили слухи, что Бѣльскій прочитъ царство Московское совѣтнику своему, Борису Годунову, и что заводчиками смуты были Рязанцы Ляпуновы и Кикины, по внушенію князей Шуйскихъ. Наконецъ, по одному извѣстію, поводомъ къ смутѣ было слѣдующее обстоятельство: между боярами были двѣ стороны; къ одной принадлежали—князь Мстиславскій, Шуйскій, Голицынъ, Романовъ, Шереметевъ, Головинъ; къ другой—Годуновы, Трубецкіе, Щелкаловъ (?); Богданъ Бѣльскій хотѣлъ быть больше казначея, Петра Головина, и за Петра сталъ князь Мстиславскій, а за Богдана—Годуновъ; Бѣльскаго хотѣли убить до смерти, и едва ушелъ онъ къ царицѣ; въ это время одинъ сынъ боярскій выѣхалъ изъ кремля на торгъ, началъ скакать и кричать, что бояръ Годуновыхъ побиваютъ до смерти; народъ взволновался и двинулся къ кремлю; увидѣвши, что кремль запертъ, всколебался еще сильнѣе и сталъ придвигать пушки къ воротамъ; тогда бояре помирились, выѣхали и уговорили народъ разойтись. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ этомъ дѣлѣ было убито 20 человѣкъ и около 100 ранено [3]).

Какъ бы то ни было, вѣрно одно,—что приверженцы Θеодора опасались непріязненныхъ движеній со стороны приверженцевъ Димитрія; что Богданъ Бѣльскій своими честолюбивыми стремленіями возбудилъ противъ себя сильную ненависть многочисленной и могущественной стороны въ Думѣ, и долженъ былъ ей уступить вслѣдствіе случайнаго или подготовленнаго его врагами мятежа народнаго. Лѣтописецъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ, мстя за приходъ на Богдана Бѣльскаго, велѣлъ схватить и разослать по городамъ и темницамъ дворянъ Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ дѣтей боярскихъ, также многихъ посадскихъ людей; но мы знаемъ, какъ лѣтописцы любили приписывать Годунову всякій насильственный поступокъ: они приписываютъ ему же и отдачу подъ стражу Нагихъ, тотчасъ по смерти царя Іоанна; мы знаемъ также, что въ это время онъ вовсе не имѣлъ того могущества, которымъ обладалъ послѣ.

По словамъ лѣтописца, пришли изо всѣхъ городовъ въ Москву именитые люди и молили со слезами царевича Θеодора, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Это извѣстіе очень любопытно: зачѣмъ явились именитые люди изъ городовъ въ Москву? Былъ ли обычай прежде, что именитые люди изъ городовъ являлись въ Москву поздравлять новаго государя, и теперь они, устрашенные смутами, умоляютъ Θеодора поскорѣе [4]) принять царскій вѣнецъ; или положеніе дѣлъ было такъ смутно и опасно; или дѣйствительно раждался вопросъ, кому быть царемъ—возрастному, но неспособному Θеодору, или младенцу Димитрію, и было такъ много людей на сторонѣ послѣдняго, что Дума сочла за нужное вызвать именитыхъ людей изъ городовъ? Англичанинъ Горсей, бывшій въ это время въ Москвѣ, говоритъ о соборѣ, бывшемъ 4-го мая, на которомъ присутствовали митрополитъ, архіепископы, епископы, игумены и все дворянство [5]).

Въ 1584 году, 31-го мая, Θеодоръ вѣнчался на царство по прежнимъ обычаямъ [6]); митрополитъ Діонисій говорилъ поученіе, увѣщевалъ царя: имѣть вѣру ко Святымъ церквамъ и честнымъ монастырямъ; ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться, ибо честь, воздающаяся святителю, къ Самому Христу восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; бояръ и вельможъ жаловать и беречь, по ихъ отечеству, и ко всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко всему воинству быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ православныхъ христіанъ блюсти, жаловать и попеченіе о нихъ имѣть отъ всего сердца; за обидимыхъ стоять царски и мужески, не давать обижать ни по суду и ни по правдѣ; языка льстиваго и слуха суетнаго не принимать, оболгателя не слушать, и злымъ людямъ вѣры не давать; быть любомудру или мудрымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, Богъ почиваетъ; раздавать саны безвозмездно, ибо купившій власть мздоимцемъ бываетъ, и проч.

Въ 1586 году въ апрѣлѣ умеръ бояринъ Никита Романовичъ [7]), и на его мѣсто, по словамъ лѣтописей, сталъ правителемъ братъ царицы, Борисъ Годуновъ, хотя, какъ видно, и прежде, при жизни Никиты Романовича, особенно пользуясь болѣзнію послѣдняго, Борисъ не упускалъ случаевъ все болѣе и болѣе усиливать свое вліяніе на царя посредствомъ сестры; Ирина же, какъ говорятъ современныя свидѣтельства, была способна сама

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. 8.

[2]) Такъ-назыв. Латухинская Степен. книга.

[3]) Сокращен. Временникъ до 1691 года, рукоп. Импер. Публич. Библіот., составлен. въ Вологдѣ. Histor. Russiae Monumenta, II, № 1.

[4]) Такъ можно заключать изъ Никонов. лѣтоп.: «Молили, со слезами чтобъ не мешкалъ»; но въ лѣтоп. о мятеж. просто: «чтобъ былъ».

[5]) And all the nobility whatsoever. Карамзинъ говоритъ: «Вѣроятно люди воинскіе, приказные и купеческіе». Но мы не можемъ согласиться, чтобъ подъ nobility надобно было разумѣть кого-нибудь, кромѣ дворянъ, ибо тотъ же Горсей ясно различаетъ nobilitie и cominaltie.

[6]) С. г. г. и д. II, № 51.

[7]) Samml. Russisch. Geschichte V, 36. Шли обычные въ то время слухи, будто правитель былъ отравленъ (Флетчеръ, гл. 9). Что эти слухи, какъ неосновательные, скоро утихли, доказательствомъ служитъ молчаніе нашихъ лѣтописцевъ, которые любили приписывать Годунову преступленія такого рода.

имѣть вліяніе и проводить вліяніе брата [1]). Но понятно, что утвержденіе на мѣстѣ правителя не могло обойтись для Годунова безъ борьбы съ людьми, которые считали за собою бо́льшія права на занятіе этого мѣста. Была вражда между боярами, говорятъ лѣтописцы; раздѣлились они на двѣ стороны: на одной—Борисъ Годуновъ съ дядьями и братьями, съ нѣкоторыми князьями, боярами, дьяками, духовными и многими служилыми людьми; на другой сторонѣ—князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, а съ нимъ Шуйскіе, Воротынскіе, Головины, Колычевы и другіе служилые люди, и чернь московская. Говорятъ, что сначала Годуновъ привлекъ на свою сторону князя Мстиславскаго, такъ-что тотъ назвалъ его себѣ сыномъ; но потомъ Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны, другіе бояре, служилые люди и чернь московская стали уговаривать Мстиславскаго, чтобъ онъ, соединясь съ ними, извелъ Бориса. Мстиславскій долго отказывался, но потомъ согласился; положили убить Годунова на пиру въ домѣ Мстиславскаго. Извѣстіе вѣроятное: мы знаемъ, какъ дѣйствовали Шуйскіе въ малолѣтство Іоанна, а потомъ въ грозное царствованіе отъ насильственныхъ, кровавыхъ поступковъ некогда было отвыкнуть Родовой характеръ, т.-е. родовая безхарактерность Мстиславскихъ изображена такъ-же вѣрно: сперва князь Иванъ отказывается, а потомъ соглашается на убійство названнаго сына. Какъ бы то ни было, свидѣтельства согласны, что на этотъ разъ борьба съ Годуновымъ велась во имя первенствующаго боярина, князя Мстиславскаго, и Годуновъ, соединясь съ дьяками Щелкаловыми, назвавши ихъ себѣ отцами, осилилъ противниковъ [2]): князь Иванъ Мстиславскій былъ схваченъ и постриженъ въ Кирилловѣ монастырѣ; Воротынскихъ, Головиныхъ и многихъ другихъ схватили и разослали по городамъ, нѣкоторыхъ заключили въ темницы; одинъ изъ Головиныхъ, Михайла, услыхавъ объ опалѣ родичей, ушелъ изъ своей Медынской отчины въ Литву, къ Баторію.

Но Шуйскіе, искусно дѣйствуя черезъ другихъ, остались нетронутыми; Годуновъ съ своими совѣтниками держалъ на нихъ большой гнѣвъ; они, съ своей стороны, ему противились и ни въ чемъ не поддавались; гости всѣ и московскіе торговые черные люди стояли за Шуйскихъ и, говорятъ, хотѣли побить Годунова камнями, что́ заставило его искать мира съ Шуйскими. Митрополитъ Діонисій хотѣлъ быть посредникомъ: онъ позвалъ и Годунова, и Шуйскихъ къ себѣ, умолялъ помириться,—и они послушались его увѣщаній. Но въ то время, какъ бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа торговыхъ людей; князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, вышедши отъ митрополита, подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что они, Шуйскіе, съ Борисомъ Ѳедоровичемъ помирились. Тутъ изъ толпы выступили два купца и сказали ему: „Помирились вы нашими головами, и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть". Въ ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы невѣдомо куда. Любопытно это сильное участіе торговыхъ людей московскихъ въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ; мы не можемъ не видѣть здѣсь слѣдствія поступковъ Грознаго, который, враждуя къ боярамъ, поднялъ значеніе горожанъ московскихъ, призывая ихъ на соборъ, обращаясь къ нимъ съ жалобою на бояръ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу. Понятно, что поступокъ Годунова съ купцами не могъ поддержать мира между нимъ и Шуйскими. Послѣдніе придумали самое удобное средство сломить въ корню могущество Годунова, убѣдивши Ѳеодора развестись, по примѣру дѣда, съ неплодною Ириною и вступить въ новый бракъ; князь Иванъ Петровичъ Шуйскій и другіе бояре, гости московскіе и всѣ люди купеческіе согласились и утвердились рукописаніемъ бить челомъ государю о разводѣ. Митрополитъ, котораго голосъ больше всѣхъ имѣлъ значенія въ этомъ дѣлѣ, также былъ согласенъ дѣйствовать заодно съ ними. Но Годуновъ узналъ о замыслѣ враговъ и постарался уговорить Діонисія не начинать дѣла. Между прочимъ, говорятъ, Борисъ представлялъ митрополиту, что и лучше, если у Ѳеодора не будетъ дѣтей, ибо, въ противномъ случаѣ, произойдетъ междоусобіе между ними и дядею ихъ, Димитріемъ Углицкимъ. Естественно, что, отклонивши эту бѣду, Годуновъ не могъ долго оставлять въ покоѣ Шуйскихъ, давать имъ время еще что-нибудь придумать противъ него; естественно, что и Шуйскіе такъ же не могли долго оставаться въ покоѣ. Лѣтописцы говорятъ, что Борисъ не умягчилъ своего сердца на Шуйскихъ и научилъ людей ихъ, Ѳеодора Стараго съ товарищами, обвинить господъ своихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1587 году Шуйскихъ перехватали; князя Ивана Петровича схватили на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ свою Суздальскую вотчину; вмѣстѣ съ Шуйскими схватили друзей ихъ, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Бакасовыхъ и другихъ; людей ихъ пытали разными пытками и много крови пролили; пытали крѣпкими пытками и гостей московскихъ, Ѳеодора Нагая съ товарищами, и на пыткахъ они ничего не сказали. По окончаніи слѣдствія, князя Ивана Петровича Шуйскаго сослали въ отчину его, село Лопатничи, съ приставомъ, изъ Лопатничъ отправили на Бѣлоозеро и тамъ удавили; князя Андрея Ивановича Шуйскаго сослали въ село Воскресенское, оттуда въ Каргополь—и тамъ удавили; князя Ивана Татева сослали въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній-Новгородъ, въ тюрьму каменную, Бакасовыхъ и другихъ знатныхъ людей разослали по городамъ, а гостямъ московскимъ, Ѳеодору Нагаю съ шестью товарищами, въ Москвѣ, на пожарѣ отсѣкли головы; другихъ торговыхъ людей заключили въ тюрьмы, нѣкоторыхъ разослали по городамъ на житье. Не знаемъ, вѣрить ли без-

[1]) Флетчеръ въ концѣ 7-й главы; Горсей у Гаклюйта I, 529.

[2]) Лѣтоп. о мятеж. 9. Латухинп. Степен. кн. и лѣтоп. Морозова.

условно показанію лѣтописца объ участи двоихъ князей Шуйскихъ, Ивана и Андрея: дѣйствительно ли они были удавлены, и именно по приказанію Годунова, или это былъ только слухъ? Дѣло Романовыхъ научаетъ насъ осторожности. Любопытно, какъ само правительство, т.-е. Годуновъ съ своею стороною, старались представить это дѣло правительствамъ иностраннымъ. Въ наказахъ посламъ, отправлявшимся въ Литву, находимъ: спросятъ, за что на Шуйскихъ государь опалу положилъ? и за что казнили земскихъ посадскихъ людей? — отвѣчать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловалъ своимъ великимъ жалованьемъ, далъ въ кормленье Псковъ и съ пригородами, съ тамгою и кабалами, чего ни одному боярину не давалъ государь. Братья его, князь Андрей и другіе братья, стали предъ государемъ измѣну дѣлать, неправду, на всякое лихо умышлять съ торговыми мужиками, а князь Иванъ Петровичъ имъ потакалъ, къ нимъ присталъ и неправды многія показалъ предъ государемъ. То не диво въ государствѣ добрыхъ жаловать, а лихихъ казнить. Государь нашъ милостивъ: какъ сѣлъ послѣ отца на своихъ государствахъ, ко всѣмъ людямъ свое милосердіе и жалованье великое показалъ; а мужики, надѣясь на государскую милость, заворовали-было, не въ свое дѣло вступились, къ бездѣльникамъ пристали; государь велѣлъ объ этомъ сыскать, и которые мужики воры такое бездѣлье учинили, тѣхъ пять или шесть человѣкъ государь велѣлъ казнить; а Шуйскаго князя Андрея сослалъ въ деревню за то, что къ бездѣльникамъ приставалъ, а опалы на него никакой не положилъ; братья же князя Андрея, князь Василій, князь Димитрій, князь Александръ и князь Иванъ,—въ Москвѣ; а князь Василій Θеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій, тотъ былъ на жалованьи на Каргополѣ, и теперь, думаемъ, въ Москвѣ; бояринъ князь Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ себѣ въ отчину новую, въ государево данье, на Кинешму: городъ у него большой, на Волгѣ, государь ему пожаловалъ за псковскую осаду; а мужики, всѣ посадскіе люди теперь по-старому живутъ. — Если спросятъ, зачѣмъ же въ кремлѣ городѣ въ осадѣ сидѣли и стражу крѣпкую поставили?—отвѣчать: этого не было; это сказалъ какой-нибудь бездѣльникъ; отъ кого—отъ мужиковъ въ осадѣ сидѣть? А сторожа въ городѣ и по воротамъ не новость; такъ издавна ведется: сторожа по воротамъ, и дѣти боярскія—приказчики — живутъ для всякаго береженья [1]).

Лилась кровь на пыткахъ, на плахѣ; лилась кровь въ усобицѣ боярской; и вотъ митрополитъ Діонисій вспомнилъ свою обязанность печалованія: видя многое убійство и кровопролитіе неповинное, онъ, вмѣстѣ съ Крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, началъ говорить царю о многихъ неправдахъ Годунова. Но какое дѣйствіе могли произвести слова архіереевъ на ребенка, привязаннаго къ своей нянькѣ? Годуновъ оболгалъ царю архіереевъ, говоритъ лѣтописецъ; Діонисій и Варлаамъ были свергнуты и заточены въ новгородскіе монастыри; въ митрополиты возведенъ былъ Іовъ, архіепископъ Ростовскій, человѣкъ вполнѣ преданный Годунову.

О митрополитѣ Діонисіи существуетъ мнѣніе, что онъ, будучи честолюбивъ, уменъ, сладкорѣчивъ, дѣйствовалъ противъ Годунова въ союзѣ съ Шуйскими вслѣдствіе оскорбленнаго честолюбія, вслѣдствіе того, что Годуновъ мѣшалъ его вліянію на набожнаго царя [2]). Діонисій могъ быть уменъ и сладкорѣчивъ: во многихъ хронографахъ онъ называется мудрымъ грамматикомъ; но чтобы онъ дѣйствовалъ противъ Годунова изъ честолюбія,—на это нѣтъ никакихъ современныхъ свидѣтельствъ, Діонисій является вначалѣ миротворцемъ между Годуновымъ и Шуйскими; потомъ, когда, тотчасъ же послѣ примиренія, Годуновъ опять началъ вражду, сославши неизвѣстно куда двоихъ приверженцевъ Шуйскаго, митрополитъ соединяется съ послѣднимъ, но позволяетъ уговорить себя Борису не начинать дѣла о разводѣ, ибо это дѣло долженствовало быть очень тяжело для совѣсти святителя: Діонисій не могъ не помнить, какимъ нареканіямъ подвергался митрополитъ Даніилъ за разводъ великаго князя Василія. Наконецъ, когда, по прямому свидѣтельству лѣтописца, Годуновъ, преслѣдуя Шуйскихъ, пролилъ много крови неповинной, Діонисій является явнымъ обличителемъ неправдъ его предъ царемъ—и страдаетъ за это. Душа человѣческая темна; Діонисій могъ дѣйство-

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 4; Хронографы; Rer. Russicar. scriptor. exteri, I, p. 150. Петрей разсказываетъ, что Годуновъ, уговаривая митрополита не начинать дѣла о разводѣ, между прочимъ представлялъ и то, что если у Θеодора будутъ дѣти, то междоусобіе между ними и дядей Димитріемъ неминуемо. Карамзинъ (X. прим. 147) говоритъ: «Это невѣроятно: Димитрій не имѣлъ бы права на корону, если бы Θеодоръ оставилъ сыновей. Но мы видѣли ясныя доказательства, что преемство сына послѣ отца вовсе не утвердилось, какъ законъ непреложный; мы видѣли въ малолѣтство Іоанна смуту отъ удѣльныхъ дядей; во время болѣзни Іоанна многіе хотѣли возвести дядю Владиміра Андреевича вмѣсто сына царскаго Димитрія.— Сборн. Имп. Пуб. Библ. № 17. «Повѣсть, како похити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ». Здѣсь говорится, что Годуновъ въ началѣ борьбы съ Шуйскими «не возможе имъ вскорѣ зла сотворити ничтоже, но точію самъ на себѣ поношеніе и укоризну принесе, и учинися вѣстно про сіе всенароднаго собранія московскихъ людей множеству, яже убо то и Борисъ умышляетъ на нихъ, и восхотѣша того окаяннаго московскіе народи побити каменіемъ». Тогда Борисъ началъ хлопотать какъ бы помириться съ Шуйскими. Написано сказаніе въ первое время царствованія Шуйскаго; авторъ говоритъ, что онъ былъ самовидцемъ дѣлъ Самозванца.

[2]) Карамзинъ: «Θеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, какую государственную важность могъ бы дать сану первосвятительства, безъ руководства Годунова, при митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? Но Годуновъ не для того хотѣлъ державной власти, чтобъ уступить ее монахамъ: честилъ духовенство, какъ и бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими».

вать по разнымъ побужденіямъ; но мы считаемъ непозволительнымъ для историка приписывать историческому лицу побужденія именно непнравственныя, когда на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

Годуновъ освободился отъ всѣхъ соперниковъ; послѣ паденія Шуйскихъ и сверженія Діонисія съ Варлаамомъ, никто уже не осмѣливался возставать противъ всемогущаго правителя, который былъ признанъ таковымъ и внутри и внѣ государства. Годуновъ величался: конюшимъ и ближнимъ великимъ бояриномъ, намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго; правительствамъ иностраннымъ давалось знать, что если они хотятъ получить желаемое отъ Московскаго правительства, то должны обращаться къ шурину царскому, котораго просьбы у царя безъ исполненія не бываютъ; правительства иностранныя поняли это, и мы видимъ, что Годуновъ переписывается и передаривается съ императоромъ, королевою Англійскою, съ ханомъ Крымскимъ, съ великимъ визиремъ Турецкимъ, принимаетъ у себя пословъ. По извѣстіямъ иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, Борисъ былъ правителемъ государства по имени и царемъ по власти; ежегодный доходъ его вмѣстѣ съ жалованьемъ простирался до 93,700 рубл. и больше; онъ получалъ доходы съ области Важской, съ Рязани и страны Сѣверской, съ Твери и Торжка, съ бань и купаленъ московскихъ, съ пчельниковъ и луговъ по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки на 30 верстъ вверхъ и на 40 внизъ по теченію; говорятъ, что Годуновъ и его родственники могли выставлять съ своихъ имѣній въ 40 дней 100,000 вооруженныхъ людей.

Мы видѣли, какъ Борисъ достигъ значенія правителя и какими путями избавился отъ всѣхъ своихъ противниковъ. Теперь мы должны перейти къ его правительственной дѣятельности; но прежде взглянемъ на образы и царя, и правителя, какъ они начертаны современниками.

Ѳеодоръ былъ небольшого роста, приземистъ, опухлъ; носъ у него ястребиный, походка нетвердая; онъ тяжелъ и недѣятеленъ, но всегда улыбается. Онъ простъ, слабоуменъ, но очень ласковъ, тихъ, милостивъ и чрезвычайно набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ къ комнату икону Святаго, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со Святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала, и черезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь ѣдетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни; это самая любимая его забава; другая забава — бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову.

Объ этомъ большомъ бояринѣ современники говорятъ, что онъ цвѣлъ благолѣпіемъ, видомъ и умомъ всѣхъ людей превзошелъ; мужъ чудный и сладкорѣчивый; много устроилъ онъ въ Русскомъ государствѣ достохвальныхъ вещей, ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушенъ и милостивъ и нищелюбивъ; но въ военномъ дѣлѣ былъ неискусенъ. Цвѣлъ онъ, какъ финикъ, листвіемъ добродѣтели, и если бы тернъ завистной злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ, и поэтому навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской Земли; отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили [1])

---

[1]) Флетчеръ, глава 26; Морозов. лѣтописецъ; хронографъ Карамзинскій № 2-й, археогр. Коммис.; Руск. достопамятн. I, 173.

Глава III.

Продолженіе царствованія Θеодора Іоанновича.

Состояніе Польши въ началѣ царствованія Θеодора.—Посольство Измаилова къ Баторію.—Посольство князя Троекурова и Безнина.—Слухи о замыслахъ Австрійскаго дома на престолъ Московскій.—Пріѣздъ въ Москву Баторіева посла Гарабурды и переговоры его о престолонаслѣдіи.—Вторичное посольство князя Троекурова къ Баторію.—Смерть Баторія.—Королевскіе выборы въ Польшѣ.—Избраніе Сигизмунда-Вазы. — Сношеніе съ Швеціею.—Война съ нею.—Сношенія съ Польшею.—Миръ съ Швеціею.—Сношенія съ Австріею.—Съ Папою.—Съ Англіею.—Съ Даніею.—Съ Крымомъ;—нашествіе хана Казы-Гирея на Москву.—Сношенія съ Турціею.—Донскіе казаки.—Дѣла кавказскія.—Переговоры съ Персіею.—Утвержденіе Русскихъ въ Сибири.

Въ то время, когда на престолѣ Московскомъ воцарился послѣдній изъ Рюриковичей, и въ глазахъ его боролись двѣ фамиліи—Годуновы и Шуйскіе, которымъ суждено было на короткое время занимать престолъ Московскій и гибнуть въ буряхъ смутнаго времени, — въ то время Европа приготовлялась къ рѣшенію великаго религіознаго вопроса, поднятаго въ XVI вѣкѣ. Южные полуострова—Апеннинскій и Пиренейскій—оставались вѣрны католицизму; на сѣверѣ, наоборотъ, въ Англіи, Шотландіи, Нидерландахъ, Даніи, Сѣверной Германіи, торжествовалъ протестантизмъ; въ Швеціи, несмотря на колебанія короля Іоанна, торжество протестантизма также было несомнѣнно. Въ государствахъ Средней Европы борьба продолжалась: во Франціи, среди кровавыхъ волненій, пресѣкалась царственная линія Валуа, но Генрихъ Бурбонъ, начавшій борьбу подъ знаменемъ протестантизма, скоро долженъ былъ убѣдиться въ необходимости уступить католическому большинству; Германія готовилась къ Тридцатилѣтней войнѣ, которою должно было запечатлѣться ея раздвоеніе. Въ Польшѣ бралъ верхъ католицизмъ; здѣсь оканчивалъ свое царствованіе Баторій,

Баторій принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ лицъ, которыя, опираясь на свои личныя силы, рѣшаются идти наперекоръ уже установившемуся порядку вещей, наперекоръ дѣлу вѣковъ и цѣлыхъ поколѣній, и успѣваютъ на время остановить ходъ неотразимыхъ событій. Эти люди показываютъ, какое значеніе можетъ имѣть въ извѣстное время одна великая личность, и въ то же время показываютъ, какъ ничтожны силы одного человѣка, если онѣ становится на дорогѣ тому, чему, рано или поздно, суждено быть. Явившись случайно на Польскомъ престолѣ, Баторій предположилъ себѣ цѣлію утвердить могущество Польши, уничтоживъ могущество Московскаго государства и, повидимому, достигъ своей цѣли: побѣдилъ, унизилъ Іоанна IV-го, отнялъ у него Балтійскіе берега, обладаніе которыми было необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго преуспѣянія, для могущества Московскаго государства; но когда онъ вздумалъ нанести этому государству рѣшительный ударъ, то внутри собственной страны встрѣтилъ тому препятствія, приготовленныя вѣками и сокрушить которыя онъ былъ не въ состояніи: то было могущество вельможъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли и согласныхъ только въ одномъ стремленіи—не давать усилиться королевской власти. Баторій дѣйствовалъ не одинъ: онъ приблизилъ къ себѣ, въ санѣ гетмана и канцлера, самаго даровитаго и самаго образованнаго изъ вельможъ польскихъ—Яна Замойскаго, но и соединенныя усилія этихъ двухъ знаменитыхъ людей не могли ничего сдѣлать.

Дѣло Зборовскихъ, напоминающее римскихъ Катилинъ, Клодіевъ и Милоновъ, даетъ намъ ясное понятіе о состояніи Польши въ описываемое время. Въ 1574 году, при королѣ Генрихѣ, у самаго королевскаго замка, произошла схватка между двумя врагами, Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Теньчыньскимъ, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ своею дружиною; вмѣстѣ съ Теньчыньскимъ находился пріятель его, Андрей Ваповскій, который былъ смертельно раненъ въ схваткѣ. Зборовскій приговоренъ былъ за то къ вѣчному изгнанію изъ отечества; но онъ мало думалъ объ исполненіи приговора: набравши наемную дружину, онъ разъѣзжалъ съ нею по польскимъ областямъ, правители которыхъ или не смѣли, или не хотѣли остановить его. Съ нимъ въ сношеніи были братья его, Христофъ и Андрей, которые, видя нерасположеніе къ себѣ Баторія и Замойскаго и грозимые разореніемъ вслѣдствіе своей расточительности, обнаруживали явно враждебные умыслы противъ короля и гетмана,—два раза давали знать Баторію о замыслахъ Зборовскихъ на его жизнь.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Замойскій, въ званіи старосты Краковскаго, отправился въ Краковъ, для отправленія судныхъ дѣлъ; на дорогѣ получилъ онъ вѣсть, что Самуилъ Зборовскій другимъ путемъ приближается также къ Кракову и явно хвалится, что въѣдетъ въ городъ въ одно время съ Замойскимъ. Когда Замойскій остановился въ Прошовицахъ, мѣстѣ, принадлежавшемъ уже къ Краковскому старостству, Зборовскій остановился въ Подоланахъ, въ милѣ отъ Прошовицъ, и, при солнечномъ заходѣ, отправился въ Печму, къ одной изъ своихъ родственницъ; а въ Краковѣ между тѣмъ толпа буйной молодежи собиралась ударить на Замойскаго при его въѣздѣ въ городъ, въ то самое время, какъ Зборовскій

ударитъ на него съ-тылу. Узнавши, что Зборовскій одинъ въ Печмѣ, Замойскій отправилъ отрядъ пѣхоты, подъ начальствомъ вѣрныхъ людей, захватить его тамъ ночью, что и было легко исполнено; опираясь на право старостъ приводить въ исполненіе судные приговоры, Замойскій велѣлъ казнить смертію Зборовскаго, ибо за нарушеніе приговора о вѣчномъ изгнаніи нарушителю назначена была смертная казнь [1]).

Этотъ поступокъ канцлера возбудилъ страшную бурю, потому что у Зборовскихъ была большая партія, да и кромѣ нихъ было много недовольныхъ королемъ и Замойскимъ. Выставляли сомнѣніе относительно права Замойскаго казнить смертію Самуила; говорили, что хотя король Генрихъ и осудилъ послѣдняго на вѣчное изгнаніе, однако чести у него не отнялъ—слѣдовательно его нельзя было казнить смертію. На это возражали, что если осужденному на вѣчное изгнаніе не будетъ грозить смерть за нарушеніе приговора, то что будетъ мѣшать ему возвращаться на родину; что на изгнаніе осуждаютъ именно тѣхъ, которые по винѣ своей дошли до смертной казни. Между прочимъ, Зборовскимъ удалось привлечь на свою сторону Станислава Гурку, воеводу Познанскаго, пользовавшагося самымъ сильнымъ вліяніемъ въ Великой Польшѣ. Гурка до сихъ поръ былъ въ непріязни съ Зборовскими и въ дружбѣ съ Замойскимъ; но въ это время умеръ братъ его, послѣ котораго онъ просилъ себѣ у короля староства Яворовскаго; того же староства просилъ Замойскій—и получилъ; тогда раздосадованный Гурка перешелъ на сторону Зборовскихъ.

Приближался сеймъ. На предварительныхъ сеймикахъ уже обнаружились волненія. На сеймикъ въ Прошовицы пріѣхалъ Христофъ Зборовскій изъ Моравіи; когда Николай Зебржидовскій, родственникъ Замойскаго, выходилъ въ церковь, раздались выстрѣлы; когда начались совѣщанія, Зборовскій съ пріятелями подняли громкіе голоса противъ Баторія; съ негодованіемъ указывали на могущество Замойскаго, оплакивали смерть Самуила Зборовскаго, называли неслыханнымъ тиранствомъ судъ, которымъ правительство грозило двоимъ другимъ Зборовскимъ. Христофъ Зборовскій прямо взводилъ на Замойскаго обвиненіе, что тотъ хотѣлъ его отравить; но человѣкъ, на котораго Зборовскій указывалъ, какъ на подосланнаго Замойскимъ отравителя, высвободившись изъ-подъ власти Зборовскаго, объявилъ, что послѣдній обѣщаніями, угрозами и пытками заставилъ его признать себя виновнымъ въ умыслѣ и указать на Замойскаго, какъ на подстрекателя къ преступленію. Въ Великой Польшѣ на сеймикѣ, когда Янъ Зборовскій, каштелянъ Гнѣзенскій, въ рѣчи своей осыпалъ бранью Замойскаго, а Краковскій каноникъ, Петровскій, говорилъ за послѣдняго, то воевода Познанскій, Гурка, прервалъ Петровскаго, за нимъ подняла крикъ вся сторона Зборовскихъ и раздались выстрѣлы. На другихъ сеймикахъ происходили подобныя же волненія. Вслѣдствіе этого, на большой сеймъ съѣхались толпы въ полномъ вооруженіи, какъ на войну. Король пріѣхалъ въ сопровожденіи дружины Замойскаго, большей части сенаторовъ литовскихъ и князя Константина Острожскаго. Начался судъ надъ Христофомъ Зборовскимъ, который почелъ за лучшее не явиться на него лично. Кромѣ означенныхъ обвиненій въ посягательствѣ на жизнь королевскую, его обвинили еще въ сношеніяхъ съ Московскимъ Дворомъ, клонившихся ко вреду Польши, и въ подобнаго же рода сношеніяхъ съ казаками. Янъ Зборовскій и Янъ Нѣмоевскій, объявившіе себя защитниками обвиненнаго, такъ слабо его защищали, что судъ приговорилъ Христофа къ лишенію чести, правъ шляхетства и имущества. Но этотъ приговоръ, разумѣется, не утишилъ, а только еще болѣе раздражилъ сторону Зборовскихъ.

Несмотря на эти внутреннія волненія, Баторій не оставлялъ своего замысла—нанести рѣшительный ударъ Московскому государству, отнять у него, по крайней мѣрѣ, Смоленскъ и Сѣверную Землю. Вступленіе на престолъ слабаго Θеодора и смуты, раздоры боярскіе, немедленно обнаружившіеся, представляли, по его мнѣнію, самый удобный къ тому случай. Посолъ его, Левъ Сапѣга, съ цѣлію застращать новое Московское правительство, объявилъ, что султанъ приготовляется къ войнѣ съ Москвою; требовалъ, чтобъ царь далъ королю 120 тысячъ золотыхъ за московскихъ плѣнниковъ, а литовскихъ освободилъ безъ выкупа, на томъ основаніи, что у короля плѣнники все знатные люди, а у царя—простые; чтобъ всѣ жалобы литовскихъ людей были удовлетворены, и чтобъ Θеодоръ исключилъ изъ своего титула названіе Ливонскаго.—Новое Московское правительство наслѣдовало отъ стараго сильное нежеланіе воевать съ Баторіемъ, и потому рѣшено было употребить всѣ усилія, чтобъ продлить перемиріе. Государь приговорилъ съ боярами, какъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ: литовскихъ плѣнниковъ всѣхъ, что ни есть, опустить въ Литву даромъ, а о своихъ плѣнникахъ положить на волю короля Стефана; если Стефанъ король государевыхъ плѣнниковъ и не отпуститъ, то государева правда будетъ на немъ и явна будетъ всѣмъ пограничнымъ государямъ; а захочетъ Стефанъ король плѣнныхъ продавать, то ихъ выкупить. Сапѣгѣ объявили объ этомъ рѣшеніи: объявили, что 900 плѣнныхъ уже освобождены и что ждутъ такого же поступка и отъ Стефана; что новымъ жалобамъ литовскихъ подданныхъ будетъ удовлетворено; но что касается до жалобъ, относящихся еще ко временамъ царя Іоанна, то это дѣла старыя, о нихъ припоминать непригоже, были въ то время обиды и Русскимъ людямъ отъ Литвы, но о нихъ государь не упоминаетъ. Сапѣгѣ объявили тоже, что названіе Ливонскаго

---

[1]) См. подробности въ книгѣ: «Pamietniki dozycia i sprawy Zborowskich, zebral Zegota Pauli».

Θеодоръ наслѣдовалъ отъ отца своего вмѣстѣ съ царствомъ. Посолъ уѣхалъ, заключивъ перемиріе только на 10 мѣсяцевъ, и новости, привезенныя имъ къ королю, конечно не могли сдѣлать послѣдняго миролюбивѣе. Сапѣга, въ письмѣ своемъ къ папскому легату Болоньетти, изъ Москвы, отъ 10 іюля 1584 года, такъ изображаетъ особу новаго царя и положеніе дѣлъ въ Москвѣ: „Великій князь малъ ростомъ; говоритъ онъ тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или, какъ другіе говорятъ и какъ я самъ замѣтилъ, вовсе нѣтъ. Когда онъ, во время моего представленія, сидѣлъ на престолѣ во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ, то, смотря на скипетръ и державу, все смѣялся. Между вельможами раздоры и схватки безпрестанные; такъ и ныньче, сказывали мнѣ, чуть-чуть дѣло не дошло у нихъ до кровопролитія, а государь не таковъ, чтобъ могъ этому воспрепятствовать. Черемисы свергли иго; Татары грозятъ нападеніемъ, и ходитъ слухъ, что король Шведскій собираетъ войско. Но никого здѣсь такъ не боятся, какъ нашего короля. Въ самомъ городѣ частые пожары; виновниками ихъ, безъ сомнѣнія, разбойники, которыми здѣсь все наполнено“ [1]). Королю доносили также, что между четырьмя вельможами, которыхъ покойный царь назначилъ правителями, господствуетъ несогласіе, и что они часто спорятъ о мѣстахъ въ присутствіи государя. Доносили, что первый по мѣсту бояринъ, князь Мстиславскій, очень расположенъ къ Польскому королю, и если изъ противной партіи умретъ Никита Романовичъ, который не можетъ долго жить по причинѣ тяжкой болѣзни, то король будетъ имѣть много приверженцевъ между боярами [2]).

Еще до отъѣзда Сапѣги, отправленъ былъ къ Баторію посолъ Андрей Измайловъ съ извѣстіемъ о воцареніи Θеодора. Измайлову данъ былъ наказъ вести себя очень умѣренно, уступать относительно церемоній: къ панамъ не ходить, грамоту отдать самому королю; но если будутъ упрямиться, станутъ непремѣнно требовать, чтобъ ему быть у пановъ, то ему къ панамъ идти, только рѣчей не говорить и грамоты вѣрящей не давать. Прежде наказывалось настрого посламъ, чтобъ они сначала рѣчь говорили и грамоту подали, а потомъ уже шли къ рукѣ королевской; но теперь Измайлову позволено было согласиться идти напередъ къ рукѣ. Если король не спроситъ о здоровьи царскомъ и противъ поклона Θеодора не встанетъ, то посолъ долженъ сказать: „Царь Иванъ Васильевичъ при поклонѣ королевскомъ встаетъ, а Стефанъ король не встаетъ, и то вѣдаетъ Стефанъ король, что такъ дѣлаетъ мимо прежняго обычая“,—а больше того ничего не говорить.

Король дѣйствительно противъ государева имени и поклона не всталъ; Измайловъ замѣтилъ, какъ ему было приказано,—и тогда Стефанъ всталъ и шапку снялъ. Измайловъ представилъ опасную грамоту на великихъ литовскихъ пословъ, которые должны были ѣхать въ Москву для заключенія мира; но паны радные отвѣчали ему: „Король къ государю вашему пословъ своихъ слать не хочетъ, потому: государя нашего посолъ Левъ Сапѣга и теперь у государя вашего въ Москвѣ, а тѣснота ему великая,—гдѣ стоитъ, тотъ дворъ огороженъ высоко, и малыя щели позадѣланы, не только-что человѣка нельзя видѣть, и вѣтру провѣять некуда; съ двора литовскаго человѣка никакого не спустятъ, кормъ даютъ дурной; литовскаго посла держатъ хуже всѣхъ другихъ пословъ; въ такое государство никто не захочетъ идти въ послахъ, а государь нашъ силою никого не пошлетъ“. Измайловъ отвѣчалъ: „Это слово принесъ какой-нибудь недобрый человѣкъ; послы разныхъ государствъ, которые теперь на Москвѣ, стоятъ по разнымъ дворамъ, и береженье къ нимъ крѣпкое для того, чтобъ между ними ссоры не было; а еслибъ другихъ государствъ пословъ на Москвѣ не было, то вашему послу было бы всѣхъ вольнѣе; крымскій посолъ и гонцы стоятъ за городомъ не близко, дворъ для нихъ особый сдѣланъ, и съ двора ихъ никуда не спускаютъ“. Одинъ изъ пановъ, молодой Радзивилъ Сиротка, говорилъ съ запальчивостью: „Государя нашего посолъ теперь на Москвѣ, а государь бы вашъ отпустилъ его, да за нимъ бы своего посла къ королю прислалъ, и государь нашъ станетъ совѣтоваться со всею радою и Землею, какъ ему съ государемъ вашимъ впередъ быть. Государь вашъ молодъ, а нашъ государь старъ, и государю вашему пригоже къ нашему государю писаться младшимъ братомъ, да и Смоленска и Сѣверскихъ городовъ государь вашъ поступился бы“. Измайловъ отвѣчалъ, что такихъ безмѣрныхъ рѣчей говорить непригоже. Когда всѣ паны вышли, остался старикъ Гарабурда; онъ подошелъ къ Измайлову и сказалъ: „Видѣлъ, какъ молодые-то паны чуть-чуть дѣла не разодрали, а старыхъ слушать не хотятъ“. Измайловъ отвѣчалъ, что старики должны наводить молодыхъ на доброе дѣло, на миръ; а если король, послушавшись молодыхъ, мира не захочетъ, то государь, надѣясь на Бога, воевать готовъ. Гарабурда, зная хорошо расположеніе умовъ въ сенатѣ и шляхтѣ, увѣрялъ посла, что будетъ миръ, хотя король не переставалъ обнаруживать непріязненное расположеніе къ Москвѣ; на отпускѣ Измайлову объявили, что Баторій опасной грамоты не принимаетъ, новыхъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ не отправитъ; обѣдать Измайлова король не позвалъ, отговариваясь множествомъ дѣлъ. Измайловъ доносилъ своему правительству, что король тотчасъ по смерти Іоанна IV хотѣлъ объявить войну Москвѣ, но рада отсовѣтовала; а Земля на военныя издержки давала только половину противъ того, чего требовалъ Баторій, потому что въ Польшѣ неурожай. Изъ плѣнниковъ московскихъ король прислалъ царю только двадцать человѣкъ;

[1]) Histor. Russiae Monum. II, № III.
[2]) Тж. № VIII.

ихъ привезъ посланецъ Лука Сапѣга, которому бояре велѣли объявить: „Царь Ѳеодоръ освободилъ плѣнныхъ Литовцевъ до 900 человѣкъ, а король прислалъ ему за это двадцать человѣкъ, самыхъ молодыхъ людей, только одинъ между ними, Мещерскій князь, получше, да и тотъ рядовой, а добраго сына боярскаго нѣтъ ни одного“. Посланецъ отвѣчалъ на это, что король послѣ отпуститъ и всѣхъ плѣнныхъ, только оставитъ на окупъ 30 человѣкъ. Царь написалъ по этому случаю Баторію: „И впередъ бы между нами этого не было съ обѣихъ сторонъ, что христіанъ продавать изъ плѣна на деньги и на золотые“, и приводилъ въ примѣръ свой поступокъ по смерти отцовской.

Но Баторій не уступалъ ни въ чемъ; въ Москвѣ также не хотѣли уступать, не хотѣли и раздражать короля, ускорять опасный разрывъ. Приставу, бывшему при Лукѣ Сапѣгѣ, данъ былъ такой наказъ: если литовскій посланникъ начнетъ рѣчи о раздорѣ, станетъ говорить о войнѣ, то отвѣчать ему: „Не хитро разодрать, надобно добро сдѣлать; а тѣмъ хвалиться нечѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ начнетъ литься кровь христіанская; Москва теперь не старая; и на Москвѣ молодыхъ такихъ много, что хотятъ биться и мирное постановленіе разорвать; да что прибыли, что съ обѣихъ сторонъ кровь христіанская разливаться начинаетъ?“ Не надѣясь дождаться пословъ отъ Баторія, отправили къ нему въ началѣ 1585 года великихъ пословъ, боярина князя Троекурова и думнаго дворянина Безнина, которымъ дали наказъ: къ рукѣ королевской прежде поклона не ходить; но если принудятъ, то идти, сказавши: „Это дѣлается новою причиною, не по прежнему обычаю“. Отъ всякихъ людей уклоняться, чтобъ ни съ кѣмъ не говорить ни про что, кромѣ приставовъ, да тѣхъ, кого съ отвѣтомъ вышлютъ; но и съ отвѣтчиками рѣчей ни плодить, а говорить гладко, чтобъ къ дѣлу было ближе. Если станутъ государя укорять, то говорить: „Того судитъ Богъ, кто государя укоряетъ“, и пойти прочь. Провѣдывать: рижскіе Нѣмцы королю послушны ли, и королевы люди теперь въ Ригѣ есть ли, кто именно и много ли ихъ, и что́ рижскіе люди королю съ себя даютъ, и Лифляндская Земля на какой мѣрѣ устроена у Стефана короля, и какъ ее впередъ строить хочетъ. Когда спросятъ о Шведскомъ королѣ, отвѣчать: „Государю нашему надъ Шведскимъ королемъ и впредь промышлять, сколько Богъ помощи подастъ. Относительно главнаго дѣла, заключенія перемирія, посламъ было наказано: заключите перемиріе до того срока, до какого было заключено при царѣ Иванѣ; если паны станутъ говорить высоко, и вы отвѣчайте имъ высоко же,—говорите, что теперь Москва не по-старому, государю у нихъ мира не выкупать стать, государь противъ короля стоять готовъ,—это большая мѣра; дѣлайте по ней, какъ узнаете, что у короля съ панами рознь есть. Если же почаете, что у короля съ панами розни большой нѣтъ, и уговорить пановъ по первой мѣрѣ будетъ невозможно, то дѣлайте по другой мѣрѣ, чтобъ непремѣнно перемиріе съ королемъ взять: если же и по другой мѣрѣ уговорить будетъ нельзя, то настаивайте на обсылку, чтобы вамъ съ государемъ о дѣлѣ обослаться; если же и на обсылку не приговорите и отпускъ вамъ скажутъ, то, по конечной неволѣ, объявите и послѣднія мѣры, чтобъ непремѣнно, хотя на малое время, заключить перемиріе. Посламъ было наказано также, чтобъ они постарались уговорить Тимоѳея Тетерина и другихъ московскихъ отъѣзжиковъ возвратиться въ отечество по опасной грамотѣ, за исключеніемъ одного Головина, отъѣхавшаго въ послѣднее время, вслѣдствіе торжества Годунова надъ Шуйскими.

Этотъ Головинъ сначала очень было затруднилъ посольское дѣло, наговоривши королю, и безъ того сильно желавшему войны, что Московское государство, вслѣдствіе слабости царя и раздора между боярами, находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, что войскамъ его сопротивленія ни откуда не будетъ. „Никто противъ него руки не поднимаетъ для того: рознь въ государевыхъ боярахъ великая, а людямъ строенья нѣтъ, и для розни и нестроенья служить и биться никто не хочетъ“; Головинъ увѣрялъ также короля, что Троекуровъ и Безнинъ присланы заключить миръ на всей королевской волѣ. Вслѣдствіе этихъ рѣчей, король запросилъ у пословъ Новгорода, Пскова, Лукъ, Смоленска, Сѣверской Земли, и прибавилъ: „Отецъ вашего государя не хотѣлъ меня знать, да узналъ, и онъ меня не знаетъ, а потомъ узнаетъ; когда ему буду знакомъ, тогда съ нимъ и помирюся; а теперь онъ меня не знаетъ, и мнѣ зачѣмъ съ нимъ мириться?“ Но по-прежнему Баторій встрѣтилъ сопротивленіе въ сенатѣ и сеймѣ. „Король“, доносили Троекуровъ и Безнинъ въ Москву,—„просилъ у пановъ радныхъ и у пословъ повѣтныхъ наемныхъ людей и грошей, и говорилъ имъ: „Не потеряйте сами у себя, пустите меня съ Московскимъ воеваться, Богъ дастъ вамъ государство въ руки даромъ“. Послы повѣтовые не согласились дать королю денегъ; притомъ же Троекуровъ и Безнинъ распустили слухъ, что Головину вѣрить нельзя, ибо это лазутчикъ, подосланный нарочно боярами къ Баторію. Паны и шляхта, и безъ того не желавшіе войны, охотно повѣрили этому слуху. Послы повѣтовые, по донесенію Троекурова и Безнина, говорили королю: „Какъ такой нелѣпости вѣрить, что король куда ни пойдетъ, все его будетъ? а люди-то на Москвѣ куда дѣвались? Еще бы Головинъ пріѣхалъ къ тебѣ отъ стараго государя,—тогда можно было бы вѣрить: старый государь жестокъ былъ, а отъ нынѣшняго зачѣмъ ѣхать?—теперь государь у нихъ милостивый; ты теперь помирись да разсмотри: если объявится, что Головинъ сказалъ правду, то у тебя война съ Московскимъ государемъ и впередъ не уйдетъ“. Баторій сердился на пословъ повѣтовыхъ, сердился на московскихъ пословъ, подарковъ ихъ не взялъ, обѣдать не звалъ, со

столомъ къ нимъ не посылалъ, стояли они далеко и тѣсно; но принужденъ былъ согласиться на двухлѣтнее перемиріе. Лука Новосильцевъ, отправленный къ императору черезъ Польшу, доносилъ, что на дорогѣ архіепископъ-примасъ Карнковскій зазвалъ его къ себѣ обѣдать, и на обѣдѣ говорилъ: „Король нашъ Стефанъ съ вашимъ государемъ мириться не хотѣлъ, а вѣрилъ словамъ Михайлы Головина. А слышалъ я отъ плѣнниковъ литовскихъ, что государь вашъ набожный и милостивый, и государыня разумна и милостива не только до своихъ людей, но и до плѣнныхъ; плѣнниковъ всѣхъ государь вашъ освободилъ и отпустилъ даромъ. И мы, послы со всѣхъ уѣздовъ, королю отказали, что съ земель своихъ поборовъ не дадимъ, на что рать нанимать, а захочешь съ государемъ Московскимъ воевать идти, нанимай ратныхъ людей на свои деньги, и уговорили, чтобъ плѣнниковъ отпустилъ такъ же, какъ и государь Московскій; а плѣнниковъ много на панскихъ имѣньяхъ, и паны для своей корысти короля не слушаютъ. Король нашъ непроченъ, а впредь думаемъ быть съ вами вмѣстѣ подъ государя вашего рукою, потому что государь вашъ набожный, христіанскій. Сказывали намъ плѣнники наши, что есть на Москвѣ шуринъ государскій, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, правитель Земли и милостивецъ великій, и нашимъ плѣнникамъ милость оказалъ, на отпускѣ ихъ у себя кормилъ и поилъ, и пожаловалъ всѣхъ сукнами и деньгами; и, какъ были въ тюрьмахъ, великія милостыни присылалъ; и намъ за честь, что у такого великаго государя такой ближній человѣкъ разумный и милостивый, а у прежняго государя былъ Алексѣй Адашевъ, и онъ Московскимъ государствомъ также правилъ“ Новосильцевъ сказалъ ему на это: „Алексѣй былъ разуменъ, а этотъ не Алексѣева верста: это великій человѣкъ, бояринъ и конюшій, государю нашему шуринъ, государынѣ братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ всѣмъ и о Землѣ великій печальникъ“. Приставъ говорилъ Новосильцеву тоже, что король непроченъ и не любятъ его всею Землею, съ королевою живетъ не ласково; теперь онъ боленъ, на ногѣ старыя раны отворились, а доктора заживлять не смѣютъ потому: какъ заживятъ, такъ и будетъ ему смерть.

Новое обстоятельство еще болѣе усиливало въ это время миролюбивое расположеніе пановъ и шляхты къ Москвѣ, не могло не дѣйствовать и на самого короля. До сихъ поръ Москва должна была со вниманіемъ слѣдить за избраніемъ королей въ Польшѣ, хлопотать о соединеніи государствъ или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобъ не былъ избранъ государь враждебный; но теперь, казалось, наступала очередь Польшѣ и Литвѣ принять такое же положеніе относительно Москвы: во владѣніяхъ Баторія пронесся слухъ, и слухъ очень крѣпкій, будто австрійскіе эрцгерцоги хлопочутъ, чтобъ Максимиліанъ, братъ императора, занялъ престолъ Московскій, вмѣсто неспособнаго Ѳеодора: будто бояре московскіе уже отправляли по этому дѣлу посольство къ императору. Баторію дано было знать изъ Данцига, что не только Австрійскій Домъ хлопочетъ объ этомъ, но что въ Регенсбургѣ собрались курфюрсты для совѣщанія о средствахъ, какъ бы достигнуть Максимиліану престолъ Московскій [1]).—Если бы это дѣло удалось, то Польшѣ грозила опасность быть окруженною владѣніями Австрійскаго Дома: тогда, въ случаѣ смерти Баторія, она поневолѣ должна была бы такъ же выбрать кого-нибудь изъ принцевъ этого Дома, чего не хотѣли Баторій, Замойскій и очень многіе вмѣстѣ съ ними. Вотъ почему рѣшено было отправить въ Москву извѣстнаго уже и пріятнаго здѣсь, притомъ же и православнаго, Гарабурду, съ предложеніями, которыя должны были противодѣйствовать предложеніямъ австрійскихъ принцевъ.

Гарабурда началъ посольство жалобами на притѣсненія, которыя терпѣли литовскіе купцы въ московскихъ областяхъ, и на то, что царь не выпускаетъ изъ плѣна Нѣмцевъ ливонскихъ. Ему отвѣчали жалобами, что король Стефанъ выпустилъ изъ плѣна только молодыхъ людей, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, пашенныхъ мужиковъ; относительно ливонскихъ Нѣмцевъ отвѣчали, что нѣкоторые вступили въ службу царскую и живутъ на помѣстьяхъ, а иные—торговые люди,—торгуютъ вмѣстѣ съ торговыми людьми московскими; что ни тѣхъ, ни другихъ отпустить непригоже. Когда начались переговоры о мирѣ, начались обычные запросы, то Гарабурда сказалъ: „Еще о Новгородѣ да о Псковѣ можно рѣчь (говорю) оставить, но за Смоленскъ и Сѣверскую Землю государю нашему стоять крѣпко“. Бояре отвѣчали: „И прежде такія слова много разъ говорились, да потомъ эти рѣчи оставляли же, и драницы съ одного города государь нашъ не поступится.“ Послѣ этого Гарабурда приступилъ къ выполненію главнаго своего порученія и сказалъ боярамъ: „Паны радные прислали со мною къ преосвященному отцу, Діонисію митрополиту, и къ вамъ, Думѣ государской, грамоту. Что идутъ рѣчи между нами о городахъ и волостяхъ, и тѣ рѣчи ни къ чему не поведутъ: какъ можно этому статься? Чего мы у васъ просимъ, то можно ли вамъ отдать безъ кропопролитія? А чего вы будете у насъ просить, того намъ безъ кровопролитія ничего отдать нельзя. И потому намъ бы эти рѣчи съ обѣихъ сторонъ оставить, и былъ бы государь вашъ съ нашимъ государемъ въ докончаньи на томъ: кто что теперь за собою держитъ,

[1]) Zrsodla do dziejow Polsckich, pr. Grabowskiego i Przezdzieckiego t. I. p. 62, List Krola Stefana do Stanisl. Tarnowskiego, 1585. Jam a multo tempore crebris rumoribus ad nos perferebatur, archiduces Austriae laborare, ut in locum... minus idonei Moschoviae ducis Maximilianus Romanorum imperotoris frater assumatur. Ipsam etiam Moschov. legationem apud imperatorem fuisse recensent. Gedano nobis significatum est, non modo Austricam familiam in id incumbere, sed et electorum principum conventum Ratisbonae haberi ad consultandum de modo deducendi Maximilianum in Moschoviam.

тотъ то и держи, и никто бы ни у кого ничего не просилъ, чего безъ кровопролитія взять нельзя; и чѣмъ быть кровопролитію, лучше братъ у брата ничего не проси. Дай Господи многолѣтія обоимъ государямъ; но если Богъ по душу пошлетъ Стефана короля, и потомковъ у него не останется, то корону Польскую и великое княжество Литовское соединить съ Московскимъ государствомъ подъ государскую руку: Краковъ противъ Москвы, а Вильну противъ Новгорода. А пошлетъ Богъ по душу вашего царя, то Московскому государству быть подъ рукою нашего государя, а другого государя вамъ не искать. Это великое дѣло мнѣ поручено приговорить и записи написать.“ Бояре отвѣчали: „Намъ про государя своего такихъ словъ, что ты говорилъ, и помянуть непригоже, это дѣло къ доброму дѣлу не годится.“ Бояре доложили о своихъ переговорахъ государю; рѣшено было въ Думѣ, что государю пригоже помириться съ Стефаномъ на томъ, что теперь за кѣмъ есть; но что вести переговоры о смерти государевой непригоже. Гарабурда однако не отставалъ отъ своего предложенія, причемъ началъ уже перемѣнять условія, убѣдившись вѣроятно намѣстѣ, что Ѳеодору не грозитъ близкая смерть: „Пошлетъ Богъ по душу государя вашего, то государство Московское соединить съ королевствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ, и быть имъ вмѣстѣ подъ рукою государя нашего; государства разныя, а главу бы одну надъ собою имѣли. Если же Стефана короля не станетъ, то намъ, Полякамъ и Литовцамъ, вольно выбирать себѣ въ государя вашего государя, вольно намъ его и не выбрать“. Бояре отвѣчали на это: „Мы съ тобою объ этомъ и не говорили; какъ намъ про государя своего говорить?—у насъ государи прирожденные изначала, и мы—ихъ холопи прирожденные; а вы себѣ выбираете государей,—кого выберете, тотъ вамъ и государь. Ты теперь говоришь мимо прежней своей рѣчи, что третьягодня съ нами говорилъ, ворочаешь рѣчь инымъ образцомъ, и намъ съ тобою объ этомъ говорить нечего. Мы про твои рѣчи митрополиту и всему собору сказывали, и митрополитъ со всѣмъ соборомъ намъ запретилъ духовно, чтобъ мы отнюдь объ этомъ не говорили. Какъ намъ про государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про вашего государя говорить этого не хотимъ; а вамъ воля говорить и мыслить про своего государя. Ты посолъ великаго государя, пришелъ къ великому государю нашему, и такія непригожія слова говоришь о ихъ государской смерти! Кто насъ не осудитъ, когда мы при государѣ, видя его государское здоровье, будемъ говорить такія слова?“ Гарабурда отвѣчалъ: „Вижу, что вы сердитесь; сказываетс, что митрополитъ и попы запрещаютъ вамъ говорить о томъ дѣлѣ, что я вамъ объявилъ; но я говорю то, что со мною наказано. И если это дѣло не сойдется, то мнѣ на докончанье безъ уступокъ съ вашей стороны дѣлать не наказано.“ Бояре повторили, что и границы государь не дастъ, и проситъ государь у короля искони вѣчной вотчины своей—Кіева съ уѣздомъ и пригородами, и прочихъ вотчинъ своихъ; бояре говорили Гарабурдѣ съ сердцемъ: „Если съ тобою только и дѣла, что ты говорилъ, то незачѣмъ было тебѣ съ этимъ и ѣздить; если посолъ не однословенъ, то чему вѣрить?“ А приставу было наказано говорить послу: „Теперь Москва не старая: надобно отъ Москвы беречься уже не Полоцку, не Ливонской Землѣ, а надобно беречься отъ нея Вильнѣ“.

Гарабурда, видя неудачу и видя, что его заискиванія произвели перемѣну въ тонѣ у бояръ московскихъ и у пристава,—чтобъ сдѣлать что-нибудь, предложилъ съѣздъ великихъ людей на границахъ для постановленія вѣчнаго мира. Бояре, имѣя постоянно въ виду выиграть время, соглашались на съѣздъ, но съ условіемъ продолженія срока перемирія; они говорили Гарабурдѣ: „Михайла! это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею Землею; сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею Землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ.“ Гарабурда отвѣчалъ, что для продолженія перемирія ему наказа нѣтъ; тогда бояре сказали ему: „Такъ какое же съ тобою дѣло? пріѣхалъ съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и отъѣдешь.“ Гарабурда дѣйствительно поѣхалъ ни-съ-чѣмъ; онъ сказалъ боярамъ о слухѣ, что они посылали къ эрцгерцогу Максимиліану съ предложеніемъ престола; въ отвѣтъ на это бояре написали къ панамъ: „Сильно раздосадовало насъ, что какой-то злодѣй измѣнникъ затѣялъ такія злодѣйскія слова“.

Но продлить перемиріе считали попрежнему необходимымъ въ Москвѣ, и князь Троекуровъ вторично отправился къ Баторію, котораго нашелъ въ Гроднѣ. Паны теперь, въ свою очередь, осердились на бояръ за отказъ принять ихъ предложеніе о соединеніи государствъ; они обратились къ Троекурову съ бранчивою рѣчью: „Мы бояръ государя вашего, братью свою, кормили хлѣбомъ, а они намъ противъ нашего хлѣба мечутъ камень. Разсуди самъ, не камень ли это?—мы усердно просили нашего государя, и по нашимъ просьбамъ онъ по сіе время съ государемъ вашимъ не воюетъ. Впередъ мы государю вашему, боярамъ и всей Землѣ добра хотимъ, точно такъ же, какъ и своей Землѣ; а бояре пишутъ: кто начнетъ недружбу, противъ того государь вашъ стоять готовъ; да пишутъ, чтобъ государь нашъ поотдавалъ вашему государю свои искони вѣчныя вотчины и что́ вновѣ взялъ, и, послѣ этихъ статей, пишутъ, чтобъ мы государя своего наводили на вѣчную пріязнь! Разсуди самъ, какъ мы можемъ такую грамоту поднесть своему государю?—мы и между собой такой грамотѣ дивуемся, какъ это бояре не знаютъ, что́ надъ вашимъ государствомъ по грѣхамъ сдѣлалось? Потомковъ у государя вашего нѣтъ, а каковъ вашъ государь отъ

природы,—мы знаемъ: есть въ немъ набожность, а противъ непріятелей биться его не станетъ. На Москвѣ что̀ дѣлается, то мы также знаемъ; людей нѣтъ, а кто и есть, и тѣ худы, строенья людямъ нѣтъ, и во всѣхъ людяхъ рознь. Бояре думаютъ, что они себѣ пособляютъ, а они только дѣло портятъ: въ нашей Землѣ давно вѣдомо, что бояре ваши посылали къ цесареву брату отъ себя посла. Но цесарю съ вашимъ государствомъ что̀ сошлось? Цесарь теперь и самъ себѣ пособить не умѣетъ; и, смотря на эту пересылку съ цесаревымъ братомъ, многіе государи домогаются и промышляютъ о вашей Землѣ: а Турскому у васъ же просить Астрахани и Казани, и Перекопскій васъ же всегда воюетъ и впередъ воевать хочетъ; а Черемиса ваша вамъ же недруги. И у бояръ гдѣ умъ?—пишутъ, что государь вашъ противъ всѣхъ недруговъ стоять готовъ, и просить запросовъ не стыдятся! Рѣчи ваши государю нашему ничего не принесли, только лишь сердцу его надсада. Теперь мы не только государя своего не будемъ просить, чтобъ былъ съ государемъ вашимъ въ покоѣ,—еще будемъ ему напоминать, чтобъ, по присягѣ своей, земель при предкахъ его, у государства отнятыхъ, отыскивалъ, и не только что-дадимъ ему денегъ на наемныхъ людей, но и сами своими головами изъ обѣихъ земель идти съ нимъ готовы. А вы съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ вамъ и уѣзжать". Посолъ отвѣчалъ: „На боярскія рѣчи вамъ досадовать непригоже и въ дѣло того ставить нечего; и прежде въ ссылкахъ и разговорахъ бывало: о стародавнихъ дѣлахъ съ обѣихъ сторонъ говорятъ, да что къ дѣлу не пригодится, то съ обѣихъ сторонъ оставляютъ, да говорятъ о дѣлахъ, какъ чему статься пригоже. Дивимся мы вашему разуму, что вы Бога не боитесь и людей не стыдитесь, говорите такое, чего было вамъ и мыслить непригоже. Разсказываете, что надъ государствомъ государя нашего по грѣхамъ учинилось; но мы надъ государствомъ нашимъ никакого грѣха не видимъ, а только милость Божію и благоденствіе. Вы еще съ Богомъ не бесѣдовали; а человѣку того не дано знать, что̀ впредь будетъ. По писанному, кто злословитъ царя, тотъ смертію да умретъ: государь нашъ дородный государь, разумный и счастливый, сидитъ онъ на своихъ государствахъ по благословенію отца своего и правитъ государствомъ самъ, и противъ всѣхъ недруговъ стоять готовъ такъ же, какъ отецъ, дѣдъ и прадѣдъ его; людей у него много, вдвое противъ прежняго, потому что къ людямъ своимъ онъ милостивъ и жалованье даетъ имъ, не жалѣя своей государской казны, и люди ему всѣ съ великимъ раденьемъ служатъ и впередъ служить хотятъ и противъ всѣхъ его недруговъ померетъ хотятъ. Въ людяхъ розни никакой нѣтъ; это вамъ такія бездѣльныя рѣчи говорятъ собаки измѣнники; такимъ людямъ вамъ потакать нечего и говорить измѣнничьихъ рѣчей непригоже. Намъ про государя вашего и про государство ваше и про васъ много что̀ есть говорить, да, по государеву наказу, говорить не хотимъ: присланы мы на доброе дѣло, а не на раздоръ. Государю нашему у вашего государя мира не покупать стать: захочетъ государь вашъ добраго дѣла,—и нашъ государь добраго дѣла хочетъ, а не захочетъ вашъ государь добраго дѣла,—то нашъ государь противъ него стоять готовъ". Въ переговорахъ, когда дѣло пошло о взаимныхъ требованіяхъ извѣстныхъ земель, разумѣется, не могли согласиться; паны попрежнему настаивали на пограничный съѣздъ вельможъ; послы, сообразно съ своими цѣлями, требовали для этого съѣзда продолженія перемирія хотя на одинъ годъ. Паны отвѣчали имъ: „И на полгода мы перемирья не заключимъ,—вы говорите о съѣздѣ не для дѣла, а только, чтобъ время проволочить; зачѣмъ вамъ для съѣзда еще цѣлый годъ перемирья?" Послы отвѣчали, что нужно много времени для совѣщанія со всею Землею; паны на это возражали: „У васъ въ обычаѣ ведется: что сдумаетъ государь да бояре,—на томъ и станетъ, а Землѣ до того и дѣла нѣтъ". По конечной неволѣ послы должны были согласится только на двухмѣсячную прибавку къ прежде заключенному перемирію, и въ это время положено быть съѣзду великимъ посламъ между Оршею и Смоленскомъ для переговоровъ о томъ, какъ быть обоимъ государствамъ подъ одною державою, въ случаѣ кончины того или другого государя, и какъ опредѣлить границы ихъ, если они не захотятъ соединиться.

Но Баторій не дождался съѣзда. 2 декабря 1586 года онъ умеръ, не успѣвъ довершить ни одного изъ своихъ начинаній ни внутри, ни внѣ: онъ задержалъ только на время усиленіе Московскаго государства, отнявши у него Прибалтійскія области, но сокрушить могущество этого государства, раздвинуть Литву до границъ Витовтовыхъ онъ не успѣлъ: тому помѣшала ограниченность средствъ, ограниченіе власти королевской, подозрительность могущественныхъ вельможъ къ воинственному королю. Сломить могущество вельможъ, установить наслѣдственное правленіе, или по крайней мѣрѣ установить лучшій способъ избранія королевскаго, сдержать своеволіе онъ также не успѣлъ. Найдя государства свои въ сильномъ религіозномъ разъединеніи, Баторій, хотя не былъ по природѣ своей фанатикомъ, не воздвигалъ гоненія на диссидентовъ, однако благопріятствовалъ утвержденію іезуитовъ, потому что это знаменитое братство могло обѣщать ему дѣятельную помощь въ замышляемыхъ имъ внутреннихъ перемѣнахъ. Какого рода была эта помощь, какого рода были внушенія, которыя должно было принимать отъ іезуитовъ воспитывавшееся у нихъ юношество,—видно изъ проповѣдей самаго талантливаго изъ нихъ, Петра Скарги Повенскаго. Скарга громко возставалъ противъ существующаго порядка вещей въ Польшѣ, проповѣдуя, съ одной стороны, подчиненіе свѣтской власти власти духовной, королей—папѣ, онъ, съ другой стороны, твердилъ о необходимости крѣпкой, неограниченной власти королевской. „Естественный порядокъ", говорилъ онъ,—„состоитъ

въ томъ, чтобъ одна голова управляла тѣломъ; и если въ государствѣ не одна, а много головъ, то это знакъ тяжкой, смертельной болѣзни". Скарга утверждалъ, что Римская имперія тогда только вошла въ исполинскіе размѣры свои, когда въ ней утвердилось монархическое правленіе; вооружался противъ пословъ сеймовыхъ за то, что они присвоиваютъ себѣ могущество, вредное для власти королевской и сенаторской, и спасительную монархію превращаютъ въ демократію,—самый дурной изъ образовъ правленія, особенно въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Польша и Литва. Право, по которому шляхтичъ, не уличенный въ преступленіи, не могъ быть схваченъ, Скарга называлъ источникомъ разбоевъ, измѣнъ и т. п. Но всѣ эти внушенія остались тщетными: іезуиты не могли перемѣнить политическаго строя Польши и Литвы, они успѣли только въ одномъ, чего конечно не хотѣлъ Баторій: они успѣли воспламенить въ католическомъ народонаселеніи Польши и Литвы религіозную нетерпимость, которая повела къ гоненію на несходныя исповѣданія, къ гоненію на православное русское народонаселеніе, а это гоненіе повело къ отложенію Малороссіи, нанесшему самый сильный ударъ могуществу Польши. Такимъ образомъ, орудіе, приготовленное для утвержденія крѣпости, могущества Польши, стало орудіемъ ея паденія.

Событія, происходившія въ концѣ царствованія Баторія, обѣщали сильныя волненія послѣ его смерти: ненависть между стороною Зборовскихъ и стороною Замойскаго могла теперь разыграться на свободѣ. Волненія начались на сеймикахъ: даже во Львовѣ, гдѣ было такъ сильно вліяніе Замойскаго, нашлись приверженцы Зборовскихъ, въ числѣ которыхъ сталъ Николай Язловецкій, староста Снятыньскій. Язловецкій началъ провозглашать: что пора положить предѣлъ возвышенію одного человѣка надъ всѣми; что всѣмъ вѣдомы замыслы Замойскаго, который, во что бы то ни стало, хочетъ посадить на престолѣ одного изъ Баторіевъ; что для охраненія государства необходимо отнять у Замойскаго гетманство, ибо со смертію королевскою всѣ правительственныя лица должны сложить съ себя свои должности. Замойскій отвѣчалъ: что всѣ саны и почести получилъ онъ за прямыя отечеству заслуги; что слухъ о замыслахъ его относительно Баторіевъ—клевета; что утверждать, будто со смертію королевскою должны прекратиться всѣ правительственныя отправленія, противно здравому смыслу, ибо именно во время междуцарствія государство и не можетъ обойтись безъ начальства военнаго, безъ гетмана. Въ Львовѣ дѣло кончилось въ пользу Замойскаго; но не такъ было въ Варшавѣ на конвокаціонномъ сеймѣ: Карнковскій, архіепископъ Гнѣзненскій, примасъ, который занималъ первое мѣсто въ государствѣ во время междуцарствія, поддался совершенно вліянію Зборовскихъ и Гурки; по ихъ внушенію онъ написалъ къ Замойскому, чтобъ тотъ для охраненія границъ королевства не покидалъ войска; отсутствіе Замойскаго дало въ сенатѣ верхъ Зборовскимъ. Андрей Зборовскій явился въ сенатъ съ требованіемъ управы на Замойскаго, и когда одинъ изъ сенаторовъ, Лесновольскій, хотѣлъ защищать послѣдняго, то голосъ его былъ заглушенъ криками и угрозами пріятелей Зборовскаго; одинъ изъ нихъ даже нацѣлилъ ружье на Лесновольскаго, и спрашивалъ Зборовскихъ, прикажутъ ли стрѣлять? За стѣнами Варшавы также едва дѣло не дошло до усобицы между обѣими сторонами. Наконецъ назначили день избирательнаго сейма — 30 іюня 1587 года.

Зборовскіе явились на избраніе съ 10,000 войска, въ числѣ котораго находилось не мало наемниковъ французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, чешскихъ; толпы эти были наняты на австрійскія деньги, ибо Зборовскіе, поддерживаемые папскимъ нунціемъ, Аннибаломъ ди Капуа, хотѣли избрать эрцгерцога Максимиліана, брата императора Рудольфа II. Замойскій, опираясь преимущественно на шляхту и поддерживаемый деньгами вдовы Баторія, королевы Анны, держалъ сторону племянника ея, Шведскаго принца Сигизмунда, сына короля Іоанна и Екатерины Ягеллонъ. Замойскій и Гурка съ Зборовскими расположились военными станами, каждый въ назначенномъ себѣ мѣстѣ подъ Варшавою (на равнинахъ Воли), готовясь, въ случаѣ нужды, съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать своего избранника; но на противоположномъ берегу Вислы, подъ Каменкою, расположились особымъ станомъ Литовцы, у которыхъ былъ свой кандидатъ—царь Московскій.

20 декабря 1586 года въ Москвѣ узнали о смерти Баторія. Недавній опытъ показалъ, какъ важно было для Московскаго государства избраніе короля въ Польшѣ: Іоаннъ IV не хотѣлъ употребить дѣятельныхъ мѣръ для полученія Польскаго престола, допустилъ сѣсть на немъ Баторію—и потерялъ Прибалтійскія области, принужденъ былъ заключить постыдный миръ съ Литвою; но Іоаннъ, во время избранія, не зналъ еще характера Баторія и могъ презирать этого бѣднаго средствами князька Трансильванскаго; теперь же бояре Ѳеодора не могли не видать страшной опасности, которая грозила ихъ государству въ случаѣ, еслибъ избранъ былъ на престолъ королевичъ Шведскій и два сосѣднія и враждебныя Москвѣ государства соединились подъ однимъ главою. Вотъ почему въ Москвѣ рѣшили дѣятельно хлопотать о пріобрѣтеніи въ Польшѣ—и особенно въ Литвѣ—приверженцевъ царю Ѳеодору.

20-го января 1587 г. уже отправленъ былъ дворянинъ Ржевскій въ Литву съ царскою грамотою къ панамъ, въ которой говорилось: „Вы бы, паны рада, свѣтскіе и духовные, смолвившись между собою и со всею Землею, о добрѣ христіанскомъ порадѣли, нашего жалованья къ себѣ и государемъ насъ на корону Польскую и великое княжество Литовское похотѣли, чтобъ этимъ обоимъ

государствамъ быть подъ нашею царскою рукою въ общедательной любви, соединеніи и докончаніи; а мы вашихъ правъ и вольностей нарушать ни въ чемъ не хотимъ, еще и сверхъ прежняго во всякихъ чинахъ и вотчинахъ прибавлять и своимъ жалованьемъ наддавать хотимъ". Кромѣ этой общей грамоты, посланы были отдѣльныя къ каждому вельможѣ: каждаго царь приглашалъ стараться о его избраніи съ братьею своею, племянниками и цѣлымъ родомъ. Потомъ каждый бояринъ писалъ къ соотвѣтствующему себѣ по мѣсту пану литовскому съ тѣмъ же предложеніемъ. Ржевскому данъ былъ такой наказъ: „Если паны литовскіе станутъ говорить, что они государя царя къ себѣ на государство хотятъ, но польскіе паны не хотятъ, и если они отъ королевства Польскаго отложатся, то государь будетъ ли за нихъ стоять?— отвѣчать: „Сами знаете, что Поляки вѣрою съ христіанами розны, а вы, паны рада литовскіе и вся Земля Литовская, съ нашею Землею одной вѣры и одного обычая, такъ вы бы пожелали себѣ государя нашего, христіанскаго государя; а если будетъ Литовское государство соединено съ Московскимъ, то государю нашему Литовской Земли какъ не оберегать. Если будутъ оба государства на всѣхъ недруговъ заодно, то Польская Земля поневолѣ будетъ присоединена къ Московскому и Литовскому государствамъ, а государю то и любѣе, что Литовское великое княжество будетъ вмѣстѣ съ его государствами. И какъ нашему государю за это не стоять! Начальное государство Кіевское отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ Литовскаго государства оторвано къ коронѣ Польской, и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, пановъ литовскихъ, да присоединили къ Польской Землѣ насильствомъ: такъ государю нашему какъ всего этого у Поляковъ не отнять и къ вамъ и къ государству Московскому не присоединить!" Ржевскому наказано было также: „Увидится съ нимъ Тимоха Тетеринъ, Давидъ Бѣльскій, Мурза Купкѣевъ и другіе отъѣзжіе въ Литву и станутъ спрашивать, есть ли къ нимъ государевъ приказъ, то отвѣчать, чтобъ они государева жалованья къ себѣ поискали, государю послужили и доброхотали; а что они предъ государемъ проступили, дерзость сдѣлали, въ Литву отъѣхали, и они-бъ въ томъ себѣ никакого сомнѣнья не держали: государь эту вину отдастъ имъ, если на государствахъ Польскомъ и Литовскомъ будетъ, и во всемъ ихъ пожалуетъ по отечеству; которые изъ нихъ захотятъ быть въ Русскомъ государствѣ, тѣхъ государь пожалуетъ вотчинами и помѣстьями, устроить велитъ въ Московскомъ государствѣ по ихъ достоинству; а они бы теперь государю службу свою показали. Что провѣдаютъ у пановъ рады о государскомъ дѣлѣ—которые паны захотятъ къ себѣ государя на государство и которые не захотятъ—о томъ бы проповѣдывая, посламъ сказывали и государю доброхотали.—Если паны станутъ говорить, чтобъ государь далъ имъ на государство брата своего, царевича Димитрія, то отвѣчать: „Это дѣло несходное;—царевичъ еще молодъ, всего четырехъ лѣтъ; а вамъ чего лучше, какъ быть подъ царскою рукою въ оборонѣ и жить по своимъ обычаямъ, какъ у насъ ведется и какъ вамъ захочется".

Паны Литовскіе отвѣчали на посольство Ржевскаго, что дѣло избранія должно рѣшиться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ, куда царь долженъ отправить своихъ пословъ. Богатый купецъ литовскій, Лука Мамоничъ, имѣвшій торговыя связи съ Москвою, говорилъ Ржевскому отъ имени трехъ пановъ—Николая Радзивила, Льва Сапѣги и Ѳеодора Скумина: „Паны эти государю радѣютъ и говорятъ, чтобъ государь вашъ непремѣнно отправилъ пословъ своихъ великихъ на е л е к ц і ю (олекцію); къ панамъ радамъ и къ рыцарству обѣихъ Земель прислалъ бы свои грамоты съ любовію и ласкою, не такъ бы высоко было выписано въ грамотахъ, какъ теперь, потому что паны польскіе люди сердитые и упрямые,—къ нимъ надобно писать ласково, а государю великому какой въ томъ убытокъ будетъ? Рыцарству бы написать, что государь ихъ пожалуетъ, заплатитъ имъ все жалованье изъ своей казны, чего король Стефанъ имъ не заплатилъ, а всего денегъ будетъ немного: тысячъ съ пять или шесть, да и этихъ денегъ рыцарство не возьметъ на государѣ, только было бы въ грамотѣ написано для того, чтобъ они за государя вашего стояли. Стефанъ король обѣщалъ рыцарству всѣ деньги заплатить и присягалъ, но ни одного пѣнязя на немъ не взяли. Да и къ панамъ бы государево жалованье было: теперь къ панамъ присылаютъ цезарь и другіе княжата съ поминками большими и съ ласкою, доискиваясь государства". Ржевскій отвѣчалъ на это, что государю пословъ своихъ на большой сеймъ къ панамъ посылать непригоже.

Но сношенія этимъ не кончились. Въ Литвѣ не боялись отъ Ѳеодора того, чего боялись отъ Іоанна, и тѣмъ сильнѣе желали избранія Московскаго царя; притомъ литовскіе паны не хотѣли порвать съ послѣднимъ изъ боязни, чтобъ онъ не воспользовался междуцарствіемъ и не послалъ войска въ ихъ предѣлы. Вотъ почему еще въ апрѣлѣ того же года двое знатныхъ пословъ литовскихъ, Черниковскій и князь Огинскій, пріѣхали въ Москву съ просьбою о продолженіи перемирія до конца 1588 г. Просьба эта была принята очень охотно, причемъ бояре говорили: „Мы всѣ бояре и думные люди со всею Землею хотимъ и у Бога просимъ, чтобы государство Московское, Польское и Литовское были подъ одною царскою рукою. Выѣхали недавно къ намъ выѣзжіе литовскіе люди на Псковѣ и сказывали, будто нѣкоторые паны, для денегъ, что раздаетъ королева, выбираютъ Шведскаго королевича, пишутъ и выставляютъ большіе прибытки, которые Польша и Литва отъ этого получатъ. Но кто выбираетъ Шведскаго королевича, тотъ христіанству убытокъ замышляетъ, а не прибытокъ, бу-

детъ такое же кровопролитіе, что и при Стефанѣ королѣ: какъ скоро Шведскаго выберете, то между нами и вами, да и между всѣми христіанами пойдетъ кровопролитіе, и не перестанетъ". Послы захотѣли напомнить, что войны Стефана не были невыгодны для его государствъ, и спросили: „Что же дурнаго при Стефанѣ королѣ дѣлалось?" На это имъ отвѣчали: „Мы вамъ про Стефана правду и про его къ вашему государству доброхотство разскажемъ подробно, только вы не подосадуйте. Со стороны нашего государя прибытокъ и намъ, и вамъ, и всему христіанству будетъ: государь нашъ государь христіанскій, богобоязливый, милосердый, ласковый до всего христіанства, а другіе рядовые государи выбираются на государство, а любви къ нему не имѣютъ, какъ напримѣръ Стефанъ король, который присягалъ султану привести Поляковъ и Литовцевъ къ нему въ подданство; писалъ онъ къ Турскому султану въ тайныхъ своихъ грамотахъ, чтобъ султанъ рать готовилъ на литовскихъ и польскихъ пановъ, таковы-де есть въ Польшѣ и Литвѣ люди богатые, денегъ тысячъ до пяти сотъ золотыхъ ефимковъ и всякой казны много безъ числа,—ихъ надобно протрясти, чтобъ они гордости своей посбавили, а то они очень спесивы теперь. У нашего же государя у самого богатства безчисленныя, и, казны своей не жалѣя, хочетъ онъ защищать какъ Московское государство, такъ и Польское и Литовское отъ Татаръ и Турокъ; отъ Крыма по Дону, Донцу и Днѣпру поставитъ своихъ людей, города подѣлаетъ и на Крымъ наступитъ своею казною, чтобъ на Подолье и на Волынскую Землю, и на Польскую, и на Литовскую впередъ тѣ поганые никто не приходилъ. Въ доходы и прибытки королевскіе государь вступаться не хочетъ, обѣщаетъ все это отдать панамъ раднымъ и всему рыцарству, да еще изъ своей казны польскимъ и литовскимъ панамъ раднымъ и всему рыцарству хочетъ наддавать, и въ своихъ государствахъ у новыхъ городовъ въ степи хочетъ польскихъ и литовскихъ людей землями жаловать. За грѣхи всего христіанства, у васъ къ намъ ненависть, и эта ненависть всему христіанству вредитъ, покой и любовное соединенье во всемъ христіанствѣ разоряется; и для того надобно вамъ, всѣмъ панамъ совѣтовать то, что къ прибытку всему христіанству, да неповинны будете въ крови христіанской предъ Вседержителемъ Богомъ. И то пригоже знать всякому христіанину, что за пріязнь христіанамъ съ погаными? Если бы государства ваши съ царствомъ православнаго государя нашего соединились, то всѣ поганскіе государи руки бы свои опустили: пришлось бы имъ тогда уже себя беречь, а не христіанство плѣнить. Молдавія, Валахія, Боснія, Сербія и Венгрія, которыя за Турками, достались бы Польшѣ и Литвѣ, а что поближе къ намъ, Крымъ, Азовъ, Кафа, Черкасы и другія орды,—достались бы Москвѣ, потому что и теперь трое крымскихъ царевичей со многими людьми уже на сторонѣ нашего государя, готовы въ Астрахани. А только будетъ избранъ Шведскій королевичъ, то этихъ Татаръ, которымъ было изъ Астрахани и изъ-за Волги идти на Крымъ, поворотятъ на Литовскую Землю. Если же выберете нашего государя, то онъ будетъ стоять на бусурмановъ самъ своею царскою персоною (парсуною) и со всѣми своими людьми, станетъ помогать своею казною, а панскихъ обычаевъ и вольностей ни въ чемъ не нарушитъ, и ничего у нихъ не захочетъ; а что какіе доходы собираются съ Польской и Литовской Земли, то все государь нашъ уступитъ панамъ раднымъ, и что у нихъ старая казна прежнихъ королей и что вновь къ ней прибавлено, и что изъ Венгріи привезено,—изъ того ничего государю нашему не надобно, много у государя нашего и своей всякой казны, и столько пожитку всякаго, какъ въ его государствѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ. Встрѣчъ многихъ, что Польшѣ и Литвѣ были въ убытокъ, государю нашему не надобно: онъ пріѣдетъ съ своимъ кормомъ и съ своими всякими государскими обиходами, а вашего ничего государю нашему не надобно, кромѣ ласки; государь нашъ съ своею казною къ вамъ пріѣдетъ, чтобъ изъ своей казны можно было всякимъ тамошнимъ людямъ давать."

Въ Москвѣ такъ опасались соединенія Польши и Литвы съ Швеціею подъ однимъ государемъ, что не находили болѣе непригожимъ отправить великихъ пословъ на сеймъ; эти послы были двое бояръ: Степанъ Васильевичъ Годуновъ и князь Ѳеодоръ Михайловичъ Троекуровъ съ знаменитымъ дьякомъ Василіемъ Щелкаловымъ. Въ Литвѣ также сильно хотѣли избранія Ѳеодора; перехвачены были грамоты жителей Вильны къ царю; но въ Литвѣ московскіе приверженцы хорошо понимали, какія важныя препятствія этому избранію встрѣтятся на польскомъ сеймѣ. Литовскій подскарбій, Ѳеодоръ Скуминъ, говорилъ московскому послу Ржевскому: „Я христіанинъ вашей,—Греческой вѣры, и отецъ съ матерью у меня были христіане; такъ я вамъ говорю по своему христіанству: мы всѣ хотимъ, чтобъ намъ съ вами быть въ соединеніи на-вѣки; чтобъ вашъ государь пановалъ на нашихъ панствахъ, только бы далъ Богъ намъ три колоды пересѣчь, за что всѣ паны радные стоятъ и стоять будутъ: 1) чтобъ государю вашему короноваться у насъ въ Краковѣ; 2) писаться въ титулѣ прежде королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ; 3) чтобъ государю вѣру перемѣнить. Вы говорите, что не только государю, и вамъ о томъ мыслить нельзя,—это правда, я съ панами радными говорилъ: христіанину какъ вѣру свою оставить? Если мы эти три колоды, дастъ Богъ, перевалимъ, то будемъ съ вами въ вѣчномъ соединеніи."

Кромѣ обѣщаній, которыя бояре давали въ Москвѣ посламъ литовскимъ, Годуновъ и князь Троекуровъ должны были предложить еще на сеймѣ: что государь платитъ, изъ собственной казны, до

100,000 золотыхъ венгерскихъ ратнымъ людямъ, которымъ остался долженъ Стефанъ Баторій; что, по изгнаніи Шведовъ изъ Эстоніи, всѣ города ея будутъ уступлены Литвѣ и Польшѣ, кромѣ Нарвы; что купцамъ польскимъ и литовскимъ открытъ будетъ путь во всѣ московскія области и дальше во всѣ восточныя страны; что между жителями соединенныхъ государствъ будетъ позволено свободное сообщеніе и сватовство. Насчетъ пребыванія царя въ Польшѣ (четвертой колоды, о которой забылъ Скуминъ) послы должны были сказать: побывъ немного въ Польшѣ и Литвѣ, государь опять поѣдетъ въ Москву и будетъ жить на своемъ прежнемъ государствѣ; въ Польшѣ же и Литвѣ всѣмъ управляютъ паны радные по прежнему обычаю, по своимъ правамъ и вольностямъ. Пословъ, которые придутъ съ неважными дѣлами, отправлять панамъ раднымъ, обославшись съ государемъ, а которые придутъ съ великими земскими дѣлами,—тѣмъ быть у государя въ Москвѣ, а у государя въ то время быть изъ Польши и Литвы по два пана радныхъ да по писарю.

Въ случаѣ, если сеймъ не согласится на избраніе Ѳеодора, послы должны были говорить, чтобъ избрали цесарева брата Максимиліана: „Государю царю то будетъ любо же, потому что Максимиліанъ великаго государя сынъ и на такихъ великихъ государствахъ быть ему пригоже; а выбирать Шведскаго и другихъ поморскихъ непригоже,—это государи непристойные, о христіанствѣ не радѣютъ и всегда кроворазлитія христіанскаго желаютъ.“—Желаніе помѣшать выбору Сигизмунда Шведскаго и трудность соглашенія въ мѣрахъ относительно управленія двумя государствами, изъ которыхъ ни одно не хотѣло уступить другому ни въ чести, ни въ выгодахъ, привели Московское правительство къ мысли предоставить Польшу и Литву полному самоуправленію, лишь бы онѣ по имени только признавали своимъ государемъ царя Московскаго. Въ этомъ смыслѣ Годунову и Троекурову было наказано: „Выберутъ ли насъ себѣ государемъ или приговорятъ быть подъ нашею царскою рукою, а управляться самимъ—все равно, соглашайтесь, только пусть будутъ съ нами въ соединеніи и докончаніи на всякаго недруга заодно; только этимъ промышляйте, этимъ свою службу и радѣнье намъ покажите, чтобъ далъ Богъ вамъ, не сдѣлавши дѣла, не разъѣхаться“.

Въ Литвѣ обрадовались, что Московскій государь согласился дѣйствовать рѣшительно для достиженія короны Польской и Литовской, согласился отправить великихъ пословъ на сеймъ, и послы эти оказывали большую учтивость, не спорили, какъ прежде, о мелкихъ церемоніяхъ. Выѣзжавшіе на-встрѣчу Литовцы говорили посламъ: „Теперь мы встрѣчаемъ васъ, великихъ пословъ государя православнаго; и далъ бы намъ Богъ всею Землею встрѣтить самого вашего государя къ себѣ. Въ Литовской Землѣ во всѣхъ повѣтахъ все рыцарство и вся Земля уложили на томъ: хотятъ выбирать себѣ государемъ вашего государя.“ Приставы говорили посламъ: „Вы показали уступчивость большую противъ прежнихъ обычаевъ; прежде, когда приставы пріѣзжали къ посламъ вашего государя и отъ короля, то послы о шапкахъ споръ поднимали, и противъ королевскаго имени шапокъ не снимали тотчасъ; а вы теперь, великіе послы, противъ рѣчи пановъ радныхъ, братьи своей, шапки сняли, и паны радные, братьи ваши, принимаютъ это отъ васъ за великую учтивость.“

Но въ Литвѣ скоро увидали, что московскіе послы попрежнему разнятся отъ всѣхъ другихъ пословъ, пріѣхавшихъ на сеймъ хлопотать объ избраніи своихъ государей: попрежнему московскіе послы пріѣхали безъ денегъ. Паны радные литовскіе послали писаря сказать имъ: „Надобно вамъ промыслить сейчасъ же, выдать тысячъ съ двѣсти рублей для того, чтобъ всѣхъ людей отъ Зборовскихъ, и отъ воеводы Познанскаго, Гурки, и отъ канцлера, Яна Замойскаго, приворотить къ себѣ на выборъ вашего государя,—какъ увидятъ рыцарскіе люди государя вашего гроши, то всѣ отъ Зборовскихъ и отъ канцлера къ намъ приступятъ; а только деньгами не промыслить, то доброму дѣлу никакъ не бывать, и будутъ говорить про васъ всѣ: „Что-жъ это за послы, когда деньгами не могутъ промыслить!“ Послы отвѣчали, что обо всемъ будутъ говорить съ самими панами на посольствѣ. Потомъ ночью, тайно, пріѣхалъ къ нимъ воевода Троцкій, Янъ Глѣбовичъ, съ стольникомъ коронным, княземъ Василіемъ Пронскимъ, и говорилъ: „Я государю вашему службу свою хочу показать, воеводу Познанскаго и Зборовскихъ уговариваю, чтобъ были съ нами вмѣстѣ и выбирали вашего государя, и на то уже ихъ навелъ; только у нихъ люди наемные, которымъ срокъ приходитъ, и надобно воеводѣ Познанскому и Зборовскимъ помочь деньгами, чтобъ имъ было что́ наемнымъ людямъ давать и противъ канцлера стоять.“ Послы отвѣчали, что объ этомъ имъ наказа нѣтъ, да и казны съ ними нѣтъ.

Несмотря однако на недостатокъ этого могущественнаго на избирательныхъ сеймахъ средства—денегъ, сторона московская была очень сильна не только между Литвою, но и между Поляками, ибо для большинства избраніе Ѳеодора казалось самымъ вѣрнымъ выходомъ изъ борьбы двухъ сторонъ,—Зборовскихъ и Замойскаго. Когда выставлено было въ полѣ три знамени—московское—шапка, австрійское—нѣмецкая шляпа и шведское—сельдь, то подъ шапкою оказалось огромное большинство. 4 августа Годуновъ и Троекуровъ правили посольство въ рыцарскомъ колѣ: поставили посламъ скамью противъ большихъ пановъ, а кругомъ того мѣста сидѣли паны же радные и послы повѣтовые. Увидавши, что для нихъ приготовлена скамья; что паны и послы повѣтовые всѣ сидятъ, московскіе послы начали говорить панамъ раднымъ: „Въ обычаѣ не ведется ни въ какихъ государствахъ, что посламъ, при-

шедши отъ государя своего, рѣчь говорить сидя, и намъ какъ это сдѣлать, что посольство государя своего сидя править? Мы станемъ отъ государя посольство править стоя, и вамъ пригоже государя нашего рѣчь отъ насъ слушать стоя же." Паны отвѣчали: „Мы вамъ сказываемъ, какъ у насъ въ обычаѣ ведется, не спорьте объ этомъ, - правьте посольство сидя, а мы при имени государя вашего будемъ вставать". Послы продолжали спорить; наконецъ паны сказали: „Мы вамъ обычай здѣшній сказываемъ; вы не слушаете,—такъ дѣлайте какъ хотите; мы сядемъ, а вы какъ хотите, такъ посольство и правьте, на вашей волѣ". Сказавши это, паны сѣли, и послы правили посольство сидя.

Для разсужденія о подробностяхъ условій выбора назначили 15 пановъ духовныхъ и свѣтскихъ, которые должны были съѣхаться съ московскими послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Здѣсь тотчасъ же обнаружились тѣ колоды, пересѣчь которыя Скуминъ считалъ такимъ труднымъ дѣломъ. Паны спросили пословъ: соединитъ ли государь свое Московское государство съ королевствомъ такъ, какъ Литва соединена съ Польшею, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ вѣрѣ Римской? будетъ ли послушенъ папѣ? будетъ ли вѣнчаться въ Краковѣ въ латинской церкви отъ архіепископа Гнѣзненскаго? причастіе опрѣсночное приметъ ли и Церковь Греческую съ Римскою соединитъ ли? Пріѣдетъ ли въ Варшаву черезъ 10 недѣль послѣ избранія? напишетъ ли въ своемъ титулѣ королевство Польское выше царства Московскаго? Бояре отвѣчали: Королевство Польское и великое княжество Литовское соединятся съ Московскимъ государствомъ навѣки такъ: чтобъ имъ противъ всякаго недруга стоять заодно; чтобы жители ихъ могли свободно ѣздить изъ Земли въ Землю, жить, свататься и жениться съ позволенія государя. Государь останется въ православной вѣрѣ; вѣнчаться на королевство будетъ или въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ; будетъ уважать папу, не будетъ препятствовать ему въ управленіи польскимъ духовенствомъ, но не позволитъ мѣшаться въ дѣла Греческой Церкви. Корона Польская будетъ подъ царскою шапкою Мономаховою; титулъ будетъ: царь и великій князь всея Руси, Владимірскій и Московскій, король Польскій и великій князь Литовскій. „Хотя бы", сказали послы,—и Римъ Старый, и Римъ Новый, царствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю, то какъ ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?" Относительно времени пріѣзда въ Польшу послы объявили: „Въ томъ воленъ Богъ да государь,—какъ захочетъ, такъ къ вамъ и пріѣдетъ, намъ того угадать нельзя, и наказа намъ государь объ этомъ не далъ".

Паны отвѣчали, что на этихъ условіяхъ Ѳеодоръ не можетъ быть избранъ, и особенно настаивали на вопросѣ о деньгахъ, которыя царь какъ можно скорѣе долженъ выдать для подкрѣпленія стороны своей на сеймѣ и для найма войска, потому что, въ случаѣ царскаго избранія, враги съ разныхъ сторонъ нападутъ на Польшу; приводили въ примѣръ щедрость императора и короля Испанскаго. Послы говорили на это: „Государь нашъ на наемныхъ людей казны своей дастъ, что̀ будетъ пригоже. Вы говорите, что цесарь и король Испанскій для своего избранія даютъ вамъ казну большую, да еще на много лѣтъ; но государь нашъ хочетъ быть королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ не для своего прибытка и чести, а только для покоя христіанскаго, для избавленія и расширенія этимъ государствамъ. Приводитъ государь нашъ то себѣ на память, что давно уже Московское государство и корона Польская, и великое княжество Литовское между собою въ непріятельствѣ, и кровь христіанская съ обѣихъ сторонъ лилась: такъ его бы государскимъ смотрѣньемъ кровь литься перестала и были бы христіане въ покоѣ; а вы на такое государя нашего радѣнье о покоѣ христіанскомъ не смотрите, указываете на цесареву и на Испанскаго короля казну. Ваша воля, если вамъ деньги христіанскаго покоя лучше. А государю нашему ваши государства зачѣмъ покупать? Съ Божіею помощью государь нашъ сидитъ на своихъ государствахъ. Государь нашъ хочетъ, чтобъ между всѣми христіанами утвержденъ былъ покой, и стоять бы всѣмъ христіанамъ на бусурманъ заодно; но если вы говорите, что государь нашъ долженъ дать свою казну, долженъ велѣть биться съ тѣми людьми, которые не захотятъ его выбрать, то, значитъ, онъ долженъ воздвигнуть еще больше кровопролитія между христіанами, а не покой христіанамъ сдѣлать". Паны отвѣчали: „По всѣмъ этимъ статьямъ, которыя между нами въ разговорѣ были, государю вашему у насъ на государствѣ быть нельзя". Тогда послы, исполняя наказъ, объявили, что царь, если не можетъ быть избранъ самъ, желаетъ избранія эрцгерцога Максимиліана. На это паны отвѣчали: „Непригоже государю вашему, да и вамъ государя намъ указывать; знаете сами, что мы ни по чьему указу государя себѣ не выбираемъ; выбираемъ, кого намъ Богъ укажетъ по нашимъ вольностямъ". На второмъ съѣздѣ паны опять начали дѣло о деньгахъ, спросили: „Дастъ ли имъ государь на скорую оборону 200,000 рублей, безъ чего объ избраніи Ѳеодора говорить нельзя". Послы отвѣчали, что государь государства не покупаетъ; но если будетъ избранъ, то они, послы, занявши, дадутъ до 60,000 золотыхъ польскихъ. Паны возразили, что этого мало; послы прибавили до 100,000; паны не согласились и на это; они говорили: „Царь обѣщаетъ давать шляхтѣ землю по Дону и Донцу; но въ такихъ пустыхъ мѣстахъ какая имъ прибыль будетъ? да далеко имъ туда и ѣздить. У насъ за Кіевомъ такихъ и своихъ земель много. Какъ вамъ не стыдно о такихъ земляхъ въ артикулахъ писать! Будетъ ли государь давать нашимъ людямъ земли въ Московскомъ государствѣ, въ Смоленскѣ и Сѣверскихъ

городахъ?“ Послы отвѣчали: „Чья къ государю нашему служба дойдетъ, того государь воленъ жаловать вотчиною и въ Московскомъ государствѣ“. Паны спрашивали: „Заплатитъ ли государь войску долги королей Сигизмунда-Августа и Стефана?“ Послы отвѣчали, что государь заплатитъ за одного Стефана что̀ пригоже, но за Сигизмунда-Августа платить не будетъ. Паны говорили: „Что̀ эта за вольность, что нашимъ людямъ къ вамъ ѣздить вольно, а вашимъ людямъ къ намъ ѣздить можно только съ доклада государя? Но если государь вашъ не позволитъ никому ѣздить, то ѣздить и не станутъ.“ Паны говорили долго, чтобъ было вольно ѣздить людямъ съ обѣихъ сторонъ, какъ захотятъ; но послы имъ рѣшительно въ этомъ отказали: „У васъ“, говорили они,—„въ вашихъ государствахъ людямъ вольность ѣздить во всѣ государства; а въ Московскомъ государствѣ того въ обычаѣ не живетъ, что безъ государева повелѣнья ѣздить по своей волѣ, и впредь тому быть непригоже, о томъ вамъ много говорить не надобно“. Между тѣмъ шли споры между панами духовными и свѣтскими, приверженцами Максимиліана, Сигизмунда и Θеодора. Кардиналъ Радзивилъ говорилъ, что „избраніе Московскаго царя очень выгодно для республики, но препятствіемъ непреодолимымъ служитъ религія. Притомъ это наслѣдственный врагъ нашего народа: недостойно было бы намъ непріятеля взять въ государи. Опричнина его также была бы намъ тяжела. Если при покойномъ королѣ намъ тяжелы были нѣсколько сотъ гайдуковъ, то опричнина будетъ еще тягостнѣе. Но, что̀ всего важнѣе, Московскій не способенъ къ правленію, не имѣетъ достаточнаго къ тому разума“. Христофъ Зборовскій также указывалъ на неспособность Θеодора, выставлялъ сомнѣнія—будутъ ли исполнены обѣщанія. „Помоему невозможное дѣло“, говорилъ онъ,—„чтобъ этотъ гордый народъ Москвитяне, который придаетъ важность даже снятію шапки, могъ согласиться, чтобъ государство его было присоединено къ коронѣ,—скорѣе захотятъ они приставить Польшу къ Московскому государству, какъ рукавъ къ кафтану“. Приверженцы Θеодора возражали, что насчетъ умственныхъ способностей его ходятъ разные слухи, а дѣла его неразумія не показываютъ: онъ укротилъ внутренніе раздоры, что̀ гораздо труднѣе, чѣмъ вести удачно внѣшнія войны, какъ внутреннюю рану труднѣе вылѣчить, чѣмъ наружную. Плѣнныхъ выпустилъ безъ окупа: все это показываетъ въ немъ человѣка разумнаго и милосердаго. Особенно приверженцы Θеодора хвалили его за отпускъ плѣнныхъ безъ окупа.

Въ то время, какъ происходили эти споры и переговоры съ московскими послами, которые не вели ни къ чему рѣшительному, сторона австрійская, то-есть сторона Гурки и Зборовскихъ, слабѣла ежедневно и вслѣдствіе народнаго нерасположенія къ Австрійскому Дому, къ Нѣмцамъ, и вслѣдствіе явнаго стремленія вождей партіи къ мѣрамъ насильственнымъ, желанія рѣшить дѣло поскорѣе междоусобною битвою. Сильный ударъ нанесъ австрійской партіи примасъ королевства Карнковскій, открыто перешедши на сторону Замойскаго. Папскій нунцій и другіе члены австрійской партіи, видя затруднительность своего положенія, не разъ пытались помирить Зборовскихъ съ Замойскимъ, чтобы отвлечь послѣдняго отъ Сигизмунда; предлагали сдѣлку, обѣщали, что Максимиліанъ Австрійскій, ставши королемъ Польскимъ, женится на Аннѣ Шведской, сестрѣ Сигизмунда. Замойскій колебался, ибо самъ находился въ затруднительномъ положеніи: несмотря на то, что сильное большинство пановъ и шляхты было на его сторонѣ, денежныя средства его истощились; около Варшавы съѣстные припасы были страшно дороги, вслѣдствіе чего паны и шляхта, не имѣя возможности кормиться, разъѣзжались съ сейма; такимъ образомъ матеріальныя силы Замойскаго уменьшались, тогда какъ у Зборовскихъ было наемное войско, содержавшееся на австрійскія деньги. Въ одну ночь, когда Замойскій волновался тяжелыми мыслями о своемъ положеніи, о невозможности достать денегъ для удержанія своихъ приверженцевъ, а съ другой стороны, объ униженіи, о безотрадномъ будущемъ, въ случаѣ избранія Австрійца и торжества Зборовскихъ, которые во всякомъ случаѣ останутся на первомъ мѣстѣ при Максимиліанѣ,—вдругъ вошелъ къ нему примасъ Карнковскій и объявилъ, что медлить болѣе нечего, и что онъ готовъ провозгласить королемъ Сигизмунда. Замойскій согласился, и, 19-го августа (новаго стиля), Сигизмундъ былъ избранъ стороною Замойскаго; но сторона Зборовскихъ не согласилась уступить противникамъ и, 22 августа, превозгласила королемъ эрцгерцога Максимиліана. Литва не участвовала ни въ томъ, ни въ другомъ избраніи; по свидѣтельству современниковъ, не мало было и Поляковъ, которые оба избранія считали неправильными.

Вслѣдствіе этого разъединенія, къ московскимъ посламъ пріѣхали опять депутаты отъ пановъ и объявили, что Замойскій съ товарищами избрали Сигизмунда, а Литва вся и бо̀льшая половина Поляковъ хотятъ избрать Московскаго царя, но не могутъ превозгласить его, ибо не рѣшено еще дѣло объ условіяхъ избранія, и потому пусть послы объявятъ рѣшительно: приступитъ ли государь къ Римской вѣрѣ; можно ли ему пріѣхать въ 10 недѣль; какимъ обычаемъ государю титулъ свой описывать, ибо корона не можетъ быть подъ шапкою, которая называется царскою; дастъ ли государь сейчасъ же на скорую оборону 100,000 рублей. Послы отвѣчали, что на все это отвѣтъ данъ и другого не будетъ.

Этимъ отвѣтомъ дѣло было кончено съ Польшею, но не съ Литвою. Литовскіе паны послали сказать посламъ: „Замойскій выбралъ Шведскаго королевича, воевода Познанскій Гурка да Зборовскіе выбрали цесарева̀ брата; а мы всѣ, Литва и Поляковъ большая половина, хотимъ государя вашего, да стало дѣло за вѣрою и за пріѣздомъ, что

государь вашъ скоро не пріѣдетъ;—только-бъ намъ государя вашего пріѣздъ былъ вѣдомъ вскорѣ, и мы бы, избравши вашего государя, тотчасъ всѣ своими головами рушились къ Кракову и короны не дали бы ни Шведу, ни цесареву брату. Теперь намъ пріѣздъ государя вашего не вѣдомъ, и за этимъ да еще за вѣрою намъ государя вашего выбрать нельзя, а Шведа и цесарева брата мы также не выбрали, и впредь ихъ не хотимъ; элекцію мы разорвали и хотимъ назначить новый съѣздъ для избранія государя. Вѣчнаго мира теперь намъ съ вами заключить нельзя, потому что время коротко, да и насъ, пановъ-радъ, мало, многіе уже разъѣхались: заключимъ теперь перемиріе". Послы согласились, и заключено было перемиріе на 15 лѣтъ, причемъ каждое государство осталось при своемъ. Когда перемиріе было заключено, заѣхали къ посламъ па подворье воевода Виленскій Христофъ Радзивилъ да воевода Троцкій Янъ Глѣбовичъ, и говорили имъ тайно, выславши всѣхъ людей: „Черезъ пять недѣль будетъ у насъ, у Литвы, съѣздъ всѣмъ людямъ въ Вильнѣ, и у Поляковъ, которые Шведа и цесарева брата не выбирали, также съѣздъ будетъ; всѣ мы хотимъ того, чтобъ у насъ государемъ былъ вашъ царь; если же не будетъ у насъ вашъ государь, то развѣ потому только, что самъ не захочетъ. Вы теперь съ гонцомъ отпишите государю наскоро, что если онъ хочетъ быть у насъ государемъ, то прислалъ бы на съѣздъ въ Вильну гонца съ грамотами наскоро, а въ грамотахъ къ панамъ литовскимъ и ко всей Литовской Землѣ хвалилъ бы ихъ и благодарилъ, что они его себѣ государемъ выбрать хотѣли и имя его выставляли, и просилъ бы ихъ, чтобъ и впередъ такъ дѣлали. А о вѣрѣ бы написалъ такъ: вы бы меня на государство выбрали, а за вѣрою не останавливались; отъ Греческой вѣры отступить и къ Римской приступить мнѣ нельзя; а какъ меня на государство выберете, то я сейчасъ же отправлю посла своего къ папѣ съ прошеніемъ, чтобъ меня въ томъ не нудилъ. О пріѣздѣ своемъ написалъ бы государь, что будетъ послѣ того, какъ его провозгласятъ, черезъ три мѣсяца или немного позднѣе; да на скорую оборону далъ бы 100,000 рублей, и мы тотчасъ государя вашего обѣими землями выберемъ. О цесаревѣ же братѣ государь бы вашъ къ намъ не писалъ; если будетъ писать, то всѣхъ людей отъ себя отгонитъ; мы уже лучше приступимъ всѣ къ Шведу. Цесарева брата и помянуть у насъ никто не хочетъ, потому что онъ небогатый государь, да и весь въ долгахъ; а цесарь, братъ его, и самъ долженъ, и дань даетъ Турскому султану; и какъ только цесаревъ братъ у насъ на государствѣ будетъ, то онъ тотчасъ захочетъ богатѣть и долги платить, а все это станетъ съ насъ лупить. Захочетъ съ Турскимъ воевать,—все съ насъ же сбирать станетъ; а своего ему на войну дать нечего; мало ли что сулитъ, чтобъ только его выбрали, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего. Да и потому цесарева брата не хотимъ: которыя государства поддались цесарю, и онъ у нихъ всѣ права поломалъ, и дань на нихъ наложилъ такую, что стянуть нельзя. У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслитъ, и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи? Если уже государь вашъ не захочетъ у насъ быть на государствѣ, то написалъ бы въ грамотахъ, чтобъ мы выбрали себѣ государя изъ своего народа, что у насъ слыветъ П я с т ъ: это нашимъ людямъ всѣмъ будетъ любо. Да и то у насъ, у Литвы, есть въ разговорахъ,—если Поляки съ нами на избраніе вашего государя не согласятся, то мы—Литва, Кіевъ, Волынь, Подолье, Подляшье и Мазовія—хотимъ отъ Польши отодраться: такъ государь вашъ насъ возьметъ ли и на одной Литвѣ безъ Польши у насъ государемъ будетъ ли, и за насъ своею силою станетъ ли?"

Съ отвѣтомъ на этотъ важный вопросъ отправленъ былъ въ Литву дворянинъ Ржевскій, который повезъ также богатые подарки для каждаго пана, цѣною на 20,000 нынѣшнихъ рублей. Въ грамотѣ своей къ панамъ царь писалъ: „Мы у васъ государемъ быть хотимъ; только намъ теперь къ вамъ ѣхать нельзя, потому что вы себѣ не одного государя выбрали, и многіе хотятъ того, чему статься нельзя, чтобъ мы, оставя свою истинную православную христіанскую вѣру, пристали къ Римской вѣрѣ; сами подумайте, какъ этому можно статься? А если Богъ дастъ впередъ, какъ намъ будетъ время, то мы къ вамъ ѣхать хотимъ". По тайному наказу, Ржевскій долженъ былъ сказать панамъ: „Только возьмите себѣ въ государи нашего государя и будьте подъ его царскою рукою, а всѣмъ управляйте сами въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ по своимъ правамъ и вольностямъ. А потомъ государь нашъ, когда разсмотритъ васъ и вашу къ себѣ ласку увидитъ, а вы государскую милость къ себѣ увидите, то государь поѣдетъ къ вамъ короноваться по своей государской волѣ, какъ ему время будетъ; короноваться ему по Греческому закону, а къ Римской вѣрѣ приступить и помыслить ему нельзя. Надобно будетъ вамъ теперь на скорую оборону денегъ, то, какъ скоро выберете нашего государя, онъ дастъ вамъ русскими деньгами до 70,000 рублей, а польскими золотыми до 230,000". Паны отвѣчали на это, что царь не можетъ быть королемъ безъ принятія Римской вѣры: „Государь вашъ", говорили они Ржевскому,—„самъ порвалъ дѣло тѣмъ, что писалъ въ своихъ грамотахъ; у насъ никогда не бывало, чтобъ король короновался по Греческому закону; хотя бы мы всѣ паны радные на это согласились, то архіепископы и епископы никакъ не согласятся, а видите и сами, что у насъ въ радѣ они большіе люди и стоятъ крѣпко за то, чтобъ король у нихъ былъ Римской вѣры, и никому противъ нихъ въ томъ устоять нельзя; государю вашему вовсе не надобно было писать въ грамотахъ, что ему короноваться по Греческому закону". Ржевскій доносилъ, что государево жалованье паны приняли съ

большою благодарностію, много челомъ били и обѣщали заслужить за него государю; не взялъ соболей одинъ Николай Христофъ Радзивилъ, сказавши, что далъ Богу обѣщаніе не брать даровъ ни у котораго государя. Но, и отпустивши Ржевскаго съ рѣшительнымъ отказомъ, литовскіе паны велѣли везти его тихо, все поджидая вѣстей изъ Польши, и велѣли везти не мѣшкая только тогда, какъ узнали, что Сигизмундъ уже короновался [1]).

Паны литовскіе имѣли право медлить и ждать вѣстей изъ Польши, потому что оба соперника—Сигизмундъ и Максимиліанъ—не хотѣли уступить другъ другу безъ кровопролитія. Максимиліанъ приблизился къ Кракову, но принужденъ былъ отступить, послѣ неудачной попытки овладѣть городомъ. Сигизмундъ безпрепятственно вступилъ въ Краковъ и короновался; Замойскій двинулся за удалившимся Максимиліаномъ, и, при Бычинѣ, въ Силезіи, взялъ его въ плѣнъ, послѣ кровопролитнаго сраженія. Такъ исполнились, повидимому, замыслы Замойскаго, грозившіе бѣдою Москвѣ. Но у Замойскаго была одна судьба съ Баторіемъ. Стремленія Баторія шли наперекоръ всей исторіи того государства, гдѣ онъ призванъ былъ царствовать; стремленія Замойскаго шли наперекоръ великому движенію, господствовавшему тогда во всей Европѣ, и понятно, что дѣло знаменитаго канцлера и гетмана обратилось немедленно противъ него самого. Замойскій надѣялся, что, при соединеніи двухъ могущественныхъ государствъ, Польши и Швеціи, „Сигизмундъ если не всѣмъ Московскимъ государствомъ овладѣетъ, то, по меньшей мѣрѣ, возьметъ Псковъ и Смоленскъ, а военными кораблями шведскими загородитъ морскую дорогу въ Бѣлое море, отчего Московскому государству великій убытокъ будетъ“. Но на первомъ планѣ тогда въ Европѣ было религіозное движеніе. Новый король Польскій, наслѣдный принцъ Шведскій, долженствовавшій поэтому соединить оба государства подъ одною державою, былъ, подобно Фердинанду II Австрійскому, вполнѣ человѣкъ своего времени, человѣкъ, которымъ господствующій интересъ времени владѣлъ неограниченно. Сигизмундъ былъ ревностный католикъ и хотѣлъ доставить торжество своему исповѣданію всюду, во что бы то ни стало: всѣ поступки его естественно и необходимо вытекали изъ того положенія, въ какое онъ, по убѣжденіямъ своимъ, поставилъ себя относительно господствующаго интереса времени. Какъ ревностный католикъ, Сигизмундъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей католическаго противодѣйствія и потому сильно сочувствовалъ учрежденію, имѣвшему цѣлію торжество католицизма надъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, сильно сочувствовалъ іезуитамъ, подчинялся ихъ внушеніямъ. Будучи похожъ на Фердинанда II и нисколько не похожъ на Генриха IV Французскаго, Сигизмундъ не былъ способенъ къ сдѣлкамъ въ дѣлѣ вѣры: ставши королемъ Шведскимъ, онъ не хотѣлъ позволить, чтобъ въ Швеціи господствовалъ протестантизмъ, вслѣдствіе этого потерялъ отцовскій престолъ и, вмѣсто соединенія, произвелъ ожесточенную борьбу между Швеціею и Польшею; такъ же точно потомъ онъ не могъ позволить сыну своему, Владиславу, принять православіе—итѣмъ самымъ заставилъ жителей Московскаго государства встать, какъ одинъ человѣкъ, противъ Поляковъ; въ областяхъ польскихъ и литовскихъ онъ не могъ быть равнодушенъ относительно диссидентовъ и, поддерживая унію, приготовилъ отпаденіе Малороссіи. Въ отношеніи къ западнымъ сосѣдямъ онъ не могъ не сочувствовать католическимъ стремленіямъ Австрійскаго Дома, и потому изъ соперника немедленно сдѣлался ему другомъ и союзникомъ. Такъ жестоко обмануты были всѣ надежды Замойскаго.

Въ Москвѣ скоро могли увѣриться въ разрушеніи замысловъ Замойскаго и освободиться отъ страха, который внушало сначала избраніе Шведскаго королевича на Польскій престолъ. Подъячій Андрей Ивановъ, отправленный въ Литву для вѣстей, писалъ, что новаго короля Сигизмунда держатъ ни за что, потому что промыслу въ немъ нѣтъ никакого: и неразумнымъ его ставятъ, и Землею его не любятъ, потому что отъ него Землѣ прибыли нѣтъ никакой,—владѣютъ всѣмъ паны. Нужно было ласкать этихъ пановъ, особенно литовскихъ, и Годуновъ писалъ къ самому могущественному изъ нихъ, Виленскому воеводѣ Христофу Радзивилу: „Вѣдомо тебѣ, брату нашему любительному, что я, будучи у великаго государя въ ближней Думѣ, всегда радѣю, и съ братьями своими, со всѣми боярами, мудрыми думами мыслимъ и промышляемъ и государя всегда на то наводимъ, чтобъ между нимъ и вашимъ государемъ была любовь. Послалъ я къ тебѣ отъ своей любви поминокъ, платно—казильбашское (персидское) дѣло, а прислалъ ко мнѣ это платно въ поминкахъ Персидскій Аббасъ шахъ съ своего плеча“. Потомъ Годуновъ писалъ къ Радзивилу, что за его, Борисовымъ, челобитьемъ съ литовскихъ купцовъ пошлинъ въ Москвѣ не брали и, благодаря ему же, опалы на нихъ не положено за то, что они подрались съ приказными людьми.

Всего важнѣе для Москвы было то, чтобъ Польша и Литва не дѣйствовали заодно съ Швеціею, война съ которою считалась необходимостію: Баторію при Іоаннѣ уступлена была спорная Ливонія; но въ рукахъ у Шведовъ остались извѣчные русскіе города, возвратить которые требовала честь государственная. Въ началѣ царствованія Ѳеодора, при жизни Баторія, о войнѣ съ Швеціею думать было нельзя, ибо съ часа-на-часъ ждали разрыва съ Литвою. Эстонскій намѣстникъ, извѣстный Делагарди, узнавъ о смерти Грознаго, спрашивалъ у Новгородскаго воеводы, князя Скопина-Шуйскаго, будетъ ли соблюдаться Плюсскій договоръ, заключенный при покойномъ царѣ, и пріѣдутъ ли московскіе послы

[1]) Дѣла польскія, № 15—19; Histor. Russ. Monum. II, № XV и XVI. Памятн. дипломат. снош., стр. 933.

въ Стокгольмъ для заключенія вѣчнаго мира. Делагарди прислалъ и опасныя грамоты на пословъ. Требованіе, чтобъ московскіе послы ѣхали въ Стокгольмъ, было большимъ оскорбленіемъ для Московскаго правительства, не привыкшаго соблюдать даже и равенства въ сношеніяхъ съ Шведскимъ; притомъ въ письмѣ Делагарди титулъ царскій былъ написанъ не такъ, а король названъ великимъ княземъ Ижорскимъ и Шелонской пятины въ Землѣ Русской. Не получая долго отвѣта, Делагарди прислалъ вторую грамоту, снова приглашая московскихъ пословъ пріѣхать въ Швецію. На эту грамоту отвѣчалъ ему второй Новгородскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій: „Ты пришлецъ въ Шведской Землѣ, старыхъ обычаевъ государскихъ не вѣдаешь, какъ отецъ государя вашего ссылался съ новгородскими намѣстниками. Государю нашему опасныя королевскія грамоты на пословъ не надобны,—то дѣло непригожее, и я эту опасную грамоту отослалъ съ твоимъ же гончикомъ назадъ. А что ты писалъ государя нашего титулъ не попригожу, такъ это потому, что ты при государяхъ не живалъ, государя нашего титула и не знаешь, какъ его описывать“. Делагарди обидѣлся этимъ отвѣтомъ, обидѣлся и тѣмъ, что отвѣчалъ ему не первый Новгородскій воевода, а второй, и потому писалъ къ Скопину-Шуйскому: „Я всегда былъ такой же, какъ ты, если только не лучше тебя“; а къ Лобанову-Ростовскому писалъ: „Вы все стоите въ своемъ великомъ русскомъ безумномъ невѣжествѣ и гордости; а пригоже было бы вамъ это оставить, потому что прибыли вамъ отъ этого мало. Будь тебѣ вѣдомо, что я издавна въ здѣшнемъ высокохвальномъ государствѣ Шведскомъ не иноземецъ, и не называютъ меня иноземцемъ. Пишешь, что нѣкоторое время я не былъ при Дворѣ своего государя,—это правда: думаю, что объ этомъ узналъ твой государь и ты, и другіе его подданные потому, что я ходилъ съ шведскою ратью въ вашей Землѣ и ее воевалъ. Знай, что мой король никакъ не пошлетъ своихъ пословъ въ Землю твоего государя до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла постановятся и совершатся на рубежѣ“.

Переговоровъ на рубежѣ требовалъ и самъ король Іоаннъ въ грамотѣ къ царю; но и эта королевская грамота заключала въ себѣ также оскорбленіе Ѳеодора, потому что король не удержался, чтобъ не высказать своей ненависти къ отцу Ѳеодорову; онъ писалъ: „Отецъ твой владѣлъ своею Землею и подданными своими немилостиво, съ кровопролитіемъ, и сосѣдъ онъ былъ лихой и неспокойный“. Ѳеодоръ отвѣчалъ: „Намъ было непригоже отпустить къ тебѣ твоего гонца,—на гонцовъ, которые съ такими укорительными словами пріѣзжаютъ, вездѣ опалы кладутъ. Но мы государи христіанскіе, за челобитьемъ бояръ своихъ, для своего милостиваго христіанскаго обычая, на твоего гонца никакой опалы не положили. Мы твоему гонцу нашихъ царскихъ очей видѣть не велѣли, потому что онъ съ такою грамотою пріѣхалъ: въ грамотѣ написаны укоры нашему отцу, чего нигдѣ не слыхано. А что ты писалъ, чтобъ намъ пословъ своихъ послать на съѣздъ, и намъ мимо прежнихъ обычаевъ и за такія твои слова пословъ своихъ посылать было непригоже; но для своего царскаго милосердаго обычая, по челобитью бояръ, мы пословъ своихъ на съѣздъ отправить велѣли“.

Въ октябрѣ 1585 года бояринъ князь Ѳеодоръ Шестуновъ, и думный дворянинъ Игнатій Татищевъ съѣхались на устьи Плюсы, близъ Нарвы, съ шведскими сановниками, Класомъ Тоттомъ и Делагарди. Не имѣя возможности начать войну, Московское правительство наказало своимъ посламъ не разрывать мира ни подъ какимъ видомъ; требовать сначала возвращенія русскихъ городовъ даромъ и, если не согласятся, предложить за нихъ деньги, именно за Ивань-городъ, Яму, Копорье и Корелу 15,000 рублей. Если шведскіе послы непремѣнно будутъ требовать, чтобъ царь писалъ себѣ короля братомъ, то, по конечной неволѣ, согласиться и на это; если же Ивань-города отдать не захотятъ, то помириться и безъ него, давши за три другіе города 6,000 рублей. На требованіе московскихъ пословъ возвратить города даромъ, Шведы отвѣчали: „Гдѣ слыхано, чтобъ города отдавать даромъ?—отдаютъ яблоки да груши, а не города. Если отдавать города, то лучше отдать ихъ Литовскому: онъ присылалъ просить у нашего государя съ большимъ челобитьемъ и денегъ даетъ за нихъ много, хочетъ помириться съ нашимъ государемъ вѣчнымъ миромъ и стоять заодно на вашего государя, да онъ же государю нашему въ свойствѣ“. Шведы требовали только за Яму и Копорье 400,000 рублей! Соглашались также мѣнять земли на земли: уступали Яму и Копорье, но требовали за нихъ Орѣшка или земель за Невою и Сумерскаго погоста; за вѣчный миръ съ братствомъ предлагали даже деньги, только чтобъ всѣ спорные города остались за ними. На это предложеніе московскіе послы отвѣчали: „Велѣно намъ говорить о городахъ Ивань-городѣ, Ямѣ, Копорьи, Корелѣ, чтобъ государь вашъ отдалъ государю нашему его вотчину, а государь нашъ христіанскій хочетъ монастыри и церкви христіанскіе воздвигнуть попрежнему, чтобъ имя Божіе славилось, потому что теперь всѣ эти мѣста разорены. Государь нашъ въ своей вотчинѣ, въ дальнихъ мѣстахъ на степи, по Дону и за Тихою Сосною, поставилъ 12 городовъ и въ нихъ воздвигъ монастыри и церкви; а были тѣ мѣста пусты лѣтъ по триста и по четыреста. А деньги государю нашему не надобны: много у нашего государя всякой царской казны и безъ вашего государя“.

Во время переговоровъ, Делагарди утонулъ при переѣздѣ черезъ Нарову. Шестуновъ и Татищевъ дали знать объ этомъ въ Москву, и получили отвѣтъ отъ царскаго имени: „Писали вы намъ, что Пунтусъ Делагарди утонулъ; сдѣлалось это Божьимъ милосердіемъ и великаго чудотворца Николы милостію“. Несмотря однако на то, что страшнаго

Делагарди не было болѣе, посламъ было предписано: давать за Ивань-городъ, Яму и Копорье до 15,000 рублей, и уже по конечной неволѣ заключить перемиріе безъ городовъ, только ни подъ какимъ видомъ не разрывать. Послы видѣли конечную неволю, ибо переговоры не вели ни къ чему, и, въ декабрѣ 1585 года, утвердили перемиріе на четыре года безо всякихъ уступокъ.

Сношенія возобновились лѣтомъ 1589 года опять бранчивою перепиской; король Іоаннъ писалъ Ѳеодору, что Русскіе вторгнулись въ шведскія владѣнія, жгли, грабили, били и мучили молодыхъ и старыхъ, что такимъ образомъ перемиріе нарушено со стороны царя, и онъ, король, съ воинскою силою стоитъ уже въ Ливоніи: если царь хочетъ мира, то пусть высылаетъ великихъ пословъ ко дню Св. Лаврентія; если же не хочетъ, то пусть знаетъ, что онъ, король, не будетъ держать своихъ воинскихъ людей безъ дѣла до перемирнаго срока. Царь отвѣчалъ: „Твоя грамота пришла къ намъ за день до Св. Лаврентія, 9-го августа. Мы грамоту твою выслушали и такому безмѣрному задору твоему подивились. Намъ было за такія твои гордыя слова и ссылаться съ тобою непригоже; да мы великіе государи христіанскіе для своего царскаго милосердаго обычая тебѣ объявляемъ". Отвергнувши извѣстіе о нападеніи Русскихъ на шведскія области и укоривши, въ свою очередь, Шведовъ за нападенія на московскія владѣнія, царь продолжаетъ: „Ты писалъ, что не хочешь ждать до срока мирнаго постановленія;—такихъ гордыхъ словъ тебѣ было писать непригоже. А у насъ у великихъ государей благочестивыхъ Русскихъ царей изначала ведется: гдѣ наши послы и посланники не только переговоры закрѣпятъ крестнымъ цѣлованіемъ, хотя гдѣ и слово молвятъ,—и то неизмѣнно бываетъ. Если ты начнешь до срока войну, то кровь будетъ на тебѣ, а наши рати противъ тебя готовы. А что ты писалъ о послахъ, и намъ было за такіе задоры и за такія твои гордыя письма ссылаться съ тобою непригоже: но мы государи христіанскіе, за челобитьемъ бояръ нашихъ и чтобъ разлитія крови христіанской не было, пословъ своихъ великихъ на съѣздъ, на рѣку Нарову, къ устью Плюсы-рѣки послали".

Эти послы были: окольничій князь Хворостининъ и казначей Черемисиновъ. Они получили наказъ: требовать Нарвы, Ивань-города, Ямы, Копорья, Корелы; за эти города заключить договоръ съ братствомъ и заплатить до 20,000 рублей, а безъ Нарвы давать только 15,000; заключить вѣчный миръ съ братствомъ даже за три города—Яму, Копорье и Корелу: если же Шведы будутъ уступать только два города, то не рѣшать дѣла безъ обсылки съ государемъ. Когда уже послы отправились и переслались съ шведскими послами насчетъ времени начатія переговоровъ, то получили новый царскій наказъ: „Говорить съ послами по большимъ, высокимъ мѣрамъ, а послѣдняя мѣра: въ государеву сторону Нарву, Ивань-городъ, Яму, Копорье, Корелу безъ накладу, безъ денегъ; если же не согласятся уступить этихъ городовъ безъ денегъ, то ничего не рѣшать безъ обсылки съ государемъ; если же согласятся, то заключить вѣчный миръ безъ братства". Дѣло, разумѣется, не уладилось. Шведскіе послы объявили, что они не уступятъ ни одной пяди земли, не только городовъ; Русскіе отвѣчали имъ: „Государю нашему, не отыскавъ своей отчины, городовъ Ливонской и Новгородской Земли, съ вашимъ государемъ для чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать намъ всѣ города, да и за подъемъ государю нашему заплатить, что онъ укажетъ".

Такая перемѣна происходила оттого, что Баторія уже не было болѣе, и хотя на престолѣ Польскомъ сидѣлъ сынъ Шведскаго короля, однако отношенія его къ подданнымъ нисколько не обѣщали тѣснаго союза между ними и Шведами. Въ Москву давали знать, что Сигизмундъ непроченъ въ своихъ государствахъ; что Литва, по крайней мѣрѣ, легко можетъ поддаться царю. Въ грамотѣ своей къ королю Іоанну Ѳеодоръ грозилъ союзомъ съ императоромъ Рудольфомъ, съ шахомъ Персидскимъ; прямо объявилъ, что Литовцы хотятъ ему поддаться. Іоаннъ отвѣчалъ: „Пришла къ намъ твоя грамота, писанная неподобно и гордо; мы на нее не хотимъ больше отвѣчать, а полагаемся на волю Божію. Ты пишешь, что ждешь помощи отъ императора и другихъ государей,—и мы рады, что теперь сталъ ты безсиленъ и ждешь отъ другихъ помощи. Увидимъ, какая помощь отъ нихъ тебѣ будетъ! Пишешь, что Литва хочетъ подъ твою руку поддаться: все это ложь! мы знаемъ подлинно, что Литва клятвы своей не нарушитъ. Знай, что мы оба, я и милый мой сынъ, можемъ нашихъ подданныхъ, которые намъ не прямятъ, унять, и тебѣ за великую твою гордость отомстить. Отецъ твой въ своей спесивости не хотѣлъ покориться, и земля его въ чужія руки пошла. Хочешь у насъ земель и городовъ — такъ попытайся отнять ихъ воинскою силою, а гордостію и спесивыми грамотами не возьмешь".

Въ Москвѣ рѣшили не упускать благопріятнаго времени и попытаться возвратить государеву отчину воинскою силою. Въ январѣ 1590 года многочисленное русское войско выступило къ шведскимъ границамъ; самъ царь находился при немъ; воеводами были: въ большомъ полку князь Ѳеодоръ Мстиславскій, занимавшій послѣ ссылки отца первое мѣсто между боярами; въ передовомъ полку—князь Димитрій Хворостининъ, считавшійся лучшимъ полководцемъ [1]); при царѣ, въ званіи дворовыхъ или ближнихъ воеводъ, находились—Борисъ Годуновъ и Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Яма была взята; двадцатитысячный шведскій отрядъ, подъ начальствомъ Густава Банера, былъ разбитъ княземъ Хворостининымъ близъ Нарвы; несмотря на неудачный приступъ къ Нарвѣ, отбитый съ боль-

[1]) По свидѣтельству Флетчера.—По разрядамъ Хворостининъ былъ вторымъ воеводою въ передовомъ полку, а первымъ князь Катыревъ-Ростовскій.

стою для русскихъ потерею, Шведы видѣли невозможность продолжать съ успѣхомъ войну, и 25 февраля заключили перемиріе на одинъ годъ, уступивъ царю Яму, Ивань-городъ и Копорье, обѣщая уступить и больше на будущемъ съѣздѣ посольскомъ. Съѣздъ не повелъ ни къ чему, потому что Шведы уступали Корельскую область, но Русскіе не хотѣли мириться безъ Нарвы. Военныя дѣйствія однако кончились на этотъ разъ неудачною осадою Ивань-города Шведами. Московское правительство не рѣшалось предпринимать новаго похода: приступъ къ Нарвѣ показалъ, что осада большихъ крѣпостей не можетъ обѣщать вѣрнаго успѣха; а правитель Годуновъ, по характеру своему, всего менѣе былъ способенъ прельщаться предпріятіями, не обѣщавшими вѣрнаго успѣха; съ другой стороны, несмотря на все нежеланіе Литвы заступаться за Швецію и нарушать перемиріе съ Москвою, нельзя было надѣяться, что Сигизмундъ Польскій останется долго спокойнымъ зрителемъ успѣховъ Москвы въ войнѣ съ отцомъ его; Швеція одна не казалась опасною; отъ нея нетрудно было получить желаемое, да и немногаго отъ нея требовалось; чего наиболѣе должны были желать въ Москвѣ—удачнаго похода,—этого достигли; и Швеціи, и Польшѣ, а главное—Литвѣ, было показано, что Москва теперь не старая и не боится поднять оружія противъ побѣдителей Грознаго, и царь, котораго называли неспособнымъ, водитъ самъ полки свои; до сихъ поръ приверженцы Ѳеодора въ Польшѣ и Литвѣ могли указывать только на успѣхи его внутренняго управленія, теперь могли указывать и на успѣхъ воинскій, а усилить приверженцевъ государя Московскаго въ Литвѣ было важнѣе всего при томъ смутномъ состояніи, въ которомъ находились владѣнія Сигизмунда III. Въ Москву дали знать, что Крымцы повоевали Литву, а Сигизмундъ поѣхалъ къ отцу и не возвратится въ Польшу; тогда рѣшили послать панамъ грамоты, припомянуть о соединеньи, да и вѣстей провѣдать; посланы были грамоты отъ князя Мстиславскаго къ кардиналу Радзивилу, отъ Бориса Годунова къ воеводѣ Виленскому Радзивилу, отъ Ѳеодора Никитича Романова къ воеводѣ Троцкому, Яну Глѣбовичу. Бояре извѣщали пановъ: что ханъ снова хочетъ идти на Литву, приглашалъ и царя воевать ее, но царь не согласился; что необходимо соединиться Литвѣ съ Москвою противъ невѣрныхъ. Но эта задирка не повела ни къ чему: паны благодарили за доброе расположеніе къ нимъ царя, но прибавили, что, по вѣстямъ изъ Крыма, самъ царь поднимаетъ хана на Литву. Въ то же время Московское правительство должно было двинуть войско къ Чернигову и требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную ему, впрочемъ, безъ вѣдома Польско-литовскаго правительства. И твердый Баторій принужденъ былъ горько жаловаться на своевольство Запорожцевъ, которыхъ онъ величалъ разбойниками: въ 1585 году они посадили въ воду Глембоцкаго, котораго онъ послалъ уговаривать ихъ, чтобъ не тревожили Крымскаго хана, не нарушали договоровъ, съ нимъ заключенныхъ [1]). Понятно, что своевольство казаковъ не могло укротиться по смерти Баторія: собравшись изъ Канева, Черкасъ, Переяславля, они явились передъ Воронежемъ, объявивъ тамошнему воеводѣ, что пришли стоять заодно противъ Татаръ съ Донскими казаками; воевода повѣрилъ, давалъ имъ кормъ и поставилъ ихъ въ острогѣ у посада; но казаки ночью зажгли городъ и побили много людей. На жалобу Московскаго правительства, Кіевскій воевода князь Острожскій отвѣчалъ: „Писали паны радные къ князю Александру Вишневецкому, велѣли ему схватить атамана Запорожскаго, Потребацкаго, съ товарищами, которые сожгли Воронежъ; паны грозили Вишневецкому, что если онъ казаковъ не переловитъ, то поплатится головою, потому что они ведутъ къ размирью съ государемъ Московскимъ. Вишневецкій Потребацкаго схватилъ и съ нимъ 70 человѣкъ казаковъ.

Осенью 1590 года въ Москву дали знать, что ѣдутъ послы Сигизмундовы—Станиславъ Радоминскій и Гаврила Война; затѣмъ пришло извѣстіе изъ Смоленска о странномъ поведеніи пословъ: побывъ немного въ этомъ городѣ, они вдругъ вернулись назадъ. Смоленскій воевода Траханіотовъ послалъ сына боярскаго Андрея Дѣдѣвшина [2]) сказать имъ, что никогда такъ не водилось — не бывши посламъ у государя, возвратиться назадъ, и почему они возвращаются? Послы отвѣчали: „Отъ прежнихъ королей Литовскихъ къ вашимъ государямъ послы хаживали, а такого безчестья имъ не бывало: съ-голоду насъ поморили, корму намъ не даютъ, поставили насъ съ стрѣльцами, и мы ныньче стали не послы, а плѣнники, приставы насъ безчестятъ. И мы идемъ назадъ; мы хотимъ съ вами биться за такое безчестье; побьемъ мы васъ и пройдемъ назадъ,—укору намъ въ томъ не будетъ; а вы насъ побьете, то во всѣхъ земляхъ отзовется, что московскіе люди побили пословъ". — Воевода назадъ ихъ не пустилъ, но и своимъ дѣтямъ боярскимъ биться съ ними не велѣлъ. Послы пробили булавами головы двоимъ дѣтямъ боярскимъ; но когда наѣхали стрѣльцы и казаки, то Радоминскій и Война, увидѣвъ многихъ людей, возвратились, только въ отведенную имъ Богданову околицу не поѣхали, а стали на лугу въ шатрахъ, корму отъ приставовъ не брали, а послали людей своихъ по деревнямъ брать кормъ силою, и эти люди ихъ начали жечь изгороди и ломать мельницы. Въ Можайскѣ собирали для нихъ кормъ губные старосты и городовой приказчикъ. Годуновъ, не упускавшій случая выставить себя съ выгодной стороны, заискать расположеніе иностранцевъ, послалъ отъ себя кормъ на Вязьму, въ свое село Никольское, и приставъ долженъ былъ сказать посламъ: „Надоб-

---

[1]) Zrzodla do dz. Polsk. Grabowsk. t. I p. 69.

[2]) Это тотъ самый Дѣдѣвшинъ, по измѣнѣ котораго Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ въ 1611 году; его еще прежде видимъ въ свитѣ москов. посла кн. Троекурова къ Баторію.

*

но было вамъ стоять на Вязьмѣ, а тутъ деревни въ сторонѣ отъ дороги, и дворцы худы, по боярскимъ селамъ у великихъ людей не ставятся; но вотъ ко мнѣ указъ пришелъ отъ конюшаго боярина, велитъ намъ съ вами стоять въ своемъ селѣ на Вязьмѣ; дѣлаетъ онъ это, желая между великими государями любовь братскую видѣть, а вамъ, великимъ посламъ, почесть оказывая".

Чего особенно не желали въ Москвѣ, то и случилось: послы объявили, что царь нарушилъ перемиріе, взявши шведскіе города, и долженъ возвратить ихъ. Бояре отвѣчали, что государь такихъ безмѣрныхъ рѣчей и слушать не захотѣлъ. Бояре выставляли на видъ, что царь, вслѣдствіе челобитья пановъ, велѣлъ двинуть войско въ сѣверскіе города на помощь Польшѣ противъ Турокъ; послы отвѣчали, что король и они объ этомъ ничего не знаютъ. Мѣсяца два толковали объ условіяхъ вѣчнаго мира: послы просили Смоленска, потомъ просили хотя какой-нибудь уступки: „Хотя бы одну деревню государь вашъ уступилъ нашему; а то какъ ничѣмъ не потѣшить на докончанье?" Бояре отвѣчали: „Деревня дѣло пустое, нашимъ братьямъ можно уступать другъ другу деревни для любви; но великимъ государямъ не деревня дорога́, дороги государское имя да честь; какъ государю нашему отдавать отъ любви и отъ соединенья города?—государю нашему не только города не давать, и деревни". Насчетъ вѣчнаго мира согласиться не могли, большое затрудненіе и для заключенія перемирія представляли отношенія шведскія: Московское правительство хотѣло получить отъ Швеціи Нарву; Польское, поставившее условіемъ избранія Сигизмундова присоединеніе Эстоніи къ Польшѣ, никакъ на это не соглашалось. 1-го января 1591 года государь велѣлъ быть у себя на соборѣ духовенству, всѣмъ боярамъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ, и говорилъ, что послы безъ Нарвы никакъ перемирья закрѣпить не хотятъ, а Шведскій передъ государемъ ни въ чемъ не исправится. И только теперь на Шведскаго послать войско, а съ Литовскимъ перемирья не закрѣпить, то Литовскій Шведскому станетъ помогать, и въ томъ государеву дѣлу и земскому, надобно думать, будетъ неприбыльно. И приговорилъ государь съ соборомъ, чтобъ теперь Нарвы не писать въ обѣихъ перемирныхъ грамотахъ, ни въ государеву сторону, ни въ королевскую; да написать о Нарвѣ боярамъ съ послами договорныя записи: съ обѣихъ сторонъ не воевать и города не доступать, пока государевы послы будутъ у короля и о немъ договорятся. Заключено было перемиріе на 12 лѣтъ; послы требовали, чтобъ царь не воевалъ съ Швеціею, и царь согласился не воевать съ нею годъ; согласился въ продолженіи всѣхъ 12 перемирныхъ лѣтъ не трогать, кромѣ Нарвы, тѣхъ городовъ ливонскихъ, которые теперь за Шведскимъ, но которые Шведскій уступаетъ коронѣ Польской. Въ заключеніе бояре говорили посламъ: „Написано въ перемирныхъ грамотахъ: татя, бѣглеца, холопа, рабу, должника, по исправѣ, выдать; это пишется изстари, а не соблюдается, бѣглецовъ никогда не выдаютъ съ обѣихъ сторонъ, и этого слова въ грамотахъ теперь не писать бы." Послы отвѣчали: „Это слово старинное, отставить намъ его нельзя; вѣдь это не тѣ бѣглецы, что отъѣзжаютъ отъ государя къ государю,—бываютъ бѣглецы по украйнамъ, которые живутъ близъ рубежа, отъ шляхты и отъ дѣтей боярскихъ бѣгаютъ мужики своровавши, да, перешедъ за рубежъ, живутъ невдалекѣ, и такихъ, сыскивая, отдаютъ".

Послы Сигизмундовы выговорили, чтобъ царь цѣлый годъ не воевалъ съ королемъ Шведскимъ; но не успѣли они еще выѣхать изъ Московскаго государства, какъ Іоаннъ, въ надеждѣ на союзъ съ Крымскимъ ханомъ, велѣлъ своимъ воеводамъ возобновить военныя дѣйствія. Зимою Шведы пожгли села близъ Ямы и Копорья; лѣтомъ выслана была противъ нихъ рать — въ большомъ полку воевода Петръ Никитичъ Шереметевъ, въ передовомъ—князь Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій. Этотъ передовой полкъ былъ разбитъ, Долгорукій попался въ плѣнъ; съ другой стороны, Шведы напали на берега Бѣлаго моря, но здѣсь не имѣли успѣха. А между тѣмъ великіе московскіе послы—Салтыковъ и Татищевъ—отправились въ Литву взять съ Сигизмунда клятву въ ненарушеніи перемирія, ибо всего больше боялись имѣть въ одно время дѣло и съ Польшею, и съ Швеціею. Посламъ данъ былъ наказъ: о кормѣ съ приставами не браниться, говорить гладко: объявить, что, несмотря на дурное поведеніе польскихъ пословъ въ Смоленскѣ, по ихъ жалобѣ, для Сигизмунда короля, государь велѣлъ приставовъ посадить въ тюрьму, а воеводу съ Смоленска свелъ и опалу на него положилъ. Наказано было: беречь накрѣпко, чтобъ король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножье, и не мимо креста, и не носомъ. Въ тайномъ наказѣ говорилось: „Если захотятъ Нарву писать въ королевскую сторону, то, по самой конечной неволѣ, давать за Нарву до 20 и 30,000, а по самой неволѣ и до 50,000 золотыхъ венгерскихъ, только бы перемирье закрѣпить и Нарву написать въ государеву сторону; а по самой конечной неволѣ написать, что и Нарву государю не воевать во всѣ перемирныя 12 лѣтъ". Съ послами отправлены были въ запасъ двѣ опасныя грамоты на случай, если какіе-нибудь именитые люди изъ Польши или изъ Литвы захотятъ отъѣхать на государево имя. Въ грамотахъ говорилось: „Какъ у насъ будешь, и мы тебя пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ, устроить велимъ помѣстьемъ и вотчиною и денежнымъ жалованьемъ по твоему достоинству". Послана была опасная грамота и на доктора, который захочетъ ѣхать къ государю; въ ней заключалось то же обѣщаніе и, кромѣ того, обѣщался свободный выѣздъ назадъ. Наконецъ посламъ велѣно было жаловаться на Малороссійскихъ казаковъ (Черкасъ), которые въ степи побиваютъ и въ плѣнъ берутъ мо-

сковскихъ станичниковъ и сторожевыхъ головъ, не даютъ наблюдать за Крымцами.

Салтыковъ и Татищевъ встрѣтили дурной пріемъ; ихъ задерживали на дорогѣ. Чтобъ узнать причину задержки, они напоили шляхтича, князя Лукомскаго, и тотъ проговорился, почему ихъ не пускаютъ: король живетъ въ Краковѣ, и Поляки миру не хотятъ, а литовскіе паны и шляхта миру рады, и хотятъ, чтобъ послы были у короля въ Литвѣ, а не въ Польшѣ. Изъ Варшавы послы доносили царю, что король искалъ причины разорвать перемиріе съ Москвою для отца своего, короля Шведскаго, и они, послы, по самой конечной неволѣ, дали договорную запись не посылать войска къ Нарвѣ во все продолженіе перемирія съ Польшею. Салтыковъ и Татищевъ настаивали, чтобъ сначала король подтвердилъ это перемиріе, а потомъ они поведутъ переговоры о тѣхъ дѣлахъ, которыя не были еще рѣшены въ Москвѣ. Но паны радные сказали имъ на это: „Мы знаемъ, для чего вы этого хотите; обманываете насъ, что̀ глупыхъ пташекъ,—одну поймавъ, послѣ и всѣхъ переловите. Мы вамъ говоримъ, что, не постановя о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ не договорено, перемирья государь самъ писать не велитъ и креста цѣловать не будетъ". Паны согласились писать Ѳеодора царемъ только тогда, когда онъ уступитъ королю Смоленскъ и Сѣверскую Землю. На предложеніе денегъ за Нарву паны отвѣчали: „Это не товаръ; государи великихъ городовъ не продаютъ; вотъ у вашего государя Псковъ и Смоленскъ; только-бъ ихъ продали,—и мы бы собрали съ своего государства деньги большія да за Псковъ и Смоленскъ дали".

Московское правительство обязалось не дѣйствовать противъ Нарвы; но это обязательство не препятствовало ему отомстить Шведамъ опустошеніемъ Финляндіи около Выборга и Або, зимою 1592 года. Въ ноябрѣ того же года умеръ король Іоаннъ; Сигизмундъ сталъ королемъ Шведскимъ, но не надолго: во время кратковременнаго пребыванія своего въ Швеціи для коронаціи, онъ возбудилъ противъ себя народъ явною враждебностію къ протестантизму, явнымъ нарушеніемъ условій, вытребованныхъ у него чинами передъ коронаціею. Когда Сигизмундъ возвратился въ Польшу, правителемъ Швеціи остался дядя его, Карлъ, который успѣлъ привлечь любовь народную поведеніемъ, противоположнымъ Сигизмундову. Король сильно охладѣлъ къ интересамъ протестантской, явно враждебной ему Швеціи; правитель былъ занятъ внутренними дѣлами, приготовленіями къ разрыву съ племянникомъ; это, разумѣется, заставляло обоихъ желать скорѣйшаго заключенія мира съ Москвою. Еще въ январѣ 1593 года заключено было двухлѣтнее перемиріе съ условіемъ, чтобъ каждый владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ. Послы московскіе, отправляемые въ Литву, давали знать государю, что Сигизмунда бояться нечего, несмотря на то, что онъ по имени король Шведскій. Посолъ Рязановъ, бывшій у короля въ 1592 г., доносилъ, что Сигизмунда не любятъ за женитьбу на Австрійской принцессѣ и за то, что несчастливъ: какъ началъ царствовать,—все голодъ да моръ; что его ссадятъ съ престола и всѣ рады видѣть королемъ царя; только паны боятся, что царь повыкупитъ у нихъ всѣ города королевскіе, и которая у нихъ шляхта теперь служитъ, та у нихъ служить не будетъ,—всѣ будутъ служить государю. Когда королевскій посолъ Хребтовичъ потребовалъ, чтобъ царь возвратилъ Сигизмунду города, взятые у Шведовъ, то бояре ему отвѣчали: „Ты своими безмѣрными рѣчами большое кроворазлитіе всчинаешь, мы идемъ къ государю, а слушать твоихъ словъ нечего,—говоришь бездѣлье, напрасно было тебѣ съ этимъ и пріѣзжать". Тогда Хребтовичъ объявилъ, что ему велѣно заключить перемиріе на томъ, что̀ за кѣмъ есть, и на то время, на какое заключено перемиріе съ Польшею. Но царь отвѣчалъ Сигизмунду, что относительно Швеціи будетъ держать перемиріе только на то время, на какое оно было заключено въ 1593 году, то-есть на два года.

Предъ истеченіемъ этого срока, въ концѣ 1594 г., шведскіе послы—Стенъ Баперъ, Горнъ, Бое, съѣхались съ московскими—княземъ Туренинымъ и Пушкинымъ на русской землѣ у Тявзина, близъ Ивань-города. Дѣло началось письменною перебранкою. Шведы грозили тѣмъ, что у нихъ теперь съ Польшею одинъ король; Туренинъ отвѣчалъ: „Хотя корона Польская и королевство Шведское и въ соединеньи будутъ, но намъ не страшно, да и писать вамъ про это съ угрозами къ намъ не годится". Шведскіе послы требовали опять тѣхъ городовъ, которые были взяты недавно при Ѳеодорѣ. Русскіе отвѣчали, чтобъ они оставили эти свои непригожія слова, отъ которыхъ многія крови движутся, и поискали бы въ себѣ дороги къ доброму дѣлу. Русскіе послы требовали сперва Нарвы и Корелы, но потомъ ограничились одною послѣднею. Когда Шведы упомянули, что въ Корелѣ ихъ правительствомъ сдѣланы большія укрѣпленія, которыя дорого стоили, то московскіе послы отвѣчали: „А вамъ кто велѣлъ чужое брать неправдою и, взявши, еще укрѣплять?—чужое сколько за собою ни держать и хотя золотымъ сдѣлать, а потомъ отдавать же съ кровію, да и своего прибавить". Шведы просили за Корелу денегъ и требовали разоренія Ивань-города: „и многія жестокія разговорныя слова о Корелѣ съ обѣихъ сторонъ были". Наконецъ Шведы отдали Корелу безъ денегъ. Начались переговоры о торговлѣ. Московскіе послы говорили: „Сотворилъ Богъ человѣка самовластна и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать; такъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ поморскихъ и нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, землею и моремъ задержки и неволи чинить непригоже". Шведскіе послы отвѣчали: „Мимо Ревеля и Выборга торговыхъ людей въ Ивань-городъ и Нарву съ ихъ товарами намъ не пропускать, потому что море наше и въ томъ мы вольны". Наконецъ уго-

ворились: для иностранныхъ купцовъ торговыя пристани будутъ только Выборгъ и Ревель; одни шведскіе подданные могутъ пріѣзжать въ Нарву, и торгу быть на Нарвской, а не на Ивань-городской сторонѣ. Между подданными обоихъ государствъ торговля вольная; путь чистъ черезъ шведскія владѣнія московскимъ посламъ въ другія государства и посламъ другихъ государствъ въ Москву. Шведы обязаны пропускать безъ задержки тѣхъ купцовъ, которые изъ иностранныхъ земель пойдутъ къ царю съ товарами, годными для его казны; обязаны пропускать также докторовъ, лѣкарей и всякихъ служилыхъ людей и мастеровъ, которые пойдутъ къ царю; плѣнные освобождаются съ обѣихъ сторонъ безъ окупа и безъ обмѣны, кромѣ тѣхъ, которые по своей волѣ останутся. Русскимъ людямъ вольно посылать людей своихъ въ Шведскую Землю отыскивать русскихъ плѣнныхъ; королю брать дань съ Лопарей на Восточной сторонѣ (Остерботніи) къ Варангѣ, а царю брать дань съ Лопарей, которые къ Двинской и къ Корельской Землѣ и къ Колѣ городу. На этихъ условіяхъ заключенъ былъ вѣчный миръ 18 мая 1595 года.

Сношенія съ Сигизмундомъ, какъ Польскимъ королемъ, были не важны. Зная о сильномъ неудовольствіи на Сигизмунда въ Польшѣ, Московское правительство считало нужнымъ еще усиливать это неудовольствіе, указывая панамъ на униженіе, которое терпятъ ихъ государства отъ короля. Такъ, гонецъ московскій, въ 1594 году, говорилъ панамъ: „Великій государь нашъ и всѣ бояре очень удивляются, какимъ образомъ Сигизмундъ король такія непригожія дѣла начинаетъ, что такія великія государства, корону Польскую и великое княжество Литовское, подъ Шведское королевство въ титулѣ своемъ подписалъ. Вѣдомо всѣмъ, какъ велики государство Польское и Литовское передъ Шведскимъ королевствомъ; корона Польская и великое княжество Литовское издавна въ равенствѣ съ великими государствами бываютъ, а Шведская Земля не великая, изначала бывала въ подданныхъ у Датскаго короля, и были въ ней правители, а не короли; короли въ ней недавно стали, а сылались прежніе правители съ боярами и намѣстниками новгородскими. Бояре думаютъ, что Сигизмундъ король такъ пишется безъ совѣту пановъ-радъ, по совѣту шведскихъ думцевъ; а шведскихъ Нѣмцевъ неправда вамъ самимъ вѣдома, неправда ихъ во всей вселенной явна“ [1]).

Отношенія польскія попрежнему поддерживали сношенія Московскаго Двора съ Австрійскимъ. Лука Новосильцевъ, отправленный къ императору Рудольфу съ извѣстіемъ о воцареніи Ѳеодора, доносилъ, что приходили къ нему нарочно вельможи и говорили наединѣ, чтобъ великихъ государей сердца были вмѣстѣ, и какъ выйдутъ перемирныя лѣта съ королемъ Стефаномъ, то царь съ братомъ своимъ Рудольфомъ цесаремъ сослался бы, и стали бы они заодно на короля Стефана, потому что король Стефанъ сидитъ не на своемъ государствѣ, а государь Московскій и цесарь прирожденные государи, и довелось бы имъ Стефаново государство между собою раздѣлить. По смерти Баторія братъ Рудольфа, эрцгерцогъ Максиміліанъ, прислалъ въ Москву посла своего съ просьбою къ царю хлопотать о Польской коронѣ или для себя, или для него, Максиміліана;—писалъ о томъ же къ Годунову, называя его дражайшимъ, особенно любительнымъ своимъ, пріятеля своего царя начальнымъ, тайной думы думцемъ и властелемъ; писалъ и къ думнымъ дьякамъ Щелкаловымъ, прося ихъ помощи, называя избранными, любительными. Въ январѣ 1588 года царь приговорилъ съ боярами послать къ Рудольфу цесарю и брату его Максиміліану гонца съ грамотами о литовскомъ дѣлѣ, что на коронѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ государя нѣтъ,—такъ объ этихъ, государствахъ промышлять бы сообща, чтобъ они, мимо нихъ, великихъ государей, къ другому государю не прошли. Ѣхать гонцу черезъ Литовскую Землю; грамоты о большомъ дѣлѣ везти тайно, а другія везти явно—о персидскомъ дѣлѣ, о торговыхъ людяхъ, о заповѣдныхъ товарахъ. Персидское дѣло состояло въ томъ, что шахъ просилъ царя, императора Рудольфа, королей Испанскаго и Французскаго быть съ нимъ въ союзѣ на всякаго недруга заодно, и царь пожелалъ быть съ нимъ въ крѣпкомъ докончаньи. Относительно торговыхъ людей и заповѣдныхъ товаровъ царь писалъ: „Изъ давнихъ лѣтъ, при дѣдѣ и отцѣ нашемъ торговые люди изо всей Нѣмецкой Земли во Псковъ, Новгородъ и Нарву со всякими товарами приходили, и что годно намъ къ ратному дѣлу,—мѣдь, олово, свинецъ, сѣру, селитру и всякій товаръ привозили, и съ нашими гостями торговали на всякій товаръ безъ вывѣта; и прибытка себѣ искали съ обѣихъ сторонъ. Но когда, по смерти отца моего, я напомнилъ тебѣ объ этомъ, то ты отвѣчалъ, что отъ предковъ вашихъ, Карла V и Фердинанда, по прошенью и совѣту курфюрстовъ и князей, заповѣдано годные къ воинскому дѣлу товары изъ Римскаго государства вывозить, и тебѣ безъ совѣта съ курфюрстами и князьями перемѣнить этого нельзя. Мы очень подивились, что въ прежніе года торговые люди ходили на обѣ стороны со всякими товарами безъ вывѣта, а теперь, по твоему закону, ваши торговые люди не вывозятъ къ намъ товаровъ, надобныхъ къ ратному дѣлу“.

Гонецъ далъ знать изъ Смоленска, что онъ встрѣтилъ государева посланника Ржевскаго, который сказывалъ ему, что Шведскаго короля сынъ теперь въ Краковѣ, сажаютъ его на королевство немногіе паны, и со всею Землею онъ не укрѣпился, а цесаревъ братъ Максиміліанъ стоитъ въ Польшѣ и съ нимъ многіе люди. Гонцу велѣно продолжать путь, а изъ опасенія, что его черезъ Литву не пропустятъ, отправлена была другая грамота къ императору, тайно, на Ригу, съ Нѣмцемъ Лукашемъ

[1]) Дѣла Польскія, № 20-24; Дѣла Шведскія № 4, 8; Histor. Russiae Monum. II. № XIX.

Павлусовымъ, третья—съ московскимъ торговымъ человѣкомъ Тимохою Выходцемъ также на Ригу, или на которыя мѣста пригоже, куда пріѣхать можно; четвертая—съ гонцомъ Загрязскимъ. Русскіе гонцы возвратились съ литовскаго рубежа по вѣстямъ, что Сигизмундъ утвердился въ Польшѣ, а Максимиліанъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Замойскимъ; Тимоху Выходца въ Ригѣ схватили и посадили въ тюрьму; дошла грамота, посланная съ Нѣмцемъ Лукашемъ. Императоръ отвѣчалъ черезъ посла Николая Варкоча, похожденія котораго на дорогѣ описаны въ грамотѣ къ царю Лукаша Павлусова, возвращавшагося вмѣстѣ съ Варкочемъ: „Какъ пріѣхали мы въ Поморскую Землю, въ городъ Штетинъ, то нашли тутъ любскаго торговаго человѣка Крона, и съ нимъ тайно договорились, что ему насъ провезти черезъ Нѣмецкую Землю (Ливонію). И поѣхали мы врозпь для того, чтобъ про насъ не провѣдали; поѣхалъ цесарскій посолъ въ торговомъ платьи съ однимъ своимъ человѣкомъ, да со мною и съ Крономъ черезъ Прусскую Землю. Когда мы были уже близко отъ московскаго рубежа, въ Новгородкѣ Ливонскомъ, то намъ сказали, что про насъ заказъ есть и стерегутъ по всѣмъ дорогамъ; на насъ напалъ страхъ великій: не вѣдаемъ какъ ѣхать, — ни назадъ, ни впередъ не смѣемъ. Положа упованіе на Бога, забывъ свой животъ, пошли на смерть; вооружились пищалями, самопалами, кортами и сквозь заставу подъ Новымъ-городомъ пробились силою. За нами погонь была великая, крикъ, шумъ необычайный, въ городѣ звонъ; хотѣли насъ поймать, но Богъ помиловалъ,—ушли; гнался за нами державца новгородскій на пятнадцати коняхъ за три версты до Печоры, но Богъ насъ унесъ". Варкочъ пріѣхалъ съ благодарностію отъ императора и всего Австрійскаго дома за радѣнье въ пользу Максимиліана на избирательномъ сеймѣ, и съ вопросомъ: какой помощи отъ царя можетъ ждать императоръ въ войнѣ съ Польшею и Турціею. О заповѣдныхъ товарахъ посолъ объявилъ очень неопредѣленно: цесарь радѣетъ о вольной торговлѣ, чтобъ торговымъ людямъ изъ Римскаго государства вольно было пріѣзжать торговать въ Русскую Землю, а русскіе торговые люди ѣздили бы въ Римское государство. Посолъ привезъ грамоту и къ Годунову, который принялъ его по-царски: сидя, звалъ къ рукѣ, подчивалъ виномъ и медами, потомъ посылалъ ему на подворье, вмѣсто стола, кормъ съ своими людьми. Посолъ правилъ отъ императора челобитье Годунову за стараніе о союзѣ царя съ Рудольфомъ; просилъ, чтобъ онъ и больше еще промышлялъ объ этомъ; говорилъ, что Борисъ Ѳедоровичъ за свои добрыя дѣла у цесаря и короля Испанскаго въ великой славѣ, чести и похвалѣ, и изъ ласки ихъ никогда не выйдетъ. Годуновъ о всѣхъ этихъ дѣлахъ докладывалъ государю, и государь приговорилъ съ боярами, что къ цесарю Римскому и къ брату его Максимиліану отъ конюшаго и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова грамоты писать пригоже нынѣ и впередъ: это царскому имени къ чести и прибавленью, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями; да и къ инымъ ко всѣмъ государямъ, которые станутъ къ Борису Ѳедоровичу грамоты писать, отвѣтныя отъ Бориса Ѳедоровича грамоты писать въ Посольскомъ приказѣ вмѣстѣ съ государевыми грамотами. На всѣ рѣчи Варкоча былъ данъ отвѣтъ отъ царскаго имени: „Государь хочетъ, чтобъ братъ его дражайшій, Рудольфъ цесарь, сославшись и укрѣпившись съ папою Римскимъ, съ королемъ Испанскимъ и со всѣми поморскими государями христіанскими, былъ съ нимъ въ соединеньи и докончаньи на Турскаго. А Персидскій шахъ съ государемъ ссылается о любви братской и хочетъ съ нимъ стоять на Турскаго заодно; какъ будутъ шаховы послы у государя и обо всемъ договорятся, то государь объявитъ объ этомъ подлинно цесарскому величеству. Говорилъ ты о Максимиліанѣ, чтобъ ему подать помощь при отысканіи короны Польской;—послы государевы затѣмъ вѣчнаго мира и дальняго перемирія съ Польшею не заключили, чтобы и впередъ приводить пановъ на избраніе Максимиліана". Годуновъ писалъ императору: „Я принялъ, государь, твое жалованье,—грамоту съ покорностію любительно выслушалъ, и тебя, великаго государя, выславлялъ передъ государемъ нашимъ, при многихъ государевыхъ царяхъ, царевичахъ и государскихъ дѣтяхъ разныхъ государствъ, которыя подъ государя нашего рукою, при боярахъ, князьяхъ и всякихъ служилыхъ людяхъ, что ты, великій государь, своею великою милостію и ласкою меня навѣстилъ, свою грамоту ко мнѣ прислалъ; и впередъ хочу тебя, великаго государя, выславлять. Я и прежде о твоихъ дѣлахъ радѣлъ, а теперь и больше того радѣю и впередъ радѣть и промышлять хочу". Максимиліану, который прислалъ ему грамоту и часы въ подарокъ, Годуновъ отвѣчалъ: „Я вашъ поминокъ принялъ въ покорности, съ великою любовію, и за то вашему величеству челомъ бью и впередъ тебя, великаго государя, буду выславлять, и вашему пресвѣтлѣйшеству много челомъ бью: примите мой легкій поминокъ, сорокъ соболей"

Варкочъ былъ отправленъ назадъ чрезъ новый Холмогорскій городъ (Архангельскъ) моремъ-океаномъ. Приставу данъ былъ наказъ отпустить его на корабляхъ извѣстнаго намъ Ивана Бѣлоборода въ Гамбургъ, непремѣнно въ дня три или четыре, чтобъ англійскіе купцы, которые поѣдутъ съ Вологды, цесаревыхъ людей на Холмогорахъ не застали. А если англійскіе корабли придутъ раньше кораблей Ивана Бѣлоборода, то держать цесарева посла тайно на дворѣ Ивана же Бѣлоборода, и какъ его корабли придутъ, отпустить Варкоча тайно ночью или съ утра рано.

Лѣтомъ 1590 года Максимиліанъ извѣстилъ царя, что онъ выпущенъ изъ плѣна, подъ условіемъ отреченія отъ Польской короны; что это освобожденіе совершилось вслѣдствіе переговоровъ импера-

тора съ Сигизмундомъ, противъ воли его, Максимиліана, и потому онъ хочетъ мстить Полякамъ за свою обиду войною; но такъ какъ для войны нужно много денегъ, то проситъ царя прислать ихъ ему. Максимиліанъ просилъ денегъ на войну съ Польшею, и Варкочъ въ 1591 году также прислалъ къ царю съ просьбою о жалованьи, потому что выдавалъ дочь свою замужъ. Варкочъ просилъ также принять въ государеву службу графа Шкота, человѣка славнаго рода изъ Итальянской Земли, наученнаго великимъ разнымъ наукамъ свыше иныхъ всякихъ людей. Годуновъ отвѣчалъ ему: „Пишешь ко мнѣ о такомъ невеликомъ дѣлѣ, а о большомъ дѣлѣ, которое началось между нашимъ и вашимъ государемъ, не пишешь. Государь нашъ, желая быть въ соединеніи съ Рудольфомъ цесаремъ, по твоимъ же рѣчамъ, съ Турецкимъ султаномъ и съ Крымскимъ царемъ не ссылался и съ Литовскимъ королемъ вѣчнаго мира заключать не велѣлъ. А теперь къ намъ слухъ дошелъ, что Рудольфъ цесарь съ Турскимъ султаномъ ссылается о перемирьи, а съ Литовскимъ королемъ о вѣчномъ мирѣ и сватовствѣ. И я тому очень подивился, какъ такое великое дѣло, годное всему христіанству, начать и покинуть. Что ты писалъ о Шкотѣ, то такой рыцарскій и великій человѣкъ достоинъ быть при государѣ нашемъ, только теперь ѣхать ему къ государю не время; а какъ время будетъ, то я къ тебѣ отпишу. Посылаю къ тебѣ для любви, на свадьбу дочери твоей, сорокъ соболей; столько же посылаю къ графу Шкоту, отдай ихъ ему".

Великое дѣло, годное всему христіанству, было только на словахъ да на бумагѣ. Къ Московскому Двору обращались только тогда, когда его помощь нужна была Австрійскому дому, когда нужно было помочь Максимиліану взойти на Польскій престолъ, когда Рудольфъ нуждался въ помощи противъ Турокъ. Осенью 1593 года въ Москву дали знать, что идетъ цесаревъ посолъ, опять тотъ же Варкочъ. Московское правительство было очень озабочено въ это время внѣшними отношеніями, смертію Шведскаго короля Іоанна, вслѣдствіе которой Польскій король получилъ и престолъ Шведскій, родственнымъ союзомъ Сигизмунда съ Австрійскимъ домомъ, дѣлами турецкими. Приставу, который долженъ былъ встрѣчать посла, данъ былъ наказъ—провѣдать: на какой мѣрѣ положено у цесаря и брата его Максимиліана съ Сигизмундомъ Польскимъ; какимъ обычаемъ цесарь отдалъ за Сигизмунда племянницу свою; какіе слухи у нихъ о Сигизмундѣ,—быть ему назадъ на Польскомъ королевствѣ, или быть ему на одномъ Шведскомъ королевствѣ, и если не быть ему впередъ на Польскомъ королевствѣ, то кого будутъ выбирать въ польскіе короли; и какъ теперь у цесаря дѣла съ Турскимъ; поминки большіе цесарь къ Турскому посылаетъ ли попрежнему.

Посолъ объявилъ, что императоръ отъ брата своего дражайшаго и любительнаго, государя царя, ожидаетъ крѣпкой любви и соединенія. Теперь они государи сильные, великіе, всему христіанству надежда, и вся вселенная на нихъ смотритъ, а невѣрные Турки и Татары всѣми своими лихими умыслами на нихъ, великихъ государей, стоятъ, христіанство потоптать хотятъ. Теперь время, чтобъ всѣ христіанскіе государи руки свои распростерли для братской любви и стояли-бъ заодно противъ гонителя христіанскаго. Цесарь старается, чтобъ былъ миръ между государемъ царемъ и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ и Шведскимъ; цесарь проситъ у его царскаго величества, чтобъ его пресвѣтлѣйшество братскую помощь оказалъ, руку свою распростеръ къ оборонѣ цесарскаго величества и всего христіанства, и свою царскую мысль объявилъ, какъ промышлять надъ бусурманствомъ. Въ тайномъ разговорѣ съ Годуновымъ, Варкочъ просилъ: чтобъ царь отводилъ крымскихъ Татаръ, мѣшалъ имъ проходить вмѣстѣ съ Турками на Венгрію; чтобъ уговаривалъ также Персидскаго шаха не мириться съ Турками; объявилъ, что Сигизмундъ на Польскомъ королевствѣ быть не хочетъ, а хочетъ быть на Шведскомъ королевствѣ, потому что паны-рада польскіе и литовскіе—самовольные люди и дѣлаютъ по своей волѣ какъ хотятъ, и ни въ чемъ его не слушаютъ, за государя не имѣютъ, и воли ему нѣтъ никакой: держатъ его какъ невольника, а не какъ государя. Канцлеръ Янъ Замойскій умышляетъ взять на королевство брата Стефана Баторія и привезти его въ Краковъ тотчасъ, какъ вѣсть объ отреченіи Сигизмунда короля будетъ. Посолъ объявилъ также, что Низовскіе (Запорожскіе) казаки бьютъ челомъ цесарю, хотятъ быть въ Венгрію и служить противъ Турокъ; цесарь наказалъ Варкочу спросить у Годунова: эти казаки государю царю вѣрою и правдою служатъ ли и смирно ли живутъ по границамъ. Если они государя царя ничѣмъ не разгнѣвали, служатъ правдою и съ царскими людьми не ссорятся, то цесарь думаетъ принять ихъ и послать противъ Турокъ. Годуновъ обѣщалъ бить челомъ царю, чтобъ съ Рудольфомъ цесаремъ противъ непріятелей вѣры христіанской сталъ заодно и помощь во всемъ оказалъ. Потомъ Варкочъ просилъ, чтобъ ему позволено было снестись съ бывшимъ тогда въ Москвѣ персидскимъ посломъ Ази Хозревомъ; государь велѣлъ цесареву послу съ персидскимъ посломъ обосла̀ться дворянами и провѣдать надъ ними, что они станутъ говорить между собою о соединеніи на Турскаго. Дворянинъ, посланный Варкочемъ, объявилъ Ази Хозреву, что цесарь желаетъ союза съ шахомъ, который можетъ отправить къ нему пословъ чрезъ царскія владѣнія. Ази Хозревъ отвѣчалъ: „Шахъ Аббасъ прислалъ меня сюда съ великимъ моленіемъ, чтобъ великій государь царь принялъ его къ себѣ въ любовь и стоялъ бы на своихъ и на его недруговъ заодно. А положилъ всю надежду шахъ на шурина царскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова, потому что онъ много разуменъ и справедливъ, радѣетъ между государями о всякомъ добромъ дѣлѣ, и имя его и слава во всей

восточной и полуденной странѣ сіястъ. Если я поздорову доѣду до шахова величества, то все государю своему разскажу, и государь нашъ тому очень обрадуется. Если три великіе государя будутъ въ союзѣ и станутъ заодно на Турскаго, то Турскаго житье съ часъ не будетъ".

Послѣ всѣхъ этихъ сношеній Варкочу было объявлено: Государь съ цесаремъ быть въ соединеньи хочетъ, только хочетъ знать: какъ Рудольфъ цесарь противъ Турскаго намѣренъ стоять, и кто съ нимъ будетъ въ союзѣ: папа Римскій, король Испанскій, король Датскій, князь Венеціанскій и другіе поморскіе государи съ цесаремъ всѣ ли въ соединеньи будутъ, и съ Литовскимъ королемъ ссылка о союзѣ была ли. Государь, для брата своего Рудольфа цесаря, и по челобитью шурина своего, Бориса Ѳедоровича Годунова, наскоро отправитъ пословъ своихъ къ Крымскому хану, чтобъ онъ съ Турскимъ въ Венгерскую Землю войною не ходилъ; Персидскому шаху также накрѣпко накажетъ, чтобъ онъ съ Турскимъ не мирился. А что посолъ говорилъ тайно Борису Ѳедоровичу о Сигизмундѣ королѣ, то Рудольфу цесарю прежде всего надобно промышлять, чтобъ братъ его Максимиліанъ былъ на королевствѣ Польскомъ, а великій государь хочетъ помогать этому дѣлу всячески. — Варкочъ отвѣчалъ, что цесарь, папа и король Испанскій о союзѣ противъ Турокъ между собою утвердились и положили все дѣло на Рудольфѣ; а къ другимъ государямъ цесарь еще не посылалъ; Датскій король молодъ, а люди его думные хотятъ жить въ покоѣ; къ Сигизмунду не посылалъ потому, что паны живутъ съ королемъ несогласно и его ни въ чемъ не слушаютъ. Бояре сказали на это: „Ты былъ уже здѣсь прежде, и государь отпустилъ тебя съ тѣмъ, чтобъ цесарь, сославшись съ другими государями, присылалъ сюда пословъ своихъ великихъ о вѣчномъ мирѣ, и чтобъ испанскіе и папины послы шли къ государю, съ цесаревыми вмѣстѣ. Донесъ ли ты объ этомъ цесарю?" Посолъ отвѣчалъ, что „донесъ, но отправленіе пословъ замѣшкалось, потому что началась война между Испаніею, Англіею и королемъ Наварскимъ (Генрихомъ IV), Англійская королева на морѣ велитъ крѣпко беречь, чтобъ отъ цесаря къ государю никто моремъ не проѣзжалъ". „Хорошо было-бъ", продолжалъ Варкочъ, „если-бъ государь со мною отправилъ своихъ пословъ къ цесарю для окончательныхъ приговоровъ и закрѣпленія, а испанскіе и папины послы тутъ же будутъ". Бояре отвѣчали: „То дѣло нестаточное, что великому государю посылать къ цесарю пословъ своихъ напередъ". Варкочъ сказалъ на это: „Воля государева; я только объ этомъ припомянулъ, а много не говорю". Наконецъ Варкочъ высказалъ главную цѣль своего посольства: „Вы мнѣ объявили", сказалъ онъ боярамъ,—„что великій государь хочетъ быть съ Рудольфомъ цесаремъ въ любви и на всякаго недруга помогать; такъ цесарь вотъ чего проситъ теперь у вашего государя: если гонитель христіанскій, Турскій султанъ, наруша перемиріе, наступитъ на государя нашего, то вашъ государь пожаловалъ бы Рудольфу цесарю—помощь оказалъ своею государевою казною, соболями, куницами и другою рухлядью, а государь нашъ найметъ на это людей и будетъ противъ Турскаго стоять, пока всѣ государи христіанскіе соединятся". Бояре отвѣчали, что государь Рудольфу цесарю поможетъ своею казною и Турскому его не выдастъ.

Находясь въ затруднительномъ положеніи, принужденная просить казны у Московскаго государя для войны съ Турками, Австрія никакъ однако не могла освободиться отъ властолюбивыхъ замысловъ и старалась заранѣе обезпечивать пріобрѣтенія вовсе невѣрныя. Варкочъ объявилъ боярамъ: „Рудольфъ цесарь велѣлъ мнѣ сказать государю вашему тайно, что онъ хочетъ доступать Лифляндской Земли, привести ее подъ свою цесарскую руку, а отъ Литвы и Шведскаго отвести. Только о томъ государь нашъ хочетъ знать: захочетъ ли вашъ государь, чтобъ цесарь Лифляндскую Землю подъ свою руку приводилъ?" Бояре отвѣчали, что государь, для братской любви, Лифляндскую Землю Рудольфу цесарю уступаетъ, кромѣ Юрьева съ пригородами, да Нарвы съ пригородами.

Мы видѣли, что Австрійскій Дворъ, ища отовсюду помощи противъ Турокъ, обратилъ свое вниманіе на казаковъ и спрашивалъ о нихъ у Московскаго правительства; послѣднему не было никакого дѣла до Черкасъ Запорожскихъ; но, желая искренно успѣха императору противъ страшныхъ Турокъ, оно сочло нужнымъ описать Варкочу характеръ казаковъ. Казаки, по этому описанію, были очень полезны для захвата добычи, для опустошенія земли непріятельской, для внезапныхъ наѣздовъ; но съ другой стороны — это народъ неукротимый, жестокій и непостоянный; они лучше другихъ войскъ переносятъ голодъ, но имъ нельзя ввѣрять крѣпостей, пусть они ищутъ себѣ корму въ землѣ непріятельской.

Польскій шляхтичъ Станиславъ Хлопицкій взялся набрать осьми-или десятитысячный отрядъ казаковъ для императорской службы, и въ 1504 году явился въ Москву съ грамотою отъ Рудольфа, которая была написана вмѣстѣ на имя царя Ѳеодора, Аарона, воеводы Волошскаго, князя Збаражскаго, воеводы Браславскаго, и всѣхъ честнѣйшихъ и удалыхъ рыцарей, которые живутъ въ войскѣ Запорожскомъ. Императоръ просилъ жаловать Хлопицкаго и его войско, и всюду пропускать; казаки, по словамъ грамоты, должны были залечь всѣ дороги крымскимъ людямъ, чтобъ имъ нельзя было пройти къ Турскому на помощь, также идти въ Турецкую Землю и опустошать ее. Изъ этого мы видимъ, что московскими указаніями на казацкій характеръ уже воспользовались. Въ Москву пріѣхалъ Хлопицкій для того, какъ самъ говорилъ, что Запорожцы издавна слуги царскіе и безъ вѣдома царя идти не хотятъ; онъ просилъ, чтобъ царь, прибавивши къ Запорожцамъ своихъ людей,

послалъ все это войско подъ своимъ знаменемъ и помогъ ему своею казною: тогда у непріятеля креста Христова сердце упадетъ, какъ услышитъ такую силу царскаго величества. Кромѣ желанія выпросить у царя денегъ, въ этой просьбѣ могла заключаться и хитрость,—желаніе вовлечь Москву въ войну съ Турками и, такимъ образомъ, отвлечь силы послѣднихъ отъ Австріи.

Но государь указалъ, что Хлопицкому у него быть непригоже, потому что цесарь писалъ въ одной грамотѣ къ государю и къ князю Збаражскому, а князь Збаражскій холопъ Литовскаго, и къ государю великому писать въ одной грамотѣ съ холопомъ не годится. За это Хлопицкій достоинъ былъ большой опалы; но государь для Рудольфа цесаря опалы на него не положилъ и отпускаетъ къ цесарю, а что приказывалъ цесарь о Запорожскихъ Черкасахъ, то сказать Хлопицкому, что государь повелѣніе свое къ Запорожскимъ Черкасамъ, къ гетману Богдану Микошинскому послалъ, велѣлъ имъ идти къ цесарю на помощь.

Въ концѣ 1594 года пріѣхалъ въ третій разъ Варкочъ въ Москву напомнить царю обѣщаніе его помочь цесарю казною: „Если хотите помогать, говорилъ онъ, то помогите теперь, потому что Туркій пришелъ на насъ со всею своею силою". Годунову Варкочъ говорилъ: „Цесарь прислалъ тебѣ свои любительные поминки, какіе посылаетъ къ братьямъ своимъ и къ курфюрстамъ: двѣ цѣпи золотыя, одна съ персоною (портретомъ) цесарскою, да часы золоченые съ планитами. Его царское величество, государь мой, ваше пресвѣтлѣйшество проситъ, чтобъ вы умилосердились, о кровопролитіи христіанскомъ пожалѣли и были бы печальникомъ его царскому величеству, чтобъ государь казны своей послалъ, которой имѣетъ отъ Господа Бога очень много, и пожаловалъ бы—послалъ скоро, потому что теперь пора. Господь Богъ на семъ свѣтѣ всякими потѣхами и радостію надаритъ тебя и дѣтей твоихъ, а на томъ свѣтѣ вѣчный платежъ будетъ; а у всѣхъ государей и людей христіанскихъ великую и вѣчную славу имѣть будешь". Бояре дали ему отвѣтъ, что государь, жалѣя о христіанствѣ, по братской любви къ цесарю Рудольфу, по прошенью и челобитью шурина своего, Бориса Θеодоровича Годунова, Рудольфу цесарю противъ непріятеля всего христіанства, Турскаго султана, своею царскою казною вспоможенье учинилъ, мягкою рухлядью, соболями и другими мѣхами, и съ этою казною отправляетъ къ цесарю посланниковъ своихъ. Услыхавъ это, Варкочъ билъ челомъ и говорилъ: „Это будетъ государю нашему и всѣмъ государямъ христіанскимъ и всему христіанству въ великую радость, и будетъ за это цесарь самъ собою и со всѣми своими землями и областями служить и благодарность воздавать. А сдѣлалось это ходатайствомъ, радѣньемъ и промысломъ царскаго шурина, Бориса Θеодоровича Годунова, и цесарское величество за то его пресвѣтлѣйшеству своею любовію всячески воздавать будетъ и ни за что не постоитъ".

Не знаемъ, въ какой степени на рѣшеніе помочь императору казною имѣло вліяніе честолюбіе Годунова, обольщеннаго ласкательствами императора и посла его, обольщеннаго мыслію, что пріобрѣтаетъ благодарность перваго государя христіанской Европы. Очень можетъ быть, что честолюбіе Годунова играло въ этомъ дѣлѣ большую роль; но должно замѣтить, что въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ Годуновъ могъ легко оправдывать свой поступокъ: по смерти Баторія и послѣ того какъ увидали, что избраніе Сигизмунда Шведскаго на Польскій престолъ вовсе не имѣетъ такихъ слѣдствій, какихъ опасались прежде, въ Москвѣ больше всего боялись могущества Турокъ, и помочь косвеннымъ образомъ противъ нихъ Австрійскому дому могло считаться дѣломъ благоразумія.

Варкочъ увѣрялъ Годунова въ благодарности императора, въ томъ, что Рудольфъ ни за что не постоитъ при изъявленіи этой благодарности, и вотъ приставу, провожавшему посла, было наказано поговорить съ нимъ къ слову: „У царскаго шурина Бориса Θеодоровича, по его дородству и храбрости, многихъ государствъ лошади есть, а Цесарской области дородныхъ лошадей большихъ, которыя бы пригодились подъ его сѣдло, нѣтъ,—и если цесарь захочетъ прислать Борису Θеодоровичу лошадей добрыхъ, то Борису Θеодоровичу это будетъ очень любительно".

Въ апрѣлѣ 1595 года отправлены были къ цесарю съ казною на вспоможеніе противъ Турскаго думный дворянинъ Вельяминовъ и дьякъ Власьевъ; они повезли соболей, куницъ, лисицъ, бѣлки, бобровъ, волковъ, кожъ лосиныхъ на 44,720 рублей. Пріѣхавши въ Прагу, гдѣ жилъ Рудольфъ, Вельяминовъ и Власьевъ потребовали, чтобъ имъ указали мѣсто, гдѣ разложить мѣха. Имъ дали у цесаря на дворѣ двадцать палатъ, гдѣ они и разложили соболей, куницъ, лисицъ, бобровъ и волковъ налицо, а бѣлку въ коробьяхъ. Когда все было изготовлено, самъ императоръ съ ближними людьми пришелъ смотрѣть посылку; государеву вспоможенью обрадовался и удивлялся, какъ такая великая казна собрана; говорилъ, что прежнія цесари и совѣтники ихъ никогда такой большой казны, такихъ дорогихъ соболей и лисицъ не видывали, и разспрашивалъ пословъ, гдѣ такіе звѣри водятся, въ какомъ государствѣ. Послы отвѣчали, что всѣ эти звѣри водятся въ государевомъ государствѣ, въ Кондѣ и Печорѣ, въ Угрѣ и въ Сибирскомъ царствѣ близъ Оби, рѣки великой, отъ Москвы больше 5,000 верстъ. На другой день цесаревы совѣтники присылали къ посламъ съ просьбою, чтобъ государевы собольники положили цѣну присылкѣ, какъ се продать. Послы отказали: „Мы присланы къ цесарскому величеству съ дружелюбнымъ дѣломъ, съ государевою помощію, а не для того, чтобъ оцѣнивать государеву казну,—оцѣни-

вать мы не привыкли и не знаемъ; а собольники присланы съ нами для переправки; цѣнить они такой дорогой рухляди не умѣютъ. Такими товарами не торгуютъ". Послѣ сказывали посламъ, что цесарь велѣлъ оцѣнить присылку пражскимъ купцамъ, и тѣ оцѣнили ее въ 400,000 рублей, а тремъ сортамъ лучшихъ соболей цѣны положить не умѣли по ихъ дороговизнѣ.

Весною 1597 года пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ императорскій, Авраамъ, бургграфъ Донавскій, привезъ царю подарки: мощи чудотворца Николая, окованныя золотомъ и серебромъ, съ каменьемъ; два возка со всѣмъ приборомъ, а у возковъ по шести санниковъ, шесть сѣрыхъ и шесть гнѣдыхъ; часы съ перечасьемъ, съ людьми, трубами, накрами и варганами;—какъ перечасье и часы забьютъ, въ то время въ трубы, накры и варганы заиграютъ люди какъ живые; другіе часы съ перечасьемъ;—какъ перечасье забьютъ, въ то время часы запоютъ разными голосами; два сосуда для питья хрустальные, золотомъ окованные. Поблагодаривши государя за присылку мѣховъ, посолъ объявилъ, что мѣха эти до сихъ поръ въ казнѣ у императора, на деньги промѣнять ихъ не случилось, и потому просилъ, чтобы впредъ государь прислалъ серебромъ и золотомъ; просилъ объявить, сколько еще государь намѣренъ прислать казны своей императору и въ какое время. Годунову посолъ говорилъ: „Государь нашъ велѣлъ тебѣ бить челомъ, чтобъ великій государь вашъ оборонилъ его отъ Крымскаго царя, чтобъ Крымскій царь не ходилъ войною на Венгерскую Землю". Годуновъ отвѣчалъ на это очень хитро; „У великаго государя рати много, можно ему Рудольфа цесаря оборонять отъ недруговъ,—только бы далъ дорогу нашей рати король Польскій черезъ Литовскую и Польскую земли рѣкою Днѣпромъ; тогда государь послалъ бы на Крымскаго рать свою плавную, а изъ Сѣверской Земли послалъ бы рать конную, и Крымскому отъ такой рати гдѣ было бы дѣться?— не стало бы Крымскаго царя ни на одинъ часъ". Годунову прислалъ Рудольфъ поминки: кубокъ двойчатый серебряный, позолоченный, жемчугомъ да изумрудомъ сяженный; часы стоячіе боевые съ знаменами небесными; два жеребца съ бархатными попонами; два попугая; сыну Борисову, Ѳедору—часы стоячіе боевые, и придѣланъ на нихъ медвѣдь, четыре попугая, двѣ обезьяны.

Печатнику и посольскому дьяку, Василію Яковлевичу Щелкалову, поручено было вести переговоры съ посломъ. Щелкаловъ началъ съ того, что императоръ нѣсколько разъ присылалъ къ царю съ просьбою о союзѣ, съ обѣщаніемъ прислать великихъ пословъ для его заключенія: „Теперь," продолжалъ Щелкаловъ,—„цесарь прислалъ тебя, великаго человѣка; такъ объяви, какой далъ тебѣ цесарь наказъ о заключеніи союза". Посолъ отвѣчалъ, что Испанскій король воюетъ съ Англійскою королевою, съ королемъ Французскимъ и Нидерландами,— и потому о союзѣ къ цесарю пословъ не присылалъ, и цесарь потому же не приказывалъ ему, послу, заключать союза съ царемъ, ибо съ папою и королемъ Испанскимъ еще не укрѣпился. „Какъ же", возразилъ Щелкаловъ,—„прежній посолъ Варкочъ объявилъ здѣсь, что цесарь уже заключилъ союзъ съ папою и королемъ Испанскимъ?"—„Это Варкочъ совралъ", отвѣчалъ посолъ: „здѣсь говорилъ не по приказу, а пріѣхавши къ цесарю, сказалъ не такъ, какъ здѣсь дѣлалось". Щелкаловъ продолжалъ: „Главное дѣло въ томъ, чтобъ укрѣпить братскую любовь и союзъ между нашимъ государемъ и Рудольфомъ цесаремъ, а всѣ другія дѣла послѣ сдѣлаются: цесарь укрѣпится съ Испанскимъ, нашъ государь съ Персидскимъ. А теперь ты присланъ сюда, именитый человѣкъ, и отъ папы Римскаго посолъ здѣсь же: такъ это великое дѣло закрѣпить бы теперь для общаго добра христіанскаго". Посолъ отвѣчалъ: „Я самъ знаю, что это дѣло между великими государями очень годное, да если со мною отъ государя нашего наказа нѣтъ, то какъ мнѣ сдѣлать? только были бы у меня крылья, такъ я бы полетѣлъ, наказъ у царя взялъ и здѣсь это дѣло сдѣлалъ".—„Если такое великое дѣло годно всему христіанству", сказалъ на это Щелкаловъ,— „и ты его желаешь, то побудь здѣсь, а къ государю своему за наказомъ пошли дворянина".—„Это дѣло нестаточное", отвѣчалъ посолъ,—„да и не смѣю я такъ сдѣлать мимо наказа государя своего".

Этимъ переговоры кончились. Австрійскій Дворъ показалъ ясно, чего онъ добивался отъ Московскаго царя, котораго считалъ очень богатымъ. Одинъ изъ дворянъ посольской свиты потребовалъ также переговорить съ Щелкаловымъ отъ имени эрцгерцога Максимиліана, и объявилъ, что Максимиліанъ хочетъ всякими мѣрами промышлять, чтобъ быть на королевствѣ Польскомъ, и держитъ крѣпкую надежду, что государь поможетъ ему въ томъ. Щелкаловъ отвѣчалъ: „Великій государь радѣлъ и промышлялъ объ этомъ, что вамъ и самимъ вѣдомо; да если на то воли Божіей не было, и то не сталось? И теперь государь нашъ хочетъ, чтобъ Максимиліанъ былъ на королевствѣ Польскомъ,—да вѣдь самъ знаешь: на государство силою какъ сѣсть? Надобно, чтобъ большіе люди, да и всею Землею захотѣли и выбрали на королевство: а только Землею не захотятъ,—и того государства трудно доступать. Ты мнѣ объяви: есть ли ссылка Максимиліану съ панами радными, которые бы его хотѣли на государство, и многіе ли паны хотятъ?" Дворянинъ отвѣчалъ: „Есть тайная ссылка пановъ-радъ съ Максимиліаномъ, хотятъ его князь Острожскій, воевода Познанскій, Зборовскіе и другіе паны и рыцарство многое до 7,000 человѣкъ. И только царскаго величества вспоможеніе будетъ, то Максимиліану Польское государство можно получить". Щелкаловъ спросилъ: „Какого же вспоможенія хочетъ Максимиліанъ?" Дворянинъ отвѣчалъ: „Теперь государю вашему помогать людьми нельзя, потому что до исхода перемирья вашего съ Литвою еще пять лѣтъ,—

такъ государь бы пожаловалъ, помогъ своею царскою казною; да пожаловалъ бы, прислалъ эту казну въ Любекъ, а напередъ прислалъ бы въ Любекъ пословъ своихъ, и Максимиліанъ туда же пословъ своихъ пришлетъ для укрѣпленія". Щелкаловъ сказалъ на это: „Дѣло нестаточное, чтобъ государю посылать пословъ своихъ въ Любекъ къ такимъ мужикамъ торговымъ".—Этимъ кончилось сношеніе съ Австрійскимъ домомъ въ царствованіе Ѳеодора [1]).

Имя папы упоминалось постоянно въ сношеніяхъ съ Австрійскимъ Дворомъ, въ толкахъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ державъ противъ Турокъ; и папа не упускалъ случая давать знать о себѣ Московскому правительству, давать знать о своемъ вліяніи. И Григорій XIII, и Сикстъ V-й увѣдомляли царя, что они хотятъ отправить въ Москву опять Антонія Поссевина; Сикстъ объявилъ, что Стефанъ Баторій, въ исполненіе своей клятвы, данной при вступленіи на престолъ Польскій, хочетъ возвратить земли, отшедшія отъ Литвы къ Москвѣ при прежнихъ короляхъ, и потому папа отправляетъ Поссевина, чтобъ воспрепятствовать войнѣ. Но смерть Баторія сдѣлала это посредничество ненужнымъ. Потомъ два раза, въ 1595 и 1597 году, пріѣзжалъ въ Москву посолъ Климента VIII, иллирійскій священникъ Комулей: Славянинъ былъ избранъ именно потому, что могъ объясняться съ Русскими безъ посредства переводчика. Комулею было наказано склонять царя къ войнѣ съ Турками, склонять — внушеніемъ страха предъ могуществомъ Турокъ,—указаніемъ выгодъ, которыя могутъ получить Русскіе отъ пріобрѣтенія счастливыхъ южныхъ странъ, въ сообществѣ съ народами, искусными въ дѣлѣ ратномъ,—напоминаніемъ, что Византія есть наслѣдственное достояніе государей Московскихъ, что народы, угнетаемые Турками, родственны Русскимъ по языку и вѣрѣ. Комулей долженъ былъ также хлопотать о соединеніи церквей; внушать, что одинъ папа можетъ утверждать государей въ королевскомъ достоинствѣ; что истинная Церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ патріархи рабы султана Ходъ переговоровъ и слѣдствія ихъ намъ неизвѣстны [2]).

Мы видѣли, что Грозный передъ смертію велъ переговоры съ англійскимъ посломъ Боусомъ, который сердилъ его тѣмъ, что никакъ не хотѣлъ войти въ виды его относительно союза Москвы съ Англіей противъ Польши и Швеціи. Мы видѣли также, что Боусъ главными врагами своими считалъ Никиту Романовича, Богдана Бѣльскаго и дьяка Андрея Щелкалова. Послѣдній по жалобѣ посла былъ удаленъ отъ сношенія съ ними и, если вѣрить Боусу, былъ даже прибитъ царемъ. По смерти Іоанна посолъ (какъ онъ самъ говоритъ) впалъ въ руки враговъ своихъ, Никиты Романовича и Андрея Щелкалова; девять недѣль держали его въ заключеніи въ его домѣ, содержали строго, обходились дурно, и каждый день ждалъ онъ еще худшаго. Послѣ прекращенія возстанія противъ Бѣльскаго, послу велѣно было явиться во дворецъ, при входѣ въ который у него отняли мечъ: „Еслибъ я не вооружился терпѣніемъ, то погибъ бы", писалъ Боусъ:—„большія услуги оказалъ мнѣ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и сдѣлалъ бы еще больше, но онъ не имѣлъ еще власти до коронаціи царя; несмотря на то, онъ часто присылалъ ко мнѣ и дарилъ дорогими подарками". Боуса отпустили съ грамотою, въ которой царь писалъ Елисаветѣ, что англійскіе купцы будутъ пользоваться и при немъ тѣми же выгодами, которыя были даны имъ послѣднею грамотою отца его; по взамѣнъ требовалъ: чтобъ королева позволила московскимъ купцамъ ходить торговать въ Англію и черезъ Англію въ другія государства, также чтобъ позволили иностраннымъ купцамъ ходить чрезъ Англію въ Россію со всякими товарами, съ доспѣхами, мѣдью, оловомъ, сѣрою, нефтью, свинцомъ, селитрою и всякимъ оружіемъ; чтобъ пропускала мастеровъ, всякихъ ратныхъ и рукодѣльныхъ, каменнаго дѣла и городовыхъ мастеровъ, пушечныхъ литцевъ и колокольниковъ. Но озлобленный Боусъ бросилъ въ Холмогорахъ царскую грамоту и дары. Тогда отправили въ Англію въ легкихъ гончикахъ толмача Бекмана, родомъ Ливонца.

Вслѣдствіе жалобъ Боуса, королева долго не принимала Бекмана; наконецъ приняла и спросила: „Для чего нынѣшній государь ко мнѣ не такъ любовенъ, какъ былъ отецъ его? Всякимъ людямъ иныхъ земель велитъ на Русь ѣздить торговать, а моимъ людямъ для чего не велитъ?" Бекманъ отвѣчалъ, что такого запрещенія нѣтъ. Тогда призванъ былъ Боусъ, и Елисавета спросила его: зачѣмъ онъ ей сказалъ, что царь не велитъ Англичанамъ ѣздить торговать въ его Землю. Боусъ отвѣчалъ, что онъ не то говорилъ,—говорилъ онъ, что съ другихъ иноземцевъ пошлинъ не берутъ, а съ Англичанъ берутъ. Бекманъ возражалъ: „Это неправда, съ Англичанъ берутъ половинную пошлину, а съ другихъ полную; и еслибъ Боусъ государевыхъ грамотъ въ Холмогорахъ не покинулъ, то ты бы, государыня, подлинно провѣдала, какую нынѣшній государь хотѣлъ держать къ тебѣ любовь больше стараго". Бекмана опустили съ грамотою, въ которой Елисавета соглашалась позволить русскимъ купцамъ торговать въ Англіи, съ условіемъ, чтобъ царь далъ Англійско-Русской Компаніи право исключительной торговли съ своихъ областяхъ. Но при отпускѣ Бекманъ не былъ допущенъ къ Елисаветѣ. Этимъ оскорбились въ Москвѣ, и приговорилъ государь съ боярами отписать къ королевѣ Елисаветѣ съ вычетомъ о послѣ ея и о гостяхъ, и что Толмача Бекмана не попригожу отпустилъ дьякъ ея, а не сама она, о томъ подлинно выписать, а грамоту послать съ Англичаниномъ. Въ грамотѣ говорилось: „Дѣло несхожее указывать

[1]) Памятн. дипломат. снош. т. I и II: Histor. Russiae Monum. II, № XXV.

[2]) Histor. Russ. Monum. II, № IV, VI, X, XI, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX; Древн. Росс. Вивліоѳ. XII.

намъ въ нашихъ государствахъ—тому торговать, а иному не торговать; гости твои бьютъ тебѣ челомъ не по дѣлу, хотятъ одни корыстоваться, а другихъ мимо себя пускать не хотятъ; въ нашихъ государствахъ съ Божiею помощiю всякихъ товаровъ довольно и безъ твоихъ гостей, государства наши великiя—и людей въ нихъ, и всякихъ товаровъ много".

Англичанинъ, съ которымъ приговорили послать эту грамоту къ Елисаветѣ, купецъ Горсей, должно быть объяснилъ въ Лондонѣ состоянiе дѣлъ при Московскомъ Дворѣ, указалъ къ кому нужно обратиться, чтобъ получить желаемое. Елисавета прислала съ Горсеемъ грамоту къ царицѣ Иринѣ, гдѣ писала, что часто слышитъ о ея мудрости и чести; что слава объ этой мудрости разнеслась по многимъ государствамъ; прислала къ ней опять лѣкаря Якоби, знатока въ женскихъ болѣзняхъ. Но главное — Елисавета прислала грамоту къ Годунову, въ которой называла его кровнымъ любительнымъ прiятелемъ, какъ переводили въ Москвѣ [1]). Въ грамотѣ къ царю Елисавета оправдывала поведенiе посла своего Боуса тѣмъ, что его очень разсердили, приказывая снимать мечъ при входѣ къ царю: „Такое недовѣрiе насъ очень опечалило", писала Елисавета;—„въ нашихъ земляхъ это великое безчестiе, когда велятъ мечъ снять, и за такое безчестiе въ сердцѣ нашего посла великая кручина была, и что́ ни дѣлалъ, все съ кручиною. А теперь сказалъ намъ Горсей, что мечъ отнимаютъ у пословъ по вашему обычаю, какъ у васъ всегда ведется въ царствѣ, и мы, узнавъ это, перестали кручиниться, и надѣемся, что между нами будетъ вѣчная любовь". Горсей сказалъ Елисаветѣ, что въ Москвѣ недовольны тѣмъ, что она приняла Бекмана въ саду, который онъ назвалъ огородомъ; королева писала объ этомъ царю: „Мѣсто, гдѣ Бекманъ былъ передъ нами, есть мѣсто честное, близко нашей палаты, и туда никого не пускаютъ, только великихъ и любительныхъ слугъ для чести; и въ огородѣ этомъ нѣтъ ни луку, ни чесноку; Бекманъ сказалъ неправду. Такъ пригоже тебѣ Бекмана гонца за его лживыя и бездѣльныя ссорныя слова не только понаказать,—и побить пригоже".

Годуновъ оправдалъ надежды своей кровной любительной прiятельницы: въ 1587 году позволено было англiйскимъ купцамъ торговать вольной торговлею, пошлины съ ихъ товаровъ—таможенной, замытной, свальной, проѣзжей, судовой, съ головъ, мостовщины, перевозовъ—брать не велѣно. Только запрещено было имъ брать съ собою въ Московское государство чужiе товары; Русскимъ людямъ отъ Англичанъ англiйскими товарами не торговать; закладней—Русскихъ людей—Англичанамъ за собою не держать, закупней своихъ по городамъ не посылать, товаръ на товаръ мѣнять и продавать должны они мѣстнымъ дѣломъ, а въ розницу, въ развѣсъ и въ аршинъ на своемъ дворѣ не продавать и не мѣнять,—сукна продовать кипами и поставами, камки и бархаты поставцами, вина куфами. Если англiйскiе купцы захотятъ ѣхать въ иныя государства или въ свою Землю, то брать имъ съ собою товары изъ царской казны [2]), продавать и мѣнять ихъ на товары, которые Московскому государству потребны, и въ царскую казну отдавать. Выѣзжая изъ Москвы, англiйскiе купцы должны являться въ Посольскомъ приказѣ, къ дьяку Андрею Щелкалову. Разобьетъ англiйскiй корабль и принесетъ къ русскимъ берегамъ, то царь велитъ сыскать товары вправду и отдать Англичанамъ. Англiйскiе купцы живутъ по-старинѣ на дворѣ своемъ у Св. Максима, за торгомъ, держатъ одного дворника Русскаго или своего, Нѣмца, а другихъ Русскихъ людей не держатъ; да у нихъ же дворы—въ Ярославлѣ, въ Вологдѣ, на Холмогорахъ и у пристанища морскаго. На людей своихъ, посылаемыхъ изъ Московскаго государства, Англичане берутъ проѣзжiя грамоты изъ Посольскаго приказа; кому будетъ дѣло до Англичанъ, судятъ ихъ царскiй казначей и посольскiй дьякъ, а чего сыскъ не возьметъ, присуживаютъ имъ вѣру съ жребiя: чей жребiй вынется, тому и вѣру учинить.

Годуновъ далъ знать Елисаветѣ въ своей грамотѣ, что государь: „Для тебя, сестры своей, и для нашего печалованiя твоихъ подданныхъ пожаловалъ больше прежняго. А я объ нихъ впередъ буду государю своему печаловаться и держать ихъ подъ своею рукою, буду славить передъ государемъ и государынею твои къ себѣ милость и ласку". Благодаря кровному, любительному прiятельству Елисаветы къ Годунову, англiйскiе купцы освободились отъ платежа пошлинъ, простиравшихся болѣе чѣмъ на 2,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но доходили жалобы другихъ иностранныхъ купцовъ, что Англичане не пропускаютъ кораблей ихъ къ Московскому государству. Вслѣдствiе этихъ жалобъ, царь писалъ Елисаветѣ: „Бьютъ намъ челомъ многiе Нѣмцы разныхъ земель, Англичане (не изъ компанiи), Французы, Нидерландцы и другихъ земель, на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ отгоняютъ? Божiю дорогу, океанъ-море какъ можно перенять, унять и затворить?" Съ другой стороны, министры Елисаветины прислали на имя Годунова и Щелкалова грамоту, въ которой прописаны были жалобы англiйскихъ купцовъ на московскихъ приказныхъ людей. Щелкаловъ отвѣчалъ одинъ: „Къ такому великому человѣку (Годунову) писали вы многiя непригожiя слова, повѣря непрямымъ людямъ, ворамъ. Пишете въ своей грамотѣ съ укоризною къ такому честному и великому человѣку, къ шурину государскому, будто вашимъ торго-

[1]) Our most deare and loving cousin.

[2]) Нашу бологодѣть.

вымъ людямъ и жить нельзя, потому что имъ отъ приказныхъ людей жесточь великая, и торговать перестать хотятъ, и если торговать перестанутъ, то будетъ безчестно государю нашему и его приказнымъ людямъ. За такія слова бояринъ Годуновъ самъ въ своей грамотѣ писать къ вамъ не захотѣлъ, словамъ вашимъ очень подивился и приказалъ мнѣ вамъ отписать".

Сношенія возобновились по дѣлу Англичанина Антона Мерша, который набралъ въ долгъ денегъ у Годунова, бояръ, служилыхъ людей, у купцовъ, монаховъ, и объявилъ, что взялъ эти деньги на общій расходъ, въ общіе товары; но товарищи его отказались платить долги,—объявили, что Мершъ бралъ деньги безъ ихъ вѣдома, на себя. Годуновъ въ 1588 году велѣлъ извѣстному уже намъ Бекману отвезти этого Мерша въ Англію. Королева нескоро приняла Бекмана: „Я долго не пускала тебя до своихъ очей", сказала она ему,—„потому, что была нездорова, очень грустила о смерти своего дворецкаго (графа Лейстера); да великая досада была у меня на тебя за то, что ты въ рѣчахъ своему государю примѣнилъ нашъ потѣшный садъ къ капустному огороду, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ; за такое дѣло ты достоинъ былъ пени, но мы тебѣ не мстили". Бекманъ отвѣчалъ: „Бью челомъ вашему величеству, вели безопально выговорить." Елисавета позволила, и Бекманъ сталъ говорить: „Я этого не думалъ, не только-что не говорилъ, въ чемъ Богъ свидѣтель: если въ царской грамотѣ объ этомъ написано, или кто сможетъ на имя довести, то я у вашего величества милости не прошу, хочу за мою вину терпѣть наказанье; нанесъ на меня это лихой человѣкъ, который хотѣлъ моей доброй славѣ поруху учинить, и я надѣюсь, что тотъ камень упадетъ на его голову". Елисавета отвѣчала, что она объ этомъ дѣлѣ забудетъ. Мершъ, позванный къ допросу, объявилъ, что онъ заплатилъ деньги, взятыя имъ изъ царской казны; въ частныхъ долгахъ—въ однихъ винился, въ другихъ запирался, и сказалъ, что его собственныхъ денегъ задержано въ Москвѣ 15,000 рублей. Когда лордъ-казначей сказалъ объ этомъ показаніи Бекману; тотъ отвѣчалъ,—что надобно вѣрить царской грамотѣ, а не бездѣльнымъ рѣчамъ Мерша.—„Это правда", возразилъ казначей: „но зачѣмъ было Мершу давать такія деньги? онъ былъ гость небольшой, скорѣй былъ простой слуга у гостей, а большіе гости кабалъ не подписывали". Бекманъ отвѣчалъ: „Мершъ былъ на гостинномъ дворѣ, покупалъ, продавалъ, деньги занималъ и самъ въ долгъ давалъ, не какъ слуга, а какъ большой гость, на которомъ все положено: сверхъ того, онъ умѣетъ по-русски читать и писать, и ваши большіе гости не объявили, что ему не вѣрить".

Еще до возвращенія Бекмана, осенью 1588 года, пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Елисаветы, Флетчеръ. Онъ объявилъ царю, что съ королевною Елисаветою многіе государи въ братствѣ, дружбѣ и любви, но ни съ кѣмъ не имѣетъ она такой дружбы и любви, какъ съ нимъ, царемъ. „Если нѣкоторые Англичане", продолжалъ Флетчеръ,—„поступили здѣсь нехорошо, то его величество за немногихъ виновныхъ на другихъ невинныхъ нелюбья не держалъ бы, не велѣлъ оглашать и поругать всей Земли за одного человѣка, потому что нѣтъ такой Земли и торговли, гдѣ бы не было лихихъ людей; хотя бы подданные королевины и лихіе люди были, то все въ нихъ столько худаго не было бы, еслибъ государевы люди съ ними въ бездѣлье не мѣшались. Королева надѣется, что государь послѣдуетъ примѣру отца своего, будетъ продолжать сердечное пріятельство къ ней; да чѣмъ ему слѣдовать примѣру отцовскому, лучше смотрѣть на свой собственный образецъ, потому что онъ самъ подданныхъ королевиныхъ жаловалъ своею государскою ласкою". Флетчеръ подалъ длинный списокъ статей, въ которыхъ заключались просьбы Елисаветы къ царю. Елисавета просила: чтобъ государь подтвердилъ ея купцамъ послѣднюю жалованную грамоту, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ статей изъ прежней грамоты Грознаго; купцы англійскіе прекратили бы торговлю съ Россіею, если бы не надѣялись впередъ на государево жалованье, что государь не отниметъ у нихъ грамоты изъ такого небольшаго дѣла, какъ Мершево.—На это Флетчеру отвѣчали: „Англійскимъ гостямъ государево жалованье стало ни во что; а тѣмъ нечѣмъ грозить, что они не поѣдутъ торговать въ наше государство: много гостей и кромѣ Англичанъ пріѣзжаютъ къ намъ торговать". Королева просила, чтобъ приказные люди не отнимали силою товаровъ у англійскихъ купцовъ, какъ недавно случилось. Отвѣтъ: „Насилія никакого никакимъ гостямъ казначеи и дьяки не дѣлаютъ, англійскихъ же гостей больше другихъ берегутъ; а если кто взялъ товаръ у англійскаго гостя и денегъ не заплатилъ или какъ-нибудь его обидѣлъ, то ты скажи, кто это сдѣлалъ именно,—и государь велитъ расправу учинить". Королева просила, чтобъ англійскіе купцы не платили долговъ за Мерша, потому что онъ набралъ денегъ въ-займы, когда не былъ съ ними въ товарищахъ, а торговалъ самъ по себѣ, и дана была ему отъ царскихъ приказныхъ людей особенная грамота на торговлю за моремъ во всѣхъ мѣстахъ; объ этой грамотѣ купцы англійскіе и приказчики ихъ не знали; притомъ эти купцы и приказчики ихъ сказывали Русскимъ людямъ, которые теперь ищутъ на Мершѣ своихъ денегъ, чтобъ они ему не вѣрили и съ нимъ не торговали, а Русскіе люди отвѣчали, что они съ нимъ не торгуютъ. Королевѣ извѣстно также, что Мершевы деньги остались на сохраненьи въ государевой Землѣ и онѣ отданы его заимодавцамъ. Чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ царю докуки не было, королева бьетъ челомъ, чтобъ приказные люди считали членами компаніи только тѣхъ Англичанъ, которыхъ имена принесетъ къ нимъ приказчикъ. На это отвѣчали: сыскано подлинно, что, въ то время

какъ Мершъ занималъ деньги, англійскіе купцы жили на своемъ дворѣ всѣ вмѣстѣ и торговали заодно; на то, чтобъ считать принадлежащими къ компаніи только тѣхъ Англичанъ, о которыхъ приказчикъ дастъ знать,—согласились. Королева просила, чтобъ позволено было англійскимъ купцамъ покупать всѣ товары безъ вывѣта; на это отвѣчали, что позволеніе уже дано, исключая воскъ, который позволено промѣнивать только на селитру, порохъ и сѣру. Елисавета просила, чтобъ не пытать Англичанъ, которые будутъ обвинены въ какомъ-нибудь преступленіи; на это отвѣчали, что Англичанъ никогда не брали и за недѣльщика не давали, о пыткѣ же никогда и помину не было и впередъ не будетъ. Елисавета просила, чтобъ судъ надъ Англичанами порученъ былъ самому Годунову; на это отвѣчали: дѣло несходное судить купеческія дѣла Борису Θеодоровичу; Борису Θеодоровичу приказаны дѣла государственныя, которыми государство держится; англійскихъ купцовъ будутъ судить приказные люди, а вершить дѣла будутъ, докладывая Борису Θеодоровичу. Елисавета просила, чтобъ царь позволилъ англійскимъ гостямъ проѣзжать чрезъ свою Землю въ Бухарію, Шемаху, Казбинъ, Персію, а другимъ гостямъ туда ѣздить запретилъ бы, кромѣ своихъ посланниковъ; на это отвѣчали, что государь велитъ пропускать англійскихъ купцовъ въ эти страны безпошлинно; но и государевы люди въ тѣ земли будутъ также ходить: какъ тому можно статься, чтобъ государевымъ людямъ туда не ходить?—и то велико государево жалованье къ англійскимъ гостямъ, что имъ позволено ходить въ такія дальнія государства, а другимъ иноземцамъ за версту дальше Москвы ходить не велѣно. Елисавета просила, чтобъ позволено было Англичанамъ на Вычегдѣ дворъ поставить, руды желѣзной искать и желѣзо выдѣлывать, и лѣсу дать имъ верстъ на семь или на восемь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ станутъ дворы и мельницы желѣзныя ставить, за что Англичане будутъ платить тамги по московкѣ за каждый фунтъ. Отвѣчали, что царь этимъ Англичанъ пожалуетъ. Королева просила, чтобъ англійскимъ купцамъ позволено было держать у себя и нанимать барышниковъ и скупщиковъ, которымъ они будутъ платить наемъ по договору. Отвѣтъ: „Тому быть непригоже; въ этихъ барышникахъ и наймитахъ большая смута и воровство бываетъ. Прежде съ такими барышниками англійскіе гости, Романъ Романовъ съ товарищами, дошли до большой вины: былъ у нихъ на дворѣ въ купчинахъ торговый человѣкъ, Ярославецъ Вахрушъ Семеновъ, и когда англійскіе гости посылали людей своихъ тайкомъ чрезъ Литовскую Землю, безъ проѣзжихъ грамотъ, то Вахрушъ этимъ промышлялъ, извозчиковъ нанималъ подъ тѣхъ воровъ, которые отъ гостей ѣздили съ грамотами, а въ грамотахъ Романъ писалъ непригожія дѣла про наше государство". Елисавета просила, чтобъ позволено было денежнымъ мастерамъ во всѣхъ мѣстахъ передѣлывать на англійскихъ гостей ефимки въ деньги безпошлинно,—гости будутъ платить только за уголье и мастерамъ за работу. На это согласились, но пошлина оставлена общая. Елисавета опять просила, чтобъ царь запретилъ торговать въ своей Землѣ Англичанамъ, не принадлежащимъ къ компаніи, и другимъ иноземцамъ. Отвѣтъ: „Это дѣло нестаточное и ни въ какихъ государствахъ этого не ведется; если Елисавета королевна къ государю объ этомъ приказываетъ, то этимъ нелюбье свое объявляетъ царскому величеству, къ убытку государевой Землѣ хочетъ дорогу въ нее затворить". Елисавета просила, чтобъ вольно было купцамъ англійскимъ, ихъ приказчикамъ и слугамъ жить по своей вѣрѣ; на это отвѣчали: „Государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ; многихъ вѣръ люди живутъ въ нашемъ государствѣ, и никого государь отъ вѣры отводить не велитъ, всякій живетъ въ своей вѣрѣ". Наконецъ Елисавета просила, что если англійскіе гости пошлютъ искать Китайской Земли, то вольно было бы имъ брать проводниковъ, судовыхъ людей, суда, кормъ на людей и всякіе другіе запасы. Отвѣтъ: „Это дѣло нестаточное; государю нашему чрезъ свое государство пускать на отыскиваніе другихъ государствъ непригоже".

Вмѣстѣ съ этими отвѣтами Флетчеру дали роспись, что взять на англійскихъ купцахъ по кабаламъ Мерша; всего приходилось болѣе 23,000 руб., но потомъ объявлено было послу, что государь, любя сестру свою, Елисавету королевну, приказалъ взыскать только половину этихъ денегъ. Между тѣмъ Антонъ Мершъ объявилъ министрамъ Елисаветинымъ, что всѣ деньги, которыя онъ занялъ на имя компаніи, заняты были по наущенію дьяка Андрея Щелкалова, который велѣлъ ему и печать сдѣлать такую же, какая была у него, когда онъ еще служилъ у гостей, далъ слово во всемъ этомъ его очистить и помочь собрать всѣ долги; что онъ, Мершъ, не смѣлъ ослушаться Щелкалова, который былъ канцлеръ и одинъ изъ самыхъ большихъ людей у государя, притомъ же у него, Мерша, не было никакого другого пріятеля. Елисавета переслала эти показанія въ Москву, давая имъ полную вѣру, прислала назадъ и самого Мерша. Но Флетчеру, который представилъ объ этомъ дѣлѣ государю, данъ былъ отвѣтъ, что Мершъ воръ вѣдомый, сказалъ ложныя слова на государскаго дьяка Андрея Щелкалова, и то диво великое, что люди честные, королевнины думные люди, не умѣли такого вѣдомаго вора обличить въ своей Землѣ, обыскать объ его воровствѣ его же товарищами.

Елисавета продолжала льстить Годунову въ своихъ грамотахъ; Годуновъ повторялъ ей въ своихъ, что государь оказалъ разныя милости англійскимъ купцамъ, „любя тебя, сестру свою любительную, а за моимъ челобитьемъ и печалованіемъ". Королева присылала ему подарки; однажды онъ ихъ не взялъ и извинялся въ этомъ такимъ образомъ: „Ты, государыня, прислала ко мнѣ свое жалованье, поминки,

и я твоего жалованья не взялъ, потому что посолъ твой привезъ отъ тебя къ государю нашему въ поминкахъ золотые—въ половину золотой, и въ четверть золотой, и въ деньгу золотой. Такіе поминки между вами, великими государями, прежде не бывали. Государь нашъ этихъ поминковъ брать не велѣлъ, и я поэтому твоего жалованья взять не посмѣлъ, а за твое жалованье тебѣ, великой государынѣ, челомъ бью. Я впередъ хочу видѣть и государя своего умолять и на то наводить, чтобъ между вами любовь братская утвердилась на-вѣки и больше прежняго; твое жалованье впередъ хочу на себѣ держать и твоихъ гостей хочу держать подъ своею рукою во всякомъ береженьи". Знаменитый министръ Елисаветинъ, Сесиль (который въ русскихъ грамотахъ величается: Вилимъ Сисель, честнѣйшаго чину рычардъ подвязочной, то-есть кавалеръ ордена Подвязки) писалъ Годунову: „Вздумали-было наши гости не торговать больше въ вашемъ государствѣ для многихъ обидъ; но теперь они хотятъ торговать многими всякими товарами, если ты, Борисъ Ѳедоровичъ, станешь ихъ беречь, впередъ они другого помощника себѣ не ищутъ". Сесиль просилъ уничтоженія остающихся кабалъ, данныхъ Мершемъ, и безпошлинной торговли. Борисъ отвѣчалъ: „На англійскихъ гостяхъ и то взяли только половину долговъ, не велю брать и другой половины, убытковъ имъ никакихъ не будетъ, и во всемъ ихъ стану беречь, по всѣмъ приказамъ отъ всякихъ убытковъ, и торговля имъ будетъ повольная попрежнему, государь не велѣлъ брать съ дворовъ ихъ никакихъ пошлинъ". Но Сесиль продолжалъ жаловаться на обиды: „Какъ пріѣдутъ англійскіе гости въ вашу Землю, то имъ не велятъ торговать никакими товарами, а велятъ имъ покупать государевъ товаръ по указной цѣнѣ, а не по той, чего стóитъ; и если наши гости не захотятъ покупать этого товару по такой высокой цѣнѣ, то ихъ задерживаютъ долгое время въ устьи Двинскомъ, и они живутъ въ большомъ страхѣ, какъ имъ идти назадъ въ морозы и бури. Тебѣ извѣстно, что насилье не годится надъ торговыми людьми: если будутъ впередъ дѣлать имъ насиліе, навязывать имъ товары, которые имъ ненадобны, а надобнымъ товарамъ цѣну указывать высокую, то это будетъ не вольная торговля, а насиліе". Борисъ въ отвѣтѣ своемъ говорилъ, что жалобы на насилія несправедливы, и попрежнему обѣщалъ, что торгъ будетъ повольный еще больше прежняго[1]).

Съ Даніею были въ царствованіе Ѳеодора неважныя сношенія по поводу опредѣленія границъ съ Норвегіею. Гораздо больше вниманія Московское правительство должно было обращать на югъ, гдѣ изъ Крыма ежечасно ожидали нападенія и гдѣ Турція не переставала грозить отнятіемъ завоеваній Грознаго. Съ 1584 до 1588 года Крымцы нѣсколько разъ нападали на украйну; но счастьемъ для Москвы было то, что въ это время, когда ждали войны съ Баторіемъ, въ Крыму происходили усобицы: ханъ Магметъ-Гирей былъ убитъ братомъ Исламъ-Гиреемъ; сыновья Магметъ-Гирея, Сайдетъ и Муратъ, прогнали-было дядю, причемъ опустошили весь Крымъ, ханскую казну всю разграбили, женъ и дѣтей русскихъ и литовскихъ въ плѣнъ побрали; но были прогнаны опять дядею Исламомъ, и отдались въ покровительство Московскаго царя. Сайдету позволено было кочевать съ Ногаями близъ Астрахани, а Муратъ сталъ жить въ самой Астрахани. Исламъ, боясь племянниковъ, которыхъ любили въ Крыму, долженъ былъ опираться на Турокъ, позволять имъ всякаго рода насилія, что еще больше ожесточило противъ него Крымцевъ: „Мы всѣмъ Крымскимъ юртомъ желаемъ", говорили они: „чтобъ былъ царемъ Сайдетъ-Гирей царевичъ, а Исламъ-Гирея всѣ люди не любятъ. Турецкими людьми Крымскій юртъ опустошилъ, отъ янычаръ насильство и убійство великое". До чего дошелъ Крымъ во время этихъ усобицъ,—видно изъ словъ калги Исламова, Алпъ-царевича, московскому гонцу: „Государь вашъ прислалъ мнѣ поминки легкіе; но мы не думали, чтобъ государь вашъ въ такое время захотѣлъ и сноситься съ нами". Исламъ писалъ Ѳеодору: „Если захочешь съ нами въ самомъ дѣлѣ быть въ дружбѣ, то ты бы нашихъ недруговъ, Сайдета и Мурата, у себя не держалъ, хотя они тебѣ и въ руки попались; ты бы сослалъ ихъ туда, гдѣ бы ихъ ни слыхать, ни видать; а денегъ и казны не годится имъ давать. Если ты съ нами подружишься, то мы непремѣнно станемъ надъ невѣрною Литвою промышлять". Московскій посолъ долженъ былъ поручиться хану, что Сайдетъ и Муратъ не пойдутъ на Крымъ, если только самъ ханъ не пойдетъ на Московскія украйны, царевичей не отпуститъ, султану походъ на Астрахань отговоритъ, а въ Москву вѣсть пришлетъ о замыслахъ турецкихъ людей.

Большую услугу также оказывали Москвѣ Запорожскіе казаки, которые не давали покоя Туркамъ и Татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Казаки то приходили войною на крымскіе улусы, то присылали къ хану съ предложеніемъ своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, въ 1585 году, казаки съ атаманомъ своимъ, Яномъ Ярышевскимъ, два раза приходили на крымскіе улусы, отогнали лошадей и всякаго скота больше 40,000 и людей многихъ въ плѣнъ взяли. А потомъ отъ этого же Ярышевскаго и отъ всѣхъ атамановъ пріѣхали къ хану четыре казака и говорила ему: „Прислали насъ атаманы днѣпровскіе, чтобъ ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился, и давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ Литовскаго короля, и они готовы". Ханъ отвѣчалъ: „Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы". Но вмѣ-

[1]) Дѣла Англійскія, № 1 и 2.

сто службы хану казаки взяли Очаковъ, а въ 1588 году, въ числѣ 1,500, пришли моремъ въ судахъ на крымскіе улусы въ Тунтарахань, между Козлевомъ и Перекопью, взяли 17 селъ. Султанъ присылалъ къ Исламъ-Гирею съ угрозою, что если все такъ будетъ, то онъ выгонитъ его изъ Крыма. Исламъ умеръ въ 1588 году; преемникъ его, Казы-Гирей, въ исполненіе воли султана, долженъ былъ мстить Литвѣ за казацкія опустошенія и потому дружелюбно сносился съ Москвою. Царь отвѣчалъ ему такимъ же образомъ: „Прежде, какъ былъ на Крымскомъ юртѣ Исламъ-Гирей, то мы послали рать свою большую на Донъ и Волгу со многими воеводами, а идти было имъ съ Муратъ-Гиреемъ царевичемъ на Исламъ-Гирея царя за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику и къ князю Михайлу Ружинскимъ, къ атаманамъ и Черкасамъ послали мы головъ Лихарева и Хрущова, велѣли имъ идти со всѣми Черкасами на Крымъ. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка—Татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князья Ружинскіе". Въ Москвѣ считали нужнымъ оказывать хану услуги, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, услуги въ татарскомъ вкусѣ: Казы-Гирей писалъ къ царю, чтобъ тотъ велѣлъ извести одного Татарина, Аталыкъ Муслы, попавшагося въ плѣнъ къ Русскимъ, потому что онъ негодный человѣкъ; царь отвѣчалъ, что просьба ханская исполнена, Аталыкъ изведенъ.

Впрочемъ, изъ тона царскихъ грамотъ и изъ небольшаго количества поминковъ видно было, что въ Москвѣ не очень боялись хана: царь писалъ хану только поклонъ, а не челобитье, а ханъ въ грамотахъ къ Годунову обращался такимъ образомъ: „Брата нашего, многаго крестьянства государя, большому визирю и доброму карачею и въ боярахъ начальнѣйшему и въ крестьянскомъ законѣ въ своей странѣ между своихъ сверстниковъ честнѣйшему, другу нашему Борису множествомъ-многъ поклонъ". Не посылая въ Крымъ богатыхъ подарковъ, правитель не хотѣлъ кормить и дарить многочисленную толпу Татаръ, которые обыкновенно приходили съ гонцами, чтобъ пользоваться государевымъ жалованьемъ; гонцу Мишурину, отправлявшемуся въ Крымъ, было наказано: царю, царевичамъ и царевымъ ближнимъ людямъ говорить накрѣпко, чтобъ посылали къ государю гонцовъ своихъ немногихъ, больше 30 человѣкъ не посылали бы; а что посылаютъ многихъ гонцовъ,—отъ того государеву и цареву дѣлу поруха. Вотъ теперь прислалъ Казы-Гирей царь гонца своего, а съ нимъ пришло 80 человѣкъ, чего никогда не бывало. Впередъ бы царь велѣлъ посылать гонцовъ немногихъ, а станутъ гонцы ходить многіе, то имъ государева жалованья и корму не будетъ.

Мы видимъ, что царь въ грамотѣ къ хану упоминалъ о сношеніяхъ своихъ съ Запорожцами, которые должны были вмѣстѣ съ московскими войсками идти на Крымъ при Исламъ-Гиреѣ. Какого рода отношенія были у Московскаго правительства къ Черкасамъ,—видно изъ наказа, даннаго гонцу Петру Зиновьеву, отправлявшемуся въ Крымъ: какъ пойдетъ Петръ съ Ливенъ, и вѣсть будетъ, что пришли на Донецъ съ Днѣпра, изъ Запорожья, Черкасы, Матвѣй Ѳедоровъ съ товарищами, стоятъ смирно и государевымъ людямъ отъ нихъ зацѣпки нѣтъ никакой,—то Петру послать напередъ себя станицу къ Запорожскимъ Черкасамъ и велѣть про себя сказать, что есть съ нимъ отъ государя къ нимъ ко всѣмъ грамота и рѣчь, и Матвѣй бы Ѳедоровъ и товарищи его съ нимъ видѣлись, и Черкасамъ своимъ всѣмъ по всему Донцу заказали бы, чтобъ они надъ Петромъ и надъ крымскими гонцами и надъ провожатыми ихъ ничего не сдѣлали, а онъ, Петръ, идетъ въ Крымъ съ крымскими гонцами легкимъ дѣломъ наскоро, и поминковъ съ нимъ ничего не послано. Да какъ съ нимъ атаманы и молодцы запорожскіе съѣдутся, и Петру отъ государя поклонъ имъ исправить и грамоту отъ государя подать; а говорить имъ отъ государя, чтобъ они его, Петра, и крымскихъ гонцовъ пропустили и провожатыхъ ничѣмъ не тронули [1]), а государево къ нимъ жалованье будетъ сейчасъ же съ государскимъ сыномъ боярскимъ. А государь, увидя ихъ передъ собою службу, пришлетъ къ нимъ на Донецъ большое свое жалованье.—Службу свою Запорожцы показывали попрежнему: гонецъ Мишуринъ въ 1589 году доносилъ, что Черкасы взяли турецкій корабль на морѣ близъ Козлева; потомъ дали знать Казы-Гирею, что пришли въ Козлевъ, въ посадъ, ночью, Литовскіе люди, атаманъ черкасскій Кулага и съ нимъ Черкасъ 800 человѣкъ, пришли они моремъ въ малыхъ стругахъ. Казы-Гирей тотчасъ пошелъ въ Козлевъ со всѣми людьми, но Черкасъ въ городѣ уже не засталъ: они выграбили здѣсь лавки, выбирая изъ нихъ лучшее; Турокъ и Жидовъ—однихъ били, другихъ забирали въ плѣнъ; но тутъ напалъ на нихъ калга Фети-Гирей, и былъ бой въ самомъ посадѣ; Татары взяли у Черкасъ человѣкъ съ тридцать въ плѣнъ, Кулага былъ убитъ, остальные ушли. Кромѣ того, Черкасы вокругъ Бѣлгорода (Акермана) всѣ посады пожгли; воевали въ Азовѣ посадъ, взяли въ плѣнъ 300 человѣкъ, бухарскихъ купцовъ побили. Послѣ этого султанъ прислалъ три каторги (судна), въ каждой по 50 янычаръ, съ огненнымъ боемъ, да по четыре пушечки; за ними будетъ еще пять каторгъ съ янычарами; велѣлъ имъ Турецкій султанъ при устьи Днѣпра беречь отъ Черкасъ проходу на море, а къ хану Турскій писалъ, чтобъ шелъ на Литву.

Казаки Донскіе и Терскіе также безпокоили Татаръ и Турокъ, хотя и не въ такой степени, какъ Запорожцы. Ханъ писалъ Годунову: „Ваши казаки Донскіе Азову городу досаждаютъ; ваши же казаки съ Дона и съ Самары къ Овечьимъ водамъ приходятъ украдкою къ нашимъ улусамъ, воруютъ скотъ.

[1]) Не кранули.

Султанъ ко мнѣ писалъ, что казну свою потратилъ, взялъ городъ Дербентъ, а теперь изъ Азова въ Дербентъ людямъ его прохода нѣтъ,—Русскіе казаки, которые на Терекѣ живутъ, на перевозахъ и топкихъ мѣстахъ на нихъ нападаютъ; султанъ не можетъ этого терпѣть, съ большою ратью и народомъ хочетъ города брать и Москву воевать". Султанъ приказываетъ хану наблюдать за Литвою; Казы-Гирей хотѣлъ, чтобъ царь Московскій платилъ ему за это; онъ писалъ Θеодору: „Хотимъ этою зимою зимовать на Днѣпрѣ и караулить, а у васъ просимъ, чтобъ вы за этотъ караулъ прислали намъ наемъ". Казы-Гирею хотѣлось, съ одной стороны, чтобъ царь отпустилъ къ нему Муратъ-Гирея, который продолжалъ жить въ Астрахани, а съ другой—выманить побольше денегъ, и потому онъ написалъ очень ласково: „Русскіе казаки приходили на наши стада и отогнали съ 700 лошадей; наши люди, вмѣстѣ съ Азовскими казаками, пошли за ними въ погоню; но мы за этими погонщиками послали людей своихъ, велѣли ихъ перехватать и опалу на нихъ положили; да привели-было они одного сына боярскаго,—мы его у нихъ взяли и послали къ вамъ, брату нашему". Но въ Москвѣ не трогались этими учтивостями, не присылали ни Муратъ-Гирея, ни денегъ. Легко понять, какъ это раздражало хана, особенно послѣднее. Муратъ-Гирей умеръ въ Астрахани. Русскіе утверждали, что онъ былъ отравленъ людьми, подосланными изъ Крыма, а въ Крыму утверждали, что его отравили Русскіе—новое побужденіе къ враждѣ и мести; побуждалъ хана къ этой враждѣ и султанъ, который сердился на Москву за нападеніе Донскихъ и Терскихъ казаковъ; наконецъ побуждалъ хана къ нападенію на Москву король Шведскій Іоаннъ, обѣщалъ ему богатые поминки, если онъ извоюетъ Московскаго царя, давая знать, что сопротивленія Татарамъ не будетъ, потому что войска царскія находятся на сѣверѣ, у границъ шведскихъ. Ханъ рѣшился посмотрѣть береговъ Оки и, если можно, пробраться дальше. Въ концѣ 1590 года пріѣхалъ въ Крымъ русскій посолъ Бибиковъ; когда онъ правилъ поклонъ и посольство отъ государя, а потомъ правилъ челобитье отъ боярина Бориса Θедоровича, подалъ грамоту и поминки, то ханъ противъ государева поклона и здоровья не всталъ. 11 января 1591 года пріѣхалъ въ жидовскій городъ Кыркоръ, гдѣ стоялъ посолъ, Ахметъ-ага, велѣлъ Бибикова позвать къ себѣ и говорилъ ему царевымъ словомъ: „Посылалъ царь къ тебѣ просить пятидесяти шубъ бѣльихъ да пяти шубъ куньихъ, что̀ не прислано мулламъ, да списковъ, наказовъ и росписей, а ты царева слова не послушалъ, и царь у тебя велѣлъ взять все твое имѣніе". Приставы ограбили Бибикова и толмачей, взяли у нихъ все—шубы, шапки, платье, деньги, запасы, вино. Весною орда собралась въ походъ, и 5 мая ханъ послалъ сказать Бибикову, что онъ идетъ не на государеву украйну, а на Литовскаго короля.

Но въ іюнѣ въ Москвѣ узнали, что Татары идутъ не на Литву, а на государеву украйну; тогда, 26 числа, велѣно было воеводамъ изъ всѣхъ полковъ, расположенныхъ по обычаю на берегу Оки, и изъ городовъ украйныхъ идти въ Серпуховъ въ сходъ къ боярину, князю Θедору Ивановичу Мстиславскому. Но когда узнали подробно, что идетъ самъ ханъ съ большимъ войскомъ прямо къ Москвѣ, то велѣно было боярамъ и воеводамъ со всѣми полками спѣшить къ столицѣ, чтобъ предупредить хана. 1-го іюля въ вечерни пришли полки къ Москвѣ и стали противъ Коломенскаго; 2-го числа имъ велѣно было идти къ обозу, устроенному противъ Данилова монастыря; въ этотъ день пріѣзжалъ къ нимъ самъ царь; бояръ, воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ жаловалъ—о здоровьи спрашивалъ, по полкамъ смотрѣлъ. 3-го іюля пріѣхалъ въ Москву съ берегу, оставленный тамъ для вѣстей, голова Колтовской и объявилъ, что ханъ перешелъ Оку подъ Тѣшиловымъ, ночевалъ въ Лопаснѣ и идетъ прямо къ Москвѣ. По этимъ вѣстямъ отправили на Пахру 250 человѣкъ дѣтей боярскихъ—Смолнянъ, Алексинцевъ, Тулянъ, подъ начальствомъ князя Бахтеярова-Ростовскаго; имъ велѣно было стать на рѣкѣ и промышлять надъ передовыми крымскими людьми; эти передовые люди сбили ихъ съ Пахры, ранили воеводу и много дѣтей боярскихъ побили и взяли въ плѣнъ. Тогда велѣно было боярамъ и воеводамъ стать со всѣми людьми въ обозѣ; въ большомъ полку былъ воеводою князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій, въ правой рукѣ—князь Никита Романовичъ Трубецкой, въ передовомъ полку—князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, въ лѣвой рукѣ—князь Василій Черкасскій; у каждаго изъ трехъ первыхъ воеводъ были въ товарищахъ по Годунову: у Мстиславскаго самъ Борисъ, у Никиты Трубецкаго—Степанъ Васильевичъ Годуновъ, у Тимоѳея Трубецкаго—Иванъ Васильевичъ Годуновъ. Кромѣ того, у Мстиславскаго и Бориса Годунова въ прибылыхъ въ думѣ были: кравчій Александръ Никитичъ Романовъ, окольничій Андрей Клешнинъ, казначей Черемисиновъ, оружничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, думный дворянинъ Пивовъ.

4-го іюля, утромъ, въ воскресенье, пришелъ къ Москвѣ ханъ, самъ сталъ противъ Коломенскаго, а къ обозу, гдѣ сидѣли русскіе воеводы, выслалъ царевичей; противъ нихъ воеводы выслали изо всѣхъ полковъ головъ съ сотнями, ротмистровъ съ Литовскими и Нѣмецкими людьми, велѣли имъ травиться съ Крымцами, по тогдашнему выраженію. Эта травля продолжалась до ночи, безъ рѣшительнаго исхода; Татары не любили такихъ встрѣчъ: травиться съ Русскими безо всякой пользы имъ не нравилось; идти на обозъ, гдѣ сосредоточены были московскія силы съ нарядомъ,—еще менѣе; между тѣмъ плѣнники объявили, что пришло къ Москвѣ новое войско, новгородское и изъ другихъ областей, и воеводы хотятъ ударить на Крымцевъ ночью. Казы-Гирей не сталъ дожидаться разсвѣта и побѣжалъ, бросивъ обозъ. Утромъ, 5-го числа, воеводы

послали за нимъ скорые полки; но тѣ не могли его нигдѣ нагнать, потому что онъ бѣжалъ, не останавливаясь ни у одного города; задніе отряды его были нагнаны и разбиты подъ Тулою, остатки истреблены въ степяхъ. Главная царская рать двинулась также изъ обоза и шла до Серпухова; сюда 10-го іюля пріѣхалъ изъ Москвы князь Козловскій и объявилъ Мстиславскому опалу за то, что въ отпискахъ къ государю онъ писалъ одно свое имя, не упоминая о конюшемъ бояринѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ. Но въ тотъ же день пріѣхалъ стольникъ Иванъ Никитичъ Романовъ, правилъ боярамъ и воеводамъ отъ государя поклонъ, спрашивалъ всю рать о здоровьи, подалъ князю Мстиславскому и Борису Годунову золотые португальскіе, другимъ боярамъ и воеводамъ—по два золотыхъ корабельныхъ, инымъ—по одному, другимъ золотые венгерскіе. Младшіе воеводы остались на берегу, старшіе возвратились въ Москву. Здѣсь Годуновъ получилъ шубу въ тысячу рублей съ плечъ государевыхъ, цѣпь золотую также съ государя, сосудъ золотой, который называли „Мамай“, потому что былъ взятъ въ Мамаевомъ обозѣ послѣ Куликовской битвы, три города въ Важской Землѣ, званіе Слуги, которое, какъ должны были объяснять наши послы въ Литвѣ, было честнѣе боярскаго; князь Мстиславскій получилъ также шубу съ царскихъ плечъ, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другіе воеводы и ратные люди получили шубы, сосуды, вотчины, помѣстья, деньги, камки, бархаты, атласы, мѣха, сукна. Нѣсколько дней были пиры у государя въ Грановитой палатѣ; въ благодарность Богу построили Донской монастырь.

Въ концѣ іюля возвратился въ Крымъ съ войны калга; стали спрашивать его, гдѣ ханъ?—а онъ ничего не знаетъ, прибѣжалъ калга скорымъ дѣломъ, войска возвратилось только треть; пришли пѣшкомъ, полону привели немного. 2-го августа пріѣхалъ самъ ханъ въ Бакчисарай, ночью, въ телѣгѣ, раненый; послѣ видѣли, что лѣвая рука у него была подвязана. Въ концѣ августа позвали къ хану московскаго посла Бибикова; ханъ велѣлъ ему сѣсть и началъ говорить: „Былъ я на Москвѣ, и меня не подчивали, гостямъ не ради.“ Посолъ отвѣчалъ: „Вольный человѣкъ царь! Ты у государя нашего укралъ, ходилъ въ его Землю черезъ свое слово, да и былъ ты въ нашей Землѣ и у Москвы постоялъ немножко, а еслибъ ты постоялъ побольше, то государь нашъ умѣлъ бы подчивать.“ Ханъ не отвѣчалъ на это ничего, позвалъ Бибикова обѣдать и, послѣ обѣда, велѣлъ положить на него платно золотное. Бибиковъ провѣдывалъ, для чего ханъ ходилъ въ государеву Землю. Ему отвѣчали, что хану хотѣлось показать себя, потому что онъ, какъ сѣлъ на царство, на Московской украйнѣ не бывалъ, а у нихъ это безчестно, умыселъ ханскій былъ уже давно. Объяснили ему, почему ханъ побѣжалъ отъ Москвы: плѣнники сказали, что новгородская и псковская сила пришла, и хочетъ государь выслать на хана воеводъ своихъ. Казы-Гирей спросилъ: „Кто главный воевода?“ Плѣнные отвѣчали, что Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Тогда князья и мурзы стали говорить: „Если Бориса пошлютъ, то съ Борисомъ будетъ много людей.“ Ханъ и побѣжалъ. Одинъ изъ князей крымскихъ говорилъ Бибикову: „Зачѣмъ государь вашъ много городовъ ставитъ на украйнахъ, на Терекѣ, на Волгѣ, около Крыма?“ Бибиковъ отвѣчалъ: „Въ Землѣ государевой людей умножилось, взяла тѣснота,—государь сильный, для того и города ставитъ.“ Князь сказалъ на это: „Вашъ государь такъ-же хочетъ сдѣлать, какъ надъ Казанью,—сначала городъ близко поставилъ, а потомъ и Казань взялъ; но Крымъ не Казань, у Крыма много рукъ и глазъ, государю вашему надобно будетъ идти мимо городовъ въ середку.“

Ханъ первый началъ сношенія съ царемъ, и, черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ похода, прислалъ гонцовъ своихъ въ Москву. На вопросъ отъ бояръ, зачѣмъ они пріѣхали, гонцы отвѣчали: „Царь у государя вашего ни Казани, ни Астрахани не проситъ, только поминки бы вашъ государь прислалъ по царевой грамотѣ.“ Бояре велѣли сказать имъ: „Если позналъ царь неправду свою, то долженъ принести покореніе большое; поминки посылаютъ за дружбу, а видя цареву неправду и такую недружбу, поминковъ посылать не-за-что.“ Гонцы отвѣчали: „Еслибъ царь своей неправды не узналъ, то насъ къ государю вашему не послалъ бы; а государь бы вашъ Казы-Гирею царю приходъ его подъ Москву простилъ: вѣдь царь ходилъ войною, и большой досады ему не учинилъ,—которою дорогою пришелъ, тою же дорогою и назадъ вышелъ.“ Но это наглое смиреніе оказалось хитростію: хану нужно было оплошить Московское правительство, какъ тогда выражались; въ Москвѣ дѣйствительно оплошали; думали, что Крымцы послѣ несчастнаго похода своего не въ состояніи скоро напасть на украйны,—и обманулись жестоко: въ маѣ 1592 года калга Фети-Гирей ворвался въ украйну безвѣстно, въ Рязанскія, Каширскія и Тульскія земли. Татары побили много людей, пожгли много селъ и деревень, много побрали въ плѣнъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые, не ожидая нападенія, не перебирались съ семействами въ города; полону сведено было такъ много, говоритъ лѣтописецъ, что и старые люди не запомнятъ такой войны отъ поганыхъ.

Ханъ поправился и перемѣнилъ тонъ, сказалъ гонцу царскому, отправленному къ нему еще до нападенія калги: „Дивлюсь я больше всего тому, что около Троицына дня у васъ прибылыхъ большихъ людей ни на берегу, ни на Украйнѣ не было, а которые украинскіе люди и собрались,—и они были всѣ въ лѣсу, на поле не вышли и съ нашими людьми не бились, только и побились немного Литовскіе люди. Сказывали мнѣ царевичи и всѣ князья: такой войны нашимъ людямъ не бывало никогда; наши люди ни сабли, ни стрѣлы не вынимали, загоняли плѣнныхъ плетьми.“ Гонецъ отвѣчалъ: „Ты присылалъ

къ государю гонцовъ своихъ съ любовными грамотами, и оттого людей на Украйнѣ въ сборѣ не было; если теперь такъ оплошали, то впередь уже такъ не будетъ, не оплошится государь нашъ, положась на твое слово." Но ханъ, довольный тѣмъ, что могъ перемѣнить тонъ и снова запрашивать, не думалъ болѣе о войнѣ съ Москвою, ибо долженъ былъ участвовать въ войнахъ султана въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи. На запросы ханскіе и обычныя увѣренія, что калга нападалъ на московскія украйны своевольно, царь велѣлъ отвѣчать ему: „Посылаемъ къ тебѣ посла съ большими поминками, а на тебѣ хотимъ еще правды посмотрѣть. Одного изъ пословъ твоихъ, Аллабердея мурзу, мы оставили у себя для большаго дѣла, чтобъ безъ добраго человѣка у насъ не было и ссылка между нами не порвалась. Когда нашъ посланникъ Семенъ Безобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придутъ, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпиши, какого своего добраго человѣка нарядишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего человѣка пошлешь съ нимъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ человѣкомъ у Ливенъ будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ. Напиши, къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего посла Аллабердея съ большими поминками и запросными деньгами: мы къ этому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князѣ Меркуріи Щербатомъ, и своего добраго человѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ человѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговоритъ и размѣняется послами по прежнему обычаю; нашъ посолъ князь Щербатый и твой посолъ Аллабердей пойдутъ къ тебѣ, а твой новый посолъ и нашъ старый посланникъ Безобразовъ пойдутъ къ намъ." Посланнику Безобразову былъ данъ наказъ: „Послано съ нимъ 1,000 золотыхъ, и ему тѣ золотые держать у себя тайно; какъ онъ придетъ въ крымскіе улусы и провѣдаетъ, что царь въ Крыму не постарому и походу на московскія украйны не чаять, или царь ждетъ себѣ перемѣны отъ Турскаго, или есть на немъ какая-нибудь иная худоба, или будетъ у него походъ на Литву, по приказу Турскаго, то ему, Безобразову, никакъ не давать золотыхъ и держать ихъ у себя тайно, чтобъ никто не зналъ, и толмачи. А если онъ провѣдаетъ, что царь наготовѣ, собрался на государевы украйны и худобы на немъ нѣтъ никакой, то дать золотые: царю 700, калгѣ 200, Нурадину царевичу 100". Посланнику наказано было также выкупать плѣнныхъ: обыкновенно платили за дѣтей боярскихъ отъ 50 до 100 рублей; за сотника стрѣлецкаго—50, за попадью—25 рублей, за дочь княжескую—50; въ послѣдній набѣгъ попалось въ плѣнъ нѣсколько людей значительныхъ: такъ, Безобразовъ долженъ былъ непремѣнно выкупить Никифора Ельчанинова, дать за него 200 рублей; непремѣнно же долженъ былъ выкупить жену Тутолмина, дать за нее 200 рублей, да отъ мужа до 200 рублей; за мать Щепотьевыхъ—давать до 70 рублей, да отъ дѣтей ея до 40 р.

Прежде отправленія посла и знатнаго человѣка для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ, ханъ прислалъ гонца съ требованіями отъ своего и султанова имени: чтобъ сведены были Терскіе и Донскіе казаки; чтобъ царь прислалъ ему 30,000 рублей на постройку города на Днѣпрѣ, на Кошкинѣ перевозѣ,—что по русски Добрый перевозъ выше пороговъ, и велѣлъ бы отпустить въ Крымъ жену умершаго Муратъ-Гирея. Дьякъ Андрей Щелкаловъ отвѣчалъ гонцу: „Это дѣло нестаточное, государь нашъ въ этомъ Крымскаго и Турскаго не послушаетъ,—мало-ль что Турскій пишетъ; прежде писывалъ Турскій о Казани и Астрахани, и тому чему вѣрить, какъ было тому статься? А теперь также несхожее дѣло. Терскаго города государю нашему не сношивать. Терскій городъ поставилъ государь въ своей отчинѣ, въ Кабардинской Землѣ, для того: изъ давнихъ лѣтъ кабардинскіе Черкесы холопи государевы; а бѣжали изъ рязанскихъ предѣловъ въ горы, и служили отцу государя нашего, и теперь служатъ; они били челомъ, чтобъ для ихъ обереганья городъ велѣлъ на Терекѣ поставить; а теперь государю нашему отъ своей вотчины какъ отступиться?" Гонецъ сталъ опять говорить: „Царь со мною приказывалъ тайно, чтобъ государь города сносить и казаковъ сводить съ Терки (Терека) не велѣлъ, только-бъ велѣлъ поманить и къ царю отписать, что Тереку очистить, а царь объ этомъ отпишетъ къ Турскому, чтобъ Турскій далъ покой, на государя ходить ему не велѣлъ; а царь въ это время городъ на Кошкинѣ перевозѣ у Днѣпра поставитъ, всѣ крымскіе улусы къ Днѣпру переведетъ и Перекопь разоритъ; а на городовой бы харчъ государь послалъ къ Казы-Гирею царю 30,000 рубл.". Щелкаловъ отвѣчалъ: „Какъ этому вѣрить; какъ царю отъ Турскаго отстать, и можно ли ему противъ Турскаго стоять? и какимъ обычаемъ городъ поставить и укрѣпить, и нарядъ у царя есть ли, и знаетъ ли Турскій про городъ?" Гонецъ отвѣчалъ, что ханъ пришлетъ въ заложники сына и по человѣку изъ каждаго большого рода. Съ тѣми же рѣчами гонецъ былъ у Годунова; тотъ отвѣчалъ ему о Терекѣ такъ-же отказомъ, прибавивъ: „Самъ разсуди, если кто поставитъ деревеньку, хотя и не на своей землѣ, да устроитъ ее, то даромъ не отдастъ безъ крови, да безъ бою". На тайный наказъ о строеніи города и присылкѣ 30,000 руб. Борисъ отвѣчалъ: „Такой великій запросъ какъ можно выполнить? Столько денегъ и собрать нельзя,—просить бы такъ, какъ чему можно статься; да чему и вѣрить,—царево слово, что ни приказывалъ къ нашему государю, прямо никогда не бывало".—Послѣ этихъ переговоровъ въ думѣ рѣшились отправить въ Крымъ князя Щербатова, послать съ нимъ поминки, примѣрясь къ прежнему, до 40,000 руб. или больше, да хану послать 10,000 рублей, Муратъ-Гирееву жену отпустить.

Въ ноябрѣ 1533 года, вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отправились въ Ливны бояринъ князь

Ѳедоръ Яковлевичъ Хворостининъ да оружничій Богданъ Ивановичъ Бѣльскій для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ съ ханскимъ уполномоченнымъ, Ахметъ-пашою. Пріѣхавши въ Ливны, Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну на переговоры; Ахметъ отвѣчалъ, что ему за рѣку ѣхать невмѣстно: прежде пріѣзжалъ въ Путвиль большой его братъ Муратъ князь, а съ Москвы пріѣзжалъ тогда на размѣну пословъ Андрей Нагой, который пріѣзжалъ за рѣку Сеймъ къ Мурату князю въ шатеръ; потому теперь онъ, Ахматъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочетъ.—Хворостининъ возражалъ, что Андрей Нагой былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе. Ахметъ отвѣчалъ, что и онъ у своего государя человѣкъ именитый же, да и служба его къ царю Ѳедору Ивановичу вѣдома, и ему отъ хана приказъ—за Сосну не ѣздить. Когда Хворостининъ далъ знать объ этомъ затрудненіи царю, то получилъ грамоту: „Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали къ Ахметъ-пашѣ, что вы для добраго дѣла и мимо нашего указа свой съѣзжій шатеръ на ихъ сторонѣ велите поставить, только бы Ахметъ-паша пріѣзжалъ къ вамъ на съѣздъ въ вашъ шатеръ“. Но Хворостининъ урядился съ Ахметъ-пашою иначе: положили съѣзжаться на серединѣ рѣки на мосту. Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей—быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а Хворостининъ обѣщалъ: „Если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на московскіе украйны воевать не будетъ, то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ), и впередъ поминки станетъ посылать ежегодно,—государя нашего слово инако не будетъ, въ томъ вѣрьте намъ“. Ахметъ отвѣчалъ: „Я вашимъ словамъ вѣрю“. Потомъ Ахметъ сталъ говорить, чтобъ государь велѣлъ казаковъ съ Дона свести, а къ Дербенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить. Хворостининъ отвѣчалъ: „На Дону живутъ казаки воры, бѣглые люди, и, живучи на Дону, сложась съ запорожскими Черкасами, Азовъ тѣснятъ безъ государева вѣдома, и государевыхъ посланниковъ не слушаютъ. А теперь какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣпятся, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою, и велитъ тѣхъ воровъ - Донскихъ казаковъ—перехватать и перевѣшать, остальныхъ съ Дону сослать, и впередъ на Дону не будетъ ни одного человѣка; а на Терку государь пошлетъ воеводамъ крѣпкій наказъ, чтобъ Турецкимъ людямъ тѣсноты и помѣшки нигдѣ не дѣлали“

Несмотря на эти соглашенія князя Хворостинина съ Ахметъ-пашою, дѣло не вдругъ уладилось въ Крыму. Когда пріѣхалъ туда князь Щербатовъ съ поминками, князья, мурзы и уланы пріѣхали къ послу въ станъ брать государево жалованье, и нѣкоторые взяли поминки, а другіе не взяли и говорили: „Государь вашъ царь писалъ къ нашему государю, что послалъ къ намъ свое жалованье большое, а намъ и съ гонцами присылалось больше этого,—кому прежде присылалось платенъ по десяти, тому теперь прислано пять-шесть, а шапки худыя“. Посолъ говорилъ, что хану прислано 10,000 рублей, а калгѣ и всѣмъ князьямъ, мурзамъ и уланамъ 17,000 деньгами и платьемъ; на это мурзы отвѣчали: „Намъ до запросныхъ ханскихъ денегъ дѣла нѣтъ, эти деньги идутъ на городовое строеніе; платья и нашихъ денегъ съ ханскими запросными деньгами нельзя мѣшать“. Царевичъ-калга разсердился, что ему прислано денегъ мало: если хану, говорилъ онъ,—прислали 10,000, то ему должны были прислать 5,000. Калга побранился съ ханомъ: „Ты“—говорилъ онъ ему—„денегъ много взялъ, завладѣлъ всѣмъ одинъ, и идешь теперь на Венгрію; а я останусь въ Крыму и пойду на Московскую украйну“. Ханъ также не хотѣлъ давать шерти, требовалъ, чтобъ царь ежегодно присылалъ ему по 10,000 рублей; но Ахметъ-паша говорилъ хану: „Если ты теперь передъ московскимъ посломъ клятвы въ вѣчномъ мирѣ не дашь и пойдешь на султанову службу въ Венгрію, а государь Московскій съ королемъ Литовскимъ помирится, то впередъ тебѣ отъ него ничего не видать“. Ханъ призадумался, ничего не сказалъ на это, наконецъ далъ шерть, согласился написать въ шертной грамотѣ полный царскій титулъ, согласился приложить печать внизу грамоты, что дѣлалъ онъ для одного Турецкаго султана. „Скажи брату моему“, говорилъ онъ Щербатову,—„что я ему за великую честь не постоялъ, чего при прежнихъ царяхъ не бывало“. Щербатовъ настаивалъ на безденежное освобожденіе плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ. Ханъ отвѣчалъ: „Которые плѣнники у князей и у мурзъ,—тѣхъ мнѣ взять нельзя; у меня ни одного плѣнника нѣтъ, а еслибъ были, то я бы за нихъ брату моему никакъ не постоялъ; въ Крымскомъ юртѣ не ведется, чтобъ царю отнимать плѣнныхъ у князей и мурзъ: они тѣмъ живутъ; а у которыхъ Татаръ братья и племя въ плѣну у вашего государя, тѣхъ они окупаютъ и мѣняютъ сами, а мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ“. Любопытно донесеніе Щербатова о томъ, какъ онъ разузнавалъ о нужныхъ ему вѣстяхъ. „У насъ“, писалъ онъ,—„полоняники старые прикормлены для твоего государева дѣла;“ о распрѣ калги съ ханомъ, напримѣръ, Щербатовъ узналъ отъ стараго русскаго плѣнника, Сеньки Иванова, который жилъ въ мельникахъ у одного мурзы. Щербатовъ доносилъ также о томъ, какъ ханъ и царевичъ-калга угощались на его счетъ: однажды калга ѣхалъ отъ хана мимо посольскихъ становъ и заслалъ къ Щербатову Татарина, велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ выслалъ къ нему на поле вина, меду и чего-нибудь поѣсть; Щербатовъ послалъ вина, меду, коврижекъ, черныхъ хлѣбцевъ и пастилъ. Такъ-же угощалъ онъ и самого хана.

Въ Москвѣ, при переговорахъ съ крымскимъ посломъ, встрѣтилось также затрудненіе. Посолъ требовалъ возвращенія Пашая-мурзы, который выѣхалъ съ Муратъ-Гиреемъ въ нуждѣ, казачествомъ, какъ онъ выражался, и, по смерти Муратъ-Гирея, вступилъ въ службу московскую; государь далъ ему на волю: хочетъ—ѣдетъ въ Крымъ, хочетъ—остается въ Москвѣ. Посолъ просилъ свиданія съ Пашаемъ, и говорилъ ему, чтобъ ѣхалъ въ Крымъ къ хану и къ отцу своему. Пашай отвѣчалъ, что ему отъ царскаго жалованья въ Крымъ не ѣхать: здѣсь онъ пожалованъ великимъ государевымъ жалованьемъ, вотчинами и помѣстьями большими, селами и деньгами, чего всему родству его въ Крыму у хана не видать, и пожаловалъ его государь, велѣлъ за него дать царевну, дочь Кайбулину. Тогда крымскіе послы и гонцы начали говоритъ съ сердцемъ, что онъ глупитъ, говоритъ негораздо, а дьяку Андрею Щелкалову, говорили: только государь пожалуетъ, велитъ его отдать, и они его возьмутъ силою, и къ хану въ Крымъ отведутъ связавши. Дьякъ отвѣчалъ: „Если онъ ѣхать самъ не хочетъ, то государю въ неволю его не отдавать, а сердиться вамъ и въ брань говорить о томъ непригоже". Одинъ изъ крымскихъ гонцовъ сказалъ на это: „Только государь не велитъ отдать Пашая-мурзу, то за этимъ все доброе дѣло порушится". Дьякъ отвѣчалъ: „Такія непригожія рѣчи и раздорныя слова къ доброму дѣлу не пригодны; великому государю нашему не только-что хана, и никого не страшно; только хану за такія невеликія дѣла раскидывать, то государю его дружба не подъ нужду; надобно хану о томъ стараться, чтобъ государь нашъ захотѣлъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви". Посолъ окончилъ дѣло, сказавши: „Такъ промолвилось съ сердца, а ханъ за такія невеликія дѣла съ государемъ не раскинетъ, будетъ въ дружбѣ и въ любви во вѣки" [1]).

Ясно было, что Крыму миръ былъ нуженъ, и въ Москвѣ это понимали. Война съ Австріею отвлекла Татаръ отъ московскихъ украйнъ, она же мѣшала и султану обращать большое вниманіе на Москву, хотя онъ и не переставалъ враждебно смотрѣть на нее; причиною были: жалобы ногайскихъ владѣльцевъ на притѣсненія отъ Москвы, и особенно дѣйствія казаковъ. Вотъ что говорилъ московскимъ толмачамъ въ Крыму ногайскій посолъ, пріѣхавшій къ Исламъ-Гирею: „Государь вашъ князь великій завоевалъ съ нами, пословъ Уруса князя велѣлъ обезчестить и отпустилъ ихъ съ Москвы, не пожаловавъ, а казаки Волжскіе сильно обижаютъ насъ, много улусовъ у насъ повоевали, много городковъ поставили на Яикѣ и за Яикомъ, тѣсноту намъ сдѣлали большую. Меня отправилъ Урусъ князь и къ Турскому царю просить, чтобъ Турскій послалъ людей своихъ подъ Астрахань; а мы пойдемъ съ ними". Толмачи отвѣчали, что Ногаи, забывъ жалованье царя Ивана, московскихъ пословъ велѣли грабить и безчестить, и людей своихъ посылали на московскія украйны ежегодно. Но Турскій людей своихъ къ Астрахани не посылалъ, и Ногаи принуждены были подчиниться Москвѣ. Ногаи вѣрно и простосердечно объяснили причины, принуждавшія ихъ къ этому подчиненію; посолъ ногайскаго князя Уруса говорилъ московскому послу въ Крыму: „Меня Урусъ князь послалъ къ Турскому султану, чтобъ Турскій султанъ на Уруса князя и на всѣхъ мурзъ не пенялъ, что учинились въ волѣ государя Московскаго: чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ,—того будетъ и вся Ногайская орда". Потомъ московскій посолъ доносилъ изъ Крыма царю: „Поѣхали мурзы ногайскіе и всѣ лучшіе люди въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ, пометали отцовъ и матерей, женъ и дѣтей и все имѣніе, говорятъ: „Просили у насъ Муратъ-Гирей царевичъ и воеводы астраханскіе лучшихъ людей, братью нашу и дѣтей въ закладъ; но наши отцы, дѣды и прадѣды вѣкъ свой жили, а закладовъ не давали, въ волѣ государя Московскаго бывали и присягали, но никогда надъ ними такой неволи не бывало, что надъ нами дѣлаетъ теперь Муратъ-Гирей царевичъ". Мурзы и всѣ лучшіе люди, вслѣдствіе этого, послали къ Турскому царю бить челомъ, чтобъ принялъ въ подданство.

Султанъ, разумѣется, не могъ слушать равнодушно этихъ жалобъ, не могъ равнодушно слушать и донесеній, что Донскіе казаки приходятъ подъ Азовъ безпрестанно, корабли и каторги громятъ и людей турецкихъ побиваютъ.

Въ іюлѣ 1584 года отправленъ былъ въ Константинополь къ султану Амурату посланникъ Благовъ извѣстить султана о восшествіи на престолъ Өеодора, объявить: что новый царь не велѣлъ съ турецкихъ купцовъ брать пошлины и тамги; что покойный царь для султана Селима велѣлъ вывести своихъ ратныхъ людей изъ Терской крѣпости, гдѣ живутъ теперь Волжскіе казаки, безъ государева вѣдома; что вѣрѣ магометанской нѣтъ нигдѣ тѣсноты въ Россіи; въ Касимовѣ—мечети, владѣетъ тамъ магометанинъ Мустафалей; что на Дону и близко Азова живутъ казаки все бѣглые люди; иные казаки тутъ и постарѣли, живучи, а ссора идетъ оттого, что Азовскіе люди съ Крымцами и Ногаями ходятъ на государевы украйны войною, много Русскихъ людей берутъ въ плѣнъ и возятъ въ Азовъ, а казаки этого не могутъ терпѣть и на нихъ приходятъ, потому что ихъ родъ и племя на украйнахъ. Благовъ настаивалъ, чтобъ султанъ отправилъ съ нимъ своего посланника въ Москву: это собственно считалось нужнымъ для того, чтобъ заявить предъ другими государями дружественныя сношенія страшнаго и надменнаго султана съ царемъ. Паши долго не соглашались на это, говорили: „Султанъ государь великій; послы его ѣздятъ къ великимъ государямъ, къ цесарю, королю

---

[1]) Дѣла Крымскія, № 16—21; Лѣтоп. о мятеж. стр. 27; Разрядная кн. въ Симбир. сборн. годъ 1591.

Французскому, Испанскому, Англійскому, потому что тѣ присылаютъ ему казну, а съ вами у насъ одни дѣла торговыя". Благовъ отвѣчалъ: „Государи наши никогда къ Турскому казны не посылывали; государь бы вашъ послалъ для братской любви со мною вмѣстѣ посланника своего чауша добраго; а только государь вашъ со мною его не пошлетъ, а пошлетъ послѣ меня, то нашему государю эта присылка учинится не въ любовь и султанова посланника ко своему царскому лицу пустить не велитъ". Паши говорили: „Вотъ тому будетъ 14 лѣтъ, какъ приходилъ отъ отца государя вашего посланникъ, и съ нимъ поминки присланы были большіе, а съ тобою поминки присланы малые не попрежнему, и государю нашему теперь для чего посылать своего посланника"? Благовъ отвѣчалъ: „Развѣ тотъ посланникъ дѣлалъ чрезъ государевъ наказъ и прибавлялъ свои поминки? и государь нашъ за то и опалу свою на него положилъ; а со мною что̀ послано, то я и довезъ". Когда пришли къ Благову приставы и сказали, что паши велѣли взять съ него деньги за проѣздъ на кораблѣ Чернымъ моремъ, то посланникъ отвѣчалъ: „Это гдѣ водится, чтобъ посламъ не давали подводъ или корабля?" Приставы говорили: „Паши намъ сказывали, что султанъ на тебѣ деньги велѣлъ взять за то, что съ тобою поминковъ прислано мало". Благовъ отвѣчалъ: „Я привезъ то, что мнѣ дано, и Амуратъ султанъ писалъ бы о томъ къ нашему государю; если на мнѣ султанъ деньги за корабль велитъ взять, то я отъ этого у государя своего въ убыткѣ не буду; но отъ такого малаго дѣла между государями братская любовь и дружба порушится, и ссылки между ними впередъ не будетъ". Благовъ настоялъ на своемъ: султанъ отпустилъ съ нимъ въ Москву посланника своего Ибрагима. И этотъ посланникъ, какъ прежній, отказался отъ переговоровъ съ боярами о союзѣ между султаномъ и царемъ, но требовалъ, чтобъ ему выдали Муратъ-Гирея царевича и уняли Донскаго атамана Кишкина, нападавшаго на Азовъ. Ибрагима отпустили съ отвѣтомъ, что на Дону разбойничаютъ больше казаки литовскіе, чѣмъ московскіе; что Кишкинъ отозванъ въ Москву, и остальнымъ казакамъ запрещено нападать на Азовъ, а о Муратъ-Гиреѣ будетъ наказано султану съ новымъ царскимъ посломъ.

Благовъ говорилъ въ Константинополѣ всѣмъ одно о Терскихъ и Донскихъ казакахъ: „Сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры бѣглые люди, безъ вѣдома государева, не слушаютъ они никого, и мнѣ до казаковъ какое дѣло?" Благовъ, уже кромѣ царскаго наказа, могъ дѣлать подобные отзывы о казакахъ по собственному опыту. Когда онъ ѣхалъ Дономъ, то казаки приходили на него, безчестили его, суда отнимали, много запасовъ пограбили. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, и узнали, что Благовъ возвращается вмѣстѣ съ посланникомъ султановымъ, то навстрѣчу къ нимъ отправленъ былъ Василій Биркинъ. Этотъ Биркинъ, пріѣхавъ на Донъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ атаманомъ Кишкинымъ и другими атаманами и казаками, которые государю служатъ, сыскать и перехватать грабителей, лучшихъ трехъ-четырехъ изъ нихъ привести къ государю, а другихъ за воровство бить кнутомъ на Дону; если же надъ ними такъ промыслить нельзя, то промыслить надъ ними обманомъ, уговорить ихъ да и перехватать, чтобъ другимъ, на нихъ смотря, было не повадно воровать. Въ Москву дали знать, что перешелъ съ Волги на Донъ атаманъ Юшка Несвитаевъ съ товарищами и хочетъ воровать, приходить на Благова; Биркину и Кишкину велѣно было его схватить и привести въ Москву; если же Юшка исправится и станетъ служить и прямить, то надъ ними ничего не дѣлать. Биркинъ доносилъ, что казаки на морѣ захватили Черкесъ рыболововъ; Биркинъ сталъ имъ говорить, чтобъ они отпустили Черкесъ, ибо отъ этого можетъ пострадать царскій посланникъ въ Константинополѣ, Благовъ. Казаки отвѣчали ему, что за Благова не только не отпустятъ плѣнниковъ, но и волоса не дадутъ сорвать у себя; казаки, которые служили государю, говорили Биркину, что другіе казаки непремѣнно хотятъ громить Благова и турецкаго посланника, и не отпустятъ ни одного человѣка живаго, чтобъ въ Москвѣ вѣсти не было. О намѣреніи казаковъ громить Благова и турецкаго посланника узнали и въ Азовѣ, куда принесъ эти вѣсти бусурманинъ Магметъ, который былъ прежде Донскимъ казакомъ; тогда турецкій посланникъ не захотѣлъ ѣхать изъ Азова, и Благова долго здѣсь задерживали, требуя, чтобъ Донскіе казаки дали клятву не громить посланниковъ; за плѣненныхъ казаками Черкесъ взяли у Благова толмача да подъячаго

Не ранѣе апрѣля 1592 года отправленъ былъ второй посланникъ изъ Москвы въ Константинополь, дворянинъ Нащокинъ. Въ думѣ рѣшили: пригоже къ Турскому послать посланника, чтобъ ссылки не порвались; пригоже прежнія ссылки припомянуть и про то объявить,—отчего посланникъ позамѣшкался; да о присылкѣ Персидскаго шаха объявить, что присылалъ просить союза и рати, но государь ему рати не далъ, и пословъ его отпустилъ ни съ чѣмъ; о цесаревой присылкѣ также приказать устно, что цесарь и союзники его, папа, короли Испанскій и Польскій, уговариваютъ царя воевать съ султаномъ, но царь ихъ не слушаетъ; провѣдать на султанѣ: въ дружбу ли ему это будетъ,—да и вѣстей всякихъ провѣдать.

Нащокинъ долженъ былъ сказать султану, что государь такъ долго не отправлялъ къ нему посланника потому, что король Польскій не пропускалъ пословъ чрезъ Литву, а на Дону живутъ Литовскіе казаки, сложась съ нашими измѣнниками, Донскими казаками;—наконецъ потому, что зашли многія дѣла, походъ на Шведовъ. Между прочимъ, Нащокину дана была такая память: пріѣзжалъ къ государю Терновскій митрополитъ Діонисій и сказывалъ приказнымъ людямъ, что у Турскаго

султана ближній человѣкъ Иванъ Грекъ, родственникъ ему, митрополиту. Митрополитъ обѣщалъ государю служить и всякими дѣлами промышлять и, что провѣдаетъ, государевымъ посланникамъ приказывать, и къ Ивану Греку послано съ нимъ государево жалованье. Такъ, когда посланникъ въ Царьградъ пріѣдетъ, то ему съ митрополитомъ Терновскимъ и съ Іереміею патріархомъ обосляться тайно: чтобъ митрополитъ вмѣстѣ съ патріархомъ государю служилъ, султановыхъ ближнихъ людей на то приводилъ, чтобъ государю служили и султана на всякое добро наводили, чтобъ онъ съ государемъ захотѣлъ быть въ крѣпкой дружбѣ и въ любви; посланника государева отпустилъ бы съ добрымъ дѣломъ и съ нимъ вмѣстѣ отправилъ бы своего посланника, добраго человѣка. Если патріархъ и митрополитъ станутъ государю служить и станутъ просить списка съ государевой грамоты, которая послана къ султану, чтобъ имъ знать государево дѣло, чѣмъ промышлять, то Нащокину списокъ дать и отослать его тайно, и государево жалованье Ивану Греку отослать тайно же.

Къ Донскимъ казакамъ, „которые атаманы и казаки на Дону вверху и которые на низу близко Азова", послана была царская грамота съ убѣжденіемъ, чтобъ они въ то время, какъ Нащокинъ пойдетъ въ Азовъ, жили съ Азовскими людьми мирно, и которые Азовскіе люди будутъ ходить на Донъ попрежнему для рыбныхъ ловель и дровъ,—тѣхъ не задирали бы; чтобъ плѣнныхъ Турокъ и Черкесъ отдали, за что царь пожалуетъ ихъ великимъ жалованьемъ; казакамъ было объявлено также, что, въ то время какъ Нащокинъ будетъ въ Турціи, на Дону будетъ жить сынъ боярскій Хрущовъ, съ которымъ они не должны пропускать воинскихъ людей на государевы украйны.

Когда Нащокинъ объявилъ казакамъ волю государеву, то они отвѣчали: „Тебя, посланника, провожать и государю служить мы готовы; но плѣнниковъ намъ отдать нельзя: взяли мы ихъ своею кровью, а ходили эти Черкесы за нами сами и нашихъ головъ искали, и не мы на нихъ ходили; которыхъ нашу братью атамановъ и казаковъ берутъ Азовскіе люди, тѣхъ на каторги сажаютъ, и не только-что не отдаютъ даромъ, и на окупъ не даютъ; во время мира перехватали казаковъ 24 человѣка и на каторги посажали, а эту зиму больше 100 человѣкъ по городкамъ Азовскіе люди съ Черкесами взяли и на каторги распродали; и то къ намъ государево нежалованье, что хочетъ взять у насъ плѣнниковъ, которыхъ мы добыли своею кровью". Сказавши это, казаки отошли отъ Нащокина, стали въ кругъ и начали читать государевы грамоты. Прочтя ихъ, всѣ атаманы и казаки говорили между собою шумно, что имъ плѣнниковъ не отдавать; потомъ нѣкоторые подошли опять къ послу и начали говорить: „Прежде государь насъ жаловалъ, писывалъ къ намъ въ грамотахъ: „низовымъ атаманамъ" и лучшихъ называлъ по имени, а потомъ приписывалъ—„и всѣмъ атаманамъ низовымъ и верховымъ"; а теперь писано напередъ атаманамъ и казакамъ верховымъ, и потомъ уже намъ, низовымъ, и то непоимянно; но верховые казаки государевой службы не знаютъ. Если государь теперь съ вами прислалъ окупъ, то мы плѣнниковъ отдадимъ, а безъ окупу намъ ихъ отдать нельзя: только намъ теперь отдать ихъ безъ окупу,—и намъ тѣхъ окуповъ не видать и въ 10 лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣздить; если же вамъ велѣлъ государь тѣхъ плѣнниковъ взять у насъ силою, то вы у насъ возьмите ихъ изъ крови; а мы, пересѣкши ихъ, пойдемъ куда очи несутъ, уже то у насъ готово пропало". Нащокинъ отвѣчалъ: „Отъѣздомъ вамъ государю грозить непригоже, холопы вы государевы и живете на государевой отчинѣ". Казаки на это сказали: „Если къ намъ государево нежалованье, то намъ впередъ на Дону какъ жить, что ужъ впередъ у насъ плѣнниковъ окупать не станутъ? кого возьмемъ, а Турскій станетъ писать къ государю,—и государь станетъ у насъ даромъ брать и къ Турскому отсылать, и намъ на Дону чѣмъ жить?" Когда Нащокинъ сталъ имъ говорить, чтобъ жили въ мирѣ съ Азовомъ, пока онъ сходитъ въ Константинополь, то казаки отвѣчали: „Намъ теперь черезъ прежніе обычаи самимъ о миру задирать непригоже, а вотъ наши товарищи на морѣ, Василій Жегулинъ съ товарищами 300 человѣкъ, и намъ, ихъ не выждавъ, какъ мириться?" Посланникъ привезъ казакамъ государево жалованье, сукна, и хотѣлъ раздавать ихъ по наказу—лучшимъ хорошія, а рядовымъ похуже; но казаки сказали, что у нихъ большихъ нѣтъ никого, всѣ ровны, и раздѣлятъ сами на все войско, по чему достанется. Когда наконецъ Нащокинъ сталъ имъ говорить, чтобъ они служили государю съ Хрущовымъ, то они отвѣчали: „Прежде мы служили государю и головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и теперь ради государю служить своими головами, а не съ Хрущовымъ". Но одними словами не кончилось: по возвращеніи съ моря атамана Жегулина, казаки, въ числѣ 600 человѣкъ, пришли къ посольскому шатру съ саблями и ручницами, и кричали, чтобъ Нащокинъ показалъ имъ государевъ наказъ. Посланникъ отвѣчалъ, что наказъ данъ о многихъ дѣлахъ,—и показывать его нельзя; если же они пришли грабить государеву казну, то онъ, посланникъ, съ своими людьми готовъ помереть за нее. Казаки шумѣли много, селитру и запасы государевы взяли силою: потомъ схватили Донскаго атамана Васильева, пріѣхавшаго съ Нащокинымъ изъ Москвы, били его ослопами и посадили въ воду передъ шатромъ посольскимъ. Этотъ Васильевъ уговаривалъ ихъ, чтобъ они измѣны свои покрыли, государю не грубили и плѣнниковъ выдали.

Нащокинъ, послѣ многихъ затрудненій, достигъ Константинополя и справилъ свое посольство; султанъ уже отпустилъ его и рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ отправить своего посланника въ Москву, какъ вдругъ пришли вѣсти, что Донскіе казаки взяли у

Азовцевъ въ плѣнъ 130 человѣкъ, и что царь Московскій поставилъ на Дону и на Терекѣ четыре новыхъ города. Тогда великій визирь сказалъ Нащокину: „Это ли любовь вашего государя къ нашему?—за это вѣдь пригоже за сабли да воеваться, а не дружиться! Если государь вашъ велитъ съ Дону казаковъ свести,—и государь нашъ такъ же Крымскаго хана, Азовскихъ и Бѣлгородскихъ людей велитъ унять. Вы говорите: Донскіе казаки вольные люди, воруютъ безъ вѣдома вашего государя; Крымскіе и Азовскіе люди такъ же вольные. Впередъ только государь вашъ не сведетъ съ Дону казаковъ, и я вамъ говорю по Богу: не только Крымскому и Ногаямъ велимъ ходить, но сами пойдемъ своими головами со многою ратью сухимъ путемъ и водянымъ, съ нарядомъ и городомъ, хотя и себѣ досадимъ, а ужъ сдѣлаемъ это, и тогда миру не будетъ". Нащокинъ отвѣчалъ: „Далъ бы Богъ, чтобъ между государями впередъ братская любовь утвердилась; а теперь если Крымскій ханъ и пойдетъ на государевы украйны, то воля Божія,—государя нашего рать противъ него готова, и не угадать, кому что́ Богъ дастъ. Лучше бы Крымскаго унять, чтобъ впередъ между государями братская любовь не рушилась". Визирь сказалъ на это: „Правда, когда люди съ людьми сшибутся, то будетъ убытокъ на обѣ стороны, да уже не воротишь. А намъ стало досадно, что сдѣлали ваши казаки. За такія дѣла надъ послами опала бываетъ; но государь нашъ надъ вами за это ничего сдѣлать не велѣлъ, потому что у насъ того въ обычаѣ не ведется, и отпуститъ васъ къ вашему государю по прежнему обычаю, а съ вами вмѣстѣ посылаетъ своего посланника".

Когда Нащокинъ далъ знать объ этомъ въ Москву, то на Донъ отправлена была царская грамота: „Если вы начнете съ Азовскими людьми какой-нибудь задоръ и между нами и Турскимъ сдѣлаете этимъ недружбу, то вамъ отъ насъ быть въ опалѣ и въ Москвѣ вамъ никогда уже не бывать; пошлемъ на низъ Дономъ къ Раздорамъ большую свою рать, велимъ поставить городъ на Раздорахъ и васъ сгонимъ съ Дону,—тогда вамъ отъ насъ и Турскаго султана гдѣ избыть? Такъ вы бы службу свою показали: перебравъ лучшихъ атамановъ и молодцовъ конныхъ, послали на Калміусъ на Арслановъ улусъ, улусъ его погромили бы, языковъ добрыхъ добыли и къ намъ съ этими языками товарищей своихъ прислали, чтобъ намъ про ханское умышленье и про его походъ вѣдомо было. Если же до приходу въ Азовъ нашего и Турскаго посланниковъ ханъ или царевичи его пойдутъ на наши украйны и съ ними Азовскіе люди, то вы бы всѣ на коняхъ шли подъ нихъ на перевозъ и на дороги и на Донецъ Сѣверскій, и надъ ними нашимъ дѣломъ промышляли; а гдѣ сойдетесь на Донцѣ съ нашими людьми путивльскими и съ запорожскими Черкасами, которые придутъ по нашему указу подъ хана на Донецъ (а велѣно Черкасамъ запорожскимъ, гетману Христофу Косицкому и всѣмъ атаманамъ и Черкасамъ быть на Донцѣ на дорогахъ и за ханомъ идти къ нашимъ украйнамъ),—то вы бы промышляли съ ними, съ нашимъ дворяниномъ, который съ ними будетъ вмѣстѣ заодно".

Но казаки не только не хотѣли показать своей службы, по царскимъ требованіямъ,—даже не хотѣли дать провожатыхъ для пословъ. Князь Волконскій, отправленный встрѣчать турецкаго посланника подъ Азовъ, доносилъ царю: „Донскіе атаманы и казаки о провожаньи намъ отказали, что имъ неволею послать провожатыхъ нельзя, а которые охотники сами захотятъ ѣхать, то они имъ не запрещаютъ; но охотниковъ съ нами идетъ только человѣкъ съ тридцать. Хотѣли съ нами идти въ провожатыхъ атаманы и казаки многіе; но пріѣхалъ съ Украйны на низъ въ войско казакъ Нехорошко Картавый, который сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова, и сказывалъ казакамъ, что на Москвѣ ихъ товарищамъ нужда большая, твоего государева жалованья имъ не даютъ, на Донъ не пускаютъ, служатъ на своихъ коняхъ, корму имъ не даютъ, а иныхъ въ холопи выдаютъ. Услыхавши это, многіе атаманы и казаки съ нами ѣхать раздумали, а которые охотники съ нами ѣдутъ, и тѣмъ мы не вѣримъ, потому что побѣжали отъ Донскихъ казаковъ 40 человѣкъ, думаемъ, что пошли къ Черкасамъ".

Турецкій посланникъ, Резванъ, пріѣхавши въ Москву, объявилъ тѣ же требованія, о которыхъ Нащокинъ слышалъ уже отъ визиря въ Константинополѣ, то-есть, чтобъ Донскіе казаки были сведены и крѣпости на Дону и Терекѣ разрушены. Государь приговорилъ съ боярами: „Турскаго посланника отпустить, а съ нимъ вмѣстѣ къ Амурату султану отправить своего посланника для того, чтобъ ссылка впередъ не порвалась; противъ грамоты султановой отписать, что государь чрезъ Кабардинскую Землю Турецкимъ людямъ, которые станутъ ходить въ Дербентъ и Шемаху, дорогу отворяетъ; а про казаковъ отписать попрежнему, что на Дону живутъ воры, бѣглые люди и, соединясь съ литовскими Черкасами, турецкимъ городамъ тѣсноту дѣлаютъ безъ государева вѣдома; а городовъ государевыхъ на Дону нѣтъ". Новымъ посломъ былъ назначенъ дворянинъ Ислѣньевъ, который отправился въ іюлѣ 1594 года. Ислѣньевъ долженъ былъ отдать грамоту и жалованье Терновскому митрополиту и сказать ему: „Какъ былъ посланникъ Нащокинъ, то ты государю служилъ, и эта твоя служба государю извѣстна,—послужи и теперь". Къ патріарху повезъ Ислѣньевъ паробка для наученья греческому языку [1]). Подробности переговоровъ этого посла намъ неизвѣстны; изъ сношеній съ Австрійскимъ Дворомъ узнаемъ, что Ислѣньевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ новымъ султаномъ Магометомъ III.

Изъ всѣхъ этихъ переговоровъ мы видимъ, что султанъ, кромѣ сведенія казаковъ съ Дону, требо-

---

[1]) Дѣла Ту ецкія, № 2-й и 3-й.

валъ еще уничтоженія крѣпости московской на Терекѣ. Мы видѣли, какъ послѣ взятія Астрахани Московское государство должно было войти въ сношенія съ народцами кавказскими, которые, враждуя другъ съ другомъ, боясь Турокъ и Крымцевъ, требовали его покровительства, предлагали подданство. Іоаннъ IV вошелъ въ родственный союзъ съ черкесскими владѣтелями и построилъ крѣпость на Терекѣ, которую потомъ оставилъ, по требованію султана. При Θеодорѣ, въ 1586 году, явились въ Москвѣ послы отъ Кахетинскаго князя Александра, который, угрожаемый съ одной стороны Турками, съ другой—Персами, билъ челомъ со всѣмъ народомъ, чтобы единственный православный государь принялъ ихъ въ свое подданство, спасъ ихъ жизнь и душу. Царь принялъ Александра въ подданство: отправлены были въ Кахетію учительные люди, монахи, священники, иконописцы, чтобъ возстановить чистоту христіанскаго ученія и богослуженія среди народа, окруженнаго иновѣрцами; дана была и помощь матеріальная,— отправленъ снарядъ огнестрѣльный. Терская крѣпость исправлена и занята стрѣльцами. Изъ Москвы требовали, чтобъ Александръ доставилъ въ эту крѣпость запасы на 2,500 человѣкъ, но онъ отказался: „Для дальной дороги, для горъ высокихъ, да и запасу собрать столько нельзя". Московскому войску легко было защитить Александра отъ владѣльца Тарковскаго (Шевкала), сдѣлать послѣднему утѣсненіе великое и отнять у него рѣку Койсу, вслѣдствіе чего онъ и билъ челомъ государю; но нельзя было рѣшиться за Кахетію вступить въ явную борьбу съ страшными Турками: Турки требовали отъ Александра запасовъ и пропуска войскамъ ихъ черезъ его Землю въ Дербентъ и Баку. Александръ отвѣчалъ: „Съ запасомъ чрезъ свою Землю не пущу, и своихъ запасовъ не дамъ: я холопъ царя Русскаго, а Турскаго не боюсь". Но изъ Москвы дали ему знать, чтобъ онъ жилъ съ Турскимъ, переманивая его, пока промыслъ намъ нимъ учинится. Александръ видѣлъ, что чрезъ подданство Москвѣ онъ не достигъ главной цѣли своей, не можетъ надѣяться скорой и сильной обороны; видѣлъ, что ему совѣтуютъ попрежнему, какъ слабому, хитрить съ сильными, переманивать ихъ, и потому не могъ быть усерденъ. Онъ билъ челомъ, чтобъ государь опять послалъ на Шевкала большую рать, взялъ Тарки и посадилъ тутъ изъ своихъ рукъ свата Александрова, Крымъ-Шевкала. Изъ Москвы отвѣчали, что рать будетъ отправлена, но чтобъ и онъ, съ своей стороны, послалъ туда же свою рать съ сыномъ и сватомъ. Московскій воевода князь Хворостининъ дѣйствительно вошелъ въ Землю Шевкалову и взялъ Тарки, но понапрасну дожидался полковъ кахетинскихъ: вмѣсто нихъ явились непріятели, разные горскіе народцы. Хворостининъ принужденъ былъ разорить Тарки и выступить оттуда; но онъ возвратился на Терекъ съ немногими людьми: 3,000 человѣкъ было у него истреблено горцами. Было ясно, что Московское государство въ концѣ XVI вѣка еще не могло поддерживать такихъ отдаленныхъ владѣній; но Θеодоръ уже принялъ титулъ государя Земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской Земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей [1]).

Ведя переговоры съ императоромъ Нѣмецкимъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ и приказывая посламъ говорить султану, что царь, изъ дружбы къ нему, не слушаетъ предложеній императора, королей и папы, Годуновъ въ то же время велъ переговоры съ Персіею о томъ же самомъ союзѣ противъ Турокъ, и такъ же московскіе послы утверждали въ Константинополѣ, что царь не слушаетъ предложеній шаха. Неудачная борьба съ Турками заставила шаха Годабенда, въ 1586 году, предложить царю союзъ противъ султана; шахъ не щадилъ обѣщаній, говорилъ, что отдастъ Русскимъ Баку и Дербентъ, если даже и самъ возьметъ ихъ у Турокъ. Сынъ его, Аббасъ Великій, продолжалъ сношенія все съ тою же цѣлію; этотъ, кромѣ Дербента и Баку, уступалъ царю Кахетію, владѣніе русскаго присяжника Александра. Посолъ его, склоняя Годунова къ союзу, говорилъ, что такіе два великіе государя, какъ царь и шахъ, не только смогутъ стоять противъ Турскаго, но и сгонятъ его съ государства. Отъ этого новаго союзника Московскому правительству нечего было позаимствовать хорошаго въ нравственномъ отношеніи. Аббасъ велѣлъ сказать Годунову, что перемиріе, заключенное имъ съ султаномъ, есть только хитрость; что онъ отдалъ Туркамъ въ заложники шестилѣтняго племянника своего—и это ничего: „Вѣдь племянника своего мнѣ не убить же было". Посолъ персидскій также говорилъ Годунову: „Одинъ племянникъ шаховъ у Турскаго, а двое у шаха посажены по городамъ и глаза у нихъ повынуты; государи наши у себя братьевъ и племянниковъ не любятъ". И переговоры съ Персіею о союзѣ противъ Турокъ кончились такъ же, ка́къ и переговоры съ Австріею,—ничѣмъ [2]).

Но если Московское государство не могло утвердить свою власть на юго-востокѣ, въ странахъ кавказскихъ, по условіямъ мѣстнымъ и по столкновенію тамъ съ государствами магометанскими, бывшими тогда еще во всей силѣ, то оно могло безпрепятственно распространять свои владѣнія въ обычномъ направленіи, къ сѣверо-востоку. Въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ и при Θеодорѣ, какъ при отцѣ его, волновались Черемисы, но были укрощаемы; главнымъ средствомъ къ ихъ усмиренію служили постройки городовъ, населенныхъ Русскими людьми: Цывильска, Уржума, Царева-города на Кокшагѣ, Санчурска и другихъ. Русскіе люди успѣли утвердиться и за Ураломъ, въ Сибири, куда при Іоаннѣ IV проложили дорогу казаки съ Ермакомъ. Мы видѣли, что Грозный, узнавъ объ

[1]) Дѣла Грузинскія, № 1-й въ столбцахъ, годъ 1596 и 1597. Лѣтоп. о мятеж. стр. 36. Акты истор. I. № 227.
[2]) Дѣла Персидскія, № 1—4.

успѣхахъ послѣдняго, послалъ въ Сибирь воеводъ, князя Болховскаго и Глухова. Эти воеводы соединились съ Ермакомъ осенью 1583 года, были приняты съ большою честію, казаки надарили имъ дорогихъ мѣховъ, но не озаботились главнымъ,—собраніемъ съѣстныхъ припасовъ на зиму для гостей. Сдѣлался голодъ между Русскими—и много померло казаковъ и московскихъ служилыхъ людей, въ томъ числѣ и воевода князь Болховской. Весною 1584 года голодъ прекратился, но постигли несчастія другого рода; Карача, который покинулъ Кучума послѣ плѣна Маметкулова, стоялъ съ своимъ улусомъ на рѣкѣ Тарѣ; онъ прислалъ къ Ермаку просить помощи противъ Ногайской орды; Ермакъ, повѣривъ одной шерти, не взявши заложниковъ, отправилъ къ нему Ивана Кольцо съ сорока человѣками казаковъ, которые всѣ были измѣннически истреблены Карачею; другой атаманъ, Яковъ Михайловъ, подошедшій къ улусу на развѣдку, былъ также убитъ. Послѣ этого Карача облегъ малочисленныхъ казаковъ въ городѣ и стоялъ съ половины іюня, желая выморить Русскихъ голодомъ. Но въ одну ночь, когда улусники спали, ничего не подозрѣвая, атаманъ Мещерякъ вышелъ изъ города и ударилъ на непріятельскій станъ; Карача, потерявши двоихъ сыновей, побѣжалъ изъ стана; на разсвѣтѣ улусники собрались и дали битву казакамъ, въ надеждѣ подавить ихъ числомъ; но Мещерякъ, засѣвши въ стану Карачи, отбивался до полудня и заставилъ непріятеля отступить; Карача потерялъ надежду одолѣть казаковъ—и ушелъ за Ишимъ. Но торжество казаковъ не было продолжительно; бухарскіе купцы дали знать Ермаку, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ въ городъ Сибирь; Ермакъ съ небольшимъ отрядомъ (50 человѣкъ) отправился по Иртышу къ нимъ навстрѣчу, не нашелъ ихъ, и съ 5-го на 6-е августа расположился ночевать на берегу рѣки. Казаки, утомленные путемъ, крѣпко заснули, а на другомъ берегу не спалъ Кучумъ. Въ глубокую ночь, подъ проливнымъ дождемъ, онъ переправился черезъ рѣку, напалъ на сонныхъ казаковъ и истребилъ ихъ; Ермакъ, какъ носился слухъ, желая достигнуть своего струга, утонулъ въ Иртышѣ.

Послѣ голода и трехъ пораженій, казаковъ осталось такъ мало въ Сибири, что атаманъ Мещерякъ счелъ невозможнымъ оставаться здѣсь долѣе и выступилъ по дорогѣ на Русь. Сибирь снова была занята Кучумомъ, который однако скоро былъ выгнанъ изъ нея соперникомъ своимъ Сейдякомъ. Но эти князьки не долго могли на свободѣ выгонять другъ друга. Новое правительство Московское высылало въ Сибирь воеводу за воеводой. Осенью 1585 года пришелъ воевода Мансуровъ, который поставилъ городокъ на Оби, при устьи Иртыша. Остяки пришли осаждать его и принесли съ собою славнаго идола, къ которому на поклоненіе ходили изъ дальнихъ мѣстъ; но пушечное ядро, вылетѣвшее изъ русскаго городка, разбило его, и Остяки, потерявши надежду на свое божество, не безпокоили больше Русскихъ; мало того: Лугуй, князь двухъ городовъ и четырехъ городковъ на Оби, пріѣхалъ въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ русскіе ратные люди, которые сидятъ въ городѣ на устьи Иртыша, не воевали его племени и людей, а онъ будетъ давать дань въ Вымской Землѣ приказнымъ людямъ. За то, что онъ пріѣхалъ прежде всѣхъ бить челомъ, государь его пожаловалъ, велѣлъ привозить дань ему самому или его братьямъ, или племянникамъ,—по семи сороковъ соболей лучшихъ [1]). Воеводы Сукинъ и Мясной основали на берегу Туры городъ Тюмень, а воевода Чулковъ, въ 1587 г., основалъ Тобольскъ; Сейдякъ вздумалъ-было приступить къ этому городу, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Соперникъ его, Кучумъ, держался въ Барабинской степи и нападалъ на русскія владѣнія; въ 1591 году воевода князь Кольцовъ-Мосальскій разбилъ его близъ озера Чили-Кула, взялъ въ плѣнъ двухъ женъ его и сына, Абдулъ-Хаира. Послѣ этого Кучумъ обратился къ царю съ просьбою, чтобъ тотъ отдалъ ему юртъ и отпустилъ племянника Магметъ-Кула, а онъ, Кучумъ, будетъ подъ царскою высокою рукою. Три года ему не было отвѣта, а на четвертый, какъ видно, Кучумъ опять показался опасенъ, и въ 1597 году отправлена была къ нему царская грамота, въ которой, перечисливши всѣ грубости Кучума при царѣ Іоаннѣ и послѣ, Ѳеодоръ писалъ: „Теперь въ нашей отчинѣ, въ Сибирской Землѣ, города поставлены, въ нихъ осадные люди съ огненнымъ боемъ устроены; а большой своей рати въ Сибирскую Землю на тебя послать мы не велѣли для того, что ожидаемъ отъ тебя обращенья; а еслибъ наша большая рать послана была въ Сибирь, то тебя бы нашли гдѣ-бъ ты ни былъ, и неправды твои тебѣ отомстили бы. Мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловать, устроить на Сибирской Землѣ царемъ, а племянникъ твой Магметъ-Кула устроенъ въ нашемъ государствѣ, пожалованъ городами и волостями по его достоинству, и служитъ нашему царскому величеству. А какъ ты казакомъ кочуешь на полѣ съ немногими людьми, то намъ извѣстно. Ногайскіе улусы, которые кочевали вмѣстѣ съ тобою, на которыхъ была тебѣ большая надежда, отъ тебя отстали; Чинъ-Мурза отъѣхалъ къ нашему царскому величеству, остальные твои люди отъ тебя пошли прочь съ двумя царевичами, а иные пошли въ Бухары, Ногаи, въ Казацкую орду; съ тобою теперь людей немного,—это намъ подлинно извѣстно; да хотя-бъ съ тобою было и много людей, то тебѣ по своей неправдѣ противъ нашей рати какъ стоять? Знаешь и самъ, какія были великія мусульманскія государства Казань и Астрахань: и тѣ отецъ нашъ, пришедши своею царскою персоною, взялъ; а тебѣ, будучи на полѣ и живучи казакомъ, отъ нашей рати и огненнаго боя какъ избыть? Теперь за

[1]) С. г. г. и д. II, № 54, 68, 66; Дополн. къ акт. истор. I, № 138; Лѣтоп. Сибирск. изд. 1821 г. Миллера—Сибирская исторія.

твои прежнія грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послать свою рать съ огненнымъ боемъ и тебя совсѣмъ разгромить. Но мы, истинный христіанскій милостивый государь, по своему царскому милосердому обычаю, смертнымъ животъ даемъ и виннымъ милость кажемъ, видя тебя въ такой невзгодѣ, наше жалованое и милостивое слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты ѣхалъ къ нашему царскому величеству безо всякаго сомнѣнія: захочешь быть въ нашемъ государствѣ Московскомъ, при нашихъ царскихъ очахъ,—и мы тебя устроить велимъ городами и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству; а если, бывши у насъ, захочешь быть на прежнемъ своемъ юртѣ въ Сибири,—и мы тебя пожалуемъ на Сибирской Землѣ царемъ и станемъ тебя держать милостиво". Кучумъ отвѣчалъ требованіемъ Иртышскаго берега, писалъ къ Тарскимъ воеводамъ: „До сихъ поръ я пытался противъ васъ стоять, Сибирь не я отдалъ, сами вы взяли. Теперь попытаемся помириться: на концѣ не будетъ ли лучше? Съ Ногаями я въ союзѣ, и только съ обѣихъ сторонъ станемъ, то княжая казна шатнется; а хочу помириться правдою, и для мира на всякое дѣло уступки сдѣлаю". О дальнѣйшихъ сношеніяхъ мы не знаемъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, они прекратились вслѣдствіе несогласія Кучума ѣхать въ Москву. Не скоро успокоились и другіе князьки: такъ, въ іюлѣ 1592 г. царь писалъ Строгановымъ, чтобъ они собрали съ своихъ городовъ сотню ратныхъ людей, давали имъ найму помѣсячно и запасовъ дали бы на всю осень и зиму; изъ нихъ 50 человѣкъ пѣшихъ, которые должны были идти въ Сибирь съ воеводою Траханіотовымъ, и 50 конныхъ, назначенныхъ на войну противъ Пелымскаго князя. Но самымъ вѣрнымъ средствомъ укрѣпленія Сибири за Москвою было построеніе городковъ, населеніе ихъ и мѣстъ окрестныхъ Русскими людьми: въ царствованіе Ѳеодора были построены Пелымь, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ, Кетскій острогъ [2]).

Глава IV.

Продолженіе царствованія Ѳеодора Іоанновича.

Царская власть.—Соборы.—Приказы.—Финансы.—Торговля.—Города.—Береговая служба.—Казаки.—Мѣстничество.—Укрѣпленіе крестьянъ.—Холопи.—Переселенія.—Церковь.—Учрежденіе патріаршества.—Нравы и обычаи.—Искусство.

Царствованіе Грознаго было тяжело не для одного только сословія, которое особенно испытывало гнѣвъ царскій, не для однихъ только тѣхъ мѣстъ, которыя были разгромлены Іоанномъ: кромѣ того, что земщина должна была испытывать отъ опричнины, страшно изнурительны были безпрерывныя войны, и государство, при восшествіи на престолъ Ѳеодора, находилось въ самомъ незавидномъ положеніи. На соборѣ, созванномъ въ іюлѣ 1584 года, было положено отставить тарханы для воинскаго чина и оскудѣнія, „пока Земля поустроится и помощь во всемъ учинится царскимъ осмотрѣніемъ" [1]). Въ тринадцатилѣтнее царствованіе Ѳеодора Земля имѣла возможность поустроиться, потому-что продолжительныхъ войнъ не было, а правитель Годуновъ тамъ, гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, любилъ показывать свое попеченіе о благѣ общемъ, свою вражду къ злоупотребленіямъ лицъ правительственныхъ, свое милосердіе, и потому современники имѣли право прославлять царствованіе Ѳеодора, какъ счастливое, безмятежное, въ которое и начальные люди, и все православное христіанство начали отъ бывшей скорби утѣшаться.

Годуновъ дѣйствовалъ именемъ царскимъ, былъ силенъ властію, отъ царя истекавшею, властію, которая давала ему средство осиливать людей знатнѣйшихъ; естественно, что въ выгодахъ Годунова было поддерживать царское значеніе на той высотѣ, на которую оно было возведено государями предшествовавшими. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ напримѣръ для временнаго прекращенія тархановъ, по поводу переговоровъ съ Польшею и т. п., созывались соборы, или чрезвычайныя собранія думы, гдѣ, кромѣ бояръ и думныхъ людей, присутствовало духовенство. По свидѣтельству Флетчера, царь приказывалъ призывать на соборъ тѣхъ изъ принадлежавшихъ къ думѣ вельможъ, которыхъ самъ заблагоразсудитъ, патріархъ же приглашалъ, кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, тѣхъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались особенною извѣстностію и уваженіемъ. Соборы обыкновенно созывались по пятницамъ, въ Столовой палатѣ; царь садился на тронѣ; недалеко отъ него, за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ, за которымъ могло помѣститься человѣкъ двѣнадцать, садился патріархъ съ духовенствомъ и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ членовъ думы, съ двумя дьяками, которые записывали все, что происходило; прочіе члены садились на скамьяхъ около стѣны. Потомъ одинъ изъ дьяковъ излагалъ содержаніе дѣла, для разсужденія о которомъ созванъ соборъ; спрошенныя о мнѣніи духовныя лица обыкновенно

[1]) Of the russe Common. Wealth, гл. 8; Акты арх. эксп. I, 326 Симбир. Сборн. Разрядн. кн. стр. 95.

[2]) С. г. г. и д. I, № 202.

отвѣчали, что государь и дума его премудры, опытны, гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, потому что они, духовные, занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до религіи, и потому просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвами.

Для управленія дѣлами внѣшними и внутренними существовали приказы и нѣкоторые изъ нихъ носятъ названіе четвертей или четей: первый—Посольскій, находившійся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 рублей жалованья; второй—Разрядный, въ вѣдѣніи Василія Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ; жалованье и здѣсь было тоже—100 рублей; третій—Помѣстный, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 рублей жалованья; четвертый—Казанскаго дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Дружины Пантелѣева, человѣка замѣчательнаго по уму и расторопности; онъ получалъ 150 рублей въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ, напримѣръ: „Четверть дьяка нашего Василья Щелкалова". Въ другихъ же приказахъ сидѣли бояре и окольничіе: такъ, въ 1577 году, царь приказалъ сидѣть въ Разбойномъ приказѣ боярину князю Куракину и окольничему князю Лобанову. При областныхъ правителяхъ находились попрежнему дьяки, помощники или, лучше сказать, руководители ихъ, потому что эти дьяки завѣдывали всѣми дѣлами. Областные правители обыкновенно смѣнялись черезъ годъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользовавшихся особеннымъ благоволеніемъ: для нихъ срокъ продолжался еще на годъ или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей. Народъ, по свидѣтельству Флетчера, ненавидѣлъ ихъ за взятки, и русскій лѣтописецъ говоритъ, что Годуновъ, несмотря на доброе желаніе свое, не могъ истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были дѣлиться съ начальниками четей, или приказовъ. Въ четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по въ два каждый городъ,—одинъ изъ приближенныхъ къ царю лицъ. Эти четыре города: Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, Казань. Обязанностей у правителей этихъ городовъ было больше, чѣмъ у другихъ, и имъ давалась исполнительная власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Ихъ также смѣняютъ каждый годъ, исключая особенные случаи; жалованья получаютъ они отъ 400 до 700 рублей.

Дворцовый приказъ, или приказъ Большаго Дворца, управлявшій царскими вотчинами, находился при Θеодорѣ въ завѣдываніи дворецкаго Григорія Васильевича Годунова, отличавшагося бережливостію; при Іоаннѣ IV-мъ продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила приказу не болѣе 60,000 рублей ежегодно, а при Θеодорѣ—до 230,000; Іоаннъ жилъ роскошнѣе и болѣе поцарски, чѣмъ сынъ его. Четверти собирали тягла и подати съ остальныхъ земель до 400,000 рублей въ годъ: область Псковская доставляла 18,000 рублей; Новгородская 35,000; Торжокская и Тверская 8,000; Рязанская 30,000; Муромская 12,000; Холмогорская и Двинская 8,000; Вологодская 12,000; Казанская 18,000; Устюжская 30,000; Ростовская 50,000; Московская 40,000; Костромская 12,000; Сибирь 20,000. Пошлины торговыя, судныя и другія и остатки суммъ изъ разныхъ приказовъ, шедшіе въ приказъ Большаго прихода, доставляли ежегодно 800,000 рублей; съ Москвы торговыхъ пошлинъ сходило 12,000 рублей, Смоленска 8,000, Пскова 12,000, Новгорода 6,000, Старой Русы 18,000 (отъ солеваренія), Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1,200, Костромы 1,800, Нижняго-Новгорода 7,000, Казани 11,000, Вологды 2,000. Такимъ образомъ, ежегодно поступало въ казну чистаго дохода до 1.430,000 руб. [1]). Торговыя пошлины собрались цѣловальниками и отдавались на откупъ изъ наддачи; въ грамотахъ, которыя давались откупщикамъ, говорилось: „Отказать ему пошлину до сроку за два мѣсяца, а не откажетъ до сроку за два мѣсяца и станетъ отказывать на срокъ, то впередъ брать откупъ на откупщикѣ и на его поручникахъ, а наддача вдвое". Срокъ откупа назначался годъ. По грамотѣ, данной двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ въ 1588 году, велѣно брать: съ судна, какое бы оно ни было, судовой подъемной грузовой пошлины съ 1,000 пудъ по два рубля и по двѣ гривны; со ста пудъ по семи алтынъ и по двѣ деньги; съ того же судна посаженнаго брать по десяти алтынъ и головщины по деньгѣ съ головы; съ людей брать побережное по 22 алтына съ ладьи. Кто пріѣдетъ въ саняхъ или верхомъ, или пѣшкомъ придетъ, съ того брать явку. Тутъ же упоминается пошлина свальная—съ 1,000 пудъ по полтинѣ, съ воза по двѣ деньги и проч.; подъемная пошлина—съ подъему по двѣ деньги; „а поднимать въ вѣсу товаръ подъ оба конца"; кто же станетъ продавать въ развѣсъ меньше пуда, съ тѣхъ подъема не брать; рукознобная пошлина: съ пудомъ ходить и товаръ всякій вѣсчій у гостей вѣсить, пошлину рукознобную брать съ купца и продавца съ подъема по деньгѣ, да съ припуску по деньгѣ. Цѣловальники доносили, что у нихъ многіе люди пошлинъ не платятъ: такъ, не платятъ ихъ англійскіе гости, не платятъ суда Троицкаго, Кириллова и другихъ монастырей; суда Θедора Кобелева большой иногородной пошлины не платятъ, а платятъ только туземную, двинскую, на томъ основаніи, что у Кобелева есть на Двинѣ промыслы и угодья; на томъ же основаніи не платятъ пошлинъ суда Данилы Строганова и Данилы Бренкова. Царь отвѣчалъ, чтобъ пошлину брали съ Русскихъ людей со всѣхъ безъ исключенія, съ Двинянъ—двинскую, а съ иногородцевъ—

[1]) Of the russe Common. Wealth, гл. 12.

иногородную, также и съ иноземцевъ, кромѣ Англичанъ, которые имѣютъ жалованную грамоту. Въ 1592 году торговыя пошлины въ селахъ Чарандѣ и Короткомъ были пожалованы боярину Димитрію Ивановичу Годунову.

Въ 1588 году староста и рыболовы Переяславской рыболовской слободы били челомъ, что берутъ съ нихъ во дворецъ оброки и пошлины за посошной кормъ, съ рыбныхъ ловель, за закорныхъ щукъ, съ рѣкъ, пошлины дворецкаго и дьячьи, ключничьи, ямскія деньги, сѣнныя деньги, присудныя деньги, всего до 50 рублей, и оттого у нихъ рыболовская слободка пустѣетъ. Царь съ царицею пожаловали: не велѣли два года брать съ нихъ ямскихъ и присудныхъ денегъ. Въ 1590 году были освобождены отъ торговыхъ пошлинъ и земскихъ повинностей жители Кольской волости, также волостей Керети и Ковды, по случаю разоренія ихъ Шведами. Въ 1591 г. крестьяне Глотовой слободки били челомъ, что Вычегжане, Вымичи и Сысоличи самовольствомъ велятъ имъ всякія подати платить съ собою вмѣстѣ, сбавя съ себя; а у нихъ въ Глотовой слободкѣ живутъ все молодшіе люди, кормятся пиктою да звѣремъ, а хлѣба не пашутъ и не торгуютъ ничѣмъ; а на Вычегдѣ и на Сысолѣ живутъ прожиточные, торговые люди, торгуютъ всякими товарами и хлѣбъ пашутъ. Государь пожаловалъ: велѣлъ крестьянамъ Глотовой слободки привозить подати въ Москву самимъ попрежнему, а съ Вымичами, Сысоличами и Вычегжанами ни въ какія подати имъ не тянуть [1].

Количество торговыхъ пошлинъ должно было уменьшиться въ царствованіе Ѳеодора, если вѣрить показаніямъ Флетчера, по словамъ котораго вывозъ почти всѣхъ товаровъ уменьшился очень значительно противъ прежняго. Мѣховъ вывозилось на 400 или 500,000 рублей; воску вывозилось до 10,000 пудовъ, тогда какъ прежде отправлялось до 50,000; о медѣ Флетчеръ говоритъ неопредѣлено, что вывозили въ довольно большомъ количествѣ; сала вывозилось до 30,000, а прежде до 100,000. Льномъ и пенькой прежде нагружалось въ Нарвской пристани до 100 судовъ, а во Флетчерово время не болѣе 5. Причины этого уменьшенія вывоза объяснены у Флетчера неудовлетворительно: первою причиною, говоритъ онъ, полагаютъ отнятіе у Русскихъ Нарвской пристани; второю—закрытіе сухопутнаго сообщенія чрезъ Смоленскъ и Полоцкъ, по случаю войны съ Польшею; въ-третьихъ, наконецъ, упадокъ внѣшней торговли зависитъ отъ того, что купцы и крестьяне съ недавняго времени были обременены невыносимыми налогами и не были обезпечены въ собственности. Вторую причину нельзя принять, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она высказана Флетчеромъ, ибо въ царствованіе Ѳеодора войны съ Польшею не было; если разумѣть такъ, что война съ Польшею должна была уменьшить сухопутный вывозъ въ царствованіе Іоанна, и въ царствованіе Ѳеодора дѣло еще не успѣло поправиться, то въ такомъ случаѣ подъ словомъ п р е ж д е мы должны разумѣть первую половину вѣка, и выраженіе „купцы и крестьяне съ н е д а в н я г о в р е м е н и обременены невыносимыми налогами“ — должно также отнести къ царствованію Іоанна, а не Ѳеодора, ибо мы знаемъ, что при послѣднемъ особеннаго обремененія не было. Мы видѣли причину, почему уменьшился вывозъ воску: зная, какъ этотъ товаръ требуется иностранцами, и видя, что послѣдніе не хотятъ къ намъ возить военныхъ запасовъ, Московское правительство постановило—мѣнять воскъ только на селитру, порохъ и сѣру. Въ царствованіе Ѳеодора торговля производилась съ Польшею, московскіе купцы ѣздили въ Варшаву и Познань; но попрежнему встрѣчаемъ сильныя жалобы купцовъ на притѣсненія, обманы и разбои. Торопецкій купецъ Рубцовъ ѣздилъ торговать въ Витебскъ и, сторговавшись, поѣхалъ назадъ на Велижъ, и здѣсь его ротмистръ Дробовскій прибилъ, взялъ два челна ржи, а въ нихъ 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтынъ съ гривною, да 10 литръ золота и серебра, цѣною по 5 рублей литра, да 25 литръ шелку разныхъ цвѣтовъ, по 40 алтынъ литра, да поставъ сукна лазореваго въ 14 рублей, да двумъ челнамъ цѣна 5 рублей съ полтиною. Двое смоленскихъ купцовъ били челомъ на двоихъ оршанскихъ купцовъ: торговали они съ ними товаръ на товаръ и договорились, чтобъ Оршане дали имъ за ихъ товары 40 пудъ квасцовъ и 2 пуда ладону; Оршане привезли въ Смоленскъ двѣ бочки и сказали, что въ нихъ квасцы; но когда смоленскіе купцы, при цѣловальникахъ, разбили эти бочки, то оказалось, что наверху только квасцы, а въ серединѣ всякая всячина. Два другихъ смоленскихъ купца били челомъ, что ѣздили они съ хмелемъ въ Оршу, и договорились съ тремя литовскими купцами мѣнять хмель на сукна, оцѣнивши сукно по 30 алтынъ безъ гривны аршинъ, а хмель—по 30 алтынъ пудъ; но Литовцы стали имъ давать сукна худыя полуанглійскія. Двое торговыхъ людей — московскіе жильцы — били челомъ, что ѣздили они въ Польшу, въ Варшаву и Познань, и отдали познанскимъ купцамъ соболей на 1,500 рублей, взявши съ нихъ кабалу за руками и печатями; въ это время Познань вся сгорѣла,—и должники отказали, что имъ платить долгу нечѣмъ. Купцы московскіе, новгородскіе, псковскіе, смоленскіе, бѣльскіе, торопецкіе, вяземскіе и всѣхъ городовъ били челомъ: ѣздятъ они торговать въ Литву Смоленскою дорогою, и съ нихъ берутъ державцы и урядники поборы, головщины, мостовщины, явки, перевозы по всѣмъ городамъ и большимъ селамъ до Вильны, да съ нихъ же берутъ по городамъ подарки большіе, въ которомъ городѣ торгуютъ они или не торгуютъ, все берутъ съ нихъ тамгу; гдѣ ни остановятся—урядники, мытники и поборцы

[1]) А. арх. эксп. I, № 331, 332, 334, 338, 342, 356, 341, 347; Дополн. къ акт. истор. I, № 134.

держатъ ихъ по недѣлѣ и по двѣ для своей корысти, а они имъ подарки поневолѣ даютъ; въ Вильнѣ имъ съ пріѣзжими людьми торговать не велятъ; извозчиковъ имъ подъ товаръ самимъ нанимать не позволяютъ, нанимаютъ извозчиковъ Литовскіе люди, а провозъ съ московскихъ купцовъ берутъ вдвое. А въ Смоленскѣ съ литовскихъ купцовъ берутъ одну пошлину; которые изъ нихъ захотятъ ѣхать въ Москву,—то ихъ туда пропускаютъ безпошлинно, и въ Москвѣ пошлину берутъ малую, всего со 100 рублей по 4 рубля, съ рубля по 8 денегъ, и всякіе пріѣзжіе люди, Устюжане и Двиняне, Пермичи и Холмогорцы съ литовскими купцами въ Москвѣ торгуютъ свободно. Купцы жаловались также на пограничные разбои: бѣглые крестьяне приходили изъ-за рубежа разбоемъ, во Ржевскомъ уѣздѣ славился разбоями какой-то Мухортъ [1])

Любчане хлопотали о возстановленіи своей торговли въ Новгородѣ, Ивань городѣ и Псковѣ, и въ 1593 году выпросили у царя позволеніе завести здѣсь свои дворы и платить только половину пошлины; но Ревельцы настаивали, чтобь ганзейскіе корабли не могли проходить мимо ихъ города, жалуясь, что въ противномъ случаѣ они останутся безъ пропитанія [2]).

Флетчеръ говоритъ о невыносимыхъ налогахъ, которыми были обременены купцы и крестьяне; но московскіе послы такъ обязаны были прославлять Годунова въ Литвѣ: „Это человѣкъ начальный въ Землѣ, вся Земля отъ государя ему приказана, и строенье во всей Землѣ такое, кокого никогда не бывало, города каменные на Москвѣ и въ Астрахани подѣлалъ; что ни есть земель въ государствѣ, всѣ сохи въ тарханахъ, во льготѣ, даней никакихъ не берутъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу, городовыя дѣла всякія дѣлаютъ изъ казны наймомъ, а плотниковъ устроено больше 1,000 человѣкъ“ [3]).

Разумѣется, мы не обязаны вѣрить, что въ царствованіе Ѳеодора правительство не брало никакихъ податей; что же касается до постройки новыхъ городовъ и укрѣпленія старыхъ, то въ это царствованіе дѣйствительно было сдѣлано довольно. Углубленіе въ степь было необходимо для безопасности государства: подвижныя разъѣзжія станицы не вполнѣ помогали, необходимы были станицы неподвижныя, города, мимо которыхъ нельзя было бы проходить безнаказанно хищнымъ толпамъ татарскимъ. Но, съ другой стороны, построеніе города въ степи означало взятіе во владѣніе всей окружной страны; такъ незамѣтно, ибо безпрепятственно, распространялась и безъ того уже обширная государственная область; городъ съ своимъ военнымъ населеніемъ вытягивалъ въ степь и другого рода насельниковъ, которые могли быть безопасны подъ его защитою; такимъ образомъ, все далѣе и далѣе двигалась русская колонизація. Мы видѣли, какъ хорошо понимали Татары опасность, грозившую имъ отъ этого движенія; мы видѣли также, что построеніемъ города Московское правительство грозило казакамъ. Въ царствованіе Ѳеодора построены были въ степи: Курскъ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки; въ Волжской области, на луговой сторонѣ, въ Черемисѣ поставлены города Шанчуринъ, или Санчурскъ, Саратовъ, Переволока, Царицынъ, наконецъ поставленъ городъ и на отдаленномъ Яикѣ. Въ 1584 году основанъ былъ Архангельскъ съ деревянными стѣнами; въ Астрахани въ 1589 году построена крѣпость каменная, такая же основана въ Смоленскѣ въ 1596 году [4]). Въ началѣ царствованія, въ 1586 году, сочли нужнымъ укрѣпить Москву, заложили Бѣлый, или Царевъ-городъ; строителемъ былъ церковный и палатный мастеръ Ѳеодоръ Конь [5]). Какъ производилось это городовое строенье—видно изъ наказа, даннаго князю Звенигородскому съ товарищами, ѣхавшему строить крѣпость въ Смоленскѣ: „Пріѣхавъ въ Смоленскъ, сыскать на посадѣ и въ уѣздѣ сараи и печи всѣ, владычни, монастырскіе и всякихъ людей, гдѣ дѣлывали кирпичъ, известь и кирпичъ жгли, и всѣ эти сараи и печи отписать на государя; потомъ велѣть ихъ починить и покрыть, также подѣлать новые сараи и печи, лѣсъ и дрова приготовить, а если можно, то и камень на известь, и бутовый камень велѣть ломать. Для этого дѣла послана съ ними государева казна, и всѣ тѣ дѣла имъ дѣлать наймомъ, нанимать охочихъ людей, уговариваясь съ ними, а сваи велѣть дѣлать государевыми дворцовыми селами, росписать на выть по сту свай и велѣть вывезти эти сваи въ Смоленскъ зимою по пути дворцовыхъ же селъ крестьянамъ. Ко всему дѣлу взять у Смоленскаго воеводы 10 человѣкъ цѣловальниковъ изъ Смольнянъ, посадскихъ лучше людей, и велѣть имъ вѣдать денежные расходы и писать ихъ въ книги подлинно, порознь, по статьямъ, и къ этимъ книгамъ, ко всѣмъ статьямъ цѣловальники должны руки прикладывать, чтобъ въ деньгахъ кражи не было. А на разсылку взять у воеводы дѣтей боярскихъ 20 человѣкъ; и надъ этими дѣтьми боярскими, цѣловальниками и подмастерьями беречь, чтобъ они посуловъ не брали и не корыстовались ничѣмъ, и самому князю Звенигородскому съ товарищами посуловъ и поминковъ не брать, не норовить никому и не корыстоваться ничѣмъ.

---

[1]) Дѣла Польскія, № 22.

[2]) Suppelement. ad. histor. Russ. Monum, № LXXXVIII—XCIV.

[3]) Дѣла Польскія № 22, стр. 28.

[4]) Древн. Вивліоѳ. XVIII, 15; Хронографы; Никон. VIII. 30. Разряд. кн. Симбир. сборн. стр. 89, 106, 129. Въ Латухинской Степенной книгѣ сказано, что Годуновъ, съѣздивши въ Смоленскъ для основанія тамъ крѣпости, назвалъ этотъ городъ ожерельемъ Московскаго государства: «Въ то же время боляринъ князь Ѳ. М. Трубецкой противу Борисовыхъ рѣчей глагола сице: какъ въ томъ ожирельѣ заведутся вши, и ихъ будетъ и не выжить».

[5]) Акты истор. I, № 230. Слѣдов. права Латухинская Степенная книга, а не Хронографы, которымъ послѣдовалъ Карамзинъ относительно имени строителя (т. X. примѣч. 137).

А кто не станетъ запасами промышлять или кому понорови̇тъ, или посулъ возьметъ, или чѣмъ нокорыствуется,—тотъ будетъ отъ государя казненъ смертію“ [1]).

Война съ Баторіемъ при Іоаннѣ, значеніе, какое пріобрѣлъ во время этой войны крѣпкій Псковъ, должны были навести на мысль о необходимости укрѣпить Смоленскъ, тѣмъ болѣе что войско оставалось въ прежнемъ ненадежномъ положеніи, и противъ Крымцевъ оно билось изъ обоза подъ Москвою. По извѣстіямъ Флетчера, войско, кромѣ неопредѣленнаго числа ратниковъ, набираемыхъ въ важныхъ случаяхъ, состояло при Ѳеодорѣ изъ 80,000 конницы дворянской и изъ 12,000 пѣхоты-стрѣльцовъ, изъ которыхъ 5,000 должны былъ находиться въ Москвѣ, 2,000 (стременные) при особѣ государя; остальные 5,000 размѣщались по важнѣйшимъ городамъ; дворяне большие получали жалованья отъ 70 до 100 рублей въ годъ, середніе—отъ 40 до 60; дѣти боярскія отъ 20 до 30; стрѣльцы получаютъ по 7 рублей въ годъ, кромѣ того—12 мѣръ ржи и столько же овса; упоминаются и конные стрѣльцы [2]). Наемныхъ солдатъ изъ иностранцевъ при Флетчерѣ было 4,300 человѣкъ, изъ нихъ 4,000 Черкасъ, или Малороссійскихъ казаковъ; 150 Голландцевъ и Шотландцевъ и смѣшанный отрядъ изъ 150 человѣкъ Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ. Кромѣ этихъ иностранцевъ, въ походы выступали попрежнему толпы Татаръ, Черемисъ, Мордвы. Полки выступали подъ начальствомъ воеводъ; подъ воеводами находились головы, предводительствовавшіе 1,000, 500 и 100 человѣками, пятидесятники—начальники 50, десятскіе—10 человѣкъ; литовскіе и нѣмецкіе люди выступали въ походъ подъ начальствомъ своихъ ротмистровъ. Когда государь выступалъ въ походъ, то при немъ находились: дворовые воеводы, оружейничій, воеводы для посылокъ, окольничіи передъ государемъ, дворяне съ пищалями, со шлемами, съ доспѣхомъ, дворяне у знамени; рынды - съ большимъ саадакомъ, съ другимъ саадакомъ, съ меньшимъ копьемъ да съ сулицею, съ меньшимъ саадакомъ, съ рогатиною; рынды имѣли поддатней.

Главною обязанностію войска была береговая служба: каждую весну полки собирались на берега Оки стеречь крымскихъ Татаръ; въ связи съ береговою службою находилась сторожевая и станичная. Воеводамъ, строившимъ города Ливны и Воронежъ, было приказано: „Какія будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на государевы украйны, то съ Ливенъ присылать съ вѣстями на Воронежъ, а съ Воронежа на Ливны; ѣздить дорогами, которыя поближе и бережнѣе. Сторо́жи воеводамъ ставить, присмотря, въ которыхъ мѣстахъ пригоже, и станицы посылать также присмотря“. Съ Ливенъ расписано было ставить 13 сторо́жъ, съ Воронежа—12. Въ 1591 году писалъ Путивльскій воевода, что Черкасы во многихъ мѣстахъ ходятъ на поле, путивльскія большія станицы и сторожевыя всѣ погромили, проѣзду изъ Путивля большимъ станицамъ къ устью Айдара, а сторожевымъ къ устью Боровой—нѣтъ. Бояре приговорили: учредить на Ливнахъ двѣ станицы добрыя, выбрать вожей изъ казаковъ или изъ кого пригоже, одну послать къ Донцу Сѣверскому большимъ Муравскимъ шляхомъ, а другую къ Сѣверскому же Донцу до Изюмъ-Кургана, между Донцомъ и Осколомъ. Съ Ельца ставили 9 сторо́жъ по Быстрой Соснѣ и за Сосною, съ Кромъ—семь сторо́жъ. Въ 1594 году было постановлено: путивльскимъ, ливенскимъ и елецкимъ станичнымъ головамъ, станичникамъ и вожамъ, за службу, изронъ и полонъ давать государево жалованье, за коня по 4 рубля, за мерина по 3 рубля; а которыхъ станичниковъ или вожей на полѣ въ станицѣ убьютъ, то за ихъ службу, убійство и за изронъ давать жалованье женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 рубля [3]).

Мы имѣли уже случай говорить о поведеніи степныхъ казаковъ въ описываемое время. Какъ поступало государство издавна съ Татарами, принимая ихъ въ службу и употребляя противъ враждебныхъ себѣ соплеменниковъ ихъ,—такъ точно поступало оно и съ казаками, заставляя вѣрныхъ себѣ казаковъ преслѣдовать казаковъ непокорныхъ, или воровскихъ. Въ 1591 году билъ челомъ царю волжскій атаманъ Болдырь вмѣсто товарищей своихъ, 40 человѣкъ, и сказывалъ: въ прошломъ 1589 году громили его на Волгѣ Черкасы, ранили, держали въ плѣну 6 недѣль; но онъ изъ плѣна ушелъ и взялъ три человѣка казаковъ воровъ и привелъ на Переволоку къ воеводѣ; его же, Болдыря, посылали, съ Царицына за воровскими атаманами и казаками, за Андрюшею Голощапомъ съ товарищами, и онъ Голощапа поймалъ; посылали его на Медвѣдицу за воровскими казаками, и онъ на Медвѣдицѣ поймалъ четыре человѣка; посылали его изъ новаго города Саратова,—и онъ поймалъ воровскаго атамана Щеголева: такъ государь за его службу пожаловалъ бы, какъ его Богъ извѣститъ. Болдырю дали сукно да рубль денегъ. Въ 1591 же году Астраханскому воеводѣ велѣно было для похода на Шевкала собрать 1,000 человѣкъ Волжскихъ казаковъ и 500 Яицкихъ, и дать имъ по осминѣ муки человѣку, да десяти человѣкамъ четверть крупъ и толокна, или и больше, смотря по времени, сколько они останутся въ Астрахани, коннымъ дать по четверти овса человѣку; если же они, для нужды, станутъ просить денегъ, то дать имъ по полтинѣ на человѣка. Точно также государство употребляло и Малороссійскихъ казаковъ, Черкасъ, вступавшихъ въ его службу, противъ ихъ прежнихъ товарищей. Въ этомъ отношеніи очень любопытна отписка царю Путивльскаго воеводы Борисова въ 1589 году: „Пріѣхалъ съ поля въ Путивль на твое государево

[1]) Акты арх. эксп. I, № 365.
[2]) Акты истор. I, № 230.
[3]) См. выше, стр. 367 примѣч. 1.

имя Черкашенинъ Василій Андреевъ съ двумя Донецкими казаками и въ разспросѣ сказалъ: былъ онъ на Донцѣ съ Черкасами, съ атаманомъ Евлашовымъ, и громили Донецкихъ казаковъ, Власа Яковлева и Семейку Новгородца, взяли ихъ въ плѣнъ и привели къ себѣ въ станъ; здѣсь Власъ уговорилъ Василья Андреева, чтобъ онъ отсталъ отъ своихъ; тотъ отправился въ станъ ко Власовымъ товарищамъ, подвелъ ихъ на своего атамана Евлашова, погромилъ его, а Власа и Семейку отгромилъ, и вмѣстѣ съ ними явился въ Путивль". Воевода немедленно употребилъ его въ дѣло, послалъ на государеву службу, съ путивльскими нововыѣзжими Черкасами за Черкасами же, и онъ ходилъ дважды съ другимъ атаманомъ и громилъ Черкасъ, имѣнье и лошадей путивльскихъ севрюковъ у нихъ отгромилъ. Въ этомъ отношеніи любопытны также царскіе наказы Аѳанасью Зиновьеву: въ апрѣлѣ 1589 года царь писалъ ему, чтобъ онъ съ Путивльцами, Черниговцами, съ Рыльскими и Стародубскими казаками шелъ на поле, на Донецъ или на Осколъ, укрѣпился тамъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и посылалъ станицы провѣдывать про хана. Долженъ послать и къ Запорожскимъ Черкасамъ, къ атаману Матвѣю съ товарищами, провѣдать: будутъ ли они государю прямы; какъ хотятъ стоять и промышлять государевымъ дѣломъ; станичниковъ, сторожей, Путивльскихъ казаковъ и севрюковъ государевыхъ, которые по Донцу стоятъ, берегутъ ли; крымскихъ гонцовъ пропускаютъ ли; не пойдутъ ли вмѣстѣ воровать съ ворами Черкасами, Мишукомъ и его товарищами, или станутъ надъ ними промышлять. Если провѣдаетъ, что Черкасы, атаманъ Матвѣй съ товарищами, прямы, то вмѣстѣ съ ними долженъ промышлять надъ Крымскими людьми. Если о Татарахъ вѣстей не будетъ, то Зиновьеву идти промышлять надъ ворами Черкасами, Мишукомъ съ товарищами (а былъ Мишукъ Путивлецъ казакъ), воровъ этихъ переловить и перевѣшать.—По царскому указу, къ Зиновьеву собрались изъ Путивля 20 человѣкъ дѣтей боярскихъ, бѣлодворцевъ 57, Черкасъ 45, изъ Рыльска 20 человѣкъ дѣтей боярскихъ, да казаковъ 47; изъ Чернигова пришло дѣтей боярскихъ 70 человѣкъ съ 93 лошадьми. Велѣно было также въ Путивлѣ, Рыльскѣ и Стародубѣ прибрать охочихъ казаковъ 277 человѣкъ и дать имъ жалованья по 2 рубля съ тѣмъ, чтобъ они были о двухъ коняхъ и о двухъ меринахъ; но въ Путивлѣ и Рыльскѣ головы не могли прибрать ни одного человѣка, а изъ Стародуба привели только пять человѣкъ. Велѣно было также изъ путивльскихъ стрѣльцовъ изъ 100 человѣкъ выбрать 25 человѣкъ лучшихъ, да изъ пушкарей и затинщиковъ 20 лучшихъ; но стрѣльцы объявили, что у нихъ лошадей нѣтъ, а пушкари и затинщики объявили, что у нихъ пищалей нѣтъ, и царскаго указа не послушались. Когда Зиновьевъ донесъ объ этомъ, то государь приказалъ на стрѣльцахъ, пушкаряхъ и затинщикахъ лошадей и пищали доправить тотчасъ, охочимъ же казакамъ давать по три рубля, и были бы они о двухъ коняхъ или о двухъ меринахъ, а по нуждѣ у двоихъ могутъ быть три лошади. Зиновьевъ нашелъ запорожскаго атамана Матвѣя на Донцѣ и увидалъ, что Черкасы служатъ государю прямую службу; и такъ какъ они били челомъ, что на Донцѣ они терпятъ голодъ, ѣдятъ траву, то царь послалъ имъ запасы, муку и толокно, и 100 рублей денегъ—въ раздѣлъ на 620 человѣкъ; атаманамъ послалъ подарки [1]).

Мѣстничество вредило московскому войску все болѣе и болѣе, вслѣдствіе увеличенія и осложненія родовыхъ и служебныхъ счетовъ. Степень интереса, который принимало служилое сословіе въ мѣстничествѣ и характеръ этого явленія обнаруживаются въ выраженіяхъ челобитныхъ: „Вели, государь, мнѣ свой царскій судъ дать, вели въ нашемъ отечествѣ счесть, чтобъ я, холопъ твой, въ конецъ не загинулъ!" Или: „Милостивый царь государь, покажи холопу своему милость! не вели отнять отца и дѣда у меня, холопа своего; вели судъ вершить." Въ 1589 году, во время представленія турецкаго посла, четвертымъ рындою былъ назначенъ Гаврила Вельяминовъ; одинъ изъ трехъ другихъ рындъ подалъ челобитную на дѣда Вельяминова и писалъ: „Если я, холопъ твой, не утяжу дѣда Гаврилова, то я всему роду Вельяминовыхъ безчестье плачу."

Въ 1588 году государь велѣлъ быть на Тулѣ противъ Крымцевъ въ большомъ полку воеводами князю Тимоѳею Романовичу Трубецкому да князю Димитрію Ивановичу Хворостинину; въ то же время князь Хилковъ былъ воеводою въ Орлѣ, князь Кашинъ—въ Новосилѣ и Кривой-Салтыковъ—въ Бѣлевѣ; эти воеводы украинскихъ городовъ, по обычаю, должны были, при вѣстяхъ о непріятелѣ, идти въ сходъ къ главнымъ воеводамъ, и вотъ Хилковъ, Кашинъ и Салтыковъ бьютъ челомъ: „Если грамоты будутъ приходить къ одному боярину и воеводѣ, князю Т. Р. Трубецкому съ товарищи, то мы на государеву службу готовы, а станутъ грамоты приходить къ князю Трубецкому и къ князю Хворостинину, то намъ меньше князя Хворостинина быть невмѣстно." Въ слѣдующемъ году опять Трубецкой и Хворостининъ были назначены въ Тулу воеводами большаго полка, а въ передовомъ—князь Андрей Голицынъ; послѣдній разболѣлся, будто боленъ, не хотя въ меньшихъ быть у князя Трубецкаго. Князья Ноготковъ и Одоевскій сказали: „На государеву службу готовы, и меньше князя Ивана Голицына быть намъ невмѣстно;" князь Петръ Буйносовъ сказалъ: „Меньше мнѣ князя Одоевскаго быть невмѣстно;" князь Туренинъ сказалъ: „Меньше мнѣ князя Буйносова быть невмѣстно." Князь Михайла Одоевскій, пріѣхавъ на службу, списковъ съ именами служилыхъ людей не взялъ для князя Ивана Голицына; князь Иванъ

[1]) Акты истор. I, № 230, 228; Древняя Вивліоѳ. Новикова, ст. 266.

Туренинъ списковъ не взялъ для князя Буйносова, а князь Буйносовъ на службу не поѣхалъ для Одоевскаго. Въ 1597 году высланы были на берегъ (Оки) для предосторожности отъ Крымцевъ знатнѣйшіе бояре: Мстиславскій, Годуновъ (Борисъ), Шуйскіе, Трубецкой, Голицынъ, и вотъ—князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, воевода сторожеваго полка, бьетъ челомъ на князя Василія Ивановича Шуйскаго, воеводу правой руки; Иванъ Голицынъ, воевода лѣвой руки, бьетъ челомъ на князя Трубецкаго; князь Черкасскій бьетъ челомъ на князя Ноготкова, Буйносовъ—на Голицына, Шереметевъ — на Ноготкова и Буйносова, Кашинъ—на Буйносова и Шереметева.

Когда дѣло было неясное, правительство назначало судъ: судили обыкновенно бояринъ и дьякъ; въ разрядныхъ книгахъ встрѣчаемъ извѣстія, что иногда бояре рѣшали дѣла по пристрастію;—такъ, въ 1586 году, Ѳеодоръ Колычевъ былъ оправленъ предъ Романомъ Алферьевымъ, и разрядная говоритъ: „Тѣмъ судомъ промышлялъ бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій для Крюкова Колычева". Въ судьи по дѣлу князя Тимоѳея Трубецкаго съ княземъ Андреемъ Голицынымъ назначенъ былъ первенствующій бояринъ князь Ѳеодоръ Мстиславскій. Когда Трубецкой подалъ память, то Мстиславскій сказалъ: „Князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой въ памяти написалъ, что дѣдъ мой, князь Ѳеодоръ Михайловичъ, былъ съ княземъ Микулинскимъ; но дѣдъ мой меньше князя Микулинскаго не бывалъ, тѣмъ меня князь Т. Р. Трубецкой безчеститъ". Да сталъ о томъ сердитовать, да, вставъ съ мѣста, пошелъ вонъ. Князь Трубецкой говорилъ ему: „Не сердитуй, князь Ѳедоръ Ивановичъ! по дѣдѣ твоемъ съ тобою можно было въ отечествѣ считаться, но по отцѣ твоемъ съ тобою мѣстничаться нельзя, потому что государь отца твоего жаловалъ и учинилъ его велика". Бояре также стали уговаривать Мстиславскаго, и онъ сѣлъ въ судѣ опять. Князь Трубецкой ссылался на свадьбу короля Магнуса, на которой князь Вас. Юр. Голицынъ былъ меньше брата его, князя Ѳеодора Трубецкаго. Для повѣрки спросили ящикъ съ свадебными чинами, нашли списочекъ о свадьбѣ короля Магнуса, гдѣ имени князя Трубецкаго не было, а написаны были только князь Шейдяковъ, князь Голицынъ да дьякъ Василій Щелкаловъ. Бояре спросили послѣдняго, гдѣ у него книги о свадьбѣ короля Магнуса? Тотъ отвѣчалъ, что свадьбу приказалъ государь ему, но онъ разболѣлся, и государь приказалъ свадьбу брату его Андрею; Андрей же отвѣчалъ, что онъ книгъ о королевской свадьбѣ у себя не упомнитъ. Тогда князь Трубецкой билъ челомъ, что Андрей и Василій Щелкаловы своровали, свадьбу передѣлали, брата его не написали, дружа Голицынымъ, потому что Голицыны Щелакаловымъ друзья и сваты. Щелкаловы оправдывались тѣмъ, что списочекъ былъ написанъ рукою подъячаго Яковлева, который не могъ передѣлать его въ ихъ пользу, потому что онъ и всѣ разрядные подъячіе имъ недруги. На другой день дьякъ Сапунъ Абрамовъ принесъ къ боярамъ черный списокъ королевой свадьбѣ и сказалъ, что онъ этотъ списокъ нашелъ въ ящикѣ Василья Щелкалова; въ этомъ спискѣ дьякъ Василій Щелкаловъ написалъ самъ себя въ сидячихъ съ боярами, а помарки сдѣланы рукою брата его Андрея. Тогда бояре спросили Василія Щелкалова: почему онъ самъ себя написалъ въ сидячихъ на свадьбѣ, а вчера сказывалъ, что былъ боленъ? Щелкаловъ отвѣчалъ: „Да моя ли это рука: боюсь, чтобъ кто-нибудь не поддѣлалъ мою руку". Бояре велѣли ему смотрѣть, и онъ долженъ былъ признаться, что рука его. Дѣло было рѣшено въ пользу Трубецкаго. Иногда судъ не вершался, потому что служба заняла. Когда челобитныя казались явно несправедливыми, то правительство употребляло понужденія и наказанія: въ 1588 году князь Тюфякинъ билъ челомъ на князя Хворостинина; царь суда не далъ, и велѣлъ Тюфякина посадить въ воровскую тюрьму на четыре недѣли. Когда князь Андрей Голицынъ не поѣхалъ на службу изъ мѣстничества съ княземъ Трубецкимъ, то царь велѣлъ отправить его на службу съ приставомъ; но князь Андрей и тогда списковъ не взялъ; царь велѣлъ посадить его въ тюрьму, а кормъ давать изъ его же денегъ, по алтыну на день; Голицынъ просидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и все же списковъ не взялъ; царь велѣлъ освободить его изъ тюрьмы и отпустить со службы. Подобное же упорство обнаружилъ въ 1596 году Петръ Шереметевъ, назначенный третьимъ воеводою въ большомъ полку; онъ билъ челомъ на Ѳеодора Никитича Романова, втораго воеводу правой руки, у царской руки не былъ и на службу не поѣхалъ; царь велѣлъ Шереметева вывезть скованнаго въ телѣгѣ за посадъ и послать на службу; и, пріѣхавъ на службу, онъ два раза отговаривался взять списки, наконецъ уступилъ и взялъ. Въ 1589 году стольникъ князь Гвоздевъ билъ челомъ на стольника же князя Одоевскаго; царь велѣлъ Гвоздева безъ суда бить батогами и потомъ выдать головою Одоевскому. Въ томъ же году въ Алексинѣ были посажены въ тюрьму воеводы, князья Одоевскій и Туренинъ, за то, что списковъ не взяли и дѣтей боярскихъ въ пріѣздѣ не переписывали. Въ 1591 году воевода князь Борятинскій былъ посланъ въ Сибирь за мѣстничество съ княземъ Долгорукимъ. Иногда правительство не ограничивалось только угрозою наказанія, ибо это мало помогало съ нѣкоторыми лицами, но угрозою еще большаго пониженія родовой чести: такъ, въ 1592 году, когда извѣстный уже намъ князь Андрей Голицынъ, назначенный воеводою передоваго полка, билъ челомъ на князя Ивана Михайловича Глинскаго, воеводу большаго полка, то царь велѣлъ сказать ему: „Что дуришь, бить челомъ не по дѣлу; велю на отца дать правую грамоту". Иногда дѣло оканчивалось тѣмъ, что государь челобитья не принималъ и не приказывалъ его записывать.

Мѣстничались не одни воеводы, но и станичныя

головы: въ 1595 году Захаръ Ляпуновъ, братъ знаменитаго впослѣдствіи Прокофья, не захотѣлъ быть въ станичныхъ головахъ вмѣстѣ съ Кикинымъ и сбѣжалъ со службы изъ Ельца; рязанскому воеводѣ велѣно было взять Ляпунова изъ его помѣстья, скованнаго привезти въ Переяславль-Рязанскій, бить батогами передъ всѣми людьми, посадить въ тюрьму и потомъ отправить на службу съ приставомъ.

Подъ 1586 годомъ упоминается любопытный случай мѣстничества по отношенію къ городовому управленію: въ Торопецъ былъ назначенъ воевода Елизарій Сабуровъ, но тамъ уже былъ намѣстникъ и воевода князь Василій Пронскій; Сабуровъ билъ челомъ, что ему меньше Пронскаго быть невмѣстно. Дѣло рѣшено было такъ, что государь велѣлъ Сабурову вѣдать дѣло ратное, а князю Пронскому вѣдать свое дѣло намѣстническое. Наконецъ упоминаются мѣстническіе случаи между придворными чинами и при торжествахъ придворныхъ. Государь пожаловалъ, велѣлъ сѣсть за столъ постельничему Истомѣ Безобразову да стряпчему Елизару Стараго; послѣдній билъ челомъ на Безобразова: „Истома постельничій съ путемъ, а я стряпчій съ ключемъ, и мнѣ ниже Истомы сидѣть невмѣстно, хотя Истома честнѣе меня путемъ“. Въ 1589 году князь Григорій Куракинъ не былъ у стола государева, потому что не хотѣлъ сидѣть ниже князя Ѳеодора Трубецкаго. Когда, въ 1593 году, князь Хворостининъ не ѣлъ за государевымъ столомъ и билъ челомъ на князя Туренина, то дѣло, какъ видно, показалось такъ запутаннымъ, что государь имъ суда не далъ и не указалъ ничего.

Въ описываемое время начинаемъ встрѣчать извѣстіе о жалованьи, или подмогѣ посламъ, отправлявшимся къ иностраннымъ дворамъ: такъ, думному дворянину Вельяминову, ѣхавшему къ императору, дано было 200 рублей, дьяку Власьеву 100 рублей, дворянамъ—одному 25, другимъ по 24 рубля [1]).

Къ царствованію Ѳеодора относится одно изъ самыхъ важныхъ въ исторіи русскихъ сословій явленіе—законъ объ укрѣпленіи крестьянъ. Мы уже не разъ указывали на причину этого явленія въ обширности русской государственной области и въ маломъ ея населеніи, въ обиліи земель и въ недостаткѣ рукъ для ихъ обработанія; отсюда для землевладѣльцевъ всего важнѣе было перезывать къ себѣ какъ можно болѣе работниковъ и удерживать ихъ. При существованіи отдѣльныхъ княжествъ, каждое изъ нихъ старалось перезвать, переманить льготами земледѣльцевъ изъ другого. Когда отдѣльныя княжества исчезли, Земля собралась, то богатые и сильные землевладѣльцы имѣли возможность большими льготами переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ отчинниковъ и помѣщиковъ. Стараясь перезывать крестьянъ, богатые и сильные землевладѣльцы старались въ то же время удерживать ихъ у себя разными средствами: мы видѣли, что при Василіи Темномъ Троицкій монастырь выпросилъ себѣ право удерживать крестьянъ въ извѣстныхъ волостяхъ; мы видѣли также, какъ тяжко было каждому землевладѣльцу разставаться съ крестьяниномъ, отпускать его на чужую землю,—потому нѣкоторые позволяли себѣ насилія для удержанія крестьянъ, и можно думать, что эти насилія не были рѣдки. Но если для значительныхъ землевладѣльцевъ было выгодно льготами перезывать къ себѣ крестьянъ отъ менѣе значительныхъ, то эти выгоды необходимо должны были столкнуться съ выгодами государства. Одною изъ самыхъ главныхъ потребностей послѣдняго было умноженіе войска; основу войска составляли дворяне и дѣти боярскія, получавшіе за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и, по призыву государеву, являться на службу *конны*, *людны* и *оружны*, по тогдашнему выраженію. Но понятно, что эта возможность содержать себя и являться на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода, который получалъ помѣщикъ съ своего земельнаго участка, а доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли; чтобъ имѣть возможность всегда нести требуемую службу, служилый человѣкъ долженъ былъ имѣть на своей землѣ постоянное народонаселеніе; а могъ ли онъ имѣть его, когда богатый сосѣдъ переманивалъ у него крестьянъ бо̀льшими льготами? Государство, давши служилому человѣку землю, обязано было дать ему и постоянныхъ работниковъ,—иначе онъ служить не могъ. Чтобъ понять цѣль закона объ укрѣпленіи крестьянъ, стоитъ только обратить вниманіе на то, съ какою цѣлію и въ чью пользу законъ поддерживался послѣ, въ XVII вѣкѣ; бѣдные помѣщики бьютъ челомъ, что богатые, несмотря на законъ, переманиваютъ у нихъ крестьянъ и засылаютъ ихъ сначала въ свои дальнія вотчины, чтобъ сыскать было нельзя, и, такимъ образомъ, разоряютъ ихъ, бѣдныхъ помѣщиковъ. Мы видѣли, что въ Литовской Россіи гораздо прежде поднятъ былъ тотъ же самый вопросъ: какъ воспрепятствовать переманкѣ крестьянъ большими льготами отъ одного землевладѣльца къ другому. Здѣсь шляхта рѣшила ввести общее положеніе, на какихъ условіяхъ водворять вольныхъ крестьянъ, и тотъ, кто-бъ осмѣлился дать крестьянамъ бо̀льшія льготы и тѣмъ переманивать ихъ къ себѣ, подвергался денежному взысканію. Въ Россіи Восточной употреблено было другое средство—прикрѣпленіе къ землѣ

Когда именно послѣдовало это прикрѣпленіе,—мы не можемъ съ точностію опредѣлить, ибо указа о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ до насъ не дошло; дошелъ до насъ только слѣдующій указъ 1597 года: „Которые крестьяне изъ помѣстій и отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за пять лѣтъ, на тѣхъ судъ давать и сыскивать накрѣпко, и по суду этихъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ отвозить назадъ, гдѣ они жили;

[1]) Разрядн. кн. въ Симбир. Сборникѣ; Времен. Моск. Истор. Общ. кн. 14; Памятн. диплом. снош. II, 235.

а которые крестьяне выбѣжали до этого указа лѣтъ за шесть, за семь, за десять и больше, а помѣщики или отчинники на нихъ въ побѣгѣ не били челомъ,— на такихъ суда не давать". По смыслу этого извѣстія, законъ объ укрѣпленіи можно отодвинуть къ началу царствованія Θеодора; отодвигать дальше мы не можемъ, ибо есть прямое извѣстіе объ указѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, гдѣ Годуновъ выставляется виновникомъ закрѣпленія въ царствованіе Θеодора. Въ этомъ извѣстіи говорится, что царь Θеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ.

Кромѣ приведеннаго извѣствія объ указѣ Шуйскаго, о переходѣ крестьянъ въ первый годъ царствованія Θеодора свидѣтельствуетъ еще извѣстіе о мѣрѣ, которая служила приготовленіемъ къ прикрѣпленію и которая прямо указываетъ на главное побужденіе къ нему. Въ приговорной грамотѣ духовнаго собора, держаннаго 20 іюля 1584 года, сказано: „Совѣтовались мы и утвердились, чтобъ впередъ тарханамъ не быть: земли митрополичьи, архіепископскія, владычни и монастырскія въ тарханахъ никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами во льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла. И потому, для великихъ нуждъ и тощеты воинскимъ людямъ, мы уложили", и проч. Здѣсь явно приближеніе къ закрѣпленію: служилымъ людямъ тощета отъ того, что крестьяне уходятъ отъ нихъ, приманиваемые тарханами,—положено уничтожить тарханы. Но эта мѣра на соборѣ была объявлена временною, и мы знаемъ, какъ она была кратковременна: въ октябрѣ того же года уже тарханы возстановляются. По всѣмъ вѣроятностямъ, слѣдовательно, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ долженствовалъ быть одновременenъ съ возстановленіемъ тархановъ, ибо надобно было дать служилымъ людямъ обезпеченіе, необходимость котораго была такъ торжественно провозглашена на соборѣ Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ Московскомъ государствѣ при рѣшеніи вопроса сначала приблизились-было къ тому же средству, которое было употреблено въ Западной Россіи, то-есть—къ уравненію выгодъ на всѣхъ земляхъ, уравненію, необходимо отнимавшему у крестьянина побужденіе къ переходу съ одной земли на другую: но въ Московскомъ государствѣ это средство скоро было покинуто, вслѣдствіе столкновенія съ интересомъ могущественнаго сословія. При объясненіи этого явленія, необходимо также обращать вниманіе на то, что Московское государство въ описываемое время находилось на очень низкой ступени промышленнаго развитія, было чисто земледѣльческимъ; мануфактурная промышленность была въ младенчествѣ;—городъ, въ смыслѣ центра мануфактурной промышленности, не существовалъ; городъ продолжалъ быть огороженнымъ селомъ, городскіе жители продолжали заниматься земледѣліемъ точно такъ же, какъ сельчане и деревенщики. Въ чисто земледѣльческомъ государствѣ господствующимъ отношеніемъ бываетъ отношеніе землевладѣльца къ земледѣльцу, причемъ обыкновенно первый стремится привести втораго въ полную отъ себя зависимость. Главный землевладѣлецъ—государство—испомѣстило на своихъ земляхъ служилыхъ людей, которымъ должно было дать постоянныхъ насельниковъ, земледѣльцевъ. Но тутъ государство, какъ землевладѣлецъ, сталкивалось съ другимъ богатымъ землевладѣльцемъ—церковью. Сперва-было государство потребовало отъ церкви, чтобъ она отказалась отъ тархановъ въ пользу служилыхъ людей; но скоро потомъ, не желая нарушать интересовъ ни одного изъ этихъ могущественныхъ землевладѣльцевъ, ни государства, ни церкви, дѣло уладили такимъ образомъ, что церковь осталась при тарханахъ, а служилые люди удержали навсегда населеніе земель своихъ. Что же касается до другихъ землевладѣльцевъ, знатныхъ и богатыхъ отчинниковъ, то конечно закрѣпленіе крестьянъ не могло быть для нихъ выгодно, ибо лишало ихъ права перезывать на свои земли крестьянъ съ земель мелкихъ помѣщиковъ; но значеніе вельможъ было ослаблено вслѣдствіе извѣстной намъ борьбы государей Московскихъ съ княжескими и дружинными притязаніями,—борьбы, которая, съ другой стороны, усиливала значеніе мелкихъ служилыхъ людей, выставляла ихъ интересы на первый планъ для правительства. Шуйскій въ приведенномъ выше указѣ говоритъ, что царь Θеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ. Понятно, что Годунову не нужно было щадить интересы старѣйшихъ бояръ, которыхъ никами уступками онъ не могъ заставить уступить себѣ первенство: въ борьбѣ съ старѣйшими боярами ему выгодно было опираться на духовенство и на мелкихъ служилыхъ людей, которыхъ онъ и старался привлечь на свою сторону уступками. Поэтому имѣемъ право принять извѣстіе, что Годуновъ содѣйствовалъ этой сдѣлкѣ между выгодами духовенства и мелкихъ служилыхъ людей. У насъ нѣтъ средствъ знать отношеніе, существовавшее въ описываемое время между землями государственными, служилыхъ людей—вотчинниковъ и церковными; мы можемъ указать только на нѣкоторые отрывки изъ общаго описанія земель, въ которыхъ видно очень любопытное отношеніе. Въ Горетовѣ стану Московскаго уѣзда, въ 1586 году подъ помѣстьями и вотчинами было 5,780 четвертей пахатной земли; порожней и оброчной земли, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, было 8,639 четвертей, церковныхъ же земель было 9,422 четверти. Изъ 59 помѣстій и вотчинъ, упоминаемыхъ въ Го-

ростовѣ стану, 16 перемѣнили своихъ владѣльцевъ не посредствомъ продажи [1]).

Относительно крестьянъ въ описываемое время любопытна наказная память Вельскаго стана крестьянамъ Бориса Годунова: „По наказу государя Бориса Ѳеодоровича, приказали его приказные люди (такіе-то) Вельскаго стана крестьянамъ (слѣдуетъ перечисленіе 12 человѣкъ: Петру Иванову Дьяконову, Никитѣ Иванову и проч.) и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьянамъ Вельскаго стана. Били вы челомъ государю Борису Ѳеодоровичу, чтобъ отъ васъ кабакъ свести, и государь Борисъ Ѳеодоровичъ кабакъ свести велѣлъ; и вы бы, Петръ Дьяконовъ да Никита Ивановъ съ товарищами, которые въ этой памяти именно писаны, и выборные судьи и старосты, и цѣловальники, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе, берегли крѣпко, чтобъ у васъ продажнаго питья ни у кого не было, и въ отвозъ съ виномъ и со всякимъ продажнымъ питьемъ не ѣздили, зернью по деревнямъ крестьяне не играли бы и воровства бы не было; а лучшіе отрадные крестьяне, кому можно про себя питье держать въ своихъ домахъ, и они бы держали про себя, а не продавали; а которымъ крестьянамъ случится, къ праздникамъ или поминкамъ пива сварить и вина скурить,—и онибы о томъ вамъ докладывали, тебѣ Петру Дьяконову да Никитѣ Иванову съ товарищами, также выборнымъ судьямъ, старостамъ и цѣловальникамъ", и проч. Мы видимъ, что здѣсь, въ Годуновскихъ имѣніяхъ, были выборные судьи, старосты, цѣловальники, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, и, въ то же время, видимъ, что выше всѣхъ этихъ лицъ стояло 12 человѣкъ крестьянъ. Въ этомъ же отношеніи замѣчательна царская грамота 1590 года: посадскіе люди Соли Вычегодской и волостные крестьяне били челомъ на Коряжемскаго игумена Герасима за то, что онъ не участвовалъ съ ними въ подмогѣ переселенцамъ въ Сибирь; игуменъ, въ свою очередь, билъ челомъ на Вычегодцевъ, обвиняя ихъ въ неправильныхъ поступкахъ. Въ Москвѣ рѣшили дѣло, а привести въ исполненіе это рѣшеніе поручено было Строгановымъ, Максиму и Никитѣ,—царская грамота послана была къ нимъ; но изъ этой грамоты вовсе не видно, чтобъ Строгановы занимали какую-нибудь правительственную должность въ Сольвычегодскѣ: они были только самые богатые, самые значительные по своему вліянію люди въ области, и вотъ царь, мимо старостъ и цѣловальниковъ, посылаетъ грамоту къ нимъ, пишетъ: „И вы бы посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ на старцахъ Коряжемскаго монастыря, на слугахъ и на крестьянахъ его больше того брать не велѣли" [2]). Изъ этихъ грамотъ мы видимъ значеніе лучшихъ людей въ волости; видимъ, какъ въ волостяхъ подлѣ правительственныхъ лицъ по праву существовали правительственныя лица на дѣлѣ. Это явленіе ярко освѣщаетъ тогдашнее общество, къ которому никакъ нельзя прилагать нашихъ опредѣленій.

Вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ царствованіе Ѳеодора послѣдовало и прикрѣпленіе или обращеніе въ холопи вольныхъ слугъ. Въ 1597 г. велѣно было всѣмъ господамъ принести въ Холопій приказъ списки именъ холопей своихъ какъ служащихъ, такъ и бѣглыхъ, и крѣпости на нихъ, и записывать въ книги для большаго укрѣпленія. Кто далъ на себя служилую кабалу съ 1-го іюля 1586 года,—тѣмъ быть въ холопствѣ, денегъ по этимъ служилымъ кабаламъ у нихъ не брать и челобитья ихъ не слушать, а выдавать ихъ господамъ въ службу до смерти. Которые люди служатъ у кого добровольно, тѣхъ вольныхъ людей ставить въ Холопьемъ приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да разспрашивать, какъ давно служатъ и кабалу на себя даютъ ли; которые люди вольные послужили у кого недѣль пять-шесть, а кабалъ на себя давать не хотятъ,—тѣхъ отпускать на волю; а кто послужилъ съ полгода и больше,—на тѣхъ служилыя кабалы давать и челобитья ихъ не слушать, потому что господинъ такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ [3]).

Земли было много, рукъ—мало; служилымъ людямъ была тощета, что крестьяне уходили отъ нихъ, а между тѣмъ пространство земель, требовавшихъ населенія, увеличивалось все болѣе и болѣе, колоніи вытягивались и на югъ въ степи, и на сѣверо-востокъ, за Уральскія горы, въ безконечную Сибирь. Много говорятъ о томъ, какъ сильно пострадала Испанія, вслѣдствіе выселенія ея жителей въ новооткрытыя страны; а Россія въ XVI вѣкѣ, и безъ того бѣдная населеніемъ, развѣ не высылала безпрестанно колоній, и какое слѣдствіе долженъ былъ имѣть для государства этотъ выводъ колоній? Флетчеръ говоритъ, что на дорогѣ между Вологдою и Ярославлемъ онъ видѣлъ до 50 обширныхъ деревень, совершенно пустыхъ. Легко понять, какъ эта рѣдкость населенія должна была замедлять общественное развитіе, затруднять всѣ государственныя отправленія; а съ другой стороны, рѣдкость населенія, отсутствіе мѣстъ, гдѣ бы сталпливались большія массы народонаселенія, разобщенность мѣстъ съ относительно бо́льшимъ народонаселеніемъ, возможность при первомъ неудобствѣ, физическомъ или нравственномъ, уходить въ пустынныя страны, не разрывая съ отечествомъ, доставляли правительству возможность съ меньшими препятствіями приводить въ исполненіе мѣры, которыя оно считало необходимыми. Для примѣра приведемъ только одно явленіе изъ послѣдующей исторіи: раскольничество въ концѣ XVII вѣка несомнѣнно обнаружилось бы иначе, еслибъ многіе изъ фанатиковъ должны были оставаться въ городахъ и селахъ, не имѣя возможности уйти въ да-

[1]) Акты историч. I, № 221; С. г. г. и д. I; № 202; Времен. Моск. Истор. Общ. № 13.

[2]) Акты арх. эксп. I, № 361, 349.

[3]) Акты истор. I, № 221.

лекія, пустынныя страны, и такимъ обрдзомъ избавить отъ себя общество. Воровскіе казаки были вредны государству, въ Смутное время явились грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ, по выраженію современниковъ; но въ спокойное время на ходъ государственнаго развитія развѣ не могло имѣть вліянія то обстоятельство, что люди съ казацкими наклонностями уходили за границу государства? Понятно, какую силу получало правительство отъ этого ухода людей безпокойныхъ.

Къ концу XVI вѣка пустынныхъ пространствъ было уже очень много въ Московскомъ государствѣ, когда къ нимъ присоединились еще обширныя пустыни сибирскія. Правительство взяло у казаковъ Сибирское царство, ибо прежде всего оно должно было радоваться возможности обогащать казну свою дорогимъ пушнымъ товаромъ; но чтобъ укрѣпиться въ Сибири, нужно было населить ее Русскими людьми; чтобъ имѣть возможность населять сибирскіе городки служилыми людьми, нужно было имѣть подлѣ нихъ людей пашенныхъ, взять, слѣдовательно, часть народонаселенія въ старыхъ областяхъ государства, и безъ того имѣвшихъ его мало. Въ 1590 году велѣно было въ Сольвычегодскѣ на посадѣ и во всемъ уѣздѣ выбрать въ Сибирь на житье тридцать человѣкъ пашенныхъ людей, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, а у всякаго человѣка было бы по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пяти куръ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха совсѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодскіе посадскіе и уѣздные люди должны были имъ дать по 25 рублей человѣку [1]).

Съ распространеніемъ границъ государства, съ переселеніемъ Русскихъ людей въ новыя страны, распространились, разумѣется, и предѣлы Церкви. Но, пріобрѣтая новыхъ членовъ между инородцами, Церковь должна была принимать мѣры, чтобъ не отпадали отъ нея старые. Въ 1593 году Казанскій владыка Гермогенъ писалъ царю, что въ Казани и въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новокрещены вмѣстѣ съ Татарами, Чувашами, Черемисами и Вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ; обвѣнчавшись въ церкви, перевѣнчиваются у поповъ татарскихъ, ѣдятъ скоромное въ посты, живутъ мимо своихъ женъ съ нѣмецкими плѣнницами. Онъ, владыка, призывалъ ихъ и поучалъ, но они ученья не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, и совершенно отъ христіанской вѣры отстали, о томъ сильно скорбятъ, что отъ своей вѣры отстали и въ православной вѣрѣ не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ, отъ церквей далеко. И, видя такое невѣрье въ новокрещенахъ, иные Татары не только не крестятся въ православную вѣру, но и ругаются ей; да прежде, въ сорокъ лѣтъ отъ Казанскаго взятья, не бывали въ татарской слободѣ мечети, а теперь стали мечети ставить близъ посада, на лучный выстрѣлъ. Получивши это донесеніе, царь приказалъ воеводамъ: чтобъ они, переписавши всѣхъ новокрещенъ, устроили имъ слободу въ Казани съ церковію и полнымъ причтомъ; кто изъ нихъ не захочетъ переселиться и ставить себѣ дворъ въ слободѣ, тѣхъ давать на поруки, а иныхъ въ тюрьму сажать; чтобъ воеводы выбрали сына боярскаго добраго и приказали ему эту слободу вѣдать, беречь, чтобъ новокрещены христіанскую вѣру держали крѣпко, женились бы у Русскихъ людей и дочерей своихъ выдавали за Русскихъ же; которые не станутъ христіанской вѣры крѣпко держать, тѣхъ смирять, въ тюрьму сажать въ желѣза, въ цѣпи, бить, а другихъ отсылать къ владыкѣ, чтобъ налагалъ эпитимью. Всѣ мечети воеводы должны были посметать и въ-конецъ ихъ извести. Гермогенъ писалъ также, что многіе Русскіе люди живутъ у Татаръ, Черемисъ, Чувашей, женятся у нихъ, многіе живутъ у Нѣмцевъ по слободамъ и деревнямъ добровольно и въ деньгахъ, и всѣ эти люди отъ христіанской вѣры отпали, обратились у Татаръ въ татарскую вѣру, а у Нѣмцевъ—въ римскую и лютеранскую. Царь приказалъ воеводамъ распорядиться, чтобъ Русскіе люди не жили у Татаръ и у Нѣмцевъ; должниковъ, которые служатъ въ небольшихъ деньгахъ, выкупить, а которые въ большихъ, тѣхъ отдать новокрещенамъ, у которыхъ взамѣнъ взять Литву и Латышей и отдать Татарамъ и Нѣмцамъ, которымъ запретить, чтобъ они Русскихъ людей впередъ не принимали и денегъ имъ въ-займы не давали. Въ 1597 году князю Василію Ухтомскому, назначенному воеводою въ Пустоозерскій острогъ, велѣно было призвать Самоѣдовъ и другихъ иноземцевъ въ православную христіанскую вѣру. Ухтомскій билъ челомъ, что Пустоозерскій острогъ мѣсто дальнее, деревень у него, воеводы, по той дорогѣ нѣтъ, изъ Москвы запасъ взять далеко: почему государь пожаловалъ бы, велѣлъ ему дать съ устюжскаго кружечнаго двора 300 ведеръ вина по подрядной цѣнѣ. Царь велѣлъ дать дать 50 ведеръ [2]).

Главный пастырь Русской Церкви въ царствованіе Θеодора перемѣнилъ званіе митрополита на званіе патріарха. Мы видѣли, вслѣдствіе какихъ причинъ Сѣверо-Восточная Русская Церковь получила на дѣлѣ самостоятельность отъ церкви Константинопольской, хотя самое названіе главнаго пастыря ея митрополитъ—обличало номинальную зависимость ея отъ патріарха. Взятіе Константинополя Турками, зависимость восточныхъ патріарховъ отъ султана—должны были возбудить въ Москвѣ желаніе пріобрѣсть самостоятельность совершенную, а въ патріархахъ уничтожить противобор-

[1]) Акты арх. эксп. I, № 349.

[2]) Акты арх. эксп. I, № 358; акты истор. I. № 250.

ство исполненію этого желанія; возвышеніе Сѣверо-Восточной Русской Церкви, какъ самостоятельной и цвѣтущей, требовало, по крайней мѣрѣ, уравненія ея съ старшими Церквами, которыя страдали подъ игомъ невѣрныхъ, нуждались въ ея помощи; въ Москвѣ возникло даже мнѣніе, что опасно имѣть единеніе съ людьми рабствующими невѣрнымъ, мнѣніе, противъ котораго долженъ былъ вооружиться Максимъ Грекъ. Желаніе полной самостоятельности должно было еще болѣе усилиться, когда обнаружились враждебныя движенія католическія, когда іезуиты главною укорою Русской Церкви ставили зависимость ея отъ раба султанова. Необходимо было, слѣдовательно, для Русской Церкви имѣть своего патріарха; выгодно было имѣть его для Москвы, ибо этимъ наносился ударъ дѣлу Витовтову: Москва брала неоспоримое преимущество предъ Кіевомъ, и глаза православныхъ въ Литвѣ не могли не обращаться къ патріарху Всероссійскому.

Посланникъ Благовъ, отправленный къ султану, повезъ патріарху Константинопольскому на поминъ души царя Іоанна милостыни 1,000 рублей; у патріарха, по обычаю, учились греческому языку два русскихъ паробка, Ушаковъ и Внуковъ; къ нимъ Благовъ отвезъ шубы и деньги по 10 рублей; посланникъ долженъ былъ имъ сказать, чтобъ они учились греческому языку и грамотѣ радѣтельно, пристально, а не гуляли, патріарха во всемъ слушались бы; а патріарху долженъ былъ сказать, чтобъ велѣлъ учить паробковъ радѣтельно, держалъ бы ихъ у себя въ наказаньи, а воли бы имъ не давалъ. Посланы были богатыя милостыни и другимъ православнымъ церквамъ, греческимъ и славянскимъ [1]). Лѣтомъ 1586 года пріѣхалъ въ Москву за милостынею Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Любопытны подробности свиданія его съ митрополитомъ Діонисіемъ: когда онъ вошелъ въ Успенскій соборъ, то митрополитъ стоялъ въ святительскомъ санѣ на устроенномъ мѣстѣ, окруженный знатнымъ духовенствомъ; приложившись къ образамъ, патріархъ пошелъ къ митрополиту,—тотъ сошелъ къ нему навстрѣчу съ сажень отъ своего мѣста и благословилъ его напередъ и потомъ уже принялъ благословеніе отъ патріарха; Іоакимъ поговорилъ слегка, что пригоже было митрополиту отъ него принять благословеніе напередъ, да и пересталъ. Здѣсь, при этомъ столкновеніи значенія дѣйствительнаго съ значеніемъ номинальнымъ, всего яснѣе высказалась несообразность отношеній Московскаго митрополита къ патріархамъ, и очень можетъ быть, что именно прибытіе патріарха Іоакима въ Москву и это столкновеніе его съ митрополитомъ Діонисіемъ, показавши на дѣлѣ несообразность отношеній между значеніемъ дѣйствительнымъ и значеніемъ номинальнымъ, и побудили къ рѣшительному шагу. Какъ бы то ни было, предложеніе объ учрежденіи патріаршества было сдѣлано царемъ думѣ во время пребыванія Іоакима въ Москвѣ, и побужденіемъ къ этому дѣлу царь именно выставилъ бѣдственное состояніе Церкви Греческой и возвеличеніе Церкви Русской: „По волѣ Божіей, въ наказаніе наше, восточные патріархи и прочіе святители только имя святителей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатію Божіею, во многорасширеніе приходитъ, и потому я хочу, если Богу угодно и писанія божественныя не запрещаютъ, устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршескій; если вамъ угодно, объявите; по-моему, тутъ нѣтъ поврежденія благочестію, но еще больше преуспѣянія вѣрѣ Христовой". Духовенство и вельможи похвалили мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить къ дѣлу съ согласія всей Церкви Восточной, „да не скажутъ пишущіе на Святую нашу вѣру Латыны и прочіе еретики, что въ Москвѣ патріаршій престолъ устроился одною царскою властію". Эти слова показываютъ, что въ Москвѣ знали о враждебныхъ движеніяхъ на православіе въ Западной Россіи и принимали ихъ въ соображеніе. Іоакиму дали знать о желаніи царя, и онъ обѣщалъ предложить объ этомъ дѣлѣ собору Греческой Церкви.

Лѣтомъ 1587 года пріѣхалъ въ Москву Грекъ Николай съ объявленіемъ, что патріархи Цареградскій и Антіохійскій уже созывали соборъ, послали за двумя другими патріархами, Іерусалимскимъ и Александрійскимъ, будутъ совѣтоваться съ ними и пришлютъ въ Москву патріарха Іерусалимскаго съ наказомъ объ учрежденіи патріаршества. Но черезъ годъ, лѣтомъ 1588, государю дали знать, что въ Смоленскъ нечаянно пріѣхалъ старшій изъ патріарховъ, Византійскій Іеремія. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе, смоленскіе воеводы получили выговоръ, зачѣмъ патріархъ пришелъ къ нимъ къ пристани безвѣстно. „Впередъ такъ просто не дѣлайте, чтобъ на рубежъ никакой посланникъ и никакой человѣкъ подъ посадъ безвѣстно не пріѣзжалъ". Епископу Смоленскому царь писалъ: „Если патріархъ станетъ проситься у воеводъ въ церковь Пречистой Богородицы помолиться, то мы ему въ церковь идти позволили; и у тебя въ церкви въ то время было бы устроено чинно и людно, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ было бы много, встрѣчалъ бы ты патріарха и чтилъ его честно, точно такъ же, какъ митрополита нашего чтите". Приставъ, отправленный встрѣчать и провожать патріарха, получилъ наказъ: „Развѣдать, какимъ обычаемъ патріархъ къ государю поѣхалъ, и теперь онъ патріаршество цареградское держитъ ли и нѣтъ ли кого другого на его мѣстѣ; и кромѣ его нужды, что ѣдетъ за милостынею, есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговора къ государю приказъ. Честь къ патріарху держать

[1]) Дѣла Греческ. № 2. Іерусалимскому патріарху и въ монастыри послано 900 рублей, да 82 рубля на вѣчныя лампады за здравіе царя, царицы и чадородіе ихъ; архіепископу Синайской горы 54 рубля; въ Сербскій Вознесенскій Милешевъ монастырь, гдѣ мощи Саввы Сербскаго, 270 рублей; въ Сербскій Благовѣщенскій монастырь, что на рѣкѣ на Понарати, 120 рублей.

великую, такую же, как къ здѣшнему митрополиту".

Въ Москвѣ Іеремію помѣстили на дворѣ Рязанскаго владыки; самого его велѣно было помѣстить въ большихъ хоромахъ въ горницѣ съ комнатою; провожатыхъ его, митрополита Мальвазійскаго и архіепископа Элассонскаго,—въ столовой избѣ и въ комнатѣ, архимандриту дать подклѣтъ особый, а старцевъ и слугъ устроить по подклѣтамъ. Грековъ, Турокъ и другихъ иноземцевъ не велѣно было пускать на дворъ, слугъ патріаршихъ—со двора. Если отъ митрополита Іова, отъ знатнаго духовенства и бояръ станутъ приходить съ кормомъ, такихъ людей пускать было позволено; если же какой иноземецъ станетъ проситься къ патріарху, или самъ патріархъ захочетъ видѣться съ какимъ-нибудь иноземцемъ, то приставы должны были ему отвѣчать, что скажутъ объ этомъ боярамъ и посольскому дьяку Андрею Щелкалову. Купцовъ, пріѣхавшихъ съ Іеремією, поставили на литовскомъ гостиномъ дворѣ.

Недѣлю спустя по пріѣздѣ, государь велѣлъ патріарху быть у себя и принялъ его, какъ принималъ обыкновенно пословъ, съ тѣмъ только различіемъ, что на-встрѣчу ему переступилъ съ полсажени отъ трона. Послѣ этого представленія, не выходя изъ дворца, Іеремія имѣлъ разговоръ съ Годуновымъ, разсказалъ ему о своихъ несчастіяхъ, какъ онъ былъ обнесенъ султану, свергнутъ съ патріаршаго престола, потомъ опять возведенъ; разсказалъ о бѣдственномъ состояніи своей Церкви, о грабежѣ Турокъ; разсказалъ о дѣлахъ литовскихъ, что могъ узнать дорогою, наконецъ говорилъ т а й н ы я р ѣ ч и. Послѣ этого разговора, государь, подумавъ съ царицею, говорилъ боярамъ: „Велѣлъ намъ Богъ видѣть къ себѣ пришествіе патріарха Цареградскаго, и мы о томъ размыслили, чтобъ въ нашемъ государствѣ учинить патріарха, кого Господь Богъ благоволитъ; если захочетъ быть въ нашемъ государствѣ Цареградскій патріархъ Іеремія, то ему быть патріархомъ въ начальномъ мѣстѣ Владимірѣ, а на Москвѣ быть митрополиту по-прежнему; если же не захочетъ Цареградскій патріархъ быть во Владимірѣ, то на Москвѣ поставить патріарха изъ московскаго собора". Годунову поручено было ѣхать къ Іеремія и совѣтовать съ нимъ, возможно ли тому статься, чтобъ ему быть въ Россійскомъ царствѣ въ стольнѣйшемъ городѣ Владимірѣ. Іеремія отвѣчалъ: „Будетъ на то воля великаго государя, чтобъ мнѣ быть въ его государствѣ—я не отрекаюсь; только мнѣ во Владимірѣ быть невозможно, потому что патріархи бываютъ всегда при государѣ: а то что̀ за патріаршество, что жить не при государѣ?" Тогда царь опять созвалъ бояръ и говорилъ имъ: „Патріархъ Іеремія Вселенскій на Владимірскомъ и всея Руси патріаршествѣ быть не хочетъ; а если мы позволимъ ему быть въ своемъ государствѣ на Москвѣ, на патріаршествѣ, гдѣ теперь отецъ нашъ и богомолецъ Іовъ митрополитъ, то онъ согласенъ. Но это дѣло нестаточное: какъ намъ такого сопрестольника великихъ чудотворцевъ и достохвальнаго житія мужа, святаго и преподобнаго отца нашего и богомольца Іова митрополита отъ Пречистой Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ изгнать, а сдѣлать греческаго закона патріарха, а онъ здѣшняго обычая и русскаго языка не знаетъ, и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ съ нимъ говорить безъ толмача нельзя". Годуновъ вмѣстѣ съ Щелкаловымъ отправился опять къ Іереміи и говорилъ ему, чтобъ благословилъ и поставилъ въ патріархи изъ Россійскаго собора митрополита Іова. При этомъ свиданіи было рѣшено, что Іеремія на патріаршество Владимірское, Московское и всея Руси благословитъ и поставитъ, кого государю будетъ угодно, и благословеніе дастъ, что впередъ патріархамъ поставляться въ Россійскомъ царствѣ отъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ.

Намъ не нужно предполагать, что въ первомъ разговорѣ съ Годуновымъ самъ Іеремія изъявилъ желаніе остаться патріаршествовать въ Москвѣ; мысль о выгодныхъ слѣдствіяхъ перемѣщенія старшаго патріаршаго стола изъ Византіи въ Московское государство легко могла придти Годунову и другимъ. Пусть въ Константинополѣ, по приказу султана, выбрали бы другого патріарха: Іеремія и его русскіе преемники не потеряли бы чрезъ это права называться вселенскими, права на первенство; утвержденіе Іереміи въ Московскомъ государствѣ особенно было-бъ важно относительно Западной Русской Церкви, которая уже давно признавала свою зависимость отъ него. Съ другой стороны, намъ не нужно предполагать, что дѣло не уладилось единственно по настоянію Годунова, которому невыгодно было удалить Іова, совершенно ему преданнаго: при отчужденности отъ иностранцевъ и сильно развившейся, вслѣдствіе того, подозрительности, ясные слѣды которой видны повсюду, имѣть патріархомъ иностранца, Грека, должно было казаться крайне неудобнымъ; указывать на единовѣріе, какъ могущее уничтожить всякое подозрѣніе, нельзя, ибо мы видѣли, какъ обходились съ этимъ самымъ Іеремією: не велѣно было пускать къ нему ни одного иностранца. Наши предки въ описываемое время жили тою жизнію, когда свой обычай составляетъ все; отсюда понятно, какъ страшно было имѣть патріархомъ человѣка, незнающаго русскаго обычая, человѣка греческаго закона. Мало того,—нужно было рѣшиться на дѣло страшно тяжелое: отвергнуть человѣка, котораго уже привыкли видѣть на такомъ высокомъ мѣстѣ, каково было митрополичье; для Вселенскаго патріарха Іереміи не могли придумать чести высшей, какъ та, которая воздавалась митрополиту Іову,—и вотъ этого Іова надобно безвинно лишить этой чести, прогнать! Понятно, слѣдовательно, что не по однимъ личнымъ отношеніямъ Годунова къ Іову настаивали, чтобъ Іеремія жилъ во Владимірѣ.

Несмотря на то, что царь прямо объявилъ о невозможности прогнать Іова отъ церкви Богороди-

цы и отъ чудотворцевъ, исполнили обычай избранія; архіереи назначили трехъ кандидатовъ: митрополита Іова, Новгородскаго архіепископа Александра, Ростовскаго Варлаама, и предоставили царю выборъ. Θеодоръ избралъ Іова, который и былъ посвященъ 26 января 1589 года: слѣдовательно, дѣло тянулось полгода! Патріархъ долженъ былъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи митрополитовъ; это званіе дали владыкамъ: Новгородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому (въ Москвѣ), шесть епископовъ получали званіе архіепископовъ—Вологодскій, Суздальскій, Нижегородскій, Смоленскій, Рязанскій, Тверской.

Богато одаренный, отправился Іеремія въ маѣ 1589 года въ Константинополь, съ грамотою отъ царя къ султану, въ которой Θеодоръ писалъ: „Ты-бъ, братъ нашъ Муратъ салтанъ, патріарха Іеремію держалъ въ своей области и беречь велѣлъ пашамъ своимъ такъ же, какъ ваши прародители патріарховъ держали въ береженьи, по старинѣ во всемъ; ты-бъ это сдѣлалъ для насъ.“ Пріѣхавши въ Смоленскъ, Іеремія получилъ грамоту отъ Годунова, въ которой правитель просилъ его провѣдать въ Литвѣ о тамошнихъ дѣлахъ: „О Максимиліанѣ, гдѣ онъ теперь и какимъ обычаемъ живетъ,—въ Польской ли Землѣ, или отпущенъ, и какъ отпущенъ, по какому договору. Укрѣпился ли королевичъ Шведскій на Польской коронѣ и на какой мѣрѣ утвердился, какое его впередъ умышленье о нашемъ государѣ;—провѣдавъ объ этомъ, отписалъ бы ты ко мнѣ тайно, не объявляя своего святительскаго имени ни въ чемъ; а когда будешь въ Цареградѣ, то отпиши о всѣхъ тамошнихъ дѣлахъ.“

Только чрезъ два года, въ іюнѣ 1591 г., пріѣхалъ въ Москву митрополитъ Терновскій и привезъ утвержденную грамоту на Московское патріаршество. Іеремія писалъ къ Іову: „Послали мы твоему святительству соборную совершенную грамоту; будешь имѣть пятое мѣсто, подъ Іерусалимскимъ патріархомъ. И ты прими грамоту съ благодарностію и тихомиріемъ, и постарайся о митрополитѣ Терновскомъ при царѣ и при царицѣ словомъ и дѣломъ, попечалуйся святому и высочайшему царю нашему, да сотворитъ пригожую помощь, какъ обѣщалъ ты насъ пожаловать при постановленіи своемъ, въ своей палатѣ; а мы, кромѣ Бога да святаго царя, надежды ни отъ кого не имѣемъ, патріаршества Цареградскаго не можетъ никто воздвигнуть и устроить попрежнему, кромѣ святаго царя.“ Въ письмѣ Годунову патріархъ просилъ о присылкѣ 6,000 золотыхъ на сооруженіе патріаршества. Митрополитъ Терновскій поднесъ Годунову дары: два атласа золотныхъ, саблю булатную да два сосудца ценинныхъ. Годуновъ даровъ не принялъ, сказавъ: „Намъ у васъ даровъ брать не подобаетъ, мы должны васъ надѣлять, чѣмъ Богъ послалъ.“ Митрополитъ просилъ, чтобъ Годуновъ не обижалъ его, взялъ дары, и тотъ взялъ два сосуда ценинныхъ. Правитель хотѣлъ знать, какъ былъ держанъ соборъ объ учрежденіи Московскаго патріаршества, съ вѣдома ли султана и пашей. Митрополитъ отвѣчалъ, что соборъ былъ держанъ, доложа султану. Просьба патріарха была исполнена: царь послалъ на построеніе церкви и патріаршескаго дома большое количество мѣховъ и рыбьяго зуба [1]). Когда Салтыковъ и Татищевъ отправлялись послами въ Литву, то имъ данъ былъ наказъ: „Сганутъ спрашивать про патріаршеское постановленье, то вы говорите: приходилъ къ великому государю изъ Греческаго государства Антіохійскій патріархъ Іоакимъ и говорилъ государеву шурину, Борису Θеодоровичу Годунову, что изъ давныхъ лѣтъ на семи соборахъ уложено быть въ Римѣ папѣ Греческой вѣры, а въ Греческомъ государствѣ—четыремъ патріархамъ; но когда Евгеній, папа Римскій, составилъ суемысленный осьмой соборъ, то съ этого времени папы римскіе отъ Греческой вѣры отстали; еслибы по сіе время въ Греческомъ государствѣ были благочестивые цари христіанскіе, то патріархи поставили бы папу въ Греческомъ государствѣ, и теперь они всѣ четыре патріарха совѣтовали со всѣмъ Вселенскимъ соборомъ греческихъ государствъ, дабы вмѣсто папы Римскаго поставить Вселенскаго патріарха Константинопольскаго, а на его мѣсто поставить четвертаго патріарха, въ Московскомъ государствѣ. Если паны радные будутъ говорить, что изначала этого не бывало, то отвѣчать: „Вотъ, у васъ въ Вильнѣ прежде кардиналовъ не бывало, а были бискупы, а теперь папа сдѣлалъ Юрія Радзивила кардиналомъ,—и тому что дивиться?“ [2]).

Изъ другихъ отношеній церковныхъ при Θеодорѣ замѣтимъ, что архіереи, какъ говорилось въ ихъ настольныхъ грамотахъ, ставились „по избранію

---

[1]) Послано было: 40 сороковъ соболей, 30 сороковъ куницъ, десятеры цки горностайные, 15 пудовъ рыбьяго зуба, самому патріарху царь послалъ омофоръ саженъ жемчугомъ, чару золотую на Святую воду, да убрусецъ саженъ жемчугомъ дробнымъ. Патріархъ Іовъ послалъ бархатъ черный да 40 соболей. Годуновъ послалъ Іереміи, котораго величалъ великимъ господиномъ и государемъ отцомъ, наставникомъ и спасителемъ души своей, — 40 соболей, отъ жены ширинку, отъ сына Θеодора кубокъ серебряный позолоченный съ крышкою. На строеніе Пантелеимонова монастыря Аѳонскаго послано рухляди на 500 р.; этому монастырю возобновлена жалованная грамота Грознаго, по которой старцы его могли пріѣзжать въ Россію для сбора на церковное строеніе; такая же грамота дана іерусалимскому монастырю Саввы Освященнаго. Въ 1593 г. посланы Трифонъ Коробейниковъ да Михайла Огарковъ съ заздравною милостынею въ Царьградъ, Александрію, Антіохію, Іерусалимъ и Синайскую гору; послано было съ ними 5,534 золотыхъ угорскихъ, да три золотыхъ португальскихъ противъ 30 золотыхъ угорскихъ, да 8 сороковъ соболей, да цки собольи, цки куньи, сорокъ куницъ, пятеры цки бѣльи хрептовые, черева лисьи, да велѣно имъ взять въ Царѣградѣ у Ивана Катурина за государевы соболи, которые ему даны на Москвѣ за 300 рублевъ, 600 золотыхъ угорскихъ.—Дѣла Греческ. № 2 и 3; С. г. г. и д. II, № 58, 59; Дополн. къ акт. истор. II, № 76; Arsenii Elassonis—iter in Moscoviam, in — Histor. Ruthen. scriptor. exter. v. II, лучшая статья объ учрежденіи патріаршества—Зернина, въ Архивѣ Истор. юридич. свѣдѣн. изд. Калач.

[2]) Дѣла Польскія, № 21, стр. 82.

Св. Духа (на соборѣ) и по совѣту боговѣнчаннаго царя". Въ началѣ царствованія Ѳеодора былъ любопытный случай, при которомъ опять послышалась укоризна Осифлянамъ. Рязанскій епископъ Леонидъ подалъ царю слѣдующую челобитную: „Пожаловалъ ты меня, государь, велѣлъ быть у себя за столомъ на Рождество Христово; а архіепископъ Ростовскій Евфимій мнѣ съ собою ѣсть съ блюда не далъ и меня въ-конецъ позорилъ; а прежде, при отцѣ твоемъ, я ѣдалъ съ одного блюда съ архіепископомъ Новгородскимъ; а онъ же насъ, Осифовскихъ постриженниковъ, называетъ всѣхъ не Осифлянами, но Жидовлянами". Неизвѣстно чѣмъ рѣшено было дѣло.

Въ іюнѣ 1594 года, по государеву приказу, патріархъ Іовъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ приговорилъ: учредить въ Москвѣ 8 старостъ поповскихъ, чтобъ у каждаго было по 40 поповъ, да по четыре дьякона въ десятскихъ; поставить имъ избу у Покрова Богородицы на Рву (у Покровскаго собора, или у Василія Блаженнаго), куда должны сходиться старосты и десятскіе каждый день. Старосты должны были наблюдать, чтобъ въ извѣстные дни были по всѣмъ церквамъ молебны и обѣдни, разсылать для этого по всѣмъ церквамъ память, чтобъ всѣмъ попамъ было вѣдомо; да и всякій день передъ обѣднями попы должны были по всѣмъ церквамъ пѣть молебны о вселенскомъ устроеніи, благосостояніи церквей, о многолѣтнемъ здравіи царя и царицы, о ихъ чадородіи, о христолюбивомъ воинствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ. Старосты должны были наблюдать, чтобъ всѣ попы и дьяконы являлись въ крестные ходы и до окончанія ихъ не расходились, а которые не явятся,—о тѣхъ доносить патріарху. Служить должны по церквамъ попы сами, а наймитовъ не нанимать, кромѣ великой нужды или какого-нибудь прегрѣшенія; отъ ружныхъ церквей и приходскихъ храмовъ попамъ по другимъ церквамъ служить не наниматься; безмѣстные попы должны приходить къ Покрову Богородицы, къ поповской избѣ, и здѣсь наниматься служить съ патріаршаго доклада; найму брать въ простые дни по алтыну, а въ большіе праздники и на Святой недѣлѣ по два алтына, а больше не брали бы и божественною литургіею не торговали бы,—старосты должны за этимъ смотрѣть крѣпко. Чернымъ попамъ у мірскихъ церквей не наниматься служить. Въ который день панихиды служить и на завтрее обѣдни заупокойныя по государямъ, въ тѣ дни старосты съ десятскими давали бы память по всѣмъ церквамъ, къ которымъ по книгамъ велѣно каноны давать, а которые попы за государевы панихидные столы садятся, тѣ должны знать—кого въ какой день поминать. Если христолюбцы станутъ приносить милостыню на храмы о здравіи или за упокой и велятъ раздѣлить по храмамъ въ поповской избѣ, то старосты должны эту милостыню раздавать по храмамъ. Пяти протопопамъ поручено было смотрѣть, чтобъ старосты поповскіе исполняли этотъ наказъ.

Относительно монастырскаго благочинія царь въ 1584 году писалъ въ Соловецкій монастырь: „Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ сытятъ квасы медвеные да квасятъ, и уставъ прежній монастырскій перемѣненъ; такъ вы бы квасовъ не квасили и прежняго чина монастырскаго не рушили; и которые старцы станутъ роптать, тѣхъ бы смиряли по монастырскому чину". Въ 1592 году двое старцевъ били челомъ на игумена и келаря Кириллова новгородскаго монастыря, что они монастырскую казну раздаютъ въ-займы, для своей прибыли, безъ братскаго вѣдома, дружатся съ дѣтьми боярскими, берутъ у нихъ себѣ гостинцы всякіе. Когда одинъ изъ челобитчиковъ сталъ имъ объ этомъ говорить, то они посадили его въ двои желѣза да въ цѣпь, а потомъ девять дней били его на правежѣ, правили деньги, которыя онъ проѣздилъ въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Бить на нихъ челомъ нельзя, откупаются монастырскою же казной; кромѣ субботы и воскресенья, службы никогда въ монастырѣ нѣтъ и священника нѣтъ.

Въ іюлѣ 1584 года постановили, чтобъ тарханамъ не быть, съ 1-го сентября, на время, до государева указа, пока земля поустроится и помощь во всемъ учинится царскимъ осмотрѣніемъ. Но уже въ октябрѣ того же года царь далъ тарханную грамоту митрополиту Діонисію на слободку Святославлю, которую великій князь Василій Димитріевичъ далъ митрополиту Кипріану вмѣсто города Алексина. Тогда же, въ іюлѣ 1584, было подтверждено, чтобъ вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не давать; но видимъ, что это постановленіе или было скоро отмѣнено, или не исполнялось. Въ 1587 году знаменитый впослѣдствіи князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, по приказу отца своего, далъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь вотчинную деревню безъ доклада государю; не перечисляемъ царскихъ пожалованій землями въ монастыри. Попрежнему давалось монастырямъ право производить торговлю, право сбирать въ своихъ селахъ таможенную пошлину; попрежнему давались грамоты съ освобожденіемъ монастырскихъ владѣній отъ разныхъ податей и повинностей; этихъ грамотъ отъ царствованія Ѳеодора дошло до насъ очень много, и начинаютъ онѣ раздаваться очень рано.

Касательно отношеній монастыря къ тѣмъ, на чей счетъ онъ былъ построенъ и поддерживался, любопытна царская грамота 1595 года. Въ Двинскомъ уѣздѣ, при устьи Нижняго Моржа, былъ монастырь Никольскій, построенный мірскимъ иждивеніемъ. Староста этого монастыря билъ челомъ государю, что десятильникъ митрополита Новгородскаго разорилъ монастырь своимъ насильствомъ; царь далъ грамоту двинскимъ даннымъ старостамъ и становымъ земскимъ судьямъ Калейскаго стана, гдѣ находился монастырь, чтобъ они защищали монастырь отъ обидъ; а когда Калейскаго стана крестьяне захотятъ впередъ перемѣнить никольскихъ старостъ и въ монастырской казнѣ ихъ счи-

тать, или сами старосты захотятъ перемѣниться и въ казнѣ отчетъ отдать, то всѣ бы крестьяне Калейскаго стана четырьмя волостками никольскихъ старостъ выбирали межъ собою, кого сами излюбятъ, новыхъ старостъ приводили къ крестному цѣлованью, а старыхъ съ лучшими людьми въ казнѣ считали и счетные списки отдавали новымъ старостамъ.

По старымъ грамотамъ Грознаго, монастырскіе крестьяне выбирали у себя приказчиковъ, старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, для губныхъ дѣлъ приказчиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьячковъ, монастыри продолжали опредѣлять свои отношенія къ крестьянамъ уставными грамотами [1]).

Кромѣ приведенныхъ указовъ о крестьянахъ и холопяхъ отъ временъ Ѳеодора, до насъ не дошло другихъ дополненій къ Судебнику. Относительно завѣдыванія судомъ любопытно извѣстіе разрядныхъ книгъ подъ 1588 годомъ: царь велѣлъ отставить князя Меркурія Щербатова отъ плавной рати и послалъ его въ Тверь судьею. Дошла до насъ отъ описываемаго времени любопытная челобитная царю старцевъ Іосифова монастыря, по поводу спора о землѣ между ихъ крестьянами и крестьянами боярина Ивана Васильевича Годунова: „Послана, государь, отъ тебя грамота въ Козельскій и Бѣлевскій уѣздъ къ Кузьмѣ Безобразову,—велѣно ему выбрать 10 лучшихъ крестьянъ боярина Ивана Васильевича Годунова и столько же нашихъ лучшихъ крестьянъ и дать имъ жребій: чей жребій вынется, тѣмъ отводить землю и лѣсъ съ образомъ.“ Кузьма лучшихъ людей выбралъ и говорилъ крестьянамъ Ивана Васильевича: „Съ образомъ съ жребія идете ли отводить лѣсъ и землю, по своему отводному рубежу?“ Слуга Ивана Васильевича отвѣчалъ: „Крестьянамъ Ивана Васильевича лѣсу и земли не отваживать и жребія не брать; пусть монастырскіе крестьяне отводятъ лѣсъ и землю безъ жребія.“ Монастырскіе крестьяне били челомъ Кузьмѣ: „Ивана Васильевича крестьянамъ надобна земля и лѣсъ Пречистой Богородицы и чудотворца Іосифа, перелѣзши изъ Бѣлевскаго уѣзда въ Козельскій уѣздъ черезъ вѣковую межу городу съ городомъ: такъ и лѣсъ имъ отводить съ образомъ, землю и лѣсъ Пречистой, а мы имъ вѣримъ и безъ жребія.“ „Крестьянцы наши съ образомъ земли и лѣсу отводить не смѣютъ, мы имъ не велимъ отводить твоего государева жалованья; а люди и крестьяне Ивана Васильевича нашимъ крестьянамъ грозятъ,—велятъ имъ неволею отводить нашу прямую монастырскую землю для того, чтобъ насъ, нищихъ твоихъ, опозорить, огласить и въ грѣхъ ввесть, а крестьянецъ нашихъ продать и вотчину монастырскую запустошить; а монастырскіе крестьянцы уже и такъ отъ нихъ застращены,—четвертый годъ безпрестанныя обиды и насильства терпятъ. Государь, милосердый царь! пощади свою богомолью, вели учинить безгрѣшно, чего не ведется, что иноческому чину землю отводить съ образомъ: вели сыскать старыми писцовыми книгами и старыми грамотами. Обыскные люди обоихъ городовъ, Козельска и Бѣлева, всѣ знаютъ вѣковой рубежъ городу съ городомъ, да не смѣютъ сказать правды: блюдутся Ивана Васильевича“ [2]).

Относительно нравовъ и обычаевъ замѣтимъ извѣстіе о потѣхахъ царскихъ: государь пожаловалъ Василія Усова, дано ему 15 рублей денегъ, да сукно доброе въ 2 рубля; тѣшилъ онъ государя, закололь передъ нимъ медвѣдя; даны были подарки какому-то Молвенинову,—государя тѣшилъ, привелъ медвѣдя съ хлѣбомъ да солью въ саадакѣ, и съ дикимъ медвѣдемъ своего медвѣдя спускалъ; дано сукно доброе въ два рубля охотнику Глазову,—тѣшился государь на царицыны имянины медвѣдями, волками и лисицами, и медвѣдь Глазова ободралъ.—1-го августа государь ѣздилъ подъ Симоновъ для водоосвященія на рѣкѣ и тамъ купался (мочался).—Смирное платье (трауръ) по царевнѣ Ѳеодосіи для чиновъ придворныхъ было цвѣту темнозеленаго, вишневаго, багроваго, синяго, безъ саженья.

Относительно нравовъ и обычаевъ народныхъ замѣтимъ, что въ 1590 году староста и крестьяне Тавренской волости обговорились между собою, по благословенію отца своего духовнаго, и учинили заповѣдь на три года, чтобъ въ праздникъ, въ Воскресеніе Христово дѣла не дѣлать никакого чернаго, ни угодья не угодовать, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовать, ни рыбы не ловить, ни ягодъ, ни губъ не носить, ни путика паснаго, ни силоваго вновѣ не ставать; а въ пятницу ни толочь, ни молоть, ни камня не жечь, проводить съ чистотою и любовію; женамъ по воскресеньямъ ни шить, ни брать. А кто заповѣдь эту порушитъ и доведутъ его людьми добрыми,—на томъ доправить сотскому, по мірскому уложенію, 8 алтынъ денегъ на церковное строеніе, а двѣ деньги сотскому. Кто станетъ яица бить, на томъ доправить ту же заповѣдь 8 алтынъ.

Подъ 1595 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Василій Щепинъ да Василій Лебедевъ составили заговоръ зажечь Москву во многихъ мѣстахъ, а самимъ у Василія Блаженнаго грабить казну; рѣшеточный приказчикъ Байковъ, участвовавшій въ заговорѣ, долженъ былъ въ это время не отпирать рѣшетокъ. Но заговоръ былъ открытъ—и главные участники казнены смертію.

Въ лѣтописяхъ же находимъ извѣстіе о чародѣйствахъ и о полной вѣрѣ въ ихъ силу. О Годуновѣ

[1]) Дополн. къ акт. истор. I, № 137; Акты историч. I, № 216; Акты арх. эксп. I, № 360, 321; Акты истор. I, № 242, 215, 220; Акты арх. эксп. I, № 322, 365, 329, 336, 339, 343, 344, 354, 355, 386; Акты истор. I, № 217, 222, 246, 247; Дополнен. къ акт. историч. I, № 130, 132, 141, 142, 143; Акты арх. эксп. I, № 364, 330, 351, 357.

[2]) Разряд. кн. въ Симбир. сбор., стр. 97, Юридич. акты, стр. 82.

говорится, что онъ изъ многихъ городовъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и съ ихъ помощію привлекъ къ себѣ любовь царя. Волшебники предсказывали Борису, что онъ будетъ царствовать, но не долго, только семь лѣтъ. Приведемъ также любопытный разсказъ лѣтописца объ отравленіи Крымскаго царевича Муратъ-Гирея въ Астрахани: бусурманы прислали вѣдуновъ и его испортили. Воеводы, видя его болѣзнь великую, привели къ нему лѣкаря Арапа. Арапъ сказалъ, что его вылѣчить нельзя, пока не сыщутъ вѣдуновъ, которые его портили, взялъ съ собою Русскихъ людей, пошелъ въ юрты, перехваталъ тамъ вѣдуновъ и началъ ихъ мучить. Вѣдуны сказали: „Если кровь больныхъ не замерзла, то можно пособить." Тогда Арапъ велѣлъ вѣдунамъ метать изъ себя кровь въ лохань, и они выметали всю кровь, которую выняли изъ соннаго царевича, женъ его и другихъ Татаръ, и тѣмъ ихъ испортили. Вѣдуны разсказывали Арапу по порядку: вотъ это кровь царевича, вотъ эта его женъ, вотъ эта другихъ Татаръ; кровь царевича и одной изъ женъ его вся замерзла, и потому вѣдуны сказали, что имъ живымъ не быть; чья же кровь не замерзла, и если помазать ею больнаго, то онъ останется живъ. Когда царевичъ умеръ, то воеводы донесли обо всемъ подробно государю; царь отправилъ въ Астрахань Астафія Пушкина съ приказаньемъ пытать вѣдуновъ, по чьему умышленію испортили царевича, и послѣ пытки пережечь. Пушкинъ пыталъ вѣдуновъ накрѣпко разными пытками, но ничего не могъ допытаться. Тогда тотъ же Арапъ началъ говорить, что у нихъ такъ ничего не допытаться, а велѣлъ положить имъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить ихъ не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ,—и они стали все сказывать. Воеводы, послѣ пытки, велѣли ихъ сжечь, и жегъ тотъ же Арапъ своимъ мастерствомъ; когда ихъ жгли, то слетѣлось сорокъ и воронъ многое множество [1]).

Изъ перечисленія подарковъ, выданныхъ изъ царской казны разнымъ лицамъ, мы узнаемъ имена тогдашнихъ художниковъ: дано было сукно въ два рубля и еще два рубля денегъ Посяику Ростовцу за то, что писалъ образъ Смоленской Богородицы. Этотъ Посникъ Ростовецъ носилъ названіе знаменщика; онъ получилъ англійское сукно доброе за то, что знаменовалъ, садилъ жемчугомъ съ дробницами черный бархатный покровъ на гробъ Іоанна Грознаго. Сохранились имена 14 серебряныхъ мастеровъ, которые дѣлали раку Сергія чудотворца [2]). Литьемъ огромныхъ пушекъ отличался мастеръ Андрей Чоховъ.

Глава V.

Окончаніе царствованія Ѳеодора Іоанновича.

Значеніе Рюриковой династіи.—Смерть царевича Димитрія въ Угличѣ.—Разборъ извѣстій объ этомъ событіи.—Рѣшеніе дѣла въ Москвѣ.—Мнѣніе народа.—Кончина царя Ѳеодора.

XVI-й вѣкъ исходилъ; съ его исходомъ прекращалась Рюрикова династія. Въ двухъ различныхъ положеніяхъ, въ двухъ различныхъ странахъ слѣдили мы за дѣятельностію потомковъ Рюрика, и не могли не замѣтить основнаго различія въ этой дѣятельности. Сначала мы видимъ ихъ дѣйствующими въ громадной и рѣдко населенной странѣ, не имѣвшей до ихъ появленія исторіи. Съ необыкновенною быстротой Рюриковичи захватываютъ въ свое владѣніе обширныя пространства и подчиняютъ себѣ племена, здѣсь живущія; эту быстроту объясняетъ равнинность страны, удобство водныхъ путей, малочисленность и особенность племенъ, которыя не могли выставить крѣпкаго и дружнаго сопротивленія, ибо не знали союзнаго дѣйствія, каждое племя покорялось по одиночкѣ:—ясный знакъ, что никакого единства между племенами не существовало, что это единство принесено князьями, и сознаніе о единствѣ народномъ и государственномъ явилось вслѣдствіе ихъ дѣятельности. Они расплодили Русскую Землю и сами размножились въ ней съ необыкновенною силой,—обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членамъ одного владѣльческаго рода устроить себѣ множество столовъ во всѣхъ предѣлахъ громадной страны, взять въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ важнѣйшія мѣста: не было потому необходимости въ намѣстникахъ большихъ городовъ и областей, въ людяхъ, изъ которыхъ могла бы образоваться сильная аристократія. Князья разошлись по обширной странѣ, но не раздѣлились, ибо ихъ связывало другъ съ другомъ единство рода, которое такимъ образомъ приготовило единство Земли. Чтобъ не порвалась связь между частями, связь слабая, только-что завязавшаяся, необходимо было это безпрерывное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, съ концовъ отдаленныхъ. Князья съ своими дружинами представляли начало движенія, которое давало странѣ жизнь, исторію: недаромъ Мономахъ хвалится своимъ движеніемъ, большимъ количествомъ совершенныхъ имъ путешествій. Движеніе, движеніе неутомимое, было главною обязанностію князей въ это время: они строили города, давали имъ жителей, передвигали

---

[1]) Дополн. къ акт. истор. I, № 131. Акты юридич. стр. 383; Дѣла Греч. № 3, стр. 195. Памятн. дипл. снош. II, стр. 57; Морозов. лѣтоп. 75; Лѣтоп. о мятеж. 19.

[2]) Дополн. къ акт. истор. I, № 131.

народонаселеніе изъ одной области въ другую, были виновниками новыхъ общественныхъ формъ, новыхъ отношеній. Все новое, все, что должно было дать племенамъ способность къ новой, высшей жизни, къ исторіи,—было принесено этимъ движущимся началомъ, князьями и дружинами ихъ: они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство. Чтобъ понять значеніе Рюриковичей и дружинъ ихъ, какъ проводниковъ новаго, людей, пролагавшихъ пути исторической жизни, стоитъ только вспомнить разсказъ лѣтописца о появленіи волхва въ Новгородѣ; на вопросъ епископа: „Кто идетъ къ кресту и кто къ волхву"?—народъ, масса, хранящая старину, потянулась къ волхву, представителю стараго язычества, князь же и дружина его—стали на сторонѣ епископа.—Скоро, при описаніи Смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе массы народной, охранявшей старину, когда движеніе пошло путемъ незаконнымъ.

Такова была начальная дѣятельность Рюриковичей. Понятно, что въ эпоху этой начальной дѣятельности, при началѣ государственной зиждительности въ странѣ, не имѣвшей прежде исторіи, не могло быть еще ничего прочнаго, опредѣленнаго, все было еще въ зародышѣ, начала, сѣмена вещей сопоставлялись другъ съ другомъ безъ внутренней связи: части, образовавшись, стремились еще жить особенною жизнію; при сильномъ движеніи, просторѣ, возможности уходить при первомъ неудобствѣ, не было мѣста никакимъ опредѣленіямъ, ибо на движущейся почвѣ ничего построить нельзя. Главное право, главное ручательство въ выгодѣ положенія для члена общества, для члена извѣстнаго сословія, заключалось въ правѣ уйти, правѣ, которое основывалось на возможности ухода и прекращалось съ этою возможностію. Столкновенія интересовъ разрѣшались не общими опредѣленіями, но порваніемъ отношеній, уходомъ изъ одной области въ другую, которая случайно, вслѣдствіе своей особной жизни съ особымъ правительствомъ, на время представляла бóльшія удобства; отсюда господство временнаго, мѣстнаго, личнаго случайнаго надъ общимъ,—господство, необходимое при слабости, младенчествѣ государства.

Но государство росло и изъ младенчества оно переступило на высшую степень, которая знаменуется сосредоточіемъ, осѣдлостію. Эта эпоха сосредоточенія необходима для утвержденія сознанія о государственномъ единствѣ, о единствѣ государственнаго интереса; здѣсь части, области, лица должны отказаться отъ своей особной, своеобразной жизни и подчиниться условіямъ жизни общей, и когда потомъ, при утвержденіи сознанія о государственномъ единствѣ, части получаютъ бóльшую или меньшую самостоятельность, самоуправленіе, то эта самостоятельность является уже вслѣдствіе государственныхъ требованій, является съ непосредственнымъ отношеніемъ къ сосредочивающей власти: такъ, напримѣръ, при Іоаннѣ IV даны были откупныя грамоты, установлявшія самоуправленіе въ волостяхъ; но отношеніе этихъ волостей къ царю вовсе не было похоже на отношеніе Новгорода или Пскова къ прежнимъ великимъ князьямъ Московскимъ.

Въ эту эпоху сосредоточенія Рюриковичи, вслѣдствіе новыхъ условій временныхъ и мѣстныхъ (ибо главная сцена дѣйствія переносится съ юга на сѣверъ), перемѣняютъ свой характеръ и неуклонно ведутъ общество по новому пути. Изъ расплодителей Земли они становятся собирателями Земли, изъ храбрыхъ вождей дружинъ, любившихъ вездѣ честь свою брать, думавшихъ преимущественно объ этой воинской чести, а не объ упроченіи себѣ движимыхъ и недвижимыхъ стяжаній, считавшихъ неприличнымъ копить имѣніе, но все раздававшихъ дружинѣ,—Рюриковичи становятся на сѣверѣ бережливыми хозяевами, преимущественно заботившимися о промыслахъ, прибыткахъ, крайне осторожными, неохотниками до рѣшительныхъ битвъ. И все на сѣверѣ, въ эпоху сосредоточенія, принимаетъ характеръ прочности, осѣдлости, вслѣдствіе чего земельныя отношенія, условливающія прочность, получаютъ важное значеніе; общество сознаетъ различіе земскаго человѣка, осѣдлаго собственника, отъ вольнаго казака, представителя старины, старой эпохи безпаряднаго движенія; этому представителю старины трудно въ новомъ обществѣ, онъ уходитъ на просторъ—въ вольную степь, и тамъ ждетъ случая вступить въ борьбу съ враждебнымъ ему новымъ порядкомъ вещей. Но эпоха сосредоточенія, но государи Московскіе сдѣлали свое дѣло: государство—крѣпко, и казаку не осилить земскаго человѣка.

Кончивши это второе дѣло свое, дѣло сосредоточенія Земли, династія Рюрика сходитъ со сцены. Царь Ѳеодоръ не могъ самъ управлять государствомъ: явился правитель, который, вслѣдствіе произведеннаго прежними государями сосредоточенія власти и ослабленія могущества вельможныхъ родовъ, могъ легко, опираясь на свои близкія отношенія къ царю, осилить всѣхъ своихъ соперниковъ. Достигнувъ первенства, Годуновъ долженъ былъ подумать о будущемъ, и будущее это было для него страшно, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше было его положеніе настоящее: у Ѳеодора не было сына, при которомъ бы Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться сохранить прежнее значеніе, по крайней мѣрѣ, прежнюю честь; преемникомъ бездѣтнаго Ѳеодора долженствовалъ быть братъ его Димитрій, удаленный въ Угличъ при воцареніи старшаго брата, удаленный „совѣтомъ всѣхъ начальнѣйшихъ россійскихъ вельможъ" [1]). Димитрій росъ при матери и ея родственникахъ, Нагихъ; понятно, какія чувства эти опальные Нагіе питали къ людямъ, подвергнувшимъ ихъ опалѣ, съ какими чувствами дожидались прекращенія своихъ бѣдствій, своего изгнанія, въ какихъ чувствахъ къ Годунову и къ людямъ ему близкимъ воспитывали ребенка, кото-

[1]) Палицына—Сказаніе о осадѣ Троицк. мон., стр. 3.

рый не умѣлъ скрывать этихъ чувствъ. За будущее долженъ былъ бояться не одинъ Годуновъ:—за будущее должны были бояться всѣ тѣ люди, которые были обязаны выгодами положенія своего Годунову и лишались всего съ его паденіемъ, а такихъ людей было очень много; наконецъ, за будущее должны были бояться тѣ люди, которыхъ судьба хотя и не была тѣсно соединена съ судьбою Годунова, но по совѣту которыхъ Димитрій подвергся изгнанію,—а къ этимъ людямъ принадлежали всѣ начальнѣйшіе россійскіе вельможи. И вотъ, въ маѣ 1591 года, разнеслась по государству вѣсть, что царевича Димитрія въ Угличѣ не стало [1]), и понесся слухъ, что погибъ онъ насильственною смертію, отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Лѣтописцы такъ разсказываютъ подробности событія.

Сначала хотѣли отравить Димитрія: давали ему ядъ въ пищѣ и питьѣ, но понапрасну. Тогда Борисъ призвалъ родственниковъ своихъ, Годуновыхъ, людей близкихъ, окольничаго Клешнина и другихъ, и объявилъ имъ, что отравой дѣйствовать нельзя, надобно употребить другія средства. Одинъ изъ Годуновыхъ, Григорій Васильевичъ, не хотѣлъ дать своего согласія на злое дѣло, и его больше не призывали на совѣтъ и чуждались. Другіе совѣтники Борисовы выбрали двухъ людей, по ихъ мнѣнію, способныхъ на дѣло,—Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчюгова; но эти отреклись. Борисъ былъ въ большомъ горѣ, что дѣло не удается; его утѣшилъ Клешнинъ: „Не печалься, говорилъ онъ ему, у меня много родныхъ и друзей, желаніе твое будетъ исполнено". И, точно, Клешнинъ отыскалъ человѣка, который взялся исполнить дѣло: то былъ дьякъ Михайла Битяговскій. Съ Битяговскимъ отправили въ Угличъ сына его Данилу, племянника, Никиту Качалова, сына мамки Димитріевой, Осипа Волохова; этимъ людямъ поручено было завѣдывать всѣмъ въ городѣ. Царица Марья замѣтила враждебные замыслы Битяговскаго съ товарищами и стала беречь царевича, никуда отъ себя изъ хоромъ не отпускала. Но 15-го мая, въ полдень, она почему-то осталась въ хоромахъ, и мамка Волохова, бывшая въ заговорѣ, повела ребенка на дворъ, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльцѣ уже дожидались убійцы; Осипъ Волоховъ, взявши Димитрія за руку, сказалъ: „Это у тебя, государь, новое ожерельице?" Ребенокъ поднялъ голову и отвѣчалъ: „Нѣтъ, старое". Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но убійца кольнулъ только въ шею, не успѣвъ захватить гортани, и убѣжалъ; Димитрій упалъ, кормилица пала на него, чтобъ защитить, и начала кричать; тогда Данила Битяговскій съ Качаловымъ, избивши ее до полусмерти, отняли у нея ребенка и дорѣзали. Тутъ выбѣжала мать и начала кричать. На дворѣ не было никого, всѣ родственники ея разошлись по домамъ; но соборный пономарь, видѣвшій съ колокольни убійство, заперся и началъ бить въ колоколъ; народъ сбѣжался на дворъ и, узнавши о преступленіи, умертвилъ стараго Битяговскаго и троихъ убійцъ; всего погибло 12 человѣкъ. Тѣло Димитрія положили въ гробъ и вынесли въ соборную церковь Преображенія, а къ царю послали гонца съ вѣстію объ убійствѣ брата. Гонца привели къ Борису; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, что Димитрій самъ зарѣзался по небреженію Нагихъ, и велѣлъ эту грамоту подать царю; Θеодоръ долго плакалъ. Для сыску про дѣло и для погребенія Димитрія посланы были въ Угличъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ, дьякъ Елизаръ Вылузгинъ и Крутицкій митрополитъ Геласій. Посланные осмотрѣли тѣло, погребли его и стали разспрашивать Угличанъ, какъ, по небреженію Нагихъ, закололся царевичъ. Имъ отвѣчали, что царевичъ былъ убитъ своими рабами—Битяговскимъ съ товарищами, по приказанію Бориса Годунова и его совѣтниковъ. Но, пріѣхавши въ Москву, Шуйскій съ товарищами сказали царю, что Димитрій закололся самъ. Нагихъ привезли въ Москву и пытали крѣпко; у пытки былъ самъ Годуновъ съ боярами и Клешнинымъ; но съ пытки Нагіе говорили, что царевичъ убитъ. Царицу Марью постригли въ монахини и заточили въ Выксинскую пустынь за Бѣлоозеро; Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ, по тюрьмамъ; Угличанъ—однихъ казнили смертію, инымъ рѣзали языки, разсылали по тюрьмамъ, много людей свели въ Сибирь и населили имъ городъ Пелымъ, и съ того времени Угличъ запустѣлъ.

Въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной черты, которая бы заставляла заподозрить его; подробности самаго убіенія, предшествовавшій разговоръ убійцы съ жертвою, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся взять на себя совершеніе злодѣйства, указанія на Клешнина, какъ на главнаго дѣятеля,—всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку [2]).

[1]) Палицына, Сказаніе о осадѣ Троицкаго монастыря, стр. 3. «Сему же царевичу Димитрію естествомъ возростающу, и отъ ближнихъ си смущаему, за еже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіяхъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближайшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ. И врази суще и ласкатели, великимъ бѣдамъ замышленницы, въ десятерицу лжи составляюще, съ сими подходятъ вельможъ, паче жъ сего Бориса и отъ многія смуты ко грѣху сего низводятъ, его же краснѣйшаго юношу отсылаютъ и нехотяща въ вѣчный покой».

[2]) Противъ этого лѣтописнаго разсказа существуютъ въ нашей исторической литературѣ слѣдующія возраженія: прежде всего предлагаютъ вопросъ, нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту? Говорятъ: «Димитрій родился отъ седьмого брака Іоаннова и по тогдашнимъ понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ, неоспоримое».—На это мы должны замѣтить, что Димитрій назывался царевичемъ, все государство признавало его такимъ, начиная отъ царя-брата; имя его поминалось въ церкви на ектеніяхъ; онъ имѣлъ удѣлъ, дворъ; его выставляли не только законнымъ наслѣдникомъ, но даже соперникомъ старшаго брата; нако-

Сравнимъ теперь съ этимъ разсказомъ другой памятникъ, имѣвшій цѣлію доказать противное, т.-е. что Димитрій самъ закололся,—обратимся къ слѣдственному дѣлу о убіеніи царевича.

19-го мая, вечеромъ, пріѣхали въ Угличъ князь Василій Шуйскій, Андрей Клешнинъ, Елизаръ Вылузгинъ и разспрашивали Михайлу Нагого: „Какимъ обычаемъ царевича Димитрія не стало, и что у него была за болѣзнь? Для чего онъ, Нагой, велѣлъ убить Михайлу Битяговскаго, сына его

нецъ самое удаленіе его изъ Москвы показываетъ, какъ онъ казался опасенъ.

Говорятъ: «Митрополитъ Діонисій, Шуйскіе и другіе сановники, въ заговорѣ противъ Годунова, условились ударить челомъ царю, чтобъ онъ развелся съ неплодною супругою и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, слѣдовательно они не почитали Димитрія наслѣдникомъ».—Но здѣсь надобно, прежде всего, обратить вниманіе на цѣль заговора: Шуйскимъ нужно было какимъ бы то ни было средствомъ удалить Годунова отъ царя,—и единственнымъ къ тому средствомъ былъ разводъ Ѳеодора съ сестрою Годунова. Великій князь Василій Ивановичъ развелся съ женою и вступилъ въ новый бракъ для того, чтобъ имѣть наслѣдника; неужели отсюда можно заключить, что родные и единоутробные братья великаго князя, Юрій и Андрей, не имѣли права наслѣдовать ему на Московскомъ престолѣ?

Далѣе возражаютъ: «Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріи и поминать его имени на литургіи, мысля тѣмъ объявить царевича незаконнорожденнымъ; зачѣмъ было прибѣгать Борису къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство,—мѣрѣ, которая ясно обнаруживала неприязнь его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени и оправдывала будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ?»—Отвѣчаемъ: этотъ поступокъ свидѣтельствуетъ только, что Годуновъ съ товарищами шли постепенно въ своихъ мѣрахъ противъ Димитрія, и испытанная недостаточность одной мѣры заставляла прибѣгать къ другой, сильнѣйшей.

Говорятъ: «Задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей; какъ не избавился отъ кормилицы, будто бы предавной царицѣ?» На это легко отвѣчать, что подобная мѣра была опасна, ибо возбуждала сильное подозрѣніе. Такъ-же легко отвѣчать и на слѣдующее возраженіе: «Не слишкомъ ли рано, говорятъ, въ 1591 году думать было Борису о престолѣ, когда Ѳеодору было еще только 34 года, когда онъ могъ имѣть еще дѣтей, что и дѣйствительно случилось,—когда онъ могъ вступить въ новый бракъ, послѣ естественной смерти супруги?»—Но зачѣмъ же предполагать, что Годуновъ думалъ о престолѣ? Онъ, съ товарищами, считалъ крайне опаснымъ дождаться, пока царевичъ возрастетъ и захочетъ привести въ исполненіе тѣ угрозы, которыя, по словамъ доносчиковъ, уже привыкалъ произносить дѣтскій языкъ его. Ѳеодоръ *могъ* имѣть дѣтей, *могъ* пережить жену и жениться въ другой разъ; но безконечно *возможнѣе* было, что онъ не будетъ имѣть дѣтей, и что хворый мужъ не переживетъ здоровой жены.

Наконецъ говорятъ: «Неужели Борисъ, располагавшій духовенствомъ, съ сильною стороною между боярами, привлекшій къ себѣ народъ благодѣяніями, умѣвшій устроить дѣла такъ, что вся Россія, по смерти Ѳеодоровой, нѣсколько дней на колѣняхъ просила его, мимо многихъ потомковъ Рюрика, о принятіи вѣнца и молила со слезами Бога о внушеніи ему сей мысли,—неужели Борисъ могъ бояться совмѣстничества съ семилѣтнимъ или четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ, безъ подпоры въ церкви, дворянствѣ, гражданахъ, безъ положительнаго права? Неужели онъ не могъ предвидѣть, что сей несчастный сирота былъ бы непремѣнно отверженъ народомъ, вслѣдъ за приверженцами правителя, если бы слуга Борисовъ, патріархъ Іовъ, по рѣшенію собора и патріарховъ Александрійскаго, Антіохійскаго, Константинопольскаго и Іерусалимскаго, торжественно объявилъ народу съ Лобнаго мѣста, что сынъ отъ седьмаго брака не имѣетъ права на престолъ?»—Положимъ, что Борисъ располагалъ духовенствомъ, имѣлъ сильную сторону между боярами, привлекъ народъ благодѣяніями; но мы не можемъ согласиться, чтобы вся Россія стала на колѣняхъ предлагать престолъ боярину, при жизни царевича. Намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ: стоитъ только вспомнить о появленіи Лжедимитрія и объ его успѣхѣ. Противъ этого возражаютъ: «Лжедимитрій явился при другихъ обстоятельствахъ: за него была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса. Тогда уже не думали о седьмомъ бракѣ, а видѣли только сына Іоаннова, единственнаго наслѣдника; и кто былъ ему соперникомъ?—юный Ѳеодоръ среди московскихъ бояръ, которые не любили Бориса».—Но если за Лжедимитрія была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса, то противъ него было самозванство, въ которомъ увѣрялъ народъ патріархъ Іовъ, проклявшій еретика; если не повѣрили Іову въ этомъ случаѣ, то основательно ли предполагать, чтобы положились на его рѣшеніе, когда бы онъ вздумалъ объявить, что царевичъ, какъ незаконнорожденный, не имѣлъ права на престолъ. Борисъ самъ хорошо зналъ, что объявленіе Димитрія незаконнорожденнымъ произведетъ самое ничтожное вліяніе на умы Русскаго народа, питавшаго сильную привязанность къ царскому дому и привыкшаго считать Димитрія царевичемъ; вотъ почему Борисъ въ сношеніяхъ съ Польскимъ дворомъ упоминалъ о незаконности Димитрія, но не смѣлъ упомянуть о ней въ грамотахъ къ своему народу. Но положимъ даже, что какими бы то ни было средствами Годунову удалось бы захватить престолъ Московскій мимо Димитрія, то неужели онъ могъ думать, что послѣдній позволилъ бы ему спокойно владѣть престоломъ? Неужели Борисъ могъ предполагать, что Димитрій въ борьбѣ съ нимъ не найдетъ ревностныхъ помощниковъ, тогда какъ находили ихъ всѣ прежніе удѣльные князья, воевавшіе съ великими князьями и при меньшихъ правахъ, чѣмъ какія имѣлъ Димитрій надъ Борисомъ? Могъ ли Борисъ не бояться совмѣстничества царевича, сына Іоаннова, единственной отрасли царскаго корня, когда онъ боялся совмѣстничества крещенаго Татарина, Семена Бекбулатовича!

Теперь разсмотримъ возраженія, направленныя противъ подробностей сказанія объ убіеніи царевича. Сказаніе говоритъ, что Борисъ совѣтовался съ родственниками и ближними людьми о средствахъ отдѣлаться отъ царевича, ибо отравленіе не удавалось. «Какъ! возражаютъ: Борисъ почелъ за нужное совѣтоваться! Какой обыкновенный убійца (не говорю уже правитель, будущій царь, мнимый лицемѣръ) осмѣливается объявлять многимъ лицамъ о будущемъ своемъ преступленіи и такимъ образомъ вручать имъ судьбу свою? Этотъ опытный знатокъ людей открывается опять двумъ человѣкамъ (двадцатымъ?), которые отказываются исполнить его порученіе и предаются гоненію (даже и не смерти?)! Могъ ли Борисъ гнать этихъ людей (Загрязскаго и Чепчугова) и питать ихъ нерасположеніе къ себѣ, во всякомъ случаѣ опасное! Онъ вѣрно убилъ бы ихъ или наградилъ безъ мѣры. Наконецъ отправляется въ Угличъ Битяговскій, представленный Клешнинымъ, съ сыномъ и Качаловымъ, удостоенные также совершенной довѣренности Годунова... Не слишкомъ ли уже дешева эта довѣренность Борисова?»—Отвѣчаемъ: обыкновенный убійца могъ обойтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ; но не могъ обойтись безъ нихъ правитель Годуновъ: не самому же ему было ѣхать въ Угличъ для совершенія преступленія! и благоразумно ли было Годунову самому непосредственно сноситься съ убійцами?—ясно, что онъ долженъ былъ, для отклоненія всякаго подозрѣнія, дѣйствовать чрезъ повѣреннаго, какимъ является Клешнинъ. Палицынъ говоритъ, что были люди, которые, выставляя безпрестанно опасность, грозившую со стороны Димитрія, склонили Бориса ко грѣху; сказаніе выставляетъ также совѣтниковъ, которымъ Годуновъ не объ-

Данилу, Никиту Качалова, Данилу Третьякова, Осипа Волохова, посадскихъ людей, слугъ Битяговскаго и Волохова, и для чего онъ велѣлъ во вторникъ сбирать ножи, пищали, палицу желѣзную, сабли и класть на убитыхъ людей? Посадскихъ и сельскихъ многихъ людей для кого сбиралъ? и почему городоваго приказчика, Русина Ракова, приводилъ къ крестному цѣлованью, что ему стоять съ нимъ заодно; и противъ кого было имъ стоять?"

Слѣдователи пріѣхали 19-го мая, вечеромъ: въ тотъ же вечеръ сдѣлали допросъ Михайлѣ Нагому, и о чемъ же спросили?—не о томъ только, какъ приключилась смерть царевичу и что происходило потомъ, но спросили: какая болѣзнь была у царевича; зачѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей и положить на нихъ оружіе; зачѣмъ сбиралъ людей, приводилъ городоваго приказчика ко кресту. Тотчасъ же представляется вопросъ: какимъ образомъ слѣдователи могли узнать все это? и, послѣ уже, изъ розыска открывается, что слѣдователи, пріѣхавъ въ Угличъ, прежде всего выслушали городоваго приказчика, Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ и показалъ, что царевичъ убился самъ. И такъ, въ самомъ началѣ акта мы уже замѣчаемъ подозрительную неточность: о Русинѣ Раковѣ ничего не сказано, и прямо дѣлается допросъ Нагому на основаніи показаній Русина Ракова!

Михайла Нагой отвѣчалъ: что царевичъ зарѣзанъ Осипомъ Волоховымъ, Никитою Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ; что убійцъ побили черные люди, безъ его, Михайлова, приказа; что оружіе на убитыхъ положилъ Русинъ Раковъ самъ, также безъ его вѣдома, и къ присягѣ городоваго приказчика онъ, Михайла Нагой, не приводилъ. Тогда Русинъ сослался на брата Михайлова, Григорія Нагого, и на слугу Бориса Аѳанасьева, и тѣ показали, что оружіе положено на убитыхъ по приказу Михайлы Нагого. Что же отвѣчалъ на это послѣдній?—не знаемъ; знаемъ то, что онъ не приложилъ руки къ своимъ рѣчамъ; знаемъ еще

являетъ въ первый разъ о своемъ замыслѣ, но извѣщаетъ о его неудачѣ, изъ чего ясно, что совѣтники эти изначала были участниками дѣла. Изъ сказанія хорошо видно, какъ самъ Борисъ дѣйствовалъ нерѣшительно, вяло, какъ главную роль игралъ Клешнинъ, и вотъ Палицынъ, которому не для чего было уменьшать преступленіе Бориса, обвиняетъ больше совѣтниковъ его. Хотятъ, чтобъ Борисъ убилъ Загрязскаго и Чепчугова; но это легко теперь сказать, а не легко было тогда сдѣлать. Борисъ старался пріобрѣсть привязанность народа милостями, а не казнями, и вотъ его заставляютъ убивать двухъ людей—безъ вины! или заставляютъ награждать ихъ черезъ мѣру, для возбужденія подозрѣній въ другихъ, для обнаруженія своей боязни передъ самыми награжденными! Говорятъ: «Борисъ не умѣлъ растолковать убійцамъ, чтобъ они сдѣлали свое дѣло какъ можно тише, осторожнѣе, по крайней мѣрѣ не днемъ, не при свидѣтеляхъ, всего менѣе при кормилицѣ, преданной Нагимъ». - Легко было Годунову растолковывать все это убійцамъ, но трудно было имъ исполнить его наказъ; трудно было имъ забраться ночью въ спальню царевича (по всѣмъ вѣроятностямъ онъ спалъ въ одной комнатѣ съ матерью); днемъ они убили его только при трехъ женщинахъ, а чтобъ забраться къ нему въ спальню ночью должны были подговаривать сторожей, постельницъ и т. д., слѣд. имѣть гораздо болѣе трехъ свидѣтелей. Напротивъ, время, выбранное убійцами, было самое удобное: всѣ разошлись обѣдать, надобно было колоколомъ поднимать ихъ изъ домовъ. Положимъ даже, что убійцамъ удалось бы умертвить царевича ночью; но какъ бы они сами и тѣ, въ пользу которыхъ они дѣйствовали, объяснили это дѣло? Днемъ Димитрій могъ играть ножемъ въ тычку и наколоться имъ въ припадкѣ падучей болѣзни; но неужели можно было сказать, что царевичъ ночью игралъ въ тычку, что съ нимъ на постель клали ножъ?

Говорятъ, что противъ Годунова рязсѣяно въ лѣтописяхъ много нелѣпыхъ обвиненій, изъ которыхъ нельзя ли заключить, хотя по аналогіи, что и первое преступленіе, убіеніе Димитрія, приписывалось ему отъ предубѣжденія?—На это замѣтимъ, что всякому знаменитому историческому лицу приписывается обыкновенно лишнее какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи; но изъ этого лишка мы не заключаемъ, что извѣстное историческое лицо не сдѣлало ничего хорошаго или ничего дурнаго. Вспомнимъ только о Наполеонѣ! Въ нашей исторіи Курбскій обвиняетъ Іоанна III въ смерти сына, въ заключеніи брата и внука: мы знаемъ, что первое нелѣпость, а второе справедливо. Лишнія злодѣйства накинуты на память Грознаго: изъ этого слѣдуетъ ли заключать, что онъ во всю жизнь не пролилъ капли крови? (Всѣ эти разсмотрѣнныя возраженія предложены г. Погодинымъ въ статьѣ: Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія).—О Петрѣ Нагомъ и о ссыльной старицѣ, см. Акты истор. I, № 225.

Было представлено нѣсколько возраженій противъ нашего взгляда на оба извѣстія о смерти царевича Димитрія. (Сочиненія К. С. Аксакова, стр. 241 и слѣд.).

Говорятъ: «Мы встрѣчаемъ положительную невѣрность въ лѣтописномъ сказаніи. Въ немъ говорится, что Угличане показали о убіеніи царевича, что Нагихъ пытали въ Москвѣ, и они съ пытки говорили, что царевичъ убитъ. Между тѣмъ въ слѣдственномъ дѣлѣ собраны многія показанія Угличанъ, большею частію въ пользу того, что царевичъ убился самъ».

Отвѣчаемъ: лѣтопись говоритъ о показаніи Угличанъ, сдѣланномъ всѣмъ городомъ, а кого водили къ разспросу, что спрашивали и какъ записывали, объ этомъ лѣтопись не знаетъ; притомъ развѣ можно лѣтописное сказаніе уличать въ невѣрности на основаніи слѣдственнаго дѣла, которое заключаетъ въ себѣ такія ясныя черты недобросовѣстности? Возражатель говоритъ, что одинъ Михаилъ Нагой, не въ Москвѣ, а въ Угличѣ, показалъ, что царевичъ убитъ, а другіе его два брата показали, что царевичъ убился самъ.—Да, именно, это въ Угличѣ; а лѣтопись говоритъ совершенно о другомъ, о московскихъ пыткахъ, отрицать которыя нѣтъ никакого основанія. Возражатель указываетъ на невѣрность лѣтописнаго показанія о томъ, что ядъ не дѣйствовалъ, по невозможности этого явленія; мы не видимъ этой невозможности; дѣло можетъ легко объясниться тѣмъ, что просто аптека была плоха.

Относительно слѣдственнаго дѣла возражатель настаиваетъ на обвиненіи Михайлы Нагого въ томъ, что онъ велѣлъ класть оружіе на тѣла убитыхъ людей, причемъ вѣритъ приказчику Ракову; но мы указали на противорѣчіе показанія Ракова съ показаніемъ Бориса Аѳанасьева; возражатель не обратилъ на это вниманія. Возражатель указываетъ на свидѣтельство священника Богдана, что онъ въ то самое время, какъ ударили въ набатъ, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго, сынъ котораго, Данила, былъ въ то же время на подворьи отца своего, обѣдалъ; но въ дѣлѣ находятся другія показанія о Битяговскомъ, противорѣчащія показанію Богдана; возражатель и о нихъ не упоминаетъ. Онъ указываетъ на свидѣтельство жильцовъ—дѣтей; но мы заподозрѣваемъ ихъ свидѣтельство указаніемъ, что они, при перечисленіи лицъ, находившихся при смерти царевича, дважды пропустили Василису Волохову: такимъ свидѣтелямъ вѣрить было нельзя.

любопытное обстоятельство: Русинъ Раковъ и сторожъ дьячей избы, Евдокимъ Михайловъ, показали, что во вторникъ приходилъ въ дьячью избу человѣкъ Михайлы Нагого, Тимоѳей, вмѣстѣ съ Русинымъ Раковымъ; этотъ Тимоѳей принесъ живую курицу, зарѣзалъ ее, кровью вымазали разнаго рода оружіе, которое Русинъ Раковъ и положилъ на трупы Битяговскаго съ товарищами; но другой слуга Нагого, Борисъ Аѳанасьевъ, показалъ, что Тимоѳей еще въ понедѣльникъ вечеромъ сбѣжалъ невѣдомо куда, и дѣйствительно Тимоѳей у допроса не былъ.

Теперь посмотримъ, что показали Нагіе о самой смерти царевича. Михайла Нагой, какъ мы видѣли уже, сказалъ, что Димитрія зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данила Битяговскій. Но онъ не объявилъ самаго главнаго, именно: кто сказалъ ему объ этомъ, потому что самъ онъ не видалъ, какъ было дѣло, прибѣжавши уже на колокольный звонъ и думая, что горитъ во дворцѣ. Григорій Нагой показалъ противное, что царевичъ накололся самъ ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни, которая на немъ и прежде бывала. Но и Григорій не объявилъ главнаго: кто сказалъ ему о родѣ смерти царевича, потому что самъ онъ такъ же ничего не видалъ, прибѣжавши вмѣстѣ съ Михайлою. Но Григорій въ своемъ показаніи прибавляетъ очень важное обстоятельство, именно, что они застали царевича еще въ-живыхъ, и умеръ онъ при нихъ. При этомъ Григорій не прибавилъ обстоятельствъ важныхъ: въ какомъ положеніи засталъ онъ царевича (кормилица показала, что онъ умеръ на ея рукахъ),—былъ ли у него или подлѣ него ножъ, которымъ онъ игралъ. Слѣдователи объ этомъ не спрашивали. Потомъ Григорій Нагой показалъ, что когда явился старый Битяговскій и набѣжало множество народу, то начали говорить, невѣдомо кто, будто царевича зарѣзалъ Данила Битяговскій съ товарищами. Изъ другихъ показаній открывается, что этотъ невѣдомо кто была царица Марья; что Григорій Нагой вѣрилъ своей сестрѣ и, по ея приказу, билъ мамку Василису Волохову полѣномъ по бокамъ: а теперь что̀ заставило его перемѣнить убѣжденіе? Одни скажутъ: онъ одумался, увидалъ неправду сестры и собственную; но другіе скажутъ, что онъ былъ улещенъ и застращенъ,—и дѣло попрежнему остается темнымъ. Наконецъ третій Нагой, Андрей, показалъ, что царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ, игралъ съ дѣтьми черезъ черту ножемъ, и вдругъ на дворѣ закричали, что царевича не стало, царица сбѣжала сверху, а онъ, Андрей, въ то время сидѣлъ за столомъ; услыхавъ крикъ, онъ прибѣжалъ къ царицѣ и видитъ, что царевичъ лежитъ на рукахъ у кормилицы мертвъ, а сказываютъ, что его зарѣзали; и онъ, Андрей, того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ бывала болѣзнь падучая. Это показаніе правдоподобнѣе прочихъ; но вотъ что замѣчательно: Андрей Нагой сидѣлъ во дворцѣ за обѣдомъ и сбѣжалъ на дворъ тотчасъ за царицею, какъ только услыхалъ крикъ, и нашелъ уже царевича мертвымъ на рукахъ кормилицы; а Григорій Нагой обѣдалъ у себя на подворьи, прибѣжалъ уже на звонъ колоколовъ и нашелъ еще царевича живымъ!.... Что же мы должны заключить объ этихъ показаніяхъ?—то, что всѣ они, по своему явному противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ, должны быть заподозрѣны и отстранены. Но обратимся къ показаніямъ очевидцевъ: не объяснятъ ли они намъ дѣла удовлетворительнѣе.

Мамка Василиса Волохова показала, что царевичъ игралъ съ дѣтьми ножемъ и, въ припадкѣ падучей болѣзни, покололся самъ въ горло; тогда царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее, Василису, бить полѣномъ, не слушая никакихъ оправданій, и пробила ей голову во многихъ мѣстахъ, приговаривая, что Димитрія зарѣзали сынъ ея, Василисинъ, Осипъ, вмѣстѣ съ Данилою Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ; потомъ царица велѣла бить ее, Василису, брату своему, Григорію Нагому, послѣ чего бросили ее замертво. Потомъ начали звонить у Спаса въ колокола, сбѣжались посадскіе люди, и царица Марья велѣла имъ опять взять ее, Василису: мужики взяли ее, ободрали и простоволосу держали предъ царицею; прибѣжалъ на дворъ Михайла Битяговскій и началъ уговаривать посадскихъ людей и Михайлу Нагого; но царица и Михайла Нагой велѣли убить Битяговскаго. Василиса объявила также, что вмѣстѣ съ нею во время смерти царевича были: кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова; спросили и этихъ женщинъ, кратко и сжато, почти въ одних словахъ; онѣ объявили, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся самъ ножикомъ. Спросили и дѣтей, игравшихъ съ Димитріемъ: они показали то же, что и женщины. Слѣдователи спросили у нихъ: кто еще съ ними былъ на дворѣ во время смерти царевича?—дѣти указали дважды на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили—Василису Волохову, и слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельство! Кромѣ трехъ женщинъ и дѣтей, явился еще одинъ очевидецъ, стряпчій Семейка Юдинъ, который сказалъ, что стоялъ въ то время у поставца и самъ видѣлъ, какъ царевичъ накололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Вотъ и всѣ очевидцы. Остальныя же лица говорили по чужимъ рѣчамъ (чьимъ—неизвѣстно): и, тѣмъ не менѣе, многіе утверждали, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и въ припадкѣ падучей болѣзни самъ наткнулся на ножъ.

Но, кромѣ приведенныхъ, есть еще и другія подозрительныя обстоятельства. Здѣсь первое мѣсто занималъ вопросъ: кто и когда началъ первый звонить у Спаса и этимъ привлекъ толпу народа на дворъ царевичевъ? Михайла и Григорій Нагіе показали, что они прибѣжали съ своего подворья къ царевичу, будучи встревожены колокольнымъ звономъ; Висилиса же Волохова объявила, что Гри-

горій Нагой находился у царевича и билъ ее прежде, чѣмъ начали звонить у Спаса; Григорій Нагой прибавилъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь, прозвищемъ Огурецъ. Константиновской церкви пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ Аѳанасьевъ, прозвищемъ Огурецъ, былъ потребованъ къ допросу и показалъ, что сидѣлъ дома, когда у Спаса зазвонилъ сторожъ Максимъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, и, когда прибѣжалъ къ церкви къ Спасу, встрѣтился ему кормоваго дворца стряпчій, Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему звонить въ колоколъ у Спаса, да ударилъ его въ шею и заставилъ силою звонить, говоря, что царица Марья приказываетъ, и все это онъ говорилъ передъ Григорьемъ Нагимъ. Григорій Нагой сказалъ: „Того онъ не слыхалъ, что тому попу Ѳедоту велѣлъ звонить Суббота Протопоповъ; а сказывалъ ему тотъ же попъ Ѳедотъ, что велѣлъ ему звонить Суббота, и что прибѣгалъ къ нему Михайла Битяговскій, и онъ заперся, на колокольню его не пустилъ". А Суббота Протопоповъ, поставленный на очную ставку съ попомъ Ѳедотомъ, сказалъ: „Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайла Нагой и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, то онъ и приказалъ пономарю Огурцу звонить". Такимъ образомъ звонъ произошелъ по приказу Нагихъ, а Нагіе показывали, что они сами прибѣжали на звонъ; но если они показывали ложно, то какъ очутились они на дворѣ у царевича; кто имъ далъ знать о несчастіи? Слѣдователи не обратили на это вниманія. Мало того, Огурецъ объявилъ, что онъ самъ прибѣжалъ на звонъ, что первый сталъ звонить у Спаса сторожъ Максимъ Кузнецовъ; но для чего же Субботѣ нужно было толкать Огурца въ шею и заставлять его звонить, когда звонъ уже былъ произведенъ? Куда дѣвался Кузнецовъ? Какъ слѣдователи не обратили вниманія на эту запутанность и не потребовали къ допросу Кузнецова? Далѣе Константиновской церкви священникъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день, въ субботу, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго; вдругъ зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; Битяговскій послалъ своихъ людей провѣдать зачѣмъ звонятъ, и думалъ, что гдѣ-нибудь пожаръ; посланные возвратились и сказали, что царевича Димитрія не стало; тогда Михайла т о т ч а с ъ пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, началъ уговаривать посадскихъ людей, и былъ ими убитъ; а сынъ Михайлы Битяговскаго, Данила, былъ въ то время у отца своего на подворьи, обѣдалъ. Священникъ показалъ, что Битяговскій дома еще узналъ о смерти царевича и тотчасъ отправился во дворецъ; а углицкіе разсыльщики показали, что Михайла Битяговскій, услыхавъ шумъ, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ въ дьячую избу; здѣсь сытникъ Моховиковъ сказалъ ему, что царевичъ боленъ падучею болѣзнію (еще только!), и Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ дьячьей избѣ. Какое же изъ этихъ двухъ показаній справедливо? Если справедливо показаніе священника Богдана, то Михайлѣ Битяговскому, извѣщенному, что царевича не стало, не зачѣмъ было сначала идти въ дьячую избу: онъ долженъ былъ прямо спѣшить во дворецъ. Разумѣется, для объясненія этого противорѣчія нужно было спросить сторожа дьячей избы, Евдокима Михайлова: онъ долженъ былъ знать, былъ ли Михайла Битяговскій въ избѣ, и какъ попалъ туда сынъ его Данила, какъ вмѣстѣ съ послѣдними очутился тамъ и Качаловъ. Но сторожа Евдокима спросить объ этомъ не заблагоразсудили. Спрашивали Кирилла Моховикова, который, по объявленію разсыльщиковъ, первый далъ знать Битяговскому о болѣзни царевича; и Моховиковъ не сказалъ ни слова о томъ, давалъ ли онъ объ этомъ знать Битяговскому, и объявилъ только, что когда царевичъ покололся ножемъ и начали звонить, то Михайла Битяговскій прибѣжалъ къ двору, къ воротамъ, а ворота были заперты, и онъ, Моховиковъ, побѣжалъ къ Михайлѣ къ воротамъ и ворота отперъ; когда Михайла вошелъ на дворъ и началъ посадскихъ и всякихъ людей уговаривать, то Моховикова начали бить и забили на смерть, руки и ноги переломали. Но какимъ образомъ ворота были заперты, когда толпа народа находилась уже на дворѣ, когда нарочно велѣно было звонить, чтобъ народъ собирался на дворъ, и за что̀ били Моховикова? На эти обстоятельства слѣдователи не обратили никакого вниманія; упустили изъ виду и слова пономаря Огурца, что Михайла Битяговскій прибѣгалъ къ нему на колокольню, но что онъ заперся.

Послѣ всего этого не должны ли мы заключать, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно? Не ясно ли видно, какъ спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обращая вниманія на противорѣчія и на укрытіе главныхъ обстоятельствъ? Нагіе пострадали за то, что наустили народъ убить Битяговскихъ, Волохова и Качалова; Угличане пострадали за то, что повѣрили Нагимъ; но ни одинъ изъ Нагихъ не былъ свидѣтелемъ несчастія. Кто же первый произнесъ имена убійцъ?—царица Марья, какъ выходитъ изъ показанія Василисы Волоховой; но царица сама не была свидѣтельницею несчастія; слѣдовательно она или выдумала и то, что царевича убили, и то, кто именно убилъ, или услыхала объ этомъ отъ кого-нибудь изъ очевидцевъ. Положимъ, что выдумала; но странно, почему она назвала именно троихъ людей: Данилу Битяговскаго, Никиту Качалова и Осипа Волохова; почему она не назвала Михайлу Битяговскаго, главнаго врага ея братьевъ и ея самой? Митрополитъ Геласій, возвратясь въ Москву, говорилъ на духовномъ соборѣ: „Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила, что убійство Михайлы Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ дѣло грѣшное, виноватое; просила меня донести ея челобитье до государя, чтобъ

государь тѣмъ бѣднымъ червямъ, Михайлу Нагому съ братьями, въ ихъ винѣ милость показалъ". Положимъ, что царица точно говорила Геласію такимъ образомъ; но изъ ея словъ еще вовсе нельзя заключить, что она признавалась въ собственной винѣ; поступокъ Нагихъ она называетъ грѣшнымъ и виноватымъ; онъ и точно былъ таковъ, потому что Битяговскіе и товарищи его были убиты безъ суда, беззаконнымъ образомъ. Любопытно также: что ни постельница, ни кормилица, ни дѣти не подтвердили показанія мамки; что царица первая назвала имена убійцъ. Лѣтописное сказаніе благосклонно отзывается о кормилицѣ Иринѣ Ждановой: эта Жданова, подобно мамкѣ и постельницѣ, показала, что царевичъ закололся въ припадкѣ черной болѣзни; однако ее, вмѣстѣ съ мужемъ, вытребовали послѣ въ Москву.

Несмотря на всю неудовлетворительность показаній, содержащихся въ слѣдственномъ дѣлѣ, патріархъ Іовъ удовлетворился ими и объявилъ на соборѣ: „Передъ государемъ Михайлы и Григорья Нагихъ и углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная: царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ; а Михайла Нагой государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ дворянъ, жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно, за то, что Михайла Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за государя, зачѣмъ онъ, Нагой, держалъ у себя вѣдуна, Андрюшу Мочалова, и много другихъ вѣдуновъ. За такое великое измѣнное дѣло Михайла Нагой съ братьею и мужики Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. Но это дѣло земское, градское, то вѣдаетъ Богъ да государь, все въ его царской рукѣ—и казнь, и опала, и милость; о томъ государю какъ Богъ извѣститъ; а наша должность молить Бога о государѣ, государынѣ, о ихъ многолѣтнемъ здравіи и о тишинѣ междоусобной брани".

Соборъ обвинилъ Нагихъ; но въ народѣ винили Бориса, а народъ памятливъ и любитъ съ событіемъ, особенно его поразившимъ, соединять и всѣ другія важныя событія. Легко понять впечатлѣніе, какое должна была произвести смерть Димитрія: и прежде гибли удѣльные въ темницахъ, но противъ нихъ было обвиненіе въ крамолахъ, они наказывались государемъ; теперь же погибъ ребенокъ невинный, погибъ не въ усобицѣ, не за вину отца, не по приказу государеву,—погибъ отъ подданнаго. Скоро, въ іюнѣ мѣсяцѣ, сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ, выгорѣлъ весь Бѣлый городъ; Годуновъ расточилъ милости и льготы погорѣвшимъ; но понеслись слухи, что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, дабы милостями привязать къ себѣ ея жителей и заставить ихъ забыть о Димитріи или, какъ говорили другіе, дабы заставить царя, бывшаго у Троицы, возвратиться въ Москву, а не ѣхать въ Угличъ для розыска:—народъ думалъ, что царь не оставитъ такого великаго дѣла безъ личнаго изслѣдованія, народъ ждалъ правды. Слухъ былъ такъ силенъ, что Годуновъ почелъ нужнымъ опровергнуть его въ Литвѣ чрезъ посланника Ислѣньева, который получилъ наказъ: „Станутъ спрашивать про пожары московскіе, то говорить: мнѣ въ то время не случилось быть въ Москвѣ; своровали мужики воры, люди Нагихъ, Аѳанасья съ братьею,—это на Москвѣ сыскано. Если же кто молвитъ, что есть слухи, будто зажигали люди Годуновыхъ, то отвѣчать: это какой-нибудь воръ бездѣльникъ сказывалъ; лихому человѣку воля затѣвать. Годуновы бояре имени̂тые, великіе".—Пришелъ ханъ Казы-Гирей подъ Москву, и по украйнѣ понесся слухъ, что подвелъ его Борисъ Годуновъ, боясь земли за убійство царевича Димитрія; ходилъ этотъ слухъ между простыми людьми; Алексинскій сынъ боярскій донесъ на своего крестьянина; крестьянина взяли и пытали въ Москвѣ; онъ оговорилъ многое множество людей; послали сыскивать по городамъ, много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей съ пытокъ померло, иныхъ казнили и языки рѣзали, иныхъ по темницамъ поморили, и много мѣстъ оттого запустѣло [1]).

Черезъ годъ послѣ Углицкаго происшествія, у царя родилась дочь Ѳеодосія, но въ слѣдующемъ году ребенокъ умеръ; Ѳеодоръ былъ долго печаленъ и въ Москвѣ былъ плачъ большой; къ Иринѣ патріархъ Іовъ писалъ утѣшительное посланіе, говорилъ, что она можетъ помочь горю не слезами, не безполезнымъ изнуреніемъ тѣла, но молитвою, упованіемъ, по вѣрѣ дастъ Богъ чадородіе, и приводилъ въ примѣръ Св. Анну. Въ Москвѣ плакали—и говорили, что царскую дочь уморилъ Борисъ [2]).

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 30; Латухинск. степен. кн.; Маржеретъ; Дѣла Польскія № 21, стр. 206. Любопытно, что слухъ шелъ между простыми людьми на Украйнѣ, что сынъ боярскій донесъ на крестьянина.

[2]) Сборн. Импер. Публ. Библіот. № 17. Іовъ пишетъ: «Адамъ по изверженіи отъ Бога изъ рая еще надѣялся безсмертенъ и въ раю быти, понеже не вѣдаше смертнаго искуса, донележъ мертва сына своего Авеля видѣ... надъ тѣломъ мертвымъ сына своего плакася сѣдяще, не вѣда что сотвори, мняще бо и еще востати ему, и по малу день ото дня видѣвъ лицо его и доброта погибающи, надеждѣ отпадши тѣмъ же и ангелу къ нему послану бывшу и рекшу, что всуе тружаешися, о Адаме! и плачася сѣдиши надъ тѣломъ мертвымъ: сія есть клятва, юже еси слышалъ, яко земля еси и въ ту же землю паки пойдеши. Милостивъ бо и человѣколюбивъ Богъ не презираетъ молитву молящихся Ему съ вѣрою и дастъ излише прошенія просящимъ у него и разверзаетъ ложесна неплодная, якоже древле Іоакиму и Аннѣ, неплоднымъ уже бывшимъ имъ и сего ради отъ всѣхъ сыновъ двоюнадесять колѣнъ Израилевъ поношаемымъ, изъ церкви изгоняемымъ и въ приношеніе Божье не пріемлемымъ; Іоакимъ же иде въ пустыню и молящеся тамо 40 дней, Анна же иде въ садъ свой и ста подъ древомъ нарицаемомъ даѳини, еже есть яблонь, и ту молитвы принося Богови со слезами о безчадствіи своемъ; молящижеся ей прилѣте птица малѣйшая сѣде на древѣ томъ. Анна же возрѣвши къ верху древа, хотя посмотрѣти птичицу ту и се видѣ гнѣздо и птичища того на гнѣздѣ сѣдяща, возрыда же велми Анна и возопи гласомъ ко Господу, глаголя: О владыко! кому уподобилъ мя еси, яко и малѣйшія птичицы сея худши есмь, ибо и сія птица дѣти имать; лютѣ мнѣ, яко не уподобихся ни звѣремъ земнымъ,

*

Черезъ пять лѣтъ по смерти дочери, въ самомъ концѣ 1597 года, царь Ѳеодоръ занемогъ смертельною болѣзнію, и 7 января 1598 года, въ часъ утра, скончался. Мужеское племя Калиты пресѣклось; оставалась одна женщина, дочь несчастнаго двоюроднаго брата Іоаннова, Владиміра Андреевича, вдова титулярнаго Ливонскаго короля Магнуса, Марѳа (Марья) Владиміровна, возвратившаяся по смерти мужа въ Россію; но и она была мертва для свѣта,—была монахинею; постриженіе ея, говорятъ, было невольное; у ней была дочь Евдокія; но и та умерла еще въ дѣтствѣ, говорятъ также смертію неестественною. Оставался еще человѣкъ, который не только носилъ названіе царя и великаго князя, но и дѣйствительно царствовалъ одно время въ Москвѣ, по волѣ Грознаго: крещеный Касимовскій ханъ, Симеонъ Бекбулатовичъ. Въ началѣ царствованія Ѳеодорова онъ еще упоминается въ разрядахъ подъ именемъ царя Тверскаго и первенствуетъ предъ боярами; но потомъ лѣтопись говоритъ, что его свели въ село Кушалино, дворовыхъ людей было у него немного, жилъ онъ въ скудости; наконецъ онъ ослѣпъ; и въ этомъ несчастіи лѣтопись прямо обвиняетъ Годунова. Не пощадили Годунова и отъ обвиненія въ смерти самого царя Ѳеодора.

ибо и звѣри земныя дѣти родятъ, азъ же едина безъ чада есмь предъ тобою, Господи! увы мнѣ убозей: и водамъ азъ не уподобихся, яко и воды плодисты суть предъ тобою, Господи! волны бо ихъ по быстринамъ ихъ разливающеся веселятся славяще Тебе, Господи. И се ангелъ Господень ста предъ нею глаголя: Анно! Анно! услышана бысть молитва твоя. Видиши ли, государыни благовѣрная царице, колико можетъ молитва праведныхъ терпящихъ находящая имъ скорби, а кручиною, государыни, не взяти ничево, взяти то милостію Божіею... аще и печалуеши, то ничтоже полезно себѣ обрѣтаеши, но точію гнѣвиши Бога, души же своей вредъ не малъ сотворяеши, тѣло же свое безгодно изнуряеши, діяволъ же егда видитъ кого скорбяща и печалующа, тогда укрѣпляется нань. Сего ради молю твое благочестіе о всемъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу, и Пречистая Богородица, видя твое таковое благоволеніе, умолитъ Сына своего, да подастъ ти всяко прошеніе твое егоже у него просиши, и благородная чресла твоя многоплодна сотворитъ и устроитъ тя яко лозу плодовиту въ дому твоемъ».

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ восьмой.

Исторія Смутнаго времени.

Глава I.

Царствованіе Бориса Годунова.

Избраніе Годунова.—Неоффиціальныя извѣстія объ этомъ избраніи.—Въѣздъ новаго царя въ Москву.—Подкрестная запись.—Слухъ о нашествіи хана.—Борисъ выводитъ войско за Москву.—Торжество безъ подвига.—Мѣры для утвержденія Бориса на престолѣ.—Царское вѣнчаніе Бориса.—Милости.—Благопріятныя отношенія къ сосѣдямъ.—Посольство Льва Сапѣги въ Москву.—Посольство Салтыкова въ Литву.—Сношенія Годунова съ ливонскими недовольными.—Вызовъ Шведскаго принца Густава въ Россію.—Датскій принцъ Іоаннъ женихъ царевны Ксеніи; его смерть.—Сношенія съ Австріею, Англіею, городами Ганзейскими, Италіею, Крымомъ.—Неудачи Русскихъ за Кавказомъ.—Успѣхи за Уральскими горами.—Внутреннія распоряженія Бориса.

Русь древняя, Кіевская, жила обычаемъ: по старому обычаю великое княженіе принадлежало старшему въ цѣломъ родѣ; Русь новая, Сѣверная, пошла противъ этого обычая; обычай потерялъ силу, но до закона о престолонаслѣдіи юное государство еще не доросло; вся власть собралась въ рукахъ единовластителей, и вотъ Іоаннъ III объявилъ: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ?—кому хочу, тому и дамъ княжество". Этой воли не оспаривалъ никто и у правнука Іоаннова, Θеодора, въ знаменитый 1598 годъ.

Никогда еще для Московскаго государства завѣщаніе, послѣдняя воля царя, не имѣла такого важнаго значенія, какъ при смерти Θеодора Іоанновича, сходившаго въ могилу безпотомственно. На кого указалъ царь и указаніемъ этимъ освободилъ народъ отъ многотруднаго дѣла избранія? Но Θеодоръ умеръ, какъ жилъ: и въ послѣднія минуты жизни, какъ во все продолженіе ея, онъ, избывая мірской суеты и докуки, не рѣшилъ великаго вопроса, предложеннаго ему патріархомъ и боярами: „Кому царство, насъ сиротъ и свою царицу приказываешь?" Тихимъ голосомъ отвѣчалъ на это Θеодоръ: „Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ Ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ улажено" [1]). Патріархъ Іовъ въ житіи Θеодора говоритъ, что царь вручилъ скипетръ супругѣ своей; но въ другихъ памятникахъ, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи большаго довѣрія, въ избирательныхъ грамотахъ Годунова и Михаила Θеодоровича сказано: „Послѣ себя великій государь оставилъ свою благовѣрную великую государыню Ирину Θеодоровну на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ". Но понятно, какъ велика разница между выраженіями: „вручить скипетръ" и „оставить послѣ себя на престолѣ". Дѣйствительно, по смерти Θеодора оставалась особа, къ нему самая близкая, носившая царскій титулъ, Ирина, и ей поспѣшили присягнуть, чтобъ избѣжать междуцарствія [2]). Но Ирина отказалась отъ престола, объявивъ желаніе постричься; патріархъ, съ боярами и народомъ, били ей челомъ, чтобъ не оставила ихъ, сиротъ, до конца, была бы на государствѣ, а править велѣла брату своему Борису Θеодоровичу, какъ было при покойномъ царѣ. Много разъ били объ этомъ челомъ Иринѣ, но она не согласилась, и, въ девятый день по кончинѣ мужа,

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 46.

[2]) Понятно, что о случившемся при смерти Θеодора ходили разные слухи, записанные иностранцами; наприм. Буссовъ разсказываетъ, что царица Ирина убѣждала мужа вручить скипетръ брату ея, Годунову; но царь предложилъ скипетръ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Θедору Никитичу Романову, имѣвшему на *престолъ ближайшее право*; Θедоръ Никитичъ уступалъ скипетръ брату своему Александру, Александръ третьему брату, Ивану, Иванъ—Михаилу, Михаилъ какому-то знаменитому князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его. Царь, долго передавая жезлъ изъ рукъ въ руки, потерялъ терпѣніе и сказалъ: «такъ возьми же его, кто хочетъ»! Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ протянулъ руку Годуновъ и схватилъ скипетръ.—Въ нашихъ хронографахъ (какъ наприм. въ хронографѣ Рум. муз. № 457 и др.), сказано: «благословилъ и приказалъ быть по себѣ на престолѣ москов. г-ства братаничу своему, Θедору Никитичу Романову». Но слова избирательной грамоты Мих. Θедор. рѣшаютъ дѣло.

выѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась подъ именемъ Александры.

Во главѣ правленія долженъ былъ стать патріархъ, какъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя. О томъ, какъ рѣшались дѣла въ это время, всего лучше можетъ дать намъ понятіе слѣдующее мѣстническое дѣло: „Писалъ государынѣ царицѣ инокѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Смоленска князь Трубецкой на князя Голицына, что тотъ никакихъ дѣлъ съ нимъ не дѣлаетъ, думая, что ему меньше его, Трубецкого, быть невмѣстно. По царицыну указу, бояре князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами сказывали о томъ патріарху Іову, и, по царицыну указу, писалъ патріархъ Іовъ къ Голицыну, чтобъ онъ всякія дѣла дѣлалъ съ Трубецкимъ, а не станетъ дѣлать, то патріархъ Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми боярами приговорили послать его Трубецкому головою“ [1]).

Итакъ, несмотря на то, что Ирина заключилась въ монастырѣ, дѣла производились по ея указу; по ея указу бояре сказываютъ патріарху о дѣлѣ, патріархъ съ соборомъ и боярами приговариваетъ и пишетъ объ исполненіи приговоровъ. И въ дѣлѣ царскаго избранія, слѣдовательно, патріарху принадлежалъ первый голосъ, за нимъ оставалось самое сильное вліяніе, и патріархъ старался закрѣпить за собою право на это вліяніе въ сознаніи современниковъ: „Благодатію Св. Духа“, писалъ онъ, „имѣемъ мы власть, какъ Апостольскіе ученики, сошедшись соборомъ, поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого Богъ избралъ“ [2]).

Кого же должно было избрать въ цари достойно, по мнѣнію патріарха Іова? Послѣ онъ самъ говорилъ: „Когда былъ я на Коломенской епископіи, и на Ростовскій архіепископіи, и на степени патріаршеской,—не могу и пересказать превеликой къ себѣ, смиренному, милости отъ Бориса Ѳеодоровича“ [3]).

За Годунова былъ патріархъ, всѣмъ ему обязанный, патріархъ, стоявшій во главѣ управленія; за Годунова было долголѣтнее пользованіе царскою властію при Ѳеодорѣ, доставлявшее ему обширныя средства: вездѣ—въ думѣ, въ приказахъ, въ областномъ управленіи—были люди, всѣмъ ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сдѣлается царемъ. Пользованіе царскою властію при Ѳеодорѣ доставило Годунову и его родственникамъ огромныя богатства, также могущественное средство пріобрѣтать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся въ монастырѣ, признавалась царицею правительствующею, и все дѣлалось по ея указу: кто же мимо родного брата могъ взять скипетръ изъ рукъ ея? Наконецъ, для большинства—и большинства огромнаго - царствованіе Ѳеодора было временемъ счастливымъ, временемъ отдохновенія послѣ бѣдъ царствованія предшествовавшаго, а всѣмъ было извѣстно, что правилъ государствомъ при Ѳеодорѣ Годуновъ.

Многое было за Годунова; но есть извѣстія, что сильны были и препятствія, сильны были враги. Патріархъ Іовъ говоритъ: „Въ большую печаль впалъ я о преставленіи сына моего, царя Ѳеодора Ивановича; тутъ претерпѣлъ я всякое озлобленіе, клеветы, укоризны; много слезъ пролилъ я тогда“. Кто же были эти люди, которые мѣшали патріарху въ его стремленіи доставить престолъ Годунову, осыпали его клеветами, укоризнами, заставляли проливать много слезъ? Лѣтопись указываетъ на однихъ князей Шуйскихъ [4]); но конечно Шуйскіе, по значенію своему, стояли только на первомъ планѣ: отъ однихъ Шуйскихъ Іову не пришлось бы много плакать. Послушаемъ сначала, что говорятъ памятники оффиціальные. Когда Ирина заключилась въ монастырѣ, то дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ кремлѣ народу и требовалъ присяги на имя думы боярской, но получилъ въ отвѣтъ: „Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу“. Когда же дьякъ объявилъ, что царица въ монастырѣ, то раздались голоса: „Да здравствуетъ Борисъ Ѳеодоровичъ!“ Патріархъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами московскими отправились въ Новодѣвичій монастырь просить царицу благословить брата на престолъ, потому что при покойномъ царѣ „онъ же правилъ и все содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ по вашему царскому приказу“. Просили и самого Годунова принять царство. Борисъ отвѣчалъ: „Мнѣ никогда и на умъ не приходило о царствѣ; какъ мнѣ помыслить на такую высоту, на престолъ такого великаго государя, моего пресвѣтлаго царя? Теперь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго государя моего, царя Ѳедора Ивановича, о государствѣ же и о земскихъ всякихъ дѣлахъ промышлять тебѣ, государю моему, отцу, святѣйшему Іову патріарху, и съ тобою боярамъ. А если моя работа гдѣ пригодится, то я за Святыя Божія церкви, за одну пядь Московскаго государства, за все православное христіанство, и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить“. Послѣ этого патріархъ много разъ наединѣ упрашивалъ Годунова, и, какъ видно, вслѣдствіе этихъ тайныхъ совѣщаній, Іовъ отложилъ дѣло до тѣхъ поръ, пока исполнится сорокъ дней по Ѳеодорѣ, и пока съѣдутся въ Москву всѣ духовныя лица, которыя на великихъ соборахъ бываютъ, весь царскій синклитъ всякихъ чиновъ, служивые и всякіе люди [5]). По иностраннымъ извѣстіямъ [6]), Борисъ прямо требовалъ созванія государственныхъ чиновъ, т.-е. отъ каждаго города по осьми и десяти человѣкъ,

---

[1]) Симбирскій сборн. Введеніе къ разрядной.
[2]) Акты, арх. эксп. II, № 6.
[3]) С. г. г. и д. II, № 82.

[4]) Лѣтоп. о мятеж. 48.
[5]) Акты арх. эксп. II, № 7. Шиль въ Samml. von Wichmann, 451, 452; Де Ту Hist. univers. CXX, 180.
[6]) Маржеретъ.

дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ.

Итакъ, съ достовѣрностію можно положить, что Годуновъ не хотѣлъ принять короны до пріѣзда выборныхъ изъ областей и всѣхъ лицъ, которыя на соборахъ бываютъ, совѣтныхъ людей, какъ тогда выражались, хотѣлъ быть избранъ земскимъ соборомъ. Понятно, что въ этомъ только выборѣ всею Землей онъ могъ видѣть полное ручательство за будущую крѣпость свою и потомства своего на престолѣ. Иностранцы и свои говорятъ о средствахъ, употребленныхъ Борисомъ и сестрою его для привлеченія народа на свою сторону: царица призывала къ себѣ тайно сотниковъ и пятидесятниковъ стрѣлецкихъ, деньгами и льстивыми обѣщаніями склоняла ихъ убѣждать войско и горожанъ, чтобы не выбирали на царство никого, кромѣ Бориса. Правитель пріобрѣталъ приверженцевъ: съ помощію монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города; съ помощію вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжбъ; съ помощію людей знатныхъ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая дать и больше, когда будетъ избранъ въ государи [1]). На соборѣ должны были участвовать 474 человѣка: изъ нихъ 99 духовныхъ лицъ, которыя не могли противорѣчить патріарху, да и сами по себѣ были за Годунова; 272 человѣка бояръ, окольничихъ, придворныхъ чиновъ, дворянъ, дьяковъ; у Годунова была партія и между боярами, тѣмъ легче было ему пріобрѣсть большинство между второстепенными лицами; выборныхъ изъ городовъ было 33 человѣка только; затѣмъ было семь головъ стрѣлецкихъ, 22 гостя, 5 старостъ гостинныхъ сотенъ и 16 сотниковъ черныхъ сотенъ. Все дѣло рѣшалось, значитъ, духовенствомъ и дворянствомъ второстепеннымъ, которые были давно за Годунова или смотрѣли на патріарха, какъ на верховный авторитетъ; люди неслужилаго сословія составляли ничтожное меньшинство, въ выборѣ изъ городовъ видимъ также людей служилыхъ.

17 февраля, въ пятницу, передъ масляницей [2]), открылся соборъ; патріархъ началъ рѣчь, объявилъ, что по смерти Өеодора предложено было царство Иринѣ; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и онъ не согласился, отложили дѣло на 40 дней, до пріѣзда выборныхъ. „Теперь", продолжалъ Іовъ, „вы бы о томъ великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быть," и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: „А у меня, Іова патріарха, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и у всего освященнаго вселенскаго собора, у бояръ, дворянъ, приказныхъ и служилыхъ у всякихъ людей, у гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Өеодоровича иного государя никого не искать и не хотѣть". Тогда совѣтные люди громко и какъ бы однѣми устами сказали: „Нашъ совѣтъ и желаніе одинаково съ твоими, отца нашего, всего освященнаго собора, бояръ, дворянъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, что неотложно бить челомъ государю Борису Өеодоровичу и кромѣ его на государство никого не искать". Послѣ этого началось на соборѣ исчисленіе правъ Бориса на престолъ [3]). „Царь Иванъ Васильевичъ женилъ сына своего, царевича Өеодора, на Иринѣ Өеодоровнѣ Годуновой, и взяли ее, государыню, въ свои царскія палаты семи лѣтъ, и воспитывалась она въ царскихъ палатахъ до брака; Борисъ Өеодоровичъ также при свѣтлыхъ царскихъ очахъ былъ безотступно еще съ несовершеннолѣтняго возраста, и отъ премудраго царскаго разума царственнымъ чинамъ и достоянію навыкъ. По смерти царевича Ивана Ивановича, великій государь Борису Өеодоровичу говорилъ: „Божіими судьбами, а по моему грѣху, царевича не стало, и я въ своей кручинѣ не чаю себѣ долгаго живота, такъ полагаю сына своего царевича Өеодора и Богомъ данную мнѣ дочь царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, великихъ чудотворцевъ и на тебя, Бориса;—ты бы объ ихъ здоровьи радѣлъ и ими промышлялъ; какова мнѣ дочь царица Ирина, таковъ мнѣ ты, Борисъ, въ нашей милости ты все равно какъ сынъ". На смертномъ одрѣ царь Иванъ Васильевичъ, представляя въ свидѣтельство духовника своего, архимандрита Өеодосія, говорилъ Борису Өеодоровичу: „Тебѣ приказываю сына своего Өеодора и дочь Ирину, соблюди ихъ отъ всякихъ золъ". Когда царь Өеодоръ Ивановичъ принялъ державу Россійскаго царства, тогда Борисъ Өеодоровичъ, помня приказъ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранилъ какъ зеницу ока, о царѣ Өеодорѣ и царицѣ Иринѣ попеченіе великое имѣлъ, государство ихъ отвсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и попеченіемъ многимъ, своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержательствомъ учинилъ ихъ царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ многое пространство и расширеніе, окрестныхъ прегордыхъ царей послушными сотворилъ, побѣдилъ прегордаго царя Крымскаго и непослушника короля Шведскаго подъ государеву высокую десницу привелъ; города, которые были за Шведскимъ королевствомъ, взялъ; къ нему, царскому шурину, цесарь Христіанскій, султанъ Турецкій, шахъ Персидскій и короли изъ многихъ государствъ пословъ своихъ присылали со многою честію; все Россійское царство онъ въ тишинѣ устроилъ, воинскій чинъ въ призрѣніи и во многой милости, въ строеніи учинилъ, все православное христіанство въ покоѣ и тишинѣ, бѣдныхъ

---

[1]) Буссовъ въ Rerum Rossic. scriptores. exteri. Хронографы, какъ напр. хроногр. Румянцев. музея, № 457 и др.

[2]) Вспомнимъ приведенное выше извѣстіе, что чрезвычайные, великіе соборы созывались по пятницамъ.

[3]) Кто исчислялъ?—по всему видно, что патріархъ съ своими единомышленниками. Въ актѣ сказано очень неопредѣленно: «И сіе въ свидѣтельство приводяще».

вдовъ и сиротъ въ крѣпкомъ заступленіи, всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались. Святая наша вѣра сіяетъ во вселенной выше всѣхъ, какъ подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, и славно было государево и государынино имя отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной".

Въ субботу, 18 числа, и въ воскресенье, 19-го, въ Успенскомъ соборѣ торжественно служили молебны, чтобы Господь Богъ даровалъ православному христіанству, по его прошенію, государя царя Бориса Ѳеодоровича. Въ понедѣльникъ на масляницѣ, 20 февраля, послѣ молебна, патріархъ съ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ Борисъ жилъ вмѣстѣ съ сестрою; со слезами били челомъ, много молили—и получили отказъ, Годуновъ отвѣчалъ: „Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю: не думайте, чтобъ я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя". Православное христіанство было въ недоумѣніи, въ скорби многой, въ плачѣ неутѣшномъ. Опять святѣйшій патріархъ созываетъ къ себѣ всѣхъ православныхъ христіанъ и совѣтуетъ устроить на другой день во вторникъ празднество Пречистой Богородицѣ въ Успенскомъ соборѣ, также по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, послѣ чего съ иконами и крестами идти въ Новодѣвичій монастырь, пусть идутъ всѣ съ женами и грудными младенцами бить челомъ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и брату ея, Борису Ѳедоровичу, чтобъ показали милость. Тутъ же патріархъ съ духовенствомъ приговорили тайно: если царица Александра Ѳеодоровна брата своего благословитъ и государь Борисъ Ѳедоровичъ будетъ царемъ, то простить его и разрѣшить въ томъ, что онъ подъ клятвою и слезами говорилъ о нежеланіи своемъ быть государемъ; если же опять царица и Борисъ Ѳедоровичъ откажутъ, то отлучить Бориса Ѳедоровича отъ церкви, и самимъ снять съ себя святительскіе саны, сложить панагіи, одѣться въ простыя монашескія рясы и запретить службу по всѣмъ церквамъ.

21 февраля, во вторникъ, двинулся крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь; къ нему на встрѣчу, при звонѣ колоколовъ, вынесли изъ монастыря икону Смоленской Богородицы; за иконою вышелъ Годуновъ. Подошедъ къ иконѣ Владимірской Богородицы, онъ громко возопилъ со слезами: „О, милосердая Царица! зачѣмъ такой подвигъ сотворила, чудотворный свой образъ воздвигла съ честными крестами и со множествомъ иныхъ образовъ? Пречистая Богородица, помолись о мнѣ и помилуй меня!" Долго лежалъ онъ предъ образомъ и омочалъ землю слезами; потомъ приложился къ другимъ иконамъ, подошелъ къ патріарху и сказалъ ему: „Святѣйшій отецъ и государь мой, Іовъ патріархъ! зачѣмъ ты чудотворныя иконы и честные кресты воздвигнулъ и такой многотрудный подвигъ сотворилъ?" Патріархъ отвѣчалъ ему, обливаясь слезами: „Не я этотъ подвигъ сотворилъ,—то Пречистая Богородица съ своимъ предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прійти и святую волю Сына своего на тебѣ исполнить. Устыдись пришествія Ея, повинись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня". Годуновъ отвѣчалъ одними слезами. Послѣ этого Іовъ пошелъ въ церковь, Годуновъ—къ сестрѣ въ келью, а бояре и весь народъ вошли на монастырь, которые же не помѣстились на монастырѣ, тѣ всѣ стояли около ограды. Послѣ обѣдни, патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, въ священныхъ одеждахъ, съ крестомъ и образами, пошли въ келью къ царицѣ и били ей челомъ со слезами долго, стоя на колѣняхъ; съ ними пошли бояре и всѣ думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народъ, стоя у кельи по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго съ плачемъ и рыданіемъ вопили: „Благочестивая царица! помилосердуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Ѳедоровича!" Царица долго была въ недоумѣніи, наконецъ заплакала и сказала: „Ради Бога, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ вамъ государемъ царемъ". Годуновъ, съ тяжелымъ вздохомъ и со слезами, сказалъ: „Это ли угодно твоему человѣколюбію, владыко! и тебѣ, моей великой государынѣ, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у меня не было; Богъ свидѣтель и ты, великая государыня, что въ мысляхъ у меня того никогда не было, я всегда при тебѣ хочу быть и святое, пресвѣтлое, равноангельское лицо твое видѣть". Александра отвѣчала ему: „Противъ воли Божіей кто можетъ стоять? и ты бы безо всякаго прекословія, повинуясь волѣ Божіей, былъ всему православному христіанству государемъ". Тогда Годуновъ сказалъ: „Буди Святая Твоя воля, Господи!" Патріархъ и всѣ присутствующіе пали на землю, возсылая благодареніе Богу, послѣ чего отправились въ церковь, гдѣ Іовъ благословилъ Бориса на всѣ великія государства Россійскаго царствія.

Такъ говорится объ избраніи Годунова въ актѣ оффиціальномъ, въ утвержденной грамотѣ объ этомъ избраніи, составленной уже въ августѣ 1598 г. Но до насъ дошли другія извѣстія, другія преданія, записанныя въ памятникахъ неоффиціальныхъ. Такъ, дошло до насъ извѣстіе о желаніи бояръ, чтобы Годуновъ цѣловалъ крестъ на ограничивающей его власть грамотѣ; Борисъ не хотѣлъ этого сдѣлать, не хотѣлъ и отказать прямо, и потому выжидалъ, чтобы простой народъ принудилъ бояръ выбрать его безъ договора: отсюда и происходилъ его отказъ принять престолъ. Шуйскіе, видя его упрямство, начали говорить, что неприлично болѣе его упрашивать, а надобно приступить

къ избранію другого. Тогда-то патріархъ и рѣшился идти съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь [1]). Есть также извѣстіе, что Годуновъ, желая заставить Романовыхъ забыть права свои на престолъ, далъ старшему изъ нихъ, Ѳедору Никитичу, страшную клятву, что будетъ держать его какъ брата и помощника въ дѣлѣ государственнаго управленія [2]). Наконецъ о торжественномъ моленіи, плачѣ и воплѣ народномъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сохранилось такое преданіе: „Народъ неволею былъ пригнанъ приставами; нехотящихъ идти велѣно было и бить и заповѣдь положена: если кто не придетъ, на томъ по два рубля править на день. Приставы понуждали людей, чтобъ съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? Вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ ту же минуту весь народъ падалъ на колѣни; не хотящихъ били безъ милости" [3]).

26 февраля, въ воскресенье на масляницѣ, Годуновъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, въ Успенскомъ соборѣ слушалъ молебенъ, послѣ котораго принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ и всего православнаго христіанства. Отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, Борисъ пошелъ въ Архангельскій, гдѣ, припадая къ гробу великихъ князей и царей, говорилъ со слезами: „Великіе государи! хотя тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ вы и отошли, но духомъ всегда пребываете неотступно, и, предстоя предъ Богомъ, молитву творите; помолитесь и обо мнѣ и помогите мнѣ". Изъ Архангельскаго собора пошелъ въ Благовѣщенскій, отсюда въ царскія палаты, изъ дворца поѣхалъ къ сестрѣ въ Новодѣвичій монастырь; отсюда пріѣхалъ опять въ кремль къ патріарху, долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ, послѣ чего простился съ нимъ и съ знатнымъ духовенствомъ на Великій постъ, и возвратился на житье въ Новодѣвичій монастырь.

---

[1]) Это извѣстіе находится у Татищева въ неизданныхъ его бумагахъ (библ. Моск. арх. мин. ин. д. Татищевск. бумаги въ портф. Мюллера, тетр. № 7): Извѣстіе это читается такъ у Татищ.: «Онъ же яко волкъ одѣлся въ одежду овчію, такъ долго искавъ, нынѣ сталъ отрицаться и по неколикократномъ прошеніи онъ уѣхалъ къ царицѣ въ Новодѣвичъ монастырь; причина-жь тому была сія, что бояре хотѣли, чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ, чего онъ учинить и явно отказать не хотѣлъ, надѣясь, что простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ. Сіе его отрицаніе и упрямство видя, Шуйскіе начали говорить, что не пристойно болѣе его просить, и представляли, чтобъ обирать иного. Тогда патріархъ пошелъ съ крестнымъ ходомъ, и Годуновъ безо всякаго отрицанія принялъ».

[2]) Допол. къ акт. истор. II, № 76: «яко братію и царствію помогателя имѣти».

[3]) Хроногр. Карамзинскій, № 3 (въ археогр. коммис.); также рукоп. Импер. Публ. Библ. № 1406, 1411. Иное сказаніе о самозванцахъ во Времен. Московск. истор. общ. кн. 16.

Неизвѣстно, въ какое время присягали на вѣрность новому царю; но извѣстна любопытная подкрестная запись. Присягавшій по ней, между прочимъ, клялся: „Мнѣ надъ государемъ своимъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми, въ ѣдѣ, питьѣ и платьи и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихаго и коренья не давать и не велѣть никому давать, и мнѣ такого человѣка не слушать, зелья лихаго и коренья у него не брать; людей своихъ съ вѣдовствомъ, со всякимъ лихимъ зельемъ и кореньемъ не посылать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и дѣтей ихъ на слѣду никакимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылать, и слѣду не вынимать никакимъ образомъ, никакою хитростію. А какъ государь царь, царица или дѣти ихъ куда поѣдутъ или пойдутъ, то мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимать. Кто такое вѣдовское дѣло захочетъ мыслить или дѣлать, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ про того человѣка сказать государю своему царю или его боярамъ, или ближнимъ людямъ, не утаить мнѣ про то никакъ, сказать вправду безъ всякой хитрости; у кого узнаю, или со стороны услышу, что кто-нибудь о такомъ зломъ дѣлѣ думаетъ, то мнѣ этого человѣка поймать и привести къ государю своему царю, или къ его боярамъ и ближнимъ людямъ вправду, безъ всякой хитрости, не утаить мнѣ этого никакимъ образомъ, никакою хитростію, а не смогу я этого человѣка поймать, то мнѣ про него сказать государю царю или боярамъ и ближнимъ людямъ". Насъ здѣсь останавливаетъ не вѣра въ волшебство, которая господствовала въ описываемое время,—насъ останавливаетъ перечисленіе видовъ зла, которое можно было сдѣлать Борису и его семейству, повтореніе, распространеніе одного и того же, что должно приписать не времени уже только, а лицу, приписать мелкодушію Бориса, его подозрительности, ибо въ подкрестныхъ записяхъ преемниковъ его мы этого не видимъ.

Присягавшій долженъ былъ клясться также: „Мнѣ мимо государя своего, царя Бориса Ѳедоровича, его царицы, ихъ дѣтей и тѣхъ дѣтей, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, царя Симеона Бекбулатова и его дѣтей и никого другого на Московское государство не хотѣть, ни думать, ни мыслить, ни семьиться, ни дружиться, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывать на всякое лихо; а кто мнѣ станетъ объ этомъ говорить, или кто съ кѣмъ станетъ о томъ думать, чтобъ царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ такого человѣка схватить и привести къ государю" [4]) и т. д.

9 марта, въ четвергъ на второй недѣлѣ поста, патріархъ созвалъ знатное духовенство, бояръ, дворянъ и весь царскій синклитъ, и говорилъ имъ:

---

[4]) Акты арх. эксп. II, № 10.

„Уже время молить намъ Бога, чтобъ благочестиваго великаго государя царя нашего Бориса Ѳеодоровича сподобилъ облечься въ порфиру царскую; да установить бы намъ свѣтлое празднество преславному чуду Богородицы въ тотъ день, когда Богъ показалъ на насъ неизреченное Свое милосердіе, даровалъ намъ благочестиваго государя Бориса Ѳеодоровича, учредить крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь каждый годъ непремѣнно". Всѣ, слыша такой премудрый глаголъ святѣйшаго Іова патріарха, отвѣчали со слезами, обѣщали молиться Богу безпрестанно, день и ночь. Разосланы были по областямъ грамоты съ приказаніемъ пѣть молебны по три дня со звономъ [1]).

Проведши Великій постъ и Пасху въ монастырѣ съ сестрою, Борисъ, 30 апрѣля, въ Мироносицкое воскресенье, торжественно переѣхалъ на житье во дворецъ кремлевскій. Опять былъ онъ встрѣченъ крестнымъ ходомъ; въ Успенскомъ соборѣ патріархъ надѣлъ на него крестъ Петра митрополита; опять Борисъ обошелъ соборы, ведя за руки дѣтей, сына Ѳедора и дочь Ксенію; былъ большой обѣдъ для всѣхъ. Но царское вѣнчаніе не могло скоро послѣдовать: еще 1-го апрѣля пришла вѣсть, что Крымскій ханъ Казы-Гирей собирается на Москву со всею ордою и съ полками турецкими. Вѣсть пришла рано, и потому черезъ мѣсяцъ на берегахъ Оки могла собраться огромная рать: говорятъ число ея простиралось до 500,000 человѣкъ. 2-го мая самъ царь выѣхалъ изъ Москвы съ Дворомъ своимъ, въ числѣ котораго находилось пять служилыхъ царевичей. Борисъ остановился въ Серпуховѣ и отсюда распоряжался устройствомъ рати. Но, среди этихъ распоряженій, новый царь занимался и тѣмъ, чтобъ щедростію и угощеніями привязать къ себѣ служилыхъ людей: пишутъ, что почти ежедневно бывали у него обѣды на 70,000 человѣкъ. „И подавалъ", говорилъ лѣтописецъ, „ратнымъ людямъ и всякимъ въ Серпуховѣ жалованье и милость великую". Цѣль, повидимому, была достигнута: „Они всѣ, видя отъ него милость, обрадовались, чаяли и впередъ себѣ отъ него такого же жалованья". Итакъ вотъ на чемъ основался союзъ Годунова съ служилыми людьми: они чаяли впередъ себѣ отъ него большаго жалованья!

Слухъ о походѣ ханскомъ оказался ложнымъ: вмѣсто грозной рати, явились мирные послы. Годуновъ воспользовался случаемъ, чтобы произвесть на Татаръ самое сильное впечатлѣніе: пословъ поставили верстахъ въ семи отъ стана царскаго, расположеннаго на лугахъ на берегу Оки; ночью велѣно было ратнымъ людямъ стрѣлять по всѣмъ станамъ. 29 іюня послы представлялись Борису; когда они ѣхали къ нему, то на протяженіи семи верстъ отъ ихъ стана до царскаго, по обѣ стороны дороги стояли пѣшіе ратники съ пищалями и разъѣзжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и безпрестанную стрѣльбу, такъ перепугались, что, пришедши къ царю, едва могли справить посольство отъ страха. Царь пожаловалъ ихъ великимъ жалованьемъ, отпустилъ съ большою честію и послалъ съ ними богатые дары къ хану [2]). Въ тотъ же день царь угостилъ все войско и отправился въ Москву.

Сюда онъ въѣхалъ съ большимъ торжествомъ, какъ будто одержалъ знаменитую побѣду или завоевалъ цѣлое царство иноплеменное: патріархъ съ духовенствомъ и множествомъ народа вышли къ нему на-встрѣчу; Іовъ благодарилъ за совершеніе великаго подвига, за освобожденіе христіанъ отъ кровопролитія и плѣна: „Радуйся и веселился", говорилъ онъ Борису,—„Богомъ избранный и Богомъ возлюбленный и Богомъ почтенный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводящій стадо своеименитое къ Начальнику Христу Богу нашему!" По окончаніи рѣчи, патріархъ, духовенство и весь народъ пали на землю, плакали и потомъ, вставъ, привѣтствовали Бориса „на его государевѣ вотчинѣ и на царскомъ престолѣ и на всѣхъ государствахъ Россійской Земли".

Столько слезъ было пролито при челобитьяхъ и встрѣчахъ! Кажется, можно было бы увѣриться въ преданности народа къ доброму пастырю; но, видно, царь и патріархъ были еще далеки отъ этой увѣренности. 1-го августа Іовъ созвалъ всѣхъ бояръ, дворянъ, приказныхъ, служилыхъ людей и гостей, и началъ имъ говорить: „Мы били челомъ соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Ѳеодоровну и государя царя Бориса Ѳеодоровича, который насъ пожаловалъ, сѣлъ на государствѣ; такъ я васъ, бояръ и весь царскій синклитъ, дворянъ, приказныхъ людей и гостей, и все христолюбивое воинство благословляю на то, что вамъ великому государю Борису Ѳеодоровичу, его благовѣрной царицѣ и благороднымъ чадамъ служить вѣрою и правдою, зла на нихъ не думать и не измѣнять ни въ чемъ, какъ вы имъ государямъ души свои дали у чудотворнаго образа Богородицы и у цѣлбоносныхъ гробовъ великихъ чудотворцевъ." Бояре и всѣ православные христіане отвѣчали: „Мы цѣловали крестъ и обѣтъ дали Богу и всѣмъ Святымъ, тебя, великаго господина, и весь освященный соборъ въ свидѣтельство представляемъ, что за великаго государя, благовѣрную царицу и дѣтей ихъ души и головы положить и служить имъ вѣрою и правдою, и никого, мимо ихъ, на престолъ не искать и не хотѣть; а кто похочетъ мимо ихъ иного государя искать или какое лихо учинить, и намъ на того измѣнника извѣстить тебѣ, св. патріарху, и стоять на него всею Землею заодно. Также намъ не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести никакъ не хотѣть, и быть въ государевыхъ дѣлахъ безъ прекословія; а кто станетъ сопротивляться царской власти и повелѣнію, на того положить клятву

[1]) Акты арх. эксп. II.

[2]) Маржеретъ. Лѣтоп. о мятеж., стр. 50.

святительскую; а намъ беречь того: какъ кому государь на своей службѣ и у всякаго дѣла быть велитъ, такъ тому и быть. Такъ-же намъ смотрѣть накрѣпко, чтобы государю царю въ разрядныхъ и земскихъ дѣлахъ кручины не приносить никакой." Великій и пресвятѣйшій патріархъ, услыхавъ такія рѣчи, сказалъ: „Если вы такой обѣтъ предъ Богомъ полагаете, то намъ грамоту утвержденную написать и руки свои къ ней приложить, чтобы было впредь крѣпко, неподвижно, стоятельно навѣки." Всѣ единогласно отвѣчали: „Благословенъ глаголъ твой отъ Бога, святитель первопрестольнѣйшій Іовъ патріархъ, отецъ нашъ великій, пастухъ душамъ нашимъ! Св. Духа преисполнены всѣ глаголы устъ твоихъ, владыко! Подобаетъ такъ быть, какъ ты глаголешь."

Годуновъ былъ избранъ голосомъ всей Земли; народъ, стоя на колѣняхъ, съ воплемъ и слезами умолялъ его умилосердиться, принять престолъ: какого права нужно было послѣ того человѣку, хотя бы онъ былъ самаго низкаго происхожденія? Какого соперника могъ бояться онъ, хотя бы этотъ соперникъ и былъ самаго знатнаго происхожденія? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія тяготиться своимъ относительно незнатнымъ происхожденіемъ, подозрѣвать, что для другихъ это происхожденіе уменьшаетъ право, значеніе всенароднаго избранника? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія не умѣть скрыть этого подозрѣнія, обнаружить свою слабость, напомнить народу о томъ, о чемъ вѣроятно большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное опредѣленіе объ избраніи Годунова въ цари. Въ немъ прежде всего прямо объявлено, что царь Иванъ Васильевичъ, умирая, вручилъ сына своего Ѳедора бояриной Борису Ѳедоровичу съ такими словами: „Тебѣ предаю съ Богомъ этого сына моего, будь благопріятенъ ему до скончанія живота его, а по его смерти тебѣ приказываю и царство это." И царь Ѳеодоръ, по приказу отца своего и по пріятельству, вручилъ царство Борису Ѳедоровичу. Далѣе патріархъ счелъ нужнымъ примѣрами изъ Священной и Римской исторіи показать, что восходили на царскій престолъ люди не отъ царскаго рода и не отъ великихъ синклитъ, и, несмотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зритъ Богъ, но благовѣріе предъизбираетъ и душу благочестивую почитаетъ. Наконецъ взаключеніе говорится: „Да не скажетъ кто-нибудь: отлучимся отъ нихъ, потому что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются; а если кто скажетъ такое слово, то не разуменъ есть и проклятъ" [1]). Странное предположеніе возможности подобнаго слова послѣ столькихъ всенародныхъ слезъ и воплей!

1-го сентября, въ праздникъ Новаго года, Борисъ вѣнчался на царство. Въ рѣчи своей, произнесенной при этомъ случаѣ патріарху, Борисъ сказалъ, что покойный царь Ѳеодоръ приказалъ патріарху, духовенству, боярамъ и всему народу избрать кого Богъ благословитъ на царство, что и царица Ирина приказала то же самое,—„и по Божіимъ неизреченнымъ судьбамъ и по великой Его милости, избралъ ты, св. патріархъ, и проч., меня Бориса" [2]). Эти слова вполнѣ подтверждаютъ извѣстіе лѣтописи, что никакихъ назначеній со стороны Ѳеодора не было, и что онъ не вручалъ царства женѣ. Но патріархъ и тутъ явился усерднѣе къ выгодамъ Годунова, чѣмъ самъ Годуновъ: въ отвѣтной рѣчи своей царю, онъ сказалъ, что Ѳеодоръ приказалъ свое царство Иринѣ; здѣсь впрочемъ Іовъ еще сдержался, употребилъ еще не столько опредѣленное слово: приказалъ, тогда какъ въ житіи Ѳеодора употребилъ слово: вручилъ, а въ соборномъ опредѣленіи сказано, что вручилъ царство прямо Борису!

Современники не оставили намъ извѣстій, что замѣтили разнорѣчіе въ словахъ царя, патріарха и соборнаго опредѣленія; ихъ поразило другое во время царскаго вѣнчанія Борисова; новый царь, принимая благословеніе отъ патріарха, громко сказалъ ему: „Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!"—и, тряся воротъ рубашки своей, продолжалъ: „и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!" [3]).

Первые шаги Бориса, сдѣланные при новомъ положеніи, первыя слова, имъ сказанныя, уже достаточно обнаруживали характеръ человѣка, сѣвшаго на престолъ государей Московскихъ. Этотъ престолъ для знаменитаго конюшаго боярина былъ самою лучшею мѣркой нравственнаго величія, и тотчасъ же обнаружилось, что онъ не доросъ до этой мѣрки. Что Годуновъ искалъ престола, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для достиженія своей цѣли — это понятно; онъ искалъ престола не по одному только властолюбію, онъ искалъ его и по инстинкту самосохраненія. Но если бы Годуновъ по своему нравственному характеру былъ въ уровень тому положенію, котораго добивался, то онъ не обнаружилъ бы такой мелочной подозрительности, какую видимъ въ присяжной записи и въ этомъ стремленіи связать своихъ недоброжелателей нравственными принудительными мѣрами; съ одной стороны—видимъ въ актахъ, относящихся къ избранію Годунова, страшное злоупотребленіе въ извѣстіяхъ о всеобщей преданности, всеобщихъ вопляхъ и слезахъ при челобитьи, всеобщемъ восторгѣ при согласіи принять царство; и тутъ же встрѣчаемъ, въ совершенномъ противорѣчіи, сильную подозрительность со стороны человѣка, которому оказывается столько усердія. Одно изъ двухъ: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующихъ, обличала человѣка, недостойнаго такого усердія; или, если подозритель-

[1]) Акты арх. эксп. II, № 6.

[2]) Тж. № 8; Допол. къ акт. истор. I, № 145.

[3]) Палицынъ; хроногр. Имп. Публ. Библ. № 198.

ность была основательна, то безпрерывно повторяемыя извѣстія о всеобщемъ усердіи заключали въ себѣ вопіющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неувѣренность въ самомъ себѣ высказалась и въ этомъ страхѣ предъ низостію происхожденія, страхѣ, недостойномъ человѣка, избраннаго всею Землей, которая самымъ этимъ избраніемъ подняла его выше всѣхъ. Мелкодушіе Годунова, непониманіе своего положенія высказалось и въ этомъ явномъ стремленіи задаривать, заискивать себѣ расположеніе народное расточеніемъ милостей, небывалыхъ при прежнихъ государяхъ, напримѣръ, въ этихъ пиршествахъ и подаркахъ ратнымъ людямъ, которые не видали непріятеля. Годуновъ не понималъ, что только тотъ можетъ пріобрѣсть прочное народное расположеніе, кто не ищетъ его, или, по крайней мѣрѣ, не показываетъ ни малѣйшаго вида, что ищетъ; не понималъ, что расточеніе милостей только уменьшаетъ ихъ цѣну; что милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ только значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе. Наконецъ, недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забываться при достиженіи желанной цѣли, всего разительнѣе оказался въ словахъ Годунова, произнесенныхъ при царскомъ вѣнчаніи: „Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!“ Какъ можно было обрадоваться до такой степени, забыться отъ радости до такой степени, чтобы торжественно связать себя подобнымъ обѣщаніемъ!

Годуновъ принадлежалъ къ новому, второму поколѣнію бояръ московскихъ Представителями стараго поколѣнія были Патрикѣевы и старые Шуйскіе съ товарищами, помнившіе хорошо свое происхожденіе, прежнее положеніе свое относительно великихъ князей и старавшіеся поддержать его. Это поколѣніе было сломлено усиліями Іоанна III, сына его Василья и внука—Іоанна IV. Годуновъ воспитался, достигъ боярства во вторую половину царствованія Грознаго, въ то время, когда бояринъ не могъ безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, когда онъ долженъ былъ сохранить свою жизнь, свое приближенное къ царю положеніе только при ясномъ сознаніи своей слабости, своей полной зависимости, безпомощности, только заботливо наблюдая за каждымъ движеніемъ наверху и около себя, съ напряженнымъ вниманіемъ озираясь на всѣ стороны Понятно, какое вліяніе должно было имѣть такое положеніе на человѣка, особенно если природа этого человѣка не представляла сильнаго противодѣйствія подобному вліянію; понятно, какъ подозрительность Грознаго должна была заражать окружавшихъ его, особенно тѣхъ, которые по слабости своей природы были воспріимчивы къ этой болѣзни. Въ числѣ такихъ, какъ видно, былъ и Годуновъ, человѣкъ очень умный безспорно, быть можетъ болѣе всѣхъ другихъ вельможъ способный къ правительственному дѣлу, быть можетъ яснѣе других понимавшій потребности государства, главную изъ нихъ—потребность просвѣщенія, сближенія съ народами Западной Европы; человѣкъ благонамѣренный, готовый сдѣлать все возможное добро тамъ, гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, но человѣкъ, не имѣвшій столько нравственной твердости, нравственнаго величія, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія школы, въ которой воспитался, чтобъ, приближаясь къ престолу и на престолѣ, сбросить съ себя боярство временъ Грознаго и явиться съ царственнымъ величіемъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что онъ былъ царь избранный, начинавшій новую династію. Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать, явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, не умѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ.

Царское вѣнчаніе, по обычаю, ознаменовано было милостями, пожалованіями: званіе конюшаго получилъ Димитрій Ивановичъ Годуновъ, дворецкаго—Степанъ Васильевичъ (на мѣсто Григорія Васильевича, незадолго предъ тѣмъ умершаго); нѣкоторымъ лицамъ пожаловано было боярство, другимъ окольничество; служилымъ людямъ выдано двойное жалованье, купцамъ дано право безпошлинной торговли на два года, земледѣльцы освобождены отъ податей на годъ. Есть извѣстіе, что опредѣлено было, сколько крестьяне должны были работать на господъ и платить имъ; вдовамъ и сиротамъ, русскимъ и чужеземнымъ—розданы деньги и съѣстные припасы; заключенные въ темницахъ освобождены и получили вспоможеніе. Новгородцы получили особыя льготы: были у нихъ два кабака, отъ которыхъ имъ нужда, тѣснота, убытки и оскудѣнье учинились; поэтому царь, царица и царскія дѣти пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей, царскіе денежные доходы съ кабаковъ отставили и кабакамъ на посадѣ быть не велѣли; кромѣ того, пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей: съ ихъ дворовъ, лавокъ, прилавковъ, скамей, амбаровъ лавочные денежные оброки сложили, и мелкіе промыслы, для младшихъ посадскихъ людей, никому на откупъ давать и оброка отъ нихъ брать не велѣли, свою отчину великое государство Великій Новгородъ во всемъ отарханили. Инородцы освобождены были также на цѣлый годъ отъ ясака, „чтобъ они дѣтей своихъ и братью, дядей, племянниковъ и друзей отовсюду призывали и сказывали имъ царское жалованье, что мы ихъ пожаловали, ясаку съ нихъ брать не велѣли, а велѣли имъ жить безоброчно, и въ городахъ бы юрты и въ уѣздахъ волости они полнили“.

Облегчена была участь нѣкоторыхъ опальныхъ Θеодорова царствованія;—такъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы Иванъ Григорьевичъ Нагой, который разсказываетъ о своей бѣдѣ и о своемъ избавленіи въ

слѣдующей любопытной грамотѣ: „Я, Иванъ Григорьевичъ Нагой, пожаловалъ, далъ человѣку своему Богдану Сидорову старинную свою вотчину, за его къ себѣ прямую службу и за терпѣніе, что онъ со мною животъ свой мучилъ на государевой службѣ въ Сибири, да его же Богдана за мой грѣхъ государь царь Ѳеодоръ Ивановичъ велѣлъ у меня взять изъ Сибири, и привезти въ Москву скованнаго, мучилъ онъ животъ свой, сидя у приставовъ въ цѣпи и желѣзахъ годъ. Когда государь надо мной смиловался и велѣлъ его опустить, то онъ, Богданъ, билъ челомъ обо мнѣ государю царю Ѳеодору Ивановичу, и по его челобитью государь надо мной смилосердовался, велѣлъ изъ Сибири отпустить въ Казань. Но въ Казани грѣхъ мой надо мною взыскался: пришла на меня царская опала, прислалъ государь князя Якова Борятинскаго въ Казань и велѣлъ ему меня ограбить донага, отвезти на Вологду и посадить въ тюрьму. Тогда Богданъ въ другой разъ поѣхалъ въ Москву, былъ тамъ схваченъ и сидѣлъ полгода у пристава. Государь царь Борисъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ, отъ пристава велѣлъ его освободить, и онъ, Богданъ, обо мнѣ билъ челомъ, о моей женѣ и о дѣткахъ. По его челобитью, государь меня пожаловалъ, изъ тюрьмы велѣлъ выпустить, и велѣлъ мнѣ жить въ Тверской моей вотчинѣ. И мнѣ его, Богдана, за такую великую себѣ работу и за терпѣніе пожаловать нечѣмъ: что было моихъ животовъ, то все взято на государя. Такъ жалую ему старую свою вотчинку: владѣть ему этимъ моимъ жалованьемъ и, если захочетъ, можетъ его продать, заложить или по душѣ отдать. А послѣ моей смерти ему, Богдану, за то мое жалованье, жену мою и дѣтей не покинуть, и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю; и дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамотѣ научить, и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ“ [1]).

Царствованіе Бориса, относительно западныхъ, самыхъ опасныхъ сосѣдей, Польши и Швеціи, началось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Эти державы, такъ недавно грозившія Москвѣ страшнымъ союзомъ своимъ подъ однимъ королемъ, теперь находились въ открытой и ожесточенной враждѣ вслѣдствіе этого самаго союза: Сигизмундъ Польскій воевалъ съ дядею своимъ, Карломъ Шведскимъ, въ которомъ видѣлъ похитителя своего отчиннаго престола. Годуновъ далъ знать Сигизмунду о своемъ воцареніи чрезъ думнаго дворянина Татищева; въ Польшѣ рѣшили отправить въ Москву для переговоровъ уже бывалаго тамъ и славнаго своею ловкостію въ дѣлахъ канцлера Литовскаго Льва Сапѣгу, къ которому приданы были: Станиславъ Варшицкій, каштелянъ варшавскій, и Илья Пелгржымовскій, писарь великаго княжества Литовскаго. 16 октября 1600 года въѣхалъ Сапѣга въ Москву съ обычнымъ торжествомъ, и на другой же день начались непріятности, жалобы: посольство, по обычаю, держали въ строгомъ заключеніи, но что всего непріятнѣе было для Сапѣги,—представленіе царю откладывали день за день, объявляя, что у государя болитъ большой палецъ на ногѣ. 16 ноября, подлѣ посольскаго дома, былъ пожаръ, сгорѣло нѣсколько домовъ: Сапѣга жаловался приставу, что ихъ держатъ въ тѣснотѣ, во всѣхъ углахъ накладена солома, Боже сохрани пожаръ,—не только вещей не спасешь, но и самъ не выбѣжишь. „Если насъ еще будутъ держать въ такой тѣснотѣ“, прибавилъ Сапѣга, „то намъ надобно иначе распорядиться и промыслить о себѣ“. Послѣднее слово не понравилось приставу, и онъ сказалъ, что это слово высокое и къ доброму дѣлу не пристойно. 26 ноября, наконецъ, пословъ представили государю: подлѣ Бориса сидѣлъ сынъ его, царевичъ Ѳеодоръ, имя котораго было неразлучно съ именемъ отца, такъ напримѣръ посламъ говорили: „Великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Руси самодержецъ и сынъ его царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ жалуютъ васъ своимъ обѣдомъ“. И тутъ высказалось недовѣріе Бориса къ присягѣ Русскихъ людей, которые клялись служить ему и дѣтямъ его и мимо ихъ никого не хотѣли на царство. Подобное допущеніе сына въ соправительство для упроченія за нимъ великокняжескаго стола было очень благоразумно со стороны Василія Темнаго, испытавшаго слѣдствія борьбы съ притязаніями родичей; но такая же мѣра со стороны Бориса не имѣла никакого смысла.

И послѣ представленія медлили начатіемъ переговоровъ, выставляя причинами то нездоровье царя, то что день праздничный. 3-го декабря послы явились во дворецъ и на царскомъ мѣстѣ нашли не Бориса, но сына его, окруженнаго боярами и людьми думными. Ѳеодоръ объявилъ посламъ, что отецъ его приказалъ своимъ боярамъ вести съ ними переговоры. „Мы этому рады“, отвѣчалъ Сапѣга: „мы для этого и пріѣхали, а не для того, чтобъ лежать и ничего не дѣлать“. Первое засѣданіе прошло въ спорахъ о титулѣ царя и самодержца, котораго бояре требовали для Бориса и, въ случаѣ упорства со стороны Поляковъ, грозили войною. Сапѣга отвѣчалъ: „Войну вы начать можете, но конецъ войны въ рукахъ Божіихъ“. На другой день, во второмъ засѣданіи, Сапѣга представилъ условія вѣчнаго мира, состоявшія изъ слѣдующихъ статей: 1) Обоимъ великимъ государямъ быть между собою въ любви и вѣчной пріязни, также панамъ раднымъ и всѣмъ станамъ духовнымъ и свѣтскимъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго съ боярами думными и со всѣми чинами великаго государства Владимірскаго и Московскаго и иныхъ быть въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одной вѣры христіанской, одного языка и народа славянскаго. 2) Обоимъ великимъ государямъ имѣть однихъ враговъ и друзей. 3) Никакихъ соглашеній, перемирій и союзовъ

[1]) Шиля—Relation, стр. 462, Буссовъ; С. г. г. и д. II, стр. 155, 157; Допол. къ акт. истор. № 146; Москвитянинъ 1844 г. № 5.

великіе государи ко вреду другъ друга заключать не будутъ: во всѣ соглашенія, перемирія и союзы будутъ входить не иначе, какъ напередъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ. 4) Въ случаѣ нападенія на одного изъ государей, другой обязанъ защищать его. 5) Земли, добытыя у врага общими силами, отходятъ къ тому государству, которое имѣло на нихъ давнія права. 6) Землями, никогда прежде не принадлежавшими ни одному изъ союзныхъ государствъ, владѣть или сообща, или раздѣливъ пополамъ. 7) Подданнымъ обоихъ государствъ вольно пріѣзжать, вступать въ службу придворную, военную и земскую — Полякамъ и Литовцамъ въ Москвѣ, Русскимъ—въ Польшѣ и Литвѣ. 8) Вольно имъ вступать другъ съ другомъ въ браки. 9) Поляки и Литовцы въ Московскомъ государствѣ, Русскіе въ Польшѣ и Литвѣ могутъ выслуживать вотчины, помѣстья, покупать земли, брать въ приданое. 10) Жителямъ польскихъ владѣній вольно присылать дѣтей своихъ учиться и въ службу въ Московское государство, и жителямъ послѣдняго во владѣнія польскія. 11) Тѣмъ Русскимъ, которые пріѣдутъ въ Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать вѣру Русскую; а которые изъ нихъ поселятся тамъ, пріобрѣтутъ земли, такимъ вольно на своихъ земляхъ строить церкви русскія. Тѣмъ же правомъ пользуются Поляки и Литовцы въ Московскомъ государствѣ, держатъ вѣру Римскую и ставятъ римскія церкви на своихъ земляхъ. 12) Государь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ позволитъ въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ строить римскія церкви для тѣхъ Поляковъ, которые у него будутъ въ службѣ, для купцовъ и пословъ польскихъ и другихъ католическихъ государствъ. 13) Купцамъ путь чистый по землямъ обоихъ государствъ и чрезъ нихъ въ другія государства; мыто остается старое. 14) Бѣглецовъ, воровъ, разбойниковъ, зажигателей и всякихъ преступниковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ. 15) Заодно оборонять Украйну отъ Татаръ. 16) Оба государства должны имѣть общій флотъ на морѣ Литовскомъ и на морѣ Великомъ. 17) Монета должна быть одинаковая въ обоихъ государствахъ. 18) Для крѣпчайшаго соединенія этихъ славныхъ государствъ и для объявленія его предъ цѣлымъ свѣтомъ должны быть сдѣланы двойныя короны: одна посломъ московскимъ возлагается при коронаціи на короля Польскаго, а другая—посломъ польскимъ возлагается на государя Московскаго. 19) Король въ Польшѣ избирается по совѣту съ государемъ Московскимъ. 20) Если бы король Сигизмундъ не оставилъ сына, то Польша и Литва имѣютъ право выбрать въ короли государя Московскаго, который, утвердивъ права и вольности ихъ, долженъ жить поочередно два года въ Польшѣ и Литвѣ и годъ въ Москвѣ. 21) По смерти государя Московскаго, сынъ его, при вступленіи на престолъ, подтверждаетъ присягою этотъ союзъ. 22) Если бы у государя Московскаго не осталось сына, то король Сигизмундъ долженъ быть государемъ Московскимъ. 23) Княжества Смоленское и Сѣверское съ тремя крѣпостями, принадлежавшими къ Полоцку, должны быть возвращены Польшѣ.

Итакъ, вмѣсто условій вѣчнаго мира, посолъ Сигизмундовъ предложилъ условія союза, и союза, приближавшагося къ соединенію двухъ государствъ въ одно. Цѣль Сигизмунда и совѣтниковъ его, іезуитовъ, при этомъ была ясна: если бы царь Московскій принялъ условія, то этимъ отворилъ бы въ свое государство дорогу для католицизма. Бояре отвѣчали посламъ, что статьи о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ, о выдачѣ перебѣжчиковъ, о свободной торговлѣ могутъ быть приняты по заключеніи вѣчнаго мира, для котораго прежде всего надобно рѣшить вопросъ о Ливоніи, искони вѣчной вотчинѣ государей Россійскихъ, начиная отъ великаго князя Ярослава. Что же касается до другихъ статей, поданныхъ Сапѣгою, то государь не можетъ согласиться, чтобъ Поляки и Литовцы женились въ Московскомъ государствѣ, пріобрѣтали земли и строили церкви латинскія; но не запрещаетъ имъ пріѣзжать, жить и оставаться при своей вѣрѣ; о томъ, кому послѣ кого наслѣдовать престолъ, говорить нечего, потому что это дѣло въ рукахъ Божіихъ; при царскомъ вѣнчаніи возлагать корону принадлежитъ духовенству, а не свѣтскимъ людямъ. Начались жаркіе споры о главномъ предметѣ, о Ливоніи. До чего доходили бранныя рѣчи, видно изъ слѣдующаго разговора Сапѣги съ думнымъ дворяниномъ Татищевымъ. Т а т и щ е в ъ: „Ты, Левъ, еще очень молодъ: ты говоришь все неправду, ты лжешь". С а п ѣ г а: „Ты самъ лжешь, холопъ, а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми бы послами тебѣ говорить, а съ кучерами въ конюшнѣ, да и тѣ говорятъ приличнѣе, чѣмъ ты". Т а т и щ е в ъ: „Что ты тутъ раскричался! я всѣмъ вамъ сказалъ и говорю, и еще разъ скажу и докажу, что ты говоришь неправду". Тутъ Сапѣга обратился къ боярамъ съ жалобою на Татищева, и тѣ велѣли послѣднему замолчать. Но когда Сапѣга, чтобъ уклониться отъ споровъ о Ливоніи, сказалъ, что не имѣетъ никакого полномочія говорить о ней, то Татищевъ не утерпѣлъ и снова закричалъ: „Не лги, мы знаемъ, что у тебя есть полномочіе". Сапѣга отвѣчалъ: „Ты, лжецъ, привыкъ лгать, я не хочу съ такимъ грубіяномъ ни сидѣть вмѣстѣ, ни разсуждать о дѣлахъ". Съ этими словами онъ всталъ и вышелъ. Пословъ польскихъ задерживали нарочно, ибо ждали шведскихъ. Наконецъ шведскіе послы, Гендрихсонъ и Клаусонъ, пріѣхали и ихъ нарочно провезли мимо дома, который занималъ Сапѣга съ товарищами. Польскимъ посламъ бояре объявляли, что Карлъ Шведскій уступаетъ царю Эстонію и самъ поддается Москвѣ, а шведскимъ посламъ было объявлено, что Сигизмундъ уступаетъ царю часть Ливоніи, если только Борисъ будетъ воевать съ королемъ. Этимъ объявленіемъ думали испугать Шведовъ и принудить ихъ къ уступкѣ Нарвы; но Шведы не поддались и настаивали, чтобъ послѣдній договоръ

былъ сохраненъ ненарушимо. Вслѣдствіе этихъ переговоровъ, Сапѣгу держали до августа 1601 года, и наконецъ заключили съ нимъ двадцатилѣтнее перемиріе, причемъ въ грамотѣ не написали Сигизмунда Шведскимъ королемъ. Сапѣга уѣхалъ озлобленный, вмѣняя себѣ впрочемъ въ важную заслугу то, что успѣлъ порвать связь Годунова съ Михаиломъ, воеводою Волошскимъ, который домогался Польскаго престола и заключилъ-было тайный союзъ съ царемъ, обѣщавшимъ помогать ему въ его предпріятіи.

Взять съ короля присягу въ соблюденія перемирія отправились бояре Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, Морозовъ и думный дьякъ Власьевъ. Когда они пріѣхали въ Литву, то имъ объявили, что король при войскѣ въ Ливоніи и чтобъ они ѣхали къ нему въ Ригу; на это Салтыковъ отвѣчалъ приставу: „Ты намъ сказываешь отъ себя, что насъ хотятъ везти къ Жигимонту королю въ Ливонскую Землю Двиною рѣкою въ судахъ; но мы того и слушать не хотимъ; великій государь нашъ прислалъ насъ къ государю вашему съ великими дѣлами, а на посольствѣ велѣлъ намъ быть у государя вашего въ коронѣ Польской или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ которомъ городѣ государь вашъ въ то время будетъ; а въ Ливонскую Землю намъ не хаживать, того себѣ и въ мысли не держите, хотя бы король надъ нами и неволю какую велѣлъ учинить, то и тутъ намъ мимо царскаго приказа ничего сдѣлать нельзя“. Паны прислали къ посламъ грамоту съ сожалѣніемъ, что они такъ долго принуждены будутъ ждать, причемъ складывали вину на самихъ пословъ, зачѣмъ они поторопились пріѣхать, желая поскорѣе взять съ короля крестное цѣлованіе, и при этомъ паны употребили выраженіе, что будутъ бить челомъ королю о послахъ. Салтыковъ отвѣчалъ: „Такихъ бы непригожихъ и гордыхъ словъ паны-рада впередъ къ намъ не приказывали, тѣмъ доброму дѣлу порухи не чинили; идемъ мы отъ великаго государя къ государю вашему по прежнему обычаю, а не для того, чтобъ намъ перемирье у государя вашего крестнымъ цѣлованіемъ утвердить. Великому государю нашему то перемирье не нужно, и спѣшить намъ было нечего; нынѣшнее перемирье коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому больше нашего надобно, потому что у васъ многіе недруги и войны частыя, да у васъ же Божіе посѣщеніе, хлѣбный недородъ, а у великаго государя нашего, Божіею милостію и его государскимъ счастіемъ, недруга никакого нѣтъ, отовсюду его царскимъ премудрымъ разумомъ и бодропаснымъ содержательствомъ и храбростію великимъ государствамъ его прибавленіе и расширеніе; а нынѣшнее перемиріе великій государь нашъ велѣлъ учинить по своему царскому обычаю, жалѣя о христіанствѣ и за челобитьемъ сына своего царевича Ѳедора Борисовича, по прошенью вашихъ пословъ. Если государю вашему насъ принять теперь не время будетъ для воинскаго дѣла, то государь вашъ велѣлъ бы намъ себя ждать въ Литовской или въ Польской Землѣ и кормъ намъ велѣлъ бы давать по прежнему обычаю, и мы государя вашего дожидаемся, гдѣ намъ велитъ хотя долгое время“.

Наконецъ Сигизмундъ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ московскіе послы представились ему и начали переговоры. Послы требовали, по обычаю, царскаго титула для Бориса. Сапѣга отвѣчалъ жалобою: „Какъ пріѣхалъ я въ Москву, и мы государскихъ очей не видали шесть недѣль; а какъ были на посольствѣ, то мы послѣ того не видали государскихъ очей 18 недѣль, потомъ отъ думныхъ бояръ слыхали мы много словъ гордыхъ, все вытягивали они у насъ царскій титулъ. Я имъ говорилъ такъ-же, какъ и теперь говорю, что намъ отъ государя нашего наказа о царскомъ титулѣ на перемирье нѣтъ, а на докончанье наказъ королевскій былъ о царскомъ титулѣ, если бы государь вашъ по тѣмъ по всѣмъ статьямъ, которыя мы дали боярамъ, согласился. Били мы челомъ государскому сыну, просили его доложить отцу, чтобъ насъ задерживать не велѣлъ, велѣлъ бы отпустить и безъ дѣла; но нашего челобитья не приняли и къ тому насъ привели, что мы просили себѣ смерти: ни дѣла не дѣлаютъ, ни отпускаютъ. Да и то намъ вашего государя люди сказывали, что хотятъ насъ разослать по городамъ и засадить, что и дворы уже подѣлали, гдѣ намъ сидѣть, и мы съ сердца приставамъ говорили: если государь вашъ не велитъ насъ отпустить, то мы на коней сядемъ и поѣдемъ сами, а кто насъ станетъ бить, и мы начнемъ бить, потому что пришло намъ не до государской чести,—намъ жизнь своя всего дороже, въ неволѣ жить не привыкли. И, видя надъ собою такую тѣсноту, мы приговорили на перемирье поневолѣ. А что государя нашего не назвали въ грамотѣ Шведскимъ королемъ, то мы съ боярами много говорили и плакали: Боже святый! увидь неправду государя вашего надъ государемъ нашимъ,—что безъ Божіей воли отнимаютъ титулъ дѣдовскій; и на то насъ неволею привели, что и титулъ государя своего мы изъ грамоты вычеркнули“.

Послы отвѣчали, что Сапѣга говоритъ это все на ссору; что задержанья и тѣсноты ему не было, а задержались послы на Москвѣ оттого, что великій государь ножкою долгое время недомогалъ, выходу его государскаго не было. Паны настаивали, чтобъ Сигизмундъ назывался въ грамотахъ попрежнему королемъ Шведскимъ, ибо Карлъ есть похититель; послы отвѣчали: „Вы говорите, что государь вашъ короновался шведскою короною; но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого вѣдома не бывало, съ царскимъ величествомъ Сигизмундъ король не обсылывался; только про то намъ вѣдомо, что государь вашъ Жигимонтъ король ходилъ въ Швецію и надъ нимъ въ Шведской Землѣ невзгода приключилась. Если бы государь вашъ короновался шведскою короною, то онъ прислалъ бы объявить объ этомъ царскому величеству и самъ былъ бы на

Шведскомъ королевствѣ, а не Арцы-Карло (герцогъ Карлъ); теперь на Шведскомъ королевствѣ Арцы-Карлусъ, и Жигимонту королю до Шведскаго королевства дѣла нѣтъ, и вамъ о шведскомъ титулѣ праздныхъ словъ говорить и писать нечего,—нечего о томъ говорить, что за собою нѣтъ. А что ты, Левъ, говорилъ, будто вы, послы, въ государствѣ государя нашего были заперты за сторожами и никуда васъ не пускали, и ты говоришь негораздо: береженье было на дворѣ отъ огня, потому что у васъ на дворѣ конскаго корму, сѣна и соломы было много, люди ваши хаживали ночью съ огнемъ небережно, и за дворомъ сторожа были не для безчестья,—для береженья, чтобъ надъ вами какого-нибудь лиха не сдѣлалось".

Если послы не хотѣли давать Сигизмунду титула Шведскаго короля, то паны никакъ не согласились называть Бориса царемъ и самодержцемъ; они говорили: „Государь нашъ король и мы паны-рада отъ этого не отказываемся и пригоже государю вашему титулъ царскій писать, только это будетъ впередъ, какъ между государей искренняя сердечная любовь и вѣчное докончаніе совершится. Прежде надобно сдѣлать вѣчное соединенье, чтобъ одинъ другого не боялся, а не такъ, какъ нынѣшнее перемирье на время: скоро минется и послѣ того, кто вѣдаетъ, какой государь на которомъ государствѣ будетъ? и теперь на перемирье какъ царской титулъ писать"?

Не согласившись насчетъ титуловъ, положили подтвердить двадцатилѣтнее перемиріе, какъ оно было заключено Сапѣгою въ Москвѣ. Но, предъ цѣлованіемъ креста, Сигизмундъ сказалъ: „Цѣлую крестъ, что мнѣ тотъ миръ держать во всемъ по тому, какъ въ перемирной грамотѣ написано; а въ томъ передъ Св. крестомъ обѣщаюсь, что мнѣ своего дѣдовскаго титула—Шведскаго короля—не отступаться, также и въ Ливонской Землѣ городовъ Нарвы и Ревеля и другихъ, которые теперь за Швеціею, въ эти перемирныя лѣта доступать, за кѣмъ бы они ни были, и никому ихъ не уступать. А Велижской волости быть попрежнему къ коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому". Салтыковъ, услыхавъ это, сказалъ: „Цѣлуй, государь Жигимонтъ король крестъ къ великому государю нашему на томъ на всемъ, что въ перемирныхъ грамотахъ написано". Паны-рада сказали на это: „Цѣлуетъ нашъ государь крестъ на всемъ на томъ, что въ перемирныхъ грамотахъ написано"; самъ король подтвердилъ то же самое [1]).

Какую же пользу извлекъ для себя Годуновъ изъ благопріятныхъ обстоятельствъ на Западѣ: изъ борьбы между Польшею и Швеціею—перемиріе, удовольствіе отнять у Сигизмунда титулъ короля Шведскаго? Но не одной этой отрицательной пользы хотѣлъ Годуновъ: ему хотѣлось Ливоніи. Пріобрѣсть эту желанную страну или часть ея было теперь легко, но для этого было средство одно, средство прямое, рѣшительное: заключить тѣсный союзъ съ Карломъ Шведскимъ противъ Польши. Но Годуновъ, по характеру своему, именно не былъ способенъ къ средствамъ рѣшительнымъ, прямымъ, открытымъ. Онъ думалъ, что Швеція уступитъ ему Нарву, а Польша—Ливонію или часть ея, если только онъ будетъ грозить Швеціи союзомъ съ Польшею, а Польшѣ—союзомъ съ Швеціею, раздражать и ту и другую, обнаруживая политику мелочную, двоедушную! Онъ боялся войны: самъ не имѣлъ ни духа ратнаго, ни способностей воинскихъ, воеводамъ не довѣрялъ, страшился неудачею затмить свое прежнее, счастливое въ глазахъ народа, правленіе, и вотъ онъ хочетъ, чтобъ Ливонія сама поддалась ему, старается поддержать неудовольствіе ея жителей противъ Польскаго правительства, возбудить сильнѣйшее, осыпаетъ милостями плѣнныхъ Ливонцевъ, приказываетъ внушать Рижанамъ: „Слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, Рижанамъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей во всемъ тѣснота, хотятъ ихъ отвести отъ ихъ вѣры и привести въ папежскую и въ езовитскую вѣру, права, обряды и вольности ихъ порушить, и такъ сдѣлать, чтобъ ихъ, Нѣмцевъ, всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской Землѣ. Великаго государя это очень опечалило; онъ жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ ливонскимъ Нѣмцамъ; такого милосердія имъ ни отъ котораго государя не бывало и не будетъ; такого государя благочестиваго, храбраго и разумнаго отъ начала Русской Земли не бывало". Наслѣдовавъ мысль Грознаго о необходимости Ливоніи, Годуновъ подражалъ ему и относительно средства пріобрѣсть расположеніе жителей; какъ Грозный хотѣлъ сдѣлать изъ Ливоніи вассальное королевство и назначалъ изъ своей руки королемъ Датскаго принца Магнуса: такъ Годуновъ для той же цѣли еще при царѣ Ѳеодорѣ завелъ сношеніе съ Шведскимъ принцемъ Густавомъ, сыномъ Эрика XIV, изгнаннымъ изъ Швеціи и жившимъ въ Италіи; въ царствованіе Бориса Густавъ пріѣхалъ въ Москву, и царь началъ стращать имъ двоюроднаго брата его Сигизмунда Польскаго; Льва Сапѣгу во время торжественнаго въѣзда посольскаго нарочно провезли мимо дома, занимаемаго Густавомъ, чтобъ послы могли видѣть этого соперника Сигизмундова. Но понятно, что всѣ эти средства, не подкрѣпляемыя дѣйствіями прямыми и рѣшительными, не вели ни къ чему. Нѣсколько горожанъ нарвскихъ составили заговоръ сдать городъ Русскимъ; но заговоръ былъ открытъ—и заговорщики казнены [2]).

Годуновъ вызвалъ Густава не для того только, чтобъ сдѣлать его вассальнымъ королемъ Ливоніи,—онъ хотѣлъ выдать за него дочь свою Ксенію, но

[1]) Дѣла Польск. № 24; Adelung — Übersicht der Reisend II, 13, Trebickiego Posolstwo Lva Sapiehy; Histor. Russ. Monum. I, № XXXI; Zycie Lwa Sapiehy, у Бобровича—Zycia slawnych polakow, t. IV.

[2]) Архивъ мин. ин. д.: наказъ Клаусу какъ склонять жителей Риги къ подданству; царскія грамоты псковскимъ и ивань-городскимъ воеводамъ; грамота Густава къ Карлу Шведскому; Петрей; Adelung—Uebersicht, II, 4.

Густавъ не захотѣлъ отказаться отъ протестантизма и любовницы; за это у него отняли Калугу съ тремя другими городами, назначенными ему сперва въ удѣлъ, и вмѣсто нихъ дали Угличъ [1]).

Нужно было искать другого жениха Ксеніи между иностранными принцами, и жениха нашли въ Даніи: принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана, согласился ѣхать въ Москву, чтобъ быть зятемъ царскимъ и княземъ удѣльнымъ. Въ августѣ 1602 г. Іоаннъ пріѣхалъ въ Россію, и въ устьи Наровы былъ встрѣченъ бояриномъ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ и дьякомъ Власьевымъ. Въ Иванъ-городѣ датскіе послы, сопровождавшіе принца, говорили Салтыкову: „Когда королевичъ поѣдетъ изъ Иванъ-города, будетъ въ Новѣ-городѣ и другихъ городахъ, и станутъ королевича встрѣчать въ дорогѣ боярскія дѣти и княжата, то королевичу какую имъ честь оказывать?“ Салтыковъ отвѣчалъ: „Въ томъ королевичева воля; онъ великаго государя сынъ, какъ кого захочетъ пожаловать по своему государскому чину“. Салтыковъ писалъ царю: „Когда мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ государь насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ; противъ насъ встаетъ и здоровается (витается), шляпу снявъ; мы холопи ваши государскіе того недостойны, и потому говорили посламъ датскимъ, чтобъ королевичъ обращался съ нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы намъ отвѣчали: Королевичъ еще молодъ, а они московскихъ обычаевъ не знаютъ; какъ, дастъ Богъ, королевичъ будетъ на Москвѣ, то, узнавъ московскіе обычаи, станетъ по нимъ поступать“. Салтыковъ описывалъ царю подробно, въ чемъ былъ одѣтъ принцъ каждый день: „Платьице на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ канителью по-нѣмецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ канителью; чулочки шелкъ алъ; башмачки сафьянъ синь“. Въ Новгородѣ королевичъ ѣздилъ тѣшиться рѣкою Волховомъ вверхъ и иными рѣчками до Юрьева монастыря, а ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ; натѣшившись, пріѣхалъ въ городъ поздно, и сталъ очень веселъ. За столомъ у королевича играли по музыкѣ, въ цимбалы и по литаврамъ били, играли въ сурны. Салтыковъ писалъ царю: „Датскіе послы говорятъ королевичу, чтобъ онъ русскіе обычаи перенималъ не вдругъ. Послы и ближніе люди королевича на то наговаривали, чтобъ онъ вашего царскаго жалованья, платьица что-нибудь къ брату своему послалъ, и королевичъ говорилъ, что ваше царское жалованье, платьице къ нему первое, что онъ принялъ его съ покорностью, съ радостнымъ сердцемъ, и послать ему вашего царскаго жалованья перваго не годится“

Іоаннъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ, очень ласково отъ будущаго тестя и сына его; царицы и царевны, разумѣется, онъ не видалъ. Царь поѣхалъ въ половинѣ октября къ Троицѣ, и на возвратномъ пути узналъ о болѣзни Іоанна: у принца сдѣлалась горячка, отъ которой онъ 28 октября умеръ на двадцатомъ году жизни. Борисъ сильно горевалъ, Ксенія была въ отчаяніи,—а въ народѣ шелъ слухъ, что принцу приключилась смерть съ умыслу царскаго: что Борисъ, видя, какъ всѣ полюбили Іоанна, боялся, чтобъ послѣ не возвели его на престолъ мимо сына его Ѳеодора. Въ 1604 году начались-было переговоры о бракѣ Ксеніи съ однимъ изъ герцоговъ Шлезвигскихъ, но прерваны были несчастіями Борисова семейства [2]). Годуновъ искалъ жениха для дочери и невѣсты для сына между владѣльцами грузинскими; о томъ же предметѣ велись переговоры съ Австріею и Англіею.

Сношенія съ Австрійскимъ домомъ продолжали носить прежній характеръ. Въ іюнѣ 1599 года Борисъ отправилъ къ императору Рудольфу посланника, думнаго дьяка Аѳанасія Власьева, который ѣхалъ моремъ изъ Архангельска, Норвежскимъ и Датскимъ берегомъ, а потомъ Эльбою. На дорогѣ Гамбургское правительство встрѣтило Власьева съ честію, и онъ прославлялъ предъ нимъ могущество и добродѣтели своего царя, разсказывалъ, какъ Борисъ при восшествіи на престолъ велѣлъ дать служивымъ людямъ на одинъ годъ вдругъ три жалованья: одно—для памяти покойнаго царя Ѳеодора, другое—для своего царскаго поставленья и многолѣтняго здоровья, третье—годовое. Со всей Земли не велѣлъ брать податей, дани, посохи, и на городовыя постройки,—дѣлаетъ все своею царскою казною. Да не только Русскихъ людей пожаловалъ, и надъ всѣми иноземными милосердье его царское излилось: Нѣмцевъ и Литву, которые по грѣхамъ своимъ были въ ссылкѣ по дальнимъ городамъ, велѣлъ взять въ Москву, далъ помѣстья, вотчины, дворы и деньги, а которые захотѣли служить, тѣхъ принялъ въ службу и годовымъ жалованьемъ устроилъ; торговымъ людямъ Нѣмцамъ далъ по тысячѣ рублей, инымъ по двѣ тысячи, и многихъ пожаловалъ званіемъ гостя. Бурмистры отвѣчали: „Слышали мы подлинно, что государь вашъ дороденъ, счастливъ и милостивъ, и за его къ бѣднымъ Нѣмцамъ лифляндскимъ жалованье по всей Землѣ Нѣмецкой во-вѣки ему честь и хвала.“

Нашедши Рудольфа въ Пильзенѣ, куда онъ выѣхалъ изъ Праги отъ моровогo повѣтрія, Власьевъ такъ говорилъ большимъ думнымъ людямъ императорскимъ: „Вѣдомо цесарскому величеству и вамъ совѣтникамъ его, что попустилъ Богъ бусурманъ на христіанство, овладѣлъ Турскій султанъ Греческимъ царствомъ и многими землями—Молдованами, Волохами, Болгарами, Сербами, Боснявами и другими государствами христіанскими; также гдѣ

---

[1]) Архивъ мин. ин. д. Выписка о пріѣздѣ королевича Густава; наказъ Клаусу. — По смерти Годунова Густавъ былъ переведенъ въ Ярославль, потомъ въ Кашинъ, гдѣ и умеръ, см. Буссова.

[2]) Дѣла Датскія, архивъ древній 1516—1603, связка 1; Бюшинговъ магазинъ, VII, VIII; лѣтоп. о мятеж., стр. 66.

была изъ давнихъ лѣтъ православная христіанская вѣра—Корсунь городъ, и тутъ вселился магометанскій законъ, и тутъ теперь Крымское царство. Для избавы христіанской, царское величество самъ своею персоною хочетъ идти на врага Креста Христова со многими своими ратями, русскими и татарскими, сухимъ путемъ и водянымъ, чтобъ Рудольфу цесарю вспоможенье, а православному христіанству свободу учинить. Но царскому величеству и вамъ вѣдомо, что къ Крымскому хану водяного пути нѣтъ, кромѣ Днѣпра, а по Днѣпру города Литовскаго короля и литовскіе Черкасы; великій государь посылалъ къ Сигизмунду королю посланника просить судовой дороги Днѣпромъ; но Сигизмундъ и паны-рада дороги не дали и посланника къ цесарскому величеству не пропустили. Король не хочетъ видѣть между великимъ государемъ нашимъ и цесаремъ дружбы, а христіанамъ добра, съ Турскимъ ссылается и Крымскаго черезъ свою Землю на цесареву Землю пропускаетъ. Да и прежде отъ польскихъ людей надъ Максимиліаномъ, арцыкняземъ Австрійскимъ, многое безчестье учинилось. Такъ цесарское величество, подумавъ съ братомъ своимъ Максимиліаномъ и со всѣми курфирстами, государю нашему объявилъ бы: какъ ему надъ Польшею промышлять и такія досады и грубости отомстить; а великій государь нашъ хочетъ стоять съ нимъ на Польшу и Литву заодно".

Эта хитрая по тогдашнему рѣчь, начавшаяся несбыточнымъ обѣщаніемъ, что самъ Борисъ пойдетъ на Крымъ, и кончившаяся призывомъ къ войнѣ съ Польшею, показываетъ, какія жалкія попытки дѣлало Московское правительство вслѣдствіе совершеннаго незнанія отношеній между западными государствами. Годуновъ надѣялся голословными обвиненіями побудить императора Рудольфа къ разрыву съ Польшею! Цесаревы совѣтники отвѣчали: „Король Сигизмундъ и паны радные намъ отказали,—на Турскаго заодно стоять съ нами не хотятъ. Да что съ ними и говорить!—смятенье у нихъ великое, сами не знаютъ, какъ имъ впередъ жить, короля не любятъ. Цесарское величество большую надежду держитъ на великаго государя Бориса Өеодоровича: думаетъ, что по братской любви и для всего христіанства онъ его не забудетъ. Всего досаднѣе на Поляковъ цесарскому величеству, что не можетъ ихъ на то привести, чтобъ стояли съ нимъ заодно на Турка; но дѣлать нечего, надобно терпѣть, хотя и досадно: цесарское величество съ Турскимъ воюетъ, и если еще съ Поляками войну начать, то съ двухъ сторонъ два недруга будутъ, а казны у цесаря не станетъ отъ турецкой войны, но какъ дастъ Богъ время, то цесарь станетъ надъ Польшею промышлять... Правду сказать, король Сигизмундъ цесарю недавно послушенъ и любителенъ показался; король ни въ чемъ не виноватъ, пенять на него нельзя, надобно пенять на Поляковъ, которые великіе недруги Австрійскому дому". Этими словами австрійскіе вельможи давали ясно выразумѣть послу о тѣсномъ союзѣ императора съ королемъ Сигизмундомъ; поэтому сношенія Москвы съ Австріею не могли повести ни къ чему: Борисъ не могъ, въ угоду императору, начать войну съ Турками, а императоръ, въ угоду Борису,—не могъ воевать Польшу.

Королева Елисавета по-прежнему льстила Борису и посламъ его, чтобъ доставить въ Россіи выгоды купцамъ англійскимъ. Узнавъ о восшествіи на престолъ Годунова, Елисавета писала ему: „Мы радуемся, что нашъ доброхотъ, по избранію всего народа, учинился на такомъ преславномъ государствѣ великимъ государемъ". Борисъ отвѣчалъ ей, что онъ учинился царемъ по приказу царя Өеодора, по благословенію царицы Ирины и по челобитью всего народа. Въ 1600 году отправленъ былъ въ Англію посланникомъ дворянинъ Микулинъ, которому данъ наказъ: если спросятъ, какимъ образомъ учинился на государствѣ Борисъ Өеодоровичъ?—отвѣчать: „Вѣдомо вамъ самимъ, при великомъ государѣ Өедорѣ Ивановичѣ царскій шуринъ Борисъ Өеодоровичъ, будучи во властодержавномъ правительствѣ, въ какой мѣрѣ и въ какой чести былъ, и своимъ разумомъ премудрымъ, храбростію, дородствомъ и промысломъ царскаго величества имени какую честь и повышенье и государству Московскому прибавленье во всемъ сдѣлалъ: всякимъ служивымъ людямъ милосердье свое показалъ и многое воинство устроилъ, чернымъ людямъ тишину, бѣднымъ и виновнымъ пощаду, всю Русскую Землю въ покоѣ и тишинѣ и въ благоденственномъ житіи устроилъ. И великій государь Өеодоръ Ивановичъ, отходя сего свѣта, приказалъ и благословилъ государынѣ царицѣ и своему царскому шурину быть на государствѣ Московскомъ. Государыня пошла въ монастырь, и, по слезному челобитью всего народа, благословила брата своего".

Микулину при всякомъ удобномъ случаѣ давали знать, что ему оказывается особенная честь предъ другими послами. Такъ ему говорили: „Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вамъ выйти изъ судовъ въ Лондонѣ, пристаетъ одна государыня наша Елисавета королевна, а кромѣ нея—никто". Елисавета говорила по-прежнему: „Со многими великими христіанскими государями у меня братская любовь, но ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ вашимъ великимъ государемъ".—За обѣдомъ во дворцѣ московскій посланникъ съ подъячимъ и переводчикомъ сидѣли за особымъ столомъ по лѣвую руку отъ королевы. Когда столъ отошелъ, королева начала умывать руки, и, умывъ, велѣла серебряный умывальникъ съ водою подать Микулину; но посланникъ на жалованье билъ челомъ, рукъ не умывалъ и говорилъ: „Великій государь нашъ королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не годится". Королева засмѣялась и Микулина похвалила за то, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.

Микулинъ чтилъ королеву, но больше всего боялся уменьшить чѣмъ-нибудь честь своего государя: когда лорды приглашали его вести переговоры

на ихъ дворѣ, то онъ не согласился,—требовалъ непремѣнно, чтобъ переговоры происходили во дворцѣ, и его требованію уступили: лорды съѣзжались съ нимъ на казенномъ дворѣ, какъ онъ выражается. Лордъ-мэръ позвалъ его обѣдать; купцы, бывшіе въ Россіи, сказали Микулину, что лордъ-мэръ сядетъ за столомъ выше его, ибо такой обычай, и всѣ послы садятся ниже лорда-мэра. Микулинъ отвѣчалъ: „Намъ никакихъ государствъ послы и посланники не образецъ; великій государь нашъ подъ великими славными государями высочайшій великій государь самодержавный царь. Если лордъ-мэръ захочетъ насъ видѣть у себя, то ему насъ чтить для имени царскаго величества, и мы къ нему поѣдемъ; а если ему чину своего порушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, то мы къ нему не поѣдемъ". И, дѣйствительно, посланникъ не обѣдалъ у лорда-мэра. Микулинъ былъ въ Лондонѣ во время возстанія Эссекса (13 февраля 1601); Елисавета писала Годунову, что Микулинъ готовъ былъ подвергнуться опасности и биться съ бунтовщиками. Но самъ Микулинъ доноситъ только, что была смута, и 24 февраля ерль Ексетскій (графъ Эссексъ) казненъ смертію, и по немъ въ Лундѣ (Лондонѣ) было великое сѣтованье и плачъ великій во всѣхъ людяхъ [1]).

Кромѣ Англіи, по дѣламъ торговымъ были сношенія съ городами Ганзейскими [2]): Борисъ исполнилъ просьбу 59 городовъ и далъ имъ жалованную грамоту для торговли; при этомъ Любчанамъ сбавлена была пошлина до половины. Въ 1601 и 1604 годахъ папа Климентъ VIII и кардиналъ Альдобраннини писали къ Борису о пропускѣ нунціевъ и миссіонеровъ, отправлявшихся въ Персію; позволеніе было дано. Съ герцогомъ Тосканскимъ Борисъ пересылался насчетъ вызова въ Москву итальянскихъ художниковъ, на что герцогъ объявлялъ радушное согласіе.

Отношенія къ Крыму были благопріятны; ханъ, жившій не въ ладу съ султаномъ, принуждаемый принимать участіе въ войнахъ послѣдняго, и видя, съ другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить въ-расплохъ на ея украйны, ибо въ степяхъ являлись одна за другою русскія крѣпости, долженъ былъ смириться и соглашаться съ московскими послами, которые провозглашали, что государь ихъ не боится ни хана, ни султана, что рати его безчисленны. Борисъ приказывалъ отпускать крымскихъ гонцовъ такъ, чтобъ новые города: Осколъ, Валуйки, Борисовъ были въ сторонѣ, чтобъ они шли не близко тѣхъ городовъ, не видали ихъ и не разсматривали; провожатыхъ съ ними изъ Ливенъ не посылать, потому что они провожатыхъ бьютъ и въ полонъ берутъ. Лѣтомъ 1601 года въ новый Борисовъ городъ посланъ былъ окольничій Бутурлинъ для размѣна русскихъ и крымскихъ пословъ; въ послахъ долженъ былъ идти князь Григорій Волконскій; со стороны хана пріѣхалъ извѣстный уже намъ Ахметъ-паша Сулешовъ; переговоры происходили на мосту, который былъ наведенъ на Донцѣ. Когда Бутурлинъ сказалъ Ахметъ-пашѣ, что князь Волконскій везетъ къ хану деньгами больше 14,000 рублей, то Ахметъ отвѣчалъ: „Въ прежніе годы было посылывано больше того, и въ послѣдній разъ, какъ я на Ливнахъ размѣнивалъ пословъ, было послано больше; что это за любовь,—часъ-отъ-часу все убавлять? привезли казну не сполна, хотите меня къ шерти привести; вашъ государь къ царю писалъ, что по цареву запросу все сполна послано,—и мнѣ шерти не давать". Бутурлинъ отвѣчалъ, что царь Борисъ на преславныхъ государствахъ учинился вновѣ, государь мудрый, храбрый, милосердый, такого милостиваго государя въ Русскомъ царствѣ не бывало; объявляя свое царское милосердіе всякимъ ратнымъ людямъ для своего царскаго вѣнца и для своего многолѣтняго здоровья и для блаженной памяти царя Ѳеодора Ивановича, пожаловалъ на одинъ годъ три жалованья, а что было казны прежнихъ государей и что было его прежней казны, все роздалъ, и никакихъ податей брать не велѣлъ; а что въ казнѣ осталось, то прислалъ къ хану. Пусть, продолжалъ Бутурлинъ, ханъ дастъ шерть и соблюдаетъ ее; а если онъ захочетъ это сдѣлать обманомъ, на своемъ словѣ и на правдѣ не устоитъ, то государь нашъ самъ своею царскою персоною, со всѣми своими несчетными ратями, русскими, татарскими и нѣмецкими, противъ царя пойдетъ и станетъ надъ ними своего дѣла искать, гдѣ царь ни будетъ. Ахметъ сказалъ на это: „Я знаю, что государь вашъ милостивый и дородный, захочетъ какую недружбу своему недругу мстить—и ему все можно сдѣлать". Но, и признавъ могущество Бориса, Ахметъ никакъ не хотѣлъ давать шерти, потому что денегъ было мало, и Бутурлинъ долженъ былъ размѣняться послами безъ шерти. Послѣ размѣна Бутурлинъ звалъ Ахметъ-пашу къ себѣ въ шатеръ за полученіемъ царскаго жалованья; но Ахметъ не пошелъ. Тогда князь Волконскій, уже бывшій съ нимъ за Донцомъ, далъ знать Бутурлину, что Ахметъ-паша двинулся съ мѣста, говоритъ, что ему царскаго жалованья не дали, такъ онъ хочетъ государеву казну, что съ послами, взять, а самихъ пословъ покинуть. Бутурлинъ испугался, возобновилъ переговоры, и рѣшили поставить шатеръ на мосту, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сходились, и въ шатрѣ Ахмету взять жалованье.

Но ханъ не отказался дать шерти и прислать клятвенную грамоту въ Москву съ посломъ своимъ Ахметъ-Челибеемъ, причемъ писалъ Борису: „Вы на правдѣ не стоите,—Донскіе казаки дважды уже въ нашу Землю приходили и улусы наши побрали". Очень любопытна тайная грамота Казы-Гирея Борису, въ которой ханъ старается убѣдить царя,

---

[1]) Памятн. дипломат. снош. т. II; Арх. мин. ин. д. Дѣла Англійскія въ царств. Годунова.

[2]) Арх. мин. ин. д. о пріѣздѣ любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ пословъ; Мюллера — Samml. russ. Gesch. V. 164. Histor. Russ. Monum. II № XXXII, XXXIII, XXXIV; лѣтоп. о мятеж. 65.

чтобъ тотъ не строилъ крѣпостей въ степи: „Теперь“, пишетъ ханъ, „ты города поставилъ, и этими городами къ нашему государству близко подошелъ,— а тѣ мѣста, которыя по Донцу,—нашихъ улусовъ угодья. Будь тебѣ, брату нашему, вѣдомо: Турскій государь на ваше государство какъ ни помыслитъ рать послать, такъ я ему отговариваю тѣмъ, что мѣсто дальнее и пѣшей его рати до вашего государства не дойти, чѣмъ ему и запрещаю; а только онъ свѣдаетъ, что къ вашимъ городамъ близко дойти можно, то онъ будетъ вашимъ государствамъ вредить. И тебѣ бы впередъ гораздо помыслить: если дальше тѣхъ городовъ, которые поставлены, станете подвигаться, то это шерть и добро порушитъ. Татарскіе князья и лучшіе люди намъ говорятъ: русскіе города къ намъ близко поставлены, и если между нами будетъ недалеко, то нашимъ людямъ съ Русскими людьми нельзя не задираться“. На это данъ былъ отвѣтъ: „Турскаго рать великому государю не страшна; великій государь можетъ стоять противъ всѣхъ своихъ недруговъ, а рати у государя нашего несчетно. Города поставлены на полѣ для воровъ Черкасъ, потому что многіе воры Черкасы и Донскіе казаки пословъ и гонцовъ громили; а какъ тѣ города поставлены, то теперь посламъ, посланникамъ и гонцамъ дорога чиста, государя вашего улусамъ отъ тѣхъ городовъ убытка нѣтъ, а только прибыль, что уже тутъ воры Черкасы больше не живутъ“.

Перемѣна отношеній ясно высказывалась во всемъ: когда Борисъ долженъ былъ клясться въ соблюденіи мирныхъ условій, то велѣлъ быть Ахметъ-Челибею у себя наединѣ, взялъ въ руки книгу, и, подержавъ ее, сказалъ: „Это наша большая клятва, больше ся у насъ не бываетъ“, и отдалъ книгу боярину Семену Никитичу Годунову. Ахметъ-Челибей ударилъ челомъ о землю и говорилъ: „Когда государь нашъ Казы-Гирей передъ вашимъ посломъ, княземъ Григоріемъ Волконскимъ прямую шерть учинилъ на коранѣ, то князь Волконскій велѣлъ эту книгу смотрѣть толмачу своему; со мною Казы-Гирей для такого же дѣла прислалъ дьяка Грека; и въ томъ какъ ты, государь, повелишь“ Борисъ отвѣчалъ: „Сказывалъ я тебѣ, что мы такой клятвы не давали никогда, какъ теперь брату своему дали; съ которыми великими государями бываетъ у насъ мирное постановленіе, то съ ихъ послами утверждаютъ бояре наши, окольничіе и думные дьяки, а большимъ укрѣпленіемъ царское слово бываетъ: то и правда. А теперь, желая крѣпить братство съ Казы-Гиреемъ свыше всѣхъ государей, велѣли мы тебѣ быть у себя наединѣ, только теперь при насъ сродникъ (и указалъ на боярина Семена Никитича) да ближній дьякъ Аѳанасій Власьевъ, потому что всѣ большія дѣла тайныя“. Посолъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ объясненіемъ.

То, что Борисъ подержалъ книгу въ рукахъ, разумѣется, не мѣшало Донскимъ казакамъ нападать на Крымцевъ; ханъ требовалъ у московскаго посла, князя Борятинскаго, чтобъ тотъ или самъ поѣхалъ, или послалъ кого-нибудь къ казакамъ унять ихъ и взять у нихъ плѣнныхъ Татаръ; Борятинскій отвѣчалъ съ сердцемъ, что онъ посланъ не для того, чтобъ унимать казаковъ и полонъ отыскивать. За такой отвѣтъ ханъ выслалъ его изъ Крыма: но и это не имѣло никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Москвы, и сношенія возобновились.

Мирныхъ сношеній съ Турціей не было при Борисѣ. Какъ прежде, при царѣ Ѳеодорѣ, Борисъ помогъ Австрійскому Двору казною противъ Турокъ, такъ теперь онъ помогалъ противъ нихъ единовѣрному воеводѣ Молдавскому Михаилу; кромѣ денегъ на военныя издержки, въ Молдавію посылались церковныя украшенія, образа [1]).

Если отношенія къ Крыму видимо принимали благопріятный оборотъ, то иначе шли дѣла за Кавказомъ: рано еще, не по силамъ было Московскому государству бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными Турками и Персіянами. Мы видѣли уже, что Александръ Кахетинскій не могъ быть усерденъ къ Москвѣ, изъ которой ему давали знать, чтобъ онъ не надѣялся скораго освобожденія отъ страшныхъ магометанскихъ сосѣдей и манилъ султана. Александръ горько жаловался, что ошибся въ своихъ надеждахъ. Преждевременное вмѣшательство въ дѣла Закавказья обошлось дорого Москвѣ уже при Ѳеодорѣ; еще дороже обошлось въ царствованіе Бориса: уполномоченный Москвою хитрить, Александръ, признавая себя слугою Бориса, сносился въ то же время съ сильнымъ Аббасомъ Персидскимъ и позволилъ сыну своему, Константину, принять магометанство; но и это не помогло: Аббасъ хотѣлъ совершеннаго подданства Кахетіи, и велѣлъ отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москвѣ. Преступленіе было совершено; съ другой стороны, въ Дагестанѣ Русскіе, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Плещеева, вторично утвердились-было въ Таркахъ; но Турки вытѣснили ихъ отсюда, а Кумыки перерѣзали при отступленіи, послѣ отчаяннаго сопротивленія: 7,000 Русскихъ пало вмѣстѣ съ воеводами, и владычество Москвы исчезло въ этой странѣ [2]) (1605 г.).

Въ далекомъ Закавказьи Москва не могла защитить единовѣрцевъ своихъ отъ могущественныхъ народовъ магометанскихъ; за то безпрепятственно утверждалась ея власть въ степяхъ Приволжскихъ и въ пустыняхъ Сибири, гдѣ государи магометанскіе, по своей отдаленности, не могли защитить отъ нея своихъ слабыхъ единовѣрцевъ. Ногаи раздѣлялись на три орды, изъ которыхъ одна только признавала власть Московскаго царя. Борисъ, желая подчинить себѣ всѣ три орды и опасаясь связи одной изъ нихъ съ Турціею и Крымомъ, приказы-

---

[1]) Дѣла Крымскія въ столбцахъ, № 2; Памят. диплом. снош. II, стр. 720.

[2]) Арх. мин. ин. д.,—бумаги о пріѣздѣ грузинскихъ пословъ и донесенія москов. посланника Татищева; Лѣтоп. о мятеж., стр. 68.

валъ подчиненному себѣ хану тѣснить Ногаевъ турецкихъ, и, въ то же время, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, приказывалъ астраханскимъ намѣстникамъ ссорить хановъ, слѣдствіемъ чего была кровопролитная война и запустѣніе непріязненнаго улуса; но въ подчиненномъ себѣ улусѣ Борисъ строго запрещалъ междоусобія [1]).

Въ Сибири Кучумъ былъ живъ и не переставалъ отводить сибирскія волости отъ Московскаго государя. Въ августѣ 1598 года за нимъ погнался воевода Воейковъ, сбирая на дорогѣ языки о кочевьяхъ слѣпаго Сибирскаго царя; кинувъ обозъ, Воейковъ шелъ день и ночь, нашелъ Кучума на лугу на Оби, бился съ нимъ отъ восхода солнечнаго до полудня, и наконецъ одолѣлъ; семейство Кучума попалось въ плѣнъ къ Русскимъ, старикъ самъ-третей ушелъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Съ какими же средствами велись эти сибирскія войны, вслѣдствіе которыхъ вся Сѣверная Азія подчинялась Москвѣ, подчинялась христіанству и гражданственности европейской? Воевода Воейковъ пишетъ, что у него въ походѣ противъ Кучума было рати: три сына боярскихъ да голова татарскій, три атамана да четыреста безъ трехъ человѣкъ Литвы, казаковъ, юртовскихъ и волостныхъ Татаръ. Съ такою разноплеменною ратью воевода бился полдня и поразилъ Кучума; но при этомъ надобно сказать также, что у Сибирскаго царя было только 500 человѣкъ войска.

Пока упрямый Кучумъ былъ живъ и не отказывался отъ вражды къ Москвѣ,—до тѣхъ поръ нельзя было ждать покоя въ Сибири, и вотъ завели съ нимъ опять сношенія. Воейковъ послалъ сказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю,—государь его пожалуетъ, женъ и дѣтей велитъ отдать; Кучумъ отвѣчалъ: „Не поѣхалъ я къ государю, по государевой грамотѣ, своею волею, въ ту пору, когда я былъ совсѣмъ цѣлъ; а теперь за саблею мнѣ къ государю ѣхать не почто, теперь я сталъ глухъ и слѣпъ, и нѣтъ у меня ничего. Взяли у меня промышленника, сына моего Асманака царевича; хотя бы у меня всѣхъ дѣтей побрали, а одинъ остался Асманакъ, то я бы съ нимъ еще прожилъ; а теперь самъ иду въ Ногаи, а сына посылаю въ Бухары". Старикъ пошелъ въ Ногаи за смертію: его убили тамъ. Семейство Кучума отправили въ Москву съ воеводами и казаками; дорога была тяжела для плѣнныхъ, потому что провожавшіе ихъ воеводы не смѣли ничего сдѣлать безъ царской грамоты, обо всякой бездѣлицѣ писали въ Москву и дожидались отвѣта, а между тѣмъ плѣнники нуждались въ необходимомъ. Казаки, по обычаю, буйствовали; воеводы писали царю: „Пришелъ къ царевичамъ ночью пьяный казакъ, царевичей бранилъ непристойными словами; потомъ пришли ночью и къ намъ казаки, и насъ бранили. Мурзамъ отъ казаковъ тѣснота великая, а насъ не слушаютъ, ходятъ пьяные, воруютъ, къ царевичамъ и къ царицамъ ходятъ безчинно, а насъ и атамановъ своихъ не слушаютъ, говорятъ: „Мы вамъ не приказаны, такъ мы такіе же, что и вы." Плѣнниковъ ввезли торжественно въ Москву, напоказъ народу, и потомъ разослали по городамъ.

Строеніе городовъ въ Сибири продолжалось, построены были: Верхотурье, Мангазея, Туринскъ, Томскъ. Томскому воеводѣ велѣно было прибрать въ свой городъ въ служивые люди и на пашню изъ Зырянъ 50 человѣкъ, но ему удалось прибрать въ Сургутѣ только пять человѣкъ. Тогда царь писалъ на Верхотурье, чтобы тамъ прибрали для Томска 50 человѣкъ изъ гулящихъ охочихъ людей, и дать имъ по два рубля съ полтиною денегъ человѣку, хлѣба по четверти муки, по полосминѣ крупъ, столько же толокна; прибрать молодцовъ молодыхъ добрыхъ, которые бы стрѣлять умѣли. Кромѣ служилыхъ и пашенныхъ людей, въ новопостроенные сибирскіе города переводились изъ другихъ городовъ и торговые люди: такъ, въ 1599 г. велѣно было двоимъ купцамъ изъ Вятки переселиться на Верхотурье. Прибирались туда и ямскіе охотники: имъ дано было отъ заимодавцевъ льготы на три года съ тѣмъ, чтобъ они въ это время устроили себѣ дворы и завели пашню. Верхотурскіе стрѣльцы, казаки, пашенные крестьяне и ямскіе охотники били челомъ государю: держатъ они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжныхъ казаковъ, даютъ имъ найму по три рубля съ полтиною и по четыре рубля на лѣто, кромѣ того, что они ѣдятъ и пьютъ у нихъ; но этихъ казаковъ берутъ у нихъ воевода и голова на царскія издѣлья; кромѣ того, воевода и голова нанимаютъ къ казеннымъ банямъ ярыжныхъ казаковъ, даютъ имъ найму въ годъ по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, также деньги на банную подѣлку велятъ собирать съ ихъ ярыжныхъ казаковъ. Царь запретилъ это. Позволено было Пинежанамъ и Мезенцамъ ѣздить въ Сибирь, торговать съ тамошними народцами, платя десятый лучшій мѣхъ въ казну царскую. Въ 1604 году билъ царю челомъ верхотурскій ямской охотникъ Глазуновъ: торгуетъ на Верхотурьи верхотурскій жилецъ, торговый человѣкъ Лучанинъ всякими товарами съ Вогуличами; у кого свѣдаетъ какой товаръ, перекупаетъ, а младшимъ людямъ товару никакого купить не дастъ; самъ на товарѣ дастъ рубля два или три, а возьметъ рублей восемь, десять или пятнадцать, царской десятинной пошлины не платитъ, говоритъ, что у него жалованная грамота. Царь писалъ воеводѣ, что если ямщикъ говоритъ правду, то брать у Лучанина пошлину, какая берется съ пріѣзжихъ торговыхъ людей, и не велѣлъ ему перекупаться товарами, чтобы верхотурскимъ всякимъ людямъ въ томъ нужды и тѣсноты не было.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ заведены были казенныя соляныя варницы; но промышленность эта не могла идти успѣшно по причинѣ недостатка въ людяхъ. Своего хлѣба въ новопостроенныхъ сибирскихъ городахъ недоставало, надобно было присы-

[1]) Дѣла Ногайскія (1601—1604 г.); лѣт. о мятеж. 53.

лать хлѣбные припасы туда изъ Европейской Россіи самый удобный способъ доставки былъ по рѣкамъ, но для этого нужны были суда, и вотъ для постройки судовъ велѣно было выслать въ Сибирь плотниковъ съ Перми, Вятки, Выми, Сольвычегодска, Устюга, человѣкъ 80 и больше; эти плотники устраивались пашнею въ удобныхъ для судостроенія мѣстахъ; судовыя снасти отправлялись изъ Ярославля и Вологды. Надобно бы озаботиться и о дорогахъ сухопутныхъ: проведена была дорога между Соликамскомъ и Верхотурьемъ; прокладывали ее посошные люди подъ надзоромъ вожа и цѣловальниковъ; вожъ воровалъ, приказывалъ дороги чистить узко, мосты мостить худые; цѣловальники на него жаловались, жаловались воеводы и служилые люди, ѣздившіе въ Сибирь, что по этой новой дорогѣ хлѣбныхъ запасовъ и сибирской казны провозить будетъ нельзя, и служилымъ людямъ ѣздить по ней будетъ съ большою нуждою. Царь велѣлъ послать цѣловальниковъ и посошныхъ людей чистить дорогу сызнова, чтобы на ней заломовъ и пней не было. Годуновъ заботился и о туземцахъ: въ 1598 году онъ писалъ, чтобы не брать у тюменскихъ Татаръ подводъ для гонцовъ, не взыскивать ясака съ Татаръ и Остяковъ бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; заботился о примиреніи выгодъ туземцевъ и русскихъ переселенцевъ, писалъ верхотурскому воеводѣ, чтобъ онъ Вогуличамъ съ верхотурскими торговыми людьми сѣнные покосы, рыбныя и звѣринныя ловли и всякія угодья подѣлилъ, какъ доведется, чтобы Вогуличамъ нужды не было, и верхотурскимъ торговымъ людямъ—чтобы такъ-же нужды не было. Крещеныхъ дикарей велѣно было записывать въ стрѣльцы; церкви въ новопостроенныхъ городахъ были снабжены книгами [1]).

Такъ распоряжался Борисъ въ странахъ новопріобрѣтенныхъ и новонаселенныхъ. Теперь взглянемъ на его распоряженія въ старыхъ областяхъ Московскаго государства. Въ 1599 году патріархъ объявилъ, что грамота, данная Грознымъ митрополиту Аѳанасію, ветха, и потому Борисъ возобновилъ ее на свое имя: въ этой грамотѣ подтверждено, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе патріарху и живущіе на его земляхъ и земляхъ его монастырей, подлежатъ только его — патріаршему—суду, исключая душегубства. кромѣ того, крестьяне патріаршіе и его монастырей освобождены отъ разныхъ повинностей.

Мы видѣли, что въ 1580 году жители города Хлынова просили царя, чтобъ у нихъ былъ основанъ монастырь; теперь, въ 1599 г., жители вятскаго же города Слободскаго били челомъ, что у нихъ много людей желаютъ постричься, но нѣтъ монастыря, а которые уже постриглись, то волочатся безъ пристроя между дворовъ, отца духовнаго у нихъ близко нѣтъ, и они помираютъ безъ покаянія и причащенія; есть монастырь Успенскій въ Хлыновѣ, но далеко, да посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ постригаться въ немъ трудно: архимандритъ и старцы просятъ много вкладу,—по десяти, пятнадцати и двадцати рублей, съ убогаго человѣка меньше десяти рублей не берутъ; а кому случится постричься у себя на подворьи, то они безъ пяти рублей не постригутъ. Поэтому Слобожане просили, чтобъ патріархъ позволилъ имъ построить монастырь у себя въ городѣ, а строителя уже они выбрали. Патріархъ согласился. Въ Верхотурьи монахъ Іона построилъ монастырь по своему обѣщанью. Мы видѣли, какой данъ былъ наказъ поповскимъ старостамъ въ 1594 году; но въ 1604 году патріаршій тіунъ Чортовъ доносилъ Іову, что: старцы и десятскіе поповскіе въ поповскую избу не приходятъ, поповъ и дьяконовъ отъ безчинія не унимаютъ; безмѣстные попы и дьяконы въ поповскую избу не ходятъ и передъ литургіею правила не правятъ; садятся у Фроловскаго моста и безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, а иные играютъ, борются и на кулачки бьются; а которые нанимаются обѣдни служить, тѣ идутъ въ церковь, не простившись съ тѣми изъ своихъ братій, съ которыми бранились; служатъ обѣдни не во-время рано, безъ часовъ; пріѣзжіе попы ему, тіуну, ставленныхъ грамотъ своихъ не кажутъ, его не слушаютъ, бранятъ и позорятъ. Патріархъ подтвердилъ прежній наказъ поповскимъ старостамъ [2]).

При вступленіи своемъ на престолъ, собирая войска противъ хана, Борисъ объявилъ, чтобъ воеводы были безъ мѣстъ. Но мѣстничество при немъ не ослабѣвало. Въ этомъ отношеніи любопытна переписка съ царемъ Михайлы Глѣбовича Салтыкова, посыланнаго въ Ивань-городъ на встрѣчу принцу Іоанну Датскому. Въ Ивань-городѣ было трое воеводъ: князь Василій Ростовскій, Третьякъ Вельяминовъ и князь Петръ Кропоткинъ. Салтыковъ, пріѣхавъ въ Ивань-городъ, обратился съ вопросомъ къ двумъ младшимъ воеводамъ — Вельяминову и Кропоткину: нѣтъ ли нѣмецкихъ выходцевъ на государево имя, и если есть, то посланы ли они къ государю? Воеводы отвѣчали, что выходцы есть, выѣхали тому дня съ четыре; о вѣстяхъ, ими принесенныхъ, написали они, воеводы, къ государю грамоту, но эта грамота еще не отпущена, потому что старшій воевода, князь Василій Ростовскій, въ съѣзжую избу не пріѣзжалъ, выходцевъ не разспрашиваетъ и государю о томъ не пишетъ; они же мимо него писать не смѣютъ и писать у нихъ некому: подъячіе живутъ у князя Василья на дворѣ, и прогоновъ имъ дать нечего,—денегъ у нихъ нѣтъ. Они, воеводы, ежедневно къ князю Василью приказываютъ, чтобъ онъ Нѣмцевъ спросилъ или бы велѣлъ имъ, воеводамъ, быть къ себѣ на дворъ и съ ними тѣхъ Нѣмцевъ разспросилъ, и о всякихъ

[1]) Акты истор. II, № 1, 7–23, 26, 28, 29, 30, 35, 36, 39, 40–43, 45, 50–52, 345, 346.

[2]) С. г. г. и д. II, № 73; Акты арх. эксп. II, № 11; Акты истор. II, № 48, 223.

дѣлахъ городовыхъ съ ними поговорилъ; но князь Василій ихъ къ себѣ не пускаетъ и дѣла не дѣлаетъ; ключи городовые и списки дворянамъ прислалъ съ подъячимъ въ избу, велѣлъ положить на столѣ и отказалъ, что ему государевыхъ дѣлъ не дѣлать. Салтыковъ сказалъ на это Вельяминову и Кропоткину: „Вы дѣлаете негораздо, что такія великія многія дѣла за вашею рознею теперь стали.“ Потомъ Салтыковъ пошелъ къ князю Ростовскому и говорилъ съ нимъ наединѣ; воевода отвѣчалъ, что дѣла ему никакого дѣлать нельзя за Вельяминовымъ, у котораго написано въ наказѣ, что по государеву указу велѣно ему быть въ Ивань-городѣ въ воеводахъ; а воеводы—князь Ростовскій и князь Кропоткинъ—уже тутъ въ Ивань-городѣ были, и этимъ ему, князю Василью, голова ссѣчена, и затѣмъ ему и никакого дѣла дѣлать нельзя. Салтыковъ отвѣчалъ ему: „Какое тебѣ будетъ до Третьяка дѣло, то пиши и бей челомъ государю, а униженья тебѣ тутъ никакого нѣтъ, Третьякъ тебѣ не мѣстникъ, велѣно ему быть съ тобою, да и самъ Третьякъ передъ тобою говоритъ, что ему съ тобою не сошлось.“ Князь Ростовскій сказалъ на это, что онъ дѣла не дѣлаетъ явно за Третьякомъ, а тайно всякія дѣла дѣлаетъ и за нимъ не станетъ, и прибавилъ: „Кто такихъ дураковъ воеводъ посылаетъ?“ Потомъ, спохватившись, сказалъ: „Государь этого не вѣдаетъ.“ Но Салтыковъ отвѣчалъ ему, что онъ говоритъ негораздо: жалуетъ воеводъ государь, отпускаетъ отъ своего царскаго лица и отъ своей царской руки, и посылаютъ ихъ по государеву указу; да и про свою братію воеводъ такъ ему говорить непригоже. Князь Ростовскій, съ своей стороны, жаловался царю, что двое другихъ воеводъ не велѣли ходить къ нему подъячимъ, отчего ему писать къ царю нельзя, ибо своею рукою писать неможетъ,—боленъ; жаловался, что Салтыковъ ни о какихъ государевыхъ дѣлахъ ему не говоритъ [1]).

Къ царствованію Бориса принадлежитъ любопытный мѣстническій случай, въ которомъ видимъ столкновеніе интересовъ родственныхъ съ интересами родовыми;—въ іюлѣ 1598 года билъ челомъ князь Ноготковъ вмѣсто всѣхъ князей Оболенскихъ: въ нынѣшнемъ году былъ на берегу въ правой рукѣ въ-третьихъ бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкій, а въ передовомъ полку въ-третьихъ князь Александръ Репнинъ-Оболенскій. И князь Репнинъ былъ меньше князя Сицкаго, не билъ челомъ въ отечествѣ, дружась съ княземъ Сицкимъ и угождая Ѳедору Никитину Романову, потому что Ѳедоръ Романовъ, князь Сицкій и князь Репнинъ между собою братья и великіе друзья. А умышлялъ это Ѳедоръ Романовъ для того, чтобы воровскимъ нечелобитьемъ князя Репнина поруха и укоръ учинились въ отечествѣ отъ его рода Романовыхъ и отъ другихъ чужихъ родовъ всему ихъ роду князей Оболенскихъ. Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ это ихъ челобитье записать, чтобы всему ихъ роду въ отечествѣ порухи и укору не было отъ чужихъ родовъ. И государь князя Ноготкова пожаловалъ, велѣлъ челобитье въ разрядъ записать, что князь Репнинъ былъ съ княземъ Сицкимъ по дружбѣ, и князь Репнинъ князю Сицкому виноватъ одинъ, а роду его всѣмъ князьямъ Оболенскимъ отъ этого порухи въ отечествѣ нѣтъ никому.

Борисъ, если вѣрить показаніямъ иностранцевъ, увеличилъ число стрѣльцовъ въ Москвѣ; по Флетчеру, при Ѳеодорѣ было въ Москвѣ 7,000 стрѣльцовъ; при Борисѣ, по Маржерету, уже было 10,000; они раздѣлялись на приказы, каждый въ 500 человѣкъ; приказомъ начальствовалъ голова. Голова, смотря по службѣ, получалъ жалованья отъ 30 до 60 рублей, и, кромѣ того, помѣстье; сотники получали отъ 12 до 20 рублей, десятники—до 10, рядовые—отъ 4 до 5 [2]), кромѣ того получали ежегодно по 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Борисъ выѣзжалъ изъ Москвы, хотя бы не далѣе шести верстъ, то его окружало множество стрѣльцовъ, которымъ выдавались лошади изъ царскихъ конюшенъ, и число всей конницы, какъ стрѣлецкой, такъ и дворянской, окружавшей царя при выѣздахъ, простиралась отъ 18 до 20,000. Каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ извѣстнаго Святаго; знамя это благословлялось патріархомъ; для ношенія его опредѣлялось двое или трое человѣкъ; кромѣ того, каждый воевода имѣлъ свой собственный набатъ, или большіе мѣдные барабаны, которые возились на лошадяхъ; у каждаго воеводы такихъ барабановъ 10 или 12, столько же трубъ и нѣсколько бубновъ; при звукѣ всѣхъ этихъ инструментовъ начинается битва, но одинъ барабанъ назначенъ бить отступленіе. Жалованье боярамъ, по Маржерету, простиралось отъ 500 до 1,200 рублей: послѣднюю сумму получалъ первый бояринъ князь Мстиславскій; окольничіе получали отъ 200 до 400 рублей и отъ 1,000 до 2,000 четвертей земли, окольничихъ было 15; думные дворяне, числомъ шесть, получали отъ 100 до 200 рублей и до 1,200 четвертей земли; московскій дворянинъ—отъ 20 до 100 рублей и отъ 500 до 1,000 четвертей, выборный дворянинъ—отъ 8 до 15 рублей, и городовой—отъ 5 до 12 и до 500 четвертей земли; боярскія дѣти получали по 4, 5, 6 рублей и отъ 100 до 500 четвертей земли. Изъ этихъ служилыхъ людей, говоритъ Маржеретъ, составляются огромныя толпы, не знающія порядка и дисциплины, и потому приносящія гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Вспомогательные отряды Черемисъ, Мордвы и Татаръ простираются до 30,000; Черкасъ отъ 3 до 4,000, иностранцевъ, то-есть Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ,—1,500; послѣдніе получаютъ

---

[1]) Дѣла Датскія, связка 1-я.

[2]) Мы видѣли, что, по Флетчеру, стрѣльцы получали по семи рублей въ годъ; не можетъ быть, чтобъ при Борисѣ жалованье было уменьшено, слѣд. тотъ или другой ошибся; впрочемъ, Флетчеръ могъ смѣшать жалованье десятника съ жалованьемъ простого стрѣльца.

отъ 12 до 60 рублей жалованья, а начальные люди до 120 рублей, и кромѣ того отъ 600 до 1,000 четвертей. Даточные люди выставляются съ земель духовенства, съ каждой четверти по два ратника, одинъ конный, другой пѣшій. Лошади большею частію получаются изъ Ногайской орды (кони); онѣ средней величины и могутъ бѣжать отъ семи до осьми часовъ не останавливаясь, очень дики и пугаются ружейнаго выстрѣла, цвѣтомъ онѣ бѣлыя съ черными пятнами, ѣдятъ мало овса или вовсе не ѣдятъ его; Русскіе употребляютъ еще грузинскихъ лошадей: эти красивы, но относительно выдержливости и скорости ихъ нельзя и сравнивать съ ногайскими. Употребляются также турецкія и польскія лошади, которыя называются аргамаками; собственно русскія лошади малы ростомъ, но добры, особенно тѣ, которыхъ пригоняютъ изъ Вологды и сосѣднихъ странъ. Можно купить хорошую русскую или татарскую лошадь за 20 рублей, и она служитъ лучше, чѣмъ турецкій аргамакъ, стоящій отъ 50 до 100 рублей.

Давно уже Московскіе государи начали принимать въ службу иностранцевъ, Нѣмцевъ; но никогда еще эти иностранцы не пользовались такимъ почетомъ и такими выгодами, какъ при Борисѣ. Главною причиною тому опять было желаніе приласкать Ливонцевъ, потомъ явное преимущество иностранныхъ ратниковъ предъ русскими, наконецъ можно присоединить сюда и подозрительность Бориса, который, не довѣряя своимъ, Русскимъ, хотѣлъ окружить себя иностранцами, вполнѣ ему преданными. Въ 1601 году пріѣхали въ Москву Ливонцы, лишившіеся имѣній своихъ вслѣдствіе войны Польши съ Швеціею; пріѣхало также нѣсколько Нѣмцевъ изъ Германіи, изъ Швеціи; Борисъ принялъ ихъ чрезвычайно милостиво, и, при торжественномъ представленіи, сказалъ: „Радуемся, что вы поздорову въ нашъ царствующій городъ Москву доѣхали. Очень скорбимъ, что вы своими выгнаны и всѣхъ животовъ лишились; но не печальтесь: мы въ три раза возвратимъ вамъ то, что вы тамъ потеряли; дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, другихъ, меньшихъ людей,—боярами; слуги ваши будутъ у насъ людьми свободными; мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и золотѣ, кошельки ваши наполнимъ деньгами; мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, но отцомъ, вы будете нашими дѣтьми, и никто, кромѣ насъ самихъ, не будетъ надъ вами начальствовать; я самъ буду васъ судить; вы останетесь при своей вѣрѣ. Но за это вы должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ и сыну нашему вѣрою и правдою, не измѣните и ни въ какія другія государства не отъѣдете, ни къ Турскому, ни въ Крымъ, ни въ Ногаи, ни къ Польскому, ни къ Шведскому королю. Свѣдаете противъ насъ какой злой умыселъ, то намъ объ этомъ объявите; никакимъ вѣдовствомъ и злымъ кореньемъ насъ не испортите. Если будете все это исполнять, то я васъ пожалую такимъ великимъ жалованьемъ, что и въ иныхъ государствахъ славно будетъ“. Тизенгаузенъ, ловкій и краснорѣчивый ливонскій дворянинъ, благодарилъ царя отъ имени своихъ собратій и клялся за нихъ въ вѣрности до смерти. „Дѣти мои!“ отвѣчалъ на это Борисъ: „молите Бога о насъ и о нашемъ здоровьи, а пока мы живы, вамъ ни въ чемъ нужды не будетъ“, и, взявшись за свое жемчужное ожерелье, прибавилъ: „И это раздѣлю съ вами“. Нѣмцевъ раздѣлили на три статьи: находившіеся въ первой получили по 50 рублей жалованья и помѣстье со 100 крестьянами; находившіеся во второй—30 рубл. жалованья и помѣстье съ 50 крестьянами; въ третьей—20 рублей жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; наконецъ слуги дворянскіе получили по 15 рублей и помѣстье съ 20 крестьянами [1]).

Не одни служилые Нѣмцы пользовались благосклонностію Бориса: купцы ливонскіе, выведенные въ Москву еще при Грозномъ, получили по 300 и по 400 рублей въ-займы изъ царской казны, безъ роста, на безсрочное время, подъ условіемъ не выѣзжать изъ Россіи безъ позволенія и не распускать за-границею дурныхъ слуховъ о государѣ. Должно быть, къ числу этихъ Нѣмцевъ принадлежали Поперзакъ и Виттъ, которымъ Борисъ далъ жалованныя грамоты на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей, съ правомъ безпошлинной торговли съ иностранными государствами; вѣдалъ и судилъ ихъ во всемъ печатникъ Василій Щелкаловъ; московскіе дворы ихъ были свободны отъ всякихъ податей и повинностей; на дворахъ своихъ они имѣли право держать питье всякое про себя, а не на продажу; причислены они были къ московской гостинной сотнѣ, а съ посадскими людьми московскими ничего не тянули [2]).

Такимъ образомъ, въ сословіи служилыхъ людей увеличилось число иноземцевъ; иноземцы появились и среди купцовъ московскихъ. Касательно внѣшней торговли при Борисѣ, мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1604 году къ Архангельску приходило 29 кораблей англійскихъ, голландскихъ и французскихъ; товары, привозимые на этихъ корабляхъ, были: жемчугъ, яхонты, сердолики, ожерелья мужскія канительныя, стоячія и отложныя, сукна, шелковыя матеріи, миткаль, киндяки, сафьянъ, камкасеи, полотенца астрадамскія (амстердамскія), вина, сахаръ, изюмъ, миндаль, лимоны въ патокѣ, лимоны свѣжіе, винныя ягоды, черносливъ, сарачинское пшено, перецъ, гвоздика, корица, анисъ, кардамонъ, инбирь въ патокѣ, цвѣтъ мускатный, мѣдь красная, мѣдь волоченая, мѣдь въ тазахъ, мѣдь зеленая въ котлахъ, мѣдь п а з д е р а, мѣдь зеленая тонкая, олово прутовое и блюдное, желѣзо бѣлое, свинецъ, ладонъ, порохъ, хлопчатая бумага, сельди, соль, сѣра горячая, зеркала, золото и серебро пряденое, мыло греческое, сандалъ, киноварь, квасцы, цѣлибуха, колокола, паникадила, подсвѣчники мѣдные, рукомойники, замки круглые, погребцы порожніе со

---

[1]) Буссовъ.

[2]) С. г. г. и д. II, № 71 и 72.

скляницами, ртуть, ярь, камфора, москотильный товаръ, проволока желѣзная, камешки льячные въ кисткахъ, камешки бѣлые льячные, масло спиконардовое, масло деревянное, масло бобковое. Корабли приходили изъ Лондона, Амстердама, Діеппа [1]).

Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Θеодорова произошла важная перемѣна въ судьбѣ земледѣльческаго сословія—выходъ крестьянскій былъ запрещенъ; Борисъ, какъ говоритъ одно иностранное извѣстіе, при восшествіи своемъ на престолъ, опредѣлилъ, сколько крестьянинъ долженъ платить землевладѣльцу и сколько работать на него. Несмотря на то, сильныя притѣсненія, которыя претерпѣвали крестьяне вслѣдствіе новаго порядка вещей, заставили Годунова, въ 1601 г., измѣнить законъ такъ, чтобы цѣль, для которой онъ былъ изданъ, достигалась, т.-е., чтобы богатые землевладѣльцы не могли переманивать крестьянъ съ земель мелкихъ служилыхъ и приказныхъ людей; а между тѣмъ крестьянинъ, притѣсняемый мелкимъ помѣщикомъ, могъ освободиться отъ него выходомъ, только не къ богатому землевладѣльцу, у котораго могъ получить больше льготы, а къ другому, мелкому же. „Великій государь царь“, говоритъ указъ, „и сынъ его великій государь царевичъ пожаловали во всемъ своемъ государствѣ *отъ налогъ и отъ продажъ* велѣли крестьянамъ давать выходъ“. Но отказывать и возить крестьянъ могли только: дворяне, которые служатъ изъ выбору, жильцы, дѣти боярскія городовыя, городовые приказчики, иноземцы всякіе, большаго дворца люди всѣхъ чиновъ (ключники, стряпчіе, ситники, подключники), Конюшеннаго приказа приказчики, конюхи стремянные и стряпчіе; ловчаго пути охотники и конные псари, сокольничья пути кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначеи, царицыны дѣти боярскія, всѣхъ приказовъ подъячіе, сотники стрѣлецкіе, головы казачьи, Посольскаго приказа переводчики и толмачи, патріаршіе и архіерейскіе приказные люди и дѣти боярскія. Срокъ крестьянскаго отказа и возки прежній—Юрьевъ день осенній да послѣ него двѣ недѣли; пожилаго крестьяне платятъ по Судебнику рубль и два алтына. Крестьяне не могли переходить: въ дворцовыя села и черныя волости за патріарха, архіереевъ, за монастыри, за бояръ, окольничихъ, дворянъ большихъ, за приказныхъ людей и дьяковъ, за стольниковъ, стряпчихъ, головъ стрѣлецкихъ, а въ Московскомъ уѣздѣ и въ Московскій уѣздъ изъ другихъ областей запрещено было отказывать и возить крестьянъ всѣмъ людямъ безъ исключенія. Кромѣ того, было постановлено, чтобъ одинъ человѣкъ отъ другого могъ вывезти не больше двухъ крестьянъ. Въ 1602 году новое постановленіе было подтверждено; велѣно было въ городахъ и по сельскимъ торжкамъ биричу кликать нѣсколько разъ: кто изъ крестьянъ хочетъ за кого идти въ крестьяне же, можетъ, какъ и въ прошломъ году, выходить на Юрьевъ день осенній; чтобы такихъ крестьянъ помѣщики и вотчинники выпускали изъ-за себя со всѣмъ ихъ имѣніемъ, безъ всякой зацѣпки, и въ крестьянской возкѣ между людьми боевъ и грабежей не было бы; силою дѣти боярскія крестьянъ за собою не держали бы и продажъ имъ никакихъ не дѣлали; а кто станетъ крестьянъ грабить, изъ-за себя не выпускать, тѣмъ быть въ большой опалѣ. Очень вѣроятно, что голодъ, свирѣпствовавшій въ это время, былъ причиною налоговъ и продажи, которые заставили прибѣгнуть въ означенной мѣрѣ.

Отъ описываемаго времени, именно отъ 1599 г., дошли до насъ любопытныя извѣстія, показывающія намъ точку зрѣнія, съ какой въ Московскомъ государствѣ смотрѣли на отношеніе прикрѣпленныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ вскорѣ послѣ

---

[1]) Цѣвы этимъ товарамъ: сукна страфили средней земли по 14 рублей поставъ; сукна стамбреды по 3 рубля съ четвертью половинка; сукна Жеганской земли по 2 р. половинка; сукна калитки по 3 рубля половинка. Бочка вина краснаго по 4 рубля бочка, вино бѣлое по той же цѣнѣ; сахаръ по 6 рублей пудъ; перецъ черный по 3 р. пудъ; мѣдь красная по 2 рубля по 4 гривны пудъ; мѣдь волочная по 2 рубля 20 алтынъ пудъ; мѣдь въ тазахъ по 2 съ полтиною пудъ; мѣдь зеленая въ котлахъ по 2 съ полтиною пудъ; мѣдь паздера по 4 рубля; мѣдь зеленая тонкая по 3 рубля; желѣзо бѣлое по 5 рублей четвертинка; пудъ ладону по 3 рубля; пудъ зелья пищальнаго по 3 рубля; пудъ бумаги хлопчатой по 2 р.; стопа бумаги писчей 4 гривны; бочка сельдей 2 рубля; пудъ соли алтынъ; сукна лундыши по 20 алтынъ аршинъ, по 20 рублей половинка; сѣра горячая по 20 алтынъ зеркала по гривнѣ штука; изюмъ по 30 алтынъ пудъ; атласъ полузолотный по 30 алтынъ аршинъ и по 20; литра золота и серебра пряденаго по 5 рублей; бочка лимоновъ по 3 рубля, бочка романеи 13 рублей; пудъ мыла греческаго 60 алтынъ; яхонтъ 50 рублей; ожерелья по 20 рублей; кипа суконъ рославскихъ по 40 рублей; пудъ винныхъ ягодъ 20 алтынъ; пудъ черносливу четыре гривны; берковецъ сандалу по 5 рублей; пудъ цилибухи 5 рублей; колокола вѣсомъ въ 30 пудовъ по 2 съ полтиною пудъ; свинецъ по 2 рубля съ полтиною берковецъ; миткали по 2 рубля миткаль; киндяки—по 40 алтынъ киндякъ, сарочинское пшено по 4 гривны пудъ; подсвѣчникъ мѣдный по 8 алтынъ; рукомойникъ мѣдный по полтинѣ; сафьянъ черный по 10 алтынъ; замки круглые по рублю дюжина; погребцы по рублю погребецъ; косякъ камкасея по 4 рубля; полотенце астрадамское по рублю; камка кармазину по 30 алтынъ аршинъ; пудъ гвоздики и корицы 20 рублей; пудъ анису по полтора рубля; паникадило мѣдное по рублю; ртуть по 3 рубля пудъ; ярь по 5 рублей пудъ; аршинъ бархату полузолотнаго полтора рубля, аршинъ бархата съ серебромъ по рублю и 20 алтынъ; канфора по рублю съ полтиною пудъ, бочка москательнаго товара 50 рублей; пудъ проволоки желѣзной по рублю съ полтиною; пудъ камешковъ льячныхъ по рублю; камешковъ бѣлыхъ льячныхъ по гривнѣ кистка; тафта по 3 алтына аршинъ; пудъ кардамону по 11 рублей; инбирь въ патокѣ по гривнѣ фунтъ; цвѣтъ мускатный по 25 рублей пудъ; гвоздика по 10 рублей пудъ; полотенце полушелковое по 2 рубля; пудъ масла спиконардова по 8 рублей; пудъ масла деревяннаго полтора рубля; сердолики по 5 рублей; пудъ масла бобковаго по три рубля; пудъ ядеръ миндальныхъ по 2 рубля; бархатъ рытый цвѣтной по рублю аршинъ, таусинный гладкій та же цѣна; вино алканъ 15 р. бочка, ренское—14, бастръ 13; бѣлое французское 4 руб.; пудъ сахаровъ чиненыхъ по 4 рубля; лимоны въ патокѣ по рублю пудъ; пудъ олова прутоваго по 2 рубля съ полтиною; пудъ олова блюднаго та же цѣна; пудъ киновари 12 рублей; пудъ квасцовъ 25 алтынъ. — Выписка изъ англійскихъ дѣлъ въ царств. Бориса.

прикрѣпленія. Крестьянинъ съ сыномъ и пасынкомъ, прикрѣпленный къ землѣ Вяжицкаго монастыря, бѣжалъ и скрылся въ имѣніи одного сына боярскаго. Игуменъ Вяжицкаго монастыря его отыскивалъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ отыскалъ; тогда вдова того сына боярскаго, у котораго онъ укрывался, не желая тягаться съ монастыремъ, выдала бѣглаго игумену. Какъ же послѣдній поступилъ съ нимъ? Онъ его порядилъ къ себѣ въ крестьяне на пашню; крестьянинъ обязался поставить избу съ разными службами, распахать пашни и проч., а игуменъ далъ ему разныя льготы и подмогу.—Потомъ тотъ же Вяжицкій монастырь счелъ для себя выгоднымъ переселить нѣсколько крестьянъ съ одной своей земли на другую; какъ же онъ распорядился?—онъ заключилъ съ этими крестьянами порядную запись: крестьяне порядились жить за монастыремъ на новой землѣ, обязались, по старому обычаю, произвести извѣстныя работы, а монастырь обязался дать имъ извѣстныя льготы; въ случаѣ же неисполненія условій со стороны крестьянъ, они обязались заплатить монастырю извѣстную сумму денегъ. Уже въ описываемое время правительство должно было вооружиться противъ людей, которые, отбывая отъ платежа податей, закладывались, по тогдашнему выраженію, за другихъ: въ 1599 году Борисъ велѣлъ выслать на житье въ городъ Корелу тѣхъ Корелянъ, которые жили въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ за митрополитомъ, монастырями, за дѣтьми боярскими и за всякими людьми (въ захребетникахъ и подсусѣдникахъ).

Царскіе послы прославляли Годунова предъ иностранцами за облегченіе народа отъ податей; дѣйствительно, въ распоряженіяхъ его встрѣчаемъ извѣстіе о такомъ облегченіи; напримѣръ: въ грамотѣ въ Серпуховъ 1601 года говорится, что въ Серпуховѣ и Коломнѣ отмѣнены цѣловальники и дьячки для денежныхъ сборовъ, и жители освобождались отъ платежа или подмоги, которая собиралась съ сохъ; остались губные цѣловальники, дьячки, сторожа, палачи и биричи, и денежные доходы съ сохъ велѣно собирать губнымъ цѣловальникамъ; брать въ цѣловальники крестьянъ съ сохъ, и подмогу имъ давать съ сохъ же; а съ посадовъ и съ дворцовыхъ селъ губнымъ цѣловальникамъ, дьячкамъ, сторожамъ, палачамъ и биричамъ не быть, потому что во всѣхъ городахъ на посадахъ и по слободамъ всякія таможенныя пошлины указалъ царь собирать посадскимъ людямъ. Въ той же грамотѣ говорится, чтобы въ Серпуховѣ и Коломнѣ впередъ тюрьмъ сохами не строить, строить ихъ на деньги изъ царской казны. При Годуновѣ былъ данъ въ Разбойный приказъ боярскій приговоръ: которые разбойники говорили на себя въ разспросѣ и съ пытокъ, и сказали: были на одномъ разбоѣ, а на томъ разбоѣ убійство или пожогъ дворовый или хлѣбный былъ, и тѣхъ казнить смертью. А которые разбойники были на трехъ разбояхъ, а убійства и пожогу хотя и не было,—и тѣхъ казнить смертію же; а которые разбойники были на одномъ разбоѣ, а убійства и пожогу на тѣхъ разбояхъ не было,—и тѣмъ разбойникамъ сидѣть въ тюрьмѣ до указу. Которые разбойники или тати сидятъ въ тюрьмѣ года два или три, и на которыхъ людей съ пытокъ въ первомъ году не говорили, а въ другомъ и третьемъ году станутъ говорить, то ихъ рѣчамъ не вѣрить [1]).

Мы видѣли, какъ Борисъ былъ вѣренъ мысли Грознаго о необходимости пріобрѣсть Прибалтійскіе берега Ливоніи для безпрепятственнаго сообщенія съ Западною Европою, для безпрепятственнаго принятія отъ нея плодовъ гражданственности, для принятія науки, этого могущества, котораго именно недоставало Московскому государству, повидимому такъ могущественному. Неудивительно потому встрѣчать извѣстіе, что Борисъ хотѣлъ повторить попытку Грознаго, вызвать изъ-за границы ученыхъ людей и основать школы, гдѣ бы иностранцы учили Русскихъ людей разнымъ языкамъ. Но духовенство воспротивилось этому; оно говорило, что обширная страна ихъ едина по религіи, нравамъ и языку; будетъ много языковъ,—встанетъ смута въ Землѣ. Тогда Борисъ придумалъ другое средство: уже давно былъ обычай посылать русскихъ молодыхъ людей въ Константинополь учиться тамъ по-гречески; теперь царь хотѣлъ сдѣлать то же относительно другихъ странъ и языковъ; выбрали нѣсколько молодыхъ людей и отправили однихъ въ Любекъ, другихъ въ Англію, нѣкоторыхъ во Францію и Австрію учиться. Ганзейскіе послы, бывшіе въ Москвѣ въ 1603 году, взяли съ собой въ Любекъ пять мальчиковъ, которыхъ они обязались выучить по-латыни, по-нѣмецки и другимъ языкамъ, причемъ беречь накрѣпко, чтобъ они не оставили своей вѣры и своихъ обычаевъ. Съ англійскимъ купцомъ Джономъ Мерикомъ отправлены были въ Лондонъ четверо молодыхъ людей „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ" [2]). Но пока эти молодые люди учились за-границею иностраннымъ языкамъ и грамотамъ, государство нуждалось въ знаніяхъ, искусствахъ необходимыхъ, и вотъ Борисъ отправилъ извѣстнаго уже намъ Бекмана въ Любекъ для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ. Въ наказной памяти Бекману говорилось: „Пріѣхавъ въ Псковъ, сказать воеводѣ, чтобъ отпустилъ его тотчасъ нешумно, чтобъ о томъ иноземцы не узнали. Изъ Пскова ѣхать въ Любекъ Лифляндскою Землею на Юрьевъ или на

[1]) Акты, арх. эксп. II, № 14, 19, 20, 23, 24, 225. Акты юридич. стр. 201, 202.

[2]) Дѣла Англійскія; вотъ имена отправленныхъ въ Англію: Никифоръ Григорьевъ, Софонъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ, Ѳедоръ Костомаровъ. Буссовъ говоритъ, что выбрано было 18 молодыхъ людей, и по 6 отправлено было въ Любекъ, Англію и Францію; но изъ англійскихъ дѣлъ видно, что въ Англію отправлено было 4, а въ Любекъ, по свидѣтельству Брамбаха, отправлено 5. См. Willebrant—Hansische Chronik, III, 121.—Объ отправленіи въ Цезарскую Землю см. дѣла Шведскія, № 17.

Кесь, или другіе какіе города, куда ѣхать лучше и безстрашнѣе". Изъ этихъ словъ ясно видно, что заставляло Московскихъ государей добиваться хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ: иначе надобно было дѣйствовать тайкомъ, нешумно, надобно было выкрадывать знанія съ Запада. Далѣе въ наказѣ говорится: „Пріѣхавши въ Любекъ, говорить бурмистрамъ, ратманамъ и палатникамъ, чтобъ они прислали къ царскому величеству доктора навычнаго, который былъ бы навыченъ всякому докторству и умѣлъ лѣчить всякія немощи. Если откажутъ, то промышлять въ Любекѣ доктором самому, чтобъ непремѣнно докторомъ въ Любекѣ промыслить. Посланы съ нимъ опасныя грамоты суконнымъ мастерамъ, рудознатцамъ, которые умѣютъ находить руду золотую и серебряную, часовникамъ: такъ ему промышлять накрѣпко, чтобъ мастеровые люди ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужить, сказывать имъ государево жалованье и отпускъ повольный, что имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ повольно безо всякаго задержанья" [1]).

Борисъ, по характеру своему, особенно дорожилъ медиками, потому что трепеталъ за свое здоровье и здоровье своего семейства; думалъ, что враги постоянно умышляютъ противъ его жизни и здоровья,—слѣдовательно хотѣлъ окружить себя искусными людьми, которые могли бы противодѣйствовать вражьимъ замысламъ. У него было шесть иностранныхъ медиковъ, которымъ онъ давалъ богатое содержаніе и подарки, почиталъ ихъ какъ большихъ князей или бояръ, позволилъ имъ построить себѣ большую протестантскую церковь. Относительно медицинскихъ понятій вѣка сохранился любопытный разговоръ печатника Василья Щелкалова съ пріѣхавшимъ изъ Англіи докторомъ Вильсомъ. Щелкаловъ спрашивалъ доктора: „Сказываешься ты докторъ; а грамота у тебя Елисаветъ королевнина докторская и книги докторскія и лѣчебныя и зелье съ тобою есть ли? и какъ немочи знаешь? и почему у человѣка какую немочь познаешь?" Докторъ отвѣчалъ: „Которыя книги были со мною повезены изъ Англійской Земли для докторства,—и я тѣ книги всѣ оставилъ въ Любекѣ для проѣзда, сказывался въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили, а зелья не взялъ для проѣзду же, потому что насъ, докторовъ, въ Москву нигдѣ не пропускаютъ." Щелкаловъ спросилъ: „Почему же тебѣ у человѣка безъ книгъ какую немочь можно познать—по водамъ ли или по жиламъ?" Докторъ отвѣчалъ: „Немочь въ человѣкѣ всякую можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ; а если будетъ въ человѣкѣ тяжкая болѣзнь, то ее и по жиламъ можно познать: лѣчебная книга со мною есть, а старая книга у меня въ головѣ [2])."

Печатаніе книгъ продолжалъ при Годуновѣ старый типографщикъ временъ Грознаго, Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжа, а потомъ сынъ его, Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ. Послѣдній, въ послѣсловіи къ Цвѣтной тріоди распространяется въ похвалахъ Борису, и между прочимъ говоритъ: „И о семъ богодухновенныхъ писаній трудолюбственнѣмъ дѣлѣ тщаніе веліе имѣлъ и съ прилежнымъ усердіемъ слова истины исправляя, дѣлателей же преславнаго сего печатнаго дѣла преизобилнѣ своими царскими уроки повсегда удоволяя, и домъ превеликъ устроити повелѣ, въ немъ же трудолюбному сему книжнаго писанія печатному дѣлу совершатися."

Ясно высказанная правительствомъ необходимость сближенія съ иностранцами для заимствованія у нихъ знаній, ясно высказанное слѣдовательно убѣжденіе въ превосходствѣ иностранцевъ, у которыхъ должно учиться, умноженіе числа этихъ иностранцевъ въ войскѣ, появленіе ихъ въ сословіи торговомъ, почесть, которую оказывалъ имъ царь, державшій медиковъ своихъ какъ князей или бояръ:—все это не могло не породить въ нѣкоторыхъ Русскихъ людяхъ желанія подражать иностранцамъ, и начать это подражаніе, по извѣстному закону, со внѣшняго вида. Современники Борисова царствованія, и свои и чужіе, согласно говорятъ о пристрастіи Русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о введеніи обычая брить бороды, причемъ выставляется и причина: царь очень любилъ иностранцевъ, былъ ихъ потаковникомъ. Приверженцы старины обратились къ патріарху: „Отецъ святый!" говорили они ему: „зачѣмъ ты молчишь, видя все это?" Совѣсть Іова уязвлялась этими рѣчами, какъ стрѣлами, но говорить царю противъ нововведеній у него недоставало духа: „Видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ винградѣ Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и, только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами [3])."

---

[1]) Въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ хранится письмо какого-то Тобіи Лонціуса къ царю Борису отъ 24 января 1601 года; Лонціусъ пишетъ, будто какой-то Крамеръ приглашалъ его въ царскую службу и говорилъ ему, что царь хочетъ завести у себя школы и университеты.—Кто былъ этотъ Крамеръ — не извѣстно. Крамеръ говорилъ правду, разсказывая о *намѣреніи* Бориса завести школы (хотя и не университеты); но долженъ былъ договорить, ибо Буссовъ говоритъ о возраженіяхъ духовенства, вслѣдствіе которыхъ посланы были русскіе молодые люди учиться за границу; свидѣтельство Буссова мы должны принять, ибо посылка молодыхъ людей—фактъ несомнѣнный; слѣд. Крамеръ не могъ приглашать Лонціуса въ профессора! Борисъ могъ вызывать ученыхъ людей, которые могли быть ему полезны своими знаніями, но не могъ вызывать ихъ на профессорскія каѳедры. Письмо Лонціуса можетъ быть объяснено тѣмъ, что Крамеръ, которому было наказано промышлять одноличено, промышлялъ всякими мѣрами, всякою хитростію. — Образецъ опасныхъ грамотъ иностранцамъ см. С. г. г. и т. д. II, № 75. См. также грамоту, данную Борисомъ Якобу—Людовику Корнелію Венеціянцу, у Чьямпи Bibliogr. crit.

[2]) Дѣла Англійскія; Буссовъ.

[3]) Буссовъ; Палицынъ (стр. 20); Исторія объ Іовѣ патріархѣ, рукоп. Рум. муз. № 156.

Глава II.

Продолженіе царствованія Бориса Годунова.

Причины смуты.—Дѣло Богдана Бѣльскаго.—Доносы.—Опала Романовыхъ.—Отношенія царя къ другимъ вельможамъ.—Навязанная молитва при заздравной чашѣ.—Голодъ.—Моръ и разбои.—Слухи о самозванцѣ.—Разборъ мнѣній о самозванцѣ.—Похожденія Отрепьева.—Обличенія ему изъ Москвы.—Мѣры царя и патріарха противъ самозванца.—Вступленіе Лжедимитрія въ московскіе предѣлы.—Сдача Путивля.—Битва подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ.—Битва при Добрыничахъ.—Недѣятельность царскихъ воеводъ.—Смерть Бориса Годунова.—Присяга царю Ѳеодору Борисовичу.—Отправленіе воеводы Басманова къ войску.—Переходъ войска къ самозванцу.—Возмущеніе Москвы противъ царя Ѳеодора.—Сверженіе патріарха Іова.—Убіеніе царя Ѳеодора и матери его.

Для многихъ въ Московскомъ государствѣ Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Ѳеодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый [1]) продолжалъ устраивать въ Русскомъ государствѣ много достохвальныхъ вещей, попрежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезенъ, Россія цвѣла всѣми благами [2]). И, несмотря на это, онъ палъ, потому что, говорятъ русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской Земли.

Годуновъ палъ вслѣдствіе негодованія чиноначальниковъ Русской Земли. Такъ говорятъ современники, иностранцы и Русскіе, и, послѣ повѣрки ихъ объясненія, мы не можемъ не согласиться съ ними. Но паденіемъ Годуновыхъ дѣло не кончилось, за нимъ послѣдовало страшное Смутное время, и потому надобно объяснить еще: почему смута, произведенная меньшинствомъ, не встрѣтила сопротивленія въ большинствѣ, не была имъ затушена; почему зло могло такъ приняться на Русской почвѣ въ началѣ XVII вѣка и принести такіе страшные плоды?

У Годунова были враги, были соперники между боярами; но вступленіе его на престолъ со всѣми обстоятельствами, сопровождавшими это событіе, показывало ясно могущественныя средства Годунова и безсиліе враговъ его. Явнаго противодѣйствія быть не могло ни тутъ, ни послѣ; у враговъ Годунова не было средствъ вещественныхъ; это не были правители сильныхъ областей, въ которыхъ, пользуясь народнымъ расположеніемъ, могли поднять знамя возстанія; соперники Годунова не имѣли на своей сторонѣ и средствъ нравственныхъ: онъ былъ лучшій между ними по общему признанію. Средства Годунова были велики; но, по характеру своему, онъ не былъ въ уровень своему положенію, не умѣлъ признать своихъ средствъ и воспользоваться ими. „Если бы тернъ завистной злобы не помрачилъ цвѣтъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться.“ Эти слова современника объясняютъ какъ нельзя лучше дѣло. Годуновъ не могъ уподобиться древнимъ царямъ, не могъ явиться царемъ на престолѣ и упрочить себя и потомство свое на немъ по неумѣнью нравственно возвыситься въ уровень своему высокому положенію. Восходя на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ боярскихъ отношеній, отъ боярскихъ чувствъ, продолжалъ питать завистную злобу къ своимъ старымъ соперникамъ, былъ способенъ унизиться до зависти, т.-е. до признанія въ другихъ равныхъ или бо́льшихъ правъ на престолъ, чѣмъ какія онъ имѣлъ самъ. Неувѣренность въ собственномъ достоинствѣ, въ собственныхъ правахъ, собственныхъ средствахъ не могла дать ему необходимаго въ его положеніи спокойнаго величія, и развила въ немъ эту мелкую, болѣзненную подозрительность, заставившую его осквернить царство доносами неслыханными; не имѣя довѣрія, уваженія къ самому себѣ, онъ не могъ довѣрять никому. Подозрительностію, завистною злобою онъ раздражилъ родовитыхъ людей, въ которыхъ видѣлъ враговъ своихъ; то отдалялъ ихъ отъ себя по какому-нибудь доносу, то опять приближалъ, преслѣдуя однако людей, сносившихся съ ними; но, раздражая враговъ, онъ въ то же время своимъ мелкодушіемъ, подозрительностію, боязливостію уничтожалъ въ нихъ уваженіе къ себѣ, обнаруживалъ предъ ними свою слабую сторону, указывалъ средство дѣйствовать противъ себя, дѣйствовать испугомъ, отнимавшимъ у него духъ, рѣшительность.

Такимъ образомъ, въ характерѣ человѣка, возсѣвшаго на престолѣ Рюриковичей, заключалась возможность начала смуты; но продолженіе ея и сильное развитіе условливались другими обстоятельствами: болѣзнь прикинулась и сильно развилась въ общественномъ тѣлѣ, потому что тѣло это заключало въ себѣ много дурныхъ соковъ. Давно уже мы имѣли случай замѣчать неудовлетворительное состояніе народной нравственности въ Московскомъ государствѣ. Мы видѣли причины тому въ борьбѣ, сопровождавшей появленіе и утвержденіе новаго порядка вещей, собраніе Земли. Борьба между князьями за волости смѣнилась борьбою государей Московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями князей служебныхъ и дружины вообще. Борьба эта достигла до ужасныхъ размѣровъ въ

---

[1]) См. Исторіи Россіи, VII, 555.
[2]) Палицынъ, стр. 8.

царствованіе Грознаго. Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближняго; сокрушеніе правъ слабаго предъ сильнымъ, при отсутствіи просвѣщенія, боязни общественнаго суда, боязни суда другихъ народовъ, въ общество которыхъ еще не входили, ставило человѣка въ безотрадное положеніе, дѣлало его жертвою случайностей, заставляло сообразоваться съ этими случайностями; но эта привычка сообразоваться со случайностями, разумѣется, не могла способствовать развитію твердости гражданской, уваженія къ собственному достоинству, умѣнья выбирать средства для цѣлей. Преклоненіе предъ случайностію не могло вести къ сознанію постояннаго, основнаго, къ сознанію отношеній человѣка къ обществу, обязанности служенія обществу, требующаго подчиненія частныхъ стремленій и выгодъ—общественнымъ. Внутреннее, духовное отношеніе человѣка къ обществу было слабо; все держалось только формами, внѣшнею силою, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала,—тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все насчетъ слабаго. Во внѣшнемъ отношеніи Земля была собрана, государство сплочено; но сознаніе о внутренней, нравственной связи человѣка съ обществомъ было крайне слабо; въ нравственномъ отношеніи и въ началѣ XVII вѣка Русскій человѣкъ продолжалъ жить особѣ, какъ физически жили отдѣльные роды въ IX вѣкѣ. Слѣдствіемъ преобладанія внѣшней связи и внутренней, нравственной особности были тѣ грустныя явленія народной жизни, о которыхъ одинаково свидѣтельствуютъ и свои, и чужіе;—прежде всего эта страшная недовѣрчивость другъ къ другу: понятно, что когда всякій преслѣдовалъ только свои интересы, нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ближняго, котораго, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался сдѣлать слугою, жертвою своихъ интересовъ, то довѣренность существовать не могла. Страшно было состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ, самыя нѣжныя, самыя священныя связи! Страшно было состояніе того общества, въ которомъ лучшіе люди совѣтовали щадить интересы ближняго, вести себя по-христіански съ цѣлію пріобрѣсти выгоды матеріальныя, какъ совѣтовалъ знаменитый Сильвестръ своему сыну. И любопытно видѣть, какъ подобные совѣты обнаруживали свое дѣйствіе въ поведеніи Годунова, который стремился къ вещамъ достохвальнымъ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ, нищелюбивъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ видовъ, — для того, чтобъ прослыть вездѣ благотворителемъ. Любопытно видѣть, какъ въ характерѣ Бориса и въ отношеніяхъ къ нему общества отразился господствующій недугъ времени: Борисъ былъ боленъ страшною недовѣрчивостію, подозрѣвалъ всѣхъ, боязливо прислушивался къ каждому слову, къ каждому движенію. Но и общество не осталось у него въ долгу: каждый шагъ его былъ заподозрѣнъ, ни въ чемъ ему не вѣрили; если онъ осквернилъ общество доносами, то и общество явилось въ отношеніи къ нему страшнымъ доносчикомъ, страшнымъ клеветникомъ; онъ, по увѣренію современнаго ему общества, отравилъ царскую дочь, самого царя, сестру свою, царицу Александру, жениха своей дочери, сжегъ Москву, навелъ на нее хана! Царь и народъ играли другъ съ другомъ въ страшную игру.

Но послушаемъ современниковъ о нравственномъ состояніи общества при Борисѣ: иностранцы, какъ и Русскіе, говорятъ о стараніи Бориса уничтожить взяточничество. Если судья былъ уличенъ во взяткахъ, то долженъ былъ возвратить взятое, заплатить штрафъ отъ 500 до 1,000 и 2,000 рублей, имѣніе его отбирали въ казну. Если это былъ дьякъ, не пользовавшійся случайно особеннымъ расположеніемъ власти, то его возили по городу и сѣкли, причемъ висѣлъ у него на шеѣ мѣшокъ со взяткою, будь то деньги, или мѣхъ, или соленая рыба; потомъ преступника заточали. Но взяточничество не уменьшалось, только взяточники поступали осторожнѣе: для избѣжанія подозрѣнія, просители вѣшали подарокъ къ образу въ домѣ правительственнаго лица, или, при христосываніи, всовывали деньги въ руку вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ. „Во всѣхъ сословіяхъ, говоритъ другой современникъ-иностранецъ, воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товаровъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты больше жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по четыре процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и развратѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ". Это говорятъ иностранцы; а вотъ слова русскаго современника: „Впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ, и въ лихвы, и въ неправды, и во всякія злыя дѣла" [1]). Послѣ услышимъ еще не менѣе рѣзкія слова.

Кромѣ дурнаго состоянія нравственности, развитію смутъ въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время благопріятствовало еще одно обстоятельство. Мы упоминали о сильномъ развитіи казачества во второй половинѣ XVI вѣка, видѣли и характеръ казаковъ. Бѣглецъ изъ общества потому ли, что общественныя условія ему не нравились, или потому, что общество преслѣдовало его за нарушеніе наряда, казакъ, разумѣется, не могъ согласить своихъ интересовъ съ интересами государства, безпрестанно дѣйствовалъ вопреки послѣднимъ. Государство терпѣло это по слабости,

[1]) Маржеретъ; Бусеовъ; Палицынъ, 20.

но для казаковъ было ясно, что терпѣніе не будетъ продолжительно. Открыто дѣйствовать противъ государства они не смѣли: при обычномъ ходѣ дѣлъ, при внутреннемъ спокойствіи государства они не могли имѣть ни малѣйшей надежды дѣйствовать съ успѣхомъ противъ него. Но когда открылась смута, нарядъ исчезъ, то казакамъ явилась полная возможность войти въ предѣлы государства и жить на его счетъ. Къ этимъ степнымъ казакамъ, разумѣется, должны были пристать всѣ люди съ казацкимъ характеромъ,—люди, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, тяготились своимъ положеніемъ, искали выхода изъ него, люди, хотѣвшіе пожить на чужой счетъ. Толпы степныхъ казаковъ должны были слѣдовательно увеличиться толпами казаковъ внутреннихъ; и тѣмъ, и другимъ было необходимо поддержать смуту какъ можно долѣе, ибо съ возстановленіемъ спокойствія, наряда,—прекращалось ихъ царство, ихъ выгодное положеніе относительно государства, которое попрежнему стало бы грозить ихъ противуобщественному быту. Такимъ образомъ, Смутное время мы имѣемъ право разсматривать какъ борьбу между общественнымъ и противуобщественнымъ элементомъ, борьбу земскихъ людей, собственниковъ, которымъ было выгодно поддержать спокойствіе, нарядъ государственный для своихъ мирныхъ занятій, — съ такъ называемыми казаками, людьми беземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы съ интересами общества, которые хотѣли жить насчетъ общества, жить чужими трудами. Нѣкоторые полагаютъ причиною смуты запрещеніе крестьянскаго выхода, сдѣланное Годуновымъ. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, вопервыхъ, потому, что ни одинъ изъ современныхъ писателей не намекаетъ на это, хотя они объясняютъ, почему Сѣверская Украйна стала гнѣздомъ смуты, указываютъ на столпленіе въ ней холопей опальныхъ бояръ, преступниковъ, бѣжавшихъ отъ казни: во-вторыхъ, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ былъ вполовину отмѣненъ Годуновымъ въ его царствованіе, участь крестьянъ была облегчена именно тамъ, гдѣ она могла быть тяжела. При этомъ должно замѣтить, что казаки подъ знаменемъ самозванцевъ дѣйствительно стараются повсюду возбудить низшіе классы противъ высшихъ; дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ крестьяне возстаютъ противъ помѣщиковъ; но это явленіе мѣстное, общее же явленіе таково, что тѣ крестьяне, которые были недовольны своимъ положеніемъ, по характеру своему были склонны къ казачеству, переставали быть крестьянами, шли въ казаки и начинали бить и грабить прежде всего свою же братію—крестьянъ, которые, въ свою очередь, толпами вооружаются противъ казаковъ въ защиту своихъ семействъ, собственности и мирнаго труда. Нигдѣ мы не видимъ, чтобъ крестьяне подъ знаменами самозванцевъ возставали какъ крестьяне въ защиту своихъ сословныхъ правъ и интересовъ.

Только два первые года царствованія Бориса, два послѣдніе XVI столѣтія, современники называютъ спокойными, счастливыми; въ первомъ году новаго вѣка мы должны, слѣдовательно, положить начало смутъ; но какая же была первая смута?—этого мы не знаемъ по недостатку хронологическихъ указаній въ источникахъ. Можно догадываться только, что слухи о царевичѣ Димитріи смутили Бориса и возбудили всю его подозрительность; можно догадываться только, что преслѣдованіе Богдана Бѣльскаго не безъ связи съ этими слухами. Мы не знаемъ, къ какому именно времени относится дѣло Богдана Бѣльскаго, извѣстнаго намъ по смутѣ въ началѣ царствованія Ѳеодорова. Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ: „Послалъ царь Борисъ на поле ставить городъ Борисовъ окольничаго Богдана Яковлевича Бѣльскаго да Семена Алферьева, и съ ними послалъ многихъ всякихъ людей. Богданъ, человѣкъ богатый, пошелъ на городское строеніе съ большимъ богатствомъ и всякаго запасу взялъ съ собою много. Пришедши на городище, сталъ онъ дѣлать городъ прежде своимъ дворомъ и сдѣлалъ своими людьми башню и городки, укрѣпилъ великою крѣпостью; потомъ съ того образца велѣлъ всей рати дѣлать, и сдѣлали весь городъ вскорѣ, и укрѣпили всякими крѣпостями: ратныхъ людей Богданъ поилъ и кормилъ всякій день множество, и бѣднымъ давалъ деньги, платье и запасъ. Прошла на Москвѣ про него отъ ратныхъ людей хвала великая. Царь Борисъ исполнился ярости, велѣлъ его схватить, разорить и сослать въ одинъ изъ низовыхъ городовъ въ тюрьму; дворянъ старыхъ, которые были съ нимъ и на него не доводили, также велѣлъ разорить". По иностраннымъ свидѣтельствамъ, Борису донесли, будто Бѣльскій величалъ себя царемъ Борисовскимъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ узнаемъ и о позорномъ наказаніи, которому подвергся Бѣльскій: одинъ изъ иностранныхъ медиковъ царскихъ вырвалъ у него длинную густую бороду [1]). Зная мелкодушіе Бориса, мы можемъ принять причину опалы, какъ она показана въ приведенныхъ извѣстіяхъ: естественно, что Борисъ, одержимый завистною злобою, наполнился яростію на человѣка, который осмѣлился пріобрѣсти народное расположеніе щедростію, то-есть употребить тѣ же самыя средства, какія употреблялъ Годуновъ; подозрительность же Бориса должна была особенно возбудиться тѣмъ, что народное расположеніе пріобрѣталъ человѣкъ, выдававшійся изъ толпы собратій своихъ умомъ, энергіею и дознаннымъ крамольнымъ духомъ. Сохранилось впрочемъ еще одно извѣстіе, въ которомъ отразился извѣстный народный взглядъ на дѣятельность Бориса: Бѣльскій, по этому извѣстію, былъ сосланъ за то, что покаялся на духу въ смерти царя Іоанна и царя Ѳеодора, которыхъ онъ умертвилъ по наученію Годунова; духовникъ сказалъ объ этомъ патріарху, а патріархъ—царю [2]).

[1]) Лѣтоп. о мятеж. 62, Буссовъ.

[2]) Портфель Татищева, тетр. № 7. Въ текстѣ помѣ-

Нельзя не обратить вниманія также и на способъ наказанія, которому подвергся Бѣльскій: мы встрѣчали извѣстія, своихъ и чужихъ современниковъ, о страсти къ подражанію иноземнымъ обычаямъ, которая открылась между Русскими людьми въ царствованіе Бориса; царь былъ покровителемъ иностранцевъ, а Бѣльскій ненавидѣлъ ихъ, и вотъ Борисъ велитъ иностранцу вырвать у Бѣльскаго бороду, которая такъ дорога была людямъ, отличавшимся привязанностію къ старинѣ и ненавистію къ новымъ, чужимъ обычаямъ,—а изъ этихъ обычаевъ бритье бороды было самымъ виднымъ [1]).

Дьяволъ, говоритъ лѣтописецъ [2]), вложилъ Борису мысль все знать, что ни дѣлается въ Московскомъ государствѣ; думалъ онъ объ этомъ много, какъ бы и отъ кого все узнавать, и остановился на томъ, что кромѣ холопей боярскихъ узнавать не отъ кого. Начали тайно допытываться у людей князя Шестунова о замыслахъ господина ихъ. Одинъ изъ нихъ, какой-то Воинко, явился съ доносомъ. Что онъ объявилъ о Шестуновѣ—не извѣстно, вѣроятно, что-нибудь нестоящее вниманія, потому что князя оставили на это время въ покоѣ; но доносчику сказали царское жалованное слово предъ Челобитнымъ приказомъ на площади, выставили передъ всѣмъ народомъ его службу и радѣнье, объявили, что царь даетъ ему помѣстье и велитъ ему служить въ дѣтяхъ боярскихъ. Это поощреніе произвело дѣйствіе страшное: боярскіе люди начали умышлять всякій надъ своимъ бояриномъ; сговорившись между собою человѣкъ по пяти и по шести,—одинъ шелъ доводить, а другихъ поставлялъ въ свидѣтели. Тѣхъ же людей боярскихъ, которые не хотѣли душъ своихъ погубить и господъ своихъ не хотѣли видѣть въ крови, пагубѣ и разореніи,—тѣхъ бѣдныхъ мучили пытками и огнемъ жгли, языки имъ рѣзали и по тюрьмамъ сажали. А доносчиковъ царь Борисъ жаловалъ много, помѣстьями и деньгами. И отъ такихъ доносовъ была въ царствѣ большая смута: доносили другъ на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ. Отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились, и въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось неповинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами разорили: ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ. Люди происхожденія знаменитаго, князья, потомки Рюрика, доносили другъ на друга, мужчины доносили царю, женщины—царицѣ; такъ, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, въ челобитной на князя Пожарскаго, поданной царю Василію Шуйскому, говоритъ: „Прежде, при царѣ Борисѣ, онъ князь Димитрій Пожарскій доводилъ на меня ему царю Борису многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ Голицыными да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Димитрія, княгиня Марья, въ то же время доводила царицѣ Марьѣ на мою мать, будто моя мать, съѣзжаясь съ женою князя Василья Ѳедоровича Скопина-Шуйскаго, разсуждаетъ про нее, царицу Марью, и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску“ [3]).

Поданъ былъ доносъ на Романовыхъ. Лѣтопись разсказываетъ дѣло такъ: „Дворовый человѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, второй Бартеневъ пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ, что готовъ исполнить волю царскую надъ господиномъ своимъ. Семенъ, по приказу царя, наклалъ съ Бартеневымъ въ мѣшки разныхъ кореньевъ, и велѣлъ Бартеневу положить ихъ въ кладовую Александра Никитича. Исполнивши это, Бартеневъ явился съ доносомъ, что у господина его припасено отравное зелье. Царь послалъ окольничаго Салтыкова обыскать; тотъ нашелъ мѣшки и привезъ ихъ прямо на дворъ къ патріарху; собрано было туда множество народа, предъ которымъ высыпали коренья изъ мѣшковъ. Привели Романовыхъ, Ѳедора Никитича съ братьями. Многіе бояре пышали на нихъ какъ звѣри и кричали; обвиненные не могли ничего отвѣчать отъ многонароднаго шума. Романовыхъ отдали подъ стражу вмѣстѣ со всѣми родственниками ихъ и пріятелями—князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Ѳедора Никитича съ братьями и племянника ихъ, князя Ивана Борисовича Черкасскаго, приводили не разъ къ пыткѣ; людей ихъ, мужчинъ и женщинъ, пытали и научали, чтобъ они что-нибудь сказали на господъ своихъ, но они не сказали ничего. Долго держали обвиненныхъ за приставами въ Москвѣ; наконецъ, въ іюнѣ 1601 года, состоялся приговоръ боярскій: Ѳедора Никитича Романова, человѣка виднаго, красиваго, ловкаго, чрезвычайно любимаго народомъ, постригли и, подъ именемъ Филарета, послали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его, Аксинью Ивановну, также постригли и, подъ именемъ Марѳы, сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ; ея мать, Шестунову, — въ Чебоксары, въ монастырь; Александра Никитича—въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; Михайлу Никитича—въ Пермь, въ Ныробскую волость; Ивана Никитича—въ Пелымъ; Василія Никитича—въ Яренскъ; мужа сестры ихъ, князя Бориса Черкасскаго съ женою и съ племянниками ея, дѣтьми Ѳедора Никитича, пятилѣтнимъ Михаиломъ и маленькою сестрою его, съ теткою ихъ Настасьею Никитичною и съ женою Александра Никитича — на Бѣло-озеро; князя Ивана Борисовича Черкасскаго—въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Сицкаго—въ

щено извѣстіе лѣтописца о Борисовѣ, а на сторонѣ прибавлено: «Другіе сказываютъ, якобы Бѣльскій отцу духовному въ смерти царя Іоанна и царя Ѳедора каялся, что сдѣлалъ по наученію Годунова, которое попъ тотъ сказалъ патріарху, а патріархъ царю Борису, по которомъ немедленно велѣлъ Бѣльскаго взявъ сослать».

[1]) Буссовъ.

[2]) Лѣтоп. о мятеж. 54.

[3]) Русск. истор. сборн. т. II, стр. 268.

Кожеозерскій монастырь; другихъ Сицкихъ, Шестуновыхъ, Репниныхъ и Карповыхъ разослали по разнымъ дальнимъ городамъ.

Только двое изъ братьевъ Романовыхъ пережили свое несчастіе—Филаретъ и Иванъ Никитичи. Въ смерти остальныхъ упрекаютъ Годунова, но несправедливо, какъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ дѣло о ссылкѣ ихъ. Изъ этого дѣла узнаемъ, что съ Васильемъ Никитичемъ былъ отправленъ человѣкъ его для прислуги; приставу данъ былъ такой наказъ: „Везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не ушелъ и лиха никакого надъ собою не сдѣлалъ; беречь, чтобы къ нему на дорогѣ и на станахъ никто не приходилъ и не разговаривалъ ни о чемъ и грамотами не ссылался; а кто придетъ къ Василью и станетъ съ нимъ разговаривать, или принесетъ письмо, то этого человѣка съ письмомъ схватить и прислать въ Москву, или, разспрося, отписать къ государю; а кто доведется до пытки, тѣхъ пытать и разспрашивать подлинно. Пріѣхавши въ Яренскъ, занять для себя и для Василья дворъ въ городѣ, отъ церкви, отъ съѣзжей избы и отъ жилыхъ дворовъ подальше; если такого двора нѣтъ, то, присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить, подальше отъ жилыхъ дворовъ, да чтобы прохожей дороги мимо двора не было. На дворѣ велѣть поставить хоромы; двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ; чтобъ около двора была городьба. Съ двора Василья и дѣтины его никуда не спускать, и беречь накрѣпко, чтобы къ Василью и къ человѣку его никто близко не подходилъ. Корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу да по два хлѣба денежныхъ; въ мясные дни по двѣ части говядины да по части баранины; въ рыбные дни по два блюда рыбы, какая гдѣ случится, да квасъ житный; на кормъ послано сто рублей денегъ. Что Василій станетъ говорить, о томъ приставъ долженъ отписать государю".

Исполняя послѣднія слова наказа, приставъ Некрасовъ писалъ царю: „Ѣдучи дорогою, твой государевъ злодѣй и измѣнникъ со мною ничего не разговаривалъ; только укралъ у меня на Волгѣ цѣпной ключъ и кинулъ его въ воду, чтобъ я его не ковалъ, и хотѣлъ у меня убѣжать; но я другой ключъ прибралъ, и цѣпь и желѣза на Василья положилъ за его воровство; пріѣхавши въ Яренскъ, онъ со мною воровствомъ говорилъ: „Погибли мы напрасно безъ вины, къ государю въ наносѣ, отъ своей же братіи; они на насъ наносили, сами не зная что дѣлаютъ, и сами они помрутъ скоро, прежде насъ".

Скоро обоихъ братьевъ, Василія и Ивана, соединили вмѣстѣ въ одномъ городѣ Пелымѣ, когда Василій былъ уже при послѣднемъ издыханіи отъ звѣрства пристава. Что приставы поступали своевольно, безъ царскаго приказа, видно изъ грамоты Борисовой къ нимъ: „По нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковать вамъ не велѣно, вы это сдѣлали мимо нашего указа". Приставъ, оправдывая себя, доносилъ, что онъ ковалъ Василія, слыша многія разговорныя рѣчи; напримѣръ, приставъ сталъ говорить Василью: „Кому Божіимъ милосердіемъ, постомъ, молитвою и милостынею Богъ далъ царство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ". Василій отвѣчалъ на это съ насмѣшкою: „Не то милостыня, что мечутъ по улицамъ; добра та милостыня—дать десною рукою, а шуйца не вѣдала бы". О смерти Василія приставъ доносилъ такъ: „Взялъ я твоего государева измѣнника Василья Романова больного, чуть-живаго, на цѣпи, ноги у него опухли; я для болѣзни его цѣпь съ него снялъ, сидѣлъ у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я ходилъ къ нему и попа пускалъ; умеръ онъ 15 февраля, и я похоронилъ его, далъ по немъ тремъ попамъ, да дьячку, да пономарю двадцать рублей. А измѣнникъ твой Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ". Послѣ этого Иванъ Никитичъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ отправленъ на службу въ Нижній-Новгородъ, причемъ царь наказывалъ приставу: „Ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ-Новгородѣ, ко князю Ивану и къ Ивану Романову береженье держать большое, чтобъ имъ нужды ни въ чемъ никакой отнюдь не было и жили-бъ они и ходили свободны". И о княгинѣ Черкасской, жившей съ дѣтьми Ѳеодора Никитича на Бѣлѣозерѣ, царь повторялъ нѣсколько разъ: „Чтобъ имъ всѣмъ въ ѣдѣ, питьѣ и платьи никакой нужды не было". Скоро Иванъ Никитичъ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ возвращены были въ Москву, а княгиня Черкасская съ дѣтьми Ѳеодора Никитича и женою Александра Никитича переведены въ уѣздъ Юрьева-Польскаго, въ отчину Ѳеодора Никитича, причемъ царь опять наказывалъ приставу: „Чтобы дворовой никакой нужды не было; корму имъ давать вдоволь, покоить всѣмъ, чего ни спросятъ, а не такъ бы дѣлалъ, какъ писалъ прежде, что яицъ съ молокомъ даешь не помногу; это ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью: по нашему указу велѣно тебѣ давать имъ ѣды и питья во всемъ вдоволь, чего ни захотятъ".

О Филаретѣ Никитичѣ приставъ Воейковъ доносилъ: „Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ мнѣ говорилъ: „Государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ вольность дать, и мнѣ-бъ стоять на клиросѣ". Да онъ же мнѣ говорилъ: „Не годится со мною въ кельѣ жить малому; что-бы государь меня, богомольца своего, пожаловалъ, велѣлъ у меня въ кельѣ старцу жить, а бѣльцу съ чернецомъ въ одной кельѣ жить непригоже". Это онъ говорилъ для того, чтобъ отъ него изъ кельи малаго не взяли, а онъ малаго очень любитъ, хочетъ душу свою за него выронить. Я малаго разспрашивалъ: что съ тобою старецъ о какихъ-нибудь дѣлахъ разговаривалъ ли, или про кого-нибудь разсуждаетъ ли, и друзей своихъ кого по имени поминаетъ ли? Малый отвѣчалъ: „Отнюдь со мной старецъ ничего не говоритъ".—Если ма-

лому впередъ жить въ кельѣ у твоего государева измѣнника, то намъ отъ него ничего не слыхать; а малый съ твоимъ государевымъ измѣнникомъ душа въ душу. Да твой же государевъ измѣнникъ мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ: „Бояре мнѣ великіе недруги: они искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорить людей нашихъ, я самъ видалъ это не однажды". Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: „Нестанетъ ихъ ни съ какое дѣло, нѣтъ у нихъ разумнаго; одинъ у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ очень досужъ".—Велѣлъ я сыну боярскому Болтину разспрашивать малаго, который живетъ въ кельѣ у твоего государева измѣнника, и малый сказывалъ: „Со мною ничего не разговариваетъ; только когда жену вспомянетъ и дѣтей, то говоритъ: „Малыя мои дѣтки! маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная! жива ли уже?—чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ! мнѣ ужъ что надобно? бѣда на меня—жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкаетъ; много они мнѣ мѣшають: дай Господи слышать, чтобъ ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душою; а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ".

На это донесеніе царь отвѣчалъ приставу: „Ты-бъ старцу Филарету платье давалъ изъ монастырской казны и покой всякій къ нему держалъ, чтобъ ему нужды ни въ чемъ не было; если онъ захочетъ стоять на клиросѣ, то позволь, только-бъ съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прохожихъ людей ни о чемъ не разговаривали; малому у него въ кельѣ быть не вели, вели съ нимъ жить въ кельѣ старцу, въ которомъ бы воровства никакого не чаять. А которые люди станутъ въ монастырь приходить молиться, прохожіе или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели ихъ пускать, только смотри накрѣпко, чтобы къ старцу Филарету къ кельѣ никто не подходилъ, съ нимъ не говорилъ и письма не подносилъ, и съ нимъ не сослался". Эти распоряженія относились къ 1602 году; въ 1605 приставъ Воейковъ жаловался царю на послабленіе Сійскаго игумена Іоны Филарету; вотъ что писалъ Борисъ къ игумену Іонѣ въ мартѣ мѣсяцѣ: „Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что разсказывали ему старецъ Иринархъ и старецъ Леонидъ: 3-го февраля ночью старецъ Филаретъ старца Иринарха бранилъ, съ посохомъ къ нему прискакивалъ, изъ кельи его выслалъ вонъ, и въ келью ему къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ; а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, старцы приходятъ къ Воейкову на старца Филарета всегда съ жалобою, бранитъ онъ ихъ и бить хочетъ, и говоритъ имъ: „Увидите, каковъ я впередъ буду!" Нынѣшнимъ Великимъ постомъ у отца духовнаго старецъ Филаретъ не былъ, въ церковь и на прощанье не приходилъ и на клиросѣ не стоитъ. И ты бы старцу Филарету велѣлъ жить съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жить старцу Леониду, и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходить вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, отъ дурна его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему никакого не дѣлалъ. А на котораго онъ старца бьетъ челомъ, и ты бы тому старцу жить у него не велѣлъ. Если ограда около монастыря худа, то ты велѣлъ бы ограду подѣлать, безъ ограды монастырю быть негоже, и между кельями двери задѣлать. А которые люди станутъ къ тебѣ приходить, и ты бы имъ велѣлъ приходить въ переднюю келью, а старецъ бы въ то время былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ; а незнакомыхъ людей ты бы къ себѣ не пускалъ и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ прохожими людьми не сходился". Для объясненія этого извѣстія надобно вспомнить, что въ 1605 году шатость, броженіе умовъ были во всей силѣ отъ появленія и успѣховъ самозванца, слѣдовательно мысль о скорой гибели Годуновыхъ не могла не придти въ голову игумену Іонѣ, который, сообщивъ Филарету о событіяхъ, началъ обращаться съ нимъ снисходительнѣе. Невольный постриженникъ, съ своей стороны, не могъ удержаться отъ мысли о скоромъ концѣ своихъ бѣдствій, о скорой перемѣнѣ къ лучшему, вслѣдствіе гибели своего гонителя: вотъ откуда этотъ смѣхъ невѣдомо чему и нетерпѣніе при грубомъ обращеніи старцевъ, которые попрежнему видѣли въ немъ опальнаго человѣка. Любопытно также извѣстіе, что Филаретъ любилъ разговаривать о птицахъ, ловчихъ и собакахъ; здѣсь мы видимъ родовую страсть къ охотѣ, которая была такъ сильна во внукѣ Ѳедора Никитича, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и въ правнукѣ послѣдняго, Петрѣ II-мъ [1]).

Кромѣ Романовыхъ, оставались еще знаменитыя фамиліи, которыхъ боялся Годуновъ. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій попрежнему стоялъ въ челѣ знатныхъ родовъ, попрежнему занималъ первое мѣсто въ думѣ; но, подобно отцу, по характеру своему долженъ былъ уступать на дѣлѣ первое мѣсто старшему другой знаменитой фамиліи, князю Василью Ивановичу Шуйскому, превосходившему его живостію, способностію къ начинанію дѣла, многочисленностію сторонниковъ. Но, страдая завистною злобою, Борисъ одинаково подозрѣвалъ и дѣятельнаго Шуйскаго и болѣе спокойнаго Мстиславскаго, потому что оба равно превосходили его знатностію рода; не имѣя уликъ явныхъ, обоихъ одинаково преслѣдовалъ, мучилъ своею подозрительностію, у обоихъ отнялъ семейное счастіе, не позволивъ имъ жениться, чтобъ отсутствіемъ по-

---

[1]) Акты истор. II, № 38, 54. Исаакъ Масса (Histoire des guerres de la Moscovie, II, 40).

томства отнять побужденіе къ честолюбивымъ замысламъ; надъ обоими, вслѣдстіе этого мелкодушія, недовѣрчивости Бориса, висѣлъ постоянно ножъ, что, разумѣется, дѣлало существованіе ихъ невыносимымъ и должно было наполнять сердца ихъ страшною ненавистію. Нѣсколько разъ Борисъ удалялъ Шуйскиго отъ Двора и потомъ опять приближалъ, пыталъ людей невинныхъ только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости [1]); видѣли также, что Борисъ считалъ своими врагами князей Голицыныхъ, Татева, Лыкова. Изъ князей Гедиминовичей по способностямъ и энергіи рядомъ съ Рюриковичемъ Шуйскимъ могъ стать князь Василій Васильевичъ Голицынъ, представитель знаменитаго Патрикѣевскаго рода; мы увидимъ, что онъ питалъ сильную ненависть къ Годуновымъ и не разбиралъ средствъ для удовлетворенія этой ненависти.

Борисъ былъ неспособенъ величіемъ духа обезоружить ненависть людей родовитыхъ, былъ неспособенъ и поддержать расположеніе къ себѣ большинства народа, вслѣдствіе той же подозрительности и мелочности взгляда. Онъ подозрѣвалъ народъ въ нерасположеніи къ себѣ, и, чтобъ уничтожить это нерасположеніе, къ какому средству прибѣгъ онъ?—онъ приказалъ всѣмъ читать особенную молитву при заздравной чашѣ [2]). Здѣсь высказывалась также одна изъ болѣзней тогдашняго общества, вѣра въ господство внѣшняго, формы, буквы, надъ внутреннимъ, духовнымъ; Годуновъ вѣрилъ, что молитва, произнесенная языкомъ безъ вѣдома духа, будетъ дѣйствительна. И тутъ Годуновъ, по мелкодушію своему, стремился показать народу, что онъ не похожъ на древнихъ прирожденныхъ государей, которые не нуждались въ особенныхъ молитвахъ, кромѣ установленныхъ Церковію, и тутъ достигалъ совершенно противнаго своему желанію, возбуждая въ народѣ мысль, что что-нибудь не такъ, что царь чего-нибудь боится, ибо этого при прежнихъ государяхъ не бывало.

При заздравной чашѣ должно было молиться, чтобъ: „онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь, и его царица и ихъ царскія дѣти, на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концовъ вселенной, къ его чести и повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію; чтобы великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послушаніемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобы его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были навѣки и нескончаемые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго“.

Въ 1601 году страшное общественное бѣдствіе дало Борису случай излить рѣки милосердія выше прежняго и этимъ милосердіемъ усилить зло, ибо въ добрыхъ дѣлахъ Борисовыхъ, какъ замѣчали современники [3]), клятва смѣшивалась съ благословеніемъ, добрыя дѣла служили только средствомъ къ достиженію корыстныхъ цѣлей, какъ училъ впрочемъ всѣхъ русскихъ людей „Домострой“ Сильвестровъ. Все лѣто были дожди великіе по всей Землѣ и не давали хлѣбу созрѣвать, стоялъ онъ, налившись, зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія Богородицы былъ морозъ великій и побилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ. Въ этомъ году люди еще кормились съ нуждою старымъ хлѣбомъ и что собрали новаго. Новымъ же хлѣбомъ посѣяли, но онъ весь погибъ въ землѣ, и тогда-то сдѣлался голодъ: купить стало негдѣ, отцы покидали дѣтей, мужья—женъ, мерли люди, какъ никогда отъ моровового повѣтрія не мерли. Видали людей, которые, валяясь по улицамъ, щипали траву, подобно скоту, зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ; отцы и матери ѣли дѣтей, дѣти—родителей, хозяева—гостей, мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Если мы примемъ, что каждый изъ описанныхъ ужасовъ случился только разъ гдѣ-нибудь, то и этого уже будетъ довольно. Зло увеличивалось тѣмъ, что Борисъ велѣлъ раздавать въ Москвѣ ежедневно деньги бѣднымъ; услыхавъ объ этомъ, окрестные жители устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли средства кормиться на мѣстѣ; когда же они приходили въ Москву съ пустыми руками, то не имѣли средства содержать себя одною царскою милостынею и умирали съ голоду—одни въ Москвѣ же на улицахъ, другіе—дорогою на возвратномъ пути. Зло увеличивалось также недобросовѣстностію людей, которымъ поручена была раздача и которые прежде раздавали деньги своимъ роднымъ и знакомымъ, являвшимся въ видѣ нищихъ [4]). Наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ Москву на явную смерть, приказалъ прекратить раздачу денегъ, и тогда, разумѣется, число жертвъ еще увеличилось. Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около 500,000 человѣкъ; царь хоронилъ ихъ на свой счетъ. Къ голоду присоединилось моровое повѣтріе, холера [5]). Наконецъ, для прекращенія голода, употребили дѣйствительныя мѣры: послали въ отдаленныя области, отыскали тамъ запасы хлѣба отъ прежнихъ годовъ, привезли въ Москву и въ другіе города, и продавали за поло-

[1]) Маржеретъ.
[2]) Хронографы.

[3]) Палицынъ.
[4]) Палицынъ 10, 11; Лѣтоп. о мятеж. 63; Буссовъ; Маржеретъ рукоп. Румян. муз. № 591. Исаакъ Масса, II. 65.
[5]) Mémoires d'Aszentini у Карамз. XI, прим. 170.

винную цѣну: бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ и особенно Нѣмцамъ отпущено было большое количество хлѣба даромъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ въ Курской, былъ большой неурожай, вслѣдствіе чего туда стеклось много народу, и Курскъ наполнился жителями. Чтобы дать работу людямъ, стекшимся въ Москву, построены были большія каменныя палаты въ Кремлѣ, гдѣ были прежде хоромы Грознаго; наконецъ урожай 1604 года прекратилъ бѣдствіе. Какія явленія были слѣдствіемъ голода въ областяхъ,—можно видѣть изъ отписки царю Иваньгородскаго воеводы, князя Буйносова-Ростовскаго, по случаю встрѣчи Датскаго принца Іоанна: ямскіе охотники отъ хлѣбной дороговизны охудали, лошади у нихъ попадали; московской дороги всѣхъ ямовъ охотники отъ дороговизны, падежа и большой гоньбы хотѣли бѣжать, но Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ ихъ уговорилъ перетерпѣть; новгородскіе ямскіе охотники такъ же хотѣли бѣжать, и воеводы, видя ихъ великую нужду, дали имъ по рублю на человѣка, чтобы не разбѣжались [1]).

За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои: люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, составляли шайки, чтобы вооруженною рукою кормиться насчетъ другихъ. Преимущественно эти шайки составлялись изъ холопей, которыми наполнены были домы знатныхъ и богатыхъ людей, особенно послѣ извѣстнаго намъ закона о холопяхъ, изданнаго въ царствованіе Ѳеодора. Во время голода, найдя обременительнымъ для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли ихъ отъ себя, нѣкоторые съ отпускными, а другіе такъ, въ надеждѣ, что когда голодъ прекратится, то можно будетъ взять ихъ опять къ себѣ, а тѣхъ, которые дадутъ имъ пристанище и пропитаніе, обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и взять съ нихъ деньги. Вслѣдствіе этого, никто не хотѣлъ принять несчастнаго холопа безъ отпускной. Въ августѣ 1603 года только Борисъ издалъ указъ, по которому господа непремѣнно обязывались, отсылая холопей для прокормленія, выдавать имъ отпускныя: тѣмъ же холопямъ, которые не получили отпускныхъ отъ господъ, будетъ выдавать ихъ Холопій приказъ. Но зло было трудно поправить, тѣмъ болѣе что съ увеличеніемъ бѣдствія холопи и съ отпускными едва ли могли найти себѣ у кого-нибудь пристанище. Число этихъ холопей, лишенныхъ пріюта и средствъ къ прокормленію, увеличивалось еще холопями опальныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ ними: такъ какъ эти холопи не доводили на господъ своихъ, то Борисъ заподозрилъ ихъ и запретилъ всѣмъ принимать ихъ къ себѣ. Эти люди, изъ которыхъ многіе были привычны къ военному дѣлу, шли къ границамъ, въ Сѣверскую Украйну, которая уже и безъ того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать непріязненныя дѣйствія противъ общества. Еще царь Іоаннъ, желая умножить народонаселеніе этой страны людьми воинственными, способными защитить ее отъ Татаръ и Поляковъ, позволялъ преступникамъ, осужденнымъ на смерть, спасать жизнь свою бѣгствомъ въ украинскіе города. Такимъ образомъ, давно уже народонаселеніе Сѣверской Украйны, какъ обыкновенно бываетъ въ пограничныхъ областяхъ, отличалось характеромъ вовсе неблагонадежнымъ; мы видѣли, какъ дурно отзывались о севрюкахъ во времена Грознаго [2]). Въ этой-то прежепогибшей Украйнѣ, по выраженію современниковъ, теперь, послѣ голода, образовались многочисленныя разбойничьи шайки, и не только не было отъ нихъ проѣзда по пустымъ мѣстамъ, но и подъ самою Москвою. Атаманомъ ихъ былъ Хлопко Косолапъ. Царь долго думалъ съ боярами, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшился послать противъ разбойниковъ воеводу съ большою ратью. Воеводою отправленъ былъ окольничій Иванъ Басмановъ, который сошелся съ Хлопкою подъ Москвою. Разбойники бились, не щадя головъ своихъ, и убили Басманова; несмотря на то, царское войско одолѣло ихъ; Хлопка, чуть живого, взяли въ плѣнъ; товарищей его, бѣжавшихъ въ Украйну, ловили и вѣшали; но тамъ было много имъ подобныхъ, черная роль прежепогибшей Украйны только-что начиналась: начали ходить слухи о самозванцѣ [3]).

Слухи, мнѣнія о самозванцѣ ходили и ходятъ разные.

Первое мнѣніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, объявившій себѣ царевичемъ Димитріемъ, былъ истинный царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, спасшійся отъ гибели, приготовленной ему Годуновымъ, въ Угличѣ, гдѣ, вмѣсто него, былъ убитъ другой ребенокъ, подставной. Здѣсь прежде всего надо замѣтить, что въ извѣстіяхъ о спасеніи Димитрія находятся историческія несообразности; напримѣръ, говорятъ, будто онъ спасся бѣгствомъ въ Украйну къ отцу своему крестному, князю Ивану Мстиславскому, жившему тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Грознаго. А послѣ смерти Мстиславскаго, въ скорости случившейся, царевичъ отправился въ Польшу; но извѣстно, что никакого Мстиславскаго на Украйнѣ никогда не бывало; притомъ, если царевичъ былъ спасенъ и отправленъ въ Польшу, то что мѣшало ему немедленно же открыться Польскому правительству? Гонимые удѣльные князья обыкновенно убѣгали изъ Москвы въ Литву. Тогда дѣло не подлежало бы никакому сомнѣнію. Далѣе, въ извѣстіяхъ о спасеніи встрѣчаются противорѣчія относительно обстоятельствъ спасенія: одни говорятъ, что спасъ царевича докторъ, подмѣномъ, другіе,—что сама мать. Но важнѣе слѣдующее обстоятельство: всѣ извѣстія согласны, какъ и должно быть, въ одномъ, что убійство подмѣненнаго ребенка произошло ночью, тогда какъ намъ досто-

---

[1]) Дѣла Датскія 1516—1603, связка 1-я.

[2]) Исторія Россіи, VII, 365.

[3]) Палицынъ, стр. 14 и сл.: Лѣтоп. о мятеж. 71; Акты истор. II; № 44.

вѣрно извѣстно, что происшествіе случилось днемъ; и тѣ показанія, которыя говорятъ, что царевичъ былъ убитъ, и тѣ, которыя утверждаютъ, что онъ накололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни, вполнѣ согласны въ этомъ обстоятельствѣ; слѣдовательно не было возможности убійцамъ, потомъ роднымъ царевича, близкимъ къ нему людямъ и гражданамъ углицкимъ обмануться; еслибъ даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало долго предъ глазами всѣхъ,— всѣ имѣли возможность увидать свою ошибку. Свидѣтельства очевидцевъ о несходствѣ малолѣтняго Димитрія съ тѣмъ, кто потомъ назвался его именемъ,—не важны, взятыя отдѣльно, ибо часто люди, знавшіе младенца и увидавшіе потомъ того же человѣка взрослымъ, не могутъ найти между ними ничего общаго: не важно и свидѣтельство о томъ, что настоящій Димитрій былъ бы гораздо моложе, чѣмъ казался Лжедимитрій: часто человѣкъ можетъ казаться многими годами старѣе или моложе своего настоящаго возраста, а жизнь Димитрія была именно такова, что могла его состарить. Но чрезвычайной важности для насъ свидѣтельства современниковъ, вполнѣ безпристрастныхъ, какъ напримѣръ Буссова, который былъ очень привязанъ къ Лжедимитрію, превозноситъ его достоинства, имѣетъ всѣ побужденія засвидѣтельствовать его правду, его царское происхожденіе, и между тѣмъ свидѣтельствуетъ о противномъ; его свидѣтельство основывается на свидѣтельствѣ Басманова, который больше всѣхъ другихъ имѣлъ причины утверждать законность Лжедимитрія, и, несмотря на то, свидѣтельствуетъ о его самозванствѣ, свидѣтельствуетъ наединѣ, въ разговорѣ съ человѣкомъ довѣреннымъ и привязаннымъ къ царю.

Но если тотъ, кто царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, сына царя Іоанна, носилъ это имя незаконно, то является вопросъ: въ собственной ли головѣ родилась мысль о самозванствѣ, или она внушена была ему другими? и во второмъ случаѣ,—сознательно ли онъ принялъ на себя роль самозванца, или былъ убѣжденъ, что онъ истинный царевичъ? Чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры послѣдующихъ самозванцевъ. Что же касается до перваго, то въ немъ нельзя не видѣть человѣка съ блестящими способностями, пылкаго, впечатлительнаго, легко увлекающагося; но чудовищемъ разврата его назвать нельзя. Въ поведеніи его нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ: ибо чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до неосторожности, эту открытость и свободу въ поведеніи; чѣмъ объяснить мысль—отдать свое дѣло на судъ всей Земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? Чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты жизни это обращеніе къ матери? На вопросъ разъяренной толпы, точно ли онъ самозванецъ?—Димитрій отвѣчалъ: „Спросите у матери!“ — „Почему, говорятъ, разстрига, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной; для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ?“ Возможность такихъ вопросовъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Лжедимитрій не былъ сознательный обманщикъ. Еслибы онъ былъ обманщикъ, а не обманутый, то чего же бы ему стоило сочинить подробности своего спасенія и похожденій? Но онъ этого не сдѣлалъ. Что онъ могъ объявить?—могущественные люди, его подставлявшіе, разумѣется, были такъ осторожны, что не дѣйствовали непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствуютъ, но именъ ихъ не зналъ: по имени онъ упоминалъ только о дьякахъ Щелкаловыхъ.

Но теперь раждается другой вопросъ: кѣмъ же былъ подставленъ самозванецъ; кто увѣрилъ его въ томъ, что онъ царевичъ Димитрій; кому было выгодно, нужно появленіе самозванца? Оно было выгодно для Польши: Лжедимитрій пришелъ отсюда, слѣдовательно онъ могъ быть подставленъ Польскимъ правительствомъ. Кого же мы должны разумѣть подъ Польскимъ правительствомъ?—короля Сигизмунда III-го? но характеръ послѣдняго даетъ ли намъ право приписать ему подобный планъ для заведенія смутъ въ Московскомъ государствѣ? и осторожное, робкое поведеніе Сигизмунда въ началѣ дѣятельности самозванца даетъ ли основаніе предполагать въ королѣ главнаго виновника дѣла? Планъ придуманъ кѣмъ-нибудь изъ вельможъ польскихъ?—Указываютъ на Льва Сапѣгу, канцлера Литовскаго. Сапѣга два раза былъ въ Москвѣ посломъ, одинъ разъ при царѣ Ѳеодорѣ, другой—при Борисѣ, и въ послѣдній разъ пріѣхалъ изъ Москвы съ сильнымъ ожесточеніемъ противъ царя; когда самозванецъ объявился у князя Вишневецкаго, то Петровскій, бѣглый Москвичъ, слуга Сапѣги, первый явился къ Вишневецкому, призналъ Отрепьева царевичемъ и указалъ примѣты: бородавки на лицѣ и одну руку короче другой. Потомъ Сапѣга является сильнымъ поборникомъ плановъ Сигизмунда противъ Москвы, ожесточеннымъ врагомъ новаго царя Михаила, восшествіе котораго разстроивало его планы; въ царствованіе Михаила, до самой смерти своей, держитъ подъ рукою, наготовѣ, самозванца, несчастнаго Лубу, какъ орудіе смутъ для Москвы. Любопытно, что и нашъ лѣтописецъ злобу Поляковъ и разореніе, претерпѣнное отъ нихъ Московскимъ государствомъ, приписываетъ раздраженію Льва Сапѣги и товарищей его за то, что они видѣли въ Москвѣ много иностраннаго войска. Наконецъ, нѣкоторые разсказываютъ, что послѣ сраженія при Добрыничахъ самозванецъ издалъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что былъ въ Москвѣ при посольствѣ Льва Сапѣги; такого манифеста впрочемъ не сохранилось, и въ дошедшемъ до насъ ни слова не упо-

минаетъ объ этомъ обстоятельствѣ [1]). Какъ бы то ни было, если заподозрить кого-нибудь изъ вельможъ польскихъ въ подстановкѣ самозванца, то конечно подозрѣніе прежде всего должно пасть на Льва Сапѣгу; но можно ли заподозрить одного частнаго человѣка въ начинаніи такого дѣла? Гораздо болѣе основанія заподозрить могущественныхъ тогда въ Польшѣ іезуитовъ, которымъ появленіе самозванца, какъ орудія для введенія католицизма въ Московское государство, было очень нужно [2]); на Сапѣгу же можно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Но, принимая это мнѣніе, надобно непремѣнно принять, что самозванецъ былъ человѣкъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедимитріи Великороссіянина и грамотѣя, который бѣгло и краснорѣчиво изъяснялся на московскомъ нарѣчіи, какъ на родномъ, четко и красиво писалъ, латинскую же грамоту зналъ плохо или почти вовсе не зналъ: побочный сынъ Стефана Баторія, воспитанникъ іезуитскихъ школъ, за котораго выдавали его нѣкоторые, не могъ бы писать inperator; когда посолъ папскій произносилъ предъ нимъ латинскую рѣчь, то ее должно было переводить ему [3]). Московское правительство при Годуновѣ, Шуйскомъ и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постоянно упрекало Польское правительство за то, что оно было виновникомъ разоренія Московскаго государства, помогая Лжедимитрію, и въ то же время постоянно утверждало, что самозванецъ этотъ былъ Москвичъ, именно Григорій Отрепьевъ: если бы была малѣйшая возможность усомниться въ этомъ, то что препятствовало Московскому правительству укорить Польское за то, что оно прибрало своего Поляка, назвало его царевичемъ Димитріемъ и выслало въ Московское государство для смуты? Нѣкоторые современники говорили, что монахъ Григорій Отрепьевъ игралъ въ дѣлѣ важную роль, былъ руководителемъ самозванца; это мнѣніе основывалось на томъ, что подлѣ самозванца, при его появленіи, дѣйствительно находился монахъ, называвшійся Григоріемъ Отрепьевымъ; но дѣло объясняется извѣстіемъ, что Отрепьевъ, объявивши себя царевичемъ, сдалъ свое прежнее имя монаху Леониду. Если бы монахъ Григорій Отрепьевъ существовалъ отдѣльно, то что мѣшало явиться ему въ Москву и этимъ появленіемъ уничтожить годуновскую выдумку или ошибку, и самымъ блистательнымъ образомъ подтвердить, что тотъ, кто называется Димитріемъ, не есть разстрига Гришка Отрепьевъ? Желаніе нѣкоторыхъ писателей, чтобъ такъ было, остается только желаніемъ, ибо не подкрѣпляется свидѣтельствами источниковъ. Что самозванецъ былъ Москвичъ, съ которымъ іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ Сендомирскому, гдѣ говорится, что Лжедимитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами [4]).

Но если самозванецъ былъ человѣкъ изъ Москвы, или даже если согласимся, что руководителемъ его былъ монахъ московскій, то какъ объяснимъ себѣ возможность для Сапѣги или для іезуитовъ издалека ковать эту крамолу въ Москвѣ? Предполагаютъ, что Сапѣга, во время своего пребыванія въ Москвѣ, сговорился съ боярами о подстановкѣ посредствомъ дьяка Власьева. Слѣдовательно, это мнѣніе о подстановкѣ самозванца іезуитами и Сапѣгою требуетъ, для вѣроятности своей, соединенія съ другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ современниками событія, а именно,—что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Это послѣднее мнѣніе твердо само по себѣ, не требуетъ никакихъ предположеній, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ извѣстіями о похожденіяхъ Отрепьева. Принимая это мнѣніе какъ вѣроятнѣйшее, мы, разумѣется, не имѣемъ никакой нужды отвергать участія Сапѣги и вообще польскихъ пановъ или іезуитовъ въ замыслѣ; но должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая оттого произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслію, что Годуновъ на престолѣ, грозимымъ ежечастно тяжелою опалою, это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно: оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло свергнуть Годунова, и въ то же время такъ ничтожно, что послѣ легко было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ не разъ приведенномъ мѣстѣ изъ хронографовъ о Годуновѣ: „Навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской Земли:—отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтующую царства его красоту внезапно низложили.“ Но не въ однихъ хронографахъ русскіе современники выразили такое мнѣніе. Изъ иностранныхъ писателей, его высказываетъ Буссовъ, оставившій намъ лучше описаніе событій, которыхъ былъ очевидцемъ. Находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ главными

[1]) Извѣстія Товянскаго въ Zycie J. P. Sapiehy, 1791, Буссовъ, Паерле; Лѣтоп. о мятеж. 62: «держаху рѣчь велію на москов. государство»; надобно поправить: держаху *рень* велику, какъ въ хронографѣ гр. Толстаго, № 198; въ этомъ хронографѣ и другихъ говорится, что самозванецъ писалъ, будто его уберегли Щелкаловы отъ убійства и отпустили въ Литовскую Землю.

[2]) См. Consilium datum amico de recuperanda et in posterum stabilienda pace regni Poloniae, p. 27. Legende de la vie de Demetrius, изд. кн. Оболенскаго, см. предисловіе.

[3]) Adelung—Uebersicht der Reis. II, 181.

[4]) Histor. Russiae monumenta, II, № LV. Вслѣдствіе этого распространился слухъ, что Лжедимитрій былъ воспитанъ францисканцами; Herі Géraldi въ письмѣ къ в. г. Тосканскому.

дѣятелями, Буссовъ говоритъ также, что самъ царь Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ.

Это мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса, кромѣ того что правдоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, кромѣ того что высказано современниками, близкими къ дѣлу,—имѣетъ за себя еще и то, что вполнѣ согласно съ русскими свидѣтельствами о похожденіи Григорія Отрепьева, свидѣтельствами, которыя, какъ мы видѣли, отвергнуть нѣтъ возможности. И по извѣстіямъ польскимъ, Отрепьевъ, открывая о своемъ происхожденіи князю Вишневецкому, объявилъ, что онъ, спасенный отъ убійцъ, отданъ былъ на воспитаніе къ одному сыну боярскому, а потомъ былъ въ монахахъ [1]).

По согласному показанію всѣхъ свидѣтельствъ, правительственныхъ и частныхъ, Юрій Отрепьевъ, перемѣнившій въ монастырѣ это имя на созвучное имя Григорія, былъ сынъ галицкаго сына боярскаго Богдана Отрепьева, убитаго Литвиномъ въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ. Въ дѣтствѣ является онъ въ Москвѣ, отличается грамотностію, живетъ въ холопахъ у Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго, и тѣмъ самымъ становится извѣстенъ царю, какъ человѣкъ подозрительный. Бѣда грозитъ молодому человѣку; онъ спасается отъ нея постриженіемъ, скитается изъ монастыря въ монастырь, попадаетъ наконецъ въ Чудовъ, и берется даже къ Іову патріарху для книжнаго письма. Но здѣсь рѣчи молодаго монаха о возможности быть ему царемъ на Москвѣ навлекли на него новую бѣду: Ростовскій митрополитъ Іона донесъ о нихъ сперва патріарху и, когда тотъ мало обратилъ на нихъ вниманія, самому царю. Борисъ велѣлъ дьяку Смирному-Васильеву сослать Отрепьева подъ крѣпкимъ присмотромъ въ Кирилловъ монастырь. Лѣтописцу XVII вѣка казалось, что самъ дьяволъ замѣшался въ это дѣло и заставилъ Смирного сперва тронуться просьбами другого дьяка, Семена Ефимьева, а потомъ и совершенно забыть указъ царскій: мы, разумѣется, можемъ объяснить себѣ это дѣло не иначе, какъ тѣмъ, что промыслъ людей сильныхъ бодрствовалъ надъ Григорьемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Узнавъ объ опасности, Отрепьевъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря въ Галичъ, оттуда въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ настоятель далъ ему лошадь для возвращенія въ Москву.

Въ 1601 или 1602 году, въ понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, въ Москвѣ, Варварскимъ крестцомъ шелъ монахъ Пафнутьева Боровскаго монастыря Варлаамъ; его нагналъ другой монахъ, молодой, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ: кто и откуда,—Варлаамъ спросилъ у своего новаго знакомца, назвавшагося Григорьемъ Отрепьевымъ, какое ему до него дѣло? Григорій отвѣчалъ, что, живя въ Чудовомъ монастырѣ, сложилъ онъ похвалу московскимъ чудотворцамъ, и патріархъ, видя такое досужество, взялъ его къ себѣ, а потомъ сталъ брать съ собою и въ царскую думу, и оттого вошелъ онъ Григорій въ великую славу. Но ему не хочется не только видѣть, даже и слышать про земную славу и богатство, и потому онъ рѣшился съѣхать съ Москвы въ дальній монастырь: слышалъ онъ, что есть монастырь въ Черниговѣ, и туда-то онъ хочетъ звать съ собою Варлаама. Тотъ отвѣчалъ Отрепьеву, что если онъ жилъ въ Чудовѣ у патріарха, то въ Черниговѣ ему не привыкнуть: черниговскій монастырь, по слухамъ, мѣсто неважное. На это Григорій отвѣчалъ: „Хочу въ Кіевъ въ Печерскій монастырь—тамъ старцы многіе души свои спасли; а потомъ, поживя въ Кіевѣ, пойдемъ во Святой городъ Іерусаалимъ, ко гробу Господню“. Варлаамъ возразилъ, что Печерскій монастырь за рубежомъ, въ Литвѣ, а за рубежъ теперь идти трудно.—„Вовсе нетрудно, отвѣчалъ Григорій: государь нашъ взялъ миръ съ королемъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ“. Тогда Варлаамъ согласился идти вмѣстѣ съ Отрепьевымъ; оба монаха поклялись другъ другу, что не обманутъ, и отложили путь до завтра, уговорившись сойтись въ Иконномъ ряду. На другой день, въ условленномъ мѣстѣ, Варлаамъ нашелъ Отрепьева и съ нимъ третьяго спутника: то былъ чернецъ Мисаилъ, а въ міру звали его Михайла Повадинъ; Варлаамъ знавалъ его у князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Богомольцы счастливо добрались до Новгорода-Сѣверскаго, прожили здѣсь недолго въ Преображенскомъ монастырѣ и, сыскавъ провожатаго, какого-то отставнаго монаха, перебрались за-границу. Въ Кіевѣ они были приняты въ Печерскомъ монастырѣ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу князю Константину. Проведши лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаилъ посланы были княземъ Константиномъ въ Троицкій Дерманскій монастырь; но Григорій не пошелъ туда съ ними: онъ отправился въ городъ Гощу, и скоро товарищи его узнали, что онъ ски-

---

[1]) Извѣстный Иванъ Насѣдка Ключарь пишетъ къ составителю житія Діонисіева: «Мнится мнѣ, государь мой, и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди на гордость вельможъ лукавыхъ, какъ надъ царствующимъ градомъ учинилась отъ нихъ погибель; какъ царю Борису Θеодоровичу, какъ царю Василью Іоанновичу; и что о сихъ глаголати? но паче возопить: охъ, охъ! увы, увы.» — Печатн. житіе Діонисія, стр. 84. Кромѣ Буссова, и другіе современники иностранцы указывали на тѣхъ же виновниковъ появленія самозванца: Notizie estratte dalle storia della sollevazioni seguite in Polonia et. c. di Alessandro Cilli (Ciampi—Bibliogr. crit.); «Altri volsero, che il detto Feodorovic (Борисъ) legitimamente in imperatore fusse elleto, ma che il detto Demetrio (per istigazione di quell che malvolontieri obbedivano a questo principe, sotto apparenti colorie metafore) non fosse quell vero e legitimo Demetrio figlio del gran Ciovanni di Basil io, ma finto, falso, ambitioso di regnare».—О разсказѣ Лжедимитрія Вишневецкому въ Historia de Pseudodemetrio, рукоп. И. П. Библ. польск. стд. № 33. См. также Hisoriae narratio de mirab. via ca. ratione, qua paternum imperium consecutus est Demetrius, anno 1605.

нулъ съ себя монашеское платье и въ Гощинской (аріанской) школѣ учится по-латыни и по-польски. Варлаамъ ѣздилъ изъ Дерманскаго монастыря въ Острогъ бить челомъ князю Константину, чтобы тотъ велѣлъ взять Григорія изъ Гощи и сдѣлать постарому чернецомъ; но дворовые люди князя отвѣчали ему: „Здѣсь земля вольная,—кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ"; а самъ князь сказалъ: „Вотъ у меня и сынъ родной родился въ православной вѣрѣ, а теперь держитъ латинскую, мнѣ и его не унять". Отрепьевъ зимовалъ въ Гощѣ; но весною, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пропалъ безъ вѣсти; по всѣмъ вѣроятностямъ, къ этому времени должно отнести пребываніе его у Запорожцевъ; потомъ встрѣтили его снова въ Польскихъ предѣлахъ, въ службѣ у князя Адама Вишневецкаго, которому онъ и нашелъ случай открыть свое царственное происхожденіе, причемъ показалъ дорогой крестъ, возложенный на него при крещеніи крестнымъ отцомъ, княземъ Мстиславскимъ.

Вишневецкій повѣрилъ,—и вѣсть о Московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними панами. Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, и вездѣ принимали его съ царскимъ почетомъ. Особенно понравилось ему въ Самборѣ, гдѣ жилъ богатый Сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, младшая дочь котораго была замужемъ за Константиномъ, братомъ князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь Отрепьевъ пораженъ былъ явленіемъ, до сихъ поръ ему неизвѣстнымъ: онъ увидалъ старшую дочь воеводы Маріанну, или Марину, и легко понять, какое впечатлѣніе на пылкаго молодаго человѣка произвело это энергическое существо, въ высшей степени обладавшее тѣми качествами, которыя давали польской женщинѣ такое видное мѣсто въ обществѣ. Панна Марина Мнишекъ поняла, что ей предстоитъ случай отличнымъ образомъ устроить свою судьбу,—принялась за дѣло и скоро овладѣла сердцемъ мнимаго царевича. Мнишки были ревностные католики; принятіе латинства всего болѣе помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство и особенно могущественныхъ іезуитовъ, и Лжедимитрій позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ, а между тѣмъ слалъ письмо за письмомъ къ папскому нунцію при Польскомъ дворѣ, Рангони. Тотъ не отвѣчалъ ни на одно изъ нихъ и, говоря съ королемъ о появленіи царевича, обнаружилъ полное равнодушіе къ дѣлу; но, въ то же время, съ помощію іезуитовъ и другихъ людей, заботливо сторожилъ за всякимъ движеніемъ Лжедимитрія, справился и въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ. Удостовѣрившись въ послѣднемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить Сендомирскаго воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ вмѣстѣ съ царевичемъ,—и вотъ Лжедимитрій въ Краковѣ, въ началѣ 1604 года.

Наружность искателя Московской державы не говорила въ его пользу: онъ былъ средняго или почти низкаго роста, довольно хорошо сложенъ, лицо имѣлъ круглое, непріятное, волосы рыжеватые, глаза темноголубые; былъ мраченъ, задумчивъ, неловокъ. Это описаніе наружности Лжедимитріевой, сдѣланное очевидцемъ, сходно съ лучшимъ дошедшимъ до насъ портретомъ Лжедимитрія: и здѣсь видимъ лицо очень некрасивое съ задумчиво-грустнымъ выраженіемъ. Рангони очень обрадовался пріѣзду Мнишка и Лжедимитрія; на другой день утромъ они посѣтили его, и были приняты чрезвычайно ласково. Въ продолжительномъ разговорѣ съ Отрепьевымъ нунцій далъ ему ясно выразумѣть, что если онъ хочетъ получить помощь отъ Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ Греческой вѣры и вступить, по своему обѣщанію, въ лоно церкви Римской. Лжедимитрій согласился, и въ слѣдующее воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, далъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ Апостольскаго престола; послѣ этого Рангони причастилъ его и мѵропомазалъ, на исповѣди же Отрепьевъ былъ у одного изъ іезуитовъ. Когда Рангони достигъ такимъ образомъ главной цѣли своей, то повезъ новообращеннаго къ королю, и тотъ призналъ его царевичемъ. Король былъ однако въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, ему очень хотѣлось завести смуту въ Московскомъ государствѣ, ослабить его опасное могущество, отмстить Борису за его недоброжелательство къ нему относительно дѣлъ шведскихъ, получить большія выгоды отъ Димитрія, посаженнаго на престолъ съ его помощію, наконецъ способствовать введенію католицизма въ Москву;—Отрепьевъ говорилъ, что успѣхъ вѣренъ; что бояре за него, іезуиты утверждали то же самое; съ другой стороны, страшно было нарушить перемиріе, оскорбить могущественнаго сосѣда, который, въ случаѣ неудачи дѣла Димитріева, могъ жестоко отмстить за свою обиду наступательнымъ союзомъ съ Швеціею; четверо знаменитѣйшихъ вельможъ,—Замойскій, Жолкѣвскій, князь Василій Острожскій, Збаражскій—были противъ вмѣшательства въ дѣло. Сигизмундъ рѣшился употребить такую хитрость: онъ призналъ Димитрія Московскимъ царевичемъ, хотя и не публично, назначилъ ему ежегодное содержаніе (40,000 злотыхъ), но не хотѣлъ помогать ему явно войскомъ отъ своего лица, а позволилъ панамъ частнымъ образомъ помогать царевичу. Королю хотѣлось, чтобъ въ челѣ предпріятія былъ князь Збаражскій, воевода Брацлавскій; но тотъ никакъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что Димитрій истинный царевичъ, и никакъ не соглашался руководить дѣломъ, въ правдѣ котораго не былъ убѣжденъ. Надобно было обратиться къ человѣку, менѣе совѣстливому, а такимъ именно былъ старый воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, извѣстный участіемъ своимъ въ грязномъ дѣлѣ развращенія короля и расхищенія казны королевской въ послѣднее время Сигизмунда-Августа.

Природная склонность и привычка къ интригѣ, неразборчивость средствъ, гордость, тщеславіе,—были

господствующими чертами въ характерѣ Сендомирскаго воеводы, и отсюда понятна та гнустная роль, которую онъ игралъ въ смутахъ московскихъ, особенно при второмъ Лжедимитріи. Принявъ отъ короля порученіе вести дѣло, Мнишекъ съ торжествомъ привезъ царевича въ Самборъ, где тотъ предложилъ руку свою Маринѣ. Что онъ былъ дѣйствительно очарованъ ею и предложилъ ей руку не изъ однѣхъ корыстныхъ цѣлей, не для того только, чтобъ побудить Мнишка и родню его къ оказанію болѣе дѣятельной помощи,—это мы увидимъ изо всего послѣдующаго поведенія его относительно Марины. Предложеніе было принято, но бракъ отложенъ до утвержденія жениха на престолѣ Московскомъ. 25 мая 1604 года Лжедимитрій далъ Мнишку запись, въ которой обязывался жениться на Маринѣ съ такими условіями: 1) тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать Мнишку 1,000,000 польскихъ золотыхъ для подъема въ Москву и уплаты долговъ, а Маринѣ прислать брилліанты и столовое серебро изъ казны царской; 2) отдать Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми жителями, мѣстами, доходами въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; города эти остаются за Мариною, хоть бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и вольна она въ нихъ судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать ихъ, также строить католическіе церкви и монастыри, въ которыхъ основывать школы латинскія; при дворѣ своемъ Марина также вольна держать латинскихъ духовныхъ и безпрепятственно отправлять свое богослуженіе, потому что онъ, Димитрій, соединился уже съ Римскою церковію и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому соединенію. Въ случаѣ, если дѣло пойдетъ несчастно, и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіи года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе или если захочетъ, то ждетъ еще годъ. Не прошло мѣсяца, какъ 12 іюня Лжедимитрій долженъ былъ дать другую запись, по которой обязывался уступить Мнишку княжества Смоленское и Сѣверское въ потомственное владѣніе, и такъ какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ изъ Сѣверскаго отойдутъ къ королю, въ чемъ также обязался Димитрій, то Мнишекъ получалъ еще изъ близлежащихъ областей столько городовъ и земель, чтобы доходы съ нихъ равнялись доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю [1]). Мнишекъ собралъ для будущаго зятя 1,600 человѣкъ всякаго сброда въ польскихъ владѣніяхъ; но подобныхъ людей было много въ степяхъ и украйнахъ Московскаго государства, слѣдовательно сильная помощь ждала самозванца впереди.

[1]) Дѣла Польскія, № 26; Лѣтоп. о мятеж. 73, Акты арх. эксп. II, № 28, 64. По извѣту Варлаама, самозванецъ вышелъ изъ Москвы въ Литву въ 1602 году, а по свидѣтельству польскихъ пословъ (Suplement, ad histor Russ. Monum. p. 410) 1601, что вѣроятнѣе. С. г. г. и т. д. II, № 152, 76, 79; Cilli notizie esratte et. c.; Annuae litterae Societatis Iesu, 1604. — Lubienskiego— Pisma posmiertne въ Dziijopisowie krajowi, стр. 51. Челобитная Варлаама служитъ важнымъ, обстоятельнымъ и живымъ источникомъ относительно бѣгства Григорія Отрепьева изъ Москвы. Г. Костомаровъ (Смутное время, II, 59 и слѣд.), которому непремѣнно хочется уничтожить тождество Лжедимитрія съ Григоріемъ Отрепьевымъ, вооружается противъ справедливости показаній Варлаама на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Варлаамъ говоритъ, что онъ убѣжалъ съ Григоріемъ въ 1602 году, а по извѣстіямъ, сообщеннымъ Поляками, видно, что самозванецъ былъ въ Польшѣ ранѣе.—Положимъ, что показанія Поляковъ точнѣе; но одна хронологическая неточность можетъ ли накинуть подозрѣніе на актъ вовсе не оффиціальный, а на разсказъ монаха о своихъ похожденіяхъ. Въ подобныхъ разсказахъ и позднѣйшаго времени, идущихъ отъ лицъ образованныхъ, мы нерѣдко находимъ неточности поважнѣе Варлаамовой, но это не дастъ никому права набрасывать подозрѣніе на правду разсказа. Одно изъ главныхъ правилъ исторической критики—обсуждать памятникъ по условіямъ того времени, въ которое онъ явился, а не по условіямъ нашего времени, и не требовать отъ простаго русскаго человѣка XVI или XVII вѣка той осторожности въ хронологическихъ показаніяхъ, какою обязанъ ученый историкъ XIX вѣка. Не слышимъ ли мы такъ часто споры людей о томъ, когда случилось интересующее ихъ событие:—просто память измѣнила одному изъ нихъ или обоимъ; почему же не допустить подобнаго же случая съ Варлаамомъ? Когда явился самозванецъ, и пограничные воеводы стали писать въ Польшу, что истинный царевичъ Димитрій умеръ въ Угличѣ, то какихъ хронологическихъ неточностей они надѣлали! Историкъ считаетъ это естественнымъ и необходимымъ именно по условіямъ того времени, точно такъ, какъ считаетъ естественнымъ и необходимымъ, если молодой человѣкъ, которому говорятъ, что онъ царевичъ Димитрій, не сталъ разсчитывать, что онъ старше или моложе, что онъ ничего не помнитъ объ Угличѣ, по той простой причинѣ, что онъ не зналъ, сколько ему лѣтъ, ибо тогда и люди, повыше его поставленные, не знали года своего рожденія.

2) Варлаамъ разсказывалъ, что, проживая въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ идти къ князю Острожскому. Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его, а потомъ самъ пошелъ съ Гришкою въ Острогъ. Странно допустить, чтобъ Гришка отправился вмѣстѣ съ человѣкомъ, который на него доносилъ и наблюдалъ за нимъ.—Отвѣчаемъ: странно было бы предполагать, что Варлаамъ разсказалъ Григорію, что ходилъ извѣщать на него архимандриту, а не зная объ этомъ, Григорій пошелъ безъ всякаго подозрѣнія.

3, 4, 5 и 6) Г. Костомаровъ старается заподозрить свидѣтельство Варлаама тѣмъ, что онъ не говоритъ, видѣлъ ли Отрепьева послѣ того, какъ тотъ назвался царевичемъ, и тѣмъ, что Варлаамъ не зналъ близко обстоятельствъ дѣла, о которомъ говоритъ. Отвѣчаемъ: показаніе Варлаама есть первое показаніе, въ которомъ обыкновенно опускаются посредствующія обстоятельства, которыя, по представленію свидѣтеля, очевидны, подразумѣваются; поэтому отбираются еще новыя показанія, причемъ допрашивающій старается заставить свидѣтеля дополнить эти посредствующія обстоятельства вопросомъ: отъ кого вы это слышали? сами ли вы это видѣли? и т. п. Для историка, къ несчастію, первое показаніе извѣстнаго свидѣтеля есть обыкновенно и послѣднее; вотъ почему такъ часто изслѣдователи изъ показанія свидѣтеля дѣлаютъ обвинительный актъ противъ свидѣтеля, забывая, что это злоупотребленіе критики; что нельзя обвинять, не сдѣлавши втораго допроса относительно темныхъ мѣстъ показанія, не зная, что свидѣтель будетъ говорить при второмъ допросѣ. Что Варлаамъ не зналъ нѣкоторыхъ подробностей, смѣшалъ имена князей Вишневецкихъ, передалъ посвоему рѣчь Лжедимитрія королю,—это такъ естественно, что не стоитъ останавливаться на этомъ. Положимъ даже, что Варлаамъ самъ не видалъ Лжедимитрія послѣ того, какъ послѣдній оставилъ его еще будучи въ

Московскіе бѣглецы, жаждавшіе случая возвратиться безопасно и съ выгодою въ отечество, первые пріѣхали къ нему и провозгласили истиннымъ царевичемъ; Донскіе казаки, стѣсненные при Борисѣ болѣе чѣмъ когда-либо прежде, ибо царь не велѣлъ ихъ пускать ни въ одинъ городъ,—куда ни пріѣдутъ, вездѣ ихъ ловили и сажали по тюрьмамъ,—Донскіе казаки откликнулись такъ же немедленно на призывъ Лжедимитрія: они отправили къ нему еще въ Польшу двоихъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали законнымъ царевичемъ, обѣщали помощь и исполнили обѣщаніе,—2,000 казаковъ присоединились къ ополченію Лжедимитрія, которое состояло такимъ образомъ изъ 4,000 человѣкъ.

Какъ скоро Лжедимитрій объявился въ Польшѣ, то слухи о немъ начали съ разныхъ сторонъ приходить въ Москву, и ужаснули Бориса, такъ склоннаго къ испугу; слухи приходили изъ Ливоніи, изъ Польши, отъ Донскихъ казаковъ, которые подняли теперь головы, ограбили одного изъ царскихъ родственниковъ, и послали сказать Годунову, что скоро явится въ Москвѣ съ законнымъ царемъ. Борисъ началъ провѣдывать, кто былъ этотъ новый врагъ, и, къ удивленію своему, узналъ, что то былъ извѣстный уже ему прежде Григорій Отрепьевъ, сосланный въ Кирилловъ монастырь. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ дьяка Смирного, и спросилъ, гдѣ монахъ Отрепьевъ? Смирной стоялъ предъ нимъ какъ мертвый и ничего не могъ отвѣчать Борисъ велѣлъ считать Смирного, и начли на него множество дворцовой казны: дьяка вывели на правежъ и засѣкли до смерти.

Борисъ объявилъ прямо боярамъ, что подстановка самозванца—ихъ дѣло, велѣлъ привезти въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь, мать царевича, Мареу, и ѣздилъ къ ней вмѣстѣ съ патріархомъ. По другимъ извѣстіямъ, царицу Мареу привезли ночью во дворецъ, гдѣ Борисъ допрашивалъ ее вмѣстѣ съ женою. Когда Мареа сказала, что не знаетъ, живъ ли ея сынъ или нѣтъ, то царица Марья выругала ее и бросилась на нее со свѣчею, чтобъ выжечь глаза. Борисъ защитилъ Мареу отъ ярости жены. Разговоръ кончился очень непріятными для него словами Мареы, что люди, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, говорили ей о спасеніи ея сына, объ отвозѣ его за-границу. Между тѣмъ, по приказу и образцу, присланному изъ Москвы, пограничные воеводы разослали къ пограничнымъ державцамъ польскимъ грамоты съ извѣстіями объ

монашеской рясѣ; положимъ, что Варлаамъ началъ волноваться, повѣривъ другимъ, что пришедшій съ нимъ изъ Москвы монахъ назвался царевичемъ Димитріемъ: то для чего Лжедимитрій, если не былъ Отрепьевымъ, мучилъ его, засадилъ въ тюрьму?—ему стоило только показаться Варлааму и спросить: «Неужели я монахъ Григорій, пришедшій съ тобою изъ Москвы?» Мы готовы утверждать, что Варлаамъ дѣйствительно не видалъ самозванца въ Самборѣ, тотъ не показывается ему и старается устранить опаснаго свидѣтеля, что и будетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что Лжедимитрій и Отрепьевъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Г. Костомаровъ спрашиваетъ: Почему Варлаамъ, такъ подробно разсказывающій о своемъ свиданіи съ Гришкою въ Москвѣ, очень кратокъ въ своемъ разсказѣ съ тѣхъ поръ, какъ Отрепьевъ разлучился съ нимъ и ушелъ въ Гощу? Отвѣчать на это легко: главное лицо разсказа Отрепьевъ, и какъ скоро онъ исчезаетъ, разсказъ Варлаама о самомъ себѣ становится кратокъ. Что разсказъ его правдивъ, доказательствомъ служитъ то, что онъ выставляетъ жену стараго Мнишка и дочь его Марину своими благодѣтельницами, выпустившими его на свободу, что выставлять ему было не выгодно въ своей челобитной.

7) Варлаамъ говоритъ, что признали Гришку за Димитрія братья Хрипуновы; но о дозволеніи братьямъ Хрипуновымъ возвратиться въ отечество просилъ Сигизмундъ Димитрія, уже царствовавшаго въ Москвѣ. Если бы Хрипуновы были въ числѣ первыхъ, признавшихъ названнаго Димитрія еще въ Краковѣ, то не предстояло бы необходимости просить за нихъ.—Отвѣчаемъ, что здѣсь видимъ явленіе, случающееся ежедневно и со множествомъ людей. Лжедимитрій забылъ о Хрипуновыхъ, и Сигизмундъ напомнилъ ему о нихъ, а забыть Лжедимитрію было легко въ такомъ чаду. Да и просили ли Хрипуновы Лжедимитрія о возвращеніи въ Россію, когда признавали истиннымъ царевичемъ? Притомъ они были уже польскіе подданные, и имъ необходимо было прежде обратиться къ королю и черезъ него вести дѣло.

8) Варлаамъ говоритъ, что Гришка сына боярскаго Пыхачева велѣлъ казнить, а его, Варлаама, заключилъ въ тюрьму: конечно, прежде всего Гришка казнилъ бы Варлаама, какъ человѣка, который хорошо зналъ его и могъ обличать. Отвѣчаемъ, что при этомъ возраженіи не обращено вниманія на важное обстоятельство,—именно на то, что Варлаамъ былъ монахъ, а казнить монаха тогда не рѣшались лица, которыя легко казнили свѣтскаго человѣка.

9) Варлаамъ говоритъ, что въ 1605 году онъ прибылъ въ Смоленскъ. Это очевидная нелѣпость. Какъ могъ человѣкъ, обличавшій разстригу и за то пострадавшій, освободившись изъ тюрьмы, отправиться въ государство, гдѣ властвовалъ тотъ, кого онъ обличалъ и кому могъ быть вреденъ?—Отвѣчаемъ, что, во-первыхъ, въ Смоленскѣ никто не зналъ о Варлаамѣ и его обличеніяхъ; Лжедимитрій не зналъ, что невѣста его освободила Варлаама, и не давалъ никакихъ приказаній схватить его. Во-вторыхъ, не понимаемъ, какъ можно называть очевидною нелѣпостію существованіе людей смѣлыхъ, не боящихся никакой опасности, ищущихъ ея, а Варлаамъ, какъ видно изъ его челобитной, именно принадлежалъ къ числу такихъ людей.

Вопросъ о происхожденіи перваго Лжедимитрія такого рода, что способенъ сильно тревожить людей, у которыхъ фантазія преобладаетъ. Романисту здѣсь широкій просторъ, онъ можетъ дѣлать самозванцемъ кого ему угодно; но историку странно срываться съ твердой почвы, отвергать извѣстіе самое вѣроятное и погружаться во мракъ, изъ котораго нѣтъ для него выхода, ибо онъ не имѣетъ права, подобно романисту, создать небывалое лицо съ небывалыми отношеніями и приключеніями. Кромѣ того, сдѣлавши Лжедимитрія математическимъ иксомъ, неизвѣстнымъ, историкъ навязываетъ себѣ на руки еще другое таинственное лицо, Григорья Отрепьева, съ которымъ развязаться легко нельзя, ибо что-нибудь да заставило современниковъ остановиться именно на этомъ монахѣ, существованіе котораго отвергать нельзя; историкъ не можетъ отказаться отъ уясненія роли этого монаха, не можетъ не остановиться на томъ, какъ это случилось, что Лжедимитрій, будучи отдѣльнымъ лицомъ отъ Отрепьева, не показалъ этого Отрепьева Московскому народу и разомъ не смылъ съ себя пятно, которое лежало на немъ и во мнѣніи тѣхъ, которые признавали истиннаго царевича и подъ видомъ Григорья Отрепьева, — пятно разстриги, самовольно свергнувшаго съ себя иноческій, ангельскій образъ.

Отрепьевѣ; но грамоты эти давали самозванцу и бывшимъ при немъ Русскимъ людямъ возможность уличать показанія Московскаго правительства во лживости и противорѣчіи другъ другу. Такъ, въ 1604 году прислана была грамота къ старостѣ Остерскому отъ Черниговскаго воеводы, князя Кашина-Оболенскаго, гдѣ говорилось, что царевичъ Димитрій самъ зарѣзался въ Угличѣ, тому лѣтъ 16, ибо случилось это въ 1588 году, и погребли его въ Угличѣ же, въ соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593 году, называется царевичемъ. Москвичи, бывшіе при самозванцѣ, доказывали Полякамъ, что, вмѣсто царевича, убили другаго ребенка въ Угличѣ въ 1591 году, и похоронили его въ соборной церкви Св. Спаса, а не Богородицы, которой церкви нѣтъ вовсе въ Угличѣ; доказывали многими свидѣтельствами, что царевичъ ихъ вышелъ въ Польшу въ 1601 (?) году, а не въ 1593. Потомъ уже въ 1605 году пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13, а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ.

Въ то же время Поляки все больше и больше убѣждались въ справедливости показаній Лжедимитрія, ибо изъ Москвы приходили къ нему вѣсти о всѣхъ замыслахъ Борисовыхъ, приходили призывы, просьбы, чтобъ шелъ скорѣе къ границамъ московскимъ. Въ грамотахъ воеводъ Борисовыхъ говорилось, что если бы Димитрій и дѣйствительно былъ живъ, то онъ не отъ законной жены царя Іоанна родился; но въ Польшѣ хорошо было извѣстно, что Димитрій родился отъ царицы, которая была обвѣнчана съ Іоанномъ; всѣ привыкли къ повтореніямъ, что послѣ Грознаго осталось двое сыновей — Ѳеодоръ и Димитрій. Между многими свидѣтелями въ пользу Лжедимитрія явились два свидѣтеля противъ него: спутникъ его, Варлаамъ, слѣдя за нимъ повсюду, пробрался въ Краковъ и (если вѣрить его собственному показанію) объявилъ королю, что человѣкъ, котораго привозилъ Сендомирскій воевода, не царевичъ, а монахъ, Гришкою зовутъ, прозвищемъ Отрепьевъ, и шелъ съ нимъ, Варлаамомъ, вмѣстѣ изъ Москвы. Король и паны радные ему не повѣрили и отослали его въ Самборъ къ Мнишку; туда же явился другой обличитель, сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ; Лжедимитрій (какъ показываетъ тотъ же Варлаамъ) сталъ говорить, что оба они подосланы Годуновымъ, чтобъ его убить, вслѣдствіе чего Пыхачева казнили смертію, а Варлаама бросили въ тюрьму, изъ которой, послѣ ухода самозванца и Мнишка, онъ былъ освобожденъ женою послѣдняго и дочерью Мариною. Почему сдѣлано было такое различіе, что Пыхачева казнили, а Варлаама посадили только въ тюрьму, и по какому побужденію невѣста Димитріева и ея мать освободили Варлаама — неизвѣстно.

Борисъ придумалъ послать въ Польшу болѣе сильнаго обличителя. Отъ имени бояръ московскихъ онъ отправилъ къ польскимъ панамъ радныкмъ дядю самозванцева, Смирнаго-Отрепьева:— что же случилось? Въ грамотѣ, привезенной Смирнымъ, не оказалось ни одного слова о самозванцѣ! даже, вопреки обычаю, не было означено имени гонца, написаны были только жалобы, что судьи королевскіе не выѣзжаютъ на границы, жалобы на грабежи пограничные, на новыя мыта! Сохранилось также любопытное извѣстіе, что бояре отправили къ королю тайно Ляпунова, племянника знаменитаго впослѣдствіи Прокофья, который обнадежилъ крѣпко Поляковъ, и отъ имени бояръ просилъ короля, чтобы тотъ помогъ самозванцу. Къ королю былъ отправленъ Посникъ Огаревъ съ слѣдующею грамотою: „Въ вашемъ государствѣ объявился воръ разстрига, а прежде онъ былъ дьякономъ въ Чудовѣ монастырѣ и у тамошняго архимандрита въ келейникахъ, изъ Чудова былъ взятъ къ патріарху для письма, а когда онъ былъ въ міру, то отца своего не слушался, впалъ въ ересь, разбивалъ, кралъ, игралъ въ кости, пилъ, нѣсколько разъ убѣгалъ отъ отца своего и наконецъ постригся въ монахи, не отставши отъ своего прежняго воровства, отъ чернокнижества и вызыванія духовъ нечистыхъ. Когда это воровство въ немъ было найдено, то патріархъ съ освященнымъ соборомъ осудили его на вѣчное заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но онъ съ товарищами своими, попомъ Варлаамомъ и клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ, ушелъ въ Литву. И мы дивимся, какимъ обычаемъ такого вора въ вашихъ государствахъ приняли и повѣрили ему, не пославши къ намъ за вѣрными вѣстями. Хотя бы тотъ воръ и подлинно былъ князь Димитрій Углицкій, изъ мертвыхъ воскресшій, то онъ не отъ законной,—отъ седьмой жены". Годуновъ требовалъ, чтобы король велѣлъ казнить Отрепьева и совѣтниковъ его. Отъ имени короля объявили Огареву, что Димитрій не получаетъ никакой помощи отъ Польскаго правительства и помощники его будутъ наказаны. Патріархъ Іовъ отправилъ отъ себя Аѳанасья Пальчикова къ князю Острожскому убѣждать его во имя православія не помогать разстригѣ; князь отпустилъ Пальчикова безъ отвѣта. Наконецъ патріархъ и все духовенство отправили Андрея Бунакова къ духовенству польскому съ увѣщаніемъ не благопріятствовать смутѣ; Бунаковъ былъ задержанъ на границѣ, въ Оршѣ.

Лжедимитрій не остался въ долгу у Годунова, и послалъ къ нему грамоту, въ которой прописывалъ его преступленія и увѣщевалъ къ покаянію: „Жаль намъ, что ты душу свою, по образу Божію сотворенную, такъ осквернилъ, и въ упорствѣ своемъ гибель ей готовишь: развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ? Надобно было тебѣ, Борисъ, удовольствоваться тѣмъ, что Господь Богъ далъ; но ты, въ противность волѣ Божіей, будучи нашимъ подданнымъ, укралъ у насъ государство съ дьявольскою помощію. Сестра твоя, жена брата на-

шего, доставила тебѣ управленіе всѣмъ государствомъ, и ты, пользуясь тѣмъ, что братъ нашъ по большей части занимался службою Божіею, лишилъ жизни нѣкоторыхъ могущественнѣйшихъ князей подъ разными предлогами, какъ-то: князей Шуйскихъ — Ивана и Андрея, потомъ лучшихъ горожанъ столицы нашей и людей, приверженныхъ къ Шуйскимъ; царя Симеона лишилъ зрѣнія, сына его Ивана отравилъ. Ты не пощадилъ и духовенства: митрополита Діонисія сослалъ въ монастырь, сказавши брату нашему Θеодору, что онъ внезапно умеръ, а намъ извѣстно, что онъ и до сихъ поръ живъ, и что ты облегчилъ его участь по смерти брата нашего; погубилъ ты и другихъ, которыхъ имена не упомнимъ, потому что мы были тогда не въ совершенныхъ лѣтахъ. Но хотя мы были и малы, помнишь однако, сколько разъ въ грамотахъ своихъ мы тебѣ напоминали, чтобъ ты подданныхъ нашихъ не губилъ; помнишь, какъ мы отправили приверженца твоего Андрея Клешнина, котораго прислалъ къ намъ въ Угличъ братъ нашъ Θедоръ, и который, справивъ посольство, оказалъ къ намъ неуваженіе, въ надеждѣ на тебя. Это было тебѣ очень не по нраву, мы были тебѣ препятствіемъ къ достиженію престола, и вотъ, изгубивши вельможъ, началъ ты острить ножъ и на насъ, подговорилъ дьяка нашего Михайлу Битяговскаго и 12 спальниковъ съ Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, чтобы насъ убили; ты думалъ, что заодно съ ними былъ и докторъ нашъ Симеонъ,— но по его старанію мы спасены были отъ смерти, тобою намъ приготовленной. Брату нашему ты сказалъ, что мы сами зарѣзались въ припадкѣ падучей болѣзни; ты знаешь, какъ братъ нашъ горевалъ объ этомъ; онъ приказалъ тѣло наше въ Москву принести, но ты подговорилъ патріарха, и тотъ сталъ утверждать, что не слѣдуетъ тѣло самоубійцы хоронить вмѣстѣ съ помазанниками Божіими; тогда братъ нашъ самъ хотѣлъ ѣхать на похороны въ Угличъ, но ты сказалъ ему, что въ Угличѣ повѣтріе большое, а съ другой стороны подвелъ Крымскаго хана; у тебя было вдвое больше войска, чѣмъ у непріятеля, но ты расположилъ его въ обозѣ подъ Москвою и запретилъ своимъ подъ смертною казнію нападать на непріятеля. Смотрѣвши три дня въ глаза Татарамъ, ты отпустилъ ихъ на свободу, и ханъ вышелъ за границы нашего государства, не сдѣлавши ему никакого вреда; ты возвратился послѣ этого домой, и только на третій день пустился за нимъ въ погоню. А когда Андрей Клобуковъ перехваталъ зажигальщиковъ, и они объявили, что ты велѣлъ имъ жечь Москву, то ты научилъ ихъ оговорить въ этомъ Клобукова, котораго велѣлъ схватить и на пыткѣ замучить. По смерти брата нашего (которую ты ускорилъ), началъ ты подкупать большими деньгами убогихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, которые повсюду начали кричать, чтобы ты былъ царемъ; но когда ты воцарился, то доброту твою узнали Романовы, Черкаскіе, Шуйскіе. Опомнись и злостью своей не побуждай насъ къ большому гнѣву; отдай намъ наше; и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ всѣ твои вины и мѣсто тебѣ спокойное назначимъ: лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ что-нибудь претерпѣть, чѣмъ въ аду вѣчно горѣть за столько душъ, тобою погубленныхъ".

Что же дѣлалъ Борисъ, какъ приготовлялся къ борьбѣ, въ которой однѣхъ матеріальныхъ силъ было недостаточно? Новый врагъ былъ не ханъ Крымскій, не король Польскій или Шведскій: развертывая свитокъ, исписанный преступленіями, вскрывая душу царя, страшный врагъ звалъ его на судъ Божій. Въ Москвѣ патріархъ Іовъ и князь Василій Шуйскій уговаривали народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ, который дѣйствительно погибъ въ Угличѣ, и онъ, князь Шуйскій, самъ погребалъ его, а идетъ воръ Гришка Отрепьевъ подъ царевичевымъ именемъ. Но народъ не вѣрилъ ни патріарху, ни Шуйскому; въ толпѣ слышались слова: „Говорятъ они это поневолѣ, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить; если этого ему не говорить, такъ надобно царство оставить и о животѣ своемъ промышлять". По областямъ только въ январѣ 1605 года патріархъ разослалъ духовенству приказъ пѣть молебны, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ, не далъ бы Россійскаго государства и Сѣверской области въ расхищенье и плѣнъ поганымъ Литовскимъ людямъ, не далъ бы ихъ въ латинскую ересь превратить. Велѣно было читать въ церквахъ народу, что „Литовскій король Жигимонтъ преступилъ крестное цѣлованіе и, умысля съ панами радными, назвалъ страдника, вора, бѣглаго чернеца разстригу, Гришку Отрепьева, княземъ Димитріемъ Углицкимъ, для того, чтобъ имъ, бѣсовскимъ умышленіемъ своимъ, въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи разорить, костелы латынскіе и люторскіе поставить, вѣру христіанскую попрать и православныхъ христіанъ въ латынскую и люторскую ересь привести и погубить. А намъ и вамъ и всему міру подлинно вѣдомо, что князя Димитрія Ивановича не стало на Угличѣ тому теперь 14 лѣтъ, и теперь лежитъ на Угличѣ въ соборной церкви; на погребеніи его была мать его и ея братья, отпѣвалъ Геласій митрополитъ съ освященнымъ соборомъ, а великій государь посылалъ на погребеніе бояръ своихъ, князя Василія Ивановича Шуйскаго съ товарищами. И то не явное ли ихъ злодѣйское умышленье, воровство и бѣсовскія мечты? Статочное ли дѣло, что князю Димитрію изъ мертвыхъ воскреснуть прежде общаго воскресенія? А дѣлаютъ это Сигизмундъ король и паны радные своимъ умышленіемъ для того, чтобъ Сѣверской Земли городовъ доступить къ Литвѣ,—для того страдника назвали княземъ Димитріемъ; а страдникъ этотъ разстрига, вѣдомый воръ, въ мірѣ звали его Юшкомъ, Богдановъ сынъ Отрепьевъ, жилъ у Романовыхъ во дворѣ, и, заворовавшись, отъ смертной казни постригся въ чернецы, былъ по многимъ монастырямъ, въ Чудовѣ монастырѣ

въ дьяконахъ, да и у меня, Іова патріарха, во дворѣ для книжнаго письма побылъ въ дьяконахъ же: а послѣ того сбѣжалъ съ Москвы въ Литву съ товарищами, чудовскими чернецами, съ попомъ Варлаамомъ Яцкимъ да съ клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Былъ тотъ Гришка Отрепьевъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ въ дьяконахъ, потомъ отвергся христіанской вѣры, иноческій образъ попралъ, платье съ себя чернеческое скинулъ и уклонился въ латынскую ересь, впалъ въ чернокнижіе и вѣдовство, и, по призыванію бѣсовскому и по умышленію короля Сигизмунда и Литовскихъ людей, сталъ Димитріемъ царевичемъ ложно называться. Товарищи его воры, которые за рубежъ его проводили и въ Литвѣ съ нимъ знались, чернецъ Пименъ да чернецъ Венедиктъ, да Ярославецъ Степанко иконникъ предо мною патріархомъ на соборѣ сказывали: чернецъ Пименъ сказывалъ, что познакомился съ Гришкою Отрепьевымъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и проводилъ его за Литовскій рубежъ; чернецъ Венедиктъ сказалъ, что видѣлъ вора Гришку въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ въ чернецахъ, и у князя Острожскаго былъ въ дьяконахъ, и послѣ того присталъ къ Лютарямъ, уклонился въ ересь и чернокнижье, сталъ воровать и Запорожскихъ Черкасъ, въ чернецахъ мясо ѣсть; и онъ, Венедиктъ, извѣщалъ на него Печерскому игумену; и Печерскій игуменъ посылалъ къ казакамъ этого вора схватить, и онъ, узнавъ про то своими бѣсовскими мечтами, скрылся и ушелъ къ князю Адаму Вишневецкому и, по сатанинскому ученью, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленью и по королевскому велѣнью, сталъ называться княземъ Димитріемъ". Патріаршая грамота оканчивалась такъ: „Вы бы эту грамоту велѣли прочесть всѣмъ и того разстригу Гришку и его воровскихъ совѣтниковъ и государевыхъ измѣнниковъ, которые тому вору послѣдуютъ, и впередъ кто станетъ на то прельщаться и ему вѣрить, соборно и всенародно прокляли и впередъ проклинать велѣли, да будутъ они всѣ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. А мы здѣсь въ царствующемъ градѣ Москвѣ, соборно и со всѣми православными христіанами, также ихъ вѣчному проклятію предали и впередъ проклинать повелѣваемъ" [1].

Только въ январѣ 1605 года сѣверныя русскія области были увѣдомлены правительствомъ о Лжедимитріи, тогда какъ южныя давно уже волновались его подметными грамотами. „Люди, которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія злодѣйскія дѣла приговорены были на сожженіе, а другіе къ ссылкѣ, бѣжали въ Литовскую Землю за рубежъ, и злые плевелы еретическіе сѣяли, между царствъ вражду и ссору дѣлали; и въ Сѣверской странѣ мужики севрюки—люди простые, забывъ Бога и душу свою, повѣря Сендомирскому воеводѣ съ товарищи, что паны радные, начали приставать къ вору". Подметныя грамоты провозились въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, котораго доставлялось тогда много изъ Литвы по случаю дороговизны. Такимъ образомъ, заставы, поставленныя подъ предлогомъ мора, а въ самомъ дѣлѣ для перехватыванія подозрительныхъ людей съ вѣстями о Димитріи, не помогали. Борисъ велѣлъ двинуться и войскамъ въ Ливны подъ предлогомъ нашествія Крымцевъ: но воеводы этого ополченія, Петръ Шереметевъ и Михайла Салтыковъ, сказали Хрущеву (посланному на Донъ уговаривать казаковъ), что „трудно противъ природнаго государя воевать". Въ Москвѣ были схвачены Василій Смирновъ и меньшой Булгаковъ за то, что на пиру пили здоровье Димитрія; а между тѣмъ въ народѣ шли разговоры о странныхъ явленіяхъ, предвѣщавшихъ что-то удивительное: на небѣ по ночамъ сражались другъ съ другомъ огненныя полчища, являлось по два мѣсяца, по три солнца; неслыханныя бури сносился верхи башенъ и кресты съ церквей, у людей и животныхъ раждались уроды; птица и рыба, приготовленныя для стола, теряли свой настоящій вкусъ; собака пожрала другую собаку, волкъ—волка; волки ходили огромными стаями и выли страшнымъ образомъ; лисицы среди бѣлаго дня бѣгали по Москвѣ; лѣтомъ 1604 года показалась яркая комета. Борисъ призвалъ старика астролога, котораго выписалъ изъ Лифляндіи, и велѣлъ дьяку Аѳанасію Власьеву спросить у него, что это значитъ. Астрологъ отвѣчалъ, что Господь Богъ этими новыми звѣздами и кометами остерегаетъ государей; пусть и царь теперь остережется и внимательно смотритъ за тѣми, кому довѣряетъ, пусть велитъ крѣпко беречь границы отъ чужеземныхъ гостей.

Опасные гости въ самомъ дѣлѣ шли къ границамъ Московскаго государства: 15 августа 1604 г. Лжедимитрій выступилъ въ походъ. Подъ Глинянами Поляки, сопровождавшіе его, собрались въ коло и выбрали гетманомъ Юрія Мнишка, выбрали и полковниковъ. Войско князя Острожскаго слѣдило за ними до самаго Днѣпра и заставляло ихъ не спать по цѣлымъ ночамъ.

Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Жители перваго пограничнаго города, Моравска, узнавъ, что идетъ царь съ польскимъ войскомъ, стали волноваться, и, больше изъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили къ Димитрію пословъ съ покорностію, и присягнули ему. Казаки, которые всегда шли впереди главнаго войска, приблизились къ Чернигову и были встрѣчены выстрѣлами; но потомъ, узнавши, что Моравскъ сдался, Черниговцы вступили въ переговоры и связали воеводу, не хотѣвшаго сдаваться царевичу. Несмотря на то, казаки, до при-

---

[1] Supplement. ad histor. Russiae Monum., p. 410; рукоп. И. П. Библ. отд. польск. № 119; Буссовъ; иное сказ. о самозванцахъ, врем. ист. общ. кн. 16. С. г. г. и д. II, стр. 178; портфель Татищ. № 7 въ библ. архива мин. ин. д.; дополн. къ акт. истор. I, № 151; акты ар. эксп. II, № 28; Historia de Pseudodemetr. Исаакъ Масса, 115.

хода главнаго войска, бросились на посадъ и выграбили его. Димитрій послалъ сказать имъ, чтобъ отдали добычу, иначе онъ поведетъ противъ нихъ рыцарство; казаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Черниговъ поддался; но не поддался Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвысилъ его наперекоръ мѣстничеству. На требованіе сдачи, изъ Новгорода-Сѣверскаго отвѣчали Полякамъ: „А... дѣти! пріѣхали на наши деньги съ воромъ"! Басмановъ отбилъ приступъ, не далъ зажечь города, и нетерпѣливый Лжедимитрій, раздраженный помѣхою, началъ укорять Поляковъ: „Я думалъ больше о Полякахъ", говорилъ онъ; „а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе". Рыцарство отвѣчало ему: „Мы не имѣемъ обязанности брать городовъ приступомъ, однако не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ". Поляки хотѣли-было уже покинуть его, какъ пришла вѣсть, что воевода князь Василій Рубецъ Мосальскій сдалъ Путивль, самый важный городъ въ Сѣверской Землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и, на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку, Лжедимитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ. Народъ видѣлъ этого царевича, окруженнаго Поляками, но видѣлъ и усердіе его къ вѣрѣ православной: такъ онъ велѣлъ принести въ Путивль изъ Курска чудотворную икону Богородицы, встрѣтилъ ее съ честію и поставилъ въ своихъ палатахъ, и каждый день горячо молился передъ нею; эта икона сопровождала его и въ Москву, гдѣ онъ держалъ ее также во дворцѣ. Царскій воевода, бояринъ князь Димитрій Шуйскій, стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ царю, что надобно выслать больше войска. Борисъ велѣлъ набирать полки, но въ приговорѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что „войска очень оскудѣли: одни прельщенные воромъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись; многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопи, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и Святой Церкви. Мы судили и повелѣли", продолжаетъ царь, „чтобы всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись, съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные".

Новая рать была поручена первому боярину, князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, которому подана была надежда, что царь выдастъ за него дочь свою съ Казанью и Сѣверскою Землею въ приданое. Мстиславскій сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ 18 декабря; царскаго войска было отъ 40 до 50,000, у Самозванца же не болѣе 15,000. И прежде, при недостаткѣ ратнаго искусства, многочисленность московскихъ войскъ мало оказывала пользы въ чистомъ полѣ, а теперь шатость, недоумѣніе отнимали нравственныя силы у воеводъ и воиновъ; мы видѣли, какъ Шереметевъ и Салтыковъ еще прежде говорили, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ; послѣ этого легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ, у Русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ стану самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще мало! Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: 21-го декабря, одушевивъ свое войско рѣчью, которая дышала полною увѣренностью въ правотѣ дѣла, онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло, Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ лошади, получилъ нѣсколько ранъ въ голову; царское войско потеряло 4,000 человѣкъ убитыми, и только неопытность Лжедимитрія въ ратномъ дѣлѣ помѣшала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Обозрѣвая послѣ битвы поле сраженія и видя столько труповъ съ русской стороны, Лжедимитрій заплакалъ [1]).

Несмотря однако на эту побѣду, которая по-настоящему должна была бы сильно возвысить духъ въ сподвижникахъ Лжедимитрія, дѣла его грозили принять очень дурной оборотъ. Левъ Сапѣга писалъ Мнишку, что въ Польшѣ на его предпріятіе смотрятъ очень дурно, и совѣтовалъ возвратиться; и Мнишекъ, подъ предлогомъ сейма, сталъ сбираться въ Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедимитрія денегъ: „Если не дашь, то ѣдемъ всѣ въ Польшу", — кричало оно. Рота Фредрова сказала ему: „Дай только намъ, а другимъ не давай; другіе смотрятъ на насъ,—и останутся, если мы останемся". Лжедимитрій повѣрилъ, далъ деньги одной ротѣ; но другія, узнавъ объ этомъ, еще больше взволновались; и когда Мнишекъ выѣхалъ изъ обоза, то за нимъ поѣхала и большая часть Поляковъ. Лжедимитрій ѣздилъ отъ одной роты къ другой, уговаривая рыцарство остаться, но встрѣчалъ только оскорбленія; одинъ Полякъ сказалъ ему: „Дай Богъ, чтобъ посадили тебя на колъ". Лжедимитрій далъ ему за это въ зубы, но этимъ не унялъ рыцарство, которое стащило съ него соболью шубу; русскіе приверженцы царевича должны были потомъ выкупать ее. Съ Лжедимитріемъ осталось только 1,500 Поляковъ, которые, вмѣсто Мнишка, выбрали гетманомъ Дворжицкаго. Но эта убыль въ войскѣ скоро была вознаграждена: пришло 12,000 казаковъ Малороссійскихъ, съ которыми самозванецъ засѣлъ въ Сѣвскѣ.

Такъ какъ главный воевода, князь Мстиславскій, былъ раненъ, то другіе воеводы, князь Дими-

[1]) Дополн. къ акт. истор. I, № 151; Петрицій, стр. 19; С. г. г. и д. II, стр. 175, № 78. Маржеретъ, Паерле, Борши—Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. библ. главнаго штаба. Рукоп. Румянц. муз. № 301; Historica narratio de mirabili via, et. c. Исаакъ Масса, 92.

трій Шуйскій съ товарищами, не позаботились извѣстить царя о битвѣ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Борисъ узналъ о ней стороною, и тотчасъ послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ рѣчью и милостивымъ словомъ. Посланный говорилъ Мстиславскому: „Государь и сынъ его жалуютъ тебя, велѣли тебѣ челомъ ударить; да жалуютъ тебя, велѣли о здоровьи спросить". Потомъ, упомянувъ о сраженіи и ранахъ Мстиславскаго, посланный продолжалъ отъ имени царя: „И ты то сдѣлалъ, бояринъ нашъ, князь Ѳеодоръ Ивановичъ, помня Бога и крестное цѣлованье, что пролилъ кровь свою за Бога, Пречистую Богородицу, за великихъ чудотворцевъ, за святыя Божіи церкви, за насъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ; и если, дастъ Богъ, службу свою довершишь и увидишь образъ Спасовъ, Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наши царскія очи, то мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ". Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ Мстиславскому для лѣченія ранъ медика и двоихъ аптекарей. Князю Димитрію Шуйскому съ товарищами царь велѣлъ поклониться, но прибавить: „Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ, бояръ нашихъ и воеводъ, съ крестопреступниками литовскими людьми и съ разстригою было дѣло; а вы къ намъ не писали, какимъ обычаемъ дѣло дѣлалось; и вы то дѣлаете негораздо, вамъ бы о томъ къ намъ отписать вскорѣ." У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли спросить о здоровьи. Такое благоволеніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ опасностью, робость, заставившая его унизиться до ласкательства предъ войскомъ. Если и разбитое войско получило знаки царскаго благоволенія, то понятно, что Борисъ спѣшилъ осыпать милостями воеводу, который одинъ исполнилъ свою обязанность какъ должно,— Басманова, защитника Новгорода-Сѣверскаго: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ, не въ примѣръ больше, чѣмъ первый воевода, сидѣвшій въ Новгородѣ, князь Никита Трубецкой.

На помощь къ больному отъ ранъ Мстиславскому былъ посланъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который, при появленіи самозванца, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ Московскимъ народомъ, что истинный царевичъ умеръ и погребенъ имъ, Шуйскимъ. Самозванецъ вышелъ изъ Сѣвска, и 21 января 1605 года ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, но, несмотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе вслѣдствіе многочисленности наряда въ царскомъ войскѣ. Знаменитый впослѣдствіи Михайла Борисовичъ Шеинъ, бывшій тогда въ званіи чашника, привезъ царю въ Троицкій монастырь вѣсть о побѣдѣ, и былъ пожалованъ за такую радость въ окольничіе; воеводы получили золотые; войску роздано 80,000 рублей; въ письмѣ къ воеводамъ Борисъ употреблялъ обычную фразу, что готовъ раздѣлить съ вѣрными слугами послѣднюю рубашку. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вѣсти о шаткости жителей Смоленска, этой неприступной ограды Московскаго государства; царь послалъ выговоръ смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они поступаютъ милостиво и совѣстятся пытать людей духовныхъ. „Вы это дѣлаете негораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у дьякона некому снять скуфьи и затѣмъ его не пытали; вамъ бы велѣть пытать накрѣпко и огнемъ жечь".

Пришли вѣсти, что и самозванецъ не истребленъ окончательно, а усиливается. Послѣ пораженія при Добрыничахъ, самозванецъ заперся въ Путивлѣ и, видя малочисленность своего войска, хотѣлъ-было уѣхать въ Польшу; но теперь между Русскими было уже много людей, которые тѣсно соединили свою судьбу съ его судьбою и которые не хотѣли бѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису; они удержали Лжедимитрія, грозили, что могутъ спасти себя, выдавъ его живымъ Годунову, утверждали, что, несмотря на пораженіе, средствъ у него еще много, что у Бориса много, враговъ. Враги Бориса, которымъ нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить послѣднему свою помощь: 4,000 Донскихъ казаковъ явилось въ Путивль. Что же дѣлали въ это время царскіе воеводы?—Они пошли осаждать Рыльскъ; но тутъ Поляки распустили слухъ, что къ нимъ на помощь идетъ Жолкѣвскій, гетманъ польный; языкъ сообщилъ эту вѣсть царскимъ воеводамъ, которые испугались, отступили поспѣшно отъ Рыльска, стали въ Комарницкой волости, и начали страшно мстить ея жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ, что, разумѣется, еще болѣе усилило ненависть севрюковъ къ Борису и привязанность къ Лжедимитрію. Недѣятельность воеводъ разсердила царя; онъ послалъ сказать воеводамъ, что они ведутъ дѣло нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Бояре и все войско оскорбились; въ войскѣ, по словамъ лѣтописца, стало мнѣніе и ужасъ отъ царя Бориса, и съ той поры многіе начали думать, какъ бы царя Бориса избыть и служить окаянному Гришкѣ. Такъ при шаткости, при усобицѣ, первая немилость со стороны одного соперника уже производила сильное неудовольствіе, заставляла многихъ думать, какъ бы избыть немилостиваго государя; уже многіе начали смотрѣть на свою службу не какъ на необходимую обязанность въ отношеніи къ царю и царству, но какъ на милость, которую они оказывали Борису, и, при первомъ неудовольствіи, начинали думать объ отступленіи отъ него: при появленіи соперника царю единеніе царя и царства рушились и возвращалось безнарядное время многовластія, когда вольно было переходить отъ одного знамени къ другому.

Побуждаемые царемъ, воеводы пошли осаждать Кромы, гдѣ засѣлъ приверженецъ Лжедимитрія, Акинѳіевъ да Донскіе казаки съ атаманомъ Корелою. Воеводы, по словамъ иностранца-очевидца, Маржерета, при осадѣ Кромъ занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но Русскій лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: когда деревянная стѣна Кромъ уже сгорѣла и нужно было порѣшить дѣло, извѣстный намъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ велѣлъ отвести нарядъ отъ крѣпости: „норовя окоянному Гришкѣ". Къ шаткости, ослабленію нравственному присоединилось еще бѣдствіе физическое: открылась сильная смертность въ станѣ царскомъ. Борисъ прислалъ лѣкарства ратнымъ людямъ, а между тѣмъ попытался отдѣлаться отъ самозванца отравою, подослалъ къ нему въ Путивль монаховъ съ зельемъ; но умыселъ былъ открытъ, и скоро разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: 13 апрѣля, когда онъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа, и, послѣ двухчасовыхъ страданій, онъ умеръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа. Понесся слухъ, что онъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго.

Послѣ Бориса остался сынъ Ѳеодоръ, который, по отзыву современниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію. Дѣйствительно, какъ видно, Борисъ первый изъ царей Московскихъ расширилъ для своего сына кругъ занятій, которымъ ограничивались при воспитаніи Русскихъ людей: такъ извѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою Ѳедора. Говорятъ, Борисъ сильно любилъ сына; мы видѣли, что онъ пріобщилъ его къ правленію, имя его постоянно соединялось въ грамотахъ съ отцовскимъ; какъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича обыкновенно писалось, что просьбы исполняются царемъ по ходатайству конюшаго боярина Годунова,—такъ въ царствованіе Бориса писалось, что просьбы исполняются по ходатайству царевича Ѳеодора [1]).

Жители Москвы спокойно присягнули Ѳеодору, цѣловали крестъ: „Государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ, государю царю Ѳеодору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ". Форма присяги та же самая, что и Борису: повторено обязательство не хотѣть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: „И къ вору, который называется княземъ Димитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и его совѣтниками не ссылаться ни накакое лихо, не измѣнять, не отъѣзжать, лиха никакого не сдѣлать, государства не подъискивать, не по своей мѣрѣ ничего не искать, и того вора, что называется царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть". Здѣсь самозванецъ не названъ Отрепьевымъ не потому, что само правительство перемѣнило мнѣніе о его происхожденіи, но чтобъ отнять у измѣнниковъ всякую оговорку къ нарушенію присяги, чтобъ они не могли сказать: мы не нарушали клятвы и не присягаемъ Отрепьеву, потому что царевичъ не есть Отрепьевъ; такъ по крайней мѣрѣ объясняли это самозванцу сами измѣнники. „Форма присяги", говорили они, „иначе была намъ выдана, не такъ, какъ мы разумѣли, имя Гришки въ ней не упомянуто, чтобы мы противъ тебя, природнаго государя нашего, дѣйствовали и тебя въ государи себѣ не избрали". Прибавлена была особая присяга для дьяковъ: „Мы, будучи у ея государынина и государева дѣла, всякія дѣла дѣлать вправду, тайныхъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывать, государыниной и государевой казны всякой и денегъ не красть, дѣлъ не волочить, посуловъ и поминковъ ни у кого не брать, никому ни въ чемъ по дружбѣ не норовить и не покрывать, по недружбѣ ни на кого ничего не затѣвать, изъ книгъ писцовыхъ, отдѣльныхъ и изъ дачъ выписывать подлинно прямо". Въ присягѣ Ѳедору Борисовичу можетъ остановить то обстоятельство, что имя царицы Марьи Григорьевны поставлено впереди; изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ѳедоръ вступилъ на престолъ подъ опекою матери; въ противномъ случаѣ надобно бы предположить, что и царевна Ксенія была соправительницею брату. И присяга при вступленіи на престолъ отца Ѳедорова такъ же дана была цѣлой семьѣ: царю Борису, женѣ его, царевичу Ѳедору, царевнѣ Ксеніи и тѣмъ дѣтямъ, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ. Любопытно, что въ грамотахъ владыкамъ о молебствіи за новаго царя вступленіе на престолъ Ѳедора разсказывается точно такъ же, какъ расказывалось о вступленіи на престолъ отца его: „По преставленіи великаго государя нашего, святѣйшій Іовъ и весь освященный соборъ и весь царскій синклитъ, гости и торговые люди и всенародное множество Россійскаго государства, великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала, положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ попрежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ; также и государю царевичу били челомъ, чтобы пожаловалъ, по благословенію и приказу отца своего, былъ на Россійскомъ государствѣ царемъ и самодержцемъ. И великая государыня слезъ и моленій не презрѣла, сына своего благословила, да и государь царевичъ, по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей, насъ пожаловалъ, на Московскомъ государствѣ сѣлъ". Вѣроятно хотѣли показать, что, кромѣ благословенія от-

[1]) Акты арх. эксп. II, № 27; Буссовъ; Петрея; Акты истор. II, № 53. Паерле, Лѣтоп. о мятеж., стр. 84 и слѣд., Маржеретъ; хронографы; Milton—History of Moscov. 53; С. г. г. и д. II, стр. 177.

цовскаго, Ѳедоръ принялъ престолъ вслѣдствіе единодушнаго желанія и слезнаго моленія народнаго. Въ Москвѣ всѣ присягнули безъ сопротивленія; но состояніе умовъ въ жителяхъ областей было подозрительно, и потому въ грамотахъ, разосланныхъ къ воеводамъ съ приказаніемъ приводить жителей къ присягѣ, было прибавлено: „Берегли бы накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, и не было бы ни одного человѣка, который бы намъ креста не цѣловалъ“. Доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщается быть въ Москвѣ, „какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться“.

Недѣятельность бояръ—Мстиславскаго и Шуйскаго, воеводъ огромной рати, неумѣнье или нежеланіе ихъ истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной, заставили новое правительство отозвать обоихъ князей въ Москву и на ихъ мѣсто послать уже показавшаго свою вѣрность и мужество Басманова; но Басманова нельзя было назначить главнымъ воеводою, ибо, вслѣдствіе мѣстничества, надобно было бы смѣнить другихъ воеводъ, которымъ съ Басмановымъ быть не приводилось, и потому первымъ воеводою послали князя Катырева-Ростовскаго, а Басманова назначили вторымъ воеводою большаго полка. Вмѣстѣ съ боярами, княземъ Ростовскимъ и Басмановымъ, отправленъ былъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ царю Ѳедору. Ратные люди дали присягу, но недолго соблюдали ее. Басмановъ видѣлъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственная слабость, ничего сдѣлать нельзя; что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертію Бориса, въ которой многіе видѣли указаніе свыше на рѣшеніе борьбы, притомъ же за Ѳедора, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ его, извѣстныхъ впрочемъ не всѣмъ, не было старины, какъ за отца его, а это въ то время очень много значило. Басмановъ видѣлъ, что воеводы, сколько-нибудь дѣятельные, способные сообщать дѣятельность, одушевленіе войску, не хотятъ Годуновыхъ; видѣлъ, что противиться общему расположенію умовъ—значитъ идти на явную и безполезную, въ его глазахъ, гибель, и, не желая пасть жертвою присяги, рѣшился покончить дѣло. Онъ соединился съ князьями Голицыными — Василіемъ и Иваномъ Васильевичами, съ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и 7 мая объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Полки безъ сопротивленія провозгласили послѣдняго государемъ; только немногіе не захотѣли нарушить присягу Ѳедору, и, съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву.

Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ посланъ въ Путивль объявить самозванцу о переходѣ войска на его сторону. Говорятъ, что нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ съ Голицынымъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но уже было поздно объявлять о подобныхъ открытіяхъ. Лжедимитрій приказалъ войску идти подъ Орелъ и тамъ его дожидаться, а самъ двинулся туда изъ Путивля 19 мая. Къ нему на-встрѣчу поѣхали сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ князь Василій Голицынъ и Шереметевъ, который прежде другихъ сказалъ, что трудно воевать съ прирожденнымъ государемъ. Прибывши въ Орелъ, Лжедимитрій отпустилъ войско къ Москвѣ съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, а самъ пошелъ за нимъ съ своею польскою и русскою дружиною. Поляки говорятъ, что онъ не хотѣлъ идти вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ изъ недовѣрчивости, и всегда распоряжался такъ, чтобы между обоими войсками было не менѣе мили или полмили разстоянія.

Послѣ измѣны войска, гонцы съ грамотами отъ Лжедимитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ, но ихъ хватали и замучивали до смерти. 1-го іюня пріѣхалъ съ грамотами Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ, и отправились сперва въ Красное Село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, а мы знаемъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ московскіе купцы были не за Годунова. Плещеевъ и Пушкинъ прочли Красносельцамъ лжедимитріеву грамоту, написанную на имя бояръ — Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ и другихъ, окольничихъ и гражданъ московскихъ. Лжедимитрій напомнилъ въ ней: о присягѣ, данной отцу его, Іоанну; о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова; о своемъ чудесномъ спасеніи въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову, „не вѣдая злокозненнаго нрава его и боясь того, что онъ при братѣ нашемъ царѣ Ѳедорѣ владѣлъ всѣмъ Московскимъ государствомъ, жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ, а про насъ, прирожденнаго государя своего, не знали, думали, что мы отъ измѣнниковъ нашихъ убиты“. Напоминалъ о притѣсненіяхъ, какія были при Борисѣ „боярамъ нашимъ и воеводамъ и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и всѣмъ вамъ, чего и отъ прирожденнаго государя терпѣть было невозможно“ Взаключеніе самозванецъ обѣщалъ награды всѣмъ въ случаѣ признанія, гнѣвъ Божій и свой царскій—въ случаѣ сопротивленія. Красносельцы съ радостію приняли посланныхъ и собрались шумною толпою провожать ихъ въ городъ. Правительство выслало-было противъ нихъ стрѣльцовъ; но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедимитрія съ Красносельцами достигли безпрепятственно Лобнаго мѣста, прочли народу грамоту Лжедимитріеву. Народъ взволновался; бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ выйти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на Лобное мѣсто—и ничего не сдѣлали. Говорятъ, что народъ просилъ князя Василія Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно ли онъ похоронилъ Димитрія царевича въ Угличѣ: Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ а

вмѣсто него убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Ворота въ Кремль не были заперты; толпы народа ворвались туда, схватили царя Ѳеодора съ матерью и съ сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили, домы разломали. Въ это Смутное время является опять на сцену Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки по смерти Бориса; врага его уже не было въ-живыхъ, семейству этого врага уже мстили другіе; но у Бѣльскаго оставались еще враги,—Нѣмцы Борисовы: онъ шепнулъ народу, что лѣкаря иноземные были совѣтниками Бориса, получили отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами,—толпы черни бросились немедленно къ Нѣмцамъ и осушили не только всѣ бочки въ погребахъ, но и разграбили все имѣніе.

3-го іюня отправлены были изъ Москвы къ самозванцу въ Тулу съ повинною: бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и князь Андрей Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Въ то же время съ другой стороны пріѣхали къ Лжедимитрію послы отъ Донскихъ казаковъ, первыхъ и самыхъ вѣрныхъ его помощниковъ. Лжедимитрій позвалъ Донцовъ къ рукѣ прежде бояръ московскихъ, которыхъ встрѣтилъ грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю; казаки, хвалясь своею вѣрностію, также позорили бояръ, а князя Телятевскаго чуть не убили до смерти за прежнюю вѣрность Годунову. Еще прежде пріѣзда Воротынскаго и Телятевскаго, какъ скоро узнано было о присягѣ Лжедимитрію, отправились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій, да дьякъ Сутуповъ покончить съ Годуновыми. Посланные начали съ патріарха Іова, самаго ревностнаго приверженца послѣднихъ: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы, и, какъ простого монаха, сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ стражею родныхъ бывшаго царя, Годуновыхъ, и однородцевъ ихъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, тоже разослали въ заточеніе; одинъ только Семенъ Годуновъ былъ задушенъ въ Переяславлѣ: онъ больше другихъ навлекъ на себя ненависть, потому что ревностнѣе другихъ заботился о выгодахъ своего рода. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновыми, князья Голицынъ и Мосальскій съ Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый домъ Борисовъ: царицу Марью удавили скоро; но молодой Ѳеодоръ боролся отчаянно; наконецъ одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ; народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ-живыхъ. Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьемскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ [1]).

Глава III.

Царствованіе Лжедимитрія.

Грамоты Лжедимитрія.—Присяжная запись.—Въѣздъ царя въ Москву.—Дѣйствія князя Шуйскаго противъ новаго царя.—Патріархъ Игнатій.—Пріѣздъ царицы Мароы въ Москву.—Правительственная дѣятельность царя.—Поведеніе Поляковъ, приведенныхъ имъ въ Москву.—Новые обычаи.—Обличители.—Сношенія съ Польшею.—Сношенія съ Римомъ.—Женитьба царя на Маринѣ Мнишекъ.—Самозванецъ Петръ.—Неудовольствія въ Москвѣ на царя.—Новые обличители.—Заговоръ Шуйскаго.—Смерть Лжедимитрія.—Избраніе князя Василія Шуйскаго въ цари.

Узнавъ объ успѣхѣ своего дѣла въ Москвѣ, Лжедимитрій тотчасъ же разослалъ грамоты по городамъ съ извѣстіемъ о томъ, что Москва признала его истиннымъ Димитріемъ, и съ требованіемъ послѣдовать ея примѣру. Новый царь писалъ, что Богъ поручилъ ему Московское государство, и патріархъ Іовъ, духовенство и всякихъ чиновъ люди, „узнавъ прирожденнаго государя своего, въ своихъ винахъ добили челомъ. И вы бы о нашей матери и о нашемъ многолѣтнемъ здоровьи по всѣмъ церквамъ велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрѣпко, чтобы въ людяхъ шатости, грабежа и убійства не было, и о всякихъ дѣлахъ писали бы къ намъ“. Вслѣдъ за первою грамотою, отправлена была и другая съ предписаніемъ не выпускать денегъ изъ казны, беречь ее накрѣпко и такъ же не позволять никакого замедленія въ сборахъ. Потомъ былъ разосланъ приказъ приводить жителей къ присягѣ. Въ присяжной записи соблюдена была та же форма, какую мы видѣли въ Годуновской: присяга бралась на имя царицы Мароы Ѳедоровны и сына ея Димитрія; но было и важное различіе: въ записи Димитріевой не было того исчисленія всѣхъ возможныхъ посягновеній на особу царскую, какое видѣли мы въ записяхъ Годуновыхъ; о Годуновыхъ сказано: „Съ измѣнниками ихъ, съ Ѳедькою Борисовымъ, сыномъ Годуновымъ, съ его матерью, съ ихъ родствомъ, съ ихъ совѣтниками, не ссылаться ни письмомъ, ни какимъ другимъ образомъ“.

Лжедимитрій узналъ въ Серпуховѣ о гибели Годуновыхъ; на дорогѣ изъ этого города къ Москвѣ

---

[1]) С. г. г. и д. II, № 85, 87; Акты арх. эксп. II, № 32; С. г. г. и д. II, № 83; Акты историч. II, № 55; Лѣтоп. о мятеж., стр. 87 и слѣд.; Акты арх. эксп. II, № 34; Буссовъ; Петрей Rerum rossicar. script. exteri, p. 173; о смерти Ѳеодора лѣтописецъ говоритъ: «взять его за таенные уды и раздавы».

остановился на нѣсколько дней въ селѣ Коломенскомъ, и 20 іюня въѣхалъ торжественно въ столицу, при звонѣ колоколовъ у всѣхъ церквей, при безчисленномъ множествѣ народа на улицахъ, на крышахъ домовъ, на колокольняхъ; народъ падалъ на колѣни предъ новымъ царемъ и кричалъ: „Дай, Господи, тебѣ, государь, здоровья! ты наше солнышко праведное!" Димитрій отвѣчалъ на эти крики: „Дай Богъ и вамъ здоровья! встаньте и молитесь за меня Богу!" День былъ ясный и тихій; но когда новый царь, переѣхавши живой мостъ черезъ Москворѣцкія ворота, вступилъ на площадь, поднялась сильная буря; народъ смутился, началъ креститься, приговаривая: „Помилуй насъ Богъ! помилуй насъ Богъ!" Духовенство встрѣтило царя на Лобномъ мѣстѣ съ крестами; отъѣхавши нѣсколько шаговъ отъ Лобнаго мѣста, Димитрій остановилъ свою лошадь подлѣ церкви Василія Блаженнаго, снялъ шапку, взглянулъ на Кремль, на безчисленныя толпы народа и съ горючими слезами началъ благодарить Бога, что сподобилъ его увидѣть родную Москву. Народъ, видя слезы царя, принялся также рыдать.

Въ Кремлѣ, по старому обычаю, царь пошелъ по соборамъ, слушалъ молебны; но замѣтили и новое, которое не понравилось; во время этихъ молебновъ Латыне-Литва сидѣли на лошадяхъ, трубили въ трубы и били въ бубны. Была и другая новость: Благовѣщенскій протопопъ Терентій говорилъ витіеватую рѣчь, въ которой умолялъ царя о помилованіи народа, по невѣдѣнію преступившаго клятву: „Когда слышимъ похвалу нашему преславному царю", говорилъ ораторъ, „то разгараемся любовію къ произносящему эти похвалы: мы были воспитаны во тьмѣ и привлекли къ себѣ свѣтъ. Уподобляяся Богу, подвигнись принимать, благочестивый царь, наши мольбы, и не слушай людей, влагающихъ въ уши твои слухи неподобные, подвигающихъ тебя на гнѣвъ; ибо если кто и явится тебѣ врагомъ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ, Богъ, Который освятилъ тебя въ утробѣ матерней, сохранилъ невидимою силой отъ всѣхъ враговъ и устроилъ на престолѣ царскомъ. Богъ укрѣпилъ тебя и утвердилъ, и поставилъ ноги твои на камнѣ своего основанія: кто можетъ тебя поколебать? Воздвигни милостивыя очи свои на насъ, пощади насъ, отврати отъ насъ праведный гнѣвъ свой". Замѣчательно, что въ этой рѣчи ораторъ не одинъ разъ упоминаетъ о людяхъ, которые хотятъ поссорить царя съ его народомъ: вѣроятно, онъ разумѣлъ подъ этими людьми Поляковъ. Когда новый царь былъ уже во дворцѣ, изъ Кремля на Красную площадь выѣхалъ Богданъ Бѣльскій, окруженный боярами и дьяками; онъ вошелъ на Лобное мѣсто и громко свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ народомъ, что новый царь есть истинный Димитрій, и въ доказательство правды словъ своихъ поцѣловалъ крестъ.

Но другое втихомолку свидѣтельствовалъ человѣкъ, который при жизни царя Бориса торжественно объявлялъ московскому народу, что царевичъ убитъ, и тотъ, кто называется его именемъ, есть воръ Гришка Отрепьевъ. Князь Василій Шуйскій не повторилъ торжественно этого свидѣтельства предъ народомъ по смерти Годунова, не повторилъ, когда оно было всего нужнѣе, когда Пушкинъ и Плещеевъ читали на Лобномъ мѣстѣ грамоту Лжедимитріеву и толпы стремились въ Кремель низводить съ престола Ѳеодора Годунова; говорятъ даже, что онъ въ это время объявилъ совершенно противное. Но когда съ Годуновыми было покончено, и когда самозванецъ съ горстію Поляковъ былъ въ Москвѣ, Шуйскій началъ повторять прежнее свидѣтельство свое; онъ объявилъ торговому человѣку Ѳеодору Коневу и какому-то Костѣ лѣкарю, что новый царь—самозванецъ, и поручилъ имъ разглашать объ этомъ тайно въ народѣ. Но Коневъ и Костя не умѣли сдѣлать этого тайно: Басмановъ узналъ о слухахъ, узналъ отъ кого они идутъ, и донесъ царю. По польскимъ извѣстіямъ, Шуйскій хотѣлъ поджечь посольскій дворъ, занимаемый Поляками. 23 іюня Шуйскій былъ схваченъ, и Лжедимитрій отдалъ дѣло на судъ собору, на которомъ, кромѣ духовенства и членовъ думы, были и простые люди, ибо лѣтописецъ говоритъ, что изъ простыхъ людей никто не былъ за Шуйскаго,—всѣ на него кричали. По нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, самозванецъ самъ оспаривалъ Шуйскаго и уличалъ его въ клеветѣ, причемъ говорилъ съ такимъ искусствомъ и умомъ, что весь соборъ былъ приведенъ въ изумленіе и рѣшилъ, что Шуйскій достоинъ смерти. 25-е число назначено было для исполненія приговора. Шуйскій былъ уже выведенъ къ плахѣ, уже прочитана была ему сказка или объявленіе вины, уже простился онъ съ народомъ, объявивъ, что умираетъ за правду, за вѣру и народъ христіанскій,—какъ прискакалъ гонецъ съ объявленіемъ помилованія. Источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедимитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе Поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые — Аѳанасья Власьева; извѣстія, что убѣдила къ тому царица Марѳа, мы принять не можемъ, ибо ея не было еще тогда въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, Шуйскаго, вмѣстѣ съ двумя братьями, сослали въ Галицкіе пригороды, имѣніе отобрали въ казну; но, прежде нежели они достигли мѣста ссылки, ихъ возвратили въ Москву, отдали имѣніе и боярство.

Извѣстить народъ о восшествіи на престолъ новаго царя долженъ былъ патріархъ. Первымъ изъ русскихъ архіеревъ, признавшимъ торжественно Лжедимитрія, былъ Рязанскій архіепископъ Игнатій, родомъ Грекъ, прежде бывшій архіепископомъ въ Кипрѣ и пришедшій въ Россію въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; когда Лжедимитрій былъ въ Тулѣ, Игнатій, къ епархіи котораго принадлежала Тула, встрѣтилъ его здѣсь какъ царя. Этого-то Игнатія 24 іюня возвели въ патріархи. Новый патріархъ разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ о восшествіи

Димитрія на престолъ и возведеніи его, Игнатія, въ патріаршеское достоинство, по царскому изволенію, причемъ предписывалъ молиться за царя и за царицу-мать, и, между прочимъ, чтобы возвысилъ Господь Богъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ.

Но признаніе Игнатія не могло окончательно утвердить новаго царя на престолѣ: это могло сдѣлать только признаніе матери, царицы Марѳы. Великій мечникъ (новое достоинство придворное, учрежденное Лжедимитріемъ по образцу польскому), знаменитый впослѣдствіи князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, былъ посланъ за Марѳою и привезъ ее въ Москву 18 іюля; царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ и имѣлъ съ нею свиданіе наединѣ въ шатрѣ, раскинутомъ близъ большой дороги. Говорятъ, Марѳа очень искусно представляла нѣжную мать: народъ плакалъ, видя, какъ почтительный сынъ шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты материнской; Марѳу помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ, куда царь ѣздилъ къ ней каждый день. Вскорѣ по пріѣздѣ матери, 30 іюля, Лжедимитрій вѣнчался на царство по обыкновенному обряду. Объявлены были милости: мнимый дядя царя, Михаилъ Ѳедоровичъ Нагой, получилъ званіе конюшаго боярина; Филаретъ Никитичъ Романовъ возведенъ въ санъ Ростовскаго митрополита; брату его, Ивану Никитичу, дано боярство. Бывшій царь и великій князь Тверской, Семеонъ Бекбулатовичъ, былъ также вызванъ изъ ссылки и явился при Дворѣ съ прежнею честію: мнимый сынъ Грознаго не боялся его совмѣстничества. Между пожалованіями видимъ и небывалыя: двое думныхъ дьяковъ—Василій Щелкаловъ и Аѳанасій Власьевъ—были произведены въ окольничіе. Замѣчательно, что Лжедимитрій, еще будучи въ Польшѣ, говорилъ о покровительствѣ, оказанномъ ему Щелкаловыми, и замѣчательно, что Борисъ удалилъ Василія Щелкалова отъ дѣлъ. Изъ родственниковъ и приверженцевъ бывшаго царя подверглись ссылкѣ 74 семейства.

Не проходило дня, въ который бы царь не присутствовалъ въ думѣ. Иногда, слушая долговременные безплодные споры думныхъ людей о дѣлахъ, онъ смѣялся и говорилъ: „Столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ!“—и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми бояре долго думали. Онъ любилъ и умѣлъ поговорить; какъ всѣ тогдашніе грамотѣи, любилъ приводить примѣры изъ исторіи разныхъ народовъ; разсказывалъ и случаи собственной жизни. Нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, обѣщалъ позволить имъ ѣздить въ чужія Земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образоваться: велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, будетъ самъ принимать челобитныя; предписалъ приказамъ рѣшать дѣла безъ посуловъ. Когда Поляки совѣтовали ему принять строгія мѣры противъ подозрительныхъ людей, то онъ отвѣчалъ имъ, что далъ обѣтъ Богу не проливать христіанской крови; что есть два средства удерживать подданныхъ въ повиновеніи: одно — быть мучителемъ, другое—расточать награды, не жалѣя ничего, и что онъ избралъ послѣднее. Онъ велѣлъ заплатить всѣмъ тѣ деньги, которыя были взяты взаймы еще Грознымъ и не отданы. Жалованье служилымъ людямъ удвоено; духовенству подтверждены старыя льготныя грамоты и даны новыя; послано соболей на 300 рублей во Львовъ для сооруженія тамъ православной церкви, причемъ въ царской грамотѣ къ тамошнему духовенству говорится: „Видя васъ несомнѣнными и непоколебимыми въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ Греческаго закона, послали мы къ вамъ отъ нашей царской казны.“ Въ духовники себѣ Лжедимитрій выбралъ архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря. Печатаніе священныхъ книгъ продолжалось въ Москвѣ: Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ напечаталъ Апостолъ, въ послѣсловіи къ которому читаемъ: „Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христолюбиваго, исконнаго государя всея великія Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича“

Относительно крестьянъ и холопей въ правленіе Лжедимитрія сдѣланы два распоряженія 1) Приговорили бояре: „Если дѣти боярскія, приказные люди, гости и торговые всякіе люди станутъ брать на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ, что занялъ у него, да у сына его деньги, и кабалу имъ на себя даетъ, то этихъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писать и въ книги записывать не велѣть, а велѣть писать кабалы порознь,—отцу особая кабала и сыну особая, сыну же съ отцомъ, брату съ братомъ, дядѣ съ племянникомъ кабалъ писать и въ книги записывать не велѣть. Если же отецъ съ сыномъ или братъ съ братомъ станутъ по служилымъ кабаламъ на комъ-нибудь холопства искать, то этимъ истцамъ отказывать, а тѣхъ людей, на кого они кабалу положатъ, освободить на волю.“ Этотъ приговоръ состоялся вѣроятно для избѣжанія слѣдующаго случая: вольный человѣкъ бралъ деньги и давалъ на себя служилую кабалу; взявшій кабалу, чтобъ упрочить, въ случаѣ своей смерти, холопа и наслѣдникамъ своимъ, сыну, брату или племяннику, писалъ, что холопъ взялъ деньги у обоихъ и такимъ образомъ дѣлалъ его холопомъ для обоихъ, что могло случиться безъ вѣдома неграмотнаго холопа; особыя же кабалы никакъ не могли быть даны безъ его вѣдома. Законъ имѣлъ вѣроятно цѣлію ограничить распространеніе холопства, чтобы сынъ или вообще наслѣдникъ не могъ наслѣдовать холопей умершаго отца или родственника.

Другой боярскій приговоръ касается бѣглыхъ крестьянъ: „Если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за

годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голодные годы, но съ имѣніемъ, которымъ прокормиться имъ было можно, то ихъ также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, изъ подмосковныхъ городовъ на Украйны или обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растеряли его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности,—про такихъ велѣно было спросить окольныхъ людей стараго помѣстья, и если они скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ съ имѣніемъ достаточнымъ для прокормленія, то бѣглеца отдать прежнему помѣщику. Если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ въ голодные года отъ бѣдности, было нечѣмъ ему прокормиться,—такому крестьянину жить за тѣмъ, кто кормилъ его въ голодные года, а истцу отказать: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодные года, и теперь его не ищи. Если крестьяне въ голодные года пришли въ холопи къ своимъ или чужимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и дали на себя служилыя кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вытягивать къ себѣ въ крестьяне,—въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: если шелъ отъ бѣдности, имѣнья у него не было ничего, то истцамъ отказывать;—въ голодныя лѣта помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а самъ онъ прокормиться не могъ, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертію умереть, билъ челомъ въ холопи, и тотъ, кто его принялъ, въ голодные года кормилъ и себя истощалъ, проча его себѣ,—и теперь такого крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать, и быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, потому что не отъ самой большой нужды онъ въ холопи не пошелъ бы. Если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ,—въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книгѣ въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ укрѣпляется за господиномъ, потому что если-бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки: если же кабалы въ книги не записаны, то имъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голода или годъ спустя послѣ него, то ихъ сыскивать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ случаѣ же спора, давать судъ; равно—если крестьяне пошли въ холопи до голода, то обращаются снова въ крестьянство; приговоръ оканчивается повтореніемъ стараго постановленія, что на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать. Этотъ приговоръ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ ясно высказано различіе, существовавшее въ то время между состояніемъ крестьянина и состояніемъ холопа. Милости новаго царя достигли и отдаленныхъ Остяковъ: притѣсненные верхотурскими сборщиками ясака, Остяки просили царя, чтобы велѣлъ собирать съ нихъ ясакъ попрежнему изъ Перми Великой; Лжедимитрій сдѣлалъ болѣе: онъ освободилъ ихъ совершенно отъ сборщиковъ, приказалъ имъ самимъ отвозить ясакъ въ Верхотурье [1]).

Послѣ царскаго вѣнчанія своего, Лжедимитрій отпустилъ иностранное войско, состоявшее преимущественно изъ Поляковъ, выдавъ ему должное за походъ жалованье; но этотъ сбродъ, привыкшій жить на чужой счетъ, хотѣлъ подолѣе повеселиться насчетъ царя Московскаго; взявши деньги, Поляки остались въ Москвѣ, начали роскошничать, держать по 10 слугъ, пошили имъ дорогое платье, стали буйствовать по улицамъ, бить встрѣчныхъ. Шляхтичъ Липскій былъ захваченъ въ буйствѣ и приговоренъ ко кнуту; когда, передъ наказаніемъ, по обычаю, стали водить его по улицамъ, то Поляки отбили его, переранивши сторожей. Царь послалъ сказать имъ, чтобы выдали Липскаго для наказанія, иначе онъ велитъ пушками разгромить ихъ дворъ и истребить ихъ всѣхъ. Поляки отвѣчали, что помрутъ, а не выдадутъ товарища; но прежде чѣмъ помрутъ, надѣлаютъ много зла Москвѣ. Тогда царь послалъ сказать имъ, чтобы выдали Липскаго для успокоенія народа, а ему не будетъ ничего дурнаго, и Поляки согласились. Пропировавши и проигравши всѣ деньги, Поляки снова обратились къ царю съ просьбами; когда же тотъ отказалъ имъ, то они отправились въ Польшу съ громкими жалобами на неблагодарность Лжедимитрія. Осталось при царѣ нѣсколько Поляковъ, его старыхъ пріятелей, нѣсколько способныхъ людей, необходимыхъ ему для сношенія съ Польшею, какъ напримѣръ братья Бучинскіе; остались въ прежнемъ значеніи тѣлохранителей царскихъ иностранцы, набранные Борисомъ, преимущественно изъ Ливонцевъ. Лжедимитрій ласкалъ ихъ не менѣе Бориса, испытавъ ихъ храбрость и искусство воинское въ битвахъ, которыя они выдержали противъ него подъ знаменемъ Годунова.

И на Бориса дошли до насъ сильныя жалобы за то, что онъ очень любилъ иностранцевъ, отчего распространилось пристрастіе къ иностраннымъ обычаямъ. Легко понять, что гораздо болѣе поводовъ къ подобнымъ жалобамъ долженъ былъ подать Лжедимитрій, человѣкъ молодой, съ природою необыкновенно живою, страстною, дѣятельною,

[1]) Акты арх. эксп. II, № 35; С. г. г. и д. II, № 89; Акты арх. эксп. II, № 36, 38, 224, Буссовъ; Лѣтоп. о мятеж., стр. 95. С. г. г. и д. II, № 92, 93, 121; Акты истор. II, № 58—60, 64, 347; Акты арх. эксп. II, № 42. Сборн. Мухан. № 135—137; С. г. г. и д. II, № 130; Акты историч. II, № 63, 62; Андрей Лавицкій въ письмѣ къ padre provinciale di Polonia у Ciampi въ Bibliogr. critica; лѣтопись изъ библіот. Волынскаго, въ библіот. архива мин. ин. д.; Иное сказаніе о самозванцахъ, во времен. москов. истор. общ., кн. 16; Борши — Wyprava czara Moskievsk.—День вѣнчанія на царство самозванца я полагаю по русскимъ источникамъ (см. Иное сказаніе во времен.).—О духовникѣ самозванца см. Акты, относ. до юридич. быта, стр. 236. Исаакъ Масса, 138.

человѣкъ, самъ побывавшій на чужбинѣ. Онъ ввелъ за обѣдомъ у себя музыку, пѣніе, не молился передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ въ концѣ стола, ѣлъ телятину, что было не въ обычаѣ у Русскихъ людей того времени, не ходилъ въ баню, не спалъ послѣ обѣда, а употреблялъ это время для осмотра своей казны, на посѣщеніе мастерскихъ, причемъ уходилъ изъ дворца самъ-другъ, безъ всякой пышности; при обычной потѣхѣ тогдашней, бою со звѣрями, онъ не могъ, по своей природѣ, оставаться празднымъ зрителемъ, самъ вмѣшивался въ дѣло, билъ медвѣдей; самъ испытывалъ новыя пушки, стрѣлялъ изъ нихъ чрезвычайно мѣтко; самъ училъ ратныхъ людей, въ примѣрныхъ приступахъ къ землянымъ крѣпостямъ лѣзъ въ толпѣ на валы, несмотря на то, что его иногда палками сшибали съ ногъ, давили. Все это могло казаться страннымъ: отступленіе отъ старыхъ обычаевъ могло оскорблять нѣкоторыхъ;—трудно сказать, что оно могло оскорблять всѣхъ, потому что пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ начало распространяться еще при Годуновѣ. Могли оскорбляться нѣкоторые приближенные люди, большинство не было свидѣтелемъ уклоненія самозванца отъ старыхъ обычаевъ; молодечество его, видное для всѣхъ, конечно не могло оскорблять большинства.

Сильнѣе всего могли оскорбиться пристрастіемъ самозванца къ чуждой вѣрѣ. Онъ принялъ католицизмъ; но изъ всего видно, что это принятіе было слѣдствіемъ разсчета: въ Польшѣ оно было необходимо ему для полученія помощи отъ короля, то есть отъ іезуитовъ. Теперь, когда онъ уже сидѣлъ на престолѣ Московскомъ, ему нужно было сохранить дружескія отношенія къ папѣ, королю Сигизмунду и ко всѣмъ католическимъ державамъ. Въ это время, несмотря на появленіе другихъ могущественныхъ интересовъ въ Европѣ, еще не утратила своей силы и привлекательности мысль о необходимости всеобщаго христіанскаго ополченія противъ страшныхъ Турокъ: неудивительно, что походъ противъ Турокъ сталъ любимою мечтою пылкаго, храбраго Лжедимитрія; но онъ зналъ, что для осуществленія этой мечты нужно было находиться въ тѣсномъ союзѣ, въ единеніи съ католическими державами, съ папою. Пріязнь папы, іезуитовъ и руководимаго ими короля Сигизмунда нужны были Лжедимитрію еще по другой причинѣ: онъ былъ влюбленъ въ Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ; король, духовенство католическое могли препятствовать ея пріѣзду, и сами Мнишки были ревностные католики. Нѣтъ сомнѣнія, что, для выхода изъ затруднительнаго положенія относительно Римскаго двора и для своихъ политическихъ замысловъ, Лжедимитрій желалъ соединенія церквей, которое должно было рѣшиться на соборѣ; желалъ внушить Русскимъ людямъ, что дѣло это не такъ трудно, какъ они думали; что нѣтъ большой разницы между обоими исповѣданіями: такъ, напримѣръ, у него вырывались слова, что можно быть осьмому и девятому собору, что въ Латинахъ нѣтъ порока, что вѣра Латинская и Греческая – одно; говорятъ, что, на вопросъ одного изъ русскихъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить для Поляковъ въ Москвѣ церковь,—Димитрій отвѣчалъ: „Почему мнѣ этого не сдѣлать,—они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили же имѣть свою церковь и школу еретикамъ“. Но мысль о рѣшительныхъ, насильственныхъ мѣрахъ въ пользу католицизма была ему совершенно чужда, какъ видно изо всѣхъ извѣстныхъ намъ его поступковъ и сношеній съ Римскимъ дворомъ. Слова самозванца о безразличіи исповѣданій, о возможности новаго собора—должны были оскорблять Русскихъ людей, заставлять ихъ смотрѣть на него какъ на еретика, прелестника; но многіе ли люди слышали подобныя слова? Одинъ изъ современниковъ, смотрѣвшій на Лжедимитрія какъ на еретика, приписывавшій ему много дурныхъ дѣлъ, долженъ однако признаться, что большинство было за него, что онъ пользовался сильною народною привязанностію [1]). Это особенно обнаружилось, когда явились новые обличители: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Калачникъ; послѣдній, когда вели его на казнь, вопилъ всему народу: „Приняли вы вмѣсто Христа антихриста, и покланяетесь посланному отъ сатаны; тогда опомнитесь, когда всѣ погибнете“. Но народъ ругался надъ нимъ, кричалъ: „Подѣломъ тебѣ смерть“. Говорятъ, что въ Галичѣ Отрепьевы, мать и дядя Лжедимитрія, объявляли гласно о настоящемъ происхожденіи царя: дядю сослали въ Сибирь, мать не тронули [2]).

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Москвѣ, дѣятельно велись сношенія внѣшнія, преимущественно съ Польшею и Римомъ. Когда Лжедимитрій еще боролся съ Годуновымъ, въ Польшѣ сеймъ высказался противъ него. Въ инструкціяхъ посламъ воеводства Бельзскаго, написанныхъ Замойскимъ, говорилось: „О подлинности Димитрія господарчика нѣтъ достовѣрности; да если бы даже и была, то удивительно намъ, какъ рѣшились помогать ему частнымъ образомъ, мимо сейма; прежде не бывало ничего подобнаго,—дурной это примѣръ въ республикѣ. Знаемъ, что король съ господаремъ Московскимъ заключилъ перемиріе и подтвердилъ его клятвою; но если присяга всякаго человѣка священна, то тѣмъ болѣе должна быть священна присяга королевская, потому что король присягнулъ не только за себя, но и за насъ“. На сеймѣ панъ Остророгъ, каштелянъ Познанскій, объявилъ, что, по его мнѣнію, въ такихъ дѣлахъ, какъ Димитріево, нельзя принимать скорыхъ рѣшеній; „боюсь“,

---

[1]) С. г. г. и д. II, № 121; Legende de la vie et de la mort de Demetrius; Хронографъ карамзинскій, стр. 719. Палицынъ; Adelung. Uebers. der Reisend. II, 168. Petricii – Historiae Moshoviticae. I, p. 84, 86; Борши Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. библ. глав. штаба.

[2]) Сказаніе еже содѣяся (въ Чтеніяхъ Моск. истор. Общ. 1847, № 9); Палицынъ; Лѣтоп. о мятеж.

говорилъ онъ, „чтобъ этотъ Димитрій не принесъ намъ чего-нибудь дурнаго". Замойскій говорилъ: „По моему мнѣнію, дѣло это должно было отложить до сейма; не думаю (развѣ Богъ сдѣлаетъ особенное чудо), чтобъ оно пошло хорошо; боюсь, чтобъ слава наша, которую мы пріобрѣли въ чужихъ краяхъ военными подвигами, не затмилась, если войска наши, столь страшныя Москвѣ при королѣ Стефанѣ, будутъ поражены Борисомъ, такимъ негоднымъ человѣкомъ, ибо въ чужихъ краяхъ не знаютъ, пошло ли въ Москву только казачество или войско польское. Что касается до самого Димитрія, то никакъ не могу себя убѣдить, чтобъ его разсказъ былъ справедливъ. Это похоже на Плавтову или Теренціеву комедію: приказать кого-нибудь убить, и особенно такого важнаго человѣка, и потомъ не посмотрѣть, того ли убили, кого было надобно! Величайшая была бы глупость, если бы велѣно было убить козла или барана; подставили другого, а тотъ, кто билъ, не видалъ. Притомъ, и кромѣ этого Димитрія, есть въ княжествѣ Московскомъ настоящіе наслѣдники престола, именно князья Шуйскіе; легко увидать ихъ права изъ лѣтописей русскихъ. По-моему, надобно послать къ Московскому князю съ объявленіемъ, что дѣло сдѣлалось безъ согласія короля и республики". Въ артикулахъ, поданныхъ на сеймѣ, прямо было сказано: „Будемъ стараться всѣми силами, чтобъ смута, начатая Московскимъ господарчикомъ, была утушена; чтобъ отъ Московскаго государя ни корона, ни Литва никакого вреда не потерпѣли. Съ тѣми, которые бы осмѣлились нарушить миръ съ чужими государствами, должно поступать какъ съ измѣнниками". Король не одобрилъ этихъ артикуловъ.

Успѣхъ Лжедимитрія на время заставилъ недовольныхъ молчать; Мнишекъ торжествовалъ; онъ прислалъ къ боярамъ и всему московскому рыцарству письмо, въ которомъ называлъ себя началомъ и причиною возвращенія Димитріева на престолъ предковъ, и обѣщался, какъ скоро пріѣдетъ въ Москву, способствовать увеличенію правъ боярскихъ и дворянскихъ. Бояре—Мстиславскій и Воротынскій съ товарищами—отвѣчали ему: „Въ грамотѣ своей писалъ ты и рѣчью приказывалъ къ намъ съ посланцомъ своимъ, что ты великому государю нашему въ дохожденіи прирожденныхъ панствъ его служилъ и промышлялъ съ великимъ радѣньемъ, и впередъ служить и во всемъ добра хотѣть хочешь, и мы тебя за это хвалимъ и благодаримъ". Царь немедленно отправилъ Аѳанасія Власьева въ Краковъ уговаривать Сигизмунда къ войнѣ съ Турками и испросить согласіе его на отъѣздъ Марины въ Москву; секретаря своего, Яна Бучинскаго, отправилъ для переговоровъ съ Мнишкомъ. Изъ наказовъ, данныхъ Бучинскому, можно ясно видѣть желаніе царя, чтобъ поведеніе женыиновѣрки не произвело непріятнаго впечатлѣнія на народъ: такъ, онъ домогался у Мнишка, чтобъ тотъ выпросилъ у легата позволеніе Маринѣ причаститься у обѣдни изъ рукъ патріарха, потому что безъ этого она не будетъ коронована; чтобъ ей позволено было ходить въ греческую церковь, хотя втайнѣ можетъ оставаться католичкою; чтобъ въ субботу ѣла мясо, а въ среду постилась по обычаю русскому; чтобъ голову убирала также порусски. Говорятъ, будто Сигизмундъ сказалъ Власьеву, что государь его можетъ вступить въ бракъ, болѣе сообразный съ его величіемъ, и что онъ, король, не преминетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ; но Власьевъ отвѣчалъ, что царь никакъ не измѣнитъ своему обѣщанію; прибавляютъ, что Сигизмундъ имѣлъ въ виду женить Лжедимитрія на сестрѣ своей или на княжнѣ Трансильванской. Сигизмундъ скоро долженъ былъ оставить намѣреніе породниться съ царемъ и безъ настояній Власьева: къ нему пріѣхалъ какой-то Шведъ изъ Москвы съ тайными рѣчами отъ царицы Мареы, въ которыхъ она извѣщала короля, что царь Московскій не ея сынъ. Сигизмундъ немедленно объявилъ объ этомъ извѣстіи Мнишку, который хотя повидимому не обратилъ на него вниманія, однако изъ медленности, съ какою онъ сбирался въ путь и ѣхалъ въ Москву, можно заключить, что онъ чего-то опасался, ждалъ подтвержденія своихъ опасеній.

10 ноября въ Краковѣ совершено было обрученіе, съ большою пышностію, въ присутствіи короля. Власьевъ, представлявшій жениха, не могъ понять своего положенія и потому смѣшилъ своими выходками. На вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія, не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, Власьевъ отвѣчалъ: „А мнѣ какъ знать? о томъ мнѣ ничего не наказано"; и потомъ, когда настоятельно потребовали рѣшительнаго отвѣта, сказалъ: „Если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда". Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы, онъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, но непремѣнно прежде хотѣлъ обернуть свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобъ платье его никакъ не прикасалось къ платью сидѣвшей подлѣ него Марины. Когда, за столомъ, король уговаривалъ его ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что холопу не прилично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, что съ него довольно чести смотрѣть, какъ они кушаютъ. Ясно послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ смотрѣть Власьевъ, когда Марина стала на колѣни предъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости: посолъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы Московской.

Исполняя желаніе царя, Власьевъ требовалъ, чтобъ Мнишекъ съ дочерью ѣхалъ немедленно въ Москву; но воевода медлилъ, отказываясь недостаткомъ въ деньгахъ для уплаты долговъ, хотя изъ Москвы пересланы были ему большія суммы, и Лжедимитрій просилъ его поспѣшить пріѣздомъ, несмотря ни на какіе расходы. Мы видѣли уже, что не одинъ недостатокъ въ деньгахъ могъ быть причиною его медленности; такъ, въ письмѣ своемъ къ Лжедимитрію, онъ говоритъ, что въ Польшѣ

много царскихъ доброхотовъ, но также много и злодѣевъ, которые распускаютъ разные нелѣпые слухи; потомъ намекаетъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ своего замедленія—связь Лжедимитрія съ дочерью Годунова—Ксеніею, и проситъ удалить ее. Самозванецъ поспѣшилъ исполнить требованіе: Ксенія была пострижена подъ именемъ Ольги и сослана въ одинъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей. Но Мнишекъ все медлилъ; Лжедимитрій сердился, особенно досадовалъ онъ на невѣсту, которая не отвѣчала ему на его письма, сердясь за Ксенію. Власьевъ, который послѣ обрученія уѣхалъ въ Слонимъ и тамъ дожидался Мнишка, писалъ къ нему: „Сердцемъ и душою скорблю и плачу о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ договорились со мною и какъ по этому договору къ цесарскому величеству писано; великому государю нашему въ томъ великая кручина, и думаю, что на меня за это опалу свою положитъ и казнить велитъ. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревны и для васъ присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ цесарскій, и, живя со многими людьми и лошадьми на границѣ, проѣдаются“. Самъ царь писалъ къ нареченному тестю съ упрекомъ, что не только самъ не даетъ о себѣ никакого извѣстія, но даже задерживаетъ гонцовъ московскихъ. Наконецъ Власьевъ, ждавши понапрасну цѣлый мѣсяцъ Мнишковъ въ Слонимѣ, рѣшился самъ ѣхать къ нимъ въ Самборъ; его увѣщаніе подѣйствовало,—и Марина выбралась въ дорогу, съ огромною свитою родныхъ и знакомыхъ [1]).

Сигизмундъ надѣялся, что зять Сендомирскаго воеводы отдастъ всѣ силы Московскаго царства въ распоряженіе Польскому правительству, которому тогда легко будетъ управляться съ Турками, Крымцами и Шведами, легко будетъ завести торговлю съ Персіею и Индіею. Лжедимитрій дѣйствительно хотѣлъ тѣснаго союза съ Польшею, но не хотѣлъ быть только орудіемъ въ рукахъ Польскаго правительства,—хотѣлъ, чтобъ союзъ этотъ былъ столько же выгоденъ и для него, сколько для Польши, и, главное, онъ хотѣлъ, чтобъ народъ Московскій не смотрѣлъ на него, какъ на слугу Сигизмундова, обязаннаго заплатить королю за помощь насчетъ чести и владѣній Московскаго государства. Говорятъ даже, что Лжедимитрій имѣлъ въ виду отнять у Польши Западную Россію и присоединить ее къ Восточной. По утвержденіи своемъ въ Москвѣ, Лжедимитрій спѣшилъ показать свои дружественныя отношенія къ Польшѣ, спѣшилъ сдѣлать то, что можно было для нея сдѣлать. 17 іюля Смоленскій воевода писалъ Оршинскому старостѣ, что государь литовскихъ торговыхъ людей пожаловалъ, позволилъ имъ пріѣзжать въ Смоленскъ со всякими товарами и торговать съ государевыми людьми во всемъ повольною торговлею, а кто изъ нихъ захочетъ въ Москву,—можетъ ѣхать безпрепятственно. Но этимъ все и ограничилось. Сигизмундъ замѣчалъ холодность со стороны Лжедимитрія,—и считалъ себя въ правѣ обнаружить досаду.

Въ августѣ пріѣхалъ въ Москву посланникъ Сигизмундовъ, Александръ Гонсѣвскій, поздравить Лжедимитрія съ восшествіемъ на престолъ. Какъ бы желая показать Лжедимитрію, что онъ еще не крѣпокъ на престолѣ и потому рано обнаруживаетъ свою холодность къ Польшѣ, Сигизмундъ велѣлъ объявить ему о слухѣ, будто Борисъ Годуновъ живъ и скрывается въ Англіи; король велѣлъ прибавить при этомъ, что онъ, какъ вѣрный другъ Московскаго государя, велѣлъ пограничнымъ воеводамъ быть наготовѣ и, при первомъ движеніи непріятелей Димитрія, спѣшить на помощь къ послѣднему. Далѣе Сигизмундъ требовалъ, чтобы царь не держалъ Густава Шведскаго, какъ сына королевскаго, но посадилъ бы въ заключеніе, потому что Густавъ можетъ быть соперникомъ его, Сигизмунда, въ притязаніяхъ своихъ на Шведскій престолъ; требовалъ также, чтобъ царь отослалъ къ нему шведскихъ пословъ, которые пріѣдутъ въ Москву отъ Карла IX-го; требовалъ отпуска и уплаты жалованья польскимъ ратнымъ людямъ, служившимъ Димитрію; для польскихъ купцовъ требовалъ свободной торговли въ Московскомъ государствѣ; просилъ позволенія Хрипуновымъ, отъѣхавшимъ въ Польшу при Годуновѣ, возвратиться въ отечество; наконецъ просилъ разыскать о сношеніяхъ виленскаго посадника Голшаницы съ Годуновымъ. Въ грамотѣ королевской Димитрій не былъ названъ царемъ. Лжедимитрій отвѣчалъ: „Хотя мы ни мало не сомнѣваемся въ смерти Бориса Годунова, и потому не боимся съ этой стороны никакой опасности, однако съ благодарностію принимаемъ предостереженіе королевское, потому что всякій знакъ его расположенія для насъ пріятенъ; усердно благодаримъ также короля за приказъ, данный старостамъ украинскимъ. Карлу Шведскому пошлемъ суровую грамоту, но подождемъ еще, въ какихъ отношеніяхъ будемъ сами находиться съ королемъ, потому что сокращеніе нашихъ титуловъ, сдѣланное его величествомъ, возбуждаетъ въ душѣ нашей подозрѣніе насчетъ его искренней пріязни. Густава хотимъ держать у себя не какъ князя или королевича Шведскаго, но какъ человѣка ученаго. Если Карлъ Шведскій пришлетъ гонцовъ въ Москву, то я дамъ знать королю, съ какими предложеніями они пріѣхали, а потомъ уже будемъ сноситься съ королемъ, что предпринять далѣе. Ратныхъ людей, которые намъ служили, какъ прежде не задерживали, такъ и теперь всѣхъ отпускаемъ свободно. Свободную торговлю купцамъ польскимъ повсюду въ государствѣ нашемъ позволимъ и отъ обидъ ихъ будемъ оборонять. Хрипу-

---

[1]) С. г. г. и д. II, № 94, 100, 105; Geraldi Neri — Lettere al G. Duca di Toscana, y Ciampi—Bibliogr. crit; Histor. Chodkiewicza, Нарушевича; Нѣмцевича Dz. pan. Zygm. III, t. II; Zabczyca — Posel Moskiewski, 1605; С. г. г. и д. II, № 110, 112, 117; рукоп. И. Публ. Библ. отд. польск. № 111, 119.

новымъ, по желанію королевскому, позволяемъ возвратиться на родину и обѣщаемъ нашу благосклонность. О Голшаницѣ прикажемъ развѣдать и дадимъ знать королю съ гонцомъ нашимъ".

Лжедимитрій не только не хотѣлъ, въ угоду королю, отказаться отъ царскаго титула своихъ предшественниковъ, но еще вздумалъ перевесть Русское слово царь на понятное всей Европѣ цесарь, или императоръ, прибавивъ къ нему слово непобѣдимый. Ясно, что это новое требованіе могло повести только къ новымъ неудовольствіямъ. Однако Лжедимитрій зналъ, что Сигизмунда нельзя раздражать, пока Марина еще въ Польшѣ, и потому просилъ папскаго посланника, графа Рангони, сказать отъ него королю, что онъ очень удивляется сомнѣнію, которое обнаружилъ король касательно его расположенія лично къ нему и ко всему королевству Польскому; что сильно оскорбляетъ его также и умаленіе его титуловъ, сдѣланное королевскою канцеляріею. Если онъ, царь, обнаружилъ холодность къ королю и къ Польшѣ, то единственно изъ опасенія возбудить нерасположеніе и измѣну подданныхъ, ибо между ними уже идутъ слухи, что царь хочетъ отдать королю часть Московскаго государства и даже объявить себя подручникомъ Польши. Лжедимитрій просилъ Рангони увѣрить короля, что онъ не забылъ его благодѣяній, почитаетъ его не столько братомъ, сколько отцомъ, и согласенъ исполнить всѣ его желанія; но что касается до титуловъ, то никогда не откажется отъ своего требованія, хотя изъ-за этого и не начнетъ войны съ Польшею. Касательно Густава, Рангони долженъ былъ сказать королю, что царь держитъ его и ждетъ, что велитъ сдѣлать съ нимъ Сигизмундъ. Любопытны послѣднія слова наказа, даннаго Рангони; изъ нихъ ясно видно, что царь льстилъ королю только для того, чтобы какъ можно скорѣе выманить изъ Польши Марину: „Мы хотѣли, велѣлъ сказать Лжедимитрій Сигизмунду, отправить нашихъ великихъ пословъ на большой сеймъ; но теперь отсрочили это посольство, потому что прежде хотимъ поговорить о вѣчномъ мирѣ съ вельможнымъ паномъ Юріемъ Мнишкомъ". Бучинскій послѣ объяснялъ королю, что нѣкоторые Поляки задержаны Димитріемъ именно изъ опасенія, что не выпустятъ Марину изъ Польши; Бучинскому былъ данъ наказъ соглашаться на все, лишь бы выпустили панну.

Бучинскій пересылалъ Лжедимитрію дурныя вѣсти; онъ писалъ: что требованія его относительно титула произвели всеобщее негодованіе между панами; что тѣ изъ нихъ, которые и прежде ему не благопріятствовали, подняли теперь снова головы и голоса,—такъ, воевода Познаньскій упрекалъ короля въ неблагоразумномъ поведеніи относительно дѣлъ московскихъ; говорилъ, что, отказавши Димитрію въ помощи, можно было бы много выторговать у Годунова, и теперь отъ Димитрія вмѣсто благодарности однѣ только досады,—требуетъ такого титула, какого не имѣетъ ни одинъ государь христіанскій; за это самое, продолжалъ воевода, Богъ лишитъ Димитрія престола, да и въ самомъ дѣлѣ пора уже показать всему свѣту, что это за человѣкъ, а подданные его должны и сами о томъ догадаться. Сюда присоединялись еще жалобы Поляковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы ни-съ-чѣмъ, потому что пропировали тамъ все жалованье. Въ заключеніе Бучинскій доносилъ о слухахъ изъ Москвы, что Димитрій не есть истинный царевичъ и не долго будетъ признаваться такимъ. Слухи эти, по польскимъ извѣстіямъ, дошли такимъ образомъ: когда Димитрій, узнавши объ обрученіи Марины, выбиралъ человѣка, котораго бы могъ послать съ благодарственными письмами къ Мнишку и королю, то Шуйскіе обратили его вниманіе на Ивана Безобразова, который и былъ отправленъ въ Краковъ съ письмами отъ Димитрія и съ тайнымъ порученіемъ отъ бояръ. Онъ требовалъ свиданія съ Литовскимъ канцлеромъ Сапѣгой; но король нашелъ, что важность сана Сапѣги обращала на него всеобщее вниманіе, и потому трудно было бы скрыть переговоры его съ Безобразовымъ отъ Бучинскаго и Русскихъ, находившихся въ Краковѣ. Уговорились, чтобы, вмѣсто Сапѣги, Безобразовъ открылся возвратившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Послѣдній узналъ отъ Безобразова, что Шуйскій и Голицыны жалуются на короля, зачѣмъ онъ навязалъ имъ человѣка низкаго, легкомысленнаго, распутнаго, тирана, ни въ какомъ отношеніи не достойнаго престола. Безобразовъ объявилъ о намѣреніи бояръ свергнуть Лжедимитрія и возвести на престолъ сына Сигизмундова, королевича Владислава. Бояре, если извѣстіе справедливо, достигали своей цѣли какъ нельзя лучше: Сигизмундъ, который теперь въ низложеніи Димитрія видѣлъ не ущербъ, но выгоду для себя и для Польши, велѣлъ отвѣчать боярамъ, что онъ очень жалѣетъ, обманувшись насчетъ Димитрія, и не хочетъ препятствовать имъ промышлять о самихъ себѣ. Что же касается до королевича Владислава, то онъ, король, самъ не увлекается честолюбіемъ, хочетъ и сыну внушить такую же умѣренность, предоставляя все дѣло волѣ Божіей [1]).

Римскій Дворъ внимательно слѣдилъ за отношеніями Лжедимитрія къ Польшѣ, потому что отъ нихъ всего болѣе зависило дѣло католицизма, введеніе котораго въ свое государство обѣщалъ самозванецъ папѣ: если бы царь разорвалъ связь съ Польшею, съ Мнишкомъ, то уже тѣмъ меньше сталъ бы обращать вниманіе на прежнія обязательства свои относительно Двора Римскаго. Вотъ почему кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ, Рангони, что его святѣйшество очень безпокоится насчетъ неудовольствія московскаго посла Власьева на Поляковъ, хотя должно надѣяться,

[1]) Нѣмцевича — Dz. Panow. Zygm. III, IV; Нарушевича—Histor. Chodkiew. I. 237; Акты историч. II, № 56; С. г. г. и д. II, № 96, 97, 103, 120; рукопись Жолкѣвскаго, стр. 15, 16, 17; С. г. г. и д. III, № 13; дѣла Польскія, № 30, годъ 1615.

прибавляетъ кардиналъ, что великій князь не раздѣлитъ мнѣніе своего посла, и не забудетъ услугъ, оказанныхъ ему королемъ. Нунцій Рангони писалъ къ Лжедимитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая царя о восшествіи на престолъ папы Павла V-го, Рангони просилъ его, чтобъ онъ послалъ поздравить новоизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его. Посылая къ Лжедимитрію, между прочими подарками, латинскую Библію послѣдняго изданія, Рангони изъявляетъ желаніе, чтобы царь особенно обратилъ вниманіе свое на глаголъ Божій къ Израильтянамъ: „Нынѣ аще послушаніемъ послушаете гласа Моего и соблюдете завѣтъ Мой, будете Мои люди суще отъ всѣхъ языкъ“. Текстъ этотъ нунцій примѣняетъ къ Димитрію, намекая, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое,—ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобы царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ противномъ случаѣ, не претерпѣть какого-нибудь вреда. Такъ же осторожно поступалъ и іезуитъ Лавицкій, бывшій при Димитріи въ Москвѣ: извѣщая старшину своего ордена въ Польшѣ о дѣлѣ Шуйскаго, о томъ, что однимъ изъ обвиненій Шуйскаго царю было намѣреніе послѣдняго разрушить всѣ церкви московскія по совѣту враговъ народа Русскаго, іезуитовъ, Лавицкій пишетъ: „Мы наложили на себя молчаніе, не говоримъ съ царемъ ни объ одномъ нашемъ дѣлѣ, опасаясь Москвитянъ, чтобы царь имѣлъ полную свободу въ дѣйствіяхъ и могъ склонить вельможъ къ своимъ намѣреніямъ“.

Лжедимитрій исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностью упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII. Извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Димитрій говоритъ, что, въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ не хочетъ проводить время въ праздности, но будетъ всѣми силами заботиться о благѣ христіанства; для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ Турокъ, и проситъ папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними. О введеніи католицизма между своими поданными—ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщитъ папѣ отправившійся въ Римъ іезуитъ Лавицкій, однако въ наказѣ, данномъ послѣднему, такъ-же ничего не говорится о введеніи католицизма. Изъ этого наказа узнаемъ только о желаніи царя, чтобы папа склонилъ императора и короля Польскаго къ войнѣ съ Турками; чтобы папа склонилъ также Сигизмунда дать Димитрію императорскій титулъ, наконецъ, чтобы папа возвелъ въ кардиналы пріятеля Димитріева, Рангони. Новый папа отвѣчалъ Димитрію также поздравленіемъ съ побѣдою надъ тираномъ Годуновымъ, причемъ особенно благодарилъ Бога за то, что Димитрій взошелъ на престолъ предковъ, уже принявши католицизмъ; это обстоятельство, по словамъ папы, и было главною причиною его торжества; письмо заключается увѣщаніемъ сохранить принятое ученіе.

Между тѣмъ, кардиналъ Валенти писалъ къ нунцію въ Польшу, что должно разыскивать всѣми средствами и вести переписку со многими особами, чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о московскихъ событіяхъ; особенно нужно знать мнѣніе, какое имѣютъ о нихъ люди умные и опытные. Въ письмѣ къ Сигизмунду папа благодаритъ его за помощь, оказанную Димитрію особенно потому, что эта помощь полезна церкви Божіей, ибо если Димитрій, принявши во время изгнанія своего католицизмъ, сохранитъ это ученіе и по возвращеніи къ своему народу, то нѣтъ сомнѣнія, что оно распространится современемъ и между Москвитянами. Папа писалъ также къ кардиналу Мацѣевскому, чтобы тотъ уговорилъ Мнишка воспользоваться своимъ вліяніемъ на Димитрія и поддержать въ немъ расположеніе къ католицизму; въ такомъ случаѣ, прибавляетъ папа, Москвитяне современемъ приведены будутъ на лоно Римской церкви, потому что народъ этотъ, какъ слышно, отличается необыкновенною привязанностію къ своимъ государямъ. Въ томъ же духѣ писалъ Павелъ V-й къ самому Мнишку, убѣждая его содѣйствовать всѣми силами трудному дѣлу обращенія Москвитянъ. Кардиналъ Валенти наказывалъ именемъ папы нунцію Рангони, чтобы тотъ обращался какъ можно ласковѣе съ московскимъ посломъ Власьевымъ, чтобы послѣдній остался имъ вполнѣ доволенъ и расположенъ къ продолженію дружелюбныхъ сношеній. Вскорѣ послѣ тотъ же кардиналъ писалъ къ тому же нунцію, что папа въ восхищеніи отъ успѣшныхъ дѣлъ Димитрія, и воздаетъ благодарность Богу, Который, среди трудовъ, предпринятыхъ для блага общаго, соблаговолилъ утѣшить его надеждою видѣть во время своего первосвященства обращеніе московскихъ отщепенцевъ къ религіи католической. Увѣдомляетъ также: что папа очень доволенъ обращеніемъ нунція съ московскимъ посломъ, который уласканъ учтивостями Рангони; что папа проситъ послѣдняго продолжить подобное обращеніе, могущее служить очень полезнымъ средствомъ для уловленія умовъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ ласковость очень дорого цѣнится. Узнавъ о коронованіи Димитрія, папа писалъ къ нему: „Мы увѣрены, что католическая религія будетъ предметомъ твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могутъ поклоняться Господу и снискивать Его помощь; убѣждаемъ и умоляемъ тебя стараться всѣми силами о томъ, чтобы желанныя наши чада, народы твои, приняли римское ученіе; въ этомъ дѣлѣ обѣщаемъ тебѣ нашу дѣятельную помощь, посылаемъ монаховъ, знаменитыхъ чистотою жизни; а если тебѣ будетъ угодно, то пошлемъ и епископовъ.“

Король Сигизмундъ, недовольный поведеніемъ Димитрія относительно Польши, не очень охотно

видѣлъ сильное доброжелательство къ нему Римскаго Двора, и потому противился отправленію графа Рангони, племянника нунціева, посломъ въ Москву. Рангони поѣхалъ къ Димитрію противъ воли королевской, за что Римскій Дворъ очень сердился на дядю его, нунція, какъ видно изъ двухъ писемъ кардинала Боргезе къ послѣднему. Папа боялся, чтобы это посольство не увеличило смуты, подозрѣнія Москвитянъ, и такимъ образомъ не повредило дѣлу католицизма, пользы которому папа болѣе всего надѣялся отъ брака Димитріева на Маринѣ; кардиналъ Боргезе писалъ нунцію, что его святѣйшество ожидаетъ и духовныхъ плодовъ отъ этого брака для блага всего христіанства. Самъ папа писалъ къ Димитрію, что бракъ его на Маринѣ есть дѣло въ высокой степени достойное его великодушія и благочестія; что этимъ поступкомъ Димитрій удовлетворилъ всеобщему ожиданію. „Мы не сомнѣваемся", продолжаетъ папа, „что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно Римской церкви и народъ Московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ". То же самое писалъ папа къ Маринѣ и отцу ея. Павелъ V-й счелъ нужнымъ напомнить Димитрію о письмѣ, которое тотъ писалъ къ предшественнику его, Клименту VIII, 30 іюля 1604 г.; напомнивъ о письмѣ, папа повторяетъ увѣщанія свои просвѣтить свѣтомъ католическаго ученія народъ, до сихъ поръ сидѣвшій во мракѣ и сѣни смертной, причемъ снова обѣщается прислать благочестивыхъ людей и даже епископовъ на помощь великому дѣлу, если царь признаетъ это нужнымъ. Папа такъ спѣшилъ бракомъ самозванца съ Мариною, что уполномочилъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ Великій постъ. Зная, что Лжедимитрій добивается императорскаго титула, папа черезъ кардинала Боргезе наказывалъ нунцію удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію царя, и потому Рангони даетъ Димитрію требуемый титулъ: „Serenissimo et invictissimo Monarcho Demetrio Ioannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Domino et Regi".

Не считая приличнымъ прямо требовать отъ Сигизмунда, чтобы тотъ уступилъ желаніямъ Димитрія относительно титула, папа косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ—Татаръ. Кардиналъ Боргезе, въ письмѣ своемъ къ нунцію, говоритъ, что такъ какъ великій князь Московскій показываетъ сильное расположеніе къ союзу съ Польшею противъ Татаръ, то на будущемъ сеймѣ не должно быть никакого затрудненія насчетъ предложеннаго союза, причемъ требуетъ отъ нунція, чтобы тотъ устремилъ всѣ свои мысли для приведенія этого дѣла къ желанному концу. Въ то же самое время кардиналъ писалъ другое письмо къ Рангони, въ которомъ отъ имени папы уполномочивалъ его убѣждать короля къ уступкѣ требованіямъ Димитрія, если только онъ, Рангони, думаетъ, что посредничество папы можетъ подѣйствовать на короля, и если уступка послѣдняго склонитъ царя къ союзу противъ Татаръ; и самъ папа писалъ къ Сигизмунду, умоляя его поддержать и усилить союзъ съ Димитріемъ.

Но въ то самое время, какъ Римскій Дворъ употреблялъ всѣ усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ. Папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ могущественно содѣйствовать распространенію латинства въ московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобы Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла обряды закона греческаго, ходила въ русскую церковь, постилась въ дни, предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Димитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, несмотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить его желанію, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію: „Я не сомнѣваюсь, что когда ваше величество разсмотрите это дѣло съ своею обычною мудростію и извѣстнымъ благочестіемъ, то, посредствомъ самодержавной власти, которой никто противиться не долженъ, отстраните всѣ затрудненія, не потерпите, чтобы закону дано было неприличное истолкованіе, и не сдѣлаете никакого принужденія вашей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. Притомъ же это дѣло не новое: повсюду видимъ, что женщины греческаго закона выходятъ замужъ за латыновъ, и наоборотъ, причемъ каждый изъ супруговъ сохраняетъ прежнее исповѣданіе, прежніе обряды; этотъ обычай имѣетъ силу не только для частныхъ людей, но и для государей; говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ, задумавъ жениться на королевнѣ Польской, именно предлагалъ, чтобъ она удержала всѣ обряды церкви Латинской". Однако Димитрій не тронулся увѣщаніями нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы. 4 марта 1606 года Боргезе увѣдомлялъ Рангони, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегація изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсужденія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ Апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ, и не бывало примѣра, чтобы когда-нибудь разрѣшилъ. Въ такихъ же точно обстоятельствахъ находился и нынѣ царствующій король Польскій, когда отправился въ

Швецію для принятія престола: но ему не было позволено сообразоваться съ лютеранскими обычаями.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Римъ Лавицкій; папа извѣстилъ объ этомъ Димитрія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали отъ тебя писемъ, что даже упрекали въ медленности Андрея Лавицкаго, человѣка самаго старательнаго: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедленіе нестерпимо. Наконецъ онъ пріѣхалъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя; мы жалѣли только объ одномъ, отчего онъ не могъ сказать намъ всего вдругъ, какъ бы намъ хотѣлось. Такое наслажденіе доставилъ онъ намъ своими рѣчами, что мы не могли удержать радостныхъ слезъ; мы твердо увѣрены теперь, что Апостольскій престолъ сдѣлаетъ самыя великія пріобрѣтенія, когда ты будешь твердо и мудро управлять тѣми странами. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, соблаговолившій утѣшить насъ въ безпокойствахъ! У тебя поле обширное: сади, сѣй, пожинай на немъ, повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностію мѣста, и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ Римскую церковь. Такъ какъ ты можешь дѣлать въ Землѣ своей все, что захочешь, то повелѣвай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря, Христова на землѣ намѣстника!“ Несмотря однако на восторженный тонъ папскаго письма, въ немъ проглядываетъ безпокойство: видно, что Лавицкій принесъ папѣ не однѣ только утѣшительныя вѣсти; Павла V безпокоило то, что тѣлохранителями Димитрія были иностранцы, исповѣдывавшіе протестантизмъ; что въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей были два Поляка, братья Бучинскіе, которые также не были католиками; вотъ почему папа пишетъ взаключеніе письма: „Посылаемъ къ тебѣ обратно Лавицкаго, который много кой-чего объявитъ тебѣ отъ нашего имени; особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей“. Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищами, и особенно католическихъ духовныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ преклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ, и нуждался въ увѣщаніяхъ по этому случаю. Гораздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; онъ писалъ къ ней: „Мы оросили тебя своими благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ Господнемъ; да будешь дщерь Богомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая матерь наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское, то-есть, самыхъ ревностныхъ распространителей вѣры Христовой“. Потомъ папа увѣщеваетъ Марину воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестіи, съ младенчества напитать ихъ мыслію, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Взаключеніе Павелъ V-й поручаетъ расположенію Московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ іезуитовъ, полезный цѣлому свѣту. Къ воеводѣ Сендомирскому папа писалъ, что онъ всего болѣе полагается на его благочестіе и нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ Московскій легко обратится въ католицизмъ, потому что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями.

Доѣхавши до Вязьмы, старый Мнишекъ оставилъ здѣсь дочь, а самъ поспѣшилъ въ Москву, куда пріѣхалъ 24 апрѣля 1606 года; 2 мая съ большимъ великолѣпіемъ въѣхала въ Москву Марина и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ; считали, что самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ издержалъ до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. 8 мая Марина была коронована и обвѣнчана съ Лжедимитріемъ по старому русскому обряду; новостію было то, что у Марины въ другихъ дружкахъ былъ панъ Тарло, въ свахахъ—его жена[1]); другою новостію было то, что на свадьбѣ присутствовали послы короля Польскаго, Николай Олѣсницкій и Александръ Гонсѣвскій; но присутствіе этихъ небывалыхъ гостей не придало большаго веселья свадьбѣ. При первомъ пріемѣ ихъ уже начинались неудовольствія, несмотря на усердное посредничество стараго Мнишка. Димитрій требовалъ императорскаго титула, Сигизмундъ отказывалъ ему даже и въ томъ титулѣ, который Польское правительство давало его предшественникамъ, не называлъ даже его великимъ княземъ, а просто княземъ. Послѣднее трудно объяснить одною только досадою на неумѣренныя требованія Лжедимитрія: вѣроятно, эта охота дразнить послѣдняго пришла королю тогда, когда получилъ онъ вѣрныя вѣсти о непрочности его на престолѣ. Когда Димитрій не хотѣлъ взять королевской грамоты, потому что въ ней не давалось ему цесарскаго титула, то Олѣсницкій сказалъ ему: „Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престолѣ, который достался вамъ дивнымъ промысломъ Божіимъ, милостію королевскою, помощію Польскаго народа; вы скоро забыли это благодѣяніе“. Лжедимитрій отвѣчалъ: „Мы не можемъ удовольствоваться ни титуломъ княжескимъ, ни господарскимъ, ни царскимъ, потому что мы—императоръ въ своихъ обширныхъ государствахъ, и пользуемся этимъ титуломъ не на словахъ только, какъ другіе, но на самомъ дѣлѣ, ибо никакіе монархи, ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ни цезари Римскіе не имѣли на него большаго, чѣмъ мы, права. Намъ нѣтъ равнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти: кромѣ Бога и насъ,—здѣсь никто

---

[1]) Ciampi—bibliogr. srit.; Adelung—Uebersicht der Reisenden, II, 172, 181, 183; Histor. Rus. Monum, II, № XXXVI, XXXVII, XXXIX, XLI, XLII, XLIII, XLV, XLVI, XLIX, LIV, LV, LVII, LVIII, LXII, LXIII, LXVII, LXXIII, LXXIV, LXXV, LXXVI; С. г. г. и д. II, № 98, 107, 124; Древн Вивліоѳ. ч. XIII, стр. 116.

не повелѣваетъ". Олѣсницкій отговорился тѣмъ, что царь не прислалъ къ королю особыхъ пословъ съ требованіемъ императорскаго титула, и что Сигизмундъ не можетъ дать ему этотъ титулъ безъ согласія сейма. Димитрій возражалъ, что уже сеймъ конченъ и послы отправились съ сейма, но что нѣкоторые Поляки не совѣтуютъ королю давать ему, Димитрію, должнаго титула. Олѣсницкій требовалъ отпуска и хотѣлъ выйти; Димитрій, бывши хорошо знакомъ съ нимъ въ Польшѣ, звалъ его къ рукѣ, какъ частнаго человѣка и стараго пріятеля, но посолъ отвѣчалъ, что не можетъ принять этой чести: „Какъ вы", сказалъ онъ царю, „знали меня въ Польшѣ усерднымъ своимъ пріятелемъ и слугою, такъ теперь пусть король узнаетъ во мнѣ вѣрнаго подданнаго и добраго слугу." Тогда Димитрій сказалъ Олѣсницкому: „Подойди, вельможный панъ, какъ посолъ"; Олѣсницкій отвѣчалъ: „Подойду тогда, когда вы согласитесь взять грамоту королевскую",—и Димитрій согласился взять ее. Послѣ этого оба посла подошли къ рукѣ царской; дьякъ взялъ грамоту и, прочитавъ, отвѣчалъ, что цесарь беретъ ее только для своей свадьбы, но что послѣ никогда, ни отъ кого не приметъ грамоты, въ которой не будетъ прописано его полнаго титула. Но этимъ споры и неудовольствія не кончились: послы отказались участвовать въ брачныхъ пирахъ Димитрія, потому что онъ не хотѣлъ посадить ихъ за одинъ столъ съ собою; въ этомъ случаѣ уступили Поляки, благодаря посредничеству Мнишка.

Обнаружилось, что главная цѣль, для которой, послѣ пріѣзда Марины, царь хотѣлъ поддержать союзъ съ Польшею, не могла быть достигнута. Нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что хотя онъ, по приказу папы, и говорилъ съ королемъ Сигизмундомъ о тайномъ союзѣ между Москвою, Польшею и Имперіею, однако къ заключенію этого союза встрѣчаются неодолимыя препятствія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ народная вражда между Нѣмцами и Поляками; король можетъ согласиться на союзъ съ Имперіею только на томъ условіи, чтобъ всѣ имперскіе князья на это согласились и дали клятву не оставлять Поляковъ во все продолженіе войны съ невѣрными; но при извѣстномъ состояніи дѣлъ въ Германіи отъ князей нельзя ожидать подобнаго обязательства. Поэтому папа хотѣлъ ограничиться союзомъ Москвы съ Польшею противъ однихъ крымскихъ Татаръ, истребленіемъ которыхъ оба государства отняли бы у Порты важное пособіе и дали бы императору возможность съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать противъ нея въ Венгріи. Но война съ Крымцами была вмѣстѣ и войною съ Турціею, которая не могла оставить безъ помощи своихъ подданныхъ; и если Сигизмундъ отговаривался отъ войны съ Турками, то не могъ начать и похода на Крымъ. Послы—Олѣсницкій и Гонсѣвскій,—начавши переговоры съ боярами, предложили имъ вопросъ: „Когда и съ какими силами государь ихъ намѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ"? Бояре отвѣчали: „Нашъ цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно по ревности къ славѣ Божіей и Святой вѣрѣ, безо всякихъ другихъ видовъ. Если же король поручилъ вамъ только вывѣдать наши мысли, чтобъ послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ коварствомъ и обманомъ." На это послы сказали: „Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ переговоровъ: кто предлагаетъ какое-нибудь важное дѣло и требуетъ чего-нибудь отъ другого,—тотъ самъ прежде объявляетъ свои средства." Тогда бояре пошли переговорить съ цесаремъ и, возвратившись, объявили, что самъ Димитрій будетъ скоро говорить съ послами въ присутствіи ближнихъ бояръ; но эти переговоры не могли состояться. Димитрій, по свидѣтельству лѣтописи, объявилъ своимъ подданнымъ, что ни одной пяди Московской Земли не отдастъ Литвѣ; что это объявленіе не было сдѣлано только для успокоенія своихъ,—доказательствомъ служатъ условія, предложенныя ему Польскимъ правительствомъ, и отвѣты его на нихъ. Поляки требовали, чтобы: 1) Димитрій отдалъ Польшѣ Землю Сѣверскую; 2) заключилъ вѣчный союзъ съ Польшею; 3) чтобы позволилъ іезуитамъ и прочему католическому духовенству войти въ Московское государство и строить тамъ церкви; 4) чтобы помогъ Сигизмунду возвратить Шведскій престолъ. На первое требованіе Лжедимитрій отвѣчалъ: Земли Сѣверской не отдамъ, но дамъ за нее деньги; на второе—союза съ Польшею и самъ чрезвычайно желаю; на третье—церквей латинскихъ и іезуитовъ не хочу; на четвертое—для возвращенія Швеціи буду помогать деньгами. Чтобы показать на дѣлѣ расположеніе свое къ союзу съ Польшею, готовность сдѣлать для короля все, что только не влекло за собою ущерба цѣлости и чести Московскаго государства, Лжедимитрій еще въ 1605 году послалъ къ Карлу IX Шведскому письмо съ объявленіемъ о своемъ воцареніи, съ увѣщаніемъ возвратить похищенный престолъ Сигизмунду и съ угрозою начать войну, въ случаѣ отказа [1].

Но, въ то время какъ въ Москвѣ происходили брачныя торжества и велись переговоры о великихъ предпріятіяхъ, на юго-восточныхъ границахъ государства обнаружилось явленіе, которое показывало опасное состояніе государственнаго организма, показывало, что рана раскрылась и дурные соки начали приливать къ ней: при жизни перваго самозванца уже явился второй. Самые дальнѣйшіе казаки, Терскіе, хотѣли, подобно другимъ собратіямъ своимъ, жить насчетъ сосѣдей; сперва думали они идти на рѣку Куру и грабить турецкія области, и въ случаѣ неудачи—предложить услуги свои Персидскому шаху Аббасу. Но скоро ихъ кто-то надоумилъ, что гораздо выгоднѣе, подъ знаменами самозванца, пустошить Московское го-

[1]) Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII; С. г. г. и д. II, № 126; Дневникъ пословъ въ сказан. современ. 167, 168. Лѣтоп. о мятеж., стр. 99, Чтенія Москов. истор. Общ. № 1, 1846 г., Histor. Russ. Monum. II, № LXVI.

сударство и получить такую же честь, какую Донцы и Черкасы получили отъ Лжедимитрія. Триста самыхъ удалыхъ изъ Терскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Өедора Бодырина, условились выставить искателя престола, и стали разглашать, что въ 1592 году царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Өеодосіею, скоро послѣ того умершею:—выдумка, по всѣмъ вѣроятностямъ, московская, а не терская, ибо странно, чтобы какому-нибудь казаку пришли на умъ такія хитрости. Какъ бы то ни было, двое молодыхъ казаковъ, астраханецъ Димитрій и муромецъ Илья признаны были способными играть роль царевича; но первый отказался, что въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ, не знаетъ и тамошнихъ дѣлъ и царскихъ обычаевъ; тогда положили Ильѣ быть царевичемъ. Илья былъ побочный сынъ муромскаго жителя Ивана Коровина. По смерти отца и матери, его взялъ нижегородскій купецъ Грозильниковъ въ сидѣльцы, и сидѣлъ онъ въ лавкѣ съ яблоками да съ горшками. Оставаясь три года въ этой должности, Илья имѣлъ случай съѣздить въ Москву, гдѣ прожилъ пять мѣсяцевъ. Отойдя отъ Грозильникова, нанимался онъ у разныхъ торговыхъ людей въ кормовые казаки и ходилъ съ судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Въ 1603 году онъ является уже казакомъ при войскѣ, ходившемъ въ Тарки, здѣсь перешелъ изъ казаковъ въ стрѣльцы, а по возвращеніи изъ похода въ Терскій городъ вступилъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ 1604 года поѣхалъ въ Астрахань, гдѣ опять вступилъ въ казаки, и отправился на Терекъ въ отрядѣ головы Аѳанасія Андреева. Всѣ эти похожденія показываютъ, что Ильѣ не могло быть меньше двадцати лѣтъ отъ роду, тогда какъ царевичу Петру не могло быть больше четырнадцати; но такая несообразность не остановила казаковъ, они говорили: „Государь насъ хотѣлъ пожаловать, да лихи бояре, переводятъ жалованье бояре, да не дадутъ жалованья". Они твердо положили исполнить свое намѣреніе и отвезли Илью къ казачьему атаману Гаврилѣ Пану. Терскій воевода, Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи самозванца, послалъ къ казакамъ съ предложеніемъ отослать его къ нему въ городъ; но казаки не послушались и спустились на стругахъ до моря, гдѣ остановились на острову, противъ устья Терека. Напрасно Головинъ уговаривалъ ихъ не покидать границы беззащитною и оставить, по крайней мѣрѣ, половину казаковъ на Терекѣ: казаки не хотѣли ничего слушать, и всѣ, въ числѣ 4,000, отправились къ Астрахани. Не будучи впущены въ городъ, они миновали его и поплыли вверхъ по Волгѣ, занимаясь разбойничествомъ. Лжедимитрій, неизвѣстно по какому побужденію, послалъ звать царевича Петра въ Москву, объявивъ, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Посланный засталъ его въ Самарѣ; казаки приняли предложеніе и двинулись съ Ильею въ Москву; но дядя не могъ свидѣться съ племянникомъ [1]).

Шуйскій былъ возвращенъ изъ ссылки, снова приблизился къ царю, который позволилъ ему жениться, вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ, и старикъ спѣшилъ помолвить на молодой княжнѣ Буйносовой-Ростовской; но вмѣстѣ онъ спѣшилъ составить заговоръ противъ довѣрчиваго царя. Неудовольствія противъ Лжедимитрія должны были увеличиться съ исполненіемъ его пламеннаго желанія, съ пріѣздомъ Марины. Мы видѣли, что Лжедимитрій, не будучи въ состояніи отказаться отъ брака съ Мариною, въ то же время не хотѣлъ оскорблять Русскихъ людей въ ихъ коренныхъ убѣжденіяхъ, требовалъ и настоялъ, чтобъ Марина, оставаясь втайнѣ католичкою, сообразовалась съ постановленіями Православной Церкви и съ обычаями народными. Но этою сдѣлкою нельзя было всѣхъ удовлетворить: люди приближенные хорошо знали, что царица остается латынкою некрещеною, и между духовенствомъ не могли не явиться ревнители, которые явно возстали противъ этого: такъ, Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, Іоасафъ, архіепископъ Коломенскій, говорили, что если Марина не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ; Гермогена удалили въ его епархію и тамъ заключили въ монастырь; Іоасафа оставили въ покоѣ неизвѣстно по какимъ причинамъ. Неизвѣстно также, по какимъ причинамъ Лжедимитрій, столько осторожный въ этомъ отношеніи, не хотѣлъ сообразоваться съ уставомъ церковнымъ и вѣнчался 8 мая, на пятницу и на Николинъ день. Были неудовольствія и другого рода: для помѣщенія родныхъ невѣсты и другихъ свадебныхъ гостей вывели изъ кремлевскихъ домовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ; арбатскіе и чертольскіе священники выведены были также изъ домовъ, въ которыхъ помѣщены иностранные тѣлохранители царскіе. Поляки, спутники Марины, вели себя нагло; казаки подражали имъ; но торговые люди утѣшали себя тѣмъ, что получали большіе барыши съ расточительныхъ гостей. Говорятъ еще объ одномъ распоряженіи Лжедимитрія, которое если-бы въ самомъ дѣлѣ было исполнено, то могло бы возбудить сильное неудовольствіе въ духовенствѣ: говорятъ, будто царь велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ вотчины и, оставивъ только необходимое для содержанія монаховъ, остальное отобрать въ казну на жалованье войску, сбиравшемуся въ походъ противъ Турокъ. Но трудно принять это извѣстіе, во-первыхъ, потому, что, какъ мы знаемъ, Димитрій подтверждалъ монастырямъ жалованныя грамоты и давалъ новыя; во-вторыхъ, потому, что объ этомъ распоряженіи не говорится въ Русскихъ источникахъ. Вѣроятно, что, подобно Грозному, Лжедимитрій потребовалъ у духовенства щедраго вспоможенія для наступающей войны съ

[1]) Акты арх. эксп. II, № 81

невѣрными, а это ревностнымъ протестантамъ показалось отобраніемъ имущества у монаховъ.

Но если и были причины къ неудовольствію, то неудовольствіе это, попрежнему, не было сильно и всеобще; попрежнему, любовь большинства къ царю продолжала обнаруживаться: однажды Басмановъ донесъ самозванцу, что нѣкоторые стрѣльцы распускаютъ о немъ дурные слухи; Лжедимитрій, какъ прежде отдалъ дѣло Шуйскаго на рѣшеніе собора,—такъ теперь отдалъ дѣло семерыхъ обличенныхъ стрѣльцовъ на рѣшеніе ихъ товарищей; тогда голова стрѣлецкій, Григорій Микулинъ, грубо выразилъ свое усердіе: „Освободи меня, государь", сказалъ онъ, „я у тѣхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубали повытаскаю"; и тутъ же, по знаку Микулина, стрѣльцы бросились на обвиненныхъ товарищей и изрубили ихъ въ куски. Явился еще обличитель, дьякъ Тимоѳей Осиповъ: постившись и причастясь Св. Таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить Лжедимитрію: „Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ". Осипова казнили,—и народъ остался покоенъ. Свободный въ обращеніи съ приближенными людьми, Лжедимитрій позволялъ имъ дѣлать замѣчанія насчетъ его образа жизни, если только эти замѣчанія не переходили границъ вѣжливости: такъ, однажды, когда, въ четвергъ на шестой недѣлѣ Великаго поста, за столомъ царскимъ подали телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ, что въ постъ Русскіе не могутъ ѣсть мяса; Лжедимитрій началъ споръ съ княземъ; думный дворянинъ, извѣстный уже намъ неразборчивостію выраженій, Татищевъ, взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но простилъ по просьбѣ Басманова.

Видя расположеніе большинства московскихъ жителей къ Лжедимитрію, расположеніе, не нарушаемое противными старинѣ поступками послѣдняго, наученный страшнымъ опытомъ, что нельзя подвигнуть народа противъ царя однимъ распущеніемъ слуховъ о самозванцѣ, Шуйскій прибѣгъ къ другому средству,—къ составленію заговора, въ челѣ котораго вмѣстѣ съ нимъ стали князья Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Еще прежде свадьбы царя между ними было все улажено; для сохраненія единства между собою, необходимаго въ такомъ дѣлѣ, бояре положили прежде всего убить разстригу, „а кто послѣ него будетъ изъ нихъ царемъ,—тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять Россійскимъ царствомъ". Условившись съ знатными заговорщиками, Шуйскій сталъ подбирать другихъ изъ народа, успѣлъ привлечь на свою сторону осьмнадцатитысячный отрядъ Новгородскаго и Псковскаго войска, стоявшій подлѣ Москвы и назначенный къ походу на Крымъ; быть можетъ, тутъ помогла давняя связь Новгородцевъ съ Шуйскими. Ночью собрались къ князю Василію бояре, купцы, сотники и пятидесятники изъ полковъ. Шуйскій объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Москвѣ отъ царя, преданнаго Полякамъ; прямо открылся, что самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобъ освободиться отъ Годунова: думали, что такой умный и храбрый молодой человѣкъ будетъ защитникомъ вѣры православной и старыхъ обычаевъ, но, вмѣсто того, царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ Святую вѣру, оскверняетъ храмы Божіи, выгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдаетъ иновѣрцамъ, наконецъ женится на Полькѣ поганой. „Если мы", продолжалъ Шуйскій, „заранѣе о себѣ не промыслимъ, то еще хуже будетъ. Я для спасенія православной вѣры опять готовъ на все, лишь бы вы помогли мнѣ усердно; каждый сотникъ долженъ объявить своей сотнѣ, что царь—самозванецъ и умышляетъ зло съ Поляками; пусть ратные люди совѣтуются съ гражданами, какъ промышлять дѣломъ въ такой бѣдѣ. Если будутъ всѣ заодно, то бояться нечего: за насъ будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, а за него пять тысячъ Поляковъ, которые живутъ не въ сборѣ, а въ разныхъ мѣстахъ". Но заговорщики никакъ не надѣялись, что большинство будетъ за нихъ, и потому условились по первому набату броситься во дворецъ съ крикомъ: „Поляки бьютъ государя!" окружить Лжедимитрія какъ будто для защиты и убить его; положено было ворваться въ то же время въ домы Поляковъ, отмѣченные накануне русскими буквами, и перебить ненавистныхъ гостей. Нѣмцевъ положено не трогать, потому что знали равнодушіе этихъ честныхъ наемниковъ, которые храбро сражались за Годунова, вѣрны Димитрію до его смерти, а потомъ будутъ такъ-же вѣрны новому царю изъ бояръ.

Если заговорщики условились разглашать о самозванствѣ царя и злыхъ его умыслахъ, то понятно, что эти разглашенія должны были немедленно обнаружиться; если трезвые были осторожны, то пьяные ругали царя-еретика и поганую царицу. Нѣмецкіе алебардщики схватили одного изъ такихъ крикуновъ и привели во дворецъ; но бояре сказали Лжедимитрію, что не слѣдуетъ обращать вниманія на слова пьянаго человѣка и слушать доносы нѣмецкихъ наушниковъ, особенно когда у него столько силы, что легко задавить всякій мятежъ, еслибъ даже кто-нибудь и вздумалъ его затѣять. Такіе совѣты какъ нельзя лучше приходились по душѣ Димитрію. Вотъ почему, когда начальники иноземной стражи на бумагѣ три дня сряду доносили ему, что въ народѣ замышляется недоброе, то сначала Димитрій спряталъ ихъ донесеніе, сказавъ: „Все это вздоры"! а потомъ, когда это ему наскучило, велѣлъ наказывать доносчиковъ. Въ это время готовилась воинская потѣха: Димитрій хотѣлъ сдѣлать примѣрный приступъ къ деревянному городку, выстроенному за Срѣтенскими

воротами. Заговорщики воспользовались этими приготовленіями и распустили слухъ, что царь, во время потѣхи, хочетъ истребить всѣхъ бояръ, а потомъ уже безъ труда подѣлится съ Польшею московскими областями и введетъ латынство. Если заговорщики не щадили царя, то тѣмъ менѣе должны были щадить его гостей, съ которыми, по ихъ словамъ, онъ замышлялъ сгубить Русскую Землю; по ночамъ толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ; разумѣется, въ этомъ случаѣ къ нимъ приставали и многіе изъ тѣхъ, которые не хотѣли предпринимать ничего противъ самого Димитрія; дѣло доходило и до драки; домъ, гдѣ жилъ князь Вишневецкій, былъ разъ осажденъ толпою тысячъ изъ четырехъ человѣкъ. Лжедимитрій смотрѣлъ на это, какъ на необходимое столкновеніе между двумя враждебными народами; ему донесли однажды, что одинъ Полякъ обезчестилъ боярыню, ѣхавшую въ повозкѣ; царь нарядилъ слѣдствіе, изъ котораго однако, по увѣренію Поляковъ, ничего не оказалось.

Сами Поляки, впрочемъ, не раздѣляли безпечности Лжедимитрія, который долженъ былъ два раза посылать къ Олѣсницкому и Гонсѣвскому съ увѣреніемъ, что нечего бояться, ибо онъ такъ хорошо принялъ въ руки государство, что безъ воли его ничего произойти не можетъ. Несмотря на то, послы поставили у себя на дворѣ стражу, а Мнишки помѣстили у себя всю польскую пѣхоту, которую привели съ собою. Эти ратные люди донесли воеводѣ, что Москвитяне не продаютъ имъ больше пороху и оружія; испуганный Мнишекъ тотчасъ пошелъ сказать объ этомъ Лжедимитрію, но тотъ отвѣчалъ ему смѣхомъ, удивляясь малодушію Поляковъ; однако, для успокоенія тестя, велѣлъ разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу.

Въ ночь, съ шестнадцатаго на семнадцатое мая, вошелъ въ Москву отрядъ войска, привлеченный на сторону заговорщиковъ, которые заняли всѣ двѣнадцать воротъ и не пускали уже никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля. Нѣмцы, которыхъ обыкновенно находилось во дворцѣ по сту человѣкъ, получили именемъ царскимъ приказъ отъ бояръ разойтись по домамъ, такъ что при дворцѣ осталось только тридцать алебардщиковъ. Поляки ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ и спали спокойно, тѣмъ болѣе что пятница, шестнадцатое число, прошла безъ всякаго шума и приключенія; но не спали заговорщики, дожидаясь условленнаго знака. Около четырехъ часовъ утра ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка, на Новгородскомъ дворѣ, и разомъ заговорили всѣ колокола московскіе. Толпы народа, между прочимъ и преступники, освобожденные изъ темницъ, вооруженные чѣмъ ни попало, хлынули на Красную площадь: тамъ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ, въ полномъ вооруженіи. На тревогу выбѣжали изъ домовъ и тѣ, которые не знали о заговорѣ: на вопросы о причинѣ смятенія имъ отвѣчали, какъ было условлено, что Литва бьетъ бояръ, хочетъ убить и царя,—тогда всѣ спѣшили на защиту своихъ. Для бояръ было важно скорѣе, безъ объясненій, кончить дѣло съ Димитріемъ внутри Кремля и дворца, среди участниковъ заговора, безъ многочисленныхъ свидѣтелей; и вотъ Шуйскій, не дожидаясь, пока много народа соберется на площадь, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ заговорщиковъ, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Фроловскія (Спасскія) ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой—мечъ. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ лошади, приложился къ образу Владимірской Богородицы и сказалъ окружавшимъ: „Во имя Божіе идите на злаго еретика“. Толпы двинулись ко дворцу.

Набатъ и тревога разбудили Лжедимитрія; онъ послалъ Басманова узнать о причинахъ смятенія; встрѣченные имъ бояре отвѣчали, что они сами не знаютъ, но вѣроятно гдѣ нибудь случился пожаръ. Димитрій сначала-было успокоился этимъ отвѣтомъ; но потомъ, когда шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе, выслалъ вторично Басманова освѣдомиться обстоятельнѣе. На этотъ разъ его встрѣтили неприличными ругательствами и крикомъ: „Выдай самозванца!“ Басмановъ бросился назадъ, приказалъ стражѣ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, крича: „Ахти мнѣ! ты самъ виноватъ, государь! все не вѣрилъ—вся Москва собралась на тебя“. Стража оробѣла и позволила одному изъ заговорщиковъ ворваться въ царскую спальню и закричать Димитрію: „Ну, безвременный царь! проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета“? Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, разрубилъ голову крикуну; самъ Лжедимитрій, выхвативъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, вышелъ къ толпѣ и, махая мечемъ, кричалъ: „Я вамъ не Годуновъ!“ Однако выстрѣлы принудили его удалиться. Въ это время явились бояре; Басмановъ подошелъ къ нимъ и началъ уговаривать ихъ не выдавать народу Димитрія; но тутъ Татищевъ, тотъ самый, который былъ спасенъ Басмановымъ отъ ссылки, обругалъ его какъ нельзя хуже и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что тотъ палъ мертвый; трупъ его сбросили съ крыльца. Смерть Басманова охмелила толпу, ждавшую первой крови; заговорщики стали смѣлѣе напирать на тѣлохранителей; Димитрій снова вышелъ, хотѣлъ разогнать народъ палашемъ, но увидалъ, что сопротивленіе безполезно; въ отчаяніи бросилъ онъ палашъ, схватилъ себя за волосы, и, не говоря ни слова нѣмецкой стражѣ, кинулся въ покои жены. Сказавъ ей, чтобы спасалась отъ мятежниковъ, самъ поспѣшилъ пробраться въ каменный дворецъ, выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для брачнаго празднества, съ однѣхъ подмостокъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ вышины 15 саженъ на Житный дворъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь.

Между тѣмъ заговорщики, обезоруживъ стражу, бѣгали изъ одной комнаты въ другую, ища Дими-

трія, и ворвались въ покои царицы. Узнавъ отъ мужа объ опасности, Марина спустилась сперва внизъ въ подвалъ; но потомъ, когда ей отсовѣтовали тутъ оставаться, опять взошла наверхъ, причемъ была столкнута съ лѣстницы не узнавшею ее толпою, и едва успѣла пробраться въ свою комнату, какъ заговорщики показались у дверей. Тутъ встрѣтилъ ихъ слуга Марины, Янъ Осмульскій, долго одинъ сдерживалъ натискъ толпы, наконецъ палъ подъ ударами. Марина, небольшаго роста и худенькая, легко спряталась подъ юпку своей гофмейстерины. Ворвавшись въ комнату, заговорщики съ ругательствомъ спрашивали у женщинъ, гдѣ царь и царица. Имъ отвѣчали, что о царѣ не знаютъ, а царицу отправили въ домъ къ отцу ея. Прибытіе бояръ, главъ заговора, положило конецъ отвратительнымъ сценамъ грабежа и безстыдства; они выгнали толпу и приставили стражу, чтобы не пускать никого къ женщинамъ; Марину, которая вышла изъ своего убѣжища, проводили въ другую комнату.

Распорядившись насчетъ Марины, бояре спѣшили отвратить страшную опасность, которая начинала-было грозить имъ: стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ близъ того мѣста, гдѣ упалъ Димитрій, услыхали стоны раненаго, узнали царя, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго Годуновскаго дома. Придя въ себя, Димитрій сталъ упрашивать стрѣльцовъ, чтобъ они приняли его сторону, обѣщая имъ въ награду женъ и имѣніе измѣнниковъ-бояръ. Стрѣльцамъ понравилось обѣщаніе: они внесли его снова во дворецъ, уже опустошенный и разграбленный; въ передней Димитрій заплакалъ, увидавъ вѣрныхъ своихъ алебардщиковъ, стоявшихъ безъ оружія, съ поникшими головами; когда заговорщики хотѣли приблизиться къ нему, то стрѣльцы начали стрѣлять изъ ружей. Для главъ заговора теперь шло дѣло о жизни и смерти, и Шуйскій сталъ горячо убѣждать своихъ докончить начатое дѣло убійствомъ самозванца. Заговорщики придумали средство испугать стрѣльцовъ и заставить ихъ покинуть Димитрія,—они закричали: „Пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика". Стрѣльцы испугались и сказали боярамъ: „Спросимъ царицу; если она скажетъ, что это прямой ея сынъ; то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ". Бояре согласились. Въ ожиданіи отвѣта отъ Мароы, заговорщики не хотѣли остаться въ покоѣ и съ ругательствомъ и побоями спрашивали Лжедимитрія: „Кто ты? кто твой отецъ? откуда ты родомъ"? Онъ отвѣчалъ: „Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою, или выведите меня на Лобное мѣсто и дайте объясниться". Тутъ явился князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ и сказалъ, что онъ былъ у царицы Мароы, спрашивалъ: она говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а этотъ самозванецъ. Эти слова повѣстили народу съ прибавкою, что самъ Димитрій винится въ своемъ самозванствѣ и что Нагіе подтверждаютъ показаніе Мароы. Тогда отовсюду раздались крики: „Бей его! руби его"! Выскочилъ изъ толпы сынъ боярскій Григорій Валуевъ и выстрѣлилъ въ Димитрія, сказавши: „Что толковать съ еретикомъ; вотъ я благословлю польскаго свистуна". Другіе дорубили несчастнаго и бросили трупъ его съ крыльца на тѣло Басманова, говоря: „Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ". Тогда чернь овладѣла трупами, и, обнаживъ ихъ, потащила черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; поравнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и спрашивала у Мароы: „Твой ли это сынъ"? Та отвѣчала: „Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ былъ еще живъ, теперь онъ уже разумѣется не мой". На Красной площади выставлены были оба трупа въ продолженіи трехъ дней; Лжедимитрій лежалъ на столѣ въ маскѣ, съ дудкою и волынкою, Басмановъ—на скамьѣ у его ногъ. Потомъ Басманова погребли у церкви Николы Мокраго, а самозванца въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами; но пошли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоятъ благодаря волшебству разстриги: что надъ его могилою дѣлаются чудеса;—тогда трупъ его вырыли, сожгли на Котлахъ и, смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ онъ.

Въ то время, какъ однѣ толпы народа ругались надъ обезображеннымъ трупомъ того, кто незадолго величался краснымъ солнцемъ Россіи, другія раздѣлывались съ ненавистными гостями. Прежде всего были побиты польскіе музыканты, найденные во дворцѣ; потомъ бросились къ домамъ, занятымъ ихъ единоземцами; мужчинъ били, женщинъ уводили къ себѣ; но воевода Сендомирскій, сынъ его и князь Вишневецкій отражали силу силою до тѣхъ поръ, пока имъ на помощь не подоспѣли бояре, которые, имѣя только въ виду раздѣлаться съ самозванцемъ, вовсе не хотѣли заводить войну съ Польшею безполезнымъ убійствомъ ея пановъ. Пословъ польскихъ не тронули: бояре послали сказать Олѣсницкому и Гонсѣвскому, что имъ, какъ посламъ, опасаться нечего, и, съ своей стороны, послы и люди ихъ не должны мѣшаться съ другими Поляками, которые пріѣхали съ воеводою Сендомирскимъ въ надеждѣ завладѣть Москвою и надѣлали много зла Русскимъ. Гонсѣвскій отвѣчалъ: „Вы сами признали Димитрія царевичемъ, сами посадили его на престолъ; теперь же, узнавъ, какъ говорите, о самозванствѣ его, убили. Намъ нѣтъ до этого никакого дѣла, и мы совершенно покойны насчетъ нашей безопасности, потому что не только въ христіанскихъ государствахъ, но и въ бусурманскихъ послы неприкосновенны. Что же касается до остальныхъ Поляковъ, то они пріѣхали не на войну, не для того, чтобъ овладѣть Москвою, но на свадьбу, по приглашенію вашего государя, и

если кто-нибудь изъ ихъ людей обидѣлъ кого-нибудь изъ вашихъ, то на это есть судъ; просимъ бояръ не допускать до пролитія крови подданныхъ королевскихъ, потому что если станутъ бить ихъ предъ нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будемъ равнодушно смотрѣть на это, и согласимся лучше всѣ вмѣстѣ погибнуть, о слѣдствіяхъ же предоставимъ судить самимъ боярамъ". Для охраненія пословъ было поставлено около дома ихъ пятьсотъ стрѣльцовъ. За часъ до полудня прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ; по однимъ извѣстіямъ, Поляковъ было убито 1,200 или 1,300 человѣкъ, а Русскихъ 400; по другимъ—однихъ Поляковъ 2,135 человѣкъ; иные же полагаютъ 1,500 Поляковъ и 2,000 Русскихъ.

Несмотря на то, что возстаніе было возбуждено во имя вѣры православной, во имя Земли Русской, гибнувшихъ отъ друга еретиковъ и Ляховъ, въ народѣ не могло не быть сознанія, что совершено дѣло нечистое, или, по крайней мѣрѣ, нечистымъ образомъ. При гибели Годуновыхъ народъ былъ спокоенъ: онъ былъ увѣренъ, что новый царь есть истинный сынъ Іоанна IV-го, и въ истребленіи Борисова семейства видѣлъ казнь, совершенную законнымъ царемъ надъ своими измѣнниками; но теперь не было этой всеобщей увѣренности. Многіе были за Лжедимитрія; многіе взяли оружіе при извѣстіи, что Поляки бьютъ царя, прибѣжали въ Кремль спасать любимаго государя отъ рукъ враговъ ненавистныхъ,—и видятъ трупъ его, обезображенный и поруганный не Поляками, а Русскими; слышатъ, что убитый царь былъ обманщикъ, но слышатъ это отъ такихъ людей, которые за минуту передъ тѣмъ обманули ихъ, призвавъ вовсе не на то дѣло, какое хотѣли совершить: обманомъ не бываютъ довольны, его не забываютъ, какъ самую жестокую обиду. И кто же былъ обманутъ, кто былъ недоволенъ? Масса людей умѣренныхъ, спокойныхъ, самая могущественная часть народонаселенія, которая даетъ прочный успѣхъ всякому дѣлу. Согласіе немногихъ людей отважныхъ, скопъ, заговоръ можетъ дать мгновенный успѣхъ дѣлу; но прочность его зависитъ отъ „да" или „нѣтъ" умѣренной, спокойной массы народонаселенія. Вотъ почему 17 мая 1606 года въ Москвѣ не было ознаменовано тѣмъ одушевленнымъ ликованіемъ, какое обыкновенно бываетъ по совершеніи общаго дѣла. Нѣкоторые радовались гибели друга еретиковъ, но не смѣли, для принесенія благодарности Богу, созвать въ храмы толпы людей хмельныхъ отъ вина и крови. Недолго раздавались по улицамъ клики заговорщиковъ, недолго слышалось хвастовство ихъ легкою побѣдою: этимъ кликамъ не было отзыва, разсказамъ о кровавыхъ подвигахъ не было сочувствія, и Москва скоро успокоилась; ночью царствовала глубокая тишина,—смущенное, оробѣвшее общество притаилось, гнетомое тяжелою думой о прошедшемъ и будущемъ.

Были однако люди, которые осмѣлились забыть прошедшее для честолюбивыхъ замысловъ о будущемъ, которые осмѣливались думать, что и другіе такъ-же забудутъ прошедшее. Мы видѣли, что бояре, составляя заговоръ противъ Лжедимитрія, уже думали о томъ, какъ поступать, когда одинъ изъ нихъ сдѣлается царемъ. Виднѣе всѣхъ бояръ московскихъ по уму, энергіи, знатности рода, по умѣнью сохранять родовыя преданія, быть имъ вѣрными были два князя—Василій Шуйскій и Василій Голицынъ; они-то и были главами заговора, они-то и должны были думать о томъ, какъ бы прежде другихъ воспользоваться его успѣхомъ. Оба князя имѣли сильныя стороны; но могъ ли Голицынъ успѣшно бороться съ Шуйскимъ? Родъ Шуйскихъ давно уже гораздо больше выдавался впередъ, чѣмъ родъ Голицыныхъ, ибо о Патрикѣевыхъ уже забыли; самъ Шуйскій гораздо больше выдавался впередъ, чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время. Онъ первый поднялся противъ самозванца, былъ страдальцемъ за правду для тѣхъ, которые были убѣждены въ самозванствѣ бывшаго царя; онъ былъ на первомъ мѣстѣ въ заговорѣ, въ его домѣ собирались заговорщики, его рѣчамъ, его увѣщаніямъ внимали, за нимъ шли въ Кремль губить злого еретика; для людей, совершившихъ дѣло убійства Лжедимитріева, кто могъ быть лучшимъ царемъ какъ не вождь ихъ въ этомъ дѣлѣ? Но это дѣло было чисто московское, и далеко не всѣ Москвичи его одобряли;—а что скажутъ совѣтные люди, выборные изъ городовъ по всей Россіи? Годуновъ, при избраніи своемъ, имѣлъ всѣ причины требовать созванія выборныхъ изо всѣхъ городовъ Россійскаго царства: онъ долгое время былъ хорошимъ правителемъ, и это знала вся Земля; дурное о Годуновѣ было преимущественно извѣстно въ Москвѣ, хорошее—въ областяхъ; притомъ за Годунова былъ патріархъ, долженствовавшій имѣть самое сильное вліяніе на выборныхъ. Въ другомъ положеніи находился Шуйскій: его хорошо знали только въ Москвѣ, но мало знали въ областяхъ, такъ что для совѣтныхъ людей, присланныхъ изъ Галича или Вологды, Шуйскій былъ извѣстенъ не болѣе чѣмъ Голицынъ или Воротынскій; патріарха не было, ибо Игнатія, какъ потаковника Лжедимитріева, тотчасъ же свергнули, и потому совѣтные люди могли легко подчиниться вліянію людей, нехотѣвшихъ Шуйскаго, людей, не одобрявшихъ его послѣдняго, самаго виднаго, поступка. Вотъ почему Шуйскому опасно было дожидаться выборныхъ изъ городовъ. „По убіеніи разстриги, говоритъ лѣтописецъ, бояре начали думать, какъ бы согласиться со всею Землею, чтобы пріѣхали изъ городовъ въ Москву всякіе люди, чтобы выбрать, по совѣту, государя такого, который бы всѣмъ былъ любъ. Но Богу не угодно было насъ помиловать по грѣхамъ нашимъ: чтобы не унялась кровь христіанская, немногіе люди, по совѣту князя Василія Шуйскаго, умыслили выбрать его въ цари".

19 мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики, ремесленники толпились на Красной площади точно такъ-же, какъ и 17 числа: бояре, чины придворные,

духовенство, вышли также на площадь и предложили избрать патріарха, который долженъ былъ стоять во главѣ временнаго правленія, и разослать грамоты для созванія совѣтныхъ людей изъ городовъ; но понятно, какъ страшно было Шуйскому избраніе патріарха, если бы избрали человѣка къ нему равнодушнаго, а можетъ быть даже и нерасположеннаго. На предложеніе бояръ въ толпѣ закричали, что царь нужнѣе патріарха, а царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Этому провозглашенію толпы, только-что ознаменовавшей свою силу истребленіемъ Лжедимитрія, никто не осмѣлился противодѣйствовать, и Шуйскій былъ—не скажемъ избранъ, но выкрикнутъ царемъ. Онъ сдѣлался царемъ точно такъ-же, слѣдовательно, какъ былъ свергнутъ, погубленъ Лжедимитрій,—скопомъ, заговоромъ, не только безъ согласія всей Земли, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная, охранительная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, не сказала своего „да“: гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что когда усердіе клевретовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его? Такимъ образомъ, на Московскомъ престолѣ явился царь партіи, но партія противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надеждъ; къ ней присоединились, т.-е объявили себя противъ Шуйскаго, всѣ тѣ, которымъ были выгодны перемѣны, и всякая перемѣна могла казаться теперь законною, ибо настоящаго, установленнаго, освященнаго ничего не было. Масса людей умѣренныхъ, охранительныхъ—молчала, потому что не питала сочувствія ни къ одному явленію: ни къ новому порядку вещей, ни къ движеніямъ, противъ него направленнымъ; произволу людей безпокойныхъ открывалось свободное поприще, и представители общества, люди не разрознившіе своихъ интересовъ съ его интересами, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на чтó опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себя главою государства [1]).

Глава IV.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

Грамота новаго царя о своемъ избраніи.—Ограниченіе царской власти.—Царскія грамоты по областямъ.—Царское вѣнчаніе Шуйскаго.—Патріархъ Гермогенъ и отношенія его къ царю.—Причины появленія вторага самозванца.—Молчановъ.—Возмущеніе въ Украйнѣ.—Волненіе въ Москвѣ.—Болотниковъ.—Пораженіе царскаго войска и повсемѣстное возстаніе на югѣ.—Ляпуновы.—Болотниковъ у Москвы.—Отступленіе дворянъ отъ Болотникова.—Пораженіе и бѣгство Болотникова.—Наступательное движеніе Шуйскаго.—Разрѣшительная грамота патріарховъ—Іова и Гермогена.—Болотниковъ и самозванецъ Петръ въ Тулѣ.—Побѣда царскихъ войскъ.—Шуйскій осаждаетъ Тулу.—Появленіе втораго самозванца.—Взятіе Тулы царемъ.—Составъ войска втораго Лжедимитрія.—Рожинскій, Заруцкій.—Новые самозванцы.—Безпокойство въ Москвѣ.—Лжедимитрій спѣшитъ къ Москвѣ.—Миръ Шуйскаго съ Польшею.—Лжедимитрій въ Тушинѣ.—Война его съ Шуйскимъ.—Марина и отецъ ея въ Тушинѣ.—Польскій наказъ для втораго Лжедимитрія.

Исполняя обѣщаніе, данное товарищамъ своимъ по заговору, Шуйскій такъ оповѣстилъ о своемъ воцареніи: „Божіею милостію мы, великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго собора, по челобитью и прошенію всего православнаго христіанства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ Римскаго кесаря, и потомъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самаго прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ Россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ удалились на Суздальскій удѣлъ не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ мѣстахъ садиться. И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденствѣ, и поволилъ я, царь и великій князь всея Руси, цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьи его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были; также у гостей и торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ этой винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать

[1]) Палицынъ, 28, 29, 32; Petricii - Histor. Moscou. II 108, 111, 112, 116, 127, 129; Степен. книга Латухина. Histor. Russ. Monum. II p. 173; Сказаніе еже содѣяся. въ Чтен. Моск. истор. Общ. т. IX, Буссовъ; Де-Ту; Лѣтоп. о мятеж., стр. 100; Пясецкій, подъ г. 1606, Lubienskiego pisma posmiertne, p. 94, 95; Histor. de Pseudodemetrio. Обстоятельство, какимъ образомъ самозванецъ упалъ на Житный дворъ, объясняется разсказомъ Исаака Массы, что новый дворецъ Лжедимитрія былъ построенъ подлѣ самыхъ стѣнъ или даже на стѣнахъ кремля, выходящихъ къ Москвѣ-рѣкѣ (стр. 145 и 146).

всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство невинно не гибло; а кто на кого солжетъ, то, сыскавъ, казнить его, смотря по винѣ, которую взвелъ напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, я, царь и великій князь, Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судить истиннымъ, праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никого въ неправдѣ не подавать, и отъ всякаго насильства оберегать". Лѣтописецъ разсказываетъ, что какъ скоро Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, то пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: „Цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору, и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ виновенъ, то отцу ничего дурнаго не дѣлать, а которая была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, то никому за нее мстить не буду". Бояре и всякіе люди, продолжаетъ лѣтописецъ, ему говорили, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось, но онъ никого не послушалъ и цѣловалъ крестъ. Любопытно, если лѣтописецъ не ошибся, и Шуйскій сначала обязывался не произносить смертныхъ приговоровъ безъ соборнаго рѣшенія, какъ сдѣлалъ Лжедимитрій въ дѣлѣ самого Шуйскаго, а потомъ уже въ грамотѣ, вмѣсто собора, поставлено: „Не осудя съ боярами своими", что сообразнѣе было съ прежнимъ обѣщаніемъ при составленіи заговора: „Общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять"; впрочемъ, и здѣсь общій совѣтъ—выраженіе довольно неопредѣленное,—такъ какъ бояре уговаривались, то общимъ совѣтомъ прежде всего можетъ относиться къ нимъ, что и вѣроятнѣе, но можетъ также означать и соборъ. Что же касается до обѣщанія не наказывать вмѣстѣ съ виновными и невинныхъ родственниковъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, представленіе о правдѣ этого устава принесено Лжедимитріемъ и спутниками его изъ Польши, гдѣ, какъ мы видѣли, давно уже, вслѣдствіе болѣе ранняго ослабленія родовыхъ отношеній, родственники преступника не подвергались вмѣстѣ съ ними наказанію; мы видѣли, что Мнишекъ обѣщалъ боярамъ расширеніе правъ ихъ при Лжедимитріи.

Разослана была по областямъ и другая грамота отъ имени бояръ, окольничихъ, дворянъ и всякихъ людей Московскихъ, съ извѣщеніемъ о гибели Лжедимитрія и возведеніи на престолъ Шуйскаго: „Мы узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ, Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Димитрія, царица инокиня Марѳа, и братъ ея Михайла Нагой съ братьею всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Димитрій умеръ подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Димитріемъ ложно; а какъ его поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ и на государствѣ учинился бѣсовскою помощію, и людей всѣхъ прельстилъ чернокнижествомъ; и тотъ Гришка, за свое злодѣйственное дѣло, принялъ отъ Бога возмездіе, скончалъ свой животъ злою смертію. И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, также и мы бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскія и всякіе люди Московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, кому Богъ изволитъ быть на Московскомъ государствѣ государемъ; и Всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на Московское государство,—великаго государя царя и великаго князя, Василія Ивановича, всея Руси самодержца, государя благочестиваго, по Божіей церкви и по православной христіанской вѣрѣ побораеля, отъ корени великихъ государей Россійскихъ, отъ великаго государя князя Александра Ярославича Невскаго; многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братіею своею во многія лѣта онъ претерпѣлъ, и больше всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ" [1]).

Вслѣдъ за этою грамотою, новый царь разослалъ другую, уже отъ своего имени, въ которой также объявлялъ о гибели Лжедимитрія, съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ, а именно—объявлялъ о бумагахъ, найденныхъ въ комнатахъ самозванца: „Взяты въ хоромахъ его грамоты многія ссыльныя воровскія съ Польшею и Литвою о разореніи Московскаго государства". Но Шуйскій не объясняетъ ничего о содержаніи этихъ воровскихъ грамотъ, хотя вслѣдъ за этимъ упоминаетъ о содержаніи писемъ отъ Римскаго папы, намъ уже извѣстныхъ. Далѣе Шуйскій пишетъ о показаніи Бучинскихъ, будто царь былъ намѣренъ перебить всѣхъ бояръ во время воинской потѣхи, и потомъ, отдавши всѣ главныя мѣста въ управленіе Полякамъ, ввести католицизмъ. Въ самомъ дѣлѣ сохранилось это показаніе; но достовѣрность его прежде насъ уже отвергнута [2]). Шуйскій приводитъ также свидѣтельство о записяхъ, дѣйствительно данныхъ въ Польшѣ Мнишку и королю объ уступкѣ русскихъ областей, и заключаетъ: „Слыша и видя то, мы Всесильному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избавилъ". Наконецъ разослана была

[1]) Лѣтоп. о мятеж., стр. 102; С. г. г. и д. II, № 140, 141, 142.

[2]) Карамзинъ: «Свидѣтельство едва ли достойное уваженія и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобъ Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное; ибо легко было предвидѣть, что бояре и москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелью Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою».

*

окружная грамота отъ имени царицы Мароы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедимитрія. Мароа говоритъ: „Онъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей, и насъ самихъ и родственниковъ нашихъ устрашилъ смертію; я боярамъ, дворянамъ и всѣмъ людямъ объявила объ этомъ прежде тайно, а теперь всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичъ Димитрій, воръ, богоотступникъ, еретикъ. А какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, то, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ долгое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ и велѣлъ имъ беречь накрѣпко, чтобы къ намъ никто не приходилъ и съ нами объ немъ никто не разговаривалъ. А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привезти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и другихъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ запретомъ, чтобы мнѣ его не обличать, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобы намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злой смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ также своихъ совѣтниковъ, и остерегать того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я, для его угрозы, объявить въ народѣ его воровство явно не смѣла". Мароа говоритъ, или за нее говорятъ, что Лжедимитрій прислалъ за нею своихъ совѣтниковъ, но кого именно,—объ этомъ ни слова, тогда какъ это всего важнѣе: кто были именно совѣтники Лжедимитрія, которые знали о его самозванствѣ и между тѣмъ дѣйствовали въ его пользу?—или этихъ совѣтниковъ не существовало вовсе, а если существовали, то теперь были такъ могущественны, что именъ ихъ нельзя было открыть народу; но намъ извѣстно, что Димитрій посылалъ за Мароою князя Михайлу Васильевича Скопина-Шуйскаго! Слѣдовательно, Скопинъ былъ главнымъ изъ этихъ совѣтниковъ Лжедимитрія, которымъ приказано было беречь накрѣпко, чтобы никто къ ней не приходилъ и не разговаривалъ съ нею о царѣ...

Легко можно представить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти объявленія Шуйскаго, царицы Мароы и бояръ на многихъ жителей самой Москвы и преимущественно на жителей областныхъ! Неизбѣжно должны были найтись многіе, которымъ могло показаться страннымъ, какъ воръ Гришка Отрепьевъ могъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ прельстить всѣхъ московскихъ правителей! Недавно извѣщали народъ, что новый царь есть истинный Димитрій; теперь увѣряютъ въ противномъ, увѣряютъ, что Димитрій грозилъ гибелью православной вѣрѣ, хотѣлъ дѣлиться съ Польшею русскими землями; объявляютъ, что онъ за это погибъ,—но какъ погибъ?—это остается въ тайнѣ; объявляютъ, что избранъ новый царь,—но какъ и кѣмъ?— неизвѣстно: никто изъ областныхъ жителей не былъ на этомъ собраніи, оно совершено безъ вѣдома Земли; совѣтные люди не были отправлены въ Москву, которые, пріѣхавъ оттуда, могли бы удовлетворить любопытству своихъ согражданъ, разсказать имъ дѣло обстоятельно, разрѣшить всѣ недоумѣнія. Странность, темнота событія извѣщаемаго необходимо порождали недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость, тѣмъ болѣе что новый царь сѣлъ на престолъ тайкомъ отъ Земли, съ нарушеніемъ формы, уже освященной, уже сдѣлавшейся стариною. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, приходившее къ нимъ изъ Москвы, непреложнымъ; но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ,—необходимо рождался вопросъ: не омрачены ли Москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тянули всѣ области; связью между Москвою и областями было довѣріе ко власти, въ ней пребывающей; теперь это довѣріе было нарушено и связь ослабѣла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію; потерявъ политическую вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему, особенно когда стали пріѣзжать въ области люди, недовольные переворотомъ и человѣкомъ, его произведшимъ; когда они стали разсказывать, что дѣло было иначе, нежели какъ повѣщено въ грамотахъ Шуйскаго. Тутъ-то въ самомъ дѣлѣ наступило для всего государства омраченіе бѣсовское, омраченіе, произведенное духомъ лжи, произведенное дѣломъ темнымъ и нечистымъ, тайкомъ отъ Земли совершеннымъ.

1 іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство; новый царь былъ маленькій старикъ лѣтъ за 50 слишкомъ, очень некрасивый съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы, и сильно вѣрилъ чародѣйству. Подлѣ новаго царя немедленно явилось и второе лицо по немъ въ государствѣ—патріархъ: то былъ Гермогенъ, бывшій митрополитъ Казанскій, извѣстный своимъ сопротивленіемъ неправославнымъ поступкамъ Лжедимитрія. Это сопротивленіе показывало уже въ Гермогенѣ человѣка съ твердымъ характерамъ, готоваго страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; такимъ образомъ, новый патріархъ, по природѣ своей, былъ совершенно въ-уровень своему высокому положенію въ бурное Смутное время; но современники жалуются, что съ этою твердостію Гермогенъ соединялъ жесткость нрава, непривлекательность въ обращеніи, неумѣренную строгость; жалуются также, что онъ охотно слушалъ навѣты, худо отличалъ истинное отъ ложнаго, вѣрилъ всему. Этою слабостію воспользовались враги Шуйскаго: они наговорили патріарху на царя и успѣли поссорить ихъ; по жесткости нрава, патріархъ не скрывалъ своего неудовольствія и обращался съ царемъ вовсе не дружественно, хотя, въ то же время, по основнымъ убѣжденіямъ своимъ, готовъ былъ всегда

защищать Шуйскаго, какъ царя вѣнчаннаго, противъ возмутителей [1]).

Легко себѣ представить, какъ вредны были для Шуйскаго такія отношенія его къ патріарху, когда уже онъ и безъ того не пользовался большимъ уваженіемъ и довѣренностію подданныхъ. Клятва, данная имъ при восшествіи на престолъ, повела къ тому, что на него стали смотрѣть не такъ, какъ смотрѣли на прежнихъ государей; ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами, къ царю нерасположенными, обѣщало безнаказанность смутамъ, крамоламъ: клевретъ Голицына или другого какого-нибудь сильнаго боярина могъ отважиться на все по внушенію своего милостивца, зная, что послѣдній можетъ защитить его. Современники прямо говорятъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь. Нѣкоторые изъ бояръ крамолили противъ царя, съ цѣлію занять его мѣсто; другіе не хотѣли видѣть его царемъ по прежнимъ отношеніямъ; но всѣ бояре были въ заговорѣ съ Шуйскимъ противъ Лжедимитрія; нѣкоторые, и изъ нихъ, самые способные, напримѣръ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Рубецъ-Мосальскій и другіе, оставались вѣрны Лжедимитрію, и слѣдовательно были враждебны новому правительству, которое и не замедлило подвергнуть ихъ опалѣ: князь Рубецъ-Мосальскій былъ сосланъ воеводою въ Корелу, Аѳанасій Власьевъ—въ Уфу, Салтыковъ—въ Иванъ-городъ, Богданъ Бѣльскій—въ Казань; другихъ стольниковъ и дворянъ разослали также по разнымъ городамъ; у нѣкоторыхъ отняли помѣстья и вотчины. Такимъ образомъ, въ отдаленныя области, и даже въ качествѣ правителей, были отправлены люди озлобленные, то-есть вѣрные возмутители или, по крайней мѣрѣ, готовые принять самое дѣятельное участіе въ возмущеніи для сверженія правительства, имъ враждебнаго; скоро замѣтили также, что и вообще новый царь измѣнилъ своему обѣщанію, преслѣдуетъ людей, которые прежде были ему враждебны. Глава заговора, виновникъ возстанія, Шуйскій, былъ выкрикнутъ царемъ участниками въ заговорѣ, возстаніи, людьми самыми безпокойными, площадными крикунами и смутниками, испытавшими уже три раза свою силу при сверженіи и возведеніи царей; они выкрикнули Шуйскаго, своего вождя, въ надеждѣ богатыхъ наградъ отъ него; но отъ скупаго старика нельзя было ничего дождаться: тогда эти люди стали готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Шуйскаго.

Но всѣ эти люди, и бояре могущественные, имѣвшіе виды на престолъ, и сановники второстепенные, враждебные Шуйскому или по личнымъ и родовымъ отношеніямъ, или по приверженности къ его предшественнику, наконецъ смутники изъ людей всякаго происхожденія, которымъ выгодны были перемѣны,—никто не могъ отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго. Голицынъ не имѣлъ никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперникомъ новому царю и открыто противъ него дѣйствовать: какое изъ своихъ правъ могъ выставить Голицынъ, которое бы превышало права Шуйскаго?—онъ могъ надѣяться получить престолъ только тогда, когда Шуйскій будетъ свергнутъ чужимъ, а не его именемъ, слѣдовательно могъ только крамолить противъ него, а не дѣйствовать открыто. То же самое должно сказать и о всѣхъ другихъ людяхъ, почему бы то ни было недовольныхъ Шуйскимъ и желавшихъ перемѣны: во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы взамѣнъ Шуйскаго? Для всѣхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лицо, во имя котораго можно было дѣйствовать, лицо, столько могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ столько ничтожное, чтобы не могло быть препятствіемъ для исполненія извѣстныхъ замысловъ, однимъ словомъ,—нуженъ былъ самозванецъ; Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ. Вотъ причина появленія втораго самозванца и успѣха его внутри государства; что же касается до казаковъ, то мы уже видѣли, какъ имъ былъ необходимъ самозванецъ: еще при жизни перваго они подставили другого. Какъ для государства спокойнаго, благоустроеннаго, государь, правительство не можетъ умирать (le roi est mort—vive le roi!), такъ для тогдашняго русскаго общества, потрясеннаго въ своихъ основахъ, не могъ умереть самозванецъ: и точно, еще кровавый трупъ перваго Лжедимитрія лежалъ на Красной площади, какъ уже пронеслась вѣсть о второмъ.

17 мая, когда заговорщики были заняты истребленіемъ самозванца и Поляковъ, Михайла Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Ѳедора Годунова, успѣлъ скрыться изъ дворца и изъ Москвы. Въ сопровожденіи двоихъ Поляковъ, Молчановъ направилъ путь къ литовскимъ границамъ, распуская вездѣ по дорогѣ слухъ, что онъ царь Димитрій, который спасается изъ Москвы и вмѣсто котораго Москвитяне, ошибкою, убили другого человѣка. Этотъ слухъ скоро достигъ Москвы и распространился между ея жителями. Мы не удивимся такому, съ перваго взгляда странному, явленію, если вспомнимъ, что не всѣ Москвичи принимали участіе въ убійствѣ Лжедимитрія, что многіе изъ нихъ

[1]) С. г. г. и д. II, № 146; Русск. достопамятн. I, 175: по свидѣтельству надгробной надписи въ Архангел. соборѣ Шуйскій умеръ въ 1612 году 60-ти лѣтъ; хронографы о Гермогенѣ: «Былъ же словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ (но не) сладкоучителенъ, отъ блаженныхъ же словесъ присно народъ упояшесь, и всякія книги ветхаго закона и новыя благодати, и уставы церковные и правила законныя до конца извыче, а нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстро распрозорителенъ, но ко льстивымъ паче и къ лукавымъ прилежа. О Василіи царѣ злорѣчествомъ навадиша мятежницы словесы лестными. Онъ же имъ о всемъ вѣруя, и сего ради ко царю Василію строптиво и неблаголѣпно бесѣдоваше всегда, понеже внутрь юду имый навѣтованный огнь ненависти и супостатнаго коварства, якоже лѣпо бѣ никакоже отчелюбно совѣщеваюшеся со царемъ».

шли въ Кремль съ цѣлію спасать царя изъ рукъ Поляковъ, и вдругъ имъ выкинули обезображенный трупъ Лжедимитрія, въ которомъ трудно было различить прежнія черты. Чему хотимъ вѣрить, тому вѣримъ охотно; какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, всякій старался представить свое мнѣніе о чудномъ, таинственномъ событіи, свою догадку, свое: мнѣ показалось; такъ, одному французскому купцу показалось, что на трупѣ Лжедимитрія остались ясные знаки густой бороды, уже обритой, тогда какъ у живого царя не было бороды; тому же Французу показалось, что и волосы у трупа были длиннѣе, чѣмъ у живого царя наканунѣ; комнатный слуга убитаго Лжедимитрія, ПолякъХвалибогъ, клялся, что трупъ, выставленный на Красной площади, нисколько не походилъ на его прежняго господина: лежалъ тамъ, говорилъ онъ, какой-то малый толстый, съ бритымъ лбомъ, съ косматою грудью, тогда какъ Димитрій былъ худощавъ, стригся, съ малыми по сторонамъ кудрями, по обычаю студенческому; волосъ на груди у него не было по молодости лѣтъ.— Маска, надѣтая на лицо Лжедимитрія, также была поводомъ къ толкамъ, что тутъ скрывалась подстановка:—и вотъ молва росла болѣе и болѣе. Но если нѣкоторые жители Москвы вѣрили въ спасеніе Лжедимитрія, тѣмъ болѣе должны были вѣрить ему жители областей. Самъ Шуйскій видѣлъ, что ему нельзя разувѣрить народъ касательно слуховъ о второмъ Лжедимитріи, и что гораздо благоразумнѣе вооружиться противъ правъ перваго, дабы самозванецъ и спасшійся, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ убійцъ, оставался все же самозванцемъ. Для этого Шуйскій немедленно велѣлъ съ большимъ торжествомъ перенести изъ Углича въ Москву тѣло царевича Димитрія, послѣ чего разосланы были грамоты съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и съ повтореніемъ о злодѣйствахъ Лжедимитрія, съ пріобщеніемъ показанія Бучинскихъ, грамотъ, данныхъ самозванцемъ воеводѣ Сендомирскому, и переписки его съ папою, равно какъ извѣстія о покаяніи царицы Мареы. Но въ то время, какъ въ Угличѣ и въ Москвѣ прославляли святость невиннаго младенца, павшаго подъ ножами убійцъ,—на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, который при царѣ Ѳеодорѣ торжественно объявилъ, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни! Шуйскій рѣшился даже самъ нести всею Москвою до Архангельскаго собора тѣло царевича.

Грамоты Шуйскаго не помогли. Въ то время какъ Молчановъ въ самую минуту убійства Лжедимитрія уже помышлялъ о его воскрешеніи, въ то же время князь Григорій Петровичъ Шаховской думалъ о томъ же и, во время смуты во дворцѣ, унесъ государственную печать, какъ вещь нужную для исполненія своихъ замысловъ. Новый царь помогъ ему въ этомъ какъ нельзя лучше, сославши его воеводою въ Путивль, за преданность Лжедимитрію. Шаховской, пріѣхавъ въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Димитрій живъ и скрывается отъ враговъ; Путивльцы немедленно возстали противъ Шуйскаго, и примѣру ихъ послѣдовали другіе сѣверскіе города. Въ Черниговѣ начальствовалъ тотъ самый бояринъ князь Андрей Телятевскій, который прежде не хотѣлъ участвовать въ переходѣ цѣлаго войска на сторону перваго Лжедимитрія, а теперь объявилъ себя на сторонѣ втораго, о которомъ еще никто не зналъ обстоятельно; нѣтъ сомнѣнія, что личныя отношенія къ Шуйскому были причиною такого поступка Начались волненія и въ Москвѣ; здѣсь еще не смѣли произнести громко имя Димитрія, и потому старались привести толпу въ движеніе по другому поводу: на домахъ иностранцевъ и бояръ написали, что царь предаетъ домы этихъ измѣнниковъ народу на разграбленіе. Толпы начали сбираться, но на этотъ разъ ихъ разогнали. Чрезъ нѣсколько времени, въ одинъ воскресный день, когда царь шелъ къ обѣднѣ, увидѣлъ онъ множество народа у дворца: толпы были созваны извѣстіемъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Шуйскій остановился и, плача отъ досады, началъ говорить окружавшимъ его боярамъ, что имъ не нужно выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться; что, избравъ его царемъ, могутъ и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ престолъ безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ царскій посохъ и шапку, продолжалъ: „Если такъ, выбирайте, кого хотите“. Видя однако, что всѣ неподвижны, ни откуда нѣтъ возраженія, Шуйскій подумалъ, что пристращалъ крамольниковъ, что большинство за него, и потому, взявши снова посохъ, сказалъ: „Мнѣ уже наскучили эти козни,—то меня хотите умертвить, то бояръ и иностранцевъ, или по крайней мѣрѣ ограбить ихъ; если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновныхъ“. На этотъ разъ всѣ спѣшили увѣрить его въ преданности своей и просили наказать возмутителей; схватили пятерыхъ изъ толпы, высѣкли кнутомъ и сослали. Шуйскій хотѣлъ воспользоваться этимъ усердіемъ, чтобы вскрыть заговоръ, составленный во имя князя Мстиславскаго; но, по изслѣдованіи дѣла, нашли, что этотъ бояринъ вовсе не виноватъ въ немъ; что во имя его дѣйствовали родные, изъ которыхъ больше всѣхъ былъ уличенъ бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ;—его послали въ Псковъ воеводою.

Между тѣмъ Шаховскому для успѣха поднятаго имъ возстанія необходимъ былъ самозванецъ, откуда бы то ни было. Зная, что Молчановъ прежде всѣхъ выдалъ себя за Димитрія, онъ звалъ его въ Путивль изъ Самбора, гдѣ тотъ, съ согласія Марининой матери, распространялъ слухи о спасеніи царя. Но Молчановъ самъ не хотѣлъ играть роль самозванца и не нашелъ еще никого, кто бы согласился и былъ способенъ принять ее; однако медлить было нельзя: надобно было подкрѣпить возстаніе, давши ему вождя смѣлаго;—такимъ явился Болотниковъ.

Болотниковъ былъ холопомъ князя Телятевскаго. Разсказываютъ, что въ молодости, взятый въ плѣнъ Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ галернымъ невольникомъ. Получивъ какъ-то свободу, онъ былъ заброшенъ судьбою въ Венецію, откуда, въ описываемое время, пробирался черезъ Польшу на родину. Въ Польшѣ услыхалъ онъ о событіяхъ, волновавшихъ Русь; какъ Русскаго, Болотникова схватили и представили Молчанову, который увидалъ въ немъ полезнаго для своего дѣла человѣка, обдарилъ его и послалъ съ письмомъ въ Путивль къ князю Шаховскому, который принялъ его, какъ царскаго повѣреннаго, и далъ начальство надъ отрядомъ войска. Холопъ Болотниковъ тотчасъ же нашелъ средство увеличить свою дружину и упрочить дѣло самозванца въ преженогибшей Украйнѣ: онъ обратился къ своимъ, обѣщая волю, богатства и почести подъ знаменами Димитрія,—и подъ эти знамена начали стекаться разбойники, воры, нашедшіе пристанище въ Украйнѣ, бѣглые холопи и крестьяне, казаки. Къ нимъ пристали посадскіе люди и стрѣльцы; начали въ городахъ хватать воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы; крестьяне и холопи стали нападать на домы господъ своихъ, разоряли ихъ, грабили, мужчинъ убивали, женъ и дочерей заставляли выходить за себя замужъ. На московскихъ улицахъ показались подметныя грамоты, въ которыхъ упрекали Москвитянъ въ неблагодарности къ Димитрію, спасшемуся отъ ихъ ударовъ, и грозили возвращеніемъ его, для наказанія столицы, не позже 1-го сентября тогдашняго новаго года. Царь велѣлъ созвать всѣхъ дьяковъ и сличить почерки ихъ съ почеркомъ грамотъ: но сходнаго не нашли: грамоты, какъ видно, явились изъ Украйны,—туда надобно было обратить оружіе; но прежде начала военныхъ дѣйствій царь хотѣлъ попытаться утишить возстаніе средствами религіозными: для этого онъ послалъ въ Сѣверскую Землю духовенство съ увѣщаніями; въ Елецъ былъ посланъ бояринъ Михайла Нагой съ грамотою сестры своей, царицы Маѳы, съ образомъ Димитрія царевича: но эти средства не помогли. Тогда бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій осадилъ Елецъ, стольникъ князь Юрій Трубецкой—Кромы; но на выручку Кромъ явился Болотниковъ: съ 1,300 человѣкъ напалъ онъ на 5,000 царскаго войска и наголову поразилъ Трубецкаго; побѣдители-казаки насмѣхались надъ побѣжденными, называли царя ихъ Шуйскаго *шубникомъ*. Московское войско и безъ того не усердствовало Василію, слѣдовательно уже было ослаблено нравственно; побѣда Болотникова отняла у него и послѣдній духъ; служилые люди, видя всеобщую смуту, всеобщее колебаніе, не хотѣли больше сражаться за Шуйскаго и начали разъѣзжаться по домамъ; воеводы, Воротынскій и Трубецкой, обезсиленные этимъ отъѣздомъ, не могли ничего предпринять рѣшительнаго, и пошли назадъ. При состояніи умовъ, какое господствовало тогда въ Московскомъ государствѣ, при всеобщей шаткости, неувѣренности, недостаткѣ точки опоры, при такомъ состояніи первый успѣхъ, на чьей бы сторонѣ ни былъ, имѣлъ важныя слѣдствія, ибо увлекалъ толпу нерѣшительную, жаждущую увлечься, пристать къ чему бы то ни было, опереться на что бы то ни было, лишь бы только выйти изъ нерѣшительнаго состоянія, которое для каждаго человѣка и для общества есть состояніе тяжкое, нестерпимое. Какъ скоро узнали, что царское войско отступило, то возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ. Боярскій сынъ, сотникъ Истома Пашковъ, возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; въ то же время встало противъ Шуйскаго и древнее княжество Рязанское; здѣсь въ челѣ возстанія были воевода Григорій Сумбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ.

Писатели иностранные хвалятъ храбрость стараго народонаселенія рязанскаго; лѣтописцы московскіе удивляются его дерзости и рѣчамъ высокимъ: Рязанцы Ляпуновы оправдываютъ тотъ и другой отзывъ. Во время народнаго волненія по смерти Грознаго, Рязанцы—Ляпуновы и Кикины—являются на первомъ планѣ; Захаръ Ляпуновъ, братъ Прокопія, дерзкій, какъ увидимъ, на слово и на руку, первый въ такомъ дѣлѣ, на которое рѣдкіе могли рѣшиться, заявляетъ въ первый разъ себя тѣмъ, что не хочетъ быть въ станичныхъ головахъ вмѣстѣ съ Кикинымъ, и бѣжитъ со службы изъ Ельца. Въ 1603 году о немъ опять встрѣчаемъ извѣстіе: царь Борисъ велѣлъ спросить дѣтей боярскихъ Рязанцевъ: кто на Донъ къ атаманамъ и казакамъ посылалъ вино, зелье, сѣру, силитру и свинецъ, пищали, панцыри и шлемы и всякіе запасы, заповѣдные товары;—отвѣчали: былъ слухъ, что Захаръ Ляпуновъ вино на Донъ казакамъ посылалъ, панцырь и шапку желѣзную продавалъ. Захара за это высѣкли кнутомъ. Братъ его, Прокопій, красивый, умный, храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный человѣкъ, какъ отзывались о немъ современники, обладалъ также страшною энергіей, которая не давала ему покоя, заставляла всегда рваться въ первые ряды, отнимала у него умѣнье дожидаться. Такіе люди обыкновенно становятся народными вождями въ смутныя времена: истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ, народъ ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія,—и кто первый произнесетъ роковое слово, кто первый двинется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія. Ляпуновъ сталъ за Димитрія противъ Шуйскаго; мы не имѣемъ права полагать, что Ляпуновъ былъ увѣренъ въ самозванствѣ того, кто называлъ себя Димитріемъ, въ ложности слуховъ о его спасеніи; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ, какъ и большая часть, если не всѣ Рязанцы, какъ большая часть, если не всѣ жители другихъ Московскихъ областей, не имѣлъ никакихъ крѣпкихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи, и возсталъ при вѣсти о возстаніи, повинуясь своей энергической природѣ,

не умѣя сносить, подобно другимъ, нерѣшительнаго положенія, не умѣя ждать. Съ другой стороны, возстаніе подъ знаменами Димитрія противъ Шуйскаго, т.-е. противъ правленія бояръ, охранявшихъ старину, не допускавшихъ въ свои ряды людей новыхъ,—такое возстаніе было привлекательно для людей, подобныхъ Ляпунову, Сумбулову и Пашкову, людей, чувствовавшихъ въ себѣ стремленіе быть впереди, но по происхожденію не имѣвшихъ на это права.

Кромѣ Рязани, двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской, Калужской и Смоленской, стали за Лжедимитрія. На Восточной украйнѣ, странахъ Приволжскихъ, точно такъ-же, какъ и въ украйнѣ Сѣверской, встали холопи и крестьяне: къ нимъ присоединились инородцы, недавно, послѣ долгаго сопротивленія, принужденные подчиниться государству и теперь обрадовавшіеся случаю сбросить съ себя это подчиненіе. Мордва, холопи и крестьяне осадили Нижній-Новгородъ подъ начальствомъ двухъ Мордвиновъ—Москова и Вокорлина; волненіе коснулось областей Вятской и Пермской; рознь встала между Пермичами, набранными въ войско для царя; они начали биться другъ съ другомъ, едва не убили царскаго приставника, хотѣвшаго разпять ихъ, и кончили тѣмъ, что разбѣжались отъ него съ дороги. Въ Землѣ Вятской, московскаго чиновника, присланнаго для набора войскъ, встрѣтили громкою хулою на Шуйскаго, говорили, что Димитрій уже взялъ Москву, пили за него заздравныя чаши. Но въ Астрахани не чернь встала за Лжедимитрія: здѣсь измѣнилъ Шуйскому воевода, князь Хворостининъ; здѣсь, наоборотъ, дьякъ Аѳанасій Карповъ и мелкіе люди были побиты съ раскату.

Болотниковъ, соединившись съ Пашковымъ и Рязанцами, переправился за Оку, взялъ и разбилъ Коломну; отрядъ царскаго войска, подъ начальствомъ князя Михайлы Васильевича Скопина-Шуйскаго, одержалъ верхъ въ сшибкѣ на берегахъ Пахры; но главная рать, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и другихъ бояръ старыхъ, была поражена въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, при селѣ Троицкомъ. Болотниковъ, гоня побѣжденныхъ, дошелъ до Москвы и сталъ въ селѣ Коломенскомъ. Царствованіе Шуйскаго, казалось, должно было кончиться; при нерасположеніи къ себѣ многихъ, онъ имѣлъ мало средствъ къ защитѣ; на остатки разбитыхъ Болотниковымъ полковъ была плохая надежда; области кругомъ, съ юго-востока и запада, признавали Лжедимитрія; цѣны на хлѣбъ возвысились въ Москѣ,—а кто хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго? Но въ полкахъ, пришедшихъ осаждать Шуйскаго, господствовало раздвоеніе, которое и спало его на этотъ разъ. Пришедши подъ Москву. Болотниковъ тотчасъ обнаружилъ характеръ своего возстанія: въ столицѣ явились отъ него грамоты съ воззваніями къ низшему слою народонаселенія: „Велятъ боярскимъ холопамъ побить своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья имъ сулятъ, шпынямъ и безъименникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать, имѣнье ихъ грабить, призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество“. Рязанскіе и тульскіе дворяне и дѣти боярскія, дружины Ляпунова и Сумбулова, соединившись съ Болотниковымъ, увидавъ съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, изъ двухъ, по ихъ мнѣнію, золъ рѣшились выбрать меньшее, т.-е. снова служить Шуйскому: они явились съ повинною въ Москву, къ царю Василію, безъ сомнѣнія увѣренные прежде въ прощеніи и милости, ибо наказать первыхъ раскаявшихся измѣнниковъ значило заставить всѣхъ другихъ биться отчаянно и, такимъ образомъ, продлить и усилить страшное междоусобіе; Ляпуновъ и Сумбуловъ явились первые, и Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина. Въ то же время счастливый для Шуйскаго оборотъ дѣла произошелъ на сѣверо-западѣ: если на югѣ, увлеченные примѣромъ энергическихъ людей—Ляпунова, Сумбулова, Пашкова, жители бросились на сторону самозванца, то въ Твери произошло иначе: архіепископомъ здѣсь былъ въ это время Ѳеоктистъ, человѣкъ, какъ видно, сильный духомъ, способный стать въ челѣ народонаселенія; когда толпа приверженцевъ самозванца показалась въ Тверскомъ уѣздѣ, Ѳеоктистъ собралъ духовенство, приказныхъ людей, своихъ дѣтей боярскихъ, торговыхъ и посадскихъ людей, и укрѣпилъ ихъ въ вѣрности къ Шуйскому, такъ что лжедимитріевцы были встрѣчены съ оружіемъ въ рукахъ и побиты. Другіе города Тверской области, присягнувшіе самозванцу, вслѣдствіе упадка духа и нерѣшительности, послѣдовали тотчасъ примѣру Твери, и служилые люди ихъ отправились подъ Москву помогать Шуйскому. Также сильное усердіе къ нему показали жители Смоленска; Смольнянамъ, говорятъ современники, Поляки и Литва были враждебны, искони вѣчные непріятели, жили Смольняне съ ними близко и бои съ ними бывали частые; поэтому Смольняне не могли ждать хорошаго отъ царя, который былъ другомъ Поляковъ и за помощь, ему оказанную, могъ уступить Смоленскъ Польшѣ. Какъ скоро узнали въ Смоленскѣ, что изъ Польши готовъ явиться царь, ложный или истинный, новый или старый, — все равно, ибо никто ничего не зналъ подлинно, то немедленно служилые люди собрались и пошли подъ Москву, выбравши себѣ въ старшіе Григорія Полтева; на дорогѣ очистили отъ лжедимитріевцевъ Дорогобужъ и Вязьму. Дорогобужскіе, вяземскіе и серпейскіе служилые люди соединились съ Смольнянами и вмѣстѣ пришли въ Можайскъ 15 ноября, куда пришелъ также воевода Колычевъ, успѣвшій очистить отъ воровъ Волоколамскъ.

Шуйскій ободрился; онъ послалъ уговаривать Болотникова отстать отъ самозванца; но люди, изъ которыхъ состояло войско Болотникова, бились не за самозванца, а за возможность жить насчетъ государства, отъ примиренія съ которымъ они не

могли ожидать для себя никакой выгоды; Болотниковъ не прельстился обѣщаніемъ царя дать ему знатный чинъ, и отвѣчалъ: „Я далъ душу свою Димитрію—и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ". Надобно было рѣшить дѣло оружіемъ: молодой воевода, князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій свелъ полки у Данилова монастыря, и 1 декабря, дождавшись прихода Смольнянъ, пошелъ къ Коломенскому. Болотниковъ вышелъ къ нему на-встрѣчу и сразился у деревни Котловъ; холопи и казаки бились отчаянно; но Истома Пашковъ, съ дворянами и дѣтьми боярскими, передался на сторону царя; причиною отступленія Пашкова полагаютъ то, что Болотниковъ не хотѣлъ уступить ему первенства; а Пашковъ не хотѣлъ быть ниже холопа. Болотниковъ, потерпѣвъ пораженіе, засѣлъ въ своемъ укрѣпленномъ Коломенскомъ станѣ; три дня воеводы били изъ пушекъ по острогу и не могли разбить, наконецъ сдѣлали ядра огненныя и зажгли острогъ. Тогда Болотниковъ побѣжалъ къ Серпухову, собралъ міръ и спросилъ, есть ли у нихъ столько съѣстныхъ припасовъ, чтобъ могли цѣлый годъ прокормить и себя, и войско;—если есть, то онъ останется у нихъ и будетъ дожидаться царя Димитрія; если же нѣтъ, то уйдетъ. Серпуховичи отвѣчали, что имъ нечѣмъ будетъ цѣлый годъ и себя прокормить, не только-что войско. Тогда Болотниковъ пошелъ дальше и засѣлъ въ Калугѣ, жители которой объявили, что могутъ содержать его войско въ продолженіи года: нѣкоторые изъ его казаковъ засѣли въ деревнѣ Заборьи, но принуждены были сдаться царскимъ воеводамъ. Шуйскій велѣлъ ихъ взять въ Москву, поставить по дворамъ, кормить и ничѣмъ не трогать; но тѣхъ, которые были пойманы на бою, велѣлъ посажать въ воду;—если въ это число были включены тѣ, которыхъ взяли при Котлахъ, то ихъ было не мало, ибо лѣтописецъ говорить, что имъ не находили мѣста въ тюрьмахъ московскихъ.

Шуйскій не терялъ времени для наступательнаго движенія: пять воеводъ двинулись на югъ для осады городовъ, вѣрныхъ самозванцу; братъ царскій, князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій, осадилъ Калугу, нѣсколько разъ приступалъ къ ней, но ничего не сдѣлалъ; царь послалъ къ Калугѣ послѣднее войско подъ начальствомъ перваго боярина, князя Мстиславскаго, Скопина-Шуйскаго и князя Татева, но Болотниковъ отбилъ приступы и этихъ воеводъ. Такъ же неудачны были приступы къ Веневу и Тулѣ: но бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и князь Мезецкій разбили князя Василія Рубца-Мосальскаго, приближавшагося къ Калугѣ на помощь Болотникову; самъ воевода, князь Мосальскій, былъ убитъ, и ратные люди его сѣли на пороховыя бочки и взорвали сами себя на воздухъ. Порадовали Шуйскаго и вѣсти съ востока: тамъ Арзамасъ былъ взятъ; Нижній освобожденъ отъ осады; на жителей Свіяжска, присягнувшихъ Лжедимитрію, Казанскій митрополитъ Ефремъ наложилъ церковное запрещеніе,—и они принесли повинную Шуйскому.

Такъ начался 1607 годъ. Несмотря на успѣхи въ разныхъ мѣстахъ, дѣло Шуйскаго было далеко не въ благопріятномъ положеніи, ибо югъ упорно стоялъ за самозванца. Матеріальныя средства не помогли, захотѣли употребить нравственныя. Еще въ 1606 году, принужденный бороться съ тѣнью Лжедимитрія, Шуйскій счелъ нужнымъ оправить царя Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца; съ этою цѣлію онъ велѣлъ вынуть гробы Годуновыхъ изъ Варсонофіевскаго монастыря; Ксенія (Ольга) Борисовна провожала гробы родныхъ своихъ и, по обычаю, громко вопила о своихъ несчастіяхъ. Въ началѣ 1607 года придумали другую церемонію, которая должна была произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. 3 февраля великій государь велѣлъ быть у себя патріарху Гермогену съ лучшимъ духовенствомъ для своего государева и земскаго дѣла, и приговорилъ послать въ Старицу за прежнимъ патріархомъ Іовомъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Москву, простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ ихъ клятвопреступленіи. Въ Старицу съ приглашеніемъ отправился Крутицкій митрополитъ Пафнутій и повезъ Іову грамоту отъ Гермогена: „Государю отцу нашему, святѣйшему Іову патріарху, сынъ твой и богомолецъ, Гермогенъ, патріархъ Московскій и всея Руси, Бога молю и челомъ бью. Благородный и благовѣрный, благочестивый и христолюбивый великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Руси самодержецъ, совѣтовавшись со мною и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, дворянами, съ приказными людьми и со всѣмъ своимъ царскимъ синклитомъ, съ гостями, торговыми людьми и со всѣми православными христіанами паствы твоей, послалъ молить твое святительство, чтобъ ты учинилъ подвигъ, и ѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла; да и мы молимъ съ усердіемъ твое святительство и колѣно преклоняемъ, сподоби насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать пресладкій голосъ твой".

14 февраля Іовъ пріѣхалъ въ Москву въ царской каптанѣ (каретѣ), подбитой соболями, и остановился на Троицкомъ подворьи. 16 числа два патріарха съ архіереями сочинили слѣдующую грамоту: „Царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ царствовать на Россійскомъ государствѣ сыну своему Ѳеодору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Дмитрію Ивановичу, далъ въ удѣлъ городъ Угличъ, и царевича Дмитрія въ Угличѣ не стало, принялъ закланіе неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ. По отшествіи къ Богу царя Ѳеодора Ивановича, мы и всякіе люди всего Московскаго государства цѣловали крестъ царю Борису Ѳеодоровичу. Во времена царства его огнедыхательный дьяволъ, лукавый змѣй, поядатель душъ человѣческихъ, воздвигъ на насъ чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Ѳеодоровича не стало,

всѣ православные христіане цѣловали крестъ сыну его, Ѳедору Борисовичу; но, грѣхъ ради нашихъ, разстрига прельстилъ всѣхъ людей Божіихъ именемъ царевича Дмитрія Ивановича; православные христіане, не зная о немъ подлинно, приняли этого вора на Россійское государство, царицу Марью и царевича Ѳедора злою смертью уморили, множество народа вошло въ соборную церковь съ оружіемъ и дрекольями, во время божественнаго пѣнія, и, не давъ совершиться литургіи, вошли въ алтарь, меня, Іова патріарха, взяли и, таская по церкви и по площади, позорили многими позорами, а въ царскихъ палатахъ подобіе Христова Тѣла, Богородицы и Архангеловъ, что приготовлено было для плащаницы, раздробили, воткнули на копья и на рогатины, и носили по городу, забывъ страхъ Божій. Потомъ этотъ врагъ разстрига, пріѣхавши въ Москву съ Люторами, Жидами, Ляхами и Римлянами, и съ прочими оскверненными языками, и назвавши себя царемъ, владѣлъ мало не годъ, и какихъ злыхъ дьявольскихъ бѣдъ не сдѣлалъ и какого насилія не учинилъ—и писать неудобно: Люторами и Жидами христіанскія церкви осквернилъ, и, не будучи сытъ такимъ бѣсовскимъ ядомъ, привезъ себѣ изъ Литовской Земли невѣсту, люторской вѣры дѣвку, ввелъ ее въ соборную церковь, вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, въ Царскихъ дверяхъ Св. муромъ помазалъ. Видя достояніе свое въ такой погибели, воздвигъ на него Богъ обличителя, великаго государя нашего, воистину святаго и праведнаго царя, Василія Ивановича: его промысломъ тотъ врагъ до конца сокрушенъ былъ, а на Россійское государство избранъ былъ великій государь Василій Ивановичъ, потому что онъ отъ корени прежде бывшихъ государей, отъ благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Святая наша вѣра въ прежній добрый покой возвратилась и начала сіять какъ солнце на тверди небесной, Святыя церкви отъ оскверненія очистились, и всѣ мы православные христіане, какъ отъ сна воспрянувъ, отъ буйства уцѣломудрились. Но прегордый сатана возставилъ плевелы золъ, хочетъ поглотить пшеницепосные класы; собрались той же прежепогибшей Сѣверской украйны севрюки и другихъ рязанскихъ и украинскихъ городовъ стрѣльцы и казаки, разбойники, воры, бѣглые холопы, прельстили преждеомраченную безуміемъ Сѣверскую украйну,—и отъ той украйны многіе и другіе города прельстились, и кровь православныхъ христіанъ, какъ вода, проливается: называютъ мертваго злодѣя разстригу живымъ, а намъ и вамъ всѣмъ православнымъ христіанамъ смерть его подлинно извѣстна.—И теперь я, смиренный Гермогенъ патріархъ, и я, смиренный Іовъ, бывшій патріархъ, и весь освященный соборъ молимъ скорбными сердцами Премилостиваго Бога, да умилосердится о всѣхъ насъ. Да и васъ молитъ наше смиреніе, благородные князья, бояре, окольничіе, дворяне, приказные люди, дьяки, служилые люди, гости, торговые люди и всѣ православные христіане! подвигнитесь трудолюбезно, постомъ и молитвою и чистотою душевною и тѣлесною и прочими духовными добродѣтелями, начнемъ вмѣстѣ со всякимъ усердіемъ молить Бога и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ московскихъ Петра, Алексія, Іону и новоявленнаго страстотерпца Христова, царевича Димитрія, и всѣхъ Святыхъ, да тѣхъ молитвами подастъ намъ Богъ всѣмъ миръ, любовь и радость, и Россійское государство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроитъ. А что вы цѣловали крестъ царю Борису и потомъ царевичу Ѳедору и крестное цѣлованіе преступили,—въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ я, Гермогенъ, и я, смиренный Іовъ, по данной намъ благодати, васъ прощаемъ и разрѣшаемъ; а вы насъ, Бога ради, также простите въ нашемъ заклинаніи къ вамъ, и если кому какую-нибудь грубость показали".

19 февраля, по государеву указу, патріархъ Гермогенъ приказалъ на оба земскіе двора разослать памяти, послать по всѣмъ сотнямъ къ старостамъ и сотскимъ, чтобы изъ сотенъ и изъ слободъ посадскіе, мастеровые и всякіе люди мужескаго пола были въ Успенскій соборъ на другой день, 20 февраля. Когда въ назначенный день всенародное множество собралось въ соборъ, а нѣкоторые, не помѣстившись, стояли внѣ церкви, патріархъ Гермогенъ началъ служить молебенъ, послѣ котораго гости, торговые и черные люди начали у патріарха Іова просить прощенія съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ: „О, пастырь предобрый! прости насъ, словесныхъ овецъ бывшаго твоего стада,—ты всегда хотѣлъ, чтобы мы паслись на злаконосныхъ поляхъ словеснаго твоего любомудрія и напоялись отъ сладкаго источника книгородныхъ божественныхъ догматовъ; ты крѣпко берегъ насъ отъ похищенія лукавымъ змѣемъ и пагубнымъ волкомъ; но мы, окаянные, отбѣжали отъ тебя, предивнаго пастуха, и заблудились въ дебри грѣховной, и сами себя дали въ снѣдь злолютому звѣрю, всегда готовому губить наши души. Восхити насъ, богоданный рѣшитель, отъ нерѣшимыхъ узъ, по данной тебѣ благодати!" Послѣ этой рѣчи, гости и торговые люди подали Іову челобитную, написанную такимъ же витіеватымъ слогомъ: „Народъ христіанскій отъ твоего здраваго ученія отторгнулся и на льстивую злохитрость лукаваго вепря уклонился; но Богъ, твоею молитвою, преславно освободилъ насъ отъ руки зломышленнаго волка, подалъ намъ вмѣсто нечестія благочестіе, вмѣсто лукавой злохитрости—благую истину, и вмѣсто хищника—щедраго подателя, государя царя Василья Ивановича, а родъ, благоцвѣтущей его отрасли корень самъ ты, государь и отецъ, знаешь, какъ написано въ Степенной книгѣ; но и то тебѣ знать надобно, что отъ того дня до сего всѣ мы во тьмѣ суетной пребываемъ и нечего намъ къ пользѣ не спѣется; поняли мы, что во всемъ предъ Богомъ согрѣшили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное цѣлованіе преступили. И теперь я, госу-

дарь, царь и великій князь Василій Ивановичъ, молю тебя о прегрѣшеніи всего міра, преступленіи крестнаго цѣлованія, прошу прощенія и разрѣшенія". Когда подали эту челобитную, Гермогенъ велѣлъ Успенскому архидіакону взойти на амвонъ и громко читать ее; а послѣ этого патріархи велѣли тому же архидіакону читать разрѣшительную грамоту. Народъ обрадовался, припадали къ ногамъ патріарха Іова и говорили: „Во всемъ виноваты, честный отецъ! прости, прости насъ и дай благословеніе, да примемъ въ душахъ своихъ радость великую".

Такъ разсказываетъ дѣло оффиціальное извѣстіе, въ которомъ замѣчаемъ тотъ же духъ, подъ вліяніемъ котораго составлялись грамоты объ избраніи царя Бориса. Конечно, многимъ изъ присутствовавшихъ въ соборѣ могло показаться страннымъ, какъ тотъ же самый Василій Ивановичъ Шуйскій торжественно свидѣтельствовалъ, что царевичъ Димитрій самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, и тотъ же патріархъ Іовъ объявилъ, что это свидѣтельство истинное, а теперь оба говорятъ, что царевича Димитрія убили его измѣнники! Любопытно, что въ всемъ этомъ дѣлѣ торжественнаго разрѣшенія дѣйствуютъ одни гости и торговые люди, они просятъ устно о прошеніи, они подаютъ челобитную.

Но если, какъ говоритъ извѣстіе, народъ обрадовался, что получилъ разрѣшеніе отъ патріарха, то радость эта была непродолжительна. Чрезъ нѣсколько дней понесся по городу слухъ, что сторожа, караулившіе ночью на паперти Архангельскаго собора, слышали, какъ въ соборѣ были голоса, говоръ, смѣхъ, а потомъ плачъ, соборъ освѣтился, и одинъ толстый голосъ заглушилъ другіе, говорилъ за-упокой безпрестанно. Желая дѣйствовать на успокоеніе народа, оживленіе его нравственныхъ силъ средствами нравственными, религіозными, Шуйскій въ то же время хотѣлъ прекратить сопротивленіе другими средствами. Онъ принялъ предложеніе Нѣмца Фидлера отравить Болотникова въ Калугѣ. Фидлеръ обязался такою клятвою: „Во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сію клятву въ томъ, что хочу изгубить ядомъ Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ, да отрѣшитъ меня навѣки Іисусъ Христосъ, да не будетъ подкрѣплять душу мою благодать Св. Духа, да покинутъ меня всѣ ангелы, да овладѣетъ тѣломъ и душою моею дьяволъ. Я сдержу свое слово и этимъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и Св. Евангеліе". Царь далъ Фидлеру лошадь и 100 рублей, обѣщая въ случаѣ успѣха дѣла 100 душъ крестьянъ и 300 рублей ежегодняго жалованья. Но Фидлеръ, пріѣхавъ въ Калугу, открылъ все Болотникову и отдалъ ему самый ядъ.

Положеніе Болотникова съ товарищами было однако очень затруднительно: долгое неявленіе провозглашеннаго Димитрія отнимало духъ у добросовѣстныхъ его приверженцевъ; тщетно Шаховской умолялъ Молчанова явиться въ Путивль подъ именемъ Димитрія,—тотъ не соглашался. Въ такой крайности Шаховской послалъ звать къ себѣ казацкаго самозванца Петра, который, узнавъ о гибели Лжедимитрія, поворотилъ-было назадъ въ степи. Царевичъ Петръ явился на зовъ: замучивъ нѣсколько вѣрныхъ Шуйскому воеводъ, обезчестивъ дочь убитаго имъ князя Бахтеярова, получивъ подкрѣпленіе изъ Запорожья, онъ двинулся вмѣстѣ съ Шаховскимъ къ Тулѣ. Узнавши объ этомъ движеніи и подкрѣпленный однимъ изъ отрядовъ самозванца, Телятевскій выступилъ изъ Тулы къ Калугѣ, на помощь къ Болотникову, и поразилъ при Пчельнѣ царское войско, высланное противъ него Мстиславскимъ изъ-подъ Калуги. Вѣсть объ этомъ пораженіи навела ужасъ на рать Мстиславскаго, и она поспѣшно отступила отъ Калуги, причемъ 15,000 человѣкъ перешли на сторону Болотникова; послѣдній, пользуясь этимъ, оставилъ Калугу и соединился въ Тулѣ съ Лжепетромъ, чтобы дѣйствовать отсюда соединенными силами. Тогда Шуйскій принялъ мѣры рѣшительныя: разосланы были строгіе приказы собираться отовсюду служилымъ людямъ, монастырскія и церковныя отчины должны были также выставить ратниковъ, и такимъ образомъ собралось до 100,000 человѣкъ, которыми царь рѣшился самъ предводительствовать. 21 мая Шуйскій выступилъ на свое государево и земское великое дѣло, какъ сказано въ грамотахъ патріарха, призывавшаго молиться объ успѣхѣ похода; скоро получены были другія грамоты отъ патріарха, въ которыхъ онъ уже призывалъ пѣть благодарственные молебны за побѣду царскихъ войскъ надъ мятежниками при рѣкѣ Восмѣ; цѣлый день бились съ ожесточеніемъ и царскіе полки уже начали колебаться; но тутъ воеводы, князь Андрей Голицынъ и князь Борисъ Лыковъ, ѣздя по полкамъ, начали говорить ратнымъ людямъ со слезами: „Куда намъ бѣжать? Лучше намъ здѣсь помереть другъ за друга единодушно всѣмъ!" Ратные люди отвѣчали: „Надобно вамъ начинать, и намъ помирать за вами". Царскія войска одержали побѣду; князь Телятевскій, предводитель лжедимитріевскихъ войскъ, ушелъ съ немногими людьми; но по другимъ извѣстіямъ, князь Телятевскій во время самаго сраженія, съ 4,000 войска перешелъ на сторону Шуйскаго и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго.

Шуйскій хотѣлъ воспользоваться побѣдою и докончить дѣло; онъ самъ лично осадилъ Тулу, куда скрылись Шаховской (Телятевскій), Болотниковъ и Лжепетръ. Осажденные два разъ отправляли гонца въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, чтобы тѣ постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедимитрія. въ отчаяніи писали къ нимъ: „Отъ границы до Москвы все наше, придите и возьмите, только избавьте насъ отъ Шуйскаго". Наконецъ самозванецъ отыскался; что это былъ за человѣкъ,—никто не могъ ничего сказать навѣрное: ходили разные слухи: одни говорили, что это былъ поповъ

сынъ, Матвѣй Веревкинъ, родомъ изъ Сѣверской страны; другіе—что поповичъ Димитрій изъ Москвы, отъ церкви Знаменья на Арбатѣ, которую построилъ князь Василій Мосальскій; иные разглашали, что это былъ сынъ князя Курбскаго; иные — царскій дьякъ, иные—школьный учитель, по имени Иванъ, изъ города Сокола, иные—Жидъ, иные — сынъ стародубскаго служилаго человѣка. Подробнѣе другихъ источниковъ говоритъ о немъ одна бѣлорусская лѣтопись: „Того же року 1607 мѣсяца мая послѣ самое суботы и шолъ со Шклова изъ Могилева на Попову гору якійсъ Дмитръ Ивановичъ, менилъ себе быти царемъ Московскимъ. Тотъ Дмитръ Нагій былъ на первей у попа Шкловскаго именемъ дети грамотѣ училъ, школу держалъ, также у священника Ѳедора Сазоновича Никольскаго у села дети училъ, а самъ оный Дмитръ Нагій имѣлъ господу у Могилевѣ у Терешка, который проскуры заведалъ при церкви Св. Николы, и прихаживалъ до того Терешка часъ не малый каждому забѣгаючи, послугуючи, и имѣлъ на себѣ плохой кожухъ бараній, влете въ томъ ходилъ". Вѣрно только то, что этотъ второй Лжедимитрій вовсе не былъ похожъ наружностію на перваго, и что былъ человѣкъ грамотный, начетчикъ въ Священномъ Писаніи; послѣднее обстоятельство и заставляло догадываться, что онъ былъ изъ духовнаго званія; такъ лѣтописецъ говоритъ: „Всѣ воры, которые назывались царскимъ именемъ, извѣстны были многимъ людямъ, откуда который взялся; но этого вора, который назвался разстригинымъ именемъ, отнюдь никто не зналъ, не вѣдомо, откуда взялся: многіе догадывались, что онъ былъ не изъ служилыхъ людей; думали, что онъ или поповъ сынъ, или церковный дьячекъ, потому что зналъ весь кругъ церковный". Что же касается до его нравственнаго характера, то уже можно догадаться, каковъ могъ быть человѣкъ, сознательно принявшій на себя роль самозванца, и потому мы не имѣемъ права предполагать сильное преувеличеніе въ тѣхъ извѣстіяхъ чужеземныхъ, слѣдовательно безпристрастныхъ, которыя называютъ его безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, составленнымъ изъ преступленій всякаго рода, недостойнымъ носить имя даже и ложнаго государя. Мы должны прибавить только, что, какъ видно изъ его поступковъ, это былъ человѣкъ, умѣвшій освоиться съ своимъ положеніемъ и пользоваться обстоятельствами.

Человѣкъ, знаменитый въ нашей исторіи подъ именемъ Тушинскаго вора, или просто вора, вора по преимуществу, показался впервые въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ былъ схваченъ какъ лазутчикъ и посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ объявилъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичъ Нагой, родственникъ убитаго на Москвѣ царя Димитрія, скрывается отъ Шуйскаго, и просилъ, чтобы его отослали въ Стародубъ. Рагоза, урядникъ Чечерскій, съ согласія пана своего, Зеновича, старосты Чечерскаго, отправилъ его въ Попову Гору, откуда онъ пробрался въ Стародубъ. Проживъ недолго въ Стародубѣ, мнимый Нагой послалъ товарища своего, который назывался московскимъ подъячимъ Александромъ Рукинымъ, по сѣверскимъ городамъ разглашать, что царь Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ жители обратили вниманіе на рѣчи Рукина и послали съ нимъ нѣсколько дѣтей боярскихъ въ Стародубъ, чтобы показалъ имъ царя Димитрія, причемъ пригрозили ему пыткою, если солжетъ. Рукинъ указалъ на Нагого; тотъ сначала сталъ запираться, что не знаетъ ничего о царѣ Димитріи; но когда Стародубцы пригрозили и ему пыткою и хотѣли уже его брать, то онъ схватилъ палку и закричалъ: „Ахъ вы б..... дѣти, еще вы меня не знаете: я государь". Стародубцы упали ему въ ноги и закричали: „Виноваты, государь, предъ тобою".

Стародубцы начали давать государю своему деньги и разсылать по другимъ городамъ грамоты, чтобы высылали къ нимъ своихъ ратныхъ людей на помощь царю; какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Стародубѣ теперь, жители слушались одного человѣка, какого-то Гаврилу Веревкина, успѣвшаго взять въ свои руки народную волю. Нашелся между Стародубцами сынъ боярскій, который рѣшился ѣхать подъ Тулу въ царскій станъ и спросить самого царя Василія, зачѣмъ онъ подъискался царства подъ прирожденнымъ государемъ. Мученикъ обмана умеръ геройски, поджариваемый на медленномъ огнѣ и повторяя тѣ же рѣчи, что Шуйскій подыскался подъ прирожденнымъ государемъ. Этотъ прирожденный государь, между тѣмъ, разсылалъ грамоты по Литовскимъ пограничнымъ городамъ съ просьбою о помощи: „Въ первый разъ, писалъ онъ, я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же". О томъ же писалъ къ Мстиславскому державцу Пацу Рославскій намѣстникъ и воевода, князь Димитрій Мосальскій: „Что-бы вы прислужились государямъ нашимъ прирожденнымъ Димитрію и Петру, прислали бы служилыхъ всякихъ людей на государевыхъ измѣнниковъ, а тамъ будетъ добра много; если государь царь и государь царевичъ будутъ на прародительскомъ престолѣ на Москвѣ, то васъ всѣхъ служилыхъ людей пожалуютъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ" [1])

---

[1]) Симбирск. сборн. разрядная книга, стр. 152; Histor. Russ. Monum. II, № CI, p. 183; Лѣтоп. о мятеж., стр. 104 и слѣд. дѣла Польскія, № 26; Буссовъ; Маржеретъ; Акты арх. экс. II, № 48; Histor. Russ. Monum. II, № CI, p. 183; Хронографы; Кобержицкій—Histor. Vladisl. 434; Собр. гос. гр. и д. II, № 151; Разрядныя книги; Акты арх. эксп. II, № 57, 58, 61. Рукопись Филар., стр. II; Хронографъ Лобковскій (см. Москвитянинъ, 1850, ноябрь, кн. 1); Латухинская степенная книга; Никонов. лѣтоп. VIII, 82 и слѣд.; Акты арх. эксп. II, № 67, 73; Сборникъ Импер. Публ. Библ., № 17, стр. 292, Кобѣржицкій Historia Vladislai; Marchockiego — Histor. Wojny Moskiewskiej, стр. 6 и слѣд., Акты истор. II, № 75; Времен. Москов. истор. Общ. кн. 23. Бѣлорусская рукописная лѣтопись, хранящаяся въ синод. библ. подъ № 790.

Около самозванца начала собираться дружина, надъ которою онъ поставилъ начальникомъ Поляка Меховецкаго; въ концѣ августа пришелъ къ нему изъ Литвы панъ Будзило, хорунжій Мозырскій; но съ этою малочисленною еще дружиною Лжедимитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы, — и участь ея была рѣшена: муромскій сынъ боярскій Кровковъ, или Кравковъ, предложилъ царю затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу. Сначала царь и бояре смѣялись надъ этимъ предложеніемъ, но потомъ дали волю Кровкову; когда онъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привезти по мѣшку съ землею, и началъ прудить рѣку, — вода обступила городъ, влилась внутрь него, пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями; насталъ голодъ, и Болотниковъ съ Лжепетромъ, какъ говорятъ, вошли въ переговоры съ царемъ, обѣщая сдать городъ, если Василій обѣщаетъ имъ помилованіе; въ противномъ случаѣ грозили, что скорѣе съѣдятъ другъ друга, чѣмъ подвергнутся добровольной казни. Шуйскій, имѣя уже на плечахъ втораго Лжедимитрія, естественно долженъ былъ хотѣть какъ можно скорѣе избавиться отъ Лжепетра и Болотникова, и потому обѣщалъ помилованіе. 10 октября Тула сдалась. Болотниковъ пріѣхалъ въ царскій станъ, подошелъ къ Василію, палъ предъ нимъ на колѣни и, положивъ саблю на шею, сказалъ: „Я исполнилъ свое обѣщаніе, служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ — справедливо или нѣтъ — не знаю, потому что самъ я прежде никогда не видывалъ царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня, — теперь я въ твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсѣчь ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ такъ же вѣрно, какъ и тому, кто не поддержалъ меня". Въ страшное время смуты, всеобщаго колебанія, человѣкъ подобный Болотникову, не имѣвшій средствъ узнать истину касательно событій, могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что исполнилъ свой долгъ, если до послѣдней крайности вѣрно служилъ тому, кому началъ служить съ перваго раза. Но не всѣ такъ думали, какъ Болотниковъ; другіе, не зная, кто царь законный — Шуйскій или такъ называемый Димитрій, считали себя въ правѣ оставлять одного изъ нихъ тотчасъ, какъ скоро военное счастіе объявитъ себя противъ него; иные, считая и Шуйскаго и Лжедимитрія одинаково незаконными, уравнивали обоихъ соперниковъ вслѣдствіе одинакой неправоты обоихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уравнивали свои отношенія къ нимъ, считая себя въ правѣ переходить отъ одного къ другому: и тѣхъ и другихъ было очень много. Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Шаховскаго, всей крови заводчика, по выраженію лѣтописцевъ, сослали на Кубенское озеро въ пустынь; Лжепетра повѣсили; объ участи Телятевскаго мало извѣстно [5]).

Шуйскій съ торжествомъ возвратился въ Москву, какъ будто послѣ завоеванія царства; собственно говоря, походъ Шуйскаго былъ важнѣе завоеванія многихъ царствъ, потому что пораженіе шаекъ Болотникова было пораженіемъ противуобщественнаго начала; но подвигъ былъ не конченъ, и потому былъ безполезенъ. Шуйскому не слѣдовало бы возвращаться въ Москву, — ему надобно было воспользоваться своимъ успѣхомъ, двинуться на самозванца, и его истребленіемъ упрочить себя на престолѣ. Но мы должны взять во вниманіе тогдашнее состояніе войска, не позволявшее удерживать его долго подъ оружіемъ, и въ какое время года? — въ глубокую осень; помѣщиковъ должно было распустить по домамъ до зимняго пути. Спѣшить, казалось, было не для чего: самозванецъ находился сначала въ очень незавидномъ положеніи.

Набравъ тысячъ до трехъ войска, Лжедимитрій пошелъ подъ Козельскъ и тамъ, напавъ врасплохъ, разбилъ отрядъ царскихъ войскъ. Но когда оттуда возвращался въ Карачевъ, то Литовцы захотѣли уйдти у него съ добычею, взятою подъ Козельскомъ, и начали волноваться. Самозванецъ испугался и ушелъ отъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ людей, на которыхъ совершенно полагался, и засѣлъ въ Орлѣ. Но и здѣсь сильно трусилъ, особенно послѣ покушенія убить его ночью. Меховецкій не зналъ сначала, куда дѣвался царь, потомъ, узнавъ, что онъ въ Орлѣ, послалъ къ нему съ просьбою возвратиться, потому что одно его присутствіе можетъ удержать войско. Лжедимитрій возвратился, но, видя, что войско не перестаетъ волноваться, снова украдкою выѣхалъ по дорогѣ въ Путивль. Тутъ онъ встрѣтилъ Валавскаго, который изъ Кіевской украйны шелъ къ нему отъ князя Романа Рожинскаго съ тысячью человѣкъ;

---

[5]) Извѣстія объ этихъ событіяхъ не вполнѣ ясны. Лѣтописецъ русскій не говоритъ объ обѣщаніи помилованія, данномъ Болотникову, Илейкѣ, Шаховскому и Телятевскому. Буссовъ говоритъ объ обѣщаніи, данномъ Болотникову и Илейкѣ; Шаховской же, по его словамъ, не участвовалъ въ переговорахъ, потому что былъ посаженъ подъ стражу осажденными, которые сердились на него за обманъ. Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и Шаховскаго, который увѣрилъ царя, что народъ озлобился на него за намѣреніе покориться ему, Шуйскому. Тайная казнь Болотникова какъ будто указываетъ на обѣщаніе и подтверждаетъ показаніе Буссова. Но если принять вѣрность показанія Буссова относительно Болотникова, то надобно принять вѣрность его и относительно Илейки, а именно, что и послѣднему дано обѣщаніе помилованія. Что же касается до Телятевскаго, то о немъ всеобщее молчаніе. Карамзинъ говоритъ: «Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному». При этомъ Карамзинъ ссылается на списокъ бояръ въ Древн. росс. Вивліоѳ. XX, 86, гдѣ говорится, что Телятевскій умеръ въ боярскомъ санѣ въ 1612 году. Но смерть Телятевскаго въ 1612 г., въ боярскомъ санѣ, вовсе не исключаетъ еще того, что онъ могъ подвергнуться опалѣ при Шуйскомъ и получить прежнее значеніе по сверженіи послѣдняго. Съ другой стороны, нельзя не принять къ свѣдѣнію и показанія Буссова, что Телятевскій еще при Восмѣ перешелъ на сторону Шуйскаго.

потомъ встрѣтилъ Тышкевича съ 1,000 человѣкъ Поляковъ, князя Адама Вишневецкаго, знаменитаго Лисовскаго, и другихъ. По совѣту Лисовскаго, Лжедимитрій пошелъ осаждать Брянскъ, на подмогу къ которому спѣшили воеводы, князья Куракинъ и Литвинъ-Мосальскій. Послѣдній пришелъ 15 декабря къ Деснѣ, которая отдѣляла его отъ города; несмотря на позднее время, рѣка еще не стала, ледъ шелъ по ней большими глыбами. Жители Брянска, видя, что ратные люди остановились за льдомъ, кричали имъ: „Помогите! погибаемъ"! Ратные люди, слыша это, сказали: „Лучше намъ всѣмъ помереть, нежели видѣть свою братію въ конечной погибели; если помремъ за православную вѣру, то получимъ у Христа вѣнцы мученическіе". Взявъ прощеніе другъ у друга, они начали метаться въ рѣку и поплыли. Ни ледъ, ни стрѣльба съ другого берега, гдѣ стояли осаждающіе, не остановили ихъ, и они благополучно добрались до города: ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Вслѣдъ за Мосальскимъ пришелъ и князь Куракинъ. Не надѣясь отбиться отъ Лжедимитрія, онъ отступилъ, снабдивъ Брянскъ продовольствіемъ, и засѣлъ въ Карачевѣ; Лжедимитрій, не надѣясь взять этого города, пошелъ на зимовку въ Орелъ.

Когда вѣсть о появленіи самозванца разнеслась по Польшѣ, то люди, хотѣвшіе пожить насчетъ Москвы, начали собираться со всѣхъ сторонъ подъ знамя Димитрія, выставленное княземъ Рожинскимъ. Когда собралось до 4,000 войска, Рожинскій выступилъ въ походъ и остановился въ Кромахъ, откуда отправилъ пословъ въ Орелъ къ Лжедимитрію объявить ему о своемъ приходѣ, предложить условія службы и требовать денегъ. Самозванецъ встрѣтилъ пословъ неласково; на ихъ рѣчи онъ отвѣчалъ имъ самъ на московскомъ нарѣчіи: „Я радъ былъ, когда услышалъ, что Рожинскій идетъ ко мнѣ; но дали мнѣ знать, что онъ хочетъ измѣнить мнѣ, такъ пусть лучше воротится. Посадилъ меня прежде Богъ на столицѣ моей безъ Рожинскаго, и теперь посадитъ; вы уже требуете денегъ, но у меня здѣсь много Поляковъ не хуже васъ, а я еще ничего имъ не далъ. Сбѣжалъ я изъ Москвы отъ милой жены моей, отъ милыхъ пріятелей моихъ, ничего не захвативши. Когда у васъ было коло подъ Новгородомъ, то вы допытывались, настоящій ли я царь Димитрій, или нѣтъ". Послы отвѣчали ему на это съ сердцемъ: „Видимъ теперь, что ты не настоящій царь Димитрій, потому что тотъ умѣлъ людей рыцарскихъ уважать и принимать, а ты не умѣешь. Разскажемъ братьи нашей, которые насъ послали, о твоей неблагодарности, будутъ знать, что дѣлать". Съ этими словами послы вышли; Лжедимитрій прислалъ потомъ звать ихъ обѣдать и просить, чтобы не сердились за его слова. Оказалось, что самозванецъ встрѣтилъ ихъ такъ грубо по наущенію Мѣховецкаго, который предчувствовалъ, что долженъ будетъ уступить Рожинскому всю власть. Когда послы возвратились въ Кромы и разсказали своимъ о пріемѣ, какой имъ сдѣлалъ царь, то Поляки рѣшились идти назадъ; но тѣ Поляки, которые были въ Орлѣ съ Лжедимитріемъ, удержали ихъ, давъ знать, что все пойдетъ иначе, когда пріѣдетъ самъ князь Рожинскій.

Рожинскій поѣхалъ въ Орелъ съ отрядомъ своего войска, и переночевалъ въ городѣ; на другое утро получилъ приглашеніе ѣхать до руки царской; но когда онъ собрался и выѣхалъ, то прискакалъ гонецъ, чтобы воротился: царь еще въ банѣ; самозванецъ каждый день ходилъ въ баню и говорилъ, что онъ тамъ отдыхаетъ отъ трудовъ. Но Рожинскій не воротился и пошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Лжедимитрій; тутъ начался споръ между его провожатыми и придворными: послѣдніе требовали, чтобы Поляки вышли изъ избы и дали время царю придти и усѣсться на своемъ мѣстѣ, и тогда уже, по его зову, должны войти. Но Рожинскій и на это не согласился, и самозванецъ долженъ былъ проходить между Поляками; идучи, онъ отворачивалъ лицо отъ той стороны, гдѣ стоялъ Рожинскій, и когда усѣлся на престолѣ, то князь подошелъ къ нему, сказалъ рѣчь и поцѣловалъ руку. Послѣ этого былъ обѣдъ; Рожинскій сидѣлъ съ царемъ за однимъ столомъ, остальные Поляки за другимъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда было много разныхъ разговоровъ: самозванецъ разспрашивалъ о сильномъ возстаніи, рокошѣ, бывшемъ тогда противъ короля въ Польшѣ, и, между прочимъ, сказалъ, что не согласился бы быть королемъ въ Польшѣ: „Не на то уродился монархъ Московскій, чтобы имъ заправлялъ какой-нибудь арцыбискупъ". На другой день Рожинскій потребовалъ, чтобы ему было позволено поговорить наединѣ съ царемъ. Начали оттягивать, день-другой; Рожинскій разсердился и собрался уже выѣхать, какъ вдругъ прибѣгаютъ къ нему ротмистры и простые Поляки, бывшіе прежде у Лжедимитрія, просятъ его и всѣхъ его товарищей, чтобы подождали до другого дня: „Мы", говорили они, „соберемъ коло, и если царь не перемѣнитъ своего поведенія, то мы соединимся съ вами, свергнемъ Мѣховецкаго и провозгласимъ гетманомъ тебя, князя Рожинскаго". Рожинскій выѣхалъ изъ города въ посадъ и тамъ рѣшился ждать до утра.

На другой день дѣйствительно Поляки собрались въ коло, сидя на лошадяхъ, пригласили и Рожинскаго съ товарищами. Тутъ провозгласили, что Мѣховецкій лишенъ гетманства и изгоняется изъ войска вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, и если осмѣлятся остаться при войскѣ, то вольно каждому убить ихъ; гетманомъ выкрикнули Рожинскаго и отправили посольство къ царю, чтобы назвалъ тѣхъ, которые донесли ему объ измѣнѣ Рожинскаго. Тотъ отказался объявить объ этомъ черезъ пословъ, но обѣщалъ самъ пріѣхать въ коло, и дѣйствительно пріѣхалъ на богато-убранномъ конѣ, въ золотомъ платьи; пріѣхало съ нимъ нѣсколько бояръ, пришло нѣсколько пѣхоты. Въѣхавъ въ коло и услы-

хавъ шумъ, Лжедимитрій крикнулъ съ неприличною бранью; когда все успокоилось, одинъ изъ войска, отъ имени кола, повторилъ ему просьбу указать тѣхъ, кто называлъ Рожинскаго измѣнникомъ. Сперва самозванецъ велѣлъ отвѣчать одному изъ своихъ Русскихъ, но тотъ отвѣчалъ не такъ, и самозванецъ сказалъ: „Молчи, ты не умѣешь поихъ говорить, я самъ буду“, и началъ: „Вы посылали ко мнѣ, чтобы я выдалъ вамъ вѣрныхъ слугъ моихъ, которые меня предостерегаютъ отъ бѣды; никогда этого не повелось, чтобы государи Московскіе вѣрныхъ слугъ своихъ выдавали, и я этого не сдѣлаю не только для васъ, но если бы даже и самъ Богъ сошелъ съ неба и велѣлъ мнѣ это сдѣлать“. Ему отвѣчали: „Чего ты хочешь? оставаться только съ тѣми, которые тебѣ по угламъ языкомъ прислуживаютъ, или съ войскомъ, которое пришло здоровьемъ и саблей служить?“ — „Какъ себѣ хотите, хоть ступайте прочь“, отвѣчалъ самозванецъ. Тутъ начался страшный шумъ; одни кричали „Убить негодяя, разсѣчь!“ другіе: „Схватить его, негодяя: привелъ насъ, а теперь вотъ чѣмъ кормишь?“ Самозванецъ не смутился, и поѣхалъ спокойно въ городъ къ своему двору; но Поляки Рожинскаго приставили къ нему стражу, чтобы не убѣжалъ. Тогда онъ пришелъ въ отчаяніе и, будучи всегда трезвымъ, выпилъ множество горѣлки, думая этимъ себя уморить, однако остался живъ. Между тѣмъ весь остальной день и всю ночь придворные его: Валавскій—канцлеръ, Харлинскій—маршалокъ, князь Адамъ Вишневецкій—конюшій, бѣгали между нимъ и войскомъ, хлопоча о примиреніи. Наконецъ помирились, самозванецъ опять пріѣхалъ въ коло, извинился, и Рожинскій отправился покойно въ свой станъ къ Кромамъ. Въ это время пріѣхали къ Лжедимитрію другіе союзники: пріѣхало 3,000 Запорожцевъ, также пріѣхало 5,000 Донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго. Этотъ Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя; еще ребенкомъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами; выросши, ушелъ къ Донскимъ казакамъ, отличился между ними и теперь пріѣхалъ на службу къ Лжедимитрію уже старшиною; выдавался онъ дѣйствительно предъ товарищами красотою, стройностію, отвагою. Донцы привели къ Лжедимитрію, вмѣсто казненнаго въ Москвѣ Лжепетра, другого племянника, также сына царя Ѳедора; дядя велѣлъ убить его. Казакамъ понравились самозванцы: въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился третій царевичъ Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка,—все сыновья царя Ѳедора Іоанновича.

Когда на югѣ обнаруживались явные признаки, показывавшіе, что тяжелая болѣзнь государственнаго тѣла будетъ продолжительна, Москва продолжала волноваться страшными слухами. Тотчасъ по взятіи Тулы, когда еще царь не пріѣзжалъ въ столицу, Москва была напугана видѣніемъ: какой-то мужъ духовный видѣлъ во снѣ, что самъ Христосъ явился въ Успенскомъ соборѣ и грозилъ страшною казнью Московскому народу, этому новому Израилю, который ругается Ему лукавыми своими дѣлами, праздными обычаями и скверной словіемъ: приняли мерзкіе обычаи, стригутъ бороды, содомскія дѣла творятъ и судъ неправедный, правымъ насилуютъ, грабятъ чуждыя имѣнія; нѣтъ истины ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни въ цѣломъ народѣ. Видѣвшій этотъ сонъ сказалъ о немъ Благовѣщенскому протопопу Терентію, тотъ все списалъ съ его словъ и подалъ записку патріарху; дали знать и царю, скрыли однако имя человѣка, видѣвшаго сонъ, потому что онъ заклялъ Терентія именемъ Божіимъ не говорить о немъ. Видѣніе это читали въ Успенскомъ соборѣ вслухъ всему народу, и установился постъ съ 14 октября по 19-е. Несмотря однако на недобрыя предвѣщанія, Шуйскій спѣшилъ воспользоваться спокойнымъ зимнимъ временемъ, а 17 января 1608 года отпраздновалъ свадьбу свою на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою помолвленъ еще при Лжедимитріи.

Весною самозванецъ съ гетманомъ своимъ Рожинскимъ двинулся къ Болхову и здѣсь въ двухдневной битвѣ, 10 и 11 мая, поразилъ царское войско, бывшее подъ начальствомъ князей Димитрія Шуйскаго и Василія Голицына, который первый замѣшался и обратилъ тылъ. Болховъ сдался побѣдителямъ, которые, будучи увѣрены, что скоро посадятъ своего царя на престолъ Московскій, собрали коло и требовали отъ самозванца, чтобъ онъ далъ имъ обѣщаніе, какъ скоро будетъ въ Москвѣ, заплатить все жалованье сполна и отпустить безъ задержки домой. Лжедимитрій далъ обѣщаніе, что заплатитъ жалованье, но просилъ со слезами, чтобы не отъѣзжали отъ него; онъ говорилъ: „Я безъ васъ не могу быть паномъ на Москвѣ; я бы хотѣлъ, чтобы всегда Поляки при мнѣ были, чтобъ одинъ городъ держалъ Полякъ, а другой Москвитянинъ. Хочу, чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволенъ одною славою. Если же вы уже непремѣнно захотите отъѣхать домой, то меня такъ не оставляйте, подождите, пока я другихъ людей на ваше мѣсто призову изъ Польши“.

Бѣглецы съ Болховской битвы, или дѣйствительно пораженные страхомъ, или для своего извиненія, распустили въ Москвѣ слухъ, что у самозванца войско безчисленное, что они бились съ передними полками, а задніе стояли еще у Путивля. Желая воспользоваться побѣдою, страхомъ, нагнаннымъ на приверженцевъ Шуйскаго, самозванецъ спѣшилъ къ Москвѣ, дѣлая по семи и по осьми миль на день. Но пять тысячъ ратныхъ людей, сдавшихся въ Болховѣ и присягнувшихъ Ди-

митрію, измѣнили ему; они первые переправились черезъ Угру, ночью ушли отъ Поляковъ и, прибѣжавъ въ Москву, объявили царю и народу, что бояться нечего, потому что у самозванца очень мало войска. Но самозванецъ спѣшилъ увеличить это войско, увеличить число своихъ приверженцевъ: онъ велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ, чтобы крестьяне, которыхъ господа служатъ Шуйскому, брали себѣ помѣстья и вотчины ихъ и женились на ихъ дочеряхъ. Такимъ образомъ, говоритъ одинъ современникъ, многіе слуги сдѣлались господами, а господа должны были въ Москвѣ у Шуйскаго терпѣть голодъ. Черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ шелъ самозванецъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; только въ Звенигородѣ встрѣтилъ онъ Петра Борзковскаго, отправленнаго изъ Москвы королевскими послами. Послы приказали сказать Полякамъ, провожавшимъ Лжедимитрія, чтобъ они вышли изъ Московскаго государства и не нарушали мира, который они, послы, заключаютъ между этимъ государствомъ и короною Польскою [1]).

Мы оставили Марину, отца ея Мнишка съ товарищами и пословъ королевскихъ въ страшную минуту истребленія Лжедимитрія. Мы видѣли, что Шуйскій немедленно же принялъ мѣры для охраненія жизни знатныхъ Поляковъ. Марину отпустили въ домъ къ отцу ея, которому былъ сдѣланъ допросъ о появленіи самозванца въ Польшѣ и о связяхъ его съ нимъ, воеводою. О появленіи самозванца въ Польшѣ Мнишекъ отвѣчалъ уже всѣмъ извѣстное: касательно же связи своей съ нимъ объявилъ, что онъ призналъ его за настоящаго царевича Димитрія, провожалъ и помогалъ, потому что все Московское государство признало его такимъ, всѣ Русскіе люди встрѣтили его и помогли сѣсть на престолѣ. Послѣ этого допроса, простыхъ ратниковъ польскихъ, оставшихся въ-живыхъ, отправили за границу, отобравъ у нихъ только оружіе и лошадей: но знатныхъ Поляковъ, равно и пословъ королевскихъ оставили въ Москвѣ, какъ важныхъ заложниковъ, на которыхъ можно было вымѣнять у Польши миръ,—а въ мирѣ сильно нуждались. Послы, Олѣсницкій и Гонсѣвскій, были призваны во дворецъ, гдѣ бояре въ длинной рѣчи хотѣли оправдаться въ убійствѣ Поляковъ, сложивъ всю вину на нихъ самихъ. Гонсѣвскому, какъ прежде Мнишку, легко было отвѣчать на это обвиненіе: онъ показалъ, что король никогда не думалъ вооружаться за Димитрія, но предоставилъ все дѣло суду Божію; что если бы пограничные города не признали Димитрія сыномъ Іоанна IV-го, то Поляки никогда не стали бы провожать его далѣе; такъ, когда Димитрій встрѣтилъ первое сопротивленіе подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, и въ то же время царь Борисъ написалъ къ королю о самозванствѣ Отрепьева и напомнилъ о мирномъ договорѣ, заключенномъ недавно между Москвою и Польшею, то король немедленно отозвалъ всѣхъ Поляковъ отъ Димитрія. По смерти царя Бориса, король ожидалъ, что Москвитяне, пользуясь свободою, доставятъ ему своимъ рѣшеніемъ достовѣрное свѣдѣніе объ истинѣ; и вотъ все войско, всѣ лучшіе воеводы передались Димитрію: бояре, остававшіеся въ Москвѣ, Мстиславскій и Шуйскій, выѣхали къ нему навстрѣчу за 30 миль отъ столицы. Потомъ послы московскіе и бояре не переставали говорить, что не Поляки посадили Димитрія на престолъ, но сами Русскіе приняли его добровольно, и никогда никто послѣ того не говорилъ Полякамъ, чтобы Димитрій не былъ истиннымъ царевичемъ. Гонсѣвскій заключилъ свою рѣчь такъ: „Теперь, убивъ Димитрія, вдругъ, вопреки вашимъ рѣчамъ и клятвамъ, сами себѣ противорѣчите и несправедливо обвиняете короля. Все остается на вашей отвѣтственности. Мы не станемъ возражать противъ убійства Димитрія, потому что намъ нечего жалѣть о немъ: вы сами видѣли, какъ онъ принялъ меня, какія объявилъ нелѣпыя требованія, какъ оскорбилъ короля. Мы только тому не можемъ надивиться, какъ вы, думные бояре, люди, какъ полагаемъ, разумные, позволяете себѣ противорѣчія и понапрасну упрекаете короля, не соображая того, что человѣкъ, называвшійся Димитріемъ, былъ природный Москвитянинъ, и что не наши о немъ свидѣтельствовали, а ваши москали, встрѣчая его на границѣ съ хлѣбомъ и солью: Москва сдавала города, Москва ввела его въ столицу, присягнула ему на подданство и короновала. Однимъ словомъ, Москва начала, Москва и кончила, и вы не въ правѣ упрекать за то кого нибудь другого; мы жалѣемъ только о томъ, что побито такъ много знатныхъ людей королевскихъ, которые съ вами не ссорились за того человѣка, жизнь его не охраняли, объ убійствѣ не вѣдали, и спокойно оставались на квартирахъ своихъ, подъ покровительствомъ договоровъ". Гонсѣвскій совѣтовалъ боярамъ, для собственной ихъ пользы и спокойствія, отпустить Мнишка и другихъ Поляковъ съ ними, послами, въ отечество, обѣщая въ такомъ случаѣ стараться о продолженіи мира. Слова Гонсѣвскаго смутили бояръ: они молчали, поглядывали другъ на друга; но между ними находился извѣстный намъ окольничій Татищевъ, который вызвался отвѣчать Гонсѣвскому. Повторивъ прежніе упреки, Татищевъ прибавилъ, что Польша находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, угрожаемая Татарами, Шведами и мятежнымъ сеймомъ. Татищевъ сказалъ правду, ибо дѣйствительно въ это время, вслѣдствіе страшнаго возстанія (рокоша), возникало сомнѣніе, останется ли Сигизмундъ на престолѣ Польскомъ. Гонсѣвскій однако возразилъ, что все сказанное Татищевымъ есть чистая выдумка; что непріятель никогда такъ далеко не заходилъ въ глубь Польши, какъ заходилъ въ глубь Московскаго государства,

[1]) Лѣтоп. о мятеж. 123 и слѣд., Мархоцкій, стр. 6 и слѣд. Исторія смутнаго времени Бутурлина, примѣч. № VII; Лѣтоп. Малиновск. въ архивѣ мин. ин. дѣлъ II, № 24; Сборник. Импер. Публ. Библ. № 17, стр. 285; Буссовъ.

и что Русскимъ не слѣдуетъ стращать Поляковъ. Наконецъ бояре согласились, что въ дѣлѣ Лжедимитрія никто не виноватъ: „все дѣлалось по грѣхамъ нашимъ", сказали они, „этотъ воръ обманулъ и васъ и насъ".

Послѣ того послы думали, что ихъ скоро отпустятъ въ Польшу, но обманулись въ своей надеждѣ. Тщетно Гонсѣвскій писалъ къ боярамъ, чтобъ они выпросили у государя немедленный имъ отпускъ, угрожая въ противномъ случаѣ, что король и республика могутъ заключить объ убійствѣ пословъ и потому начать войну; тщетно грозилъ, что если царь безъ нихъ отправитъ въ Польшу своихъ пословъ, то они не ручаются за ихъ безопасность, ибо братья убитыхъ въ Москвѣ Поляковъ отмстятъ за своихъ. Съ отвѣтомъ на эти представленія пріѣхалъ къ посламъ тотъ же Татищевъ; онъ говорилъ прежнія рѣчи и показывалъ, какъ новое обвиненіе, запись самозванца Маринѣ, письмо короля, въ которомъ тотъ хвалился, что посредствомъ Поляковъ своихъ посадилъ Димитрія на престолѣ, также письма легата и кардинала Малагриды о введеніи латинства въ Московское государство. При этомъ Татищевъ объявилъ, что послѣ такихъ замысловъ нельзя отпустить пословъ и другихъ Поляковъ до тѣхъ поръ, пока московскіе послы не возвратятся изъ Польши съ удовлетворительными объясненіями. Гонсѣвскій отвѣчалъ на первое обвиненіе касательно записи Маринѣ прямо, что воевода, убѣжденный свидѣтельствомъ всего Московскаго государства, рѣшился выдать дочь свою за Димитрія; согласившись же на бракъ, онъ долженъ былъ устроить какъ можно выгоднѣе судьбу дочери; почему вовсе неудивительно, если онъ вытребовалъ у царевича эти условія, исполненіе которыхъ однако зависѣло отъ Москвитянъ. Когда воевода пріѣхалъ въ Москву, то покойный царь совѣтовался со всѣми боярами, какое содержаніе назначить Маринѣ на случай ея вдовства, и сами бояре дали ей больше, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, потому что согласились признать ее наслѣдственною государынею, и еще до коронаціи присягнули ей въ вѣрности. Но трудно было Гонсѣвскому отвѣчать на обвиненіе касательно стараній римскаго духовенства распространить латинство въ Московскомъ государствѣ: неловко и сбивчиво опирался посолъ на правѣ Поляковъ и Литовцевъ, служившихъ въ Россіи, покупать въ ней имущества, имѣть свои церкви и совершать въ нихъ богослуженіе по своему обряду; не объ этомъ правѣ говорилось въ письмахъ римскаго духовенства. Всего легче было отвѣчать на обвиненія относительно письма королевскаго: „Вы сами", сказалъ Гонсѣвскій, „черезъ пословъ своихъ приписали эту честь королю и благодарили его". Наконецъ посламъ, призваннымъ во дворецъ, рѣшительно объявили, что царь не отпуститъ ихъ до возвращенія своихъ пословъ изъ Польши. Послы были въ отчаяніи; люди ихъ говорили неприличныя слова о новомъ правительствѣ; за это царь велѣлъ уменьшить посламъ кормъ на-половину. Еще болѣе раздосадованные, послы вздумали-было уѣхать насильно, но, разумѣется, это имъ не удалось; когда пришелъ подъячій выговаривать имъ за это отъ имени посольскаго дьяка, то они отвѣчали: „Мы здѣсь живемъ долгое время, отъ дурнаго запаха у насъ многіе люди померли, а иные лежатъ больны, и намъ лучше умереть, чѣмъ жить такъ; мы поѣдемъ, а кто станетъ насъ бить, и мы того станемъ бить. Намъ очень досадно, что государь вашъ нами управляетъ, положилъ на насъ опалу—не велѣлъ корму давать; мы подданные не вашего государя, а королевскіе,—вашему государю непригоже на насъ опалу свою класть и смирять: за такое безчестье мы всѣ помремъ, и, чѣмъ намъ здѣсь съ голоду помереть, лучше убейте насъ". Подъячій отвѣчалъ: „И такъ отъ васъ много крови христіанской пролилось, а вы теперь опять кровь затѣваете; сами видите, сколько народу стоитъ! троньтесь только,—и васъ тотчасъ Московскимъ народомъ побьютъ за ваши многія грубости. А корму не велѣли вамъ бояре давать за то, что люди ваши говорятъ такія непригожія слова, что и одно слово молвить теперь страшно, да и за то, что дѣтей боярскихъ бьютъ". Пословъ задержали въ Москвѣ; но Мнишка съ дочерью и родственниками отослали въ Ярославль.

13-го іюня 1606 года отправлены были къ королю посланники — князь Григорій Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ. Волконскому дали 300 рублей подмоги, но царь велѣлъ записать въ Посольскомъ приказѣ, чтобы впередъ этой подмоги въ примѣръ не выписывать, потому что князю Григорію дано для бѣдности. Посланникамъ данъ былъ наказъ объяснить въ Польшѣ недавнія событія; успѣхъ самозванца они должны были объяснить такъ: „Одни изъ русскихъ людей отъ страха ослабѣли, а другіе отъ прелести, а нѣкоторые и знали прелесть, но злобою на царя Бориса дышали, потому что онъ правилъ сурово, а не царски". Если паны радные спросятъ, какимъ обычаемъ воръ разстрига убитъ, то отвѣчать: „Какъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и всякіе служилые люди съѣхались въ Москву, то царица Мароа, великій государь нашъ Василій Ивановичъ, бояре, дворяне, всякіе служилые люди и гости богоотступника, вора, разстригу, Гришку Отрепьева обличили всѣми его злыми богомерзкими дѣлами, и онъ самъ сказалъ предъ великимъ государемъ нашимъ и предъ всѣмъ многонароднымъ множествомъ, что онъ прямой Гришка Отрепьевъ, а дѣлалъ все то, отступая отъ Бога, бѣсовскими мечтами, и за тѣ его злыя богомерзкія дѣла, осудя истиннымъ судомъ, весь народъ Московскаго государства его убилъ."—Если паны будутъ указывать на свидѣтельство Аѳанасія Власьева, бывшаго посломъ въ Польшѣ, то Волконскій долженъ былъ отвѣчать: „Аѳанасію Власьеву какъ было вѣрить? Аѳанасій—воръ, разоритель вѣрѣ христіанской, тому вору совѣтникъ, поѣхалъ къ государю вашему

Сигизмунду королю по его волѣ, безъ вѣдома сенаторей (бояръ)."

Когда посланники переѣхали границу, то приставъ сказалъ имъ, что царь Димитрій живъ и находится у Сендомирской воеводши. Послы отвѣчали, что это говорить непригоже: сбѣжалъ въ то время, какъ убили вора, Михалко Молчановъ, а жилъ онъ у вора для чернокнижія. „И если Молчановъ называется Димитріемъ, то пусть намъ его покажутъ, у него примѣты на спинѣ. Какъ онъ за воровство и за чернокнижество былъ на пыткѣ, то его кнутомъ били, и эти кнутные бои можно на немъ видѣть. А если другой воръ такой же называется Димитріемъ, то вамъ такихъ принимать и слушать не надобно; а если онъ вамъ годенъ, то вы посадите его у себя на королевство, а государю вашему въ великое Россійское государство посылать и сажать непригоже, хотя-бъ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государство не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ; а то воръ убѣжалъ отъ смерти, называется царевичемъ—и такому вѣрить!" Приставъ говорилъ: „Польскіе и Литовскіе люди, которые пріѣхали изъ Москвы, сказываютъ, а слышали они отъ вашихъ же, что убитъ и лежалъ на пожарѣ, а подлинно не знаютъ, его ли убили или кого-нибудь другого въ его мѣсто." Посланники спрашивали у пристава: „Видѣлъ ли кто того вора, каковъ онъ рожеемъ (лицомъ) и волосомъ"? Приставъ отвѣчалъ, что онъ ростомъ не малъ, лицомъ смуглъ, носъ немного покляпъ, брови черныя, большія, нависли, глаза небольшіе, волосы на головѣ черные курчеватые, отъ лба вверхъ взглаживаетъ, усы черные, бороду стрижетъ, на щекѣ бородавка съ волосами, по-польски говоритъ, грамотѣ польской гораздъ и по-латыни говорить умѣетъ. Посланники сказали на это, что Молчановъ такой именно лицомъ, а прежній воръ разстрига былъ лицомъ не смуглъ и волосомъ русъ. Другой приставъ говорилъ, что при Димитріи въ Самборѣ князь Мосальскій самъ-другъ да Заболоцкій, и Заболоцкаго Димитрій послалъ въ Сѣверскую страну уговаривать севрюковъ, чтобы Шуйскому не поддавались, и что онъ, Димитрій, собравши людей, къ нимъ будетъ.

Народъ въ Литвѣ встрѣчалъ московскихъ посланниковъ дурно: по городамъ и въ посадахъ и въ панскихъ имѣніяхъ ихъ безчестили, бранили непристойными словами, называли измѣнниками; въ Минскѣ въ ихъ людей бросали камнями и грязью, и хотѣли драться; къ посланникамъ на дворъ приходили, бранили и грозили убить. Посланники говорили приставу, что такого безчестья и тѣсноты надъ посланниками прежде никогда не бывало; приставъ отвѣчалъ, что у нихъ теперь люди стали своевольны, короля не слушаютъ, и ему ихъ унять нельзя. Въ Краковѣ король посланниковъ обѣдать не позвалъ и, вмѣсто стола, корму не прислалъ. Посланники подали королю письменное объявленіе, въ которомъ раскрыто было происхожденіе самозванца, его похожденія, какъ онъ съ польскими и литовскими людьми пришелъ въ Московское государство, какъ онъ потомъ призвалъ въ Москву Сендомирскаго воеводу съ его пріятелями, и какъ они церкви Божіи и Святыя иконы обругали, московскимъ людямъ польскіе и литовскіе люди много насильства и кровопролитія учинили, великихъ людей женъ безчестили, изъ возковъ вырывали, и такое насильство чинили, какого никогда въ Москвѣ не бывало. Потомъ въ объясненіи упомянуто о появленіи въ Польшѣ новаго самозванца, который есть не иной кто, какъ Михайло Молчановъ, вовсе не похожій на перваго Лжедимитрія. Посланники требовали удовлетворенія за кровопролитіе и расхищеніе царской казны, бывшія слѣдствіемъ подсылки отъ Польши Лжедимитрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что царь Василій не хочетъ нарушать мира съ Польшею. Паны радные отвѣчали: „Государь нашъ ни въ чемъ не виноватъ; вы говорите, что Димитрій, который былъ у васъ государемъ, убитъ, а изъ Сѣверской страны пріѣхали многіе люди, ищутъ этого Димитрія по нашему государству, сказываютъ, что онъ живъ,—ушелъ; такъ нашему государю вашихъ людей унять ли? А въ Сѣверской странѣ теперь государемъ какой-то Петръ; но этого вѣдь не нашъ же государь поставилъ! Сами люди Московскаго государства между собою разруху сдѣлаютъ, а на насъ пеняютъ. Если государь вашъ отпуститъ Сендомирскаго воеводу съ товарищами и всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые теперь на Москвѣ, то ни Дмитряшки, ни Петрушки не будетъ; а если государь вашъ ихъ не отпуститъ, то и Димитрій, и Петръ настоящіе будутъ, и наши за своихъ съ ними заодно станутъ." Посланники грозили панамъ также, что если король не исправится, то царь Василій пошлетъ на Ливонію королевича Густава. Но для Сигизмунда грознѣе былъ польскій рокошъ, чѣмъ какой-нибудь Густавъ, и потому онъ вовсе не хотѣлъ войны съ новымъ Московскимъ царемъ, радуясь, что послѣдній также не можетъ желать этой войны, угрожаемый Дмитряшкою и Петрушкою. О судьбѣ перваго Лжедимитрія король не могъ жалѣть не потому только, что непобѣдимый цесарь не хотѣлъ ничѣмъ поступиться Польшѣ:—ходили слухи, что нѣкоторые изъ рокошанъ имѣли тайныя сношенія со Лжедимитріемъ,—что дѣло шло у нихъ о провозглашеніи его королемъ Польскимъ, что Димитрій обѣщалъ выслать деньги нѣкоторымъ панамъ, и, между прочимъ, Стадницкому, самому яростному противнику короля. Вотъ почему король обѣщалъ Волконскому въ скоромъ времени отправить своихъ посланниковъ въ Москву, и, дѣйствительно, въ октябрѣ 1607 года, пріѣхали въ Москву посланники Сигизмундовы—панъ Витовскій и князь Друцкой-Соколинской—поздравить царя Василія съ восшествіемъ на престолъ и требовать отпуска прежнихъ пословъ и всѣхъ другихъ Поляковъ. Переговоры длились до 25 іюля 1608 года, когда посланники заключили перемиріе съ боярами на три года

и одиннадцать мѣсяцевъ, на слѣдующихъ условіяхъ. Оба государства остаются въ прежнихъ границахъ; Москва и Польша не должны помогать врагамъ другъ друга; царь обязывается отпустить въ Польшу воеводу Сендомирскаго съ дочерью и сыномъ, и всѣхъ задержанныхъ Поляковъ; король обязывается тѣмъ же самымъ относительно Русскихъ, задержанныхъ въ Польшѣ; король и республика должны отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживающихъ самозванца, и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; Юрію Мнишку не признавать зятемъ втораго Лжедимитрія, дочь свою за него не выдавать, и Маринѣ не называться Московскою государынею. Посланники обязались писать къ лжедмитріевымъ Полякамъ съ увѣщаніемъ оставить самозванца; на возвратномъ пути отсылать обратно въ свои земли польскихъ ратныхъ людей, которые имъ встрѣтятся, и разослать во всѣ пограничные города объявленія, чтобы никто не смѣлъ идти на войну въ Московское государство; обязались, что поѣдутъ прямо въ Польшу, избѣгая всякихъ сношеній и свиданій съ Поляками лжедмитріевыми, но не хотѣли обязаться, что король выведетъ Лисовскаго изъ Московскаго государства, потому что Лисовскій изгнанникъ изъ Земли и чести своей отсужденъ [1]).

Мы видѣли, что еще до заключенія договора, когда Лжедимитрій былъ въ Звенигородѣ, посланники отправили въ его станъ Борзковскаго съ приказомъ Полякамъ выйдти изъ Московскаго государства. Но Рожинскій съ товарищами отвѣчали, что такъ какъ они уже взялись за дѣло, то ничьего приказу больше не слушаютъ, и того, съ кѣмъ пришли, хотятъ посадить въ его столицѣ. Послѣ этого Лжедимитрій немедленно двинулся къ Москвѣ, не встрѣчая попрежнему никакого сопротивленія; царь послалъ-было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, и воеводы эти расположились на рѣкѣ Незнани, между Москвою и Калугою; но въ войскѣ открылся заговоръ:—князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Троекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, рѣшились передаться самозванцу. Заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослали въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ—казнили; но царь не велѣлъ уже этому войску встрѣчать самозванца, а велѣлъ ему идти въ Москву. Здѣсь, въ народныхъ толпахъ, слышались слова: „Еслибъ онъ не былъ настоящимъ Димитріемъ, то князья и бояре, которые къ нему отъѣхали, воротились бы; значитъ, онъ тотъ же самый. Да что-жъ намъ-то?—вѣдь князья и бояре перебили его Поляковъ и его самого выгнали; мы объ этомъ ничего не знали“.—„Онъ вѣдунъ“, говорилъ одинъ: „по глазамъ узнаетъ, кто виноватъ, кто нѣтъ“.—„Ахти мнѣ!“ отвѣчалъ другой: „мнѣ никогда нельзя будетъ ему на глаза показаться: этимъ самымъ ножемъ я зарѣзалъ пятерыхъ Поляковъ“.

1-го іюня войско Лжедимитрія приблизилось къ столицѣ и остановилось надъ рѣкою-Москвою; сначала не знали, гдѣ лучше расположиться: нѣкоторые говорили, что надобно перейти на другую сторону и занять большую дорогу на сѣверъ, по которой приходятъ въ Москву и ратные люди и припасы. Это мнѣніе взяло вверхъ,—и войско перешло къ селу Тайнинскому; но выбранное мѣсто оказалось очень невыгоднымъ, и, чрезъ нѣсколько дней, обнаружилась большая опасность; нѣкоторые изъ Русскихъ, находившихся при Лжедимитріи, завели сношенія съ Москвою, ночью бѣжали въ Москву, но были схвачены сторожами, и объявили товарищей; однихъ изъ нихъ посадили на колъ, другимъ отрубили головы. Счастливо избавившись отъ этой опасности, самозванецъ не хотѣлъ болѣе оставаться въ Тайнинскомъ; онъ думалъ отрѣзать Москву отъ сообщенія съ сѣверомъ, а между тѣмъ царскія войска отрѣзывали его отъ юга, перехватывая шедшихъ къ нему изъ Польши купцовъ и ратныхъ людей. Вотъ почему рѣшили возвратиться на старое мѣсто; но московское войско стояло на Тверской дорогѣ; Лжедимитрій, разбивъ его, перешелъ на Волоколамскую дорогу и выбралъ наконецъ удобное мѣсто для стана: въ Тушинѣ, между двумя рѣками—Москвою и Всходнею. Сюда къ Рожинскому и товарищамъ его пріѣхалъ опять изъ Москвы, отъ пословъ королевскихъ, панъ Доморацкій съ приказомъ выходить изъ областей московскихъ, но поѣхалъ съ прежнимъ отвѣтомъ: Рожинскій хотѣлъ вступить въ Москву послѣ рѣшительной битвы. Царское войско, въ числѣ семнадцати тысячъ, стояло на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ царь съ Дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ, готовый его поддерживать. Ночью, врасплохъ, Рожинскій напалъ на царское войско, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но здѣсь, подкрѣпленные полками, высланными царемъ, бѣгущіе остановились и, въ свою очередь, погнали Поляковъ, которые остановились за рѣкою Химкою, отсюда опять ударили на Русскихъ, и, отогнавши ихъ за Ходынку, возвратились въ свой Тушинскій станъ, очень довольные, что такъ кончилось дѣло, ибо нѣкоторые изъ нихъ, испуганные пораженіемъ у Прѣсни, прибѣжавъ въ станъ, велѣли уже запрягать возы, чтобы бѣжать дальше къ границѣ. Поляки хвалились, что они послѣдніе прогнали Русскихъ, которые не преслѣдовали ихъ болѣе изъ-за Ходынки, но признавались, что битва дорого имъ стоила. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Въ половинѣ августа Рожинскій прислалъ къ боярамъ грамоту, требуя переговоровъ; бояре отвѣчали: „Пишете къ намъ, боярамъ и ко всѣмъ людямъ Московскаго государства о ссылкахъ, чтобы

[1]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 139, 152; Histor. Russ. Monum, II, № LXXVII, № CI; Акты историч. II, № 55; Дѣла Польскія № 26, 27, Lubenskiego—pisma posmertne, стр. 96 (Dziejopisowie Krajowie).

*

мы бояръ, дворянъ и изо всѣхъ чиновъ людей прислали къ вамъ говорить о добромъ дѣлѣ, а вы пришлете къ намъ пановъ и рыцарскихъ людей. Пишете, чего знающимъ людямъ писать негодится. Въ Россійскомъ государствѣ надъ нами государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ, и мы всѣ единодушнымъ изволеніемъ имѣемъ его, какъ и прежнихъ великихъ государей, и во всякихъ дѣлахъ безъ его повелѣнія и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли. Удивляемся тому, что ты называешь себя человѣкомъ добраго рода, а не стыдно тебѣ, что вы, оставя государя своего Сигизмунда короля и свою Землю, назвавши невѣдомо какого вора царемъ Димитріемъ, у него въ подданствѣ быть и кровь христіанскую невинно проливать хотите. Мы тебѣ отвѣтъ даемъ: то дѣло будетъ доброе, какъ ты, князь Романъ Рожинскій, со всѣми Литовскими людьми, поймавъ того вора, пришлете къ государю нашему, а сами немедленно изъ нашего государства въ свою Землю выйдете; вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ королемъ Литовскимъ помирился и, закрѣпивъ мирное постановленіе, пословъ и Сендомирскаго со всѣми людьми въ Литву отпустилъ". Между тѣмъ Лисовскій съ казаками дѣйствовалъ особо, взялъ Зарайскъ; для отнятія у него этого города пришелъ изъ Рязани воевода Захаръ Ляпуновъ, но былъ разбитъ Лисовскимъ на-голову. Послѣ этого Лисовскій пошелъ къ Коломнѣ, взялъ ее приступомъ, разорилъ, но на дорогѣ къ Москвѣ былъ разбитъ князьями Куракинымъ и Лыковымъ, и Коломна опять была занята на имя Шуйскаго.

Такъ война велась съ перемѣннымъ счастіемъ; но для Шуйскаго впереди не было ничего утѣшительнаго. Самозванецъ укрѣпился подъ Москвою; вопреки договору, заключенному съ послами королевскими, ни одинъ Полякъ не оставилъ Тушинскій станъ, напротивъ—приходили одинъ за другимъ новые отряды: пришелъ прежде всего Бобровскій съ гусарской хоругвью,—за нимъ Андрей Млоцкій съ двумя хоругвями—гусарскою и казацкою; потомъ Александръ Зборовскій; Выламовскій привелъ 1,000 добрыхъ ратниковъ; наконецъ около осени пришелъ Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, котораго имя, вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую черную знаменитость въ нашей исторіи. Сапѣга пришелъ вопреки королевскимъ листамъ, разосланнымъ во всѣ пограничные города и къ нему особенно. Мстиславскій воевода Андрей Сапѣга прямо признался Смоленскому воеводѣ Шеину, что Польскому правительству нѣтъ никакой возможности удерживать своихъ подданныхъ отъ перехода за границу: „Я тебѣ настоящую и правдивую рѣчь пишу, что все это дѣлается противъ воли и заказу его королевской милости; во всемъ свѣтѣ, за грѣхи людскіе, такое своевольство стало, что и усмирить трудно; не таю отъ васъ и того, что многіе люди, подданные его королевской милости, и противъ самого государя встали и упорно сопротивляться осмѣлились; но Богъ милостивъ, государю нашему на нихъ помогъ, и они, убѣгая отъ королевскаго войска, идутъ, своею волею, въ чужія государства, противъ заказа его королевской милости." Такимъ образомъ, побѣда Сигизмунда надъ рокошанами доставила Лжедимитрію новыхъ союзниковъ. Узнавъ о походѣ Сапѣги, самозванецъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ его не грабить по дорогѣ жителей, присягнувшихъ ему, Димитрію; письмо заключается словами: „А какъ придешь къ нашему царскому величеству и наши царскія пресвѣтлыя очи увидишь, то мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, тѣмъ, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ".

Но нужнѣе всѣхъ этихъ подкрѣпленій для самозванца было присутствіе Марины въ его станѣ. Узнавъ, что, въ исполненіе договора, Мнишекъ съ дочерью отпущенъ изъ Ярославля въ Польшу и ѣдетъ къ границѣ подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда, самозванецъ разослалъ въ присягнувшіе ему пограничные города приказъ: „Литовскихъ пословъ и Литовскихъ людей перенять и въ Литву не пропускать; а гдѣ ихъ поймаютъ, тутъ для нихъ тюрьмы поставить, да посажать ихъ въ тюрьмы". Но онъ не удовольствовался этимъ распоряженіемъ, и отправилъ перехватить ихъ Валавскаго съ полкомъ его: но Полякамъ, которые уже давно служили Лжедимитрію, почему-то не хотѣлось, чтобы Марина была у нихъ въ станѣ: очень вѣроятно, что, увѣренные въ самозванствѣ своего царя, они не хотѣли силою заставить Мнишка и особенно его дочь признавать вора за настоящаго, прежняго Димитрія, и боялись дурныхъ для себя послѣдствій отъ подобнаго насилія—не могли они знать, что Мнишки пожертвуютъ всѣмъ для честолюбія. Какъ бы то ни было, Валавскій, по увѣренію одного изъ товарищей своихъ, съ умысломъ не нагналъ Мнишка. Тогда самозванецъ отправилъ Зборовскаго; этотъ, пріѣхавши недавно, хотѣлъ прислужиться Лжедимитрію, пошелъ очень скоро, нагналъ Мнишка подъ Бѣлою, разбилъ провожавшій его московскій отрядъ, и воротилъ Мнишка съ семействомъ и посломъ Олѣсницкимъ; Гонсѣвскій, отдѣлившись отъ нихъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уѣхалъ заграницу другою дорогою. Но теперь затрудненіе состояло въ томъ, что Марина и отецъ ея не хотѣли прямо ѣхать къ самозванцу въ Тушино, не хотѣли безусловно отдаваться ему въ руки; они пріѣхали прежде въ станъ къ Сапѣгѣ и оттуда уже вели переговоры съ Лжедимитріемъ. Говорятъ, что Мнишекъ и послы заранѣе условились, чтобъ ихъ захватили изъ Тушина, и для этого нарочно, противъ воли приставовъ, стояли два дня на одной станціи, все поджидая погони. По другому извѣстію, Марина, увидавши Тушинскаго вора, увидавши, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и ея прежнимъ мужемъ, никакъ не хотѣла признать его; для убѣжденія ея къ тому нужно было время и долгіе переговоры. Оба эти извѣстія легко согласились: Марина могла заранѣе знать, что ее перейм утъ посланные изъ Тушина, могла быть согласна на это, ибо у нея менѣе чѣмъ у кого-нибудь было

причинъ сомнѣваться въ спасенiи ея мужа, по крайней мѣрѣ она должна была желать убѣдиться въ этомъ лично и, убѣдившись въ противномъ, сначала отказалась признать обманщика своимъ мужемъ. Разсказываютъ, что, подъѣзжая къ Тушину, Марина была чрезвычайно весела, смѣялась и пѣла. Но вотъ на восемнадцатой милѣ отъ стана подъѣзжаетъ къ ея каретѣ молодой польскiй шляхтичъ и говоритъ ей: „Марина Юрьевна! вы веселы и пѣсенки распѣваете; оно бы и слѣдовало вамъ радоваться, еслибъ вы нашли въ Тушинѣ настоящаго своего мужа; но вы найдете совсѣмъ другого". Веселость Марини пропала отъ этихъ страшныхъ словъ, и плачъ смѣнилъ пѣсни. Это нежеланiе Марины ѣхать немедленно въ Тушино, долгiе переговоры съ нею и отцомъ ея были очень вредны для Лжедимитрiя, какъ признается одинъ изъ Поляковъ, ему служившихъ, и послѣдовавшее потомъ согласiе Марины и отца ея признавать его однимъ лицомъ съ первымъ Димитрiемъ уже не могло изгладить перваго вреднаго впечатлѣнiя, произведеннаго ихъ колебанiемъ, хотя самозванецъ и хлопоталъ объ этомъ изглаженiи; такъ, въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Маринѣ, чтобъ она, находясь въ Звенигородѣ, присутствовала въ тамошнемъ монастырѣ при торжествѣ положенiя мощей: „Отъ этого", пишетъ Лжедимитрiй, „въ Москвѣ можетъ возбудиться къ намъ большое уваженiе, ибо вамъ извѣстно, что прежде противное поведенiе возбудило къ намъ ненависть въ народѣ и было причиною того, что мы лишились престола".

Мнишекъ только тогда рѣшился назваться тестемъ втораго самозванца, когда тотъ далъ ему запись, что тотчасъ по овладѣнiи Москвою выдастъ ему 300,000 рублей и отдастъ во владѣнiе Сѣверское княжество съ четырнадцатью городами. Олѣсницкiй также получилъ жалованную грамоту на городъ Бѣлую. 5 сентября въ станѣ Сапѣги происходило тайное вѣнчанiе Марины со вторымъ Лжедимитрiемъ, совершенное духовникомъ ея, iезуитомъ, который, разумѣется, убѣдилъ ее въ томъ, что все позволено для блага Римской церкви. Послѣдняя не теряла еще совершенно надежды на воскресенiе Димитрiя, какъ видно изъ писемъ кардинала Боргезе къ папскому нунцiю въ Польшѣ. Сначала онъ пишетъ: „Мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобъ Димитрiй былъ живъ и спасся бѣгствомъ изъ своего государства, ибо, въ такомъ случаѣ, онъ не явился бы такъ поздно въ Самборѣ, гдѣ, какъ говорятъ, онъ теперь". Потомъ: „Если только онъ живъ, то еще можно уладить всѣ дѣла; мы отправимъ письма и сдѣлаемъ все возможное, чтобы примирить его съ Польскимъ королемъ". Далѣе пишетъ: „Начинаемъ вѣрить, что Димитрiй живъ; но такъ какъ онъ окруженъ еретиками, то нѣтъ надежды, чтобъ онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣренiи; король Польскiй благоразумно замѣчаетъ, что нельзя полагаться на него во второй разъ. Бѣдствiя должны были бы побудить его къ оказанiю знаковъ истиннаго благочестiя; но дружба съ еретиками обнаруживаетъ, что у него нѣтъ этого чувства". Въ инструкцiи, написанной кардиналомъ Боргезе новому нунцiю Симонетта, находятся слѣдующiя слова: „О дѣлахъ московскихъ теперь нечего много говорить, потому что надежда обратить это государство къ престолу Апостольскому исчезла со смертiю Димитрiя, хотя и говорятъ теперь, что онъ живъ. Итакъ мнѣ остается сказать вамъ только то, что когда введется реформа въ орденъ монашескiй Св. Василiя между Греками, тогда можно будетъ современемъ воспитать много добрыхъ растенiй, которыя, посредствомъ сношенiй своихъ съ Московiею, могутъ сообщить свѣтъ истинный ея народу". Несмотря на то, въ Римѣ все еще не переставали колебаться между отчаянiемъ и надеждою и принимать участiе въ дѣлахъ самозванца. Такъ, въ началѣ 1607 года Боргезе писалъ, что если Петръ Ѳеодоровичъ будетъ признанъ законнымъ наслѣдникомъ, то Димитрiю не останется надежды поправить свои дѣла. Въ ноябрѣ 1607 года надежда воскресла; Боргезе пишетъ: „Сыновья Сендомирскаго палатина, которые находятся здѣсь въ Римѣ, сообщили его святѣйшеству достовѣрное извѣстiе, что Димитрiй живъ, и что объ этомъ пишетъ къ нимъ ихъ мать. Горимъ желанiемъ узнать истину". Потомъ, въ августѣ 1608 года, пишетъ: „Димитрiй живъ и здѣсь во мнѣнiи многихъ; даже самые невѣрующiе теперь не противорѣчатъ рѣшительно, какъ дѣлали прежде. Жаждемъ удостовѣриться въ его жизни и въ его побѣдахъ". Въ этомъ же мѣсяцѣ кардиналъ пишетъ: „Если справедливо извѣстiе о побѣдѣ Димитрiя, то необходимо должно быть справедливо и то, что онъ настоящiй Димитрiй".

Въ Польшѣ уже составили для воскресшаго Димитрiя наказъ, какъ ему дѣйствовать для собственной безопасности и для введенiя унiи въ Московское государство. Составители наказа сочли нужнымъ изложить причины, почему Лжедимитрiй не долженъ требовать императорскаго титула: a) Этотъ титулъ не достался ему въ наслѣдство отъ предковъ, слѣдовательно надобно доказать какое-нибудь новое, имъ самимъ прiобрѣтенное право. b) Сами Русскiе противъ этого титула; что же сказать объ иностранцахъ? c) Его не признаетъ ни одинъ государь христiанскiй, а въ посольствахъ и другихъ дѣлахъ не надобно подавать повода къ новымъ затрудненiямъ. d) И о титулѣ королевскомъ бывали и бываютъ споры съ сосѣдними государями,—что же объ императорскомъ? e) Для принятiя этого титула необходимо новое вѣнчанiе, котораго патрiархъ совершить не можетъ; нѣтъ и курфирстовъ, для этого необходимыхъ. Но царь можетъ достигнуть желаннаго чрезъ унiю. За этимъ слѣдуютъ собственно наставленiя:

1) Хорошо, если бы государственныя должности и сопряженныя съ ними преимущества раздавались не по древности рода; надобно, чтобы доблесть, а не происхожденiе получало награду. Это было бы для вельможъ побужденiемъ къ вѣрной службѣ, а

также и къ уніи. Однако, при этомъ должно смотрѣть, чтобы не возникли раздоры между старыми и новыми сенаторами. Не худо бы это распоряженіе отложить до уніи, а тутъ раздавать высшія должности въ видѣ вознагражденія болѣе приверженнымъ къ ней, чтобы самъ государь, вслѣдствіе уніи, получилъ титулъ царскій, а думные его сановники титулъ сенаторскій, то-есть, чтобы все это проистекало отъ папы; должно обѣщать и другія преимущества, чтобы скорѣе склонить къ дѣлу Божію.

2) Постоянное присутствіе при особѣ царской духовенства и бояръ влечетъ за собою измѣны, происки и опасность для государя: пусть остаются въ домахъ своихъ и ждутъ приказа, когда явиться. А вмѣсто нихъ его величеству имѣть совѣтниками мужей зрѣлыхъ и доблестныхъ, какъ для суда, такъ и для дѣлъ государственныхъ; пусть онъ бесѣдуетъ преимущественно съ тѣми изъ нихъ, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе государства и любовь народная къ государю, не оставляя совершенно и прочихъ, но попемѣнно имѣя при себѣ то тѣхъ, то другихъ. Притомъ безпрестанныя угощенія бояръ и думныхъ людей, долгое пребываніе съ ними влекутъ за собою трату времени, опасность и ненужныя издержки, порождаютъ неудовольствіе и вѣроятно были причиною нынѣшней трагедіи. Однако надобно имѣть въ виду и то, чтобы эти бояре, вдали отъ глаза государева, не замышляли чего-нибудь опаснаго. Надобно запретить всякія собранія. Государь долженъ кушать иногда публично, а иногда въ своихъ покояхъ, по обычаю другихъ государей.

3) Недавній примѣръ научаетъ, что его величеству нужны тѣлохранители, которые бы, безъ его вѣдома, прямо, какъ до сихъ поръ бывало, никого не пропускали во дворецъ, или гдѣ будетъ государь. Нужно имѣть между тѣлохранителями иностранцевъ, хотя на-половину со своими, какъ для блеска, такъ и для безопасности. Въ комнатные служители надобно выбирать съ большимъ вниманіемъ. Въ тѣлохранители и комнатные служители надобно выбирать такихъ людей, которыхъ счастіе и жизнь зависятъ отъ безопасности государя, или, говоря ясно, истинныхъ католиковъ, если совершится унія. Изъ Москвитянъ брать въ тѣлохранители приверженныхъ къ уніи, которые, обращаясь и разговаривая съ нашими, желали бы видѣть наше богослуженіе, слушать проповѣди и проч.

Такимъ образомъ отъ самихъ подданныхъ, а не отъ государя возникнутъ разговоры объ уніи,—государь будетъ скорѣе посредникомъ и судьею, чѣмъ дѣйствователемъ и поощрителемъ; это нужно для отвращенія ненависти, особенно теперь, вначалѣ. Притомъ надобно выбрать расположенныхъ къ дому ея царскаго величества. Надобно обращать вниманіе и на то, что вѣрность людей, которымъ не зачѣмъ возвращаться въ отечество, бываетъ подозрительна. Между здѣшними нашими кажется много такихъ, которые, по безнравственности и буйству, въ великой ненависти у Москвитянъ. Надобно смотрѣть, чтобы поведеніе католиковъ, находящихся при ихъ величествахъ, не навлекало порицанія святой вѣрѣ и уніи.

4) И Москвитянъ не очень должно отдалять отъ Двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцевъ. Эти приближенные къ царю Москвитяне могутъ примѣромъ своимъ поощрять другихъ къ уніи. Государь только посредствомъ нихъ можетъ сноситься съ подданными въ дѣлахъ необходимыхъ для государства. Наконецъ они доказали свою вѣрность тѣмъ, что, при открытіи недавняго заговора, подвергали опасности жизнь свою за государя. Надобно остерегаться, чтобы не подать повода къ новымъ заговорамъ: въ противномъ случаѣ должно было бы держать всегда иноземное войско; но все насильственное не долговѣчно. Какъ трудно безъ Русскихъ получить предостереженіе на случай бунта, крамолы и прочаго, долженствующаго быть извѣстнымъ государю,—это извѣдано на опытѣ. Притомъ не должно забывать о положеніи государства по смерти государя: если все будетъ дѣлаться силою и страхомъ, то надобно опасаться, что благія намѣренія государя относительно преобразованія вѣры, народа и государства обратятся въ ничто. Потомъ надобно позаботиться о ея величествѣ и о Дворѣ ихъ величествъ. Важнѣе всего было бы сближеніе нашихъ съ Москвитянами и дружественныя бесѣды ихъ, особенно при Дворѣ государевомъ. Пусть наши держатъ слугъ и мальчиковъ изъ Московскаго народа; но они должны смотрѣть внимательно, сколько и въ чемъ довѣрять каждому. Не худо, если бы царица изъ вельможныхъ семействъ московскихъ имѣла при Дворѣ своемъ нѣсколько лицъ обоего пола. Полезно, чтобы Поляки, если возможно, взяли съ собою въ Польшу сыновей знатныхъ бояръ: это послужило бы къ перемѣнѣ нравовъ и вѣры и было бы ручательствомъ за безопасность нашихъ здѣсь. При раздачѣ должностей дворскихъ, весьма полезно давать Полякамъ болѣе приближенныя, а Москвитянамъ почетнѣйшія, чтобъ оградить жизнь и безопасность государя.

5) Производить тщательно тайный розыскъ о скрытыхъ заговорщикахъ и участникахъ заговора: вызнавать расположеніе близкихъ особъ, чтобы знать кому что́ повѣрить.

6) Для принятія просьбъ назначить извѣстныхъ вѣрностію секретарей, которые должны отправлять дѣла какъ можно скорѣе. Этимъ, съ одной стороны, пріобрѣтается расположеніе подданныхъ, съ другой — охраняется безопасность государя, ибо въ просьбахъ могутъ заключаться предостереженія.

7) Канцелярія должна употреблять скорѣе народный языкъ, чѣмъ латинскій, особенно потому, что латинскій языкъ считается у туземцевъ поганымъ. Однако государю нужно имѣть при себѣ людей, знающихъ языкъ латинскій, политику и богословіе, истинныхъ католиковъ, которые бы не затрудняли благого намѣренія, не сближали государя съ еретиками, не подсовывали книгъ аріан-

скихъ и кальвинскихъ на пагубу государству и душамъ, не возбуждали омерзѣнія къ намѣстнику Христову, не отторгали отъ соединенія съ государями католическими. Такіе ученые по крайней мѣрѣ необходимы для сношеній съ государями христіанскими.

8) Вѣновая запись, данная царицѣ, должна быть за подписью думныхъ людей. Одной копіи быть здѣсь, а другой—въ Польшѣ, съ печатями и подписями. При случаѣ, включить въ договоръ съ Польскимъ королевствомъ, чтобы ея царское величество была подъ покровительствомъ королевства при перемѣнѣ обстоятельствъ. Надобно, чтобы сенаторы и подданные по городамъ дали присягу ея царскому величеству, какъ своей государынѣ, на подданство и послушаніе; одинъ экземпляръ присяжнаго листа хранить здѣсь, а другой—въ Польшѣ, съ подписью правителей и старостъ городовыхъ. На всякій случай, дозволить царицѣ покупку какого-нибудь имѣнія въ Польшѣ, по преимуществу сосѣдняго съ волостями, ей уступленными въ Московскомъ государствѣ.

9) Перенесеніе столицы, по крайней мѣрѣ на время, кажется необходимымъ по слѣдующимъ причинамъ: a) Это будетъ безопаснѣе для государя. b) Удобнѣе будетъ достать иностранное войско и получить помощь отъ союзнаго короля и другихъ государей христіанскихъ. c) При перемѣнѣ царя, для царицы удобнѣе получить помощь отъ своихъ, безопаснѣе и легко выѣхать съ драгоцѣнностями и свободною въ отечество; однако разглашать о перенесеніи столицы не нужно, ибо это ни къ чему не послужитъ;—надобно жить гдѣ-нибудь, только не въ Москвѣ. d) Міръ московскій будетъ смирнѣе: онъ чтитъ государя, вдалекѣ находящагося, но буйствуетъ въ присутствіи государя и мало его уважаетъ. e) Обычныя пированія съ думными людьми могли бы удобнѣе исподоволь прекратиться. f) Удобнѣе было бы вести переговоры объ уніи. g) Удобнѣе пріискивать людей способныхъ. h) Легче учреждать коллегіи и семинаріи подлѣ границы Польской. i) Легче московскихъ молодыхъ людей отправлять учиться въ Вильно и другія мѣста.

10) Перечисляются полезныя слѣдствія уніи для образованности въ Россіи

11) Императорское достоинство врядъ ли долго удержится въ домѣ Австрійскомъ и государствѣ Нѣмецкомъ, вслѣдствіе распространенія протестантизма въ Германіи. Если еретики курфирсты выберутъ еретика или произойдетъ раздоръ по поводу избранія, то папа передастъ императорское достоинство тому изъ государей, кто ревностнѣе другихъ будетъ защищать церковь. Кто знаетъ, не наступило ли время, когда императорское достоинство, перенесенное при Карлѣ Великомъ съ востока на западъ, будетъ перенесено съ запада на сѣверъ.

12) Если живъ сынъ старшаго брата царскаго, то престолъ по праву принадлежитъ ему. Въ такомъ случаѣ, обезпеченіемъ для Димитрія можетъ служить унія, ибо церковь имѣетъ власть царей невѣрныхъ удалять отъ владычества надъ вѣрными и вручать скипетръ вѣрнымъ сынамъ своимъ.

13) Сохраненіе царскаго величества отъ внезапной смерти справедливо приписать молитвамъ церкви; тѣмъ же молитвамъ надобно приписать и то, что люди, возставшіе на государя съ цѣлію воспрепятствовать уніи, претерпѣли много неудачъ и множество погибло ихъ отъ меньшей силы.

За этимъ слѣдуетъ особое изложеніе средствъ, какъ ускорить дѣло уніи.

1) Еретикамъ, непріятелямъ уніи, запретить въѣздъ въ государство.

2) Выгнать пріѣзжающихъ сюда изъ Константинополя монаховъ.

3) Руси Польской заградить путь къ проискамъ, ибо и теперь, по ея наущенію, произошло кровопролитіе,—его царское величество едва спасся, и возникла бо́льшая, чѣмъ прежде, ненависть къ уніи.

4) Съ осторожностію должно выбирать людей, съ которыми объ этомъ говорить, ибо преждевременное разглашеніе и теперь повредило.

5) Государь долженъ держать при себѣ очень малое число духовенства католическаго. Письма, относящіяся къ этому дѣлу, какъ можно осторожнѣе принимать, писать, посылать, особенно изъ Рима.

6) Государю говорить объ этомъ должно рѣдко и осторожно. Напротивъ, надобно заботиться о томъ, чтобы не отъ него началась рѣчь.

7) Пусть сами Русскіе первые предложатъ о нѣкоторыхъ неважныхъ предметахъ вѣры, требующихъ преобразованія, которые могутъ проложить путь уніи. Поводомъ къ этому могутъ служить: объѣзды и изслѣдованія по послѣднему заговору, въ которомъ участвовало и духовенство; преобразованіе нравственности и способа ученія духовенства; отдаленіе неучей-священниковъ, которые сами не знаютъ о вѣрѣ и другихъ не учатъ. Вслѣдствіе этого, прихожане не знаютъ символа вѣры, десяти заповѣдей, молитвы Господней; отсюда между ними клятвопреступленія, прелюбодѣянія, пьянство, чародѣйство, обманъ, воровство, грабежи, убійства, рѣдкій почитаетъ за грѣхъ воровство и грабежъ. Нѣтъ поучительныхъ проповѣдей для народа. Священники отличаются невѣжествомъ при исповѣди. Священство раздается за деньги. Предложить вопросъ объ отношеніи патріарха Московскаго къ Византійскому,—откуда его власть? Обратить вниманіе на то, что молодые люди не получаютъ образованія; что большіе доходы духовенства не обращаются на дѣла полезныя. Почему не ввести наукъ, какія были при Св. Златоустѣ, Василіи, Николаѣ и другихъ Святыхъ, которые были учеными, учили и учиться велѣли? а для этого нужно соединеніе съ церковію Латинскою, которая производитъ столько людей ученыхъ. Почему бы, по примѣру прежнихъ Святыхъ патріарховъ, не произвести преобразованія въ вѣрѣ и нравахъ, чтобъ все было по-прежнему, какъ жили до раздѣленія церквей и до владычества Турокъ, ибо съ того

времени все въ духовныхъ дѣлахъ начало портиться? Почему бы не имѣть семинаріи и коллегіума? При случаѣ, намекнуть на устройство католической церкви для соревнованія. Издать законъ, чтобы все подведено было подъ постановленія соборовъ и отцовъ греческихъ, и поручить исполненіе закона людямъ благонадежнымъ, приверженцамъ уніи. Возникнутъ споры, дойдетъ дѣло до государя, который конечно можетъ назначить соборъ, а тамъ, съ Божіею помощію, можетъ быть приступлено и къ уніи.

8) Раздавать должности людямъ, приверженнымъ къ уніи; внушать имъ, какія отъ нея произойдутъ выгоды; особенно высшее духовенство должно быть за унію,—оно должно руководить народъ къ предположенной цѣли, а это въ рукахъ его царскаго величества.

9) Намекнуть черному духовенству о льготахъ, бѣлому—о достоинствахъ, народу—о свободѣ, всѣмъ—о рабствѣ Грековъ, которыхъ можно освободить только посредствомъ уніи съ государями христіанскими.

10) Имѣть при государѣ священниковъ придворныхъ и способныхъ, которые бы указывали истинный путь словесно и письменно.

11) Учредить семинаріи, для чего призвать людей ученыхъ, хотя свѣтскихъ.

12) Отправить молодыхъ людей для обученія въ Вильно или лучше туда, гдѣ нѣтъ отщепенцевъ, въ Италію, въ Римъ.

13) Позволить Москвитянамъ присутствовать при нашемъ богослуженіи.

14) Хорошо, если бы Поляки набрали здѣсь молодыхъ людей, отдали бы ихъ въ Польшѣ учиться отцамъ іезуитамъ.

15) Хорошо, еслибъ у царицы между священниками былъ одинъ или два уніата, которые бы отправляли службу по обряду русскому и бесѣдовали съ Русскими.

16) Для царицы и живущихъ здѣсь Поляковъ построить костелъ или монастырь католическій.

Этотъ наказъ былъ написанъ напрасно: Лжедимитрію не удалось взять Москвы, и товарищи его должны были думать о томъ, какъ зимовать въ Тушинѣ, ибо снѣгъ уже началъ набиваться въ ихъ палатки. У самозванца было въ это время польскаго коннаго войска 18.000, пѣхоты 2,000, казаковъ Запорожскихъ 13,000, Донскихъ 15,000, кромѣ русскихъ людей; послѣднихъ Поляки немного держали въ станѣ, потому что имъ не довѣряли; купцовъ польскихъ бывало иногда при Тушинѣ тысячъ до трехъ: они стояли особымъ станомъ. Нѣкоторые думали, что надобно раздѣлиться на отряды и зимовать въ разныхъ волостяхъ московскихъ; но большинство сочло опаснымъ раздѣлить силы, и рѣшилось зимовать въ Тушинѣ. Начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хвороста и соломы. Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами, и огромные обозы по первому пути потянулись къ Тушину; на каждую роту приходилось по тысячѣ и больше возовъ. „Везли намъ чего только душа хотѣла", говоритъ одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ; „наскучило жить въ землянкахъ,—начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ; у иного было двѣ и три избы; а въ землянкахъ устроили погреба. Среди стана построили хоромы царю, царицѣ и Мнишку, было имъ гдѣ помѣститься просторно, и станъ Тушинскій превратился въ городъ [1])".

Глава V.

Продолженіе царствованія Василія Ивановича Шуйскаго.

Шведскій король предлагаетъ помощь свою Шуйскому.—Царскій племянникъ, князь Скопинъ-Шуйскій отправляется въ Новгородъ для заключенія союза съ Швеціею.—Борьба въ Псковѣ между большими и меньшими людьми.—Псковъ цѣлуетъ крестъ самозванцу.—Шуйскій садится въ осаду въ Москвѣ.—Тушинскій дворъ.—Осада Троицкаго монастыря.—Тушинцы захватываютъ врасплохъ сѣверные города.—Пересылки между послѣдними.—Неистовство Тушинцевъ.—Возстаніе противъ нихъ.—Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ; неудача возстаній противъ него.—Война между Москвою и Тушинымъ.—Договоръ царя Василія съ Шведскимъ королемъ.—Походъ Скопина-Шуйскаго съ Шведами для освобожденія Москвы.

Самозванецъ выстроилъ себѣ столицу подъ самою Москвою, и къ нему на помощь приходили польскіе отряды; договоръ, заключенный въ Москвѣ королевскими послами, былъ явно нарушенъ, Мнишекъ и дочь его признали Тушинскаго вора истиннымъ Димитріемъ. Но если со стороны Поляковъ было такое явное нарушеніе договора; если воръ утверждался съ польскою помощію: то Шуйскому естественно было обратиться съ просьбою о помощи къ врагу Польши и короля ея, Карлу Шведскому, тѣмъ болѣе что послѣдній уже давно предлагалъ эту помощь. Въ февралѣ 1607 года Выборскій державецъ писалъ къ Корельскому воеводѣ князю Мосальскому, что король его готовъ помогать царю и послы Шведскіе давно уже стоятъ на рубежѣ, дожидаясь пословъ московскихъ для переговоровъ. Но въ это время Шуйскій, успѣвъ отогнать Болотникова отъ Москвы, думалъ, что сладитъ съ

[1]) Мархоцкій, стр, 28 и слѣд.; Лѣтоп. о мятеж., стр. 132 и слѣд., Акты истор. II, № 92, 95, 89, 90; Собр. гос. гр. и д. II, № 163; Histor. Russ. Monum. II, № LXXVIII и слѣд. до LXXXII; рукоп. Румянц. муз. № 390.—За сообщеніе любопытнаго наказа второму Лжедимитрію я обязанъ князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

прежепогибшею Украйною однѣми силами Сѣверной Россіи, и потому далъ наказъ Мосальскому такъ отвѣчать на письмо изъ Выборга: „Ты писалъ ко мнѣ, что государя вашего Арцыкарлуса послы стоятъ долго на рубежѣ понапрасну, дожидаются пословъ его царскаго величества; я твоему письму подивился, что пишешь все о тѣхъ же дѣлахъ, о которыхъ прежде ни одинъ разъ мы вамъ отвѣтъ давали, и теперь даю знать, что о послахъ великаго государя у насъ указа нѣтъ и къ вамъ мы о томъ никогда не писывали, что будутъ государя нашего послы на съѣздъ. И вы бы впередъ къ намъ о посольскихъ съѣздахъ не писали, потому что посольскіе съѣзды и о послахъ ссылки въ Корелѣ никогда не бывали, государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ Новгородскими воеводами. Ты пишешь, что государя вашего воевода со многими людьми стоитъ въ Выборгѣ и еще воинскихъ людей собираетъ каждый день; но онъ этимъ только убытокъ государю своему дѣлаетъ, а намъ его сборы не страшны; знаете и сами, что у великаго государя нашего многія рати собственныя его государевы, а не сборныя и не наемныя, всегда готовы. Постановленнаго прежняго мира великій государь нашъ нарушать ни чѣмъ не велѣлъ: съ его стороны никакой неправды и задоровъ нѣтъ. Да вы же пишете, хотите знать отъ меня, кто у насъ царь и великій князь! Но государь вашъ знаетъ по нашей сказкѣ, что у насъ государь Василій Ивановичъ всея Руси. Пишете, будто его подданные стоятъ противъ него, и потому гонцамъ вашего государя къ нашему государю дороги нѣтъ, и что у васъ указъ есть съ своими воинскими людьми помогать нашему государю противъ его недруговъ, а Русской Землѣ государь вашъ не хочетъ никакой порухи, хочетъ помогать Новгородской Землѣ; и вамъ давно извѣстно, что по Божіей милости, по прародительской степени, за прошеніемъ освященнаго собора и за челобитьемъ всего народнаго множества Московскаго государства, учинился на великихъ государствахъ Василій Ивановичъ, и всѣ ему служатъ, и розни между ними никакой нѣтъ, по милости Божіей, и впередъ не будетъ, а вы теперь, невѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйственныя слова. А что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого не надобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога. А гонцамъ ѣздить было нельзя отъ того, что во всемъ Новгородскомъ уѣздѣ было моровое повѣтріе“.

Въ другой разъ Карлъ прислалъ гонца своего въ Москву, когда царь былъ подъ Тулою. Отъ гонца сначала хотѣли скрыть цѣль царскаго похода; приставъ сказалъ ему, что Василій стоитъ на Украйнѣ противъ Крымскаго хана. Царь писалъ къ боярамъ, чтобъ они велѣли отписать Карлу противъ всѣхъ статей, а писали бы къ нему не жестоко, а ласково. Несмотря на то, бояре сочли нужнымъ выразить свое негодованіе на короля, который и въ грамотѣ, присланной съ гонцомъ, писалъ, что причиною задержки гонцовъ было не моровое повѣтріе, а государевы недруги. Бояре отвѣчали ему, отъ имени царскаго: „У насъ у всѣхъ великихъ государей ведется: съ которыми великими государями ссылка о любви и о дружбѣ, то между ними такихъ непригожихъ рѣчей въ нашихъ государскихъ ссылкахъ не бываетъ; и тебѣ въ томъ пригоже остерегаться, и впередъ бы ты къ намъ такихъ невѣжливыхъ словъ не писалъ. Когда злого врага, еретика и богоотступника, разстригу Гришку Отрепьева Московскимъ государствомъ убили, то воры казаки и бѣглые холопы, разстригины совѣтники, боясь за свое воровство опалы и смертной казни, сбѣжали изъ Москвы въ украинскіе и польскіе города и стали воровать; но теперь этихъ воровъ побили и въ нашихъ великихъ государствахъ смуты нѣтъ никакой; бываетъ во всѣхъ великихъ государствахъ, что воры, разбойники и душегубцы бѣгаютъ и воруютъ, избывая смертной казни. Ты писалъ, что хочешь намъ на нашихъ недруговъ помогать:—наше царское величество въ томъ тебя похваляемъ, что ты намъ доброхотаешь и нашей любви къ себѣ ищешь, и противъ того любовью тебѣ воздавать будемъ же. Но и прежде мы къ тебѣ писали, и теперь объявляемъ, что недруга у насъ никакого нѣтъ, а хотя который пограничный государь и помыслитъ какую недружбу начать, то это намъ не страшно, помощи мы просимъ отъ единаго всемогущаго Бога, да и самому тебѣ извѣстно, что у нашего царскаго величества многія несчетныя русскія и татарскія рати“.

Скоро однако Шуйскій долженъ былъ перемѣнить этотъ тонъ, когда его несчетныя рати были побиты и самозванецъ выстроилъ себѣ столицу подъ Москвою: отвергнувъ сперва два раза предложенную ему Карломъ помощь, теперь онъ счелъ необходимымъ отправить племянника своего, князя Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, чтобъ оттуда завести сношенія съ Шведскимъ королемъ о помощи. Въ Новгородѣ приняли Скопина съ честію: издавна Новгородцы отличались привязанностію къ Шуйскимъ, во времена Грознаго они стояли за нихъ всѣмъ городомъ. Но въ Псковѣ дѣла шли иначе. Несмотря на погромъ, бывшій надъ Псковомъ при великомъ князѣ Василіи, этотъ городъ сохранялъ еще остатки прежняго быта. Какъ остатокъ старины, сохранялась въ Псковѣ вражда двухъ сторонъ, такъ называемыхъ лучшихъ и меньшихъ людей; но послѣ окончательнаго присоединенія къ Москвѣ эта вражда должна была еще усилиться по той причинѣ, что псковскіе лучшіе люди были выведены и на ихъ мѣсто были присланы другіе изъ московскихъ областей; разумѣется, въ спокойное время эта вражда не могла рѣзко высказываться, но теперь, со смутою, настало для этого удобное время. „Гости, славные мужи, велики мнящіеся предъ Богомъ и людьми, богатствомъ кипящіе“, по выраженію лѣтописца, нашли случай из-

губить предводителей противной стороны, которые люди въ правдѣ противъ нихъ говорили о градскомъ житіи и строеніи, и за бѣдныхъ сиротъ". Шуйскій прислалъ въ Псковъ просить у его жителей денежнаго вспоможенія. Гости и вообще богатые люди собрали 900 рублей со всего Пскова, съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ по раскладу, и послали съ этими деньгами въ Москву, не по выбору, главныхъ людей противной стороны — Самсона Тиѳинца, Ѳедора Умойся-Грязью, Ерему Сыромятника, Овсейка Ржову, Илюшку Мясника, и написали Шуйскому: „Мы тебѣ, гости Псковскіе, радѣемъ, а эти пять человѣкъ тебѣ, государю, добра не хотятъ, и мелкіе люди казны тебѣ не дали". Тогда же знаменитый гость Григорій Щукинъ хвалился: „Которые-де поѣхали съ казною, и тѣмъ Живоначальной Троицы верха не видать и въ Псковѣ не бывать". Въ самомъ дѣлѣ, уже въ Новгородѣ, вслѣдствіе упомянутой грамоты лучшихъ Псковичей къ царю, посадили въ тюрьму четвертыхъ изъ Псковичей, посланныхъ съ деньгами, и держали ихъ до самаго того времени, какъ узнали, что дорога очистилась отъ воровскихъ людей и ихъ можно стало отправить въ Москву. Оставили на волѣ одного только Ерему Сыромятника, потому что его имя въ грамотѣ пропустили: похотѣлъ ему добра Псковскій воевода Петръ Шереметевъ за то, что Ерема на него много всякаго рукодѣлья дѣлалъ даромъ.

Когда посланные пріѣхали въ Москву, то ихъ, по оговорной грамотѣ, вывели казнить смертію. Къ счастію ихъ, въ это время находился въ Москвѣ отрядъ псковскихъ стрѣльцовъ, взятый царемъ на помощь противъ Лжедимитрія; стрѣльцы эти бросились къ Шуйскому, били челомъ за своихъ земляковъ и выручили ихъ въ томъ, что „тебѣ, царю, они не измѣнники, а наши головы въ ихъ головы". Между тѣмъ Ерема возвратился изъ Новгорода въ Псковъ и сказалъ своимъ, что остальныхъ четверыхъ его товарищей прямо изъ тюрьмы отослали въ Москву, съ казною, и на нихъ писана измѣна. Тогда народъ всталъ всѣмъ Псковомъ на гостей, на семь человѣкъ, и билъ на нихъ челомъ воеводѣ. Шереметевъ посадилъ гостей въ тюрьму и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы потребовать съ нихъ большія деньги, а между тѣмъ послалъ сказать въ Москву, чтобы присланнымъ туда четверымъ Псковичамъ не дѣлали никакого зла и тотчасъ отпустили бы ихъ домой, ибо за нихъ поднялось въ Псковѣ страшное смятеніе и гостямъ грозитъ гибель. Шуйскій испугался и отпустилъ Псковичей. Съ этихъ поръ встала страшная ненависть между лучшими и меньшими людьми: „большіе на меньшихъ, меньшіе на большихъ,—и такъ было къ погибели всѣмъ". Понятно, какія слѣдствія должно было имѣть такое раздвоеніе въ городѣ, когда, по выраженію лѣтописца, „раздѣлилось царство Русское надвое, и было два царя и двои люди несогласіемъ". Когда Шуйскій разослалъ по городамъ, въ томъ числѣ въ Новгородъ и Псковъ, плѣнниковъ, взятыхъ у самозванца, то Новгородцы топили этихъ несчастныхъ въ Волховѣ, а Псковичи кормили ихъ, поили, одѣвали и плакали, на нихъ смотря: это былъ дурной знакъ для Шуйскаго!

Въ маѣ 1607 года пришли изъ Тушинскихъ таборъ стрѣльцы псковскіе и пригородные, также дѣти боярскія, которые были взяты въ плѣнъ самозванцемъ, цѣловали ему крестъ и съ ласкою отпущены домой. Стрѣльцы, разойдясь по своимъ пригородамъ, а дѣти боярскія по помѣстьямъ, смутили всѣ пригороды и волости, привели ихъ къ крестному цѣлованью *таборскому* царю Димитрію. Псковской воевода Шереметевъ собралъ ратныхъ людей и послалъ воеводою съ ними сына своего, Бориса, противъ возмутителей; но Борисъ едва успѣлъ убѣжать отъ нихъ въ Псковъ поздорову. Въ это время пришли въ Псковъ Новгородцы и стали говорить Псковичамъ, чтобы соединиться и стоять вмѣстѣ на воровъ, „а къ намъ Нѣмцы (Шведы) будутъ изъ-за моря тотчасъ въ помощь Новугороду и Пскову". Но это обѣщаніе, что Нѣмцы придутъ на помощь, могло только заставить Псковичей передаться на сторону Лжедимитрія. Мы видѣли, что въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ Псковъ постоянно боролся съ Нѣмцами, безпрестанно грозившими его самостоятельности и вѣрѣ; едва младенецъ въ Псковѣ начиналъ понимать, какъ уже существомъ самымъ враждебнымъ представлялся ему Нѣмецъ. Къ этой исторической враждѣ присоединялось теперь новое опасеніе: меньшіе люди видѣли, что Нѣмцы, союзники Шуйскаго, вмѣстѣ съ Новгородцами придутъ для того, чтобъ усилить воеводу и сторону лучшихъ людей, которые воспользуются своею силой для низложенія стороны противной. Псковичи объявили Новгородцамъ, что именно для Нѣмцевъ они соединяться съ Новгородомъ не хотятъ.

Въ это время, когда, вслѣдствіе появленія двухъ царей, Псковъ раздѣлился, что же дѣлало начальство псковское, воевода Шереметевъ и дьякъ, знаменитый впослѣдствіи Иванъ Грамотинъ? Они воспользовались смутою, ослабленіемъ власти царской для собственныхъ выгодъ: взяли себѣ въ помѣстья и въ кормленіе лучшія дворцовыя села. Когда Тушинскій воевода, Ѳедоръ Плещеевъ, пришелъ съ войскомъ, набраннымъ въ пригородахъ, и сталъ приводить къ крестному цѣлованію волости псковскія, то крестьяне изъ волости явились въ Псковъ къ воеводѣ, прося оборонить ихъ отъ Плещеева; но Шереметевъ и Грамотинъ выслали вооруженный отрядъ грабить и брать въ плѣнъ крестьянъ по волости; плѣнныхъ мучили на пыткахъ, и, вымучивши деньги, отпускали, приговаривая: „Зачѣмъ мужикъ крестъ цѣловалъ!"—но мужикъ зналъ, что самъ воевода велѣлъ ему крестъ цѣловать. Псковичи волновались все сильнѣе и сильнѣе, видя гибель пригородамъ и крестьянамъ, воеводскія неправды, обиды и грабежъ, опасаясь, что когда придутъ Новгородцы съ Нѣмцами, то

Шереметевъ еще болѣе возьметъ силы, и тогда уже не будетъ отъ него никому пощады. Одинъ сынъ боярскій распустилъ слухъ, что отправлена грамота въ Москву съ доносомъ на 70 человѣкъ посадскихъ; со страхомъ указывали другъ другу на крѣпкія тюрьмы, поставленныя воеводою, тогда какъ прежде тюрьмы были простыя, безъ ограды. Шереметевъ много разъ спрашивалъ у Псковичей: „Что у васъ дума? скажите мнѣ!" Псковичи молчали, думы у нихъ не было никакой; но когда воевода говорилъ: „Нѣмцы будутъ во Псковъ", то былъ отвѣтъ: „Нѣмцевъ не хотимъ, и за то помремъ". Большіе люди также, вмѣсто того, чтобъ утишать народъ, какъ нарочно, больше и больше раздражали его: перестали ходить во всегородную избу, гнушались мелкими людьми, смѣялись надъ ними; когда звали ихъ на совѣтъ, то не ходили, и давали во всемъ волю мелкимъ людямъ да стрѣльцамъ, казакамъ, поселянамъ; а стрѣльцы превозносили Таборскаго царя Димитрія за добродѣтель и милость, за хитрость воинскую, за силу великую. Эти слова наполняли всѣхъ радостію: чаяли истины и отъ всѣхъ золъ избавленія и отъ властельскихъ всякихъ насильствъ, потому что воеводы, несытые мздоиманіемъ и грабежемъ, восколебали міръ всякими неправдами, всякую правду вывели изо Пскова, всякій порядокъ добрый потоптали, умножили воровъ, кормильцевъ своихъ, обманщиковъ, подметчиковъ, поклепщиковъ, людямъ праведнымъ не оставили мѣста гдѣ прожить. И вотъ, когда низшее народонаселеніе было раздражено такимъ образомъ противъ воеводы и лучшихъ людей, 1-го сентября 1608 года пришла вѣсть, что Нѣмцы уже близко. Тогда народъ всталъ, какъ пьяный, по выраженію лѣтописца, отворилъ ворота, цѣловалъ крестъ самозванцу и впустилъ въ городъ ратныхъ людей Плещеева, который сталъ воеводою въ Псковѣ. Ивань-городъ такъ-же присягнулъ Лжедимитрію; въ Орѣшекъ Скопинъ не былъ впущенъ тамошнимъ воеводою, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, который такъже объявилъ себя за Тушино. Въ самомъ Новгородѣ Великомъ началось-было волненіе между чернью, но митрополитъ Исидоръ утишилъ его. Скопинъ, узнавъ объ этомъ волненіи, вышелъ изъ Новгорода; но потомъ, когда дали ему знать, что все успокоилось, возвратился и вступилъ въ переговоры съ Шведами касательно вспомогательнаго войска. Пріѣхавшій въ Новгородъ королевскій секретарь Монсъ Мартензонъ (у тогдашнихъ Русскихъ Монша Мартынычъ) договорился съ Скопинымъ, что Шведы вышлютъ на помощь царю 5,000 человѣкъ, на содержаніе которыхъ Московское правительство обязалось выдавать ежемѣсячно по 100,000 ефимковъ. Заключеніе окончательнаго договора отложили до съѣзда въ Выборгѣ [1]).

Но въ то время, какъ Шведы еще только обѣщали пособить Шуйскому, Поляки самозванцевы дѣйствовали въ пользу своего союзника подъ Москвою и на сѣверѣ. Сапѣга, хотѣвшій дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, пошелъ къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями. Узнавъ о движеніи Сапѣги, Шуйскій послалъ брата своего Ивана перехватить ему дорогу; но московское войско было на-голову разбито подъ Рахмановымъ, и Шуйскій явился въ Москву съ очень немногими людьми; остальные разсѣялись по домамъ ждать развязки борьбы, не желая проливать крови ни за царя Московскаго, ни за царя Тушинскаго. Въ такомъ расположеніи духа находились многіе изъ жителей Москвы. Шуйскій долженъ былъ знать это, долженъ былъ знать, какъ опасны равнодушные граждане при первой неудачѣ, и потому повѣстилъ, что намѣренъ выдержать осаду въ городѣ; но что если кто не хочетъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ,—тому вольно выѣхать. Согласиться на такое предложеніе,—явно объявить себя нерасположеннымъ къ царю или трусомъ,—казалось совѣстно и опасно: не испытывалъ ли только Шуйскій вѣрность къ себѣ и усердіе, чтобы послѣ жестоко наказать невѣрныхъ или неусердныхъ? Всѣ цѣловали крестъ умереть за домъ Пречистой Богородицы, но на другой, на третій и на слѣдующіе дни поѣхали въ Тушино боярскія дѣти, стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, дьяки и подъячіе; поѣхали туда стольники—князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкій, Михаила Матвѣевичъ Бутурлинъ и двое князей Засѣкиныхъ. Мы видѣли, что сначала подъ знамена самозванца собирались люди изъ самыхъ низкихъ слоевъ народонаселенія; но мы видѣли такъ-же, зачѣмъ собирались они: крестьяне, напримѣръ, собирались вовсе не побуждаемые сословнымъ интересомъ, не для того, чтобъ, оставаясь крестьянами, получить большія права,—крестьянинъ шелъ къ самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьяниномъ, чтобы получить выгоднѣйшее положеніе, стать помѣщикомъ вмѣсто прежняго своего помѣщика. Но подобное движеніе произошло во всѣхъ сословіяхъ: торговый человѣкъ шелъ въ Тушино, чтобы сдѣлаться приказнымъ человѣкомъ, дьякомъ, подъячій—чтобы сдѣлаться думнымъ дворяниномъ, наконецъ люди родовитые, князья, но молодые, не надѣявшіеся, по разнымъ отношеніямъ, когда-либо или скоро подвинуться къ боярству въ Москвѣ, шли въ Тушино, гдѣ образовался особый Дворъ, въ противоположность Двору Московскому.

Поразивъ Шуйскаго, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ приступили къ Троицкому монастырю 23 сентября. Войско осаждавшихъ, по самой большой мѣрѣ, простиралось до 30,000 человѣкъ; но такъ какъ, послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ овладѣть монастыремъ, Сапѣга увидалъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время, почему долженъ былъ позаботиться собраніемъ запасовъ на зиму и

[1]) Дѣла Шведскія, № 8; Полн. собран. русск. лѣтоп. т. IV, 323.

разсылать отряды для занятія другихъ городовъ, то число войска его нерѣдко измѣнялось, уменьшаясь иногда до 10,000 человѣкъ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностію, по недостатку свидѣтельствъ. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если мы должны приложить сюда еще 700 разныхъ людей, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, да если приложить сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1,500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ. При опредѣленіи числа послѣднихъ, должно сообразоваться съ возможностію помѣщенія внутри монастыря, гдѣ было еще много женщинъ и дѣтей: толпы окольныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь, и тѣснота была страшная. Воеводами монастырской заставы, или гарнизона, были: окольничій князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ это время Іоасафъ, о характерѣ котораго трудно сказать что-нибудь рѣшительное; гораздо рѣзче выдавался келарь монастыря Авраамій Палицынъ, на котораго мы должны обратить особенное вниманіе, какъ на человѣка, принимавшаго важное участіе въ событіяхъ и какъ историка этихъ событій. Авраамій Палицынъ назывался въ міру Аверкіемъ Ивановичемъ; въ 1588 году, въ царствованіе Θеодора, Аверкій Палицынъ подвергся опалѣ; имѣніе его было отобрано въ казну, самъ онъ сосланъ и постригся или постриженъ въ монахи. Причина опалы неизвѣстна; но нельзя не обратить вниманіе на годъ ея — 1588, ибо незадолго до этого времени, именно въ концѣ 1587 года, подверглись опалѣ Шуйскіе, друзья ихъ и клевреты, вслѣдствіе замысловъ противъ Годунова. Въ 1600 году, царь Борисъ снялъ опалу съ монаха Авраамія; но послѣдній при Годуновѣ и самозванцѣ оставался въ удаленіи, только съ восшествіемъ Шуйскаго на престолъ Авраамій получаетъ важное значеніе: онъ становится келаремъ Троицкаго монастыря, перваго монастыря въ государствѣ,—посредникомъ между монастыремъ и государемъ: это обстоятельство опять можетъ навести мысль о прежнихъ связяхъ Палицына съ новымъ царемъ. Въ 1609 году дѣло по закладной кабалѣ было рѣшено въ его пользу, и онъ получилъ свою долю въ селѣ, тогда какъ монахамъ было запрещено брать въ залогъ земли. Мало того: при выдачѣ правой грамоты слѣдовало взять съ Палицына два рубля въ казну; Авраамій не хотѣлъ платить и подалъ просьбу, чтобы государь не велѣлъ на немъ своихъ пошлинъ искать. Государь пожаловалъ для осаднаго времени, пошлинъ брать не велѣлъ. Разсмотрѣвъ внимательно поведеніе Палицына въ описываемое время, можно вывести о немъ такое заключеніе: это былъ человѣкъ очень ловкій, дѣловой, уклончивый, начитанный, по тогдашнимъ понятіямъ краснорѣчивый, однимъ словомъ—настоящій келарь, ибо келарь былъ представителемъ монастыря предъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его въ судахъ. Если каждый монастырь имѣлъ нужду въ опытномъ и ловкомъ келарѣ, то тѣмъ болѣе монастырь Троицкій, владѣвшій такою огромною недвижимою собственностію, имѣвшій столько льготъ; и въ обыкновенное время келарь его долженъ былъ часто отлучаться изъ монастыря, жить въ столицѣ, хлопоча по дѣламъ обители; во время осады Палицынъ находился въ Москвѣ, по волѣ царя, какъ самъ пишетъ.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратнымъ людямъ: тогда какъ одни отправляли богослуженіе, — другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ, иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ людьми ратными, выходили на вылазки, принимали даже начальство надъ отрядами; вѣроятно многіе изъ нихъ до постриженія были людьми служилыми. Сапѣга и Лисовскій въ грамотѣ своей сами засвидѣтельствовали о поведеніи Троицкихъ монаховъ: „Вы беззаконники", писали они къ нимъ, „презрѣли жалованье, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете и учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Дмитрія Ивановича и его позорить и псовать неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и насъ. И мы тебѣ, архимандритъ Іоасафъ, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ: запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобъ они не учили воинства не покоряться царю Димитрію". Сапѣга съ Лисовскимъ писали и къ воеводамъ Троицкимъ, и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая къ сдачѣ обѣщаніями богатыхъ наградъ; въ противномъ случаѣ грозили злою смертію. Убѣжденія и угрозы остались тщетными: монахи и ратные люди видѣли предъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича,—они видѣли предъ стѣнами обители Св. Сергія толпы иновѣрцевъ, Поляковъ и Литву, пришедшихъ поругать и расхитить церковь и сокровища священныя. Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться ли царю Тушинскому отъ царя Московскаго, но о томъ,—предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ православной вѣры. Троицкіе сидѣльцы защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ Св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности. Характеръ одушевленія осажденныхъ видимъ въ отвѣтѣ ихъ на грамоты Сапѣги. „Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта, и

преложить ложь на истину; какъ же намъ оставить вѣчную Святую истинную свою православную христіанскую вѣру Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрной, уподобиться Жидамъ или быть еще хуже ихъ“?

При господствѣ религіознаго одушевленія измѣна не могла пересилить вѣрности въ Троицкомъ монастырѣ, хотя измѣна вкралась и сюда. Если въ станѣ осаждающихъ нашлись казаки, которые, мучась совѣстію за то, что подняли руки на обитель Св. Сергія, перебѣгали къ осажденнымъ и сообщали имъ о замыслахъ непріятеля,—за то нашлись перебѣжчики и между монастырскими слугами, даже между дѣтьми боярскими, которые не стерпѣли сидѣть въ осадѣ, ставшей очень трудною въ зимнее время. Осенью, когда было еще тепло, толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ; но когда начались морозы, то всѣ столпились въ кельяхъ: отсюда страшная тѣснота и ея слѣдствіе—повальная болѣзнь, къ которой присоединился еще недостатокъ топлива. Среди этихъ физическихъ бѣдствій открылось и зло нравственное — вражда между монахами, несогласіе между воеводами; послышались обвиненія въ измѣнѣ. 29 марта 1609 года, дочь Бориса Годунова, Ксенія, или Ольга, писала изъ Троицкаго монастыря, гдѣ находилась во время осады, къ одной своей теткѣ, что она „въ своихъ бѣдахъ чуть-жива, совсѣмъ больна, вмѣстѣ съ другими старицами, и впередъ ни одна изъ нихъ себѣ жизни не чаетъ, съ-часу-на-часъ ожидаютъ смерти, потому что у нихъ въ осадѣ шатость и измѣна великая“. Стрѣльцы и монастырскіе служки жаловались на архимандрита и братію, что плохо ихъ кормятъ; архимандритъ писалъ царю въ оправданіе: „Какъ сѣли въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ Троицкій хлѣбъ, а своего у нихъ было мало запасено, и деньги, что кому пригоже, даемъ. А какъ въ казнѣ денегъ не стало, то мы собирали съ братіи по рублю съ человѣка, и съ иныхъ по полтинѣ; другимъ, кому надобно, занимаемъ да даемъ. Мы говорили ратнымъ людямъ: ѣшьте въ трапезѣ, что братія ѣдятъ, возьми мое архимандричье себѣ, а свое передо мною поставь; но они братскія кушанья просятъ по кельямъ, потому что въ трапезѣ ставятъ передъ четверыми столькоже, сколько по кельямъ пойдетъ одному: въ кельяхъ-то у нихъ жены да дѣти, а у иныхъ женки. А намъ смирить себя больше уже не знаемъ какъ: ѣдимъ мы съ братіею, съ Филиппова заговѣнья, сухари съ хлѣбомъ. Въ осадѣ намъ тѣснота и нужда великая: по дрова не выпустятъ, отъ келій кровли, заднія сѣни и чуланы уже пошли на дрова, теперь жжемъ житницы“

Но не одни ратные люди писали жалобы на архимандрита и соборныхъ старцевъ: нашлись жалобщики и между братіею, въ которой произошло раздѣленіе по случаю доноса на казначея монастырскаго Іосифа Дѣвочкина; Палицынъ пишетъ, что дьяконъ и лѣваго клироса головщикъ Гурій Шишкинъ вывѣдалъ у Дѣвочкина измѣну и донесъ главному воеводѣ. Долгорукій тотчасъ схватилъ казначея и велѣлъ пытать. Такой поступокъ воеводы съ однимъ изъ главныхъ лицъ въ монастырѣ возбудилъ негодованіе архимандрита и соборныхъ старцевъ, вооруживъ ихъ и противъ доносчика Шишкина съ товарищами (если только были они у Шишкина), которые, въ грамотѣ своей къ царю отъ 3-го іюля 1609 года, жалуются, что на нихъ, за доносъ на Дѣвочкина, „архимандритъ и соборные старцы положили ненависть и морятъ ихъ всякими нуждами, голодомъ и жаждою, а сами соборные старцы ѣдятъ съ своими заговорщиками и пьютъ по кельямъ, постарому, по вся дни. А ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и слугъ монастырскихъ соборные старцы очень оскорбили“. Долгорукій писалъ въ Москву къ Палицыну: „Въ старцахъ, знаю въ какихъ, большая ссора: послѣ Осифова дѣла всякую смуту начали и міръ возмутили“. Но большая ссора была и между двумя воеводами; Долгорукій пишетъ Авраамію: „За четыре дня до приступа пришелъ ко мнѣ монастырскій слуга Михайла Павловъ и говоритъ: Ты готовишься на воровъ, а Алексѣй Голохвастовъ на тебя наущаетъ, говорить старцу Малахею Ржевитину: поди къ слугамъ, которымъ вѣришь, и къ мужикамъ Клементьевскимъ, говори имъ, что намъ отъ князя Григорія, въ осадѣ сидя, всѣмъ погибнуть, и намъ надъ княземъ Григоріемъ надобно какъ-нибудь промыслить, ключи бы у него городовые отнять. И я, князь Григорій, услыша такое слово, началъ говорить дворянамъ, головамъ, сотникамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ: мы готовимся на враговъ, а только Алексѣй такое слово говорилъ, то у насъ въ Святомъ мѣстѣ будетъ дурно. Услыхавъ это, Алексѣй началъ запираться; и старецъ Малахея передъ дворянами заперся, что такого слова у Алексѣя не слыхалъ, но потомъ прислалъ ко мнѣ сказать: виноватъ я, князь Григорій Борисовичъ, въ томъ, что сперва заперся, потому что если бы я сталъ говорить, то была бы у васъ большая смута; а если Богъ дастъ благополучное время, то и ни въ чемъ передъ государемъ не запрусь; и въ другой разъ присылалъ онъ ко мнѣ съ тѣмъ же словомъ. А прежде, какъ я схватилъ вора Іосифа Дѣвочкина, то Алексѣй говорилъ монастырскимъ слугамъ, призвавши ихъ къ себѣ въ седьмомъ часу ночи: пожалуйста не выдавайте казначея князю Григорію. А какъ я пошелъ пытать казначея, то Алексѣй велѣлъ сбить съ города всѣхъ мужиковъ. Я послалъ провѣдать слугу, и тотъ, возвратившись, сказалъ: площадь полна мужиковъ съ оружіемъ изъ съѣзжей избы. И я мужиковъ отговорилъ отъ мятежа и пошелъ пытать казначея; но Алексѣй у пытки ни за какое дѣло не принялся, и то его

нерадѣнье видѣли многіе дворяне и дѣти боярскія, и всякіе ратные люди, и мнѣ о томъ послѣ говорили: зачѣмъ это Алексѣй съ тобою къ такому великому дѣлу не принялся"?—То же самое доносили и старцы въ упомянутой выше грамотѣ.

Заступленіе Голохвастова за Дѣвочкина, обвиненнаго въ измѣнѣ, умыселъ отнять у Долгорукаго городовые ключи—дали поводъ смотрѣть и на Голохвастова какъ на участника въ измѣнѣ казначея, дали поводъ думать, что второй воевода хочетъ прибрать къ своимъ рукамъ ключи для того, чтобъ отперетъ непріятелю входъ въ монастырь. Палицынъ прямо обвиняетъ Голохвастова въ согласіи съ Дѣвочкинымъ, говоритъ, что этотъ воевода снесся съ врагами и назначилъ день, въ которой хотѣлъ предать имъ монастырь такимъ образомъ: когда осажденные сдѣлаютъ вылазку, Голохвастовъ хотѣлъ затворить ворота и предать вышедшихъ на жертву Полякамъ, впустивъ въ то же время непріятеля другимъ входомъ въ монастырь. Изъ связи разсказа Палицына выходитъ, что Дѣвочкинъ, признавшись на пыткѣ въ собственной измѣнѣ, обговорилъ соучастниковъ, и въ томъ числѣ Голохвастова: „Нетерпѣливъ въ крѣпкихъ явился Іосифъ, все потонку умышленное объявилъ, и странно было слышать треснутіе думы Іудиной. Не напрасно Оська Селевинъ отскочилъ; не одного его, но и четверыхъ невѣждъ поселянъ также послалъ за нимъ, Полякамъ весь предался и другихъ не мало прельстилъ. Его лукавству и второй воевода Алексѣй Голохвастовъ потаковникъ былъ, и уже сослался" и проч. Но здѣсь должно замѣтить, вопервыхъ, что самъ Палицынъ ослабляетъ довѣріе къ своимъ показаніямъ, умалчивая о подробностяхъ, закрывая истину слогомъ витіеватымъ, выраженіями темными; такъ, до открытія упомянутыхъ грамотъ Долгорукаго и старцевъ, никто не могъ догадаться о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ Дѣвочкинъ и которую Палицыну благоугодно было обозначить словомъ—к р ѣ п к і я: „Нетерпѣливъ въ крѣпкихъ явился Іосифъ". Потомъ, еслибы осажденные довѣдались объ измѣнѣ послѣдняго какимъ-нибудь другимъ образомъ, то и Долгорукій, и старцы, въ своихъ донесеніяхъ въ Москву, не преминули бы довести объ этомъ до свѣдѣнія царя и Палицына; но въ упомянутыхъ донесеніяхъ ни слова не говорится объ измѣнѣ Голохвастова и о подробностяхъ замысла, какъ ихъ приводилъ Палицынъ. Долгорукій заключаетъ свое донесеніе Палицыну о поведеніи Голохвастова слѣдующими словами: „А къ государю о томъ я до сихъ поръ не пишу, потому что, по грѣхамъ, осада продлилась и я здѣсь безсемеенъ; и если, Авраамій Ивановичъ, осада еще вдаль продлится, то тебѣ бы пожаловать, о томъ государю извѣстить, чтобы въ монастырѣ Святому мѣсту какой-нибудь вредъ не учинился. А про Алексѣя, въ досадѣ, вѣдаютъ многіе люди, что Алексѣй дѣла не дѣлаетъ, только ссору чинитъ, и если все объ немъ писать, то и въ письма не помѣстится. Такъ тебѣ бы, господинъ, порадѣть о Святомъ мѣстѣ". Въ другой грамотѣ къ тому же Палицыну Долгорукій пишетъ: „Пожалуй, государь Авраамъ Ивановичъ, извѣсти государю тайно, что здѣсь въ осадѣ ссору дѣлаетъ большую Алексѣй Голохвастовъ; чтобы государь пожаловалъ, на просухѣ прислалъ сюда вѣрныхъ человѣкъ сто, и про него велѣлъ бы сыскать и велѣлъ бы его къ Москвѣ взять. И если государь пожалуетъ, будетъ ко мнѣ, холопу своему, о томъ писать, то онъ бы, государь, пожаловалъ, ко мнѣ отписалъ тайно". Изъ этихъ словъ оказывается, что Долгорукій боялся явно дѣйствовать противъ Голохвастова, у котораго было много приверженцевъ, съ которымъ, какъ видно, одинаково думали архимандритъ и соборные старцы. Въ то время, когда Шуйскаго мало уважали, ибо отъ гнѣва его всегда можно было найти убѣжище у царя Тушинскаго, въ то время одного приказа изъ Москвы было недостаточно для смѣны воеводы,—нужно было прислать сто человѣкъ вѣрныхъ людей и поступить съ большою осторожностью и тайною.

Но упомянутыя грамоты Долгорукаго и старцевъ не дошли въ Москву; Голохвастовъ остался воеводою до конца осады и не обнаружилъ попытки къ измѣнѣ; сто человѣкъ вѣрныхъ не были присланы изъ Москвы, и дѣло осталось неразвѣданнымъ, вслѣдствіе чего и намъ теперь трудно обвинить Голохвастова, ибо прямое обвиненіе Палицына ослабляется молчаніемъ враговъ Голохвастова и самымъ характеромъ палицынскаго повѣствованія, мало внушающимъ довѣрія. Трудно также обвинить рѣшительно и Дѣвочкина, потому что собственному признанію, вынужденному пыткою, вѣрить нельзя; двое соучастниковъ казначея, Гриша Брюшина и Худакъ,—умерли, не объяснивъ ничего. Разсказываютъ, что Дѣвочкинъ самъ открылъ свои замыслы Гурію Шишкину; но опять характеръ этого Гурія накидываетъ подозрѣніе на справедливость его доноса. Видно, что Шишкинъ былъ клевретъ Палицына; такъ, онъ пишетъ послѣднему въ Москву: „Государю келарю старцу Авраамію, великаго твоего жалованья вскормленникъ и богомолецъ чернецъ Гурій Шишкинъ". Изъ этой же грамоты видно, что Гурій, обвиняя казначея Кочергина и старцевъ въ расхищеніи монастырской казны, добивался самъ казначейскаго мѣста, которое хотѣлъ получить чрезъ Палицина и Шуйскаго, мимо старцевъ, враговъ своихъ; просилъ, чтобы грамота о его назначеніи въ должность была прислана на имя Долгорукаго, тайно отъ старцевъ. Мы не разъ упоминали о грамотѣ къ Шуйскому, написанной отъ имени нѣкоторыхъ Троицкихъ старцевъ съ доносомъ на Голохвастова, архимандрита и соборныхъ старцевъ. Но эта грамота также подозрительна: она написана отъ имени нѣсколькихъ старцевъ или, лучше сказать, всѣхъ: „Царю государю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси, твоего государева богомолья, Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря священницы и братія Бога молятъ и челомъ бьютъ". Но въ концѣ грамоты чи-

таемъ слѣдующее: „Да въ монастырѣ смута большая отъ королевы (Ливонской) старицы Мароы: тебя, государь, поноситъ праздными словами, а вора называетъ прямымъ царемъ и себѣ братомъ; вмѣщаетъ давно то смутное дѣло въ черныхъ людей. А какъ воры сперва пришли въ монастырь, то на первой вылазкѣ казначей отпустилъ къ вору монастырскаго дѣтину Оську Селевина съ своими воровскими грамотами, что онъ монастыремъ промышляетъ, хочетъ сдать, а та королева, съ тѣмъ же дѣтиною, послала свои воровскія грамоты, что промышляетъ съ казначеемъ заодно, писала къ вору, называя его братомъ, и литовскимъ панамъ, Сапѣгѣ съ товарищами, писала челобитье: спасибо вамъ, что вы вступились за брата моего, Московскаго государя царя Димитрія Ивановича; также писала въ большіе таборы къ пану Рожинскому съ товарищи. А къ Іосифу Дѣвочкину посылаетъ по вся дни съ пирогами, блинами и съ другими разными приспѣхами и съ оловяниками, а меды беретъ съ твоихъ царскихъ обиходовъ, съ троицкаго погреба; и люди королевины живутъ у него безвыходно и топятъ на него бани еженедѣльно, по ночамъ. И я, богомолецъ твой, королевѣ о томъ говорилъ, что она къ твоему государеву измѣннику по вся дни съ питьемъ и ѣдою посылаетъ, и королева за это положила на меня ненависть, и пишетъ къ тебѣ государю на меня ложно, будто бы я ее безчестилъ; и тебѣ бы, государю, пожаловать, о томъ свой царскій указъ учинить, чтобъ отъ ея безумія Святому мѣсту какая опасность не учинилось". Странно, какъ вдругъ братія Троицкаго монастыря превратилась въ одного богомольца! Кто же этотъ богомолецъ?—отгадать не трудно: прежде въ той же грамотѣ говорится, что на нихъ, старцевъ, или на него, богомольца, архимандритъ и соборные старцы положили ненависть за доносъ на Дѣвочкина; но мы знаемъ, что доносчикомъ былъ Гурій Шишкинъ. Такимъ образомъ, обвинители Дѣвочкина и Голохвастова, сами дѣйствуя нечисто, лишаютъ себя довѣренности [1]).

Но какъ бы то ни было, какія бы ни были поползновенія къ измѣнѣ, Троицкій монастырь держался, тогда какъ другіе города сѣверной части Московскаго государства легко доставались въ руки Тушинцамъ. Но и здѣсь успѣхъ послѣднихъ не былъ продолжителенъ. Мы видѣли, что борьба, которою знаменуется Смутное время, происходила собственно между противообщественнымъ и общественнымъ элементами, между казаками, бездомовниками, людьми, недовольными своимъ состояніемъ и стремящимися жить насчетъ другихъ, насчетъ общества,—и людьми земскими, охранителями порядка государственнаго. Въ этомъ отношеніи область Московскаго государства дѣлилась на двѣ части—южную и сѣверную. Въ южной части, Украйнѣ, прилегавшей къ степи и границѣ Литовской, преобладалъ элементъ казацкій; здѣсь города по преимуществу носили характеръ военныхъ укрѣпленій, сюда стекались изо всего государства люди безпокойные, не могшіе оставаться по разнымъ причинамъ на прежнихъ мѣстахъ жительства. Сѣверныя же области, давно уже спокойныя, были, относительно южныхъ, въ цвѣтущемъ состояніи: здѣсь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествіями; здѣсь сосредоточивалась дѣятельность торговая, особенно съ тѣхъ поръ, когда открылся бѣломорскій торговый путь,—однимъ словомъ, сѣверныя области были самыя богатыя, и въ ихъ народонаселеніи преобладали земскіе люди, люди преданные мирнымъ выгоднымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его слѣдствія, желающіе порядка и спокойствія. Элементъ противуобщественный дѣйствовалъ во имя царя Тушинскаго; но, къ несчастію, у людей земскихъ не было представителя, ибо и въ самой Москвѣ, тѣмъ болѣе въ областяхъ, послѣ недавнихъ страшныхъ и странныхъ событій, господствовала смута, шатость, сомнѣніе; этимъ состояніемъ, отнимавшимъ руки у земскихъ людей, воспользовались Тушинцы и овладѣли многими сѣверными городами. Прежде другихъ захваченъ былъ Суздаль: здѣсь жители хотѣли-было обороняться, но вокругъ какого-то Меншика Шилова собрались люди, которые начали цѣловать крестъ царю Димитрію. Мы видѣли уже, какъ въ Смутное время могущественно дѣйствовалъ на нерѣшительную толпу первый примѣръ, первый сильный голосъ: весь городъ послѣдовалъ примѣру Шилова, волею и неволею; не сопротивлялся и архіепископъ. Въ Суздалѣ засѣлъ Лисовскій, опустошая окрестную страну. Владиміръ былъ увлеченъ Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ: крѣпко стоя подъ Кромами за родственника своего противъ перваго Лжедимитрія, Годуновъ не хотѣлъ теперь стоять за Шуйскаго; онъ не послушался царскаго указа, не поѣхалъ въ Нижній, остался во Владимірѣ и привелъ его жителей къ присягѣ самозванцу, хотя сначала, подобно Суздальцамъ, и они хотѣли-было сѣсть въ осадѣ. Но Переяславцы, едва только отряды Сапѣгина войска показались предъ ихъ городомъ, присягнули самозванцу и, вмѣстѣ съ Тушинцами, двинулись на Ростовъ. Ростовцы, по словамъ современнаго извѣстія, жили просто, совѣту и обереганья не было; они хотѣли бѣжать далѣе на сѣверъ всѣмъ городомъ, но были остановлены митрополитомъ своимъ, Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, и воеводою Третьякомъ Сеитовымъ, который собралъ нѣсколько тысячъ войска, напалъ съ нимъ на Сапѣгиныхъ казаковъ и Переяславцевъ, но былъ разбитъ, бѣжалъ въ Ростовъ и тамъ упорно защищался еще три часа. Одолѣвъ наконецъ воеводу, казаки и Переяславцы ворвались въ соборную церковь, гдѣ заперся Филаретъ съ толпами народа и, несмотря на увѣщанія митрополита, вышедшаго съ хлѣбомъ и солью, выбили двери, перебили множество людей, поругали святыню. Самъ

[1]) Лѣтоп. о мятеж., стр. 135 и слѣд.; Москвитянинъ, годы 1841, 42, 44, Чтенія Москов. истор. Общ. 1846, № 4; Палицынъ;—Акты историч. II, № 182, 240, 242; Дополн. къ акт. истор. I, № 157.

лѣтописецъ говоритъ, что все это было сдѣлано не литовскими людьми, а своими, Переяславцами; такой поступокъ послѣднихъ трудно объяснить иначе, какъ историческою враждою Переяславля къ Ростову. Филарета съ безчестіемъ повезли въ Тушино, гдѣ ждали его почести еще болѣе унизительныя, чѣмъ прежнее поруганіе: самозванецъ, изъ уваженія къ его родству съ мнимымъ братомъ своимъ, царемъ Ѳеодоромъ, объявилъ его Московскимъ патріархомъ, и Филаретъ долженъ былъ изъ Тушина разсылать грамоты по своему патріаршеству, т.-е по областямъ, признававшимъ самозванца. Такъ дошла до насъ его грамота къ Сапѣгѣ объ освященіи церкви; она начинается: „Благословеніе великаго господина, преосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго и Ярославскаго, нареченнаго патріарха Московскаго и всея Руси".

Ростовскіе бѣглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшіе изъ которыхъ, покинувъ домы, разбѣжались, остальные съ воеводою своимъ, княземъ Ѳеодоромъ Борятинскимъ, отправили повинную въ Тушино: „Милость, государь, надъ нами, надъ холопами своими, покажи, вину нашу намъ отдай, что мы противъ тебя, государя, стояли, по грѣху своему не вѣдаючи; а прельщали насъ, холопей твоихъ, твои государевы измѣнники, которые надъ тобою умышляли, сказывали намъ, что тебя на Москвѣ убили, и въ томъ мы передъ тобою виноваты, что тѣмъ твоимъ государевымъ измѣнникамъ повѣрили; смилуйся надъ нами, вину нашу намъ отдай; а мы тебѣ, государю, рады служить и во всемъ прямить и за тебя, прирожденнаго государя, умереть. Смилуйся пожалуй, чтобы мы на твою царскую милость были надежны." Послѣ этого Борятинскій послалъ въ Вологду къ тамошнему воеводѣ Пушкину наказъ и цѣловальную запись; Пушкинъ присягнулъ, по примѣру Борятинскаго; послѣдній отправилъ наказъ въ Тотьму, и Тотмичи „отъ нужды со слезами крестъ цѣловали". Въ Тотьмѣ присягнулъ вору и Козьма Даниловичъ Строгановъ, но, въ то же время, собирая ночью дѣтей боярскихъ и лучшихъ людей, читалъ имъ увѣщательныя грамоты царя Московскаго. Кого было слушать, на что рѣшаться?—двадцать два города присягнули царю Тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплохъ, увлекаемые примѣромъ, въ тяжкомъ недоумѣніи, на чьей сторонѣ правда? (Октябрь 1608.)

Но скоро изъ этого недоумѣнія земскіе люди, жители сѣверныхъ городовъ и селъ были выведены поведеніемъ Тушицевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, описывая приходъ польскихъ отрядовъ на помощь Лжедмитрію, говоритъ: „Удивительное дѣло, что чѣмъ больше насъ собиралось, тѣмъ меньше мы дѣла дѣлали, потому что съ людьми умножились между нами и партіи". Сапѣга и Лисовскій дѣйствовали отдѣльно: нашлись люди, которые, на зло гетману Рожинскому и вопреки рѣшенію кола, хотѣли ввести опять Мѣховецкаго въ войско, и тотъ пріѣхалъ въ Тушино. Рожинскій, узнавъ объ этомъ, послалъ сказать ему, чтобъ выѣхалъ немедленно, иначе онъ прикажетъ его убить; Мѣховецкій скрылся у царя въ домѣ, но Рожинскій пришелъ туда самъ-пятъ, собственноручно схватилъ Мѣховецкаго, и велѣлъ своимъ провожатымъ убить его, что они и сдѣлали. Самозванецъ сердился, но молчалъ, ибо Рожинскій велѣлъ сказать, что и ему свернетъ голову. Но не такъ могли повредить Лжедмитрію партіи въ Тушинѣ, какъ поведеніе его сподвижниковъ, которые прежде всего думали о деньгахъ и требовали ихъ у своего царя. Тотъ просилъ, чтобъ подождали, но напрасно: взяли у него разряды и велѣли писать по городамъ грамоты, которыми налагались новыя подати; съ этими грамотами отправили въ каждый городъ по Поляку и по Русскому; главнымъ зачинщикомъ этого дѣла былъ Андрей Млоцкій. Сперва самозванецъ разсылалъ къ покорившимся городамъ похвальныя грамоты, обѣщалъ дворянамъ и всѣмъ служилымъ людямъ царское жалованье, деньги, сукна, помѣстья; духовенству же и остальнымъ жителямъ тарханныя грамоты, по которымъ никакія царскія подати не будутъ съ нихъ собираться. И вдругъ, вслѣдствіе распоряженій Млоцкаго съ товарищами, пришли грамоты, требующія сильныхъ поборовъ. Когда въ Вологдѣ прочли эти грамоты предъ всѣмъ народомъ, то Вологжане противъ грамотъ ничего не сказали, только многіе заплакали и тихонько говорили другъ другу: „Хотя мы ему и крестъ цѣловали, но только бы Богъ Свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду государю Василію Ивановичу, то мы всею душою рады головами служитъ, пусть только другіе города—Устюгъ, Усолье и Поморскіе—намъ помогутъ". Устюжане, по своему отдаленному положенію, имѣли время собрать свѣдѣнія, подумать, посовѣтываться. Пріѣзжіе изъ Ярославля и Вологды разсказывали имъ о неохотной присягѣ народа Тушинскому царю, о хищности Тушинцевъ, объ угнетеніяхъ, которымъ подвергаются присягнувшіе; говорили, что города ждутъ только помощи, чтобъ возстать противъ притѣснителей; что цѣлость Московскаго государства, которою держался нарядъ въ Землѣ, нарушена, что возобновляется прежнее страшное время удѣловъ: „Которые города возьмутъ защитомъ, или хотя и волею крестъ поцѣлуютъ,—тѣ всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье, въ вотчины, какъ прежде удѣлы бывали." Ярославцы послали въ Тушино 30,000 рублей, обязались содержать 1,000 человѣкъ конницы; но этими пожертвованіями не избавились отъ притѣсненія: Поляки врывались въ домы знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Наслушавшись такихъ разсказовъ, Устюжане рѣшились не цѣловать креста тому, кто называется царемъ Димитріемъ (самозванцемъ они его назвать не могли, потому что не знали ничего вѣрнаго), а стоять накрѣпко и людей собирать со всего Устюжскаго уѣзда. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи своемъ они тотчасъ послали

къ Вычегодцамъ, убѣждая тамошнихъ начальныхъ людей снестись съ Строгановыми, Максимомъ Яковлевичемъ и Никитою Григорьевичемъ:—„что ихъ мысль? хотятъ ли они съ нами, Устюжанами, стоять крѣпко о томъ дѣлѣ, и совѣтъ съ нами крѣпкій о томъ дѣлѣ держатъ ли?"—и, въ случаѣ согласія, требовали присылки человѣкъ пяти-шести или десяти для совѣта. Грамоту свою Устюжане оканчиваютъ слѣдующими словами, изъ которыхъ видно, что особенно побуждало ихъ стоять крѣпко противъ Тушинскаго царя: „А въ Ярославлѣ правятъ по осьмнадцати рублей съ сохи; а у торговыхъ людей у всѣхъ товары всякіе переписали и въ полки отсылаютъ." Не получая отвѣта отъ Вычегодцевъ, Устюжане послали къ нимъ вторую грамоту, въ которой извѣщаютъ объ успѣхѣ Шуйскаго, жалуются на долгое молчаніе и заключаютъ грамоту опять любопытными словами, изъ которыхъ всего лучше видно тогдашнее состояніе умовъ: „Да и то бы вы помыслили, на чемъ мы государю царю Василію Ивановичу душу дали; если послышимъ, что Богъ послалъ гнѣвъ свой праведный на всю Русскую Землю, то еще до насъ далеко,—успѣемъ съ повинною послать". Устюжане убѣждаютъ Вычегодцевъ не цѣловать креста Димитрію, потому что если они теперь поцѣлуютъ, по грамотѣ Вологодскаго воеводы Пушкина, то вся честь будетъ приписана ему, а не имъ; грамота заключается такъ: „Пожалуйста помыслите съ міромъ крѣпко, а не спѣшите крестъ цѣловать!—не угадать, на чемъ совершится".

Въ томъ же духѣ писалъ Нижегородскій игуменъ Іоиль къ игумену Тихоновой пустыни Іонѣ, чтобъ тотъ убѣждалъ жителей Балахны не отставать отъ Нижегородцевъ, рѣшившихся держаться того царя, который будетъ на Москвѣ: „Чтобъ христіанская неповинная кровь не лилась, а были бы Балахонцы и всякіе люди попрежнему, въ одной мысли съ Нижегородцами, и прислали бы на договоръ лучшихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, а изъ Нижняго мы къ вамъ пришлемъ также лучшихъ людей; говорить бы вамъ съ ними о томъ: кто будетъ на Московскомъ государствѣ государь,—тотъ всѣмъ намъ и вамъ государь; а до тѣхъ бы поръ мы на васъ не посылали, а вы къ Нижнему ратью не приходили, ѣздили бы Балахонцы въ Нижній со всѣмъ, что у кого есть, попрежнему, а Нижегородцы бы ѣздили къ вамъ, на Балахну; да сослались бы съ нами о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи". Дѣйствительно, людямъ спокойнымъ тяжелый вопросъ о томъ, кому цѣловать крестъ, представлялся недобрымъ дѣломъ, нарушавшимъ спокойствіе и всѣ добрыя сношенія между жителями одного государства. Въ то время, какъ нѣкоторые города переписывались, уговаривая другъ друга подождать, не спѣшить присягою царю Тушинскому, жители Желѣзопольской Устюжны показали примѣръ геройскаго сопротивленія. 6 декабря 1607 года пришла къ нимъ грамота отъ Бѣлозерцевъ о совѣтѣ, чтобъ вѣры христіанской не попрать, за домъ Богородицы, за царя Василія и другъ за друга головы сложить, и Польскимъ и Литовскимъ людямъ не сдаться. Жители Устюжны обрадовались такому совѣту и послали на Бѣлоозеро подобную же грамоту. Въ это время пріѣхали посланцы изъ Тушина кормовъ править; Устюженцы имъ отказали и отослали ихъ на Бѣлоозеро, а сами рѣшили сѣсть въ осадѣ, хотя острога и никакой крѣпости у нихъ не было. Они послали въ уѣзды по бояръ и дѣтей боярскихъ, поцѣловали крестъ въ соборной церкви не сдаваться Литвѣ, и выбрали себѣ въ головы Солменя Отрепьева, да Богдана Перскаго, да приказчика Алексѣя Суворова, потому что на Устюжнѣ воеводы тогда не было; но потомъ пріѣхалъ изъ Москвы Андрей Петровичъ Ртищевъ,—и Устюженцы выбрали его себѣ воеводою; тогда же пришелъ съ Бѣлоозера къ нимъ на помощь Ѳома Подщипаевъ съ 400 человѣкъ.

Заслышавши о приближеніи Поляковъ, Черкасъ и русскихъ воровъ, Ртищевъ выступилъ съ войскомъ къ нимъ навстрѣчу, но не хотѣлъ идти далеко, говоря, что Литва и Нѣмцы въ ратномъ дѣлѣ искусны и идутъ съ большимъ войскомъ. Ратные люди съ нимъ не согласились: „Пойдемъ", кричали они, „противъ злыхъ супостатовъ, умремъ за Св. Божіи Церкви и за вѣру христіанскую!" Воевода долженъ былъ двинуться впередъ и 5 января 1608 года встрѣтился съ Литвою при деревнѣ Батневкѣ; Устюженцы и Бѣлозерцы, не имѣя никакого понятія о ратномъ дѣлѣ, по словамъ современника, были окружены врагами и посѣчены какъ трава. Ртищевъ спасся бѣгствомъ въ Устюжну и не зналъ что дѣлать: ратные люди побиты, подъ Москвою Литва, подъ Новгородомъ Литва, на Устюжѣ нѣтъ никакихъ укрѣпленій. Несмотря на такое отчаянное положеніе дѣла, Устюженцы и Бѣлозерцы, оставшіеся отъ пораженія, собрались и рѣшили: „Лучше намъ помереть за домъ Божія Матери и за вѣру христіанскую на Устюжнѣ". На ихъ счастіе, Поляки возвратились отъ Батневки назадъ; этимъ воспользовались Устюженцы и стали дѣлать острогъ день и ночь, рвы копали, надолбы ставили, пушки и пищали ковали, ядра, дробь, подметныя каракули и копья готовили; Скопинъ прислалъ пороху и 100 человѣкъ ратныхъ людей. Но, вслѣдъ за ними, прискакали подъѣздные люди съ вѣстію, что Поляки, подъ начальствомъ Казаковскаго, идутъ подъ Устюжну, и, дѣйствительно, 3-го февраля; караульные увидали съ башенъ непріятеля, и Литву, и Черкасъ, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ людей. Какъ дождь напустили они на острогъ; осажденные съ крикомъ: „Господи помилуй!" начали отстрѣливаться и дѣлать вылазки. Непріятель отступилъ, но въ полдень опять двинулся на приступъ, и опять долженъ былъ отступить. Въ послѣдній часъ ночи Поляки повели новый приступъ, но горожане отбили и его, сдѣлали вылазки, отняли у осаждающихъ пушку и прогнали за четыре версты отъ го-

рода. 8 февраля, получивъ подкрѣпленіе, Поляки снова приступили къ Устюжнѣ съ двухъ сторонъ, и снова были прогнаны съ большимъ урономъ, послѣ чего уже не возвращались. Какъ ясно видно изъ разсказа объ осадѣ Устюжны, горожанъ подкрѣпляло религіозное одушевленіе. До сихъ поръ 10 февраля празднуютъ они спасеніе своего города отъ Поляковъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ носятъ чудотворную икону Богородицы.

Повсюду поведеніе Тушинцевъ все менѣе и менѣе давало возможности выбора между двумя царями— Московскимъ и Тушинскимъ. Поборамъ не было конца: изъ Тушина пріѣзжалъ одинъ съ требованіемъ всякихъ товаровъ, за нимъ изъ Сапѣгина стана—другой съ тѣми же требованіями; воеводы не знали кому удовлетворять, а удовлетворить всѣмъ было слишкомъ тяжко, если не совершенно невозможно; воеводы требовали грамотъ за подписью царскою,—въ отвѣтъ получали ругательства. Сапѣга игралъ важную роль: къ нему воеводы обращались съ челобитными; такъ Ярославскій воевода, князь Борятинскій, писалъ ему: „Тебѣ-бъ, господинъ, надо мною смиловаться, и у государя быть обо мнѣ печальникомъ. Я послалъ къ тебѣ челобитенку о помѣстьи; такъ ты бы пожаловалъ, у государя мнѣ помѣстьице выпросилъ, и я на твоемъ жалованьи много челомъ бью и радъ за это работать, сколько могу.“ Но не одни денежные поборы выводили народъ изъ терпѣнія: страшнымъ неистовствомъ ознаменовывали свои походы Тушинцы, а не Поляки, потому что эти иноземцы пришли въ Московское государство только за добычею; они были равнодушны къ явленіямъ, въ немъ происходившимъ, а равнодушіе, холодность не увлекаютъ къ добру, не увлекаютъ также и къ крайностямъ въ злѣ. Поэтому у Поляковъ не было побужденія свирѣпствовать въ областяхъ московскихъ: они пришли за добычею, за веселою жизнію, для которой имъ нужны были деньги и женщины; и буйство ихъ не заходило далѣе грабежа и похищенія женщинъ; крови имъ было не нужно; поживши весело на чужой сторонѣ, попировавши на чужой счетъ, въ случаѣ неудачи, они возвращались домой—и тѣмъ все оканчивалось; дѣло не шло о судьбѣ ихъ родной страны, объ интересахъ, близкихъ ихъ сердцу. Но не таково было положеніе русскихъ Тушинцевъ, русскихъ казаковъ бездомовниковъ. Русскій человѣкъ, передававшійся Лжедимитрію, пріобрѣтшій чрезъ это извѣстное значеніе, извѣстныя выгоды, терялъ все это, терялъ все будущее въ случаѣ, если бы восторжествовалъ Шуйскій, и понятно, съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ смотрѣть на людей, которые могли дать Шуйскому побѣду, на приверженцевъ Шуйскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на соотечественниковъ, но какъ на заклятыхъ враговъ, могущихъ лишить его будущности; онъ могъ упрочить выгоды своего положенія, освободиться отъ страха за будущее, только истребляя этихъ заклятыхъ враговъ. Что же касается до казаковъ старыхъ и новыхъ, то, долго сдерживаясь государствомъ, они теперь спѣшили отомстить ему, пожить на его счетъ; они видѣли заклятаго врага себѣ не въ одномъ воинѣ вооруженномъ, шедшемъ на нихъ подъ знаменемъ Московскаго царя: злаго врага себѣ они видѣли въ каждомъ мирномъ гражданинѣ, живущемъ плодами честнаго труда, и надъ нимъ-то истощали всю свою свирѣпость; имъ нужно было опустошить государство вконецъ, истребить всѣхъ не-казаковъ, всѣхъ земскихъ людей, чтобы быть безопасными на будущее время. Поэтому неудивительно читать въ современныхъ извѣстіяхъ, что свои свирѣпствовали въ описываемое время гораздо больше, чѣмъ иноземцы, Поляки; что когда послѣдніе брали въ плѣнъ приверженца Московскаго царя, то обходились съ нимъ милостиво, сохраняли отъ смерти; когда же подобный плѣнникъ попадался рускимъ Тушинцамъ, то былъ немедленно умерщвляемъ самымъ звѣрскимъ образомъ, такъ что иноземцы съ ужасомъ смотрѣли на такое ожесточеніе, и, приписывая его природной жестокости народа, говорили: „Если Русскіе другъ съ другомъ такъ поступаютъ, то что же будетъ намъ отъ нихъ?“ Но они напрасно безпокоились. Съ своей стороны, Русскіе не понимали хладнокровія Поляковъ, и, видя, что они милостиво обходятся съ плѣнными, называли ихъ малодушными, бабами. Писатель современный съ изумленіемъ разсказываетъ, что русскіе Тушинцы служили постоянно твердымъ щитомъ для малочисленныхъ Поляковъ, которые почти не участвовали въ сраженіяхъ; но когда дѣло доходило до дѣлежа добычи, то здѣсь Поляки были первые, и Русскіе безъ спора уступали имъ лучшую часть. Русскіе Тушинцы и казаки не только смотрѣли хладнокровно на оскверненіе церквей, на поруганіе сана священническаго и иноческаго, но и сами помогали иновѣрцамъ въ этомъ оскверненіи и поруганіи. Жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей: медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ, и птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, непроходимыхъ кустарникахъ, искали темноты, желали скорѣйшаго наступленія ночи; но ночи были ясны: вмѣсто луны, пожарное зарево освѣщало поля и лѣса, охота за звѣрями смѣнилась теперь охотою за людьми, которыхъ слѣды отыскивали гончія собаки. Казаки если гдѣ не могли истребить сельскихъ запасовъ, то сыпали въ воду и грязь и топтали лошадьми; жгли дома, съ неистовствомъ истребляли всякую домашнюю рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкали двери и ворота, чтобы сдѣлать жилища неспособными къ обитанію. Звѣри поступали лучше людей, говоритъ тотъ же современникъ, потому что звѣри наносили одну тѣлесную смерть, Тушинцы же и Поляки вносили развратъ въ общество, похищая женъ отъ мужей и дѣвицъ отъ родителей; безнаказанность, удобство для порока,

легкая отговорка, легкое оправданіе неволею, насиліемъ, наконецъ привычка къ сценамъ буйства и разврата,—все это должно было усиливать безнравственность. Многія женщины, избѣгая безчестія, убивали себя, бросались въ рѣки съ крутыхъ береговъ; но за то многія, попавшись въ плѣнъ и будучи выкуплены изъ него родственниками, снова бѣжали въ станъ обольстителей, не могши разлучиться съ ними, не могши отвыкнуть отъ порока. Была безнравственность и другого рода: нашлись люди, и даже въ санѣ духовномъ, которые воспользовались бѣдствіями общества для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, покупая у враговъ общества духовныя должности цѣною денегъ и клеветы на людей, вѣрныхъ своимъ обязанностямъ. Но такіе покупщики недолго могли пользоваться купленнымъ, потому что примѣръ ихъ возбуждалъ другихъ, которые наддавали цѣну на этомъ безнравственномъ аукціонѣ, вслѣдствіе чего власти мѣнялись, рушилось уваженіе и довѣріе къ нимъ, и къ анархіи политической присоединялась анархія церковная.

Вотъ какія челобитныя получалъ Тушинскій царь отъ своихъ подданныхъ: „Царю государю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются сироты твои, государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей; лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣбца ржанаго,—и тотъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли. Мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, да на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панской кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ“. Изъ другого мѣста писали: „Пріѣзжаютъ къ намъ ратные люди Литовскіе, и Татары, и Русскіе люди, бьютъ насъ и мучатъ, и животы грабятъ. Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, вели намъ дать приставовъ!“ Изъ третьяго мѣста писалъ крестьянинъ: „Стоитъ у меня въ деревнѣ приставъ твой, государевъ, панъ Мушницкій; насильствомъ взялъ онъ у меня сынишка моего къ себѣ въ таборы, а самъ каждую ночь пріѣзжаетъ ко мнѣ, меня изъ дворишка выбиваетъ, хлѣба не даетъ, а невѣстку у себя на постели насильствомъ держитъ“. Но не отъ однихъ притѣсненныхъ дошли до насъ жалобы на притѣсненія. Суздальскій воевода Плещеевъ доносилъ Сапѣгѣ, что „во многихъ городахъ отъ великихъ денежныхъ поборовъ произошла смута большая, мужики заворовались и крестъ цѣловали Василію Шуйскому: оттого денегъ мнѣ собирать скоро нельзя, не та пора стала, въ людяхъ смута великая“. Въ каждомъ письмѣ своемъ къ Сапѣгѣ Плещеевъ жалуется на казаковъ Владимірскій воевода Вельяминовъ принужденъ былъ вооружиться противъ казаковъ, или загонныхъ людей, опустошавшихъ Владимірскій уѣздъ. Посланный противъ нихъ отрядъ взялъ въ плѣнъ начальника грабителей—пана Наливайку, который, по словамъ Вельяминова, многихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ побилъ до смерти, на колъ сажалъ, а женъ и дѣтей позорилъ и въ плѣнъ бралъ. Вѣсть о злодѣйствахъ Наливайки дошла и до Тушина, и привела въ сильный гнѣвъ самозванца, который хорошо видѣлъ, какъ вредятъ казаки успѣху его дѣла; онъ послалъ во Владиміръ приказъ немедленно казнить Наливайку, а Сапѣгѣ, просившему освободить его, писалъ выговоръ въ слѣдующихъ словахъ: „Ты дѣлаешь негораздо, что о такихъ ворахъ упрашиваешь; тотъ воръ Наливайко нашихъ людей, которые намъ, великому государю, служили, побилъ до смерти своими руками, дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей, мужиковъ и женокъ 93 человѣка. И ты-бъ къ намъ впередъ за такихъ воровъ не писалъ и нашей царской милости имъ не выпрашивалъ; мы того вора Наливайку, за его воровство, велѣли казнить А ты-бъ такихъ воровъ впередъ сыскивалъ, а сыскавъ велѣлъ также казнить, чтобы такіе воры нашей отчизны не опустошали и христіанской истинной православной крови не проливали“.

Но распоряженія самозванца не помогали, и возстанія вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ. Встали черные люди, начали собираться по городамъ и волостямъ: въ Юрьевцѣ-Польскомъ собирались съ сотникомъ Ѳедоромъ Краснымъ, на Решмѣ—подъ начальствомъ крестьянина Григорія Лапши, въ Балахнинскомъ уѣздѣ—Ивана Кушинникова, въ Гороховцѣ—Ѳедора Наговицына, на Холую—Ильи Деньгина,—собрались и пошли въ Лухъ, тамъ Литовскихъ людей побили и пошли въ Шую; Лисовскій выслалъ противъ нихъ извѣстнаго намъ Суздальскаго воеводу Ѳедора Плещеева, но тотъ былъ разбитъ у села Данилова и бѣжалъ въ Суздаль. Возставшіе укрѣпились въ селѣ Даниловѣ острогомъ, но не могли имъ защититься отъ множества враговъ, пришедшихъ осаждать ихъ: послѣ многихъ боевъ острогъ былъ взятъ и много черныхъ людей погибло. Но это не прекратило возстанія: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ отложились отъ Тушина Города не довольствовались однимъ свреженіемъ тушинскаго ига, но, чтобы не подвергнуться ему снова, спѣшили вооружить какъ можно болѣе ратныхъ людей на защиту Москвы, и разсылали грамоты въ другіе города, убѣждая ихъ такъ же вооружиться и разослать призывныя грамоты далѣе; грамоты оканчивались такъ: „А не станете о такомъ великомъ государевѣ дѣлѣ радѣть, то вамъ отъ Бога и отъ государя не пробудетъ“. Вологжане писали, что они посадили въ тюрьму посланцовъ Лжедимитріевыхъ, у которыхъ вынули грамоты, а въ грамотахъ будто бы заключался наказъ: жителей побивать, имѣніе ихъ грабить, женъ и дѣтей отвозить плѣнниками въ Литву. Изъ Тотьмы писали, что и тамъ захватили Тушинцевъ, которые везли приказъ освобождать преступниковъ изъ тю-

ремъ; задержанные сказывали въ допросѣ, какіе люди окружаютъ Тушинскаго царя, называли князя Звенигородскаго, князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, дьяка Сафонова: объявили различныя мнѣнія насчетъ происхожденія Тушинскаго вора: такъ, одни называли его сыномъ князя Андрея Курбскаго, нѣкоторые—поповымъ сыномъ изъ Москвы съ Арбата, другіе же просто говорили: „Димитрій воръ, а не царевичъ прямой, а родиною не вѣдаю откуда". Съ другой стороны, явилась въ сѣверныхъ городахъ грамота Московскаго царя съ увѣщаніемъ сохранить единство, собираться всѣмъ вмѣстѣ. „А если вскорѣ не соберутся, говорила грамота, а станутъ всѣ врознь жить, и сами за себя не стапутъ, то увидятъ надъ собою отъ воровъ конечное разореніе, домамъ запустѣніе, женамъ и дѣтямъ наруганіе; и сами они себѣ будутъ, и нашей христіанской вѣрѣ и своему отечеству предатели". Увѣщевая сѣверное народонаселеніе собираться вмѣстѣ, Шуйскій, однако, запертый въ Москвѣ, не имѣлъ возможности самъ распоряжаться движеніями возставшихъ, и отдавалъ на ихъ волю направленіе этого движенія: „Можно вамъ будетъ пройти къ намъ къ Москвѣ, то идите, не мѣшкая, на какое мѣсто лучше; а если, для большаго сбора, захотите посождаться въ Ярославлѣ, то объ этомъ къ намъ отпишите. Если вамъ извѣстно про боярина нашего и воеводу Ѳеодора Ивановича Шереметева съ товарищами, то вы бы къ нему на-встрѣчу кого-нибудь послали, чтобъ ему съ вами же вмѣстѣ сходиться". Взаключеніе царь увѣдомляетъ: что въ Москвѣ все благополучно; что войско желаетъ биться съ ворами, и что въ воровскихъ полкахъ многіе прямятъ ему, Шуйскому; что надъ Литовскими людьми хотятъ промышлять, изождавъ время. Скопинъ-Шуйскій, съ своей стороны, присылалъ грамоты, въ которыхъ извѣщалъ о немедленномъ выступленіи своемъ съ сильною помощію шведскою.

Вычегодцы и четверо Строгановыхъ отправили къ Москвѣ отрядъ исправно вооруженныхъ людей. Возставшіе города, озлобленные на Тушинцевъ, мучили и били ихъ, Тушинцы не оставались у нихъ въ долгу; такъ, когда Лисовскій овладѣлъ Костромою вторично, то страшно опустошилъ ее; Галичъ также былъ снова взятъ Тушинцами. Въ Вологдѣ готовились къ упорной оборонѣ, несмотря на то, что между нею и другими сѣверными городами возникла распря. Въ Вологдѣ оставались, постарому, воевода Пушкинъ и дьякъ Вороновъ, которые прежде присягнули Димитрію, поэтому другіе города не хотѣли сноситься съ ними, а писали прямо къ міру. Вологжане обидѣлись такимъ недовѣріемъ и писали къ Устюжанамъ: „Пишете къ намъ о совѣтѣ, о государевомъ ратномъ и земскомъ дѣлѣ, а къ воеводѣ и къ дьяку не пишете: но воевода и дьякъ у государевыхъ и у земскихъ дѣлъ живутъ попрежнему и о всякихъ дѣлахъ съ ними радѣютъ вмѣстѣ единомышленно; и насъ беретъ сомнѣніе, что вы къ нимъ о совѣтѣ не пишете". Тотмичи не удовольствовались тѣмъ, что называли измѣнниками воеводу и дьяка, но обратили это названіе и на всѣхъ Вологжанъ. Ратные люди, собравшіеся въ Вологдѣ изъ разныхъ городовъ, писали къ Вычегодцамъ, что Вологжане всѣмъ имъ иногородцамъ, и, наоборотъ, иногородцы Вологжанамъ крестъ цѣловали стоять крѣпко и другъ друга не выдавать, изъ города безъ совѣта мірскаго не выйти; но что происходитъ смута большая отъ Тотмичей, которые воеводу, дьяка и всѣхъ Вологжанъ называютъ измѣнниками, и пишутъ въ Вологду къ воеводѣ и къ міру съ бранью, на раздоръ, а не на единомысліе, утверждая, что Устюжане и Усольцы научаютъ ихъ такъ писать. „И вы бы, господа", продолжаютъ иногородцы, „посовѣтовавшись съ Устюжанами, отписали къ Тотмичамъ, чтобъ они на смуту, на раздоръ въ Вологду не писали бездѣльно. А мы на Вологдѣ до сихъ поръ измѣны никакой не знаемъ, и гдѣ въ какомъ свѣдаемъ измѣну,—тѣхъ людей захватываемъ и крѣпкими пытками пытаемъ, и, по сыску и по винѣ, кто доведется, измѣнниковъ и казни предаемъ, съ Вологжанами вмѣстѣ". Но Тотмичи и жители другихъ городовъ считали себя въ правѣ называть Пушкина измѣнникомъ; они перехватили одного Тушинца, который съ пытки объявилъ имъ: „Съ Вологды Никита Пушкинъ пишетъ въ полки къ вору: я-де вамъ Вологду сдамъ; треть жителей стоитъ, а два жеребья сдаются, и какъ придете, то мы Вологду сдадимъ".

Пермичи не помогали общему дѣлу: на нихъ, видно, подѣйствовали слова Устюжанъ, писавшихъ вначалѣ, чтобы погодили цѣловать крестъ тому, кто называется Димитріемъ,—успѣютъ сдѣлать это, когда онъ будетъ поближе. Пермичи точно не цѣловали креста Тушинскому царю, но за то и не помогали противъ него, дожидаясь, которая сторона возьметъ верхъ. Вычегодцы пишутъ къ нимъ: „Вы пишете къ намъ словомъ, что стоять съ нами единомысленно ради во всемъ, а дѣломъ съ нами ничего не дѣлаете; а богоотступники Литовскіе люди и съ ними русскіе воры села и волости, и деревни воюютъ, церкви Божіи разоряютъ, образа колупаютъ, окладъ и кузнь снимаютъ, православную вѣру попираютъ, крестьянъ сѣкутъ, женъ и дѣтей ихъ въ плѣнъ въ Литву ведутъ, имѣнье ихъ грабятъ, и хвалятся, хотятъ идти къ Вологдѣ и на Сухону и въ наши мѣста воевать. Такъ если какое разореніе надъ здѣшними мѣстами и надъ нами сдѣлается отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ, то вамъ отъ Бога и отъ государя это не пройдетъ, а съ Литовскими людьми и съ ворами вамъ не прожить, и вамъ отъ нихъ то же будетъ". Смутное время, надежда на безнаказанность развязывали руки людямъ, которые любятъ извлекать выгоды изъ общей бѣды: пермскіе старосты и цѣловальники, обязанные отправить хлѣбные запасы въ сибирскіе непашенные города служилымъ людямъ на жалованье, купили въ Верхотурьи дешевою цѣною хлѣбъ съ подмѣсью, „и этими запасами, говоритъ

царская грамота, въ сибирскихъ городахъ ратныхъ людей безъ хлѣба поморили, потому что верхотурскіе жилецкіе люди продаютъ хлѣбные запасы, мѣшая съ каменьемъ и пескомъ". На Двинѣ жители, свободные теперь отъ всякаго правительственнаго вліянія, посадили въ воду дьяка Илью Уварова; сначала хотѣли они предать смерти и воеводу своего, Ивана Милюкова-Гуся, обвиняя его въ разныхъ несправедливостяхъ, но потомъ передумали, пришли въ тюрьму, гдѣ онъ былъ посаженъ, и съ честію просили его идти въ приказную избу и попрежнему управлять ими.

Несмотря однако на измѣну, на распри между городами, на равнодушіе и бездѣйствіе нѣкоторыхъ областей, дѣла земскихъ людей противъ воровъ шли успѣшно. Толпы поволжскихъ инородцевъ, Мордвы и Черемисъ, осадили Нижній-Новгородъ, къ нимъ присоединился отрядъ Тушинцевъ подъ начальствомъ князя Семена Вяземскаго; Нижегородцы сдѣлали вылазку, поразили осаждавшихъ и прогнали ихъ отъ своего города, причемъ князь Вяземскій былъ взятъ въ плѣнъ: Нижегородцы повѣсили его, не давая знать въ Москву. Мы видѣли, что Нижегородцы, чрезъ игумена Іоиля, уговаривали Балахонцевъ не затѣвать усобицы изъ-за вопроса о правахъ Димитрія или Шуйскаго, а признавать государемъ того, кого признаетъ Москва. Но жители Балахны не послушались увѣщаній Іоиля, и Нижегородцы, подъ начальствомъ воеводы Алябьева, овладѣли Балахною. Полки, собранные сѣверными городами, заняли опять Галичъ и Кострому. Сохранилось извѣстіе, какъ въ это время города содержали своихъ ратныхъ людей: всякій служилый человѣкъ, отправляясь въ походъ въ чужой городъ, чужую область, получалъ отъ своего города деньги впередъ за мѣсяцъ, а по истеченіи мѣсяца, городъ, отправившій его, высылалъ ему деньги въ то мѣсто, гдѣ онъ находился. Предводительствовать ополченіемъ сѣверныхъ городовъ Скопинъ прислалъ воеводу Вышеславцева, которыя разбилъ Тушинцевъ, взялъ у нихъ Романовъ, Пошехонье; Молога и Рыбинскъ присягнули также царю Василію. Собравъ тысячъ сорокъ ратниковъ, Вышеславцевъ двинулся изъ Романова и поразилъ тушинскаго воеводу Тишкевича, слѣдствіемъ чего было занятіе Ярославля и Углича. Вятчане писали Пермичамъ, что въ Арзамасѣ, Муромѣ, Владимірѣ, Суздалѣ и въ другихъ городахъ всякіе люди хотятъ государю добить челомъ и крестъ цѣловать, ждутъ только прихода боярина и воеводы Өедора Ивановича Шереметева, которому царь Василій велѣлъ оставить осаду Астрахани и идти на сѣверъ по Волгѣ, приводя въ повиновеніе тамошніе города, что Шереметевъ и исполнялъ съ успѣхомъ. Дѣйствительно, Муромцы, снесясь съ Нижегородскимъ воеводою Алябьевымъ, впустили его къ себѣ въ городъ, и Владимірцы, какъ скоро узнали о приближеніи нижегородскаго войска, тотчасъ встали противъ Тушинцевъ. Воевода ихъ Вельяминовъ упорствовалъ въ вѣрности Лжедимитрію; Владимірцы схватили его и повели въ соборную церковь, чтобы тамъ, исповѣдавшись и причастившись, онъ приговорился къ смерти. Протопопъ собора, совершивъ таинства, вывелъ его къ народу и сказалъ: „Вотъ врагъ Московскаго государства!" Тогда всѣ міромъ побили Вельяминова камнями, поцѣловали крестъ царю Василію и начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ. Въ извѣстіи объ этомъ событіи насъ останавливаетъ торжественность, какою оно сопровождалось: здѣсь мы не видимъ буйнаго возстанія черни, котораго слѣдствіемъ обыкновенно бываютъ немедленныя насилія, убійства; народъ, который удержалъ свой порывъ, который далъ обвиненному время христіански приготовиться къ смерти,—этотъ народъ дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи, умерщвляль не человѣка ему ненавистнаго,—нѣтъ: онъ оказалъ уваженіе къ этому человѣку, а казнилъ воеводу-измѣнника государству. Здѣсь останавливаютъ насъ такъ же слова протопопа о Вельяминовѣ: „Вотъ врагъ Московскаго государства!" Эти слова показываютъ, что Владимірцы уже поняли значеніе Тушина и его приверженцевъ, воровъ, которые грозятъ гибелью народу, поддерживаемому государствомъ; протопопъ не говоритъ: вотъ врагъ Московскаго государя! ибо въ это время для городовъ вопросъ о правахъ Димитрія и Шуйскаго не былъ рѣшенъ, они вообще стараются его обходить, для нихъ борьба между царями-соперниками Димитріемъ и Шуйскимъ исчезаетъ,—остается борьба между началами общественнымъ и противообщественнымъ. Впрочемъ, не вездѣ жители сѣверныхъ городовъ поступали подобно Владимірцамъ: въ Костромѣ самозванцева воеводу, князя Димитрія Мосальскаго, долго мучили, и потомъ, обрубивъ руки и ноги, утопили въ рѣкѣ.

Лѣтописецъ правъ, сказавъ, что Владимірцы начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ; то же свидѣтельствуютъ и враги ихъ: суздальскіе воеводы самозванцевы, Плещеевъ и Просовецкій, пишутъ Сапѣгѣ, что они „ходили подъ Владиміръ вмѣстѣ съ Лисовскимъ, и хотя побили подъ городомъ измѣнниковъ государевыхъ и городъ осадили, однако взять его не могли, потому что тамъ измѣнники сѣли на смерть; мало того: разсылаютъ во всѣ понизовые города воровскія грамоты прельщать и приводить къ присягѣ Шуйскому". Въ томъ же письмѣ суздальскіе воеводы объясняютъ и причины, побудившія Владимірцевъ сѣсть на смерть въ осадѣ: „Пахолики Литовскіе и казаки, стоя въ Суздалѣ, воруютъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, монастырямъ и посадскимъ людямъ разореніе и насильство великое, женокъ и дѣвокъ берутъ, села государевы, дворянскія и дѣтей боярскихъ и монастырскія вотчины выграбили и пожгли, и намъ отъ пахоликовъ и казаковъ литовскихъ позоръ великій; что станемъ о правдѣ говорить, о государевомъ дѣлѣ, чтобъ они государевы земли не пустошили, селъ не жгли, насиль-

ства и смуты въ Землѣ не чинили, — и они насъ, холопей государевыхъ, позорятъ, ругаютъ и бить хотятъ". Воеводы увѣдомляютъ также о насиліяхъ Лисовскаго, который, подъ пустыми предлогами, отнимаетъ свободу у людей и грабитъ ихъ, тогда какъ они ни въ чемъ предъ государемъ не виноваты. Но изъ этихъ суздальскихъ воеводъ, которые такъ жалуются на Лисовскаго, одинъ, именно Просовецкій, имѣлъ также дурную славу между жителями сѣверныхъ городовъ. Произведенный изъ казацкихъ атамановъ въ стольники при Тушинскомъ дворѣ, Просовецкій сначала былъ воеводою города Луха, и когда узнали, что самозванецъ назначаетъ его въ Суздаль воеводою на мѣсто Ѳеодора Плещеева, то жители Суздаля писали Сапѣгѣ: „Государя, царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Руси гетману, пану Яну Петру Павловичу Сапѣгѣ, каштеляновичу Кіевскому, старостѣ Усвятскому и Керепецкому, бьютъ челомъ холопи государевы Суздальцы, дворяне и дѣти боярскія, всѣмъ городомъ. Слухъ до насъ дошелъ, что государь велѣлъ быть окольничему и воеводѣ Ѳеодору Кирилловичу (Плещееву) къ себѣ въ полки, а у насъ въ Суздалѣ быть въ воеводахъ Андрею Просовецкому да Суздальцу Нехорошему Бабкину: и ты, государь, самъ жалуй, а государю будь печальникъ, чтобъ у насъ государь велѣлъ быть постарому Ѳеодору Кирилловичу Плещееву, чтобы намъ службишки свои не потерять. А если ты милости не покажешь, а государь не пожалуетъ, Ѳеодора Кирилловича къ себѣ въ полки возьметъ, то мы всѣмъ городомъ, покинувъ матерей, женъ и дѣтей, къ тебѣ и къ государю идемъ бить челомъ, а съ Андреемъ Просовецкимъ и Нехорошимъ Бабкинымъ быть не хотимъ, чтобы государевой службѣ порухи не было и намъ до конца не погибнуть". Суздальцы, какъ видно, были успокоены тѣмъ, что Плещеевъ остался у нихъ первымъ воеводою, а Просовецкій сдѣланъ—вторымъ. Понятно послѣ этого, почему и Ярославцы, подобно Владимірцамъ, рѣшились сѣсть въ осадѣ на смерть. Весною 1609 года, Тушинцы, подъ начальствомъ Наумова и Будзила, двинулись подъ Ярославль; четыре дня Ярославцы не пускали ихъ переправиться черезъ рѣку Пахну въ милѣ отъ города: потерявъ надежду одолѣть Ярославцевъ здѣсь, Тушинцы ушли, переправились черезъ рѣку выше, зашли въ тылъ Ярославцамъ и поразили ихъ; но когда приблизились къ Ярославскому посаду, то опять встрѣтили упорное сопротивленіе; тутъ были стрѣльцы архангельскіе въ числѣ 600 и сибирскіе въ числѣ 1,200; Тушинцамъ удалось наконецъ ворваться въ посадъ, но города взять они не могли и ушли, боясь Скопина, хотя Ярославль былъ имъ „больнѣе всѣхъ городовъ", по выраженію Ярославцевъ. Здѣсь надобно замѣтить, что Тушинцы, не имѣя успѣха при осадѣ городовъ, успѣшнѣе дѣйствуютъ въ чистомъ полѣ противъ нестройныхъ массъ возставшаго народонаселенія, не имѣвшаго вождей искусныхъ. Такъ Поляки, потерпѣвшіе неудачи подъ Владиміромъ и Ярославлемъ, разбивали на-голову земскіе полки въ разныхъ мѣстахъ [1]).

Но въ то время, какъ на сѣверѣ завязалась борьба между общественнымъ и противообщественнымъ элементами народонаселенія, когда земскіе люди возстали за Московское государство, въ какомъ положеніи находилась Москва и ея царь, которому снова начали присягать сѣверные города? Здѣсь царемъ играли какъ „дѣтищемъ", говоритъ современникъ-очевидецъ. Требованіе службы и вѣрности съ двухъ сторонъ, отъ двухъ покупщиковъ, необходимо возвысло ея цѣну, и вотъ нашлось много людей, которымъ показалось выгодно удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и получать двойную плату. Нѣкоторые, цѣловавъ крестъ въ Москвѣ Шуйскому, уходили въ Тушино, цѣловали тамъ крестъ самозванцу и, взявъ у него жалованье, возвращались назадъ въ Москву; Шуйскій принималъ ихъ ласково, ибо раскаявшійся измѣнникъ былъ для него дорогъ: своимъ возвращеніемъ онъ свидѣтельствовалъ предъ другими о ложности Тушинскаго царя или невыгодѣ службы у него; возвратившійся получалъ награду; но скоро узнавали, что онъ отправился опять въ Тушино требовать жалованья отъ Лжедимитрія. Собирались родные и знакомые, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись во дворецъ къ царю Василію, а другіе—ѣхали въ Тушино. Оставшіеся въ Москвѣ были покойны насчетъ будущаго: если одолѣетъ Тушинскій царекъ, думали они, то у него наши братья, родные и друзья,—они насъ защитятъ; если же одолѣетъ царь Василій,—то мы за нихъ заступимся. Въ домахъ и на площадяхъ громко разсуждали о событіяхъ, громко превозносили Тушинскаго царя, громко радовались его успѣхамъ; многіе знали о сборахъ въ Тушино, знали, что такіе-то и такіе люди, оставаясь въ Москвѣ, радѣютъ самозванцу, но не говорили о нихъ Шуйскому; тѣхъ же, которые говорили, называли клеветниками и шепотниками. На сильнаго никто не смѣлъ сказать, ибо за него нашлось бы много заступниковъ, безъ воли которыхъ Шуйскій не смѣлъ казнить его; но на слабаго, не роднаго сильнымъ, доносъ шелъ безпрепятственно къ царю—и виновный подвергался наказанію; вмѣстѣ съ виноватымъ казнили иногда и невинныхъ; Шуйскій, говорятъ, вѣрилъ не тѣмъ, кто носилъ службу на лицѣ и на тѣлѣ, но тѣмъ, кто носилъ ее на языкѣ.

Но хотя Шуйскаго не любили въ Москвѣ, однако люди земскіе не хотѣли мѣнять его на какого-нибудь другого бояриnа, тѣмъ менѣе на царя Тушинскаго, ибо хорошо знали чѣмъ грозитъ его торжество. Вотъ почему попытки свергнуть Шуй-

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж., стр. 138 и слѣд.; Акты истор. II, № 98, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 128, 115, 116, 130; Акты арх. эксп. II, № 88, 89, 91, 93, 95, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 110; Палицынъ, стр. 38 и и слѣд. Histor. de Pseudodemetrio; Времен. Москов. истор. Общ. кн. 23; Русск. Вѣстн. 1842 г. № 3; Древн. Вивліоѳ. XVIII.

скаго не удавались. Первая попытка сдѣлана была 17 февраля 1609 года, въ субботу на масляницѣ, извѣстнымъ уже намъ Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ; число сообщниковъ ихъ простиралось до 300 человѣкъ. Они прежде всего обратились къ боярамъ съ требованіемъ свергнуть Шуйскаго, но бояре не взялись за это дѣло и разбѣжались по домамъ ждать конца дѣлу; одинъ только бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, явился на площадь. Заговорщики кинулись за патріархомъ въ Успенскій соборъ и требовали, чтобы шелъ на Лобное мѣсто; Гермогенъ не хотѣлъ идти: его потащили, подталкивая сзади, обсыпали его пескомъ, соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясли. Когда поставили его на Лобное мѣсто, то заговорщики начали кричать народу, что Шуйскій избранъ незаконно одними своими потаковниками, безъ согласія Земли; что кровь христіанская льется за человѣка недостойнаго и ни на что непотребнаго, глупаго, нечестиваго, пьяницу, блудника. Но, вмѣсто одобрительныхъ кликовъ, заговорщики услыхали изъ толпы слова: „Сѣлъ онъ, государь, на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служивые люди; пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да еслибы онъ; царь, вамъ и неугоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести". Тогда заговорщики стали кричать: „Шуйскій тайно побиваетъ и въ воду сажаетъ братью нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей, и такихъ побитыхъ съ двѣ тысячи". Патріархъ спросилъ ихъ: „Какъ же это могло статься, что мы ничего не знали; въ какое время и кто именно погибъ?" Заговорщики продолжали кричать: „И теперь повели многихъ нашу братью сажать въ воду,—за это мы и стали". Патріархъ опять спросилъ: „Да кого же именно повели въ воду сажать?" Въ отвѣтъ закричали: „Мы послали уже ворочать ихъ, сами увидите!" Потомъ начали читать грамоту, написанную ко всему міру изъ московскихъ полковъ отъ Русскихъ людей: „Князя-де Василья Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Василій Шуйскій намъ на царствѣ не любъ и для него кровь льется и Земля не умирится,—что-бъ намъ выбрать на его мѣсто другого царя?" Патріархъ началъ говорить: „До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ; государь царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властьми и московскими боярами и вами, дворянами, всякими людьми всѣхъ чиновъ и всѣми православными христіанами; изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе, и крестъ ему, государю, цѣловала вся Земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслить; а вы забыли крестное цѣлованіе, немногими людьми востали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть,—а міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ же". Сказавъ это, Гермогенъ отправился домой. Заговорщики, никѣмъ не подкрѣпляемые, не могли его удерживать; они съ криками и ругательствами бросились во дворецъ; но Шуйскій не испугался, онъ вышелъ къ нимъ и съ твердостію сказалъ: „Зачѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такою наглостію? если хотите убить меня, то я готовъ; но свести меня съ престола безъ бояръ и всей Земли вы не можете". Заговорщики, видя вездѣ неудачу, убѣжали въ Тушино, а князь Голицынъ остался въ Москвѣ съ прежнимъ значеніемъ. Любопытно однако, что народъ, не согласившись на сведеніе Шуйскаго съ престола, не бросился защищать его отъ заговорщиковъ.

Послѣ этого событія, патріархъ отослалъ въ Тушино двѣ грамоты,—одну къ ушедшимъ туда послѣ 17 февраля, другую—къ ушедшимъ прежде. Первая грамота начинается такъ: „Бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ какъ васъ и назвать. Недостаетъ мнѣ словъ, болитъ душа и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрогаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, возстаньте, вразумитесь и возвратитесь". Патріархъ заключаетъ первую грамоту обѣщаніемъ выпросить у царя прощеніе раскаявшимся: „Царь милостивъ, непамятозлобенъ, знаетъ, что не всѣ своею волею такъ дѣлаютъ; которые ваша братья въ субботу сыропустную и возставали на него, ложныя и грубыя слова говорили, какъ и вы же,—тѣмъ онъ вины отдалъ, и теперь они у насъ невредимы пребываютъ; ваши собственныя жены и дѣти также на свободѣ въ своихъ домахъ живутъ". Вторая грамота начинается, подобно первой: „Бывшимъ братіямъ нашимъ, а теперь не знаемъ какъ и назвать васъ, потому что дѣла ваши въ нашъ умъ не вмѣщаются, уши наши никогда прежде о такихъ дѣлахъ не слыхали и въ лѣтописяхъ мы ничего такого не читывали;—кто этому не удивится, кто не восплачетъ? Слово это мы пишемъ не ко всѣмъ, но къ тѣмъ только, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали, измѣнивъ государю царю и всей Землѣ, своимъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ, и всѣмъ своимъ ближнимъ, особенно же Богу; а которые взяты въ плѣнъ, какъ Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но силою, и на христіанскій законъ не стоятъ, крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, такихъ мы не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога". Описавъ событіе 17 февраля, патріархъ заключаетъ грамоту такъ: „Тѣ рѣчи были у насъ на Лобномъ мѣстѣ, въ субботу сырную, послѣ чего всѣ разъѣхались, мы—въ городъ, иные—по домамъ, потому что враждующимъ поборниковъ не было и въ совѣтъ къ нимъ не приставалъ никто; а которые были во-

лодые люди, и тѣ имъ не потакали же, и такъ совѣтъ ихъ вскорѣ разрушился. Солгалось про старыхъ то слово, что красота граду старые мужи; а эти старые и молодымъ бѣду доспѣли, и за молодыхъ имъ въ день страшнаго суда Христова отвѣтъ дать. Это чудо въ лѣтописцы записали мы, чтобъ и прочіе не дерзали дѣлать подобнаго; а къ вамъ мы пишемъ, потому что Господь поставилъ насъ стражами надъ вами, стеречь намъ васъ велѣлъ, чтобы кого-нибудь изъ васъ сатана не укралъ. Отцы ваши не только къ Московскому царству враговъ своихъ не припускали, но и сами ходили въ морскіе отоки, въ дальнія разстоянія и въ незнаемыя страны, какъ орлы острозрящіе и быстролетящіе, какъ на крыльяхъ парящіе, и все подъ руку покоряли Московскому государю царю".

Другой заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крюкомъ-Колычевымъ: положено было убить Шуйскаго въ Вербное воскресенье. Но заговоръ былъ открытъ; за Колычева никто не заступился, онъ былъ пытанъ и казненъ; сообщниковъ его посажали въ тюрьмы, но не всѣхъ. Обо всѣхъ этихъ событіяхъ знали въ Тушинѣ чрезъ безпрестанныхъ перебѣжчиковъ, или перелетовъ. До насъ дошелъ разсказъ одного изъ такихъ перелетовъ, подьячаго Чубарова, о томъ, какъ онъ перелеталъ изъ Москвы въ Тушино: „Вышелъ онъ изъ Москвы на государево царево Димитрія Ивановича имя мая 6-го, вышелъ въ Тверскія ворота, съ подъячимъ Скурыгинымъ, и шли съ нимъ вмѣстѣ до деревни Пироговой, а отъ Пироговой въ другую деревню, и въ той деревнѣ ночевалъ, а на другой день утромъ крестьянинъ допроводилъ его до села Черкизова, а изъ Черкизова отослали его до села Братошина, и изъ Братошина привели его въ Тушино. Товарищъ его, Скурыгинъ, отсталъ отъ него отъ первой деревни Пироговой и пошелъ лѣсомъ, хотѣлъ пытаться прямо въ таборы къ государю". Чубаровъ разсказывалъ въ Тушинѣ, что „которые бояре, дворяне и дѣти боярскія, и торговые люди были въ заговорѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Колычевымъ, и хотѣли Шуйскаго убить на Вербное воскресенье, и то не случилось; изъ ихъ думы одинъ—Иванъ Ѳедоровичъ былъ на пыткѣ и ни на кого изъ нихъ не говорилъ,—потому одного и казнили, а ихъ никого казнить Шуйскій не велѣлъ; и они тѣмъ же своимъ старымъ заговоромъ промышляютъ, хотятъ его убить на Вознесеньевъ день изъ самопала, а на Николинъ день какая замятня будетъ ли, онъ того не знаетъ. А дѣти боярскія, черные всякіе люди приходятъ къ Шуйскому съ крикомъ и воплемъ, говорятъ: до чего имъ досидѣть! хлѣбъ дорогой, а промысловъ никакихъ нѣтъ, и ничего взять негдѣ и купить не на что. Шуйскій проситъ у нихъ сроку до Николина дня, и надѣется на Скопина, будто идетъ Скопинъ съ Нѣмецкими людьми, а Нѣмцевъ съ нимъ семь тысячъ; и какъ онъ къ Москвѣ •• силою подойдетъ, и ему, Шуйскому, съ своею силою его встрѣтить и приходить на большіе таборы. А вѣсть про Скопина на Москвѣ есть, что пошелъ изъ Новгорода; а въ которомъ городкѣ нынѣ,—и того не вѣдали подлинно. Изъ бояръ прямятъ государю Димитрію Ивановичу князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, князь Василій да князь Андрей Голицынъ, да князь Иванъ Димитріевичъ Хворостининъ, а съ ними дворяне, дѣти боярскія и торговые люди, а сколько ихъ человѣкъ и кто именно—того не упомнитъ". Перелеты увѣдомляли единогласно, что въ Москвѣ большая дороговизна на съѣстные припасы, дровъ также нѣтъ, жгутъ опальные дворы; что недовольные приходятъ къ Шуйскому всѣмъ міромъ и говорятъ: „До чего намъ дойти! голодною смертью помирать?" и будто Шуйскій хочетъ жить въ Троицкой деревнѣ Ивантеевѣ. Дѣйствительно, когда, несмотря на побѣду князя Димитрія Михайловича Пожарскаго при селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, городъ этотъ былъ осажденъ тушинскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Млоцкаго, то въ Москвѣ сдѣлалась сильная дороговизна; четверть ржи покупали по семи рублей ($23^1/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ), и толпы народа приходили къ Шуйскому съ вопросомъ: до какихъ поръ сидѣть и терпѣть голодъ? Шуйскій убѣдилъ Троицкаго келаря Авраамія Палицына пустить въ продажу по 2 рубля ($6^2/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ) хлѣбъ изъ богатыхъ житницъ его монастыря, находившихся въ Москвѣ. Пониженіе цѣны на хлѣбъ поуспокоило народъ; къ тому же 28 мая выѣхалъ изъ Тушина князь Романъ Гагаринъ, глава недавняго возстанія противъ Шуйскаго, и началъ говорить во весь міръ, чтобы не прельщались: Тушинскій царь настоящій воръ, и все это заводъ Литовскаго короля, который хочетъ истребить православную христіанскую вѣру; а въ Тушинѣ подлинно извѣстно, что въ Новгородъ пришли Нѣмецкіе люди и Литву отъ Новгорода отбили прочь. Слыша такія рѣчи, люди въ Москвѣ укрѣпились, и никто не поѣхалъ въ Тушино.

Но если Москва не могла быть спокойна послѣ того, какъ подлѣ нея образовалась столица другого царя, то не болѣе спокойно было и Тушино, гдѣ вся зима 1608—1609 года прошла въ смутахъ, бунтахъ, что и мѣшало вору дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы. На весну взбунтовалась войсковая челядь, разосланная для сбора припасовъ, поставила сама себѣ ротмистровъ и полковниковъ, ходила по волостямъ и грабила, а къ господамъ своимъ въ Тушино не хотѣла возвратиться. Для укрощенія бунтовщиковъ Тушинцы должны были выслать цѣлыя роты. Притомъ силы самозванца были раздѣлены: отрядъ Запорожцевъ посланъ былъ къ Новгороду Великому для попытки,—нельзя ли склонить его на сторону Тушинскаго царя. Сапѣга съ Лисовскимъ осаждали Троицкій монастырь, Млоцкій съ Бобовскимъ—Коломну, у которой должны были биться съ Ляпуновымъ, воеводою Рязанскимъ; Мархоцкій сторожилъ большія дороги къ Москвѣ; а при вѣстяхъ о движеніяхъ

Скопина, должны были отправить противъ него Зборовскаго. Подъ Москвою поэтому происходили битвы частыя, но мелкія: въ одной изъ нихъ, въ концѣ февраля, гетманъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться. Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, произошла битва большая, неожиданно для Тушинцевъ: часть ихъ подошла къ Москвѣ, опрокинула московскій отрядъ, противъ нихъ высланный, прогнала его до самаго города, возвратилась и стала за Ходынкою на берегу. Но царю Василію дали знать, что Литовскіе люди поднялись на Москву всѣми таборами, и онъ выслалъ противъ нихъ все свое войско, съ пушками и гуляй-городами (подвижными дубовыми городками на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ отверстія). Поляки, увидѣвъ это войско, бросились на него и одержали-было совершенную побѣду, овладѣли гуляй-городами, какъ вдругъ, по словамъ Поляковъ, въ ихъ войскѣ произошло по ошибкѣ замѣшательство: Москвичи поправились и вогнали непріятеля въ Ходынку, гуляй-города свои отгромили и ворвались бы въ самое Тушино, если бы Заруцкій съ своими Донскими казаками не остановилъ ихъ на рѣчкѣ Химкѣ. По русскимъ же извѣстіямъ, проигранное дѣло поправлено было прибытіемъ свѣжихъ силъ, подъ начальствомъ князей Ивана Семеновича Куракина, Андрея Васильевича Голицына и Бориса Михайловича Лыкова. Тушинцы, по свидѣтельству ихъ самихъ, потеряли всю свою пѣхоту, много у нихъ было побито, много взято въ плѣнъ Москвичами; Русскій лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ у Московскихъ людей была такая храбрость, какой не бывало и тогда, когда Московское государство было въ собраньи.

Имѣя въ своихъ рукахъ много плѣнныхъ Поляковъ, царь Василій велѣлъ имъ выбрать когонибудь изъ своей среды и послать въ Тушино съ предложеніемъ, что онъ освободитъ всѣхъ плѣнныхъ, если Поляки покинутъ самозванца и выйдутъ изъ Московскаго государства; посланному позволялось отправиться на томъ условіи, что если предложеніе не будетъ принято, то онъ возвратится въ Москву. Выборъ палъ на Станислава Пачановскаго, который и поѣхалъ въ Тушино, гдѣ получилъ отъ своихъ такой отвѣтъ: „Скорѣе помремъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава". Пачановскій долго колебался — остаться ли въ Тушинѣ или возвратиться въ Москву, наконецъ рѣшился возвратиться, за что въ Москвѣ оказывали ему уваженіе и содержали гораздо лучше, чѣмъ другихъ плѣнниковъ. Особенною ласковостію къ плѣннымъ Полякамъ отличался братъ царскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій: онъ вылѣчилъ отъ ранъ и даромъ освободилъ доставшагося ему шляхтича Борзецкаго, кромѣ того давалъ по сукну всѣмъ плѣннымъ, которые выходили на обмѣнъ. Предчувствовалъ ли князь Иванъ, что скоро самъ будетъ нуждаться въ подобной снисходительности [1])?

Описанная битва была послѣднимъ важнымъ дѣломъ между Москвою и Тушиномъ, ибо Скопинъ былъ уже недалеко. Мы оставили его въ Новгородѣ, гдѣ онъ завязалъ переговоры со Шведами. Въ концѣ февраля 1609 года стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный Зиновьевъ заключили съ повѣренными Карла IX договоръ такого содержанія: король обязался отпустить на помощь Шуйскому двѣ тысячи конницы и три тысячи пѣхоты наемнаго войска, да сверхъ этихъ наемниковъ обязался отправить еще неопредѣленное число войска, въ знакъ дружбы къ царю. За эту помощь Шуйскій отказался, за себя и дѣтей своихъ и наслѣдниковъ, отъ правъ на Ливонію. Шуйскій обязался такъ же, за себя и за наслѣдниковъ, быть въ постоянномъ союзѣ съ королемъ и его наслѣдниками противъ Сигизмунда Польскаго и его наслѣдниковъ, причемъ оба государя обязались не заключать съ Сигизмундомъ отдѣльнаго мира; но если одинъ изъ нихъ помирится съ Польшею, то немедленно долженъ помирить съ нею и союзника своего, „а другъ друга въ мирномъ постановленьи не выгораживать". Шуйскій обязался, въ случаѣ нужды, отправить къ королю на помощь столько же ратныхъ людей, наемныхъ и безденежно, сколько въ настоящемъ случаѣ король посылалъ къ нему, причемъ плата наемныхъ должна быть совершенно одинакая. Шуйскій обязался не задерживать никого изъ присланныхъ на помощь Шведовъ (здѣсь любопытно, что въ числѣ Шведовъ упоминаются и Русскіе, которые королю служатъ) и гонцовъ, ѣздящихъ отъ нихъ въ Швецію и обратно. Если Шведы возьмутъ въ плѣнъ русскихъ измѣнниковъ, то не должны убивать ихъ, а давать на окупъ, Литовскихъ же людей вольны бить и вести въ свою Землю. Королевскимъ ратнымъ людямъ людской и конскій кормъ будетъ продаваться по цѣнѣ настоящей, а лишнихъ денегъ съ нихъ брать не будутъ; подъ пѣшихъ людей и подъ нарядъ будутъ даваться подводы и лошади безденежно; коннымъ людямъ, если у кого падетъ лошадь или убьютъ въ дѣлѣ, будетъ даваться другая лошадь немедленно, но въ зачетъ жалованья. Шведскіе полномочные, со своей стороны, обязались запретить своимъ ратнымъ людямъ, чтобъ они, будучи въ Московскомъ государствѣ, не жгли и не разоряли, надъ иконами не ругались; крестьянъ не били и въ плѣнъ не брали. Обязались — городовъ и областей, вѣрныхъ Шуйскому или принесшихъ повинную, не воевать и не занимать ихъ, равно не занимать и тѣхъ городовъ, которые будутъ взяты приступомъ или сдадутся сами; къ ворамъ не приставать и царю Василію не измѣнять; надъ княземъ Скопинымъ и надъ государевыми

---

[1]) Палицынъ, стр. 41; Житіе преп. Діонисія (печатн. стр. 17); Хронографы; Латухинск. степен. книга; Лѣтоп. о метеж., стр. 146 и слѣд.; Мархоцкій, стр. 46 и слѣд.; Времен. Москов. истор. Общ. кн. 16.

людьми хитрости и измѣны никакой не сдѣлать; у князя Михаила Васильевича быть въ послушаньи и совѣтѣ, и самовольствомъ ничего не дѣлать. Шведскіе повѣренные выговорили такъ же, чтобы шведская монета имѣла обращеніе въ Московскомъ государствѣ, и чтобъ Русскіе не ругались надъ королевскими деньгами, подъ страхомъ царской опалы; выговорили, чтобъ шведскимъ войскамъ, идущимъ въ Ливонію, былъ свободный пропускъ чрезъ московскія владѣнія. Къ этому договору была еще дополнительная запись, въ которой Шуйскій обязался, спустя три недѣли по выступленіи шведскаго войска изъ-за границы, доставить королевскимъ воеводамъ крѣпость за государевою Новгородскою печатью и за князя Скопина рукою, на городъ Корелу съ уѣздомъ, а послѣ этихъ трехъ недѣль, спустя два мѣсяца, доставить крѣпость на городъ Корелу съ уѣздомъ, за государевою печатью— и уступить королю этотъ городъ за его любовь и дружбу; потомъ, спустя одиннадцать недѣль, начиная съ того времени, какъ Шведы уже начнутъ служить царю, очистить городъ Корелу и отдать его королю, вывезши изъ церкви образа и всякое церковное строенье, а изъ города пушки, пищали, зелья, ядра, выведши всѣхъ Русскихъ людей и Корелянъ, которые захотятъ идти на Русь.

Еще въ началѣ января 1609 года Карлъ IX увѣдомлялъ Новгородцевъ, что онъ, по просьбѣ ихъ, послалъ имъ на помощь ратную силу „пособлять за старую Греческую вѣру. Поэтому берегитесь, заключаетъ грамота, и примите думу, пока вамъ подмогу даютъ, или сами увидите: если Поляки и Литва надъ вами силу возьмутъ, то не пощадятъ ни патріарха, ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни игуменовъ, ни воеводъ, ни дьяковъ ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ, ни гостей, ни торговыхъ людей, ни дѣтенковъ въ пеленкахъ, не только-что иныхъ, доколѣ не изведутъ славный Россійскій родъ“. До насъ дошла также грамота Каянбургскаго шведскаго воеводы Исаака Бема къ игумену Соловецкаго монастыря, съ убѣжденіемъ не отступать отъ Шуйскаго; эта грамота, писанная ломанымъ русскимъ языкомъ, отличается наивностію выраженій; напримѣръ: „Вы такъ часто мѣняете великихъ князей, что Литовскіе люди вамъ всѣмъ головы разобьютъ; они хотятъ искоренить Греческую вѣру, перебить всѣхъ Русаковъ и покорить себѣ всю Русскую Землю. Какъ вамъ не стыдно, что вы слушаете всякій бредъ, и берете себѣ въ государи всякаго негодяя, какого вамъ приведутъ Литовцы“! Шведы выполнили свои обязательства: кромѣ пяти тысячъ наемниковъ, они выставили еще около десяти тысячъ человѣкъ всякаго разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди, получившаго военное воспитаніе въ хорошей школѣ.

Первое столкновеніе Скопина должно было произойти съ тѣмъ отрядомъ Запорожцевъ, которые, подъ начальствомъ Кернозицкаго, были высланы изъ Тушина къ Новгороду и на дорогѣ заняли Торжокъ и Тверь. Чтобы не допустить къ переправѣ черезъ Мсту, Скопинъ хотѣлъ выслать сильный отрядъ въ Бронницы; начальствовать этимъ отрядомъ вызвался извѣстный намъ окольничій Михайла Игнатьевичъ Татищевъ. Нѣсколько разъ встрѣчали мы этого человѣка, замѣтили его характеръ: онъ крупно разговаривалъ со Львомъ Сапѣгою, бранился съ самозванцемъ за телятину, нанесъ первый ударъ Басманову, потомъ опять перебранивался съ польскими послами. Трудно представить себѣ, чтобъ этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, убійца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ перваго Лжедимитрія, хотѣлъ передаться второму. Гораздо вѣроятнѣе, что Татищева не любили за его характеръ, не хотѣли быть подъ его начальствомъ. Какъ бы то ни было, нѣсколько Новгородцевъ явились къ Скопину и донесли ему, что Татищевъ сбирается измѣнить и нарочно выпросился идти въ Бронницы, чтобы помочь Кернозицкому овладѣть Новгородомъ. Обвиненіе въ измѣнѣ было тогда легкимъ средствомъ для заподозрѣнія человѣка, отдаленія его; быть можетъ, доносчики сами не хотѣли своимъ доносомъ сдѣлать большаго вреда Татищеву; но вышло иначе. Скопинъ, выслушавъ обвиненіе, собралъ всѣхъ ратныхъ людей, призвалъ Татищева и объявилъ о доносѣ на него; толпы взволновались и, безъ всякаго изслѣдованія, бросились на Татищева и умертвили его. Передовой отрядъ поэтому не могъ быть отправленъ; Кернозицкій подошелъ къ Новгороду и сталъ у Хутынскаго монастыря; многіе дворяне уже отбѣжали въ Литовскіе полки, Скопинъ былъ въ большемъ горѣ, какъ явились Тихвинцы съ воеводою Горихвостовымъ, въ числѣ 1,000 человѣкъ; за нимъ шли съ Евсевіемъ Рязановымъ люди, собравшіеся въ заонежскихъ погостахъ. Горихвостовъ сталъ въ селѣ Грузинѣ; нѣсколько крестьянъ попались въ плѣнъ къ Кернозицкому и на пыткѣ объявили, что пришло въ Грузино ратныхъ людей множество, а за ними идетъ еще большая сила. Кернозицкій испугался и отступилъ.

Съ прибытіемъ шведскаго войска, весною 1609 года, Скопинъ началъ наступательныя дѣйствія на Тушинцевъ. Шведы, подъ начальствомъ Горна, и Русскіе, подъ начальствомъ Чулкова и Чоглокова, выгнали Кернозицкаго изъ Старой Русы, разбили при селѣ Каменкахъ въ Торопецкомъ уѣздѣ (25 апрѣля), очистили Торопецъ, Торжокъ, Порховъ, Орѣшекъ, воевода котораго, знаменитый Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, убѣжалъ въ Тушино. Скопинъ отправилъ и ко Пскову отрядъ подъ начальствомъ князя Мещерскаго. Здѣсь лучшіе люди и духовенство сносились съ войсками Шуйскаго, желая сдать городъ Московскому царю и тѣмъ усилить свою сторону, низложить противниковъ. Стрѣльцы, казаки, мелкіе люди, крестьяне провѣдали это, отняли лошадей у лучшихъ людей и отдали ихъ стрѣльцамъ для битвъ съ отрядомъ Мещерскаго, заключили женъ отъѣхавшихъ луч-

шихъ людей, переписали ихъ имѣнія. Казацкій атаманъ Корсяковъ далъ знать въ Псковъ о приближеніи Мещерскаго, но лучшіе люди утаили это извѣстіе и посадили въ тюрьму гонца. Меньшіе, ничего не зная, спокойно вышли всѣ за городъ на-встрѣчу иконѣ Богородицы, приносимой 28 мая изъ Печерскаго монастыря, какъ вдругъ пушечная пальба извѣстила ихъ, что непріятель у города. Несмотря на то однако, что страшный пожаръ опустошилъ городъ, что двѣ стѣны были взорваны, стрѣльцы отбились въ своей слободѣ отъ московскаго войска и дали время меньшимъ людямъ войти въ городъ. При этомъ дѣлѣ былъ освобожденъ изъ тюрьмы гонецъ, присланный Корсяковымъ; а вскорости потомъ двое духовныхъ лицъ, священникъ и дьяконъ, побѣжали за стѣну въ непріятельскій станъ; священникъ былъ схваченъ, преданъ пыткѣ и оговорилъ много другихъ; оговоренныхъ также пытали: тѣ оговорили еще другихъ, и тогда пролилось много крови большихъ людей. У пытокъ стояли самозванцы воеводы; но меньшіе люди вспомнили псковскую старину и мало слушались воеводъ; набатный колоколъ, какъ прежде вѣчевой, сзывалъ народъ на площадь, и здѣсь главнымъ былъ простой мужикъ Тимоѳей, прозвищемъ Кудекуша Трепецъ. Ему далось пуще всѣхъ, говоритъ лѣтописецъ, и воеводамъ указывалъ, и стоялъ крѣпко у пытокъ; пристали къ нему и другіе подобные же, и овладѣли городомъ. Злоба меньшихъ къ лучшимъ поджигалась все болѣе и болѣе: языки, пойманные на вылазкахъ, говорили, что большіе люди пишутъ изъ Пскова, зовутъ къ себѣ на помощь воеводъ царя Василія, „и бояръ многихъ мучили, жгли и ребра ломали, и часто приходили Новгородцы съ Нѣмцами и казаками, дѣти боярскія, Новгородскіе и Псковскіе, Татары и стрѣльцы, и много было битвъ и кровопролитія, крестьянамъ и пригородамъ грабежа, и много всякой бѣды Псковичамъ“.

Увѣдомляя Скопина (отъ 2-го іюня 1609 года) о высылкѣ противъ него Зборовскаго и Шаховскаго и о нетерпѣніи, съ какимъ Москва и всѣ города ждутъ его, царь Василій писалъ племяннику: „И тебѣ бы, боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкать, намъ и всему нашему государству помощь на воровъ подать вскорѣ. И только, Божіею милостію и твоимъ промысломъ и радѣньемъ государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей свободится,—Литовскіе люди твоего прихода ужаснутся и изъ нашей Земли выйдутъ, или, по Божіей милости, побѣду надъ собою увидятъ, то ты великой милости отъ Бога, чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобишься, всѣхъ людей великою радостію исполнишь, и слава дородства твоего въ нашемъ и окрестныхъ государствахъ будетъ памятна, а мы на тебя надежны, какъ на свою душу“. Скопинъ еще 10 мая выступилъ изъ Новгорода; потерявъ надежду взять Псковъ, онъ отозвалъ Мещерскаго, чтобъ, не тратя времени, съ соединенными силами спѣшить къ Москвѣ. Мы видѣли, что изъ Тушина высланъ былъ противъ него Зборовскій, у котораго было тысячъ до четырехъ войска Поляковъ и Русскихъ; послѣднихъ велъ князь Григорій Шаховской; онъ успѣлъ освободиться изъ своего заключенія во время занятія сѣверныхъ городовъ войсками самозванца и пробраться въ Тушино. У Торжка встрѣтился Зборовскій съ передовымъ отрядомъ Скопина, бывшимъ подъ начальствомъ Головина и Горна, и разбилъ его; но, узнавъ отъ языковъ, что слѣдомъ идетъ самъ Скопинъ съ большимъ войскомъ, отступилъ къ Твери, гдѣ соединился съ казаками Керносицкаго. Скопинъ съ своей стороны соединился въ Торжкѣ съ Смоленскимъ ополченіемъ и далъ битву Зборовскому подъ Тверью: два крыла Поляковъ смяли Русскихъ и союзниковъ ихъ, но средина обратилась въ бѣгство, опомнилась только пробѣжавши нѣсколько миль и возвратилась къ своимъ, торжествующимъ побѣду; но эта побѣда была сомнительна, потому что шведская пѣхота не уступила поле битвы, и только ночью, когда битва прекратилась, отступила къ оставленному назади обозу. Поляки, именно тѣ, которые дѣйствовали съ успѣхомъ во время дня, совѣтовали также немедленно отступить, указывая на превосходство силъ Скопина; но тѣ, которые бѣжали, желая смыть съ себя пятно, настояли, чтобы не уходить отъ Твери. Зборовскій требовалъ, чтобы все войско стало въ одномъ мѣстѣ и наблюдало большую осторожность, но его не послушали: одни стали въ полѣ, а другіе въ самомъ посадѣ безо всякой осторожности; этимъ воспользовались Русскіе и Шведы, на разсвѣтѣ ударили и нанесли Полякамъ сильное пораженіе. Зборовскій былъ принужденъ отступить отъ Твери, и Скопинъ двинулся впередъ, какъ вдругъ, въ 130 верстахъ отъ Москвы, получилъ вѣсть, что шедшіе за нимъ иноземцы отказываются служить подъ предлогомъ, что, вмѣсто платы за четыре мѣсяца, имъ дали только за два; что Русскіе не очищаютъ Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условныхъ недѣль послѣ вступленія Шведовъ въ Россію. Скопинъ, пославши уговаривать Делагарди возвратиться, самъ перешелъ Волгу подъ Городнею, чтобы соединиться съ ополченіями сѣверныхъ городовъ, и по лѣвому берегу достигъ Калязина, гдѣ и остановился. Въ то время, какъ Зборовскій, соединившись съ Сапѣгою, безъ всякаго успѣха приступалъ къ Троицкому монастырю, Скопинъ соединился съ сѣверными отрядами и успѣлъ выпросить у Делегарди около тысячи человѣкъ иностранцевъ, которые пришли подъ начальствомъ Христіерна Сомме; тогда Сапѣга и Зборовскій, опасаясь усиленія Скопина, выступили противъ него къ Калязину, но потерпѣли пораженіе на рѣкѣ Жабнѣ, и удалились опять къ Троицкому монастырю.

Теперь главнымъ дѣломъ царя Василія и Скопина было достать какъ можно больше денегъ для уплаты иностранному войску: они слали грамоты за грамотами въ сѣверные города и монастыри съ требованіемъ денегъ на жалованье Нѣмецкимъ лю-

дямъ. Царь Василій писалъ въ Соловецкій монастырь, что „Литва и измѣнники стоятъ подъ Московскимъ государствомъ долгое время и чинятъ утѣсненье великое; и въ томъ многомъ стояньи изъ нашей казны служилымъ людямъ на жалованье много денегъ вышло, а которые монастыри въ нашей державѣ, и у нихъ всякая монастырская казна взята и роздана служилымъ людямъ. Что у васъ въ Соловецкомъ монастырѣ денежной всякой монастырской казны, или чьи поклажи есть, то вы бы тотчасъ эту казну прислали къ намъ въ Москву, и когда Всесильный Богъ намъ надъ врагами побѣду подастъ и съ измѣнниками и съ ворами управимся, то мы ту монастырскую казну исполнимъ вдвое“. Скопинъ билъ челомъ пермскимъ приказнымъ людямъ въ такихъ выраженіяхъ: „Иноземцамъ, наемнымъ людямъ найму дать нечего, въ государевой казнѣ денегъ мало; извѣстно вамъ самимъ, что государь въ Москвѣ отъ враговъ сидитъ въ осадѣ больше году; что было казны—и та роздана ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ въ Москвѣ. И вамъ бы говорить гостямъ и торговымъ лучшимъ и середнимъ, и всякимъ людямъ, чтобы они для покоя и христіанской избавы, чтобы Московское государство за паемными деньгами до конца не разорилось, дали на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, суконъ, камокъ, тафты, сколько кому можно; а какъ, дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, то государь велитъ тѣ деньги заплатить. Да собрать бы вамъ съ посаду и съ уѣзду, кромѣ того кто изъ воли своей дастъ, съ сохи по пятидесяти рублей денегъ, для избавы христіанскія, Нѣмецкимъ и Крымскимъ людямъ на наемъ. А у меня въ полкахъ дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ Нѣмецкимъ людямъ деньги, лошадей и платье давали не однажды; а въ Новгородѣ митрополитъ, архимандриты, игумены, гости, посадскіе и уѣздные всякіе люди деньги, сукна и камки давали имъ, сколько кому можно“. Писали къ Пермичамъ и другіе города, укоряя ихъ въ холодности къ общему дѣлу; Устюжане писали къ нимъ: „Только отъ васъ къ государю и службы, что всего 80 человѣкъ въ Ярославлѣ; а если вы теперь къ государю его казны не отпустите, и въ прибавку денегъ сбирать не станете, и ратныхъ людей не прибавите, то вамъ отъ госусаря какой милости ждать? А при государѣ царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ походахъ и на берегу было съ васъ по тысячѣ человѣкъ. Вся Русская Земля съ государемъ страдаетъ, да и окольныя государства по нашей христіанской вѣрѣ побораютъ и государю помогаютъ; и вамъ бы, Господа помня Бога, свои души и крестное цѣлованье, одноконечно о государевѣ и о земскомъ ратномъ дѣлѣ порадѣть“. Пермичи отвѣчали Скопину, что обрадовались Божіей помощи, ему оказанной, но что требованіямъ его удовлетворить вполнѣ не могутъ, потому что сукнами, камками и тафтами у нихъ никто не торгуетъ, а собрали они девять сороковъ соболей, да черную лисицу доброхотнаго приношенія, что и высылаютъ ему тотчасъ же; послали собирать съ сохъ по пятидесяти рублей, а сборныхъ денегъ прислать не могутъ, потому что путь зимній еще не установился“. Но соболей и лисицу они прислали и не по зимнему пути; отчего же не могли прислать сборныхъ денегъ?

Не такъ поступили Соловецкіе монахи: въ два раза переслали они въ Москву болѣе 17,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, и даже ложку серебряную. Не такъ поступилъ и Петръ Семеновичъ Строгановъ, какъ свидѣтельствуетъ жалованная грамота, данная ему Шуйскимъ: въ ней царь говоритъ, что „Строгановъ противъ воровъ стоялъ крѣпко безъ всякаго позыванья, ратныхъ многихъ людей на царскую службу противъ воровъ посылалъ, города отъ шатости укрѣплялъ, да у него же брались на царя въ Москвѣ и по другимъ городамъ въ ссуду большія деньги, для раздачи служилымъ людямъ на жалованье. За такія его службы и раденье царь его пожаловалъ, велѣлъ писать во всѣхъ грамотахъ съ „вичемъ;“ онъ самъ, дѣти его, племянники, люди и крестьяне вездѣ освобождались отъ суда бояръ, воеводъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей,—судитъ ихъ самъ царь или кому прикажетъ. За безчестье платится ему противъ московскаго лучшаго человѣка вдвое, сто рублей; питье ему всякое про себя держать безъявочно; стояльщиковъ у него во дворахъ на Москвѣ и по инымъ городамъ русскихъ всякихъ людей и иноземцевъ не ставить; лѣтомъ у него во дворѣ избы и мыльни топить вольно; сверхъ того, съ него самого, съ его сыновей и племянниковъ, съ его людей и крестьянъ проѣзжаго мыта, головщины и мостовщины нигдѣ не брать“.

Плохо помогая деньгами царю Московскому, Пермичи обнаружили холодность и тогда, когда надобно было помочь отъ воровъ ближайшимъ къ нимъ Вятчанамъ. Напрасно Вятчане, Устюжане, Вычегодцы и Строгановы писали къ нимъ не разъ, чтобъ они выставили своихъ ратныхъ людей противъ воровъ, казаковъ, стрѣльцовъ и Черемисъ, засѣвшихъ въ Котельничѣ: Пермичи обѣщались—и не прислали ратныхъ людей. На неотступныя просьбы Вятчанъ они отвѣчали, что ратные люди у нихъ собраны и готовы выступить въ походъ, но что ихъ смущаютъ разнорѣчивыя вѣсти изъ Вятки: пишутъ имъ, что измѣнники очистили Котельничъ, убѣжали въ Яренскъ, и воевода Вятскій, князь Михайла Ухтомскій, распустилъ всѣхъ сборныхъ людей, поэтому и они, Пермичи, своихъ ратныхъ людей удержали у себя; а пріѣзжій сынъ боярскій, Василій Тырковъ, сказывалъ, что въ Котельничѣ государевыхъ измѣнниковъ было всего 1,400 человѣкъ, а у князя Ухтомскаго было ратныхъ людей въ сборѣ 12,000. „Съ такимъ собраньемъ, писали Пермичи въ Вятку, можно было бы надъ государевыми измѣнниками промыслить всякими мѣрами; а то намъ кажется, что князь Михайла Ухтомскій нарочно государевыхъ измѣнниковъ изъ Ко-

тельнича упустилъ, да и не послалъ за ними; а въ Яренскъ изъ Вятки ѣздятъ объ одну ночь; Татары Каринскіе и Василій Тырковъ съ государевыми ратными людьми у князя Ухтомскаго на измѣнниковъ просились, но князь Михайла ихъ не пустилъ. И вы бы, господа, на такую князя Михайла дурость не смотрѣли, и ратнымъ людямъ со всей Вятской Земли велѣли быть въ сборѣ, тотчасъ, больше прежняго, чтобъ государевы измѣнники на васъ украдкою не пришли". Раздосадованные Вятчане отвѣчали на эту грамоту въ такихъ выраженіяхъ: „Вы къ намъ теперь писали самою глупостью, да не только-что глупостью, пьянствомъ; видите надъ нами отъ враговъ разоренье великое, у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а вы ихъ къ Вяткѣ не присылаете, съ дороги ихъ воротили. Мы на вашу глупость не смотримъ, помнимъ Бога, свои души и крестное цѣлованье: съ измѣнниками не ссылаемся, надъ ворами промышляемъ и противъ враговъ стоимъ, какъ насъ милосердый Богъ вразумитъ и сколько помощи подастъ. А вы надъ собою милость Божію и Пречистой Богородицы, свое крестное цѣлованье и государево жалованье забыли, рады христіанскому кровопролитію и разоренью: Вятскую Землю ворамъ на разоренье напрасно подаете, ратныхъ людей къ намъ не присылаете и съ нами на воровъ не стоите; такъ вы сами себѣ предатели и отъ своей вамъ глупости погибнуть. Прежде этого къ вамъ были посланы два государева измѣнника, велѣно вамъ казнить ихъ смертью, а вы надъ ними ничего не сдѣлали. Смотрите, какъ служатъ и прямятъ государю Устюжане и Соль Вычегодская: прислали къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей и велѣли имъ быть на Вяткѣ до тѣхъ поръ, пока Яренскъ очистится. Такъ вы бы глупость свою покинули, непремѣнно прислали бы къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобъ Вятской Землѣ помочь и ворамъ не подать, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ въ разореньи не быть. Вы росказнямъ Тыркова вѣрите, а нашему письму не вѣрите: такъ вамъ бы самимъ пьянымъ всегда быть, какъ былъ пьянъ на Вяткѣ Василій Тырковъ". Намъ теперь трудно оправдать Пермичей: прямо видно желаніе ихъ медлить, дожидаться времени, не обременять себя пожертвованіями; предлогъ, подъ которымъ они отказали Вятчанамъ въ помощи, былъ ничтожный. Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣли они, мимо отписокъ воеводы и міра, повѣрить рѣчамъ какого-то Тыркова, который могъ лгать на Ухтомскаго по личнымъ отношеніямъ, особенно когда другіе города писали то же, что и Вятчане, и посылали ратныхъ людей къ нимъ на помощь. Еслибъ даже извѣстія Тыркова были и справедливы, то во всякомъ случаѣ Пермечи должны были тотчасъ двинуться къ Вяткѣ, ибо если Ухтомскій дѣйствовалъ плохо по трусости, то они должны были ободрить его своимъ приходомъ; если же онъ благопріятствовалъ ворамъ, то Пермичи должны были спѣшить въ Вятку, чтобъ уничтожить всѣ крамолы —но измѣну Ухтомскаго предположить трудно, ибо онъ не сталъ бы тогда созывать къ себѣ отовсюду на помощь ратныхъ людей, вѣрныхъ царю Московскому. Наконецъ противъ Пермичей свидѣтельствуютъ и прежнія, и послѣдующія ихъ нерѣшительность и недѣятельность. Когда Ухтомскаго смѣнилъ въ Вяткѣ воевода Мансуровъ, то и онъ писалъ также къ Пермичамъ о немедленной присылкѣ ратныхъ людей и наряда; но ему Пермичи отвѣчали, что у нихъ много ратныхъ людей было въ сборѣ, но что прежній воевода, князь Ухтомскій, писалъ къ нимъ объ уходѣ измѣнниковъ изъ Котельнича въ Яренскъ, и чтобъ они ратныхъ людей не присылали, поэтому они и распустили войско; наряду у нихъ въ Перми лишняго нѣтъ, а какой есть, тотъ надобенъ самимъ. Несмотря на такую холодность къ общему дѣлу, Шуйскій далъ Пермичамъ грамоту, въ которой, за службу и радѣнье, освобождалъ ихъ отъ сбора по 50 рублей съ сохи.

Когда дѣла шли такимъ образомъ на сѣверо-востокѣ, князь Скопинъ, стоя въ Кялязинѣ, занимался обученіемъ своихъ сѣверныхъ новобранцевъ, причемъ ревностно помогалъ ему Шведъ Сомме, а съ другой стороны шли дѣятельные переговоры съ Делагарди касательно возвращенія его отряда снова на службу царскую. Царь Василій принужденъ былъ поспѣшить исполненіемъ Выборгскаго договора и послалъ къ Корелу приказъ очистить этотъ городъ для Шведовъ. Между тѣмъ одинъ отрядъ, высланный Скопинымъ, занялъ Переяславль-Залѣсскій, съ другой стороны приближался бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, который безпрепятственно вошелъ въ Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ. Въ Касимовѣ явился къ нему изъ Москвы отъ царя князь Прозоровскій съ жалованнымъ словомъ за службу, что царю Василью служилъ и прямилъ; но Прозоровскій долженъ былъ также сказать Шереметеву, что идетъ медленно, государевымъ дѣломъ не радѣетъ. Такимъ образомъ, Шереметевъ получилъ и похвалу, и выговоръ въ одно время, за одно и то же дѣло; товарищъ его, Иванъ Салтыковъ, былъ взятъ въ Москву: его, какъ видно, считали главнымъ виновникомъ медленности и нерадѣнья. Шереметевъ послѣ того перешелъ во Владиміръ.

Такимъ образомъ, сѣверъ очищался и главныя рати царя Василія съ востока и запада сходились къ Москвѣ, чтобъ подъ ея стѣнами дать рѣшительный бой царю Тушинскому, царю южной части государства, прежепогибшей Украйны и степей казацкихъ. Побѣда Скопина надъ Зборовскимъ сильно встревожила Тушино: самозванецъ писалъ Сапѣгѣ, чтобъ тотъ, бросивъ осаду Троицкаго монастыря, спѣшилъ на защиту Тушина. „Непріятель", пишетъ Лжедимитрій, „вошелъ въ Тверь почти на плечахъ нашего войска. Мы не разъ уже писали вамъ, что не должно терять времени за курятниками, которые безъ труда будутъ въ нашихъ рукахъ, когда Богъ увѣнчаетъ успѣхомъ наше предпріятіе. Теперь же, при перемѣнѣ счастья, мы тѣмъ болѣе

просимъ оставить тамъ все и спѣшить какъ можно скорѣе со всѣмъ войскомъ вашимъ къ главному стану, давая знать и другимъ, чтобъ спѣшили сюда же. Просимъ, желаемъ непремѣнно и подтверждаемъ, чтобъ вы иначе не дѣйствовали". Не довольствуясь этимъ, самозванецъ приписалъ собственноручно: „Чтобъ спѣшилъ какъ можно скорѣе" [1]). Но гроза поднималась надъ Тушиномъ съ другой сотроны.

Глава VI.

Окончаніе царствованія Василія Ивановича Шуйскаго.

Польскій король Сигизмундъ осаждаетъ Смоленскъ.—Смута въ Тушинѣ по этому случаю.—Самозванецъ бѣжитъ изъ Тушина въ Калугу.—Послы отъ русскихъ Тушинцевъ у короля Сигизмунда и предлагаютъ Русскій престолъ сыну его Владиславу.—Условія избранія Владислава.—Положеніе Марины въ Тушинѣ.—Положеніе Самозванца въ Калугѣ.—Марина убѣгаетъ изъ Тушина.—Поляки оставляютъ Тушино.—Народная любовь къ князю Скопину.—Торжественный въѣздъ его въ Москву.—Затруднительное положеніе короля Сигизмунда.—Смерть Скопина.—Ляпуновъ поднимается противъ царя Василія.—Побѣда польскаго гетмана Жолкѣвскаго надъ Русскими при Клушинѣ.—Походъ Жолкѣвскаго къ Москвѣ.—Самозванецъ подъ Москвою.—Сверженіе Шуйскаго.—Правительственныя распоряженія въ царствованіе Шуйскаго.

Мы видѣли, что, при вступленіи Шуйскаго на престолъ, королю Сигизмунду, угрожаемому страшнымъ рокошемъ, было не до Москвы. Но рокошъ кончился торжествомъ короля, который имѣлъ теперь возможность заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ въ дѣла Московскаго государства вмѣшалась чуждая и враждебная Польшѣ держава. Сигизмундъ еще могъ ждать спокойно развязки дѣлъ, пока Шуйскій боролся съ самозванцемъ; но когда Шуйскій завелъ переговоры со Шведами, съ Карломъ IX, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и Польши, когда между царемъ Московскимъ и королемъ Шведскимъ заключенъ былъ вѣчный союзъ противъ Польши,—тогда Сигизмундъ оставаться въ покоѣ не могъ; съ другой стороны, послы польскіе, возвратившіеся изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него: что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава. Послѣ Сигизмундъ объявлялъ Испанскому королю, что онъ предпринялъ Московскую войну, во-первыхъ, для отмщенія за недавнія обиды, за нарушеніе народнаго права: потомъ, чтобъ дать силу своимъ наслѣдственнымъ правамъ на престолъ Московскій, ибо предокъ его, Ягайло, былъ сыномъ княжны Русской и женатъ былъ также на княжнѣ Русской; наконецъ, чтобъ возвратить области, отнятыя у его предковъ князьями Московскими. Походъ былъ впрочемъ предпринятъ не изъ однѣхъ частныхъ выгодъ короля, но и для блага всего христіанства: король видѣлъ, что колеблющемуся государству Московскому съ одной стороны угрожаютъ Турки и Татары, съ другой — еретическіе государи; въ войскахъ Шуйскаго были Татары, были еретики Французы, Голландцы, Англичане, набранные тѣми (Шведами), которые хотѣли, заключивъ союзъ противъ Польши съ варварами, истребить католическую религію и основать еретическое государство съ титуломъ имперіи, который Москвитяне себѣ присвоиваютъ.

Король отправился къ московскимъ границамъ, повѣстивъ сенаторамъ, что ѣдетъ въ Литву для наблюденія за войною со Шведами въ Ливоніи и за ходомъ дѣлъ въ Россіи, обѣщаясь имѣть въ виду только однѣ выгоды республики; въ Люблинѣ объявилъ сеймовымъ депутатамъ, что все добытое на войнѣ Московской отдастъ республикѣ, ничего не удержитъ для себя. Эти обязательства очень важны для насъ: они устанавливаютъ точку зрѣнія, съ какой мы должны смотрѣть на поведеніе Сигизмунда относительно Московскаго государства. Мы не можемъ упрекать Сигизмунда въ близорукости, въ безразсудномъ упрямствѣ, упрекать его за то, что онъ непремѣнно хотѣлъ взять Смоленскъ, не послалъ тотчасъ сына своего Владислава въ Москву, раздражилъ тѣмъ Русскихъ и произвелъ возстаніе, окончившееся изгнаніемъ Поляковъ. Мы прежде всего должны обратить вниманіе на положеніе Сигизмунда, который не могъ заботиться о своихъ династическихъ выгодахъ, обязавшись думать только о выгодахъ республики: какъ бы онъ могъ возвратиться въ Польшу и явиться на сеймъ, потративъ польскую кровь и деньги для того только, чтобъ посадить сына своего на Московскій престолъ, если это посаженіе не доставляло Польшѣ никакой непосредственной выгоды? Польскій престолъ былъ избирательный; по смерти Сигизмунда сынъ его Владиславъ, царь Московскій, могъ быть избранъ королемъ Польскимъ и нѣтъ: и прежніе цари Московскіе бывали искателями Польскаго престола, но не достигали его по невозможности согласить интересы польскіе съ московскими, а эта невозможность должна была существовать и при Владиславѣ, потому что если-бы онъ, сидя на Московскомъ престолѣ, вздумалъ быть полезенъ Польшѣ, то ему

[1]) Акты истор. II, № 158 — 160, 271; Акты арх. эксп. II, № 96, 108, 135, 136, 137, 140, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 153, 156; Пол. собр. русск. лѣтоп. IV, 325; Собр. гос. гр. и дог. II, 149, Никон. лѣтоп. VIII, 116; рукоп. Румянцов. муз. № 390; Сборн. Мухан. № 100 и слѣд.

могли приготовить участь Лжедимитрія. Другое дѣло, если бы Москва покорилась самому королю Сигизмунду, то-есть присоединилась къ Польшѣ: это было выгодно для послѣдней, и Сигизмундъ могъ добиваться этого; но прежде онъ долженъ былъ овладѣть какою-нибудь областію для Польши, чтобы достигнуть цѣли своего похода, доставить Рѣчи Посполитой что-нибудь вѣрное, тогда какъ овладѣніе Москвою было такимъ предпріятіемъ, котораго успѣхъ былъ очень сомнителенъ. Гетманъ Жолкѣвскій писалъ къ королю, что всѣ думаютъ, будто король выступилъ въ походъ для собственныхъ выгодъ, а не для выгодъ республики, и потому не только простой народъ,—и сенаторы неохотно объ этомъ говорятъ: необходимо, слѣдовательно, увѣрить сенаторовъ въ противномъ. Понятно послѣ этого, что Сигизмундъ долженъ былъ спѣшить этимъ увѣреніемъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, спѣшить пріобрѣтеніемъ для республики, а не для себя, какого-нибудь важнаго мѣста въ Московскихъ владѣніяхъ. Издавна Смоленскъ былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою; наконецъ первой удалось овладѣть имъ. Но Литва не могла позабыть такой важной потери, ибо этотъ городъ, ключъ Днѣпровской области, считался твердынею неприступною. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода Смоленскій Шеинъ и жители охотно сдадутся ему; король не хотѣлъ упускать такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску, вопреки совѣтамъ гетмана Жолкѣвскаго, который хотѣлъ вести войско въ Сѣверскую Землю, гдѣ худо укрѣпленные городки не могли оказать упорнаго сопротивленія.

Какъ смотрѣли въ это время въ Польшѣ на дѣла московскія, на цѣль похода Сигизмундова,—можно видѣть изъ письма какого-то Отоевскаго, изъ Польши, къ какому-то Вапійскому, въ Ливонію, отъ 12 декабря 1608 года. Отоевскій пишетъ о наймѣ Шведами полковъ на помощь Шуйскому, причемъ прибавляетъ: „Намъ теперь слѣдуетъ положиться во всемъ на всемогущаго Бога и держать надежду на тѣхъ, которые теперь въ Русской Землѣ пасутся, потому что имъ до сихъ поръ все сходило съ рукъ счастливо; Русскіе своимъ государямъ, которымъ они крестъ цѣловали, толпами измѣняютъ и Землю свою нашимъ отдаютъ, и теперь здѣсь мірская молва, что наши мало не всею Русскою Землею овладѣли, кромѣ Москвы, Новгорода и другихъ небольшихъ городовъ. Я вамъ объявляю, что на будущемъ сеймѣ постановятъ такое рѣшеніе: видя легкоуміе и непостоянство Московскихъ людей, которымъ ни въ чемъ вѣрить нельзя, надобно разорить шляхту и купцовъ и развести въ Подолію или въ другія дальнія мѣста, а на ихъ мѣсто посадить изъ нашихъ земель добрыхъ людей, на которыхъ бы можно было въ нужное время положиться. Теперь намъ этимъ дѣломъ надобно промыслить раньше: прежде чѣмъ придутъ Шведы, надобно Шуйскаго со всѣми его пріятелями разорить и искоренить до основанія“. Изъ этого письма мы видимъ, какъ союзъ Шуйскаго со Шведами вывелъ Поляковъ изъ бездѣйствія, понудилъ ихъ ускорить рѣшительными мѣрами относительно Москвы. Съ другой стороны, видимъ, что цѣлію королевскаго похода для Поляковъ было покореніе Московскаго государства Польшѣ, а не возведеніе на Московскій престолъ сына королевскаго. Но если Поляки хотѣли воспользоваться смутнымъ состояніемъ Московскаго государства для его завоеванія, то это завоеваніе не могло быть легко, когда бы Поляки вступили въ московскія области съ явно враждебнымъ видомъ, съ явно высказанною цѣлію завоеванія. Москва была раздѣлена между двумя искателями престола; чтобъ облегчить себѣ завоеваніе русскихъ областей, Польша должна была выставить также искателя, именно королевича Владислава, на котораго еще при жизни перваго Лжедимитрія указывали бояре, о которомъ нѣкоторые изъ нихъ думали и теперь, какъ доносили Сигизмунду: итакъ посаженіе Владислава на престолъ Московскій было только предлогомъ для достиженія цѣли, но не могло быть цѣлію Сигизмундова похода.

Обо всѣхъ замыслахъ и движеніяхъ въ Польшѣ зналъ Смоленскій воевода Шеинъ, который посылалъ въ Литву за рубежъ своихъ лазутчиковъ; они приносили ему вѣсти, слышанныя ими отъ своихъ сходниковъ, т. е. людей подкупленныхъ, которые, сходясь въ условленныхъ мѣстахъ съ русскими лазутчиками, увѣдомляли ихъ обо всемъ, что у нихъ дѣлалось. Но не отъ однихъ лазутчиковъ-крестьянъ узнавалъ Шеинъ польскія новости: у него былъ подкупленъ въ Польшѣ какой-то Янъ Войтеховъ, который непосредственно на письмѣ доносилъ ему обо всемъ. Въ мартѣ 1609 года Войтеховъ писалъ ему, что по окончаніи сейма королевичъ хотѣлъ-было идти на Москву, но пріѣхалъ воевода Сендомирскій и посолъ отъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ послами отъ тушинскихъ Поляковъ съ просьбою къ королю и панамъ, чтобъ королевича на Московское царство не слали, ибо они присягнули Тушинскому царю головы свои положить, хотя-бъ и противъ своей братьи. Войтеховъ сообщилъ также вѣсти и изъ Тушинскаго стана: писалъ, что крутиголова Димитрій хочетъ оставить Тушино и утвердиться на новомъ мѣстѣ, потому что весною смрадъ задушитъ войско; весною же хочетъ непремѣнно добыть и Москву. Войтеховъ писалъ, что Сендомирскій воевода на сеймѣ именемъ Димитрія обязался отдать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую Землю, и еслибъ Мнишекъ въ этомъ не присягнулъ, то Поляки непремѣнно хотѣли посадить королевича на царство Московское. Войтеховъ писалъ также, что много купцовъ польскихъ пріѣхало домой изъ Тушина, и сказываютъ, будто Лжедимитрій хочетъ бѣжать, боясь Рожинскаго и казаковъ; что у него нѣтъ денегъ на жалованье польскому войску, которое будто бы говоритъ: „Если бы царь Московскій заплатилъ намъ, то мы воровъ выдали бы, а изъ Земли Московской

вышли"; что Шуйскому стоитъ привлечь къ себѣ Заруцкаго съ его Донскими казаками,—и тогда можно сжечь тушинскіе таборы. О самомъ себѣ Войтеховъ писалъ: „Пришлите мнѣ пожалуйста бобра добраго чернаго, самороднаго, потому что меня слово обошло за прежнее письмо къ вамъ,—такъ надобно что-нибудь въ очи закинуть". Шеину сообщали также слухи, ходившіе въ Литвѣ о самозванцахъ: писали, что воръ Тушинскій пришелъ съ Бѣлой на Велижъ, звали его Богданомъ, и жилъ онъ на Велижѣ шесть недѣль, а пришелъ онъ съ Бѣлой въ скорости, какъ убили Разстригу, сказывалъ, что былъ у Разстриги писаремъ ближнимъ; съ Велижа съѣхалъ съ однимъ Литвиномъ въ Витебскъ, изъ Витебска въ Польшу, а изъ Польши объявился воровскимъ именемъ. Петрушка, что сидѣлъ въ Тулѣ, и теперь живетъ въ Литвѣ, и прямой онъ сынъ Ѳедора; а вмѣсто него въ Москвѣ повѣсили мужика. Борисовъ сынъ, Ѳедоръ Годуновъ, также живъ и теперь у цесаря христіанскаго.

Между тѣмъ у пограничныхъ жителей московскихъ и литовскихъ, по обычаю, происходили ссоры, наѣзды. По этому поводу начальники пограничныхъ областей—староста Велижскій, Александръ Гонсѣвскій, бывшій недавно посломъ въ Москвѣ, и Смоленскій воевода Шеинъ, должны были войти въ сношенія другъ съ другомъ. Гонсѣвскій звалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ; Шеинъ, въ такое смутное время, боялся принять на себя за это отвѣтственность, особенно когда ему доносили, что Гонсѣвскій нарочно для того и пріѣхалъ въ Велижъ, чтобъ подговорить Смольнянъ къ сдачѣ королю. Шеинъ упрекалъ Гонсѣвскаго за то, что онъ не выполнилъ условій договора, заключеннаго имъ съ товарищами въ Москвѣ, что Поляки не выведены изъ Московскаго государства, и оттого происходитъ страшное кровопролитіе. Гонсѣвскій отвѣчалъ: „Ты хочешь, чтобъ Польскіе и Литовскіе люди были выведены изъ Московскаго государства; но какимъ образомъ это дѣлать?—грамотами королевскими? Грамоты были посланы къ нимъ; король хотѣлъ послать еще гонца, и велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою; но вы сами отъ добраго дѣла бѣгаете, держась своего обычая московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрите: этотъ обычай теперь ввелъ царство Московское въ погибель. Я знаю, что у васъ, у государей и въ народѣ такой довѣренности, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, по обычаю московскому, нельзя было со мною съѣздъ устроить; зная это, я писалъ тебѣ, чтобъ ты объявилъ о дѣлѣ архіепископу и другимъ Смольнянамъ, и съ ихъ вѣдома съѣздъ устроилъ; но и это не помогло. Припоминая себѣ дѣла московскія, къ которымъ, будучи въ Москвѣ, приглядѣлся и прислушался, также и нынѣшнее ваше поведеніе видя, я дивлюсь тому: что ни дѣлаете,—все только на большее кровопролитіе и на пагубу государству своему". Гонсѣвскій былъ правъ на словахъ, но вовсе не правъ на дѣлѣ, потому что онъ-то и извѣстилъ короля о желаніи бояръ имѣть царемъ Владислава, онъ-то и теперь всѣхъ больше хлопоталъ о сдачѣ Смоленска, какъ прямо самъ король сказалъ Жолкѣвскому; слѣдовательно извѣстія, полученныя Шеинымъ о замыслахъ Гонсѣвскаго, были вполнѣ справедливы, и Шеинъ имѣлъ полное право не довѣрять Велижскому старостѣ.

Надобно было готовиться къ оборонѣ, принимать мѣры предосторожности; но въ такое смутное время трудно было разсчитывать на всеобщее усердіе, на всеобщее повиновеніе: стрѣлецкіе сотники и дѣти боярскія отказывались стоять насторожѣ противъ Поляковъ. А между тѣмъ изъ-за границы приходили вѣсти одна другой страшнѣе о движеніяхъ Сигизмунда. Донесеніе Войтехова, что обѣщанія Мнишка, данныя на сеймѣ, удержали Поляковъ отъ войны, оказалось ложнымъ; въ маѣ 1609 года лазутчики донесли Шеину, что король строго запретилъ Сердомирскому воеводѣ и всѣмъ вообще Полякамъ ходить къ Москвѣ. Въ іюлѣ доносили: что Гонсѣвскій идетъ съ нарядомъ подъ Смоленскъ; что туда же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, ждутъ самого Сигизмунда: что Гонсѣвскій приводилъ жителей пограничныхъ московскихъ волостей къ присягѣ на имя королевское. Вѣсти были справедливы. Въ Минскѣ съѣхался съ королемъ гетманъ Жолкѣвскій и разспрашивалъ о подробностяхъ касательно предпринимаемаго похода, хотѣлъ знать, что ручается королю за успѣхъ его? Тѣ, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока онъ находится далеко, то боярамъ московскимъ трудно отозваться въ его пользу, и потому, чтобъ заставить ихъ высказать свое расположеніе, королю необходимо спѣшить къ границамъ. Въ Минскъ пришло письмо отъ Гонсѣвскаго, который настаивалъ, чтобъ король какъ можно скорѣе выступалъ подъ Смоленскъ беззащитный, ибо ратные люди смоленскіе ушли на помощь къ Скопину. Сигизмундъ выѣхалъ изъ Минска, а въ Оршѣ свидѣлся съ Литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, который также убѣждалъ короля спѣшить походомъ. Сапѣга пошелъ впередъ къ Смоленску, безпрестанными записками побуждая къ скорости и Жолкѣвскаго, которому очень не нравилась вся эта поспѣшность и, какъ ему казалось, необдуманность: опытному полководцу странно было предположить, что такая сильная крѣпость, какъ Смоленскъ, захочетъ сдаться войску, въ которомъ было только 5,000 пѣхоты. Несмотря на то, 19 сентября нетерпѣливый Сапѣга уже стоялъ подъ Смоленскомъ, 21-го прибылъ туда и самъ король; всего войска собралось, кромѣ 5,000 пѣхоты, 12,000 конницы, 10,000 казаковъ Запорожскихъ и неопредѣленное число Татаръ литовскихъ; Запорожцевъ было также не всегда одинакое число, потому что часть ихъ отъѣзжала за кормами; въ числѣ 12,000 конницы было много волонтеровъ, которые, набравши добычи, разбѣгались. Число оса-

жденныхъ, способныхъ къ оборонѣ, полагаютъ до 70,000.

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Москву складную грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, въ которомъ говорится, что, по смерти послѣдняго Рюриковича, царя Ѳеодора, стали Московскими государями люди не царскаго рода и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ, вслѣдствіе чего возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля; что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго государства и даже изъ самой Москвы, видя такую гибель, били челомъ ему, Сигизмунду, чтобъ онъ, какъ царь христіанскій и наиближайшій родичъ Московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными, старинными государями Московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ. И вотъ онъ, Сигизмундъ, самъ идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь русскую, но чтобъ оборонять Русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи православной русской вѣры. Потому Смольняне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и съ солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало, въ противномъ же случаѣ войско королевское не пощадитъ никого. Смольняне отвѣчали королю, что у нихъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистой Богородицы: за православную вѣру, за Святыя церкви, за царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ помереть, а Литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться. Посады были пожжены, жены и дѣти служилыхъ людей, бывшихъ въ войскѣ Скопина, перебрались изъ уѣзда въ крѣпость; но крестьяне въ осаду не пошли и даточныхъ людей не дали, потому что король обольстилъ ихъ вольностію. Смольняне посылали челобитныя въ Москву съ просьбою о помощи; но, вмѣсто помощи, царь Василій могъ присылать имъ только милостивыя грамоты. Несмотря на то, осажденные рѣшились защищаться отчаянно, и если вступали въ переговоры съ королемъ, то единственно для того, чтобы выиграть время. При этихъ переговорахъ Смольняне прямо говорили посланнымъ королевскимъ, что они хвалятъ Сигизмунда за его доброе расположеніе, но опасаются его подданныхъ, на которыхъ положиться нельзя. Если бы король и обѣщалъ что-нибудь подъ клятвою, то Поляки не сдержатъ его слова, по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые, увѣряя, что сражаются за Русскихъ, сами забираютъ семейства ихъ и разоряютъ волости. Такимъ образомъ, кромѣ враждебныхъ пограничныхъ отношеній, издавна господствовавшихъ между Литвою и Смольнянами, послѣдніе не могли сдаться Сигизмунду вслѣдствіе слабости королевской власти въ Польшѣ, вслѣдствіе недостатка ручательства въ томъ, что обязательства, королемъ данныя, будутъ исполнены его подданными. Нѣкоторые изъ Смольнянъ объявили еще, что они не хотятъ терпѣть отъ Поляковъ того же, что терпѣли отъ нихъ жители Москвы во время перваго Лжедимитрія, и потому рѣшились умереть вѣрными царю Василію, и скорѣе собственными руками умертвятъ своихъ женъ, чѣмъ согласятся видѣть ихъ въ рукахъ Поляковъ. Трудно было полагаться и на обѣщанія самого Сигизмунда, который, увѣряя Смольнянъ, что будетъ охранять ихъ вѣру, въ Польшѣ объявилъ, что началъ войну преимущественно для славы Божіей, для распространенія католической религіи. Между причинами, побуждавшими Смольнянъ къ сопротивленію, можно положить еще и ту, что служилые люди смоленскіе были въ войскѣ Скопина, а семейства ихъ сидѣли въ осадѣ въ Смоленскѣ; эти семейства, разумѣется, всѣми силами должны были противиться сдачѣ города Сигизмунду, ибо тогда они были бы разлучены съ своими; съ другой стороны, присутствіе смоленскихъ служилыхъ людей въ станѣ Скопина одушевляло осажденныхъ надеждою, что земляки ихъ непремѣнно явятся на помощь къ нимъ, на выручку семействъ своихъ. Наконецъ указываютъ еще причину сопротивленія, именно со стороны богатѣйшихъ купцовъ смоленскихъ: они дали въ долгъ Шуйскому много денегъ;—если бы они сдались Сигизмунду, то эти деньги пропали бы.

Съ самаго начала осада пошла неудачно; осажденные позволяли себѣ очень смѣлыя вещи: однажды шестеро смѣльчаковъ переѣхали изъ крѣпости въ лодкѣ черезъ Днѣпръ къ шанцамъ непріятельскимъ, среди бѣлаго дня схватили знамя—и благополучно ушли съ нимъ обратно за рѣку. 12 октября король велѣлъ своему войску идти на приступъ: разбивши ворота петардой, часть войска ворвалась-было въ городъ, но не получила подкрѣпленія отъ своихъ и была вытѣснена осажденными. Подкопы также не удавались, потому что осажденные имѣли при стѣнахъ въ землѣ тайные подслухи. Не Смоленскъ, но Тушино испытало на себѣ весь вредъ отъ королевскаго похода: когда здѣсь узнали объ этомъ походѣ, то началось сильное волненіе; Поляки кричали, что Сигизмундъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ отнять у нихъ заслуженныя награды и воспользоваться выгодами, которыя они пріобрѣли своею кровію и трудами. Гетманъ Рожинскій былъ первый противъ короля, потому что въ Тушинѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а въ войскѣ королевскомъ не могъ имѣть такого значенія. Онъ собралъ коло и, разумѣется, легко уговорилъ товарищей своихъ не отказываться отъ цѣли уже столь близкой и дать другъ другу присягу—ни съ кѣмъ не входить въ переговоры и не оставлять Димитрія, но, посадивъ его на престолъ, требовать всѣмъ вмѣстѣ награжденія; если же царь станетъ медлить, то захватить области Сѣверскую и Рязанскую, и кормиться доходами съ нихъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ полнаго вознагражденія. Всѣ Поляки охотно подписали конфедераціонный актъ и отправили къ королю подъ Смоленскъ пословъ, Мархоцкаго съ товарищами, съ просьбою, чтобъ онъ вышелъ изъ Московскаго государства и не мѣшалъ ихъ предпріятію. Рожинскій хотѣлъ уговорить и Сапѣгу къ конфедераціи, для чего по-

ѣхалъ самъ къ нему въ станъ подъ Троицкій монастырь, но Сапѣга не рѣшился на мѣру, которая вела къ открытой борьбѣ съ королемъ.

Между тѣмъ Скопинъ, соединившись опять съ Делагарди, двинулся изъ Калязина на Александровскую слободу, откуда передовой отрядъ его, подъ начальствомъ Волуева и Сомме, вытѣснилъ Поляковъ. Скопинъ остановился въ слободѣ, дожидаясь Шереметева и новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи: онъ медлилъ, а Москва опять терпѣла голодъ: покупали четверть по семи рублей, и народъ волновался,—кричали, что лгутъ, будто придетъ скоро князь Михайла Васильевичъ, приходили въ Кремль міромъ къ царю Василью, шумѣли и начинали мыслить опять къ Тушинскому вору. Въ это мятежное время вдругъ пришла станица отъ Скопина съ письмомъ къ царю; царь послалъ письмо къ патріарху,—и настала въ Москвѣ радость, зазвонили въ колокола, начали пѣть молебны. Но радовались недолго, потому что голодъ все усиливался: крестьянинъ Сальковъ съ толпою русскихъ воровъ перехватилъ Коломенскую дорогу, по которой шли въ Москву запасы изъ Земли Рязанской, свободной отъ Тушинцевъ; царь выслалъ противъ него одного воеводу, но Сальковъ разбилъ его; выслалъ другого—тотъ ничего не сдѣлалъ разбойникамъ; наконецъ вышелъ третій воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и разбилъ Салькова на-голову на Владимірской дорогѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ; на четвертый день послѣ битвы Сальковъ явился въ Москву съ повинною: у него изо всей шайки осталось только 30 человѣкъ. Въ самой Москвѣ казаки завели измѣну: атаманъ Гороховой, которому пришла очередь стоять въ Красномъ селѣ, снесся съ Тушинцами и сдалъ имъ Красное село; Тушинцы выжгли его; мало этого: подведенные также измѣнниками, они подкрались ночью къ деревянному городу и зажгли его; Москвичи отбили ихъ и затушили пожаръ; выгорѣло саженъ сорокъ. Скопинъ все стоялъ въ Александровской слободѣ. Сапѣга пошелъ туда изъ-подъ Троицкаго монастыря, разбилъ высланный противъ него Скопинымъ отрядъ, но не могъ осилить самого Скопина и, послѣ жаркаго боя съ нимъ, возвратился опять подъ Троицу. Послѣ этого онъ уговаривалъ Рожинскаго дѣйствовать вмѣстѣ противъ Скопина; но тотъ, раздосадованный отказомъ Сапѣги приступить къ конфедераціи, отказался помогать ему и уѣхалъ въ Тушино, которому король скоро нанесъ послѣдній ударъ.

Въ то время, какъ тушинскіе Поляки отправили пословъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, король отправилъ своихъ пословъ въ Тушино, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами. Они должны были внушить Полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны московской въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена, притомъ обѣщалъ, что они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ полками его; начальнымъ людямъ сулилъ богатыя награды не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Польшѣ. Что же касается до русскихъ Тушинцевъ, то Сигизмундъ уполномочилъ пословъ обѣщать имъ сохраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества и богатыя награды, если они предадутся ему. Съ другой стороны, послы должны были войти въ сношеніе съ самимъ Шуйскимъ и начальными людьми въ Москвѣ, передать имъ грамоты королевскія. Грамота къ Шуйскому (отъ 12 ноября 1609 г. н. с.) начинается упрекомъ за дурной поступокъ съ послами польскими при возстаніи на самозванца, потомъ король продолжаетъ: „Ты заключилъ перемиріе съ этими послами нашими, вымогая изъ нихъ силою, по своей волѣ, дѣла трудныя, чтобы мы свели своихъ людей, которые противъ воли нашей въ Землю Московскую вошли съ человѣкомъ Москвичемъ, называющимся Димитріемъ Ивановичемъ; ты велѣлъ нашимъ посламъ цѣловать на этомъ крестъ; но мы этого условія не приняли, и ты къ намъ пословъ своихъ за подтвержденіемъ перемирія не прислалъ, и самъ разными способами его нарушилъ; людей нашихъ, въ Москвѣ задержанныхъ и въ заточенье разосланныхъ, ты до 28 сентября 1608 года на рубежѣ не поставилъ, какъ было договорено, иныхъ до сихъ поръ задержалъ, а нѣкоторыхъ послѣ перемирья велѣлъ побить; за невинно побитыхъ людей нашихъ и за разграбленіе имущества ихъ удовлетворенія не сдѣлалъ; сверхъ того, съ непріятелемъ нашимъ, Карломъ Зюдерманландскимъ, ссылался, казною ему противъ насъ помогалъ. Мы однако хотимъ Московское государство успокоить, и для того отправляемъ къ людямъ нашимъ, которые стоятъ подъ Москвою таборами, пословъ нашихъ великихъ, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами, и тебѣ объ этомъ объявляемъ, чтобы ты боярамъ своимъ думнымъ велѣлъ съ нашими послами съѣхаться на безопасномъ мѣстѣ подъ Москвою и о добрыхъ дѣлахъ договоръ постановить для унятія этой войны въ Московскомъ государствѣ“. Грамоты къ патріарху и всему духовенству заключали въ себѣ слѣдующее: „Такъ какъ въ государствѣ Московскомъ съ давняго времени идетъ большая смута и разлитіе крови христіанской, то мы, сжалившись, пришли сами своею головою, не для того, чтобы желали большой смуты и пролитія крови христіанской въ вашемъ государствѣ, но для того, чтобъ это великое государство успокоилось. Если захотите нашу королевскую ласку съ благодарностію принять и быть подъ нашею рукою, то увѣряемъ васъ нашимъ господарскимъ истиннымъ словомъ, что вѣру вашу православную правдивую Греческую, всѣ уставы церковные и всѣ обычаи старинные цѣло и ненарушимо будемъ держать, не только оставимъ при васъ старыя отчины и пожалованія, но сверхъ того всякою честью, вольностію и многимъ жалованьемъ васъ, церкви Божіи и монастыри одаривать будемъ“.

Грамота къ боярамъ и всѣмъ людямъ Московскимъ была точно такого же содержанія.

Послы, отправленные изъ Тушина къ королю, и королевскіе, отправленные въ Тушино, встрѣтились въ Дорогобужѣ; послы королевскіе допытывались у тушинскихъ, зачѣмъ они ѣдутъ къ Смоленску, но тѣ не сказали имъ ничего. Пріѣхавъ подъ Смоленскъ, тушинскіе послы правили посольство сперва предъ королемъ, потомъ предъ рыцарствомъ. Рѣчь, произнесенная предъ королемъ при почтительныхъ формахъ, была самаго непочтительнаго содержанія: Тушинцы объявили, что король не имѣетъ никакого права вступаться въ Московское государство и лишать ихъ награды, которую они пріобрѣли у царя Димитрія своими трудами и кровію. Получивъ отъ короля суровый отвѣтъ, тушинскіе послы отправились немедленно изъ-подъ Смоленска и пріѣхали въ Тушино прежде коммисаровъ королевскихъ. Выслушавши ихъ донесеніе, Рожинскій съ товарищами начали совѣтоваться, принимать ли королевскихъ коммисаровъ или нѣтъ, потому что прежде они уговорились стоять при Димитріи и не входить ни съ кѣмъ въ переговоры, если бы кто захотѣлъ вести ихъ съ ними, а не съ царемъ. Рожинскій, Зборовскій и многіе другіе начальные люди утверждали, что должно оставаться при первомъ рѣшеніи. Но войско не соглашалось: въ таборахъ пронеся слухъ, что у короля много денегъ и можетъ заплатить жалованье войску, если оно, отступивши отъ Димитрія, перейдетъ на его сторону. Въ это время явился посланный отъ Сапѣги и отъ всего войска, бывшаго подъ Троицкимъ монастыремъ, и потребовалъ, чтобы Тушинцы непремѣнно вступили въ переговоры съ королевскими коммисарами, въ противномъ случаѣ Сапѣга сейчасъ же перейдетъ на службу королевскую. Тогда Рожинскій долженъ былъ допустить коммисаровъ; начались переговоры, сопровождавшіеся сильными волненіями. Что же дѣлалъ во все это время самозванецъ? Его время прошло, на него не обращали никакого вниманія; мало того, вожди тушинскихъ Поляковъ срывали на немъ свое сердце съ тѣхъ поръ, какъ вступленіе короля въ московскіе предѣлы поставило ихъ въ затруднительное положеніе: такъ, панъ Тишкевичъ ругалъ его въ глаза, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Лжедмитрій хотѣлъ уѣхать изъ стана съ своими русскими приверженцами, которымъ непріятно было такое обращеніе Поляковъ съ ихъ царемъ прирожденнымъ; несмотря на то, что всѣ лошади его были заперты Поляками, царику удалось-было выйти изъ стана съ 400 Донскихъ казаковъ, но Рожинскій догналъ его и привелъ назадъ въ Тушино, гдѣ онъ былъ съ того времени подъ строгимъ надзоромъ. Когда, 27 декабря, Лжедмитрій спросилъ у Рожинскаго, о чемъ идутъ переговоры съ королевскими коммисарами, то гетманъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему: „А тебѣ что за дѣло, зачѣмъ коммисары пріѣхали ко мнѣ? Ч.... знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ". Пьяный Рожинскій грозилъ ему даже побоями. Тогда Лжедмитрій рѣшился, во что бы то ни стало, бѣжать изъ Тушина, и въ тотъ же день вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ навозныя сани и уѣхалъ въ Калугу самъ-другъ съ шутомъ своимъ Кошелевымъ.

Послѣ отъѣзда самозванца, Рожинскому съ товарищами ничего больше не оставалось, какъ вступить въ соглашеніе съ королемъ, умѣривъ свои, сначала безразсудныя, требованія. Но въ Тушинѣ было много Русскихъ: что имъ было теперь дѣлать? Двинуться за самозванцемъ они не могли: Поляки бы ихъ не пустили, да и трудно имъ было надѣяться, что самозванецъ успѣетъ поправить свои обстоятельства. Они не могли рѣшиться просить у Шуйскаго промѣнять положеніе важное на участь еще неизвѣстную даже и въ случаѣ помилованія: Шуйскій не могъ смотрѣть на нихъ такъ снисходительно, какъ смотрѣлъ онъ на тѣхъ отъѣзжиковъ изъ Тушина, которые оставляли самозванца во всемъ его могуществѣ; теперь они не по доброй волѣ оставляли самозванца, а были имъ самимъ оставлены. Русскимъ Тушинцамъ, какъ и польскимъ, оставался одинъ выходъ—вступить въ соглашеніе съ коммисарами королевскими. Послѣдніе просили ихъ собраться въ коло; собрались: нареченный патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ людьми ратными, Салтыковъ съ людьми думными и придворными; пришелъ и ханъ Касимовскій съ своими Татарами. Стадницкій говорилъ рѣчь, доказывалъ добрыя намѣренія короля относительно Московскаго государства; говорилъ о готовности Сигизмунда принять его въ свою защиту для освобожденія отъ тирановъ безправныхъ. Рѣчь была неопредѣленная, и совѣсть многихъ могла быть покойна; охотно слушали и рѣчь посла и грамоту королевскую, цѣловали Сигизмундову подпись, хвалили Рѣчь Посполитую за скорую помощь. Но, принимая покровительство короля, Русскіе требовали прежде всего неприкосновенности православной вѣры Греческаго закона, и коммисары поручились имъ въ этомъ, написали и отвѣтную грамоту королю, въ которой ясно высказывается нерѣшительность и желаніе продлить время, дождаться, что произойдетъ въ Москвѣ и областяхъ, ей вѣрныхъ: „Мы, Филаретъ патріархъ Московскій и всея Руси, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ, слыша его королевскаго величества о Святой нашей православной вѣрѣ раденье и о христіанскомъ освобожденіи подвигъ, Бога молимъ и челомъ бьемъ. А мы, бояре, окольничіе и т. д., его королевской милости челомъ бьемъ и на преславномъ Московскомъ государствѣ его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видѣть хотимъ; только этого вскорѣ намъ, духовнаго и свѣтскаго чина людямъ, которые здѣсь въ таборахъ, постановить и утвердить нельзя безъ совѣту его милости пана гетмана, всего рыцарства и безъ со-

*

вѣту Московскаго государства изъ городовъ всякихъ людей; а какъ такое великое дѣло постановимъ и утвердимъ, то мы его королевской милости дадимъ знать". Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ польскими, обязавшись взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ; но, какъ говорятъ, многіе изъ нихъ спѣшили выйти изъ нерѣшительнаго положенія и цѣловали крестъ Сигизмунду. Рѣшено было также, чтобы русскіе и польскіе Тушинцы отправили отъ себя пословъ къ королю для окончательныхъ переговоровъ.

31-го января 1610 года послы отъ русскихъ Тушинцевъ были торжественно представлены королю; явились люди разныхъ чиновъ и приняли на себя представительство Московскаго государства: здѣсь были: Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ; дьяки—Грамотинъ, Чичеринъ, Соловецкій, Витовтовъ, Апраксинъ и Юрьевъ; здѣсь были и Михайла Молчановъ, и Тимоѳей Грязный, и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій московскій кожевникъ. Михайла Салтыковъ началъ рѣчь, говорилъ о расположеніи Московскаго народа къ королю, и отъ имени этого народа благодарилъ короля за милость. Сынъ его, Иванъ Салтыковъ, билъ челомъ королю отъ имени Филарета, нареченнаго патріарха, и отъ имени всего духовенства, и также благодарилъ Сигизмунда за стараніе водворить миръ въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ дьякъ Грамотинъ, отъ имени Думы, Двора и всѣхъ людей, объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Владислава, если только король сохранитъ ненарушимо Греческую вѣру, и не только не коснется древнихъ правъ и вольностей Московскаго народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ государствѣ. Изъ этого видно, что долгое пребываніе Русскихъ и Поляковъ въ одномъ станѣ произвело свои дѣйствія: но тутъ же обнаружилось и главное препятствіе къ соединенію Московскаго государства съ Польшею: говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда началъ просить короля о сохраненіи Греческой вѣры: онъ не могъ остаться равнодушнымъ при мысли о той опасности, какая ждетъ православіе со стороны Сигизмунда. И когда начались переговоры между сенаторами и послами объ условіяхъ, на которыхъ Владиславу быть царемъ Московскимъ, то Русскіе опять прежде всего требовали ненарушимости православія. Наконецъ, 4 февраля, согласились написать слѣдующія условія: 1) Владиславъ долженъ былъ вѣнчаться на царство въ Москвѣ отъ Русскаго патріарха, по старому обычаю; король прибавилъ сюда, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совершенное спокойствіе въ государствѣ. Изъ этой прибавки явно было намѣреніе Сигизмунда не посылать сына въ Москву, но, подъ предлогомъ неустановившагося спокойствія, домогаться государства для себя. 2) Чтобы Святая вѣра Греческаго закона оставалась неприкосновенною; чтобъ учители римскіе, люторскіе и другихъ вѣръ раскола церковнаго не чинили. Если люди Римской вѣры захотятъ приходить къ церкви греческія, то должны приходить со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, а не съ гордостію, не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы и не сидѣли бы въ церкви не въ положенное время.—Сюда король прибавилъ, чтобы для Поляковъ въ Москвѣ былъ выстроенъ костелъ, въ который Русскіе должны входить съ благоговѣніемъ. Король и сынъ его обѣщались не отводить никого отъ Греческой вѣры, потому что вѣра есть даръ Божій, и силою отводить отъ нея и притѣснять за нее не годится. Жидамъ запрещается въѣздъ въ Московское государство. 3) Король и сынъ его обязались чтить гробы и тѣла Святыхъ, чтить русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только не трогать имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ. 5) Въ томъ же самомъ обязались относительно бояръ, окольничихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей. 6) Служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье будетъ выдаваемо какъ при прежнихъ законныхъ государяхъ. 7) Такъ-же точно будетъ поступаемо съ ружниками и оброчниками. 8) Судамъ быть по-старинѣ, перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей Земли. 9) Между Московскимъ государствомъ, короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ быть оборонительному и наступательному союзу противъ всѣхъ непріятелей. 10) На татарскихъ украйнахъ держать обоимъ государствамъ людей сообща, о чемъ должно переговорить думнымъ боярамъ съ панами радными. 11) Никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми; имѣніе казненныхъ отдается наслѣдникамъ; король не долженъ никого вызывать насильно въ Литву и Польшу. Великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ людей—возвышать по заслугамъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи нельзя не видѣть вліянія дьяковъ и людей, подобныхъ Андронову, которыхъ было много въ Тушинскомъ станѣ: люди неродовитые, выхваченные бурями Смутнаго времени снизу наверхъ, хотятъ удержать свое положеніе и требуютъ, чтобы новое правительство возвышало людей низшихъ сословій по заслугамъ, которыя они ему окажутъ. Выговорено было и другое любопытное условіе: „Для науки вольно каждому изъ народа Московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бусурманскихъ поганскихъ, и господарь отчинъ, имѣній и дворовъ у нихъ за то отнимать не будетъ". Здѣсь надобно вспомнить, что люди, писавшіе этотъ договоръ, были Салтыковъ, Мосальскій, ревностные приверженцы перваго Лжедимитрія, а слѣдовательно и приверженцы его плановъ; а мы знаемъ, что Лжедимитрій, упрекая бояръ въ

невѣжествѣ, обѣщалъ позволить имъ выѣздъ заграницу. 12-мъ условіемъ было положено: русскихъ плѣнниковъ, отведенныхъ въ Польшу, возвратить. 13) Польскимъ и литовскимъ панамъ не давать правительственныхъ мѣстъ въ Московскомъ государствѣ: тѣхъ пановъ, которые должны будутъ остаться при Владиславѣ, награждать денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и отчинами, но съ общаго совѣта обоихъ государствъ; также король долженъ переговорить съ боярами о томъ, чтобы въ пограничныхъ крѣпостяхъ Польскіе люди могли остаться до совершеннаго успокоенія государства. Понятно, съ какою цѣлію было внесено Поляками послѣднее условіе: въ случаѣ сопротивленія восточныхъ областей, король могъ удержать въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ пограничныя мѣста 14) Подати будутъ сбираться по-старинѣ; король не можетъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей; податямъ должны подлежать только мѣста заселенныя. 15) Между обоими государствами вольная торговля; Русскіе могутъ ѣздить и въ чужія страны черезъ Польшу и Литву; тамги остаются старыя. 16) Крестьянскій переходъ запрещается въ московскихъ областяхъ, также между московскими областями и Литвою. 17) Холопей, невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ по-прежнему, а вольности имъ король давать не будетъ. 18) О казакахъ Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ и Терскихъ король долженъ будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли эти казаки надобны или нѣтъ.

Въ приведенномъ договорѣ насъ останавливаетъ особенно то, что на первомъ планѣ король, а не королевичъ; къ договору было приписано: „Чего въ этихъ артикулахъ не доложено, и, дастъ Богъ, его королевская милость будетъ подъ Москвою и на Москвѣ, и будутъ ему бить челомъ патріархъ и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне и всѣхъ становъ люди,—тогда объ этихъ артикулахъ его господарская милость станетъ говорить и уряжать, по обычаю Московскаго государства, съ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и со всею Землею. Ясно было, что имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замысловъ Сигизмундовыхъ, ибо прямо дѣйствовать во имя стараго короля было нельзя: купцы изъ Юго-Западной Россіи, находившіеся въ Москвѣ, дали знать ея жителямъ, чтобъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка, введшаго унію. Сигизмундъ спѣшилъ сдѣлать и второй шагъ впередъ для исполненія своихъ замысловъ,—онъ потребовалъ отъ пословъ, и послы согласились повиноваться ему до прибытія Владислава, въ чемъ и дали такую присягу: „Пока Богъ намъ дастъ государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотѣть его государеву отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю Польскому и великому князю Литовскому, Жигимонту Ивановичу“. Достигши этого, король отправилъ къ польскимъ сенаторамъ письмо, въ которомъ, увѣдомивъ о пріѣздѣ тушинскихъ пословъ и объ ихъ просьбѣ насчетъ Владислава, продолжаетъ: „Хотя при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей мы, по совѣту находящихся здѣсь пановъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и Москвитянъ, держащихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ, однако, имѣя въ виду, что походъ предпринятъ не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы безъ согласія всѣхъ чиновъ ея не хотимъ постановить съ ними ничего положительнаго“. Отстранивъ такимъ образомъ отъ себя нареканіе, что имѣетъ въ виду только свои династическія выгоды, король обращается къ сенаторамъ съ просьбою о помощи войскомъ и деньгами, потому что, пишетъ онъ, „только недостатокъ въ деньгахъ можетъ помѣшать такому цвѣтущему положенію дѣлъ нашихъ, когда открывается путь къ умноженію славы рыцарства, къ расширенію границъ республики и даже къ совершенному владѣнію цѣлою Московскою монархіей“.

Между тѣмъ, въ Тушинѣ, несмотря на то, что Рожинскій и другіе начальные люди, послѣ бѣгства Лжедимитріева, должны были вступить въ соглашеніе съ королемъ, большая часть войска хотѣла искать бѣжавшаго царика и помогать ему овладѣть Москвою. Марина оставалась въ Тушинѣ; блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами ходила она изъ палатки въ палатку и умоляла ратныхъ людей снова принять сторону ея мужа, хотя положеніе ея при самозванцѣ было самое тяжелое, какъ видно изъ переписки ея съ отцомъ. Изъ одного письма узнаемъ, что старый Мнишекъ уѣхалъ изъ Тушина въ сердцахъ на дочь, не далъ ей благословенія. Изъ этого же письма узнаемъ объ ея отношеніяхъ ко второму мужу: она проситъ отца, чтобъ тотъ напомнилъ о ней Лжедимитрію, напомнилъ о любви и уваженіи, какое онъ долженъ былъ оказывать женѣ своей. Въ другомъ письмѣ Марина говоритъ: „О дѣлахъ моихъ не знаю что писать, кромѣ того что въ нихъ одно отлагательство со дня на день: нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ, а не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ. Я хотѣла послать къ вамъ своихъ людей, но имъ надобно дать денегъ на пищу, а денегъ у меня нѣтъ“. Но духъ ея не ослабѣвалъ, она не хотѣла отказываться отъ цѣли, для которой пожертвовала всѣмъ, переѣзжая изъ стана Сапѣги въ Тушино; самая великость жертвъ, ею принесенныхъ, дѣлала цѣль эту для нея еще драгоцѣннѣе и отнимала возможность возвратиться назадъ. Въ отвѣтъ родственнику своему, Стадницкому, который увѣдомлялъ ее о вступленіи короля въ Московскіе предѣлы, Марина писала. „Крѣпко надѣюсь на Бога, Защитника притѣсненныхъ, что Онъ скоро объявитъ судъ свой праведный надъ измѣнникомъ и непріятелемъ нашимъ (Шуйскимъ)“. Въ этомъ

письмѣ собственною рукою приписала: „Кого Богъ освѣтитъ разъ, тотъ будетъ всегда свѣтелъ. Солнце не теряетъ своего блеска, потому только что иногда черныя облака его заслоняютъ“. Эти слова Марина прибавила потому, что Стадницкій въ письмѣ своемъ не далъ ей царскаго титула. Замѣчательно письмо ея къ королю, въ которомъ она прибѣгаетъ подъ его защиту и желаетъ счастливаго окончанія его предпріятіямъ; Марина пишетъ: „Разумѣется, ни съ кѣмъ счастіе такъ не играло, какъ со мною; изъ шляхетскаго рода возвысило оно меня на престолъ Московскій и съ престола ввергнуло въ жестокое заключеніе. Послѣ этого, какъ будто желая потѣшить меня нѣкоторою свободою, привело меня въ такое состояніе, которое хуже самаго рабства, и теперь нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ, по моему достоинству, не могу жить спокойно. Если счастіе лишило меня всего, то осталось при мнѣ однако право мое на престолъ Московскій, утвержденное моею коронаціею, признаніемъ меня истинною и законною наслѣдницею, признаніемъ, скрѣпленнымъ двойною присягою всѣхъ сословій и провинцій Московскаго государства“. Изъ этого письма видно, во-первыхъ, ужасное положеніе Марины въ Тушинѣ, при второмъ самозванцѣ; во-вторыхъ, Марина основываетъ свои права на Московскій престолъ не на правахъ мужей своихъ, но на своей коронаціи и присягѣ жителей Московскаго государства признавать ее своею царицею въ случаѣ безпотомственной смерти перваго Лжедимитрія: слѣдовательно Марина отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла втораго самозванца; онъ могъ быть обманщикъ, какимъ признаетъ его Польское правительство, но она чрезъ это не лишается правъ своихъ.

Марина впрочемъ напрасно такъ рано отчаялась въ дѣлѣ своего втораго мужа. Отдѣленіе отъ Поляковъ имѣло для него сначала свою выгодную сторону, ибо до сихъ поръ главный упрекъ ему состоялъ въ томъ, что онъ Ляхами опустошаетъ Русскую Землю; теперь ссора съ Поляками освобождала его отъ этого нареканія. Пріѣхавъ подъ Калугу, самозванецъ остановился въ подгородномъ монастырѣ, и послалъ монаховъ въ городъ съ извѣщеніемъ, что онъ выѣхалъ изъ Тушина, спасаясь отъ гибели, которую готовилъ ему король Польскій, злобившійся на него за отказъ уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую Землю; что онъ готовъ, въ случаѣ нужды, положить голову за православіе и отечество. Воззваніе оканчивалось словами: „Не дадимъ торжествовать ереси, не уступимъ королю ни кола, ни двора“. Калужане спѣшили въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, проводили Лжедимитрія съ торжествомъ въ городъ и дали ему средства окружить себя царскою пышностію. Но скоро обнаружилось, что и по отдѣленіи отъ Поляковъ самозванецъ долженъ былъ оставаться воровскимъ царемъ, потому что сила его основывалась на казакахъ. Князь Шаховской, всей крови заводчикъ, остался вѣренъ самозванцу и привелъ къ нему казаковъ, съ которыми стоялъ въ Царевѣ-Займищѣ; вѣроятно въ Калугу манила Шаховскаго надежда первой роли при Лжедимитріи, ибо тамъ не было болѣе Рожинскаго.

Чтобъ отнять силу у послѣдняго, Лжедимитрій хотѣлъ поселить раздоръ въ Тушинѣ, и, злобясь особенно на русскихъ Тушинцевъ, показавшихъ мало къ нему усердія, хотѣлъ вооружить противъ нихъ Поляковъ. Съ этою цѣлію Лжедимитрій отправилъ въ Тушино Поляка Казимірскаго съ письмомъ къ Маринѣ и другимъ лицамъ, гдѣ увѣрялъ, что готовъ возвратиться въ станъ, если Поляки обяжутся новою присягою служить ему и если будутъ казнены отложившіеся отъ него Русскіе: но письма были отняты у Казимірскаго и самъ онъ получилъ запрещеніе, подъ смертною казнію, возмущать войско. Рожинскій хотѣлъ отплатить самозванцу тою же монетою: онъ далъ Казимірскому письмо къ прежнему воеводѣ Калужскому, Поляку Скотницкому, гдѣ убѣждалъ послѣдняго съ помощію бывшихъ въ Калугѣ Поляковъ схватить Лжедимитрія и переслать назадъ въ Тушино. Но Казимірскій, пріѣхавъ въ Калугу, отдалъ письмо самозванцу, который тотчасъ велѣлъ бросить въ Оку Скотницкаго, хотя вовсе не могъ быть убѣжденъ въ томъ, что этотъ несчастный исполнитъ порученіе Рожинскаго; такой же участи подвергся и окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ. Подозрѣвая двойную измѣну, не вѣря болѣе ни Полякамъ, ни знатнымъ Русскимъ, самозванецъ хотѣлъ жестокостію предупреждать вредные для него замыслы. Но если самозванецъ не вѣрилъ знатнымъ Русскимъ людямъ, то холопамъ и казакамъ онъ вѣрилъ: выгоды ихъ были тѣсно связаны съ его собственными. Такъ Донскіе казаки не послушались Млоцкаго, убѣждавшаго ихъ вступить въ королевскую службу, и отправились въ Калугу. Тѣ изъ тушинскихъ Поляковъ, которые не хотѣли соединяться съ королемъ и думали опять сблизиться съ Лжедимитріемъ, болѣе всего надѣялись на Донскихъ казаковъ и уговаривали ихъ начать дѣло, явно двинуться изъ Тушина въ Калугу, увѣряя, что если Рожинскій пойдетъ ихъ преслѣдовать, то они, Поляки, ударятъ ему въ тылъ. Несмотря на несогласіе главнаго воеводы своего Заруцкаго, казаки, подъ начальствомъ князей Трубецкаго и Засѣцкаго, ушли изъ Тушина; Рожинскій погнался за ними: они остановились и дали битву, въ надеждѣ получить помощь отъ самихъ Поляковъ, но тѣ обманули ихъ, и Рожинскій положилъ съ двѣ тысячи казаковъ на мѣстѣ, остальные разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, нѣкоторые пришли назадъ въ Тушино къ Заруцкому.

Отъѣздъ Марины подалъ поводъ къ новымъ волненіямъ въ Тушинѣ; ночью 11 февраля она убѣжала верхомъ въ гусарскомъ платьи, въ сопровожденіи одной служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ. На другой день поутру нашли письмо отъ нея къ войску: „Я принуждена удалиться, писала Марина, избывая послѣдней бѣды и поруганія. Не пощажена была и добрая моя слава

и достоинство, отъ Бога мнѣ данное! Въ бесѣдахъ равняли меня съ безчестными женщинами, глумились надо мною за покалами. Не дай Богъ, чтобы кто-нибудь вздумалъ мною торговать и выдать тому, кто на меня и Московское государство не имѣетъ никакого права. Оставшись безъ родныхъ, безъ пріятелей, безъ подданныхъ и безъ защиты, въ скорби моей поручивши себя Богу, должна я ѣхать поневолѣ къ моему мужу. Свидѣтельствую Богомъ, что не отступлю отъ правъ моихъ—какъ для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государынею народовъ, царицею Московскою, не могу сдѣлаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, — такъ и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнитъ присягу". Въ письмѣ Марина объявляла, что она ѣдетъ къ мужу поневолѣ; но скоро узнали, что она живетъ въ Дмитровѣ, у Сапѣги. Рожинскій писалъ ко королю, что Марина сбилась съ дороги и потому попала въ Дмитровъ; но одинъ изъ его товарищей по Тушину, Мархоцкій, пишетъ иначе: по его словамъ, Сапѣга переманилъ къ себѣ Марину обѣщаніемъ взять ея сторону. Мы не можемъ отвергнуть этого объясненія, если вспомнимъ, какое житье было Маринѣ при ворѣ, къ которому она могла отправиться только по самой крайней необходимости. Какъ бы то ни было, Тушино волновалось. Собралось коло подлѣ ставки Рожинскаго; люди, державшіе его сторону, т.-е. хотѣвшіе соединиться съ королемъ, пришли пѣшкомъ, только съ саблями, ничего не опасаясь отъ своихъ; но противники Рожинскаго, человѣкъ сто, пріѣхали верхами съ ружьями, а нѣкоторые и въ полномъ вооруженіи. Начали разсуждать, къ кому лучше обратиться, къ королю или къ Димитрію. Приверженцы соединенія съ королемъ говорили, что стоять за Димитрія нѣтъ возможности: Москва его ненавидитъ, Москва склоннѣе къ королю, чѣмъ къ нему. Нѣкоторые изъ противниковъ Рожинскаго объявили, что лучше вступить въ переговоры съ Шуйскимъ; имъ возражали: „Шуйскій не будетъ такимъ простякомъ, что станетъ покупать у васъ миръ, ведя ужъ войну съ королемъ". Другіе говорили: „Уйдемъ за Волгу, откроемъ бокъ королевскому войску, пусть его сдавитъ непріятель!" Имъ возражали, что это будетъ понапрасну,—королю отъ того не будетъ никакого вреда, потому что Москва, имѣя ихъ въ Землѣ своей, все же должна будетъ раздѣлить свои силы. Наконецъ нѣкоторые кричали, что надобно возвратиться въ Польшу; и на этотъ крикъ легко было возражать: „Разъѣдемся, король не прекратитъ войны, а мы безъ службы не обойдемся; потерявши награду за столько трудовъ, принуждены будемъ этою же весною вступить въ службу за новое жалованье." Не могши противопоставить доказательствъ доказательствамъ, противники Рожинскаго подняли крикъ; зачинщикомъ былъ панъ Тышкевичъ, личный врагъ Рожинскаго; раздались ружейные выстрѣлы въ ту сторону, гдѣ стоялъ гетманъ, приверженцы его отвѣчали также залпомъ: коло разбѣжалось. Противники Рожинскаго, закричавъ: „Кто добръ,—тотъ за нами!" выѣхали изъ стана въ поле и рѣшили ѣхать въ Калугу къ Лжедимитрію. Но болѣе благоразумные начали ихъ уговаривать, чтобы до времени остались покойно въ Тушинѣ, а если королевскія условія не понравятся, то надобно отойти за нѣсколько миль отъ столицы въ согласіи и въ порядкѣ,—и оттуда уже расходиться куда кто хочетъ. На это всѣ согласились. Въ такихъ обстоятельствахъ Рожинскій написалъ письмо Сигизмунду, гдѣ увѣдомлялъ его о бѣгствѣ Марины и мятежѣ войска, говорилъ, что если въ положенный срокъ не получится извѣстіе, могущее удовлетворить рыцарство, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшаго безпорядка. Чтобы избавиться отъ опасностей, грозившихъ ему со всѣхъ сторонъ, и отъ своего войска, и отъ Лжедимитрія изъ Калуги, и отъ Скопина, Рожинскому необходимо было немедленное прибытіе короля на помощь; поэтому онъ старался уговорить Сигизмунда къ скорому походу въ Тушино, писалъ: что Москвичи очень желаютъ этого; что царь Василій въ ссорѣ съ Скопинымъ; совѣтовалъ написать письмо къ Скопину, котораго, по словамъ лазутчиковъ, не трудно будетъ преклонить на польскую сторону; что русскіе Тушинцы, вмѣстѣ съ патріархомъ Филаретомъ, оскорблены невниманіемъ короля, который не прислалъ къ нимъ еще ни одной грамоты, также разбойничествомъ Запорожцевъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.—Но король не трогался изъ-подъ Смоленска и не выслалъ никого въ Тушино для окончательныхъ переговоровъ съ рыцарствомъ; вслѣдствіе этого, Рожинскій принужденъ былъ покинуть Тушино: онъ въ первыхъ числахъ марта 1610 года, зажегъ станъ и двинулся по дорогѣ къ Іосифову Волоколамскому монастырю; не многіе изъ русскихъ Тушинцевъ послѣдовали за нимъ,—большая часть поѣхали съ повинною или въ Москву, или въ Калугу; Салтыковъ съ товарищами остались у короля подъ Смоленскомъ.

Такъ Москва освободилась отъ Тушина. Скопину оставалось только раздѣлываться съ отрядомъ Сапѣги. Мы оставили Скопина въ Александровской слободѣ, гдѣ онъ продолжалъ торговаться съ Шведами, требовавшими новыхъ договоровъ, новыхъ уступокъ. Несмотря на сопротивленіе жителей, Корела была сдана Шведамъ; мало того, царь Василій долженъ былъ обязаться: „Наше царское величество вамъ, любительному государю Каролусу королю, за вашу любовь, дружбу, вспоможеніе и протори, которыя вамъ учинились и впередъ учинятся, полное воздаяніе воздадимъ, чего вы у нашего царскаго величества по достоинству ни попросите: города, или земли, или уѣзда". Этимъ обязательствомъ еще была куплена помощь четырехтысячнаго отряда Шведовъ. Сапѣга не могъ долѣе оставаться подъ Троицкимъ монастыремъ, 12 января снялъ знаменитую осаду и расположился въ Дми-

тровѣ съ малымъ отрядомъ, потому что бо́льшая часть его людей отправилась за Волгу для сбора припасовъ. Въ половинѣ февраля, Русскіе и Шведы подошли подъ Дмитровъ; Сапѣга вышелъ къ нимъ на-встрѣчу и былъ разбитъ, Дмитровъ былъ бы взятъ, еслибъ не отстояли его Донскіе казаки, которые сидѣли въ особомъ укрѣпленіи подъ городомъ. Здѣсь также Марина показала большое присутствіе духа: когда Поляки, испуганные пораженіемъ, вяло принимались за оборону укрѣпленій, то она выбѣжала изъ своего дома къ валамъ и закричала: „Что вы дѣлаете, негодяи! Я женщина, а не потеряла духа“. Видя, что дѣла Сапѣги идутъ очень дурно, она рѣшилась отправиться въ Калугу. Сапѣга не хотѣлъ отпускать ее; въ ней родилось подозрѣніе, что Сапѣга хочетъ выдать ее королю, и потому она сказала ему: „Не будетъ того, чтобы ты мною торговалъ, у меня здѣсь свои Донцы; если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву.“ Сапѣга послѣ этого не мѣшалъ ей, и она отправилась въ Калугу опять въ мужскомъ платьи, то ѣхала верхомъ, то въ саняхъ. Сапѣга недолго послѣ нея оставался въ Дмитровѣ: какъ только пришли къ нему отряды изъ-за Волги съ припасами, то онъ двинулся къ Волоколамску, и Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.

Знаменитому воеводѣ было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы снискивали подвигами жизни многолѣтней, и, что еще важнѣе, пріобрѣлъ сильную любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, всѣхъ земскихъ людей, желавшихъ Землѣ успокоенія отъ смутъ, отъ буйства бездомовниковъ, казаковъ, и все это Скопинъ пріобрѣлъ, не ознаменовавъ себя ни однимъ блистательнымъ подвигомъ, ни одною изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ поражаютъ воображеніе народа, такъ долго остаются въ его памяти. Что же были за причины славы и любви народной, пріобрѣтенныхъ Скопинымъ? Мы видѣли, какъ замутившееся, расшатавшееся въ своихъ основахъ общество русское страдало отъ отсутствія опоры, отъ отсутствія человѣка, къ которому можно было бы привязаться, около котораго можно было бы сосредоточиться: такимъ человѣкомъ явился наконецъ князь Скопинъ. Москва въ осадѣ отъ вора терпитъ голодъ, видитъ въ стѣнахъ своихъ небывалыя прежде смуты, кругомъ въ областяхъ свирѣпствуютъ Тушинцы; посреди этихъ бѣдъ произносится постоянно одно имя, которое оживляетъ всѣхъ надеждою: это имя—имя Скопина. Князь Михайла Васильевичъ въ Новгородѣ, онъ договорился съ Шведами, идетъ съ ними на избавленіе Москвы, идетъ медленно, но все идетъ, Тушинцы отступаютъ передъ нимъ; Скопинъ уже въ Торжкѣ, вотъ онъ въ Твери, вотъ онъ въ Александровской слободѣ; въ Москвѣ сильный голодъ, волненіе,—но вдругъ все утихаетъ, звонятъ колокола, народъ спѣшитъ къ церкви, тамъ поютъ благодарные молебны,—ибо пришла вѣсть, что князь Михайла Васильевичъ близко! Во дворцѣ Кремлевскомъ—невзрачный старикъ, нелюбимый, недѣятельный уже потому, что нечего ему дѣлать, сидя въ осадѣ, и вся государственная дѣятельность перешла къ Скопину, который одинъ дѣйствуетъ, одинъ движется, отъ него одного зависитъ великое дѣло избавленія. Не разсуждали, не догадывались, что сила князя Скопина опиралась на искусныхъ ратниковъ иноземныхъ, что безъ нихъ онъ ничего не могъ сдѣлать, останавливался, когда они уходили; не разсуждали, не догадывались, не знали подробно, какое дѣйствіе имѣло вступленіе короля Сигизмунда въ московскіе предѣлы, какъ онъ прогналъ Лжедимитрія и Рожинскаго изъ Тушина, заставилъ Сапѣгу снять осаду Троицкаго монастыря: Сигизмундъ былъ далеко подъ Смоленскимъ, ближе видѣли, что Тушино опустѣло и Сапѣга ушелъ отъ Троицкаго монастыря, когда князь Скопинъ приблизился къ Москвѣ,—и ему приписали весь успѣхъ дѣла, страхъ и бѣгство враговъ. Справедливо сказано, что слава растетъ по мѣрѣ удаленія, уменьшаетъ славу близость присутствія лица славнаго. Отдаленная дѣятельность Скопина, направленная къ цѣли, желанной всѣми людьми добрыми, доходившая до нихъ свѣдѣнія не въ подробностяхъ, но въ главномъ, какъ нельзя больше содѣйствовала его прославленію, усиленію народной любви къ нему. Но должно прибавить, что и близость, присутствіе знаменитаго воеводы не могли нарушить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ своею отдаленною дѣятельностію. По свидѣтельству современниковъ, это былъ красивый молодой человѣкъ, обнаруживавшій свѣтлый умъ, зрѣлость сужденія не по лѣтамъ, въ дѣлѣ ратномъ искусный, храбрый и осторожный вмѣстѣ, ловкій въ обхожденіи съ иностранцами: кто зналъ его, всѣ отзывались о немъ какъ нельзя лучше.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, которому, повидимому, суждено было очистить Московское государство отъ воровъ и Поляковъ, поддержать колебавшійся престолъ стараго дяди, примирить Русскихъ людей съ фамиліею Шуйскихъ, упрочить ее на престолѣ царскомъ, ибо по смерти бездѣтнаго Василія голосъ всей Земли не могъ не указать на любимца народнаго. Но если граждане спокойные, найдя себѣ точку опоры въ племянникѣ царскомъ, для блага Земли и самого Скопина, должны были терпѣливо дожидаться кончины царя Василія, чтобы законно возвести на престолъ своего избранника, чистаго отъ нареканій въ искательствахъ властолюбивыхъ, то не хотѣлъ спокойно дожидаться этого Ляпуновъ, человѣкъ плоти и крови, не умѣвшій сдерживаться, не умѣвшій подчинять своихъ личныхъ стремленій благу общему, не сознававшій необходимости средствъ чистыхъ для достиженія цѣли высокой, для прочности дѣла. Когда Скопинъ былъ еще въ Александровской слободѣ, къ нему явились посланные отъ Ляпунова, которые поздравили его царемъ отъ имени послѣдняго и подали грамоту, наполненную укорительными

рѣчами противъ царя Василія. Въ первую минуту Скопинъ разорвалъ эту грамоту и велѣлъ схватить присланныхъ, но потомъ позволилъ имъ упросить себя и отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донося въ Москву. Этимъ воспользовались, чтобъ заподозрить Скопина въ глазахъ дяди: царю внушили, что если бы князю Михаилу не было пріятно предложеніе Ляпунова, то онъ прислалъ бы въ Москву Рязанцевъ, привозившихъ грамоту;—съ этихъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, „царь и его братья начали держать мнѣніе на князя Скопина“.

12 марта Скопинъ съ Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. По приказу царя, вельможи встрѣтили Михаила у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью; но простые граждане предупредили ихъ, падали ницъ и со слезами били челомъ, что очистилъ Московское государство. Современные писатели сравниваютъ пріемъ Скопина съ торжествомъ Давида, котораго Израильтяне чтили больше, чѣмъ Саула. Царь Василій однако не показалъ знаковъ неудовольствія, напротивъ: встрѣтилъ племянника съ радостными слезами. Иначе велъ себя братъ царскій, князь Димитрій Шуйскій. Царь Василій отъ поздняго брака своего имѣлъ только одну или двухъ дочерей, которыя умерли вскорѣ послѣ рожденія; слѣдовательно братъ его Димитрій считалъ себя наслѣдникомъ престола; но онъ увидалъ страшнаго соперника въ Скопинѣ, которому сулила вѣнецъ любовь народная при неутвержденномъ еще порядкѣ престолонаслѣдія. Князь Димитрій явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника предъ царемъ; послѣдній, или будучи увѣренъ въ скромности Скопина, не считая его соперникомъ себѣ и не имѣя причины желать отстраненія его отъ наслѣдства, или, по крайней мѣрѣ, побуждаемый благоразуміемъ не начинать вражды съ любимцемъ народа, сердился на брата за его докучные навѣты и даже, говорятъ, прогналъ его однажды отъ себя палкою! Говорятъ также, что царь имѣлъ искреннее объясненіе съ племянникомъ, причемъ Скопинъ успѣлъ доказать свою невинность и опасность вражды въ такое смутное время. Несмотря на то однако, что царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину, народъ, нелюбившій старшихъ Шуйскихъ, толковалъ уже о враждѣ дяди съ племянникомъ. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегалъ Михаила, уговаривалъ его какъ можно скорѣе оставить Москву и выступить къ Смоленску, противъ Сигизмунда.

Положеніе послѣдняго было вовсе не блестящее. Если вначалѣ Полякамъ удалось овладѣть Ржевомъ Володиміровымъ и Зубцовымъ, которые были сданы имъ воеводами самозванца, то нѣкоторые города прежде погибшей Сѣверской украйны выставили отчаянное сопротивленіе Запорожцамъ. Стародубцы ожесточенно рѣзались съ ними, а когда городъ ихъ былъ охваченъ пламенемъ, побросали въ огонь сперва имѣніе свое, а потомъ кинулись и сами. Такое же мужество оказали жители Почепа, изъ которыхъ 4,000 погибло при упорной защитѣ. Въ Черниговѣ непріятель встрѣтилъ меньше сопротивленія; Новгородъ-Сѣверскій также присягнулъ Владиславу; Мосальскъ нужно было брать приступомъ, Бѣлую—голодомъ. А Смоленскъ все держался—и жители его имѣли причины къ такому упорному сопротивленію: Поляки, и особенно Запорожцы, несмотря на королевскія увѣщанія, страшно свирѣпствовали противъ жителей городовъ, сдавшихся на имя Владислава. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ польскомъ станѣ, что въ городѣ у нихъ голодъ и моровое повѣтріе, что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ-было сдать Смоленскъ королю, но архіепископъ Сергій не допустилъ до этого. Однажды міръ съ воеводою ходилъ уговаривать архіепископа къ сдачѣ, но тотъ, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя, чѣмъ согласится на сдачу города. Народъ, увлеченный этими словами, отложилъ свое намѣреніе, и, надѣвъ на Сергія опять облаченіе, поклялся стоять противъ Поляковъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку, но и на это архіепископъ не согласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и ударить челомъ королю. Тушинскій Полякъ Вильчекъ, начальствовавшій въ Можайскѣ, продалъ этотъ городъ царю Василію за 100 рублей ($333^{1}|_{2}$ нынѣшнихъ серебряныхъ). Въ Іосифовѣ монастырѣ, гдѣ остановился Рожинскій, вспыхнуло опять возстаніе противъ него: уходя отъ возмутившихся, гетманъ оступился на каменныхъ ступеняхъ и упалъ на тотъ бокъ, который былъ простреленъ у него подъ Москвою; отъ этого случая и съ горя, что дѣла совершенно разстроились, Рожинскій умеръ (4 апрѣля н. с.), имѣя не болѣе 35 лѣтъ отъ роду. Послѣ его смерти Зборовскій съ большею частію войска пошелъ дальше къ Смоленску, другіе съ Руцкимъ и Мархоцкимъ остались въ Іосифовѣ монастырѣ, но 21 мая н. с. были вытѣснены оттуда русскими и иноземными войсками, бывшими подъ начальствомъ Волуева, Горна и Делавиля. Уходя изъ монастыря съ величайшею опасностію, Поляки должны были покинуть Русскихъ, выведенныхъ ими изъ Тушина, и въ томъ числѣ митрополита Филарета, который такимъ образомъ получилъ возможность уѣхать въ Москву. Изъ полуторы тысячи Поляковъ и Донскихъ казаковъ бывшихъ въ Іосифовѣ монастырѣ, спаслось только 300 человѣкъ, потерявши все и знамена; при этомъ бѣгствѣ, по признанію самихъ Поляковъ, большую помощь оказали имъ Донскіе казаки. Всѣ тушинскіе Поляки соединились теперь на рѣкѣ Угрѣ и здѣсь завели сношеніе съ Лжедимитріемъ, который два раза самъ пріѣзжалъ къ нимъ изъ Калуги, потому что безъ выдачи денегъ впередъ они не трогались, и успѣлъ многихъ привлечь къ себѣ; чрезъ это войско самозванца увеличилось до 6,200 человѣкъ. Но Зборовскій, отъ имени остальныхъ Поляковъ, отправился подъ Смо-

ленскъ изъявить свою преданность королю: туда же пріѣхалъ и Янъ Сапѣга и даже ханъ Касимовскій; не смѣлъ пріѣхать Лисовскій, какъ опальный; онъ не могъ оставаться одинъ на востокѣ при разрушеніи Тушинскаго стана и успѣхахъ Скопина, и потому двинулся изъ Суздаля на западъ, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ. И Лжедимитрій и король находились въ затруднительномъ положеніи: первый съ своими 6,000 войска не могъ ничего предпринять противъ Москвы, наоборотъ—московскіе отряды подходили подъ самую Калугу; движеніе Скопина и Шведовъ къ Смоленску противъ короля должно было рѣшить борьбу и рѣшить, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ пользу царя Василія: тогда что останется царю Калужскому? Съ другой стороны, король видѣлъ, что его вступленіе въ Московскіе предѣлы принесло пользу только Шуйскому, выгнавши вора изъ Тушина, раздробивши его силы: Шуйскій торжествовалъ,—у него было большое войско подъ начальствомъ знаменитаго полководца, у него была шведская помощь, а король, который поспѣшилъ подъ Смоленскъ съ малыми силами, въ надеждѣ, что одного ихъ присутствія будетъ достаточно для покоренія Московскаго государства, истерзаннаго смутою,—король видѣлъ передъ собою неравную борьбу съ могущественнымъ и раздраженнымъ врагомъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно было произойти сближенію между королемъ и Калужскимъ царикомъ. Братъ Марины, староста Саноцкій, находившійся подъ Смоленскомъ, получилъ изъ Калуги достовѣрное извѣстіе, что Лжедимитрій хочетъ отдаться подъ покровительство короля, но ждетъ, чтобъ Сигизмундъ первый началъ дѣло. Вслѣдствіе этого, король созвалъ тайный совѣтъ, на которомъ рѣшили отправить старосту Саноцкаго въ Калугу, чтобъ онъ уговорилъ царика искать королевской милости. Съ другой стороны, хотѣли попытаться войти въ переговоры и съ Московскимъ царемъ: но Василій, видя, что счастіе обратилось на его сторону, запретилъ своимъ воеводамъ пропускать польскихъ пословъ до тѣхъ поръ, пока король не выйдетъ изъ московскихъ предѣловъ. Но счастіе улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 апрѣля князь Скопинъ, на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, занемогъ кровотеченіемъ изъ носа, и, послѣ двухнедѣльной болѣзни, умеръ. Пошелъ общій слухъ объ отравѣ: знали ненависть къ покойному дяди его, князя Димитрія, и стали указывать на него какъ на отравителя; толпы народа двинулись-было къ дому царскаго брата, но были отогнаны войскомъ. Что же касается до вѣрности слуха объ отравѣ, то русскіе современники далеки отъ рѣшительнаго обвиненія; лѣтописецъ говоритъ: „Многіе на Москвѣ говорили, что испортила его тетка, княгиня Екатерина, жена князя Димитрія Шуйскаго (дочь Малюты-Скуратова, сестра царицы Марьи Григорьевны Годуновой), а подлинно то единому Богу извѣстно“. Палицынъ говоритъ почти тѣми же словами: „Не знаемъ какъ сказать, Божій ли судъ его постигъ, или злыхъ людей умыселъ совершился. Одинъ создавшій насъ знаетъ“. Жолкѣвскій, который, живя въ Москвѣ, имѣлъ всѣ средства узнать истину, отвергаетъ обвиненіе, приписывая смерть Скопина болѣзни. Этимъ важнымъ свидѣтельствомъ опровергается свидѣтельство другого иноземца, Буссова, нерасположеннаго къ царю Василію. Псковскій лѣтописецъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ также не любившій Шуйскаго, говоритъ утвердительно объ отравѣ, обстоятельно разсказываетъ, какъ жена Димитрія Шуйскаго на пиру сама поднесла Скопину чашу, заключавшую отраву. Но въ этомъ разсказѣ встрѣчаемъ смѣшное искаженіе: отравительница вмѣсто Екатерины названа Христиною; по всѣмъ вѣроятностямъ, это имя образовалось изъ слова: крестины или крестинный пиръ, на которомъ занемогъ Скопинъ.

Какъ бы то ни было, смерть Скопина была самымъ тяжелымъ, рѣшительнымъ ударомъ для Шуйскаго. И прежде не любили, не уважали Василія, видѣли въ немъ царя несчастнаго, Богомъ не благословеннаго; но Скопинъ примирилъ царя съ народомъ, давши послѣднему твердую надежду на лучшее будущее. И вотъ этого примирителя теперь не было болѣе, и, что всего хуже, шла молва, что самъ царь, изъ зависти и злобы, лишилъ себя и царство крѣпкой опоры. Для народа ударъ былъ тѣмъ тяжеле, что онъ послѣдовалъ въ то время, когда возродилась надежда на лучшее будущее, на умилостивленіе небесное: подобные удары обыкновенно отнимаютъ послѣдній духъ, послѣднія силы. Будущее для народа нисколько уже не связывалось теперь съ фамиліею Шуйскихъ: царь старъ и бездѣтенъ, наслѣдникъ—князь Димитрій, котораго и прежде не могли любить и уважать, а теперь обвиняли въ отравленіи племянника: извѣстно, какъ по смерти любимаго человѣка начинаютъ любить все имъ любимое, и преслѣдовать все бывшее ему непріятнымъ и враждебнымъ; понятно, слѣдовательно, какое чувство должны были питать къ Димитрію Шуйскому по смерти Скопина. Говорятъ, что народъ плакалъ по князѣ Михаилѣ точно такъ же, какъ плакалъ по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ; дѣйствительно можно сказать, что Скопинъ былъ послѣдній изъ Рюриковичей, вѣнчанный въ сердцахъ народа: въ другой разъ домъ Рюрика пресѣкался на престолѣ Московскомъ.

Когда, такимъ образомъ, порвана была связь Русскихъ людей съ Шуйскимъ, когда взоры многихъ невольно и тревожно обращались въ разныя стороны, ища опоры для будущаго,—раздался голосъ, призывавшій къ выходу изъ тяжелаго, безотраднаго положенія: то былъ голосъ знакомый, голосъ Ляпунова. Незадолго передъ тѣмъ, когда большинство своею привязанностію указывало на Скопина, какъ на желаннаго наслѣдника престола, Ляпуновъ не хотѣлъ дожидаться и предложилъ Скопину престолъ при жизни царя Василія, тогда какъ

это дѣло, если бы Скопинъ согласился на него, могло только усилить смуту, а не прекратить ее; здѣсь Ляпуновъ всего лучше показалъ, что его цѣлію, дѣйствовалъ ли онъ сознательно или безсознательно, не было прекращеніе Смутнаго времени. Теперь, когда Скопина не было болѣе, и неудовольствіе противъ Шуйскаго усилилось, Ляпуновъ первый поднимается противъ царя Василія; но онъ только начинаетъ движеніе, а цѣли его не указываетъ, требуетъ сверженія Шуйскаго, какъ царя недостойнаго, погубившаго знаменитаго племянника своего; но преемника Шуйскому достойнѣйшаго не называетъ; онъ заводитъ переговоры съ царикомъ Калужскимъ, въ Москвѣ входитъ въ думу съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, чтобъ ссадить Шуйскаго, по выраженію лѣтописца, а между тѣмъ явно отлагается отъ Москвы, перестаетъ слушаться ея царя, посылаетъ возмущать города, вѣрные послѣднему.

Въ то время, какъ уже Ляпуновъ поднялъ возстаніе въ Рязани, войско московское, въ числѣ 40,000 вмѣстѣ съ шведскимъ, котораго было 8,000, выступило противъ Поляковъ по направленію къ Смоленску. Кто же былъ главнымъ воеводою вмѣсто Скопина?—князь Димитрій Шуйскій, обвиняемый въ отравленіи племянника, и безъ того ненавидимый ратными людьми за гордость! Король, узнавъ, что въ Можайскѣ собирается большое царское войско, отправилъ на-встрѣчу къ нему гетмана Жолкѣвскаго, который 14 іюня осадилъ Царево-Займище, гдѣ засѣли московскіе воеводы, Елецкій и Волуевъ. Здѣсь соединился съ гетманомъ Зборовскій, приведшій тѣхъ тушинскихъ Поляковъ, которые предпочли службу королевскую службѣ царю Калужскому; несмотря однако на это подкрѣпленіе, Жолкѣвскій не хотѣлъ брать приступомъ Царево-Займище, зная, что Русскіе, слабые въ чистомъ полѣ, неодолимы при защитѣ укрѣпленій. Елецкій и Волуевъ, видя, что Жолкѣвскій намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, послали въ Можайскъ къ князю Димитрію Шуйскому съ просьбою объ освобожденіи. Шуйскій двинулся и сталъ у Клушина, истомивши войско походомъ въ сильный жаръ. Два Нѣмца изъ Делагардіева войска перебѣжали къ Полякамъ и объявили гетману о движеніи Шуйскаго; Жолкѣвскій созвалъ военный совѣтъ: разсуждали, что дожидаться непріятеля опасно, потому что мѣсто подъ Царевымъ-Займищемъ неудобное; идти на-встрѣчу такъ же опасно, потому что тогда Елецкій и Волуевъ будутъ съ-тыла; рѣшились раздѣлить войско: часть оставить у Царева-Займища для сдержанія Елецкаго и Волуева, и съ остальными гетману идти къ Клушину противъ Шуйскаго. Въ ночь съ 23 на 24 іюня, вышло польское войско изъ обоза и на другой день утромъ напало на Шуйскаго, раздѣлившись, по причинѣ тѣсноты мѣста, на два отряда,—одинъ схватился съ Шведами и заставилъ Делагарди отступить. Другой отрядъ Поляковъ напалъ на московское войско и прогналъ часть его, именно конницу; но Шуйскій съ пѣхотою засѣлъ въ деревнѣ Клушинѣ и упорно отбивался, пушки его наносили сильный уронъ Полякамъ, и исходъ битвы былъ очень сомнителенъ, какъ вдругъ наемные Нѣмцы начали передаваться Полякамъ, сперва два, потомъ шесть—и такъ все больше и больше. Поляки подъѣзжали къ ихъ полкамъ, кричали: „Кит! Кит!"—и Нѣмцы прилетали какъ птицы на кличь, а наконецъ объявили, что всѣ хотятъ вступить въ переговоры съ гетманомъ. Когда уже съ обѣихъ сторонъ дали заложниковъ и начали договариваться, возвратился Делагарди и хотѣлъ прервать переговоры, но никакъ не могъ: иноземные наемники обязались соединиться съ гетманомъ, Делагарди же и Горнъ съ небольшимъ отрядомъ Шведовъ получили позволеніе отступить на сѣверъ, къ границамъ своего государства. Между тѣмъ Русскіе, видя, что Нѣмцы измѣняютъ, начали собираться въ дорогу, срывать наметы; Нѣмцы дали знать Полякамъ, что Русскіе бѣгутъ,—тѣ бросились за ними въ погоню и овладѣли всѣмъ обозомъ. Димитрій Шуйскій, по словамъ лѣтописца, возвратился въ Москву со срамомъ: „Былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный женствующими вещами, любящій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе". Измѣну наемниковъ лѣтописецъ приписываетъ также главному воеводѣ; Нѣмецкіе люди просили денегъ, а онъ сталъ откладывать, подъ предлогомъ, что денегъ нѣтъ, тогда какъ деньги были. Нѣмецкіе люди начали сердиться и послали подъ Царево-Займище сказать Жолкѣвскому, чтобъ шелъ, не мѣшкая, а они съ нимъ биться не станутъ.

Изъ-подъ Клушина Жолкѣвскій возвратился подъ Царево-Займище и увѣдомилъ Елецкаго и Волуева о своей побѣдѣ. Воеводы долго не вѣрили, гетманъ показывалъ имъ знатныхъ плѣнниковъ, взятыхъ подъ Клушинымъ. И, убѣдившись въ страшной истинѣ, они все еще не хотѣли сдаваться на имя королевича, а говорили Жолкѣвскому: „Ступай подъ Москву: будетъ Москва ваша,—и мы будемъ готовы присягнуть королевичу". Гетманъ отвѣчалъ: „Когда возьму я васъ, то и Москва будетъ за нами". Воеводы неволею поцѣловали крестъ Владиславу; но гетманъ, съ своей стороны, долженъ былъ присягнуть: христіанской вѣры у Московскихъ людей не отнимать; престоловъ Божіихъ не разорять, костеловъ римскихъ въ Московскомъ государствѣ не ставить; быть Владиславу государемъ такъ же, какъ были и прежніе природные государи; боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ быть по-прежнему; въ московскіе города не посылать на воеводство Польскихъ и Литовскихъ людей, и въ староство городовъ не отдавать; у дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей жалованья, помѣстій и вотчинъ не отнимать, всѣмъ Московскимъ людямъ никакого зла не дѣлать; противъ Тушинскаго царика промышлять заодно. Важна послѣдняя статья: „Какъ, дастъ Богъ, добьетъ челомъ государю наияснѣйшему королевичу Влади-

славу Жигимонтовичу городъ Смоленскъ, то Жигимонту королю идти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Польскими и Литовскими людьми, порухи и насильства на посадѣ и въ уѣздѣ не дѣлать, помѣстья и вотчины въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ, которые государю королевичу добили челомъ, очистить, и городамъ всѣмъ порубежнымъ быть къ Московскому государству по-прежнему".

Жолкѣвскій понималъ, что овладѣть Москвою можно только именемъ Владислава и притомъ только съ условіемъ, что послѣдній будетъ царствовать, какъ прежніе природные государи; понималъ, что малѣйшій намекъ на униженіе Московскаго государства предъ Польшею, на нарушеніе его цѣлости, можетъ испортить все дѣло. Гетманъ согласился на условія, обезпечивавшія самостоятельность и цѣлость Московскаго государства, ибо его цѣль была—какъ можно скорѣе свергнуть Шуйскаго и возвести на его мѣсто Владислава. Жолкѣвскій долженъ былъ выбирать изъ двухъ одно: или, уступая требованіямъ Русскихъ, отнять Москву у Шуйскаго и отдать ее Владиславу; или, не уступая требованіямъ, дѣйствуя согласно королевскимъ намѣреніямъ, усилить Шуйскаго, вооружить противъ себя всю Землю, стать между двумя огнями,—между Москвою и Калугою. Разумѣется, гетманъ выбралъ первое.

Когда Елецкій и Волуевъ присягнули Владиславу, и когда, по ихъ примѣру, присягнули ему Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое Городище и Ржевъ, то войско гетмана увеличилось десятью тысячами Русскихъ. Самъ Жолкѣвскій говоритъ, что эти новые подданные королевича были довольно вѣрны и доброжелательны, часто приносили ему изъ столицы извѣстія, входя въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ Москву къ нѣкоторымъ лицамъ, также универсалы, побуждавшіе къ низложенію Шуйскаго. Къ этимъ универсаламъ гетманъ присоединялъ и запись, данную имъ воеводамъ при Царевѣ-Займищѣ, думая, что она послужитъ для московскихъ жителей полнымъ ручательствомъ за ихъ будущее при Владиславѣ. Но вотъ что отвѣчали гетману изъ Москвы смоленскіе и брянскіе служилые люди, которымъ онъ чрезъ ихъ земляковъ подослалъ грамоты и запись: „Мы эти грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись, сами прочитавши, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и многихъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ, и они, прочитавъ, говорятъ: въ записи не написано, чтобъ господарю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ нашу христіанскую вѣру, и, окрестившись, сѣсть на Московскомъ государствѣ". Гетманъ отвѣчалъ, что крещеніе королевича есть дѣло духовное, принадлежитъ патріарху и всему духовенству; но въ Москвѣ думали, что дѣло касается не патріарха только, а всей Земли, и потому нѣкоторые, видя, что Шуйскому не усидѣть на престолѣ, склоннѣе были къ царику Калужскому, чѣмъ Владиславу. Самозванецъ разсчитывалъ на это расположеніе: узнавъ, что при Клушинѣ дѣло Шуйскаго проиграно, онъ приманилъ къ себѣ деньгами войско Сапѣги и двинулся къ Москвѣ. На дорогѣ ему нужно было взять Пафнутіевъ Боровскій монастырь, гдѣ засѣлъ московскій воевода, князь Михайла Волконскій, съ двоими товарищами. Послѣдніе, видя непреклонность старшаго воеводы, рѣшили сдать монастырь тайно, и отворили острожныя ворота, куда устремилось войско Лжедимитрія. Тогда Волконскій, увидавъ измѣну, бросился въ церковь; тщетно измѣнившіе товарищи звали его выйдти съ челобитьемъ къ побѣдителямъ: „Умру у гроба Пафнутія Чудотворца", отвѣчалъ Волконскій, сталъ въ церковныхъ дверяхъ и до тѣхъ поръ бился съ врагами, пока изнемогъ отъ ранъ и палъ у лѣваго клироса, гдѣ и былъ добитъ. Разоривъ монастырь, самозванецъ пошелъ на Серпуховъ: этотъ городъ сдался. Крымскіе Татары, пришедшіе на помощь къ царю Василію и взявшіе отъ него большіе дары, не устояли передъ войскомъ Сапѣги и, вмѣсто помощи, разсѣялись для грабежа, гнали плѣнныхъ какъ скотъ въ свои улусы. Сдались Лжедимитрію Коломна и Кашира; но не сдался Зарайскъ, гдѣ воеводствовалъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Еще прежде Ляпуновъ, поднявшись противъ царя Василія по смерти Скопина, присылалъ къ Пожарскому племянника своего, Ѳедора Ляпунова, уговаривать его соединиться съ Землею Рязанскою противъ Шуйскаго; но Пожарскій, отправивъ грамоту въ Москву, потребовалъ подкрѣпленія у царя Василія и получилъ его. Теперь жители Зарайска пришли къ воеводѣ всѣмъ городомъ просить его, чтобъ цѣловалъ крестъ самозванцу; Пожарскій отказался и съ немногими людьми заперся въ крѣпости; Никольскій протопопъ Димитрій укрѣплялъ его и благословлялъ умереть за православную вѣру, — и Пожарскій еще больше укрѣплялся; наконецъ онъ заключилъ такой уговоръ съ жителями Зарайска: „Будетъ на Московскомъ государствѣ постарому царь Василій, то ему и служить, а будетъ кто другой,—и тому также служить". Утвердивши этотъ уговоръ крестнымъ цѣлованіемъ, начали быть въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія, на воровскихъ людей начали ходить и побивать ихъ, и городъ Коломну опять обратили къ царю Василію.

Лжедимитрій однако шелъ впередъ и сталъ у села Коломенскаго. У Шуйскаго было еще тысячъ тридцать войска; но кто хотѣлъ сражаться за него? Мы видѣли, что служилые люди переписывались съ Жолкѣвскимъ объ условіяхъ, на которыхъ долженъ царствовать Владиславъ; Голицынъ ссылался съ Ляпуновымъ, который прислалъ въ Москву Алексѣя Пѣшкова къ брату своему Захару и ко всѣмъ своимъ совѣтникамъ, чтобъ царя Василія съ государства ссадить. Начали сноситься съ полками Лжедимитрія, однако не для того, чтобъ принять вора на мѣсто Шуйскаго, не хотѣли ни того, ни другого, и потому условились, что Тушинцы

отстанутъ отъ своего царя, а Москвичи сведутъ—своего. Тушинцы уже указывали на Сапѣгу, какъ на человѣка достойнаго быть Московскимъ государемъ. Шуйскій видѣлъ, что трудно будетъ ему удержаться на престолѣ, и потому хотѣлъ вступить въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ; но когда предстоитъ тяжелое дѣло, то любятъ откладывать его подъ разными предлогами, и Шуйскій отложилъ посольство къ гетману, думая, что выгоднѣе будетъ дождаться, пока самъ гетманъ пришлетъ къ нему.

Но Захаръ Ляпуновъ съ товарищами не хотѣли дожидаться. 17 іюля пришли они во дворецъ большою толпою; первый подступилъ къ царю Захаръ Ляпуновъ и сталъ говорить: „Долго-ль за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе, сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ". Шуйскій уже привыкъ къ подобнымъ сценамъ; видя предъ собою толпу людей незначительныхъ, онъ думалъ пристращать ихъ окрикомъ, и потому съ непристойно-бранными словами отвѣчалъ Ляпунову: „Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ", и вынулъ-было ножъ, чтобъ еще больше пристращать мятежниковъ. Но Захара Ляпунова трудно было испугать: брань и угрозы только могли возбудить его къ подобному же. Ляпуновъ былъ высокій, сильный мужчина; услыхавъ брань, увидавъ грозное движеніе Шуйскаго, онъ закричалъ ему: „Не тронь меня;—вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!" Но товарищи Ляпунова не раздѣляли его горячки; видя, что Шуйскій не испугался и не уступаетъ добровольно ихъ требованію, Хомутовъ и Иванъ Никитичъ Салтыковъ закричали: „Пойдемъ прочь отсюда!" и пошли прямо на Лобное мѣсто. Въ Москвѣ уже свѣдали, что въ Кремлѣ что-то дѣлается, и толпы за толпами валили къ Лобному, такъ-что когда пріѣхалъ туда патріархъ, и надобно было объяснить въ чемъ дѣло, то народъ уже не помѣщался на площади. Тогда Ляпуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ закричали, чтобъ всѣ шли на просторное мѣсто, за Москву-рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ, туда же долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ ними и патріархъ. Здѣсь бояре, дворяне, гости и торговые лучшіе люди совѣтовали, какъ бы Московскому государству не быть въ разореньи и расхищеньи: пришли подъ Московское государство Поляки и Литва, а съ другой стороны—Калужскій воръ съ Русскими людьми, и Московскому государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ государю царю Василью Ивановичу, чтобъ онъ, государь, царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, государь, несчастливъ, и города украинскіе, которые отступили къ вору, его, государя, на царство не хотятъ же. Въ народѣ сопротивленія не было,—сопротивлялись немногіе бояре, но недолго; сопротивлялся патріархъ, но его не послушали. Во дворецъ отправился своякъ царскій, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, просить Василія, чтобъ оставилъ государство и взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ. На эту просьбу, объявленную бояриномъ отъ имени всего Московскаго народа, Василій долженъ былъ согласиться,—и выѣхалъ съ женою въ прежній свой боярскій домъ.

Но надежда перейти изъ этого дома опять во дворецъ не оставила старика: онъ сносился съ своими приверженцами, увеличивалъ число ихъ, подкупалъ стрѣльцовъ. Обстоятельства были благопріятны: Тушинцы обманули Москвичей, ибо когда послѣдніе послали сказать имъ, что они сдѣлали свое дѣло, свергнули Шуйскаго и ждутъ, что Тушинцы такъ же исполнятъ свое обѣщаніе и отстанутъ отъ вора, то получили насмѣшливый отвѣтъ: „Вы не помните государева крестнаго цѣлованія, потому что царя своего съ царства ссадили, а мы за своего помереть ради". Патріархъ воспользовался этимъ и началъ требовать, чтобъ возвести опять Шуйскаго на престолъ, и много нашлось людей, которые были согласны на это. Разумѣется, не могли согласиться зачинщики дѣла 17-го іюля; боясь, чтобъ это дѣло не испортилось, они спѣшили покончить съ Шуйскимъ: 19-го іюля опять тотъ же Захаръ Ляпуновъ съ тремя князьями—Засѣкинымъ, Тюфякинымъ и Мериномъ-Волконскимъ, да еще съ какимъ-то Михайлою Аксеновымъ и другими, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, пошли къ отставленному царю и объявили, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься. Мысль отказаться навсегда отъ надежды на престолъ, и особенно когда эта надежда начала усиливаться,—была невыносима для старика: отчаянно боролся онъ противъ Ляпунова съ товарищами, его должно было держать во время обряда; другой князь, Тюфякинъ, произносилъ за него монашескіе обѣты, самъ же Шуйскій не переставалъ повторять, что не хочетъ постриженія. Постриженіе это, какъ насильственное, не могло имѣть никакого значенія, патріархъ не призналъ его: онъ называлъ монахомъ князя Тюфякина, а не Шуйскаго. Несмотря на то, невольнаго постриженника свезли въ Чудовъ монастырь; постригли также и жену его; братьевъ посадили подъ стражу [1]).

---

[1]) Kobierzicki—Historia Vladislai, p. 82 et squ: Naruszewicz—Histor. Chodkiewicza (у Бобровича—Zycia slavn. Polak). —Pametniki Maskiewicza, стр. 11 и слѣд. Рукопись Жолкѣвскаго, стр 24 и слѣд. Rzodla do dziejow Polsk. Grobowskiego, I. стр. 83; Акты арх. эксп. II, № 92; Акты историч. II, № 96, 174, 199, 186, 188, 192, 194, 209, 199, 219, 267, 270; Niemcewicz—Dzieje Panovan. Zygimunta III t. II.—весь; Histor. Russiae Monum. II, № XC, LXXXIX, XCII; Wyprava K. J. M. de Moskwy;—Рукопись библіот. глав. штаба; Буссовъ; Собр. гос. грам. и дог. II, № 171, 178. Муханова—Подлин. свидѣт. о взаимномъ отнош. Россіи и Польши, стр. 241; Сборникъ Муханова, № 104, 105, 106, 107; Акты западн. Россіи IV, № 180; Бутурлина—Истор. Смутн. времени, III, приложен. № 5; Видекиндъ; Histor. belli Sveco—Moscou; Лѣтоп. о метеж.

Отъ кратковременнаго, исполненнаго смутами царствованія Шуйскаго, мы не въ правѣ ожидать обилія внутреннихъ правительственныхъ распоряженій: большую часть царствованія Шуйскій провелъ въ осадѣ, во время которой правительственная дѣятельность его должна была ограничиваться одною Москвою. Онъ далъ нѣсколько тарханныхъ грамотъ церквамъ и монастырямъ, распорядился, чтобъ монастыри давали содержаніе священно-и церковно-служителямъ дворцовыхъ селъ, бѣжавшимъ отъ воровъ. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ крестьянскій и холопскій. Мы видѣли временную мѣру Годунова—позволеніе переходить крестьянамъ между мелкими землевладѣльцами; болѣе ли двухъ лѣтъ эта мѣра имѣла дѣйствіе,—рѣшить нельзя, ибо въ извѣстномъ намъ распоряженіи Лжедимитрія о крестьянахъ ничего о ней не говорится, хотя съ другой стороны, на основаніи этого распоряженія, нельзя рѣшительно утверждать, что Годуновская мѣра не имѣла болѣе силы, ибо распоряженіе Лжедимитрія насчетъ иска крестьянъ могло относиться къ тѣмъ лицамъ, между которыми крестьянскій переходъ былъ запрещенъ и при Годуновѣ. Шуйскій, въ мартѣ 1607 года, подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ и постановилъ, что принимающій чужихъ крестьянъ обязанъ платить 10 рублей пени съ человѣка, а старымъ господамъ ихъ—по три рубля за каждое лѣто; кромѣ того, подговорщикъ подвергался наказанію кнутомъ. Побѣжитъ замужняя женщина, или вдова, или дѣвица въ чужую отчину и выйдетъ, то мужика, который женится на бѣглянкѣ, отдать къ прежнему господину со всѣмъ имѣніемъ и съ дѣтьми, которыя отъ нея родились. Если кто держитъ рабу до 17 въ дѣвицахъ, вдову послѣ мужа больше двухъ лѣтъ, парня холостаго за 20 лѣтъ, не женитъ и воли имъ не даетъ,—такимъ давать отпускныя въ Москвѣ казначею, а въ другихъ городахъ—намѣстникамъ и судьямъ: не держи неженатыхъ вопреки закону Божію, не умножай разврата Подтвержденіе прикрѣпленія при Шуйскомъ объясняется тѣмъ же, чѣмъ объясняются всѣ послѣдующія подтвержденія: прикрѣпленіе было въ пользу служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, и чѣмъ болѣе государство чувствовало нужду въ послѣднихъ, тѣмъ нужнѣе казалось прикрѣпленіе; бояре, богатые землевладѣльцы, которые имѣли такую силу при Шуйскомъ, не хотѣли возстановленіемъ перехода раздражать служилыхъ людей, отнимать у нихъ средства, когда эти служилые люди защищали ихъ отъ казаковъ, холопей, ратовавшихъ подъ знаменами Болотникова и Тушинскаго вора. Мы видѣли также, что русскіе Тушинцы, предлагая условія, на которыхъ выбирали въ цари королевича Владислава, вытребовали, чтобъ крестьянскому переходу не быть.

стр. 165 и слѣд.; Хронографы; Мархоцкій, стр. 58 и слѣд.; Москов. арх. мин. ин. д. Архивъ царства Польск. связка 1-я; Historia de Pseudodemetrio; Чтеніе Москов. истор. Общ. 1847, № 4.

Но если могущественные при Шуйскомъ бояре, по обстоятельствамъ времени, не могли помѣшать повторенію указа о крестьянскомъ прикрѣпленіи, то могли останавливать царскія распоряженія о холопяхъ, находя ихъ для себя невыгодными. 7-го марта 1607 года царь Василій указалъ: которые холопи послужатъ въ холопствѣ добровольно полгода, годъ или больше, а не въ холопствѣ родились и не старинные господскіе люди, и кабалъ на себя давать не захотятъ, такихъ добровольныхъ холопей въ неволю не отдавать:—не держи холопа безъ кабалы ни одного дня, а держалъ безкабально и кормилъ, то у себя самъ потерялъ. Но 12 сентября 1609 года, когда объ этой статьѣ доложено было наверху боярамъ, то всѣ бояре прежній приговоръ 1607 года указали отставить, а приговорили: о добровольномъ холопствѣ быть той статьѣ, какъ уложено при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, т.-е. холопъ, послуживпіій съ полгода и больше, прикрѣпляется окончательно. Въ 1608 году бояре приговорили: которые холопи были въ воровствѣ, государю добили челомъ, получили отпускныя и потомъ опять сбѣжали въ воровство,—такихъ если возьмутъ на дѣлѣ, въ языкахъ, казнить или отдавать старымъ господамъ; которые же съ нынѣшняго воровства прибѣгутъ къ государю сами,—такихъ старымъ господамъ не отдавать. Отказано было въ просьбѣ тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые, подвергшись опалѣ при Лжедимитріи, хотѣли повернуть къ себѣ назадъ холопей, отпущенныхъ на волю вслѣдствіе опалы. Положено, чтобъ отвѣтчики въ холопьихъ искахъ, объявившіе, что искомые старымъ господиномъ холопи отъ нихъ убѣжали, должны цѣловать крестъ, что убѣжали безъ хитрости со стороны ихъ, отвѣтчиковъ. Запрещено было давать простыя записки на холопство до смерти: можно было давать такія записки только на урочныя лѣта.

Посадскимъ людямъ Шуйскій подтверждалъ грамоты Грознаго, которыми устанавливалось самоуправленіе: у крестьянъ Зюздинской волости, въ Перми, установлено было самоуправленіе вслѣдствіе просьбы ихъ, заключавшейся въ слѣдующемъ: „Живутъ они отъ пермскихъ городовъ, отъ Кайгородка верстъ за двѣсти и больше, и въ писцовыхъ книгахъ написаны особо, дворишки ставили они на дикомъ черномъ лѣсу, и люди они все пришлые, и вотъ пріѣзжаютъ къ нимъ въ волость Кайгородцы, посадскіе и волостные люди, и правятъ на нихъ тягло себѣ въ подмогу, имѣнье ихъ грабятъ, самихъ бьютъ, женъ и дѣтей безчестятъ, и волочатъ ихъ въ напрасныхъ поклепныхъ дѣлахъ лѣтомъ въ пашенную пору“. Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ за всякіе денежные доходы платить одинъ разъ въ годъ по 60 рублей, особо отъ Кайгородцевъ, которымъ запрещено было къ нимъ пріѣзжать; при этомъ Зюздинскіе крестьяне получили право выбирать у себя въ погостѣ судью, кого между собою излюбятъ. Зюздинскіе крестьяне жаловались на Кайгородцевъ, Вятчане на Перми-

чей: „Отпустили они, по царскому указу, съ Вятки въ Пермь, къ Соли Камской, въ ямскіе охотники 46 человѣкъ, а Пермскій воевода, князь Вяземскій, стакнувшись съ Пермичами, вятскихъ охотниковъ билъ, мучилъ безъ вины, для того, чтобъ они съ яму разбрелись, а гоньбу бы гоняли Пермичи, получая съ Вятки прогонныя деньги, приклепывая прогоны и корыстуясь этими деньгами сами, какъ прежде бывало: вятскихъ торговыхъ людей Пермскій воевода мучилъ на правежѣ на смерть. Царь писалъ Вяземскому, что если Вятчане въ другой разъ на него пожалуются, то онъ велитъ на немъ доправить ихъ убытки вдвое безъ суда; однако въ томъ же году царь велѣлъ Пермичамъ гонять ямскую гоньбу однимъ попрежнему. Не на однихъ воеводъ приходили жалобы; холопъ боярина Шереметева подалъ челобитную, въ которой писалъ: „Былъ всполохъ въ Нижнемъ-Новгородѣ отъ воровскихъ людей, стали въ вѣстовой колоколъ бить, побѣжали посадскіе люди въ городъ съ рухлядью, побѣжалъ и крестьянинъ государя моего, боярина Шереметева, съ двумя новыми зипунами; но, какъ бѣжалъ онъ въ Ивановскія ворота, стрѣльцы сотни Колзакова прибили его и зипуны отняли. Я на другой день билъ челомъ воеводамъ о сыску; сотникъ Колзаковъ зипуны сыскалъ, но пропилъ ихъ въ кабакѣ съ тѣми же стрѣльцами, а у крестьянина сталъ просить на выкупъ десяти алтынъ. Я пошелъ къ вечернѣ въ Спасскій соборъ и сталъ опять бить челомъ воеводамъ, а сотникъ Колзаковъ сталъ бить челомъ на меня, будто я его бранилъ. Тутъ дьякъ Василій Семеновъ сталъ Колзакову говорить: „Не умѣлъ ты этого холопа надвое перерѣзать, у тебя свои холопи лучше его", да сталъ въ соборѣ же бранить.......... государя моего Ѳедора Ивановича Шереметева: я вступился за государя своего, но онъ сталъ меня бранить и хотѣлъ зарѣзать, а сотнику Колзакову кричалъ: Гдѣ ни встрѣтишь съ своими стрѣльцами этого холопа или другихъ холопей Ѳедора Шереметева или крестьянъ его, грабь донага и бей до смерти; вины не бойся,—я за васъ отвѣчаю".

И Шуйскій заботился о населеніи Сибири разными средствами: отправлено было въ Пелымъ изъ московскихъ тюремъ восемь человѣкъ въ пашенные крестьяне; но они оттуда бѣжали, подговоривши съ собою въ проводники двоихъ старыхъ крестьянъ: вслѣдствіе этого царь писалъ въ Пермь: „Впередъ въ Перми на посадѣ и во всемъ уѣздѣ велѣть заказъ учинить крѣпкій: кто поѣдетъ или пѣшкомъ пойдетъ изъ сибирскихъ городовъ безъ проѣзжихъ грамотъ и подорожныхъ,—такихъ хватать, разспрашивать и сажать въ тюрьму до нашего указа". Въ то же время въ Перми велѣно было набирать для Сибири пашенныхъ крестьянъ изъ охочихъ людей, отъ отца сына, отъ братьи братью, отъ дядей племянниковъ, отъ сосѣдей сосѣдей, а не съ тягла.

Постоянныя неудачи русскаго войска, превосходство иностранныхъ ратныхъ людей надъ русскими, сдѣлавшееся очевиднымъ при соединеніи полковъ Скопина со Шведами; необходимость, какую увидалъ этотъ воевода учить своихъ при помощи Шведовъ,—все это заставило подумать о переводѣ съ иностранныхъ языковъ устава ратныхъ дѣлъ, чтобъ и Русскіе узнали всѣ новыя военныя хитрости, которыми хвалятся чужіе народы. Переводчиками были: Михайла Юрьевъ и Иванъ Ѳоминъ. Печатаніе книгъ продолжалось въ Москвѣ: имъ занимались Анисимъ Родишевскій (Волынецъ), Иванъ Андрониковъ Тимоѳеевъ и Никита Ѳедоровъ Фофановъ Псковитянинъ; въ предисловіи къ Общей Минеи, напечатанной послѣднимъ, говорится, что Шуйскій велѣлъ сдѣлать новую штанбу, еже есть печатныхъ книгъ дѣло, и домъ новый превеликій устроить.

Относительно нравственнаго состоянія русскаго общества мы видѣли, въ какомъ ходу было чародѣйство; о Шуйскомъ прямо говорится, что онъ сильно вѣрилъ ему; царь объявлялъ въ своихъ грамотахъ народу, что Лжедимитрій прельстилъ всѣхъ чародѣйствомъ; но легко понять, какъ распространеніе подобныхъ мнѣній должно было вредно дѣйствовать на нравственныя силы народа. При такихъ убѣжденіяхъ народъ долженъ былъ походить на напуганнаго ребенка и лишиться нравственнаго мужества; гдѣ же спасеніе, когда какой-нибудь чернокнижникъ, съ помощію адской силы, такъ легко можетъ всѣхъ прельстить? Надобно представить себѣ это жалкое положеніе русскаго человѣка въ описываемое время, когда онъ при каждомъ шагѣ съ испуганнымъ видомъ долженъ былъ озираться на всѣ стороны: вотъ злой человѣкъ слѣдъ выйметъ, вотъ по вѣтру болѣзнь напуститъ. Гибельно дѣйствуетъ на нравы отсутствіе общественной безопасности, когда нѣтъ защиты отъ насилій сильнаго и злонамѣреннаго, когда человѣкъ, выходя изъ дому, не имѣетъ увѣренности, дадутъ ли ему благополучно возвратиться домой; но еще гибельнѣе должна дѣйствовать на нравы эта напуганность, это убѣжденіе, что повсюду противъ человѣка направлены враждебныя невещественныя силы. Если правительство увѣряло народъ, что разстрига прельстилъ всѣхъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Перми, въ 1606 году, крестьянина Талева огнемъ жгли и на пыткѣ три встряски ему было по наговору, что онъ напускаетъ на людей икоту [1]).

---

[1]) Акты юридич., стр. 362; Судебникъ изд. 1786 г.; Акты истор. II, № 85, 250, 251; Акты арх. эксп. № 69, 78, 82, 142, 133; Акты истор. № 66.

Глава VII.

Междуцарствіе.

Присяга боярамъ.—Грамоты по областямъ о сверженіи Шуйскаго.—Кандидаты на престолъ.—Сношенія бояръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ.—Дѣйствія самозванца.—Договоръ съ Жолкѣвскимъ объ избраніи королевича Владислава. Присяга Владиславу.—Король Сигизмундъ хочетъ самъ быть царемъ въ Москвѣ.—Жолкѣвскій отгоняетъ самозванца отъ Москвы.—Посольство митрополита Филарета и князя Вас. Вас. Голицына къ королю подъ Смоленскъ.—Самозванецъ въ Калугѣ.—Польское войско вводится въ Москву.—Жолкѣвскій уѣзжаетъ изъ Москвы.—Съѣзды великихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ.—Дѣйствія Салтыкова и Андронова въ Москвѣ въ пользу короля.—Казань и Вятка присягаютъ самозванцу.—Смерть самозванца.

По смерти царя Θеодора, до избранія Годунова, правительствующею царицею считалась Ирина; но теперь, по сверженіи Шуйскаго, некому было стать или, по крайней мѣрѣ, считаться въ главѣ правительства, кромѣ Думы боярской, и вотъ всѣ должны были присягать—до избранія новаго царя повиноваться боярамъ. „Всѣ люди", сказано въ крестоприводной записи, „били челомъ князю Мстиславскому съ товарищами, чтобъ пожаловали, приняли Московское государство, пока намъ Богъ дастъ государя". Присягавшій клялся: слушать бояръ и судъ ихъ любить, что они кому за службу и за вину приговорятъ; за Московское государство и за нихъ, бояръ, стоять и съ измѣнниками биться до смерти; вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть; другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею Землею. Боярамъ всѣхъ праведнымъ судомъ судить, а государя выбрать съ нами со всякими людьми, всею Землею, сославшись съ городами; бывшему государю Василію Ивановичу отказать, на государевѣ дворѣ ему не быть и впредь на государствѣ не сидѣть; намъ надъ государемъ Василіемъ Ивановичемъ и надъ государынею и надъ его братьями убійства не учинить и никакого дурна, а князю Димитрію и князю Ивану Шуйскимъ съ боярами въ приговорѣ не сидѣть". Въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ отъ 20 іюля, Москва объявляла: „Видя междоусобіе между православными христіанами. Польскіе и Литовскіе люди пришли въ Землю Московскаго государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, святынѣ поругались и хотятъ православную вѣру въ латинство превратить; Польскій король стоитъ подъ Смоленскомъ, гетманъ Жолкѣвскій—въ Можайскѣ, а воръ—въ Коломенскомъ; Литовскіе люди, по ссылкѣ съ Жолкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, православную вѣру разорить, а свою, латинскую, ввести. И мы, продолжаютъ Москвичи, поговоря между собою и услыша отъ всякихъ людей украинскихъ городовъ, что государя царя Василія Ивановича на Московскомъ государствѣ не любятъ, къ нему не обращаются и служить ему не хотятъ, кровь христіанская междоусобная льется многое время, всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга,—видячи всякіе люди Московскому государству такое конечное разореніе, били челомъ ему, государю, всею Землею, всякіе люди, чтобъ онъ государство оставилъ для междоусобныя брани, и для того: которые люди, боясь отъ него опалы, или его не любя, къ нему и ко всему Московскому государству не обращаются,—тѣ бы всѣ были въ соединеньи и стояли бы за православную христіанскую вѣру всѣ заодно. И государь государство оставилъ, съѣхалъ на свой старый дворъ и теперь въ чернецахъ; а мы цѣловали крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стоять всѣмъ государствомъ заодно и вора на государство не хотѣть. И вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, стоять съ нами вмѣстѣ заодно и быть въ соединеньи, чтобы наша православная христіанская вѣра не разорилась, и матери бы наши, жены и дѣти въ латинской вѣрѣ не были".

Изъ этихъ грамотъ мы видимъ, что тотчасъ, по сверженіи Шуйскаго, самою сильною стороною въ Москвѣ была та, которая не хотѣла имѣть государемъ ни Польскаго королевича, ни Лжедимитрія, слѣдовательно хотѣла избрать кого нибудь изъ своихъ знатныхъ людей. Этой стороны держался патріархъ, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ его-то вліяніемъ преимущественно писаны были присяжная запись и грамоты, разосланныя по городамъ. Эта сторона имѣла въ виду двоихъ кандидатовъ на престолъ: князя Василья Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Θеодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но эта сторона, по обстоятельствамъ, скоро должна была уступить другой. Въ Можайскѣ стоялъ гетманъ Жолкѣвскій, требуя, чтобы Москва признала царемъ Владислава, имѣя у себя значительный отрядъ русскихъ служилыхъ людей, уже присягнувшихъ королевичу, а въ Коломенскомъ стоялъ Лжедимитрій. Временному правительству Московскому не было возможности отбиваться отъ Жолкѣвскаго и Лжедимитрія вмѣстѣ, особенно когда у послѣдняго были приверженцы между низшимъ народонаселеніемъ города. Некогда было созывать соборъ для выбора царя всею Землею,—надобно было выбирать изъ двоихъ готовыхъ искателей престола, Лжедимитрія и Владислава. Если у самозванца могли быть приверженцы въ

низшихъ слояхъ московскаго народонаселенія, то бояре и всѣ лучшіе люди никакъ не могли согласиться принять вора, который приведетъ въ Думу своихъ тушинскихъ и калужскихъ бояръ, окольничихъ и дворянъ думныхъ, который имѣніе богатыхъ людей отдастъ на разграбленіе своимъ казакамъ и шпынямъ городскимъ, своимъ давнимъ союзникамъ. Поэтому для бояръ и лучшихъ людей, для людей охранительныхъ, имѣвшихъ что охранять, единственнымъ спасеніемъ отъ вора и его казаковъ былъ Владиславъ, то-есть гетманъ Жолкѣвскій съ своимъ войскомъ. Главою стороны Лжедимитріевой былъ Захаръ Ляпуновъ, прельщенный громадными обѣщаніями вора; главою стороны Владиславовой былъ первый бояринъ, князь Мстиславскій, который объявилъ, что самъ онъ не хочетъ быть царемъ, но не хочетъ также видѣть царемъ и кого-нибудь изъ своихъ братьевъ бояръ, а что должно избрать государя изъ царскаго рода. Узнавши, что Захаръ Ляпуновъ хочетъ тайно впустить самозванцево войско въ Москву, Мстиславскій послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобы тотъ шелъ немедленно подъ столицу. Гетманъ 20 іюля двинулся изъ Можайска, въ Москву послалъ грамоты, въ которыхъ объявлялъ, что идетъ защищать столицу отъ вора; къ князю Мстиславскому съ товарищи прислалъ онъ грамоту, изъ которой бояре могли видѣть, какія выгоды пріобрѣтутъ они отъ тѣснаго соединенія съ Польшею: представитель польскаго вельможества счелъ нужнымъ изложить предъ московскими боярами аристократическое ученіе: „Дошли до насъ слухи, пишетъ гетманъ, что князь Василій Шуйскій сложилъ съ себя правленіе, постригся, и братья его находятся подъ крѣпкою стражею; мы отъ этого въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобы съ ними не случилось чего дурнаго. Сами вы знаете, и намъ всѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ извѣстно, что князья Шуйскіе въ Московскомъ государствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ господарямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не щадили. Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій славно защищалъ Псковъ, а князь Михайла Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ сильно стоялъ за государство. А всѣ великія государства стоятъ своими великими боярами. Находящихся въ рукахъ вашихъ, князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не допуская причинять имъ никакого насильства, разоренія и притѣсненія,—потому что наияснѣйшій господарь король, его милость, съ сыномъ своимъ королевичемъ, его милостію, и князей Шуйскихъ, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ, когда вы будете служить господарямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣріи и жаловать господарскимъ жалованьемъ“.

Несмотря однако на то, что Мстиславскій звалъ гетмана на помощь и что помощь его была необходима противъ самозванца, для большинства Москвичей была страшно тяжела мысль взять въ государи иновѣрнаго королевича изъ Литвы. Патріархъ сильно противился призванію Владислава, и хотя гетманъ былъ уже въ восьми миляхъ отъ Москвы, однако бояре отписали ему, что не нуждаются въ его помощи, и требовали, чтобы польское войско не приближалось къ столицѣ. Но у Жолкѣвскаго былъ могущественный союзникъ—самозванецъ, пугало всѣхъ лучшихъ людей: „Лучше служить королевичу“, говорили они, „чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться“. Патріархъ все настаивалъ на избраніи Русскаго православнаго царя; однажды онъ захотѣлъ убѣдить народъ примѣромъ изъ исторіи: „Помните, православные христіане, что Карлъ въ великомъ Римѣ сдѣлалъ!“ Но народу было не до Карла и не до великаго Рима: „всѣ люди посмѣялись,“ говоритъ современникъ, „заткнули уши чувственныя и разумныя, и разошлись“. Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ также выѣзжалъ на Лобное мѣсто и говорилъ народу: „Не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленье надъ Московскимъ государствомъ,—хочетъ онъ имъ, съ сыномъ, завладѣть, и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить“. Но и это увѣщаніе осталось безъ дѣйствія.

24 іюля Жолкѣвскій уже стоялъ въ 7 верстахъ отъ Москвы, на лугахъ Хорошовскихъ, а съ другой стороны—самозванецъ уже началъ добывать Москву. Во время сраженія съ нимъ, Мстиславскій, чтобы завязать сношенія съ гетманомъ, послалъ спросить его: „Врагомъ или другомъ пришелъ онъ подъ Москву?“ Жолкѣвскій отвѣчалъ, что готовъ помогать Москвѣ, если она признаетъ царемъ Владислава. Въ то же время въ станъ къ гетману явились послы отъ Лжедимитрія. Послѣдній, желая отстранить соперника, далъ Сапѣгѣ запись, въ которой обѣщалъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, заплатить королю Польскому 300,000 злотыхъ, а въ казну республики, въ продолженіи 10 лѣтъ, выплачивать ежегодно по 300,000 злотыхъ, сверхъ того королевичу платить по 100,000 злотыхъ ежегодно также въ продолженіи 10 лѣтъ; обѣщался завоевать для Польши у Шведовъ всю Ливонію и для войны Шведской выставлять по 15,000 войска. Касательно Земли Сѣверской далъ уклончивое обѣщаніе, что онъ не прочь вести объ этомъ переговоры, и если дѣйствительно будетъ что-либо кому слѣдовать, то почему же и не отдать должнаго, однако лучше каждому оставаться при своемъ. Съ этою записью изъ стана Сапѣги отправились послы подъ Смоленскъ уговаривать короля принять предложеніе самозванца. Пріѣхавъ сперва въ станъ къ гетману, они объявили Жолкѣвскому о цѣли своего посольства къ королю и сказали, что Лжедимитрій хочетъ послать и къ нему, гетману, съ подарками; но Жолкѣвскій, давшій свободный путь къ королю, самъ уклонился отъ всѣхъ сношеній съ воромъ.

Между тѣмъ сношенія съ Москвою продолжались. Когда Мстиславскій прислалъ письмо къ гет-

ману, то письменнаго отвѣта не получилъ. Жолкѣвскій велѣлъ сказать ему, что письменныя сношенія только затянутъ дѣло, которому не будетъ конца. Начались съѣзды; но дѣло и тутъ затянулось, потому что прежде всего надобно было отстранить самое могущественное препятствіе—иновѣріе Владислава; патріархъ объявилъ боярамъ относительно избранія королевича: если крестится и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не крестится, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, и да не будетъ на васъ нашего благословенія". Бояре настаивали, чтобы первымъ условіемъ Владиславова избранія было постановлено принятіе православія; но гетманъ безъ наказа королевскаго никакъ не могъ на это согласиться. Личные переговоры Мстиславскаго съ Жолкѣвскимъ, происходившіе 2-го августа противъ Дѣвичьяго монастыря, были прерваны извѣстіемъ, что самозванецъ приступаетъ къ Москвѣ; воръ былъ отбитъ съ помощію русскаго войска, пришедшаго съ Жолкѣвскимъ и находившагося подъ начальствомъ Ивана Михайловича Салтыкова, сына Михайлы Глѣбовича. Покушенія самозванца—съ одной стороны, а съ другой—ропотъ польскаго войска, не получавшаго жалованья и грозившаго возвратиться, заставляли гетмана ускорить переговорами: онъ объявилъ, что принимаетъ только тѣ условія, которыя были утверждены королемъ и на которыхъ цѣловалъ крестъ Салтыковъ съ товарищами подъ Смоленскомъ; прибавки же, сдѣланныя боярами теперь въ Москвѣ, между которыми главная состояла въ томъ, что Владиславъ приметъ православіе въ Можайскѣ,—должны быть переданы на рѣшеніе короля. Бояре согласились: съ своей стороны гетманъ согласился тутъ же внести въ договоръ нѣкоторыя измѣненія и прибавки, которыхъ не было въ Салтыковскомъ договорѣ. Эти измѣненія очень любопытны, показывая разность взгляда Тушинцевъ, заключавшихъ договоръ подъ Смоленскомъ, и бояръ, заключавшихъ его теперь въ Москвѣ. Такъ, въ Салтыковскомъ договорѣ внесено условіе свободнаго выѣзда за границу для науки; въ Московскомъ договорѣ этого условія нѣтъ. Салтыковскій договоръ, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ людей, могшихъ получить важное значеніе только въ Тушинѣ, требовалъ возвышенія людей незнатныхъ, смотря по ихъ заслугамъ; въ Московскій договоръ бояре внесли условіе: „Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать". Салтыковскій договоръ былъ составленъ извѣстными приверженцами перваго Лжедимитрія, которые не могли опасаться мести за 17-е мая 1606 года; но составители Московскаго договора сочли необходимымъ прибавить, чтобы не было мести за убійство Поляковъ 17-го мая. Прибавлены были также слѣдующія условія: Сапѣгу отвести отъ вора: помогать Москвѣ противъ послѣдняго и, по освобожденіи столицы отъ него, Жолкѣвскій долженъ отступить съ съ польскими войсками въ Можайскъ и тамъ ждать конца переговоровъ съ Сигизмундомъ; Марину отослать въ Польшу и запретить ей предъявлять права свои на Московскій престолъ; города Московскаго государства, занятые Поляками и ворами, очистить, какъ было до Смутнаго времени; о вознагражденіи короля и польскихъ ратныхъ людей за военныя издержки должны говорить съ Сигизмундомъ великіе послы московскіе; наконецъ гетманъ обязался писать королю, бить ему челомъ, чтобъ снялъ осаду Смоленска.

27 августа, на половинѣ дороги отъ польскаго стана къ Москвѣ, происходила торжественная присяга московскихъ жителей королевичу Владиславу; здѣсь, въ двухъ шатрахъ, гдѣ стояли богатоукрашенные налои, присягнули въ первый день 10,000 человѣкъ; гетманъ, съ своей стороны, именемъ Владислава, присягнулъ въ соблюденіи договора. На другой день присяга происходила въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи патріарха; сюда пришли русскіе Тушинцы, прибывшіе подъ Москву съ Жолкѣвскимъ,—Михайла Салтыковъ, князь Мосальскій и другіе. Они подошли подъ благословеніе къ патріарху: тотъ встрѣтилъ ихъ грозными словами: „Если вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня, грѣшнаго: если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты". Салтыковъ со слезами на глазахъ сталъ увѣрять Гермогена, что будетъ у нихъ прямой, истинный государь,—и патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ Михайла Молчановъ, то Гермогенъ закричалъ на него: „Окаянный еретикъ! тебѣ не слѣдъ быть въ церкви", и велѣлъ выгнать его вонъ. Гетманъ и бояре угощали, дарили другъ друга; думали, что Смутное время кончилось избраніемъ царя изъ чужаго народа, изъ царскаго племени. Но Смутное время было еще далеко до окончанія: при избраніи Владислава не удовлетворялось главному требованію народа; для успокоенія послѣдняго, надобно было обмануть его, и временное правительство, не наказавшись прошедшимъ, рѣшилось прибѣгнуть къ обману. По городамъ разосланы были грамоты съ приказомъ присягать Владиславу, и въ этихъ грамотахъ правительствующіе бояре писали, что такъ какъ совѣтные люди изъ городовъ для царскаго выбора не пріѣзжали, то Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу на томъ, что „ему, государю, быть въ нашей православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона". Но понятно, что истины скрыть было нельзя; многіе очень хорошо знали, что дѣло о принятіи православія королевичемъ было отложено, и нѣкоторые изъ нихъ имѣли сильныя побужденія разглашать объ этомъ въ Москвѣ, давать знать въ станъ къ самозванцу и по городамъ; и вотъ когда другіе города повиновались Москвѣ и присягнули

Владиславу,—Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичъ и Ростовъ начали тайно пересылаться съ самозванцемъ, изъявляя готовность передаться ему. Прежде эти самые города встали противъ Лжедимитрія и отчаянно оборонялись отъ его сподвижникотъ, увидавши въ нихъ враговъ государства. Но теперь высшій интересъ, интересъ религіозный, становится на первомъ планѣ и отстраняетъ всѣ другіе: для многихъ лучше было покориться тому, кто называлъ себя православнымъ царемъ Димитріемъ, сыномъ царя Ивана Васильевича, чѣмъ Литовскому иновѣрному королевичу. Съ этихъ поръ, съ провозглашенія Владислава царемъ, народныя движенія въ Московскомъ государствѣ принимяютъ религіозный характеръ, и король Сигизмундъ спѣшитъ дать имъ силу.

Черезъ два дня послѣ торжественной присяги съ обѣихъ сторонъ, къ гетману пріѣхалъ изъ-подъ Смоленска Ѳедоръ Андроновъ съ письмомъ отъ короля, гдѣ тотъ требовалъ, чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его. Вслѣдъ за Андроновымъ пріѣхалъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшимъ наказомъ для гетмана; но не только самъ гетманъ, даже и Гонсѣвскій, узнавъ положеніе дѣлъ, счелъ невозможнымъ нарушить договоръ и исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному сознанію Поляковъ, было ненавистно Московскому народу. Рѣшившись не обнаруживать ни въ чемъ намѣреній короля, Жолкѣвскій началъ приводить въ исполненіе ту статью договора, которою онъ обязался отвести Сапѣгу отъ вора и прогнать послѣдняго отъ Москвы. Онъ послалъ къ первому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣлу короля и республики и уговорить самозванца къ изъявленію покорности Сигизмунду, въ какомъ случаѣ Жолкѣвскій обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ или Гродно въ кормленіе; въ случаѣ же несогласія самозванца, Сапѣга долженъ былъ выдать его гетману или, по крайней мѣрѣ, отступить отъ него. Самъ Сапѣга готовъ былъ выполнить требованія гетмана; но товарищи его никакъ не согласились. Жолкѣвскій увидалъ необходимость употребить мѣры подѣйствительнѣе простыхъ увѣщаній; онъ двинулся ночью изъ своего стана и на разсвѣтѣ стоялъ уже передъ станомъ Сапѣги въ боевомъ порядкѣ; князь Мстиславскій вывелъ къ нему также на помощь пятнадцати-тысячный отрядъ московскаго войска, оставивъ, по распоряженію гетмана, другой сильный отрядъ въ городѣ, для сдержанія приверженцевъ Лжедимитрія. Соединившись съ Жолкѣвскимъ, первый бояринъ Московскаго государства, князь Мстиславскій, поступилъ подъ начальство коронпаго гетмана польскаго! Войско Сапѣги испугалось, увидя передъ собою соединенные полки Жолкѣвскаго и Мстиславскаго; Русскіе, замѣтивъ эту робость, хотѣли тотчасъ же ударить на него, но гетманъ не хотѣлъ проливать крови своихъ, дожидался мирной покорности, которая и не замедлила: Сапѣга явился на личное свиданіе къ гетману и обѣщалъ или уговорить самозванца къ покорности или отступить отъ него. Но Лжедимитрій, или, лучше сказать, жена его, находившіеся тогда въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣли слышать ни о какихъ условіяхъ; несогласіе нѣкоторыхъ городовъ на избраніе Владислава обѣщало имъ новую смуту, новую возможность поправить свои дѣла. Тогда гетманъ объявилъ боярамъ свое намѣреніе: пройдя ночью черезъ Москву, подступить къ монастырю и захватить тамъ врасплохъ самозванца. Бояре согласились, позволили польскому войску, въ ночное время, пройти черезъ городъ почти пустой, потому что бояре еще прежде вывели тридцать тысячъ войска въ поле. Впрочемъ, довѣренность не была обманута: Поляки прошли поспѣшно черезъ городъ, не сходя съ коней, безо всякаго вреда для жителей. Польское и московское войско соединились у Коломенской заставы и пошли къ Угрѣшскому монастырю; но изъ Москвы успѣли увѣдомить Лжедимитрія объ опасности, и тотъ бѣжалъ въ Калугу съ женою и Заруцкимъ, который перешелъ на его сторону, разсорившись съ Жолкѣвскимъ за то, что гетманъ не хотѣлъ дать ему главнаго начальства надъ русскимъ войскомъ, передавшимся на имя королевича. Не надѣясь догнать самозванца, гетманъ возвратился въ станъ свой, а бояре въ Москву. На другой день русскіе приверженцы Лжедимитрія, не послѣдовавшіе за нимъ въ Калугу, пріѣхали къ гетману и объявили желаніе присягнуть Владиславу, если только при нихъ останутся тѣ званія, которыя они получили отъ самозванца. Жолкѣвскій былъ не прочь удовлетворить этому требованію; но бояре московскіе никакъ не хотѣли на это согласиться. Извѣщая города о послѣднихъ событіяхъ, они писали: „Литовскіе люди—Янъ Сапѣга съ товарищами, и Русскіе люди, бояре—князь Михаилъ Туренинъ да князь Ѳедоръ Долгорукій, и воровскіе совѣтники князь Ал. Сицкій, Александръ Нагой, Григорій Сумбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, князь Ѳед. Засѣкинъ, да дьякъ Петръ Третьяковъ, и всякіе служилые и неслужилые люди вину свою государю королевичу принесли". Здѣсь любопытно отдѣленіе двухъ бояръ—князя Туренина и Долгорукаго отъ остальныхъ приверженцевъ Лжедимитрія, которые называются воровскими совѣтниками, какъ будто бы двое означенныхъ бояръ не были такъ же воровскими совѣтниками. Нѣкоторые изъ этихъ воровскихъ совѣтниковъ, недовольные московскимъ пріемомъ, опять отъѣхали къ самозванцу.

Отогнавъ Лжедимитрія, гетманъ началъ настаивать на скорѣйшее отправленіе пословъ къ Сигизмунду, что давало ему случай удалить изъ Московскаго государства подозрительныхъ людей, на которыхъ указано было народу, какъ на достойныхъ занять престолъ. Жолкѣвскій началъ уговаривать Голицына принять на себя посольство, льстилъ ему, представляя, что такое великое дѣло должно быть совершено именно такимъ знамени-

*

тымъ мужемъ, какимъ былъ онъ, Голицынъ; притомъ увѣрялъ его, что это посольство дастъ ему удобный случай къ пріобрѣтенію особенной милости короля и королевича. Голицынъ принялъ предложеніе. Жолкѣвскій отъ его удаленія получалъ двойную выгоду: вопервыхъ, удалялъ изъ Москвы, отдавалъ въ руки королевскія искателя престола; вовторыхъ, удалялъ изъ Москвы самаго виднаго по способностямъ и дѣятельности боярина; съ остальными легко было управиться. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, носившій въ это время званіе стольника, былъ еще очень молодъ, и потому его нельзя было включить въ посольство; тогда гетманъ постарался, чтобъ посломъ отъ духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета; Жолкѣвскій представлялъ, что на такое важное дѣло нужно послать человѣка. не только по званію, но и по происхожденію знаменитаго, а послѣднему условію вполнѣ удовлетворялъ только одинъ Филаретъ. Увѣдомляя короля о присягѣ Москвы Владиславу, гетманъ писалъ ему: „Одинъ Богъ знаетъ, что въ сердцахъ людскихъ кроется, но, сколько можно усмотрѣть, Москвитяне искренно желаютъ, чтобы королевичъ у нихъ царствовалъ. Для переговоровъ о крещеніи и другихъ условіяхъ отправляютъ къ вашей королевской милости князя Василія Голицына съ товарищами; переговоры эти не будутъ трудны, потому что Голицынъ, пришедши къ патріарху съ другими боярами, объявилъ ему, что „о крещеніи они будутъ бить челомъ, но если бы даже король и не исполнилъ ихъ просьбы, то воленъ Богъ да господарь, мы ему уже крестъ цѣловали и будемъ ему прямить". Удаливши чрезъ посольство Голицына и отца Михаилова, Жолкѣвскій распорядился и насчетъ бывшаго царя Василія, который могъ быть также опасенъ, ибо патріархъ не считалъ его монахомъ; по настоянію гетмана, бояре отправили Василія въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, а братьевъ его въ Бѣлую, чтобъ отсюда удобнѣе было переслать ихъ въ Польшу; патріархъ, кажется, догадывался объ этомъ намѣреніи, и настаивалъ, чтобъ Шуйскаго отвезли въ Соловецкій монастырь,—но тщетно. Царицу Марію заключили въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Филаретъ и Голицынъ отправились въ челѣ посольства; между остальными членами его были—окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, думный дьякъ Томила-Луговской, дьякъ Сыдавный-Васильевъ; изъ духовныхъ—Спасскій архимандритъ Евфимій, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и другіе; къ нимъ присоединены были выборные изъ разныхъ чиновъ люди; число лицъ посольства простиралось до 1,246 человѣкъ. Посламъ данъ былъ такой наказъ: 1) Требовать, чтобъ Владиславъ принялъ Греческую вѣру въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и Смоленскаго архіепископа Сергія,—чтобъ пришелъ въ Москву православнымъ; 2) Чтобъ Владиславъ, будучи на престолѣ, не сносился съ папою о дѣлахъ вѣры, а только о дѣлахъ государственныхъ; 3) Если кто-нибудь изъ людей Московскаго государства захочетъ по своему малоумію отступить отъ Греческой вѣры, такихъ казнить смертію, а имѣніе ихъ отписать въ казну; слѣдовательно здѣсь сдѣлано исключеніе изъ того условія договора, по которому имѣніе у преступниковъ не отбиралось, но шло къ наслѣдникамъ; 4) Чтобъ королевичъ взялъ съ собою изъ Польши немногихъ необходимыхъ людей; 5) Прежняго титула Московскихъ государей не умалять; 6) Жениться Владиславу въ Московскомъ государствѣ, на дѣвицѣ Греческаго закона; 7) Города и мѣста, занятые Поляками и воромъ, очистить къ Московскому государству, какъ было до смуты и какъ условлено съ гетманомъ; 8) Полякамъ и Литовцамъ, которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья внутри государства, а не въ порубежныхъ городахъ. Цѣль условія ясна: Поляки, владѣя порубежными мѣстами, легко могли завести ихъ за Польшу; 9) Всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Московскомъ государствѣ во время смутъ, возвратить безъ выкупа; 10) Король долженъ отступить отъ Смоленска; на посадѣ и въ уѣздѣ никакого насилія не дѣлать; 11) На будущій сеймъ должны пріѣхать московскіе послы, въ присутствіи которыхъ вся Рѣчь Посполитая должна подкрѣпить великое утвержденіе между двумя государствами.

На случай неодолимаго сопротивленія съ польской стороны, посламъ дозволено было умѣрить свои требованія, именно—касательно первой статьи: если королевичъ на принятіе православной вѣры въ Смоленскѣ не согласится и отложитъ это дѣло до прибытія своего въ Москву, гдѣ приметъ рѣшеніе, постановленное духовенствомъ православнымъ и латинскимъ,—то послы должны отвѣчать, что у нихъ на такой случай нѣтъ наказа, просить позволенія переписаться съ патріархомъ, боярами и всею Землею, а королевича просить идти немедленно въ Москву; прибавлено, чтобы послы не спорили о вѣрѣ съ панами или учителями латинскими. Касательно четвертой статьи послы должны были настоять, чтобъ Владиславъ не привозилъ съ собою больше пяти сотъ человѣкъ Поляковъ. Касательно титула послы могли согласиться, что Владиславъ постановитъ о немъ окончательное рѣшеніе въ Москвѣ по приговору патріарха, бояръ и всѣхъ думныхъ людей. Статью о женитьбѣ послы могли измѣнить такъ: Владиславъ не можетъ жениться безъ совѣта патріарха, всего духовенства, бояръ и думныхъ людей. Послы не должны были соглашаться на вознагражденіе короля за подъемъ и на уплату жалованья польскому войску, бывшему при ворѣ съ Сапѣгою; не должны были соглашаться на построеніе костела въ Москвѣ, на оставленіе польскихъ чиновниковъ въ порубежныхъ русскихъ городахъ до совершеннаго успокоенія государства; должны были уклониться отъ переговоровъ о порубежныхъ спорныхъ дѣлахъ, „чтобъ за тѣмъ большому дѣлу мѣшкоты не было". Въ случаѣ же упорнаго настаиванія съ польской стороны насчетъ

означенныхъ послѣднихъ пунктовъ, послы должны были отвѣчать, что они не имѣютъ о нихъ наказа, и потому рѣшеніе этихъ дѣлъ должно оставить до будущихъ переговоровъ между Сигизмундомъ и его сыномъ, когда уже Владиславъ будетъ государемъ Московскимъ. Въ Москвѣ, какъ видно, надѣялись, что какъ скоро Владиславъ станетъ царемъ, то будетъ по необходимости блюсти выгоды своего государства: вотъ почему послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшій пріѣздъ Владислава въ Москву.

Патріархъ отправилъ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, гдѣ умолялъ короля отпустить сына въ Греческую вѣру: „Любви ради Божіей смилуйся, великій государь, не презри нашего прошенія, да и вы сами Богу не погрубите. и насъ, богомольцевъ своихъ, и такихъ неисчетныхъ народовъ не оскорбите". Но Сигизмундъ прежде всего долженъ былъ думать о томъ, чтобъ не оскорбить своего народа и, поставленный въ необходимость возвратиться въ Польшу или съ цѣлымъ Московскимъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ съ частію его, продолжалъ осаду Смоленска. Съ другой стороны, Янъ Потоцкій, главный начальникъ надъ осаждающими войсками, завидуя успѣху Жолкѣвскаго въ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно взять Смоленскъ; его желаніе соотвѣтствовало и желанію войска, раздраженнаго долгою осадою. Несмотря однако на ревность и мужество осаждающихъ, ихъ приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между послѣдними свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Когда получено было извѣстіе о договорѣ Жолкѣвскаго съ временнымъ Московскимъ правительствомъ, то и Смольняне вступили въ переговоры съ королемъ; но какъ скоро Сигизмундъ объявилъ Шеину, что Смоленскъ, древняя собственность Литвы, долженъ сдаться не королевичу, а самому королю, то воевода никакъ не согласился отдѣлиться отъ Москвы безъ согласія всей Земли. Окончаніе переговоровъ было отложено до пріѣзда великихъ московскихъ пословъ. И въ этомъ случаѣ городъ раздѣлился, если вѣрить рѣчамъ перебѣжчиковъ: дворяне, которыхъ было около двухъ сотъ человѣкъ, стрѣльцы, числомъ около двѣнадцати тысячъ, даже духовенство и воевода соглашались сдать городъ на имя короля, что имъ все равно жить подъ властію Сигизмунда или его сына, какъ скоро вѣра и права будутъ сохранены; но торговые и посадскіе люди никакъ не хотѣли отложиться отъ Москвы и настаивали, чтобъ дожидаться пословъ.

Между тѣмъ чрезъ избраніе Владислава Шведы необходимо превращались изъ союзниковъ въ враговъ Московскому государству: они взяли Ладогу, но не имѣли успѣха подъ Ивань-городомъ, жители котораго, несмотря на крайность, оставались вѣрны самозванцу; Горнъ разбилъ Лисовскаго подъ Ямою, послѣ чего Лисовскій и Просовецкій съ Донскими казаками отступили къ Пскову, но разсорились, потому что Лисовскій хотѣлъ служить Владиславу, а Просовецкій самозванцу; вслѣдствіе этого, Лисовскій пошелъ въ Островъ, а Просовецкій остановился въ двадцати верстахъ отъ Пскова. Самозванецъ по-прежнему укрѣпился въ Калугѣ и долженъ былъ, повидимому, готовиться къ войнѣ съ прежнимъ своимъ союзникомъ Сапѣгою, который выступилъ въ Сѣверскую Землю какъ будто для того, чтобъ отнять ее у самозванца, но на дѣлѣ было иное: по соглашенію съ двоюроднымъ братомъ своимъ, канцлеромъ Львомъ, Сапѣга долженъ былъ поддерживать Лжедимитрія, отвлекавшаго вниманіе Москвитянъ отъ замысловъ королевскихъ. Владѣнія Калужскаго царя была довольно обширны: такъ, напримѣръ, Серпуховъ принадлежалъ ему; здѣсь сидѣлъ воеводою отъ него извѣстный намъ Ѳедоръ Плещеевъ. Оставшись одинъ подъ Москвою съ небольшимъ своимъ войскомъ, Жолкѣвскій видѣлъ ясно всю опасность положенія, видѣлъ, что Русскіе только вслѣдствіе крайней необходимости согласились принять на престолъ иноземца, и никогда не согласятся принять иновѣрца, а Сигизмундъ никогда не согласится позволить сыну принять православіе. Но и теперь, какъ прежде, самозванецъ продолжалъ помогать гетману; изъ страха предъ простымъ народомъ, который не замедлитъ встать за Лжедимитрія при первомъ удобномъ случаѣ, бояре сами предложили Жолкѣвскому ввести польское войско въ Москву; гетманъ согласился съ радостію и послалъ расписать квартиры въ городѣ; но въ Москвѣ сторожили каждое движеніе: монахъ ударилъ въ набатъ и объявилъ собравшемуся народу, что Поляки входятъ въ Москву; бояре испугались волненія и упросили гетмана обождать еще дня три. Но гетманъ самъ испугался, созвалъ коло въ своемъ войскѣ, и сказалъ: „Правда, что я самъ хотѣлъ поставить войско въ столицѣ; но теперь, внимательно осмотрѣвшись, впалъ въ раздумье. Въ такомъ большомъ и публичномъ собраніи я не могу открыть причинъ, которыя препятствуютъ мнѣ поставить тамъ войско: вышлите ко мнѣ въ палатки по два человѣка изъ полка,—я имъ все открою". Когда депутаты пришли, гетманъ началъ объяснять дѣло: „Москва городъ большой, людный, почти всѣ жители Московскаго государства сходятся въ Кремль по дѣламъ суднымъ,—здѣсь всѣ разряды. Я долженъ стать въ самомъ Кремлѣ, вы другіе—въ Китай-городѣ, остальные—въ Бѣломъ. Но въ Кремлѣ собирается всегда множество народа, бываетъ тамъ иногда по пятнадцати и по двадцати тысячъ: имъ ничего не будетъ стоить, выбравши удобное время, истребить меня тамъ; пѣхоты у меня нѣтъ, вы люди до пѣшаго бою неспособные, а у нихъ въ рукахъ ворота". Приведши въ примѣръ перваго Лжедимитрія, который погибъ вмѣстѣ съ Поляками, гетманъ заключилъ: „Мнѣ кажется гораздо лучше размѣстить войско по слободамъ около столицы, которая будетъ такимъ образомъ какъ будто въ осадѣ".

Но этому плану всего болѣе воспротивился полкъ

Зборовскаго, состоявшій изъ тушинскихъ Поляковъ; послѣдніе не переставали жалѣть, что у нихъ вырвана была изъ рукъ добыча; теперь, по крайней мѣрѣ, надѣялись, что если Москва будетъ въ ихъ рукахъ, то и казна царская будетъ у нихъ же, а тутъ гетманъ какъ нарочно медлитъ, обнаруживаетъ опасеніе и хочетъ становиться только въ слободахъ. Депутатъ Зборовскаго полка, Мархоцкій, отвѣчалъ гетману: „Напрасно ваша милость считаетъ Москву такъ могущественною, какъ была она во время Димитрія, а насъ такъ слабыми, какъ были тѣ, которые пріѣхали къ нему на свадьбу. Спросите у самихъ Москвичей, и они вамъ скажутъ, что отъ прихода Рожинскаго до настоящаго времени погибло 300,000 дѣтей боярскихъ. Въ то время, когда Димитрія и нашихъ побили, вся Земля была въ собраніи около Москвы, потому что царь готовился къ войнѣ съ Крымомъ: но хотя Русскихъ было и много, а нашихъ только три хоругви, однако и тутъ нашихъ одолѣли только измѣною. А ты теперь пріѣхалъ на войну,—будемъ биться и пѣши, когда понадобится. Ваша милость жалуетесь, что у васъ мало пѣхоты: мы каждый день отъ каждой хоругви будемъ посылать къ вамъ, въ Кремль, пѣхоты съ ружьями, сколько прикажете. Если боитесь поставить все войско въ столицѣ, то поставьте нашъ полкъ; мы рѣшились дожидаться въ Москвѣ или смерти, или награды за прежніе труды. Что же касается до расположенія войска въ слободахъ, то мнѣ кажется, что это будетъ гораздо опаснѣе, чѣмъ помѣщеніе его въ самомъ городѣ. Недавно мы вступили въ мирныя сношенія съ Москвою, и уже такъ стали безпечны, что большая часть нашихъ всегда въ Москвѣ, а не въ обозѣ, и такъ ѣздятъ туда неосторожно, какъ будто бы въ Краковъ. То же самое будетъ, когда расположимся въ слободахъ; большая часть нашихъ всегда будетъ въ городѣ, а не при хоругвяхъ“. Жолкѣвскій отвѣчалъ съ сердцемъ: „Я не вижу того, что ваша милость видите,—такъ будьте гетманомъ, сдаю вамъ начальство!“ Мархоцкій отвѣчалъ: „Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска въ столицѣ не поставите, то не пройдетъ трехъ недѣль, какъ Москва измѣнитъ. А отъ полка своего я объявляю, что мы другихъ еще трехъ лѣтъ подъ Москвою стоять не намѣрены“.

Съ тѣмъ депутаты и разошлись отъ гетмана; Жолкѣвскій не тронулся убѣжденіями Мархоцкаго и послалъ Гонсѣвскаго въ Москву къ боярамъ предложить имъ, чтобъ они отвели ему Новодѣвичій монастырь и слободы. Бояре согласились; но патріархъ возражалъ, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ Поляками, неприлично и выслать ихъ для Поляковъ. Мнѣніе патріарха нашло отголосокъ сильный: около Гермогена начали собираться дворяне, торговые и посадскіе люди, стрѣльцы. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, зовя ихъ къ себѣ; они отговаривались, что заняты государственнымъ дѣломъ. Тогда Гермогенъ послалъ сказать имъ, что если они не хотятъ идти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ, и не одинъ, а со всѣмъ народомъ. Бояре испугались, пошли къ патріарху и толковали съ нимъ часа два, опровергая слова его о неблагонамѣренныхъ замыслахъ гетмана. Гермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условія, не отправляетъ никого противъ противъ Калужскаго вора, хочетъ ввести войска свои въ Москву, а русскіе полки высылаетъ на службу противъ Шведовъ. Бояре, съ своей стороны, утверждали, что введеніе польскихъ войскъ въ Москву необходимо,—иначе чернь предастъ ее Лжедимитрію; Иванъ Никитичъ Романовъ даже сказалъ патріарху, что если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ всѣмъ боярамъ придется идти за нимъ для спасенія головъ своихъ; что тогда Москва достанется вору, и патріархъ будетъ отвѣчать за эту бѣду. Патріарху прочли строгій уставъ, написанный гетманомъ для предотвращенія и наказанія буйствъ, которыя могутъ позволить себѣ Поляки; въ то же время Гонсѣвскій, узнавъ о чемъ идетъ дѣло у патріарха съ боярами, прислалъ сказать послѣднимъ, что гетманъ завтра же высылаетъ войска противъ самозванца, если только московскіе полки будутъ готовы. Это извѣстіе дало боярамъ рѣшительный перевѣсъ въ спорѣ; Мстиславскій воспользовался случаемъ, чтобъ превознести гетмана; говорятъ даже, будто бояре, въ торжествѣ, рѣшились сказать Гермогену, чтобъ онъ смотрѣлъ за Церковью, а въ мірскія дѣла не вмѣшивался, ибо прежде духовенство никогда не управляло государственными дѣлами. Какъ будто бы преданіе государства иновѣрцамъ не касалось Церкви!

Какъ бы то ни было, патріархъ уступилъ боярамъ, уступилъ и народъ. Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ, дьякъ Грамотинъ попеременно разъѣзжали среди толпы, выговаривали за мятежъ, приказывали не замышлять новаго; народъ утихъ; Гонсѣвскій поскакалъ въ станъ къ гетману съ извѣстіемъ, что нѣтъ никакой опасности расположить войско въ столицѣ, что сами бояре просятъ объ этомъ; гетманъ согласился. Ночью, съ 20 на 21 сентября, Поляки тихо вступили въ Москву, помѣстились въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ; заняли монастырь Новодѣвичій, заняли Можайскъ, Борисовъ, Верею, для безопасности сообщеній своихъ съ королемъ. Жолкѣвскій, для собственной выгоды, хотѣлъ свято исполнить обѣщанное: рѣшеніе распрей между Поляками и Москвичами предоставленно было равному числу судей изъ обоихъ народовъ; судъ былъ безпристрастный и строгій: такъ, когда одинъ пьяный Полякъ выстрѣлилъ въ икону Богородицы, то судъ приговорилъ его къ отсѣченію рукъ и сожженію; другой Полякъ насильно увелъ дочь у одного изъ московскихъ жителей; преступника высѣкли кнутомъ. Обязанность продовольствовать Поляковъ была возложена на замосковные города и волости, которые были расписаны по разнымъ ротамъ; но когда посланные

для сбора припасовъ Поляки, по ихъ собственному признанію, самовольно брали все, что кому правилось, силою отнимали женъ и дочерей у жителей, то послѣдніе согласились платить Полякамъ деньгами, сборъ которыхъ приняли на себя. Гетману всего важнѣе было прибрать къ рукамъ стрѣльцовъ, потому что на нихъ должно было опереться народное возстаніе, и онъ довелъ дѣло дотого, что, по согласію бояръ, начальство надъ стрѣльцами поручено было Гонсѣвскому. Сами стрѣльцы легко согласились на это, ибо Жолкѣвскій обходительностію, подарками и угощеніями такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что они готовы были исполнить все, чего бы онъ ни захотѣлъ, сами приходили къ нему и спрашивали, не подозрѣваетъ ли онъ кого въ измѣнѣ, вызываясь тотчасъ схватить подозрительнаго человѣка. Гетману удалось даже поладить съ патріархомъ: сперва сносился онъ съ нимъ посредствомъ другихъ, и потомъ сталъ ходить къ нему самъ, и пріобрѣлъ его расположеніе.

Несмотря однако на всѣ эти пріязненныя отношенія и ловкія мѣры, Жолкѣвскій зналъ, что возстаніе вспыхнетъ при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву, зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очень скоро,—и потому спѣшилъ оставить столицу. Съ одной стороны, личнымъ присутствіемъ хотѣлъ онъ подкрѣпить своихъ единомышленниковъ, уговорить короля исполнить договоръ; съ другой стороны,—онъ долженъ былъ спѣшить изъ Москвы для сохраненія своей славы, для выхода изъ положенія, которое скоро грозило стать крайне затруднительнымъ: съ необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ онъ походъ свой, а теперь безславно могъ погибнуть съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ среди всеобщаго возстанія. Бояре испугались, когда гетманъ объявилъ, что долженъ ѣхать, упрашивали его остаться, но Жолкѣвскій былъ непреклоненъ. Бояре провожали его далеко за городъ; даже простой народъ обнаружилъ къ нему расположеніе, платя ласкою за ласку; когда онъ ѣхалъ по улицамъ, то Москвичи забѣгали впередъ и желали счастливаго пути. На мѣсто гетмана остался Гонсѣвскій.

Уѣзжая изъ Москвы, Жолкѣвскій взялъ съ собою сверженнаго царя Василія, взялъ и двоихъ братьевъ его. 20 октября король писалъ боярамъ: „По договору вашему съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, велѣли мы князей Василія, Димитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобъ тутъ въ государствѣ Московскомъ смутъ они не дѣлали; поэтому приказываемъ вамъ, чтобъ вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ, господаря“. Двое другихъ подозрительныхъ лицъ, Филаретъ и Голицынъ, были уже подъ Смоленскомъ во власти короля. Они выѣхали изъ Москвы 11 сентября; съ дороги, отъ 18 сентября, они писали въ Москву, что королевскія войска осадили Осташковъ, разоряютъ его окрестности; отъ 21 сентября писали, что, не имѣя возможности взять Осташковъ, Поляки разсѣялись по уѣздамъ Ржевскому и Зубцовскому, и пустошатъ ихъ; отъ 30-го сентября писали,—что многіе русскіе дворяне пріѣзжаютъ къ королю подъ Смоленскъ, и, по волѣ королевской, присягаютъ уже не одному королевичу, но и самому королю, и король за это ихъ жалуетъ, даетъ грамоты на помѣстья и вотчины, а тѣмъ, кто уже присягнулъ королевичу, велитъ опять присягать себѣ; кто же не хочетъ, тѣхъ сажаютъ подъ стражу; что король нѣсколько разъ посылалъ къ Смольнянамъ, чтобъ они присягнули ему вмѣстѣ съ сыномъ,—Смольняне не согласились, и король промышляетъ надъ ихъ городомъ всякими мѣрами. 7 октября послы пріѣхали подъ Смоленскъ; ихъ приняли съ честію, отвели 14 шатровъ за версту отъ королевскаго стана, но кормы давали скудные; на жалобы пословъ отвѣчали, что король не въ своей землѣ, а на войнѣ, и взять ему самому негдѣ. 10 числа великіе послы представились королю и били челомъ, чтобъ отпустилъ сына своего на царство Московское. Левъ Сапѣга, именемъ королевскимъ, отвѣчалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Сигизмундъ желаетъ спокойствія въ Московскомъ государствѣ и назначитъ время для переговоровъ. Между тѣмъ въ совѣтѣ королевскомъ шли споры, соглашаться ли на просьбу пословъ, отпускать ли королевича въ Москву, или нѣтъ. Сначала Левъ Сапѣга, отчаявшись въ возможности взять Смоленскъ, былъ въ числѣ тѣхъ, которые соглашались на отпускъ королевича въ Москву, но скоро перемѣнилъ мнѣніе, особенно когда получилъ письмо отъ королевы Констанціи, которая писала ему: „Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленскъ и совѣтуешь королю на время отложить осаду; заклинаемъ тебя, чтобъ ты такого совѣта не подавалъ, а вмѣстѣ съ другими сенаторами настаивалъ на продолженіе осады,—здѣсь дѣло идетъ о чести не только королевской, но и цѣлаго войска“. Сапѣга сталъ внушать королю, что присяга, данная Московскимъ народомъ Владиславу, подозрительна:—не хотятъ ли Москвичи только выиграть время; отъ этой присяги для Польши больше вреда, чѣмъ пользы, потому что для невѣрнаго надобно оставить осаду Смоленска, покинуть надежду на пріобрѣтеніе областей Смоленской и Сѣверской, и все это будетъ соединено съ страшнымъ вредомъ и позоромъ, если Москвичи обманутъ Владислава. Гораздо лучше продолжать начатое, не выпускать изъ рукъ того, что уже въ рукахъ, и, взявши свое, вести съ торжествомъ Владислава въ Москву. Требовавшіе выполненія гетманскаго договора съ Москвою представляли: король обѣщалъ, гетманъ съ войскомъ присягнули,—нельзя сдѣлать клятвопреступниками короля, гетмана и цѣлое войско. Народъ Московскій безъ государя быть не привыкъ: если имъ не дать королевича, ими избраннаго, то, разрѣшенные этимъ отъ присяги, они обратятся къ другому и упорно будутъ стоять противъ насъ, видя наше клятвопреступленіе. Силою этой войны намъ не кончить, потому что у насъ нѣтъ достаточныхъ для того средствъ; если же войны не окончимъ, то бѣда съ

двухъ сторонъ,—отъ Москвы и отъ своихъ: отъ Москвы, ибо изберетъ себѣ чужаго государя; отъ своихъ,—потому что начнутся воинскія конфедераціи вслѣдствіе неуплаты жалованья; заплатить имъ изъ Польши трудно, потому что казны нѣтъ, а королю надобно прежде всего заботиться о своей славѣ, ибо если славу потеряетъ, то все потеряетъ и у своихъ, и у чужихъ. Война не можетъ идти хорошо, потому что не только нѣтъ средствъ продолжать ее, но нѣтъ средствъ и долгу заплатить; ратные люди въ отчаяніи двинутся въ Польшу за жалованьемъ; отсюда ненависть къ королю войска, ненависть шляхты, наконецъ возмущеніе,—и тогда уже дѣло пойдетъ о жизни и царствѣ. Если же королевичъ будетъ отправленъ въ Москву, то будетъ у насъ спокойное сосѣдство, легко могутъ быть возвращены Лифляндія и Швеція, да и отъ Татаръ будетъ меньше вреда; большая часть шляхты могла бы испомѣститься въ Москвѣ, вслѣдствіе чего Рѣчь Посполитая могла бы быть безопаснѣе отъ бунтовъ, ибо причина возстанія — бѣдность гражданъ. Король, давши Москвѣ сына, пріобрѣтетъ себѣ вѣчную славу у своихъ и чужихъ. Если, чего не дай Богъ, приключится смерть королю, и выборъ другого сына его въ короли встрѣтитъ препятствія, то старшій братъ, царь Московскій, поможетъ ему.

Противники возражали: „Государь молодой, еще ребенокъ, не можетъ управлять безъ руководителей, которыми должны быть или Поляки, или Москвитяне, или смѣшанно изъ того и другого народа. Если назначить Поляковъ, Москвитяне оскорбятся, ибо народъ Московскій иностранцевъ не терпитъ; это показалъ онъ на Димитріи, погубивъ его за то, что допускалъ иностранцевъ къ дѣламъ тайнымъ. Ввѣрить королевича московскимъ воспитателямъ—трудно, во-первыхъ уже потому, что тамъ нѣтъ такихъ людей, которые бы умѣли воспитывать государя какъ слѣдуетъ: если станутъ воспитывать его въ своихъ обычаяхъ, то погрузятъ въ грубость государя, подающаго такія надежды. Воспитателями, разумѣется, должны быть люди самые знатные; но они на такомъ мѣстѣ не бывали, гдѣ бы могли пользоваться короткимъ обхожденіемъ съ государемъ (государей своихъ они чтутъ какъ божество); короткое обращеніе и молодость государя, участіе, которое они будутъ имѣть въ правленіи, породятъ въ нихъ презрѣніе ко власти царской, станутъ другъ съ другомъ ссориться, и тотъ, кто осилитъ всѣхъ другихъ, начнетъ замышлять и противъ государя; примѣровъ тому много, не у варваровъ, а въ образованныхъ государствахъ, ибо честолюбіе сдержать трудно, зло это вкрадывается мало-по-малу, особенно когда судьба благопріятствуетъ, а народъ Московскій еще къ этому очень склоненъ, потому что очень гордъ и завистливъ. Прежніе государи сдерживали это въ немъ страхомъ, но молодой государь сдержать не сможетъ. Потомъ кого выбрать въ воспитатели? Надобно вѣдь узнать добрыя свойства и обычаи человѣка, прежде чѣмъ допустить его до такого мѣста, и кто его узнаетъ?—сами другъ другу будутъ мѣшать, другъ друга чернить, потому что если при встрѣчѣ и поклонахъ обнаруживаютъ такое смѣшное соперничество, то что же будетъ въ такомъ важномъ случаѣ? Соединить Поляковъ съ Москвитянами?—но, чтобъ они ужились, потребно содѣйствіе Духа Святаго, потребны люди съ умѣреннѣйшими характерами. При молодомъ государѣ сейчасъ между ними возникнетъ соперничество: одни, приверженные къ отцу и къ нему самому, будутъ совѣтовать ему только одно доброе; но другіе будутъ только угождать, льстить молодому человѣку для своихъ выгодъ; одна особенная милость Божія можетъ сдѣлать, что онъ имъ не поддастся. Согласія между польскими и московскими воспитателями быть не можетъ по причинѣ различія нравовъ. Настоящее состояніе Московскаго государства требуетъ человѣка, который бы оборонилъ его отъ враговъ внѣшнихъ, усмирилъ волненія внутреннія, каждаго возвратилъ въ прежнее состояніе, потому что если въ больномъ государственномъ тѣлѣ смѣшавшіеся соки не возвратятся каждый въ свое мѣсто, то болѣзнь возвратится снова; молодой человѣкъ этого сдѣлать не можетъ, а безъ этого жизнь и власть его будутъ въ опасности. Простой народъ тамъ поднялся, всталъ на пановъ, чуть не всю власть въ рукахъ держитъ. Бояре, вожди народа, употребляютъ его, какъ орудіе для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Ихъ надобно укротить, потому что безъ этого надобно каждую минуту опасаться волненія; многоглавый звѣрь можетъ быть укрощенъ только мечемъ. Дитя этого сдѣлать не можетъ, а если сдѣлаетъ по чьему-нибудь внушенію, то возбудитъ сильное волненіе; притомъ же государя молодаго опасно пріучать къ крови. Попы имѣютъ огромное значеніе, они главы народныхъ движеній; съ ними и у старика голова закружится,—съ ними надобно покончить, въ противномъ случаѣ ядъ останется безъ лѣкарства; государь не можетъ быть въ такомъ случаѣ безопасенъ, а охранять его могутъ только Поляки, которыхъ если будетъ немного, то не защитятъ, а скорѣе погубятъ. Большаго польскаго войска держать при себѣ они не допустятъ, да и что будетъ за жизнь государю безпрестанно въ станѣ, въ безпокойствахъ. Избранію ихъ и крестному цѣлованію вѣрить нельзя. Если бы его, по желанію и по долгомъ размышленіи, выбрали, то можно было бы надѣяться, что добровольно выбрали, добровольно будутъ служить, ибо любовь подданныхъ основа правительства. Но этого ничего нѣтъ; только маска да слово добровольнаго избранія; нужда служитъ причиною привязанности; какое тутъ вольное избраніе, когда стоятъ съ саблею надъ головою? Пристойнымъ именемъ только необходимость прикрыли: ибо если королевичъ имъ такъ сильно полюбился, то зачѣмъ не выбирали его прежде, пока были въ силахъ? Зачѣмъ противъ гетмана шли, за Шуйскаго умирали? На отца вездѣ искали помощи, клятвопреступникомъ его называли, говорили, что

нарушилъ клятву имъ и государю ихъ. Хорошее доказательство добраго расположенія! Не любовь была причиною избранія королевича, а необходимость; ибо когда тонешь, то радъ, если и самый злой врагъ протянетъ руку. Изъ условій избранія легко видѣть, что о насъ не думали; въ двухъ изъ нихъ обнаружили свое нерасположеніе: чтобъ королевичъ крестился въ Греческую вѣру и чтобъ Полякамъ не давать пограничныхъ мѣстъ. Если креститься христіанину велятъ, то значитъ за христіанина его не считаютъ,—а какое расположеніе можно имѣть къ нехристіанину? Говорятъ, что королевичъ окрестится: хорошо же думаютъ они о своемъ кандидатѣ, что за кусокъ хлѣба согласится быть отступникомъ и быть въ поруганіи у всѣхъ народовъ и у нихъ. Говорятъ, что это условіе патріархъ внесъ:—тѣмъ хуже. Полякамъ ничего не давать на границахъ; но для чего ихъ бояться; и можно ли того любить, кого опасаемся: для чего испомѣщать ихъ внутри государства? не вѣрятъ имъ, а царемъ кого берутъ?—королевича Польскаго. Крестному цѣлованію ихъ вѣрить, но надобно прежде посмотрѣть, что съ другими государями дѣлалось: развѣ Иванъ не отъ яду умеръ? Говорятъ, что онъ былъ тиранъ; но Ѳедоръ и маленькій братъ его Димитрій были ни въ чемъ невинны — и погибли же. Говорятъ, что это Годуновъ сдѣлалъ; но Годунова царемъ выбрали, и если бы Богъ его не покаралъ, то сынъ бы его царствовалъ; взяли того въ государи, крестъ цѣловали и сейчасъ же убили, измѣнникомъ назвавши; Шуйскому присягнули и до тѣхъ поръ при немъ стояли, пока бѣда не пришла. А нашему измѣнить—первая причина то, что католикъ; патріархъ разрѣшитъ. Трудно вѣрить народу, который уже привыкъ нарушать клятву; возьмемъ въ примѣръ Римскую республику, гдѣ перемѣна государей вошла въ обычай; это наслѣдство досталось и нынѣшнимъ Итальянцамъ.

„Говорятъ: присягнулъ гетманъ, все войско, король обѣщалъ,—надобно исполнить обѣщаніе. Надобно выполнить обѣщаніе, но съ толкомъ, не опуская изъ виду обстоятельствъ, которыя такъ же важны, какъ и главное дѣло. Дадимъ королевича, устранивши препятствія, потому что мы его обѣщали на спокойную землю. Говорятъ: если королевича не дадимъ, то обратятся къ другому государю. Но къ кому обратятся?—ни одинъ своего государства не покинетъ, а сына, кромѣ Англійскаго короля, ни у кого нѣтъ, да и тотъ еретикъ, и плохая надежда, чтобъ окрестился. Мы ближе всѣхъ, намъ удобнѣе всѣхъ дѣйствовать. Столица въ нашихъ рукахъ, и нашихъ недостатковъ знать они не могутъ, потому что, судя по успѣху, ставятъ насъ выше, чѣмъ мы сами себя считаемъ. Правда, что войску будетъ тяжело; но изъ этого еще не слѣдуетъ непремѣнно, чтобъ оно взбунтовалось. Съ польскихъ поборовъ деньги будутъ, хотя и не всѣ; получивши часть, подождутъ остальнаго. Вѣдь они не иностранцы, а сыны отечества, себѣ пріобрѣтаютъ,—не чужому государю. Говорятъ, что когда королевича дадимъ, то Москва все заплатитъ, и Рѣчи Посполитой дастъ вознагражденіе. Но въ казнѣ московской нѣтъ ничего, или очень мало; гдѣ же взять денегъ?—а захотятъ брать у частныхъ людей, то всего скорѣе вспыхнетъ возстаніе. Обѣщаютъ возвращеніе Ливоніи, оборону отъ Татаръ, и не говорятъ о Землѣ Сѣверской, которую должны будемъ потерять. Ливонію возвратить трудно, московскаго войска скоро употребить въ дѣло не можемъ, потому что оно истощено,—надобно дать ему отдохнуть. Будетъ возстаніе на короля, если отдастъ сына безъ воли Поляковъ; если безъ согласія республики не можетъ онъ заключать союзовъ, то тѣмъ болѣе не можетъ давать государя сосѣднему народу. Король имѣетъ право заботиться о своемъ потомствѣ, но безъ вреда для республики: а это вредъ, когда онъ отдастъ своего сына чужому народу, безъ вѣдома республики. Взвѣсивши всѣ доводы за и противъ, трудно рѣшить, что̀ должно избрать. Если бы королевичъ былъ совершеннолѣтній, и республика дала свое согласіе, то скорѣе бы можно было согласиться отпустить королевича въ Москву; но теперь надобно избрать что-нибудь среднее: всего бы лучше, если бы взяли въ государи короля, мужа лѣтъ зрѣлыхъ и опытнаго въ управленіи. Но предложить имъ это опасно: возбудится ихъ подозрительность, взволнуется духовенство ихъ, которое хорошо заетъ, что король ревностный католикъ. Насчетъ королевича, какъ въ нѣжномъ возрастѣ находящагося, они имѣютъ надежду, что могутъ пріучить его ко всему и къ своимъ обычаямъ; но насчетъ короля такой надежды питать они не могутъ. Итакъ предложить имъ прямо короля нельзя; но въ добромъ дѣлѣ открытый путь не всегда приноситъ пользу, особенно когда имѣемъ дѣло съ людьми неоткровенными; если неудобно дать королю сейчасъ же царскій титулъ, то по крайней мѣрѣ управленіе государствомъ при насъ останется, а современемъ откроется дорога и къ тому, что намъ нужно. Мы не будемъ имъ отказывать въ королевичѣ, будемъ стоять при прежнемъ обѣщаніи, а Думѣ боярской покажемъ причины, почему мы не можемъ отпустить къ нимъ сейчасъ же королевича; укажемъ, что препятствія къ тому не съ нашей, но съ ихъ стороны, и медленность эта клонится не къ нашей, но къ ихъ выгодѣ, причемъ нужно различать знатныхъ людей отъ простаго народа, однимъ нужно говорить одно, другому—другое. И знатнымъ людямъ, и простому народу можно выставить на видъ, что государство еще не успокоено, наполнено врагами внутренними и внѣшними, трудно отъ всего этого избавиться, имѣя такого бѣднаго государя; надобно выдавать большія суммы денегъ изъ казны войску, а если пріѣдетъ сейчасъ же Владиславъ, то эти деньги, нужныя для войска, надобно будетъ обратить на царя, для поддержанія великолѣпія Двора. Доходы царскіе идутъ теперь въ разныя стороны, должности заняты людьми недостойными:—все это надобно привести въ поря-

докъ до пріѣзда царя, чтобъ пріѣхать ему на государство богатое, а не истощенное. Людей знатныхъ надобно привлекать частными обѣщаніями и выставлять имъ на видъ, между прочимъ: и то, что королевичъ молодъ, что для установленія спокойствія въ такомъ разстроенномъ государствѣ надобны разумъ и время, и если не успокоить, то начнется волненіе еще больше прежняго; что надобно обратить вниманіе на безопасность государя, потому что въ Землѣ размножились злые люди, которыхъ зовутъ ворами; государь былъ бы безопасенъ только при многочисленномъ отрядѣ тѣлохранителей, а содержаніе этого отряда соединено съ истощеніемъ земли и казны; когда же королевичъ достигнетъ совершеннаго разума и возраста, то ему уже не надобно будетъ тѣлохранителей. Надобно ждать сейма, просить республику объ отпускѣ королевича; на все это потребуется время, а между тѣмъ какъ быть безъ главы государству разстроенному? — непріятель воспользуется этимъ и усилится. Государь молодой не можетъ управлять и не можетъ войти въ ихъ порядки, потому что не знаетъ ихъ. Пусть вышлютъ сыновей своихъ и людей знатныхъ ко Двору королевскому, чтобы и королевичъ присмотрѣлся къ ихъ обычаямъ, и они узнали бы его обычаи: тогда онъ пріѣдетъ въ Москву, уже какъ человѣкъ знакомый, и будетъ управлять по обычаямъ Земли. А между тѣмъ каждаго привлекать на свою сторону обѣщаніями, то же самое дѣлать съ духовными лицами, потому что и между ними не безъ честолюбія. Если бы они согласились отсрочить пріѣздъ королевича, то говорить, что въ это время государство не можетъ быть безъ главы, а кого же ближе признать этимъ главою, какъ не короля, единственнаго опекуна сына своего. Конечно, для благоразумнѣйшихъ важнѣе всего будетъ жить спокойно въ домахъ и имѣть хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока королевичъ придетъ въ совершенныя лѣта. Говорить объ этомъ съ послами, которые теперь у насъ (съ Филаретомъ и Голицынымъ), не слѣдуетъ: ихъ выслали изъ Москвы какъ людей подозрительныхъ; лучше отправить пословъ въ Москву, и тамъ толковать съ добрыми людьми; но если кто изъ этихъ пословъ склонится къ намъ, то хорошо будетъ также послать его въ Москву"

Эти доводы превозмогли: положено было не отпускать королевича 15 октября былъ первый съѣздъ пословъ съ панами радными, которые объявили, что королю нельзя отступить отъ Смоленска и вывести войско изъ Московскаго государства, ибо онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы успокоить это государство, истребить вора, очистить города, а потомъ дать сына своего на престолъ Московскій. Послы отвѣчали, что государство скорѣе успокоится, если король выведетъ изъ него свои войска; что для истребленія вора довольно одного отряда Жолкѣвскаго, потому что воръ теперь силенъ только польскими войсками; что походъ королевскій на вора разоритъ Московское государство, и безъ того уже опустошенное. Послы сказали, что имъ странно даже и толковать объ этомъ, ибо условіе объ отступленіи короля отъ Смоленска подтверждено клятвенно гетманомъ въ договорѣ съ Волуевымъ и Елецкимъ при Царевѣ-Займищѣ; въ договорѣ же Московскомъ сказано вообще объ очисткѣ всѣхъ городовъ къ Московскому государству, и гетманъ обязался просить короля о снятіи осады Смоленска и, слѣдовательно, объ этомъ и рѣчи быть не должно. Паны возражали, что король не можетъ дать своего пятнадцатилѣтняго сына на престолъ Московскій, но хочетъ прежде самъ идти на вора, послѣ чего поѣдетъ на сеймъ, безъ согласія котораго не можетъ отпустить королевича въ Москву. 17 октября былъ другой съѣздъ; паны повторили прежнее, только болѣе рѣзкимъ тономъ, и наконецъ высказались прямо насчетъ Смоленска: „Для чего", сказали они, „вы не оказали королю до сихъ поръ никакой почести и раздѣляете сына съ отцомъ, зачѣмъ до сихъ поръ не отдадите королю Смоленска? Вы бы велѣли Смольнянамъ присягнуть королю и королевичу вмѣстѣ, и тѣмъ бы оказали почесть королю." Послы, выслушавъ это, спросили у пановъ: „Когда вы избрали короля своего, а у него былъ отецъ въ Швеціи, Яганъ король, то для чего вы раздѣлили отца съ сыномъ, сыну цѣловали крестъ, а отцу не цѣловали?" Паны возражали, что Яганъ король не приходилъ успокоивать ихъ государства, и заключили такъ: „Не взявъ государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать." Тогда, желая уклониться отъ переговоровъ о Смоленскѣ и выполнить скорѣе главную статью наказа, послы начали говорить, чтобъ теперь король исполнилъ договоръ, а сынъ его, царь Московскій, снесется уже съ нимъ относительно Смоленска, если не получить этого города король считаетъ для себя такимъ безчестіемъ." „Впрочемъ", прибавили послы, „честь государская состоитъ въ ненарушеніи даннаго слова, а король не разъ объявлялъ, что предпринялъ походъ не для овладѣнія городами."

20 октября былъ третій съѣздъ. Здѣсь паны прямо объявили, что еслибъ король согласился отступить отъ Смоленска, то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а вѣковѣчную свою отчину достанутъ." Послы въ отвѣтъ на это велѣли читать гетманскій договоръ; паны съ сердцемъ закричали: „Не разъ вамъ говорено, что намъ до гетманской записи дѣла нѣтъ"! Несмотря однако на это, они тотчасъ же начали толковать о вознагражденіи королю и войску, упомянутомъ въ гетманскомъ договорѣ; послы отвѣчали, что странно будетъ платить изъ московской казны за опустошеніе Московскаго государства, и что объ этомъ вознагражденіи царь Владиславъ снесется послѣ самъ съ отцомъ своимъ. Взаключеніе послы просили пановъ донести королю, что до сихъ поръ все говорили не о главномъ дѣлѣ, тогда какъ они желаютъ больше всего знать: дастъ ли король на царство сына своего, и приметъ ли королевичъ православную вѣру Греческаго закона.

Паны обѣщались донести объ этомъ Сигизмунду. 23 октября былъ четвертый съѣздъ; паны объявили, что король жалуетъ своего сына, но отпуститъ его не раньше сейма. Тутъ же они прочли статьи, на которыя соглашался король: 1) Въ вѣрѣ королевича и женитьбѣ воленъ Богъ да онъ самъ; 2) Съ папою королевичъ о вѣрѣ ссылаться не будетъ; 3) Плѣнныхъ выдать король велитъ; 4) О числѣ людей при королевичѣ и о ихъ наградѣ послы должны договориться съ самимъ Владиславомъ; 5) Насчетъ казни отступникамъ отъ вѣры король согласенъ съ статьею наказа; касательно же другихъ статей будетъ рѣшеніе на сеймѣ. Объ отступленіи отъ Смоленска послѣдовалъ рѣшительный отказъ; паны заключили отвѣтъ свой такъ: „Какъ скоро Смоленскъ поддастся и присягнетъ королю, то его величество пойдетъ самъ на вора, истребитъ его и успокоитъ государство, отправится со всѣмъ войскомъ и съ вами, послами, на сеймъ; здѣсь дастъ вамъ въ цари сына своего, съ которымъ вы и поѣдете въ Москву." Послы отвѣчали, что взять Смоленскъ, идти на вора, успокоить государство, идти на сеймъ — все это требуетъ долгаго времени, тогда какъ для Московскаго государства дорога теперь каждая минута, и медленность королевская, породивъ сомнѣніе, произведетъ смуту, почему они, послы, просятъ пановъ отвратить короля отъ этого намѣренія и настоять на выполненіи гетманскаго договора; просили также позволенія обосляться съ Смольнянами, съ которыми до сихъ поръ запрещено было имъ сноситься. Тогда же митрополитъ Филаретъ имѣлъ разговоръ со Львомъ Сапѣгою о томъ, надобно-ли королевичу креститься. Сапѣга окончилъ этотъ разговоръ такъ: „Объ этомъ, преосвященный отецъ, поговоримъ въ другой разъ, какъ время будетъ, я къ тебѣ нарочно пріѣду поговорить; а теперь одно скажу, что королевичъ крещенъ и другого крещенія нигдѣ не писано". На это послы сказали: „Бьемъ челомъ королю и королевичу со слезами, чтобъ королевичъ крестился въ нашу православную вѣру Греческаго закона. Вамъ, панамъ, самимъ извѣстно, что Греческая вѣра мать всѣмъ христіанскимъ вѣрамъ, всѣ другія вѣры отъ нея отпали и составились. Вѣра есть даръ Божій, и мы надѣемся, что Богъ благодатію Своею коснется сердца королевича, и пожелаетъ онъ окреститься въ нашу православную вѣру, и потому вамъ, панамъ раднымъ, не должно отводить отъ этого королевича и противиться благодати Божіей. Никакъ не можетъ статься, что государю быть одной вѣры, а подданнымъ—другой, и сами вы не терпите, чтобъ короли ваши были другой вѣры. А тебѣ, Льву Ивановичу, и больше всѣхъ надобно о томъ радѣть, чтобъ государь нашъ, королевичъ Владиславъ Жигимонтовичъ, былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, потому что дѣдъ твой и отецъ, и ты самъ, и иные вашего рода многіе были въ нашей православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона, и невѣдомо какимъ обычаемъ ты съ нами теперь поразрознился; такъ тебѣ по нашей вѣрѣ пригоже поборать".

27 октября былъ пятый съѣздъ. Паны, желая испугать пословъ и показать имъ необходимость подчиниться волѣ Сигизмунда, увѣдомили ихъ объ успѣхахъ Шведовъ на сѣверо-западѣ и объ усиленіи самозванца, къ которому ушло изъ Москвы 300 дворянъ. Послы отвѣчали, что они сомнѣваются въ справедливости этихъ извѣстій, ибо изъ Москвы къ нимъ объ этомъ не пишутъ; если же въ Московскихъ людяхъ есть измѣна, и гетману отъ этого идти съ войскомъ на вора нельзя, то король можетъ послать войска, которыя стоятъ въ Можайскѣ, Боровскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Бѣлой, ибо эти войска теперь ничего не дѣлаютъ, только разоряютъ и пустошатъ государство. „Если король укажетъ эти войска послать на вора, и мы отпишемъ во всѣ города объ этой милости королевской, и особенно о томъ, что онъ и сына своего скоро отпуститъ на царство, то весь народъ обрадуется и отъ вора отстанетъ; если же самъ король пойдетъ съ войскомъ на Московское государство, то народъ придетъ въ сомнѣніе, все договоренное рушится, и будетъ хуже прежняго" Паны отвѣчали съ сердцемъ: „Мы вамъ говоримъ прямыя вѣсти про Шведовъ и про вора, а вы сами не знаете, чего просите: еслибъ король и захотѣлъ отойти отъ Смоленска въ свое государство, то войска его, люди вольные, не послушаются, и тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ въ разныхъ мѣстахъ московскихъ,—а ихъ всѣхъ 80,000,—если не получатъ денегъ, передадутся къ вору, и тогда вашему государству конецъ." Послы отвѣчали: „Просимъ королевское величество, чтобъ умилосердился надъ государствомъ Московскимъ, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ идти на вора, а Черкасъ и Татаръ велѣлъ изъ государства вывести, которые, стоя по городамъ, королевичу присягнувшимъ, жгутъ, разоряютъ и людей въ полонъ берутъ." Паны закричали на это: „Пришли вы не съ указомъ, а къ указу, и не отъ государя пришли, пришли отъ Москвы съ челобитьемъ къ государю нашему, и что вамъ государь нашъ укажетъ, то и дѣлайте. Сказываемъ мы вамъ прямыя вѣсти, что Шведы Ивань-Городъ и Ладогу взяли, ко Пскову и инымъ городамъ хотятъ идти, а съ другой стороны воръ сбирается со многими людьми, и многіе люди, измѣня, къ нему изъ Москвы пріѣзжаютъ, да къ нему же хотятъ придти на помощь Турскіе и Крымскіе люди. А многаго мы еще вамъ не сказали: Датскій король хочетъ доступить Архангельска да Колы. Видите сами, сколько на ваше государство недруговъ смотрятъ,—всякій хочетъ себѣ что-нибудь сорвать; и вамъ надобно о своемъ государствѣ радѣть, пока злой часъ не пришелъ, а отъ государскаго похода не отговаривать; хотя бы и самъ государь нашъ захотѣлъ въ свое государство идти, то вы должны были ему челомъ бить, чтобъ онъ прежде ваше государство успокоилъ; государь нашъ, жалѣя о го-

сударствѣ вашемъ, самъ хочетъ идти на вора, а вы этой государской милости не разумѣете и походъ отговариваете." Послы отвѣчали: „Указывать мы его величеству не можемъ,—что хочетъ, то и дѣлаетъ; но какъ намъ приказано бить челомъ отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, такъ мы и дѣлаемъ; отговариваемъ мы походъ королевскій потому, что государство наше и безъ того пусто и разорено, и тѣмъ приходъ королевича отложится, отчего вся Земля придетъ въ упыніе и сомнѣніе. Просимъ позволенія отписать въ Москву къ патріарху, боярамъ и ко всякимъ людямъ, что впередъ дѣлать намъ по ихъ приказу, а безъ того ни на что согласиться не можемъ". Паны отвѣчали: „Вамъ и безъ указу московскаго, какъ великимъ посламъ, все дѣлать можно,—такъ сперва потѣшьте короля, сдѣлайте, чтобъ Смольняне королю и королевичу крестъ цѣловали. Вы королевича называете своимъ государемъ, а короля, отца его, безчестите; чего вамъ стоитъ поклониться его его величеству Смоленскомъ, которымъ онъ хочетъ овладѣть не для себя, а для сына же своего. Король оставитъ ему послѣ себя не только Смоленскъ, но и Польшу и Литву:—тогда и Польша, и Литва, и Москва будетъ все одно".—„Свидѣтельствуемся Богомъ", сказали на это послы, „что у насъ объ этомъ ничего въ наказѣ не написано, и теперь, и впередъ на сеймѣ мы не согласимся, чтобъ намъ какимъ нибудь городомъ Польшѣ и Литвѣ поступиться: Московское государство все Божье да государя нашего, королевича Владислава Жигимонтовича, и какъ онъ будетъ на своемъ царскомъ престолѣ, то во всемъ будетъ воленъ Богъ да онъ, государь нашъ, а безъ него намъ не только-что говорить,—и помыслить объ этомъ нельзя".—„Мы хотимъ", говорилъ Сапѣга, „чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ королю для одной только чести". —„Честь королю", отвѣчали послы, „будетъ большая отъ всего свѣта и отъ Бога милость, если онъ Московское государство успокоитъ, кровь христіанскую уйметъ, сына своего посадитъ на Россійскій престолъ, и тогда не только Смоленскъ, но и все Россійское государство будетъ за сыномъ его". Паны кричали: „Много уже пустого мы отъ васъ слышимъ; скажите одно,—хотите ли послать къ Смольнянамъ, чтобъ они государю нашему честь сдѣлали, крестъ поцѣловали?"—„Сами вы знаете", отвѣчали послы, „что наказъ нашъ писанъ съ гетманскаго согласія, на чемъ гетманъ крестъ цѣловалъ за короля и за васъ, пановъ; но чтобъ королю крестъ цѣловать,—того не только въ наказѣ нѣтъ, но и въ мысляхъ у всего народа не бывало: какъ же намъ безъ совѣту всей Земли это сдѣлать?" —„Когда такъ, то Смоленску пришелъ конецъ", закричали паны. Послы опять начали просить, чтобъ имъ позволено было переслаться съ патріархомъ и боярами; жаловались, что дворянамъ, которые съ ними пріѣхали, содержать себя нечѣмъ, съ-голоду помираютъ, потому что помѣстьями и вотчинами ихъ владѣютъ литовскіе ратные люди; что сами они, послы, во всемъ терпятъ нужду большую, а лошади ихъ всѣ отъ безкормицы пали. Паны отвѣчали: „Всему этому вы сами причиною; еслибъ вы исполнили королевскую волю, то и вамъ, и дворянамъ вашимъ было бы всего довольно".

Въ это время пріѣхалъ подъ Смоленскъ гетманъ Жолкѣвскій, и 30 октября имѣлъ торжественный въѣздъ въ станъ; привезъ сверженнаго царя Василія и братьевъ его, и представилъ ихъ Сигизмунду. Говорятъ, что когда отъ Василія требовали, чтобъ онъ поклонился королю, то онъ отвѣчалъ: „Нельзя Московскому и всея Руси государю кланяться королю; праведными судьбами Божіими приведенъ я въ плѣнъ не вашими руками, но выданъ московскими измѣнниками, своими рабами". 2-го ноября былъ шестой съѣздъ въ присутствіи Жолкѣвскаго. Послы начали говорить: „Обрадовались мы, что гетманъ Станиславъ Станиславичъ пріѣхалъ: при немъ, дастъ Богъ, государское дѣло станетъ дѣлаться успѣшнѣе, потому что гетманъ о государскомъ жалованьи писалъ въ Москву не разъ, и всѣмъ людямъ Московскаго государства королевичево жалованье сказывалъ, за великаго государя короля, за все Польское и Литовское государство Московскому государству крестъ цѣловалъ; и всѣ люди его гетманскому слову повѣрили. О чемъ мы прежде били челомъ и съ вами, панами радными, говорили, въ иномъ вы намъ не вѣрили, а теперь гетманъ Станиславъ Станиславичъ, по своему крестному цѣлованью, станетъ за насъ же говорить". Левъ Сапѣга отвѣчалъ: „Много разъ мы съ вами съѣзжались, но ничего добра не сдѣлали; мы твердимъ безпрестанно, чтобъ вы королю честь сдѣлали, велѣли Смольянамъ крестъ цѣловать его величеству и сыну его королевичу. Но вы отговариваетесь недѣльно, что безъ согласія московскихъ бояръ того сдѣлать не можете, тогда какъ вамъ дана полная мочь говорить и становить обо всемъ". Послы сказали на это: „Мы надѣялись въ тотъ самый день, какъ сюда пріѣхали, все по гетманскому договору получить: но и по сіе время ни одной статьи этого договора не исполнено. Ты самъ знаешь, Станиславъ Станиславичъ! можемъ ли мы отъ себя что-нибудь новое затѣять: самъ ты видѣлъ въ Москвѣ, какъ патріархъ и бояре о всѣхъ статьяхъ договорныхъ со всѣми людьми совѣтовались и не разъ всѣ имъ статьи читали,—и, что имъ казалось противно,—объясняли, а объ иныхъ статьяхъ посылали ихъ къ тебѣ; не одинъ патріархъ съ боярами совѣтовались и приговаривали, но съ людьми всѣхъ чиновъ. Какъ же можно намъ изъ этихъ статей что-нибудь безъ совѣта со всею Землею перемѣнить? Чтобъ Смоленскъ отдать королю,—этого не только въ статьяхъ, но и въ поминѣ ни у тебя, ни у другого кого не было. Ты не разъ говорилъ всѣмъ намъ, что какъ скоро мы пріѣдемъ къ королю, то его величество тотчасъ же отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ отойдетъ въ Польшу." Гетманъ долго говорилъ съ панами пολатыни, потомъ отвѣчалъ посламъ: „Какой я съ

Московскимъ государствомъ договоръ заключилъ, то все я дѣлалъ по указу и волѣ королевской, и весь этотъ договоръ король соблюдаетъ. Но чтобъ его величеству отойти отъ Смоленска,—о томъ я вамъ не говорилъ, а совѣтовалъ послать о томъ съ челобитьемъ; да и какъ мнѣ было своему государю приказывать? А гдѣ въ записи утверждено, чтобъ идти мнѣ на вора—и я не пошелъ, въ томъ виноватъ не я: приговорено было при мнѣ послать съ московскимъ войскомъ бояръ, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова и окольничаго Головина. Я уже отрядилъ для этого войско и поставилъ его въ Борисовѣ, Можайскѣ, Боровскѣ, но ваши люди къ нему въ сходъ не пришли. Въ то время воръ сослался тайно съ нѣкоторыми Московскими людьми; эти люди сысканы и грамоты воровскія въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ найдены. Тогда бояре князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами пріѣзжали ко мнѣ въ станъ и просили, чтобъ я со всѣмъ войскомъ моимъ вошелъ въ Москву, и если я въ Москву не войду, пойду на вора, то многіе бояре, видя въ Московскихъ людяхъ шатость, въ Москвѣ не останутся, съ женами и дѣтьми пойдутъ за мною, и я потому въ Москву и вошелъ, а на вора отпустилъ Петра Сапѣгу: чай, онъ надъ нимъ и теперь промышляетъ. Потомъ у меня съ боярами многія статьи перемѣнены, противъ договора: спросите объ этомъ дворянъ, Ивана Измайлова съ товарищами, которые пріѣхали со мною къ королю бить челомъ о помѣстьяхъ,—они вамъ скажутъ, какъ со мною бояре въ Москвѣ дѣлали и совѣтовались. По ихъ примѣру, и вы здѣсь съ панами такъ же дѣлайте, чтобъ было къ королевской чести и къ вашей пользѣ. Грамота, что послана изъ Москвы въ Смоленскъ, была у меня; но въ ней писано то, что вы хотѣли; а я писать не приказывалъ, ни заказывалъ. Знаю я мой договоръ, чтобъ изъ пушекъ по Смоленску не бить и никакой тѣсноты не дѣлать,—и король этотъ договоръ выполняетъ. А чтобъ Смольняне отца съ сыномъ не раздѣляли и крестъ цѣловали обоимъ,—то вамъ надобно сдѣлать для чести королевской. Если же вы этого Смольнянамъ не прикажете, то наши сенаторы говорятъ, что король за честь свою станетъ мстить, а мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будетъ худо. Не упрямьтесь, исполните волю королевскую, а какъ Смоленскъ сдастся, тогда объ уходѣ королевскомъ договоръ напишемъ".

„Попомни Бога и душу свою, Станиславъ Станиславовичъ!" отвѣчали послы: „въ записи, данной Елецкому и Волуеву, прямо написано, что когда Смольняне королевичу крестъ поцѣлуютъ, то король отойдетъ отъ Смоленска, порухи и насильства городу не будетъ, всѣ порубежные города будутъ къ Московскому государству попрежнему. Мы надѣялись отъ тебя помощи, что ты за свое крестное цѣлованіе станешь, за Московское государство королю будешь бить челомъ, а своей братьѣ панамъ сенаторамъ говорить, чтобъ и они короля приводили на унятіе крови. Ты говоришь, что послѣ нашего отъѣзда у тебя съ боярами во многомъ договоръ перемѣненъ, и ссылаешься на дворянъ Ивана Измайлова съ товарищами; но мы ихъ и спрашивать не хотимъ: надобна намъ отъ бояръ грамота, а словамъ такихъ людей, которые за помѣстьями къ королю пріѣзжаютъ, вѣрить нельзя. Въ договорѣ статья была написана, что при государѣ королевичѣ Польскимъ и Литовскимъ людямъ у земскихъ дѣлъ въ приказахъ не быть и не владѣть; а теперь и до государева приходу уже помѣстья и вотчины раздаютъ. Мы объ этомъ упомянули для того, чтобъ не вышло въ людяхъ сомнѣнія и печали". Сапѣга отвѣчалъ: „Государь король Московскихъ людей, которые его милости ищутъ, отъ себя не отгоняетъ, да и кому же ихъ до приходу королевича жаловать какъ не его величеству? И теперь государь пожаловалъ боярина князя Мстиславскаго конюшимъ, а князя Юрія Трубецкаго боярствомъ, и за то всѣ бояре его величеству благодарны". Чтобъ возвратиться къ главному дѣлу, послы велѣли думному дьяку Томилѣ Луговскому читать договоръ гетмана съ Елецкимъ и Волуевымъ при Царевѣ-Займищѣ. Но Сапѣга не далъ ему читать и закричалъ: „Вамъ давно заказано упоминать объ этой записи, вы этимъ хотите только позорить пана гетмана! Если впередъ объ этой записи станете говорить, то вамъ будетъ худо". Луговской отвѣчалъ: „Хотя и помереть, а правду говорить,—вы эту запись ни во что ставите, а мы и теперь, и впередъ будемъ ею защищаться". Тутъ вмѣшался въ споръ Жолкѣвскій: „Я", сказалъ онъ, „готовъ присягнуть, что ничего не помню, что въ этой записи писано; писали ее Русскіе люди, которые были со мною и ее мнѣ поднесли; я, не читавши, руку свою и печать приложилъ, и потому лучше эту запись оставить, а говорить объ одной московской, которую и его величество утверждаетъ." Другіе паны кричали: „Мы о Смоленскѣ въ послѣдній разъ вамъ говоримъ; если вы не заставите Смольнянъ королю и королевичу крестъ цѣловать, то крестное цѣлованіе съ гетмана сошло, его величество и мы Смоленску больше терпѣть не будемъ, не останется камень на камнѣ, будетъ надъ нимъ то же, что надъ Іерусалимомъ". Послы отвѣчали попрежнему, что они своевольно договора не нарушатъ, а пусть позволятъ имъ послать гонца къ патріарху и боярамъ и ко всѣмъ чинамъ, и что имъ вся Земля прикажетъ, то они и сдѣлаютъ: „Ты, Левъ Ивановичъ!" говорили они, „самъ бывалъ въ послахъ, такъ знаешь, можно ли послу сверхъ наказа что-нибудь сдѣлать; и ты былъ посломъ отъ государя къ государю, а мы посланы отъ всей Земли,—какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей Земли сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ?" Потомъ послы обратились къ Жолкѣвскому, чтобъ заставить его употребить всѣ усилія для спасенія Смоленска: „Не скажетъ ли весь народъ", говорили они, „что до твоего пріѣзда подъ Смоленскъ король

сохранилъ договоръ, къ городу не приступалъ; а какъ ты пріѣхалъ, то Смоленскъ взяли?" Гетманъ далъ слово всѣми силами стараться о томъ, чтобъ къ Смоленску не дѣлали приступа до возвращенія гонца, отправляемаго послами къ патріарху и боярамъ за новымъ наказомъ. Гетману дали знать также, что Филаретъ сердится на него за приведеніе подъ Смоленскъ сверженнаго царя Василія и за представленіе его королю въ свѣтскомъ платьи. Вотъ почему Жолкѣвскій, при окончаніи съѣзда, подошелъ къ митрополиту съ оправданіями: „Я", говорилъ онъ, „взялъ бывшаго царя не по своей волѣ, но по просьбѣ бояръ, чтобъ предупредить на будущее время народное смятеніе; ктому же онъ въ Іосифовѣ монастырѣ почти умиралъ съ-голода. А что привезъ я его въ свѣтскомъ платьи, то онъ самъ не хочетъ быть монахомъ,—постригли его неволею, а невольное постриженіе противно и вашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ,—это говоритъ и патріархъ". Филаретъ отвѣчалъ: „Правда, бояре желали отослать князя Василія, за польскою и московскою стражею, въ дальніе крѣпкіе монастыри, чтобъ не было смуты въ народѣ; но ты настоялъ, чтобъ его отослать въ Іосифовъ монастырь. Его и братьевъ его отвозить въ Польшу не слѣдовало, потому что ты далъ слово изъ Іосифова монастыря его не брать, да и въ записи утверждено, чтобъ въ Польшу и Литву ни одного Русскаго человѣка ни вывозить, ни ссылать. Ты на томъ крестъ цѣловалъ,—и крестное цѣлованіе нарушилъ; надобно бояться Бога, и расторгать мужа съ женою не пригоже, и что въ Іосифовѣ монастырѣ его не кормили, въ томъ виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки"

Боясь за Смоленскъ, послы поѣхали на другой день къ Жолкѣвскому, чтобъ напомнить ему его обѣщаніе. Гетманъ объявилъ имъ какъ будто отъ себя, что для спасенія Смоленска одно средство: впустить въ него польское войско, какъ сдѣлано было въ Москвѣ, и тогда, можетъ-быть, король не будетъ принуждать Смоленскъ цѣловать ему крестъ и самъ не пойдетъ на вора подъ Калугу. Послы въ отвѣтъ прочли ему статью договора, чтобъ ни въ одинъ городъ не вводить польскаго войска, и снова настаивали, чтобъ имъ позволено было отправить гонца въ Москву. Гетманъ обѣщалъ хлопотать объ этомъ. Чтобъ узнать, къ чему повели его хлопоты, послы на другой день опять поѣхали къ нему. Жолкѣвскій объявилъ, что король соглашается на отправленіе гонца, но прежде требуетъ, чтобъ въ Смоленскъ были впущены его ратные люди. Послы отвѣчали прежнее, что сами собою согласиться на это не могутъ. На другой день гетманъ прислалъ къ нимъ племянника своего сказать, что король согласился на отправленіе гонца въ Москву, но съ тѣмъ, чтобъ черезъ двѣ недѣли онъ возвратился съ полнымъ наказомъ. Но потомъ посламъ объявлено было, чтобъ они пріѣхали къ гетману 18 ноября; тутъ нашли они всѣхъ пановъ радныхъ, и Сапѣга объявилъ, что непремѣнно должны впустить въ Смоленскъ ратныхъ людей королевскихъ, потому что Шеину и всѣмъ Смольнянамъ вѣрить нельзя: подъѣзжалъ подъ Смоленскъ гость Шоринъ и дѣти боярскія, и Шеинъ спрашивалъ у нихъ про вора, гдѣ онъ теперь и какъ силенъ. Ясно, что они хотятъ съ воромъ ссылаться и впустить его въ городъ.—Послы повторили, что ничего не могутъ сдѣлать безъ новаго наказа изъ Москвы; что же касается до Смольнянъ, то Шорину и другимъ такимъ же ворамъ вѣрить нельзя; „подъѣзжаютъ они подъ Смоленскъ не по нашему совѣту, Смольнянъ обманываютъ и прельщаютъ, а вамъ, сенаторамъ, говорятъ на нихъ ложно". Паны отвѣчали, что обсылки съ Москвою король и они ждать не хотятъ. „Увидите, что завтра будетъ надъ Смоленскомъ"! Послы просили, чтобъ дали имъ по крайней мѣрѣ посовѣтоваться съ митрополитомъ, котораго не было на этомъ съѣздѣ по болѣзни. Паны согласились.

Пріѣхавши въ свой станъ, послы держали совѣтъ. Филаретъ говорилъ: „Того никакими мѣрами учинить нельзя, чтобъ въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить: если разъ и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать; а если король и возьметъ Смоленскъ приступомъ мимо крестнаго цѣлованія, то положиться на судьбы Божіи, только-бъ намъ своею слабостью не отдать города". Потомъ призваны были за совѣтомъ дворяне и всѣ посольскіе люди; спрошено: „Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они, послы, отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства не будутъ ли въ проклятіи и ненависти?" Всѣ отвѣчали: „Одноличнo на томъ стоять, чтобъ въ Смоленскъ Польскихъ и Литовскихъ людей не пустить ни одного человѣка; если и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать. Если которая кровь прольется или что надъ Смоленскомъ сдѣлается, то это будетъ не отъ насъ; только-бъ своею слабостію Смоленска не потерять". Смоленскіе дворяне и дѣти боярскія, бывшіе при посольствѣ, сказали: „Хотя въ Смоленскѣ наши матери и жены и дѣти погибнутъ, только бы на томъ крѣпко стоять, чтобъ Польскихъ и Литовскихъ людей въ Смоленскъ не пустить".

На другой день послы объявили панамъ это рѣшеніе; просили со слезами, чтобъ король не приступалъ къ Смоленску; но и слезы не помогли. 21 ноября все войско приступило къ городу, зажгли подкопъ, взорвали башню и часть стѣны саженъ на десять; три раза Поляки вламывались въ городъ—и три раза были отбиты.

29 ноября посламъ велѣно было пріѣхать къ Жолкѣвскому, у котораго они нашли всѣхъ другихъ пановъ. Тѣ же предложенія со стороны Поляковъ,—тотъ же отвѣтъ со стороны пословъ. 2-го декабря новый съѣздъ. Сапѣга встрѣтилъ пословъ словами: „Надумались ли вы; впустите ли въ Смоленскъ королевскихъ ратныхъ людей? Знайте, что Смоленскъ не взятъ только по просьбѣ гетманской

и вашей; король показалъ милость, чтобъ не пролить крови невинной вмѣстѣ съ винною". Тотъ же отвѣтъ отъ пословъ. Паны продолжали: „Государь васъ жалуетъ, позволилъ вамъ писать въ Москву, только пишите правду, лишняго не прибавляйте. И такъ вы въ Москву писали, и не одинъ разъ, а это вы дѣлаете непригоже, что пишите тайно, и отъ государя людей отводите, чтобъ къ королю бить челомъ о помѣстьяхъ и о всякихъ дѣлахъ не ѣздили. Кому-жъ ихъ, кромѣ нашего государя, жаловать?" Послы отвѣчали: „Только бы не эти воры, которые изъ Москвы пріѣзжаютъ, вамъ говорятъ неправду и насъ корятъ, то кровь христіанская перестала бы литься, и христіанство на обѣ стороны было бы въ покоѣ и тишинѣ. О помѣстьяхъ мы писали и вамъ говорили для того, что это можетъ весь народъ привести въ сомнѣніе."

4 декабря посламъ дали знать, чтобъ они отправили отъ себя въ Москву гонца, съ которымъ вмѣстѣ поѣдетъ и королевскій коморникъ Исаковскій. 6 числа Исаковскій и гонецъ дѣйствительно выѣхали. Но, между тѣмъ, приводилась въ исполненіе статья извѣстнаго намъ разсужденія о томъ, что нельзя немедленно отправить королевича въ Москву. Видя непреклонность главныхъ пословъ, обратились къ второстепеннымъ, обѣщаніями склонили ихъ измѣнить своему дѣлу, бросить главныхъ пословъ и отправиться въ Москву, чтобъ тамъ дѣйствовать въ пользу короля. Филаретъ и Голицынъ узнали, что думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ, Спасскій архимандритъ, Троицкій келарь Авраамій и многіе другіе дворяне и разныхъ чиновъ люди, взявши отъ короля грамоты на помѣстья и другія пожалованія, отпущены по домамъ. Хотѣли поколебать и думнаго дьяка Томилу Луговскаго. Сапѣга прислалъ звать его къ себѣ; Луговской поѣхалъ и встрѣтилъ канцлера вмѣстѣ съ Сукинымъ и Сыдавнымъ, наряжеными въ богатое платье. Сапѣга сказалъ Луговскому: „Подожди немного; я только представлю этихъ господъ и другихъ дворянъ королю для отпуска, потому что Сукинъ старъ, а другіе, живя здѣсь, проѣлись". Томила остановилъ Сапѣгу и сказалъ: „Левъ Ивановичъ! Не слыхано нигдѣ, чтобъ послы дѣлывали такъ, какъ Сукинъ и Сыдавный дѣлаютъ: покинувъ государское и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ въ Москву! Какъ имъ будетъ посмотрѣть на чудотворный образъ Богородицы, отъ которой отпущены? За нашъ грѣхъ теперь у насъ такое великое дѣло началось, какого въ Московскомъ государствѣ не бывало, кровь христіанская безпрестанно льется, и впередъ не знаемъ, какъ ей уняться. Хотя бы Василій Сукинъ и въ самомъ дѣлѣ занемогъ, то ему лучше-бъ умереть тутъ, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣзжать; и старше его живутъ, а дѣлъ не бросаютъ. Если Сыдавный для того отпущенъ, что проѣлся, то и всѣхъ насъ давно пора отпустить: всѣ мы такъ же проѣлись, подмога намъ всѣмъ дана одинакая. Судитъ имъ Богъ, что такъ дѣлаютъ. Объявляю тебѣ, Левъ Ивановичъ: какъ только они въ Москву пріѣдутъ, то во всѣхъ людяхъ начнется сомнѣнье и печаль; и во всѣхъ городахъ отъ того надобно ожидать большой шатости. Да и митрополиту съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ впередъ нельзя будетъ ничего дѣлать. Послано съ митрополитомъ духовнаго чина пять человѣкъ, а насъ послано съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ также пять человѣкъ,—половину отпускаютъ, а другую оставляютъ! Воленъ Богъ да государь Сигизмундъ король, а намъ впередъ ничего нельзя дѣлать!" Сапѣга отвѣчалъ: „Печалиться вамъ объ этомъ не для чего; вы всѣ въ волѣ государевой; его величество пожаловалъ ихъ, отпустилъ по ихъ челобитью, а посольское дѣло вы можете и безъ нихъ отправить. Въ Москвѣ отъ ихъ пріѣзда никакого худа быть не можетъ, а только добро; они государю нашему служатъ вѣрно; быть можетъ, глядя на нихъ, и изъ васъ кто-нибудь захочетъ такъ же послужить вѣрою и правдою, и государь ихъ также пожалуетъ великимъ своимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчинами, а кто захочетъ, то и въ Москву прикажетъ отпустить". Луговской сказалъ на это: „Надобно у Бога и у Сигизмунда короля просить, чтобъ кровь христіанская литься перестала и государство успокоилось, а присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и челомъ бить, но о всемъ Московскомъ государствѣ."

Сапѣга прервалъ разговоръ, пошелъ къ королю, а Луговскому велѣлъ дожидаться. Пришедши отъ короля, онъ взялъ Томилу въ особую комнату и говорилъ ему наединѣ: „Я хочу тебѣ всякаго добра, только ты меня послушай и сослужи государю прямую службу, а его величество наградитъ тебя всѣмъ, чего только захочешь; я, надѣясь на тебя, уже увѣрилъ государя, что ты его послушаешь. Смольняне требуютъ, чтобъ къ нимъ прислали кого-нибудь изъ васъ, пословъ, сказать имъ, что надобно дѣлать: они васъ послушаютъ и государеву волю исполнятъ. Такъ Василій Сукинъ готовъ, ждетъ тебя,—ступайте съ нимъ вмѣстѣ подъ Смоленскъ и скажите жителямъ, чтобъ цѣловали крестъ королю и королевичу или впустили бы королевскихъ людей въ Смоленскъ". Луговской отвѣчалъ: „Сдѣлать мнѣ этого никакъ нельзя. Присланы отъ патріарха, бояръ, и отъ всѣхъ людей Московскаго государства митрополитъ Филаретъ да бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ товарищами, а мнѣ безъ ихъ совѣта не только что дѣлать, и помыслить ничего нельзя. Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести? Не только Господь Богъ—и люди Московскаго государства мнѣ за это не потерпятъ, и Земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ ввести?—по Христову слову, лучше навязать на себя камень и ввинуться въ море. Да и государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ. Знаю я подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, да они и тѣхъ не по-

слушали: а если мы теперь поѣдемъ и объявится въ насъ ложь, то они впередъ еще крѣпче будутъ и никого уже слушать не станутъ. Надобно, чтобъ мы съ ними повольно всѣ съѣзжались, а не подъ стѣною за приставомъ говорили: это они уже всѣ знаютъ". Сапѣга продолжалъ прежнее: „Ты только поѣзжай и себя имъ объяви, а говорить съ ними станетъ Сукинъ; ѣхать бы тебѣ, не упрямиться и королевскаго жалованья себѣ похотѣть". Луговской отвѣчалъ: „Государскому жалованью я радъ и служить государю готовъ въ томъ, что мнѣ можно сдѣлать; а чего мнѣ сдѣлать нельзя,—въ томъ бы королевское величество опалы своей на меня не положилъ; а этого мнѣ никакъ сдѣлать нельзя, чтобъ подъ городъ ѣхать своевольно, да и Сукину ѣхать непригоже,—отъ Бога ему это такъ не пройдетъ". Этимъ разговоръ кончился, Сапѣга поѣхалъ къ королю, а Луговской возратился къ себѣ въ станъ и разсказалъ все старшимъ посламъ.

Филаретъ и Голицынъ на другой день призвали къ себѣ Сукина, Сыдавнаго, Спасскаго архимандрита, и говорили имъ, чтобъ они попомнили Бога и свои души, вспомнили бы, какъ отпущены изъ соборнаго храма Пречистой Богородицы, какъ благословлялъ ихъ патріархъ. Сукинъ съ товарищами отвѣчали: „Послалъ насъ король съ своими листами въ Москву для своего государскаго дѣла,—и намъ какъ не ѣхать?" Эти люди говорили прямо; но келарь Палицынъ схитрилъ и тутъ: онъ не хотѣлъ имѣть неловкихъ для себя объясненій съ митрополитомъ, не поѣхалъ къ нему подъ предлогомъ болѣзни, которая однако не помѣшала ему отправиться въ Москву; 43 человѣка покинули такимъ образомъ станъ посольскій. Захаръ Ляпуновъ также покинулъ пословъ, но въ Москву не поѣхалъ, а перешелъ въ польскій станъ; онъ ежедневно пировалъ у пановъ, забавлялъ ихъ насмѣшками надъ послами, и утверждалъ, что старшіе послы все дѣлаютъ сами собою, не спрашиваются съ дворянами,—все таятъ отъ нихъ. Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ причину, почему Ляпуновъ покинулъ пословъ. Филаретъ и Голицынъ объявили панамъ, что пріѣздъ Сукина съ товарищами въ Москву произведетъ смуту и всему дѣлу поруху. Но дѣло рушилось уже и безъ этого.

Мы видѣли, что бояре и вообще лучшіе люди, боясь вора и его приверженцевъ, крѣпко держались за Владислава: что по ихъ желанію Поляки были введены въ Москву. Больше всѣхъ приверженностію къ Владиславу отличался первый бояринъ, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій: еще въ началѣ августа 1610 года Сигизмундъ прислалъ Мстиславскому и товарищамъ его похвальную грамоту, въ которой прямо сказано о давней приверженности Мстиславскаго къ королю и королевичу: „И о прежнемъ твоемъ къ намъ радѣньи и пріязни бояре и думные люди сказывали; это у насъ и у сына нашего въ доброй памяти; дружбу твою и радѣнье мы и сынъ нашъ сдѣлаемъ памятными передъ всѣми людьми, въ государской милости и чести учинитъ тебя сынъ нашъ, по твоему отечеству и достоинству, выше всѣхъ, братьи твоей, бояръ". Мстиславскій не усомнился принять званіе конюшаго изъ смоленскаго стана. Другой бояринъ, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, писалъ униженное письмо ко Льву Сапѣгѣ, чтобъ тотъ смиловался, билъ челомъ королю и королевичу о его вотчинныхъ деревнишкахъ. 21 сентября (н. с.) 1610 года Сигизмундъ прислалъ боярамъ грамоту, въ которой приказывалъ вознаградить Михайлу Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему; вознагражденіе должно было состоять въ возвращеніи движимаго и недвижимаго имѣнія, отобраннаго Шуйскимъ въ казну за измѣну. Въ этой грамотѣ о королевичѣ ни слова. Сигизмундъ прямо говоритъ, что Салтыковъ съ товарищами пріѣхали „къ нашему королевскому величеству, стали служить прежде всѣхъ, и били намъ челомъ, чтобъ мы ихъ пожаловали, вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, за ихъ къ намъ вѣрную службу". Михайлѣ Глѣбовичу было пожалована волость Чаранда, которая была прежде за Димитріемъ Годуновымъ, а потомъ за княземъ Скопинымъ, волость Тотьма, на Костромѣ, Красное село и Рѣшма; сыну Салтыкова, Ивану Михайловичу, дана волость Вага, которая была прежде за Борисомъ Годуновымъ, а потомъ за Димитріемъ Шуйскимъ. Многіе челобитчики отправились сами къ королю въ станъ Смоленскій. До насъ дошло множество листовъ или грамотъ Сигизмундовыхъ, жалованныхъ разнымъ людямъ на помѣстья, званія, должности; всѣ эти грамоты написаны отъ имени Сигизмунда; вездѣ употребляются выраженія: „Боярамъ нашимъ, мы пожаловили, велѣли". Въ числѣ челобитчиковъ была и царица Марѳа, о которой король писалъ боярамъ: „Присылала къ намъ богомолица наша, инока Марѳа, блаженной памяти великаго господаря Ивана Васильевича господарыня, бьючи челомъ, что князь Василій Шуйскій, будучи на великомъ господарствѣ Московскомъ, ограбилъ ее, отнялъ то, чѣмъ пожаловалъ ее великій князь Иванъ Васильевичъ, а велѣлъ кормить съ дворца скудною пищею; которые люди живутъ у нея, тѣмъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго не даютъ; она нынѣ во всемъ обнищала и одолжала. Вы-бъ велѣли ей и людямъ ея давать жалованье, какъ обыкновенно на Москвѣ держатъ господарскихъ женъ, которыя въ черницы постригаются". Поднялись и всѣ опальные предшествовавшаго царствованія: Василій Яковлевичъ Щелкаловъ выхлопоталъ привилей на помѣстье и вотчину; Аѳанасій Власьевъ билъ челомъ, чтобъ отдали ему назадъ дворъ и имѣніе, отборанные Шуйскимъ; извѣстный намъ Благовѣщенскій протопопъ Терентій выпросилъ, чтобъ опредѣлили его опять къ Благовѣщенью. Но грамоты отъ имени короля писались только къ боярамъ въ Москву; грамоты же по городамъ писались отъ одного Владислава. Такимъ образомъ, временное правительство Московское, Дума боярская, молча, согла-

силась признать короля правителемъ до пріѣзда Владиславова: по всѣмъ вѣроятностямъ, бояре, или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, этимъ и ограничивались; не ограничивался этимъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, который прямо велъ дѣло къ тому, чтобъ царемъ былъ провозглашенъ не Владиславъ, а Сигизмундъ. Но одного Салтыкова было мало, и потому въ Смоленскомъ станѣ признали полезнымъ принять услуги и другого рода людей,—именно тѣхъ Тушинцевъ, которые готовы были на все, чтобъ только выйти изъ толпы, которые, заключая договоръ подъ Смоленскомъ, выговорили, чтобъ будущее правительство возвышало людей низкаго происхожденія по ихъ заслугамъ. Въ челѣ этихъ людей по способностямъ и энергіи былъ Ѳедоръ Андроновъ, о которомъ извѣстно только то, что онъ былъ купецъ кожевникъ, обратилъ на себя вниманіе Годунова (чернокнижествомъ, какъ увѣряли враги Андронова), переведенъ былъ изъ Погорѣлаго Городища въ Москву; потомъ во время смутъ видимъ его въ Тушинѣ и подъ Смоленскомъ. Здѣсь онъ умѣлъ приблизиться къ королю или его совѣтникамъ до такой степени, что Сигизмундъ послалъ его въ Мискву въ званіи думнаго дворянина, хотя можно думать, что онъ это званіе получилъ еще въ Тушинѣ. Въ концѣ октября 1610 года король писалъ боярамъ: „Ѳедоръ Андроновъ намъ и сыну нашему вѣрою и правдою служилъ и до сихъ поръ служитъ. и мы за такую службу хотимъ его жаловать, приказываемъ вамъ, чтобъ вы ему велѣли быть въ товарищахъ съ казначеемъ нашимъ Васильемъ Петровичемъ Головинымъ". Андроновъ продолжалъ служить вѣрою и правдою королю. Всѣ требованія Гонсѣвскаго онъ исполнялъ безпрекословно, если только не предупреждалъ ихъ; лучшія вещи изъ казны царской были отобраны и отосланы къ королю. нѣкоторыя взялъ себѣ Гонсѣвскій. Для прилики Гонсѣвскій велѣлъ переписать казну боярамъ и печати свои приложить; но когда потомъ бояре пришли въ казну, то уже печатей своихъ не нашли, нашли только печать Андронова: они спросили его—что это значитъ? Андроновъ отвѣчалъ, что Гонсѣвскій велѣлъ распечатать. По словамъ Поляковъ, были въ казнѣ царской литыя золотыя изображенія Спасителя и двѣнадцати апостоловъ; послѣднія еще Шуйскій перелилъ въ деньги для уплаты шведскимъ наемникамъ; Полякамъ Гонсѣвскаго досталось только изображеніе Спасителя, оцѣненное въ 30,000 червонныхъ; нѣкоторые хотѣли-было отослать его въ краковскій костелъ, но жадность большинства превозмогла—и священное изображеніе было разбито на куски.

Андроновъ не довольствовался казначейскими распоряженіями, хотѣлъ служить и другія службы королю; по пріѣздѣ своемъ въ Москву, онъ писалъ Льву Сапѣгѣ, оправдывая Жолкѣвскаго въ уступкѣ требованіямъ Москвитянъ: „Еслибъ не учинить тѣхъ договоровъ по ихъ волѣ, писалъ Андроновъ, то конечно пришлось бы доставать саблею и огнемъ. Панъ гетманъ разсудилъ, что лучше теперь обойтись съ ними по ихъ штукамъ; а когда приберемъ ихъ къ рукамъ, тогда и штуки ихъ эти мало помогутъ,—надѣемся на Бога, что современемъ всѣ ихъ штуки уничтожимъ и умыселъ ихъ на иную сторону обратимъ, на правдивую". Андроновъ пишетъ о необходимости держать подъ Москвою отрядъ польскаго войска, въ которомъ ни одинъ человѣкъ не долженъ выѣзжать изъ стану, но всѣ каждую минуту должны быть готовы на случай возстанія; а они, слуги королевской милости, Андроновъ съ товарищами, будутъ держать при себѣ нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ и казаковъ. Андроновъ предлагаетъ также выгнать изъ приказовъ людей, оставшихся здѣсь отъ прежняго царствованія, и **нохлѣбцовъ** Шуйскаго, какъ онъ выражается, и мѣста ихъ занять людьми, преданными королю: „Надобно, пишетъ онъ, немедленно указъ прислать, что дѣлать съ тѣми, которые тутъ были при Шуйскомъ и больше дурили, чѣмъ самъ Шуйскій". Списокъ этихъ людей, вѣроятно составленный Андроновымъ, дошелъ до насъ въ отрывкахъ; нѣкоторыя указанія любопытны; наприм., дьякъ Григорій Елизаровъ сидѣлъ въ Новгородской четверти, самъ еретикъ и еретики ему приказаны (не забудемъ, что Андронова также обвиняли въ чернокнижіи); дьякъ Смолянинъ, сынъ боярскій бывалъ, Михаила Бѣгичевъ, а дьячество ему дано за шептанье; дьяки дворцовые Филиппъ да Анфиногенъ Ѳедоровы дѣти Голенищева—злые шептуны." Предложеніе Андронова было приведено въ исполненіе: товарищи его по Тушину и Смоленскому стану были посажены по приказамъ,—Степанъ Соловецкій сѣлъ думнымъ дьякомъ въ Новгородской четверти, Василій Юрьевъ—у денежныхъ сборовъ, Евдокимъ Витовтовъ—въ разрядѣ первымъ думнымъ дьякомъ, Иванъ Грамотинъ—печатникомъ, посольскимъ и помѣстнымъ дьякомъ, въ Большомъ приходѣ—князь Ѳедоръ Мещерскій, въ Пушкарскомъ приказѣ—князь Юрій Хворостининъ, въ Панскомъ приказѣ—Михайла Молчановъ, въ Казанскомъ дворцѣ—Иванъ Салтыковъ.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядомъ съ собою въ Думѣ торговаго мужика Андронова, съ важнымъ званіемъ казначея; особеннымъ безчестіемъ для себя считали они то, что этотъ торговый мужикъ осмѣливался говорить противъ Мстиславскаго и Воротынскаго, распоряжался всѣмъ, пользовался полною довѣренностію короля и Гонсѣвскаго, потому что дѣйствовалъ прямо, хлопоталъ, чтобъ царемъ былъ Сигизмундъ, тогда какъ бояре колебались, держались за Владислава. Гонсѣвскій съ людьми, присягнувшими королю, управлялъ всѣмъ: когда онъ ѣхалъ въ Думу, то ему подавали множество челобитныхъ; онъ приносилъ ихъ къ боярамъ, но бояре ихъ не видали, потому что подлѣ Гонсѣвскаго садились Михайла Салтыковъ, князь Василій Мосальскій, Ѳедоръ Андроновъ, Иванъ Грамотинъ; бояре и не слыхали, что онъ говорилъ съ этими своими совѣтниками, что приговаривалъ, а подписывали челобитныя Грамотинъ. Витовтовъ, Чечеринъ, Соловецкій, потому что всѣ

старые дьяки отогнаны были прочь. Но если сердились старые бояре, ревнивые къ своему сану, Голицынъ, Воротынскій, сердились за то, что король ихъ обезчестилъ, посадилъ вмѣстѣ съ ними въ Думу торговаго мужика Андронова, то еще больше сердился на Андронова бояринъ Салтыковъ, который за свою службу хотѣлъ играть главную роль и долженъ былъ подѣлиться выгодами этой службы съ торговымъ мужикомъ. Между этими людьми немедленно же началось столкновеніе, соперничество. Андроновъ писалъ Сапѣгѣ: „Надобно воспрепятствовать, милостивый панъ, чтобъ не раздавали безъ толку помѣстій; а то и его милость панъ гетманъ даетъ, и Иванъ Салтыковъ также даетъ листы на помѣстья; а прежде бывало въ одномъ мѣстѣ давали, кому государь прикажетъ; и я боюсь, чтобъ при такой раздачѣ кто-нибудь не получилъ себѣ богатой награды за малыя услуги. Я же, какъ привыкъ до вашей милости утекать (потому что никогда въ своихъ просьбахъ не получалъ отказа), такъ и теперь прошу: смилуйтесь, ваша милость, попросите королевскую милость, чтобъ меня пожаловалъ сельцомъ Раменьемъ, да сельцомъ Шубинымъ съ деревнями въ Зубцовскомъ уѣздѣ, что было дано Заруцкому“. Салтыковъ писалъ къ тому же Сапѣгѣ: „Я радъ служить и прямить, и всякихъ людей къ королевскому величеству приводить, да гонятъ ихъ отъ короля измѣнники; а староста Велижскій, Александръ Ивановичъ Гонсѣвскій, ихъ слушаетъ и потакаетъ, а меня безчеститъ и дѣла дѣлать не даетъ; беретъ всякія дѣла, по ихъ приговору, на себя, не разсудя московскаго обычая. Московскіе люди крайне скорбятъ, что королевская милость и жалованье измѣнились, и многіе люди разными притѣсненіями и разореньемъ оскорблены, по приговору торговаго человѣка Ѳедора Андронова; а съ Мстиславскаго съ товарищи и съ насъ дѣла посняты, и на такомъ человѣкѣ правительство и вѣра положены. При Шуйскомъ были такіе же временщики, Измайловы, и такой же мужикъ Михалка Смываловъ, и изъ-за нихъ до сихъ поръ льется кровь. И теперь, по такимъ думцамъ и правителямъ, не быть къ Москвѣ ни одному городу, если не будетъ уйму такимъ правителямъ. Какъ такому человѣку знать правительство? Отецъ его въ Погорѣломъ Городищѣ торговалъ лаптями, а онъ взятъ въ Москву изъ Погорѣлова, по приказу Бориса Годунова, для вѣдовства и еретичества, и на Москвѣ былъ торговый мужикъ. Покажи милость, государь Левъ Ивановичъ! не дай потерять у короля государства Московскаго; пришли человѣка, которому вѣрить можно, и вели дѣла ихъ разсмотрѣть. Много казны въ недоборѣ, потому что за многихъ Ѳедоръ Андроновъ вступается и спускаетъ, для посуловъ, съ правежу; другихъ не своего приказа насильно беретъ къ себѣ подъ судъ, а самъ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ“. Салтыковъ обвиняетъ Андронова въ самоуправствѣ; нашлись люди (вѣроятно самъ Андроновъ), которые обвинили въ томъ же Салтыкова; обвиненія состояли въ томъ, будто Салтыковъ называетъ себя въ Москвѣ владѣльцемъ или правителемъ, вершитъ дѣла безъ приговору бояръ, гонитъ однихъ, награждаетъ другихъ, говоритъ боярамъ безчестное слово, что положилъ государь всякія дѣла на немъ, а имъ велѣлъ его слушаться. Салтыковъ, въ отвѣтной грамотѣ Сапѣгѣ, отвергаетъ всѣ эти обвиненія, причемъ шлется на князя Мстиславскаго, на всѣхъ бояръ, на всю Москву, на всякихъ людей. Королю доносили также, что богатыя волости, данныя Салтыковымъ,—Вага, Чаранди, Тотьма, Рѣшма, съ которыхъ однихъ денежныхъ доходовъ сходило 60,000, произвели зависть, ропотъ въ бояр ахъ и во всякихъ людяхъ. Салтыковъ отвѣчаетъ, что эти волости искони за ихъ братьею бывали, а доходу съ нихъ будетъ не больше 3,000: „А я, государь Левъ Ивановичъ, поѣхалъ къ государю къ королю, покинувъ жену и дѣтей, да имѣнія больше чѣмъ на 60,000, надѣясь на государскую милость и на ваше сенаторское жалованье; служилъ я и прямилъ, съ сыномъ своимъ Иваномъ, государю королю и королевичу и вамъ великимъ сенаторамъ, и великимъ государствамъ, коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому, и горло свое вездѣ тратилъ, чая себѣ милости. Московское и Новгородское государства Богъ поручилъ государямъ, королю и королевичу, ихъ государскимъ счастьемъ, вашимъ сенаторскимъ промысломъ и нашими службишками; иные пріѣхали къ государю со мною, а имъ даны съ уѣздами города, а не волости; а нашъ родъ сенаторскій“.

О своихъ дѣйствіяхъ въ пользу Сигизмунда въ Москвѣ Салтыковъ пишетъ Сапѣгѣ: „Я бояръ и всякихъ Московскихъ людей на то приводилъ, и къ тебѣ писалъ, чтобъ государю королю идти къ Москвѣ не мѣшкая, а славу бы пустить во всякихъ людяхъ, что идетъ на вора къ Калугѣ; теперь бояръ и всякихъ Московскихъ людей я на то привелъ, что послали бить челомъ королю князя Мосальскаго, чтобъ пожаловалъ король, сына своего государство очистилъ, вора въ Калугѣ доступилъ,—такъ королю непремѣнно бы идти къ Москвѣ, не мѣшкая, а славу пустить, что идетъ на вора къ Калугѣ. Какъ будетъ король въ Можайскѣ, то пожалуй, отпиши ко мнѣ сейчасъ же, а я бояръ и всѣхъ людей приведу къ тому, что пришлютъ бить челомъ королю, чтобъ пожаловалъ въ Москву, государство сына своего очищалъ и вора доступалъ. Непремѣнно бы идти королю въ Москву не мѣшкая, потому что въ Москвѣ большая смута отъ вора становится и люди къ нему прельщаются. А подъ Смоленскомъ королю что стоять? Если будетъ король въ Москвѣ, тогда и Смоленскъ будетъ его“. Въ другой грамотѣ къ тому же Льву Сапѣгѣ Салтыковъ писалъ: „Здѣсь въ Москвѣ меня многіе люди ненавидятъ, потому что я королю и королевичу во многихъ дѣлахъ радѣю“. Салтыковъ писалъ правду: по отъѣздѣ Жолкѣвскаго, скоро начала становиться смута между Москвичами: „Нѣсколько недѣль“, говоритъ одинъ Полякъ-очевидецъ, „мы провели съ Москвичами

во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой; угощали другъ друга пирами, а думали иное. Мы наблюдали величайшую осторожность: стража день и ночь стояла у воротъ и на перекресткахъ. Для предупрежденія зла, по совѣту доброжелательныхъ къ намъ бояръ, Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, подъ предлогомъ охраненія этихъ мѣстъ отъ Шведовъ, но собственно для нашей безопасности:—этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвичи уже скучали нами, не знали только какъ сбыть насъ и, умышляя ковы, часто производили тревогу, такъ что по два-по три и по четыре раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ".

21 ноября Сигизмунъ далъ знать боярамъ, что ему надобно прежде истребить Калужскаго вора и его приверженцевъ, вывести Польскихъ и Литовскихъ людей, очистить города и, успокоивши такимъ образомъ Московское государство, пойти на сеймъ и тамъ покончить дѣло относительно Владислава. Король въ своей грамотѣ причисляетъ Смоленскъ къ тѣмъ городамъ, которые вору прямятъ, и потому пишетъ: „До тѣхъ поръ, пока Смольняне не добьютъ намъ челомъ, отступить намъ негодится, и для всего государства Московскаго не безпечно". 30 ноября Салтыковъ и Андроновъ, пришедши вечеромъ къ патріарху, просили его благословить народъ на присягу королю. Такъ говоритъ Казанская грамота, посланная въ Хлыновъ; она прибавляетъ, что на другой день приходилъ къ патріарху просить о томъ же дѣлѣ и Мстиславскій, что патріархъ не согласился на его просьбу, и у нихъ съ патріархомъ была ссора; патріарха хотѣли зарѣзать: тогда патріархъ послалъ по сотнямъ къ гостямъ и торговымъ людямъ, чтобы приходили къ нему въ соборную церковь; гости, торговые и всякіе люди, пришедши въ Успенскій соборъ, отказались цѣловать королю крестъ, несмотря на то, что толпы вооруженныхъ Поляковъ стояли у собора. На приведенное извѣстіе нельзя во всемъ положиться, ибо это пишутъ Казанцы, желающіе оправдать свою присягу Лжедимитрію; ни откуда не видно, чтобы Салтыковъ счелъ возможнымъ и полезнымъ такъ круто повернуть дѣло и прямо требовать присяги королю. Соображаясь съ намѣреніями Салтыкова, высказанными въ его письмахъ къ Сапѣгѣ, можно положить, что онъ, вмѣстѣ съ Мстиславскимъ, ходилъ къ Гермогену требовать его согласія на призваніе короля въ Москву и что патріархъ не согласился. Какъ бы то ни было, народъ видѣлъ ясно, что дѣло идетъ дурно относительно Владислава, и волненія въ пользу вора усиливались. Схваченъ былъ попъ Харитонъ, который ѣздилъ въ Калугу отъ имени всѣхъ Москвичей звать самозванца къ столицѣ; на первой пыткѣ онъ оговорилъ въ сношеніяхъ съ воромъ князей—Василія и Андрея Васильевичей Голицыныхъ, Ивана Михайловича Воротынскаго и Засѣкина; на второй пыткѣ онъ съ князя Андрея Голицына сговорилъ, что тотъ съ воромъ не ссылался; несмотря на то, и Голицына отдали подъ стражу вмѣстѣ съ Воротынскимъ и Засѣкинымъ, потому что онъ еще прежде возбудилъ противъ себя ненависть Поляковъ; однажды, когда Гонсѣвскій сидѣлъ въ Думѣ съ боярами и явился туда дворянинъ Ржевскій съ объявленіемъ, что король пожаловалъ ему окольничество, то Голицынъ обратился къ Гонсѣвскому съ такими словами: „Паны Поляки! кривда большая намъ отъ васъ дѣлается. Мы приняли королевича въ государи, а вы его намъ не даете; именемъ королевскимъ, а не его, листы къ намъ пишутъ; подъ титуломъ королевскимъ пожалованія раздаются, какъ сейчасъ видите; люди худые съ нами, великими людьми, равняются. Или впередъ съ нами такъ не дѣлайте, или освободите насъ отъ крестнаго цѣлованія, и мы будемъ промышлять о себѣ". Дѣло Харитона и вѣсть, что Иванъ Плещеевъ хочетъ напасть на Поляковъ въ Москвѣ, дали Гонсѣвскому поводъ ввести Нѣмцевъ въ Кремль и прибрать все къ своимъ рукамъ.

Дѣла на сѣверо-западѣ шли дурно для Поляковъ и ихъ приверженцевъ. Въ Новгородъ отправленъ былъ съ войскомъ сынъ Михайлы Салтыкова, Иванъ, для охраненія его отъ Шведовъ и воровъ. Салтыковъ, называя себя подданнымъ королевскимъ, доносилъ своему государю Сигизмунду, что на дорогѣ въ Новгородъ онъ послалъ его жителямъ грамоту съ увѣщаніемъ цѣловать крестъ королевичу Владиславу, отъ Московскаго государства не отступать и во всемъ великимъ государямъ служить и прямить. Новгородцы отвѣчали, что они послали въ Москву узнать о подлинномъ крестномъ цѣлованьи и привезть списокъ съ утвержденной записи, и когда посланные возвратятся, тогда они, Новгородцы, поцѣлуютъ крестъ Владиславу, но прежде этого Салтыкова въ городъ не пустятъ, потому что другіе города, присягнувши Владиславу, впустили къ себѣ Польскихъ и Литовскихъ людей и Черкасъ, и тѣ лучшихъ людей били, грабили и жгли. Въ то же время Салтыковъ узналъ, что въ Новгородъ присылаютъ изъ Пскова грамоты съ увѣщаніемъ покориться лучше царику Калужскому, чѣмъ иновѣрному Поляку,—и на многихъ Новгородцевъ это увѣщаніе подѣйствовало. Въ такихъ обстоятельствахъ Салтыковъ слалъ грамоту за грамотою въ Москву, чтобы бояре тотчасъ же отпустили новгородскихъ пословъ для предупрежденія смуты въ пользу вора. Наконецъ эти посланцы возвратились; но и тутъ Новгородцы впустили къ себѣ Салтыкова не прежде, какъ взявши съ него присягу, что войдетъ въ городъ только съ Русскими людьми, а Литовскихъ никакихъ людей въ городъ не пуститъ. Салтыковъ привелъ Новгородцевъ къ присягѣ Владиславу и разослалъ по окрестнымъ городамъ увѣщательныя грамоты послѣдовать примѣру Новгородцевъ и отъ Московскаго государства не отставать. Торопчане послушались, но скоро дали знать Салтыкову, что, несмотря на ихъ крестное цѣлованье Владиславу, Литовскіе люди опустошаютъ

ихъ уѣздъ, мучатъ, жгутъ, бьютъ и ведутъ въ полонъ людей; видя это, другіе города рѣшились не цѣловать креста Поляку и сѣсть въ осадѣ. Салтыковъ, отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ, билъ челомъ Сигизмунду, чтобъ унялъ своихъ подданныхъ, какъ будто король имѣлъ для того какія-нибудь средства.

Еще хуже для Владислава шли дѣла на востокѣ: здѣсь Казань явно присягнула самозванцу; Вятка послѣдовала ея примѣру. Лѣтопись говоритъ, что когда Казанцы согласились цѣловать крестъ Лжедимитрію, то этому воспротивился второй воевода, знаменитый Богданъ Бѣльскій, за что и былъ убитъ; но грамоты, разосланныя изъ Казани въ другіе города, написаны отъ имени воеводъ Морозова и Бѣльскаго; впрочемъ, Бѣльскій могъ сопротивляться и послѣ разсылки грамотъ, за что и былъ убитъ. Вмѣстѣ съ грамотами разосланы были и присяжныя записи, какъ цѣловали крестъ Казанцы; присягавшій долженъ былъ клясться: „Отъ Литовскихъ людей намъ никакихъ указовъ не слушать и съ ними не ссылаться, противъ нихъ стоять и биться до смерти. Казаковъ намъ Волжскихъ и Донскихъ, Терскихъ и Яицкихъ, и Архангельскихъ стрѣльцовъ въ городъ помногу не пускать и указовъ ихъ не слушать же; а пускать казаковъ въ городъ для торговли понемногу, десятка по два или по три, и долго имъ въ городѣ не жить". Эти слова очень замѣчательны; Казанцы присягаютъ Лжедимитрію, ибо видятъ, что Москва занята Поляками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотятъ казаковъ: дурной знакъ для самозванцевъ, царей казацкихъ, невольная вѣрность къ нимъ не будетъ продолжительна. Замѣчателенъ также отвѣтъ Пермичей Вятчанамъ на ихъ увѣщанія признать Димитрія,— Пермичи говорятъ въ своей отпискѣ, что они получили вятскія грамоты и разослали ихъ по своимъ городамъ, но о желаніи своемъ присягать Димитрію ни слова, пишутъ только: „Въ соединеньи быть и за православную христіанскую вѣру на разорителей стоять мы ради. И вамъ бы, господа, съ нами быть въ совѣтѣ по-прежнему, и съ торгами, съ хлѣбомъ и мясомъ, и со всякими товарами, торговыхъ и всякихъ людей изъ Вятки къ намъ отпускать, и намъ бы со своими торгами къ вамъ ѣздить по-прежнему, и впередъ какія у васъ вѣсти будутъ, то мы къ вамъ эти вѣсти станемъ писать; а что, господа, у васъ впередъ какихъ вѣстей откуда-нибудь объявится, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ писать почасту". Такимъ образомъ, Пермичи остаются вѣрны своему прежнему выжидательному поведенію, желая сноситься съ своими сосѣдями о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи.

Но города переписывались о присягѣ Лжедимитрію, когда уже его не было въ-живыхъ. Въ то время какъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ-подъ Москвы въ Калугу отъ Жолкѣвскаго, вмѣстѣ съ другими отступилъ отъ него къ Владиславу и царь Касимовскій. Потомъ старый Татаринъ выпросился у гетмана въ Калугу повидаться съ сыномъ, который оставался при ворѣ, и обѣщался привести этого сына съ собою. Но какъ скоро старый царь явился въ Калугу, то былъ утопленъ, по приказанію Лжедимитрія. Тогда крещеный Татаринъ Петръ Урусовъ, начальникъ татарской стражи Лжедимитрія, поклялся съ товарищами отмстить за смерть царя: 11 декабря они вызвали самозванца за городъ охотиться за зайцами, убили его и бѣжали въ степи, опустошая все по дорогѣ. Неразлучный спутникъ самозванца, шутъ Кошелевъ, бывшій свидѣтелемъ смерти своего господина, прискакалъ съ извѣстіемъ о ней въ Калугу; Марина, ходившая послѣдніе дни беременности, въ отчаяніи бросилась бѣгать по городу, крича о мщеніи, но мстить было некому,—убійцы были далеко; въ Калугѣ оставались сотни двѣ Татаръ, казаки бросились на нихъ, гоняли какъ зайцевъ, лучшихъ мурзъ побили, дворы ихъ разграбили. Заруцкій хотѣлъ бѣжать, но его схватили міромъ и не пустили; князь Григорій Шаховской просилъ у міра, чтобъ его отпустили въ Москву съ повинною,—ему не повѣрили, не отпустили, и когда Марина родила сына Ивана, то его провозгласили царевичемъ. Но, при всеобщей смутѣ, новорожденный ребенокъ былъ плохой вождь, и Калужане должны были исполнить требованіе Московскаго правительства и цѣловать крестъ Владиславу; сначала, впрочемъ, они отвѣчали, что присягнутъ тогда, когда королевичъ будетъ въ Москвѣ и приметъ православную вѣру; но потомъ безусловно приняли къ себѣ князя Юрія Трубецкаго и цѣловали крестъ всѣмъ городомъ [1]).

---

[1]) Kobierzicki—Historia Vladislai, p. 292 et. squ.; Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 120 и слѣд.; Materialy de histor. Polsk. рукоп. библ. глав. штаба, № 11, 498; Zycie Lwa Sapegi—у Бобровича Zycia slawn. Polak.; Мархоцкій, стр. 100 и слѣд.; Pamietniki Samuela Maskiewicza, стр. 31 и слѣд. Wyprava K. J. M. do Moskwy—рукоп. библ. глав. штаба; Собр. гос. грам. и дог. 1, № 203; Акты историч. II, № 287; Акты арх. эксп. II, № 164, 165, Дополненія къ дѣяніямъ Петра В.—Голикова, т. II, стр. 52 и слѣд.; Акты историч. II, № 228, 298, 299, 310, 306. Собр. гос. гр. и дог. II, № 208, 209, 210, 211, 218; Акты арх. эксп. II, № 166; Собр. гос. грам. и дог. II, 214, 224; Никон. лѣтоп. VIII, 150, 171; Акты истор. II, № 306; Акты арх. эксп II, № 170, 171; Акты истор. II, № 313, 317; Акты Западн. Россіи, IV, № 183.

Глава VIII.

Окончаніе междуцарствія.

Движеніе въ Москвѣ противъ Поляковъ вслѣдствіе смерти самозванца.—Возстаніе Ляпунова.—Переписка городовъ.—Первое ополченіе противъ Поляковъ; причины его неуспѣха.—Переговоры великихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ.—Сожженіе Москвы.—Русское ополченіе осаждаетъ въ ней Поляковъ.—Отсылка великихъ пословъ въ глубь польскихъ владѣній.—Взятіе Смоленска.—Василій Шуйскій съ братьями въ Варшавѣ.—Троеначальники въ ополченіи подъ Москвою. — Смерть Ляпунова. — Новгородъ Великій взятъ Шведами.—Продолженіе борьбы лучшихъ людей съ меньшими въ Псковѣ.—Безнарядье у Поляковъ въ Москвѣ и въ русскомъ станѣ подъ Москвою.—Призывныя грамоты изъ Троицкаго монастыря.—Архимандритъ Діонисій.—Признаки народнаго очищенія. — Дѣятельность Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Князь Пожарскій.—Второе ополченіе для освобожденія Москвы. — Остановка ополченія въ Ярославлѣ.—Сношенія его съ Новгородомъ Великимъ.—Походъ ополченія къ Москвѣ.—Отношеніе его къ казакамъ.—Битва съ Поляками.—Очищеніе Москвы.—Походъ короля Сигизмунда къ Москвѣ.—Его возвращеніе.—Избраніе царя Михаила Θеодоровича Романова.

Смерть вора была вторымъ поворотнымъ событіемъ въ исторіи Смутнаго времени, считая первымъ вступленіе Сигизмунда въ предѣлы Московскаго государства. Теперь, по смерти самозванца, у короля и московскихъ приверженцевъ его не было болѣе предлога требовать дальнѣйшаго движенія Сигизмундова въ русскія области, не было болѣе предлога стоять подъ Смоленскомъ; лучшіе люди, которые согласились признать царемъ Владислава изъ страха покориться казацкому царю, теперь освобождались отъ этого страха и могли дѣйствовать свободнѣе противъ Поляковъ. Какъ только на Москвѣ узнали, что воръ убитъ, то, по словамъ современнаго извѣстія, Русскіе люди обрадовались и стали другъ съ другомъ говорить,—какъ бы всей Землѣ, всѣмъ людямъ соединиться и стать противъ Литовскихъ людей, чтобъ они изъ Земли Московской вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали. Салтыковъ и Андроновъ писали къ Сигизмунду, что патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ: если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру и всѣ Литовскіе люди не выйдутъ изъ Московской Земли, то королевичъ намъ не государь; такіе же слова патріархъ и въ грамотахъ писалъ во многіе города, а Москвичи посадскіе всякіе люди, лучшіе и мелкіе, всѣ принялись и хотятъ стоять. Но и тутъ, при всеобщей готовности стоять противъ Поляковъ, первый двинулся Ляпуновъ До смерти вора, Прокофій былъ вѣренъ Владиславу: такъ, въ октябрѣ онъ взялъ Пронскъ у самозванца на имя королевича, но въ январѣ 1611 года московскіе бояре писали къ Сигизмунду о возстаніи Ляпунова въ Рязани, о томъ, что Заруцкій дѣйствуетъ вмѣстѣ съ нимъ и отправился съ казаками своими въ Тулу; бояре требовали отъ короля, чтобъ онъ схватилъ находящагося у него подъ Смоленскомъ Захара Ляпунова, который сносится съ братомъ.

Опять города стали переписываться другъ съ другомъ; но теперь грамоты ихъ уже другого рода: прежде уговаривали они другъ друга подождать, не спѣшить присягою тому, кто называется Димитріемъ, ибо приверженцы его грабительствуютъ въ городахъ присягнувшихъ; но теперь затронуто было начало высшее: города увѣщеваютъ другъ друга стать за вѣру православную, вооружиться на Поляковъ, грозящихъ ей гибелью. Первые подали голосъ жители волостей смоленскихъ, занятыхъ, опустошенныхъ Поляками; они написали грамоту къ братьямъ своимъ, къ остальнымъ жителямъ Московскаго государства; но это братство въ ихъ глазахъ не народное, не государственное, а религіозное: „Мы братья и сродники, потому что отъ Св. купели Св. крещеніемъ породнились.“ Смольняне пишутъ, что они покорились Полякамъ, дабы не отбыть православнаго христіанства и не подвергнуться конечной гибели, и, несмотря на то, подвергаются ей: вѣра поругана и церкви Божіи разорены. „Гдѣ наши головы?“ пишутъ Смольняне: „гдѣ жены и дѣти, братья, родственники и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей,—и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ Христовымъ именемъ окупъ, и то все разграблено! Если кто хочетъ изъ васъ помереть христіанами, да начнутъ великое дѣло душами своими и головами, чтобы быть всѣмъ христіанамъ въ соединеніи. Неужели вы думаете жить въ мирѣ и покоѣ? Мы не противились, животы свои всѣ принесли—и всѣ погибли, въ вѣчную работу Латинству пошли. Если не будете теперь въ соединеніи, обще со всею Землею, то горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ Латинство, и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ христіанскій, поработятъ и осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей, женъ и дѣтей вашихъ.“ Смольняне пишутъ также, что нечего надѣяться имѣть когда-либо царемъ Владислава, ибо на сеймѣ положено: „Вывесть лучшихъ людей, опустошить всѣ земли, владѣть всею Землею Московскою“.

Москвичи, получивъ эту грамоту, разослали ее въ разные города съ приложеніемъ собственной увѣщательной грамоты, въ которой писали: „Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ христіанамъ,

всѣмъ народамъ Московскаго государства, господамъ братьямъ своимъ, православнымъ христіанамъ. Пишутъ къ намъ братья наши, какъ намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ остальнымъ не погибнуть отъ враговъ православнаго христіанства, Литовскихъ людей. Для Бога, Судьи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія, будьте съ нами заодно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться?" Этими словами Москвичи хотятъ показать значеніе Москвы, корня государственнаго; но и они, вѣрные господствующему интересу времени, спѣшатъ выставить значеніе Москвы съ религіозной точки зрѣнія: „Здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной Заступницы христіанской, который Евангелистъ Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители—Петръ, Алексій, Іона чудотворцы; или вамъ, православнымъ христіанамъ, все это ни почемъ? Писали намъ истину братья наши, и теперь мы сами видимъ вѣрѣ христіанской перемѣну въ Латинство и церквамъ Божіимъ разореніе; о своихъ же головахъ что и писать вамъ много? А у насъ святѣйшій Гермогенъ патріархъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ неизмѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдуютъ,—только неявственно стоятъ."

Явственнѣе стояли жители другихъ областей: въ началѣ января 1611 года, Нижегородцы послали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Посланные видѣлись съ патріархомъ, получили отъ него благословеніе на возстаніе, но грамоты отъ него не привезли, потому что у патріарха писать было некому,—дьяки и подъячіе и всякіе дворовые люди взяты, и дворъ его весь разграбленъ. Мы видѣли, что прежде Нижегородцы увѣщевали Балахонцевъ оставаться вѣрными тому царю, который будетъ на Москвѣ, не затѣвая изъ-за искателей престола междоусобной брани, но теперь царя на Москвѣ не было, его мѣсто заступалъ патріархъ, блюститель вѣры, и патріархъ призывалъ къ возстанію: Нижегородцы ему повинуются, вмѣстѣ съ Балахонцами цѣлуютъ крестъ, стоятъ за Московское государство и приглашаютъ другіе города памятовать Бога, Пречистую Богородицу, Московскихъ чудотворцевъ, и стоять всѣмъ вмѣстѣ заодно. Нижегородцы послали грамоту и въ Рязань; Ляпуновъ отвѣчалъ имъ: „Мы, господа, про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ святѣйшему Гермогену патріарху и всему священному собору и христоименитому народу отъ богоотступниковъ своихъ и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей гоненье и тѣснота большая; мы боярамъ московскимъ давно отказали и къ нимъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка сего, Бога отступили, приложились къ западнымъ жестокосердымъ, на своихъ овецъ обратились, а по своему договорному слову и по крестному цѣлованью, на чемъ имъ гетманъ крестъ цѣловалъ, ничего не совершили" Возставшіе Русскіе люди еще не отказывались отъ присяги Владиславу, но клялись: „Стоять за православную вѣру и за Московское государство, королю Польскому креста не цѣловать, не служить ему и не прямить, Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, съ Польскими и Литовскими людьми и кто съ ними противъ Московскаго государства станетъ,—противъ всѣхъ биться неослабно; съ королемъ, Поляками и Русскими людьми, которые королю прямятъ, никакъ не ссылаться; другъ съ другомъ междоусобія никакого не начинать. А кого намъ на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія государемъ Богъ дастъ,—то тому намъ служить и прямить и добра хотѣть во всемъ вправду, по сему крестному цѣлованью. А будетъ, по кого съ Москвы пошлютъ бояре, велятъ схватить и привести въ Москву или отослать въ какіе-нибудь города, или пеню и казнь велятъ учинить, то намъ за этихъ людей стоятъ другъ за друга всѣмъ единомышленно и ихъ не выдавать, пока Богъ намъ дастъ на Московское государство государя. А если король не дастъ намъ сына своего на Московское государство, а Польскихъ и Литовскихъ людей изъ Москвы и изъ всѣхъ московскихъ и украинскихъ городовъ не выведетъ, и изъ-подъ Смоленска самъ не отступитъ и воинскихъ людей не отведетъ,—то намъ биться до смерти". Ярославцы, въ грамотѣ своей въ Казань, указываютъ на мужество патріарха Гермогена какъ на чудо, въ которомъ Богъ обнаруживаетъ Русскому народу Свою волю, и всѣ должны слѣдовать этому божественному указанію: „Совершилось нечаемое,—святѣйшій патріархъ Гермогенъ сталъ за православную вѣру неизмѣнно и, не убоясь смерти, призвавши всѣхъ православныхъ христіанъ, говорилъ и укрѣпилъ, за православную вѣру всѣмъ велѣлъ стоять и помереть, а еретиковъ при всѣхъ людяхъ обличалъ, и еслибъ онъ не отъ Бога былъ посланъ, то такого дѣла не совершилъ бы, и тогда кто бы началъ стоять? Еслибъ не только вѣру попрали, но еслибъ даже на всѣхъ хохлы подѣлали, то и тогда никто слова не смѣлъ бы молвить, боясь множества Литовскихъ людей и русскихъ злодѣевъ, которые, отступя отъ Бога, съ ними сложились. И въ города патріархъ приказалъ, чтобъ за православную вѣру стали, а кто умретъ, будутъ новые страстотерпцы, и, слыша это отъ патріарха и видя своими глазами, города всѣ обослались и пошли къ Москвѣ". Во время этого страшнаго бѣдствія, постигшаго Русскую Землю, три человѣка, по словамъ Ярославцевъ, были утѣшеніемъ скорбныхъ людей: патріархъ Гермогенъ, Смоленскій архіепископъ Сергій и воевода Шеинъ. Ярославцы даютъ знать, что они уже послали три отряда отъ себя къ Москвѣ; что жители городовъ встрѣчаютъ ратныхъ людей съ образами и кормъ даютъ. Въ городахъ было сильное движеніе; собранные для очищенія государства ратные люди ходили по со-

борамъ и монастырямъ, съ плачемъ служили молебны объ избавленіи отъ находящей скорби и, получа благословеніе отъ духовенства, выступали изъ городовъ при пушечной и ружейной пальбѣ, для пріѣзжихъ людей, чтобъ и въ другихъ городахъ былъ вѣдомъ походъ. Когда воевода Иванъ Ивановичъ Волынскій двинулся изъ Ярославля съ войскомъ, родственникъ его, другой Волынскій, остался въ городѣ съ старыми дворянами „для всякаго промысла, всѣхъ служилыхъ людей выбивать въ походъ, и по городамъ писать, а приговоръ учинили крѣпкій за руками: кто не пойдетъ или воротится, тѣмъ милости не дать; и по всѣмъ городамъ тоже укрѣпленье писали".

Если города еще не совершенно отказывались отъ присяги Владиславу, то духовенство говорило рѣшительнѣе. Соловецкій игуменъ Антоній писалъ къ Шведскому королю Карлу IX: „Божією милостію въ Московскомъ государствѣ святѣйшій патріархъ, бояре и изо всѣхъ городовъ люди ссылаются, на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, совѣтуютъ и стоятъ единомышленно на Литовскихъ людей; и хотятъ выбрать на Московское государство царя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, кого Богъ изволитъ, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ. И у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышленный: не хотимъ никого иновѣрцевъ на Московское государство царемъ, кромѣ своихъ прирожденныхъ бояръ Московскаго государства".—Встали и Пермичи, недѣятельные до тѣхъ поръ, пока дѣло шло между разными искателями престола—Димитріемъ, Шуйскимъ, Владиславомъ; но теперь они двинули свои отряды, когда патріархъ благословилъ возстаніе на богохульныхъ Ляховъ; Пермичи знаютъ одного только патріарха, отъ него получили они грамоту о возстаніи, къ нему посылаютъ отписку съ именами своихъ ратныхъ людей. Встали и Новгородцы Великаго Новгорода и, по благословенію митрополита своего Исидора, крестъ цѣловали помогать Московскому государству на разорителей православной вѣры и стоять за нее единомышленно; поклявшись въ этомъ, Новгородцы посадили въ тюрьму Владиславовыхъ, т. е. королевскихъ, воеводъ—Салтыкова и Корнила Чоглокова „за ихъ многія неправды и злохитрство".

Несмотря однако на всеобщее одушевленіе и ревность къ очищенію государства отъ враговъ иновѣрныхъ, предпріятіе не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ, и, во-первыхъ, потому, что въ челѣ предпріятія становился Ляпуновъ, человѣкъ страстный, не могшій довольно освободиться отъ самого себя, принесть свои личныя отношенія и стремленія въ жертву общему дѣлу. Будучи, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкомъ худороднымъ, выдвинутый смутами бурнаго времени изъ толпы, стремясь страстно къ первенству, Ляпуновъ ненавидѣлъ людей, которые загораживали ему дорогу, которые опирались на старину, хотѣли удержать свое прежнее значеніе. Въ то время, когда города призывали другъ друга къ возстанію на враговъ вѣры, одинъ Ляпуновъ не удержался и сдѣлалъ въ своей грамотѣ выходку противъ бояръ. И послѣ, ставши главнымъ вождемъ ополченія, онъ не только не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки людямъ родовитымъ и сановнымъ, но находилъ особенное удовольствіе унижать ихъ, величаясь предъ ними своимъ новымъ положеніемъ, и тѣмъ самымъ возбуждалъ негодованіе, вражду, смуту. Другою, еще болѣе важною причиною неуспѣха было то, что Ляпуновъ, издавна неразборчивый въ средствахъ, и теперь, при возстаніи Земли для очищенія государства, для установленія наряда, подалъ руку—кому же?—врагамъ всякаго наряда, людямъ, жившимъ смутою, казакамъ! Съ нимъ соединились казаки, бывшіе подъ начальствомъ Заруцкаго, Просовецкаго, князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго—все Тушинскихъ бояръ и воеводъ. Говорятъ, будто Ляпуновъ приманилъ Заруцкаго обѣщаніемъ, что, по изгнаніи Поляковъ, провозгласитъ царемъ сына Марины, съ которою Заруцкій былъ уже тогда въ связи. Мало того, Сапѣга, пролившій столько русской крови, такъ долго сражавшійся противъ Троицкаго монастыря,—Сапѣга объявилъ желаніе сражаться противъ своихъ Поляковъ за православную вѣру,—и Ляпуновъ принялъ предложеніе! Вотъ что писалъ Сапѣга къ Калужскому воеводѣ, князю Трубецкому: „Писали мы къ вамъ, господинъ, много разъ въ Калугу о совѣтѣ, но вы отъ насъ бѣгаете за посмѣхъ: мы вамъ никакого зла не дѣлали и впередъ дѣлать не хотимъ; мы хотѣли съ вами за вашу вѣру христінаскую и за свою славу и при своихъ заслугахъ горло свое дать, и вамъ слѣдовало бы съ нами совѣтоваться, что ваша дума. Про насъ знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служимъ, стоимъ при своихъ заслугахъ, а на васъ никакого лиха не мыслимъ и заслугъ своихъ на васъ не просимъ, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ,—тотъ намъ и заплатитъ за наши заслуги. Такъ вамъ бы съ нами быть въ совѣтѣ и ссылаться съ нами почаще, что будетъ ваша дума, а мы отъ отъ васъ не прочь, и стоять бы вамъ за православную христіанскую вѣру и за Святыя церкви, а мы при васъ и при своихъ заслугахъ горла свои дадимъ. Намъ сказывали, что у васъ въ Калугѣ нѣкоторые бездѣльники разсѣваютъ слухи, будто мы Святыя церкви разоряемъ и пѣть въ нихъ не велимъ, и лошадей въ нихъ ставимъ,—но у насъ этого во всемъ рыцарствѣ не сыщешь, это вамъ бездѣльники лгутъ, смущаютъ васъ съ нами; у насъ въ рыцарствѣ большая половина Русскихъ людей, и мы заказываемъ и бережемъ накрѣпко, чтобъ надъ Святыми Божіими церквами разоренія никакого не было, а отъ вора какъ уберечься, да развѣ кто что сдѣлалъ въ отъѣздѣ": Бывшій Тушинскій воевода Ѳедоръ Плещеевъ писалъ къ Сапѣгѣ: „Отъ Прокофья Ляпунова идутъ къ тебѣ послы о томъ же добромъ дѣлѣ и о совѣтѣ; а совѣту съ тобою Прокофій и всѣ города очень рады, про

заслуженное же они такъ говорятъ: не только что тогда заплатимъ, какъ будетъ царь на Москвѣ, и нынче рады заслуженное платить". Въ самомъ дѣлѣ, Ляпуновъ писалъ къ пану Черпацкому, уговаривая его прислать пословъ отъ имени Сапѣги, для заключенія условій, причемъ обнаруживалъ страшное злоупотребленіе начитанностію Св. писанія: „Какъ въ старину великій Моисей согласился лучше съ людьми Божіими страдать, нежели имѣть временную грѣха слабость, такъ и вы, по апостольскому гласу, не плотскаго господина, а Вѣчнаго Владыки волю ищите творити, желая по правдѣ поборниками быти, видя Польскаго короля неправое возстаніе на Московское государство и всемірное губительство въ настоящее время". Но, по крайней мѣрѣ, этотъ незаконный союзъ не состоялся почему-то,—чрезъ мѣсяцъ Сапѣга писалъ въ Кострому, уговаривая жителей ея признать опять Владислава: „Теперь вы государю измѣнили, пишетъ Сапѣга. и невѣдомо для чего, и хотите на Московское государство невѣдомо кого. Знаете вы сами Польскихъ и Литовскихъ людей мочь и силу: кому съ ними биться"?

Но бойцевъ нашлось много: они шли изъ Земли Рязанской и Сѣверской съ Ляпуновымъ, изъ Муромской—съ княземъ Литвиномъ-Мосальскимъ, изъ Низовой - съ княземъ Репнинымъ, изъ Суздальской -- съ Артеміемъ Измайловымъ, изъ Вологодской Земли и поморскихъ городовъ—съ Нащокинымъ, князьями Пронскимъ и Козловскимъ; изъ Галицкой Земли—съ Мансуровымъ; изъ Ярославской и Костромской—съ Волынскимъ и княземъ Волконскимъ. Все это были полки гражданскіе, полки земскихъ людей, преимущественно людей чистаго сѣвера; но вотъ туда же, къ Москвѣ, для той же цѣли, для очищенія Земли, шла казацкая рать Просовецкаго съ сѣвера; шли съ юга казацкія рати тушинскихъ бояръ, князя Димитрія Трубецкаго и Заруцкаго. Трубецкой и Заруцкій приглашали отовсюду запольныхъ, то-есть застепныхъ казаковъ, обѣщая имъ жалованье: въ ихъ призывной грамотѣ говорится также: „А которые боярскіе люди крѣпостные и старинные, и тѣ бы шли безо всякаго сомнѣнія и боязни, всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ, какъ и другимъ казакамъ, и грамоты имъ отъ бояръ и воеводъ и отъ всей Земли дадутъ." Такъ предводители казаковъ старались увеличить число ихъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ это время всеобщаго возстанія, въ это время, когда къ стѣнамъ Москвы подходили отовсюду отряды подъ предводительствомъ людей незнаменитыхъ, которыхъ выдвигало на первый планъ только отсутствіе сановниковъ первостепенныхъ,—что же дѣлали члены Думы царской, правители московскіе? Въ началѣ возстанія, еще въ 1610 году, Салтыковъ съ товарищами предложилъ боярамъ просить короля, чтобъ отпустилъ Владислава въ Москву, къ посламъ, Филарету и Голицыну, написать, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую, а къ Ляпунову,—чтобъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска. Бояре написали грамоты и понесли ихъ къ патріарху для скрѣпленія; но Гермогенъ отвѣчалъ имъ: „Стану писать къ королю грамоты и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, крестится королевичъ въ православную христіанскую вѣру и Литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на королевскую волю,—то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать, и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру." Лѣтописецъ говоритъ, что Салтыковъ началъ Гермогена позорить и бранить, и, вынувши ножъ, хотѣлъ его зарѣзать; но патріархъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ ему громко: „Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ"; а Мстиславскому сказалъ тихо: „Твое дѣло начинать и пострадать за православную христіанскую вѣру; если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселитъ Богъ корень твой отъ земли живыхъ." Такимъ образомъ, грамоты были отправлены безъ подписи патріаршей: князей Ивана Михайловича Воротынскаго и Андрея Васильевича Голицына, сидѣвшихъ подъ стражею, силою заставили приложить къ нимъ руки.

Грамоты эти привезены были подъ Смоленскъ 23 декабря; на другой день онѣ были доставлены посламъ съ требованіемъ, чтобъ тѣ немедленно же исполнили приказъ боярскій, иначе имъ будетъ худо. Когда грамоты были прочтены, то Филаретъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ нельзя: „Отправлены мы отъ патріарха, всего освященнаго собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всей Земли, а эти грамоты писаны безъ согласія патріарха и освященнаго собора, и безъ вѣдома всей Земли; какъ же намъ ихъ слушать? И пишется въ нихъ о дѣлѣ духовномъ, о крестномъ цѣлованіи Смольнянъ королю и королевичу:—тѣмъ больше безъ патріарха намъ ничего сдѣлать нельзя" Голицынъ и всѣ оставшіеся члены посольства такъ же объявили, что грамоты незаконныя. 27 декабря позваны были послы къ панамъ, у которыхъ нашли дьяка Чичерина, присланнаго изъ Москвы съ извѣстіемъ о смерти самозванца. Паны объявили посламъ, что королевскимъ счастіемъ воръ въ Калугѣ убитъ. Послы встали и съ поклономъ благодарили за эту вѣсть.—„Теперь", съ насмѣшливымъ видомъ спросили паны, „что вы скажете о боярской грамотѣ"? Голицынъ отвѣчалъ, что они отпущены не отъ однихъ бояръ, и отчетъ должны отдавать не однимъ боярамъ, а сначала патріарху и властямъ духов-

нымъ, потомъ боярамъ и всей Землѣ: а грамота писана отъ однихъ бояръ, и то не отъ всѣхъ. Паны говорили: „Вы все отговаривались, что нѣтъ у васъ изъ Москвы о Смоленскѣ указа; теперь и получили указъ повиноваться во всемъ волѣ королевской, а все еще упрямитесь". Сапѣга прочелъ грамоту боярскую и сказалъ: „Видите, что мы говорили съ вами на съѣздахъ, то самое Духъ Святый внушилъ вашимъ боярамъ,—они въ тѣхъ же самыхъ словахъ велятъ вамъ исполнить, чего мы отъ васъ требовали; значитъ, самъ Богъ открылъ имъ это".

Голицынъ отвѣчалъ: „Пожалуйте, мое челобитье безкручинно выслушайте и до королевскаго величества донесите. Вы говорите, чтобъ намъ слушаться боярскаго указа; въ правдѣ ихъ указа слушаться я буду и радъ дѣлать, сколько Богъ помощи подастъ; но бояре должны надъ нами дѣлать праведно, а не такъ, какъ они дѣлаютъ. Отпускали насъ къ великимъ государямъ бить челомъ патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре: отъ однихъ бояръ я и не поѣхалъ бы; а теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха, священнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства,—это ихъ къ намъ первое недобро, да и всѣмъ людямъ Московскаго государства, думаемъ, будетъ въ томъ великое сомнѣнье и скорбь;—чтобъ отъ того кровь христіанская вновь не пролилась! Другая къ намъ боярская немилость: намъ въ наказѣ написали и бить челомъ королю велѣли, чтобъ королевское величество отъ Смоленска отступилъ и всѣхъ бы своихъ людей изъ Московскаго государства вывелъ, и бить челомъ о томъ намъ велѣно накрѣпко. А теперь къ намъ бояре пишутъ, что они къ королю съ княземъ Андреемъ Мосальскимъ писали, били челомъ, чтобъ король шелъ на вора подъ Калугу. Мы бьемъ челомъ королю по нашему наказу, чтобъ шелъ въ свое государство; князь Мосальскій бьетъ челомъ, чтобъ шелъ подъ Калугу;—мы ничего этого не знаемъ, наводимъ на себя гнѣвъ королевскій, отъ васъ слышимъ многія жестокія слова. А князю Мосальскому съ такимъ дѣломъ можно бы и къ намъ пріѣхать, и съ нами вмѣстѣ королю бить челомъ. Во всемъ этомъ господъ нашихъ бояръ судитъ съ нами Богъ. Они же къ намъ пишутъ, что намъ про вора провѣдывать непригоже—гдѣ онъ и какъ силенъ,—какъ будто мы ему добра хотимъ. И за это мы будемъ на бояръ Богу жаловаться. Сами они знаютъ, что мы вору никогда добра не искивали, а писали мы къ боярамъ о ворѣ для того, что вы на всѣхъ съѣздахъ намъ говорили, что съ воромъ въ сборѣ много людей; мы не знаемъ, что вамъ отвѣчать, потому и писали къ боярамъ, спрашивали ихъ о ворѣ, и тѣмъ было имъ меня позорить непригоже. Сами они знаютъ, что, по Божіей милости, отца моего и дѣда изъ Думы не высылали и думу они всякую вѣдали, не купленное у нихъ было боярство, не за Москвою въ бояре ставлены, вору добра не искивали, креста ему не цѣловали, у вора не бывали и отъ него ничего не хотѣли; только нашего и дѣла было, что за Пречистой Богородицы образъ и за крестное цѣлованье противъ вора стояли и нещадно головы свои на смерть предавали. Да они же теперь брата моего, князя Андрея, отдали подъ стражу невѣдомо за что, а ко мнѣ писали по пустой сказкѣ, будто я, идучи подъ Смоленскъ, съ воромъ ссылался, и тѣмъ меня позорятъ; какъ, дастъ Богъ, увижу въ Московскомъ государствѣ государя нашего Владислава Жигимонтовича, то я ему во всемъ безчестьи стану на нихъ бить челомъ, и теперь вамъ, сенаторамъ, бью челомъ, чтобъ вы мое челобитье до королевскаго величества донесли".

Паны обѣщали, но требовали по-прежнему, чтобъ исполненъ былъ указъ боярскій относительно Смоленска; послы по-прежнему отговаривались тѣмъ, что нѣтъ у нихъ приказа отъ патріарха. Паны возражали, что патріархъ особа духовная, въ земскія дѣла не вмѣшивается; послы отвѣчали: „Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ при прежнихъ великихъ государяхъ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ, и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ государи наши патріарховъ великою честію, встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ,—такъ у насъ честны патріархи, а до нихъ были митрополиты; теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный,—безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать непригоже. Когда мы на Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ ними совѣтовались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами, о томъ гетману Станиславу Станиславовичу извѣстно, да и въ вѣрящихъ грамотахъ, и въ наказѣ, и во всякихъ дѣлахъ въ началѣ писанъ у насъ патріархъ, и потому намъ теперь безъ патріарховыхъ грамотъ, по однѣмъ боярскимъ, нельзя дѣлать. Какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ, такъ боярскія безъ патріарховыхъ не годятся; надобно теперь дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей; не однимъ боярамъ,—всѣмъ государь надобенъ, и дѣло нынѣшнее общее всѣхъ людей; такого у насъ дѣла на Москвѣ не бывало. Да пожалуйте, скажите, паны радные, что отвѣчали Смольняне на боярскую грамоту"?

„Смольняне закоснѣли въ своемъ упорствѣ", отвѣчали паны; „они боярскихъ грамотъ не слушаютъ, просятъ, чтобъ имъ позволено было видѣться съ вами, и говорятъ, что сдѣлаютъ такъ, какъ вы имъ велите, слѣдовательно отъ васъ однихъ зависитъ все". Послы отвѣчали: „Сами вы, паны, можете разсудить, какъ насъ Смольнянамъ послушать, если они боярскихъ грамотъ не послушали. Ясно теперь видно, что въ Москвѣ сдѣлано не какъ слѣдуетъ: еслибъ писали патріархъ, бояре и всѣ люди Москов-

скаго государства по общему совѣту, а не одни бояре, то Смольнянамъ и отговариваться было бы нельзя. А мы теперь сами не знаемъ, какъ дѣлать; осталась насъ здѣсь одна половина, а другая отпущена въ Москву, начальный съ нами человѣкъ— митрополитъ: тотъ безъ патріарховой грамоты не только что дѣлать, и говорить не хочетъ, а намъ безъ него ничего нельзя сдѣлать". Паны отпустили пословъ и сказали, чтобъ завтра, 28 числа, они пріѣзжали вмѣстѣ съ Филаретомъ на послѣдній съѣздъ. Но на этомъ съѣздѣ Филаретъ сказалъ панамъ: „Вчерашнія ваши рѣчи я отъ князя Василья Васильевича слышалъ: онъ говорилъ вамъ то самое, что и я бы сказалъ; я, митрополитъ, безъ патріарховой грамоты на такое дѣло дерзнуть не смѣю, чтобъ приказать Смольнянамъ цѣловать крестъ королю". Голицынъ прибавилъ: „А намъ безъ митрополита такого великаго дѣла дѣлать нельзя". Паны отпустили пословъ съ сердцемъ,—когда они выходили изъ комнаты, то паны кричали: „Это не послы, это воры!" Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ къ панамъ Иванъ Бестужевъ съ какими-то рѣчами отъ Смольнянъ; но паны не стали его слушать и выгнали вонъ. Когда онъ былъ на дворѣ, то Санѣга закричалъ ему въ окно: „Вы государевой воли не исполняете, грамотъ боярскихъ не слушаете,—смотрите что съ вами будетъ!" Бестужевъ оборотился и сказалъ: „Всѣ мы въ Божьей волѣ, что Ему угодно, то и будетъ; бьемъ мы челомъ королю о томъ, что всѣ люди Московскаго государства приговорили и излюбили: насъ бы королевское величество тѣмъ пожаловалъ, а съ Москвою розниться не хотимъ".

Между тѣмъ, Захаръ Ляпуновъ и Кирилла Сазоновъ продолжали наговаривать панамъ, что во всемъ виноваты главные послы, которые дворянамъ ничего не объявляютъ. Паны призвали къ себѣ дворянъ и сказали имъ: „Намъ извѣстно, что послы съ вами ни о чемъ не совѣтуются и даже скрываютъ отъ васъ боярскія грамоты". Дворяне отвѣчали: „Это какой-нибудь бездѣльникъ, воръ, вамъ сказывалъ, который хочетъ ссору видѣть между вами и послами; поставьте его съ нами съ очей на очи. Боярскую грамоту послы намъ читали, и мы имъ сказали, что исполнить ее нельзя,—писана она безъ патріарха и безъ совѣта всей Земли".

Около мѣсяца послѣ того пословъ не звали на съѣздъ. Голицынъ придумалъ средство къ сдѣлкѣ съ королемъ: уговорить Смольнянъ впустить къ себѣ въ городъ небольшой отрядъ польскаго войска съ тѣмъ, чтобъ король не требовалъ отъ нихъ присяги на свое имя и немедленно снялъ бы осаду. Дано было знать объ этомъ панамъ, и 27 января 1611 года назначенъ былъ съѣздъ. Голицынъ предложилъ панамъ впустить въ Смоленскъ человѣкъ 50 или 60 Поляковъ; паны отвѣчали: „Этимъ вы только безчестите короля,—стоитъ онъ подъ Смоленскомъ полтора года, а тутъ какъ на-смѣхъ впустятъ 50 человѣкъ"! Послы отвѣчали, что больше 100 человѣкъ впустить они не согласятся, и тѣмъ съѣздъ кончился. Между тѣмъ, еще 23 января пріѣхалъ подъ Смоленскъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ съ новыми боярскими грамотами къ Смольнянамъ и посламъ, подтверждавшимъ прежнія. Смольняне отвѣчали, что если впередъ пришлютъ къ нимъ съ такими воровскими грамотами, то они велятъ застрѣлить посланнаго: есть при королѣ послы отъ всего Московскаго государства, черезъ нихъ и должно съ нимъ говорить. 29 января сообщена была новая грамота посламъ, а 30 они позваны были на съѣздъ къ панамъ, у которыхъ нашли и Салтыкова. Послы объявили, что и на новой грамотѣ нѣтъ подписи патріарховой, и потому имъ остается одно,—продолжать дѣло о впускѣ въ Смоленскъ королевскихъ людей, причемъ они надѣются, что король, по обѣщанію своему, не велитъ Смольнянамъ присягать на свое имя. Поляки закричали, что это клевета; что никогда не было и рѣчи о томъ, чтобъ оставить присягу на королевское имя. „Вы сами на послѣднемъ съѣздѣ намъ объявили", отвѣчали послы, „что король свое крестное цѣлованіе оставилъ, а велѣлъ только говорить о людяхъ, сколько ихъ впустить въ городъ, и мы за то тогда же благодарили короля".—„Клевета! клевета!" продолжали кричать паны.—„Если вы увидали въ насъ неправду", сказалъ Филаретъ, „то королю бы пожаловать, отпустить насъ въ Москву, а на наше мѣсто велѣть выбрать другихъ; мы никогда и ни въ чемъ не лгали,—что говоримъ и что отъ васъ слышимъ, – все помнимъ. Посольское дѣло — что скажется, того не переговаривать, и бываетъ слово посольское крѣпко; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чему впередъ вѣрить? И намъ впередъ ничего нельзя уже дѣлать, если въ насъ неправда объявилась". Филарету отвѣчали не паны, а Салтыковъ: „Вы послы", закричалъ онъ, „должны вѣрить панамъ ихъ милости, они не солгутъ; огорчать вамъ пановъ радныхъ и приводить на гнѣвъ великаго государя короля непригоже, вы должны безпрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патріарха смотрѣть нечего,— онъ вѣдаетъ не государственныя, а свои поповскія дѣла; его величеству, стоявъ подъ такимъ лукошкомъ два года и не взявъ его, прочь отойти,—стыдно; вы, послы, сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть Смольнянамъ цѣловать крестъ королю". Послы отвѣчали ему, чтобъ онъ вспомнилъ, съ кѣмъ говоритъ; что ему не слѣдъ вмѣшиваться въ разсужденія пословъ, выбранныхъ всѣмъ государствомъ, и оскорблять ихъ непригожими словами. Обратясь къ панамъ, Филаретъ сказалъ: „Если вамъ, паны, есть до насъ какое дѣло, то говорите съ нами вы, а не позволяйте вмѣшиваться въ разговоръ постороннимъ людямъ, съ которыми мы словъ терять не хотимъ". Паны велѣли Салтыкову замолчать, и спросили пословъ: „Хотите ли вы наконецъ дѣлать по боярской грамотѣ?" Филаретъ отвѣчалъ: „Сами вы знаете, что намъ духовному чину отецъ и начальникъ святѣйшій патріархъ, и кого онъ свяжетъ словомъ, того

не только царь, самъ Богъ не разрѣшитъ; и мнѣ безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами не дѣлывать, а вы бы на меня въ томъ не досадовали; обѣщаюсь вамъ Богомъ, что хотя мнѣ и смерть принять, а безъ патріаршей грамоты такого великаго дѣла не дѣлывать“ — „Ну такъ ѣхать вамъ къ королевичу въ Вильну тотчасъ же“, закричали паны и отпустили пословъ.

1-го февраля послы опять были позваны къ панамъ: прежній вопросъ, прежній отвѣтъ, прежняя угроза—„собирайтесь ѣхать въ Вильну“. „Намъ не наказано ѣхать въ Вильну“, говорили послы.—„Бояре велятъ вамъ туда ѣхать“, кричали паны. Филаретъ сказалъ на это: „Если королевское величество велитъ насъ везти въ Литву и въ Польшу неволею, въ томъ его государская воля; а намъ никакъ нельзя ѣхать, не на чемъ и не съ чѣмъ: что было—то все проѣли, да и товарищи наши отпущены въ Москву, и намъ дѣлать нечего“. 7 февраля опять позвали пословъ и объявили имъ, что король, милосердуя о Смольнянахъ, жалуетъ ихъ, позволяетъ присягнуть одному королевичу; но чтобъ не оскорбить и королевской чести, надобно впустить въ Смоленскъ по крайней мѣрѣ 700 человѣкъ; если же послать 100 человѣкъ, то Шеинъ велитъ ихъ или въ тюрьмы посажать, или побить. Послы отвѣчали, что больше двухъ сотъ человѣкъ впустить они не согласны. На другой день посламъ было объявлено, чтобъ они вошли въ переговоры съ Смольнянами о введеніи въ ихъ городъ королевскихъ людей безъ опредѣленія числа. Послы едва могли уговорить ихъ впустить 200 человѣкъ, ибо Смольняне понимали хорошо, что это первый шагъ къ овладѣнію ихъ городомъ, и потому поставили непремѣннымъ условіемъ, что, прежде чѣмъ будутъ введены Поляки въ Смоленскъ, король отступитъ со всѣмъ своимъ войскомъ за-границу, и отрядъ, который войдетъ въ городъ, не будетъ имѣть здѣсь никакой власти и будетъ вести себя чинно. Но въ совѣтѣ королевскомъ написаны были другого рода условія: 1) стражѣ у городскихъ воротъ быть пополамъ королевской и городской; однимъ ключамъ быть у воеводы, а другимъ—у начальника польскаго отряда; 2) король обѣщаетъ не мстить гражданамъ за ихъ сопротивленіе и грубости, и безъ вины никого не ссылать; 3) когда Смольняне принесутъ повинную и исполнятъ все требуемое, тогда король снимаетъ осаду и городъ останется за Московскимъ государствомъ впредь до дальнѣйшаго разсужденія; 4) Смольняне, передавшіеся прежде королю, не подчинены суду городскому, но вѣдаются польскимъ начальствомъ; 5) Смольняне обязаны заплатить королю всѣ военные убытки, причиненные ихъ долгимъ сопротивленіемъ. Но понятно, что Смольняне не могли принять этихъ условій, которыя обнаруживали слишкомъ ясно королевскіе замыслы; они требовали: чтобъ воротные ключи были у одного Смоленскаго воеводы; чтобъ Смоленскъ и весь Смоленскій уѣздъ были попрежнему къ Московскому государству; чтобъ, какъ скоро они поцѣлуютъ крестъ Владиславу, король отступилъ отъ ихъ города, очистилъ весь уѣздъ, и потомъ, когда онъ пойдетъ въ Литву со всѣмъ войскомъ, они впустятъ къ себѣ его отрядъ сполна. Смольняне отказались также платить за убытки, отговариваясь своею бѣдностію, и обѣщая только поднести дары королю:

Услыхавъ эти требованія, Поляки рѣшились употребить средство, которое бы заставило пословъ быть уступчивѣе; 26 марта Филаретъ и Голицынъ съ товарищами были позваны на переговоры; такъ какъ наступила оттепель и ледъ на Днѣпрѣ былъ худъ, то они должны были идти пѣшкомъ. Паны объявили имъ, чтобъ они безъ отговорокъ ѣхали въ Вильну, объявили, что ихъ уже не отпустятъ въ прежній станъ, но что они должны остаться на этой сторонѣ рѣки. Послы просили позволить имъ, по крайней мѣрѣ, зайти въ прежній станъ, взять тамъ необходимыя вещи; но и въ томъ имъ было отказано. Какъ скоро они вышли изъ собранія, то ихъ окружили ратные люди съ заряженными ружьями и отвели въ назначенное помѣщеніе: митрополиту досталась одна изба, князю Голицыну, Мезецкому и Томилѣ Луговскому—другая; на дворѣ и кругомъ двора разставили стражу, и входъ къ посламъ запрещенъ былъ для дворянъ посольскихъ. Такъ провели послы Свѣтлое Воскресенье; къ этому дню король прислалъ имъ: станъ говядины, тушу баранью старую, двухъ барашковъ, одного козленка, четырехъ зайцевъ, одного тетерева, четырехъ поросятъ, четырехъ гусей и семь курицъ; все это послы раздѣлили съ своими дворянами. Переговоры о Смоленскѣ возобновились. Паны предложили прежнее условіе, исключивши только статью о вознагражденіи за военные убытки; послы также уступили, обѣщались уговорить Смольнянъ впустить польскій отрядъ весь въ городъ прежде Сигизмундова отступленія дня за два или за три, если король назначитъ день отступленія и напишетъ его въ договорной записи. Но тутъ пришла вѣсть о разореніи московскомъ.

Въ то время какъ Сигизмундъ считалъ необходимымъ взять Смоленскъ для Польши какими бы то ни было средствами и тратилъ время въ безплодныхъ и унизительныхъ для своего достоинства переговорахъ, возстаніе противъ сына его не ослабѣвало въ Московскомъ государствѣ, и Поляки поведеніемъ своимъ подливали все болѣе и болѣе масла въ огонь. Украинскіе города, бывшіе за воромъ,—Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе, по смерти вора, цѣловали крестъ королевичу; несмотря на то, королевскіе люди, подъ начальствомъ какого-то пана Запройскаго, выжгли ихъ, людей побили и въ плѣнъ повели. Гонсѣвскій велѣлъ отряду Запорожскихъ казаковъ идти въ рязанскія мѣста, чтобы мѣшать Ляпунову собираться къ Москвѣ; Черкасы соединились съ Исакомъ Сумбуловымъ, воеводою, преданнымъ Владиславу, и оса-

дили Ляпунова въ Пронскѣ; но къ нему на выручку пошелъ съ Коломенцами и Рязанцами Зарайскій воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Черкасы, услыхавъ о его выступленіи, отошли отъ Пронска, и освобожденный Ляпуновъ отправился въ Рязань: скоро самъ Пожарскій былъ осажденъ у себя въ Зарайскѣ Черкасами и тѣмъ же Сумбуловымъ, но сдѣлалъ вылазку, выбилъ непріятеля изъ острога и нанесъ ему сильное пораженіе: Черкасы бросились бѣжать въ Украйну, Сумбуловъ—къ Москвѣ; для возстанія на югѣ не было болѣе препятствія.

Главный двигатель этого возстанія, начальный человѣкъ въ государствѣ въ безгосударное время находился въ Москвѣ: то былъ патріархъ, по мановенію котораго, во имя вѣры, вставала и собиралась Земля. Салтыковъ пришелъ къ нему съ боярами и сказалъ: „Ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобы возвратились назадъ“.—„Напишу“, отвѣчалъ Гермогенъ, „если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ Литовскими людьми, выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю померетъ за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу разореніе Святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское—и не могу терпѣть“. Патріарха отдали подъ стражу, никого не велѣли пускать къ нему. Патріархъ сказалъ не все: съ самаго отъѣзда Жолкѣвскаго начались для жителей Москвы оскорбленія, которыя увеличивались все болѣе и болѣе уже вслѣдствіе опаснаго положенія Поляковъ, видѣвшихъ себя осажденными среди волнующагося народа. Только-что гетманъ уѣхалъ, Гонсѣвскій сталъ жить на старомъ дворѣ царя Бориса; Салтыковъ, бросивъ свой домъ, поселился на дворѣ Ивана Васильевича Годунова; Андроновъ—на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа; вездѣ у воротъ стояла польская стража; уличныя рѣшетки были сломаны; Русскимъ людямъ запрещено было ходить съ саблями; топоры отбирались—у купцовъ, которые выносили ихъ на продажу, у плотниковъ,—которые шли съ ними на работу; запрещено было носить и ножи; боялись, что, за недостаткомъ оружія, народъ вооружится кольями,—и запретили крестьянамъ возить мелкія дрова на продажу; гетманскія строгости относительно буйства Поляковъ были оставлены: жены и дѣвицы подвергались насиліямъ; по вечерамъ побивали людей, которые шли по улицамъ изъ двора во дворъ; къ заутрени не только мірскимъ людямъ, но и священникамъ ходить не давали.

17 марта, въ Вербное воскресенье, патріарха освободили для обычнаго торжественнаго шествія на ослѣ; но никто изъ народа не пошелъ за вербою; разнесся слухъ, что Салтыковъ и Поляки хотятъ въ это время изрубить патріарха и безоружный народъ; по всѣмъ площадямъ стояли литовскія роты, конныя и пѣшія наготовѣ. Дѣйствительно, сами Поляки-очевидцы пишутъ, что Салтыковъ говорилъ имъ: „Нынче былъ случай, и вы Москву не били,—ну такъ они васъ во вторникъ будутъ бить: я этого ждать не буду, возьму жену и поѣду къ королю“. Онъ хотѣлъ предупредить жителей Москвы, напасть на нихъ прежде, чѣмъ придетъ къ нимъ помощь отъ Ляпунова, чего именно ждать во вторникъ. Поляки стали готовиться къ вторнику, втаскивать пушки на башни кремлевскія и Китая-города; дѣйствительно, въ московскія слободы пробрались тайкомъ ратные люди изъ ляпуновскихъ полковъ, чтобы поддержать жителей въ случаѣ схватки съ Поляками; пробрались и начальные люди: князь Пожарскій, Бутурлинъ, Колтовской. Но вторникъ начался тихо, Москвичи ничего не предпринимали, купцы спокойно отперли лавки въ Китаѣ-городѣ и торговали. Въ это время Николай Козаковскій на рынкѣ началъ принуждать извозчиковъ, чтобы шли помогать Полякамъ тащить пушки на башню. Извозчики не согласились,—начался споръ, крикъ: тогда осьмитысячный отрядъ нѣмецкій, перешедшій при Клушинѣ къ Полякамъ и находившійся теперь въ Кремлѣ, думая, что началось народное возстаніе, ринулся на толпу и сталъ бить Русскихъ. Поляки послѣдовали примѣру Нѣмцевъ,—и началась страшная рѣзня безоружнаго народа: въ Китаѣ-городѣ погибло до 7,000 человѣкъ; князь Андрей Васильевичъ Голицынъ, сидѣвшій подъ стражею въ собственномъ домѣ, былъ умерщвленъ озлобленными Поляками. Но въ Бѣломъ-городѣ Русскіе имѣли время собраться и вооружиться; они ударили въ набатъ, подняли страшный крикъ, загородили улицы столами, скамьями, бревнами, и стрѣляли изъ-за этихъ укрѣпленій въ Поляковъ и Нѣмцевъ; изъ оконъ домовъ палили, бросали каменья, бревна, доски. Ратные люди, пробравшіеся прежде въ слободы, оказали дѣятельную помощь; на Срѣтенкѣ Поляки были остановлены княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, который соединился съ пушкарями, отбилъ непріятеля, втопталъ его въ Китай-городъ и поставилъ себѣ острожекъ у Введенья на Лубянкѣ; Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ стоялъ въ Яузскихъ воротахъ, Иванъ Колтовской — на Замоскворѣчьи. Поляки, загнанные въ Кремль и Китай-городъ, обхваченные со всѣхъ сторонъ возставшимъ народонаселеніемъ, придумали средство—огнемъ выкурить непріятеля. Попытались запалить Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ, Москвичи не давали,—надобно было съ ними стрѣляться, дѣлать вылазки, наконецъ удалось поджечь въ разныхъ мѣстахъ; говорятъ, что Михайла Салтыковъ первый зажегъ собственный домъ свой. Поднялся страшный вѣтеръ—и къ вечеру пламя разлилось по всему Бѣлому-городу, начало-было горѣть и въ Китаѣ у Поляковъ, но здѣсь пожаръ не распространился; вѣтеръ былъ не съ той стороны. Ночь была свѣтлая; булавку можно было увидать; набатъ не переставалъ гудѣть на всѣхъ колокольняхъ. На другое утро, въ середу, Поляки держали совѣтъ—что дѣлать. Бояре говорили: „Хотя вы цѣлый городъ выпалите, все же будете заперты въ стѣнахъ; надобно постараться всѣми мѣрами запалить Замо-

скворѣчье, около котораго нѣтъ стѣнъ; тамъ легко вамъ будетъ выйти, легко и помочь получить". Слѣдуя этому совѣту, Поляки пошли на Замоскворѣчье и встрѣтили сильное сопротивленье; тамъ были стрѣлецкія слободы,—было кому оборонять; однако, хотя съ большимъ трудомъ, съ большею потерею въ людяхъ, Полякамъ удалось наконецъ поджечь Замоскворѣчье. По другую сторону они возобновили нападеніе на Пожарскаго, который цѣлый день отбивался изъ своего острожка, наконецъ палъ отъ ранъ и былъ отвезенъ въ Троицкій монастырь. Народъ вышелъ въ поле, въ жестокій морозъ; въ Москвѣ негдѣ было больше жить. Въ Великій четвергъ, нѣкоторые изъ Москвичей пришли къ Гонсѣвскому бить челомъ о милости; тотъ велѣлъ имъ снова цѣловать крестъ Владиславу и отдалъ приказъ своимъ прекратить убійство; покорившимся Москвичамъ велѣно было имѣть особый знакъ—подпоясываться полотенцами.

Великій четвергъ прошелъ спокойно для Поляковъ, но въ пятницу пришла вѣсть, что Просовецкій приближается къ Москвѣ съ трицатью тысячами войска. Гонсѣвскій выслалъ противъ него Зборовскаго и Струся; Просовецкій, потерявъ въ стычкѣ съ ними человѣкъ съ двѣсти своихъ казаковъ, засѣлъ въ гуляй-городахъ, на которые Поляки не посмѣли напасть, и ушли въ Москву. Просовецкій также отступилъ на нѣсколько миль, гдѣ дождался Ляпунова, Заруцкаго и другихъ воеводъ; въ понедѣльникъ, на Святой недѣлѣ, все ополченіе, въ числѣ 100,000 человѣкъ, подошло къ Москвѣ и расположилось близъ Симонова монастыря, обставивъ себя гуляй-городами. Черезъ нѣсколько дней Гонсѣвскій вывелъ все свое войско къ русскому обозу, но Русскіе не вышли съ нимъ биться; онъ послалъ Нѣмцевъ выбить русскихъ стрѣльцовъ изъ деревушки, находившейся подлѣ обоза, но Нѣмцы были отражены съ урономъ. Отбивъ Нѣмцевъ, стрѣльцы начали наступать и на Поляковъ, конница которыхъ должна была спѣшиться и стрѣляться съ ними. Конница русская во все это время не выходила изъ обоза; но когда Поляки начали отступать къ Москвѣ, Русскіе вышли за ними изъ обоза; Поляки остановились, чтобъ дать имъ отпоръ,—Русскіе опять въ обозъ; Поляки опять начали отступленіе, Русскіе—опять за ними. Полякамъ пришлось очень трудно: едва успѣли они войти въ Москву, и больше уже изъ нея никогда не выходили.

1 апрѣля ополченіе подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города; Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ, князь Трубецкой съ Заруцкимъ—противъ Воронцовскаго поля, воеводы костромскіе и ярославскіе—у Покровскихъ воротъ, Измайловъ—у Стрѣтенскихъ, князь Мосальскій - у Тверскихъ. 6 апрѣля, раннимъ утромъ, Поляки услыхали шумъ, взглянули, — а уже Русскіе заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго-города; у Поляковъ осталось здѣсь только пять воротъ или башенъ. Начались ежедневныя сшибки; Ляпуновъ храбростію, распорядительностію выдавался изо всѣхъ воеводъ: „Всего московскаго воинства властель, скачетъ по полкамъ всюду, какъ левъ рыкая", выражается о немъ лѣтописецъ. Поляки находились въ самомъ затруднительномъ положеніи: „Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, писали Потоцкому подъ Смоленскъ, сидятъ въ Китаѣ и въ Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ отняты, пить-ѣсть нечего". Съѣстные припасы для себя, конскій кормъ должны были доставать съ бою. Въ началѣ мая, на Поклонной горѣ раскинулся станъ знаменитаго рыцаря Яна Сапѣги; онъ завелъ переговоры съ Русскими и началъ обнаруживать непріязненныя намѣренія относительно осажденныхъ; потомъ, не поладивъ съ ополченіемъ, вооружился противъ него, былъ отбитъ и передался на сторону Гонсѣвскаго. Но послѣднему было мало отъ него пользы; скоро сапѣжинскимъ рыцарямъ соскучалось стоять подъ Москвою, гдѣ было нечего грабить, и они отправились къ Переяславлю-Залѣсскому; Гонсѣвскій отпустилъ съ ними также часть своего войска; зачѣмъ онъ себя ослабилъ такимъ образомъ, — Поляки, бывшіе съ нимъ, не объясняютъ: по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ принужденъ былъ къ этому недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Осажденныхъ послѣ этого осталось очень мало, тысячи съ три съ чѣмъ-нибудь, кромѣ Нѣмцевъ и пѣхоты польской, бывшей, какъ мы знаемъ, въ очень небольшомъ числѣ. Чтобъ прикрыть въ глазахъ осаждающихъ эту малочисленность свою, Поляки начали распускать слухъ, будто гетманъ Литовскій идетъ на помощь съ большими силами, тогда какъ Русскіе знали лучше ихъ, идетъ ли къ нимъ кто или нѣтъ. Въ знакъ радости, Поляки начали стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружей: „Намъ казалось", говоритъ одинъ изъ нихъ, „что стрѣльба у насъ была очень густая; но Москва изъ этой самой стрѣльбы замѣтила, что насъ только горсть осталась въ стѣнахъ Кремля и Китая". Настрѣлявшись и думая, что задали большой страхъ Москвѣ, Поляки разошлись по домамъ и заснули спокойно, въ ночь съ 21 на 22 мая. Но осаждающіе не спали: за три часа до разсвѣта приставили они лѣстницу и полѣзли на стѣну Китая-города; сторожъ на башнѣ, ввѣренной Мархоцкому, услыхалъ шумъ, сначала не зналъ, отъ кого онъ происходитъ — отъ людей или собакъ, которыхъ тогда въ погорѣлой Москвѣ было множество, но потомъ разсмотрѣлъ, что это люди, и закричалъ: „Москва! къ звонку!" Мархоцкій вскочилъ и велѣлъ ударить въ колоколъ, потому что „у русскихъ обычай," говоритъ онъ, „на каждой башнѣ держать по колоколу." Когда осаждающіе, услышавъ колоколъ, увидали, что они открыты, то съ крикомъ бросились на стѣны: Поляки выбѣжали на тревогу изъ домовъ и отбили Русскихъ отъ Китай-города; тогда осаждающіе обратились въ другую сторону, къ башнямъ Бѣлаго-города, находившимся во власти Поляковъ, и въ продолженіи дня успѣли овладѣть ими всѣми. На другое утро Русскіе осадили Нѣмцевъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и принуди-

ли ихъ къ сдачѣ. Послѣ этого Русскіе смѣялись надъ Поляками: „Идетъ къ вамъ на помощь гетманъ Литовскій съ большою силою,“ кричали они имъ; „идетъ съ нимъ пятьсотъ человѣкъ войска! больше не надѣйтесь, уже это вся Литва вышла; идетъ и Конецпольскій, живности вамъ везетъ, везетъ одну кишку“,—потому что ротмистры были Кишка и Конецпольскій. Но не шелъ гетманъ Литовскій Ходкѣвичъ даже и съ пятью стами человѣкъ, не шелъ Конецпольскій съ Кишкою: Сигизмунду было не до Москвы,—ему нужно было прежде всего покончить съ Смоленскомъ.

8 апрѣля Филаретъ и Голицынъ были призваны къ Сапѣгѣ, и канцлеръ объявилъ имъ, что во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, Русскіе люди начали собираться на бой, королевскіе вышли къ нимъ на-встрѣчу, сожгли городъ и много христіанской крови пролилось съ обѣихъ сторонъ. Тутъ же Сапѣга объявилъ, что патріархъ за возбужденіе возстанія взятъ подъ стражу и посаженъ на Кириловскомъ подворьи. Послы горько заплакали, и Филаретъ сказалъ: „Это случилось за грѣхи всего православнаго христіанства, а отчего сталось, и кто на такое разореніе промыслилъ,—тому Богъ не потерпитъ, и во всѣхъ государствахъ такое немилосердіе отзовется. Припомните наши слова: мы на всѣхъ съѣздахъ говорили, чтобъ королевское величество велѣлъ всѣ статьи утвердить по своему обѣщанію и по договору, иначе людямъ будетъ сомнѣнье и скорбь. Такъ и случилось. Такъ хотя бы теперь королевское величество смиловался, а вы бы, паны радные, о томъ порадѣли, чтобъ кровь христіанскую унять, и всѣ бы люди получили покой и тишину“. Сапѣга отвѣчалъ, что король именно затѣмъ и пришелъ въ Московское государство, чтобъ его успокоить, но Русскіе люди сами и во всемъ виноваты; Полякамъ же нельзя было Москвы не жечь,—иначе сами были бы побиты. „Но скажите“, прибавилъ онъ: „какъ этому злу помочь и кровь унять?“ Послы отвѣчали: „Теперь мы и сами не знаемъ что́ дѣлать. Посланы мы отъ всей Земли и, вопервыхъ, отъ патріарха; но слышимъ отъ васъ, что этотъ начальный нашъ человѣкъ теперь у васъ подъ стражею; Московскаго государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и съ королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такіе, отъ кого послы — не знаемъ; кто насъ отпускалъ,—тѣ, какъ вы говорите, умышляютъ противное нашему посольству. И съ Смоленскомъ теперь не знаемъ что́ дѣлать: потому что если Смольняне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ Москвичи впустили къ себѣ, Москву выжгли, то побоятся, чтобъ и съ ними того же не случилось, когда они впустятъ къ себѣ королевскихъ людей“. Сапѣга отвѣчалъ: „Что сдѣлалось въ Москвѣ,—объ этомъ говорить нечего; говорите, что́ дѣлать впередъ?“ Послы отвѣчали: „Другого средства поправить дѣло нѣтъ, какъ то, чтобъ король наши статьи о Смоленскѣ подтвердилъ и время своего отступленія въ Польшу именно назначилъ на письмѣ, за вашими сенаторскими руками. А мы объ этой королевской милости дадимъ знать въ Москву патріарху, боярамъ и всѣмъ людямъ Московскаго государства, напишемъ и тѣмъ, которые теперь пришли подъ Москву, чтобъ они унялись и съ королевскими людьми не бились, и чтобъ изъ Москвы къ намъ какъ можно скорѣе отписали и прислали людей изо всѣхъ чиновъ“. Сапѣга соглашался, но требовалъ, чтобъ договоръ о Смоленскѣ былъ заключенъ немедленно, немедленно были впущены въ городъ королевскіе люди. Послы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя до обсылки съ Москвою, Смольняне не послушаются; Сапѣга велѣлъ посламъ написать двѣ грамоты: одну—къ патріарху и боярамъ, другую—къ воеводамъ ополченія, стоящаго подъ Москвою. Но когда, на другой день, Луговской принесъ эти грамоты къ Сапѣгѣ, тотъ спросилъ его: „Хотите ли теперь же впустить въ Смоленскъ людей королевскихъ?“ Луговскій отвѣчалъ, что рѣшено ждать отвѣта изъ Москвы. — „Когда такъ,“ сказалъ Сапѣга, „то васъ всѣхъ пошлютъ въ Вильну“. Луговскій отвѣчалъ: „Надобно кровь христіанскую унять, а Польшею насъ стращать нечего;—Польшу мы знаемъ“.

12 апрѣля посламъ дали знать, что на другой день ихъ повезутъ въ Польшу. Напрасно Филаретъ и Голицынъ представляли, что имъ изъ Москвы нѣтъ приказа ѣхать въ Польшу и что не съ чѣмъ имъ подняться въ путь: ихъ не слушали, подвезли къ ихъ двору судно и велѣли перебираться. Когда посольскіе люди стали переносить въ судно вещи и запасы господъ своихъ, то польскіе приставы перебили слугъ, запасы велѣли выбросить изъ судна, лучшее взяли себѣ. Ограбленныхъ пословъ и дворянъ повезли всѣхъ вмѣстѣ въ одномъ суднѣ, гдѣ находились солдаты съ заряженными ружьями; за судномъ шли еще двѣ лодки съ людьми посольскими. На дорогѣ послы терпѣли во всемъ крайнюю нужду; когда проѣзжали они чрезъ земли гетмана Жолкѣвскаго, то послѣдній, находившійся въ это время тамъ, прислалъ спросить ихъ о здоровьи; послы отвѣчали ему, чтобъ онъ попомнилъ свою душу и крестное цѣлованіе.

Вслѣдъ за послами окончили свое дѣло и Смольняне. Цынга опустошила ихъ городъ, лишенный соли; изъ 80,000 жителей, сколько считалось при началѣ осады, едва осталось 8,000; но оставшіеся въ-живыхъ не думали о сдачѣ. Извѣстный намъ Андрей Дедешинъ, перебѣжавшій къ королю, указалъ ему на часть стѣны, построенную наспѣхъ сырою осеннею порою, и потому непрочную: король велѣлъ обратить пушки въ ту сторону, и стѣна была выбита. Ночью, 3 іюня, Поляки повели приступъ и вошли чрезъ проломъ въ городъ; Шеинъ съ 15 товарищами стоялъ на раскатѣ, онъ объявилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ сдастся кому-нибудь изъ простыхъ ратниковъ; тогда прибѣжалъ къ нему Яковъ Потоцкій, и Шеинъ сдался ему; жители заперлись въ соборной церкви Богородицы, зажгли порохъ, находившійся внизу въ погребахъ, и взлетѣли на воздухъ, по примѣру Сагунтинцевъ, какъ

говорятъ польскіе историки. Шеина привели въ королевскій станъ и пытали, по 27 допроснымъ пунктамъ:

1) Для чего, въ какой надеждѣ, послѣ сдачи столицы, не хотѣлъ сдать Смоленска на имя королевское? *О.* Одну надежду имѣлъ, что король отступитъ отъ Смоленска, давши сына на царство Московское, о чемъ прислана была грамота изъ Москвы.

2) Оттуда получалъ извѣстія?—если изъ обоза королевскаго, то отъ кого, сколько разъ и какими способами? Шеинъ назвалъ всѣхъ перебѣжчиковъ.

3) Черезъ кого сносился съ Голицынымъ и о чемъ? *О.* Ни о чемъ.

4) Какія сношенія имѣлъ съ Ляпуновымъ и другими измѣнниками? *О.* Никакихъ.

5) Для чего не слушалъ совѣтовъ архіепископа и втораго воеводы Горчакова, чтобъ сдатъ Смоленскъ? *О.* Отъ Горчакова ничего не слыхалъ; архіепископъ же только одинъ разъ сказалъ, когда начались сношенія съ послами московскими и привезены были условія отъ сенаторовъ; говорилъ онъ, что „гнѣвъ Божій надъ всею Землею и надъ ними распростерся,—чего мечъ не истребитъ, то повѣтріе истребляетъ, лучше намъ поддаться за присягою ихъ, хотя бы насъ потомъ и перебили“. Такія слова онъ только разъ сказалъ въ большой толпѣ людей,—никто на нихъ не обратилъ вниманія, а потомъ самъ онъ никогда объ этомъ не вспоминалъ; а прежде, съ начала осады, архіепископъ часто его, Шеина, упрекалъ, зачѣмъ промысла надъ непріятелемъ не чинитъ, языковъ не достаетъ и на вылазки людей не пускаетъ.

6) Что замышлялъ дѣлать послѣ, если бы отсидѣлся въ Смоленскѣ? *О.* Всѣмъ сердцемъ былъ я преданъ королевичу; но если бы король сына на царство не далъ, то такъ какъ Земля безъ государя быть не можетъ, поддался бы тому, кто бы былъ царемъ на Москвѣ.

7) Кто ему совѣтовалъ и помогалъ такъ долго держаться въ Смоленскѣ? *О.* Никто особенно, потому что никто не хотѣлъ сдаваться.

8) Прежде чѣмъ король пришелъ подъ Смоленскъ, отъ кого онъ, Шеинъ, получалъ вѣсти изъ Польши и Литвы? *О.* Отъ хлоповъ пограничныхъ.

9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 вопросы всѣ въ томъ же родѣ, то-есть о сношеніяхъ съ разными лицами и мѣстами. Отвѣты отрицательные.

17) Сколько было доходовъ съ волостей смоленскихъ до осады, и куда они дѣлись? На этотъ вопросъ Шеинъ отвѣчалъ обстоятельно; по его словамъ, въ казнѣ было 900 рублей.

18) Куда дѣвалъ имѣнія, оставшіяся послѣ умершихъ. *О.* Я не бралъ этихъ имѣній.

19) Не закопаны ли гдѣ-нибудь въ Смоленскѣ деньги? *О.* Не знаю.

20) Васька Полочанинъ съ чѣмъ приходилъ въ Смоленскъ? *О.* Сказалъ, что король послалъ въ Ригу за пушками.

21) Не сносился ли съ кѣмъ-нибудь изъ купцовъ въ королевскомъ обозѣ? *О.* Ни съ кѣмъ.

22) Кто привозилъ соль и другіе запасы изъ королевскаго обоза въ Смоленскъ? *О.* Родственники Смольнянъ, въ обозѣ бывшіе.

23) Изъ смоленскихъ дѣтей боярскихъ съ кѣмъ имѣлъ сношенія и что они ему совѣтовали? *О.* Ни съ кѣмъ.

24) Сколько было наряду въ Смоленскѣ?—Орудій 170, пороху 8,500 пудовъ при началѣ осады.

25) Съ Иваномъ Никитинымъ Салтыковымъ черезъ кого сносился? *О.* Не сносился ни черезъ кого; а когда Салтыковъ королю измѣнилъ, то присылалъ грамоту, на которую данъ былъ отвѣтъ съ вѣдома архіепископа.

26) У перваго самозванца Гришки Отрепьева чѣмъ былъ и въ какой милости? *О.* Былъ я въ Новгородѣ-Сѣверскомъ по приказу царя Бориса; когда другіе поклонились Гришкѣ, то и я поклонился; сначала онъ на меня сердитъ былъ, потомъ сталъ ласковъ, звалъ на службу; при смерти его я не былъ.

27) Когда началъ сноситься съ царикомъ Калужскимъ, и что это были за сношенія? *О.* Я съ самозванцемъ никакой ссылки не имѣлъ; разъ присылалъ онъ Ивана Зубова въ Смоленскъ съ длинною грамотою, въ которой всю Библію и Псалтырь выписалъ, уговаривая, чтобъ Смольняне ему поддались, воеводу своего свергнули, посадили на его мѣсто Зубова, прислали къ нему въ Тушино всю казну, а купцы прислали бы къ нему всѣ свои товары: когда сядетъ въ Москвѣ, то за все заплатитъ. Смольняне вмѣсто воеводства, посадили Зубова въ тюрьму.

Послѣ пытки, Шеина отправили въ Литву, гдѣ держали сначала въ тѣсномъ заключеніи, въ оковахъ; семейство воеводы было подѣлено между королемъ и Сапѣгою: сына взялъ себѣ Сигизмундъ, жену и дочъ—Сапѣга; радость о взятіи Смоленска была неописанная въ Литвѣ и Польшѣ; король говорилъ благодарственную рѣчь рыцарству, главная мысль которой заключалась въ слѣдующемъ: „Одолѣли вы упорнаго непріятеля, одолѣли не тѣмъ, что поморили его голодомъ, но одолѣли своими подвигами; упорныя сердца мужествомъ побѣдили упорнымъ.“ Скарга говорилъ проповѣдь: „Прежде всего радуемся тому, что Господь Богъ указуетъ путь къ расширенію Своей церкви и правды католической, къ спасенію душъ людскихъ. Народъ этотъ, въ старый расколъ съ церковію Божіею погруженный, утратилъ правду Божію, впалъ въ суевѣріе и въ грѣхи, на небо вопіющіе; на него напала такая глупая гордость, что на Латиновъ смотрѣлъ какъ на поганыхъ, какъ на Жидовъ и невѣрныхъ; а Господь Богъ бѣдствіями и униженіями приводитъ его къ сознанію заблужденій своихъ.“ Знаменитый проповѣдникъ не счелъ за нужное позаботиться о томъ, чтобы факты, имъ приводимые, были хотя сколько нибудь вѣрны;

такъ, напримѣръ, по его словамъ, патріархъ Гермогенъ, не желая присягать Владиславу, призывалъ на помощь Скопина, но Скопина свои отравляютъ; патріархъ призываетъ Лжедимитрія; но послѣдній, когда уже сбирался подъ Москву, убитъ своими и т. д.

Вмѣсто того, чтобъ, тотчасъ по взятіи Смоленска, идти къ Москвѣ, король принужденъ былъ распустить войско и отправиться на сеймъ въ Варшаву. Здѣсь, въ упоеніи торжества, думали, что взятіемъ Смоленска все кончено —забыли, что въ Москвѣ горсть Поляковъ осаждена многочисленнымъ непріятелемъ: спѣшили насладиться зрѣлищемъ торжественнаго въѣзда въ Варшаву плѣннаго царя Московскаго. 29 октября 1611 года, Жолкѣвскій съ нѣкоторыми панами, послами земскими, съ Дворомъ и служилымъ рыцарствомъ своимъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ въ замокъ королевскій; за нимъ ѣхали открытая карета, запряженная въ 6 лошадей, въ каретѣ сидѣлъ свергнутый царь Московскій, Василій, въ бѣлой парчевой ферязи, въ мѣховой шапкѣ: это былъ сѣдой старикъ, не очень высокаго роста, круглолицый, съ длиннымъ и немного горбатымъ носомъ, большимъ ртомъ, большою бородою; смотрѣлъ онъ изъ-подлобья и сурово; передъ нимъ сидѣли два брата его, а въ середкѣ у нихъ приставъ. Когда всѣхъ троихъ Шуйскихъ поставили передъ королемъ, то они низко поклонились, держа въ рукахъ шапки. Жолкѣвскій началъ длинную рѣчь о измѣнчивости счастья, прославилъ мужество короля, указывалъ на плоды его подвиговъ— взятіе Смоленска и Москвы, распространился о могуществѣ царей Московскихъ, изъ которыхъ послѣдній стоялъ теперь передъ королемъ и билъ челомъ. Тутъ Василій Шуйскій, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потомъ поцѣловалъ эту руку; второй братъ, Димитрій, ударилъ челомъ до самой земли; третій братъ, Иванъ, трижды билъ челомъ и плакалъ. Гетманъ продолжалъ, что вручаетъ Шуйскихъ королю не какъ плѣнниковъ, но, для примѣра счастья человѣческаго, просилъ оказать имъ ласку, причемъ всѣ Шуйскіе опять молча били челомъ. Когда гетманъ окончилъ рѣчь, Шуйскихъ допустили къ рукѣ королевской. „Было это зрѣлище великое, удивленіе и жалость производящее“, говорятъ современники; но въ толпѣ пановъ радныхъ послышались голоса, которые требовали не жалости, но мести Шуйскому, какъ виновнику смерти многихъ Поляковъ; раздался голосъ Юрія Мнишка, который требовалъ мести за дочь свою. Шуйскихъ заключили въ замкѣ Гостынскомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варшавы.

Какой-то Юрій Потемкинъ привезъ въ станъ подъ Москву извѣстіе о взятіи Смоленска; но бояре, Мстиславскій съ товарищами, получили эту вѣсть прямо отъ короля. Король писалъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его взять Смоленскъ, была измѣна дворянъ Смоленскаго уѣзда, отставшихъ отъ королевскаго дѣла вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ Салтыковымъ. Король послалъ Салтыкова съ смоленскими дворянами въ Дорогобужъ; эти дворяне начали совѣтоваться, какъ бы отъѣхать въ московскіе полки; но одинъ изъ нихъ донесъ объ ихъ умыслѣ Сигизмунду; должно быть, тутъ же былъ обнесенъ и Салтыковъ, но послѣ онъ успѣлъ оправдаться предъ королемъ и вошелъ къ нему въ прежнюю милость.

Бояре, называя себя вѣрными подданными короля, отвѣчали, что они, слыша о погибели многихъ невинныхъ христіанскихъ душъ, простыхъ людей, женъ и младенцевъ, бѣдно со свѣта сего сошедшихъ за непокорство Шеина и другихъ лихихъ людей, поскорбѣли о нихъ христіанскимъ обычаемъ и братскою любовію, какъ о братьѣ своей единокровной; „о томъ же, что вамъ, великимъ государямъ, надъ непослушниками вашими подалъ Богъ побѣду и одолѣнье, Богу хвалу воздаемъ, и васъ, великихъ государей, на вашихъ преславныхъ и прибылыхъ государствахъ, поздравляемъ“. Бояре извѣщаютъ короля, что Новгородцы Новгорода Великаго за его государское имя мучили на пыткахъ боярина Ивана Михайловича Салтыкова, и, мучивъ, посадили на колъ. Мы видѣли, что Новгородцы сами извѣщали воеводъ возставшаго ополченія о посаженіи Салтыкова въ тюрьму; лѣтописецъ сообщаетъ подробности: Салтыковъ отнялъ у Шведовъ Ладогу, оттуда прямо хотѣлъ идти къ Москвѣ, потому что опасался враждебнаго расположенія жителей новгородскихъ. Послѣдніе послали просить его, чтобъ возвратился къ нимъ въ Новгородъ, и цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ ему ничего дурнаго. Салтыковъ повѣрилъ и возвратился; но, спустя немного времени, Новгородцы забыли клятву, схватили его и, не удовольствовавшись тюремнымъ заключеніемъ, подвергнули пыткѣ; тщетно Салтыковъ клялся, что у него не было никакой мысли противъ Московскаго государства; тщетно обѣщалъ, что если отецъ его придетъ съ Литовскими людьми, то онъ и противъ него станетъ биться, —сыну Салтыкова не повѣрили, и онъ страшною смертію поплатился за поведеніе отца. Говорятъ, что заводчикомъ дѣла былъ дьякъ Семенъ Самсоновъ. Бояре увѣдомляли также Сигизмунда, что они много разъ писали къ возставшему ополченію съ увѣщаніемъ обратиться: „Но тѣ воры отъ воровства своего не перестаютъ и къ вашей государской милости не обращаются, нашихъ грамотъ и приказу ни въ чемъ не слушаютъ, насъ укоряютъ и безчестятъ всякими непригожими рѣчами, похваляются на насъ лютыми позорными смертями, и людей нашихъ, которые у насъ по городамъ, мучатъ злыми смертями и пытками, помѣстья и вотчины наши роздали и разоряютъ“. Наконецъ увѣдомляютъ о сношеніяхъ возставшаго ополченія съ Шведскимъ королемъ насчетъ избранія одного изъ его сыновей въ государи Московскіе. По словамъ лѣтописца, начальники ополченія начали думать, что безъ государя быть нельзя, и придумали послать къ Шведамъ просить у ихъ короля сына на Московское государство.

Но, заводя переговоры о будущемъ царѣ, ополченіе должно было подумать о томъ, какъ устроить временное правительство, ввести какой-нибудь порядокъ въ управленіе войскомъ и Землею. Мы видѣли, сколько воеводъ съ разныхъ сторонъ пришло подъ Москву съ своими отрядами. Кому изъ нихъ надобно было дать первенство? Высшее званіе, званіе бояръ, носили: князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и Заруцкій, хотя оба получили боярство въ Тушинѣ; но этимъ дворянамъ не могъ уступить думный дворянинъ Ляпуновъ, первый по способностямъ и энергіи. 30 іюня 1611 года, Московскаго государства разныхъ земель царевичи, бояре, окольничіе и всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресвятой Богородицы и за православную христіанскую вѣру противъ разорителей вѣры христіанской, Польскихъ и Литовскихъ людей, подъ Москвою, приговорили и выбрали всею Землею бояръ и воеводъ: князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго да думнаго дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ ратнымъ земскимъ людямъ ихъ, бояръ, во всемъ слушать. „Приговоръ утверждаетъ, чтобъ относительно раздачи помѣстій примѣривались, какъ было при прежнихъ Россійскихъ прирожденныхъ государяхъ. Помѣстья и отчины, разнятыя боярами по себѣ и розданныя другимъ безъ земскаго приговора, отобрать назадъ, и изъ нихъ дворцовыя и черныя волости отписать во дворецъ, а помѣстныя и вотчинныя земли раздать безпомѣстнымъ и разореннымъ дѣтямъ боярскимъ. Отобрать дворцовыя села и черныя волости, равно и денежное жалованье у всѣхъ людей, которые, служа въ Москвѣ, Тушинѣ или Калугѣ, получили ихъ не по мѣрѣ своей. Помѣстья, данныя кому бы то ни было на имя короля или королевича, отобрать, но не отбирать ихъ у тѣхъ дворянъ, у которыхъ, кромѣ ихъ, другихъ помѣстій и дачъ нѣтъ. Которые дворяне и дѣти боярскія были отправлены изъ Москвы съ послами подъ Смоленскъ и теперь заложены въ Литву,—у тѣхъ, равно какъ у женъ и дѣтей смоленскихъ сидѣльцевъ, помѣстій не отнимать. Церковныхъ земель не брать въ раздачу, и которыя были прежде отобраны—возвратить. Не отнимать помѣстій у женъ и дѣтей умершихъ или побитыхъ дворянъ; не отнимать вотчинъ у сподвижниковъ Скопина. Бояре, поговоря со всею Землею, вольны раздавать вотчины, причемъ не должно нарушать прежняго приговора патріарха Гермогена (какой это былъ приговоръ и когда состоялся,—не извѣстно). Дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ, съѣзжавшимъ съ Москвы, бывшимъ въ Тушинѣ и Калугѣ и сидѣвшимъ по городамъ, давать вотчины противъ московскихъ сидѣльцевъ, а не противъ тушинскихъ окладовъ ихъ. Ратнымъ людямъ, которыхъ помѣстья находились въ порубежныхъ мѣстахъ и разорены отъ Литвы или отъ Крымцевъ, дать помѣстья въ другихъ замосковныхъ городахъ „какъ имъ можно сытымъ быть“ Если дворяне и дѣти боярскія, не пріѣхавшіе на земскую службу подъ Москву до 29 мая, и лишенные за то своихъ помѣстій по прежнему боярскому приговору, пріѣдутъ и будутъ бить челомъ боярамъ и всей Землѣ, что они до сихъ поръ не пріѣзжали по бѣдности,—о такихъ сдѣлать обыскъ, и если окажется, что они сказали правду, то помѣстья имъ возвратить, равно какъ тѣмъ, у которыхъ помѣстья отобраны по ложному челобитью, или которые были на Москвѣ поневолѣ. Дворянъ и дѣтей боярскихъ, посланныхъ въ города на воеводства и на другія посылки, и способныхъ къ службѣ, возвратить и велѣть имъ быть въ полки тотчасъ, а на ихъ мѣсто посылать дворянъ, которымъ на службѣ быть нельзя. Въ Помѣстномъ приказѣ посадить дворянина изъ большихъ дворянъ и съ нимъ дьяковъ, выбравъ всею Землею, и велѣть испомѣстить напередъ дворянъ и дѣтей боярскихъ бѣдныхъ, разоренныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ. Если атаманы и казаки служатъ давно и захотятъ верстаться помѣстными и денежными окладами и служить съ городовъ, то ихъ желаніе исполнить; а которые верстаться не захотятъ —тѣмъ давать хлѣбное и денежное жалованье. Съ городовъ и изъ волостей атамановъ и казаковъ свести и запретить имъ грабежи убійства; посылать по городамъ и въ волости за кормами дворянъ добрыхъ и съ ними дѣтей боярскихъ, казаковъ и стрѣльцовъ, и велѣть кормъ сбирать по указу. Если же кто изъ ратныхъ людей по городамъ, въ волостяхъ и по дорогамъ будетъ разбойничать,—такихъ сыскивать, унимать и наказывать, даже казнить смертію, для чего устроить Разбойный и Земскій приказъ по-прежнему. Младшіе воеводы не должны самовольно распоряжаться денежными доходами и брать ихъ себѣ, но должны присылать въ казну. Печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроить земскую, а при большихъ земскихъ дѣлахъ у грамотъ быть рукѣ боярской. Всякія ратныя дѣла большія вѣдать боярамъ и разряднымъ дьякамъ въ Большомъ приказѣ. Которые ратные люди теперь подъ Москвою за православную христіанскую вѣру отъ Литовскихъ людей будутъ побиты или отъ ранъ изувѣчены, тѣхъ убитыхъ и раненыхъ записывать въ разрядѣ, а заслуги ихъ писать воеводамъ и головамъ по полкамъ и присылать въ Большой разрядъ за руками, чтобъ впередъ всякихъ ратныхъ людей служба въ забвеньи не была. Крестьянъ и людей бѣглыхъ или вывезенныхъ другими помѣщиками въ Смутное время сыскивать и отдавать прежнимъ помѣщикамъ. Строить Землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять боярамъ, которыхъ избрали по этому всей Земли приговору Смертною казнью безъ приговору всей Земли боярамъ не по винѣ не казнить и по городамъ не ссылать, семьями (скопомъ) и заговоромъ никому никого не побивать, недружбы никакой никому не мстить; а кому до кого дѣло, бей челомъ объ управѣ боярамъ и

всей Землѣ. А кто станетъ ходить скопомъ и заговоромъ, кто кого убьетъ до смерти по недружбѣ, или на кого кто скажетъ какое измѣнное земское дѣло, про то сыскивать правду, а по сыску наказанье и смертную казнь надъ ними приговаривать боярамъ, поговоря со всею Землею, смотря по винѣ; а не объявя всей Землѣ, смертною казнью никого не казнить и по городамъ не ссылать. А кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, того самого казнить смертію. Если же бояре, которыхъ выбрали теперь всею Землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣть и расправы чинить не станутъ во всемъ вправду, и по этому земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлать не станутъ, и за ними всякія земскія дѣла поостановятся, или которые воеводы бояръ во всякихъ дѣлахъ слушать не станутъ, то намъ всею Землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнить, и на ихъ мѣсто выбрать другихъ, поговоря со всею Землею, кто къ ратному и земскому дѣлу пригодится".

Въ приговорѣ этомъ видимъ съ одной стороны умное забвеніе прошедшаго: служившіе Шуйскому въ Москвѣ и царику въ Тушинѣ и Калугѣ уравнены; но съ этою уступкою, съ желаніемъ примиренія и забвенія прошедшаго, соединена твердость въ стремленіи возстановить строгую справедливость: требуется, чтобъ всѣ отдали полученное ими сверхъ мѣры на какой бы то ни было службѣ. Ясно высказалось также охранительное направленіе: чтобъ все было по-старому, стремленіе примѣриваться, какъ было при прежнихъ государяхъ. Но это стремленіе къ возстановленію наряда, такъ ясно выразившееся въ ополченіи, на этотъ разъ оказалось безплоднымъ по приведеннымъ уже причинамъ: по характеру человѣка, который стоялъ въ челѣ именно лучшихъ земскихъ людей въ противоположность казака,—по характеру Ляпунова, и потому, что чистое было смѣшано съ нечистымъ, подлѣ земскихъ людей стояли казаки. Лѣтописи сохранили намъ любопытное извѣстіе, что ратные люди били челомъ троеначальникамъ, чтобъ они не попрекали другъ друга Тушиномъ. Разумѣется, этотъ упрекъ могъ быть дѣлаемъ только Лапуновымъ Трубецкому и Заруцкому, которые были тушинскіе бояре; хотя онъ былъ равный имъ по власти троеначальникъ, однако, по своему боярству, Трубецкой и Заруцкій занимали предъ нимъ высшія мѣста, онъ писался третьимъ, и ему пріятно было напоминать старшимъ товарищамъ, что они не имѣютъ права величаться своимъ боярствомъ, добытымъ въ Тушинѣ. Въ начальникахъ была великая ненависть и гордость, говоритъ лѣтопись: другъ передъ другомъ честь и начальство получить желали, и ни одинъ меньше другого быть не хотѣлъ, всякій хотѣлъ одинъ владѣть. Прокофій Ляпуновъ не по своей мѣрѣ вознесся, и отъ гордости его отецкимъ дѣтямъ много позору и безчестія было: не только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ. Приходили къ нему на поклонъ, и стояли у его избы долгое время,—никакого человѣка къ себѣ прямо не пускалъ, а къ казакамъ былъ очень жестокъ, и за то была на него ненависть большая. Разумѣется, больше всѣхъ долженъ былъ ненавидѣть Ляпунова Заруцкій, который также хотѣлъ исключительнаго первенства; Трубецкой не могъ играть видной роли, былъ въ тѣни: лѣтопись прямо говоритъ, что ему отъ Ляпунова и Заруцкаго чести никакой не было. Значитъ, собственно въ Подмосковномъ станѣ было двоевластіе, а не троевластіе, начальствовали, т.-е. соперничали другъ съ другомъ, Ляпуновъ и Заруцкій. Ляпуновъ, несмотря на то, что возбудилъ противъ себя негодованіе отецкихъ дѣтей, опирался на дворянъ и дѣтей боярскихъ, на чистое ополченіе сѣверныхъ или сѣверо-восточныхъ областей, однимъ словомъ—на неказаковъ: Заруцкій опирался на казаковъ, былъ ихъ главнымъ воеводою и представителемъ. Земскій приговоръ былъ написанъ дворянами и дѣтьми боярскими. Лѣтопись говоритъ, что Ляпуновъ къ ихъ совѣту присталъ и велѣлъ написать приговоръ, тогда какъ Трубецкому и Заруцкому, казацкимъ воеводамъ, это дѣло было нелюбо, и понятно почему: приговоръ былъ направленъ прямо противъ казаковъ, грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ за своевольство и грабежи, былъ направленъ прямо противъ Заруцкаго, который захватилъ себѣ много городовъ и волостей; теперь, по смыслу приговора, онъ долженъ былъ ихъ возвратить. И съ этихъ поръ, говоритъ лѣтопись, какъ Ляпуновъ велѣлъ написать приговоръ, начали думать, какъ бы его убить. Дѣло началось тѣмъ, что у Николы на Угрешѣ Матвѣй Плещеевъ, схвативъ 28 человѣкъ казаковъ, посадилъ ихъ въ воду; казаки вынули всѣхъ своихъ товарищей изъ воды, привели въ таборы подъ Москву, собрали кругъ и начали шумъ на Ляпунова, хотѣли его убить. Лѣтопись умалчиваетъ о подробностяхъ, но видно, что въ этомъ случаѣ казаки имѣли правду на своей сторонѣ; если Плещеевъ поймалъ казаковъ на грабежѣ, то обязанъ былъ привести ихъ въ станъ и отдать на судъ, а онъ самовольно посадилъ ихъ въ воду, тогда какъ въ приговорѣ было утверждено, что смертная казнь назначается съ вѣдома всей Земли. Ляпуновъ выѣхалъ изъ стана, чтобъ бѣжать въ Рязанскую Землю, но казаки нагнали его подъ Симоновымъ и уговорили остановиться: казаки должны были понять, какъ опасно выпустить Ляпунова изъ стана и дать ему возможность собрать свое новое ополченіе, къ которому, разумѣется, присоединились бы всѣ дворяне и дѣти боярскія. Ляпуновъ переночевалъ въ Никитскомъ острожкѣ; на другое утро пришли къ нему всею ратью и уговорили возвратиться въ станъ.

Но если казаки такъ сильно желали смерти Ляпунова, то не меньше желалъ этого Гонсѣвскій въ Москвѣ: казаки съ Трубецкимъ и Заруцкимъ не были ему страшны; страшно ему было ополченіе земскихъ людей, когда оно имѣло такого дѣятельнаго и талантливаго предводителя, какъ Ляпуновъ.

На одной изъ стычекъ Поляки взяли въ плѣнъ Донскаго казака, который былъ побратимомъ атамана Исидора Заварзина; этотъ Заварзинъ началъ стараться, какъ бы освободить товарища, и выпросилъ у Гонсѣвскаго позволеніе повидаться съ нимъ и поговорить, давъ закладъ. Гонсѣвскій воспользовался этимъ случаемъ, велѣлъ написать грамоты отъ имени Ляпунова, въ которыхъ тотъ писалъ во всѣ города: „Гдѣ поймаютъ казака—бить и топить; а когда, дастъ Богъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ". Подъ руку Ляпунова искусно было подписано на грамотѣ. Плѣнный казакъ отдалъ эту грамоту Заварзину: „Вотъ, братъ, смотри, какую измѣну надъ нашею братьею, казаками, Ляпуновъ дѣлаетъ! вотъ грамоты, которыя Литва перехватила". Взявъ грамоту, Заварзинъ отвѣчалъ: „Теперь мы его, б. . . . . . сына, убьемъ". Когда Заварзинъ пришелъ въ станъ и показалъ грамоту, то казаки собрали кругъ; Трубецкой и Заруцкій въ кругъ не поѣхали; посылали за Ляпуновымъ два раза, онъ не поѣхалъ; въ третій разъ пришли къ нему неказаки, Сильвестръ Толстой, Юрій Потемкинъ, и поручились, что ему ничего не будетъ; Ляпуновъ вошелъ въ кругъ: атаманъ Карамышевъ сталъ кричать, что онъ измѣнникъ, и показалъ грамоту, подписанную его рукою; Ляпуновъ посмотрѣлъ на грамоту и сказалъ: „Рука похожа на мою, только я не писалъ". Начался споръ—и кончился тѣмъ, что Ляпуновъ лежалъ мертвый подъ казацкими саблями; съ нимъ вмѣстѣ убили Ивана Никитича Ржевскаго; Ржевскій былъ Ляпунову большой недругъ, но тутъ, видя его правду, за него сталъ—и умеръ съ нимъ вмѣстѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Ржевскій говорилъ казакамъ: „За посмѣхъ вы Прокофья убили, Прокофьевой вины нѣтъ".

Со смертію Ляпунова дворяне и дѣти боярскія остались безъ вождя, во власти казацкихъ предводителей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что вскорѣ по смерти Ляпунова принесенъ былъ въ станъ изъ Казани списокъ съ иконы Казанской Богородицы; духовенство и всѣ служилые люди пошли пѣшкомъ навстрѣчу иконѣ, а Заруцкій съ казаками выѣхали верхомъ. Казакамъ не понравилось, зачѣмъ служилые люди захотѣли отличиться передъ ними благочестіемъ, и начали ругать ихъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что дворяне и стольники искали себѣ смерти отъ насилія и позора; многіе изъ нихъ были побиты, многіе изувѣчены; другіе разъѣхались по городамъ своимъ и по домамъ, боясь убійства отъ Заруцкаго и казаковъ. Нашлись изъ нихъ и такіе, которые купили у Заруцкаго воеводства и разныя должности, и отправились по городамъ наверстывать заплаченныя деньги; остались подъ Москвою большею частію тѣ, которые привыкли жить вмѣстѣ съ казаками въ Тушинѣ и Калугѣ. Станъ наполнялся также Москвичами, торговыми, промышленными и всякими черными людьми, которые кормились тѣмъ, что держали всякіе съѣстные харчи; въ станѣ же были приказы, сидѣли въ нихъ дьяки и подъячіе; съ городовъ и волостей на казаковъ кормы сбирали и подъ Москву привозили; но казаки отъ воровства своего не отстали,—ѣздили по дорогамъ станицами, грабили и побивали.

Въ то время, когда казаки убійствомъ Ляпунова и разогнаніемъ лучшихъ служилыхъ людей остановили ходъ земскаго дѣла подъ Москвою, на сѣверо-западѣ Новгородъ Великій достался въ руки Шведамъ. Вы видѣли, что послѣдніе имѣли мало успѣха: имъ удалось овладѣть только Корелою; Ладогу они потеряли, и вторичный приступъ къ ней былъ неудаченъ, равно какъ и приступъ къ Орѣшку. Въ мартѣ мѣсяцѣ Делагарди приблизился къ Новгороду, сталъ въ семи верстахъ отъ него, у Хутынскаго монастыря, и послалъ спросить у Новгородцевъ, друзья они или враги Шведамъ, и хотятъ ли соблюдать Выборгскій договоръ. Разумѣется, Новгородцы отвѣчали, что это не ихъ дѣло, что все зависитъ отъ будущаго государя Московскаго. Узнавъ, что Земля встала противъ Владислава, Москва выжжена Поляками, которые осаждены земскимъ ополченіемъ, Карлъ IX писалъ къ его начальникамъ, чтобъ впередъ не выбирали чужихъ государей, а выбрали бы кого-нибудь изъ своихъ. Въ отвѣтъ на это, пріѣхавшій въ Новгородъ отъ Ляпунова воевода Василій Ивановичъ Бутурлинъ предложилъ Делагарди съѣздъ, на которомъ объявилъ, что вся Земля проситъ короля дать на Московское государство одного изъ сыновей. Начались переговоры и затянулись, ибо и Шведы, подобно Полямъ, требовали прежде всего денегъ и городовъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ происходили явленія, которыя подавали Делагарди надежду легко овладѣть имъ. По шведскимъ извѣстіямъ, самъ Бутурлинъ, ненавидѣвшій Поляковъ и подружившійся съ Делагарди еще въ Москвѣ, далъ ему теперь совѣтъ овладѣть Новгородомъ. По русскимъ извѣстіямъ, между Бутурлинымъ и старымъ воеводою, княземъ Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ-Большимъ, было несогласіе, мѣшавшее послѣднему принять дѣятельныя мѣры для безопасности города. Бутурлинъ ссылался со Шведами, торговые люди возили къ нимъ всякіе товары, и когда Делагарди перешелъ Волховъ и сталъ у Колмовскаго монастыря, то Бутурлинъ продолжалъ съѣзжаться съ нимъ, и здѣсь, къ довершенію бѣды, между ратными и посадскими людьми не было совѣта. Посадскіе люди взволновалась и перебрались съ имѣніемъ въ городъ, и дѣйствительно, 8 іюля, Делагарда повелъ приступъ, но, послѣ жестокой сѣчи, ему не удалось вломиться въ городъ; посады были сожжены по приказанію Бутурлина. Семь дней послѣ того Шведы стояли въ бездѣйствіи. Это ободрило Новгородцевъ; въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ молились день и ночь, другіе стали пить, ободряя другъ друга: „Не бойтесь нѣмецкаго нашествія, нашего города имъ не взять,—людей въ немъ множество". Пьяные лазили на стѣны, безстыдно ругались надъ Шведами. У

послѣднихъ былъ въ плѣну Иванъ Шваль, холопъ Лутохина. Шваль, зная, какъ плохо стерегутъ городъ, обѣщалъ Шведамъ ввести ихъ въ него. 15 іюля (какъ разсказывалъ потомъ самъ Делагарди) пріѣхалъ въ шведскій станъ дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ отъ Бутурлина, который велѣлъ сказать Делагарди, чтобъ шелъ прочь отъ Новгорода, а не пойдетъ, такъ его проводятъ; Делагарди велѣлъ отвѣчать: „Бутурлинъ меня все обманываетъ, присылаетъ съ угрозами, хочетъ меня отъ Новгорода проводить: такъ пусть же знаетъ, что я за такія рѣчи буду у него въ Новгородѣ". И дѣйствительно, ночью на 16 іюля, Шваль ввелъ Шведовъ въ Чудинцовскія вороты такъ, что никто не видалъ; жители только тогда узнали, что непріятель въ городѣ, когда Шведы начали бить сторожей по стѣнамъ и по дворамъ. Первое сопротивленіе встрѣтили Шведы на площади, гдѣ расположился Бутурлинъ съ своимъ отрядомъ; но это сопротивленіе было непродолжительно; Бутурлинъ вышелъ изъ города, и, при отступленіи, казаки и стрѣльцы ограбили лавки и дворы подъ тѣмъ предлогомъ, что Шведы отнимутъ же все. Было еще сильнее, но безполезное сопротивленіе въ двухъ мѣстахъ: стрѣлецкій голова Василій Гаютинъ, дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ, Василій Орловъ да казачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока казаками рѣшились защищаться до послѣдней крайности; много уговаривали ихъ Шведы къ сдачѣ,—они не сдались и умерли всѣ вмѣстѣ за православную вѣру. Софійскій протопопъ Аммосъ заперся на своемъ дворѣ съ нѣсколькими Новгородцами, долго бился противъ Шведовъ и много перебилъ ихъ; Аммосъ былъ въ это время подъ запрещеніемъ у митрополита Исидора; митрополитъ служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Шведы, озлобленные сопротивленіемъ, зажгли наконецъ дворъ протопопа, и онъ погибъ въ пламени со всѣми товарищами: ни одинъ не отдался живой въ руки Шведовъ.

Это были послѣдніе защитники Великаго Новгорода. Исидоръ и Одоевскій, видя, что нѣтъ никого ратныхъ людей въ городѣ, послали договариваться съ Делагарди. Первымъ условіемъ была присяга Новгородцевъ королевичу Шведскому; Делагарди, съ своей стороны, обязался не разорять Новгорода, и былъ впущенъ въ кремль; подробности договора были слѣдующія: 1) Между Новгородомъ и Швеціей будетъ искренняя дружба и вѣчный миръ на основаніи договоровъ Теузинскаго и заключенныхъ при царѣ Василіи; Новгородцы обязываются прервать всякія сношенія съ Польшею, въ покровители и защитники принять короля Шведскаго, его преемниковъ мужескаго пола и королевство Шведское, безъ вѣдома котораго не будутъ заключать ни съ кѣмъ ни мира, ни союза. 2) Новгородцы избираютъ и просятъ въ цари котораго-нибудь изъ сыновей короля Карла и утверждаютъ это избраніе присягою, вслѣдствіе чего и государство Московское должно признать короля Карла покровителемъ, а одного изъ сыновей его—царемъ своимъ. 3) До прибытія королевича, Новгородцы будутъ повиноваться Делагарди, обязываются вмѣстѣ съ нимъ приводить къ присягѣ королю ближайшіе города, не щадя при этомъ жизни своей; обязываются не скрывать ничего отъ Делагарди, заблаговременно увѣдомлять его обо всѣхъ вѣстяхъ изъ Москвы или откуда бы то ни было; не предпринимать никакихъ важныхъ дѣлъ безъ его вѣдома и согласія, тѣмъ болѣе не умышлять противъ него ничего враждебнаго; обѣщаются объявить безъ утайки о всѣхъ доходахъ Новгорода съ областями и о всѣхъ деньгахъ, находящихся на лицо въ казнѣ. 4) Делагарди обязуется: если Новгородское и Московское государства признаютъ короля Карла и наслѣдниковъ его своими покровителями, то король отпуститъ на царство котораго-нибудь изъ сыновей своихъ, какъ скоро оба государства черезъ своихъ полномочныхъ пословъ будутъ просить о томъ его величество. Делагарди обязывается, какъ послѣ воцаренія королевича, такъ и теперь до его прихода, не дѣлать никакого притѣсненія православной вѣрѣ, не трогать церквей и монастырей, уважать духовенство и не касаться его доходовъ. 5) Изъ городовъ и уѣздовъ новгородскихъ не присоединять ничего къ Швеціи, исключая Корелы съ уѣздомъ; что же касается до вознагражденія за издержки на вспомогательныя войска для Шуйскаго, то объ этомъ король постановитъ съ боярами и народомъ Русскимъ по отпускѣ сына своего на царство. 6) Запрещается вывозить изъ Россіи въ Швецію деньги, колокола, воинскіе снаряды безъ вѣдома и согласія Русскихъ; Русскихъ людей не выводить въ Швецію, а Шведовъ не задерживать въ Россіи. Всякихъ чиновъ люди сохраняютъ старыя права; имѣнія ихъ остаются неприкосновенными; судъ совершается по-прежнему; для суда безпристрастнаго въ судебныхъ мѣстахъ должны засѣдать по ровному числу русскіе и шведскіе чиновники. За обиды, нанесенныя Русскимъ Шведами, и наоборотъ, должно наказывать безъ всякаго потворства. 7) Бѣглецовъ выдавать. 8) Шведскіе ратные люди, оказавшіе услуги Россіи, съ согласія вельможъ русскихъ, получаютъ награды въ видѣ имѣній (отчинъ?), жалованья, помѣстій. Между обоими государствами будетъ свободная торговля съ узаконенными пошлинами. 9) Казаки могутъ переходить, по ихъ желанію, за границы; но слуги боярскіе останутся по-прежнему въ крѣпости у своихъ владѣльцевъ; плѣнники будутъ возвращены безъ окупа. 10) Всѣ эти условія будутъ всегда сохраняемы ненарушимо не только въ отношеніи къ Новгородскому, но и Владимірскому и Московскому государствамъ, если жители ихъ, вмѣстѣ съ Новгородцами, признаютъ короля покровителемъ, а королевича государемъ. 11) Войско шведское не будетъ помѣщено въ отдаленной части города, гдѣ бы оно могло быть въ тягость жителямъ; но послѣдніе должны помогать деньгами для его продо-

вольствія. Никто изъ жителей не можетъ выѣзжать изъ города для жительства въ деревняхъ или вывозить свое имѣніе безъ вѣдома и согласія Делагарди. Послѣдній присягнулъ въ соблюденіи договора; Новгородцы также поклялись исполнять условія, еслибъ даже Владимірское и Московское государства на то не согласились. Этою статьею, слѣдовательно, Новгородъ отдѣлялъ свое дѣло отъ дѣла Московскаго государства. Изъ договора ясно видно также, что онъ былъ написанъ побѣдителемъ; Московское государство не могло принять его въ этомъ видѣ, ибо съ избраніемъ королевича въ цари соединялась обязанность признать короля отца и всѣхъ его наслѣдниковъ покровителями Русскаго царства; притомъ самое главное условіе для Русскихъ, именно принятіе православной вѣры королевичемъ, было опущено въ договорѣ.

Новгородъ отдѣлился отъ Московскаго государства; Псковъ давно уже отдѣлился отъ него, но не съ тѣмъ, чтобъ признать государемъ иноземца: здѣсь оставался послѣдній уголъ, гдѣ еще могъ явиться новый самозванецъ. Мы оставили Псковъ въ то время, когда онъ находился во власти младшихъ гражданъ, которые преслѣдовали духовенство и лучшихъ людей, какъ измѣнниковъ. Сперва основывались на доказательствахъ явнаго отступничества; но потомъ нашлись люди, которымъ выгодно показалось пользоваться смутою и изъ частной корысти обвинять праваго и виноватаго: много было смуты и кровопролитія по правдѣ и по неправдѣ, говоритъ лѣтописецъ. Иные доносили воровствомъ, продажами и посулами, а другіе по простотѣ, смотря на другихъ, приклика ли, и многихъ перемучили. А кто за кого вступится и станетъ говорить, что безъ вины мучатъ, и того прихватятъ, крича: „И ты такой же, за измѣнника стоишь". Тюрьма была всегда полна. Но какъ обыкновенно бываетъ, господство черни, превратившееся въ безумное тиранство немногихъ, возбудило сильное противодѣйствіе и въ большинствѣ самихъ младшихъ гражданъ: выведенные изъ терпѣнія насиліями стрѣльцовъ и Кудекуши, они соединились съ духовенствомъ и лучшими людьми. Въ августѣ 1609 года стрѣльцы повели казнить какого-то Алексѣя Хозина, и это самовольство послужило поводомъ къ возстанію: поднялись всякіе люди, большіе и меньшіе; даже и тѣ, которые прежде прикликали, корыстовались отъ своихъ же и посулы брали, теперь, видя, до чего дошло дѣло, видя, что нѣтъ ни правому безопасности, ни виноватому суда, встали на стрѣльцовъ,—зачѣмъ хотятъ владѣть безъ городскаго вѣдома и ведутъ казнить не общею всѣхъ думою, сами вздумали своимъ самовольствомъ, а Псковомъ того не вѣдаютъ. Всѣ напустились на стрѣльцовъ, хотѣли отнять у нихъ Алексѣя Хозина; стрѣльцы не хотѣли уступить, вооружились и зазвонили въ колоколъ на Романихѣ,—и вотъ пронеслась вѣсть, что стрѣльцы бьютъ Псковичей: и всякіе посадскіе люди двинулись на стрѣльцовъ. Тѣ, видя, что имъ не устоять противъ всѣхъ Псковичей, ухватили Алексѣя Хозина, отрубили ему голову и побѣжали въ свою слободу, а Псковичи заперли отъ нихъ городъ. Тогда лучшіе люди, видя, что большинство за нихъ, хотѣли воспользоваться выгодою своего положенія, схватили Тимоѳея Кудекушу и другихъ кликуновъ семь человѣкъ и побили ихъ камнями; но при этомъ лучшіе не умѣли умѣрить себя: стали всѣхъ меньшихъ безъ разбора называть кликунами, виноватыхъ вмѣстѣ съ невиноватыми; священники взялись не за свое дѣло,—стали пытать мелкихъ людей крѣпкими муками во всегородной избѣ, иныхъ по торгамъ бить кнутомъ, десяти человѣкамъ головы отсѣкли и пометали въ ровъ; тюрьмы опять наполнились, теперь уже мелкими людьми; другіе изъ меньшихъ разбѣжались по пригородамъ и селамъ.

Когда пришло въ Псковъ извѣстіе, что царь Василій торжествуетъ, что Тушинскій станъ разоренъ и меньшимъ людямъ такимъ образомъ не будетъ помощи отъ своего царя Димитрія, то лучшіе люди захотѣли порѣшить съ своими противниками. Они заперли городъ; бояре, гости, дѣти боярскія, монастырскіе слуги вооружились, сѣли на коней; около нихъ собрались всѣ ихъ приверженцы, помощники и хлѣбосольцы; вся площадь и кремль наполнились вооруженнымъ народомъ; зазвонили во всѣ троицкіе колокола; начали пѣть молебенъ за царя Василія, поздравляли другъ друга, цѣловались, толковали, какъ бы мелкихъ людей смирить до конца, всѣхъ привести къ присягѣ, а непокорныхъ и стрѣльцовъ въ слободѣ побить. Тогда мелкіе люди, видя, что насталъ для нихъ рѣшительный часъ, пошли на Запсковье, ударили въ колоколъ у Козьмы и Даміана, и собрались огромною толпою; Полонищане, услыхавъ звонъ, пришли на помощь Запсковью. Лучшіе люди велѣли стрѣлять съ Покровской башни по Стрѣлецкой слободѣ, но Полонищане не дали имъ стрѣлять и сбили съ башни. Тогда лучшіе люди рѣшились идти биться на Запсковье; но Запсковляне обратили на площадь полковую пушку, сбили замокъ у Возвоскихъ воротъ и послали вѣсть къ стрѣльцамъ въ слободу, чтобъ шли на помощь къ мелкимъ людямъ на Запсковье. Лучшіе люди, услыхавъ, что Запсковляне сносятся съ стрѣльцами, испугались и завели сношенія съ меньшими, стали просить, чтобъ тѣ не принимали въ городъ стрѣльцовъ, обѣщались жить всѣ вмѣстѣ по-старому, Новгороду креста не цѣловать и зла никакого никому не дѣлать. Запсковляне отвѣчали имъ: „Намъ стрѣльцы не измѣнники, зачѣмъ вы ихъ не пускаете въ городъ"? Лучшіе люди, видя, что мелкихъ трудно уговорить, бросились на Полонище, чтобъ силою воспрепятствовать стрѣльцамъ войти въ городъ, но Полонищане отбили лучшихъ отъ воротъ. Тогда двое воеводъ, дѣти боярскія и лучшіе люди, числомъ 300 человѣкъ, выѣхали въ Новгородъ, иные въ Печоры, другіе скрылись до времени по домамъ, а народъ впустилъ стрѣль-

цовъ въ городъ. На этотъ разъ мелкіе люди съ умѣренностію воспользовались своею побѣдою: переписали имѣніе тѣхъ, которые отъѣхали въ Новгородъ; но кто укрывался въ Печорахъ или во Псковѣ,—тѣхъ имѣнія не тронули. Послѣ этого началась усобица между Новгородомъ и Псковомъ, напоминившая давнюю старину: Новгородцы съ Шведами и псковскими отѣзжиками приходили врасплохъ на Псковскую волость, отгоняли скотъ, брали въ плѣнъ крестьянъ, портили хлѣбъ и луга. Но это было еще только началомъ бѣдъ;—въ Москвѣ, Новгородѣ и Торопцѣ цѣловали крестъ Литовскому королевичу; во Псковъ пришла грамота изъ Москвы отъ патріарха и бояръ, чтобъ цѣловали крестъ Владиславу: „Какъ вамъ стоять противъ Московскаго, Литовскаго и Польскаго царства?" Но Псковичи не испугались и не цѣловали креста. Пришелъ Лисовскій и безъ-малаго четыре года воевалъ Псковскую волость, подо всѣ пригороды подходилъ, какъ волкъ искрадомъ хваталъ и поѣдалъ. Въ мартѣ 1611 года пришелъ подъ Печоры Литовскій гетманъ Ходкѣвичъ изъ Ливоніи, шесть недѣль стоялъ подъ Печорами, семь приступовъ было. 23 марта въ Ивань-городѣ проявился послѣдній воръ, Сидорка, назвавшись царевичемъ Димитріемъ; казаки встрепенулись, послышавъ своего: 15 апрѣля они вышли изъ Пскова, сказали, что идутъ на Лисовскаго, и вмѣсто того пошли къ вору въ Ивань-городъ. Въ эти смутные годы, говоритъ лѣтописецъ, воеводъ не было во Псковѣ, одинъ былъ дьякъ Иванъ Леонтьевичъ Луговской да посадскіе люди даны ему въ помощь, и съ этими людьми дьякъ всякія дѣла—и ратныя и земскія—дѣлалъ: и, Божіею милостію, иноземцы не овладѣли ни однимъ городомъ псковскимъ, но овладѣли, когда воеводъ во Псковѣ умножилось. Еще въ началѣ весны Псковичи послали челобитчиковъ ко всей Землѣ къ подмосковнымъ воеводамъ, что Лисовскій волость воюетъ, Ходкѣвичъ подъ Печорами стоитъ, Новгородцы съ Нѣмцами мало отходятъ, а отъ Ивань-города воръ наряжается подо Псковъ, многія напасти отовсюду сходятся, а помощи ни откуда нѣтъ. Но Подмосковный станъ не могъ оказать этой помощи: ему было не до Пскова.

Мы оставили этотъ станъ въ то время, когда, по смерти Ляпунова, казаки восторжествовали, а лучшіе люди въ ополченіи или должны были покинуть общее дѣло, или выносить буйство казаковъ. 14 августа 1611 года (по новому стилю) пришелъ опять подъ Москву Сапѣга съ съѣстными припасами, началъ биться съ ополченцами; осажденные Поляки сдѣлали вылазку въ Бѣлый-городъ, но неудачно. На другой день они были счастливѣе: Полякамъ Сапѣгинымъ удалось переправиться черезъ Москву-рѣку и снабдить осажденныхъ съѣстными припасами; осажденные, съ своей стороны, опять сдѣлали вылазку и отобрали у Русскихъ четверо воротъ въ Бѣломъ-городѣ; самый сильный бой былъ за Никитскія ворота; но Полякамъ удалось удержать и ихъ за собою; Тверскія—остались за Русскими. Поляки говорятъ, что на Русскихъ напалъ такой страхъ, что на другой день они не только не сдѣлали попытки овладѣть снова потерянными воротами, но очень плохо стерегли и тѣ, которыя остались въ ихъ рукахъ. Но если ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго дѣйствительно оробѣло, то при этомъ страхѣ оно было спасено отсутствіемъ всякой дисциплины у Поляковъ. Когда тѣ изъ нихъ, которые бились цѣлый день при овладѣніи воротами, утомились къ вечеру и послали просить у Гонсѣвскаго свѣжихъ хоругвей себѣ на смѣну, то ни одна хоругвь не двинулась, несмотря на приказаніе Гонсѣвскаго. На другой день Гонсѣвскій собралъ войско и объявилъ, что надобно пользоваться обстоятельствами, ударить всѣми силами и забрать остальныя укрѣпленія Бѣлаго-города. Сапѣга, съ своей стороны, далъ знать, что какъ скоро осажденные пойдутъ на стѣны Бѣлаго-города, то онъ ударитъ на ополченіе съ поля. Большая часть войска была согласна съ Гонсѣвскимъ, но нѣкоторые, завидуя ему, начали говорить, что идетъ гетманъ Литовскій Ходкѣвичъ, и не для чего отнимать у него славу и давать ее Гонсѣвскому,—и большинство согласилась ничего не дѣлать. Сапѣга заболѣлъ, и 14 сентября умеръ въ Кремлѣ, въ домѣ Шуйскаго; 6 октября (н. с.) пришелъ наконецъ подъ Москву гетманъ Ходкѣвичъ, сталъ у Андроньева монастыря, и имѣлъ нѣсколько стычекъ съ ополченцами, но не очень счастливыхъ, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, которые объясняютъ и причину несчастія: между Потоцкимъ, губернаторомъ Смоленскимъ, и Ходкѣвичемъ была вражда; Потоцкому не хотѣлось, чтобъ слава завоеванія Москвы досталась Ходкѣвичу; отсюда въ войскѣ, двинувшемся подъ Москву, образовалися двѣ стороны—Потоцкаго и Ходкѣвича; притомъ же Поляки не хотѣли повиноваться Ходкѣвичу, какъ гетману Литовскому. Наконецъ Русскіе ратные люди имѣли полное право смѣяться надъ ничтожностію силъ гетмана: съ нимъ пришло не болѣе 2,000 войска, ослабленнаго нравственно раздорами и физически предшествовавшими трудами въ Ливоніи; пѣхоты вовсе не было.

Такъ прошла осень 1611 года; когда наступила зима, у Поляковъ недостало съѣстныхъ припасовъ, за сѣномъ нужно было ѣздить за нѣсколько миль, въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ для безопасности, и Ходкѣвичъ отступилъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву (между рѣкою Пугою и Волгою, въ 20 верстахъ отъ Ржевы); отошло съ нимъ немало и тѣхъ Поляковъ, которые сидѣли въ Кремлѣ и Китаѣ. Тѣмъ же изъ нихъ, которые остались въ Москвѣ, равно какъ охотникамъ изъ Сапѣжинскихъ полковъ, пожелавшимъ остаться съ ними, положено было особое жалованье, а въ закладъ отданы сокровища изъ казны царской: первымъ дано двѣ короны — Годуновская и Лжедимитріева, посохъ царскій единороговый съ дорогими камнями, богатое сѣдло гусарское Лжедимитріево, нѣсколько роговъ единороговыхъ, которые цѣнились тогда

очень дорого; Сапѣжинцамъ дали—двѣ шапки царскихъ, золотой посохъ и яблоко, усыпанное дорогими каменьями.

Бояре, осажденные въ Кремлѣ, видѣли, что только немедленное прибытіе короля или королевича съ войскомъ можетъ спасти ихъ, и потому, въ началѣ октября, отправили къ Сигизмунду новое посольство, составленное изъ князя Юрія Никитича Трубецкаго, Михайлы Глѣбовича Салтыкова и думнаго дьяка Янова. Новое посольство, говорилось въ вѣрящей грамотѣ, отправлено потому, что старые послы, какъ писалъ самъ король, дѣлали не по тому наказу, какой былъ имъ данъ, ссылались съ Калужскимъ воромъ, съ смоленскими сидѣльцами, съ Ляпуновымъ и другими измѣнниками. Грамота къ Сигизмунду начинается такъ: „Наияснѣйшему великому государю Жигимонту III-му и проч. великаго Московскаго государства ваши государскіе богомольцы: Арсеній, архіепископъ Архангельскій, и весь освященный соборъ, и ваши государскіе вѣрные подданные, бояре окольничіе“, и проч. Гермогенъ былъ заключенъ, да и ни въ какомъ случаѣ не согласился бы подписать грамоту, гдѣ бояре называли себя вѣрными подданными Сигизмунда; бывшій лжедимитріевъ патріархъ, Игнатій, воспользовался вступленіемъ Жолкѣвскаго въ Москву, чтобъ освободиться изъ заключенія и уѣхать въ польскія владѣнія; въ челѣ кремлевскаго духовенства оставался Арсеній—Грекъ, которому поручено было служить въ Архангельскомъ соборѣ и который потому назывался архіепископомъ Архангельскимъ. Благодаря польскому безнарядью, безнарядное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго могло держаться подъ Москвою, придавая себѣ по-прежнему видъ людей, пришедшихъ сражаться за православную вѣру противъ богоборныхъ Польскихъ и Литовскихъ людей. Но Русскіе люди вовсе не такъ смотрѣли на это ополченіе по смерти Ляпунова; вотъ что писали Казанцы къ Пермичамъ: „Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили, преступя крестное цѣлованье. Митрополитъ, мы и всякіе люди Казанскаго государства согласились съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами Поволжскими, съ горными и луговыми, съ горными и луговыми Татарами и Луговою Черемисою на томъ, что: намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за Московское и Казанское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурнаго ничего ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ по-прежнему; казаковъ въ городъ не пускать же, стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя; а выбрать бы намъ на Московское государство государя всею Землею Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволенью, одни, не согласившись со всею Землею, то такого государя намъ не хотѣть“

Изъ этой грамоты мы видимъ, что земскіе люди, жители чистой половины Московскаго государства, жители Поволожья, противоположнаго казацкой прежепогибшей Украйнѣ, вовсе не пришли въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества казаковъ подъ Москвою, вовсе не соединяли дѣла очищенія Земли съ личностію одного человѣка, одного воеводы. Скорбно отзываясь о гибели преставителя своего, они въ то же время даютъ знать, что общее дѣло отъ этого не проиграно, что между ними господствуютъ совѣтъ и соединенье; даютъ знать, что они не допускаютъ никакой перемѣны, никакой новизны до возстановленія законнаго порядка, до избранія царя всею Землею, и повторяютъ свой первый приговоръ надъ казаками: казаковъ въ города не пускать, и государя, ими одними избраннаго,—не хотѣть.

Нравственныя силы чистаго, общественнаго народонаселенія были напряжены по-прежнему, и по-прежнему раздались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую противъ враговъ богоборныхъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ въ безгосударное время—патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но, вмѣсто грамотъ патріаршихъ, шли призывныя грамоты отъ властей прославленнаго недавно новою славою Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Послѣдній намъ уже хорошо извѣстенъ: мы видѣли, какъ хитрый келарь не хотѣлъ терпѣть нужды подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ дожидаться заточенія въ глубь Польши, и уѣхалъ, не повидавшись съ послами. По пріѣздѣ въ свой монастырь, онъ нашелъ, что дѣло Владислава проиграно,—и сталъ ревностно за дѣло освобожденія; когда ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ, Авраамій явился къ нему со Святою водою. Другимъ характеромъ отличался человѣкъ, котораго имя стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Палицына въ знаменитыхъ посланіяхъ Троицкихъ, архимандритъ Діонисій; съ нимъ-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды, при началѣ Смутнаго времени, въ Москвѣ, на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того, чтобъ осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: „Да, братъ! я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей

кельѣ; прости меня, грѣшнаго, Бога ради, въ своемъ безуміи!" Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ невѣждою. „Нѣтъ, братья!" говорилъ имъ монахъ: „дерзкій невѣжда-то я, а не онъ, всѣ слова его обо мнѣ справедливы: онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобъ мнѣ впредъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ кельѣ". Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ старицкаго Богородскаго монастыря, именемъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ московскихъ, въ санѣ архимандрита своего монастыря, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа: тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣщевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія: „Смотрите", говорилъ онъ, „на Старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ". Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, несмотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Изъ Старицкаго монастыря Діонисій былъ переведенъ на архимандрію въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Когда Москва была разорена и казаки, Сапѣжинцы, свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, — толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю, и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены; многіе приходили въ монастырь для того только, чтобъ исповѣдаться, пріобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть монастыря, — умирали на дорогѣ. Монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ, и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изъ всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріюта у Св. Сергія. Ему отвѣчали единодушно; „Кто, государь архимандритъ, въ такой бѣдѣ съ разумомъ сберется? Никому невозможно стало промышлять, кромѣ единаго Бога". Діонисій заплакалъ и началъ опять говорить имъ: „Вѣдь это искушеніе намъ отъ Господа Бога: отъ большой осады насъ Господь Богъ избавилъ, а теперь за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирить и оскорбить". — „Что же намъ дѣлать?" спросили келарь, братія и слуги. Діонисій отвѣчалъ: „Домъ Св. Троицы не запустѣетъ, если станемъ молиться Богу, чтобъ далъ намъ разумъ; только положимъ на томъ, чтобъ всякій промышлялъ, чѣмъ можетъ". Слуги и крестьяне посовѣтовались между собою, и сказали архимандриту съ братіею: „Если вы, государи, будете изъ монастырской казны давать бѣднымъ на кормъ, одежду, лѣченіе и работникамъ, кто возьмется стряпать, служить, лѣчить, собирать и погребать, то мы за головы свои и за животы не стоимъ". И вотъ пошелъ промыселъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырѣ и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить домы, больницы для раненыхъ, избы на страннопріимство всякаго чина людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мужчинамъ, особыя женщинамъ, — въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ. Монастырскіе люди ѣздили по селамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили, мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ кельѣ архимандричьей, сидѣли писцы борзые, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ; собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію Земли.

Лѣтомъ 1611 года, когда еще Ляпуновъ былъ живъ, разосланы были Діонисіемъ грамоты въ Казань, во всѣ Понизовые города, въ Новгородъ Великій, на Поморье, въ Вологду и Пермь: „Православные христіане", говорилось въ грамотѣ, „вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, Святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во Св. Троицу. Возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, Польскихъ и Литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ; гдѣ Святыя Божія церкви и Божіи образы; гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? — не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ такъ-же лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось".

6 октября троицкія власти опять разослали грамоты по областямъ съ извѣстіемъ, что „пришелъ къ Москвѣ, къ Литовскимъ людямъ на помощь Ходкѣвичъ, а съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2,000 человѣкъ, и стали по дорогамъ въ Красномъ селѣ и по Коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіанъ, привести въ конечную погибель; а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіанскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертію животъ вѣчный получить. А Каширяне, Калужане, Туляне и другихъ замосковныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскія и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ Сѣверскихъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ же на спѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскія и всякіе служилые и ратные люди собираются теперь въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и хотятъ идти къ Москвѣ же“. Грамота оканчивается тѣмъ же увѣщаніемъ, какое мы видѣли и въ прежнихъ грамотахъ. Конечно, у Троицы очень хорошо знали о поведеніи казаковъ въ Подмосковномъ станѣ; но все же это войско стояло подъ хоругвію православной вѣры и Московскаго государства, держало въ осадѣ вѣчныхъ враговъ креста Христова и успѣшно билось съ ними, и потому неудивительно, что троицкія власти считаютъ своею обязанностію въ минуту опасности призывать Русскихъ людей на помощь ополченію Трубецкаго и Заруцкаго. Но любопытно для насъ то, что двѣ тысячи Ходкѣвичева войска могли нагнать такой страхъ, могли возбудить опасенія, что такая горсть Поляковъ можетъ занять всѣ дороги и заморить голодомъ ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго. Регулярное войско, хотя и малочисленное, наводило страхъ; но за то у Русскихъ, лишенныхъ вождя и средоточія, образовалось множество легкихъ отрядовъ, которые наносили страшный вредъ Полякамъ, не давая имъ покоя, отнимая добычу и продовольствіе Эти партизаны носили у Поляковъ названіе ш и ш е й.

Народъ былъ готовъ встать какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Явились признаки сознанія о необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія Земли отъ враговъ,—признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писали, что въ Нижнемъ-Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человѣку, имени Григорію: велѣно ему Божіе слово проповѣдывать во всемъ Россійскомъ государствѣ. Говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдію о покаяніи, очищеніи всего государства; во Владимірѣ было также видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей Земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздержаться три дня, даже и съ грудными младенцами, и по приговору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей Земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Мы видѣли, что еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны и потому преждевременно; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіане постились, говоритъ грамота, по своему изволенію,

Итакъ все было готово; ждали только начала движенія; движеніе обнаружилось въ Нижнемъ-Новгородѣ. Правительственными лицами здѣсь въ описываемое время были: воеводы—князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ; въ числѣ земскихъ старостъ былъ Кузьма Мининъ-Сухорукій, мясной торговецъ. Биркинъ сперва служилъ Шуйскому, потомъ Тушинскому вору, потомъ опять Шуйскому, опять измѣнилъ ему вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, который и прислалъ его въ Нижній. Здѣсь считали его человѣкомъ ненадежнымъ: земскій староста Кузьма Мининъ прямо называлъ его сосудомъ сатаны. Когда, въ октябрѣ 1611 года, Нижегородцы получили Троицкую грамоту, то старшіе люди въ городѣ съ духовенствомъ собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: „Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ: прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу“. Стряпчій Биркинъ сталъ противорѣчить, но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ, что догадывается о его замыслѣ. На другой день Нижегородцы сошлись въ соборной церкви; тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру и потомъ прочелъ Тоицкую грамоту; послѣ протопопа началъ говорить Мининъ: „Захотимъ помочь Московскому государству,—такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего,—дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать—и бить челомъ,—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“. Послѣ этого начались частыя сходки, Мининъ продолжалъ свои

увѣщанія: „Что же намъ дѣлать?“ спрашивали его.—„Ополчаться“, отвѣчалъ Мининъ, „сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличъ кликать по вольныхъ служилыхъ людей“.—„А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ“? послышался опять вопросъ. Мининъ отвѣчалъ: „Я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2.500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ соборныя деньги принесъ; то же и вы всѣ сдѣлайте“.—„Будь такъ, будь такъ“! закричали всѣ. Начался сборъ; пришла одна вдова и сказала: „Осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ“. Кто не хотѣлъ давать волею, у тѣхъ брали силою. Но прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода, извѣстный князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который пріѣхалъ сюда отъ Троицы и долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при разореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ добрый Жданъ Петровичъ Болтинъ да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: „Радъ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать“. Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого человѣка нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: „Есть у васъ Кузьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый,—ему это дѣло за обычай“

Когда посланные возвратились и объявили Нижегородцамъ слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобы принялся за дѣло; Мининъ отказывался для укрѣпленія, чтобы Нижегородцы сдались на всю его волю: „Соглашусь“, говорилъ онъ, „если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги“. Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Кузьма взялъ его и отправилъ тотчасъ къ Пожарскому, чтобы Нижегородцы, охладѣвъ въ усердіи, не взяли его назадъ.

Вѣсть, что Нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей, скоро распространилась по городамъ ближайшимъ; смоленскіе дворяне, лишившіеся помѣстій въ своей области вслѣдствіе завоеванія ея Поляками и получившіе земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, прислали бить челомъ Нижегородцамъ, чтобы тѣ приняли ихъ къ себѣ, потому что Заруцкій выгналъ ихъ изъ новыхъ помѣстій, не велѣвши крестьянамъ слушаться ихъ. Нижегородцы послали этихъ челобитчиковъ къ Пожарскому упрашивать его, чтобы шелъ къ Нижнему немедленно. Онъ поѣхалъ, на дорогѣ присоединилъ къ себѣ служилыхъ людей дорогобужскихъ и вяземскихъ, испомѣщенныхъ въ Ярополчѣ и также выгнанныхъ Заруцкимъ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній, гдѣ былъ принятъ съ великою честію. Прежде всего новый начальникъ ополченія занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ; но скоро нижегородской казны стало недостаточно; нужно было писать по всѣмъ городамъ, просить ихъ содѣйствія. Эти грамоты написаны отъ имени Димитрія Пожарскаго, Ивана Биркина, Василья (Семенова?) Юдина и всякихъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго-Новгорода; въ нихъ говорится, что „по Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся Земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ, и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, Польскіе и Литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей Земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ природнымъ христіанскимъ государямъ. Изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскія подъ Москвою были, Польскихъ и Литовскихъ людей осадили крѣпкою осадою, но потомъ дворяне и дѣти боярскія изъ-подъ Москвы разъѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многіе покушаются, чтобы быть на Московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы Нижняго-Новгорода всякіе люди, сославшись съ Казанью и со всѣми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разоренье, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса Смольняне, Дорогобужане и Вятчане, и другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, и мы, всякіе люди Нижняго-Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили: животы свои и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять, идти бы теперь на Литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа, дворяне и дѣти боярскія, опасаетесь отъ казаковъ какого-нибудь налогу или какихъ-нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться; какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею Землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ

какому до сихъ поръ мы не приставали, да и впередъ никакого дурна не захотимъ; непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на Польскихъ и Литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобы казаки по-прежнему не разогнали Низовой рати воровствомъ, грабежемъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ Польскими и Литовскими людьми промышлять вмѣстѣ заодно, сколько милосердый Богъ помощи подастъ; о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ-нибудь городахъ захотятъ дурно учинить или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захотятъ начать, то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы, всякіе люди Нижняго-Новгорода, утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей Землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и Литовскаго короля".

Эта грамота, возвѣщавшая второе возстаніе Земли, отличается отъ грамотъ, писанныхъ во время перваго возстанія, тѣмъ, что въ ней объявляется движеніе чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, противъ казаковъ, сколько противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; основная мысль грамоты: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы не дать казакамъ сдѣлать ничего дурного. Грамота имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и казну, шли ратные люди Первые пришли Коломничи: сначала въ Коломнѣ сидѣлъ, по королевскому приказу, извѣстный намъ Василій Сукинъ, покинувшій посольское дѣло подъ Смоленскомъ; но уже 26 августа 1611 года король писалъ боярамъ въ Москву, что Сукинъ вмѣстѣ съ сыномъ ему измѣнилъ и отъѣхалъ къ ворамъ измѣнникамъ. Оказывается, что Сукинъ, переѣхалъ въ Троицкій монастырь, ибо его имя встрѣчаемъ въ грамотахъ троицкихъ подлѣ именъ Діонисія и Палицына. За Коломничами пришли Рязанцы, за ними служилые люди украинскихъ городовъ; пришли добрые казаки и стрѣльцы, которые сидѣли въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ; — всѣ получили жалованье. Между всѣми этими гостями и Нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говоритъ лѣтописецъ. Но дурныя вѣсти пришли оттуда, откуда менѣе всего ихъ ожидали: Казань, которая до сихъ поръ такъ сильно увѣщевала другіе города къ общему дѣлу, теперь отказалась въ немъ участвовать, по заводу дьяка Никанора Шульгина. Какъ видно, Шульгинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не царственная Казань, главный городъ Понизовья, не онъ, захватившій въ ней всю власть, стали въ челѣ возстанія, а второстепенный Нижній съ своимъ земскимъ старостою; Шульгина поддерживалъ сватъ его, строитель Амфилохій Рыбушкинъ, который не слушался Троицкихъ грамотъ: тогда троицкія власти вызвали отца его, Пимена, архимандрита Старицкаго Богородицкаго монастыря, и, за измѣну сына, томили его тяжкими трудами, заставляли печь хлѣбы. Къ Шульгину же въ Казань перешелъ Иванъ Биркинъ, также недовольный первенствомъ Пожарскаго и Минина въ Нижнемъ.

Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Димитрій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и „какъ Іерусалимъ", говоритъ лѣтопись, „былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ". Дѣйствительно это были послѣдніе люди Московскаго государства, коренные, основные люди; когда ударили бури Смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться.

Такъ окончился 1611 и начался 1612 годъ. Въ концѣ января въ Костромѣ и Ярославлѣ явились грамоты отъ бояръ московскихъ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрнымъ царю Владиславу: „Сами видите, пишутъ бояре, Божію милость надъ великимъ государемъ нашимъ, его государскую правду и счастье: самаго большого заводчика смуты, отъ котораго христіанская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые съ нимъ были въ этомъ заводѣ, Ивашка Заруцкій съ товарищами, и тѣло его держали собакамъ на съѣденіе на площади три дня. Теперь князь Димитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разоренье; отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, боярынь и простыхъ женъ берутъ на блудъ, дѣвицъ растлѣваютъ насильствомъ мучительскимъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать. А Польскіе и Литовскіе люди, видя ваше непокорство, также города всѣ пустошатъ и воюютъ. И то многимъ изъ васъ извѣстно: какъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сидѣли ратные люди отъ насъ изъ Москвы, то они церковь Божію соблюдали, какъ свое око; а когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили и черницъ—королеву, дочь князя Владиміра Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде взглянуть не смѣли, ограбили донага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ брали; и какъ пошли изъ монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это ли христіанство? хуже они Жидовъ, сами своихъ казнятъ и ругаютъ васъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры казаки, наши и ваши хо-

лонп: грабятъ, побиваютъ и позорятъ, и впередъ всѣми вами и вашими домами владѣть хотятъ, что сами вы лучше насъ знаете. А теперь вновь тѣ же воры, Ивашка Заруцкій съ товарищами, государей выбираютъ себѣ такихъ же воровъ казаковъ, называя государскими дѣтьми: сына Калужкаго вора, о которомъ и поминать непригоже; а за другимъ воромъ подъ Псковъ послали такихъ же воровъ и бездушниковъ, Казарина Бѣгичева да Нехорошка Лопухина съ товарищами; а другой воръ, также Димитрій, объявился въ Астрахани у князя Петра Урусова, который Калужскаго убилъ. И такими воровскими государями крѣпко ли Московское государство будетъ и кровь христіанская литься и Московское государство пустошиться впередъ перестанетъ ли? А такими правителями, княземъ Димитріемъ Трубецкимъ да Ивашкою Заруцкимъ Московскому государству можно ли состояться? Они никогда въ своемъ домѣ не умѣли ничего расправить, а теперь такимъ великимъ и преславнымъ государствомъ и вами всѣми владѣютъ и указываютъ не для чего другого, какъ только для своихъ бездѣльныхъ корыстей, воровства и содомскаго грѣха, а Московскому государству на конечное разоренье. А великій государь, Жигимонтъ король, съ большаго сейма, по совѣту всей Польской и Литовской Земли, сына своего, великаго государя королевича Владислава на Владимірское и Московское государство отпустилъ, и самъ до Смоленска его провожаетъ со многою конною и пѣшею ратью, для большаго успокоенья Московскаго государства, и мы его прихода къ Москвѣ ожидаемъ съ радостью. Сами можете разсудить, что Московское государство усмирить и кровь христіанскую унять можемъ только Сигизмундомъ королемъ и сыномъ его. Видя нашу бѣду и конечное разоренье, между нами нестроенье и несовѣтъ, кто не подивится, не восплачетъ и не возрыдаетъ? Со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ, и всѣмъ пограничнымъ государямъ въ посмѣхъ мы и въ позоръ, и въ укоризну стали. А все это отъ васъ, отъ вашего непокорства и крестнаго преступленія".

Бояре писали правду: казаки Подмосковнаго стана дѣйствительно вошли въ сношенія съ Ивань-городскимъ самозванцемъ, которому въ это время удалось утвердиться въ Псковѣ, почему онъ обыкновенно и называется Псковскимъ. Казаринъ Бѣгичевъ, пріѣхавши изъ-подъ Москвы въ Псковъ, не пожалѣлъ своей души и старости: какъ взглянулъ на вора, такъ и закричалъ: „Вотъ истинный государь нашъ Калужскій!" а 2 марта Подмосковный станъ присягнулъ самозванцу, по заводу Ивана Плещеева. Между тѣмъ изъ Ярославля дали знать въ Нижній, что Заруцкій прислалъ много казаковъ въ Ярославль, а Просовецкій уже идетъ съ войскомъ, хотятъ захватить Ярославль и всѣ поморскіе города, чтобъ не дать соединиться нижегородской рати съ Ярославцами. Получивъ эту вѣсть, Пожарскій немедленно послалъ двоюроднаго брата своего, князя Димитрія Петровича Лопату-Пожарскаго, и дьяка Семена Самсонова занять Ярославль до прихода Просовецкаго, въ чемъ они и успѣли. Вслѣдъ за Лопатою по тому же направленію двинулась и главная рать; казны нижегородской недостало ей на жалованье, и потому взяли деньги у купцовъ иногородныхъ, торговавшихъ въ Нижнемъ, всего 5,207 рублей, изъ которыхъ 4,116 рублей было взято у Строгановскихъ приказчиковъ. Въ Балахнѣ, Юрьевѣ-Поволжскомъ жители встрѣтили войско съ радостію, дали денегъ, проводили съ честію. На Рѣшмѣ явился къ Пожарскому Кирилла Чоглоковъ и подалъ грамоту отъ Трубецкаго, Заруцкаго и всего подмосковнаго войска; казаки писали, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе—не выбирать государя безъ совѣта всей Земли, цѣловали крестъ вору, который въ Псковѣ; но теперь они сыскали, что во Псковѣ прямой воръ, а не тотъ, что былъ въ Тушинѣ и въ Калугѣ, отстали отъ него и цѣловали крестъ, что впередъ имъ никакого вора не затѣвать, а быть съ Нижегородскимъ ополченіемъ въ совѣтѣ и соединеніи, противъ враговъ стоять и Московское государство очищать. Пожарскій и Мининъ не повѣрили казацкому раскаянію: у нихъ было твердо положено не соединяться съ казаками: однако, не желая преждевременно раздражать ихъ, они отпустили Чеглокова съ честію и велѣли сказать казакамъ, что нисколько ихъ не опасаются и спѣшатъ къ нимъ на помощь подъ Москву.

Давъ отдохнуть войску нѣсколько времени въ Кинешмѣ, Пожарскій пошелъ къ Костромѣ, но на Плесѣ получилъ извѣстіе, что Костромской воевода Иванъ Шереметовъ прямитъ Владиславу и не хочетъ пускать Нижегородское ополченіе въ городъ. Пожарскій подумалъ съ Мининымъ—и рѣшили, не останавливаясь, идти къ Костромѣ. Здѣсь между жителями были двѣ стороны: одна держалась воеводы, другая не хотѣла Владислава; послѣдняя была многочисленнѣе, и какъ скоро Пожарскій вошелъ въ посадъ Костромы,—народъ всталъ на Шереметева, отнялъ у него воеводство и убилъ бы его, если бы не защитилъ Пожарскій, у котораго Костромичи выпросили себѣ другого воеводу, извѣстнаго намъ князя Романа Гагарина. Въ то же время Суздальцы прислали просить защиты отъ Просовецкаго; къ нимъ былъ посланъ братъ Лопаты, князь Романъ Петровичъ Пожарскій.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ апрѣля ополченіе достигло Ярославля, гдѣ получило грамоту отъ троицкихъ властей: Діонисій, Авраамій Палицынъ, Сукинъ и Андрей Палицынъ увѣдомляли, что „2 марта злодѣй и богоотступникъ Иванъ Плещеевъ съ товарищами, по злому воровскому казачью заводу, затѣяли подъ Москвою въ полкахъ крестное цѣлованье, цѣловали крестъ вору, который въ Псковѣ называется царемъ Димитріемъ; боярина князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и московскихъ жилецкихъ людей привели къ кресту неволею; тѣ цѣловали крестъ, боясь отъ казаковъ смертнаго убійства; теперь князь Димитрій у этихъ воровскихъ заводцевъ живетъ въ великомъ утѣсне-

ніи и радѣетъ соединиться съ вами. 28 марта пріѣхали въ Сергіевъ монастырь два брата Пушкины, прислалъ ихъ къ намъ для совѣта бояринъ князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, чтобъ мы послали къ вамъ,и всѣ бы православные христіане, соединясь, промышляли Польскими и Литовскими людьми, и надъ тѣми врагами, которые завели теперь смуту. И вамъ бы положить на своемъ разумѣ о томъ: можетъ ли и небольшая хижина безъ настоятеля утвердиться, и можетъ ли одинъ городъ безъ властодержателя стоять,—не только что такому великому государству безъ государя быть? Соберитесь, государи, въ одно мѣсто, гдѣ Богъ благоволитъ, и положите совѣтъ благъ, станемъ просить у Вседержителя, да отвратитъ свой праведный гнѣвъ и дастъ стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальнымъ намъ православнымъ христіанамъ порухи не сдѣлали. Намъ извѣстно, что замосковные города—Калуга, Серпуховъ, Тула, Рязань—по воровскому заводу креста не цѣловали, а радѣютъ и ждутъ вашего совѣта. Да марта же 28 пріѣхалъ къ намъ изъ Твери жилецъ и сказывалъ, что въ Твери, Торжкѣ, Старицѣ, Ржевѣ, Погорѣломъ Городищѣ также креста не цѣловали, ждутъ отъ васъ промысла и совѣта; Ивана Плещеева въ Тверь не пустили, товарищамъ его и казакамъ хлѣба купить не дали. Молимъ васъ усердно, поспѣшите придти къ намъ въ Троицкій монастырь, чтобъ тѣ люди, которые теперь подъ Москвою, рознью своею не потеряли Большаго Каменнаго города, остроговъ, наряду“ Въ этой же грамотѣ впервые говорится о страдальческой кончинѣ патріарха Гермогена (въ изгнаніи нужне уморища). Лѣтописецъ разсказываетъ, что Поляки прислали къ Гермогену Русскихъ людей, которые стали уговаривать отписать къ Нижегородскому ополченію, чтобы не ходило подъ Москву; Гермогенъ отвѣчалъ: „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты“. Поляки велѣли за это уморить его голодомъ; онъ умеръ 17 февраля и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ.

7 апрѣля изъ Ярославля пошли грамоты по городамъ: „Бояре и окольничіе, и Димитрій Пожарскій, и стольники, и дворяне большіе, и стряпчіе, и жильцы, и головы, и дворяне, и дѣти боярскія всѣхъ городовъ, и Казанскаго государства князья, мурзы и Татары, и разныхъ городовъ стрѣльцы, пушкари и всякіе служилые и жилецкіе люди челомъ бьютъ По умноженію грѣховъ всего православнаго христіанства, Богъ навелъ неутолимый гнѣвъ на Землю нашу: въ первыхъ прекратилъ благородный корень царскаго поколѣнія (и т. д. слѣдуетъ перечисленіе бѣдствій Смутнаго времени до убійства Ляпунова и буйства казаковъ, за нимъ послѣдовавшаго). Изъ-подъ Москвы князь Димитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій, и атаманы и казаки къ намъ и по всѣмъ городамъ писали, что они цѣловали крестъ безъ совѣта всей Земли государя не выбирать, Псковскому вору, Маринѣ и сыну ея не служить; а теперь цѣловали крестъ вору Сидоркѣ, желая бояръ, дворянъ и всѣхъ лучшихъ людей побить, имѣнье ихъ разграбить и владѣть по своему воровскому казацкому обычаю. Какъ сатана омрачилъ очи ихъ! при нихъ Калужскій ихъ царь убитъ и безглавенъ лежалъ всѣмъ на показъ шесть недѣль,—объ этомъ они изъ Калуги въ Москву и по всѣмъ городамъ писали! Теперь мы всѣ, православные христіане, общимъ совѣтомъ согласились со всею Землею, обѣтъ Богу и души свои дали на томъ, что намъ ихъ воровскому царю Сидоркѣ и Маринѣ съ сыномъ не служить и противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоять въ крѣпости неподвижно. И вамъ, господа, пожаловать, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть небезгосударнымъ, выбрать бы намъ общимъ совѣтомъ государя, чтобъ отъ такихъ находящихъ бѣдъ безъ государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, какъ намъ теперь безъ государя противъ общихъ враговъ, Польскихъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь начинаютъ, стоять, и какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться, и какъ государству нашему впередъ стоять крѣпко и неподвижно? Такъ, по всемірному своему совѣту, пожаловать бы вамъ, прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вамъ отъ себя подъ Москву въ полки, чтобъ они отъ вора Сидорки отстали, съ нами и со всею Землею розни не чинили. Въ Нижнемъ-Новгородѣ гости и всѣ земскіе посадскіе люди, не пощадя своего имѣнья, дворянъ и дѣтей боярскихъ снабдили денежнымъ жалованьемъ; а теперь изо всѣхъ городовъ пріѣзжаютъ къ намъ служивые люди, бьютъ челомъ всей Землѣ о жалованьи, а дать имъ нечего. Такъ вамъ бы, господа, прислать къ намъ въ Ярославль денежную казну ратнымъ людямъ на жалованье“. У грамоты находятся подписи, изъ которыхъ мы узнаемъ начальныхъ людей рати; несмотря на то, что главнымъ вождемъ ополченія былъ избранъ Пожарскій, первыя мѣста уступлены людямъ, превышавшимъ главнаго вождя саномъ: первая подпись принадлежитъ боярину Морозову, вторая—боярину князю Владиміру Тимоѳеевичу Долгорукову, третья—окольничему Головину, четвертая—князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая—князю Пронскому, шестая—князю Волконскому, седьмая—Матвѣю Плещееву, осьмая—князю Львову, девятая—Мирону Вельяминову, десятая—уже князю Пожарскому; на 15-мъ мѣстѣ читаемъ: „Въ выборнаго человѣка всею Землею, въ Козьмино мѣсто Минина князь Пожарскій руку приложилъ;“ за Мининымъ слѣдуетъ еще 34 подписи, и въ томъ числѣ князей Долгорукова и Туренина, Шереметевыхъ, Салтыкова, Бутурлина.

Толпы служилыхъ людей пріѣзжали въ Ярославль для соединенія съ ополченіемъ, посадскіе люди привозили денежную казну; но подъ Москву

нельзя было предпринять немедленнаго похода: казаки заняли Угличъ, Пошехонье, свирѣпствовали по уѣздамъ, Шведы стояли въ Тихвинѣ. Нельзя было двинуться на югъ, оставивъ въ тылу этихъ враговъ. Князь Димитрій Михайловичъ и Кузьма начали думать со всею ратью, духовенствомъ и посадскими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе, и положили: отправить пословъ въ Новгородъ, занять Шведовъ мирными переговорами, а на казаковъ послать войско. Въ Новгородъ отправился Степанъ Татищевъ съ выборными изъ каждаго города по человѣку, повезъ грамоты къ митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди; у митрополита и Одоевскаго ополченіе спрашивало, какъ у нихъ положено со Шведами; къ Делагарди писало, что если король Шведскій дастъ брата своего на государство и окреститъ его въ православную христіанскую вѣру, то они ради быть съ Новгородцами въ одномъ совѣтѣ. Это было написано для того, говоритъ лѣтопись, чтобъ, какъ пойдутъ подъ Москву на очищеніе Московскаго государства, Шведы не пошли воевать въ поморскіе города. Грамоты въ Новгородъ были написаны 13 мая; 19—Исидоръ, Одоевскій и Делагарди отпустили Татищева съ отвѣтомъ, что пришлютъ въ Ярославль своихъ пословъ; но Татищевъ объявилъ, что въ Новгородѣ добра ждать нечего. Несмотря на то, въ іюнѣ начальники ополченія разослали грамоты по украинскимъ городамъ, которые держались Псковскаго вора, Марины и сына ея, чтобъ они отъ вѣдомаго вора отстали: „Только вы отъ того вора отстанете и съ нами будете въ соединеньи, то враги наши, Польскіе и Литовскіе люди изъ Московскаго государства выйдутъ; если же отъ вора не отстанете, то Польскіе и Литовскіе люди Москву и всѣ города до конца разорятъ, всѣхъ насъ и васъ погубятъ, Землю нашу пусту и безпамятну учинятъ, и того всего взыщетъ Богъ на насъ, да и окрестныя всѣ государства назовутъ васъ предателями своей вѣрѣ и отечеству, а больше всего, какой вамъ дать отвѣтъ на второмъ пришествіи предъ Праведнымъ Судіею? Да писали къ намъ изъ Великаго Новгорода митрополитъ Исидоръ и бояринъ князь Одоевскій, что у нихъ отъ Нѣмецкихъ людей православной вѣрѣ порухи и православнымъ христіанамъ разоренья нѣтъ, Шведскаго короля Карла не стало, а послѣ него сѣлъ на государствѣ сынъ его Густавъ-Адольфъ, а другой сынъ его, Карлусъ-Филиппъ будетъ въ Новгородъ на государство вскорѣ, и дается на всю волю людей Новгородскаго государства, хочетъ креститься въ нашу православную христіанскую вѣру Греческаго закона. И вамъ бы, господа, про то было вѣдомо, и прислали бы вы къ намъ, для общаго земскаго совѣта, изъ всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, и совѣтъ свой отписали къ намъ, какъ намъ противъ общихъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ людей стоять, и какъ намъ въ нынѣшнее злое время безгосударнымъ не быть и выбрать бы намъ государя всею Землею. А если вы, господа, къ намъ на совѣтъ вскорѣ не пришлете, отъ вора не отстанете и со всею Землею не соединитесь и общимъ совѣтомъ съ нами государя не станете выбирать, то мы, съ сердечными слезами разставшись съ вами, всемірнымъ совѣтомъ съ поморскими, понизовыми и замосковными городами, будемъ выбирать государя. Да объявляемъ вамъ, что 6 іюня прислали къ намъ изъ-подъ Москвы князь Димитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій и всякіе люди повинную грамоту: пишутъ, что они своровали, цѣловали крестъ Псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой воръ, отстали отъ него и цѣловали крестъ—впередъ другого вора не затѣвать и быть съ нами во всемірномъ совѣтѣ; о томъ же они писали и къ намъ во всѣ украинскіе города".

На этотъ разъ изъ Подмосковнаго стана писали правду: 11 апрѣля пріѣхалъ оттуда во Псковъ Иванъ Плещеевъ обознавать вора; Плещеевъ, по словамъ лѣтописи, обратился на истинный путь, не захотѣлъ вражды въ Землѣ, и началъ говорить всѣмъ, что это истинный воръ. Очень можетъ быть, что несогласіе многихъ въ самомъ Подмосковномъ станѣ, несогласіе сѣверо-западныхъ городовъ, причемъ Тверичи не впустили его къ себѣ въ городъ, содѣйствовало обращенію Плещеева на истинный путь. Какъ бы то ни было, отказъ его признать вора произвелъ свое дѣйствіе въ Псковѣ: 18 мая воръ долженъ былъ бѣжать изъ города съ воеводою княземъ Хованскимъ, но Плещеевъ вошелъ въ переговоры съ Хованскимъ и убѣдилъ его выдать вора, вслѣдствіе чего 20 числа самозванца привели назадъ въ городъ и посадили въ палату, а 1 іюля повезли къ Москвѣ.

Пожарскій послалъ и въ далекую Сибирь грамоты съ увѣдомленіемъ о новгородскихъ дѣлахъ и съ требованіемъ присылки выборныхъ для совѣта насчетъ избранія королевича. Онъ увѣдомлялъ города, что посланные имъ противъ казаковъ и Черкасъ отряды вездѣ имѣли успѣхъ: князь Димитрій Лопата-Пожарскій выгналъ казаковъ изъ Пошехонья, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій выгналъ Малороссійскихъ казаковъ, или Черкасъ, изъ Антоніева монастыря въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, потомъ выгналъ Великороссійскихъ казаковъ изъ Углича; воевода Наумовъ отогналъ отряды Заруцкаго отъ Переяславля. Но среди этихъ успѣховъ, въ самомъ Ярославлѣ происходили смуты: туда явился съ Казанскимъ ополченіемъ извѣстный намъ Иванъ Биркинъ вмѣстѣ съ татарскимъ головою Лукьяномъ Мяснымъ. Еще дорогою они ссорились другъ съ другомъ, Биркинъ велъ себя какъ непріятель въ городахъ и уѣздахъ, когда же пришелъ въ Ярославль, то возобновилъ ссору съ Мяснымъ изъ-за того, кому быть главнымъ начальникомъ; едва дѣло не дошло между ними до бою; но—что всего хуже—эта ссора отразилась и въ ополченіи Пожарскаго: большинство было противъ Биркина и откинуло его, но Смольняне приняли его сторону. Биркинъ ушелъ съ большею частію своихъ назадъ, но Лукьянъ Мясной остался съ двадцатью человѣками князей и мурзъ, тридцатью дворянами и сотнею стрѣльцовъ. Смута не пре-

кратилась и по уходѣ Биркина: начались споры между начальниками о старшинствѣ, каждый изъ ратныхъ людей принималъ сторону своего воеводы, а разсудить ихъ было некому;—тогда придумали по старинѣ взять въ посредники, въ-третьи, лицо духовное, послали къ бывшему Ростовскому митрополиту Кириллу, жившему въ Троицкомъ монастырѣ, чтобъ онъ былъ на прежнемъ столѣ своемъ въ Ростовѣ. Кириллъ согласился, пріѣхалъ въ Ростовъ, потомъ въ Ярославль, и сталъ укрѣплять людей: какая ссора начнется у начальниковъ,—и тѣ обо всемъ докладывали ему.

Озабоченные великимъ и труднымъ дѣломъ, обращая безпокойные взоры во всѣ стороны—нельзя ли гдѣ найти помощь, начальники ополченія вспомнили о державѣ, съ которою прежніе цари Московскіе были постоянно въ дружественныхъ сношеніяхъ, которой помогли деньгами во время опасной войны съ Турціею: эта держава была Австрія. Вожди ополченія, по неопытности своей, думали, что Австрія теперь захочетъ быть благодарною, поможетъ Московскому государству въ его нуждѣ, и 20 іюня написали грамоту къ императору Рудольфу, въ которой, изложивъ всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Русскими людьми отъ Поляковъ, писали: „Какъ вы, великій государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете разсудить, пригоже ли то дѣло Жигимонтъ король дѣлаетъ, что, преступивъ крестное цѣлованье, такое великое христіанское государство разорилъ и до конца разоряетъ, и годится-ль такъ дѣлать христіанскому государю! И между вами, великими государями, какому впередъ быть укрѣпленью, кромѣ крестнагоцѣлованья? Бьемъ челомъ вашему цесарскому величеству всею Землею, чтобъ вы, памятуя къ себѣ дружбу и любовь великихъ государей нашихъ, въ нынѣшней нашей скорби на насъ призрѣли, своею казною намъ помогли, а къ Польскому королю отписали, чтобъ онъ отъ неправды своей отсталъ и воинскихъ людей изъ Московскаго государства велѣлъ вывести“.

Въ іюлѣ пріѣхали въ Ярославль обѣщанные послы новгородскіе, изъ духовныхъ игуменъ Вяжицкаго монастыря Геннадій, изъ дворянъ городовыхъ—князь Ѳедоръ Оболенскій, да изо всѣхъ пятинъ изъ дворянъ и изъ посадскихъ людей по человѣку. 26 числа они правили посольство предъ Пожарскимъ и, по обычаю, начали рѣчь изложеніемъ причинъ смуты: „Послѣ пресѣченія царскаго корня, всѣ единомысленно избрали на государство Бориса Ѳедоровича Годунова по его въ Россійскомъ государствѣ правительству, и всѣ ему въ послушаніи были; потомъ отъ государя на бояръ ближнихъ и на дальнихъ людей, по наносу злыхъ людей, гнѣвъ воздвигнулся, какъ вамъ самимъ вѣдомо. И нѣкоторый воръ чернецъ сбѣжалъ изъ Московскаго государства въ Литву назвался“ и проч. Здѣсь нельзя не замѣтить, что послы именно хотѣли связать гнѣвъ Бориса на ближнихъ и дальнихъ людей съ появленіемъ самозванца, какъ причину, съ слѣдствіемъ. Упомянувъ о послѣдующихъ событіяхъ, о переговорахъ начальниковъ перваго ополченія съ Делагарди, у котораго съ Бутурлинымъ „за нѣкоторыми мѣрами договоръ не сталея, а Яковъ Пунтусовъ новгородскій деревянный городъ взятьемъ взялъ, и Новгородцы утвердились съ ними просить къ себѣ въ государи Шведскаго королевича“,—послы увѣдомили, что этотъ королевичъ Карлъ-Филиппъ отъ матери и брата отпущенъ совсѣмъ, теперь въ дорогѣ и, надобно думать, скоро будетъ въ Новгородѣ“. Послы кончили рѣчь словами: „Вѣдомо вамъ самимъ, что великій Новгородъ отъ Московскаго государства никогда отлученъ не былъ, и теперь бы вамъ такъ-же, учиня между собою общій совѣтъ, быть съ нами въ любви и соединеніи подъ рукою одного государя“.

Слова эти не могли не оскорбить начальниковъ ополченія, представителей Московскаго государства: Новгородъ, давно уже часть послѣдняго, требуетъ, чтобъ цѣлое было съ нимъ въ любви и соединеніи и приняло государя, котораго онъ избралъ. Пожарскій отвѣчалъ горькими словами: „При прежнихъ великихъ государяхъ послы и посланники прихаживали изъ иныхъ государствъ, а теперь изъ Великаго Новгорода вы послы! Искони, какъ начали быть государи на Россійскомъ государствѣ, Великій Новгородъ отъ Россійскаго государства отлученъ не бывалъ; такъ и теперь бы Новгородъ съ Россійскимъ государствомъ былъ по-прежнему“. Послѣ этихъ словъ, Пожарскій немедленно перешелъ къ тому, какъ обманчиво и непрочно избраніе иностранныхъ принцевъ: „Уже мы въ этомъ искусились“, сказалъ онъ; „чтобъ и Шведскій король не сдѣлалъ съ ними такъ-же, какъ Польскій. Польскій Жигимонтъ король хотѣлъ дать на Россійское государство сына своего королевича, да черезъ крестное цѣлованье гетмана Жолкѣвскаго и черезъ свой листъ манилъ съ годъ и не далъ; а надъ Московскимъ государствомъ что Польскіе и Литовскіе люди сдѣлали, то вамъ самимъ вѣдомо. И Шведскій Карлусъ король такъ-же на Новгородское государство хотѣлъ сына своего отпустить вскорѣ, да до сихъ поръ, уже близко году, королевичъ въ Новгородъ не бывалъ“. Князь Оболенскій старался оправдать медленность королевича Филиппа смертію отца, вѣсть о которой застала его уже на пути въ Новгородъ, потомъ Датскою войною; онъ кончилъ такъ: „Такой статьи, какъ учинилъ надъ Московскимъ государствомъ Литовскій король, отъ Шведскаго королевства мы не чаемъ“. Пожарскій отвѣчалъ рѣшительно, что, наученные опытомъ, они не дадутся въ другой разъ въ обманъ и признáютъ Филиппа царемъ тогда только, какъ онъ пріѣдетъ въ Новгородъ и приметъ Греческую вѣру. „А въ Швецію намъ пословъ послать никакъ нельзя“, заключилъ Пожарскій: „вѣдомо вамъ самимъ, какіе люди посланы къ польскому Жигимонту королю, бояринъ князь Василій Голицынъ съ товарищами! а теперь держатъ ихъ въ заключеніи, какъ полоняниковъ, и они отъ нужды и безчестья, будучи въ чужой Землѣ, погибаютъ“. Посланники возразили, что Шведскій король не можетъ повторить поступка Сигизмундова, ибо такъ-же наученъ опытомъ въ его

безполезности: „Учинилъ Жигимонтъ король неправду, да тѣмъ себѣ какую прибыль сдѣлалъ, что пословъ задержалъ? Теперь и безъ нихъ вы, бояре и воеводы, не въ собраньи ли и противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей, не стоите ли?"

Отвѣтъ Пожарскаго на это важенъ для насъ вопервыхъ потому, что показываетъ мнѣніе его объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Смутнаго времени, во-вторыхъ потому, что обнаруживаетъ характеръ самого Пожарскаго,—противоположность этого характера характеру Ляпунова, что, разумѣется, не могло не имѣть важнаго вліянія на успѣхъ втораго ополченія. Пожарскій отвѣчалъ: „Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время; еслибъ теперь такой столпъ, князь Василій Васильевичъ, былъ здѣсь, то за него бы всѣ держались, и я за такое великое дѣло мимо его не принялся бы, а то теперь меня къ такому дѣлу бояре и вся Земля силою приневолили. И, видя то, что сдѣлалось съ литовской стороны, въ Швецію намъ пословъ не посылывать и государя не нашей православной вѣры Греческаго закона не хотѣть". Послѣднія слова Пожарскаго сильно тронули новгородскихъ пословъ; настаиваніе именно на то, чтобъ не выбирать государя неправославнаго, пробудило въ нихъ чувство, которое служило самою крѣпкою связью между всѣми Русскими людьми, которое подняло всю Землю противъ Польскихъ и Литовскихъ людей. Оболенскій сказалъ: „Мы отъ истинной православной вѣры не отпали, королевичу Филиппу-Карлу будемъ бить челомъ, чтобъ онъ былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и за то хотимъ всѣ помереть; только Карлъ королевичъ не захочетъ быть въ православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона, то не только съ вами, боярами и воеводами, и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, хотя бы вы насъ и покинули, мы одни за истинную нашу православную вѣру хотимъ помереть, а не нашей, не-Греческой вѣры государя не хотимъ". Переговоры кончились тѣмъ, что Пожарскій не согласился вступить ни въ какія обязательства со Шведами; но, чтобъ явнымъ разрывомъ не возбудить послѣднихъ противъ ополченія, положили отправить въ Новгородъ посла, Перфилья Секерина, для продленія времени; для того послали, говоритъ лѣтописецъ, чтобъ не помѣшали Нѣмецкіе люди идти на очищеніе Московскаго государства, а того у нихъ и въ думѣ не было, что взять на Московское государство иноземца. „Если, господа, писали начальники ополченія Новгородцамъ, если королевичъ, по вашему прошенью, васъ не пожалуетъ, и въ Великій Новгородъ нынѣшняго года по лѣтнему пути не будетъ, то во всѣхъ городахъ всякіе люди о томъ будутъ въ сомнѣніи; а намъ безъ государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству безъ государя долгое время стоять нельзя. А до тѣхъ поръ, пока королевичъ не придетъ въ Новгородъ, людямъ Новгородскаго государства быть съ нами въ любви и совѣтѣ, войны не начинать, городовъ и уѣздовъ Московскаго государства къ Новгородскому государству не подводить, людей къ кресту не приводить и задоровъ никакихъ не дѣлать".

По отправленіи втораго посла въ Новгородъ, ополченіе стало уже собираться въ походъ изъ Ярославля, какъ открылся казацкій заговоръ на жизнь Пожарскаго. Изъ Подмосковнаго стана, отъ Заруцкаго, пріѣхали въ Ярославль двое казаковъ—Обреска и Степанъ, у нихъ уже были здѣсь соумышленники—Иванъ Доводчиковъ Смолянинъ, смоленскіе стрѣльцы — Шанда съ пятью товарищами, да Рязанецъ Семенъ Хваловъ; послѣдній жилъ на дворѣ у князя Пожарскаго, который кормилъ его и одѣвалъ. Придумывали разные способы, хотѣли зарѣзать Пожарскаго сопнаго, наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, въ тѣснотѣ. Однажды князь былъ въ съѣзжей избѣ, оттуда пошелъ смотрѣть пушки, назначаемыя подъ Москву, и принужденъ былъ отъ тѣсноты остановиться у дверей разрядныхъ; казакъ, именемъ Романъ, взялъ его за руку, вѣроятно для того, чтобъ помочь вырваться изъ толпы; въ это время заговорщикъ, казакъ Степанъ, кинулся между ними, хотѣлъ ударить ножемъ въ животъ князя, но промахнулся и ударилъ Романа по ногѣ,—тотъ упалъ и началъ стонать. Пожарскій никакъ не воображалъ, что ударъ былъ направленъ противъ него, думалъ, что несчастіе случилось по неосторожности въ тѣснотѣ, и хотѣлъ уже идти дальше, какъ народъ бросился къ нему съ крикомъ, что его самого хотѣли зарѣзать; начали искать и нашли ножъ, схватили убійцу, который на пыткѣ повинился во всемъ и назвалъ товарищей, которые также признались. По приговору всей Земли, преступниковъ разослали въ города по тюрьмамъ, нѣкоторыхъ же взяли подъ Москву на обличенье; тамъ повинились они вторично предъ всею ратью, и были прощены, потому что Пожарскій просилъ за нихъ.

Понятно, съ какимъ чувствомъ послѣ этого Пожарскій и все ополченіе должны были выступать въ походъ подъ Москву, гдѣ подъ видомъ союзниковъ должны были встрѣтить убійцъ. Но медлить долѣе нельзя было, потому что приходили вѣсти о приближеніи Ходкѣвича къ Москвѣ. Пожарскій отправилъ передовые отряды: первый—подъ начальствомъ воеводъ Михайлы Самсоновича Дмитріева и Ѳедора Левашова; имъ наказано было, пришедши подъ Москву, не входить въ станъ къ Трубецкому и Заруцкому, но поставить себѣ особый острожекъ у Петровскихъ воротъ; второй отрядъ былъ отправленъ подъ начальствомъ князя Димитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова, которымъ велѣно было стать у Тверскихъ воротъ. Кромѣ извѣстій о движеніяхъ Ходкѣвича, была и другая причина спѣшить походомъ къ Москвѣ: надобно было спасти дворянъ и дѣтей боярскихъ, находившихся подъ Москвою, отъ буйства казаковъ. Украинскіе города, подвигнутые грамотами ополченія, выслали своихъ ратныхъ людей, которые пришли въ станъ къ Трубецкому и расположились въ Никитскомъ острогѣ; но Заруцкій съ своими казаками не давалъ имъ покоя

Несчастные украинцы послали въ Ярославль Кондырева и Бѣгичева съ товарищами бить челомъ, чтобъ ополченіе шло подъ Москву немедленно спасти ихъ отъ казаковъ. Когда посланные увидали здѣсь, въ какомъ довольствѣ и устройствѣ живутъ ратники новаго ополченія, и вспомнили свое утѣсненіе отъ казаковъ, то не могли промолвить ни слова отъ слезъ. Князь Пожарскій и другіе знали лично Кондырева и Бѣгичева, но теперь едва могли узнать ихъ: въ такомъ жалкомъ видѣ они явились въ Ярославль! Ихъ обдарили деньгами, сукнами и отпустили къ своимъ съ радостною вѣстію, что ополченіе выступаетъ къ Москвѣ. Но какъ скоро Заруцкій и казаки его узнали, съ какими вѣстями возвратились Кондыревъ и Бѣгичевъ, то хотѣли побить ихъ, и они едва спаслись въ полкъ къ Дмитріеву, а товарищи ихъ, остальные украинцы, принуждены были разбѣжаться по своимъ городамъ. Разогнавъ украинскихъ людей, Заруцкій хотѣлъ и прямо помѣшать движенію ополченія; онъ отправилъ многочисленный отрядъ казаковъ перенять дорогу у князя Лопаты-Пожарскаго, разбить полкъ, умертвить воеводу; но и этотъ замыселъ не удался: отрядъ Лопаты храбро встрѣтилъ казаковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наконецъ и главное ополченіе выступило изъ Ярославля. Отслуживъ молебенъ въ Спасскомъ монастырѣ у гроба Ярославскихъ чудотворцевъ (знаменитаго князя Ѳедора Ростиславича Чернаго и сыновей его Давида и Константина), взявъ благословеніе у митрополита Кирилла и у всѣхъ властей духовныхъ, Пожарскій вывелъ ополченіе изъ Ярославля. Отошедши 7 верстъ отъ города, войско остановилось на ночлегъ. Здѣсь Пожарскій сдалъ рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьмѣ Минину, приказавъ идти въ Ростовъ и ждать его тамъ, а самъ съ немногими людьми поѣхалъ въ Суздаль, въ Спасо-Евфиміевъ монастырь проститься у гробовъ родительскихъ, послѣ чего, какъ было условлено, нагналъ рать въ Ростовѣ. Въ этомъ городѣ къ ополченію присоединилось еще много ратныхъ людей изъ разныхъ областей, такъ что Пожарскій могъ послать отрядъ подъ начальствомъ Образцова въ Бѣлозерскъ, на случай враждебнаго движенія Шведовъ. Нужно было сдѣлать еще важное распоряженіе: митрополитъ Кириллъ, который въ Ярославлѣ былъ посредникомъ, примирителемъ ссоръ между воеводами, остался въ своей епархіи; нужно было подъ Москвою имѣть такое же лицо, тѣмъ болѣе что предвидѣлись распри еще большія, вслѣдствіе сосѣдства Трубецкаго и Заруцкаго. И вотъ, 29 іюля, Пожарскій, отъ имени всѣхъ чиновъ людей, написалъ къ Казанскому митрополиту Ефрему: „За преумноженіе грѣховъ всѣхъ насъ православныхъ христіанъ, Вседержитель Богъ совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отнялъ у насъ главу Московскаго государства и вождя людямъ, государя царя и великаго князя всея Руси, отнялъ и пастыря и учителя словесныхъ овецъ стада его, святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руси; да и по городамъ многіе пастыри и учители, митрополиты, архіепископы и епископы, какъ пресвѣтлыя звѣзды, погасли, и теперь оставилъ насъ сиротствующихъ, и были мы въ поношеніе и посмѣхъ, на поруганіе языковъ; но еще не до конца оставилъ насъ сирыми,—даровалъ намъ единое утѣшеніе, тебя, великаго господина, какъ нѣкое великое свѣтило положи на свѣщницѣ въ Россійскомъ государствѣ сіяющее. И теперь, великій господинъ, немалая у насъ скорбь, что подъ Москвою вся Земля въ собраньи, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ; одна соборная церковь Пречистой Богородицы осталась на Крутицахъ, и та вдовствуетъ. И мы, по совѣту всей Земли, приговорили: въ дому Пречистой Богородицы на Крутицахъ быть митрополитомъ игумену Сторожевскаго монастыря Исаіи; этотъ Исаія отъ многихъ свидѣтельствованъ, что имѣетъ житіе по Богѣ. И мы игумена Исаію послали къ тебѣ, великому господину, въ Казань, и молимъ твое преподобіе всею Землею, чтобъ тебѣ, великому господину, не оставить насъ въ послѣдней скорби и безпастырныхъ: совершить игумена Исаію на Крутицы митрополитомъ и отпустить его подъ Москву къ намъ въ полки поскорѣе, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая въ крайнемъ оскудѣніи и разореніи".

По извѣстіямъ русскихъ лѣтописцевъ, Заруцкій, услыхавъ, что ополченіе двинулось изъ Ярославля, собрался съ преданными ему казаками, т.-е. почти съ половиною всего войска, стоявшаго подъ Москвою, и двинулся въ Коломну, гдѣ жила Марина съ сыномъ; взявши ихъ и выгромивъ городъ, пошелъ на рязанскія мѣста, и, опустошивши ихъ, сталъ въ Михайловѣ. Поляки разсказываютъ иначе причину, побудившую Заруцкаго оставить Подмосковный станъ: по ихъ словамъ, Ходкѣвичъ, стоя въ Рогачевѣ, завелъ сношенія съ Заруцкимъ, склоняя его разными обѣщаніями перейти на сторону королевскую. Посредникомъ былъ одинъ изъ войска Сапѣги, именемъ Бориславскій, который явился въ Подмосковный станъ, объявивши, что недоволенъ гетманомъ и службою королевскою, и хочетъ служить у Русскихъ. Послѣдніе повѣрили; но одинъ Полякъ, Хмелевскій, также убѣжавшій изъ польскаго стана, открылъ Трубецкому о переговорахъ Бориславскаго съ Заруцкимъ. Бориславскаго взяли на пытку, жгли огнемъ, и онъ погибъ въ мукахъ, а Заруцкій счелъ за лучшее уйдти изъ стана подъ Коломну. Казаки, оставшіеся съ Трубецкимъ подъ Москвою, отправили атамана Внукова въ Ростовъ просить Пожарскаго идти поскорѣе подъ Москву; но это посольство имѣло еще другую цѣль: казаки хотѣли развѣдать, не затѣваетъ ли ополченіе чего-нибудь противъ нихъ. Но Пожарскій и Мининъ обошлись со Внуковымъ и товарищами его очень ласково, одарили деньгами и сукнами, и отпустили подъ Москву съ извѣстіемъ, что идутъ немедленно, и дѣйствительно вслѣдъ за ними двинулись черезъ Переяславль къ Троицкому монастырю.

Прибывши къ Троицѣ, 14-го августа ополченіе

расположилось между монастыремъ и Клементьевскою слободою,—то былъ послѣдній станъ до Москвы; предстояло сдѣлать послѣдній шагъ, — и ополченіемъ овладѣло раздумье: боялись не Поляковъ осажденныхъ, не гетмана Ходкѣвича,—боялись казаковъ. Пожарскій и Мининъ хотѣли непремѣнно обезпечить себя относительно казаковъ какимъ-нибудь договоромъ, укрѣпиться съ ними, по тогдашнему выраженію, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышлять. Въ ополченіи стала рознь: одни хотѣли идти подъ Москву, другіе не соглашались, говорили, что казаки манятъ князя Димитрія подъ Москву для того, чтобъ убить его такъ же, какъ Ляпунова. Въ это время пришло предложеніе отъ другихъ союзниковъ ненадежныхъ,—отъ наемниковъ иноземныхъ, Маржерета съ тремя товарищами, которые писали, что, набравъ ратныхъ людей, готовы идти на помощь къ ополченію. Бояре, воеводы и, по избранію Московскаго государства, всякихъ чиновъ людей, у ратныхъ и земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода, князь Димитрій Пожарскій, написали отвѣтъ на имя однихъ товарищей Маржеретовыхъ: „Мы государямъ, вашимъ королямъ, за ихъ жалованье, что они о Московскомъ государствѣ радѣютъ и людямъ велятъ сбираться намъ на помощь, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады выславлять; васъ, начальныхъ людей, за ваше доброхотство похваляемъ, и нашею любовью, гдѣ будетъ возможно, воздавать вамъ хотимъ; но тому удивляемся, что вы въ совѣтѣ съ Францужениномъ Яковомъ Маржеретомъ, о которомъ мы всѣ знаемъ подлинно: выѣхалъ онъ при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ изъ цесарской области, и государь его пожаловалъ помѣстьемъ, вотчинами и денежнымъ жалованьемъ; а послѣ, при царѣ Василіи Ивановичѣ, Маржеретъ присталъ къ вору и Московскому государству многое зло чинилъ; а когда Польскій король прислалъ гетмана Жолкѣвскаго, то Маржеретъ пришелъ опять съ гетманомъ, и когда Польскіе и Литовскіе люди, оплоша московскихъ бояръ, Москву разорили, выжгли и людей сѣкли, то Маржеретъ кровь христіанскую проливалъ пуще Польскихъ людей, и, награбившись государевой казны, пошелъ изъ Москвы въ Польшу съ измѣнникомъ Михайлою Салтыковымъ. Намъ подлинно извѣстно, что Польскій король тому Маржерету велѣлъ у себя быть въ радѣ, и мы удивляемся, какимъ это образомъ теперь Маржеретъ хочетъ намъ помогать противъ Польскихъ людей? Мнится намъ, что Маржеретъ хочетъ быть въ Московское государство по умышленью Польскаго короля, чтобъ зло какое-нибудь учинить. Мы этого опасаемся, и потому къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ людей отпускаемъ. Да и наемные люди изъ иныхъ государствъ намъ теперь не надобны: до сихъ поръ мы съ Польскими людьми не могли сладить потому, что государство Московское было въ розни, а теперь все Россійское государство избрало за разумъ, правду, дородство и храбрость къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ стольника и воеводу князя Димитрія Михайловича Пожарскаго-Стародубскаго; да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми, стали теперь съ нами единомышленно, и мы Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ и города очищаемъ; что гдѣ соберется доходовъ—отдаемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ, а сами мы, бояре и воеводы, дворяне и дѣти боярскія, служимъ и бьемся за Св. Божіи церкви, за православную вѣру и свое отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и Литовскихъ людей самихъ, за ихъ неправду, гнѣвъ Божій доходитъ: Турскіе и Крымскіе люди Волынь и Подолію до конца запустошили и впередъ, по нашей ссылкѣ, Польскую и Литовскую Землю Крымскіе люди пустошить хотятъ. Такъ, уповая на милость Божію, оборонимся и сами, безъ наемныхъ людей. А если по какому-нибудь случаю, враговъ нашихъ не одолѣемъ, то пошлемъ къ вамъ своихъ людей, наказавши имъ подлинно, сколько имъ людей нанимать, и почемъ имъ давать. А вы бы любовь свою намъ показали, о Яковѣ Маржеретѣ отписали, какимъ образомъ онъ изъ Польской Земли у васъ объявился, и какъ онъ теперь у васъ, въ какой чести. А мы думали, что ему, за его неправду, кромѣ Польши, ни въ какой Землѣ мѣста не будетъ".

Отъ наемныхъ иностранцевъ можно было отдѣлаться, но отъ казаковъ Подмосковскаго стана нельзя: пришла вѣсть, что Ходкѣвича ожидаютъ подъ Москву съ часу-на-часъ. Пожарскому было уже не до уговору съ казаками; онъ наскоро послалъ передъ собою князя Туренина съ отрядомъ, приказавъ ему стать у Чертольскихъ воротъ, и назначилъ 18 августа днемъ выступленія цѣлаго ополченія къ Москвѣ. Отпѣвши молебенъ у чудотворца, благословившись у архимандрита, войска выступили; монахи провожали ихъ крестнымъ ходомъ, и вотъ, когда послѣдніе люди двигались на великое дѣло, сильный вѣтеръ подулъ отъ Москвы на встрѣчу ополченію: — дурной знакъ! сердца упали; со страхомъ и томленіемъ подходили ратники къ образамъ Св. Троицы, Сергія и Никона чудотворцевъ, прикладывались ко кресту изъ рукъ архимандрита, который кропилъ ихъ Святою водою. Но когда этотъ священный обрядъ былъ конченъ, вѣтеръ вдругъ перемѣнился и съ такою силою подулъ въ тылъ войску, что всадники едва держались на лошадяхъ: тотчасъ же всѣ лица просіяли, вездѣ послышались обѣщанія помереть за домъ Пречистой Богородицы, за православную христіанскую вѣру.

Время было уже къ вечеру, когда, не доходя 5 верстъ до Москвы, ополченіе остановилось на рѣкѣ Яузѣ; къ Арбатскимъ воротамъ посланы были отряды развѣдать удобныя мѣста для стана; когда они возвратились, исполнивъ порученіе, то уже наступала ночь, и Пожарскій рѣшился провести ее на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился. Трубецкой безпрестанно присылалъ звать Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и вся рать отвѣчали: „Отнюдь не бывать тому, чтобъ намъ стать вмѣстѣ съ казаками". На другой день утромъ, когда опол-

ченіе пододвинулось ближе къ Москвѣ, Трубецкій встрѣтилъ его съ своими ратными людьми и предлагалъ стать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ, расположенномъ у Яузскихъ воротъ; но получилъ опять прежній отвѣтъ: „Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать“, и Пожарскій расположился въ особомъ острогѣ у Арбатскихъ воротъ; Трубецкой и казаки разсердились. Такимъ образомъ, подъ Москвою открылось любопытное зрѣлище. Подъ ея стѣнами стояли два ополченія, имѣвшія повидимому одну цѣль—вытѣснить враговъ изъ столицы, а между тѣмъ рѣзко раздѣленныя и враждебныя другъ другу: старое ополченіе, состоявшее преимущественно изъ казаковъ, имѣвшее вождемъ тушинскаго боярина, было представителемъ Россіи больной, представителемъ народонаселенія прежде погибшей южной Украйны, народонаселенія съ противообщественными стремленіями. Второе ополченіе, находившееся подъ начальствомъ воеводы, знаменитаго своею вѣрностію установленному порядку,—было представителемъ здоровой, свѣжей половины Россіи, того народонаселенія съ земскимъ характеромъ, которое въ самомъ началѣ смутъ выставило сопротивленіе ихъ исчадіямъ, воровскимъ слугамъ, и теперь, несмотря на всю видимую безнадежность положенія, на торжество казаковъ по смерти Ляпунова, собрало, съ большими пожертвованіями, послѣднія силы и выставило ихъ на очищеніе государства. Залогъ успѣха теперь заключался въ томъ, что эта здоровая часть русскаго народонаселенія, сознавъ, съ одной стороны, необходимость пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры и отечества, съ другой—сознало ясно гдѣ источникъ зла, гдѣ главный врагъ Московскаго государства, и порвала связь съ больною, зараженною частію. Слова Минина въ Нижнемъ: „Похотѣть намъ помочь Московскому государству, то не пожалѣть намъ ничего“, и слова ополченія подъ Москвою: „отнюдь намъ съ казаками вмѣстѣ не стаивать“ — вотъ слова, въ которыхъ высказалось внутреннее очищеніе, выздоровленіе Московскаго государства; чистое отдѣлилось отъ нечистаго, здоровое—отъ зараженнаго, и очищеніе государства отъ враговъ внѣшнихъ было уже легко.

Это очищеніе было тѣмъ болѣе легко, что государство, со которымъ должно было бороться, само страдало тяжкою, неизлѣчимою болѣзнію внутренняго безнарядья. Еще осенью 1611 года Поляки, находившіеся въ Москвѣ, послали сказать королю, что они долѣе 6 января 1612 года здѣсь не останутся; когда назначенный срокъ прошелъ, они сдержали свое слово: собрали коло, выбрали маршалкомъ конфедераціи Іосифа Цеклинскаго и, въ числѣ 7,000 коннаго войска, отправились въ Польшу требовать заслуженнаго жалованья. Въ Москвѣ осталась часть сапѣжинскаго войска и отрядъ, присланный изъ Смоленска съ двумя Конецпольскими; главнымъ начальникомъ, вмѣсто Гонсѣвскаго, Яковъ Потоцкій прислалъ племянника своего отъ сестры, Николая Струся, съ цѣлію мѣшать Ходкѣвичу. Четыре тысячи сапѣжинцевъ, примкнувшіе-было къ Ходкѣвичу, также, какъ говорятъ, по интригамъ партіи Потоцкаго, бросили гетманскій станъ, составили конфедерацію, выбрали себѣ въ маршалки Яна Залинскаго и ушли въ Литву. При такомъ состояніи дѣлъ мы не будемъ удивляться бездѣйствію Ходкѣвича въ продолженіи слишкомъ полугода: все, что онъ могъ дѣлать, — это снабжать осажденныхъ съѣстными припасами.

21 августа узналъ Пожарскій о движеніи Ходкѣвича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ того же дня непріятель уже стоялъ на Поклонной горѣ. Чтобъ загородить ему дорогу въ Кремль, Русское войско стало по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки: ополченіе Пожарскаго—на лѣвомъ, подлѣ Новодѣвичьяго монастыря, ополченіе Трубецкаго—на правомъ, у Крымскаго двора. Трубецкой прислалъ сказать Пожарскому, что для успѣшнаго нападенія на гетмана со стороны ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ: Пожарскій выбралъ пять лучшихъ сотенъ и отправилъ ихъ на тотъ берегъ. На разсвѣтѣ 22 числа гетманъ перешелъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго: бой продолжался съ перваго часа по восходѣ солнечномъ до осьмаго, и грозилъ окончиться дурно для Пожарскаго; онъ былъ уже придвинутъ къ Чертольскимъ воротамъ, и видя, что русская конница не въ состояніи бороться съ польскою, велѣлъ всей своей рати сойти съ коней, но при этой перемѣнѣ строя Русскіе люди едва могли сдерживать натискъ непріятеля. А на другомъ берегу ополченіе Трубецкаго стояло въ совершенномъ бездѣйствіи; казаки спокойно смотрѣли на битву и ругались надъ дворянами: „Богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана“, кричали они. Но не могли спокойно смотрѣть на битву головы тѣхъ сотенъ, которыя были отдѣлены къ Трубецкому изъ ополченія Пожарскаго: они двинулись на выручку своихъ, Трубецкой не хотѣлъ-было отпускать ихъ, но они его не послушали и быстро рванулись черезъ рѣку; примѣръ ихъ увлекъ и нѣкоторыхъ казаковъ; атаманы Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ пошли за ними, крича Трубецкому: „Отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится!“ Приходъ на помощь свѣжаго отряда рѣшилъ дѣло въ пользу Пожарскаго: гетманъ, потерявши надежду пробиться съ этой стороны къ Кремлю, отступилъ назадъ къ Поклонной горѣ; съ другой стороны, кремлевскіе Поляки, сдѣлавши вылазку для очистки Водяныхъ воротъ, были побиты и потеряли знамена. Но въ ночь четыреста возовъ съ запасами, подъ прикрытіемъ отряда изъ 600 человѣкъ, пробрались къ городу; дорогу указывалъ Русскій, Григорій Орловъ; стража, опередившая возы, успѣла уже войти въ городъ, какъ явились Русскіе, начали сильную перестрѣлку и овладѣли возами.

23 числа осажденные снова сдѣлали вылазку изъ Китая-города и на этотъ разъ удачно: они переправились черезъ Москву-рѣку, взяли русскій

острогъ, бывшій у церкви Св. Георгія (въ Яндовѣ) и засѣли тутъ, распустивши на колокольнѣ польское знамя. Другого дѣла 23 числа не было: гетманъ употребилъ этотъ день на передвижку своего войска отъ Поклонной горы къ Донскому монастырю, чтобъ пробиться къ городу по Замоскворѣчью, черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы. Очень быть можетъ, что онъ не надѣялся встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны стоявшихъ здѣсь казаковъ Трубецкаго, ибо видѣлъ равнодушіе ихъ наканунѣ; онъ могъ надѣяться, что ополченіе Пожарскаго захочетъ отомстить казакамъ и не двинется къ нимъ на помощь. На этотъ разъ Трубецкой расположился по берегу Москвы-рѣки отъ Лужниковъ (старыхъ), его же казацкій отрядъ сидѣлъ въ острогѣ у церкви Св. Климента (на Пятницкой). Обозъ Пожарскаго былъ расположенъ по-прежнему на лѣвомъ берегу, подлѣ церкви Ильи Обыденнаго; но самъ Пожарскій съ большею частію войска переправился на Замоскворѣчье, чтобъ вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пускать гетмана въ городъ.

24 числа, въ понедѣльникъ, опять на разсвѣтѣ, начался бой и продолжался до шестаго часа по восхожденіи солнца; Поляки смяли Русскихъ и втоптали ихъ въ рѣку, такъ что самъ Пожарскій съ своимъ полкомъ едва устоялъ, и принужденъ былъ переправиться на лѣвый берегъ; Трубецкой съ своими казаками ушелъ въ таборы за рѣку; казаки покинули и Клементьевскій острожекъ, который тотчасъ же былъ занятъ Поляками, вышедшими изъ Китая-города. Поляки, по обычаю, распустили свои знамена на церкви Св. Климента; этотъ видъ литовскихъ знаменъ на православной церкви раздражилъ казаковъ: они съ яростію бросились опять къ острожку и выбили оттуда Поляковъ; но одно чувство у этихъ дикарей быстро смѣнялось другимъ: увидавъ, что они одни бьются съ непріятелемъ, а дворяне Пожарскаго имъ не помогаютъ, казаки въ сердцахъ опять вышли изъ острога, ругая дворянъ: „Они богаты и ничего не хотятъ дѣлать; мы наги и голодны—и одни бьемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда". Клементьевскій острогъ опять былъ занятъ Поляками, и гетманъ расположилъ свой обозъ у церкви Великомученицы Екатерины (на Ордынкѣ). Видя успѣхъ непріятеля, видя съ другой стороны, что съ однимъ своимъ ополченіемъ нельзя поправить дѣло, Пожарскій и Мининъ послали князя Димитрія Петровича Лопату-Пожарскаго за келаремъ Авраміемъ Палицинымъ, который въ это время въ обозѣ, у церкви Иліи Обыденнаго, служилъ молебенъ. Пожарскій упросилъ Авраміявъ сопровожденіи многихъ дворянъ отправиться въ станъ къ казакамъ и уговорить ихъ, чтобъ шли противъ Поляковъ и постарались не пропустить запасовъ въ Китай и Кремль. Келарь отправился сначала къ самому важному мѣсту, къ Клементьевскому острогу, у котораго еще стояла толпа казаковъ, и началъ говорить имъ: „Отъ васъ началось дѣло доброе, вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростію; а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить!" Эти слова тронули казаковъ: они отвѣчали, что готовы идти на враговъ и помрутъ, а безъ побѣды не возвратятся, только пусть келарь ѣдетъ въ таборы къ другимъ казакамъ и уговоритъ ихъ также вступить въ дѣло. Келарь поѣхалъ и на берегу рѣки увидалъ множество казаковъ, которые сбирались переходить на тотъ берегъ въ свои таборы; Палицынъ уговорилъ и ихъ возвратиться назадъ; другіе казаки, которые стояли уже на другомъ берегу, видя, что братья ихъ возвращаются назадъ не зная еще въ чемъ дѣло, бросились также назадъ, черезъ рѣку,— одни въ бродъ, другіе по лавамъ. Видя, что дѣло пошло на ладъ, Палицынъ переѣхалъ черезъ рѣку въ самые таборы казацкіе: здѣсь одни казаки преспокойно пили, другіе играли въ зернь; но Палицынъ успѣлъ и ихъ уговорить,—и вотъ вся эта толпа оборванцевъ, босыхъ, нагихъ (ибо все награбленное тотчасъ пропивалось и проигрывалось) бросилась черезъ рѣку по слѣдамъ товарищей, съ крикомъ: „Сергіевъ! Сергіевъ!" Видя общее движеніе казаковъ, ополченіе Пожарскаго также двинулось впередъ: острогъ Клементьевскій былъ снова взятъ у Поляковъ,—и русская пѣхота залегла по ямамъ и крапивамъ по всѣмъ дорогамъ, чтобы не пропустить гетмана къ городу.

Уже начинало темнѣть, а рѣшительнаго еще ничего не было; по всѣмъ полкамъ пѣли молебны со слезами, чтобъ Богъ избавилъ отъ погибели Московское государство; дали обѣтъ всею ратью поставить три храма: во имя Срѣтенія Богородицы, Іоанна Богослова и Петра митрополита. Сдѣлать рѣшительный шагъ суждено было человѣку, который началъ великое дѣло: Мининъ подошелъ къ Пожарскому и началъ просить у него людей, чтобъ промыслить надъ гетманомъ: „Бери, кого хочешь", отвѣчалъ ему князь Димитрій. Мининъ взялъ уже извѣстнаго намъ перебѣжчика ротмистра Хмелевскаго да три дворянскихъ сотни, перешелъ рѣку и устремился на двѣ польскія роты, конную и пѣшую, стоявшія у Крымскаго двора: тѣ испугались и, не дожидаясь удара отъ Русскихъ, бросились бѣжать къ гетманскому стану, причемъ одна рота смяла другую. Видя это, русская пѣхота выскочила изъ ямъ и пошла также къ польскимъ таборамъ, а за нею двинулось и все конное ополченіе. Поляки не могли выдержать этого дружнаго натиска: потерявши 500 человѣкъ—потеря страшная при малочисленности его войска!—гетманъ вышелъ изъ Екатирининскаго стана и отступилъ на Воробьевы горы. Разгоряченные русскіе ратники хотѣли преслѣдовать непріятеля, но осторожные воеводы остановили ихъ, говоря, что не бываетъ на одинъ день по двѣ радости; только сильная стрѣльба продолжалась два часа: въ полкахъ нельзя было разслышать голоса человѣческаго, и небо стало въ заревѣ, точно отъ пожара. На другой день восходящее солнце застало уже гетмана на дорогѣ къ Можайску.

Соединенными усиліями обоихъ ополченій гетманъ былъ отраженъ, и къ сидѣвшимъ въ Кремлѣ и Китаѣ Полякамъ не пропущено припасовъ; надобно было теперь думать о томъ, какъ бы стѣснить ихъ окончательно; но пошла опять рознь между ополченіями Трубецкаго и Пожарскаго, то-есть между казаками и дворянами: князь Трубецкой, какъ бояринъ, требовалъ, чтобы стольникъ князь Пожарскій и торговый человѣкъ Мининъ ѣздили къ нему въ таборы для совѣта; но тѣ никакъ не согласились, не потому, говоритъ лѣтопись, чтобы считали это для себя унизительнымъ, но боясь убійства отъ казаковъ. Скоро явились новые поджигатели вражды, о дѣйствіяхъ которыхъ такъ разсказываетъ грамота, разосланная по городамъ отъ Пожарскаго: „По благословенію великаго господина, преосвященнаго Кирилла, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, и всего освященнаго собора, по совѣту и приговору всей Земли, пришли мы въ Москву, и въ гетманскій приходъ съ Польскими и Литовскими людьми, съ Черкасами и Венграми бились мы четыре дня и четыре ночи. Божіею милостію и Пречистой Богородицы и московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и Русской Земли заступника, великаго Чудотворца Сергія, и всѣхъ Святыхъ молитвами, всемірныхъ враговъ нашихъ, гетмана Хоткѣева съ Польскими и Литовскими людьми, съ Венграми, Нѣмцами и Черкасами отъ острожковъ отбили, въ городъ ихъ съ запасами не пропустили, и гетманъ со всѣми людьми пошелъ къ Можайску. Иванъ и Василій Шереметевы до 5-го сентября къ намъ не бывали, 5-го сеетября пріѣхали, стали въ полкахъ князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, и началъ Иванъ Шереметевъ съ старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ да съ Иваномъ Плещеевымъ, да съ княземъ Иваномъ Засѣкинымъ атамановъ и казаковъ научать на всякое зло, чтобы раздѣленіе и ссору въ Землѣ учинить, начали наговаривать атамановъ и казаковъ на то, чтобъ шли по городамъ, въ Ярославль, Вологду и другіе города православныхъ христіанъ разорять. Да Иванъ же Шереметевъ съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ научаютъ атамановъ и казаковъ, чтобъ у насъ начальника, князя Димитрія Михайловича, убить, какъ Прокофья Ляпунова убили, а Прокофій убитъ отъ завода Ивана же Шереметева, и насъ бы всѣхъ ратныхъ людей перелрабить и отъ Москвы отогнать. У Ивана Шереметева съ товарищами, у атамановъ и казаковъ такое умышленье, чтобы Литва въ Москвѣ сидѣла, а имъ бы по своему таборскому воровскому начинанью все дѣлать, государство разорять и православныхъ христіанъ побивать. Такъ вамъ бы, господа, про такое злое начинанье было вѣдомо, а жить бы вамъ съ великимъ опасеньемъ и къ намъ обо всемъ отписать, какъ намъ противъ такихъ воровскихъ заводовъ стоять“.

Важнѣе всего, разумѣется, было не допустить казаковъ уйти изъ-подъ Москвы и овладѣть сѣверными городами. Казаки кричали, что они голодны и холодны, не могутъ долѣе стоять подъ Москвою, пусть стоятъ подъ нею богатые дворяне. Услыхавши о томъ, какъ рушится доброе дѣло подъ Москвою, Троицкій архимандритъ Діонисій созываетъ братію на соборъ для совѣта что́ дѣлать: денегъ въ монастырѣ нѣтъ, нечего послать казакамъ; какую имъ почесть оказать и упросить, чтобъ отъ Москвы не расходились, не отомстивши врагамъ крови христіанской. Приговорили послать казакамъ сокровища церковныя, ризы, стихари, епитрахили саженные въ закладъ въ тысячѣ рубляхъ на короткое время; написали имъ и грамоту. Но посылка тронула казаковъ: совѣстно, страшно показалось имъ брать въ закладъ церковная вещи изъ монастыря Св. Сергія, и они возвратили ихъ въ монастырь съ двумя атаманами, и въ грамотѣ обѣщались все претерпѣть, а отъ Москвы не уйти. Надобно было послѣ этого уладить дѣло между воеводами: приговорили всею ратью, что Пожарскій и Мининъ въ казацкіе таборы ѣздить не будутъ, а будутъ всѣ воеводы съѣзжаться на среднемъ мѣстѣ, на Неглинной, и промышлять земскимъ дѣломъ. Воеводы разослали по городамъ грамоты: „Были у насъ до сихъ поръ разряды разные, а теперь, по милости Божіей, мы, Димитрій Трубецкой и Димитрій Пожарскій, по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ людей, стали заодно и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Москвы доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безъ всякой хитрости, а разрядъ и всякіе приказы поставили мы на Неглинной, на Трубѣ, снесли въ одно мѣсто, и всякія дѣла дѣлаемъ заодно, и надъ московскими сидѣльцами промышляемъ: у Пушечнаго двора и въ Егорьевскомъ монастырѣ, да у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ поставили туры, и изъ-за нихъ по городу бьемъ изъ пушекъ безпрестанно и всякими промыслами промышляемъ. Выходятъ изъ города къ намъ выходцы, Русскіе, Литовскіе, Нѣмецкіе люди, и сказываютъ, что въ городѣ изъ нашихъ пушекъ побивается много людей, да много помираетъ отъ тѣсноты и голоду, ѣдятъ Литовскіе люди человѣчину, а хлѣба и никакихъ другихъ запасовъ ничего у нихъ не осталось, и мы надѣемся овладѣть Москвою скоро. И вамъ бы, господа, во всякихъ дѣлахъ слушать нашихъ грамотъ—Димитрія Трубецкаго и Димитрія Пожарскаго—и писать объ всякихъ дѣлахъ къ намъ обоимъ; а которыя грамоты станутъ приходить къ вамъ отъ кого-нибудь одного изъ насъ, то вы бы этимъ грамотамъ не вѣрили“.

Когда, такимъ образомъ, дѣло уладилось подъ Москвою, пришли дурныя вѣсти съ сѣвера: Малороссійскіе казаки, или Черкасы, отдѣлившись отъ Ходкѣвича, подошли нечаянно къ Вологдѣ и взяли ее; Вологодскій архіепископъ Сильвестръ такъ описывалъ это происшествіе въ грамотѣ къ Пожарскому: „22 сентября, за часъ до восхожденія солнца, разорители православной вѣры пришли на Вологду безвѣстно изгономъ, городъ взяли, людей всякихъ посѣкли, церкви Божіи поругали, городъ и посады выжгли до основанія; воевода князь Иванъ Одоевскій-Меньшой ушелъ, а другого воеводу князя Григорья Долгорукаго и дьяка Корташова убили;

меня, грѣшнаго, взяли въ полонъ и держали у себя четыре ночи, много разъ приводили къ казни, но Господь смилосердовался, чуть живаго отпустили. А когда они пришли къ Вологдѣ, то воеводскимъ нерадѣньемъ и оплошествомъ, отъ города отъѣзжихъ карауловъ, сторожей на башняхъ, на острогѣ и на городской стѣнѣ, головы и сотниковъ съ стрѣльцами, у наряда пушкарей и зачинщиковъ не было; были у воротъ на караулѣ немногіе люди, и тѣ не слыхали, какъ Литовскіе люди въ городъ вошли, а большія ворота были не замкнуты. Польскіе и Литовскіе люди пошли съ Вологды 25 сентября; и теперь, господа, городъ Вологда жженое мѣсто, окрѣпить для осады и нарядъ прибрать некому; Вологжане, которые убѣжали, въ городъ сходиться не смѣютъ; пришелъ съ Бѣлаозера воевода Образцовъ съ своимъ полкомъ и сѣлъ на Вологдѣ, но его никто не слушаетъ, другъ друга грабятъ: такъ вамъ бы, господа, прислать на Вологду воеводу крѣпкаго и дьяка; а все, господа, дѣлалось хмелемъ, пропили городъ Вологду воеводы".

Съ другой стороны приходили въ Москву вѣсти, что Ходкѣвичъ хочетъ прислать врасплохъ отряды и провести запасы осажденнымъ въ Китай и Кремль. Воеводы стали думать, какъ бы не пропустить Поляковъ, и велѣли всей рати плести плетеницы и копать большой ровъ на Замоскворѣцкомъ полуостровѣ, отъ одного берега до другого; сами воеводы стояли поперемѣнно день и ночь, наблюдая за работами. Еще въ половинѣ сентября Пожарскій послалъ въ Кремль грамоту: „Полковникамъ и всему рыцарству, Нѣмцамъ, Черкасамъ и гайдукамъ, которые сидятъ въ Кремлѣ, князь Димитрій Пожарскій челомъ бьетъ. Вѣдомо намъ, что вы, будучи въ городѣ въ осадѣ, голодъ безмѣрный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крѣпитъ васъ и упрашиваетъ Николай Струсь, да Московскаго государства измѣнники, Ѳедька Андроновъ съ товарищами, которые сидятъ съ вами вмѣстѣ для своего живота. Вамъ самимъ вѣдомо, въ прошломъ году (по сентябрьскому счету) Карлъ Хоткѣвичъ былъ здѣсь со всѣмъ своимъ войскомъ, панъ Сапѣга съ великимъ собраніемъ, а въ Москвѣ Польскіе люди сидѣли съ Зборовскимъ и другими многими полковниками, войска польскаго и литовскаго было тогда много; но мы, надѣясь на милость Божію, Польскихъ и Литовскихъ людей не побоялись. Теперь же вы сами гетмановъ приходъ видѣли, и какъ гетманъ отъ насъ отошелъ, а мы еще и не со всѣми людьми были. Гетмана въ другой разъ не ждите: Черкасы, которые были съ нимъ, покинули его и пошли въ Литву; самъ гетманъ ушелъ въ Смоленскъ, гдѣ нѣтъ никого прибылыхъ людей, — сапѣжинское войско все въ Польшѣ. Вѣдаете сами, какая въ Москвѣ неправда сталась отъ Жигимонта короля да отъ Польскихъ и Литовскихъ людей; и вамъ бы въ той неправдѣ душъ своихъ не погубить, такой нужды и голоду за неправду терпѣть нечего; присылайте къ намъ, не мѣшкая, сберегите головы ваши и животы ваши въ цѣлости, а я возьму на свою душу и у всѣхъ ратныхъ людей упрошу: которые изъ васъ захотятъ въ свою Землю, — тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ Московскому государю служить, — тѣхъ пожалуемъ по достоинству". Отвѣтомъ былъ гордый и грубый отказъ, несмотря на то, что голодъ былъ ужасный: отцы ѣли дѣтей своихъ, одинъ гайдукъ съѣлъ сына, другой — мать, одинъ товарищъ съѣлъ слугу своего; ротмистръ, посаженный судить виновныхъ, убѣжалъ съ судилища, боясь, чтобъ обвиненные не съѣли судью.

Наконецъ, 22 октября, казаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ; чтобъ избавиться отъ лишнихъ ртовъ, они велѣли боярамъ и всѣмъ русскимъ людямъ выслать своихъ женъ вонъ изъ Кремля. Бояре сильно встужили и послали къ Пожарскому, Минину и всѣмъ ратнымъ людямъ съ просьбою, чтобы пожаловали, приняли ихъ женъ безъ позору. Пожарскій велѣлъ сказать имъ, чтобы выпускали женъ безъ страха, и самъ пошелъ принимать ихъ, принялъ всѣхъ честно и каждую проводилъ къ своему пріятелю, приказавши всѣмъ ихъ довольствовать. Казаки взволновались и опять послышались среди нихъ обычныя угрозы — убить князя Димитрія, зачѣмъ не далъ грабить боярынь.

Доведенные голодомъ до крайности, Поляки вступили наконецъ въ переговоры съ ополченіемъ, требуя только одного, — чтобъ имъ сохранена была жизнь, что и было обѣщано. Сперва выпустили бояръ — Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и матерью послѣдняго, Марѳою Ивановною, и всѣхъ другихъ Русскихъ людей. Когда казаки увидали, что бояре собрались на Каменномъ мосту, ведшемъ изъ Кремля чрезъ Неглинную, то хотѣли броситься на нихъ, но были удержаны ополченіемъ Пожарскаго и принуждены возвратиться въ таборы, послѣ чего бояре были приняты съ большою честію. На другой день сдались и Поляки: Струсь съ своимъ полкомъ достался казакамъ Трубецкаго, которые многихъ плѣнныхъ ограбили и побили; Будзило съ своимъ полкомъ отведенъ былъ къ ратникамъ Пожарскаго, которые не тронули ни одного Поляка. Струсь былъ допрошенъ, Андронова пытали: сколько сокровищъ царскихъ утрачено, сколько осталось. Отыскали и старинныя шапки царскія, которыя отданы были въ закладъ сапѣжинцамъ, оставшимся въ Кремлѣ. 27-го ноября ополченіе Трубецкаго сошлось къ церкви Казанской Богородицы, за Покровскими воротами, ополченіе Пожарскаго — къ церкви Іоанна Милостиваго, на Арбатѣ, и, взявши кресты и образа, двинулись въ Китай-городъ съ двухъ разныхъ сторонъ, въ сопровожденіи всѣхъ московскихъ жителей; ополченія сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ Троицкій архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ, и вотъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ, изъ Кремля, показался другой крестный ходъ: шелъ Галасунскій (Архангельскій) архіепископъ Арсеній

съ кремлевскимъ духовенствомъ и несли Владимірскую; вопль и рыданія раздались въ народѣ, который уже потерялъ-было надежду когда-либо увидать этотъ дорогой для Москвичей и всѣхъ Русскихъ образъ. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ Кремль, и здѣсь печаль смѣнила радость, когда увидали, въ какомъ положеніи озлобленные иновѣрцы оставили церкви: вездѣ нечистота, образа разсѣчены, глаза вывернуты, престолы ободраны; въ чанахъ приготовлена страшная пища—человѣческіе трупы! Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ окончилось великое народное торжество, подобное которому видѣли отцы наши ровно черезъ два вѣка.

Трубецкой поселился въ Кремлѣ, на дворѣ Годунова, куда для совѣщаній пріѣзжалъ къ нему Пожарскій, помѣстившійся на Арбатѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Казаки попрежнему не давали имъ покоя, все требуя жалованья; они позабыли, говоритъ лѣтописецъ, что всю казну во многихъ городахъ выграбили; однажды ворвались они въ Кремль, крича, что побьютъ начальныхъ людей; дворяне остановили ихъ, и едва между ними и дворянами не дошло до боя. А между тѣмъ схватили какихъ-то подозрительныхъ людей: оказалось, что то были вяземскія дѣти боярскія; отобрали у нихъ грамоты,—изъ грамотъ узнали, что въ Вязьмѣ самъ король Сигизмундъ...

Когда въ Варшавѣ узнали, что дѣла идутъ плохо въ Москвѣ для Поляковъ, то нашлось много людей, которые сложили всю вину на короля, упрекали его въ медленности, въ неумѣньи пользоваться обстоятельствами, требовали, чтобъ онъ какъ можно скорѣе шелъ къ Москвѣ и поправилъ дѣло; но никто не указывалъ, съ какими средствами, съ какимъ войскомъ королю идти къ Москвѣ. Король однако пошелъ: въ августѣ онъ пріѣхалъ въ Вильну и ждалъ войска, но войско не являлось ни откуда, потому что у короля денегъ не было; кое-какъ набралъ Сигизмундъ три тысячи Нѣмцевъ, изъ которыхъ составилъ два пѣхотныхъ полка, и отправился съ ними къ Смоленску, куда прибылъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Онъ надѣялся, что конница или рыцарство, находившееся въ Смоленскѣ, примкнетъ къ нему, но получилъ отказъ; онъ созвалъ коло, и въ горячей рѣчи умолялъ войско слѣдовать за нимъ,—но все понапрасну. Грустный король двинулся изъ Смоленска съ одною своею нѣмецкою пѣхотою, а тутъ еще печальное предзнаменованіе: только-что онъ хотѣлъ проѣхать въ ворота, называвшіяся Царскими, какъ затворы сорвались съ петель, упали и загородили дорогу: король долженъ былъ выѣхать въ другія ворота. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ рыцарства стало стыдно, что отпустили короля своего съ горстью наемниковъ въ Землю непріятельскую,—и 1,200 человѣкъ конницы нагнали короля на дорогѣ въ Вязьму; въ этомъ городѣ онъ соединился съ Ходкѣвичемъ и пошелъ осаждать Погорѣлое Городище; здѣсь сидѣлъ воеводою князь Юрій Шаховскій, который на требованіе сдачи отвѣчалъ королю: „Ступай къ Москвѣ; будетъ Москва за тобою,—и мы твои.“ Король послушался и пошелъ дальше. Подступивъ подъ Волокъ-Ламскій, онъ отправилъ къ Москвѣ отрядъ войска, подъ начальствомъ молодого Адама Жолкѣвскаго; съ нимъ отпущены были князь Данила Мезецкій, товарищъ Филарета и Голицына по посольству, и дьякъ Грамотинъ, которые должны были уговаривать Москвитянъ къ покорности Владиславу. Въ Москвѣ, когда узнали о приближеніи короля, то на воеводъ напалъ сильный страхъ, ибо ратные люди почти всѣ разъѣхались, выйти на-встрѣчу къ непріятелю было не съ кѣмъ, сѣсть въ осадѣ также нельзя, потому что не было достаточно съѣстныхъ припасовъ. Несмотря на это, рѣшили—помереть всѣмъ вмѣстѣ, и когда отрядъ Жолкѣвскаго приблизился къ Москвѣ, то его встрѣтили мужественно и прогнали. При этой схваткѣ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками Смолянинъ Иванъ Философовъ; Жолкѣвскій велѣлъ разспрашивать плѣнника, хотятъ ли Москвичи королевича взять на царство, людна ли Москва и есть ли въ ней запасы. Философовъ отвѣчалъ рѣшительно, что Москва людна и хлѣбна, и всѣ обѣщались помереть за православную вѣру, а королевича на царство не брать; то же самое Философовъ повторилъ и передъ самимъ королемъ. Дѣйствительно ни одинъ городъ не сдавался, ни одинъ русскій человѣкъ не пріѣзжалъ въ станъ бить челомъ королевичу. Потерявъ всякую надежду овладѣть Москвою, Сигизмундъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Волоколамскъ и велѣлъ приступать къ нему жестокими приступами; воеводами были здѣсь Карамысовъ и Чемесовъ, но отъ нихъ, говоритъ лѣтописецъ, мало было промыслу въ городѣ, весь промыселъ былъ отъ атамановъ—Нелюба Маркова и Ивана Епанчина; подъ ихъ начальствомъ осажденные бились на приступахъ съ ожесточеніемъ, едва не схватываясь за руки съ непріятелемъ, и на трехъ приступахъ побили много Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей. Король, видя и тутъ неудачу, снялъ осаду Волока и пошелъ назадъ; тутъ были новыя потери въ его маленькомъ войскѣ отъ голода и холода. Князь Данила Мезецкій убѣжалъ отъ короля съ дороги и, пріѣхавъ въ Москву, объявилъ, что Сигизмундъ пошелъ прямо въ Польшу со всѣми людьми.

Какъ силенъ былъ прежде страхъ, нагнанный приближеніемъ Сигизмунда къ Москвѣ, такъ сильна была теперь радость, когда узнали объ его отступленіи отъ Волока. Дѣло очищенія государства казалось конченнымъ. Пришла вѣсть, что и врагъ внутренній потерпѣлъ неудачу: Заруцкій съ воровскими казаками вышелъ изъ Михайлова и взялъ приступомъ Переяславль-Рязанскій; но Михайла Матвѣевичъ Бутурлинъ разбилъ его на-голову и принудилъ бѣжать.

Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею Землею. Разосланы были грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что Москва отъ Польскихъ и Литов-

скихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ по-прежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому, безъ государя вдосталь Московское государство разорятъ все. Безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится: и потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву-жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраньи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ, или своего природнаго Русскаго, и порѣшили: „Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не-христіанской вѣры Греческаго закона на Владимірское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что Польскаго и Нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: Литовскій король Московское государство разорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ". Стали выбирать своихъ; тутъ начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верхъ. Однажды, говоритъ хронографъ, какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: „Кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?" Въ то время выходитъ Донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. „Что это ты подалъ, атаманъ?" спросилъ его князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій.—„О природномъ царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ": отвѣчалъ атаманъ. Одинакое мнѣніе, поданное дворяниномъ и Донскимъ атаманомъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разъѣхались изъ Москвы, имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ вывѣдать мысль народа насчетъ новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила царемъ. 21 февраля, въ Недѣлю Православія, т.-е. въ первое воскресенье Великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳеодоровича Романова. Когда Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари:—„Михаила Ѳеодоровича Романова"—былъ отвѣтъ [1]).

---

[1]) Wyprava K. J. M. do Moskwy, Рукоп. библ. глав. штаба; Pamietniki Maskiewicza, p. 49 и слѣд.; Мархоцкій; стр. 113 и слѣд.; Пясецкій подъ годомъ 1611; Historia de Pseudedemetrio; — Рукоп. Публичн. библ. отд. XVП, № 13; Skargi Na Moskiewskie zwyciestvo Kasanie, 1611, Zycie Jana Stanislawa Sapiehy, рукоп. публ. библіот. отд. польское, № 16; Хронографы (въ особенности Карамзинскій № 1 въ археографич. коммисіи); Дѣла Польскія, № 30; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 189 и слѣд.; Видекиндъ—Historia belli Sueco-Mosc. p. 237 et squ. Шаума—Tragaedia Demetrio Moscovitica (въ Чтеніяхъ Московскаго историч. Общ. 1847, № 2); Дѣла Шведскія, № 12; Пол. собр. русск. лѣтоп. Ш, 264 и слѣд. IV, 325 и слѣд.; Relacia o Zamordowoniu okrutnym Jozaphata Kuncewicza, archiepiscopa Polockiego 1624; Акты Западной Россіи, IV, № 190; Materialy do Histor. Polsk. рукоп. библіот. глав. штаба, № 11, 498; Histor. J. K. Chodkiewicza; Житіе преподобн. Діонисія по рукописи синод. библіот.; Хронографы (см. Москвитян. 1850 г., ноябрь, кн. 1); Хронографъ, принадл. князю Мих. Андр. Оболенскому; Временникъ Моск. истор. кн. 17; Krajewski—Chronologia woyny Moskiewsk.; Палицынъ, стр. 244 и слѣд.; Новый лѣтописецъ (Временникъ Москов. истор. Общ., кн. 17); Никон. лѣтоп. т. VШ; Памятники дипломат. снош. т. П, стр. 1403 и слѣд.; Акты арх. эксп. II, № 176; Собр. госуд. грам. и дог. П, № 223, 226; Акты арх. эксп. П, № 172; Собр. гос. грам. и дог. П, № 241; Акты арх. экспед. II, № 180, 181, 182, 183; Акты историч. П, № 318, 319, 327, 333; Акты арх. эксп. II, № 185, 188, 190, 194; Собр. гос. гр. и дог. П, № 251; Акты истор. П, № 321, 324, 325; Собр. гос. гр. и дог. П, № 251; Акты истор. П, № 321, 324, 325; Собр. гос. гр. и дог. П, № 249, 267; Акты истор. П, № 332; Собр. гос. грам. и дог. П, № 263, 286, 264; Акты арх. эксп. II, № 197, 199, 201, 202; Собр. гос. гр. и дог. II, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280; Акты арх. эксп. II, № 2.0, 203; Собр. гос. грам. и дог. II, № 281, 282; Акты арх. эксп. II, № 202; Собр. гос. гр. и дог. II, № 285; Ученыя записки Импер. Академ. Наукъ по I и Ш отдѣлен., т. Ш, вып. 1; Собр. гос. гр. и дог. Ш, № 3, 4, т. I, № 203; Дворцовые разряды. т. I, стр. 1 и слѣд.; Pamietniki de panowania Zygmunta Ш, Vladisl. IV i Jana Kszimierza, p. 34 Хроногр. кн. М. А. Оболенскаго.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ девятый.

Глава I.

Царствованіе Михаила Θеодоровича.

Посольство отъ собора къ новоизбранному царю.—Наказъ посламъ. — Переговоры пословъ съ Михаиломъ и его матерью.—Причины, почему новый царь не могъ бояться участи своихъ предшественниковъ.—Выѣздъ Михаила изъ Костромы въ Ярославль. — Переписка его съ соборомъ и боярами изъ Ярославля и съ дороги изъ этого города въ Москву.—Въѣздъ Михаила въ Москву.—Его царское вѣнчаніе.—Бѣдственное состояніе государства при вступленіи на престолъ Михаила.—Грамоты царя и собора по городамъ и къ Строгановымъ.—Дѣло Шульгина.—Война съ Заруцкимъ.—Переписка правительства съ казаками.—Ссора Заруцкаго съ Астраханцами и Терскимъ городомъ.—Дѣйствія стрѣлецкаго головы Хохлова противъ Заруцкаго.—Поимка Заруцкаго. Казнь его, сына Марины и Андронова; смерть Марины.—Движенія воровскихъ казаковъ на сѣверѣ.—Дѣйствія противъ нихъ князя Лыкова.—Возстаніе Татаръ и Черемисы въ Понизовыхъ городахъ.—Сношенія съ Польшею.—Посольство туда Аладьина.—Военныя дѣйствія: взятіе Бѣлой московскими войсками; неудачная осада Смоленска.—Война съ Лисовскимъ.—Дѣйствія и гибель Черкасъ на сѣверѣ.—Грамота пановъ радныхъ къ боярамъ.—Посольство Желябужскаго въ Польшу и свиданіе его съ Филаретомъ Никитичемъ.—Неудачные переговоры подъ Смоленскомъ.—Сношенія съ Австріею, Турціею, Персіею, Крымомъ.—Посольство въ Голландію и Англію.—Пріѣздъ англійскаго посла Джона Мерика съ цѣлію содѣйствовать заключенію мира между Россіею и Швеціею.—Положеніе Новгорода Великаго подъ шведскимъ владычествомъ.—Военныя дѣйствія противъ Шведовъ.—Оборона Тихвина.—Неудача Трубецкаго и Мезецкаго.—Взятіе Гдова Густавомъ-Адольфомъ.—Неудачная осада Пскова.—Дедеринскіе переговоры при посредничествѣ англійскаго и голландскихъ пословъ.—Столбовскій миръ.—Очищеніе Новгорода.—Переговоры съ Мерикомъ; награды ему.—Взглядъ Густава-Адольфа на Столбовскій миръ.—Посольство князя Борятинскаго въ Швецію для окончательнаго подтвержденія мира.

(1613—1617 г.)

Провозгласивши царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Θеодоровича Романова, соборъ назначилъ ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Θеодориту, архіепископу Рязанскому, троимъ архимандритамъ—Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому, Троицкому келарю Авраамію Палицыну, троимъ протопопамъ, боярамъ—Θедору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодаго царя, и князю Владиміру Ивановичу Бахтеарову-Ростовскому, окольничему Θедору Головину съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ, и потому въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: „Ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ". Посланные, бивъ челомъ новоизбранному царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избраніи, должны были говорить Михаилу: „Всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ, великому государю, умилиться надъ остаткомъ рода христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство Россійскаго царства отъ растлѣненія, сыроядцевъ, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, собрать во-единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презрить, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ, великому государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву, и подать намъ благородіемъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей. А какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, Литовскіе люди и всѣ твои государовы недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой, государевъ, подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы съ всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ, государю, и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала до велика рады". Въ заключеніи наказа говорилось: „Если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить че-

ломъ, и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, былъ государемъ царемъ и уѣхалъ въ Москву вскорѣ: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ,—по избранью Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ, митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ и ему на Московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали, то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, государь, про то не размышлялъ: бояре и вся Земля посылаютъ къ Литовскому королю, за отца его даютъ на обмѣнъ Литовскихъ многихъ лучшихъ людей".

Послы выѣхали изъ Москвы 2 марта; но еще прежде, отъ 25 февраля, разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: „И вамъ бы, господа, писалъ соборъ, за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нами подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіанскаго государя, царя Михаила Ѳеодоровича. А мы, всякіе люди Московскиго государства, отъ мала до велика и изъ городовъ выборные и невыборные люди, всѣ обрадовались сердечною радостію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась—быть государемъ царемъ блаженной памяти великаго государя Ѳеодора Ивановича племяннику, Михаилу Ѳеодоровичу: Богъ его, государя, на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему-либо заводу,—избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердце вложилъ одну мысль и утвержденіе". Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ, разослана была и крестоцѣловальная запись, въ которой нѣтъ ничего о порчѣ на слѣду и тому подобныхъ вещахъ, встрѣчаемыхъ въ Годуновской записи. Присяга областей послѣдовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля-Рязанскаго далъ знать въ Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этимъ извѣстіемъ послѣдовали другія—изъ областей болѣе отдаленныхъ. Наконецъ пришло извѣстіе отъ пословъ соборныхъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому къ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. Послы повѣстили объ этомъ Костромскому воеводѣ и всѣмъ горожанамъ, и 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ; но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ", что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его, Марѳа, прибавила, что она не благословляетъ сына на царство, и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты отъ собора и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ: Марѳа говорила, что „у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили". Марѳа упомянула объ измѣнѣ Годунову, объ убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и выдачѣ Полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: „Видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и непостоянствомъ Русскихъ людей разорилось до конца; прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, Литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять"? Потомъ Михаилъ и Марѳа говорили, что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство—только на гибель; кромѣ того, отецъ его, митрополитъ Филаретъ, теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенья отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя. Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанью,—положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія, началъ дѣлать многія неправды,—и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка-разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ Московскаго государства отложились;—все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ, во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часа дня до девятаго; говорили, чтобъ онъ воли Божіей не спималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ ко-

печное разоренье государства: тогда Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ положились на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; Марѳа благословила сына,—Михаилъ принялъ посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе,— эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ люди Московскаго государства научились, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки ворамъ. Земскіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи поддержать новаго государя, несмотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, на которое указывала Марѳа. Казны нѣтъ и взять неоткуда, ибо государство разорено, Земля наполнена воровскими казаками, незнающими мѣры своему буйству; Заруцкій грозитъ съ юго-востока, Шведы и Поляки—съ запада; новый государь—неопытный, мягкій молодой человѣкъ, около котораго нѣтъ людей сильныхъ умомъ и доброю волею, – и, несмотря на все это, Михаилъ удержался на престолѣ: при первой опасности, при каждомъ важномъ случаѣ подлѣ царя видимъ соборъ, одушевленный тою же ревностію, съ какою послѣдніе люди шли на очищеніе государства. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія, охраненія новаго царя, возстановлявшаго нарядъ, до какой степени лучшіе люди наказались въ этомъ отношеніи,—показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы послѣ сдачи Кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ Поляковъ (какъ говоритъ грамота, но по всѣмъ вѣроятностямъ, воровскихъ казаковъ, ибо Поляковъ не было тогда болѣе въ этихъ мѣстахъ), узнавши объ избраніи новаго царя, отыскивалъ мѣсто его пребыванія съ цѣлію умертвить нежеланнаго имъ возстановителя наряда. Въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ Костромскаго уѣзда, села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ. Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ,—и былъ замученъ до смерти.

19 марта выѣхалъ Михаилъ изъ Костромы въ Ярославль, куда пріѣхалъ 21-го числа. Въ другой разъ Ярославль становился мѣстомъ великаго стеченія народнаго, мѣстомъ великаго торжества: недавно его жители видѣли ополченіе Пожарскаго, теперь видѣли желанный конецъ подвиговъ этого ополченія. Ярославцы и съѣхавшіеся къ нимъ отовсюду дворяне, дѣти боярскія, гости, люди торговые съ женами и дѣтьми встрѣтили новаго царя, подносили ему образа, хлѣбы, дары и отъ радости не могли промолвить ни слова. 23 марта Михаилъ писалъ въ Москву къ собору, говорилъ, какъ были у него въ Костромѣ послы, какъ онъ долго отказывался отъ престола: „У насъ того и въ мысляхъ не бывало, что на такихъ великихъ государствахъ быть по многимъ причинамъ, да и потому, что мы еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а государство Московское теперь въ разореньи, да и потому, что Московскаго государства люди по грѣхамъ измалодушествовались, прежнимъ великимъ государямъ не прямо служили. И, видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоры и убійства, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю, не только мнѣ“? Взаключеніе, увѣдомивъ о своемъ согласіи, Михаилъ прибавляетъ: „И вамъ бы, боярамъ нашимъ и всякимъ людямъ, на чемъ намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стоять въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служить, прямить, воровъ царскимъ именемъ не называть, ворамъ не служить, грабежей бы у васъ и убійствъ на Москвѣ и въ городахъ и по дорогамъ не было; быть бы вамъ между собою въ соединеньи и любви; на чемъ вы намъ души свои дали и крестъ цѣловали,—на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу рады жаловать“.

Соборъ отвѣчалъ, что всѣ люди со слезами благодарятъ Бога, молятся о царскомъ здоровьи, и просилъ: „Тебѣ бы, великому государю, насъ, сирыхъ, пожаловать, быть въ царствующій градъ поскорѣе“; о томъ же писалъ соборъ и къ посламъ своимъ, Ѳеодориту съ товарищами, прося дать знать, когда государь будетъ у Троицы и гдѣ прикажетъ себя встрѣтить. Но изъ Ярославля пріѣхалъ князь Троекуровъ съ запросомъ собору: „Къ царскому пріѣзду есть ли на Москвѣ во дворцѣ запасы, и послано ли собирать запасы по городамъ, и откуда надѣются ихъ получить; кому дворцовыя села розданы, чѣмъ царскимъ обиходамъ впредь полниться и сколько царскаго жалованья давать ружникамъ и оброчникамъ. Бьютъ государю челомъ стольники, дворяне и дѣти боярскія, что у нихъ дворцовыя села отписаны и государю отъ челобитчиковъ докука большая: какъ съ этимъ быть; чтобъ на Москвѣ и по дорогамъ грабежей никакихъ не было. Дворяне и дѣти боярскія и всякіе люди съ Москвы разъѣхались,—великому государю неизвѣстно, по вашему ли отпуску они разъѣхались, или самовольствомъ?“ Соборъ отвѣчалъ: „Для сбора запасовъ послано, и къ сборщикамъ писано, чтобъ они наскоро ѣхали въ Москву съ запасами, а теперь въ государевыхъ житницахъ запасовъ немного. О грабежахъ и воровствахъ заказъ учиненъ крѣпкій, воровъ и разбойниковъ сыскиваемъ и велимъ ихъ наказывать. Дворянъ и дѣтей боярскихъ безъ государева указа съ Москвы мы никуда не отпускали, а которые разъѣхались по домамъ, тѣмъ всѣмъ велѣно быть къ государеву пріѣзду въ Москву“. Прошелъ мартъ; 1 апрѣля соборъ опять написалъ къ посламъ своимъ, Шереметеву съ товарищами,

чтобы доложили государю, когда онъ будетъ въ Москву и гдѣ его встрѣчать. 8 апрѣля царь отвѣчалъ на это слѣдующею грамотою: „Писали вы къ намъ съ княземъ Иваномъ Троекуровымъ, чтобъ намъ походомъ своимъ не замедлить, и прислали съ княземъ Иваномъ роспись, сколько у васъ въ Москвѣ во дворцѣ всякихъ запасовъ; по этой росписи хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ мало для обихода нашего, того не будетъ и на пріѣздъ нашъ. Сборщики, которые посланы вами по городамъ для кормовъ, въ Москву еще не пріѣзжали; денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ; а Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей до конца разорено, города и уѣзды многіе отъ войны запустѣли; наши дворцовыя села и волости розданы были въ помѣстья и запустошены, а иныя теперь въ раздачѣ, и нашъ обиходъ запасовъ и служилымъ людямъ на жалованье денегъ и хлѣба сбирать не съ кого. Атаманы и казаки безпрестанно намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьи, о своихъ и конскихъ кормахъ, а намъ ихъ пожаловать нечѣмъ и кормовъ давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всѣхъ чиновъ людей, идемъ къ Москвѣ вскорѣ, а котораго числа изъ Ярославля пойдемъ,—о томъ мы къ вамъ велимъ отписать. И вамъ бы, богомольцамъ нашимъ, и боярамъ, и окольничимъ, и приказнымъ людямъ, о томъ приговоръ учинить съ стольниками, стряпчими, съ дворянами московскими, съ дворянами и дѣтьми боярскими изъ городовъ, съ атаманами, казаками, стрѣльцами, съ гостями, торговыми и всякими жилецкими и пріѣзжими людьми: чѣмъ намъ всякихъ ратныхъ людей жаловать, свои обиходы полнить, бѣдныхъ служилыхъ людей чѣмъ кормить и поить, ружникамъ и оброчникамъ всякіе запасы откуда брать. И объ этомъ учинить вамъ полный приговоръ и къ намъ отписать вскорѣ. Вамъ самимъ вѣдомо: учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣньемъ; крестъ намъ цѣловали вы своею волею,—такъ вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить, какъ тому всему быть. Сами вѣдаете, недруги наши — Польскій и Литовскій, и Нѣмецкій король—многими городами государства нашего завладѣли и въ тѣхъ городахъ сидятъ ихъ люди, а по вѣстямъ ждемъ прихода Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей подъ свои города вскорѣ, а подъ Торопцемъ Литовскіе люди теперь стоятъ и Торопцу ни откуда помощи нѣтъ. Да многіе дворяне и дѣти боярскія бьютъ намъ челомъ о помѣстьяхъ, что вы у нихъ помѣстья отнимаете и раздаете въ раздачу безъ сыску:—и вамъ бы тѣ докуки отъ насъ отвести и велѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ расправливать по сыску вправду, чтобъ намъ о томъ не били челомъ".

До сихъ поръ царь переписывался съ соборомъ; но 11 апрѣля писали къ нему одни бояре, опять Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами, что въ городахъ воеводъ нѣтъ, а безъ воеводъ городамъ быть нельзя; бьютъ челомъ атаманы, казаки и стрѣльцы о кормѣ; сказываютъ, что прежде для нихъ сбирали кормы съ дворцовыхъ и монастырскихъ селъ. „Мы, пишутъ бояре, стали-было отпускать воеводъ въ города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрѣльцы и казаки говорятъ, что воеводы отпускаются по городамъ и сборщики кормовъ по селамъ—отъ государя, и мы воеводъ и сборщиковъ посылать безъ твоего, государева, указа не смѣемъ". Наконецъ, 18 апрѣля, царь увѣдомилъ духовенство и бояръ, что походъ его къ Москвѣ замедлился за дурною дорогой, зимній путь испортился, а какъ большой ледъ прошелъ и воды сбыло, то онъ выѣхалъ изъ Ярославля 16 апрѣля и 17 пріѣхалъ въ Ростовъ, откуда 19 намѣренъ отправиться дальше къ Москвѣ. „А идемъ медленно затѣмъ, писалъ царь, что подводъ мало и служилые люди худы: стрѣльцы, казаки и дворовые люди многіе идутъ пѣшкомъ". Но и послѣ этого Михаилъ двигался очень медленно: 25 апрѣля писалъ онъ со стану изъ села Любимова, что многіе стольники, стряпчіе и жильцы, обязанные сопровождать его, до сихъ поръ не явились, и онъ приказываетъ боярамъ отписать у этихъ нѣтчиковъ помѣстья и вотчины. Число нѣтчиковъ простиралось до 42. Царь писалъ также боярамъ, чтобъ они приказали приготовить для него Золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для матери его—деревянныя хоромы жены царя Василія Шуйскаго. Бояре отвѣчали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Марѳа; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ приготовить, скоро отстроить нельзя да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ безъ кровли, мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть.

Открылось еще новое затрудненіе, новое неудовольствіе молодаго царя: 28 апрѣля Ѳеодоритъ и Шереметевъ писали собору: „Писалъ къ вамъ государь много разъ, чтобъ у васъ, на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ убійствъ, грабежей и никакого насильства не было; а вотъ 23 апрѣля пришли къ государю на станъ въ село Сватково дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ переграблены до-нага и сѣчены; въ разспросѣ сказали, что одни изъ нихъ посланы были къ государю съ грамотами, другіе по городамъ сбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ и высылать на службу,—и на дорогѣ, на Мытищахъ и на Клязьмѣ, казаки ихъ перехватали, переграбили, саблями сѣкли и держали у себя въ станахъ два дня, хотѣли побить, и они у нихъ, ночью, развязавшись, убѣжали; а стоятъ эти воры на Мытищахъ, другіе на Клязьмѣ, человѣкъ ихъ съ 200,—конные и пѣшіе. Писали государю изъ Дмитрова приказные люди, что прибѣжали къ нимъ изъ селъ и деревень крестьяне жженые и мученые огнемъ, жгли ихъ и мучили

казаки. 26 апрѣля эти воры пришли и въ Дмитровъ на посадъ, начали-было его грабить, но въ то время случились въ Дмитровѣ дворяне и дѣти боярскія, казаки кормовые и торговые, и они имъ посада грабить не дали, съ ними бились; и отъ этихъ воровъ Дмитровцы, покинувъ городъ, хотятъ всѣ брести врознь, а по селамъ и деревнямъ отъ воровъ грабежи и убійства большіе. Казаки, посланные въ разныя мѣста на службу, берутъ указные кормы, да сверхъ кормовъ воруютъ, проѣзжихъ всякихъ людей по дорогамъ и крестьянъ по селамъ и деревнямъ бьютъ, грабятъ, пытаютъ, огнемъ жгутъ, ломаютъ, до смерти побиваютъ. И 26 апрѣля государь и его мать, у Троицы на соборѣ, говорили всякихъ чиновъ людямъ съ большимъ гнѣвомъ и со слезами, что воры кровь христіанскую льютъ безпрестанно; выбрали его, государя, всѣмъ государствомъ, обѣщались служить и прямить и быть всѣмъ въ любви и соединеніи,—а теперь на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ грабежи и убійства; позабывъ добровольное крестное цѣлованье, воры дороги всѣ затворили гонцамъ, служилыхъ и торговыхъ людей съ товарами и ни съ какими запасами не пропускаютъ. И государь и мать его, видя такое воровство, изъ Троицкаго монастыря идти не хотятъ, если всѣхъ чиновъ люди въ соединеніе не придутъ и кровь христіанская литься не перестанетъ. Государь и мать его намъ говорили: „Вы намъ били челомъ и говорили, что всѣ люди пришли въ чувство, отъ воровства отстали,—такъ вы намъ били челомъ и говорили ложно. И мы, господа, слыша такія слова отъ государя и опалу, стали въ великой скорби и, съ соизволенія государя, послали къ вамъ выборныхъ изъ всякихъ чиновъ, сказать вамъ, чтобъ вы, помня души свои и крестное цѣлованье, воровъ сыскивали, отъ воровства и грабежа ихъ уняли". О томъ же писалъ собору и самъ царь: „Можно вамъ и самимъ знать, говорится въ царской грамотѣ, если на Москвѣ и подъ Москвою грабежи и убійства не уймутся, то какой отъ Бога милости надѣяться? Никакіе люди въ Москву ни съ какими товарами и съ хлѣбомъ не поѣдутъ, дороги всѣ затворятся, и если не будетъ изъ Москвы въ города, а изъ городовъ въ Москву проѣзду, то какому добру быть? Да и то намъ подлинно извѣстно: которые гости, торговые и всякіе жилецкіе люди въ московское разоренье разбѣжались изъ Москвы по городамъ, а теперь велѣно имъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ ѣхать въ Москву, и отданы они въ томъ на крѣпкія поруки, и тѣ всѣ люди для убійства и грабежей въ Москву ѣхать не смѣютъ". Царь или его мать не удовольствовались и отвѣтомъ бояръ насчетъ невозможности отдѣлать кремлевскія палаты къ ихъ пріѣзду; отъ 29 апрѣля царь писалъ боярамъ: „По прежнему и по этому нашему указу велите устроить намъ Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василья; вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, но въ этихъ хоромахъ матери нашей жить не годится".

30 апрѣля соборъ приговорилъ: боярамъ князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василію Петровичу Морозову, окольничему князю Мезецкому и дьяку Иванову съ выборными изъ всякихъ чиновъ ѣхать къ государю, бить челомъ, чтобъ онъ умилосердился надъ православными христіанами, походомъ своимъ въ Москву не замѣшкалъ; а про воровство про всякое митрополитъ и бояре заказъ учинили крѣпкій, атаманы и казаки между собою уговорились, что два атамана чрезъ день осматриваютъ каждую станицу, и чье воровство сыщутъ, тотчасъ про него скажутъ и за воровъ въ челобитчикахъ быть не хотятъ. Въ Москвѣ во всѣхъ слободахъ и въ казачьихъ таборахъ велѣли заказъ крѣпкій учинить, чтобъ воровства и корчемъ не было нигдѣ, объѣзжихъ головъ по улицамъ расписали, а гдѣ воры объявятся по дорогамъ, то на нихъ станутъ изъ Москвы посылать посылки. Воеводы ополченія—князь Трубецкой и князь Пожарскій—послали царю челобитную: „Были мы, холопи твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарскій, на твоей государевой службѣ подъ Москвою, голодъ и нужду великую терпѣли, и въ приходы гетманскіе въ крѣпкихъ осадахъ сидѣли, съ разорителями вѣры христіанской бились, не щадя головъ своихъ, и всякихъ людей на то приводили, что, не увидя милости Божіей, отъ Москвы не отхаживать. Милостью Божіею и всякихъ людей прямою службою и кровью, Московское государство очистилось и многіе люди освободились; а теперь приходятъ къ намъ стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскія, которые съ нами были подъ Москвою, и бьютъ челомъ тебѣ, государю, чтобъ имъ видѣть твои царскія очи на встрѣчѣ; но мы, безъ твоего государева указу, на встрѣчу къ тебѣ ѣхать не смѣемъ, ожидаемъ отъ тебя милости и указу, какъ ты намъ повелишь".

Посланные отъ собора, князь Воротынскій съ товарищами, нашли Михаила въ селѣ Братовщинѣ, на половинѣ дороги отъ Троицкаго монастыря къ Москвѣ. Государь и мать его, выслушавъ ихъ челобитье, сказали милосердое слово, что будутъ на послѣдній станъ отъ Москвы, въ село Тайнинское 1-го мая, а въ Москву въѣдутъ 2-го мая. Въ этотъ день, въ воскресенье, поднялись въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди, отъ мала до велика, и вышли за городъ на встрѣчу къ государю. Михаилъ и мать его слушали молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего всякихъ чиновъ люди подходили къ рукѣ царской и здравствовали великому государю.

11-го іюля происходило царское вѣнчаніе. Предъ тѣмъ какъ идти въ Успенскій соборъ, государь сидѣлъ въ Золотой подписной палатѣ, и тутъ сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю, князю Димитрію Михайло-

вичу Пожарскому; у сказки послѣднему назначенъ былъ стоять думный дворянинъ Гаврила Пушкинъ, который билъ челомъ, что ему у сказки стоять и меньше князя Димитрія быть невмѣстно, потому что его родственники меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали. Государь указалъ, для своего царскаго вѣнца, во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и велѣлъ этотъ свой указъ при всѣхъ боярахъ въ разрядъ записать. Выступилъ дьякъ Петръ Третьяковъ и объявилъ, что бояринъ князь Мстиславскій будетъ осыпать государя золотыми, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ будетъ держать шапку Мономахову, бояринъ, князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой—скипетръ, новый бояринъ князь Пожарскій—яблоко. И опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой билъ челомъ на Романова, что ему меньше его быть невмѣстно. Государь сказалъ Трубецкому: „Извѣстно твое отечество предъ Иваномъ, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебѣ меньше его, потому что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя: быть вамъ безъ мѣстъ“. Когда дѣло такимъ образомъ уладилось, государь пошелъ въ соборную церковь, гдѣ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ Казанскаго митрополита Ефрема. На другой день, 12 іюля, праздновались царскія имянины (Св. Михаила Малеина): для этого торжества пожаловалъ государь въ думные дворяне Кузьму Минина [1]).

Милостей, льготъ народу новый государь не могъ дать для торжества своего царскаго вѣнчанія: казна была пуста, а между тѣмъ обстоятельства были тяжелыя. 24 мая царь принужденъ былъ писать Строгановымъ: „Бьютъ намъ челомъ на Москвѣ дворяне и дѣти боярскія, казаки, стрѣльцы и всякіе ратные люди, что они, будучи подъ Москвою, многія нужды и страсти терпѣли и кровь проливали; помѣстья и вотчины у нихъ отъ долгой войны запустѣли, и службы своей исполнять имъ нечѣмъ; стрѣльцы и казаки служивую рухлядь проѣли и на нашей службѣ имъ быть нельзя за великою бѣдностью; въ казнѣ нашей денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, служивымъ людямъ жалованья дать нечего. Выходцы и языки въ разспросѣ боярамъ нашимъ сказываютъ, что Литовскіе люди хотятъ идти подъ Москву, а въ нашей казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба нѣтъ нисколько. Сколько вы съ своихъ вотчинъ въ нашу казну денежныхъ доходовъ платите, намъ про то подлинно невѣдомо; и теперь, по нашему указу, посланъ къ вамъ Андрей Игнатьевичъ Вельяминовъ; велѣно ему съ вашихъ вотчинъ за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и по отписямъ, наши денежные доходы взять сполна и привезть къ намъ. Да у васъ же мы приказали просить взаймы, для христіанскаго покою и тишины, денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ, что можно дать ратнымъ людямъ; а сколько чего взаймы дадите, деньгами, хлѣбомъ и товаромъ, и то приказали мы записывать въ книги, а вамъ давать съ книгъ выписи, архимадричьими, игуменскими и сборщиковыми руками, по чему вамъ тотъ заемъ изъ нашей казны взять; хотя теперь и промысловъ убавьте, а ратнымъ людямъ на жалованье дайте, сколько можете; а какъ въ нашей казнѣ деньги въ сборѣ будутъ, то мы вамъ велимъ заплатить тотчасъ. Такъ вамъ бы непремѣнно ратнымъ людямъ на жалованье дать безъ кручины: лучше всякой милостыни ратнымъ людямъ помочь и этою помощію Божіи церкви въ лѣпотѣ и Святую вѣру въ цѣлости учинить, православныхъ христіанъ отъ нахожденія иновѣрцевъ освободить! Что вы дадите,—мы непремѣнно велимъ заплатить и службу вашу къ намъ и радѣнье ко всему Московскому государству учинимъ на-вѣки памятными. Если же вы намъ въ займы денегъ, хлѣба и товаровъ не дадите, и ратные люди, не терпя голоду и нужды, изъ Москвы разойдутся, то вамъ отъ Бога не пройдетъ такъ даромъ, что православная христіанская вѣра разорится“. Духовенство, отъ имени всего собора писало Строгоновымъ: „Ратные люди великому государю бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ, царскимъ богомольцамъ, и къ боярамъ, приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ каждый день, что они отъ многихъ службъ и отъ разоренья Польскихъ и Литовскихъ людей бѣдны и служить не могутъ, на службѣ имъ ѣсть нечего, и отъ того многіе изъ нихъ по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ, побиваютъ, а унять ихъ никакими мѣрами, не пожаловавъ, нельзя; только имъ не будетъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то всѣ они отъ бѣдности поневолѣ станутъ воровать, грабить, разбивать и побивать. И теперь мы, царскіе и ваши богомольцы, также бояре, окольничіе и всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царствія, поговоря на вселенскомъ соборѣ, били челомъ государю, чтобъ онъ послалъ къ вамъ во всѣ города для денежныхъ сборовъ, хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ сборщиковъ, дворянъ большихъ, отъ своего царскаго лица и ото всѣхъ насъ вскорѣ, чѣмъ бы ему, великому государю, всякихъ ратныхъ людей пожаловать“. Въ заключеніи грамоты духовенство благословляетъ тѣхъ, которые исполнятъ требованіе царя и собора, и грозитъ клятвою ослушникамъ. Такія же точно грамоты разосланы были по всѣмъ городамъ; правительство убѣждало гражданъ къ щедрости примѣромъ Москвитянъ: „Непремѣнно бы вамъ ратнымъ людямъ помочь, не огорчаясь, а не такъ сдѣлать, какъ московскіе гости и торговые люди: сначала себя пожалѣли, ратнымъ людямъ на жалованье денегъ не дали, и оттого увидали надъ собою конечное разоренье, имѣнія своего всего отбыли“.

Ногаи пустошили Украйны, переправились чрезъ Оку, повоевали Коломенскія, Серпуховскія, Боровскія мѣста, и приходили даже въ Домодѣдовскую подмосковную волость. Ратные люди грабили по

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 4, 10, 50, № 11, 12, 16; Дворцовые разряды, т. I.

дорогамъ, не получая жалованья; сборщики податей, ѣздя по областямъ за жалованьемъ ратнымъ людямъ, тоже грабили, такъ что правительство вынуждено было отзывать ихъ и на самихъ крестьянъ возлагать обязанность сбирать деньги и привозить ихъ въ Москву. Монастыри жаловались на разоренье отъ Литовскихъ людей, просили льготъ старыхъ и новыхъ. Купцы иностранные также жаловались на разоренье, просили льготъ,—и правительство, чтобъ усилить торговлю, исполнило ихъ просьбы, „для иноземства, для бѣдности и разоренья". Въ отдаленныхъ городахъ оказывалось явное сопротивленіе финансовымъ мѣрамъ правительства: такъ нужно было наказать Чердынцевъ „трехъ человѣкъ, бивъ батоги, вкинуть на мѣсяцъ въ тюрьму, чтобъ и впередъ не повадно было ослушаться". Но Чердынцы ослушались и прибили сборщика. На Бѣлоозерѣ посадскіе люди также не хотѣли платить податей, и когда воеводы велѣли ихъ поставить на правежъ, то они на себѣ править не дали, велѣли звонить въ набатъ и воеводъ хотѣли побить, послѣ чего сборщики податей являлись въ селеніе уже съ вооруженными отрядами. Коломенскій воевода писалъ къ государю: „Велѣно дать посланникамъ, которые ѣдутъ въ Турцію, 250 человѣкъ гребцовъ; но на яму всѣхъ ямщиковъ десять человѣкъ,—собрать гребцовъ не съ кого; мы хотѣли взять съ посадскихъ людей, но тѣ намъ гребцовъ не даютъ, двое изъ нихъ приходятъ на насъ съ шумомъ и слушаться насъ не велятъ; и изъ другихъ мѣстъ такія же отписки, что денегъ, запасовъ и гребцовъ для посланниковъ собрать нельзя, не съ кого, и посланники ждутъ". Изъ Рязани архіепископъ, духовенство, дворяне и дѣти боярскія били челомъ: „Съ тѣхъ поръ какъ воръ началъ называться царскимъ именемъ, пошли усобицы и войны, наши отчины и помѣстья разорены до-конца, всѣ мы домовъ своихъ отбыли и жили съ людишками своими въ Переяславлѣ, а какъ Земля соединилась, начали приходить Татары часто и досталь домишки наши выжгли, людишекъ и крестьянишекъ нашихъ остальныхъ перехватали, и самихъ многихъ нашу братью па пустошахъ взяли и побили, и теперь Татары у насъ живутъ безъ выходу. Пріѣхалъ къ намъ твой государевъ посланникъ, что ѣдетъ въ Царьградъ, живетъ въ Переяславлѣ три недѣли, и насъ изъ подводъ и запасовъ мучитъ на правежѣ, а намъ взять негдѣ". При такихъ обстоятельствахъ новое правительство должно было вести упорную войну съ врагами внутренними и внѣшними. Внутри свирѣпствовали казаки—надежда тѣхъ, которые хотѣли продолженія Смутнаго времени. Никаноръ Шульгинъ, по приказанію собора, выступилъ съ казанскимъ войскомъ въ походъ противъ Заруцкаго; но, узнавъ объ избраніи Михаила, остановился въ Арзамасѣ, написавъ 15 марта въ Москву, что не будетъ продолжать похода по приговору ратныхъ людей, которые издержали свои запасы и болѣе не могутъ оставаться на службѣ; въ то же время Шульгинъ извѣщалъ соборъ, что все казанское войско присягнуло Михаилу, а между тѣмъ внушалъ этому войску, что не должно признавать новаго царя, который избранъ безъ совѣта съ Казанскимъ государствомъ. Никаноръ надѣялся на казаковъ, и, чтобъ возмутить ихъ, оставилъ войско въ Арзамасѣ и отправился въ Казань. Но здѣсь не хотѣли больше казанскаго царства; и когда Шульгинъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ, то уже тамъ ждали его послы изъ Казани, которые объявили ему, что Казань присягнула Михаилу, и что ему, Никанору, туда ѣхать не зачѣмъ; а чтобъ онъ не вздумалъ ослушаться, посадили его за приставовъ. Государь удивился, узнавши, что Никаноръ за приставами, и послалъ изъ Ростова приказъ собору развѣдать, въ какомъ онъ дѣлѣ попался. Дѣло объяснилось, и Шульгина сослали въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ [1]).

Шульгинъ надѣялся на казаковъ, и казаки еще не теряли надежды; у нихъ оставался Заруцкій. Опустошивши Михайловъ, Заруцкій ушелъ въ Епифань, оставивъ въ Михайловѣ своего воеводу; но 2 апрѣля Михайловцы міромъ схватили этого воеводу, посадили за пристава, казаковъ вольныхъ перехватали и посажали въ тюрьму, и дали знать объ этомъ въ Зарайскъ и Переяславль-Рязанскій, прося помощи. Вскорѣ послѣ этого два казака прибѣжали изъ Епифани въ Каширу и въ расспросѣ сказывали: „Побѣжало ихъ отъ Заруцкаго дѣтей боярскихъ и казаковъ человѣкъ съ двѣсти, за то къ Заруцкому пришло Черкасъ человѣкъ съ триста; Заруцкій хочетъ идти въ Персію, а Марина съ нимъ идти не хочетъ, зоветъ его съ собою въ Литву; у казаковъ былъ объ этомъ кругъ, и многіе казаки хотятъ обратиться къ государю". Потомъ пріѣхали въ Каширу четырнадцать человѣкъ казаковъ и объявили, что у Заруцкаго 2,500 казаковъ, кромѣ новоприбылыхъ Черкасъ, и что онъ сказалъ своему войску походъ на Украйну. Получивъ эти вѣсти, бояре, князь Мстиславскій съ товарищами, 13 апрѣля рѣшили: идти изъ Москвы на Заруцкаго воеводѣ князю Ивану Одоевскому съ воеводами — изъ Михайлова, Зарайска, Владиміра, Суздали и другихъ городовъ; но въ то же время боярамъ дали знать, что Заруцкій убѣжалъ изъ Епифани, выграбилъ Дѣдиловъ, сжегъ Крапивну, хочетъ идти на Тулу. Царь отвѣчалъ на эти донесенія боярамъ, чтобъ они всякими мѣрами промышляли, надъ Заруцкимъ поискъ учинили и съ Литовскими людьми ему сойтись не дали. Князь Одоевскій выступилъ изъ Москвы 19 апрѣля; въ маѣ дали знать въ Москву, что Заруцкій приступалъ къ Ливнамъ и оттуда пошелъ къ Лебедяни, вслѣдствіе чего князю Одоевскому въ Тулу былъ посланъ приказъ идти со всѣми людьми на Заруцкаго въ Данковъ и къ Лебедяни. Одоевскій выступилъ изъ Тулы,

[1]) Акты арх. экспед. т. III, № 3, 4, 5, 1, 11, 9, 17, 40, 43, 48, 50. Акты историч. III, № 2, 3. Собр. госуд. грам. и дог. III, № 14, 17; Дворцовые разряды, т. I; Дѣла Турецкія въ столбцахъ № 1, годъ 1613.

и скоро пришла отъ него вѣсть, что онъ сошелся съ Заруцкимъ у Воронежа, бился съ нимъ два дня безъ отдыха и побилъ на-голову, нарядъ, знамена, обозъ взялъ, языковъ многихъ схватилъ, коши всѣ отбилъ, и Заруцкій съ немногими людьми побѣжалъ въ степь, за Донъ, къ Медвѣдицѣ. Такъ доносилъ воевода; но лѣтописецъ говоритъ, что воеводы Заруцкому ничего не сдѣлали, что онъ побилъ множество Воронежцевъ и ушелъ къ Астрахани. Нѣкоторые казаки не хотѣли слѣдовать въ степь за Заруцкимъ и пришли съ повинною въ Москву, говоря, что вслѣдъ за ними будутъ и другіе ихъ товарищи; царь простилъ ихъ и послалъ подъ Смоленскъ.

Между тѣмъ воевода Одоевскій съ товарищами писалъ къ казакамъ на Волгу, что „ихъ атаманскою и казачьею службою, радѣніемъ и дородствомъ Московское государство очистилось и учинилось свободно; и нынѣ ваша братья атаманы и казаки многіе по вѣрѣ христіанской побораютъ, враговъ и разорителей доходятъ и Литовскую Землю воюютъ; и въ великихъ государствахъ государя нашего строится все доброе, всякіе люди пришли въ познанье и между собою учинились въ любви, въ совѣтѣ и соединеніи; только теперь, отъ всего Московскаго государства отлучася, въ одной Астрахани вѣдомый воръ и желатель крови христіанской, Черкашенинъ Ивашка Заруцкій съ Маринкой заводятъ воровство и смуту“. Воеводы увѣщеваютъ казаковъ, чтобъ они не приставали къ Заруцкому и къ люторкѣ еретицѣ Маринкѣ, а шли бы въ сходъ къ нимъ, воеводамъ, и промышляли съ ними вмѣстѣ надъ ворами; „а чѣмъ будете вы скудны,—то знайте, съ нами государевъ запасъ, вино, денежная казна и сукна есть, ничѣмъ скудны не будете“. Воеводы писали и къ жителямъ Астрахани съ увѣщаніемъ оставить Заруцкаго: „Сами вѣдаете, какое нынѣ у васъ въ Астрахани зло учинилъ: кровь многую православныхъ христіанъ пролилъ, окольничаго и воеводу, князя Ивана Димитріевича Хворостинина и иныхъ много безъ милости побилъ, на которыхъ прежде и смотрѣть не смѣлъ онъ—злодѣй Ивашка Черкашенинъ безвѣрникъ: а Маринка люторка еретица о разлитіи крови христіанской не жалѣетъ, то себѣ въ похвалу ставятъ, отъ истины на ложь соблазняютъ, и съ Персидскимъ шахомъ ссылаются, великаго государя нашего искони вѣчную отчину, Астраханское царство, и въ ней всѣхъ православныхъ христіанъ шаху отдать хотятъ, желая великаго государя нашего и его великія Россійскія государства съ Аббасомъ шахомъ ссорить“.

Возбуждая противъ Заруцкаго Волжскихъ казаковъ, Московское правительство возбуждало противъ него и орду Ногайскую, извѣщая князя ея Иштерека, что Заруцкій выпустилъ въ Астрахани изъ тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана. Посланы были грамоты и къ Донскимъ казакамъ вмѣстѣ съ царскимъ жалованьемъ, сукнами, селитрою, свинцомъ, зельемъ и запасами. Духовенство, во имя православія, увѣщевало Донцовъ, чтобъ немедленно шли въ Сѣверскую Землю противъ Литовскихъ людей, за что получатъ благословеніе отъ Бога и славу отъ людей. Донцы приняли съ честію московскихъ посланниковъ, извѣщавшихъ ихъ объ избраніи новаго царя, обрадовались царскому имени, въ звоны звонили, молебны пѣли, изъ наряда стрѣляли, били батогами нещадно одного изъ своихъ, который объявилъ, что Калужскій воръ живъ, обѣщались служить и прямить Михаилу точно такъ же, какъ и его предшественникамъ, но отказались идти въ Сѣверскую Землю на Литовцевъ. Желая мира съ Турками, правительство требовало отъ Донцовъ, чтобъ они прекратили свои поиски надъ Азовомъ; казаки обѣщали быть въ мирѣ съ Азовцами, но до тѣхъ поръ только, пока русскіе послы не возвратились изъ Константинополя, и требовали отъ царя жалованья, денегъ, суконъ, запасовъ, чтобъ было чѣмъ имъ прокормиться и одѣться во время мира съ Азовомъ. Царь долженъ былъ согласиться на это условіе, обѣщалъ и больше, послалъ на Донъ знамя. „И вамъ бы съ тѣмъ знаменемъ, говорится въ царской грамотѣ, противъ нашихъ недруговъ стоять, на нихъ ходить и, прося у Бога милости, надъ ними промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ; къ намъ, великому государю, по началу и по своему обѣщанью, службу свою и радѣнье совершали бы, а наше царское слово инако къ вамъ не будетъ“.

Донцы, получивъ государево жалованье, вынесли царское знамя, составили около него кругъ, а подъ знаменемъ лежалъ человѣкъ, осужденный на смерть; когда царскій посланникъ Опухтинъ спросилъ, что это за человѣкъ,—то ему сказали: „Двое пьяныхъ казаковъ проговорились, что атаманы и казаки за посмѣхъ вертятся, а отъ Ивашки Заруцкаго не избыть, быть подъ его рукой“. Одного изъ этихъ казаковъ прежде повѣсили, а другой приговоренъ къ смерти и лежитъ теперь подъ знаменемъ. При этомъ многіе казаки били челомъ посланнику, чтобъ онъ для имени царскаго величества отпросилъ у нихъ этого молодца отъ казни, потому что онъ виноватъ безъ хитрости, неумышленіемъ, сопьяна. Посланникъ, зная, что такъ бывало и прежде, и видя, что тутъ было много казаковъ съ Волги и Яика, чтобъ ихъ государской милостію обнадежить, началъ говорить: „Вы этому казаку ничего не сдѣлали до меня; я теперь пріѣхалъ съ царскимъ жалованьемъ,—у васъ у всѣхъ теперь радость, а государь милосердъ и праведенъ, всѣхъ насъ виноватыхъ пожаловалъ, ничьихъ винъ не помянулъ; такъ и вы бы теперь этого виноватаго, для имени царскаго величества, пощадили; а царское величество Богъ въ сохраненьи держитъ, и враги ему никакого зла сдѣлать не могутъ“. Только-что посланникъ выговорилъ эти слова, казаки завопили: „Дай Господи государю царю здоровья на многія лѣта! сами мы знаемъ, что государь милосердъ и праведенъ, Божій избранникъ, никто ему зла

сдѣлать не можетъ". Осужденнаго подняли, и атаманъ Епиха Радиловъ сталъ его бранить, тазалъ его долго: „Пора придти въ познанье; сами знаемъ, сколько крови пролилось въ Московскомъ государствѣ отъ нашего воровства и смутныхъ словъ, что вмѣщали въ простыхъ людей; мы уже по горло ходимъ въ крови христіанской; теперь Богъ далъ намъ государя милостиваго, и вамъ бы, собакамъ, перестать отъ воровства, а не перестанете, то Богъ всѣхъ васъ побьетъ, гдѣ бы вы ни были".

Скоро пришла въ Москву страшная вѣсть, что Заруцкій ссылается съ Волжскими и другими сосѣдними казаками, сзывая ихъ на обычную войну съ государствомъ. Грамота за грамотой пошли изъ Москвы на Донъ и на Волгу: сперва отъ царя, потомъ отъ духовенства, наконецъ отъ бояръ и всякихъ чиновъ людей, съ увѣщаніемъ не соединяться съ Заруцкимъ, но стоять противъ него. Грамоты попрежнему льстятъ казакамъ, хотятъ выставить государственные подвиги ихъ и тѣмъ сильнѣе заставить ихъ служить государству. Заруцкій выставляется человѣкомъ, который первое злое дѣло Московскому государству завелъ: „Думнаго дворянина и воеводу Прокофья Ляпунова, который сперва за неправду Жигимонта короля стоялъ, Заруцкій, учиня сеймъ, велѣлъ совѣтникамъ своимъ убить, чтобъ Польскихъ и Литовскихъ людей обнадежить". Здѣсь грамоты виновникомъ смерти Ляпунова выставляютъ прямо Заруцкаго; но мы видѣли, что въ грамотѣ Пожарскаго къ областнымъ жителямъ съ жалобою на Шереметева, виновникомъ смерти Ляпунова выставленъ этотъ Шереметевъ. Въ приведенныхъ грамотахъ къ казакамъ главнымъ виновникомъ возстанія противъ Поляковъ выставленъ Ляпуновъ, а въ другихъ грамотяхъ о Ляпуновѣ не говорится ни слова, и вся честь приписывается Трубецкому. Вообще, въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія, смотря по обстоятельствамъ. Продолжая перечислять дурныя дѣла Заруцкаго, московскія грамоты говорятъ, что, по смерти Ляпунова, онъ взялъ къ себѣ Поляковъ, Евстафія Валявскаго да Казановскаго и другихъ, и съ ними вмѣстѣ умышлялъ разоренье Московскаго государства, звалъ къ себѣ тайно и гетмана Сапѣгу со всѣмъ войскомъ, ссылался съ Поляками, осажденными въ Кремлѣ и Китаѣ, условливался съ ними, что зажжетъ станъ Подмосковный въ то время, какъ Поляки сдѣлаютъ вылазку изъ города; но что лазутчиковъ его схватили и пытали, а пановъ Валявскаго и Казановскаго казнили всею ратью. Въ грамотахъ говорится также, что еще въ 1612 году Сигизмундъ присылалъ къ Заруцкому ротмистра Синявскаго, убѣждая его мутить Московское государство до тѣхъ поръ, пока онъ, король, заключитъ миръ съ Турками и заплатитъ жалованье войску, а тамъ онъ пойдетъ на Москву, взявши которую, дастъ Заруцкому въ отчину Новгородъ Великій или Псковъ съ пригородами, или Смоленскъ, и сдѣляетъ его великимъ у себя бояриномъ и владѣтелемъ.

Чтобы грамоты были подѣйствительнѣе для казаковъ, царь послалъ на Волгу деньги, сукна, запасы, вина: „И вы-бъ, атаманы и казаки, видя къ себѣ нашу царскую милость и призрѣнье, намъ, великому государю, служили и прямили и на измѣнниковъ нашихъ стояли; а мы, великій государь, учнемъ васъ держать въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи свыше прежнихъ царей Россійскихъ". Наконецъ отправлены были двѣ грамоты и къ самому Заруцкому отъ царя и духовенства: царь обѣщалъ помилованіе въ случаѣ обращенія; духовенства грозило проклятіемъ въ случаѣ ослушанія царской грамотѣ. Донскіе казаки писали къ Волжскимъ своимъ собратіямъ о покоѣ и тишинѣ, но въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вѣроятно потому, что казаки имѣли о покоѣ и тишинѣ неясное понятіе. „Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ господамъ атаманамъ и казакамъ и всему великому войску. Прислалъ къ намъ самодержавный государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Руси свои царскія грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запасъ, и къ вамъ на пресловутую рѣку послалъ тоже жалованье многое денежное, и сукна, и селитру, и запасъ. И мы къ вамъ, господа, послали его царскія грамоты ко всему войску, и въ Астрахань, и къ Заруцкому, и ко всѣмъ чинамъ Россійскаго царства и Московскія области, чтобъ Господь Богъ гнѣвъ свой отвратилъ и на милосердіе преложилъ, чтобъ покой и тишину вы восприяли и въ соединеніи были душами и сердцами своими, и ему, государю, служили и прямили, а бездѣльникамъ не потакали; заднее забывайте, на переднее возвращайтесь, ожидайте, государи, будущихъ благъ, а вѣдаете и сами Святаго Бога писаніе: тысячи лѣтъ яко день единъ, а день единъ яко тысячи лѣтъ. А мы, господа, къ вамъ много писывали прежде о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, мы и атамановъ большихъ у васъ не знаемъ; а вы, господа наши, на насъ не дивитесь (не сердитесь)". Но почему же Донцы думали, что Волжскіе казаки будутъ на нихъ дивиться? Любопытна также и надпись на грамотѣ: „Великія Россійскія державы и Московскія области оберегателямъ, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску".

Между тѣмъ къ князю Одоевскому съ товарищами приходили вѣсти съ сѣвера, что шайки казаковъ тянутся изъ уѣздовъ Бѣлозерскаго, Пошехонскаго, чрезъ уѣзды Углицкій, Ярославскій и Романовскій, къ юго-востоку, пробираясь къ Заруцкому. Ногайскій князь Иштерекъ сначала былъ въ ссорѣ съ Заруцкимъ, но потомъ помирился, далъ сыновей въ заложники и поклялся, что весною пойдетъ со всѣми Ногаями осаждать Самарскую крѣпость, а Заруцкій объявилъ, что весною же отправится на стругахъ вверхъ по Волгѣ противъ льду съ пушками подъ Самарскій городъ и подъ

Казань. Городъ Терскій объявилъ себя за Заруцкаго; но въ Астрахани добрые люди повиновались ему невольно и съ нетерпѣніемъ ждали государевыхъ полковъ. Зимою, передъ Николинымъ днемъ, Заруцкій и Марина выслали въ міръ какую-то грамоту, и велѣли всякихъ чиновъ людямъ прикладывать къ ней руки, а смотрѣть въ нее не дали никому; духовенство и всѣ люди прикладывали руки поневолѣ. Марина видѣла нерасположеніе гражданъ и боялась возстанія; памятенъ ей былъ страшный звонъ московскихъ колоколовъ 17-го мая: она боялась того же и въ Астрахани, и запретила ранній благовѣстъ къ заутренямъ, подъ предлогомъ, что звонъ пугаетъ ея маленькаго сына. Купцы иноземные, Бухарцы, Гилянцы и другіе, ограбленные Заруцкимъ, разбѣжались. Днемъ и ночью на пыткахъ и казняхъ лилась кровь добрыхъ людей, а Заруцкій разъѣзжалъ за городъ съ ногайскими Татарами, которые въ числѣ пяти или шести сотъ пили и ѣли у него съ утра до вечера: онъ прикармливалъ ихъ, чтобъ заставить идти съ собою на весну подъ Самарскій городъ и подъ Казань. Онъ говорилъ: „Знаю я московскіе наряды,—покамѣсть люди съ Москвы пойдутъ, я до той поры Самару возьму да и надъ Казанью промыслъ учиню". Какъ видно, Заруцкій выдавалъ себя въ Астрахани за Димитрія, по-крайней мѣрѣ до насъ дошла отъ 1614 года челобитная съ обращеніемъ къ царю Димитрію Ивановичу, царицѣ Маріи Юрьевнѣ и царевичу Ивану Димитріевичу. Заруцкій надѣялся также на шаха, но персидскіе купцы увѣряли Астраханцевъ, что Аббасъ Астрахани не возьметъ, своихъ людей не пришлетъ и казны Заруцкому не дастъ, потому что не захочетъ ссориться съ Московскимъ государствомъ. Что касается до Волжскихъ казаковъ, то ближайшая къ Астрахани станица подъ атаманомъ Верзигою тянула къ вору; но въ верхнихъ казачьихъ городкахъ казаки были противъ Заруцкаго; очевидцы разсказывали, что когда пришла туда съ Дону уже извѣстная намъ грамота, то съѣхавшіеся казаки, прочтя грамоту, обрадовались, Заруцкаго, Марину и сына ея проклинали и ругали, несмотря на то, что Заруцкій, приглашая воевать государство, обѣщалъ пожаловать тѣмъ, чего у нихъ и на разумѣ нѣтъ. Казаки говорили: „Отъ нашего воровства уже и такъ много пролилось христіанской крови, много Святыхъ обителей и церквей Божіихъ разорено, такъ уже теперь намъ больше не воровать, а приклониться къ государю царю Михаилу Ѳеодоровичу и ко всей Землѣ." Но казаки, по своему обычаю, хотѣли сдѣлать службу государю и всей Землѣ какъ можно для себя выгоднѣе; для этого они собирались ѣхать въ Астрахань, взять у вора обманомъ жалованье да и учинить надъ нимъ промыселъ; потомъ сбирались идти на море, дожидаться шаховыхъ судовъ, чтобъ ихъ погромить, а если не удастся погромить персидскихъ кораблей, то идти подъ Астрахань грабить татарскія юрты: „Пока змѣя въ норѣ, такъ тутъ надъ нею и промыселъ чинить", говорили атаманы. Но молодые казаки говорили иное: „Намъ все равно, гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ, а то почему намъ и подъ Самарскій не идти съ Заруцкимъ?" 560 такихъ охотниковъ до зипуновъ перешли къ Заруцкому въ Астрахань; говорятъ, что Заруцкій, обрадовавшись приходу казаковъ и ненавидя многихъ гражданъ за ихъ нерасположеніе къ себѣ, хотѣлъ въ самое Свѣтлое Воскресенье перерѣзать всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Въ самомъ ли дѣлѣ Заруцкій имѣлъ такое намѣреніе, или только Астраханцы, испуганные пріѣздомъ казаковъ, подозрѣвали умыселъ,—рѣшить трудно; но, какъ бы то ни было, между Астраханцами и казаками произошли ссоры; Заруцкій принужденъ былъ запереться въ кремлѣ, а граждане сѣли на посадѣ, и въ среду, на Страстной недѣлѣ, завязался между ними бой (1614 г.).

Между тѣмъ пришла вѣсть, что и Терекъ отложился отъ Заруцкаго. Здѣсь такъ-же, какъ и въ Астрахани, не всѣ жители усердствовали вору съ ворухою и воренкомъ, а были за нихъ больше потому, что жили далеко отъ Москвы и не получали оттуда никакихъ вѣстей. Терскій воевода Петръ Головинъ былъ особенно подозрителенъ Заруцкому, который послалъ въ Терскій городъ взять воеводу и привести его въ Астрахань; но терскіе люди не выдали Головина и сказали посланцамъ астраханскимъ: „Али вы и Петра Головина хотите погубить такъ же, какъ погубили князя Ивана Хворостинина? Намъ съ вами въ совѣтѣ воровскомъ не быть и отъ Московскихъ чудотворцевъ не отстать". Въ половинѣ Великаго поста пріѣхалъ на Терекъ Михаилъ Черный отъ Заруцкаго: Черный пробирался въ Кабарду возбуждать горцевъ на Русь. Но терскіе люди были уже въ разладѣ съ Заруцкимъ и подозрѣвали его въ дурныхъ замыслахъ насчетъ своего города; они схватили Чернаго и привели къ воеводѣ на допросъ; сначала Черный не хотѣлъ ничего говорить о замыслахъ Заруцкаго, наконецъ пытка развязала ему языкъ; онъ объявилъ, что Заруцкій неистовствуетъ въ Астрахани, гдѣ большинство жителей не на его сторонѣ, казнитъ, сажаетъ въ воду добрыхъ людей, духовенство, грабитъ ихъ имѣнія, святотатствуетъ: взялъ изъ Троицкаго монастыря кадило серебряное и слилъ себѣ изъ него стремя; сердится на Терскій городъ, хочетъ быть тамъ на Великъ День, казнить воеводу Головина и съ нимъ многихъ людей. Послѣднее извѣстіе заставило воеводу и весь міръ принять мѣры рѣшительныя: они тотчасъ же цѣловали крестъ царю Михаилу и отправили подъ Астрахань стрѣлецкаго голову Василья Хохлова съ 700 человѣкъ. Прибывъ подъ Астрахань, Хохловъ привелъ къ присягѣ ногайскихъ Татаръ, въ томъ числѣ обратился также къ царю и извѣстный уже намъ Иштерекъ-бей, написавшій къ князю Одоевскому грамоту, въ которой очень наивно представлено положеніе зависимаго Татарина въ смутахъ Московскаго государства: „Его милость

царь далъ намъ грамоту, изволилъ обязаться защищать насъ противъ всѣхъ враговъ, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу вѣрою и правдою. Между тѣмъ, астраханскіе люди и вся Татарская орда начали тѣснить насъ: „Служи, говорятъ, сыну законнаго царя. Весь христіанскій народъ, собравшись, провозгласилъ государемъ сына Димитрія царя. Если хочешь быть съ нами, такъ дай подписку, да еще и сына своего дай аманатомъ. Не хитри, пестрыхъ рѣчей не води съ нами, не то мы Джана-Арслана съ Семиродцами подвинемъ и сами пойдемъ воевать тебя. По той причинѣ мы и дали улановъ своихъ аманатами“.

Хохловъ нашелъ Астраханцевъ въ явной войнѣ съ Заруцкимъ; но война эта была невыгодна для первыхъ, потому что на нихъ съ кремля обращены были пушки. 2,000 мужчинъ, 6,000 женщинъ и дѣтей выбѣжали въ станъ къ Хохлову. Но и Заруцкій, видя, что ему нельзя въ астраханскомъ кремлѣ дожидаться царскихъ воеводъ, 12 мая, ночью, бѣжалъ изъ Астрахани и поднялся немного вверхъ по Волгѣ. Хохловъ бросился за нимъ, нагналъ и нанесъ сильное пораженіе; Заруцкому съ Мариною и сыномъ ея удалось уйдти на море; но Хохловъ отправилъ за нимъ новыя погони. Между тѣмъ царскіе воеводы, узнавъ, что Заруцкій стѣсненъ въ Астрахани, поспѣшно двинулись къ этому городу; на дорогѣ узнали они, что Астрахань уже очищена отъ воровъ; это извѣстіе, какъ видно, было непріятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Онъ писалъ къ послѣднему, чтобъ тотъ не извѣщалъ царя объ астраханскимъ событіяхъ до его приходу, а если ужъ послалъ гонца, то воротилъ бы его съ дороги, „потому что имъ, воеводамъ, надобно писать къ государю о многихъ государевыхъ дѣлахъ“. Не участвовавши нисколько въ освобожденіи Астрахани, воевода требовалъ отъ Хохлова, чтобъ тотъ заставилъ Астраханцевъ торжественно встрѣтить его: „А насъ велѣть встрѣтить терскимъ и астраханскимъ людямъ, по половинамъ, отъ Астрахани верстъ за тридцать или за двадцать“. Узнавъ, что Заруцкій бросился на Яикъ, Одоевскій 6 іюня отрядилъ туда двухъ стрѣлецкихъ головъ, Пальчикова и Онучина, для поимки. 23 іюня посланные настигли бѣглецовъ, и начали битву собственно не съ Заруцкимъ, но съ его хозяевами—казаками, атаманами Усомъ съ товарищи, потому что этотъ Усъ владѣлъ всѣмъ, а Заруцкому и Маринѣ не было ни въ чемъ воли. Пальчиковъ и Онучинъ осадили казаковъ въ ихъ городкѣ, и тѣ, видя крайность, принуждены были добить челомъ, цѣловать крестъ государю Михаилу Ѳеодоровичу и выдать Заруцкаго съ Мариною, сыномъ и чернецомъ Николаемъ. Это было 25 іюня. Плѣнниковъ привезли въ Астрахань, откуда немедленно же отправили въ Казань, потому что, писалъ Одоевскій, „въ Астрахани мы ихъ держать не смѣли для смуты и шатости“. Заруцкій былъ отправленъ отдѣльно отъ жены; Марину провожали 600 стрѣльцовъ, Заруцкаго—230; въ случаѣ нападенія сильнѣйшаго воровскаго отряда, провожатымъ велѣно было побить плѣнниковъ. Изъ Казани ихъ отправили въ Москву. Здѣсь Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили, сама Марина умерла въ тюрьмѣ, съ горя, по московскимъ извѣстіямъ, а по польскимъ—была утоплена или задушена[1]). Тотъ же лѣтописецъ упоминаетъ и о казни Ѳеодора Андронова.

Избавились отъ Заруцкаго, успокоена была Астрахань; но казаковъ оставалось еще много внутри государства: почти не было ни одной области, которая бы не страдала отъ ихъ опустошенія. Объ ихъ опустошеніяхъ лѣтописецъ говоритъ, что и въ древнія времена такихъ мукъ не бывало; воеводы доносили: „Тамъ и тамъ стояли казаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основанія, крестьянъ жженыхъ видѣли мы больше семидесяти человѣкъ, да мертвыхъ больше сорока человѣкъ, мужиковъ и женокъ, которые померли отъ мученья и пытокъ, кромѣ замерзшихъ“. Особенно отличался между казаками атаманъ Баловень. 1 сентября 1614 года, въ тогдашній новый годъ, государь говорилъ на соборѣ съ духовенствомъ, боярами, думными и всѣхъ чиновъ всякими людьми: „Пишутъ къ намъ изъ Замосковныхъ и изъ Поморскихъ городовъ, что пришли въ уѣзды воры казаки, многіе люди, православныхъ христіанъ побиваютъ и жгутъ разными муками, денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ запасовъ сбирать не дадутъ, собранную денежную казну въ Москву отъ ихъ воровства провезти нельзя. Дворяне и дѣти боярскія бьютъ челомъ, чтобъ имъ съ ворами управиться самимъ: такъ на этихъ воровъ посылки ли послать, или писать къ нимъ объ обращеньи, чтобъ отъ воровства отстали?“ Приговорили: „Послать къ ворамъ изъ (духовныхъ) властей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, и говорить ворамъ, чтобъ они отъ воровства отстали. Для этого посланы были Суздальскій архіепископъ Герасимъ съ двумя еще духовными лицами, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и дьякъ Ильинъ, съ выборными изъ дворянъ, гостей, изъ торговыхъ людей и казаковъ. Они должны были ѣхать въ Ярославль и оттуда повѣстить казакамъ: которые изъ нихъ хотятъ стоять за имя Божіе, государю служить и прямить,—тѣмъ отъ воровъ, которые хотятъ воровать, отобраться, списки именъ своихъ прислать къ государю и идти на службу. Которые государю служить не станутъ, станутъ впередъ государю измѣнять, церкви Божіи разорять, образа обдирать, православныхъ христіанъ грабить, жечь, ломать,—на такихъ всякимъ государевымъ людямъ, атаманамъ и казакамъ стоять за-

[1]) Дворцовые разряды, т. I; Акты арх. эксп. т. III, № 18, 19, 20, 21, 22—29; Акты историч. т. III, № 12, 13, 14, 248, 257, 264, 265, 277, 15, 278, 280, 32, 26, 35, 36; Собр. гос. грам. и дог. III, № 20, Kobierzicki-Histor. Vladisl. p. 471; Дѣла Турецкія въ столбцахъ; связка 2.

одно и надъ ними промышлять, потому что они пуще и грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ: и казаками этихъ воровъ не называть, чтобъ прямымъ атаманамъ, которые служатъ, безчестья не было. Если казаки станутъ договариваться съ княземъ Лыковымъ, а безъ заклада къ нему не поѣдутъ, то ему давать заклады, смотря по ихъ людямъ, и уговаривать ихъ всякими обычаями, чтобъ ихъ отъ воровства отвести и выслать на государеву службу, обѣщать имъ жалованье, должнымъ и крѣпостнымъ людямъ—свободу. Которые атаманы и казаки станутъ пріѣзжать въ Ярославль къ князю Лыкову для сговоровъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ, тѣхъ поить и кормить. Которые атаманы и казаки отъ воровства отстанутъ и пойдутъ на государеву службу,—тѣмъ велѣть кормы давать, собирая съ посадовъ и уѣздовъ, какъ можно сытымъ быть, а лишняго брать и насилья не велѣть. Которые атаманы и казаки отъ воровства не отстанутъ, на службу не пойдутъ, уговоръ ихъ не возьметъ,—на такихъ князю Лыкову сбираться съ городами, съ дворянами и дѣтьми боярскими, сбирать также охочихъ всякихъ людей и даточныхъ, и надъ ворами промышлять всякими обычаями.

Лыковъ далъ знать государю, что онъ къ казакамъ писалъ и уговаривать посылалъ много разъ; но воры отъ воровства не отстаютъ, и унять ихъ никакъ нельзя: стали воровать пуще прежняго; которые казаки хотятъ отстать отъ воровства, тѣмъ отъ воровъ уйти нельзя, потому что воры умножились. Государь въ отвѣтъ приказалъ Лыкову промышлять надъ казаками. Послѣ этого Лыковъ писалъ, что онъ на казаковъ ходилъ и посылки посылалъ, и воровъ во многихъ мѣстахъ побивали. Тогда казаки прислали объявить Лыкову, что они отъ воровства отстали и пошли на государеву службу къ Тихвину противъ Шведовъ, и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ прислать воеводъ изъ Москвы, съ кѣмъ имъ ходить и промышлять надъ Нѣмецкими людьми. Изъ Москвы отправились къ нимъ двое воеводъ—князь Никита Волконскій да Чемесовъ; но скоро эти воеводы дали знать государю, что когда они пришли на Тихвину и хотѣли смотрѣть казаковъ по спискамъ, то казаки на смотръ не пошли: ѣздятъ себѣ по селамъ, деревнямъ и дорогамъ, грабятъ, бьютъ, села и деревни жгутъ, крестьянъ ломаютъ, воровство отъ нихъ чинится пуще прежняго, приходятъ и на нихъ, воеводъ, съ великимъ шумомъ, съ угрозами, хотятъ грабить и побить. А послѣ того прибѣжали съ Тихвины въ Москву казаки, которые государю прямили, и въ разспросѣ боярамъ сказали: которые казаки отстали отъ воровства, начали служить государю, стали-было отъ воровъ отбираться и пришли къ воеводамъ, князю Волконскому и Чемесову,—на тѣхъ пришли казаки-воры, перехватали и переграбили ихъ, также и самихъ воеводъ царскихъ, многихъ добрыхъ атамановъ и казаковъ побили до смерти, и теперь идутъ по городамъ войною. Прискакалъ гонецъ и отъ воеводы съ Устюжны: пришли къ его городу казаки многіе, говорятъ, что идутъ къ Москвѣ, а невѣдомо для какого умышленія. По этимъ вѣстямъ царь отписалъ въ Ярославль къ князю Лыкову и въ Кашинъ къ воеводѣ Бояшеву, чтобы по всѣмъ дорогамъ посылали подъѣзды провѣдывать про казаковъ,—куда ждать ихъ похода, и если воры пойдутъ прямо подъ Москву, то Лыковъ и Бояшевъ должны идти за ними также къ Москвѣ.

Казаки дѣйствительно явились подъ Москвою и стали по Троицкой дорогѣ, въ селѣ Ростокинѣ, приславши къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить, воровать впередъ не станутъ и на службу идти готовы. Государь послалъ въ Ростокино дворянъ и дьяковъ переписать и разобрать казаковъ, сколько ихъ пришло. Казаки къ смотру не шли долго и едва дали себя переписать, говоря, что они, атаманы, знаютъ сами сколько у кого въ станицѣ казаковъ. Они ставили по дорогамъ отъ Ростокина къ Москвѣ и по Троицкой дорогѣ сторожи днемъ и ночью, посылали по всѣмъ дорогамъ подъѣзды и станицы, все провѣдывали про князя Лыкова съ товарищи, а между тѣмъ прислали другое челобитье къ государю, чтобъ велѣлъ имъ дать торгъ, иначе они станутъ воевать и въ загоны посылать: по государеву указу изъ Москвы къ нимъ съ торгомъ посылали, только бы въ загонъ не ѣздили. Государь велѣлъ также перевести ихъ изъ Ростокина къ Донскому монастырю; отсюда они начали пріѣзжать въ Москву ратнымъ обычаемъ и говорить, что будутъ московскихъ людей грабить, а другіе говорили: только ихъ государь не пожалуетъ,—и они пойдутъ къ Лисовскому въ Сѣверскую страну. Тогда послали къ Лыкову и Бояшеву приказъ, чтобъ они тотчасъ же со всѣми людьми шли подъ Москву проселочными дорогами, тайкомъ, и, пришедши подъ Москву, стали бы, также утаясь, гдѣ пригоже. Лыковъ и Бояшевъ наконецъ пришли, и государь велѣлъ взять изъ казацкаго табору въ Москву атамановъ, есауловъ и казаковъ, разспросить и сыскать: били челомъ бояре и дворяне и дѣти боярскія, что они, казаки, помѣстья и вотчины ихъ разорили; да били челомъ воеводы, князь Волконскій и Чемесовъ, что казаки ихъ били и грабили. Казаки были взяты къ допросу, и въ то же время изъ Москвы къ Симонову монастырю двинулся окольничій Артемій Измайловъ: велѣно ему было стать противъ казачьихъ таборовъ и послать сказать казакамъ, чтобъ они не смѣли выходить изъ нихъ никуда, и стояли бы безо всякаго опасенья, потому что онъ, Измайловъ, присланъ ихъ оберегать; если же они станутъ подниматься со становъ, то Измайлову и Лыкову велѣно идти на нихъ, чтобъ ихъ подъ Москву не пустить. Но какъ скоро Измайловъ пришелъ къ Симонову монастырю и сталъ противъ казачьихъ таборовъ, то воры бросились бѣжать изъ-подъ Москвы Серпуховскою и другими дорогами; Измайловъ и Лыковъ двинулись за ними, по дорогѣ нѣсколько разъ побивали ихъ отряды и настигли главную толпу въ

Малоярославскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Лужѣ. Здѣсь казаки были побиты на-голову, а остальные, видя надъ собою отъ государевыхъ людей тѣсноту, добили челомъ и крестъ цѣловали. Всѣхъ этихъ казаковъ, по государеву указу, Лыковъ и Измайловъ привели въ Москву въ числѣ 3,256 человѣкъ: ихъ всѣхъ простили и отослали на службу, только Баловня повѣсили, да нѣкоторыхъ другихъ атамановъ разослали по тюрьмамъ. Но этимъ государство еще не успокоилось отъ казаковъ. Въ 1616 г. государь получилъ вѣсти изъ Владиміра, Суздаля, Мурома, Балахны и Нижняго, что собрались воры, боярскіе холопи и всякіе безыменные люди, и называются казаками, пришли въ Суздальскій и Владимірскій уѣзды, въ Шую и другія мѣста; по селамъ, деревнямъ и дорогамъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей побиваютъ до смерти, села и деревни жгутъ, крестьянъ пытаютъ, довѣдываясь, гдѣ ихъ пожитки, и хотятъ идти по городамъ. Государь приказалъ промышлять надъ ворами князю Димитрію Петровичу Лопатѣ-Пожарскому и Костромскому водводѣ Ушакову. Какъ они исполнили порученіе,—неизвѣстно. Въ томъ же году дали знать государю изъ Казани и другихъ понизовыхъ городовъ, что Татары и Черемисы заворовали, государю измѣнили, села и деревни жгутъ, людей въ полонъ берутъ и побиваютъ, къ городамъ приступаютъ, дороги отъ Казани къ Нижнему отняли. Противъ нихъ отправлены были бояринъ князь Сулешовъ и стольникъ князь Львовъ [1]).

Кромѣ казаковъ, Татаръ и Черемисъ, надобно было раздѣлываться съ Литовскими людьми, съ Лисовскимъ и казаками Малороссійскими, или Черкасами. Тотчасъ по избраніи Михаила, въ Москвѣ начали думать какъ бы прекратить войну Литовскую и главное—высвободить изъ плѣна отца государева. 10 марта 1613 года соборъ уже отправилъ дворянина Дениса Аладьина къ королю съ грамотою, въ которой, прописавъ всѣ неправды Сигизмунда, требовалъ размѣна плѣнныхъ. Струсь отъ лица всѣхъ своихъ собратій писалъ также къ королю, умоляя его прислать Филарета съ товарищами и тѣмъ освободить своихъ подданныхъ изъ неволи московской. Въ наказѣ Аладьину говорилась: Скажутъ: „Намъ подлинно извѣстно, что Польскихъ и Литовскихъ людей, разосланныхъ по городамъ послѣ Кремлевскаго взятья, всѣхъ мужики побили", — отвѣчать: „Сосланы были Польскіе и Литовскіе люди съ Москвы въ города для береженья, къ Соли-Галицкой, да въ Галичъ, да на Чухлому, да на Унжу, и пришли къ тѣмъ городамъ изгономъ воры, ваши же Черкасы, и тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей немногихъ побили ваши же Черкасишки, а по другимъ городамъ всѣ цѣлы". Хотѣли скрыть отъ Поляковъ объ избраніи Михаила, чтобы тѣмъ легче высвободить Филарета, и потому Аладьину было наказано: Если скажутъ, что въ Москвѣ выбрали въ цари Михаила Ѳедоровича Романова, то отвѣчать: „Это вамъ кто-то сказалъ неправду; въ Москву всякихъ чиновъ люди съѣхались и о государскомъ избраніи совѣтуются, но поджидаютъ изъ дальнихъ областей совѣтныхъ же людей". Станутъ говорить про измѣнниковъ, про Ѳедьку Андронова съ товарищами, за что ихъ пытали, вѣдь они за правду стояли, то отвѣчать: „Михалка Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ съ товарищами—первые измѣнники и всякому злу начальники; изъ-подъ Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли, и вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими людьми придумали Москву разорить, царскую многую неисчетную казну, собраніе прежнихъ великихъ государей, къ королю отослали, а иную ратнымъ людямъ раздавали; и они, злодѣи, не только пытокъ, но и всякихъ злыхъ смертей достойны". Аладьину наказано было въ задоръ ничего не говорить; посолъ долженъ былъ править королю челобитье отъ освященнаго собора, отъ бояръ, окольничихъ и проч., отъ всякихъ чиновъ людей всего великаго Россійскаго царствія. Если паны скажутъ, что Русскіе Владиславу измѣнники, то отвѣчать изложеніемъ неправдъ королевскихъ, и, между прочимъ, сказать: „Царскія утвари, и царскія шапки и коруны, и всякое царское достояніе, и чудотворные образа Михайла Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ къ вамъ отослали". Если будутъ при королѣ или при панахъ во время посольства московскіе измѣнники—Михайла Салтыковъ, Иванъ Грамотинъ, Василій Яновъ, или иной кто, то Аладьину жаловаться на это, говорить, что прежде такъ не бывало. Если же эти измѣнники станутъ какія непригожія рѣчи на задоръ говорить, то Аладьину говорить при панахъ вслухъ безстрашно, что тѣ, Михайла съ товарищами, первые всякому злу начальники и Московскому государству разорители, и имъ было теперь надобно попомнить Бога и свою христіанскую природу, отъ такихъ своихъ дѣлъ перестать, а только не перестанутъ, и имъ вскорѣ отъ Бога отмщенье будетъ.

Аладьинъ могъ увѣрить соборъ, что скоро нельзя ждать отъ короля сильныхъ движеній на Москву; одинъ Полякъ говорилъ ему на дорогѣ: „Видѣль ты самъ, какъ здѣсь жолныри (солдаты) пустошатъ королевскіе города и мѣста, и много городовъ и мѣстъ запустошатъ до тѣхъ поръ, пока имъ дадутъ жалованье". Въ Вильнѣ бурмистръ говорилъ Аладьину: „Здѣсь у насъ стоятъ жолныри, и житья намъ отъ нихъ нѣтъ, насильство чинятъ великое, кормы берутъ большіе и правятъ деньги, женамъ и дѣтямъ нашимъ чинятъ тѣсноту и насильство, лучше бы намъ отъ нихъ Земля разступилась"! Такимъ образомъ безурядица въ Польшѣ давала Московскому государству возможность оправляться отъ своего безнарядья. Въ іюнѣ 1613 года Аладьинъ возвратился и привезъ отвѣтъ отъ пановъ, которые, разумѣется, оправдывали во всемъ Сигизмунда и складывали всю вину на Мо-

[1]) Книги разрядныя, т. I; Разрядная книга 7124 года, стр. 52, 53; Собран. госуд. грам. и догов. III, 22; Акты арх. экспед. III, № 44, 50, 53.

скву; относительно Владислава писали: „Намъ хорошо извѣстно, что еще при князѣ Димитріи Ивановичѣ, котораго вы зовете Гришкою Отрепьевымъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями и со многими боярами, чрезъ нѣкоторыхъ Польскихъ, Литовскихъ и Московскихъ людей, говорили и били челомъ королю, чтобъ пожаловалъ—отъ разстриги Гришки Отрепьева ихъ самихъ и государство Московское очистилъ, а на государство Московское далъ сына своего Владислава Жигимонтовича". Взаключеніе паны пишутъ, что они и вмѣстѣ съ ними императоръ Нѣмецкій Матвей склоняютъ Сигизмунда къ миру съ Москвою; паны требуютъ отъ Думы, чтобъ она прекратила всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Поляковъ до пріѣзда императорскихъ пословъ, при посредствѣ которыхъ приступлено будетъ къ мирнымъ соглашеніямъ. О королѣ паны пишутъ, что онъ не могъ самъ отвѣчать на грамоту собора, потому что она наполнена словами укорительными, несправедливыми, гордыми и срамотными.

Между тѣмъ непріятельскія дѣйствія продолжались: въ мартѣ 1613 года соборъ двинулъ войска противъ Литовскихъ людей, которые пришли войною въ бѣлевскія, мещовскія, калужскія и козельскія мѣста и большими людьми стали на Брынѣ; въ апрѣлѣ бояре отправили воеводъ въ Сѣверскую Землю, гдѣ дѣла шли удачно для Русскихъ людей; но изъ-подъ Козельска приходили дурныя вѣсти: князья Андрей Хованскій и Семенъ Гагаринъ стояли отъ Козельска за 16 верстъ, а князь Иванъ Хворостининъ сталъ отъ нихъ за шесть верстъ; Хованскій посылалъ ему говорить, чтобъ онъ подошелъ поближе и вмѣстѣ съ нимъ промышлялъ надъ Литовскими людьми; но Хворостининъ не послушался и пошелъ назадъ во Мценскъ со всею ратью. Была между Хованскимъ и Хворостининымъ рознь великая и государеву дѣлу въ ихъ розни прибыли не было. Къ тому же обговоренъ былъ еще воевода Артемій Измайловъ, будто ссылается съ Литовскими людьми. Царь велѣлъ и Хованскаго и Хворостинина перемѣнить, а объ Измайловѣ сыскать крѣпкими сысками; но, какъ видно, ничего не сыскали. Въ іюлѣ пришли вѣсти еще хуже: Черкасы и Литовскіе люди взяли Серпейскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Болховъ, Лихвинъ, Перемышль, въ Бѣлевѣ овладѣли острогомъ, а въ городѣ отсидѣлся отъ нихъ воевода князь Семенъ Гагаринъ. Измайловъ писалъ изъ Калуги, что Черкасы приходили уже подъ этотъ городъ; думаетъ, что придутъ еще; изъ Можайска писалъ Нащокинъ, что непріятель хочетъ подходить къ его городу. Государь говорилъ на соборѣ съ духовенствомъ и боярами, какъ ему надъ литовскими людьми и Черкасами промышлять,—и приговорилъ идти на нихъ стольникамъ:—князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому и Михайлѣ Матвѣичу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли подъ Калугу, то Литовскіе люди и Черкасы, послышавъ ихъ приходъ, ушли изъ серпейскихъ и мещовскихъ мѣстъ къ Вязьмѣ и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутые Литовцами Вязьму и Дорогобужъ, и подступили подъ Бѣлую. Литовцы сдѣлали-было изъ нея сильную вылазку, но были побиты и въ августѣ принуждены были сдаться. Царь наградилъ воеводъ золотыми и велѣлъ имъ идти подъ Смоленскъ. Воеводы отправились осаждать Смоленскъ, стали въ двухъ верстахъ отъ него, но ничего не могли сдѣлать по недостатку войска: украинскіе дворяне и дѣти боярскія многіе подъ Смоленскъ не бывали, а иные изъ-подъ Смоленска сбѣжали. Черкасскій и товарищъ его, князь Троекуровъ (потому что Бутурлинъ былъ тяжело раненъ подъ Бѣлою) стояли подъ Смоленскомъ безъ всякаго дѣйствія до іюня 1615 года, когда имъ на смѣну были отправлены туда воеводы—бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и Миронъ Вельяминовъ. Когда Черкасскій пріѣхалъ въ Москву, то государь велѣлъ ему быть у своего стола, а послѣ стола пожаловалъ за службу шубу на соболяхъ, атласъ золотный да кубокъ.

Въ то же время пришли вѣсти, что Лисовскій усиливается въ Сѣверской странѣ, Литовцы тѣснятъ Брянскъ, захватили Корачевъ. Противъ Лисовскаго отправлены были воеводы: бояринъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій и Степанъ Исленьевъ. Зная образъ веденія войны Лисовчиковъ, воеводамъ дали наказъ въ походѣ и на станахъ соблюдать величайшую осторожность: „Разспрося про дорогу накрѣпко, послать напередъ себя дворянъ, велѣть имъ на станахъ, гдѣ имъ ставиться, мѣста разъѣздить и разсмотрѣть, чтобъ были крѣпки, да поставить надолбы; а какъ надолбы около становъ поставятъ и укрѣпятъ совсѣмъ накрѣпко, то воеводамъ идти на станъ съ великимъ береженьемъ, посылать подъѣзды и провѣдывать про Литовскихъ людей, чтобъ они безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили". Изъ Бѣлева черезъ Болховъ шелъ Пожарскій на Лисовскаго: тотъ испугался осады въ Корачевѣ, выжегъ городъ и пустился верхнею дорогою къ Орлу. Князь Димитрій, узнавъ объ этомъ, быстро пошелъ также къ Орлу; въ одинъ день и въ одно утро столкнулись они на одномъ мѣстѣ; Иванъ Пушкинъ, шедшій впереди, началъ бой; Русскіе не устояли противъ Лисовскаго, воевода Исленьевъ обратился въ бѣгство; но не тронулся Пожарскій съ 600 человѣкъ и долго отбивался отъ 3,000 Лисовчиковъ, обгородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ. Лисовскій не догадывался, что у Пожарскаго такъ мало людей, и потому не смѣлъ напасть на него, а раскинулъ станъ въ двухъ верстахъ. Пожарскій не хотѣлъ покинуть своего стана: „Всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ", отвѣчалъ онъ своимъ ратнымъ людямъ, которые уговаривали его отступить къ Болхову. Вечеромъ возвратился назадъ бѣглый воевода Исленьевъ, ночью стали съѣзжаться и другіе бѣглецы. На другой день, видя около себя сильную рать, Пожарскій началъ наступательное движеніе на Лисовскаго: тотъ быстро снялся съ мѣста и сталъ подъ

Кромами; видя, что преслѣдованіе не прекращается, въ однѣ сутки прошелъ 150 верстъ и явился передъ Болховомъ. Отбитый отсюда воеводою Волынскимъ, сжегъ Бѣлевъ; потомъ приступилъ-было къ Лихвину, но потерпѣлъ здѣсь неудачу и сталъ въ Перемышлѣ, откуда воевода со всѣми ратными людьми выбѣжалъ въ Калугу. Пожарскій остановился въ Лихвинѣ; здѣсь, подкрѣпивъ себя казанскою ратью, погнался опять за Лисовскимъ; тотъ началъ попрежнему отступать, выжегъ Перемышль и пустился наспѣхъ между Вязьмою и Можайскомъ; Пожарскій отрядилъ противъ него воеводъ, но самъ, истомленный невѣроятно быстрою погонею за самымъ неутомимымъ изъ наѣздниковъ, слегъ отъ тяжкой болѣзни и отвезенъ былъ въ Калугу. Съ удаленіемъ Пожарскаго, преслѣдованія кончились: ратные люди не пошли за Лисовскимъ, потому что Казанцы побѣжали въ Казань. Лисовскій могъ свободно броситься подъ Ржевъ-Володиміровъ, въ которомъ едва отсидѣлся отъ него бояринъ Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ, шедшій на помощь Пскову. Отступивъ отъ Ржева, Лисовскій былъ подъ Кашиномъ и подъ Угличемъ, гдѣ также едва отъ него отсидѣлись. Послѣ этого Лисовскій уже не приступалъ болѣе къ городамъ, но пробирался, какъ тѣнь, между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлемъ и Костромою къ суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ-Рязанскимъ, между Тулою и Серпуховымъ до Алексина. Нѣсколько воеводъ было отпущено въ погоню за Лисовскимъ, но они безплодно кружили изъ одного мѣста въ другое; только въ Алексинскомъ уѣздѣ сошелся съ нимъ разъ князь Куракинъ, но не могъ причинить ему большаго вреда и перехватить путь въ Литву, куда явился наконецъ Лисовскій послѣ своего изумительнаго въ военныхъ лѣтописяхъ круга и надолго памятнаго въ Московскомъ государствѣ. Съ тою же чудесною быстротою дѣйствовали на отдаленномъ сѣверѣ казаки Малороссійскіе: такой войны, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали Русскіе люди, куда и какъ пробирались Черкасы. Изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ поморскіе города, воевали Вагу и тотемскія мѣста и устюжскія, потомъ пошли въ Двинскую Землю къ морю, шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ гдѣ они не были, и вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли остановить ихъ; только въ Заонежскихъ погостахъ побили ихъ много, а Олончане добили и послѣднихъ; воевали они Московскую Землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ нигдѣ не стояли, земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій, въ разныхъ мѣстахъ шли продолжительные, хотя и безплодные, переговоры о мирѣ. Въ ноябрѣ 1614 года паны-рада прислали московскимъ боярамъ грамоту, въ которой упрекали ихъ въ измѣнѣ Владиславу и въ томъ, что сперва бояре сами хотѣли отдать свое дѣло съ Польшею на рѣшеніе императора, а потомъ съ гордостію отвергли это посредничество, продолжаютъ войну и держатъ польскихъ плѣнниковъ въ тяжкомъ заключеніи; несмотря на то, они, паны, снова предлагаютъ завести мирные переговоры на рубежѣ. Бояре отвѣчали, что имъ и принять панскій листъ было непригоже, не только-что по нему какія государскія дѣла дѣлать, потому что писано въ немъ не по прежнему обычаю: великаго государя имени не описано, и во всемъ писано высоко, не по прежнему обычаю. Несмотря однако на то, по миролюбію своему, бояре рѣшились принять грамоту отъ пановъ и отвѣчать на нее. Они оправдываются во всемъ, что взвели на нихъ паны. „Богу извѣстно, потомъ и окрестнымъ всѣмъ государямъ христіанскимъ и мусульманскимъ, что мы во всемъ томъ, что вы на насъ пишете, невинны. Тѣ всѣ неправды учинились отъ государя вашего и съ вашей стороны, а наши души отъ того чисты; вамъ, братьѣ нашей, панамъ-радѣ, нынѣ и впередъ и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московскомъ государствѣ: то дѣло уже бывшее". Касательно сношеній съ императоромъ о посредничествѣ бояре отвѣчаютъ, что когда еще второе ополченіе стояло подъ Москвою, тогда воеводы его послали нѣмецкаго переводчика Еремѣя Еремѣева къ императору съ просьбою, чтобъ онъ уговорилъ Сигизмунда отстать отъ неправдъ, „а о томъ мы къ цесарскому величеству не посылали и не приказывали, чтобъ цесарское величество насъ съ государемъ вашимъ взялъ на свой судъ,—нечего намъ съ государемъ вашимъ судиться! Всемогущему Богу и цесарскому величеству, и всѣмъ окрестнымъ государямъ неправды королевы передъ великими Россійскими государствами вѣдомы". Бояре пишутъ, что императоръ прислалъ переводчика назадъ съ обѣщаніемъ писать Сигизмунду, что царь Михаилъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отправилъ къ императору пословъ, которые уже исполнили свое посольство; послѣ этого боярамъ показалось странно, что въ предѣлахъ польскихъ явился императорскій гонецъ Сингель, присланный не къ царю, а къ боярамъ. Боярамъ не слѣдовало бы и входить съ Сингелемъ въ какія-либо сношенія; но уже государь, въ уваженіе прежней крѣпкой любви царей Московскихъ съ императорами, велѣлъ боярамъ принять Сингеля; сдѣланы были поэтому нужныя распоряженія, но нѣмецкій гонецъ и посолъ польскій почему-то не явились къ боярамъ, равно какъ польское правительство до сихъ поръ не присылаетъ опаснаго листа для посла царскаго къ Сигизмунду. Потомъ бояре отвѣчаютъ на упреки въ дурномъ обхожденіи съ плѣнными: „У васъ, пишутъ они, наши—не плѣнники, но послы, митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ, разлучены, по разнымъ мѣстамъ сидятъ въ темницахъ; а у насъ плѣнники ваши, Струсь съ товарищами,—живутъ въ Москвѣ, дворы имъ даны добрые, пищу и питье получаютъ достаточно, лю-

дямъ ихъ вольно всюду ходить по дѣламъ господскимъ, скудости и тѣсноты нѣтъ никакой". Бояре заключаютъ грамоту извѣщеніемъ, что государь позволилъ имъ отправить своихъ пословъ на рубежъ, на съѣздъ съ польскими послами. Любопытно взглянуть на боярскія подписи на грамотѣ: сначала видимъ имена старыхъ бояръ, князя Мстиславскаго, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и другихъ; на десятомъ мѣстѣ подпись князя Д. Т. Трубецкаго, на одиннадцатомъ князя Д. М. Пожарскаго, на девятнадцатомъ—Минина; въ дьякахъ подписался Сыдавный Васильевъ.

Съ этою грамотою отправленъ былъ Желябужскій, который получилъ такой наказъ: Станутъ говорить, что Московскаго государства всякихъ чиновъ люди цѣловали крестъ королевичу Владиславу, то отвѣчать: „Московскаго государства всякихъ чиновъ люди передъ великимъ государемъ вашимъ Жигимонтомъ королемъ и передъ сыномъ его во всемъ томъ невинны. Вся неправда и невинное христіанское кроворазлитіе учинились со стороны великаго государя вашего, а всего Московскаго государства людей души отъ того чисты. И вамъ за неправду государя вашего, нынѣ и впередъ, поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московскомъ государствѣ, и пословъ о томъ посылать незачѣмъ, то уже дѣло бывшее и давно о томъ государю вашему и вамъ ото всего Московскаго государства отказано накрѣпко". О Заруцкомъ Желябужскій долженъ былъ говорить: „Вора Ивашку Заруцкаго и воруху Маринку съ сыномъ для обличенья ихъ воровства привезли въ Москву. Ивашка за свои злыя дѣла и Маринкинъ сынъ казнены, а Маринка на Москвѣ отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ умерла, а государю и боярамъ для обличенья вашихъ неправдъ надобно было, чтобъ она жила. И теперь отчина царскаго величества отъ воровской смуты очистилась и воровская смута вся поминовалась".

Желябужскій долженъ былъ видѣться съ Филаретомъ, ударить ему челомъ отъ сына и говорить: „Великій государь, сынъ вашъ, васъ, великаго государя, велѣлъ о здоровьи спросить, а про свое здоровье велѣлъ сказать: вашими отеческими святительскими и государыни моей матери, великой старицы иноки Мароы Ивановны, многоусердными къ Богу молитвами на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ здравствуемъ, только оскорбляемся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей не сподобляемся видѣть; молимъ милосердаго Бога, и радѣемъ, и промышляемъ, и хотимъ того, чтобъ милосердый Богъ вашу святыню изъ такой тягости высвободилъ". Грамота царская къ отцу начиналась такъ: „Великаго и всещедраго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, иже достойному святительскимъ и богоукрашеннымъ саномъ почитаему и украшаему, и нашему христіанскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнолюбнымъ тщаніемъ ко Господу о насъ прилежно молителю, и наказателю словесныхъ Христовыхъ овецъ и выну о овцахъ, паче же заблудшихъ, попремногу многовзыскательному тщателю и разрѣшителю недоумѣннымъ, еже есть духовнымъ сплетеніемъ, поборнику и страдателю за Святыя благосіятельныя христіанскія наши церкви и крѣпкому столпу въ православіи, и еже о Христѣ любезное на землѣ житіе чающе небеснаго рая жителю, старѣйшему и превысочайшему священноначаліемъ отцу отцемъ, великому государю моему, преосвященному митрополиту Филарету Никитичу, Божіею милостію и Его крѣпкою непобѣдимою десницею содержай скипетръ великаго Россійскаго царствія, въ месть врагамъ, въ похвалу добродѣтелямъ, сынъ твоего изрядносіятельнаго отечества Михаилъ, Божіею милостію царь и великій князь всея Русіи самодержецъ, главу свою усерднѣ до земли преклоняетъ, касаяся твоимъ святительскимъ честнымъ стопамъ и со слезами у васъ, великаго государя моего отца, прося, еже за ны святительскихъ вашихъ молитвъ и благословенія". Желябужскій долженъ былъ также править челобитье Филарету отъ иноки Мароы Ивановны, потомъ отъ духовныхъ властей, бояръ и всей Думы. Князя Василья Васильевича Голицына и товарищей его Желябужскій долженъ былъ о здоровьи спросить и говорить имъ рѣчь: „Служба ваша, радѣнье и терпѣнье вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣемъ и промышляемъ, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить". Потомъ Желябужскій долженъ былъ править имъ челобитье отъ властей и бояръ; такую же рѣчь отъ царя долженъ былъ сказать и Шеину, если съ нимъ увидится. Бывшаго царя, Василья Ивановича Шуйскаго, и брата его Димитрія уже не было въ живыхъ; относительно же брата ихъ, князя Ивана Ивановича, послу ничего не было наказано. Филарету наединѣ (если это только возможно) Желябужскій долженъ былъ объявить, что въ Москвѣ дѣлается все доброе, всѣ великіе государи присылаютъ съ дарами и съ поминками великими, прося царской къ себѣ любви и дружбы.

Въ Варшавѣ паны приняли Желябужскаго по обычаю, спросили о здоровьи бояръ; Желябужскій отвѣчалъ, что бояре при великомъ государѣ, далъ Богъ, всѣ въ добромъ здоровьи. Когда онъ сказалъ: при великомъ государѣ, то изъ всѣхъ сенаторовъ отозвался невѣжливо одинъ Левъ Сапѣга: „Еще-де то у васъ не пошлый (настоящій) государь"! Филаретъ жилъ въ домѣ Льва Сапѣги, который былъ его приставомъ; Желябужскому позволено было здѣсь съ нимъ видѣться. Принявши государеву грамоту, Филаретъ спросилъ: „Какъ Богъ милуетъ сына моего"? Желябужскій отвѣчалъ, что слѣдуетъ. Послѣ этого Филаретъ началъ говорить послу и товарищамъ его: „Негораздо вы сдѣлали, послали меня отъ всего Московскаго Россійскаго государства съ наказомъ къ Жигимонту королю прошать сына его Влади-

слава королевича на Московское государство государемъ; я и до сихъ поръ дѣлаю во всемъ вправду, а послѣ меня брали на Московское государство государемъ сына моего, Михаила Ѳедоровича; и вы въ томъ передо мною неправы; если уже вы хотѣли выбирать на Московское государство государя, то можно было и кромѣ моего сына, а вы это теперь сдѣлали безъ моего вѣдома". Посолъ отвѣчалъ: „Царственное дѣло ни за чѣмъ не останавливается: хотя бы и ты, великій господинъ, былъ, то и тебѣ было перемѣнить того нельзя,—сдѣлалось то волею Божіею, а не хотѣньемъ сына твоего". Филаретъ сказалъ на это: „То вы подлинно говорите, что сынъ мой учинился у васъ государемъ не по своему хотѣнью, изволеніемъ Божіимъ да вашимъ принужденьемъ",—и, обратясь къ Сапѣгѣ, прибавилъ: „Какъ было то сдѣлать сыну моему?—остался сынъ мой послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ, и безсемеенъ, только насъ осталось—я здѣсь, да братъ мой на Москвѣ одинъ, Иванъ Никитичъ". Сапѣга отвѣчалъ ему грубо, срывая сердце: „Посадили сына твоего на Московское государство государемъ одни казаки Донцы". На это возразилъ Желябужскій: „Что ты, панъ канцлеръ, такое слово говоришь! То сдѣлалось волею и хотѣньемъ Бога нашего, Богъ послалъ Духа Своего Святаго въ сердца всѣхъ людей". Сапѣга замолчалъ. Желябужскій сталъ править челобитья, и Филаретъ, прочтя грамоты, отдалъ ихъ Сапѣгѣ. О князѣ Голицынѣ Сапѣга сказалъ, что онъ остался въ Маріенбургѣ, Шеинъ съ женою и дочерью въ его, Сапѣгиной, вотчинѣ въ Слонимскомъ повѣтѣ, а сынъ въ Варшавѣ. Филаретъ замѣтилъ при этомъ: „Я не знаю, живъ ли или нѣтъ бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, потому что мы съ нимъ давно разстались".

Кромѣ Сапѣги, тутъ былъ еще другой приставъ, панъ Олешинскій. Филаретъ, обратясь къ нимъ обоимъ, сказалъ: „Насъ царь Борисъ всѣхъ извелъ,—меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичъ". Олешинскій спросилъ у Сапѣги: „Для чего царь Борисъ надъ ними это сдѣлалъ?" Сапѣга отвѣчалъ: „Для того царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдясь отъ нихъ, чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близки къ царю Ѳедору". Панъ Олешинскій опять началъ говорить, обращаясь къ послу: „На весну пойдетъ къ Москвѣ королевичъ Владиславъ, а съ нимъ мы всѣ пойдемъ Посполитою Рѣчью; Владиславъ королевичъ учинитъ вашего митрополита патріархомъ, а сына его бояриномъ". Филаретъ сказалъ на это: „Я въ патріархи не хочу;" а Желябужскій сказалъ: „Ты, панъ, говоришь слово похвальное (хвастливое), а мы надѣемся на милость Божію да на великаго государя Михаила Ѳедоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость, и на премудрый разумъ надежны; нынѣ во всѣхъ его государствахъ миръ, покой и тишина; всѣ люди ему, великому государю, служатъ и радѣютъ единодушно, и будемъ стоять противъ Владислава, вашего королевича, и противъ всѣхъ васъ. И прежде король вашъ съ королевичемъ и съ вами со всѣми приходилъ доступать государства Московскаго и пришелъ подъ Волокъ Ламскій, а Волокъ въ великомъ государствѣ Московскомъ какъ бы деревенька малая: и тутъ короля вашего людей побили, и отошелъ король вашъ изъ-подъ Волока съ невеликими людьми". Олешинскій на это не сказалъ ничего, а спросилъ Желябужскаго: „Помнишь ли ты меня, какъ я былъ на Москвѣ?"—„Помню," отвѣчалъ Желябужскій, „какъ ты при царѣ Васильи былъ на Москвѣ и на отпускѣ въ палатѣ крестъ цѣловалъ о перемирныхъ лѣтахъ, чтобъ лиха надъ Московскимъ государствомъ ничего не дѣлать". Олешинскій замолчалъ. Тутъ вошла жена Струся и начала просить Филарета написать къ царю Михаилу, чтобъ мужа ея жаловалъ. Филаретъ обѣщалъ, а Желябужскій сказалъ ей: „Великій государь нашъ милосердъ и праведенъ, не только мужа твоего жаловалъ, мужъ твой человѣкъ имянной, но которые и хуже твоего мужа,—и тѣхъ всѣхъ жалуетъ". На это Левъ Сапѣга сказалъ: „Что вы говорите, что государь вашъ милостивъ и на кровь христіанскую не посягаетъ! видимъ мы и то, что государь вашъ посылалъ къ Турскому царю закупать, чтобъ царь Турскій стоялъ съ нимъ заодно на Польское и Литовское государство, а грамоты тѣ государя вашего теперь у насъ". Желябужскій отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Этимъ свиданіе кончилось.

На отпускѣ у пановъ-рады Левъ Сапѣга опять говорилъ невѣжливо: „Еще-де то у васъ не пошлый государь; два у васъ государя,—одинъ у васъ на Москвѣ, а другой здѣсь, Владиславъ королевичъ, ему вы всѣ крестъ цѣловали". Желябужскій отвѣчалъ по наказу, что это дѣло бывшее и дальнее, и поминать о томъ непригоже. Онъ требовалъ, чтобы въ отвѣтной грамотѣ было описано имя царя Михаила какъ слѣдуетъ. Сапѣга отвѣчалъ: „Теперь мы, паны-рада, васъ отпускаемъ съ добрымъ дѣломъ отъ кого вы пришли къ братьѣ своей, боярамъ, а государева титула писать нельзя,—о томъ будутъ большіе послы съ обѣихъ сторонъ, и обо всѣхъ великихъ дѣлахъ будутъ говорить и судиться предъ Богомъ; и какъ постановятъ великое доброе дѣло, тогда станутъ государево имя и титулъ писать". Желябужскій провѣдалъ, что всѣ литовскіе сенаторы хотятъ мира съ Москвою, кромѣ Льва Сапѣги, который одинъ короля манитъ; а большой посягатель на вѣру христіанскую самъ король да сенаторы польскіе, а всѣхъ пуще канцлеръ панъ Крицкій да маршалокъ Литовскій, панъ Дростальскій. На сеймѣ король будетъ просить побору, чтобъ идти къ Москвѣ посполитымъ рушеньемъ; но въ Литвѣ приговорено, что побору отнюдь не дать и посполитымъ рушеньемъ съ королевичемъ не хаживать, то уже дѣло минуло, королевичу къ Мо-

сквѣ идти не-по-что, стало намъ самимъ до себя: дѣйствительно, на сеймѣ литовскіе сенаторы не согласились на войну. На дорогѣ, въ имѣніи Льва Сапѣги, Желябужскій видѣлся съ Шеинымъ, который приказывалъ къ государю и къ боярамъ. „Какъ будетъ размѣна съ Литовскими людьми, то государь бы и бояре приказали посламъ накрѣпко, чтобъ береглись обману отъ Литовскихъ людей; посламъ бы сходиться между Смоленскомъ и Оршею на старомъ рубежѣ; у Литвы съ Польшею рознь большая, а съ Турками мира нѣтъ; если государевы люди въ сборѣ, то надобно непремѣнно Литовскую Землю воевать и тѣсноту чинить, теперь на нихъ пора пришла“; да приказывалъ, чтобъ никакъ плѣнниками порознь не размѣнивались. Желябужскій разузналъ также, что король приказывалъ Филарету писать къ сыну грамоты, какія ему, королю, надобны, и Левъ Сапѣга тоже приказывалъ, но митрополитъ за то сталъ и королю отказалъ, что отнюдь ему такихъ грамотъ не писывать; за то Желябужскаго и не пустили проститься съ митрополитомъ. Самъ панъ Гридичъ, котораго король и Сапѣга посылали къ Филарету, говорилъ посламъ: „Какъ свѣдалъ Филаретъ, что сынъ его учинился государемъ, то сталъ на сына своего надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамотъ не пишетъ“.

Желябужскій привезъ боярамъ грамоту, въ которой паны предлагали съѣздъ уполномоченныхъ на границѣ между Смоленскомъ и Вязьмою. Въ грамотѣ паны писали также: „Пока холопи вами владѣть будутъ, а не отъ истинной крови великихъ государей происходящіе, до тѣхъ поръ гнѣвъ Божій надъ собою чувствовать не перестанете, потому что государствомъ какъ слѣдуетъ управлять и успокоить его они не могутъ. Изъ казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и съ кривдою людскою была собрана“. Несмотря на такія грубости, предложеніе было принято, и, въ сентябрѣ 1615 года, по соборному рѣшенію, отправились къ литовской границѣ великіе уполномоченные послы: бояре-князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ; съ польской стороны уполномоченными были—Кіевскій бискупъ князь Казимирскій, гетманъ Литовскій Янъ Ходкѣвичъ, канцлеръ Левъ Сапѣга, староста Велижскій Александръ Гонсѣвскій; посредникомъ былъ императорскій посолъ Еразмъ Ганделіусъ. Переговоры должны были происходить между Смоленскомъ и Острожками. Воротынскій съ товарищами должны были сначала изложить неправды короля, начиная съ нарушенія перемирія при царѣ Борисѣ приводомъ Лжедимитрія. Если паны скажутъ, что еще при ворѣ князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями и многими боярами билъ челомъ королю, чтобъ ихъ отъ Разстриги оборонилъ и далъ въ цари сына своего, то князь Воротынскій долженъ былъ отвѣчать: „Я, князь Иванъ Михайловичъ, въ тѣ поры былъ въ своей братьѣ въ бояхъ честенъ, и любили меня мои братья всѣ, а Шуйскіе были мнѣ друзья и ни въ чемъ отъ меня не скрывались. Вы это теперь говорите для того, что князя Василья Ивановича съ братьею нѣтъ, и хотите на мертвыхъ что-нибудь затѣять; а мы того не дѣлывали и въ разумѣ нашемъ того не бывало“. Если паны скажутъ, что бояре наказывали объ этомъ королю съ Иваномъ Безобразовымъ да съ Михайлою Толочановымъ, то отвѣчать: „Иванъ Безобразовъ и Михайла Толочановъ Разстригѣ были изъ Русскихъ людей первые друзья и вѣрники; какъ еще Разстрига пришелъ въ Монастыревскій, то Михайло Толочановъ тогда уже учинился у него вѣрникомъ; за Михайлову измѣну царь Борисъ жену и дѣтей его разослалъ по городамъ по тюрьмамъ; а Иванъ Безобразовъ по ворѣ Ѳедькѣ Андроновѣ сталъ Разстригѣ близокъ на Москвѣ; а какъ Разстригу убили, то онъ съ Москвы сбѣжалъ и въ Тушинѣ у вора былъ, и съ такими какъ было приказывать“? Если Александръ Гонсѣвскій скажетъ, что послѣ Разстригина убійства онъ былъ у князя Димитрія Шуйскаго и говорилъ, чтобы памятовали, о чемъ къ королю приказывали, и князь Димитрій не запирался,—то отвѣчать: „Князя Димитрія теперь нѣтъ,—что захочешь, то на него и затѣешь“.

Воротынскій долженъ былъ такъ жаловаться на поведеніе Гонсѣвскаго и Поляковъ въ Москвѣ: „Немногіе тогда наши братья бояре жили на своихъ дворахъ, многихъ бояръ и боярскихъ женъ со дворовъ посослали, а стали жить Польскіе и Литовскіе люди, имѣніемъ и запасами ихъ завладѣли. Какъ гетманъ пошелъ подъ Смоленскъ, то послѣ него ты, Александръ Гонсѣвскій, сталъ жить на царевѣ Борисовѣ дворѣ, а Михайла Салтыковъ, мимо своего дворишка, на дворѣ Ивана Васильевича Годунова, а Ѳедька Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа, на которомъ никогда никто не стаивалъ и не живалъ. Меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да окольничаго князя Александра Засѣкина подавали за приставовъ; по воротамъ по всѣмъ поставили сторожей своихъ, рѣшетки у улицъ посломали, и московскимъ никакимъ людямъ съ саблею не только при бедрѣ, и купцамъ съ продажными и плотникамъ съ топорами ходить и ножей при бедрѣ никому носить не велѣли, дровъ мелкихъ на продажу и крестьянамъ привозить не давали; женъ и дочерей брали на блудъ, и по вечерамъ побивали всякихъ людей, кто идетъ улицею изъ двора во дворъ, къ заутрени не только мірскимъ людямъ—и священникамъ ходить не давали. Ѳедькѣ Андронову велѣлъ государь вашъ быть казначеемъ и думнымъ дворяниномъ, Степану Соловецкому въ Нижегородской четверти—думнымъ дьякомъ, Васькѣ Юрьеву—денежныхъ сборовъ, Евдокиму Витовтову—въ разрядѣ думнымъ первымъ дьякомъ, Ивану Грамотину—печатникомъ, посольскимъ и мѣстнымъ дьякомъ; въ Большомъ приходѣ—князю Ѳедору Мещерскому; въ Пушкарскомъ приказѣ—князю Юрію Хворостинину,

въ Панскомъ приказѣ—вѣдомому вору Михалкѣ Молчанову, въ Казанскомъ дворцѣ—Ивану Салтыкову; а ты, Александръ Гонсѣвскій, по королевской же грамотѣ, учинился на имя бояриномъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Ты видѣлъ самъ, какую бѣду мы, бояре, отъ своихъ совѣтниковъ, отъ худыхъ людей, отъ Ѳедьки Андронова съ товарищами терпѣли; никто насъ такъ при прежнихъ государяхъ не безчещивалъ, какъ тотъ дѣтина, а ты его на все попускалъ; только бы не ты, то ему самому какъ было и помыслить, чтобъ противъ насъ говорить и насъ безчестить? Разореніе Московскому государству учинилось отъ государя вашего и отъ васъ; мститель за то будетъ вамъ и женамъ вашимъ и дѣтямъ Богъ,—сами увидите; самъ себя государя вашего сынъ отъ Московскаго государства отженулъ многими своими неправдами и кровопролитіемъ. Какъ проходилъ съ войскомъ гетманъ, ты Карлусъ Ходкѣвичъ, то ты, Александръ Гонсѣвскій, намъ всѣмъ говорилъ, чтобъ намъ быть подъ королевскою рукою, измѣнниковъ, князя Юрія Трубецкаго, Ивана Грамотина, Василья Янова,—ты за этимъ къ намъ присылалъ".

Если скажутъ: Бояре сами присылали къ королю, что отъ васъ на Москвѣ смута, присылалъ воръ къ Москвѣ попа Харитона съ грамотами, а къ вору присылка была же; бояре сами сыскивали, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича, до князей Андрея Голицына и Засѣкина, и за то ихъ бояре сами велѣли беречь; и если въ васъ большихъ людяхъ были измѣна, то королю какъ было сына своего на государство дать? Если станутъ класть боярскія грамоты, какъ о томъ писали,—то отвѣчать: „На меня, князя Ивана, съ товарищами, затѣяли вы и вора попа научили, а боярамъ, что вы велѣли, то они и дѣлали. Отъ васъ большая смута, и ссора, и кроворазлитіе. Только бы тогда государь вашъ положился на насъ, природныхъ бояръ, а тебя, Александра, въ урядъ и измѣнниковъ воровъ въ приказы не прислалъ худыхъ людей, то ничего бы худаго и не было, было бы все хорошее. Видали мы и отъ прежнихъ государей себѣ опалы, только во всемъ государствѣ справа (управленіе) всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили, и чести нашей природной не отнимали; а какъ обрали мы на государство государя вашего сына, то онъ еще не бывалъ, а у насъ у всѣхъ честь отнялъ: прислалъ тебя, велѣлъ тебѣ государственныя и земскія дѣла всякія вѣдать въ такомъ великомъ государствѣ, а у государя своего ты и до сихъ поръ въ радѣ не бывалъ; да съ тобою прислалъ Московскаго государства измѣнниковъ, самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, а подавалъ имъ окольничество, казначейство, думное дьячество; ужъ и не было въ худыхъ никого, ктобъ отъ государя вашего думнымъ не звался; кто дастъ Льву Сапегѣ казну соболей,—тотъ дьякъ думный, а кто сорокъ,—тотъ бояринъ и окольничій. Такой мы отъ государя вашего чести дожили, потому такъ и сталось".

А если скажутъ: Еще въ бытность гетмана Жолкѣвскаго въ Москвѣ Василій Бутурлинъ посыланъ былъ отъ бояръ въ Рязань, тамъ съ Прокофьемъ Ляпуновымъ сговорился, и Ляпуновъ подъ столицу сталъ подступать, а Василій Бутурлинъ воротился назадъ въ Москву, пѣхоту нѣмецкую уговоривалъ королю измѣнить, самъ на себя у пытки сказалъ,—отвѣчалъ: „Если Василій Бутурлинъ какое дурно и помыслилъ съ молодости, то бояре сами велѣли его пытать, а Василій съ пытки на себя никакого умышленья не говорилъ, пріѣзжалъ къ нему Прокофья Ляпунова человѣкъ спрашивать о томъ, что на Москвѣ дѣлается; ты, Александръ Гонсѣвскій, съ совѣтникомъ своимъ, съ торговымъ дѣтиною Ѳедькою Андроновымъ, съ казначеемъ государя своего, походили въ казнѣ государей нашихъ, царскія сокровища осмотрѣли, и тебя взяла зависть, что отъ роду такого богатства не видывалъ; писалъ ты объ этомъ къ государю своему да къ пріятелю своему Льву Сапегѣ, захотѣли вы царскую казну у себя видѣть, и отъ того все зло сдѣлалось; и въ лѣтописецъ будемъ это для будущихъ родовъ писать".

Если станутъ говорить, что королю московской казны ничего не досталось, то отвѣчать: „Какъ вы, паны, не стыдитесь! Ты, Александръ, съ Ѳедькою Андроновымъ, лучшее выбирали и къ королю отсылали, а иное ночью къ тебѣ возили. Для прилики вы велѣли казну переписывать боярамъ, но у казны были ваши же совѣтники; какъ бояре запечатаютъ и придутъ опять въ казну, а печатей боярскихъ уже нѣтъ,—печать Ѳедьки Андронова. Ѳедькѣ о томъ говаривано отъ насъ, бояръ, много разъ, и онъ сказывалъ, что велѣлъ распечатать ты, Александръ Гонсѣвскій".—Послы должны были показать панамъ списокъ вещамъ, которыя отосланы были къ королю, и при этомъ сказать: „Это извѣстно, да и немного здѣсь, а больше того и лучшія узорочья взяты изъ казны и посланы къ королю тайно; а иное ты, Александръ Гонсѣвскій, себѣ бралъ и пріятелямъ своимъ посылалъ". Если будутъ говорить, что король не хотѣлъ брать Москвы себѣ, а хотѣлъ послать сына, то уличить грамотами, писанными къ князю Ивану Куракину, къ Михайлѣ Салтыкову и къ Андронову. Если Гонсѣвскій будетъ говорить, что онъ владѣлъ въ Москвѣ Польскими людьми, до московскаго же управленія ему и дѣла не было, а какъ онъ пойдетъ, бывало, вверхъ къ боярамъ поговорить о какихъ-нибудь дѣлахъ, то ему на дорогѣ и на дворѣ у него Русскіе люди подавали многія челобитныя, и онъ всѣ челобитныя у нихъ бралъ и приносилъ къ боярамъ, и по этимъ челобитнымъ дѣлали и указывали всѣ бояре, а подписывали челобитныя ихъ русскіе дьяки, грамоты къ королю писали бояре же, а онъ этихъ грамотъ не передѣлывалъ,—отвѣчать: „Это точно такъ, панъ Александръ, было; къ боярамъ ты ходилъ, челобитныя приносилъ,

только, пришедши, сядешь, и возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, князя Василья Мосальскаго, Ѳедьку Андронова, Ивана Грамотина съ товарищи, а намъ и не слыхать, что ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь, и что велишь по которой челобитной сдѣлать,—такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои-жъ совѣтники, дьяки Иванъ Грамотинъ, Евдокимъ Витовтовъ, Иванъ Чичеринъ, да изъ торговыхъ мужиковъ Степанка Соловецкій, а старыхъ дьяковъ всѣхъ ты отогналъ прочь. И то была намъ всѣмъ, боярамъ, смерть, что къ тому недостойный торговый дѣтина Ѳедька Андроновъ прійдетъ и сядетъ съ нами, съ Мстиславскимъ и со мною, Воротынскимъ, и съ иными нашими братьями вмѣстѣ, и намъ указывалъ и мимо насъ распоряжался; Богъ видитъ сердца наши: въ то время мы всѣ живы не были. А грамоты отъ бояръ всѣ писали по твоей волѣ, бояре у васъ были все равно-что въ плѣну, приказывали руки прикладывать,—и они прикладывали". Если паны скажутъ, что сами они, бояре, многую казну прежнихъ государей продавали, сосуды серебряные переливали въ деньги и давали Польскимъ и Литовскимъ людямъ, которые стояли въ Москвѣ для ихъ сбереженья отъ вора, и станутъ класть объ этомъ боярскую грамоту, которая послана съ Иваномъ Безобразовымъ 19 января,—отвѣчать: „Бояре были въ казнѣ невольны, владѣли всею казною Андроновъ, а надъ нимъ Гонсѣвскій, продавали казну и мягкую рухлядь и платье, приговаривали быть у продажи боярамъ и дьякамъ, и они лишь только сидѣли да смотрѣли". Заключеніе наказа говорится: „Выговаривать гладко, а не ожесточить, чтобъ съ ними жестокими словами не разорвать".

Но трудно было подобныя вещи выговаривать гладко, и трудно было исполнить это князю Воротынскому, котораго Гонсѣвскій озлобилъ еще въ Москвѣ. Когда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, открылись съѣзды, и московскіе послы по наказу начали дѣло тѣмъ, что стали вычитать многія неправды Жигимонта короля, то литовскіе послы стали сердиться, кричать и браниться: „Намъ за позоръ государя своего стоять и биться!" кричали они. Посредникъ, цесаревъ посолъ, былъ тутъ, но въ дѣло не вмѣшался, и этимъ первый съѣздъ кончился. На второмъ съѣздѣ бискупъ Кіевскій говорилъ рѣчь изъ бытій и изъ хроникъ польскихъ о клятвопреступленіи при прежнихъ Израильскихъ и Римскихъ царяхъ, приводя къ тому, что московскіе послы на первомъ съѣздѣ вычитали неправды королевскія. Потомъ говорилъ рѣчь по письму Янъ Гридичъ про Разстригу, оправдывая государя своего короля; наконецъ говорилъ рѣчь по письму Александръ Гонсѣвскій, вычитая неправды государя Бориса и государя Василія, сношенія ихъ съ иностранными государствами на короля. Между прочимъ, Гонсѣвскій читалъ: „Давно, еще при Димитріи, котораго вы называете Гришкою Разстригою, бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьею и другіе многіе московскіе бояре, знатные люди, нѣкоторымъ панамъ-радамъ тайно объявляли свою мысль, что хотятъ видѣть господаремъ своимъ королевича Владислава. Потомъ князь Василій Голицынъ, забывши свое крестное цѣлованіе королевичу, желалъ себѣ господарства Московскаго; какъ скоро выѣхалъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, то съ дороги сослался съ воромъ Калужскимъ и промышлялъ, чтобъ ему съ своими совѣтниками сдѣлать на Москвѣ господаремъ вора Калужскаго, а потомъ убить точно такъ же, какъ прежняго Димитрія Разстригу убили, и сдѣлаться самому господаремъ, какъ прежде Шуйскій сдѣлался. Я, Александръ Гонсѣвскій, оставшись на гетманскомъ мѣстѣ съ войскомъ, не былъ бояриномъ и никакимъ урядникомъ московскимъ, въ дѣла земскія московскія не вмѣшивался, а будучи только намѣстникомъ гетманскимъ, правилъ войскомъ, и ратниковъ своихъ за самыя малыя вины строго и сурово наказывалъ, по артикуламъ гетманскимъ. Помните, какъ, въ скорости по отъѣздѣ гетманскомъ, войсковой товарищъ Тарновецкій, пивши вмѣстѣ съ попомъ, побранились, и онъ ударилъ попа рукою по лицу до крови. Я присудилъ его къ смертной казни; но патріархъ и бояре присылали ко мнѣ, а князь Мстиславскій съ другими многими боярами и съ тѣмъ самымъ попомъ приходилъ ко мнѣ на подворье и просилъ, чтобъ я Тарновецкаго выпустилъ изъ тюрьмы и не велѣлъ казнить. Уважая патріарха и бояръ, я долженъ былъ это сдѣлать; но, чтобъ впередъ другимъ своевольникамъ неповадно было воровать и людей московскихъ, простыхъ и неразсудительныхъ, отъ господаря отводить,—велѣлъ у Тарновецкаго отсѣчь правую руку, что и было исполнено въ Китаѣ-городѣ, противъ Фроловскихъ воротъ, передъ всѣмъ міромъ. Бояре и всѣ Русскіе люди этому дивились, и самъ патріархъ послѣ мнѣ выговаривалъ, что за такую малую вину непригоже было такъ люто казнить. Потомъ гайдуки наши побранились, надѣлали шуму подлѣ церкви, гдѣ служилъ патріархъ: я осудилъ ихъ на смертную казнь; въ ту же ночь два пахолика въ Китаѣ-городѣ яблоки и орѣхи продажные разграбили,—я и тѣхъ велѣлъ казнить смертью; но патріархъ, зазвавши меня къ себѣ, не выпустилъ до тѣхъ поръ, пока я не приказалъ всѣхъ этихъ людей освободить отъ смертной казни, которую замѣнилъ кнутомъ. Нѣмцевъ за церковный грабежъ я велѣлъ казнить смертью, и такъ ихъ настращалъ этимъ, что послѣ они и слова дурнаго не смѣли сказать русскому человѣку. Вспомните и то, какъ Полякъ аріанской вѣры, въ пьяномъ видѣ, выстрѣлилъ въ образъ Владимірской Богородицы у Никольскихъ воротъ; я велѣлъ ему руки и ноги отсѣчь, самого живаго огнемъ сжечь, а руки отсѣченныя велѣлъ подъ образомъ гвоздями прибить. Не только въ столицѣ, но и на сторонѣ никакая вина безъ наказанія не проходила,—живой тому свидѣтель князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ: я осудилъ на смерть ротмистра, который пограбилъ его деревни, и самъ

князь Борисъ едва его отъ смертной казни отпросилъ. А въ меньшихъ дѣлахъ поставлены были судъ и управу чинить между Литовскими и Московскими людьми: князь Григорій Петровичъ Ромодановскій, а отъ меня и отъ войска—полковникъ Дуниковскій да поручикъ Войтковскій. Итакъ, съ нашей стороны не было подано ни малѣйшаго повода къ неудовольствію и возстанію. А съ вашей стороны какія неправды были,—это мы докажемъ не голыми словами, а на письмѣ. Во-первыхъ, когда гетманъ Жолкѣвскій вошелъ въ Москву, то стольникъ Василій Ивановичъ Бутурлинъ, отпросившись у бояръ на время въ свое помѣстье, съѣзжался въ Рязани съ Прокофьемъ Ляпуновымъ, придумали они и на словѣ тайно между собою положили, какъ вновь смуту въ Московскомъ государствѣ завести, Польскихъ и Литовскихъ людей въ Москвѣ побить, противъ короля и королевича войною стоять. Ляпуновъ самъ замышлялъ сдѣлаться царемъ, и говорилъ съ своими совѣтниками: „Вѣдь Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій и Гришка Отрепьевъ не лучше меня были, а на государствѣ сидѣли".

„Возвратясь въ Москву, Бутурлинъ насъ обманывалъ, клялся, что служитъ царю Владиславу, а самъ, высматривая все въ Москвѣ, передавалъ Ляпунову въ Рязань, Нѣмцевъ тайно подговаривалъ и на насъ подкупалъ; посланецъ Ляпунова съ грамотами смутными схваченъ и въ пыткѣ на Бутурлина измѣну сказалъ, и на колъ посаженъ; а Бутурлина всѣ бояре съ дворянами, старостами и сотскими велѣли пытать, и онъ самъ на себя сказалъ, что хотѣлъ съ Нѣмцами и Ляпуновымъ ночью на насъ ударить и побить.

„Потомъ, вскорости послѣ гетманскаго отъѣзда, лазутчики начали метать грамоты отъ вора Калужскаго; одного изъ этихъ лизутчиковъ, попа, схватили, пытали при дворянахъ, гостяхъ, старостахъ и сотскихъ, и онъ сказалъ, что князь Василій Голицынъ, идучи подъ Смоленскъ, съ дороги тайно къ вору въ Калугу писалъ, звалъ его на Московское государство, а князь Андрей Васильевичъ Голицынъ о томъ зналъ же. Тотъ же попъ сказалъ, что воръ по ссылкѣ со многими московскими людьми умышлялъ придти ночью подъ Москву, побить насъ, бояръ, дворянъ большихъ родовъ и всякихъ людей московскихъ, которые съ нимъ въ воровскомъ совѣтѣ не были, а женъ, сестеръ и имѣніе ихъ отдать холопямъ казакамъ, которые ему добра хотѣли. А Гермогенъ патріархъ мнѣ, Александру, ласку и любовь свою показывалъ, въ подарокъ кушанья и питья присылывалъ, устами цѣловалъ, а въ сердцѣ гнѣвъ безъ причины на государя своего Владислава и на насъ держалъ. Призвавши насъ въ городъ для собственной защиты, онъ тотчасъ началъ заводить смуту и кровь; священникамъ въ Москвѣ приказывалъ, чтобъ васъ, сыновей своихъ духовныхъ, противъ насъ въ гнѣвъ и ярость приводили: доказательство тому письмо вашего священника московскаго, который меня остерегалъ, и описалъ прежнія многія дѣла патріарха, какъ онъ въ Донскихъ казакахъ и потомъ попомъ въ Казани былъ; по этому письму поповскому найдены были въ приказѣ Казанскаго дворца многіе доводы на Гермогена, которые при прежнихъ государяхъ русскіе люди Казанцы на него дѣлали. Когда воръ въ Калугѣ умеръ, то патріархъ тайно разослалъ по городамъ грамоты смутныя; тогда же пойманъ въ Москвѣ на измѣнѣ Ѳедоръ Погожій и въ разспросѣ разсказалъ весь злой заводъ и совѣтъ митрополита Филарета, какъ онъ, ѣдучи изъ Москвы, на словѣ съ патріархомъ положилъ, чтобъ королевичу на Московскомъ государствѣ не быть, патріархъ взялся всѣхъ людей къ тому приводить, чтобъ посадить на царство сына его Михаила: а Филаретъ изъ-подъ Смоленска смутныя грамоты въ Ярославль и въ иные города писалъ, будто король королевича на Московское государство дать не хочетъ. По такимъ заводамъ отъ патріарха и отъ Филарета люди ваши Московскіе что надъ нашими людьми дѣлали? Вездѣ нашихъ, заманя на посадъ, въ Деревянный городъ и въ иныя тѣсныя мѣста, или позвавъ на честь, давили и побивали, а пьяныхъ извозчики, примяня на сани, давили и въ воду сажали. А торговые люди на торгу живность, рыбу и мясо продавали нашимъ вдесятеро дороже, да при этомъ еще слугъ нашихъ облаютъ и опозорятъ! Когда Ляпуновъ съ товарищами своими спѣшили къ Москвѣ, мы въ воскресенье съ боярами въ палатѣ совѣтывались, а въ Бѣломъ-городѣ на Кулишкахъ людишки черные безъ причины на людей нашихъ ударили, до пятнадцати ихъ ранили, саней девять съ лошадьми взяли и разграбили, людей земскихъ и посланцовъ боярскихъ ругали и побить хотѣли; мы все это стерпѣли. Въ понедѣльникъ нарядъ по воротамъ разставляли; во вторникъ рано ротмистръ Козаковскій пушку къ Водянымъ воротамъ въ Китаѣ везъ, а я съ полковниками и ротмистрами въ Кремлѣ обѣдню слушалъ; панъ Зборовскій то же въ Китаѣ-городѣ дѣлалъ; о задорѣ мы и не думали и кровопролитія начинать не хотѣли. А въ это время въ Китаѣ подлѣ той пушки мужикъ Москвичъ жердью ударилъ по головѣ пана Грушецкаго, такъ что тотъ на землю мертвый палъ, другіе въ колокола ударили; а за Живымъ мостомъ на многихъ мѣстахъ новыя знамена развернули. Я въ полобѣдни въ Китай-городъ побѣжалъ и уже за Фроловскими воротами меня съ конемъ моимъ догнали; вскочивши на лошадь, я началъ кровь унимать и палашемъ нѣсколько нахоликовъ ранилъ; но въ это время Москвичи и по мнѣ самомъ начали стрѣлять изъ самопаловъ; тутъ войско наше разсердилось и пошло на прямой бой. Московскіе люди множествомъ насъ перемогли; въ ночь Плещеевъ съ товарищами отъ Ляпунова съ великимъ войскомъ въ Деревянный городъ по Коломенской дорогѣ пришелъ и, вмѣстѣ со всѣми измѣнниками, надъ нами промышлять началъ. На другой день, въ середу, большіе бояре всѣ выѣхали въ Бѣлый-городъ, хотѣли увѣщаніями

кровь унять, но Москвичи ихъ не послушали и стали по нимъ стрѣлять. Тогда мы пошли на жестокій бой".—Московскіе послы отвѣчали на все по наказу, причемъ противъ королевскаго имени не вставали и шапокъ не снимали. Этимъ кончился второй съѣздъ.

Между тѣмъ московскіе послы видѣлись съ Ганделіусомъ, который говорилъ съ ними старымъ славянскимъ языкомъ безъ толмача. Онъ говорилъ: „Вы называете своего государя, а польскіе послы называютъ государемъ своего королевича, и у одного государства стало два государя; тутъ между вами огонь и вода; чѣмъ воду съ огнемъ помирить"? Когда дворяне московскаго посольства провѣдывали у дворянъ австрійскаго, на чемъ Поляки хотятъ мириться, то Нѣмцы отвѣчали: „Литва вамъ зло мыслитъ, мириться вамъ съ нею вотъ чѣмъ" (указывая на самопалъ). Когда узнали обо всемъ этомъ въ Москвѣ, то посламъ отправили грамоту: „Вы бы цесареву послу сами ни о чемъ говорить не посылали, и на съѣздѣ сами ничего не говорили, и ни въ чемъ на него не ссылались и не полагались, въ-третьи его не призывали. А если станетъ самъ говорить, то вы бы съ нимъ говорили, во всемъ отъ него остерегаясь и ни въ чемъ ему не вѣря". Послѣ этого Ганделіусъ прислалъ сказать Воротынскому, что хочетъ съ нимъ видѣться; послы приняли его у себя въ острогѣ и улаживали съ нимъ, какъ съѣзжаться съ польскими послами опять. Но когда они дали знать объ этомъ въ Москву, то получили такую грамоту: „Мы тому подивились, какими обычаями вы такъ дѣлаете? Сами вы къ намъ писали, что цесаревъ посолъ доброхотаетъ королю, да и по всему, по пріѣзду его и по листамъ, которые онъ писалъ къ боярамъ и къ вамъ, и по разговору, что онъ съ вами говорилъ, явно, что онъ доброхотаетъ королю,—а вы его пустили въ острогъ и все ему показали и писать ему велѣли. Ясно, что онъ писалъ не все о томъ только, какъ вамъ съ польскими послами съѣзжаться, а писалъ, что высмотрѣлъ и примѣтилъ въ острогѣ. И вы бы впередъ цесарева посла въ острогъ не пускали, о съѣздѣ его не задирали, и ни о чемъ не задирали, къ его словамъ говорили бы, смотря по дѣлу, а не жестоко, гладко, чтобъ его не ожесточить".

На третьемъ съѣздѣ Янъ Гридичъ опять говорилъ рѣчь по тетради мало не до самого вечера; вся рѣчь писана много и пространно о преступленіи крестнаго цѣлованья, писано изъ польскихъ и литовскихъ хроникъ, приложено многими притчами и философскими науками,—все говорилось въ оправданіе короля и пановъ во всемъ, и приводилось на то, чтобъ королевича взять на государство. Между прочимъ Гридичъ читалъ: „Часто вы говорите о Ѳедорѣ Андроновѣ, что человѣку гостинной сотни непригоже было казеннымъ урядникомъ быть; но это случилось по утвержденію вашихъ же большихъ людей, что и при прежнихъ государяхъ такіе у такихъ дѣлъ бывали. Да и теперь у васъ не лучше Андронова Кузьма Мининъ, мясникъ изъ Нижняго-Новгорода, казначей и большой правитель, всѣми вами владѣетъ, и другіе такіе же многіе по приказамъ у дѣлъ сидятъ". „И мы, доносятъ послы, тѣхъ ихъ рѣчей слушать не хотѣли, говорили противъ твоего государева наказа съ бранью и съ шумомъ, что того намъ не слушать, да имъ о томъ говорить непригоже, восхищая судъ Божій на себя: то дѣло минувшее. И литовскіе послы говорили съ шумомъ: „Мы вашихъ рѣчей у всѣхъ васъ слушали порознь, а вы только не станете нашихъ рѣчей слушать, то намъ съѣзжаться нечего; какъ выслушаете наши рѣчи, тогда и будете говорить". Когда литовскіе послы стали съ нами разъѣзжаться и давать намъ свои рѣчи на письмѣ, то мы этихъ рѣчей у нихъ не взяли, потому что въ нихъ писаны многія непригожія слова про тебя, великаго государя, все для того, чтобъ привесть королевича къ Московскому государству. Стоявши съ ними за твое государево имя накрѣпко и отказавъ имъ, что впередъ отъ нихъ о королевичѣ и слушать не хотимъ, разъѣхались". Государь отвѣчалъ посламъ: „Вы то сдѣлали хорошо, что за наше царское имя стояли и письменныхъ у нихъ рѣчей не взяли. И вы-бъ дѣлали, какъ васъ Богъ вразумитъ по ихъ рѣчамъ".

1 декабря былъ четвертый съѣздъ. Московскіе послы письменно отвѣчали на рѣчи польскихъ пословъ, которыя были читаны на третьемъ съѣздѣ. Бискупъ оправдывалъ во всемъ Гонсѣвскаго, говорилъ, что Гонсѣвскій панъ радный и человѣкъ честный, и потому про него говорить такихъ рѣчей не надобно. „И мы, доноситъ Воротынскій государю, говорили, что знали мы Александра Гонсѣвскаго тогда, когда онъ въ Москвѣ со Львомъ Сапѣгою былъ въ подъячихъ, а теперь онъ у государя вашего честь выслужилъ бездушествомъ и московскимъ разореньемъ, а только бы не то, и онъ попрежнему былъ бы въ подъячихъ. Александръ Гонсѣвскій говорилъ на это сердитыя и укорительныя непригожія рѣчи про тебя, великаго государя, будто выбирали тебя одни казаки; а Христофъ Радзивилъ говорилъ, что цѣловали крестъ королевичу всѣ, и нынѣ онъ, королевичъ, на Московское государство готовъ, и только его на государство не возьмутъ, то они за его позоръ готовы всѣ головы свои положить сейчасъ. И мы противъ тѣхъ ихъ рѣчей говорили съ ними въ брань, что никакихъ рѣчей слушать про то не хотимъ. Александръ Гонсѣвскій ставилъ то себѣ въ оправданье и похвалу, что онъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, царскую казну бралъ и королю и къ королевичу посылалъ: потому, какъ всякіе люди королевичу крестъ цѣловали, тогда „вы всѣ и казна была его, какъ хотѣлъ, такъ и владѣлъ", а когда Московскіе люди начали королевичу измѣнять, то онъ, Гонсѣвскій, противъ нихъ стоялъ, этимъ королю своему честь сдѣлалъ, а себѣ похвалу. А Филаретъ Никитичъ, будто бы, еще съ Москвы не поѣхавъ, договаривался съ патріархомъ Гермо-

геномъ, чтобъ быть на Московскомъ государствѣ тебѣ, великому государю; а князь Василій Васильевичъ Голицынъ будто бы хотѣлъ государствовать самъ. Стояли всѣ польскіе послы за Гонсѣвскаго; мало задоръ не стался, да и разъѣхались; а на разъѣздѣ Гонсѣвскій говорилъ съ угрозами: „Либо изъ своего горла кровь источу, либо, пришедъ подъ Москву, столицу вашу подпалю“! Мы ему говорили: „По милости Божіей, поспѣешь туда же, гдѣ и совѣтникъ твой Ѳедька Андроновъ“.

Между тѣмъ въ Москву доносили, что Польша находится въ затруднительномъ положеніи: Турки напали на нее, шляхта сердится на короля за дѣла московскія, не хочетъ ему помогать. На основаніи этихъ слуховъ, царь писалъ посламъ: „Если послы станутъ съ вами говорить шумно и сердито, то и вы бы съ ними говорили, смотря по ихъ рѣчамъ, смѣло же и сердито, смотря по тамошнему дѣлу; а если литовскіе послы станутъ съ вами говорить пословно, то и вы бы такъ же говорили съ ними гладко и пословно“. Наконецъ Ганделіусъ вступился въ дѣло. Оправдывая себя въ неосторожномъ обращеніи съ нимъ, послы писали царю: „Мы на то его привели, что онъ твое, великаго государя, имя почиталъ и противъ твоего имени вставалъ и шапку снималъ, и потому чаяли отъ него всякаго добра; а пока онъ въ острогѣ у насъ былъ, то у насъ въ тѣ поры было урядно, а видѣть ему въ острогѣ было ничего нельзя, ѣхалъ онъ въ саняхъ, а по обѣ стороны стояли стрѣльцы, и ему черезъ людей видѣть ничего нельзя“. Послѣ этого Воротынскій съѣхался опять съ Ганделіусомъ, который началъ тѣмъ, что императоръ велитъ ему ѣхать назадъ; спрашивалъ, зачѣмъ московскіе послы съ литовскими не съѣзжаются. Воротынскій отвѣчалъ, что вина на сторонѣ литовскихъ пословъ, которые толкуютъ все о королевичѣ; во всѣхъ государствахъ ведется, что избираютъ на царскую степень государей для пожитку, для обороны и защиты, а у насъ при королевичѣ конечное разоренье учинилось. Ганделіусъ: За такими рѣчами никакому покою не бывать; литовскимъ посламъ за королевича своего стоять; но если вы перестанете государя своего называть, то и литовскіе послы о королевичѣ говорить перестанутъ. Воротынскій: Намъ того и помыслить нельзя; только литовскіе послы впередъ о королевичѣ говоритъ не перестанутъ, то намъ съ ними никакого добра не дѣлывать. Ганделіусъ: Можно сдѣлать такъ: оставить съ обѣихъ сторонъ государскія имена и мириться Землѣ съ Землею. Воротынскій: Такъ дѣлается въ безгосударное время, а намъ Богъ далъ государя; у насъ Земля не своевольная, безъ государева повѣленья ничего не дѣлаемъ. Ганделіусъ: Цѣловали вы крестъ королевичу, а теперь его государемъ принять не хотите, и вамъ чѣмъ его успокоить и на чемъ ему прожить? Воротынскій: У насъ про то давно отказано, впередъ о томъ говорить и слушать не хотимъ, и въ Московскомъ государствѣ ему нигдѣ мѣста нѣтъ: и такъ отъ его имени Московское государство разорилось. Ганделіусъ: Слышалъ я у литовскихъ пословъ, что они о королевичѣ впередъ говорить не станутъ, а хотятъ говорить о томъ, какъ бы успокоить государства и чѣмъ бы надѣлить королевича за то, что онъ отъ государства Московскаго отступится. Воротынскій: Королевичу отказано и надѣлу ему у насъ никакого нѣтъ; паны говорятъ черезъ судъ Божій: Богъ того не похотѣлъ, что ему нами владѣть и государемъ быть, а намъ черезъ волю Божію какъ то дѣлать? И за то ли его надѣлять, что онъ Московское государство разорилъ и выжегъ, и кровь христіанскую многую пролилъ? Великому государю Михаилу Ѳедоровичу Московское государство поручилъ Богъ отъ прародителей; ему за то дару никому не давать, и черезъ волю Божію того ни у кого не выкупать, царство—даръ Божій.— Послѣ этого Ганделіусъ опять говорилъ, чтобъ мирится Землѣ съ Землею, не именуя государей; послы отказали попрежнему; Ганделіусъ продолжалъ: „У государя вашего съ королемъ войны не будетъ, потому что король въ Литвѣ безъ пановъ-радъ и безъ всѣхъ сеймовыхъ становъ ничего не сдѣлаетъ“. Послы отвѣчали: „У насъ, въ Московскомъ государствѣ, того искони не повелось, чтобъ безъ государскаго указа Земля что сдѣлала; изначала ведется, что владѣетъ всѣмъ государствомъ одинъ государь, а бояре и вся Земля безъ царскаго повелѣнья не могутъ ничего сдѣлать“.

Пятый съѣздъ московскихъ пословъ съ литовскими, 26 декабря, начался опять шумно: поднялась брань за то, что во время переговоровъ съ обѣихъ сторонъ продолжается война: „За то у насъ съ ними, доноситъ Воротынскій, была брань большая, съ обѣихъ сторонъ принимались за сабли, Александръ Гонсѣвскій грозилъ боемъ, а цесаревъ посолъ насъ съ ними разнималъ“. Когда поуспокоились, литовскіе послы предложили мириться Землѣ съ Землею, о королевичѣ же у нихъ отъ пановъ-радъ и отъ всей Посполитой Рѣчи науки никакой нѣтъ, что имъ у него московскій титулъ отставить,—объ этомъ путь бояре пошлютъ изъ Москвы пословъ на сеймъ, чтобъ королевичъ московскій титулъ съ себя сложилъ; этимъ бояре окажутъ ему почесть. Воротынскій отвѣчалъ на это прежнее: тогда литовскіе послы объявили, что иначе они не заключатъ ничего и окончатъ переговоры, потому что должны ѣхать на сеймъ. Тѣмъ съѣздъ и кончился. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то послали Воротынскому послѣднюю мѣру: заключить перемиріе съ уступкою всего, что за Литвою, и чтобы Владиславъ обязался въ перемирные годы Московскаго государства не доступать никакими мѣрами и умыслами.

Между тѣмъ шла переписка между боярами и польскими панами радными, также между боярами и послами, находившимися подъ Смоленскомъ. Бояре писали къ панамъ раднымъ, жалуясь на Литовскихъ пословъ, и, между прочимъ, писали слѣдующее: „Вы бы не смотрѣли на тѣхъ, которые всякое

злое дѣло и ссору между государствами дѣлали для своей корысти, а отцы ихъ и дѣды въ такой чести не бывали и никакихъ добрыхъ дѣлъ между государствами не дѣлывали". Бояре намекали здѣсь на Гонсѣвскаго. Послы, узнавши объ этой грамотѣ, оскорбились и послали въ Москву къ боярамъ отъ себя грамоту, въ которой жаловались на поведеніе московскихъ пословъ и объявляли, какъ они согласны помириться: перемирье должно быть заключено между государствами, а не государями, съ условіемъ, чтобы Рѣчи Посполитой былъ уступленъ Смоленскъ со всѣми городами и волостями, которые приписаны къ нему въ докончательныхъ записяхъ. Что же касается до намековъ боярскихъ на Гонсѣвскаго, то послы отвѣчали: „Удивляемся мы очень словамъ вашимъ, что вы такъ грубо, укорительно и непригоже пишете,—между нами въ посольствѣ все люди отецкіе, честные, старожилыхъ знатныхъ родовъ; да и не ведется этого въ народѣ нашемъ, чтобъ въ такихъ великихъ дѣлахъ припускать людей недостойныхъ, какъ, по грѣхамъ, у васъ теперь на Москвѣ повелось, что люди простые, мужики, поповскія дѣти и мясники негодные, мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, непопригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ, и посольскимъ дѣламъ припускаются. И вамъ бы, братьѣ нашей, самимъ поостеречься, и такимъ недостойнымъ мужикамъ не давать воли, которые воровствомъ научились жить, и злостью и упрямствомъ своимъ васъ, великихъ честныхъ людей, заводятъ на кровь людскую стоять. Если вы упрямствомъ будете стоять, то и мы всѣмъ государствомъ начнемъ крѣпко стоять; король и королевичъ, сославшись съ великими государями, передъ послами ихъ произведутъ судъ надъ Филаретомъ митрополитомъ, и, уличивши его листами патріарховыми, живымъ Шеинымъ и другими многими свидѣтельствами, людьми и грамотами, что онъ всему Московскому государству и прирожденному истинному государю своему Владиславу неправду и измѣну явную учинилъ, и подъ нимъ сыну своему Михаилу государства Московскаго неправдою подыскивалъ, по тѣмъ его дѣламъ надъ нимъ и покончатъ, а противъ сына его съ войскомъ къ столицѣ королевичъ Владиславъ поспѣшитъ".—Бояре отвѣчали имъ: „Если бы митрополитъ Филаретъ государства сыну своему подыскивалъ, то въ то время, какъ мы, бояре, съ гетманомъ Жолкѣвскимъ договаривались, онъ бы дѣло портилъ и на то не производилъ,—потому что онъ былъ тогда въ Москвѣ самою большою властью подъ патріархомъ, а братья его и племянники—бояре большіе же; и въ послахъ къ государю вашему онъ бы не пошелъ, и сына своего въ Москвѣ съ вашими людьми не оставилъ. А какъ великій государь нашъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, сидѣлъ въ Москвѣ у вашихъ людей въ плѣну, и если бы дѣйствительно такъ было, какъ вы теперь на митрополита Филарета пишете, то вы бы ему великому государю, смолчали ли? На кого вы не по правдѣ думали, тѣхъ за приставовъ давали и пытали, а иныхъ и смертью казнили. Ты, Александръ Гонсѣвскій, всѣмъ намъ боярамъ говорилъ, что Московскаго государства ищетъ Прокопій Ляпуновъ; потомъ паны-рада писали къ намъ, что ищетъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ въ совѣтѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, а теперь пишете, что митрополитъ искалъ государства сыну своему! И вы сами себя своимъ письмомъ обличаете, сами не знаете, какое лукавство на кого взвести. Пишете, что у насъ недостойные люди къ великимъ дѣламъ припускаются; но у великаго государя въ Думѣ и во всякихъ чинахъ и приказахъ отецкія дѣти, кто чего достоинъ по своему отечеству, разуму и службѣ. А государь вашъ и его сынъ черезъ крестное цѣлованіе прислали на Москву въ казначеи кожевеника дѣтину Ѳедьку Андронова, въ думные дьяки овчинника Степанку Соловецкаго, да ключника Баженка, да суконника Кирилку Скоробовицкаго, Ваську Юрьева поповича. И вамъ, братьѣ нашей, надобно о томъ писать разсудивъ".

На шестомъ съѣздѣ, когда литовскіе послы услыхали отъ московскихъ, что тѣ безъ государева именованья никакихъ дѣлъ не будутъ дѣлать, то разъѣхались съ бранью и съ шумомъ, отказали, что впередъ съѣзжаться не будутъ и ѣдутъ въ Польшу. Въ Москвѣ испугались и отписали Воротынскому: „Вы бы теперь съ литовскими послами на съѣздахъ говорили гладко и пословно, а не все сердито, чтобъ вамъ съ ними никакъ не разорвать". Литовскіе послы объявили чрезъ Ганделіуса, что до тѣхъ поръ не поѣдутъ на съѣздъ, пока московскіе не объявятъ, что согласны на перемиріе „государства съ государствомъ". Воротынскій далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ оттуда позволеніе согласиться на такое перемиріе: „Сперва, писалъ царь, говорили бы вы о дѣлахъ; а какъ наше имя писать, о томъ вы бы съ ними вначалѣ не говорили, чтобъ ихъ больше въ дѣло втянуть; и какъ уже о всякихъ дѣлахъ съ ними договоритесь, и дойдетъ до записей и утвержденья, то вы бы тогда о нашемъ и королевскомъ имени съ ними говорили, а съѣздамъ сроки откладывали бы вы подолѣе, чтобъ съ литовскими послами попроволочить до тѣхъ поръ, пока послы наши съ шведскими послами совершатъ и закрѣпятъ". Послѣ этого московскіе послы нѣсколько разъ съѣзжались съ Ганделіусомъ, который требовалъ, чтобъ они сказали ему послѣднюю мѣру; но они настаивали, чтобы былъ съѣздъ съ самими литовскими послами, съ которыми они и станутъ толковать. Наконецъ Ганделіусъ сказалъ, чтобы послы объявили ему послѣдній отказъ, а больше уже онъ на съѣздъ не будетъ, поѣдетъ къ государю своему, и всѣ неправды и безчестье, оказанныя ими, послами, цесарскому маестату и ему самому, что они его задерживали и тѣмъ его безчестили,—все государю своему разскажетъ, а государь его за свое безчестье самъ станетъ; литовскіе же послы передъ московскими во всемъ правы, сдѣлали его

посла у себя *третьимъ* и хотятъ черезъ него узнать отъ московскихъ пословъ, какъ они согласны мириться, а тѣ ему ничего не объявляютъ. Воротынскій отвѣчалъ, что они переговаривать о мирѣ готовы; тогда Ганделіусъ сказалъ: „Теперь бы говорить о томъ, какъ королевича въ записяхъ закрѣплять, чтобъ право его по гетманскому договору и крестное цѣлованье не нарушено было; до перемирныхъ лѣтъ короля и королевича они закрѣпятъ, что имъ войны не начинать, а послѣ перемирныхъ лѣтъ право королевича вцѣлѣ и ненарушимо было бы; да сѣверскихъ бы городовъ всѣхъ поступиться въ польскую сторону, да къ Смоленску городовъ Смоленскаго княжества—Бѣлыя, Доргобужа, Торопца со всѣми уѣздами, какъ замирено было между королемъ Казиміромъ и великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ; заплатить деньги польскому войску,—на этихъ условіяхъ заключить перемиріе на полтора года". Воротынскій отвѣчалъ: „Мы согласились заключить миръ между землями, а теперь ты говоришь, что литовскіе послы хотятъ писать о ненарушеніи гетманскаго договора. Это опять они начинаютъ новое безмѣрье". Ганделіусъ уѣхалъ съ сердцемъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, царь отправилъ посламъ своимъ образцовыя грамоты, какъ заключить перемиріе. „Божіею милостію великаго государя (слѣдуетъ титулъ) бояръ и всѣхъ думныхъ людей и всего великаго Россійскаго царствія великіе послы (имена) съѣзжались съ такими-то послами и говорили" (слѣдуютъ обвиненія Полякамъ), потомъ: „Учинили мы между великаго государя Михаила Ѳедоровича великими Россійскими государствами и между великими же государствами—короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ перемирье". Понятно, что польскіе послы никакъ не могли согласиться на такую форму, ибо имъ прежде всего нужно было, чтобъ имени новаго царя Московскаго не упоминалось. Воротынскій прислалъ въ Москву за разрѣшеніемъ еще новаго затрудненія: Гонсѣвскій говорилъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ королевичу Владиславу крестъ цѣловалъ, и они, послы, сказали, что не цѣловалъ. Царь отвѣчалъ: „Вы Гонсѣвскому отказали не подумавши: и такъ литовскіе послы пишутъ, будто великій господинъ, отецъ нашъ, Московскаго государства намъ подъискивалъ и домогался; а только о томъ объявить, что насъ Богъ соблюдалъ, креста королевичу не цѣловали, то литовскіе послы за то и больше начнутъ стоять и себя оправдывать, а на отца нашего станутъ взводить, что онъ намъ государства подъискивалъ и отъ того насъ соблюлъ, что мы королевичу креста не цѣловали; и вамъ бы на съѣздѣ посламъ говорить, что мы королевичу крестъ цѣловали, и то дѣлалось судьбами Божіими"

28 января былъ послѣдній съѣздъ. Пріѣхали литовскіе послы, не всѣ только, и Ганделіусъ, требовали перемирія на условіяхъ, уже предложенныхъ послѣднимъ. Московскіе послы не согласились и объявили, что о Смоленскѣ обошлются съ государемъ. Съѣздъ кончился. Когда Воротынскій дѣйствительно послалъ въ Москву спросить насчетъ Смоленска, то получилъ такой отвѣтъ: „Вы это сдѣлали слабостію, некрѣпко, объявили про Смоленскъ на обсылку, не дождавшись у нихъ у самихъ большихъ уступокъ, и ворочали ихъ сами дважды, какъ бы добивая челомъ. Вы бы за Смоленскъ стояли накрѣпко, и о съѣздѣ сами литовскихъ пословъ не задирали, а ждали присылки отъ нихъ". Но въ Москвѣ сильно ошибались. Пріѣхалъ къ посламъ Ганделіусъ проститься, причемъ извинялся: „Не подосадуйте, что на съѣздѣ говорилъ я съ вами не пословно, съ сердцемъ; мнѣ и самому отъ литовскихъ пословъ было великое безчестье: вашу правду и сходство къ доброму дѣлу, а литовскихъ пословъ упрямство я разскажу государю своему". Потомъ Ганделіусъ далъ знать, что литовскіе послы стоятъ на прежнихъ условіяхъ и уѣзжаютъ; Воротынскій, вопреки наказу, послалъ требовать съѣзда, но ему отвѣчали, что литовскіе послы уже уѣхали.

Въ Москвѣ приписывали поруху доброму дѣлу дьяку Петру Третьякову, который медлилъ отсылкою указовъ царскихъ къ посламъ подъ Смоленскъ. Но во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобъ перемиріе могло состояться при тогдашнихъ условіяхъ: Поляки требовали слишкомъ многаго, потому что предшествовавшія событія возбудили слишкомъ большія надежды; а Москва не была еще въ такомъ положеніи, чтобы могла согласиться на все для краткаго и ничего не обезпечивавшаго перемирія [1]). Ганделіусъ не могъ ничего тутъ сдѣлать, да и не хотѣлъ, какъ видно. Вообще сношенія съ Австрійскимъ Дворомъ, при царѣ Михаилѣ, не имѣли прежняго дружественнаго характера; Австрійскій Дворъ счелъ нужнымъ перемѣнить тонъ въ сношеніяхъ съ государствомъ, которое уже не могло болѣе присылать богатыхъ мѣховъ въ Вѣну; притомъ здѣсь не были убѣждены, что новый царь можетъ утвердиться на престолѣ послѣ такихъ смутъ, и потому не хотѣли смотрѣть на него, какъ смотрѣли на его предшественниковъ.

Еще въ іюнѣ 1613 года государь велѣлъ дворянину Степану Ушакову да дьяку Семену Заборовскому идти къ Матьяшу (Матѳею), цесарю Римскому, въ посланникахъ. Путь былъ дальній: вслѣдствіе войны съ Литвою и Швеціею, послы должны были ѣхать чрезъ Архангельскъ. Посланники получили наказъ: говорить, чтобъ Матьяшъ цесарь, вѣдая братскую любовь и дружбу предковъ своихъ съ предками великаго государя, былъ съ нимъ въ братской любви, дружбѣ и ссылкѣ, и прежде всего любовь свою показалъ, послалъ бы къ Польскому королю отъ себя посла или посланника нарочно, въ его неправдахъ его пообличить и выговорить, чтобъ онъ передъ великимъ государемъ Михаиломъ

[1]) Дворцовые разряды, т. I; Книги разрядныя, т. I; Дѣла Польскія № 29 и 30; Собр. гос. грам. и дог. III; № 7, 9, 13, 24, 25, 26; Акты Западн. Россіи IV, № 208, 209, 210.

Ѳедоровичемъ и передъ Россійскими государствами въ своихъ неправдахъ исправился, крови христіанской не разливалъ, и учинилъ бы миръ и покой, чтобъ враги креста Христова—Турки и иные государи мусульманскаго закона—христіанской розни не радовались.—Если цесаревы думные люди спросятъ о лѣтахъ государя, то отвѣчать: лѣтъ государю нашему 18, только Богъ украсилъ его царское величество дородствомъ, образомъ, храбростію, разумомъ, счастьемъ, ко всѣмъ людямъ онъ милостивъ и благонравенъ, всѣмъ Богъ украсилъ его надъ всѣми людьми всѣми благами, нравами и дѣлами. Наконецъ посланникамъ было наказано: „Какъ они будутъ у цесаревыхъ думныхъ людей, и тѣ станутъ говорить: въ прошломъ 1612 г. былъ цесарскій подданный Юсуфъ Григорьевъ вмѣстѣ съ шаховымъ посланникомъ въ Ярославлѣ на отпускѣ у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, и говорилъ князю: если захотятъ на Московское государство цесарева брата Максимиліана, то цесарь брата своего имъ дастъ и съ Польскимъ королемъ помиритъ вѣчнымъ миромъ". Князь Димитрій отвѣчалъ: если цесарь брата своего на Московское государство дастъ, то они цесарю много челомъ бьютъ и брата его примутъ съ великою радостью. Юсуфъ, пріѣхавши, цесарю объ этомъ сказалъ; цесарь обрадовался и далъ знать объ этомъ брату своему Максимиліану, но тотъ отписалъ, что онъ на старости лѣтъ хочетъ быть въ покоѣ, молиться Богу. Тогда цесарь приказалъ съ Юсуфомъ къ князю Димитрію, что есть у него двоюродный братъ Пиліушъ, и если его на Московское государство захотятъ, то онъ его дастъ; и для этого дѣла цесарь послалъ въ Московское государство посла своего, великаго ближняго человѣка, именемъ Размысла, а къ Польскому королю послалъ Грота,—такъ съ ними, Ушаковымъ и Заборовскимъ, есть ли теперь какой-нибудь объ этомъ приказъ?—отвѣчать: „Намъ извѣстно, что цесаревъ посланникъ Юсуфъ Григорьевъ въ Московское государство пришелъ и у бояръ былъ, но о томъ, что князь Димитрій Пожарскій приказывалъ къ цесарю о братѣ его, мы ничего не слыхали, да и въ мысли у бояръ, воеводъ и всякихъ Русскихъ людей не бывало, чтобъ изъ иныхъ государствъ не Греческой вѣры государя выбирать; развѣ о томъ приказывалъ съ Юсуфомъ князь Димитрій Пожарскій безъ совѣту всей Земли Московскаго государства, или Юсуфъ, или переводчикъ Еремѣй сами собою затѣяли, хотя у цесарскаго величества жалованье какое-нибудь выманить. Вамъ, думнымъ людямъ, можно самимъ разумѣть, что и не такое великое дѣло безъ совѣта всей Земли не дѣлается; вамъ о томъ и говорить непригоже, и пословъ государю вашему за этимъ посылать не-для-чего; это дѣло нестаточное и между государями нелюбовное".

Посланники привезли въ Москву грамоту отъ императора; но въ этой грамотѣ не упоминалось о царѣ Михаилѣ, говорилось только, что императоръ принялъ къ сердцу печальное положеніе Московскаго государства и надѣется, что король Польскій на его волю положится, миръ учинитъ. Призвали посланниковъ къ допросу: какимъ образомъ случилось, отъ цесаря грамота не къ государю и государева имени въ ней не написано? Ушаковъ и Заборовскій отвѣчали, что принялъ ихъ цесарь и о государевомъ здоровьи спрашивалъ любительно; думные люди во всемъ говорили имъ съ царскимъ именованьемъ и царское имя во всемъ почитали; на отпускѣ цесарь приказалъ государю поклонъ любительно же, сказалъ, что восшествію на престолъ государя обрадовался и хочетъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ, любви и ссылкѣ, и посла своего къ государю шлетъ. Они, посланники, тому повѣрили и тотъ листъ взяли за грамоту, а подписи на немъ прочесть не велѣли безъ хитрости, повѣря тому, что цесарь ихъ принялъ отъ государя и отпустилъ къ государю. Спросили толмача,—тотъ сказалъ, что дѣйствительно въ рѣчахъ отъ цесаря царское имя говорили ко многимъ статьямъ, и почесть посланникамъ отъ цесаря и отъ думныхъ людей была, только государя называли царемъ и великимъ княземъ, а Михаиломъ Ѳедоровичемъ не называли; цесарь къ государеву имени немного только приклонялся и шляпу снималъ, приказывалъ къ царю челобитье, сидя же, а посланники ему объ этомъ ничего не говорили. Листъ, что привезли посланники къ государю, и подпись на немъ, онъ, толмачъ, посланникамъ переводилъ, и сказывалъ, что государева имени нигдѣ нѣтъ; а когда были въ Голландіи и получили грамоты отъ Голландскаго князя и Штатовъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ, то онъ, толмачъ, указывалъ посланникамъ на эту разницу между цесарскою и голландскою грамотами, но они отвѣчали ему: „Уже это дѣло сдѣлано". Призвали опять посланниковъ къ допросу; они отвѣчали: „Что цесарь на посольствѣ и на отпускѣ не всталъ и имени государева не именовалъ, и они о томъ цесарю и его думнымъ людямъ не говорили,—то они учинили спроста, безъ хитрости, потому что имъ не за обычай, думали, что у нихъ въ государственныхъ поведеньяхъ и въ посольскихъ обычаяхъ такъ издавна ведется. И которая будетъ безхитростная вина ихъ предъ государемъ взыскалась, и въ тѣхъ ихъ безхитростныхъ винахъ воленъ Богъ да государь; учинили они то простотою, а не измѣною и не умышленьемъ. А что они взяли у цесаря вмѣсто грамоты отвѣтъ, писанный на ихъ рѣчи безъ царскаго именованья, того они себѣ въ толкъ не взяли, что не только грамоты, и отвѣту безъ царскаго именованья не бываетъ, и надѣялись они на то, что имъ противъ ихъ посольства и противъ рѣчей заодно грамота и отвѣтъ учинены, потому что имъ не за обычай, въ посольствахъ прежде никогда не бывали; и то они учинили безъ хитрости-жъ, хотѣли лучшаго, да, по грѣхамъ, ихъ простотою учинилось безхитростно; и въ томъ они виноваты-жъ, что вчера запирались, будто подписи прочитать переводчику не давали; под-

пись имъ переводчикъ читалъ и списокъ переводилъ, и имъ то вѣдомо, только положили то запросто, а цесарь ужъ изъ Линца поѣхалъ, если бы и послать, то безъ цезаря ничего сдѣлать было нельзя. И въ тѣхъ ихъ винахъ воленъ Богъ да государь, а имъ своихъ безхитростныхъ винъ утаить и покрыть нечѣмъ". Бояре говорили дьяку Заборовскому: „Степанъ (Ушаковъ) человѣкъ служилый; а ты сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ и въ Разрядѣ въ подъячихъ, тебѣ это дѣло за обычай. И какъ вы смѣли такъ сдѣлать? Хотя бы вы смерть свою тамъ видѣли, а такого отвѣта безъ государскаго имени не должны были брать". Призванъ былъ къ допросу опять толмачъ и показалъ, что у посланниковъ никакихъ тайныхъ сношеній съ цесаревыми людьми и непригожихъ рѣчей про государя не было; но посланники и люди ихъ вели себя дурно: шла мимо Степанова двора дѣвка, и Степановы люди эту дѣвку ухватили и повалили; за что у нихъ съ Нѣмцами была драка; да Степановъ же человѣкъ на томъ дворѣ, гдѣ стоялъ, хотѣлъ у дворника жену обезчестить, и дворникъ за нимъ гонялся съ протазаномъ, хотѣлъ его убить, а Степанъ, зная воровство людей своихъ, отъ того ихъ не унималъ; Степановы же люди пьяные чуть пожара не сдѣлали; онъ, толмачъ, ихъ унималъ, говорилъ, чтобъ они, будучи въ чужой Землѣ, такого безчестья не дѣлали, а они его за это били. Сами Ушаковъ и Заборовскій пили и между собою бранились. Въ Гамбургѣ человѣкъ Ушакова безчестилъ дочь англійскаго воеводы, въ Голландской Землѣ хватался руками за дочь казначея, въ домѣ котораго стояли посланники; да и во многихъ мѣстахъ Степанъ и Семенъ пировали, пили и многія простыя слова говорили, которыя въ тамошнихъ земляхъ государеву имени къ чести не пристойны. Сперва цесарь хотѣлъ дать посланникамъ цѣпи съ своими парсунами (портретами), но потомъ велѣлъ портреты снять, сказавши: „Слышалъ я про нихъ, что они люди простые неученые, ничего добраго, кромѣ дурости, не дѣлаютъ; прежніе послы и посланники, которые прихаживали отъ Московскихъ государей, такъ непригоже не дѣлывали, и такимъ бездѣльникамъ собакамъ парсуны моей давать непригоже".

Чтобы поправить дѣло, въ августѣ 1614 года, отправленъ былъ къ императору наскоро гонецъ, переводчикъ Иванъ Ѳоминъ, съ грамотою, въ которой говорилось, что посланники Ушаковъ и Заборовскій привезли листъ съ отвѣтомъ посланникамъ,—невѣдомо чьимъ и невѣдомо кому именемъ; а передъ приходомъ посланниковъ Ушакова и Заборовскаго, писалъ императорскій гонецъ Сингель, что онъ идетъ передъ цесаревымъ посломъ, который отправленъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всякимъ людямъ: „и мы, великій государь (продолжаетъ грамота), тому удивляемся, какимъ это образомъ у васъ, брата нашего, дѣлается не по прежнему обычаю. Прежде, кромѣ братства и любительной ссылки, недружбы никакой не бывало, государь государю честь по достоинству воздавали, и одинъ другого выславляли и межъ себя дружбы и любви на обѣ стороны искали. Мы на посланниковъ нашихъ за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велѣли имъ казнь учинить". Когда Ѳоминъ правилъ поклонъ императору отъ государя, то императоръ, сидя на мѣстѣ, тронулъ у себя на головѣ шляпы немного и противъ царскаго именованья не всталъ. Ѳоминъ замѣтилъ, что этимъ цесарь показываетъ брату своему нелюбье; канцлеръ отвѣчалъ, что цесарь не помнитъ, когда прежде цесари Римскіе противъ именованья царей Россійскихъ вставали. Ѳоминъ, въ свою очередь, отходя отъ цесаря, поклонился ему по-среднему, не низко. Цесарь обидѣлся поведеніемъ гонца, прислалъ къ нему думныхъ секретарей съ выговоромъ и велѣлъ приставить къ его двору стражу, чтобъ безъ вѣдома думныхъ людей никто къ нему и отъ него не ходилъ. Приставъ Яковъ Бауръ говорилъ гонцу: „Когда были здѣсь царскіе посланники Ушаковъ и Заборовскій, то онъ же, Яковъ, былъ у нихъ въ приставахъ, и они сажали его, Якова, у себя на мѣстѣ, какъ цесарь сидитъ въ своемъ величествѣ на мѣстѣ, и учились у него кланяться три дня; а когда они были у цесарскаго величества, то кланялись до земли": Ѳоминъ отвѣчалъ: „Посланники дѣлали негораздо, что великаго государя чести не остерегали, а ему, Ѳомину, передъ цесаремъ до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтобъ посланники и гонцы до земли кланялись,—подобаетъ это дѣлать подданнымъ". Бауръ говорилъ: „Теперь цесарское величество увѣрился, что великій государь вашъ на Московскомъ государствѣ утвердился, а до пріѣзда его, Ѳомина, вѣсти у нихъ были, что великій государь на Московскомъ государствѣ не утвердился и Московскіе люди еще не въ соединеніи". Послѣ этого стражу сняли; но приставъ опять началъ выговаривать гонцу, какъ онъ осмѣлился сказать императору, чтобъ онъ всталъ при царскомъ имени: „Ты цесарское величество этимъ обезчестилъ, и цесарь хочетъ писать объ этомъ ко всѣмъ государямъ и курфюрстамъ, что они приговорятъ. Слыхали они, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ посолъ, и вошелъ онъ въ палату къ царю не снявши шапки, такъ царь Иванъ тутъ же велѣлъ шапку прибить гвоздемъ къ головѣ; да если бы и при цесарѣ Рудольфѣ такія ты рѣчи сказалъ, велѣлъ бы ему противъ царскаго имени встать, то онъ бы велѣлъ тебя тутъ же изъ окна выбросить или на алебардахъ поднять." Ѳоминъ отвѣчалъ: „Что я говорилъ, то говорилъ по царскому приказу; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ ничего такого не бывало, что ты говоришь, и нашему великому государю есть что писать ко всѣмъ государямъ о цесарскомъ нелюбьи; да у великихъ государей христіанскихъ не ведется, чтобъ надъ посланниками или гонцами что дѣлать." Твердость гонца произвела свое дѣйствіе: по поведенію Ушакова и Заборовскаго судили о слабости государя, ихъ приславшаго; по

отвѣтамъ Ѳомина начали судить иначе, и, по австрійской привычкѣ (tu, felix Austria, nube), задали вопросъ гонцу: „Не изволитъ ли царское величество у цесаря жениться?“ Ѳоминъ отвѣчалъ, что царская мысль въ Божьей рукѣ; кромѣ Бога кому то знать.

Болѣе полутора года прожилъ Ѳоминъ въ Вѣнѣ, невѣдомо для чего, какъ онъ выражался. Ему не давали отпуска, все дожидаясь, чѣмъ кончится у Москвы съ Польшею и Швеціею, утвердится ли Михаилъ на престолѣ; наконецъ дали грамоту, но не съ полнымъ государевымъ именованьемъ; Ѳоминъ грамоты не взялъ и уѣхалъ. Не дождавшись Ѳомина, государь въ іюнѣ 1616 года послалъ въ Вѣну извѣстнаго Лукьяна Мяснаго, которому поручено было провѣдывать тайно всякими мѣрами: какъ цесарь съ Польскимъ королемъ; для чего цесарь присылалъ на съѣздъ подъ Смоленскъ своего посла Ганделіуса, для добраго ли дѣла, или доброхотая Польскому королю, и не хочетъ ли цесарь съ королемъ на Московское государство стоять; и что Ганделіусъ цесарю и думнымъ людямъ про съѣзды подъ Смоленскомъ разсказывалъ.—Въ грамотѣ своей къ императору, посланной съ Мяснымъ, царь писалъ, что миръ не заключенъ подъ Смоленскомъ по несходительству польскихъ пословъ, и просилъ не помогать королю казною и людьми, и своимъ ратнымъ людямъ не велѣть наниматься у Поляковъ. Новаго посланника встрѣтили жалобами на Ѳомина: про свой проѣздъ онъ прежде не отписывалъ, что ѣдетъ отъ царскаго величества: цесарь велѣлъ кардиналу разспросить Ѳомина, отъ кого онъ присланъ, отъ царя или отъ Земли, и съ какимъ дѣломъ; но Ѳоминъ у кардинала не былъ и сказалъ: „Присланъ я отъ царскаго величества къ цесарскому величеству, а не къ попу, и, не бывъ у цесарскаго величества, къ подданнымъ мнѣ не хаживать“. Потомъ, какъ былъ Ѳоминъ передъ цесаремъ, то говорилъ невѣжливо, будто съ угрозою; а цесарю противъ царскаго имени встать было нельзя, потому что у него ноги очень болѣли; наконецъ грамоты цесаревой Ѳоминъ не взялъ.— Но и Мясной отвѣчалъ то же самое, что теперь цесарскаго величества думные люди начинаютъ новыя причины, чего никогда не бывало, да и не ведется нигдѣ: посланникамъ, не бывъ у цесарскаго величества и не исправя своего посольства, напередъ идти къ подданнымъ непригоже; и если они это начинаютъ сами собою, то они такими новыми небывалыми причинами между великими государями братскую любовь и дружбу нарушаютъ; а если они приказываютъ съ цесарскаго повелѣнья, то цесарь начинаетъ новое, и царскому величеству нелюбье свое показываетъ. Мясному объявили отъ имени кардинала Мельхіора Клезаля: „Если ты, посланникъ, по царскому приказу у меня не будешь, то тебѣ за это цесарскихъ очей не видать, и доброе дѣло между великихъ государей не станется; не съ тѣмъ ли и ты пріѣхалъ, что передъ цесаремъ говорить невѣжливо и насъ безчестить, какъ Иванъ Ѳоминъ?“ Лукьянъ уступилъ и поѣхалъ къ кардиналу, который также началъ жалобами на Ѳомина: „Ѳоминъ цесаря во всемъ прогнѣвалъ, говорилъ передъ нимъ невѣжливо, а меня безчестилъ; знаемъ мы и сами, что въ Московскомъ государствѣ ближнихъ людей и церковныхъ причетниковъ почитаютъ; а этотъ Иванъ худякъ все дѣлалъ своимъ глупымъ разумомъ, все государево дѣло потерялъ, изъ-за него между двумя великими государями дружба и любовь не стались. И если вы присланы съ тѣмъ же, то вамъ наудачу у цесарскаго величества не быть, а если царское величество и соизволитъ вамъ у себя быть, то чести вамъ отъ него не будетъ“. Потомъ Мясному объявили, что послѣ представленія цесарю идти ему къ императрицѣ. Мясной отвѣчалъ: „Государь прислалъ насъ къ цесарскому величеству, а у цесаревы намъ быть не наказано, и что́ великой государынѣ говорить—мы не знаемъ. Прежде послы и посланники у цесаревъ не бывали.“ Кардиналъ велѣлъ сказать на это: „Прежній цесарь, Рудольфъ, не былъ женатъ, а теперь цесарь и цесарева, жалуя васъ, велятъ вамъ быть,—въ томъ ихъ государская воля.“ Кардиналъ прислалъ и титулъ, какъ передъ цесаревою говорить. Назначенъ былъ день представленія; цесарь принялъ посланниковъ стоя, и противъ царскаго поклона приподнялъ съ себя шляпу; также и цесарева приняла ихъ стоя. Мясной поднесъ императору рысь и сорокъ соболей, императрицѣ сорокъ соболей, и кардиналу послалъ также сорокъ соболей; кардиналъ, принявши подарокъ, велѣлъ ему сказать, что онъ во всемъ царскому величеству будетъ радѣть. Слѣдствіемъ этого радѣнія былъ отвѣтъ, что у Польскаго короля цесарское величество не ищетъ ничего и на Московское государство королю казною и людьми помогать не хочетъ, и ратнымъ людямъ въ своихъ государствахъ наниматься не велитъ. Цесарскому величеству подлинно извѣстно, что Польскому королю война съ Турками и Шведами, стало ему теперь до себя, а не до Московскаго государства; если же Польскій король съ царскимъ величествомъ мира не учинитъ, то цесарь пошлетъ къ королю посла, чтобъ передъ царскимъ величествомъ въ своихъ неправдахъ исправился. Съ этимъ отвѣтомъ Мясной возвратился въ Москву, гдѣ подвергнулся выговору, зачѣмъ стоялъ въ Прагѣ на одномъ дворѣ съ другими послами, зачѣмъ былъ у кардинала прежде цесаря, и т. п. Но государь Лукьяна Мяснаго и товарища его, подъячаго Посникова, пожаловалъ, опалы на нихъ не положилъ, для того-что имъ было не за обычай: Лукьянъ—человѣкъ служилый, у такихъ дѣлъ въ посольствѣ прежде не бывалъ, и подъячій у такихъ дѣлъ не бывалъ же, у большаго дѣла нигдѣ не сиживалъ, и простъ и худъ [1]).

Одновременно съ Ушаковымъ и Заборовскимъ въ іюнѣ 1613 года отправлены были въ Константино-

---

[1]) Памятники Дипломат. сношен. т. II. Дѣла Турецкія, Крымскія и Персидскія 1613--1645 г.

поль къ султану Ахмету посланники—дворянинъ Соловой-Протасьевъ и дьякъ Даниловъ. Они должны были объявить султану, что новый царь хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви свыше всѣхъ великихъ государей и на всякаго недруга стоять заодно, и чтобъ султанъ присылалъ въ Москву пословъ своихъ съ полнымъ наказомъ: да чтобъ султанъ, видя неправду Польскаго короля и пановъ радныхъ, мстилъ имъ за ихъ неправды, послалъ повелѣніе Крымскому царю идти со всею ордою въ Польскую и Литовскую Землю, а на Русскую Землю ходить имъ не велѣлъ. Великій визирь отвѣчалъ: „Султанъ хочетъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ, дружбѣ и любви, хочетъ стоять на Литовскаго короля. послалъ приказъ Крымскому царю идти на Литву отъ Бѣлагорода (Акермана), да изъ Царягорода посылаетъ 10,000 ратныхъ людей съ Волохами и Молдаванами на Литву, а на Черномъ морѣ у Днѣпровскаго устья велѣлъ поставить отъ Днѣпровскихъ Черкасъ два города и казаковъ съ Днѣпра сбить: васъ, посланниковъ, велѣлъ отпустить и съ вами вмѣстѣ посылаетъ къ государю вашему своего чауша“. Визирь прибавилъ, что султанъ очень доволенъ дружественнымъ предложеніемъ со стороны Московскаго государя. „Всѣмъ намъ извѣстно“, говорилъ онъ, „что подъ солнцемъ два великихъ государя: въ христіанскихъ странахъ вашъ великій государь, а въ мусульманскихъ—Ахметъ султанъ, и противъ нихъ кому стоять?“ Въ августѣ 1615 года отправились изъ Москвы въ Константинополь новые посланники, Петръ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ, уговаривать султана, чтобъ велѣлъ Крымскому хану идти на Литву, потому что Польскій король, узнавши любительную ссылку между царемъ и султаномъ, безпрестанно ссылается съ цесаремъ, папою, королемъ Шведскимъ и другими государями, умышляя всякое лихо на Россію и Турцію. Послы должны были также жаловаться на набѣгъ Азовцевъ на Русскія украйны. Посланники застали Донскихъ казаковъ въ войнѣ съ Азовомъ. Азовскій паша говорилъ Мансурову и Самсонову съ досадою: „Добро бы было вамъ Донскихъ казаковъ съ Азовцами помирить, казаки Азовцамъ теперь чинятъ тѣсноту и вредъ большой, становятся они намъ хуже жидовъ, а если вы казаковъ съ Азовцами не помирите. то мы всѣмъ городомъ отпишемъ султану, и вамъ къ нему пріѣхать не къ чести“. Въ это время Азовскіе люди привезли съ Мертваго Донца плѣнниковъ, Донскаго атамана Матвѣя Лисишникова и болѣе 20 человѣкъ казаковъ; атамана страшно пытали, ременья изъ хребта рѣзали и повѣсили на томъ самомъ кораблѣ, который былъ приготовленъ для посланниковъ; съ пытки казаки сказали, что царь съ Мансуровымъ прислалъ къ нимъ на Донъ жалованье, деньги, сукна, хлѣбные и воинскіе запасы. Посланники объявили пашѣ, что они не поѣдутъ на томъ кораблѣ, на которомъ былъ повѣшенъ воровской мужикъ. Паша отвѣчалъ: „Здѣсь живутъ воры же вольные люди, такіе же, что на Дону казаки, взяли они воровскихъ казаковъ и повѣсили на кораблѣ не по моему приказу,—самовольствомъ, а корабль я вамъ дамъ другой“. Наконецъ Донскіе казаки—атаманъ Смага Чертенскій съ товарищами—прислали въ Азовъ троихъ атамановъ, которые и заключили перемирье съ Азовцами, послѣ чего царскіе посланники отправились въ Константинополь.

Въ Константинополѣ ждалъ ихъ почетный пріемъ; великій визирь сказалъ имъ: „Вы у насъ гости добрые, приходите къ намъ съ дѣломъ добрымъ и любительнымъ, и государь нашъ велѣлъ вамъ почесть воздавать свыше всѣхъ пословъ великихъ государей. и ставить себѣ государя вашего великимъ и неложнымъ другомъ и пріятелемъ“ Но казаки не замедлили помѣшать дѣлу: визирь прислалъ сказать посланникамъ, что Донскіе казаки приступали къ Азову двѣнадцать дней. на Міюсѣ много кораблей погромили, и теперь на семидесяти стругахъ идутъ подъ городъ Кафу: „И вы, посланники“, велѣлъ сказать визирь, „пришли къ государю нашему не для добраго дѣла, съ обманомъ“. Посланники должны были запѣть старую пѣсню, что на Дону живутъ воры, бѣглые люди боярскіе, утекая изъ Московскаго государства отъ смертной казни, живутъ на Дону, переходя съ мѣста на мѣсто, разбойническимъ обычаемъ. Но визиревъ посланецъ возразилъ: „Вы говорите, что на Дону живутъ воры; а для чего же вашъ государь теперь съ вами прислалъ къ нимъ денежное жалованье, сукна, сѣру, свинецъ и запасы? Визирь велѣлъ вамъ сказать: если Донскіе казаки какое дурно на морѣ или надъ Кафою учинятъ, то вамъ здѣсь добра не будетъ, можно васъ здѣсь за вашу неправду казнить смертью. Пишите къ казакамъ, чтобъ они отъ своего воровства отстали“. Посланники отвѣчали: „Присланы мы для общихъ большихъ добрыхъ дѣлъ; когда мы будемъ у визиря и объ этихъ большихъ дѣлахъ переговоримъ, тогда и о Донскихъ казакахъ договоримся“. Но скоро опять пришли другія вѣсти: приходили моремъ во многихъ стругахъ Донскіе казаки, города Трапезунтъ и Синопъ взяли, выжгли, людей многихъ побили и въ плѣнъ побрали. Визирь долго не присылалъ за посланниками, которые обратились къ казначею, визиреву зятю, подарили ему сорокъ соболей, чтобъ онъ похлопоталъ у визиря объ ихъ дѣлѣ; визирь прислалъ сказать имъ, чтобъ ни о чемъ не печалились, всѣ ихъ дѣла будутъ сдѣланы, и дѣйствительно скоро послѣ того прислалъ за ними. Разговоръ начался не очень пріятно для посланниковъ; визирь сказалъ имъ: „Не извѣстить мнѣ государю своему о казачьемъ воровствѣ нельзя, но какъ скоро я ему объ этомъ объявлю, то вамъ добра не будетъ, говорю вамъ прямо; да государь же нашъ велитъ въ вашу Землю послать Татаръ войною, и государю вашему какая отъ этого прибыль будетъ“? Посланники отвѣчали прежнее, что „на Дону живутъ воры, которые и Московскому государству много зла надѣлали, первые къ Гришкѣ Отрепьеву и къ Польскимъ людямъ пристали, а послѣ мно-

гихъ воровъ назвали государскими дѣтьми. Царское величество съ Дону ихъ сослать велитъ для дружбы къ султану. То не диво, что воры бѣглые люди воруютъ; но Азовскіе люди не казаки, живутъ въ городѣ, а каждый годъ приходятъ на государя нашего украйны". Визирь возразилъ: „Но вѣдь Крымцы на ваши украйны не ходятъ?" Посланники отвѣтали: „Мы говоримъ не о Крымцахъ,—говоримъ, чтобъ султанъ унялъ Азовцевъ". Визирь замолчалъ и, помолчавши, началъ опять говорить: „Скажите мнѣ, сколько ратныхъ людей васъ провожало до Азова, и сколько подъ вами и подъ ратными людьми было струговъ, и теперь эти ратные люди и струги гдѣ? До насъ дошелъ слухъ, что этихъ ратныхъ людей и струги всѣ вы оставили у казаковъ на Дону, и на этихъ вашихъ стругахъ теперь казаки на морѣ воруютъ, корабли громятъ, поморскія волости и деревни пустошатъ". Посланники отвѣчали, что на Дону ни ратныхъ людей, ни струговъ не осталось. Визирь сказалъ на это: „Если государь вашъ теперъ казаковъ не смиритъ, то нашъ государь можетъ и своимъ войскомъ ихъ смирить, только между государями дружбы не будетъ, и вамъ здѣсь будетъ задержанье. Но полно говорить объ этомъ дѣлѣ, станемъ говорить о добрыхъ дѣлахъ". Добрыя дѣла состояли въ томъ, что посланники объявили визирю: „Если ты на Польскаго короля войско пошлешь вскорѣ, всѣ великаго государя нашего дѣла передѣлаешь и насъ отпустишь скоро съ добрымъ дѣломъ, то мы тебѣ бьемъ челомъ—семь сороковъ соболей добрыхъ". Визирь очень развеселился и сталъ говорить: „Султанъ непремѣнно войско на Польшу пошлетъ и васъ велитъ отпустить съ добрымъ дѣломъ, государя вашего напишетъ съ полнымъименованьемъ, за то я вамъ ручаюсь и на старости своей великому государю вашему работу свою и службу хочу показать". Посланники, съ своей стороны, выставили дружбу государя своего къ султану, объявили, что посланники персидскій и австрійскій задержаны въ Москвѣ, потому что цесарь, шахъ Персидскій и король Польскій другъ съ другомъ ссылаются.

Но эти пріятныя отношенія вслѣдствіе соболей были непродолжительны; казаки пересиливали соболей: визирь объявилъ посланникамъ, что султанъ посылаетъ рать свою на Литву, но чтобъ они, посланники, поручились, что Донскіе казаки, во время этого похода турецкаго войска въ Литву, не причинятъ никакого вреда турецкимъ областямъ. Посланники отказывались ручаться, говоря, что у нихъ въ наказѣ объ этомъ ничего нѣтъ; что для окончательнаго договора о казакахъ султанъ долженъ отправить своего посла въ Москву. Визирь сказалъ на это: „Добро было вамъ Донскихъ казаковъ себѣ на душу взять; а если вы казаковъ себѣ на душу не возьмете, то вамъ отъ нашего государя какого добра ждать? Отпуску вамъ не будетъ, между государями любви не будетъ же, государь нашъ вашему государю на Польскаго короля помогать не станетъ, а на Донскихъ казаковъ нашъ государь хочетъ послать воеводъ своихъ; наши ратные люди всѣхъ казаковъ побьютъ, юрты ихъ разорятъ, и вашему государю то не къ чести же будетъ". Посланники отвѣчали: „Хоть бы Турскіе люди Донскихъ казаковъ до одного человѣка побили, то нашъ великій государь вашему за то не постоитъ: нашъ великій государь самъ о томъ помышляетъ, чтобъ казаковъ на Дону не было, и чтобъ отъ ихъ воровства между обоими государями дружбѣ помѣшки не было". *Визирь:* „Вы называете Донскихъ казаковъ ворами и разбойниками;—за что же вашъ государь прислалъ къ нимъ запасы многіе? и они съ этими запасами по морю ходятъ безпрестанно и нашему государю многіе убытки дѣлаютъ". *Посланники:* „Государь нашъ послалъ Донскимъ казакамъ запасы, потому что они надъ Ногайскими людьми поискъ чинятъ, полонъ у нихъ русскій отбиваютъ; кромѣ того, Донскіе казаки встрѣтили съ честію нашихъ посланниковъ Соловаго-Протасьева съ товарищами и вашего посланника, и всю зиму кормили. На Дону живутъ воры разбойническимъ обычаемъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто; а вашего государя Азовскіе люди живутъ въ городѣ, и на нашей украйнѣ разбойничаютъ!" Визирь отвѣчалъ, что султанъ велитъ унять Азовскихъ людей. Въ то же время былъ у визиря польскій посланникъ Янъ Кохановскій, котораго визирь посадилъ ниже московскихъ посланниковъ. Кохановскій твердилъ визирю, что на Черномъ морѣ разбойничаютъ не Запорожскіе, а Донскіе казаки; московскіе посланники говорили визирю: „Вамъ самимъ извѣстно, что разбойничаютъ Черкасы".

Это былъ послѣдній разговоръ нашихъ посланниковъ съ визиремъ Ахметъ-пашою: султанъ велѣлъ его смѣнить за утайку дурныхъ вѣстей о Персидской войнѣ, и на его мѣсто поставилъ визиремъ Халиль-пашу. Посланники обратились къ патріарху Тимоѳею, не можетъ ли онъ имъ помочь у новаго визиря; патріархъ отвѣчалъ: „Самимъ вамъ извѣстно, что старый визирь на насъ, православныхъ христіанъ Грековъ, былъ гонитель и поругатель великій; чуть меня къ смерти не привелъ, и мнѣ при немъ помогать вамъ никакимъ образомъ было нельзя. Новый визирь, думаю, ко мнѣ расположенъ, и потому буду о государевыхъ дѣлахъ промышлять; вамъ бы завтра послать къ визирю въ подарокъ сорока два или три соболей добрыхъ, а я съ вашими людьми пошлю своего дьяка Мануила, чтобъ онъ отъ меня визирю и его дворецкому побилъ челомъ; этого дьяка Мануила визиревъ дворецкій знаетъ и очень любитъ, а дворецкій визирю дядя родной: вамъ бы и ему послать сорокъ соболей". Посланники исполнили совѣтъ патріарховъ, и визирь обѣщалъ хлопотать о ихъ дѣлѣ, но объявилъ, что все задержанье имъ изъ-за Донскихъ казаковъ, за то, что государь прислалъ казакамъ жалованье; Польскій король обѣщается Черкасъ унять, и если уйметъ, то султанъ съ нимъ помирится и пошлетъ

рать свою на Донскихъ казаковъ; если же король Польскій не пошлетъ на Черкасъ своего войска, и Донскіе казаки перестанутъ на морѣ разбойничать, то султанъ хочетъ стоять съ царемъ заодно на Польскаго короля, и ихъ, посланниковъ, отпустить въ Москву. Опять отправили посланники къ визирю шубу соболью, съ просьбою, чтобъ великому государю службу свою показалъ, всѣ государственныя дѣла передѣлалъ. Визирь отвѣчалъ, что съ султановою грамотою къ царю будетъ отправленъ одинъ изъ посланниковъ, а другой долженъ остаться въ Царѣградѣ, потому что посланники не хотятъ поручиться за Донскихъ казаковъ, которые воруютъ турецкіе поморскіе города, и волости воюютъ. „Ступайте къ муфтію, побейте ему челомъ“, прибавилъ визирь. Посланники поѣхали къ муфтію, и отъ того услыхали тѣ же рѣчи, что долженъ ѣхать въ Москву одинъ посланникъ, по примѣру цесарскихъ пословъ, изъ которыхъ одинъ, большой, остался въ Царѣградѣ для справки въ государственныхъ, любительныхъ дѣлахъ. Явилось и старое требованіе, чтобъ царь уступилъ султану Казань и Астрахань. Халиль-паша ушелъ въ Персидскій походъ; его мѣсто заступилъ Магометъ-паша, отъ котораго посланники должны были выслушивать прежнія рѣчи: „Если вы къ казакамъ не отпишете и ихъ не уймете, то государю вашему отъ нашего государя какого пріятельства ждать, а вамъ за казаками изъ Царягорода отпуску не будетъ“. Посланники подослали Грековъ къ сыну и дворецкому муфтія; тѣ велѣли сказать имъ: „Мы у муфтія ихъ дѣломъ промыслимъ, но чтобъ насъ не забыли, почтили своими заморскими поминками, что у нихъ случится“. Муфтій дѣйствительно прислалъ за посланниками, но объявилъ: „Если государь вашъ уступитъ нашему старинные мусульманскіе города—Казань и Астрахань, то государь нашъ тотчасъ ему поможетъ на Польскаго короля; по нашей мусульманской вѣрѣ христіанамъ даромъ помогать не велѣно“. Съ тѣмъ и отпустилъ. Посланники поѣхали къ визирю Магометъ-пашѣ и сказали ему, что если султанъ пошлетъ войско на Польшу, то государь пришлетъ ему, визирю, жалованья мягкою рухлядью на три тысячи золотыхъ, дали ему и заемную память на эту сумму. Визирь, подержавъ память въ рукахъ, отдалъ назадъ и сказалъ: „Память мнѣ ваша не надобна, а дѣлами вашего государя стану непремѣнно и радѣтельно промышлять“. Послѣ этого далъ знать посланникамъ посольскій дьякъ, что ему велѣно писать грамоту отъ султана къ царю, что посланникамъ скоро будетъ отпускъ, причемъ велѣлъ сказать: „Посланники живутъ въ Царѣгородѣ другой годъ, многимъ людямъ отъ нихъ подарки были, только я отъ нихъ ничего не видалъ; а имъ бы слѣдовало и насъ государевымъ жалованьемъ взыскать, за мною государево жалованье не пропадетъ, отработаю великому государю, гдѣ силы достанетъ“. Прислалъ и дворецкій визиревъ: „Я безпрестанно говорю визирю о государевыхъ дѣлахъ, дѣла эти къ концу приходятъ,—такъ посланникамъ слѣдовало бы визиря почтить, да и меня не позабыть“. Посланники отправили всѣмъ шубы. Прислалъ муфтій и сынъ его напомнить посланникамъ о ихъ обѣщаніи, отправились и туда собольи шубы. Благодаря всѣмъ этимъ шубамъ, посланниковъ, послѣ тридцатимѣсячнаго задержанія, отпустили въ Москву съ объявленіемъ, что противъ Польскаго короля стоитъ турецкое войско у Хотина, а какъ визиръ Халиль-паша придетъ изъ Персіи, то султанъ пошлетъ тогда на Польшу всѣхъ своихъ ратныхъ людей.

Отправлены были посланники и въ Персію,—дворянинъ Тихоновъ и подьячій Бухаровъ. Шахъ Аббасъ объявилъ, что хочетъ быть съ царемъ Михаиломъ въ крѣпкой дружбѣ, помогать ему и ратными людьми, и казною, если и царь будетъ помогать ему и тѣмъ и другимъ; смотря на небо, шахъ сказалъ: „Богъ меня убьетъ, если я брату моему, царю Михаилу Θеодоровичу, неправду сдѣлаю“. Шахъ извинялся предъ государемъ въ томъ, что сначала, по просьбѣ Марины и Заруцкаго, обѣщалъ помочь имъ ратными людьми, казною и хлѣбными запасами; они его увѣрили, что при нихъ находится царь Московскій Иванъ Димитріевичъ, а Москва занята Литовцами, отъ которыхъ они хотятъ ее очищать; какъ же скоро онъ, шахъ, узналъ о воровствѣ Маринки и Заруцкаго, то не далъ имъ никакой помощи. Царь отправилъ дворянина Леонтьева просить у шаха денегъ въ помощь противъ Литовскихъ людей, и, въ концѣ 1617 года, шахъ прислалъ легкую казну,—серебра въ слиткахъ на 7,000 рублей.

Новый царь, разумѣется, долженъ былъ начать сношенія и съ Крымомъ, гдѣ царствовалъ Джанибекъ-Гирей. Сношенія эти носили прежній, уже хорошо намъ извѣстный, характеръ; главнымъ содержаніемъ переговоровъ попрежнему была торговля: Крымцы запрашивали, хотѣли взять какъ можно больше,—Русскіе старались дать какъ можно меньше, представляя опустошенія государства, оскудѣніе казны. Разбойники не трогались этимъ представленіемъ; въ іюлѣ 1614 года, въ Ливнахъ, гдѣ, по обычаю, происходилъ размѣнъ посланниковъ, крымскій посолъ Ахметъ-паша Сулешовъ объявилъ: „Если не станетъ государь присылать ежегодно по 10,000 рублей, кромѣ рухляди, то мнѣ добраго дѣла совершить нельзя; со мною два дѣла, доброе и лихое,—выбирайте! Ногайскіе малые люди безвыходно васъ воюютъ, а если мы съ своими силами на васъ же придемъ, то что будетъ! Вы ставите шесть тысячъ рублей въ-дорого, говорите, что взять негдѣ; а я и на однихъ Ливнахъ вымещу: хотя возьму тысячу плѣнныхъ и за каждаго плѣнника возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50,000 рублей.“ Наконецъ Ахметъ-паша согласился взять 4,000 рублей поминковъ для хана и далъ за него шерть, когда московскій посолъ далъ слово, что по веснѣ рано государь пришлетъ хану большіе поминки. Но когда посолъ, князь

Григорій Волконскій, пріѣхалъ въ Крымъ брать шерть, то ханъ Джанибекъ-Гирей объявилъ: „Шерти мнѣ теперь дать не за что, поминковъ ко мнѣ и къ калгѣ прислано мало, къ ближнимъ людямъ прислано не ко многимъ и непомногу, и за это ближніе люди на насъ злобятся, шерти дать не хотятъ, и намъ шерть отговариваютъ." Наконецъ и ханъ далъ шерть съ условіемъ, что если государь рано весною поминковъ не пришлетъ, то шерть не въ шерть. Послѣ этого посылались въ Крымъ ежегодные поминки какъ для того, чтобъ удерживать Крымцевъ отъ нападенія на московскія украйны, такъ и для того, чтобъ побуждать ихъ къ нападеніямъ на Литву. Послѣдняя цѣль плохо достигалась, потому что ханъ былъ занятъ войною Персидскою, усобицею у себя въ Крыму и боялся Запорожцевъ, которые сильно опустошали его улусы. Послы московскіе по-прежнему постоянно жили въ Крыму, на смѣну однихъ пріѣзжали другіе, по-прежнему имъ чинилось тамъ многое насильство и неволя, поминки брали на нихъ многіе, въ неволѣ, чуть-чуть не правежомъ: по-прежнему за выгодами Московскаго государства наблюдала фамилія князей Сулешовыхъ, сначала Ахметъ-паша, а потомъ братъ его Ибрагимъ-паша.

Болѣе чѣмъ гдѣ-либо участія новый государь Московскій нашелъ на далекомъ западѣ, у морскихъ державъ—Голландіи и Англіи: разумѣется, это участіе было корыстное, внутреннія смуты въ Московскомъ государствѣ и опустошенія, причиняемыя войною Польскою и Шведскою, вредили ихъ торговлѣ: имъ выгодно было успокоить Московское государство и, въ награду, пріобрѣсти здѣсь еще большія торговыя выгоды. Извѣстныя уже намъ лица, Ушаковъ и Заборовскій, отправивъ посольство свое у императора, должны были ѣхать въ Голландію, и тамъ требовать помощи на враговъ. 1-го мая 1614 года Ушаковъ и Заборовскій пріѣхали въ Гагу, пріѣхали они въ жалкомъ положеніи, и Голландское правительство тотчасъ же снабдило ихъ всѣмъ нужнымъ, приказавъ выдать имъ единовременно 1,000 гульденовъ. Послы, по отзыву Голландцевъ, приводили всѣхъ въ удивленіе своею скромностію и учтивостію, и были очень боязливы. Они просили у Генеральныхъ Штатовъ помощи царю войскомъ и деньгами. Штаты отвѣчали, что они сами недавно освободились отъ войны, и потому не могутъ подать царю никакой помощи, но употребятъ всѣ усилія, чтобъ склонить къ миру короля Шведскаго. Въ Англію, въ іюнѣ 1613 года, отправленъ былъ дворянинъ Алексѣй Зюзинъ. Описавши неправды Поляковъ въ Москвѣ, Зюзинъ долженъ былъ сказать королю: „Во время московскаго разоренья вашихъ гостей и торговыхъ людей. Марка Англичанина съ товарищами, Литовскіе люди захватили, товары всѣ у нихъ отняли и держали ихъ за крѣпкими приставами, а послѣ того побили". Зюзинъ долженъ былъ говорить министрамъ королевскимъ, что царь велѣлъ просить помощи казною своимъ ратнымъ людямъ на жалованье, а наемные люди государю нашему не надобны, денегъ имъ на наемъ въ нынѣшнее время дать нечего. Зюзинъ долженъ былъ просить, чтобъ король помочь учинилъ казною, товарами, зельемъ, свинцомъ, сѣрою и другою воинскою казною, а государь своею любительною и братственною дружбою и любовью будетъ воздавать и свыше того: непремѣнно уговаривать, чтобъ король государю помочь учинилъ казною и товарами и пушечными запасами тысячъ на сто рублей, по самой послѣдней мѣрѣ на 80,000 или на 70,000, а по самой нуждѣ на 50,000. Если королевскіе совѣтники станутъ говорить, что они знаютъ навѣрное, что Марка Англичанина били русскіе казаки въ то время, какъ у Польскихъ и Литовскихъ людей Китай взяли, и имѣнье его все захватили тѣ же казаки, и государь бы велѣлъ это имѣнье отдать Англичанамъ—торговымъ людямъ, то отвѣчать: намъ навѣрно извѣстно, что Марка захватили Польскіе люди и держали по самое китайское взятье за крѣпкими приставами на Англійскомъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ; и какъ Китай-городъ у Польскихъ людей взяли, то Марка съ тѣхъ поръ безъ вѣсти нѣтъ, неизвѣстно—Польскіе и Литовскіе люди его убили, или можетъ быть чернью, не разсмотря, въ то же взятье его убили, потому что въ то время и Русскихъ многихъ людей, которые сидѣли неволею у Поляковъ, побили. Зюзинъ долженъ былъ навѣдаться о посланномъ при Годуновѣ въ Англію для науки Григорьи Григорьевѣ съ четырьмя товарищами, требовать ихъ назадъ, потому что они государю нужны къ посольскому дѣлу.

Въ Англіи московскаго посланника приняли не такъ, какъ въ Австріи. Король Іаковъ отвѣчалъ, что онъ будетъ съ царемъ Михаиломъ вести дружбу свыше прежнихъ королей. „Мнѣ извѣстно", говорилъ онъ, „какое зло Поляки надѣлали въ Москвѣ, и мы короля Сигизмунда за то укоряемъ и съ нимъ ни о чемъ не ссылаемся; и Шведскаго короля неправды намъ извѣстны же". Король говорилъ посламъ, чтобы надѣли шапки, дважды и трижды о томъ припоминалъ и своимъ королевскимъ словомъ гораздо понуждалъ и *приклякивалъ* (присѣдалъ), чтобъ шапки надѣли. А самъ король и сынъ его, королевичъ Карлъ, шляпъ ни разу на себя не надѣли, держали ихъ сами, а королева тутъ же стояла по своему королевскому чину и обычаю На увѣщаніе короля надѣть шапки послы отвѣчали: „Видимъ къ великому государю нашему твою братскую любовь и крѣпкую дружбу, слышимъ рѣчи ваши государскія, великаго государя нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи близко видимъ, и намъ, холопямъ, въ такое время какъ на себя шапки надѣть"! Король, королева и королевичъ посламъ приклякнули, за то похвалили, жаловали ихъ и любезно почитали.

Вслѣдствіе этого посольства, въ августѣ 1614 года въ Москву пріѣхалъ давно уже извѣстный здѣсь англійскій купецъ, Джонъ Мерикъ, но съ но-

вымъ значенiемъ; въ королевской грамотѣ названъ онъ былъ княземъ, рыцаремъ, дворяниномъ тайной комнаты. Мерикъ объявилъ желанiе королевское, чтобы государь далъ англiйскимъ купцамъ повольную торговлю и открылъ имъ путь въ Персiю по Волгѣ. Ему отвѣчали, что государь уже далъ позволенiе англiйскимъ купцамъ прiѣзжать въ Холмогоры къ корабельной пристани и въ иныя мѣста, и торговать повольною торговлею всякими товарами безпошлинно, и жалованную грамоту за царскою печатью имъ дали. А чрезъ Московское государство рѣкою Волгою въ Персiю и въ иныя восточныя государства англiйскимъ гостямъ въ нынѣшнее время ходить страшно,—князю Ивану (Мерику) самому извѣстно, что смута была, въ Астрахани былъ Заруцкiй съ Маринкою; теперь воеводы Астрахань взяли и Заруцкаго въ Москву прислали, но многiе воры, которые были съ Заруцкимъ, убѣжали на Волгу и тамъ теперь воруютъ, нашихъ многихъ торговыхъ людей пограбили; а шахъ Персидскiй въ нашу подданную Грузинскую Землю вступился, между нами съ нимъ о томъ ссылка, и наши торговые люди теперь въ Персiю не ходятъ. А какъ, дастъ Богъ, дорога въ Астрахань очистится и съ Персидскимъ шахомъ о Грузинской Землѣ постановится, то государь съ Якубомъ королемъ о томъ сошлется. Послѣ этого между Мерикомъ и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ былъ разговоръ, какъ помириться государю съ Шведскимъ королемъ. *Мерикъ:* Свейскiй король къ государю нашему о томъ писалъ самъ, чтобы государь нашъ его съ великимъ государемъ вашимъ помирилъ, и отдался въ томъ Свейскiй король на волю государя нашего, а наказъ мнѣ данъ—велѣно дѣлать съ шведскими послами по наказу великаго государя царя. *Куракинъ:* Вѣдомо тебѣ, въ какой мѣрѣ были великiе государи цари съ Свейскими королями, ссылались Свейскiе короли съ намѣстниками новгородскими, и теперь царскому величеству къ Свейскому о мирѣ послать непригоже; а ты безъ нашего посла или посланника къ Свейскому идешь ли? *Мерикъ:* Я готовъ идти, или пошлю напередъ себя дворянина, а потомъ самъ пойду. *Куракинъ:* Ручаешься ли, что Свейскiй помирится на государевой волѣ? *Мерикъ:* Свейскiй положился на короля нашего, и ему съ государемъ царемъ какъ не мириться? *Куракинъ:* Только Свейскiй Якуба короля вашего не послушаетъ, съ великимъ государемъ по его волѣ не помирится, то Якубъ король съ великимъ государемъ на Свейскаго заодно стоять и царскому величеству помогать станетъ ли? *Мерикъ:* Если Свейскiй не послушаетъ и позабудетъ любовь короля нашего, который помирилъ его съ Датскимъ, то онъ будетъ государю нашему недругъ, и король нашъ царю на него, думаю, помогать будетъ. *Куракинъ*: Объяви подлинно, есть ли съ тобою Якуба короля наказъ, какъ государь вашъ государю нашему противъ его недруговъ помогать хочетъ, когда и чѣмъ, и закрѣпить тебѣ это велѣно ли? *Мерикъ*: Государь нашъ, Якубъ король Андреевичъ, не только казною, всякими мѣрами царскому величеству помогать и всякое добро чинить хочетъ; онъ хотѣлъ послать казну и съ посломъ царскимъ Зюзинымъ, да казнѣ его расходъ былъ большой. А послѣ царскаго посла государь нашъ Якубъ король учинилъ соборъ (парламентъ) съ боярами своими и со всѣми земскими людьми о сборѣ казны на его королевскiе расходы и на вспоможенье царскому величеству, и какъ я отъ государя своего поѣхалъ, то соборъ еще объ этомъ на мѣрѣ не постановилъ, и закрѣпить мнѣ о томъ не наказано, а какое будетъ царскаго величества и государя нашего объ этомъ прошенье, то государь нашъ велѣлъ мнѣ объ этомъ къ себѣ написать. *Куракинъ*: Ручаешься ли, что государь вашъ вспоможенье учинитъ этою весною? *Мерикъ*: Какъ мнѣ ручаться? дорога дальняя и кромѣ Шведской Земли другой дороги нѣтъ. *Куракинъ*: Ручаешься ли, что помочь учинитъ? *Мерикъ*: Думаю, что учинитъ.

Еще только подавъ надежду на помощь, Мерикъ спѣшилъ представить просьбы своего короля. Iаковъ просилъ, чтобъ позволено было Англичанамъ ѣздить Волгою въ Персiю, рѣкою Обью въ Восточную Индiю. «Мы думаемъ», говорилъ Мерикъ, «что дорога Обью-рѣкою отыщется, и станутъ Англiйскiе и Русскiе люди въ Индiю ходить, и такiя прибыли царской казнѣ будутъ, какихъ прежде не бывало; отыскана въ Индiю дорога, но далеко оборачивается,—въ три года,—это время долго! Другая просьба: нашли Англiйскiе люди новую Землю, слыветъ Гирлянъ, пуста, людей нѣтъ, а промыслъ—бьютъ китовъ, моржей, берутъ сало и зубъ рыбiй, и иного въ ней угодья много, и оленей очень много,—такъ государь бы пожаловалъ, отпустилъ изъ своей отчины, Лопской Земли, людей, которые имѣютъ оленями владѣть, и тѣми промыслами, что у нихъ въ Лопской Землѣ, промышлять по договору, сколько человѣкъ пригоже, чтобъ Англiйскимъ людямъ указали; а какъ они тамъ побудутъ и Англiйскiе люди тому у нихъ навыкнутъ, тогда этихъ Лопарей опять отпустятъ въ государеву Землю,—за это я берусь. Потомъ есть въ царскаго величества Землѣ на рѣкѣ Сухонѣ руда желѣзная и оловянная; такъ государь бы позволилъ изъ Англiйской Земли привезти знатцевъ и кузнецовъ: они руду найдутъ и станутъ дѣлать, а государю отъ этого будетъ прибыль, да и Русскiе люди выучатся сыскивать и дѣлать, и тутъ станутъ жить. Да около Вологды есть много земли пустой, болотной, ни къ чему негодной; государь бы пожаловалъ, позволилъ Англичанамъ тутъ своихъ людей привести для промысла; они станутъ Русскихъ людей нанимать пашню пахать, сѣять ленъ и полотна станутъ дѣлать такiя, что и за море будутъ ходить». Бояре отвѣчали, что прежде всего надобно покончить свейское дѣло, и Мерикъ отправился въ Новгородъ для переговоровъ.

Мы оставили Новгородъ въ рукахъ у Шведовъ.

Еще 25 декабря 1611 году, по приговору митрополита Исидора, воеводы князя Одоевскаго (который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ получилъ отъ короля богатое помѣстье) и всякихъ людей, отправлены были въ Стокгольмъ къ королю Карлу послы: Юрьева монастыря архимандритъ Никандръ, Благовѣщенскаго монастыря игуменъ Антоній, изъ свѣтскихъ — дворяне Колычевъ, Боборыкинъ и дьякъ Коншинъ—бить челомъ, чтобъ король далъ имъ въ государи одного изъ сыновей своихъ, „а прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳеодора Ивановича былъ“. Какъ мало были увѣрены новгородскіе послы въ полномъ и общемъ согласіи согражданъ на избраніе королевича, и какъ они боялись перемѣны, доказываетъ то, что митрополитъ, воевода и всякіе люди должны были поклясться имъ: „Намъ—митрополиту, архимандритамъ и игуменамъ за нихъ Бога молить, а намъ—боярину, дворянамъ и всякимъ людямъ—домовъ ихъ оберегать, имъ помогать и не выдать ихъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ“. Новгородцы отправили этихъ пословъ отъ всего Московскаго государства; но мы видѣли чѣмъ кончились переговоры князя Оболенскаго съ Пожарскимъ. Когда Москва была очищена отъ Поляковъ и Новгородцы опять напомнили вождямъ ополченія о Шведскомъ королевичѣ, тѣ отвѣчали: „Намъ теперь такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обославшись и не учиня совѣта и договора съ Казанскимъ, Астраханскимъ, Сибирскимъ и Нижегородскимъ государствами и со всѣми городами Россійскаго царства, со всякими людьми отъ мала и до велика, однимъ учинить нельзя; и мы теперь объ избраніи государскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали во всѣ города, чтобъ изо всѣхъ городовъ прислали къ намъ въ Москву“. Всѣ города выбрали Михаила Ѳеодоровича, и несчастные Новгородцы стали между двухъ огней: отдѣлиться отъ Москвы—значило оторваться отъ всѣхъ жизненныхъ началъ; порвать связь съ Швеціею—не было никакой возможности, ибо они были въ рукахъ Делагарди.

Карлъ IX умеръ, и въ іюнѣ 1613 года преемникъ его, Густавъ-Адольфъ, прислалъ въ Новгородъ грамоту, въ которой извѣщалъ объ отправленіи брата своего Карла-Филиппа въ Выборгъ, куда должны явиться уполномоченные отъ Новгорода и отъ всего Россійскаго царства для порѣшенія дѣла. Новгородцы повиновались и отправили въ Выборгъ пословъ бить челомъ королевичу, чтобъ шелъ немедленно въ Новгородъ. По пріѣздѣ въ Выборгъ, начальный человѣкъ посольства, Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, писалъ въ Новгородъ, что государь королевичъ и его бояре, полномочные послы, сильно сердятся, что многіе люди изъ Великаго Новгорода отъѣзжаютъ къ ворамъ: „У насъ, что было въ наказѣ писано, продолжаетъ Кипріанъ, и мы то исполнили, государю и полномочнымъ великимъ посламъ много разъ били челомъ обо всемъ; но государь нашъ королевичъ Карлусъ-Филиппъ Карлусовичъ и полномочные послы намъ отказываютъ, что государю королевичу на одно Новгородское государство не хаживать до тѣхъ поръ, пока Владимірское и Московское государство съ Новгородскимъ не соединятся. Вамъ про то давно вѣдомо, что государю никакъ на одно Новгородское государство не хаживать, а вы пишите къ намъ въ грамотахъ, велите промышлять, смотря по тамошнему дѣлу: вы насъ этими своими грамотами съ государемъ и его боярами остужаете, а на себя худобу наводите; намъ какъ промышлять смотря по здѣшнему дѣлу, мимо вашего наказа и вашихъ грамотъ“?

Но если затруднительно было положеніе Кипріана и товарищей его въ Выборгѣ, то не менѣе затруднительно было положеніе Новгородцевъ. Делагарди вышелъ изъ Новгорода, и преемникъ его, фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ, въ январѣ 1614 года, объявилъ Новгородцамъ: „Его королевское величество хочетъ Новгородскаго государства всякимъ людямъ, безо всякаго льстиваго отсроченія и отбѣганія, сполна и окончительно мысль свою откровенно объявить: хотите-ль вы его королевское величество и его королевскихъ наслѣдниковъ своими прямыми государями и королями имѣть и почитать, его королевскому величеству и имъ прямую покорную вѣрность и послушаніе свое оказать, присоединиться къ Шведской коронѣ не какъ порабощенные, но какъ особенное государство, подобно тому, какъ Литовское государство соединено съ Польскимъ королевствомъ? Королевское величество соизволилъ, чтобъ вы ему и его наслѣдникамъ, какъ великому князю Новгородскаго государства, непремѣнно крестъ цѣловали, и если Вседержитель Богъ подастъ его королевскому величеству болѣе одного сына, то одному изъ нихъ быть государемъ и великимъ княземъ на Новгородскомъ государствѣ; если же Богъ дастъ королю только одного наслѣдника, то вы ему и его наслѣдникамъ такимъ же образомъ должны крестъ цѣловать, какъ и нынѣшнему королю цѣлуете. А если вы при своемъ упрямствѣ останетесь и короля не послушаетесь, то знайте: такъ какъ королевское величество Новгородъ мечемъ взялъ, когда вы ни подъ какимъ прямымъ государемъ и властію не были, и васъ противъ вашихъ недруговъ оборонялъ, то онъ имѣетъ право Новгородское государство за собою и за своими наслѣдниками навѣки удержать. Такъ какъ вы поддались подъ оборону его королевскаго величества и короны Шведской, то вамъ надобно рѣшить — какъ быть къ Московскимъ людямъ, друзьями или врагами, потому что къ двоимъ государямъ вамъ вдругъ прилѣпиться нельзя; королевское величество хочетъ знать, что ему дѣлать“. Вслѣдъ затѣмъ архимандритъ Кипріанъ извѣстилъ Новгородцевъ, что королевичъ Филиппъ уѣхалъ изъ Выборга въ Стокгольмъ.

Долго новгородскіе начальные люди не отвѣчали на страшный запросъ; наконецъ, послѣ неоднократ-

наго повторенія его, выпросили отсрочку, чтобъ о такомъ великомъ царственномъ дѣлѣ посовѣтоваться съ гостями и земскими людьми, и взять у всякихъ людей о томъ письмо, за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками. И, въ самомъ дѣлѣ, пятиконецкимъ старостамъ велѣно было немедленно спросить во всѣхъ улицахъ и слободахъ, у гостей, улицкихъ старостъ, у посадскихъ, жилецкихъ и всякихъ людей; но вопросъ былъ сдѣланъ хитро, не прямо,—спрашивали: „Хотятъ ли цѣловать крестъ королю Густаву-Адольфу, или хотятъ остаться при прежней присягѣ королевичу Филиппу?" Разумѣется, всѣ отвѣчали, что остаются при прежней присягѣ, и начальные люди били челомъ Густаву-Адольфу, что всѣ люди Новгородскаго государства помнятъ свое крестное цѣлованье королевичу Филиппу, и за его пресвѣтлѣйшество вездѣ рады головы свои положить, „о защитѣ же, государь, отъ недруговъ, что Новгородское государство оберегать вашему королевскому величеству, въ томъ воленъ Богъ да великій государь нашъ королевичъ, какъ его пресвѣтлѣйшество съ вашимъ королевскимъ величествомъ о томъ договорится и утвердится, и намъ, подданнымъ холопамъ его пресвѣтлѣйшества, о такомъ великомъ дѣлѣ, мимо великаго государя своего королевича, договариваться и укрѣпляться нельзя, потому что въ Новгородскомъ государствѣ и въ насъ, холопахъ своихъ, воленъ великій государь нашъ королевичъ. Бьемъ челомъ и молимъ ваше королевское величество со слезами, чтобъ ваше королевское величество, по своему природному и благонравному обычаю, пожаловали, умилосердились надъ нами, велѣли учинить намъ, всякихъ чиновъ людямъ Новгородскаго государства, по утвержденнымъ записямъ, какъ договорился и укрѣпился съ Новгородскимъ государствомъ вашего королевскаго величества бояринъ и воевода, Яковъ Понтусовичъ Делагарди, Святымъ евангеліемъ съ клятвою и утвержденными записями, за руками и за печатями, что Новгородскаго государства, городовъ и уѣздовъ его подъ Свейскую корону не подводить. А за тѣхъ бы, государь, непостоятельныхъ и малодушныхъ людей, которые отъѣхали изъ Новгорода къ врагамъ, на насъ, которые по своему крестному цѣлованію вѣрно служимъ, опалы и гнѣва не положить; тѣ люди отъѣзжали изъ Великаго Новгорода не съ нашего вѣдома и думы. Вашему королевскому величеству вѣдомо, что и въ иныхъ окрестныхъ государствахъ измѣнники бываютъ же, и которые вѣрные и справедливые люди, и тѣ отъ государей своихъ не отстаютъ и служатъ вѣрно; а Владимірскаго и Московскаго государства люди сдѣлали такъ не съ нашего же совѣта: мы съ ними о такомъ непостоятельствѣ не ссылались, и впередъ ни о какомъ непріязненномъ дѣлѣ ссылаться не станемъ, держимся во всемъ вѣрно государя своего королевича, пресвѣтлѣйшаго и высокорожденнаго великаго князя Карлуса-Филиппа Карлусовича".

Но вовсе не съ такою покорностію отвѣчали Новгородцы Эверту Горну, когда тотъ настаивалъ на присягѣ королю, утверждая, что королевичъ Филиппъ отказался отъ Новгородскаго престола. Упомянувъ о договорѣ, заключенномъ между ними и Делагарди, Новгородцы продолжали: „Послѣ этого утвержденья, честныя обители и Святыя Божіи церкви отъ нѣмецкихъ ратныхъ людей разорены и разграблены, Святыя иконы поруганы, расколоты и пожжены, многія мощи Святыхъ изъ гробовъ выметаны и поруганы, колокола изъ многихъ монастырей и церквей, городовой большой нарядъ и всякій вывезенъ въ Свейское государство, и около Новгорода Литовскіе люди, которые служатъ здѣсь королевскому величеству, уѣздныхъ людей и крестьянъ жгутъ и мучатъ и на смерть побиваютъ; на правежѣ отъ вашихъ приказныхъ людей въ налогахъ безъ сыску иные на смерть побиты, иные повѣсились и въ воду пометались, иные изувѣчены и до сихъ поръ лежатъ. А мы всякихъ чиновъ люди Новгородскаго государства, по своему крестному цѣлованію и утвержденнымъ записямъ, во всемъ стояли крѣпко и впередъ также стоять хотимъ за государя своего королевича непоколебимо и отдали на подмогу Нѣмецкимъ людямъ все до послѣдней деньги,—оттого стали въ конечной скудости и многіе разбѣжались розно. А что, для нашего грѣха, государь нашъ королевичъ въ Новгородское государство своего похода не пожаловалъ, не учинилъ, и въ томъ воля его пресвѣтлѣйшества, гдѣ онъ великій государь нашъ въ своей отчинѣ произволитъ быть, только мы, холопы его, по своему крестному цѣлованью, его пресвѣтлѣйшества держимся и служить хотимъ вѣрно. Вы говорите, что намъ отъ его королевскаго величества и отъ окрестныхъ государей безсловесными и неблагодарными загосками (кукушками) слыть и гонимымъ быть; но мы утѣшаемся Христовымъ словомъ: Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. И теперь намъ, мимо государя своего королевича и мимо прежней нашей записи, вельможному королю и его наслѣдникамъ Свейскимъ королямъ креста цѣловать нельзя и подъ Свейскою короною быть не хотимъ; хотя бы и помереть пришлось за свое крестное цѣлованіе, не хотимъ слыть крестопреступниками, а если надъ нами что и сдѣлаете за прямое наше крестное цѣлованье, въ томъ намъ судья общій нашъ Содѣтель". Въ то же время князь Никифоръ Мещерскій, согласясь съ немногими людьми, пришелъ въ Хутынь монастырь къ архимандриту Кипріану, и объявилъ, что надобно умереть за православную вѣру, а королю креста не цѣловать; Кипріанъ благословилъ ихъ пострадать за вѣру; тогда Мещерскій съ товарищами пошелъ къ Горну и отказалъ ему впрямь: „Вы хотите души наши погубить, а намъ отъ Московскаго царства не отлучаться и королю креста не цѣловать". Горнъ велѣлъ всѣхъ ихъ разсадить за крѣпкую стражу, и приступилъ къ остальнымъ Новгородцамъ, чтобъ дали рѣшительный отвѣтъ.

Для продленія времени они били ему челомъ, чтобъ позволилъ обосылаться съ Московскимъ государствомъ, напомнить боярамъ ихъ прежнее обѣщаніе, и если они не послушаются, то Новгородцы поцѣлуютъ крестъ королю. Горнъ согласился, и отправлены были въ Москву Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, дворяне—Яковъ Боборыкинъ и Матвѣй Муравьевъ. Послы явились къ боярамъ и били челомъ о своихъ винахъ, что неволею цѣловали крестъ королевичу, а теперь хотятъ просить у государя, чтобъ онъ вступился за Новгородское государство и не далъ бы остальнымъ бѣднякамъ погибнуть. Бояре донесли государю о новгородскомъ челобитьи; Михаилъ допустилъ пословъ къ себѣ и велѣлъ дать имъ двѣ грамоты: одну—явную—къ митрополиту и ко всему Новгородскому государству, въ ней бояре сурово отвѣчали Новгородцамъ, называли ихъ измѣнниками за совѣтъ покориться Шведскому королевичу. Другая грамота была тайная: въ ней государь писалъ къ митрополиту и ко всѣмъ людямъ, что онъ вины имъ всѣ отдалъ. Послы возвратились, объявили отвѣтъ боярскій, но тайно роздали списки съ милостивой государевой грамоты. Однако тайна была открыта: думный дьякъ Петръ Третьяковъ увѣдомилъ Горна изъ Москвы о милостивой грамотѣ. Горнъ принялся за пословъ, особенно потерпѣлъ много Кипріанъ: его били на правежѣ до полусмерти, морили голодомъ и холодомъ.

Между тѣмъ шли военныя дѣйствія: еще въ мартѣ 1613 года соборъ писалъ новоизбранному царю, что псковскіе воеводы, князь Хованскій и Вельяминовъ, просятъ помощи противъ Шведовъ, которые безпрестанно грозятся придти подъ Псковъ изъ Новгорода; соборъ отправилъ къ нимъ нѣсколько казачьихъ атамановъ. Но Шведы осадили не Псковъ, а Тихвинъ, и побили русскій отрядъ, высланный на помощь къ городу подъ начальствомъ Исаака Сумбулова; государь отправилъ на выручку другой отрядъ подъ начальствомъ Ѳеодора Плещеева; но въ Устюжнѣ Плещеевъ узналъ, что Тихвинцы съ воеводами княземъ Семеномъ Прозоровскимъ и Леонтьемъ Воронцовымъ-Вельяминовымъ отбили Шведовъ и нарядъ у нихъ взяли. Въ сентябрѣ 1613 года рѣшили дѣйствовать наступательно противъ Новгорода, и отправили подъ него боярина князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и окольничаго князя Данилу Ивановича Мезецкаго; къ нимъ въ сходъ велѣно было идти стольнику Василію Ивановичу Бутурлину съ полками, собранными въ Ярославлѣ. Воеводы стали въ Бронницахъ, но не сумѣли выбрать мѣста; и здѣсь, въ станѣ у Трубецкаго, повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ его подмосковномъ станѣ: было у нихъ въ рати нестроеніе великое, говоритъ лѣтописецъ, грабежи отъ казаковъ и отъ всякихъ людей. Делагарди осадилъ воеводъ; сдѣлался голодъ. Трубецкой съ товарищами прислали къ государю бить челомъ отъ имени ратныхъ людей, что стала имъ отъ нѣмецкихъ людей тѣснота. Государь велѣлъ имъ отъ Бронницъ отойти къ Торжку; при этомъ отступленіи потеряно было много людей, воеводы едва ушли пѣшкомъ. Густавъ-Адольфъ самъ явился въ русскихъ предѣлахъ и, осенью 1614 года, овладѣлъ Гдовомъ послѣ двухъ приступовъ, но возвратился въ Швецію съ намѣреніемъ начать военныя дѣйствія въ будущемъ году осадою Пскова, если до тѣхъ поръ Русскіе не согласятся на выгодный для Швеціи миръ. Король дѣйствительно желалъ этого мира, не видя никакой выгоды для Швеціи дѣлать новыя завоеванія въ Россіи и даже удерживать всѣ уже сдѣланныя завоеванія: такъ, онъ не желалъ удерживать Новгородъ, нерасположеніе жителей котораго къ шведскому подданству онъ хорошо зналъ. „Этотъ гордый народъ, писалъ онъ о Русскихъ, питаетъ закоренѣлую ненависть ко всѣмъ чуждымъ народамъ". Делагарди получилъ отъ него приказаніе—въ случаѣ нужды, если Русскіе будутъ осиливать, бросить Новгородъ, разоривши его. „Я гораздо больше забочусь, писалъ король, о васъ и о нашихъ добрыхъ солдатахъ, чѣмъ о Новгородцахъ". Причины, побудившія Шведское правительство къ миру съ Москвою, высказаны въ письмѣ канцлера Оксенштирна къ Горну: „Хотя у насъ, пишетъ Оксенштирнъ, до сихъ поръ и не обнаруживались внутренніе раздоры и смуты, однако есть сѣмена, изъ которыхъ много ихъ можетъ родиться. Изъ сосѣдей нашихъ большая часть открытые враги, остальные невѣрные друзья; много у насъ долговъ, денегъ мало; во время войны поправиться намъ нельзя. Король Польскій безъ крайней необходимости не откажется отъ правъ своихъ на Шведскій престолъ, а нашъ государь не можетъ заключить мира, прежде чѣмъ Сигизмундъ признаетъ его королемъ Шведскимъ; слѣдовательно съ Польшею нечего надѣяться крѣпкаго мира или перемирія. Вести же войну въ одно время и съ Польшею и съ Москвою не только неразумно, но и просто невозможно, во-первыхъ, по причинѣ могущества этихъ враговъ, если они соединятся вмѣстѣ, во-вторыхъ, по причинѣ Датчанина, который постоянно на нашей шеѣ. Итакъ, по моему мнѣнію, надобно стараться всѣми силами, чтобъ заключить миръ, дружбу и союзъ съ Москвою на выгодныхъ условіяхъ. Москву должно привлекать къ миру частію словами и письмами, частію побуждать ее оружіемъ, сколько хватитъ у насъ на это казны". Такъ и дѣйствительно поступалъ Густавъ-Адольфъ: съ одной стороны онъ задиралъ Московское правительство о мирѣ, другія государства о посредничествѣ; съ другой — продолжалъ военныя дѣйствія.

30 іюля 1615 года Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ, гдѣ воеводами были бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и Ѳедоръ Бутурлинъ. У короля было 16,000 войска, въ числѣ котораго находились и Русскіе Черкасы. Первая сшибка съ осажденными кончилась для Шведовъ большою неудачею: они потеряли Эверта Горна въ числѣ убитыхъ. 15 августа непріятель подошелъ къ Варламскимъ

воротамъ, и, по совершеніи богослуженія, началъ копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и городки малые, а подальше устроили большой городъ дерновый, гдѣ стоялъ самъ король; всѣхъ городовъ было больше десяти, и два моста было наведено на Великой рѣкѣ. Три дня съ трехъ мѣстъ били Шведы по городу, пустили 700 огненныхъ ядеръ, а другимъ—чугуннымъ числа нѣтъ; но Псковъ не сдавался. 9 октября Шведы повели приступъ, но и онъ не удался. А между тѣмъ Джонъ Мерикъ хлопоталъ о мирѣ; положено было рѣшить дѣло на съѣздѣ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ: съ шведской стороны назначены были Клосъ Флемингъ, Генрихъ Горнъ, Яковъ Делагарди и Монсъ Мартензонъ; съ русской — князь Данила Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Будучи въ Осташковѣ, русскіе уполномоченные получили отъ Мерика изъ Новгорода извѣстіе, что Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ. Мерикъ писалъ: „Король въ грамотѣ своей ко мнѣ вѣрно и крѣпко обѣтъ далъ, что никакого утѣсненья городу Пскову не сдѣлаетъ, пока не узнаетъ, что отъ васъ, великихъ пословъ, на съѣздѣ въ нынѣшнихъ дѣлахъ отродится; а теперь онъ, король, обѣтъ нарушилъ къ своему безчестью и къ невѣркѣ, а тотъ его листъ у меня за его рукою и печатью, и, сколько я у нихъ ни былъ, правды мало находилъ". Русскіе послы хлопотали, чтобъ еще больше разсердить Мерика на Шведовъ, указывали ему, что Шведы въ своихъ грамотахъ не величаютъ его какъ должно; Мерикъ отвѣчалъ на это: „Вы, господа, великіе послы, мнѣ объявляете, что свейскіе послы меня не по достоинству пишутъ; я это себѣ ни во что ставлю, честь мнѣ дана отъ великаго моего государя, а имъ того у меня не отнять; и не дивлюсь я, господа, тому, что они такъ пишутъ, имъ на меня нелюбо: какъ имъ случится говорить про царское величество и про васъ, великихъ пословъ, и про нынѣшнее дѣло непригоже, то я ихъ встрѣчаю прямою правдою, и самому королю въ томъ я не молчалъ,—такъ ему за то на меня и нелюбо стало; но я знаю, отъ кого я посланъ, и не постыжусь правду говорить. Они показываютъ видъ, будто радѣютъ о нынѣшнемъ добромъ дѣлѣ; какъ Богъ принесетъ насъ къ съѣзжему мѣсту, то ихъ радѣнье объявится; а мое радѣнье и промыселъ Богъ видитъ: на этомъ свѣтѣ ничего больше не желаю, какъ только чтобъ это дѣло къ доброму концу пришло".

Началась предварительная переписка между уполномоченными, изъ которыхъ русскіе жили въ Осташковѣ, а шведскіе въ Новгородѣ; пошли споры о титулахъ: Шведы писали Михаила только великимъ княземъ и сердились, зачѣмъ онъ называется Лифляндскимъ и Новгородскимъ; они писали Мезецкому и Зюзину: „Даемъ вамъ знать, что вы наполнены прежнею спесью, и не подумаете, каковъ нашъ король родствомъ противъ вашего великаго князя: нашъ король прирожденный, королевскій сынъ, а вашъ великій князь не царскій сынъ и не наслѣдникъ Россійскому государству: тотчасъ послѣ смерти царя Ѳеодора не посадили его на престолъ, а послѣ Димитріевой смерти взяли Василія Ивановича Шуйскаго, потомъ королевича Польскаго". На это русскіе послы отвѣчали бранью, и приводили примѣры изъ Священной и Римской исторіи, что Богъ избиралъ царей славныхъ не отъ царскаго корня; писали, что всѣ Русскіе люди отъ мала до велика за честь государеву готовы противъ Шведовъ стоять и мстить, „а не такъ, какъ у васъ дѣлается въ Свеѣ: половина государю вашему доброхотаетъ, а другая—Польскому Жигимонту королю, а иные арцуку (герцогу) Ягану. И вы такія непригожія воровскія слова про помазанниковъ Божіихъ оставьте". Шведскіе послы получили эту грамоту уже на дорогѣ изъ Новгорода къ съѣзжему мѣсту, разсердились, и объявили Мерику, что дальше не поѣдутъ; Мерикъ писалъ Мезецкому, что никакими мѣрами и разговорами ихъ унять нельзя. Наконецъ онъ ихъ унялъ, и уговорились: быть съѣзду въ помѣстьи Хвостова, въ сельцѣ Дедеринѣ, гдѣ стоять англійскому послу; царскимъ посламъ стоять на Пескахъ, а шведскимъ въ Селищахъ; съѣзжаться у англійскаго посла. Явились еще посредники: голландскіе послы Рейнгоутъ Фанъ Бредероде, Диркъ Басъ, Альбрехтъ Іоахимъ и Антонъ Гетеерисъ; послѣдній оставилъ намъ описаніе этого посольства, замѣчательное для насъ по изображенію тогдашняго состоянія Московскаго государства. На пути изъ Ревеля въ Новгородъ послы должны были проѣзжать черезъ страну, опустошенную казаками, нигдѣ не находили селеній, почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, иногда только, по счастію, отыскивали гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. Изъ Новгорода отправились они въ Старую Русу, которую нашли въ самомъ жалкомъ положеніи. Но всѣ, претерпѣнныя ими, до сихъ поръ затрудненія и непріятности были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, какія они должны были выносить на пути изъ Старой Русы: нѣсколько разъ подламывался подъ нимъ ледъ на рѣкѣ (это было въ ноябрѣ), люди и вещи падали въ воду, и, чтобъ высушиться, надобно было зажигать на берегу опустѣлыя избы. Ночевали въ опустошенныхъ деревняхъ: чтобы войти въ избу, должно было прежде вытаскать изъ нея трупы прежнихъ ея жителей, побитыхъ казаками; но отвратительный запахъ выгонялъ Голландцевъ изъ избы, и они должны были ночевать на морозѣ. Мерику очень не понравился пріѣздъ этихъ новыхъ посредниковъ; сначала онъ наговорилъ русскимъ посламъ и царю, что Голландцы пріѣхали не для того, чтобъ радѣть Москвѣ, но потомъ объявилъ, что они будутъ съ нимъ вмѣстѣ и будутъ ему во всемъ послушны. Царь въ своей грамотѣ къ Мерику настаивалъ на то, что Густавъ-Адольфъ, не сдержавъ своего обѣщанія, не слушая представленія его, Мерика, обезчестилъ Якуба короля; царь упрашивалъ Ивана Ульяновича (Мерика), чтобъ онъ Шведамъ ихъ неправды выговаривалъ и побуждалъ ихъ къ доброму дѣлу.

Дедеринскіе переговоры начались 4 января 1616 г.,—начались споромъ, потому что шведскіе послы называли Густава-Адольфа Корельскимъ и представляли, что Корела была отдана Шведамъ еще при Шуйскомъ: это, разумѣется, повело къ спору о томъ, имѣютъ ли право Шведы удерживать уступку Шуйскаго послѣ поведенія ихъ подъ Клушинымъ. Шведы жаловались на Шуйскаго, что онъ не платилъ имъ выговоренныхъ денегъ, выставляли свои заслуги въ битвахъ противъ Литвы и Тушинцевъ. Русскіе возражали, что противъ Литвы воевали не одинъ Делагарди и Нѣмецкіе люди, больше было въ то время съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Русскихъ людей, и промыселъ весь былъ князя Михаила. Делагарди отвѣчалъ на это: „Вы говорите, что не однимъ мною и Шведскими людьми города очищались и Польскихъ людей побивали, а были съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ многія русскія рати; такъ скажите намъ, которыхъ городовъ дворяне и дѣти боярскія съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ были“? *Мезецкій:* Было князю Михаилу съ кѣмъ города очищать и съ Польскими людьми биться: были стряпчіе, стольники и дворяне изъ городовъ—Новгородцы, Смольняне, Дорогобужане, Вязмичи и иныхъ городовъ дворяне. *Делагарди:* Съ княземъ Михаиломъ было 15 человѣкъ дворянъ: когда Смольняне пришли въ Тверь, то я началъ биться съ Литвою, а Смольняне и другихъ городовъ дворяне побѣжали. Шведы одни пошли къ Калязину, разбили Литву, завладѣли Александровскою слободою, выручили этимъ Москву. *Мезецкій*—При Калязинѣ Шведовъ было немного, и князь Михаилъ Васильевичъ платилъ имъ хорошо; а воръ бѣжалъ потому, что царь Василій посылалъ на него воеводъ своихъ и бояръ. *Делагарди:* Назовите хотя кого-нибудь изъ Русскихъ, кто бы раненъ былъ въ этихъ битвахъ? а за мою службу царь Василій могъ бы не только давать наемъ по договору, но и дарить многими подарками,—служилъ я ему прямо, какъ своему прирожденному государю. *Мезецкій:* Воевали бояре князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи, а кто раненъ или убитъ, какъ наизусть упомнить? Наемныя деньги были вамъ выплачены, тебя же, Якова, капитановъ, ротмистровъ и дьяка Моншу царь Василій сверхъ найму жаловалъ изъ своей царской казны дорогими соболями, запонами, сосудами и платьемъ, да и къ государю вашему Карлусу Свейскому царь дорогіе подарки посылалъ. А когда царь послалъ брата своего, князя Димитрія, и тебя на Польскихъ людей подъ Смоленскъ, то выплатилъ тебѣ сполна впередъ за два мѣсяца, и ты тѣхъ денегъ ратнымъ людямъ не далъ, а хотѣлъ дать послѣ боя: которыхъ людей побьютъ и ты ихъ деньгами хотѣлъ корыстоваться; Эвертъ Горнъ измѣнилъ, и ты, Яковъ, дѣлалъ неправдою, отъѣхалъ къ Жолкѣвскому и воевалъ противъ боярина князя Димитрія Ивановича Шуйскаго. *Делагарди:* Измѣнили не Шведы, а Нѣмцы. Вы насъ, чужеземцевъ, называете измѣнниками, а гдѣ ваша правда? Государя своего съ государства ссадили, постригли и въ Литву отдали! Когда мы на Поляковъ выходили, то царь Василій призвалъ меня къ себѣ въ комнату, и я ему говорилъ, чтобъ онъ велѣлъ дать ратнымъ людямъ наемъ сполна, и этимъ къ службѣ ихъ пріохотилъ, а только имъ найму не дать, и отъ нихъ чаять всякаго дурна; царь говорилъ, что деньги за мною вышлетъ въ Можайскъ,—и не прислалъ; былъ въ то время у царя Василья въ комнатѣ дьякъ Телепневъ, онъ свидѣтель. *Мезецкій:* Казна отдана была тебѣ при мнѣ, въ селѣ Мышкинѣ, передъ боемъ; а хотя и одни Нѣмцы измѣнили, то все же твоя вина, потому что царь Василій во всемъ вѣрилъ тебѣ. А что ты говоришь, что мы государя своего ссадили, то царь Василій самъ царство оставилъ, а потомъ Жолкѣвскій его постригъ; и только бы Нѣмецкіе люди не измѣнили, и ты-бъ того не похотѣлъ, то тебѣ было идти къ царю Василію въ Москву, а не къ Новгороду. *Делагарди:* Знаю я, что со многими дьяками казна за княземъ Димитріемъ и за мною была прислана и мнѣ ее объявили, только я ею не корыстовался, самого меня ограбили до-нага, все это сдѣлалось не Горновою измѣною и не моею неправдою, а потому, что князь Димитрій пошелъ изъ Можайска въ самые жаркіе дни и шелъ со всею ратью на-спѣхъ до Клушина сорокъ верстъ, ратные люди и подъ ними лошади истомились, а иные остались назади, и князь Димитрій, не дождавшись остальныхъ людей, сталъ на стану, не укрѣпясь, а зналъ, что непріятель передъ нимъ. Нѣмецкіе люди, которымъ найму не дали, были шатки, и только бы они всѣ не разсержены были за неплатежъ денегъ, то они бы не измѣнили. А къ царю Василію съ того разгрома я не поѣхалъ потому, что былъ ограбленъ и остался самъ-осьмъ; къ князю Димитрію было пріѣхать не съ кѣмъ, а съ дороги я посылалъ къ царю Василію двухъ Нѣмцевъ сказать, что, собравшись, опять къ нему приду на помощь; царь Василій съ этими Нѣмцами ко мнѣ писалъ, чтобъ я сбирался въ Новгородскомъ уѣздѣ, бралъ тамъ людскіе и конскіе кормы, и, собравшись, шелъ бы къ нему на помощь; но мнѣ кормовъ давать не стали“.—Делагарди сильно разсердилъ русскихъ пословъ, сказавши, „Князь Иванъ Никитичъ Одоевскій и всякихъ чиновъ люди крестъ королевичу Карлу цѣловали; и вамъ бы теперь въ томъ своемъ приговорѣ устоять и королевича Карла-Филиппа на Московское государство принять“. Мезецкій отвѣчалъ ему: „Что ты за бездѣльное дѣло затѣваешь? Мы королевича не хотимъ, да и самъ государь вашъ къ боярамъ писалъ, что, кромѣ московскимъ родовъ, никого на Московское государство изъ иноземцевъ не выбирать, а кого государемъ выберутъ, и онъ, король, съ нимъ будетъ въ дружбѣ и любви, да и сами вы намъ про то объявили; и только впередъ станете объ этомъ говорить, то намъ не слушать“. *Делагарди:* Бояре и воеводы били челомъ о королевичѣ въ Ярославлѣ? *Мезецкій:* Говорить объ этомъ не-

пригоже,—дѣлалось это безъ вѣдома всей Землю.— Съ сердцемъ русскіе послы встали изъ-за стола; третьи, т. е. англійскіе и голландскіе послы, начали говорить: „Дѣла никакого добраго отъ васъ въ зачинѣ не бывало, и вамъ бы такія безмѣрныя дѣла и несходительныя слова оставить". Русскіе и Шведы по привычкѣ и въ жару спора могли и не чувствовать стужи, сидя въ январѣ мѣсяцѣ въ шатрѣ, но сильно чувствовали ее третьи и потому объявили, что впередъ въ шатрахъ съѣзжаться нельзя, предложили съѣзжаться на квартирѣ англійскаго посла; дворъ былъ разгороженъ надвое, и положили, чтобъ съ передняго входа приходили русскіе, а съ задняго—шведскіе послы; столы и скамьи были поставлены такъ же, какъ и въ шатрѣ: съ большаго двора, съ пріѣзда, скамьи государевымъ посламъ, а отъ задней стѣны противъ него шведскимъ, третьимъ столы и скамьи по конецъ государева стола, противъ комнатныхъ дверей.

На съѣздѣ 5 января русскіе послы приступили къ дѣлу, потребовали отъ Шведовъ, чтобъ они объявили, какъ ихъ государь приказалъ о вѣковѣчной вотчинѣ великаго государя царя, о Новгородѣ, Старой Русѣ, Порховѣ, Ладогѣ, Ивань-городѣ, Ямѣ, Копорьи, Гдовѣ? Делагарди отвѣчалъ, что еще не кончены переговоры о главномъ дѣлѣ: не только-что Новгородъ съ пригородами за королевичемъ Филиппомъ, выбранъ онъ и на все Владимірское и Московское государства. Мезецкій отвѣчалъ, что они объ этомъ ни говорить, ни слушать не хотятъ: „У насъ теперь царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, онъ учинилъ у насъ миръ, покой и соединенье; всѣ великіе государи ищутъ его дружбы и любви, и вамъ бы непригожія слова о королевичѣ Филиппѣ оставить, а мы о немъ и слушать не хотимъ. Вы Новгородъ взяли обманомъ; ты, Яковъ, на чемъ крестъ цѣловалъ Новгороду, ничего не исправилъ; бояре королевича не выбирали, а если и было какое письмо къ вамъ отъ кого-нибудь безъ совѣту всей Земли, то ему вѣрить было нечего". Говорили послы между собою сердито, съ бранью, хотѣли разъѣхаться. Третьи уговаривали ихъ, чтобъ не сердились, и сказали русскимъ посламъ: „Мы уговаривали шведскихъ пословъ не поминать о королевичѣ, потому что это дѣло уже минулось; и впередъ станемъ ихъ уговаривать, только они упрямятся". Мезецкій отвѣчалъ имъ: „Какъ имъ не стыдно говорить о королевичѣ Филиппѣ Карлусовичѣ, да и вамъ какъ не стыдно говорить о немъ: присланы вы къ великому государю Михаилу Ѳеодоровичу для мирнаго постановленія, а не о королевичѣ Филиппѣ говорить; услыша такія несхожія слова и помня государей своихъ приказъ, вы шведскимъ посламъ о такомъ дѣлѣ не молчали бы, что они, оставя великія дѣла, говорятъ бездѣлье". Говорилъ это Мезецкій голландскимъ посламъ съ пенями и съ вычетомъ сердито.—Поговоривъ со Шведами, третьи объявили Русскимъ, что Делагарди съ товарищами не станутъ говорить о королевичѣ Филиппѣ, но чтобъ Русскіе уступили королю Новгородъ съ пригородами, которые цѣловали крестъ королевичу. Мезецкій отвѣчалъ, что они пяди земли изъ отчины государевой не уступятъ. Третьи продолжали: „Мы станемъ говорить шведскимъ посламъ, чтобъ они многія мѣры оставили, а поискали бы, какъ привести дѣло къ доброму концу, да и вамъ бы то же сдѣлать".

Какъ русскихъ пословъ сердили рѣчи шведскихъ о королевичѣ Филиппѣ: такъ шведскихъ сердило требованіе русскихъ, чтобъ король уступилъ царю Лифляндію. На съѣздѣ 7 января, услыхавъ это требованіе, Шведы встали изъ-за стола и сказали: „Еслибъ мы знали, что вы и теперь про Лифляндскіе города будете поминать, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, то и былъ бы у насъ разрывъ". Третьи уняли ихъ; Шведы опять усѣлись и опять начали говорить о королевичѣ Филиппѣ; Русскіе попрежнему разсердились; наконецъ Шведы обѣщались не говорить о королевичѣ, и начались толки объ уступкѣ земель. Русскіе требовали возвращенія Лифляндскихъ городовъ и Новгорода, потому что все это изначала отчина великихъ государей Россійскихъ; Шведы отвѣчали: „Не только что Лифляндская Земля отчина государя вашего, но и Новгородомъ недавно вы начали владѣть, а Лифляндскою Землею Московскіе государи завладѣли неправдою, и за то Богъ имъ месть воздалъ". *Русскіе:*—Лифляндія за нами отъ прародителей государей нашихъ, отъ государя Георгія-Ярослава Владиміровича, который построилъ Юрьевъ Ливонскій въ свое имя; а Новгородское государство было за Россійскими государями во времена Рюрика и ни за кѣмъ, кромѣ Россійскихъ царей, не бывало. *Шведы:*—Видали-ль вы Юрьевъ Ливонскій? Ливонскихъ городовъ вамъ за государемъ своимъ невидать, какъ ушей своихъ. *Русскіе:*—Вы такъ говорите, снимая помощь съ Бога; и мы, прося у Бога милости, будемъ доискиваться своего: не отдадите безъ крови—отдадите съ кровью. *Шведы:*—Оставьте говорить высокія слова: Лисовскій не Богъ знаетъ кто, обычной человѣкъ,—и тотъ съ невеликими людьми прошелъ все Московское государство; рати ваши, русскія и татарскія, мы знаемъ. *Русскіе:*—Вы наши рати знаете, а помните, какъ вашъ государь нашему государю Ѳеодору Ивановичу отдалъ города Ивань-городъ, Копорье и другіе; и когда государь нашъ велѣлъ стрѣлять по Ругодиву (Нарвѣ), то Нѣмцы ваши всѣ тотчасъ замахали съ города шляпами и били челомъ, чтобъ государь кровь ихъ пролить не велѣлъ; а когда государь послалъ князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, то помните, какая была отъ нашихъ людей въ вашей Землѣ война и плѣнъ! и нигдѣ тогда нашимъ людямъ ваши люди противны не были; такъ государю вашему надобно того остерегаться: въ правдѣ всякому Богъ помогаетъ, а не въ правдѣ сокрушаетъ". Третьи прекратили этотъ споръ. „Съ обѣихъ сторонъ", говорили они, „надобно добраго дѣла искать, чтобъ

ближе къ миру и покою, а въ такихъ великихъ спорныхъ словахъ добраго дѣла не будетъ". Но споръ не прекратился: Делагарди началъ толковать, что царь Василій не выплатилъ Шведамъ денегъ; русскіе послы возражали ему, что деньги были заплачены, и еслибъ Делагарди не измѣнилъ при Клушинѣ, то Поляки не овладѣли бы царскою казною. Делагарди отвѣчалъ: „Эти вамъ убытки отъ самихъ себя; и теперь если подружитесь съ Поляками и возьмете на насъ Литовскихъ людей тысячъ съ десять или двѣнадцать, то они у васъ опять Москву отнимутъ". Русскіе говорили: „Что вы намъ Польскихъ людей въ дружбу причитаете"? называли Делагарди измѣнникомъ и спрашивали, зачѣмъ онъ послѣ Клушинской битвы не шелъ въ Москву къ царю Василію. Делагарди отвѣчалъ: „Тамъ бы и меня постригли съ нимъ вмѣстѣ".

Наконецъ повели дѣло объ уступкѣ городовъ: русскіе послы говорили Мерику: можно ли ему заговорить Якову Делагарди, чтобъ теперь государю города всѣ отдалъ и очистилъ вскорѣ, а послѣ захочетъ выѣхать на государево имя, то государь его пожалуетъ, велитъ дать ему городъ или мѣсто великое въ вотчину, и велитъ жить ему на покоѣ, какъ захочетъ, да сверхъ того пожалуетъ, чего у него и на мысли нѣтъ. Мерикъ отклонилъ отъ себя это порученіе, отвѣчалъ, что не смѣетъ въ этомъ положиться на Якова. Шведы уступали всѣ занятыя ими мѣста, кромѣ Корелы, и за уступленное требовали 40 бочекъ золота, а въ бочкѣ по 100,000 цесарскихъ ефимковъ; если же государь денегъ дать не захочетъ, то пусть уступитъ Ивань-городъ, Орѣшекъ, Яму, Копорье и Сумерскую волость. Русскіе отдавали Корелу и 70,000 рублей, потомъ надбавили до 100,000. Дѣло протянулось за половину февраля: приблизилось время распутицы, Шведы объявили, что имъ ѣсть нечего и потому уѣзжаютъ. 22 февраля заключили перемиріе отъ этого числа до 31 мая, чтобъ въ это время между обоими государствами войнѣ и задорамъ никакимъ не быть, а къ 31 мая съѣхаться великимъ посламъ между Тихвинымъ и Ладогою.

По истеченіи срока московскіе послы, тѣ же самые, что были въ Дедеринѣ, отправились въ Тихвинъ; шведскіе жили въ Ладогѣ, третьимъ былъ теперь одинъ Мерикъ, потому что Голландцы не явились. Послы пересылались грамотами и гонцами съ 12 іюня до 18 сентября; Русскіе звали Шведовъ на съѣздъ, но тѣ не ѣхали и объявили Мерику: если имъ не будетъ окончательнаго отвѣта на статьи ихъ, заданныя въ Дедеринѣ, то они на съѣздъ не поѣдутъ. 25 сентября Мерикъ поѣхалъ въ Ладогу къ шведскимъ посламъ; по наказу, онъ долженъ былъ уступить Ивань-городъ, Ямы, Копорье, и придачу 100,000 денегъ, но крѣпко стоять за Орѣшекъ и за погосты, которые по сю сторону Невы, Заневскіе же погосты и Сумерскую волость могъ уступить: если Шведы никакъ не согласятся отдать Орѣшекъ, то за него пусть дадутъ Копорье и четыре погоста, которые по сю сторону Невы, да Сумерскую волость; въ крайности требовать только Сумерской волости и четырехъ погостовъ, хлопотать о мирѣ, чтобы Шведы не исполнили своей угрозы, не разорили Св. Софіи и Новгородцы не цѣловали креста королю съ великой бѣдности; наконецъ Мерику позволено было за Сумерскую волость и четыре погоста дать 100,000 рублей. Шведы не соглашались, а между тѣмъ царь писалъ своимъ посламъ: „Съ шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтобъ они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не разорвите". Съ другой стороны, приходили вѣсти: что приступъ Русскихъ къ шведскому острожку подъ Псковомъ не удался: что въ Новгородѣ утѣсненье отъ толмача Ирика Андреева, отъ Гришки Собакина и отъ Томилки Пристальцова, правежи великіе: кто, не перетерпя правежа, крестъ поцѣлуетъ королю, на тѣхъ не правятъ ничего, а ссылаютъ съ женами и дѣтьми въ Ивань-городъ, Ивань-городцы же королю прямо крестъ цѣловали и на нихъ не правятъ ничего, а Новгородцамъ всѣмъ, не перетерпя муки, цѣловать крестъ королю. Мерикъ предлагалъ Шведамъ подѣлиться; два погоста по сю сторону Невы имъ, а два Русскимъ, которые заплатятъ за нихъ 10,000 рублей; но Шведамъ нужна была вся Нева, и потому они не соглашились, или требовали невозможнаго—за два погоста 100,000 рублей. Наконецъ Мерикъ договорился—въ царскую сторону: Новгородъ, Руса, Порховъ, Гдовъ, Ладога, со всѣмъ уѣздомъ, и Сумерская волость: въ королевскую сторону: – Ивань-городъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ со всѣмъ уѣздомъ и 20,000 рублей денегъ; Гдовъ, Ладога и Сумерская волость останутся за Шведама до тѣхъ поръ, пока города размежуютъ и государи закрѣпятъ договоръ крестнымъ цѣлованьемъ.

Порѣшивши на этомъ съ Мерикомъ, шведскіе послы въ концѣ декабря пріѣхали па съѣздъ въ назначенное мѣсто, которымъ было на этотъ разъ Столбово. Но и тутъ начались споры: русскіе послы требовали, чтобъ Шведы не брали городовъ въ закладъ до утвержденія мира, Шведы не соглашались. Въ это время къ московскимъ посламъ явились пятиконецкіе старосты новгородскіе тайно и били челомъ со слезами, что въ Новгородѣ жилецкихъ всякихъ людей Нѣмцы въ солдатскихъ кормахъ и подводахъ побиваютъ на смерть, а откупиться имъ уже нечѣмъ; только дѣло продлится, и они думаютъ, что Шведы примутся за Софійскую казну и за церковное строенье; такъ имъ бы, государевымъ посламъ, со шведскими послами мирное постановленье совершить поскорѣе, и пока договоръ станется, послы дали бы имъ государевой казны на выкупъ, чѣмъ имъ откупиться отъ правежей хотя на полмѣсяца, и какъ царскому величеству Богъ очиститъ Великій Новгородъ, то они государю тѣ деньги заплатятъ: а только у государевыхъ пословъ съ шведскими дѣло продлится, то

имъ поневолѣ идти въ королевскую сторону. Послы отвѣчали, чтобъ они помянили Бога и свои души: хотя имъ отъ Нѣмцевъ въ солдатскихъ кормахъ и иныхъ податяхъ какое утѣсненье и есть, то имъ бы малое время потерпѣть и многолѣтняго своего терпѣнія и мученія однимъ часомъ не потерять; а они, послы, станутъ, говорить англійскому послу, чтобъ уговорилъ Шведовъ Новгороду утѣсненья не дѣлать. Кончились споры о закладныхъ городахъ; русскіе послы стали требовать, чтобъ изъ уступленныхъ Шведамъ городовъ было отпущено духовенство; Шведы соглашались выпустить только монаховъ, а не бѣлыхъ священниковъ, ибо въ такомъ случаѣ останутся у нихъ только однѣ стѣны: Русскимъ людямъ какъ безъ отцовъ духовныхъ быть. Русскіе послы настаивали, чтобъ внесено было условіе: Москвѣ и Швеціи на Польскаго короля стоять заодно; но Шведы не согласились. Осталось еще два затрудненія: шведскіе послы требовали, чтобъ королю ихъ писаться Ижерскимъ и чтобъ, для окончательнаго скрѣпленія договора, царь отправилъ своихъ пословъ къ Англійскому королю, который долженъ къ договору приложить свою руку и привѣсить печать; Русскіе накакъ на это не соглашались, а Шведы безъ этого не хотѣли съѣзжаться и грозились уѣхать въ Ладогу. Наконецъ, 19 февраля 1617 года, Шведы согласились не требовать ручательства Англійскаго короля и написать договоръ съ короткими титулами, съ условіемъ однако, что если государи пожелаютъ внести въ договорную грамоту полные титулы, то въ титулѣ Шведскаго коколя будетъ названіе: „Ижерскій". 27 февраля написанъ былъ договоръ вѣчнаго мира: Шведы обязались отдать и очиститъ Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, съ ихъ уѣздами, и Сумерскую волость, въ присутствіи Мерика или назначенныхъ отъ него дворянъ, двѣ недѣли спустя послѣ того какъ договоръ будетъ утвержденъ великими послами; три недѣли спустя будетъ отдана и очищена Ладога съ уѣздомъ, при чемъ Шведы обязаны никакихъ Русскихъ людей не выводить, насильства имъ и грабежа не чинить и наряду не вывозить; а Гдову съ уѣздомъ и людьми побыть въ сторонѣ Густава-Адольфа на время, пока договоръ будетъ утвержденъ королевскою клятвою и царскимъ крестнымъ цѣлованіемъ, межи уложены и прямо размежеваны будутъ, и послы отъ обоихъ государей съ добрымъ довершеннымъ дѣломъ назадъ до рубежа дойдутъ. Всѣмъ монахамъ съ ихъ имѣніемъ, также всѣмъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ людямъ съ женами, дѣтьми, домочадцами и всѣмъ имѣніемъ вольно выходить въ царскаго величества сторону въ продолженіе двухъ недѣль отъ утвержденія договора въ Столбовѣ; но всѣ уѣздные попы и пашенные люди въ уступленныхъ королю городахъ и уѣздахъ должны остаться и жить подъ Свейскою короною, равно тѣ дворяне, дѣти боярскія и посадскіе люди, которые не выйдутъ въ продолженіе двухъ недѣль. Королю Густаву-Адольфу взять у царя Михаила Ѳеодоровича 20,000 рублей деньгами готовыми, добрыми, ходячими, безобманными, серебряными новгородскими; тотчасъ какъ мирное постановленіе совершится, деньги эти отдастъ шведскимъ посламъ великій посолъ короля Англійскаго, Джонъ Мерикъ. Пушки, воинскій запасъ, колокола и все другое, что вывезено изъ русскихъ городовъ, взятыхъ королемъ до 20 ноября, остается за Шведами; но тотъ нарядъ, который теперь въ городахъ, возвращенныхъ царю, тамъ и остается. Для размежеванія границъ къ 1-му іюня 1617 года должны съѣхаться полномочные послы, по три человѣка съ обѣихъ сторонъ, между Орѣшкомъ и Ладогою, на устьи рѣки Лавуи въ Ладожское озеро, на этой рѣкѣ среди моста, а къ 1-му іюля съѣхаться другимъ посламъ на рубежѣ между Корельскимъ уѣздомъ Соломенскаго погоста и Новгородскаго уѣзда Олонецкаго погоста, у Ладожскаго озера; этимъ межевальнымъ посламъ прежде дружнаго окончанія дѣла не разъѣзжаться. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отказывается отъ всякаго права на Лифляндскую Землю и Корелу и отъ титула, въ пользу Шведскаго короля и его потомковъ. Торговля должна быть вольная и безпомѣшная между обоими государствами всюду; шведскіе купцы получаютъ прежніе дворы свои въ Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ, гдѣ вольно имъ отправлять свое богослуженіе въ хоромахъ, а церквей по своей вѣрѣ не ставить; русскимъ же купцамъ отдастся ихъ дворъ въ Колывани, также даются имъ дворы въ Стокгольмѣ и Выборгѣ; въ этихъ городахъ они отправляютъ свое богослуженіе въ хоромахъ, а въ Колывани имѣютъ церковь, какъ изстари было. Старые долги купцамъ съ обѣихъ сторонъ выплачиваются. Посламъ, посланникамъ и гонцамъ шведскимъ вольно черезъ земли Московскаго государства ѣздить въ Персію, Турцію, Крымъ и другія страны, которыя въ мирѣ съ царскимъ величествомъ; но торговыхъ людей съ товарами съ собою не возить; также русскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ вольно ѣздить черезъ Швецію къ Римскому царству, въ Великую Британію, во Французское королевство, въ Испанію, Датскую, Голландскую и Нидерландскую Земли, и другія страны, которыя съ королемъ въ мирѣ, и торговыхъ людей съ товарами не возить. Всѣ плѣнники съ обѣихъ сторонъ освобождаются на рубежѣ безъ всякаго окупа; которые же захотятъ добровольно остаться,—такимъ воля. Съ обѣихъ сторонъ подданныхъ не подзывать и не подговаривать; перебѣжчиковъ выдавать. Изъ-за порубежныхъ ссоръ и досадительствъ мира не нарушать, ссоры эти рѣшаются на рубежѣ тамошними воеводами, а которыя поважнѣе—отсрочиваются до посольскаго съѣзда. Къ 1-му числу будущаго іюня, на прямомъ рубежномъ раздѣленіи, между Орѣшкомъ и Ладогою, на рѣкѣ Лавуѣ съѣхаться великимъ полномочнымъ обоихъ государствъ, показать и дать прочитать другъ другу подтвержденныя гра-

моты, потомъ взять другъ у друга прямые съ нихъ списки, а подлинные отдать, и идти шведскимъ посламъ въ Москву, а московскимъ—въ Стокгольмъ, для окончательнаго подтвержденія. Если корабли или суда подданныхъ обоихъ государствъ разобьетъ бурею и принесетъ къ берегу или Соленаго моря, или Ладожскаго озера, то ихъ отпускать безъ замѣшки со всѣмъ имѣніемъ, которое сберегутъ, а прибрежнымъ людямъ имъ помогать и беречь ихъ имѣніе. Королю Польскому и его сыну другъ на друга не помогать и другими государями не умышлять и не подъискивать.

5-го марта великіе послы прислали въ Новгородъ царскую грамоту съ извѣстіемъ о заключеніи мира: царь писалъ, что „отторженную искони вѣчную нашу отчизну Великій Новгородъ со всѣми вами, православными христіанами, опять намъ, великому прирожденному христіанскому государю, въ руки Богъ далъ:—Шведскій король ее намъ отдалъ, а милосердый Богъ отъ такихъ нестерпимыхъ бѣдъ и отъ иновѣрцевъ, тѣмъ нашимъ царскимъ о васъ многимъ промысломъ и безпрестаннымъ попеченіемъ, освободилъ, и, вмѣсто скорбей, бѣдъ и золъ, благое, полезное и радостное вамъ подаетъ, что уже и сами видите подлинно. И вы бы, видя такую неизреченную милость Божію и наше царское къ себѣ призрѣніе, молили Бога о нашемъ здравіи, объ отцѣ нашемъ и матери и о всемъ государствѣ, и нашего царскаго жалованья ожидали къ себѣ съ радостію; а пока отчину нашу—Великій Новгородъ—очистятъ и шведскихъ людей выведутъ, вы бы стояли крѣпко и мужественно. Ты бы, богомолецъ нашъ митрополитъ, и весь духовный чинъ православныхъ христіанъ утверждали, чтобъ жили въ Новгородѣ, на нашу царскую милость были надежны, Шведскимъ людямъ не передавались и въ сторону не ходили; мы во всемъ всѣхъ жаловать и льготить хотимъ, и деньги, что дать за васъ за всѣхъ шведскимъ посламъ, мы собрали и къ великимъ посламъ прислали, и ни за чѣмъ уже нашему дѣлу на съѣздѣ замедленья не будетъ. А которые Русскіе люди Нѣмецкимъ людямъ прямили и на Русскихъ людей посягали, или у которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья и вотчины въ тѣхъ городахъ, которые остались за Шведскимъ, или вновь кому Шведскій король, или Яковъ Пунтусовъ въ тѣхъ городахъ или въ своихъ помѣстья и вотчины подавалъ, вы бы и тѣхъ уговаривали и нашимъ жалованьемъ обнадеживали, чтобъ они попомнили православную вѣру и насъ, природнаго христіанскаго государя, родителей своихъ гробы и свою природу, къ иновѣрцамъ Нѣмецкимъ людямъ не приставали, были на нашу милость надежны и своей бы братьи, православныхъ христіанъ, не смущали, того бы грѣха на свои души не брали, къ Нѣмцамъ никого не перезывали и сами изъ Новгорода въ Колывань въ другіе города, которые остаются за Шведскимъ, жить не ходили, всякую боязнь нашей царской опалы оставили: если чья и вина была, то мы ни на комъ не поищемъ, всѣ вины покроемъ нашимъ царскимъ милосердіемъ; тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, у которыхъ помѣстья и вотчины въ шведскихъ городахъ, пожалуемъ за нихъ помѣстья и вотчины въ нашихъ городахъ, и сверхъ того станемъ ихъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ. Сами мы знаемъ подлинно, кто что ни дѣлалъ,—дѣлалъ отъ боязни Нѣмецкихъ людей, боясь смертнаго убійства грабежа и разоренья: были въ ихъ рукахъ, то какъ было воли ихъ не творить и имъ не служить? Никто бъ ни въ чемъ нашей опалы не опасался, всѣ бы, отъ мала до велика, были на нашу царскую милость надежны: мы Великій Новгородъ отъ невѣрныхъ для того освободили, чтобъ васъ всѣхъ, православныхъ христіанъ, видѣть въ нашемъ царскомъ жалованьи попрежнему, а не для того, чтобъ наши царскія опалы на кого-нибудь класть. Ни на какую прелесть Шведскихъ людей вамъ бы не прельщаться: теперь въ чемъ-нибудь поманятъ, посулятъ или дадутъ, чтобъ отъ нашей царской милости отвести и въ свои города подъ свою власть привести; но впередъ отъ нихъ всякаго лиха и насильствъ не миновать, сами вы все это знаете. Да кромѣ того, за отступленіе отъ истинной христіанской вѣры и отъ насъ, прирожденнаго государя своего, отъ своей единокровной братьи и прародительскихъ гробовъ, душами своими отъ Бога на-вѣки погибнуть, и хотя послѣ въ раскаяніе и придутъ, но помощи себѣ никакой уже не получатъ“.

Черезъ двѣ недѣли по заключеніи договора, Новгородъ былъ очищенъ, и 14 марта великіе послы, Мезецкій и Зюзинъ, вошли въ него съ чудотворною иконою Богородицы, взятою изъ Хутыня монастыря; за полверсты отъ города икону встрѣтилъ митрополитъ Исидоръ съ крестнымъ ходомъ и со всѣмъ народомъ, съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и радостію. Когда вошли всѣ въ Софійскій соборъ, то послы митрополиту и всѣмъ людямъ государево милостивое слово сказали, о здоровьи ихъ отъ государя спрашивали и подали грамоту въ которой государь писалъ: „О васъ, богомольцѣ нашемъ, Исидорѣ митрополитѣ, слышали мы отъ истинныхъ сказателей, о вашемъ благоподвизательномъ страданіи и о исправительномъ словесному стаду пастырствѣ, какъ вы за православную вѣру и за христіанскія души много разъ многоболѣзненными постами и страданіями подвизались, многія ереси и неправды обличали; христіанскія души къ свѣту благоразумія наставляли; многія христіанскія души, отпадшія отъ православной вѣры, которыхъ насильники германскаго рода приводили къ крестному цѣлованію на королевское имя, прочихъ же въ свою Землю идти прельщали и понуждали, ты—добрый пастырь, со всѣмъ освященнымъ чиномъ, простерши духовную мрежу, уловили въ нетлѣнное благоразуміе, многихъ своимъ учительствомъ и наказаніемъ душевно освободили; и это ваше о христіанскихъ душахъ многое попеченіе и усердіе и страданіе не

будетъ забвенно предъ Богомъ. А васъ, дворянъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ людей Новгородскаго государства, за ваши терпѣнья и скорби хотимъ жаловать, всякаго по достоинству; васъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, льготить во всемъ хотимъ, смотря по вашему разоренью и бѣдности. А которые люди, будучи у Свейскихъ людей, имъ доброхотали и служили и во всемъ были имъ покорны, и волею ихъ творили волею и неволею,—и тѣхъ, по нашему царскому милостивому нраву, жаловать хотимъ, никто бы ничего отъ насъ не опасался: какъ было, будучи у Свейскихъ людей въ рукахъ, воли ихъ не творить?"

За новгородскую службу, что нѣмецкіе послы Новгородъ отдали, государь пожаловалъ князю Мезецкому боярство, Зюзину окольничество изъ дворянъ. Оставалось трудное дѣло—удовлетворить третьяго, Англичанина Мерика, за его труды при заключеніе мира. Бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ, назначенный быть съ нимъ въ отвѣтѣ, говорилъ ему отъ имени государя: „Ты, князь Иванъ, по указу брата нашего любительнаго, Якуба короля, будучи на съѣздѣ, намъ, великому государю, служилъ, о нашихъ дѣлахъ радѣлъ и промышлялъ и съ нашими послами совѣтовалъ, какъ бы нашему царскому имени было къ чести и къ повышенью; и мы брату нашему любительному за ту его любовь и дружбу будемъ нашею царскою любовію и дружбою также воздавать, какъ нашему царскому величеству будетъ возможно. А тебя за твою службу и радѣнье похваляемъ и нашимъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ противъ твоей къ намъ службы, и къ брату нашему любительному о той твоей службѣ и радѣньи отпишемъ и впередъ ту твою службу и радѣнье учинимъ памятными во-вѣки". Мерикъ возобновилъ прежнюю просьбу, чтобъ позволено было англійскимъ купцамъ ѣздить Волгою въ Персію. Шереметевъ отвѣчалъ: „Наши русскіе торговые люди оскудѣли, теперь они у Архангельска покупаютъ у Англичанъ товары, сукна, возятъ ихъ въ Астрахань и продаютъ тамъ Кизиль-башамъ (Персіянамъ), мѣняютъ на ихъ товары, отъ чего имъ прибыль и казнѣ прибыль; а станутъ Англичане прямо ѣздить въ Персію, то они у Архангельска Русскимъ людямъ продавать своихъ товаровъ не будутъ, повезутъ ихъ прямо въ Персію, и Кизиль-баши съ своими товарами въ Астрахань ѣздить не станутъ,—будутъ торговать съ Англичанами у себя. Да и потому нельзя: шахъ за Иверскую Землю на государя досадуетъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя надобно проходить въ Персію, война,—воюетъ Персидскій съ Турецкимъ; да и по Волгѣ проѣздъ страшенъ,—кочуютъ Большіе Ногаи; и это дѣло надобно теперь отложить до другого времени, пока государь съ Польскимъ королемъ управится, Московское государство отъ многихъ убытковъ поисправится, и у шаха съ государемъ, а у Турскаго съ шахомъ миръ станетъ".

Мерикъ возражалъ, что русскимъ торговымъ людямъ будетъ прибыль, захотятъ съ англійскими торговыми людьми торговать сообща, то Англичане государевыхъ людей станутъ ссужать товаромъ, смотря по людямъ и по промысламъ, на тысячу, двѣ, шесть тысячъ и больше безъ росту; которыми товарами государевы люди станутъ торговать съ Персидскими людьми, тѣми товарами англичане торговать не будутъ; извѣстное дѣло, гдѣ больше съѣзду торговымъ людямъ, тутъ больше товаровъ и таможенныхъ пошлинъ, и все дешевле: вѣдь изъ Англійской Земли ходить въ Персію, а изъ Персіи въ Англійскую Землю государевою Землею. Бояре говорятъ, что путь страшенъ; но англійскіе купцы скоро не сберутся, пройдетъ годъ-другой, и пойдутъ, когда государь прикажетъ, только бы государь далъ теперь жалованную грамоту.—Бояре отвѣчали, что Англичане Русскимъ людямъ своихъ товаровъ продавать не станутъ, а хотя и станутъ, то цѣну положатъ вдвое или втрое; отговаривали бояре всякими мѣрами, но отговорить не могли; спросили о подробностяхъ, какъ будутъ торговать Англичане съ Персіею, и Мерикъ обѣщалъ прислать все на письмѣ.

Потомъ князь Иванъ Ульяновичъ сталъ просить позволенія отыскать Обью рѣкою ходу въ Индію и Китай. Бояре отвѣчали, что Сибирь далеко, до первыхъ городовъ съ полгода ходу—и то зимою; сами туземцы не знаютъ, откуда Обь-рѣка вышла и куда вошла; сторона та самая студеная, больше двухъ мѣсяцевъ тепла никакъ не живетъ, а на Оби всегда ледъ ходитъ, никакими судами пройти нельзя, а вверхъ по Оби, гдѣ потеплѣе, тамъ многія кочевыя орды; про Китайское государство сказываютъ, что невеликое и небогатое,—добиваться къ нему нечего. Государь, изъ дружбы къ Якубу королю, пошлетъ въ сибирскіе города нарочно къ воеводамъ, велитъ провѣдать, откуда Обь-рѣка вышла, куда пошла, въ какое море, какими судами можно по ней ходить, какія орды у верховья Оби, какія рѣки въ нее впали, гдѣ Китайское государство и какъ богато, есть ли чего добиваться; а теперь, не зная про то подлинно, какъ о томъ говорить и дѣлать. Бояре и по этому дѣлу спрашивали подробностей: какъ Англичане будутъ въ Индію ходить. Мерикъ обѣщалъ отвѣчать на письмѣ. На просьбу его дать Лопарей въ Новую Землю государь согласился. Потомъ Мерикъ просилъ, чтобъ смолу не отпускали за море, никуда, даже и въ Англію, потому что отъ вывоза смола вздорожала, и Англичанамъ въ судовой подѣлкѣ убытки большіе; просилъ позволенія Англичанамъ брать алебастръ, находящійся въ 150 верстахъ отъ Холмогоръ; просилъ, чтобъ между прочими иноземцами не ссылали въ Казань нѣкоторыхъ Англичанъ. На это бояре отвѣчали ему, что ихъ ссылаютъ не въ опалѣ, а потому, что въ Москвѣ дороговизна большая, а въ Казани все дешево, и имъ тамъ будетъ жить гораздо удобнѣе. Мерикъ билъ челомъ также, чтобъ отпустили домой англійскаго дворянина Астона, который боленъ отъ ранъ, и на его мѣсто бу-

детъ служить сынъ его; бояре отвѣчали, что издавна повелось—изъ государевой службы никого не отпускать, а здѣсь князь Артемій Астонъ пожалованъ всѣмъ по его достоинству. Мерикъ билъ челомъ, чтобъ отпустили, по крайней мѣрѣ, жену его, потому что у нихъ уже больше дѣтей не будетъ; бояре отвѣчали: неслыхано, чтобъ мужа съ женой развести. Наконецъ Мерикъ билъ челомъ на голландскаго посланника, Исака Аврамова: приходилъ на англійскій дворъ братъ Исака Аврамова торговать сукна, слово-за-слово съ Англичанами—разбранился и въ той брани непригожее слово молвилъ про государя ихъ Якуба короля, примѣнилъ его къ себѣ, сказалъ: „Король вашъ все равно что я; и онъ человѣкъ,—и я человѣкъ". Ему, князю Ивану, за великую кручину, что такой мужикъ про такого великаго государя такое непригожее слово молвилъ; только бы такое слово онъ молвилъ въ ихъ Землѣ, то никакъ бы висѣлицы не избылъ.—Бояре отвѣчали: царскому величеству о томъ извѣстно, царское величество о томъ кручинился, пришелъ онъ въ большой гнѣвъ, что такой мужикъ, невѣдомо кто, про такого великаго государя такое непригожее слово говорилъ; царское величество велѣлъ выговорить за это съ великою кручиною, и дьякъ Романчуковъ Исаку Аврамову говорилъ, что онъ въ Нидерландской Землѣ самый послѣдній худой человѣкъ, братъ же его—хуже и не сыскать, и про такого великаго государя такое слово молвилъ,—изъ этого видно, что они люди худые, ничего не знаютъ. Исакъ въ томъ винился, говорилъ, что брать его сдуровалъ простотою, и онъ за то брата своего бранилъ и билъ.

Мерикъ удовольствовался, и, спустя нѣсколько времени, подалъ обѣщанное письмо о томъ, какъ ѣздить Англичанамъ въ Персію: ѣздить имъ изъ Архангельска до Ярославля сухимъ путемъ, а оттуда по Волгѣ; суда дѣлать близъ Устюжны Желѣзной; и прежде здѣсь же дѣлали, и лѣсъ къ тому годный здѣсь есть,—царь Иванъ Васильевичъ волю имъ въ томъ лѣсѣ далъ; для волжскаго хода Англичане будутъ дѣлать струги крытые, а для морскаго—корабль, спустятъ изъ Ярославля корабль нанизъ весною, въ полую воду; мастеръ корабельный будетъ Англичанинъ, плотники русскіе, наемные; для обороны на Волгѣ привезутъ наряду, пищалей, пороху, свинцу и ядеръ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ, когда англійскіе гости шли въ Персію мимо Астрахани, Астрахань была осаждена Турскими людьми, и Англичане, человѣкъ 100, заодно съ Русскими, службу свою показали, и царское величество службу ихъ гораздо похвалилъ. Мерикъ выставлялъ на видъ, что англійскіе купцы никогда не торгуютъ въ розницу и не отнимаютъ промыслу у русскихъ купцовъ, какъ то дѣлаютъ Голландцы, которые не только сами продаютъ товары свои врознь, но еще посылаютъ товары свои мелкимъ обычаемъ по всему Московскому государству, и тѣмъ у подданныхъ царскаго величества хлѣбъ изо рта вырываютъ, за что при царѣ Ѳеодорѣ имъ не велѣно было ѣздить дальше Архангельска. Что касается до проѣзду въ Китай, то дорога на востокъ и къ полуночи Русскимъ людямъ очень извѣстна, они дальше Енисея ходили: объ этомъ письмо было дано бывшему царю Борису Ѳеодоровичу; у него, Мерика, есть письмо о томъ же, только не переведено. Наконецъ Мерикъ объяснилъ, почему не должно допускать вывоза смолы: если смолу повезутъ за море, то и пеньку туда же посылать, и царскаго величества людямъ никакой прибыли изъ того не будетъ, государи и власти не позволяютъ товаръ неизготовленный и неисправленный изъ своей Земли отпускать и у людей своихъ промыслъ отнимать. Изъ Англійской Земли въ прежніе годы шерсть баранью вываживали въ другія государства, и оттого въ Англійской Землѣ многіе люди обнищали было; разсудивъ то дѣло поразумнѣе, королевское величество заказалъ шерсть вывозить изъ Земли и тѣмъ опять бѣдныхъ людей воскресилъ,—сукна въ своей Землѣ дѣлать велѣлъ, и теперь лучше этихъ суконъ ни въ которыхъ государствахъ не дѣлаютъ,—этимъ иноземцевъ мастеровъ въ Англійскую Землю привели, Землю и подданныхъ обогатили такъ, что „славнѣе и богаче нашего государя нѣтъ между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказалъ изъ Англійской Земли бѣлыя сукна возить въ другія государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, отъ того богатѣли, а теперь это поворотилось къ королевскимъ подданнымъ".

По выслушаніи письма, въ Думѣ было положено отвѣчать гладостью, что такого дѣла теперь рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ, а какъ скоро рѣшатъ, то государь дастъ знать королю, а теперь бы королю на царское величество мнѣнья за то не держать, впередъ то все ихъ братскою дружбою и любовью исправится. Гостей и торговыхъ людей теперь же разспросить: если дать дорогу англійскимъ гостямъ въ Персію и позволить имъ Обью-рѣкою искать дороги въ Китайское государство, то государевой пошлинѣ и имъ торговымъ людямъ убытка оттого не будетъ ли? Также спросить о желѣзной рудѣ, о смолѣ и бѣломъ камнѣ. Гости отвѣчали: думаютъ они, что англійскимъ гостямъ не Персія дорога, прискиваютъ дороги въ Индѣйское государство; ходятъ они въ Индѣйское государство моремъ на Турцію и Персію, и этотъ путь имъ очень тяжекъ, а государевою Землею ходить имъ будетъ легче; только оттого государю прибыли не будетъ, потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ, по государеву жалованью, пошлинъ не берутъ, и товаровъ у нихъ не пересматриваютъ, а Русскимъ людямъ въ томъ изъянъ будетъ: здѣсь гости привели туже причину, какую приводили бояре Мерику. Русскимъ людямъ, продолжали гости, сообща съ Англичанами торговать нельзя, Англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется.

О дорогѣ въ Китай гости сказали, что они Китайскаго государства не знаютъ, мало про него и слыхали, въ Сибири не торговали, а слыхали они, что давно уже Англичане туда дороги ищутъ, да не найдутъ, и впередъ имъ туда не дорога жъ, поискавъ да и покинутъ. Про желѣзную руду гости сказали: только государь велитъ искать Англійскимъ людямъ руды желѣзной на пустыхъ мѣстахъ, то убытка государю и никому изъ нихъ не будетъ, убытки и заводъ весь Англичанъ, а какъ только найдутъ, то Русскимъ людямъ кормленье отъ того будетъ, и желѣзо будетъ дешевле, потому что изъ государевой Земли за море желѣзо нейдетъ, а идетъ желѣзо въ государеву Землю отъ нихъ изъ-за моря; а если найдутъ желѣзо, которое льется какъ мѣдь, то это будетъ въ Московскомъ государствѣ диковина. Англійскіе же люди завели и канатное дѣло, и оттого было кормленье многимъ Русскимъ людямъ бѣднымъ, которые у нихъ работали, да и научились у нихъ Русскіе люди канаты дѣлать. Про ленъ, что около Вологды сѣять, и про пеньку гости сказали: думаютъ они, что англійскіе гости за этотъ промыслъ хватаются для того, что изъ Пскова ленъ теперь къ нимъ нейдетъ, а изъ Вязьмы, Смоленска и Бѣлой, пеньки также нѣтъ; Русскимъ людямъ, которые торгуютъ пенькою и льномъ, помѣшка будетъ, а что хотятъ дѣлать полотна на парусы, и на то они привозятъ полотна съ собою, а русскія полотна на парусы не годятся, за море русскія полотна нейдутъ, а ленъ, посконь и пряжа идутъ; которые этимъ торгуютъ, тѣмъ убытокъ будетъ, а бѣднымъ людямъ у Англичанъ оттого кормленье будетъ, какъ станутъ заводъ заводить и работать. Но нѣкоторые торговые люди, именно Юдинъ, Булгаковъ и Котовъ, сказали, что Русскимъ людямъ убытка не будетъ, а только ленъ въ Московскомъ государствѣ подешевле будетъ, да и англійскимъ гостямъ тутъ прибыли будетъ мало, вѣдь имъ не 500 четвертей сѣмени льнянаго сѣять, и на свой имъ судовый обиходъ льну и поскони не напахать, да и земли тутъ нѣтъ такой, чтобъ пеньку родила, и ленъ обойдется имъ дорого; а если Русскіе люди увидятъ у нихъ тутъ какой-нибудь промыслъ, то и сами за тотъ же промыслъ ухватятся.—О смолѣ сказали: если смолы за море не отпускать, то смола дешевле, и государевымъ людямъ прибыли меньше: когда смолу отпускаютъ за море, тогда бочка смолы стоитъ рубль, а какъ ее за море не отпустятъ, тогда та же бочка двѣ гривны, и государевой пошлинѣ убытокъ. Но другіе торговые люди, которые у Архангельска бывали въ таможенныхъ головахъ, сказали, что напротивъ, если смолы не отпускать, то пошлинѣ прибыльнѣе будетъ, потому что пойдетъ три пошлины: 1) съ крестьянъ, которые торговымъ людямъ продаютъ; 2) когда купцы продаютъ ее къ канатному дѣлу; 3) съ канатовъ вѣсовая пошлина; а отпускать смолу за море, то съ нея пошлины меньше, а съ канатовъ никакой, станутъ возить сырую пеньку да смолу и станутъ канаты смолить за моремъ, канатное дѣло за смолою остановится, бѣднымъ людямъ кормиться будетъ не-съ-чего, и мастера канатные переведутся; на этомъ основаніи бояре приговорили: безъ государева указа смолы за море пропускать никому не велѣть, а у Архангельскаго города вольно всѣмъ иноземцамъ смолу покупать.—Объ алебастрѣ гости сказали, что его горы большія, лѣтъ въ 50 еще не выбрать; когда его отъ берега будутъ брать, то судамъ легче ходить, и какъ станетъ у Англичанъ какой промыслъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять.

Согласно съ этими отвѣтами гостей, Мерику предложены были статьи докончанія; онъ соглашался на все, но отклонилъ отъ себя заключеніе наступательнаго союза Англійскаго короля съ царемъ на Польскаго короля, хотя и обнадежилъ крѣпко, что если государь сошлется объ этомъ съ его королемъ, то Іаковъ поможетъ ему на Сигизмунда. Въ заключеніе Мерику предстояло отдѣлаться еще отъ одного требованія бояръ. Мы видѣли, что московскій посланникъ, Зюзинъ, долженъ былъ требовать отъ Англійскаго правительства возвращенія тѣхъ Русскихъ, которые были отправлены Годуновымъ для науки. Ему ихъ не отдали; потомъ подъячій Грязевъ, отвозившій царскую грамоту королю Іакову въ 1615 году, доносилъ, что Англичане скрываютъ этихъ Русскихъ людей и привели ихъ всѣхъ въ свою вѣру; одного изъ нихъ, Никифора, поставили въ попы, и живетъ у нихъ въ Лондонѣ, а другой въ Ирландіи секретаремъ королевскимъ, третій—въ Индіи въ торговлѣ отъ гостей; Никифоръ за англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, Бога молитъ, что вывезли его изъ Руси, а на православную вѣру говоритъ многую хулу. Бояре приступили къ Мерику съ вопросомъ объ этихъ четырехъ ребятахъ, которыхъ онъ самъ при Годуновѣ вывезъ изъ Москвы въ Англію. Мерикъ отвѣчалъ, что они выучились, и ихъ хотѣли отпустить въ Россію, но они сами не хотятъ. Бояре отвѣчали: «Какъ же ихъ не отпустить, вѣдь они нашей вѣры? Если имъ сюда не быть, то и отъ вѣры отстать?" Мерикъ отвѣчалъ: „Есть теперь одинъ изъ нихъ въ Англіи, Никифоромъ зовутъ, другой въ Ирландіи, два въ Индіи; какъ будутъ въ Англіи, то ихъ пришлютъ".

При отпускѣ, когда бояре сказали Мерику, что государь пожалуетъ его за его службу, то онъ отвѣчалъ: „Царскихъ мнѣ милостей и жалованья много, а служить я царскому величеству радъ, это я долженъ дѣлать: у себя я въ Англійской Землѣ родился, а на Руси взросъ; столько хлѣба не ѣдалъ въ своей Землѣ, сколько въ Московскомъ государствѣ, и мнѣ какъ не служить?" Мерикъ получилъ за свои хлопоты на съѣздахъ съ шведскими послами: цѣпь золотую съ парсуною (портретомъ) царскаго величества, ковшъ съ каменьемъ, платно персидское, шелкъ лазоревъ да червчатъ съ золотомъ на соболяхъ, образцы низаны жемчугомъ съ каменьемъ, шапку лисью черную, кусокъ бархату.

кусокъ атласу, камку, пять сороковъ соболей, 5.000 бѣлки.

Неизвѣстно, былъ ли доволенъ князь Иванъ Ульяновичъ своимъ дѣломъ и его слѣдствіями, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и въ Стокгольмѣ были очень довольны Столбовскимъ миромъ:—возвращеніе Новгорода и избавленіе отъ Шведской войны при опасной войнѣ съ Польшею дѣлали нечувствительною потерю нѣсколькихъ городовъ; теперь было не до моря! Густавъ-Адольфъ, съ своей стороны, былъ очень доволенъ по причинамъ уже извѣстнымъ; онъ такъ говорилъ на сеймѣ 1617 года: „Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что Русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ безпокоили. Русскіе—опасные сосѣди; границы Земли ихъ простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города: они могутъ выставлять въ поле большое войско; и теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море—и, Богъ дастъ, теперь Русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ".

Для окончательнаго подтвержденія мирнаго договора, король назначилъ полномочными послами въ Москву Густава Стейнбока, Якова Бата и секретаря Монса Мартенсона; съ русской стороны въ Стокгольмъ были назначены дворянинъ князь Ѳедоръ Борятинскій, дворянинъ Осипъ Прончищевъ и дьякъ Кашкинъ. Въ сентябрѣ 1617 года московскіе послы, по договору, съѣхались съ шведскими на рубежѣ, на рѣкѣ Лавуѣ, на мосту, чтобъ показать свои грамоты, такъ ли написаны. Оказалось, что не такъ: начались споры за титулъ—и дѣло затянулось, начали посылать къ государю на обсылку, тогда какъ государю нужно было какъ можно скорѣе кончить дѣло; онъ написалъ къ Борятинскому, что Польскій королевичъ Владиславъ Дорогобужъ взялъ, хочетъ идти на Москву: послы, по его наказу, должны были говорить шведскимъ посламъ и, будучи въ Стекольнѣ (Стокгольмѣ), шведскимъ думнымъ людямъ, чтобъ король Густавъ-Адольфъ помогъ царю, послалъ свое войско въ Ливонію, а царь послѣ воздастъ за это; Борятинскій долженъ былъ говорить Шведамъ, что Владиславъ, доступя Москвы, хочетъ доступить и Швеціи; что Владиславъ называетъ Густава-Адольфа измѣнникомъ своимъ; шведскіе послы отказали: „Велѣно намъ о томъ говорить, какъ будемъ у государя на Москвѣ, а съ вами намъ о томъ говорить не велѣно".

Только 15 февраля 1618 года послы двинулись съ рубежа—одни въ Москву, другіе въ Швецію. Борятинскаго съ товарищами долго держали въ Упсалѣ, не везли въ Стокгольмъ, отговариваясь тѣмъ, что дороги нѣтъ и что король хоронитъ брата своего Іоанна; только 2 іюня пошли изъ Упсалы въ Стокгольмъ. Здѣсь Борятинскому удалось выговорить, чтобъ король писался не государемъ Ижерской Земли, но государемъ въ Ижерѣ, на томъ основаніи, что не вся Ижерская Земля за Шведами. Густавъ-Адольфъ согласился заключить договоръ, чтобъ стоять на Польскаго короля заодно и не мириться одному государю безъ желанія другого, но требовалъ: чтобъ царь не писался никогда ни къ кому Ливонскимъ, отказался отъ всѣхъ притязаній на эту Землю; чтобъ шведскимъ купцамъ отведены были особые торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ просить; чтобъ шведскимъ купцамъ позволено было ѣздить во всѣ русскіе города, торговать въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, на рыбной ловлѣ въ Бѣломъ морѣ, на Лопскомъ берегу, въ устьи Колы и около Онежскаго озера, ѣздить въ Онежское озеро на своихъ судахъ; чтобъ вольно было имъ ѣздить въ Персію и Татарскую Землю, въ Крымъ и Армянскую Землю и обратно; чтобъ пословъ, гонцовъ и купцовъ не запирать въ дворахъ по московскому обычаю,—ходить имъ просто и вольно, быть имъ какъ у друзей, а не какъ плѣнникамъ. Послы отвѣчали, что они на заключеніе такого договора полной мочи не имѣютъ, и король рѣшилъ послать съ ними въ Москву нарочно для этого секретаря своего. Послы настаивали, чтобъ король съ ними же договорился стоять на Польскаго короля заодно съ Москвою и войско на него послать, а о другихъ статьяхъ пусть шлетъ договариваться въ Москву; имъ отвѣчали: «Государя нашего люди въ лифляндскихъ городахъ противъ Поляковъ стоятъ, а намъ Сигизмунда короля, здѣсь живучи, бояться нечего, живемъ на острову, около насъ вода; только впередъ Польскій король нашему королю лиха не учинитъ, то государю нашему для чего на Польскаго короля людей своихъ посылать и его взять добровольно на свои головы?" Послы возражали, что статьи, изъ которыхъ дѣло останавливается, уже внесены въ Столбовскій договоръ и ихъ переговаривать нечего, а другихъ статей имъ безъ наказа утвердить нельзя. Канцлеръ отвѣчалъ: „Правда, что статьи внесены, но не подробно, и такъ не дѣлается, какъ уговорились, надобно снова подтвердить". Ясно было, что Шведы или хотѣли новыхъ уступокъ за союзъ противъ Польши, или хотѣли дождаться, чѣмъ кончится борьба у Поляковъ съ Москвою. Она кончилась безъ ихъ вмѣшательства [1]).

[1]) Дворцовые разряды I; Книги разрядныя, I; Scheltema—Rusland en de Nederlanden, I; Дѣла Англійскія № 3, 4 и 5; Дѣла Шведскія № 10, 12, 13, 16, Mosers-Dyplomatische und historische Belustigungen I; Дополн. къ Акт. Истор. I, 160, 162, 164, 166; II, 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 43, 44; Лѣтопись о мног. мятежахъ; Adelung-Übersicht der Reisenden, II, 259; Соб. гос. грам. и дог. III, № 34, 35. Пол. Соб. Зак. I, № 19; Акты истор. III, № 284.

Глава II.

Продолженіе царствованія Михаила Θеодоровича.

Военныя дѣйствія противъ Литвы.—Затруднительное положеніе русскихъ воеводъ подъ Смоленскомъ.—Дѣйствія князей Сулешова и Прозоровскаго.—Приготовленія королевича Владислава къ Московскому походу.—Сношеніе его съ Донскими казаками.—Рѣчь архіепископа-примаса.—Вступленіе Владислава.—Шеинъ и Новодворскій въ Смоленскѣ.—Занятіе Дорогобужа и Вязьмы.—Грамота Владислава къ жителямъ Москвы.—Князь Дм. М. Пожарскій въ Калугѣ; его дѣйствія противъ Чаплинскаго.—Дѣйствія князя Д. М. Пожарскаго.—Неудачныя сношенія о мирныхъ переговорахъ.—Неудачные приступы Поляковъ къ Борисову.—Движенія воеводъ: Черкасскій и Лыковъ въ Можайскѣ, Пожарскій въ Боровскѣ.—Отступленіе Черкасскаго и Лыкова изъ Можайска къ Москвѣ.—Рѣшеніе въ польскомъ станѣ.—Вторая грамота Владислава въ Москву.—Соборъ въ Москвѣ.—Приближеніе гетмана Сагайдачнаго.—Болѣзнь Пожарскаго.—Неудачныя дѣйствія князя Волконскаго противъ Сагайдачнаго.—Воровство казаковъ.—Королевичъ въ Тушинѣ.—Сагайдачный у Донского монастыря и безпрепятственно соединяется съ королевичемъ.—Ужасы въ Москвѣ.—Комета.—Переговоры о мирѣ.—Неудачный приступъ къ Москвѣ.—Смерть Чаплинскаго и Копая Мурзина.—Переговоры на Прѣснѣ.—Движеніе королевича на Переяславскую дорогу и Сагайдачнаго къ Калугѣ.—Побѣда князя Тюфякина.—Деулинскіе переговоры и перемиріе.—Размѣнъ плѣнныхъ на Поляновкѣ.—Возвращеніе Филарета Никитича въ Москву

(1616—1619 г.).

Послѣ прекращенія переговоровъ подъ Смоленскомъ, 1 іюля 1616 года, государь указалъ идти воевать Литовскую Землю воеводамъ: князю Михайлѣ Конаевичу Тинбаеву да Никитѣ Лихареву съ отрядомъ тысячи въ полторы человѣкъ; они повоевали окрестности Суража, Велижа, Витебска и другія мѣста. Съ другой стороны, по вѣстямъ, что Литовцы пришли подъ Стародубъ, противъ нихъ выступили воеводы, Михайла Дмитріевъ и Димитрій Скуратовъ, съ отрядомъ около 5.000 человѣкъ. Въ декабрѣ Скуратовъ далъ знать, что у нихъ съ Литовцами былъ бой подъ Болховомъ и воеводу Дмитріева убили; на мѣсто убитаго былъ посланъ князь Иванъ Хованскій, которому, между прочимъ, наказано было: «Писать отъ себя и словомъ приказывать въ литовскіе полки къ Русскимъ людямъ, чтобъ они, помня Бога и православную вѣру, невинной христіанской крови не проливали и въ муку вѣчную душъ своихъ не предали, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей отстали, великому государю Михаилу Θеодоровичу вину свою принесли и ѣхали въ его полки безъ всякой боязни,—великій государь вины ихъ имъ отдастъ и пожалуетъ своимъ жалованьемъ, станетъ ихъ держать въ своей царской милости незабвенно; посылать къ нимъ лазутчиковъ добрыхъ, кому можно вѣрить и приведши ко кресту; лазутчики должны были раздавать Русскимъ людямъ грамоты отъ духовенства, въ которыхъ владыки писали: „Знаемъ мы, господа и братья, что вы волею и неволею служите ищущимъ нашей погибели, не разсуждая, гдѣ вы стояли и куда ниспали! Не льстите себя, что вы христіане: если четыре конца міра вопіютъ на мудрствующихъ съ папою, то вы какъ будете христіанами, поклоняясь звѣрю, котораго Даніилъ Пророкъ и Іоаннъ Богословъ видѣли глаголющаго глаголы хульные на Бога вышняго? Не вѣрьте намъ, но узнайте отъ житій Св. Отецъ прежде бывшихъ вашихъ, которыхъ не только тѣла, но и персть чудеса несказанныя творитъ: за что они подвизались и съ кѣмъ единомудрствовали въ вѣрѣ—съ патріархами и со всею вселенною, или съ западомъ и съ папою? О, мудрые, о себѣ воззрите на прежніе роды, гдѣ ваши родители, гдѣ вы родились, въ какой вѣрѣ крестились и выросли, и чья память осталась—благочестивыхъ или нечестивыхъ? Когда узрите одесную Христа стоящихъ Петра, Алексія, Іону, многострадальнаго Михаила Черниговскаго съ Θеодоромъ и въ любви скончавшихся Бориса и Глѣба, то къ нимъ ли тогда прибѣгнете, благословеніе и миръ получите, или изъ объятій и отъ поцѣлуевъ Формосовыхъ чадъ въ вѣчную погибель отойдете? И гдѣ скроетесь отъ заступниковъ Россійской Церкви? Горе будетъ тогда вамъ отъ таковыхъ отцовъ отступившимъ! Того ради, молимъ васъ, пока время не пришло погибели общей, вашей и нашей, перестаньте отъ такого злаго умышленія и повинитесь Богу и Его Святымъ угодникамъ, да восхитятъ васъ отъ адова мучительства; обратитесь къ истинной христіанской вѣрѣ, данной намъ отъ Бога, и къ государю царю Михаилу Θеодоровичу, а въ отступленіи вашемъ мы васъ простимъ и разрѣшимъ, и государю царю будемъ бить челомъ своими головами; еще же совѣтъ царскій и милость вамъ возвѣщаемъ, всѣми благами земными одаритъ васъ, какъ сыновей и братьевъ приметъ“.

Князь Хованскій и Скуратовъ писали къ государю, что Литовскіе люди, повоевавъ Карачевскія и Кромскія мѣста, пошли къ Курску, а они, воеводы, за ними; Литовцы пошли къ Осколу, взяли его внезапно и сожгли, потомъ пошли къ Бѣлгороду и пробрались за рубежъ. Важнѣе были дѣла подъ Смоленскомъ: воеводы, стоявшіе подъ этимъ городомъ, Михайла Бутурлинъ и Исакъ Погожій, писали отъ 22 октября, что Гонсѣвскій съ Польскими и Литовскими людьми хочетъ идти московскою дорогою, обойти Смоленскіе остроги и стать на Московской большой дорогѣ въ Твердилицахъ. По этимъ вѣстямъ, государь велѣлъ князю Никитѣ Борятинскому идти изо Ржевы въ Дорогобужъ, от.

сюда помогать смоленскимъ таборамъ, промышлять надъ Литовскими людьми и посылать подъ Смоленскъ хлѣбные запасы изъ Дорогобужа. Въ ноябрѣ князь Борятинскій далъ знать, что онъ со всѣми ратными людьми пришелъ въ Дорогобужъ, а Гонсѣвскій пришелъ и сталъ между Дорогобужемъ и Смоленскомъ въ Твердилицахъ, дороги всѣ отъ Смоленска отнялъ. Бутурлинъ изъ-подъ Смоленска писалъ то же самое, и что съ запасами пріѣзду къ нимъ ни откуда нѣтъ, долгое время сидятъ они отъ Литовскихъ людей въ осадѣ, хлѣбными запасами и конскими кормами оскудѣли, такъ что иные ратные люди начинаютъ ѣсть кобылятину; Литовскіе люди съ двухъ сторонъ, изъ Смоленска и изъ Твердилицъ, приходятъ къ острожкамъ каждый день и тѣсноту имъ чинятъ великую. Такъ прошелъ 1616 годъ. 6 января 1617 г. государь велѣлъ идти изъ Москвы въ Дорогобужъ выѣзжему крымскому Татарину, боярину князю Юрію Яншеевичу Сулешову, да стольнику князю Семену Прозоровскому съ 6.000 войска для соединенія съ Борятинскимъ. 30 марта Сулешовъ писалъ изъ Дорогобужа, что онъ посылалъ головъ Бояшева и Тараканова на Литовскихъ людей; эти головы встрѣтили полковника Вишля, побили его на-голову, взяли въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими Поляками, забрали знамена, трубы и литавры; въ Москвѣ сильно обрадовались; Сулешову и Прозоровскому, также всѣмъ ратнымъ людямъ, которые были въ бою, послали золотые. Но въ маѣ пришли другія вѣсти: Сулешовъ писалъ, что Гонсѣвскій, соединившись съ полковникомъ Чаплинскимъ, приступилъ къ Смоленскимъ острожкамъ и вытѣснилъ Бутурлина и Погожаго, которые отступили къ Бѣлой; Чаплинскій подошелъ было и къ Дорогобужу, но былъ разбитъ на-голову и потерялъ 240 человѣкъ; Сулешовъ съ товарищами опять получилъ золотые и приказъ идти къ Москвѣ, оставя въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ воеводъ и ратныхъ людей, сколько пригоже, и наполня эти города хлѣбными запасами, устроивъ осады совсѣмъ, чтобъ въ нихъ было сидѣть безстрашно. Въ Дорогобужъ былъ отправленъ стольникъ князь Петръ Пронскій съ товарищемъ Иваномъ Колтовскимъ; но они дали знать царю, что въ Дорогобужъ пройти имъ нельзя—городъ осажденъ Литвою; государь приказалъ имъ быть въ Вязьмѣ и отсюда помогать Дорогобужу, надъ Литовскими людьми промышлять. Въ іюлѣ вѣсти еще хуже: Литовскіе люди пришли въ Ржевскій уѣздъ, сбираются воевать Старицу, Торжокъ, Устюжну; въ іюлѣ писали воеводы изъ Кашина, Бѣжецкаго Верха, изъ Углича, что Литва уже у нихъ, идетъ въ Вологодскія и Бѣлозерскія мѣста; нужно было всюду посылать войско, а между тѣмъ давали знать, что самъ королевичъ Владиславъ, величая себя царемъ Русскимъ, идетъ прямо на Москву.

Еще въ іюлѣ 1616 года Варшавскій сеймъ опредѣлилъ отправить противъ Москвы королевича Владислава, для совѣта которому придано было 8 коммисаровъ: епископъ Луцкій Андрей Липскій, каштелянъ Бѣльцкій Станиславъ Журавинскій, каштелянъ Сохачевскій Константинъ Плихта, канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга, староста Шремскій Петръ Опалинскій, староста Мозырскій Балтазаръ Стравинскій, сынъ Люблинскаго воеводы Яковъ Собѣскій (отецъ знаменитаго Яна) и Андрей Менцинскій. Коммисары обязаны были смотрѣть: чтобъ Владиславъ не противодѣйствовалъ заключенію славнаго мира съ Москвою, ибо война предпринята была для испытанія расположенія Московскаго народа къ королевичу; чтобъ имѣлъ въ виду преимущественно выгоды республики, а не ввѣрялъ своего дѣла невѣрнымъ случайностямъ войны; если же Владиславу посчастливится овладѣть Москвою, то чтобъ не забылъ объ отцѣ своемъ и отечествѣ, и клятвенно подтвердилъ условія, которыя подписалъ собственноручно. Эти условія были: 1) соединить Московское государство съ Польшею неразрывнымъ союзомъ; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польшѣ и Литвѣ страны, отъ нихъ отторгнутыя, преимущественно княжество Смоленское, а изъ Сѣверскаго—города Брянскъ, Стародубъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль, Рыльскъ и Курскъ, также Невель, Себежъ и Велижъ; 4) отказаться отъ правъ на Ливонію и Эстонію. Всего войска, могшаго выступить съ Владиславомъ, было не болѣе 11.000, несмотря на всѣ старанія Льва Сапѣги, который вошелъ въ большіе долги и настоялъ, что съ Литвы взята была новая подать для похода. Главнымъ начальникомъ войска большая часть сенаторовъ хотѣли назначить гетмана Станислава Жолкѣвскаго, какъ прославившагося въ войнѣ Московской, свидѣтеля присяги Москвитянъ Владиславу и пользовавшагося у нихъ большимъ уваженіемъ; но Жолкѣвскій отказался, боясь, что въ Московскомъ государствѣ его встрѣтятъ не съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ проводили, а скорѣе съ упреками въ клятвопреступленіи; предлогъ же къ отказу найти было ему легко: ждали нападенія на Польшу Турокъ, раздраженныхъ казацкими набѣгами. Вслѣдствіе отказа Жолкѣвскаго, главнымъ начальникомъ Владиславова войска былъ назначенъ гетманъ Литовскій, Карлъ Ходкѣвичъ, которому также была знакома дорога въ Москву и изъ Москвы.

1616 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ; думали о другихъ средствахъ къ успѣху: король поручилъ сенаторамъ уговорить князя Василія Васильевича Голицына, чтобъ написалъ къ боярамъ въ Москву о Владиславѣ; но Голицынъ отказался. Польскіе писатели говорятъ, что являлись къ Владиславу съ приглашеніемъ отъ бояръ князья Трубецкіе, какой-то старый Готиконъ и дьякъ Осиповичъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, это были старые приверженцы Владислава, оставшіеся въ Польшѣ, князь Юрій Никитичъ Трубецкой съ товарищи, принявшіе теперь на себя значеніе депутатовъ отъ бояръ московскихъ. Но встрепену-

лись казаки, почуявъ войну и смуту: Донцы прислали къ Владиславу атамана Бориса Юмина и есаула Аѳанасья Гаврилова объявить, что хотятъ ему правдою служить и прямить. Владиславъ 26 ноября 1616 года отвѣчалъ имъ, чтобъ совершили, какъ начали. Въ апрѣлѣ 1617 года двадцати-двухлѣтній Владиславъ выступилъ изъ Варшавы, при чемъ архіепископъ-примасъ говорилъ ему рѣчь: „Господь даетъ царства и державы тѣмъ, которые повсюду распространяютъ св. католическую вѣру, служителямъ ея оказываютъ уваженіе и благодарно принимаютъ ихъ совѣты и наставленія. Силенъ Господь Богъ посредствомъ вашего королевскаго высочества подать свѣтъ истины находящимся во тьмѣ и сѣни смертной, извести заблужденныхъ на путь мира и спасенія, подобно тому, какъ привелъ наши народы посредствомъ королей нашихъ Мстислава и Ягелла. Впрочемъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, на которое должны быть устремлены всѣ заботы и попеченія, ваше королевское высочество должны держаться той умѣренности, которая такъ необходима въ новыхъ государствахъ, и привлекать этотъ жестоковыйный народъ къ единенію и св. вѣрѣ не принужденіемъ и насиліемъ, не вдругъ, но мало-по-малу, примѣромъ благочестія какъ своего, такъ и священниковъ, которые будутъ находиться при васъ. Вы будете благодѣтельствовать родинѣ, защищать ее при всякомъ случаѣ, присоедините къ ней то, что несправедливо отторгнуто отъ ея предѣловъ, и будете стараться о томъ, чтобъ, получивъ при помощи Божіей тамошній престолъ, соединить оба народа посредствомъ прочныхъ договоровъ въ одно нераздѣльное общество для большей пользы и защиты христіанской республики. Мы не только будемъ молить Господа Бога, чтобъ Онъ благословилъ ваше королевское высочество въ этомъ дѣлѣ, но также, если окажется нужда въ дальнѣйшихъ пособіяхъ, будемъ стараться, чтобъ республика наша помогала вамъ; только ваше высочество старайтесь направлять дѣла къ ея благу“. Владиславъ отвѣчалъ: „Я иду съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прежде всего имѣть въ виду славу Господа Бога моего и святую католическую вѣру, въ которой воспитанъ и утвержденъ. Славной республикѣ, которая питала меня доселѣ и теперь отправляетъ для пріобрѣтенія славы, расширенія границъ своихъ и завоеванія сѣвернаго государства, буду воздавать должную благодарность“.

Владиславъ направилъ путь въ Луцкъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ для его войска, на дорогѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, въ день Вознесенія, онъ слушалъ обѣдню въ русской уніатской церкви; тутъ освящено было знамя съ московскимъ гербомъ и вручено одному изъ Москвичей, какому-то Евдокимову (Витовтову?). Говорятъ, что это привело въ восторгъ русскихъ жителей Владиміра. Принужденный удѣлить часть своего войска Жолкѣвскому, готовившемуся отражать Турокъ, Владиславъ возвратился въ Варшаву, откуда въ августѣ пріѣхалъ въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ, а отсюда отправился въ Смоленскъ съ Шеинымъ и другими Москвичами. Говорятъ, что въ Смоленскѣ очень занимали королевича и всѣхъ его окружавшихъ разговоры Шеина съ мальтійскимъ кавалеромъ Новодворскимъ, принимавшимъ дѣятельное участіе во взятіи Смоленска; Новодворскій разсказывалъ, какъ онъ бралъ, а Шеинъ—какъ онъ защищалъ городъ; оба соперника такъ подружились, что поклялись другъ другу въ вѣчномъ братствѣ. Въ концѣ сентября Владиславъ оставилъ Смоленскъ и соединился съ Ходкѣвичемъ, который уже осаждалъ Дорогобужъ. Страхъ напалъ на воеводъ московскихъ, когда они узнали, что самъ королевичъ при войскѣ. Дорогобужскій воевода Иванисъ Ададуровъ сдалъ свой городъ Владиславу, какъ царю Московскому. Королевичъ торжественно принималъ своихъ новыхъ подданныхъ, прикладывался къ образамъ и крестамъ, которые вынесло ему духовенство, одарилъ стрѣльцовъ и позволилъ имъ разойтись по домамъ; Ададуровъ же съ дворянами и дѣтьми боярскими присоединился къ его войску. Занявши Дорогобужъ, Владиславъ, по совѣту Ходкѣвича, хотѣлъ-было уже располагаться на зимнія квартиры, какъ пришло извѣстіе, что вяземскіе воеводы, князь Петръ Пронскій и князь Михайла Бѣлосельскій, узнавши о сдачѣ Дорогобужа, бросили свой городъ и убѣжали въ Москву; казаки ободрились, увидавъ, что опять пришло ихъ время, и бросились отъ Пронскаго грабить Украйну; въ меньшой Вяземской крѣпости сидѣлъ воеводою князь Никита Гагаринъ; онъ хотѣлъ-было остаться, но, видя, что посадскіе люди и стрѣльцы бѣгутъ изъ города, заплакалъ и самъ поѣхалъ за ними. Владиславъ, въ концѣ октября, торжественно вступилъ въ Вязьму; Ададуровъ съ Смоляниномъ Зубовымъ отправлены были въ Москву возмущать ея жителей, къ которымъ повезли грамоту: „отъ царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Руси, въ Московское государство, боярамъ нашимъ, окольничимъ“ и проч. Владиславъ писалъ, какъ по пресѣченіи Рюрикова дома люди Московскаго государства, поразумѣвъ, что не отъ царскаго корня государю быть трудно, цѣловали крестъ ему, Владиславу, и отправили пословъ къ отцу его Сигизмунду для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ, но главный посолъ, „Филаретъ митрополитъ, началъ дѣлать не по тому наказу, каковъ данъ былъ имъ отъ васъ, прочилъ и замышлялъ на Московское государство сына своего Михаила. Въ то время, продолжаетъ Владиславъ, мы не могли сами пріѣхать въ Москву, потому что были въ несовершенныхъ лѣтахъ, а теперь мы, великій государь, пришли въ совершенный возрастъ къ скипетро-державію, хотимъ, за помощію Божіею, свое государство Московское, отъ Бога данное намъ и отъ всѣхъ васъ крестнымъ цѣлованіемъ утвержденное, отыскать, и уже въ совершенномъ такомъ возрастѣ можемъ быть самодержцемъ всея Руси, и неспокойное государство, по милости Божіей, покойнымъ учинить“.

Владиславъ обѣщаетъ милости въ случаѣ немедленной покорности, „а о Михайлѣ, Филаретовѣ сынѣ, какъ, дастъ Богъ, будемъ на царскомъ своемъ престолѣ, на Москвѣ, въ то время наше царское милосердіе будетъ по прошенью всей Земли". Владиславъ заключаетъ: „Мы нашимъ государскимъ походомъ къ Москвѣ спѣшимъ и уже въ дорогѣ, а съ нами будутъ Игнатій патріархъ да архіепископъ Смоленскій Сергій, да бояре князь Юрій Никитичъ Трубецкой съ товарищами". Но грамота эта не произвела никакого дѣйствія въ Москвѣ: Ададурова и Зубова схватили и разослали по городамъ, малодушныхъ воеводъ Вяземскихъ, Пронскаго и Бѣлосельскаго, высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь, недвижимое имѣніе у нихъ отняли для раздачи другимъ. А между тѣмъ движеніе Владислава было остановлено явнымъ возмущеніемъ его войска, которое, не получая долго жалованья, не хотѣло переносить голода и холода. Надобно было размѣстить его по квартирамъ въ Вязьмѣ и окрестностяхъ.

Въ то время, какъ главное войско Владислава сидѣло здѣсь, дожидаясь жалованья, дѣйствовали Лисовчики, подъ начальствомъ Чаплинскаго: страшно опустошая все на своемъ пути, они взяли Мещовскъ и Козельскъ, но не могли взять Калуги, куда, по просьбѣ жителей, былъ отправленъ 18 октября князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, у котораго было въ распоряженіи 5,400 человѣкъ войска. Чаплинскій засѣлъ въ Товарковѣ, въ разстояніи одного перехода отъ Калуги, которой не было отъ него покоя; Пожарскій также не оставался въ бездѣйствіи; борьба шла сначала съ перемѣннымъ счастіемъ, но Пожарскому удалось наконецъ ворваться къ Полякамъ въ Товарковскій городокъ и истребить тамъ у нихъ всѣ запасы. Другой Пожарскій, князь Димитрій Петровичъ, былъ посланъ оборонять Тверь; на дорогѣ въ Клину осадилъ его панъ Соколовскій. Пожарскій бился въ осадѣ, отсидѣлся и провелъ государевы запасы въ Тверь; Соколовскій пришелъ и подъ Тверь; Пожарскій отсидѣлся и здѣсь отъ него; послѣ Соколовскаго пришелъ подъ Тверь полковникъ Копычевскій, стоялъ подъ городомъ двѣ недѣли и не сдѣлалъ ему ничего. Бѣлая также не сдавалась Полякамъ. Попытка Владислава овладѣть внезапно Можайскомъ не удалась: тамошніе воеводы Ѳедоръ Бутурлинъ и Данила Леонтьевъ знали о движеніи непріятеля и были готовы встрѣтить его. Узнавши объ этой готовности, узнавши, что городъ сильно укрѣпленъ, и что къ нему на помощь идетъ сильный отрядъ изъ Москвы, Владиславъ не рѣшился ни вести войско на приступъ, ни осадить городъ въ зимнее время, въ декабрѣ, и возвратился въ Вязьму, потерявши отъ холода много людей, особенно Нѣмцевъ. Когда въ Москвѣ узнали объ опасности, грозящей Можайску, то отправили туда воеводъ—боярина князя Бориса Михайловича Лыкова и Григорія Волуева, съ отрядомъ около 6,000 человѣкъ; Волокъ былъ занятъ стольниками, князьями, Димитріемъ Мамстрюковичемъ и Василіемъ Петровичемъ Черкасскими, съ 5,000 войска.

Такъ прошелъ 1617 годъ. Въ концѣ его паны-рада напомнили коммисарамъ, что лучше было бы окончить войну переговорами, и вотъ, въ концѣ декабря, отправился въ Москву королевскій секретарь Гридичъ, съ предложеніемъ назначить съѣздъ отъ 20 января до 20 апрѣля 1618 года, и въ это время не быть непріятельскимъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ; также немедленно размѣняться плѣнными. Бояре отвѣчали посланному: что, не видя у него вѣрящей грамоты отъ короля и Рѣчи Посполитой, не могутъ входить въ сношенія съ коммисарами; что русскіе полномочные послы безъ охранныхъ листовъ отъ Владислава вступить въ переговоры не могутъ; что срокъ до апрѣля очень коротокъ; что на прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій нельзя согласиться до тѣхъ поръ, пока Поляки не выйдутъ изъ Московскаго государства; что плѣнными нельзя размѣниваться до тѣхъ поръ, пока Поляки не освободятъ митрополита Филарета и князя Голицына; что какъ скоро королевичъ пришлетъ охранный листъ, то они, бояре, отправятъ къ коммисарамъ своего посланца, который уговорится о мѣстѣ переговоровъ и о числѣ уполномоченныхъ.

Прошли три первые мѣсяца 1618 года, новаго задора отъ Владислава не было, а между тѣмъ Поляки не переставали опустошать московскія области и королевичъ не отступалъ изъ Вязьмы назадъ въ Льтву; съ весною грозили новыя опасныя движенія врага къ столицѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ рѣшили сами задрать Поляковъ о мирѣ, и въ началѣ апрѣля пріѣхалъ въ польскій станъ дворянинъ Кондыревъ съ дьякомъ и объявилъ, что готовъ вести переговоры съ коммисарами о мѣстѣ съѣзда уполномоченныхъ и о числѣ ихъ; требовалъ, чтобъ Поляки вышли изъ московскихъ предѣловъ, и въ такомъ случаѣ заключено будетъ трехмѣсячное перемиріе. Коммисары отвѣчали: что войско ихъ не выйдетъ изъ московскихъ предѣловъ прежде окончанія переговоровъ, которые могутъ начаться 17 іюня; что о мѣстѣ переговоровъ и числѣ провожатыхъ посольскихъ должны условиться особые коммисары за двѣ недѣли до съѣзда. Прошла весна; получено было извѣстіе изъ Варшавы, что сеймъ опредѣлилъ сборъ денегъ для продолженія войны, но немного и съ условіемъ, чтобъ война непремѣнно была окончена въ одинъ годъ. Въ началѣ іюня польское войско двинулось изъ Вязьмы и стало въ Юркаевѣ, на дорогѣ между Можайскомъ и Калугою; здѣсь, на военномъ совѣтѣ, Ходкѣвичъ предлагалъ перенести войну къ Калугѣ въ край менѣе опустошенный, и потѣснить самаго знаменитаго московскаго воеводу—князя Пожарскаго, заставить его перейти на сторону Владислава, къ чему онъ, по мнѣнію гетмана, былъ готовъ; наконецъ подъ Калугою легче было соединиться съ войскомъ, которое черезъ Украйну шло на помощь отъ Жолкѣвскаго. Но коммисары требовали идти прямо къ Москвѣ, что заставитъ жи-

телей ея передаться королевичу, какъ было во время Шуйскаго; они представляли, что удаленіе къ Калугѣ дастъ московскимъ воеводамъ возможность овладѣть Вязьмою и отрѣзать Поляковъ отъ Смоленска.

Это мнѣніе превозмогло, но, прежде чѣмъ идти къ Москвѣ, нужно было овладѣть Можайскомъ, чтобъ не оставить у себя въ тылу князя Лыкова. Взять Можайскъ приступомъ не было никакой надежды по неимѣнію осадныхъ орудій, а потому рѣшили идти къ Борисову Городищу, взять его силою или заставить Лыкова выйти изъ Можайска и сразиться въ чистомъ полѣ, гдѣ Поляки, по опыту, надѣялись вѣрнаго успѣха. Два раза польское войско ходило на приступъ къ Борисову, и два раза было отбито. Въ концѣ іюня Лыковъ писалъ къ государю, что королевичъ стоитъ подъ Борисовымъ Городищемъ; Михаилъ велѣлъ князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому перейти изъ Волока въ Рузу, оттуда ссылаться съ Лыковымъ и по вѣстямъ идти къ нему въ Можайскъ; Пожарскому велѣно было выйти изъ Калуги въ Боровскъ и помогать оттуда Можайску; изъ Москвы къ Боровску велѣно двинуться Курмашъ-Мурзѣ-Урусову съ юртовскими Татарами и астраханскими стрѣльцами. 30 іюня Лыковъ опять писалъ въ Москву, что наканунѣ 29-го королевичъ и гетманъ приходили изъ-подъ Борисова Городища къ Можайску, но Русскіе люди изъ острога противъ нихъ выходили, Литовскихъ людей отъ Можайска отбили, языковъ взяли, и королевичъ пошелъ назадъ подъ Борисово Городище. Прошло двадцать дней. Черкасскій пришелъ въ Можайскъ, и 21 іюля писалъ государю, что наканунѣ пришли изъ-подъ Борисова Городища подъ Можайскъ многіе Польскіе и Литовскіе люди, разъѣзжаютъ мѣсто подъ Лужецкимъ монастыремъ по Московской дорогѣ къ Рузѣ, и надобно думать, что хотятъ отнять Московскую дорогу отъ Можайска; князь Лыковъ писалъ, что, по словамъ перебѣжчика, королевичъ и гетманъ пришли со всѣми людьми изъ подъ Борисова къ Можайску на осаду. Государь немедленно созвалъ бояръ и приговорилъ: Можайское стоянье, и промыслъ, и отходъ положить на воеводъ князей Лыкова и Черкасскаго; если имъ, смотря по тамошнему дѣлу, можно въ Можайскѣ быть, то они бы, прося у Бога помощи, надъ Литовскими людьми промышляли и съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ ссылались, чтобъ надъ Литовскими людьми вмѣстѣ имъ промышлять, какъ Богъ вразумитъ. А если узнаютъ, что королевичъ и гетманъ и Литовскіе люди пришли подъ Можайскъ на осаду, и почаютъ отъ нихъ крѣпкой осады и дорожной отнимки, то они бы въ осадѣ не садились, шли бы въ отходъ къ Москвѣ со всѣми людьми, которою дорогою бережнѣе и куда можно, и совѣтовались бы объ отходѣ тайно, чтобъ никто не зналъ. А на которую дорогу отходъ свой приговорятъ,—и они бы послали отъ себя къ боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, тайно же, чтобъ онъ на ту дорогу подставлялся, остроги или полки подводилъ и помогалъ имъ. А какъ въ отходъ пойдутъ, и они бы въ Можайскѣ оставили съ воеводою Ѳедоромъ Волынскимъ осадныхъ людей къ прежнимъ въ прибавку, чтобъ въ Можайскѣ въ осадѣ сидѣть было безстрашно.

29 іюля Лыковъ доносилъ, что Литовскіе люди къ ихъ острожкамъ приходятъ каждый день, изъ наряду и мушкетовъ стрѣляютъ и ратныхъ людей побиваютъ, и 27 числа ранили воеводу князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго; и теперь Литовскіе люди шанцевъ прибавляютъ позади Якиманскаго монастыря, и за рѣкою Можаею поставили противъ ихъ остожковъ нарядъ, бьютъ изъ шанцевъ въ оба острожка и тѣсноту чинятъ великую. По польскимъ извѣстіямъ, у Русскихъ побито было болѣе 1,000 человѣкъ. Была бѣда и другого рода: ратные люди, подстрекаемые Ярославцемъ Богданомъ Тургеневымъ, Смоляниномъ Тухачевскимъ и Нижегородцемъ Жедринскимъ, приходили на воеводъ съ большимъ шумомъ и указывали, чего сами не знали,—едва дѣло обошлось безъ крови. Тогда государь уже рѣшительно приказалъ остаться въ Можайскѣ осаднымъ воеводою Волынскому, а Черкасскому и Лыкову со всѣми людьми отходить къ Москвѣ какъ лучше и здоровѣе. Пожарскій, стоявшій въ Боровскѣ, получилъ приказъ идти къ Можайску на то мѣсто, гдѣ воеводы ему присрочатъ, и помогать имъ, а изъ Борисова свести къ себѣ осадныхъ людей со всѣми запасами въ то самое время, какъ Черкасскій и Лыковъ пойдутъ въ отходъ; когда же они отъ Можайска отойдутъ, то Пожарскій долженъ былъ возвратиться въ Боровскъ. Въ первыхъ числахъ августа, выбравши темную бурную ночь, при проливномъ дождѣ, Черкасскій и Лыковъ вышли потихоньку изъ можайскихъ острожковъ и 6 числа достигли Боровска, откуда двинулись къ Москвѣ. Поляки немедленно заняли покинутый и сожженный Русскими Борисовъ. Сюда къ нимъ пріѣхалъ Левъ Сапѣга, который ѣздилъ въ Варшаву за деньгами; вмѣсто денегъ онъ привезъ одно только обѣщаніе, и тогда войско, въ которомъ иные двѣнадцать дней не видали куска хлѣба, взбунтовалось и толпами начало покидать станъ. Съ большимъ трудомъ коммисары успѣли успокоить его, обѣщавши выплатить жалованье 28 октября, и, несмотря на то, четыре хоругви оставили станъ, не считая уже вышедшихъ поодиночкѣ.

Въ такихъ обстоятельствахъ Ходкѣвичъ опять предлагалъ расположиться между Калугою и Боровскомъ, въ краю менѣе разоренномъ. Но коммисары никакъ не соглашались: они хотѣли во что бы то ни стало кончить войну къ сроку, а изъ этого годичнаго срока оставалось теперь менѣе пяти мѣсяцевъ, и потому они рѣшили идти прямо на Москву, отправивши туда грамоту, въ которой Владиславъ писалъ, что это только совѣтники Михаила Романова увѣряютъ, что онъ идетъ на истребленіе православной вѣры, а у него этого и на

умѣ нѣтъ. Получивши вѣсть изъ Можайска, что Владиславъ идетъ на Москву, Михаилъ 9 сентября созвалъ соборъ и объявилъ, что онъ, „прося у Бога милости, за православную вѣру противъ недруга своего Владислава обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть, съ королевичемъ и съ Польскими и Литовскими людьми биться, сколько милосердый Богъ помочи подастъ, и они бы—митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди—за православную вѣру, за него, государя, и за себя съ нимъ, государемъ, въ осадѣ сидѣли, а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались". Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную вѣру и за него, государя, стоять, съ нимъ въ осадѣ сидѣть и биться съ врагами до смерти, не щадя головъ своихъ. И тутъ же сдѣланы были всѣ распоряженія, кому и съ кѣмъ защищать разныя части Москвы. Опять пошли изъ Москвы грамоты по городамъ, чтобъ жители ихъ, памятуя Бога, православную вѣру, крестное цѣлованіе и свои души, усердно помогали государству въ настоящей бѣдѣ людьми и деньгами.

Не одинъ Владиславъ съ своимъ небольшимъ войскомъ приближался къ Москвѣ: шелъ на нее съ другой стороны малороссійскій гетманъ Конашевичъ Сагайдачный съ 20.000 казаками, разоривъ на дорогѣ Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь; послѣдній городъ былъ взятъ потому, что уѣздные люди воеводъ не послушались, въ осаду не пошли; Елецъ былъ взятъ потому, что воеводѣ его, Полеву, ратное дѣло было не за обычай; Сагайдачный обманулъ его: скрылъ въ одномъ мѣстѣ засаду, а самъ съ остальными людьми пошелъ на приступъ; воевода вывелъ противъ него все свое войско, а между тѣмъ засада вошла въ городъ и овладѣла имъ. Но Михайловымъ Сагайдачному не удалось овладѣть. Услыхавъ о приближеніи Сагайдачнаго, царь приказалъ идти противъ него Пожарскому изъ Боровска; Пожарскій выступилъ подорогѣ къ Серпухову, но сильно занемогъ, ратные люди остановились и не хотѣли идти противъ непріятеля съ больнымъ воеводою; казаки воспользовались этимъ случаемъ и стали воровать. Тогда государь велѣлъ больному Пожарскому ѣхать въ Москву, а товарищу его, князю Григорію Волконскому, велѣлъ стать на Коломнѣ и не пропускать Сагайдачнаго черезъ Оку; но Волконскій не былъ въ состояніи удержать гетмана отъ переправы и долженъ былъ заключиться въ Коломнѣ, гдѣ въ полкахъ у него встала рознь между дворянами и казаками; послѣдніе ушли изъ Коломны, стали во Владимірскомъ уѣздѣ, въ отчинѣ князя Мстиславскаго, и оттуда много мѣстъ запустошили. 17 сентября королевичъ стоялъ въ Звенигородѣ, Сагайдачный—въ селѣ Бронницахъ, Коломенскаго уѣзда. 20 сентября королевичъ сталъ въ знаменитомъ Тушинѣ; Сагайдачный появился у Донскаго монастыря и началъ пропускать обозы свои для соединенія съ королевичемъ; бояре съ войскомъ вышли-было изъ Москвы, чтобъ воспрепятствовалъ этому соединенію, но на московскихъ людей, по словамъ лѣтописца, напалъ ужасъ великій, и они безъ бою пропустили гетмана мимо Москвы въ таборы къ Владиславу. Ужасъ Москвичей увеличила еще комета, которая головою стояла надъ самымъ городомъ: царь и всѣ люди, смотря на звѣзду, думали, что быть Москвѣ взятой отъ королевича. Между тѣмъ подъ Москвою шли переговоры: Владиславъ требовалъ подданства, называя себя царемъ Московскимъ; бояре вымарывали въ грамотахъ дегтемъ этотъ титулъ королевича и тянули дѣло, поджидая союзниковъ—голодъ и холодъ. Но Поляки не хотѣли дожидаться, и въ ночь на первое октября повели приступъ; осажденные были предувѣдомлены изъ непріятельскаго стана и готовы къ отпору. Кавалеръ Новодворскій сдѣлалъ проломъ въ переднемъ городкѣ и дошелъ до самыхъ Арбатскихъ воротъ; но здѣсь, прикладывая къ нимъ петарду, былъ раненъ въ руку изъ мушкета. Вслѣдъ за этимъ Русскіе сдѣлали вылазку изъ воротъ и схватились съ непріятелемъ, обстрѣливаемымъ со всѣхъ сторонъ; Поляки держались до свѣта, но, не получая помощи отъ своихъ, отступили. Арбатскія ворота и мѣста отъ Арбатскихъ до Никитскихъ воротъ вѣдалъ во время приступа окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ, съ 457 человѣками, а въ Арбатскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Данила Леонтьевъ, Иванъ Урусовъ и дьякъ Антоновъ. Приступъ къ Тверскимъ воротамъ былъ еще менѣе удаченъ, потому что лѣстницы, принесенныя Поляками, были слишкомъ коротки. Тверскія ворота и пространство отъ Тверскихъ до Петровскихъ вовотъ, до Трубы и до Срѣтенскихъ воротъ были поручены князьямъ Данилѣ Мезецкому и Григорью Волконскому съ 562 человѣками пѣхоты, съ 22 конницы, въ самыхъ же Тверскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Василій Монастыревъ, Семенъ Дуниловъ и дьякъ Головинъ. Поляки, по ихъ извѣстіямъ, потеряли у Арбатскихъ воротъ 30 человѣкъ убитыми и болѣе 100 ранеными. Въ неуспѣхѣ, разумѣется, обвиняли главнаго вождя Ходкѣвича: зачѣмъ не была соблюдена тайна на счетъ приступа; зачѣмъ повѣрили лазутчикамъ, давшимъ невѣрное показаніе о высотѣ стѣнъ; зачѣмъ Новодворскому не было подано помощи, потому что Русскіе у Арбатскихъ воротъ показали-было тылъ, но ихъ удержала нѣмецкая пѣхота, стоявшая у Никитскихъ воротъ. Но, по русскимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, у Никитскихъ воротъ не было Нѣмцевъ.

Знаменитый польскій наѣздникъ Чаплинскій погибъ на Вохнѣ отъ служекъ Троицкаго монастыря послѣ неудачъ подъ этимъ монастыремъ, но за то и съ русской стороны погибъ также знаменитый наѣздникъ, причинявшій много вреда литовскому войску, Канай Мурзинъ, въ крещеніи названный княземъ Михаиломъ. Начались опять переговоры: рѣшили, что уполномоченные, съ русской стороны бояре—Ѳ дорь Ивановичъ Шереметевъ, князь Да-

нила Мезецкій, окольничій Артемій Измаиловъ и дьяки Болотниковъ и Сомовъ, а съ польской—князь Адамъ Новодворскій, бискупъ Каменецкій, Константинъ Плихта, Левъ Сапѣга и Яковъ Собѣскій—съѣдутся на рѣкѣ Прѣснѣ 20 октября. Русскіе послы, отправлявшіеся отъ бояръ и отъ всей Думы, получили наказъ: „Противъ королевскаго имени шапки снимать только въ томъ случаѣ, когда литовскіе послы станутъ снимать шапки къ государеву имени. Говорить литовскимъ посламъ: сами вы писали, что добраго дѣла и покою христіанскаго хотите, а теперь вы такое несходительство къ доброму дѣлу объявили, великаго государя нашего имени въ рѣчахъ своихъ не именуете; и тутъ какому доброму дѣлу быть, и чьи мы на обѣ стороны послы? вы вашего государя имени въ рѣчахъ своихъ не именуете, а мы вашего короля именовать не станемъ!"—и такимъ образомъ съ ними о всякихъ дѣлахъ говорить и въ рѣчахъ своихъ короля не называть, развѣ случится королевское имя вымолвить, говоря о разореньи Московскаго государства. Когда литовскіе послы станутъ просить городовъ, или королевскихъ и королевичевыхъ подъемовъ и накладовъ, или какихъ-нибудь убытковъ, то посламъ отвѣчать: Какіе убытки учинились отъ государя вашего и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ,—того и въ смѣту нельзя положить, что объявилось по запискѣ, и что Ѳедька Андроновъ сказалъ, что отослано къ королю всякихъ узорочей, и что не королевскимъ грамотамъ дано на рыцарство, депутатамъ и Нѣмцамъ, полковникамъ и ротмистрамъ и Сапѣгина войска депутатамъ, и по договору гетмана депутатамъ же, и Сапѣгѣ, и посламъ литовскимъ и польскимъ,—на приказные расходы, и къ Александру Гонсѣвскому на дворъ, и полковникамъ, и ротмистрамъ, по Александровымъ картамъ, и Русскимъ людямъ, и пушкарямъ, и стрѣльцамъ московскимъ, которые были у васъ, золотомъ и серебромъ и всякою рухлядью по меньшей цѣнѣ на 912,113 рублей и 27 алтынъ, а золотыми польскими 340,379 золотыхъ 13 грошей".

Уполномоченные съѣхались и говорили, т. е. спорили, не сходя съ лошадей: Левъ Сапѣга началъ говорить о правахъ Владислава на Московскій престолъ, вычислялъ выгоды для Москвы отъ его принятія, невыгоды, если не захотятъ принять. Московскіе уполномоченные отвѣчали: „Не дали вы намъ королевича тогда, когда мы всѣ его хотѣли и долго ждали; потомъ кровь многая была пролита, и мы другого государя себѣ выбрали; крестъ ему цѣловали, вѣнчанъ онъ уже вѣнцомъ царскимъ, и мы не можемъ отъ него отступить; хотимъ заключить перемиріе между государями на 20 лѣтъ, если вы уступите намъ Смоленскъ, Рославь, Дорогобужъ, Вязьму, Козельскъ и Бѣлую". Поляки, смѣясь надъ этими требованіями, продолжали толковать о королевичѣ; московскіе уполномоченные отвѣчали: „Скажите вы намъ, если, мимо королевича, хотите доброе дѣло дѣлать, то и мы будемъ къ доброму дѣлу сходительны; и хотимъ вмѣстѣ съ вами искать всякихъ мѣръ, какъ бы съ обѣихъ сторонъ покой установить; если же о королевичѣ говорить не перестанете, то уже мы съ вами съѣзжаться больше не будемъ". Поляки возражали: „Вамъ же хуже, если переговоры порвете,—государь королевичъ пойдетъ съ войскомъ за столицу, и что еще остается у васъ неспаленаго и неопустошеннаго, отъ того останется только земля да вода". Слѣдующіе съѣзды, 23 и 25 октября, прошли въ спорахъ о городахъ, которые Москва должна уступить Литвѣ, и о срокѣ перемирія. Поляки требовали много городовъ и назначили слишкомъ краткій срокъ перемирію.

Между тѣмъ наступили холода; Владиславъ снялъ станъ и двинулся изъ Тушина по Переяславской дорогѣ, вслѣдствіе чего съѣздъ уполномоченныхъ 27 октября былъ уже не на Прѣснѣ, а за Срѣтенскими воротами, по Троицкой дорогѣ; и такъ какъ здѣсь не послѣдовало соглашенія, то съѣзды должны были прекратиться, ибо литовскіе послы не могли оставаться подъ Москвою по удаленіи королевича. Въ такихъ обстоятельствахъ князь Новодворскій съ товарищами отправилъ отъ себя пословъ въ Москву—Христофора Сапѣгу, Карсиньскаго и Гридича, которые и заключили здѣсь предварительный договоръ съ условіемъ, чтобъ окончательно утвердить его на съѣздѣ съ великими послами.

Русскіе согласились уступить: Смоленскъ, Бѣлую, Дорогобужъ, Рославль, Городище Монастыревское (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попову Гору, Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Серпейскъ, Невель, Себежъ, Красный да волость Велижскую съ тѣмъ, что къ той волости изстари потянуло.—По польскимъ извѣстіямъ, въ это время въ Москвѣ происходили сильныя волненія между чернью; по извѣстію нашего лѣтописца, казаки, не хотя долѣе сидѣть въ Москвѣ и не терпя быть безъ воровства, взбунтовались ночью въ числѣ 3,000, проломали острогъ за Яузою и побѣжали. Царь послалъ за ними князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и Данилу Ивановича Мезецкаго уговаривать ихъ возвратиться; князья успѣли ихъ воротить; но казаки остановились у острога и никакъ не хотѣли входить въ городъ, боясь наказанія. Тогда царь послалъ другихъ бояръ уговорить ихъ, и казаки вошли въ городъ. 19 ноября Шереметевъ и Мезецкій получили наказъ: ѣхать на съѣздъ къ бискупу Каменецкому съ товарищами и закрѣпить перемирныя договорныя записи; боярину Ѳедору Ивановичу—ѣхать въ Троицкій монастырь и оттуда обосляться съ коммисарами и съѣздное мѣсто приговорить. На съѣздѣ требовать, чтобъ Поляки отдали боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго да князя Юрія Никитича Трубецкаго съ женою и дѣтьми, если они сами захотятъ, и всѣхъ московскихъ людей, которые теперь при королевичѣ, а которые въ Литвѣ и захотятъ ѣхать въ Московское государство, то отпустить. Если бу-

детъ можно, то Шереметову сослаться съ княземъ Шуйскимъ и другими, и спросить, надобно ли о нихъ говорить по договорнымъ записямъ; если они будутъ государеву жалованью рады и захотятъ, чтобъ послы о нихъ говорили, то говорить; а если Русскіе люди прикажутъ, чтобъ о нихъ не говорить,—то и не говорить.

Королевичъ, отступя отъ Москвы, пошелъ къ Троицкому монастырю, но на требованія сдачи архимандритъ и келарь съ братіею велѣли бить изъ наряда по польскимъ войскамъ. Королевичъ отступилъ, и сталъ за 12 верстъ отъ монастыря, въ селѣ Рогачевѣ. Гетманъ Сагайдачный прямо отъ Москвы отправился подъ Калугу, и на дорогѣ взялъ острогъ въ Серпуховѣ, но крѣпости взять не могъ. Въ Калугѣ точно также онъ успѣлъ выжечь острогъ, но въ крѣпости отъ него отсидѣлись. Королевичъ распустилъ своихъ людей въ Галицкія, Костромскія, Ярославскія, Пошехонскія и Бѣлозерскія мѣста; но въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Поляки были настигнуты воеводою княземъ Григоріемъ Тюфякинымъ и побиты. Между тѣмъ уполномоченные—Новодворскій, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій—занимали Сватково, въ 10 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Пріѣхавши въ монастырь, Шереметевъ послалъ въ Сватково Соловаго-Протасьева спросить уполномоченныхъ литовскихъ о здоровьи и пригласить на съѣздъ. Сапѣга и Гонсѣвскій отвѣчали Протасьеву съ сердцемъ, что посланниковъ ихъ, Христофора Сапѣгу съ товарищами, великіе послы въ Москвѣ задержали долго, и вымогли на нихъ неволею, что искони-вѣчный лучшій сѣверскій городъ Брянскъ оставили въ своей сторонѣ къ Московскому государству, и написали въ своемъ перемирномъ образцовомъ спискѣ за Брянскъ Попову Гору, а они такого города, Поповой Горы, не знаютъ и не слыхивали, также у Велижской волости рубежей не описали. Протасьевъ отвѣчалъ, что за Брянскъ уступлено три города—Серпейскъ, Псковской пригородъ Красный, да въ Сѣверской странѣ городъ Попова Гора, да еще Велижская волость. Левъ Сапѣга сказалъ на это: „Съ вами намъ теперь объ этомъ говорить нечего, станемъ говорить съ вашими великими послами, какъ будемъ на съѣздѣ“. Протасьевъ отвѣчалъ: „Только вамъ великимъ посламъ то конченное дѣло начинать теперь съизнова, то царскаго величества великіе послы сверхъ того договора, о чемъ съ вашими посланниками договорились и уложили,—ни о чемъ съ вами говорить не станутъ“. Гонсѣвскій продолжалъ съ сердцемъ: „Я самъ въ Псковѣ бывалъ и псковскіе пригороды всѣ знаю, въ Красномъ не только-что города, давно и закладни никакой нѣтъ,—все пусто“. Потомъ литовскіе послы начали говорить, чтобъ на другой день съ обѣихъ сторонъ съѣхаться дворянамъ и разыскать съѣзжаго мѣста, да чтобъ людей было при съѣздѣ по 100 человѣкъ конныхъ да 50 пѣшихъ съ каждой стороны. Левъ Сапѣга прибавилъ: „Какъ вы-пріѣдете къ вашимъ великимъ посламъ, то поговорите о насъ, чтобъ они намъ прислали рыбки“. Протасьевъ отвѣчалъ: „Къ великимъ посламъ рыбы никакой изъ городовъ за вашими Литовскими людьми къ Москвѣ не приказживало ни откуда“.

Дворяне пріискали съѣздное мѣсто въ Троицкой деревнѣ Деулинѣ, по Углицкой дорогѣ, отъ Троицы въ трехъ верстахъ, отъ Сваткова—въ пяти, и 23 ноября былъ первый съѣздъ. Литовскіе послы начали говорить, что московскіе послы вымогли силою у ихъ посланниковъ Брянскъ: „Вы въ записи своей написали, что мы вамъ говорили о королевичѣ, и вы то дѣло ставите минувшимъ; такъ вамъ бы этого дѣла минувшимъ не называть; то дѣло Божіе; прошлую пятницу видѣли вы на утренней зарѣ звѣзду съ лучемъ, стояла она надъ вашимъ Московскимъ государствомъ, и вы по той звѣздѣ увидите, что надъ вами сдѣлается за такія неправды“. Московскіе послы отвѣчали: „Знаменье небесное бываетъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому непригоже. Богъ не далъ знать, которому государству что отъ того будетъ. Мы думаемъ, что это знаменіе совершится надъ вашимъ государствомъ; небесное знаменіе—тварь Божія, Ему, Творцу, и работаетъ, а разсуждать про то никому не надобно. А если вы посланниковъ своихъ договоръ станете переговаривать, то впередъ чему же вѣрить?“ Литовскіе послы стали говорить съ сердцемъ, а поощрялъ ихъ на всякое зло Александръ Гонсѣвскій: „Вы на нашихъ посланникахъ вымогли многія статьи не противъ нашей образцовой записи!“ кричали Поляки. Московскіе послы отвѣчали: „Если уже ваша посольская вѣрящая грамота, что дали вы вашимъ посланникамъ, не прямà стала, то впередъ чему вѣрить? А намъ тѣхъ обѣихъ записей перемѣнить отнюдь нельзя, сверхъ договора и сверхъ совѣта братьевъ нашихъ, великаго государя бояръ и всѣхъ его думныхъ людей, и всего великаго Россійскаго государства“. Гонсѣвскій сталъ говорить: „Какое ваше схдительство къ доброму дѣлу? Многія Бѣльскія волости оттягиваете ко Ржеву, а Велижскія многія волости написаны къ Торопцу, и за Бѣльскія волости, да за Велижскій рубежъ еще крови много литься. А теперь вы пріѣхали къ намъ съ указомъ и велите дѣлать по-своему, такъ же какъ и посланникамъ нашимъ; не дай Богъ литовскимъ посламъ и посланникамъ у васъ въ Москвѣ никогда бывать; хорошо съ вами съѣзжаться на полѣ,—тутъ вы намъ не указываете, потому что у насъ съ вами все ровное, а въ Москвѣ литовскимъ посламъ переговоры вести—несчастье: все вымогаете силою. Я былъ у васъ въ Москвѣ при царѣ Василіи, и едва съ головою выѣхалъ, а многія статьи черезъ мою волю государь вашъ на мнѣ силою вымогъ, чего было мнѣ дѣлать нельзя. Прежде того царь Борисъ на канцлерѣ Львѣ Ивановичѣ перемирье на 20 лѣтъ вымогъ силою, а вы теперь на посланникахъ нашихъ вымогли силою то, чего было имъ дѣлать не наказано, мы бы съ вами на столько лѣтъ перемирья не сдѣлали“. Московскіе послы отвѣчали, что въ

Москвѣ всѣмъ посламъ честь оказываютъ, никогда ни у какихъ пословъ силою ничего не вытягивали: «Вы это говорите, покрывая свои неправды, потому что никогда по договору перемирныхъ дѣлъ не сдерживаете и крестное цѣлованіе нарушаете». Левъ Сапѣга сказалъ на это: «Птичку хотя въ золотую клѣтку посади, да макомъ и сахаромъ ее корми, и воли и свѣту видѣть не давай,—то ей все ни во что; такъ и человѣкъ, будучи въ неволѣ, что и негодится дѣластъ. Я къ вашему царю Борису приходилъ отъ короля въ послахъ и былъ у него задержанъ долгое время, бояре ваши вымогли на мнѣ перемирныя большія лѣта силою, а вы насъ теперь пріѣхали обманывать; но мы еще на своей волѣ, а не въ вашемъ задержаньи». И говорилъ много сердитыхъ, непристойныхъ рѣчей. Тогда московскіе послы, видя, что литовскіе послы сердиты, и боясь отъ нихъ разрыва, взяли у нихъ тетрадь съ ихъ записью, чтобы сравнить съ своею, и нашли во многихъ статьяхъ многія прибавочныя слова; напримѣръ: прибавлено въ королевскомъ титулѣ названіе «Черниговскій»; къ статьѣ—отпустить Смоленскаго архіепископа Сергія—прибавлено: «если захочетъ»; въ записи у московскихъ посланниковъ было сказано о государѣ: «Котораго у себя теперь (Русскіе) великимъ государемъ Московскимъ имѣютъ», а въ польской тетради оказалось—«Котораго у себя теперь государемъ Московскимъ именуютъ». Послѣднюю перемѣну, впрочемъ, литовскіе послы обѣщали выпустить, и на томъ разъѣхались.

Когда Шереметевъ донесъ объ этомъ царю, то получилъ наказъ стоять накрѣпко; но если захотятъ разорвать, то допустить эти прибавки. Исполняя наказъ, московскіе послы на второмъ съѣздѣ начали стоять крѣпко противъ прибавокъ. Польскіе послы отвѣчали имъ съ сердцемъ, грозили, что полки гетмана Радзивила, занятые прежде Шведскою войною, теперь послѣ перемирія со Шведами, стали свободны и придутъ на помощь къ королевичу: «Еще вамъ кровь христіанская не надокучила; будто съ нами послуете (посольство отправляете), а на самомъ дѣлѣ только маните да обманываете; но мы никакихъ вашихъ обмановъ не боимся, а надѣемся на волю Божію, на свою передъ вами правду и на свое рыцарство,—можемъ съ вами управиться. Если доброе дѣло между нами не сдѣлается, то навесть вамъ этими своими указами такой на себя покой, что ни одного младенца въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не останется. Намъ такъ не писать: «Кого вы теперь великимъ государемъ имѣете»; много государю вашему отъ насъ и той чести, что мы въ своей записи написали: «Котораго у себя нынѣ великимъ государемъ именуютъ». Московскіе послы возражали, что Поляки сами на первомъ съѣздѣ обѣщали оставить по-старому о государѣ: «имѣютъ», а не «именуютъ». «Впередъ уже чему вѣрить? какъ вамъ такимъ великимъ и честнымъ людямъ не стыдно, что приговорите и на томъ не стоите!» Польскіе послы отвѣчали: «Если бы вы всѣ въ Московскомъ государствѣ захотѣли себѣ добра да добили челомъ государю своему королевичу, тогда бы всѣмъ вамъ всякій покой былъ и кровь христіанская унялась бы; а то вы, забывъ государя своего, причитаетесь невѣдомо кому»,—и говорили про великаго государя непригожія рѣчи. Московскіе послы отвѣчали: «Мы про вашего государя такія же непригожія рѣчи говорить станемъ, и за то будетъ еще больше крови литься». Литовскіе послы кричали съ сердцемъ: «Мы въ васъ никакой правды не чаемъ, все дѣлаете проволокою. Мы еще изъ Варшавы писали вамъ о посольствѣ и послали Яна Гридича, чтобъ вамъ съѣхаться съ нами и говорить о добромъ дѣлѣ на границѣ, а вы Гридича задержали у себя долгое время и къ намъ отпустили ни съ чѣмъ; пріѣхавши въ Вязьму, мы опять къ вамъ писали, а вы отвѣчали, что съѣхаться между Вязьмою и Волокомъ; мы ждали васъ долго—и не дождались; пришедши подъ Можайскъ, опять къ вамъ писали, и вы отвѣчали, что будете на съѣздъ на рѣку Истру, но и тутъ васъ не дождались; потомъ писали, чтобъ съѣхаться на Химкѣ, но вы и на Химкѣ съѣзжаться не захотѣли, а прислали, чтобъ съѣхаться подъ Москвою на рѣкѣ Прѣснѣ, и тутъ едва на съѣздъ поѣхали; вы насъ изволокли мало не два года; теперь вы насъ затруднили въ зиму, а на насъ приходитъ все войско съ шумомъ, кричатъ, что они зимою изъ нашей Земли идти не хотятъ, хотятъ королевичу служить всю зиму безъ денегъ». Левъ Сапѣга кричалъ: «Присягаемъ вамъ, что больше съ вами дѣлать не станемъ, завтра же затянемъ на васъ людей, а сами поѣдемъ въ Литву на сеймъ». Московскіе послы отвѣчали: «Грозите намъ войною и сверхъ договора своихъ посланниковъ хотите опять кровь начинать; но рать дѣло Божіе, кому Богъ поможетъ; въ городахъ теперь много людей въ сборѣ, а на весну и изъ другихъ государствъ на помощь много людей придетъ». Явилось и новое затрудненіе: Литовскіе послы не ручались, что Запорожцы, Лисовчики и полкъ Чаплинскаго послушаются ихъ приказа и выйдутъ немедленно изъ Московской Земли по заключеніи договора. Московскіе послы говорили, что они объ этомъ и слушать не хотятъ; Поляки соглашались написать, что выведутъ съ собою Лисовчиковъ и полкъ Чаплинскаго, но отказывались вывести Запорожцевъ. Во время этихъ споровъ къ съѣзжей избѣ къ окну, подлѣ котораго сидѣли московскіе послы, подошелъ Соловой-Протасьевъ и сказалъ, что говорилъ ему Литвинъ Мадалинскій: «Этою ночью пріѣзжалъ въ Сватково къ литовскимъ посламъ королевичъ, и говорилъ, что пришелъ къ нему изъ Польши листъ, чтобъ съ московскими послами скоро не мириться, а хочетъ онъ королевичъ Полякамъ дать гроши на двѣ четверти года». Услыхавъ эту вѣсть, московскіе послы начали уступать; но съѣздъ кончился ничѣмъ; Гонсѣвскій говорилъ: «Хотя мы, помирясь, изъ вашей Земли и выйдемъ, но ваши казаки иного вора добудутъ,

къ нему наши воры пристанутъ, такъ у нихъ и безъ королевича будетъ другой Димитрій». Московскіе послы ему отвѣчали: «Тебя еще не насытила кровь христіанская, безъ отмщенія тебѣ отъ Бога не пройдетъ!»

Шереметевъ съ товарищами находился въ тяжкомъ положеніи. Вѣсть за вѣстью, одна хуже другой, приходили къ нимъ въ Троицкій монастырь: миру не бывать, приходитъ къ королевичу рыцарство, и говоритъ, что оно миру съ Московскими людьми никакъ не хочетъ, и Черкасы, Сагайдачный съ товарищами присылали къ королевичу казака Путивльца, чтобъ имъ изъ Московской Земли вонъ не ходить; да и Донцы съ королевичемъ ссылаются, что всѣ хотятъ ему служить. Во время съѣзда подъѣзжали къ посольскимъ провожатымъ казаки и говорили: Поляки и Литва и все рыцарство стоятъ за королевича и мириться мѣшаютъ, а они всѣ, казаки, хотѣли отъѣхать къ государю въ Москву, но пріѣхалъ къ нимъ Левка Пивовъ и сказалъ, будто на Москвѣ ихъ братью казаковъ, которые выйдутъ изъ Литвы, казнятъ и въ тюрьму сажаютъ,—и они отъ того къ государю и не поѣхали. Поляки, подъѣзжая къ посольскимъ провожатымъ, говорили: пріѣзжаютъ къ нимъ казаки московскіе, которые теперь въ воровствѣ, и просятъ дать имъ Чаплинцевъ, Лисовчиковъ и Черкасъ,—говорятъ: «Вы, Поляки, лежите на лежѣ, а мы будемъ промышлять подъ Владиміромъ, Суздалемъ и другими городами». Поляки же говорили дворянамъ вслухъ: есть у нихъ Калужскаго вора сынъ, учится грамотѣ въ Печерскомъ монастырѣ, и на Москвѣ повѣсили не его, его унесли казаки, и грозили Поляки дворянамъ: «Если послы добраго дѣла не сдѣлаютъ, то быть нашимъ саблямъ на вашихъ шеяхъ».

Пришлось посламъ дѣлать доброе дѣло во что бы то ни стало. 1-го декабря на съѣздѣ они согласились на всѣ перемѣны, внесенныя Поляками въ московскую запись; но открылось опять затрудненіе: Поляки не соглашались написать, что отдача городовъ въ ихъ сторону и отпускъ митрополита Филарета произойдутъ въ одинъ срокъ, 2 февраля 1619 года, представляя, что Филаретъ нескоро пріѣдетъ изъ Маріенбурга. Литовскіе послы встали уже и пошли изъ избы, объявляя, что разрываютъ,—московскіе послы воротили ихъ и наконецъ убѣдили докончить дѣло. Поляки говорили: «Для покоя христіанскаго и для вашего, великихъ пословъ, прощенья, видя ваше къ доброму дѣлу сходительство, уступаемъ, чтобъ въ перемирныхъ записяхъ написать отпускъ митрополита Филарета Никитича и князя Василья Васильевича Голицына съ товарищами, полонянникамъ размѣну и городамъ очищенье и отдачу на одинъ срокъ, на 15 число февраля по вашимъ святцамъ, а по нашему римскому календарю февраля 25». На этомъ покончили, и всѣ были очень довольны, кромѣ Гонсѣвскаго, который во время крестнаго цѣлованья плакалъ и говорилъ: «Я у крестнаго цѣлованья выговариваю: только не развести прямыхъ рубежей между Велижемъ, Бѣлою и Торопцемъ, то мнѣ свои рубежи всегда оборонять, я ихъ выслужилъ у короля кровью». Сказавши это, Гонсѣвскій положилъ подъ крестъ память рубежамъ; но московскіе послы бумагу съ блюда скинули и сказали: «Это къ нашему посольскому дѣлу не пристойно». Гонсѣвскій поцѣловалъ крестъ и заплакалъ. Когда записями съ обѣихъ сторонъ размѣнялись, то литовскіе послы стали очень веселы и говорили съ царскими послами мирно и тихо, гладко и пословно.

Въ записи говорилось: «Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Руси самодержца (титулъ), его царскаго величества бояръ и всѣхъ его царскаго величества думныхъ людей и всего великаго Россійскаго царствія великихъ государствъ великіе послы (имена) говорили съ (имена), о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко, что то нынѣ и впередъ статься не можетъ (т.-е. чтобъ ему быть на Московскомъ престолѣ); а п а н ы-р а д а и в е л и к і е п о с л ы т о д ѣ л о н а с у д ъ Б о ж і й п о л о ж и л и; приговорили между великаго государя нашего великими Россійскими государствами и между великими государствами—короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ перемирье на 14 лѣтъ и на 6 мѣсяцевъ; мы, великаго государя бояре и всего великаго Россійскаго государства великіе послы, по повелѣнію великаго государя нашего, по совѣту бояръ и всего великаго Россійскаго государства всякихъ чиновъ людей, поступились городовъ (имена); отдать города съ нарядомъ со всякими пушечными запасами, съ посадскими людьми и съ уѣздными съ пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей, а гостямъ и торговымъ людямъ дать волю, кто въ которую сторону захочетъ, а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей выпустить въ Московское государство со всѣмъ имѣніемъ.

По упомянутому выше наказу, Шереметевъ послалъ къ князю Ивану Ивановичу Шуйскому и къ Василью Янову, находившимся въ обозѣ у королевича, спросить ихъ: хотятъ ли ѣхать къ государю, и сказать, чтобъ были надежны на государево жалованье, ѣхали въ Московское государство безо всякаго опасенья. Шуйскій и Яновъ отвѣчали: «Вѣдаютъ бояре и сами, что мы Московскому государству не измѣнники, въ Польшу и Литву изъ Москвы не отъѣхали, меня, князя Ивана съ братьями, выдали, а то и я самъ знаю, что выдали меня не всѣ люди Московскаго государства, многіе люди о томъ и не вѣдали. Судомъ Божіимъ братья мои умерли, а мнѣ вмѣсто смерти наияснѣйшій король жизнь далъ и велѣлъ мнѣ служить сыну своему, великому государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу, и я ему на томъ и крестъ цѣловалъ; еслибъ мнѣ не только великіе коммиссары позволили ѣхать въ Московское государство, хотя бы и самъ король позволилъ, то я бы его не послу-

шалъ, потому что я цѣловалъ крестъ не ему, королю, а сыну его". Василій Яновъ сказалъ: „Меня послали къ государю королю всѣ бояре съ послами, княземъ Юріемъ Никитичемъ Трубецкимъ да съ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ просить на Московское государство сына его, и я ему, государю, крестъ цѣловалъ". Князь Шуйскій прибавилъ: „Если уже мои братья бояре, жалуя насъ, къ намъ присылаютъ, чтобъ мы ѣхали въ Москву, то они бы посылали къ государю нашему, королевичу Владиславу, чтобъ онъ съ насъ крестное цѣлованіе снялъ, и если сниметъ, то мы въ Москву поѣдемъ". Чѣмъ на этотъ разъ дѣло кончилось—неизвѣстно.

Въ назначенный срокъ размѣна плѣнныхъ не послѣдовало; дѣло протянулось до половины іюня 1619 года. Московскіе уполномоченные, тѣ же самые, которые заключили Деулинское перемиріе, жили въ Вязьмѣ, дожидаясь польскихъ уполномоченныхъ съ Филаретомъ, Шеинымъ и другими плѣнными. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ не увидѣлъ родной земли: онъ умеръ на дорогѣ, въ Гроднѣ, и, по приказанію королевскому, былъ похороненъ въ Вильнѣ, въ братской церкви Св. Духа, 27-го января. Архимандритъ монастыря, Леонтій Карповичъ, говорилъ надгробное слово на текстъ: „Пріидетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія"; но въ основаніи слова легло изреченіе греческаго философа, что жизнь человѣческая подобна комедіи. Почтенный отецъ былъ въ большомъ затрудненіи,—какъ хвалить покойника при извѣстныхъ отношеніяхъ его къ королю; проповѣдникъ вышелъ изъ этого затрудненія, отказавшись говорить о жизни Голицына, потому что не зналъ этой жизни, и призвалъ слушателей благодарить Бога за добраго короля, который позволилъ похоронить Голицына такъ хорошо, какъ не могли бы похоронить его и въ Москвѣ; ораторъ призывалъ и самого покойника благодарить короля за то, что приготовилъ ему такое мягкое ложе на такой долгій сонъ! Тѣло Голицына, впрочемъ, было перенесено на родину.

Когда московскіе уполномоченные узнали, что Филаретъ выѣхалъ уже изъ Орши, то послали къ нему Андрея Усова съ такимъ наказомъ: если дадутъ видѣться съ митрополитомъ безъ приставовъ и безъ Литовскихъ людей, то спросить его, ожидаетъ ли онъ, государь, себѣ размѣны вскорѣ, не будетъ ли какого задержанія, нѣтъ ли у Литовскихъ людей какого умышленія, и не чаетъ ли на размѣнѣ какой бѣды, чтобъ онъ, государь, пожаловалъ обо всемъ этомъ приказалъ боярамъ, и какъ велитъ собою, государемъ, промышлять, лучшими ли людьми напередъ размѣняться или всѣми вдругъ, и какъ велитъ съѣзжаться и со многими ли людьми, а литовскихъ плѣнниковъ будетъ съ боярами человѣкъ 300,—обо всемъ бы пожаловалъ приказалъ къ боярамъ подлинно, о всякихъ вѣстяхъ, а государь царь велѣлъ боярамъ о томъ докладывать его государя; и нѣтъ ли ему государю какого утѣсненія и скудости; зачѣмъ литовскіе послы размѣномъ замедлили, о чемъ въ Литвѣ у пановъ радныхъ былъ сеймъ. Но Усовъ не могъ добиться тайнаго свиданія съ Филаретомъ. Между тѣмъ отыскали мѣсто, удобное для съѣздовъ: по большой Дорогобужской дорогѣ пустошь Песочну, отъ большой дороги въ сторону версты съ двѣ, а подъ пустошью течетъ рѣчка Поляновка, отъ Вязьмы до пустоши 17 верстъ.

Когда литовскіе уполномоченные пріѣхали въ Дорогобужъ, то начались переговоры о съѣздахъ. Здѣсь опять Гонсѣвскій началъ жаловаться: бояре дѣлаютъ не по договору, литовскихъ плѣнниковъ везутъ на размѣнъ немногихъ, а на Москвѣ по боярскимъ дворамъ и по тюрьмамъ много ихъ плѣнниковъ засажено, а иныхъ бояре и дворяне разослали по своимъ помѣстьямъ и вотчинамъ; бояре дѣлаютъ неправдою, чего никогда въ христіанствѣ не дѣлается: иныхъ плѣнниковъ роздали въ подарки Татарамъ въ Крымъ, иныхъ въ Персію и къ Ногаямъ; такъ развѣ христіане дѣлаютъ, христіанъ поганцамъ отдаютъ?—Въ одной тюрьмѣ держатъ по 150 человѣкъ, принуждаютъ креститься въ московскую вѣру и цѣловать крестъ государю. А которые королевскіе люди—Нѣмцы, Французы, Англичане, Испанцы, Нидерландцы—взяты въ плѣнъ, тѣхъ бояре на размѣнъ отдать не хотятъ, и все это будетъ посольскому договору нарушенье.—Гонсѣвскому отвѣчали, что все это рѣчь затѣйная. Литовскіе уполномоченные назначили съѣздъ на 27 мая, но московскіе отказались на томъ основаніи, что не обозначено было, какъ велико должно быть число провожатыхъ. Это разсердило Филарета, и онъ сказалъ дворянамъ, присланнымъ къ нему отъ уполномоченныхъ: „Для чего бояре съ литовскими послами въ четвергъ 27 мая съѣздъ отложили и присрочили съѣздъ въ воскресенье 30? Намъ и такъ уже здѣшнее житье наскучило, не годъ и не два терпимъ нужду и заточенье, а они только грамоты къ намъ пишутъ и приказываютъ съ вами, что имъ подозрительно, отчего изъ Дорогобужа къ нимъ отъ меня никакой грамоты не прислано; а намъ о чемъ уже больше къ нимъ писать?—и такъ отъ меня къ нимъ писано трижды, боярамъ давно уже извѣстно, что меня на размѣнъ привезли, а если бы меня на размѣнъ отдать не хотѣли, то меня бы изъ Литвы не повезли, или бы изъ Орши назадъ поворотили".

Если послы отъ уполномоченныхъ московскихъ ѣздили къ Филарету, то гонцы отъ литовскихъ коммисаровъ ѣздили видѣться съ Струсемъ въ Вязьму. Въ одно изъ этихъ свиданій Струсь напился пьянъ; когда гость долго у него засидѣлся, то приставы начали говорить, что пора ему домой. Струсь, вмѣсто отвѣта, одного пристава ударилъ въ щеку, другого въ грудь; гость всталъ и вышелъ; приставы начали говорить Струсю: „Бояре, жалѣя тебя и оказывая къ тебѣ свою добродѣтель, присылаютъ къ тебѣ литовскихъ гонцовъ видѣться, а ты, напившись пьянъ, такъ дуруешь и насъ, цар-

скаго величества дворянъ, такъ позоришь! Намъ съ тобою драться не честь, а кликнемъ съ караула стрѣльцовъ и велимъ тебя опозорить, если уже ты самъ надъ собою чести держать не умѣешь; завтра же надъ тобою тѣсноты прибудетъ, и впередъ такъ напиваться и дуровать не станешь". Струсь разсердился еще больше, рвался къ саблѣ. Польскій гонецъ говорилъ приставамъ: „Мы его давно и въ Литвѣ знаемъ,—какъ напьется, то не знаетъ самъ, что съ сердца дѣлаетъ". Послѣ этого не велѣно было Струсевыхъ пахолковъ пускать на торгъ ни зачѣмъ, а для покупки велѣно посылать стрѣльцовъ, съ кабака покупать ничего не велѣно, и приставамъ запрещено ходить къ нему; если же литовскіе пахолки станутъ съ стрѣльцами о чемъ-нибудь задираться, то стрѣльцамъ велѣно ихъ бить ослопами.

30 мая уполномоченные съѣхались. Гонсѣвскій опять началъ, что многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей бояре похолопили и крестили силою, женили и держатъ неволею, а именно: бояринъ князь Димитрій Пожарскій многихъ людей ихъ разослалъ по своимъ помѣстьямъ, и у себя держитъ на цѣпяхъ скованныхъ неволею; а которые изъ тюремъ выпущены,—тѣхъ всѣхъ въ морозы злые отпустили нагихъ и босыхъ, и всѣхъ поморили. Бояре отвѣчали, что все это баламутство и смута, объявляютъ они христіанскою правдою, что ничего этого не бывало. Потомъ литовскіе послы начали требовать новыхъ условій, между прочимъ чтобъ была вольная дорога мимо Брянска между уступленными Польшѣ городами; Шереметевъ съ товарищами не согласились на это требованіе, какъ новое, и съѣздъ кончился. Московскіе уполномоченные немедленно послали сказать Филарету, что литовскіе послы вчинаютъ новыя статьи, и доложить, какъ онъ, великій государь, укажетъ; размѣнять ли его напередъ на Струся съ нѣкоторыми именитыми его товарищами, и послѣ того всѣхъ отпустить. Филаретъ, выслушавъ гонца, заплакалъ и сказалъ: „Велѣлъ бы мнѣ Богъ видѣть сына моего, великаго государя царя, и всѣхъ православныхъ христіанъ въ Московскомъ государствѣ!" Что же касается до новыхъ статей, то онъ нечего не сказалъ, потому что въ шатрѣ у него было много Литовскихъ людей. Потомъ спросилъ гонца: „Есть ли съ боярами какая-нибудь отъ сына моего присылка, соболи или что другое? Надобно мнѣ почтить тѣхъ Поляковъ, которые оберегали мое здоровье; и если у бояръ есть соболи, то чтобъ они прислали мнѣ ихъ сегодня же". А Томила Луговской подошелъ къ гонцу и сказалъ ему именемъ митрополита: „Если бояре станутъ соболей посылать, то они бы написали имъ цѣну съ убавкою въ половину передъ указанною цѣною, а зачѣмъ—про то уже мы здѣсь знаемъ". Бояре исполнили приказъ, выбрали 17 сороковъ, цѣну имъ положили съ убавкою и въ тотъ же день отослали къ Филарету.

Чтобъ подвинуть дѣло, литовскіе уполномоченные прислали къ московскимъ съ угрозою, что если всѣ ихъ требованія не будутъ исполнены, то они на съѣздъ не поѣдутъ, отправятся съ Филаретомъ назадъ, и начнется опять война. Московскіе послы отвѣчали: „Вы пріѣхали къ намъ съ угрозами и вымогаете на насъ силою новыя статьи, а намъ этого, мимо наказа великаго государя и безъ совѣта бояръ, братіи своей, сдѣлать нельзя; угрозъ мы никакихъ не боимся, ратныхъ людей у насъ самихъ въ сборѣ много, да и ближе вашего". Но такая храбрость была только на словахъ; безъ Филарета уполномоченнымъ нельзя было возвратиться въ Москву, и потому они прибавили: „Которыя новыя статьи намъ будетъ можно написать, и мы, переговоря между собою, напишемъ ихъ и пришлемъ; но чтобъ быть дорогѣ сухимъ и воднымъ путемъ къ вашимъ городамъ мимо Брянска, и чтобъ сыскивать и отдавать назадъ людей и нарядъ, которые были прежде въ уступленныхъ городахъ, а теперь нѣтъ, — этого намъ никакъ сдѣлать нельзя, это дѣло новое". Посланные, уѣзжая съ этимъ отвѣтомъ, свидѣтельствовались Богомъ, что ихъ уполномоченные безъ исполненія всѣхъ статей размѣна дѣлать не будутъ, и прибавили: „Ваши же про васъ говорятъ, что есть между вами и такіе люди, которые не хотятъ преосвященнаго митрополита на Московскомъ государствѣ видѣть, потому и добраго дѣла не дѣлаете, хотите того, чтобъ митрополита Филарета Никитича повезли назадъ". Послы отвѣчали: „Эти рѣчи говорите вы не отъ себя, а по вымыслу своихъ великихъ пословъ; а если такія рѣчи вы затѣваете отъ себя, то намъ, великимъ боярамъ, не только отъ васъ, но и отъ пословъ вашихъ слышать этого не годится; вамъ бы пригоже говорить по своей мѣрѣ, а у насъ на Москвѣ ни въ какомъ чинѣ нѣтъ такихъ людей, кто бы не хотѣлъ великаго государя преосвященнаго митрополита Филарета Никитича".

Между тѣмъ Шеинъ далъ знать Шереметеву, чтобъ прислали къ нему человѣка его, если съ боярами есть его человѣкъ въ острожкѣ, или человѣка повинныхъ его, Салтыковыхъ или Морозовыхъ. Уполномоченные велѣли человѣку Морозовыхъ (Бориса и Глѣба Ивановичей), Поздѣю Внукову, ѣхать къ литовскимъ посламъ въ обозъ, а пріѣхавъ, велѣть про себя сказать боярину Михаилу Борисовичу Шеину. Послѣдній черезъ дворянина Коробьина велѣлъ сказать Внукову, чтобъ уполномоченные никакъ не медлили размѣномъ, потому что у литовскихъ пословъ чаять мирному договору и размѣну нарушенья, да чтобъ въ обозѣ у бояръ было бережно и осторожливо. Уполномоченные испугались, согласились на все, и послѣдовалъ размѣнъ. 1 іюня митрополитъ Филаретъ пріѣхалъ къ рѣчкѣ Поляновкѣ въ возкѣ, а Шеинъ, Томила Луговской, всѣ дворяне и плѣнные шли за возкомъ пѣши. На Поляновкѣ сдѣланы были два моста: однимъ долженъ былъ ѣхать Филаретъ со всѣми московскими людьми, а другимъ Струсь—съ литовскими плѣнниками. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, Филаретъ прислалъ Литвина Воронца сказать уполномоченнымъ, чтобъ

отпустили къ нему Струся напередъ безо всякаго опасенья, а остальныхъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ будутъ пересматривать по списку. Но уполномоченные, опасаясь обмана, отказали Воронцу: „Струся намъ прежде великаго государя Филарета Никитича отпустить никакими мѣрами нельзя, а пересматривать по росписи всѣхъ плѣнныхъ на лицо некогда, время уже вечернее; и если на обѣихъ сторонахъ пересматривать, то дѣло втянется въ ночь; мы вѣримъ вашей росписи,—кого по росписи и не объявится, то мы за ними тотчасъ въ въ обозъ пришлемъ“. Филаретъ прислалъ въ другой разъ къ уполномоченнымъ, чтобъ выслали напередъ Струся и дурна никого не опасались. Тогда они отправили Струся, а сами, съ стольниками, стряпчими, дворянами московскими, жильцами и выборными изъ городовъ дворянами дожидались Филарета у съѣзжаго моста пѣши, и какъ скоро Филаретъ, Шеинъ, Луговскій и всѣ дворяне по мосту пошли, то бояре велѣли всѣмъ литовскимъ плѣнникамъ идти по своему мосту. Переѣхавши мостъ, митрополитъ вышелъ изъ возка, а Шереметевъ началъ говорить ему рѣчь: „Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, велѣлъ васъ о здоровьи спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорблялся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей многое время не сподоблялся видѣть“. Потомъ Шереметевъ же правилъ челобитье отъ матери царской, Марѳы Ивановны. Филаретъ спросилъ о здоровьи царя и о спасеніи его матери, и потомъ пожаловалъ, благословилъ Шереметева и спросилъ его о здоровьи. За Шереметевымъ подошелъ князь Мезецкій и правилъ челобитье отъ бояръ и всего государства: „Бояре, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами, окольничіе и вся царскаго величества Дума и все великое Россійское государство вамъ, великому государю, челомъ бьетъ и вашего государскаго прихода ожидаетъ съ великою радостію“. Филаретъ благословилъ Мезецкаго и спросилъ о здоровьи всѣхъ пословъ. Третій уполномоченный, Измайловъ, подошелъ къ Шеину, спросилъ отъ государя о здоровьи и говорилъ рѣчь: „Служба твоя, радѣнье и терпѣнье, какъ ты терпѣлъ за нашу православную христіанскую вѣру, за Св. Божіи церкви, за насъ, великаго государя, и за все православное христіанство Московскихъ великихъ государствъ, вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣли и промышляли, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить“. Дьякъ Болотниковъ спрашивалъ о здоровьи Луговскаго и всѣхъ дворянъ.

Филаретъ ночевалъ въ острожкѣ, потому что размѣнъ происходилъ поздно вечеромъ. На другой день, іюня 2, онъ приказалъ послать отъ себя жалованье Польскимъ людямъ коннымъ и пѣхотѣ, кормъ въ почесть — барановъ, куръ, вина, меду, калачей, и пошелъ въ Вязьму. Въ Можайскѣ встрѣтили его: Рязанскій архіепископъ Іосифъ, бояринъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій да окольничій князь Волконскій; подъ Звенигородомъ въ Савинѣ монастырѣ, встрѣтили—архіепископъ Вологодскій, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и окольничій Пушкинъ. Въ селѣ Никольскомъ, что на Пескахъ, отъ Звенигорода въ 10 верстахъ,—митрополитъ Крутицкій, бояринъ князь Димитрій Трубецкой и окольничій Бутурлинъ. По переѣздѣ черезъ рѣчку Ходынку встрѣтили московскія власти, всѣ бояре, дворяне и приказные люди; послѣ бояръ встрѣчали гости, торговые и всякіе жилецкіе люди. 14 іюня, не доѣзжая рѣчки Прѣсни, встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги; Филаретъ сдѣлалъ то же самое передъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не могши ни тронуться, ни говорить отъ радостныхъ слезъ. Поздоровавшись съ сыномъ, Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ пѣшкомъ напереди; за Филаретомъ шелъ Шереметевъ съ товарищами.

Патріаршій престолъ послѣ Гермогена оставался празднымъ: дожидались Филарета, дожидался его Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, пріѣхавшій въ Москву за милостынею. Вмѣстѣ съ владыками русскими Ѳеофанъ предложилъ патріаршій престолъ Филарету, „ибо знали, что онъ достоинъ такого сана, особенно же потому, что онъ былъ царскій отецъ по плоти, да будетъ царствію помогатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель“. Послѣ обычныхъ отрицаній, Филаретъ согласился—и 24 іюня былъ посвященъ [1]).

---

[1]) Акты арх. эксп. III, 327 и 328; Книги разрядныя, т. I; Kobierzicki-Histr. Vladisl. p. 480 et squ. Bobrowicza-Zycia slawnych Polaków (zycie Chodkiewicza, Ossolinskiego, Lwa Sapiehi); Акты истор. т. III, № 72; Сборникъ Муханова, № 113, 114; Historica Russiae Monum. appendix, № XXIV; Сбор. гос. грам. и дог. III, № 39, 40, 42, 43, 44, 45; Временникъ Москов. истор. общ. № 4 (Помѣстныя дѣла); Дополн. къ акт. истор. II, № 76; Дѣла Польскія, № 32, 34, 38; Zbiór Pamietnikow o dawney Polscze, t. VI; Kazanie na pogrzebie Kniazia W. W. Galicyna w. Cerkwi brackiey Wilenskiey S. Ducha 1619, które mial Leonty Karpowicz; Грамота Владислава къ Донскимъ казакамъ въ Архивѣ Мин. Ин. Д. Архивъ Царства Польскаго, связка 2; Времен. Моск. Истор. общ. кн. 25.

Глава III.

Продолженіе царствованія Михаила Θеодоровича.

Двоевластіе.—Различные отзывы современниковъ о Филаретѣ Никитичѣ.—Судьба царской невѣсты Марьи Хлоповой.—Посольства въ Данію и Швецію съ предложеніями о сватовствѣ. — Поднятіе дѣла о Хлоповой. — Ссылка Салтыковыхъ.—Женитьба царя на княжнѣ Долгоруковой и кончина царицы.—Женитьба царя на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой.—Сношенія съ Крымомъ и Ногаями.—Дѣла шведскія; царскіе наказы воеводамъ относительно дѣлъ церковныхъ и перебѣжчиковъ; сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ по поводу Польши; русскій человѣкъ Рубцовъ посломъ отъ Шведскаго короля; первый шведскій резидентъ Меллеръ въ Москвѣ; отправленіе шведскихъ пословъ чрезъ московскія владѣнія къ гетману Запорожскому.—Сношенія съ Англіею; вспоможеніе, оказанное Англійскимъ королемъ царю въ войнѣ съ Польшею; пріѣздъ Мерика и переговоры съ нимъ; мнѣнія московскихъ гостей объ англійской торговлѣ; прекращеніе вопроса о проѣздѣ англійскихъ купцовъ въ Персію по Волгѣ.—Первый французскій посолъ въ Москвѣ.—Посольства: голландское, датскія, венгерское, персидскія.—Дѣла польскія: причины новой войны, заключавшіяся въ самомъ Деулинскомъ перемиріи; оскорбительныя для царя Михаила грамоты пограничныхъ польскихъ державцевъ; возвращеніе въ Россію князя Ивана Шуйскаго; перебранка между русскими воеводами и польскими державцами; Поляки грозятъ самозванцемъ; Турки побуждаютъ царя къ войнѣ съ Польшею; соборъ 1621 года и приготовленія къ войнѣ: остановка ихъ вслѣдствіе неудачи султана Османа; набѣгъ Крымцевъ и оплошность русскихъ воеводъ; неудачные переговоры съ Польшею; наемъ иностранныхъ солдатъ и обученіе русскихъ ратныхъ людей иноземному строю; смерть короля Сигизмунда; разрывъ перемирія; мѣстничество главныхъ воеводъ, князей Черкасскаго и Лыкова; назначеніе Шеина и Измайлова; наказъ этимъ воеводамъ; сборъ денегъ и съѣстныхъ припасовъ для войска; счастливое начало войны; осада Смоленска Шеинымъ; прибытіе короля Владислава на помощь къ осажденнымъ; договоръ Шеина съ Владиславомъ; сдача русскаго обоза королю; событія въ Москвѣ во время смоленскаго несчастія; кончина Филарета Никитича; соборъ и его рѣшенія; судъ надъ воеводами и казнь ихъ; взглядъ хронографа на дѣло Шеина; упорная защита Бѣлой; стѣсненное положеніе короля; паны предлагаютъ миръ боярамъ; переговоры на Поляновкѣ; вѣчный миръ; посольство князя Львова въ Польшу для закрѣпленія мира; дѣло о гетманскомъ договорѣ; церемонія присяги; потѣха королевская; возвращеніе тѣла царя Василія Шуйскаго въ Москву.

(1619—1635 г.)

Съ возвращеніемъ Филарета Никитича въ Москву начинается здѣсь двоевластіе; было два великихъ государя—Михаилъ Θеодоровичъ и отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, и это была не одна форма: всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, рѣшались обоими, послы иностранные представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавали двойныя грамоты, подносили двойные дары. Объ отношеніяхъ обоихъ великихъ государей другъ ко другу можно получить нѣкоторое понятіе изъ ихъ переписки, когда одинъ ѣздилъ на богомолье, а другой оставался въ Москвѣ. Такъ, въ 1619 году Филаретъ Никитичъ писалъ сыну: „О Крымскомъ, государь, дѣлѣ, какъ вы, великій государь, укажете, а мнѣ, государь, кажется, чтобъ крымскимъ посламъ и гонцамъ сказать, что вы, великій государь, съ братомъ своимъ, съ государемъ ихъ съ царемъ, въ дружбѣ и братствѣ стоишь крѣпко, посланника съ поминками и съ запросомъ посылаешь, и ихъ всѣхъ отпускаешь вскорѣ". Въ 1630 году царь Михаилъ писалъ къ отцу: „Написано, государь, въ твоей государевой грамотѣ, что хотѣлъ ты, великій государь, отецъ нашъ и богомолецъ, быть въ Москву въ Троицынъ день; но въ Троицынъ день тебѣ быть въ Москву не годится, потому что день торжественный, великій, а тебѣ, государю, служить невозможно, въ дорогѣ порастрясло въ возкѣ, а не служить — отъ людей будетъ осудно. Такъ тебѣ бы, великому государю, въ Пятдесятный день отслушать литургію въ Тонинскомъ и ночевать тамъ же, а на другой день, въ понедѣльникъ, быть къ намъ въ Москву съ утра; и въ томъ твоя, великаго государя отца и нашего богомольца, воля, какъ ты, государь, изволишь, такъ и добро. Молимся Всемогущему Богу, да сподобитъ васъ, великаго государя, достигнуть къ царствующему нашему граду Москвѣ на свой святительскій престолъ поздорову, а насъ да сподобитъ съ веселіемъ зрѣть святолѣпное и равноангельное ваше лице, святительства вашего главу и руку цѣловать, стопамъ вашимъ поклониться и челомъ ударить". Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филаретъ имѣлъ очень большую долю въ правленіи при малоопытномъ, молодомъ и мягкомъ Михаилѣ. Этою неопытностію и мягкостію молодаго царя воспользовались люди, которымъ, по заслугамъ ихъ, не слѣдовало быть близко у престола. Иначе пошло дѣло, когда пріѣхалъ Филаретъ; можно принять извѣстіе, что нѣкоторые, привыкшіе къ своеволію при молодомъ царѣ, не желали возвращенія Филарета, который долженъ былъ положить предѣлъ этому своеволію; другіе, наоборотъ, были довольны тѣмъ, что съ пріѣздомъ Филарета избавлялись отъ смутнаго и тяжкаго многовластія. Отсюда два различныхъ отзыва о Филаретѣ, которые мы встрѣчаемъ у современниковъ: по одному отзыву,—Филаретъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, многихъ освободилъ отъ насилія, при немъ никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей; кто служилъ государю и въ безгосударное время и былъ не пожалованъ,—тѣхъ всѣхъ Филаретъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и никому не выдавалъ. По другому изо-

браженію, Филаретъ „былъ роста и полноты среднихъ, Божественное Писаніе разумѣлъ отчасти, нравомъ былъ опальчивъ и мнителенъ, а такой владѣтельный, что и самъ царь его боялся. Бояръ и всякаго чина людей изъ царскаго синклита томилъ заточеніями необратными и другими наказаніями; къ духовному сану былъ милостивъ и несребролюбивъ, всѣми царскими дѣлами и ратными владѣлъ".

Одною изъ главныхъ заботъ Филарета была, разумѣется, женитьба сына, съ которою было связано упроченіе престола въ его домѣ и спокойствіе государства. Еще въ 1616 году выбрана была въ царскія невѣсты и взята ко Двору дѣвица Марья Ивановна Хлопова; уже ей, по обычаю, перемѣнили имя, назвали вмѣсто Марьи Настасьею, вѣроятно въ честь знаменитой бабки царя, и стали называть царицею, какъ вдругъ Михаилу донесли, что она опасно, неизлѣчимо больна, и несчастную невѣсту вмѣстѣ съ родными сослали въ Тобольскъ. Съ возвращеніемъ Филарета началось движеніе Хлоповой все ближе и ближе къ Москвѣ: въ сентябрѣ 1619 года ее перевезли изъ Тобольска въ Верхотурье, въ 1620 изъ Верхотурья въ Нижній. Но въ это время Филаретъ Никитичъ еще не думалъ поднимать дѣла о Хлоповой: ему хотѣлось женить сына на иностранной принцессѣ.

Въ 1621 году отправлены были князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ и дьякъ Шиповъ въ Данію, къ королю Христіану, съ предложеніемъ: „По милости Божіей, великій государь, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приходитъ въ лѣта мужескаго возраста, и время ему, государю, приспѣло сочетаться законнымъ бракомъ; а вѣдомо его царскому величеству, что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и для того великій государь его королевскому величеству любительно объявляетъ: если королевское величество захочетъ съ великимъ государемъ царемъ быть въ братствѣ, дружбѣ, любви, соединеньи и пріятельствѣ на-вѣки, то его королевское величество далъ бы за великаго государя племянницу свою, которая къ тому великому дѣлу годна". Посламъ былъ данъ наказъ: „Если будутъ говорить, что королевская племянница для любви супруга своего къ Русской вѣрѣ приступитъ, а креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и крещена по своему закону,—отвѣчать: Королевской племянницѣ въ другой разъ не креститься никакъ нельзя потому, что у насъ со всѣми вѣрами рознь немалая: у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и мүромъ не помазываютъ; такъ король бы свою племянницу на то наводилъ и отпустилъ ее съ тѣмъ, чтобъ ей принать Святое крещеніе" Если король или думные люди скажутъ: „Какъ она будетъ за великимъ государемъ, то пусть самъ государь ее къ тому приводитъ, а они у нея воли не отнимаютъ, или пусть послы сами говорятъ объ этомъ съ королевскою племянницею",—то посламъ отвѣчать, что имъ самимъ говорить о томъ съ высокорожденною королевскою племянницею непригоже, потому что ихъ дѣвическое дѣло стыдливо, и имъ съ нею говорить много для остереганья ихъ высокорожденной чести непригоже. Послы должны были промышлять: родственникамъ и ближнимъ людямъ невѣсты говорить всякими мѣрами, вѣру православную хвалить и на то невѣсту привести, чтобъ она захотѣла быть съ государемъ одной вѣры и приняла Святое крещеніе; къ людямъ, которые будутъ этимъ промышлять, быть ласковыми и пріятельными, и, если надобно, то, смотря по мѣрѣ, и подарить, и впередъ государскимъ жалованьемъ обнадеживать. Если король спроситъ: будутъ ли его племянницѣ особые города и доходы, то отвѣчать: „Если, по Божественному Писанію, будутъ оба въ плоть едину, то на что ихъ государей дѣлить?—все ихъ государское будетъ общее, чего она государыня захочетъ, все будетъ ей невозбранно; кого захочетъ, того, по совѣту и повелѣнью супруга своего, жаловать будетъ; и тѣмъ Датскимъ людямъ, которые будутъ съ нею, неволи и нужды не будетъ, а чаемъ, что съ нею будутъ немногіе люди,—многимъ людямъ быть не-для-чего, у великаго государя на дворѣ честныхъ и старыхъ боярынь и дѣвицъ, отеческихъ дочерей—много". Если король согласится на все, просить позволенія ударить челомъ племянницамъ, и, пришедши къ нимъ, ударить челомъ по обычаю учтиво объ руку, и поминки королевѣ и дѣвицамъ поднести: отъ себя—по сороку соболей или что пригоже, причемъ смотрѣть дѣвицъ издалека внимательно, какова которая возрастомъ, лицемъ, бѣлизною, глазами, волосами и во всякомъ природеньи, и нѣтъ ли какого увѣчья, а смотрѣть издалека и примѣчать вѣжливо. Если королева позоветъ ихъ къ рукѣ, то идти королеву и дѣвицъ въ руку цѣловать, а не витаться съ ними (не брать за руку), и, посмотрѣвши дѣвицъ, идти вонъ, послѣ чего провѣдывать, которая къ великому дѣлу годна, чтобъ была здорова, собою добра, не увѣчна и въ разумѣ добра, и какую выберутъ, о той и договоръ съ королемъ становить, спрашивать, сколько дадутъ за невѣстою земель и казны. Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни, король отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объясняться съ ближними королевскими людьми.

Попытались еще разъ: въ январѣ 1623 года отправлено было къ Шведскому королю Густаву-Адольфу предложеніе высватать за царя Екатерину, сестру курфюрста Бранденбургскаго Георга, шурина Густаву-Адольфу. Но разность исповѣданій явилась непреодолимымъ препятствіемъ этому союзу, ибо царь непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобъ Екатерина крестилась въ православную вѣру Греческаго закона. Густавъ-Адольфъ отвѣчалъ, что ея княжеская милость для царства не отступитъ отъ своей христіанской вѣры, не откажется отъ своего душевнаго спасенія, и потому онъ, король, видитъ, что всѣ труды по этому дѣлу будутъ напрасны.

Когда заграничныя сватовства не удались, рѣшились поднять дѣло о прежней русской невѣстѣ, которая жила въ Нижнемъ въ совершенномъ здоровьи. Призвали доктора Валентина Бильса и лѣкаря Бальцера, которые, по порученію кравчаго Михайлы Михайловича Салтыкова, пользовали царскую невѣсту. Бильсъ и Бальцеръ объявили, что у Хлоповой была пустая желудочная болѣзнь, которая излѣчивается очень скоро. Тогда взяли къ допросу Михайлу Салтыкова: на какомъ основаніи онъ объявилъ царю Михаилу, что у Хлоповой болѣзнь неизлѣчимая? Салтыковъ началъ вертѣться, запираться,—явно было изъ всего, что онъ солгалъ. Государи призвали на совѣтъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей: Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасскаго, Ѳедора Ивановича Шереметева, и на этомъ родственномъ совѣтѣ было рѣшено послать за отцомъ Марьи, Иваномъ, и дядею Гаврилою Хлоповыми, чтобъ чрезъ нихъ узнать дѣло обстоятельнѣе. Иванъ Хлоповъ объявилъ, что дочь его была совершенно здорова до тѣхъ поръ, пока привезли ее во дворецъ; здѣсь открылась у нея рвота, которая однако скоро прекратилась, и послѣ того, во время ссылки, не возобновлялась ни разу. Спросили духовника,—и тотъ объявилъ то же самое. Наконецъ пріѣхалъ Гаврила Хлоповъ и объяснилъ дѣло. Однажды государь съ своими приближенными, въ числѣ которыхъ были и новые родственники, Хлоповы, ходилъ осматривать вещи въ Оружейной палатѣ. Между прочимъ поднесли царю турецкую саблю, которую всѣ начали хвалить; одинъ только Михайла Салтыковъ сказалъ: „Вотъ невидаль, и на Москвѣ государевы мастера такую саблю сдѣлаютъ“. Государь, обратясь къ Гаврилѣ Хлопову, подалъ ему саблю и спросилъ: „Какъ онъ думаетъ, сдѣлаютъ ли такую саблю въ Москвѣ?“ Хлоповъ отвѣчалъ: „Сдѣлать-то сдѣлаютъ, только не такую“. Тогда Салтыковъ съ сердцемъ вырвалъ у него изъ рукъ саблю и сказалъ, что онъ не смыслитъ дѣла, потому и говоритъ такъ; Хлоповъ съ Михайлою побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ, и съ тѣхъ поръ Борисъ да Михайла Салтыковы стали его не любить: вотъ почему, когда Марья Хлопова занемогла, то Салтыковъ объявилъ, что у ней болѣзнь неизлѣчимая. Государи этимъ не удовольствовались, послали боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и Чудовскаго архимандрита Іосифа съ медиками въ Нижній разузнать подлинно, точно ли Хлопова здорова. Слѣдователи прислали отвѣтъ утвердительный. Несчастная дѣвушка на вопросъ Шереметева, отчего она занемогла?—отвѣчала, что болѣзнь приключилась ей отъ супостатъ; отецъ ея, Иванъ, утверждалъ, что ее отравили Салтыковы, давъ ей для аппетита какой-то водки изъ аптеки; но всѣхъ умнѣе говорилъ дядя Гаврила Хлоповъ,—что его племянница занемогла отъ неумѣреннаго употребленія сладкихъ блюдъ. Какъ бы то ни было однако, продѣлка Салтыковыхъ была явна; ихъ разослали по деревнямъ, мать заключили въ монастырь, помѣстья и вотчины отобрали въ казну за то, что они „государской радости и женитьбѣ учинили помѣшку. Вы это сдѣлали измѣною (говорится въ указѣ объ ихъ ссылкѣ), забывъ государево крестное цѣлованіе и государскую великую милость; а государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ; пожалованы вы были честью и приближеньемъ больше всѣхъ, братьи своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевымъ здоровьемъ, только и дѣлали, что себя богатили, домы свои и племя свое полнили, земли крали, и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ, при государской милости, кромѣ себя никого не видѣть, а доброхотства и службы къ государю не показали“. Паденіе Салтыковыхъ не возвратило однако Хлопову во дворецъ; царь объявилъ, что хотя она и здорова, но онъ все же на ней не женится; говорятъ, будто мать царская, которой Салтыковы доводились племянниками, объявила, что ни за что не согласится на этотъ бракъ. Хлопову попрежнему оставили въ Нижнемъ, только кормъ велѣли давать передъ прежнимъ вдвое. Отказавши Хлоповой, царь женился на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгоруковой; но молодая царица въ тотъ же годъ умерла: лѣтопись утверждаетъ, что она была испорчена; на слѣдующій годъ царь женился на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, дочери незначительнаго дворянина. Дѣло Хлоповой всего лучше показываетъ, что дѣлалось безъ Филарета во дворцѣ. и кто были люди, осыпанные царскими милостями и не хотѣвшіе никого другого видѣть у царя въ приближеніи.

Что касается до внѣшнихъ сношеній, которыми долженъ былъ заняться Филаретъ Никитичъ по возвращеніи изъ плѣна, то прежде всего надобно было задарить Крымскаго хана, хотя сдѣлать это было очень трудно по истощенію казны послѣ войны Польской. Московскій посланникъ Амвросій Ладыженскій писалъ государю: „Велѣлъ я толмачамъ провѣдывать у Татаръ, Жидовъ и бусурманъ, которые къ царю ходятъ на дворъ, а у меня прикормлены, что царь говорилъ съ ближними людьми, когда прочелъ твою государеву грамоту, и пойдетъ ли царь или калга въ Литву. Татары, Жиды и бусурманы толмачамъ сказывали, что царь, прочтя грамоту, говорилъ: „Поминки государь Московскій отложилъ до зимы, съ королемъ помирился, а ко мнѣ о томъ не пишетъ,—онъ насъ обманываетъ, для того и поминки отложилъ до зимы, что намъ зимою къ Москвѣ нельзя воевать идти. И если онъ теперь лѣтомъ поминокъ не дастъ, то зимою и подавно ничего не дастъ; а отдохнувши, станетъ стоять на насъ, сложась съ королемъ“. И приговорилъ царь послать калгу къ Москвѣ войною, а сказать, что идетъ калга въ Литву черезъ Московское государство.—И я, продолжаетъ Ладыженскій, свѣдавъ, что царь хочетъ калгу послать въ Московское государство, говорилъ

ближнимъ людямъ, что великій государь посланника по синему льду съ поминками пришлетъ и, высвободя отца своего и бояръ, съ королемъ велитъ опять войну начать; поминки государь отложилъ до осени потому, что собрать было нельзя: Москва была въ осадѣ; да и за Москвою Польскіе и Литовскіе люди во многихъ мѣстахъ и многіе города разорили и запустошили, откуда государева казна собиралась и проѣзду ко мнѣ, посланнику, во всю зиму не было, а посадскіе и пашенные тяглые люди многіе стали въ стрѣльцы и въ казаки, сами жалованья просятъ. Но ближніе люди говорили: „Можно было государю и въ одной Москвѣ поминки собрать,—Татары, которые были въ Москвѣ, сказываютъ, что ныньче тамъ люди богаче прежняго, и если калга пойдетъ самъ подъ Москву, то государь скорѣе поминки дастъ" И отговорить у царя походу, чтобъ ему не посылать калги въ твою государеву Землю, я никакъ не умѣлъ. Ибрагимъ-паша мнѣ говорилъ: „Если государь ныньче лѣтомъ поминки и деньги пришлетъ, то я царя удержу, къ Москвѣ царь и калга не пойдутъ, а пойдутъ въ Литву; если же государь теперь поминковъ не пришлетъ, то мнѣ царя не удержать; царю за смертную досаду стало, что государь съ королемъ помирился и поминки отложилъ до зимы, насилу я теперь его удержалъ". Получивъ такое донесеніе отъ своего посланника, государь приказалъ: „Деньги въ крымскую кладь сбирать и казенные расходы давать изо всѣхъ приказовъ, чтобъ ни за чѣмъ не стало, и отпустить гонцовъ поскорѣе, дня въ два или много въ три". И послѣ характеръ отношеній къ Крыму не измѣнился: ханъ за недосылку поминковъ позволялъ себѣ чинить московскимъ посламъ безчестье, тѣсноту и мученье, вымогать у пословъ записи въ платежѣ денегъ угрозами, что всѣхъ ихъ людей велитъ продать за море; но посламъ этимъ изъ Москвы присылали наказъ: „Говорить гладко и пословно, а не торопко, и гдѣ надобно жестоко молвить, то покрыть гладостью, чтобъ въ раздоръ не войдти".

Нужно было уладить и отношенія къ Ногаямъ, которые въ Смутное время отстали отъ Москвы, перенесли свои кочевья съ Ногайской стороны на Крымскую и воевали московскіе украинскіе города. Воевода князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ и дьякъ Иванъ Грязевъ, отправленные въ Астрахань еще въ 1616 году, дѣйствовали удачно, ногайскихъ мурзъ и всѣхъ улусныхъ людей привели подъ царскую руку въ прямое холопство, перевели ихъ опять съ Крымской стороны на Ногайскую, взяли въ заложники въ Астрахань мурзъ, ихъ братьевъ, дѣтей и лучшихъ улусныхъ людей; изъ дальняго кочевья, изъ-подъ Хивы и Бухары, перезвали въ Астрахань Аблу-мурзу съ братьями и племянниками, а съ ними улусныхъ людей тысячъ до пятнадцати, укрѣпили ихъ шертью и велѣли кочевать съ астраханскими мурзами и юртовскими Татарами. Наконецъ Львовъ и Грязевъ успѣли выручить у Ногаевъ русскаго полону тысячъ съ пятнадцать человѣкъ. Съ Швеціею сначала шли долгіе споры о проведеніи границъ. Между Московскимъ государствомъ и областями, уступленными Швеціи, существовала твердая связь—единовѣріе, и правительство Московское старалось поддержать ее. Въ 1619 году преемникъ Исидора, Новгородскій митрополитъ Макарій, по царскому указу, разослалъ по этимъ волостямъ грамоты, которыхъ образецъ писанъ былъ въ Москвѣ; въ грамотахъ говорилось: „Такъ какъ вы прежде были чада церковныя и служители Христовой вѣры, то я не хочу васъ отвергать, но болѣе хочу присоединять; хотя вы теперь подъ державою другого владѣтеля, однако не должно вамъ отлучаться духовнаго порожденія. Поэтому напоминаю вамъ, какъ прежде вы были чада нашей паствы и сыны Церкви, такъ и теперь, ни въ чемъ не отступая отъ нашего благословенія, крѣпко стойте, мужайтесь, утверждайтесь, не будьте ничѣмъ преткновенны; не умаляя нисколько прежнихъ преданій, держитесь Святой Апостольской вѣры, отъ отцовъ вамъ преданной, а по повелѣнію великаго государя нашего пріѣздъ и отъѣздъ вамъ въ Великій Новгородъ по духовнымъ дѣламъ будетъ вольный". Шведы смотрѣли подозрительно на переписку Новгородскаго митрополита съ русскимъ духовенствомъ въ уступленныхъ имъ волостяхъ, и потому требовали, чтобъ митрополитъ о духовныхъ дѣлахъ переписывался съ шведскими правителями, а не прямо съ русскими священниками. Новгородскій воевода донесъ объ этомъ требованіи государю, и тотъ отвѣчалъ: „По нашему указу, Новгородскому митрополиту Макарію велѣно о попахъ писать и дѣлать по указу и грамотѣ отца нашего, великаго государя, святѣйшаго Филарета Никитича; а если о чемъ-нибудь по этому указу случится писать къ шведскому маршалку, то къ маршалку писать тебѣ, боярину нашему, по совѣту съ митрополитомъ; а митрополиту съ маршалкомъ не ссылаться, потому что онъ человѣкъ духовный и чину великаго, ему съ иноземцами ссылаться непригоже". Впрочемъ, Шведы болѣе всего опасались, чтобъ Новгородскій митрополитъ вовсе не прервалъ духовныхъ сношеній съ православнымъ народонаселеніемъ уступленныхъ областей, что заставило бы послѣднее бѣжать толпами въ русскіе предѣлы: вотъ почему Шведское правительство усердно домогалось у Московскаго, чтобъ Новгородскій митрополитъ посылалъ священниковъ и освящалъ церкви въ Корелѣ и другихъ уступленныхъ волостяхъ Несмотря однако на это, русское духовенство плохо уживалось съ лютеранами; монахи и священники перебѣгали въ Новгородъ; шведскіе державцы, въ силу договора, требовали ихъ выдачи. Царь писалъ по этому случаю къ Новгородскому воеводѣ: „Вы бы тѣхъ черныхъ и мірскихъ поповъ и чернецовъ, которые теперь въ нашей сторонѣ живутъ, да и тѣхъ поповъ и чернецовъ, которые впередъ съ шведской стороны перебѣгутъ и въ нашей сторонѣ объявятся, безъ нашего указа въ шведскую сторону не отдавали; а если шведскіе державцы станутъ

къ тебѣ писать и ихъ просить, то отвѣчай, что ихъ до сихъ поръ въ нашей сторонѣ не отыскали, а какъ отыщутъ, то дадутъ имъ знать; да отпиши, чтобъ они нашимъ людямъ въ вѣрѣ тѣсноты не чинили и не гнали, а станутъ въ вѣрѣ тѣснить и гоненье чинить, то имъ поневолѣ будетъ бѣгать". При этомъ царь приказывалъ воеводѣ не держать бѣглецовъ въ порубежныхъ мѣстахъ, но отсылать ихъ во внутреннія области или въ Москву. Любопытна также царская грамота къ Новгородскому воеводѣ о перебѣжчикахъ не изъ духовенства: „Вы бы съ державцами шведскихъ городовъ ссылались и размѣнъ перебѣжчикамъ дѣлали, смотря по ихъ ссылкѣ и отдачѣ, потому что съ нашей стороны въ шведскую сторону перебѣжчиковъ дано много, а съ ихъ стороны въ нашу сторону—мало, многіе не отданы, и держатъ ихъ, мимо мирнаго договора, неволею. А которые люди объявились по вашему сыску въ нашей сторонѣ, а въ шведскихъ росписяхъ именъ ихъ нѣтъ, то вы этихъ людей сажайте за нами въ дворцовыхъ селахъ, въ волостяхъ, которыя отъ рубежей подальше, подмогу имъ и льготу давайте какъ пригоже, смотря по нихъ и по пашнѣ, а близъ рубежей жить имъ не велѣть для того, чтобъ про нихъ въ шведскихъ городахъ не вѣдали и къ вамъ не писали. Сажайте ихъ за нами волею и къ нашей милости пріучайте ласкою, подмогою и льготою, чтобъ имъ за нами на пашняхъ садиться было охотно; а если ихъ сажать въ неволю, то они станутъ бѣгать назадъ и сказывать въ шведскихъ городахъ про другихъ своихъ товарищей:—пойдетъ ссора, и утаитъ перебѣжчиковъ будетъ уже нельзя". Надобно было распорядиться также относительно Русскихъ людей, которые для торговли пріѣзжали изъ уступленныхъ Швеціи городовъ въ Новгородъ. На этотъ счетъ воевода Новгородскій получилъ такую царскую грамоту: „Писали вы къ намъ, что пріѣзжаютъ въ Великій Новгородъ съ шведской стороны для торгу Русскіе люди и бьютъ челомъ, чтобъ позволять имъ ходить въ Каменный городъ къ соборной церкви Св. Софіи и къ новгородскимъ чудотворцамъ молиться, а у васъ о томъ нашего указа нѣтъ. Такъ вы бы про тѣхъ людей велѣли развѣдывать, не пошатнулись ли они въ вѣрѣ, не пристали ли къ Лютеранской вѣрѣ. Если они въ православной вѣрѣ тверды, то вы-бъ велѣли ихъ пускать къ церквамъ, которыя на посадѣ, а въ Каменный городъ въ соборную церковь ихъ не пускать; если же про которыхъ развѣдаете, что они въ православной вѣрѣ пошатнулись,—такихъ и на посадѣ къ церквамъ не пускайте, пуще всего берегитесь, чтобъ нашей православной вѣрѣ поруганья не было". Позволено было Русскимъ людямъ ѣздить на обѣ стороны для свиданія съ родственниками: „только смотрѣть, чтобъ Русскіе люди для лазутчества въ Новгородъ не пріѣзжали". Насчетъ Шведовъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ учиться русской грамотѣ, воеводѣ было наказано: „Такихъ принимать и велѣть ихъ учить русской грамотѣ на посадѣ церковнымъ дьячкамъ; а въ церковь некрещенныхъ Нѣмцевъ не пускать, о чемъ дьячкамъ приказывать накрѣпко; а кто изъ Нѣмцевъ захочетъ креститься въ нашу православную вѣру, такихъ крестить, а какъ крестятъ, то ихъ во свою Землю не отпускать (и сказать имъ еще до крещенья, что имъ отпуску съ нашей стороны не будетъ), присылать ихъ къ намъ въ Москву, или велѣть имъ быть въ Новгородѣ, кто къ кому пойдетъ по своей волѣ; а по тѣхъ людяхъ, которые крещенныхъ Нѣмцевъ станутъ къ себѣ принимать, брать поруки съ записями. А которые Нѣмцы теперь учатся въ Новгородѣ и захотятъ ѣхать въ свою Землю, такихъ отпускать съ прежними грамотами; принимать иноземцевъ, грамотѣ учить такихъ только, которыхъ привезутъ отцы, братья и дядья, а не такихъ, которые сбѣжатъ бѣгомъ".

Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли подавать повода къ разрыву: Москва хотѣла успокоиться, собрать хотя сколько-нибудь свои силы, и то не для войны со Швеціею; Густавъ-Адольфъ, занятый на западѣ, желалъ искренно мира съ Москвою, желалъ союза съ царемъ противъ Польши. Запорожье волновалось, и Густавъ-Адольфъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, прислалъ въ Москву великихъ пословъ Бремена и Горна съ просьбою, чтобъ царское величество послалъ къ Запорожскимъ казакамъ свое повелѣнье и отвелъ бы ихъ отъ Польской короны. Бояре отвѣчали, что этого сдѣлать невозможно, ибо Черкасы Запорожскіе—люди Польскаго короля, а между Московскимъ государствомъ и Польшею заключено перемиріе. Въ 1626 году пріѣхали шведскіе послы—дворянинъ Юрій Бенгартъ, а другой, къ изумленію Московскаго Двора, назывался—Александръ-Любимъ Дементьевичъ Рубецъ, или Рубцовъ, и по дорогѣ ходилъ въ русскую церковь. Царь послалъ спросить у пристава: какимъ языкомъ говоритъ посолъ, въ постные дни ѣстъ ли рыбу, по какому указу приставъ пускалъ его въ церковь, какъ онъ въ церкви стоитъ и молится, и въ какомъ платьи ходитъ. Рубцовъ отвѣчалъ, что онъ Русскій человѣкъ, пострадалъ за православную вѣру отъ короля Сигизмунда, сидѣлъ въ Маріенбургѣ въ плѣну 11 лѣтъ и освобожденъ былъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ. Несмотря на то, приставъ въ селѣ Черкизовѣ не пустилъ Рубцова въ церковь, а когда онъ пріѣхалъ въ Москву, то приставы говорили ему отъ имени думнаго дьяка Грамотина: „Вѣдомо, что ты былъ человѣкъ Московскаго государства и вѣры христіанской Греческой, а послѣ того былъ въ заточеніи у Литовскаго короля въ Малборкѣ; и ты, будучи въ Малборкѣ, православную нашу вѣру держалъ ли? и въ Римскую и въ иныя вѣры не отступилъ ли, и какъ нынѣ православную вѣру держишь"? Послѣ удовлетворительнаго отвѣта, послу позволили ходить въ церковь; потомъ онъ билъ челомъ, чтобъ позволили ему видѣть образъ Пречистой Богородицы, обѣдню слушать въ соборной церкви, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича очи видѣть и благословеніе принять;

билъ челомъ, что онъ былъ въ Малборкѣ въ заточеніи за христіанскую вѣру и отца духовнаго у него не было долгое время, —такъ бы святѣйшій патріархъ пожаловалъ, велѣлъ дать ему запасные дары: гдѣ ему случится въ дорогѣ или при смерти,—и ему бы тѣмъ причаститься, а святѣйшій патріархъ его зналъ въ Малборкѣ. Ему позволили быть въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ видѣлся и съ патріархомъ.

Рубцовъ собственно пріѣхалъ посломъ не къ Московскому Двору, а съ цѣлію отправиться черезъ Московскія области въ Бѣлую Русь и въ Запорожье. Въ грамотѣ своей король увѣдомлялъ царя о своихъ успѣхахъ въ Прусской Землѣ противъ Сигизмунда Польскаго и прибавлялъ: „Если ваше царское величество захотите поотомстить за великую неправду, которую Польскіе люди вашей Землѣ и подданнымъ сдѣлали, то ваше царское величество никогда не выберите времени удобнѣйшаго, потому что Татары вошли въ Польскую Землю съ одной стороны, а мы—съ другой: думаемъ, что и съ третьей стороны войдетъ въ Литовскую Землю нѣкоторый великій государь: это мы вашему царскому величеству дружелюбно объявляемъ ради той дружбы, которую оба наши величества между собою имѣемъ“. Бояре отвѣчали: „Что король Густавъ-Адольфъ города у недруга своего побралъ, тому великій государь порадовался, и всегда радъ слышать, чтобъ государю вашему недруга своего, Польскаго короля, до конца побѣдить и землями его завладѣть. Король посылаетъ Александра Рубцова въ Бѣлую Русь и въ Запорожье: въ Столбовскомъ договорѣ сказано, что вольно шведскимъ посламъ черезъ Московскую Землю ходить въ Персію, Турцію, Крымъ, въ иныя страны и восточныя земли, которыя съ его царскимъ величествомъ не въ явной недружбѣ, а про Бѣлую Русь и Запорожье въ договорныхъ записяхъ ничего не написано; Александра пропустить невозможно, потому что между Россійскимъ государствомъ и Польшею заключено перемирье. Добрый совѣтъ отомстить королю Сигизмунду великій государь принимаетъ въ любовь, мыслить о томъ будетъ, только теперь въ перемирныя лѣта сдѣлать этого нельзя: это будетъ крестному цѣлованью преступленье и на душу грѣхъ; а если хотя и малая неправда объявится отъ Польскаго короля и до урочныхъ лѣтъ, то великій государь на Польскаго короля идти готовъ и съ Густавомъ-Адольфомъ королемъ напередъ объ этомъ обошлется“. Съ этимъ послы и отправились назадъ. Патріархъ Филаретъ разослалъ грамоты къ архіереямъ Тверскому и Новгородскому, чтобъ они велѣли въ своихъ епархіяхъ пускать Рубцова въ церкви, ибо онъ страдалъ въ Малборкѣ за православную вѣру, приговоренъ былъ къ казни, и онъ, патріархъ, его терпѣнье видѣлъ.

Принявши участіе въ великой борьбѣ за протестантизмъ противъ Габсбурскаго дома, Густавъ-Адольфъ въ началѣ 1629 года прислалъ въ Москву пословъ своихъ Монира и Бенгарта съ объявленіемъ, что „въ прошломъ году Богъ помогъ ему противъ Польскаго короля, можно было ему съ своимъ войскомъ черезъ всю Польшу пройдти безпрепятственно, еслибъ не помѣшка была отъ Римскаго цесаря и папежскаго заговора, потому что они съ своею великою силою близко пришли и осадили сильный торговый городъ Штральзундъ, который стоитъ на Варяжскомъ морѣ. Короловское величество, для обереганія себя и своего великаго государства, также многихъ сосѣдей и единовѣрцевъ, съ большимъ войскомъ пошелъ къ этому городу на помощь и выручку, въ чемъ и успѣлъ. Вашему царскому величеству подлинно извѣстно, что цесарь Римскій и папежане привели подъ себя большую часть евангельскихъ князей въ Нѣмецкой Землѣ и взяли лучшія морскія устья въ Датской Землѣ, Мекленбургѣ и въ Поморской Землѣ. Тутъ они теперь съ великимъ радѣньемъ готовятся, чтобы къ будущему лѣту великосильное корабельное собраніе собрать въ Варяжскемъ морѣ, и этимъ не только торговлѣ помѣшать, но и пограничныя государства, Шведское, Прусское и Датское, подвести подъ себя и подъ папежскую работу. Его королевское величество напоминаетъ, чтобъ ваше царское величество заранѣе подумали, какая великая опасность вамъ и государствамъ вашимъ надъ головою виситъ: если только цесарь съ папежскими заговорщиками одолѣютъ Шведскую Землю, то станутъ искать погибели Русскихъ людей и искорененія старой Греческой вѣры,—такъ надобно объ этомъ заранѣе подумать. Надобно думать, что ваше царское величество до урочныхъ перемирныхъ лѣтъ съ Польскимъ королемъ войны не начнете; а надобно было бы бѣднымъ и утѣсненнымъ людямъ въ Нѣмецкой и Датской Землѣ помочь! Королевское величество хочетъ со всею своею силою промышлять; но такому великому войску многіе запасы надобны, а хлѣбъ въ Шведской Землѣ отъ большихъ дождей не родился: такъ проситъ король позволенія купить въ вашихъ земляхъ и вывезть въ его войско 50,000 ржи и другихъ съѣстныхъ припасовъ; а если ваше царское величество захотите помочь мірскому дѣлу деньгами или хлѣбомъ, то Всемогущій Богъ ваше царство свыше иныхъ земель одаритъ. Папа, цесарь Римскій и весь домъ Австрійскій только того ищутъ, какъ бы имъ быть обладателями всей вселенной, и теперь они къ тому очень близки; а когда мы видимъ, что сосѣдній дворъ горитъ, то намъ надобно воду носить и помогать гасить, чтобъ свое соблюсти; пора ужъ вашему царскому величеству подумать, чѣмъ сосѣдямъ помочь и какъ свое уберечь“

Бояре отвѣчали: „Великій государь нашъ крѣпко о томъ мыслитъ и хочетъ Польскому королю противъ его неправдъ месть воздавать, государю вашему и другимъ христіанскимъ государствамъ евангелической вѣры помогать всякими мѣрами, чтобъ кесарева и папежниковъ злаго умысла до себя не допустить и вамъ всѣмъ помочь. Великій государь за неправды Польскаго короля и нарушенье мирнаго договора не хочетъ ждать исте-

ченія перемирныхъ лѣтъ,—хочетъ надъ нимъ промышлять и государю вашему помогать. Пусть только король вашъ напишетъ, сколько ему надобно съѣстныхъ припасовъ, и великій государь велитъ покупать ихъ безпошлинно въ который годъ хлѣбъ уродится; государь велѣлъ подданнымъ своимъ съ подданными вашего государя торговать повольною торговлею, всякими товарами и безъ всякой пошлины". Когда переговоры о государственныхъ дѣлахъ были кончены, то послы подали жалобы шведскихъ купцовъ: въ новгородской таможнѣ имъ прямаго разсчета не дѣлаютъ, только говорятъ имъ: „Положите деньги, мы сочтемъ". А когда Шведы по своему счету смѣтятъ, то и окажется, что на нихъ много лишняго взято. Шведамъ нельзя ходить по улицамъ, потому что имъ кричатъ, называютъ ихъ салакушками и куриными ворами, и другими разными позорными словами. Изъ Нарвы, Ижоры, Орѣшка и другихъ порубежныхъ мѣстъ нельзя проѣзжать извозчикамъ въ русскіе города, потому что берутъ съ нихъ большое мыто. Шведамъ не позволяютъ въ русскихъ городахъ учиться по-русски. Стрѣльцы, стоящіе у воротъ, не пропускаютъ русскихъ купцовъ къ шведскимъ на шведскій гостиный дворъ.

Въ началѣ 1630 года тотъ же Мониръ пріѣхалъ въ другой разъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Густавъ-Адольфъ заключилъ перемиріе съ Польскимъ королемъ, дабы тѣмъ удобнѣе обратить всѣ свои силы на цесаря, и съ просьбою позволить купить въ Россіи безпошлинно хлѣба, крупъ, смолы и селитры. Царь велѣлъ отвѣчать, что онъ не сердится на короля за перемиріе съ Польшею, потому что оно было заключено по нуждѣ; повторяетъ, что съ своей стороны не будетъ дожидаться истеченія перемирнаго срока и пойдетъ мстить Польскому королю его неправды, только проситъ Густава-Адольфа, чтобъ это дѣло содержалось въ-тайнѣ. Что же касается до просьбы королевской, то хотя бы и не довелось позволить купить вдругъ столько хлѣба, потому что въ Московскомъ государствѣ въ нынѣшнемъ году хлѣба недородъ, но для дружбы и любви государь позволилъ купить 75,000 четвертей ржи и 4,000 четвертей проса безпошлинно. „И государь бы вашъ съ царскимъ величествомъ за такую великую дружбу былъ въ дружбѣ и любви и совѣтѣ добромъ". Позволено было также безпошлинно купить 200 бочекъ смолы, равно какъ и селитры, гдѣ сыщутъ.

И въ слѣдующемъ 1631 году дано было позволеніе купить на короля хлѣба 50,000 четвертей. Въ этомъ году впервые явился при Московскомъ Дворѣ шведскій агентъ Яганъ Меллеръ; объясняя значенія агента, король писалъ царю, что Меллеръ будетъ исправлять всѣ дѣла легче и съ меньшими издержками; что такія лица и при иныхъ великихъ короляхъ и государяхъ живутъ. Меллеръ долженъ былъ объявить боярамъ о разныхъ слухахъ насчетъ замысловъ Польши и вообще католическихъ державъ противъ Московскаго государства; между прочимъ агентъ объявилъ: въ Смоленскѣ Русскіе люди говорятъ: „Только Польскій войну поведетъ, то боярскіе холопи мало не всѣ передадутся на польскую сторону, рады будутъ вольности". Агентъ объявилъ и слова короля своего: „Еслибъ царскому величеству можно было ко мнѣ въ сердце заглянуть, то онъ бы увидалъ, какъ ему доброхотаю"; объявилъ, что король его, въ случаѣ войны царя съ Польшею, уступитъ ему собственные два полка съ добрыми начальниками. Въ то же самое время Шведы, страшая Московскій Дворъ опасными замыслами короля Сигизмунда и императора Фердинанда, увѣряя, что Густавъ-Адольфъ съ своимъ войскомъ— передняя стѣна Московскаго государства, передовой полкъ, бьющійся въ Германіи за Русское царство, убѣдили царя пропустить двоихъ шведскихъ посланцовъ къ Запорожцамъ для склоненія ихъ къ возстанію противъ Польши. Посланцы эти получили наказъ: объявить казакамъ доброе расположеніе къ нимъ Шведскаго короля, расположеніе, основанное на борьбѣ противъ общихъ недруговъ, на гоненіи, которое люди Греческой вѣры терпятъ одинаково съ евангиликами отъ іезуитовъ; объявить, что король хочетъ жаловать ихъ своимъ жалованьемъ, наслышавшись объ ихъ ратныхъ дѣлахъ; считая ихъ друзьями вѣры и вольности, король по тому самому считаетъ ихъ врагами папы, прямаго антихриста, и короля Испанскаго, который хочетъ отнять вольность у всѣхъ народовъ. Посланцы должны были объявить казакамъ, что Густавъ-Адольфъ будетъ давать имъ жалованья гораздо больше, чѣмъ даетъ король Польскій, не требуя ничего, кромѣ преданности къ себѣ, и пусть для окончательныхъ переговоровъ пошлютъ они уполномоченныхъ своихъ въ Ливонію. Наконецъ посланцы должны были закинуть мысль о двухъ услугахъ, которыхъ ждетъ Густавъ-Адольфъ отъ казаковъ, а именно: помочь ему при избраніи въ короли Польскіе, и выслать войска въ Австрійскія земли.

Въ августѣ 1631 года, по указу великихъ государей, въ Посольскомъ приказѣ разспрашивали Путивльца, Григорія Гладкаго: можно ли ему изъ Путивля провести къ Запорожскому войску двоихъ Нѣмцевъ, посланныхъ изъ Швеціи съ грамотами къ Запорожцамъ, и куда ему ихъ провести—въ Кіевъ ли, или иной какой-нибудь городъ черкасскій? Гладкій отвѣчалъ, что Запорожскіе казаки живутъ въ разныхъ городахъ, а когда имъ службу скажутъ, то они собираются, гдѣ приговорятъ, а больше всего собираются въ Масловѣ Ставу, отъ Кіева верстъ съ полтораста, а мѣсто это Масловъ Ставъ—пустое. Если государи прикажутъ ему ѣхать съ этими Нѣмцами къ Черкасамъ, то онъ ѣхать готовъ; если спросятъ у него на дорогѣ, что за люди и куда ѣдутъ, то онъ будетъ говорить, что ѣдутъ къ гетману Запорожскому, а зачѣмъ,—того онъ не знаетъ: нанялся онъ у нихъ везти телѣгу съ запасомъ. И приведетъ онъ Нѣмцевъ въ слободы Вишневецкаго, гдѣ живутъ Запорожскіе казаки, и какъ Нѣмцы скажутся, что

ѣдутъ къ гетману, то казаки сами проводятъ ихъ къ гетману, Тимохѣ Арендаренкѣ, который живетъ въ Коневѣ, или проводятъ до Кіева. Но государи велѣли сказать Гладкому, чтобъ онъ порадѣлъ, провелъ Нѣмцевъ въ Кіевъ, къ епископу Исакію Луцкому, да къ Порфирію и Андрею Борецкимъ, братьямъ митрополита Іова, а они бы тамъ промыслили какъ къ Запорожскому войску отпустить; у гетмана же Тимохи и у казаковъ, которые служатъ королю, имъ не быть. Гладкій отправился съ Нѣмцами, и въ октябрѣ возвратился въ Москву съ вѣстію, что онъ въ Кіевѣ не засталъ ни епископа Исакія, ни Борецкихъ, и Нѣмцы наняли монастырскаго служку, чтобъ довезъ ихъ Днѣпромъ до новаго гетмана Ивана Петрижицкаго-Кулаги, потому что стараго Арендаренка казаки перемѣнили. Недѣлю спустя, пріѣхалъ Андрей Борецкій; Гладкій отдалъ ему государеву грамоту и про прежнія грамоты разспрашивалъ. Борецкій государеву грамоту взялъ и хотѣлъ ее къ Запорожцамъ отвезти самъ, о прежнихъ же грамотахъ сказалъ, что Луцкій епископъ Исакій на погребеніи митрополита Іова Борецкаго обѣ грамоты, и государеву, и Кирилла патріарха Константинопольскаго, отдалъ архимандриту Печерскаго монастыря, Петру Могилѣ; но Петръ до сихъ поръ этихъ грамотъ Запорожскимъ казакамъ не отдалъ, и когда онъ, Борецкій, о нихъ ему напомнилъ, то Петръ отвѣчалъ: „Достоинъ ты съ этими грамотами кола“, послѣ чего онъ, Борецкій, уже больше говорить о нихъ не смѣлъ. Скоро пришло извѣстіе въ Москву, что гетманъ Кулага засадилъ шведскихъ посланцовъ подъ стражу и далъ о нихъ знать гетману Конецпольскому.

Но, вступая въ тѣсныя сношенія съ Швеціею, надобно было покончить съ Англіею, которая считала себя въ правѣ на благодарность Московскаго правительства, именно—за возможность тѣсныхъ сношеній съ Швеціею. Столбовскимъ миромъ затруднительныя обстоятельства Московскаго государства еще не кончились, ибо во время его заключенія грозная туча собиралась надъ Москвою со стороны Польши. Въ іюлѣ 1617 года отправлены были въ Англію дворянинъ Степанъ Волынскій и дьякъ Маркъ Поздѣевъ съ благодарностію за примиреніе съ Швеціею и съ просьбою о помощи противъ Польши. Послы должны были просить, чтобъ Якубъ король послалъ къ Датскому, Шведскому королямъ и Нидерландскимъ владѣтелямъ, съ просьбою стоять заодно съ Москвою противъ Польши, такъ какъ самому Якубу королю свою рать посылать на Польшу непригоже за дальностію. А Датскому, Шведскому и Нидерланскимъ владѣтелямъ есть за что на Польскаго короля стоять: подъ Шведскимъ королемъ онъ доступаетъ Шведскаго королевства; Датскому королю въ свойствѣ курфюрстъ Бранденбургскій и Вильгельмъ князь Курляндскій, а Польскій король Прусскую Землю всю у Бранденбургскаго князя хочетъ подъ себя взять, и Вильгельма изъ Курляндской Земли выгнать; на Голландскихъ владѣтелей ссылается съ папою Римскимъ, также всякое зло хочетъ надъ ними, „надъ ихъ и надъ вашею англійскою вѣрою дѣлать, а про государя вашего Польскій король непригожія слова говоритъ“. Послы должны были настаивать, чтобъ Англійскій король непремѣнно помогъ великому государю казною, просить казны тысячъ на 200 и на 100, по самой послѣдней мѣрѣ на 80 и 70,000 рублей, а меньше 40,000 не брать. Если будутъ требовать у пословъ крестнаго цѣлованія въ томъ, что царь отдастъ деньги королю, то не соглашаться на закрѣпленіе, отзываясь неимѣніемъ наказа, а просить, чтобъ король слалъ своихъ пословъ въ Москву; указывать, что царь Θеодоръ послалъ большую казну императору, а никакого письма и укрѣпленія между ними не было. По самой конечной мѣрѣ послы должны были дать письмо и требовать помощи денежною казною, ефимками и золотыми, чтобъ ратнымъ людямъ можно было давать вскорѣ. Наконецъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, всякими мѣрами, чтобъ велѣно было ребятъ, отданныхъ при Годуновѣ въ ученье, сыскать и отдать; а какъ ихъ отдадутъ, взять къ себѣ и держать съ великимъ береженьемъ, тѣсноты и нужды ни въ чемъ не дѣлать, ихъ этимъ не отогнать, въ всемъ ихъ тѣшить.

Вслѣдствіе этого посольства, въ 1619 году пріѣхалъ въ Архангельскъ англійскій посолъ Дюдлей Диксъ съ деньгами; но, узнавъ, какъ видно, объ осадѣ Москвы Поляками, возвратился изъ Холмогоръ, сдавши дѣла дворянину Финчу и купеческому агенту Фабину Смиту, которые и отправились въ Москву. Царь сначала не принялъ ихъ какъ пословъ, потому что въ вѣрящей королевской грамотѣ они не были названы, но потомъ принялъ; деньги, 20,000 рублей, были у нихъ взяты на время, съ обѣщаніемъ отдать назадъ. Когда война съ Польшею была окончена, въ іюлѣ 1620 года пріѣхалъ въ Москву Мерикъ и былъ принятъ царемъ и патріархомъ. Патріархъ сидѣлъ подлѣ царя по правую сторону, бархатное мѣсто его было сдвинуто съ государевымъ мѣстомъ, но образъ надъ патріархомъ былъ особенный съ застѣнкомъ; по правую сторону патріарха на окнѣ стоялъ крестъ на золотой мисѣ. Митрополиты, архіепископы и епископы сидѣли отъ патріарха по правую сторону, а бояре, окольничіе и дворяне большіе сидѣли попрежнему отъ государя по лѣвую сторону въ золотыхъ шубахъ и черныхъ шапкахъ; по правую сторону на окольничемъ мѣстѣ, поотодвинувшись отъ духовенства немного, сидѣлъ окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ да казначей Траханіотовъ, потому что Годуновъ встрѣчалъ и являлъ посла, а Траханіотовъ являлъ поминки. Годуновъ, являя посла, обращался къ обоимъ великимъ государямъ, но руку цѣловалъ посолъ только у одного царя. Посолъ говорилъ рѣчи и царю и патріарху. Когда патріархъ, выслушавъ рѣчь, всталъ, поклонился по обычаю и спросилъ про королевское здоровье, то царь въ это время для отца своего

встали же; грамоты посолъ подалъ двѣ — царю и патріарху. Мерикъ говорилъ царю и патріарху особо (называя царя кесарскимъ величествомъ), что король обрадовался заключенію мира съ Польшею и освобожденію Филарета; потомъ подалъ поминки двойные — царю и патріарху, — царю: солонку хрустальную, обложенную золотомъ съ дорогими каменьями и жемчугомъ, инорога серебрянаго вызолоченнаго, льва серебрянаго вызолоченнаго, птицу струса (страуса) серебряную вызолоченную, пять кубковъ серебряныхъ вызолоченныхъ, двѣ фляги серебряныя вызолоченныя, лахань да рукомойникъ серебряные вызолоченные; сосудъ каменный, покрышка и поддонникъ у него золотые, разныя шелковыя матеріи и сукна, два попугая индѣйскихъ, звѣря индѣйскаго антилопа; — патріарху: сосудъ хрустальный, обложенный вызолоченнымъ серебромъ, четыре кубка съ вызолоченными покрышками, рукомойникъ да лахань серебряные вызолоченные, бархатъ, атласъ, кресла, обиты бархатомъ вишневымъ, шитыя золотомъ канителью.

При переговорахъ съ боярами, Мерикъ объявилъ, что Дюдлей Диксъ привезъ государю на вспоможенье 100,000 рублей, но что Финчъ и Смитъ всѣхъ этихъ денегъ не отдали, а дали только малую долю — 40,000 ефимковъ, или 20,000 рублей; король, посылая деньги, не велѣлъ просить никакого заклада, велѣлъ только говорить о письмѣ за царскою печатью для укрѣпленья. Потомъ Мерикъ жаловался, что англійскіе купцы потерпѣли большіе убытки (именно 144,000 рублей) отъ Смутнаго времени, отъ грабежа и оттого, что обѣднѣвшій народъ не покупаетъ ихъ товаровъ, наконецъ оттого, что деньги русскія стали легче вѣсомъ: прежній рубль равнялся 14 шиллингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шилинговъ; кромѣ того, убытокъ отъ приказчиковъ и слугъ, которые исхарчили много ихъ гостинныхъ денегъ, да сосватались и поженились на московскихъ уроженкахъ или вступили на службу къ государю, нарочно подданство приняли, чтобъ гостямъ англійскимъ кривду учинить, и отчета господамъ своимъ никакого не отдать. Вслѣдствіе этого, Мерикъ просилъ, чтобъ ни одному приказчику и слугѣ нельзя было въ Россіи жениться и въ службу вступать безъ вѣдома и позволенія большаго гостя англійскаго; чтобъ сперва они ѣхали въ Англію для счета съ гостями, а потомъ уже могутъ вступать въ царскую службу. Наконецъ Мерикъ опять началъ просить дороги Волгою въ Персію. Опять государь велѣлъ собрать гостей московскихъ, сказать имъ о просьбѣ Мерика, да прибавить, что Англичане за дорогу въ Персію дадутъ въ помощь казны, что будетъ пригоже: „Государь царь и святѣйшій патріархъ велѣли вамъ, гостямъ, объ этомъ объявить, да вамъ же велѣли объявить: вѣдомо вамъ всѣмъ, что, по грѣхамъ, въ Московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудость и государевой казны нѣтъ нисколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ, государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ, а городамъ разореннымъ дана льгота; что собиралось казны съ васъ, гостей и торговыхъ людей, пятинной и запросной деньги, то все государь для вашей легости отставилъ, а служивыхъ людей, казаковъ и стрѣльцовъ въ городахъ прибыло, жалованье имъ даютъ ежегодно, докуки государю и челобитье отъ служивыхъ людей, отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большія, а пожаловать нечѣмъ. Если, по грѣхамъ, будетъ который недругъ, то казны готовой нѣтъ и впредъ завести не откуда; а если дать англійскимъ гостямъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ того московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ помѣшки и оскудѣнья?"

Гости и торговые люди отвѣчали: „Бьемъ челомъ за милость великихъ государей, а въ томъ — дать ли дорогу Англичанамъ въ Персію или нѣтъ, — ихъ государская воля; они, гости и торговые люди, будутъ говорить по своему крайнему разумѣнію, только-бъ государь милость показалъ, за то на нихъ опалы не положилъ, что они будутъ говорить спроста". Бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и дьякъ Грамотинъ сказали имъ, чтобъ говорили прямо безъ всякаго опасенья, и начали спрашивать гостей порознь, по одному человѣку. Гость Иванъ Юрьевъ сказалъ, что если уступить Англичанамъ путь по Волгѣ въ Персію, то убытокъ будетъ государю и гостямъ русскимъ, ибо теперь московскіе и понизовыхъ городовъ торговые люди ходятъ въ Персію многіе, Москвичи, Ярославцы, Костромичи, Нижегородцы, Казанцы, Астраханцы, а съ Тезиковъ, которые пріѣзжаютъ въ Астрахань, берутъ съ рубля по 4 алтына; когда же Англичане станутъ ѣздить въ Персію, то Тезики перестанутъ ѣздить въ Астрахань. Если съ Англичанъ брать пошлину, то государевой казнѣ прибыль будетъ большая, а у торговыхъ людей промыслы отнимутся, потому что имъ съ Англичанами не стянуть; если только отъ того государю будетъ помощь большая, Англичане станутъ платить пошлину большую, то воленъ Богъ да Государь, а имъ для собранія государской казны на время и потерпѣть можно, хотя и убыточно. Гость Григорій Твердиковъ говорилъ: „Въ томъ государская воля; сами они, гости, видятъ, что Государь мыслитъ объ этомъ для скудости; пусть Государь только велитъ Англичанамъ торговать указными своими товарами заморскими, а русскими товарами торговать имъ съ Персіанами не велитъ: русскіе товары туда ходятъ: соболи, кость, рыбій зубъ, цки бѣльи, кожи юфти; да въ Московское же государство привозятъ изъ нѣмецкихъ государствъ ефимки, и отъ того государевой казнѣ и имъ, гостямъ, прибыль большая, пошлина съ ефимковъ сходитъ многая: а теперь если ефимки пойдутъ въ Персію, то государевой казнѣ будетъ убыль многая, а имъ оскудѣнье, въ Персіи лучшій товаръ — ефимки и деньги старыя московскія, и въ Московскомъ государствѣ серебра будетъ мало, и торговымъ людямъ помѣшка и оскудѣнье". — Григорій Никитниковъ говорилъ: „Какъ стало разоренье Московскому

государству и думали, что быть ему за Польскимъ королемъ, то Голландцы тотчасъ послали къ Литовскому королю, давали 100,000 рублей, чтобъ король далъ имъ однимъ дорогу въ Персію. Если и Англичане теперь даютъ въ государеву казну много,—въ томъ егогосударская воля, а даромъ давать дороги въ Персію не-для-чего. Государю было бы прибыльнѣе поторговаться съ Англичанами и Голландцами вмѣстѣ: они одни передъ другими больше дадутъ. Брать съ нихъ небольшую пошлину и думать нельзя, потому что московскимъ торговымъ людямъ быть отъ нихъ безъ промыслу, и государю, думать надобно, челобитье будетъ отъ всей Земли, потому что теперь за персидскіе промыслы торговые люди взялись многіе и оттого богатѣютъ, а государю идетъ пошлина большая". Родіонъ Котовъ сказалъ: „Боятся наша братья того: только Англичанамъ дать дорогу въ Персію,—и ихъ промыслы станутъ; но этого не угадать, всякому своя часть,—и большимъ товаромъ торгуютъ, и малымъ промышляютъ, какъ кто сможетъ. Вотъ и у Архангельскаго города торгъ неровный: сначала пріѣзжаютъ мелкіе люди съ небольшими товарами и торгуютъ ими, а послѣ приходятъ съ большими товарами и также торгуютъ, меньшіе не остаются же, а всякій по своей мѣрѣ исторгуется; такъ и тутъ: иные Персіяне станутъ съ Англичанами торговать въ Персіи, а другіе поѣдутъ въ Астрахань, однимъ Англичанамъ своими товарами какъ Персію затворить? Много въ Персіи охочихъ торговыхъ людей, поѣдутъ за русскими товарами". Остальные гости были противъ позволенія, развѣ только Англичане дадутъ большія деньги въ казну; говорили также, что надобно спросить купцовъ ярославскихъ и нижегородскихъ, потому что они больше всѣхъ торгуютъ съ Персіею.

Вслѣдствіе этихъ отвѣтовъ, бояре спросили у Мерика: какіе товары англійскіе гости повезутъ въ Персію; какіе будутъ тамъ покупать, и гдѣ имъ этими товарами торговать—въ Московскомъ ли государствѣ или возить за море; какая прибыль будетъ отъ того государевой казнѣ, и какую пошлину станутъ платить или сколько денегъ дадутъ въ казну? Мерикъ отвѣчалъ, что Англичане будутъ привозить въ Персію сукна, ефимки, олово сухое и другіе англійскіе товары, а въ Персіи пукупать—шелкъ сырой, краски, ревень, кисеи, миткали, дороги, камки, а тѣ товары, которые привозили въ Московское государство, и впередъ будутъ провозить, дороги эти товары не будутъ". Бояре сказали: „Это такъ; но какая прибыль казнѣ государевой, потому что торговля будетъ въ Персіи?" Мерикъ отвѣчалъ: „Если царское величество велитъ устроить торговымъ людямъ иныхъ государствъ съѣздъ и торгъ въ Астрахани, то въ таможенной пошлинѣ будетъ прибыль большая". Бояре спросили: „Какую пошлину англійскіе гости будутъ платить?" Мерикъ отвѣчалъ: „Объ этомъ мнѣ не наказано. А если вы, бояре, думаете, что отъ нашей торговли съ Персіею государевой казнѣ и людямъ убытокъ будетъ, то я и говорить объ этомъ перестану, король мой убытка государю и его людямъ не желаетъ".

Такимъ образомъ, вопросъ о пошлинѣ разомъ остановилъ все дѣло, ибо Англичане надѣялись безпошлинно провозить свои товары въ Персію. Начали говорить о другихъ дѣлахъ; на жалобу Мерика, что новыя деньги дѣлаются легче вѣсомъ, бояре отвѣчали: „Послѣ царя Ѳеодора Ивановича въ Московскомъ государствѣ учинилась смута, многое разоренье и Земли запустѣніе, царская казна разграблена, а служивыхъ людей умножилось и жалованья дать нечего; государи христіанскіе пограничные помощи не подали,—такъ поневолѣ деньги стали дѣлать легче, чтобъ государство было чѣмъ построить и служилыхъ людей пожаловать. Да и не новое то дѣло: во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только золотые или деньги бывали дороже и легче прежняго,—во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами, и теперь мѣдными деньгами торгуютъ мало не вездѣ; а какъ скоро которое государство поисправится, то опять и деньги поправляются, а укоризны въ томъ нѣтъ никакой. Англійскіе гости всякіе товары стали продавать дороже прежняго: при прежнихъ государяхъ продавали золоченное серебро въ дѣлѣ гривенку по три рубля, а бѣлое и безъ четверти, а теперь продаютъ гривенку по пяти рублей и больше, а серебро въ сосудахъ провозятъ не самое чистое, мѣшанное съ мѣдью, также и сукна привозятъ передъ прежнимъ хуже, поставы меньше, короче и уже, и въ мочкѣ суконъ убываетъ много, а цѣною дороже передъ прежнимъ мало не въ полтора раза; да и не одни англійскіе гости въ Московское государство пріѣзжаютъ, торгуютъ и другихъ земель торговые люди, но они убытковъ себѣ въ деньгахъ никакихъ не сказываютъ". Мерикъ отвѣчалъ: „Голову свою дамъ и честь свою отложу, если серебро хуже стараго; а о сукнахъ отъ короля крѣпкій заказъ,—велѣно сукна дѣлать добрыя и поставы по прежней мѣрѣ, король не хочетъ обманомъ жить". Насчетъ пріема на службу англійскихъ приказчиковъ и слугъ бояре отвѣчали: „У насъ иноземцевъ въ царскую службу неволею не берутъ, силою никого не женятъ и въ Московскомъ государствѣ неволею не оставляютъ никого; а кто царскому величеству бьетъ челомъ въ службу, такихъ великій государь не оскорбляетъ, ко всякимъ иноземцамъ милость свою показываетъ и отъ своего царскаго жалованья не отгоняетъ. А вотъ при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ были посланы въ Англійскую Землю для науки молодыя дѣти боярскія, и они тамъ задержаны неволею, а Никифоръ Алферьевъ и отъ вѣры нашей православной отступилъ, и невѣдомо по какой прелести въ попы сталъ; король бы непремѣнно ихъ прислалъ, чтобъ братской дружбѣ и любви нарушенья не было" Мерикъ отвѣчалъ, что одинъ изъ нихъ умеръ уже, двое въ Индіи: какъ пріѣдутъ—такъ ихъ пришлютъ.

а Никофоръ объявилъ, что онъ ѣхать въ Москву не хочетъ, неволею же послать король не произволилъ. „Да и говорить теперь объ этомъ нечего", прибавилъ Мерикъ: „со мною объ этомъ дѣлѣ не наказано". Мерикъ просилъ, чтобъ къ англійскимъ гостямъ былъ назначенъ особый попечитель изъ бояръ; на это ему отвѣчали, что вѣдаютъ и будутъ вѣдать англійскихъ гостей въ одномъ Посольскомъ приказѣ, а о дѣлахъ ихъ будутъ доносить царю думные посольскіе дьяки. Мерикъ просилъ, чтобъ государь отдалъ назадъ 20,000 рублей, присланные ему королемъ на вспоможеніе противъ Поляковъ, просилъ на томъ основаніи, что король нуждается въ деньгахъ, долженъ помогать зятю своему, Фридриху Пфальцскому, королю Богемскому. Деньги отдали. Отъ пустыхъ земель, выпрошенныхъ прежде Мерикомъ, теперь онъ самъ отказался: „Королевское величество рѣшилъ, что въ чужой Землѣ пашню пахать неприлично"

Отдѣлались отъ Англичанъ,—явились Французы съ тѣми же требованіями. Еще въ 1615 году царь отправилъ во Францію посланниковъ—Ивана Кондырева и подьячаго Невѣрова—съ объявленіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и съ просьбою о помощи противъ Поляковъ и Шведовъ. „Послали мы къ вамъ, брату нашему, говорилось въ царской грамотѣ, наше государство обвѣстить, Сигизмунда короля и Шведскихъ, прежняго и нынѣшняго, королей неправды объявить. А вы, братъ нашъ любительный, великій государь Людвигъ король, намъ бы великому государю способствовалъ, гдѣ будетъ тебѣ можно". Понятно, что Людвигъ XIII ничѣмъ не способствовалъ. Но осенью 1629 года пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ французскій посолъ Людвигъ Дегансъ (Де-Гэ Курмененъ). По царскому указу, Новгородскій воевода послалъ навстрѣчу къ нему пристава Окунева съ лошадью. Приставъ хотѣлъ ѣхать по правую сторону посла, но тотъ съ лѣвой стороны не поѣхалъ и не трогался съ того мѣста, гдѣ встрѣча была; приставъ ему говорилъ, что у государя бываютъ турскіе, персидскіе, нѣмецкіе и другіе послы и по лѣвую сторону ѣздятъ; Французъ отвѣчалъ, что Турція, Персія, Крымъ — земли нехристіанскія, а его король—христіанскій, и потому ему по лѣвую сторону не ѣхать, у него о томъ отъ короля приказъ. Приставъ ему говорилъ, для чего онъ объ этомъ прежде не объявилъ до въѣзда въ Землю государеву? Посолъ отвѣчалъ, что онъ русскаго обычая не знаетъ, потому и не писалъ, и хотѣлъ ѣхать назадъ въ Юрьевъ Ливонскій, съ той лошади сошелъ, которую прислалъ ему воевода, и подводу, на которой ѣхалъ, покинулъ, сталъ въ телѣгахъ да и говоритъ, что ему учиненъ позоръ, и онъ за свой позоръ смерть приметъ. Ему говорили, что изъ государевой Земли безъ государева указа его не отпустятъ; онъ отвѣчалъ: „Если меня назадъ и не отпустятъ, то я буду стоять, кормъ и питье стану покупать на свои деньги; а съ лѣвой стороны не поѣду", и стоялъ до вечера. Наконецъ Французъ придумалъ средство: пусть ѣдутъ два пристава, одинъ по лѣвую, а другой по правую сторону, а онъ въ серединѣ; Окуневъ, посовѣтовавшись съ Псковскимъ архіепископомъ, согласился, самъ ѣхалъ по правую сторону посла, а по лѣвую ѣхалъ одинъ сынъ боярскій въ видѣ пристава. Окуневъ доносилъ, что Французы, ѣдучи дорогою, государевымъ людямъ чинили насильства и обиды; посолъ ихъ не унималъ, а пристава не слушались.

Пріѣхавши въ Москву, посолъ билъ челомъ, чтобъ государь велѣлъ ему давать вина французскаго да рейнскаго, а что имъ идетъ государева жалованья, питья, и они къ тому питью не привычны, да билъ челомъ еще объ уксусѣ. Вина и уксусу дали. Потомъ онъ сталъ требовать: чтобъ на представленіи государю ему быть при саблѣ,—и Кондыревъ предъ его королемъ былъ въ саблѣ; чтобъ, изговоря царскаго величества титулъ, рѣчь говорить ему въ шляпѣ; наконецъ—чтобъ дали ему возокъ. Во всемъ въ этомъ отказали. Въ отвѣтѣ бояре прежде всего начали говорить, что титулъ царскій въ королевской грамотѣ не сполна написанъ. Посолъ отвѣчалъ: „У государя моего въ государствѣ повелось изначала, что онъ ко всѣмъ великимъ государямъ въ грамотахъ своихъ именъ и титуловъ не пишетъ, также и своего королевскаго имени и титула не пишетъ, и новостей вводить нельзя". Бояре сказали: „Отчего же съ Кондыревымъ прислана грамота и въ ней царское именованье написано сполна"? Посолъ отвѣчалъ, что король велѣлъ это сдѣлать по просьбѣ Кондырева: „И если такъ писать, какъ государевъ титулъ говорятъ, то въ титулѣ написаны многія мѣста, всего намъ и не упомнить". Бояре говорили, что до сихъ поръ такого образца не бывало ни отъ которыхъ государей. Посолъ отвѣчалъ: „Если угодно, то государь его впередъ царское именованіе и титулъ велитъ описывать, въ томъ онъ клянется именемъ Божіимъ и королевскою головою". Когда кончились споры о титулѣ, то посолъ объявилъ статьи: 1) Король хочетъ съ царемъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, что царю годно въ его государствѣ, товары или какая сила, то король ни за что не стоитъ. 2) Торговля подданныхъ обѣихъ сторонъ безъ явки и безъ пошлины. 3) У французскихъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ вольности не отнимать и взаперти не держать, держать имъ священниковъ и учителей своей вѣры; быть у нихъ начальному человѣку и вѣдать ихъ во всемъ. 4) Есть въ ихъ странахъ домъ Австрійскій, въ немъ князь особый (король Испанскій), цесарю другъ и цесарева рода, и съ Польскимъ королемъ они стоятъ заодно, помощь чинятъ немалую; королю Французскому тотъ Австрійскій князь недругъ, а царю недругъ Польскій король; прибыль себѣ тѣ князья получаютъ оттого, что посылаютъ торговать въ Восточную Землю и тѣмъ Польскому королю помогаютъ: такъ если царь съ

Французскимъ королемъ будетъ въ дружбѣ и любви, торговлю велитъ Французжанамъ въ Московскомъ государствѣ дать повольную, то государь его станетъ Австрійскій домъ тѣснить и торговлю ихъ восточную отниметъ, у нихъ силы убудетъ—и Польскому королю помогать перестанутъ. 5) Царское величество позволилъ бы Французжанамъ ѣздить въ Персію чрезъ свое государство; оттого царю и его подданнымъ будетъ прибыль большая: Англичане, Голландцы и Брабантцы покупаютъ товары во Французской Землѣ, въ Московскомъ государствѣ продаютъ ихъ дорогою цѣною, и товары привозятъ обычные, а Французжане станутъ товары привозить самые добрые и продавать по своей прямой цѣнѣ. Царское величество глава и начальникъ надъ Восточною страною и надъ Греческою вѣрою, а Людовикъ, король Французскій, начальникъ въ полуденной странѣ, и когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ, любви и соединеньи, то у царскихъ недруговъ много силы убудетъ; цесарь Римскій съ Литовскимъ королемъ заодно, а царю съ королемъ Французскимъ потому же надобно быть въ дружбѣ и на недруговъ стоять заодно. Французскій король Турскому султану другъ; зная, что царскому величеству Турскій султанъ другъ, а надъ православною христіанскою Греческою вѣрою царское величество начальникъ,—зная это, король наказалъ посламъ своимъ въ Царѣградѣ, чтобъ они Русскимъ людямъ и Грекамъ, которые при нихъ будутъ, въ Царѣградѣ во всякихъ дѣлахъ помогали. Такіе великіе государи—король Французскій и царское величество—вездѣ славны, другихъ такихъ великихъ и сильныхъ государей нѣтъ, и подданные ихъ всѣ люди во всемъ имъ послушны; не такъ какъ Англичане и Брабантцы дѣлаютъ все по своему хотѣнью, что есть дешевыхъ товаровъ—скупятъ въ Испанской Землѣ, да Русскимъ людямъ и продаютъ дорогою цѣною, а Французжане будутъ продавать все дешево. Бояре отвѣчали отказомъ въ безпошлинной и персидской торговлѣ, говоря, что Французы могутъ покупать персидскіе товары у русскихъ купцовъ, кромѣ заповѣдныхъ—бѣлаго шелка сыраго и селитры; отказали и въ учителяхъ вѣры для Французовъ, потому что у другихъ иноземцевъ такихъ нѣтъ въ Москвѣ, хотя посолъ и утверждалъ, что въ Парижѣ 12 церквей греческихъ, и у Французовъ обычай бывать у отца духовнаго по четыре раза въ годъ, такъ какъ безъ отцовъ духовныхъ быть имъ нельзя. Такимъ образомъ, Курмененъ уѣхалъ, не добившись ничего новаго.

Вслѣдъ за французскимъ, въ августѣ 1630 года, явились послы голландскіе: Альбертъ Конрадъ Бургъ и Іоганъ Фелтдриль, били челомъ великимъ государямъ, Михаилу и Филарету, за то, что они жалуютъ торговыхъ Голландскихъ людей, и объявили отъ имени Штатовъ и принца Генриха Оранскаго, что они начали войну съ королемъ Испанскимъ и его совѣтниками, папою Римскимъ и цесаремъ. Король Испанскій, папа Римскій и цесарь ищутъ всюду ввести свою проклятую папежскую вѣру, а православную христіанскую искоренить, и царскому величеству они недоброхоты же,—такъ Штаты и принцъ Генрихъ велѣли царскому величеству объявить, что они хотятъ имѣть съ нимъ дружбу и соединеніе и торгу въ Московскомъ государствѣ хотятъ прибавить; а когда они съ царскимъ величествомъ будутъ въ дружбѣ и торговля ихъ будетъ прибавлена и укрѣплена, то папежанамъ всѣмъ будетъ поруха большая. Голландцы ведутъ торговлю въ Литовской Землѣ, въ Данцигѣ покупаютъ пепелъ и золу, и ленъ, и пеньку дорогою цѣною, и Польскому королю платятъ пошлины большія, литовскимъ торговымъ людямъ оттого барыши большіе; но Штатамъ и принцу Генриху извѣстно, что товары эти идутъ въ Литовскую Землю изъ Московскаго государства; такъ царское величество учинилъ бы заказъ, чтобъ Московскіе люди этихъ товаровъ—золы, льну и пеньки—въ литовскіе города не возили, а возили бы къ Архангельскому городу, а Голландцы эти товары станутъ у нихъ покупать, царской казнѣ будетъ прибыль большая, а Польскому королю ежегодно убытка будетъ по 100,000 ефимковъ большихъ, и подданные его будутъ безъ промыслу и въ скудости. Когда царское величество на это согласится, то Штаты и принцъ Генрихъ закажутъ своимъ подданнымъ накрѣпко, чтобъ они въ Данцигъ на корабляхъ за товарами не ходили, а ѣздили бы къ Архангельскому городу. Кромѣ того, Штаты и принцъ Генрихъ велѣли царскому величеству объявить: государь жаловалъ иноземцевъ, велѣлъ въ Московскомъ государствѣ хлѣбъ покупать, но тотъ весь хлѣбъ очутился у нихъ въ Голландской Землѣ, иноземцы продали его у Архангельскаго города Голландцамъ и барыши себѣ взяли большіе, двойныя деньги. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ Голландцамъ пріѣзжать къ Архангельскому городу и въ Москву и съ русскими торговыми людьми торговать повольною торговлею, а пошлину брать умѣренную, какъ съ другихъ иноземцевъ берутъ. Да высокіе же Штаты приказали просить, чтобъ царское величество и его святѣйшество приказали вывозить въ Нидерланды хлѣбъ и селитру сколько можно, за что Штаты позволятъ царскимъ подданнымъ вывозить изъ Нидерландской Земли всякіе товары, деньги и военные запасы, и всякую помощь царскому величеству оказывать.

Посламъ отвѣчали, что многимъ безъимяннымъ голландскимъ торговымъ людямъ торговать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ нельзя, потому что государевымъ людямъ оттого будетъ тѣснота и убытки большіе; такъ они бы, послы, написали именно, сколькимъ ихъ людямъ Голландскимъ торговать въ Москвѣ и по городамъ, ибо и Англичане торгуютъ немногіе же люди. Государь и святѣйшій патріархъ указали Голландцамъ держать въ Москвѣ агента точно такъ же, какъ и Англичане держатъ; что же касается до продажи золы, льна и пеньки только Голландцамъ,

то когда будетъ голландскій агентъ въ Москвѣ, онъ станетъ уговариваться съ московскими торговыми людьми, и Голландцы будутъ покупать эти товары въ Москвѣ и въ указныхъ городахъ. Послы говорили: „Слышали мы слухомъ и подлинно знаемъ, что Московское государство землею пространно, и многія земли, на которыхъ можно хлѣбъ пахать, лежатъ пусты; если царское величество и отецъ его, святѣйшій патріархъ, позволятъ голландскимъ торговымъ людямъ пріѣзжать многимъ, кто захочетъ, то изъ нихъ тѣ, которымъ пашенное дѣло за обычай, станутъ великимъ государямъ бить челомъ, чтобъ они эти пустыя земли пахать позволили. Голландцы станутъ распахивать по своему обычаю и товары всякіе готовить, какъ у нихъ ведется; отъ этого царской казнѣ будетъ многая прибыль въ пошлинахъ, а московскимъ торговымъ людямъ будутъ барыши добрые. Изъ Швеціи, изъ восточной и западной Индіи и изъ Голштиніи сами присылаютъ и просятъ у Голландскихъ Штатовъ, чтобъ голландскимъ торговымъ и всякимъ людямъ позволили пріѣзжать и пустыя мѣста распахивать; но Штаты этого не позволили, а велѣли просить у царскаго величества, чтобъ Голландскимъ всякимъ людямъ пріѣзжать въ Московское государство для торговли и для пашни".—Но въ Думѣ рѣшили: „Въ пашнѣ отказать и всякимъ людямъ мимо письменныхъ торговыхъ людей не ѣздить. Отказано было и въ томъ, чтобъ хлѣбъ и селитру продавали исключительно голландскимъ купцамъ; государи приказали только продать голландскимъ посламъ 23,000 четвертей ржи изъ того хлѣба, который назначенъ былъ въ Астрахань. Послы просили, чтобъ позволено было Голландцамъ по Двинѣ рѣкѣ и у Архангельскаго города самимъ лѣсъ рубить и у Русскихъ людей покупать лѣсъ большой дубовый и сосновый, корабли изъ него дѣлать у Архангельска, а другой лѣсъ возить къ себѣ за море. Это было дозволено съ условіемъ, чтобъ Голландцы нанимали Русскихъ людей рубить лѣсъ и покупали бы его только у Русскихъ людей. Наконецъ послы просили, чтобъ позволено было Голландцу Эрнесту Филипсу и компаніи производить тридцать лѣтъ исключительную и безпошлинную торговлю съ Персіею черезъ Московское государство, за что компанія будетъ вносить ежегодно въ царскую казну по 15,000 рублей. На это отвѣчали, что быть тому невозможно: Англійскому королю отказано по челобитью торговыхъ людей Московскаго государства Бояре спросили пословъ: только ли имъ и наказа, что о торговлѣ? Послы отвѣчали: „Кромѣ торговли, намъ ни о какихъ другихъ дѣлахъ не наказано, а торговля дѣло большое—во всѣхъ государствахъ большая дружба и государямъ прибыль, а подданнымъ прибытки бываютъ отъ торговаго промысла". Бояре сказали на это: „Между государями и государствами дружба и любовь бываетъ не для одной торговли".

За Голландцами явились Датчане съ тѣми же предложеніями. Въ іюнѣ 1631 года пріѣхалъ въ Москву полномочный датскій посолъ Малтеюлъ Гизингарскій для заключенія мирнаго докончанія и съ требованіями: во-1) чтобъ между обоими государствами была безпошлинная торговля; 2) въ 1630 году позволено было Датчанамъ купить хлѣба 3,000 ластовъ; хлѣбъ купленъ, но не сполна; такъ теперь бы позволено было докупить безпошлинно, и впередъ бы съ хлѣба пошлинъ не брать; 3) чтобъ голландскому купцу Давиду Николаеву позволено было быть агентомъ надъ датскими торговыми людьми, дать ему жалованную грамоту, написать гостинымъ именемъ; 4) чтобъ дана была дорога датскимъ купцамъ въ Персію; 5) чтобъ позволено было ему, послу, посмотрѣть гробъ королевича Іоанна. Послу отвѣчали, что въ шахову Землю дороги никому давать не велѣно; объ агентѣ указъ будетъ послѣ мирнаго докончанія; хлѣба велѣно купить въ три года 75,000 четвертей ржи, по 25,000 на годъ: пусть такъ и будетъ; о безпошлинной торговлѣ отказано; что же касается до мирнаго докончанія, то для этого царь отправитъ своихъ пословъ къ Датскому королю. Къ отвѣту своему бояре присоединили жалобу, что въ 1623 г. приходили въ государеву Землю, въ Кольское становище, шесть датскихъ кораблей—и царскихъ подданныхъ погромили, причемъ Датчане говорили, что дѣлаютъ это по повелѣнію своего короля за пожитки Нѣмчина Клима Юрьева, который пріѣзжалъ въ Кольскій острогъ въ 1620 году. А тотъ Нѣмчинъ Климъ Юрьевъ, будучи въ Кольскомъ острогѣ, воровалъ, говорилъ про великаго государя и про его Землю непригожія слова, дѣлалъ многую ссору и хотѣлъ безъ царскаго повелѣнія идти въ Пустоозеро; за это его взяли на время къ Архангельскому городу, пожитки его были переписаны, а потомъ его за море отпустили и пожитки отдали.

Посолъ просилъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ позволено было на будущіе годы покупать хлѣбъ сверхъ прежде позволеннаго; чтобъ взятыя пошлины съ хлѣба возвратили и впередъ не брали. Ему отвѣчали: въ будущіе годы каковъ хлѣбу будетъ урожай и какова цѣна, этого теперь знать нельзя; съ недокупленныхъ 25,000 четвертей, которыя пойдутъ на 1632 годъ, пошлинъ брать не велѣно. Наконецъ посолъ обратился къ главному: „Я присланъ," говорилъ онъ, „для заключенія мира, и не понимаю, зачѣмъ это дѣло откладываютъ до другихъ пословъ, которыхъ отправятъ въ Данію?" Бояре отвѣчали, что онъ присланъ одинъ, безъ товарищей, и потому при немъ одномъ царь не будетъ креста цѣловать на докончаньи, такъ не повелось. Посолъ возражалъ, что король его всюду посылаетъ по одному послу, и ему вѣрятъ по грамотамъ королевскимъ. Но въ Москвѣ боялись, чтобъ мирное докончанье съ Даніею не повредило дружественнымъ отношеніямъ къ Швеціи, и потому бояре отвѣчали послу: „Закрѣпить съ тобою нельзя еще потому, что тебѣ ничего не наказано о другѣ царскомъ, королѣ Густавѣ-Адольфѣ: хочетъ ли король Христіанъ быть въ такой же дружбѣ съ Шведскимъ

королемъ Густавомъ-Адольфомъ, какъ и съ нашимъ государемъ?" Бояре предложили написать договорныя грамоты и послу цѣловать крестъ, чтобъ задора, обидъ и неправъ никакихъ съ обѣихъ сторонъ не было, пока вѣчное докончаніе совершится. Посолъ согласился; но когда надобно было писать грамоты, то вышелъ споръ: посолъ никакъ не согласился въ своей записи написать имя королевское послѣ царскаго, почему и былъ отпущенъ безъ грамоты и безъ отвѣтнаго списка за его упрямство; при отпускѣ ему не позволено было ничего сказать въ свое оправданіе, у руки царской онъ былъ, но скамейки ему не было, за его упрямство царь и патріархъ сѣсть ему не велѣли, также и стола ему не было.

Вслѣдъ за этимъ упрямцемъ, отправились въ Данію (въ декабрѣ 1631 года) московскіе послы, дворяне Василій Коробьинъ, Иванъ Баклановскій и дьякъ Грязевъ, съ наказомъ настаивать, чтобъ имя царское было написано прежде королевскаго. Если скажутъ, что Шведскій король имя свое пишетъ въ грамотахъ прежде царскаго, то отвѣчать: „Шведскій король царскому величеству другъ, показалъ великому государю нашему многую дружбу, любовь и правду; великій государь нашъ Шведскому королю подвиженъ своею царскою дружбою и любовью противъ его многаго добра, а докончанье учинено съ Шведскимъ королемъ въ то время, какъ Московское государство было въ разореньи, и Шведскій король во всемъ ищетъ царскому величеству чести и повышенья"

Пословъ ждалъ дурной пріемъ: ихъ поставили въ Копенгагенѣ у купца; дворъ былъ очень худъ и тѣсенъ, самимъ имъ и малыхъ покоевъ не было, запасовъ положить и людямъ дѣться негдѣ; у посольскаго двора поставили сторожей, многихъ людей, солдатъ съ ружьемъ, и берегли накрѣпко, государевымъ людямъ со двора и къ посламъ на дворъ никакому человѣку ходить не велѣли. Послы спрашивали у толмачей, что это значитъ. Тѣ отвѣчали, что тѣснота учинена по жалобамъ посла Малтеюла, и особенно толмача Клима Блома, будто имъ въ Москвѣ на пріѣздѣ и на отпускѣ было оскорбленье великое, будто были заперты и во всемъ была имъ скудость, и отпущены ни съ чѣмъ. Послѣ представленія, король обѣдать пословъ не позвалъ, а прислалъ кормъ къ нимъ на домъ, причемъ секретарь королевскій объявилъ, что они, Датчане, будутъ пить напередъ чашу королевскую, а потомъ царскую и патріаршескую, по московскому обычаю—пить прежде здоровье своего государя: послы не согласились, здоровья королевскаго не пили, пили одни Датчане, а потомъ послы царской чаши уже не предлагали. Начали говорить о вѣчномъ докончаніи: король не согласился, чтобъ его имя было поставлено послѣ царскаго, и послы были отпущены только съ любительными грамотами, не сдѣлавъ ничего.

Въ 1630 году пріѣхали въ Москву послы отъ Бетлемъ-Габора, называвшагося королемъ Венгерскимъ. То были два француза—одинъ Карлъ Таллеранъ, маркизъ Дасседевиль, другой—Руссель. Послѣдній обнесъ своего товарища передъ Московскимъ правительствомъ въ злыхъ умыслахъ, и несчастнаго Дасседевиля засадили въ Костромѣ за пристава. Герцогъ Соассонскій, принимая участіе въ судьбѣ Дасседевиля, просилъ Англійскаго короля Карла I исходатайствовать у Русскаго царя освобожденіе ему; король согласился, и вмѣстѣ съ Генрихомъ Нассаускимъ прислалъ объ этомъ дѣлѣ грамоты къ царю и патріарху въ 1632 г. Грамоты привезъ французъ Гастонъ де-Шаронъ, и получилъ такую отвѣтную грамоту къ Англійскому королю: „Присылалъ къ намъ пословъ своихъ Бетлемъ-Габоръ, король Венгерскій, о дружбѣ и любви, и въ своихъ грамотахъ писалъ, что отправилъ къ намъ пословъ своихъ, Карлуса Тулрандуса, котораго ваше величество пишете теперь маркизомъ, и Якова Русселя. Когда эти послы были у насъ, то пришла вѣсть, что Венгерскаго короля Бетлемъ-Габора не стало, и посолъ его Карлусъ хотѣлъ ѣхать изъ нашего государства къ Испанскому королю, и хотѣлъ Турецкаго султана Мурада съ Испанскимъ королемъ ссорить: но такъ какъ мы съ Турецкимъ султаномъ въ дружбѣ и любви, то мы этому Карлусу велѣли побыть въ нашемъ Московскомъ государствѣ до времени, чтобъ онъ султана съ королемъ Испанскимъ не ссорилъ; и теперь, не сославшись съ султаномъ Мурадомъ и не сыскавши объ этомъ дѣлѣ допряма, освободить его нельзя". Уже въ 1635 году самъ король Людовикъ XIII прислалъ въ Москву грамоту, въ которой просилъ царя отпустить Таллерана, и просьба была исполнена.

Мы видѣли, что царь Михаилъ началъ очень дружественныя сношенія съ Персидскимъ шахомъ Аббасомъ, который прислалъ даже денегъ ему на помощь. Въ 1618 году поѣхали изъ Москвы въ Персію князь Михайла Петровичъ Борятинскій, дворянинъ Чичеринъ и дьякъ Тюхинъ съ благодарностію за присланное и съ просьбою прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье, по случаю войны Польской. Эти послы были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать къ себѣ младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенія съ иностранными послами,—обращенія, противъ котораго тщетно до сихъ поръ протестовали правительства европейскія; Аббасъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: „Приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ отъ того между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда мои послы были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ, въ Казани и Астрахани, запирали по дворамъ, какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы.

Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу такъ, что и птицѣ черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ нелюбовь: воеводы его въ Астрахани и Казани и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго, и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло птица ястребъ, купилъ его мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и Татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдный товаръ! Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ подарокъ, а я изъ нихъ только велю вырвать по перу да и выпущу всѣхъ—пусть летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубытчатъ, то я имъ тотчасъ же велю брюхо распороть".

Послѣ этого пословъ долго не отпускали; князь Борятинскій и умеръ въ Персіи, а Чичеринъ и Тюхинъ возвратились въ 1620 году съ шаховымъ посломъ Булатъ-Бекомъ. Въ грамотѣ, подданной послѣднимъ, Аббасъ писалъ: „Желаемъ, чтобъ между нами, великими государями, дружба, любовь и соединеніе были попрежнему; а если какое дѣло ваше случится у насъ въ государствѣ, то вы намъ о немъ объявите, и мы станемъ его съ радостію исполнять. Пишемъ къ вамъ о дружбѣ, любви и соединеніи, кромѣ же дружбы и любви ничего не желаемъ". На отвѣтѣ посолъ объявилъ боярамъ о желаніи шаха, чтобы царь велѣлъ поставить въ Кумыцкой Землѣ города, вслѣдствіе чего между шахомъ и царемъ никого другого въ сосѣдяхъ не будетъ, и недругамъ своимъ оба будутъ страшны. Посолъ жаловался также на обиды, дѣлаемыя персидскимъ купцамъ воеводами, таможниками и толмачами. Думный дьякъ Грамотинъ, въ свою очередь, жаловался на дурной пріемъ, который былъ сдѣланъ въ Персіи московскимъ посламъ, князю Борятинскому съ товарищами, жаловался и на то, что шаховы войска разорили Иверскую и Грузинскую Землю, несмотря на то, что земли эти православныя и находятся подъ властію государя Московскаго. Съ этимъ Булатъ-Бекъ и отправился; а между тѣмъ несчастный дьякъ Тюхинъ дорого платился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки. Когда Чичеринъ и Тюхинъ изъ Астрахани дали знать царю, какъ у нихъ дѣлалось дѣло въ Персіи, то государь говорилъ съ боярами, что Тюхинъ, ѣздившій безъ своихъ товарищей одинъ къ шаху, сдѣлалъ это вопреки прежнимъ обычаямъ невѣдомо для какой мѣры, и потому чаять въ немъ воровства. Вслѣдствіе этого подозрѣнія, указалъ государь послать навстрѣчу къ посламъ дворянина добраго, который долженъ встрѣтить ихъ на дорогѣ между Казанью и Нижнимъ, взять у Тюхина всѣ пожитки и письма, переписать и перепечатать, и самого Тюхина привезти въ Москву. Несмотря на то, что Чичеринъ и толмачъ оправили Тюхина, показавъ, что онъ ѣздилъ къ шаху поневолѣ, бояре нашли разные другіе грѣхи и приговорили: „Михайлу Тюхина про то про все, что онъ былъ у шаха наединѣ, къ приставу своему Гуссейнъ-Беку на подворье ходилъ одинъ и братомъ его себѣ называлъ, польскихъ и литовскихъ плѣнниковъ изъ московской тюрьмы взялъ съ собою, и въ Персіи принялъ къ себѣ обусурманившагося малороссійскаго казака,—разспросить и пытать накрѣпко, ибо знатно, что онъ дѣлалъ для воровства и измѣны или по чьему-нибудь приказу". Было несчастному 70 ударовъ, двѣ встряски, клещами горячими по спинѣ жгли,—а въ измѣнѣ и воровствѣ не признался, о литовскихъ плѣнникахъ сказалъ, что дали ему ихъ изъ Разряда по челобитной; Черкашенина взялъ къ себѣ въ Персіи для толмачества; приставъ называлъ его кардашомъ (братомъ), и онъ называлъ его кардашомъ, безъ хитрости. Несмотря на то, бояре приговорили—дьяка Тюхина за измѣну и воровство сослать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ одномъ изъ сибирскихъ пригородовъ.

Иной пріемъ, чѣмъ Борятинскій съ товарищами, получили московскіе посланники, отправленные въ Персію въ 1621 году. Коробьинъ и Кувшиновъ. Аббасъ осыпалъ ихъ любезностями, поднимая руки и глаза къ небу, говорилъ: „Государство мое и люди мои и казна моя—все не мое, все Божіе, да государя царя Михаила Θеодоровича; во всемъ воленъ Богъ да онъ, великій государь". Въ 1624 году шаховы послы, Русанъ-Бекъ и Булатъ-Бекъ, поднесли патріарху Филарету драгоцѣнный подарокъ, срачицу Христову, похищенную въ Грузіи. Но Персіянамъ въ Москвѣ и русскимъ посламъ въ Персіи не счастливилось. На Русанъ-Бека царь жаловался шаху, что онъ дѣлалъ всякія непригожія дѣла и былъ у царскаго величества въ непослушаніи,—и Русанъ поплатился за это головою. Вмѣстѣ съ Русанъ-Бекомъ пріѣхали въ Персію московскіе послы, князь Григорій Тюфякинъ, Григорій Θеофилатьевъ и дьякъ Пановъ; на нихъ шахъ жаловался царю, что когда они пришли въ Персію, то онъ, Аббасъ, находился въ то время подъ Багдадомъ и просилъ пословъ прислать къ нему туда кречетовъ, но они не прислали, и когда потомъ представились ему, то поднесли птицъ живыхъ двѣ или три, да поднесли птичьи хвосты и перья; потомъ присланы были съ ними отъ царя къ шаху оконничные мастера, и они этихъ мастеровъ не прислали вовремя. По шаховой просьбѣ, не пошли представляться къ шаху на томъ основаніи, что не могутъ представляться вмѣстѣ съ другими послами; когда шахъ звалъ ихъ на площадь смотрѣть конское ученье, то они не послушались, не поѣхали; наконецъ не пошли къ шаху въ томъ платьи, которое онъ имъ подарилъ. Во всемъ этомъ послы поступили по буквѣ наказа, и бояре объявили шахову послу, что Тю-

фякинъ съ товарищами не виноваты; несмотря на то однако, царь вѣритъ шаху, что послы прогнѣвили его, и потому велѣлъ положить на нихъ наказанье великое. Дѣйствительно положена была на пословъ опала за то, что когда за столомъ у шаха пили царское здоровье, то князь Тюфякинъ не допилъ своей чаши. За такую вину пословъ слѣдовало бы казнить смертью, сказано въ приговорѣ, но государь для сына своего, царевича Алексѣя, и по просьбѣ отца своего, патріарха Филарета Никитича, велѣлъ только посадить ихъ въ тюрьму, отобравши помѣстья и вотчины. Кромѣ этой вины, нашлись еще другія: въ городѣ Ардебилѣ князь Тюфякинъ велѣлъ украсть татарченка, котораго продалъ въ Кумыцкой Землѣ, а въ Кумыцкой Землѣ велѣлъ украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши въ сундукъ.

Съ Австріею не было сношеній и послѣ Деулинскаго перемирія; въ началѣ 1632 года пріѣхалъ-было на границы посолъ императора Фердинанда II, но не былъ принятъ, потому что дворъ его состоялъ изъ Поляковъ, съ которыми уже готовъ былъ разрывъ. Хронографъ, который, какъ мы видѣли, не очень пріязненно отзывался о Филаретѣ Никитичѣ, упрекаетъ его и въ томъ, будто онъ былъ виновникомъ второй Польской войны, ибо желалъ отомстить Полякамъ за претерпѣнныя отъ нихъ притѣсненія. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить чувства Филарета относительно Польши, но должны замѣтить, что каковы бы ни были эти чувства, война была неминуема. На Деулинское перемиріе согласились въ Москвѣ, не имѣя средства съ успѣхомъ вести войну, желая отдохнуть хотя немного, собраться съ силами и освободить отца государева изъ заточенія; но долго оставаться въ томъ положеніи, въ какое царь Михаилъ былъ поставленъ Деулинскимъ перемиріемъ, было нельзя: Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на Московскій престолъ, Польское правительство не признавало Михаила царемъ, не хотѣло сноситься съ нимъ, называть его, — и это при безпрерывныхъ столкновеніяхъ, безпрерывныхъ сношеніяхъ двухъ сосѣднихъ государствъ! Русскіе никакъ не могли войти въ подобныя отношенія, требовали, чтобъ польскіе державцы называли въ своихъ грамотахъ великаго государя Михаила Θеодоровича,—тѣ отказывались; но одного отказа было мало; нѣкоторые изъ нихъ осмѣливались писать про Михаила непригожія рѣчи, называть его полуименемъ, порочить его избраніе! Нужна ли была еще къ тому мстительность Филарета Никитича, чтобъ начать войну при первомъ удобномъ случаѣ?

Уже въ сентябрѣ 1619 года царскіе Вяземскіе воеводы писали къ королевскимъ Дорогобужскимъ воеводамъ, жалуясь, что они не называютъ Михаила царемъ. Тѣ отвѣчали: „Мы, по наказу и правдѣ, пишемъ царскій титулъ великаго государя Владислава Жигимонтовича всея Руси, да и впередъ писать будемъ, потому что Всемогущій Богъ даровалъ ему это и вашими душами, душами всего народа Московскаго, всякихъ людей утвердилъ; справедливо ли вы поступаете, что мимо него, истиннаго государя своего, называете государемъ Московскимъ Михаила Θеодоровича Романова? Мы однако съ вами объ этомъ не споримъ и ссоры не начинаемъ, пока Господь Богъ волю свою совершитъ. Говорили много объ этомъ великомъ дѣлѣ великіе послы, когда нынѣшній миръ постановляли, но и они это не отговаривали и не замирили, титула и правъ королевичевыхъ на Московское государство не отставили, а еще и утвердили, потому что дѣло это положили на судъ Божій, чтобъ Богъ Всемогущій, Который Самъ началъ, Самъ же и кончилъ, о чемъ и въ перемирныхъ грамотахъ написано; поэтому и дожидаемся суда Божія". Бояре въ 1619 же году отправили къ панамъ раднымъ посланника Кирѣевскаго съ грамотою, въ которой писали: „Вы бы, паны радные, впередъ того остерегали, прошлаго, минувшаго, отказнаго дѣла, за которое кровь христіанская лилась, чего государя вашего сыну Богъ не далъ, не начинали, изъ мысли бы то выложили, и королевича Владислава чуждаго государства государемъ не описывали. А что вы въ своемъ листѣ писали о бояринѣ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ и о Юріи Трубецкомъ, будто они стоятъ въ правдѣ, крѣпко, королевичу служатъ, отъ него милость и жалованье принимаютъ, то намъ извѣстно, что князя Ивана Шуйскаго и другихъ въ Московское государство не отпустили вы неволею, и сдѣлали это противъ посольскаго договора; а королевичеву милость и жалованье къ князю Ивану и къ князю Юрію мы также знаемъ: князь Иванъ ходитъ пѣшкомъ и служитъ себѣ самъ, по временамъ и за сторожами у гайдуковъ бываетъ; князю Юрію немного получше, содержатъ его побогаче, только и онъ часто отъ пахоликовъ вашихъ бываетъ въ страхѣ".

Паны отвѣчали, что по ихъ челобитью король велѣлъ князя Шуйскаго отпустить въ Москву; но относительно главнаго дѣла неудовольствія увеличились. Еще боярамъ, отправлявшимся на Поляновскій съѣздъ, данъ былъ наказъ: „Въ городахъ, которые уступлены въ литовскую сторону, державцами сдѣланы Московскаго государства измѣнники: въ Дорогобужѣ Ларька Корсаковъ, въ Серпейскѣ Юшка Потемкинъ, на Невлѣ Ивашка Мещериновъ; пишутъ они государевымъ воеводамъ листы о всякихъ дѣлахъ, но царскаго величества воеводамъ съ измѣнниками ссылаться непригоже. Когда бояре будутъ съ панами на съѣздъ, то поговорить имъ что въ установленныхъ городахъ державцами посажены Московскаго государства измѣнники и всему Московскому государству они грубны; если имъ быть въ украинскихъ городахъ, то безъ смутъ и ссоры въ порубежныхъ дѣлахъ не обойдется" Представленіе это осталось безъ дѣйствія, и, въ августѣ 1620 года, Мещериновъ прислалъ къ Великолуцкому воеводѣ грамоту, въ которой Михаила Θеодоровича писалъ безъ государскаго именованья; воевода донесъ объ этомъ въ Москву, и оттуда по-

*

лучилъ грамоту, которую долженъ былъ переслать къ Мещеринову отъ имени Великолуцкаго городоваго приказчика. Въ грамотѣ говорилось: „Пишете въ своемъ листѣ непопригожу, великаго государя описываете безъ государскаго именованья; чего не только тебѣ, мужику, вору, и великимъ государямъ писать и Богомъ дарованную честь отнимать не годится. Царскаго величества воевода очень удивляется товарищу твоему, что онъ пишетъ непопригожу, и мирнаго постановленія не остерегаетъ, а на тебя, бѣснаго пса, пенять нечего, когда ты забылъ Бога, православную вѣру и свою природную Землю,—на тебѣ какого добра пытать? ты за свое воровство не только въ будущемъ вѣкѣ Божія праведнаго суда, и здѣсь мщенья не убѣжишь; до того у васъ не долго, что тебя, крестопреступника, христіанскаго измѣнника, худой гайдукъ или сельскій мужикъ какъ пса, на корчмѣ или иномъ какомъ-нибудъ злодѣйствѣ убьетъ".

Но мало того, что державцы, указывая на мирное постановленіе, не хотѣли называть Михаила Өеодоровича царемъ, нѣкоторые изъ нихъ начали требовать, чтобъ и русскіе воеводы не называли его царемъ, а сами начали называть его уничижительнымъ полуименемъ и заподозривать законность его избранія. Литовскій Серпейскій державца писалъ московскому Мосальскому воеводѣ Хитрову: „Ты къ намъ пишешь грамоты не по мирному постановленію, своего М. величаешь царемъ, какъ будто не знаешь, что все государство Московское, думаю и самъ ты и М. тотъ королевичу нашему крестъ цѣловали; миръ заключенъ былъ между государствами, а не съ М., посланникъ Кирѣевскій приходилъ въ Литву не отъ М., но отъ пановърадъ государства Московскаго!" На эту грамоту отвѣчалъ Калужскій воевода Вельяминовъ: „Изъ вашего письма видно, что вы не шляхетскаго, а холопскаго неучтиваго ложа дѣти, и, по своей неучтивой, послѣдней, наипростѣйшій природѣ, скверныя ваши уста на великаго государя нашего, помазанника Божія, отверзаете, подобно бѣшеному псу; на такого помазанника Божія вамъ, собакамъ, непристойно было хульныхъ своихъ устъ отверзать и такимъ простымъ именемъ его государя злословить". Эта грамота вызвала отвѣтъ, еще болѣе дерзкій: „Описываешь М. Романова, жильца государя царя Владислава Жигимонтовича всея Руси, котораго воры казаки посадили съ Кузьмою Мининымъ на Московскомъ государствѣ безъ совѣта съ вами, боярами и дворянами. Нынѣ онъ не на своемъ престолѣ сидитъ, а на того, который искони государь, и сынъ государевъ, а не монашескій". Вельяминовъ отвѣчалъ: „Вы нынѣшняго короля своего называете Шведомъ; королеву его безчестите и браните неучтивыми рѣчами и дѣтей ихъ; у васъ повелось издавна, съ государями вашими какъ хотите, такъ и дѣлаете; они на васъ за то не гнѣваются, потому что вспихнете ихъ на королевство, а потомъ сами и спихнете, какъ сдѣлали съ Генрихомъ королемъ, а послѣ того и Стефана короля отравили, который вами хотѣлъ владѣть какъ годно государямъ. Мы великимъ государямъ своимъ никогда такой измѣны не дѣлывали... И прежде великій государь, патріархъ Филаретъ Никитичъ, въ мірѣ былъ великій и ближній сенаторъ. Владиславу вашему того великаго государства Богъ не далъ за отца его и за его неправды, за вашу собацкую ложь и за лакомство, и впередъ Владиславу государства Московскаго не видать никогда; пошатавшись по чужимъ землямъ, можетъ и даромъ сгинуть, или отправитъ его на тотъ свѣтъ мачиха, а его родная тетка по матери, что у васъ не новое". Серпейскій державца не остался въ долгу: ругательства усиливались все болѣе и болѣе, дѣло дошло до послѣдней брани...

Бояре послали къ панамъ списокъ съ грамоты Серпейскаго державцы, объявляя, что подобныхъ вещей терпѣть не будутъ, и требуя наказанія баломутамъ. Паны отвѣчали, что они мирнаго постановленія не нарушаютъ ни въ чемъ, и давали знать, что самозванцы готовы, хотя король имъ и не благопріятствуетъ: „Сами знаете, что изъ вашего народа Московскаго нѣкоторые, называясь государскими сыновьями, опять грамоты разсылаютъ и людей вольныхъ военныхъ къ себѣ призываютъ, съ Запорожскими и Донскими казаками ссылаются, и, по примѣру Димитрія, войною государства Московскаго доступать хотятъ,—отъ того великая смута на вашей украйнѣ была; но король заказъ крѣпкій учинилъ, чтобъ никто изъ людей его не смѣлъ идти". Относительно царя Михаила паны отвѣчали, что онъ написанъ въ перемирной записи Михаиломъ Өеодоровичемъ, а не государемъ потому, что Владиславъ отъ своихъ правъ не отказывался. Относительно же грамоты державца Серпейскаго паны писали: „Мы этотъ списокъ вычитали и видѣли, что они, какъ солдаты, служивые люди, не зная письменнаго обычая, какъ въ чужія государства пишутъ, попросту писали". Въ октябрѣ 1620 года пріѣхали въ Москву посланники отъ пановъ—Александръ Слизень и Николай Анфоровичъ съ тѣми же рѣчами: „Владиславъ правъ своихъ на Московское государство не оставилъ, и васъ всѣхъ и съ вами Михаила Өеодоровича, котораго вы теперь государемъ у себя называете, отъ крестнаго цѣлованья не освободилъ". Опять паны писали о воровскихъ заводахъ для угрозы боярамъ, желая показать, что отъ короля зависитъ сдержать и наслать самозванца на Московское государство. „Въ то время, писали паны, какъ коммисары на Оршѣ платили жалованье войску, разводили его изъ полковъ и войско разъѣзжалось, объявился новый заводъ: начали метать войску грамоты отъ имени Ивана Димитріевича царевича Московскаго, московскимъ письмомъ и за московскою печатью; пишутъ въ грамотахъ, что онъ живъ и проситъ войско, чтобъ оно, помня къ себѣ жалованье отца его, шло въ Московскую Землю и помогало ему доступать отчины, государства Московскаго, а онъ имъ обѣщаетъ добрую на-

граду. Многіе въ войскѣ этому повѣрили и хотѣли-было на службу къ нему идти, но коммисары доказывали рыцарству многими словами, что это выдумка, и пригрозили именемъ королевскимъ, чтобъ никто изъ нихъ за такое воровское дѣло не брался; отецкія дѣти всѣ ихъ послушались, по домамъ разъѣхались, а казаки и пахолики нѣкоторые пошли къ Запорожскимъ казакамъ, чтобъ съ ними вмѣстѣ провожать того Ивана въ Землю Московскую; тогда король тотчасъ разослалъ листы во всѣ украинскія мѣста, и Запорожцамъ послалъ приказъ съ угрозою, чтобъ всѣ разъѣхались съ границъ".

Въ такомъ положеніи находились польскія дѣла, когда, въ августѣ 1621 года, пріѣхалъ въ Москву турецкій посланникъ, Грекъ Ѳома Кантакузинъ. Если вѣрить донесеніямъ французскаго посланника въ Константинополѣ де-Сези, объ отправленіи этого посольства хлопоталъ Византійскій патріархъ Кириллъ, голландскій посланникъ и нѣсколько турецкихъ вельможъ. Султанъ Османъ писалъ, что онъ идетъ съ войскомъ на Литовскаго короля,—такъ чтобъ царь воспользовался этимъ случаемъ отомстить Полякамъ и закрѣпить дружбу съ нимъ, султаномъ, шелъ бы немедленно со всѣмъ своимъ войскомъ на короля. Великій визирь Гуссейнъ прислалъ отъ себя особую грамоту любительному другу своему, Московскому королю, въ которой писалъ, что пришло время подпоясаться воинскимъ храбрымъ поясомъ, и чтобъ царь такого времени не пропускалъ. Константинопольскій патріархъ Кириллъ писалъ о томъ же. Филарету Никитичу Кантакузинъ объявилъ отъ имени султана: „Слухъ до него дошелъ, что сынъ вашъ Польскому королю послалъ денегъ на помощь и самъ хочетъ идти, такъ онъ бы этого не дѣлалъ, а стоялъ бы съ нами на Польскаго короля вмѣстѣ; а когда султанъ Польскую Землю повоюетъ и города поберетъ, то русскіе города—Смоленскъ и другіе сыну твоему отдастъ даромъ совсѣмъ. Вѣдомо великому государю, сыну вашему, и тебѣ, великому святителю, продолжалъ Кантакузинъ, что теперь въ Нѣмецкой Землѣ у цесаря рознь великая съ Люторами и земли у него отошли многія; на Угорской и Семиградской Землѣ султанъ Османъ посадилъ Бетлемъ-Габора, на Волошской—сына Михны воеводы, на Молдавской Землѣ моего тестя, велѣлъ имъ всѣмъ стоять противъ цесаря, чтобъ цесарю не дать помогать Польскому королю; цесарю теперь стало до себя, и себя ему не оборонить. Султанъ Османъ нарочно послалъ сюда меня, человѣка Греческой вѣры, чтобъ вы во всемъ мнѣ вѣрили и на государя моего были надежны; онъ подлинно сталъ на Польскаго короля на десять лѣтъ и пошелъ уже въ походъ, а меня отпустилъ съ дороги; да и Цареградскій патріархъ Кириллъ велѣлъ вашему святительству говорить накрѣпко, чтоба сынъ вашъ съ султаномъ стоялъ заодно и помощи Польскому королю не посылалъ; въ томъ я государямъ душу даю, что Османъ султанъ съ великимъ государемъ сыномъ вашимъ хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, и на Польскаго короля стоять съ нимъ заодно".

Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ: „Бояре съ панами радными заключили перемирье и города нѣкоторые Литвѣ отданы; перемирье это сынъ мой велѣлъ заключить только для меня; между сыномъ моимъ и Польскимъ королемъ и сыномъ его ссылки и любви теперь нѣтъ; неправды ихъ и московскаго разоренья забыть намъ нельзя; мы того только и смотримъ: хотя бы въ маломъ въ чемъ Польскій король миръ нарушилъ, то сынъ мой для султановой любви пошлетъ на него рать, и людямъ ратнымъ велѣно быть на-готовѣ, а помощи противъ султана сынъ мой Польскому королю никогда не давалъ и не дастъ,—чтобъ султанъ вѣрилъ въ этомъ моему слову, да и святѣйшему патріарху Кириллу извѣсти, что наше слово никогда не перемѣнится". Съ этимъ Кантакузинъ и былъ отпущенъ.

12 октября 1621 года былъ у великихъ государей соборъ въ золотой большой Грановитой палатѣ; на соборѣ было три митрополита—Новгородскій, Ростовскій и Крутицкій, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборные старцы, протопопы и весь освященный соборъ; бояре — князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, жильцы, дворяне изъ городовъ, выборные приказные люди, головы, сотники и дѣти боярскія всѣхъ городовъ, гости и торговые люди, Донскіе атаманы, казаки и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства. Говорили великіе государи о неправдахъ и крестопреступленіи искони вѣчнаго врага Московскому государству, Жигимонта короля, сына его Владислава, Польскихъ и Литовскихъ людей. „Жигимонтъ король мирное постановленіе нарушилъ; изъ многихъ литовскихъ порубежныхъ городовъ урядники пишутъ не по посольскому договору, королевича Владислава называютъ царемъ всея Руси и задоры съ литовской стороны дѣлаются многіе: въ Путивльскомъ, Брянскомъ, Великолуцкомъ и Торопецкомъ уѣздахъ Литовскіе люди начали въ государеву Землю вступаться, остроги и слободы ставятъ, села и деревни, лѣса и воды освоиваютъ, селитру въ Путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ варятъ, будники золу жгутъ, рыбу ловятъ и звѣрь всякій бьютъ, на пограничныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ наѣзжаютъ, бьютъ, грабятъ, побиваютъ, съ помѣстій сгоняютъ; плѣнниковъ не всѣхъ отпустили, держатъ въ неволѣ и поруганьи. Изъ Серпейска урядники литовскіе въ листу своемъ писали непригожу, со многою укоризною, чего не только имъ, собакамъ, и королю ихъ писать не годилось. По злому же умышленію Литовскаго короля, въ прошломъ году паны-рада прислали къ государевымъ боярамъ посланниковъ своихъ, и въ грамотахъ писали непристойнымъ обычаемъ, нарочно, къ нарушенію мирнаго постановленія, государево имя писали безъ государскаго именованья, и

отъ царскаго сродства государя отчитываютъ, царя Ивана Васильевича не велятъ писать ему дѣдомъ и царя Ѳеодора Ивановича дядею. И если Жигимонтъ король и паны-рада въ своихъ неправдахъ не исправятся, то великій государь, прося у Бога милости и по благословію отца своего, за Святыя Божія церкви, и за православную христіанскую вѣру, за свою честь и за всѣхъ людей Московскаго государства противъ Литовскаго короля и сына его начнетъ стоять, своей чести доходить и всѣхъ людей Московскаго государства неправды мстить. А теперь прислалъ къ нимъ, великимъ государямъ, Турскій Османъ салтанъ пословъ своихъ, чтобъ они были съ нимъ заодно на общаго недруга, Литовскаго короля, и Крымскій царь на Литву также пошелъ. Шведскій Густавъ-Адольфъ король присылалъ не однажды, чтобъ на Польскаго короля стоять съ нимъ заодно. И они, великіе государи, еще жалѣя о христіанствѣ и не хотя видѣть кровопролилія, указали боярамъ послать отъ себя къ панамъ-радѣ съ грамотою обо всѣхъ этихъ дѣлахъ; если паны къ боярамъ гонца отпустятъ безъ дѣла, государево имя станутъ писать безъ государскаго именованья, или станутъ писать непригожія слова, королевича писать царемъ, и въ обидныхъ дѣлахъ расправы не учинятъ: то за такія великія неправды они, великіе государи, больше терпѣть не станутъ, сославшись съ Турскимъ и Крымскимъ и съ Шведскимъ королемъ, пошлютъ свою рать на Литву. А если Польскому королю теперь смолчать, и если они теперь въ своемъ упадкѣ гордости и неправды не убавятъ, когда имъ война и тѣснота отъ Турокъ, Татаръ и Шведовъ, то впередъ, когда имъ отъ недруговъ хотя немного пооблегчаетъ, еще больше станутъ на Московское государство умышлять и всякія неправды дѣлать. Да и того надобно опасаться: если теперь государямъ съ Турскимъ салтаномъ, Крымскимъ царемъ и Шведскимъ королемъ на Польскаго короля не стать, то впередъ бы съ Турками, Татарами и Шведами въ большую недружбу не войти". Соборъ билъ челомъ государямъ, чтобъ они за святыя Божія церкви, за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко; а они, освященный соборъ, будутъ молить Бога о побѣдѣ и мирѣ; а они, бояре, окольничіе и т. д. и всякіе служилые люди, за нихъ, государей, и за ихъ государство ради биться, не щадя головъ своихъ. Да били челомъ дворяне и дѣти боярскія, чтобъ государи ихъ пожаловали, велѣли ихъ въ городахъ разобрать, кому можно государеву службу служить, чтобъ ни одинъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ. Гости и торговые люди били челомъ, что они въ помощь государевой казнѣ ради съ себя давать деньги, какъ кому можно, смотря по ихъ прожиткамъ.

Вслѣдствіе этого, бояре, дворяне и дьяки отправлены были по городамъ для разбора дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ, кто изъ нихъ годенъ на службу. На третій же день послѣ собора отправленъ былъ отъ бояръ къ панамъ гонецъ Борняковъ съ такою грамотою: „Только впередъ великаго государя нашего именованье станете писать не по его царскому достоинству, или станете его укорять, или порубежныхъ городовъ державцы станутъ писать не по его царскому достоинству, не потому, какъ написано въ нынѣшнихъ посольскихъ записяхъ, а ваши послы съ такимъ, полнымъ именованьемъ у московскихъ пословъ запись взяли, да и въ своей записи ваши послы государя нашего именовали великимъ государемъ, а королевича написали вездѣ королевичемъ, а не царемъ: и только теперь королевича станутъ писать не по посольскому договору, то мы, царскаго величества бояре, послѣднее вамъ объявляемъ, что мы, бояре и всѣ люди Московскаго государства, больше того вамъ терпѣть не будемъ и, прося у Бога милости, за честь великаго государя стоять и ваши неправды мстить будемъ". 2-го февраля 1622 года возвратился Борняковъ изъ Литвы и привезъ боярамъ грамоту отъ пановъ; въ этой грамотѣ король былъ написанъ не по прежнему обычаю, съ прибавочными титулами и обладателемъ; о королевичѣ написали, что его выбрали царемъ бояре и вся Земля и крестъ ему цѣловали, „и теперешній государь вашъ Михаилъ Ѳедоровичъ, будучи стольникомъ, съ вами и съ другими стольниками, товарищами своими, королевичу присягнулъ на вѣрность и подданство", и этого у королевича отнять нельзя; если же боярамъ надобно, то они бы объ этомъ королевичу били челомъ и просили сами. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ написанъ былъ въ грамотѣ просто безъ государскаго именованья; про царя Ивана Васильевича написаны укорительныя слова, что онъ родился отъ княжны Глинской, которой отецъ Польскому королю измѣнилъ, и теперь Глинскіе князья служатъ королю. На пограничныхъ урядниковъ, которые о государѣ писали непригоже, паны управы не дали и въ грамотѣ своей ничего о нихъ не писали; въ задорныхъ дѣлахъ и обидахъ также расправы не сдѣлали, писали только, что если бояре хотятъ вести переговоры о государскихъ титулахъ, о королевичевомъ именованьи и о вѣчномъ доконченьи, то пусть высылаютъ для этого великихъ пословъ на рубежъ между Вязьмою и Дорогобужемъ.

По полученіи этой грамоты, 16 марта, государь указалъ послать въ города свои грамоты о неправдахъ Литовскаго короля и пановъ радныхъ. Въ этихъ грамотахъ объявлялось, что уже послѣ пріѣзда Борнякова брянскіе воеводы прислали списокъ съ листа Почепскаго державцы, въ которомъ также государь названъ непристойнымъ обычаемъ—полуименемъ, а королевичъ написанъ царемъ всея Руси; поэтому государь приказывалъ боярамъ, воеводамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ всѣхъ городовъ и всякимъ служилымъ людямъ быть готовыми на службу тотчасъ и ждать царскихъ грамотъ. Но грамоты о выступленіи въ походъ не приходили; предпріятіе султана Османа

противъ Польши кончилось неудачно; Османъ возвратился въ Констанстинополь и былъ убитъ янычарами; Польша отдохнула съ этой стороны; съ побѣдоносными въ Лифляндіи Шведами также было заключено перемиріе, а безъ союзниковъ Московское правительство не могло рѣшиться начать войну съ Польшею. Какъ слабы были его средства,—видно изъ того, что крымскіе разбойники въ маѣ и іюнѣ мѣсяцѣ 1622 года въ небольшихъ толпахъ безнаказанно пустошили уѣзды Епифанскій, Данковскій, Одоевскій, Бѣлевскій, Дѣдиловскій, и воеводы спокойно сидѣли въ городахъ. Государь послалъ Ивана Вельяминова сказать воеводамъ: „Вамъ и безъ вѣстей надобно было быть со всѣми людьми наготовѣ, потому что вы воеводы походные, и какъ скоро про Татаръ вѣсть придетъ, то вамъ было тотчасъ идти наспѣхъ и воевать имъ не дать. Да и то вы сдѣлали простотою и глупостью; пришедши къ татарскимъ станамъ близко, ничего опять имъ не сдѣлали, въ станахъ ихъ не застали, подъѣздовъ за ними не послали, сами по сакмѣ не пошли, отворотныхъ воинскихъ людей нисколько не ожидали и устеречь ихъ не умѣли. Татары пришли подъ Дѣдиловъ немногіе люди, были отъ посаду за три версты, а князь Гагаринъ изъ Дѣдилова на нихъ выйти не смѣлъ, послалъ сотни и самъ пошелъ, какъ Татары, навоевавшись, назадъ пошли. Эта татарская война учинилась ихъ воеводскою оплошкою и нерадѣньемъ, или, быть-можетъ, они для посуловъ ратныхъ людей распустили по домамъ, и отъ того имъ надъ Татарами промышлять было не съ кѣмъ. И они бы впередъ такъ не дѣлали“.

При такихъ обстоятельствахъ, вмѣсто войска отправленъ былъ на литовскій рубежъ на съѣздъ посолъ князь Василій Ахамашуковичъ Черкасскій; паны выслали князя Самуила Сангушку; съѣзжались только одинъ разъ, и Сангушка о большихъ дѣлахъ—о титулѣ и о ворахъ, которые присылали листы съ укоризнами на государя, называя его полуименемъ, не говорилъ, отозвавшись неимѣніемъ наказа, говорилъ только о порубежныхъ спорныхъ дѣлахъ. Разъѣхались безъ дѣла. Но и послѣ этого войны не было 9 лѣтъ; къ ней приготовлялись: видѣли несостоятельность русскаго войска и положили нанять иноземцевъ; мало того, сдѣлали шагъ рѣшительный, чего при прежнихъ государяхъ не бывало,—велѣли русскихъ ратныхъ людей учить иноземному строю. Въ январѣ 1631 году отправленъ былъ старшій полковникъ и рыцарь Александръ Ульяновичъ Лесли въ Швецію нанимать 5,000 охочихъ солдатъ пѣшихъ; туда же въ Швецію отправлены были посланники — стольникъ Племянниковъ да подъячій Аристовъ купить 10,000 мушкетовъ съ зарядами, да 5,000 шпагъ; если полковникъ найметъ въ Швеціи меньше 5,000 человѣкъ, то для найма остальныхъ велѣно ему ѣхать въ Данію, Англію и Голландію; то же долженъ былъ сдѣлать и Племянниковъ, если бы не удалось ему накупить всего оружія въ Швеціи. Лесли долженъ былъ также приговорить нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному новому дѣлу, что дѣлалъ на Москвѣ пушечный мастеръ Голландецъ Коетъ, кузнеца, станочника, колесника да мастера, который бы умѣлъ лить пушечныя желѣзныя ядра. Въ февралѣ отправленъ былъ полковникъ фанъ-Дамъ нанять ригиментъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ. Всѣхъ ратныхъ людей въ Московскомъ государствѣ въ 1631 году было 66,690 человѣкъ. Въ іюнѣ 1631 году государь, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ св. патріархомъ и поговоря съ боярами, указалъ послать къ Дорогобужу и Смоленску бояръ и воеводъ князя: Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго да князя Бориса Михайловича Лыкова. Когда этимъ воеводамъ сказана была служба, то они больше всего начали смотрѣть нѣмецкихъ полковниковъ, Александра Лесли съ товарищами, начальныхъ людей ихъ полковъ и нѣмецкихъ солдатъ, смотрѣли и къ службѣ строили. Прошелъ почти годъ; въ апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ, наступило междуцарствіе въ Польшѣ, избирательный сеймъ, смуты; надобно было пользоваться временемъ; но вотъ въ апрѣлѣ же билъ челомъ великимъ государямъ князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій на боярина князя Бориса Михайловича Лыкова: „Князь Борисъ Михайловичъ съ нимъ, княземъ Димитріемъ, въ товарищахъ быть не хочетъ, говоритъ будто имъ, княземъ Димитріемъ, люди владѣютъ, и обычай у него тяжелъ, и что онъ, Лыковъ, передъ княземъ Димитріемъ старъ, служитъ государю сорокъ лѣтъ, лѣтъ съ тридцать ходитъ своимъ набатомъ, а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ“. Государи указали боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову и дьяку Дашкову допросить боярина князя Черкасскаго: при комъ Лыковъ ему говорилъ, что съ нимъ быть не хочетъ и что люди имъ владѣютъ? Черкасскій отвѣчалъ: „Государямъ самимъ вѣдомо, что князь Борисъ Лыковъ въ прошломъ году и нынѣ имъ билъ челомъ, что съ нимъ, княземъ Димитріемъ, въ товарищахъ быть не хочетъ, и тѣмъ его обезчестилъ, а онъ, князь Димитрій, на ихъ государскую службу готовъ; и они бы, великіе государи, его пожаловали, велѣли ему на князя Лыкова дать оборону“. Великіе государи велѣли сказать князю Лыкову: „Въ прошломъ году сказана ему служба, велѣно быть въ товарищахъ съ княземъ Димитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ; и онъ князь Борисъ тому нынѣ годъ, какъ приходилъ въ соборную церковь къ великому государю св. патріарху, Филарету Никитичу, и говорилъ въ соборной церкви ему государю такія слова, что всякій человѣкъ, кто боится Бога и помнитъ крестное цѣлованіе, такихъ словъ говорить не станетъ, и наряжался онъ на государеву службу годъ. А какъ службѣ время дошло, и онъ, для своей бездѣльной гордости и упрямства и непрямой службы, билъ челомъ на боярина князя Черкасскаго, что ему на службѣ быть съ нимъ нельзя, что у князя Димитрія Мамстрюковича нравъ тяжелый, и прибыли не

чаетъ отъ того, что быть ему вмѣстѣ съ нимъ въ государевомъ дѣлѣ, и тѣмъ своимъ гордостнымъ, бездѣльнымъ челобитьемъ службу свою отказалъ, князя Димитрія Мамстрюковича обезчестилъ и въ государевой службѣ учинилъ многую смуту. Потому великіе государи указали князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому на князѣ Борисѣ Лыковѣ доправить безчестье, окладъ его вдвое, 1,200 рублей". Два мѣсяца думали, кѣмъ замѣнить Черкасскаго и Лыкова, наконецъ въ августѣ назначили боярина Михайлу Борисовича Шеина и окольничаго Артемья Измайлова; войска съ ними выступило 32,082 человѣка съ 158 орудіями; другіе воеводы выступили изъ Ржева Володимірова, изъ Калуги, изъ Сѣвска. Воеводамъ данъ былъ наказъ: неправды Польскому и Литовскому королю отмстить, и города, которые отданы Польшѣ и Литвѣ за саблею, поворотить попрежнему къ Московскому государству. Воеводы должны были послать сперва легкіе отряды рѣзвыхъ людей захватить Дорогобужъ врасплохъ; если не удастся, то идти къ этому городу всякими полками, но подъ Дорогобужемъ долго не стоять, послать тайно грамоты къ его жителямъ, Русскимъ людямъ, чтобъ они помнили православную вѣру и государево крестное цѣлованіе, государю послужили, надъ Литовскими людьми промыслили и городъ сдали. Если не удастся взять Дорогобужъ скоро, то, оставя подъ нимъ меньшихъ воеводъ, Шеинъ и Измайловъ должны были идти подъ Смоленскъ и промышлять надъ этимъ городомъ точно такъ же, какъ надъ Дорогобужемъ. Походъ былъ предпринятъ съ намѣреніемъ возвратить Смоленскъ и Дорогобужъ съ уѣздами Московскому государству; поэтому наказано было воеводамъ, чтобъ они, какъ скоро придутъ подъ Смоленскъ, тотчасъ отписали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды, къ старостамъ, цѣловальникамъ и всякимъ людямъ, что они пришли для очищенія Смоленска и уѣзда его къ Московскому государству попрежнему, и потому пусть всякіе уѣздные люди ѣдутъ къ нимъ въ станъ съ запасами и продаютъ ихъ, какъ цѣна подниметъ; ратнымъ людямъ наказать не одинъ разъ накрѣпко, чтобъ они ни у кого даромъ не брали, никого не грабили и не били, уѣздовъ не пустошили и уѣздныхъ и всякихъ людей тѣми своими насильствами не разогнали; для сыску надъ виновными по челобитьямъ уѣздныхъ людей выбрать пополамъ особыхъ судей, которымъ приказать накрѣпко, чтобъ они по челобитнымъ сыскивали вправду, ратнымъ людямъ ни въ чемъ не норовили, и самимъ воеводамъ надсматривать надъ судьями.

Такъ какъ ратнымъ людямъ дано было жалованье большое, русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ полковникамъ, ротмистрамъ и пѣшимъ людямъ положены были кормовыя деньги помѣсячно безъ перевода, и впередъ безъ дополнительной большой рати съ Литовскими людьми раздѣлаться не было надежды, то государи совѣтывали со всякихъ чиновъ людьми, чтобъ они дали денегъ ратнымъ людямъ на жалованье, чтобъ съ торговыхъ людей взять пятую деньгу, а съ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей взять, кто сколько дастъ. Крутицкій митрополитъ и нѣкоторые другіе архіереи и игумны тутъ же на соборѣ объявили, сколько даютъ своихъ домовыхъ и келейныхъ денегъ; остальное духовенство и свѣтскіе люди объявили, что денегъ дадутъ, а кто что дастъ—тому они принесутъ росписи. Сборъ денегъ порученъ былъ въ Москвѣ князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, Симоновскому архимандриту Левкію, Моисею Глѣбову и двоимъ дьякамъ; по городамъ собирали архимандриты, игумны и дворяне добрые, гости и торговые люди должны были выбрать изъ себя людей прямыхъ, которые, давши присягу, должны были объявлять, сколько у кого изъ нихъ имѣнія и промысловъ; всѣ собранныя такимъ образомъ деньги присылались въ Москву къ князю Пожарскому, который записывалъ ихъ въ приходныя книги порознь, по статьямъ. Кромѣ того, собраны были съ сохъ хлѣбные и мясные запасы—сухари, крупа, толокно, солодъ, масло коровье, ветчина. Наблюденіе за сборомъ этихъ запасовъ и распоряженіе ими поручено было князю Ивану Борятинскому да Ивану Огареву. Всякихъ чиновъ люди дали также подводы везти эти запасы подъ Смоленскъ.

Война началась счастливо: 12 октября сдался Серпейскъ головѣ князю Гагарину; 18 октября сдался Дорогобужъ головѣ Сухотину и полковнику Лесли. Государи велѣли Шеину идти изъ Дорогобужа подъ Смоленскъ и, чтобъ не было обычной помѣхи успѣшному ходу дѣлъ, приказали всѣмъ воеводамъ, головамъ и дворянамъ быть безъ мѣстъ до окончанія войны съ тѣмъ, что при послѣдующихъ случаяхъ разряды этой войны не будутъ имѣть значенія. Бѣлая сдалась князю Прозоровскому; сдались: Рославль, Невль, Себежъ, Красный, Почепъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Овсей, Друя, Суражъ, Батуринъ, Роменъ, Иванъ-Городище, Мена, Миргородокъ, Борзна, Пропойскъ, Ясеничи и Носеничи; посадъ Полоцкій былъ взятъ и выжженъ съ помощію русскихъ православныхъ горожанъ; взяты были посады подъ Велижемъ, Усвятомъ, Озерищемъ, Лужею, Мстиславлемъ, Кричевымъ. Шеинъ съ Измайловымъ осадили Смоленскъ; губернаторъ его, Станиславъ Воеводскій, отбивался 8 мѣсяцевъ, наконецъ готовъ былъ уже сдаться по недостатку припасовъ, какъ получилъ помощь; въ эти 8 мѣсяцевъ дѣла въ Польшѣ устроились, въ короли былъ избранъ сынъ покойнаго Сигизмунда, Владиславъ, первымъ дѣломъ котораго было идти на помощь Смоленску; собрано было 23,000 войска, казакамъ позволено вторгнуться въ Московскія владѣнія и пустошить ихъ, къ тому же подущены и Крымцы". „Не спорю", говоритъ Литовскій канцлеръ Радзивиллъ въ своихъ запискахъ, „не спорю, какъ это по-богословски, хорошо ли поганцевъ напускать на христіанъ, но

по земной политикѣ вышло это очень хорошо". Дѣйствительно Крымцы опустошили Московскую украйну; многіе ратные люди, бывшіе въ войскѣ Шеина, услыхавъ, что Татары воюютъ ихъ помѣстья и вотчины, разъѣхались изъ-подъ Смоленска. 25 августа 1633 года, король Владиславъ пришелъ подъ этотъ городъ, и сталъ на рѣчкѣ Боровой, въ семи верстахъ отъ него. Прежде всего Владиславу хотѣлось сбить Русскихъ съ горы Покровской, гдѣ укрѣпился полковникъ русской службы Маттисонъ, а подлѣ стояли въ острожкѣ князья Прозоровскій и Бѣлосельскій. 28 августа гетманъ коронный по зарѣцкой сторонѣ нижнею дорогою двинулся подъ этотъ острогъ, но былъ отбитъ съ урономъ; въ то же время король пробрался по Покровской горѣ въ Смоленскъ, откуда осажденные сдѣлали вылазку и овладѣли шанцами Маттисона, но были вытѣснены изъ нихъ сотнями, присланными Прозоровскимъ и Бѣлосельскимъ. 11 сентября послѣдовало новое нападеніе на Маттисона и на острогъ Прозоровскаго; бились два дня и двѣ ночи; наконецъ воеводы, поговоря между собою и съ полковниками, что государевымъ людямъ Польскіе и Литовскіе люди не въ мочь, и городка на Покровской горѣ не удержать, полковника Маттисона вывели ночью къ себѣ въ большой острогъ, причемъ не мало иностранцевъ перебѣжало къ Полякамъ. Получивши донесеніе объ этомъ, царь писалъ Шеину: „Мы все это дѣло полагаемъ на судьбы Божіи и на Его праведныя щедроты, много такого въ военномъ дѣлѣ бываетъ, приходы недруговъ случаются, потомъ и милость Божія бываетъ. Ты бы нашимъ царскимъ дѣломъ промышлялъ, чтобъ нарядъ уберечь; а если окольничему князю Прозоровскому въ своихъ таборахъ отъ приходу королевскаго стоять нельзя, и въ земляныхъ городкахъ пѣшимъ людямъ сидѣть нельзя, то ты бы бояринъ нашъ, Михаилъ Борисовичъ, велѣлъ князю Семену Васильевичу (Прозоровскому) со всѣми людьми идти къ себѣ въ обозъ и стоять бы вамъ со всѣми нашими людьми въ одномъ мѣстѣ". На это Шеинъ отвѣчалъ донесеніемъ, что Прозоровскій перешелъ въ большой обозъ за Днѣпръ, причемъ покинуто было въ окопахъ нѣсколько пушекъ и запасы; Русскіе, уходя, зажгли-было ихъ, но дождь погасилъ; по уходѣ Русскихъ, самъ король осматривалъ покинутые ими окопы; по словамъ Поляковъ, огромные валы, равнявшіеся высотою стѣнамъ смоленскимъ, насыпаны были съ изумительнымъ трудомъ; еслибъ ихъ добывать приступомъ, то много пролилось бы крови. Царь писалъ Шеину и Прозоровскому: „Вы сдѣлали хорошо, что теперь со всѣми нашими людьми стали вмѣстѣ. Мы указали идти на недруга нашего изъ Москвы боярамъ и воеводамъ, князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому и князю Димитрію Михайловичу Пожарскому со многими людьми; къ вамъ же подъ Смоленскъ изъ Сѣверской страны пойдетъ стольникъ Ѳедоръ Бутурлинъ, и уже посланъ къ вамъ стольникъ князь Василій Ахамашуковъ Черкасскій съ княземъ Ефимомъ Мышецкимъ; придутъ къ вамъ ратные люди изъ Новгорода, Искова, Торопца и Лукъ Великихъ. И вы бы всѣмъ ратнымъ людямъ сказали, чтобъ они были надежны, ожидали себѣ помощи вскорѣ, противъ враговъ стояли крѣпко и мужественно".

Но въ это самое время Поляки въ тылу Шеина взяли и сожгли Дорогобужъ, гдѣ были сложены запасы для войска. Шеинъ доносилъ, что 6 октября король со всѣми людьми съ Покровской горы перешелъ на Богданову околицу вверхъ по Днѣпру, и сталъ обозомъ позади ихъ острогу по Московской дорогѣ съ версту отъ острога, а пѣшихъ людей и туры поставили противъ большаго острога на горѣ. 9 октября Шеинъ вывелъ свои войска противъ непріятеля; польская конница обратила въ бѣгство часть русской пѣхоты, но отъ другой принуждена была бѣжать, и наступавшая ночь остановила дѣло; по польскимъ извѣстіямъ, Русскіе потеряли 2,000 убитыми, у Поляковъ было очень много раненыхъ, убито людей немного, но много погибло лошадей. Шеинъ писалъ, что дороги московскія непріятель занялъ всѣ, и проѣзду ни откуда нѣтъ. Съ конца октября Русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ конскомъ корму. Стрѣльба продолжалась между обоими обозами; Поляки стрѣляли съ горы Сковронковой на русскій станъ; Русскіе стрѣляли снизу и потому не причиняли вреда непріятелю; но когда начали бить картечью, то ядра долетали до наметовъ королевскихъ. Шеинъ созвалъ военный совѣтъ и требовалъ мнѣнія, можно-ли попытаться ударить на королевскій обозъ и съ которой стороны? Полковникъ Лесли, главный между иноземцами, совѣтывалъ ударить на непріятеля; полковникъ Сандерсонъ, Англичанинъ, говорилъ противное; Лесли разгорячился и назвалъ Сандерсона измѣнникомъ, едва Шеинъ успѣлъ ихъ развести; рѣшено было принять мнѣніе Лесли; но 2 декабря Русскіе, терпя отъ холода, пошли въ лѣсъ за дровами; Поляки напали на нихъ и 500 положили на мѣстѣ. Когда узнали объ этомъ несчастіи въ обозѣ, то Лесли уговорилъ Шеина поѣхать на мѣсто и самому счесть сколько погибло Русскихъ; съ Шеиномъ и Лесли поѣхалъ и Сандерсонъ; Лесли, вдругъ обратившись къ нему и показывая рукою на трупы, сказалъ: „Это твоя работа, ты далъ знать королю, что наши пойдутъ въ лѣсъ".—„Лжешь"! закричалъ Англичанинъ; тогда Лесли, не говоря ни слова, выхватилъ пистолетъ и положилъ Сандерсона на мѣстѣ въ глазахъ Шеина.

Вслѣдствіе голода и холода, въ русскомъ станѣ открылась сильная смертность. Узнавъ объ этомъ, король, въ послѣднихъ числахъ декабря, послалъ Шеину и чужестраннымъ офицерамъ грамоты съ увѣщеніемъ обратиться къ его милости, вмѣсто того чтобъ погибать понапрасну отъ меча и болѣзней. Шеинъ долго не хотѣлъ позволить, чтобъ иноземные офицеры взяли королевскую

грамоту, утверждая, что иноземцы не могутъ участвовать ни въ какихъ переговорахъ, ибо это наемные слуги, и указывалъ на примѣръ самихъ Поляковъ, которые не допускаютъ у себя наемнымъ иноземцамъ сноситься съ непріятелемъ. Поляки отвѣчали, что у нихъ дѣло другое, у нихъ иноземцы находятся въ полномъ подчиненіи гетману, а у Русскихъ этого нѣтъ: Лесли, убивши Сандерсона, не поддался подъ судъ Шеина и остался ненаказаннымъ. Послѣ долгихъ споровъ, Русскіе уступили: полковникъ Розверманъ взялъ листъ королевскій отъ имени иноземцевъ, а Сухотинъ взялъ листъ отъ имени Шеина. Прочитавши листъ, воевода отослалъ его назадъ безъ всякаго отвѣта на томъ основаніи, что въ немъ были непригожія рѣчи, и когда Поляки не хотѣли брать листа назадъ, то посланные бросили его на землю и уѣхали. Но въ половинѣ января 1634 года Шеинъ, подъ видомъ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, началъ обнаруживать готовность свою вступить и въ мирныя соглашенія съ королемъ, особенно понуждаемый, какъ говорятъ, иностранными наемниками, которые не привыкли сносить голодъ и холодъ, какъ привыкли къ тому Русскіе. Шеину отвѣчали, что единственное средство къ тому— черезъ гетмана Литовскаго и другихъ сенаторовъ бить челомъ королю о милосердіи, отдаваясь на всю его волю. Эта воля состояла въ слѣдующемъ: Шеинъ долженъ прежде всего выдать всѣхъ польскихъ перебѣжчиковъ; освободить всѣхъ плѣнныхъ; иноземцы получаютъ свободу или возвратиться въ отечество, или вступить въ службу королевскую; Русскимъ людямъ также позволено вступить въ службу королевскую, кто изъ нихъ захочетъ; иноземцы должны присягнуть, что никогда не будутъ воевать противъ короля и королевства Польскаго, или какимъ-либо другимъ способомъ вредить ему. Русскіе также должны присягнуть, что до истеченія четырехъ мѣсяцевъ не будутъ занимать никакихъ крѣпостей и остроговъ, не соединятся ни съ какими московскими войсками и не предпримутъ ничего непріязненнаго противъ короля. Они должны выдать безъ утайки всѣ знамена, весь нарядъ и оружіе всякаго рода, оставшееся послѣ убитыхъ ратныхъ людей; оставшіеся въ живыхъ ратные люди выходятъ съ тѣмъ оружіемъ, съ какимъ кто служилъ; люди торговые выходятъ съ саблями, а у кого нѣтъ сабли, то съ рогатиною; также должны оставить въ обозѣ всѣ жизненные припасы.—Шеинъ согласился. 19 февраля Русскіе выступили изъ острога съ свернутыми знаменами, съ погашенными фитилями, тихо, безъ барабаннаго боя и музыки; поравнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ король на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, Русскіе люди должны были положить всѣ знамена на землю, знаменоносцы отступить на три шага назадъ и ждать, пока гетманъ, именемъ королевскимъ, не велѣлъ имъ поднять знамена; тогда, поднявши знамена, запаливши фитили и ударивши въ барабаны, русское войско немедленно двинулось по Московской дорогѣ, взявши съ собою только 12 полковыхъ пушекъ, по особенному позволенію короля; самъ Шеинъ и всѣ другіе воеводы и начальные люди, поравнявшись съ королемъ, сошли съ лошадей и низко поклонились Владиславу, послѣ чего, по приказанію гетмана, сѣли опять на лошадей и продолжали путь.

Что же во все это время дѣлалось въ Москвѣ? Князья Черкасскій и Пожарскій стояли въ Можайскѣ, какъ видно, потому, что еще не всѣ ратные люди собрались. Денегъ также не было. Патріархъ Филаретъ умеръ, 1-го октября 1633 года; на его мѣсто былъ возведенъ Псковской архіепископъ Іоасафъ „по изволенію царя Михаила Ѳеодоровича и по благословенію патріарха Филарета, потому что былъ дворовый сынъ боярскій; нравомъ и жизнію онъ былъ добродѣтеленъ, но къ царю не дерзновененъ“, какъ говорятъ хронографы. 28 января 1634 года царь Михаилъ созвалъ соборъ и объявилъ, что Польскій король, видя крѣпкое стояніе боярина Шеина, всѣхъ воеводъ и ратныхъ людей, видя подъ Смоленскомъ тѣсноту, на своихъ людей побѣду, накупилъ на Московское государство Крымскаго царя, который прислалъ сына своего со многими ратными людьми, и они украинскіе города многіе повоевили и пожгли; а дворяне и дѣти боярскія украинскихъ городовъ, видя Татарскую войну, слыша, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, матери, жены и дѣти въ полонъ взяты, изъ-подъ Смоленска разъѣхались, и остались подъ Смоленскомъ немногіе люди. Литовскій король, послыша, что государевы люди начали разъѣзжаться, пришелъ подъ Смоленскъ; государевы люди Литовскихъ людей многихъ побили, языки, знамена и литавры побрали, и языки въ разспросѣ сказывали, что король Владиславъ и Литовскіе люди пришли для того, чтобъ имъ боярина Михаила Борисовича Шеина отбить, Смоленскъ за Литвою удержать попрежнему, и хотятъ идти въ Московское государство, чтобъ, по умышленію проклятаго папы Римскаго, православную вѣру превратить въ свою еретическую и Московское государство до конца разорить. Послѣ того король государевымъ ратнымъ людямъ тѣсноту учинилъ и дороги заступилъ. Теперь государь посылаетъ на Литовскихъ людей князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго съ товарищи, и тѣмъ ратнымъ людямъ, которые посланы съ ними и которые стоятъ подъ Смоленскомъ безъ съѣзду, безъ жалованья на службѣ быть нельзя, а государева денежная казна, которая собрана была въ прошлыхъ годахъ государскимъ разсмотрѣніемъ, а не поборами съ земли,—и та денежная многая казна раздана всякимъ ратнымъ людямъ; а которая денежная казна есть теперь, та идетъ безпрестанно на жалованье ратнымъ же людямъ и на мѣсячный кормъ, и впередъ денежной государевой казнѣ на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ безъ добавочной казны быть нельзя. Въ прошломъ году, по соборному уложенью, собирали пятую деньгу; но гости и торговые люди многіе давали пятую деньгу

неправдою, не противъ своихъ промысловъ и животовъ. Въ прошлыхъ годахъ Московское государство было въ разореньи, денегъ въ казнѣ ничего не было; но когда была назначена пятая деньга, то собрано было противъ нынѣшняго гораздо больше, хотя люди тогда были скуднѣе; послѣ того Московское государство въ тишинѣ и покоѣ было многое время и передъ прежнимъ во всѣхъ своихъ животахъ люди очень пополнились; такъ вамъ бы дать денегъ".—Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому можно дать. Государь велѣлъ сбирать эти запросныя и пятинныя деньги бояриму князю Борису Михайловичу Лыкову, окольничему Коробьину и Чудовскому архимандриту Ѳеодосію.

1 февраля пробрался въ Москву дворянинъ Сатинъ съ вѣстями отъ Шеина, что государевымъ людямъ отъ Литовскихъ людей утѣсненье, въ хлѣбныхъ запасахъ и въ соли оскудѣнье большое; воевода писалъ, что польскіе полковники говорятъ о перемирьи, соглашаются, чтобъ оба войска отступили каждое въ свою сторону, а большіе послы съѣдутся между тѣмъ говорить о мирѣ. Государь послалъ сказать Шеину, что соглашается на перемиріе, если король со всѣми людьми отойдетъ въ Польшу и если Поляки позволятъ соединиться съ Шеинымъ государевымъ подхожимъ людямъ, которые должны нарядъ и всякую казну отпровадить. Въ то же время государь отправилъ окольничаго князя Григорія Волконскаго въ Можайскъ посовѣтоваться съ боярами, князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ: какъ бы имъ поскорѣе помочь государевымъ людямъ подъ Смоленскомъ; можно ли имъ идти къ Вязьмѣ и Дорогобужу. Бояре отвѣчали, что можно, и государь велѣлъ имъ готовиться къ выступленію; но 3 марта Черкасскій далъ знать государю, что Шеинъ помирился съ королемъ и отпущенъ въ Москву. На другой же день, 4 марта, отправленъ былъ Моисей Глѣбовъ на-встрѣчу къ Шеину съ запросомъ: на какихъ статьяхъ онъ помирился съ королемъ; сколько отдалъ королю наряду и всякихъ пушечныхъ запасовъ; сколько идетъ съ нимъ ратныхъ людей и сколько осталось подъ Смоленскомъ больныхъ и на королевское имя. Шеинъ могъ догадаться, что въ Москвѣ ждетъ его пріемъ неласковый: ему Глѣбовъ не привезъ никакого привѣта, а всѣмъ ратнымъ людямъ сказалъ, что служба ихъ, раденье, нужда и крѣпкостоятельство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, какъ они бились, не щадя головъ своихъ, государю и всему Московскому государству вѣдомы. Шеинъ прислалъ статьи договора и списокъ ратныхъ людей, потерянныхъ и оставшихся у короля; послѣднихъ было очень мало—только 8 человѣкъ, и изъ нихъ 6 Донскихъ казаковъ; всего вышло изъ-подъ Смоленска съ Шеинымъ 8,056 человѣкъ; изъ этого числа многіе повезены больные и въ дорогѣ умерли, другіе оставлены въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ, Нѣмцы многіе измѣнили, пошли къ королю и въ дорогѣ померли; но сколько именно измѣнило и померло,—то неизвѣстно, потому что воеводы нѣсколько дней просили у нѣмецкихъ полковниковъ росписей ихъ людямъ, но полковники росписей не дали; больныхъ осталось подъ Смоленскомъ 2,004 человѣка. По пріѣздѣ Шеина въ Москву, его осудили какъ измѣнника и казнили смертію. Передъ плахою дьякъ читалъ ему слѣдующія обвиненія: „Ты, Михайла Шеинъ, изъ Москвы еще на государеву службу не пошедъ, какъ былъ у государя на отпускѣ у руки, вычиталъ ему прежнія свои службы съ большою гордостію, говорилъ, будто твои и прежнія многія службы были къ нему, государю, передъ всею твоею братьею боярами, будто твои братья бояре, въ то время какъ ты служилъ, многіе за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя, и поносилъ всю свою братью предъ государемъ съ большою укоризною, по службѣ и по отечеству никого себѣ сверстникомъ не поставилъ. Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земскаго дѣла, не хотя тебя на путь оскорбить, во всемъ этомъ тебѣ смолчалъ; бояре, которые были въ то время передъ государемъ, слыша себѣ отъ тебя такія многія грубыя и поносныя слова, чего иному отъ тебя и слышать не годилось, для государской къ тебѣ милости, не хотя государя тѣмъ раскручинить, также тебѣ смолчали". За этимъ слѣдовали обвиненія Шеина и Измайлова въ медленности, что они потеряли лучшую пору, истомили ратныхъ людей, и, дождавшись ненастныхъ дней, пошли въ дальнѣйшій путь, не слушая государева и патріаршаго указа, и этою медленностію своею дали Полякамъ возможность укрѣпиться въ Смоленскѣ; о дурномъ положеніи дѣлъ къ государю не писали, а если и писали, то кратко и несправедливо; дождавшись подкоповъ, приступали къ городу не вовремя, въ дневную пору; на приступахъ Шеинъ велѣлъ въ государевыхъ людей стрѣлять изъ наряда, отчего много ихъ было побито; Русскихъ ратныхъ людей и Нѣмцевъ не слушалъ, самъ государевымъ дѣломъ не промышлялъ, и другимъ промышлять не давалъ; лучшія села и деревни Шеинъ и Измайловъ раздѣлили по себѣ и брали съ нихъ всякіе доходы, а ратнымъ людямъ ничего не давали. Поставлено въ вину строгое исполненіе наказа царскаго, чтобъ ратные люди не смѣли ничего брать даромъ и вообще обижать жителей Дорогобужскаго и Смоленскаго уѣздовъ: „Которые служивые люди отъ великой скудости и отъ голоду ѣзжали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣздъ для своихъ и конскихъ кормовъ, тѣхъ ты приказывалъ бить кнутомъ безъ милости, а Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды уберегъ Литовскому королю со всѣми записами". Замѣтимъ при этомъ, что ратные люди могли разъѣзжать по Смоленскому и Дорогобужскому уѣздамъ, когда въ обозѣ у нихъ никакой скудости не было, скудость же началась, когда уже нельзя было выѣзжать изъ обоза.—„Вы, продолжаетъ обвинительная сказка, мимо государева указа, измѣною и самовольствомъ, королю крестъ цѣловали, нарядъ и всякіе запасы отдали, только

выговорили отпровадить въ государеву сторону 12 пушекъ, да и тѣ пушки ты, Шеинъ, измѣною своею отдалъ Литовскому же королю совсѣмъ; да вы же отдали 36 человѣкъ Поляковъ и Литвы, которые переѣзжали на государево имя отъ короля; да вы же отдали королю Русскихъ людей, которые государю служили, ходили безпрестанно въ королевскіе таборы для всякихъ вѣстей, и въ Москву съ государевыми дѣлами прихаживали, и всѣхъ этихъ людей король велѣлъ казнить смертью. А когда вы шли сквозь польскіе полки, то свернутыя знамена положили передъ королемъ и кланялись королю въ землю, чѣмъ сдѣлали большое безчестье государскому имени". Наконецъ любопытное обвиненіе: „Будучи въ Литвѣ въ плѣну, цѣловалъ ты крестъ прежнему Литовскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу на всей ихъ волѣ. А какъ ты пріѣхалъ къ государю въ Москву, тому уже пятнадцать лѣтъ, то не объявилъ, что прежде Литовскому королю крестъ цѣловалъ, содержалъ это крестное цѣлованіе тайно, и теперь, будучи подъ Смоленскомъ, измѣною своею къ государю и ко всему Московскому государству, а Литовскому королю исполняя свое крестное цѣлованье, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, а государю измѣнялъ".

Отрубили голову и второму воеводѣ—Измайлову; виноватѣе всѣхъ, если вѣрить предсмертной сказкѣ, былъ сынъ Измайлова, Василій: „Ты, Василій, говорилось въ сказкѣ, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, государю измѣнялъ больше всѣхъ, съѣзжался съ Литовскими людьми, Захаромъ Заруцкимъ и Меделянскимъ (т.-е. Мадалинскимъ) и съ государевыми измѣнниками, Юшкою Потемкинымъ, Ивашкою Мещериновымъ и другими, къ себѣ ихъ въ станъ призывалъ, съ ними пировалъ, потчивалъ и дарилъ, и отъ нихъ подарки съ братомъ своимъ Семеномъ принималъ, ночевать ихъ у себя унималъ, они у тебя были и ночевали, и пріѣзжали къ тебѣ съ своимъ кормомъ и питьемъ и провожали тебя до стану, и ты разговаривалъ съ ними обо всемъ, что годно Литовскому королю. Да ты же, Василій, будучи подъ Смоленскомъ и изъ-подъ Смоленска пришедши въ Можайскъ, хвалилъ Литовскаго короля, говорилъ: „Какъ противъ такого великаго государя монарха нашему московскому плюгавству биться? Каковъ былъ царь Иванъ,—и тотъ противъ Литовскаго короля сабли своей не вынималъ и съ Литовскимъ королемъ не бивался". Да ты же, Василій, услыша о смерти великаго государя, патріарха Филарета Никитича, говорилъ много воровскихъ непригожихъ словъ, чего и написать нельзя". Князей Семена Прозоровскаго и Михайлу Бѣлосельскаго приговорили сослать въ Сибирь, женъ и дѣтей разослать по городамъ, имѣніе отобрать на государя. Отъ смертной казни эти воеводы освобождены потому, сказано въ приговорѣ, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о радѣньи Прозоровскаго и болѣзни Бѣлосельскаго! Сынъ главнаго воеводы, Иванъ Шеинъ, виновный только по винѣ отца, освобожденъ отъ смертной казни по просьбѣ царицы, царевичей и царевенъ, но съ матерью и женою сосланъ въ Понизовые города. Другой сынъ Артемія Измайлова, Семенъ, битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, съ Литовскими людьми съѣзжался, говорилъ многія непригожія слова и Литовскихъ людей дарилъ. Тому же наказанью подвергся Гаврила Бакинъ за то, что, будучи въ Можайскѣ, хвалилъ Литовскаго короля и Литовскихъ людей передъ Русскими, называя послѣднихъ плюгавствомъ. Битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму Любимъ Ананьевъ за то, что жилъ все во дворѣ у Шеина, былъ у него въ шишахъ (шпіонахъ) и подслушивалъ, кто что про него говорилъ, ссорилъ воеводу со многими знатными людьми. Тимоѳей Измайловъ, родной братъ Артемія, былъ у государева дѣла въ Москвѣ на казенномъ дворѣ, у Большой казны въ судѣ, и, по государеву указу, ему, Тимоѳею, на казенномъ дворѣ быть не велѣно, а велѣно его съ женою и дѣтьми, для измѣны брата его Артемья, сослать въ Казань.

Участь Шеина объясняется легко. Военная исторія Московскаго государства давно уже обнаружила несостоятельность русскаго войска въ борьбѣ со Шведами и Поляками, по недостатку искусства ратнаго; правительство очень хорошо понимало это и старалось помочь бѣдѣ; призваны были иностранцы, Русскихъ стали учить иностранному строю; но эти первые слабые шаги въ дѣлѣ, разумѣется, не могли тотчасъ же повести къ важнымъ результатамъ. Собравши войско и деньги, нанявши Нѣмцевъ, отправили подъ Смоленскъ воеводу, знаменитаго защитою этого города; но защищать городъ и осаждать—двѣ вещи разныя; Шеинъ не успѣлъ голодомъ заставить сдаться Смоленскъ, и скоро самъ былъ осажденъ королемъ Владиславомъ; а тутъ положеніе его было совершенно иное, чѣмъ прежде въ Смоленскѣ: не говоримъ уже о томъ, что острожекъ его не былъ такъ укрѣпленъ и такъ выгодно поставленъ, какъ Смоленскъ, такъ защищенъ отъ убійственныхъ выстрѣловъ Скворонковской батареи,—прежде въ Смоленскѣ Шеинъ былъ окруженъ ратными людьми и гражданами, готовыми биться до смерти за священные интересы, а тутъ въ острожкѣ иноземцы дерзко нарушали въ его глазахъ дисциплину, не хотѣли признавать надъ собою его власти, не хотѣли переносить голода, холода, требовали соглашеній съ непріятелемъ; Русскіе люди толкуютъ: гдѣ московскому плюгавству сражаться съ Литовскимъ королемъ и его людьми? а изъ Москвы одно обѣщанье, что идутъ со всѣхъ сторонъ воеводы на помощь, и въ три мѣсяца никакого исполненія обѣщаній. Измѣны со стороны Шеина не видно никакой. Но почему же въ Москвѣ постарались обвинить Шеина въ измѣнѣ? Причина ясна: Шеинъ своею выходкою у руки государевой смертельно оскорбилъ многихъ сильныхъ людей; тутъ, какъ наивно говоритъ приговоръ, ему

промолчали, потому что имѣли въ немъ нужду, да вѣроятно и Филаретъ не выдалъ бы своего страдальца людямъ, которые за печью сидѣли; но теперь неудача Шеина затмила его прежнія заслуги; Филарета не было въ живыхъ,—и сильные люди спѣшили отомстить за свое безчестье.

Хронографъ, который неблагосклонно отзывается о Филаретѣ Никитичѣ, такъ объясняетъ причины неудачи Шеина: „Царь, по совѣту, или, лучше сказать, по приказанію патріархову, призываетъ изъ Датской и изъ другихъ нѣмецкихъ земель на помощь себѣ полковниковъ, именитыхъ людей и храбрыхъ, а съ ними множество солдатъ, отверзаетъ царскія свои сокровища, жалуетъ Нѣмецкихъ людей нещадно и даетъ Русскихъ вольныхъ людей Нѣмцамъ въ наученіе ратному дѣлу. Самъ государь не изволилъ на Поляковъ идти, потому что былъ мужъ милостивый, кроткій, крови нежелательный; если бы возложилъ упованіе на Вседержителя Бога и пошелъ самъ, то думаю, что успѣлъ бы въ дѣлѣ. Послали Шеина: тотъ бралъ города какъ птичьи гнѣзда, потому что Поляки не ждали прихода Русскихъ людей. Но Шеина Богъ наказалъ за то, что, отправляясь изъ плѣна, далъ королю клятву не воевать противъ Литвы, и это было извѣстно и царю, и патріарху. Когда бояринъ Михайла пришелъ къ Смоленску, то поставилъ острожки близъ самаго города, туры передъ пушками землею наполняетъ, всякія стѣнобитныя козни устраиваетъ, между воеводами и полковниками разсуждаетъ и немало городской каменной стѣны изъ пушекъ пробиваетъ; нѣмецкіе полковники подкопомъ городскія стѣны взрываютъ, словомъ сказать,—все къ нашему строенію дѣлается. Но вотъ царь и патріархъ впадаютъ въ кручину и недовѣріе насчетъ крестнаго цѣлованія Шеина королю; бояре московскіе, уязвляемые завистію, начали клеветать на него, а Шеину даютъ знать въ полки, что въ Москвѣ на него много навѣтовъ; въ полкахъ воздвигается на него ропотъ великій за гордость и нерадѣніе, онъ же отъ гордости своей на воеводъ и на нѣмецкихъ полковниковъ пуще злобился, ихъ безчестилъ, ратныхъ людей оскорблялъ, для конскихъ кормовъ по селамъ не велѣлъ отпускать, въ Москву началъ грубо отписывать, а изъ Москвы къ нему грамоты приходили только съ осужденіемъ да съ опалою. Онъ отъ этого пуще злобился, и если бы не Артемій Измайловъ съ сыномъ Васильемъ удерживали его отъ гнѣва, то онъ бы въ кручинѣ и гордости своей скоро умеръ. Пришелъ подъ Смоленскъ король Владиславъ не въ очень большой силѣ, но въ промыслѣ усердномъ, и посылаетъ къ Михайлѣ Шеину, напоминаетъ ему крестное цѣлованіе: Шеинъ опять унываетъ, опять на ратныхъ людей гнѣвается и никакого промысла не чинитъ многое время, а Русскіе люди въ острожкахъ отъ тѣсноты и скудости въ пищѣ оцынжали — и сдѣлался моръ большой, изъ Москвы же имъ помощи не даютъ и запасовъ не присылаютъ".

Выпустивши Шеина изъ-подъ Смоленска, король двинулся къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ; но вышло иначе. Польское войско пришло подъ Бѣлую полумертвое отъ голода и холода; король помѣстился въ Михайловскомъ монастырѣ, въ двухъ миляхъ отъ города, и послалъ къ воеводѣ съ требованіемъ сдачи, указывая на примѣръ Шеина. Воевода отвѣчалъ, что шеиновскій примѣръ внушаетъ ему отвагу, а не боязнь. Король велѣлъ опоясать городъ шанцами и вести мины; но отъ этихъ минъ была бѣда только Полякамъ; передовыхъ ротмистровъ завалило землею такъ, что едва ихъ откопали; стрѣльба также не причиняла никакого вреда осажденнымъ. Надменные смоленскимъ успѣхомъ, Поляки отложили всякую осторожность: этимъ воспользовались Русскіе, сдѣлали вылазку на полкъ Вейгера и схватили 8 знаменъ, прежде нежели Поляки успѣли взяться за оружіе. Какъ тяжка была осада Бѣлой Полякамъ, видно изъ того, что канцлеръ Радзивиллъ совѣтуетъ называть этотъ городъ не Бѣлою, а Красною, по причинѣ сильнаго кровопролитія. Голодъ доходилъ до такой степени, что самъ король половину курицы съѣдалъ за обѣдомъ, а другую половину откладывалъ до ужина, другимъ же кусокъ хлѣба съ холодною водой былъ лакомствомъ; отъ такой скудости начались болѣзни и смертность въ войскѣ. А съ другой стороны приходили вѣсти, что турецкое войско приближается къ границамъ Польши. Въ такихъ обстоятельствахъ королю нужно было какъ можно скорѣе заключить миръ съ Москвою, миръ вѣчный, который бы упрочилъ за Литвою пріобрѣтенія Сигизмундовы. Паны первые прислали къ боярамъ предложеніе о мирѣ; понятно, что это предложеніе было принято очень охотно, и въ мартѣ 1634 года назначены были: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ великими послами на съѣздъ съ польскими коммисарами, Якубомъ Жадикомъ, бискупомъ Хелминскимъ съ товарищами; съѣздъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, тамъ же, гдѣ былъ прежде съѣздъ для размѣна плѣнныхъ. Король стоялъ невдалекѣ, скрытно.

Переговоры начались попрежнему—долгимъ перекариваніемъ и напоминаніемъ старыхъ дѣлъ. Поляки настаивали, что король Владиславъ имѣетъ право на престолъ Московскій, и что Русскіе нарушили Деулинское перемиріе, пославши Шеина подъ Смоленскъ до истеченія перемирнаго срока. Между прочимъ, Поляки говорили: „Знаемъ мы подлинно, что война началась отъ патріарха Филарета Никитича, онъ ее началъ и васъ всѣхъ благословилъ" Московскіе послы объявили, что если Владиславъ не откажется отъ Московскаго титула, то они ни о чемъ говорить не станутъ: „У насъ", говорили они, „у всѣхъ людей великихъ Россійскихъ государствъ начальное и главное дѣло государскую честь оберегать и за государя всѣ мы до одного человѣка умереть готовы". Тогда Поляки, соглашаясь на требованія московскихъ пословъ, предложили вѣчный миръ на условіяхъ мира, заклю-

ченнаго королемъ Казиміромъ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, причемъ королю Владиславу, за отказъ отъ Московскаго престола и титула, царь долженъ давать ежегодно по сту тысячъ рублей и заплатить за издержки послѣдней войны. Московскіе послы отвѣчали, что эти слова непригожія: „Мы вамъ отказываемъ, что намъ о такихъ запросахъ съ вами впередъ не говорить; несбыточное то дѣло, что намъ такіе запросы вамъ давать, чего никогда не бывало и впередъ не будетъ, за то намъ, всѣмъ людямъ Московскаго государства, стоять и головы свои положить". Поляки возражали, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Густаву-Адольфу далъ города и деньги невѣдомо за что, а Владиславу дастъ за отреченье отъ Московскаго государства.

Послѣ продолжительныхъ споровъ Поляки сказали: „Когда учинимъ мирное постановленіе на вѣчное доконченье, то королю будемъ бить челомъ, чтобъ онъ крестное цѣлованье съ васъ снялъ и титулъ свой государю вашему уступилъ, а вы объявите, чѣмъ вы за то государя нашего станете дарить." Московскіе послы отвѣчали: „Намъ этого въ уступку и въ даръ не ставьте, что король хочетъ титулъ Московскій съ себя сложить, дарить намъ государя вашего за это не за что, потому что великій государь нашъ на Московскомъ государствѣ царствуетъ по дару и волѣ Всемогущаго Бога, по древней своей царской чести предковъ своихъ великихъ государей, а наше московскихъ людей крестное цѣлованье отъ государя вашего короля и отъ вашихъ неправдъ въ московское разоренье омылось кровью, и мы отъ него чисты". Наконецъ стали говорить о настоящемъ дѣлѣ; Поляки объявили, что безъ уступки въ королевскую сторону всѣхъ городовъ, которые были отданы по Деулинскому перемирію и взяты Москвичами при разрывѣ его, они не станутъ ни о чемъ говорить. На каждомъ съѣздѣ московскіе послы уступали по городу или по два; Поляки постоянно требовали всѣхъ; изъ Москвы пришелъ наказъ за города: Дорогобужъ, Новгородокъ, Серпейскъ и Трубчевскъ, и за уступку титула дать королю денегъ, именно 10,000 рублей и надбавлять до 70,000, и по конечной неволѣ дать 100,000. Въ то же время бискупъ Жадикъ прислалъ сказать Шереметеву, что король отправилъ уже полкъ къ Можайску, а уговорилъ короля послать полкъ Христофъ Радзивиллъ, ибо пріѣхалъ изъ Москвы къ королю сынъ боярскій съ вѣстями, что на Москвѣ Шеина и Измайлова казнили, и за это учинилась въ людяхъ рознь великая, да на Москвѣ же были пожары большіе, выгорѣла Москва мало не вся; въ Можайскѣ ратные люди также погорѣли и разъѣхались; король хотѣлъ надъ Можайскомъ промышлять и подъ Москву идти, но онъ, бискупъ, литовскихъ ратныхъ людей остановилъ, короля отъ войны удержалъ, и сталъ король на рѣкѣ Вязьмѣ отъ Семлева въ 20 верстахъ.

На слѣдующемъ съѣздѣ польскіе коммисары требовали всѣхъ городовъ, уступленныхъ въ Деулинѣ, да еще нѣсколькихъ новыхъ за освобожденіе царя и народа Московскаго отъ присяги Владиславу. Московскіе послы отвѣчали, что за освобожденіе царя платить не-для-чего, царь Михаилъ креста Владиславу не цѣловалъ, потому что въ то время онъ совершеннаго возраста еще не достигъ. Коммисары за уступку титула начали требовать уже не городовъ, а денегъ; московскіе послы отказали: тогда Поляки поднялись съ шумомъ и хотѣли порвать переговоры; московскіе послы начали предлагать деньги по наказу; Поляки остановились, начали между собою толковать; нѣкоторые изъ нихъ ходили отъ шатра, гдѣ происходили переговоры, къ рѣчкѣ Поляновкѣ, и, пришедши, начали съ товарищами своими опять толковать, а государевымъ посламъ сказывали дворяне, что польскіе коммисары ходили къ королю, который лежалъ на берегу рѣчки Поляновки на травѣ. Поговоривъ между собою, Поляки не согласились на предложеніе московскихъ пословъ; тѣ тоже отказали, что городовъ не уступятъ; Поляки начали сердиться, опять встали съ своихъ мѣстъ, государевы послы тоже встали и изъ шатра хотѣли выйти. Больше трехъ часовъ говорили послы стоя, то говорили съ большимъ шумомъ, то покрывали гладостью, какъ бы къ доброму сходству повести, поговоривши съ шумомъ, расходились розно, выговаривали и вычитали съ обѣихъ сторонъ всякія прежнія ссоры и неправды. Поляки вышли наконецъ изъ шатра, давая знать, что хотятъ разорвать. Тогда московскіе послы уступили имъ Дорогобужъ. Поляки не согласились; уступили Новгородъ-Сѣверскій—не согласились; коммисары вышли изъ шатра, остались только Жадикъ и Радзивиллъ, воевода Виленскій, и продолжали переговоры: изъ всѣхъ городовъ, отданныхъ по Деулинскому перемирію, они уступили одинъ Серпейскъ, но требовали Трубчевска и 100,000 рублей денегъ; потомъ начали спускать деньги, и спустили до 20,000. На этомъ и порѣшили, съ условіемъ однако, чтобъ деньги отдать королю тайно, въ записи ихъ не писать и въ рѣчахъ не упоминать, будутъ знать объ этомъ только бискупъ Жадикъ да Радзивиллъ, а товарищамъ ихъ не сказывать, и какъ договоръ крестнымъ цѣлованіемъ закрѣпятъ, то деньги возьметъ бискупъ одинъ и распишется. Коммисары согласились называть Михаила Ѳеодоровича царемъ, потому что Польское правительство признало этотъ титулъ прежде, называя Владислава царемъ; но, не споря о царскомъ титулѣ, коммисары спорили о титулѣ „в с е я Р у с и;" они говорили боярамъ: „Великій государь вашъ пишется всея Руси, а Русь и въ Московскомъ и въ Польскомъ государствѣ есть, такъ написать бы въ польскую докончальную запись великаго государя вашего царемъ с в о е я Р у с и, чтобъ титуломъ в с е я Р у с и къ Польской Руси причитанья не имѣть, а въ московской докончальной записи и впередъ въ грамотахъ царскихъ

къ королямъ Польскимъ писать попрежнему всея Руси"... Московскіе послы отказали: „Этого начинать непригоже: ваша малая Русь, которая принадлежитъ къ Польшѣ и Литвѣ, къ тому царскаго величества именованью всея Руси нейдетъ, примѣнять вамъ этой своей Руси ко всея Руси нечего" Покончивши споръ о титулѣ, послы ударили по рукамъ на вѣчномъ докончаніи. Это было 17 мая.

Когда надобно было писать условія вѣчнаго докончанія, то коммисары возобновили попытку Льва Сапѣги при Годуновѣ, предложили слѣдующія статьи: 1) Быть въ вѣчной пріязни, какъ людямъ одной вѣры христіанской, одного языка и народа Славянскаго. Московскіе послы прибавили сюда условіе: описывать великаго государя съ его полными титулами. 2) Имѣть общихъ враговъ. Московскіе послы отвѣчали: написать именно, кто королю непріятель,—по тому и договоръ будетъ. 3) Съ другими народами ко вреду другъ друга не соединяться, но сноситься съ ними вмѣстѣ, по совѣту; если былъ прежде заключенъ союзъ съ кѣмъ-нибудь ко вреду новаго союзника, то его разорвать. 4) Въ случаѣ непріятельскаго нападенія, другъ друга оборонять. *Отвѣтъ*. У государя нашего только и пограничныхъ государствъ, что Швеція да Крымъ, и съ обоими государь въ докончаніи, такъ помогать на нихъ ему не доведется. 5) Подданнымъ обоихъ государствъ вольно ѣздить къ государямъ на службу при дворѣ, въ войскахъ и земляхъ, и выѣзжать назадъ. *О*. Какъ государь изволитъ. 6) Чтобъ вольно имъ было жениться и сродствоваться, вотчины и помѣстья выслуживать и покупать, по женахъ и инымъ всякимъ обычаемъ наживать.—*О*. Какъ Русскимъ людямъ у Польскихъ людей, такъ Польскимъ у Русскихъ жениться за разницею вѣръ нельзя, отчинъ продавать изъ государства въ государство не годится, да и прежде этого никогда не бывало. 7) Чтобъ вольно было подданнымъ обоихъ государствъ посылать дѣтей своихъ на службу или для науки. *О*. Объ этомъ великіе государи перешлются между собою. 8) Чтобъ Поляки, которые будутъ служить Московскому государю, могли ставить церкви своей вѣры въ своихъ помѣстьяхъ; чтобъ въ Москвѣ и другихъ городахъ были церкви католическія. *О*. Церквей иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ прежде не бывало и впередъ этому быть нельзя. 9) Король и великій государь Московскій должны вмѣстѣ стараться, чтобъ былъ у нихъ нарядъ пушечный, корабли и люди воинскіе на морѣ Ливонскомъ и на морѣ Великомъ, для расширенія границъ своихъ. *О*. Государевыхъ воинскихъ кораблей на морѣ Ливонскомъ и на морѣ Великомъ прежде не бывало и впредъ быть негдѣ да и не-для-чего; а если это понадобится королю, то пусть онъ обошлется съ нашимъ государемъ. 10) Въ знакъ совершеннаго соединенія должны быть двѣ короны: одна въ Польшѣ, ее посолъ московскій возлагаетъ на Польскаго короля при коронаціи, а другая въ Москвѣ,—ее польскій посолъ возлагаетъ на голову Московскаго государя. 11) По смерти короля, паны совѣтуются объ избраніи новаго съ государемъ и со всѣми чинами московскими. 12) Если будетъ избранъ царь въ короли, то два года долженъ жить въ Польшѣ и Литвѣ, и одинъ годъ въ Москвѣ. 13) Если у царя не будетъ сына, то царемъ становится король Польскій. На всѣ эти статьи одинъ отвѣтъ: пусть государи перешлются между собою.

Въ образцовой царской грамотѣ было написано: „Которые люди начнутъ перебѣгать на обѣ стороны, тѣхъ не отдавать для того: только перебѣжчиковъ отдавать, то въ этомъ будетъ большая ссора, душевредство, и исполнить этой статьи никакъ нельзя, потому что Московское государство и Польское велики и пространны, перебѣжчики станутъ жить въ дальнихъ и украинскихъ городахъ тайно, такъ что не только ихъ самихъ, и мѣстъ ихъ сыскать будетъ нельзя". Вслѣдствіе этого, уполномоченные уговорились статью о перебѣжчикахъ изъ докончальной записи вычеркнуть, а постановить: воровскихъ людей, которые отъ воровства станутъ перебѣгать, тѣхъ на обѣ стороны сыскивать и отдавать. Польскіе коммисары требовали, чтобъ патріархъ за настоящаго государя, за будущихъ и за всю Землю крестъ цѣловалъ на вѣчномъ докончаніи, а притомъ должны еще цѣловать крестъ по два человѣка изъ порубежныхъ городовъ. Московскіе послы отвѣчали: „Великій господинъ, святѣйшій патріархъ, правитъ церковь Божію, а до царственныхъ, до градскихъ (политическихъ) и ни до какихъ мірскихъ дѣлъ онъ не касается; также и порубежныхъ городовъ людямъ крестъ цѣловать не-для-чего, потому что вѣчное докончанье крѣпко будетъ нашимъ посольскимъ цѣлованьемъ, да сверхъ того великіе государи сами закрѣпятъ, а городскіе люди безъ воли государя нашего ничего сдѣлать не могутъ". Польскіе коммисары настаивали, чтобъ цѣловать крестъ патріарху, властямъ духовнымъ, боярамъ и изо всѣхъ чиновъ людямъ за себя, за дѣтей, внучатъ и за всю Землю; говорили, что и у нихъ въ Польшѣ всѣ крестъ цѣловать будутъ; московскіе послы отвѣчали: „Вашъ архіепископъ и епископы должны цѣловать крестъ, потому что они вмѣстѣ и сенаторы, а нашъ патріархъ и духовенство ни въ какихъ дѣлахъ креста не цѣлуютъ. Да и того въ Московскомъ государствѣ никогда не бывало, чтобъ вмѣстѣ съ великимъ государемъ боярамъ или инымъ людямъ крестъ цѣловать, и теперь тому быть нельзя: крѣпко будетъ докончанье государскими душами, а за бояръ и за всякихъ людей мы, великіе послы, закрѣпимъ". Польскіе коммисары возражали, что сенаторамъ и боярамъ нужно крестъ цѣловать на случай смерти королевской или царской; московскіе послы отвѣчали: „То дѣло нестаточное, что боярамъ вмѣстѣ съ государемъ нашимъ крестъ цѣловать: всѣ мы холопи великаго государя нашего и во всей его

царской волѣ, и намъ безъ царскаго повелѣнья браться за это нельзя". Поляки все настаивали, чтобъ патріархъ цѣловалъ крестъ; московскіе послы отвѣчали: „Патріарху тутъ быть нельзя, потому что по закону нашей Греческой вѣры не повелось, чтобъ у крестнаго цѣлованья быть патріарху: они чинъ духовный, великіе слуги Христовы первѣйшіе, всѣмъ архіепископамъ и епископамъ вышніе, и ни у какой клятвы человѣческой быть имъ не возможно". Московскіе послы отговорили также не цѣловать креста боярамъ и порубежнымъ людямъ.

Уговорились, что царь и король пошлютъ къ пограничнымъ христіанскимъ и бусурманскимъ государямъ объявить о своемъ вѣчномъ докончаніи; уговорились насчетъ посольскихъ провожатыхъ; послы съ обѣихъ сторонъ должны пріѣзжать со 100 провожатыми, посланники — съ 30-ю, гонцы — съ 6-ю; пословъ и посланниковъ больше двухъ мѣсяцевъ не держать. Польскіе коммисары требовали, чтобъ обоимъ государямъ вольно было нанимать ратныхъ людей — королю въ Московскомъ государствѣ, а царю — въ Польшѣ; московскіе послы отложили эту статью до обсылки съ государемъ, потому что дѣло новое. Поляки требовали, чтобъ Запорожскимъ казакамъ шло жалованье отъ государя ежегодно, какъ имъ на то грамота дана и на самомъ дѣлѣ въ прошлыхъ годахъ бывало. Московскіе послы отвѣчали: „Казакамъ Запорожскимъ какое жалованье, и за какую службу давалось, и какая у нихъ грамота есть, — того не упомнимъ; думаемъ, что то могло быть, когда Запорожскіе казаки великимъ государямъ служили, и теперь если начнутъ служить, то имъ государево жалованье будетъ по службѣ".

Во время переговоровъ къ посламъ пришла изъ Москвы грамота, чтобъ они потребовали у польскихъ коммисаровъ наряда, взятаго у Шеина подъ Смоленскомъ, потребовали бы этого въ знакъ любви государской: „За то бы стояли и говорили неторопко, потому что Полякамъ разорвать переговоровъ уже нельзя: вѣдомо государю подлинно, что Турскій салтанъ наступилъ на Польшу, въ Польшѣ и Литвѣ отъ Турскаго великое страхованье, и король пошелъ назадъ къ себѣ въ Литву; еслибъ государь объ этомъ зналъ вовремя, то онъ бы имъ, посламъ, съ такою уступкою на столькихъ городахъ дѣлать не велѣлъ. Главные послы, бояринъ и окольничій должны говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью и разговоромъ, чтобъ договора не разорвать и безславными не быть же". Исполняя наказъ, московскіе послы стали говорить коммисарамъ о возвращеніи пушекъ, сказали и о тѣхъ двѣнадцати пушкахъ, которыя король отдалъ Шеину, но тотъ не взялъ измѣною своему государю. Коммиссары отвѣчали, что донесутъ объ этомъ королю, причемъ гетманъ Литовскій Радзивиллъ прибавилъ: „Вы намъ говорили о двѣнадцати пушкахъ, которыхъ не взялъ Шеинъ, будто бы измѣною своему государю, — такъ вамъ бы такого слова не говорить и въ письмѣ не писать, потому взялъ весь нарядъ государь нашъ своею ратною силою, а не по чьей-нибудь измѣнѣ; двѣнадцать же пушекъ, которыя были Шейну отданы, онъ подарилъ мнѣ по любви, а не по-неволѣ, и тѣ пушки у меня, а не у короля, и отдать ихъ назадъ непригоже, потому что Шеинъ ими меня подарилъ". Польскіе коммисары требовали, чтобъ купцамъ ихъ можно было торговать въ Москвѣ и въ замосковныхъ городахъ, но московскіе послы согласились только позволить имъ торговать въ пограничныхъ городахъ; что же касается до торговли въ Москвѣ и другихъ городахъ, то это дѣло отложили до тѣхъ поръ, пока польскіе послы будутъ у царя въ Москвѣ. Уговорились: плѣнниковъ всѣхъ отпустить съ обѣихъ сторонъ безъ ограниченія, причемъ Поляки не согласились на требованіе московскихъ пословъ, чтобъ не отпускать тѣхъ, которые приняли православную вѣру или женились въ Россіи. Въ образцовой докончальной грамотѣ, присланной изъ Москвы, было внесено условіе, чтобъ въ уступленныхъ Польшѣ городахъ не трогать православія. Польскіе коммисары говорили объ этомъ съ великою досадою: „Какое вы въ насъ безвѣрство узнали? всякій человѣкъ себя остерегаетъ, а чужаго дома строить не замышляетъ; у насъ никакому человѣку свою вѣру держать не запрещаютъ, мы обѣщаемъ это подъ клятвою, а въ докончальную запись это внести зазорно, королю и намъ это будетъ въ стыдъ, какъ будто мы разорители вѣръ"! — И отказали съ шумомъ. Образцовая грамота московская начиналась укоризнами, что Поляки нарушили перемиріе и т. п.; коммисары объявили, что они такой грамоты допустить не могутъ: „Заключенъ вѣчный миръ", говорили они, „а въ началѣ грамоты будутъ укоризны! мы васъ укорять не хотимъ, и вы насъ не укоряйте". Два часа спорили объ этомъ, а наконецъ порѣшили оставить укорительныя слова.

Все было окончено 4 іюня. На прощаньи польскіе коммисары говорили: „Такое дѣло великое и славное сдѣлалось, чего прежніе государи сдѣлать не могли; такъ на томъ бы мѣстѣ, гдѣ такое великое и славное дѣло совершилось, гдѣ стояли шатры, для вѣчнаго воспоминанья насыпать два большихъ кургана и сдѣлать на нихъ два столба каменныхъ, одинъ на московской, а другой — на королевской сторонѣ, и на тѣхъ столпахъ написать государскія имена, также годъ и мѣсяцъ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ пословъ такое великое дѣло учинилось". Шереметевъ съ товарищами не согласились на предложеніе, — они отвѣчали: „Въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось и дѣлать этого не-для-чего; все сдѣлалось волею Божіею и съ повелѣнія великихъ государей и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ". Шереметевъ далъ знать объ этомъ въ Москву, и получилъ такой отвѣтъ: „Государевы послы сдѣлали хорошо, что у литовскихъ пословъ отговаривали, потому что они начинаютъ дѣло новое: и впредь литовскимъ посламъ отказывать, что дѣло нестаточное бугры насыпать и столпы ставить, быть тому непригоже и не-для-чего, потому что доброе

дѣло учинилось по Божіей волѣ, а не для столповъ и бугровъ бездушныхъ".

Въ началѣ 1635 года, для закрѣпленія вѣчнаго мира присягою королевскою, отправлены были въ Польшу великіе послы, бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ-Ярославскій съ товарищами. Ему данъ былъ наказъ: „Непремѣнно за то стоять накрѣпко, чтобъ король поцѣловалъ въ крестъ, а не въ блюдо". Еще любопытнѣе вторая статья наказа: „Когда король велитъ положить на запись крестъ, то посламъ смотрѣть, чтобъ этотъ королевскій крестъ былъ съ распятіемъ; а если король закона Люторскаго, то ему цѣловать евангеліе, развѣдать подлинно, какой вѣры король. — Если будутъ настаивать, продолжаетъ наказъ, чтобъ польскіе купцы ѣздили торговать въ Москву и замосковные города свободно, то отвѣчать: „Это дѣло нестаточное, потому что многіе польскіе и литовскіе купцы станутъ пріѣзжать въ Москву и въ другіе города, станутъ привозить съ собою учителей Римской вѣры и приводить людей въ свою вѣру, а наша истинная православная христіанская вѣра Греческаго закона до сихъ поръ стоитъ крѣпко и непоколебимо, и впередъ такъ-же стоять будетъ Богомъ хранима и соблюдаема во-вѣки, и другихъ никакихъ вѣръ у насъ не принимаютъ. Да въ Московское же государство пріѣзжаютъ иноземцы торговые люди Люторскаго и Кальвинскаго закона, а у Римлянъ съ ними за ту вѣру рознь: такъ ихъ Римской вѣры купцамъ съ люторами и кальвинами будетъ ссора; и безъ брани между ними за вѣру не обойдется". Но, стоявъ накрѣпко, согласиться, чтобъ польскіе купцы пріѣзжали въ Москву.

Паны потребовали отъ пословъ еще новой статьи, чтобъ въ обоихъ государствахъ были одинакія деньги. Послы отвѣчали: „Одной цѣны установить нельзя,—у васъ въ Польшѣ и Литвѣ золотымъ и ефимкамъ всегда цѣна бываетъ неровна; золотой у васъ теперь идетъ русскими деньгами по рублю по двадцати одному алтыну по четыре деньги, а на Москвѣ золотой покупаютъ по тридцати алтынъ; ефимокъ у васъ покупаютъ по тридцати алтынъ, а на Москвѣ по шестнадцати алтынъ; да и потому нельзя, что въ Польшѣ и въ Литвѣ торгуютъ золотыми и ефимками, а для мелкой покупки—грошами и шелегами мѣдными, въ Московскомъ же государствѣ—русскими копѣйками и московками, хотя онѣ и дробны, за то сдѣланы изъ чистаго серебра".

Когда всѣ переговоры были кончены, открылось для московскихъ пословъ сильное затрудненіе. Еще на Поляновскомъ съѣздѣ между Шереметевымъ и Жадикомъ было договорено, что Поляки отдадутъ подлинный договоръ Жолкѣвскаго объ избранія Владислава и всѣ другія бумаги, относящіяся къ Смутному времени; но теперь паны-рада прислали сказать Львову, что этого договора ищутъ, но нигдѣ отыскать не могутъ. Послы отвѣчали: „Пока намъ гетманскій договоръ и всякое письмо не отдадутъ, мы никакихъ дѣлъ дѣлать не станемъ и у короля при крестномъ цѣлованіи не будемъ; удивительное дѣло! давно ли то крестное цѣлованіе было, ваши великіе послы и сенаторы клялись, крестъ цѣловали, что гетманскій договоръ и всякое письмо будутъ отданы царскаго величества посламъ въ Варшавѣ, а теперь говорятъ, что договора не сыщутъ". Пріѣхали къ посламъ Христофъ Гонсѣвскій съ Альбрехтомъ Гижицкимъ и говорили: „Мы королю и панамъ-радѣ сказывали, что вы безъ гетманскаго договора никакихъ дѣлъ дѣлать не будете; король отъ этого сталъ печаленъ и паны-рада всѣ кручиноваты, велѣлъ король во всѣхъ скарбахъ своихъ искать договора". Потомъ пріѣхали къ посламъ: Якубъ Жадикъ, канцлеръ коронный, Альбрехтъ Радзивиллъ, канцлеръ Литовскій, Александръ Гонсѣвскій, и говорили, что договора въ королевской казнѣ не сыщутъ. Когда этотъ договоръ гетманъ Жолкѣвскій подъ Смоленскъ къ Жигимонту королю привезъ, то неизвѣстно, взялъ ли его у него король или нѣтъ,—одно извѣстно, что Жигимонтъ король сыну своему Московскаго государства не прочилъ; думаютъ они, что договоръ о томъ или у Жолкѣвскаго, или у Льва Сапѣги, или у писаря Соколинскаго, которые всѣ померли, и теперь король посылалъ искать договора въ Жолкву, отчину Жолкѣвскаго, также къ сыну Сапѣги и къ Соколинскимъ; а если договора не сыщутъ, то король укрѣпится крестнымъ цѣлованіемъ, что впередъ ему и по немъ всѣмъ будущимъ королямъ гетманскимъ договоромъ къ Московскому государству никакого причитанья не имѣть и не вспоминать во-вѣки, также и панамъ-радѣ и всей Рѣчи Посполитой; а укрѣпленье объ этомъ договорѣ напишутъ, какъ вы сами, великіе послы, прикажете. Послы отвѣчали. „О гетманскомъ договорѣ хотите письмо дать за руками, но вы о немъ письмо давали и крестъ цѣловали, да солгали; и вы, паны-рада, какъ такія неправды дѣлаете, чего въ христіанскихъ государствахъ не дѣлается?—вѣдь вы, зная про тотъ договоръ, что онъ есть у короля въ казнѣ, крестъ цѣловали, а теперь сказываете, что его не сыщете"! Паны отвѣчали: „Намъ самимъ большой стыдъ, что договора не сыщутъ, только это случилось безъ хитрости, не обманомъ; Богъ то видитъ, убей насъ Богъ душою и тѣломъ, если мы договоръ утаиваемъ. Отпишите къ великому государю своему объ указѣ, а государь нашъ къ царскому величеству гонца своего пошлетъ, отпишетъ, что онъ, король, на на томъ крестъ цѣлуетъ, руку свою и печать приложитъ, и они, сенаторы, всею Землею руки свои приложатъ же, что договору не сыскали". Послы продолжали говорить: „Видимъ мы, что вы этого письма намъ не хотите отдать неправдою, а у насъ это начальное дѣло". Паны продолжали клясться; наконецъ положили, что отпишутъ объ этомъ къ государю.

Царь прислалъ отвѣтъ, что согласенъ на сдѣлку относительно гетманскаго договора, но съ тѣмъ, чтобъ король отписалъ объ этомъ во всѣ государ-

ства. 23 апрѣля назначено было днемъ королевской присяги; костелъ былъ великолѣпно убранъ, у большаго алтаря горѣло шесть свѣчей въ золотыхъ подсвѣчникахъ, Распятіе и статуи на алтарѣ были изъ того же металла, музыка гремѣла на четыре хора. Начались толки, какъ московскіе послы должны идти въ костелъ, передъ королемъ или за нимъ, или вести короля подъ руки, какъ былъ обычай. Они объявили, что вести короля подъ руки непригоже, грѣхъ большой вести когонибудь къ присягѣ, тѣмъ болѣе короля; согласились идти передъ маршалкомъ. Когда уже процессія двинулась, послы стали требовать, чтобъ король, въ присутствіи всѣхъ, собственною рукою подписалъ обѣщанное утвержденіе. Король исполнилъ ихъ желаніе, и они очень обрадовались, говорили: „Теперь видимъ, что вы искренно съ нами поступаете, будетъ вѣчный миръ“. Они просили, чтобъ король и царь всегда называли другъ друга братьями; послѣдовало и на это согласіе. Король шелъ въ костелъ съ многочисленною свитой: кромѣ придворныхъ, было при немъ два архіепископа и 16 свѣтскихъ сенаторовъ. Помолившись передъ большимъ алтаремъ, король сѣлъ въ кресла; архіепископъ началъ проповѣдь; такъ какъ, по обычаю, онъ часто вставлялъ латинскіе тексты и сентенціи, то одинъ изъ пословъ сказалъ Литовскому канцлеру Радзивиллу, чтобъ запретилъ проповѣднику употреблять латинскія слова, непонятныя для нихъ, пословъ; Радзивиллъ внутренно улыбнулся простотѣ этого народа, какъ самъ разсказываетъ. По окончаніи проповѣди, архіепископъ подалъ королю крестъ и присягу; король громко прочелъ присягу и, прибавя условіе о гетманскомъ договорѣ, поцѣловалъ крестъ; но послы потребовали, чтобъ о гетманскомъ договорѣ была особая присяга, и король въ другой разъ долженъ былъ цѣловать крестъ, что очень утѣшило пословъ; за королемъ присягнули шесть сенаторовъ. По окончаніи присяги, король, взявши грамоты, подалъ ихъ князю Львову и сказалъ: „Надѣюсь, что за Божіею помощію будетъ у насъ крѣпкая и вѣчная пріязнь съ государемъ вашимъ, братомъ моимъ; отдайте въ его руки этотъ задатокъ нашего братства, и кланяйтесь ему отъ моего имени по-пріятельски“. Послы низко поклонились; архіепископъ началъ пѣть: „Te Deum“, и въ то же время раздалась пушечная пальба. На эту невиданную до того времени церемонію смотрѣли съ хоръ папскій нунцій и посолъ флорентійскій.

Послы обѣдали у короля; были у него и на потѣхѣ, „а потѣха была, какъ приходилъ къ Іерусалиму Ассирійскаго царя воевода Алафернъ, и какъ Юдиѳь спасла Іерусалимъ“. Но послѣ потѣхи послы должны были исполнить печальное порученіе: Михаилъ приказалъ имъ выпросить у короля тѣла Шуйскихъ, царя Василія, его брата Димитрія и жены послѣдняго; въ наказѣ говорилось: „Если за тѣло царя Василія Поляки запросятъ денегъ, то давать до 10,000 и прибавить сколько пригоже, смотря по мѣрѣ, сказавши однако: „Этого нигдѣ не слыхано, чтобъ мертвыхъ тѣла продавать; а за тѣло Димитрія Шуйскаго и жены его денегъ не давать,—то царскому тѣлу не образецъ“. Когда послы сказали объ этомъ панамъ, тѣ отвѣчали, что донесутъ королю, и прибавили: „Отдать тѣло негодится; мы славу себѣ учинили вѣковую тѣмъ, что Московскій царь и братъ его лежатъ у насъ въ Польшѣ, и погребены они честно, и устроена надъ ними каплица каменная“. Послы сказали на это: „Царя Василья тѣло уже мертво, прибыли въ немъ нѣтъ никакой, а мы вамъ за то поминки дадимъ, что у насъ случилось“. и посулили послы канцлеру коронному Якобу Жадику десять сороковъ соболей, и другимъ поминки посулили немалые. Тогда паны сказали: „Мы донесемъ объ этомъ королевскому величеству и совѣтовать ему будемъ, чтобъ тѣло отдать“. Скоро посламъ дали знать, что король согласенъ; Жадикъ и Александръ Гонсѣевскій сказали имъ: „Королевское величество велѣлъ вамъ сказать, что онъ тѣло царя Василья Ивановича и брата его велѣлъ отдать, любя брата своего, великаго государя вашего; а еслибъ былъ Сигизмундъ король, то онъ бы ни за что не отдалъ, хотя-бъ ему палаты золота насыпали, то онъ и тогда бы ни одной кости не отдалъ“. Посольскіе дьяки отправились въ каплицу, вмѣстѣ съ королевскимъ шатерничимъ и будовничимъ, которымъ она была приказана. Гробы находились подъ поломъ; когда дьяки велѣли взломать полъ, то увидали подъ нимъ палатку каменную, а въ палаткѣ три гроба,—одинъ на правой сторонѣ, а два на лѣвой, послѣдніе поставлены одинъ на другомъ: одинокій гробъ на правой сторонѣ былъ царя Василья, на лѣвой, наверху,—князя Димитрія, а подъ нимъ жены его. Изъ земли тѣла вынули честно, встрѣчали ихъ на дорогѣ изъ села Ездова къ Варшавскому посаду послы, стольники и дворяне со всѣми людьми съ великою честью; послы велѣли сдѣлать новые гробы, посмолить и поставить въ нихъ старые гробы. Король прислалъ атласъ золотный турецкій да кружева кованыя золотныя, да гвозди серебряные,—велѣлъ гробъ царя Василія обить: на гробъ князя Димитрія прислалъ бархатъ зеленый, и на княгининъ гробъ камку зеленую, и отпустилъ король тѣла съ великою честію, но сенаторамъ и ближнимъ королевскимъ людямъ за этотъ отпускъ дано соболей на 3,674 р.

10 іюня съ утра въ Кремлѣ Московскомъ загудѣлъ реутъ, и народъ повалилъ къ Дорогомилову навстрѣчу тѣлу царя Василія. Отъ Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ, тѣло несли на головахъ дѣти боярскія изъ городовъ, а затѣмъ шелъ Рафаилъ, епископъ Коломенскій, архимандриты, игумены и протопопы, которые были назначены встрѣчать тѣло въ Вязьмѣ; за тѣломъ шли послы, князь Львовъ съ товарищами. У церкви Николы Явленнаго встрѣчалъ тѣло Павелъ, митрополитъ Крутицкій, и Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, съ ними всѣхъ

церквей деревяннаго города попы и дьяконы со свѣчами и кадилами; тутъ же встрѣчали бояре, князь Сулешевъ да Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, да окольничій Михайла Михайловичъ Салтыковъ въ смирномъ (траурномъ) платьи; служилые люди, гости и купцы, встрѣчавшіе вмѣстѣ съ боярами, были также всѣ въ смирномъ платьи. Отъ Николы Явленнаго тѣло несли въ Арбатскія ворота Вздвиженкою къ Каменному мосту (черезъ Неглинную въ Кремль) дворяне московскіе на плечахъ. Патріархъ Іоасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ встрѣтилъ тѣло у церкви Николы Зарайскаго (что у Каменнаго моста деревянный храмъ), въ ризахъ смирныхъ, и, учиня начало по священному чину, пошелъ за тѣломъ, которое внесли въ Кремль черезъ Ризположенскія ворота. Когда поравнялись со дворомъ царя Бориса, то зазвонили во всѣ колокола, и тѣло внесли въ Архангельскій соборъ въ переднія двери отъ Казеннаго двора. Государь встрѣтилъ у собора Успенскаго, не доходя рундука; за государемъ были бояре, думные и ближніе люди, всѣ въ смирномъ платьи; въ Архангельскомъ соборѣ пѣли панихиду большую, а погребеніе было на другой день, 11 іюня [1]).

Глава IV.

Продолженіе царствованія Михаила Ѳеодоровича.

Посольства Песочинскаго и Сапѣги въ Москву; неудовольствія противъ Польши, по поводу межевыхъ дѣлъ, умаленія титула и противозаконныхъ поступковъ литовскихъ купцовъ; мнѣнія бояръ о поступкахъ Польскаго правительства, переходъ Малороссійскихъ казаковъ въ московскую сторону.—Сношенія съ Швеціею; первый московскій резидентъ Францбековъ въ Стокгольмѣ; взглядъ Московскаго правительства на резидентовъ.—Несостоявшійся договоръ съ Голштинскою компаніею о персидской торговлѣ.—Сношенія съ Турціею: посольство Кондырева и Бормосова; ихъ затруднительное положеніе по поводу Донскихъ казаковъ. Второе посольство Ѳомы Кантакузина въ Москву и запись имъ данная. Посольство Яковлева и Евдокимова въ Константинополь; третье посольство Кантакузина въ Москву; посольство Совина и Алфимова въ Константинополь.—Убіеніе воеводы Карамышева Донскими казаками; опасность посламъ отъ нихъ; разбои Донскихъ казаковъ на Каспійскомъ морѣ; посольство Прончищева и Бормосова, Дашкова и Сомова, Коробьина и Матвѣева въ Константинополь. Грамота царская къ султану съ Буколовымъ; пріѣздъ Ѳомы Кантакузина на Донъ. Сборы казаковъ подъ Азовъ; посольство въ Москву атамана Каторжнаго; выступленіе подъ Азовъ; убіеніе Кантакузина; взятіе Азова казаками и защита его отъ Турокъ; соборъ въ Москвѣ, вслѣдствіе просьбы казаковъ государю взять отъ нихъ Азовъ; казаки оставляютъ Азовъ по приказанію государя; посольство Милославскаго и Лазоревскаго въ Константинополь.—Неудовольствія Донскихъ казаковъ; ихъ намѣреніе уйти на Яикъ.—Сношенія съ Персіею и Грузіею.—Намѣреніе государя вызвать изъ Даніи жениха для царевны Ирины Михайловны; посольство переводчика Ѳомина для освѣдомленія о сыновьяхъ короля Христіана IV; посольство королевича Вальдемара въ Москву; посольство Проестева и Патрикѣева въ Данію для сватовства; ихъ неудача; посольство въ Данію Петра Марселиса, который улаживаетъ дѣло; условія брака; пріѣздъ королевича Вальдемара въ Москву; представленіе его государю; статьи, поданныя датскими послами боярамъ; разговоръ королевича съ государемъ; увѣщаніе къ принятію православія; письмо патріарха къ королевичу и отвѣтъ Вальдемара; неудачная попытка королевича уѣхать тайно изъ Москвы; разговоръ Марселиса съ Вальдемаромъ; дѣло Басистова; письмо Вальдемара къ царю и польскому послу Стемпковскому.—Вѣсть изъ Турціи о самозванцѣ Иванѣ Димитріевичѣ.—Посольство князя Львова въ Польшу и дѣло о двухъ самозванцахъ.—Болѣзнь и кончина царя Михаила.

(1635—1645 г.)

Такъ кончились войны, порожденныя Смутнымъ временемъ; гробъ Шуйскаго съ торжествомъ былъ поставленъ между гробами царей Московскихъ; но гробы Годуновыхъ остались въ Троицкомъ монастырѣ, ибо гробъ Димитрія загораживалъ имъ дорогу въ Архангельскій соборъ. Нравственное и политическое успокоеніе Русскихъ людей, которое хотѣлъ произвести Шуйскій внѣшними средствами, завершилось теперь на гробѣ его, привезенномъ изъ Польши. Все пошло попрежнему; но въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и городахъ Сѣверскихъ сидѣли польскіе державцы, а въ Землѣ Ижерской—шведскіе. Король Владиславъ искренно хотѣлъ мира и пріязни съ недавнимъ соперникомъ своимъ, царемъ Московскимъ; но послѣдній не переставалъ присылать посольства съ жалобами на подданныхъ Владиславовыхъ. Въ то время какъ въ Варшавѣ московскій посолъ князь Львовъ съ товарищами былъ свидѣтелемъ присяги королевской въ соблюденіи Поляновскаго мира, польскіе послы Песочинскій, каштелянъ Каменецкій и Сапѣга, писарь великаго княжества Литовскаго, сынъ знаменитаго

[1]) Письма Русскихъ государей, стр. 14 и 274; Описаніе государ. арх. стр. дѣлъ, стр. 257; Хронографъ Карамзинскій, № 3 (въ Археограф. Коммис.); Никонов. Лѣтоп. VIII, 245; Акты историческ. III, № 81; Собран. госуд. грам. и дог. Ш, № 57; Дѣла Датскія и Шведскія 1613 — 1645 г.; Дѣла Крымскія 1613 — 1645 г.; Акты арх. эксп. Ш, № 206, 207, 213, 230, 239, 242, 246, 247, 248; Собран. госуд. грам. и догов. Ш, 83, 85, 99. Акты историч. III № 80, 91; Собр. госуд. грам. и догов. III № 63, 64, 65; Акты историч. Ш, № 284; Акты арх. эксп. III, 107, 108, 111, 127, 128; Дѣла Шведскія, № 19; Дѣла Англійскія, № 7; Дѣла Французскія, № 1 и 2; Дѣла Голландскія, № 1; Дѣла Датскія, № 3, 4, 5, Памятники Дипломат. сношеній, т. III; Дѣла Польскія, № 39, 40, 42, 43, 49; Книги разрядныя, т. I и II-й; Pamietniki do panowania Zygmunda III et c. wydal Woycicki, I стр. 204 и слѣд.; Pamietniki A. S. X. Radziwilla t. I, стр. 153 и слѣд.; Врем. Москов. истр. Общ. кн. 4; Плейтнеровъ планъ осады Смоленска, 1636 г.

Льва, были свидѣтелями царскаго крестоцѣлованія въ Москвѣ. Мы видѣли, что на Поляновскомъ съѣздѣ нѣсколько статей, требуемыхъ польскими коммисарами, было оставлено до того времени, какъ польскіе послы будутъ въ Москвѣ; на этомъ основаніи теперь Песочинскій объявилъ боярамъ требованіе, чтобъ послѣ царя цѣловали еще крестъ въ ненарушеніи мира бояре и жители порубежныхъ мѣстъ,—получилъ отказъ; потомъ требовалъ, чтобъ, въ случаѣ смерти одного изъ государей, присяга возобновлялась его преемникомъ,—и въ этомъ получилъ отказъ; требовалъ, чтобъ позволено было королю нанимать ратныхъ людей въ Московскомъ государствѣ,—отказано. „Это дѣло новое", отвѣчали бояре, „прежде этого не повелось; великаго государя люди ни въ которыя окрестныя государства не хаживали служить, потому что они православной христіанской вѣры Греческаго закона, и если имъ ходить на службу въ чужія государства, а поповъ русскихъ съ ними не будетъ и въ церкви ходить не станутъ, то они будутъ помирать безъ покаянія". О вольномъ пріѣздѣ на службу, пребываніи и бракахъ подданныхъ съ обѣихъ сторонъ отказано. „Великій государь нашъ", былъ отвѣтъ, „противъ всякаго своего недруга стоитъ своими людьми, а по времени смотря прибавляетъ и постороннихъ государствъ людей; теперь великій государь съ великимъ государемъ вашимъ учинился въ братской дружбѣ, и потому его царское величество велѣлъ отпустить пріѣзжихъ иноземцевъ, заплатя имъ прямыя заслуги. Если великому государю понадобятся ратные люди, тогда, смотря по мѣрѣ, и мысль будетъ, а теперь принимать и держать у себя ратныхъ людей безъ дѣла убыточно; Польскіе и Литовскіе люди въ Московскомъ государствѣ на русскихъ женахъ прежде не женивались, потому что великое Россійское государство православной вѣры, а въ Польшѣ и Литвѣ люди разныхъ вѣръ, и быть тому соединенью невозможно".

Первое затрудненіе, подававшее поводъ къ пересылкамъ и жалобамъ, состояло въ опредѣленіи новыхъ границъ. Въ 1635 году отправленъ былъ къ королю посланникъ Юрій Телепневъ жаловаться на польскихъ межевыхъ судей и на польскихъ подданныхъ, поселившихся на русскихъ Брянскихъ земляхъ. Ему данъ былъ наказъ: „Для того промыслу, чтобъ литовскіе межевые судьи во всѣхъ мѣстахъ земли развели и захваченныя мѣста всѣ очистили по посольскому договору, послано съ нимъ, Телепневымъ, соболей на 500 рублей; такъ онъ бы, смотря по тамошнему дѣлу и развѣдавъ гораздо, кто изъ пановъ радныхъ при королѣ властію сильнѣе, сулилъ и давалъ соболей, кому сколько пригоже". Но соболи не помогли: межевыя дѣла не оканчивались къ неудовольствію Московскаго государя, а тутъ еще новое неудовольствіе,—умаленіе титула. Въ февралѣ 1637 г. отправленъ былъ въ Польшу князь Семенъ Шаховской домогаться наказанія польскимъ пограничнымъ воеводамъ за умаленіе государева титула, также переговорить о межевыхъ дѣлахъ и о плѣнныхъ. Относительно преступленія пограничныхъ державцевъ паны радные оправдывались тѣмъ, что эти державцы люди ратные, а не палатные, писать не умѣютъ, а титулы государевы широкіе, упомнить ихъ трудно. Московскіе послы возражали: „Отчего же съ нашей стороны ничего подобнаго нѣтъ? Кто когда умалялъ титулъ королевскій? Оттого, что, по заключеніи вѣчнаго мира, ко всѣмъ пограничнымъ воеводамъ разосланы были образцовые листы какъ писать королевскій титулъ и приказано писать по нимъ подъ великимъ страхомъ. А у васъ что дѣлается? Мартынъ Калиновскій съ товарищами въ царскомъ именованьи написалъ, вмѣсто Самодержецъ, державца всея Руси! Ясно, что умышленьемъ: не только Калиновскому съ товарищами, но и всякому человѣку это знать и разсудить возможно. Такъ королевское величество велѣлъ бы имъ за то учинить наказанье безъ пощады и тѣмъ свою государскую душу отъ грѣха освободилъ". Паны отвѣчали: „Мартынъ Калиновскій и Лукашъ Жолкѣвскій государское именованье писали непопригожу, и за то они на сеймѣ передъ всею Рѣчью Посполитою похулены, названы людьми простыми, неучеными, а это имъ за великое безчестье и наказанье; покарать же такихъ людей за это нельзя, потому что они сдѣлали это по незнанію, впервые; и Богъ за грѣхи не вдругъ караетъ, милосердуетъ; и государь вашъ великій, христіанскій, набожный, милосердый, праведный государь также надъ ними казни никакой не захочетъ; притомъ королевское величество вольнаго шляхтича мимо установленнаго нашего исконнаго вольнаго права карать не можетъ безъ совѣта Рѣчи Посполитой; а что ведется по московскому обычаю — кнутить, то дѣло несбыточное, въ нашемъ государствѣ этого не повелось никогда. Оставимъ это дѣло: впередъ ничего такого не будетъ; станемъ говорить о межеваньи". Шаховскій возражалъ: „Оставя такое великое начальное дѣло, просите вы другого дѣла; но межевое дѣло передъ тѣмъ послѣднее, самое большое дѣло—государскую честь остерегать. Если васъ сенаторовъ кто-нибудь назоветъ не по отечеству, то вы за себя стоять будете ли, и что ему за то сдѣлаете?" Паны отвѣчали: „Если кто назоветъ не по отечеству со злости, то за то какъ не стоять"? *Шаховскій:* „Вы паны-рада за свое безчестье хотите стоять, а великаго государя нашего именованье пишутъ со злою укоризною, называютъ Михаиломъ Филаретовичемъ, Ѳедоромъ Михайловичемъ; и вы говорите, что ихъ карать не доведется,—какая же правда?" *Паны:* „Карать не доведется, потому что сдѣлано ошибкою, а не со злости; если же станутъ впередъ такъ дѣлать, то ихъ будутъ карать". Наконецъ паны взяли требованіе пословъ на письмѣ и сказали, что доложатъ о немъ королю. Отвѣтъ послѣдовалъ такой: „Такъ какъ ошибки въ титулѣ сдѣланы были не хитростію, а по глупости, то царскому бы величеству тѣ ихъ безхитростныя вины

отпустить по королевской просьбѣ, вины эти королевское величество на себя принимаетъ; а какъ теперь съ вами о государскихъ именованьяхъ утвердились, то королевское величество и мы, паны радные, велимъ царскаго величества именованье напечатать по-польски и разослать во всѣ порубежные города, и тогда уже никакой ошибки не будетъ. Если же объявится какая ошибка послѣ перваго ноября, то уже за нее будетъ каранье безъ пощады; а на сеймѣ король станетъ говорить съ нами со всѣми панами радными и послами повѣтовыми, какое наказанье положить тому, кто впередъ сдѣлаетъ ошибку въ царскомъ титулѣ; что на сеймѣ положатъ, то въ конституціи напишутъ и, напечатавъ, во всѣ порубежные города разошлютъ".

Уладивши это дѣло, начали споръ о границахъ черниговскихъ и путивльскихъ; тутъ, между прочимъ, паны сказали: „Въ старыхъ лѣтописцахъ написано, что великій князь Михаилъ Черниговскій, происходившій отъ Ольгерда и подчиненный Литвѣ, умеръ въ Москвѣ въ заточеньи". Послы отвѣчали: „Неправда,—Михаилъ Черниговскій замученъ въ ордѣ: да и вѣрить лѣтописцамъ нечего, пишутъ ихъ не съ уложенья,—какъ ктозахочетъ, такъ и пишетъ, и лѣтописецъ съ лѣтописцемъ не сходится, это не Святыхъ отецъ уложенье". Отпуская посланниковъ, паны радные говорили: „Великій государь нашъ съ братомъ своимъ, великимъ государемъ вашимъ, хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, какъ есть съ истиннымъ прирожденнымъ своимъ государскимъ пріятелемъ; ему и его дѣтямъ государь нашъ всякаго добра желаетъ, также и впередъ съ нимъ и съ его царскими дѣтьми и потомками самому себѣ и потомкамъ своимъ братства, дружелюбности, соединенія крѣпко желаетъ, чтобъ ихъ обоихъ великихъ государствъ люди жили въ покоѣ и тишинѣ, а поганскіе бусурманскіе народы, видя ихъ дружбу и любовь, были въ страхѣ, на христіанскихъ людей не посягали. Мы, паны радные и урядники, за великаго государя своего и за всю Рѣчь Посполитую подъ присягою обѣщаемъ, что великій государь нашъ и мы, паны радные, и урядники, и вся Рѣчь Посполитая, ищемъ вседушно и со всякимъ прилежаніемъ желаемъ, чтобъ между государями нашими братская дружба и любовь множилась, а не умалялась, а ссоры и нелюбья съ королевскаго величества стороны отнюдь не будетъ. Также и васъ, царскаго величества посланниковъ, просимъ: донесите это до его царскаго величества и боярамъ, и думнымъ людямъ, братьѣ нашей, гогорите усердно, чтобъ они великаго государя своего наводили на то, чтобъ онъ съ братомъ своимъ, великимъ государемъ нашимъ, былъ въ братской дружбѣ и любви неподвижно".

Въ доказательство искренности этихъ желаній, въ іюлѣ 1637 года пріѣхали въ Москву польскіе посланники, Янъ Оборскій и князь Самойла Соколинскій, съ извѣстіемъ о намѣреніи королевскомъ вступить въ бракъ съ Цециліею-Ренатою, сестрой императора. Объявивъ царю объ этомъ, посланники говорили: „Къ такому великому честному дѣлу и браку радостному соблаговоли царское величество пословъ своихъ отправить и чрезъ это всему свѣту показать, что такими радостными потѣхами короля, его милости, брата своего, истинно тѣшишься и радуешься. Когда ваше царское величество изволишь это сдѣлать, то не только сердце короля, его милости, въ братствѣ и любви къ себѣ утвердишь, но и подчиненные вамъ народы возрадуются надеждою согласія и любви, и затѣмъ, дай Богъ, во-вѣки неподвижнаго покоя и тишины; король же, государь нашъ, также будетъ умѣть показать предъ всѣмъ свѣтомъ свою неподвижную братскую любовь, вѣчную пріязнь". Посланникамъ отвѣчали, что царь принимаетъ это въ любовь, и освѣдомились, когда свадьба; послы отвѣчали, что 6 сентября; на это бояре замѣтили, что срокъ малъ, послу не поспѣть изъ Москвы въ Варшаву; посланники отвѣчали, что король срокъ отложитъ и будетъ ждать посла. Тогда царь велѣлъ совѣтываться о дѣлѣ всѣмъ боярамъ, и посланникамъ былъ данъ такой отвѣтъ: „Царское величество удивляется, что вы, посланники, пріѣхали такъ поздно; теперь государю отправить посла своего къ королевскому величеству вскорѣ некогда, потому что пришло время осеннее, дорога будетъ дурная, будутъ грязи, дожди и груды (кочки), поспѣшить послу никакимъ образомъ нельзя будетъ; хотя бы королевское величество и подождать захотѣлъ, все же послу не поспѣть къ королевскому веселью; а для дружбы и любви великій государь къ брату своему пошлетъ посла для поздравленія, когда зимній путь станетъ".

Дѣйствительно, по зимнему пути были отправлены въ Варшаву окольничій Степанъ Проестевъ и дьякъ Леонтьевъ; они повезли новобрачнымъ богатые подарки,—королю: братину золотую съ кровлей, яхонтами, лалами, изумрудомъ и жемчугомъ, цѣною въ 2,000 рублей, четыре сорока соболей на 1,500 рублей, да два соболя живыхъ; королевѣ—золотой окладень съ дорогими каменьями, цѣною въ 600 рублей, три сорока соболей на 935 руб., да два соболя живыхъ. Въ наказѣ посламъ говорилось: „Какъ велитъ имъ король быть у себя на посольствѣ, а про королеву имъ скажутъ, что и та съ королемъ тутъ же вмѣстѣ будетъ, то отвѣчать, что они на посольство идти готовы, но прибавить: когда у великаго государя бываютъ послы великихъ государей, то государыня царица тутъ не бываетъ, и у прежнихъ великихъ государей того не бывало же; сказавши это, идти къ королю на посольство. Если позовутъ къ королевѣ особо, то идти, поминки явить и къ рукѣ идти; а если королева станетъ имъ говорить рѣчь, то отвѣтъ учинить и говорить такъ, какъ бы государскому имени къ чести и къ повышенью и государствамъ его къ расширенью. Если король позоветъ къ себѣ обѣдать, то дворянамъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за

столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили, а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было,—велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ, а бражниковъ и пьяницъ и на королевскій дворъ съ собою не брать".

Но Проестевъ и Леонтьевъ отправлялись не для одной учтивости, не для одного показанія братства и любви отъ царскаго къ королевскому величеству,—опять имъ велѣно было требовать наказанія людямъ, ошибшимся въ царскомъ титулѣ: „Говорить о томъ панамъ-радѣ и на то ихъ наговаривать всякими мѣрами и многими разговорами и пространными словами. А если паны скажутъ, что велѣно за непригожія письма дорогобужскаго дьячка поучить, а державцу Поплонскаго съ уряда скинуть, то отвѣчать: про то и слышать стыдно, что за такія великія вины велѣно учинить малое наказаніе; такое малое наказаніе чинятъ за безчестіе простыхъ людей, а не за государское. Бывши у короля и объявя дѣла по государеву наказу, для большаго начальнаго дѣла, государевой чести, посланникамъ проситься на сеймъ ко всей Рѣчи Посполитой, объявить имена тѣхъ людей, которые писали въ листахъ царскаго величества именованье не по его царскому достоинству, требовать, чтобъ паны-рада и вся Рѣчь Посполитая о томъ порадѣли и тѣмъ людямъ учинили, смотря по ихъ винамъ, казнь, а инымъ наказанье жестокое. Если же не будетъ этимъ людямъ казни, то отъ такихъ непригожихъ ссорныхъ дѣлъ между государями какому дорбу быть? Да и про межевое дѣло на сеймѣ объявить, что оно продлилось мимо посольскаго договора многое время за неуступчивостію и упорствомъ королевскихъ судей; на Путивльскій рубежъ присланъ въ межевые судьи бискупъ Кіевскій, который въ этомъ дѣлѣ самъ истецъ и дѣлаетъ, что́ ему надобно, въ царскаго величества земли вступался неправдою, угождая кіевскимъ и черниговскимъ людямъ, которые тѣ земли засѣли. Говорить, что многіе плѣнники не отпущены; жаловаться, что королевскіе посланники, на возвратномъ пути изъ Москвы, въ Дорогобужѣ принимали къ себѣ Русскихъ людей, свезли изъ Москвы Печатнаго двора мастера Никиту Нестерова, котораго приставъ у нихъ взялъ. Жаловаться на купцовъ литовскихъ: по вѣчному докончанію купцамъ польскимъ и литовскимъ велѣно торговать въ порубежныхъ городахъ, а въ Москву и замосковные города не пріѣзжать, въ Москву пріѣзжать только съ послами; также и московскимъ купцамъ пріѣзжать въ Вильну и Краковъ только съ послами. Но польскіе купцы, мимо договора, проѣзжали въ замосковные города и подъ Москву проселочными лѣсными дорогами, провозили вино горячее и табакъ. Которые литовскіе купцы оставались въ Москвѣ послѣ литовскихъ посланниковъ для торгу, будто не исторговались, а иные оставались для сыску плѣнныхъ, и тѣ купцы начали воровать, продавать вино и табакъ, и тѣмъ въ людяхъ многую смуту чинили; табакъ у нихъ вынутъ и сожженъ передъ ними же, чтобъ имъ не повадно было впередъ вино и табакъ на продажу привозить. Литовскихъ купцовъ, которые пріѣзжали въ Оскольскій уѣздъ самовольствомъ съ виномъ и табакомъ, Оскольскій воевода Константинъ Пущинъ ограбилъ; за это великій государь велѣлъ его по сыску казнить смертію; а сыну его и другимъ 25 человѣкамъ, которые также оказались виноваты въ этомъ дѣлѣ, велѣлъ учинить наказанье жестокое при Литовскихъ людяхъ, которые для сыску пріѣзжали, и грабежное имъ отдано. Государь нашъ и за обычныхъ Литовскихъ людей, корчемниковъ, не пощадилъ воеводы и многихъ людей; а королевское величество и вы паны радные за большое начальное дѣло, за царскаго величества именованье, казни смертной никому учинить не велѣли! Въ Тверь пріѣзжало двое литовскихъ купцовъ, одинъ изъ Вильны, другой изъ Смоленска, съ виномъ и табакомъ; изъ Твери они высланы назадъ и для обереганія посланъ съ ними приставъ; но они, отъѣхавъ отъ Твери 5 верстъ, пристава отъ себя отбили и поѣхали сомовольствомъ къ Ярославлю, многіе города объѣзжая воровствомъ; когда пріѣхали они въ Ярославль, то ихъ изъ Ярославля выслали, а они начали по деревнямъ съ виномъ и табакомъ ѣздить: за такое воровство они посажены въ Ярославлѣ въ тюрьму, и потомъ изъ тюрьмы выпущены, а заповѣднаго товару бочка съ виномъ у нихъ разсѣчена и табакъ сожженъ".

Посланники должны были объявить панамъ, что Крымскій ханъ Богатырь-Гирей послалъ брата своего Нурадина на московскія украйны за то, что Донскіе казаки Азовъ взяли, и Нурадинъ въ грамотѣ своей объявилъ, что съ нимъ идутъ Днѣпровскіе казаки. Царское величество крымской грамотѣ не вѣритъ, чтобъ королевское величество пустилъ Запорожскихъ казаковъ къ Крымскому царю на помощь. Если паны радные скажутъ, что король за то казаковъ смиряетъ, а казаки, избывая наказанья, перебѣгаютъ на царскую сторону, то отвѣчать: „Въ посольскомъ договорѣ не написано, чтобъ перебѣжчиковъ не принимать, а что въ посольскомъ договорѣ не написано, о томъ и вспоминать непригоже". Если спросятъ: „Бываетъ ли у царскаго величества ссылка съ папою Римскимъ?"—отвѣчать: „Съ папою Римскимъ царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться съ нимъ не о чемъ,—Римская область отъ Московскаго государства далеко, между ними прошли многія государства и земли, и впередъ ссылки быть не-для-чего".—Наконецъ посламъ велѣно въ Польшѣ и Литвѣ заказать мастеру написать лица порознь: лицо царя Василія Ивановича Шуйскаго, лицо патріарха Филарета, лицо Владислава короля и королевы.

Проестевъ и Леонтьевъ представились королю и поднесли ему поминки, которые Владиславъ велѣлъ положить предъ собою на землю, на коврѣ; но послы сказали, что царскаго величества люби-

тельные поминки на землю класть не годится, а достойно ихъ принять честно; тогда король велѣлъ поминки принимать ближнимъ своимъ людямъ, которые стояли подлѣ него. Отъ короля послы ходили представляться къ королевѣ. Король прислалъ звать ихъ во дворецъ смотрѣть комедіи, а по-русски потѣха; послы отвѣчали, что готовы ѣхать смотрѣть комедію, но съ тѣмъ, чтобъ при этомъ другихъ пословъ и посланниковъ не было. Приставъ увѣрилъ, что никого не будетъ; но когда они пріѣхали уже во дворецъ, то узнали, что на потѣхѣ будетъ легатъ папскій; паны говорили имъ: „Легатъ живетъ въ Варшавѣ для духовныхъ дѣлъ, а не для посольскихъ, во всѣхъ государствахъ даютъ ему съ правой руки мѣсто, и вамъ бы, посламъ, тѣмъ его почтить“. Но послы отвѣчали: „Только папину легату съ нами сидѣть вмѣстѣ по правую руку, то мы комедіи смотрѣть не пойдемъ“. Доложили королю, который велѣлъ сказать посламъ, что по правую руку отъ королевы будетъ сидѣть братъ королевскій Карлъ, бискупъ Вратиславскій, а по лѣвую сестра королевская Екатерина, а вамъ, посламъ, велѣно устроить мѣсто отъ королевны Екатерины по правую сторону. Послы согласились и въ статейномъ спискѣ написали, что у королевны съ лѣвой стороны сидѣлъ папинъ легатъ, а они, послы, сидѣли на правой сторонѣ, отъ королевна и королевичева мѣста съ полсажени, вровень съ королевичевыми креслами.

На посольскія статьи о нарушеніи государевой чести данъ былъ отвѣтъ, что панамъ, виновнымъ въ умаленіи титула, сдѣланъ выговоръ, а объ дьячкахъ положено: если шляхтичъ, то посадить его на полгода въ тюрьму, а если простой человѣкъ, то бить кнутомъ. Насчетъ межевыхъ дѣлъ отвѣчали, что вся правда на польской сторонѣ; о плѣнникахъ,—что много плѣнныхъ еще въ Московскомъ государствѣ; о купцахъ,—что сами московскіе порубежные воеводы отъ литовскихъ купцовъ посулы и подарки берутъ и грамоты проѣзжія даютъ, а въ другихъ городахъ, несмотря на грамоты, въ тюрьму ихъ сажаютъ; о Запорожцахъ,—что Нурадинъ солгалъ, Запорожцевъ въ турецкомъ войскѣ никогда не бывало. Когда Проестевъ привезъ этотъ отвѣтъ въ Москву, то царь послалъ его въ Тулу къ боярамъ и воеводамъ, бывшимъ на береговой службѣ, къ князю Ивану Борисовичу Черкасскому съ товарищами, спросить ихъ, что ихъ мысль? Главный воевода Черкассій отвѣчалъ государю: „Мы, холопи твои, къ твоимъ государевымъ боярамъ и окольничему писали и выписку съ отвѣтнаго письма пановъ радныхъ къ нимъ разослали, каждому особый списокъ, чтобъ они подумали объ этомъ и мысль свою отписали. И я, холопъ твой Ивашка съ товарищами, думали о начальномъ, большомъ дѣлѣ, о твоемъ государскомъ титулѣ, о томъ какое наказаніе сдѣлано Потоцкому и дьячку: паны написали неправдою, вопреки своему сеймовому послѣднему приговору; когда были у тебя королевскіе посланники, то клали предъ боярами книгу печатную сейма и въ ней написано: кто станетъ послѣ этого сейма писать твое государево имя съ умаленіемъ, того казнить смертью; а теперь написали малое наказанье“. Князь Прозоровскій писалъ, что за государскую честь должно стоять. Иванъ Шереметевъ писалъ: „Какъ государю угодно, такъ и сдѣлаетъ; теперь о такомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, не при государскихъ очахъ будучи, и безъ своей братіи мыслить больше того не умѣть, а за государскую честь должно намъ всѣмъ умереть“. Князь Иванъ Голицынъ писалъ: „Которые литовскіе города, села и слободы поставлены на государевой Путивльской Землѣ—всего не упамятовать, грѣхомъ своимъ я безпамятенъ, мысль мнѣ дать на такое великое государственное дѣло по моему малоумію мысль моя не осяжетъ. А что они пишутъ о государевой чести, о титулѣ, то и намъ, его государевымъ холопамъ, за наше безчестье управа больше. А союзъ польскій противъ Крымцевъ намъ не нуженъ: мнится мнѣ, что никакими мѣрами нашимъ Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя, ради ихъ прелести, потому: пришлютъ Черкасъ, будутъ съ ними и Поляки, одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины Русскихъ лучшихъ людей, не только-что боярскихъ людей, останется кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ“. Князь Димитрій Пожарскій писалъ къ Черкасскому: „Мнѣ, князь Иванъ Борисовичъ, одному какъ свою мысль отписать?—прежде всего нужно оберегать государское именованіе; о гонцахъ и купцахъ написано въ утвержденныхъ грамотахъ, а про межеванье и про писцовъ его государская воля, какъ ему, государю, годно и какъ вы, бояре, приговорите; а хорошо, еслибъ межевое дѣло Богъ привелъ къ концу, чтобъ ему, государю, было годно и безкручинно и всѣмъ бы православнымъ христіанамъ быть въ покоѣ и тишинѣ“.

Выслушавши эти отвѣты бояръ своихъ, государь указалъ послать къ королю Владиславу гонца съ грамотой, въ которой предлагалъ спорныя земли измѣрить и подѣлить пополамъ; кромѣ того царь требовалъ, чтобъ король позволилъ сыскивать въ Литвѣ русскихъ плѣнныхъ. Гонцу былъ данъ наказъ: „Если будутъ говорить: Черкасы королевскому величеству были непослушны, и королевское величество велѣлъ ихъ за то смирить и за вины наказанье учинить, и тѣ многіе Черкасы пошли въ царскаго величества города; этимъ царское величество учинилъ брату своему королю нелюбовь, что такихъ воровъ и самовольниковъ велѣлъ принять“. Если король станетъ объ этомъ писать къ царскому величеству, то государь вашъ велитъ ли ихъ отдать?—На это гонецъ долженъ былъ отвѣчать: „Вамъ самимъ вѣдомо, что въ договорѣ не написано перебѣжчиковъ отдавать, а сколько Черкасъ перешло, о томъ изъ городовъ грамоты не бывали, и слухъ есть, что во многія мѣста Чер-

касы разошлись кромѣ государевыхъ городовъ: а если не спросятъ, то самому не начинать". Король отвѣчалъ, что не можетъ согласиться на дѣлежъ спорныхъ земель пополамъ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ пересылокъ, въ февралѣ 1640 года пріѣхали въ Москву королевскіе посланники, Старорскій и Раецкій. По случаю ихъ пріѣзда, Земскій приказъ получилъ память: „Вѣдомо государю учинилось, что литовскіе купцы, которые пріѣхали теперь съ литовскими посланниками, привезли съ собою на продажу вино горячее и табакъ, продаютъ ихъ самовольно всякимъ людямъ и этимъ между людьми ссоры чинятъ; государь заказалъ всякимъ людямъ накрѣпко, подъ смертною казнію, чтобъ не покупали". Посланники объявили, что пишущіе неправильно царскій титулъ будутъ наказаны, по Уложенью, жестоко, безъ пощады; но послѣ этого объявленія подали затруднительную статью о Запорожскихъ Черкасахъ: „казаки, разгромленные королевскими войсками, тысячъ съ 20 и больше, изъ разныхъ городовъ и мѣстъ пошли и много людей съ собою въ неволю захватили, которыхъ въ разныхъ мѣстахъ продавали, напримѣръ двухъ сыновей и двухъ дочерей пана Длускаго и множество другихъ людей продали или отдали Путивльскому воеводѣ Никифору Юрьевичу Плещееву; этихъ людей у него отыскивали, но онъ не отдалъ и теперь держитъ у себя въ Москвѣ. Тѣ же измѣнники, казаки, засѣли новыя слободы царскаго величества въ степяхъ, а именно: на Усерди, подъ Ливнами, подъ Яблоновымъ, подъ Новосилемъ, подъ Мценскомъ, подъ Осколомъ, подъ Валуйками, подъ Воронежемъ, подъ Михайловымъ, подъ Дѣдиловымъ, подъ Гремячимъ, подъ Дудинскомъ, подъ Рыльскомъ, подъ Курскомъ, подъ Путивлемъ, подъ Сѣвскомъ и подъ иными старыми городами царскаго величества. До королевскаго величества дошелъ слухъ, что самые большіе измѣнники и заводчики того множества, Яцко Остреница да Андрюшка Гуня, въ Азовѣ со многими старшинами засѣли и живутъ. Всѣ эти измѣнники перебѣжали въ московскіе города съ женами и дѣтьми, а царское величество ихъ жалуетъ и на службу свою посылаетъ; а надобно было бы, чтобъ, по суду Божію и по указу королевскаго величества, и колы-то тѣ уже подгнили, на которыхъ бы они посажены были. Въ докончательныхъ грамотахъ написано: кто будетъ недругъ королевскому величеству, тотъ и царскому величеству недругъ, а подданные измѣнники хуже всякаго недруга,— такъ царскому бы величеству тѣхъ всѣхъ 20,000 казаковъ со старшинами Яцкою Остреницею и Андрюшкою Гунею выдать непремѣнно, чтобъ королевское величество всему свѣту и всѣмъ христіанскимъ государямъ не жаловался". Царь отвѣчалъ Владиславу въ своей грамотѣ, что онъ недоволенъ его рѣшеніемъ относительно людей, которые умаляли титулъ: „Вы, братъ нашъ, этимъ людямъ казни и наказанія не учинили, и не спрашивая ихъ въ такихъ великихъ винахъ, заочно оправдали не дѣломъ, вымышляя мимо всякой правды, будто они русскаго письма и рѣчи не знаютъ". Царь по-прежнему требовалъ казни виновнымъ. О Запорожцахъ отвѣчалъ: „Пришли немногіе люди, а не 20,000; въ докончальныхъ грамотахъ не сказано, чтобъ перебѣжчиковъ выдавать; а чего въ докончальныхъ грамотахъ не написано, того дѣлать и вновь начинать непригоже". Такимъ образомъ, кромѣ неудовольствій насчетъ умаленія титула и размежеванія границъ, со стороны Малороссіи поднималась туча, готовая разразиться снова страшною войною.

Съ Швеціею не было споровъ ни о титулѣ, ни о границахъ, ни о Черкасахъ Запорожскихъ, а потому дружелюбныя сношенія поддерживались и при наслѣдницѣ Густава-Адольфа, Христинѣ. Послѣ заключенія Поляновскаго мира, единственный интересъ Шведскаго правительства въ сношеніяхъ съ Московскимъ состоялъ въ томъ, чтобы царь позволялъ Шведамъ покупать въ Россіи хлѣбъ по своей цѣнѣ. Для этого въ 1634 году Христина прислала царю въ подарокъ 10 пушекъ со всѣми снарядами, да 2,000 мушкетовъ, цѣною въ 9,043 рубля. Въ Москвѣ, послѣ Меллера, шведскимъ резидентомъ былъ Крузбіорнъ, которому царь приказалъ давать корму по 35 рублей въ мѣсяцъ; а въ Стокгольмъ въ 1635 году былъ отправленъ русскій резидентъ, или пребывательный агентъ, Димитрій Францбековъ (Фаренсбахъ), крещеный иноземецъ, которому королева велѣла выдавать такую же сумму, какая выдавалась Крузбіорну въ Москвѣ, но писала царю, что у другихъ великихъ государей не ведется агентамъ на кормъ деньги давать, не ведется для всякаго неисправленья и ссоры, какая можетъ отъ того приключиться, и потому королева полагается на царскаго величества сосѣдское и любительное изволеніе: получать ли резиденту кормъ отъ своего правительства, или отъ того, при которомъ онъ находится. Францбековъ началъ жалобами, что еще на дорогѣ его во многихъ мѣстахъ безчестили, людишекъ били и рухлядь многую покрали; а въ Стекольнѣ поставили его за городомъ на кабацкомъ дворѣ; къ дворнику приходятъ Нѣмцы пьяные, и его, агента, безчестятъ; онъ жаловался королевинымъ думнымъ людямъ, но тѣ не обратили на его жалобы вниманія: наконецъ 25 апрѣля 1635 года ночью пришли на дворъ Нѣмцы и начали его людишекъ сѣчь и посѣкли двухъ человѣкъ. На жалобу его шведскіе думные люди опять управы не дали, только велѣли мужика со двора свести, который кабакъ держалъ. Францбековъ жаловался также, что въ Стокгольмѣ выдаютъ ему съ товарищами по 70 ефимковъ въ мѣсяцъ, а хлѣбъ и всякіе запасы передъ московскою цѣною стоятъ дороже вдесятеро. Онъ говорилъ объ этомъ думнымъ людямъ, но тѣ отвѣчали, что и шведскому агенту 35 рублей въ мѣсяцъ мало въ Москвѣ, и ему посылаютъ изъ королевской казны въ прибавку двѣ тысячи ефимковъ. Королева, въ свою очередь, жаловалась царю, что

люди Францбекова такъ избили на своемъ дворѣ одного Шведа, что тотъ скоро послѣ того умеръ. Царь писалъ королевѣ: „Былъ у насъ прежній вашъ агентъ Яганъ Меллеръ, жилъ на Москвѣ четыре года, кормъ и питье получалъ ежемѣсячно, и вы ничего къ намъ не писали о томъ, чтобъ ему корму не давать; а нашъ агентъ отпущенъ къ вамъ немного больше полугода, и ты пишешь, чтобъ агентамъ на обѣ стороны быть на своихъ проторяхъ. Пишешь, что люди нашего агента били вашего служилаго человѣка, отчего онъ и умеръ; но задоръ произошелъ отъ вашего человѣка, который нашего человѣка по лицу шпагою ранилъ; мы вашимъ торговымъ людямъ вездѣ дворы добрые отвели, а нашимъ торговымъ людямъ въ Стекольнѣ до сихъ поръ дворъ не отведенъ". Къ Францбекову государь писалъ, чтобъ жилъ смирнѣе, въ обидныхъ дѣлахъ билъ челомъ королевѣ, а самъ не управлялся: „Ты оказался въ чужомъ государствѣ такимъ дурнымъ дѣломъ, что и слышать стыдно,—самому управляться и до смерти побивать человѣка непригоже". Положено было, что агенты съ обѣихъ сторонъ будутъ жить на своихъ проторяхъ; но Францбековъ послѣ того недолго оставался въ Стокгольмѣ,—въ апрѣлѣ 1636 года онъ былъ отозванъ въ Москву такою царскою грамотою: „По нашему указу велѣно вамъ быть въ Швеціи и провѣдывать всякихъ вѣстей, и какихъ вѣстей провѣдаете, о томъ велѣно было вамъ писать къ намъ въ Москву часто. Вы жили въ Швеціи немалое время, а къ намъ о вѣстяхъ не писывали; если же и писали, то дѣло небольшое, и потому указали мы вамъ ѣхать изъ Швеціи назадъ въ Москву". Но Крузбіорнъ остался здѣсь и продолжалъ подавать въ Посольскій приказъ вѣстовыя письма объ успѣхахъ шведскаго оружія въ Германіи, во время Тридцатилѣтней войны. Для доброй дружбы и любви, царь велѣлъ дать ему взаймы 3,000 пудъ селитры, потомъ, по вѣрящему письму королевы Христины, дано было ему взаймы 1,000 рублей денегъ. Но въ Москвѣ тяготились резидентами, какъ видно изъ царской грамоты 1642 года къ Псковскому воеводѣ, который извѣщалъ, что въ Ригу отъ королевы Христины пріѣхалъ Петръ Лоффельтъ, назначенный резидентомъ въ Москву на смѣну Крузбіорна: „Про резидентовъ и агентовъ въ мирномъ договорѣ не написано; въ прошлыхъ годахъ пріѣхалъ къ намъ, славныя памяти Густава-Адольфа короля, гонецъ Яганъ Меллеръ съ королевскою вѣрящею грамотою и для хлѣбной покупки, и по королевской грамотѣ велѣно ему быть на Москвѣ для всякихъ государственныхъ дѣлъ въ агентахъ, и былъ онъ на Москвѣ агентомъ года съ два, и какъ его не стало, то на его мѣсто пріѣхалъ агентъ Петръ Крузбіорнъ, а отъ нашего царскаго величества къ государынѣ ихъ, королевѣ Христинѣ, въ Стекольню въ агенты посланъ былъ Димитрій Францбековъ для польскихъ и литовскихъ вѣстей, потому что у насъ въ то время была война съ Владиславомъ королемъ Польскимъ, а теперь между нами и королемъ Владиславомъ мирное вѣчное докончаніе, также и съ другими окрестными государствами покой и тишина, и мы велѣли нашему агенту Димитрію Францбекову изъ Швеціи быть къ намъ въ Москву, потому что ему тамъ быть не-для-чего, и съ тѣхъ поръ нашихъ агентовъ въ Швеціи нѣтъ и дѣлать имъ тамъ нечего; да и за шведскимъ агентомъ, который теперь живетъ въ Москвѣ, государственныхъ большихъ никакихъ дѣлъ нѣтъ, слѣдовательно и тому новому агенту, Петру Лоффельту, въ наше Россійское государство ѣхать незачѣмъ. Въ посольскомъ договорѣ про резидентовъ и агентовъ, что имъ жить въ нашихъ государствахъ, не написано, а мимо мирнаго договора дѣлать непригоже, чтобъ вѣчному докончанію противно не было". Крузбіорнъ однако оставался въ Москвѣ до конца царствованія.

Мы видѣли, что при Филаретѣ Никитичѣ ни Англичанамъ, ни Французамъ, ни Голландцамъ не дано было дороги въ Персію; но по смерти Филарета Никитича взглядъ, какъ видно, перемѣнился, и, въ декабрѣ 1634 года, заключенъ былъ договоръ съ голштинскими послами, Филиппомъ Крузіусомъ и Отономъ Брюгеманомъ, о дозволеніи компаніи голштинскихъ купцовъ торговать съ Персіею и Индіею черезъ Московское государство, въ продолженіи десяти лѣтъ. Компанія обязалась давать ежегодно въ царскую казну по 600,000 большихъ ефимковъ, за что пошлинъ она уже никакихъ не платила; обязалась представлять въ Посольскій приказъ роспись своимъ товарамъ, и если которые изъ нихъ понадобятся въ государеву казну, то обязана отдать ихъ туда по прямой цѣнѣ. Голштинцы должны были покупать въ Персіи всякіе товары, шелкъ сырой, каменье дорогое, краски и другіе большіе товары, которыми русскіе купцы не торгуютъ, сырого шелку въ краску въ Персію не давать, крашеными шелками торговлѣ Русскихъ людей не мѣшать, крашеныхъ шелковъ, бархатовъ, атласовъ, камки персидской золотой и шелковой, дороги всякой, кутни всякихъ цвѣтовъ, зенденей, киндяковъ, сафьяновъ, краски крутику и мягкой, миткалей, кисей, бязи, кумачей всякихъ, выбойки, бумаги хлопчатой, кушаковъ, ревеню, корня чепучиннаго, пшена сорочинскаго, нашивокъ, поясковъ шелковыхъ, саблей, полосъ, ножей, тулунбасовъ, луковъ ядринскихъ и мещерскихъ, поручей и доспѣховъ всякихъ, ковровъ, попонъ, шатровъ, палатокъ, полстей, орѣшковъ чернильныхъ, ладону и москательныхъ всякихъ товаровъ и селитры, которыми прежде торговали русскіе купцы,—этихъ товаровъ не покупать. Голштинцы не могли торговать въ Россіи товарами, которые они будутъ привозить изъ Персіи, должны везти ихъ прямо въ свою землю; если Голштинцы въ Персіи и Индіи станутъ покупать краску крутикъ и мягкую, то они не должны провозить ее мимо Россійскаго государства, но должны отдавать въ царскую казну ежегодно по четыре тысячи пудовъ крутику, если царскому величеству будетъ надобно, а если бу-

детъ надобно меньше, то дать сколько надобно, получая изъ казны денегъ по пятнадцати рублей за пудъ, потому что эту краску покупаютъ въ Индіи по два рубля пудъ, а въ Персіи по семи рублей; ревеню обязаны Голштинцы давать въ казну по 30 пудовъ, да столько же чепучиннаго корня, отдавать ихъ въ казну и русскимъ торговымъ людямъ по той цѣнѣ, почемъ они въ Персіи станутъ покупать; а если Голштинцы станутъ продавать свои товары, то должны платить пошлину. Быть въ Голштинской компаніи торговымъ людямъ изъ разныхъ голштинскихъ городовъ тридцати человѣкамъ, за исключеніемъ всякихъ иноземцевъ. Для обороны своихъ кораблей на Волгѣ компанія посылаетъ на десяти корабляхъ по 400 вооруженныхъ людей, на каждомъ кораблѣ по 40, имѣетъ на корабляхъ среднія и малыя пушечки, ручные самопалы и всякое оружіе; но эти пушки и оружіе Голштинцы не должны оставлять или продавать въ Персіи; мѣди никакой не должны возить туда. Если случится имъ на пути грабежъ отъ Русскихъ людей или иноземцевъ, то имъ того не спрашивать у царскаго величества; если имъ понадобятся прибавочные люди, то они могутъ нанимать русскихъ солдатъ и рабочихъ людей, которые захотятъ добровольно наниматься, но чтобъ только это были вольные люди, а бѣглыхъ съ собою на корабляхъ на низъ не возить. Корабли строить въ Землѣ царскаго величества, и лѣсъ покупать у царскихъ подданныхъ вольною торговлею, плотниковъ нанимать царскихъ подданныхъ, охочихъ людей, и отъ этихъ плотниковъ корабельнаго мастерства не таить; къ ворамъ не приставать, лиха на государя не мыслить, что узнаютъ дурнаго — извѣщать; костеловъ своей вѣры, въ данныхъ имъ мѣстахъ и купленныхъ, не строить; Божію службу совершать въ домахъ, папежской вѣры поповъ и учителей и никакихъ Латинской вѣры людей съ собою въ Россійское государство не привозить и тайно у себя не держать, подъ страхомъ смертной казни. Если компанія въ которомъ году не заплатитъ выговоренной суммы, то взять на ней за то вдвое; а если царскому величеству торговля компаніи будетъ не прибыльна, то вольно ему, выждавъ года два или три, а по большой мѣрѣ пять лѣтъ, отказать, и герцогу Фридриху Голштинскому за то на него нелюбья не держать.

Предложеніе было принято, голштинскіе послы съѣздили въ Персію, получили позволеніе отъ шаха, и было постановлено, чтобъ десятилѣтній срокъ компаніи считать отъ дня ихъ возвращенія изъ Персіи въ Москву, т.-е. отъ 2 января 1639 года; по истеченіи семи мѣсяцевъ отъ этого срока, т.-е. 2 августа 1639 г., они обязались внести половину годовой суммы въ казну царскую, если бы даже голштинскіе товары и не прибыли къ этому времени въ Ярославль. Когда это дѣло было улажено, голштинскіе послы подали жалобу, что именитый гость, Василій Шоринъ, былъ у бояръ и говорилъ имъ сверхъ иныхъ страшныхъ рѣчей и то, будто у герцога Голштинскаго денегъ нѣтъ и заплатить уговорной суммы онъ въ царскую казну не можетъ, послы его у Русскихъ и Нѣмецкихъ людей деньги занимаютъ на ѣду. Бояре отвѣчали Шорину и товарищамъ его, что они много врутъ, подали бы свои рѣчи на письмѣ, которое будетъ представлено царскому величеству. Послы объявили, что рѣчи Шорина и товарищей его безчестятъ герцога Голштинскаго, и они, послы, объ этомъ молчать не могутъ и требуютъ наказанія Шорину. Кромѣ Шорина, послы жаловались на дьяка Назарья Чистова, который объявилъ посламъ, что царь безъ его, Назарьевой, думы ничего не рѣшитъ о персидской торговлѣ. Послы посулили ему 2,000 ефимковъ, поставили поруками иностранныхъ гостей, Петра Марселиса и Андрея фонъ-Рингена, кромѣ того дали въ закладъ запону въ 3,000 ефимковъ; но когда Марселисъ принесъ ему 2,000 ефимковъ, чтобъ выкупить запону, то Чистой сталъ просить 3,000, и когда послы отказали, то началъ грозить имъ, запону удержалъ у себя и сталъ вмѣстѣ съ Шоринымъ и его совѣтниками умышлять противъ Голштинцевъ, писать неправедныя и позорныя челобитья. Но Чистой заперся, что никакой запоны не бралъ, и послы уѣхали, не получивши удовлетворенія. Послѣ отъѣзда ихъ, голштинскій агентъ Демушеронъ явился къ боярамъ и объявилъ, что герцогъ его проситъ царское величество пропустить въ Персію голштинскаго посла съ товарами на 80 возахъ, за что компанія заплатитъ въ царскую казну 25,000 цесарскихъ ефимковъ, а когда назадъ привезутъ въ Москву купленные въ Персіи товары, то еще заплатятъ 25,000 ефимковъ. — Бояре отвѣчали, что это дѣло несхожее, не заплатя уговорныхъ ефимковъ, договариваться вновь мимо дѣла; онъ бы, агентъ, объявилъ, какіе товары изъ Голштинской Земли теперь съ послами на 80 возахъ повезутъ, и что за пропускъ ихъ дадутъ, и прежніе уговорные ефимки — 300,000 — теперь заплатятъ ли, потому что срокъ уже прошелъ, а денегъ не заплачено, а безъ этого прежняго платежа пропустить непристойно и впередъ вѣрить нечему. Агентъ отвѣчалъ, что повезутъ сукна, ефимки и другіе товары, а какіе именно — не знаетъ, уговорнымъ же ефимкамъ платежъ будетъ, когда съ шахомъ нынѣшніе послы утвердятся. Бояре запросили 100,000 ефимковъ за пропускъ, обѣщая дать за это подводы до Москвы, а отъ Москвы до Астрахани суда и гребцовъ; агентъ давалъ только 60,000, — бояре согласились, и царь увѣдомилъ объ этомъ герцога своею грамотою въ мартѣ 1640 года, объявляя однако, что уговорные ефимки должно заплатить по посольскому утвержденію. Въ этой же грамотѣ Михаилъ жаловался на голштинскихъ пословъ: „Пословъ твоихъ какая правда, будто они въ посуленыхъ ефимкахъ дали Назару Чистову запону въ 3,000 ефимковъ; но они пришли къ намъ, великому государю, посольскимъ обычаемъ, — такъ имъ, мимо бояръ нашихъ и думныхъ людей, промышлять тайно и подкупать та-

кихъ нашихъ обычныхъ людей не слѣдовало, и тебѣ, Фридерику князю, довелось вины класть за такія неправды на своихъ пословъ, а бояръ нашихъ и думныхъ людей не безчестить". Въ сентябрѣ Гамбурецъ Петръ Марселисъ подалъ въ Посольскій приказъ грамоту отъ герцога Голштинскаго къ царю. Герцогъ писалъ, что посолъ его Отонъ Брюгеманъ заключилъ договоръ мимо его герцогскаго наказа и писемъ, которыя онъ уталилъ отъ своего товарища, за что и казненъ смертію, а заключеннаго имъ договора онъ, герцогъ, никакъ подтвердить не можетъ; точно такъ-же ложно и послѣднее предложеніе о 80 возахъ товаровъ, сдѣланное агентомъ Демушерономъ по тайному письму Брюгемана, и такъ какъ Демушеронъ умеръ, то на его мѣсто назначается датскій приказчикъ, Петръ Марселисъ, которому и данъ подлинный наказъ, какъ уговариваться насчетъ персидской торговли. Царь отвѣчалъ герцогу: „То твоя, Фридриха князя, какая правда? Ты дѣло пословъ своихъ, договорныя письма утверждалъ самъ и закрѣплялъ своею рукою и печатями; посолъ у тебя былъ большой Филиппъ Крузіусъ, а Брюгеманъ былъ съ нимъ въ товарищахъ; и вѣрено во всемъ твоей княжеской рукѣ и печати, и посольскому договору, а ты хочешь это дѣло нарушить мимо всякой правды. Нигдѣ не ведется, чтобъ утвержденные съ обѣихъ сторонъ договоры назадъ отдавать; а если такое великое утвержденье не крѣпко, то впередъ чему вѣрить и чѣмъ больше того крѣпиться? А намъ, великому государю, отъ этого дѣла никакъ не отступаться". Герцогъ отвѣчалъ, что онъ хорошо знаетъ, какъ вести себя съ христіанскими государями, которые въ дружбѣ и свойствѣ съ нимъ находятся, и потому пусть царь не велитъ впередъ писать ему такихъ писемъ; у всякаго государя могутъ быть невѣрные слуги, которые преступаютъ свое полномочіе, и государь за это не отвѣчаетъ; что же касается до персидскаго дѣла, то онъ, герцогъ, отлагаетъ его до другаго болѣе удобнаго времени. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ Польшею и Швеціею былъ вѣчный миръ и близкаго разрыва не предвидѣлось; постарались избѣжать и разрыва съ страшными Турками. Мы оставили турецкія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ султанъ Османъ присылалъ Ѳому Кантакузина съ предложеніемъ воевать вмѣстѣ Польшу. Въ 1622 г. вмѣстѣ съ турецкими посланниками государь отправилъ въ Константинополь своихъ посланниковъ: Ивана Кондырева и дьяка Бормосова. Приближаясь къ Дону, посланники дали знать въ Москву: „Ждемъ себѣ задержанья многаго на Дону, потому что Донской атаманъ Епиха Радиловъ, приходя къ намъ, говоритъ: „Призывали меня въ Москвѣ къ боярамъ, и бояре приходили на меня съ шумомъ, меня и войско все лаяли и позорили; а наше войско люди вольные, въ неволю не служатъ, и вы посланники на Донъ идете къ началу, какъ войско изволитъ, такъ надъ вами и сдѣлаютъ". Посланники доносили, что на Дону живутъ Черкасы запорожскіе, возвратившіеся съ Чернаго моря; что въ казачьихъ городахъ нашли они, посланники, Волжскихъ воровскихъ казаковъ, атамана Богдана Чернушкина съ товарищами, человѣкъ съ 50, ходятъ въ рубашкахъ тафтяныхъ, въ кафтанахъ бархатныхъ и камчатыхъ, а были они на морѣ и громили персидскія суда. Донской атаманъ Епиха Радиловъ взялъ ихъ съ собою на низъ, и когда посланники сказали ему, чтобъ онъ такихъ воровъ къ себѣ не принималъ, то Епиха отвѣчалъ: „Если ихъ не принимать, то они познаютъ чужую Землю". Когда посланники пріѣхали въ казачьи юрты, то нашли ихъ почти пустыми; казаки отправились на море, да и оставшіеся казаки вмѣстѣ съ атаманомъ Епихою Радиловымъ поѣхали также на море въ присутствіи посланниковъ. Казакамъ однако не хотѣлось потерять и царскаго жалованья, и потому атаманъ Исай Мартемьяновъ присылалъ сказать Кондыреву, что они, казаки, стоятъ на морскомъ устьи, дожидаются турецкихъ каравановъ, чтобъ не пропустить ихъ въ Азовъ, и что скоро будутъ въ Монастырскій городокъ, гдѣ остановились посланники,—такъ чтобъ они ихъ дожидались и никому царскаго жалованья не отдавали. Казаки дѣйствительно возвратились въ Монастырскій городокъ; но когда посланники въ ихъ кругу объявили обычное царское требованіе, чтобъ они жили съ Азовцами мирно до возвращенія ихъ, посланниковъ, изъ Константинополя, то казаки отвѣчали, что они государеву жалованью ради, но съ Азовцами не управившись помириться не могутъ, почему нельзя скоро отпустить туда и посланниковъ. Давши такой отвѣтъ, казаки взяли у посланниковъ жалованье, деньги, сукна, хлѣбные и пушечные запасы и вино вмѣстѣ съ судами, на которыхъ эта казна была привезена, запасы изъ судовъ выгрузили, положили у часовни середи площади, а суда изъ рѣки выволокли къ себѣ на берегъ. Посланники велѣли сказать имъ, чтобъ они запасы устроили гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ, а не на площади, чтобъ Турецкіе люди про запасы не знали, да и судовъ бы къ себѣ не брали. Казаки отвѣчали, что кромѣ площади запасовъ положить негдѣ, а судовъ они прежде никогда съ Дону не отпускали. Пробывъ только одинъ день въ Монастырскомъ городкѣ, казаки опять отправились на море, въ 50 стругахъ, а въ стругѣ человѣкъ по 30 и 40; съ ними вмѣстѣ отправились пріѣзжіе люди изъ Бѣлгорода, Курска, Оскола, Путивля, Ливенъ, Ельца и московскіе торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ съ товарами. На морскомъ устьи казаки сошлись съ турецкими караванами, шедшими въ Азовъ, бились съ ними, взяли корабль, двѣ комяги, и съ добычею возвратились въ Монастырскій городокъ. Шли они къ себѣ въ курени мимо стана турецкихъ посланниковъ, и показывали имъ погромную рухлядь, стрѣляя изъ ружей. Тщетно посланники говорили имъ, чтобъ они помирились съ Азовцами; казаки отвѣчали: „Если Азовцы

пришлютъ къ намъ, то, можетъ-быть, и помиримся, а сами не пошлемъ, ссылайтесь съ ними вы мимо насъ". Посланники отправили въ Азовъ сына боярскаго объявить о своемъ пріѣздѣ. Посланный возвратился съ извѣстіемъ, что Азовцы приходили къ нему съ великимъ шумомъ и говорили: „Пусть посланники придутъ въ Азовъ,—мы съ ними управимся!" Но Азовскіе начальные люди дали знать посланникамъ, что прежніе посланники, идя въ Царь-градъ, замиряли казаковъ съ Азовцами: такъ хотятъ ли казаки помириться и теперь? Посланники обратились съ этимъ вопросомъ къ казакамъ, и тѣ отвѣчали, что они съ Азовцами помирятся и ихъ, посланниковъ, въ Азовъ отпустятъ, когда товарищи ихъ придутъ съ моря, а товарищей ихъ теперь на морѣ человѣкъ съ тысячу и больше. Вскорѣ послѣ этого, 8 августа, пришли съ моря Донскіе и Запорожскіе казаки, въ 25 стругахъ, человѣкъ 700, подъ начальствомъ Запорожскаго атамана Шила, и разсказывали, что они были за моремъ отъ Царь-града за полтора днища, повоевали въ Цареградскомъ уѣздѣ села и деревни, и многихъ людей посѣкли, но изъ Царь-града высланы были на нихъ каторги, и Турки побили у нихъ человѣкъ съ 400. Послѣ этого казаки отпустили посланниковъ въ Азовъ; въ Кафѣ Кондыревъ увѣрялъ пашу по обычаю, что если казаки впередъ станутъ ходить на море, то государь изъ дружбы къ султану стоять за нихъ не будетъ. Паша отвѣчалъ на это: „Донскихъ казаковъ каждый годъ наши люди побиваютъ многихъ, а все ихъ не убываетъ, сколько бы ихъ въ одинъ годъ ни побили,—на другой годъ еще больше того съ Руси прибудетъ; еслибъ прибылыхъ людей на Донъ съ Руси не было, то мы давно бы уже управились съ казаками и съ Дона ихъ сбили".

Въ Константинополѣ посланники нашли страшную смуту: султанъ Османъ былъ убитъ янычарами и на его мѣсто былъ возведенъ дядя его, Мустафа; въ Багдадѣ встали за это на янычаръ и перерѣзали ихъ. Услыхавши о судьбѣ своихъ собратій въ Азіи, константинопольскіе янычары взволновались; паши прямо велѣли объявить посланникамъ, что теперь имъ не до нихъ. Но этого мало: на посольскій дворъ явились янычары съ жалобою, что казаки погромили ихъ корабль съ товарами, требовали, чтобъ посланники заплатили имъ за убытки. Посланники не велѣли пускать ихъ къ себѣ; тогда янычары стали шумѣть и браниться, кричали: „Даромъ мы вамъ этого не спустимъ, приходите всѣ съ обманомъ, а не съ правдою, казаковъ на море посылаете, корабли громить велите, здѣсь въ Цареградѣ невольниковъ крадете; и за это станемъ у васъ рѣзать носъ и уши". Янычары вошли въ посольскія комнаты, искали всюду невольниковъ, пересматривали рухлядь, и, не нашедши ничего, ушли съ бранью. Посланники послали жаловаться визирю на такое безчестье; визирь отвѣчалъ: „Теперь мнѣ не до пословъ, хотятъ меня перемѣнить". Дѣйствительно, визирь былъ смѣненъ. Новый визирь, Гуссейнъ, прежде всего потребовалъ у посланниковъ шубы лисьей черной да соболей добрыхъ на шубу. У посланниковъ шубъ не было, и они послали одни соболи; визирь разсердился и встрѣтилъ ихъ укорами за казацкіе разбои. Посланники жаловались, что имъ уже недѣль съ пять корму не даютъ; визирь отвѣчалъ: „Вамъ и безъ корму можно быть сытымъ, соболей у васъ много, а мнѣ ничего не пришлете, соболи у васъ родятся на Москвѣ и съ Москвы ходятъ во всѣ государства; въ Литвѣ соболей не родится, приходятъ изъ Москвы, а литовскій посолъ прислалъ мнѣ сороковъ съ 50 и больше;—такъ вамъ бы промыслить, купить мнѣ соболей хотя сороковъ съ 20 или больше". Посланники отвѣчали, что у нихъ соболей нѣтъ, все они роздали прежнему визирю и султановымъ ближнимъ людямъ; а если онъ, визирь, государевымъ дѣломъ станетъ промышлять, то они хотя займутъ, а соболей ему еще промыслятъ сорока два или три. Визирь обѣщалъ промышлять государевымъ дѣломъ. Посланники отправили къ нему три сорока соболей; но онъ разсердился, соболей не взялъ и сказалъ: „Еще они въ Царѣградѣ живутъ недолго, а какъ поживутъ года съ два или съ три, то дадутъ мнѣ и не въ честь столько же, сколько литовскій посолъ далъ". Посланники прибавили еще пять сороковъ, цѣною въ 200 рублей, да и дворецкому визиря послали подарки. Визирь удовольствовался—и посланники были отпущены съ отвѣтомъ, что султанъ Мустафа помирился съ Литовскимъ королемъ, хочетъ быть въ мирѣ и съ Московскимъ государемъ и Азовцамъ запретитъ нападать на московскія украйны. Если же Литовцы договоръ нарушатъ, если Запорожцы выйдутъ въ море хотя на одномъ стругу, то султанъ немедленно начнетъ съ королемъ войну и дастъ знать государю въ Москву. Французскій посланникъ де-Сези былъ очень радъ, что Кондырева отпустили ни-съ-чѣмъ. Поведеніе этого посланника представляетъ любопытное явленіе въ исторіи европейской дипломатіи. Въ описываемое время христіаннѣйшій король, борясь съ своими протестантами внутри страны, не усомнился соединиться съ протестантскими державами Сѣверной Европы, чтобъ противодѣйствовать опасному для Франціи усиленію Габсбургскаго дома; король Польскій былъ въ союзѣ съ этимъ домомъ, слѣдовательно французскій посланникъ въ Константинополѣ долженъ былъ дѣйствовать противъ Польши. Но де-Сези прежде всего былъ ревностный католикъ; ему ужасна была мысль, что если Турки въ союзѣ съ Москвою и Бетлемъ-Габоромъ Трансильванскимъ одолѣютъ Польшу, то польскіе протестанты могутъ воспользоваться этимъ и провозгласить королемъ своимъ Бетлемъ-Габора, протестанта! Вотъ почему онъ старался увѣрить свое правительство, что Франція нечего опасаться союза Польши съ Австріею, ибо народъ Польскій питаетъ сильное нерасположеніе къ послѣдней, что слѣдовательно нѣтъ нужды поднимать Турокъ на Польшу. Съ другой стороны, де-Сези хлопоталъ о

сверженіи Константинопольскаго патріарха Кирилла, въ которомъ видѣлъ дѣятельнаго противника католицизму; онъ доносилъ Людовику XIII, что Кириллъ опасный еретикъ, кальвинистъ, который имѣетъ одну цѣль—истребленіе католицизма и распространеніе кальвинизма въ Греціи и на всемъ Востокѣ; что для этого Кириллъ назначаетъ на свое мѣсто одного изъ своихъ родственниковъ, который изучалъ кальвинизмъ въ Англіи. Въ 1623 г. де-Сези удалось свергнуть Кирилла, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кириллъ опять успѣлъ занять свой прежній столъ, и де-Сези продолжалъ враждовать съ нимъ; по его донесеніямъ, Кириллъ напечаталъ въ Виттембергѣ, подъ именемъ ученика своего Захарія, и распространилъ по всему Востоку наставленіе, наполненное мнѣніями кальвинскими и лютеранскими.

Въ Кафѣ ждала посланниковъ бѣда: сюда дали знать изъ Азова, что Донскіе казаки вышли въ море; посланниковъ по этимъ вѣстямъ задержали. Кафинскій народъ грозился ихъ убить; но вѣсти о казакахъ не подтвердились, и посланниковъ отпустили изъ Кафы; но когда они пришли въ Керчь, то подъ этотъ городъ явились 1,000 Донскихъ казаковъ въ 30 стругахъ, стали противъ города, взяли комягу; въ городѣ встало волненіе, посланниковъ схватили изъ корабля, повели въ городъ и засадили въ башню, грозя убійствомъ. Кондыревъ послалъ сказать казакамъ, чтобъ они сейчасъ же шли назадъ на Донъ, иначе ихъ, посланниковъ, убьютъ; казаки отвѣчали, что имъ безъ добычи назадъ на Донъ не хаживать, и пошли мимо Керчи на Черное море, за Кафу. Посланниковъ выпустили изъ башни, но велѣли имъ ѣхать степью по Черкасской сторонѣ. Подъ черкасскимъ городомъ Темрюкомъ пришли на нихъ Запорожцы, съ крикомъ, что Донскіе казаки, идучи мимо Темрюка, погромили комяги, взяли въ плѣнъ сына таманьскаго воеводы и отдали его на окупъ за 2,000 золотыхъ; такъ посланники сейчасъ же отдали бы эти деньги, иначе ихъ убьютъ. Турецкій посланникъ и Азовскій воевода, провожавшій посланниковъ, вступились-было за нихъ; но казаки поворотили и посланника и воеводу назадъ въ Кафу, а Кондырева съ товарищемъ оставили въ Темрюкѣ и посадили въ башню. Тогда воевода и посланникъ дали имъ подарки, и едва уговорили отпустить всѣхъ изъ Темрюка въ Азовъ. Потомъ въ степи посланники должны были отбиваться отъ Ногаевъ, причемъ братъ втораго посланника, Бормосова, былъ взятъ въ плѣнъ. Ногаи кричали, что весною приходили на ихъ улусы Донскіе казаки, побрали женъ ихъ и дѣтей, лошадей и животину: такъ если казаки отдадутъ полонъ назадъ, то и они отпустятъ плѣнниковъ; насилу Азовскій воевода и Турецкій посланникъ уговорили ихъ отдать плѣнника.

Послѣ такихъ приключеній посланники добрались наконецъ до Азова, но не на радость: только-что они успѣли расположиться на посольскомъ дворѣ, какъ ворвались туда Азовскіе люди съ крикомъ и угрозами: одни кричали, что посланниковъ надобно убить, другіе—что обрѣзать носъ и уши и отпустить на Донъ, потому что Донскіе казаки не перестаютъ разбойничать, и теперь стоятъ на Донскомъ устьи, дожидаются каравану изъ Кафы. Посланники написали на Донъ, чтобъ казаки помирились съ Азовцами и свели свои струги съ устья Дона, иначе ихъ, посланниковъ, убьютъ въ Азовѣ. Казаки исполнили это требованіе, прислали мириться, но не согласились въ условіяхъ; когда въ Азовѣ узнали, что казаки не мирятся, то къ посланникамъ въ окна полетѣли каменья и бревна; наконецъ казаки согласились помириться, какъ хотѣли Азовцы, и посланниковъ выпустили изъ Азова.

Осенью 1627 года пріѣхалъ въ Москву другой разъ Грекъ Ѳома Кантакузинъ въ послахъ отъ султана Мурада IV. Султанъ писалъ царю: „Вамъ бы попомнить прежнюю дружбу и любовь и быть съ нами въ сердечной дружбѣ и въ любви и въ послушаніи, какъ были предки ваши; о прямой своей сердечной дружбѣ къ намъ отпишите и пословъ своихъ къ намъ съ грамотами посылайте безъ урыва, и если вамъ нужна будетъ какая помощь, то мы вамъ станемъ помогать“. Кантакузинъ (выучившійся говорить по-русски безъ толмача), объявилъ Филарету Никитичу, что султанъ Мурадъ хочетъ государя Михаила Ѳеодоровича имѣть себѣ братомъ, а его, святѣйшаго патріарха, хочетъ имѣть отцомъ: они, государи, будутъ между собою два брата, а ты, великій государь, будешь имъ отецъ, и никто ихъ братской любви не можетъ разорвать. Цѣль такой братской любви была прежняя: воевать вмѣстѣ Землю короля Сигизмунда. Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ: „У сына моего съ султанами Ахметомъ, Османомъ и Мустафою ссылка о дружбѣ была безъ урыву и никакой помѣшки дружбѣ ихъ не бывало; а съ султаномъ Мурадомъ у сына нашего ссылки не бывало, потому что случилась помѣшка отъ воровства Крымскаго калги Шанъ-Гирея, который побилъ нашихъ пословъ, ѣхавшихъ къ султану Мустафѣ. Узнавши о воцареніи Мурада, сынъ нашъ хотѣлъ послать его поздравить, но не послалъ затѣмъ, что не зналъ, куда посылать: на Азовъ послать опасно,—чтобъ и надъ этими послами Шанъ-Гирей не сдѣлалъ тоже, что надъ прежними, а моремъ послать было нельзя, потому что во всѣхъ Нѣмецкихъ государствахъ была война. А сынъ нашъ съ Мурадомъ султаномъ въ дружбѣ и любви хочетъ быть больше прежняго; Шанъ-Гирей вмѣстѣ съ русскими послами побилъ также и турецкихъ, и что взялъ у нихъ казны—отослалъ къ шаху: такъ за это сыну нашему на султана Мурада сердиться не-за-что; случилось это не по султанову приказанью; а съ королемъ Сигизмундомъ за его неправды сыну нашему въ мирѣ и дружбѣ никакими мѣрами быть нельзя, не отомстивши ему за его неправды“. Кантакузинъ продолжалъ: „Когда я былъ у васъ въ первый разъ и о чемъ ни говорилъ, то все Поль-

скому королю сейчасъ же стало извѣстно, какіе-то люди изъ Москвы писали ему; это намъ извѣстно подлинно, только не знаемъ, кто писалъ". Филаретъ Никитичъ, не отвѣчая на это, обратилъ разговоръ на неисправность въ титулѣ: все султанъ пишетъ королю Михаилу Ѳеодоровичу вмѣсто царю. Посолъ кончилъ просьбою, чтобъ государь запретилъ Донскимъ казакамъ нападать на Турецкихъ людей и земли; Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ обычною рѣчью, что на Дону живутъ воры и государя не слушаютъ. По окончаніи посольскихъ рѣчей. Филаретъ Никитичъ началъ разспрашивать Кантакузина, какъ давно султанъ Мурадъ царствуетъ, сколько ему лѣтъ, каковъ возрастомъ и какой былъ вѣры, также и паши какой были вѣры. Кантакузинъ отвѣчалъ, что Мурадъ сидитъ на государствѣ четвертый годъ, лѣтъ ему семнадцать, возрастомъ великъ и дороденъ и смышленъ, былъ Греческой вѣры, потому что мать его была за попомъ, очень смышлена, и султанъ ее слушается. Визирь Гассанъ-паша Греческой вѣры былъ, султанъ его слушаетъ и жалуетъ; другой визирь Резепъ-паша также Греческой вѣры.

Послѣ этихъ разговоровъ съ Кантакузина взяли запись: „Цѣлую животворящій крестъ за великаго государя своего, Мурада султана, на томъ, что государю моему съ великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ быть въ дружбѣ, любви и братствѣ на-вѣки неподвижно, послами и посланниками ссылаться на обѣ стороны безъ урыва; государь мой будетъ помогать царскому величеству ратями своими на недруговъ его, и на Польскаго короля стоять заодно; Крымскому царю, Ногаямъ и Азовскимъ людямъ на Московское государство войной ходить не велитъ; въ грамотахъ своихъ царскаго величества именованье велитъ писать сполна". Кантакузинъ требовалъ, чтобъ царь съ своей стороны цѣловалъ крестъ на подобной же записи; но ему отказали на томъ основаніи, что если государь поцѣлуетъ крестъ, то это пронесется въ окрестныхъ государствахъ.

Вмѣстѣ съ Кантакузинымъ, въ 1628 году отправились въ Константинополь царскіе послы — дворянинъ Яковлевъ да дьякъ Евдокимовъ и повезли, по обычаю, Донскимъ казакамъ жалованье, 2,000 руб. денегъ, сукна и разные запасы. По-прежнему послы узнали на Дону, что казаки, подъ начальствомъ атамана Ивана Каторжнаго, промышляютъ на морѣ надъ Турскими людьми, и что казаки живутъ съ Азовцами не въ миру. По обычаю, послы потребовали отъ казаковъ, чтобы они помирились съ Азовцами и свели своихъ товарищей съ моря. Казаки отвѣчали: „Помиримся, турецкихъ судовъ, селъ и деревень громить не станемъ, если отъ Азовцевъ задору не будетъ, если на государевы украйны Азовцы перестанутъ ходить, государевы города разорять, отцовъ нашихъ, матерей, братью, сестеръ, женъ и дѣтей въ полонъ брать и продавать. Если же Азовцы задерутъ, то воленъ Богъ да государь, а мы терпѣть не станемъ, будемъ, за отцовъ своихъ, матерей, братью и сестеръ стоять. И въ томъ воленъ Богъ да государь, что наши казаки съ нужды и бѣдности пошли на море зипуновъ добывать, струговъ съ 30, до вашего пріѣзда, не зная государева нынѣшняго указа и жалованья, а намъ послать за ними нельзя и сыскать ихъ негдѣ,—они въ одномъ мѣстѣ не стоятъ". Пришелъ Каторжный съ моря и объявилъ, что Турки погромили его подъ Трапезунтомъ. Помиривъ казаковъ съ Азовцами, послы отправились въ Константинополь, встрѣчены были очень ласково, но пришли вѣсти изъ Крыма, что Донскіе казаки напали на Крымъ, взяли и выжгли два города—Карасу и Минкупъ. Обращеніе перемѣнилось, и на отпускѣ визирь сказалъ посламъ: „Ступайте поздорову, хотя бы васъ и не слѣдовало такъ отпускать за вашихъ людей, казаковъ унимайте и государю своему извѣстите, чтобъ ихъ унялъ, а не уйметъ, то добраго дѣла не будетъ". Послы отвѣчали: „Если царь велитъ насъ отпустить съ добрымъ дѣломъ, то сдѣлаетъ хорошо; а если бы надъ нами за казаковъ какое дурно сдѣлалъ, то этимъ бы себѣ нечесть сдѣлалъ, и такъ дурна и тѣсноты много, а невѣдомо за что; если за казаковъ такая намъ тѣснота, такъ за это не-за-что насъ тѣснить и голодомъ морить; если казаки на морѣ воруютъ, то пиши на нихъ къ великому государю нашему, и великій государь нашъ станетъ ихъ отъ воровства унимать, а насъ не-за-что тѣснить и морить голодомъ".

Въ маѣ 1630 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Ѳома Кантакузинъ съ объявленіемъ, что султанъ уже послалъ рать свою на Днѣпровскихъ казаковъ, и съ просьбою, чтобъ царь съ своей стороны наступалъ на Польскаго короля; султанъ просилъ также, чтобъ царь отправилъ и въ Персію свое войско, которое должно тамъ соединиться съ турецкимъ; наконецъ просилъ унять Донскихъ казаковъ. Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ послу, что царская рать на Польшу будетъ готова, ибо государь, сынъ его, до перемирныхъ лѣтъ Польскому королю терпѣть не будетъ. Посолъ объявилъ, что султановъ сердарь съ войскомъ стоитъ на Узѣ совсѣмъ наготовѣ и ждетъ московскаго гонца съ грамотами; какъ только гонецъ пріѣдетъ съ указомъ, такъ сердарь и пойдетъ на Польскаго короля весною по травѣ. Филаретъ Никитичъ замѣтилъ тутъ объ одномъ непріятномъ обстоятельствѣ: Шведскій король Густавъ-Адольфъ заключилъ съ Польскимъ королемъ перемиріе; но за то, прибавилъ патріархъ, теперь у Поляковъ съ Черкасами бои великіе за вѣру: Поляки Черкасъ хотятъ привести въ папежскую вѣру, а Черкасы не хотятъ отстать отъ своей христіанской вѣры, и за то между ними великіе бои. Шведскій Густавъ-Адольфъ король завелъ войну съ цесаремъ, и съ Шведскимъ королемъ вмѣстѣ стоятъ на цесаря короли Англійскій, Датскій и Французскій, да Голландскіе Штаты, а цесарю помогать хочетъ Польскій король: такъ отъ этого перемирье между Швеціею и Поль-

нею непремѣнно разорвется. Кантакузинъ отвѣчалъ, что неправды Поляковъ во всѣхъ государствахъ вѣдомы; и многіе Поляки прямятъ султану Мураду, а изъ Кіева Русь и Кальвины присылаютъ къ султану съ тѣмъ: какъ придутъ въ Литву турецкіе ратные люди, то они, Русь и Кальвины, будутъ съ ними вмѣстѣ на Поляковъ готовы. Потомъ Филаретъ Никитичъ разспрашивалъ посла о Донскихъ казакахъ; Кантакузинъ отвѣчалъ: въ прошломъ 1626 году Донскіе казаки съ Запорожскими Черкасами разгромили монастырь Іоанна Предтечи, на морѣ отъ Царьгорода верстъ съ 200, и много казны взяли. Султанъ послалъ на нихъ воеводъ, которые отняли у казаковъ семь струговъ и привели въ Константинополь; султанъ велѣлъ разспросить плѣнныхъ, по чьему приказу ходили они войною на то мѣсто, и казаки сказали, что они ходятъ воевать сами по себѣ, а царскаго повелѣнья на то нѣтъ; султанъ велѣлъ всѣхъ ихъ казнить. Посолъ прибавилъ, что паши сердятся на Московскаго государя за Донскихъ казаковъ, но Капитанъ-паша ему радѣетъ и даже предлагаетъ давать Донскимъ казакамъ жалованье съ обѣихъ сторонъ, и съ московской и съ турецкой, чтобъ войны отъ нихъ и ссоры между государями не было, или даже перевести ихъ на Мраморное море.

Вмѣстѣ съ Кантакузинымъ въ іюлѣ того же года отправленъ былъ въ Константинополь посолъ Андрей Совинъ и дьякъ Алфимовъ. Совинъ повезъ Донскимъ казакамъ грамоту, въ которой имъ приказывалось идти на Польскаго короля въ сходъ къ турецкимъ пашамъ, стоящимъ на Узѣ. Казаки, прочтя грамоту, отвѣчали послу: „Изстари при прежнихъ государяхъ не бывало, чтобъ насъ, казаковъ, на службу въ чужія земли однихъ безъ государевыхъ воеводъ посылали. Кромѣ Московскаго государя, чужимъ государямъ мы, атаманы и казаки, никогда не служивали; и Турскимъ людямъ никто такъ не грубенъ, какъ мы, Донскіе казаки, и у насъ съ Турскими людьми какому быть соединенью? Мы имъ сами грубнѣе Литовскихъ людей. Если государи укажутъ намъ идти на Польскаго короля безъ турецкихъ пашей съ своими государевыми воеводами, то мы на государскую службу идти всѣ готовы; на море ходятъ Черкасы Запорожскіе, а мы, Донскіе казаки, на море не ходимъ; пишутъ на насъ затѣвая Азовцы по недружбѣ, а хотя бы мы и ходили на море, то намъ прокормиться другимъ нечѣмъ, государскаго жалованья намъ не присылывано давно, и теперь не прислано“. Въ провожатыхъ у пословъ былъ воевода Иванъ Карамышевъ; изъ Москвы и изъ Валуекъ на Донъ пришли вѣсти, что этотъ Карамышевъ самъ напросился на Донъ казаковъ побивать и вѣшать. По этимъ вѣстямъ казаки бросились съ пищалями и рогатинами къ воеводѣ, прибили его до крови, выволокли изъ струга и повели къ себѣ въ кругъ. Послы вступились въ дѣло, говорили казакамъ, чтобъ они не убивали воеводу, не вѣрили затѣйнымъ рѣчамъ, а писали бы объ этомъ въ Москву къ государямъ. Казаки отвѣчали бранью и угрозами: „Намъ дѣло не до васъ“, кричали они посламъ, „ступайте къ себѣ въ станъ, пока и надъ вами того же не сдѣлаемъ“. Карамышева втащили въ кругъ, били саблями, кололи рогатинами, поволокли за ноги къ Дону и бросили живаго въ рѣку, но пословъ отпустили спокойно въ Азовъ.

Московскіе послы пріѣхали въ Константинополь, когда уже польскій посолъ успѣлъ заключить миръ съ Турками; а съ другой стороны—Персіяне брали верхъ надъ послѣдними въ Азіи; наконецъ Крымскій ханъ присылалъ съ вѣстями, что на весну Донскіе казаки, сложась съ Черкасами, сбираются выйти въ Черное море. Поэтому визирь отвѣчалъ Совину и Алфимову: „Теперь у насъ недруги не одни Польскіе люди, со всѣхъ сторонъ недруговъ у насъ умножилось, и намъ теперь не до Поляковъ, управиться намъ съ ними за ихъ неправды не время“. Въ очень учтивыхъ выраженіяхъ, но въ томъ же смыслѣ, отвѣчалъ государю и султанъ въ своей грамотѣ.

Послы отправились назадъ и, не доѣзжая до Кафы, встрѣтились съ Донскими казаками, отъ которыхъ насилу ушли; въ Кафѣ встрѣчены они были очень дурно: народъ съ шумомъ подходилъ къ судну, гдѣ находились послы, и рвался на него съ тѣмъ, чтобъ убить Совина и Алфимова за воровство Донскихъ казаковъ. Насилу ихъ уняли. Съ одной стороны приходили въ Кафу вѣсти, что Донскіе казаки погромили Синопъ съ окольными селами и деревнями, потомъ пошли къ Царьграду и громили мѣста верстъ за сто отъ него; съ другой стороны пришли въ Кафу изъ Азова два судна съ русскими плѣнниками, которыхъ взяли Азовцы въ украинскихъ московскихъ городахъ, Воронежѣ, Валуйкахъ, Осколѣ, Бѣлгородѣ, Ельцѣ и Курскѣ. Въ Керчи посламъ былъ точно такой же пріемъ отъ народа, что и въ Кафѣ; а въ Азовѣ послы нашли царскую грамоту, въ которой говорилось, чтобы они до государева указа на Донъ не ходили, потому что Донскіе казаки хотятъ ихъ убить. Дѣйствительно юртовскій астраханскій Татаринъ, пріѣхавшій съ Дона, разсказалъ посламъ, что послѣ убійства Карамышева и отпуска ихъ пословъ въ Азовъ съѣхались казаки съ моря и городковъ всѣмъ войскомъ, шумѣли на атамана Волокитку Фролова: „Ты-де у насъ отпустилъ пословъ!—все равно уже мы заворовали; побить было всѣхъ, а какъ они будутъ назадъ изъ Царягорода, то мы ихъ и тогда побьемъ, все равно наша служба государю не въ что, выдаетъ насъ въ руки недругамъ нашимъ, Турецкимъ людямъ; хотя съ Москвы пришлютъ на насъ и сто тысячъ, то мы не боимся, даромъ насъ не возьмутъ, сберемся въ одинъ городокъ и помремъ всѣ вмѣстѣ; а если государь сошлется съ Турскимъ и Крымскимъ царями, и придутъ на насъ ратные люди со всѣхъ сторонъ, то мы отойдемъ къ Черкасамъ въ Запороги, они насъ не выдадутъ“. И, въ самомъ дѣлѣ, послали сказать Днѣпровскимъ казакамъ, что если придутъ на нихъ изъ Москвы

ратные люди, то чтобъ ихъ не выдали и приходили къ нимъ на помощь тотчасъ; а сами приговорили изо всѣхъ городовъ собраться въ одинъ, боясь прихода на себя царскаго войска. Въ это время пріѣзжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ торговые люди покупать погромную рухлядь, которую казаки привозили изъ-за моря, и при этихъ мужикахъ казаки грозились часто на пословъ: „Ушли де они у насъ, сюда ѣдучи, но не уйдутъ, назадъ ѣдучи,—непремѣнно всѣхъ ихъ побьемъ". А лазутчики у нихъ во всѣхъ украинскихъ городахъ. Наконецъ несчастные послы были выручены изъ Азова московскими ратными людьми, посланными на Донъ подъ начальствомъ князя Борятинскаго.

Въ 1632 году Донскіе казаки на Черное море не ходили; за то пошли на Яикъ, и вмѣстѣ съ тамошними казаками выплыли на Каспійское море и погромили береговыя персидскія области. Лѣтомъ того же года, когда Шеинъ готовъ былъ выступать въ походъ подъ Смоленскъ, дворянинъ Аѳанасій Прончищевъ и дьякъ Бормосовъ отправились послами въ Константинополь, и были приняты съ большою честію. Послы объявили визирю, что Донскіе казаки въ 1632 году на море не ходили и крымскихъ улусовъ не громили, теперь многіе изъ нихъ пошли на государева недруга, Польскаго короля, и съ Азовцами мирны; но Азовскіе люди приходили войною на государевы украйны, а потомъ приходили войною Крымскіе многіе люди. Послы объявили также, что царское величество послалъ рати свои на Польскаго короля, и Мурадъ султанъ писалъ бы въ Польшу, чтобъ тамъ посадили королемъ друга царскаго, Шведскаго короля Густава-Адольфа, за его правду и любовь къ государю царю. Визирь отвѣчалъ. „Думаю, что Шведскій король и самъ не захочетъ быть на Литовскомъ королевствѣ; былъ у насъ шведскій посолъ и при немъ пришла вѣсть, что Польскаго короля Сигизмунда не стало. Я далъ ему объ этомъ знать и спрашивалъ, не думаетъ ли онъ, что король его будетъ искать Польскаго королевства; посолъ думалъ долго и сказалъ: „Можетъ быть, въ прежнее время король и сталъ бы искать Польскаго королевства, до войны съ цесаремъ, а теперь не думаю, потому что надъ недругами его Богъ руку возвысилъ высоко во всемъ". „Да у насъ", продолжалъ визирь, „вѣсть подлинная, что выбрали на Литовское королевство королевича Владислава". Послы отвѣчали: „Если королевича Владислава въ короли выбрали, то и отъ него Мураду султану правды никакой не будетъ ни въ чемъ, и онъ станетъ такъ же дѣлать, льстить во всемъ, какъ и отецъ его. И теперь Владиславъ пришлетъ сюда пословъ объявить султану о своемъ избраніи, и литовскіе, послы по прежнему своему обычаю, станутъ молить, сулить казну многую, да не дадутъ ничего: вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, что ни говорятъ,—все лгутъ". Визирь сказалъ на это: „Мы и сами про неправды Литовскихъ людей и лукавство ихъ знаемъ; а если литовскіе послы, будучи здѣсь, станутъ въ чемъ-нибудь лукавствовать, то это узнать можно". Наконецъ послы предложили, что государь ихъ отправитъ пословъ своихъ въ Персію, чтобъ помирить шаха съ султаномъ, если султанъ будетъ стоять съ царскимъ величествомъ заодно на Польскаго короля. На это визирь промолчалъ.

Прончищевъ и Бормосовъ всю зиму прожили въ Константинополѣ; весною визирь объявилъ имъ, что будетъ султана уговаривать, чтобъ послалъ изъ ближнихъ мѣстъ войско свое на Литовскую Землю этимъ же лѣтомъ. А при отпускѣ посламъ объявили, что султанъ приказалъ Крымскому хану и Кантемиръ-мурзѣ изъ Бѣлгорода идти войною на Литву съ Крымцами и Ногаями; плѣнниковъ, захваченныхъ въ 1632 году на Руси, велѣно всѣхъ отпустить; кромѣ того, на Литовскую Землю на войну велѣно быть готовыми Абазѣ-пашѣ съ Турецкими людьми, да Молдаванамъ, Волохамъ и Буджакскимъ Татарамъ. Но только-что Прончищевъ и Бормосовъ сѣли на корабль, какъ пришла вѣсть въ Константинополь, что Донскіе казаки на 25 стругахъ вышли на Черное море, въ Кафинскомъ уѣздѣ повоевали села и деревни, на морѣ взяли два корабля. Отъ визирева запроса по этому дѣлу послы кой-какъ отдѣлались; но когда корабль ихъ принесло бурею къ Синопу, то жители его пришли съ шумомъ къ нимъ на корабль, крича, что десять дней тому назадъ Донскіе казаки приходили къ городу Иконіи, взяли его, выжгли, людей побили и въ плѣнъ побрали; что жители со всей Анатолійской стороны идутъ въ Царьгородъ бить челомъ султану, что отъ Донскихъ казаковъ впередъ въ тѣхъ мѣстахъ жить нельзя, приходятъ на нихъ войною каждый годъ, города берутъ, села и деревни жгутъ; а изъ Москвы послы ходятъ въ Царьгородъ безпрестанно будто для добраго дѣла, а ходятъ они все для лазутчества, въ городахъ крѣпости всякія разсматриваютъ и казакамъ потомъ разсказываютъ, а казаки потому и на море ходятъ. Послы отвѣчали Синопцамъ, что не могутъ быть Донскіе казаки, а должно-быть Запорожскіе Черкасы; Синопцы сказали на это, что они Донскихъ казаковъ отъ Черкасъ отличить умѣютъ, а отъ московскихъ пословъ добра никакого нѣтъ. Въ Кафѣ чуть не убили пословъ за тотъ же подвигъ казацкій.

На смѣну Прончищеву и Бормосову пріѣхали въ Константинополь лѣтомъ 1633 года двое другихъ московскихъ пословъ, дворянинъ Дашковъ и дьякъ Сомовъ. Они начали дѣло жалобою, что Крымскій ханъ Джанибекъ-Гирей, нарушa свою шерть, въ прошломъ году посылалъ своихъ людей на московскія украйны; что теперь съ ними, послами, встрѣтились въ степи тысячъ восемь Азовскихъ и Ногайскихъ людей, пошли войною на государевы украйны, напали на нихъ, пословъ, приступали къ ихъ обозу два дня и двѣ ночи; подлинно извѣстно также, что Крымскій ханъ хочетъ самъ идти или сына своего послать на государевы украйны по наущенію изъ Литвы; поэтому послы требовали, что-

бы султанъ велѣлъ смѣнить Крымскаго хана. Потомъ послы получили грамоту изъ Москвы, что въ іюлѣ 1633 года Крымскій царевичъ съ семнадцатью мурзами напалъ на московскія украйны, переправился черезъ Оку, приступилъ къ Серпухову. По полученіи этой грамоты, послы еще сильнѣе начали настаивать на смѣну хана; визирь отвѣчалъ, что хану посланъ приказъ идти немедленно со всею ордою па Литву, несмотря на зимнее время, и если онъ не пойдетъ сейчасъ же, станетъ отговариваться, то султанъ пошлетъ его смѣнить, а на весну пошлетъ многія свои рати на Литву. Дашковъ и Сомовъ боялись пріѣзда польскихъ пословъ, которые могли повернуть дѣло иначе; дѣйствительно, въ началѣ 1634 года пріѣхали польскіе послы и привезли вѣсти, что Владиславъ Московскихъ людей побилъ и Смоленскъ очистилъ. Московскимъ посламъ очень важно было узнать, что̀ отвѣтитъ султанъ на грамоту королевскую, и они добыли переводъ съ этой отвѣтной грамоты: султанъ писалъ, что готовъ держать миръ съ королемъ, если Поляки сломаютъ всѣ города и пригородки, поставленные ими близъ турецкой украйны, запретятъ казакамъ ходить на Черное море, будутъ присылать Крымскому хану то же самое, что прежде присылали, и помирятся съ Московскимъ государемъ.

Еще не дожидаясь возвращенія Дашкова и Сомова изъ Константинополя, туда уже были отправлены весною 1634 года новые послы — дворянинъ Коробьинъ и дьякъ Матвѣевъ. Визирь встрѣтилъ этихъ пословъ такими словами: „Въ грамотахъ государя вашего, которыя вы подали султану Мураду, написано, чтобъ султанъ съ государемъ вашимъ на Польскаго короля стоялъ заодно; султаново величество еще по прежнему письму государя вашего послалъ на Польскаго короля рати свои многія; а теперь разнесся слухъ, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился, не обославшись о томъ съ султаномъ Мурадомъ; такъ султанъ велѣлъ васъ спросить: какъ вы поѣхали изъ Москвы, то государя вашего съ Польскимъ королемъ ссылка о мирѣ была ли, и думаете ли вы, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился?“ Послы отвѣчали: „Съ нами отъ великаго государя нашего объ этомъ дѣлѣ ничего не наказано; извѣстно намъ только то, что у великаго государя нашего съ Польскимъ королемъ былъ бой, ратные государевы люди воевали польскіе и литовскіе города многіе, во многихъ мѣстахъ Литовскихъ людей побили; а когда мы пошли изъ Москвы, то дорогою слышали, что присылалъ къ великому государю Польскій король Владиславъ съ великимъ прошеньемъ, чтобъ ссорныя дѣла отставить и кровь христіянскую унять, а онъ, Польскій король, въ прежнихъ своихъ неправдахъ исправится, и великій государь нашъ, по своему милосердому праву, послалъ на съѣздъ большихъ пословъ своихъ; а сдѣлали ли что государевы послы съ литовскими послами, или нѣтъ,— это намъ неизвѣстно, и думаемъ, что великій государь дастъ объ этомъ знать султанову величеству“.

Визирь, оставивши это дѣло, обратился къ Донскимъ казакамъ, которые, несмотря на увѣренія царя, что онъ запрещаетъ имъ разбойничать въ турецкихъ владѣніяхъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ корабли на Черномъ морѣ погромили, и села на берегу опустошили. Послы отвѣчали, что съ казаками дѣлать нечего: „Государь послалъ къ нимъ воеводу Карамышева, которому велѣно учинить имъ наказаніе за то, что они, вопреки государеву указу, ходили на Черное море, но воры воеводу убили до смерти; пусть султаново величество велитъ послать на этихъ воровъ своихъ ратныхъ людей, а государь нашъ за нихъ не станетъ“.

Въ слѣдующее засѣданіе визирь сказалъ посламъ: „Султаново величество узналъ навѣрное, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился. Послы отвѣчали: „Если государь нашъ въ самомъ дѣлѣ съ Польскимъ королемъ помирился, то думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ виноватъ Крымскій царь Джанибекъ-Гирей, который напалъ на государевы украйны; ратные люди изъ этихъ мѣстъ, узнавши, что ихъ отцы, матери, жены и дѣти побиты или въ плѣнъ взяты и домы сожжены,—всѣ съ государевой службы пошли врознь, отчего государеву ратному дѣлу учинилась большая поруха“. Визирь отвѣчалъ: „Можетъ быть это и такъ было; теперь государь послалъ приказъ Крымскому царю не нападать на ваши украйны, а вашъ бы государь Донскихъ казаковъ унялъ“.

Съ этимъ Коробьинъ и Матвѣевъ и были отпущены, и когда уже сбирались садиться на корабль, 2 ноября, визирь далъ имъ знать, что Донскіе казаки и Днѣпровскіе Черкасы приступили къ Азову, изъ пушекъ по городу били, во многихъ мѣстахъ городъ испортили и едва его не взяли. Послы велѣли отвѣчать визирю: „Не первый разъ Донскіе казаки, безъ государева вѣдома, а Азовцы, безъ султанова вѣдома, между собою ссорятся и мирятся“. Но послы должны были предугадывать, что̀ ихъ ожидало впереди: въ Балаклавѣ и Кафѣ ихъ морили голодомъ и холодомъ, позорили; насилу они откупились отъ Кафинскаго паши десятью сороками соболей. Они возвратились въ Москву уже осенью 1635 года

Вѣчный миръ съ Польшею отнялъ въ глазахъ Московскаго правительства важность у турецкихъ сношеній; не послы или посланники, а толмачъ Буколовъ въ началѣ 1636 г. отвезъ изъ Москвы грамоту къ султану, въ которой царь писалъ Мураду: „Вы, братъ нашъ, на насъ не сердитесь за миръ съ Польшею,—мы его заключили по неволѣ, потому что отъ васъ помощь позамѣшкалася, а отъ Крымскаго царя война была большая“. Царь обѣщалъ унять Донскихъ казаковъ, но прибавилъ: „Вамъ самимъ подлинно вѣдомо, что на Дону живутъ казаки воры и нашего царскаго повелѣнья мало слушаютъ; мы за этихъ воровъ никакъ не

стоимъ, что ни велите надъ ними сдѣлать". Взаключеніе царь жаловался на ежегодныя нападенія Азовцевъ. Когда Буколовъ уѣзжалъ изъ Константинополя, то съ нимъ вмѣстѣ отправился Ѳома Кантакузинъ для торговли, но подъ видомъ посланника. Пріѣхавши на Донъ, Ѳома послалъ сказать казакамъ, будто султанъ прислалъ къ нимъ жалованье, 4 кафтана; казаки отвѣчали: „Прежде къ великому государю посыланы были отъ султана послы и посланники часто, но ничего къ намъ, казакамъ, отъ султана не привозили; ясно, что онъ, Ѳома, затѣваетъ это самъ собою и кафтаны даетъ намъ отъ себя; у Донскаго войска государевымъ жалованьемъ всего много и эти его подарки намъ не нужны". Но кафтаны были привлекательны, и казаки, помедливъ немного, взяли ихъ у Кантакузина.

Въ это время казаки замышляли важное дѣло— промыслить надъ Азовомъ, но у нихъ было мало воинственныхъ запасовъ, и вотъ они отправили въ Москву къ великому государю атамана Ивана Каторжнаго съ такою грамотою: „Въ прошлыхъ во многихъ годахъ была твоя государская къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, жалованье денежное, и сукна, и запасы всякіе, а въ прошломъ 1636 году твоего жалованья не было, и мы помираемъ голодною смертію, наги, босы и голодны, а взять кромѣ твоей государской милости негдѣ. Многія орды на насъ похваляются, хотятъ подъ наши казачьи городки войною приходить и наши нижніе казачьи городки разорить, а у насъ свинцу, ядеръ и зелья нѣтъ. Да въ прошлыхъ же годахъ выхаживали съ Дону атаманы и казаки къ государю съ войсковыми отписками, а на отпускѣ имъ давали подводы съ Москвы до Воронежа сполна, а съ Воронежа суда и гребцовъ, а нынѣ передъ прежнимъ подводы и суда у нихъ убавлены, а гребцовъ имъ не даютъ. Да съ Дону-жъ выѣзжаютъ атаманы и казаки въ города, по обѣщанію, въ монастыри помолиться, кто въ какой монастырь оброчникъ, а какъ обѣщанье исполнятъ (оброкъ съ души сведутъ) и пойдутъ назадъ, купивъ для себя запасу или продавъ что нибудь, то по городамъ цѣловальники берутъ пошлину не-въ-силу. Милосердый государь, царь, пожалуй насъ, холопей своихъ, своимъ государскимъ жалованьемъ"! Государь пожаловалъ, велѣлъ исполнить всѣ ихъ просьбы, и послать съ запасами на Донъ дворянина Степана Чирикова, который долженъ былъ также встрѣтить турецкаго посланника Ѳому Кантакузина. Отправивши Каторжнаго въ Москву, казаки начали сбираться въ походъ, послали въ верховые городки и по всѣмъ рѣчкамъ,—велѣли всѣмъ быть на съѣздъ въ въ Нижній городокъ; которые были отъ войска въ запрещеньи и винахъ,—тѣхъ всѣхъ простили. Съѣхавшись изъ всѣхъ юртовъ, казаки приговорили:—идти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, промыслъ надъ нимъ учинить; въ то же время пришли на Донъ степью на лошадяхъ Запорожскіе Черкасы, человѣкъ 1,000, думая, что Донскіе казаки пойдутъ на море; и Черкасы эти приговорили также идти вмѣстѣ подъ Азовъ. Въ 1637 году, на другой недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенья, 21 апрѣля въ середу, союзники выступили въ походъ къ Азову, въ числѣ 4,400 человѣкъ, оставивъ Кантакузина на Яру въ куреняхъ за крѣпкими сторожами. Московскій толмачъ Буколовъ, очевидецъ всѣхъ этихъ событій, слышалъ казацкіе разговоры: „Если къ нимъ будетъ государская милость, позволитъ въ Азовъ приходить къ нимъ съ Руси на житье охочимъ и вольнымъ всякимъ людямъ и запасы всякіе къ намъ привозить, то они Азова не покинутъ, а станутъ въ немъ жить".

Недѣлю спустя казаки поймали двоихъ людей Кантакузина на протокѣ Аксаѣ въ стружку, и пришли къ Ѳомѣ съ выговоромъ, что онъ людей своихъ посылаетъ по рѣчкамъ самовольствомъ безъ ихъ казачья вѣдома, а войско стоитъ подъ Азовомъ, и они думаютъ, что онъ, Ѳома, людей своихъ посылалъ въ Азовъ. Кантакузинъ отвѣчалъ, что онъ людей своихъ посылалъ рыбу ловить; но рыболовныхъ сѣтей у людей его казаки не нашли, и дали знать объ этомъ подъ Азовъ въ войско.

За двѣ недѣли до Петрова поста пріѣхали на Донъ изъ Москвы, Степанъ Чириковъ и атаманъ Иванъ Каторжный, который отправился подъ Азовъ. Въ Петрово заговѣнье, вечеромъ, Каторжный возвратился оттуда и на другой день, въ понедѣльникъ первой недѣли Петрова поста, прислалъ сказать Кантакузину, что казаки отпускаютъ его къ государю и хотятъ отдать его дворянину Степану Чирикову,—такъ пусть онъ идетъ на струги со всѣми своими людьми. Ѳома вышелъ изъ куреней, чтобъ перебраться на струги, но вотъ къ нему на встрѣчу другой посолъ: атаманы приказали звать его въ кругъ, хотятъ съ нимъ проститься. Ѳома вошелъ въ кругъ; казаки стояли всѣ вооруженные. Выступили два атамана и начали говорить Ѳомѣ: „И прежде ходилъ ты къ великому государю отъ Турскаго султана, накупаясь обманомъ въ послахъ много разъ, дѣлалъ между великими государями неправдою, на ссору, и въ томъ великому государю многіе убытки и ссору великую учинилъ, а насъ, Донскихъ казаковъ, хвалился разорить и съ Дону свесть. И теперь, накупясь, хочешь то же дѣлать; да ты же писалъ къ государю изъ Азова на атамана Ивана Каторжнаго, чтобъ его повѣсить въ Москвѣ. И за такое воровство Донскіе атаманы и казаки и все войско приговорили казнить тебя смертью". Приговоръ былъ исполненъ немедленно. Люди Кантакузина и греческіе монахи, шедшіе съ нимъ въ Москву, были также убиты. Расходились казаки: хотѣли убить и московскаго толмача Буколова, но тотъ спрятался въ часовнѣ. Послѣ Буколовъ слышалъ отъ Донскихъ казаковъ, будто они убили Кантакузина за то, что онъ посылалъ въ Азовъ людей своихъ съ грамотами, приказывая Азовцамъ сидѣть крѣпко, потому что у казаковъ запасовъ не стало.

Послѣ убійства Кантакузина казаки стояли подъ

Азовомъ двѣ недѣли; къ нимъ на помощь пришли изъ Астрахани юртовскіе Татары, и 18 іюня Азовъ былъ взятъ. Истребивъ всѣхъ жителей, кромѣ Грековъ, и освободивъ плѣнныхъ христіанъ, завоеватели засѣли въ городѣ. 30 іюня пріѣхали въ Москву послы отъ казаковъ съ извѣстіемъ, что они турецкаго посланника порубили, Азовъ взяли и ни одного человѣка Азовскаго на степи и на морѣ не упустили, всѣхъ порубили. Царь отвѣчалъ: „Вы это, атаманы и казаки, учинили не-дѣломъ, что турецкаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ; нигдѣ не ведется, чтобъ пословъ побивать; хотя гдѣ и война между государями бываетъ, но и тутъ послы свое дѣло дѣлаютъ, и никто ихъ не побиваетъ. Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья, и атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, какъ тому дѣлу впередъ быть". Московскому правительству было непріятно убіеніе турецкаго посла, но взятію важной Азовской крѣпости у бусурманъ оно радовалось, не желая только явно вмѣшиваться въ дѣло, чтобъ не рассориться съ Турціею. Въ сентябрѣ 1637 года царь отправилъ грамоту къ султану, въ которой писалъ, что казаки Азовъ взяли воровствомъ, дворянина царскаго Чирикова держали у себя въ великой крѣпости, никуда не пускали и хотѣли также убить; государь и прежде писалъ султану, и теперь повторяетъ, что Донскіе казаки издавна воры, бѣглые холопи и царскаго приказанія ни въ чемъ не слушаютъ, а рати послать на нихъ нельзя, потому что живутъ въ дальнихъ мѣстахъ: „И вамъ бы, брату нашему, на насъ досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азовъ взяли; это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ, воровъ, всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ". Но ссоры съ Турками трудно было избѣжать: въ сентябрѣ Крымцы опустошили Московскую украйну, и ханъ Богадуръ-Гирей писалъ въ Москву, что нападеніе сдѣлано по приказу султана за взятіе Азова казаками, и что на весну придетъ еще больше Татаръ на Московское государство. Но всѣ угрозы ограничились мелкою войною съ казаками, которые могли спокойно сидѣть въ Азовѣ, потому что султанъ былъ занятъ Персидскою войною. Въ 1639 году кончилась эта война, и султанъ Мурадъ началъ приготовленіе къ походу на Азовъ, но умеръ въ 1640 году, и только въ маѣ 1641 г. наслѣдникъ его, Ибрагимъ 1-й, двинулъ подъ Азовъ 240,000 войска съ сотней осадныхъ орудій. Казаковъ въ городѣ было 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, ибо и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ при защитѣ города; по другимъ извѣстіямъ, осажденныхъ было 14,000 мужчинъ и 800 женщинъ. Предположивъ возможность прихода казаковъ въ Азовъ съ разныхъ сторонъ, вспомнивъ извѣстія изъ Польши, что Остреница и Гуня скрывались также въ Азовѣ, и конечно не одни, мы не можемъ отвергнуть втораго показанія. Какъ бы то ни было, осажденные съ отчаяннымъ мужествомъ отразили 24 приступа: ни одинъ перебѣжчикъ не приходилъ въ станъ турецкій, ни одинъ плѣнникъ, подъ самыми страшными муками, не сказалъ о числѣ защитниковъ Азова. Потерявши 20,000 народа, Турки 26 сентября сняли осаду, веденную дурно при недостаткѣ искусныхъ инженеровъ, при ссорѣ начальниковъ, при скудости жизненныхъ и военныхъ запасовъ.

Казаки прислали въ Москву вѣсть о своемъ торжествѣ, но вмѣстѣ просили помощи, просили чтобъ государь принялъ отъ нихъ Азовъ: „Мы наги, босы и голодны, писали они, запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ, отъ этого многіе казаки хотятъ идти врознь, а многіе переранены". Царь отвѣчалъ: „Мы васъ за эту вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ; пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасовъ нѣтъ, и многіе казаки хотятъ разойтись, а многіе переранены; и мы, великій государь, послали къ вамъ 5,000 рублей денегъ. А что писали къ намъ о городѣ Азовѣ и бить челомъ приказывали, то мы велѣли дворянину нашему и подъячему города Азова досмотрѣть, переписать и на чертежѣ начертить. И вы бы, атаманы и казаки, службу свою, дородство, храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную вѣру христіанскую и за насъ, великаго государя, стояли попрежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны". Но, побуждая казаковъ къ крѣпкостоятельству, царь видѣлъ однако, что дѣло не могло на этомъ остановиться, что надобно было или взять Азовъ подъ Московскую державу и защищать его отъ Турокъ, или отдать его послѣднимъ. Черезъ мѣсяцъ по отосланіи приведенной грамоты на Донъ, 3 января 1642 года Михаилъ созвалъ соборъ, указавъ „выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ среднихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ говорить: изъ большихъ статей человѣкъ по 20 и по 15, и по 10, и по 7, а не изъ многихъ людей человѣкъ по 5 и по 6, и по 4, и по 3, и по 2 человѣка; а кого выберутъ, тѣмъ людямъ принести имена, и имъ про все объявить подлинно". И объявлено, что писали Донцы изъ Азова, просятъ принять городъ отъ нихъ; но въ то же время пришли вѣсти, что самъ великій визирь хочетъ идти весною подъ Азовъ, и если не возьметъ скоро города, то, осадя его крѣпко, хочетъ послать турецкое и крымское войско на Московское государство: „и государю царю за Азовъ съ Турскимъ и Крымскимъ царемъ разрывать ли, и Азовъ у Донскихъ казаковъ принимать ли? Если принимать и съ Турскимъ и съ Крымскимъ разорвать, то ратные люди въ Азовъ, въ польскіе (степные), украинскіе и поволжскіе города надобны будутъ многіе, на городовое азовское

дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны же многія, хлѣбные, пушечные и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не по одинъ годъ;—и такія великія деньги и многіе запасы на тѣ годы гдѣ брать? Стольникамъ, дворянамъ московскимъ и дьякамъ, головамъ, сотникамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ, гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ помыслить о томъ накрѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему, государю, про все то было извѣстно".

Духовенство отвѣчало: „На то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а намъ, государь, все то не за-обычай. Если, государь, по настоящему времени твое царское величество изволитъ рать строить, то мы, твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ ради помогать, сколько силы нашей будетъ". Стольники отвѣчали, что взять Азовъ или не взять, разорвать съ Турскимъ или не разорвать,—въ томъ его государская воля; а ихъ мысль, чтобъ государь велѣлъ быть въ Азовѣ тѣмъ же Донскимъ атаманамъ и казакамъ, а къ нимъ бы въ прибавку указалъ государь послать ратныхъ людей изъ охочихъ вольныхъ людей; сборомъ рати и запасовъ государь распорядиться воленъ, а они, стольники, на его службу готовы, гдѣ имъ государь велитъ быть. Дворяне также не хотѣли садиться въ Азовѣ съ казаками, но, чтобъ не обидѣть послѣднихъ, привели особую причину: „Людей въ Азовъ велѣлъ бы государь прибрать охочихъ въ украинскихъ городахъ изъ денежнаго жалованья, потому что изъ этихъ городовъ многіе люди прежде на Дону бывали и имъ та служба за обычай". Гораздо подробнѣе изложили свое мнѣніе Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій; они сказали, что государю извѣстны неправды Турецкаго султана и Крымскаго хана; послѣдній безпрестанно присягаетъ и безпрестанно измѣняетъ присягѣ; деньги, посылаемыя изъ Москвы въ Крымъ, ничего не помогаютъ; лучше ихъ не посылать, а употребить на жалованье своимъ ратнымъ людямъ. Азовъ надобно удержать, потому что, съ тѣхъ поръ какъ онъ взятъ, татарской войны не было. Послать на подмогу казакамъ охочихъ вольныхъ людей, которымъ сидѣть въ Азовѣ заодно съ казаками подъ атаманскимъ начальствомъ, а государевымъ московскимъ воеводамъ быть въ Азовѣ нельзя, потому что казаки люди самовольные. Для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ пусть государь укажетъ выбрать изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три, да чтобъ государь пожаловалъ, сдѣлалъ при сборѣ денегъ разницу между богатыми и бѣдными: указалъ брать съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми помѣстій и вотчинъ много; а у иныхъ за окладами много лишней земли, да они же ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянуть. Беклемишевъ и Желябужскій заключили свое мнѣніе такъ: „Будетъ Азовъ за государемъ, то Ногай большой, Казыевы и Кантемировы улусы, Горскіе Черкасы, Темрюцкіе, Кженскіе, Бесленеевскіе и Адинскіе будутъ всѣ служить государю; а только Азовъ будетъ за Турками, то и послѣдніе всѣ Ногаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову". Головы и сотники стрѣлецкіе отвѣчали, что во всемъ государева воля,—а мы, холопи его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ". Владимірскіе дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали то же, но прибавили: „А бѣдность нашего города вѣдома ему, государю, и его боярамъ". Нижегородцы, Муромцы и Лушане (жители города Луха) отвѣчали то же, но безъ прибавокъ о бѣдности: „Будетъ ему, государю, годно, и онъ велитъ Азовъ принять; а будетъ не годно, то не велитъ; а гдѣ людей взять въ Азовъ—въ томъ государь воленъ, а гдѣ денегъ взять,—въ томъ его же воля, а бояре вѣчные наши господа промышленники". Но Суздальцы, Юрьевцы, Переяславцы, Бѣличи, Костромитяне, Смольняне, Галичане, Арзамасцы, Новгородцы Великаго Новгорода, Ржевитяне, Зубцовцы, Торопчане, Ростовцы, Пошехонцы, Новоторжцы, Гороховцы сказали: „Тебѣ, благочестивому государю царю, прося, у всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ казаковъ принять, съ Турецкимъ и Крымскимъ царемъ велѣть разрывать, за ихъ многую передъ тобою неправду. Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ Іоанна Предтечи будетъ у нихъ же, бусурманъ: не навесть бы, государь, на Всероссійское государство гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника Іоанна Предтечи и великаго святителя и чудотворца Николы, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой дальній, крѣпкій украинскій городъ, безъ твоей государевой казны и безъ подъема твоихъ большихъ ратныхъ людей! Да они же, великіе свѣтильники, отстояли, подавая свою милость и заступленіе малымъ такимъ людямъ". Дворяне означенныхъ городовъ просили брать даточныхъ людей со всѣхъ обогатѣвшихъ и отяжелѣвшихъ, а съ имуществъ деньги, равно и съ духовныхъ имѣній, а за утайку наказывать, причемъ сказали о дьякахъ: „Твои государева дьяки и подьячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ, отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и домы свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя.—блаженной памяти при прежнихъ государяхъ у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить. А мы, холопи твои, рады за домъ Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ, за истинную православную христіанскую вѣру и за тебя, благочестиваго государя, за твою великую къ намъ милость, противъ нашествія на

твою государскую Землю такихъ нечестивыхъ бусурманъ, работать головами своими и всею душою; а бѣдныхъ насъ холопей своихъ, разоренныхъ, безпомощныхъ, безпомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ вели, государь, взыскать своею милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебя Богъ извѣститъ, чтобъ было чѣмъ твою государеву службу служить. Да вели, государь, взять роспись вотчинамъ и помѣстьямъ у всей своей государевой Земли, у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ и у насъ, холопей своихъ, у всякихъ чиновъ людей, у дьяковъ и у подъячихъ, сколько за кѣмъ крестьянъ, съ большимъ твоимъ государевымъ допросомъ, по твоему крестному цѣлованію; а кто крестьянъ своихъ утаитъ, то вели этихъ утаенныхъ крестьянъ отписать на себя безповоротно. Да вели уложить свое государское уложенье, со сколькихъ крестьянъ служить твою государеву службу безъ денежнаго жалованья; а что у кого будетъ крестьянъ лишнихъ, то вели съ этихъ лишнихъ крестьянъ брать деньги въ свою казну по чему укажешь, ратнымъ людямъ на жалованье. А сколько надобно тебѣ на всякихъ служилыхъ людей,—тѣхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ будетъ: если же тебѣ, государю, казна надобна будетъ вскорѣ, сверхъ твоей казны и того сбора, , вели взять патріархову казну, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, въ монастыряхъ лежачую доловую казну; а съ своихъ государевыхъ гостей, и со всякихъ торговыхъ людей, и со всякихъ черныхъ людей вели съ ихъ торговъ, промысловъ, и прожитковъ взять денегъ въ казну, сколько тебѣ Богъ извѣститъ,—и тутъ объявится казны передъ тобою много. Да вели, государь, приказныхъ своихъ людей, дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ, на Москвѣ и въ городахъ счесть, по приходнымъ книгамъ, чтобъ твоя государева казна безъ вѣдомости у тебя не терялась, и тебѣ была бы въ прибыль ратнымъ твоимъ людямъ на жалованье; а ту свою государеву казну вели сбирать своимъ государевымъ гостямъ и земскимъ людямъ. А которые люди теперь въ твоихъ городахъ по воеводствамъ и по приказамъ у твоихъ дѣлъ, - вели имъ быть на твою службу противъ нечестивыхъ бусурманъ съ большою службою, и тутъ будетъ вся твоя государева Земля готова противъ такихъ неистовыхъ бусурманъ нашествія. То наша, холопей твоихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ мысль и сказка"! То же самое сказали дворяне и дѣти боярскія южныхъ городовъ, прибавили только: „А хотя и отдать Азовъ, тѣмъ бусурманъ не утолить и не задобрить, войны и крови отъ крымскихъ и отъ другихъ поганыхъ бусурманъ не укротить, а турскихъ бусурманъ только пуще того отдачею на себя подвигнуть; лучше, государь, Азовъ тебѣ и всей Землѣ принять и крѣпко за него стоять. Вели брать деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ со всякихъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а но по писцовымъ книгамъ. А мы, холопи твои, съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу противъ твоихъ недруговъ готовы, гдѣ ты укажешь; а разорены мы пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ".

Гости и торговые люди сказали; „Мы, холопи твои, гостишки и гостиной и суконной сотни торговые людишки городовые питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстей и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно безпрестанно, и отъ этихъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца. А будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ, сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти и по шести и больше; а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизилбашцы (Персіяне), которые пріѣзжаютъ въ Москву и въ иные города со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товарами; а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до-конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ пріѣздахъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами между собою; воеводъ въ городахъ не было, воеводы были посыланы съ ратными людьми только въ украинскіе города, для береженья отъ тѣхъ же турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ Татаръ". Подати, необходимыя для настоящей войны, торговые люди полагали на государеву волю и говорили, что рады служить своими головами, за царское здоровье и за православную вѣру помереть: „То за нами, гостишекъ и гостиныя и суконныя сотни торговыхъ людишекъ,—рѣчи". Черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки сказали то же, пожаловались на свое разоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, которыя съ нихъ брали для Смоленскаго похода, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городоваго землянаго дѣла, отъ великихъ податей и отъ цѣловальническихъ службъ: „И отъ такой великой бѣдности", говорили они, „многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ".

Такимъ образомъ, дворяне и дѣти боярскія явно выразили свою готовность къ войнѣ, указывая на необходимость принятія Азова, высказывая опа-

сенія, что въ случаѣ непринятія гнѣвъ небесный можетъ постигнуть Русское царство; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для успѣха дѣла, они требовали сильныхъ мѣръ, требовали прекращенія закоренѣлыхъ злоупотребленій. Торговые люди ясно указывали на свое разореніе. Сильные голоса раздались противъ людей, въ рукахъ которыхъ было рѣшеніе дѣла. Любопытно, что въ выписяхъ, сдѣланныхъ изъ рѣчей, вѣроятно для государя, жалобъ на злоупотребленія не находится. Сильныя возраженія противъ войны найти было легко. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Москву турецкій посланникъ, Мустафа Чилибей. Молдавскій воевода Василій Лупулъ представлялъ царю, какимъ бѣдствіямъ подвергнется русское войско въ случаѣ малѣйшей неудачи подъ Азовомъ; представлялъ, что на казаковъ, народъ вѣроломный и непостоянный, полагаться нельзя, а это въ Москвѣ знали лучше чѣмъ въ Молдавіи; наконецъ воевода увѣдомлялъ, что султанъ поклялся, въ случаѣ войны, искоренить всѣхъ православныхъ въ своихъ владѣніяхъ. По досмотру Азова оказалось, что городъ разбитъ и разоренъ до основанія, скоро его поправить никакъ нельзя и отъ воинскихъ людей защищаться не въ чемъ. На этихъ основаніяхъ, 30 апрѣля царь послалъ казакамъ грамоту съ повелѣніемъ покинуть Азовъ; казаки вышли изъ города, но прежде не оставили въ немъ камня на камнѣ. Огромное турецкое войско, явившееся для новой осады, нашло только груды развалинъ.

Въ Константинополь отправились изъ Москвы послы: дворянинъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Леонтій Лазоревскій съ объявленіемъ, что великій государь съ братомъ своимъ Ибрагимъ-султановымъ величествомъ теперь и впредь хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ ссылкѣ свыше всѣхъ великихъ государей на-вѣки неподвижно, что государская мысль объ этомъ крѣпко утвердилась и слово его никогда не измѣнится. Послы ѣхали по зимнему пути до Воронежа, изъ Воронежа Дономъ на судахъ по полой водѣ. Они повезли Донскимъ казакамъ государева жалованья 2,000 рублей денегъ, кромѣ того сукна, вино и другіе запасы; но должны были везти эти деньги, сукно и вино за свое, провожатымъ должны были заказать накрѣпко не объявлять никому, что везутъ жалованье Донскимъ казакамъ, чтобъ въ Азовѣ про то не узнали; и казакамъ сказать, чтобъ они о присылкѣ жалованья между собою не славили, чтобъ имъ, посламъ, въ Турецкой Землѣ за то утѣсненья и задержки не было. Если же государево жалованье въ Азовѣ не утаится, то посламъ говорить: „Прислано съ нами теперь къ казакамъ государево жалованье небольшое за то, что они государя послушались, изъ Азова вышли, а за другое не за что имъ послать". Если Донскіе казаки станутъ говорить, что имъ жалованья прислано мало, а они государю служатъ и дурнаго отъ нихъ ничего нѣтъ, то отвѣчать, что прислано жалованье съ послами легкимъ дѣломъ, больше послать для скораго отпуску было нельзя, чтобъ они жалованье приняли, государю служили, а онъ впередъ ихъ въ своемъ жалованьи не оставитъ; что имъ уже прежде послано много, впередъ пришлется еще больше, и отъ Турскихъ людей имъ утѣсненья никакого не будетъ: о томъ царское величество въ грамотѣ своей къ султану писалъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, про нихъ же писалъ, что на море ходить и турецкихъ городовъ и мѣстъ воевать не станутъ,— такъ они бы, казаки, задоровъ никакихъ не дѣлали, государя съ султаномъ не ссорили, чтобъ слово государское, которое о нихъ писано къ султану, ложнымъ не объявилось, а имъ, посламъ, за то не было вычетовъ, тѣсноты и задержанья. Въ Константинополѣ послы должны были прежде всего видѣться съ переводчикомъ, Зелфикаромъ-агою, отдать ему государеву грамоту и жалованные соболи, посовѣтоваться съ нимъ о всякихъ тамошнихъ мѣрахъ, какъ бы лучше. Великому визирю Мустафѣ-пашѣ должны были сказать, что служба его и радѣнье великому государю вѣдомы, памятны и впредь забвенны никогда не будутъ; за его службу и радѣнье царское величество прислалъ ему жалованье — десять сороковъ соболей, — и впередъ будетъ присылать, смотря по его службѣ. Впрочемъ послы должны были совѣтоваться съ Цареградскимъ патріархомъ Парѳеніемъ, какъ визирю дать государево жалованье, также и другимъ пашамъ и приказнымъ людямъ, отъ которыхъ можно надѣяться государю службъ и правды. Если визирь и другіе ближніе султановы люди станутъ говорить про Азовъ, что Донскіе казаки взяли его по повелѣнію царскаго величества и помощь имъ государь посылалъ, то отвѣчать: „Вамъ самимъ подлинно извѣстно, что Донскіе казаки издавна воры, бѣглые холопи, живутъ на Дону, убѣжавъ отъ смертной казни, царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, и Азовъ взяли безъ царскаго повелѣнья, помощи имъ царское величество не посылалъ, впередъ за нихъ стоять и помогать имъ государь не будетъ, ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ: хотя бы ихъ всѣхъ, воровъ, государь вашъ Ибрагимъ султанъ въ одинъ часъ велѣлъ побить, то царскому величеству будетъ не досадно, потому что они воры, бѣглые люди, и живутъ въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ. Прежде много разъ государь посылалъ къ нимъ говорить, чтобъ они отъ своего воровства отстали, на море не ходили, турскимъ и крымскимъ городамъ тѣсноты не дѣлали, а въ прошломъ 1632 году государь послалъ усмирить ихъ воеводу Карамышева, а они его убили до смерти". Если скажутъ: „Какъ же вы говорите, что Донскіе казаки государя вашего не слушаются?— когда, послѣ азовскаго взятья, пріѣхали они въ Москву помощи просить, то государь велѣлъ ихъ казнить; и потомъ, когда государь послалъ имъ приказъ покинуть Азовъ, то они покинули. Государь вашъ самъ писалъ къ нашему султану, что велѣлъ казнить смертью тѣхъ казаковъ, которые къ нему пріѣзжали послѣ азовскаго взятья",—отвѣчать: „Государь объ этомъ къ султану никогда не

писывалъ; по дружбѣ къ султану, государь нѣсколько разъ писалъ къ казакамъ, чтобъ они Азовъ покинули, и за то сулилъ имъ жалованье не малое, и въ самомъ дѣлѣ послалъ, когда они Азовъ покинули". Если визирь и паши станутъ говорить: „Когда султановыхъ посланниковъ съ Валуекъ отпустили въ Крымъ, то ихъ проводили только до Сѣвернаго Донца, а до Тора не провожали, и на Торѣ погромили ихъ Запорожскіе Черкасы, изъ которыхъ одинъ, взятый въ плѣнъ, объявилъ, что подвелъ ихъ изъ Святогорскаго монастыря старецъ",—отвѣчать: „Ратныхъ людей, которые не пошли провожать турецкихъ посланниковъ за Сѣверскій Донецъ, государь велѣлъ казнить смертію; Черкасы громятъ не однихъ турецкихъ посланниковъ, но и царскихъ; люди они Польскаго короля, царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ; а вору Черкашенину вѣрить нельзя,—говорилъ онъ про святогорскаго старца, избывая смерти, покрывая свое воровство, и желая поссорить великихъ государей".—Послы должны были отдать патріарху Парѳенію царскую грамоту и пять сороковъ соболей (на 250 рублей), отдать тайно, чтобъ Турскіе люди не свѣдали. Если визирь и паши будутъ ихъ задерживать, дѣлать безчестье и тѣсноту, то имъ совѣтоваться обо всемъ съ патріархомъ Парѳеніемъ, и какъ онъ имъ присовѣтуетъ, такъ и дѣлать, говорить патріарху, чтобъ онъ о царскомъ дѣлѣ промышлялъ, визиря, пашей и ближнихъ людей, которые съ нимъ дружны, наговаривалъ на всякое добро, и приходить къ патріарху для благословенія и для дѣлъ чаще. А если Парѳеній умретъ, то къ новому патріарху приходить не часто и не совѣтоваться съ нимъ ни о чемъ; соболи, которые посланы къ Парѳенію, отдать новому патріарху, если онъ благочестивъ; если же еретикъ,—то не давать ничего и подъ благословеніе не ходить. Александрійскому и Іерусалимскому патріархамъ послано по четыре сорока соболей (по 150 рублей); милостыни на разныя Святыя мѣста послано двадцать сороковъ соболей Кромѣ того, въ запасъ на прибылыхъ людей, на раздачу для государевыхъ дѣлъ и на выкупъ плѣнныхъ, послы повезли соболей на 1,500 рублей, да для всякихъ покупокъ на 3,000. Они должны были давать, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ даромъ никому не дать; выкупу давать за плѣнныхъ:—за дворянъ и дѣтей боярскихъ—отъ 20 до 50 рублей, а за мелкихъ людей, стрѣльцовъ, казаковъ и черныхъ—отъ десяти до двадцати. Наконецъ послы должны были настоять, чтобъ султанъ писалъ титулъ царскій какъ слѣдуетъ, чтобъ не писалъ королемъ, потому что королей на Московскомъ государствѣ никогда не бывало.

Пріѣхавъ на Донъ, послы узнали, что Турскіе люди побрали и сожгли казачьи городки—Манычъ, Яръ, Черкаскъ, людей побили и въ плѣнъ повели; остальные атаманы и казаки перебѣжали въ Верхній Раздорскій городокъ, засѣли тутъ и выбрали въ старшины атамана Ивана Каторжнаго. Послы поѣхали въ Раздоры, отдали казакамъ государеву грамоту и жалованье, и говорили рѣчь по наказу. Казаки отвѣчали, что они государской милости и жалованью рады, но съ Азовцами помириться никакъ нельзя, потому что Турскіе люди ихъ въ конецъ разорили. На третій же день, по пріѣздѣ пословъ въ Раздоры, іюня 6, городокъ этотъ былъ осажденъ Турками и Татарами, которые однако ушли послѣ жестокаго боя съ казаками; послѣдніе помирились съ Азовомъ, и послы отправились въ этотъ городъ, откуда переѣхали въ Константинополь. Здѣсь послы встрѣчены были честно: приказные люди Молдавскаго воеводы Василія прислали имъ барановъ, куръ и овощей на 20 блюдахъ; великій визирь послалъ цареградскихъ овощей 250 блюдъ да 100 хлѣбовъ пшеничныхъ. Чтобъ не раздосадовать визиря, послы ѣздили къ нему прежде представленія султану; переводчикъ Зелфикаръ-ага далъ имъ замѣтить, что визирь не податливъ, что надобно послать большіе подарки любимцу его Резепъ-агѣ; послы отослали Резепъ-агѣ четыре сорока соболей на 215 рублей. Дѣло пошло на ладъ: визирь далъ слово Резепъ-агѣ, что станетъ дѣлать посольскія дѣла такъ, какъ царскимъ посламъ годно. Визирю отослано было десять сороковъ соболей цѣною на 2,000 рублей, и онъ далъ слово, что султанъ будетъ писать государя царемъ съ полнымъ титуломъ. На отпускѣ султанъ сказалъ посламъ: „Скажите великому государю, чтобъ онъ для общей нашей братской дружбы и любви велѣлъ послать свое повелѣніе къ Донскимъ казакамъ, чтобъ они на Черное море не ходили, моихъ селъ и деревень не воевали, людей не побивали и въ полонъ не брали; а я пошлю свою повелѣнье къ Крымскому хану, къ Кафинскому пашѣ и къ Азовскому князю, чтобъ они на украйны государя вашего не ходили и воинскихъ людей не посылали".

Послѣ отпуска, пришелъ къ посламъ переводчикъ Зелфикаръ-ага и сказалъ, что великій визирь про государево посольское дѣло говорилъ все доброе; только онъ, Зелфикаръ-ага, думаетъ, что визирь хочетъ отъ пословъ почести: такъ имъ бы послать къ нему подарокъ немалый. Послы, поблагодаривъ Зелфикара за службу и радѣнье, послали визирю изъ запасныхъ четыре сорока соболей, цѣною въ 345 рублей. Визирь, принявши подарокъ, отвѣчалъ, что онъ радъ служить царскому величеству и его дѣлами промышлять. Хорошія деньги получилъ визирь также и съ Молдавскаго господаря Василія по поводу московскаго дѣла: послы, ничего не подозрѣвая, разсказывали прямо, что Василій писалъ къ государю, уговаривая его не разрывать съ Турками изъ-за Азова; но визирю очень не понравилось извѣстіе о непосредственныхъ сношеніяхъ султанскаго вассала съ единовѣрнымъ государемъ Московскимъ; услыхавъ объ этомъ отъ пословъ, онъ усумнился и молчалъ немалое время, а потомъ послы узнали, что господарь смѣненъ и на его мѣсто назначенъ другой; но у Василія былъ покровитель, Касимъ-ага, названный отецъ визиря; просьба этого Касима была подкрѣплена

тридцатью вьюками ефимковь (15,000), принесенныхъ къ визирю приказчиками Молдавскаго воеводы, и Василій остался на своемъ господарствѣ.

Запасные соболи не остались также безъ дѣйствія: визирь объявилъ посламъ, что грамота къ царю отъ султана уже написана съ полнымъ царскимъ именованьемъ, свыше прежняго; что написаны грамоты къ Крымскому хану, Кафинскому пашѣ и Азовскому князю, чтобъ они не смѣли нападать на московскія украйны; чтобъ Крымскій ханъ отпустилъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ безъ выкупа и наказалъ тѣхъ воровъ, которые приходили войною на московскіе города. Послы были очень довольны; но потомъ начало ихъ мучить безпокойство, правду ли сказалъ визирь; точно ли исполнено главное, начальное дѣло, грамота написана ли съ полнымъ царскимъ именованіемъ? Послали за переводчикомъ Зелфикаромъ: нельзя ли посмотрѣть черновую грамоту? Тотъ отвѣчалъ, что она должна быть у думнаго дьяка: послали къ думному дьяку, обѣщали подарокъ; думный дьякъ отвѣчалъ, что грамота у визиря; опять начали просить Зелфикара, сулить подарки немалые—нельзя ли достать грамоту отъ визиря. Зелфикаръ обѣщалъ подкупить ближнихъ визиревыхъ людей, но возвратился съ отвѣтомъ, что никакими мѣрами достать грамоты невозможно; только бы послы были покойны: онъ справлялся у думнаго дьяка, и тотъ увѣряетъ, что царское именованье написано сполна. Но послы не успокоились, бросились къ патріарху, чтобъ показалъ свою службу и раденье—нельзя ли посмотрѣть черновую грамоту. Патріархъ отвѣчалъ: „Тѣ грамоты видѣть нельзя; но чтобъ послы не сомнѣвались,—титулъ написанъ какъ должно, визирь человѣкъ правдивый, что говоритъ—то и дѣлаетъ“. Наконецъ Арасланъ-ага, назначенный посломъ въ Москву, показалъ Милославскому надпись на султановой грамотѣ: „Въ Іисусовѣ законѣ надъ всѣми великими государями великому государю Московскому, царю всея Руси и обладателю, любительному другу Михаилу Ѳеодоровичу“. Тотъ же Арасланъ долженъ былъ отвезти въ Крымъ, Кафу и Азовъ запретъ воевать московскія области. Что касается до казаковъ, то послы, исполняя наказъ, повторили визирю: „Хотя ихъ всѣхъ воровъ государь вашъ въ одинъ часъ велитъ побить, то царскому величеству это не будетъ досадно“. Визирь сказалъ: „Если вашему великому государю это не будетъ досадно, то нашъ государь съ Донскими казаками управится“. Потомъ спросилъ: „Великому государю вашему своихъ ратныхъ людей на этихъ воровъ послать можно ли, чтобъ ихъ отъ воровства унять?“ Послы отвѣчали: „Когда эти воры были не разорены, то и тогда великому государю своихъ ратныхъ людей посылать было на нихъ нельзя, потому что эти воры, люди многихъ разныхъ государствъ, называясь Донскими казаками, жили въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ, переходя съ мѣста на мѣсто; а теперь и подавно ратныхъ людей посылать не на кого, потому что нынѣшнею весною приходили на ихъ юрты ваши ратные люди, и разорили ихъ безъ остатка; а что эти воры вашими воинскими людьми разорены, то мы тебѣ объявляемъ, что великому государю нашему это не будетъ досадно“. Казаки знали, что Московское правительство въ сношеніяхъ съ Турецкимъ постоянно величало ихъ ворами, и жаловались: „Всегда про насъ такъ пишутъ, называютъ ворами, а службы нашей къ нимъ много. На Дону намъ не житье; подождемъ съ моря нашу братью, если придутъ всѣ поздорову, то мы еще на Дону поживемъ, а если съ моря придетъ немного людей, то намъ на Дону нечего дожидаться, надобно перейти на другое мѣсто; на устьи Яицкомъ поставленъ городъ, мы этотъ городъ сроемъ, станемъ жить на Яикѣ и на море ходить“. Узнавши объ этомъ намѣреніи, царь приказалъ астраханскимъ воеводамъ, что если Донскіе казаки станутъ приходить на Яикъ, то посылать на нихъ ратныхъ людей и промышлять надъ ними всякими мѣрами.

Казаки вмѣшались и въ сношенія съ Персіею. Еще въ іюлѣ 1621 года астраханскіе воеводы дали знать въ Москву, что казаки воруютъ на Каспійскомъ морѣ, служилыхъ, торговыхъ и всякихъ людей грабятъ; атаманъ у нихъ Тренка-Усъ. Въ 1641 году посолъ наслѣдника Аббасова, шаха Сефи, подалъ челобитную царю: „Съ вашей государевой стороны всякіе набродные, худые люди безъименные, бѣглые, собравшись, приходятъ на Гилянскія и на Мазандеранскія мѣста, воюютъ, людей бьютъ, грабятъ, въ полонъ берутъ; то же дѣлаютъ и надъ торговыми людьми, которые ходятъ по морю. Государь нашъ съ вами будетъ стоять на этихъ набродныхъ казаковъ, и мы ихъ изведемъ заодно“. Тутъ же посолъ жаловался на воеводъ, которые притѣсняютъ персидскихъ купцовъ; но не одни воеводы притѣсняли: „Прежнимъ персидскимъ посламъ, говорилось въ челобитной, было позволено торговать, продавать и покупать; ворота были у нихъ отворены, всякихъ чиновъ люди ходили и торговали безъ боязни; а мы сидимъ взаперти, никого къ намъ не пускаютъ. Григорій Никитниковъ намъ приказываетъ, что торговать велѣно съ нимъ однимъ, и мы шаховыхъ товаровъ до сихъ поръ ни на одинъ алтынъ не продали: отъ страху никто къ намъ не ходитъ“. Послу отвѣчали относительно казаковъ, что давно отправленъ царскій указъ воеводамъ,—посылать на казаковъ ратныхъ людей, побивать ихъ, а взятыхъ въ плѣнъ казнить; пусть и шахъ въ своей землѣ этихъ воровъ велитъ ловить и побивать, великій государь за нихъ стоять не будетъ. Что касается до воеводскихъ обидъ, то великому государю неизвѣстно—какія это обиды, въ какихъ городахъ и отъ какихъ именно воеводъ; объявите имена,—и государь велитъ сыскать; и русскимъ купцамъ въ Персіи отъ шаховыхъ воеводъ и приказныхъ людей бываетъ насилье большое. На третью жалобу отвѣчали, что дѣйствительно приказано торговать съ по-

слами гостю Никитникову повольною торговлею: „Неволи вамъ никакой нѣтъ; товары вы у Никитникова смотрѣли и свои казали, а не торгуете и замедленіе себѣ дѣлаете неизвѣстно для чего". Но Персіянинъ никакъ не могъ понять повольной торговли съ однимъ человѣкомъ: „Говорилъ я приставамъ прежде много разъ и теперь сказываю то же: не умѣть мнѣ съ Григорьемъ Никитниковытъ торговать; поставлена у него товарамъ цѣна большая, а я шаховой казны потерять даромъ и безъ головы быть не хочу." Посолъ настоялъ на своемъ и получилъ повольный торгъ со всякими людьми, подъ условіемъ только торговать на посольскомъ дворѣ, а не по улицамъ.

Мы видѣли, что царь, въ качествѣ номинальнаго повелителя Грузіи, требовалъ отъ шаха Абасса, чтобы тотъ не опустошалъ этой несчастной страны. Шахъ отвѣчалъ, что онъ готовъ уступить Грузію Московскому государю и возвратить Грузинскому царю Теймуразу его семейство, если тотъ оставитъ сторону Турокъ. Михаилъ велѣлъ объявить объ этомъ послу Теймуразову, епископу Ѳеодосію, бывшему тогда въ Москвѣ (1624 г.), и прибавить, что царское величество не можетъ разорвать съ шахомъ, не можетъ и помочь Теймуразу деньгами, потому что казна истощена Польскою войною. Въ 1636 году пріѣхалъ въ Москву изъ Грузіи Никифоръ, протосинкелъ и архимандритъ, который объявилъ о желаніи Теймураза быть въ подданствѣ у государя, вслѣдствіе чего, послѣ долгихъ разсужденій и освѣдомленій, весною 1637 года, отправились въ Грузію князь Ѳедоръ Волконскій, дьякъ Артемій Хватовъ и пятеро духовныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы привести Теймураза къ крестному цѣлованью. Съ посланными отправились два иконописца и столяръ съ матеріалами, желѣзомъ, красками. Пріѣхавши въ Грузію, Волконскій нашелъ страну въ самомъ жалкомъ положеніи: послѣ недавняго опустошенія, причиненнаго Персіянами, у Теймураза осталась во владѣніи одна только Кахетія. Цѣль посольства была достигнута, Теймуразъ цѣловалъ крестъ царю Михаилу, причемъ посолъ успѣлъ уклониться отъ всякихъ обязательствъ со стороны царя. Таймуразъ просилъ, чтобъ царь приказалъ построить крѣпость въ горахъ для удержанія Кумыковъ отъ нападенія на Грузію, просилъ также прислать лѣкаря и рудознатца. Съ отвѣтомъ былъ посланъ въ Грузію въ 1641 г. князь Евѳимъ Мышецкій, который долженъ былъ объявить Теймуразу, что въ настоящее время крѣпости построить никакъ нельзя: въ Москвѣ помнили несчастную участь русскаго войска въ горахъ при Годуновѣ; лѣкарь былъ присланъ, касательно же рудознатца Мышецкій объявилъ, чтобъ Теймуразъ прежде прислалъ въ Москву обращики минераловъ, добываемыхъ въ его странѣ; наконецъ Мышецкій долженъ былъ вручить Теймуразу 20,000 ефимковъ, кромѣ соболей.

Но въ это время, послѣднее время жизни, вниманіе царя Михаила особенно занимали два тяжелыя дѣла, по отношенію къ Даніи и Польшѣ. Мы видѣли, что прежнія сношенія съ Даніею кончились ничѣмъ по причинѣ споровъ о томъ, на какомъ мѣстѣ ставить королевское имя. Въ началѣ 1637 года пріѣхалъ въ Москву гонецъ Голмеръ съ грамотами короля Христіана IV, который просилъ отпустить въ Данію кости королевича Іоанна; просьба была исполнена; а чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ рѣшили послѣдовать примѣру Годунова, вызвать изъ Даніи же принца въ женихи для старшей дочери царской, Ирины Михайловны. 9-го іюня 1640 года потребованъ былъ въ Посольскій приказъ Датскаго короля приказчикъ Петръ Марселисъ и допрашиванъ, сколько дѣтей у Датскаго короля и какихъ лѣтъ. Марселисъ объявилъ, что у Христіанъ IV два сына отъ первой жены: одинъ, наслѣдникъ престола, уже женатый, другой помолвилъ жениться; но есть еще третій сынъ Волмеръ (Вальдемаръ) отъ другой вѣнчальной же жены (отъ графини Мункъ, на которой король былъ женатъ съ лѣвой руки); этому принцу 22 года; король съ матерью его не живетъ будто бы за то, что хотѣла его портить, но сына своего Вальдемара король любитъ. Въ ноябрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика иностранца Ивана Ѳомина, съ жалобою на герцога Голштинскаго, который не исполнялъ условій договора относительно персидской торговли; этому Ѳомину велѣно было провѣдывать подлинно тайнымъ обычаемъ, сколько у короля дѣтей отъ вѣнчальныхъ прямыхъ женъ, отъ королевъ, и сколько не отъ прямыхъ женъ, и въ какихъ чинахъ у него эти дѣти. Провѣдать допряма про королевича Волмера, сколько ему лѣтъ, каковъ собою, возрастомъ, станомъ, лицомъ, глазами, волосами, гдѣ живетъ, какимъ наукамъ, грамотамъ, языкамъ обученъ; каковъ умомъ и обычаемъ, и нѣтъ ли въ немъ какой болѣзни или увѣчья и не сговоренъ ли гдѣ жениться; чья дочь его мать, жива ли, и какъ живетъ. Промышлять, чтобъ королевича Волмера видѣть ему самому и персону его написать подлинно на листъ или на доску, безъ приписи, прямо, промышлять этимъ, подкупя писца (т.-е. живописца), хотя бы для этого въ Датской Землѣ и помѣшкать недѣлю или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь, только бы непремѣнно провѣдать до-пряма, во что бы то ни стало, давать не жалѣя; а для прилики, чтобъ не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и другихъ сыновей его.

Иванъ Ѳоминъ, возвратившись изъ Даніи, подалъ записку, что королевичъ Волмеръ 20 лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ по-латыни, по-французски, по-итальянски, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ; самъ онъ, Ѳоминъ, видѣлъ, какъ королевичъ пушку къ цѣли приводилъ; мать его, Христина, больна; отецъ ея былъ бояринъ и рыцарь большой, именемъ Людвигъ Мункъ, и мать ея также боярыня большаго родства. Относительно

портретовъ Ѳоминъ доносилъ: „Присылалъ за мною Копенгагенскій державца Ульфелтъ и говорилъ: „Слухъ до меня дошелъ, что ты подкупаешь, чтобъ тебѣ написали портреты короля и королевичей подлинно, безъ приписи; но ты самъ знаешь, что это невозможное дѣло, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и на нихъ глядѣть; но государь нашъ на то соизволилъ, велѣлъ себя и королевичей своихъ написать и послать къ вашему государю". Послѣ этого Ульфелтъ спросилъ: „Зачѣмъ это государю вашему нужны портреты?" Ѳоминъ отвѣчалъ: „Государевы мысли въ Божіихъ рукахъ: мнѣ неизвѣстно". Потомъ королевскій секретарь повторилъ тотъ же вопросъ и прибавилъ: „Если государю вашему королевичъ Волмеръ надобенъ для воинскаго дѣла, то король отпуститъ его къ царскому величеству". Лѣтомъ 1641 года дали знать въ Москву, что ѣдетъ къ государю необыкновенное посольство изъ Даніи: въ послахъ ѣдетъ королевичъ Вальдемаръ, графъ Шлезвигъ-Голштинскій, а вторымъ посломъ Григорій Краббе. Сдѣланы были распоряженія объ особенныхъ почестяхъ; во всѣхъ городахъ воеводы ѣздили къ графу Вальдемару челомъ ударить. Въ Москвѣ пословъ помѣстили на дворѣ думнаго дьяка Ивана Грамотина, въ Китаѣ-городѣ, причемъ велѣно палаты, поварню, всѣ хоромы и конюшню осмотрѣть, вычистить, худыя мѣста починить, столы, скамьи и окончины поставить, навозъ и щепы со двора свозить и посыпать на дворѣ пескомъ; у средней палаты двери были желѣзныя, а мосту передъ нею и всходу не было,—такъ велѣно было сдѣлать мостъ съ перилами и лѣстницу, колодезь вычистить; въ двухъ палатахъ, да въ покоевой задней деревянной горницѣ лавки и скамьи обиты были сукнами червчатыми; да въ тѣхъ же палатахъ и въ горницѣ, гдѣ стоялъ графъ Вальдемаръ, одинъ столъ покрытъ былъ ковромъ, а три сукнами червчатыми багрецовыми. Приставамъ данъ былъ наказъ: „Вы бы разсмотрѣли всякими мѣрами подлинно, и у дворянъ и у посольскихъ людей въ разговорахъ тайно развѣдали, какъ графа Вальдемара посолъ Краббе, дворяне и посольскіе люди почитаютъ, государскимъ ли обычаемъ или рядовымъ обычаемъ?" Приставы отвѣчали, что Краббе передъ графомъ шляпу временемъ снимаетъ, по дорогѣ ѣдучи, и въ шляпѣ съ нимъ говоритъ, за обѣдомъ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ; думные и дворяне графа почитаютъ, говорятъ съ нимъ всѣ снявши шляпы и въ разговорѣ съ нимъ называютъ его королевичемъ, а не посломъ, и во всемъ его почитаютъ государскимъ обычаемъ.

Посольство было принято обыкновеннымъ образомъ, потому что въ грамотѣ королевской Вальдемаръ былъ написанъ посломъ, а не королевичемъ; просьба Вальдемара, чтобъ позволено ему было представиться въ шпагѣ, не была исполнена, хотя онъ и говорилъ, что будетъ терпѣть за это вѣчный позоръ. Въ отвѣтѣ съ боярами Вальдемаръ потребовалъ повольной торговли для датскихъ купцовъ по всему Московскому государству. Бояре отвѣчали: пусть датскіе купцы пріѣзжаютъ по пяти и и по шести человѣкъ и торгуютъ свальнымъ товаромъ, а не порознь, съ обычными пошлинами. Вальдемаръ просилъ позволенія устроить прядильню для канатнаго дѣла; бояре отвѣчали: безъ смолы прядильнѣ быть нельзя, а смоляной промыслъ отданъ на откупъ съ 1636 года; когда же урочные откупные годы отойдутъ, то государь велитъ смоляной откупъ отдать датскимъ людямъ такъ-же на урочные годы. Вальдемаръ просилъ позволенія Датчанамъ строить дворы и церкви, и получилъ отвѣтъ, что дворъ у датскихъ купцовъ въ Москвѣ есть, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Архангельскѣ пусть купятъ дворы или поставятъ на посадѣ, но кирхамъ не быть; также чтобъ и русскимъ купцамъ было позволено имѣть свои дворы въ Даніи. Вальдемаръ требовалъ, чтобъ позволено было Датчанамъ имѣть въ Москвѣ агентовъ и приказчиковъ;—позволено имѣть одного агента. Требовалъ, чтобъ съ разбитыхъ кораблей вещи сыскивались и возвращались хозяевамъ, а перевемъ былъ бы мирный, безъ десятины;—согласились съ замѣчаніемъ, что и прежде никогда десятины не брали. Требовалъ позволенія учредить компанію датскихъ купцовъ дла исключительной торговли въ Россіи кожами и юфтью, за что компанія надбавитъ пошлинъ; прежде бралось по 4 со 100, а Датчане будутъ платить по 7 со 100. Бояре отвѣчали, что такой невольной торговлѣ быть непригоже: царскаго величества подданнымъ въ томъ будетъ оскорбленье. Вальдемаръ требовалъ позволенія для Датчанъ покупать ежегодно 1,000 ластовъ хлѣба для Даніи и столько же для Норвегіи; ему отвѣчали, что въ Россійскомъ государствѣ былъ хлѣбный недородъ не по одинъ годъ, и свои люди хлѣбомъ еще не наполнились, а если впередъ будетъ урожай, то позволеніе дадутъ. Послѣ этоихъ переговоровъ хотѣли писать грамоты на вѣчное докончаніе, но тутъ опять неодолимое препятствіе: Вальдемаръ требовалъ, чтобъ въ датской грамотѣ имя королевское было написано прежде царскаго, бояре не согласились,—и послы попрежнему поѣхали ни съ чѣмъ.

Въ октябрѣ 1641 году уѣхали датскіе послы, а въ апрѣлѣ 1642 году въ Москвѣ признали за нужное отправить въ Данію посольство съ важнымъ дѣломъ. Отправлены были извѣстный уже намъ окольничій Степанъ Матвѣичъ Проестевъ и дьякъ Иванъ Патрикѣевъ для заключенія докончанія, причемъ должны были отвезти подарки королевичу Вальдемару; въ запасъ дано имъ было соболей на 2,000 рублей, велѣно расходовать, смотря по тамошнему дѣлу, искрѣнка, безъ чего быть нельзя, чтобъ государское дѣло совершать добромъ. Это государское дѣло состояло въ предложеніи брачнаго союза между королевичемъ Вальдемаромъ и царевною Ириною Михайловною. Тайный наказъ посламъ по этому дѣлу говорилъ: „Если спросятъ, есть ли съ ними персона царевны?"—отвѣчать: „У нашихъ великихъ госуда-

рей Россiйскихъ того не бываетъ, чтобъ персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужiя государства возить, да и въ Московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другiе бояре и всякихъ чиновъ люди, не видаютъ". Послы были приняты въ Данiи не очень ласково; когда они на представленiи королю, по обычаю, сказали, что великiй государь велѣлъ королю поклониться, про свое государское здоровьи сказать, и брата своего здоровье видѣть, то король на это смолчалъ, про государское здоровье не спросилъ и не всталъ. Послы, не подавая царской грамоты, долго стояли молча, все ждали, что король встанетъ и спроситъ про государево здоровье; наконецъ Проестевъ сказалъ, что они ждутъ исполненiя обычая; тогда король велѣлъ канцлеру сказать, что радъ слышать про здоровье своего брата. Послы отвѣчали на это, что царь про королевское здоровье спрашивалъ самъ, вставши; король спросилъ ихъ: „Какъ были у вашего государя наши послы, то имъ у васъ что дѣлали?" Проестевъ отвѣчалъ: „Когда были ваши послы у нашего государя, то государь нашъ у вашего королевскаго величества чести не умалялъ, а мы теперь видимъ тому противное". Король всталъ, снялъ шляпу и самъ спросилъ про государево здоровье.

Начались переговоры, начались съ вопроса: кого прежде писать въ грамотахъ? Канцлеръ сказалъ: „Этому дѣлу по вашей мѣрѣ не быть; государь нашъ во всей Европѣ никакому государю своей чести не уступитъ, и такою дорогою цѣною ни у котораго государя дружбы купить не хочетъ". И опять дѣло о докончанiи кончилось ничѣмъ. Началось другое дѣло: послы стали говорить о государственныхъ великихъ дѣлахъ, что великiй государь хочетъ быть съ его королевскимъ величествомъ въ прiятельствѣ, крѣпкой дружбѣ, любви и соединенiи свыше всѣхъ великихъ государей, и для того велѣлъ его королевскому величеству объявить, что его государской дщери, царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, приспѣло время сочетаться законнымъ бракомъ, и вѣдомо ему, великому государю, что у Датскаго Христiануса короля есть доброродный и высокорожденный его королевскiй сынъ, королевичъ Вальдемаръ-Христiанъ, графъ Шлезвигъ-Голштинскiй. И если его королевское величество захочетъ быть съ нимъ, великимъ государемъ, въ братской дружбѣ на-вѣки, то онъ бы позволилъ сыну своему государскую дщерь взять къ сочетанiю законнаго брака". Ближнiе королевскiе люди спросили: „Какъ великiй государь графа Вальдемара хочетъ имѣть у себя въ присвоеньи и въ какой чести; какiе именно города и села дастъ ему на содержанiе?" Послы отвѣта на это не дали по неимѣнiю наказа; о вѣрѣ же сказали, что Вальдемаръ долженъ креститься въ православную вѣру Греческаго закона. На это послѣдовалъ отказъ, и послы по обоимъ дѣламъ отпущены ни-съ-чѣмъ. Вальдемара въ это время не было въ Копенгагенѣ; послы отправили къ нему царскiй подарокъ—пять сороковъ соболей. Когда уже они получили отпускъ, то Вальдемаръ прiѣхалъ въ Копенгагенъ и пришелъ къ нимъ бить челомъ за государское жалованье. „Теперь", говорилъ онъ, „я милость государя вашего къ себѣ незабытную вижу, потому что пожаловалъ меня своимъ государскимъ многимъ жалованьемъ". Послы королевича почитали и говорили, чтобъ сѣлъ, но королевичъ говорилъ: „Когда вы, послы, сядете, то и я съ вами сяду". Послы отвѣчали: „Ты государскiй сынъ, мы по указу государя нашего тебя почитаемъ, тебѣ, по твоему достоянью, добро пожаловать сѣсть, и мы съ тобою сядемъ". Королевичъ сѣлъ посерединѣ стола, а по-конецъ не сѣлъ. О сватовствѣ онъ сказалъ: „Отецъ все мнѣ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ; съ вами много говорить не позволено, да и нечего; во всемъ положился я на волю отца своего".

Проестева и Патрикѣева ждалъ дурной прiемъ въ Москвѣ; ихъ обвинили, что великое дѣло дѣлали не по наказу. Въ наказѣ было сказано: радѣть и промышлять всякими мѣрами, уговаривать и дарить кого надобно; а послы, услыхавши первый отказъ, сейчасъ же уѣхали, съ государемъ не обославшись; для государева дѣла послана была съ ними казна, соболи, давать было что, а они соболи раздавали для своей чести, а не для государева дѣла; съ ближними королевскими людьми говорили самыми короткими словами, что къ дѣлу не пристало, многихъ самыхъ надобныхъ дѣлъ не говорили, и ближнимъ королевскимъ людямъ во многихъ статьяхъ были безотвѣтны. Въ сентябрѣ возвратились Проестевъ съ Патрикѣевымъ въ Москву; въ декабрѣ государь отправилъ въ Данiю датскаго же коммисара Петра Марселиса, „вѣря ему въ такомъ великомъ дѣлѣ, потому что его, Петровъ, отецъ Гаврiилъ и самъ онъ, Петръ, прежде ему, великому государю, служили вѣрно: какъ былъ въ Польшѣ и Литвѣ отецъ его, государевъ, то Гаврила Марселисъ о его государскомъ освобожденьи радѣлъ и всякими мѣрами промышлялъ, да и другiя ихъ, Гаврилы и Петра, къ великому государю многiя и вѣрныя службы были". Марселисъ долженъ былъ объявить королю, что прежнiе послы, Проестевъ и Патрикѣевъ, говорили не по царскому наказу и не противъ ближнихъ людей вопроса о вѣрѣ и крещеньи говорили и дѣлали нерадѣньемъ; имъ велѣно было изъ Копенгагена отписать къ его царскому величеству, если объявится какое-нибудь затрудненiе; но они ни о чемъ не писали и сами прiѣхали, не сдѣлавъ ничего; за это царское величество положилъ на нихъ опалу. Великiй государь станетъ королевскаго сына держать у себя въ ближнемъ прiятельствѣ и въ государской большой чести, какъ государскаго сына и своего зятя; ближнiе и всякихъ чиновъ люди Россiйскаго государства будутъ его, королевича, почитать большою честiю, и будетъ онъ обдаренъ всѣмъ: города, села и денежная казна будетъ у него многая; государь велѣлъ дать ему го-

рода большіе, Суздаль и Ярославль съ уѣздами и другіе города и села, которые ему, королевичу, будутъ годны. Въ вѣрѣ неволи не будетъ королевичу; а въ православную христіанскую вѣру Греческаго закона крещеніе всѣмъ людямъ—даръ Божій, кого Богъ приведетъ, тотъ и приметъ; а воля Божія свыше человѣческой мысли и дѣла. Которые ближніе и дворовые люди будутъ при королевичѣ и захотятъ служить при его дворѣ, тѣмъ всѣмъ государская милость будетъ во всемъ по ихъ достоинству, а неволи имъ ни въ чемъ не будетъ

Марселису нужно было преодолѣть разнаго рода трудности, опровергнуть разныя возраженія; но онъ радѣлъ и промышлялъ всякими мѣрами. Такъ многіе люди въ Датской Землѣ говорили: „Какъ это королевичу ѣхать въ Москву, къ дикимъ людямъ, тамъ ему быть на-вѣки въ холопствѣ, и что обѣщаютъ, того не исполнятъ, можно ему прожить и отцовскимъ жалованьемъ" Говорили это тѣ люди, которымъ хотѣлось, чтобъ Вальдемаръ женился на дочери Чешскаго короля (несчастнаго Фридриха Пфальцскаго). Марселисъ отвѣчалъ имъ: „Еслибъ въ Москвѣ люди были дикіе, то я бы столько лѣтъ тамъ не жилъ и впередъ не искалъ чтобъ тамъ жить; хорошо, еслибъ и въ Датской Землѣ былъ такой же порядокъ, какъ въ Москвѣ. Никто не можетъ доказать, чтобъ царь не исполнилъ того, что обѣщалъ: слово свое онъ держитъ крѣпко не только христіанскимъ государямъ, но и бусурманскимъ".—Королевскіе ближніе люди говорили: „Въ Москвѣ многіе бояре не хотятъ, чтобъ царь выдавалъ дочерей своихъ за государскихъ сыновей для того, чтобъ имъ самимъ быть у царя въ родствѣ". На это Марселисъ отвѣчалъ: „Московскій государь самодержецъ и дѣлаетъ все по своей волѣ, а знаютъ про это великое дѣло ближніе большіе бояре". Шведы и Голландцы внушали: „Сперва королевичу въ Москвѣ будетъ большая честь, чтобъ отвести его отъ лютеранской вѣры, а если онъ на это не согласится, то и перестанутъ его почитать". Марселисъ отвѣчалъ, что Шведы и Голландцы нарочно говорятъ, не желая такого великаго дѣла; начато оно съ добрымъ разсужденіемъ, добромъ и кончится. Наконецъ самъ Вальдемаръ, вывезя изъ прежней поѣздки своей въ Москву очень непріятныя воспоминанія, обнаружилъ сильное нежеланіе ѣхать въ другой разъ туда женихомъ, а согласился только изъ боязни разсердить короля-отца. Онъ упрашивалъ Марселиса, чтобъ все честно дѣлалось; Марселисъ увѣрялъ, что все будетъ хорошо: „Если вамъ будетъ дурно, то и мнѣ будетъ дурно же, моя голова будетъ въ отвѣтѣ", говорилъ ему Марселисъ. — „А какая мнѣ будетъ польза въ твоей головѣ, когда мнѣ дурно будетъ?" отвѣчалъ королевичъ, и прибавилъ: „Видно уже такъ Богу угодно, если король и его думные люди такъ уложили; много я на своемъ вѣку постранствовалъ, и такъ воспитанъ, что умѣю съ людьми жить, уживусь и съ лихимъ человѣкомъ, а такому добронравному государю какъ не угодить!"

Король объявилъ Марселису условія, на которыя должны были предварительно отвѣчать въ Москвѣ: 1) Въ вѣрѣ королевичу неволи не будетъ и церковь ему будетъ поставлена по его закону На это въ Москвѣ отвѣчали, что королевичу и его двору въ вѣрѣ и законѣ неволи никакой не будетъ: а о томъ, чтобъ дать мѣсто для кирхи, договоръ будетъ съ королевскими послами, которые пріѣдутъ съ графомъ Вальдемаромъ въ Москву. 2) Чтобъ королевичу отъ всѣхъ, высокаго и низкаго, духовнаго и мірскаго чина почитаемому быть царскимъ зятемъ; чтобъ ему надъ собою никакого начальства не имѣть, кромѣ великаго государя и сына его, государя царевича,—ихъ онъ будетъ почитать своими государями, а больше никого. На это условіе послѣдовало согласіе. 3) Королевичу и его прямымъ наслѣдникамъ обѣщанные города имѣть во-вѣки безъ помѣшки; если Вальдемаръ умретъ безъ наслѣдниковъ, то Ирина наслѣдуетъ эти города въ пожизненное владѣніе; если же великій государь, кромѣ городовъ и земель, изволитъ дать денежное приданое, то это честнѣе и славнѣе будетъ.—Послѣдовало согласіе съ прибавкою: „Если послѣ Вальдемара останутся наслѣдники, то имѣнія графа въ Датской Землѣ должны быть за Ириною и за его наслѣдниками; также мы, великій государь, приданое—всякія утвари и деньгами всего на 300,000 рублей дать изволили. 4) Кромѣ городовъ, давать королевичу на дворовое содержанье, ибо неизвѣстны доходы съ городовъ. *Отвѣтъ:* Съ назначенныхъ городовъ собирается доходу много, а если окажется мало на дворовое содержаніе, то мы прибавимъ городовъ и селъ. 5) Королевичъ будетъ одѣвать свой дворъ по своей волѣ; вольно ему слугъ принимать изъ Датской Земли и отпускать назадъ. Послѣдовало согласіе, причемъ опредѣлено, чтобъ королевичъ взялъ съ собою въ Москву 300 человѣкъ.

Когда Марселисъ съѣздилъ съ королевскими условіями въ Москву, и привезъ на нихъ удовлетворительныя отвѣтныя статьи за государскою печатью, то Вальдемаръ съ двума послами, Олавомъ Пассбиргомъ и Стрено Билленомъ, въ октябрѣ 1643 года отплылъ изъ Копенгагена въ Данцигъ, чтобъ черезъ Польскія, а не черезъ Шведскія, владѣнія достигнуть Москвы; въ Вильнѣ онъ былъ принятъ съ большою лаcкою и честію королемъ Владиславомъ и удивилъ польскихъ придворныхъ отличнымъ знаніемъ французскаго и итальянскаго языковъ.

Въ декабрѣ 1643 года Вальдемаръ переѣхалъ русскую границу, и былъ встрѣченъ подъ Псковомъ бояриномъ княземъ Юрьемъ Сицкимъ и дьякомъ Шпулинымъ. Во Псковѣ встрѣтилъ его воевода; гости и посадскіе лучшіе люди встрѣтили его съ дарами—съ хлѣбами, соболями и золотыми: соболей было два сорока и сто золотыхъ. Вальдемаръ сначала на хотѣлъ брать даровъ; но когда дьякъ

Шипулинъ, по государеву указу, замѣтилъ ему, что онъ этимъ оскорбитъ Псковичей, то принялъ. Сицкому наказано было: „Королевичу Вальдемару Христіанусовичу всякое береженье и честь держать великую, здоровье его отъ Русскихъ и отъ всякихъ людей остерегать накрѣпко". Но ото всѣхъ непріятностей остеречь было нельзя: такъ въ Опочкѣ испортили у королевича возокъ, вырѣзавъ бархатъ у дверей. Въ Новгородѣ была королевичу такая же встрѣча, что и во Псковѣ. Въ Москвѣ, куда королевичъ въѣхалъ 21 января 1644 года, поднесли ему хлѣбы и дары московскіе, голландскіе и англійскіе гости и торговые люди, а Вальдемаръ жаловалъ ихъ къ рукѣ. Когда королевичъ пріѣхалъ во дворецъ (28 января), то среди Грановитой палаты, перешедши столпъ, встрѣтилъ его царевичъ Алексѣй Михайловичъ, а явилъ царевича Вальдемару бояринъ князь Львовъ; царевичъ спросилъ гостя о здоровьи, подалъ ему руку, и потомъ пошелъ съ королевичемъ вмѣстѣ по правую сторону. Тотъ же бояринъ, князь Львовъ, явилъ королевича государю, который сошелъ съ своего мѣста, подалъ королевичу руку (витался) и спросилъ о здоровьи. Королевичъ на государевомъ жалованьи билъ челомъ и правилъ поклонъ отъ короля, отца своего, сперва государю, потомъ царевичу Алексѣю Михайловичу. Послы королевскіе говорили рѣчь: „Его королевское величество, во имя Св. Троицы, послалъ своего любительнаго сына, графа Вальдемара-Христіана къ его царскому величеству, чтобъ ему, по царскаго величества хотѣнью и прошенью, законъ принять (вступить въ бракъ) съ царскаго величества дочерью, великою княжною Ириною Михайловною. Король проситъ, чтобъ его царское величество изволилъ для большей вѣрности и укрѣпленія договоръ о сватаньи крестнымъ цѣлованьемъ при его королевскихъ послахъ укрѣпить и письмо дать; такъ-же принять и почитать королевскаго сына, какъ своего сына и зятя, а король накрѣпко наказалъ сыну своему царское величество какъ отца почитать, достойную честь и службу воздавать". Думный дьякъ отъ царскаго имени отвѣчалъ; „Желаемъ, чтобъ Всесильный Богъ великое и добро начатое дѣло къ доброму совершенью привелъ; хотимъ съ братомъ нашимъ, его королевскимъ величествомъ, быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, а королевича Вальдемара Христіанусовича хотимъ имѣть въ ближнемъ присвоеніи, добромъ пріятельствѣ и почитать, достойную честь ему воздавать, какъ есть своему государскому сыну и зятю".

3 февраля датскіе послы были въ отвѣтѣ съ боярами—княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, княземъ Юріемъ Андреевичемъ Сицкимъ, окольничимъ Васильемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ, да съ дьяками Григоріемъ Львовомъ и Михайлою Волошениновымъ. Послы говорили о вѣчномъ докончаньи по статьямъ: 1) Подтвердить старинные договоры о мирѣ, соединеніи и вольности торговаго промысла. 2) Датскимъ и норвежскимъ купцамъ производить безпрепятственную торговлю по всѣмъ мѣстамъ Московскаго государства и заводить прядильни. 3) Позволить Датчанамъ имѣть свои кирхи и дворы. 4) Вольно королю ставить агентовъ и приказчиковъ, въ какихъ городахъ будетъ надобно. 5) Въ случаѣ кораблекрушенія, отдавать товары владѣльцу ихъ безпошлинно, а тому, кто ихъ перейметъ, давать за береженье умѣренную плату. 6) Вольно королевскимъ подданнымъ покупать въ Россіи хлѣба ластовъ 1,000 или больше, или меньше; также и въ Норвежскую Землю вывозить постольку же. 7) Такъ какъ между великимъ государемъ и королемъ Польскимъ идутъ споры и ссоры о порубежныхъ дѣлахъ, то король Датскій берется быть посредникомъ. 8) Что касается до церковныхъ чиновъ при вѣнчаніи королевича съ царевною, то они, послы, надѣются, что все будетъ устроено къ чести Бога Вышняго. 9) Послы надѣются, что все договоренное съ Петромъ Марселисомъ будетъ подтверждено. 10) Хотятъ они знать, на которомъ мѣстѣ будетъ поставлена церковь для королевича, и на которомъ мѣстѣ будетъ у него дворъ и дворовый чинъ. 11) Король приказалъ имъ развѣдать, сколько доходовъ съ городовъ Суздаля и Ярославля, чтобъ знать, можно ли будетъ королевичу и его наслѣдникамъ этими доходами дворовый чинъ свой содержать, и если нельзя, то чтобъ государь, по своему обѣщанію, доходовъ прибавилъ, иначе королевичъ войдетъ въ долги. 12) Какимъ образомъ королевичу и его наслѣдникамъ города и земли въ своихъ титулахъ, гербахъ и печатяхъ имѣть? 13) Какъ будетъ поступлено въ случаѣ смерти королевича или жены его? 14) Въ королевскихъ грамотахъ имя короля Христіана должно писаться выше царскаго.

4 февраля государь посѣтилъ королевича, который жаловался ему на неправду Шведовъ, вторгнувшихся въ Голштинію мимо договора. „Поэтому", говорилъ Вальдемаръ, „всѣмъ государямъ можно знать правду Шведовъ и отъ нихъ беречься; особенно же надобно крѣпко беречься отъ нихъ царскому величеству; объ этомъ онъ, королевичъ, напоминаетъ государю потому, что пріѣхалъ быть съ нимъ въ родственномъ союзѣ, онъ государю и всему Россійскому государству добра хочетъ, потому что если государю будетъ хорошо, то и ему хорошо" Михаилъ Ѳеодоровичъ отвѣчалъ: „Есть такъ, что правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего; только до сихъ поръ ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало и у меня съ Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ". Королевичъ сказалъ на это: „А какую они неправду Московскому государству сдѣлали? призваны были на помощь отъ царя Василія, и объявились злыми врагами".

8 февраля, по царскому приказу, патріархъ Іосифъ (преемникъ Іоасафа) прислалъ къ королевичу бывшаго въ Швеціи резидентомъ Димитрія Францбекова съ такою рѣчью: „Великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ великому государю нашему для соче-

танья законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною; и вамъ бы, государскому сыну, съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицею и ихъ благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрою соединиться". Королевичъ отвѣчалъ, что ему принять вѣру Греческаго закона никакъ нельзя; не будетъ онъ дѣлать ничего мимо договора, который заключенъ Петромъ Марселисомъ. Если Марселисъ царю обѣщалъ на словахъ, что онъ, королевичъ, перемѣнитъ вѣру, а королю Христіану и ему, Вальдемару, не сказалъ, то онъ солгалъ, обманулъ, и за это ему отъ короля Христіана и отъ него, королевича, не пробудетъ. Если бы онъ, королевичъ, зналъ, что будетъ рѣчь о вѣрѣ, то онъ бы изъ своей Земли не поѣхалъ. И если теперь царское величество не изволитъ дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, то пусть прикажетъ отпустить его, королевича, назадъ къ королю Христіану съ честію. Францбековъ отвѣчалъ, что Марселису не было наказано говорить и рѣшать дѣло о вѣрѣ; теперь ему, королевичу, назадъ въ свою Землю ѣхать нечестно, и онъ бы не оскорблялся, а гораздо помыслилъ, да не угодно ли ему поговорить о вѣрѣ отъ книгъ съ духовными людьми. Королевичъ отвѣчалъ: „Я самъ грамотенъ лучше всякаго попа, библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; а если царю и патріарху угодно поговорить со мною отъ книгъ, то я говорить и слушать готовъ".

13 февраля былъ королевичъ у царя въ комнатѣ, и Михаилъ обратился къ нему съ такими словами: „Послы королевскіе у насъ на посольствѣ говорили, что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньи, и дѣлать то, что мнѣ угодно, а мнѣ угодно, чтобъ ты принялъ православную вѣру". Королевичъ отвѣчалъ: „Я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньи, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется, что мужъ держитъ вѣру свою, и жена другую; и если вашему царскому величеству по договору сдѣлать не угодно, то отпустите меня назадъ къ отцу моему". *Царь*: „Любя тебя, королевича, для ближняго присвоенья, я воздалъ тебѣ достойную великую честь, какой прежде никогда не бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, что мнѣ угодно—исполнять, со мною вѣрою соединиться, и за такое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, моя государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не соединяясь со мною вѣрою, въ присвоеніи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не можетъ; Петръ Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и знаетъ подлинно, что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить же тебя назадъ непригоже и нечестно: во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно, что ты отъ насъ уѣхалъ, не соверша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошенье исполнилъ, да и почему ты не хочешь быть въ православной вѣрѣ Греческаго закона? Знаешь ли, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіанамъ собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія?" *Королевичъ*: „И у насъ въ лютеранской вѣрѣ погруженіе было же, а перестали погружать тому лѣтъ съ тридцать; я погруженія не хулю; только теперь мнѣ креститься въ другой разъ никакъ нельзя, потому что боюсь клятвы отъ отца своего; да и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же, что его племянница была за королевичемъ Магнусомъ". *Царь*: „Царь Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ это, не жалуя и не любя племянницы своей; а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ, любя тебя, какъ родного сына". Королевичъ просилъ, чтобъ ему съ государемъ сойтись и о вѣрѣ поговорить инымъ временемъ.

16 февраля королевичъ прислалъ государю грамоту съ слѣдующими статьями: 1) Развѣ вашему царскому величеству не извѣстно, что вы за два года присылали къ отцу моему великихъ пословъ о сватовствѣ, и когда они объявили, что я долженъ перемѣнить вѣру, то имъ прямо отказано? 2) Ваше царское величество на томъ стоите ли, что вы присылали къ отцу моему Петра Марселиса, который, по вашему наказу, объявилъ, что мнѣ въ вѣрѣ никакой неволи и помѣшки не будетъ? 3) Въ грамотѣ вашего царскаго величества, за вашею печатью присланной, не первая ли статья говоритъ о вольности въ вѣрѣ? Мы никакъ не можемъ вѣрить, чтобъ ваше царское величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшились по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки вашему обѣщанію и договору, что приведетъ не только нашего отца, но и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ этого будетъ". Царь отвѣчалъ: „А теперь мы вамъ то же объявляемъ, что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ, чтобъ вамъ съ нами быть въ одной христіанской православной вѣрѣ; въ разныхъ же вѣрахъ вашему законному браку съ нашею дочерью быть никакъ нельзя, и въ нашемъ отвѣтномъ письмѣ, которое послано съ Петромъ Марселисомъ къ отцу вашему, нигдѣ не написано, чтобъ вамъ съ нашею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ не написано также, чтобъ намъ васъ къ соединенью въ вѣрѣ не призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣло дѣлать такъ, какъ угодно Богу и нашему царскому величеству, и васъ къ тому всякими мѣрами приводимъ, и молимъ съ прошеньемъ, чтобъ вамъ поискать своего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединиться. Мы совѣта злоподвижныхъ людей не слушаемъ; а его королевскому величеству и другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мимо дѣла и правды размышлять непригоже; про наше царское величе-

ство недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не-въ-чемъ, а ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить".

26 февраля королевичъ прислалъ отвѣтъ: „Мы ясно выразумѣли изъ вашего отвѣта, что ваше царское величество не по явнымъ словамъ, какъ у великихъ христіанскихъ государей во всей Европѣ ведется, идете, но единственно по своему толкованію и мысли обо всемъ этомъ дѣлѣ становите. Никогда еще не было такого договора, въ которомъ бы его королевскаго величества, отца нашего, всю основную мысль превратили, и явныя слова въ иную мысль по своему изволенью толковать и изложить хотѣли, какъ теперь въ этой странѣ дѣлается". Взаключеніе королевичъ просилъ отпуска въ Данію. Но отпуска не было. 21 марта королевичъ пригласилъ къ себѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и просилъ его похлопотать объ отпускѣ. „Знаю", говорилъ королевичъ, „что ты начальнѣйшій бояринъ въ царствѣ, ближній, справедливый, великій, и потому бью тебѣ челомъ, помоги мнѣ, чтобъ царское величество пословъ и меня отпустилъ". Шереметевъ отвѣчалъ: „Хорошо было бы тебѣ съ царскимъ величествомъ соединиться въ вѣрѣ, а ѣхавъ такую дальную дорогу, ѣхать назадъ непригоже". Королевичъ сказалъ на это: „Тому статься нельзя, а когда царское величество меня честно велитъ отпустить, то я буду громко его прославлять". Шереметевъ взялся донести государю о желаніи Вальдемара. Слѣдствіемъ было то, что 25 марта стража около королевичева двора была усилена; 29 марта бояре объявили датскимъ посламъ о невозможности совершиться браку королевича на царевнѣ безъ соединенія въ вѣрѣ, и требовали, чтобъ послы уговаривали Вальдемара принять православіе. Послы отвѣчали, что этого имъ не наказано, и если имъ хотя одно слово молвить королевичу о соединеніи въ вѣрѣ, то король велитъ съ нихъ головы снять. „Да хотя бы", продолжали послы, „королевичъ съ царскимъ величествомъ и вѣрою соединился, то ему не сойдется въ иныхъ мѣрахъ, въ постахъ, кушаньяхъ, въ питьѣ, платьи; теперь мы ясно видимъ, что нашему начальному дѣлу статься никакъ нельзя, королевичъ вѣры своей не перемѣнитъ,—и больше говорить не о чемъ; такъ царское величество пожаловалъ бы, велѣлъ насъ отпустить назадъ". 21 апрѣля явился къ Вальдемару посланный съ письмомъ отъ патріарха и держалъ такую рѣчь: „Государь королевичъ, Вальдемаръ Христіанусовичъ! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христосъ милостію Своею сохраняетъ, и велѣлъ тебѣ извѣстить: слухъ до меня дошелъ, что ты, государь королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патріархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатію, письмо прислалъ, чтобъ тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить". Въ письмѣ патріархъ писалъ: „Прими, государь королевичъ Вальдемаръ Христіанусовичъ, сіе писаніе и прочти, уразумѣй любительно, и уразумѣвъ, не упрямься. Государь царь ищетъ тебѣ и хочетъ всего добра нынѣ и въ будущій вѣкъ; своею упрямкою добраго, великаго, любительнаго и присвойнаго дѣла съ его царскимъ величествомъ не порушь, но совершенно учини во всемъ волю его, по Богѣ послушай,—не отъ Бога тебя онъ отгоняетъ, но совершенно Богу присвояетъ; да и отецъ твой, Христіанусъ король, показалъ совѣтъ свой къ его царскому величеству и присвоиться захотѣлъ, тебя, любимаго сына своего, къ его царскому величеству отпустилъ, чтобъ тебѣ жениться на его дочери, и съ послами своими приказывалъ, что отпустилъ тебя на всю волю его царскаго величества: такъ тебѣ надобно его царскаго величества послушать, да будешь въ православной Христовой вѣрѣ вмѣстѣ съ нами. Мы знаемъ, что вы называетесь христіанами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ... И тебѣ бы, государь королевичъ, принять Св. крещеніе въ три погруженія, а о томъ сомнѣнія не держать, что ты уже крещенъ: несовершенно вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во Святую соборную и апостольскую Церковь, а не второе, и у насъ втораго крещенія нѣтъ" и проч.

Королевичъ отвѣчалъ на другой день слѣдующимъ письмомъ: „Такъ какъ намъ извѣстно, что вы у его царскаго величества много можете сдѣлать, то бьемъ вамъ челомъ: попросите государя, чтобъ отпустилъ меня и господъ пословъ назадъ въ Данію съ такою же честію, какъ и принялъ. Вы насъ обвиняете въ упрямствѣ, но постоянства нашего въ прямой вѣрѣ христіанской нельзя называть упрямствомъ: въ дѣлахъ, которыя относятся къ душевному спасенію, надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей. Мы хотимъ отдать на судъ христіанскихъ государей, можно ли насъ называть упрямымъ. Какъ видно, у васъ перемѣна вѣры считается дѣломъ маловажнымъ, когда вы требуете отъ меня этой перемѣны для удовольствія царскому величеству; но у насъ такое дѣло чрезвычайно великимъ почитается, и такихъ людей, которые для временныхъ благъ и чести, для удовольствія людскаго, вѣру свою перемѣняютъ, бездѣльниками и измѣнниками почитаютъ. Подумайте о томъ: если мы будемъ Богу своему невѣрны, то какъ же намъ быть вѣрными его царскому величеству? Намъ отъ отца нашего наказа нѣтъ, чтобъ спорить о мірскомъ или духовномъ дѣлѣ; царское величество обнадежилъ, что намъ, нашимъ людямъ и слугамъ никакой неволи въ вѣрѣ не будетъ. Мы хотимъ вести себя передъ царскимъ величествомъ какъ сынъ передъ отцомъ, хотимъ исполнять его волю во всемъ, что Богу не гнѣвно, нашему отцу недосадно, нашей совѣсти не противно, и ничего такъ не желаемъ, какъ приведенія къ концу брач-

наго договора. Но для этого никогда не отступимъ отъ своей вѣры. Вы приказываете намъ съ вами соединиться, и если мы видимъ въ этомъ грѣхъ, то вы, смиренный патріархъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ грѣхъ этотъ на себя возьмете. Отвѣчаемъ: всякій свои грѣхи самъ несетъ; если же вы убѣждены, что, по своему смиренію и святительству, можете брать на себя чужіе грѣхи, то сдѣлайте милость, возьмите на себя грѣхи царевны Ирины Михайловны и позвольте ей вступить съ нами въ бракъ".—Весь апрѣль прошелъ въ увѣщаніяхъ. По датскимъ извѣстіямъ, бояре говорили королевичу: быть-можетъ онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, будетъ доволенъ ея красотою; такъ-же пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться допьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна. 7 мая послы требовали рѣшительно отпуска и назначили день, въ который они хотятъ быть у руки царской на прощаньи; требовали, чтобъ и королевичъ былъ отпущенъ вмѣстѣ съ ними. Государь отвѣчалъ, что такое требованіе написано непригоже, какъ бы съ указомъ; такъ полномочнымъ посламъ къ великимъ государямъ писать негодится. Что же касается до королевича, то они сами, послы, по королевскому приказу, подвели его къ нему, государю, и отдали его во всю его государскую волю, и потому отпуску ему съ ними не будетъ, а какъ время дойдетъ, то государь велитъ отпустить къ королю Христіану пословъ его однихъ. Отвѣтъ оканчивался такъ: „А что станете дѣлать мимо нашего государскаго велѣнья своимъ упрямствомъ, и какое вамъ въ томъ безчестье или дурно сдѣлается, и то вамъ и вашимъ людямъ будетъ отъ себя, а безъ отпуску послы не ѣздятъ"

9 мая, въ третьемъ часу ночи, со двора королевича вышло человѣкъ пятнадцать его людей пѣшихъ, подошли къ стрѣлецкому сотнику, стоявшему на караулѣ, и начали просить, чтобъ онъ отпустилъ съ ними стрѣльцовъ, а они идутъ за Бѣлый городъ за Тверскія ворота. Сотникъ послалъ сказать объ этомъ головѣ, голова отказалъ, и тогда Нѣмцы начали стрѣльцовъ колоть шпагами и многихъ переранили. Того же числа къ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ у Тверскихъ воротъ, подъѣхали на лошадяхъ и пришли пѣшкомъ Нѣмцы человѣкъ съ тридцать, хотѣли силою проломиться въ ворота, караульные не пускали ихъ, тогда Нѣмцы стали въ нихъ стрѣлять изъ пистолетовъ, шпагами колоть и ворота ломать; на крикъ караульныхъ прибѣжали другіе стрѣльцы и заставили Нѣмцевъ бѣжать отъ воротъ. Одинъ изъ Нѣмцевъ былъ взятъ въ плѣнъ; но когда стрѣльцы привели его въ Кремль и поравнялись съ соборомъ Николы Гостунскаго, то отъ королевичева двора прибѣжали пѣшіе Нѣмцы и начали стрѣльцовъ колоть шпагами, одного убили до смерти, шесть человѣкъ ранили и Нѣмца у нихъ отбили. 11-го числа былъ у королевича Петръ Марселисъ и говорилъ: „Вчерашнюю ночь учинилось дурное дѣло; жаль, потому что отъ такого дѣла добра не бываетъ". Королевичъ отвѣчалъ: „Мнѣ всѣхъ своихъ людей не въ уздѣ держать, а скучаютъ они отъ того, что здѣсь безъ пути живутъ; я былъ бы радъ, чтобъ имъ всѣмъ и мнѣ шеи переломали". *Марселисъ*: „Вамъ бы подождать и лиха никакого не мыслить, которые люди на дурное наговариваютъ, тѣхъ бы не слушать; а кто такъ сдѣлалъ, сдѣлалъ дурно". *Королевичъ*: „Хорошо тебѣ разговаривать! ты дома живешь, у тебя такъ сердце не болитъ, какъ у меня: хотятъ пословъ отпустить, а меня царское величество отпустить не хочетъ". Когда Марселисъ уходилъ отъ Вальдемара, то встрѣтилъ его чашникъ королевичевъ, отвелъ въ садъ и сказалъ: „Слышалъ ли ты, какое несчастье вчерашнюю ночь сдѣлалось? Хотѣлъ королевичъ изъ Москвы уѣхать самъ и у Тверскихъ воротъ былъ; а знали про это дѣло только я да комнатный дворянинъ: послы про то не знали; королевичъ взялъ съ собою запоны дорогія да золотыхъ, сколько ему было надобно. Въ Тверскія ворота ихъ не пропустили; хотѣли они отъ Тверскихъ воротъ воротиться назадъ и пытаться въ другія ворота, но стрѣльцы королевича и дворянина поймали, у королевича шпагу оторвали, били его палками и держали лошадь за узду: тогда королевичъ вынулъ ножъ, узду отрѣзалъ и отъ стрѣльцовъ ушелъ, потому что лошадь подъ нимъ была ученая, слушается его и безъ узды. Пріѣхавши на дворъ, королевичъ сказалъ мнѣ, что мысль не удалась, комнатнаго его дворянина стрѣльцы ухватили, но онъ не хочетъ его выдавать. Сказавши это, королевичъ взялъ шпагу да скороходовъ человѣкъ съ десять, выбѣжалъ изъ двора, и увидавъ, что стрѣльцы ведутъ дворянина, бросился на нихъ, убилъ того стрѣльца, который велъ дворянина, и, выручивъ послѣдняго, возвратился домой". Марселисъ, выслушавши чашника, пошелъ опять къ королевичу и началъ ему говорить, что онъ это сдѣлалъ негораздо; еслибъ ему удалось уйти изъ Москвы, то онъ, Марселисъ, погибъ бы отъ царской опалы, стали бы подозрѣвать, что онъ зналъ о побѣгѣ. Королевичъ отвѣчалъ: „Большой былъ бы я дуракъ, еслибъ объ этомъ дѣлѣ сказалъ тебѣ или другому кому, кромѣ тѣхъ, кого съ собою взялъ". *Марселисъ*: Что-то подумаетъ царское величество, когда узнаетъ, что вы такое дѣло дерзостно учинили". *Королевичъ*: „Я царскому величеству приказывалъ, что хочу это сдѣлать, и кто меня станетъ держать и не пропускать, того убью. И впередъ буду о томъ думать, какъ бы изъ Москвы уйти; а если мнѣ это не удастся, то есть у меня иная статья". Изъ послѣднихъ словъ Марселисъ заключилъ, что не хочетъ ли королевичъ надъ собою чего-нибудь сдѣлать, не опился бы смертоноснымъ зельемъ; и, слыша про такое дѣло, Марселисъ не смѣлъ царскому величеству не извѣстить, чтобъ впередъ отъ него въ гнѣвѣ не быть. 12 числа самъ королевичъ объ-

вилъ боярину князю Сицкому, что онъ хотѣлъ уѣхать за Тверскія ворота и убилъ стрѣльца. Царь, услыхавши объ этомъ признаніи, послалъ сказать посламъ королевскимъ, что и простымъ людямъ такого дѣла дѣлать не годится, и слышать непригоже, а ему, царю, слышать про это стыдно, и королю Христіану такое дѣло не честно Послы отвѣчали, что у нихъ съ королевичемъ было улажено ѣхать изъ Москвы явно, днемъ, всѣмъ вмѣстѣ, и если бы что случилось, то не отъ нихъ, а отъ напраснаго задержанья. Если же королевичъ поѣхалъ одинъ, ночью, тайкомъ, то имъ до него дѣла нѣтъ.

13 мая королевичъ прислалъ царю новую просьбу объ отпускѣ, клянясь, что никогда не перемѣнитъ вѣры, и слѣдовательно жить ему больше не-зачѣмъ. Царь отвѣчалъ ему выговоромъ, что онъ, Вальдемаръ, за такую его любовь и ласку отплатилъ такимъ непригожимъ дѣломъ, о которомъ скоро будетъ толкъ у бояръ съ послами королевскими. Королевичъ отвѣчалъ, что вина этого дѣла на тѣхъ, которые безъ всякой причины насильство чинятъ, и повторялъ просьбу отъ отпускѣ. Призвали пословъ королевскихъ и требовали, чтобъ они вмѣстѣ съ королевичемъ дали пасьмо за своими руками и печатями, и поцѣловали крестъ, что дѣло о бракѣ королевича съ обѣихъ сторонъ полагается на судъ Божій, и впередъ царю съ королемъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ на-вѣки неподвижно, послѣ чего королевичъ и послы будутъ отпущены въ Данію; вѣчному же докончанію быть по договору царя Іоанна съ королемъ Фридрихомъ. Послы отвѣчали: „Если главное дѣло, свадьба королевича, стало, то намъ никакого другого дѣла дѣлать и закрѣплять мимо королевскаго наказа нельзя, хотя бы намъ пришлось и десять лѣтъ еще прожить въ Москвѣ". Послѣ этого на нѣсколько просьбъ объ отпускѣ данъ былъ отвѣтъ, что нельзя отпустить безъ обсылки съ королемъ Христіаномъ, „и когда король отпишетъ, то мы, великій государь, выразумѣвъ изъ его грамоты, съ вами и дѣлать станемъ, какъ о томъ время покажетъ". Королевичъ писалъ, что сосѣдніе государи, Польскій и Шведскій, принимаютъ участіе въ его бѣдѣ, не будутъ равнодушно смотрѣть на его плѣнъ; ему отвѣчали: „Мы, великій государь, надъ вами съ пріѣзда до сихъ поръ ведемъ честь государственную большую, и вамъ непригоже было писать, будто вы въ плѣну находитесь,—мы отпускать васъ никогда не обѣщались, потому что отецъ вашъ прислалъ васъ къ намъ во всемъ въ нашу государскую волю, и вамъ, не совершa великоначатаго дѣла, какъ ѣхать"?

Прошелъ май, іюнь, половина іюля въ безполезныхъ просьбахъ королевича и пословъ объ отпускѣ, въ безполезныхъ ежедневныхъ увѣщаніяхъ королевичу креститься въ православную христіанскую вѣру, въ безполезныхъ спорахъ о вѣрѣ придворнаго проповѣдника королевичева съ русскими и греческими духовными. 19 іюля Вяземскій воевода, князь Пронскій, прислалъ въ Москву священника Григорія изъ села Большева Покровскаго. Священникъ этотъ объявилъ слѣдующее: 15 іюля пріѣхалъ изъ-за рубежа въ село Большево сынъ его съ двумя бѣглыми людьми, Тропомъ и Бѣлоусомъ; эти Тропъ и Бѣлоусъ сказали ему, попу Григорью, что были они въ Смоленскѣ и свѣдали про государево дѣло: пришли изъ Москвы отъ королевича Датскаго Смольнянинъ Андрей Босицкій (или Басистой) самъ-другъ съ Михайломъ Ивановымъ, и принесли грамоты. Басистовъ по дружбѣ прочиталъ грамоты имъ, Тропу и Бѣлоусу: въ грамотахъ писано къ воеводѣ Смоленскому о томъ, можно ли Андрею Басистову вѣрить, что онъ Датскаго королевича изъ Москвы проведетъ въ Литовскую Землю проселочными дорогами. При нихъ, Тропѣ и Бѣлоусѣ, въ Смоленскѣ допрашивали мѣщанъ лучшихъ людей; мѣщане воеводѣ сказали и сказку про Басистова за руками дали, что ему вѣрить можно, и Смоленскій воевода писалъ Датскому королевичу въ Москву, чтобъ онъ Басистову вѣрилъ. Получивши это извѣстіе отъ Вяземскаго воеводы, въ Москвѣ велѣли попу Григорію опознавать Андрея Басистова тайнымъ образомъ, а для того, чтобы Басистовъ не узналъ попа, послѣднему убавили бороды и выстригли усы съ обѣихъ сторонъ. 31 іюля, попъ Григорій поймалъ Басистова и привелъ въ Посольскій приказъ. Государь велѣлъ тотчасъ же боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву и думному дьяку Львову Басистова разспрашивать и пытать, и на очныя ставки съ попомъ Григорьемъ, съ Тропомъ и Бѣлоусомъ ставить, чтобъ про такое великое воровское дѣло сыскать до-пряма. На житномъ дворѣ Басистова разспрашивали и пытали: родомъ сказался онъ изъ Вильны, служилъ казачью службу, а теперь живетъ въ Смоленскѣ и торгуетъ съ мѣщанами; пріѣхалъ въ Москву для своей бѣдности съ табакомъ, а не для того, чтобъ королевича вывести; хотѣлъ онъ вывести ловчаго королевича, который посулилъ ему за это 50 рублей, но солгалъ, денегъ не далъ, а про королевича онъ ни отъ кого и слова не слыхалъ, и въ умѣ у него того не было, въ томъ его поклепали напрасно. Дали ему двѣ встряски жестокія и пять ударовъ — повинился: хотѣлъ вывесть королевича изъ Москвы въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Смольняниномъ Максимомъ Власовымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже давно и торгуетъ табакомъ; уговаривался онъ вывести королевича съ ловчимъ, сулилъ ему за это ловчій сто рублей, самого же королевича онъ никогда не видалъ; ждалъ онъ королевича недѣли съ три и больше, и ловчій ему отказалъ, что королевичу выѣхать изъ города нельзя. Про табакъ Басистовъ сказалъ, что привезъ въ Москву восемь пудовъ табаку, пудъ продалъ товарищамъ своимъ двоимъ, братьямъ Смольнянамъ, взялъ пять рублей, а стоятъ они теперь на полѣ съ версту или съ двѣ отъ Москвы; два пуда табаку у него украли, а пять пудовъ спряталъ на Ходынкѣ въ лѣсу, закопалъ въ

землю. Сейчасъ же отправили стрѣльцовъ схватить Литву съ табакомъ, и стрѣльцы привели пять человѣкъ—Смольнянина Максима Власова, товарища Басистова и четырехъ Дорогобужанъ; прятались они съ табакомъ въ гумнахъ противъ Бутырокъ, въ деревнѣ князя Репнина. Власовъ съ пытки сказалъ, что слышалъ отъ Басистова о выводѣ королевича изъ Москвы, но самъ въ той думѣ не былъ. Послѣ этого Басистова снова допрашивали: „Смоленскій воевода Мадалинскій что съ нимъ приказывалъ, и король съ панами радными про то знаютъ ли?“ Басистовъ отвѣчалъ: „Мадалинскій мнѣ приказывалъ, чтобъ я всей Рѣчи Посполитой сдѣлалъ добро—королевича въ Литву проводилъ, чтобъ впередъ изъ-за королевича литовскимъ гонцамъ въ Москву не ѣздить черезъ ихъ имѣнія и убытки королевской казнѣ и имъ не дѣлать; а король и паны радные о томъ не знаютъ“. Потомъ Басистовъ признался, что съ ловчимъ королевичевымъ свелъ его Нѣмецъ Захаръ, стклянчный мастеръ, да зять его Данила.

До конца ноября не произошло ничего особеннаго. 29 числа этого мѣсяца датскіе послы были у государя и подали присланныя къ нимъ королевскія грамоты: король Христіанъ требовалъ, чтобъ царь исполнилъ все то, въ чемъ обязался по договору, заключенному Петромъ Марселисомъ; въ противномъ же случаѣ—чтобъ отпустилъ съ честію королевича и пословъ. 20 декабря самъ царь лично объявилъ королевичу, что ему безъ перекрещенья жениться на царевнѣ Иринѣ нельзя, и отпустить его въ Данію также нельзя, потому что король Христіанъ отдалъ его ему, царю, въ сыновья. Королевичъ отвѣчалъ на это письменно 9 января 1645 дода: „Бьемъ челомъ, чтобъ ваше царское величество долѣе насъ не задерживали; мы самовластнаго государя сынъ и наши люди всѣ вольные люди, а не холопи; ваше царское величество никакъ не скажете, что вамъ насъ и нашихъ людей, какъ холопей, можно силою задержать. Если же ваше царское величество имѣете такую неподобную мысль, то мы говоримъ свободно и прямо, что легко отъ этого произойти несчастію,—и тогда вашему царскому величеству какая будетъ честь предо всею вселенною? Насъ здѣсь немного, мы вамъ грозить не можемъ силою, но говоримъ одно: про ваше царское величество у всѣхъ людей можетъ быть заочная рѣчь, что вы противъ договора и всякаго права сдѣлали то, что Турки и Татары только для добраго имени опасаются дѣлать; мы вамъ даемъ явственно разумѣть, что если вы задержите насъ насильно, то мы будемъ стараться сами получить себѣ свободу, хотя бы пришлось при этомъ и животъ свой положить“. Получивши такое письмо, царь велѣлъ сказать датскимъ посламъ, чтобъ они королевича унимали, чтобъ онъ мысль свою молодую и хотѣнье отложилъ; если по его мысли учинится ему какая-нибудь бѣда, то это будетъ ему не отъ государя и не отъ государевыхъ людей, а самому отъ себя. Послы отвѣчали: „Думаетъ королевичъ обо всемъ этомъ съ своимъ домомъ, съ своими ближними людьми, а не съ нами“.

Вступился въ дѣло польскій посолъ Стемпковскій; началъ уговаривать Вальдемара исполнить царскую волю, стращая, что въ противномъ случаѣ царь можетъ соединиться съ Швеціею противъ Даніи, заточитъ его, королевича, въ дальнія страны. Вальдемаръ отвѣчалъ Стемпковскому письменно: „Могу уступить только въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) Пусть дѣти мои будутъ крещены по греческому обычаю; 2) буду стараться посты содержать, сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровью моему; 3) буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платьи и во всемъ другомъ, что не противно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ничего не уступлю. Великій князь грози сколько хочетъ—пусть громомъ и молніею меня изведетъ, пусть сошлетъ меня на конечный рубежъ своего царства, гдѣ я жизнь свою съ плачемъ скончаю,—и тутъ отъ вѣры своей не отрекусь; хотя онъ меня распни и умертви: я лучше хочу съ неоскверненною совѣстью честною смертью умереть, чѣмъ жить съ злою совѣстью. Бога избавителя своего въ судьи призываю. А что королю, отцу моему, будетъ плохо, когда великій князь станетъ помогать Шведамъ противъ него, то до этого мнѣ дѣла нѣтъ, да и не думаю, чтобъ королевства Датское и Норвежское не могли справиться безъ русской помощи. Эти королевства существовали прежде чѣмъ Московское государство началось, и стоятъ еще крѣпко. Я готовъ ко всему: пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ, только пусть дѣлаютъ поскорѣе“.

25 іюня Петръ Марселисъ извѣстилъ, что королевичъ Вальдемаръ съ 24 числа заболѣлъ болѣзнью сердечною, сердце щемитъ и болитъ; что скушаетъ пищи или чего изопьетъ, то сейчасъ назадъ, и если скорой помощи не подать, то можетъ быть ударъ или огневая болѣзнь, и королевичъ можетъ умереть. Но 26 числа постельный сторожъ на королевичвѣ дворѣ, Мина Алексѣевъ, сказалъ, что 25 числа королевичъ кушалъ въ саду; маршалокъ, чашникъ, дворяне и ближніе люди при немъ были всѣ веселы, ѣли и пили по-прежнему; послѣ ужина королевичъ гулялъ въ саду долго, а маршалокъ звалъ къ себѣ въ хоромы чашника, дворянъ и ближнихъ людей всѣхъ, подчивалъ ихъ, пили вино и романею, и рейнское и иное питье, до втораго часа ночи: были всѣ пьяны, играли въ цымбалы, и доктора онъ, Мина, сегодня у королевича на дворѣ не видалъ.

Въ то время, какъ тянулось въ Москвѣ это тяжелое для царя дѣло съ королевичемъ, дурныя вѣсти, вѣсти о самозванцахъ, приходили изъ Турціи, изъ Польши. Въ октябрѣ 1644 года греческій архимандритъ Амфилохій прислалъ грамоту изъ Царяграда, въ которой извѣщалъ, что въ августѣ мѣсяцѣ двое Турокъ пріѣхали въ Константинополь съ грамотою къ султану, написанною по-

русски, и требовали переводчика; имъ указали Амфилохія; но тотъ, взявши у нихъ грамоту и взглянувши на ея содержаніе, ушелъ съ нею въ Бруссу и потомъ переслалъ ее въ Москву. Грамота эта, написанная по-малороссійски, заключала въ себѣ слѣдующее: „Милостивый и вельможный царь! Смилуйся надо мною, бѣднымъ невольникомъ! ты мнѣ отецъ и мать, потому что не къ кому мнѣ прибѣгнуть другому. Когда я шелъ изъ земли Персидской въ Польскую, то встрѣтились мнѣ твои люди, казну у меня взяли, самого меня схватили, къ тебѣ не везутъ, а запродали Жидамъ. Если ты надо мною смилуешься, то будешь отцомъ и матерью мнѣ грѣшному и бѣдному невольнику, Московскому царевичу; если же по милосердію твоему овладѣю Землею Московскою, то будетъ она мнѣ пополамъ съ тобою“. Подписано: „Князь Иванъ Димитріевичъ, Московской Землѣ царевичъ, рука властная“. Но еще прежде пришли вѣсти изъ Польши о двухъ другихъ самозванцахъ.

Въ 1643 году отправлены были въ Польшу полномочные послы, бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ, думный дворянинъ Григорій Пушкинъ и дьякъ Волошениновъ, по старымъ дѣламъ —о титулѣ и размежеваніи Путивльскихъ земель. Имъ даны были два наказа—явный и тайный. Въ первомъ, между прочимъ, говорилось: Если паны будутъ говорить, что пріѣзжали въ московскіе города для торговли литовскіе купцы, Дорогобужане, посадскіе люди три человѣка, и ихъ схватили, отослали въ Казань, пытали, въ тюрьмѣ держали долго, потомъ имѣнье у нихъ отняли и выбили за рубежъ,—то отвѣчать: „Пойманы эти купцы въ Казанскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Волгѣ, съ заповѣднымъ товаромъ, табакомъ; везли они табаку въ понизовые города пудовъ съ 15,—сперва ѣхали изъ Дорогобужа мимо Вязьмы воровствомъ, тайно, и Москву объѣзжали, пронимаясь въ Окурѣку, а изъ Оки въ Волгу, и ѣхали проселочными дорогами, сказывались торговыми людьми, Москвичами, крестьянами князя Черкасскаго и другихъ бояръ; табакъ въ селахъ и деревняхъ всякимъ людямъ продавали, и за то довелись они смертной казни; но государь для короля ихъ пожаловалъ, казнить не велѣлъ, велѣлъ учинить наказанье небольшое и отпустить въ Дорогобужъ, а имѣнья у нихъ никакого не брали. Послѣ того пріѣзжали въ Нижегородскій уѣздъ и на Балахну тайно же шесть человѣкъ Поляковъ, привезли съ собою шесть возовъ табаку и продавали, а съ остальнымъ табакомъ пойманы; табаку у нихъ взято пудовъ съ 6, а сами высланы въ Москву, но на дорогѣ они убили до смерти троихъ провожатыхъ и пропали безъ вѣсти“. О Черкасахъ велѣно сказать прежнее, что въ мирномъ договорѣ не условлено перебѣжчиковъ выдавать; Черкасы въ царскаго величества сторонѣ побыли немногое время, много бѣдъ надѣлали и опять въ королевскую сторону отошли.

Въ тайномъ же наказѣ велѣно было сказать панамъ: „Великому государю стало подлинно извѣстно, что въ 1639 году въ январѣ пришелъ изъ Черкасъ въ Польшу въ Самборщину къ попу воръ, лѣтъ 30 или немного больше, и сталъ у попа жить въ работникахъ, и жилъ съ недѣлю; попъ увидалъ у него на спинѣ гербъ, а по-русски пятно, и отвелъ его въ монастырь къ архимандриту; архимандритъ же отвелъ его къ подскарбію коронному Даниловичу; подскарбій пятно осматривалъ и вора допрашивалъ; воръ назвался княземъ Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, сыномъ царя Василія Ивановича, и въ доказательство, что онъ царскій сынъ,—пятно у него на спинѣ; взяли его въ плѣнъ Черкасы въ то время, какъ царя Василія изъ Москвы повезли въ Литву, и съ тѣхъ поръ жилъ онъ у Черкасъ. Подскарбій держалъ его у себя и сказывалъ про него и про его признаки шляхтѣ и всякихъ чиновъ людямъ; шляхта и вся Рѣчь Посполитая приказали подскарбію его беречь, на кормъ и на платье приказали ему давать изъ скарбу; подскарбій отослалъ вора въ монастырь для наученья русской грамотѣ и языку, и теперь тотъ воръ въ Польшѣ Да государь же вашъ, Владиславъ король, больше 15 лѣтъ держитъ въ Брестѣ-Литовскомъ въ іезуитскомъ монастырѣ вора, которому лѣтъ 30, на спинѣ у него между плечами также гербъ, и сказывается Разстригинъ сынъ“. Если паны скажутъ, что воръ, который назывался Шуйскимъ, уѣхалъ къ Волохамъ, а Волошскій государь прислалъ его голову въ Москву, то отвѣчать: „Неправда, царскому величеству извѣстно, что воръ у нихъ въ Польшѣ, и они велѣли бы его сыскать и имъ, посламъ, отдали, или казнили бы смертію“.

Дѣла о титулѣ и рубежахъ были покончены: уговорились въ порубежныхъ ссылкахъ писать именованье обоихъ государей на короткихъ титулахъ безъ вычисленія городовъ; касательно межеваго дѣла, два спорные города—Гадячъ и Сарскій—отошли къ Польшѣ, за это Поляки уступили Москвѣ Трубчевскъ съ уѣздомъ и волостями, село Крупецъ въ уѣздѣ Новгорода-Сѣверскаго и другія села и деревни по лѣвой сторонѣ рѣки Клевени, которыя вдались въ Путивльскій уѣздъ; уступлены были также Москвѣ: городище Недригайловское, Городецкое, Каменное, Ахтырское и Ольшанское; селу Олешковичамъ съ деревнями положено быть въ Комарицкой волости. Но исполненіе тайнаго наказа встрѣтило неодолимыя затрудненія: паны объявили съ самаго начала, что ни королю, ни имъ ничего о самозванцахъ не извѣстно, но что король послалъ о нихъ сыскивать. Чрезъ нѣсколько времени объявили, что сыскано: „Дѣйствительно, приходилъ къ подскарбію Даниловичу человѣкъ и сказывалъ про себя, что зовутъ его княземъ Семеномъ Васильевымъ Шуйскимъ; но подскарбій, зная, что этотъ воръ влыгается въ государскаго сына, велѣлъ его бить постромками и отъ себя его сбилъ, а куда послѣ того воръ этотъ дѣлся,—мы рѣшительно не знаемъ. О другомъ же ворѣ панъ Осинскій намъ сказалъ, что у него такой человѣкъ есть и живетъ у него въ писаряхъ; этого человѣка

*

въ шутку называютъ царевичемъ Московскимъ, а онъ, слыша про себя такія рѣчи, хочетъ постричься, самъ же онъ себя царевичемъ никогда не называетъ. Королевское величество и мы, паны радные, такого баломута за царевича не держимъ: если бы мы его считали царевичемъ, то мы бы его не допустили жить у Осинскаго въ писаряхъ и ему служить". Послы отвѣчали: „Сильно насъ удивляетъ, что вы, паны радные, отринувъ Божій страхъ и людской стыдъ, забывъ посольскій договоръ, вора укрываете. Намъ подлинно извѣстно, что, по сеймовому уложенью, этому вору изъ королевской казны кормъ и жалованье давать велѣно; и теперь, какъ мы ѣхали въ дорогѣ, въ Брестѣ-Литовскомъ наши люди этого вора видѣли: онъ не только-что называется государскимъ сыномъ, но и во всѣхъ своихъ письмахъ пишется царевичемъ Московскимъ, писемъ его руки у насъ много есть". Паны отвѣчали, что за самозванцемъ послано, и онъ будетъ поставленъ передъ послами. Король въ это время переѣхалъ изъ Кракова въ Варшаву; послы отправились за нимъ и тутъ опять напомнили панамъ о ворахъ, прибавивъ, что въ Краковѣ къ нимъ приходили королевскіе дворяне и говорили: „Если у васъ, пословъ, съ панами радными въ государственныхъ дѣлахъ соглашенія не будетъ, то у насъ Димитріевичъ готовъ съ Запорожскими Черкасами на войну". Пріѣхалъ къ посламъ коронный канцлеръ Оссолинскій и говорилъ: „Паны радные по вашимъ рѣчамъ королевскому величеству били челомъ, чтобъ выдалъ вамъ мужика, который называется царевичемъ; король намъ сказалъ: для братской дружбы и любви великаго государя Московскаго онъ не постоялъ бы и не за такого мужика, если бы что не къ добру и не къ славѣ великаго государя видѣлъ; но мужикъ этотъ не виноватъ ни въ какомъ злѣ, и не царевичъ,—онъ изъ Подляшья, простаго отца сынъ, а вскормилъ его Полякъ Бѣлинскій и назвалъ царевичемъ, Димитріевымъ сыномъ, будто бы родился отъ Марины Мнишекъ. Хотѣлъ онъ, Бѣлинскій, выслужиться и ставилъ его передъ королемъ Сигизмундомъ; король Сигизмундъ велѣлъ его отослать къ Александру Гонсѣвскому, а Гонсѣвскій далъ его учить грамотѣ и велѣлъ его во всемъ покоить для причины, умышляя надъ Московскимъ государствомъ, потому что между обоими государствами была тогда война. А какъ вѣчное докончаніе учинилось, то этого мужика ни во что поставили и царевичемъ его не называютъ; скитается онъ безъ пріюта, служитъ у шляхты, гдѣ бы только ему сыту быть, а о Московскомъ государствѣ и не думаетъ; родомъ онъ Полякъ, а не Русскій, и хочетъ быть ксендзомъ поскорѣе; а выдать его вамъ не за что и непристойно. Король и мы, паны радные, дадимъ вамъ въ томъ на себя запись, какую хотите, а неповиннаго человѣка по нашему праву выдать вамъ непристойно: передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми стыдно; теперь этотъ мужикъ приведенъ въ Варшаву, и король велѣлъ его для допроса поставить передъ вами". Послы отвѣчали: „Намъ въ великое подивленье, что такое непригожее и злое дѣло со стороны вашего государя начинается и если король и вы, паны-рада, этого вора намъ не отдадите, то намъ съ вами никакихъ дѣлъ кончать нельзя". Самозванецъ объявилъ въ допросѣ, что онъ не царевичъ и царевичемъ себя не называетъ, а зовутъ его Иваномъ Димитріевымъ Лубою; отецъ его, Димитрій Луба, былъ шляхтичъ въ Подляшьи, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ пошелъ въ Москву при войскѣ съ Смутное время, и былъ тамъ убитъ; сироту взялъ Бѣлинскій и привезъ въ Польшу, выдавая его за сына Лжедимитрія и Марины, котораго будто бы сама мать отдала ему, Бѣлинскому, на сохраненіе. Когда мальчикъ выросъ, то Бѣлинскій, по совѣту остальной шляхты, объявилъ о немъ королю и панамъ раднымъ на сеймѣ. Сигизмундъ и паны отдали мальчика на сбереженіе Льву Сапѣгѣ, назначивъ ему по 6,000 золотыхъ на содержаніе, а Сапѣга отдалъ его въ Брестѣ-Литовскомъ въ Семеновскій монастырь игумену Аѳанасію учиться по-русски, по-польски и по-латыни, и мальчикъ пробылъ у игумена семь лѣтъ. Послѣ, во время мира съ Москвою, жалованье Лубѣ уменьшили до ста золотыхъ въ годъ, а когда заключено было съ Москвою вѣчное докончаніе, то о немъ совсѣмъ забыли. Несчастный Луба обратился съ вопросомъ къ Бѣлинскому: чей же онъ подлинно сынъ, и по какой причинѣ называли его царевичемъ Московскимъ. Бѣлинскій отвѣчалъ, что онъ сынъ шляхтича Лубы, а называли его царевичемъ Московскимъ для всякой причины, потому: какъ на Москвѣ Маринина сына хотѣли повѣсить, то онъ, Бѣлинскій, хотѣлъ вмѣсто Маринина сына на повѣшенье дать его, Лубу, а Маринина сына хотѣлъ выкрасть; но на другой же день Маринина сына повѣсили, выкрасть его было нельзя, и потому, вмѣсто Маринина сына, называли его царевичемъ.

Послы на это объявленіе сказали панамъ: „Воръ говоритъ, что царевичемъ себя не называетъ: но онъ говоритъ неправду, избывая своего воровства,—у насъ есть письма собственной его руки, гдѣ онъ себя пишетъ царевичемъ". При этомъ послы показали панамъ письмо, которое далъ имъ въ Краковѣ Брестскій игуменъ Аѳанасій, воспитатель Лубы; канцлеръ Оссолинскій показалъ письмо Лубѣ, и тотъ объявилъ, что это его рука. Канцлеръ, прочтя письмо, сказалъ: „Здѣсь этотъ дѣтина приписалъ своею рукою имя свое—Иванъ Фаустинъ Димитровичъ, а царевичемъ себя не называлъ". Послы отвѣчали: „Въ этой грамоткѣ написано, что у царевича на обѣдѣ писано въ его царевичевомъ жилищѣ; ваши, пановъ радныхъ, неправда и умышленье явны: что и написано, и то укрываете, ваше умышленье по всему видѣть можно, и неправды ваши явно васъ обличаютъ, а этому вору и безымянному безъ королевскаго повелѣнья и безъ вѣдома вашего, пановъ радныхъ и всей Рѣчи Посполитой, какъ было посмѣть называться и

писаться такимъ высокимъ званіемъ, царевичемъ?" Паны говорили: „Еслибъ ему писаться и называться царевичемъ Московскимъ, то онъ бы писался не латинскимъ именемъ; а что написано „въ жилищѣ царевичевѣ или на обѣдѣ", то часто бываетъ, что урочища, мѣста и веси называются: царево или королево". *Послы:* „Стыдно вамъ это говорить, такого вора укрывать и за него стоять". *Паны:* „Мы за нимъ никакого воровства не знаемъ, зла Московскому государству не умышляемъ, царевичемъ его не признаемъ, а отдать его вамъ никакъ нельзя, потому что онъ Польскаго народа шляхтичъ". Послы повторяли прежнее; паны говорили, что они на сеймѣ подтвердятъ и въ конституціи напечатаютъ, что впередъ отъ Лубы и ни отъ кого другого подъ Московское государство подъискиванья не будетъ. Послы отвѣчали на это: „Хотя отъ того вора въ Польшѣ и Литвѣ заводу и не будетъ, но онъ для воровства куда-нибудь отъѣдетъ и приберетъ къ себѣ воровъ, Черкасъ своевольниковъ; или въ иное государство отъѣдетъ и смуту учинитъ: тогда на комъ будетъ взять?" Паны отвѣчали: „Мы дадимъ укрѣпленье за своими руками и печатями, что ничего этого не будетъ". *Послы:* „Этому вѣрить нельзя, потому что и теперь этотъ воровской умыселъ объявляется; когда мы были въ Краковѣ, то приходили королевскіе дворяне и говорили: если у васъ съ панами сдѣлки не будетъ, то у насъ на Московское государство Дмитровичъ съ Черкасами готовъ; воровской заводъ и умышленье тутъ означились явно". *Паны:* „Король велѣлъ своимъ дворянамъ за такія рѣчи по сыску наказанье учинить". Послы повторяли свое; паны говорили съ большимъ шумомъ и, послѣ многихъ споровъ и разговоровъ, отказали впрямь, что имъ мимо своихъ правъ шляхтича отнюдь выдать нельзя.

На слѣдующемъ свиданіи паны сказали: „Вы намъ говорили, будто у Лубы на спинѣ между плечами воровское пятно; если у него такой знакъ есть, что онъ царскій сынъ, то мы за него не постоимъ, отдадимъ его вамъ". *Послы:* „Есть ли у этого вора пятно или нѣтъ—мы не знаемъ, мы слышали объ этомъ отъ многихъ вашихъ людей". *Паны:* „У него на спинѣ никакого пятна нѣтъ и не бывало". *Послы:* „Хотя пятна и нѣтъ, однако онъ называется царевичемъ, и за это намъ надобно казнить его смертію". *Паны:* „Богъ видитъ, что этотъ шляхтичъ царевичемъ Московскимъ себя не называлъ; убей насъ Богъ душою и тѣломъ, если мы неправду говоримъ". *Послы:* „Намъ это сомнительно, и вы бы этого вора велѣли казнить смертью, или послали его къ нашему государю съ королевскимъ дворяниномъ". Наконецъ рѣшили, что послы отправятъ въ Москву гонца за указомъ; при этомъ паны говорили, чтобъ послы написали своему государю о невинности Лубы, который будетъ поставленъ въ ксендзы и за нимъ будутъ наблюдать. Послы отвѣчали: „Намъ этого сдѣлать нельзя, потому хотя онъ будетъ и въ духовномъ чинѣ, но если его теперь намъ не отдадите, то ему, и въ ксендзахъ будучи, воровать можно. Гришка Отрепьевъ также былъ постриженъ; только теперь такіе воры царскому величеству не страшны, никто имъ въ Московскомъ государствѣ не повѣритъ, а мы вамъ напоминаемъ, что вору духовный чинъ не смиренье:—кромѣ смерти, усмирить его нечѣмъ". Паны отвѣчали: „Король приказалъ этого Лубу сослать за приставомъ въ крѣпкій городъ Маріенбургъ въ башню, года на три или на четыре, или на сколько государю вашему годно, и какъ онъ эти урочные годы отсидитъ и сдѣлается ксендзомъ, то ему ничего дурнаго помыслить будетъ нельзя, и мы вамъ дадимъ укрѣпленье за руками и печатями". Послѣ этихъ разговоровъ, пріѣхалъ къ посламъ референдарь великаго княжества Литовскаго съ объявленіемъ, что король посылаетъ Лубу въ Москву съ своими великими послами, только чтобы государь казнить его не велѣлъ, и отослалъ назадъ съ тѣми же послами. Князь Львовъ потребовалъ отъ пановъ укрѣпленья за ихъ руками и печатями, что король вора къ царю съ послами своими непремѣнно пришлетъ, а если вскорѣ не пришлетъ, то заключенный теперь договоръ не въ приговоръ и межи—не въ межу. Укрѣпленье было дано, и послы отправились въ Москву, гдѣ были очень довольны ихъ поведеніемъ: князь Львовъ былъ пожалованъ дворечествомъ съ путемъ, думный дворянинъ Пушкинъ—окольничествомъ, дьякъ Волошениновъ думою.

Въ ноябрѣ 1644 года пріѣхалъ обѣщанный великій посолъ королевскій, Гаврила Стемпковскій, каштелянъ Брацлавскій, съ товарищами. Послы были помѣщены на дворахъ князей Пожарскихъ—Петра и Ивана: здѣсь въ двухъ палатахъ велѣно обить стѣны и лавки сукнами червчатыми, то же сдѣлать въ деревянной избѣ подлѣ палатъ, да на столъ дано сукно доброе. Стемпковскій привезъ Лубу; король въ грамотѣ своей просилъ царя отпустить несчастнаго шляхтича назадъ съ Стемпковскимъ же; но когда начались переговоры, то бояре объявили послу, чтобъ онъ отдалъ вора царскому величеству, который велитъ о немъ учинить по своему государскому разсмотрѣнью. Посолъ отвѣчалъ, что шляхтича природнаго ему отдать нельзя, потому что отъ короля не приказано. Бояре донесли объ этомъ отвѣтѣ государю, и тотъ велѣлъ сказать Стемпковскому, что если Луба не будетъ отданъ, то онъ, царь, боярамъ и думнымъ своимъ людямъ ни о какихъ дѣлахъ съ нимъ, посломъ, говорить и его посольскихъ рѣчей слушать не велитъ. Посолъ не отдалъ и требовалъ, чтобъ позволено было послать гонца на сеймъ за наказомъ; государь согласился и отправилъ своего гонца къ королю съ грамотою, гдѣ писалъ, что Поляки до сихъ поръ не отдаютъ Трубчевска и другихъ уступленныхъ ими мѣстъ, и что великій посолъ Стемпковскій не отдаетъ Лубу, „бьетъ челомъ, чтобъ намъ этого вора не казнить; но намъ, великому государю, не принявъ этого вора, ни жаловать, ни казнить некого; такъ вамъ бы велѣть этого вора

намъ отдать, и какъ вы его отдать велите, то мы о немъ по вашей грамотѣ и прошенью велимъ учинить по нашему государскому разсмотрѣнію." Король отвѣчалъ, что немедленно посылаетъ своихъ дворянъ для отдачи Трубчевска и прочихъ мѣстахъ. „А про шляхетнаго Яна Фаустина Лубу объявляемъ, что это человѣкъ невинный, никакого лиха и никакой смуты не чинилъ и чинить не будетъ, но монашескаго духовнаго чина желаетъ, и не для того онъ при нашемъ послѣ къ вамъ посланъ, чтобъ его выдать, а только для того, чтобъ невинность его и ни къ какой хитрости неспособность передъ вашимъ царскимъ величествомъ была обнаружена. Вамъ, брату нашему, извѣстно, что въ нашихъ великихъ государствахъ нельзя и не ведется природнаго шляхтича выдавать, а если окажется виноватымъ, то его тутъ же казнятъ; но на Лубѣ никакой вины не объявилось: и вамъ бы при великомъ послѣ нашемъ этого Лубу поздорову отпустить, не задерживая". Гонецъ привезъ извѣстіе, что игуменъ, который объявилъ про вора, сидитъ въ Варшавѣ въ оковахъ: дожидаются, что сдѣлаютъ въ Москвѣ надъ Лубою.

Дѣло затянулось слишкомъ на полгода; рѣшительнаго ничего не было. Приставъ выговаривалъ Стемпковскому, что пріѣхавшіе съ нимъ литовскіе послы съ виномъ и табакомъ ходятъ по улицамъ ввечеру поздно и по ночамъ пьяные: царскаго величества всякихъ людей безчестятъ, бранятъ, саблями сѣкутъ, шпагами колютъ. Посолъ въ отвѣтъ просилъ, чтобъ купцамъ позволено было торговать виномъ и табакомъ, потому что въ договорѣ написано торговать всякими товарами. Приставъ отвѣчалъ: „Стыдно такіе товары товарами называть и въ перемирныхъ записяхъ писать; литовскіе купцы сами знаютъ, что по царскому указу за такіе товары всякимъ людямъ чинятъ жестокое наказанье, носы рѣжутъ, кнутомъ бьютъ безъ пощады и въ тюрьмы сажаютъ". Посолъ жаловался: „Хорошо было у насъ царскаго величества посламъ, князю Львову съ товарищами,—сенаторы ихъ почитали, къ себѣ на пиры звали и дарили; жили они въ Польшѣ какъ у родныхъ братьевъ, на поле тѣшиться ѣздили и дома у себя тѣшились; а мнѣ здѣсь великому послу только позоръ и безчестье; живу взаперти, никуда выѣхать не пускаютъ, людей моихъ не пускаютъ на дворъ къ королевичу Датскому". Приставы отвѣчали, что царское величество боленъ, за болѣзнію мало изъ своихъ царскихъ покоевъ выходитъ, а какъ его величеству Богу дастъ облегченье, то думный дьякъ станетъ ему докладывать о всѣхъ дѣлахъ.

Но облегченія не было; неудача въ устройствѣ судьбы дочери нанесла тяжелый ударъ мягкой природѣ царя Михаила, пораженнаго еще въ 1639 году семейнымъ несчастіемъ: въ теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ потерялъ двоихъ сыновей, царевича Ивана и Василія Михайловичей. Въ апрѣлѣ 1645 года доктора—Венделинъ Сибелиста, Іоганнъ Бѣлоу и Артманъ Граманъ—смотрѣли воду и нашли, что желудокъ, печень, селезенка, по причинѣ накопившихся въ нихъ слизей, лишены природной теплоты, и отъ того понемногу кровь водянѣетъ и холодъ бываетъ; отъ того же цынга и другія мокроты родятся. Начали лѣчить государя составнымъ ренскимъ виномъ, приправляя его разными травами и кореньями, чтобъ производить небольшое очищеніе; предписали умѣренность въ пищѣ и питьѣ, запретили ужинать, пить холодныя и кислыя питья. Лѣкарство не помогло; 14 мая прописанъ другой чистительный составъ; 26 мая доктора опять смотрѣли воду: оказалась блѣдна, потому что желудокъ, печень и селезенка безсильны отъ многаго сидѣнья, отъ холодныхъ напитковъ и отъ меланхоліи, сирѣчь кручины; опять прописали пургацію, послѣ которой давали составной сахаръ, велѣли мазать желудокъ бальзамомъ; 5 іюня составили порошокъ отъ головной боли; 12 іюля, въ свои имянины (Михаила Малеина), царь пошелъ къ заутрени; но въ церкви сдѣлался съ нимъ припадокъ, и его принесли уже въ царскія хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась, онъ началъ стонать, жалуясь, что внутренности его терзаются, велѣлъ призвать царицу и сына, шестнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича, съ дядькою его Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха; простился съ женою, благословилъ сына на царство, причемъ сказалъ Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьи и наученіи страху Божію и всякой предмудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ, и соблюлъ его какъ зеницу ока,—такъ и теперь служи". Во второмъ часу ночи, почувствовавъ приближеніе смерти, Михаилъ исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ, послѣ чего, въ началѣ третьяго часа ночи, скончался[1]. Кромѣ сына, Михаилъ оставилъ еще трехъ дочерей,—Ирину, Анну и Татьяну.

---

[1]) Дѣла Польскія № 50, 52, 54, 57, 59, 60, 61, 62, 63; Дѣла Шведскія, № 23; Дѣла Голштинскія; Акты арх. эксп. III, № 318; Времен. Московс. истор. общ. кн. IV; Собр. гос. грам. и дог. III, № 108, 112, 113, 114, 115; Ригельмана—Исторія войска Донскаго (въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ. 1844, № 3); Лѣтопись о мятежахъ. Акты арх. эксп. Ш, № 275; Hammer—Geschichte des osmanischen Reiches; Дѣла Турецкія 1613—1645 г.; Собр. гос. грам. и дог. III № 117, 121; Дѣла Датскія 1613—1645 г.; Сборн. Синод. библ. № 565; Büsching's Magazin X; Pamietniki A. S. Radziwila, II, 116; Дѣла Польскія, № 66, 67, 58; Рукопись Синодал. библіот. № 69 (Аѳанасій Филипповичъ, наставникъ Лубы, говоритъ: «Лацно познати каждому гды бы былъ зъ Мнишковны, то Мнишки одозвали бысся въ повиноватцво; до того еще зъ устъ небожчика Сапѣги гетмана слышалемъ гды педагогомъ былъ, просилемъ килима (ковра) обить ему надъ лужкомъ (кроватью). Теды голосно съ гнѣвомъ рекъ, на що обить, хто его вѣдаетъ, хто онъ есть? Заледве казалъ килимокъ и колдерку (одѣяло) купить»). Акты историч. III, № 246, 296. Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго.

Глава V.

Внутреннее состояніе Московскаго государства въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Значеніе новаго царя.—Слѣдствія Смутнаго времени для вельможества московскаго.—Мѣстничество.—Судьба Годуновыхъ, Шуйскаго, Трубецкаго, Ляпуновыхъ, Пожарскаго, Мининыхъ, Томилы Луговскаго, Грамотина.—Устройство военное.—Состояніе городовъ; торговля и промышленность.—Состояніе сельскаго народонаселенія. — Распространеніе Русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи.—Состояніе Церкви. — Законодательство. — Состояніе правосудія. — Народное право.—Просвѣщеніе и литература.—Путешествіе Олеарія.

Смутное время окончилось избраніемъ царя, и престолъ молодаго Михаила былъ поддержанъ вслѣдствіе того, что люди Московскаго государства наказались, былъ поддержанъ вслѣдствіе стремленія большинства, стремленія земскихъ людей возстановить нарядъ, нарушенный стремленіями меньшинства, возстановить все попрежнему, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ. Понятно, что, при такомъ стремленіи большинства, стремленія слабаго меньшинства къ чему-нибудь другому не могли быть успѣшны. Есть извѣстіе, что бояре взяли съ новаго царя такую же запись, какую далъ Шуйскій, т.-е. „не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предать и вмѣстѣ съ преступникомъ не наказывать его родственниковъ“. Другое извѣстіе говоритъ, что Михаилъ обязался не казнить вельможъ смертію, а наказывать только заточеніемъ. Но судьба Шеина противорѣчитъ этому извѣстію; а судьба родныхъ Шеина противорѣчитъ и первому извѣстію. Значитъ, если и была взята запись, то имѣла силу только въ началѣ царствованія. Въ 1625 году царь извѣщалъ воеводъ: „По нашему указу сдѣлана наша печать новая, больше прежней, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было не сполна, а нынѣ прибавлено на печати въ подписи: Самодержецъ; а что у прежней нашей печати были промежь главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новой печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла корона“. Касательно отношенія бояръ къ царю и къ остальнымъ частямъ московскаго народонаселенія въ началѣ царствованія Михаилова любопытно дѣло о бѣгствѣ знаменитаго Ѳеодора Андронова и о поимкѣ его. 14 марта 1613 года князь Ѳеодоръ Ивановичъ Волконскій, въ домѣ котораго содержался Андроновъ, далъ знать боярамъ, что 13 числа ночью колодникъ отъ него ушелъ. Бояре тотчасъ разошлись ловить его, и Андроновъ былъ пойманъ крестьянами и казаками на Яузѣ, за Калининымъ вражкомъ, отъ Москвы за семь верстъ. Донося объ этомъ происшествіи царю, бояре пишутъ: „А казнить его (Андронова) дворяне, атаманы, казаки и всякіе люди отговорили, потому что о его побѣгѣ писано во всѣ города, и теперь про того измѣнника пишемъ грамоты во всѣ города, что его поймали, и про него бы во всѣхъ городахъ было вѣдомо и сомнѣнья бы нигдѣ не было; а какъ всѣмъ людямъ про того измѣнника объявимъ, и его, государь, вершатъ по его злодѣйскимъ дѣламъ, какъ всякихъ чиновъ и черные люди объ немъ приговорятъ“. Схваченъ былъ московскій торговый человѣкъ Григорій Фонарникъ, который бывалъ у Андронова во время его заточенія и ѣздилъ по городамъ собирать для него деньги. Григорій объявилъ, что эти деньги Андроновъ велѣлъ къ себѣ привезти на постриженье; черезъ того же Григорья, Андроновъ приказывалъ къ князю Ѳедору Волконскому, чтобъ тотъ упросилъ бояръ позволить ему постричься въ Соловкахъ. Князь Волконскій отвѣчалъ, что это дѣло не его, въ томъ воленъ Богъ да государь, да бояре; а когда онъ, Ѳедька Андроновъ, Москву разорялъ, то въ тѣ поры постричься не хотѣлъ [1]).

Послѣ этого ни въ чемъ, ни въ какихъ формахъ и выраженіяхъ мы не замѣчаемъ перемѣнъ въ понятіяхъ о значеніи великаго государя: такъ, мы видимъ, что послы попрежнему противополагаютъ значеніе государя въ Московскомъ государствѣ значенію, какое имѣли короли въ Польшѣ. Соборы созываются очень часто царемъ Михаиломъ, ибо это явленіе было необходимо по тогдашнему состоянію общества: государственныя средства были истощены въ Смутное время; государство было очищено отъ враговъ вслѣдствіе чрезвычайнаго напряженія силъ народныхъ; но это очищеніе не было окончательнымъ, ибо ни внѣшніе, не внутренніе враги не оставляли своихъ притязаній; напряженіе силъ поэтому должно было продолжаться. Новый царь прямо требуетъ этого, требуетъ какъ исполненія обѣщанія поддерживать престолъ, содѣйствовать избранному царю въ окончательномъ очищеніи и успокоеніи государства; такъ, по избраніи своемъ, Михаилъ не хочетъ идти въ Москву до тѣхъ поръ, пока соборъ исполнитъ свое обѣщаніе, прекратитъ разбои по дорогамъ и въ городахъ. Но на этихъ частыхъ соборахъ мы не видимъ также никакой перемѣны въ отношеніяхъ Земли къ государю. Могущественное большинство, значитъ, смотрѣло попрежнему на значеніе царя, и слабое меньшинство должно было сообразоваться съ этимъ взглядомъ.

Меньшинство дѣйствительно было слабо. Наслѣд-

---

[1]) Татищева.—Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства, напечат. въ Альманахѣ, «Утро», 1859 г. Полн. Собран. русск. лѣтоп. V, стр. 55 и см. Собран. государст. грам. и договор. т. III, № 70; Арх. Минист. Иност. Дѣлъ, дѣла приказныя, связка 4.

ственной аристократіи, высшаго сословія, не было, были чины: бояре, окольничіе, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскія. При отсутствіи сословнаго интереса господствовалъ одинъ интересъ родовой, который, въ соединеніи съ чиновнымъ началомъ, породилъ мѣстничество. Все вниманіе чиновнаго человѣка сосредоточено было на томъ, чтобы при чиновномъ распорядкѣ не унизить своего рода. Но понятно, что при такомъ стремленіи поддерживать только достоинство своего рода не могло быть мѣста для общихъ сословныхъ интересовъ, ибо мѣстничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тутъ связь, какіе общіе интересы между людьми, которые при первомъ назначеніи къ царскому столу или береговой службѣ перессоривались между собою за то, что одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, ибо какой-то его родичъ когда-то былъ выше какого-то родича его соперника? Мы видѣли, что князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, высчитывая, по наказу, неправды короля Сигизмунда, долженъ былъ сказать, что король посажалъ на важныя мѣста въ московскомъ управленіи людей недостойныхъ, худородныхъ и въ числѣ послѣднихъ упомянулъ двоихъ князей: такъ князь, нечиновный въ глазахъ князя чиновнаго былъ человѣкъ худородный.

Въ силу мѣстничества, наверху чиновной лѣстницы постоянно являлись однѣ и тѣ же фамиліи: „Бывали на насъ опалы и при прежнихъ царяхъ“, говоритъ тотъ же Воротынскій польскимъ комисарамъ, „но правительства у насъ не отнимали“. Дѣйствительно, и Грозный, заподозривая, опаляясь безпрестанно на вельможъ своихъ, окруживъ себя опричниною, не отнялъ у бояръ земскаго управленія. Бояре, оставшіеся послѣ Грознаго, были, разумѣется, не похожи даже на тѣхъ, которые пережили опалы Іоанна III и сына его Василія: у этихъ было еще въ свѣжей памяти прежнее положеніе князей и дружины; они помнили, что еще Іоаннъ III обращался съ ними не такъ круто, какъ сынъ его Василій, поведеніе котораго поэтому представлялось чѣмъ-то новымъ, еще случайнымъ; но поведеніе Грознаго отняло послѣднія надежды, сломило всѣ притязанія, всякое сопротивленіе. Иные, съ инымъ духомъ вышли, поэтому, бояре изъ тяжелаго испытанія; но все еще у нихъ оставалась старина: несмотря на опалы, правительства съ нихъ не снимали. Понятно, какое важное значеніе должны были пріобрѣсть фамиліи, которыя постоянно находились у правительственнаго дѣла, всякую думу вѣдали, какъ они сами выражались. При отсутствіи просвѣщенія, подобная практика замѣняла все; знаніе обычая, преданія, при исключительномъ господствѣ обычая и преданія,—такое знаніе было верховною государственною мудростію, и люди, которые сами, которыхъ отцы и дѣды думу вѣдали, казались ниже стоящимъ, не посвященнымъ, столпами государства, особенно же тѣ изъ нихъ, которые еще при этомъ отличались умомъ и дѣятельностью. Мы видѣли, какъ мелкочиновный по тогдашнему человѣкъ, стольникъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій говорилъ о великочиновномъ человѣкѣ, бояринѣ князѣ Василіи Васильевичѣ Голицынѣ: „Если бы теперь такой столпъ, какъ князь Василій Васильевичъ, то за него бы вся Земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся“. Почему же князь Голицынъ могъ казаться такъ высокъ знаменитому воеводѣ-освободителю? Самъ Голицынъ объясняетъ намъ дѣло: „Насъ изъ Думы не высылывали, мы всякую думу вѣдали“, говоритъ онъ.

Но Голицынъ не возвратился изъ неволи литовской, братъ его Андрей погибъ, отстаивая честь Думы, оскверненной присутствіемъ Ѳедьки Андронова съ товарищи, оба они сошли со сцены вслѣдствіе событій Смутнаго времени, которое имѣетъ важное значеніе въ судьбахъ древней московской знати. Такая буря не могла пройти безъ того, чтобъ не растрясти многаго; особенно сильно было потрясеніе, когда, послѣ гибели перваго Лжедимитрія, началась усобица между двумя царями—царемъ Московскимъ, Шуйскимъ, и царемъ Таборскимъ, или Тушинскимъ, вторымъ самозванцемъ. Послѣдній, чтобъ имѣть средства бороться съ Шуйскимъ, чтобъ имѣть и дворъ, и думу, и войско, обратился къ людямъ, которые не могли быть при Дворѣ, въ Думѣ, въ войскѣ Московскаго царя, или, по крайней мѣрѣ, не могли получить въ нихъ важнаго значенія. Тушинскій самозванецъ и воеводы его возстановляли не одни самые низшіе слои народонаселенія противъ высшихъ, предлагая первымъ мѣста послѣднихъ: сильное броженіе поднялось во всѣхъ сферахъ; все, что только хотѣло какими бы то ни было средствами выдвинуться впередъ, получить чины высшіе, какихъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей получить было нельзя,—все это бросилось въ Тушино, начиная отъ князей, которые изъ стольниковъ или окольничихъ хотѣли быть поскорѣе боярами, до людей изъ черни, которые хотѣли быть дьяками и думными дворянами, и всѣ эти люди получили желаемое. Послѣ Клушинской битвы, уничтожившей окончательно средства Шуйскаго, бояре, чтобъ не подчиниться холопскому царю, второму Лжедимитрію, провозгласили царемъ королевича Польскаго; но тушинскіе выскочки уже прежде забѣжали къ королю, и, готовые на все, чтобы только удержать пріобрѣтенное въ Тушинѣ положеніе, присягнули самому королю вмѣсто королевича, обязались хлопотать въ Москвѣ въ пользу Сигизмунда:—и вотъ бояре, которые готовы были на все, чтобъ отдѣлаться отъ ненавистнаго Тушина, съ ужасомъ увидали, какъ Тушинцы ворвались къ нимъ въ Думу подъ прикрытіемъ Поляка Гонсѣвскаго, какъ торговый мужикъ Ѳедька Андроновъ засѣлъ вмѣстѣ съ Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Это была уже смерть боярамъ, по ихъ собственнымъ словамъ; но дѣлать было нечего,—они были въ плѣну у Поляковъ: кто изъ нихъ поднималъ голосъ, того

сажали за приставовъ, какъ посадили Андрея Голицына и Воротынскаго. А между тѣмъ Земля, обманутая королемъ, поднималась во имя православія; за неимѣніемъ столповъ, Земля должна была обратиться къ людямъ незначительнымъ,—и вотъ опять пошли впередъ малочиновные люди. Начальниками перваго возстанія были: Ляпуновъ, одинъ изъ первыхъ, который воспользовался Смутнымъ временемъ, чтобъ выдвинуться впередъ, — Ляпуновъ, враждебно относившійся къ боярамъ и вообще отецкимъ дѣтямъ, а подлѣ Ляпунова тушинскіе бояре, князь Трубецкой и казакъ Заруцкій. „Какъ такимъ людямъ, Трубецкому и Заруцкому, государстомъ управлять?—они и своими дѣлами управлять не могутъ“, писали бояре изъ Москвы по областямъ. Русскіе люди были согласны въ этомъ съ боярами, но никакъ не хотѣли согласиться въ томъ, что надобно держаться Владислава, т.-е. дожидаться, пока придетъ самъ старый король въ Москву съ іезуитами,—и выставили второе ополченіе, главный воевода котораго былъ членъ захудалаго княжескаго рода, малочиновный человѣкъ, стольникъ Пожарскій, а подлѣ него мясникъ Мининъ.

Ополченіе успѣло въ своемъ дѣлѣ; большинство, истомленное смутами, громко требовало, чтобъ все было постарому; старина была дѣйствительно возстановлена, но не вполнѣ, ибо въ народѣ историческомъ никакое событіе не проходитъ безслѣдно, не подѣйствовавъ на ту или другую часть общественаго организма. Въ первенствующихъ фамиліяхъ оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, удалились Годуновы, исчезли Шуйскіе безпотомствено, за ними Мстиславскіе, затѣмъ Воротынскіе, изгибли самые важные, самые энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ наверху и хранившихъ старыя преданія, изчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе. Такъ Смутное время доканчивало то дѣло, которое коренилось въ первоначальныхъ отношеніяхъ государственныхъ органовъ при самомъ началѣ исторіи, и ясно вскрылось въ половинѣ XV-го вѣка, когда сложилось Московское государство. Въ это время княжескіе и старые вельможескіе роды, обступившіе престолъ собирателя Земли, государя всея Руси, не принесли съ собою средствъ для поддержанія своей самостоятельности. Это не были богатые наслѣдственные владѣльцы цѣлыхъ областей и городовъ, которые бы могли дать средства къ жизни многочисленнымъ подручникамъ, удѣляя имъ земельные участки, содержа ихъ на жалованьи съ зависимостію отъ себя. Князья отъ старинныхъ княжествъ своихъ принесли только родовыя прозванія: отчины же ихъ составлялись изъ прежней частной собственности князей, которая дробилась все болѣе и болѣе вслѣдствіе сильнаго распложенія родовъ и отсутствія майората, умалялась вслѣдствіе обычая отдавать отчины въ монастыри на поминъ души. Одинъ только великій князь, государь всея Руси, имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромное количество земли, раздавая которое въ помѣстья, онъ могъ создать себѣ многочисленное войско, вполнѣ отъ него зависѣвшее. Умноженіе и поддержаніе этого войска, доставленіе ему возможности быть всегда готовымъ—становится главнымъ интересомъ государства, и мы видѣли, какое вліяніе имѣлъ этотъ интересъ на земледѣльческое народонаселеніе въ концѣ XVI вѣка. Для служилыхъ людей, для этой военной массы, для этого большинства интересъ помѣстья былъ интересомъ исключительнымъ, и ему государство поспѣшило удовлетворить. У людей высшихъ чиновъ были другіе интересы, и, послѣ долгой и тяжелой борьбы, казалось, этимъ интересамъ ихъ будетъ удовлетвореніе, когда Шуйскій далъ извѣстную запись. Но наступила смута: поднялись казаки; бояре были заперты въ Москвѣ, а служилые люди, дворяне и дѣти боярскія дѣйствовали подъ предводительствомъ своихъ, очистили государство, прогнали казаковъ. Опять они на первомъ планѣ, съ своимъ исключительнымъ интересомъ, интересомъ помѣстья, и съ своимъ нерасположеніемъ къ людямъ, которые, имѣя бо̀льшія противъ нихъ выгоды, имѣютъ несоотвѣтственные выгодамъ обязанности и труды. Съ этимъ интересомъ своимъ, который постоянно сталкивался съ интересами людей сильныхъ, богатыхъ и вельможныхъ, съ этимъ соперничествомъ и нерасположеніемъ къ нимъ, служилые люди, разумѣется, не могли сочувствовать ихъ интересу, не могли поддерживать ихъ стремленія. Подлѣ служилыхъ людей въ дѣлѣ очищенія государства стояли жители городовъ; но у этихъ опять были свои интересы: разгромленные въ Смутное время, отбывши своихъ промышлениковъ; угнетаемые пятою деньгою, необходимою для окончательнаго возстановленія государства; ведя постоянную борьбу съ воеводами и губными старостами, защиту отъ которыхъ находили въ царской власти, не оставлявшей жалобъ ихъ безъ вниманія,—горожане нисколько не могли сочувствовать интересу тѣхъ чиновъ, къ которымъ принадлежали ихъ воеводы. Надобно читать принадлежащее горожанину Псковское сказаніе о Смутномъ времени и о царствованіи Михаила Ѳеодоровича, чтобъ узнать все нерасположеніе горожанъ къ поступку бояръ относительно записи, обезпечивавшей интересъ боярскій. Наконецъ, должно замѣтить, что личность царя Михаила, какъ нельзя болѣе, способствовала укрѣпленію его власти; мягкость, доброта и чистота этого государя производили на народъ самое выгодное для верховной власти впечатлѣніе, самымъ выгоднымъ образомъ представляли эту власть въ глазахъ народа;—извѣстная доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать отъ него, и все, что не нравилось тому или другому, падало на отвѣтственность лицъ, посредствующихъ между верховною властію и народомъ. То же самое Псков-

ское сказаніе, которое конечно нельзя заподозрить въ оффиціальной лести, всего лучше выражаетъ этотъ взглядъ народа на царя Михаила.

Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій въ первое десятилѣтіе царствованія Михаилова по-прежнему занималъ первое мѣсто въ Думѣ, былъ именнымъ представителемъ боярства, ибо попрежнему писалось: „Бояре—князь Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищи"; онъ умеръ въ 1622 году. Неспособный, какъ мы видѣли, и прежде играть дѣйствительно первенствующую роль, князь Мстиславскій, разумѣется, не могъ пріобрѣсть важнаго значенія при Михаилѣ; энергія князя Воротынскаго ограничивалась, какъ видно, только протестомъ противъ униженія Мстиславскихъ и Воротынскихъ; онъ умеръ въ 1627 году. И Дума и Дворъ въ первые годы царствованія Михаилова находились въ смутномъ положеніи, изобличали безпорядокъ, бывающій обыкновенно слѣдствіемъ сильныхъ бурь: развалины старины, слабыя, безпомощныя, лишенныя главныхъ подпоръ своихъ, низвергнутыхъ бурею; подлѣ нихъ нанесенный ураганомъ новый слой, также еще не утвердившійся крѣпко, не вошедшій въ свое положеніе. При такомъ неопредѣленномъ состояніи и при отсутствіи твердой руки, которая бы все привела въ порядокъ, каждому дала свое мѣсто, всего легче людямъ энергическимъ, ловкимъ, дерзкимъ и неразборчивымъ въ средствахъ, овладѣть волею другихъ и пріобрѣсть видное мѣсто: таковы были въ началѣ царствованія Михаилова Салтыковы, подкрѣпляемые родственною связью съ матерью царскою. Филаретъ Никитичъ низвергнулъ ихъ, и во время его правленія они были въ заточеніи необратномъ; но послѣ смерти его немедленно возвращены съ прежними чинами; а въ 1641 году Михайла Михайловичъ получилъ боярство. Есть извѣстіе, что во время двоевластія особенно усилился князь Борисъ Александровичъ Репнинъ. Эта сила возбудила негодованіе въ другихъ боярахъ, къ которымъ по смерти Филарета Никитича пристала и царица. Боярамъ удалось удалить Репнина изъ Москвы: его послали воеводою въ Астрахань, подъ предлогомъ утушенія ногайскаго возмущенія, и во время отсутствія успѣли очернить передъ царемъ[1]). Достовѣрно о князѣ Борисѣ Репнинѣ намъ извѣстно только то, что онъ пожалованъ въ бояре изъ стольниковъ въ январѣ 1640 года; въ маѣ 1642 онъ былъ отправленъ въ Тверь искать золотой руды, а въ апрѣлѣ 1643, какъ мы видѣли, онъ дѣйствительно былъ отправленъ въ Астрахань по вѣстямъ объ измѣнѣ ногайскихъ Татаръ. Мы видѣли также [2]), что при Годуновѣ отецъ князя Бориса, Александръ Репнинъ, съ Ѳедоромъ Романовымъ и княземъ Иваномъ Сицкимъ были между собою братья и великіе друзья; поэтому не удивительно, что князь Борисъ, бывшій, какъ видно, дѣятельнѣе и способнѣе старшаго брата своего, князя Петра, могъ пріобрѣсть большую силу въ правленіе Филарета Никитича.

Родовой интересъ съ чиновнымъ началомъ были по-прежнему на первомъ планѣ, и потому, чтобъ понять тогдашнія вельможескія отношенія, мы должны обратиться къ ихъ мѣстническимъ спорамъ. Въ 1613 году, на праздникъ Рождества Богородицы были приглашены къ царскому столу бояре, князь Ѳ. И. Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ и князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. Родной дядя царскій безспорно уступалъ мѣсто князю Мстиславскому, но Лыковъ не хотѣлъ уступить Романову и втораго мѣста, и билъ челомъ, что ему меньше Ивана Никитича быть невмѣстно. Государь на князя Бориса кручинился и говорилъ ему много разъ, чтобъ онъ у стола былъ, что подъ Иваномъ Никитичемъ быть ему можно, и Лыковъ на этотъ разъ уступилъ убѣжденіямъ царя; но потомъ раскаялся въ своей уступчивости. Въ апрѣлѣ 1614 года, въ Вербное воскресенье, опять были приглашены къ царскому столу князь Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ и князь Лыковъ,—и опять Лыковъ билъ челомъ на Романова: государь напомнилъ ему, что прошлаго года онъ сидѣлъ ниже Ивана Никитича; Лыковъ отвѣчалъ, что ему меньше Романова быть никакъ нельзя, лучше пусть государь велитъ казнить его смертью; а если государь укажетъ быть ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству, потому что ему, государю, Иванъ Никитичъ дядя, то онъ съ Иваномъ Никитичемъ быть готовъ". Государь возражалъ, что ему, Лыкову, меньше Ивана Никитича можно быть по многимъ причинамъ, и не по родству, и онъ бы его, государя, не кручинилъ, садился подъ Иваномъ Никитичемъ; но Лыковъ не послушался, за столъ не сѣлъ и уѣхалъ домой; два раза посылали за нимъ, и все понапрасну, посланнымъ былъ одинъ отвѣтъ: „Готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать". Тогда государь велѣлъ его выдать головою Романову. Пріѣхалъ посолъ персидскій, назначили рындъ на представленіи посла царю; но рынды стали мѣстничаться, вслѣдствіе чего одинъ изъ нихъ убѣжалъ изъ дворца и спрятался, другой сказался больнымъ; царь долго дожидался—нѣтъ рындъ! наконецъ назначили князя Василія Ромодановскаго и къ нему въ товарищи привели Ивана Чепчюгова, который сказывался больнымъ; но Чепчюговъ билъ челомъ, что ему съ Ромодановскимъ быть невмѣстно. Тутъ вступился въ дѣло князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій по однородству съ Ромодановскими, и билъ челомъ, что Чепчюговъ весь родъ ихъ обезчестилъ, будучи молодаго отца сыномъ, дѣдъ его былъ татарскимъ головою, да и то по случаю, потому что былъ Щелкаловымъ свой, и тѣ по его свойству вынесли; государь велѣлъ Чепчюгова битъ батогами и выдать головою князю Ромодановскому. Съ Чепчюговымъ, молодаго отца сыномъ, легко было сладить Пожарскому; но иначе кончилось его

[1]) Неиздан. бумаги Татищева библіот. Арх. Министр. Иностран. Дѣлъ.

[2]) Исторія Россіи, VIII.

собственное мѣстническое дѣло съ Салтыковыми. Пожаловалъ государь въ бояре извѣстнаго уже намъ Бориса Михайловича Салтыкова, а у сказки велѣлъ стоять боярину князю Д. М. Пожарскому. Пожарскій билъ челомъ, что онъ Салтыкову боярство сказывать и меньше его быть не можетъ. Началось дѣло въ присутствіи государя, и найдено, что родичъ Пожарскаго, князь Ромодановскій, былъ товарищемъ съ знаменитымъ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ, а Михайла Глѣбовичъ, по родству, меньше Бориса Михайловича Салтыкова; найдено, что Пушкины ровны Пожарскому и, въ то же время, гораздо меньше Михаилы Глѣбовича Салтыкова. Когда читались всѣ эти статьи, Пожарскій молчалъ, говорить было нечего; государь потребовалъ отъ него, чтобъ онъ сказалъ боярство Салтыкову, меньше котораго быть ему можно; но Пожарскій не послушался, съѣхалъ къ себѣ на дворъ и сказался больнымъ. Боярство сказалъ Салтыкову думный дьякъ, а въ разрядѣ записали, что сказывалъ Пожарскій; но Салтыковъ этимъ не удовольствовался, билъ челомъ о безчестьи, и Пожарскій былъ выданъ ему головою. 10 іюня іюня 1618 года писалъ изъ Калуги къ государю бояринъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, что онъ лежитъ боленъ и ожидаетъ смерти часъ отъ часу; государь указалъ послать къ нему съ милостивымъ словомъ спросить о здоровьи стольника Юрія Игнатьева Татищева, но Татищевъ сталъ бить челомъ, что ему къ князю Пожарскому ѣхать невмѣстно; ему отвѣчали, что ѣхать можно; но онъ государева указа не послушалъ, сбѣжалъ изъ дворца и у себя дома не сказался. Его высѣкли кнутомъ и послали къ Пожарскому головою. Въ 1627 году государь указалъ быть у себя въ рындахъ стольникамъ, князю Петру да князю Ѳедору, дѣтямъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, и съ ними князю Ѳедору и князю Петру Ѳедоровичамъ Волконскимъ. Волконскіе били челомъ, что они съ Пожарскими быть готовы, но чтобъ отъ того впередъ ихъ отечеству порухи не было, потому что на князя Димитрія Михайловича Пожарскаго били челомъ Гаврила Пушкинъ и другіе, которые имъ въ версту. Государь велѣлъ имъ сказать, что они бьютъ челомъ не дѣломъ, быть имъ съ Пожарскими можно всегда безсловно, Гаврилѣ Пушкину въ челобитьи на Пожарскаго отказано, а другимъ было наказанье. Волконскіе были въ рындахъ; но князь Димитрій Михайловичъ этимъ не удовольствовался, билъ челомъ, что Волконскіе своимъ челобитьемъ сыновей его позорятъ, тогда какъ и прадѣдамъ Волконскихъ съ его дѣтьми не сошлось. Государи приказали послать Волконскихъ въ тюрьму. Въ 1634 году Бориса Пушкина посадили въ тюрьму за челобитье на Пожарскаго.

Былъ въ это время въ царской службѣ знатный выходецъ изъ Крыма, князь Юрій Еншеевичъ Сулешовъ; когда вмѣстѣ съ нимъ назначили рындою Ивана Петровича Шереметева, то послѣдній билъ челомъ, что „князь Сулешовъ иноземецъ, а въ нашу версту до сихъ поръ никто меньше его не бывалъ, и въ томъ твоя государева воля, какова ты его, государь, ни учинишь,—намъ все равно, только бы нашему отечеству впередъ порухи отъ того не было“. Тутъ стали бить челомъ на Шереметова Бутурлинъ, Плещеевъ, князь Троекуровъ: „Бьетъ онъ челомъ на князя Сулешова, сказываетъ, будто въ его версту съ княземъ Юріемъ никто не бывалъ, но мы прежде съ княземъ Юріемъ бывали, а отечествомъ мы Ивана Шереметева ничѣмъ не хуже, и онъ насъ этимъ безчеститъ“. Сулешовъ билъ челомъ: „Не только Ивану Шереметеву, хотя бы кто и лучше его, то по вашей государской милости и по моему отечеству можно быть со мною; князя Петра Урусова царь Василій развелъ (сдѣлалъ равнымъ) съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши родственники въ Крыму гораздо честнѣе Урусовыхъ, и то вамъ, государямъ, извѣстно“. Шереметевъ отвѣчалъ: „Князья Урусовы и Сулешовы крымскіе роды въ Московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, кто кого больше или меньше,—это въ государевой волѣ; хочетъ онъ, государь, иноземца учинить у себя честнымъ и великимъ—и учинитъ, а до сихъ поръ никто въ Шереметевыхъ версту съ княземъ Юріемъ не бывалъ“. Государь велѣлъ сказать Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешовымъ по иноземству. Но и послѣ этого мѣстническія придирки не оставили Сулешова въ покоѣ: такъ, бояринъ князь Григорій Ромодановскій билъ челомъ, что ему меньше боярина князя Юрія Сулешова быть невмѣстно потому: „Когда я въ прошломъ 1615 году посланъ былъ на съѣздъ съ крымскими послами, то посломъ въ то время былъ большой дядя князя Юрія—Ахметъ-паша Сулешовъ, и пріѣзжалъ онъ ко мнѣ на съѣздъ и въ государевомъ шатрѣ у меня былъ“. Государь и патріархъ князю Григорію говорили: какія ему съ Ахметъ-пашою мѣста? Ахметъ-паша служитъ Крымскому царю, а князь Юрій служитъ государю! Ромодановскій успокоился. Окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ билъ челомъ, что ему меньше боярина Василія Петровича Морозова быть нельзя; государь приговорилъ Годунова послать въ тюрьму за безчестье Морозова; несмотря на то, Годуновъ возобновилъ челобитье и указалъ случай, что подъ Кромами племянникъ его, Иванъ Годуновъ, былъ выше Морозова; тогда весь родъ Морозовы и Салтыковы били челомъ, что никогда Годуновымъ съ Морозовыми и Салтыковыми не сошлось, а что Годуновъ упрекаетъ ихъ племянникомъ своимъ, то царю Борису была тогда воля, по свойству своихъ выносилъ, и говорить было противъ царя Бориса нельзя, вѣдомо и самому государю, каково было при царѣ Борисѣ: многихъ своею неправдою погубилъ и разослалъ. Годунова посадили въ тюрьму и выдали головою Морозову. Но, выигравши передъ Годуновыми, Морозовъ потерялъ передъ знаменитымъ княземъ Димитріемъ Тимоѳеевичемъ Трубец-

кимъ, которому назначено было встрѣчать Филарета Никитича ближе къ Москвѣ, чѣмъ Морозову; послѣдній при этомъ объявилъ, что уступаетъ Трубецкому потому только, что государь приказалъ всѣмъ быть безъ мѣстъ; но Трубецкой за это объявленіе сталъ его бранить и позорить передъ боярами, называлъ страдникомъ (мужикомъ). На это Морозовъ отвѣчалъ, что въ 1597 году князь Иванъ Куракинъ билъ челомъ о мѣстахъ на большаго брата Димитріева, князя Юрія Трубецкаго, и съ нимъ не былъ, князь Юрій Трубецкой теперь въ измѣнѣ, служитъ королю, а прежнее государево уложенье: которые бывали въ дѣлахъ и отъѣзжали, тѣ у себя и у своего рода теряли многія мѣста. Государи Михаилъ и Филаретъ, выслушавъ челобитье обоихъ бояръ, Трубецкаго и Морозова, приказали боярамъ поговорить объ этомъ дѣлѣ, и состоялся приговоръ: сказать Морозову, что онъ билъ челомъ не дѣломъ, и посадить его въ тюрьму; но государь, для радостной встрѣчи отца своего, освободилъ Морозова отъ тюрьмы.

Въ 1623 году, на свадьбѣ Татарскаго царевича Михайлы Кайбуловича поссорились однородцы Бутурлины: Василій Клепикъ-Бутурлинъ билъ челомъ, что ему велѣно быть на свадьбѣ въ сидячихъ, а брату его, окольничему Ѳедору Левонтьевичу Ворону-Бутурлину, въ посаженныхъ отцахъ, и ему въ сидячихъ быть нельзя, потому что онъ по роду своему больше Ѳедора многими мѣстами; а Ѳедоръ билъ челомъ, что Василію можно быть меньше его: „Въ родствѣ они съ нами,“ говорилъ онъ, „разошлись далеко, служили по Новгороду и отечество свое истеряли; а дѣды его, Ѳедоровы, родные, и дядя, и отецъ отечества своего нигдѣ не истеряли, и на свою братью Новгородцевъ этихъ бивали челомъ, чтобъ ими не считаться; эти Новгородцы бывали съ ихъ дѣдами и отцами въ товарищахъ, бывали и въ головахъ; а ихъ отцы и дѣды знатны были, и во всѣхъ государевыхъ чинахъ бывали и въ родословцѣ описаны всѣ по именамъ, а Новгородцевъ этихъ почему знать: сколько ихъ плодилось и кто у нихъ большой и меньшой братъ? и они ихъ не знаютъ, и какъ имъ считаться съ ними по роду“? Государи, слушавъ выписки изъ разрядовъ и родословца, указали: по разрядамъ окольничаго Ѳедора Бутурлина оправить, а Василія Клепика да Ивана Матвѣева Бутурлиныхъ обвинить; а что по родословцу Василій да Иванъ пошли отъ большаго брата, а Ѳедоръ—отъ меньшаго, то послѣ родители Василья и Ивана потеряли многими потерками. На государевой свадьбѣ въ 1624 году произошелъ споръ между лицами познатнѣе. Чтобъ избѣжать мѣстничества, государь указалъ быть на своей радости безъ мѣстъ, и для укрѣпленья велѣлъ подписать указъ думнымъ дьякамъ и приложить государеву печать. Несмотря на то, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ объявилъ, что ему меньше бояръ, князей Ивана Ивановича Шуйскаго и Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго быть нельзя, и на свадьбу не поѣхалъ; на увѣщанія царя и патріарха отвѣчалъ обычными словами: „Хотя вели, государь, казнить, а мнѣ меньше Шуйскаго и Трубецкаго быть никакъ нельзя“. Государь объявилъ объ этомъ боярамъ, и тѣ отвѣчали, что князь Иванъ Голицынъ сдѣлалъ такъ измѣною и по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья. Вслѣдствіе этого приговора, великіе государи указали: у князя Ивана Голицына за его непослушанье и измѣну помѣстья и вотчины отписать, оставить за нимъ въ Арзамасѣ одно вотчинное село, которое поменьше, а его съ женою сослать въ Пермь. Въ 1642 году, племянникъ этого Голицына, бояринъ, князь Иванъ Андреевичъ, проигралъ дѣло съ княземъ Черкасскимъ; думный дьякъ сказалъ ему: „Былъ государь при иноземцахъ въ Золотой палатѣ, и ты, князь Иванъ, въ то время хотѣлъ сѣсть выше боярина князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго и называлъ его своимъ братомъ, и тѣмъ его обезчестилъ; бояринъ—князь Дмитрій Мамстрюковичъ человѣкъ великій и честь ихъ старая, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дядя его, князь Михаилъ Темрюковичъ, былъ въ великой чести и бывали съ нимъ многіе“. Голицына посадили въ тюрьму. Мы видѣли, что князь Лыковъ за свой отказъ быть съ Черкасскимъ долженъ былъ заплатить безчестье послѣднему; Пожарскій соглашался быть съ Черкасскимъ въ младшихъ воеводахъ безспорно; но въ 1633 году князья Куракинъ и Одоевскій, назначенные въ сходъ къ Черкасскому, били челомъ, что они быть съ Черкасскимъ готовы: но если впередъ кто-нибудь изъ равныхъ или меньшихъ имъ не захочетъ быть съ нимъ въ товарищахъ, то чтобъ отъ этого имъ, Куракину и Одоевскому, и родичамъ ихъ безчестья и позору не было, причемъ Одоевскій припомянулъ о дѣлѣ Лыкова. Черкасскій билъ челомъ на Куракина и Одоевскаго, говорилъ, что Лыковъ билъ челомъ, будто ему въ одномъ полку съ нимъ быть нельзя за тяжелымъ его нравомъ, а не за отчествомъ, да и за это недѣльное челобитье доправлено на князѣ Лыковѣ безчестья 1,200 рублей; а въ отчествѣ князю Лыкову бить на него челомъ нельзя; при прежнихъ государяхъ съ его, Черкасскаго, ближними родственниками бывали князь Шейдяковъ и другіе многіе большіе роды, до которыхъ и лучшимъ въ ихъ родахъ между Оболенскими, Куракиными и Одоевскими въ отчествѣ многими мѣстами не достало. Бояре приговорили Одоевскаго и Куракина посадить въ тюрьму.

По-прежнему, не было почти ни одного назначенія на службу, при которомъ бы назначенные люди не били челомъ другъ на друга; въ 1624 г. въ Тулу были назначены воеводами князья Иванъ Голицынъ и Никифоръ Мещерскій, — и Голицынъ далъ знать государю, что дворяне приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ, согенные и подъѣздные списки передъ нимъ пометали, и сказали, что имъ въ головахъ отъ него быть нельзя для товарища его князя Никифора Мещерскаго. Въ 1633 году послалъ государь въ Старо-

дубъ къ воеводѣ Бутурлину въ товарищи воеводу Алябьева, да съ нимъ велѣно быть дворянамъ московскимъ, жильцамъ и дворовымъ людямъ; но дворяне и жильцы били челомъ государю на Алябьева, что у него въ полку быть нельзя, потому что и послѣдній дворянинъ и жилецъ ему, Алябьеву, въ версту; тогда государь указалъ дворянамъ и жильцамъ быть съ однимъ Бутурлинымъ, а съ Алябьевымъ указалъ быть дворовымъ людямъ: подымочникамъ, сытникамъ, конюхамъ, кречетникамъ, сокольникамъ, охотникамъ и дѣтямъ боярскимъ царицына чина. Иногда дворянинъ билъ челомъ, что ему нельзя быть въ товарищахъ у такого-то по мѣстническимъ счетамъ, а на дѣлѣ выходило, что подъ этимъ предлогомъ онъ только хотѣлъ отбыть отъ службы: такъ, въ 1614 году, Кикинъ билъ челомъ на Михалкова, а потомъ признался, что ему до Михалковыхъ въ отечествѣ дѣла нѣтъ, да и не сошлось, а билъ онъ челомъ для того, что онъ человѣкъ бѣдный, подняться ему было въ назначенную посылку нечѣмъ, и онъ думалъ, что его отъ этой посылки отставятъ. Въ 1618 г. стольникъ Богданъ Нагово растравилъ себѣ руку, чтобъ не быть въ рындахъ вмѣстѣ съ княземъ Прозоровскимъ. Ревность къ поддержанію родовой чести выводила иногда наружу удивительныя дѣла: въ 1621 г. пріѣхалъ въ Москву съ воеводства изъ Бѣжецкаго Верха Максимъ Языковъ и подалъ въ разрядъ послужные списки, какъ приходили къ Бѣжецкому Верху Черкасы, и въ послужныхъ спискахъ написаны отъ него головы съ сотнями: князь Андрей Мордкинъ, Давидъ Милюковъ, Алексѣй Ушаковъ; но Мордкинъ и Мелюковъ подали челобитья, что все это Языковъ выдумалъ, они въ головахъ у него не бывали, не сошлось имъ быть у такого въ головахъ, да и службу свою Языковъ ложно писалъ къ государю: Литовскихъ людей онъ никогда не побивалъ и приступу къ городу не бывало. По государеву указу, обыскивали всѣмъ городомъ и нашли дѣйствительно, что Языковъ Литовскихъ людей никогда не побивалъ, приступу къ городу не бывало, и въ головахъ у него князь Мордкинъ, Милюковъ и Ушаковъ не бывали. Государь велѣлъ Языкова за воровство бить батогами нещадно, да жалованья денежнаго убавить 25 рублей и помѣстнаго оклада полтораста четвертей, а за безчестье Мордкина, Милюкова и Ушакова посадить въ тюрьму на три дня. Явилась попытка подчинить родовымъ счетамъ не только назначеніе на мѣста, но и повышеніе въ чины; князь Ѳеодоръ Лыковъ билъ челомъ на брата своего, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, что „меньшой мой братъ князь Борисъ въ боярахъ, а мнѣ позорно быть въ окольничихъ“. Но государь челобитья его не послушалъ,—велѣлъ ему быть въ окольничихъ. Назначеніе женщинъ къ разнымъ торжествамъ придворнымъ, на обѣды къ царицѣ подавало поводъ также къ мѣстническимъ спорамъ, и женщинамъ приказывалось иногда быть безъ мѣстъ.

Наскучивъ безпрестанными спорами и челобитными при всякомъ назначеніи, даже и при назначеніи въ рынды, велѣли-было назначать туда изъ меньшихъ статей, изъ людей неродословныхъ, которымъ нельзя было считаться службою предковъ; но и тутъ не избѣжали челобитій; такъ стряпчій Ларіоновъ, назначенный въ рынды вмѣстѣ съ другимъ стряпчимъ Телепневымъ, билъ челомъ, что его, Ларіонова, отецъ былъ городовой сынъ боярскій, а Телепнева отецъ былъ подъячій и изъ подъячихъ дьякъ, и потому государь бы пожаловалъ, велѣлъ сыскать. Ему отвѣчали, что ему пригоже быть съ Телепневымъ, потому что отецъ послѣдняго былъ у государя думный дьякъ, а его, Ларіонова, отецъ — рядовой дьякъ, и что они оба люди неродословные, и счету имъ нѣтъ: гдѣ государь велитъ быть, тотъ тамъ и будь. Несмотря на то, Ларіоновъ билъ челомъ въ другой разъ; государь кручинился, велѣлъ его изъ стряпчихъ выкинуть и написать съ города за то, что онъ государева указа не послушалъ; при этомъ думный дьякъ говорилъ государевымъ словомъ, что государь для докуки и челобитья велѣлъ изъ меньшихъ статей выбирать, къ чему были и недостойны такіе, но и тѣ бьютъ челомъ! Но мало того, что неродословные считались съ неродословными же, часто неродословные били челомъ на родословныхъ, что особенно возбуждало негодованіе бояръ, разбиравшихъ мѣстническія дѣла. При такихъ челобитьяхъ родословные люди не хотѣли даже и судиться съ неродословными, такъ князья Ромадановскіе на судъ не пошли съ Леонтьевыми, и сказали: „Намъ съ Леонтьевыми на судъ идти неумѣстно, потому что они люди неродословные, молодыя дѣтишки боярскія, а неродословнымъ людямъ съ нами, родословными людьми, никогда счета не бываетъ“, и называли Ромодановскіе Леонтьевыхъ коновалами. Когда, въ 1635 г. Фустовъ билъ челомъ на князя Борятинскаго на томъ основаніи, что дядя Фустова при царѣ Иванѣ въ нѣмецкихъ походахъ былъ больше одного изъ князей Борятинскихъ, то думный дьякъ сказалъ Фустову: „Ты билъ челомъ не дѣломъ,—Борятинскіе люди честные и родословные, а ты человѣкъ неродословный, хотя родственники твои и бывали въ разрядахъ больше Борятинскихъ, только быть тебѣ меньше Борятинскихъ можно“. Въ слѣдующемъ году, по поводу челобитья Голенищева на князя же Борятинскаго, челобитчику было сказано, что ему можно быть съ Борятинскимъ, ибо Борятинскіе князья нарочитые. Когда тутъ же Мясной билъ челомъ на Ржевскаго, то ему сказано: „Вы люди нарочитые, а Ржевскіе нарочитые родословные люди“. Неродословнымъ иногда больно доставалось за челобитье на родословныхъ; въ 1617 году Леонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, за что думный дьякъ билъ его по щекамъ. Въ 1620 году Чихачевъ билъ челомъ на князя Шаховскаго; бояре приговорили челобитчика бить кнутомъ, но думный дьякъ, знаменитый Томила Луговской, сказалъ боярамъ: „Долго этого ждать“, да, взявши палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ,

а бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ другою палкою билъ также по спинѣ и по ногамъ, и оба приговаривали: „Не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру“. Двоевластіе подало также разъ поводъ къ мѣстническому дѣлу: князь Петръ Репнинъ, посланный отъ патріарха Филарета подчивать персидскаго посла, билъ челомъ, что князь Сицкій, посланный прежде подчивать посла отъ государя, хвалится, что онъ этимъ сталъ больше его, князя Репнина. Государь велѣлъ сказать Репнину, что каковъ онъ государь, таковъ же и отецъ его государевъ, ихъ государское величество нераздѣльно, тутъ мѣстъ нѣтъ, впередъ бы онъ объ этомъ дѣлѣ не билъ челомъ и ихъ, великихъ государей, на гнѣвъ не воздвитнулъ. Въ 1621 г. государи велѣли сказать боярамъ: „Посылаются въ разныя государства послы, посланники и гонцы изъ дворянъ большихъ и городовыхъ по разнымъ государскимъ дѣламъ, и тѣ дворяне бьютъ челомъ государю, что имъ ѣхать невозможно, потому что прежде посылались въ послахъ и посланникахъ ихъ же братья дворяне, которые имъ въ версту, а ихъ посылаютъ въ посланникахъ, и въ томъ себѣ ставятъ безчестье и мѣста; а прежде объ этомъ не бивали челомъ и мѣстъ тутъ не бывало, потому что посылка посламъ, посланникамъ и гонцамъ бываетъ въ разныя государства по разнымъ дѣламъ, и не вмѣстѣ посылаютъ и не за однимъ дѣломъ, часто случается быть дворянамъ въ посланникахъ, потомъ въ послахъ, а потомъ опять въ посланникахъ или гонцахъ, смотря по дѣлу; это челобитье дворяне вводятъ новое, для своей чести, а государеву дѣлу чинятъ помѣшку; счетъ и челобитье дворянское прежде бывало въ одномъ: кого съ кѣмъ пошлютъ вмѣстѣ на государеву службу“. Бояре приговорили: впередъ по такимъ дѣламъ ничьего челобитья не слушать.

Правительство по-прежнему продолжало принимать въ службу и раздавать помѣстья, не обращая большаго вниманія на происхожденіе этихъ новыхъ помѣщиковъ. Но городовые дворяне и дѣти боярскія неохотно впускали въ свою среду людей низкаго происхожденія. Въ 1639 году углицкіе дворяне и дѣти боярскія били челомъ на Угличанина же, сына боярскаго Ивана Шубинскаго: „Верстанъ тотъ Иванъ царскимъ жалованьемъ, помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ; а потомъ, не служа государю и не по отечеству, написанъ онъ въ нашемъ городѣ по дворовому списку; а роду ихъ, Шубинскихъ, въ нашемъ городѣ въ дворовомъ спискѣ не бывалъ никто при прежнихъ государяхъ и при тебѣ, государѣ, а были Шубинскіе въ нашемъ городѣ въ денщикахъ, дядя же его, Ивашка, родичъ былъ въ нашемъ городѣ въ нарядчикахъ. Милосердый государь! вели его Ивана изъ дворового списка выписать, чтобъ намъ отъ него безчестнымъ не быть, потому что онъ пущенъ въ списокъ не по отечеству своему и не по службѣ“. Тѣ же Угличане били челомъ на двоихъ изъ своей братьи, Бориса Моракушева и Богдана Третьякова: „Написались тотъ Борисъ да Богданъ по выбору, не за службу, въ осадѣ подъ Смоленскомъ не сидѣли и ранены не были; а мы, холопи твои, служимъ тебѣ, государю, лѣтъ по 30 и по 40, а ложно о выборѣ не бивали челомъ. Милосердый государь! вели ихъ изъ выбору выписать, чтобъ намъ предъ ними въ позорѣ не быть“.

Служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ, и потому для дворянъ было безчестно служить въ дьякахъ; дьякъ Ларіонъ Лопухинъ билъ челомъ, что родители его служили искони въ городахъ по выбору, а онъ до дьячества служилъ въ житьѣ (въ жильцахъ), и потому просилъ отставить его отъ дьячества. Государь пожаловалъ: впередъ ему въ безчестье, упрекъ и случай того, что онъ въ дьякахъ, его братьѣ дворянамъ не ставить, взятъ онъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву именному указу, а не его хотѣньемъ.

Какъ еще крѣпко было основаніе мѣстничества, родовое единство, видно изъ слѣдующей челобитной: „Царю государю бьетъ челомъ холопъ твой Степанка Милюковъ: указалъ ты, государь, на насъ, холопахъ своихъ, на всемъ родѣ Милюковыхъ взять князю Сонцеву-Засѣкину денегъ сто рублей за его рабу, а за Васькину жену Милюкова и за его Васькина сына, котораго онъ съ нею прижилъ. Тѣ деньги сто рублей платилъ я одинъ, занимая въ кабалы, росты давалъ большіе и одолжалъ великимъ долгомъ, а не платили тѣхъ денегъ: Матвѣй Ивановъ сынъ Стараго Милюковъ, Андрей Клементьевъ сынъ Милюковъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Милюковъ, Давыдъ Михайловъ сынъ Милюковъ, Андрей, Ѳедоръ, Яковъ и Астаѳій, дѣти Ивана Михайлова Милюкова, Ермолай Назарьевъ сынъ Милюковъ, Мосей Емельяновъ сынъ Милюковъ, Сергѣй Ульяновъ сынъ Милюковъ; а по твоему государеву указу велѣно взять тѣ деньги на всемъ роду, потому что о томъ Васькѣ били мы челомъ всѣмъ родомъ Милюковыхъ, и не одинъ я“.

Благодаря мѣстническимъ дѣламъ и служебнымъ назначеніямъ, записаннымъ въ разрядахъ, мы можемъ знать сколько-нибудь о судьбѣ людей и родовъ, съ которыми такъ часто встрѣчались въ Смутное время. Мы видѣли, что Годуновы должны были отказаться отъ тѣхъ мѣстническихъ отношеній, на которыя давало имъ право положеніе ихъ при царѣ Борисѣ; одинъ изъ нихъ, Матвѣй Михайловичъ, былъ бояриномъ при царѣ Михаилѣ и воеводою въ Тобольскѣ (1620 г.); въ 1631 году онъ былъ посланъ въ Рязань разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, а въ 1632 былъ воеводою въ Казани; въ придворныхъ церемоніяхъ, за столомъ царскимъ нерѣдко упоминается окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ; жена окольничаго Ивана Ивановича Годунова, Ирина Никитична, родная тетка царя, была еще жива, упоминается по случаю свадьбы царской въ 1626 г. Дочь царя Бориса, Ксенія, или Ольга, умерла въ 1622 году въ Суздалѣ; передъ смертію она била челомъ царю, чтобъ позволилъ похоронить ее въ Троицкомъ-

Сергіевѣ монастырѣ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью; царь исполнилъ просьбу. Послѣдній изъ Шуйскихъ, князь Иванъ Ивановичъ, возвратившійся изъ Польши и занявшій между боярами слѣдующее ему высокое по отечеству мѣсто, упоминается дѣйствующимъ только при одномъ значительномъ случаѣ: онъ присутствовалъ при чтеніи обвинительной сказки Шеину передъ казнію. Упоминаются между стольниками и воеводами Нагіе. Князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, послѣ несчастнаго похода своего противъ Шведовъ и послѣ побѣды, одержанной имъ въ мѣстнической борьбѣ надъ Морозовымъ, былъ посланъ въ 1622 году по литовскимъ вѣстямъ въ Ярославль для разбора дворянъ и дѣтей боярскихъ, кому можно быть на государевой службѣ; въ 1625 году былъ воеводою въ Тобольскѣ. Сынъ знаменитаго Прокофья Ляпунова, Владиміръ Прокофьичъ, упоминается въ 1614 году воеводою въ Михайловѣ, потомъ вторымъ воеводою передоваго полка въ Переяславлѣ-Рязанскомъ. Въ 1625 году, по поводу мѣстничества, обозначились отношенія Ляпуновыхъ къ Рязани, гдѣ этотъ обширный родъ продолжалъ имѣть важное значеніе: въ Переяславль-Рязанскій назначены были стольникъ и воевода князь Петръ Александровичъ Репнинъ и князь Иванъ Ѳедоровичъ Чермный-Волконскій; а въ передовой полкъ на Михайловѣ воевода князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій-Меринъ да Ульянъ Семеновичъ Ляпуновъ. При этомъ назначеніи Ляпуновъ, Владиміръ и Ульянъ били челомъ на Волконскихъ, позоря соперниковъ незаконнымъ происхожденіемъ. Второй рязанскій воевода, князь Иванъ Волконскій, испугался и билъ челомъ государю, что ему съ княземъ Петромъ Репнинымъ въ товарищахъ быть нельзя, потому что били челомъ на нихъ Ляпуновы въ отечествѣ, а князь Петръ Репнинъ Ляпуновымъ свой: дочь Захара Ляпунова за нимъ, а семья Ляпуновыхъ на Рязани великая, и пожалуй князь Петръ станетъ ему мстить за Ляпуновыхъ. Государь велѣлъ отставить Волконскаго и назначить на его мѣсто Ловчикова. Но Ульянъ Ляпуновъ билъ челомъ и на Ловчикова, что ему меньше его быть нельзя; бояре приговорили отказатъ Ляпунову, потому что Ловчиковы въ чести давно, а Ульяновъ отецъ ни въ какой чести и нигдѣ въ воеводахъ не былъ. Тогда Ляпуновъ сталъ бить челомъ на Михайловскаго воеводу князя Ѳедора Волконскаго. Бояре и тутъ приговорили Ляпунову отказать, потому что Волконскіе въ чести, въ окольничихъ, въ стольникахъ и воеводахъ, а Ляпуновъ служилъ въ Рязани, ему и то находка, что теперь велѣно ему быть въ воеводахъ. Ляпуновъ на службу пріѣхалъ, но никакого дѣла съ Волконскимъ не сталъ дѣлать; посланъ былъ изъ Москвы Гагинъ заставить Ляпунова дѣло дѣлать, и въ случаѣ ослушанія посадить въ тюрьму: Ляпуновъ не послушался и былъ посаженъ въ тюрьму; но Волконскій доносилъ, что Гагинъ посадилъ Ляпунова въ городню, а не въ тюрьму, Ляпуновъ проломалъ мостъ и ходитъ изъ городни на башню и живетъ все на башнѣ своимъ покоемъ, а не въ тюрьмѣ; тогда отправленъ былъ изъ Москвы Пущинъ — вынуть Ляпунова изъ городни и послать на службу; если же не захочетъ, то посадить въ тюрьму вмѣстѣ съ другими тюремными сидѣльцами, а не въ городню; Ляпуновъ уступилъ. Въ 1629 г. Владиміръ Прокофьичъ Ляпуновъ былъ назначенъ вторымъ воеводою сторожеваго полка на Крапивнѣ, и былъ потомъ отставленъ по челобитію дворянъ и дѣтей боярскихъ тамошнихъ городовъ,—били челомъ на него недружбою (т.-е. что онъ имъ недругъ),

Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго мы встрѣчали часто въ царствованіе Михаила и въ важныхъ случаяхъ, въ походахъ и при сборѣ денегъ ратнымъ людямъ. 27 сентября 1618 года былъ у государя у стола бояринъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и была ему рѣчь: „Ты былъ на нашей службѣ противъ недруга нашего Литовскаго королевича, намъ служилъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоялъ, въ посылкахъ надъ ними многіе поиски дѣлалъ, острогъ ставить велѣлъ, многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побивалъ и съ этимъ боемъ языки къ намъ часто присылалъ; нашимъ и земскимъ дѣломъ радѣлъ и промышлялъ, боярину нашему, князю Борису Михайловичу Лыкову, когда онъ изъ Можайска шелъ къ Москвѣ, помогалъ“. За всѣ эти службы Пожарскій получилъ: кубокъ серебряный позолоченный съ покрышкою, вѣсу въ немъ три гривенки тридцать шесть золотниковъ, шубу— атласъ турскій на соболяхъ, пуговицы серебряныя золоченныя. Понятно, что Пожарскій, вслѣдствіе извѣстнаго стремленія Филарета Никитича награждать людей, потрудившихся въ безгосударное время, не могъ ничего потерять съ возвращеніемъ Филарета изъ Польши. Тотчасъ послѣ посвященія Филарета въ патріархи, въ сентябрѣ 1619 года, даны были ему: село, проселокъ, сельцо и четыре деревни за крѣпость и мужество, оказанныя имъ во время послѣдней войны; въ 1621 году вотчина, данная Пожарскому царемъ Василіемъ, пополнена и подкрѣплена жалованною грамотою. Въ это время онъ вѣдалъ Разбойный приказъ; на свадьбѣ царя, въ 1624 году, Пожарскій былъ вторымъ дружкою съ государевой стороны: на второй свадьбѣ въ 1626 году онъ занималъ то же мѣсто; жена его, княгиня Прасковья Варѳоломевна, была второю свахою съ государевой стороны, хотя въ мѣстническихъ челобитныхъ и продолжали писать, что Пожарскіе люди не разрядные, при прежнихъ государяхъ, кромѣ городничихъ и губныхъ старостъ, нигдѣ не бывали. Въ 1628 году Пожарскій былъ назначенъ воеводою въ Новгородъ Великій, гдѣ онъ пробылъ 29 и 30-й годы; въ 1635 году былъ назначенъ въ Судный московскій приказъ. Въ послѣдній разъ Пожарскій упоминается за царскимъ обѣдомъ 24 сентября 1641 года; въ 1642 году полагаютъ его кончину. Говоря о судьбѣ князя Димитрія Михайловича, нельзя не упомянуть о лю-

бопытной челобитной, которую онъ подалъ царю въ 1634 г., вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ Димитріемъ Петровичемъ. Изъ этой челобитной видна также вся крѣпость родовыхъ отношеній въ описываемое время: дядя имѣетъ право бить, сажать на цѣпь и въ желѣза племянника за дурное поведеніе, и когда эти средства не помогаютъ, жалуется царю изъ боязни, чтобъ правительство за дурное поведеніе племянника не положило опалы на дядю, ибо при единствѣ рода старшій родичъ отвѣчалъ за младшаго. „Племянникъ нашъ", бьютъ челомъ Пожарскіе, „племянникъ нашъ, Ѳедька Пожарскій, у насъ на твоей государевой службѣ въ Можайскѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до-нага и сталъ безъ ума, а насъ не слушаетъ. Мы, холопи твои, всякими мѣрами его унимали: били, на цѣпь и въ желѣза сажали; помѣстьице твое, царское жалованье, давно запустошилъ, пропилъ все, и теперь въ Можайскѣ изъ кабаковъ нейдетъ, спился съ ума, а унять не умѣемъ. Вели, государь, его изъ Можайска взять и послать подъ началъ въ монастырь, чтобъ намъ отъ его воровства впередъ отъ тебя въ опалѣ не быть". Наконецъ мы должны упомянуть еще объ одномъ случаѣ, когда было произнесено имя Пожарскаго съ указаніемъ на поведеніе его во время избранія царя въ 1613 году: это указаніе впрочемъ мы можемъ только принять къ свѣдѣнію, не имѣя возможности сказать что-нибудь рѣшительное ни за, ни противъ. Въ 1613 году, на размежеваньи границъ Русскихъ и Литовскихъ со стороны Псковской области, поссорился стольникъ князь Василій Большой Ромодановскій съ дворяниномъ Ларіономъ Суминымъ, и билъ челомъ, что Суминъ у съѣзжаго шатра говорилъ невмѣстимое слово, а именно: „Чтобъ онъ, князь Василій, не государился и не воцарялся, что и братъ его, Димитрій Пожарскій, воцарялся и стало ему въ двадцать тысячъ". Сумина допрашивали, въ какое время князь Димитрій воцарялся и докупался царства?—и Суминъ отрекся, что никогда ничего подобнаго не говаривалъ; но свидѣтели показали, что говорилъ.

Съ именемъ Пожарскаго неразрывно связано имя Минина: за подвигъ, за который Пожарскій получилъ боярство, Mининъ получилъ думное дворянство, также помѣстья и вотчину, получилъ онъ это „за службу, что онъ, съ боярами и воеводами и ратными людьми пришедъ подъ Москву, Московское государство очистилъ". Въ 1615 году царь писалъ нижегородскимъ воеводамъ: „Билъ намъ челомъ думный нашъ дворянинъ Кузьма Миничъ, что живетъ онъ на Москвѣ при насъ, а помѣстья и вотчина за нимъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и братья его и сынъ живутъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и имъ, и его людямъ, и крестьянамъ отъ исковъ и поклеповъ чинится продажа великая; такъ намъ бы его пожаловать, братью его и сына, людей и крестьянъ не велѣть судить въ Нижнемъ-Новгородѣ ни въ чемъ, а велѣть ихъ судить на Москвѣ. И какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы-бъ на Кузьмину братью, на людей и на крестьянъ, кромѣ татинаго и разбойнаго дѣла, суда не давали безъ нашихъ грамотъ". О дѣятельности Минина мы не знаемъ ничего; разъ только удалось намъ встрѣтить извѣстіе о немъ въ приведенномъ выше дѣлѣ о побѣгѣ Андронова. Торговый человѣкъ Богданъ Исаковъ въ допросѣ показалъ, что онъ прихаживалъ къ Андронову по свойству и свезъ изъ Москвы сестру Андронова Афимью, жену Василья Болотникова, а пожитковъ онъ съ нею не везъ ничего, только было на ней одно платьишко, что ей далъ Кузьма Мининъ. Въ 1616 году Кузьмы Минича уже не было на свѣтѣ; вотчину его, село Богородицкое съ деревнями, царь отдалъ вдовѣ его Татьянѣ и сыну, стряпчему Нефедью; подтверждена и прежняя грамота, по которой дядья Нефедья, люди и крестьяне могли судиться только въ Москвѣ. Въ 1625 году, по случаю отпуска персидскаго посланника, Нефедъ Кузьминъ, сынъ Мининъ, упоминается въ числѣ стряпчихъ съ платьемъ на осьмомъ мѣстѣ; въ слѣдующемъ году, на свадьбѣ царской, онъ былъ у государева фонаря; въ послѣдній разъ упоминается онъ въ 1628 году, по случаю представленія персидскаго посла; въ 1632 году отчина его, село Богородицкое, пожаловано въ помѣстье князю Якову Куденековичу Черкасскому; домъ Кузьмы Минина въ Нижнемъ отданъ былъ на житье несчастной невѣстѣ царской, Марьѣ Хлоповой, а послѣ ея смерти, случившейся въ 1633 г., отданъ князьямъ Ивану Борисовичу и Якову Куденековичу Черкасскимъ.

Прославившійся гражданскимъ мужествомъ въ безгосударное время, думный дьякъ Томила Юдичъ Луговской возвратился изъ Польши вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, и мы встрѣтили уже его въ 1620 году въ короткой расправѣ съ Чихачевымъ, который хотѣлъ мѣстничаться съ княземъ Шаховскимъ; подобная выходка Луговскаго не должна насъ удивлять, ибо при нравственномъ состояніи тогдашняго русскаго общества твердость и рѣшительность, составляющія величіе человѣка въ случаяхъ важныхъ, соединяются обыкновенно съ склонностію къ крутымъ мѣрамъ и рѣшительнымъ во всякихъ случаяхъ. Послѣ Луговской былъ пожалованъ въ думные дворяне и былъ вторымъ воеводою въ Казани. Неудивительно, что Луговской, съ такой хорошей стороны извѣстный Филарету Никитичу, получалъ повышенія; удивительно, что первымъ дѣльцомъ въ началѣ царствованія Михайлова былъ другой думный дьякъ, Иванъ Тарасовичъ Грамотинъ, который, какъ мы видѣли, оставилъ по себѣ очень дурную славу въ Псковѣ, откуда перешелъ въ Тушино, изъ Тушина подъ Смоленскъ къ королю, и потомъ въ Москвѣ былъ ревностнымъ приверженцемъ Сигизмунда, успѣлъ вовремя отъѣхать опять къ королю, присланъ былъ съ княземъ Мезецкимъ уговаривать Москву

къ покорности Владиславу, уже послѣ подвига втораго ополченія, и возвратился опять къ королю; неизвѣстно, когда потомъ явился опять въ Москвѣ и успѣлъ получить прежнее званіе печатника. При Филаретѣ Никитичѣ и Грамотина постигла опала: 21 декабря назначенъ былъ дьякомъ въ Посольскій приказъ Ефимъ Телепневъ, которому было сказано: „Былъ въ Посольскомъ приказѣ Иванъ Грамотинъ, и, будучи у государева дѣла, государя царя и отца его св. патріарха указа не слушалъ, дѣлалъ ихъ дѣла безъ ихъ государскаго указа, самовольствомъ, и ихъ, государей, своимъ самовольствомъ и упрямствомъ прогнѣвалъ, за что на Ивана Грамотина положена ихъ государская опала". Грамотинъ былъ сосланъ въ Алатырь, но по смерти Филарета Никитича возвратился въ Москву и получилъ прежнее значеніе [1]).

Царствованіе Михаила ознаменовано было тяжелыми войнами, которыя все болѣе и болѣе показывали несостоятельность русскаго войска, слагавшагося, какъ намъ извѣстно, изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, иноземцевъ, атамановъ и казаковъ, испомѣщенныхъ въ разныхъ областяхъ государства. Слѣдовательно, при открытіи военныхъ дѣйствій, нужно было прежде всего собрать этихъ ратныхъ людей, этихъ помѣщиковъ и отвести въ назначенное мѣсто, къ извѣстному воеводѣ. И вотъ назначался кто-нибудь изъ московскихъ дворянъ или людей, носившихъ придворные чины, ѣхать въ такой-то уѣздъ, собрать и привести ратныхъ людей. Первое препятствіе—назначенный чиновникъ билъ челомъ, что ему по мѣстническимъ отношеніямъ нельзя отводить ратныхъ людей къ такому-то воеводѣ, который меньше его многими мѣстами; надобно было уладить это дѣло, сказать, напримѣръ, челобитчику, что онъ отведетъ ратныхъ людей къ одному старшему воеводѣ, который безспорно больше его. Чиновникъ успокоивался, ѣхалъ и приводилъ немногихъ ратныхъ людей: многіе объявились въ н ѣ т я х ъ, спрятались, не желали разстаться съ теплымъ, покойнымъ угломъ и семействомъ для дальнаго, труднаго и опаснаго похода; другіе явились къ сборщику и пошли съ нимъ къ назначенному мѣсту, но съ дороги разбѣжались. Тогда посылали сборщика вторично, съ наказомъ: собрать тотчасъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по списку, какой ему данъ; а если которыя дѣти боярскія станутъ прятаться, то ему, сыскавши ихъ, велѣть бить кнутомъ и брать поручныя записи; которыхъ не сыщетъ, у тѣхъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ брать приказчиковъ, людей и крестьянъ, и держать въ тюрьмѣ, пока сыщетъ самихъ помѣщиковъ; которыя дѣти боярскія государева указа не послушаютъ и, давши по себѣ поручныя записи, не поѣдутъ вмѣстѣ съ сборщикомъ, то сыскивать поручиковъ, бить ихъ батогами и приказывать искать тѣхъ, за которыхъ поручились; когда сыщутъ, то сысканныхъ бить кнутомъ, сажать въ тюрьмы и потомъ уже вести на государеву службу. Кромѣ помѣщиковъ, извѣстныхъ правительству, сборщикъ долженъ былъ привести даточныхъ людей и охочихъ всякихъ людей со всякими боями, съ огненнымъ и лучнымъ.

Дворяне, дѣти боярскія и новики должны были являться на службу въ сбруяхъ, въ латахъ, бехтерцахъ, пансыряхъ, шеломахъ и въ шапкахъ мисюркахъ; которые ѣздятъ на бой съ одними пистолями, тѣ, кромѣ пистоля, должны имѣть карабины или пищали мѣрныя; которые ѣздятъ съ саадаками, у тѣхъ къ саадакамъ должно быть по пистолю или по карабину; если люди ихъ будутъ за ними безъ саадаковъ, то у нихъ должны быть пищали долгія или карабины добрые; которые люди ихъ будутъ въ кошу, и у тѣхъ, для обознаго строенія, должны быть пищали долгія; а если у нихъ за скудостью пищалей долгихъ не будетъ, то должно бить по рогатинѣ да по топору.

Когда слышались вѣсти о походѣ крымскихъ Татаръ, то отправлялись въ украинные города воеводы, которые, пріѣхавъ въ назначенный городъ, должны были отписать во всѣ украинные и польскіе (степные) и рязанскіе города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, что пришли они на государеву службу въ такой-то городъ, и съ ними велѣно быть дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, атаманамъ, казакамъ, Литвѣ, Нѣмцамъ и всякимъ иноземцамъ, понизовыхъ и мещерскихъ городовъ князьямъ, мурзамъ и Татарамъ съ головами и сотниками, стрѣльцамъ и казакамъ коннымъ и пѣшимъ съ огненнымъ боемъ, многимъ людямъ для обереганья государевой украйны отъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей и отъ Черкасъ. И какія у нихъ въ городахъ про Крымскихъ и Ногайскихъ людей и про Черкасъ вѣсти будутъ, то они бы писали къ нимъ на-спѣхъ; да послать имъ по дворянъ и дѣтей боярскихъ высыльщиковъ. Когда дворяне, дѣти боярскія и всякіе служилые люди съѣдутся, то воеводы должны пересмотрѣть ихъ по спискамъ, всѣхъ на-лицо, и списки естей и нѣтей прислать къ государю. Которые дворяне и дѣти боярскія украинныхъ городовъ будутъ въ нѣтяхъ, по тѣхъ нѣтчиковъ посылать высыльщиковъ, другихъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; если нѣтчики станутъ скрываться — сыскивать ихъ накрѣпко, бить батогами, сажать въ тюрьму на время, а изъ тюрьмы давать на крѣпкія поруки съ записями; да на нихъ же брать прогоны: за которыми помѣстья и вотчины добры, на тѣхъ брать по цѣлому прогону, а за которыми худы, на тѣхъ брать по разсчету, разсчитывая на всѣхъ одинъ прогонъ. Если будутъ въ нѣтяхъ замосковныхъ городовъ дѣти боярскія и иноземцы, про тѣхъ разспрашивать тѣхъ же за-

[1]) Книги разрядныя, т. I и II; Дворцовые разряды, т. I и II; Собр. гос. грам. и дог. III, № 48, 55, 56; Акты арх. эксп. III, № 71, 83, 85, 115, 218; Времен. Москов. Истор. общ. кн. 4. 14; Чтенія Моск. истор. общ. годъ III, № 7; Москвитянинъ 1841 г. № 3, Госуд. разряд. Архивъ Записная книга Москов. стола 134 и 158 г. тамъ же Столбцы Москов. стола, вязка 133.

московныхъ городовъ окладчиковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ, по государеву крестному цѣлованью, сколько за кѣмъ помѣстья и вотчинъ, кто каковъ прожиткомъ, можно ли этимъ нѣтчикамъ государеву службу служить съ ними въ рядъ, и отъ бѣдности ли кто на государеву службу съ ними вмѣстѣ не пріѣхалъ, или воровствомъ, и каковъ каждому нѣтчику—помѣстный и денежный окладъ. И что про нѣтчиковъ скажутъ, то все велѣть написать на списокъ и велѣть окладчикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ къ этимъ своимъ сказкамъ руки приложить, и списокъ прислать къ государю, который велитъ нѣтчикамъ указъ учинить безо всякой пощады. А которыя дѣти боярскія украинныхъ городовъ у смотру не объявятся и высыльщики ихъ не сыщутъ, про тѣхъ разспрашивать однихъ съ ними городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гдѣ они: побиты или померли, или кто въ другихъ городахъ живетъ, и кто ихъ помѣстьями и вотчинами владѣетъ, а выспрося подлинно, написать на списокъ, который прислать государю. Да велѣть сыскивать недорослей, которые въ службу поспѣли, и велѣть имъ быть на государевой службѣ, а имена ихъ прислать въ Москву. Какъ скоро придутъ вѣсти о непріятелѣ, то воеводы должны разослать въ станы и волости дѣтей боярскихъ, велѣть изъ уѣзда женъ и дѣтей боярскихъ служилыхъ и неслужилыхъ, вдовъ и недорослей выслать въ городъ въ осаду, велѣть ихъ переписать и смотрѣть часто. А какъ подлинныя вѣсти будутъ про Крымцевъ, то и боярскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ всѣхъ велѣть выслать въ городъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ до приходу воинскихъ людей заранѣе, а хлѣбъ велѣть молотить и класть по ямамъ, а у животины велѣть оставлять людей немногихъ; да велѣть уѣзднымъ людямъ для осаднаго времени держать въ городѣ всякіе запасы. А если, по вѣстямъ, которыя дѣти боярскія или ихъ жены и дѣти и неслужилые дѣти боярскія и вдовы и недоросли въ городъ въ осаду не пріѣдутъ, и возьмутъ ихъ въ плѣнъ Татары, тѣмъ дѣтямъ боярскимъ выкупаться самимъ, и женъ своихъ и дѣтей изъ полону выкупать самимъ же, изъ государевой казны выкупу и обмѣну имъ не будетъ; бирючамъ о томъ велѣть кликать по нѣсколько дней. Если не послушаются, въ осаду не пойдутъ, то велѣть ихъ сажать въ тюрьму на время, а у вдовъ брать дѣтей и людей и сажать въ тюрьму, а выпустивъ изъ тюрьмы, давать на крѣпкія поруки, чтобъ къ сроку переѣхали въ городъ; если же и тутъ не послушаются, то бить ихъ батогами и сажать въ тюрьму, а у вдовъ брать людей ихъ, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму на время.—Во всякія посылки, въ станицы и подъѣзды для вѣстей посылать дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ, чтобъ дворяне и дѣти боярскія лучшія во всякія посылки ѣздили, а даромъ на службѣ не жили, а меньшей статьи дѣти боярскія большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ не ослуживали, чтобъ передъ лучшими младшимъ на службѣ посылокъ лишнихъ никакъ не было. Да по вѣстямъ же въ уѣздѣ на засѣкахъ и топкихъ мѣстахъ поставить головъ, а съ ними ратныхъ людей съ пищалями; да головамъ же велѣть сколько засѣкъ собрать всякихъ уѣздныхъ людей съ пищалями и со всякими боями; худыя мѣста на засѣкахъ велѣть починить, засѣчь и завалить лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ рвы велѣть покопать, у воротъ и башенъ худыя мѣста починить, рвы почистить. Ратныхъ людей вѣдать, по челобитнымъ ихъ судить и расправу между ними чинить бозволокитно; а кормы свои и конскіе самимъ и ратнымъ людямъ въ уѣздахъ по селамъ и деревнямъ велѣть покупать цѣною, какъ цѣна подниметъ, а грабежомъ и насильствомъ отнюдь ни у кого ничего не брать. Смотрѣть воеводамъ ратныхъ людей въ полкахъ часто, по домамъ до сроку не распускать, посуловъ и поминковъ за то ни у кого ничего не брать; беречь накрѣпко, чтобъ отъ ратныхъ людей воровства, грабежу и убійства, татьбы и разбою и другого никакого насильства не было, корчемъ и распутныхъ домовъ ратные люди не держали бы. До сроку ратныхъ людей распускать запрещалось; какъ же скоро нужда въ войскѣ проходила, то государь посылалъ воеводамъ приказъ распустить ратныхъ людей по волямъ. Ратные люди, отъѣхавшіе изъ-подъ Смоленска отъ Шеина, когда заслышали о приходѣ королевскомъ, были наказаны только убавкою денежнаго жалованья; воевода князь Борятинскій, который въ 1615 году шелъ на Лисовскаго мѣшкотно и по дорогѣ села и деревни разорялъ, за такое воровство и измѣну былъ посаженъ въ тюрьму. По какимъ разсчетамъ давалось ратнымъ людямъ денежное жалованье, видно изъ слѣдующаго: въ декабрѣ 1633 года стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы, назначенные въ походъ противъ Поляковъ съ князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ, били челомъ, что имъ на государевой службѣ быть не-съ-чѣмъ, помѣстій и вотчинъ за иными нѣтъ, а за иными и есть, да пусты, крестьянъ нѣтъ, а за иными и есть крестьянина по три и по четыре, по пяти и по шести, и имъ съ тѣхъ крестьянъ подняться и на службѣ быть никакъ нельзя:—такъ государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ дать денежное жалованье, а они на государеву службу готовы. Государь велѣлъ у нихъ въ разрядѣ взять письмо за ихъ руками, за кѣмъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, за кѣмъ пусты, и за кѣмъ сколько крестьянъ. Когда выписки были представлены государю, то онъ пожаловалъ: тѣмъ, у кого нѣтъ помѣстій или вотчинъ, или есть, да пустыя, дать по 25 рублей; тѣмъ, у кого не болѣе 15 крестьянъ, давать по 20 рублей, а за кѣмъ больше 15 крестьянъ, тѣмъ жалованья не давать. Мы видѣли, что по Судебнику Грознаго не велѣно было принимать въ холопи дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которыя еще не служили, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ. Теперь, въ 1641 году, дворяне и дѣти боярскія били челомъ, что ихъ братья и пле-

мянники, дѣти и внучата, не хотя съ ними государевой службы служить и бѣдности терпѣть, верстанные и неверстанные, били челомъ въ боярскіе дворы къ боярамъ, окольничимъ, къ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и къ своей братьѣ всякихъ чиновъ людямъ. Отвѣтомъ былъ указъ: всѣхъ такихъ съ женами и дѣтьми, если они поженились на крѣпостныхъ женкахъ и дѣвкахъ, взять изъ боярскихъ дворовъ на службу и написать съ городами по помѣстью и по вотчинѣ. А неверстанныхъ дѣтей боярскихъ, которыя въ государевыхъ службахъ нигдѣ не объявились, и помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ за ними нѣтъ,—такимъ быть въ дворахъ по-прежнему. Которыя дѣти боярскія, по государеву указу и по боярскому приговору, изъ холопства освободятся, и воровствомъ, не хотя службы служить, станутъ бить челомъ въ иные боярскіе дворы и всякихъ чиновъ людямъ: такихъ отдавать въ холопи тѣмъ, у кого они прежде нынѣшняго указа были; а впредь, съ нынѣшняго указа, дворянъ и дѣтей боярскихъ дѣтей, племянниковъ и внучатъ, верстанныхъ и неверстанныхъ, и недорослей, въ холопи никому не принимать.

Относительно наслѣдства въ отчинахъ, выслуженныхъ и родовыхъ, постановлено: вдовамъ послѣ бездѣтныхъ мужей не давать вотчинъ, отдавать ихъ боковымъ родственникамъ. Если послѣ умершаго отчинника останутся дѣти, то вотчины отдавать сыновьямъ, а дочерямъ отдавать изъ помѣстій на прожитокъ; но когда братьевъ нѣтъ, тогда и дочери вотчинамъ вотчичи. Внуки и правнуки послѣ дѣдовъ и бабокъ родныхъ съ дядьями и тетками своими родными въ старыхъ вотчиныхъ вотчичи. Касательно наслѣдства въ помѣстьяхъ первое ополченіе въ 1611 году постановило: послѣ убитыхъ и умершихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ у вдовъ и сыновей ихъ помѣстій не отнимать; послѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не оставившихъ ни женъ, ни дѣтей, помѣстья отдавать роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родственниковъ помѣстій ихъ не отдавать. Царь Михаилъ постановилъ: послѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, или пропавшихъ безъ вѣсти (а не просто умершихъ, какъ прежде), помѣстья отдавать женамъ ихъ и дѣтямъ; если женъ и дѣтей послѣ нихъ не останется, то помѣстья давать въ оклады и додачу роду ихъ и племени, а мимо родственниковъ умершаго и мимо дворянъ и дѣтей боярскихъ того города, по которому служилъ умершій, помѣстій его не отдавать. Послѣ умершихъ иноземцевъ помѣстья ихъ никому, кромѣ иноземцевъ, не отдавать. Если дворяне и дѣти боярскія находились въ плѣну лѣтъ по 10, 15, 25 и больше, и помѣстья отцовъ ихъ въ это время были розданы другимъ, то, по возвращеніи ихъ изъ плѣна, по просьбамъ ихъ, отцовскія помѣстья, розданныя въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ пребыванія ихъ въ плѣну, имъ возвращались; долѣе десяти лѣтъ помѣстья имъ не поворачивались, но испомѣщались они вновь прежде всѣхъ другихъ просителей.

Стрѣльцовъ прибирали головы ихъ изъ вольныхъ охочихъ людей, отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью, отъ дядь племянниковъ, добрыхъ и рѣзвыхъ, которые бы изъ пищалей стрѣлять умѣли, а худыхъ недорослей, крѣпостныхъ, посадскихъ и пашенныхъ крестьянъ въ стрѣльцы брать было нельзя. О наборѣ казаковъ мы знаемъ изъ распоряженія 1632 года: которые вольные охочіе люди сѣверскихъ городовъ и Новгородской волости станутъ писаться въ службу въ казаки, такихъ писать на списокъ съ отцами и прозвищами, и велѣть имъ быть въ походѣ, и были бы всѣ казаки съ пищалями; да сказать имъ, что государь велитъ дать имъ жалованья по четыре рубля. Изъ службы, изъ тягла и крѣпостныхъ никакихъ людей въ новоприборные казаки не брать, у новоприборныхъ казаковъ поставить голову изъ дворянъ и сотниковъ, и велѣть имъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ воровства отъ казаковъ въ полкахъ никакого не было. Что же касается до иноземцевъ, то, еще въ 1614 году, въ походѣ съ Иваномъ Измайловымъ государь указалъ быть Литвѣ и Нѣмцамъ и всякимъ иноземцамъ, которыхъ вѣдаютъ въ разрядѣ и панскомъ приказѣ. Въ слѣдующемъ году, въ походѣ за Лисовскимъ государь указалъ быть выѣзжему изъ Англійской Земли князю Артемью, Исакову сыну, съ Нѣмцами. Это тотъ самый Артемій Астонъ, объ отпускѣ котораго на родину просилъ Мерикъ; мы видѣли, что Мерику было въ этомъ отказано; но потомъ король Іаковъ присылалъ гонца съ просьбою къ царю, чтобъ отпустилъ Астона и съ семействомъ въ Англію; Астона отпустили и дали ему подарки; но послѣ государю дали знать, что Астонъ, будучи на Москвѣ, ссылался съ Польскимъ королевичемъ, капитана Варнабея изъ Москвы отпустилъ на всякое лихо, и этотъ Варнабей вступилъ въ польскую службу. Бояре говорили Мерику, когда онъ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ: „Вѣдомо, что князь Артемій Астонъ и въ Московское государство поѣхалъ по совѣту съ измѣнникомъ Французомъ Маржеретомъ; тотъ же Астонъ, выѣхавши изъ Москвы, пріѣзжалъ къ Польскому королю уже изъ Англіи, и жену свою оставилъ въ Польшѣ; а потомъ пріѣхалъ въ Польшу сынъ его и напрашивался у короля сбирать ратныхъ людей, чтобъ идти на Московское государство, про которое говорилъ поносныя и укорительныя слова:—такъ король бы князя Артемья наказалъ большимъ наказаньемъ, и впередъ вашимъ людямъ невѣдомо какъ вѣрить?" Мерикъ отвѣчалъ, что ему объ этомъ дѣлѣ наказа нѣтъ, а думаетъ онъ, что Артемью отъ короля за его воровство не пробудетъ. Мы видѣли также, что Мерикъ упрашивалъ бояръ не ссылать англійскихъ служилыхъ людей въ Казань, и настоялъ, что тѣхъ Англичанъ и Шотландцевъ, которые пріѣхали съ нимъ и съ Астономъ, двоихъ пріѣхавшихъ изъ Архангельска и одного стараго иноземца, всего

*

30 человѣкъ, оставили въ Москвѣ; иноземцевъ же, которые пріѣхали изъ разныхъ мѣстъ отъ голоду и нужды, съ побоевъ или заворовавши,—тѣхъ сослали въ понизовые города на кормъ. Но Англичане, которыхъ оставили въ Москвѣ, убѣжали въ Литву.

Хотя нѣкоторымъ иноземцамъ не нравилось въ Москвѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ не могли свыкнуться съ мыслію остаться навсегда здѣсь, а отпускъ былъ крайне труденъ, однако охотниковъ вступить въ царскую службу всегда набиралось довольно: капитанъ, родомъ Ирландецъ, бывшій въ польской службѣ и начальствовавшій въ крѣпости Бѣлой, сдалъ ее Русскимъ и самъ со всею ротою своею перешелъ въ царскую службу. Иноземецъ спитардный мастеръ, Юрій Безсоновъ, получилъ вотчину изъ помѣстья за службу въ приходъ королевича Владислава подъ Москву: въ той вотчинѣ онъ, его дѣти, внучата и правнучата вольны, сказано въ грамотѣ. Иноземцы раздѣлялись на помѣстныхъ, содержавшихъ себя доходами съ помѣстій, и кормовыхъ, получавшихъ жалованье; такъ, въ 1628 г. въ Большомъ полку на Тулѣ было: иноземцевъ помѣстныхъ Поляковъ и Литвы съ ротмистромъ Яковомъ Рогоновскимъ 118 человѣкъ; съ ротмистромъ Денисомъ Фанъ-Висинымъ (Фонъ-Визинъ) Нѣмцевъ помѣстныхъ 63 человѣка; съ ротмистромъ Кремскимъ—кормовыхъ Поляковъ и Нѣмцевъ 120 человѣкъ; бѣльскихъ (сдавшихъ Бѣлую) Нѣмцевъ съ Томасомъ Герномъ помѣстныхъ 10, да кормовыхъ 54 человѣка; съ ротмистромъ Яковомъ Вудомъ кормовыхъ Грековъ, Сербовъ, Волошанъ и Нѣмцевъ 80 человѣкъ. Чувствуя большую нужду въ иноземныхъ ратныхъ людяхъ, посылая набирать ихъ за-границу, Московское правительство подозрительно смотрѣло на католиковъ и не хотѣло принимать ихъ въ службу; такъ, полковникъ Лесли, посланный для найма ратныхъ людей за границу, получилъ наказъ: „Нанимать солдатъ Шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ Французскихъ людей, а Французанъ и иныхъ, которые Римской вѣры, никакъ не нанимать". Но мы видѣли, что, кромѣ наемныхъ и помѣстныхъ иноземцевъ, въ царствованіе Михаила являются полки изъ Русскихъ людей, обученныхъ иноземному строю; у Шеина подъ Смоленскомъ были: наемные многіе Нѣмецкіе люди, капитаны и ротмистры и солдаты пѣшіе люди, да съ ними же были съ нѣмецкими полковниками и капитанами Русскіе люди, дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди, которые написаны къ ратному ученію; съ нѣмецкимъ полковникомъ Самуиломъ Шарломъ рейтаръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ было 2,700; Гречанъ, Сербянъ и Волошанъ кормовыхъ 81; полковникъ Александръ Лесли, а съ нимъ его полку капитановъ и майоровъ, всякихъ приказныхъ людей и солдатъ 946; съ полковникомъ Яковомъ Шарломъ 935; съ полковникомъ Фуксомъ 679; съ полковникомъ Сандерсономъ 923; съ полковниками—Вильгельмомъ Китомъ и Юріемъ Маттейсономъ начальныхъ людей 346, да рядовыхъ солдатъ 3,282; Нѣмецкихъ людей разныхъ земель, которые посланы изъ Посольскаго приказа, 180, и всего наемныхъ Нѣмцевъ 3,653, да съ полковниками же нѣмецкими русскихъ солдатъ, которыхъ вѣдаютъ въ Иноземномъ приказѣ: 4 полковниковъ, 4 большихъ полковыхъ поручиковъ, 4 майоровъ, по-русски большіе полковые сторожеставцы, 2 квартирмейстера и капитана, по-русски большіе полковые окольничіе, 2 полковыхъ квартирмейстера, 17 капитановъ, 32 поручика, 32 прапорщика, 4 человѣка полковыхъ людей и писарей, 4 обозниковъ, 4 поповъ, 4 судебныхъ писарей, 4 профоса, 1 полковой набатчикъ, 79 пятидесятниковъ, 33 прапорщика, 33 дозорщика надъ ружьемъ, 33 ротныхъ заимщика, 65 капораловъ нѣмецкихъ, 172 капораловъ русскихъ, 20 набатчиковъ нѣмецкихъ съ свирѣльщикомъ, 32 ротныхъ подъячихъ, 68 набатчиковъ русскихъ, двое нѣмецкихъ дѣтей недорослей для толмачества; всего Нѣмецкихъ людей и русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ въ шести полкахъ, да Поляковъ и Литвы въ четырехъ ротахъ 14,801 человѣкъ. Когда, на помощь Шеину велѣно было выступить князьямъ Черкасскому и Пожарскому, то съ ними было 162 человѣка иноземцевъ—Грековъ, Сербовъ, Волоховъ и Молдаванъ, да съ полковникомъ Александромъ Гордономъ 1,557 драгунъ. Что касается до наемной платы иностраннымъ ратникамъ, то полковникъ получалъ въ мѣсяцъ по 400 цесарскихъ ефимковъ, начальный полковой поручикъ по 200, майоръ по 100, квартирмейстеръ по 60, регментъ-шульценъ по 30, секретарь по 25, два попа—каждый по 30, четыре лѣкаря по 60, судный писарь по 12, ерихтесъ-вейбелъ по 8, профосъ по 10, приставъ по 4, палачъ по 8; потомъ у всякой роты голова по 150, поручикъ по 45, прапорщикъ по 35, сержантъ по 14, капитанъ надъ ружьемъ по 12, фюреръ, фурирь и писарь по 10, набатчикъ по 7, корпоралъ по 8, ротмейстеръ по 6, подротмейстеръ по 5, рядовой солдатъ по $4^1/_2$. Татары по-прежнему входятъ въ составъ русской рати: такъ съ князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ должны были выступить казанскихъ мурзъ и Татаръ 275 человѣкъ, свіяжскихъ мурзъ, Татаръ и новокрещеновъ 205, изъ Курмыша Татаръ и Тархановъ 155, касимовскихъ Татаръ 508, темниковскихъ 550, кадомскихъ 347, алаторскихъ 359, арзамасскихъ 220. Кромѣ Черкасъ и Донскихъ казаковъ, упоминаются въ московскомъ войскѣ при Михаилѣ и казаки Яицкіе. Что касается до наряда, или артиллеріи, то до насъ дошло перечисленіе и описаніе орудій, бывшихъ подъ Смоленскомъ съ Шеинымъ: пищаль **инрогъ**, ядро пудъ тридцать гривенокъ, на волоку вѣсу въ тѣлѣ 450 пудъ, въ волоку вѣсу 210 пудъ; подъ нею 64 подводы; да къ той же пищали станъ съ колесами, въ немъ вѣсу 200 пудъ, подъ нимъ 10 подводъ. Пищаль **пасынокъ**, ядро пудъ 15 гривенокъ, на волоку вѣсу въ тѣлѣ 350 пудъ, въ волоку 165 пудъ, подъ нею 52 подводы; пищали **волкъ**, **кречетъ**, **ахиллесъ**, и т. д. Въ 1629 году царь

получилъ любопытную челобитную; билъ челомъ тверской попъ Нестеръ: „Извѣщаю тебя, государя, о такомъ великомъ дѣлѣ и на страхъ поступаю, паче же страха уповаю на Бога, отъ котораго такое дарованіе я принялъ, что не открылось прежнимъ родамъ при прежнихъ государяхъ, и въ другихъ государствахъ не открылось такое дѣло, какое мнѣ милостивый Господь Богъ открылъ къ твоей государской славѣ и озлобленной Землѣ нашей къ избавѣ, твоимъ супостатамъ на страхъ и удивленіе: состроюю тебѣ походный городокъ, называемый Рѣдкодубъ, небольшими деньгами, походъ ему будетъ не на многихъ подводахъ, а ратные люди могутъ въ немъ держаться и укрываться какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ". Нестера вызвали въ Москву и велѣли ему сдѣлать образецъ деревянный, или на бумагѣ начертить; но онъ требовалъ, чтобъ его непремѣнно представили государю: „Не видя государскихъ очей, образца мнѣ не дѣлывать, боярамъ въ этомъ дѣлѣ не вѣрю". Нѣсколько разъ говорили ему, чтобъ сдѣлалъ образецъ, и потомъ представятъ его государю,—и всякій разъ одинъ отвѣтъ. Тогда государи указали: сослать попа Нестера въ Казань, въ Преображенскій монастырь подъ началъ, потому что подаетъ челобитныя, сказываетъ за собою великое дѣло, а дѣла не объявилъ, и дѣлаетъ это какъ будто для смуты, не въ своемъ умѣ. Три года просидѣлъ несчастный изобрѣтатель въ цѣпяхъ въ монастырѣ, на четвертый прислалъ челобитную, гдѣ прописывалъ и прежніе подвиги: въ 1609 году, въ Смутное время, проходилъ онъ съ грамотами въ Великій Новгородъ къ князю Скопину и обратно отъ него въ Москву; потомъ ходилъ съ грамотами и съ зельемъ въ Іосифовъ Волоцкій монастырь сквозь литовскіе таборы. Въ 1611 году ходилъ изъ-подъ Москвы отъ Ляпунова и всей Земли подъ Смоленскъ къ митрополиту Филарету съ грамотами, былъ схваченъ, приведенъ къ королю, пытанъ, приговоренъ къ смерти, но бѣжалъ, снова схваченъ, пытанъ и приговоренъ къ смерти, и снова ушелъ. Неизвѣстно, чѣмъ окончилась судьба Нестера, потому что конецъ дѣла о немъ сгнилъ.

Мы видѣли, какъ заботливо царь Михаилъ избѣгалъ разрыва съ Крымскимъ ханомъ, и причина понятна: все вниманіе было обращено на западъ, всѣ силы государства были направлены туда. Только съ 1636 года правительство нашло возможнымъ заняться укрѣпленіемъ южной Украйны; въ этомъ году были построены города: Чернавскъ (между Ельцомъ и Ливнами), Козловъ, Тамбовъ, Ломовъ, возобновленъ Орелъ; въ 1640 году построены были: Хотмышскъ на Ворсклѣ и Вольный Курганъ на Рогознѣ. На издержки по этомъ постройкамъ отпущено было 13,532 рубля; работы производились стрѣльцами, казаками, солдатами и даточными людьми; всѣ дѣла по городовымъ постройкамъ вѣдались въ Пушкарскомъ приказѣ [1]).

Первымъ дѣломъ царя Михаила по восшествіи его на престолъ было освобожденіе государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ; для этого нужно было войско; для содержанія войска нужны были деньги; казна была расхищена, вся тяжесть слѣдовательно должна была пасть на городское и сельское народонаселеніе,—но вотъ въ какомъ положеніи находились многіе города въ началѣ царствованія Михаилова. „На Угличѣ", доносили государю, „ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы; стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человѣка, только шесть человѣкъ пушкарей, да и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ Углицкаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; зелейной пороховой казны мало; у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди, отъ кабацкаго недобора и отъ нынѣшней великой хлѣбной догоговизны, съ женами и дѣтьми побрели розно; а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены, и разорены безъ остатка; а изъ уѣзда сошные люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому, что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ". Уже въ 1618 году Андрей Образцовъ, отправленный собирать деньги на Бѣлоозеро, получивъ выговоръ за медленность, писалъ: „Я, государь, посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о Литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть; а теперь, государь, на посадскихъ людяхъ твоихъ денегъ править нельзя, въ томъ воленъ ты, государь; а я, холопъ твой, блюдясь приходу Литовскихъ людей, безпрестанно днемъ и ночью стою съ посадскими людьми по острогу и разсылаю ихъ на сторожи". Когда Филаретъ Никитичъ возвратился изъ Польши, то были предприняты мѣры для устройства опустошеннаго края. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ царская окружная грамота. „За грѣхъ всего православнаго христіанства, Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и запустѣло, а подати всякія берутъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ; инымъ тяжело, а другимъ легко: дозорщики, которыхъ послѣ московскаго разоренья посылали по городамъ, дозирали и писали за иными по дружбѣ легко, а за другими по недружбѣ тяжело,—и оттого Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; изъ замосковныхъ

[1]) Книги разрядныя, т. I и II; Дворцовые разряды, т. I и II; Дѣла Англійскія № 4 и 6; Акты, относящ. до юридическ. быта, стр. 84; Собран. госуд. грам. и договор. III, № 83, 87; Акты арх. эксп. III, № 206, 34, 319, 260, 261, 268, 304; Акты историческ., III, № 240, 305, 268; Русскій истор. Сборн. т. I, стр. 86; Русск. Вѣстн. 1842 г., № 11 и 12.

и изъ другихъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, льготя себѣ, чтобъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали въ Москву и другіе города, да и живутъ здѣсь у родни и друзей; изъ иныхъ заукрайныхъ разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ для разоренья во всякихъ податяхъ дали льготы. А иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, и податей никакихъ вмѣстѣ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми, не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ; другіе многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей, жалуются на насильство и обиды, просятъ, чтобъ ихъ отъ сильныхъ людей оборонить. Великій государь съ отцомъ своимъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, думными и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы это исправить и Землю устроить, и усовѣтовавши приговорили: которые города отъ Литовскихъ людей и отъ Черкасъ были въ разореньи,—въ тѣ города послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя къ крестному цѣлованью, давъ имъ полный наказъ, чтобъ они писали и дозирали всѣ города вправду, безъ посуловъ. А которыхъ украйныхъ городовъ посадскіе люди живутъ въ Москвѣ и по другимъ городамъ, тѣхъ, сыскивая, отсылать въ тѣ города, гдѣ они прежде жили, и льготы имъ дать, смотря по разоренью. А которые посадскіе и уѣздные люди заложились за митрополитовъ, и за все духовенство, за монастыри, за бояръ и за всякихъ чиновъ людей,—тѣмъ закладчикамъ всѣмъ быть тамъ, гдѣ прежде были, и на тѣхъ людяхъ, за которыми они жили, доправить наши всякія подати за прошлые годы. На сильныхъ людей во всякихъ обидахъ мы велѣли сыскивать и указъ по сыску дѣлать боярамъ своимъ, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и князю Данилѣ Ивановичу Мезецкому съ товарищами; а изъ всѣхъ городовъ, для вѣдомости и устроенія, указали мы взять въ Москву изъ каждаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды, насильства и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться, ратныхъ людей пожаловать и устроить Московское государство такъ, чтобъ пришли всѣ въ достоинство". Но если, съ одной стороны, заботились о томъ, чтобъ посадскіе люди не покидали тягла и тѣмъ не ставили товарищей своихъ въ бѣдственное положеніе, то, съ другой стороны, само правительство переводило иногда изъ городовъ богатѣйшихъ людей въ Москву: такъ, въ 1630 году, велѣно было взять изъ Чердыни въ Москву двоихъ посадскихъ людей съ братьею для помѣщенія въ суконную сотню; при этомъ Чердынскій воевода получилъ приказъ, въ случаѣ если посадскіе люди скроются, то дать для отысканія ихъ пушкарей и разсыльщиковъ. Изъ послѣдняго видимъ, съ согласія ли переводимыхъ происходили подобные переводы. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ устроенію городовъ, къ благосостоянію ихъ жителей были насилія воеводъ и приказныхъ людей. Въ 1620 году правительство принуждено было разослать грамоты такого содержанія: „Извѣстились мы, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и продажи великія, посулы, поминки и кормы берутъ многіе. Великій государь, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, приговорилъ съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ наши грамоты, чтобъ они насильствъ и продажъ не дѣлали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали, лошадей, платья и товаровъ, кромѣ съѣстнаго, не покупали, на дворъ у себя денщикамъ, дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ и казакамъ, пушкарямъ и затинщикамъ, изъ посадовъ и слободъ водовозамъ и всякимъ дѣловымъ людямъ быть, хлѣбъ молоть, толочь, печь и никакого издѣлья дѣлать на себя во дворѣ, въ посадахъ и слободахъ не велѣли, городскими и уѣздными людьми пашенъ не пахали и сѣна не косили; а если въ которыхъ городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу и будутъ на нихъ челобитчики, то мы велѣли взять на нихъ все вдвое, да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ. Такъ вы бы, архимандриты, игумены и весь освященный чинъ, дворяне, дѣти боярскія, старосты и цѣловальникъ, посадскіе и уѣздные великіе люди, воеводамъ и приказнымъ людямъ посуловъ, помниковъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ не давали, лошадей, всякой животины и товаровъ, кромѣ съѣстнаго, имъ не продавали; а если станете воеводамъ посулы и поминки давать и про то сыщется, то всѣ убытки велимъ на васъ доправить вдвое, да вамъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ. Пишемъ мы къ вамъ, милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ другихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны". Любопытно наивное выраженіе, которое встрѣчается въ грамотахъ и которое такъ ясно показываетъ раздѣленіе, особность разныхъ органовъ общественнаго тѣла, усобицу между ними; въ жалованныхъ грамотахъ городамъ говорится, что царь велѣлъ приказнымъ своимъ людямъ оборонять ихъ отъ б о я р ъ с в о и х ъ и отъ всякихъ людей. По-прежнему сильно жалуется на воеводъ лѣтописецъ Псковской; подъ 1618 годомъ онъ говоритъ: „Былъ во Псковѣ князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ, и взялъ четвертый снопъ на государя съ монастырей и церквей на ратныхъ людей, а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ; но тотъ, кто церкви Божіи оскорбилъ и весь міръ погубилъ,

скоро умеръ злою смертію,—на Москвѣ, испорченный зельемъ отъ своихъ же, кровію изошелъ". О князѣ Василіи Туренинѣ и дьякѣ Третьякѣ Копнинѣ онъ говоритъ подъ 1627 и 1628 годами: „Церковныя отчины и монастырскія отписали на государя, вкладчиковъ монастырскихъ вонъ выбили, монастырей и церквей не строили (т.-е. не заботились о нихъ), и въ храмовые праздники обѣдни не было. Въ 1632 году, при князѣ Никитѣ Мезецкомъ и Пименѣ Юшковѣ, выходили многіе выходцы изъ Литовской Земли, всякіе люди Русскіе съ женами и дѣтьми, отъ великой нужды, правежа, голода и литовскаго насильства на православную вѣру. Этихъ выходцевъ многихъ князь Мезецкій и Юшковъ насильно отдавали дѣтямъ боярскимъ въ крестьянство, и многіе изъ нихъ скованные ходили по городу, милостыни просили, а которые не хотѣли, тѣхъ въ тюрьмахъ держали, чтобъ шли къ нимъ служить съ кабалами. Тѣ же Мезецкій и Юшковъ не давали за городъ соли возить больше полупудка всякимъ людямъ, кромѣ крестьянъ дѣтей боярскихъ".

Мы видѣли, что на соборѣ, держанномъ по случаю взятія Азова казаками, совѣтные люди жаловались, что и во внутреннихъ городахъ посажены воеводы, тогда какъ прежде сидѣли тамъ губные старосты. До насъ дошло и другое извѣстіе, что съ 1613 года при царѣ Михаилѣ въ городахъ поставлены воеводы и приказные люди; до 1613 года, при боярахъ и при Шуйскомъ въ этихъ городахъ воеводы были же, но при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ по Разстригинъ приходъ тамъ воеводъ не было,—были судьи, губные старосты и городовые приказчики. Такихъ городовъ, которые съ 1613 года получили воеводъ, насчитывается 33. И при Михаилѣ прибѣгали къ старому средству противъ злоупотребленій чиновниковъ, отъ правительства назначаемыхъ, возстановляли грамоты Грознаго, дававшія міру право судиться и рядиться выборными чиновниками; въ 1614 году, подтверждена грамота Іоанна IV, данная жителямъ Устюжны Желѣзопольской: „Устюжны Желѣзопольской посадскіе люди, старосты и цѣловальники, сотскіе и десятскіе и всѣ крестьяне, лучшіе, середніе, и младшіе люди, отъ волостелина суда и отъ его пошлинныхъ людей отставлены,—быть у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людямъ, которыхъ себѣ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ". Подтверждена имъ и другая грамота Грознаго, по которой они выбирали изъ среды себя цѣловальниковъ, сотскаго и дьяковъ, долженствовавшихъ сбирать всякія пошлины. Въ 1622 году жители Устьянскихъ волостей били челомъ, что „въ прежніе годы у нихъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; а послѣ Московскаго разоренья, какъ начали у нихъ быть приказчики, и имъ отъ этихъ приказчиковъ чинятся налоги и убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи великія, и отъ этихъ приказчиковыхъ налоговъ и насильствъ и посуловъ они, крестьяне, оскудѣли и подати имъ платить нечѣмъ, хотятъ брести врозь,— пожаловать бы ихъ, впередъ приказчикамъ быть не велѣть, а велѣть быть у нихъ выборнымъ мірскимъ судейкамъ попрежнему, и за то бы ихъ оброкомъ обложить, сверхъ стараго оброка, чтобъ имъ отъ приказчиковыхъ насильствъ, посуловъ и продажъ вконецъ не погибнуть и розно не разбрестись". Царь исполнилъ ихъ просьбу. Жители города Романова-Борисоглѣбска били челомъ, чтобъ ихъ попрежнему вѣдали дьяки посольскаго приказа. Доходы съ этого города издавна шли на содержаніе поселеннымъ около него Татарамъ, которые поэтому и называются Романовскими. Какъ эти Татары служили вѣрою и правдою царю Московскому, видно изъ челобитной вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря въ 1614 году. „Послѣ литовскаго разоренья пришелъ въ Вологду для обереганья Сибирскій царевичъ Арасланъ Алѣевичъ съ дворянами, дѣтьми боярскими, Татарами и казаками, и началъ на насъ кормы править и мучить на правежѣ цѣлый день нещадно, а на ночь служекъ нашихъ и крестьянъ безъ рубашекъ велѣлъ сажать въ подполъ и вверхъ ногами вѣшать, и вымучилъ на насъ овса 300 четвертей, сѣна 200 возовъ, 25 четвертей муки пшеничной, 100 четвертей муки ржаной, за барановъ и куръ вымучилъ деньгами 150 рублей, пограбилъ лошадь, сосуды, скатерти; приказные его вымучили себѣ 50 рублей денегъ, и съ того мученья одинъ крестьянинъ умеръ, другіе лежали недѣль по пяти и по шести. Потомъ по царевичеву письму, будто для обереганья, пришелъ изъ Романова Барай-мурза съ Татарами и казаками,—и досталь насъ разорилъ".

Въ 1627 году государь указалъ во всѣхъ городахъ устроить губныхъ старостъ, дворянъ добрыхъ по спискамъ лучшихъ людей, которые были бы душою прямы, имѣніемъ пожиточны и грамотѣ умѣли, которымъ бы можно было въ государевыхъ дѣлахъ вѣрить и которыхъ съ губное дѣло стало бы, а впередъ сыщиковъ для сыску татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ въ города не посылать,—сыскивать всякія такія губныя дѣла въ городахъ губнымъ старостамъ, и о томъ писать къ государю въ Москву. „Если дворяне и дѣти боярскія станутъ выбирать губнаго старосту изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ середнихъ и меньшихъ статей, а лучшихъ людей выбирать не станутъ и выборовъ на нихъ не дадутъ, то мы указали устроить губнаго старосту, по списку лучшаго человѣка, безъ выборовъ, а выборъ на него велимъ на дворянахъ и на всякихъ людяхъ доправить". Города иногда просили, чтобъ воеводамъ у нихъ не быть, быть одному губному старостѣ; государь соглашался—и губной староста получалъ въ такомъ случаѣ наказъ, одинаковый съ воеводскимъ. Относительно смѣны губныхъ старостъ и воеводъ до насъ дошли любопытныя челобитныя; такъ Дмитровцы били челомъ, что „былъ у нихъ одинъ губной староста безъ воеводы и умеръ, и на его мѣсто выбрать некого, а прежде былъ въ Дмитровѣ одинъ Ѳедоръ

Чаплинъ, и губныя дѣла были ему же приказаны, и, будучи онъ въ Дмитровѣ, о государевомъ дѣлѣ и обо всемъ радѣлъ, за крестьянишекъ и за посадскихъ людей стоялъ, отъ сторонъ оберегалъ, продажъ и убытковъ никакихъ не дѣлалъ: вели, государь, быть въ Дмитровѣ попрежнему Ѳедору Чаплину одному". Государь велѣлъ: Чаплинъ былъ назначенъ въ Дмитровъ въ 1639 году, но въ 1642 году былъ смѣненъ губнымъ старостою Шестаковымъ по выборамъ; въ 1644 году велѣно быть воеводою въ Дмитровѣ Ртищеву, по челобитью Дмитровцевъ, всякихъ чиновъ людей, а губному старостѣ, *по челобитью*, въ Дмитровѣ быть не велѣно. Въ 1641 году Угличане били челомъ: „По твоему, государеву, указу на Угличѣ воевода отставленъ, а городъ велѣно принять губному старостѣ Павлу Ракову на время безъ выбору; но этотъ Павелъ молодъ и окладомъ малъ, многія дѣла дѣлаетъ не по твоему государеву уложенью для своей бездѣльной корысти и бражничаетъ: вели, государь, его отставить и вели быть на Угличѣ Бѣжичанину Игнатію Мономахову". Государь указалъ Мономахова отпустить въ Угличъ. Въ 1644 году Кашинцы были челомъ: „По твоему государеву указу, велѣно быть у насъ въ губныхъ старостахъ Саввѣ Спѣшневу: но онъ сраменъ и увѣченъ, руками и ногами не владѣетъ; теперь у насъ въ Кашинѣ передъ съѣзжею избою и на посадѣ, и въ уѣздѣ воровства, грабежи и убійство многія, насильства великія, и расправы дѣлать некому; прежде въ Кашинѣ были воеводы и губные старосты, и такого воровства, и убійства, грабежа и насильства не было; пожалуй, государь, вели быть попрежнему воеводамъ, и вели быть воеводою изъ московскихъ дворянъ Дементію Лазареву". Государь исполнилъ ихъ просьбу.

Отсюда мы видимъ, что города не раздѣляютъ мнѣнія, высказаннаго торговыми людьми на соборѣ, не требуютъ постоянно смѣны воеводъ и замѣненія ихъ губными старостами, какъ выборными чиновниками: города прямо жалуются на губныхъ старостъ и просятъ воеводъ, но при этомъ они указываютъ на извѣстное лицо, которое они хотятъ имѣть воеводою, слѣдовательно и воевода становится такимъ образомъ чиновникомъ выборнымъ или излюбеннымъ. Сильную борьбу съ губными старостами въ царствованіе Михаила выдержали жители города Шуи. Въ 1614 году они жаловались на губнаго старосту Калачева: „Въ прошломъ 1612 г. пріѣхалъ въ Шую губной староста Посникъ Калачевъ, и началъ на насъ, посадскихъ людишекъ, похваляться поклепомъ и подметомъ, и наученьемъ, языческою молвою, велитъ намъ къ себѣ носить кормъ всегда, хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, вино; началъ загонять къ себѣ на дворъ животину всякую, бить; посадскіе люди отъ его насильства разбрелись, посадскіе дворы запустѣли; а мы того Посника въ губные старосты не выбирали". Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что Калачевъ пріѣхалъ въ Шую еще въ Смутное время, въ 1612 году. Въ 1618 жаловались на сыщика Беклемишева и губнаго старосту Кроткаго, что они научаютъ колодниковъ взводить напрасныя обвиненія на посадскихъ людей; воровъ и разбойниковъ выпускаютъ на выкупъ изъ тюрьмы, и отъ этого умышленья Шуя становится пуста; сами отпустятъ своихъ людей, потомъ схватятъ ихъ, какъ бѣглыхъ, да и научаютъ оговаривать посадскихъ людей. Въ 1621 г. произошла ссора между Шуйскимъ воеводою и губными старостами: воевода доносилъ, что, по нерадѣнью губныхъ старостъ, колодники изъ тюрьмы разбѣжались, и что, мстя за этотъ доносъ, губные старосты сажаютъ его, воеводнныхъ, крестьянъ въ тюрьму понапрасну; губные старосты жаловались, что воевода вступается въ ихъ дѣла, не выдаетъ имъ преступниковъ, и одного изъ нихъ, старостъ, приказывалъ бить батогами и ослопами; духовенство и посадскіе люди на обыскѣ объявили, что воевода никогда не бивалъ губнаго старосту. Любопытно, что этотъ обвиненный міромъ въ клеветѣ губной староста Волковъ остался на своемъ мѣстѣ: въ 1622 году ему и товарищу его, Кишкину, царь запретилъ вступаться въ дѣло, если на посадѣ г р ѣ ш н о ю м ѣ р о ю учинится смерть, который человѣкъ удавится или ушибется, или, напившись пьянъ, сгоритъ, или утонетъ, или рѣкою мертвый человѣкъ подплыветъ подъ посадъ, или кто между собою подерется хмельнымъ дѣломъ, потому что губные старосты, придираясь къ этимъ дѣламъ, сажали посадскихъ людей въ тюрьму и чинили имъ убытки великіе. На Кишкина Шуяне подали челобитную въ 1635 году, что онъ не даетъ посадскимъ людямъ, которыхъ оговорилъ разбойникъ, очныхъ ставокъ съ оговорщикомъ и не даетъ пытать послѣдняго для своей бездѣльной корысти. Тутъ Шуяне прямо просятъ, чтобъ губной староста и сыщикъ безъ воеводъ татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ не вѣдали. — Въ 1627 году били челомъ Устюжане: „Сидятъ на Устюгѣ въ съѣзжей избѣ пять человѣкъ подъячихъ, — одни изъ нихъ взяты изъ посадскихъ тяглыхъ людей, другіе, пріѣхавшіи въ Устюгъ, покупили тяглые посадскіе дворы. У этихъ подъячихъ по молодому подъячему, а сами разбогатѣли сильно, въ волостяхъ за ними деревни лучшія, съ посадскими людьми съ своихъ дворовъ податей не платятъ, съ деревень подати платятъ въ-половину, а иныя отписи берутъ угрозами, и многія подати за нихъ платятъ міромъ; да они же ѣздятъ, перемѣняясь, въ волости по государевымъ дѣламъ, и по волостямъ берутъ себѣ почести великія, кормы, вина, пива; четвертные доходы сбираютъ съ насъ они же, подъячіе, и въ Москву отвозятъ, а на мірскую волю не даютъ, отвоза берутъ съ рубля по алтыну, лишнія деньги противъ развода берутъ, а въ отписи не ставятъ; да они же съ насъ, со всего міра, берутъ жалованье по двадцати рублей на человѣка; а можно быть въ съѣзжей избѣ на Устюгѣ троимъ подъячимъ; прежде было трое и безъ найму, изъ одного дохода. Вели, государь, дать изъ Москвы

на Устюгъ троихъ молодыхъ подъячихъ, или вели выбрать подъячихъ на Устюгѣ міромъ, а тѣхъ старыхъ подъячихъ вели перемѣнить". Послѣ обыска подъячихъ отставили.

Ближайшіе къ Москвѣ города, при столкновеніи съ воеводами и губными старостами, могли обращаться къ царю; но изъ областей отдаленныхъ, изъ Сибири, челобитья не скоро могли достигать Москвы, и жители этихъ отдаленныхъ областей употребляли средство, которое употребляли и жители ближайшихъ городовъ, но не всею массою, брели розно. Посланы были на Лену воеводы и духовныя лица, которымъ велѣно вездѣ давать подводы безъ задержки. Когда они пріѣхали въ Енисейскій острогъ, то воевода здѣшній, Веревкинъ, велѣлъ созвать къ съѣзжей избѣ служилыхъ посадскихъ людей, пашенныхъ крестьянъ, пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей разныхъ городовъ, и сталъ требовать отъ нихъ подводъ. Служилые люди отвѣчали, что имъ дать подводъ нельзя: „Прежде мы ни подъ какою государевою казною и ни подъ какими государевыми воеводами въ подводахъ не хаживали, гребцовъ не давывали, указу государева о томъ прежде не бывало и теперь нѣтъ; а если съ насъ воевода караулъ городовой, отъѣзжіе заставные караулы и службу сниметъ, то мы поѣдемъ сами головами въ подводахъ; а если службы и карауловъ отъѣзжихъ и городовыхъ не сниметъ, то у насъ въ подводахъ идти некому, города государева покинуть не смѣемъ". Пашенные крестьяне сказали: „Если съ насъ воевода сниметъ пашню, десятины, то мы побредемъ головами въ подводахъ; а если десятинъ не сниметъ, то у насъ подводъ нѣтъ". Нѣсколько дней сряду воевода призывалъ ихъ и уговаривалъ дать подводы, по всякій разъ одинъ отвѣтъ, что имъ подводъ не давывать. Тогда воевода велѣлъ лучшихъ служилыхъ и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ выборныхъ старостъ пометать въ тюрьму, и, вынувъ изъ тюрьмы, велѣлъ ихъ бить на правежѣ; но енисейскіе служилые и посадскіе люди и пашенные крестьяне съ лучшими людьми всѣ пошли головами въ тюрьму и на правежъ, говоря: „Метать насъ въ тюрьму и на правежѣ бить всѣхъ, а не однихъ лучшихъ людей; въ томъ воленъ Богъ да государь; безъ государева указа на насъ велитъ подводы править". И, отказавъ въ подводахъ, пошли всѣ врозь. Якутскій воевода, Петръ Головинъ, два года держалъ въ тюрьмѣ товарищей своихъ, Матвѣя Глѣбова и дьяка Филатова; въ семи тюрьмахъ Головинъ держалъ больше 100 человѣкъ служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей. Притѣсненіями и казнокрадствомъ отличился также Мангазейскій воевода Григорій Кокоревъ;—по донесеніямъ товарища его, Андрея Палицына: „Пріѣдутъ Самоѣды съ ясакомъ,—воевода и жена его посылаютъ къ нимъ съ заповѣдными товарами, съ виномъ; несчастные дикари пропиваются донага, ясакъ, который они привезли, соболи и бобры переходятъ къ воеводѣ, а Самоѣды должны платить ясакъ кожами оленьими,—иные съ себя и съ женъ своихъ снимаютъ платье изъ оленьихъ кожъ и отдаютъ за ясакъ, потому что всѣ перепились и перегграблены. Который торговый или промышленный человѣкъ не придетъ къ воеводѣ, къ женѣ его и сыну съ большимъ приносомъ,—такого воевода кидаетъ въ тюрьму; да не только его самого,—но и собакъ его посадитъ въ тюрьму, да и беретъ потомъ выкупъ и съ самого, и съ собакъ. Когда у воеводы бываютъ пиры на торговыхъ и промышленныхъ людей, если кто къ нему, или къ женѣ его, или къ сыну принесетъ мало, тому приносъ бросаютъ въ глаза и до воротъ провожаютъ въ шею. Люди воеводины берутъ у торговыхъ людей на гостиномъ дворѣ товары безъ платы; къ сыну воеводы промышленные люди ходятъ ежедневно продажное вино пить: кто принесетъ гривну,—тому дастъ чарку, кто принесетъ двѣ гривны, тому двѣ чарки, и такъ дальше по разсчету; и какъ эти люди, напившись, пойдутъ отъ него со двора, то люди его кресты, перстни и пояса съ нихъ оберутъ, а съ иныхъ и все платье поснимаютъ въ закладъ. Затѣваетъ торговымъ людямъ напрасныя посылки, велитъ выбрать нарочитыхъ людей 20 или 30 и скажетъ службу на тундру, откуда имъ не воротиться, и тѣ люди, одолживъ свои головы послѣдними долгами, отъ него откупаются деньгами. Исказилъ царскій наказъ и держалъ его въ съѣзжей избѣ, а настоящій наказъ скрывалъ у себя".—Кокоревъ, съ своей стороны, доносилъ на Андрея Палицына, что онъ держитъ корчму, пьянствомъ и другихъ разоряетъ, и самъ пьянствуетъ. Одинъ священникъ, духовный отецъ Палицына, доносилъ на Кокорева; другой доносилъ на Палицына и на отца его духовнаго, обвинялъ ихъ въ содомскихъ дѣлахъ, воровскихъ заводахъ и богомерзкихъ словахъ. Палицынъ доносилъ, что Кокоревъ ходитъ въ городъ и въ церковь наряднымъ воровскимъ обычаемъ, носятъ передъ нимъ мечъ обѣручный, какъ передъ Разстригою, а люди его всѣ передъ нимъ съ пищалями, саблями и со всякимъ оружіемъ, какъ предъ курфюрстомъ нѣмецкимъ, ходятъ; чины у него учреждены большіе: холопей своихъ зоветъ—иного дворецкимъ, другого казначеемъ, иныхъ стольниками. Когда Кокоревъ пойдетъ въ баню, то предъ баню приходятъ къ нему здороваться складчики его и совѣтчики и попы; и, на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ чиновъ люди ходятъ передъ баню челомъ ему ударить; и когда жена Кокорева пойдетъ въ баню, то велитъ всѣмъ женщинамъ посадскимъ приходить челомъ себѣ ударить. Если у Кокоревскихъ людей умретъ ребенокъ, то всѣхъ посадскихъ женщинъ загоняютъ и велятъ надъ ребенкомъ плакать. На кого Кокоревъ накинется не дѣломъ, посадитъ въ тюрьму или на правежѣ велитъ мучить, и тѣ люди послѣдніе свои животишки относятъ къ женѣ Кокорева, а приводитъ ихъ попъ Сосна и всѣмъ людямъ говоритъ: кто хочетъ бѣды избыть, тотъ бы шелъ ко всемірной заступ-

ницѣ, которая что захочетъ, то и сдѣлаетъ, хотя отъ висѣлицы отниметъ. — Дѣло дошло дотого, что оба воеводы вступили другъ съ другомъ въ явную войну: Кокоревъ съ своими совѣтниками и стрѣльцами началъ стрѣлять изъ города въ посадъ, гдѣ сидѣлъ Палицынъ, и нѣсколько человѣкъ было побито; а Кокоревъ въ свое оправданіе говорилъ, что онъ стрѣлялъ вслѣдствіе приступа къ городу Андрея Палицына и его соумышленниковъ.

Кромѣ притѣсненій отъ воеводъ и приказныхъ людей, жители городовъ и областей много страдали отъ разбоевъ, которыхъ, какъ мы видѣли, было много и прежде, а теперь должно было быть еще больше послѣ недавнихъ смутъ и казацкаго господства. Разбойники ходили толпами; правительство наряжало противъ нихъ стольниковъ, которые ходили съ вооруженными отрядами, со всякимъ ратнымъ боемъ. Въ 1618 году били челомъ люди князя Мстиславскаго: „Передъ Покровомъ шли Черкасы и крестьянъ многихъ посѣкли въ Ярополчевской волости; а послѣ Черкасъ пришли въ волость Ярополчь казаки и стали въ Возниковской слободкѣ станомъ; тогда люди и крестьяне князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, да муромскихъ и гороховскихъ дѣтей боярскихъ люди, крестьяне и стародубскіе мужики сложились съ этими казаками, да волость Ярополчевскую разорили. Къ казакамъ вино и медъ извозчики князя Димитрія Пожарскаго привозили и торгами всякими торговали, а какъ вино и медъ распродадутъ, то нашихъ крестьянъ пожитки, лошадей, коровъ и платье всякое покупали и стада отгоняли въ помѣстья и вотчины своихъ бояръ“. Разбойничали приказчики мелкихъ помѣстій съ своими крестьянами, разбойничали мелкимъ разбоемъ, нападали ночью въ лѣсу на проѣзжихъ. Иначе поступали приказчики большихъ, сильныхъ вотчинниковъ; въ 1645 году Шуяне били челомъ князю Якову Куденетовичу Черкасскому: „Жалоба намъ, государь, на приказнаго твоего человѣка села Иванова-Кохмы, Безчастнаго Черкашенинова: въ прошломъ году о Николинѣ днѣ вешнемъ въ селѣ Пупкѣ на торгу онъ, Безчастный, съ твоими крестьянами прибили до полусмерти нашихъ посадскихъ людишекъ, шалаши у нихъ поломали, товаръ — хлѣбъ, калачи, мясо и пироги—въ грязь втоптали; мы тогда били тебѣ челомъ, и ты изволилъ сыскать и, по сыску, указъ учинить. А въ нынѣшнемъ году, 24 іюля, пріѣхалъ онъ, Безчастный, въ Шую на торгъ, собравшись со многими крестьянами, и, сердясь за прежнее наше челобитье на него, хотѣлъ насъ перебить; мы, узнавши, что онъ хочетъ насъ перебить,—которые сидѣли въ лавкахъ, а иные по домишкамъ своимъ, отъ него заперлись, и сидѣли запершись до тѣхъ поръ, пока онъ изъ Шуи выѣхалъ; а онъ, Безчастный, по торгу и по улицамъ ѣздилъ съ саблею, а крестьяне твои за нимъ ходили съ топорками, кистенями, ослопами и кольями, ясакомъ кликали, похвалялись на насъ убійствомъ“. Приказчикъ дворцоваго села Дунилова, Сабуровъ, билъ челомъ на Творогова, приказчика села Васильевскаго, принадлежавшаго также князю Черкасскому: „Ѣздитъ Твороговъ въ Шую на торгъ и на Дунилово; съ нимъ ѣздятъ многіе люди, человѣкъ по двадцати, по сороку и больше, называются казаками, и крестьянъ государевыхъ по дорогамъ и по деревнямъ побиваютъ и грабятъ, подводы берутъ, женъ ихъ и дѣтей позорятъ, животину всякую стрѣляютъ и по хлѣбу ѣздятъ. Въ нынѣшнемъ году пріѣхалъ на торгъ и сталъ на дворѣ у крестьянина Невѣрова силою; и какъ торгъ съѣхался, то Твороговъ вышелъ со двора съ своими казаками и крестьянами, и сталъ у крестьянъ государевыхъ сукна и холсты грабить и самихъ крестьянъ побивать. Когда я, Сабуровъ, выслалъ людей своихъ уговаривать его, то онъ велѣлъ людишекъ моихъ бить насмерть и грабить середь торгу; тогда я вышелъ на улицу и сталъ ему говорить: за что ты государевыхъ крестьянъ велишь грабить, а людишекъ моихъ побивать? а онъ началъ меня бранить всякою неподобною бранью, и велѣлъ казакамъ бить меня до смерти, но меня міромъ отняли; я ушелъ къ себѣ на дворишко и заперся. Твороговъ съ казаками и со многими людьми приступалъ къ дворишку моему, изъ луковъ и пищалей стрѣляли, полѣньемъ бросали и грабили, и я едва отсидѣлся, отняли меня міромъ“. Стрѣльцы при удобномъ случаѣ становились также разбойниками: Архангельскій воевода доносилъ въ 1640 году, что сто человѣкъ стрѣльцовъ, посланныхъ изъ Холмогоръ въ Пустоозерскій острогъ, въ Кедровѣ и на Мезени воровали, крестьянъ били и грабили, и женъ ихъ безчестили, сотника своего не слушали. Переводить разбои было трудно въ странѣ малонаселенной, покрытой дремучими лѣсами; кромѣ того, средствъ не было: явятся большія разбойничьи шайки, противъ нихъ вооружатся дворяне и дѣти боярскія, какъ вдругъ придетъ указъ, чтобъ эти дворяне и дѣти боярскія ѣхали на береговую службу, а за разбойниками пусть идутъ монастырскіе служки, посадскіе и уѣздные люди. Воевода пишетъ, что монастырскіе служки худы и безконны; ему отвѣчаютъ изъ Москвы: „Вы бы за разбойниками сами ходили, посылали губныхъ старостъ и отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ“. Но уже это походило на насмѣшку, ибо дворяне и дѣти боярскія отставлялись за старостію, увѣчьемъ и болѣзнями. Слышались жалобы и на губныхъ старостъ, что они норовятъ колодникамъ для своей бездѣльной корысти, а губные шуйскіе старосты разъ подали вотъ какую челобитную на губнаго цѣловальника: „Пришелъ онъ съ кабака пьяный и вынулъ изъ тюрьмы колодницу, разбойничью женку Аксютку, къ себѣ на постель, а самъ уснулъ пьяный; тогда женка Аксютка вынула у него изъ пазухи ключи тюремные и выпустила изъ тюрьмы колодниковъ, татей и разбойниковъ семь человѣкъ, а тюремный сторожъ въ то время сошелъ къ себѣ ужинать“.

Если посадскіе люди терпѣли отъ приказчиковъ

сильныхъ вельможъ, то и дворяне и дѣти боярскія били челомъ: которые посадскіе тяглые люди живутъ за сильными людьми и за монастырями въ закладчикахъ, то отъ нихъ имъ, дворянамъ, людямъ ихъ и крестьянамъ обиды и насильство многое въ городахъ, по торжкамъ, по слободамъ и на посадахъ; людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, на мытахъ и перевозахъ перевозы и мостовщину берутъ, мимо государева указа; а въ городахъ воеводы и приказные люди на этихъ людей суда не даютъ, отказываютъ, что имъ въ городахъ судить ихъ не указано. Вслѣдствіе этого челобитья, вышелъ указъ: на откупщиковъ и мытовщиковъ судъ давать по приказамъ, изъ котораго приказа кому дано въ откупъ или на оброкъ; кто станетъ брать перевозы и мостовщины мимо государевой грамоты,—такихъ бить кнутомъ, да сверхъ того пеня на государя съ откупу ихъ, съ рубля по алтыну. А которые люди всякихъ чиновъ самовольствомъ на своихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ водахъ, по дорогамъ, завели мыты, перевозы и мостовщины, и берутъ перевозъ и мытъ самовольно, вновь постановили мельницы и этимъ воду подняли, то всѣ эти мельницы, мосты и перевозы свесть.

Когда Новгородъ Великій возвращенъ былъ Москвѣ по Столбовскому миру, то жителямъ его дана была льгота на три года отъ всѣхъ податей; воеводами въ него назначены были: бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій да стольникъ князь Ѳедоръ Елецкій съ двумя дьяками. Воеводы получили наказъ переписать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть съ ними на службѣ въ Новгородѣ, нѣтчиковъ сыскивать и наказывать; пустопомѣстнымъ и безпомѣстнымъ, пока испомѣстятся, давать кормъ по осьминѣ человѣку; пересмотрѣть нарядъ и пушечные запасы и разставить нарядъ по мѣстамъ, расписать пушкарей и всякихъ людей, гдѣ кому быть въ осадное время, чтобъ всякій свое мѣсто зналъ. Ворота воеводамъ и дьякамъ вѣдать, кому которыя пригоже; въ городничіе выбрать двоихъ дворянъ, добрыхъ, и велѣть имъ всякій хлѣбъ и городовое всякое береженье и у наряду у всѣхъ воротъ вѣдать во всемъ, въ городѣ ворота замыкать и отмыкать, а ключи приносить боярину и воеводѣ князю Хованскому въ каменный городъ. Жить князю Хованскому въ большомъ каменномъ городѣ, князю Елецкому—въ другомъ городѣ, а дьякамъ жить, гдѣ прежде дьяки живали; какъ городъ замыкать и отмыкать—для того сдѣлать колоколъ, а ратный вѣстовой держать другой колоколъ; порохъ и всякій пушечный запасъ держать въ каменномъ городѣ на казенномъ дворѣ или въ крѣпкомъ погребѣ, и приказать тотъ погребъ и порохъ городничему, а для береженья отъ огня учредить объѣздчиковъ. Въ осадное время Чуховъ, Латышей и порубежныхъ русскихъ крестьянъ въ городъ (крѣпость) не пускать, держать ихъ на посадѣ, во рвахъ, а женъ ихъ и дѣтей малыхъ пускать въ городъ. Выбрать дѣтей боярскихъ и велѣть имъ корчмы вынимать у всякихъ людей, чтобъ, кромѣ государевыхъ кабаковъ, никто питья на продажу не держалъ; дѣти боярскія, которымъ держать про себя питье непригоже, чтобъ никакъ его не держали, а которымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ, гостямъ лучшимъ и торговымъ людямъ пригоже питье держать, тѣ бы питье держали про себя, а не на продажу. Если у тѣхъ, кому нельзя держать питья, вынутъ корчму впервые, на томъ взять два рубля заповѣди; вынутъ корчму въ другой разъ у сына боярскаго, то вкинуть его на время въ тюрьму, и заповѣди взять вдвое; вынутъ въ другой разъ корчму у посадскаго человѣка, у стрѣльца, казака или пушкаря, то бить кнутомъ и вкинуть въ тюрьму, а заповѣди взять вдвое. Заказъ крѣпкій учинить и биричу велѣть кликать нѣсколько разъ, чтобъ никакого воровства не было, никто бы никого не билъ и не грабилъ и другого никакого дурна не дѣлалъ. Беречь накрѣпко, чтобъ въ лѣтнее время избъ и банъ не топили, вечеромъ съ огнемъ не сидѣли, ѣсть бы варили и хлѣбы пекли въ поварняхъ и на огородахъ въ печахъ. Порубежныхъ Латышей и Чухонъ Новгородскаго уѣзда, также зарубежныхъ Нѣмцевъ, Латышей и Чухонъ, если пріѣдутъ съ хлѣбомъ или такъ для чего-нибудь, въ городъ не пускать, а отвести имъ дворъ или два на посадѣ, приказать ихъ пріѣздъ и отъѣздъ вѣдать сыну боярскому или двоимъ добрымъ, и беречь накрѣпко, чтобъ имъ отъ Русскихъ людей обидъ не было, да чтобъ и отъ нихъ Русскимъ людямъ дурна не было же; случится между ними и Русскими людьми тяжба, то судить ихъ на посадѣ головамъ, которымъ приказаны будутъ нѣмецкіе гостиные дворы, а вершить дѣла воеводамъ. Если посадскіе люди изъ московскихъ городовъ станутъ приходить въ Новгородъ и захотятъ жить въ немъ, будутъ просить льготы, то, разспросивъ ихъ, велѣть жить на посадѣ, давши имъ мѣста подъ дворы и подъ огороды, записывать имена ихъ въ книги и присылать вѣдомость къ государю въ чети, откуда кто пришелъ и какъ давно. Беречь накрѣпко, чтобъ Нѣмцы и Латыши, пріѣзжая въ Новгородъ, у порубежныхъ людей хлѣба и никакого другого товара не покупали и скота не гоняли за рубежъ; чтобъ заморскіе торговые люди изъ Новгорода хлѣба и никакого съѣстнаго запаса за рубежъ не вывозили. Сдѣлать для Нѣмцевъ гостиный дворъ на Торговой сторонѣ, занять мѣсто небольшое острогомъ, дворы извозные извозчикамъ сдѣлать, а извозчиковъ прибрать сколько пригоже, смотря по заморскому водяному пріѣзду и привозу; этимъ извозчикамъ изъ судовъ на гостинъ дворъ всякіе товары велѣть возить, а мимо ихъ никому въ извозѣ не быть, да изоброчить этихъ извозчиковъ оброкомъ. Если товаръ съ нѣмецкихъ разбитыхъ судовъ прибьетъ къ берегу, то воеводамъ велѣть товаръ сыскивать и отдавать Нѣмцамъ, чей онъ будетъ, взимая на государя десятую выть. Поминковъ воеводамъ у чужеземцевъ и у Русскихъ людей не брать ни подъ какимъ видомъ; если Нѣмцы

станутъ какую почесть приносить, то также не брать нечего; пускать ихъ князю Хованскому къ себѣ въ избу въ другомъ городѣ передъ воротами, по утрамъ, человѣкъ по пяти и по шести, а не вдругъ, въ каменный же городъ заморскихъ Нѣмцевъ никакъ не пускать. Сдѣлать въ Новгородѣ гостиный дворъ, чтобы гости мимо этого двора нигдѣ не ставились, а Фрязамъ, французскихъ судовъ людямъ сдѣлать на тѣхъ дворахъ амбары, гдѣ держать дорогіе товары и всякую мелкую рухлядь; ѣду и питье всякое держать для заморскихъ Нѣмцевъ и для торговыхъ людей дворникамъ тѣхъ дворовъ, а для береженья на дворахъ приставить сына боярскаго, и съ нимъ цѣловальниковъ. Служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ, пушкарей, стрѣльцовъ и казаковъ на дворы не пускать, чтобъ отъ нихъ пріѣзжимъ людямъ обмана, татьбы и другого воровства не было. Тяжелый товаръ: сельди, соль, медъ, свинецъ, сѣру горячую, мѣдь класть за городомъ на гостиныхъ дворахъ подъ навѣсами, а мягкій товаръ Нѣмцамъ класть въ амбарахъ. Рускимъ людямъ свой товаръ: ленъ, посконь, сало, воскъ также класть на гостиныхъ дворахъ; а соболи, бѣлки и всякій дорогой товаръ класть въ городѣ, для чего сдѣлать имъ тамъ дворъ съ амбарами. Если будутъ вѣсти не тихи, на то время и нѣмецкіе большіе товары съ гостиныхъ дворовъ велѣть перевозить въ городъ, и класть въ погреба или въ палаты, гдѣ бы крѣпче, а ленъ, сало, воскъ и посконь власть въ каменные погреба, гдѣ было бы отъ огня безстрашно; а по улицамъ на посадѣ всякую ночь должны ходить по два сына боярскихъ да по десяти человѣкъ посадскихъ людей, смотрѣть, чтобъ не было никакого воровства, и кругомъ гостинаго двора ходить и бережепье держать большое. Пушкарямъ, стрѣльцамъ, казакамъ и воротникамъ съ Нѣмцами торговать запретить и смотрѣть за ними строго, чтобъ надъ Нѣмецкими и надъ Русскими людьми воровства не дѣлали, да смотрѣть, чтобъ стрѣлять умѣли; а которые не умѣютъ,—тѣхъ вонъ метать, и на ихъ мѣсто прибирать умѣющихъ. Холопей боярскихъ, тяглыхъ людей и съ пашенъ пашенныхъ крестьянъ въ стрѣльцы и казаки не брать, брать вольныхъ охочихъ людей. Былъ до разоренія въ Новгородѣ денежный дворъ: такъ воеводамъ велѣть прежнихъ денежныхъ мастеровъ и новыхъ собрать и денежный дворъ устроить, велѣть деньги дѣлать въ старыхъ деньгахъ и въ ефимкахъ, а для береженья велѣть быть на денежномъ дворѣ сыну боярскому доброму, да гостю или торговому человѣку лучшему и цѣловальникамъ; цѣловальниковъ велѣть выбрать городомъ, выборъ взять за руками и къ крестному цѣлованью привести. Денежнымъ мастерамъ сказать, что государь велитъ имъ давать денежное жалованье попрежнему, и беречь накрѣпко, чтобъ мастера дѣлали деньги изъ чистаго серебра, а мѣдныхъ и оловянныхъ не дѣлали, и въ деньги мѣди и олова не примѣшивали, государевымъ серебромъ не корыстовались.—Обо всемъ воеводамъ промышлять по сему государеву наказу, по указнымъ грамотамъ и смотря по тамошнему дѣлу; а о большихъ и вѣстовыхъ дѣлахъ приходить къ митрополиту и съ нимъ совѣтоваться, какъ которому дѣлу быть пригоже, и какъ бы государеву дѣлу было лучше и прибыльнѣе".

Въ 1626 году въ Новгородѣ Великомъ людей; способныхъ носить оружіе, было 2,752 человѣка: изъ нихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ пятинъ 1,297, новокрещеновъ, Татаръ и Черкасъ помѣстныхъ и кормовыхъ 36, стрѣльцовъ 564 съ двумя головами и 8 сотниками, казаковъ 355; пушкарей и воротниковъ 20, подъячихъ у дѣлъ и разсылочныхъ 35, посадскихъ и всякихъ тяглыхъ людей съ разными боями 435. Въ новгородскихъ пригородахъ: въ Ладогѣ 289, въ Порховѣ 75, въ въ Старой-Русѣ—70: во Псковѣ 4,807, въ томъ числѣ посадскихъ 3,130, несмотря на то, что въ 1615 году выведено было 300 семей въ Москву; въ Торопцѣ 1,103; въ Торжкѣ 567; въ Твери 178, въ томъ числѣ посадскихъ 85; въ Кашинѣ 61; въ Устюжнѣ Желѣзопольской 335, въ томъ числѣ посадскихъ 300: 100 съ пищалями и 200 съ рогатинами; въ Ярославлѣ 2,480, изъ нихъ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей, дворниковъ и захребетниковъ 457 съ пищалями, да 1,669 съ копьями; кромѣ того, въ Спасскомъ монастырѣ слугъ, служекъ и всякихъ монастырскихъ людей 73 съ пищалями, да 51 съ копьями; въ Костромѣ 1,297, въ томъ числѣ 1,200 посадскихъ; въ Вологдѣ 1,091, въ томъ числѣ посадскихъ 800; во Владимірѣ 370, въ томъ числѣ оброчныхъ огородниковъ 50, посадскихъ 128, дворниковъ 62, патріарховыхъ слободскихъ крестьянъ 17, соборныхъ поповъ крестьянъ 31; Дмитровской слободы крестьянъ 2; въ Суздалѣ 419, изъ нихъ посадскихъ 258; въ Арзамасѣ 650; въ Коломнѣ 558, изъ нихъ посадскихъ 287; въ Алексинѣ 90, изъ нихъ посадскихъ и чернослободскихъ 5; въ Калугѣ 1,068, изъ нихъ посадскихъ 422; въ Вязьмѣ 1,321, изъ нихъ посадскихъ 302; въ Можайскѣ 431, изъ нихъ посадскихъ 34; въ Волоколамскѣ 106, изъ нихъ посадскихъ 27; въ Боровскѣ 280,—посадскихъ 58; въ Болховѣ 318, изъ нихъ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей 167; въ Воронежѣ 1,168,—посадскихъ 37; въ Ельцѣ 1,486,—жилецкихъ людей 25. Въ 1635 году уже другія цифры: во Владимірѣ, напримѣръ, вмѣсто 128—посадскихъ—184, дворниковъ вмѣсто 62—100, но число огородниковъ уменьшилось: вмѣсто 50—33. Въ Суздалѣ вмѣсто 419 посадскихъ находимъ только 302; въ Боровскѣ вмѣсто 58—65; въ Калугѣ то же самое число; въ Воронежѣ приращеніе большое: вмѣсто 37 посадскихъ 1626 года находимъ 375; положимъ даже, что въ это число вошли 101 человѣкъ крестьянъ монастырской и оброчной слободы, показанные особо подъ 1626 годомъ, и не показанные въ 1635. Въ Новгородѣ Великомъ также большое приращеніе: вмѣсто 435

посадскихъ 1,097 посадскихъ людей, ихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и захребетниковъ. Но во Псковѣ сильное уменьшеніе: вмѣсто 3,130 посадскихъ 1626 года, въ 1635 находимъ только 1,057 съ дѣтьми, братьями, племянниками и захребетниками. Сильное увеличеніе посадскихъ въ Новгородѣ и сильное уменьшеніе ихъ во Псковѣ легко можно объяснить тѣмъ, что новгородскіе посадскіе люди бѣжали отъ шведскаго разоренья и преимущественно во Псковъ, а потомъ мало-по-малу возвращались; во Псковъ же, кромѣ Новгородцевъ, могли собираться посадскіе люди и изъ другихъ разоренныхъ городовъ, потому что Псковъ въ Смутное время непріятелемъ занятъ не былъ [1]).

Незначительное число посадскихъ людей въ городахъ, людей, занимавшихся торговлею и промышленностію, уже можетъ показать намъ, что торговля и промышленность въ Московскомъ государствѣ при Михаилѣ не были въ блестящемъ состояніи. Разгромъ Смутнаго времени, пожертвованія для тяжелыхъ войнъ съ Польшею, насилія воеводъ и всякихъ сильныхъ людей, дурное состояніе правосудія, монополія казны, дурныя дороги, недостатокъ безопасности на этихъ дорогахъ, по причинѣ разбойниковъ, отсутствіе образованности, отъ котораго происходила мелкость взглядовъ, мелкость и безнравственность средствъ для полученія барышей:—все это производило то, что русскіе торговые люди были бѣдны, отбывали своихъ промыслишковъ. Если предположимъ даже, что они говорили неправду, нарочно выставляли свою бѣдность, чтобъ отбыть отъ пожертвованій, то побужденія, которыя заставляли ихъ такъ поступать, конечно, не могли содѣйствовать развитію торговли и промышленности. До чего доходили откупа, видно изъ слѣдующей царской грамоты 1639 года: „Вѣдомо учинилось: въ городахъ, приписанныхъ къ приказу Новгородской чети, въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмельное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; въ прежнее время такіе мелкіе промыслы никогда въ откупу ни за кѣмъ не бывали, а теперь отъ нихъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли, и государь указалъ всѣ эти новоприбылые откупа въ городахъ отставить“. О томъ же свидѣтельствуетъ и Псковской лѣтописецъ; онъ говоритъ, что въ 1627 и 1628 годахъ умышленіемъ воеводы и дьяка дали на откупъ квасниковъ, извозчиковъ, дегтярей и банниковъ на оброкъ и площадныхъ подьячихъ, а въ 1629 году купили на Москвѣ кабаки псковскіе Ивана Никитича Романова закладчикъ Хмелевскій съ товарищами и продавали вино по 4 алтына стопу, а стопъ убавили; другіе люди откупали кабаки по волостямъ“. Человѣкъ съ состояніемъ долженъ былъ находиться въ безпрерывномъ страхѣ за свое имущество и за свое спокойствіе, потому что оно было постоянною цѣлію для людей, хотѣвшихъ поживиться на чужой счетъ, а такіе люди были не между одними казаками: начали пріѣзжать изъ Москвы во Псковъ дворяне, дѣти боярскія и торговые всякіе люди съ ложными зазывными грамотами, требуя зажиточныхъ горожанъ въ Москву на судъ; тѣ, только чтобъ не предпринимать разорительнаго путешествія, не испытывать знаменитой московской волокиты, мирились, сами незная въ чемъ, давали иногда больше десяти рублей. Вслѣдствіе этого, псковскіе всегородные земскіе старосты били челомъ царю, чтобъ далъ Псковичамъ право судиться у себя во Псковѣ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ: царь исполнилъ просьбу. Шуяне били челомъ князю Прозоровскому на его человѣка Акинѳова, что онъ взялъ зазывную грамоту на шестерыхъ Шуянъ посадскихъ людей, поклепавъ напрасно, убытчитъ и продаетъ, и впередь похваляется на многихъ посадскихъ и остальныхъ людишекъ зазывными же грамотами, поклепами и продажами и убытками великими. Мірское устройство городовъ обезпечивало горожанамъ право подавать всѣмъ міромъ безпрестанныя жалобы царю и вельможамъ, не обезпечивая однако, какъ мы видѣли, возможности защищаться всѣмъ міромъ, когда сосѣднему приказчику вздумается въѣхать въ посадъ съ угрозами: однѣ формы не помогутъ, какъ бы онѣ хороши ни были. Мірское устройство, съ другой стороны, обезпечивая право жаловаться всѣмъ міромъ на злоупотребленія, не обезпечивало отъ разоренія и правежа, когда весь міръ долженъ былъ платить за пустые дворы, все болѣе и болѣе въ нѣкоторыхъ городахъ прибавлявшіеся. Въ 1640 году Шуяне били челомъ: „Въ прошломъ 1631 году было у насъ по писцовымъ книгамъ на посадѣ жилыхъ тяглыхъ дворовъ 154, въ прошломъ 1639 году запустѣло 32 двора, да въ нынѣшнемъ 1640 погорѣло 82 двора; осталось у насъ разломанныхъ дворишковъ 40, и пошли мы по міру, промыслишки и товаришки—все пригорѣло; да мы же до пожара и послѣ пожара стоимъ на правежѣ за недоплаченныя въ 1639 году дворовыя деньги“. Челобитная оканчивается обычнымъ припѣвомъ: „Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, чтобъ намъ въ-конецъ не погибнуть и розно не разбрестись“. Міръ пользовался правомъ жаловаться на злобоупотребленіи, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотребленіямъ не потакало. Въ 1639 году Шуяне били челомъ: „Велѣно въ Шуѣ сыскивать корчемныя и табачныя дѣла Ивану Тарбееву, и велѣно ему взять у насъ обыскныя рѣчи, и мы указали на людей,

[1]) Акты арх. эксп. III, № 11, 12, 14, 15, 88, 105, 115, 36, 37, 98, 126, 171; Временникъ Моск. истор. общ. № 3, 4; Борисова—Описаніе города Шуи; Гарелина—Старинные акты; Дополн. къ актамъ историч. II, № 69, 101; Акты арх. эксп. III. № 171; Владимірск. губернск. Вѣдом. 1856 года № 28; Книги разрядныя, т. I и II; Акты историч. III, № 164, Полн. Собр. Русск. лѣтоп. IV, 329 и слѣд.; Приказныя дѣла Арх. Мин. Ин. Дѣлъ связки 39, 24, 42.

которые табакъ пили, а кто имъ табакъ привозилъ, того мы не знаемъ; но Иванъ Тарбеевъ научилъ этихъ бездѣльниковъ клепать насъ табакомъ для своей корысти; многихъ насъ испродалъ, и многіе посадскіе людишки разбрелись розно, покинувъ женъ своихъ, дѣтей и животы; и Иванъ Тарбеевъ на ихъ мѣсто взялъ женъ и дѣтей и отдалъ за приставовъ, и изъ-за приставовъ беретъ ихъ къ себѣ на постелю на блудъ, угрожая имъ пыткою и торговою казнію, и велѣлъ имъ клепать насъ табакомъ". Правительство не оставило безъ вниманія такой жалобы и отправило Андрея Палицына разыскать дѣло. Палицынъ былъ безпристрастенъ относительно Тарбеева; но шуйскій міръ опять подалъ челобитную теперь уже не государю, а могущественному боярину, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, что Палицынъ пытаетъ Тарбеева, но вмѣстѣ пытаетъ и посадскихъ людей, пытаетъ крѣпко—насмерть, не противъ ихъ обысковъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ русскіе торговые люди были бѣдны и не могли стянуть съ богатыми иноземцами, на которыхъ они жаловались одинаково, какъ и на воеводъ. Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Англичане получили грамоту на свободную и безпошлинную торговлю; торговые русскіе люди старались представить это дѣло такъ, что Англичане подкупили думнаго дьяка Третьякова; но мы не можемъ принять этого объясненія, зная особенныя отношенія новаго Московскаго правительства къ Англіи. Англичане обязаны были: доставлять въ царскую казну сукна и другіе товары по цѣнѣ, по какой они продаются въ Англіи; не вывозить шелку за границу; не привозить табаку и чужихъ товаровъ. По городамъ воеводы должны были смотрѣть, чтобъ Русскіе люди отъ Англичанъ ихъ товарами не торговали, и чтобъ Англичане закладчиками Русскихъ людей не держали. Въ 1613 году дана Нѣмцу Буку жалованная грамота на безпошлинную торговлю за его службы, прежнюю и нынѣшнюю, къ государю и Московскому государству. Въ томъ же году дана грамота иноземцу Ивану Юрьеву на право безпошлинной торговли во всѣхъ русскихъ городахъ по причинѣ разоренія, претерпѣннаго имъ отъ Поляковъ; въ 1614 дана была грамота компаніи голландскихъ гостей на свободную и безпошлинную торговлю, но только въ продолженіи трехъ лѣтъ, и то въ вознагражденіе за потери, которыя компанія понесла въ Смутное время; послѣ же трехъ лѣтъ, они должны были платить половинную пошлину; для иноземства государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ судить ихъ по городамъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ; въ гражданскихъ же искахъ судятся они въ Посольскомъ приказѣ; дойдутъ по суду до крестнаго цѣлованія, то присягаютъ не сами они, а люди ихъ; съ дворовъ ихъ никакія подати, пошлины и повинности не требуются; наконецъ Голландцы могутъ держать при себѣ питье. Въ 1619 году новгородскіе таможенные головы, гости, старосты и всѣ посадскіе люди жаловались на Голландца Самуила Леонтьева, что онъ живетъ на посадѣ на тягломъ дворѣ, владѣетъ дворомъ невѣдомо почему, на гостиномъ дворѣ съ другими иноземцами не ставится, держитъ товары у себя на дворѣ, для царскихъ пошлинъ въ таможню ихъ не являетъ, торгуетъ всякими товарами врознь, и посылаетъ отъ себя Русскихъ людей для торговаго промысла въ Заонежскіе погосты, и, покупая хлѣбъ, рыбу и всякіе товары, отпускаетъ въ нѣмецкіе города. Государь приказалъ воеводамъ допросить Голландца, почему онъ такъ дѣлаетъ, взять съ его товаровъ пошлины, выслать вонъ и впередъ запретить ѣздить въ Новгородъ, да запретить ѣздить въ Новгородъ и другимъ нѣмецкимъ купцамъ, у которыхъ не будетъ царскихъ жалованныхъ грамотъ, кромѣ Шведовъ. Ганзейскіе города, по просьбѣ Голландскихъ Штатовъ, получили право свободной торговли, но потомъ потеряли его. Мы видѣли, что по Столбовскому миру Шведы получили право свободной торговли въ русскихъ городахъ. Въ 1629 году царь писалъ новгородскимъ воеводамъ: „Пріѣзжаютъ изъ-за рубежа въ нашу сторону торговые люди и торгуютъ всякими товарами украдкою, ѣздя по деревнямъ, безпошлинно; а еще въ 1625 году велѣно русскимъ торговымъ людямъ заказъ учинить крѣпкій, чтобъ они въ Швеціи торговали по городамъ, а по селамъ и деревнямъ не торговали, точно то же и Шведамъ велѣно сказать, чтобъ они у насъ по селамъ и деревнямъ не торговали". Псковской лѣтописецъ жалуется на Нѣмцевъ и вообще на стѣсненіе торговли; подъ 1632 годомъ онъ говоритъ: „Привезли Нѣмцы торговую грамоту изъ Москвы, что ставить имъ дворъ нѣмецкій во Псковѣ, входить въ городъ и торговать; архіепископъ Іоасафъ и Псковичи били челомъ государю, чтобъ не быть во Псковѣ Нѣмцамъ; но челобитья псковскаго не приняли, у Іоасафа благословеніе и службу отняли, а Нѣмцы во Псковъ многіе входили и ѣздили по всему городу невозбранно, и отмѣрили мѣсто, гдѣ дворъ нѣмецкій ставить. Въ 1636 году отняли у Псковичей торговлю, льномъ не торговать всякимъ людямъ, и гость московскій присланъ: велѣно ему купить на государя по указанной цѣнѣ московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги—корелки худыя, цѣна невольная, купля нелюбовная, во всемъ скорбь великая, вражда несказанная и всей Землѣ связа, никто не смѣй ни купить, ни продать". Нѣсколько разъ гостишки, гостинной и суконной сотни торговые людишки и многихъ разныхъ городовъ—Казанцы, Нижегородцы, Костромичи, Ярославцы, Суздальцы, Муромцы, Вологжане, Устюжане, Романовцы, Галичане, Угличане, Каргопольцы, Бѣлозерцы, Холмогорцы и другихъ многихъ городовъ торговые людишки подавали жалобу государю на иноземцевъ, Англичанъ, Голландцевъ и Гамбургцевъ, которые „ѣздятъ по государевымъ жалованнымъ грамотамъ въ Москву и по многимъ другимъ

городамъ со всякими многими товарами, тогда какъ при прежнихъ государяхъ, кромѣ англійскихъ гостей, иноземцы нигдѣ не торговали, торговали только у Архангельскаго города. Теперь же они ѣздятъ по всѣмъ городамъ и привозятъ съ собою другихъ иноземцевъ, у которыхъ нѣтъ государевыхъ жалованныхъ грамотъ, называютъ ихъ своими братьями, племянниками и приказчиками, ихъ товары выдаютъ за свои, провозятъ товары тайно и безпошлинно; сами всюду ѣздятъ, покупаютъ русскіе товары и потомъ продаютъ ихъ у Архангельска иноземцамъ заморскимъ тайно и безпошлинно; чинятъ съ этими заморскими Нѣмцами заговоръ вмѣстѣ и торгуютъ у насъ товары въ накладъ, и чѣмъ намъ кормиться и сытымъ быть, все это у насъ отняли; оттого русскіе торговые люди къ Архангельску ѣздить перестали, ярмарка начала пустѣть, въ государевой казнѣ стали быть недоборы большіе, а мы отъ нихъ въ-конецъ погибли. Тѣ же иноземцы и остальные судовые промыслишки у насъ отняли: съ Вологды къ Архангельскому городу и отъ Архангельска вверхъ къ Вологдѣ товары свои въ своихъ дощаникахъ возятъ и кладь у Русскихъ людей и у иноземцевъ по найму берутъ".

Мы видѣли, что Астраханская торговля съ востокомъ пострадала при Заруцкомъ, когда бухарскіе и гилянскіе купцы, ограбленные воромъ, должны были разбѣжаться. Послѣ очищенія Астрахани отъ Заруцкаго торговля возобновилась; въ наказѣ Астраханскому воеводѣ говорится: „Переписать на гилянскомъ и бухарскомъ дворѣ Тезиковъ, которые живутъ въ Астрахани на государевомъ имени, которой они области, котораго города, какъ давно живутъ въ Астрахани, ѣздятъ ли отсюда въ свою Землю, или живутъ въ Астрахани безвыѣздно; какими товарами торгуютъ и сколько доходовъ идетъ съ нихъ въ государеву казну". Царь Михаилъ далъ Бухарцамъ право ѣздить съ товарами въ Казань, Астрахань, Архангельскъ и приморскіе города, нанимать подводы, покупать суда; воеводы не могли ихъ задерживать, исключая долговыхъ обязательствъ и уголовныхъ дѣлъ. Что касается до персидской торговли, то московскіе купцы сами объявили, что ведутъ ее многіе русскіе торговые люди, изъ многихъ городовъ. Относительно же торговли Персіянъ въ Россіи данъ былъ такой наказъ Астраханскому воеводѣ: „Велѣть казилбашскихъ, бухарскихъ и гилянскихъ торговыхъ Тезиковъ ставить на гилянскомъ и бухарскомъ дворѣ и торговать имъ велѣть съ Русскими людьми и съ юртовскими Татарами на татарскомъ базарѣ указными товарами, кромѣ шаховыхъ купчинъ, которые покупаютъ товары на шаха,—этимъ позволено покупать на шаховъ обиходъ всякіе товары, ногайскій ясырь (невольниковъ), птицъ, ястребовъ, соколовъ и балабаловъ, кромѣ кречетовъ; пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ не брать, но смотрѣть, чтобъ шаховы купчины на себя не покупали того, что указано только на шаха покупать. Если торговые люди изъ шаховыхъ городовъ пріѣдутъ въ Астрахань, то воеводы посылаютъ дѣтей боярскихъ, таможенныхъ цѣловальниковъ и подъячихъ, которые должны переписать, кто именно ѣдетъ, сколько съ нимъ людей, какіе везетъ товары; если эти торговые люди станутъ торговать въ Астрахани, то брать съ нихъ пошлины большія; если же будутъ проситься вверхъ по Волгѣ, въ Казань и другіе города, то отпускать ихъ, взявши пошлины проѣзжія; гдѣ товаровъ своихъ не продадутъ, тамъ брать пошлины отвозныя; смотрѣть накрѣпко, чтобъ Персіяне, когда поѣдутъ въ государевы города, ногайскихъ и государевыхъ людей съ собою не брали; въ Астрахани Тезиковъ не задерживать, чтобъ изъ-за нихъ съ шахомъ ссоры не было. Турецкимъ купцамъ запрещено было торговать въ Астрахани и на Терекѣ. Ногаямъ и юртовскимъ Татарамъ запрещено было въ Астрахани продавать лошадей Русскимъ людямъ для отсылки въ Русь; они должны были своихъ лошадей непремѣнно гнать въ Москву, и по дорогѣ нигдѣ не смѣли продавать; астраханскіе воеводы должны были приманивать ихъ обѣщаніемъ, что когда они пригонятъ лошадей въ Москву, то государь будетъ ихъ жаловать, велитъ имъ видѣть свои царскія очи. Въ 1643 году Астраханскіе воеводы получили слѣдующую царскую грамоту: „Бьютъ намъ челомъ Юргенскаго (Хивинскаго) царя послы и говорятъ: ѣздятъ изъ Астрахани Русскіе люди чрезъ Юргенское государство торговать, и Юргенскій царь въ томъ имъ заказа чинить не велитъ, и какъ они, исторговавшись, поѣдутъ въ Астрахань, то онъ ихъ и провожать велитъ; а когда юргенскіе торговые люди поѣдутъ въ Астрахань и пріѣдутъ къ морю, то наши торговые люди бьютъ челомъ приказнымъ людямъ, чтобъ они юргенскихъ торговыхъ людей на суда не сажали, для того, чтобъ они товары свои продавали въ неволю, дешевою цѣною, и приказные люди Юргенцевъ на суда не сажаютъ, говорятъ, чтобъ они торговали тутъ, а если не хотятъ торговать, то пусть везутъ свои товары назадъ. Такъ вы бы велѣли Юргенцевъ на суда сажать и въ Астрахань отпускать". Какъ стѣснялась торговля, подчиняясь другимъ интересамъ и требованіямъ, видно изъ царскаго указа въ Астрахань—не продавать Персіянамъ дорогихъ мѣховъ, чтобъ не умалить цѣны царскимъ подаркамъ, посылаемымъ къ шаху.

Иностранцы охотно покупали хлѣбъ въ Россіи; но продажа хлеба за-границу была монополіею казны. Въ этомъ отношеніи замѣчательна царская грамота 1630 года гостю Тараканову съ товарищами, которые закупали хлѣбъ для казны: „Велѣно вамъ покупать на насъ хлѣбъ на Вологдѣ и въ другихъ городахъ: рожь, ячмень, пшеницу, крупу гречневую, просо толченое, сѣмя льняное, и ссыпать этотъ хлѣбъ въ амбары, а весною на судахъ везти къ Архангельску и продавать Нѣмцамъ; амбары же, куда хлѣбъ ссыпать, и суда велѣно дѣлать вамъ деньгами нашей казны. Но теперь билъ намъ челомъ игуменъ Антоніева Сій-

скаго монастыря, что монастырь этотъ обыкновенно закупаетъ хлѣбъ на Вологдѣ, потому что своею пашнею прокормиться ему нельзя, а вы, по нашей грамотѣ, хлѣбъ ему покупать не велите. Такъ вы бы Сійскаго монастыря старцамъ покупать хлѣбъ велѣли по-прежнему; только бы берегли накрѣпко, чтобъ монастырскіе приказчики, крестьяне и всякіе люди нѣмецкимъ гостямъ, купцамъ и ихъ уговорщикамъ, которые скупаютъ хлѣбъ на Нѣмцевъ, хлѣба никакого не продавали, и которые люди станутъ Нѣмцамъ хлѣбъ продавать, тѣхъ сажать въ тюрьму, а хлѣбъ отбирать на насъ" [1]).

Если русскіе купцы, видя, что имъ не стянуть съ иностранными, желали удаленія послѣднихъ изъ внутреннихъ городовъ государства, то они не имѣли никакихъ побужденій желать того же относительно промышленниковъ иностранныхъ, которые одни могли показать имъ выгоду извѣстныхъ промысловъ, научить ихъ извѣстному мастерству. Больше всего правительство хлопотало о вызовѣ изъ-за границы искусныхъ рудознатцевъ, которые бы помогли открыть золотую и серебряную руду, и дорогими металлами пополнили бы истощенную казну царскую. Въ 1626 году дана опасная грамота въ Англійскую Землю урожденному шляхтичу Ивану Булмерру, который своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую и серебряную, и мѣдную и дорогіе каменья, и мѣста такія знаетъ достаточно. Въ 1628 году видимъ въ Москвѣ рудознатцевъ-цесарцевъ—Фрича и Герольда. Въ 1640 году Англичанинъ Картрейтъ съ одиннадцатью мастерами взялся искать руду золотую и серебряную, но не нашелъ ничего, и долженъ былъ заплатить, по обязательству своему, всѣ издержки, сдѣланныя по этому поиску. Мы видѣли, что въ 1642 году бояринъ князь Борисъ Репнинъ ѣздилъ въ Тверь для отыскиванія золотой руды: но поиски были напрасны. Сильно также нуждались и въ неблагородныхъ металлахъ и въ искусной ихъ обработкѣ. Желѣзо давно уже выдѣлывалось въ Московскомъ государствѣ изъ глыбовой руды, вынимаемой изъ земли близъ города Дедилова, въ тридцати верстахъ отъ Тулы, также на Устюжнѣ-Желѣзопольской, изъ болотной руды. Тула съ XVI вѣка уже была извѣстна выдѣлкою оружія; въ 1619 году тульскіе кузнецы, ствольники, замочники и ложечники, 25 человѣкъ, били челомъ государю, что они дѣлаютъ государево самопальное дѣло день и ночь безпрестанно, и потомъ еще тянутъ во всякія подати съ посадскими людьми: такъ чтобъ государь велѣлъ имъ дѣлать одно самопальное дѣло попрежнему. Но этого тульскаго самопальнаго дѣла было очень недостаточно: мы видѣли, въ какомъ большомъ количествѣ выписывалось оружіе изъ-за границы; въ большомъ количествѣ выписывалось и прутовое желѣзо изъ Швеціи; такъ напр. въ 1629 г. выписано было 25,000 пуд. по 21 алтыну 4 деньги за пудъ. Поселившійся въ Россіи, голландскій купецъ Андрей Денисовичъ Виніусъ, съ братомъ Авраамомъ и другимъ купцомъ Вилкенсономъ, подалъ царю Михаилу челобитную, чтобъ позволено имъ было въ окрестностяхъ Тулы завести заводъ для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для выдѣлки желѣза по иностранному способу изъ чугуна. Въ февралѣ 1632 года Виніусъ получилъ государеву грамоту, въ которой позволялось ему построить мельничные заводы для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья пушекъ, ядеръ и котловъ, для ковки досокъ и прутьевъ, дабы впередъ то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научить и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать. Въ казну положено было принимать съ этихъ заводовъ пушки по 23 алтына 2 деньги, ядра по 13 алтынъ 2 деньги за пудъ; желѣзо прутовое постольку же, а досчатое по 26 алтынъ 4 деньги за пудъ. Ненужное для казны количество желѣза и другихъ вещей, даже пушекъ, заводчики могли продавать на сторону и вывозить въ Голландію. Виніусъ выбралъ для своихъ заводовъ мѣсто въ 12 верстахъ отъ Тулы на рѣчкѣ Тулицѣ, именно на томъ изъ ея протоковъ, который теперь называется Большою Тулицею, руда же копалась въ 40 верстахъ отъ завода, въ 5 верстахъ отъ Дедилова. Первоначальное устройство заводовъ стоило Виніусу большихъ денегъ; онъ задолжалъ и принужденъ былъ въ 1639 году вступить въ товарищество съ знаменитымъ Петромъ Гавриловичемъ Марселисомъ и голландскимъ гостемъ Филимономъ Филимоновичемъ Акемою; по ихъ челобитью, приписана была къ тульскимъ заводамъ дворцовая Соломенская волость съ 347 крестьянами. Но Марселисъ и Акема не довольствовались этимъ. Въ 1644 году государь пожаловалъ иноземца, Анбурскаго города гостя, Петра Марселиса съ дѣтьми Гаврилою и Леонтіемъ, да Голландской Земли торговаго человѣка, Филимона Акему, велѣлъ имъ желѣзный заводъ заводить на трехъ мѣстахъ: на Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ, или гдѣ они пріищутъ другое мѣсто, къ желѣзному дѣлу годное, на порожнихъ земляхъ, на двадцать лѣтъ, безоброчно и безпошлинно: вольны они мельницы ставить и желѣзо на всякія статьи плавить. Когда заводъ будетъ заведенъ и работы начнутся, то брать у нихъ желѣзо по договору: въ пушкахъ по 20 алтынъ пудъ, въ ядрахъ по 10 алтынъ пудъ, стволъ мушкетный и карабинный по 20 алтынъ. Если, кромѣ взятаго въ казну, останется у нихъ лишнее желѣзо, то можно имъ его вывозить въ чужія земли, которыя съ великимъ

[1]) Указатель законовъ Максимовича, I, 149; Акты арх. эксп. III, № 227; Гарелина—Старинные акты; Собр. гос. грам. и дог. III, № 14; 17, 49; Акты арх. эксп. III, № 17, 182; Supplementum ad histor. Russ. Monum. p. 268; Полн. Собр. Зак. I, 207; Акты арх. эксп. III, № 18, 180; Акты историч. III, № 154, 295; Полн. Собр. Зак. II, 816; Дѣла Персидскія 1613—1645 годовъ; Приложенія къ Царств. Мих. Өед.—Берха, № XVI; Собр. Гос. гр. и дог. III, 65, 370.

государемъ въ дружбѣ; если они желѣзо продадутъ въ Архангельскѣ или за моремъ на ефимки, то должны отдавать эти ефимки въ казну по указной цѣнѣ, а на сторону никому не продавать и не отдавать. Нанимать всякихъ людей по добротѣ, а не въ неволю, тѣсноты и обидъ никому бы не было, и промысловъ ни у кого никакихъ не отнимать; если царское величество велитъ научить желѣзному дѣлу Русскихъ людей, то Петру и Филимону учить ихъ всему, и ремесла никакого отъ Русскихъ людей не скрывать. Въ 1634 году посланы были за-границу переводчикъ Захаръ Николаевъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Ельрендорфъ нанять мастеровъ, которые умѣютъ въ горахъ мѣдь изъ руды дѣлать и взякое мастерство, какое пристойно къ мѣдной плавкѣ. Въ 1630 году посланъ былъ заграницу бархатнаго дѣла мастеръ Фимбрандъ для найма ремесленныхъ людей. Въ 1631 году дана опасная грамота въ вольныя государства, въ Голландскую и Нидерландскую Землю подмастерьямъ, которые умѣютъ дѣлать городовое дѣло; въ ней говорится: „Билъ намъ челомъ алмазнаго и золотаго дѣла мастеръ Иванъ Мартыновъ да Англійской Земли торговый человѣкъ Френчикъ Гловертъ: по нашему указу начали-было въ нашемъ государствѣ на Москвѣ дѣлать тянутое и волоченое золото и серебро, канитель и друнцаль и всякое мелкое золото и мѣдное дѣло; но дѣло это начало становиться дорого, и прибыли нашему царскому величеству отъ него было мало, потому что прямаго, добраго мастера въ нашемъ государствѣ не было, и то дѣло дѣлать перестали, а въ нѣмецкихъ земляхъ такихъ мастеровъ сыскать можно, и то бы дѣло нашему царскому величеству было прибыльно и славно, въ торгу дешевле, и нашего бы государства люди то ремесло переняли,—такъ нашему бы царскому величеству пожаловать ихъ, позволить имъ къ тому дѣлу мастеровъ призвать изъ Нѣмецкой Земли, десять человѣкъ и больше, на своихъ проторяхъ, и тѣмъ дѣломъ имъ промышлять и торговать на себя десять лѣтъ, и кромѣ ихъ этого дѣла никому не дѣлать, пока урочные годы пройдутъ". Царь согласился дать эту привилегію. Въ 1634 г. встрѣчаемъ Христофора Головея, часоваго дѣла и водянаго взвода мастера; въ 1643 г.—Фалка, пушечнаго и колокольнаго мастера, Детерсона—живописца; въ томъ же году Шведъ каменьщикъ Кристлеръ началъ строить каменный мостъ черезъ Москву-рѣку. Въ 1634 г. была выдана десятилѣтняя привилегія Фимбранду на выдѣлываніе лосинныхъ кожъ; выдана была также пятнадцатилѣтняя привилегія Коэту на заведеніе стеклянаго завода. Тому же Коэту дана была грамота на заведеніе поташнаго завода на 10 лѣтъ. Въ 1643 году англійскому агенту Дигби отданы были на 10 лѣтъ безпошлинно золяные промыслы въ Ярославскомъ, Вологодскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ. Въ 1644 году полковнику Краферту позволено было на 7 лѣтъ жечь золу и дѣлать поташъ въ Муромскомъ лѣсу. При Дворѣ царя Михаила находились и органнаго дѣла мастера, Яганъ и Мельхартъ Луневы, выѣхавшіе изъ Голландіи; привезли они съ собою стрементъ (инструментъ) на органное дѣло; стрементъ этотъ они въ Москвѣ додѣлали, сдѣлали около него станокъ съ рѣзью и расцвѣтили краскою и золотомъ на стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами; когда заиграютъ органы, то обѣ птицы запоютъ сами собою; за такое мудрое дѣло государь велѣлъ дать имъ изъ казны 2, 76 рублей, по сороку соболей, да вмѣсто стола кормъ и питье. Мельхартъ отправленъ былъ за границу съ порученіемъ вывезти двоихъ часовыхъ мастеровъ, которые бы обязались служить своимъ мастерствомъ государю и учениковъ научить. Приплывъ иностранцевъ былъ такъ силенъ, что два московскіе священника, одинъ отъ церкви Св. Николая въ Столпахъ, а другой—отъ Козьмы и Даміана, подали челобитную: въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ близъ церквей поставили ропаты; Русскихъ людей у себя во дворахъ держатъ и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ Нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь; вдовыя Нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣною, передъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ. Отвѣтомъ на эту челобитную былъ указъ: въ Китаѣ, Бѣломъ городѣ и въ загородскихъ слободахъ у Русскихъ людей дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ не покупать и въ закладъ не брать; Русскимъ людямъ, которые будутъ продавать, быть въ опалѣ; ропаты, которыя на нѣмецкихъ дворахъ близъ Русскихъ церквей, велѣть сломать. Тогда же старымъ служивымъ иноземцамъ, разныхъ чиновъ Нѣмцамъ, Посольскаго приказа переводчику, золотаго и серебрянаго дѣла мастерамъ и старымъ московскимъ торговымъ Нѣмцамъ отведена была между Фроловскими и Покровскими воротами земля подъ ихъ богомолье, подъ избу съ комнатою и подъ дворъ, гдѣ имъ съѣзжаться для богомолья по ихъ вѣрѣ. По свидѣтельству Олеарія, въ Москвѣ жило въ это время до 1,000 протестантскихъ семействъ.

Иностранцы охотно давали Русскимъ деньги за хлѣбъ. Мы видѣли также, что иностранцы добивались позволенія вывозить селитру изъ Россіи. Эта промышленность была довольно развита у насъ въ описываемое время; кромѣ мѣстъ, извѣстныхъ намъ уже прежде по селитряному производству, теперь о немъ упоминается въ Сѣверской странѣ; такъ, при исчисленіи служилыхъ людей, находившихся въ Курскѣ, читаемъ: „Изъ нихъ на Романовыхъ селитряныхъ варницахъ съ весны во все лѣто до отпуску дѣтей боярскихъ 50 человѣкъ живутъ, перемѣняясь по два мѣсяца"; при исчисленіи бѣлогородскихъ служилыхъ людей: „Изъ нихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ конныхъ 30

человѣкъ, живутъ на селитряныхъ варницахъ Михалка Лимарова". Разные люди, пушкари, бараши, подряжались въ Пушкарскомъ приказѣ варить селитру въ разныхъ мѣстахъ, въ Ливнахъ, Воронежѣ, извѣстное количество пудъ: въ 1634 году они брали за пудъ по два рубля и 10 алтынъ. Наконецъ, къ извѣстіямъ о промышленности въ царствованіе Михаила относится указъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсѣ 1626 года: велѣно городовымъ приказчикамъ и цѣловальникамъ ходить повсюду и вѣсить хлѣбы ситные и рѣшетные, калачи тертые и коврижчатые мягкіе; если окажется, что хлѣбы и калачи ниже установленнаго вѣса, то продавцовъ подвергать пени; приказчики и цѣловальники должны были также смотрѣть, чтобъ хлѣбъ и калачи были выпечены, и хлѣбники и калачники не прибавляли въ нихъ гущи или какой-нибудь другой подмѣси. Приказчикамъ и цѣловальникамъ дана была подробная роспись издержкамъ производства въ приготовленіи разнаго рода хлѣбовъ и калачей; напримѣръ: „На калачи, на четверть дрожей на два алтына на двѣ деньги, соли на шесть денегъ, дровъ на восемь денегъ, отъ сѣянья четыре деньги, за работу десять денегъ, лавочнаго два алтына двѣ деньги, свѣчи и помело двѣ деньги, и всего харчу на четверть вышло на одиннадцать алтынъ [1]).

Что касается до сельскихъ жителей, то для нихъ подтверждалась та перемѣна, которая была произведена въ концѣ прошлаго вѣка, ибо обстоятельства и отношенія были тѣ же самыя. Дворяне и дѣти боярскія били челомъ, что „бѣгаютъ изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовыя и черныя волости и села, въ боярскія помѣстья и вотчины, патріаршія, архіерейскія и монастырскія, на льготы; помѣщики, вотчинники и монастыри этимъ бѣглымъ ихъ людямъ и крестьянамъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строятъ, отъ чего ихъ помѣстья и вотчины становятся пусты. Кромѣ того, тѣ же ихъ бѣглые люди и крестьяне, выживя за этими помѣщиками, вотчинниками и монастырями урочные годы, надѣясь на нихъ, какъ на сильныхъ людей, приходятъ и остальныхъ людей и крестьянъ изъ-за прежнихъ помѣщиковъ подговариваютъ, домы ихъ пожигаютъ и разоряютъ всякимъ разореніемъ". Вслѣдствіе этого челобитья опредѣлено: „Которые люди къ кому-нибудь пріѣдутъ, людей и крестьянъ за себя вывезутъ, и при этомъ случится смертное убійство, грабежъ или другое какое-нибудь дурно, то государь указалъ и бояре приговорили: сыскивать про то всякими сысками накрѣпко, и вывозныхъ крестьянъ отдавать за 15 лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавать попрежнему за десять лѣтъ; если крестьяне будутъ вывезены насильно, то вывезенныхъ отдать со всѣми пожитками, да заплатить за крестьянское владѣніе за каждаго крестьянина на годъ по пяти рублей. До какой степени для мелкихъ помѣщиковъ было важно поддержаніе закона объ укрѣпленіи крестьянъ, до какой степени они раздражались тѣмъ, что выводъ продолжался, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1624 г. ливенскій помѣстный казакъ Авдѣй Яковлевъ пришелъ къ своему крестьянину и при постороннихъ людяхъ сказалъ: „Государь насъ не жалуетъ, крестьянъ изъ-за насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ,—кто изъ-за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины выжжемъ, а крестьянъ побьемъ, и пойдемъ до инаго государя".—Горько жаловались елецкіе помѣщики на приказчиковъ и крестьянъ Ивана Никитича Романова, которые, надѣясь на силу господина своего, позволяли себѣ выводъ крестьянъ и всякаго рода насилія. Челобитчики писали: „Намъ въ украйномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ въ сосѣдствѣ жить невозможно,—мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича не стало! Каково намъ разоренье было отъ Литвы, и Литва поплѣнила насъ на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ на насъ плѣнъ отъ людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича, и конца не вѣдаемъ, пуще намъ стало крымской и ногайской войны; во всемъ Елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей и третьяго жеребья". Но при большомъ повальномъ обыскѣ, 1,865 человѣкъ сказали, что про такія насильства сами ничего не знаютъ и отъ другихъ не слыхали; въ новыхъ слободахъ Ивана Никитича чужихъ крестьянъ не объявилось ни одного человѣка. Вслѣдствіе этого, челобитчики, за ихъ воровство, биты нещадно батогами и посажены въ тюрьму. Въ 1614 году Іосифовъ Волоколамскій монастырь билъ челомъ, что во время литовскаго нашествія крестьяне его разбрелись розно за бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и показалъ, кто именно за кѣмъ живетъ, причемъ жаловался, что дворяне и дѣти боярскія этихъ монастырскихъ крестьянъ, которые у нихъ живутъ, грабятъ и продаютъ, не проча себѣ, или требуютъ порукъ, чтобъ эти крестьяне оставались навсегда за ними, а за монастырь не выходили. Государь велѣлъ по сыску возвратить крестьянъ монастырю. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ касались вывоза и бѣгства старыхъ крестьянъ; что же касается до вновь рядившихся въ крестьяне вольныхъ людей, то они рядились или съ условіемъ не сбѣжать изъ вотчины, или обязывались попрежнему: не стану на тягломъ жеребьѣ жить, податей и поборовъ платить, то мнѣ ссуду (взятую у землевладѣльца) отдать всю сполна, и взять на мнѣ (землевладѣльцу) за ряду 10 рублей денегъ"; точно такое же обязательство встрѣчаемъ и со стороны рядящагося въ бобыли. Встрѣчаемъ извѣстія, что переходъ крестьянъ изъ черныхъ въ помѣщичьи вредилъ ихъ благосостоянію:

[1]) Акты арх. эксп. III, № 320; Собр. гос. грам. и дог. Ш, № 118, 76, 89, 94, 100, 102, 103, 116; Книги разрядныя, I, стр. 1346 и 1347; Дѣла Архива Мин. Ин. Д., касающіяся выѣзда иностранцевъ; Гамеля - Описаніе Тульскаго оружейнаго завода; Приложенія къ книгѣ Берха — царствов. Мих. Өеод.; Госуд. разр. архивъ, столбцы Московъ. стола, № 106.

такъ въ челобитной англійскаго гостя Фабина Ульянова на крестьянъ помѣщика Морина, Вологодскаго уѣзда, находимъ, что крестьяне эти подрядились везти товаръ въ Москву, потеряли его и дали на себя кабалу въ 160 рубляхъ; въ то время были они за государемъ въ черной волости, а теперь отданы Ивану Морину въ помѣстье, и по кабалѣ денегъ имъ платить нечѣмъ, потому что отъ помѣщика оскудѣли. Годовой оброкъ, который крестьяне должны были платить помѣщику, опредѣлялся царскимъ указомъ; объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующей любопытной челобитной: „Царю, государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси бьютъ челомъ сироты твои, государевы, Ярославскаго уѣзда села Ширинги крестьянишки, старостишка Гришка Олферьевъ во всѣхъ мѣсто крестьянишекъ села Ширинги. Жалоба, государь, намъ на своего помѣщика, на князя Артемья Шейдякова: въ нынѣшнемъ 133 году, за недѣлю до Николина дни осенняго, пріѣхалъ тотъ князь Артемій изъ Москвы въ твое царское жалованье, а въ свое помѣстье, къ намъ въ село Ширингу, и которые крестьянишки начали къ нему приходить на поклонъ съ хлѣбами, какъ у другихъ помѣщиковъ, тѣхъ онъ началъ бить, мучить, на ледникъ сажать, Татарокъ отъ некрещеныхъ Татаръ началъ къ себѣ на постелю брать и кормовыхъ Татаръ началъ къ себѣ призывать; городовой денежный оброкъ противъ твоего, государева, прежняго указа взялъ весь сполна на нынѣшній 133 годъ, а отписей намъ въ томъ оброкѣ не далъ, и когда мы станемъ ему объ этихъ отписяхъ противъ твоего государева указа бить челомъ, то онъ насъ бьетъ и мучитъ, а отписей намъ не даетъ. Тотъ же князь Артемій правилъ на насъ кормовымъ Татарамъ въ постъ столовые запасы, яловицъ, барановъ, гусей, куръ. Взявши на насъ свои оброчныя деньги всѣ сполна, уѣхалъ изъ села въ Ярославль, а съ собою взялъ некрещеную Татарку, а въ Ярославлѣ взялъ другую русскую жонку Матренку Бѣлошейку на постелю, и въ праздникъ въ Николинъ день въ Ярославлѣ у себя на подворьи баню топилъ. Живя съ этими жонками въ Ярославлѣ до Рождества Христова, игралъ съ ними зернью и веселыхъ держалъ у себя для потѣхи безпрестанно. Оброчныя деньги, что на насъ взялъ, тѣмъ жонкамъ всѣ зернью проигралъ, да веселымъ роздалъ, и платье съ себя все проигралъ: проигравшись, князь Артемій изъ Ярославля опять съѣхалъ въ село Ширингу наканунѣ Рождества Христова, а Татарку и Матренку Бѣлошейку свезъ съ собою въ помѣстье, и, пріѣхавъ въ праздникъ Рождества Христова, баню у себя топилъ, а насъ сталъ мучить смертнымъ правежемъ въ другихъ оброчныхъ годовыхъ деньгахъ, и доправилъ на насъ въ другой разъ черезъ твой государевъ городовой указъ 50 р. денегъ да 40 ведръ вина, да на него же варили 10 варь пива, да на насъ доправилъ 10 пудъ меду; у которыхъ крестянишекъ были нарочитыя лошаденки,—тѣхъ лошадей взялъ онъ на себя. И мы, сироты твои, не перетерпя его немѣрнаго правежа и великой муки, разбрелись отъ него розно; а которые нарочитые крестьянишки, тѣхъ у себя держитъ скованыхъ, и правитъ на нихъ рублей по пяти, по шести и по десяти на человѣкѣ, а по домамъ тѣхъ крестьянъ, которые разбрелись, посылаетъ кормовыхъ Татаръ, которые нашихъ женъ позорятъ; животишки наши велитъ брать на себя, а иные печатать. Тотъ же князь Артемій прежнимъ своимъ служивымъ Татарамъ деревни въ помѣстья роздалъ, и женѣ своей, княгинѣ Ѳедорѣ, также далъ двѣ деревни въ помѣстье; а которые прежде на того князя Артемья били челомъ тебѣ, государю, въ его насильствѣ и немѣрномъ правежѣ объ указѣ, на тѣхъ крестьянишекъ онъ похваляется смертнымъ убійствомъ, хочетъ ихъ посѣкать своими руками". Чѣмъ кончилось дѣло—не извѣстнно, потому что конецъ дѣла утраченъ; что же касается до Матренки Бѣлошейки, то эта особа сослана была изъ Москвы въ Ярославль за воровство (развратъ) по дѣлу Нефедья Минина.—Помѣщикъ, посягавшій на святыню семейства крестьянина, платился иногда за это жизнію. Что касается до крестьянъ черныхъ волостей, то они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не благоденствовали. Въ 1633 году былъ сдѣланъ допросъ въ Тотемскихъ волостяхъ, отчего крестьяне разбѣжались. Отвѣтъ былъ такой: разошлись крестьяне отъ многихъ податей и отъ великихъ немѣрныхъ правежей, отъ солдатскихъ кормовъ, отъ запасныхъ денегъ отъ ямскихъ отпусковъ, отъ судовыя немѣрныя кортомы, отъ тяжелаго вытнаго и сошнаго письма [1].

Въ Европейской Россіи народонаселеніе было такъ рѣдко, что землевладѣльцы переманивали льготами и перевозили силою крестьянъ другъ отъ друга, несмотря на законъ; а между тѣмъ на востокѣ, за Уральскими горами, все больше и больше прибавлялось къ Русскимъ владѣніямъ пустынныхъ пространствъ, требовавшихъ населенія. На западѣ, въ царствованіе Михаила, были отданы Польшѣ и Швеціи населенные области и города, за то на востокѣ Русскія владѣнія увеличились на 70,000 квадратныхъ миль пустынныхъ пространствъ, ибо прокладыватели путей, казаки, продолжали пробираться по пустыннымъ рѣкамъ все далѣе и далѣе къ Восточному океану и границамъ Китайскимъ, приводя подъ высокую руку государя разсѣянныя толпы дикарей, сбирая съ нихъ ясакъ, часто выводя ихъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя иногда приходилось платиться жизнію. Чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ происходило это распространеніе Русскихъ владѣній, какъ отыскивались новыя землицы по тогдашнему выраженію взглянемъ на донесенія нѣкоторыхъ изъ

[1]) Акты истор. III, № 92; Акты арх. эксп. III, № 41; Москвитян. 1846, № 1; Дѣла Англійскія, № 4; Акты юридич. стр. 204 и слѣд.; Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла, связки 15 и 63; Разрядн. архивъ — столбцы Москов. стола св. 133; столбцы Приказнаго стола, св. 1161, 1180.

*

вождей отдѣльныхъ предпріятій. Въ 1641 году Василій Власьевъ доносилъ, что онъ съ отрядомъ своимъ ходилъ на Брацкихъ людей (Бурятъ), Чупчугуевъ улусъ погромили, побили людей человѣкъ съ 30, а живкомъ взять не могли ни одного человѣка, потому что Тунгусы сѣли въ юртахъ въ осаду. Власьевъ велѣлъ толмачу говорить Братамъ и Чепчугую, чтобъ они въ осадѣ не сидѣли, а сдались бы на государево имя: но Чепчугуй сталъ говорить толмачу съ бранью: „Али вы не знаете Чепчугуя, каковъ Чепчугуй своею головою"? и сталъ изъ юрта стрѣлять, крича: „Живъ я вамъ, казаки, въ руки не дамся". Ранилъ одного человѣка; на комъ были куяки и панцыри, и онъ куяки пробивалъ насквозь; Руские стрѣляли по юртамъ и въ юртахъ, но стрѣльбою ничего взять не могли, и зажгли юрту; Чепчугуй сгорѣлъ съ сыномъ, а жену съ другими двоими дѣтьми выкинулъ верхомъ.—Какъ скоро служилые люди приводили кого-нибудь изъ туземцевъ подъ государеву высокую руку, то сейчасъ же начинали разспрашивать его о земляхъ, лежащихъ далѣе до самыхъ границъ Китайскихъ; такъ тотъ же Власьевъ доноситъ: „Послѣ шерти мы поили Коршуна и Адамугая государевымъ виномъ и дали имъ подарки, два аршина сукна краснаго, да блюдечекъ оловянныхъ три фунта, и разспрашивали у него по наказной памяти: про Ламу, про Тунгузскую вершину и про Мугальскихъ людей, какіе на Ламѣ живутъ люди, и Мугальскій князецъ далеко ли отъ нихъ живетъ, и кто именно; города и остроги у нихъ есть ли, и какой у нихъ бой; въ Китайское государство какою рѣкою ходятъ, и сколько судоваго хода или сухимъ путемъ до Китайскаго государства; Шилка рѣка какъ отъ нихъ далеко, и Ладкай князецъ, который живетъ на Шилкѣ, далеко-ль отъ нихъ: серебряная руда и мѣдная на Шилкѣ далеко-ль отъ Ладкая, и какой хлѣбъ на Шилкѣ родится". Пролагатели путей должны были отказываться и отъ хлѣба; Постникъ Ивановъ доносилъ: „Будетъ впередъ на Индегерской рѣкѣ въ Юкагирской землицѣ и сто человѣкъ служивыхъ людей, то имъ можно сытымъ быть рыбою и звѣремъ безъ хлѣба: въ Юкагирской землицѣ соболей много: въ Индигирь-рѣку многія рѣки впали, а по всѣмъ по тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе пѣшіе и оленные люди, соболя и звѣря всякаго много по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ и землицамъ; да у Юкагирскихъ же людей серебро есть, а гдѣ они серебро берутъ, того я не знаю". Въ сороковыхъ годахъ царь велѣлъ смотрѣть на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, то ихъ смѣтить, сколько на нихъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно. По государеву указу, воевода велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ на торгу и по деревнямъ кликать не однажды: кто захочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садиться на Илимѣ-рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ; а кто захочетъ сѣсть на пашню на Ленѣ-рѣкѣ, тѣмъ изъ государевой казны на лошадь деньги безъ отдачи, и на другую лошадь дадутъ денегъ взаймы изъ государевой же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы, косы и сошники, на государевы десятины сѣмена по вся годы государевы, а пахать имъ на государя отъ своей пахоты съ перваго года седьмую десятину въ полѣ, а въ двухъ по тому же. Правительство безпрестанно твердило воеводамъ, чтобъ они обращались кротко съ покорившимися туземцами: „Служилымъ людямъ приказывать накрѣпко, чтобъ они, ходя за ясакомъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому не чинили, сбирали бы съ нихъ государевъ ясакъ ласкою и привѣтомъ, а не жесточью и не правежомъ, чтобъ съ нихъ сбирать государевъ ясакъ съ прибылью, брать съ нихъ ясакъ сколько будетъ можно, по одному разу въ годъ, а по два и по три ясака на одинъ годъ не брать. Которые новыхъ землицъ люди станутъ непослушны, такихъ прежде уговаривать ласкою; а если никакими мѣрами уговорить будетъ нельзя, то смирять ихъ войною, небольшимъ разореньемъ, чтобъ ихъ смирить слегка. Воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ и служивымъ людямъ никакихъ иноземцевъ, женъ и дѣтей ихъ во дворъ къ себѣ не брать, засылкою самимъ ни у кого не покупать и не крестить, въ Москву съ собою не вывозить и ни съ кѣмъ не высылать, чтобъ Сибирская Земля пространилась, а не пустѣла. Если же кто изъ ясачныхъ людей захочетъ по своей волѣ креститься, такихъ людей крестить, обыскавши до-пряма, что добровольно хотятъ креститься: окрестя, устраивать ихъ въ государеву службу, верстать денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодится, въ выбылыя Русскихъ служилыхъ людей мѣста; если женщины захотятъ креститься, то, окрестя ихъ, выдавать замужъ за новокрещенныхъ или за Русскихъ служилыхъ людей" [1]).

Такъ отодвигаемые отъ образованнаго Запада, Русскіе люди на востокѣ, въ пустыняхъ Сѣверной Азіи прокладывали пути для европейской гражданственности: гдѣ поселятся—тамъ явится городокъ, пашня, церковь. Въ концѣ 1620 года положено было назначить архіерея въ Тобольскъ, и поставленъ былъ уже извѣстный намъ по новгородскимъ событіямъ Кипріянъ, игуменъ Хутынскій. До насъ дошелъ наказъ, данный преемнику Кипріанову, Макарію [2]), о томъ, какъ обращаться съ туземцами окрестившимися и некрещеными: наказъ этотъ, по одинаковости положенія, сходенъ съ извѣстнымъ намъ наказомъ Казанскому архіепископу Гурію [3]).

Но, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанства между народами Сѣверной Азіи, Рус-

---

[1]) Дополн. къ актамъ истор. II, № 88, 90, 91, 92; Акты арх. эксп. III, № 261, 268.

[2]) Описаніе государств. архива старыхъ дѣлъ, стр. 263.

[3]) См. Исторію Россіи т. VII, стр. 410.

ская Церковь въ царствованіе Михаила особенно должна была заботиться о прекращеніи нравственныхъ безпорядковъ, которыхъ было не мало между Русскими людьми. Источникомъ этихъ безпорядковъ было сильное невѣжество, которое высказалось во всемъ своемъ безобразіи при первой попыткѣ внести болѣе правильное пониманіе необходимыхъ для христіанина предметовъ. Мы видѣли, какъ въ XVI вѣкѣ накоплялись и освящались мнѣнія, которыя впослѣдствіи явились основными мнѣніями раскольниковъ [1]); видѣли, что мнѣнія эти замѣшались между постановленіями такъ-называемаго Стоглавнаго собора (1551 года). Когда началось у насъ печатаніе церковно-богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, то въ эти книги мало-по-малу внесены были и прежнія и вновь возникшія раскольническія мнѣнія, которыя такимъ образомъ пріобрѣли общеизвѣстность и освященіе, и попытка исправить что-либо въ нихъ встрѣчалась сильнымъ сопротивленіемъ, какъ дерзкая, еретическая попытка нарушить освященную старину. Во время междуцарствія, при сожженіи Москвы Поляками, сгорѣлъ печатный домъ, вся штанба погибла, мастеровъ осталось мало, да и тѣ разбѣжались по другимъ городамъ; когда „Божіимъ изволеніемъ и всей Русской Земли излюбленіемъ“ избранъ былъ Михаилъ, то онъ возстановилъ печатное дѣло, велѣлъ собрать въ Москву мастеровъ (хитрыхъ людей), Никиту Ѳедорова Ѳофанова съ товарищами, который жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но, прежде чѣмъ печатать книги, нужно было ихъ исправить. Въ ноябрѣ 1616 года Троицкій архимандритъ Діонисій, келарь Аврамій Палицынъ и вся братія получили такую царскую грамоту: „По нашему указу взяты были къ намъ, въ Москву, изъ Троицкаго Сергіева монастыря канонархистъ старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника; да къ тому же дѣлу велѣно было прислать вамъ книгохранителя старца Антонія. Вы писали къ намъ, что старецъ Антоній боленъ, а старецъ Арсеній и попъ Иванъ били намъ челомъ и сказали: отъ временъ блаженнаго князя Владиміра до сихъ поръ книга Потребникъ въ Москвѣ и по всей Русской Землѣ въ переводахъ разнится, и отъ неразумныхъ писцовъ во многихъ мѣстахъ не исправлена; въ пригородахъ и по украйнамъ, которые близъ иновѣрныхъ земель, отъ невѣжества, у священниковъ обычай застарѣлъ и безчинія вкоренились,—потому имъ, старцу Арсенію и попу Ивану, однимъ у той книги Потребника для исправленія быть нельзя надобно ее исправлять, спрашивая многихъ людей, и исправлять со многими книгами. — И мы, продолжаетъ царь, указали исправленіе Потребника поручить тебѣ, архимандриту Діонисію, и съ тобою Арсенію и Ивану, и другимъ духовнымъ и разумнымъ старцамъ, которымъ подлинно извѣстно книжное ученіе, грамматику и риторику знаютъ“.

[1]) Исторія Россіи, т. VII, стр. 442.

Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемся съ знаменитымъ Діонисіемъ на новомъ поприщѣ. Чтобъ понять положеніе Діонисія на этомъ поприщѣ, чтобъ понять тѣ препятствія, которыя встрѣчала дѣятельность людей, ему подобныхъ, надобно обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны тогдашняго общественнаго быта. Общества необразованныя и полуобразованныя страдаютъ обыкновенно такою болѣзнію: въ нихъ очень легко людямъ, пользующимся какимъ-нибудь преимуществомъ, обыкновенно чисто внѣшнимъ, пріобрѣсть огромное вліяніе и захватить въ свои руки власть. Это явленіе происходитъ оттого, что общественнаго мнѣнія нѣтъ, общество не сознаетъ своей силы и не умѣетъ ею пользоваться, большинство не имѣетъ въ немъ достаточнаго просвѣщенія для того, чтобъ правильно оцѣнить достоинства своихъ членовъ, чтобъ этимъ просвѣщеніемъ своимъ внушить къ себѣ уваженіе въ отдѣльныхъ членахъ, внушить имъ скромность и умѣренность. При отсутствіи просвѣщенія въ большинствѣ, всякое преимущество, часто только внѣшнее, имѣетъ обаятельную силу, и человѣкъ, имъ обладающій, можетъ рѣшиться на все,—сопротивленія не будетъ. Такъ, если въ подобномъ необразованномъ или полуобразованномъ обществѣ явится человѣкъ бойкій, дерзкій, начетчикъ, говорунъ, то чего онъ не можетъ себѣ позволить, кто въ состояніи оцѣнить въ-мѣру его достоинства? Если явится ему противникъ, человѣкъ вполнѣ достойный, знающій дѣло и скромный, уважающій свое дѣло и общество, то говорунъ, который считаетъ всѣ средства въ борьбѣ позволенными для одолѣнія противника, начинаетъ кричать, закидывать словами, а для толпы несвѣдущей кто перекричалъ,—тотъ и правъ: дерзость, быстрота, неразборчивость средствъ даютъ всегда побѣду.

Древнее наше общество, вслѣдствіе отсутствія просвѣщенія, сильно страдало отъ такихъ мужиковъ горлановъ, какъ ихъ тогда называли; противъ нихъ-то долженъ былъ ратовать и Діонисій въ своимъ монастырскомъ обществѣ. Мы видѣли, какъ въ бѣдственное время Діонисій умѣлъ возбудить духовные интересы и сдѣлать изъ своего монастыря успокоительную обитель скорбящимъ; но когда бѣда прошла, матеріальные интересы взяли верхъ, и святая ревность архимандрита встрѣтила сильное сопротивленіе: мужики-горланы никакъ не хотѣли дать ему воли на доброе устроеніе монастыря, и сдѣлали то, что монастырь, пріобрѣтшій, благодаря Діонисію, такое высокое значеніе въ Смутное время, возбудилъ къ себѣ вражду многихъ во время мира. Затѣяно было изъ монастыря множество споровъ съ окольными людьми, землевладѣльцами, горожанами, крестьянами; искали въ судахъ, поклепавши напрасно въ деньгахъ, земляхъ, крестьянахъ, искали именемъ Чудотворца Сергія, а брали не въ монастырь, но родственникамъ своимъ села и деревни устраивали; разгнѣвали и самого государя, потому что брали въ городахъ посадскихъ людей и сажали ихъ въ мона-

стырскихъ слободахъ на житье. Монастырскіе слуги били и грабили на дорогахъ; когда же пріѣзжали въ монастырь дѣти боярскія или слуги знатныхъ людей съ жалобами, что монастырь вывелъ изъ-за нихъ крестьянъ и холопей на свои земли, то имъ давали управныя грамоты, но прежде посылали перевести ихъ холопей и крестьянъ въ другія монастырскія вотчины, и когда истцы пріѣдутъ съ управными грамотами, то имъ показываютъ пустые дворы.

Діонисій умолялъ со слезами удержаться отъ такихъ поступковъ, по понапрасну; мужики-горланы брали верхъ, что имъ было легко по тогдашнему монастырскому устройству: главное лицо, архимандритъ, вѣдалъ церкви, въ церквахъ образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь вѣдалъ монастырь, всякое монастырское строеніе, вотчины, денежную казну, вкладныя деньги, платье и всякую рухлядь, деньги кормовыя и кружечныя, за свѣчи и за медъ, собиралъ всякіе доходы. Въ неопредѣленное время, по согласію братіи, въ монастыряхъ бывали соборы, на которыхъ происходили выборы въ конюшіе, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, по селамъ на приказы и во всякія монастырскія службы; на этихъ же соборахъ опредѣлялись раскладки оброковъ на крестьянъ. Всѣ приговоры собора записывались въ книгу, которая хранилась въ монастырской казнѣ. Келарю предоставлено было право суда между братьею, служками, служебниками и крестьянами; большія дѣла судныя и сыскныя вершилъ онъ съ архимандритомъ, казначеемъ и соборными старцами вмѣстѣ; если же какого-нибудь суднаго дѣла одним имъ вершить было нельзя, то это дѣло рѣшалось на всемъ черномъ соборѣ, по совѣту со всею братьею. Безстрашный на площади среди мутящагося народа, Діонисій былъ необыкновенно кротокъ и ласковъ въ отношеніи къ управляемымъ. При тогдашнемъ состояніи нравовъ, многіе изъ братій никакъ не могли понять учтивыхъ формъ, которыя употреблялъ Діонисій; такъ, когда надобно было что-нибудь приказать монаху, то онъ говорилъ: „Если хочешь, братъ, то сдѣлай то-то и то-то". Монахъ, выслушавши такое приказаніе, спокойно отправлялся на свое мѣсто и ничего не дѣлалъ; когда же другіе спрашивали его, отчего онъ не исполнилъ архимандричьяго приказанія, то онъ отвѣчалъ: „Вѣдь архимандритъ мнѣ на волю далъ: хочу дѣлаю, хочу нѣтъ".

Кромѣ людей, ревностно заботившихся о матеріальныхъ выгодахъ монастыря, т.-е. своихъ родственниковъ, въ монастырѣ были два мужика-горлана: головщикъ Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Логинъ пріобрѣлъ удивленіе братіи и посѣщавшихъ монастырь голосомъ необыкновенно пріятнымъ, свѣтлымъ и громкимъ; въ чтеніи и пѣніи ему не было подобнаго; на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по пяти, по шести и по десяти. Что стихъ искажался отъ этихъ распѣвовъ, терялъ смыслъ, что, напримѣръ, вмѣсто с ѣ м е н и, слышалось с ѣ-м е н й,—до этого Логину не было дѣла, потому что онъ „хитрость грамматическую и философство книжное" называлъ еретичествомъ. Надменный своими преимуществами, удивленіемъ, которое оказывали къ его голосу, этотъ мужикъ-горланъ не зналъ никакой мѣры, бранилъ, билъ не только простыхъ монаховъ, но и священниковъ, обижалъ въ милостынѣ, и никто не смѣлъ ему слова сказать. Діонисій часто обращался къ нему съ своими тихими поученіями, называлъ его государемъ, отцомъ, братомъ, величалъ по имени и по отечеству. „Что тебѣ, свѣтъ мой, пользы въ этомъ", говорилъ ему Діонисій,—„что всѣ жалуются на тебя, ненавидятъ тебя и проклинаютъ, а мы, начальники, всѣ какъ въ зеркало на тебя смотримъ? и какая будетъ польза, когда мы съ тобою брань заведемъ?" Но увѣщанія не помогли нисколько.

Другой мужикъ-горланъ, уставщикъ Филаретъ, возбуждалъ удивленіе толпы и получилъ право быть горланомъ также по внѣшнему достоинству, которое въ то время очень цѣнилось,—сѣдинами добрыми; онъ жилъ у Троицы больше пятидесяти лѣтъ, уставщикомъ былъ болѣе сорока лѣтъ—преимущество громадное по тогдашнимъ понятіямъ: всѣ остальные, не исключая архимандрита, были передъ имъ м о л о д ы е л ю д и. Логинъ своими распѣвами искажалъ смыслъ стиховъ; Филаретъ пошелъ дальше: по его мнѣнію, Христосъ не прежде вѣкъ отъ Отца родился; Божество почиталъ онъ человѣкообразнымъ. Филаретъ и Логинъ были друзья, и оба ненавидѣли Діонисія за обличенія. „Пощадите, не принуждайте меня ко грѣху", говорилъ имъ Діонисій: „вѣдь это дѣло всей Церкви Божіей, а я съ вами по любви наединѣ бесѣдую и спрашиваю васъ для того, чтобъ царское величество и власть патріаршеская не знали, чтобъ намъ въ смиреніи и въ отлученіи отъ Церкви Божіей не быть". Логинъ отвѣчалъ ему: „Погибли мѣста святыя отъ васъ, дураковъ, вездѣ васъ теперь много неученыхъ сельскихъ поповъ; людей учите, а сами не знаете чему учите". Больше всего сердился Логинъ на Діонисія за то, что архимандритъ вмѣшивался, по его мнѣнію, не въ свое дѣло, т. е. заставлялъ читать поученія Св. Отцовъ, и самъ часто читалъ ихъ, часто и пѣвалъ на клиросѣ. „Не ваше дѣло пѣть или читать", говорилъ ему Логинъ: „зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобъ съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ, стоять". Однажды, на заутрени, Діонисій сошелъ съ клироса и хотѣлъ читать; Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ книгу изъ рукъ, налой съ книгою полетѣлъ на землю,—стукъ, громъ, соблазнъ для всѣхъ; Діонисій только перекрестилъ свое лицо, пошелъ на клиросъ и молча сѣлъ; Логинъ, окончивъ чтеніе, подошелъ къ архимандриту, и, вмѣсто того, чтобы просить прощенія, началъ плевать на него и браниться. Діонисій, махнувши посохомъ, сказалъ ему: „Перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію. и братію не смущай; можно намъ объ этомъ переговорить и послѣ заутрени". Тутъ

Логинъ выхватилъ у него изъ рукъ посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. Діонисій взглянулъ на образъ и сказалъ: „Ты, Господа Владыко, вся вѣси, и прости мя, грѣшнаго, яко согрѣшилъ предъ Тобою, а не онъ". Сошедши съ своего мѣста, онъ всю заутреню проплакалъ передъ образомъ Богородицы, а послѣ заутрени вся братія никакъ не могла уговорить Логина, чтобъ просилъ прощенія у архимандрита.

Напрасно Діонисій старался укрыть поведеніе Логина и Филарета въ стѣнахъ монастыря: они писали на него жалобы въ Москву, въ Кирилловъ монастырь; наконецъ исправленіе книгъ, возложенное на Діонисія, возбудило еще бо́льшую ненависть ихъ къ исправителю и дало имъ возможность довести его до бѣды. Діонисій съ товарищами, исправляя Потребникъ, между прочимъ, вычеркнули и ненужную прибавку: и огнемъ въ молитвѣ водоосвященія: „Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ!" И вотъ Филаретъ, Логинъ и ризничій дьяконъ Маркеллъ отправили доносъ въ Москву, что Діонисій съ товарищами еретичествуютъ: „Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огнь есть". Логинъ считалъ себя знатокомъ дѣла, потому что въ царствованіе Шуйскаго онъ печаталъ уставы и наполнилъ ихъ ошибками. Въ это время патріарха не было въ Москвѣ, дожидались Филарета Никитича, и дѣлами патріаршества управлялъ Крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ неспособный разсудить дѣло между исправителями и противниками ихъ. Діонисій съ товарищами былъ потребованъ къ объясненію. Четыре дня приводили его на патріаршій дворъ къ допросу съ безчестіемъ и позоромъ; потомъ допрашивали его въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ келліяхъ матери царской, инокини Мареы Ивановны, и рѣшили, что исправители еретичествуютъ. Но при этомъ рѣшеніи, кромѣ невѣжества, высказалась еще другая язва общественная: тутъ дѣйствовала не одна ревность по буквѣ, по старинѣ, на которую наложили руку смѣлые исправители,—тутъ обрадовались, что попался въ руки архимандритъ богатѣйшаго монастыря, и потребовали у него за вину пятьсотъ рублей. Діонисій объявилъ, что денегъ у него нѣтъ, и что онъ платить не будетъ; отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Діонисій, стоя въ оковахъ, съ улыбкою отвѣчалъ тѣмъ, которые толкали его и плевали на него: „Денегъ у меня нѣтъ, да и дать не-за-что: плохо чернецу, когда его разстричь велятъ, а достричь-то ему вѣнецъ и радость. Сибирью и Соловками грозите мнѣ, но я этому и радъ, это мнѣ и жизнь". За Діонисіемъ присылали нарочно въ праздничные или торговые дни, когда было много народа, приводили его пѣшкомъ или привозили его на самой негодной лошади, безъ сѣдла, въ цѣпяхъ, въ рубищѣ, на позоръ толпѣ, изъ которой кидали въ него грязью и пескомъ; но онъ все это терпѣлъ, съ веселымъ видомъ, смѣялся, встрѣчаясь съ знакомыми. Привезутъ его иногда до обѣдни, иногда послѣ обѣдни, и поставятъ скованнаго въ подсѣньи, на дворѣ митрополичьемъ; стоитъ онъ тутъ съ утра до вечера, и не дадутъ ему воды чашки, а время было іюнь, іюль мѣсяцы, дни жаркіе; митрополитъ Іона послѣ обѣдни сядетъ съ соборомъ за столъ, а Діонисій съ учениками своими празднуетъ подъ окнами его келлій въ кулакахъ да пинкахъ, а иногда достанется и батогомъ. Словомъ ересь напугали царскую мать, Мареу Ивановну, вооружили ее противъ мнимыхъ еретиковъ, а въ народѣ распустили слухъ, что явились такіе еретики, которые огонь хотятъ въ мірѣ вывести:—и вотъ страхъ и злоба овладѣли простыми людьми, особенно ремесленниками, которымъ безъ огня нельзя ничего сдѣлать,—они начали выходить съ дрекольемъ и каменьями на Діонисія.

Мужественно вынося испытаніе, не позволяя себѣ унизиться до заботъ о самомъ себѣ, Діонисій заботился о товарищахъ своей бѣды, хлопоталъ, чтобъ они поскорѣе отъ нея избавились. Одинъ изъ нихъ, старецъ Арсеній Глухой, не одаренный твердостью духа, не могъ выдержать испытанія, онъ подалъ боярину Борису Михайловичу Салтыкову челобитную, въ которой, подлѣ сознанія правоты своего дѣла, подлѣ негодованія на невѣжественныхъ обвинителей, видимъ упадокъ духа, выражающійся обыкновенно желаніемъ обвинить другихъ въ своей бѣдѣ. „24 октября 1615 года (говорится въ челобитной), писалъ изъ Москвы государевымъ словомъ Троицкаго Сергіева монастыря келарь Авраамій Палицынъ къ архимандриту Діонисію, велѣлъ прислать въ Москву меня, нищаго чернеца, для государева дѣла, чтобъ исправлять книгу Потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло; а попъ Иванъ Клементьевскій пріѣхалъ въ Москву самъ собою, а не по грамотѣ; и какъ мы стали передъ тобою, то я сказалъ про себя, что меня не будетъ настолько, что я ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ всѣ потребы поповскія; а Иванъ попъ самъ на государево дѣло набился и билъ челомъ тебѣ для себя, потому что у него тамъ, у Троицы, жена да дѣти, чтобъ государь приказалъ править книгу Троицкому архимандриту Діонисію, а намъ бы, попу Ивану да мнѣ, чернецу Арсеньишку, да старцу Антонію съ архимандритомъ же у дѣла быть; и ты, государь, по Иванову челобитью и по докукѣ, велѣлъ ему дать съ дворца государеву грамоту на архимандричье имя". Оправдавъ сдѣланныя въ Потребникѣ поправки, Арсеній продолжаетъ: „Есть, государь, иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ, не знаютъ, которыя въ азбукѣ буквы гласныя, согласныя и двоегласныя, а что восемь частей слова разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги, то имъ и на разумъ не всхаживало, священная философія и въ рукахъ не бывала, а не зная этого легко можно погрѣшить не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, если кто даже естествомъ и остроуменъ будетъ.... Наше дѣло въ міръ не по-

шло и царской казнѣ никакой протори не сдѣлало; если бы мы что и недоброе сдѣлали, то дѣло въ сторону, и трудившийся неразумно и неугодно мзды лишенъ бываетъ; а не малая бѣда мнѣ, нищему чернецу, поднявши такой трудъ, сидя за государевымъ дѣломъ полтора года день и ночь, мзды лишаему быть; всего намъ, бѣднымъ клирошанамъ, идетъ у Троицы на годъ зажилаго денегъ по тридцати алтынъ на платье, одѣваемся и обуваемся рукодѣльемъ.... Не довольно стало, чтобъ наши труды уничтожить, но и государыни, благовѣрной и великой старицы, инокини Мароы Ивановны кроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнули. Если бы наше морокованіе было дѣлано на Москвѣ, то все было бы хорошо и стройно, государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пользу, и великій святитель митрополитъ Іона по насъ былъ бы великій поборникъ. Я говорилъ архимандриту Діонисію каждый день: архимандритъ государь! откажи дѣло государю, не сдѣлать намъ этого дѣла въ монастырѣ безъ митрополичьяго совѣта, и привезешь книгу исчерня въ Москву, то и простымъ людямъ станетъ смутно. Но архимандритъ меня не слушалъ ни въ чемъ и ни во что меня ставилъ, во всемъ попа Ивана слушалъ, а тотъ и довелъ его до безчестія и срамоты. Попъ Иванъ на соборѣ слюнями глаза запрыскалъ тѣмъ, съ которыми спорилъ, и это честнымъ людямъ стало въ досаду; и мнѣ думается, что я, нищій чернецъ, страдаю отъ попа Ивана да отъ архимандрита, потому что архимандритъ меня не послушалъ, дѣла не отказалъ, а попъ Иванъ самъ на государево дѣло набился, у дѣла былъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица козла бѣднаго великобородаго завела въ пропастъ неисходную, а сама по немъ же выскочила".

Наконецъ порѣшили дѣло, осудили Діонисія на заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но трудно было тогда провезти его туда, по причинѣ непріятельскихъ отрядовъ, загораживавшихъ дорогу на сѣверъ, и потому велѣли содержать его въ Новоспасскомъ монастырѣ, наложили на него эпитемію—тысячу поклоновъ, били и мучили его сорокъ дней, ставя въ дыму на полатяхъ. Но заточеніе Діонисія не было продолжительно: пріѣхалъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, при которомъ, какъ мы видѣли, возвратился Филаретъ Никитичъ и былъ поставленъ въ патріархи; Филаретъ, по современнымъ извѣстіямъ, спрашивалъ Ѳеофана: „Есть ли въ вашихъ греческихъ книгахъ прибавленіе: и о г н е м ъ?" Ѳеофанъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, и у васъ тому быть непригоже; добро бы тебѣ, брату нашему, о томъ порадѣть и исправить, чтобъ этому огню въ прилогѣ и у васъ не быть". Вслѣдствіе этого созванъ былъ соборъ, опять былъ сильный и долгій споръ. Діонисій стоялъ въ отвѣтѣ больше осьми часовъ, успѣлъ обличить всѣхъ своихъ противниковъ, и съ торжествомъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ продолжалъ „искать красоты церковной и благочинія братскаго". Впрочемъ, Филаретъ Никитичъ не былъ еще успокоенъ доказательствами Діонисія и свидѣтельствомъ Ѳеофана; онъ говорилъ послѣднему: „Тебѣ бы, пріѣхавъ въ Греческую Землю и посовѣтовавшись съ своею братьею, вселенскими патріархами, выписать изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ, какъ тамъ написано". Исполняя его желаніе, Ѳеофанъ и Александрійскій патріархъ Герасимъ прислали въ Москву грамоты, гдѣ подтверждали, что прибавка „и огнемъ" должна быть исключена. О знаменитомъ Логинѣ сдѣланъ былъ достойный отзывъ въ 1633 году, въ грамотѣ патріарха Филарета, которою приказывалось отбирать уставы, напечатанные при Шуйскомъ, „потому что эти уставы напечаталъ воръ, бражникъ, Троицкаго Сергіева монастыря клирошанинъ чернецъ Логинъ, и многія въ нихъ статьи напечаталъ не по апостольскому и не по отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ." Въ 1633 году протосингелъ Александрійскій, архимандритъ Іосифъ, пріѣхалъ и опредѣленъ для перевода греческихъ книгъ на славянскій языкъ.

Стремясь къ чистотѣ вѣроученія, Церковь должна была стараться и о возстановленіи нравственной чистоты между вѣроучителями. Въ 1636 году послана была отъ царя такая грамота въ Соловецкій монастырь: „Вѣдомо учинилось, что въ Соловецкій монастырь съ берегу привозятъ вино горячее и всякое нѣмецкое питье и медъ прѣсный, и держатъ это всякое питье старцы по кельямъ, а на погребѣ не ставятъ, келарей и казначеевъ выбираютъ безъ соборныхъ старцевъ и безъ чернаго собора тѣ старцы, которые пьяное питье пьютъ, на черныхъ соборахъ они смуту чинятъ и выбираютъ потаковниковъ, которые бы имъ молчали, въ смиренье не посылали, на погребѣ безпрестанно квасъ поддѣльный давали; а которые старцы постриженники старые, житіемъ искусны, преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія хранятъ, тѣхъ старцевъ безчестятъ и на соборѣ говорить имъ не даютъ. Келари, казначеи и соборные старцы держатъ у себя учениковъ многихъ, а подъ началъ священникамъ и рядовымъ старцамъ старымъ и житіемъ добрымъ не отдаютъ, живутъ въ Соловецкомъ монастырѣ кельями и заговоромъ, старецъ помогаетъ ученику своему, и ученикъ помогаетъ старцу своему; въ монастырскія службы и по усольямъ посылаютъ старцевъ простыхъ, которые монастырской службы не оберегаютъ и монастырю прибыли не ищутъ, а въ монастырѣ ихъ не считаютъ, и отъ того монастырская казна пропадаетъ. Добрыхъ старцевъ по промысламъ не посылаютъ, и которые молодые работники работаютъ въ огородахъ, тѣхъ кормятъ и зимою держатъ въ монастырѣ съ братіею вмѣстѣ, за монастыремъ келій особыхъ имъ не устроено и приставовъ у нихъ, старцевъ и служебниковъ добрыхъ, не бываетъ; и

другія многія статьи теперь въ Соловецкомъ монастырѣ дѣлаются не попрежнему, чего прежде не бывало и чему быть не годно".

Въ 1636 же году царь писалъ къ строителю Павлова Обнорскаго монастыря: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ Павловѣ монастырѣ многое нестроенье, пьянство и самовольство, въ монастырѣ держатъ питье пьяное и табакъ, близъ монастыря подѣлали харчевни и бани, брагу продаютъ; старцы въ бани и харчевни и въ волости къ крестьянамъ по пирамъ и по братчинамъ къ пиву ходятъ безпрестанно, бражничаютъ и безчинствуютъ, и всякое нестроеніе чинится". Царь приказываетъ строителю унимать монаховъ и прибавляетъ: „Да и крестьяне пиво варили бы вовремя, когда пашни не пашутъ, и то понемногу, съ явкою, чтобъ мужики не гуляли и не пропивались". Мы видѣли обращеніе Логина съ архимандритомъ Діонисіемъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ: понятно, что строители незначительныхъ монастырей могли подвергаться еще бо̀льшимъ насиліямъ уже прямо вслѣдствіе отсутствія общественной безопасности: такъ, въ 1613 году, строитель Стародубо-Ряполовскаго Хотимльскаго монастыря билъ челомъ, что пріѣхалъ къ нему въ монастырь монахъ Гермогенъ, силою взялъ церковные ключи, потому что пріѣхалъ со многими людьми, съ своимъ родомъ и племенемъ, захватилъ монастырскую казну, вотчиною владѣетъ, живетъ не по монастырскому чину, строителя бранитъ и бьетъ. Если слабость общественнаго устройства допускала насилія, то мы не должны удивляться, встрѣчая случаи самоуправства: въ 1628 году билъ челомъ монахъ Лаврентій, что присланъ онъ былъ въ Шую отъ Суздальскаго архіепископа Іосифа собирать пошлины, и велѣлъ взять дворника Троицкаго монастыря, иконника Ивана Яковлева, въ великомъ духовномъ дѣлѣ; но троицкій слуга Горчаковъ, собравшись со многими незнаемыми людьми, пришелъ на архіепископскій дворъ, архіепископа и его, монаха Лаврентія, бранилъ неподобною бранью, неудобь сказаемо, Ивана иконника у него отбилъ, пограбилъ пошлинныя деньги, разрубилъ ларецъ топоромъ, прибилъ самого Лаврентія и покинулъ замертво; ночью, послѣ этого грабежа, Горчаковъ опять пришелъ къ архіепископскому двору и стрѣлялъ изъ пищалей въ окна. Горчаковъ же, въ свою очередь, билъ челомъ, что Лаврентій, сказавши на иконника Ивана Яковлева духовное дѣло, посадилъ его на цѣпь да въ желѣза, и вымучилъ на немъ 200 рублей; онъ, Горчаковъ, пришелъ къ Лаврентію съ упреками, зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ, а Лаврентій, собравшись со многими людьми незнаемыми его, Горчакова, билъ, увѣчилъ, топоромъ изрубилъ, и монастырскихъ денегъ полтораста рублей отнялъ. Кто изъ нихъ оказался правымъ, кто виноватымъ—не извѣстно; извѣстно намъ только, что Лаврентій былъ присланъ отъ архіепископа Іосифа Курцевича, который былъ сосланъ въ 1634 году въ Сійскій монастырь за безчинство, за многія непристойныя дѣла; къ обвиненіямъ въ нравственныхъ безпорядкахъ были присоединены и обвиненія политическія. Извѣстно намъ также, что Шуяне были очень недовольны управленіемъ этого Іосифа, какъ видно изъ челобитной ихъ на попа Алексѣя Кузьмина и на сына его, дьяка Өедора: „Прислалъ къ намъ въ Шую бывшій Іосифъ архіепископъ иноземецъ изъ Суздаля этого попа Алексѣя и сына его Өедора по мздѣ, по накупу. Алексѣй, стакавшись съ архіепископскими намѣстниками, съ иноземцами же, Кіевлянами, и съ архіепископскими приказными людьми, умысля продать насъ духовными дѣлами и иными всякими бездѣльными составами, учинили намъ налогу и тѣсноты и продажи многія. Когда на мѣсто Іосифа поступилъ нынѣшній архіепископъ Серапіонъ, то онъ, сыскавши ихъ бездѣлье и безчинства, изъ Шуи отъ церквей отослалъ; теперь они, Алексѣй съ сыномъ, живутъ въ Покровскомъ Красномъ селѣ (въ Москвѣ) и берутъ на насъ засыльныя грамоты въ поклепныхъ всякихъ составныхъ искахъ, и на Москвѣ придираются къ тѣмъ изъ насъ, которые туда пріѣдутъ для своего промыслишка, сами пристаютъ и бездѣльниковъ нанимаютъ приставать".

Преемникъ Филарета Никитича, патріархъ Іоасафъ, долженъ былъ вооружиться противъ безпорядковъ, происходившихъ въ московскихъ церквахъ: „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, пишетъ патріархъ, въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣрѣ; служба Божія совершается очень скоро, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть, и больше, со всякимъ небреженіемъ; а мірскіе люди стоятъ въ церквахъ съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ, во время св. пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а иные священники и сами бесѣдуютъ, безчинствуютъ и мірскія угодія творятъ, чревоугодію своему послѣдуя и пьянству повинуясь, обѣдни служатъ безъ часовъ; во время Великаго поста службы совершаютъ очень скоро; въ воскресные дни и праздники заутрени поютъ поздно и скоро, учительныя Евангелія, Апостолы, поученія Св. Отецъ и Житія не читаются. Пономари по церквамъ молодые безъ женъ; поповы и мірскихъ людей дѣти во время Св. службы въ алтарѣ безчинствуютъ; во время же св. пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больше, отъ нихъ въ церквахъ великая стута и мятежъ, то они бранятся, то дерутся; другіе, положивъ на блюда пелены да свѣчи, собираютъ на церковное строеніе; иные притворяются малоумными, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумными; иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ, въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы; иные во время св. пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творятъ и большой соблазнъ возбуждаютъ въ простыхъ людяхъ. Также въ праздники, вмѣсто духовнаго торжества и веселія, затѣваютъ игры бѣсовскія, приказываютъ медвѣдчикамъ и скоморохамъ на улицахъ, торжищахъ и распутіяхъ сатанинскія

игры творить, въ бубны бить, въ сурны ревѣть, въ ладоши бить и плясать; по праздникамъ сходятся многіе люди, не только молодые, но и старые, въ толпы ставятся, и бываютъ бои кулачные великіе до смертнаго убійства; въ этихъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ. Всякія беззаконныя дѣла умножились, еллинскія блядословія, кощунства и игры бѣсовскія; ѣдятъ удавленину и по торгамъ продаютъ; да еще другъ друга бранятъ позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстудною нечистотою языки свои и души оскверняютъ".

Жалоба патріарха Іоасафа на кулачные бои показываетъ, что этотъ крѣпко вкорененный обычай не ослабѣвалъ и отъ строгихъ мѣръ, предпринятыхъ противъ него патріархомъ Филаретомъ, который запретилъ ходить за Старое Ваганьково на кулачные бои,—ослушникъ подвергался кнуту. Филаретъ указалъ также: „Кликать бирючамъ по рядамъ, улицамъ, слободамъ и въ сотняхъ, чтобъ съ кобылками не ходили, на игрищахъ мірскіе люди не сходились, чтобъ смуты православнымъ христіанамъ отъ этого не было, коледы-бъ, овсеня и плуги не кликали". Церковный судъ при Филаретѣ Никитичѣ не спускалъ нарушителямъ семейной нравственности: такъ, сосланъ былъ въ оковахъ въ Корельскій Никольскій монастырь боярскій сынъ Семичевъ за то, что съ рабынями своими прижилъ семерыхъ дѣтей, а рабыни эти были между собою двоюродныя сестры; такъ-же поступлено и съ стольникомъ Колычевымъ за подобное преступленіе.

Понятно, что нравственные безпорядки наиболѣе были сильны въ мѣстахъ отдаленныхъ, на степныхъ границахъ государства, за Уральскими горами. Въ Воронежѣ, напримѣръ, могъ быть такой случай: билъ челомъ сынъ боярскій Ѳедоръ Плясовъ; вечеромъ, когда сидѣлъ онъ въ торгу въ ряду, прислалъ за нимъ посадскій Ильинскій попъ Яковъ сына боярскаго, своего затя, Ивашку Полубояринова, звать его къ себѣ вина пить. Пришелъ онъ къ попу и видитъ, что сидитъ у него прежній его разбойникъ Антошка, который его, Плясова, разбивалъ; попъ сталъ этого Антошку съ нимъ мирить; а когда смерклось, то попъ, Антошка, Полубояриновъ и наймитъ Ивашка связали Плясова, мучили его и пытали, а потомъ повели изъ посада къ рѣкѣ, переволокли черезъ острогъ, вымучили 20 рублей денегъ и привели къ кресту въ томъ, что жаловаться на нихъ не будетъ.—Сильныя жалобы слышались отъ правительства церковнаго на упадокъ нравственноста въ Сибири. Патріархъ Филаретъ писалъ Сибирскому архіепископу Кипріану: „Въ сибирскихъ городахъ многіе Русскіе люди и иноземцы, Литва и Нѣмцы, которые въ нашу православную вѣру крещены, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, которые изъ нихъ ходятъ къ Калмыкамъ и въ иныя землицы для государевыхъ дѣлъ, тѣ пьютъ и ѣдятъ и всякіе скаредныя дѣла дѣлаютъ съ погаными за-одно; иные живутъ съ татарками некрещеными, какъ съ своими женами, и дѣтей съ ними приживаютъ, а иные хуже того дѣлаютъ—женятся на сестрахъ родныхъ, двоюродныхъ, названныхъ и на кумахъ; иные на матерей и дочерей посягаютъ. Многіе служилые люди, которыхъ воеводы и приказные люди посылаютъ въ Москву и въ другіе города для дѣлъ, женъ своихъ въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи у служилыхъ же и у всякихъ людей на сроки, и тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до выкупу блудъ творятъ беззазорно, а какъ ихъ къ сроку не выкупятъ, то они ихъ продаютъ на воровство же и въ работу всякимъ людямъ, а покупщики такъ же съ ними воруютъ и замужъ выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства къ себѣ берутъ силою, у мужей, убогихъ работныхъ людей, женъ отнимаютъ и держатъ у себя для воровства, крѣпости на нихъ берутъ воровскія заочно; а тѣ люди, у которыхъ женъ отняли, бѣгаютъ, скитаются между дворами и отдаются въ неволю, въ холопи всякимъ людямъ, и женятъ ихъ на другихъ женахъ, а отнятыхъ у нихъ женъ послѣ выдаютъ за другихъ мужей. Попы такихъ ворамъ не запрещаютъ, а иные попы, черные и бѣлые, такимъ людямъ и молитвы говорятъ и вѣнчаютъ безъ знаменъ. Многіе люди, мужчины и женщины, въ болѣзняхъ постригаются въ иноческій образъ, а потомъ, выздоровѣвши, живутъ въ домахъ своихъ попрежнему, а многіе другіе и разстригаются; въ монастыряхъ мужескихъ и дѣвичьихъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ въ однихъ домахъ и ничѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся. Сибирскіе служилые люди пріѣзжаютъ въ Москву и въ другіе города и тамъ подговариваютъ многихъ женъ и дѣвокъ, привозятъ ихъ въ сибирскіе города и держатъ вмѣсто женъ, а иныхъ порабощаютъ и крѣпости на нихъ берутъ силою, а иныхъ продаютъ Литвѣ, Нѣмцамъ и Татарамъ, и всякимъ людямъ въ работу; а воеводы, которые въ Сибири теперь и прежде были, о томъ небрегутъ, людей этихъ отъ такого воровства, беззаконныхъ, скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ ихъ, покрывая ихъ для своей корысти. А иные воеводы и сами такимъ ворамъ потакаютъ, попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ силою, и всякое насильство и продажи воеводы тутошнимъ торговымъ и всякимъ людямъ и улуснымъ иновѣрцамъ чинятъ великія". Такимъ образомъ, причина зла вскрывается въ концѣ патріаршей грамоты; эта же причина указывается и въ царской грамотѣ самимъ воеводамъ сибирскимъ: „Въ сибирскихъ городахъ служилые и всякихъ чиновъ люди въ духовныхъ дѣлахъ архіепископа и его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить не хотятъ, научаютъ другъ друга на архіепископа шумѣть, и вы, воеводы, имъ въ томъ потакаете, а которыхъ нашихъ людей посылаете къ Татарамъ, Вогуличамъ и Остякамъ собирать нашу казну,—и тѣ

люди Татарамъ, Вогуличамъ и Остякамъ чинятъ всякое насильство и посулы берутъ великie, а нашей казнѣ прибыли ни въ чемъ не ищутъ. Въ пьянствѣ у васъ многie люди бьются и рѣжутся до смерти, а вы про то не сыскиваете". Сибирякамъ дана была грамота, которою дозволялось имъ уводить женъ и дѣвицъ изъ другихъ городовъ; патрiархъ Филаретъ приказалъ архiепископу взять эту грамоту и доставить къ нему въ Москву. О дѣятельности митрополита Кипрiана въ Сибири лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „Невѣрныхъ многихъ крестилъ и слабость многую въ беззаконныхъ женитьбахъ и въ другихъ многихъ духовныхъ дѣлахъ исправилъ и утвердилъ, и отъ многихъ неискусныхъ людей многую молву, мятежъ и тѣсноту терпѣлъ". При архiепископѣ Макарiи, въ 1625 году, произошелъ въ Тобольскѣ слѣдующiй случай. Въ самое Свѣтлое Воскресенье, у заутрени, къ боярину князю Юрью Яншеевичу Сулешову начали подходить христосоваться дѣти боярскiя и разныхъ чиновъ люди; всѣ цѣловались по обычаю, но сынъ боярскiй Низовцовъ поцѣловалъ князя въ руку. Сулешовъ тутъ же, при архiепископѣ и при всѣхъ людяхъ, зашибъ Низовцова, велѣлъ посадить его подъ стражу, и подалъ жалобу, что Низовцовъ сдѣлалъ это, умысля воровски, по наученью сибирскихъ людей. Чѣмъ кончилось дѣло—не извѣстно.

Видимъ и преслѣдованiе чародѣйства со стороны правительства: въ Тобольскѣ обыскали какого-то протопопа и нашли у него въ коробьѣ траву багрову да три корня, да комокъ перхчеватъ бѣлъ; воевода тотчасъ далъ знать объ этомъ царю, и протопопъ вмѣстѣ съ коробьею былъ отосланъ въ Москву. У церковнаго дьячка Григорьева обыскали какiя-то гадальныя тетради, называемыя рафли; тетради, по указу патрiарха, сожгли, а дьячка сковали и сослали въ монастырь на черную работу. Въ 1632 году царь писалъ псковскимъ воеводамъ: „Писали къ намъ изъ Вязьмы воеводы наши: посылали они за рубежъ для вѣстей лазутчиковъ, и тѣ лазутчики, пришедъ изъ-за рубежа, сказывали имъ, что въ литовскихъ городахъ баба вѣдунья наговариваетъ на хмель, который изъ Литвы возятъ въ наши города, чтобъ этимъ хмелемъ на людей навести моровое повѣтрiе". Вслѣдствiе этого, запрещено было, подъ опасенiемъ смертной казни, покупать хмель въ Литвѣ. Въ iюнѣ 1635 года прiѣхалъ въ Москву Силистрiйскiй митрополитъ Iоакимъ съ просьбою о милостынѣ, и говорилъ, что былъ онъ въ Цареградѣ, и патрiархъ Кириллъ приказывалъ ему извѣстить государю и его ближнимъ людямъ тайно, чтобъ государь велѣлъ свое здоровье остерегать отъ грамотъ Турскаго царя и отъ подарковъ его: не было бы какого насылочнаго дурна отъ Турскаго султана въ грамотахъ и подаркахъ, потому что на государя султанъ имѣетъ досаду за миръ съ Польскимъ королемъ [1]).

Средствомъ противъ преступленiй считали усиленiе наказанiя, усиленiе преступленiй считали слѣдствiемъ уменьшенiя строгости наказанiй. Въ прежнiя времена фальшивымъ монетчикамъ заливали горло воровскими ихъ деньгами; царь Михаилъ перемѣнилъ-было эту казнь на торговую, „чая того", говоритъ указъ, „что они отъ такого воровства уймутся отъ наказанiя, безъ смертной казни; но тѣ воры нашей государской милости къ себѣ не узнали; такихъ воровъ теперь умножилось, и отъ ихъ многаго воровства, по поклепнымъ воровскимъ оговорамъ, многie простые невинные люди пострадали". Вслѣдствiе этого, возобновлена была казнь заливанiя горла. Гнѣздо фальшивыхъ монетчиковъ открыто было въ 1634 году за Шведскимъ рубежемъ, въ Корельской Землѣ; занимались этимъ дѣломъ здѣсь русскie перебѣжчики. Мы видѣли, что царь Михаилъ въ грамотѣ своей къ Новгородцамъ объявлялъ всепрощенiе; ясно видно, что новое правительство поступило точно такъже въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ областяхъ; но само, предавая забвенiю политическiя преступленiя, совершенныя въ страшную эпоху смутъ, правительство потребовало и отъ частныхъ людей, чтобъ они прекратили всякie иски относительно вреда, претерпѣннаго ими въ Смутное время. Въ 1622 году великie государи указали: въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ, что дѣлалось до разоренья и въ разоренье, по кабаламъ въ долгахъ, которыя кабалы не подписаны больше пятнадцати лѣтъ и челобитья по нимъ не бывало, суда не давать. Для прекращенiя сутяжничества и волокиты, въ 1665 году велѣно было бирючамъ прокликать повсюду, чтобъ никто взаймы денегъ, хлѣба, подъ закладъ платья, лошадей и всякой рухляди, и никакой ссуды, безъ кабалъ и безъ памятей никому не давалъ и не ссужался. Въ 1617 году царь подтвердилъ постановленiе Грознаго — не мириться съ разбойниками: „Которые истцы съ разбойниками или съ приводными людьми съ поличнымъ, въ разбойныхъ дѣлахъ, не дожидаясь указа, станутъ мириться, и мировыя челобитныя въ приказъ приносить, то этотъ ихъ миръ не въ миръ ставить и разбойниковъ наказывать по государеву указу, кто чего доводится; а съ истцовъ за то пеню брать, смотря по дѣлу,—не мирись съ разбойниками". Но относительно убiйства въ ссорѣ по-прежнему, какъ и во времена Русской Правды, мировыя допускались; въ 1640 году черный попъ Никандръ помирился съ крестьянами Бѣлозерской Тунбажской волости,

[1]) Сказанiе извѣстно о вображенiи книгъ печатнаго дѣла; Собран. Синод. библ. № 850; Житiе Дiонисiя по рукоп. Синод. библ. № 416; о Ѳеофанѣ патрiархѣ—Сборникъ той же библiот. № 850; Акты арх. эксп. III, № 166, 329, 228, 166; Собр. гос. гр. и дог. III, № 77; Акты арх. эксп. III, № 176, 177, 197, 198, 226, 249, 258, 262, 264, 331; Дополн. къ акт. истор. II, № 64; Старинные акты, изд. Гарэлинымъ, № 8, 26, 27, 32; Акты истор. III, № 92, 113, 114, 137, 190; Воронежскie акты, II, № LXXIV; Собр. гос. грам. и дог. III, № 60; Полн. Собр. русск. лѣтоп. III, 188; Дѣла Греческiя 1613—1645 годовъ; Описанiе архива стар. дѣлъ, стр. 261.

убившими сына его, священника Луку: „Послѣ обѣдни у Николы Чудотворца учинился споръ у вдоваго попа, сына моего Луки, съ троими крестьянами Тунбажской волости, и одинъ изъ нихъ, Омросъ Семеновъ, сына моего зарѣзалъ до смерти; я было, старецъ Никандръ, пришелъ на разнимку, но тотъ Омросъ Семеновъ и меня ножемъ же рѣзалъ. Я его, Омроса, съ товарищами во всемъ простилъ, и впередъ мнѣ на нихъ не искать, въ головныхъ деньгахъ и похоронныхъ на нихъ государю не бить челомъ, кромѣ государевыхъ пенныхъ, а пени—что государь укажетъ, въ томъ его царская воля, и я, старецъ Никандръ, и съ своими дѣтьми, то все дѣло отдали Богу судить, въ чемъ я съ своими дѣтьми и мировую запись дали Омросу съ товарищами". Въ 1636 году въ Сольвычегодскѣ была любопытная мировая: посадскіе люди и волостные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія насильствами воеводы Головачева, написали одиначную запись, чтобъ другъ друга не выдавать, пошли всѣмъ міромъ къ воеводѣ и разграбили его, говоря: „Которыя-де мы деньги давали, тѣ и взяли": они хотѣли-было убить Головачева, но пріѣхали на воеводскій дворъ Андрей и Петръ Строгановы и помирили Головачева съ мірскими людьми,—написана была мировая, и мірскіе люди взяли у воеводы за миромъ триста рублей. Закрѣпленіе крестьянъ необходимо вызывало опредѣленіе, какъ поступать въ случаѣ убійства крестьянина, которое теперь прямо причиняло ущербъ землевладѣльцу. Въ 1625 году князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій докладывалъ боярамъ, и бояре приговорили: убьетъ боярскій человѣкъ боярскаго человѣка, и съ пытки станетъ говорить, что убилъ въ дракѣ, неумышленно или пьянымъ дѣломъ, то убійцу, высѣкши кнутомъ, выдать тому боярину, у кого убилъ человѣка, съ женою и дѣтьми, въ холопи, а жены и дѣтей убитаго у его боярина не отнимать. Если сынъ боярскій, или его сынъ, или племянникъ, или приказчикъ боярскій, дворянскій, или приказныхъ людей, или сына боярскаго приказчикъ убьетъ крестьянина, и съ пытки скажетъ, что убилъ неумышленно, то изъ его помѣстья взять лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми неотдѣленными и со всѣмъ имѣньемъ, и отдать въ крестьяне тому помѣщику, у кого крестьянина убили; жену и дѣтей убитаго крестьянина у помѣщика не отнимать, а убійцъ метать въ тюрьму до государева указа. Убьетъ крестьянинъ крестьянина до смерти и скажетъ, что неумышленно, то убійцу, высѣкши кнутомъ, выдать съ женою и дѣтьми помѣщику убитаго.

Подтверждено было и прежнее уложенье, ограничивавшее страшную свободу языка; подтвержденіе это показываетъ, что прежнее уложеніе не исполнялось: писалъ съ Костромы воевода, что сидитъ въ Костромѣ въ тюрьмѣ разбойникъ Васька Щербакъ шестой годъ; и тотъ старый тюремный сидѣлецъ говорилъ на людей вновь язычную молву, а въ первыхъ годахъ, какъ онъ поиманъ, съ первыхъ пытокъ на тѣхъ людей не говорилъ: и тѣ люди, на которыхъ языкъ говорилъ, били челомъ государю, что языкъ этотъ многихъ людей клеплетъ, и къ нимъ присылалъ, чтобъ они ему дали на хлѣбъ денегъ, а если не дадуть, то онъ на нихъ язычную молву выговоритъ. Воевода разспрашивалъ его и пыталъ, и языкъ признался, что этихъ людей онъ поклепалъ напрасно, иныхъ по недружбѣ, а другихъ за то, что не дали денегъ. Государь указалъ: не вѣрить язычнымъ молвамъ, если тюремные сидѣльцы, спустя долгое время, станутъ оговаривать когонибудь, на кого прежде ничего не говорили. Въ 1637 году приказано было, чтобъ воеводы по городамъ не сажали въ одну тюрьму съ уголовными преступниками людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, потому что „отъ того татямъ и разбойникамъ и оговорнымъ людямъ чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ": людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, велѣно держать за приставами. Въ томъ же году запрещено казнить смертію беременныхъ женщинъ, потому что „рожденное отъ преступницы не виновато"; а казнить—когда послѣ рожденія минетъ шесть недѣль. Смутное время имѣло то гибельное слѣдствіе, что пріучило русскихъ людей къ обманамъ, подстановкамъ самозванцевъ, заставило ихъ во всемъ сомнѣваться, во всемъ видѣть обманъ и подстановку. Указывали Русскому человѣку: вотъ царевичъ; а уже у него готово было возраженіе: „да настоящій ли это царевичъ?" Разумѣется, не нужно было обращать вниманія на такія сомнѣнія, которыя должны были пройти вмѣстѣ съ изглаженіемъ изъ памяти печальныхъ явленій Смутнаго времени. Но до такого взгляда возвыситься не умѣли, и русскій человѣкъ дорого долженъ былъ платиться за привычку сомнѣваться. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ долженъ вспомнить историкъ о лицѣ, которое поднялось выше современниковъ въ этомъ случаѣ. Буйный монахъ Хутынскаго монастыря, Тимоѳей Брюхановъ, подалъ доносъ на архимандрита своего Ѳеодорита въ непригожихъ рѣчахъ. Митрополитъ Аѳоній хотѣлъ затушить вздорное дѣло, но не успѣлъ; Ѳеодорита и нѣкоторыхъ другихъ взяли къ допросу, пытали накрѣпко и огнемъ жгли: не допытались и не дожглись ни до чего, и, несмотря на то, митрополиту торжественно, въ Софійскомъ соборѣ, при всемъ народѣ сдѣланъ былъ строгій выговоръ за неисполненіе святительской обязанности.

Относительно мѣръ общественной безопасности сдѣланы были слѣдующія распоряженія. Въ 1622 году черныхъ сотенъ сотскіе и черныхъ слободъ старосты подали челобитную: „Съ 1613 по 1622 годъ было съ насъ на земскомъ дворѣ тридцать человѣкъ ярыжныхъ, да три лошади; а въ нынѣшнемъ 1622 году взяли съ насъ къ тридцати человѣкамъ въ прибавку сорокъ пять человѣкъ ярыжныхъ; даемъ мы этимъ ярыжнымъ, да на три лошади въ мѣсяцъ по 60 рублей денегъ; но, кромѣ

этихъ денегъ, съ насъ же берутъ на земскій дворъ, для всякой пожарной рухляди, паруса, крюки, трубы мѣдныя, топоры, заступы, кирки, пешни, бочки и ведра. Кромѣ того, теперь правятъ съ насъ еще пятнадцать человѣкъ ярыжныхъ и три лошади, да со всяк го человѣка по трубѣ мѣдной; и намъ стало не въ силу, взять трубъ негдѣ, купить нечѣмъ, людишки всѣ бѣдные, молодшіе, и отъ такого тягла бредутъ розно". Государи указали: съ черныхъ сотенъ, и съ гостинной и суконной сотни быть сотнѣ ярыжныхъ, но лишнихъ лошадей брать необходимо для пожаровъ, зимою велѣть быть по четыре лошади, а трубъ больше прежняго не наметывать, дать имъ для пожарнаго времени по сотнямъ тридцать трубъ, держать на земскомъ дворѣ и приказать по сотнямъ накрѣпко: гдѣ случится пожаръ,—и у нихъ бы съ трубами были люди готовы тотчасъ, и людямъ велѣть смотрѣть для того, если уже взяли это на себя, то на пожары ходить не лѣнились бы. Но сотни ярыжныхъ оказалось недостаточно: въ 1629 году прибавлено было еще 100 человѣкъ; деньги велѣно давать имъ изъ государевой казны, изъ большаго приходу; велѣно устроить 50 парусовъ, по пяти саженъ и по четыре, на щиты взять 100 лубовъ и сдѣлать съ рукоятями; устроить телѣги и бочки изъ государевой казны—20 телѣгъ и 20 бочекъ извозчиковъ расписать по 20 человѣкъ въ ночь, а днемъ съѣзжать имъ для извозу; если же и днемъ случится пожаръ, то быть имъ на земскомъ дворѣ по 20 человѣкъ; въ Бѣломъ каменномъ городѣ и за городомъ, по большимъ улицамъ, сдѣлать большіе колодези съ десяти дворовъ по одному, для пожарнаго времени. Пожары попрежнему были страшные: въ 1626 году загорѣлось въ Китаѣ-городѣ, на Варварскомъ крестцѣ начали горѣть ряды, Покровскій соборъ, перекинуло въ Кремль, загорѣлись церкви въ монастыряхъ Чудовѣ и Вознесенскомъ, дворъ государевъ и патріаршій, въ приказахъ всякія дѣла погорѣли, такъ что государь послалъ писцовъ во всю Землю. Въ 1629 году загорѣлось въ Чертольи и выгорѣло по Тверскую улицу и за Бѣлымъ-городомъ погорѣли слободы; а потомъ загорѣлось на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Послѣ этого пожара черныя сотни били челомъ: „Ставятъ у насъ въ сотняхъ и слободахъ выходцевъ пановъ, Нѣмцевъ и всякихъ иноземцевъ, и Русскихъ людей: сибирскихъ и донскихъ и Круговой станицы казаковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые пріѣжаютъ изъ городовъ съ государевыми дѣлами и отписками, и городовыхъ писцовъ; а въ нынѣшнемъ году погорѣли Дмитровская, Новгородская, Ржевская, Ростовская, Устюжская и Чертольская сотни, и погорѣлые люди разведены по насъ же стоять, и изъ Бѣлаго-города всякихъ чиновъ торговые люди у насъ же поставлены; а намъ отъ этихъ стояльцевъ тѣснота великая". Государь пожаловалъ, велѣлъ погорѣлыхъ людей ставить также по дворцовымъ слободамъ. Въ 1633 и 1634 годахъ опять сильные пожары, вслѣдствіе которыхъ черныя сотни опять били челомъ: „Погорѣлыя сотни дворы свои съ тяглыми мѣстами закладываютъ дворянамъ и всякимъ людямъ мимо черныхъ тяглыхъ людей, въ большихъ закладахъ; на сотскихъ старостъ и сотенныхъ людей по этимъ закладнымъ бьютъ челомъ, чтобъ дворы и дворовыя мѣста выкупать сотнями, но имъ по такимъ большимъ закладамъ выкупать нельзя; и на этихъ дворахъ живутъ и на дворовыхъ мѣстахъ строятся всякихъ чиновъ люди, а тягла не тянутъ; тѣ же люди, которые закладываютъ, изъ сотенъ и изъ слободъ, изъ тягла бредутъ розно, отчего черныя сотни и слободы пустѣютъ, и впередъ государева тягла и податей взять будетъ не-съ-кого". Государь указалъ: кликать биричу по улицамъ и переулкамъ, чтобъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ дворяне, дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди у посадскихъ людей дворовъ и дворовыхъ мѣстъ не покупали и въ закладъ не брали.

Мы слышали на соборѣ сильныя жалобы на неудовлетворительное состояніе правосудія; какъ образчикъ понятій нѣкоторыхъ Русскихъ людей о современныхъ имъ дѣлопроизводителяхъ, приведемъ наказъ стольника Колонтаева слугѣ: „Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичъ скажетъ, то идти тебѣ къ дьяку Василію Сычину; пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подьячему Степкѣ Ремезову, и попроси его, чтобъ сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной да вина, а Степка жадущая рожа и пьяная". Мы видѣли, что въ царствованіе Михаила, вслѣдствіе разгрома и оскудѣнія посадскихъ, тяглыхъ людей, многіе изъ нихъ, избывая тяжкихъ повинностей, бѣгали и закладывались. Средствомъ избывать отъ повинностей для тяглыхъ людей грамотныхъ было также поступленіе въ подьячіе, должность выгодную, которая привлекала къ себѣ многихъ изъ духовнаго званія. Такимъ образомъ, уменьшалось число тяглыхъ людей, обогащавшихъ казну своими промыслами, и чрезмѣрно увеличивалось число подьячихъ, людей стремившихся жить и обогащаться на чужой счетъ, вредныхъ обществу и государству. Мы видѣли, какъ посадскіе люди жаловались на такое ненужное увеличеніе числа подьячихъ, поступавшихъ въ это званіе изъ посадскихъ же тяглыхъ людей. Поэтому неудивительно, что въ концѣ 1640 г. царь Михаилъ указалъ: во всѣ приказы послать памяти, чтобъ поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, гостинной

и суконной сотенъ, торговыхъ и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ и пашенныхъ людей и дѣтей ихъ въ подъячіе не принимали [1]).

Относительно народнаго права руководились прежними понятіями и обычаями; но важною новостію было появленіе резидентовъ; должно замѣтить, что стѣсненныя обстоятельства, въ которыхъ находилось Московское государство въ описываемое время, заставляли прибѣгать къ подкупамъ уполномоченныхъ и вообще сильныхъ людей при Дворахъ иностранныхъ.

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи въ сношеніяхъ съ чуждыми народами и ихъ представителями, пріѣзжавшими въ Москву. Но допущеніе все бóльшаго и бóльшаго количества иностранцевъ внутрь государства, явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемое признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ,—предвѣщали скорый переворотъ въ жизни русскаго общества, скорое сближеніе съ Западною Европою. При царѣ Михаилѣ вызывали изъ-за границы не однихъ ратныхъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ:—понадобились люди ученые, и,въ 1639 году,дана была опасная грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому Голштинцу, Адаму Олеарію. „Вѣдомо намъ учинилось“, говоритъ царь въ грамотѣ, „что ты гораздо наученъ и навыченъ въ астроломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ“. По государеву указу, въ 1637 г. переведена была съ латинскаго полная Космографія Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ. Съ одной стороны въ наукѣ нуждалось государство для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны—нуждалась въ наукѣ Церковь для охраненія чистоты своего ученія отъ людей подобныхъ Логину и Филарету: и вотъ патріархъ Филаретъ заводитъ въ Чудовѣ монастырѣ Греко-Латинское училище, которе поручено было уже извѣстному намъ исправителю книгъ, Арсенію Глухому. Надобно было спѣшить просвѣщеніемъ, ибо необходимое сближеніе съ иностранцами, признаніе ихъ превосходства вело нѣкоторыхъ къ презрѣнію своего и своихъ; узнавши чужое и признавши его достоинство, начинали уже тяготиться своимъ, старались освободиться отъ него. Мы видѣли, что Русскіе люди, посланные Годуновымъ за-границу, не возвратились въ отечество; но и внутри Россіи въ описываемое время русскій человѣкъ рѣшился высказать рѣзко недовольство своимъ старымъ и стремленіе къ новому, чужому. Около 1632 года сказанъ былъ такой указъ отъ великихъ государей князю Ивану Хворостинину: „Князь Иванъ! извѣстно всѣмъ людямъ Московскаго государства, какъ ты былъ при Разстригѣ въ приближеніи, то впалъ въ ересь и въ вѣрѣ пошатнулся, православную вѣру хулилъ, постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ, и при царѣ Василіи Ивановичѣ былъ за то сосланъ подъ началъ въ Іосифовъ монастырь; послѣ того, при государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, опять началъ приставать къ польскимъ и литовскимъ попамъ и Полякамъ, и въ вѣрѣ съ ними соединился, книги и образа ихъ письма у нихъ принималъ и держалъ у себя въ чести. Эти образа и письмо у тебя вынуты, да и самъ ты сказалъ, что образа римскаго письма почиталъ наравнѣ съ образами греческаго письма. Тутъ тебя, по государевой милости, пощадили, наказанья тебѣ не было никакого, только заказъ сдѣланъ былъ тебѣ крѣпкій, чтобъ ты съ еретиками не знался, ереси ихъ не перенималъ, латинскихъ образовъ и книгъ у себя не держалъ. Но ты все это забылъ, началъ жить не по-христіански и впадать въ ересь, опять у тебя вынуто много образовъ латинскаго письма и много книгъ латинскихъ, еретическихъ. Многія о православной вѣрѣ и о людяхъ Московскаго государства непригожія и хульныя слова въ собственноручныхъ письмахъ твоихъ объявились; въ жизни твоей многое къ христіанской вѣрѣ неисправленье и къ измѣнѣ шатость также объявились подлинными свидѣтельствами: ты людямъ своимъ не велѣлъ ходить въ церковь, а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не-для-чего и воскресенье мертвыхъ не будетъ; про христіанскую вѣру и про Святыхъ угодниковъ Божіихъ говорилъ хульныя слова; жить началъ не по христіанскимъ обычаямъ, безпрестанно пить; въ 1622 году всю Страстную недѣлю пилъ безъ просыпу, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья былъ пьянъ и до свѣта за два часа ѣлъ мясное кушанье и пилъ вино прежде Пасхи, къ государю на праздникъ Свѣтлаго Воскресенья не поѣхалъ, къ заутрени и къ обѣдни не пошелъ. Да ты же промышлялъ, какъ бы тебѣ отъѣхать въ Литву, дворъ свой и вотчины продавалъ, и говорилъ, чтобъ тебѣ нарядиться по-гусарски и ѣхать на съѣздъ съ послами; посылалъ ты памяти къ Тимохѣ Луговскому и Михайлѣ Данилову, чтобъ тебя съ береговой службы переписали на съѣздъ съ литовскими послами Да ты же говорилъ въ разговорахъ, будто на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить тебѣ не-съ-кѣмъ, чтобъ тебя государь отпустилъ въ Римъ или въ Литву: ясно, что ты замышлялъ измѣну и хотѣлъ отъѣхать въ Литву; Если бы ты въ Литву ѣхать не мыслилъ, то зачѣмъ, было тебѣ дворъ свой и вотчины продавать и съ береговой службы переписываться на литовскій съѣздъ? Да у тебя же въ книжкахъ твоего сочиненія найдены многія укоризны всякимъ людямъ Московскаго государства, будто московскій народъ

---

[1]) Собр. гос. грам. и дог. III, № 106; Акты истор. III, № 67, 92, 168, 214; Дополн. къ акт. истор. II, № 70; Акты арх. эксп. III, № 272, Максимовича—Указатель Рос. зак. I, 147; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 338, 342; Москвитян. 1852 года, № 1; Разрядн. архивъ, столбцы Приказнаго стола, связка 1245; Архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла, св. 84.

кланяется Св. иконамъ по подписи, хотя и не прямой образъ; а который образъ написанъ хотя и прямо, а не подписанъ, тѣмъ не кланяются; да будто московскіе же люди сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, пріобщенья тебѣ съ ними нѣтъ никакого, и иныя многія укоризненныя слова писаны на виршъ (стихами). Ясно, что ты такія слова говорилъ и писалъ гордостію и безмѣрствомъ своимъ, по разуму ты себѣ въ версту никого не поставилъ, и этимъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостію всѣхъ людей Московскаго государства и родителей своихъ обезчестилъ. Да въ твоемъ же письмѣ написано государево именованье не по достоинству: государь названъ деспотомъ русскимъ; но деспота слыветъ греческою рѣчью—владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ, а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, московскій природный человѣкъ, и тебѣ такъ про государское именованье писать было не пристойно. За это довелось-было тебѣ учинить наказанье великое, потому что поползновеніе твое въ вѣрѣ не впервые и вины твои сыскивались многія; но по государской милости за то тебѣ наказанья не учинено никакого, а для исправленья твоего въ вѣрѣ посыланъ ты былъ подъ началъ въ Кирилловъ монастырь, въ вѣрѣ истязанъ, и далъ обѣщанье и клятву, что тебѣ впередъ православную вѣру, въ которой родился и выросъ, исполнять и держать во всемъ непоколебимо, Латинской и никакой ереси не принимать, образовъ и книгъ латинскихъ не держать и въ еретическія ученья не впадать И государи, по своему милосердому нраву, милость надъ тобою показали, изъ Кириллова монастыря велѣли взять тебя къ Москвѣ и велѣли тебѣ видѣть свои государскія очи и быть въ дворянахъ по-прежнему“.

Образцомъ учености Московскихъ грамотѣевъ описываемаго времени можетъ служить споръ по поводу катихизиса Лаврентія Зизанія. Лаврентій Зизаній Тустановскій, протопопъ Корецкій, въ февралѣ 1627 года привезъ въ Москву книгу свою „О г л а ш е н і е“ и билъ челомъ патріарху Филарету, чтобъ ее исправить. Патріархъ началъ исправленіе измѣненіемъ заглавія книги: вмѣсто Оглашенія онъ назвалъ ее „Бесѣдословіе“, на томъ основаніи, что подъ именемъ Оглашенія уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть нелѣпо; о другихъ статьяхъ, которыя найдены несходными съ русскими и греческими переводами, патріархъ велѣлъ поговорить съ Зизаніемъ Богоявленскому игумену Ильѣ да Гришкѣ, отъ книжныя справки (справщику типографіи), говорить велѣно любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава. Разговоръ происходилъ на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, передъ государевымъ бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ и думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ. Между прочимъ, Илья и Гришка говорили Зизанію: „У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: но эти статьи взяты изъ книги Астрологіи, а эта книга Астрологія взята отъ Волхвовъ Еллинскихъ и отъ идолослужителей, а потому къ нашему православію не сходна“. *Зизаній:* „Почему же не сходна? Я и не написалъ колеса счастія и рожденія человѣческаго; не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашею жизнію, а написалъ только для знанія: пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія“. *Илья* и *Гришка:* „Да зачѣмъ писалъ для знанія? Зачѣмъ же изъ книги Астрологіи ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ, а иныя рѣчи отъ своего умышленія прилагалъ и неправильно объявлялъ?“ *Зизаній:* „Что же я неправильно объявлялъ; какія ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ?“ *Илья* и *Гришка:* „А развѣ это правда, говоришь: облака, надувшись, сходятся и ударяются и отъ того бываетъ громъ, и звѣзды называешь животными звѣрями, что на тверди небесной!“ *Зизаній:* „Да какъ же по вашему писать о звѣздахъ?“ *Илья* и *Гришка*: „Мы пишемъ и вѣруемъ какъ Моисей написалъ: сотворилъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью, а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ“. *Зизаній:* „Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?“ *Илья* и *Гришка:* „По повелѣнію Божію, Ангелы служатъ, тварь водя“. *Зизаній:* „Воленъ Богъ да государь святѣйшій киръ-Филаретъ патріархъ, я ему о томъ и бить челомъ пріѣхалъ, чтобъ мнѣ недоумѣніе мое исправилъ, я и самъ знаю, что въ книгѣ моей много недѣльнаго написано“. *Илья* и *Гришка:* „Прилагаешь новый вводъ въ Никифоровы правила, чего въ нихъ не бывало; намъ кажется, что этотъ вводъ у тебя отъ латинскаго обычая; сказываешь, что простому человѣку или иному можно младенца или какого человѣка крестить“. *Зизаній:* „Да это есть въ Никифоровыхъ правилахъ“. *Илья* и *Гришка:* „У насъ въ греческихъ Никифоровыхъ правилахъ нѣтъ, развѣ у васъ вновь введено, а мы такихъ новыхъ вводовъ не принимаемъ“. *Зизаній:* „Да гдѣ же у васъ взялись Греческія правила?“ *Илья* и *Гришка:* „Кипріанъ митрополитъ когда пришелъ изъ Константинограда на Русскую митрополію, то привезъ съ собою правильныя книги христіанскаго закона, Греческаго языка, правила, и перевелъ на Славянскій языкъ; Божіею милостію они пребываютъ и до сихъ поръ безо всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги Греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а которыя теперь къ намъ выходятъ печатныя книги Греческаго языка, то мы ихъ принимаемъ и любимъ, если онѣ сойдутся съ старыми переводами, а если въ нихъ есть какія-нибудь новизны, то мы ихъ не принимаемъ, хотя онѣ и Греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки теперь живутъ въ великихъ тѣснотахъ, въ невѣрныхъ странахъ, и печатать имъ по своему обычаю невозможно“. *Зизаній:* „И мы новыхъ переводовъ Греческаго языка книгъ не прини-

маемъ же; я думалъ, что въ Никифоровыхъ правилахъ въ самомъ дѣлѣ написано, а теперь слышу, что у васъ этого нѣтъ, такъ и я не принимаю; простите меня Бога ради, я для того сюда и пріѣхалъ, чтобъ мнѣ отъ васъ здѣсь лучшую науку принять". *Илья* и *Гришка:* „Скажи намъ, что еще съ нами объ этой книгѣ хочешь говорить?" *Зизаній:* „Всегда радъ я съ вами бесѣдовать, а книгу государскаго жалованья я всю прочелъ, прилежно трудился при васъ и безъ васъ, и много просвѣщенія душѣ своей пріобрѣлъ. Дивлюсь великой премудрости православнаго государя патріарха: какой разумъ, какой смыслъ, какую великую богодарованную премудрость имѣетъ въ себѣ! Какъ онъ, государь, такую большую книгу въ такое малое время сочинилъ! Воистину Богъ дѣйствуетъ въ немъ". При этихъ словахъ Зизаній началъ прижимать книгу къ груди и любезно всюду ее цѣловать. Разговоръ этотъ описанъ Гришкою справщикомъ.

Самымъ плодовитымъ писателемъ Михаилова царствованія былъ князь Семенъ Шаховской. Онъ писалъ и лѣтописи, и похвальныя слова Святымъ, и каноны, и разныя посланія. Потерявши три жены одну за другою, онъ женился въ четвертый разъ, но его развели; тутъ онъ написалъ два умильныя посланія,—одно къ патріарху Филарету, другое—къ Тобольскому архіепископу Кипріану, съ просьбою, чтобъ позволили ему опять жить съ женою, выставляя свою молодость, невозможность жить безъ жены. Въ числѣ его сочиненій находится длинное письмо къ шаху Аббасу отъ имени патріарха Филарета: въ письмѣ этомъ авторъ увѣщеваетъ шаха креститься, но не принимать христіанства отъ папы, ибо, какъ пронесся слухъ, шахъ принялъ къ себѣ ксендза. Многоглаголивый тамъ, гдѣ вовсе это не нужно, Шаховскій до крайности краткокъ въ томъ сочиненіи своемъ, которое при большихъ подробностяхъ одно могло бы имѣть для насъ важное значеніе, именно—въ своихъ запискахъ. Шаховской былъ начетчикъ, грамотѣй, владѣлъ книжнымъ языкомъ, писалъ и виршами, но внутреннихъ достоинствъ сочиненія его не представляютъ никакихъ: они страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, какимъ страдаетъ вообще наша древняя литература съ XVI вѣка преимущественно—стараніемъ выражаться какъ можно красивѣе, кудреватѣе, подбирая слова и фразы, за отсутствіемъ мыслей [1]).

Этимъ недостаткомъ страдаютъ и нѣкоторыя лѣтописи. Такъ, не чужда ему офиціальная лѣтопись Смутнаго времени, составленная при царѣ Михаилѣ и изданная подъ именемъ Рукописи Филарета, патріарха Московскаго. Эта лѣтопись важна для насъ въ томъ отношеніи, что она черновая, съ помарками: изъ нея мы можемъ видѣть, какія извѣстія о Смутномъ времени хотѣли сохранить въ офиціальной лѣтописи, составлявшейся въ Михаилово царствованіе, и какія считали нужнымъ уничтожить, какія наконецъ особенно хотѣли распространить и изукрасить. Въ избраніи Шуйскаго первоначально было написано такъ: „Мая 19 день пріидоша на Крайнево мѣсто, глаголемое Лобное, весь синклитъ царскаго величества, митрополиты и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, и собрашася весь народъ отъ мала же и даже до велика, и нача глаголати о томъ, дабы разослати грамоты во всѣ окрестные грады Московскаго государствія, чтобы изо всѣхъ градовъ съезжались въ царствующій градъ Москву вси народи для ради царсково обиранія и да быша избрали въ соборную апостольскую церковь патріарха, кого Богъ благословитъ. Народи же отвѣщаху: „Напередъ же патріарха да изберетца царь на царство, и потомъ патріаршское избраніе произвольно будетъ имъ великимъ государемъ; власти же, боляра-жъ и ту стояшіе людіе начаша глаголати между собою: яко имъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ избави Богъ люди отъ прелести вражія и богопроклятаго онаго еретика разстриги, ему же нынѣ подобаетъ и царьскій престолъ воспріяти. Сіяжъ слышавше и народи вси воздвигаша гласы свои, да будетъ надъ ними надо всѣми сій князь Василей Ивановичъ, утверждаютъ крѣпце совѣтъ сей и нарекоша его государемъ себѣ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи". Это извѣстіе показалось не довольно изукрашеннымъ; почли нужнымъ вложить въ уста народа болѣе витіеватую рѣчь, и потому послѣ словъ: „Народи же отвѣщаху" зачеркнуто и внесена другая рѣчь народа: „Яко напреди да изберется самодержавный царь, иже можетъ наше сокрушеніе исцѣлити и раны обезати, нанесенныя богопопустною язвою неблагочестнаго еретика и зловоннаго вепря, ижъ озоба виноградъ Богомъ насажденный. И сего аще Господь царя открыетъ намъ, якожъ древле Саула Израилю, и той убо да изведетъ патріарха пастыря Богомъ спабдимой церкви. И угодно бысть сіе слово и начаша глаголати: яко убо обличитель и посрамитель нечестиваго богопротивника Гришки Отрепьева бысть благородный князь Василей Ивановичъ Шуйскій, иже и до смерти мало не пострада отъ плотояднаго того медвѣдя, и за избавленіе Россійскаго народа живота своего не пощадѣ; еще же и отрасль благороднаго корени царскаго изчадія великихъ государей Россійскихъ; и сего ради, многаго ради мужества и благородія, да врученно будетъ ему царьствія Россійскаго скипетродержаніе. И егда услышась сіе рѣченіе въ собравшемся народѣ, абіе вси народи предстоящіи ту, яко по нѣкоему благовѣщенію или съ небесе шумящу, или отъ земли возглашающу, воздвигоша гласы своя великими жрѣлы, яко аще реши и земли противу возглашати, бѣ бо собранныхъ всѣхъ безчисленное сочетаніе и мѣсто необрѣташесь имъ, всѣжъ единогласно глаголюще:

[1]) Собр. гос. грам. и дог. III, № 110, 90; Акты арх. эксп. III, № 147, 149; Сборникъ Синод. библ. № 623; Москов. Вѣстникъ 1830 года; Архивъ Мин. Ин. Д.; Приказн. Дѣла, св. 88.

„да будетъ царьствуя надъ нами царь и великій князь Василей Ивановичь, иже избавивый насъ отъ належащія пагубы свирѣпаго еретика Гришки Отрепьева". И такъ всѣмъ совѣтомъ избраше на Россійское самодержавство благочестиваго царя Василія".

Послѣ извѣстія о вступленіи князя Скопина-Шуйскаго въ Москву первоначально были помѣщены слова: „Царь же Василей наполнися зависти и гнѣва и не возлюби его за сію бывшую побѣду, якожъ и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіяѳа, и поюще Саулу въ тысящахъ, а Давыду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичу побѣдную пѣснь приношаху и о избавленіи своемъ радовахуся. Оле зависти и рвенію, въ колико нечестіе и погибель поревает̃ъ душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и безконечному мученію предаетъ". Это мѣсто зачеркнуто.

Кромѣ этой оффиціальной лѣтописи, дошли до насъ другія лѣтописи, сказанія и хронографы, заключающіе въ себѣ извѣстія о Смутномъ времени; большая часть этихъ лѣтописей составлена въ царствованіе Михаила, и потому теперь время обратиться къ нимъ, посмотрѣть, какъ въ первой половинѣ XVII вѣка, тотчасъ послѣ смутъ, высказалось въ тогдашней исторической литературѣ сознаніе объ этихъ великихъ и страшныхъ событіяхъ. Прежде всего, разумѣется, мы должны обратиться къ вопросу, какъ представлялись причины Смутнаго времени?

При разсматриваніи общаго характера нашей лѣтописи мы замѣтили, что лѣтописцы смотрятъ на всѣ народныя бѣдствія какъ на Божіе наказаніе за грѣхи народа [1]). Этотъ взглядъ не измѣнился и въ описываемое время, особенно у лѣтописцевъ, принадлежавшихъ къ духовному званію. Вотъ почему самозванцы и смуты, ими произведенныя, являются какъ Божіе наказаніе за грѣхи, какъ слѣдствіе нравственнаго паденія жителей Московскаго государства: „Премилостивый и премудрый человѣколюбецъ Богъ нашъ, не хотя созданія своего до конца потребить, видя человѣческое поползновеніе ко грѣху, всячески отвращая насъ и отводя отъ всякихъ неподобныхъ студодѣяній, многія и различныя бѣды и напасти посылаетъ на насъ грозными знаменіями, яростно устрашая насъ и запрещая намъ съ милостивымъ наказаніемъ; были на насъ бѣды многія, пожары, нашествія иноплеменниковъ, голода, смертоносныя язвы и междоусобное нестроеніе; потомъ всѣхъ бѣдъ намъ горчайшее—прекратилъ Богъ у насъ царскій корень. Мы же грѣшные это наказаніе Божіе ни во что вмѣняли, и болѣе еще къ своимъ злымъ дѣламъ уклонились, къ зависти, гордости, отъ неправды не отстали, но на большую пагубу поострились. Богъ же, видя наше неисправленіе, навелъ ради грѣховъ нашихъ сугубое наказаніе: какъ въ древности навелъ Богъ окаяннаго Святополка на Русскую Землю, на убійство братіи его, такъ и на нашу православную христіанскую вѣру, на Московское государство навелъ этого окаяннаго Гришку; не хотѣлъ Богъ насъ наказать ни царями, ни королями, не хотѣлъ отомстить за праведную кровь царевича Димитрія никакими ордами, но взялъ въ Русской Землѣ прахъ отъ земли—этого окаяннаго чернеца Гришку" [2]). Здѣсь выставляются общіе грѣхи всей земли; Борисъ Годуновъ не выдѣляется, не выставляется какъ грѣшникъ, по преимуществу навлекшій своими дурными дѣлами бѣдствія на родную Землю, и убіеніе царевича Димитрія выставляется какъ общій земскій грѣхъ. Здѣсь слѣдовательно мы имѣемъ дѣло съ общелѣтописнымъ представленіемъ, которое не занимается ближайшею связью между явленіями, не занимается разсматриваніемъ того: какъ, по закону Вѣчной Правды, въ грѣхѣ, въ дурномъ дѣлѣ уже заключаются гибельныя его слѣдствія, заключается наказаніе; какъ въ обществѣ, способномъ сносить неправду, дѣятели стараются достигать своихъ цѣлей путями неправыми, и этимъ самымъ еще болѣе развращаютъ общество; какъ въ обществѣ, допустившемъ неправду, встаетъ смута, смѣшеніе чистаго съ нечистымъ и клятвы съ благословеніемъ. Общелѣтописному воззрѣнію вѣренъ и знаменитый Авраамій Палицынъ; но у него подлѣ народа, казнимаго за нравственное паденіе, является на первомъ планѣ Годуновъ, котораго безнравственныя мѣры, распоряженія и нововведенія возбуждаютъ всеобщую ненависть и способствуютъ нравственному паденію народа [3]); у Палицына встрѣчаемъ указаніе и на причину смуты въ неправильномъ отношеніи сословій, встрѣчаемъ указаніе на характеръ народонаселенія преждепогибшей Украйны. Палицынъ, выставивши сильное участіе Годунова въ нравственномъ паденіи народа, которое вызвало наказаніе Божіе, сводитъ согласно съ прежде приведеннымъ лѣтописцемъ, играя противоположностью могущества Борисова и тѣмъ орудіемъ, которымъ было разрушено это могущество: „Много и другого зла въ насъ дѣлалось, и когда мы увѣрились въ спокойствіи и твердости управленія Борисова, тогда внезапно пришло на насъ всегубительство: не попустилъ Богъ никого отъ тѣхъ, которыхъ остерегался царь Борисъ, не всталъ на него никто отъ вельможъ, которыхъ роды онъ погубилъ, ни отъ царей чужеземныхъ; но кого попустилъ?—смѣху достойно сказаніе, плача же великаго дѣло было"! Наконецъ извѣстный намъ хронографъ причину гибели Борисовой и начало смутъ прямо указываетъ въ отношеніяхъ Бориса къ вельможамъ, которыхъ онъ ожесточилъ [4]). Итакъ, въ исторической литературѣ нашей XVII вѣка сталкиваются три воззрѣнія на причины Смутнаго времени: воззрѣніе, что народъ былъ наказанъ за грѣхи безъ выдѣле-

[1]) Исторія Россіи, III, 798.

[2]) Лѣтоп. о мятеж., стр. 73.

[3]) Палицына—Сказаніе, стр. 20, 14.

[4]) Исторія Россіи, VIII, 738.

нія личностей, особенно грѣховныхъ; то же воззрѣніе съ указаніемъ на такую личность; наконецъ воззрѣніе, ограничивающееся одними личными отношеніями, — отношеніями Годунова къ вельможамъ.

Всѣ извѣстія приписываютъ смерть царевича Димитрія Годунову; но потомъ, приступая къ описанію Смутнаго времени, нѣкоторые лѣтописцы, какъ мы видѣли, не выставляютъ Годунова главнымъ виновникомъ бѣдствія: его грѣхъ сливается съ массою грѣховъ народныхъ. Одинъ Палицынъ, говоря о смерти царевича Димитрія, старается какъ бы ослабить степень участія въ ней Годунова раздѣленіемъ этого участія между другими лицами и указаніемъ причины преступленія не въ властолюбіи Годунова, но въ той опасности, которая грозила и Годунову, и другимъ отъ Димитрія: „Царевичъ Димитрій, приходя въ возрастъ, смущается отъ ближнихъ своихъ, которые указываютъ ему, какъ онъ обиженъ чрезъ удаленіе отъ брата; царевичъ печалится, и часто въ дѣтскихъ играхъ говоритъ и дѣйствуетъ противъ ближнихъ брата своего, особенно же противъ Бориса. Враги, ласкатели, великимъ бѣдамъ замышленники, вдесятеро преувеличивая, разказываютъ объ этомъ вельможамъ, особенно Борису, и отъ многія смуты ко грѣху его низводятъ, краснѣйшаго юношу насильно отсылаютъ въ вѣчный покой“. Этотъ взглядъ на дѣло тѣмъ важнѣе для насъ, что Палицынъ въ другомъ мѣстѣ очень неблагосклонно отзывается о Борисѣ, приписывая ему порчу нравовъ и вредныя нововведенія. Самыми сильными выходками противъ Бориса отличается авторъ сказанія о Смутномъ времени; онъ въ то же самое время обличаетъ въ себѣ ревностнаго приверженца Шуйскаго [1]), и, такимъ образомъ, указываетъ источникъ ненависти своей къ Годунову, который у него является убійцею Димитрія, убійцею царя Ѳеодора и многихъ другихъ, похищающихъ царство лукавствомъ и неправдою: появленіе самозванца есть прямо наказаніе Божіе Годунову за его вопіющія преступленія: „Видѣвъ же это, всевидящее недреманное око — Христосъ, что неправдою восхитилъ Борисъ скипетръ Россійской области, восхотѣлъ ему отомстить пролитіе неповинной крови новыхъ своихъ страстотерпцевъ, царевича Димитрія и царя Ѳеодора Іоанновича и прочихъ неповинно отъ него убіенныхъ, неистовство его и злоубійство неправедное обличить и прочимъ его радѣтелямъ образъ показать, чтобъ не ревновали его лукавой суровости; попустилъ на него врага, главню, оставшуюся отъ Содома и Гомора или непогребеннаго мертвеца, чернеца, ибо чернецъ, по слову Іоанна Лѣствичника, прежде смерти умеръ, обрѣтши себѣ келію вмѣсто гроба“. Это сказаніе отличается особеннымъ красноглаголаніемъ; таково, напримѣръ, описаніе двухъ битвъ Борисовыхъ воеводъ съ самозванцемъ; описаніе первой: „Войско съ войскомъ скоро сходится; какъ двѣ тучи наводнившись темны бываютъ къ пролитію дождя на землю, такъ и эти два войска сходятся между собою на пролитіе крови человѣческой; какъ громъ не въ небесныхъ, а въ земныхъ тучахъ пищальный стукъ; былъ вопль и шумъ отъ голосовъ человѣческихъ и оружный трескъ такой, что земля тряслась, и нельзя было разслышать, что одинъ говорилъ другому; брань была престрашная, какъ на Дону у великаго князя Димитрія съ Мамаемъ“. Очевиденъ образецъ краснорѣчія, который имѣлъ передъ глазами нашъ авторъ, — Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Описаніе второй битвы: „Какъ ясные соколы на сѣрыхъ утятъ, или бѣлые кречеты носы чистятъ ко клеванію и остры когти къ вонзенію въ плоть, крылья расправляютъ и плечи натягиваютъ убійству птичному, — такъ воеводы, поборники православной христіанской вѣры, съ христолюбивымъ своимъ войскомъ противъ сатанина угодника и бѣсовозлюбленнаго его воинства въ брони облачаются“ и проч.

Къ Борису нѣкоторые лѣтописцы равнодушны, другіе съ восторгомъ отзываются о его достоинствахъ, хотя и указываютъ на недостатки, бывшіе причиною его погибели; нѣкоторые, писавшіе очевидно подъ вліяніемъ духа партіи, сильно чернятъ его память. Вообще лѣтописцы снисходительнѣе къ Шуйскому, хотя большинство изъ нихъ смотритъ на него какъ на человѣка, поторопившагося взять въ свои руки верховную власть и оказавшагося неспособнымъ удержать ее; нѣкоторые впрочемъ безусловно превозносятъ его. Но относительно Лжедимитрія всѣ отзывы согласны не въ пользу его. Это явленіе понятно: никто не сочувствуетъ палачу, потому только, что онъ исполнитель справедливаго приговора надъ преступникомъ; не могли сочувствовать и предки наши орудію кары небесной за грѣхи цѣлаго народа или одного Годунова; и люди, коснувшіеся (впрочемъ очень слегка, очень боязливо) вопроса о подстановкѣ, не раздѣляя общаго мнѣнія о сверхъестественныхъ причинахъ появленія Лжедимитрія, могли не сочувствовать его личности и поступкамъ, уже не говоря о томъ, что не хотѣли высказывать этого сочувствія. Большинство, какъ проговорился Палицынъ, любило Лжедимитрія; но люди изъ большинства обыкновенно не записываютъ своихъ мнѣній; притомъ же большинство было напугано страшными словами, страшными отзывами, которые повторялись людьми имѣющими высшій авторитетъ, людьми знающими, разумными; а большинство, особенно въ то время, было болѣе всего способно повѣрить этимъ отзывамъ и напугаться ими, вслѣдствіе чего могло даже возненавидѣть прежняго любимца, когда было объявлено и утверждено, что онъ былъ еретикъ и чернокнижникъ. Откуда же взялось это представленіе о еретичествѣ Лжедимитрія? Ежедневный опытъ учитъ насъ, что люди, не получившіе посредствомъ образованія, по-

[1]) Иное сказаніе о Самозванцахъ, во Временникѣ Истор. общест., кн. 16.

средствомъ науки, привычки идти на-встрѣчу явленіямъ новымъ, непонятнымъ, вступать съ ними въ борьбу и наконецъ одолѣвать ихъ, какъ древняго сфинкса разгадкою ихъ загадокъ,—такіе люди всякое явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, приписываютъ дѣйствію таинственныхъ, сверхъестественныхъ силъ; кромѣ уже того, что самозванецъ являлся орудіемъ врага рода человѣческаго, какъ виновникъ смутъ и бѣдствій, онъ являлся такимъ еще какъ другъ иновѣрцевъ, какъ вводитель чуждыхъ обычаевъ, какъ человѣкъ, несообразовавшійся съ принятыми, освященными уставами и обычаями. Слово ересь въ то время имѣло обширнѣйшее и часто превратное значеніе, ибо значеніе религіозное, вѣчное, неизмѣняемое, божественное придаваемо было и тому, что не имѣло ничего общаго съ нимъ, придаваемо было формѣ, внѣшнему, измѣняемому: то, что въ самомъ дѣлѣ было ересью, какое-нибудь неправильное, нелѣпое толкованіе мѣста Св. Писанія, основанное на непонятномъ, искаженномъ мѣстѣ церковнаго писателя, не казалось ересью; но страшною ересью являлось нарушеніе принятаго, освященнаго древностію обычая: оно производило могущественное, тяжелое впечатлѣніе, нарушало весь строй жизни, не давало покоя, порывало священную связь съ отцами умершими, являлось грѣховнымъ возстаніемъ противъ ихъ памяти, противъ ихъ жизни. При отсутствіи духовнаго простора, при господствѣ внѣшняго, формы, при неразвитости духовныхъ, настоящихъ, самыхъ крѣпкихъ основъ народности, однообразіе, сходство внѣшняго, формы,—служили единственною связью между членами общества, членами народа. Эта неразвитость внутренней, духовной народной связи, неразвитость народности вообще, производила то, что человѣкъ, порвавшій внѣшнюю связь съ своимъ народомъ, разрывалъ съ нимъ окончательно; такъ окончательно разорвали съ отечествомъ тѣ молодые люди, которые были отправлены при Годуновѣ за-границу. Князь Хворостининъ также не хотѣлъ оставаться въ Россіи; слышали мы и опасенія князя Ивана Голицына: „Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести,—одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ лучшихъ людей, не только-что боярскихъ людей, останется кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ". Понятно, слѣдовательно, почему общество преслѣдовало всякое нарушеніе отцовскаго обычая, какъ измѣну; и такъ какъ внѣшнее, формы, имѣли религіозное значеніе, а Русскій народъ своимъ вѣроисповѣданіемъ разнился отъ другихъ европейскихъ народовъ; отдѣлить же сознательно правды своего вѣроисповѣданія отъ внѣшняго, формъ,—не могъ, не могъ понять, что православіе не имѣетъ ничего общаго съ бородою, употребленіемъ телятины въ пищу и т. п.,—то всякое измѣненіе своего внѣшняго, измѣняемаго, на чужое внѣшнее, измѣняемое же,—считалось измѣненіемъ основнаго, существеннаго, религіознаго, считалось необходимо ересью, грѣхомъ. Да и дѣйствительно, какъ мы видѣли, люди, измѣнявшіе внѣшнее, однимъ этимъ не ограничивались опять по недостатку сознанія объ отдѣльности внѣшняго отъ внутренняго, существеннаго отъ не существеннаго, по привычкѣ все это смѣшивать. Русскій человѣкъ, выѣхавшій за-границу, одѣвшись въ иностранное платье, принявши чужіе обычаи, измѣнялъ съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣрѣ отеческой, ибо о вѣрѣ этой онъ яснаго понятія не имѣлъ:—она въ его представленіи неразрывно была соединена съ обычаями, внѣшностями, отъ которыхъ онъ отказался, и, вслѣдствіе этой-то неразрывной связи, отказавшись отъ одного,—онъ не могъ не отказаться отъ другого.

Такимъ образомъ объясняется намъ, почему Лжедимитрій является въ современныхъ литературныхъ памятникахъ какъ еретикъ и чернокнижникъ, орудіе темной, адской силы: онъ измѣнилъ древнимъ обычаямъ, окружилъ себя чужими, иновѣрцами, еретиками, хвалилъ чужое, смѣялся надъ своимъ; онъ явился слишкомъ рано еще,—именно столѣтіемъ раньше. Люди, которые могли не оскорбиться его поведеніемъ, не составляли въ это время даже и меньшинства,—они составляли исключеніе; притомъ же впослѣдствіи открыли, что онъ былъ самозванецъ, обманщикъ, обольститель, слѣдовательно необходимо орудіе духа лжи и обольщенія; наконецъ явился невѣдомо какъ, достигнулъ царства изумительными, чудесными для большинства средствами. Самъ Палицынъ, безспорно разумнѣйшій изъ тогдашнихъ грамотѣевъ, говоритъ, что Лжедимитрій былъ чернокнижникъ, еще въ молодости навыкшій чернокнижію. Впрочемъ, свидѣтельство о чернокнижіи Лжедимитрія можно принимать и буквально: при умственной неразвитости людей того времени, таинственныя знанія, книги, въ которыхъ они заключались, имѣли неотразимую прелесть для молодыхъ людей, живыхъ, у которыхъ сильно работали мысль и воображеніе, которые хотѣли узнать побольше того, что могли имъ предложить тогдашніе мудрецы—нечернокнижники; очень легко могло быть, что въ рукахъ пылкаго, пытливаго Отрепьева видали и запрещенныя книги, какія-нибудь Аристотелевы врата.

Если Лжедимитрій былъ еретикъ и чернокнижникъ, то, разумѣется, съ такимъ же характеромъ, и даже еще въ сильнѣйшей степени, явилась жена его Марина, еретица, воруха, Латынской вѣры дѣвка, Луторка и Калвинка. Сочетаніе трехъ послѣднихъ отзывовъ объ одномъ и томъ же лицѣ,—сочетаніе, встрѣчаемое въ писаніяхъ тогдашнихъ грамотѣевъ,—разумѣется, поражаетъ насъ теперь; но предки наши не обращали вниманія на различіе исповѣданій; они употребляли эти три названія—Латынецъ, Люторъ и Калвинъ—какъ бранныя, говоря о всякомъ чужомъ, о всякомъ западникѣ. Требованіе перекрещиванія отъ людей другихъ христіанскихъ исповѣданій, переходящихъ въ пра-

вославіе, всего лучше объясняетъ намъ дѣло, всего лучше показываетъ намъ, какое сильное впечатлѣніе производило на нашихъ предковъ слово — чужой: это магическое слово отнимало способность находить въ человѣкѣ другого христіанскаго исповѣданія что-либо сходное, находить общую основу и вмѣстѣ опредѣлять, какое изъ этихъ исповѣданій ближе къ нашему, и какое дальше.

Что касается представленія о другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ смутной эпохи, выраженнаго въ современныхъ литературныхъ памятникахъ, то оно очень неудовлетворительно, очень неясно. Живыхъ людей съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ, мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ Пожарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку. Отъ Скопина-Шуйскаго не дошло до насъ ни одного слова, не дошло ни записокъ, ни писемъ, ни его собственныхъ, ни людей къ нему близкихъ, вслѣдствіе чего фигура эта представляется историку покрытою съ головы до ногъ пеленою: можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно — не знаемъ. Точно такъ же безжизненною представлялась бы намъ и фигура другого вождя - освободителя, Пожарскаго, если бы мы должны были ограничиться однѣми лѣтописями, еслибъ, по счастію, не дошло до насъ описаніе новгородскаго посольства къ Пожарскому въ Ярославль; тутъ сказалъ Пожарскій нѣсколько словъ о себѣ, о своемъ положеніи, о другихъ лицахъ, — и прорѣзалъ яркій лучъ и освѣтилъ, оживилъ образъ! Но все это нѣсколько словъ только! Яснѣе представляется характеръ Ляпунова уже по самому разнообразію его внѣшней дѣятельности, не допускающей съ начала до конца общихъ, неопредѣленныхъ отзывовъ. Въ дѣятельности Минина много темнаго, недосказаннаго: тоже таинственный образъ! Любопытно, что если въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ фигура Минина стирается предъ фигурою Пожарскаго, то въ народномъ представленіи, какъ оно записано въ одномъ хронографѣ [1]), Мининъ является исключительнымъ дѣятелемъ при освобожденіи Москвы. Здѣсь видно явное желаніе противопоставить его боярину князю Трубецкому, причемъ лицо Пожарскаго, какъ мѣшавшее силѣ желаннаго впечатлѣнія, отстранено: „Призвавши Бога на помощь, хотя и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ, пошелъ Кузьма къ царствующему граду. Въ то время стоялъ съ войскомъ князь Димитрій Трубецкой, и, услыхавъ, что идетъ Кузьма Мининъ съ войскомъ, отступилъ прочь, говоря: „Уже мужикъ нашу честь хочетъ взять на себя, а наша служба и радѣніе ни во что будетъ". И свѣдалъ келарь Троицкій, Аврамій Палицынъ, что Димитрій Трубецкой съ товарищемъ своимъ, Прокофьемъ Ляпуновымъ (?), прочь отступилъ отъ Кремля-города, и пріѣхалъ келарь въ полки князя Димитрія Трубецкаго, началъ его молить, что тотъ мужикъ пришелъ къ тебѣ на помощь, а не честь вашу похищать; и едва умолилъ князя Димитрія. А въ то время Кузьма Мининъ съ своимъ войскомъ облегъ городъ-Кремль, и началъ Трубецкой говорить: „Я стою подъ городомъ Москвою немалое время, а взялъ Бѣлгородъ и Китай; что будетъ у мужика того, — увижу его промыселъ"! И поѣхалъ келарь въ полки нижегородскіе къ Кузьмѣ Минину, и говорилъ: „Я едва умолилъ князя Димитрія Тимоѳеевича, а ты, Кузьма Миничъ, не прекословь ему ни въ чемъ, ополчайся, какъ тебя Богъ наставитъ", и отъѣхалъ въ свой монастырь. На другой день Кузьма отряжаетъ два полка" и т. д. — Патріархъ Гермогенъ вообще является въ лучезарномъ блескѣ, а самый блескъ этотъ препятствуетъ различать отдѣльныя черты въ образѣ: только предатель-хронографъ нашептываетъ слова, нарушающія общее впечатлѣніе.

Къ сказаніямъ, содержаніе которыхъ составляютъ событія Смутнаго времени, принадлежатъ два сказанія, составленныя во Псковѣ. Они замѣчательны потому, что въ нихъ высказались взгляды двухъ противоположныхъ, враждебныхъ сторонъ: стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Въ нашей исторіи, при описаніи борьбы этихъ сторонъ во Псковѣ, мы держались лѣтописнаго разсказа именно по его относительному, по крайней мѣрѣ, безпристрастію, ибо лѣтописецъ, хотя и сильно вооружается противъ воеводы и лучшихъ людей, однако не щадитъ и меньшихъ, когда они начали прикликать съ Кудекушею. Но въ одномъ изъ упомянутыхъ сказаній событія представлены такъ, что поступки лучшихъ людей являются постоянно въ хорошемъ свѣтѣ, поступки меньшихъ — въ дурномъ. Сказаніе это носитъ заглавіе: „О смятеніи и междоусобіи и отступленіи Псковичъ отъ Московскаго государства, и какъ быша послѣди бѣды и напасти на градъ Псковъ отъ нашествія поганыхъ и плѣненія, пожаръ, гладъ, и откуду начаша злая сія быти и въ кое время". Въ сказаніи вотъ какъ описывается начало смуты: „Явились въ псковскихъ пригородахъ смутныя грамоты отъ вора изъ-подъ Москвы, на прельщеніе малодушныхъ, и возмутились люди, начали крестъ ему цѣловать. Въ то же время вскорѣ умеръ епископъ Геннадій отъ кручины, услыхавъ такую прелесть; во Псковѣ люди стали волноваться, заслыша, что кто-то идетъ отъ ложнаго царя съ малою ратью. Воеводы, видя такое смятеніе въ народѣ, много укрѣпляли его, но не могли уговорить; народъ схватилъ лучшихъ людей, гостей и пометалъ ихъ въ тюрьму, а воеводы послали въ Новгородъ за помощью. Въ то же время какой-то врагъ креста Христова распустилъ слухъ, что Нѣмцы будутъ во Псковъ; тогда нѣкоторые мятежники возопили въ народѣ, что Нѣмцы пришли къ мосту на Великой рѣкѣ; тутъ всѣ возмутились, схватили воеводъ, посадили въ

[1]) Хронограф. князя М. А. Оболенскаго.

тюрьму, а сами послали за воровскимъ воеводою Плещеевымъ и цѣловали крестъ вору, начали быть въ своей волѣ, взбѣсились и лихоимствомъ разгорѣлись на чужое имѣніе. Осенью пришли во Псковъ изъ Тушинскаго стана мучители, убійцы и грабители, объявляя малоумнымъ державу его и власть; а эти окаянные воздали хвалу темной державѣ его, начали хвалиться предъ ними своимъ радѣніемъ къ вору, и клеветать на тѣхъ богомольцевъ и страдальцевъ, которые не хотѣли преклонить колѣна Ваалу, на городскихъ начальниковъ и нарочитыхъ мужей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ. Лютые звѣри извлекли ихъ изъ тюрьмы и уморили, однихъ на колья посадили, другимъ головы отсѣкли, прочихъ различными муками мучили, имѣніе ихъ побрали, боярина же Петра Никитича Шереметева въ тюрьмѣ удавили, и, побравши имѣніе во владычнѣ дворѣ, по монастырямъ, у городскихъ начальниковъ и у гостей, отъѣхали подъ Москву къ своему ложному царю, и тамъ послѣ были побиты своими". Это извѣстіе о поступкѣ Тушинцевъ очень правдоподобно; но почему его нѣтъ у лѣтописца? Лѣтописецъ Тушину не благопріятствовалъ, называетъ безумными тѣхъ, которые цѣловали крестъ Тушинскому царю.

Опустивши причины народнаго возстанія на лучшихъ людей,—причины, разсказанныя у лѣтописца, а именно—посаженіе въ тюрьму гонца отъ казачьяго атамана и бѣгство духовныхъ лицъ къ непріятелю, авторъ сказанія, послѣ описанія большаго пожара, говоритъ: „Чернь и стрѣльцы начали грабить имѣніе у нарочитыхъ людей и, по наущенію дьявольскому, стали говорить: „Бояре и гости городъ зажгли!" и начали въ самый пожаръ каменями гнать ихъ, и тѣ побѣжали изъ города; а на другой день стали волочить нарочитыхъ дворянъ и гостей, мучить и казнить и въ тюрьмы сажать неповинныхъ, начальниковъ городскихъ и церковный чинъ". Описавши вторичное торжество меньшихъ людей, лѣтописецъ прибавляетъ: „Далъ Богъ безъ крови разошлись, а еслибъ воля лучшихъ людей сотворилась, то было бы крови много; которые изъ нихъ въ Новгородъ отъѣхали,—тѣхъ имѣніе переписали, а которые въ Печорахъ и во Псковѣ крылись,—тѣхъ имѣнія не переписывали". Совершенно иначе разсказываетъ дѣло авторъ нашего сказанія: „Которыхъ отыскали православныхъ неповинныхъ (меньшіе люди-побѣдители), тѣхъ влекли на сонмище, мучили, въ палаты и погреба пустые пометали; которые же изъ города побѣжали душою да тѣломъ,—у этихъ женъ метали въ погреба, а потомъ мучили и смерти предавали, входили въ домы ихъ, ѣли, пили и веселились, имѣнія ихъ по себѣ раздѣлили; кто былъ въ тюрьмѣ, тотъ отдалъ послѣднее, чтобъ откупиться отъ муки и смерти; у кого же не было что дать, тѣ были замучены или въ темницѣ померли, и жены и дѣти по міру ходили. Было такихъ страдальцевъ, мужчинъ и женщинъ, больше двухсотъ, и страдали они до тѣхъ поръ, пока не пришелъ ложный царь и воръ Матюшка: онъ освободилъ ихъ всѣхъ и вмѣсто ихъ заточилъ ихъ гонителей, и такимъ образомъ всѣ приняли возмездіе по своимъ дѣламъ". Итакъ, послѣдній самозванецъ Матюшка или Сидорка является дѣйствующимъ въ пользу лучшихъ людей противъ меньшихъ. Но въ томъ же сказаніи вотъ что говорится объ этомъ самозванцѣ: „Явился воръ въ Иваньгородѣ, и начали къ нему такіе же воры и убійцы собираться,—изъ Новгорода казаки, изъ Пскова—стрѣльцы. Псковскіе граждане отказались принять его, и онъ приходилъ подо Псковъ съ нарядомъ стѣнобитнымъ и наметнымъ; но граждане крѣпко противъ него стали, и онъ ничего не успѣлъ сдѣлать городу. Нѣмцы послали на него войско изъ Новгорода, и окаянный бѣжалъ изъ-подъ Пскова. Тогда Псковичи, не зная что дѣлать и куда приклониться, не надѣясь ни откуда получить помощи, положили призвать къ себѣ ложнаго царя, послали отъ всѣхъ чиновъ людей бить ему челомъ, послали повинную. Окаянный обрадовался и пришелъ во Псковъ вскорѣ, и начали къ нему собираться многіе, которые радовались крови и чужому имѣнію; къ тому же онъ любилъ поганыхъ, Литву и Нѣмцевъ; было гражданамъ большое насиліе и правежъ въ кормахъ и во всякой дани, и многихъ замучили. Псковичи стали тужить. Литва въ это время осаждена была въ Москвѣ Русскими людьми, и прислали оттуда нѣкоторыхъ нарочитыхъ людей дозрѣть прелести этого новонарекшагося царя, и дозиратели эти, боясь смерти, не обличали его; но потомъ, найдя удобное время, когда онъ отослалъ своихъ ратныхъ людей подъ Порховъ, сговорились съ гражданами, схватили его и свели подъ Москву". Любопытныя подробности встрѣчаемъ въ сказаніи и о пребываніи Лисовскаго во Псковѣ: „Псковичи, услыхавши, что панъ Лисовскій съ Литвою и Русскими людьми стоитъ въ Новгородской Землѣ, въ Порховщинѣ, послали къ нему бить челомъ, чтобъ шелъ во Псковъ съ Русскими людьми, и онъ, поплѣнивши Новгородчину, пришелъ во Псковъ; его самого пустили въ городъ, а Литву поставили за городомъ на посадѣ и въ Стрѣлецкой слободѣ; но мало-по-малу начала и Литва входить въ городъ, казну многую пропивать и платьемъ одѣваться, потому что было множество у нея золота, серебра и жемчугу, послѣ разграбленія славныхъ городовъ, Ростова, Костромы, монастырей Пафнутьевскаго, Калязинскаго и другихъ, гдѣ они раки святыхъ разсѣкали, сосуды и образные оклады грабили; было у нихъ также множество плѣнниковъ, женщинъ, дѣвицъ и отроковъ. Когда все это они проворовали и проиграли въ зернь и пропили, то стали грозить гражданамъ: „Мы уже много городовъ поплѣнили и разорили, то же будетъ отъ насъ и этому городу Пскову, потому что весь животъ нашъ здѣсь положенъ въ корчмѣ". Граждане, слыша это, пришли къ варвару и начали льстивыми словами говорить, чтобъ шелъ на выручку къ Иваньгороду, который тогда осаждали Шведы: „А мы казну соберемъ и пришлемъ къ тебѣ", гово-

рили Псковичи. Лисовскій согласился, вышелъ изо Пскова со всѣми своими людьми, и послѣ только догадался, что Псковичи обманули его; но уже было поздно. Наконецъ въ этомъ сказаніи находимъ любопытное извѣстіе объ отношеніяхъ Пскова къ Ливоніи во время Смутнаго времени: „Велика милость Пречистой Богородицы Печерской, что только мимо своего дома (Печерскаго монастыря) не затворила пути къ Литовскому рубежу въ Ливонскую Землю, откуда во все это время хлѣбъ шелъ во Псковъ, потому что миръ великій имѣли мѣщане съ Псковичами; если бы эта Земля не подмогала хлѣбомъ, то Псковичи никакъ не избыли бы отъ поганыхъ“.

Теперь обратимся къ сказанію, написанному въ противоположномъ духѣ, въ духѣ меньшихъ людей, въ духѣ собственно псковскомъ, съ сильнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, ко всему, что тамъ дѣлалось, преимущественно къ боярамъ, ихъ поведенію и распоряженіямъ. Если на извѣстія, заключающіяся въ предыдущемъ сказаніи, мы сочли себя въ-правѣ смотрѣть подозрительно, подмѣтивши односторонній взглядъ, взглядъ партій, то еще съ большею подозрительностію должны смотрѣть на извѣстія втораго сказанія, ибо здѣсь встрѣчаемъ явныя искаженія событій. Сказаніе носитъ заглавіе: „О бѣдахъ и скорбехъ и напастехъ, иже бысть въ Велицѣй Россіи Божіимъ наказаніемъ, грѣхъ ради нашихъ, напослѣдокъ дней осмаго вѣка, а въ началѣ второсотнаго лѣта“.—„Сбылось“, говоритъ авторъ, „слово апостола Іоанна Богослова: ангелъ Господень возлилъ фіалы на землю, въ море и на всю тварь, да погибнетъ, да останется третья часть во всей твари живущихъ. Не знаю чужихъ странъ, не смѣю говорить, что тамъ творится, но здѣсь, въ Великой Россіи, всѣ люди знаютъ, что не осталось отъ этихъ злыхъ бѣдъ и напастей и тысячной доли, потому что гдѣ прежде жило 1,000 или 100 человѣкъ, тамъ изъ тысячи едва одинъ остался, и тѣ въ скорбяхъ, налогахъ и бѣдахъ отъ сильныхъ градодержателей и лукавыхъ людей продаются и насилуются“. На первыхъ строкахъ, слѣдовательно, мы уже встрѣчаемся съ этимъ, знакомымъ намъ припѣвомъ Псковской лѣтописи, съ этою жалобою на воеводъ, откуда все зло, все нерасположеніе Псковичей къ Москвѣ. Сказаніе обвиняетъ Шуйскаго въ усиленіи смуты, потому что, говоритъ оно, послѣ побѣдъ надъ возмутителями, „дьяволъ разжегъ царя похотію на блудъ; онъ оставилъ войско свое, пришелъ въ царство свое, взялъ жену, началъ ѣсть, пить и веселиться“. Сказаніе передаетъ за достовѣрное объ отравленіи князя Скопина-Шуйскаго женою дяди его, Димитрія Шуйскаго, которая называется Христиною. О сверженіи Шуйскаго разсказывается такимъ образомъ: „Однажды люди всѣхъ чиновъ собрались къ патріарху Гермогену на совѣтъ, и говорили: не хотимъ этого царя Василія видѣть на царствѣ, пошли къ Польскому королю Сигизмунду, чтобъ дамъ намъ на царство сына своего Владислава. Патріархъ долго уговаривалъ ихъ, что и прежде много напасти было отъ Польскихъ людей, когда приходили съ Гришкою Отрепьевымъ, „а теперь чего еще надѣетесь? только конечнаго разоренія царству и вѣрѣ? или нельзя вамъ избрать на царство изъ князей русскихъ?“ Князья и бояре отвѣчали ему: „Не хотимъ своего брата слушаться; ратные люди царя изъ Русскихъ не боятся и не служатъ ему“. Тогда патріархъ, посовѣтовавшись съ боярами и съ народомъ, отправилъ пословъ къ королю Польскому, чтобъ далъ имъ сына своего на царство и чтобъ королевичъ крестился по закону Греческому. Но поганый король умыслилъ лесть и сказалъ: „Какъ мнѣ вамъ вѣрить? у васъ царь сидитъ на царствѣ, а просите у меня сына моего на царство; если приведете царя вашего съ братьями сюда, то я дамъ вамъ сына моего“. Тогда собрались нѣкоторые отъ боярскаго рода, измѣнники и нарушители христіанству, любящіе поганскіе обычаи и законы, устремились они въ палаты къ царю, исторгли у него изъ рукъ посохъ царскій, свели съ царства, постригли и свезли съ братьями къ королю подъ Смоленскъ. Когда услышалъ король, что цѣловали крестъ сыну его въ Москвѣ и на Руси, то поганый умыслилъ такой отвѣтъ посламъ русскимъ: „Что вы ко мнѣ пришли за сыномъ? Какъ мнѣ вамъ его дать: вы одного своего царя убили, другого теперь ко мнѣ, какъ плѣнника, привели,—что же сдѣлаете съ моимъ сыномъ? Онъ вамъ не единовѣрецъ, не Русскій родомъ: вы съ нимъ еще хуже сдѣлаете что-нибудь; но если вся Русь цѣлуетъ крестъ мнѣ, королю, дамъ вамъ сына моего на царство“. И послалъ гетмана, пана Жолкѣвскаго, на Московское государство со многими людьми, приказавши ему привести всѣхъ людей къ крестному цѣлованію на его королевское имя. Но въ Москвѣ люди этого не захотѣли, и сказали: „Не цѣлуемъ креста королю Польскому“. И сбылось на царствующемъ градѣ Москвѣ то же, что и на Іерусалимѣ, который былъ плѣненъ въ самый праздникъ Пасхи Антіохомъ. Услыхали объ этомъ нѣкоторые православные на Низу; начальникомъ у нихъ былъ нѣкто отъ простыхъ людей, но теплый вѣрою и поборникъ по христіанствѣ, именемъ Козьма Мининъ; собравши множество имѣнія по городамъ на людяхъ, онъ нанялъ войско и передалъ его князю Димитрію Пожарскому, и самъ съ нимъ. Когда пришли поганые Польскіе люди на князя Димитрія Пожарскаго и начали гнать, то дьяволъ вложилъ древнюю гордость въ князя Димитрія Трубецкаго,—не вышелъ онъ на помощь брату своему, потому что самъ себя считалъ выше: „Я осадилъ городъ“, говорилъ онъ; тогда христолюбецъ Козьма пришелъ въ полкъ князя Трубецкаго и началъ со слезами молить ратныхъ людей о любви, да помогутъ другъ другу, обѣщая имъ большіе дары. Въ этотъ часъ воздвиженія поднялся у нихъ голосъ, всѣ какъ львы заревѣли, и пошли конные и пѣшіе на поганыхъ“.— Такимъ образомъ, демократическое псковское Сказаніе отплатило Палицыну за то, что онъ въ сво-

емъ Сказаніи поставилъ Минина въ такой тѣни: Псковское сказаніе подвигъ Палицына приписало Минину, не сказавши ни слова о знаменитомъ келарѣ, который такъ любилъ самъ говорить о себѣ.

Объ избраніи царя Михаила Сказаніе говоритъ слѣдующее: „Начальники опять захотѣли себѣ царя иновѣрнаго; но народъ и ратные люди не согласились, и, вмѣсто храбраго князя Михаила Скопина, воздвигъ Богъ втораго Михаила нечаемаго, котораго Самъ избралъ. Какъ въ-старину Царьградъ очистился Михаиломъ царемъ отъ Латинъ: такъ теперь на Руси Богъ воздвигъ на царство, тезоименитаго Архистратигу силы Его, Михаила, кроткаго, тихаго царя, Христова подражателя. Былъ царь молодъ, когда сѣлъ на царство, лѣтъ 18, но былъ добръ, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ; всѣхъ любилъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Ѳеодору Ивановичу. Не было у него еще столько разума, чтобъ управлять Землею; но боголюбивая его мать, инокиня, великая старица Марѳа правила подъ нимъ и поддерживала царство съ своимъ родомъ, ибо отецъ его былъ еще тогда въ плѣну у короля Польскаго. Но и тому благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотворилъ державу дьяволъ, опять возвыся владѣющихъ на мздоиманіе, опять стали они насиловать православныхъ, беря ихъ въ работу себѣ. Люди, оставшіеся въ-живыхъ, начали собираться по городамъ, выходя изъ плѣна литовскаго и нѣмецкаго; но эти окаянные, какъ волки, забирали ихъ къ себѣ, позабывши прежнее свое наказаніе, какъ отъ своихъ рабовъ разорены были, опять на то же устремились, а царя ни во что вмѣнили и не боялись его, потому что былъ молодъ. Они его и лестію уловили: когда посадили его на царство, то къ присягѣ привели, что не будетъ казнить смертію никого изъ нихъ, роду вельможескаго и боярскаго, но только разсылать въ заточеніе; такъ окаянные умыслили; а кому изъ нихъ случится быть въ заточеніи, то другъ за друга ходатайствуютъ. Всю Землю Русскую раздѣлили они по своей волѣ, царскія села себѣ побрали, а царю было не извѣстно, потому что писцовыя книги въ разореніе погибли; а на царскую потребу и расходы собирали со всей Земли оброки и дани и пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей. Послалъ государь подъ Смоленскъ своихъ государевыхъ воеводъ, князя Димитрія Мамстрюкова (Черкасскаго) да князя Ивана Троекурова, и воеводы эти государевымъ дѣломъ промышляли съ радѣньемъ, и едва города не взяли; но бояре этихъ воеводъ перемѣнили и другихъ послали. Новые водводы распоряжались уже не такъ; на нихъ напала Литва, осадила ихъ, сдѣлался большой голодъ; осажденные нѣсколько разъ посылали къ государю просить хлѣба, но бояре этихъ посланныхъ въ тюрьму сажали, отъ царя таили; тогда ратные люди, не стерпя голоду, отошли отъ Смоленска прочь, и начали свою Землю воевать и людей мучить, сердясь на бояръ. Таково-то было попеченіе боярское о Землѣ Русской! Потомъ пришелъ Шведскій король подъ Псковъ со многими Нѣмецкими людьми и съ нарядомъ; къ государю царю много разъ посылали о выручкѣ; но всѣхъ этихъ посланниковъ бояре царю не показали, держали взаперти, и государя утѣшали, говоря, что поганыхъ не много, а въ городѣ людей много; о людской же печали и голодѣ не сказали ему, а гонцовъ отсылаютъ назадъ съ радостною вѣстію, что тотчасъ государь посылаетъ войско вамъ на выручку. Царь захотѣлъ сочетаться законнымъ бракомъ, и обручена была царица Анастасія Ивановна Хлопова; но врагъ-дьяволъ научилъ нѣкоторыхъ сродниковъ, царской матери племянниковъ, остудить царицу царской матери, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть произвели, разлучили ее съ царемъ и послали въ заточеніе. Когда пришелъ митрополитъ Филаретъ и посвященъ былъ въ патріархи, то началъ земскими дѣлами управлять, и сталъ говорить сыну о бракѣ: „Хочешь взять за себя дочь Литовскаго короля, этимъ примиришь его себѣ и города, взятые у тебя, отдастъ назадъ“. Но Михаилъ не согласился. Тогда мать и отецъ посылаютъ къ Датскому королю сватать дочь его за царя; король отказалъ: „Прежде брата моего взяли къ вамъ на Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него дочь свою Ксенію; но какъ пріѣхалъ въ Москву, то и часу тутъ не жилъ, отравою уморили его,—то же и дочери моей сдѣлаете теперь“. Опять отецъ и мать стали уговаривать царя жениться, но онъ отвѣчалъ: „Сочетался я бракомъ по закону Божію, обручена мнѣ царица; кромѣ ея другой не хочу взять“. Отецъ хотѣлъ послать за нею, но сказали ему, что она испорчена, неплодна и больна; долго развѣдывали, кто такъ сдѣлалъ надъ нею. Нашлись окаянные дѣти Михайлы Салтыкова, два брата, царевой матери племянники, Борисъ да Михайла, повинились, что сдѣлали это изъ боязни, что ихъ удалятъ отъ царева лица и сана своего лишатся; осудили ихъ на заточеніе, а на смерть не осудили по причинѣ родства съ царемъ; отецъ же ихъ умеръ въ Литвѣ. Потомъ послали докторовъ къ царицѣ; доктора ее вылѣчили, и патріархъ хотѣлъ царя вѣнчать съ нею, но царева мать клятвами закляла себя, что не быть ей въ царствѣ у сына, если онъ женится на этой царицѣ. Царь на захотѣлъ разлучиться съ матерью и оскорбить ее, человѣческое существо матери не раздражилъ. Хлопову за себя не взялъ, хотя отъ отца своего много укоризны принялъ“ [1]).

Приведенное сказаніе носитъ ясные признаки, что оно составлялось по стоустой молвѣ народной. Дошли до насъ и пѣсни народныя, которыя имѣютъ содержаніемъ событія Смутнаго времени. Такова пѣсня о Гришкѣ Разстригѣ, въ которой высказывается народное воззрѣніе на причину гибели самозванца: онъ женился въ проклятой Литвѣ, на

[1]) Полн. Собр. русск. лѣтоп. V, стр. 55 и слѣд.

еретицѣ, безбожницѣ; свадьба была на Николинъ день и на пятницу; когда князья и бояре пошли къ заутрени, Гришка пошелъ въ баню съ женой. Послѣ бани Гришка вышелъ на Красное крыльцо и закричалъ: „Гой, еси ключники мои, приспѣшники! Приспѣвайте кушанье разное, а и постное и скоромное; завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньею“. А втѣпоры стрѣльцы догадалися, за то-то слово спохватилися. Стрѣльцы бросились къ царицѣ-матери, и когда та отреклась отъ Лжедимитрія, то стрѣльцы взбунтовались; Маришка, безбожница, сорокою обернулася, и изъ палатъ вонъ она вылетѣла. А Гришка Разстрига втѣпоры догадливъ былъ, бросился онъ съ тѣхъ чердаковъ на копья острыя къ тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ, и тутъ ему такова смерть случилась“. Другая пѣсня разсказываетъ о смертя князя Скопина-Шуйскаго. На крестинномъ пиру князя Воротынскаго „пьяниньки тутъ расхвастались: сильный хвастаетъ силою, богатый хвастаетъ богатствомъ; Скопинъ князь Михаилъ Васильевичъ, а и не пилъ онъ зелена вина, только одно пиво пилъ и сладкій медъ, не съ большаго хмелю онъ похвастается: „А вы, глупой народъ, неразумные! А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей; я, Скопинъ, Михайло Васильевичъ, могу князь похвалитися, что очистилъ царство Московское и велико государство Россійское; еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего“. А и тутъ боярамъ за бѣду стало, въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали; поддернули зелья лютаго, подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе, подавали кумѣ его крестовыя, Малютиной дочи Скурлатовой“. Здѣсь пѣсня выставляетъ намъ ту же самую черту, о которой свидѣтельствуетъ и актъ неоспоримый, именно—обычай хвастаться своими подвигами и унижать подвиги другихъ: вспомнимъ хвастаство Шеина, за которое онъ такъ дорого поплатился. Приведенная пѣсня о Скопинѣ причичиною смерти послѣдняго прямо выставляетъ зависть бояръ вообще, а не одного Димитрія Шуйскаго,—зависть, возбужденную хвастовствомъ Скопина. Другая пѣсня о томъ же Скопинѣ рѣзко выставляетъ противоположность горя лучшихъ горожанъ, надѣявшихся прекращенія смутъ, съ злорадствомъ бояръ:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачутся гости Москвичи:
А теперь наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстиславской князь, Воротынской,
И межу собою они слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулися;
«Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся» [1]).

[1]) Древнія Росс. стихотв., стр. 102, 295; Памятники и образцы народнаго языка, при Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, т. I.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ любопытное сказаніе, изображающее частную, домашнюю жизнь Русскихъ людей конца XVI-го и начала XVII-го вѣка: это житіе Іуліаніи Лазаревской, написанное сыномъ ея, Каллистратомъ-Дружиною Осорьинымъ. Іуліанія была дочь царскаго ключника; оставшись сиротою послѣ матери, она воспитывалась въ домѣ тетки своей; здѣсь хотѣли ее воспитывать по обычаю, понуждали ее съ ранняго утра ѣсть и пить; но она съ раннихъ лѣтъ прилежала молитвѣ и посту; отъ смѣха и всякой игры удалялась; только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея; сиротъ, вдовъ и немощныхъ во всемъ околоткѣ обшивала. Церковь была версты за двѣ отъ деревни, гдѣ жила Іуліанія, и ей до самаго замужества ни разу не случилось быть въ церкви. Вышедши замужъ за богатаго муромскаго дворянина Осорьина, Іуліанія поступила въ домъ къ свекру и свекрови, которые поручили ей управлять всѣмъ хозяйствомъ. Когда мужъ ея находился на службѣ царской, по году, по два и по три, то она въ это время всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась, пряла и шила, продавала работу, а деньги раздавала нищимъ. Всѣ въ ея домѣ были одѣты и сыты, каждому дѣло, по силѣ его, давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобъ ей кто на руки воды подалъ, или сапоги снялъ, но все сама дѣлала. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла и всегда со смиреньемъ говорила: „Кто же я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же люди, созданье Божіе!“ Никого отъ провинившихся рабовъ она не оклеветала: и за то много разъ отъ свекра и отъ свекрови и отъ мужа своего бывала бранима. Хотя и не умѣла она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ. Дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами, но она все мысленно и разумно разсуждала и усмиряла. Навадилъ врагъ одного изъ рабовъ, и тотъ убилъ ея старшаго сына [2]).

Мы встрѣчали уже имя московскаго купца Котова, слышали отвѣтъ его на вопросъ: позволять ли Англичанамъ ѣздить въ Персію черезъ Московское государство. Этотъ Котовъ, въ 1623 году, съ осьмью товарищами ходилъ за море въ Персидскую Землю въ купчинахъ, съ государевою казною, и оставилъ намъ описаніе „ходу въ Персидское царство“. Изъ Москвы шелъ онъ обычнымъ воднымъ путемъ—Москвою-рѣкою, Окою и Волгою до Астрахани. „Съ Астрахани“, говоритъ Котовъ, „ходятъ на русскихъ бусахъ и на большихъ стругахъ моремъ подлѣ Черни: только это далеко, ходу моремъ при хорошей погодѣ

[2]) Русск. Вѣстн. 1858 г. Статья професс. Буслаева: Юліанія Лазаревская.

двое сутокъ, а въ тихое время—недѣля. Ходятъ сухимъ путемъ степью въ станицахъ: отъ Терека на Быструю рѣку, по обѣ стороны которой лѣтомъ лежатъ казаки по перевозамъ; оттуда на Тарки и Дербентъ; между Тарками и Дербентомъ живутъ Лезгины; князь у нихъ свой, слыветъ Усминскій; живутъ въ горахъ далеко, никому непослушны и воровство отъ нихъ: на дорогѣ торговыхъ людей грабятъ, а иныхъ запродаютъ; а когда и смирно бывало, то брали у торговыхъ людей съ вьюка по три киндяка; это мѣсто проходятъ съ провожатыми. Отъ Дербента три дня ходу до Ширвани степью, между горъ и морей. Ходятъ изъ Астрахани въ Персію и въ мелкихъ стругахъ до Низовой пристани, а отъ Низовой на Ширвань сухимъ путемъ; но ходъ въ малыхъ судахъ тяжелъ тѣмъ: если погодою прибьетъ стругъ къ берегу, то въ Дербентѣ и Таркахъ берутъ съ торговыхъ людей большія пошлины, а къ пустому мѣсту прибьетъ, то Лезгинцы побиваютъ и грабятъ,—воровство большое берегомъ". Мы не считаемъ нужнымъ приводить подробнаго описанія персидскихъ городовъ, сдѣланнаго Котовымъ; приведемъ только одно извѣстіе: „Въ Испагани ворота высокія, а надъ воротами высоко стоятъ часы, а у часовъ мастеръ Русскій". Въ Москвѣ часовые мастера были Нѣмцы, а въ Персіи—Русскій!

Въ связи съ персидскою торговлею находится и путешествіе въ Палестинскія мѣста Василія Гогары, ибо вотъ что говоритъ путешественникъ въ началѣ своего разсказа: „Послалъ я человѣка своего съ товарами за море торговать въ Персидскую Землю. И Божіимъ гнѣвомъ, за мое окаянство, на морѣ бусу со всѣми товарами разбило, и все имѣніе мое потонуло; а тутъ и другія многія бѣды и напасти приключились мнѣ. Въ этихъ скорбяхъ и напастяхъ я началъ обѣщаться быть въ Іерусалимѣ и прочихъ Святыхъ мѣстахъ". Изъ Казани пошелъ Гогара въ Астрахань, изъ Астрахани на Грузинскую Землю. „Въ Грузинской Землѣ", говоритъ онъ, „между горами высокими и снѣжными, въ непроходимыхъ мѣстахъ есть щели земныя и въ нихъ загнаты дикіе звѣри Гогъ и Магогъ, а загналъ ихъ въ древнемъ законѣ царь Александръ Македонскій; и многіе о тѣхъ звѣряхъ разсказывали, что недавно они были пойманы, изъ щелей вонъ выдрались". Въ Іерусалимѣ Греки говорили ему, что отъ Трифона Коробейникова, присланнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ, до него, Гогары, никто не бывалъ у нихъ изъ Русскихъ людей. Въ Свѣтлое Воскресенье, зажегши свѣчу свою чудеснымъ огнемъ, сошедшимъ съ неба, Гогара началъ палить ею свою бороду—и ни одинъ волосъ не сгорѣлъ, принимался палить въ другой и въ третій разъ — и все борода осталась цѣла. „Послѣ этого я", говоритъ путешественникъ, „просилъ прощенія у митрополита, что былъ одержимъ невѣріемъ, думалъ, что Греки составляютъ огонь своимъ умышленіемъ". Гогара пробрался и въ Египетъ: „Въ Египтѣ за Ниломъ рѣкою подѣланы палаты большія какъ горы; дѣлалъ ихъ царь Фараонъ, ругаясь надъ Израильтянами, ставилъ ихъ потому, что писано Египту отъ водъ потоплену быть" [1]).

Но для насъ важнѣе этихъ описаній Персіи и Египта, сдѣланныхъ русскими путешественниками, описаніе двухъ путешествій въ Московское государство, сдѣланное знаменитымъ голштинскимъ ученымъ Адамомъ Олеаріемъ (1634 и 1636 г.). Въ старинной Русской области, уступленной Шведамъ, между Копорьемъ и Орѣшкомъ, былъ онъ принятъ и угощенъ русскимъ помѣщикомъ; хозяинъ показывалъ ему раны, полученныя имъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, гдѣ онъ находился съ королемъ своимъ Густавомъ-Адольфомъ; несмотря на то однако, что находился въ шведской службѣ, помѣщикъ продолжалъ жить по русскимъ обычаямъ При самомъ въѣздѣ въ московскія области, Олеарія поразила дешевизна съѣстныхъ припасовъ: курица стоила 2 копѣйки (2 шиллинга), девять яицъ одну копѣйку. Поразила Олеарія русская пляска, что пляшутъ Русскіе, не схвативши другъ друга за руки, какъ Нѣмцы, но каждый пляшетъ порознь. Во всю дорогу путешественники сильно страдали отъ комаровъ и мошекъ; въ одномъ мѣстѣ видѣли двѣнадцатилѣтняго мальчика, который былъ уже женатъ, и одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, которая была уже за-мужемъ. Олеарій былъ въ Москвѣ во время Пасхи; ему разсказывали, что въ Свѣтлый день царь, прежде чѣмъ идти къ заутрени, идетъ въ тюрьму и раздаетъ заключеннымъ по яйцу и по овчинному тулупу, говоря: „Радуйтесь, Христосъ, умершій за грѣхи ваши, теперь воскресъ". Въ первый день праздника, послѣ обѣдни, кабаки наполнялись народомъ, духовными и свѣтскими, мужчинами и женщинами; на улицахъ валялись пьяные; утромъ на другой день подняли много мертвыхъ. Во время пребыванія Олеарія въ Москвѣ, по ночамъ вдругъ въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали пожары, для тушенія которыхъ употреблялись стрѣльцы и сторожа; водой не заливали, но ломали окружные дома; какъ легко сгорали цѣлыя улицы, такъ же легко и отстраивались, потому, что въ Москвѣ былъ особый рынокъ, гдѣ продавались деревянные дома, совсѣмъ готовые: ихъ разбирали, перевозили въ назначенное мѣсто и складывали опять. Улицы широки, и по серединѣ настланы круглыми бревнами, положенными другъ подлѣ друга: безъ этихъ мостовыхъ въ мокрую погоду нельзя было бы двигаться отъ грязи. Земля въ Московскомъ государствѣ вообще чрезвычайно плодородна; нѣкоторыя мѣста производятъ превосходные садовые плоды: яблоки, вишни, сливы, смородину, также овощи, особенно огурцы и дыни; но красивыхъ садовыхъ цвѣтовъ въ Москвѣ мало Царь Михаилъ истратилъ много денегъ на выписываніе дорогихъ растеній для своего сада; настоя-

---

[1]) Временникъ Москов. Истор. общ. кн. 15; Сахарова—Сказанія Русскаго народа, т. II.

щихъ, мохровыхъ розъ въ Москвѣ не знали до тѣхъ поръ, пока Петръ Марселисъ не привезъ ихъ изъ Готторпскаго герцогскаго сада. Нѣмецкіе и голландскіе купцы развели спаржу и салатъ; Русскіе сначала смѣялись надъ Нѣмцами, что ѣдятъ сырую траву, но потомъ нѣкоторые сами стали находить въ ней вкусъ. Къ табаку сильно пристрастились съ самаго начала, какъ и другіе народы, и точно такъ же, какъ и у другихъ народовъ, чудодѣйственная трава, одаренная такою притягательною силой, подверглась жестокому гоненію: Олеарій былъ свидѣтелемъ, какъ въ Москвѣ рѣзали носы за табакъ мужчинамъ и женщинамъ. Олеарій жалуется на грубость Русскихъ, на ихъ чрезмѣрную склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, даже къ противуестественнымъ порокамъ; жалуется, что разговоры ихъ имѣютъ содержаніемъ грязныя исторіи; отдаетъ справедливость умственнымъ способностямъ и ловкости Русскихъ въ дѣлахъ, но жалуется на ихъ лживость. Жизнь простого народа отличается простотою; пища состоитъ изъ небольшаго числа самыхъ дешевыхъ блюдъ; дрова также чрезвычайно дешевы; мебели въ домахъ—никакой; образа составляютъ единственное украшеніе голыхъ стѣнъ. Роскошь богатыхъ и знатныхъ обнаруживается въ большомъ количествѣ холопей (отъ 30 до 60) и лошадей. Часто даютъ они большіе пиры, на которыхъ подается множество блюдъ и напитковъ; но это стоитъ имъ недорого, потому что запасы получаются изъ деревень; кромѣ того, гости хорошо платятъ за честь быть приглашенными на пиръ знатнаго человѣка; если нѣмецкій купецъ приглашается на такой пиръ, то знаетъ, какъ дорого обойдется ему эта честь. Воеводы въ торговыхъ городахъ отличаются подобнымъ гостепріимствомъ. Холопи не получаютъ пищи отъ господъ, но кормовыя деньги, и въ такомъ маломъ количествѣ, что едва могутъ поддерживать жизнь; отъ этого въ Москвѣ происходятъ частыя воровства и смертоубійства. Затворничество дѣвушекъ у достаточныхъ людей, невозможность жениху видѣть невѣсту до свадьбы и обманы, подстановка невѣстъ—препятствуютъ супружескому счастію: мужья съ женами часто живутъ какъ кошки съ собаками. Изъ русскихъ обычаевъ Олеарій упоминаетъ о слѣдующемъ: за восемь дней до Рождества Христова и до Крещенья по улицамъ бѣгаютъ люди съ огнемъ особеннаго рода (жгутъ они порохъ, сдѣланный изъ травы плауна) и подпаливаютъ бороды прохожимъ; особенно достается отъ нихъ бѣднымъ крестьянамъ; кто хочетъ впрочемъ—можетъ откупаться отъ нихъ, заплативши копѣйку; ихъ зовутъ халдеями, потому что они изображаютъ тѣхъ служителей царя Навуходоносора, которые разжигали печь Вавилонскую для трехъ еврейскихъ отроковъ. Въ Крещенье ихъ окупаютъ въ прорубь—и такимъ образомъ очищаютъ отъ халдейства [1]).

[1]) Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise, durch Adamum Olerium. Schlesswig, 1647.

О СТАТЬѢ Г. КОСТОМАРОВА

„Иванъ Сусанинъ." [2])

Отъ увлеченій польской исторической литературы [3]) перейдемъ къ увлеченіямъ русской. Причины увлеченій очень хорошо излагаются въ недавно вышедшей статьѣ профессора Костомарова *Иванъ Сусанинъ*. „Въ важныхъ историческихъ событіяхъ", говоритъ авторъ, „иногда надобно различать двѣ стороны: объективную и субъективную. Первая составляетъ дѣйствительность, тотъ видъ, въ какомъ событіе происходило въ свое время; вторая—тотъ видъ, въ какомъ событіе напечатлѣлось въ памяти потомства. И то и другое имѣетъ значеніе исторической истины: нерѣдко послѣднее важнѣе перваго. Также и историческія лица у потомковъ принимаютъ образъ совсѣмъ иной жизни, какой имѣли у современниковъ. Ихъ подвигамъ дается гораздо большее значеніе, ихъ качества идеализируются: у нихъ предполагаютъ побужденія, какихъ они, быть можетъ, не имѣли вовсе, или имѣли въ гораздо меньшей степени. Послѣдующія поколѣнія избираютъ ихъ типами извѣстныхъ понятій и стремленій".

Эти вполнѣ вѣрныя мысли служатъ введеніемъ къ историческому изслѣдованію, въ которомъ авторъ старается доказать, что извѣстный подвигъ Сусанина сомнителенъ. Какія же его доказательства?

„До XIX вѣка", говоритъ авторъ, „никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы и подвигъ его считать событіемъ исторической важности, выходящимъ изъ обычнаго уровня". Но въ самой статьѣ приведена грамота царя Михаила, 1619 года, данная зятю Сусанина, Богдану Собинину, въ которой говорится: „Какъ мы, великій государь, были на Костромѣ и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди, и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина, Литовскіе люди изымали и его пытали великими немѣрными муками, а пытали у него, гдѣ въ тѣ поры мы, великій государь, были, и онъ, Иванъ, вѣдая про насъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, терпя отъ тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей немѣрныя пытки, про насъ, великаго государя, тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ людямъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти". Грамота была подтверждена, въ 1633 и въ 1641 годахъ; въ 1691 году—отъ имени царей Іоанна и Петра; въ 1767—отъ имени Екатерины II-й. Въ грамотѣ прямо говорится, что

[2]) Напечатано было мною первоначально въ 1862 году, въ газетѣ „Наше Время".

[3]) Передъ тѣмъ я разбиралъ польское сочиненіе Короновича: „Slowo dziejow polskich".

враги спрашивали, гдѣ Михаилъ; пытали,—значитъ имъ это было нужно; Сусанинъ зналъ и не сказалъ. Понятно, что ни въ XVII, ни XVIII вѣкѣ не думали торговаться съ Сусанинымъ, задавать вопросъ, дѣйствительно ли онъ спасъ царя? Нужно ли было подвергаться пыткѣ и смерти? Враги были ничтожны,—какая опасность могла грозить отъ нихъ Михаилу? До такихъ тонкостей тогда не доходили, смотрѣли просто на дѣло: грозила опасность—и Сусанинъ спасъ отъ нея царя. Слѣдовательно, вотъ уже нѣсколько лицъ и довольно значительныхъ — Михаилъ, Петръ, Екатерина, которыя и до XIX вѣка думали видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы и подвигъ его считали выходящимъ изъ общаго уровня.

Но, можетъ быть, только эти люди смотрѣли такъ на подвигъ Сусанина? Авторъ статьи говоритъ, что воображать себѣ Сусанина героемъ-спасителемъ царя и отечества мы привыкли со школьной скамьи; но можетъ ли онъ указать время, когда началась эта привычка? Онъ указываетъ на географическій словарь Щекатова (1804 года), гдѣ впервые разсказанъ былъ подвигъ Сусанина съ подробностями, которыхъ нѣтъ въ грамотѣ царя Михаила; авторъ статьи находитъ противорѣчіе между разсказомъ Щекатова и грамотою, именно: въ грамотѣ сказано, что царь жилъ въ Костромѣ; а у Щекатова говорится, что онъ былъ въ селѣ Домнинѣ. Подобнымъ противорѣчіямъ удивляться нечего: извѣстно, какъ украшается и искажается преданіе, переходя изъ устъ въ уста, до тѣхъ поръ, пока не запишется, не напечатается; но дѣло въ томъ, что украшенное, искаженное преданіе свидѣтельствуетъ о важности событія передаваемаго. Авторъ статьи говоритъ: „Кто-то (самъ ли Щекатовъ, или тотъ, отъ кого онъ заимствовалъ) выдумалъ, будто царь Михаилъ Ѳедоровичъ находился тогда въ селѣ Домнинѣ“. Но если мы этого выдумщика станемъ отодвигать назадъ отъ 1804 г., то гдѣ авторъ статьи прикажетъ намъ остановиться? Авторъ находитъ новыя искаженія, т.-е. новыя подробности, въ разсказахъ Глинки и князя Козловскаго, и эти новыя подробности совершенно бездоказательно приписываетъ выдумкѣ названныхъ писателей; но самъ авторъ приводитъ примѣчаніе князя Козловскаго о Назаровской рукописи, находившейся у Свиньина, въ которой заключаются новыя подробности, не внесенныя однако княземъ Козловскимъ въ свой разсказъ. Итакъ, все показываетъ намъ, что о событіи было нѣсколько преданій съ разными подробностями, а это прямо свидѣтельствуетъ намъ о достовѣрности и важности событія, какъ бы оно ни произошло. Во времена Нестора, когда еще живы были старцы, помнившіе крещеніе Русской Земли, ходили однако противорѣчивыя извѣстія о мѣстѣ, гдѣ Владиміръ принялъ крещеніе. Что же, на этомъ основаніи можно отвергать самое событіе и важность его? Наконецъ дѣйствительно ли есть несогласимое противорѣчіе между грамотою царя Михаила и разсказомъ Щекатова и другихъ? Въ грамотѣ говорится, что Михаилъ былъ въ Костромѣ, а въ разсказахъ,—что въ селѣ Домнинѣ. Но развѣ мы не употребляемъ и теперь именъ городовъ, вмѣсто именъ областей?—„Куда онъ уѣхалъ?“ спрашиваютъ. „Къ себѣ въ Рязань“, отвѣчаютъ, тогда какъ уѣхавшій никогда въ городѣ Рязани не живетъ, а живетъ въ рязанскихъ деревняхъ своихъ.

Далѣе г. Костомаровъ переходитъ къ заподозрѣванію самой сущности извѣстія, какъ оно помѣщено въ грамотѣ Михаила, и замѣчаетъ, что „объ этомъ происшествіи нѣтъ ни слова у современныхъ повѣствователей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ“. Объ иностранныхъ писателяхъ мы говорить не будемъ, ибо авторъ не потрудился указать намъ, у какихъ иностранцевъ онъ хотѣлъ бы встрѣтить извѣстіе о Сусанинѣ. Что касается русскихъ лѣтописей, то авторъ утверждаетъ, что онѣ были довольно щедры на разсказы!... Предоставляемъ автору доказать эту новость. Московскій лѣтописецъ (кто онъ былъ—неизвѣстно) слегка касается важнѣйшихъ событій государственной жизни и жизни столицы; что же мудренаго, что онъ не зналъ о событіи мѣстномъ, о событіи костромскомъ, о подвигѣ, совершенномъ въ глуши темнымъ человѣкомъ. Скажутъ: событіе касалось самаго виднаго лица въ государствѣ,—новоизбраннаго царя! Но спрашиваемъ: много мы знаемъ подробностей объ этомъ лицѣ изъ лѣтописей? Когда, послѣ избранія Михаила, нужно было отправить къ нему торжественное посольство, то не знали, гдѣ находится новоизбранный царь! Что было съ Михаиломъ до 13 марта 1613 года,—объ этомъ не знала Москва и ея лѣтописцы, а подвигъ Сусанина самъ г. Костомаровъ относитъ ко времени 13 марта. Извѣстіе о подвигѣ Сусанина могло быть принесено въ Москву съ прибытіемъ сюда царя и его матери, что произошло не очень скоро; потомъ извѣстіе должно было распространяться уже изъ дворца, и черезъ сколько времени могло дойти до человѣка, оставившаго намъ записку о современныхъ ему событіяхъ? И сколько тутъ случайностей, по которымъ извѣстіе не могло дойти, по которымъ, и дошедши, могло быть не внесено въ записку! Извѣстно, какъ ослабляется впечатлѣніе событія, когда о немъ узнаютъ гораздо спустя послѣ его совершенія. Г. Костомаровъ указываетъ на то, что Никонова лѣтопись окончательно составлена при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда потомки Сусанина имѣли уже грамоты; но развѣ лѣтопись составлялась такъ, какъ теперь составляется историческое сочиненіе, по архивнымъ памятникамъ? Переписаны были лѣтописи, которыя можно было достать,—вотъ и окончательное составленіе!

Оставляя лѣтописи, г. Костомаровъ обращается къ современнымъ актамъ, и находитъ такіе, гдѣ непремѣнно слѣдовало бы упомянуть о подвигѣ Сусанина, „еслибъ тѣ, которые тогда говорили и дѣйствовали, знали что-нибудь въ этомъ родѣ“. Этими словами авторъ хочетъ показать, что

не только лѣтописецъ, можетъ быть человѣкъ темный, но сами правительственные люди ничего не знали о Сусанинѣ. Къ актамъ, гдѣ слѣдовало упомянуть о Сусанинѣ, г. Костомаровъ относитъ тѣ, въ которыхъ заключаются упреки Московскаго правительства Польскому за все, что сдѣлано было послѣднимъ и его подданными въ Россіи въ Смутное время. Между этими упреками, по мнѣнію г. Костомарова, необходимо долженъ былъ находиться упрекъ за безчестное покушеніе на жизнь царя, спасеннаго Сусанинымъ. Но черезъ страницу самъ авторъ разрушаетъ свои доказательства, соглашаясь съ объясненіемъ, что подъ Польскими и Литовскими людьми грамоты надобно разумѣть воровскихъ казаковъ, а не отрядъ собственно польскаго войска:—какимъ же образомъ, спрашивается, Московское правительство стало бы упрекать Поляковъ въ томъ, въ чемъ они не были виноваты? Любопытно также, что г. Костомаровъ отъ митрополита, произносившаго рѣчь при коронаціи Михаила, требуетъ искусства въ подборѣ эффектныхъ событій, требуетъ, чтобы онъ непремѣнно упомянулъ о Сусанинѣ; и такъ какъ онъ не упомянулъ, то заключаетъ, что митрополитъ и не зналъ о событіи: но митрополитъ не упомянулъ ни о Мининѣ, ни о Пожарскомъ, ни о Трубецкомъ. Наконецъ всего любопытнѣе то, что г. Костомаровъ требуетъ отъ матери Михаила, Маръы Ивановны, чтобъ она, отказываясь за сына отъ престола предъ соборными послами, упомянула о Сусанинѣ. Основное побужденіе къ отказу заключалось въ томъ, что несовершеннолѣтнему Михаилу не удержаться на престолѣ, на которомъ не умѣли удержаться и совершеннолѣтніе, ибо Русскіе люди измалодушествовались, за царей своихъ не стоятъ, мѣняютъ ихъ. Г. Костомаровъ требуетъ, чтобъ это основное доказательство было уничтожено приведеніемъ событія, которое явно показывало противное, которымъ послы отъ собора, возражавшіе Маръѣ, всего лучше могли воспользоваться для доказательства своей основной мысли, что новому царю бояться нечего, что Русскіе люди наказались, пришли въ себя, соединились, вмѣсто малодушія показываютъ рѣшимость жертвовать жизнью за царя.

„Грамота Богдашкѣ Собинину," продолжаетъ авторъ, „дана почти черезъ 8 лѣтъ послѣ того времени, когда случилась смерть Сусанина. Есть ли возможность предположить, чтобъ новоизбранный царь могъ столь долго забывать такую важную услугу, ему оказанную? Конечно, онъ о ней не зналъ. Это мы тѣмъ болѣе имѣемъ право признавать, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, тотчасъ же награждалъ всѣхъ, кто въ печальныя годины испытанія благопріятствовалъ его семейству; такимъ образомъ, въ мартѣ 1614 года, получили обѣльную грамоту крестьяне Тарутины за то, что оказывали расположеніе къ Маръѣ Ивановнѣ, когда она была сослана въ заточеніе при царѣ Борисѣ. Услуга, конечно, значительная; но услуга Сусанина, если бы она была въ то время извѣстна, достойна была бы во сто разъ важнѣйшей признательности. Отчего же такъ долго забытъ былъ подвигъ, который имѣлъ болѣе всѣхъ правъ на царское вниманіе"? Здѣсь авторъ упускаетъ изъ вниманія самое важное обстоятельство, которое вполнѣ разрѣшаетъ всякое недоумѣніе. Кого было награждать? Если бы самъ Сусанинъ былъ измученъ, но остался живъ, то, конечно, его бы наградили скорѣе и болѣе Тарутиныхъ; но самого его не было въ-живыхъ, не было жены, не было сыновей,—была одна дочь, отрѣзанный ломоть по тогдашнимъ (да и по нынѣшнимъ) понятіямъ. Однако и ту наградили.

Далѣе г. Костомаровъ, соглашаясь съ объясненіями, что въ грамотѣ употреблено неточное выраженіе—Польскіе и Литовскіе люди, вмѣсто воровскихъ казаковъ, говоритъ: „Могло быть, что въ числѣ воровъ, напавшихъ на Сусанина, были Литовскіе люди, но ужъ никакъ тутъ не былъ какой-нибудь отрядъ, посланный съ политическою цѣлью схватить или убить Михаила. Это могла быть мелкая стая воришекъ, въ которую затесались отсталые отъ своихъ отрядовъ Литовскіе люди. А такая стая въ то время и не могла быть опасна для Михаила Ѳеодоровича, сидѣвшаго въ укрѣпленномъ монастырѣ и окруженнаго дѣтьми боярскими. Сусанинъ на вопросы такихъ воровъ смѣло могъ сказать, гдѣ находился царь,—и воры остались бы въ положеніи лисицы, поглядывающей на виноградъ. Но предположимъ, что Сусанинъ, по слѣпой преданности къ своему боярину, не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ сказать о немъ ворамъ,—кто видѣлъ, какъ его пытали и за что пытали? Если при этомъ были другіе, то воры и тѣхъ бы начали тоже пытать, и либо ихъ, такъ же, какъ Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы отъ нихъ, гдѣ находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось извѣстнымъ, за что его замучили. Однимъ словомъ, здѣсь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страданіе Сусанина есть происшествіе само по себѣ очень обыкновенное въ то время. Тогда казаки таскались по деревнямъ и жгли и мучили крестьянъ. Вѣроятно, разбойники, напавшіе на Сусанина, были такого же рода воришки, и событіе, громко прославленное впослѣдствіи, было однимъ изъ многихъ въ тотъ годъ. Чрезъ нѣсколько времени зять Сусанина воспользовался имъ и выпросилъ себѣ обѣльную грамоту. Путь, избранный имъ, видимъ. Онъ обратился къ мягкому сердцу старушки (Маръы Ив.), и она попросила сына. Сынъ, разумѣется, не отказалъ заступничеству матери. Въ тотъ вѣкъ всѣ, кто только могъ, выискивалъ случай увернуться отъ тягла!"

На это, во-первыхъ, замѣтимъ, что напрасно г. Костомаровъ, уменьшая значительность воровскаго отряда, хочетъ уменьшить опасность, которая грозила Михаилу, и этимъ уменьшить или и совсѣмъ уничтожить важность подвига Сусанина.

Извѣстно ли г. Костомарову, какъ велики были силы, охранявшія Ипатьевскій монастырь, когда жилъ тамъ Михаилъ до принятія царства? Положимъ даже, что силы были велики; но у Пожарскаго въ Ярославлѣ было много войска, и однако казаки составили заговоръ убить его, и только по случайности не исполнили своего намѣренія. Слѣдовательно, опасность состояла не въ многочисленности воровскаго отряда, а въ цѣли, какую предположили себѣ его вожди; этой цѣли они могли скорѣе достигнуть тайнымъ убійствомъ, нежели явнымъ нападеніемъ на Кострому, осадою Ипатьевскаго монастыря. Что касается до вопроса, кто видѣлъ какъ пытали Сусанина?—то на него можетъ быть множество удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Извѣстны обычные пріемы шаекъ, подобныхъ той, которая напала на Сусанина: узнать, кто знаетъ о томъ, что нужно разбойникамъ, и потомъ пытать знатока, а другіе, которые сами указали на него, стоятъ или лежатъ полумертвые отъ страха. Предположивъ мнимую несообразность, что-то неясное и неправдоподобное въ событіи, г. Костомаровъ хочетъ, во что бы то ни стало, развѣнчать Сусанина; но этимъ однимъ развѣнчиваніемъ дѣло не могло окончиться: вмѣсто героя Сусанина, нужно было необходимо создать негодяя, обманщика, зятя его Собинина, который выдумалъ, что тестя его замучили за царя, и выпросилъ себѣ обѣльную грамоту. Не знаемъ, можно ли позволить себѣ такія вещи, не имѣя ясныхъ уликъ изъ источниковъ, на основаніи только нѣкоторыхъ соображеній, которыя не держатся при первомъ серьезномъ взглядѣ на дѣло! Собининъ, по словамъ г. Костомарова, обратился къ мягкому сердцу старушки; но авторъ забываетъ, что въ это время была уже не одна старушка, что уже пріѣхалъ старецъ, вовсе не отличавшійся мягкимъ сердцемъ, Филаретъ Никитичъ, который взялъ правленіе въ свои твердыя руки. Въ тотъ вѣкъ, дѣйствительно, кто только могъ, выискивалъ случай увернутся отъ тягла; но извѣстно, что Филаретъ Никитичъ объявилъ жестокую войну этимъ людямъ, увертывающимся отъ тягла, а г. Костомаровъ хочетъ, чтобы въ это самое время дали обѣльную грамоту человѣку, который явился съ бездоказательными росказнями о томъ, какъ его тестя замучили за царя.

Но всего любопытнѣе окончаніе изслѣдованія г. Костомарова: „По случайному сближенію, то, что выдумали про Сусанина книжники наши въ XIX вѣкѣ (значитъ грамота 1619 года относится къ XIX вѣку!), почти въ такомъ видѣ, въ XVII вѣкѣ, случилось дѣйствительно на противоположномъ концѣ Русскаго міра,—въ Украйнѣ. Когда, въ маѣ 1648 года, гетманъ Богданъ Хмельницкій гнался за польскимъ войскомъ, одинъ южно-русскій крестьянинъ, Микита Галаганъ, взялся быть вожатымъ польскаго войска, умышленно завелъ его въ болото и лѣсныя трущобы, и далъ возможность казакамъ разбить враговъ своихъ. Этотъ геройскій подвигъ самоотверженія отличается отъ Сусанинскаго тѣмъ, что онъ дѣйствительно происходилъ“.

Почему же дѣйствительно происходилъ? Всѣ думали, что и подвигъ Сусанина дѣйствительно происходилъ, а явились же заподозрѣванія. На слово никто не повѣритъ, особенно когда извѣстно, какой мутный источникъ представляютъ малороссійскія лѣтописи, въ которыхъ даже время смерти Богдана Хмельницкаго означено невѣрно. Что, если читатель захочетъ справиться съ сочиненіемъ того же г. Костомарова: „Богданъ Хмельницкій?“ Тамъ найдетъ онъ подробный разсказъ о Галаганѣ съ ссылкою на источникъ: „Исторія презѣльной брани“; но этотъ источникъ самъ г. Костомаровъ причисляетъ къ довольно мутнымъ, не могущимъ, напримѣръ, равняться, по вѣрности извѣстій, съ лѣтописью Величка. Открываемъ послѣднюю, и что же находимъ о Галаганѣ? „Войска польскія и обозы ихъ, ведомые какимъ-то невѣрнымъ или и непріязненнымъ къ нимъ человѣкомъ, подходятъ къ овраѓамъ и крутизнамъ“. Величка, черпавшій свои извѣстія изъ дневника Зорки, писаря, находившагося при Хмельницкомъ, ничего не знаетъ о Галаганѣ (тогда какъ, по словамъ „Исторіи о презѣльной брани“, Галаганъ былъ подосланъ Хмельницкимъ), говоритъ только, что Поляки зашли въ неудобное мѣсто по невѣрности или даже непріязненности вожатаго. Какъ бы обрадовался г. Костомаровъ, если бы въ какой-нибудь лѣтописи или хронографѣ нашлось подобное о Сусанинѣ, именно, что враги не отыскали мѣстопребыванія Михаилова по невѣрности или непріязненности къ нимъ вожатаго! Такимъ образомъ, г. Костомаровъ, относительно одного событія, заподозрѣваетъ источникъ первостепенный—грамоту, на томъ основаніи, что извѣстія нѣтъ въ источникахъ меньшей достовѣрности,—и въ то же время провозглашаетъ дѣйствительно совершившимся подвигъ, о которомъ знаетъ только источникъ мутный и ничего не знаетъ источникъ первостепенный.

Мы видѣли, что г. Костомаровъ понапрасну употреблялъ пріемы мелкой исторической критики, подкапываясь подъ извѣстіе о подвигѣ Сусанина. Для подобныхъ явленій есть высшая критика. Встрѣчаясь съ такимъ явленіемъ, историкъ углубляется въ состояніе духа народнаго, и если видитъ большое напряженіе нравственныхъ силъ народа, какое было именно у насъ въ Смутное время, если видитъ подвиги Минина, Пожарскаго, Ржевскаго, Философова, Луговскаго, то не усумнится признать—достовѣрнымъ и подвигъ Сусанина, не станетъ подвергать мученика новой пыткѣ, допрашивать: дѣйствительно ли онъ за это замученъ и было ли изъ-за чего подвергаться мученіямъ! Точно такъ же поступитъ историкъ и относительно подвига Галагана: онъ не остановится на томъ, что объ этомъ подвигѣ есть извѣстіе въ одной лѣтописи и нѣтъ въ другой; онъ не станетъ смотрѣть на разныя стороны, на сѣверъ и на югъ; онъ знаетъ, что въ эпоху Хмельницкаго на югѣ было также

большое напряженіе нравственныхъ силъ Русскаго народа, засвидѣтельствованное самими врагами, которые пишутъ, что между Русью нельзя найти шпіона; что русскаго плѣнника хоть жги—ничего не скажетъ про своихъ:—зная это, историкъ не усумнится въ достовѣрности подвига Галагана и даже скажетъ, что было много Галагановъ, имена которыхъ не внесены ни въ какую лѣтопись. Подъ впечатлѣніемъ великихъ событій XVII вѣка, приготовившихъ величіе и единство Русскаго народа, историкъ не останется великороссійскимъ или малороссійскимъ только историкомъ, и, вмѣсто единой Русской жизни, не отразитъ въ своемъ разсказѣ усобицы Древлянъ и Полянъ, Родимичей и Вятичей.

С. Соловьевъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ десятый.

Глава I.

Состояніе Западной Россіи въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка.

Значеніе религіозной борьбы въ Восточной Европѣ.—Мысль объ уніи.—Іезуиты Скарга и Поссевинъ.—Западно-русскіе архіереи, аристократія, братства.—Поведеніе архіереевъ во Владимірѣ, Луцкѣ, Львовѣ.—Братство Львовское.—Пріѣздъ Константинопольскаго патріарха Іереміи въ Западную Россію.—Кіевскій митрополитъ Онисифоръ; его сверженіе и поставленіе Михаила Рагозы.—Экзархъ Терлецкій.—Смуты вслѣдствіе распоряженій Іереміи.—Брестскій соборъ 1590 года.—Разрывъ Терлецкаго съ княземъ Острожскимъ; печальное его положеніе.—Терлецкій начинаетъ дѣло объ уніи.—Переписка Львовскаго братства съ Константинопольскимъ патріархомъ.—Ипатій Потѣй, епископъ Владимірскій; письмо къ нему князя Острожскаго объ уніи.—Терлецкій и Потѣй дѣйствуютъ заодно въ пользу уніи.—Брестскій соборъ 1594 года.—Поведеніе Рагозы относительно уніи; переписка его съ Скуминымъ.—Переписка князя Острожскаго съ Потѣемъ.—Окружное посланіе князя Острожскаго противъ епископовъ.—Львовскій епископъ Балабанъ отдѣляется отъ Терлецкаго и Потѣя, которые отправляются въ Римъ и отъ имени всего духовенства западнорусскаго признаютъ папу главою церкви.—Король старается поддержать дѣло Терлецкаго и Потѣя на Руси.—Брестскій соборъ 1596 года.—Раздѣленіе Западно-русской церкви на православную и уніатскую, и борьба между ними.—Посланіе Іоанна Вишенскаго.—Стефанъ Зизаній и сочиненія, противъ него направленныя.—Полемика по поводу Брестскаго собора.—Апокризисъ и его основныя положенія; Перестрога.—Король въ окружной грамотѣ излагаетъ свой взглядъ на Брестскій соборъ.—Движеніе казаковъ: Косинскій и Наливайка.—Дѣло патріаршаго экзарха Никифора.—Переписка князя Острожскаго съ папою.—Православные требуютъ къ суду епископовъ-уніатовъ.—Попытка православныхъ соединиться съ протестантами, чтобы вмѣстѣ защищаться отъ католиковъ.—Потѣй назначенъ митрополитомъ послѣ Рагозы и старается исторически доказать законность уніи.—Мелетій Смотрицкій и его сочиненія.—Рѣчь депутата Древинскаго на сеймѣ.—Поставленіе православныхъ архіереевъ и Совѣтованіе о благочестіи.—Усиленіе борьбы вслѣдствіе поставленія православныхъ архіереевъ.—Іосафатъ Кунцевичъ и письмо къ нему Льва Сапѣги.—Убіеніе Кунцевича.—Посланіе папы противъ православныхъ.—Наказаніе жителямъ Витебска за смерть Кунцевича.—Казаки.—Гетманъ Сагайдачный.—Сочиненіе Пальчовскаго о казакахъ.—Митрополитъ Іовъ Борецкій поднимаетъ казаковъ на защиту православія.—Обращеніе Іова къ Москвѣ.—Торжество Поляковъ надъ казаками и коммисія на Медвѣжьихъ Лозахъ.—Похожденіе искателя Турецкаго престола Александра Ахіи.—Возстаніе казаковъ подъ начальствомъ Тараса.—Кисель и его отношенія къ казакамъ.—Возстаніе Павлика и Скидана.—Возстаніе Остранина и Гуни.—Кіевская школа.—Луцкое братство и школа.—Петръ Могила.—Отступленіе Смотрицкаго отъ православія.—Смерть Сигизмунда III.—Требованія казаковъ.—Королевичъ Владиславъ старается уладить дѣло между православными и уніатами.—Продолженіе полемики между ними.—Петръ Могила митрополитомъ и его поведеніе.—Продолженіе гоненія на православныхъ.—Переселеніе въ Московское государство.

Въ самомъ началѣ нашей исторіи мы замѣтили, что Россія не имѣетъ рѣзкихъ природныхъ границъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ, и такимъ образомъ природа дала Русскимъ людямъ мало помощи при утвержденіи ихъ народной самостоятельности. Но за то скоро исторія дала имъ для этого могущественное средство: Русь приняла христіанство, и христіанство по Восточному исповѣданію. Христіанство провело рѣзкую черту между Русскимъ человѣкомъ и сосѣдомъ его на Востокѣ, азіятцемъ, бусурманомъ, поганымъ. Христіанство запечатлѣло Русскаго человѣка окончательно и твердо европейскимъ характеромъ; но, съ другой стороны, между Русскими и сосѣдями ихъ на Западѣ, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также рѣзкая нравственная граница, вслѣдствіе различія Восточнаго исповѣданія, принятаго Русскими, отъ Римскаго исповѣданія, къ которому принадлежали западные европейскіе народы. Религіозное различіе, которое такъ могущественно дѣйствуетъ въ юномъ народѣ, составляя обыкновенно въ его понятіяхъ основу дѣленія на нашихъ и не-нашихъ, это религіозное различіе взяло подъ свое опеку младенствующую, неразвитую народность Русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востокѣ борьба съ иновѣрными азіятскими варварами велась постоянно подъ религіознымъ знаменемъ, съ религіознымъ одушевленіемъ. А когда, въ началѣ XVII вѣка, растерзанное смутами Московское государство готово было потерять

свою самостоятельность, религіозное одушевленіе, сознаніе религіознаго различія подняло Русскихъ людей противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, заставило ихъ выбрать царя изъ своихъ—и тѣмъ утвердить самостоятельность государства:

Обозрѣвши Смутное время и возстановленіе спокойствія и самостоятельности Московскаго государства, Восточной Россіи въ царствованіе Михаила, мы должны обратить теперь наше вниманіе на Россію Западную, гдѣ шла также религіозная борьба, въ рѣшеніи которой долженъ былъ принять участіе преемникъ Михаиловъ. Мы видѣли, что Западная Россія, вслѣдствіе извѣстныхъ недостатковъ своего государственнаго развитія, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть къ болѣе сильному государству—Литовскому, а потомъ, при посредствѣ Литвы, соединилась и съ Польшею. Мы видѣли также, что на первыхъ же порахъ этого соединенія оказались большія неудобства вслѣдствіе различія исповѣданій, когда, при Ягайлѣ и нѣкоторыхъ его преемникахъ, польскіе католики давали себѣ волю увлекаться религіозною ревностію и тѣснить Восточное русское исповѣданіе. Мы видѣли, какъ уже давно подобныя попытки имѣли слѣдствіемъ народную вражду и стремленіе Русскихъ людей оторваться отъ Польско-Литовскаго союза и присоединиться къ единовѣрной Восточной Россіи. Но до второй половины XVI вѣка попытки эти распространить католицизмъ между Русскими людьми мѣрами насилія или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ соединиться съ католиками въ ученіи вѣры, оставаясь при своихъ прежнихъ богослужебныхъ обрядахъ и языкѣ богослужебномъ,—попытки эти не были постоянны и сильны, и съ теченіемъ времени ослабѣвали все болѣе и болѣе, вопервыхъ потому, что Ягеллоны хлопотали болѣе всего о тѣсномъ, неразрывномъ соединеніи Литвы и Руси съ Польшею, посредствомъ уравненія гражданскихъ правъ для народонаселенія всѣхъ этихъ странъ; но Ягеллоны хорошо понимали, что если бы при этомъ они воздвигли гоненіе на Русскую вѣру, стали принуждать Русскихъ къ уніи съ католиками, то цѣль ихъ не была бы достигнута. Такимъ образомъ, съ усиленіемъ стремленія къ уніи гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабѣвать попытки къ уніи церковной, которая могла быть введена между Русскими только путемъ насилія. Вовторыхъ, католическая ревность очень ослабѣла во времена передъ реформаціею, а Ягеллоны всего менѣе были способны возбуждать эту ревность; слѣдовательно и поэтому уже попытки къ уніи должны были прекратиться, и, дѣйствительно, мысль о ней совершенно исчезла къ половинѣ XVI вѣка.

Что же перемѣнило этотъ ходъ дѣлъ, такъ выгодный для Польши? Что воспламѣнило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гоненіе на вѣру своихъ русскихъ подданныхъ?—а это, разумѣется, должно было повести къ тому же, что мы видѣли и прежде въ подобныхъ обстоятельствахъ: къ отторженію русскихъ областей отъ Польши и къ присоединенію ихъ къ Восточной Россіи.

Наша древняя исторія имѣетъ болѣе связи съ общимъ ходомъ европейскихъ событій, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Великій религіозный вопросъ, религіозная борьба, поднятая въ Западной Европѣ реформою Лютера, имѣла сильное вліяніе и на судьбы Восточной Европы—судьбы нашего отечества. Великія событія XVII вѣка, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ Европы, совершаются подъ вліяніемъ религіозныхъ вопросовъ, религіозной борьбы. На Западѣ съ католицизмомъ борется протестантизмъ, и, вслѣдствіе этой борьбы, происходитъ окончательное освобожденіе и опредѣленіе народностей, стянутыхъ, закованныхъ до того времени римско-католическими стремленіями къ матеріальному единству; на Востокѣ съ католицизмомъ борется Восточное исповѣданіе, охраняющее самостоятельность и народность Русскаго и другихъ восточныхъ славянскихъ племенъ, и между этими борьбами на Востокѣ и на Западѣ тѣсная связь. Ученіе Лютера и его развѣтвленія, какъ мы видѣли, быстро распространились въ польскихъ владѣніяхъ; какъ вездѣ, такъ и здѣсь, католицизмъ, обнаруживая сильное противодѣйствіе врагу, выставилъ свое знаменитое ополченіе—іезуитовъ. Іезуиты, благодаря своимъ ловкимъ пріемамъ, осилили протестантизмъ, больной и слабый раздѣленіемъ. Но осиливъ протестантизмъ, іезуиты немедленно обратили вниманіе на болѣе опаснаго врага—на старинное, пустившее въ народѣ глубокіе корни, исповѣданіе Восточное, или Русское: противъ него направлены были теперь усилія іезуитовъ; противъ него возбужденъ ими фанатизмъ католическаго народонаселенія; противъ него, по ихъ внушеніямъ, дѣйствуетъ правительство, отуманенное фанатизмомъ, неумѣющее разобрать собственнаго интереса, думающее или, по крайней мѣрѣ, желающее другихъ заставить думать, что унія церковная скрѣпитъ унію государственную,—надежда основательная только въ томъ случаѣ, еслибы эта унія совершилась спокойно, безъ насилія. Противъ Русской вѣры направлены іезуитами безпокойныя силы школьной молодежи; противъ нея говорятъ они проповѣди и пишутъ ученыя разсужденія; противъ нея дѣйствуютъ они въ домахъ и школахъ, отрывая русскую молодежь отъ вѣры отцовской.

Въ 1577 году знаменитый іезуитъ Петръ Скарга издалъ книгу: *О единствѣ церкви Божіей и о Греческомъ отъ сего единства отступленіи* [1]). Двѣ первыя части посвящены догматическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ о раздѣленіи церквей; въ третьей части, особенно для насъ любопытной, авторъ говоритъ, что есть три причины, вслѣдствіе которыхъ въ Русской Церкви никогда

[1]) O jednosci Kosciola Bozego, i o Greckim od tey iednosci odstapeniu, z przestroga y upominanim do narodow Ruskich, pr. Piotra Skarge 1577.

порядка не будетъ: 1) женитьба священниковъ, которые пекутся только о мірскомъ, не заботятся о поученіи паствы; отъ этого на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchłopieli); 2) языкъ Славянскій: Греки обманули Русскихъ тѣмъ, что не дали имъ своего языка, но оставили языкъ Славянскій, чтобы Русскій народъ никогда до настоящаго разумѣнія и науки не дошелъ, ибо только посредствомъ Латинскаго и Греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. Не было еще на свѣтѣ и не будетъ ни одной академіи или коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки на иномъ языкѣ преподаваться и разумѣться могли. Съ помощію Славянскаго языка никогда никто ученымъ быть не можетъ; этого языка уже теперь въ сущности никто настоящимъ образомъ не разумѣетъ; нѣтъ на свѣтѣ націи, которая бы имъ говорила такъ, какъ въ книгахъ пишется; своихъ правилъ и грамматикъ онъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. У васъ, Русскихъ, и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали Греческій языкъ, старый и новый; а у насъ по всему свѣту одна вѣра и одинъ языкъ; христіанинъ изъ Индіи съ Полякомъ можетъ говорить о Богѣ; 3) униженіе духовнаго сословія, вмѣшательство свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя.—Скарга прямо говоритъ объ уніи, указываетъ на духовныя и мірскія выгоды отъ нея; для уніи, по его словамъ, нужны только три вещи: 1) чтобъ митрополитъ Кіевскій принималъ благословеніе не отъ патріарха, но отъ папы; 2) чтобъ каждый Русскій во всѣхъ артикулахъ вѣры былъ согласенъ съ Римскою церковію; 3) чтобы признавалъ верховную власть столицы Римской; что же касается до обрядовъ церковныхъ, то они остаются по-прежнему. Ту же книгу Скарга перепечаталъ въ 1590 году [1]), съ посвященіемъ королю Сигизмунду III. Здѣсь авторъ говоритъ, что книжки его многимъ принесли пользу, многимъ открыли глаза, и требуется новое изданіе ихъ; книжекъ этихъ уже нѣтъ въ продажѣ; скупила ихъ богатая Русь и сожгла. „Дай Боже", говоритъ Скарга, „соединить всѣхъ еретиковъ, которыхъ уже не очень много остается, и каждый бы день ихъ убывало, если бы свѣтская власть могла свободно пользоваться своимъ могуществомъ и правами. Труднѣе обратить Русскихъ, которые отзываются предками и стариною". Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляетъ болѣе того средства, которымъ прежніе короли содѣйствовали обращенію Русскихъ въ католицизмъ, именно—не допускали ихъ въ сенатъ, прежде чѣмъ обратятся. Другой іезуитъ, извѣстный уже намъ Антоній Поссевинъ, не успѣвши обратить въ католицизмъ Іоанна Грознаго, хлопоталъ объ уніи въ Западной Россіи, просилъ о заведеніи училищъ для Русскихъ и въ Римѣ и въ Вильнѣ; по его мнѣнію, только обративши въ Латинство Западную Россію, можно было привести къ тому же Восточную, или Московскую.

[1]) O rzadzie y iednosci Kosciola Bozego.

Іезуиты указали на унію, какъ на переходное состояніе, необходимое для упорныхъ въ своей старой вѣрѣ Русскихъ; прямо указаны были и средства къ уніи,—средства насильственныя: лишеніе выгодъ за упорство въ отцовской вѣрѣ. Что іезуиты смотрѣли на унію только какъ на переходное состояніе, видно изъ того же сочиненія Скарги, который выставляетъ на видъ пользу отъ единства богослужебнаго и ученаго языка, тогда какъ при уніи у Русскихъ оставался богослужебный языкъ Славянскій, а противъ него такъ вооружается Скарга. Въ то время, когда европейскіе народы, возросши, выпутывались изъ средневѣковыхъ пеленокъ католическаго, Латинскаго единства, чтобы съ помощію родныхъ языковъ развить свои народности,—въ то время іезуиты дѣлали дерзкій вызовъ исторіи, утверждая, что не будетъ на свѣтѣ такой академіи или коллегіи, гдѣ бы науки преподавались на иныхъ языкахъ, кромѣ Латинскаго и Греческаго. Противъ такого-то, оттягивающаго европейское человѣчество назадъ, начала, осуждающаго его на вѣчную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россія,—борьбу за вѣру и народность. Но гдѣ же были у нея средства для успѣшнаго окончанія этой борьбы?

Мы видѣли уже, что во второй половинѣ XVI вѣка, Западно-русская Церковь находилась далеко не въ завидномъ положеніи. Правительство, принадлежавшее къ другому исповѣданію, по меньшей мѣрѣ равнодушное, не могло быть внимательно къ ея интересамъ, любило кормить ея хлѣбомъ своихъ, а не ея служителей, отдавать не только православные монастыри, но и цѣлыя епархіи въ управленіе людямъ, не чувствовавшимъ никакого внутренняго призванія къ подобнымъ должностямъ, изъ желанія наградить не заслуги, оказанныя церкви, но заслуги, оказанныя государству только. Такіе пастыри не могли укрѣплять паству къ вѣрѣ и нравственности: отсюда ослабленіе дисциплины церковной, ослабленіе нравственности низшаго духовенства, упадокъ просвѣщенія. Но если государство становилось во враждебныя отношенія къ Западно-русской Церкви, отказывалось ее поддерживать, то этимъ самымъ вызывало къ дѣятельности начало общественное. Что Скарга считалъ бѣдствіемъ для Русской Церкви—именно вмѣшательство свѣтсткихъ людей въ дѣла церковныя, то было необходимо и спасительно для нея; правительство не заботилось о Церкви, архіерейство ослабѣвало,—общество должно было принять къ сердцу высшій интересъ свой и обнаружить сильное вліяніе на дѣла церковныя. Но какія же средства имѣло Западно-русское общество къ обнаруженію этого вліянія, какія силы были въ немъ, какія соединенія силъ, союзы? Западно-русское общество, въ описываемое время, представляетъ намъ сильную аристократію, богатые, могущественные роды; изъ нихъ нѣкоторые вели свое происхожденіе отъ Рюрика и Гедимина; отъ нихъ, особенно вначалѣ, Русская Церковь и народность

получили сильную помощь; мы уже видѣли дѣятельность князя Константина Острожскаго, видѣли также, какую помощь Русской Церкви въ борьбѣ съ католицизмомъ оказалъ московскій выходецъ князь Курбскій съ товарищами. Но потомъ аристократія западно-русская начала ослабѣвать въ стремленіи своемъ поддерживать Русскую вѣру и народность; средоточіе ея дѣятельности было не на Руси, а въ коронѣ Польской, при Дворѣ, въ сенатѣ; аристократія русская составляла часть цѣлой аристократіи польской и стремилась приравняться къ цѣлому; интересы русскіе были для нея интересами провинціальными, и потому она скоро охладѣваетъ къ нимъ, какъ ниже стоящимъ: старики еще крѣпко держались родной старины; но молодые, выхваченные изъ родной старинной обстановки воспитаніемъ, браками, службою, легко отвыкали отъ своего. Но если знатные паны, оказавшіе вначалѣ такъ много помощи Русской вѣрѣ и народности, ослабѣли впослѣдствіи, то не слабѣло среднее сословіе, городовое народонаселеніе, благодаря крѣпкимъ частнымъ союзамъ, среди него образовавшимся, благодаря знаменитымъ братствамъ. Мы видѣли, что братства, или братчины, общія всѣмъ областямъ русскимъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ, пріобрѣли особенное значеніе въ общинахъ болѣе самостоятельныхъ и развитыхъ, слѣдовательно имѣли большее значеніе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ городахъ низовыхъ, имѣли большее значеніе въ городахъ Западной Литовской Россіи, гдѣ старыя общинныя формы получили точнѣйшее опредѣленіе и окрѣпленіе, благодаря Магдебургскому праву, гдѣ цеховое устройство особенно содѣйствовало развитію братчинъ, или братствъ.

Кромѣ этой крѣпкой основы для общей дружной дѣятельности—развитія общиннаго быта и братствъ,—городовое сословіе, мѣщанство и потому могло сильнѣе бороться за вѣру и народность, что сфера его была тѣснѣе, чѣмъ у аристократіи; сильнѣе были у мѣщанъ мѣстныя провинціальныя привязанности, ибо не забудемъ, что русскія привязанности были привязанности провинціальныя въ Рѣчи Посполитой польской; понятно, слѣдовательно, почему мѣщанскія братства, коренившіяся на цеховомъ устройствѣ, явились средоточіемъ, къ которому стягивалась и шляхта во время борьбы за вѣру; за братство, за эти крѣпкіе союзы, выработанные городовымъ бытомъ Западной Россіи, всего сильнѣе запнулись іезуиты съ своей уніею.

Итакъ, сначала посредствомъ аристократіи, потомъ особенно посредствомъ братствъ, западно-русское общество боролось за свою вѣру и народность противъ могущественныхъ враговъ, поддерживаемыхъ государствомъ; посредствомъ аристократіи и братствъ русское общество имѣло вліяніе на дѣла церковныя. Мы видѣли, что Скарга, съ свой точки зрѣнія, видѣлъ въ этомъ вліяніи мірскихъ людей бѣдствіе для Церкви. Съ такой же точки зрѣнія начали смотрѣть на дѣло и нѣкоторые епископы русскіе, которымъ болѣе другихъ было тяжело это вліяніе; но понятно, что, усвоивши себѣ разъ эту точку зрѣнія, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить Церковь, т.е. самихъ себя, отъ этого вмѣшательства, успокоить Церковь, дать ей внѣшнее благосостояніе, легко признали необходимость и законности уніи.

Чтобъ имѣть понятіе о состояніи Западно-Русской іерархіи въ описываемое время, взглянемъ на состояніе значительнѣйшихъ здѣсь епархій. Нѣкоторыя западно-русскія епископіи богатствомъ своихъ земельныхъ владѣній превосходили восточныя; епископіи Владимірской (на Волыни) принадлежали: укрѣпленный замокъ въ городѣ Владимірѣ и нѣсколько дворовъ, мѣстечко Квасовъ, шестнадцать селеній въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ, волость Купетовская, заключавшая въ себѣ мѣстечко Озераны, одиннадцать селеній и рыбныхъ ловель, островъ Волославъ на рѣкѣ Лугѣ, на которомъ находился монастырь Св. Онуфрія. Епископіи Луцкой и Острожской принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ; изъ нихъ мѣстечки Хорлупъ и Жабче были защищены укрѣпленными замками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Легко понять, что такія доходныя мѣста, дававшія важное значеніе и обильное кормленіе, были предметомъ исканія для многихъ мірскихъ знатныхъ лицъ, которыя, добившись ихъ съ помощію свѣтской власти, не покидали своихъ мірскихъ привычекъ,—да и трудно имъ было покинуть ихъ, если бы даже хотѣли. Мы видѣли состояніе Польши въ описываемое время, видѣли своеволіе сильныхъ, презрѣніе законовъ, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: недаромъ же епископскіе замки были укрѣплены и вооружены артиллеріею; частыя столкновенія съ жадными, сильными и своевольными сосѣдями, иновѣрцами, и потому не поставлявшими за грѣхъ поживиться насчетъ имѣній схизматическаго епископа, заставляли послѣдняго безпрестанно являться въ суды обвинять и защищаться; и потому, вмѣсто молитвы и приготовленія поученій для паствы, владыка долженъ былъ сидѣть надъ выписками изъ законовъ. Въ 1565 г., по смерти епископа Іосифа, явилось двое соперниковъ, желавшихъ завладѣть епископіею Владимірскою и Брестскою: шляхтичъ Иванъ Борзобогатый-Красенскій и епископъ Холмскій Ѳеодосій Лазовскій. Первый, получивъ королевскую грамоту на на епархію, завладѣлъ епископскимъ замкомъ, гдѣ посадилъ сына своего Василія. Но король Сигизмундъ-Августъ въ то же время далъ жалованную грамоту на Владимірское епископство Лазовскому. Послѣдній явился во Владиміръ съ вооруженною силою, потребовалъ у Василія Красенскаго сдачи замка; получивъ отказъ, началъ добывать замокъ приступами, и наконецъ овладѣлъ имъ. Король, по жалобѣ Ивана Красенскаго, послалъ дворянина

своего звать Θеодосія на судъ; дворянинъ явился къ епископу въ соборную церковь Владимірскую и объявилъ ему приказъ королевскій. Θеодосій отвѣчалъ, что не поѣдетъ на судъ, бросился съ посохомъ на слугъ Ивана Красенскаго, велѣлъ своимъ людямъ бить ихъ и топтать ногами въ соборной церкви, наконецъ выгналъ ихъ изъ за́мка, сказавши: „Если бы здѣсь былъ самъ Борзобогатый, то я велѣлъ бы изрубить его въ куски и бросить псамъ". Этотъ поступокъ Θеодосія показываетъ намъ, съ какимъ человѣкомъ имѣемъ дѣло; утвердившись въ своей епархіи, онъ велъ себя какъ и другіе сильные паны: и на него, какъ на другихъ, подавались жалобы, что онъ съ толпою вооруженныхъ слугъ наѣзжалъ на имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, производилъ разбои и грабежи на большой дорогѣ; въ глубокой старости онъ совершенно ввѣрился зятю своему, Дубницкому, войту владимірскому, который расточалъ церковную казну, разорялъ церковныя имѣнія, кралъ жалованныя грамоты. Но мы должны разсматривать поведеніе Θеодосія Лазовскаго въ связи съ условіями времени, не должны прилагать къ нему требованій нашего времени и общества. Θеодосій принадлежалъ къ числу людей сильныхъ характеромъ, общество же не могло выставить никакихъ препятствій тому, чтобы эта сила не выражалась незаконнымъ образомъ; общество терпѣло Θеодосія, и Θеодосій, когда страсти его утихли, вспомнилъ, что „при жизни было много бито, граблено, а подконецъ надобно душу спасти", и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній мѣстечко Озераны и одиннадцать селеній, назначилъ доходы съ этихъ имѣній на украшеніе соборной церкви Владимірской, на учрежденіе при ней богадѣльни и школы для дѣтей; часть доходовъ назначена была на содержаніе двухъ проповѣдниковъ; въ школѣ положено имѣть двухъ баккалавровъ,—одинъ долженъ былъ учить Греческому, а другой Славянскому языку. Θеодосій выпросилъ у Стефана Баторія позволеніе передать управленіе Владимірскою епархіею архимандриту Кіевопечерскаго монастыря Мелетію Хребтовичу-Бугуринскому; но при этомъ Θеодосій пользовался доходами епархіи до самой смерти своей, случившейся въ 1588 году, и тогда епархія Владимірская перешла въ полную власть Хребтовича.

Между тѣмъ Иванъ Борзобогатый-Красенскій, лишенный Θеодосіемъ епархіи Владимірской, получилъ отъ короля епископію Луцкую и Острожскую по смерти Марка Жоравинскаго, который съ 1561 до 1567 года управлялъ епархіею Луцкою, не посвящаясь въ духовный санъ. Красенскій хотѣлъ-было подражать своему предмѣстнику, но Кіевскій митрополитъ Іона сильными мѣрами заставилъ его посвятиться въ 1571 году подъ именемъ Іоны. Новый епископъ съ своими дѣтьми и родственниками распоряжался церковными имѣніями какъ своею собственностію, отдалъ мѣстечко Жабче въ приданое за дочерью; сыновья епископскіе грабили церкви, разгоняли монаховъ; наконецъ Іона поссорился съ Баторіемъ, нелюбившимъ своеволія, и умеръ баннитомъ. По смерти его, въ 1585 году, переведенъ былъ на Луцкую епископію Кириллъ Семеновичъ Терлецкій, епископъ Пинскій и Туровскій, человѣкъ также дворянскаго происхожденія, умный, образованный, ловкій и дѣятельный, способный управлять епархіею по тогдашнимъ условіямъ, но далеко не способный быть достойнымъ епископомъ. Онъ нашелъ Луцкую епископію въ самомъ жалкомъ положеніи вслѣдствіе грабежей Красенскаго и его родственниковъ, долженъ былъ вооруженною рукою отнять у послѣднихъ Жабче, лично хлопоталъ въ судахъ о неприкосновенности церковныхъ имѣній и правъ; войско епископское всегда было наготовѣ для отраженія враговъ.

Третьею западно-русскою епархіею, которая обращаетъ на себя особенное вниманіе въ концѣ XVI-го вѣка, была Львовская въ Галицкой, или Червонной Руси. Епископомъ здѣсь въ это время былъ Гедеонъ Балабанъ, сынъ Львовскаго же епископа Арсенія. Получивши каѳедру какъ бы по наслѣдству, Гедеонъ считалъ себя въ большемъ правѣ, чѣмъ другіе его товарищи, смотрѣть на нее какъ на собственность неотъемлемую; но этотъ епископъ-собственникъ встрѣтилъ себѣ сильное сопротивленіе въ братствѣ Львовскомъ. Во время посѣщенія Львова Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, въ 1586 году, львовскіе мѣщане, ктиторы храма Успенія Богородицы, упросили его благословить ихъ на устроеніе братства, для котораго написаны были слѣдующія правила: 1) Въ опредѣленный день сходиться въ избранный домъ, съ любовію и миромъ, отдавая другъ другу предпочтеніе, промышляя доброе предъ Богомъ и людьми. 2) По повѣсткѣ, которая дѣлается обсылкою братскаго знамени, братья должны сходиться разъ въ четыре недѣли, или какъ случится надобность, и обязанъ каждый братъ разъ въ четыре недѣли дать полгроша въ братскую кружку. 3) Всякій, желающій вступить въ братство, кто бы онъ ни былъ,—мѣщанинъ или шляхтичъ, или предмѣщанинъ, или какого бы ни былъ чина, какъ тутошній, такъ и сторонній, долженъ дать вступнаго шесть грошей. 4) Братъ, живущій далеко отъ братства, долженъ давать разъ въ годъ по шести грошей. 5) Каждый годъ братья сообща выбираютъ изъ среды себя четырехъ старшинъ. 6) Кружка братская должна быть у старшаго брата, а ключъ отъ нея—у младшаго. 7) Ежегодно, при сложеніи своихъ должностей, старшины отдаютъ отчетъ предъ всѣми. 8) Если избираемый на старшинство будетъ противиться этому безъ уважительной причины, то долженъ дать три безмена воску. 9) Наказаніе всѣмъ одно — сидѣть на колокольнѣ. 10) Если братъ брата обидитъ словомъ въ братствѣ, то долженъ быть наказанъ сидѣньемъ на колокольнѣ, долженъ дать камень воску и, не выходя изъ братства, просить прощенія у оскорбленнаго брата и всего братства. 11) За слово непотребное, корчем-

ное, братъ долженъ платить фунтъ воску. 12) Въ засѣданіяхъ, исправя всѣ дѣла, братья должны читать священныя книги и скромно другъ съ другомъ разговаривать. 13) Братъ, узнавши о проступкѣ другого брата, не долженъ его таить, но объявить въ братствѣ, чтобъ виновный былъ подвергнутъ наказанію. Утаившій наказывается по приговору братскому. 14) Старшій за проступокъ подвергается двойному и тройному наказанію противъ младшаго. 15) Братъ, наказанный сидѣньемъ на колокольнѣ или денежною пенею, тотчасъ послѣ наказанія долженъ просить прощенія у того, предъ кѣмъ провинился. 16) Кто не отдастъ братской пени, долженъ поставить двоихъ братьевъ поруками до слѣдующаго засѣданія. 17) Въ обсужденіяхъ участвуютъ всѣ, какъ старшіе, такъ и младшіе: когда всѣ младшіе выскажутъ свои мнѣнія, тогда начнутъ говорить старшіе. 18) Если у брата есть какое-нибудь дѣло и не умѣетъ онъ его вести самъ, то вольно ему взять двоихъ братьевъ на совѣтъ и на помощь. 19) Дѣла братскія не должны быть выносимы за порогъ дома братскаго; виновный въ разглашеніи, по засвидѣтельствованіи двоихъ, долженъ быть наказанъ сидѣньемъ на колокольнѣ и безменомъ воску. 20) Кто презритъ церковнымъ братскимъ судомъ, тотъ судится какъ преслушникъ Церкви, и если въ четыре недѣли не покается, то, какъ поганецъ и явный грѣшникъ, отлучается. Священникъ долженъ его въ церкви предъ всѣми обличить и отъ церкви отлучить. 21) Сообщающійся съ отлученными вмѣстѣ съ ними осуждается. 22) Если неимѣющій состоянія братъ занеможетъ, то братья помогаютъ ему братскими деньгами и ходятъ за нимъ въ болѣзни. 23) Братъ, которому помогаютъ братскими деньгами въ напастяхъ, не платитъ роста. Давать въ-займы должно не тѣмъ, которые занимаютъ для какого-нибудь выгоднаго предпріятія, изъ желанія обогатиться, но дѣйствительно находящимся въ большой нуждѣ. 24) Тѣло умершаго брата всѣ братья провожаютъ на погребеніе въ приходскую церковь, и свѣча братская должна быть въ церкви. 25) Если кто изъ братій не явится на засѣданіе или на погребеніе по важнымъ причинамъ, то долженъ дать знать объ этомъ старшему брату; если же окажется, что препятствій никакихъ не было, то долженъ заплатить фунтъ воску. 26) Каждый братъ долженъ вписать въ поминанье имя отца своего и матери и всѣхъ сродниковъ умершихъ, а священникъ Успенской братской церкви долженъ читать поминанье братское за заутренею и вечернею въ дни поминовенные и въ Великій постъ, по уставу церковному. 27) Ежегодно должны быть двѣ литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, причемъ раздается посильная милостыня бѣднымъ.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ обществѣ, гдѣ нѣтъ для всѣхъ одинаковой безопасности, гдѣ господствуетъ право сильнаго, въ отдѣльныхъ лицахъ и въ союзахъ лицъ является стремленіе захватить для себя какъ можно больше силы, въ которой видятъ единственное обезпеченіе противъ насилія другихъ сильныхъ. Вотъ почему Львовское братство выхлопотало отъ Іоакима важное право обличать противныхъ закону Христову, истреблять всякое безчиніе въ церкви, право всеобщаго надзора и цензуры, изъ-подъ которой не былъ изъятъ и епископъ. 28) Если братство отлучитъ брата отъ церкви чрезъ своего священника, то протопопы и епископъ не могутъ благословить его до тѣхъ поръ, пока не покорится братству. 29) Если братья въ городѣ Львовѣ при какой-нибудь церкви увидятъ, или въ другомъ братствѣ услышатъ о незаконно-живущихъ, мірскихъ или духовныхъ, то должны удержать ихъ словомъ или грамотою; если же не послушаются, то должны донести старшему. 30) Если и епископъ будетъ вести себя незаконно, то и ему должны всѣ сопротивляться, какъ врагу истины. 31) Если кто-нибудь изъ братій будетъ обвиненъ предъ епископомъ, то не долженъ одинъ защищаться, а ждатъ, пока соберется съ нимъ все братство; при епископѣ братья сообща должны разобрать дѣло и судиться по правиламъ Св. Отецъ. 32) Братство Львовское, какъ старшее, должно обличать всякое другое братство, поступающее не по этимъ правиламъ. Никто не можетъ ему сопротивляться, опираясь на давность другихъ братствъ, несовершенно нѣкоторыми епископами установленныхъ: „Повелѣваемъ", говоритъ патріархъ, „чтобъ этому братству Львовскому всѣ братства повсюду повиновались". 33) Всякое братство въ своемъ городѣ и въ окольныхъ мѣстахъ и селахъ обязано знать поведеніе поповъ и мірскихъ людей, и обо всякомъ беззаконіи доносить епископу. 34) Кто разоритъ это право церковное, епископъ или князь, или простой человѣкъ,—на такомъ будетъ клятва всѣхъ четырехъ патріарховъ и Святыхъ Отецъ седьми вселенскихъ соборовъ. Въ то же время Іоакимъ разослалъ окружное посланіе съ извѣщеніемъ, что въ городѣ Львовѣ христіанская церковь хочетъ строеніемъ поновляться, т.-е. наукою Писанія Святаго: хотятъ мѣщане львовскіе школу основать для поученія дѣтямъ христіанскимъ всякаго званія, будутъ эти дѣти учиться Писанію Святому — Греческому и Славянскому, чтобъ не былъ родъ ихъ христіанскій безсловесенъ ради ненаученія; купили мѣщане типографію славянскую и греческую, для школы этой потребную, за полторы тысячи золотыхъ, хотятъ строить церковь новую и дома для школы, типографіи и госпиталей. Патріархъ проситъ у всѣхъ православныхъ христіанъ вспоможенія на такія богоугодныя дѣла.

Между братствомъ, получившимъ такія права, и между епископомъ Гедеономъ, ревнивымъ къ своей власти, тотчасъ же начались столкновенія; дѣло дошло до Константинопольскаго патріарха Іереміи; тотъ взялъ сторону братства и, въ ноябрѣ 1587 года, писалъ Гедеону: „Мы судили, истинно испытали и нашли въ тебѣ убійцу и ненавистника добру; не смѣй ничего говорить противъ Львовскаго братства, на которомъ Богъ почиваетъ и сла-

вится; и если услышимъ, что ты возбраняешь дѣла благія, то будешь отлученъ, а потомъ и другому церковному наказанію подвергнешься". Это грозное посланіе понудило Гедеона стать на точку зрѣнія Скарги, убѣдиться, какъ вредно вмѣшательство мірянъ въ дѣла церковныя, убѣдиться, что унія съ господствующею Церковію освободитъ владыкъ отъ униженія мірской цензуры; онъ сблизился съ католическимъ Львовскимъ епископомъ и, въ 1588 года, изъявилъ ему желаніе принять унію.

Въ такомъ состояніи находилась Западно-Русская Церковь, когда, въ 1589 году, посѣтилъ ее Константинопольскій патріархъ Іеремія, возвращавшійся изъ Москвы. Мірскіе люди не замедлили подать ему сильныя жалобы на церковные безпорядки, виною которыхъ были епископы порочные или нерадивые. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ главный пастырь, митрополитъ Кіевскій, Онисифоръ Дѣвочка, къ которому въ 1585 году православные галицкіе дворяне прислали съ сейма слѣдующую любопытную грамоту: „Великому несчастію своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, пастыря неимущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость не заботитесь о томъ, чтобъ словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять, нисколько не заботитесь о благочестіи. Съ жалобою на великія несправедливости, намъ сдѣланныя, мы пріѣхали на сеймъ въ Варшаву, въ надеждѣ на ваше обѣщаніе явиться туда же, чтобъ вмѣстѣ бить челомъ королю, защищать права и вольности закона нашего Греческаго. Но ваша милость не хотите исполнять своихъ обязанностей, не хотите быть дѣятельнымъ при такихъ великихъ бѣдахъ, больше которыхъ не было и не будетъ. Во время вашего пастырства вдоволь всякаго зла въ законѣ нашемъ сталось, насилія святыни, замыканье Св. Тайнъ, запечатаніе церквей святыхъ, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ, какъ злодѣевъ, запрещеніе мірскимъ людямъ молиться въ церквахъ: такихъ насилій не дѣлается и подъ поганскими царями, и все это дѣлается въ пастырствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ замокъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ; а ваша милость листы свои открытые противъ церкви Божіей жидамъ на помогу даешь. Изъ церквей дѣлаются костелы іезуитскіе; имѣнія, церкви Божіей данныя, теперь къ костеламъ привернуты. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ, церквами святыми владѣютъ; изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлаютъ; что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того святотатство сдѣлано: изъ вещей церковныхъ дѣлаютъ себѣ пояса, ложки и сосуды, изъ ризъ саяны, изъ эпитрахилей брамы. Но что́ еще хуже: ваша милость поставляешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своей, что́ и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтей родятъ. И другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и настроенія множество! Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два, — оттого и порядокъ сгибъ. Мы, по обязанности своей, вашу милость остерегаемъ, молимъ и просимъ: Бога ради, вспомни святыхъ предшественниковъ своихъ, архіепископовъ Кіевскихъ, и возревнуй благочестію ихъ, а на насъ не прогнѣвайся,—жаль намъ души и совѣсти вашей, за все отвѣтъ Господу Богу должны вы отдать".

Онисифоръ, по пріѣздѣ Іереміи, долженъ былъ оставить митрополію, и на мѣсто его патріархъ поставилъ въ митрополиты извѣстнаго уже намъ архимандрита Минскаго, Михаила Рагозу, по представленію христіанства, т. е. всѣхъ православныхъ Западной Россіи. Любопытно, что при посвященіи Михаила Іеремія произнесъ слѣдующія многозначительныя слова, обращаясь къ окружавшей знати: „Если онъ достоинъ, то по вашему глаголу буди достоинъ; если же не достоинъ, а вы его достойнымъ выставляете, то я чистъ, вы узрите". Изъ этихъ словъ ясно видно все значеніе мірскихъ людей при избраніи Рагозы, причемъ патріархъ выдѣлилъ совершенно свою волю, мірскіе люди представили ему незначительнаго, ему вовсе неизвѣстнаго архимандрита, и патріархъ уступилъ ихъ желанію, снявши съ себя всю отвѣтственность. Вглядываясь внимательнѣе въ характеръ и поведеніе Рагозы, можно понять, почему выборъ мірскихъ людей палъ на него: въ новомъ митрополитѣ мірскіе люди искали именно такого пастыря, который не былъ бы похожъ на тогдашнихъ западнорусскихъ епископовъ, непохожихъ вообще на епископовъ. Михаилъ былъ человѣкъ благочестивый, скромный, сравнительно-безукоризненной нравственности, далекій отъ дѣлъ насилія; но, къ сожалѣнію, съ этими достоинствами частнаго человѣка, монаха и епископа, Михаилъ не соединилъ другихъ достоинствъ, необходимыхъ для Западно-Русской Церкви въ то бурное время: не соединялъ твердости и энергіи, былъ слабъ, боязливъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ играть такую жалкую, двоедушную роль во время дѣла объ уніи.

Какъ бы то ни было, Михаилъ былъ избранникъ мірскихъ людей, и потому долженъ былъ держать ихъ сторону, сторону братства. Патріархъ дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Въ Вильнѣ 1589 года онъ издалъ окружную грамоту епископомъ о низверженіи изъ сана священниковъ двоеженцевъ и троеженцевъ, съ выговоромъ, что Пинскій епископъ Леонтій утаилъ такихъ въ своей епархіи. Въ грамотѣ этой патріархъ говоритъ, что онъ слышалъ отъ многихъ благовѣрныхъ князей, пановъ и всего христіанства, и самъ глазами своими видѣлъ, какъ позволялось священнодѣйствовать двоеженцамъ и троеженцамъ. Тогда же Іеремія благословилъ учредить братство въ Вильнѣ у церкви Св.

Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталямъ, тюрьмамъ и нищимъ по улицамъ два раза въ годъ—на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось въ школѣ даромъ учить дѣтей братскихъ и другихъ убогихъ сиротъ языкамъ Русскому, Греческому, Латинскому и Польскому; для науки школьной содержать людей ученыхъ, печатать книги церковныя и школьныя на языкахъ Греческомъ, Славянскомъ, Русскомъ и Польскомъ. Іеремія же подтвердилъ прежнія постановленія и права Львовскаго братства, а также и новыя: 1) Не быть другому общественному училищу во Львовѣ, кромѣ училища братскаго, въ немъ одномъ учить православныхъ дѣтей Священному Писанію, Славянскому и Греческому языкамъ. 2) Братство имѣетъ право печатать не только церковныя книги: часословы, псалтыри, апостолы, минеи, тріоди, требники, синаксари, евангелія, метафрасты, торжественники, хроники или лѣтописцы и прочія богословскія книги, но и другія, нужныя для училища, именно: грамматику, піитику, реторику и философію. 3) Священника, избраннаго братствомъ къ церкви Успенія, епископы львовскіе должны благословлять безъ всякой отговорки и противорѣчія; братство же и удаляетъ отъ должности священника, если онъ станетъ жить неприлично.

Но, согласившись на поставленіе Рагозы по представленію мірскихъ людей, Іеремія, спустя немного времени, въ знакъ ласки и благоволенія своего, далъ старшинство надъ всѣми епископами, Луцкому, Кириллу Терлецкому, видя въ немъ мужа искуснаго, ловкаго и ученаго. Экзаршество, или намѣстничество патріаршее, состояло въ томъ, что Терлецкій имѣлъ право исправлять всѣхъ епископовъ, блюсти за порядкомъ между ними, негодныхъ извергать. Что побудило Іеремію на установленіе такой важной должности подлѣ митрополичьей, отнять у митрополита почти все значеніе и передать его епископу Луцкому? Успѣлъ ли Терлецкій разными средствами подбиться къ патріарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мірскихъ людей, выразившуюся при назначеніи Михаила, свою собственную обиду при этомъ? Дѣйствительно ли патріархъ, признавая неспособность Михаила въ такое опасное и бурное время, спѣшилъ облечь властію своего намѣстника, человѣка болѣе ловкаго и дѣятельнаго? А быть можетъ и сами мірскіе люди, знатные паны, видя, что обидѣли Терлецкаго, обойдя его митрополіею, и не желая лишиться помощи такого дѣятельнаго и ученаго человѣка, содѣйствовали или, по крайней мѣрѣ, нисколько не мѣшали назначенію его экзархомъ? Источники не отвѣчаютъ на эти вопросы, и поэтому, оставя всѣ предположенія въ сторонѣ, замѣтимъ одно, что назначеніе Терлецкаго экзархомъ было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чѣмъ патріархъ успѣлъ выѣхать изъ предѣловъ Западной Россіи. Терлецкій наговаривалъ патріарху на другихъ епископовъ: Мелетій Владимірскій уличалъ Терлецкаго въ насильственномъ поступкѣ съ посланцомъ патріаршимъ; Іеремія послалъ сказать митрополиту, чтобъ созвалъ соборъ для рѣшенія этихъ дѣлъ и заплатилъ ему, патріарху, пятнадцать тысячъ аспръ (250 талеровъ) за поставленіе, ибо, если бы Рагоза долженъ былъ за этимъ поставленіемъ ѣхать въ Константинополь, то дороже бы ему стало. Митрополитъ, недовольный патріархомъ, который поставилъ его митрополитомъ, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвѣчалъ посланному: „Не обязанъ я ничего давать патріарху, и собора теперь созвать не могу". Митрополитъ былъ не доволенъ учрежденіемъ экзархата въ пользу Терлецкаго; Терлецкій былъ недоволенъ тѣмъ, что, несмотря на званіе экзарха, не пользовался полною довѣренностью патріарха, который велѣлъ созвать на него соборъ. Гедеонъ Балабанъ Львовскій былъ сильно недоволенъ тѣмъ, что патріархъ подтвердилъ права ненавистнаго ему братсва; тѣмъ же самымъ должны были быть недовольны всѣ вообще епископы, которыхъ ставили подъ цензуру мірскихъ людей. Между привилегированнымъ братствомъ—Успенскимъ во Львовѣ—и другими непривилегированными, меньшими братствами—встала рознь: въ 1590 году четверо гражданъ львовскихъ съ другими потаковниками своими, принадлежа къ братствамъ Никольскому, Ѳеодоровскому и Богоявленскому, соединились съ епископомъ Гедеономъ и стали вооружаться противъ Успенскаго братства и его школы, уговаривая многихъ не посѣщать ея. Митрополитъ Михаилъ, заступаясь за Успенское братство, отлучилъ ихъ отъ Церкви.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ іюнѣ 1590 года, созванъ былъ соборъ въ Брестѣ, на которомъ присутствовали: митрополитъ Михаилъ, Мелетій Хребтовичъ—епископъ Владимірскій, Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій, Леонтій Пельчинскій—Пинскій, Діонисій Збируйскій—Холмскій, Гедеонъ Балабанъ—Львовскій; были приглашены также Адамъ Потѣй, каштелянъ Брестскій, и всѣ клирошане соборные. Отцы разсуждали о великихъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергается Православная Церковь, о великомъ нестроеніи въ духовенствѣ, о развратѣ, несогласіяхъ, непослушаніи и безчинствахъ между нѣкоторыми христіанами. Для предотвращенія подобнаго нестроенія и своевольствъ, для установленія порядка, для разсужденія о школахъ, наукахъ, госпиталяхъ и другихъ благочистивыхъ дѣлахъ, отцы постановили собираться ежегодно въ Брестѣ-Литовскомъ въ іюнѣ 24-го числа; кто не явится на соборъ, долженъ заплатить 50 копъ грошей литовскихъ на общія потребы духовныя; кто поставитъ причиною отлучки болѣзнь, тотъ, пріѣхавши на соборъ слѣдующаго года, долженъ присягнуть, что дѣйствительно былъ боленъ; если же кто и на другой годъ не пріѣдетъ и присяги не дастъ, тотъ будетъ лишенъ епископіи. Архіереи обязались привозить изъ

соборъ всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и другихъ пресвитеровъ въ Св. Писаніи знающихъ; обязались не позволять, чтобъ простые люди держали монастыри; обязались не вступаться въ чужія епархіи, не ставить недостойныхъ пресвитеровъ, подъ пенею ста копъ грошей литовскихъ; кто же не заплатитъ, тотъ подпадаетъ проклятію. На соборѣ явилось семеро депутатовъ Львовскаго братства (изъ нихъ двое Грековъ), съ жалобою на епископа Гедеона, который не исполняетъ постановленій патріаршихъ относительно братствъ Львовскаго и Рогатинскаго, уже послѣ уговора и примиренія своего съ ними. На эти жалобы Гедеонъ отвѣчалъ одно: „Братство не хочетъ воздавать мнѣ надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него“. Но соборъ рѣшилъ дѣло въ пользу братства: такъ какъ Гедеонъ никогда не соглашался благословлять священниковъ для братства, почему церковь братская бывала безъ службы къ соблазну христіанъ, то братство передано въ непосредственную зависимость Кіевскаго митрополита, который благословляетъ священниковъ братскихъ, братствомъ избранныхъ.

Послѣ собора Кириллъ Терлецкій занемогъ и поѣхалъ въ Сендомиръ лѣчиться; потомъ пришла вѣсть, что онъ при смерти. Тогда одинъ изъ урядниковъ замковыхъ острожскихъ, Боровицкій, по давнему обычаю вошелъ въ домъ епископа и захватилъ его пожитки. Но Терлецкій выздоровѣлъ и, возвратясь изъ Сендомира, обратился съ жалобою къ князю Острожскому, въ надеждѣ на большую любовь этого вельможи къ себѣ. Но Боровицкій пользовался такъ же сильнымъ расположеніемъ князя, вслѣдствіе чего успѣшно защищался, и когда Терлецкій уѣхалъ изъ Острога, то Боровицкій сталъ обносить его передъ княземъ, и такъ успѣлъ очернить Кирилла, что князь, вмѣсто прежней любви, сталъ оказывать презрѣніе къ нему. Легко понять теперь положеніе Луцкаго епископа, разладившаго съ самымъ могущественнымъ вельможею своей епархіи и столпомъ православія! Съ одной стороны, разладъ съ своими въ лицѣ самаго сильнаго изъ своихъ, съ другой—поднимается ожесточенное преслѣдованіе отъ чужихъ. Секретарь королевскій, Мартынъ Броневскій, напалъ съ толпою вооруженныхъ людей на церковное владѣніе Филимичи, завладѣлъ церковнымъ и епископскимъ имѣніемъ. Староста Луцкій, Александръ Семашко, сдѣлавшійся изъ православныхъ католикомъ, наложилъ подать за входъ въ соборную луцкую церковь; въ апрѣлѣ 1591 года, въ Страстную субботу и Свѣтлое Воскресеніе, Семашко велѣлъ впустить въ замокъ, гдѣ находилась церковь, только одного епископа съ слугою, безъ духовенства, почему въ соборной церкви не было въ эти дни богослуженія, а епископъ два дня не пилъ и не ѣлъ, между тѣмъ какъ пьяный Семашко въ притворахъ соборной церкви заводилъ танцы и игры, и приказалъ гайдукамъ своимъ стрѣлять въ куполъ и крестъ церковный.

Въ іюнѣ, по приговору, епископы съѣхались на соборъ въ Брестъ, опредѣлили жаловаться королю, что урядники и землевладѣльцы великаго княжества Литовскаго вступаются въ дѣла духовныя, судятъ священниковъ, разводятъ браки. Но Терлецкій съ нѣкоторыми товарищами рѣшились избавиться отъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ, прямымъ средствомъ, на которое давно уже было указано іезуитами,—уніею. Король Сигизмундъ получилъ слѣдующую грамоту: „Мы, нижеподписавшіеся епископы, желаемъ признавать пастыремъ нашемъ и главою намѣстника Св. Петра, святѣйшаго папу Римскаго, отчего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ Церкви Его Святой; но, желая быть въ повиновеніи у святѣйшаго отца папы, мы желаемъ, чтобъ оставлены были намъ всѣ церемоніи, службы и порядки, какіе издавна Церковь наша Св. Восточная держитъ, и чтобы его королевская милость вольности намъ грамотами обезпечилъ, и артикулы, которые нами будутъ поданы, утвердилъ; а мы обязуемся быть подъ властію и благословеніемъ отца папы, и листъ этотъ съ подписью нашихъ собственныхъ рукъ и приложеніемъ печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу Луцкому и Острожскому“. Подписали: „Кириллъ Луцкій, Гедеонъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій“.

Только въ январѣ 1592 года король отвѣчалъ на жалобу митрополита запрещеніемъ свѣтскимъ лицамъ вмѣшиваться въ дѣла духовныя, и только 18 марта написанъ былъ привилей королевскій согласнымъ на унію епископамъ: „Мы, господарь, имъ самимъ епископамъ, пресвитерамъ и всему духовенству Церкви Восточной и религіи Греческой обѣщаемся сами за себя и за потомковъ нашихъ, что если бы кто-нибудь изъ патріарховъ и митрополитовъ наложилъ на нихъ клятву, то эта клятва имъ и всему духовенству ихъ ни въ чемъ не будетъ вредить; обѣщаемъ ни по какимъ обвиненіямъ и клятвамъ не отнимать у нихъ епархій и другимъ при жизни ихъ не отдавать; обѣщаемъ пріумножить къ нимъ ласку нашу, придавая имъ и каждому, кто склонится къ уніи, свободъ и вольностей въ той же мѣрѣ, въ какой имѣютъ ихъ и римскіе духовные, что обѣщаемъ и другими привилеями нашими утвердить“. Въ это время между православными еще ничего не было извѣстно о замыслѣ Терлецкаго съ товарищами,—по крайней мѣрѣ, Львовское братство, продолжая борьбу съ своимъ епископомъ, въ грамотѣ къ патріарху отъ 6 февраля 1592 года еще ничего не говоритъ объ этомъ. Въ этой грамотѣ братство пишетъ. „Безпрестанными бѣдами томитъ насъ Гедеонъ, епископъ Львовскій, людей раздѣлилъ и на братство наше вооружилъ, приказалъ всѣмъ подъ клятвою отвращаться отъ насъ; монастырь Св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подъ благословеніемъ митрополита находящійся, пограбилъ, игумена обезчестилъ. На соборѣ показали мы грамоту вашей святыни объ этомъ монастырѣ и священникѣ нашего братства храма,

котораго архіепископъ (т.-е. митрополитъ Михаилъ) подъ благословеніе свое принялъ, а епископъ проклинаетъ. Мы жаловались на епископа на соборѣ: но безчиннаго ради собора не было о томъ суда, на будущій соборъ отложили. Архіепископъ съ епископами утвердили, чтобы впередъ священники братствъ Львовскаго и Виленскаго были подъ благословеніемъ архіепископскимъ и подъ защитою всего собора; но епископъ, по древнему своему противленію, и теперь противится, и всюду между всякихъ чиновъ людьми клевещетъ, что мы не можемъ ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидаскаловъ (учителей) Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, другіе по инымъ мѣстамъ разошлись, а Стефанъ здѣсь живетъ; священники лучшіе, ради гоненія епископскаго, разошлись въ иныя страны; а двоеженцы водворились вездѣ. Епископы Холмскій и Пинскій съ женами живутъ и, видя это, двоеженцы смѣло литургисаютъ. Сильно смущается Церковь и вспять возвращается; люди знатные, въ различныя ереси впавшіе, хотѣвшіе прежде возвратиться къ своему правовѣрію, теперь не хотятъ; хулятъ церковное безчиніе, и всѣ люди единогласно вопіютъ: „Если не устроится церковь, то вконецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ покоѣ безмятежномъ". Нѣкоторые неправду сказали твоему святительству, будто у насъ есть люди, не почитающіе Св. иконъ; нѣтъ такихъ ни въ братствѣ нашемъ, ни въ цѣломъ городѣ. Дѣло вотъ какъ было: когда архіепископъ нашъ (Михаилъ) былъ здѣсь въ Галиціи, то въ городѣ Рогатинѣ нашелъ икону: вмѣсто Спасова образа написанъ Богъ Отецъ съ сѣдинами; тоже и въ Галичѣ. Архіепископъ велѣлъ эту икону вынести изъ церкви и написать Спасово изображеніе. Но Гедеонъ, епископъ Львовскій, по уходѣ архіепископа, велѣлъ въ Галичѣ икону невидимаго Бога Отца въ церкви выше всѣхъ иконъ поставить, и подписалъ имя иконѣ: „Ветхій денми", и, уча народъ, обвинялъ архіепископа въ иконоборствѣ. На Воскресенье Христово, какой-то хлѣбъ, называемый пасха, по старому еретичеству, приказывалъ освящать; пятницу празднуютъ, и на другой день Рождества Христова пироги приносятъ въ униженіе Богородицы (такъ-называемый пологъ Богородицы, по нашему на зубокъ). Все это велитъ епископъ по старому держать и не соблазняться прещеніями твоего святительства. Сообщаемъ твоему святительству и радостныя вѣсти: въ Вильнѣ братство размножается. Ѳедоръ Скуминъ (Тышкевичъ), воевода Новгородскій, и панъ Богданъ Сапѣга, воевода Минскій, со многими чиновными людьми вступили въ братство церковное и утвердили единство свое съ братствомъ Львовскимъ, дабы вмѣстѣ промышлять объ общей пользѣ. Кромѣ того, панъ Адамъ Потѣй, каштелянъ Брестскій, сенаторъ королевскій, заложилъ въ Брестѣ чинъ братства Львовскаго".

Какъ же удивилось Львовское братство, когда вскорѣ послѣ этого врагъ его, Гедеонъ, объявилъ грамоту патріаршую, въ которой приказывалось изъять монастырь Св. Онуфрія изъ-подъ власти митрополита. Въ сентябрѣ братство писало патріарху: „Не знаемъ какъ это случилось,—отъ зависти ли бѣсовской, или отъ клеветы злохитрыхъ людей, или потому, что ты забылъ прежнюю свою грамоту?". Тутъ же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патріарху о замыслѣ насчетъ уніи: „Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ-называемые святители, а лучше сказать сквернители, вопреки иноческому обѣту, съ женами невозбранно живутъ; нѣкоторые многобрачные святительствуютъ, другіе съ блудницами дѣтей прижили. Если такіе святители, то простые священники и подавно. Когда митрополитъ на соборѣ обличилъ священниковъ и требовалъ, чтобы они отказались отъ священства, то они отвѣчали: „Пусть прежде святители откажутся отъ своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ. Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, и ввели въ монастыри родню свою и урядниковъ мірскихъ; имѣнія всѣ церковныя пограбили, иночество испразднили, коней и псовъ въ монастыри ввели. Многіе же утвердили совѣтъ предаться римскому архіерейству съ сохраненіемъ закона Греческой вѣры, и Римскій папа послалъ одного іерея своего съ приказаніемъ по всѣмъ церквамъ своимъ квасны̀мъ хлѣбомъ службу совершать, въ знакъ соединенія церквей; іезуитъ Виленскій Петръ Скарга напечаталъ книги о вѣрѣ своей и о греческомъ заблужденіи, и королю вручилъ. Люди разсудили, что можетъ Христова вѣра подъ римскою властію правовѣрно исповѣдаться, какъ и сначала было, потому что безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, законы отеческіе попраны и ложь православіемъ лицемѣрствующихъ учителей покрыла церковь".

Братство не могло еще, не умѣло назвать епископовъ, рѣшившихся на унію: такъ осторожно и тайно дѣйствовали они; понятно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ они должны были дѣйствовать медленно, и потому не нужно искать причины этой медленности въ какомъ-нибудь внѣшнемъ обстоятельствѣ. Львовское братство писало патріарху, что у многихъ укореняется мысль о необходимости подчиниться Римскому престолу, какъ о единственномъ средствѣ избавиться отъ безначалія и безпорядковъ, господствовавшихъ въ Русской Церкви; но сдѣлать рѣшительный, открытый шагъ къ этому подчиненію было крайне трудно и опасно. Терлецкій одинъ не могъ на это рѣшиться: Терлецкому одному трудно было дѣйствовать, пріобрѣтать сообщниковъ: какъ мы видѣли, онъ лишился дружбы князя Константина Острожскаго. Но скоро явился человѣкъ, который занялъ мѣсто Терлецкаго въ расположеніи князя Константина; въ началѣ 1593 года, по смерти Владимірскаго епископа Мелетія, епархію эту получилъ Ипатій, въ міру Адамъ Потѣй, тотъ самый сенаторъ и каштелянъ Брестскій, о благочестивой ревности котораго упо-

минало Львовское братство въ письмѣ къ патріарху. Потѣй явился достойнымъ своего новаго сана, явился „великимъ подвижникомъ, воздержникомъ, постникомъ, чуткимъ охранителемъ правъ церковныхъ и ни въ какое дѣло свѣтское не вступающимся". Но бывшій каштелянъ былъ мало свѣдущъ въ догматическихъ подробностяхъ Восточнаго исповѣданія, былъ равнодушенъ къ вопросу о различіи церквей — и тѣмъ легче могъ быть склоненъ къ уніи. Терлецкій взялся за это дѣло. „На ласку князя Острожскаго полагаться опасно", говорилъ онъ Потѣю: „ко мнѣ былъ ласковъ, а теперь презираетъ. Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостынею, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ; Іеремія уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, которыя будутъ и уже суть гонители владыкъ: чего и нѣтъ, — и то взведутъ и оклевещутъ; удастся имъ свергнуть кого-нибудь изъ насъ съ епископіи; — самъ посуди, какое безчестье! Господарь король даетъ должности до смерти и не отбираетъ ни-за-что, кромѣ уголовнаго преступленія, а патріархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и санъ отниметъ, — самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ Римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ, вмѣстѣ съ римскими епископами, и легче отыщемъ имѣнія, отъ церквей отобранныя".

Не знаемъ, кто первый началъ разговоръ объ уніи, Потѣй или князь Острожскій; — знаемъ, что 21-го іюня 1593 года князь писалъ Владимірскому епископу слѣдующее письмо: „Всякій человѣкъ долженъ стараться о томъ, чтобы быть размножителемъ и любителемъ хвалы Божіей. И я, по причинѣ многочисленныхъ мірскихъ занятій моихъ, хотя не могъ посвятить всего себя заботамъ объ умноженіи хвалы Божіей, однако, по христіанской обязанности, съ давняго времени было у меня желаніе, и теперь не слабѣющее, но болѣе и болѣе распаляющееся, — желаніе найти способъ къ тому, чтобы Церковь Христова, всѣхъ церквей начальнѣйшая, въ первобытное свое состояніе прійти могла. Но, какъ вижу, достойное созидается достойными и честное совершается честными. Такъ и мнѣ или несчастіе воспрепятствовало, или собственное недостоинство мое не допустило положить начало доброму дѣлу. Однако Св. Писаніе говоритъ: „сила Божія въ немощи совершается", и потомъ — „отъ человѣкъ невозможное Богу возможно". Опираясь на эта слова, незадолго предъ тѣмъ, не славы ради житейской, Богъ вѣсть, но сѣтуя о паденіи Церкви Христовой, не терпя наруганія еретиковъ и отступниковъ, дерзнулъ я съ легатомъ папы Римскаго, Поссевиномъ, совѣтовать и гадательствовать о нѣкоторыхъ нужныхъ рѣчахъ Писанія Святаго, не самъ, но чрезъ своихъ старшихъ и пресвитеровъ; но Богу не угодно было, не знаю на пользу намъ или во вредъ. И такъ случилось тогда, какъ было угодно Богу. И теперь, не имѣя возможности прекратить заботы о Церкви Божіей, имѣя намѣреніе для здоровья своего тѣлеснаго отправиться въ тѣ страны, недалеко отъ которыхъ живетъ папа Римскій, предлагаю хлопотать тамъ о соединеніи церквей, если бы было на то произволеніе Божіе, если бы вы, духовные, на будущемъ соборѣ вашемъ, нашли способы къ прекращенію внутренней брани въ Церкви Божіей. По моему мнѣнію, ваша милость, епископъ Владимірскій, согласившись съ преосвященнымъ отцомъ архіепископомъ и епископами, съ позволеніемъ и грамотою его королевской милости, должны ѣхать къ великому князю Московскому и вмѣстѣ съ великимъ княземъ и духовенствомъ Земли тамошней посовѣтоваться, поразсказать имъ, какое гоненіе, преслѣдованіе, поруганіе и уничиженіе народъ здѣшній Русскій въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ церковныхъ терпитъ; просить ихъ, какъ единовѣрцевъ, стараться о томъ, чтобы больше Церковь Христова такой смуты, а народъ Русскій такого гоненія и ослабленія не терпѣли. Усердно прошу вашу милость, какъ ласковаго господина и пріятеля, особенно же теплаго тщателя въ любви вѣры Христовой, стараться изо всѣхъ силъ на соборѣ, чтобъ положить начало если не соединенію, то, по крайней мѣрѣ, улучшенію жизни народной. Ибо извѣстно всѣмъ вашимъ милостямъ, что люди нашей религіи упали нравственно, что господствутъ въ нихъ лѣность и нерадѣніе въ благочестіи: не только не исполняютъ они обязанности своей христіанской, не защищаютъ Церковь Божію и вѣру свою старинную, но еще сами многіе, насмѣхаясь надъ нею, разбѣгаются по разнымъ сектамъ. Если ваши милости стараться объ этомъ не будете, то сами знаете, кто повиненъ будетъ отвѣтъ дать: ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы Христовой. Но отчего же размножились между людьми лѣность, нерадѣніе и отступленіе отъ вѣры? Оттого, что нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божія, нѣтъ наукъ, нѣтъ проповѣдей; отъ этого наступило истощеніе хвалы Божіей въ Церкви Его, наступилъ голодъ слушанія слова Божія, началось отступленіе отъ вѣры и закона. Дошло до того, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы могли мы утѣшиться въ законѣ своемъ. Имѣемъ право сказать словами пророческими: „Кто дастъ головѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ", чтобъ могли мы оплакивать упадокъ, истощеніе вѣры и закона своего день и ночь? Все ниспроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если дальше такъ пойдетъ, то Богъ вѣсть, что съ нами наконецъ будетъ!" При этомъ письмѣ князь приложилъ и собственноручныя статьи, на которыхъ онъ желалъ бы уніи: 1) Оставаться намъ вполнѣ при всѣхъ обрядахъ, какіе Церковь Восточная держитъ. 2) Чтобъ паны Римляне церквей нашихъ и имуществъ ихъ на свои костелы не брали. 3) Чтобъ послѣ уніи не принимали они тѣхъ изъ нашихъ, которые захотѣли бы быть католиками; не принуждали бы нашихъ къ католицизму, особенно при бракахъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. 4) Чтобы духовенство наше въ такомъ же почетѣ

было, какъ ихъ; чтобы митрополиты и владыки въ радѣ и на сеймикахъ мѣсто имѣли, хотя и не всѣ. 5) Нужно переслаться съ патріархами, чтобъ и они склонились къ уніи, чтобъ намъ единымъ сердцемъ и едиными устами Господа Бога хвалить. Нужно послать къ Московскому и къ Волохамъ, чтобы согласиться съ ними вмѣстѣ на унію; всего лучше, по моему мнѣнію, въ Москву послать отца епископа Владимірскаго, а къ Волохамъ — Львовскаго. 7) Нужны также исправленія нѣкоторыхъ вещей въ церквахъ нашихъ, особенно касательно вымысловъ людскихъ. 8) Необходимо имѣть намъ ученыхъ пресвитеровъ и проповѣдниковъ добрыхъ, ибо, по недостатку просвѣщенія, великая грубость въ нашемъ духовенствѣ умножилась.

Практическій смыслъ Потѣя и Терлецкаго долженъ былъ внушить имъ, что требованія князя неисполнимы; что Церковь Восточная Греческая и Восточная Русская, или Московская, не признаютъ папу главою своею, а безъ этого унія невозможна; что попустому, слѣдовательно, будетъ ѣхать и въ Москву и къ Волохамъ; что дѣло не можетъ рѣшиться путемъ соборовъ, но только рѣшительнымъ шагомъ со стороны нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, которыя своимъ примѣромъ могутъ увлечь народъ, наскучившій тяжелымъ положеніемъ Церкви. Не прошло года послѣ собора 1593 года, какъ 21-го мая 1594 года Терлецкій, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, явился въ урядъ Луцкій и объявилъ, что, по волѣ и промышленію Бога, въ Троицѣ славимаго, и по усердному старанію и побужденію короля, его милости, и пановъ сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное соединеніе и возстановилась братская любовь между Церквами Восточною и Западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы Римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ; что для утвержденія этого соединенія и для изъявленія покорности папѣ, онъ, Терлецкій, вмѣстѣ съ Владимірскимъ епископомъ Потѣемъ, отправляется въ Римъ, по приказанію короля, и что для издержекъ на это путешествіе отдано въ залогъ церковное имѣніе Водиради.

Наступало обычное время собора — 24-го іюня; пріѣхалъ въ Брестъ митрополитъ Михаилъ, пріѣхалъ Потѣй, Терлецкій. На другой день по пріѣздѣ митрополита службы не было, только говорилъ проповѣдь о пастыряхъ владыка Владимірскій Потѣй на текстъ: „Азъ есмь пастырь добрый“ Послѣ проповѣди владыка спросилъ предстоявшихъ, хорошо ли онъ говорилъ, или нѣтъ. Всѣ отвѣчали: „Хорошо!“ Но вотъ послышался одинъ голосъ изъ толпы: „Владыко противъ себя читаетъ“. Въ церкви встало смятеніе, порицателя схватили и поставили предъ соборомъ, гдѣ онъ сказалъ Потѣю: „Ты насъ добру учишь, а самъ дурно дѣлаешь: малыхъ ребятъ неразумныхъ въ попы ставишь и отъ нихъ по осьми копъ берешь“. Послѣ этихъ словъ волненіе еще болѣе усилилось: порицателя Потѣева били, мучили и наконецъ посадили въ богадѣльню на цѣпь. На третій день, послѣ заутрени, велѣли звонить на соборъ; собрались отцы въ церковь, отворили Царскія врата, зажгли свѣчи, поставили налой на амвонѣ, положили евангеліе разогнутое. Митрополитъ сѣлъ на особомъ мѣстѣ, владыки особенно, архимандриты особенно; потомъ архидіаконы, протопопы, игумны, священники, братства на особомъ мѣстѣ; были и паны, но немного; слышали, что Римляне будутъ. Послѣ молитвы о ниспосланіи Св. Духа, соборъ начался: стали подавать жалобы: братства подали жалобу на владыку Львовскаго Балабана; Потѣй жаловался на него же; братства Виленское и Львовское положили свое право братское; потомъ подавались грамоты отъ многихъ пановъ къ митрополиту и ко всѣмъ владыкамъ съ жалобами. Наступилъ вечеръ и разошлись обѣдать. Но вотъ явилась грамота отъ Гнѣзненскаго архіепископа-примаса, который напоминалъ митрополиту, что соборъ никакой законной силы имѣть не можетъ, ибо всякіе съѣзды, сеймы и соборы запрещены въ отсутствіе короля, находившагося тогда въ Швеціи. На этомъ основаніи, ограничились только дѣлами судными, подтвердили права братствъ, и Гедеонъ Балабанъ, за насилія Львовскому братству, низверженъ съ епископіи [1]). Гедеонъ протестовалъ противъ собора, опираясь на его незаконность; Терлецкій также отрекся отъ участія въ незаконномъ соборѣ, и, 2 декабря 1594 года, явился актъ соединенія владыкъ для принятія уніи. Владыки указываютъ на уклоненіе многихъ людей въ ереси, какъ на слѣдствіе того, что они, Русскіе, порознились съ панами Римлянами, порознились дѣти одной матери, и потому не могутъ помогать другъ другу. Моля Бога о соединеніи вѣры, они, владыки, не старались объ этомъ потому, что смотрѣли на старшихъ, дожидались, чтобъ тѣ постарались о соединеніи церквей. Но надежда на старшихъ ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, потому что они, будучи въ неволѣ поганской, если бы даже и хотѣли, то не могутъ ничего сдѣлать. „Вслѣдствіе этого, по наитію Св. Духа, видимъ мы“, пишутъ владыки, „что людямъ большія препятствія къ спасенію безъ единства въ Церкви Божіей, а въ этомъ единствѣ предки наши всегда были; одного старшаго пастыря первопрестольника, именно святѣйшаго папу Римскаго, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядокъ и великое умноженіе хвалы Божіей въ церкви бывали, и еретикамъ трудно было ереси разсѣвать; когда же много старшихъ и первопрестольниковъ настало, то теперь явно видимъ, до какого несогласія Церковь Божія пришла. Итакъ, не желая взять на свою совѣсть погибель душъ людскихъ, умыслили мы соединиться для святаго дѣла, чтобъ, какъ прежде, едиными усты и единымъ сердцемъ славить Отца, Сына и Св. Духа, съ братьями нашими, милыми панами Римлянами, будучи подъ единымъ видимымъ пастыремъ Церкви Божіей.

[1]) Сборникъ синодал. библіотеки, № 790.

Обѣщаемся предъ Господомъ Богомъ, всѣ вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и другихъ братьевъ нашихъ духовныхъ и весь народъ приводить къ единству церковному; а для сильнѣйшаго побужденія къ тому даемъ другъ другу эту грамоту". Подлинникъ грамоты подписанъ только Ипатіемъ Владимірскимъ и Кирилломъ Луцкимъ. Надобно было уговорить митрополита; къ нему отправился Терлецкій, и Рагоза далъ ему слѣдующія статьи для представленія коронному гетману Замойскому: „Вслѣдствіе несогласія между самими нашими старшими, патріархами, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами я хочу признать первенство святѣйшаго папы Римскаго, сохранивши въ цѣлости всѣ обычаи и обряды Церкви нашей Восточной. Просить пана гетмана, чтобъ король обезпечилъ насъ своею грамотою, дабы я, митрополитъ, на митрополіи своей во всякой чести и уваженіи до смерти своей въ покоѣ жилъ; дабы я имѣлъ мѣсто въ радѣ и всѣ права наравнѣ съ духовными римскими. Если будутъ принесены на насъ какія-нибудь грамоты неблагословенныя отъ патріарховъ, то не должны имѣть никакого значенія. Чтобъ монахи изъ Греціи больше въ панствѣ королевской милости не бывали и въ непріятельскую Землю Московскую не пропускались. Чтобъ перехожихъ людей съ грамотами къ намъ отъ патріарховъ не пускали, потому что мы ихъ считаемъ шпіонами". Написали и наказъ, что долженъ былъ говорить королю уполномоченный отъ епископовъ посланникъ: „Видя въ старшихъ нашихъ, патріархахъ, великія нестроенія и нерадѣніе о Церкви Божіей и законѣ Святомъ, видя ихъ неволю, видя, что вмѣсто четырехъ патріарховъ, сдѣлалось восемь, видя какъ они живутъ на патріаршествахъ, какъ одинъ подъ другимъ подкупается, какъ церкви соборныя утратили, и, сюда къ намъ пріѣзжая, никакихъ диспутацій съ иновѣрными не чинятъ, только поборы съ насъ берутъ, и, набравши откуда ни попало денегъ, одинъ подъ другимъ тамъ въ Землѣ поганской подкупаются,—видя все это, мы, епископы, не желая долѣе оставаться въ такомъ безнарядьи и подъ такимъ ихъ пастырствомъ, единодушно согласившись (подъ вѣрнымъ ручательствомъ, если его королевская милость захочетъ хвалу Божію подъ единымъ пастырствомъ расширить и дать намъ съ нашими епископіями, церквами, монастырями и всѣмъ духовенствомъ такія же вольности, какими пользуются духовные римскіе), хотимъ приступить къ соединенію вѣры и пастыря единаго, главнаго, которому Самимъ Искупителемъ мы ввѣрены, святѣйшаго папу Римскаго пастыремъ своимъ признать; только просимъ, чтобъ господарь обезпечилъ насъ своей грамотою и утвердилъ навѣки нижеписанные артикулы 1) Чтобъ церкви главныя, епископіи наши остались навѣки нерушимо въ своихъ набоженствахъ и церемоніяхъ. 2) Владычество и церкви русскія, монастыри, имущества, пожалованія и все духовенство должны оставаться навѣки въ цѣлости, по стародавнему обычаю, подъ властію, благословеніемъ и жалованіемъ епископскимъ, во всякомъ послушаніи обычномъ. 3) Всѣ дѣла церковныя, служба Божія, церемоніи и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтобъ былъ намъ на сеймѣ почетъ и мѣсто въ радѣ, дабы, находясь подъ благословеніемъ святѣйшаго пастыря Римскаго, мы тѣшились и веселились. 5) Чтобъ проклятіе патріарховъ намъ не вредило. 6) Чтобъ монахи изъ Греціи, которые пріѣзжаютъ сюда грабить насъ и которыхъ мы признаемъ шпіонами, никакой власти больше надъ нами не имѣли. 7) Чтобъ уничтожены были всѣ привилегіи, данныя патріархами братствамъ и другія, ибо чрезъ нихъ размножились разныя секты и ереси. 8) Каждый новый епископъ посвящается митрополитомъ Кіевскимъ, а митрополита посвящаютъ всѣ епископы, съ благословенія папы Римскаго и безъ всякой платы. 9) Чтобъ всѣ эти артикулы королевская милость подтвердилъ нимъ своими грамотами, одною на Латинскомъ, а другою на Русскомъ языкѣ. 10) Чтобъ и святѣйшій папа также подтвердилъ эти артикулы." „Собственноручно подписали: „Ипатій Владимірскій, Кириллъ Луцкій, Михаилъ Перемышльскій, Гедеонъ Львовскій, Діонисій Холмскій".

Но Терлецкій хитрилъ, скрывался отъ Потѣя, съ которымъ соперничалъ, хотѣлъ одинъ заправлять всѣмъ дѣломъ, и потому, когда съѣхался съ Потѣемъ въ Торчинѣ у католическаго Луцкаго епископа Бернарда Мацѣевскаго, то не сказалъ, что открылъ все дѣло митрополиту, и получилъ отъ него статьи къ Замойскому. Вслѣдствіе этого, Потѣй, въ январѣ 1595 года, написалъ Рагозѣ: „Знайте, что уже всѣ епископы сговорились приступить къ соединенію съ панами Римлянами: и думаемъ, что это уже извѣстно и кому-нибудь набольшему. Когда я объ этомъ имѣлъ разговоръ съ княземъ-бискупомъ Луцкимъ, то онъ просилъ меня и владыку Луцкаго (Кирилла Терлецкаго), чтобъ мы привели къ тому вашу милость, какъ старшаго, указывая отъ того немалыя выгоды для Церкви Божіей. Я говорилъ съ княземъ о великихъ обидахъ, которыя мы терпимъ не только отъ нихъ, католиковъ, но и отъ своихъ: говорилъ, что нѣтъ въ насъ согласія, старшаго своего митрополита ни за что почитаемъ, противъ него бунтуемъ, на грамоты и проклятія его не обращаемъ вниманія, и прямо старшаго надъ собою имѣть не хотимъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Знаю я все это, но отчего же это такъ дѣлается?—Оттого, что порядка между вами нѣтъ, ваши патріархи объ этомъ не заботятся; только за тѣмъ сюда пріѣзжаютъ, чтобъ васъ грабить и несогласіе между вами сѣять, грамоты на грамоты выдывая; но когда въ унію будете, тогда все иначе пойдетъ: старшій будетъ имѣть высшее значеніе, всѣ его слушать и бояться должны будутъ". Говорилось дальше о томъ, чтобъ приступить къ уніи безъ насилія совѣсти и вѣрѣ

нашей; не позабыли поговорить и о мѣстѣ въ радѣ, и на все получили удовлетворительный отвѣтъ и обѣщаніе помогать. Говорилось и о томъ, что ваша милость хотя бы и хотѣлъ привести дѣло въ порядокъ, но средствъ не имѣетъ по причинѣ обѣднѣнія старшей епархіи Кіевской. Кіевскій князь-бискупъ отвѣчалъ: „Это послѣднее дѣло; будемъ хлопотать, чтобъ столъ митрополичій, для пріобрѣтенія подобающаго ему значенія, получилъ хорошее содержаніе", и указалъ самъ на монастырь Печерскій: „Пристойнѣе", сказалъ онъ, „управлять имъ митрополиту Кіевскому, чѣмъ тамошнимъ пьяницамъ монахамъ". Онъ требовалъ, чтобъ мы ѣхали къ вашей милости и обо всемъ съ вами договорились. „А когда вы согласитесь", сказалъ онъ, „то отъ самого папы будутъ къ вамъ послы съ приглашеніемъ къ уніи, и сунодъ отъ короля будетъ назначенъ; тамъ, на этомъ сунодѣ, будемъ съ вами трактовать, чтобъ прежде всего уладить то, въ чемъ не сходимся; также обезпечимъ васъ въ томъ, что́ вы сохранить желаете, какъ относительно вѣры, такъ и церемоній вашихъ". Съ тѣмъ мы и разстались, что обѣщались ѣхать къ вашей милости, а потому прошу: сдѣлайте милость, дайте знать, гдѣ васъ можемъ найти... На патріарха никто не хочетъ обращать вниманіе; а намъ головою стѣны не пробить, когда отъ нихъ никакой помощи не имѣемъ. Ради Бога, не презирая этимъ дѣломъ, прикажи намъ къ себѣ пріѣхать и переговорить. Богъ знаетъ и сами видимъ, что съ нами дѣлается, видимъ, что наши старшіе не только намъ, но и себѣ помочь не могутъ; только тутъ на ссоры присылаютъ, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нѣтъ. Видѣлъ я у Луцкаго владыки грамоту канцлера короннаго, въ которой пишетъ, что король желаетъ съ вашею милостью видѣться; въ грамотѣ говорится, чтобъ и онъ, владыка Луцкій, также ѣхалъ къ королю; но онъ обѣщалъ мнѣ не ѣздить, прежде чѣмъ съ вами увидимся. Грамоты этой моей покорно прошу никому не показывай, потому что я ввѣряюсь вашей милости, какъ старшему пастырю".

Но Рагоза рѣшался хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни съ тѣми, ни съ другими, выжидать, откладывать рѣшеніе до послѣдней крайности. Кромѣ приманокъ, выставленныхъ Потѣемъ, усиленія власти, умноженія доходовъ, выгодна была унія для Рагозы, неладившаго съ патріархомъ, который, какъ говорятъ, еще недавно подвергнулъ его временному запрещенію; страшно было не приступить къ уніи, желаемой, поддерживаемой королемъ: не проститъ ему правительство нерасположенія или равнодушія къ ней. Но, съ другой стороны, затѣвали унію одни епископы, безъ совѣта съ міряпами, съ Острожскимъ, Скуминымъ и остальною знатью, съ братствами, а Михаилъ былъ избранникомъ міряпъ. Получивши письмо Потѣя, онъ написалъ Скумину (20 января 1595): „Милостивый панъ! Стараясь давать знать вашей милости, какъ столпу Церкви нашей, обо всѣхъ новостяхъ, касающихся Церкви и меня, извѣщаю о новой новости, предками нашими и вашею милостію неслыханной; посылаю и копію съ письма, присланнаго ко мнѣ отцами епископами о предпріятіи ихъ приступить къ уніи, чтобъ вы сами изъ него увидали въ чемъ дѣло, и прислали мнѣ поскорѣе свое мнѣніе; я же самъ собою до этого дѣла и не думаю приступать, боясь для Церкви нашей подступу и прелести". Но въ то время, какъ митрополитъ хитрилъ, Терлецкій хитрилъ и Потѣй еще хлопоталъ о тайнѣ, рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ во Львовѣ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ, положеніе котораго, какъ мы видѣли, было тяжелѣе всѣхъ. Онъ созвалъ у себя соборъ изъ архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ и бѣлаго духовенства, которые объявили (28 января 1595 г.), что, по примѣру верховнѣйшихъ пастырей русскихъ, признаютъ церковь Римскую правдивою и власть надъ всею вселенной имѣющею, и присягаютъ не отступать отъ святѣйшихъ первопрестольниковъ римскихъ, проклинаютъ тѣхъ, кто отступитъ, и усердно просятъ митрополита и епископовъ кончить безъ отлагательствъ такое спасительное дѣло. Дѣло грозило пойти въ разбродъ: Балабанъ дѣйствовалъ самъ по себѣ, Терлецкій дѣйствовалъ также самъ по себѣ; митрополитъ проводилъ Потѣя, назначилъ ему свиданіе въ Новогрудкѣ, но, не подождавши его здѣсь, уѣхалъ въ Слуцкъ. Потѣй рѣшился написать ему въ другой разъ (11 февраля): „Ваша милость на мое письмо не дали мнѣ никакого отвѣта; теперь и самъ не знаю, что дальше будетъ. А не надобно было вашей милости пренебрегать дѣломъ. Ради Бога прошу, дай мнѣ знать вѣрно о своемъ намѣреніи, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпѣть готовъ и ни въ чемъ отъ вашей милости не отступлю. Тамъ вашей милости легче между своими, а мы тутъ въ зубахъ: захотятъ кого съѣсть—и съѣдятъ. Не знаю, писалъ ли я въ первомъ листѣ къ вашей милости, что видѣлъ у Луцкаго владыки грамоту канцлера короннаго, въ которой пишетъ, что король желаетъ съ вами видѣться. Если поѣдешь къ королю, то заѣзжай ко мнѣ: очень нужно! Когда я спрашивалъ отца владыку Луцкаго, зачѣмъ онъ ѣдетъ къ королю,—тотъ отвѣчалъ подъ присягою: „Не знаю, зачѣмъ меня требуютъ, потому что у меня нѣтъ тамъ никакого дѣла, ни своего, ни чужого. А теперь, безъ меня. должно быть вслѣдствіе другой грамоты, былъ у канцлера и въ Краковъ поѣхалъ. Богъ знаетъ, что это такое! Одно знаю, что при Дворѣ говорятъ обо мнѣ такъ: „На кого мы надѣялись, тотъ хуже всѣхъ". Оттого королевскихъ и канцлерскихъ грамотъ ко мнѣ нѣтъ, и сеймиковыхъ грамотъ не послано, а у Луцкаго все есть. Ради Бога похлопочи, чтобъ намъ въ послѣднихъ не остаться. А съ Востока понапрасну чего намъ надѣяться? Изъ новостей, которыя я къ вашей милости посылаю, увидишь, что́ съ нашими тамъ дѣлается. Если теперь нельзя намъ съ тобою видѣться, то, ради Бога,

постарайся разослать пригласительныя грамоты къ собору на Ивановъ день (24 іюня), потому что теперь особенно нужно намъ съѣхаться всѣмъ; ради Бога, прошу отвѣчай мнѣ обо всемъ на письмѣ; не бойся: напишешь ко мнѣ—это все равно, какъ если бы камень въ море бросилъ; я дамъ тебѣ знать, какія новости будутъ въ Польшѣ"

Дѣйствительно, Терлецкій опередилъ всѣхъ: съѣздилъ къ королю и привезъ отъ него къ Потѣю слѣдующую грамоту (отъ 18 февраля): „Узнали мы сильное желаніе и добрую мысль вашу къ соединенію Церкви Божіей Греческой съ вселенскою Римскою, какъ издавна подъ властію одного пастыря, святѣйшаго папы Римскаго бывало. Это желаніе и намѣреніе ваше не только хвалимъ, но и съ благодарностію принимаемъ, усматривая, что это дѣло Духа Святаго и отъ Бога начало свое беретъ, Который, какъ Самъ въ Троицѣ единой, такъ и Церковь Свою Святую и вѣру христіанскую въ единствѣ и согласіи имѣть хочетъ, и одного пастыря въ ней поставилъ, которому не только овечекъ своихъ, то-есть простой народъ, но и барашковъ, то-есть всѣхъ духовныхъ, епископовъ, пресвитеровъ, дьяконовъ и всѣхъ другихъ слугъ церковныхъ, пасти поручилъ. Желаемъ и напоминаемъ, чтобы вы приводили къ концу это предпріятіе свое доброе и блаженное. Господь Богъ Вседержитель, отъ Котораго исходитъ всякое благо, будетъ въ помощь и стократную мзду готовитъ вамъ за это въ царствѣ своемъ небесномъ. А мы, принявши васъ въ оборону нашу королевскую, всегда въ вамъ ласковымъ и милостивымъ паномъ быть хотимъ, и святѣйшему папѣ Римскому особенно стараніе ваше засвидѣтельствуемъ; только медлить съ этимъ дѣломъ негодится: надобно какъ можно скорѣе къ концу его приводить, о чемъ пространнѣе говорить съ вами поручили мы епископу Луцкому, которому во всемъ вѣрьте". Терлецкій дѣйствовалъ свободно, не связываясь никакими отношеніями: вражда съ княземъ Острожскимъ порвала связь его съ могущественными мірянами, столпами Церкви. Въ иномъ положеніи находились Потѣй и Рагоза, которые должны были вести переписку съ этими вельможами, защищать передъ ними свое повѣденіе, скрывать истину. Князь Острожскій писалъ Потѣю, что Терлецкій былъ въ Краковѣ и дѣйствовалъ тамъ отъ имени епископовъ, согласившихся на унію. Потѣй отвѣчалъ (17 марта): „Я узналъ о томъ, что отецъ владыка Луцкій былъ въ Краковѣ, но не слыхалъ я—свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ—чтобъ онъ ѣздилъ отъ кого-нибудь съ какимъ нибудь посольствомъ; а постановлять что-нибудь между собою—намъ и не снилось. Развѣ мы того не видимъ, что хотя бы мы всѣ епископы согласились на унію, а все христіанство не позволило, то это было бы только тщетный трудъ и безчестье намъ у овечекъ нашихъ, и негодилось бы намъ такое дѣло оканчивать или начинать тайно безъ собора и вѣдомости всей братьи нашей младшей, равныхъ слугъ въ Церкви Божіей, и простаго христіанства, особенно вашихъ милостей, пановъ христіанскихъ". Но Острожскій прислалъ второе письмо въ такомъ тонѣ, что нельзя было болѣе скрываться, причемъ упрекалъ Потѣя въ нерадѣніи о порядкѣ церковномъ, указывая на протестантовъ, какъ на образецъ въ этомъ дѣлѣ. Потѣй разсердился и отвѣчалъ (25 марта): „Не отвѣчая ничего на широкое писаніе вашей милости, покорно благодарю за предостереженіе. Считаю унію полезною не для своей корысти и возвышенія, а для умноженія хвалы Божіей, и не такую разумѣю унію, чтобъ намъ нужно было передѣлаться совсѣмъ въ иной образъ, но такую, при которой бы мы оставались въ цѣлости, только исправивши то, въ чемъ нѣтъ истины, а держимся по одному упрямству. Далъ бы Господь Богъ, чтобъ и всѣ тѣ жили согласно, которые больше нашего значатъ. Но видя, что̀ дѣлается, всю надежду теряемъ, ибо тѣ (патріархи), хотя бы и рады, не могутъ; а мы можемъ, но не хотимъ, и только Бога обманываемъ, молясь о соединеніи вѣры. Не дивись же, что рѣки исчезли, когда источники высохли; не дивись, что ни у нихъ, ни у насъ не только науки, но и порядка нѣтъ. Припоминаешь ты мнѣ соборы брестскіе, что на нихъ постановлено о школахъ, типографіяхъ и другихъ дѣлахъ, Церкви Божіей потребныхъ, и ничего не исполнено; отвѣчаю: хотя все это постановлено и не въ мое архіерейство, однако никому не далъ бы я упредить себя въ такомъ добромъ и благочестивомъ дѣлѣ; не пожалѣлъ бы и остальнаго убогаго своего имѣнія, въ которомъ я уже немалый ущербъ дѣтямъ своимъ сдѣлалъ, продавши два имѣнія; не пожалѣлъ бы я ничего, лишь бы шло добрымъ людямъ, а не такимъ вѣтренникамъ, которые только за доходами бѣгаютъ; такъ, теперь въ Брестѣ школу разорили сами профессора, которые убѣжали въ Вильну на сытные пироги, а тутъ все покинули безъ всякой важной причины, къ безчестью и сожалѣнію убогаго христіанства, на поруганіе отъ противниковъ нашихъ. Самъ знаешь, какъ это все трудно устроить и вамъ, панамъ великимъ, а куда уже намъ, калѣкамъ, среди волковъ живущимъ! И церемоніи церковныя запрещаютъ порядочнымъ образомъ отправлять; много могъ бы писать вашей милости, что̀ дѣлается въ моей епископіи Брестской, какое притѣсненіе терпятъ христіане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Еще бы человѣкъ тѣмъ утѣшался, что крестъ этотъ терпѣливо сносятъ, а то отпадаютъ не по одному,—толпами, видя нашу слабость, и Богъ вѣдаетъ, съ кѣмъ останемся. Что касается новостей краковскихъ, то, на мой взглядъ, онѣ невѣрны; а если бы даже и вѣрны были, то не примѣшивайте сюда меня, ибо не только о кардинальствѣ или митрополіи не думаю, но часто плачусь на себя и за то, что епископомъ сдѣлался, плачусь и на того (на князя Острожскаго), кто меня уговорилъ къ этому, особенно видя что̀ на свѣтѣ дѣлается. О бланкетахъ ни о какихъ не вѣдаю, никому ихъ ни на что не давалъ. Но и я кой-что

знаю и вѣрнѣйшее, и еслибъ можно было повѣрить бумагѣ, то указалъ бы вашей милости, что краковскія новости невѣрны. Если кто самъ себя за святаго выдаетъ, а насъ порочитъ, то нѣтъ ничего тайнаго, что бы не сдѣлалось явно. Знаю о себѣ только то, что я ничего не начиналъ; но если всѣ пойдутъ за чѣмъ-нибудь добрымъ безъ вреда совѣсти, то я бы не хотѣлъ позади остаться. А что мнѣ изволишь указывать на порядокъ иновѣрцевъ, то пусть онъ будетъ наилучшій, но если не на правомъ основаніи, то все соромъ будетъ: и школы ихъ, и типографіи, и множество проповѣдниковъ. Отъ плодовъ ихъ познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Какъ самъ я ихъ не жалую, такъ и вашу милость предостерегаю: лучше соединяться съ правдивыми хвалителями Бога, въ Троицѣ Единаго, нежели съ явными непріятелями Сына Божія".

Сильнѣе протестовалъ противъ всякаго участія своего въ уніи Рагоза, который, въ мартѣ 1595 г., послалъ князю Острожскому любопытное извѣстіе о невинности Гедеона Балабана: „Въ то время, какъ я обращалъ все вниманіе на обнаженіе этого скрытнаго фальша, случилось очень кстати, что въ монастырѣ Слуцкомъ нашелъ я владыку Львовскаго, отъ котораго, думаю, не встанетъ этотъ пожаръ, вредный Церкви нашей Восточной и всему православному народу. Онъ нечего не знаетъ о предпріятіи другихъ епископовъ, совершенно противенъ ихъ злому умыслу, присягу въ томъ на Евангеліи далъ и обѣщалъ сторожить, что будетъ дѣлаться въ этомъ отношеніи въ Польшѣ, и обо всемъ давать знать мнѣ и вашей княжой милости. Вслѣдствіе этого, счелъ я нужнымъ уничтожить опредѣленіе духовнаго суда, противъ него выданное. Особенно вашей княжой милости, какъ православному оку церковному, всякимъ способомъ надлежитъ вывѣдывать объ уніи; остерегайтесь также этого змѣя райскаго и лисицы хитрой, о которомъ я вамъ говорилъ (Терлецкаго)". Но иное, какъ видно, о Балабанѣ писалъ Михаилъ къ другому столпу церкви—Скумину, который отвѣчатъ ему 10 мая: „Утѣшило меня ваше письмо, извѣстившее меня о вашемъ добромъ здоровьи; но опечалило то, что вы пишете о дѣлахъ церковныхъ. И слѣпой видѣть можетъ, что всему причиною несогласіе братское съ владыкою Львовскимъ. Пусть справедливый Судія крови и душъ неповинныхъ взыщетъ на тѣхъ, кто тому причиною. По совѣсти, главнымъ виновникомъ можемъ признать патріарха нашего Константинопольскаго, который такую смуту грамотами своими сюда внесъ, потому что владыка Львовскій, будучи въ крайномъ томленіи отъ братства, не только долженъ былъ броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевнаго радъ былъ бы на помощь взять. Если то сдѣлалось по волѣ Божіей, то будетъ продолжаться; если же нѣтъ,—то скоро отмѣнится. Объ этомъ я теперь мудрствовать не хочу; и что теперь съ этимъ дѣлать и какъ дѣлу помочь—ваша милость спрашиваете моего совѣта; но Богъ Сердцевидецъ знаетъ, что въ этомъ дѣлѣ совѣта никакого дать не могу: боюсь одного, чтобъ ваше сопротивленіе не было тщетнымъ. Причинъ тому вижу много, но бумагѣ повѣрять не хочу. Желалъ бы я очень съ вашею милостію видѣться и поговорить".

Скуминъ отказывалъ въ совѣтѣ, а Терлецкій и Потѣй дѣйствовали въ Краковѣ у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что онъ хотѣлъ продать свою церковь папѣ, и, возвратившись въ Литву, потребовали свиданія у митрополита, который и назначилъ это свиданіе въ Кобринѣ 18 мая, но обманулъ опять. Тогда Потѣй и Терлецкій написали ему слѣдующее письмо (20 мая): „Исполняя волю и письменный приказъ вашей милости, какъ старшаго нашего, пріѣхали мы въ Кобринъ въ пятое воскресенье по Пасхѣ; но, не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого отъ васъ, не зная причины, почему ваша милость не изволилъ пріѣхать, должны были мы разъѣхаться. Теперь мы посылаемъ къ вашей милости и въ письмѣ своемъ не благодаримъ васъ за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько койкѣмъ набольшимъ, который знаетъ объ этомъ нашемъ съѣздѣ. Вспомните, съ чѣмъ вы насъ отправили, и какъ тамъ благодарно было принято, ибо все, чего хотѣлъ, въ рукахъ своихъ имѣешь: привилегіи, грамоты, банницію на Печерскаго архимандрита Никифора Тура. Удивительно вамъ, что вы, сами объ этомъ просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вамъ предложенною. Еслибы мы знали, гдѣ вы находитесь, то сами поѣхали бы къ вамъ; но мы не знали, куда намъ къ вамъ ѣхать, а потому просимъ, бросивши все, пріѣхать какъ можно скорѣе къ намъ, въ Брестъ, какъ для своихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства, такъ и для общихъ; если же не пріѣдешь, то насъ погубишь, да и самъ не воскреснешь, потому что это не съ своимъ братомъ шутить".

Но митрополитъ не поѣхалъ, взялъ себѣ шестинедѣльный срокъ и опять написалъ Скумину (14-го іюня): „Послалъ я къ вамъ слугу своего Григорья со всѣми дѣлами, о которыхъ я получилъ теперь вѣрныя извѣстія, то-есть, что епископы Луцкій, Львовскій, Перемышльскій, Холмскій, Пинскій согласились на унію церковную, на послушаніе папѣ и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя имѣютъ; и владыка Владимірскій также согласенъ на это. Грамоту королевскую, грамоту, въ которой епископы выразили свое согласіе на унію, и условія ихъ я послалъ къ вашей милости. Звали и меня для этого на дняхъ въ Брестъ, и грамота королевская ко мнѣ была; но я безъ воли и совѣта вашей милости и собратьи моей и позволенія общаго на это дѣло не рѣшился, но взялъ себѣ на размышленье шесть недѣль, и, давши знать объ этомъ вамъ и пану воеводѣ Кіевскому (князю Острожскому), обѣщалъ дать имъ отвѣтъ. Еслибъ я согла-

сился на унію, то король обѣщалъ за это большую ласку, за несогласіе же—немилость и притѣсненіе всему христіанству; надобно будетъ оставить митрополію; новый митрополитъ уже готовъ—Терлецкій. Хотѣлъ бы я при всякихъ вольностяхъ матку нашу Церковь оставить, а не подъ ярмомъ какимъ-нибудь, только условія должны быть обезпечены грамотами". Скуминъ прислалъ страшный отвѣтъ—страшный не угрозами, не жестокими словами, страшный, какъ безхитростный отвѣтъ скромнаго, честнаго человѣка, не имѣющаго стремленій выставляться на первый планъ: „Изволили вы меня увѣдомить о томъ, что началось отъ владыкъ, въ коронѣ Польской епископіи свои имѣющихъ, а началось то, пишете вы, безъ вашего соизволенія. Но я получилъ извѣстіе отъ Двора королевскаго, что послѣ сейма краковскаго были у короля послы отъ всего нашего духовенства, показали королю письменное позволеніе вашей милости и грамоты вѣрящія. Теперь вы у меня спрашиваете совѣта, что тутъ дѣлать; но трудно совѣтовать о томъ, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совѣтъ мой тутъ былъ бы напрасенъ, на смѣхъ. Надобно было бы, по правдѣ, прежде всего знать объ этомъ людямъ нашего благовѣрія, и безъ вѣдома всѣхъ къ такимъ великимъ и новымъ дѣламъ не приступать; вотъ почему я теперь совѣта моего вашей милости давать не могу, да и одинъ въ такомъ великомъ дѣлѣ не сумѣю дать совѣта; придется мнѣ, овцѣ стада Христова, пастырства вашей милости, идти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда насъ ведете, и за насъ отчетъ давать будете".

Сильнѣе Скумина высказывалъ гнѣвъ свой на епископовъ князь Острожскій, къ которому Потѣй долженъ былъ писать умилостивительное письмо (отъ 16-го іюня): „Если я такъ долго вашей милости ничего не писалъ, то причина тому одна та, что никакихъ вѣрныхъ извѣстій еще у себя не имѣлъ, хотя въ это время люди разсѣяли о насъ невѣрные слухи, будто мы уже къ Римской вѣрѣ во всемъ пристали, мшу служить и опрѣсноки употреблять согласились. Правда ли все это, самъ ты, какъ панъ мудрый и богобоязливый, разсудить можешь. Ибо если частному человѣку, который только объ одной своей душѣ печется, надобно хорошенько подумать, какъ бы душѣ своей вреда не причинать, то еще больше тѣмъ, которымъ не только свои, но и другихъ людей души отъ Бога поручены, надобно стараться, чтобъ не сдѣлать чего-нибудь противнаго совѣсти своей и людской. Итакъ, не извольте всему вѣрить, хотя я и знаю, что не мало слуховъ невѣрныхъ до вашихъ благочестивыхъ ушей о нѣкоторыхъ изъ насъ доносятъ, будто мы поставляемъ что-то противное вѣрѣ и Церкви нашей; и хотя еще ничего не поставлено, не только злаго, но и добраго, однако мы такъ несчастны, что насъ за отщепенцевъ и еретиковъ выдаютъ и не допускаютъ заботиться и думать о Церкви Божіей и ея покоѣ, смотрятъ подозрительно на съѣзды наши и другія дѣла, Церкви нужныя. Удивительное дѣло! Всѣмъ еретикамъ всякихъ сектъ вольно съѣзжаться, порядокъ въ соборищахъ своихъ установлять, наконецъ не только противъ вѣры христіанской, но и противъ религіи Божіей и превѣчной хвалы Единороднаго Сына Божія сочиненія выдавать и людей христіанскихъ отъ старой вѣры и хвалы Божіей къ своимъ проклятымъ ересямъ обращать; а намъ, горькимъ епископамъ, которые неразрывное преемство имѣютъ отъ Христа и апостоловъ, нельзя о Церкви Божіей промышлять и совѣтоваться, чтобъ не только намъ самимъ можно было церкви свои и вѣру православную въ цѣлости удержать, но и потомкамъ нашимъ что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имѣя еще благочестивыхъ господарей и пановъ, патроновъ вѣры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное свѣтило религіи нашей безъ всякой лести признавать должны. Но гдѣ бы ваша милость, какъ панъ и защитникъ нашъ милостивый, долженъ былъ намъ помогать и побуждать ко всему доброму,—тутъ, какъ слышно, немилостиво и неласково насъ вспоминаешь. Но если, отложивши гнѣвъ, внимательно разсмотришь дѣло, то думаю, что и самъ намъ будешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письмѣ посылаю, причемъ и самъ охотно былъ бы, чтобъ вашей милости объяснить, для чего это дѣлаемъ, помня увѣщанье вашей милости, присланное мнѣ въ Брестъ, чтобъ мы старались о соединеніи съ Римскою церковію, и чтобъ это соединеніе было безъ нарушенія вѣры и религіи нашей. Дай Богъ, чтобъ ваша милость и теперь, сохраняя то же желаніе, помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Униженно и слезно прошу: не увлекайся гнѣвомъ, но спокойнымъ и умиленнымъ смысломъ прочитай условія уніи,—увидишь, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ календаря; но календарь не есть догматъ вѣры, а только церемонія, которую безъ нарушенія совѣсти Церковь Божія можетъ отмѣнить".

Въ отвѣтъ на это князь Константинъ, 24-го іюня, выдалъ грозное для епископовъ окружное всѣмъ православнымъ посланіе: „Отъ преименитыхъ благочестивыхъ родителей смолоду воспитанъ я былъ въ наказаніи истинной вѣры, въ которой и теперь Божіею помощію укрѣпляемъ пребываю; извѣстился я Божіею благодатію и увѣрился въ томъ, что, кромѣ единой истинной вѣры, въ Іерусалимѣ насажденной, нѣтъ другой вѣры. Но теперь злохитрыми кознями вселукаваго дьявола самые главные истинной вѣры нашей начальники, славою свѣта сего прельстившись и тьмою сластолюбія помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополитъ съ епископами, въ волковъ претворились, Святой Восточной Церкви отвергшись, святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселенскихъ отступили, къ западнымъ приложились, только еще кожею лицемѣрія своего, какъ овчиною, закрывая въ себѣ внутренняго волка, не открываются, тайно согласившись другъ съ другомъ

окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ Жидами, умыслили всѣхъ благочестивыхъ съ собою въ погибель вринуть, какъ самыя пагубныя и скрытыя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ вконецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость въ любви христіанской и повинности своей пребудете. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Такъ какъ многіе изъ обывателей здѣшней области, Святой Восточной Церкви послушники, меня начальникомъ православія въ здѣшнемъ краю считаютъ, хотя самъ себя считаю я не большимъ, но равнымъ каждому, въ правовѣріи стоящему, то изъ боязни, чтоб не взять на себя вины предъ Богомъ и предъ вами, даю знать вашимъ милостямъ о предателяхъ Церкви Христовой, и хочу съ вами заодно стоять, чтобъ, съ помощію Божіею и вашимъ стараніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя на насъ готовили. Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе ихъ дѣла? Шесть или семь злонравныхъ человѣка злодѣйски согласились, пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, которыми поставлены, отверглись, и, считая насъ всѣхъ правовѣрныхъ безсловесными, своевольно осмѣлились отъ истины отрывать и за собою въ пагубу низвергать! Какая намъ отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобъ быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ. Если Татары, Жиды, Армяне и другіе въ нашемъ государствѣ хранятъ свою вѣру нерушимо, то не съ большимъ ли правомъ должны сохранить свою вѣру мы, истинные христіане, если только всѣ будемъ въ соединеніи и заодно стоять будемъ? А я, какъ до сихъ поръ служилъ Восточной Церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ въ размноженіи священныхъ книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца всѣми моими силами на пользу братій моихъ служить обѣщаю".

Острожскій дѣйствовалъ не одними посланіями; скоро отъ епископовъ-уніатовъ отдѣлился одинъ, тотъ самый, который прежде всѣхъ началъ думать объ уніи,—Гедеонъ Балабанъ Львовскій. Современники, какъ мы видѣли изъ письма Скумина, смотрѣли на Гедеона, какъ на человѣка, доведеннаго до крайности борьбою съ братствами, готоваго заключить союзъ съ врагомъ, лишь бы только выйти изъ своего тяжелаго положенія. Когда отстранялась эта причина, эта борьба, то Гедеону легко было покинуть дѣло уніи, ибо онъ не былъ такъ связанъ съ нимъ, какъ были связаны Терлецкій и Потѣй краковскими поѣздками и обязательствами предъ королемъ. Еще въ началѣ іюня онъ пріѣзжалъ къ князю Острожскому съ просьбою помирить его съ братствомъ; князь обѣщалъ, а съ Гедеона взялъ обѣщаніе склонить на свою сторону Михаила Перемышльскаго и открыто дѣйствовать противъ уніи. 1-го іюля князь Острожскій былъ во Владимірѣ; въ его присутствіи и въ присутствіи другихъ знатныхъ лицъ Балабанъ явился въ урядъ гродскій и объявилъ, что на двухъ съѣздахъ онъ, вмѣстѣ съ другими епископами, далъ Кириллу Терлецкому четыре бланковыхъ листа съ своими печатями и подписями для того, чтобъ написать на нихъ королю и сенаторамъ жалобы на притѣсненія, претерпѣваемыя Русскою Церковію. Но теперь дошла до него, Балабана, вѣсть, что владыка Луцкій написалъ на бланкетахъ что-то другое, написалъ какое-то постановленіе, противное религіи, правамъ и вольностямъ Русскихъ людей. Вслѣдствіе чего онъ, Балабанъ, протестуетъ противъ всякаго такого постановленія, потому что оно составлено въ противность правиламъ и обычаямъ православной вѣры, правамъ и вольностямъ Русскаго народа, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, безъ духовнаго собора, и также безъ воли свѣтскихъ чиновъ, какъ знатныхъ старинныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ епископы ничего дѣлать и рѣшать не могутъ. Князь Острожскій немедленно написалъ Львовскому братству увѣщаніе примириться съ Гедеономъ, а Кириллъ Терлецкій немедленно подалъ жалобу королю, обвиняя Гедеона Балабана въ клеветѣ; Львовскій епископъ былъ потребованъ къ королю на судъ, а между тѣмъ школьный учитель, Стефанъ Зизаній, перешедшій изъ Львова въ Вильну, волновалъ православныхъ этого города извѣстіями объ уніи, поднималъ ихъ противъ епископовъ-предателей. „Великую войну велъ съ Римлянами Зизаній", говоритъ лѣтописецъ: „не только на ратушахъ и при рынкѣ по дорогамъ, но и посрединѣ церкви Святой" [1]). Митрополитъ, отвергая слухъ о своемъ участіи въ дѣлѣ уніи, писалъ (16-го іюля) виленскимъ священникамъ, чтобъ они, и особенно Зизаній, не смѣли разсѣвать подобныхъ слуховъ между христіанами. Но православные жители Вильны требовали выхода изъ этого смутнаго положенія, и единственный выходъ, по ихъ мнѣнію, былъ соборъ; вмѣстѣ съ Скуминымъ, они послали просить князя Острожскаго, чтобъ выхлопоталъ у короля позволеніе на соборъ, на которомъ бы міряне съѣхались съ епископами. Такимъ образомъ, поступокъ епископовъ, сговорившихся на унію, необходимо поднималъ вопросъ: могутъ ли одни епископы постановлять о дѣлахъ церковныхъ, или должны дѣлать это съ согласія мірянъ,—вопросъ первой важности во всей полемикѣ объ уніи. Православные, подозрѣвая епископовъ, должны были настаивать на право мірянъ участвовать въ дѣлахъ церковныхъ,—право, которое было такъ рѣзко выставлено въ патріаршемъ постановленіи о братствахъ,—должны были настаивать на созваніе собора и на право участвовать въ немъ мірянамъ. Епископы же и католическое правительство, выставляя рѣзкое отдѣленіе овечекъ отъ баранковъ, какъ выражался король Сигизмундъ въ приведенной выше грамотѣ, должны были всѣми силами противиться собору, отъ котораго нельзя

[1]) Сборникъ синодал. библіотеки, № 790.

было ждать ничего добраго для уніи. Православные ждали на соборъ изъ Константинополя экзарха патріаршаго, протосингела Никифора; король предписалъ пограничнымъ старостамъ, чтобъ они не пропускали въ Литву пословъ патріаршихъ (28-го іюля), и въ тотъ же день написалъ къ князю Острожскому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣлу уніи, причемъ прямо высказался противъ собора: „Не считаемъ нужнымъ, чтобъ былъ для этого какой-нибудь съѣздъ, о которомъ сами епископы ваши насъ просили, потому что дѣла, относящіяся къ душевному спасенію, подлежать власти ихъ пастырской, а мы должны повиноваться рѣшенію пастырей, которыхъ Духъ Господень далъ намъ въ вожди. Притомъ же на этихъ съѣздахъ дѣло болѣе затрудняется, чѣмъ къ доброму концу приходитъ“. Въ тотъ же день король послалъ похвальную, поощрительную грамоту трусливому, колеблющемуся митрополиту, съ убѣжденіемъ, чтобъ онъ, не оглядываясь ни на что, не опасаясь никакихъ угрозъ ни отъ кого, стоялъ при своемъ предпріятіи и доводилъ его до конца. Вслѣдъ затѣмъ Сигизмундъ выдалъ грамоту, въ которой обезпечивалъ митрополита и всѣхъ епископовъ-уніатовъ отъ проклятій патріаршескихъ и утверждалъ за ними всѣ тѣ права, которыя имѣло и латинское духовенство; о мѣстѣ въ радѣ обѣщалъ говорить на сеймѣ съ панами и чинами Рѣчи Посполитой: обѣщалъ выдать универсалы и мандаты противъ всѣхъ, кто будетъ противиться уніи; обѣщалъ, что въ имѣніяхъ королевскихъ монастырей и церквей русскихъ не будутъ обращать въ костелы латинскіе, но отказался обѣщать то же самое въ шляхетскихъ имѣніяхъ; утвердилъ, что братства должны быть въ послушаніи у митрополита и другихъ епископовъ; давалъ право заводить школы Греческаго и Славянскаго языка, устраивать типографіи, но съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ не печатать ничего противнаго Римской церкви.

Сильное сопротивленіе уніи, обнаружившееся между Русскими, заставляло правительство торопить Потѣя и Терлецкаго, чтобъ ѣхали въ Римъ бить челомъ папѣ о принятіи подъ свою власть Русской Церкви. Потѣй, который при личномъ свиданіи успѣлъ умилостивить князя Острожскаго представленіемъ дѣла такъ, что оно началось и кончится не иначе, какъ по мысли его, князя, не иначе, какъ вслѣдствіе соборнаго рѣшенія, писалъ къ Острожскому отъ 23 августа: „Не дождавшись никакого приказа отъ вашей милости, вижу, что время, назначенное для путешествія нашего въ Римъ, приближается. Какъ избавиться отъ этого путешествія—не знаю: одна надежда на вашу милость, что вы письмомъ своимъ удержете короля, и онъ велитъ намъ ѣхать уже послѣ собора“. Еще сильнѣе вооружался противъ этого путешествія Рагоза, который, вопреки королевской грамотѣ, продолжалъ бояться и оглядываться въ разныя стороны. 19 августа онъ писалъ Скумину, по-прежнему отрицаясь отъ намѣренія поддаться Римской церкви: „Трудно мнѣ было бы сдѣлать это на старости лѣтъ; надобно было бы снова родиться, снова приняться за ученье; не зная по-латыни, не умѣлъ бы я съ каппанами римскими у одного алтаря служить. Кто объ этомъ старается, тотъ пусть добываетъ себѣ и мѣсто въ радѣ и ласку королевскую. Я, грѣшный человѣкъ, хотѣлъ бы имѣть мѣсто съ сынами Заведеевыми, а не между людьми гордыми и суемудрыми. Что касается новаго календаря, то была о немъ рѣчь между нами, потому что для людей ремесленныхъ очень тяжело слѣдовать старому; но мы не иначе хотимъ что-нибудь сдѣлать, какъ составивши соборъ со всѣми вашими милостями. Вѣдь одна ласточка весны сдѣлать не можетъ, такъ и я самъ собою ничего начать не могу. Слухъ до меня дошелъ, что отцы владыки Владимірскій и Луцкій, бывши у короля, получили позволеніе ѣхать въ Римъ; я послалъ уговаривать ихъ, чтобъ они покинули это намѣреніе свое, изъ-за котораго въ нашемъ народѣ христіанскомъ надобно ждать большаго волненія, и пожалуй и кровопролитія. Но своевольнаго мнѣ трудно удержать“. 1-го сентября митрополитъ выдалъ окружное посланіе духовенству и мірянамъ, въ которомъ объявлялъ, что не мыслилъ и не хочетъ мыслить о попраніи своихъ правъ и вѣры, объ отступленіи отъ своего исповѣданія, о презрѣніи рукоположенія патріаршаго: „Стойте твердо при своей Восточной Церкви, не позволяйте себѣ колебаться какъ тростинка вѣтромъ бурливымъ, а я обѣщаю при вашихъ милостяхъ до смерти своей стоять“. А между тѣмъ 24 сентября король Сигизмундъ объявилъ всенародно о соединеніи Церкви Восточной съ Западною; объявилъ, что пастыри Русской Церкви и великое множество свѣтскихъ людей соединились съ Римскою церковію; выражалъ желаніе, чтобъ всѣ, отвергавшіе прежде унію, послѣдовали за своими пастырями; наконецъ объявилъ объ отправленіи русскихъ епископовъ въ Римъ. Эти епископы, Терлецкій и Потѣй, выѣхали изъ Кракова въ концѣ сентября и пріѣхали въ Римъ въ ноябрѣ. На третій день они приняты были папою Климентомъ VIII въ частной аудіенціи, и подали письмо отъ короля и нѣкоторыхъ сенаторовъ. „Папа—такъ писали они сами—принялъ насъ, какъ ласковый отецъ дѣтокъ своихъ, съ несказанною любовію и милостію. Мы живемъ недалеко отъ замка его святости, во дворцѣ, искусно украшенномъ обоями и снабженномъ всѣмъ нужнымъ. Съѣстные припасы отпускаются намъ, по милости папы, въ изобиліи: мы жили шесть недѣль въ Римѣ, но его святость все еще не хотѣлъ дать намъ торжественной аудіенціи, говоря: „Отдохните хорошенько послѣ дороги“. Наконецъ, вслѣдствіе нашихъ настоятельныхъ просьбъ, намъ назначена была аудіенція 23 декабря, въ большой залѣ, называемой Константиновою, въ которой папа принимаетъ наивысшихъ духовныхъ особъ. Здѣсь его святость изволилъ засѣдать во всемъ своемъ святительскомъ маестатѣ и при немъ весь сенатъ,

кардиналы, арцибискупы и бискупы; особо сидѣли послы Французскаго короля и другихъ государей; по обѣимъ сторонамъ залы сидѣли высшіе сановники, сенаторы и великое множество пановъ духовныхъ, князей римскихъ и шляхты. Когда мы были введены въ это собраніе, то, поцѣловавъ ноги его святости, отдали епископскую грамоту. Эту грамоту прочелъ довольно внятно ксендзъ Евстафій Воловичъ; но никто не понималъ по-русски, исключая нашихъ пановъ Поляковъ и пановъ Литовскихъ, которыхъ здѣсь не мало. Мы имѣли на-готовѣ переводъ на Латинскомъ языкѣ, и какъ только Воловичъ прочиталъ грамоту по-русски, тотчасъ она была прочтена по-латыни. А по прочтеніи, его святость чрезъ одного подкоморія своего говорилъ къ намъ рѣчь весьма чудную, изъявляя благодарность за возсоединеніе наше и за пріѣздъ, и обѣщалъ намъ сохранить всѣ наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить ихъ на-вѣки. Мы сами отъ себя, отъ имени отца митрополита и всѣхъ епископовъ, прочитали обѣщаніе: я епископъ Владимірскій, читалъ по-латыни, а я, епископъ Луцкій,—по-русски. Затѣмъ мы принесли присягу на Святомъ Евангеліи отъ лица всѣхъ епископовъ и сами отъ себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказалъ намъ подойти къ себѣ поближе, хоты мы и то близко къ нему стояли, и, наклонившись къ намъ истинно по отечески, сказалъ нѣсколько словъ, между которыми были слѣдующія: „Не хочу господствовать надъ вами, но хочу немощи ваши на себѣ носить“ и проч. На другой день, т.-е. 24 декабря, наканунѣ Рождества Христова, его святость самъ служилъ вечерню въ новомъ костелѣ Св. Петра съ великимъ множествомъ духовенства: здѣсь и мы, по благословенію его святости, были во всемъ облаченіи нашемъ.

Но въ то время, какъ Потѣй и Терлецкій цѣловали ноги у папы и въ Римѣ торжествовали возсоединеніе Русской Церкви, выбивая медаль съ надписью *Ruthenis receptis*,—въ это время виленское бѣлое духовенство писало Скумину: „Такъ какъ люди православія греческаго уразумѣли, что митрополитъ и епископы подкапываютъ нашу вѣру и въ неволю ее отдаютъ безъ вѣдома своихъ старшихъ и насъ меньшихъ, всего духовенства, безъ вѣдома насъ, нашихъ милостивыхъ пановъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами вчетверомъ или впятеромъ все дѣло дѣлаютъ, то мы, все духовенство Греческаго православія, протестовали предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, что мы о такомъ отступленіи отъ своихъ старшихъ патріарховъ не мыслили, не знали и не соглашались на него“. Въ началѣ 1596 года назначенъ былъ большой сеймъ въ Варшавѣ. Православное дворянство, собиравшееся для предварительныхъ совѣщаній на провинціальныхъ сеймикахъ, дало своимъ депутатамъ наказъ просить короля: 1) чтобы епископы, отступившіе отъ православной вѣры, лишены были сана; 2) чтобъ поставлены были епископами лица православнаго исповѣданія, согласно съ постановленіемъ 1573 года и съ жалованными грамотами прежнихъ королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Но мы видѣли, что король обязался Потѣю и Терлецкому защищать ихъ, и потому естественно онъ не могъ принять просьбы депутатовъ. Тогда депутаты и князь Острожскій торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народъ Русскій не будутъ признавать Терлецкаго и Потѣя епископами,—не будутъ признавать ихъ власти въ своихъ имѣніяхъ и не будутъ подчиняться ихъ духовному сану. Сверхъ того, депутаты написали протестъ, въ которомъ изложены были обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя православнымъ народомъ Русскимъ, и въ послѣдній день сейма поручили прочитать этотъ актъ въ присутствіи короля Мартыну Буховецкому, писарю воеводства Познанскаго; но сеймъ не позволилъ читать протеста; Буховецкій, заглушенный криками, принужденъ былъ удалиться, протестовавъ противъ такого насилія. Тогда князь Острожскій записалъ въ актовыя книги Варшавскаго сейма протестъ, изложивъ преступныя дѣйствія Терлецкаго и Потѣя, и объявивъ твердую рѣшимость противодѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Въ такомъ же смыслѣ депутаты православнаго дворянства подали два протеста для внесенія въ книги градскія Радзіевскія; изъ актовыхъ книгъ извлечены были засвидѣтельствованныя копіи протестовъ и разосланы по воеводствамъ. Король, съ своей стороны, въ исполненіе прежнихъ обязательствъ, далъ Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископію Луцкую: въ этой грамотѣ король ручается за себя и за своихъ преемниковъ, что Кириллъ Терлецкій будетъ епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ въ теченіи всей своей жизни; утверждаетъ за нимъ всѣ имѣнія епископіи Луцкой и обѣщаетъ оборонять его противъ всѣхъ недоброжелателей, которые осмѣлились бы лишить его епископскаго сана или отнять у него церковныя имѣнія (21 мая 1596 года). Вслѣдъ затѣмъ, 29 мая 1596 года, король издалъ манифестъ православнымъ своимъ подданнымъ о совершившемся соединеніи церквей, причемъ всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ бралъ на себя и увѣрялъ, что Терлецкій и Потѣй не привезли изъ Рима никакихъ новостей: „Господствуя счастливо въ государствахъ нашихъ и размышляя о ихъ благоустройствѣ, мы, между прочимъ, возымѣли желаніе, чтобы подданные наши Греческой вѣры приведены были въ первоначальное и древнее единство со вселенскою Римскою церковію, подъ послушаніе одному духовному пастырю. Епископы не привезли изъ Рима ничего новаго и спасенію вашему противнаго, никакихъ перемѣнъ въ вашихъ древнихъ церковныхъ обрядахъ: всѣ догматы и обряды вашей Православной Церкви сохранены неприкосновенно, согласно съ постановленіями Святыхъ Апостольскихъ Соборовъ и съ древнимъ ученіемъ Святыхъ Отцовъ Греческихъ, которыхъ имена вы славите и праздники празднуете“. Такъ какъ

дѣло было кончено, воля королевская прямо высказана, унія объявлена дѣломъ правительства, то послѣднимъ актомъ долженствовалъ быть соборъ, на которомъ рѣшительно должно было обозначиться положеніе Русской Церкви, должны были обозначиться для правительства друзья и враги его. Въ томъ же манифестѣ король приказывалъ митрополиту Михаилу созвать соборъ въ обычномъ мѣстѣ, въ Брестѣ, гдѣ Терлецкій и Потѣй должны были подробно разсказать о своей поѣздкѣ въ Римъ. Пріѣздъ на соборъ дозволенъ былъ всѣмъ подданнымъ православнаго исповѣданія, и каждый долженъ былъ пріѣзжать какъ можно скромнѣе, не привозя съ собою ненужной толпы. Присутствовать на соборѣ позволялось только католикамъ и православнымъ, за исключеніемъ протестантовъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1596 г. съѣхались въ Брестъ: Грекъ Никифоръ, экзархъ Константинопольскаго патріарха, долженствовавшій заступить его мѣсто на соборѣ; митрополитъ Михаилъ съ семью русскими епископами, множествомъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ; изъ мірскихъ людей князь Константинъ Острожскій съ сыномъ и многіе другіе; изъ католиковъ пріѣхали три бискупа, Петръ Скарга и трое свѣтскихъ вельможъ, послы королевскіе:—Николай Христофъ Радзивилъ, воевода Троцкій, Левъ Сапѣга, канцлеръ Литовскій, и Димитрій Халецкій, подскарбій. 6-го октября должно было начаться засѣданіе собора; но сейчасъ же образовались два враждебныхъ стана, которые не соединились въ одно общее засѣданіе въ одномъ мѣстѣ, въ церкви, какъ обыкновенно бывало. О митрополитѣ, который долженъ былъ распорядиться какъ хозяинъ, не было ни слуху, ни духу. Православные должны были собраться въ большомъ частномъ домѣ, и засѣли—духовные своимъ кòломъ, имѣя посреди себя Евангеліе, свѣтскіе—особымъ кòломъ съ своимъ маршалкомъ. Послѣ обычныхъ молитвъ, владыка Львовскій, Гедеонъ Балабанъ, первый началъ рѣчь на Русскомъ языкѣ; іеродіаконъ Кипріянъ тутъ же переводилъ ее на Греческій языкъ. Гедеонъ говорилъ, что онъ и всѣ собравшіеся хотятъ стоять и помирать за Восточную вѣру, и, по ихъ мнѣнію, митрополитъ съ своими владыками поступилъ незаконно, отрекшись отъ повиновенія патріарху. Положено было послать за митрополитомъ и уніатскими епископами; но тѣ не явились; Рагоза отвѣчалъ, что подумаетъ съ католическими епископами и потомъ придетъ на соборъ; соборъ ждалъ его до вечера—и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита съ товарищами и получили отвѣтъ: „Напрасно насъ ждете,—мы къ вамъ не придемъ". На третій день третье посольство, на которое полученъ отвѣтъ: „Что сдѣлано, то сдѣлано; хорошо ли, дурно ли мы сдѣлали, поддавшись Римской церкви, только теперь уже передѣлать этого нельзя". Тогда, на вопросъ экзарха: когда и какъ Рагоза съ товарищами началъ хлопотать объ уніи, Кіево-Печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ отвѣчалъ: „Патріархъ Іеремія, узнавши о беззаконіяхъ Рагозы, отлучилъ его отъ Церкви, грозя, если не исправится, конечнымъ низложеніемъ; онъ и задумалъ отступить, и отступилъ". Обратились къ мірскимъ людямъ, сравнили наказы, данные посламъ отъ всѣхъ областей,—вездѣ нашли одно требованіе: не отступать отъ Восточной Церкви. Въ это время дали знать собору, что въ томъ же домѣ, въ небольшой комнатѣ, Скарга истощаетъ свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить князя Острожскаго и сына его въ правдѣ уніи; экзархъ Никифоръ сказалъ: „Пусть Скарга придетъ на соборъ и споритъ съ людьми учеными; зачѣмъ въ углу старается убѣждать людей, въ богословіи несвѣдущихъ?" Но Скарга не пришелъ на соборъ. На четвертый день, 9 октября, выданъ былъ декретъ соборный: митрополитъ и владыки Владимірскій, Луцкій, Полоцкій, Холмскій и Пинскій лишаются архіерейскаго сана, потому что безъ вѣдома своего старшаго задумали соединеніе церквей, которое можетъ быть рѣшено не пятью или десятью владыками, а вселенскимъ соборомъ; потомъ означенные митрополитъ и епископы, будучи позваны на соборъ къ отвѣту, не явились и отвѣта не дали. Въ тотъ же день митрополитъ съ епископами-уніатами выдалъ декретъ о лишеніи сана и проклятіи епископовъ и сообщниковъ ихъ, отвергшихъ унію.

Такъ совершилась унія, или, лучше сказать, раздѣленіе Западно-Русской Церкви – на православную и уніатскую. Такъ какъ православные, отвергнувъ унію, прямо поступили противъ воли правительства, покровительствующаго послѣдней, то этимъ, разумѣется, еще болѣе ухудшили положеніе своей Церкви. Тяжелое положеніе продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православныхъ и давать постановленія въ ихъ пользу, ибо, при возбужденномъ фанатизмѣ, при безнарядьи и своевольствѣ, частные люди, особенно люди сильные, мало обращали вниманія на рѣшеніе правительства; всего болѣе должно было терпѣть за православіе сельское народонаселеніе, находившееся во власти пановъ католиковъ или, чтò еще хуже, отступившихъ отъ православія. Но это тяжкое положеніе, борьба съ господствующею Церковію, борьба съ врагомъ, сильнымъ не одними матеріальными средствами, возбудили нравственныя силы Западно-Русскаго народонаселенія. Противники дѣйствовали перомъ, писали противъ православія; православнымъ нужно было защищаться, отвѣчать имъ уже и для того, чтобъ удержать своихъ при рѣшеніи не отступать отъ Восточной Церкви; чтобъ защищаться успѣшно и чтобъ имѣть средства назидать своихъ и отвратить отъ себя вражій упрекъ въ недостаткѣ просвѣщенія, надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность.

Востокъ не былъ такъ слабъ, какъ преполагали враги его. Послышался сильный обличительный голосъ съ Аѳона, отъ тамошняго Русскаго инока Іоанна Вишевскаго: „Тебѣ, въ Землѣ Польской живущему, всякаго возраста и чина народу Русскому,

Литовскому и Польскому, въ разныхъ сектахъ и вѣрахъ пребывающему, сей гласъ въ слухъ да достигнетъ. Извѣщаю васъ, что Земля, по которой ногами ходите, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ и вопіетъ, прося Творца, да пошлетъ серпъ смертный, какъ нѣкогда на Содомлянъ, желая лучше пустою въ чистотѣ стоять, нежели вашимъ безбожіемъ населенною и беззаконными дѣлами оскверненною быть. Ибо гдѣ теперь въ Польской Землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ покорность, гдѣ евангельскія заповѣди? Гдѣ апостольская проповѣдь, гдѣ свѣтскіе законы? Гдѣ храненіе заповѣдей Божіихъ? Гдѣ непорочное священство? Гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ благоговѣйное и благочестивое христіанство? Зачѣмъ именемъ христіанскимъ называть себя безстыдно дерзаете, когда силы этого имени не храните? О, окаянная утроба, которая такихъ сыновъ на погибель вѣчную породила! Нынѣ въ Польской Землѣ священники всѣ, какъ нѣкогда Іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ службу совершаютъ, паны надъ подручными своими сдѣлались богами, высшими Бога, вознеслись судомъ беззаконнымъ надъ Творцомъ, образомъ своимъ, равно всѣхъ почтившимъ, безсловесныхъ естество высшею цѣною оцѣнили. Вмѣсто евангелической проповѣди, апостольской науки и Святаго закона, нынѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе имъ подобные мошкарники и комедійники во дворахъ Христа Бога владѣютъ. Вмѣсто вѣры, надежды и любви, безвѣріе, отчаяніе, ненависть, зависть и мерзость обладаютъ. Покайтесь всѣ, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелію! Турки некрещеные честнѣе предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ, нежели крещеные Ляхи; а вы, православные христіане, не скорбите: Господь съ вами и я съ вами: имѣйте вѣру и надежду на Бога жива; на пановъ же вашихъ русскаго рода, на сыновъ человѣческихъ не надѣйтесь— въ нихъ нѣтъ спасенія: они отъ живаго Бога и отъ вѣры въ Него отступили. Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали, сами съ слугами своими и пріятелями въ нихъ тѣлесную и скотскую жизнь провождаютъ; на мѣстахъ святыхъ лежа, гроши сбиваютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцамъ Христовымъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты дѣлаютъ, лошадей сытыхъ и одношерстныхъ запрягаютъ, а въ монастырѣ иноческаго чина нѣтъ, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвы, псы воютъ. Владыки безбожные, вмѣсто правила, книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни, день и ночь надъ статутомъ сидятъ, и во лжи весь вѣкъ свой упражняются". Тотъ же Іоаннъ писалъ къ Рагозѣ, Потѣю и Терлецкому по поводу уніи: „Спросилъ бы я васъ, что такое трудъ очищенія? но вамъ и не снилось объ этомъ; не только вы этого не знаете, но и ваши паны Іисусоругатели, такъ-называемые іезуиты, о томъ не пекутся и отвѣта дать не могутъ. Покажите мнѣ, соединеніе церквей сплетающіе! который изъ васъ прошелъ первую ступень подвижничества? Не ваша ли милость вѣру дѣлами злыми напередъ еще разорили? Не ваша ли милость воспитали въ себѣ похоть лихоимства и мірскаго стяжанія? Насытиться никакъ не можете, а все большею алчбою и жаждою мірскихъ вещей болѣете. Покажите мнѣ, соединеніе церквей зиждущіе! который изъ васъ, въ мірской жизни будучи, шесть заповѣдей Христовыхъ самъ собою исполнялъ? Не ваша ли милость эти шесть заповѣдей не только въ мірскомъ чину разорили, но и теперь въ духовномъ безпрестранно разоряете? Сами, какъ идолы, на одномъ мѣстѣ сидите, а если случится этотъ трупъ объидолотворенный на другое мѣсто перенести, то на колесницѣ безскорбно переносите, а бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятся и мучатся. Гдѣ вы больнымъ послужили? Не ваша ли милость больныхъ изъ здоровыхъ дѣлаете, бьете, мучите, убиваете? Постучись въ лысую голову, бискупъ Луцкій! Сколько ты во время своего священства человѣческихъ душъ къ Богу послалъ? Его милость, каштелянъ Потѣй, хотя и каштеляномъ былъ, но только по четыре слуги за собою волочилъ, а теперь, когда бискупомъ сталъ, то больше десяти начтешь; также и его милость митрополитъ, когда простою рагозиною былъ, то не знаю, могъ ли держать и двоихъ слугъ, а теперь больше десяти держитъ".

Въ посланіи князю Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ Іоаннъ Вишенскій пишетъ: „Потому дьяволъ противъ Славянскаго языка борьбу такую ведетъ, что языкъ этотъ плодоноснѣйшій изъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій, потому что безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, каковы: грамматика, реторика, діалектика и прочія коварства тщеславныя дьявольскія, простымъ прилежнымъ читаніемъ, безо всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе зиждетъ и Духа Святаго подъемлетъ, въ злоковарну же душу не внидетъ премудрость. Латинская злоковарная душа, ослѣпленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, Божія премудрости, разума духовнаго, смиренія, простоты и беззлобія вмѣстить никакъ не можетъ. Охраняйте, православные, дѣтей своихъ отъ этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на Латинскую и мірскую мудрость разлакомились. Развѣ не лучше тебѣ изучить Часословецъ, Псалтирь Октоихъ, Апостолъ и Евангеліе съ другими церковными книгами, быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, философомъ мудрымъ въ жизни сей называться и въ геену отойти! На священническую степень, по правилу Святыхъ Отецъ да восходятъ, а не по своему желанію, не ради мнѣнія и панства санъ восхищаютъ; не принимайте того, кто самъ наскакиваетъ, королемъ назначается безъ вашего избранія; изгоняйте и проклинайте такого,

потому что вы не въ папу крестились и не въ королевскую власть, чтобъ вамъ король давалъ волковъ и злодѣевъ, ибо лучше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ дьявола поставленныхъ, въ церковь ходить и православіе хранить, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, въ церкви быть, ей ругаться и православіе попирать. Вы пастыря себѣ такъ избирайте: прежде назначьте нѣсколько особъ, отъ житія и разума свидѣтельствованныхъ, потомъ опредѣлите день и постъ, сотворите бдѣніе въ церкви и молитесь Богу, да дастъ вамъ и откроетъ пастыря, котораго жребіемъ искушайте; Богъ милостивый моленія вашего не презритъ, вамъ пастыря дастъ и объявитъ; послѣ этого уже обращайтесь къ свѣтской власти, къ королю, чтобъ подтвердилъ вамъ владыку; если же не захочетъ подтвердить, то увидите, какъ оглохнетъ и пропадетъ, потому что поставленъ судъ правый судить, а не прелестямъ своей вѣры потворствовать; только обратитесь къ Богу истинно,—все вамъ чудотворно устроитъ. Праздничныя ярмарки, что вы зовете соборами, очистите, какъ въ Жидичинѣ и въ горахъ Св. Спаса; коляды уничтожьте, потому что не хочетъ Христосъ, чтобъ при Его Рождествѣ дьвольскія коляды совершались; щедрый вечеръ изъ городовъ и селъ въ болота загоните, пусть тамъ съ дьволомъ сидитъ. Волочельное по воскресеніи изъ городовъ и селъ выволокши, утопите; уничтожьте на Юрьевъ день дьявольскій праздникъ, когда выходятъ въ поле плясками и скаканіемъ дьяволу жертву приносить; пироги и яица надгробные отмѣните; купала на Ивановъ день утопите, и огненное скаканіе отсѣките; Петръ и Павелъ молятъ васъ, да потребите качели, на день ихъ устрояемыя на Волыни и Подолѣ".—Возражая епископамъ-уніатамъ, жаловавшимся, что патріархъ Іеремія въ братствахъ простыхъ людей надъ епископами поставилъ, Вишенскій пишетъ: „Какъ вы духовными, и не только духовными, но и вѣрными называться можете, когда брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати наравнѣ съ вами породившагося, подлѣйшимъ себя считаете? Пусть будетъ хлопъ, сыромятникъ, сѣдельникъ, портной, но вспомните, что братъ вамъ равный во всемъ, ибо во едино тріѵпостасное Божество крестился".

Мы видѣли, какъ сильно волновалъ Вильну своими проповѣдями Стефанъ Зизаній, вооружась противъ католицизма и уніи; Рагоза отлучилъ его отъ Церкви за ересь; а православные же епископы на Брестскомъ же соборѣ, 8-го октября, объявили его невиннымъ, равно какъ и двоихъ священниковъ братскихъ, отлученныхъ вмѣстѣ съ Зизаніемъ: „такъ какъ митрополитъ въ послушаніи у Церкви Восточной не хотѣлъ быть, то и клятву свою на этихъ священниковъ положилъ ни за что другое, какъ только за книжку, сочиненную на костелъ римскій". Труды Зизанія вызвали опроверженіе со стороны католиковъ: явилась книжка подъ заглавіемъ: Kakol, który rozsiewa Zyzani (соч. Жебровскаго, 1595 г.). Но Зизаній въ 1596 году издалъ Слово (казанье) Св. Кирилла, патріарха Іерусалимскаго объ антихристѣ; изъ этого сочиненія выходило, что время антихристово есть время уніи. На книжку Зизанія въ томъ же году явился опять католическій отвѣтъ: Plewy Stephanka Zyzaniej. Какъ образчикъ полемическаго тона и остроумія времени, приведемъ нѣсколько словъ изъ этой книжки: „Въ недавнее время Зизаній привезъ въ Вильну на торгъ множество куколю, фальшивой науки, и хотѣлъ продавать его вильнянамъ за настоящую пшеницу. Но Вильнянъ предостерегли отъ измѣны, и Зизанію торгъ запрещенъ. Давши покой куколю, взялся онъ за плевелы, желая на нихъ попробовать счастья, написалъ новую книжку, не куколя, а плевелъ исполненную. Но какъ плевелы отъ перваго дуновенія вѣтра разлетаются по воздуху, такъ и все, что онъ въ этихъ книжкахъ написалъ, однимъ духомъ каждый сдунуть можетъ. Чтобъ это легче можно было сдѣлать, онъ написалъ книжку двоякимъ языкомъ: по-русски и по-польски, дабы имѣть больше свидѣтелей своей глупости".

Но понятно, что самая сильная полемика должна была возгорѣться по поводу Брестскаго собора. Въ 1597 году явилось два описанія этого собора съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: православное Ekthesis, или краткое описаніе того, что дѣлалось на помѣстномъ синодѣ въ Брестѣ-Литовскомъ; католическое описаніе собора было сочинено знаменитымъ Скаргою, который, согласно съ основымъ своимъ взглядомъ, утверждалъ, что соборъ не законенъ, что законно только то, что постановлено митрополитомъ и епископами, т.-е. унія, ибо міряне не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а должны повиноваться безпрекословно своимъ пастырямъ. Опроверженіемъ книги скаргиной явился со стороны православныхъ знаменитый *Апокризисъ албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людій старожитной релѣи греческой, чрезъ Христофора Филалета* (*псевдонимъ*). Понятно, что авторъ Апокризиса долженъ былъ ударить со всею силою на основный взглядъ Скарги о невмѣшательствѣ мірянъ въ дѣла церковныя. Приведши извѣстныя намъ грамоты, въ которыхъ Рагоза и Потѣй клянутся ничего не предпринимать безъ вѣдома мірскихъ людей, авторъ Апокризиса указываетъ, что и сами эти духовные не раздѣляли мнѣніе Скарги, и сами себя осудили, поступивши вопреки клятвеннымъ обѣщаніямъ. „Положимъ", говоритъ авторъ Апикризиса, „что владыки имѣли право объяснить членъ символа вѣры: «Вѣрую во едину Соборную Апостольскую Церковь» такъ, что подъ этою Церковію должно разумѣть Римскую; но они обязаны были какъ можно скорѣе дать знать объ этомъ новомъ истолкованіи своей паствѣ, тѣмъ болѣе что, по словамъ Скарги, вѣра въ Римскую церковь есть необходимое условіе спасенія; владыки виноваты въ томъ, что въ

то время, какъ они медлили объявить о новомъ спасительномъ членѣ вѣры, многіе люди, не зная его, умерли, лишенные спасенія". Скарга приводитъ свидѣтельства Ветхаго Завѣта о томъ, что разсужденіе о дѣлахъ духовныхъ принадлежитъ одному духовенству; авторъ Апокризиса возражаетъ, что Моисей былъ свѣтскій человѣкъ, однако установилъ весь порядокъ богослуженія, и какъ это случилось, что Господь Богъ не іерею Аарону, а свѣтскому человѣку Моисею далъ право распоряжаться дѣлами богослуженія? Но если бы и дѣйствительно въ Ветхомъ Завѣтѣ разсужденіе о вѣрѣ принадлежало однимъ іереямъ, то это слабый доводъ, ибо велика разница между Іудействомъ и Христіанствомъ: въ Іудействѣ одно колѣно Левіино къ служенію іерейскому было избрано, а въ Христіанствѣ всѣ люди, кровію Христовою отъ грѣховъ омытые, царями и іереями Богу Отцу учинены; тамъ одна часть народа хвалѣ Божіей служила, въ одномъ Іерусалимскомъ храмѣ; здѣсь—всѣ люди христіанскіе, на каждомъ мѣстѣ, во всякій часъ, на хвалу Христову посвящены, чтобы, ѣдятъ ли, пьютъ ли, другое что дѣлаютъ, все во славу Божію дѣлали; чтобъ не только духомъ, но и тѣломъ славили Бога, будучи членами Христовыми. Скарга написалъ, что іерей и духовные, которыхъ Богъ приказалъ слушаться, заблуждаться не могутъ, и потому свѣтскіе должны слушаться ихъ во всемъ, въ той надеждѣ, что хотя бы и заблудились, за духовными идучи,—будутъ оправданы предъ Богомъ, Который повелѣлъ имъ слушаться заблуждающихъ. „Спрашиваю", возражаетъ авторъ Апокризиса, „за что же Моисей побилъ три тысячи человѣкъ, поклонявшихся тельцу, слитому первосвященникомъ Аарономъ? Спрашиваю: что Скарга думаетъ о первосвященникѣ Уріи, который, вмѣстѣ съ царемъ Ахазомъ, идоламъ жертву приносилъ? Спрашиваю: что разумѣетъ о іереяхъ временъ Христовыхъ; почему же апостолы ихъ не слушались? почему вѣрѣ или невѣрію ихъ не послѣдовали? Оставя примѣры ветхозавѣтные, спрашиваю: когда епископъ Авксеній Медіоланскій былъ аріаниномъ, когда Діоскоръ Александрійскій еретичествовалъ вмѣстѣ съ Евтихіемъ, когда еретичествовали Несторій и Македоній, епископы Константинопольскіе, то принадлежавшіе къ ихъ епархіямъ были ли обязаны послѣдовать ихъ ученію? и если послѣдовали, то будутъ ли отправдны передъ Богомъ; а если будутъ, то какъ же Писаніе говоритъ, что каждый свое бремя понесетъ, и когда слѣпой слѣпаго водитъ, то оба въ яму впадаютъ? Если мірскіе люди обязаны во всемъ повиноваться пастырямъ своимъ, то не погрѣшили и Нѣмцы кельнскіе, которые, по примѣру архіепископа своего, сдѣлались лютеранами; и мы не грѣшимъ, слушаясь, владыки Львовскаго и Перемышльскаго, которые говорятъ, что папа вовсе не наивысшій правитель Церкви, и если бы Луцкій владыка потуречился (что дѣло возможное, смотря по его нравственности), то овцы его были бы оправданы передъ Богомъ, когда бы сдѣлались магометанами? Конечно, историкъ Брестскаго собора тряхнетъ на это головою; такъ пусть же знаетъ, что для предохраненія отъ заблужденій не на титулы духовные надобно смотрѣть, а на что-нибудь другое; не всегда и не во всемъ надобно духовенство слушать". Мы привели эти строки для показанія взгляда и пріемовъ автора Апокризиса; что же касается до подробнаго разбора и оцѣнки его книги, то это предоставляемъ церковнымъ писателямъ. Вслѣдъ за Апокризисомъ написано было православнымъ Львовскимъ священникомъ изложеніе хода дѣла объ уніи, подъ заглавіемъ: „Перестрога зѣло потребная на потомные часы православнымъ христіанамъ". Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности, но тяжело для историка по смѣшенію событій вслѣдствіе отсутствія хронологіи [1]).

Апокризисъ раздражилъ сильно католиковъ: это видно по тону, въ какомъ было написано возраженіе на него, подъ заглавіемъ Antirresis (1600 г.). Авторъ Антиррезиса для борьбы съ сильнымъ противникомъ долженъ былъ прибѣгнуть къ отчаянному средству: ко лжи и брани. „Авторъ Апокризиса", говоритъ онъ: „наполнилъ свою книгу такимъ множествомъ непристойныхъ и ложныхъ вещей, что и самъ дьяволъ, изъ ада вылѣзши, не могъ большей неправды сочинить, какъ этотъ Христофоръ Филалетъ въ своихъ книжкахъ написалъ; поистинѣ, каждый можетъ назвать его *diawolofor* и *philopsevdis*, а не *Christum ferens et amator veritatis* (т.-е. не носителемъ Христа, что значитъ Христофоръ, и не любителемъ истины, что значитъ Филалетъ, а носителемъ діавола и любителемъ лжи).

Самъ король въ окружной грамотѣ своей къ Русскому народу счелъ за нужное вооружиться противъ поведенія православныхъ на Брестскомъ соборѣ. „Митрополитъ", пишелъ король: „съ епископами, остальнымъ духовенствомъ и многими другими людьми вѣры Греческой Русской, сошедшись на мѣстѣ обычномъ, въ соборной церкви Св. Николы, началъ дѣло, какъ слѣдуетъ, молитвою, и три дня разбиралъ дѣло, справляясь съ Св. Писаніемъ, съ правилами Св. Отецъ, призывая братскимъ призывомъ къ себѣ Михаила Копыстенскаго, епископа Перемышльскаго, и Гедеона Балабана Львовскаго, и другихъ товарищей ихъ, которые сначала сами добровольно приступили къ уніи и намъ, господарю, дали знать объ этомъ, а теперь, по наущенію людей упорныхъ, покинувши старшаго своего архіепископа, митрополита и братью свою владыкъ, покинувши храмъ Божій, мѣсто святое, на которомъ обязаны были сходиться съ старшимъ своимъ, и ни разу, во все продолженіе собора, въ церкви Божіей не ставши, захотѣли соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной—Русской. Кромѣ

[1]) Рукоп. Импер. библіот., отд. I, № 243.

того, взявши себѣ въ товарищество шпіоновъ и измѣнниковъ нашихъ, какого-то Никифора и другихъ Грековъ, чужестранцевъ, въ божницѣ еретической засѣли, злостію и упорствомъ, фараоновымъ сердцемъ окаменѣлымъ поступали, и дѣла, имъ непринадлежащія, дѣлать осмѣлились, противъ своего начальства, противъ насъ, господаря, и противъ Рѣчи Посполитой, отъ Церкви Божіей отлучились, тайкомъ заговоры и протесты составляли, къ бланкетамъ печати и руки свои прикладывали, другихъ людей разныхъ, къ собору непринадлежавшихъ, къ рукоприкладству приводили и силою подписываться заставляли, и, написавши что-то на этихъ бланкетахъ, по государствамъ нашимъ разсылать осмѣлились". Увѣщевая послѣдовать примѣру митрополита, принять унію, и извѣщая о проклятіи Копыстенскаго и Балабана, король запрещаетъ считать ихъ владыками и имѣть съ ними сообщеніе, запрещаетъ правительственнымъ лицамъ противиться постановленіемъ Брестскаго собора, признавшаго унію, и приказываетъ карать противниковъ.

Итакъ, съ православными велѣно бы поступать, какъ съ преступниками, гоненіе на нихъ было узаконено. Но указъ королевскій не могъ быть приведенъ въ исполненіе во всей силѣ: наказывать за противленіе уніи пришлось бы слишкомъ многихъ, цѣлый народъ, и нѣкоторые изъ этихъ многихъ были очень сильны, а правительство было очень слабо. Въ то время, когда Сигизмундъ приказывалъ преслѣдовать православныхъ и награждать епископовъ-уніатовъ, князь Острожскій уговорилъ Балабана и Львовское братство прекратить свои тяжбы на годъ, въ продолженіи котораго обѣ стороны обѣщали князю оборонять заодно православную вѣру.

Но въ то самое время, какъ Западная Россія волновалась уніею, въ ней обнаружилось явленіе, которое должно было имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ борьбы. Мы видѣли, что оба государства Восточной Европы—Московское и Польское—единовременно должны были начать непріязненныя отношенія къ усилившимся на украйнахъ ихъ казакамъ, которые вели себя одинаково какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Величая себя оберегателями государствъ, они не ограничивались нисколько пограничною стражею, но, по своему хищническому характеру, котораго они не скрывали, объявляя, что если имъ не нападать на сосѣдей, то жить нечѣмъ,—по этому характеру своему, казаки нападали на сосѣдей и тогда, когда государству это было вредно, нападали моремъ на турецкія владѣнія и вовлекали оба государства, и особенно Польское, въ опасную вражду съ Турціею. Понятно, что Польша должна была всѣми силами хлопотать о томъ, чтобъ отнять у казаковъ возможность вредить государству. По заключеніи мира съ Турціею, по которому Польша обязалась удержать казаковъ отъ нападенія на турецкія владѣнія, на сеймѣ 1590 года было опредѣлено: чтобъ коронный гетманъ обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые казаками, далъ бы имъ старшаго, ротмистровъ и сотниковъ изъ польской шляхты; чтобъ казаки присягнули въ вѣрности республикѣ, не отправлялись за границу ни водой, ни сухимъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана, не принимали польскихъ бѣглецовъ, и чтобъ казаковъ было опредѣленное число, внесенное въ гетманскій списокъ. Два коммисара отправились съ сейма для постояннаго пребыванія между казаками, для наблюденія за исполненіемъ сеймоваго рѣшенія. Понятно, что казаки не могли спокойно покориться этому рѣшенію; въ 1592 году, подъ начальствомъ какого-то Косинскаго, въ числѣ 5,000 человѣкъ, напали они на Подолію и опустошали владѣнія князя Острожскаго и другихъ пановъ. Князь Константинъ выслалъ войско, которое поразило Косинскаго подъ городомъ Паткою, недалеко отъ Тарнополя; впослѣдствіи Косинскій былъ окруженъ и убитъ на дорогѣ въ Черкасы. Въ 1595 году, или около этого времени, Запорожскій гетманъ Григорій Лобода опустошилъ Украйну; на Волыни князь Константинъ Острожскій успѣлъ уладиться съ нимъ; Лобода отправился въ Дунайскія княжества противъ Турокъ, Острожскій двинулся на Полѣсье; но въ это время отъ войска Лободы отдѣлился Наливайко съ толпою въ 1,000 человѣкъ и занялъ Острополь, имѣніе Острожскаго. Не знаемъ, какъ раздѣлался князь Константинъ съ этимъ гостемъ; но знаемъ, что послѣ Наливайко вторгнулся въ Бѣлоруссію, овладѣлъ Слуцкомъ. 30-го ноября 1593 года Наливайко уже съ 2,000 казаковъ вступилъ въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ: запылали домы, лавки, острогъ; девяносто домовъ превращено было въ пепелъ; казаки грабили, убивали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Противъ разбойниковъ двинулся Литовскій гетманъ Радзивилъ съ 14,000 Литвы и 4,000 Татаръ. Наливайко, заслышавъ о приближеніи Радзивила, вышелъ изъ Могилева и огородился возами: изъ этого казацкаго укрѣпленія отбивался онъ цѣлый день отъ Радзивила, отбился и ушелъ къ Быхову. Литва гналась за казаками, но ничего имъ не сдѣлала, только сама грабила. Коронный гетманъ Жолкѣвскій писалъ королю въ 1596 году: „Страшно вспомнить, дочего дошло это своевольство; какое забвеніе величія королевскаго, замыслы о разрушеніи Кракова, объ истребленіи шляхетскаго сословія!" Наконецъ Жолкѣвскому удалось поразить и взять въ плѣнъ Наливайка при Лубнахъ, въ урочищѣ Солоницѣ. Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Подозрѣвали Острожскаго въ сношеніяхъ съ Наливайкомъ; говорили что и Лобода, съ вѣдома князя, опустошалъ Украйну; по этому случаю Осторожскій писалъ зятю своему, Радзивилу, воеводѣ Виленскому: „Полагаюсь на Бога, Который спасетъ не только отъ подозрѣнія, но и отъ смерти" [1]).

Государство, повидимому, восторжествовало надъ казаками; но это государство носило въ себѣ глу-

[1]) Сборникъ синод. библіот., № 790; рукоп. Имп. публ. библ. Польск. отд., in fol. 223.

бокія раны, которыя растравлялись все болѣе и болѣе; то была слабость правительства, которое не имѣло возможности удерживать людей сильныхъ отъ насилія, удерживать войско, которое, не получая жалованья, страшно грабило; такъ, во время войны съ Наливайкомъ, чего не взяли казаки, то побрали солдаты; то была религіозная борьба вслѣдствіе уніи, гоненіе, которому подверглись православные; то было тяжкое состояніе, въ которомъ находилось низшее земледѣльческое сословіе; сельскія вѣча, или копы, не очень сильныя, какъ мы видѣли, и во второй половинѣ XVI вѣка, все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе въ XVII, мужи сходатаи уступаютъ власть свою помѣщикамъ. Помѣщикъ или помѣщица, съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей. Нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ копныхъ судахъ. Помѣщики и управляющіе ихъ еще въ 1557 году получили право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію; мало того,—отдавая имѣнія свои въ аренду Жидамъ, давали имъ право брать себѣ всѣ доходы, судить крестьянъ безъ аппеляціи, наказывать виновныхъ и непослушныхъ, по мѣрѣ вины, даже смертію. И вотъ крестьяне, или хлопы, какъ ихъ называли на юго-западѣ, бѣгутъ въ казаки, и Жолкѣвскій жалуется на замыслы объ истребленіи шляхетскаго сословія. Въ Московскомъ государствѣ казаки воспользовались смутою и, чтобъ удобнѣе бороться съ государствомъ, выставили знамена мнимыхъ сыновей и внуковъ Іоанна IV; но здѣсь, съ окончаніемъ смуты кончилось и царство казацкое. Иначе было въ государствѣ Польскомъ: здѣсь казаки, ратуя за свои интересы съ государствомъ, могли, благодаря уніи, связать свое дѣло съ дѣломъ священнымъ, народнымъ, выставить религіозное знамя.

1597 годъ начался возмутительнымъ процессомъ экзарха патріаршаго, Никифора, котораго, какъ уже мы видѣли, король въ своей грамотѣ называлъ шпіономъ. Въ имѣніи гетмана Замойскаго схваченъ былъ слуга князя Острожскаго, который ѣхалъ въ Валахію покупать лошадей для князя, и нашли у него письма, которыя далъ ему греческій монахъ Пафнутій, ѣхавшій въ Москву. Въ этихъ письмахъ найдены были жесткія выраженія противъ Поляковъ, и вотъ ими воспользовались для обвиненія Никифора, на котораго сердились за Брестскій соборъ: объявили, что письма писаны имъ, а не Панфутіемъ. Несмотря на то, что самъ Никифоръ и прокураторъ его, или адвокатъ, блистательно доказали всю нелѣпость обвиненій, Никифора не хотѣли освободить отъ суда. Старикъ князь Острожскій, оскорбленный этимъ дѣломъ, въ которомъ хотѣли задѣть столь же и его, сколько Никифора, говорилъ длинную рѣчь королю, припоминалъ заслуги предковъ и свои собственныя, припомнилъ, что, несмотря на вражду свою съ Замойскимъ, онъ былъ съ нимъ заодно на сторонѣ Сигизмунда, при избраніи королевскомъ, за что король оказалъ ему большую милость, посадивши одного его сына по правую свою сторону въ сенатѣ, а другого—по лѣвую, и такимъ образомъ утѣшилъ его старость. Но теперь непріятель его, Замойскій, гонитъ слугъ его; людей добрыхъ, невинныхъ—на вольныхъ дорогахъ хватаетъ, деньги отбираетъ, мучитъ, желая навести на него какое-нибудь безчестье; на духовныхъ его нападаетъ, измѣнниками ихъ выставляетъ. „А ваша королевская милость, видя насиліе надъ нами и нарушеніе правъ нашихъ, не обращаешь вниманія на присягу свою, которою обязался не ломать правъ нашихъ, но умножать и расширять. Не хочешь насъ въ православной вѣрѣ нашей держать при правахъ нашихъ, на мѣсто отступниковъ-епископовъ другихъ дать, позволяешь этимъ отступникамъ насилія дѣлать и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ идти за ними въ отступничество, грабить ихъ, изъ имѣній выгонять. За вѣру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и наконецъ на совѣсть нашу налегаешь; этимъ присягу свою ломаешь, и если прежде что-нибудь для меня сдѣлалъ, то послѣднею немилостію своею все ни во что обращаешь. Не только самъ я, сенаторъ, терплю кривду, но вижу, что дѣло идетъ къ конечной гибели всей короны Польской, потому что теперь никто уже не обезпеченъ въ своемъ правѣ и вольности, и въ короткое время настанетъ великая смута. Предки наши, сохраняя государю вѣрность, послушаніе и подданство, взаимно отъ него милость, справедливость и защиту получали. На старости лѣтъ затронули у меня самыя дорогія сокровища: совѣсть и вѣру православную. Видя смерть передъ глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вамъ отца Никифора, а крови его на страшномъ судѣ Божіемъ искать буду; прошу Бога, чтобъ уже больше не видать мнѣ такого ломанья правъ“. Кончивши свою рѣчь, Острожскій всталъ и, опираясь на руку одного пріятеля, пошелъ изъ королевской комнаты; пріятель напомнилъ ему, что надобно подождать отвѣта королевскаго. „Не хочу!“ отвѣчалъ старикъ и продолжалъ путь; тогда король послалъ за нимъ зятя его, Виленскаго воеводу Радзивила, съ просьбою вернуться. „Увѣряю васъ“, говорилъ Радзивилъ, „что король принимаетъ участіе въ вашей печали и Никифоръ будетъ освобожденъ.“ Но раздраженный старикъ отвѣчалъ: „Пусть себѣ и Никифора съѣстъ“,—и вышелъ изъ дворца. Упрямство гордаго магната дѣйствительно погубило Никифора: онъ умеръ въ заточеніи въ Маріенбургѣ, которому скоро суждено было увидѣть въ стѣнахъ своихъ другихъ, болѣе знаменитыхъ узниковъ. Говорятъ, будто недостатокъ въ пищѣ ускорилъ смерть Никифора.

Наконецъ Острожскій помирился и съ Замойскимъ, заклятымъ врагомъ своимъ, но не хотѣлъ мириться съ дѣломъ Потѣя и Терлецкаго. Тщетно самъ папа льстивыми словами склонялъ его къ уніи; въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ благодарилъ Острожскій святаго отца за ласковое письмо, давалъ знать, что онъ самъ старался объ уніи, но въ то время, когда онъ употреблялъ средства, которыя всего скорѣе могли повести къ желанной цѣли, вдругъ нѣкоторые духовные, безъ общаго совѣта, дѣло начатое — только и далеко не оконченное поспѣшили представить его святѣйшеству, и этимъ произвели такую смуту, что больше народу впало въ ересь, чѣмъ присоединилось къ столицѣ апостольской. „Мы готовы на соглашеніе", пишетъ Острожскій, „но въ этомъ дѣлѣ уніи заключается множество сторонъ. Не сомнѣваюсь, что ваше святѣйшество отложите дѣло до дальнѣйшаго времени, когда отцы Греческіе (съ которыми я буду сильно хлопотать объ этомъ) охотно приступятъ къ соединенію, ибо знаемъ, что ваше святѣйшество преимущественно имѣете въ виду всеобщее примиреніе и успокоеніе; знаемъ, что, отдавая каждому свое, какъ Римской, такъ и Греческой церкви, и соединяя обѣ, какъ двѣ дщери великаго царя, ни у одной не отнимите ихъ особенностей. Думаю, что и Самому Творцу будетъ пріятно, когда въ мірѣ водворится покой и когда это дѣло проистечетъ вмѣстѣ и отъ наивысшаго бискупа Римскаго и отъ патріарховъ Восточныхъ".

Считая Потѣя и Терлецкаго виновниками смуты, нарушителями добраго дѣла, православные не переставали требовать ихъ къ суду, и король наконецъ принужденъ былъ, хотя по формѣ, исполнить ихъ требованіе. Въ январѣ 1598 года, Сигизмундъ послалъ Потѣю и Терлецкому приказаніе явиться на сеймъ и оправдаться отъ обвиненій пословъ воеводства Волынскаго въ томъ, что они, епископы, назвавшись послами отъ всѣхъ православныхъ христіанъ вѣры Греческой, ѣздили въ Римъ къ отцу папѣ и отдались подъ его власть именемъ всѣхъ этихъ обывателей, тогда какъ послѣдніе имъ никогда ничего не поручали и ни о чемъ не сговаривались; такимъ образомъ, епископы явились послами непосланными; кромѣ того, осмѣлились дѣлать это непорученное имъ дѣло безъ воли патріарховъ, своихъ старшихъ; потомъ осмѣлились на сунодѣ Брестскомъ, соединившись съ ксендзами римскими (общеніе съ которыми запрещено правилами Св. Отецъ), осмѣлились людей добрыхъ, несогласныхъ на ихъ отпаденіе, отъ Церкви отлучать. Потѣй отвѣчалъ передъ королемъ въ смыслѣ извѣстномъ и пріятномъ Сигизмунду: „Новое и неслыханное дѣло! овечки на пастыря жалуются, тогда какъ пастырь долженъ на нихъ жаловаться тебѣ, пану верховному, который обязанъ непослушныхъ карать и въ послушаніе приводить, по апостолу: „Невѣжду страхомъ спасати". Теперь, наоборотъ, мои овечки на меня жалуются и пастыремъ меня не признаютъ. Но не ваша ли королевская милость утвердили меня на епископіи Владимірской, которую я, покинувъ званіе сенаторское, рѣшился принять, подвигнувшись слезными просьбами князя Острожскаго; не вашей ли королевской милости было угодно, по смерти митрополитовой, назначить мнѣ митрополію? А кто же у насъ въ панствѣ вашей королевской милости такія должности безъ важной причины у кого отнимаетъ? Развѣ у того, кто за какое-нибудь преступленіе жизнь и честь теряетъ. Но, кажется, мы ничего такого не сдѣлали, за что бы насъ надобно было казнить смертію; такъ за что же у насъ отнимать достоинства наши духовныя? Только за то, что мы возобновили дѣло, давно утвежденное, наивысшему пастырю Христовой церкви послушаніе отдали и отъ патріарховъ уклонились, потому что отъ нихъ никакой утѣхи, науки и порядка имѣть не могли. Только за шерстью и молокомъ къ намъ ѣздили или посылали, а вмѣсто покою волненіе и мечъ между дѣтьми вкидывали. Новыя неслыханныя и канонамъ противныя братства людямъ простымъ дали, изъемля ихъ изъ-подъ власти епископской и давая имъ власть, принадлежащую епископамъ. Это хлопство съ простоты своей такое могущество себѣ приписываетъ, что ни епископовъ, ни пановъ своихъ слушать не хочетъ. Не имѣемъ ли право бѣгать такого пастыря, который самъ въ неволѣ и намъ ничѣмъ помогать не можетъ".

Король, разумѣется, долженъ былъ убѣдиться рѣчью Потѣя; но не убѣдились ею православные и отвѣчали ему: „Безстыдный языкъ! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивыхъ патріархахъ и учителяхъ своихъ, какъ невѣрные поганцы? Вы мудры на злое, а чтобъ разумѣть доброе, не увидали истины, какъ говоритъ пророкъ. Не посылано ли пророковъ во всѣ времена? Не присылали ли и патріархи къ вамъ учителей, во всѣ времена уча васъ? Мало ли грамотъ присылали къ вамъ патріархи во всѣ времена о многихъ дѣлахъ, и сами къ вамъ приходили? Вы говорите: „Когда пришелъ патріархъ, то сдѣлалъ какое-то братство, поповъ и проповѣдниковъ наставилъ". Но и Христосъ то же самое сдѣлалъ: архіереевъ обличивши и людей къ себѣ собравши и учениковъ, изъ среды ихъ учителей поставилъ. Такъ и патріархъ: обличивши митрополита Кіевскаго, Онисифора двоеженца, и осудивъ Тимоѳея Злобу, архимандрита Супрасльскаго, за убійство, митрополита Михаила посвятилъ и грамотами окружными всюду злость каждаго обличилъ и на судъ приготовилъ. Что же еще больше ему было дѣлать? Школу греческую кто заложилъ, какъ ни Греки и не патріархъ самъ? Грамматикѣ греческой и славянскимъ письмомъ не Арсеній ли, митрополитъ Елассонскій, во Львовѣ, отъ патріарха пріѣхавши, училъ два года? И когда грамматику чрезъ учениковъ своихъ напечаталъ, то въ типографіи греческаго и славянскаго письма размножилось, чего никогда въ русскомъ народѣ не бывало. Русскіе, какъ окрестились, не учились, только

церкви строили, которыя имъ злые сосѣди заразъ позапустошили, людей данями обложили, великихъ пановъ своими науками и способами различными отъ церкви отторгли, весь народъ въ убожество привели; за-то теперь школы во всѣхъ городахъ закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу Вселенскаго патріарха, двоеженцевъ выведено, ереси выкляты, исповѣдники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злыхъ карали, владыкамъ негоднымъ отъ мѣстъ своихъ отказаться велѣно. А вы что сдѣлали? Одного патріарха Антіохійскаго во Львовѣ бить приказали, другому Вселенскому патріарху, Іереміи, домой ѣхать велѣли, боясь, чтобъ онъ васъ, какъ преступниковъ, не наказалъ и отъ мѣстъ не отставилъ. Вы сами на себя могли опредѣленіе выдать, какъ Жиды, говоря: „Злыхъ злѣ погубитъ, а виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя". Уже сѣкира при корени древа лежитъ; не умолитъ садовникъ господина своего, чтобъ не посѣкалъ неплоднаго дерева, пока обложитъ его навозомъ до будущаго года: уже всему часъ. А теперь каждый владыка въ своей епископіи поповъ двоеженцевъ и многоженцевъ, блудниковъ, убійцъ имѣетъ: сами владыки людей убиваютъ (о чемъ свидѣтельства найдешь въ книгахъ судныхъ), церкви и монастыри разбиваютъ, имущества монастырскія вмѣстѣ съ монастырями своимъ пріятелямъ даютъ; монаховъ женятъ, монахинь замужъ выдаютъ. А потомъ, тайкомъ сговорившись, къ папѣ утекли". Не получая управы отъ католическаго правительства, нѣкоторые изъ православныхъ рѣшились соединиться съ протестантами, также притѣсняемыми, чтобъ этимъ союзомъ заставить правительство исполнить слѣдующія требованія: „Власть древняя Константинопольскаго патріарха нарушается, ни мы съ нимъ, ни онъ съ нами чрезъ грамоты и пословъ сообщаться не имѣетъ права; пусть всѣ патріаршіе декреты, а особенно декретъ, выданный въ Брестѣ на отступниковъ, остаются въ своей силѣ. Митрополита нашего отступника и съ нимъ владыкъ королевская милость защищаетъ и изъ-подъ власти патріаршей изъемлетъ; и намъ его королевская милость приказываетъ ихъ, противъ совѣсти нашей, слушаться: — такъ если уже король не хочетъ исполнить относительно ихъ соборнаго опредѣленія, то пусть дастъ намъ другого митрополита. Во всѣхъ городахъ, въ цехахъ каждаго ремесла папежники людей Греческой вѣры до равной съ собою чести и вольности не допускаютъ, и великія насилія чинятъ ремесленники папежники; новыя привилегіи у легата себѣ выхлопатываютъ противъ людей Греческой вѣры, а король ихъ конфирмуетъ. Братства церковныя королевская канцелярія повсюду выставляетъ нарушителями покоя, чести и вольности городской недостойными, отчего эти братства несносныя терпятъ бѣды, особенно въ Вильнѣ: такъ чтобы братства, какъ и вся наша религія, оставлены были въ покоѣ. Поповъ и проповѣдниковъ братскихъ, и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и въ церковь братскую ходитъ, митрополитъ-отступникъ проклинаетъ, а король банитуетъ. Въ 98 году, на самое Свѣтлое Воскресенье, іезуиты сдѣлали великое насиліе надъ церковію братства Виленскаго. Мандаты разные и грамоты окружныя на братства выданы и нѣкоторые изъ братьевъ, по немилости пана канцлера (Сапѣги), къ смертной казни присуждены были, если бы не самъ Богъ и панъ воевода Виленскій Радзивилъ (протестантъ) не защитили: такъ пусть эти мандаты уничтожатъ и панъ-канцлеръ съ братствомъ помирится. Въ монастырѣ Св. Троицы алтарь братскій митрополитъ-отступникъ, а домъ, гдѣ братство собиралось, панъ-канцлеръ отняли. Бурмистры на нѣсколько человѣкъ изъ братства сдѣлали протестацію на ратушѣ, намъ и потомкамъ нашимъ очень вредную, за то, что мы ѣздили въ Брестъ на сунодъ духовный. Всѣ эти обиды дѣлаютъ намъ папежники для того, чтобъ духовную патріаршескую власть и благословеніе патріарха надъ нами уничтожить и папскому послушанію насъ подбить. Вслѣдствіе этого, ихъ милостямъ, панамъ-евангеликамъ, надобно крѣпко соединиться вмѣстѣ съ нами и стоять за наши обиды, а намъ за ихъ, обороняя вольности. Въ знакъ добраго расположенія ихъ къ намъ, просить ихъ, чтобъ они не оказывали послушанія папѣ и покинули его новый календарь, съ нами старый Никейскій держали постарому (ибо паны Пруссаки и всѣ Нѣмцы держатъ его вмѣстѣ съ нами), чтобъ вмѣстѣ обороняться отъ насилій въ праздники Господни". Таковъ былъ наказъ, данный представителямъ, отправлявшимся на съѣздъ съ протестантами, назначенный въ Вильнѣ, въ маѣ 1599 года. Изъ православныхъ здѣсь былъ князь Константинъ Острожскій, Юрій Сангушко и двое незначительныхъ духовныхъ особъ; архіереи Львовскій и Перемышльскій отказались участвовать въ съѣздѣ. Со стороны протестантовъ были: Виленскій воевода, князь Николай Христофоръ Радзивилъ, Брестокуявскій воевода Андрей Лещинскій и другіе знатные люди. Протестанты хотѣли-было начать дѣло о соглашеніи вѣроученія, но православные не хотѣли объ этомъ и слышать; ограничились уніей политическою, написали договоръ, но между православными нашлось мало охотниковъ подписать его, — и съѣздъ остался безъ слѣдствій.

Въ томъ же 1599 году, по смерти Михаила Рагозы, митрополитомъ Кіевскимъ былъ утвержденъ Ипатій Потѣй, первымъ дѣломъ котораго было вооружиться на Стефана Зизанія, не переставашаго проповѣдывать въ Вильнѣ противъ уніи. Потѣй велѣлъ запечатать церковь въ братскомъ Троицкомъ монастырѣ за то, что монастырь держалъ у себя Зизанія. Старый товарищъ послѣдняго, Юрій Рогатинецъ, писалъ къ нему изъ Львова успокоительное письмо: „Пишешь, что запечатали вамъ церковь именемъ Ипатія; не слушайтесь и не злорѣчьте Ипатія, въ отчаяніи его приводя на худшее, откуда возрастаетъ ярость, а не Божіе

строеніе. Это не новость въ Церкви Божіей: запечатали архіереи съ Римлянами гробъ Христовъ, но силы его не удержали; и Иродъ убивалъ младенцевъ Христа ради, но принялъ конецъ свой, какъ и другіе Божіи противники, которые властью папства своего Церкви Божіей противились. Пишешь, что Ипатій написалъ какіе-то разговоры Русскаго съ Ляхомъ, въ которыхъ говорится, что мы, въ бытность нашу въ Вильнѣ, отдѣлившись отъ нихъ, соединились съ Лютеранами. Это ошибка, ибо мы не держимъ дружбы ни съ какими еретиками. А что слышно обо мнѣ, что сношусь съ Ипатіемъ и письмами другъ друга обсылаемъ, то скажу прямо: часто разговариваю я со всякими противными людьми, не держа стороны ихъ, но поступая по овечьему незлобію, мудрости змѣиной и цѣлости голубиной, какъ Христосъ научилъ, что ясно видно изъ разговора и письма моего къ сыну Потѣеву, Яну; копію съ этого письма посылаю къ вамъ". Изъ письма Юріева видно, что вражда между Львовскимъ братствомъ и епископомъ Гедеономъ продолжалась: „Посылаю копію и другого сочиненія моего, которое написалъ теперь на погребеніе племянницы своей Анастасіи, умершей подъ мучительствомъ Балабановскимъ; увидите, какое согласіе имѣемъ съ Балабаномъ" Когда князь Острожскій пріѣзжалъ во Львовъ, то Балабанъ не показывался ему на глаза.

Князь Константинъ продолжалъ свое старое дѣло: по смерти Александрійскаго патріарха Мелетія осталось сочиненіе противъ схизматиковъ и еретиковъ; князь немедленно сталъ хлопотать, чтобъ издать его по-гречески и по-русски, для чего послалъ ко Львовскому братству за наборщиками и литерами греческими. Потѣй не былъ также празденъ: въ іюнѣ 1605 года онъ явился въ виленской ратушѣ и объявилъ, что нашелъ въ церкви Кревской старинную рукопись съ описаніемъ Флорентійскаго собора и съ грамотою къ папѣ Сиксту IV-му отъ Кіевскаго митрополита Мисаила, архимандритовъ Печерскаго и Виленскаго, также отъ великихъ княжатъ и пановъ русскихъ въ 1476 году. Грамота эта была издана имъ въ томъ же 1605 году, какъ доказательство давняго существованія уніи на Руси. Книжка Потѣя была встрѣчена насмѣшками православныхъ, которые въ 1607 году выхлопотали сеймовыя опредѣленія, чтобъ чины и имѣнія духовныя раздавались Русскимъ людямъ шляхетнымъ и прямо Греческой вѣры; чтобъ отправленіе богослуженія ихъ было свободно; чтобъ духовныя власти не соединяли въ одномъ лицѣ двухъ должностей и пользованій; въ 1609 году вытребовали, чтобъ ни уніаты православнымъ, ни православные уніатамъ не дѣлали утѣсненія и раздраженія, въ противномъ случаѣ виновные подвергаются пенѣ въ 10,000 злотыхъ. Но раздраженіе не могло уменьшиться, когда, въ 1610 году, явилось сочиненіе Мелетія Смотрицкаго, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Теофила Ортолога: „Плачъ Восточной Церкви" (Threnos to jest lament jedyney powszechnej Apostolskiej wchodniej Cerkwie). Самое названіе показываетъ, что авторъ всего болѣе хотѣлъ возбудить сочувствіе къ несчастному положенію Восточной Церкви, готовой принимать гоненіе.

Скарга въ томъ же году написалъ противъ этой книги: „Предостереженіе Руси насчетъ жалобъ и воплей Теофиля Ортолога" (Na treny y lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestoga): въ 1612 году вышло новое опроверженіе книги Смотрицкаго въ такъ-называемой „Паригоріи, или утоленіи плача" (соч. Мороховскаго); а въ 1617 г. вышла книга Виленскаго уніатскаго архимандрита Леона Креузы: „Оборона единства церковнаго" (Obrona jednosci cerkiewnej), гдѣ авторъ старался доказать, что унія существовала прежде, и въ послѣднее время уніаты поступали законно.

Не уменьшалось раздраженіе, не уменьшались и притѣсненія, которыхъ, по крайней мѣрѣ повидимому, не одобряло правительство; но на правительство мало обращалось вниманія На сеймѣ 1620 года депутатъ волынскій, Лаврентій Древинскій, говорилъ такую рѣчь: „Въ войнѣ Турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратныхъ людей потребуете отъ народа Русскаго Греческой вѣры, того народа, который если не будетъ удовлетворенъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, то можетъ ли поставить грудь свою оплотомъ державы вашей? Какъ можетъ онъ стараться о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ внутренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній Русскій народъ относительно своей вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ,—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль, вывозятъ; мужья съ женами живутъ безъ брачнаго благословенія; народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о другихъ городахъ, скажу, что во Львовѣ дѣлается: кто не уніатъ, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цехи принятъ быть не можетъ; мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ, когда хотятъ погребсти тѣло благочестиваго Русскаго, то должны вывозить его въ тѣ ворота, въ которыя одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ потому только, что не уніаты; простаками и невѣжами, изъ которыхъ иной не знаетъ, что такое правосудіе, мѣста наполняютъ въ поношеніе странѣ Русской. Деньги у невинныхъ православныхъ безо всякой причины исторгаютъ. Главная причина зла заключается въ томъ, что ваше королевское величество изволите назначать на высшіе саны духовные людей, не

зная ихъ происхожденія. Кто не знаетъ, что теперь епископомъ Полоцкимъ—сынъ сапожника, сдѣлавшій себѣ шляхетскую фамилію *Кунцевичъ?* Перемышльскій владыка Шишка—сынъ пастуха, и теперь родной его дядя въ холопахъ у Кіевскаго воеводы. И Владимірскій владыка сынъ львовской мѣщанки Стецковой. Холмской владыка Покость—сынъ виленскаго купца, обвиненный въ покражѣ сукна, такъ-что еслибъ не спасъ его монашескій клобукъ, то давно былъ бы на висѣлицѣ. Такая-то польза отъ уніи, что въ двадцать лѣтъ не могутъ уніаты доставить кого нибудь изъ природнаго шляхетства въ епископы! Вотъ и теперь дали намъ въ Луцкъ Почановскаго, правда, шляхтича, но по лѣтамъ недостойнаго не только епископскаго, даже и дьяконскаго сана: не можемъ называть его отцомъ, потому-что и двадцати лѣтъ ему нѣтъ. Все это неустройство происходитъ оттого, что принимаютъ посвященіе не отъ законнаго пастыря; отступили они отъ патріарха Константинопольскаго, которому искони въ этомъ государствѣ духовная власть принадлежала. Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ, горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ пророкомъ возопить: „Суди ми, Боже, и разсуди прю мою!“

Сеймъ опредѣлилъ подтвердить конституцію 1607 года, чтобъ впредь раздавать духовныя должности и доходы людямъ прямой Греческой вѣры. Но для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія православные не хотѣли дожидаться, пока перемрутъ всѣ уніатскіе владыки (иные двадцатилѣтніе), и когда, въ томъ же 1620 году, пріѣхалъ въ Западную Россію извѣстный уже намъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то они просили его поставить имъ на всѣ епархіи православныхъ епископовъ, что и было исполнено. Тутъ-то, имѣя своихъ епископовъ, православные, въ 1621 году, издали правила, которыми хотѣли руководствоваться при бѣдственномъ состояніи своей церкви, издали такъ-называемое „Совѣтованіе о благочестіи“. „Все доброе“, говорится въ этомъ Совѣтованіи, „должно начаться прежде всего отъ самихъ главъ, т.-е. митрополитъ, епископы и все духовенство да отвергнутъ сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя. Епископы должны проповѣдать правую вѣру, покаяніе и благочестивыя дѣла, обходя домы благородныхъ; также посылать ученыхъ своихъ, способныхъ учить въ церквахъ, а не дожидаться того, чтобъ къ нимъ приходили, кланялись и что-нибудь приносили. Какъ сами епископы, такъ и поставленные и посланные отъ нихъ во всѣхъ церквахъ и на всѣхъ мѣстахъ пусть открыто и явственно поучаютъ, что вѣра Восточной Церкви, которую мы нынѣ исповѣдуемъ, есть истинная и спасеніе въ ней несомнѣнное, а въ Латино-Римской церкви и въ другихъ сборищахъ, отъ нея происшедшихъ, какъ истинной вѣры нѣтъ, такъ и спасенія достигнуть невозможно. Вѣру, догматы и обряды Церкви Восточной должны они во всемъ хвалить и одобрять, а другіе отрицать и обличать, впрочемъ, духовно и разсудительно, не злорѣча, но приводя мѣста Писанія, сильные примѣры и доказательства, и это обнародывать посредствомъ письма. Въ іереи посвящать достойныхъ, разумныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія, даромъ, а не изъ корысти, которой, ни самимъ отъ себя, ни чрезъ своихъ намѣстниковъ, не требовать ни подъ какимъ предлогомъ, ни чрезъ какіе намеки о своихъ нуждахъ и недостаткахъ. Возбуждать и приготовлять къ святому мученичеству какъ самихъ себя, такъ и сердца народа. Писать и печатать въ защиту благочестія книги; противникамъ возражать письменно, но только съ совѣта другихъ, ибо у нашихъ разномысліе, а у противниковъ убѣжденіе въ своихъ вѣрованіяхъ и злоба въ сердцахъ на насъ. Съ отступниками-уніатами не сообщаться и народу на исповѣди то же внушать; а обращающихся въ православіе принимать только на степень кающихся. Учреждать соборы. Чтобъ въ церквахъ каждый воскресный день и праздникъ была проповѣдь. Учреждать по городамъ школы. Учреждать братства. Нужно и то намъ принять во вниманіе, что Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были не малыя головы; несмотря на то, предки наши, и многіе изъ нихъ весьма простые, дерзали обличать ихъ безбоязненно: то же прилично дѣлать и всѣмъ православнымъ. Такъ какъ Св. апостолъ Андрей есть первый архіепископъ Константинопольскій, патріархъ Вселенскій и апостолъ Русскій,—на Кіевскихъ горахъ стояли ноги его, очи его Россію видѣли и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ посѣялъ: то справедливымъ и богоугоднымъ будетъ дѣломъ возобновить торжественно и нарочито его праздникъ. Воистину Россія ничѣмъ не меньше другихъ восточныхъ народовъ, ибо и въ ней просвѣтитель былъ апостолъ. Послать къ Константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощью и совѣтомъ; послать и на Святую Аѳонскую гору, чтобъ вызвать и привести преподобныхъ мужей Русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ. Предстоитъ также духовная потребность и Русскихъ, искренно расположенныхъ къ добродѣтельной жизни, посылать на Аѳонъ, какъ въ школу духовную. Если нельзя обращать самихъ папистовъ и дружину ихъ, или исчадіе, т.-е. аріанъ, евангеликовъ и лютеранъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣми силами стараться отыскивать всѣхъ тѣхъ Русскихъ, которые отъ Восточной Церкви и отъ насъ отступили. Къ этому обязываются архіереи ради спасенія души, ибо отступники шляхта сильно вредятъ намъ и соблазняютъ невинныхъ“.

Въ то время, какъ православные, получивши своихъ архіереевъ, составляли такую программу для ихъ дѣятельности, понятно, какъ должны были

взволноваться уніаты, особенно архіереи ихъ, увидавъ подлѣ себя опасныхъ соперниковъ. Чтобъ ослабить новую тѣсную связь православныхъ съ Греческою Церковію, начали разглашать, что православные хотятъ измѣнить Польшѣ, готовы передатся Туркамъ. Мелетій Смотрицкій, посвященный Ѳеофаномъ въ епископы Полоцкіе, написалъ въ защиту своихъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Verificatia niewinnosci“. Уніаты отвѣчали сочиненіемъ „*Sowita vina*“ и посланіемъ къ монахамъ Духова Виленскаго монастыря. Надобно замѣтить, что знаменитое Виленское братство, вслѣдствіе уній, раздѣлилось: Троицкое братство осталось за уніатами и очень ослабѣло, потому что большая часть братьевъ, не захотѣвшихъ принять уніи, устроили себѣ новое братство при монастырѣ Св. Духа, и сильная борьба началась между обоими братствами. Духово братство издало защиту верификаціи (Obrona werificaciej od obrazy Majestatu etc. 1621). Здѣсь защищается постановленіе, чтобъ епископы не брали своихъ мѣстъ отъ свѣтской власти; постановленіе это выставляется правомъ Русской Церкви, при которомъ Русскіе соединились съ Поляками какъ равные съ равными; право это подтверждено королями. Защищается положеніе, что митрополитъ и епископы должны поставляться патріархомъ Константинопольскимъ, который на Русь имѣетъ право, канонами вселенскихъ соборовъ подтвержденное. Obrona оканчивается такъ: „О насиліи наша сторона не мыслитъ: Господу Богу и справедливому королевскому декрету дѣло свое поручаетъ. Научились мы въ Церкви Божіей терпѣть насиліе, не производить его. Изгнаніе нашихъ изъ рады городовой, изъ цеховъ, лишеніе вольности право не допуститъ. Не думай, что съ паденіемъ вашей уніи права въ отчизнѣ вашей и справедливость свѣта упасть должны: Теренціевъ дурень Тразонъ думалъ, что когда онъ упадетъ, то и небо съ нимъ вмѣстѣ упасть должно. Еслибъ такъ начали дѣлать, какъ ты говоришь, то это повело бы не къ успокоенію Руси, но къ отнятію покоя, сдѣлало бы Русскихъ изгнанниками изъ отчизны. Тогда отплатила бы Литва Русскому народу, а Польша Греческому (отъ которыхъ свѣтомъ вѣры христіанской просвѣщены, какъ въ отдѣлѣ шестомъ доказано), какъ злой сынъ доброй матери за хорошее воспитаніе, воткнувши ножъ ей въ сердце“. Въ упомянутомъ шестомъ отдѣлѣ говорится, что Святополкъ Моравскій, принявшій Греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ въ христіанство Буривоя Чешскаго и жену его Людмиллу, а черезъ Чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ Польскій; въ Литвѣ Олгердъ, женатый, на двухъ Русскихъ княжнахъ, принялъ Русскую вѣру и сыновей своихъ въ ней окрестилъ. Такъ религіозная полемика повела къ историческимъ разысканіямъ.

Но одною книжною борьбою не ограничились. Когда патріархъ Ѳеофанъ поставилъ въ Полоцкъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго, то почти всѣ жители перешли на его сторону; тогда уніатскій Полоцкій владыка Іосафатъ Кунцевичъ, человѣкъ страстный, фанатикъ, рѣшился поддержать себя и унію средствами отчаянными, которыя вызвали ему сильный упрекъ со стороны канцлера Литовскаго, Льва Сапѣги. Сапѣгу нельзя заподозрить въ пристрастіи къ православію, но онъ прежде всего видѣлъ неполитичность мѣръ Кунцевича съ братіею. „Безспорно (писалъ Сапѣга Кунцевичу 12 марта 1622 года), что я самъ хлопоталъ объ уніи и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мнѣ никогда на мысль не приходило, чтобъ вы рѣшились приводить къ ней такими насильственными средствами. Уличаютъ васъ жалобы, поданныя на васъ и въ Польшѣ и Литвѣ. Развѣ не извѣстенъ вамъ ропотъ глупаго народа, его рѣчи, что онъ лучше хочетъ быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей вѣрѣ? По словамъ вашимъ, только нѣкоторые монахи епархіи Борецкаго (новаго православнаго Кіевскаго митрополита) и Смотрицкаго и нѣсколько кіевской шляхты противятся уніи; но просьба королю подана отъ войска Запорожскаго, чтобъ Борецкаго и Смотрицкаго въ ихъ епархіяхъ утвердить, а васъ и товарищей вашихъ свергнуть; и на сеймахъ мало ли у насъ жалобъ отъ всей Украйны и отъ всей Руси, а не отъ нѣсколькихъ только чернецовъ! Поступки ваши, проистекающіе болѣе изъ тщеславія и частной ненависти, нежели изъ любви къ ближнему, обнаруженные въ противность священной волѣ и даже запрещенію республики, произвели тѣ опасныя искры, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или очень опаснымъ, или даже всеистребительнымъ пожаромъ. Отъ повиновенія казаковъ больше государству пользы, чѣмъ отъ вашей уніи, почему и должны вы сообразжаться съ волею короля и съ намѣреніями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушеніе ваше на то, что противно спокойствію и пользѣ общественной, можетъ по справедливости почесться оскорбленіемъ величества. Если бы вы посмѣли сдѣлать что-нибудь подобное въ Римѣ или Венеціи, то васъ бы научили тамъ, какое надобно имѣть уваженіе къ государству. Пишете объ обращеніи отщепенцевъ: надобно стараться объ этомъ обращеніи, чтобъ было едино стадо и единъ пастырь; но при этомъ надобно поступать благоразумно, сообразоваться съ обстоятельствами времени, какъ въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ отъ свободнаго желанія, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не прилагается изреченіе: *понуди внити*. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый самъ причиною бѣды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безразсудному своему стремленію. Я обязанъ, говорите вы, послѣдовать епископамъ. Вы обязаны подражать св. епископамъ въ терпѣніи, благочестіи, въ показаніи добрыхъ примѣровъ. Прочтите житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ: не сыщете въ нихъ ни жалобъ, ни объявленій, ни исковъ, ни судебныхъ свидѣтельствъ. А у васъ суды, магистраты,

трибуналы, ратуши, канцеляріи наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этимъ не только не утвердится унія, но послѣдній въ обществѣ союзъ любви расторгнется. Долгъ мудраго испытать всѣ способы благоразумія прежде, нежели взяться за оружіе. Не писать колкихъ писемъ къ начальству, не отвѣчать угрозами; такъ, какъ вы дѣлаете, апостолы и другіе Святые никогда такъ не поступали. Говорите, что вольно вамъ неуніатовъ топить, рубить;—нѣтъ: заповѣдь Господня всѣмъ мстителямъ строгое сдѣлала запрещеніе, которое и васъ касается. Пишете, что на сеймѣ укоряютъ не только унію, но и все благочестивое Римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совѣсти людскія, когда запираете церкви, чтобъ люди безъ благочестія, безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, отъ короля полученными,—то дѣло обходится и безъ насъ; когда же, по поводу этихъ безпутствъ, въ народѣ волненіе, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкать! Поэтому противная сторона и думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ для притѣсненія народной совѣсти и для нарушенія общаго покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы съ нами въ уніи, которую бы вы и берегли для себя, и въ званіи, въ которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергли бы насъ общенародной ненависти, самихъ же себя опасности и порицанію. Вы требуете, чтобы непринимающихъ унію изгнать изъ государства: да спасетъ Богъ наше отечество отъ такого величайшаго беззаконія! Давно въ этихъ областяхъ водворилась святая Римско-католическая вѣра, а пока не имѣла она подражательницы благочестія и повиновенія св. отцу, до тѣхъ поръ славилась миролюбіемъ и могуществомъ какъ внутри, такъ и внѣ государства; но теперь, принявъ въ сообщество сварливую и безпокойную подругу, терпитъ по ея причинѣ, на каждомъ сеймѣ, въ каждомъ собраніи многочисленные раздоры и порицанія. Кажется, лучше и полезнѣе было бы для общества разорвать съ этою неугомонною союзницею, ибо мы никогда въ отечествѣ своемъ не имѣли такихъ раздоровъ, какія родила намъ эта благовидная унія. Христосъ не печаталъ и не запиралъ церквей, какъ вы это дѣлаете. „Имѣютъ", говорите, „священниковъ благочинныхъ!" Дай Богъ, чтобъ ихъ было довольно! Но недостаточно, что вы ихъ сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтобъ иновѣрные видѣли добрыя дѣла и послѣдовали стезямъ ихъ. Но я слышу, какихъ вы священниковъ рукополагаете: такихъ, отъ которыхъ Церкви больше разоренія, чѣмъ созиданія. Печатать и запирать церкви и ругаться надъ кѣмъ либо ведетъ только къ пагубному разрушенію братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Покажите, кого вы пріобрѣли, кого уловили своею суровостію, строгими мѣрами, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Вмѣсто того, откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сдѣлали вы ихъ козлищами, навели опасность государству, а можетъ быть и гибель всѣмъ намъ, католикамъ. Вотъ плоды вашей хваленой уніи, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что въ то время съ вашею уніею будетъ! Вы ссылаетесь на предписаніе верховнаго пастыря; но если бы святой отецъ видѣлъ, какія, по причинѣ вашей уніи, происходятъ въ отечествѣ нашемъ неустройства, то безъ сомнѣнія соизволилъ бы на то, чему вы такъ упорно противоборствуете. Король приказываетъ церковь ихъ въ Могилевѣ распечатать и отпереть, о чемъ я, по его приказанію, къ вамъ пишу, и если вы этого не исполните, то я самъ велю ее распечатать и имъ отдать; Жидамъ и Татарамъ не запрещается въ областяхъ королевскихъ имѣть свои синагоги и мечети, а вы печатаете христіанскія церкви! Вы говорите: „Справелливо ли будетъ оказывать такое снисхожденіе для неизвѣстнаго будущаго спокойствія!" Отвѣчаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится въ обществѣ неустройство, если будемъ дѣлать имъ еще большія притѣсненія въ вѣрѣ. Уже гремятъ вездѣ слухи, что они хотятъ навсегда разорвать съ нами всякій союзъ. Что касается Полочанъ и другихъ крамольниковъ противъ васъ, то, можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, но сами вы побудили къ возмущеніямъ. Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Козелецъ и многіе другіе города унія отъ насъ отторгнула; она главная виновница тому, что народъ Московскій отъ королевича устраняется, какъ это очевидно изъ русскихъ писемъ, присланныхъ къ нашимъ вельможамъ, и потому не желаемъ, чтобъ эта пагубная унія вконецъ насъ разорила".

Опасенія Кунцевича за свою жизнь сбылись: въ ноябрѣ 1623 года онъ былъ умерщвленъ жителями Витебска. Легко понять, какое пятно это печальное событіе положило на православныхъ, которые до сихъ поръ могли говорить: „О насиліи наша сторона не мыслитъ". Легко понять, что противники поспѣшили воспользоваться пораженіемъ, которое жители Витебска нанесли своей сторонѣ, поспѣшили разнести по католическому міру вѣсть о мученичествѣ Кунцевича. Правительство, какъ правительство, обязано было поступить строго съ убійцами и безъ всякихъ другихъ побужденій, не нуждаясь въ увѣщаніяхъ папы, который, вопреки мнѣнію Льва Сапѣги, побуждалъ дѣйствовать совершенно въ духѣ Кунцевича. Вотъ письмо Урбана VIII къ королю отъ 10-го февраля 1624: „Враги наши не спятъ, день и ночь отецъ вражды плевелы сѣетъ, дабы въ вертоградѣ церковномъ терніе произрастало вмѣсто пшеницы. Слѣдуетъ и намъ съ неменьшимъ прилежаніемъ исторгать ядовитые корни и обрѣзывать безполезныя вѣтви.

Иначе всѣ страны заглохнутъ, и тѣ изъ нихъ, которыя должны быть раемъ Господнимъ, станутъ разсадникомъ ядовитыхъ растеній и пастбищами драконовъ. Какъ легко это можетъ случиться въ Россіи,—научаютъ настоящія бѣдствія. Непримиримый врагъ католической религіи, ересь схизматическая, чудовище нечестивыхъ догматовъ, вторгается въ сосѣднія провинціи и, хитро прокравшись въ совѣщанія казацкія, вооружившись силами храбрѣйшихъ воиновъ, осмѣливается защищать дѣло сатаны и грозить гибелью православной истинѣ. Возстань, о царь, знаменитый пораженіями Турокъ и ненавистію нечестивыхъ! прими оружіе и щитъ и, если общее благо требуетъ, мечемъ и огнемъ истребляй эту язву. Дошла до насъ вѣсть, что тамъ устраиваютъ схизматическія братства, издаются новые законы противъ уніатовъ; пусть королевская власть, долженствующая быть защитою вѣры, сдержитъ такое святотатственное буйство. Такъ какъ нечестіе обыкновенно презираетъ угрозы, наказаніями невооруженныя, то да постарается твое величество, чтобъ лже-епископы русскіе, стремящіеся возбуждать волненія и господствовать въ казацкихъ кругахъ, достойное такого дерзкаго поступка понесли наказаніе. Да испытаетъ силу королевскаго гнѣва факелъ мятежа и вождь злодѣевъ, патріархъ Іерусалимскій, и своимъ бѣдствіемъ сдержитъ дерзость остальныхъ. Хотя это и кажется дѣломъ труднымъ, однако чего не преодолѣетъ благочестіе, покровительствуемое Небомъ и вооруженное королевскою властію? Извѣстный Никифоръ Грекъ, который, сдѣлавшись оруженосцемъ дьявола и знаменосцемъ мятежей, возбудилъ столько бурь противъ русскихъ уніатовъ, запертый наконецъ въ вѣчную темницу, примѣромъ своимъ показалъ, что преступленіе не только отвратительно само по себѣ, но и гибельно по своимъ слѣдствіямъ. Если дерзость схизматическая часто будетъ видѣть подобные примѣры, то не такъ будетъ выситься и научится бояться Господа отмщеній. Вслѣдствіе этого, просимъ твое величество, защищай это дѣло всею своею ревностію и властію, и, прежде всего, позволь уніатскимъ епископамъ имѣть свободный доступъ ко дворцу и въ совѣты королевскіе, и чтобъ они ни въ чемъ не были ниже остальныхъ епископовъ". Въ то же время Урбанъ писалъ объ убійствѣ Кунцевича: „Кто дастъ очамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобъ могли мы оплакать жестокость схизматиковъ и смерть Полоцкаго архіепископа?.... Гдѣ столь жестокое преступленіе вопіетъ о мщеніи, проклятъ человѣкъ, который удерживаетъ мечъ свой отъ крови! Итакъ, могущественнѣйшій король! Ты не долженъ удерживаться отъ меча и огня. Да почувствуетъ ересь, что за преступленіями слѣдуютъ наказанія. При такихъ отвратительныхъ преступленіяхъ милосердіе есть жестокость". Папа не довольствовался письмами къ королю: онъ писалъ ко многимъ епископамъ и свѣтскимъ лицамъ, требуя гоненія на православныхъ епископовъ, грозя бѣдою, которая произойдетъ отъ связи ихъ съ казаками [1]).

Левъ Сапѣга, недавно бывшій обличителемъ Кунцевича, теперь долженъ былъ принять на себя предсѣдательство въ коммисіи, назначенной для суда надъ убійцами Кунцевича. Коммисары пріѣхали въ Витебскъ, окруженные войсками, пѣшимъ и коннымъ, изъ боязни казаковъ, къ которымъ жители Витебска обратились съ просьбою о помощи. Въ три дня коммисія кончила свое дѣло: два бургомистра и 18 другихъ гражденъ погибли на плахѣ; имѣнія ихъ были конфискованы; около ста горожанъ, спасшихся бѣгствомъ, приговорены къ смерти и имѣнія ихъ также конфискованы; городъ потерялъ всѣ свои привилегіи; ратуша была разрушена; колокола, въ которые били въ набатъ, поднимая народъ противъ епископа, были сняты: двѣ православныя церкви разрушены. Уніатскій митрополитъ Кіевскій, Іосифъ Рутскій, извѣщая объ этомъ кардинала Бандина, такъ оканчиваетъ свое письмо: „Великій страхъ послѣ этого напалъ на схизматиковъ; начали понимать, что когда сенаторы *хотятъ* приводить въ исполненіе приказы королевскіе, то не боятся могущества казацкаго".

Итакъ, имя казаковъ въ устахъ у папы, у митрополита уніатскаго; вмѣсто Острожскихъ и Тышкевичей казаки являются главными защитниками православія. Мы видѣли, какъ дурно кончилось казацкое дѣло въ концѣ XVI вѣка. Послѣ этого мы встрѣчаемъ, въ западно-русскихъ лѣтописяхъ извѣстія о такихъ поступкахъ казаковъ, которые, конечно, не могли снискать имъ любви остального народонаселенія. Такъ лѣтопись говоритъ подъ 1601 годомъ: были въ Швеціи казаки Запорожскіе, числомъ 4,000; надъ ними былъ гетманъ Самуилъ Кошка; тамъ этого Самуила и убили. Казаки въ Швеціи ничего добраго не сдѣлали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великій вредъ сдѣлали, и городъ славный Витебскъ опустошили, золота и серебра множество набрали, мѣщанъ знатныхъ рубили, и такую содомію чинили, что хуже злыхъ непріятелей или Татаръ. Подъ 1603 годомъ: были казаки Запорожскіе; какой-то гетманъ, именемъ Иванъ Куцка, съ 4,000 народа, брали приставство съ волостей Боркулабовской и Пупенской, грошей копъ 50, жита мѣръ 500 и т. д. Въ томъ же году, въ городѣ Могилевѣ Иванъ Куцка сдалъ гетманство, потому-что въ войскѣ было великое своевольство: что кто хочетъ, то и дѣлаетъ; пріѣхалъ посланецъ отъ короля и пановъ радныхъ, напомнилъ, грозилъ казакамъ, чтобъ они никакого насилія въ городѣ и по селамъ не дѣлали. Къ этому посланцу приносилъ одинъ мѣщанинъ на рукахъ дѣвочку шести лѣтъ, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядѣть; всѣ люди плакали, Богу Создателю молились, чтобъ такихъ

[1]) Рукоп. библ. Главн. штаба, № 26902.

своевольниковъ истребилъ навѣки. А когда казаки назадъ на Низъ поѣхали, то великіе убытки селамъ и городамъ дѣлали, женщинъ, дѣвицъ, дѣтей и лошадей съ собою много брали; одинъ казакъ велъ лошадей 8, 10, 12, дѣтей 3, 4, женщинъ или дѣвицъ 4 или 3.

Званіе гетмана казацкаго успѣлъ пріобрѣсть въ это время извѣстный уже намъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, шляхтичъ по происхожденію, человѣкъ очень умный, искусный полководецъ; чтобъ избѣгать ссоръ съ правительствомъ, т.-е. съ панами, онъ старался отдѣлить дѣло казацкое отъ отъ дѣла простонародья. „Конашевичъ", говоритъ одинъ лѣтописецъ, „всегда въ миру съ панами жилъ, за-то казакамъ и хорошо было, только поспольство очень терпѣло". Кромѣ того, Сагайдачный служилъ хорошую службу Польскому правительству на войнѣ, ходилъ подъ Москву на помощь къ Владиславу, дрался съ Турками и Татарами; казаки его играли главную роль въ знаменитой Хотинской битвѣ (1621 года), гдѣ Польша была спасена отъ нашествія султана Османа, которое, какъ мы видѣли, должно было соединиться и съ Московскою войною. Но это былъ послѣдній подвигъ Сагайдачнаго: получивъ тяжкую рану, онъ удалился въ Кіевъ и умеръ здѣсь въ слѣдующемъ 1622 году. Служа королю Польскому, живя всегда въ миру съ панами, Сагайдачный счелъ не безполезнымъ для себя объявить свою службу и царю Московскому. Въ мартѣ 1620 года явился въ Москву посланецъ Сагайдачнаго, атаманъ Петръ Одинецъ съ товарищами и говорилъ: „Прислали ихъ все Запорожское войско, гетманъ Сагайдачный съ товарищами, бить челомъ государю, объявляя свою службу, что они всѣ хотятъ ему, великому, государю, служить головами своими попрежнему, какъ они служили прежнимъ великимъ Россійскимъ государямъ и въ ихъ государскихъ повелѣніяхъ были и на недруговъ ихъ ходили, крымскіе улусы громили. Теперь они также служатъ великому государю, ходили на крымскіе улусы, а было ихъ съ 5,000 человѣкъ, было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи подъ самою стѣною: Татаръ было на Перекопи съ 7,000 человѣкъ, а на заставѣ съ 11,000. Божію милостію и государевымъ счастіемъ Татаръ они много побили, народъ христіанскій многій изъ рукъ татарскихъ высвободили; съ этою службою и съ языками татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ, а они всѣми головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его къ царской милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ". Думный дьякъ Грамотинъ, похваливши ихъ за службы, сказалъ: „Здѣсь, въ Россійскомъ государствѣ, слухъ было-понесся, что Польскій Жигимонтъ король учинился съ Турскимъ въ миру и въ дружбѣ, а на ихъ вѣру хочетъ наступить: такъ они бы объявили, какъ Польскій король съ Турскимъ, папою и цесаремъ? А на ихъ вѣру отъ Поляковъ какого посяганья нѣтъ ли?" Черкасы отвѣчали: „Посяганья на насъ отъ Польскаго короля никакого не бывало; съ Турскимъ онъ въ миру, а на море намъ на Турскихъ людей ходить запрещено изъ Запорожья, но изъ малыхъ рѣчекъ ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаемъ, и на Крымъ намъ ходить не заказано. На весну всѣ мы идемъ въ Запорожье, а царскому величеству всѣ бьемъ челомъ, чтобъ насъ государь пожаловалъ, какъ своихъ хлопей". Царь послалъ Сагайдачному 300 рублей легкаго жалованья и писалъ въ грамотѣ: „Впередъ мы васъ въ вашемъ жалованьи забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службѣ; а на крымскіе улусы нынѣ васъ не посылаемъ, потому что Крымскій Джанибекъ-Гирей царь на наши государства войною не ходитъ, и наши люди также крымскимъ улусамъ вреда никогда не дѣлаютъ"[1]).

Несмотря однако на то, что Сагайдачный умѣлъ жить въ миру съ панами, полнаго примиренія съ казаками въ государствѣ не было, и сильно занималъ вопросъ, нужно ли оставить казаковъ, или надобно ихъ уничтожить. Мы видѣли, что этотъ вопросъ былъ поставленъ въ договорѣ, заключенномъ русскими Тушинцами подъ Смоленскомъ съ королемъ Сигизмундомъ; въ 1617 году заключенъ былъ миръ съ Турками, по которому Поляки обязались не допускать казаковъ до плаванія по Черному морю. Но казаки Днѣпровскіе точно такъ же, какъ и Донскіе, не могли не громить турецкихъ кораблей, иначе имъ негдѣ было достать себѣ зипуновъ. Благодаря казакамъ, миръ съ Турціею не могъ быть надеженъ; поэтому опять поднялся вопросъ: быть или не быть казакамъ. Въ 1618 году извѣстный публицистъ польскій, Пальчовскій, призналъ нужнымъ издать книжку: *О казакахъ — уничтожить ихъ или нѣтъ*. Авторъ даетъ отвѣтъ отрицательный; по его мнѣнію, истребить казаковъ *безчестно*, *безполезно* и *невозможно*. *Безчестно:* ибо это значитъ исполнить требованіе непріятеля Турка, истребить христіанъ, тогда какъ Украйна при дворахъ европейскихъ считается единственною оградою христіанства. *Безполезно:* если не будемъ имѣть сосѣдями казаковъ, то будемъ имѣть сосѣдями Турокъ и Татаръ,—что лучше? *Невозможно:* еще при королѣ Стефанѣ хотѣли истребить казаковъ, да отложили намѣреніе за невозможностью, а тогда казаковъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь. Если кто скажетъ, что можно,—нѣмецкихъ рыцарей уничтожили же, то отвѣчаю: „Съ Нѣмецкимъ орденомъ Польша боролась 200 лѣтъ, пока его уничтожила; кто будетъ совѣтовать начать двухсотлѣтнюю борьбу съ казаками для ихъ уничтоженія, того надобно подвергнуть остракизму".

По смерти Сагайдачнаго, усилившіяся волненія религіозныя, борьба уніатскихъ епископовъ съ православными, усилившееся гоненіе на право-

---

[1]) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Малорос. годъ 1620.

славныхъ, убійство главнаго гонителя Кунцевича —все это выдвигало казаковъ на первый планъ, какъ защитниковъ православія, тѣмъ болѣе что православная Западно-Русская Церковь получила теперь, въ лицѣ митрополита Іова Борецкаго, правителя энергическаго, не похожаго на Онисифора Дѣвочку и Михаила Рагозу. Борецкій понималъ смыслъ того крика народнаго, который такъ обезпокоилъ Льва Сапѣгу: „Лучше въ неволю турецкую, чѣмъ терпѣть такія притѣсненія!" Но Борецкій не хотѣлъ идти въ неволю турецкую: у него были подъ руками казаки, у него была еще Москва въ виду. Въ концѣ 1624 года встало волненіе въ Кіевѣ; войтъ Ѳедоръ Ходыка да мѣщанинъ Созонъ вздумали печатать церкви православныя; митрополитъ сейчасъ же далъ знать объ этомъ въ Запорожье, гетману Каленику Андрееву, и всему войску; гетманъ прислалъ въ Кіевъ двоихъ полковниковъ, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велѣлъ имъ въ окольныхъ кіевскихъ городахъ собраться съ тамошними казаками и идти въ Кіевъ для обереганія вѣры христіанской: полковники исполнили порученіе, явились въ Кіевѣ въ 1625 году, послѣ Крещенья, распечатали церкви и схватили Ходыку съ тѣми мѣщанами, которые умышляли вмѣстѣ съ нимъ противъ православія.

Разумѣется, такое распоряженіе не могло обѣщать ничего хорошаго Борецкому со стороны Польскаго правительства, и вотъ въ февралѣ 1622 года пріѣхалъ въ Москву отъ Кіевскаго митрополита Луцкій епископъ Исаакій съ просьбою, чтобъ государь взялъ Малороссію подъ свою высокую руку и простилъ казакамъ ихъ вины. Бояре отвѣчали Исаакію: „Какъ видно изъ твоихъ рѣчей, мысль эта въ самихъ васъ еще не утвердилась, укрѣпленья объ этомъ между вами еще нѣтъ; про казаковъ ты сказалъ, что ихъ столько не будетъ, чтобъ стоять противъ Поляковъ однимъ безъ помощи, и говоришь, что теперь Запорожское войско идетъ на весну моремъ на Турокъ: такъ, теперь царскому величеству этого дѣла начать нельзя. А если впередъ вамъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненіе, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы царскому величеству и святѣйшему патріарху дайте звать: тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленіи видѣть". Исаакій отвѣчалъ: „У насъ та мысль крѣпка, мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукою быть хотимъ, объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, а теперь боимся,—если Поляки на насъ наступятъ скоро, то намъ, кромѣ государской милости, дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско Запоржское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы—отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ"[1]).

[1]) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, годъ 1625, разсказъ Запорожскихъ посланцовъ.

Распоряженія казаковъ въ Кіевѣ и вмѣшательство ихъ въ дѣла Крымскія, гдѣ они поддерживали хана, враждебнаго Туркамъ, жалобы султана по этому случаю—все это заставило гетмана Польскаго, Станислава Конецпольскаго, въ концѣ сентября 1625 года, вступить въ Украйну съ 30,000 своего войска и съ 3,000 Нѣмцевъ цесарскихъ. Между Русскими пошелъ слухъ, что Конецпольскій пришелъ казаковъ уменьшить, и, уменьша казаковъ, вѣру Римскую въ Кіевѣ и во всѣхъ литовскихъ городахъ ввести. Въ Каневѣ и Черкасахъ Поляки много казаковъ побили и мѣста ихъ казацкія разорили. Выступивъ изъ Черкасъ, Конецпольскій сталъ обозомъ въ десяти верстахъ ниже Крылова: по ту сторону Днѣпра стали обозомъ и казаки, пришедшіе изъ Запорожья, и городовые, тысячъ съ 20, съ полковникомъ Дорошенкомъ. Измаиломъ, Олиферомъ да съ Пырскимъ, что у нихъ былъ гетманомъ въ Запорогахъ. Гетманство дано было Измаилу. 26 октября произошелъ у нихъ бой съ Поляками; послѣдніе одолѣли, казаки отступили и расположились надъ Куруковымъ озеромъ, гдѣ Поляки должны были снова ихъ добывать съ большою для себя потерею; нѣсколько знатныхъ людей у нихъ погибло, убито было множество лошадей. Но потеря казаковъ была еще значительнѣе; они не видѣли болѣе возможности держаться, свергнули Измаила, выбрали въ гетманы Михайлу Дорошенка и вступили въ переговоры съ Конецпольскимъ. Коммисія, собравшаяся подъ предсѣдательствомъ Конецпольскаго въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы, объявила казакамъ слѣдующіе обвинительные пункты: 1) Непослушаніе ихъ республикѣ обнаружилось въ частыхъ походахъ на море, навлекшихъ на Польшу войну турецкую; казаки выходили въ море въ то самое время, когда знатный посолъ польскій, панъ конюшій коронный, обѣщалъ отъ нихъ покой султану. 2) Войско Запорожское ссылается съ Москвою, съ которою у Польши вѣрнаго мира нѣтъ, одно кратковременное перемиріе; казаки даютъ Московскому титулъ царскій; ссылаются съ Шагинъ-Гиреемъ Крымскимъ безъ вѣдома республики; заключили союзъ съ нимъ и людей на помощь ему посылали. 3) Казаки принимаютъ къ себѣ людей духовныхъ (напримѣръ Іерусалимскаго патріарха), разныхъ обманщиковъ, которые называются цариками Турецкими, господариками Волошскими. 4) Вопреки власти королевской, казаки сажаютъ другихъ митрополитовъ и владыкъ при жизни старыхъ. 5) Подданные шляхты и державцевъ, отказавшись отъ послушанія господамъ своимъ, съ помощью казаковъ нападаютъ на послѣднихъ, какъ на злодѣевъ, землю себѣ берутъ, пожитки и доходы у людей заслуженныхъ отнимаютъ. 6) Недавно на Кіевъ напали, войта, человѣка добраго, и попа своей религіи невинно умертвили, иныхъ въ тюрьму посажали и на поруки отдали, имѣніе отняли; на монастырь Кіевскій непріятельски напали, землю у него отняли и хуторъ на ней поставили; намѣстника подвое-

водскаго обезчестили. Разныхъ чиновъ людямъ, духовнымъ, свѣтскимъ, горожанамъ и Жидамъ неслыханныя обиды сдѣлали. Изъ этихъ обвиненій вытекали слѣдующія требованія: 1) Чтобы выданы были на казнь всѣ тѣ, которые начальствовали въ походахъ противъ Турокъ во время посольства конюшаго короннаго, также всѣ тѣ, которые были виновниками убійствъ кіевскихъ, богуславскихъ, корсунскихъ и наѣздовъ на домы шляхетскіе. 2) Чтобъ тѣ, которые ѣздили послами въ Москву, подъ присягою показали, съ чѣмъ туда ѣздили, и грамоты, полученныя отъ Московскаго, отдали въ руки коммисарамъ. 3) Чтобъ объявили, куда дѣвали царика Ахію? 4) Чтобъ сожгли челны въ присутствіи посланцовъ коммисарскихъ. 5) Чтобъ съ тѣхъ поръ ни одинъ казакъ запорожскій ни Днѣпромъ, ни Дономъ не выходилъ на море. 6) Такъ какъ въ казаки бѣгаютъ подданные отъ пановъ своихъ, ремесленники отъ ремеселъ, и своевольствомъ своимъ чернятъ славу казацкую, то король не позволяетъ увеличивать число казаковъ. Имена всѣхъ казаковъ и домы, гдѣ въ какомъ мѣстѣ живутъ, должны быть написаны на одномъ реестрѣ и, за рукою старшаго, отосланы въ казну королевскую. 7) Казаки должны повиноваться тому старшинѣ, котораго, по волѣ королевской, гетманъ коронный дастъ имъ изъ ихъ же среды. На этотъ разъ гетманъ утверждаетъ Дорошенка. 8) Казаки не должны вмѣшиваться въ управленіе староствами. 9) Казаки, обвиненные въ насиліяхъ людьми разныхъ чиновъ, должны быть немедленно преданы суду. 10) Казакъ, обвиненный въ чемъ-нибудь, судится сотниками, въ присутствіи подстаросты; если казакъ жалуется не на казака, то послѣдній судится подстаростою, а сами казаки между собою судятся своимъ судомъ. 11) Казаки не должны сноситься съ иностранными государями, поставлять съ ними что-либо и вступать къ нимъ въ службу.

Казаки отвѣчали на обвиненія: 1) „Люди, начальствовавшіе въ походѣ противъ Турокъ въ бытность конюшаго короннаго у султана, еще до срока выданы и отосланы на сеймъ для наказанія. А такъ какъ намъ жалованье королевское, обѣщанное на прежнихъ коммисіяхъ, не доходило, то мы должны были сами о себѣ промышлять. 2) Въ Москву посылали мы по давнему обычаю, чтобъ Московскій не переставалъ присылать намъ казну. Что же касается до сношеній съ Шагинъ-Гиреемъ, то волна прибила къ Крымскому берегу товарищей нашихъ, шедшихъ съ Дону для добычи: этихъ голодныхъ людей Шагинъ-Гирей взялъ къ себѣ въ службу и потомъ прислалъ къ намъ со всѣми христіанами, сколько ихъ тамъ отгромили; притомъ Шагинъ-Гирей обязывался заключить миръ съ королевствомъ Польскимъ, и намъ казалось, что не должно было откладывать такого дѣла. 3) О патріархѣ и другихъ духовныхъ король давно знаетъ; мы и духовные наши предъ нимъ оправдались. 4) Относительно пріѣзда цариковъ турецкихъ, московскихъ и господариковъ волошскихъ мы себя виноватыми не считаемъ, потому что искони вольно всякаго титула людямъ за Пороги пріѣзжать и отъѣзжать. 5) Мы обязаны взыскать съ людей, обвиненныхъ въ наѣздахъ и грабежахъ. 6) Относительно войта кіевскаго, попа и другихъ отвѣчаемъ: видя, что́ дѣлается въ княжествѣ Литовскомъ, на Бѣлой Руси, на Волыни и Подолѣ, какія притѣсненія терпятъ церкви наши старой религіи Греческой, какъ не позволяютъ духовнымъ нашимъ отправлять въ нихъ богослуженіе, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, отдаютъ во власть уніатамъ, остерегаясь, чтобъ и намъ того же не было, видя, что, по поводу этого попа, войтъ въ Кіевѣ не только церкви печатаетъ, доходы отнимаетъ, но и митрополита и насъ ругаетъ,—видя все это, могли ли мы терпѣть? Отдаемъ на разсужденіе вашихъ милостей. 7) Земля, взятая у монастыря Кіевскаго, принадлежала церкви Св. Василія, а не ему. 8) Въ Корсунѣ и Богуславѣ была месть за тиранское пролитіе крови христіанской. 9) Царикъ Ахія какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда. 10) Мы готовы сжечь челны, какъ скоро получимъ за нихъ вознагражденіе. 11) Паны урядники, получая подарки, позволяли всякому уходить къ намъ: вотъ и набралось къ намъ множество народу изъ ремесленниковъ; но теперь мы охотно отдѣлимъ отъ себя всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ“ [1]) Коммисія постановила, что впередъ казаки будутъ повиноваться только тому старшему, котораго утвердитъ король и коронный гетманъ; если этотъ старшій не будетъ исполнять своихъ обязанностей, то казаки должны принести жалобу королю и коронному гетману, и просить смѣны старшаго; то же должны дѣлать и по смерти старшаго. Но еслибъ казацкое войско находилось въ дальнемъ разстояніи отъ короля или гетмана, то казаки могутъ избрать старшаго изъ среды себя и вручить ему правленіе до тѣхъ поръ, пока король и коронный гетманъ одобрятъ избраннаго. Форма присяги старшаго была слѣдующая: „Я, Михайло Дорошенко, клянусь Господу Богу, въ Троицѣ Святой Единому, что пресвѣтлѣйшему королю Польскому Сигизмунду III и его наслѣдникамъ и республикѣ Польской въ сей должности моей, согласно волѣ его королевскаго величества, во всемъ вѣрность и повиновеніе сохранять буду, соблюдая во всемъ повелѣнія его королевскаго величества и республики, укрощая всякое своеволіе и непослушаніе, а именно: ни я самъ, ни посредствомъ другихъ противъ Турецкаго императора, ни сухимъ путемъ, ни моремъ, не буду ходить и воевать, развѣ только по повелѣнію его королевскаго величества и республики. Напротивъ того, еслибъ кто изъ войска его королевскаго величества, мнѣ ввѣреннаго, или же кто со стороны вознамѣрился то сдѣлать, и я про то зналъ бы, то обязываюсь доносить объ этомъ

[1]) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, разсказъ попа Филиппа, пріѣхавшаго въ Путивль, въ декабрѣ 1625 г.; Польск. рукоп. Имп. публ. библ. № 96.

его королевскому величеству и коронному гетману, и таковымъ нарушителямъ королевскаго повелѣнія сопротивляться. Никакихъ полчищъ созывать и собирать, безъ соизволенія его королевскаго величества, не буду, и даже таковыя, по обязанности моей, стану преслѣдовать; а также всѣ условія, въ самомалѣйшихъ пунктахъ, въ бумагахъ пановъ коммисаровъ на Медвѣжьихъ Лозахъ прописанныя, я со всею моею дружиною исполнять буду". Эти пункты были слѣдующіе: число реестровыхъ казаковъ назначается 6,000; они пользуются всѣми правами, полученными отъ прежнихъ королей Польскихъ и нынѣ царствующаго Сигизмунда; имъ позволяется снискивать себѣ пропитаніе торговлею, рыбною ловлею и охотою, но безъ вреда угодьямъ старостинскимъ; кромѣ того, ежегодно назначается имъ отъ короны 60,000 злотыхъ жалованья; старшинамъ назначается особое жалованье. Изъ 6,000 реестровыхъ казаковъ 1,000 или болѣе должны находиться за Порогами, наблюдая за движеніями враговъ. Если самъ старшій отправится въ Запорожье, то вмѣсто себя оставляетъ способнаго человѣка. Казаки не должны выходить Днѣпромъ въ море и начинать войну съ какимъ-либо сосѣднимъ государствомъ, и потому всѣ морскія лодки будутъ сожжены въ присутствіи коммисаровъ. Казакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться; ему дается 12 недѣль сроку для очистки дома и земли. Войску ни въ какія дѣла, ему непринадлежащія, не вмѣшиваться; союзовъ съ сосѣдними державами ни подъ какимъ предлогомъ не заключать, пословъ отъ нихъ не принимать и въ службу иностранныхъ владѣтелей не вступать.

Окончивши коммисію, Конецпольскій пошелъ въ Баръ; паны, бывшіе съ нимъ, разъѣхались по своимъ имѣніямъ; вмѣсто себя на Украйнѣ гетманъ оставилъ полковника Казановскаго съ 15,000 войска, которое размѣстилось въ Васильковѣ, Треполѣ, Оржищахъ, Стайкахъ, Хвостовѣ, Кіевѣ. Дорошенко съ польскими коммисарами ѣздилъ по казацкимъ городамъ, разбиралъ казаковъ; по городамъ казаки слушались Дорошенка, потому что лучшіе люди изъ нихъ пристали къ нему; но которыхъ отставляли отъ казачества, тѣ думали посылать бить челомъ царю Михаилу Ѳедоровичу, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ помощь дать своими государевыми людьми на Поляковъ, а они станутъ служить государю и города литовскіе будутъ очищать на государево имя, чтобъ имъ православной вѣры не отбыть.

Но казаки, послѣ пораженія отъ Конецпольскаго, были слишкомъ слабы для какого-нибудь важнаго предпріятія. Это пораженіе отняло у Іова Борецкаго надежду произвести посредствомъ казаковъ возстаніе православнаго народонаселенія Турціи во имя искателя Турецкаго престола, выдававшаго себя княземъ крови султанской и вмѣстѣ христіаниномъ Греческаго исповѣданія. Мы видѣли, что польскіе коммисары толковали съ казаками о какомъ-то царикѣ Ахіи. Въ концѣ 1625 года явились въ Москву изъ Запорожья казакъ Иванъ Гиря съ товарищами и Македонянинъ Маркъ Ѳедоровъ, посланные къ царю Михаилу отъ Александра Ахіи, который выдавалъ себя за Турецкаго царевича, сына султана Магомета. Александръ разсказывалъ, что онъ вывезенъ изъ Турціи матерью своею, Гречанкою Еленою, былъ у императора, у герцога Флорентійскаго, у короля Испанскаго, и теперь пріѣхалъ поднимать Запорожскихъ казаковъ противъ Турокъ, прислалъ просить помощи и у государя Московскаго. Александръ писалъ Михаилу, что будущею весною хочетъ идти по-суху и моремъ въ Землю Греческую, гдѣ ожидаетъ его большое войско изъ православныхъ Болгаръ, Сербовъ, Албанцевъ и Грековъ; всего войска 130,000. Думный дьякъ Грамотинъ отвѣчалъ посланнымъ, что государь желаетъ Александру царевичу всякаго добра, чтобъ сподобилъ его Богъ отцовскаго государства достигнуть, а помочь ему не можетъ, потому что Александръ царевичъ теперь живетъ въ Литовской Землѣ у Запорожскихъ Черкасъ, которые послушны Польскому королю, а Польскій король государю недругъ, и помочь черезъ чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество къ Александру царевичу послать не соизволилъ, потому что если Литовскій король довѣдается, что Александръ царевичъ ссылается съ царскимъ величествомъ и помощи проситъ, то король не сдѣлалъ бы Александру царевичу какой помѣшки; а для любви царское величество посылаетъ Александру царевичу на 1,000 рублей соболей, лисицъ и бархатовъ золотныхъ. Въ декабрѣ 1625 году Путивльскій воевода далъ знать въ Москву, что въ Запорожье собралось-было съ Александромъ казаковъ тысячъ съ тридцать; но какъ скоро пришла къ нимъ вѣсть, что гетманъ Конецпольскій съ Поляками идетъ на нихъ къ Кіеву, то межъ казаками сдѣлалась рознь и разошлись они изъ Запорожья по литовскимъ городамъ, начали собираться противъ гетмана Конецпольскаго. 1 сентября царевичъ Александръ съ своими людьми самъ-пятъ изъ Запорожья поѣхалъ въ Литовскую Землю и пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Іовъ держалъ его тайкомъ отъ Поляковъ въ Архангельскомъ монастырѣ и одѣлъ его въ монашеское платье, потому что Конецпольскій вездѣ велѣлъ его сыскивать накрѣпко; а въ ноябрѣ Іову удалось отправить его тайно въ Московское государство, велѣвши ему, ѣдучи до Путивля, сказываться купецкимъ человѣкомъ. Когда въ Москвѣ узнали, что Александръ въ Путивлѣ, то государь велѣлъ боярамъ подумать объ этомъ дѣлѣ. Бояре разсуждали: „Это дѣло новое, небывалое! если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя Турскихъ и Крымскихъ людей. Невѣдомо, съ какимъ умысломъ царевичъ Александръ пріѣхалъ въ Путивль: убѣжалъ ли отъ Поляковъ, или нарочно ими присланъ, чтобъ государя съ Турскимъ поссорить. Взять Александра и отдать его Турскому

султану за вѣчный миръ, чтобъ султанъ запретилъ Крымцамъ нападать на государевы украйны—опасно, чтобъ тѣмъ Бога не прогнѣвать, человѣка христіанина на смерть отдавши. Праведныя судьбы Божіи никому неизвѣстны: что если онъ прямой султана Магомета сынъ и крещенъ въ православную христіанскую вѣру прямо, и былъ во многихъ государствахъ и нигдѣ ему зла не сдѣлали! Если его отдать, то Бога бы не прогнѣвать, Грековъ и всѣхъ тѣхъ, которые на Александра надѣются, не оскорбить и отъ Турскаго въ конечное разоренье не привести; да чтобъ отъ пограничныхъ государей укоризны не было, что человѣка христіанина отдали въ поганскія руки". 17 декабря указалъ государь и бояре приговорили: послать въ Путивль дворянина и привезти Александра въ Мценскъ, гдѣ его и оставить до времени, и для береженья послать 10 человѣкъ стрѣльцовъ. Приставамъ патріархъ Филаретъ наказалъ, если Александръ станетъ проситься въ церковь, то вы бы его въ церковь пускали, а стоять ему въ трапезѣ, которая не освящена, а если станетъ проситься въ церковь, то вы ему отговаривайте, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзя, потому что онъ теперь сдѣлалъ себѣ хохолъ и называется Полякомъ, а въ Россійскомъ государствѣ Поляковъ въ церковь не пускаютъ. Александръ билъ челомъ, чтобъ государь отпустилъ его къ Донскимъ казакамъ, а оттуда онъ пойдетъ на Дунай, въ Волошскую Землю и Болгарію и иныя страны, которыя признали его государемъ, и чтобъ государь велѣлъ Донскимъ казакамъ помочь ему; если же государь на Донъ отпустить его не велитъ, то велѣлъ бы отпустить къ Нѣмцамъ черезъ Новгородъ или Архангельскъ, чтобъ ему можно было пройти къ Флорентійскому князю. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что на Дону живутъ казаки, люди вольные, и царскаго повелѣнія мало слушаютъ; притомъ же ихъ мало, большой войны Турскому они не сдѣлаютъ, да съ Турскими султанами у него, царя, братство любовь и ссылка, и потому Александра отправили за границу черезъ Архангельскъ. Но въ 1637 году Александръ опять явился въ Россію и присылалъ на Донъ грамоту, въ которой звалъ къ себѣ Донцовъ и Запорожцевъ въ Черниговъ. Чѣмъ кончились его похожденія,— неизвѣстно[1]).

Между тѣмъ и реестровые казаки подъ начальствомъ Дорошенка мало оказывали расположенія исполнять условія, предписанныя на Медвѣжьихъ Лозахъ: запорожскія чайки (лодки) являлись на Черномъ морѣ. Въ началѣ 1626 года Крымскій ханъ напалъ на Украйну. Поляки потребовали отъ Дорошенка, чтобъ онъ съ казаками и нарядомъ шелъ къ нимъ въ сборъ; Дорошенко пошелъ-было, но въ городѣ Большихъ Прилукахъ явился къ нему посолъ отъ хана и напомнилъ, что у казаковъ съ Татарами миръ, скрѣпленный присягою, и потому казакамъ нельзя идти къ Полякамъ на помощь. Дорошенко возвратился назадъ; мало того: Запорожцы съ гетманомъ Олиферомъ передались хану и вмѣстѣ съ нимъ ходили войною на Польшу[2]). Въ 1627 году король прислалъ къ Дорошенку дворянина своего съ приказаніемъ, чтобъ казаки были всѣ готовы на весну идти противъ Шведскаго короля. Гетманъ собралъ въ Каневѣ раду, и на этой радѣ казаки королевскому посланцу отказали: „Противъ Шведскаго короля намъ нейти, потому что король Польскій и паны радные пожитки всякіе у насъ отняли, на море намъ ходить не велятъ, мы отъ этого оскудѣли, на службу противъ Шведскаго короля подняться намъ нечѣмъ". И послали они къ королю и къ панамъ раднымъ посланцовъ своихъ просить, чтобъ имъ, казакамъ, впередъ быть въ десяти тысячахъ и король бы имъ прислалъ денегъ и сукна на десять тысячъ[3]).

Дорошенко погибъ въ Крыму въ 1628 году, принимая участіе въ тамошнихъ междоусобіяхъ; на его мѣсто былъ поставленъ Григорій Черный, который однако своею преданностію Полякамъ и, какъ говорятъ, принятіемъ уніи, не понравился казакамъ. Въ 1630 году правительство разставило войска свои въ Кіевскомъ округѣ; въ народѣ пошелъ слухъ, распущенный, какъ говорятъ, Петромъ Могилою, архимандритомъ Кіево-Печерскимъ, что войска идутъ для истребленія казаковъ и вѣры православной. Казаки взволновались, убили своего старшаго, Григорія Черпаго, и на его мѣсто провозгласили Тараса. Конецпольскій двинулся противъ нихъ и сошелся подъ Переяславлемъ. Исходъ этой войны въ большей части извѣстій, какъ малороссійскихъ, такъ и польскихъ, представляется загадочнымъ: казаки берутъ верхъ надъ Конецпольскимъ и, несмотря на то, выдаютъ ему Тараса, котораго Поляки казнятъ въ Варшавѣ. Извѣстный намъ Путивлецъ Гладкій[4]) такъ разсказывалъ дѣло: „Гетманъ Конецпольскій осадилъ казаковъ въ Переяславлѣ. У Польскихъ людей съ Черкасами въ три недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ Черкасы Поляковъ побивали, а на послѣднемъ бою Черкасы у гетмана въ обозѣ нарядъ взяли, многихъ Поляковъ въ обозѣ побили, перевозы по Днѣпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого бою гетманъ Конецпольскій съ Черкасами помирился, а приходилъ онъ на Черкасъ за ихъ непослушанье, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города, и всѣмъ войскомъ убили Гришку Чернаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ Черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ изъ нихъ же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольскаго Польскихъ и Нѣмецкихъ людей и Черкасъ лучшихъ, которые отъ Черкасъ пристали къ Полякамъ,—8,000, а Черкасъ было—7,000". Изъ

[1]) Арх. мин. ин. д., дѣла Малорос. 1625 и дѣла Турецкія 1637 г.

[2]) Арх. мин. ин. д., дѣла Греческія 1626 г., вѣсти въ Москву изъ малорос. монастырей.

[3]) Арх. мин. ин. д., дѣла Малорос., вѣсти отъ марта 1627.

[4]) См. Исторію Россіи, т. IX, стр. 1172.

этого извѣстія можно принять для объясненія дѣла одно только обстоятельство: присутствіе *лучшихъ* Черкасъ въ польскомъ войскѣ; вѣроятно, эти лучшіе Черкасы повернули дѣло такъ, что Тарасъ былъ выданъ, и чернь не получила никакихъ выгодъ отъ своего возстанія.

Уже въ 1631 году казаки перемѣнили Арандаренка и выбрали на его мѣсто Ивана Петрижицкаго-Кулагу. Казаки не переставали громить турецкіе берега Чернаго моря; султанъ собралъ-было войско на Польшу вмѣстѣ съ Москвою; но неудача послѣдней подъ Смоленскомъ заставила и его помириться съ Польшею; при заключеніи мира, Польское правительство обязалось совершенно изгнать казаковъ съ Днѣпровскихъ островов. Для этого коронный гетманъ Конецпольскій, въ 1635 году, построилъ на Днѣпрѣ, ниже Самары и Князева острова, крѣпость Кодакъ; но въ томъ же году казаки, возвращаясь съ моря подъ начальствомъ Сулимы, разорили крѣпость. Сулима былъ схваченъ, съ помощію реестровыхъ казаковъ, и казненъ. Но въ слѣдующемъ году началось волненіе въ Украйнѣ. Здѣсь со стороны Польскаго правительства впервые является дѣйствующее лицо, съ которымъ часто будемъ встрѣчаться впослѣдствіи, Адамъ Кисель, подкоморій Черниговскій. Кисель былъ Русскій родомъ, членъ одной изъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя сохранили еще старую Русскую вѣру. Вслѣдствіе этого обстоятельства, Кисель тянулъ къ Руси, къ Русскому народу, былъ врагомъ уніи; но, съ другой стороны, будучи знатнымъ и богатымъ замлевладѣльцемъ на Украйнѣ, онъ смотрѣлъ на народонаселеніе своихъ земель совершенно панскими глазами и сильно не сочувствовалъ казакамъ, которые, являясь защитниками православія, прежде всего были союзниками хлопства; въ казаки бѣжали хлопы, не хотѣвшіе жить въ крестьянствѣ, а этого панъ Кисель не могъ сносить хладнокровно. Такимъ образомъ, онъ находился всегда между двухъ огней, а Польское правительство нарочно посылало его всегда коммисаромъ, посредникомъ при столкновеніяхъ своихъ съ казаками, какъ Русскаго, православнаго. Въ августѣ 1636 года взволновались казаки въ Переяславлѣ; выведенные изъ терпѣнія насиліями воеводича русскаго, они рѣшились идти на Запорожье и оттуда на море. Старшина не бунтовала; Кисель, коммисаръ отъ правительства у казаковъ, оставался при ней. Наконецъ казаки пришли къ старшинѣ и начали кричать, что въ маѣ высланы имъ деньги и въ августѣ еще не привезены; кричали, что правительство ихъ притѣсняетъ. Кисель уговорилъ ихъ подождать четыре недѣли, и немедлено написалъ объ этомъ королю (6 августа), давая знать, что дѣйствительно казакамъ дѣлаются притѣсненія во многихъ мѣстахъ. Написалъ и гетману Конецпольскому (25 августа); въ этомъ письмѣ Кисель говоритъ, что онъ замѣтилъ три вещи въ казацкомъ войскѣ неразумномъ: 1) любовь къ религіи Греческой и къ духовенству этой религіи, хотя казаки въ религіозномъ отношеніи похожи болѣе на Татаръ, чѣмъ на христіанъ; 2) сильнѣе на нихъ дѣйствуетъ страхъ, нежели милость; 3) хищничество. Вслѣдствіе этого онъ, Кисель, уговорилъ митрополита послать двоихъ духовныхъ особъ съ увѣщаніемъ къ казакамъ не возставать противъ республики. Старшинъ, прибавляетъ Кисель, должно удерживать дарами, а чернь—страхомъ

Весной 1637 года новое волненіе; коммисары королевскіе пріѣхали къ казакамъ, чтобъ отдать имъ жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочетъ давать присягу, хочетъ идти на Запорожье. Коммисары стали уговаривать казаковъ, грозили, что они подвергаются опасности; что республика изгладитъ ихъ имя, что она скорѣе согласится видѣть на Днѣпрѣ дикихъ звѣрей и пустыню, чѣмъ мятежную чернь. „Настоящее ваше дѣйствіе", говорили коммисары, „можетъ быть началомъ своеволія; но своеволіе не будетъ его слѣдствіемъ; вы можете идти на Запорожье, но оставите здѣсь женъ и дѣтей, да и сами долго на Запорожьи жить не можете, принесете опять свои головы подъ саблю республики; измѣнить же и уйти въ другое мѣсто напрасно грозитесь, ибо Днѣпръ ваша отчизна, въ другомъ мѣстѣ такой не найдете. Дона нечего и сравнивать съ Днѣпромъ и тамошней неволи съ здѣшнею волею: какъ рыбѣ безъ воды, такъ казакамъ безъ Днѣпра быть нельзя, а чей Днѣпръ, тому и казаки должны принадлежать всегда". Казаки расплакались, услыхавши о Днѣпрѣ. Старшій, или гетманъ, Томиленко, котораго коммисары называютъ простякомъ, но трезвымъ и скромнымъ, отказался отъ должности, но его выбрали снова, положили не измѣнять республикѣ и присягнули.

Но спокойствіе было минутное; Кисель писалъ, что дѣла плохи на Украйнѣ, ибо казаки—звѣрь безъ головы (Bestia sine capite), стадо безъ пастуха. По его мнѣнію, непремѣнно долженъ быть на Украйнѣ начальный человѣкъ, чтобъ гасить пожаръ, могущій произойти отъ первой искры. Обязанность его предотвращать столкновенія между казаками и правительстванными лицами, укрощать волненіе въ самомъ началѣ; онъ долженъ платить деньги, долженъ имѣть власть—бунтовщика вычеркнуть изъ списковъ, долженъ имѣть денежныя средства, которыя дадутъ ему возможность пріобрѣтать приверженцевъ; приверженцы эти должны составлять оппозицію бунтовщикамъ. „Надобно (пишетъ Кисель), чтобъ у старшины казацкаго оставалось только имя старшинства, а дѣйствительная власть была бы у этого человѣка, какимъ бы онъ именемъ ни назывался". Несмотря однако на неудовольствія и волненія между казаками, возстанія не было на Украйнѣ; оно вспыхнуло на Низу; предводителемъ былъ Павликъ, или Павлюга, который, вышедши тайно изъ Запорожья, взялъ силою артиллерію изъ Черкасъ; тогда, что только было гультяйства (бездомовниковъ) на Украйнѣ, выпищиковъ, могильниковъ, будниковъ, овчаровъ, особенно изъ

имѣній князя Вишневецкаго и изъ-за Днѣпра,—все это встало и собралось. Реестровые казаки, упрекая старшаго своего, Томиленка, въ послабленіи своеволію, собрали раду, свергнули его и выбрали Савву Кононовича. Новый гетманъ началъ дѣйствовать въ духѣ избравшихъ его и правительства: сталъ уговаривать возставшихъ прекратить возстаніе; тогда Павликъ и другой начальникъ возставшихъ, Скиданъ, явились въ Переяславлѣ, созвали раду и, воспользовавшись своимъ большинствомъ, убили Савву Кононовича. Они не хотѣли прямо вдругъ разрывать съ правительствомъ, и потому написали Конецпольскому съ просьбою, чтобъ правительство не сердилось на нихъ; выставляли Кононовича человѣкомъ неспособнымъ къ гетманству, чужеземцемъ, москалемъ. Конецпольскій отвѣчалъ имъ: „Повинуйтесь старшему, котораго вамъ дастъ король, а не тому, кто самъ на себя возьметъ это достоинство; сожгите всѣ челны и воспрепятствуйте морскимъ набѣгамъ: тогда возвратите къ себѣ милость королевскую".

Условія не понравились Павлику и его казакамъ. 11-го октября 1637 года явился универсалъ, призывавшій Русскихъ къ возстанію; здѣсь говорилось, что непріятели народа Русскаго и вѣры старожитной Греческой, Ляхи, идутъ на Украйну съ тѣмъ, чтобъ войско и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ истребить, женъ и дѣтей въ неволю забрать. Ляхи дѣйствительно явились подъ начальствомъ Брацлавскаго воеводы Потоцкаго и встрѣтились съ казаками подъ Кумейками, 8-го декабря. Казаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпѣли пораженіе; около 3,000 ихъ пало въ таборѣ; ни одинъ не просилъ помилованія, только и слышенъ былъ голосъ, что надобно помереть одному на другомъ; если же Полякъ падалъ съ лошади, то казаки сбѣгались и рвали трупъ на куски. Ночью Павликъ и Скиданъ ушли, но Потоцкій утромъ нагналъ ихъ при Боровицѣ, окружилъ и началъ обстрѣливать. Адамъ Кисель предложилъ казакамъ выдать Павлика и другихъ зачинщиковъ возстанія, поручившись, что король не будетъ мстить имъ. Казаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдачѣ Павлика, казаки выбрали-было себѣ другого старшаго, но Потоцкій объявилъ имъ, что они все потеряли бунтомъ; старшему велѣно положить булаву, бунчукъ и печать, всѣ старые полковники отставлены, даны новые. Старшимъ назначенъ Ильяшъ Караимовичъ. Но, кромѣ главнаго войска, находившагося съ Павликомъ, былъ еще отрядъ казацкій, подъ предводительствомъ Кизименка, который взялъ Лубны, вырубилъ шляхту и монаховъ бернардинскихъ, трупы послѣднихъ отдалъ собакамъ; но и Кизименко попался Потоцкому, который велѣлъ посадить его на колъ: „Ибо (пишетъ Потоцкій, изъ Нѣжина 8-го января 1638 года) напрасно возить ихъ въ Варшаву на зрѣлище; лучше пусть понесутъ здѣсь казнь, гдѣ злодѣйствовали". Но Павликъ съ четырьмя товарищами были казнены въ Варшавѣ, несмотря на протестъ Киселя. Главный городъ, Терехтемировъ, у казаковъ отняли; гетманамъ дано приказаніе искоренить всѣхъ казаковъ, которые будутъ противиться сеймовому опредѣленію, а это опредѣленіе состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать новый наборъ казацкаго войска, въ числѣ шести тысячъ, съ назначенными отъ правительства офицерами [1]).

Но этотъ сеймовый декретъ могъ быть исполненъ послѣ только новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила Полякамъ. Въ апрѣлѣ 1638 года вспыхнуло новое возстаніе въ Запорожьи, подъ начальствомъ Остранина, мстившаго за отца, замученнаго поляками; Скиданъ явился также на сцену подлѣ Остранина; большая часть реестровыхъ казаковъ съ своимъ старшимъ, Ильяшемъ, сражались на сторонѣ Поляковъ противъ казаковъ остраниновыхъ. Эта война замѣчательна тѣмъ, что возставшіе казаки смотрятъ на лѣвый берегъ Днѣпра, на Московскую сторону, какъ на безопасное убѣжище, въ случаѣ неудачи. Приготовляется мало-по-малу то дѣло, на которое указалъ Іовъ Борецкій. Остранинъ, поразившій Поляковъ подъ Голтвою (5-го мая), но потомъ разбитый подъ Жолнинымъ (13-го іюня), ушелъ въ московскія владѣнія, куда еще прежде вывезъ жену. Но бѣгство Остранина не отняло духа у казаковъ: они выбрали себѣ другого старшаго, Гуню, укрѣпились на устьи рѣки Старицы, впадающей въ Днѣпръ, и отбивались до послѣдней крайности отъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ и артиллеріею; наконецъ, вынужденные недостаткомъ продовольствія, казаки объявили, что будутъ повиноваться сеймовому приговору. Поляки, съ своей стороны, обѣщали не преслѣдовать ихъ, когда будутъ расходиться по домамъ, но не сдержали обѣщанія. Въ концѣ года казакамъ было повѣщено, чтобъ они собрались на урочище Масловъ Бродъ, слушать рѣшеніе короля и Рѣчи Посполитой. Это рѣшеніе состояло въ томъ, что казаки лишались права избирать старшинъ; назначенъ былъ имъ комиссаръ отъ правительства, Петръ Комаровскій, съ правомъ назначать полковниковъ; главнымъ городомъ казацкимъ, мѣстопребываніемъ комисара, объявленъ Корсунь. Правительство приказало возвратить казакамъ ихъ прежнія земли, которыми они владѣли наслѣдственно; но Польскій гетманъ Потоцкій съ товарищами, назначенными для улаженія дѣла, объявилъ, что этотъ пунктъ никакъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, потому что, по случаю выпавшихъ снѣговъ, нельзя различить ни столповъ пограничныхъ, ни насыпей, ни ручьевъ, ни дорогъ, ни болотъ, и потому земли трудно раздѣлить. Въ присутствіи Потоцкаго и другихъ комисаровъ, казаки должны были снова присягнуть въ вѣрности королю и республикѣ; все оружіе было свезено въ средину; хоругви, булавы и всѣ доспѣхи были повергнуты къ ногамъ комисаровъ, представителей

---

[1]) Рукопись Имп. публ. библ., польск. отд., № 94.

Польши; тяжкіе вздохи раздались среди казаковъ при этомъ унизительномъ для нихъ обрядѣ. Потоцкій принилъ эти вздохи за признакъ глубокаго раскаянія.

„Съ этого времени всякую свободу у казаковъ отняли, тяжкія и необычныя подати наложили, церкви и обряды церковные Жидамъ запродали, дѣтей казацкихъ въ котлахъ варили, женамъ груди деревомъ вытискивали". Это говоритъ лѣтописецъ Малороссійскій; но вотъ что говоритъ Польскій: „Въ 1640 году, въ мѣсяцѣ февралѣ, Татары Крымскіе всю страну около Переяславля, Корсуня и обширныя имѣнія князей Вишневецкихъ вдоль и поперекъ опустошили, людей и скотъ забравши, и возвратились домой безо всякой погони, потому что казацкой стражи болѣе не было. Такую выгоду получила республика отъ уничтоженія казаковъ, а все оттого, что старосты и паны въ Украйнѣ хотѣли увеличить свои доходы, Жидовъ всюду ввели, все въ аренду отдали,—даже церкви, ключи отъ которыхъ у Жидовъ были: кому нужно было жениться или дитя окрестить, долженъ былъ заплатить за это Жиду-арендатору".

Одновременно съ этою борьбою казацкою, кончившеюся такъ неудачно, западно-русское народонаселеніе продолжало другими средстствами вести борьбу за вѣру и народность свою. Борьба была такъ сильна со стороны православныхъ, что уніаты въ январѣ 1624 года предложали имъ соглашеніе, въ основаніи котораго долженствовало быть учрежденіе патріаршества по примѣру московскаго. Но соглашенія не послѣдовало, потому что прежде всего нужно было опредѣлить отношеніе новаго патріарха къ уніи, къ папѣ. Православные все болѣе и болѣе увеличивали свои нравственныя средства для борьбы съ уніею. Еще съ 1594 года въ Кіевѣ, при братствѣ Богоявленской церкви, существовала школа. Въ 1614 году пожаръ истребилъ училищный домъ; тогда, въ 1615, жена Мозырскаго маршалка Лозки, Анна Гугулевичевна, пожертвовала мѣсто и нѣсколько строеній для братской школы, монастыря и гостинницы для православныхъ странниковъ духовнаго званія. Въ 1617 году основано было братство Луцкое; въ 1619 шляхта Волынскаго воеводства дала мѣщанамъ луцкимъ грамоту, которою передала имъ надзоръ и попеченіе за дѣлами братства, „потому-что (говоритъ шляхта) мы въ городѣ вообще не живемъ и, по отдаленности, не часто бываемъ, и потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ господъ братій нашихъ, господъ мѣщанъ луцкихъ, съ тѣмъ, чтобъ они во всемъ ссылались на насъ, какъ на старшихъ, а мы, какъ старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣлѣ". При братствѣ основана была, разумѣется, школа; вотъ ея уставъ: 1) Каждый, кто хотѣлъ вступить въ школу, долженъ былъ, явившись къ ректору, избранному изъ монаховъ, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный—и къ содержанію, для того, чтобъ, поспѣшно начавши, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія, ибо каждый принимается только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ окончилъ въ школѣ полный курсъ наукъ. 2) Если вступить не захочетъ, отходитъ съ благословеніемъ; если согласится на порядокъ и правила, то долженъ объявить старшему и внести въ школьную кружку четыре гроша: тогда будетъ вписанъ въ ученики. 3) Ученикъ обязанъ оказывать совершенное, безотвѣтное послушаніе старшему, или кому старшій прикажетъ. 4) Поступивши въ школу, ученикъ долженъ просить совѣта у начальника ея, за какую науку ему взяться, и совѣту этому долженъ слѣдовать охотно; исключаются тѣ ученики, которые отъ родителей или опекуновъ своихъ назначены къ какой-либо извѣстной наукѣ. 5) Никто не долженъ дѣлать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно между собою, никакой сдѣлки, что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать безъ вѣдома учителя. 6) Что будетъ говориться или дѣлаться въ школѣ, никто за порогъ школьный выносить не долженъ. 7) Ученики не должны держать у себя никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ, кромѣ принадлежностей школьныхъ; также не должны имѣть никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ. Касательно порядка преподаванія было установлено: сперва научаются складывать буквы; потомъ обучаются грамматикѣ, церковному порядку, чтенію, пѣнію. Дѣти ежедневно одинъ другого должны спрашивать по-гречески, а отвѣчать по-славянски, также спрашивать по-славянски и отвѣчать на простомъ языкѣ. Вообще, они не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на Славянскомъ и Греческомъ. Потомъ приступаютъ къ высшимъ наукамъ, діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по-славянски.

Въ 1625 году поступилъ въ монахи Кіево-Печерской лавры Петръ Могила, сынъ Молдавскаго воеводы, и въ 1626 былъ уже сдѣланъ архимандритомъ ея. Могила на свой счетъ отправилъ нѣсколько молодыхъ людей, монаховъ и мірянъ, за-границу, во Львовскую, Римскую и другія академіи. Когда они черезъ четыре года возвратились на родину то Могила вознамѣрился открыть при лаврскомъ больничномъ монастырѣ училище. Тогда братство Богоявленское начало просить его не заводить новаго училища, а соединить его съ старымъ братскимъ, причемъ гетманъ Иванъ Петрижицкій со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ клятвенно обязался защищать братское училище отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; шляхта обязалась ежегодно избирать изъ среды своей старостъ для попеченія объ училищѣ; митрополитъ Исаія Копинскій, преемникъ Борецкаго, отъ лица всего духовенства, предложилъ Могилѣ титулъ старшаго брата въ Богоявленскомъ братствѣ, опекуна и смотрителя и защитника братскаго училища; Могила согласился — и средства братскаго училища сильно увеличились.

Но въ то время, какъ подняталъ Могилою Кіев-

ская школа приготовляла новыхъ поборниковъ Русской вѣры, православные Русскіе лишились самаго сильнаго изъ прежнихъ ратоборцевъ своихъ, Мелетія Смотрицкаго. Послѣ убіенія соперника своего, Іосафа Кунцевича, Мелетій, обвиняемый, какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, какъ поджигатель народа, отправился на Востокъ, для точнѣйшаго изученія Восточной вѣры и Церкви, какъ говорилъ онъ самъ; но, вмѣсто бо́льшей привязанности къ бѣдствующей Церкви, которой страданія онъ такъ сильно описывалъ прежде въ своемъ Ѳреносѣ, Мелетій возвратился на родину съ убѣжденіемъ, что Восточная Церковь заражена протестантизмомъ. Въ 1628 году онъ издалъ свою защиту путешествія на Востокъ (Apologia peregrinacij do stron wschodnich), гдѣ изложилъ свой новый взглядъ на Восточную Церковь и предлагалъ православнымъ Русскимъ принять унію. Въ томъ же году на Кіевскомъ православномъ соборѣ онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній и просить прощенія; но какъ только уѣхалъ изъ Кіева, то написалъ протестъ (Protestatia) противъ собора, гдѣ объявилъ, что принужденъ былъ только силою отказаться отъ своихъ убѣжденій, искреннихъ и правильныхъ. Противъ Апологіи возражалъ православный протопопъ Андрей Мужиловскій въ сочиненіе Antidotum (1639). Смотрицкій отвѣтилъ въ томъ же году книгою: Exethesis, которая со стороны православныхъ вызвала *Апологію погибель* (отъ греч. apollimi—погибаю, а не отъ apologeo—защищаю).

Въ апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ III. Въ то самое время, какъ покойникъ лежалъ на парадной постели въ шапкѣ, похищенной изъ московской царской казны, и въ тотъ самый день (18 іюня), какъ уніатскій Кіевскій митрополитъ Іосифъ-Веніаминъ Руцкій служилъ при тѣлѣ королевскомъ обѣдню на Славянскомъ языкѣ, сенатъ слушалъ посольство отъ казаковъ, которые просили: во 1) права подавать голосъ при избраніи королевскомъ, ибо и они составляютъ часть республики; при этомъ послы объявили, что все казачество подаетъ голосъ въ пользу королевича Владислава; 2) просили, чтобъ Греческая религія оставалась въ покоѣ отъ уніатовъ; 3) чтобъ число войска ихъ и жалованье ему были увеличены. Имъ отвѣчали, что дѣйствительно они составляютъ часть республики, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человѣческомъ; когда волосы или ногти слишкомъ выростутъ, то ихъ стригутъ; такъ и казаки: если ихъ немного, то они могутъ служить защитою республикѣ; но когда размножается, то возникаетъ опасность, чтобы Русскіе крестьяне не встали противъ пановъ. Православные и протестанты требовали уничтоженія тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергались они при покойномъ королѣ. Но мѣры Сигизмунда произвела свои дѣйствія: успѣла образоваться сильная сторона католическихъ ревнителей, которые не хотѣли никакихъ уступокъ въ пользу диссидентовъ. Реакція системѣ сигизмундовой всего сильнѣе обнаруживалась въ семействѣ покойнаго короля, въ старшемъ сынѣ его Владиславѣ, за котораго недаромъ казаки подавали свой голосъ. Владиславъ принялъ на себя трудъ согласить уніатовъ съ православными, но пять часовъ сряду понапрасну толковалъ съ ними: обѣ стороны разошлись еще съ большею ненавистью другъ къ другу. Владиславъ однако не отставалъ отъ своего предпріятія, и наконецъ, при его посредничествѣ, обѣ стороны согласились на слѣдующіе пункты: 1) быть двумъ митрополитамъ—уніатскому и православному; 2) въ Полоцкой епархіи быть двумъ архіереямъ: Полоцкому уніатскому и Мстиславскому православному; епархіи Львовская, Луцкая, Перемышльская и монастырь Кіево-Печерскій уступаются православнымъ. Борьба, кончившаяся этими уступками, не обошлась безъ полемическихъ сочиненій: православные, для историческаго подтвержденія своихъ требованій, издали въ 1632 году Синопсисъ, или собраніе правъ и привилегій, данныхъ королями Польскими народу Русскому, и потомъ дополненіе къ этому Синопсису (Suplementum Synopsis); уніаты отвѣчали въ томъ же году сочиненіями: 1) Права и привилегіи королей Польскихъ, данныя обывателямъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго, находящимся въ едененіи съ Римскою церковію; 2) Святое единеніе церквей Восточной и Западной. Въ сочиненіяхъ этихъ они старались доказать, что унія существовала въ Русской Церкви со временъ Св. Владиміра. Въ 1633 году уніаты издали сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Exorbitancye Ruske*, въ которомъ перечисляются и всѣ насильственные поступки православныхъ противъ уніатовъ, а именно: „11 августа 1600 года, Ипатія Потѣя, митрополита Кіевскаго, хватилъ негодяй саблей по шеѣ, убить не удалось, но у лѣвой руки отсѣкъ два пальца. 1618 года, въ Выдубецкомъ монастырѣ православные схватили уніата архимандрита Антонія Грековича и утопили въ Днѣпрѣ. Въ 1622 году въ Шароградѣ протопопа уніатскаго убили, въ Кіевѣ—войта и священника; на Подгорѣ—уніатскаго монаха Антонія Буцкаго въ Свѣтлое Воскресеніе убили при церкви; наконецъ, въ 1623 году, убили Кунцевича; король долго не вѣрилъ, чтобы это сдѣлали его подданные, думалъ, что пограничные москали“.

Въ короли былъ избранъ Владиславъ, а митрополитомъ православнымъ, теперь уже законнымъ въ глазахъ правительства, явился Петръ Могила, о которомъ вотъ что разсказываетъ въ своей лѣтописи православный шляхтичъ Ерличъ: „Петръ Могила велъ себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопоталъ о цѣлости Церкви Божіей; но не безъ того, чтобъ не былъ онъ охотникомъ и до главы міра сего. При вступленіи на престолъ короля Владислава, Могила былъ отправленъ на коронацію уполномоченнымъ отъ митрополита Исаіи Копинскаго и всего духовенства, потому что самъ митрополитъ не могъ ѣхать по причинѣ

болѣзни; Могила выхлопоталъ себѣ королевскую грамоту на митрополію, поѣхалъ во Львовъ, посвятился тамъ у Волошскаго митрополита и владыкъ; возвратившись въ Кіевъ, отобралъ митрополичьи имѣнія, свергнулъ митрополита Исаію и отрѣшилъ священниковъ, имъ поставленныхъ; мало того: выгналъ больного старика изъ Михайловскаго монастыря въ одной власяницѣ, и тотъ долженъ былъ окончить жизнь въ большой бѣдности. Потомъ, уже будучи митрополитомъ, изъ-за денегъ, съ вооруженнымъ отрядомъ и пушками напалъ на Николаевскій Пустынный монастырь; игуменъ убѣжалъ, а монаховъ Могила велѣлъ бить плетьми до тѣхъ поръ, пока они не объявили, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и серебро. Выгнанные изъ Пустыннаго монастыря, монахи—одни обратились въ унію, другіе бродили безъ пристанища по разнымъ мѣстамъ. Нѣкоторыхъ монаховъ печерскихъ, заковавши въ кандалы, отсылалъ казакамъ, какъ уніатовъ. Вражда у него съ этими монахами пошла изъ-за школы, для которой Могила выгналъ монаховъ троицкихъ, гошпитальныхъ, слѣпыхъ и хромыхъ; Арсенія, игумена этого Троицкаго монастыря, слѣпаго, такъ били, что черезъ нѣсколько недѣль умеръ". Этотъ разсказъ, если вполнѣ справедливъ, показываетъ намъ, что общество во времена Могилы было то же самое, какое мы видѣли во времена Красенскихъ и Лазовскихъ, ибо допускало, что люди, сильные характеромъ, богатые матеріальными средствами, знаменитые трудами своими для блага общаго, не разбирали средствъ, когда дѣло шло о достиженіи ихъ цѣлей. При такомъ состояніи общества, разумѣется, мы не имѣемъ правъ предполагать, чтобъ соглашеніе между православными и уніатами успокоило православную Церковь; чтобъ сильные враги ея удерживались отъ желанія дать ей чувствовать свою силу. Въ Луцкѣ въ 1634 г., 24 мая, когда духовенство католическое шло съ Св. Тайнами, человѣкъ сто іезуитовъ, слугъ коллегіума ихъ, учениковъ и разныхъ ремесленниковъ, съ саблями, кортиками, ружьями, а иные съ кольями и каменьями, ворвались во дворъ православной братской церкви, въ комнаты духовныхъ лицъ и богадѣльню, начали отбивать и ломать церковныя двери. Видя, что дверей, крѣпко запертыхъ внутри, выбить нельзя, побѣжали на колокольню и начали звонить; когда на звонъ прибѣжало еще болѣе фанатиковъ, то они ворвались въ церковь, опрокинули подсвѣчники, скамьи, посрывали ковры. Другіе же, бѣгая по церковному двору съ палками, саблями и другимъ оружіемъ, разогнали побоями мальчиковъ изъ училища, били и мучили бѣдныхъ людей въ богадѣльнѣ, стариковъ и старухъ; палками и камнями отвѣчали тѣмъ духовнымъ людямъ, которые вышли-было изъ своихъ келій для увѣщанія ихъ; били чѣмъ попало всякаго, лишь бы только былъ Русскій; разбили два сундука и забрали изъ нихъ деньги; перебили окна, побили двери, сорвали крышку и ушли.

Кіевскіе іезуиты, которыхъ коллегіумъ находился на Подолѣ, не могли равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе православнаго коллегіума при Могилѣ и потому начали внушать православнымъ, что въ этомъ коллегіумѣ наставники все неправославные; что, получивъ окончательное образованіе въ академіяхъ римскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ, они заразились тамъ различными ересями и потому преподаютъ науки не на Греческомъ языкѣ, какъ бы слѣдовало православнымъ, а на Латинскомъ. Сильвестръ Коссовъ, одинъ изъ тогдашнихъ наставниковъ училища, издалъ въ 1635 году въ защиту своихъ товарищей книгу подъ заглавіемъ Exegesis, въ которой говоритъ: „Это было такое время, когда мы, исповѣдовавшись, ждали, вотъ шляхта станетъ начинять нами днѣпровскихъ осетровъ, или одного станутъ отправлять на тотъ свѣтъ огнемъ, а другого мечемъ. Наконецъ Сердцевѣдецъ, видя невинность нашу и великую потребность народа Русскаго въ полезныхъ наукахъ, разогналъ облако ложныхъ мнѣній и освѣтилъ сердца всѣхъ такъ, что увидали въ насъ истинныхъ сыновъ Восточной Церкви. Послѣ этого обыватели города Кіева и другихъ округовъ стали не только наполнять наши Horrea Apollinea дѣтьми своими, какъ муравьями, въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ прежде при нашихъ предшественникахъ, но и величать наше училище Геликономъ, Парнассомъ и хвалиться имъ". Могила хотѣлъ, чтобъ школьное образованіе распространилось и въ Москвѣ: въ 1640 году онъ просилъ царя Михаила построить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ бы старцы Кіевскаго братскаго монастыря учили дѣтей боярскаго и простого чина грамотѣ Греческой и Славянской. Въ 1640 году Петръ Могила, созывая соборъ, объявилъ въ повѣсткѣ, что соборъ созывается вслѣдствіе наступившаго великаго гоненія. Московскій отъѣзжикъ, Павелъ Салтыковъ, билъ челомъ королю, чтобъ позволили ему въ Смоленскѣ построить православную церковь Св. Бориса и Глѣба, и объявилъ: „Если не позволятъ намъ устроить въ Смоленскѣ благочестивую церковь, то намъ, всей шляхтѣ православной вѣры, изъ Смоленска и изъ Дорогобужа, отъ мала до велика, ѣхать туда, гдѣ православная вѣра свободна". Несмотря на эту угрозу, церковь строить не позволили, и больше всѣхъ вооружалъ короля и пановъ на православіе недавній уніатъ, Смоленскій архіепископъ Андрей Золотой-Квашнинъ, который далъ присягу, что въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Черниговѣ и Стародубѣ всѣхъ православныхъ приведетъ въ унію [1]. Монахи и монахини цѣлыми монастырями выѣзжали въ Москву: такъ въ 1638 году пріѣхалъ Прилуцкаго Густинскаго монастыря игуменъ Василій съ 70 братіями; Прилуцкаго Покровскаго монастыря игуменья Елисавета—съ 35 старицами [2]. Но мы видѣли, что, кромѣ монаховъ и монахинь, въ Москву бѣжали и казаки. Потоцкій

[1]) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Польскія, связка 49.

[2]) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Греческія означ. года.

писалъ Конецпольскому въ декабрѣ 1638 года: „Неоднократно писалъ я къ вамъ, прося припомнить его королевскому величеству, чтобъ онъ пресѣкъ путь этимъ своевольникамъ въ Москву, потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ бѣжавшихъ туда измѣнниковъ, ибо извѣстно, что воръ не украдетъ, если ему некуда спрятаться; я не сомнѣваюсь, что эта выдача положитъ предѣлъ своевольствамъ". Конецпольскій въ 1639 году писалъ королю: „Далъ мнѣ знать панъ коммисаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми и 300 лошадей, ушелъ къ Остранину въ Москву. Если мы не воспротивимся этимъ побѣгамъ, то нечего надѣяться покоя на Украйнѣ, когда своевольство будетъ имѣть такое близкое убѣжище". Царь Михаилъ, какъ мы видѣли, не выдалъ казаковъ; не выдастъ ихъ, какъ увидимъ, и преемникъ Михаила, къ дѣятельности котораго теперь обращаемся [2]).

Глава II.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Характеръ молодого царя.—Морозовъ и Чистой.—Окончаніе дѣла королевича Вальдемара и Лубы.—Отпускъ Стемиковскаго. — Извѣтъ на Нащокина.—Самозванцы: Ивашка Вергуненокъ и Тимошка Акундиновъ.—Распоряженіе относительно Крыма. — Переговоры съ Польшею о союзѣ противъ Крыма.—Посольства Стрѣшнева въ Польшу и Киселя въ Москву. — Печальное состояніе народа въ Московскомъ государствѣ; тяжесть налоговъ; стремленіе отбывать отъ податей.—Женитьба царя на Милославской.—Ропотъ на отца царицы, Милославскаго, на Траханіотова и Плещеева. — Мятежъ въ Москвѣ.—Судьба Морозова.—Никонъ.—Дѣятельность правительства послѣ мятежа.—Уложеніе.—Мѣры противъ закладчиковъ, противъ табаку; изгнаніе Англичанъ изъ внутреннихъ областей. — Мятежъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ. — Замыслы недовольныхъ въ Москвѣ; новыя обвиненія противъ Морозова.—Мятежи во Псковѣ и Новгородѣ.—Никонъ въ Москвѣ; онъ отправляется въ Соловки за мощами Св. Филиппа.—Письмо къ нему царя.—Никонъ патріархъ.

Новый царь добротою, мягкостію, способностію сильно привязываться къ близкимъ людямъ былъ похожъ на отца своего, но отличался большею живостью ума и характера и получилъ воспитаніе, болѣе сообразное своему положенію. Воспитателемъ его, какъ мы видѣли, былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, проведшій при немъ безотлучно тринадцать лѣтъ. Молодой Алексѣй сильно привязался къ своему воспитателю, и такъ какъ онъ тотчасъ по смерти отца лишился и матери (царица Евдокія Лукьяновна скончалась 18 августа 1645 года), то вліянію Морозова на государя и государство не было другого соперничествующаго вліянія. Морозовъ былъ человѣкъ умный, ловкій, по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства, но не умѣвшій возвыситься до того, чтобъ не быть временщикомъ, чтобъ не пользоваться своимъ временемъ для своихъ частныхъ цѣлей. Самое сильное вліяніе на дѣла послѣ Морозова имѣлъ думный дьякъ Назаръ Чистой, бывшій прежде купцомъ въ Ярославлѣ. Что касается характера этого человѣка, то припомнимъ изъ исторіи предшествовавшаго царствованія дѣло его съ голштинскими послами, которое выставляетъ не въ очень выгодномъ свѣтѣ безкорыстіе Чистого. Морозовъ и Чистой пользовались, какъ говорятъ [1]), совѣтами извѣстнаго намъ иностраннаго заводчика Виніуса,—первый примѣръ иностранца, получившаго вліяніе на государственныя дѣла.

[1]) Сѣверный Архивъ 1822 года: письмо одного Шведа изъ Москвы въ 1647 году. Здѣсь подлѣ Морозова и Чистого упоминается еще князь Трубецкой - Романъ Никитичъ. Должно быть Алексѣй Никитичъ.

Въ самомъ началѣ царствованія можно было видѣть, что правленіе находится въ крѣпкой рукѣ человѣка, умѣющаго распоряжаться умно и съ достоинствомъ,—немедленно были рѣшены два тяжелыя дѣла, оставшіяся отъ предшествовавшаго царствованія: дѣло королевича Вальдемара и Лубы.

17 іюля королевичъ былъ у новаго государя съ поздравленіемъ; Алексѣй Михайловичъ началъ рѣчь о крещеніи; но королевичъ по-прежнему отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ; въ тотъ же день королевичъ и послы датскіе прислали государю челобитныя объ отпускѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ въ Данію гонецъ Апраксинъ съ грамотою, въ которой царь Алексѣй извѣщалъ короля Христіана

[2]) Кромѣ означенныхъ выше неизданныхъ источниковъ, при обработкѣ этой главы авторъ пользовался слѣдующими изданными сборниками актовъ и сочиненіями: Акты, относящ. къ Ист. Западной Россіи, т. IV, Supplement. ad histor. Russ. monum.; Памятники, изд. временною Кіевскою коммисіею; Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. тою же коммисіею; Собраніе древн. грам. и акт. городовъ Вильны, Ковно и проч.; Густинская лѣтопись (Пол. собр. русск. лѣтоп. т. II); Лѣтопись Львовскаго братства (журн. мин. нар. просв., 1849 г.); акты Южной и Западной Россіи; Зубрицкаго — начало уніи (Чтенія Москов. ист. общ); Бантышъ-Каменскаго – историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи; Lukaszewicza — Dzieje Kosciolów wyznania Helweckiego w Litwie; его же: Historya Szkól w Koronie i w W. K. Litewskim; митр. Евгенія — Описаніе Кіево Софійскаго собора; Макарія — *Исторія Кіевской Академіи;* Актъ о коммисіи на Медвѣжьихъ Лозахъ (въ приложеніяхъ къ Истор. Малорос. Маркевича); *Лѣтопись Самовидца* (въ Чтеніяхъ Москов. историч. общ.); *Бѣлозерскаго*—Южнорусскія лѣтописи; Pamietniki do panowania Zygmunta III, Wladyslawa IV i J. Kazimierza; Sekowskiego—Collectanea; Okolskiego Continuatio diariusza.

о своемъ восшествіи на престолъ, увѣрялъ, что хочетъ быть съ нимъ въ доброй братственной дружбѣ и любви, и объявлялъ о скоромъ отпускѣ королевича Вальдемара и пословъ. И, дѣйствительно, 17 августа королевичъ и послы были у государя на отпускѣ; Вальдемару объявили, что такъ-какъ онъ не захотѣлъ соединиться вѣрою съ государемъ, то, согласно съ его просьбою, его отпускаютъ назадъ къ королю-отцу съ честію, какъ былъ принятъ. Королевичъ отправился, и изъ Вязьмы писалъ государю, благодарилъ за великую любовь и сердечную подвижность, какія царь Алексѣй Михайловичъ всегда ему оказывалъ и теперь оказалъ въ томъ, что отпустилъ его и пословъ королевскихъ со всякою честію; взаключеніе просилъ пожаловать Петра Марселиса. Когда Апраксинъ пріѣхалъ въ Данію, то тамъ уже знали объ отпускѣ королевича изъ Москвы. Король, принимая грамоту, о здоровьи государевомъ не спрашивалъ, къ рукѣ гонца не позвалъ и къ столу не пригласилъ, отвѣтную грамоту прислалъ съ секретаремъ къ гонцу, несмотря на возраженіе Апраксина, который требовалъ, чтобъ самъ король отпустилъ его. Въ грамотѣ своей король писалъ: „Хотя мы имѣемъ сильную причину жаловаться на неисполненіе договора о бракѣ сына нашего съ вашею сестрою, но такъ какъ отецъ вашъ скончался, то мы все это дѣло предаемъ забвенію и хотимъ жить съ вами въ такой же дружбѣ, какъ жили съ вашими предками“ [1]).

Еще на имя царя Михаила Польскій король Владиславъ прислалъ грамоту, въ которой просилъ царя отпустить въ Польшу королевича Вальдемара и давалъ обязательство, что Датскій король не начнетъ ссоры по поводу задержанія сына его въ Москвѣ. Въ другой грамотѣ король, свидѣтельствуя невинность Лубы, обязывался не признавать правъ ни его, ни другихъ подобныхъ людей на Московское государство, и преслѣдовать ихъ, а для большаго укрѣпленія притиснулъ къ грамотѣ свою печать. Позади у подлиннаго листа было написано: „Крѣпость его царскому величеству отъ его королевскаго величества“. Такую же грамоту прислали и паны радные. Но бояре, въ отвѣтѣ, подняли старыя жалобы, что титла пишутъ несправедливо,—гдѣ надобно писать „государю Псковскому“, тамъ пишутъ „царю Псковскому“; гдѣ надобно „самодержцу“, тамъ пишутъ „самодержцы“, вмѣсто „Югорскому“— „Игорскому“. „Такое новое дѣло“, говорили бояре: „чинится со стороны королевскаго величества мимо вѣчнаго доконча̀нья, невѣдомо какими обычаями, какъ будто къ нарушенью братской дружбы и любви; самодержецъ у насъ одинъ, другого нѣтъ; итакъ писать „самодержцы“ непригоже. Потребовали отъ посла обязательства, что тотъ, кто писалъ, будетъ казненъ безъ пощады. Посолъ отвѣчалъ, что донесетъ королю; король будетъ скорбѣть и велитъ наказать этихъ людей. Потомъ бояре жаловались на порубежные разбои и на воровскія слова; посолъ отвѣчалъ, что король велитъ наказать и за это. Тогда бояре спросили: „Если въ такой же винѣ объявится шляхтичъ или иной кто честный или думный человѣкъ, то надобно ли и его также наказывать?“ Посолъ отвѣчалъ, что надобно. Бояре сказали на это: „Самъ ты, великій посолъ Гаврила, какъ ѣхалъ отъ Датскаго королевича Вальдемара Христіанусовича, то говорилъ при приставахъ ссорныя рѣчи, говорилъ, что вы еще не устали и сабли ваши не притупились Русскихъ людей сѣчь. Такъ полномочнымъ посламъ дѣлать и говорить непригоже и стыдно; а сабли ваши Русскимъ людямъ не страшны“. Посолъ отвѣчалъ, что не запирается, сказалъ онъ эти слова съ-сердца, потому что въ это время побили стрѣльцы двоихъ Литовскихъ людей и видѣлъ онъ ихъ въ крови; сыску никакого объ этомъ не сдѣлано; а сказалъ онъ это съ-сердца, подпивши: сдѣлалось это отъ вина. Посолъ домогался союза противъ Татаръ; отвѣта не было.

23 іюля Стемпковскій представился новому царю и говорилъ длинную рѣчь объ измѣнчивости человѣческой жизни. „Свѣжій образецъ этой измѣнчивости“, говорилъ онъ, „имѣемъ въ блаженной и безсмертной памяти великомъ государѣ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, который счастливо царствовалъ надъ подданными своими 32 года, владѣлъ ими въ святости и праведности, успокоилъ монархію свою отъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, видѣлъ ее цвѣтущею, изобилующею покоемъ, въ этомъ покоѣ съ подданными долженъ былъ пребывать, и вдругъ съ престола своего отъ такой славы и богатства переносится въ пещеры земныя“. Взаключеніе посолъ, отъ имени королевскаго, поздравлялъ новаго государя съ восшествіемъ на престолъ, объявилъ, что король готовъ будетъ оказывать и ему ту же любовь братскую и пріятельство Думный дьякъ отвѣчалъ именемъ царскимъ, что государь хочетъ быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ соединеніи во всемъ по тому, какъ въ вѣчномъ доконча̀ньи написано.

Въ доказательство этого желанія, Луба былъ отпущенъ, причемъ Стемпковскій договорился именемъ королевскимъ и пановъ радныхъ, что Луба къ Московскому государству причита̀нья никогда имѣть не будетъ и царскимъ именемъ называться не станетъ; жить будетъ въ большой крѣпости; изъ Польши и Литвы ни въ какія государства его не отпустятъ; кто вздумаетъ его именемъ поднять смуту, того казнить смертію; все это написать въ конституцію на будущемъ сеймѣ и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье пановъ радныхъ и пословъ повѣтовыхъ. Посолъ долженъ былъ также дать запись, что литовскіе купцы не будутъ болѣе пріѣзжать въ Московское государство съ виномъ и табакомъ. Стемпковскій просилъ, чтобъ на обѣ стороны агентамъ быть, и королевскій

[1]) Главный Московск. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Датскія 1645 г.

агентъ въ Москвѣ польскихъ и литовскихъ купцовъ будетъ судить во всемъ и отъ всякаго дурна унимать; въ этомъ ему отказали на томъ основаніи, что въ вѣчномъ доконча́ньи объ агентахъ не написано, но согласились называть короля *наияснѣйшимъ*. Посолъ просилъ, чтобъ государь позвалъ его обѣдать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ ему чести меньше, чѣмъ прежнимъ посламъ. Ему отвѣчали, что обѣдать нельзя по причинѣ недавней кончины царя Михаила. Посолъ возражалъ, что великіе московскіе послы были въ Польшѣ послѣ кончины королевы и, несмотря на то, обѣдали у короля; ему отвѣчали, что это двѣ вещи разныя: у царя умеръ отецъ, который одинъ, а жену можно взять другую и третью, печаль по женѣ продолжается только до новаго брака. Посолъ объявилъ, что будетъ дожидаться до сорочинъ царя Михаила, а если царь и на это не согласится, то пусть напишетъ въ отвѣтномъ письмѣ, почему посолъ не обѣдалъ, чтобъ ему предъ своею братьею безчестья не было. Передъ отъѣздомъ Стемпковскаго случилось происшествіе, которое показываетъ, на что могли рѣшаться тогда люди изъ свиты посольской, надѣясь на безнаказанность: разбойникъ Якимъ Даниловецъ съ товарищами, на дорогѣ между Москвою и Новгородомъ, убили пять человѣкъ, пограбили у нихъ мѣха, принадлежавшіе одному голландскому купцу, и отвезли ихъ въ Старицкій уѣздъ, въ село Молочино. Дворецкій Стемпковскаго, полякъ Самойла, уговорился съ этими разбойниками ѣхать изъ Москвы въ Молочино, взять тамъ пограбленные мѣха и отвезти ихъ за рубежъ въ Литву, гдѣ онъ долженъ былъ отдать разбойникамъ по цѣнѣ половину денегъ, а другую половину бралъ себѣ за услугу. Дѣйствительно, Самойла выѣхалъ изъ Москвы, взявъ царскую грамоту на проѣздъ въ Вязьму, и вмѣсто Вязьмы отправился въ Молочино, но на Зубцовской заставѣ его съ разбойниками поймали и отослали къ Стемпковскому съ требованіемъ, чтобъ онъ заплатилъ Голландцу деньги за покраденное и казнилъ своего дворецкаго смертью; но посолъ ничего этого не сдѣлалъ [1]).

Прекращалось дѣло о Лубѣ; но самозванцы не прекращались. Въ 1646 году явился такого рода извѣтъ: „Царю государю бьетъ челомъ и извѣщаетъ сирота твой государевъ, Мишка Ивановъ, сынъ Чулковъ, на Александра Өедорова сына Нащокина, а прозвище на Собаку, что хочетъ тотъ Александръ крестное цѣлованье порушить, а тебѣ, праведному государю, измѣнить, хочетъ отъѣхать со всѣмъ своимъ родомъ въ иную Землю, а называетъ себя царскимъ родомъ, и хочетъ быть тебѣ, государю-царю, супротивенъ. Какъ Өедоръ Ивановъ сынъ Нащокинъ у царя Василья Ивановича Шуйскаго царскій посохъ взялъ изъ рукъ, такъ теперь Александръ Нащокинъ хвалится тѣмъ же своимъ воровскимъ умышленьемъ на тебя, праведнаго царя, и Московскимъ государствомъ, твоею царскою державою смутить“. Спросили во всѣхъ приказахъ у подьячихъ: такая подпись у нихъ бывала ли и теперь есть ли въ дѣлахъ, въ отпискахъ изъ городовъ и въ челобитныхъ? Всѣ подьячіе сказали, что такой подписи нѣтъ и не было [2]). Это дѣло тѣмъ и кончилось; но явились два самозванца въ Турціи.

Въ началѣ 1646 года московскіе послы, стольникъ Телепневъ и дьякъ Кузовлевъ, живя въ Кафѣ, узнали, что пріѣхалъ въ Кафу изъ Царяграда Святогорскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Іоакимъ. Послы отправили немедленно переводчика повидаться съ архимандритомъ и поразспросить его, что въ Царѣградѣ дѣлается. Архимандритъ разсказалъ слѣдующее: „Былъ онъ во Крыму, и тамъ въ жидовскомъ городкѣ объявился невѣдомо какой человѣкъ, а называютъ его Московскимъ царевичемъ Димитріевъ сынъ Долгорукихъ; человѣкъ этотъ за нимъ, архимандритомъ, присылалъ и говорилъ ему, будто онъ Московскій царевичъ, и просилъ у Крымскаго царя рати, чтобъ съ нею Московскаго государства доступить, и Крымскій царь его манитъ, рати ему не даетъ и къ султану его не отсылаетъ; да говорилъ тотъ человѣкъ ему, архимандриту: „Возьми у меня грамоту и поѣзжай съ нею по украйнымъ городамъ и въ Калугу,— этой грамоты послушаютъ, а какъ доступлю Московскаго государства, то пожалую тебя калужскими доходами“. Послы добыли и другія извѣстія,— плѣнный Малороссійскій казакъ изъ города Полтавы, Ивашка Романовъ, разсказывалъ: „Я того вора, что называется Димитріевымъ сыномъ, знаю; родина его въ городѣ Лубнѣ; казачій сынъ, зовутъ его Ивашка Вергуненокъ; отца у него звали Вергуномъ; по смерти отца своего, онъ, Ивашка, мать свою въ Лубнѣ билъ, и мать сбила его отъ себя со двора, и онъ, Ивашка, изъ Лубенъ пришелъ въ Полтаево и приказался ко мнѣ, жилъ у меня и служилъ въ работѣ съ годъ. И когда я ушелъ изъ Полтаева города на Донъ, Вергуненокъ остался въ Полтаевѣ, а потомъ изъ Полтаева пришелъ на Сѣверный Донецъ подъ Святыя горы, и, тамъ живучи, водился съ Запорожскими и Донскими казаками; съ Донца пришелъ на Донъ, жилъ на Дону съ полгода, началъ воровать, и за воровство его много разъ бивали; послѣ того онъ пошелъ въ поле самъ-четвертъ съ пищалями гулять, свиней бить, и ихъ на Міусѣ Татары въ полонъ взяли, тому лѣтъ шесть, и продали его въ Кафу Жиду. И сказался воръ Жиду, будто онъ Московскаго государя сынъ, и Жидъ сталъ его почитать. Когда воръ въ Кафѣ у Жида сидѣлъ, сдѣлалъ себѣ признакъ: далъ русской женщинѣ денегъ, чтобъ она выжгла ему между плечами половину мѣсяца да звѣзду, и то пятно многимъ полоненикамъ онъ, Вергуненокъ, показывалъ и говорилъ, будто онъ царскій сынъ, и какъ онъ Московскаго государства доступитъ, то

[1]) Главный Московск. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Польскія, означеннаго года.

[2]) Главный Московск. арх. мин. иностр. дѣлъ, приказныя дѣла 1646 года, № 77.

станетъ ихъ жаловать; и Русскіе люди, тому его воровству повѣря, къ нему, вору, на жидовскій дворъ ходили, ѣсть и пить носили. Свѣдалъ про вора Крымскій царь, послалъ за нимъ и взялъ въ Крымъ, тому года съ три, и приказалъ его въ Крыму беречь Жидамъ, и Жиды его въ Крыму кормятъ и берегутъ и держатъ его въ-крѣпи въ желѣзахъ". Такимъ образомъ, открылось, кто былъ этотъ царевичъ, о которомъ дали знать изъ Константинополя еще царю Михаилу.

Въ Крыму нашли послы одного вора, въ Константинополѣ—двоихъ; у визиря на дворѣ объявились два Русскихъ человѣка: одинъ называется сыномъ царя Василья Ивановича Шуйскаго, присланъ изъ Молдавіи господаремъ Василіемъ, и говоритъ, что служилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ подъячихъ. Визирь его спрашивалъ, для чего онъ про себя въ Москвѣ не объявилъ, и воръ отвѣчалъ, что не объявилъ, боясь казни, и отъѣхалъ служить въ Литву; но Литовскій король пожаловалъ его не по достоинству, и онъ отъѣхалъ въ Молдавскую Землю. Визирь спросилъ: хочетъ ли онъ бусурманиться? И воръ отвѣчалъ: „Если султаново величество пожалуетъ меня по моему достоинству, то я побусурманюсь" А другого вора прислалъ царь Крымскій. Послы отправили толмача и подъячаго провѣдывать: воръ, присланный изъ Крыма, по примѣтамъ, оказался тотъ самый, о которомъ слышали въ Кафѣ; о другомъ же ворѣ подъячій сказалъ, что онъ его знаетъ, бывалъ въ Новой Чети подъячимъ, Тимошкою зовутъ Акундиновъ, родиною волгожанинъ, стрѣлецкій сынъ, дворишко и жену свою сжегъ и съ Москвы бѣжалъ безвѣстно, а послѣ объявился въ Литвѣ, назывался княземъ Тимофеемъ Великоперскимъ, да тутъ же съ Тимошкою на визиревомъ дворѣ Новой же Чети молодой подъячій Костка, и называется Тимошкинымъ человѣкомъ.

Послы дали знать визирю, что у него на дворѣ скрываются воры, чтобъ онъ рѣчамъ ихъ не вѣрилъ и разыскалъ подлинно. Визирь велѣлъ позвать Тимошку; русскій переводчикъ и толмачъ, присланные Телепневымъ, стали его уличать; но воръ съ ними не захотѣлъ говорить и сказалъ визирю, чтобъ велѣлъ поставить передъ собою самихъ пословъ. Визирь отвѣчалъ ему: „Вѣдь и послы будутъ говорить тѣ же рѣчи", и спросилъ у переводчика: „Сколько тому лѣтъ, какъ царя Василья не стало?" Переводчикъ отвѣчалъ, что тому мало не сорокъ лѣтъ, а этому воришкѣ и тридцати нѣтъ. Передъ визиремъ стоялъ Турокъ, старый человѣкъ, и сталъ говорить: „Въ царственныхъ книгахъ у насъ написано, что царь Василій умеръ тому тридцать-семь лѣтъ назадъ". Визирь Тимошку выслалъ вонъ и сказалъ переводчику: „Это человѣкъ лукавый, многія у него рѣчи перемѣнныя, много запрашиваетъ и султану много сулитъ; а вотъ тотъ, что изъ Крыму присланъ, думаю, что прямой онъ государскій сынъ, и Крымскій царь писалъ, что онъ про него сыскивалъ Русскими людьми, и тѣ сказали, что онъ прямой сынъ царя Дмиитрія, а отца его убилъ Уракъ-Мурза". Переводчикъ отвѣчалъ: „Уракъ-Мурза убилъ не царя Димитрія, такой же воръ, Петрушкою (?) звали". Визирь сказалъ: „Объявите посламъ, что то дѣло не ихъ, присланы они не за тѣмъ,—имъ до этого дѣла нѣтъ".

Пришли къ посламъ тайно извѣстный уже намъ Зелфукаръ-ага да архимандритъ Амфилохій и объявили: „Воръ Тимошка говоритъ визирю, чтобъ султанъ далъ ему ратныхъ людей и велѣлъ идти съ нимъ на московскія украйны; Русскіе люди противъ него стоять не будутъ, всѣ добьютъ ему челомъ; сулитъ султану Астрахань съ пригородами. Визирь противъ его рѣчей промолчалъ". Послы начали говорить Зелкуфаръ-агѣ и архимандриту, какъ бы воровъ достать. Тѣ отвѣчали: „Визирю одному такого дѣла не сдѣлать, развѣ вамъ доступить ихъ большою казною?—только не потерять бы казны даромъ, потому что люди здѣсь неоднословы; лучше всего бросьте это дѣло: волочась такъ и пропадутъ, либо по городамъ дальнимъ ихъ разошлютъ въ службы, или на каторги въ греблю отдадутъ; а если вы о нихъ станете промышлять, то вы ихъ пуще вздорожите и поставятъ въ-правду то, какъ они называются". Архимандритъ говорилъ также, что воръ Тимошка подалъ визирю грамоту, и его, архимандрита, позвали эту грамоту переводить; въ грамотѣ написано, будто онъ сынъ царя Василья, и когда отца его въ Литву отдали, то онъ остался полугоду, и отцъ приказалъ беречь его тѣмъ людямъ, которые ему впрямь служили, и они его вскормили, и когда сдѣлался царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, то велѣлъ ему видѣть свои царскія очи, и далъ ему удѣлъ Пермь Великую съ пригородами; тамъ ему въ Перми жить соскучилось, онъ пріѣхалъ въ Москву, и государь велѣлъ его посадить за пристава; но тѣ люди, которыхъ царь Василій жаловалъ, освободили его и выпроводили изъ Москвы. Василій, воевода Молдавскій, его ограбилъ, снялъ съ него отцовскій крестъ многоцѣнный съ яхонтами и изумрудами и много другого добра, и хотѣлъ его убить такъ же, какъ убилъ прежде брата его большого, и, убивъ, голову и кожу отослалъ въ Мокву, а Московскій государь велѣлъ кожу эту накласть золотыми и дорогими камнями и отослать къ воеводѣ Василью въ благодарность.

Въ октябрѣ 1646 года архимандритъ Амфилохій далъ знать посламъ, что воръ, присланный изъ Крыма, посаженъ въ Семибашенный зáмокъ, а воръ Тимошка пожаловался визирю на него, архимандрита, будто онъ на посольскій дворъ ходитъ и про всякія вѣсти посламъ объявляетъ. Визирь грозилъ за это Амфилохію, что посадитъ его на каторгу по смерть; архимандритъ велѣлъ сказать посламъ, чтобъ присылали къ нему людей своихъ ночью, люди эти будутъ у него ночевать и онъ будетъ отпускать ихъ рано до свѣту. Причиною этихъ строгостей была вѣсть о движеніяхъ русскихъ войскъ

подъ Азовъ; пословъ начали держать взаперти, и въ ноябрѣ, старшій изъ нихъ, Телепневъ, умеръ. Товарищъ его, Кузовлевъ, писалъ государю, что воръ Вергуненокъ запертъ въ Кожаномъ городкѣ, который стоитъ въ Черноморскомъ гирлѣ, версты за три отъ Царяграда; заперли его для того: дана была ему воля ходить куда хочетъ, а онъ началъ пить и съ бусурманами драться; Тимошку Акундинова отъ визиря съ двора свели, велѣли ему жить позади визирева двора, а ѣсть къ нему присылаютъ отъ визиря. Но скоро Кузовлеву стало не до Тимошки: плѣнный Донской казакъ объявилъ, на пыткѣ, что на Дону у казаковъ въ Черкасскомъ приготовлено 300 струговъ, да на Воронежѣ, Ельцѣ и въ другихъ украинскихъ городахъ къ веснѣ готовятъ пятьсотъ струговъ, и, по государеву указу, въ тѣхъ стругахъ идти казакамъ моремъ подъ Крымъ и крымскіе улусы. И вотъ, 27 января 1647 года, визирь Аземъ-Салихъ-паша вытребовалъ къ себѣ у посла переводчиковъ и держалъ къ нимъ такую рѣчь: „Только Донскіе казаки въ Черное море выйдутъ, и султану про то донесется, а я султану добрыя слова говорилъ, и то все мнѣ поставится въ ложь, и быть мнѣ въ опалѣ или даже безъ головы, а послу и вамъ живымъ не быть; и за лѣтошнюю ссору едва устояли; велѣлъ было султанъ васъ всѣхъ побить, а если я останусь живъ и сдѣлается со мною что нибудь нехорошее, то я посла вашего и васъ на рожнахъ изжарю; скажите эти мои слова послу, чтобъ подумалъ, какъ мнѣ и ему и вамъ бѣды избыть. Всего скорѣе избудетъ изъ бѣды, если пошлетъ отъ себя наскоро гонцовъ на Донъ, чтобъ казаки на море не ходили, а я гонцовъ велю проводить до Азова“. Кузовлевъ отвѣчалъ, что казакамъ давно заказано ходить на море, но самому султанову величеству извѣстно, что Донскіе казаки воры-измѣнники, и прежде государевыхъ указовъ не слушались и теперь казачьяго воровства на послѣ спрашивать нечего. Визирь прислалъ сказать Кузовлеву: „Этими рѣчами тебѣ не отговориться; только появятся казаки на морѣ, хотя и немного, сожгу тебя въ пепелъ; если хочешь живъ быть, посылай гонцовъ“. Кузовлевъ отвѣчалъ прежнее, что посылать ему гонцовъ непригоже; ни въ какихъ государствахъ надъ послами безчестья не бываетъ и въ Царѣградѣ надъ послами никогда того не бывало, что теперь дѣлается: запираютъ, со двора не пускаютъ, корму не даютъ и назадъ къ своему государю не отпускаютъ невѣдомо для чего. Визирь пріутихъ и, при личномъ свиданіи, говорилъ Кузовлеву: „Только будутъ Донскіе казаки на морѣ, и намъ съ тобою будетъ худо, двое насъ съ тобою на обѣ стороны доброе дѣло дѣлаемъ, и худо и добро намъ будетъ во всемъ вмѣстѣ; помощь казакамъ отъ васъ: еслибъ вы имъ не помогали, то имъ бы дѣлать было нечего,—давно бы пропали“. Визирю дѣйствительно пришлось худо—его казнили. Донскіе казаки гуляли по Черному морю, появлялись подъ Трапезунтомъ и Синопомъ. Тимошкѣ Акундинову соскучилось въ Константинополѣ, гдѣ на него не обращали никакого вниманія: онъ побѣжалъ въ Молдавію, но на дорогѣ его схватили, привезли въ Константинополь и хотѣли учинить ему жестокое наказаніе; но воръ обѣщалъ обусурманиться и передъ визиремъ бусурманскую молитву проговорилъ, обрѣзанье же упросилъ отложить; его освободили и чалму надѣли, но Акундиновъ, нарядясь въ греческое платье, побѣжалъ въ другой разъ съ русскимъ плѣнникомъ на Аѳонскую гору: его опять поймали и хотѣли казнить, но онъ попрежнему обѣщалъ обусурманиться; на этотъ разъ его обрѣзали и отдали подъ стражу. Со стороны самозванцевъ въ Царѣградѣ Московское правительство могло быть покойно; но султанъ требовалъ, чтобъ царь свелъ Донскихъ казаковъ изъ Черкасскаго городка и посылалъ Крымскому царю посылку попрежнему. Царь отвѣчалъ о Донцахъ по старинѣ, что они государскаго повелѣнья не слушаютъ; о ханѣ отвѣчалъ, что для дружбы съ султаномъ начаты сношенія съ Крымцами; но если ханъ опять клятвѣ своей измѣнитъ, то ему уже больше терпѣть не будутъ [1]).

Эти слова не были пустою угрозою: Московское правительство рѣшилось не спускать болѣе Крымцамъ, которые въ концѣ 1645 года поздравили новаго царя вторженіемъ въ московскія области. Разбойники встрѣтили московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ при Городенскѣ, и, послѣ бою, пошли домой тою же дорогою, какою пришли. Весною 1646 года въ Москвѣ положили предпринять наступительное движеніе: государь приказалъ князю Семену Романовичу Пожарскому собрать въ Астрахани тамошнихъ жителей, Ногайскихъ мурзъ, Черкесовъ, идти на Донъ, соединиться тамъ съ воеводою Кондыревымъ, который долженъ былъ придти изъ Воронежа, и вмѣстѣ идти подъ Азовъ. Кондыревъ въ украинскихъ городахъ набралъ 3,000 вольныхъ ратныхъ людей на помощь Донскимъ казакамъ. Крымцы предупредили Русскихъ, напали на Донскихъ казаковъ, но были отражены съ урономъ [2]).

Въ то же время съ Польшею шли переговоры о союзѣ противъ Крыма. Въ январѣ 1646 года отправлены были къ королю Владиславу великіе и полномочные послы: родственникъ царскій, бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, и знакомый намъ окольничій, Степанъ Матвѣевичъ Проестевъ, для поздравленія короля съ новымъ бракомъ на Людовикѣ - Маріи Мантуанской и для подтвержденія Поляновскаго мира. 10 марта послы представились королю, который, по болѣзни, лежалъ на постели, обложенный подушками. Послы протестовали, зачѣмъ король противъ государева имени не всталъ

---

[1]) Главный Москов арх. мин ин дѣлъ; дѣла Турецкія 1645--48 года. Кузовлевъ былъ отпущенъ изъ Константинополя въ декабрѣ 1648 года.

[2]) Дворцовые разряды, т. III; Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Донскія 1646 года, св. 3.

и поднять себя не велѣлъ; тогда король позвалъ къ себѣ пословъ близко къ постели и говорилъ: „Памятуя вѣчное докончаніе и свое государское утвержденіе съ отцомъ великаго государя вашего, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, желаю брату своему, царю Алексѣю Михайловичу, многолѣтняго здоровья и счастливаго пребыванья; чести государя вашего остерегать я всегда долженъ выше своей собственной чести, но встать мнѣ или подняться никакъ нельзя, потому что сильно я боленъ, руками и ногами не владѣю, и не только встать, и приподняться никакъ не могу; Богъ видитъ, что дѣлается это не хитростію; если же хитростію, то отними у меня Богъ и руки, и ноги; можно вамъ, великимъ посламъ, и самимъ видѣть, какъ я боленъ“. Послы удовольствовались, и отъ короля отправились къ молодой королевѣ, которая, къ ихъ удовольствію, спрашивала о здоровьи государевомъ стоя. Въ отвѣтѣ съ панами радными послы подняли старыя дѣла объ ошибкахъ въ царскомъ титулѣ, указали и на новую обиду: межевой судья Авраховичъ прислалъ къ царскому величеству листъ и въ томъ листѣ написано невѣжливо *съ отомъ*, тогда какъ царь къ королю и король къ царю въ грамотахъ своихъ пишетъ безъ *ота*. Послы требовали попрежнему виновнымъ въ большихъ винахъ казни смертной, а въ малыхъ наказанья жестокаго: этимъ бы король показалъ его царскому величеству свою братскую дружбу и любовь; требовали, чтобъ король велѣлъ о царскомъ титулѣ записать въ сеймовую конституцію, чтобъ впередъ виновныхъ въ умаленіи титула карать горломъ безо всякаго оправданья. Потомъ послы перешли къ другому дѣлу: „Вѣдомо великому государю нашему учинилось, что на общаго христіанскаго непріятеля и гонителя, на Турскаго султана Ибрагима, учинился упадокъ большой отъ Венеціанъ, ратнымъ его людямъ разоренье и тѣснота, людей его осадили въ Критскомъ островѣ Нѣмцы, и тѣ осадные люди помираютъ голодомъ и безводицею, изъ Царяграда помощи послать имъ нельзя. Ибрагимъ султанъ велѣлъ сдѣлать сто каторгъ новыхъ, и началъ думать, какими плѣнными гребцами наполнить эти каторги, и послалъ къ Крымскому царю гонца съ грамотою, чтобъ шелъ безъ всякаго мѣшканья на Московское, Польское и Литовское государства и набралъ полону на новыя которги: такъ теперь время великимъ государямъ христіанскимъ на Крымскаго поганца для обороны вѣры христіанской возстать; теперь время благополучное. Нашъ великій государь сильно думаетъ о соединеніи съ вашимъ великимъ государемъ на поганыхъ Агарянъ. Онъ послалъ для обереганія своихъ украйнъ большое войско подъ начальствомъ бояръ, князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Василья Петровича Шереметева; если же Татары пойдутъ на королевскія украйны, то великій государь, для братской дружбы и любви къ королю, велѣлъ воеводамъ своимъ помогать ратнымъ людямъ королевскимъ. И вы бы, паны радные, сами о томъ думали и короля на то наводили, чтобъ его королевское величество для избавы христіанской въ нынѣшнее благополучное время велѣлъ отпереть Днѣпръ и позволилъ Днѣпровскимъ казакамъ съ Донскими казаками вмѣстѣ крымскіе улусы воевать, а къ гетману своему послалъ бы приказъ, чтобъ онъ съ своими ратными людьми на Украйнѣ былъ готовъ и съ царскими воеводами обо всякихъ воинскихъ дѣлахъ ссылался, какъ имъ противъ Крымскихъ татаръ стоять, въ какихъ мѣстахъ сходиться“. Паны отвѣчали: „Мы вседушно этому ради и просимъ всемогущаго Бога, чтобъ обоихъ великихъ государей соединеньемъ ихъ государскія руки надъ бусурманами высились. Что же касается до ошибокъ въ титулѣ, то объявляемъ по истинной правдѣ искренними сердцами, что ошибки дѣлались безъ хитрости, потому что дьячки пишутъ, не зная русской рѣчи; всесильный Богъ свыше зритъ, что прописки дѣлаются безъ хитрости; несмотря на то, король велѣлъ вызвать виновныхъ на сеймъ, а сами знаете, что ни королю, ни намъ не только шляхтича, но и простого человѣка безъ сейма карать нельзя“. Послы отвѣчали, что королю пригоже было давно такъ учинить; при этомъ послы указали панамъ королевскую грамоту, гдѣ на подписи въ титулѣ, вмѣсто *самодержцу*, написано *самодержцы*. Паны сказали на это: „Мы вамъ объявляемъ, что на нашемъ польскомъ языкѣ *самодержцы* и *самодержцу* одно слово, и безчестья тутъ его царскому величеству никакого нѣтъ и ошибки также нѣтъ“ Послы отвѣчали: „Какъ вамъ, паны радные, не стыдно это говорить; не только вамъ разсудить и выразумѣть это можно, и простой человѣкъ легко разсудитъ: написать и сказать *самодержцу*—это будетъ къ одному лицу, а если написать *самодержцы*—это будетъ ко многимъ лицамъ; на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царства самодержецъ одинъ, другого нѣтъ и впередъ не будетъ. До сейму этого дѣла откладывать не годится, потому что у людей, которые пишутъ титулъ мимо посольскаго договора, велѣно честь и имѣнье отнимать и смертью казнить по королевскому указу и сеймовому уложенью“. *Паны*: „Клянемся Богомъ, что на польскомъ языкѣ „самодержцы“ и „самодержцу“ одно и то же; а если по-русски не такъ, то мы впередъ будемъ остерегаться накрѣпко; да впередъ бы нашему государю къ царскому величеству въ грамотахъ писать по-польски, также и изъ порубежныхъ городовъ ссылочные листы писать по-польски: такъ ошибокъ впередъ не будетъ“. *Послы*: „Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится, да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ“.

Упрашивая пословъ, чтобъ они оставили дѣло объ умаленіи титула царя Михаила, ибо не должно преслѣдовать за вины, сдѣланныя противъ покойнаго уже государя, и обѣщаясь строго нака-

зывать за ошибки въ титулѣ государя царствующаго, паны обратились къ болѣе важному дѣлу о союзѣ противъ Крымцевъ, объявили, что король послалъ приказъ гетману Потоцкому ссылаться съ царскими воеводами для береженья отъ прихода поганцевъ: и въ прошлую зиму гетманъ готовъ былъ дать помощь московскимъ воеводамъ, но помѣшали лютые морозы. Королевское величество желаетъ, чтобъ этимъ лѣтомъ стать только по Украйнѣ и уберечь ее отъ поганцевъ, а дальнее большое дѣло отложить до другой поры, потому что и Днѣпровскимъ Запорожскимъ казакамъ вскорѣ на море выйти нельзя, всѣ ихъ челны пожжены и теперь имъ новыхъ чаекъ дѣлать нельзя. Король думаетъ, что Татаръ лучше воевать въ то время, когда салтанъ разошлетъ ихъ на свою службу. Запорожскимъ казакамъ позволить идти на Крымъ вмѣстѣ съ Донскими королю безъ сейму никакъ нельзя, потому что у Польши съ Турціею вѣчный миръ. Наконецъ дѣло дошло до Лубы. Послы объявили, что великій государь, не желая крови, для прошенья брата своего короля, отпустилъ Лубу въ Польшу; но вездѣ, ѣдучи дорогою, въ Минскѣ и другихъ мѣстахъ, называлси онъ царевичемъ Московскимъ попрежнему; говорилъ, что посылали его въ Москву для освѣдомленія, и будто великій государь призналъ его прямымъ сыномъ Разстриги. Посолъ Стемпковскій обязался, что Луба будетъ содержаться въ большой крѣпости; но онъ не только на волѣ, но еще король сдѣлалъ его при своей пѣхотѣ писаремъ и жалованье ему даетъ: „такъ королевское величество и вы, паны радные, по посольскому договору велѣли бы Лубу казнить смертью при насъ, послахъ, за то, что онъ не перестаетъ называться царевичемъ Московскимъ". Паны отвѣчали: „Если сыщется, что Луба дѣйствительно называется царевичемъ Московскимъ, то будетъ казненъ смертію; но мы вамъ говоримъ правду, что Луба отданъ для береженья королевской пѣхоты капитану Яну Осинскому, приставлены къ нему гайдуки и держатъ его съ большимъ береженьемъ, а королевскаго жалованья и уряду ему никакого не дано". Тогда послы потребовали, чтобъ паны дали утвержденье, согласное съ записью Стемпковскаго. Паны обѣщали дать утвержденье отъ короля и отъ себя, но отказались дать утвержденье отъ пословъ повѣтовыхъ. Что же касается до союза противъ Крыма и до Путивльскихъ городищъ (Недригайловскаго, Городецкаго, Каменнаго, Ахтырскаго, Ольшанскаго), обѣщанныхъ въ московскую сторону, то паны объявили, что для этого будутъ въ Москвѣ особые послы королевскіе: Путивльскихъ городищъ потому нельзя уступить сейчасъ же, что они необходимы для войны противъ Крыма. Послы отвѣчали: „Это со стороны вашего государя дѣлается мимо всякой правды; вашу неправду Богъ свыше зритъ и государю нашему въ правдѣ будетъ помощникъ; а царское величество Путивльскихъ городищъ и земель въ королевскую сторону никогда не велитъ уступить и за свое прямое стоять будетъ". Паны, съ своей стороны, сильно жаловались на перезывъ крестьянъ изъ-за литовскаго рубежа въ московскую сторону: это, по ихъ словамъ, была самая большая обида.

Стрѣшневъ возвратился въ Москву съ подтвержденіемъ Поляновскаго договора и записи Стемпковскаго о Лубѣ; а лѣтомъ 1646 года пріѣхалъ въ Москву полномочный королевскій посолъ, каштелянъ Кіевскій Адамъ Свентолдичъ Кисель, и говорилъ царю такую рѣчь: „Великое королевство Польское съ великими княжествами своими и великое государство Русское, какъ два кедра ливанскіе отъ одного корня, создала десница Вседержителя Господа отъ единой крови славянской и отъ единаго языка Славянскаго народа; свидѣтельствуютъ о томъ греческіе и латинскіе лѣтописцы и историки, истинный свидѣтель есть самъ языкъ, обоимъ великимъ государствамъ, какъ единому народу, общій и непремѣнный. Поэтому вамъ, великимъ государямъ, и намъ всѣмъ, обоихъ великихъ государствъ жителямъ, отъ единой славянской крови происходящимъ, свидѣтельствуютъ слова, Духомъ Святымъ реченныя: „Коль добро и коль красно еже жити братіи вкупѣ!" Сему богодухновенному указанію послѣдствуя, блаженной памяти, великій государь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ закрѣпилъ союзъ вѣчнаго братства съ великимъ государемъ паномъ моимъ. Съ того времени звѣзда смутнаго разрыва, кровопролитія и междоусобной брани погасла; наступило и сіяетъ незаходимое солнце вѣчнаго мира, дружбы и любви братской; хотя оно и помрачилось переселеніемъ отъ земныхъ въ небесныя великаго государя Михаила Ѳеодоровича, о которомъ король, панъ мой, плакалъ какъ о братѣ; но когда Господь далъ вашему царскому величеству престолъ и скипетры отеческаго царства, то король, панъ мой, скорбь свою перемѣнилъ въ радость, и помраченное солнце опять просіяло. Такъ какъ ваше царское величество съ наслѣдіемъ царства наслѣдіе братской любви къ пану моему королю черезъ пословъ своихъ объявить произволили, то и его королевское величество братскую свою любовь вашему царскому величеству отдаетъ и черезъ меня такими словами поздравляетъ: „Радуйся, Божіей милостію великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси самодержецъ! Радуйся, великаго государя моего братъ, великихъ государствъ и великаго свонэа братской любви наслѣдникъ! Живи многолѣтно и счастливо на великомъ государствѣ: по долгихъ же временахъ, лѣтахъ и вѣку да дастъ тебѣ Господь благословеніе отеческое увидать, и, также наслѣдника царствію своему узрѣвши, преселенія отъ земныхъ въ небесная со всякою радостію ожидать!"

Кромѣ цвѣтовъ краснорѣчія, Кисель обнаружилъ историческія познанія: предложилъ царю Алексѣю Михайловичу и боярамъ его дѣленіе славянской исторіи на три періода: 1) счастливый, когда Славяне чрезъ соединеніе силъ своихъ по всему свѣту славились; Римъ Старый и Римъ Новый свидѣтель-

ствуютъ о дѣлахъ храбрости славянской; 2) вѣкъ несчастный, вѣкъ междоусобной брани, когда Славяне, разлучившись другъ отъ друга, многообразнымъ разоренiемъ и кровопролитiемъ братскую любовь разстерзали; въ это время многими вотчинами народовъ нашихъ чужiе народы и поганскiе овладѣли: гдѣ крестъ Святой Владимiръ принялъ, въ Херсонѣ или Корсунѣ, тамъ теперь Перекопь и Орда Татарская живетъ; гдѣ были сѣдалища Половцевъ, пожертыхъ и съ именемъ своимъ потребленныхъ саблею предковъ нашихъ,—тамъ нынѣ Крымская водворилась Орда, междоусобными несчастными войнами обоихъ великихъ государствъ нашихъ умноженная; 3) теперь Божiю милостiю третье время настало: время вѣчнаго союза и братской любви величествъ вашихъ и обоихъ государствъ, какъ бы возвращенiе въ первый чинъ единородствiя и единодружной любви".

Послѣ цвѣтовъ краснорѣчiя начались переговоры—и обнаружились тернiя. Кисель требовалъ: если въ грамотѣ будетъ ошибка въ царскомъ титулѣ, то такой грамоты не принимать, отсылать ее назадъ, отчего писавшему большое безчестье. Бояре отвѣчали: „Ты панъ радный и человѣкъ знающiй, а написалъ то, чего и простому человѣку помыслить стыдно и отъ Бога страшно. Вамъ, панамъ раднымъ, надобно охранять вѣчное доконченiе, а вы государскую честь ставите какъ будто ни во что, виноватыхъ безъ казни и наказанiя хотите оправдать; если грамотъ не принимать, отсылать ихъ назадъ, то почему можно будетъ виноватаго сыскать и чѣмъ его обличить?" *Кисель:* „Я объ этомъ говорилъ и писалъ не самъ отъ себя, по наказу отъ короля и Рѣчи Посполитой: король и вся Рѣчь Посполитая разсуждали, какъ бы эти прописки въ титулѣ уничтожить, потому что въ Московскомъ государствѣ это почитаютъ за великую вину, а у насъ и къ королю полнаго титула не пишутъ, добрый человѣкъ дѣлаетъ хорошо, а глупый глупо, и приговорили грамотъ не принимать: какъ увидятъ, что грамотъ не принимаютъ и исполненья по нимъ никакого нѣтъ, то поневолѣ научаться писать исправно". *Бояре:* „Дивно намъ, что они во столько лѣтъ не могутъ научиться писать; сами вы, паны радные, своихъ людей дураками называете, что не могутъ научиться; поганые бусурманы—и тѣ государево именованье пишутъ справчиво, и изъ нѣмецкихъ государствъ никогда никакой описки не бываетъ". *Ки ель:* „Если царскому величеству это не угодно, то можно иначе сдѣлать". Опредѣлили: казнить за прописки въ титулѣ.

Кисель настаивалъ и на то, чтобъ перебѣжавшихъ крестьянъ отдавали назадъ: „Они у насъ государство пустошатъ; какая это будетъ братская любовь, что бѣглыхъ пашенныхъ крестьянъ принимать; теперь ольшанскiе мужики подстаросту убили и перешли въ сторону царскаго величества,—развѣ это не досада намъ отъ нихъ?" *Бояре:* „У царскаго величества стольника честнаго человѣка Ивана Волкова, люди его убили и перебѣжали въ королевскую сторону, объ нихъ писали, чтобъ отдать, но не отдали; также и въ государеву сторону перешли Черкасы многiе, но назадъ ихъ не просили, и о томъ ни слова не бывало". *Кисель:* „Черкасы люди вольные, гдѣ хотятъ—тамъ и живутъ, а крестьяне пашенные—невольники". *Бояре:* „Въ вѣчномъ доконченьи о перебѣжчикахъ не написано,—такъ этого не надобно и начинать". *Кисель:* „Что напередъ было, того я не спрашиваю; а теперь бы сдѣлать вновь и укрѣпить, чтобъ перебѣжчиковъ не принимать; а если принимать, то это будетъ противно Богу, противно братской любви и соединенью; теперь у Конецпольскаго, Вишневецкаго и другихъ перебѣжало въ царскую сторону съ 1,000 человѣкъ, а у насъ у троихъ тысячъ съ пятнадцать; хорошо ли будетъ, если мы своихъ мужиковъ станемъ у васъ брать и побивать; если хотите нашихъ крестьянъ къ себѣ брать, значитъ—не хотите насъ съ собою въ дружбѣ видѣть. Повѣтовые послы говорили королю, что отъ нихъ начали крестьяне бѣгать и чтобъ король приказалъ мнѣ объ этомъ написать въ наказъ первою статьею". *Бояре:* „Чего въ вѣчномъ доконченьи не написано, того вновь начинать не надобно; со стороны царскаго величества изъ Брянской и Комарицкой волости и съ Лукъ Великихъ крестьяне пашенные многiе перебѣжали и теперь безпрестанно бѣгаютъ въ королевскую сторону. Въ нынѣшнемъ году перебѣжалъ въ королевскую сторону Брянченина Колычева крестьянинъ Артюшка, и, пришедши назадъ изъ-за рубежа, своего помѣщика рогатиною закололъ; по царскому указу, убiйцу отослали къ Мстиславскому воводѣ для казни, а въ царскую сторону его не взяли. Ты, великiй посолъ, благочестивой христiанской вѣры и за нее поборатель, а эти мужики пашенные такой же благочестивой вѣры, живутъ они у васъ за людьми разныхъ вѣръ, и если ихъ отдавать назадъ, значитъ—отдавать католику или лютеру на мученье: христiанское ли это дѣло? Бѣдный крестьянинъ, будучи въ такой неволѣ, и вѣры своей отбудетъ". *Кисель:* „Мужики что знаютъ?—о вѣрѣ у нихъ никакого попеченья нѣтъ; бѣгаютъ оттого, что не хотятъ папу своему и малаго оброка заплатить. Побѣжитъ мужикъ въ дальнiе города, то папу еще не такъ досадно, потому что онъ его не увидитъ, а то убѣжитъ и станетъ жить близко въ порубежныхъ мѣстахъ, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Такъ договориться бы, чтобъ въ порубежныхъ мѣстахъ крестьянъ перебѣжчиковъ не держать; а если погонщикъ застанетъ бѣглеца на рубежѣ, то можетъ его взять". Но бояре именемъ царскимъ рѣшительно отказали ему въ этой статьѣ. И дѣло о союзѣ противъ Крыма также не подвинулось. Кисель требовалъ уговориться о томъ, гдѣ и какъ союзнымъ войскамъ сходиться для отпора Татарамъ. Бояре отвѣчали: „Если съ обѣихъ сторонъ ратнымъ людямъ стоять въ степи долгое время безъ дѣла, то ратные люди

изнуждаются, а Крымцы, узнавши о соединеніи нашихъ войскъ, не придутъ. Лучше такъ сдѣлать, чтобъ, соединясь, идти на Крымъ прямо". Но Кисель объявилъ, что шляхта на сеймѣ не захотѣла войны съ Турками, которые никакого повода къ войнѣ не подаютъ; такъ надобно отъ Татаръ обороняться. Бояре говорили: „Теперь бы что-нибудь Крымскимъ Татарамъ послать немного, чтобъ ихъ пооплошить, а въ то-бъ время, года въ два или три изготовиться и идти на нихъ въ Крымъ. Для обереганья Украйны царскія войска будутъ стоять въ пограничныхъ городахъ, и если Татары пойдутъ на Польшу, то эти войска будутъ помогать польскимъ войскамъ и ходить за Татарами до Днѣпра; а если Татары пойдутъ на царскія украйны, то Польскія войска должны помогать Русскимъ; быть съ обѣихъ сторонъ стоялымъ служивымъ людямъ по 5,000 человѣкъ, а смотря по вѣстямъ, и больше". Кисель отвѣчалъ, что если московскія войска будутъ ходить только до Днѣпра, то помощи никакой отъ нихъ не будетъ, потому что по сю сторону Днѣпра Татары у Поляковъ никогда не бываютъ, ходить бы московскимъ войскамъ за Днѣпръ до Чернаго шляха, а Поляки будутъ ходить на помощь къ Русскимъ до Бѣлгорода. Бояре говорили, что если ходить за Днѣпръ, то не поспѣть. Кисель объявилъ, что у гетмановъ польскихъ есть лазутчики въ Крыму, которые сейчасъ дадутъ знать, если ханъ станетъ подниматься. Наконецъ положили, что гетманы съ воеводами будутъ ссылаться и Татаръ чрезъ свои земли не пропускать, заодно противъ враговъ стоять; если же отъ нихъ объявится большая вражда, то великіе государи уговорятся какъ дѣйствовать; теперь же оба государя будутъ поступать съ Крымцами по давнему обычаю, чтобъ никакого повода ко враждѣ имъ не подать.

Такимъ образомъ, новому правительству Московскому не удалось уговорить Поляковъ къ наступательному союзу противъ Крымцевъ, потому что Поляки боялись крымскою войною затронуть Турцію, которая, по близости границъ, была для нихъ гораздо опаснѣе, чѣмъ для Москвы. Для послѣдней, впрочемъ, важенъ былъ и оборонительный союзъ противъ разбойниковъ [1].

Но въ то время, какъ дѣла внѣшнія шли успѣшно, внутреннее состояніе Московскаго государства было далеко не удовлетворительно: народъ томился подъ тяжестію налоговъ, купечество было бѣдно вслѣдствіе той же причины, вслѣдствіе физическихъ бѣдствій — неурожая и скотскаго падежа, наконецъ вслѣдствіе дурного состоянія правосудія. Но купцы, попрежнему, всего болѣе обвиняли въ своей бѣдности и разореніи купцовъ иностранныхъ: въ 1646 году они подали новому царю жалобу: „Послѣ московскаго разоренья, какъ воцарился отецъ твой государевъ, англійскіе Нѣмцы, зная то, что имъ въ торгахъ отъ Московскаго государства прибыль большая, и желая всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли изъ Посольскаго приказа грамоту, что торговать англійскимъ гостямъ у Архангельскаго города и въ городахъ Московскаго государства 23 человѣкамъ, а намъ челобитье ихъ встрѣтить и остановить въ то время некому было, потому что всѣ были разорены доконца и отъ разоренья, бродя, скитались по другимъ городамъ. И какъ взяли они, Нѣмцы, грамоту изъ Посольскаго приказа, то и начали пріѣзжать въ Московское государство Англичанъ человѣкъ по шестидесяти и по семидесяти, и больше, построили и покупили себѣ у Архангельскаго города на Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, на Москвѣ и въ другихъ городахъ дворы многіе и амбары, построили палаты и погреба каменные, и начали жить въ Московскомъ государствѣ безъ съѣзду. У Архангельскаго города Русскимъ людямъ свои товары перестали продавать и на русскіе товары мѣнять, а начали свои всякіе товары въ Москву и въ другіе города привозить: который товаръ будетъ подороже, и они его станутъ продавать, а который товаръ подешевле и походу на него нѣтъ, такъ они его держатъ у себя въ домахъ года по два и по три, и какъ тотъ товаръ въ цѣнѣ поднимется, тогда и продавать станутъ. А русскіе товары, которые мы прежде мѣняли на ихъ товары, теперь они покупаютъ сами, своимъ заговоромъ, разсылаютъ покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ должныхъ Русскихъ людей, и, закупя тѣ товары, Русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они отвозятъ въ свои Земли безпошлинно; а иные русскіе товары они, англійскіе Нѣмцы, у Архангельска продаютъ на деньги голландскимъ, брабантскимъ и гамбурскимъ Нѣмцамъ, вѣсятъ у себя на дворѣ и возятъ на голландскіе, брабантскіе и гамбургскіе корабли тайно и твою государеву пошлину крадутъ. Всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе Нѣмцы, и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу больше не ѣздимъ. Но эти Нѣмцы не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все Московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою Землю. А какъ придутъ корабли къ Архангельску, то они товаровъ своихъ на корабляхъ досматривать не дадутъ: а если бы ихъ товары таможенные головы и цаловальники досматривали во всѣхъ городахъ такъ же, какъ и у насъ, и пошлины съ нихъ брали, то съ нихъ сходило бы пошлинъ на годъ тысячъ по тридцати рублей и болѣе. У нихъ въ жалованной грамотѣ написано, что грамота дана имъ по прошенію ихъ короля Карлуса; но они, Англичане, торговые люди всѣ Карлусу королю неподручны, отъ него отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ. Англійскіе гости, Мерикъ съ товарищами, которымъ было велѣно, по вашему

[1] Дворцовые разряды, т. III; Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1646 и слѣдующихъ годовъ.

государскому жалованью и по просьбѣ Карлуса короля, ѣздить въ Московское государствз торговать, ни разу не бывали, а ваше государево жалованье продаютъ инымъ закупнямъ, и съ жалованною грамотою пріѣзжаютъ Нѣмцы новые, которые вашимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованы. Да они же Нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго; да они же стали торговать не своими товарами; прежде англійскіе Нѣмцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно. Гамбургскіе, брабантскіе и голландскіе Нѣмцы промысломъ своимъ и давъ многіе посулы и поминки, вопреки государеву указу, съ товарами своими въ Московское государство пріѣзжаютъ каждый годъ, показывая по городамъ ваши государевы жалованныя грамоты, а грамоты эти взяли они изъ Посольскаго приказа, ложнымъ своимъ челобитьемъ и многими посулами и поминками, у думныхъ дьяковъ Петра Третьякова и Ивана Грамотина, а иные Нѣмцы ѣздятъ и безъ грамотъ. Давыдъ Николаевъ, купя на Москвѣ дворъ и поставя палаты, торгуетъ и продаетъ всякіе товары на своемъ дворѣ врознь, какъ и въ рядахъ продаютъ, безъ вашего государскаго указа и безъ жалованной грамоты. Да Нѣмцы же, живя въ Москвѣ и въ городахъ, ѣздятъ черезъ Новгородъ и Псковъ въ свою Землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстями, что дѣлается въ Московскомъ государствѣ, почемъ какіе товары покупаютъ, и которые товары на Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить, и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстямъ и по грамоткамъ, сговорясь заодно. А какъ пріѣдутъ торговать на ярмарку къ Архангельскому городу, то про всякіе товары цѣну разскажутъ, заморскіе товары, выбравъ лучшіе, закупятъ всѣ сами на деньги и на русскіе товары промѣняютъ и, сговорясь между собою заодно, нашихъ товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держатъ большую, чтоб намъ у нихъ ничего не купить и впередъ на ярмарку не ѣздить; и мы товаренки свои отъ Архангельскаго города веземъ назадъ, а иной оставляетъ на другой годъ, а которые должные людишки, плачучи, отдаютъ товаръ свой за безцѣнокъ, потому что имъ держать его у себя нельзя, люди должные, и отъ того ихъ умыслу и заговору мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ, а твоимъ государевымъ пошлинамъ годъ отъ году все больше и больше недоборъ. Да Нѣмцы же, Петръ Марселисъ и Еремей Фелцъ, умысля лукавствомъ своимъ, откупили ворванье сало, чтоб твои государевы торговые люди Холмогорцы и всѣ поморскіе промышленники того сала, мимо ихъ, инымъ Нѣмцамъ и Русскимъ людямъ никому не продавали, а себѣ берутъ они у торговыхъ людей въ полцѣны, въ треть и въ четверть, потому что мимо ихъ никому покупать не велятъ, и оттого многіе люди Холмогорцы и все Поморье, которые ходятъ на море бить звѣря, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, городъ Архангельскій и Холмогорскій уѣздъ и все Поморье пустѣетъ; а когда этимъ саломъ позволено было торговать съ разными иноземцами и всякихъ чиновъ людьми, то съ этого сальнаго торгу сбирали таможенныхъ пошлинъ тысячи по четыре и по пяти и больше: торговые люди этимъ промысломъ кормились и были сыты; а теперь отъ этихъ откупщиковъ твои пошлины пропали, многіе люди обнищали и податей не платятъ, и уѣзды поморскіе запустѣли; отъ этого промысла теперь не соберется и двухсотъ рублей въ годъ. А ихъ нѣмецкое злодѣйство къ намъ мы тебѣ, праведному государю, объявляемъ. При державѣ отца твоего Ярославецъ торговый человѣкъ, Антонъ Лаптевъ, ѣздилъ съ товаромъ черезъ Ригу въ Голландскую Землю, въ Амстердамъ, съ соболями, лисицами и бѣлками, чтобъ тѣ товары испродать, а ихъ товаровъ въ ихъ Землѣ закупить. Проѣхалъ онъ, Антонъ, ихъ нѣмецкія три земли, а они, Нѣмцы, сговорясь и согласившись заодно, у него ничего не купили ни на одинъ рубль, и поѣхалъ онъ изъ Нѣмецкой Земли на ихъ нѣмецкихъ корабляхъ съ ними, Нѣмцами, вмѣстѣ къ Архангельскому городу, и какъ скоро онъ сюда пріѣхалъ, то у него тѣ же Нѣмцы купили всѣ его товары большою цѣною. Московскіе торговые люди, которые въ то время были на ярмаркѣ, Нѣмцамъ начали говорить въ разговорныхъ рѣчахъ: какая это правда, что государя нашего торговый человѣкъ заѣхалъ съ товарами въ ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, его чуть съ голоду не поморили, и, торговавъ у него въ своей Землѣ соболи и лисицы самою дешевою, половинною цѣною, здѣсь купили большою цѣною? А въ Московскомъ государствѣ иноземцы торгуютъ, по милости государя нашего, многіе люди всякими товарами повольно, а заговоровъ у насъ, торговыхъ людей, никакихъ нѣтъ, и такой неправды мы не посмѣемъ вамъ сдѣлать, по милости государя нашего къ вамъ: вамъ бы слѣдовало, за милость государя нашего, такъ-же правду чинить и торговать безо всякой хитрости. И Нѣмцы намъ отвѣчали: „Для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтобъ инымъ русскимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства было не повадно; а если въ нашихъ государствахъ Русскіе люди станутъ торговать, какъ мы у васъ, то мы всѣ останемся безъ промысловъ, такъ же скудѣемъ, какъ и вы, торговые люди: мы и персидскихъ купцовъ точно такъ-же отъ себя проводили, и вамъ бы поставить себѣ и то въ большую находку, что мы Антона Лаптева съ голоду не уморили“. Такъ-то, государь, они надъ нами насмѣхаются! Да въ прошломъ 1645 году изъ приказа Большой Казны продано было Нѣмцамъ 900 пудовъ слишкомъ шелку, сырцу, а по уговору взято было съ нихъ по 77 ефимковъ за пудъ. Мы, зная, что прежде Нѣмцы у корабельной пристани твой государевъ шелкъ, сырецъ, покупали прежде всѣхъ товаровъ цѣною большою, били челомъ съ ними о торгу, и по твоему

*

государеву указу данъ намъ торгъ, и мы въ торгу съ ними сдѣлали тебѣ, государю, прибыли сверхъ той цѣны, по которой отданъ былъ имъ шелкъ, съ восемь тысячъ ефимковъ. Но когда мы этотъ шелкъ послали на ярмарку къ Архангельскому городу, то Нѣмцы, сговорясь между собою, шелку у насъ не купили ни одной гривенки, и говорятъ: „Мы сдѣлаемъ то, что московскіе купцы настоятся въ деньгахъ на правежѣ, да и впредь заставимъ ихъ торговать лаптями, забудутъ перекупать у насъ товары!“ Милосердый государь! Пожалуй насъ, холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ, бѣдныхъ, отнять“ [1]). Просьба не была исполнена. Не исполнилась она и при царѣ Михаилѣ, но тогда не на кого было жаловаться, теперь же при молодомъ царѣ всѣми дѣлами завѣдывалъ Морозовъ, извѣстный привязанностію къ иностранцамъ и иностраннымъ обычаямъ, и хотя Виніусъ, по свидѣтельству иностранцевъ, болѣе хотѣлъ добра Русскимъ, чѣмъ своимъ, однако Русскіе смотрѣли иначе на дѣло. Этотъ упрекъ отъ иностранцевъ Виніусъ, вѣроятно, заслужилъ за то, что и на иностранные товары, не исключая англійскіе, наложена была двойная пошлина „для пополненья ратныхъ людей“. При этомъ правительство утѣшало иностранцевъ тѣмъ, что они воротятъ свои деньги, возьмутъ ихъ съ Русскихъ же людей, возвысивъ цѣну своимъ товарамъ.

Но, кромѣ иностранныхъ нѣмецкихъ заговоровъ, жители московскихъ городовъ бѣднѣли оттого, что многіе стремились выйти изъ общины, изъ желанія отбыть общинныхъ повинностей: „Въ мартѣ 1648 года новгородскіе посадскіе люди били челомъ, что послѣ разоренья въ Новгородѣ осталось посадскихъ людей немного, разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человѣка; изъ оставшихся выбраны къ денежнымъ сборамъ, въ таможенную избу, въ отхожія и иныя многія городовыя царскія службы, а люди все бѣдные и скудные, и впередъ къ царскимъ дѣламъ выбрать будетъ изъ нихъ некого. Кромѣ того, въ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ многіе казаки, стрѣльцы, митрополичьи, монастырскіе и всякихъ чиновъ нетяглые люди торгуютъ всякими товарами, сидятъ въ лавкахъ и отхожими торговыми многими промыслами промышляютъ и у посадскихъ тяглыхъ людей промыслы отняли, а мірскаго тягла съ ними не платятъ, службъ не служатъ, живутъ *въ пробыляхъ*, а иные посадскіе люди, избывая подати, стали въ стрѣльцы и казаки, во всякіе чины, у митрополита живутъ въ приказныхъ и крестьянахъ, отчего Новгородъ въ конечномъ запустѣньи; а которые тяглые дворы съ большими угодьями, тѣми дворами владѣютъ всякихъ чиновъ *бѣлые* (не тяглые) люди, и съ этихъ тяглыхъ дворовъ и мѣстъ никакихъ податей не платятъ, и за эти дворы тягло и службы ложатся на остальныхъ посадскихъ людей“. Вслѣдствіе этой челобитной, правительство приказало наложить на всѣхъ этихъ избывальщиковъ государственныя службы и подати, и, между прочимъ, предписало: „Если поповы, дьяконовы, дьячковы и слугъ монастырскихъ дѣти, или сами попы, дьяконы и дьячки торгуютъ большими промыслами и въ лавкахъ сидятъ, то всѣхъ ихъ взять въ посадъ и въ тягло обложить; казакамъ, пушкарямъ и стрѣльцамъ, которые торгуютъ большими торгами не менѣе пятидесяти рублей, быть въ посадѣ въ службѣ и въ тяглѣ съ посадскими людьми вмѣстѣ; а которые въ посадѣ жить не захотятъ, а торгуютъ многими товарами не меньше пятидесяти рублей, тѣмъ служить безъ государева денежнаго жалованья; а которые торгуютъ меньше пятидесяти рублей, тѣмъ служить съ денежнымъ жалованьемъ, но безъ хлѣбнаго“.

Между крестьянами существовало то же стремленіе отбывать отъ податей во вредъ общинѣ: по указу царя Михаила, Чердынцы посадскіе и уѣздные выборные люди Чердынскій уѣздъ расписали въ сошное письмо, въ полшесты сохи, дворами, кому съ кѣмъ ближе; но послѣ этой сошной росписки уѣздные многіе лучшіе крестьяне, заговоромъ, родомъ и племенемъ, и семьями, по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ, отписывались отъ среднихъ и младшихъ людей сошнымъ письмомъ, по станамъ, въ мелкія выти дворами же, а не по данному окладу, и предъ средними и младшими людьми въ тяглѣ живутъ въ великой льготѣ; а среднимъ и младшимъ людямъ передъ ними стало тяжело, не въ мочь, и, оплачивая ихъ, обнищали и одолжали великими долгами. Вслѣдствіе этого еще царь Михаилъ приказалъ лучшимъ крестьянамъ всякое тягло тянуть и сибирскіе отпуски отпускать съ средними и младшими вмѣстѣ, заодно, въ свалъ, а не по сошней развыткѣ, считаться и окладываться на посадѣ по животамъ и промысламъ, чтобъ никто ни за кого лишняго не платилъ, и впредь лучшимъ людямъ отъ среднихъ и младшихъ не отписываться. Но этой царской грамоты нѣкоторые люди не послушали и учинились сильны, воеводъ подкупили, и отъ ихъ насильствъ многіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне разбрелись врознь, а сильные люди жили во льготѣ. Царь Алексѣй повторилъ приказаніе отца своего.

Такимъ образомъ, видимъ, что и между посадскими, и между крестьянами сильные люди старались быть сильнѣе общины, и кто не былъ силенъ самъ по себѣ, тотъ закладывался за сильнаго, чтобъ подъ его покровительствомъ не тянуть вмѣстѣ съ міромъ. И между служилыми людьми сильные продолжали разорять слабыхъ, переманивая отъ нихъ крестьянъ. Дворяне и дѣти боярскія били челомъ, что они разорены безъ остатка отъ войны и отъ сильныхъ людей, бояръ, окольничихъ, ближнихъ людей и властей духовныхъ, просили уроч-

---

[1]) Акты арх. эксп. т. IV, № 13.

ные годы оставить, а отдавать имъ бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ и выписямъ, во всякое время, какъ только они своихъ крестьянъ провѣдаютъ. Но десятилѣтній срокъ не былъ отмѣненъ для отыскиванія старыхъ бѣглецовъ; обѣщано отставить урочные годы на будущее время, когда крестьяне и дворы ихъ будутъ подвергнуты строгой переписи: „Какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ,—и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ". Но на перепись явились новыя жалобы: нѣкоторые написали въ сказкахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы не всѣ сполна, и для утайки при переписке изъ двухъ и изъ трехъ дворовъ переводили людей въ одинъ дворъ и нѣсколько дворовъ въ одинъ дворъ сгораживали, ворота у этихъ дворовъ они дѣлали, крестьянскіе и бобыльскіе дворы людскими, жилые пустыми писали, деревни и починки обводили. Потомъ сдѣлана была еще уступка мелкимъ служилымъ людямъ: въ 1647 году десятилѣтній срокъ для отыскиванія бѣглыхъ былъ замѣненъ пятнадцатилѣтнимъ. Такимъ образомъ, продолжалась борьба между интересомъ крупныхъ и интересомъ мелкихъ землевладѣльцевъ; но какъ скоро разъ уже сдѣлано было прикрѣпленіе въ интересѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, то долго нельзя было останавливаться на урочныхъ годахъ [1]).

Посадскіе и крестьяне старались избыть отъ податей, потому что подати были дѣйствительно тяжки. Чтобъ помочь какъ-нибудь злу, придумали средство: 18 марта 1646 года наложена была новая пошлина на соль, прибавлено на всякій пудъ по двѣ гривны: „А иные мелкіе поборы", говоритъ указъ, „со всей Земли и прежнія соляныя всякія пошлины и проѣзжіе мыты указали мы вездѣ отставить, и порухи впередъ въ соляной продажѣ нигдѣ никому не быть. А какъ та соляная пошлина въ нашу казну сполна сберется, то мы указали во всей Землѣ и со всякихъ людей наши доходы, стрѣлецкія и ямскія деньги сложить, а заплатить тѣ стрѣлецкіе и ямскіе доходы этими соляными пошлинными деньгами, потому что эта соляная пошлина всѣмъ будетъ ровна; въ избылыхъ никто не будетъ и лишняго платить не станетъ, и всякій станетъ платить безъ правежу. А стрѣлецкія и ямскія деньги сбираются неровно, инымъ тяжело, а инымъ легко, и платятъ за правежемъ съ большими убытками, а иные и не платятъ, потому что ни въ разрядѣ въ спискахъ, ни въ писцовыхъ книгахъ именъ ихъ нѣтъ, и живутъ всѣ въ уѣздѣ въ избылыхъ; также иноземцы, которые получаютъ наше жалованье и кормовыя деньги, и торговые люди иноземцы всѣ станутъ платить наровнѣ съ тяглыми людьми. А торговымъ людямъ возить эту соль во всѣ города и уѣзды безъ мыту и безо всякой пошлины, и продавать имъ вездѣ, гдѣ кто захочетъ, примѣняясь къ прежней цѣнѣ, а лишней много цѣны на соль не накладывать и заговоровъ въ соляной продажѣ никому нигдѣ не дѣлать, чтобъ всякихъ чиновъ людямъ тѣсноты и лишнихъ убытковъ не было" [2]). Любопытно здѣсь признаніе правительства, что нѣтъ средствъ у него противъ избылыхъ людей, которыхъ ни въ разрядѣ, ни въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ; любопытно желаніе ввести такой налогъ, который бы не допускалъ правежа; наконецъ любопытно, какъ правительство утѣшаетъ Русскихъ людей тѣмъ, что иностранцы подчиняются этому налогу наровнѣ со всѣми. Но такое безпристрастіе къ иностранцамъ не могло задобрить многихъ ревнителей старины, когда они изъ того же указа узнали, что употребленіе табаку, богомерзкой травы, принесенной иностранцами, травы, за которую при царѣ Михаилѣ рѣзали носы, позволяется правительствомъ, съ тѣмъ только, что продажа ея дѣлается монополіею казны. Пошлина на соль была уничтожена въ началѣ 1648 года, но табакъ остался. Морозовъ сократилъ также дворцовые расходы, отославши извѣстное число придворныхъ слугъ и уменьшивши жалованье у остальныхъ. Понятно, что этою мѣрою онъ не пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ.

Въ началѣ 1647 года царь задумалъ жениться; изъ 200 дѣвицъ выбрали шесть самыхъ красивыхъ; изъ этихъ шести царь выбралъ одну: дочь Рафа, или Ѳедора Всеволожскаго; узнавши о своемъ счастіи, избранная, отъ сильнаго потрясенія, упала въ обморокъ; изъ этого тотчасъ заключили, что она подвержена падучей болѣзни, и несчастную вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь, откуда уже въ 1653 году перевели въ дальнюю ихъ деревню Касимовскаго уѣзда. Такъ разсказываетъ одно иностранное извѣстіе; русское извѣстіе говоритъ, что Всеволожскую испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвицъ, которыхъ царь не выбралъ. Другое иностранное извѣстіе упрекаетъ въ этомъ дѣлѣ Морозова, которому почему-то не нравились Всеволожскіе и кототорый мѣтилъ на двухъ сестеръ Милославскихъ: одну хотѣлъ сосватать царю, а другую—себѣ, и такимъ образомъ обезпечить себя отъ соперничества съ новыми родственниками царскими. Изъ оффиціальныхъ извѣстій мы имѣемъ одинъ только отрывокъ изъ дѣла: изъ этого отрывка узнаемъ, что обвиненъ былъ Мишка Ивановъ, крестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царскаго) въ чародѣйствѣ, въ косномъ разводѣ и въ наговорѣ въ дѣлѣ Рафа Всеволожскаго [3]). Понятно, что, на основаніи одного иностраннаго извѣстія, нѣтъ никакого права обвинять Морозова. По всѣмъ вѣ-

---

[1]) Акты арх. эксп. т. IV, № 6, 14, 21, 24.

[2]) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 124.

[3]) Письма Фербера—Сѣверный Архивъ 1822 года; Котошихина: Россія въ царств. Алекс. Мих., стр. 5; Коллинсъ (въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ.); Собр. госуд. грам. и догов. III, № 155, Акты историч. IV, № 69; Акты арх. эксп. IV, № 18.

роятностямъ, подозрѣніе на него пало вслѣдствіе того, что чрезъ годъ, 16 января 1648 года, царь женился на Марьѣ, дочери Ильи Даниловича Милославскаго, а черезъ десять дней послѣ того Морозовъ женился на сестрѣ царицы, Аннѣ Ильиничнѣ. Зная пристрастіе Морозова къ иностранцамъ, зная, что царь уже разъ рѣшился на измѣну старому обычаю, продолживъ время траура по отцѣ на цѣлый годъ вмѣсто сорока дней, многіе, какъ говорятъ, опасались, что по случаю свадьбы царской приняты будутъ иностранные обычаи и произойдутъ перемѣны при Дворѣ. Опасенія не оправдались, иностранные обычаи не были введены, тѣмъ не менѣе бракъ царскій имѣлъ слѣдствіемъ сильное неудовольствіе народное.

Илья Даниловичъ Милославскій былъ очень незначительнаго происхожденія и выведенъ въ люди дядею своимъ, знаменитымъ дьякомъ Грамотинымъ. Милославскій воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, чтобъ нажиться; особенно стали наживаться родственники его, окольничіе, судья Земскаго приказа Леонтій Плещеевъ и завѣдывавшій Пушкарскимъ приказомъ Траханіотовъ; поднялся сильный ропотъ, начались сборища у церквей и рѣшились наконецъ подать просьбу государю на Плещеева; но окружавшіе царя брали просьбы у народа и всякій разъ представляли дѣло въ иномъ видѣ, отчего просители не получали удовлетворенія. Тогда народъ рѣшился изустно просить царя. 25 мая 1648 года, когда государь возвращался отъ Троицы, толпа схватила за узду его лошадь и просила Алексѣя отставить Плещеева, опредѣливши на его мѣсто человѣка добраго. Царь обѣщалъ, и довольный народъ сталъ расходиться, какъ вдругъ нѣсколько придворныхъ, друзей Плещеева, стали ругать народъ, мало того: въѣхали на лошадяхъ въ толпу и ударили нѣсколько человѣкъ нагайками. Народъ разсвирѣпѣлъ, камни посыпались на обидчиковъ, которые принуждены были спасаться бѣгствомъ во дворецъ; толпа кинулась за ними, и тутъ, чтобъ остановить ее, повели на казнь Плещеева но народъ вырвалъ его изъ рукъ палача и умертвилъ. Морозовъ вышелъ-было на крыльцо съ увѣщаніями отъ имени царскаго, но въ отвѣтъ на его увѣщаніе послышался крикъ, что и ему будетъ то же, что Плещееву; правитель долженъ былъ спасаться бѣгствомъ во дворецъ, домъ его разграбили, убили холопа, который хотѣлъ защищать господское добро; женѣ Морозова сказали, что если бы она не была царская свояченица, то изрубили бы ее въ куски; сорвали съ нея дорогія украшенія и бросили на улицу; потомъ убили думнаго дьяка Чистого, хотѣли-было сдѣлать то же и съ богатымъ гостемъ Шоринымъ, обвиняя его въ возвышеніи цѣны на соль, но онъ успѣлъ выѣхать изъ города; домъ его разграбили, вмѣстѣ съ домомъ князя Никиты Одоевскаго, князя Алексѣя Михайловича Львова и другихъ вельможъ. На другой день, послѣ полудня, вспыхнулъ страшный пожаръ и продолжался до полуночи: погорѣли Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбатъ, Чертолье и всѣ посады; уняли пожаръ, вспыхнулъ новый мятежъ. Отрядъ служивыхъ иностранцевъ двинулся защищать дворецъ; Нѣмцы шли съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ; Москвичи дали имъ дорогу; кланялись и говорили, что у нихъ къ Нѣмцамъ никакой недружбы нѣтъ, знаютъ, что они люди честные, обмановъ и притѣсненій боярскихъ не хвалятъ. Когда Нѣмцы расположились стражею около дворца, то царь выслалъ къ народу двоюроднаго брата своего, Никиту Ивановича Романова, зная любовь къ нему народную. Никита Ивановичъ вышелъ съ шапкой въ рукахъ и сказалъ, что царь обѣщаетъ выполнить желаніе подданныхъ и увѣщеваетъ ихъ разойтись, чтобъ можно было ему выполнить обѣщаніе. Народъ отвѣчалъ, что онъ не жалуется на царя, а на людей, которые воруютъ его именемъ, и что онъ не разойдется до тѣхъ поръ, пока ему не выдадутъ Морозова и Траханіотова. Никита Ивановичъ отвѣчалъ, что оба скрылись, но что ихъ отыщутъ и казнятъ. Народъ разошелся. Траханіотова дѣйствительно схватили подлѣ Троицкаго монастыря и казнили; Морозова отправили подальше, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, и между тѣмъ начали хлопотать, какъ бы успокоить народное раздраженіе противъ него. Царь приказалъ угостить стрѣльцовъ виномъ и медомъ; тесть его, Милославскій, позвалъ къ себѣ обѣдать Москвичей, выбравъ изъ каждой сотни, угощалъ ихъ нѣсколько дней сряду. Мѣста убитыхъ немедленно были замѣщены людьми, которые слыли добрыми. Наконецъ царь, воспользовавшись крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ такою рѣчью: „Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Траханіотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли; на ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные и пріятные народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ одинаково, за чѣмъ я самъ буду строго смотрѣть“. Царь обѣщалъ также пониженіе цѣны на соль и уничтоженіе монополій. Народъ билъ челомъ за милость; царь продолжалъ: „Я обѣщалъ выдать вамъ Морозова и долженъ признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу рѣшиться и осудить его: это человѣкъ мнѣ дорогой, мужъ сестры царициной, и выдать его на смерть будетъ мнѣ очень тяжко“. При этихъ словахъ слезы покатились изъ глазъ царя; народъ закричалъ: „Да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!“ По другимъ извѣстіямъ, сдѣлано было такъ, что самъ народъ просилъ о возвращеніи Морозова.

Трудно опредѣлить время, когда происходили всѣ эти хлопоты относительно Морозова; мы знаемъ вѣрно одно, что августъ мѣсяцъ Морозовъ находился еще въ Кирилловѣ монастырѣ, ибо 6-го августа царь писалъ туда слѣдующую грамоту, изъ которой видно, какъ онъ былъ привязанъ къ Морозову и какъ боялся народнаго озлобленія противъ него: „Вѣдомо намъ учинилось (пишетъ царь),

что у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ въ Успеньевъ день бываетъ съѣздъ большой изъ многихъ городовъ всякимъ людямъ; а по нашему указу теперь у васъ въ Кирилловѣ бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ; и какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы бы боярина нашего Бориса Ивановича оберегали отъ всего дурнаго и думали бы съ нимъ накрѣпко, какъ бережнѣе — тутъ ли ему у васъ въ монастырѣ въ ту ярмарку оставаться, или въ какое нибудь другое мѣсто выѣхать. Лучше бы ему выѣхать, пока у васъ будетъ ярмарка; а какъ ярмарка минуется, и онъ бы у васъ былъ попрежнему въ монастырѣ до нашего указа; и непремѣнно бы вамъ боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если надъ нимъ сдѣлается что-нибудь дурное, то вамъ за это быть отъ насъ въ великой опалѣ". Но царь этимъ не удовольствовался: вверху и сбоку грамоты, на бѣлыхъ мѣстахъ и частію между верхнихъ строкъ собственною рукою приписалъ: „І вамъ бы сей грамотѣ верить и здѣлать бы і уберечь отъ всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнут бы нихто не вѣдалъ хотя и выедетъ куды, а естли свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть кажненымъ, а естли убережете его, такъ какъ и мнѣ добро ему сдѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чего отъ зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему". По возвращеніи своемъ Морозовъ не былъ правителемъ какъ прежде, но былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ государю и употреблялъ свое вліяніе для пріобрѣтенія всеобщаго расположенія, помогая каждому, кто къ нему обращался. Пишутъ, что въ тѣлѣ Морозова, истощенномъ тяжкими болѣзнями, подагрою и водяною, велика еще была сила разума и совѣта, за которымъ царь часто пріѣзжалъ на домъ къ больному во всѣхъ важныхъ дѣлахъ [1]).

Морозовъ, по крайней мѣрѣ повидимому, сошелъ съ перваго плана въ маѣ 1648 года; но скоро на этомъ планѣ начало обозначаться другое лицо, духовное: то былъ Никонъ [2]).

Въ страшный 1605-й годъ, когда для Московскаго государства началась смута, въ маѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Вельмановѣ или Вельдемановѣ, Княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго, у крестьянина Мины родился сынъ, названный Никитою. Не знаемъ, великія и страшныя событія, происходившія въ малолѣтство Никиты, врѣзались ли въ его памяти, возстаніе родной области за вѣру и государство произвело ли впечатлѣніе на малютку, но имѣемъ полное право допустить, что ближайшія семейныя явленія должны были подѣйствовать на образованіе его характера: горе ждало его въ семьѣ, а горе всего лучше закаляетъ природы, способныя къ закалу. Младенцемъ лишился Никита матери, отецъ далъ ему мачиху, а мы знаемъ, что́ такое была мачиха въ древней русской семьѣ. Мачиха Никиты не была исключеніемъ: малютка терпѣлъ отъ нея большія притѣсненія, не разъ жизнь его находилась въ опасности. Никита имѣлъ случай выучиться грамотѣ, а это было тогда вѣрнымъ средствомъ для худороднаго человѣка выйти на видъ. Обиліе нравственныхъ силъ, энергія не могли позволить Никитѣ долго оставаться въ той средѣ, гдѣ онъ родился; воображеніе молодаго человѣка воспламенялось предсказаніями о дивной судьбѣ: и христіанскіе монахи, и мордовскіе колдуны пророчили ему или царство, или патріаршество. Грамотность влекла пытливаго юношу къ книгамъ, книги были исключительно духовныя, они увлекли Никиту въ монастырь Макарія Желтоводскаго; но отсюда онъ былъ вызванъ снова въ міръ: просьбы родственниковъ убѣждали его жениться, а грамотность и таланты дали ему священническое мѣсто на 20 году отъ рожденія. Молодой священникъ сильно выдавался впередъ между товарищами, и московскіе купцы перезвали его въ столицу.

Троихъ малютокъ имѣлъ священникъ Никита Миничъ, и похоронилъ всѣхъ; приходъ и бездѣтная семья стали для него тѣсны. Онъ уговорился съ женой разойтись; она постриглась въ московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, онъ ушелъ на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ, гдѣ перемѣнилъ имя Никиты на Никона. Неспособность сдерживать себя, страсть къ обличеніямъ высказались въ монахѣ Никонѣ и не дали ему ужиться съ братіею; онъ оставилъ Анзерскій скитъ и поселился въ Кожеезерскомъ монастырѣ (Новгородской епархіи, Каргопольскаго уѣзда). Здѣсь онъ нашелъ себѣ лучшихъ цѣнителей въ братіи, и въ 1643 году былъ избранъ въ игумены. Новый игуменъ Никонъ также скоро выдался впередъ, какъ прежде священникъ Никита; слава о немъ пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никонъ, въ 1646 году, явился въ столицѣ по дѣламъ монастырскимъ, то молодой царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ на него особенное вниманіе и, по впечатлительности и религіозности своей, скоро подчинился вліянію знаменитаго подвижника. Никонъ остался въ Москвѣ; онъ былъ посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря и каждую пятницу долженъ былъ являться къ заутрени въ придворную церковь, чтобы потомъ бесѣдовать съ царемъ. Никонъ не могъ ограничиться одними душеспасительными разговорами: онъ тотчасъ же сталъ печаловаться за утѣсненныхъ, вдовъ, сиротъ, и царь поручилъ ему это печалованіе, какъ должность; челобитчики шли къ Никону въ монастырь, другіе встрѣчали его на дорогѣ во дворецъ и подавали просьбы. Въ смутный 1648 годъ Никонъ былъ посвященъ въ митрополиты Новгородскіе.

Между тѣмъ въ Москвѣ, послѣ мятежа, молодой царь усердно занимался устраненіемъ того, что возбудило жалобы, исполненіемъ данныхъ обѣщаній.

---

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 93; Олеарій; Акты арх. эксп. IV, № 29, Mayerberg—Iter, p. 61.

[2]) Житіе Никона — Шушерина, по рукописи Москов. историч. общества. — О родинѣ патріарха Никона.—Москвитянинъ 1844, № 19.

16 іюля 1648 года государь совѣтовался съ патріархомъ Іосифомъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ, и говорилъ съ боярами, окольничими и думными людьми: которыя статьи написаны въ правилахъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ и въ градскихъ законахъ Греческихъ царей и пристойны эти статьи къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать; также прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать и справить съ старыми судебниками; а на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ въ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ нѣтъ, тѣ статьи написать и изложить общимъ совѣтомъ, чтобъ Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны. Указалъ государь все это собрать и въ докладъ написать боярамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому да дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. Для этого своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ государь, по совѣту съ патріархомъ, и бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; также изъ дворовъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ взять изъ большихъ городовъ, кромѣ Новгорода, по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку, съ меньшихъ городовъ по человѣку, изъ гостей трехъ человѣкъ, изъ гостинной и суконной сотенъ по два человѣка, изъ черныхъ сотенъ и слободъ и изъ городовъ и посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ государево и земское дѣло со всѣми этими выборными людьми утвердить и на дѣлѣ поставить, чтобъ всѣ эти великія дѣла, по нынѣшнему государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ не рушимы [1]). Выборные между прочимъ били челомъ: „На Москвѣ и около Москвы, и въ городахъ, гдѣ прежде бывали выгоны для скота, устроены патріаршія, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ людей слободы и пашни на государевой искони вѣчной выгонной землѣ, въ посадахъ и слободахъ живутъ закладчики и ихъ дворовые люди, покупили себѣ и въ закладъ побрали тяглые дворы и лавки и погреба каменные, торгуютъ всякими товарами, своею мочью и заступленіемъ (тѣхъ, за кого заложились), откупаютъ таможни, кабаки и всякіе откупы, и отъ этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали, и промысловъ своихъ многіе отбыли. Искони, при прежнихъ государяхъ, на Москвѣ и въ городахъ всего Московскаго государства ничего этого не бывало, вездѣ были государевы люди: такъ государь пожаловалъ бы, велѣлъ сдѣлать по-прежнему, чтобъ вездѣ было все государево“. Государь пожаловалъ и указалъ: „На Москвѣ и около Москвы, по городамъ на посадахъ и около посадовъ на слободахъ всѣмъ торговымъ промышленнымъ и ремесленнымъ людямъ быть за нами въ тяглѣ и службѣ съ иными нашими тяглыми людьми наровнѣ, а за патріархомъ, монастырями, боярами и за всякихъ чиновъ людьми, въ слободахъ на посадахъ и около посадовъ никакимъ торговымъ, промышленнымъ и ремесленнымъ людямъ быть не велѣно, чтобъ въ избылыхъ никто не былъ“ [2]). Продажа и сѣяніе табаку были запрещены въ томъ же 1648 году [3]), а въ слѣдующемъ 1649 году исполнено и давнее желаніе купцовъ,—издано царское повелѣніе [4]). „Вамъ, Англичанамъ, со всѣмъ своимъ имѣніемъ ѣхать за море, а торговать съ московскими торговыми людьми всякими товарами, пріѣзжая изъ-за моря, у Архангельскаго города; въ Москву же и другіе города съ товарами и безъ товаровъ не ѣздить. Да и потому вамъ, Англичанамъ, въ Московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежде торговали вы по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, которыя даны вамъ, по прошенью государя вашего Англійскаго Карлуса короля, для братской дружбы и любви. А теперь великому государю нашему вѣдомо учинилось, что Англичане всею Землею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлса короля убили до смерти: за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось“.

Но въ то самое время, какъ правительство удовлетвореніемъ разныхъ требованій спѣшило отнять поводы къ волненіямъ, мятежи вспыхнули на отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ и въ предшествовавшее царствованіе мы видѣли возстаніе на воеводъ. Лѣтомъ 1648 года, въ Сольвычегодскъ отправленъ былъ Ѳедоръ Приклонскій для сбора съ посада и уѣзда 535 рублей ратнымъ людямъ на жалованье. Правилъ онъ деньги, какъ послѣ показали Сольвычегодцы, большимъ немѣрнымъ правежомъ. У городскихъ и сельскихъ жителей былъ обычай умѣрять эти немѣрные правежи тѣмъ, что складывались и приносили чиновнику извѣстную сумму, чтобъ только уже больше не правилъ и отправлялся въ Москву; такъ поступили Сольвычегодцы и съ Приклонскимъ: собрали со всего уѣзда, по мірскому приговору, 20 рублей и отнесли къ Приклонскому съ тѣмъ, чтобъ онъ уже больше денегъ не бралъ ни съ посада, ни съ уѣзда. Но въ это самое время пріѣзжаютъ изъ Москвы и разсказываютъ, что въ Москвѣ нашли управу на людей и посильнѣе Приклонскаго, который собиралъ деньги на Морозова, а этого измѣнника больше нѣтъ. Сольвычегодцевъ взяло раскаяніе: за что же они заплатили Приклонскому двадцать рублей! Надобно воротить мірскія деньги! И вотъ, 21 іюня, уѣздный староста Богданъ Шулѣповъ да площадной

[1]) Собр. госуд. гр. и догов. III, № 129.

[2]) Акты арх. эксп. IV, № 35, 36, 39.

[3]) Собрн. госуд. гр. и договор. III, стр. 443; Уложеніе, гл. XXV, ст. 16.

[4]) Собр. гос. гр. и дог. III, № 138.

подъячій Давидъ Хаминовъ отправились къ Приклонскому и вытребовали у него деньги назадъ. Но этимъ дѣло не кончилось: мужикъ горланъ Хаминовъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ на первомъ планѣ: „Будетъ тебѣ то же", кричалъ онъ Приклонскому, „что было отъ насъ воеводѣ Ѳедору Головачеву и воеводѣ Алексѣю Большому—будетъ и тебѣ смертное убійство!" Вышедши отъ Приклонскаго со двора, Хаминовъ закричалъ ясакомъ, и толпа осадила дворы воеводы и Приклонскаго, и стерегла ихъ всю ночь. На другой день Приклонскій отправился на съѣзжій дворъ, но и туда явилась толпа, человѣкъ со 100 или больше, подъ начальствомъ тѣхъ же Хаминова и и Шулѣпова, и начала кричать Приклонскому: „Деньги-то ты сбираешь на измѣнника воровски!" Въ толпѣ раздались голоса пріѣзжихъ изъ Москвы: „Деньги онъ сбираетъ на измѣнника!" Эти слова послужили уликою; толпа ринулась въ избу; отняла у Приклонскаго государевъ наказъ, казну, всѣ бумаги, иные передрали, бросились на самого Приклонскаго, прибили, поволокли улицею и перекинули на тотъ дворъ, гдѣ онъ стоялъ; имѣніе его захватили. Очнувшись, Приклонскій ушелъ сперва на дворъ къ князю Шаховскому, а потомъ въ соборную церковь и заперся въ палаткѣ у церкви; но толпа явилась и туда, крича, что надобно убить Приклонскаго. Къ счастію его, вступилась въ дѣло мать Ѳедора Строганова, вдова Матрена: церковь была строгановскаго строенья, и потому Матрена приказала людямъ своимъ, чтобъ не выдавали Приклонскаго народу. Когда наступила ночь, онъ ушелъ въ лодкѣ рѣкою Вычегдою [1]).

17 іюля далъ знать Приклонскій въ Москву о случившемся въ Сольвычегодскѣ, а 4 августа пришло извѣстіе о мятежѣ устюжскомъ. Въ Устюгѣ въ это время былъ воеводою Михайла Васильевичъ Милославскій; всѣми дѣлами у него заправляли подъячіе Онисимъ Михайловъ да Григорій Похабовъ. Михайлову Устюжане, посадскіе и уѣздные люди поднесли 260 рублей въ почесть, съ сошекъ; но потомъ также, какъ видно, по вѣстямъ изъ Москвы, денегъ стало жаль, начали думать, какъ бы ихъ взять назадъ. Крестьянинъ Онисимъ Рошкинъ съ товарищами нѣсколько дней ходилъ къ подъячему просить денегъ; подъячій не разставался съ ними; ходили и къ воеводѣ, чтобъ тотъ уговорилъ подъячаго отдать деньги,—все напрасно. Наступило 8 іюля; въ Устюгъ сошлось много народа изъ окрестностей къ празднику Св. Прокопія, устюжскаго чудотворца. У посадскихъ и крестьянъ только и рѣчей было, что объ этихъ 260 рубляхъ. На другой день праздника, 9 іюля, толпа крестьянъ сидѣла въ съѣзжей избѣ, въ судебнѣ, у земскихъ судеекъ, и приговорили взять непремѣнно деньги у Онисима Михайлова. Въ это время является въ судебню кузнецъ Моисей Чагинъ и кричитъ земскимъ судьямъ: „Есть ли у васъ промыселъ такой, чтобъ у Онисима взять деньги?" Ему отвѣчали: „Хорошо взять, да какъ? подъячій не отдастъ!"—„Не отдастъ, такъ убить его до смерти!" закричалъ Чагинъ. Возраженіе послышалось, какъ видно, отъ земскаго судьи Волкова, потому-что Чагинъ бросился къ нему, схватилъ за руки и за грудь, и поволокъ изъ избы, а товарищи Чагина, Васька Шамшурницынъ и Шурка Кабинъ, толкали Волкова въ шею и били. Вытащивъ Волкова на площадь, начали его водить по ней изъ стороны въ сторону; ухватили и земскаго судейку Игнатьева, но онъ вырвался и, вмѣстѣ съ товарищемъ, ружнымъ старостою Мотоховымъ, бросился на воеводскій дворъ и разсказалъ Милославскому, что̀ дѣлается въ земской избѣ и на площади. Воевода въ это время пировалъ съ своимъ подъячимъ Онисимомъ Михайловымъ; услыхавъ недобрыя вѣсти, онъ поѣхалъ на площадь, чтобъ унять *гиль* (мятежъ); но *гилевщики*, оставя Волкова, принялись за воеводу, схватили его и повели къ нему на дворъ; но здѣсь уже успѣлъ побывать Чагинъ съ товарищами: ворота выломали, на дворѣ сѣни, клѣти и чуланы всѣ разломали, имѣніе разграбили, схватили подъячаго Онисима Михайлова, убили и бросили въ рѣку. Та же участь грозила и воеводѣ: гилевщики стали требовать у него, чтобъ выдалъ другого подъячаго, Похабова; Милославскій клялся, что не знаетъ, гдѣ подъячій,—тогда воеводу поволокли было къ рѣкѣ, но почему-то смиловались, удовольствовались тѣмъ, что заставили Милославскаго, жену его и тещу поцѣловать образъ съ клятвою, что у нихъ нѣтъ Похабова. Между-тѣмъ набатъ гудѣлъ по всему городу, и пять дворовъ было разграблено: посадскихъ людей—Меркурья Обухова, Димитрія Котельникова, Василья Бубнова, Григорья Губина и подъячаго Похабова, который спасся бѣгствомъ. Церковный дьячекъ Игнашка Ахлаковъ носилъ бумагу согнутую и говорилъ во весь міръ, что пришла государева грамота съ Москвы, велѣно на Устюгѣ 17 дворовъ грабить.

Только 4 августа въ Москвѣ узнали объ устюжскихъ происшествіяхъ, и отправили для розыска стольника, князя Ивана Григорьевича Ромодановскаго, съ 200 стрѣльцовъ; Ромодановскій пріѣхалъ въ Устюгъ 7 сентября. Чагинъ съ двумя товарищами, Игнашкою Ахлаковымъ и Ивашкою Бѣлымъ, не заблагоразсудили дожидаться его пріѣзда и разбѣжались. Начался розыскъ, пытки. Повѣсили крестьянина Ѳедьку Ногина, который признался, что наустилъ Чагина завести мятежъ и убить подъячаго Михайлова; повѣсили Терешку мясника и Ивашку, прозвищемъ Солдата, которые признались, что убили Михайлова; у Солдата на пыткѣ вынули изъ-подъ пяты камень, и Солдатъ признался, что училъ его въ тюрьмѣ вѣдовству разбойникъ Бубенъ, ка̀къ отъ пытки оттерпѣться, наговаривалъ на воскъ, а приговоръ былъ: „Небо лубяно и земля лубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы онъ не слыхалъ же-

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла приказныя 1649 г., № 41.

сточи и пытки". Повѣсили также Ивашку Шамшурницына,

Ромодановскій загостился въ Устюгѣ. 23 декабря земскій судейка Сенька Мыльникъ, по велѣнію мірскихъ людей, билъ челомъ государю отъ всѣхъ Устюжанъ, что Ромодановскій пыталъ невинныхъ людей и посадскіе люди бѣгутъ розно; мірскіе люди дали Ромодановскому 600 рублей, да подъячему Кузьмѣ 100 рублей; но и это не помогло. По этому челобитью, въ январѣ 1646 года, пріѣхалъ въ Устюгъ другой слѣдователь, стольникъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, и спросилъ Ромодановскаго: зачѣмъ онъ до сихъ поръ къ государю не писывалъ. Ромодановскій отвѣчалъ: „Послалъ я обыски и пыточныя рѣчи и статейный списокъ января 10, а до того времени не посылалъ, дожидался для обыска изъ волостей многихъ крестьянъ; многіе посадскіе люди и волостные крестьяне учинились сильны и государеву указу непослушны, къ обыскамъ изъ волостей не поѣхали, а которые небольшіе люди и были, и тѣ въ обыскахъ и сказкахъ своихъ государю лгали". Зюзинъ обратился къ Устюжанамъ: тѣ вычли, что, кромѣ 600 рублей, Ромодановсому и людямъ его малыми статьями, въ подносахъ харчеваго и денегъ, и пивныхъ варь на пріѣздъ и на праздники, и въ иные дни вышло на 111 рублей 22 алтына 2 деньги; деньги эти на мірской расходъ заняли у сборщика Семена Скрябина изъ сибирскаго запаса 650 рублей, да въ Архангельскомъ монастырѣ 100 рублей, а кабала писана въ 200 рубляхъ; деньги эти мірскіе люди *разрубили* (разложили) и собираютъ по сохамъ. Подъячій Куземка Львовъ въ допросѣ сказалъ: „Земскіе судейки приносили ко мнѣ въ мѣшкѣ деньги не по одинъ день, и я имъ отказывалъ, принять не хотѣлъ и то имъ говорилъ, что они подъячему Онисиму Михайловичу дали денегъ 200 рублей и за то убили, и я боюсь отъ нихъ того же; но судейки мнѣ говорили, чтобъ мнѣ тѣ деньги взять у нихъ не отъ дѣла, въ почесть, для государева многолѣтняго здоровья, да и то мнѣ говрили, что я въ Москвѣ разграбленъ и погорѣлъ, и я деньги у нихъ взялъ; деньги эти за ихъ печатью и сколько денегъ—не знаю; когда я деньги бралъ, то говорилъ имъ, что деньги эти я объявлю на Москвѣ, отдамъ ихъ въ государеву казну въ Посольскомъ приказѣ". Люди Ромодановскаго объявили, что господинъ ихъ взялъ деньги, но сказалъ при этомъ, что деньги объявить въ Москвѣ; что князь нѣсколько разъ отказывался принять, и взялъ, когда они принесли послѣ имянинъ царевича Димитрія Алексѣевича, и сказали: „Возьми для государя царевича". Самъ Ромодановскій показалъ то же, но судейки показали, что они отнесли сперва сто рублей 22 сентября, а потомъ 550 рублей 19 октября, а не 27, какъ показалъ князь; кромѣ того, явилось множество показаній, что Ромодановскій бралъ взятки съ тюремныхъ сидѣльцевъ [1]).

[1]) Моск. Главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла 1648 г., № 87, 1649 г., № 8.

Между-тѣмъ въ Москвѣ имя Морозова продолжало быть въ устахъ недовольныхъ. Мы видѣли, что, по всеобщей жалобѣ, были приняты мѣры противъ закладчиковъ; но тутъ закладчики, лишенные своего выгоднаго положенія, стали вымѣщать злобу на томъ же Морозовѣ. 17 января 1649 года, на подворье къ коломнитину Ивану Пестову пришелъ старый закладчикъ боярина Никиты Ивановича Романова, Савинка Корѣпинъ, и началъ говорить: „Когда я былъ за бояриномъ Никитою Ивановичемъ, то мнѣ было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мнѣ худо сдѣлали это бояре—Борисъ Ивановичъ Морозовъ да Илья Даниловичъ Милославскій, и отъ этого ихъ промыслу ходить намъ по колѣни въ крови, а боярамъ Морозову, Милославскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями". Пестовъ на это сказалъ ему: „Что ты, мужикъ, такія непристойныя рѣчи говоришь; только государь изволитъ—и мы васъ всѣхъ побьемъ". Корѣпинъ отвѣчалъ: „Мы васъ всѣхъ изъ избъ побьемъ изъ пищалей, а холопы ваши всѣ съ нами будутъ". Тотъ же Савинка былъ у Пестова 18 января и говорилъ: „Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ да молчитъ; Морозовъ дѣлаетъ умысломъ, будто онъ теперь ничѣмъ не владѣетъ, и далъ всѣмъ владѣть Милославскому. Боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго хотѣли сослать и подводы подъ него были готовы, но не сослали его, боясь насъ, для того, что міръ весь качается; какъ его станутъ посылать, и бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ хочетъ выѣхать на Лобное мѣсто и станетъ міру говорить, и мы за него всѣмъ міромъ станемъ, а бояръ Морозова и Милославскаго побьемъ; да и тѣмъ у насъ достанется, которые руки прикладывали (вѣроятно, къ просьбѣ о возвращеніи Морозова); а побивать мы станемъ не все сами: есть у насъ много ярыжекъ, которые у насъ живутъ, отъ нихъ и починъ будетъ; въ этомъ заводѣ всѣ съ нами, да и стрѣльцы, которые рукъ не прикладывали, съ нами же. Выѣдутъ на Лобное мѣсто бояре Никита Ивановичъ Романовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, пристанутъ къ намъ стрѣльцы и всякіе люди, и станутъ побивать и грабить Морозова, Милославскаго и другихъ". Государь велѣлъ всѣмъ боярамъ ѣхать къ пыткѣ, пытать Корѣпина накрѣпко и одноличнодоискаться подлинно. Савинка съ пытки показалъ, что говорилъ спьяну самъ собою; прибавилъ, что зимою о Николинѣ днѣ сидѣлъ онъ у боярина Никиты Ивановича Романова на дворѣ въ конюшнѣ, тутъ же съ нимъ сидѣли колодники въ боярскихъ дѣлахъ: Ѳонка Собачья Рожа да Унженцы человѣкъ съ десять, и онъ съ ними говорилъ тѣ же рѣчи, и они о томъ же говорили, что быть замятнѣ, кровопролитію и грабежу. Савинку казнили смертію. Стрѣлецъ Андрюшка Калининъ въ разспросѣ сказалъ: „Слышалъ часа

за полтора до вечера, января 4, отъ стрѣльца Андрюшки Ларіонова: былъ онъ, Андрюшка, у боярина князь Якова Куденетовича Черкасскаго, и слышалъ отъ князя Якова и отъ племянника его, князя Петра, что приходили къ нимъ четыре человѣка стрѣльцовъ и сказали: „Быть замятнѣ въ Крещенье, какъ государь пойдетъ на воду". На пыткѣ Ларіоновъ сказалъ, что все это онъ затѣялъ самъ, отъ князя ничего не слыхалъ. У него вырѣзали языкъ и сослали.

Слышалось на Морозова и другого рода обвиненіе. Мы видѣли, что въ это время въ Москвѣ чувствовалась потребность въ наукѣ, за которою естественно было обратиться къ Малороссіянамъ, потому что у нихъ было уже распространено школьное образованіе. Сильною любовію къ просвѣщенію отличался въ Москвѣ постельничій царскій, Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ. Недалеко отъ Москвы, по Кіевской дорогѣ, на берегу рѣки онъ выстроилъ монастырь (Андреевскій), куда перезвалъ изъ малороссійскихъ монастырей монаховъ тридцать человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ учили желающихъ грамматикѣ славянской и греческой, риторикѣ и философіи, и переводили книги. Обязанный днемъ быть во дворцѣ, Ртищевъ цѣлыя ночи просиживалъ въ Андреевскомъ съ учеными монахами. Но эта новизна нѣкоторымъ не полюбилась. Весною 1650 года Иванъ Васильевичъ Засѣцкій, Лучка Тимоѳеевъ Голосовъ да Благовѣщенскаго собора дьячекъ Костка Ивановъ сошлись у монаха Саула и шептали между собою: „Учится у Кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть". Обратясь къ дьячку, Голосовъ говорилъ: „Извѣсти Благовѣщенскому протопопу (духовнику царскому), что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы недобрые, я въ нихъ добра не позналъ; теперь я маню Ѳеодору Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочу, кто полатыни научится, тотъ съ праваго пути совратился. Да и о томъ вспомяни протопопу: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую Ѳеодоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ Кіевлянъ по-латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ воротить назадъ; и такъ они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана и Степана, и другихъ". Дьячекъ Костка отвѣчалъ на это: „Мнѣ и попъ Ѳома говорилъ: „Скажи пожалуй ка́къ быть? дѣти мои духовныя Иванъ Озеровъ да Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться". Я ему говорилъ: „Не отпускай, Бога ради, Богъ на твоей душѣ это взыщетъ", а Ѳома говоритъ: „Радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятся и меня мало слушаютъ, и ни во что не ставятъ". Потомъ трое ревнителей праваго пути начали шептать про Морозова: „Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго только для приличія людской, Кіевлянъ началъ жаловать: а это уже извѣстное дѣло, что туда уклонился къ такимъ же ересямъ" [1]).

Въ Москвѣ попытки недовольныхъ раздуть мятежъ противъ Морозова и Милославскаго во имя Романова и Черкасскаго были уничтожены въ самомъ началѣ; но когда, повидимому, все успокоилось, опять на сѣверо-западной границѣ въ толпѣ народной послышалось несчастное имя Морозова, и мятежъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ запылалъ во Псковѣ и Новгородѣ.

По Столбовскому миру, съ обѣихъ сторонъ условились выдавать перебѣжчиковъ; но въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ изъ уступленныхъ Швеціи русскихъ областей перебѣжало въ московскіе предѣлы множество народу. Шведское правительство требовало ихъ выдачи; исполнить это требованіе въ глазахъ Московскаго правительства значило отдать православныхъ христіанъ въ Люторскую вѣру; благочестивый царь никакъ не могъ рѣшиться взять на свою душу такой грѣхъ, и потому положено было выкупить перебѣжчиковъ. Часть выкупныхъ денегъ, именно 20,000 рублей, была отдана въ Москвѣ шведскому агенту Нуммепсу, который съ ними и отправился на Псковъ къ шведской границѣ. Въ то же время, въ зачетъ выкупной суммы, велѣно было отпустить изъ псковскихъ царскихъ житницъ 11,000 четвертей хлѣба въ Швецію. Но мы видѣли, какъ дурно смотрѣли на иностранцевъ вездѣ въ Московскомъ государствѣ, и особенно во Псковѣ. Въ царствованіе Михаила во Псковѣ ограничивались одними жалобами, занесенными въ лѣтопись; со времени же событій въ Москвѣ 1648 года, пошла молва, что молодой царь окруженъ людьми недоброжелательными; что Морозовъ дружитъ Нѣмцамъ ко вреду Русскихъ. И вотъ, въ февралѣ 1650 года, во Псковѣ узнали, что ѣдетъ Шведъ, везетъ изъ Москвы большую казну, и что велѣно во Псковѣ отдавать хлѣбъ Шведамъ. 24 февраля, на масляницѣ, пришла къ воеводѣ Собакину государева грамота о хлѣбной отдачѣ; народъ узналъ о грамотѣ, сталъ волноваться, и, 27 числа, человѣкъ 30 изъ меньшихъ статей пришли къ архіепископу Макарію бить челомъ, чтобъ онъ уговорилъ воеводу не отдавать хлѣба, пока отъ нихъ челобитье будетъ къ государю.

Макарій послалъ за Собакинымъ, который тотчасъ пріѣхалъ къ архіепископу, и, узнавъ въ чемъ дѣло, объявилъ, что долженъ исполнить государевъ указъ въ точности и отдастъ хлѣбъ немедленно, а они пусть посылаютъ челобитчиковъ къ государю отъ себя, мимо него. Потомъ воевода счелъ своею обязанностію сдѣлать Псковичамъ внушеніе, чтобъ они не въ свои дѣла не вмѣшивались, началъ имъ говорить съ сердцемъ, зачѣмъ они пришли на архіепископскій дворъ толпою, называлъ ихъ *кликунами*—названіе очень нехорошее во Псковѣ послѣ

---

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла 1649 года, № 19, 20; дѣла 1650 г., № 31.

событій Смутнаго времени. Тогда одинъ изъ Псковичей началъ Собакина укорять: „Ты, Никифоръ Сергѣевичъ, пускаешь Нѣмцевъ въ городъ (въ крѣпость, куда не велѣно было пускать иностранцевъ) на пиръ къ Ѳедору Емельянову". Собакинъ отвѣчалъ: „Ну такъ чтожъ? пускаю, не запираюсь; а для того велѣлъ я Нѣмцевъ пустить къ Емельянову, что онъ боленъ, изъ двора не выходитъ, а у него у Нѣмцевъ заторговано на государя золотыхъ много". Начался споръ сильный, и воевода, кликнувъ подъячаго, велѣлъ ему переписывать имена Псковичей, тутъ бывшихъ; тѣ бросились бѣжать изъ кельи вонъ, и на дворѣ, гдѣ стояла толпа народу, начался шумъ; бывшіе у архіепископа кричали народу: „Вы насъ привели на такой шумъ бить челомъ, а воевода станетъ на насъ писать къ государю, что шумомъ приходили, и намъ за то будетъ опала!" Пошумѣвъ, разошлись и условились собраться на другой день потолковать.

28 февраля собрались на площади у всегородной избы много всякихъ чиновъ людей; начали кричать, что не надо давать хлѣба возить изъ кремля; но посадскіе лучшіе люди и стараго приказа стрѣльцы стали говорить съ большою силою, что самовольствомъ ничего не надобно дѣлать, нельзя государеву указу противиться; а если въ хлѣбѣ скудость, то надобно бить челомъ государю. Толпа начала стихать и лучшіе люди расходиться по домамъ, какъ вдругъ прибѣжали стрѣльцы отъ Петровскихъ воротъ и закричали: „Ѣдетъ Нѣмецъ, везетъ казну изъ Москвы!" Толпа кинулась къ указанному мѣсту. Нумменсъ съ приставомъ Тимашевымъ дѣйствительно ѣхалъ въ это время по загородью, Великою-рѣкою, къ нѣмецкому гостинному двору, на Завеличье; но когда поравнялся съ Васильевскими воротами, то изъ нихъ вышла толпа народа и бросилась на него; одни хотѣли тутъ же убить Нумменса ослопами, другіе тащили къ проруби, третьи спрашивали: какъ ему казна на Москвѣ дана. Нумменсъ разсказывалъ все дѣло какъ было, и сталъ просить, чтобы дали ему повидаться съ гостемъ Ѳедоромъ Емельяновымъ. Это роковое имя человѣка ненавистнаго, друга Нѣмцевъ, подлило масла въ огонь; раздались крики: „Пытать Нѣмца! пытать Ѳедора!" Взяли казну, отвезли ее къ съѣзжей избѣ, оттуда отправили на подворье Снетогорскаго монастыря и заперли ее тамъ, запечатавши; Нумменса отвезли къ всегородной избѣ, осматривали его тамъ всѣмъ міромъ, забрали всѣ бумаги и потомъ отвели на Снетогорское подворье, гдѣ приставили къ нему сторожей: пять человѣкъ поповъ, пять человѣкъ посадскихъ людей, да двадцать человѣкъ стрѣльцовъ. Пошли къ Емельянову; тотъ скрылся, но жена отдала государеву грамоту, присланную къ мужу ея; грамоту стали читать во весь міръ; она оканчивалась словами: „А сего бы нашего указа никто у васъ не вѣдалъ". Эти слова возбудили еще большее волненіе; стали кричать: „Грамота тайная къ Ѳедору прислана, а государю про то невѣдомо!" Слыша шумъ, набатъ, бѣготню по улицамъ съ оружіемъ, воевода Собакинъ прискакалъ на площадь и сталъ говорить Псковичамъ, что имъ до государевой казны дѣла нѣтъ. Ему отвѣчали: „Воля государская: если казна послана изъ Москвы съ государева вѣдома, то можно было съ нею ѣхать и городомъ, а не по загородью". Собакинъ поѣхалъ къ архіепископу, и, спустя съ часъ, явился на площадь Макарій съ священниками, съ иконою Св. Троицы, и сталъ уговаривать народъ; но у мірскихъ людей была одна рѣчь: „Воля государева, а хлѣба намъ изъ кремля Нѣмцу до государева указа не отдавать". 1 марта гилевщики собрались на площадь, выбрали между собою начальныхъ людей: площаднаго подъячаго Томилку Васильева Слѣпаго, стрѣльцовъ Прошку Козу, Сорокоума Копыто. Начальники эти стали распоряжаться: велѣли привести Нумменса, поставили на площади два огромныхъ чана и стали на нихъ съ Нумменсомъ, чтобъ всему народу было видно. Несчастнаго Шведа снова допрашивали, а чтобъ языкъ у него былъ развязнѣе, подлѣ него стояли палачи съ кнутьями; читали во весь міръ бумаги, взятыя у Нумменса: потомъ всѣ эти бумаги передъ всѣмъ міромъ положили въ коробки, запечатали и поставили на Снетогорскомъ подворьи, а ненужныя письма отдали Нумменсу. Послѣ третьяго марта волненіе начало утихать; положили отправить челобитчиковъ къ государю въ Москву.

Но между-тѣмъ, при безпрестанныхъ сношеніяхъ, Псковичи, торговые и всякіе люди, пріѣзжали въ Новгородъ, и отъ нихъ были въ разговорахъ многія смутныя рѣчи. Въ Новгородѣ началась молва, особенно съ тѣхъ поръ, какъ присланъ былъ государевъ указъ, велѣно хлѣба покупать на государя, и стали по торжкамъ биричи кликать, чтобъ Русскіе люди покупали хлѣба только про себя, непомногу, четвериками. Пріѣхалъ изъ-за границы Новгородецъ Никита Тетеринъ и началъ разсказывать, что Нѣмцы собираются, ждутъ казны изъ Москвы, и какъ только казна придетъ, то имъ всѣмъ идти на Новгородъ. Начались толки: „Государь этого не знаетъ, отпускаютъ казну бояре". Дней черезъ пять послѣ этого, вечеромъ 15 марта, пріѣхалъ въ Новгородъ Датскій посланникъ Грабъ, и всѣ начали говорить: „Вотъ и Нѣмцы съ казною пріѣхали!" Посадскій человѣкъ Трофимъ Волкъ разговорился съ русскимъ толмачемъ, ѣхавшимъ при посланникѣ, Нечаемъ Дрябинымъ, и тотъ сказалъ ему, что идетъ изъ Москвы къ Нѣмцамъ большая казна. Волкъ не смолчалъ объ этой новости, а другой посадскій, Елисей Лисица, явился къ земской избѣ на площадь и сталъ кричать на весь міръ, что гость Семенъ Стояновъ провозитъ за рубежъ хлѣбъ и мясо, а Нѣмцы везутъ изъ Москвы большую денежную казну. На крикъ Лисицы собрались толпы народа и рѣшили раздѣлаться съ Нѣмцами; земскій староста Андрей Гавриловъ, вмѣсто того, чтобы унимать ихъ, сдѣлался предво-

дителемъ мятежа. Датскій посланникъ, только-что выѣхавшій изъ Новгорода, былъ остановленъ, избитъ: Волкъ отличался передъ всѣми: билъ Граба по щекамъ, проломилъ ему носъ, сидѣлъ надъ нимъ съ ножемъ и наконецъ обобралъ его. Пожитки посланника, въ которыхъ видѣли казну государеву, не тронули, свезли ихъ на пушечный дворъ, но разграбили дворы своихъ богатыхъ людей, братьевъ Стояновыхъ, Василья Никифорова, Василья Проѣзжалова, Михайлы Вязьмы, Никиты Тетерина, Андрея Земскаго; взяли въ земскую избу съ Любскаго двора пріѣзжихъ торговыхъ Нѣмцевъ; въ каменномъ городѣ караульщики отъ воротъ и отъ набата были отбиты, сполошный колоколъ заливался. Митрополитъ Никонъ и воевода, окольничій князь Ѳеодоръ Андреевичъ Хилковъ, выслали головъ стрѣлецкихъ и дѣтей боярскихъ унимать мятежниковъ: но эти посланные, ничтожные числомъ, не могли ничего сдѣлать: одинъ изъ нихъ, стрѣлецкій сотникъ Марксъ Басенковъ, чуть не былъ сброшенъ съ башни.

Мятежъ этимъ не кончился; на другой день, 16 марта, загудѣлъ опять сполошный колоколъ, раздались крики: „Государь объ насъ нерадѣетъ, деньгами подмогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли“. Но у мятежниковъ не было предводителя; староста Андрей Гавриловъ скрылся, испугавшись послѣдствій затѣяннаго дѣла; стали искать, кого бы взять въ начальные люди, и нашли: за приставомъ сидѣлъ митрополичій приказный Иванъ Жегловъ и двое дѣтей боярскихъ, Макаръ и Ѳеодоръ Негодяевы; Никонъ извѣщалъ о нихъ государю, что они люди недобрые, хвалятся, что знаютъ все, знаютъ, что у царя и у короля въ палатахъ дѣлается; вынуты были у нихъ воровскія книги и тетради и отосланы въ Москву. 16-го марта толпа съ шумомъ пришла въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ митрополитъ и воевода, и отсюда отправилась освобождать Жеглова съ товарищами; въ земской избѣ составилось новое правительство; подлѣ Жеглова засѣли здѣсь: посадскій Елисей Лисица, Игнатій Молодожникъ, Никифоръ Хамовъ, Степанъ Трегубъ, Панкратій Шмара, Иванъ Оловяничникъ, стрѣлецкій пятидесятникъ Кирша Дьяволовъ, подъячій Гришка Аханатковъ.

У воеводы не было матеріальныхъ средствъ противиться этимъ новымъ правителямъ; митрополитъ рѣшился дѣйствовать противъ нихъ духовнымъ оружіемъ. 17 марта, въ день Алексѣя человѣка Божія, въ имянины государевы, къ Св. Софіи собралось множество народа; здѣсь на заутрени и на обѣдни Никонъ поименно проклялъ новыхъ правителей. Начался ропотъ: „Государь жалуетъ на свой ангелъ, изъ тюремъ виноватыхъ людей распускаетъ, а митрополитъ въ такой праздникъ проклинаетъ; но проклинаетъ онъ не одного Молодожника и Лисицу, а всѣхъ Новгородцевъ,—у нихъ у всѣхъ одна дума“. Такъ поднимали злобу на Никона, старались ожесточить противъ него всѣхъ, но не было предлога идти *гилемъ* на Софійскій дворъ; 19 числа предлогъ нашелся. Прибѣжалъ съ Софійской стороны на Торговую съѣзжей избы приставъ Гаврила Нестеровъ, прозвищемъ Колча, сынъ площаднаго подъячаго, и говорилъ: „Митрополитъ Никонъ и окольничій князь Ѳеодоръ измѣнники“. Митрополитъ и воевода, узнавши объ этомъ, велѣли схватить Колчу, котораго привели въ Софійскій домъ, били батогами и посадили въ тюрьму. Вдругъ прибѣгаютъ въ земскую избу отецъ его и жена съ крикомъ: „Міряне, вступитесь! митрополитъ и окольничій сына моего пытаютъ, бьютъ и огнемъ жгутъ“. Толпа взволновалась и двинулась на Софійскій дворъ. Испуганный Хилковъ скрылся у митрополита, который велѣлъ запереть дворъ; толпа, подойдя къ дверямъ, кричала: „Выпустите изъ тюрьмы Гаврилу Нестерова“ Митрополитъ и воевода отвѣчали: „Мы за него не стоимъ, что хотите съ нимъ, то дѣлайте“. Народъ освободилъ Нестерова, но тотъ снялъ съ себя рубашку и сталъ показывать спину; тогда толпа опять двинулась къ митрополиту и разломала двери. Въ крестовой найденъ былъ князь Хилковъ, и мятежники стали говорить ему: „Зачѣмъ ты отъ насъ бѣгаешь? Намъ до тебя дѣла нѣтъ, а если до тебя дѣло будетъ, то ты никуда отъ насъ не уйдешь“.

Такъ разсказывалъ дѣло софійскій служка Иванъ Кузьминъ. По другимъ показаніямъ, Нестеровъ былъ взятъ къ митрополиту по дѣлу, подлежавшему суду церковному, именно за то, что худо жилъ съ женою. Князь Хилковъ доносилъ въ Москву такимъ образомъ: „Приставъ Гаврилка и отецъ его за многія воровства биты кнутомъ и батогами; 19 марта пришелъ къ митрополиту Гаврилка съ лестью, будто прощенья просить; митрополитъ велѣлъ подержать его у себя въ приказѣ для подлиннаго сыску, и того же числа, въ четвертомъ часу дня, воры пришли гилемъ на Софійскій дворъ, говорили многія непригожія, слова и Гаврилку изъ приказа взяли“. Но вотъ какъ разсказываетъ все дѣло самъ Никонъ въ письмѣ къ царю и ко всему царскому семейству: „18 марта былъ я въ соборной церкви у заутрени, и, послѣ полунощницы, по своему обычаю, ексапсалмы самъ говорилъ, а послѣ тайно про себя говорилъ канонъ Іисусу Сладкому на первой каѳизмѣ; и послѣ первой статьи на другой каѳизмѣ, творя молитву Іисусову, сталъ я смотрѣть на Спасовъ образъ мѣстный, что стоитъ предъ вашимъ мѣстомъ, списанъ съ того образа, который взятъ въ Москву царемъ Иваномъ Васильевичемъ, поставленъ въ Москвѣ въ соборной церкви и называется Златая Риза, отъ него же и чудо было Мануилу Греческому царю. И вотъ внезапно я увидалъ вѣнецъ царскій золотой на воздухѣ надъ Спасовою главою; и мало-по-малу вѣнецъ этотъ сталъ приближаться ко мнѣ; я отъ великаго страха точно обезпамяталъ, глазами на вѣнецъ смотрю и свѣчу передъ Спасовымъ образомъ, какъ горитъ, вижу, а вѣнецъ пришелъ и сталъ на

моей головѣ грѣшной, я обѣими руками его на своей головѣ осязалъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ. Съ этого времени я началъ ожидать иного себѣ посѣщенья. Марта 19 пришелъ на Софійскій дворъ Гаврилъ Нестеровъ, будто въ своей винѣ покаяніе прося, и я велѣлъ его поберечь, пока пойду къ обѣдни, и хотѣлъ его разрѣшить и молитвы разрѣшительныя проговорить. Но Жегловъ, узнавши объ этомъ, велѣлъ бить въ набатъ на Торговой сторонѣ; и ко мнѣ на сѣни начали ломиться. Я вышелъ и сталъ ихъ уговаривать; но они меня ухватили со всякимъ безчиніемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь расшибли, по бокамъ били кулаками и камнями, держа ихъ въ рукахъ, били и софійскаго казначея, старца Никандра, и дѣтей боярскихъ, которые были за мною, и повели-было меня въ земскую избу. Какъ довели до церкви, я хотѣлъ-было въ церковь войти, но они меня тутъ не пустили, и все вели въ земскую избу; но какъ довели до Золотыхъ дверей, то я, отъ ихъ бою изнемогши, отпросился посидѣть у Золотыхъ дверей предъ церковью на лавкѣ, и имъ началъ говорить, чтобъ меня отпустили съ крестами къ Знаменію Пресвятыя Богородицы, потому что готовился я литургію служить, и они едва на то преклонились. Я велѣлъ благовѣстить и, собравшись съ соборными и другими немногими священниками, едва добрелъ съ великою нуждою до Знаменія, и тамъ часы, стоя и сидя, слушалъ и Св. литургію съ великою нуждою и спѣхомъ служилъ, и назадъ больной, въ сани взвалясь, приволокся, и нынѣ лежу въ концѣ живота, кашляю кровью, и животъ весь запухъ. Чая себѣ скорой смерти, масломъ я соборовался, и если не будетъ легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мнѣ посхимиться".

Нападеніе на Никона было послѣднею вспышкою мятежа; начали простывать, опамятываться и думать о слѣдствіяхъ своего дѣла: легко сладили съ безоружнымъ воеводою и митрополитомъ, но теперь предстояло раздѣлываться съ многочисленными ратями великаго государя. Начали толковать, какъ бы послать въ пятины по дворянъ и дѣтей боярскихъ и привесть ихъ ко кресту; между собою собирались всѣ крестъ цѣловать на томъ: если государь пришлетъ въ Новгородъ обыскивать и казнить смертію, то всѣмъ стоятъ заодно и на казнь никого не выдать, казнить такъ казнить всѣхъ, а жаловать всѣхъ же. Думали и во Псковъ послать лучшихъ людей, чтобъ обоимъ городамъ стоять заодно. По всѣмъ улицамъ наставили сторожей отъ гилевщиковъ, чтобъ ничьихъ дворовъ больше не грабили; жалѣли, что и въ первый день позволили грабить дворы, а грабили ихъ ярыжки и кабацкіе голыши и стрѣльцы, которые голые же люди. Лучшіе люди говорили другъ другу со слезами на глазахъ: „Навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какая была при царѣ Иванѣ". Самъ Жегловъ чуялъ бѣду, но дѣлать было нечего: сила была у вооруженной толпы стрѣльцовъ, посадскіе люди не могли противъ нихъ ничего предпринять.

20 марта, въ середу вечеромъ, Жегловъ призвалъ къ себѣ въ земскую избу дворянъ и дѣтей боярскихъ и велѣлъ имъ руки прикладывать къ записи, что имъ съ мірскими людьми стоять заодно, стоять за то, чтобъ государевой денежной казны и хлѣба за рубежъ не пропустить. Дворяне и дѣти боярскія отвѣчали, что приложатъ руки къ челобитной, чтобъ государь денегъ и хлѣба за рубежъ отпускать не велѣлъ, а не къ *одиначной* записи, и, сказавши это, пошли въ каменный городъ. Тутъ поднялся шумъ между стрѣльцами, казаками и худыми посадскими людьми; толпа побѣжала въ каменный городъ, крича: „Переймемъ дворянъ, прибѣжимъ прежде ихъ въ каменный городъ, запремъ рѣшетку на мосту, дворянъ въ городъ не пустимъ, выбьемъ ихъ за городъ!" Но когда воры прибѣжали въ рыбный рядъ близъ мосту, то встрѣтились имъ другіе стрѣльцы и земскіе люди, и поворотили ихъ назадъ, говоря: „Надобно и ту бѣду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить". Чтобъ утушить бѣду, выбрали трехъ человѣкъ посадскихъ, двоихъ стрѣльцовъ, одного казака и отправили ихъ въ Москву къ государю, съ дарами и съ челобитной, въ которой писали: „Бьютъ челомъ холопы твои, государевы, дворяне и дѣти боярскія, и новгородскіе пятиконецкіе старосты, и всѣ посадскіе люди, и стрѣлецкіе пятидесятскіе, и всѣ рядовые, и всѣ казаки, и всякіе служивые люди, и твои государевы богомольцы протопопы и попы, и дьяконы, и всякихъ чиновъ жилецкіе люди: въ нынѣшнемъ 158 году марта 15, за два часа до свѣта, пріѣхали съ Москвы Нѣмцы и стали на Никитиной улицѣ, и того же дня, въ другомъ часу ночи, тѣ же Нѣмцы поѣхали изъ Новгорода вонъ и на улицкихъ караулахъ посадскіе люди ихъ спрашивали: что-де вы идете ночью безъ государева пристава и безъ московскаго толмача? а они, Нѣмцы, учинились улицкимъ караульщикамъ сильны, поѣхали изъ Новгорода, но у Чудпова креста всякихъ чиновъ люди тѣхъ Нѣмцевъ начали ворочать и имъ говорить: что вы идете ночью, а не днемъ, ночью ѣздятъ воровскіе люди, пристава и толмача у васъ нѣтъ? И тѣ Нѣмцы начали насъ колоть шпагами, и въ томъ съ ними учинилась драка. Ихъ воротили къ земской избѣ и разспрашивали, и въ разспросѣ они сказались: „Я посланникъ Датскаго короля, Ивертъ Грабъ, а со мною посланныхъ людей шесть человѣкъ", да съ нимъ же ѣхали Шведской Земли подданные, а были въ Москвѣ для хлѣбной покупки. И тотъ посланникъ Ивертъ Грабъ тебѣ, государю, въ винѣ своей добилъ челомъ, что поѣхалъ изъ Новгорода ночью безъ пристава и безъ толмача и шпагами насъ кололъ, и въ томъ во всемъ далъ на себя запись, что ему тебѣ на насъ не бить челомъ и въ своей Землѣ Датскому королю, а Шведы въ Новгородѣ ожидаютъ твоей государевой денежной и хлѣбной казны. А слухъ намъ есть: какъ твою государеву

казну денежную и хлѣбную шведскіе Нѣмцы возьмутъ, и твои государевы недруги шведскіе Нѣмцы твоею казною хотятъ нанять иныхъ ордъ Нѣмецкихъ людей и идти съ ними подъ Великій Новгородъ и Псковъ; и мы ради за тебя государя и за православную вѣру головы свои положить. Милосердый государь! пожалуй насъ, не вели изъ своего Московскаго государства своей денежной и хлѣбной казны и съѣстныхъ запасовъ за рубежъ Шведскимъ людямъ давать и пропускать, и не вели митрополичьимъ и окольничаго князя Хилкова ложнымъ отпискамъ вѣрить,—пишутъ они тебѣ на насъ съ сердцовъ, что мы тебѣ на нихъ бьемъ челомъ".

Челобитная на Хилкова состояла въ томъ, что онъ царскаго указа не слушаетъ, отпускаетъ въ Швецію торговыхъ людей съ хлѣбомъ и мясомъ по ночамъ для своей бездѣльной корысти, и на заставы писалъ, чтобъ товаровъ не осматривать въ возахъ, а которые головы и стрѣльцы осматриваютъ, тѣхъ бьетъ кнутомъ и батогами нещадно. Онъ же въ Новгородѣ у всякихъ чиновъ людей въ избахъ печи печаталъ и въ холодные дни топить избъ не давалъ, отчего малыя дѣти перезябли и померли. Онъ же наговорилъ митрополита Никона, чтобъ тотъ въ день государева ангела Новгородцевъ проклиналъ безъ государева указа и безъ патріаршаго; священниковъ всѣхъ митрополитъ запрещаетъ, не велитъ имъ къ мірскимъ дѣламъ и къ челобитнымъ прикладывать руки вмѣсто неграмотныхъ людей, и отъ этого митрополичьяго проклятія въ Новгородѣ во всякихъ людяхъ учинилось великое смятеніе. Митрополитъ съ окольничимъ мучили подъячаго Нестерка ослопами и полѣньемъ. Новгородцы били челомъ митрополиту о невинномъ, и Никонъ отдалъ имъ его убитаго замертво. За такое неистовство и проклятіе сила Божія Никона митрополита обличила; когда въ церкви Знаменія сталъ онъ говорить: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ", ударило его и всего раздробило. Онъ же, Никонъ, на память государевыхъ отца и матери всякихъ чиновъ людей и черецовъ на своемъ дворѣ билъ на правежѣ на смерть. Когда пришла вѣсть о рожденіи царевны Евдокіи Алексѣевны, то митрополитъ на такой радости никого изъ тюрьмы не освободилъ; онъ же хотѣлъ соборную церковь Софійскую рушить, и та церковь построена по ангельскому благовѣстію, и мы ему объ этомъ били челомъ и церкви рушить не дали, а онъ, сердясь за это, пишетъ всякія отписки на насъ государю. Онъ же, митрополитъ, держалъ за приставомъ въ цѣпи и въ желѣзахъ бывшаго своего приказнаго, Ивана Жеглова, многое время, и нѣсколько дней, возя на дровняхъ, на правежѣ его билъ и мучилъ ослопьемъ на смерть, и вымучилъ на немъ денегъ триста рублей, и многія онъ, митрополитъ, неистовства и смуту чинитъ въ міру великую, и отъ той его смуты ставится въ міру смятеніе. Да по договору государевыхъ пословъ съ думными людьми Шведской королевы, везутъ изъ Московскаго государства въ Шведскую Землю государеву денежную казну по двадцати и по сороку тысячъ разными дорогами. Въ нынѣшнемъ 1650 году, въ великій мясоѣдъ, пріѣхалъ въ Новгородъ московскій торговый человѣкъ Моисей Облезовъ, и въ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ закупалъ хлѣбъ, рожь, а везти тотъ хлѣбъ въ шведскіе города, а намъ никому хлѣба купить не далъ, и мы всѣ оттого обѣдняли и оголодали; а Шведы мирный договоръ во всемъ нарушили, православную христіанскую вѣру у Русскихъ зарубежныхъ людей отняли, церкви Божіи осквернили, поповъ на Руси ставить не даютъ, а крестьянскихъ дѣтей крестятъ своими нѣмецкими попами въ своихъ киркахъ. Окольничій князь Хилковъ послалъ теперь на рубежныя заставы стрѣльцовъ и казаковъ триста человѣкъ, а для обереганія пороху и свинцу имъ ничего не далъ; изъ этого ясно, что окольничій Шведскимъ людямъ норовитъ, а государевыхъ людей губитъ напрасно. По совѣту съ окольничимъ, гость Семенъ Стояновъ ѣздитъ въ Шведскую Землю много лѣтъ, возитъ рожь и мясо и всякіе съѣстные запасы; Нѣмецкихъ людей кормятъ и съ ними совѣтуютъ, а насъ всѣхъ православныхъ христіанъ голодомъ морятъ и вконецъ губятъ. Онъ же, Семенъ Стояновъ, съ Шведскими людьми и иныхъ ордъ, которые пріѣзжаютъ въ Новгородъ, ѣстъ и пьетъ и ночи съ ними у себя просиживаетъ".

Но вѣсть о новгородскихъ событіяхъ пришла въ Москву прежде этихъ челобитчиковъ. Государь немедленно велѣлъ написать грамоту, въ которой приказывалъ Новгородцамъ, чтобъ они, помня крестное цѣлованіе, перехватили заводчиковъ смуты и выдали ихъ начальству. Съ грамотой отправился дворянинъ Соловцевъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то сошлись всѣ въ земской избѣ; пріѣхалъ воевода князь Хилковъ, но ему и мѣста не дали. Соловцевъ сказалъ Новгородцамъ государево жалованное слово; начали читать грамоту; слыша, что въ грамотѣ написано то же самое, что говорилъ посланный, стали кричать Соловцеву: „Ты почему вѣдаешь, что въ государевой грамотѣ написано? грамота воровская! у насъ воровъ нѣтъ, все добрые люди, а стоятъ всѣмъ заодно, за государя; грамоты воровскія, а не государевы, вольно вамъ ночью написать хоть сто столбцовъ". Хилковъ сказалъ: „Когда вы государевымъ грамотамъ не вѣрите, то чему уже больше вѣрить?" и пошелъ въ соборную церковь.

Никонъ велѣлъ позвать туда же старостъ и всякихъ людей, и говорилъ имъ, чтобъ исполнили государеву волю; но они и ему отвѣчали то же: „У насъ никакихъ воровъ нѣтъ, государю не виноваты и вины намъ государю приносить не въ чемъ". Пошли толки: „Грамота воровская: Соловцевъ не дворянинъ, а человѣкъ боярина Морозова; надобно его задержать до тѣхъ поръ, какъ наши челобитчики съ Москвы поѣдутъ поздорову". Дѣйствительно, Соловцевъ былъ задержанъ; лучшіе люди въ отчаяніи говорили: „Мочи нашей нѣтъ!"

Въ земской избѣ написали запись, чтобъ противъ государева указа стоять заодно; начали силою, побоями приневоливать къ рукоприкладству. Несмотря на то, Никонъ и Хилковъ успѣли удержать священниковъ и многихъ свѣтскихъ людей отъ рукоприкладства; иные священники и добрые люди сбѣжали изъ города, другіе лучше согласились сидѣть въ тюрьмахъ, нежели подписывать записи. Опять поднялись обличенія на Хилкова: „Это измѣнникъ, хочетъ Новгородъ сдать Нѣмцамъ по приказу Морозова; взялъ посулъ у Шведскаго посланника, четвертную бочку золотыхъ, изъ пороховой казны зелье все выдалъ Нѣмцамъ; надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотрѣть и по каменному городу пушки разставить, на случай прихода Шведовъ“. 27 марта собралась толпа, поѣхали на Московскую дорогу, привезли 30 бочекъ золы, и объявили, что привезли селитру, которую Морозовъ отпустилъ къ Нѣмцамъ; но когда откупорили бочки, то нашли одну золу. 29 марта Никонъ опять сталъ уговаривать исполнить государеву волю, и опять напрасно; 3 апрѣля началъ уговаривать, чтобъ отпустили, по крайней мѣрѣ, Соловцева, и на этотъ разъ Новгородцы послушались. Пріѣхавъ въ Москву, Соловцевъ разсказалъ свои разговоры съ Жегловымъ: „Зачѣмъ ты дѣлаешь такое дурное?“ спрашивалъ онъ Жеглова; тотъ отвѣчалъ: „Это дѣло не я затѣялъ, я сижу тутъ неволею; взяли меня изъ цѣпей міромъ; а если бы меня земскіе люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унялъ смертное убійство и грабежъ, и Датскаго посланника не далъ до смерти убить“.

Между-тѣмъ приближался къ Новгороду бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій съ небольшимъ отрядомъ ратныхъ людей. Жегловъ отправилъ къ нему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что выѣхалъ-было къ нему на встрѣчу, но не могъ переѣхать Волховецъ за льдомъ. „Ожидаютъ тебя въ Великомъ Новгородѣ (писалъ Жегловъ), а встрѣчать тебя хотятъ за городомъ съ хлѣбомъ и солью; милости у тебя, государя, прошу, не въ укоръ тебѣ, государю моему, бью челомъ и пишу: облегчись въ Великій Новгородъ скорымъ обычаемъ не со многими людьми и милостиво учини, а мірскіе люди государской милости и тебя ожидаютъ вскорѣ; впередъ, государь, жалуй, посылай въ Новгородъ Новгородцевъ, а не иногородныхъ людей, потому что иногородные люди не вѣдаютъ ничего, говорятъ многія прибавочныя рѣчи, а новгородскаго извычая не знаютъ. Новгородскій Никонъ митрополитъ и окольничій князь Хилковъ въ міръ пускаютъ словесную рѣчь большую съ устрашеніемъ, будто бы, государь, въ Великій Новгородъ идешь по ихъ отпискамъ православныхъ христіанъ вѣшать и пластать безъ сыску и безъ очныхъ ставокъ, и тѣми рѣчами въ міру чинятъ великое сумнѣніе и смуту“. Жегловъ только еще писалъ письма Хованскому, но товарищъ его, Ѳедоръ Негодяевъ, поступилъ рѣшительнѣе: онъ перебѣжалъ къ Хованскому, который переслалъ его въ Москву. Отсюда 15 апрѣля посланъ былъ царскій указъ Хованскому: въ Новгородъ не ходить, стоять у Спаса на Хутынѣ, собирать ратныхъ людей, около города поставить заставы, никого не пропускать, и къ Новгородцамъ посылать уговаривать покориться. Воевода исполнилъ приказаніе и получилъ отвѣтъ новгородскихъ стрѣльцовъ, что когда въ земской избѣ прочли его грамоту, то посадскій человѣкъ, сапожникъ Елисейка Григорьевъ, прозвищемъ Лисица, началъ говорить всему городу: „Мы боярина князя Хованскаго въ городъ не пустимъ, а если какая немѣра будетъ, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдемъ всѣ во Псковъ“. Онъ же, Елисейка, говорилъ: „Если Хованскій придетъ съ небольшими людьми, то мы его пустимъ; если же съ большими,—то не пустимъ“. Всѣ Новгородцы писали Хованскому то же, что и Жегловъ.

17 апрѣля царь отвѣчалъ Новгородцамъ на ихъ челобитную: „Прислали вы къ намъ челобитныя отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ; но у челобитенъ этихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ рукъ ничьихъ нѣтъ, и то вы дѣлаете воровствомъ. Намъ, великому государю, извѣстно подлинно и безъ вашего воровскаго письма и оправданья, что въ Новгородѣ Датскаго посланника и другихъ Нѣмцевъ били, митрополита безчестили и били, окольничаго нашего лаяли и безчестили, городовые ключи у него отняли и нашего государева повелѣнья ни въ чемъ не слушаете. Въ вашихъ челобитныхъ написано, чтобъ нашей денежной казны и хлѣба въ Шведскую Землю не пропускать; и мы, великій государь, съ Божіею помощію, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править. По вѣчному докончанію съ Шведскимъ королемъ надобно было отдать всѣхъ перебѣжчиковъ, а довелось тѣхъ перебѣжчиковъ православныхъ христіанъ въ шведскую сторону отдать въ Лютерскую вѣру съ 50,000 душъ, и мы велѣли за нихъ дать деньги 190,000 рублей, и въ то договорное число отпущено было съ Логиномъ Нуммерсомъ только 20,000... Хотя бы вамъ въ хлѣбѣ и прямое оскудѣніе было, такъ вамъ бы надобно было бить челомъ намъ, великому государю, и мы бы приказали привезти къ вамъ хлѣба. Пишете, чтобъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ запасовъ продавать за рубежъ не велѣть, но тому статься нельзя, потому что между государствами ссылкѣ и всякой торговлѣ какъ не быть? Если съ нашей стороны въ какихъ нибудь товарахъ заказъ учинить, то Шведы и сами никакихъ товаровъ въ нашу сторону не повезутъ, и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣнье. Жалуетесь на митрополита, что проклиналъ: и то онъ учинилъ дѣло; да еслибъ онъ что иное учинилъ и не по дѣлу, то объ этомъ наше государское разсмотрѣніе впередъ будетъ. А чтобъ шведскимъ Нѣмцамъ идти подъ Новгородъ и Псковъ,—и то нестаточное дѣло, потому что между нами и королевою вѣчное докончаніе. А что пишете о перемѣнѣ окольничаго князя Хилкова,

то мы его перемѣнить велѣли и указали быть въ Великомъ Новгородѣ боярину нашему, князю Юрью Петровичу Буйносову-Ростовскому. А челобитчикамъ вашимъ, Сидору Исакову съ товарищами (хотя бы за ваши злыя вины учинить того и не довелось) велѣли видѣть наши царскія очи и велѣли ихъ отпустить безъ всякаго оскорбленья; а стрѣльцу Кирилку да посадскому человѣку Іевку Красильнику велѣно побыть на Москвѣ до подлиннаго сыска, потому что они съ ворами были вмѣстѣ и на Москвѣ съ товарищами своими въ рѣчахъ порознились, говорили ложныя рѣчи. И вы бы вины свои принесли и заводчиковъ всѣхъ отдали боярину нашему, князю Хованскому. А что вы прислали дары, и тѣхъ даровъ принять не довелось, потому что вы въ своихъ челобитныхъ вины своей намъ не принесли и воровъ не прислали". Въ тотъ же день отправлена другая грамота съ угрозою, что если Новгородцы князя Хованскаго не примутъ и не будутъ слушаться и къ сыску воровъ и заводчиковъ не отдадутъ, то государь пошлетъ съ Москвы бояръ съ многими ратными людьми и велитъ учинить надъ Новгородцами большое разоренье.

Между-тѣмъ Ѳедька Негодяевъ, живя въ Москвѣ, успѣлъ заискать расположеніе бояръ и царя, видѣлъ царскія очи, былъ у руки, получилъ прощенье и объявилъ, что Никонъ и прежде былъ виновникомъ смуты: митрополитъ хотѣлъ въ соборной церкви передѣлывать, и вотъ въ Петровъ постъ 1649 года мірскіе люди многіе приходили къ нему съ шумомъ и говорили: „Прежде многія власти были, а старины не портили; мы тебѣ стараго ничего въ соборной церкви передѣлывать не дадимъ!" Отъ митрополита пошла толпа къ Св. Софіи, подвези изъ церкви выбросили; мастеровъ, которые подвязывали подвези и собирались столпы ломать, хотѣли бить, но тѣ спрятались.

Негодяева отправили изъ Москвы въ Новгородъ уговаривать горожанъ къ повиновенію, уговаривать и Жеглова, чтобъ отсталъ отъ воровства, и обѣщать прощеніе. Но вслѣдъ за этимъ, 20 апрѣля, получена грамота отъ Хованскаго, что Новгородцы покорились. Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное въ Москвѣ разсказами Негодяева, видно изъ того, что, на другой день по полученіи извѣстія отъ Хованскаго о покорности Новгородцевъ, 21 апрѣля, царь писалъ Никону: „Ты бы въ соборной церкви рушить и столповъ ломать не велѣлъ". Никонъ сильно обидѣлся и отвѣчалъ длинною грамотою; описавъ все свое поведеніе во время мятежа, Никонъ продолжаетъ: „Посадскіе добрые люди у меня пробыли во дворѣ, поилъ я ихъ и кормилъ, и всякое худое дѣло у Ивашки да у Игнашки (Жеглова и Молодожника) моего ради постоянія разорялось и въ совершеніе не приходило, и только бы я о томъ не стоялъ, много бы хуже псковскаго было; безпрестанно я за тебя, государя, Бога молилъ и къ тебѣ писалъ, нанимая худыхъ людей всякими способами, посылалъ тайно. И за то, по наговору Ивашки Жеглова, опозоренъ и изувѣченъ; да тотъ же Ивашка съ товарищами били тебѣ челомъ ложно, будто я всѣхъ Новгородцевъ проклиналъ; но я проклиналъ воровъ, а не добрыхъ людей, и оттого сталась смута; но я проклиналъ на третій день послѣ смуты. Да они же били челомъ, будто я хотѣлъ церковь соборную всю разрушить, и то явное ихъ ложное челобитье: какъ мнѣ безъ твоего государева указа разрушить? да и софійской казны не будетъ столько, что разобрать, не только что вновь создать. А Ѳедька Негодяевъ твою государеву милость обманомъ выманилъ, а онъ не только твоего государева жалованья не достоинъ, но и живота не достоинъ; онъ на меня тебѣ, государю, и боярамъ твоимъ налгалъ небылицу, для его ложныхъ словъ ты на меня кручинишься, и что я къ тебѣ ни писалъ, отвѣта мнѣ до сихъ поръ нѣтъ никакого; мнѣ о томъ очень сумнительно и впредь о твоихъ государевыхъ дѣлахъ писать къ тебѣ и здѣсь говорить нельзя. А нынѣ въ Великомъ Новгородѣ тихо, сильно плачутся о мимошедшемъ своемъ къ тебѣ согрѣшеніи. Милостивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! уподобись милостивому и человѣколюбивому Богу! какъ будутъ тебѣ о своихъ винахъ бить челомъ,—прости; а я, уговаривая ихъ, въ твоей милости ручался, а еслибъ не такъ уговаривалъ, то всѣ бы отчаялись за свое плутовство и на большее бы худо вдались; ко мнѣ всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день и прощенія просили, что меня били и безчестили, и били на меня челомъ ложно". Царь отвѣчалъ: „То ты, богомолецъ нашъ, дѣлалъ и исполнялъ Господню заповѣдь, Св. Апостолъ и Св. Отецъ преданіе, ревнуя по истинной Христовой вѣрѣ, ревнуя прежнимъ святителямъ и хвалы достойному новому исповѣднику, Ермогену патріарху. И мы, великій государь, тебя за твое радѣнье и крѣпкое стоянье и страданье милостиво похваляемъ; и тебѣ бы и впередъ ко всесильному Богу обѣты свои исполнять и добрымъ дѣламъ ревнителемъ быть, какъ началъ, такъ бы и совершалъ".

Съ 24 апрѣля Хованскій приступилъ къ розыску. Прежде всего явился Датскій посланникъ съ жалобою на Волка, котораго пытали, и онъ повинился, что посланника билъ и безчестилъ; на него же всѣ они единогласно показывали, что мятежъ, гиль и воровской заводъ чинилъ съ Ивашкою Жегловымъ и Елисейкою Лисицею. Чтобы удовлетворить посланника и тѣмъ предотвратить разрывъ царскаго величества съ королевскимъ, Волку отсѣкли голову на площади; палача, который пьяный приходилъ къ посланнику и его позорилъ, высѣкли кнутомъ. Съ 24 апрѣля по 7 мая сыскали заводчиковъ: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожника, Никифорку Хамова, Степку Трегуба, Панкрашку Шмару, площаднаго подьячаго Нестерка Микулина съ сыномъ Гаврилкою, площад-

наго подъячаго Аханаткова; всѣхъ же объявилось въ воровствѣ 212 человѣкъ.

Сначала Хованскій хотѣлъ устроить тюрьму и посажать туда всѣхъ оговоренныхъ; но 13 мая къ Никону въ соборную церковь пришли стрѣльцы съ женами и дѣтьми, и били челомъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ оговоренныхъ товарищей ихъ стрѣльцовъ, которые у нихъ на порукахъ, въ тюрьму сажать, а дать бы имъ наказанье, кто чего достоинъ, да и отпустить. Никонъ послалъ за Хованскимъ и сказалъ ему: „Прислана государева грамота, велѣно тебѣ со мною государево дѣло вѣдать; такъ моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрѣлецкую, потому: если всѣхъ оговоренныхъ людей посажать въ тюрьму, то они всѣ будутъ ждать себѣ смертной казни; услышатъ о томъ Псковичи и будутъ думать, что всѣ виновные посажены въ тюрьму на смерть,— тогда государеву дѣлу будетъ поруха“. Хованскій согласился, и большинство оговоренныхъ отдано на поруки. Пришелъ приговоръ изъ Москвы: казнить смертію Жеглова, старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Молодожника, Шмару; Хамова и Трегуба бить кнутомъ нещадно и сослать въ Астрахань на вѣчное житье; другихъ бить кнутомъ и сослать на Терекъ, иныхъ въ Карпово, иныхъ въ Коротоякъ; иныхъ бить кнутомъ и отдать на поруки; иныхъ бить батогами и отдать на поруки. Исполненіе приговора отложено однако до новаго указа. Пришелъ новый указъ: посадскаго человѣка Якушку да троихъ стрѣльцовъ велѣно бить кнутомъ нещадно, троихъ посадскихъ бить батогами, 162 человѣка посадскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ бить кнутомъ и отдать на чистыя поруки. Указъ былъ исполненъ; но между троими стрѣльцами, которыхъ надобно было бы бить кнутомъ нещадно, находился Куземка Меркурьевъ; стали искать Меркурьева, и онъ въ Москвѣ, отправленъ туда воеводою съ отписками; 16 іюня пріѣхалъ Меркурьевъ изъ Москвы и вмѣсто того, чтобъ идти подъ кнутъ, подалъ жалованную царскую грамоту: велѣно ему быть въ пятидесятникахъ и дано ему пять рублей за то, что съ братомъ своимъ Ѳомкою въ мятежъ отняли у воровъ Никона и князя Хилкова, убить ихъ не дали.

Въ Москвѣ были недовольны медленностію Хованскаго; узнавши объ этомъ, Никонъ писалъ государю: „Вѣдомо мнѣ учинилось, что прислана твоя государева грамота къ твоему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, а въ ней написано, что бояринъ твоимъ государевымъ дѣломъ промышляетъ мѣшкотно; но твой государевъ бояринъ твоимъ дѣломъ радѣетъ и промышляетъ неоплошно, да и я ему говорилъ, чтобъ тѣмъ дѣломъ промышлялъ не вскорѣ, съ большимъ размотрѣніемъ, чтобъ твое дѣло всякое сыскалось впрямь; отъ этого дѣло и шло медленно, а не по боярскому нерадѣнію; вскорѣ было такого великаго дѣла сыскать нельзя, а здѣсь, государь, приходитъ дѣло въ совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, и работалъ онъ тебѣ тихимъ обычаемъ, не вдругъ, чтобъ не ожесточились; а что промедлилось и въ томъ твоему государеву дѣлу порухи нѣтъ: худые всякихъ чиновъ люди въ сыску; а мѣшкалось дѣло и для Пскова“ [1]).

Во Псковѣ гиль опять началъ усиливаться съ половины марта. Лучшіе люди съ ужасомъ увидали, что преступники, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, ходятъ одни на свободѣ; началось сильное воровство, душегубство. Изъ Москвы отправленъ былъ въ Новгородъ и Псковъ Новгородецъ Богданъ Арцыбашевъ съ приказомъ, чтобъ впередъ въ этихъ городахъ хлѣба на государя не закупали. Исполнивъ свое порученіе въ Новгородѣ, Арцыбашевъ пріѣхалъ во Псковъ 17 марта. Его взяли и поставили предъ земскою избою, откуда вышелъ староста пятиконецкій Меншиковъ и началъ его допрашивать: кто онъ? откуда? и проч. Грамоты у Арцыбашева отняли и, между прочими, грамоту къ архіепископу Макарію отъ Новгородскаго воеводы Хилкова. Это послужило поводомъ къ новому гилю; ударили въ колокола и окружили архіепископа въ Рыбницкихъ воротахъ, когда онъ возвращался отъ обѣдни изъ Надолбина монастыря. „Для чего списываешься съ Новгородскимъ воеводою?“ стали кричать гилевщики Макарію: „по твоему письму онъ нашихъ челобитчиковъ послалъ въ Москву скованныхъ, а одного челобитчика подъ приказъ подкинулъ!“ Архіепископъ отвѣчалъ, что онъ писалъ къ Хилкову о здоровьи, а не о нихъ. Потомъ начали

[1]) Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла Шведскія, связка 39, 6.—О нѣкоторыхъ заводчикахъ новгородскаго мятежа находятся любопытныя извѣстія въ слѣдующемъ дѣлѣ: когда стольникъ князь Семенъ Урусовъ сдалъ Новгородское воеводство Хилкову, то на него, Урусова, били челомъ (марта 26, 1648 года) посадскіе люди: Микифорка Хамовъ, Микифорка Микляевъ, Игнашка Солодовникъ, Первушка Калачникъ, да Пятницкій церковный дьячекъ Лучка Максимовъ, да посадскій человѣкъ Алеша Шапочниковъ; потомъ Солодовниковъ, Калачникъ и дьячекъ помирились въ Урусовымъ. Дѣло Хамово было слѣдующее: его обвинили передъ Урусовымъ въ продажѣ вина; Урусовъ велѣлъ запечатать его дворъ со всѣми запасами. Въ обыскѣ никто не объявилъ, что Хамовъ продавалъ вино; несмотря на то, его отдали за пристава, сковали руки и ноги, держали подъ поломъ въ темнотѣ; Урусовъ къ нему присылалъ, чтобъ онъ заплатилъ ему 200 рублей, Хамовъ посулилъ 100 и получилъ свободу; Урусовъ же взялъ изъ лавки Хамова солоду и уксусу, а денегъ не заплатилъ. Такова была жалоба Хамова. Урусовъ отвѣчалъ, что Хамовъ дѣйствительно курилъ вино въ непозволенномъ количествѣ; ста рублей онъ у него не бралъ, за солодъ и уксусъ деньги ему посылалъ, да самъ Хамовъ не взялъ. Истецъ съ отвѣтчикомъ имались за вѣру, за крестное цѣлованіе; Урусовъ крестъ цѣловать взялъ на душу человѣку своему Ивашку Глусу, а за Хамова цѣловалъ крестъ человѣкъ его Родка Кузминъ. Человѣкъ Урусова показалъ, что онъ не бралъ съ Хамова ста рублей на Урусова; тогда Хамовъ слался на его кожу, чтобъ его въ томъ пытать, а Урусовъ требовалъ, чтобъ прежде пытать Хамова, ибо онъ клеплетъ. Да уличалъ Урусовъ Хамова въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ Спасовъ образъ, и называлъ Хамова вѣдуномъ, потому что лѣчилъ *тѣлесную юность* у стрѣлецкой жены. Игуменъ Алимпій сказалъ, что онъ у Хамова вино покупалъ на дочернину свадьбу (Приказныя дѣла 1648 года, № 67).

требовать, чтобъ архіепископъ выдалъ имъ своего сына боярскаго Турова, который вывелъ изъ города Ѳедора Емельянова; Макарій отвѣчалъ, что Туровъ отъ него сбѣжалъ; тогда архіепископа схватили, начали водить по площади и посадили въ богадѣльню на цѣпь, и сидѣлъ онъ на цѣпи съ часъ; выпустили его только тогда, когда онъ обѣщался къ 19 марта сыскать Турова; послѣ этого гиль не прекращался: каждый день набатъ, круги и совѣты. 21 марта вывели опять на площадь Шведа Нумменса, раздѣли и пытали полчаса. Арцыбашевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на цѣпи; его допрашивали: чей онъ холопъ,—Морозова или Хилкова.

На смѣну Собакину 25 марта пріѣхалъ изъ Москвы другой воевода, окольничій, князь Василій Петровичъ Львовъ. Сдавши городъ новому воеводѣ, Собакинъ хотѣлъ уѣхать, но Псковичи его не пустили: „Когда воротятся поздорову наши челобитчики изъ Москвы, тогда тебя и отпустимъ", говорили они. Новый воевода не долго пожилъ въ покоѣ. 28 марта пришли къ нему въ съѣзжую избу всякихъ чиновъ люди и начали требовать пороху и свинцу. „Зачѣмъ вамъ порохъ и свинецъ?" спросилъ Львовъ. „Развѣ что́ изъ-за рубежа слышно? если что́ слышно, то мы пошлемъ провѣдать. Съ Нѣмцами войны нѣтъ". Стрѣлецъ Коза отвѣчалъ: „Изъ-за рубежа не слыхать ничего, боимся московскаго рубежа; слышали мы, что идутъ къ намъ съ Москвы во Псковъ многіе служивые люди. Съ Нѣмцами войны нѣтъ, но намъ тѣ Нѣмцы,—которые съ Москвы будутъ по наши головы". Львовъ сказалъ на это: „Али вамъ съ государемъ драться? Пороху и свинцу вамъ не дамъ, развѣ, задавивъ меня, снять вамъ печать и ключи казенные". Тутъ закричали міромъ: „Съ ружьемъ! съ ружьемъ!" Загудѣли колокола, поднялся страшный шумъ, ругательства на Львова, крики: „Измѣнникъ! измѣнникъ!" Окружили съѣзжую избу, примѣривались изъ пищалей въ окно; стрѣлецъ Ивашка Колчинъ махалъ топоромъ, грозился срубить воеводу; Львовъ снялъ со стѣны Спасовъ образъ и говорилъ: „Православные христіане, какого вы измѣнника во мнѣ нашли государю? Вотъ вамъ Спасовъ образъ, что я не измѣнникъ государю! Порохъ и свинецъ берите силою, а волею я вамъ не дамъ". Порохъ и свинецъ были взяты, послѣ чего повели Львова во всегородную избу и вытребовали отъ него ключи городовые. Но этимъ дѣло не кончилось; пришли ко Львову и Собакину въ домы ихъ и кричали: „Если не пошлете съ нашими челобитчиками въ Москву дѣтей своихъ, то мы у васъ возьмемъ ихъ и не въ честь, а васъ побьемъ; а если дѣти ваши челобитныя гдѣ-нибудь по городамъ покажутъ и скажутъ, что у челобитниковъ челобитныя, а не у нихъ, и если государь что-нибудь велитъ сдѣлать надъ нашими челобитчиками, то мы васъ самихъ побьемъ до смерти". Воеводскіе сыновья были взяты силою.

30 марта пріѣхалъ изъ Москвы во Псковъ для розыска окольничій, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій. Старосты провели его на пустой дворъ Ѳедора Емельянова; но какъ скоро въ мірѣ узнали, что Волконскій остановился у Емельянова, то поднялся крикъ: „Измѣнникъ! сталъ на измѣнничьемъ дворѣ!" Волконскій, по пріѣздѣ, отправился, по обычаю, въ Троицкій соборъ, но у Довмонтовой стѣны окружила его толпа съ крикомъ: „Вотъ измѣнникъ! убейте его каменьемъ!" Услыхавъ эти крики, Волконскій поспѣшилъ къ собору и, вбѣжавъ въ церковь, началъ прикладываться къ образамъ. Но толпа ворвалась за нимъ въ церковь, взяла его за бороду и за волосы, и повели изъ церкви вонъ; стрѣлецъ Сенька Жегара ударилъ его плитою, сынъ попа Заплевы хватилъ обушкомъ. Избитаго привели Волконскаго на площадь, поставили на чанъ и спросили: „Съ чѣмъ ты во Псковъ пріѣхалъ?—„Съ чѣмъ присланъ, то и стану дѣлать", отвѣчалъ Волконскій. Взяли у него государеву грамоту и начали читать во весь міръ; когда дочли до того мѣста, гдѣ сказано было, что воровъ казнить, а инымъ наказанье чинить, и заводчики мятежа были названы поименно, то эти заводчики закричали: „Государь прислалъ казнить насъ, а мы здѣсь скорѣе казнимъ того, кто присланъ насъ казнить!" и кинулись на Волконскаго съ топорами и пищалями; но выборные люди не дали его убить, воры успѣли только ранить его топоркомъ въ голову. Потомъ гилевщики послали за Собакинымъ, поставили его на чанъ и порывались убить, крича: „Ты писалъ къ государю, что во Псковѣ хлѣбъ дешевъ, такъ мы тебя изъ Пскова не отпустимъ, поживи съ сами на дешевомъ хлѣбѣ!" Возвратились изъ Новгорода псковскіе казаки, посланные туда для вѣстей, и сказали, что Волконскій на дорогѣ жегъ какія-то письма, а въ Новгородѣ Великомъ тоже учинили мятежъ и гилеванье. Эти вѣсти раздули еще сильнѣе мятежъ, гилевщики пуще начали волноваться и кричать всѣмъ міромъ: „Не одни мы, и Новгородцы то же сдѣлали, теперь въ этомъ дѣлѣ два города!" Загудѣлъ набатъ, и Волконскаго другой разъ вывели на площадь для разпроса: какія письма онъ въ дорогѣ жегъ. Волконскій отвѣчалъ, что онъ писалъ государю о новгородскихъ вѣстяхъ, и черновую отписку на стану сжегъ, потому что ему не надобна, „а вамъ, Псковичамъ, до того дѣла не пристало". Но твердыми словами нельзя уже было унять гиля, а силы не было у воеводы: изъ дворянъ никто къ нему во Псковъ не пріѣхалъ, а которые и были въ городѣ, и тѣ отъ гилеванья мірскихъ людей разбѣжались. Стрѣльцы перестали слушаться головъ своихъ, били всѣмъ приказомъ голову Бориса Бухвостова и кричали: „Государь насъ не жалуетъ, прибираетъ солдатъ:" У Волконскаго взяли племянника и отправили въ Москву, говоря дядѣ: „Если не пошлешь, то мы тебя повѣсимъ на Ригинѣ горѣ".

Между-тѣмъ псковскіе челобитчики пріѣхали въ Москву. 12 мая государь приказалъ поставить ихъ передъ собою и разспросить. Помѣщикъ Григорій

Воронцовъ-Вельяминовъ сказалъ: „Посланъ я отъ своей братьи дворянъ и дѣтей боярскихъ, бить челомъ въ своей страдничьей винѣ, что къ челобитной руки приложили поневолѣ, потому что мірскіе люди захватили насъ врознь, въ небольшомъ числѣ, а пущіе воры заводчики: площадной подъячій Томилка Слѣпой, стрѣльцы Прошка Коза, Ивашка Копытовъ, Никита Сорокоумовъ, Андрюшка Савостьяновъ, съ братомъ Ваською, Ивашка Колчинъ, Сенька Жегара; посадскіе люди—Добрынка Банщикъ, Прохорка Мясникъ, Пашка Шапошникъ; два попа—Евсевій да Іаковъ Заплева; во всегородной избѣ теперь у нихъ сидятъ: староста Гаврилка Демидовъ да Михаилка Мишницынъ, стрѣлецкіе пятидесятники—Неволька Сидоровъ, Парамошка Лукьяновъ, Ѳедька Спырка; казаки—Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый; Троицкій протопопъ Аѳанасій, прозвищемъ Друганъ, да ключарь Діонисій, только протопопъ и ключарь сидятъ поневолѣ, да тутъ же сидитъ Георгіевскій съ болота попъ Яковъ; и тотъ ко всякимъ ихъ воровскимъ заводамъ и умыслу пристаетъ и думаетъ съ ними вмѣстѣ; сидятъ многіе посадскіе люди, только къ воровству не пристаютъ, сидятъ молча". Въ челобитной своей къ государю Псковичи писали: когда они просили воеводу не отдавать хлѣба Нѣмцамъ до государева указа, то Собакинъ грозилъ имъ ссылкою и смертною казнью; Нумменсъ въ разспросѣ грозилъ имъ войною; полковникъ Крафертъ, идучи съ царскими послами, во Псковѣ всѣ укрѣпленія осматривалъ; воеводу и архіепископа они не безчестили ничѣмъ; къ Емельянову на дворъ Нѣмцы пріѣзжаютъ: прежде онъ за воровство былъ пытанъ, и у солянаго пошлиннаго сбора съ площаднымъ подъячимъ Филькою Шемшаковымъ пошлины бралъ вдвое, втрое и впятеро, и пенныя деньги на всѣхъ людяхъ бралъ большія, во всемъ у него дума съ Семеномъ Стояновымъ, а норовятъ Нѣмцамъ; да онъ же, Емельяновъ, хвалитъ Нѣмецкую вѣру и обо всякихъ вѣстяхъ пишетъ къ Нѣмцамъ; чтобъ государь велѣлъ Емельянова прислать во Псковъ на очную ставку. Шведы будутъ подъ Новгородомъ на Христовъ день, подо Псковъ—на Николинъ или Троицынъ день, почему они, Псковичи, и ключи городовые у воеводы взяли. Если Шведская королева придетъ войной за денежную и хлѣбную казну и за перебѣжчиковъ, то они, Псковичи, противъ Шведовъ ради стоять. При прежнихъ государяхъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, иноземцы никакіе не служили. При царѣ Михаилѣ ратнымъ людямъ давали жалованье безъ убавки, а теперь у служивыхъ людей жалованье наполовину отнято, а инымъ вовсе не даютъ; а которымъ служивымъ людямъ даютъ жалованье по жалованнымъ грамотамъ, то воеводы и дьяки даютъ не противъ жалованныхъ грамотъ, и отъ этого жалованья со всѣхъ служивыхъ людей, кромѣ пригородовъ, берутъ посуловъ въ годъ рублей по 500 и больше; на указные сроки жалованья не выдаютъ, а даютъ, норовя кабацкимъ откупщикамъ, подъ праздники, чтобъ жалованье ложилось у кабацкихъ откупщиковъ. Москвичи природные служивые и всякихъ чиновъ люди безвинно изъ Москвы въ Сибирь поразосланы, многіе помучены и палицами побиты и въ водѣ потоплены, а иные въ Сибири между горъ въ пропастяхъ поустроены. Ругу даютъ на церкви передъ прежнимъ въ-половину, и церкви безъ архіепископскаго и воеводскаго призрѣнья валятся розно. Воевода Собакинъ бралъ въ рядахъ изъ лавокъ всякіе товары и ремесленныхъ людей заставлялъ на себя всякія работы работать насильно, а денегъ не давалъ; сыновья его многихъ вдовъ, замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, перенимая по улицамъ и на рѣкахъ по портомойнямъ, съ своими дворовыми людьми, насильствомъ позорили. Писцы посадскихъ людей написали передъ крестьянами тяжело, положили на нихъ тягло семь доль, а на крестьянъ осьмую долю. Шелонской пятины крестьянинъ Артемка сказалъ во Псковѣ, что въ Новгородѣ въ нѣмецкой сказкѣ (въ допросныхъ рѣчахъ) написано: какъ будутъ Нѣмцы подо Псковъ, то изъ Москвы придетъ бояринъ Морозовъ и сдастъ Псковъ Нѣмцамъ безъ бою.—Псковичи просили, чтобъ государь для подлиннаго сыску прислалъ во Псковъ Никиту Ивановича Романова, который государю радѣетъ и о Землѣ болитъ. Прося явно о присылкѣ Романова, Псковичи тайно отправили въ Москву казака Михаила Карпова; проселочными дорогами пробрался казакъ и подалъ боярину Никитѣ челобитную: въ ней Псковичи просили, чтобъ впередъ во Псковѣ воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ; просили также не позывать Псковичей въ Москву. Романовъ привелъ казака и съ челобитной къ царю.

Царь велѣлъ всѣмъ челобитчикамъ видѣть свои очи и отпустилъ ихъ съ отвѣтною грамотою къ Псковичамъ на всѣ статьи челобитной. Относительно жалобъ на злоупотребленія былъ одинъ отвѣтъ: „Холопи наши и сироты намъ, великимъ государямъ, никогда не указывали, и вамъ надобно было челомъ бить до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться". Насчетъ Краферта царь отвѣчалъ: „Крафертъ у насъ въ вѣчномъ холопствѣ и подалъ намъ чертежъ какъ укрѣплять Псковъ". Объ иноземцахъ: „Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнусъ и многіе иноземцы". О Романовѣ: „Написали вы это по воровскому заводу; намъ онъ, бояринъ, нашъ холопъ, служитъ съ своею братьею боярами вмѣстѣ, а недоброхота между боярами никого нѣтъ. При предкахъ нашихъ никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впередъ того не будетъ". Царская грамота оканчивалась угрозою, что если Псковичи не покорятся, то пойдутъ на нихъ: бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, да князь Михайла Петровичъ Пронскій со многими ратными людьми и съ нарядомъ. Въ грамотѣ къ архіепископу Макарію царь выставлялъ

поведеніе Никона въ Новгородѣ образцовымъ, писалъ, что его митрополичьимъ радѣньемъ и князя Хованскаго службою Новгородцы въ познанье пришли.

Тотъ же Хованскій шелъ теперь на Псковъ, спрашивая встрѣчавшихся ему помѣщиковъ, гдѣ удобнѣе остановиться подъ городомъ. Тѣ указывали ему на Снетную гору. 28 мая онъ приблизился ко Пскову и былъ встрѣченъ стрѣльбою изъ большаго наряда; въ то же время многіе пѣшіе и конные люди вышли изъ города и стрѣляли изъ мелкаго ружья; отвѣту имъ не было, потому что Хованскій запретилъ своимъ биться съ Псковичами. Но Псковичи не думали платить учтивостію за учтивость: они напали на обозъ и успѣли подхватить шесть телѣгъ съ имѣніемъ Хованскаго; только телѣга съ разрядными дѣлами была у нихъ отбита. Хованскій сталъ на Снетной горѣ и писалъ къ государю, что у него людей мало, осадить городъ и воротъ отнять некѣмъ, всего войска у него до 2,000, да въ Любятинскомъ монастырѣ оставлено имъ 700 человѣкъ, а между Любятинскимъ монастыремъ и Снетною горою верстъ съ десять. Запасовъ ничего нѣтъ; уѣздные люди съ Псковичами заодно воруютъ, по дорогамъ стоятъ, людей хватаютъ и во Псковъ отводятъ, а хлѣбъ всякій по лѣсамъ похоронили. „А найдутъ на насъ Псковичи на Снетную гору съ нарядомъ, и намъ никакъ стоять нельзя, и больше пяти дней на Снетной горѣ стоять нельзя, потому что конскихъ кормовъ нѣтъ“.

Пришлось однако простоять больше пяти дней. Псковичи не думали сдаваться и говорили: „Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, такъ не сдадимся; города вскорѣ не разобьютъ и не возьмутъ, а намъ въ городѣ есть съ чѣмъ сидѣть,—хлѣба и запасовъ будетъ лѣтъ на десять“. Написали въ Гдовъ,—Гдовцы съ Псковичами сложились заодно. Пріѣхали челобитчики изъ Москвы и сказали міру отвѣтъ государевъ. „Вы говорите это по наученію измѣнниковъ!“ закричала толпа, и одного изъ челобитчиковъ, Ѳедьку Коновалова, повели на пытку, зачѣмъ привезъ грамоту не отъ государя. Въ своемъ рѣшеніи не сдаваться гилевщики поддерживались росказнями, привозимыми изъ-за границы: одинъ разсказывалъ, что былъ по торговымъ дѣламъ въ Нейгаузенѣ, и тамъ на городовыхъ воротахъ прибитъ листъ, на листу написана королева, какъ живая сидитъ, съ мечемъ, а внизу подъ нею, наклонясь, стоитъ праведный государь Алексѣй Михайловичъ. Другой разсказывалъ: встрѣтился онъ на рубежѣ съ Литовцами, и тѣ говорили, что царь Алексѣй Михайловичъ теперь въ Польшѣ, выѣхалъ изъ Москвы самъ-шестъ, тому недѣль съ тридцать; сами они, Литовцы, государя видѣли; король его жалуетъ и смотрятъ на него всѣ, что на красное солнце; стояли бы Псковичи противъ Хованскаго крѣпко, а государь будетъ съ казаками Донскими и Запорожскими подо Псковъ на выручку скоро. Третій разсказывалъ, что государя дѣйствительно на Москвѣ нѣтъ: подкатили подъ палату зелья, но государя спасла втайнѣ жена Морозова.

Хованскій послалъ уговаривать Псковичей дворянъ Савву Бестужева съ одиннадцатью товарищами. Псковичи привели посланныхъ во всегородную избу и разспрашивали порознь, ограбили, били и называли измѣнниками: „У васъ Нѣмцы“, говорили они, „а намъ, Псковичамъ, если какая немѣра будутъ, то у насъ будутъ Поляки для выручки“; всѣхъ бояръ и думныхъ людей называли измѣнниками; про Хованскаго кричали: „Онъ Великій Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ, да будемъ ѣсть“. Грамоту Хованскаго прочли на весь міръ на чанахъ, а дворянъ заперли. Послѣ полудня зазвонили въ колоколъ, собрался скопъ, и начали думать—побить дворянъ Хованскаго или отпустить. Порѣшили на томъ, что Бестужева убили, двоихъ отпустили назадъ къ Хованскому, а девятерыхъ посадили въ тюрьму. Всѣмъ распоряжался староста Гаврила Демидовъ. Заводчики написали-было грамоту къ Литовскому королю, чтобы прислалъ имъ людей на помощь, но міръ не согласился и грамоту не отправили.

Хованскій велѣлъ дѣлать мостъ подъ Снетною горою черезъ Великую-рѣку, чтобъ у Псковичей и за Великою-рѣкою засады и дороги заступить. Провѣдавъ про мостъ, Псковичи начали приходить ежедневно и стрѣлять по таборамъ и такимъ образомъ не давали навести моста. 31 мая сдѣлали они вылазку и сожгли острогъ, который былъ устроенъ за Великою-рѣкою для укрѣпленія Снетной горы; приступали и къ острожку, который находился между Снетною горою и Любятинскимъ монастыремъ, но были отбиты. Хованскій доносилъ, что Псковичи надъ убитыми его ратными людьми ругались, какъ и звѣрь не дѣлаетъ; воевода продолжалъ писать жалобныя отписки: „Вылазки, государь, и бои ежедневные, а у дворянъ и дѣтей боярскихъ запасовъ мало; дѣти боярскія мелкія, казаки, стрѣльцы и въ постные дни ѣдятъ мясо“. 18 іюня была новая сильная вылазка изъ Пскова— и опять отбита: Псковичей гнали до самыхъ городовыхъ воротъ и убили у нихъ человѣкъ съ 300.

Несмотря на то, Псковичи не сдавались, и противъ нихъ отправился не князь Трубецкой со многими ратными людьми: 4-го іюля поѣхали во Псковъ изъ Москвы Рафаилъ, епископъ Коломенскій, Сильвестръ, архимандритъ Андроньевскій, Михаилъ, протопопъ Черниговскій, и выборные люди изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, гостей и дворовыхъ людей. Посланные должны были уговаривать Псковичей, чтобъ они впустили князя Хованскаго и выдали зачинщиковъ: Гаврилку Демидова, Мишку Мошницына, Дружинку Бородина, Прошку Козу да Ваську Копыто, за что получатъ прощеніе, въ противномъ случаѣ государь пойдетъ на нихъ самъ и велитъ ихъ до конца разорить. Къ Хованскому былъ посланъ приказъ: „Старостѣ Гаврилѣ Демидову писать тайно, чтобъ онъ обратился, вину свою принесъ и изъ города ушелъ къ

тебѣ въ полки; за это къ нему государская милость будетъ; также и къ стрѣльцамъ писать тайно, чтобъ они ворота отворили и тебя пустили!“ Но Хованскій продолжалъ присылать въ Москву печальныя вѣсти: „Сумерской волости солдаты измѣнили, сложились съ Гдовцами заодно, и у Псковичей всѣмъ этимъ людямъ положенъ срокъ быть въ Псковъ за недѣлю до Ильина дня, и если такая многая пѣхота придетъ, то чаемъ всякаго худа отъ малолюдства. Изборяне измѣнили, сложились со Псковичами“.

26 іюля указалъ государь быть собору о псковскомъ воровскомъ заводѣ; на соборѣ быть боярамъ, окольничимъ и т. д., изъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, московскимъ гостямъ, гостинныя, суконныя и черныхъ сотенъ торговымъ людямъ и стрѣльцамъ, быть изъ гостинной и суконной сотенъ старостамъ по 5 человѣкъ, а изъ черныхъ сотенъ по сотскому. На соборѣ совѣтнымъ людямъ разсказали все поведеніе Псковичей, и какъ они, выходя изъ города, разоряютъ домы дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются: груди вспарываютъ и, горла прорѣзавъ, языки вытаскиваютъ; въ уѣздѣ побили помѣщиковъ Авдѣя Бѣшенцова, жену его и дѣтей, сожгли и убили Неклюдова, Ногина, псковскаго гостя Никулу Хозина; приходятъ и въ Шелонскую пятину, бьютъ помѣщиковъ. Послѣ этого объявленія предложенъ былъ вопросъ: „Если Псковичи Рафаила епископа и выборныхъ людей не послушаютъ, то съ ними что дѣлать?“ Отвѣта совѣтныхъ людей не сохранилось; но къ Рафаилу былъ посланъ указъ не требовать выдачи заводчиковъ гиля, уговаривать Псковичей вины свои принести и обѣщать имъ, если они покорятся и государю крестъ поцѣлуютъ, то князь Хованскій немедленно отступитъ отъ Пскова въ Новгородъ. Не требовать выдачи заводчиковъ мятежа совѣтовалъ Никонъ. Еще въ началѣ мая посылалъ онъ Софійскаго дома стряпчаго Богдана Сназина уговаривать Псковичей, чтобъ вины свои государю принесли. Сназина у городскихъ воротъ схватили караульщики и привели во всегородную избу къ выборнымъ людямъ, посадскому человѣку Гаврилѣ Демидову и къ дворянину Ивану Чиркину съ товарищами; выборные взяли у Сназина грамоты, распечатали, прочли и велѣли бить въ сполошный колоколъ; народъ сошелся къ избѣ и ему начали читать митрополичьи грамоты. Выслушавъ, Псковичи стали бранить митрополита невѣжливыми словами всячески: „Его мы отписокъ не слушаемъ; будетъ съ него и того, что Новгородъ обманулъ, а мы не Новгородцы, повинныхъ намъ къ государю не посылывать, и вины надъ собою никакой не вѣдаемъ“. Сназина сначала сковали, потомъ отпустили съ отвѣтомъ, чтобъ митрополитъ къ нимъ впредь не писалъ и никого не присылалъ, а кого пришлетъ, тому спуску не будетъ. Никонъ, убѣдившись, что заводчики мятежа слишкомъ сильны во Псковѣ, и видя, что недостатокъ энергическихъ мѣръ со стороны Москвы только длитъ войну и разоренье, написалъ къ государю:

„Мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что у Псковичей учинено укрѣпленье великое и крестное цѣлованье было, что другъ друга не подать, а тѣ четыре человѣка, которыхъ велятъ имъ выдать, во Псковѣ владѣтельны и во всемъ ихъ Псковичи слушаютъ; а если псковскіе воры за этихъ четырехъ человѣкъ станутъ, и для четырехъ человѣкъ твоя вотчина около Пскова и въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Шелонской и Вотской пятинахъ и въ Луцкомъ уѣздѣ и въ Пустой Ржевѣ разорится: многіе люди, дворяне и дѣти боярскія, ихъ жены и дѣти посѣчены и животы ихъ пограблены, села и деревни пожжены, а иные всякихъ чиновъ люди подо Псковомъ и на дорогахъ побиты, а я съ архимандритами, игумнами и съ новгородскими посадскими людьми и крестьянами, подводы нанимая дорогою цѣною подъ ратныхъ людей и подъ запасы, вконецъ погибли, твоя отчина пустѣетъ, посадскіе людишки и крестьянишки бредутъ врознь. Вели, государь, и тѣмъ четыремъ человѣкамъ, пущимъ ворамъ, вмѣсто смерти животъ дать, чтобъ Великому Новгороду и его уѣзду въ конечномъ разореніи не быть. А тѣмъ промысломъ Пскова не взять; которые люди подъ Псковомъ, и тѣхъ придется потерять, а Новгороду отъ подводъ и ратныхъ людей будетъ запустѣнье. А я, уговаривая Новгородцевъ, далъ имъ свое слово, что тебѣ, государю, за ихъ вину бить челомъ, и потому Новгороду и твоей казнѣ убытка и людямъ порухи никакой не было; да и впредь бы мнѣ о всякихъ твоихъ государевыхъ дѣлахъ говорить съ Новгородцами надежно и постоятельно. А какъ пріѣхалъ въ Новгородъ бояринъ, князь Иванъ Никитичъ Хованскій, и онъ Новгородцамъ божился, что имъ никакой жесточи за ихъ вину не учинитъ; а теперь Псковичи, слыша, что воры сидятъ въ Новгородѣ въ тюрьмахъ, боясь того же, никакому увѣщанію не вѣрятъ, на новгородскихъ воровъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, указываютъ: „И намъ то же будетъ!“

Но откуда проистекала эта нерѣшительность употребить сильныя мѣры, нерѣшительность исполнить угрозу: выслать большое войско съ Трубецкимъ? Не будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ собственными догадками; укажемъ только на одно опасеніе, о которомъ прямо говорятъ источники: тотчасъ послѣ собора призваны были черныхъ сотенъ сотскіе въ Посольскій приказъ и говорено имъ, чтобъ извѣщали государю про всякихъ людей, которые станутъ воровскія рѣчи говорить или въ народѣ вмѣщать.

Между тѣмъ военныя дѣйствія подъ Псковомъ продолжались. 12 іюля Псковичи сдѣлали сильную вылазку, хотѣли взять острогъ за Великою-рѣкою; завязался бой большой, потому что Хованскій пришелъ съ Снетной горы на помощь острожку. Псковичи были отбиты и потеряли больше 300 человѣкъ, пушки и знамена. Заводчики мятежа сильно сердились на архіепископа Макарія, что онъ не помо-

гаетъ ихъ дѣлу. Однажды пришла въ соборную церковь вооруженная толпа, кричала на Макарія, угрожала смертію, зачѣмъ онъ своимъ приказнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ не велѣлъ ходить на вылазки и на караулы; кричали: „Въ Троицкомъ дому до людей, до лошадей, до хлѣба и до денегъ тебѣ дѣла нѣтъ, то все надобно городу!“ Іюля 30 пришли къ Макарію выборные докладывать объ іордани для 1-го августа; архіепископъ воспользовался случаемъ и началъ говорить, чтобъ повинились государю, пріискалъ статью въ Псковскомъ лѣтописцѣ, гдѣ написано было съ большими клятвами, чтобъ отъ своего государя въ городѣ не затворяться и рукъ противъ него не поднимать. Выборные, пришедши во всегородную избу, велѣли эти слова Макарія записать, зазвонили въ колоколъ, и прочли ихъ при всемъ народѣ; слѣдствіемъ было то, что архіепископа взяли изъ церкви во время службы, посадили въ богадѣльню и положили на него большую цѣпь.

Но Макарія выпустили изъ богадѣльни къ половинѣ мѣсяца, потому что пришла вѣсть о приближеніи Рафаила съ выборными. 17 августа они имѣли во Псковъ торжественный входъ; архіепископъ Макарій съ духовенствомъ и съ народомъ встрѣтилъ ихъ за полверсты отъ города; въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебенъ, послѣ молебна читали государеву грамоту; когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что Псковичи хотѣли посылать грамоту къ Литовскому королю, то всѣ начали кричать, что они такой грамоты не писали и не читали, и въ умѣ у нихъ этого не было. На другой день Псковичи объявили Рафаилу, что они вины свои приносятъ государю и готовы цѣловать крестъ, но если въ крестоприводной записи будетъ написано о литовской грамотѣ, то они креста цѣловать не будутъ. Рафаилъ исключилъ это мѣсто, и 20 числа поутру поцѣловали крестъ старосты и лучшіе люди; но послѣ обѣда началось волненіе, стали кричать: „Въ крестоприводной записи написано о Нѣмчинѣ Нумменсѣ, о гостѣ Емельяновѣ, о томъ, что мы, Псковичи, въ уѣздѣ помѣщиковъ, женъ и дѣтей ихъ били; но кто Нѣмчина билъ и дворъ Емельянова грабилъ и въ уѣздахъ помѣщиковъ побивалъ, тотъ бы и крестъ цѣловалъ, а мы не хотимъ“. Накинулись на старостъ и выборныхъ людей, хотѣли ихъ убить, кричали имъ: „Для чего вы противъ этихъ статей крестъ цѣловали?“ Этимъ воспользовались гилевщики; попъ Евсѣй, староста Демидовъ, Томилка Слѣпой кричали, что ненадобно креста цѣловать, и говорили про государя рѣчи уму человѣческому невмѣстимыя. На другой день, когда нужно было приводить ко кресту остальныхъ, въ самой соборной церкви начался страшный шумъ и многіе пошли-было изъ церкви вонъ, но Рафаилъ съ товарищами убѣдилъ ихъ возвратиться присягнуть. „Какъ же“, говорилъ онъ, „вы прежде утверждали, что воровъ и заводчиковъ у васъ нѣтъ, что всѣ вы виноваты; а теперь запираетесь и складываете вину на немногихъ?“ Шумъ унялся, всѣ цѣловали крестъ, но попъ Евсѣй со своими товарищами попами къ повинной руки не приложилъ. Въ Москву были отправлены челобитчики съ повинною къ государю.

Рафаилъ именемъ царскимъ объявилъ всепрощеніе; но стоило только утихнуть волненію, какъ лучшіе люди взяли верхъ и начали управляться съ заводчиками: сковали и посадили во всегородную избу старосту Гаврилу Демидова за то, что въ мятежъ изъ тюрьмы воровъ распустилъ и шишей въ уѣзды разсылалъ дворянъ побивать, въ Псковѣ всякій мятежъ и гиль чинилъ и, напившись пьянъ, изъ пушекъ стрѣлять приказывалъ. Схватили Егорьевскаго попа Фирса, который, собравшись съ шишами, разорялъ уѣзды. Воевода Львовъ велѣлъ-было грубнымъ старостамъ хватать воровъ, выпущенныхъ Демидовымъ,—воры разбѣжались; воевода велѣлъ сыскать поручиковъ—поручики оказались заводчики гиля, Коза и Копыто съ товарищами, которые начали кричать, что сыскивать воровъ не будутъ, и воевода, опасаясь новаго мятежа, оставилъ поручиковъ въ покоѣ. Но лучшіе люди не хотѣли оставить гилевщиковъ въ покоѣ; они били челомъ на заводчиковъ мятежа: Прошку Козу, Іева Копыто, Никиту Сорокоума, Ивана Клобучкова, перехватали ихъ и отдали князю Львову, который велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму; къ тюрьмѣ сталъ собираться народъ, начались толки: „Государь насъ простилъ во всемъ, а князь Львовъ сажаетъ въ тюрьму и чинитъ наказанье, бьетъ кнутомъ,—въ томъ государь воленъ, а намъ попрежнему *бить въ тарарыку*; если государь изволитъ самъ быть во Псковѣ, то мы ему всѣ повинны головами своими, а если пришлетъ бояръ съ людьми ратными и велитъ насъ вывесть, то мы женъ своихъ и дѣтей побьемъ, а сами на зельѣ (порохѣ) помремъ“. Между тѣмъ подъячій Захаръ Осиповъ подалъ челобитную, въ которой объявлялъ, что въ мятежное время староста Гаврилка Демидовъ взялъ его, Захара, для письма въ земскую избу, держалъ неволею и велѣлъ писать листъ къ Литовскому королю о присылкѣ на помощь 5,000 ратныхъ людей; Осиповъ объявилъ, что въ думѣ объ этой измѣнѣ было всего четыре человѣка. Когда изъ Москвы возвратились челобитчики, отправленные къ государю съ повинною, то князь Львовъ созвалъ Псковичей, объявилъ имъ государскую милость и говорилъ, чтобъ они не стояли за гилевщиковъ, которые послѣ крестнаго цѣлованія хотѣли опять завести воровской заводъ: Гаврила Демидовъ у соборной церкви билъ стрѣльца за то, что тотъ обличалъ его воровство; Томилка Слѣпой приходилъ къ стрѣльцу Игнашкѣ Мухѣ и говорилъ, чтобъ имъ завести мятежъ. Лучшіе люди отдали Демидова и Слѣпаго. 21 ноября Демидовъ, Слѣпой, Коза, Копыто, Сорокоумовъ, Клобучковъ, Шапошниковъ, Семяковъ были вывезены изъ Пскова въ Новгородъ и тамъ посажены въ тюрьму въ оковахъ. Когда ихъ повезли, то многіе

Псковичи собрались съ женами и дѣтьми и провожали ихъ за городъ, причемъ слышались слова: „Во Псковѣ государь казнить ихъ не велѣлъ, а велѣлъ сослать въ Новгородъ, и если въ Новгородѣ государь велитъ ихъ казнить, то намъ всѣмъ казненнымъ и сосланнымъ быть".

23 ноября земскіе старосты подали челобитную на Дружинку Бородина, что заводитъ прежнеее воровство, гиль и мятежъ. Бородина схватили, били кнутомъ по торгамъ нещадно и отдали за пристава для ссылки въ Москву. Въ это время пришелъ царскій указъ выслать въ Москву половину псковскихъ стрѣльцовъ на службу и подводы для нихъ взять во Псковѣ. Чтобъ толковать о подводахъ, собрались въ земскую избу старосты, посадскіе люди, монастырскіе служки и ямщики; Бородинъ захотѣлъ воспользоваться этимъ и прислалъ съ женою въ земскую избу возмутительное письмо, но обманулся въ разсчетѣ: земскіе старосты принесли это письмо въ съѣзжую избу къ воеводѣ. Касательно дальнѣйшей судьбы заводчиковъ извѣстна грамота государева къ Шведской королевѣ Христинѣ, чтобъ та прислала своихъ людей въ Новгородъ для присутствія при казни мятежниковъ, оскорбившихъ Нумменса; но отвѣта на это предложеніе не было. Такъ рушились всѣ попытки возобновить мятежъ. Въ Москвѣ государь созвалъ всѣхъ тѣхъ, которые были на сборѣ 26 іюля, и объявилъ имъ: „Псковичи вины свои принесли, присягу дали, и мы ихъ прощаемъ" [1]).

Когда все успокоилось въ Новгородѣ и Псковѣ, въ 1651 году Никонъ пріѣхалъ въ Москву и успѣлъ снова пріобрѣсти могущественное вліяніе на молодаго царя, ибо прежнее вліяніе было поколеблено отсутствіемъ. Никонъ уговорилъ государя перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Іова изъ Старицы и мощи Филиппа митрополита изъ Соловокъ. За мощами Филиппа отправился самъ Никонъ въ сопровожденіи боярина князя Ивана Никитича Хованскаго и Василія Отяева. Торжество это имѣло не одно религіозное значеніе: Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною; онъ былъ низвергнутъ царемъ Іоанномъ за смѣлыя увѣщанія, умерщвленъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Богъ прославилъ мученика святостію; но свѣтская власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ грѣхѣ своемъ, и этимъ покаяніемъ не отказалась отъ возможности повторить когда-либо подобный поступокъ относительно власти церковной. Никонъ, пользуясь религіозностію и мягкостію молодаго царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжественное покаяніе. Онъ отыскалъ примѣръ въ преданіяхъ Византійскихъ, какъ императоръ Ѳеодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью Святому: и Никонъ повезъ въ Соловки грамоту царя Алексѣя къ Св. Филиппу: „Молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобъ разрѣшить согрѣшенія прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе того изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставивши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію, приди къ намъ, Св. владыка! Оправдался евангельскій глаголъ, за который ты пострадалъ: „Всяко царство, раздѣльшееся на ся не станетъ", и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекословящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ твоей паствѣ изобилуетъ, нѣтъ уже болѣе въ твоей паствѣ никакого раздѣленія: всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй себя желающимъ тебя, приди съ миромъ во свояси, и свои тебя съ миромъ примутъ" [2]).

Везя съ собой покаяніе царя въ томъ, что нѣкогда царь не послушался увѣщаній архіерейскихъ, Никонъ считалъ себя въ полномъ правѣ требовать отъ сопровождавшихъ его вельможъ, чтобъ они безпрекословно исполняли его распоряженія относительно дисциплины церковной. Послышались жалобы на неумѣренность требованій Новгородскаго митрополита; люди съ характеромъ, подобнымъ Никонову, не очень способны къ умѣренности въ чемъ бы то ни было; притомъ же, крутой по природѣ, Никонъ не имѣлъ возможности пріобрѣсть мягкость въ обхожденіи посредствомъ воспитанія и требованій общественныхъ; тогдашнее общество не требовало этой мягкости. Жалобы достигли Двора, царя. Но пусть самъ царь разскажетъ намъ о томъ, что происходило въ Москвѣ въ 1652 году, въ время отсутствія Никона, пусть разскажетъ намъ о своихъ отношеніяхъ къ вельможамъ, патріарху и особенно къ самому Никону; пусть этимъ простосердечнымъ своимъ разсказомъ введетъ насъ въ тотъ вѣкъ, въ то общество.

„Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси, великому солнцу сіяющему, пресвѣтлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, отъ насъ, земнаго царя, поклонъ. Радуйся, архіерей великій, во всякихъ добродѣтеляхъ подвизающійся! Какъ тебя, великаго святителя, Богъ милуетъ? А я, грѣшный, твоими молитвами, далъ Богъ, здоровъ. Не кручинься, Господа ради, что про Савинское дѣло не писалъ къ тебѣ, а писалъ и сыскъ послалъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла приказныя 1650 г., № 24, 53, 63, 64, 85, дѣла 1652 года, № 72.

[2]) Собр. гос. грам. и догов. III, № 147.

къ келарю; ей, позабылъ, а тутъ въ одинъ день прилучились всѣ отпуски, а я усталъ, и ты меня, владыка святый, прости въ томъ: ей, безъ хитрости не писалъ къ тебѣ. Да пожаловать бы тебѣ, великому святителю, помолиться, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобъ, ради твоихъ молитвъ, разнесъ Богъ съ робеночкомъ; уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасть съ кручины; Бога ради, молись за нее. Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: многолѣтіе у насъ поютъ вмѣсто патріарха: спаси, Господи, вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ нашихъ, и вся христіане, Господи спаси; и ты отпиши къ намъ, великій святитель, такъ ли надобно пѣть, или иначе какъ-нибудь, и какъ у тебя святителя поютъ?" Любопытно видѣть здѣсь, какъ царь проситъ прощенія у Никона въ томъ, что не писалъ ему про какое-то Савинское дѣло, клянется, что сдѣлалъ это безъ хитрости; значитъ, что о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ царь считалъ своею обязанностью увѣдомлять Новгородскаго митрополита.

Другое письмо, болѣе любопытное, начинается такъ: „Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О крѣпкій воинъ и страдалецъ Царя Небеснаго, и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ; надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу такъ свѣтлосіяющему въ архіереяхъ, какъ солнцу свѣтящему по всей вселенной, такъ и тебѣ сіяющему по всему нашему государству благими нравами и дѣлами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному. Спрашиваемъ о твоемъ святительскомъ спасеніи, какъ тебя, свѣта душевнаго нашего, Богъ сохраняетъ; а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіей и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіанскій нарицаюсь, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не только въ цари, да еще и грѣшенъ, а называюсь Его же Свѣтовъ рабъ, отъ Кого созданъ; и вашими святыми молитвами, мы и съ царицею, и съ сестрами, и съ дочерью, и со всѣмъ государствомъ, далъ Богъ, здорово. Да будь тебѣ, великому святителю, вѣдомо: за грѣхъ всего православнаго христіанства, особенно же за мои окаянные грѣхи, Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря, великаго господина киръ-Іосифа, патріарха Московскаго и всея Руси, изволилъ его вселити въ нѣдра Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бы, отцу нашему, было вѣдомо; а мать наша Соборная и Апостольская Церковь вдовствуетъ, слезно сѣтуетъ по женихѣ своемъ, а какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мать наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющая подружія: такъ и она не имѣя жениха своего, печалится; и все перемѣнилось не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ дѣламъ разсужденія нѣтъ и худо безъ пастыря дѣтямъ жить. Какъ начали у меня (въ великій четвертокъ) вмѣсто Херувимской первый стихъ *Вечери твоея тайныя* пѣть, и пропѣли первый стихъ, прибѣжалъ келарь Спасскій и сказалъ мнѣ: „Патріарха, государь, не стало!" а въ ту пору ударилъ царь колоколъ три раза, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали, и то со слезами, а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей всѣхъ со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? да къ такимъ днямъ великимъ кого мы, грѣшные, отбыли? Какъ овцы безъ пастуха не вѣдаютъ гдѣ дѣться, такъ и мы теперь, грѣшные, не вѣдаемъ, гдѣ главы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго—нѣтъ. Отпѣвши обѣдню, пришелъ я къ нему, свѣту, а онъ государь уже преставился, лежитъ какъ есть живъ, и борода расчесана лежитъ, какъ есть у живаго, и самъ немѣрно хорошъ; и, простясь съ нимъ и поцѣловавъ въ руку, пошелъ я къ умовенію ногъ. Въ пятницу вынесли его, свѣта, къ Ризъ-Положенію. Я вечеромъ пошелъ одинъ къ Ризъ-Положенію, и какъ подошелъ къ дверямъ полунощнымъ, а у него никакого сидѣльца нѣтъ, кому велѣлъ быть игумнамъ, тѣ всѣ разъѣхались, и я ихъ велѣлъ смирять митрополиту; да такой грѣхъ, владыко святый, кого жаловалъ (покойный), тѣ ради его смерти, лучшій Новинскій игуменъ—тотъ первый поѣхалъ отъ него домой, а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколько Богъ помочи далъ; а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ говоритъ во всю голову кричитъ, и двери всѣ отворилъ; и я началъ ему говорить: „Да чего ты не по подобію говоришь!"—„Прости, государь", отвѣчалъ онъ, „страхъ нашелъ великій, въ утробѣ у него, святителя, безмѣрно шумѣло, такъ меня и страхъ взялъ; вдругъ взнесло животъ у него, государя, и лицо въ ту-жъ пору стало пухнуть; меня и страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ, для того я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать". И на меня, прости, владыко святый, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а вотъ и при мнѣ грыжа-то ходитъ очень прытко въ животѣ, какъ есть у живаго; и мнѣ пришло помышленіе такое отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ тебя вскоча удавитъ! и я, перекрестясь, взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего бояться? Да въ ту-жъ пору какъ есть треснуло у него въ устахъ и я досталь испужался, да поостоялся, такъ мнѣ полегчѣло отъ страха, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку его съ молитвою взялъ. А погребли

въ Субботу Великую, и мы надсѣлись, плачучи, а меня, перваго грѣшнаго, мерзкаго, которая мука не ждетъ? ей, всѣ ожидаютъ меня за злыя дѣла, и достоинъ я, окаянный, тѣхъ мукъ и за свои согрѣшенія; а бояре и власти то же всѣ говорили между собою; не было такого человѣка, который бы не плакалъ, на него смотря, потому: вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, и это къ такимъ великимъ днямъ стало! И которые отъ ближнихъ были со мною, всѣ перервались плачучи, а всѣхъ пуще Трубецкой, да Михайла Одоевскій, да Михайла Ртищевъ, да Василій Бутурлинъ плакали по немъ, государѣ, что Богъ изволилъ скорымъ обычаемъ взять, и свои грѣхи вспоминаючи. Да сказывалъ мнѣ Василій Бутурлинъ, а ему сказывалъ патріарховъ дьякъ: мнѣніе на него, государя, великое было, то и говорилъ—перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а если и не отставятъ, то я самъ отъ срама объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ идти, какъ отставятъ, безпрестанно то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего? У меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей, и на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыка святый, хотя бы и еретичества держался и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собора? Чаю, владыка святый, хотя и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, но то же скажешь, что отнюдь того не бывало, чтобъ его, свѣта, отставить или ссадить съ безчестіемъ. А келейной казны у него, государя, осталось 13,400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдъ, сковородокъ, кубковъ, стопъ и тарелокъ много хорошихъ, и переписывалъ я самъ келейную казну, а если бы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали: рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки, самъ онъ, государь, вѣдалъ наизусть, отнюдь ни который келейникъ сосудовъ тѣхъ не вѣдалъ; а какое, владыка святый, къ нимъ строенье было у него, государя,—въ умъ мнѣ грѣшному не вмѣстится! Не было того сосуда, чтобъ не впятеро обверчено бумагою или киндякомъ! Да и въ томъ меня, владыка святый, прости. Немного и я не покусился на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей-ей, владыка святый, ни до чего не дотронулся, могъ бы я и вчетверо цѣну дать, да не хочу для того, что отъ Бога грѣхъ, отъ людей зазорно: какой я буду приказчикъ? самому мнѣ брать, а деньги мнѣ платить себѣ же? а теперь немѣрно радъ, что ни до чего не дотронулся. Всякимъ людямъ, которые были у патріарха на жалованьи, давалъ я изъ своихъ рукъ по десяти рублей; собиралъ я ихъ въ крестовую и говорилъ со слезами, чтобъ поминали и не роптали; и они всѣ плакали и благодарили; и говорилъ имъ я, чтобъ поклонцевъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили; да и то я имъ говорилъ: есть ли между вами такой, кто-бъ раба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ; иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбитъ и напрасно бьютъ; а онъ, великій святитель, отецъ нашъ, если кого и понапрасну оскорбилъ, можно и потерпѣть, да уже чтобъ то ни было, теперь пора всякую злобу покинуть, молитесь и поминайте съ радостію его, свѣта, сколько сила можетъ. А не дать было имъ и не потѣшить деньгами, поднялось бы роптаніе большое, потому что вконецъ бѣдны, и онъ, свѣтъ, у нихъ жалованья гораздо много убавилъ. Да еще буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: во дворецъ посадилъ я Василья Бутурлина; а князь Алексѣй билъ челомъ объ отставкѣ, и я его отставилъ; а слово мое теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленья. Да вѣдомо мнѣ учинилось: князь Иванъ Хованскій пишетъ въ своихъ грамоткахъ, будто онъ пропалъ и пропасть свою пишетъ, будто ты его заставляешь съ собою у правила ежедневно быть; да и у насъ перешептывали на меня: никогда такого безчестья не было, что теперь государь насъ выдалъ митрополитамъ; молю я тебя, владыка святый, пожалуй не заставляй его съ собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозолие ему есть; да если и изволишь ему говорить, и ты говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали, а я къ тебѣ, владыка святый, пишу духовную. Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: „Лучше бы намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели съ Новгородскимъ митрополитомъ быть, силою заставляетъ говѣть, но никого силою не заставитъ Богу вѣровать". И тебѣ бы, владыка святый, пожаловать, сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ, и пожаловать тебѣ, великому господину, прочесть самому, не погнушаться насъ грѣшныхъ нашимъ рукописаніемъ непутнымъ и несогласнымъ" [1]).

Это письмо всего лучше объясняетъ намъ явленіе Никона, ибо одного характера послѣдняго недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ которыхъ онъ нашелся къ государю и государству; чувства, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ приведенномъ письмѣ, переносятъ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, власть, укоренившаяся преимущественно вслѣдствіе характера западныхъ вождей, незнакомыхъ съ государственными преданіями и привычками, господствовавшими въ Византіи, преданіями и привычками, которыя, при всей религіозности императоровъ Восточныхъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно высшихъ пастырей Церкви. Но вожди юныхъ народовъ, подобно нашему царю Алексѣю Михайловичу, въ изліяніи своего религіознаго, христіанскаго чувства, чувства смиренія, не умѣли сдерживать его сознаніемъ своего государственнаго значенія; у нихъ

---

[1]) Акты арх. эксп. IV, № 57.

государь исчезалъ предъ человѣкомъ, тѣмъ выше, разумѣется, поднималось значеніе пастыря Церкви, вязателя и рѣшителя, судьи верховнаго, истолкователя закона божественнаго, особенно когда этотъ пастырь личными достоинствами своими не полагалъ никакой преграды обнаруженію этого чувства смиренія, и умѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ, своимъ положеніемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ надсѣлся, плачучи и по патріархѣ Іосифѣ, хотя, какъ человѣкъ чистый, не могъ не чувствовать и не оскорбляться недостоинствомъ, мелочностію, недуховнымъ поведеніемъ этого патріарха; но онъ гналъ отъ себя грѣховную мысль о недостоинствахъ Іосифа, какъ нѣжный и почтительный сынъ гонитъ отъ себя мысль о недостоинствахъ отца. Тѣмъ съ большею силою религіозный молодой человѣкъ обращалъ свою любовь къ достойному пастырю, тутъ уже онъ не щадилъ словъ для выраженія этой любви, чтобъ возвысить любимый предметъ и унизить предъ нимъ самого себя, ибо пріемы всякаго рода любви одинаковы. Такимъ образомъ, самъ царь Алексѣй Михайловичъ, по характеру своему, поставилъ Никона такъ высоко, какъ не стоялъ ни одинъ патріархъ, ни одинъ митрополитъ ни при одномъ царѣ и великомъ князѣ.

Кромѣ этого, много указаній на другія отношенія времени разсѣяно въ этомъ драгоцѣнномъ письмѣ. Богослуженіе имѣло великое значеніе въ жизни каждаго, и не разъ высказываетъ царь, какъ тяжело ему, что патріархъ умеръ къ такимъ великимъ днямъ; въ Свѣтлое Воскресенье не будетъ служить патріархъ: праздникъ не въ праздникъ! „Церковь какъ пустынная голубица пребываетъ, не имѣя подружія“. Любопытны понятія, въ которыхъ воспитывался тогдашній русскій человѣкъ; при видѣ разложенія трупа, царю приходитъ мысль: „Побѣги вонъ, тотчасъ тебя вскоча удавитъ“. Любопытна эта патріархальность, простота отношеній, переносящая насъ опять къ началу среднихъ вѣковъ; царь всѣмъ распоряжается, самъ переписываетъ имѣніе, оставшееся послѣ покойнаго, и при этомъ добродушно говоритъ страшныя слова противъ современнаго ему общества: „Еслибъ я самъ не сталъ переписывать, то все раскрали бы“; тутъ же обнаруживается, какъ понятія Домостроя были крѣпки въ русскомъ человѣкѣ; съ удивленіемъ и съ глубокимъ уваженіемъ отзывается Алексѣй Михайловичъ о бережливости Іосифа: „А какое строеніе было у него, государя, въ умѣ моемъ грѣшномъ не вмѣстится; не было того сосуда, чтобъ не впятеро оберчено“. Наконецъ, обнаруживаются отношенія молодого царя къ придворнымъ; старый начальникъ приказа Большаго Дворца вышелъ въ отставку, назначенъ новый, и царь очень доволенъ перемѣною, потому что слово его теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленія. Приверженность царя къ Новгородскому митрополиту уже не очень нравится боярамъ, ибо этотъ митрополитъ хочетъ привести ихъ въ свою волю: „Никогда такого безчестья не было“, шепчутъ они, „выдалъ насъ царь митрополитамъ“. Царь въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны онъ сильно привязанъ къ Никону, непремѣнно хочетъ, чтобъ онъ былъ патріархомъ; но этотъ Никонъ своимъ крутымъ обхожденіемъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ боярахъ, и вотъ Алексѣй Михайловичъ пишетъ Никону, чтобъ онъ былъ поснисходительнѣе, не принуждалъ Хованскаго слушать правила, и въ то же время пишетъ, чтобъ Никонъ, говоря объ этомъ съ Хованскимъ, не выдалъ его, царя: Алексѣю Михайловичу не хочется, чтобъ бояре узнали, какъ онъ преданъ Никону, какъ онъ заодно съ нимъ противъ нихъ. Доброта такихъ людей, какъ Алексѣй Михайловичъ, дѣлаетъ ихъ зависимыми отъ окружающихъ; не могутъ они выносить около себя недовольныхъ лицъ, хотя отъ этого въ отдаленіи и очень много недовольныхъ, но ихъ не видно. Въ минуту вспыльчивости, царь Алексѣй сильно разбранитъ и прибьетъ близкаго человѣка, смиритъ его собственноручно, но мысль, что окружающіе недовольны, сердятся, была для него невыносима.

Два раза въ письмахъ своихъ къ Никону царь говоритъ объ избраніи преемника Іосифу; въ одномъ мѣстѣ пишетъ: „Возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, выбирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся“. Въ другомъ: „Помолись, владыка святый, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное (Ѳеогностъ), а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да Казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, и сказываютъ, святъ мужъ“. Разумѣется, Никонъ хорошо понималъ намеки царя, зналъ, кто этотъ Ѳеогностъ (извѣстный Богу).

Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ іюлѣ 1652 года, былъ избранъ въ патріархи, и отрекся — отрекся для того, чтобъ быть выбраннымъ на всей своей волѣ, чтобъ товарищи Хованскаго не мѣшали ему. Въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ Св. Филиппа, царь, лежа на землѣ и проливая слезы со всѣми окружавшими, умолялъ Никона не отрекаться. Никонъ, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: „Будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить Церковь?“ Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ, и Никонъ согласился. Это было 22 іюля; 25 онъ былъ посвященъ.

Глава III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Богданъ Хмельницкій. — Его ссора съ Чаплинскимъ; его сношенія съ королемъ Владиславомъ и бѣгство въ Запорожье; Хмельницкій въ Крыму и получаетъ помощь отъ хана. — Рада въ Запорожьи; Хмельницкій гетманъ.—Движеніе гетмана Потоцкаго, его письмо королю.—Битвы при Желтыхъ Водахъ и у Корсуни.—Письмо Киселя.—Универсалы Хмельницкаго и возстаніе хлоповъ въ Малороссіи. — Смерть Владислава. — Опасеніе Киселя насчетъ Москвы.—Первыя сношенія Хмельницкаго съ московскими воеводами.—Сношенія его съ Польскимъ правительствомъ.—Переписка съ Киселемъ.—Князь Іеремія Вишневецкій свирѣпствуетъ противъ возставшихъ Русскихъ. —Князь Доминикъ Острожскій; письма его, кіевскаго воеводы Тышкевича и Киселя. —Неудачи послѣдняго относительно мирныхъ переговоровъ.—Битва подъ Пилявцами.—Хмельницкій отступаетъ отъ Замостья по желанію новаго короля Яна Казиміра.—Торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ.—Поведеніе его на радостяхъ.—Переяславскіе переговоры съ коммисарами королевскими. — Приготовленіе къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ.—Збаражъ и Зборовъ.—Миръ.—Сношенія Хмельницкаго съ Москвою. — Посольство Неронова въ Украйну. — Писарь Выговскій.—Посольство боярина Пушкина въ Польшу.—Тимошка Акундиновъ у Хмельницкаго.—Сношенія его съ княземъ Прозоровскимъ, Путивльскимъ воеводою. — Посольство Протасьева и Унковскаго къ Хмельницкому съ требованіемъ выдачи самозванца.—Непрочность Зборовскаго мира. — Нерѣшительность Москвы. — Польша старается поссорить Москву съ казаками.—Новая война у Польши съ казаками. — Битва при Берестечкѣ. — Литва въ Кіевѣ. — Старанія побудить Москву къ рѣшительному шагу.—Бѣлоцерковскій миръ.—Сочувствіе къ дѣлу казаковъ въ Бѣлоруссіи.—Новыя попытки Польши поссорить Москву съ казаками.—Посольство Прончищева въ Польшу и Пенцлавскаго въ Москву.—Предлогъ къ разрыву остается.—Хмельницкій считаетъ Бѣлоцерковскій миръ только перемиріемъ.—Переселеніе Малороссіянъ въ Московскія украйны.—Предложеніе Хмельницкому со стороны царя выселиться со всѣмъ войскомъ въ московскіе предѣлы. — Событія при Батогѣ. — Затруднительное положеніе Хмельницкаго: онъ сильно упрашиваетъ царя принять Малороссію въ подданство.—Посольство князя Репнина въ Польшу для окончательныхъ переговоровъ. — Царь объявляетъ Хмельницкому, что принимаетъ Малороссію въ подданство.—Соборъ по этому случаю.—Третья война Хмельницкаго съ Поляками.—Дѣло подъ Жванцомъ.—Посольство Бутурлина въ Малороссію.—Переяславская рада.—Бутурлинъ въ Кіевѣ; митрополитъ Сильвестръ Коссовъ.—Пункты челобитной войска Запорожскаго, утвержденные царемъ.—Донесеніе князя Куракина изъ Кіева о поведеніи Коссова.— Пріѣздъ игумена Гизеля въ Москву. — Обзоръ сношеній Московскаго государства съ европейскими державами до начала Польской войны.

Никонъ сталъ верховымъ пастыремъ Церкви и главнымъ совѣтникомъ царя въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ рѣшить великій вопросъ о соединеніи Малой Россіи съ Московскимъ государствомъ. Мы видѣли, что въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка государство Польское, повидимому, достигло своей цѣли относительно казаковъ; число послѣднихъ сильно ограничено и небольшая толпа находится въ повиновеніи у офицеровъ, отъ правительства назначенныхъ; реестровыхъ, настоящихъ казаковъ мало; они спокойны. Но условія, которыя заставляли простой людъ Украйны бѣжать въ казаки, существовали по-прежнему, и знамя, подъ которое эти бѣглецы могли становиться, знамя религіозное, попрежнему было готово; недоставало человѣка, вождя возстанія. Вождь нашелся. Зиновій Богданъ Хмельницкій, сынъ казацкаго сотника Михайлы Хмельницкаго, убитаго въ сраженіи съ Турками при Цецорѣ, самъ попался въ этомъ сраженіи въ плѣнъ къ Татарамъ, скоро впрочемъ освободился отъ него, возвратился къ своимъ казакамъ и получилъ званіе войсковаго писаря. Хмельницкій былъ казакъ видный во всѣхъ отношеніяхъ: храбрый, ловкій, дѣятельный, грамотный; у него было и состояніе, хуторъ Субботово въ Чигиринскомъ староствѣ. За это-то Субботово началась у него ссора съ Чаплинскимъ, подстаростою Чигиринскимъ. Извѣстно, какъ въ это время въ Польшѣ дѣйствовали другъ противъ друга враждующіе, и понятно, кто долженъ былъ осилить въ борьбѣ—шляхтичъ или казакъ. Съ шайкою голодныхъ людей наѣхалъ Чаплинскій на слободы Хмельницкаго, завладѣлъ гумномъ, на которомъ находилось 400 копенъ хлѣба, и всѣхъ домашнихъ Хмельницкаго заковалъ въ цѣпи; самого Богдана держалъ четыре дня въ тѣсномъ заключеніи и освободилъ его только по просьбѣ жены своей. Богданъ подалъ жалобу въ судъ; въ отмщеніе за это, Чаплинскій приказалъ своей дворнѣ схватить десятилѣтняго сына Хмельницкаго и высѣчь плетьми среди базара; приказъ былъ исполненъ такъ хорошо, что мальчика чуть-живаго принесли домой, и скоро послѣ того онъ умеръ. Зять Чаплинскаго клялся не разъ передъ казаками, что Хмельницкому не быть въ живыхъ. Поѣдетъ ли Богданъ куда по дѣламъ службы, воротится домой,——а на конюшнѣ нѣтъ сѣраго коня: взяли за поволовщину. Отправится онъ въ походъ противъ Татаръ, сзади подъѣдутъ къ нему и стукнутъ по головѣ такъ, что не быть бы живому, еслибъ не защитилъ желѣзный шлемъ, да и скажутъ въ оправданіе, что приняли его за Татарина [1]). Но частной вражды съ Чаплинскимъ было еще мало: свой казакъ донесъ Польскому начальству на Хмельницкаго, будто онъ замышляетъ старыя казацкія проказы, хочетъ отправить на море вооруженныя суда. Дѣйствительно, шелъ слухъ, что король Владиславъ, замышляя войну противъ Турокъ, на которую не согласился однако сеймъ, прислалъ ка-

[1]) Памятники, изд. Кіевск. коммис. т. I, отд. III, № 1; Voycicki—Pamietniki etc. I, 273 и слѣд.; Лѣтопись Величка, т. I.

закамъ позволеніе готовить суда для выхода въ море и прислалъ даже деньги на постройку судовъ. Въ Варшавѣ разсказывали московскому гонцу Кунакову, что зимою 1646 года Хмельницкій съ десятью товарищами пріѣзжалъ въ Варшаву въ челобитчикахъ отъ всего войска Запорожскаго, билъ челомъ королю Владиславу на обидчиковъ своихъ и на Жидовъ въ ихъ налогахъ. Владиславъ король въ то время гнѣвъ держалъ на сенаторовъ и на всю Рѣчь Посполитую за то, что ему не дали воли войны вести съ Турками и собранное для этой войны нѣмецкое войско приговорили на сеймѣ распустить, а Нѣмцамъ онъ давалъ деньги изъ приданаго жены своей. Такъ, призвавши Богдана Хмельницкаго и Черкасъ челобитчиковъ, Владиславъ говорилъ имъ, что сенаторы его вдались въ свою волю, панства его пустошатъ, а его мало слушаютъ; написавъ саблю, король далъ Богдану Хмельницкому и сказалъ: „Вотъ тебѣ королевскій знакъ; есть у васъ при бокахъ сабли, такъ обидчикамъ и разорителямъ не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; какъ время придетъ, будьте на поганцевъ и на моихъ непослушниковъ во всей моей волѣ“. И пожаловалъ Владиславъ Богдана Хмельницкаго атаманствомъ, и отпустилъ его и всѣхъ челобитчиковъ, одаривши ихъ сукнами и адамашками. Осенью 1647 года замыслилъ король Владиславъ войну вести съ Турскимъ султаномъ, пожаловалъ Богдана Хмельницкаго гетманствомъ Запорожскимъ, послалъ ему свое жалованье и впередъ обѣщалъ прислать на жалованье Черкасамъ и на челновое дѣло 170,000 злотыхъ польскихъ къ лѣту 1648 года. Богданъ за эти деньги обѣщалъ королю изготовить на полгода Запорожскаго войска и съ вольными 12,000, да къ морскому ходу сто челновъ. Узнавши объ этомъ, Конецпольскій замыслилъ Богдана убить и послалъ звать его къ себѣ на банкетъ; но Хмельницкій, зная умыселъ, на банкетъ не поѣхалъ. Тогда Конецпольскій послалъ 20 человѣкъ людей своихъ взять Богдана силою; но Хмельницкій вступилъ въ битву съ этими посланными у себя на дворѣ, убилъ 5 человѣкъ, а 15 убѣжало, тогда какъ съ Хмельницкимъ на дворѣ было только четыре человѣка. Послѣ этого Хмельницкій тотчасъ же побѣжалъ въ Запорожье.

Отсюда явились отъ Богдана грамоты къ разнымъ лицамъ; къ Ивану Барабашу, полковнику Черкасскому, онъ писалъ: „Такъ какъ на многократные мои совѣты и предложенія ваша милость не изволили склониться, чтобъ, по давнимъ грамотамъ королевскимъ, у васъ въ сохраненіи бывшимъ, просить короля и сенаторовъ о новой привилегіи на утвержденіе правъ и вольностей казацкихъ и малороссійскихъ и на удержаніе людскихъ обидъ и разореній, особенно же превращенія православныхъ церквей въ уніатскія, то я, сожалѣя объ этомъ и потерпѣвши безчестіе и разореніе отъ негодяя Чаплинскаго, долженъ былъ придумать средство, какъ бы забрать въ свои руки королевскія привилегіи, валявшіяся между платьемъ жены вашей, и съ ихъ помощью сдѣлать что-нибудь лучшее для погибающей Украйны, выпросить ласку и милость у королевскаго величества, пановъ сенаторовъ и всей Рѣчи Посполитой. Утѣшаюсь тѣмъ, что Богъ помогъ мнѣ высвободить изъ вашей неволи и привести къ Запорожскому войску привилегіи королевскія. А что ваша милость таилъ привилегіи, нужныя всему народу Малороссійскому, и для своихъ выгодъ не хотѣлъ просить королевской милости за нашихъ людей украинскихъ, плачущихъ отъ Поляковъ,—за это войско Запорожское считаетъ васъ годнымъ въ полковники— не надъ людьми, а надъ овечками, либо свиньями“. Къ польскому комисару Шембергу, поставленному надъ казаками, Хмельницкій писалъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать отъ насилій Чаплинскаго и что на дняхъ Запорожцы отправляютъ пословъ къ королю и сенаторамъ просить о привилегіяхъ. О томъ же писалъ къ Потоцкому, гетману коронному, распространяясь о насиліяхъ Чаплинскаго, который притѣсняетъ не только міряиъ, но и священниковъ: гдѣ случится ему видѣться и говорить съ православнымъ священникомъ, то никогда не оставитъ его не обезчестивши, волосъ и бороды не вырвавши и палкою реберъ не пересчитавши [1]).

Хмельницкій разглашалъ и въ Запорожьи, между простыми казаками, что будетъ отправлено посольство въ Варшаву просить короля о защитѣ; разглашалъ также, что хочетъ идти на Донъ и подбить тамошнихъ казаковъ къ морскому походу на Турокъ; разглашалъ онъ это для того, чтобъ шпіоны польскіе не донесли своему правительству о настоящемъ намѣреніи его, о которомъ онъ совѣтовался со старшиною; это намѣреніе было доставить себѣ управу саблею, а не посольствами въ Варшаву. По совѣту атамановъ — кошеваго и куренныхъ, въ первыхъ числахъ марта 1648 года выѣхалъ Хмельницкій изъ Сѣчи съ своими товарищами, такими же, какъ онъ, бѣглецами, выѣхалъ на островъ Томаковскій подъ предлогомъ, что тамъ удобнѣе будетъ кормиться и людямъ его, и лошадямъ, а въ самомъ дѣлѣ поѣхалъ въ Крымъ просить у хана помощи на Поляковъ. Ханъ долго думалъ съ мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому: боялся онъ, не нарочно ли Богданъ подосланъ Поляками, чтобъ обманомъ ввести Орду въ Польшу и тамъ истребить ее готовыми войсками. Хмельницкій объявилъ, что готовъ присягнуть и оставить сына своего заложникомъ; присяга дана была на саблѣ ханской; молодой Хмельницкій (Тимоѳей) оставленъ въ заложникахъ; однако ханъ не двинулся самъ, а отправилъ съ Хмельницкимъ мурзу Тугайбея съ четырехтысячнымъ отрядомъ. 18 апрѣля возвратился Хмельницкій въ Запорожье, куда кошевой стянулъ уже съ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все войско низовое, конное и пѣшее; молодцы

---

[1]) Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1649 года.

собрались, но не знали зачѣмъ собралъ ихъ атаманъ, пока не пріѣхалъ Хмельницкій изъ Крыма. Въ тотъ день, какъ онъ пріѣхалъ, по заходѣ солнца, выпалили изъ трехъ пушекъ, на разсвѣтѣ другого дня выпалили въ другой разъ; на этотъ разъ казаки стали высыпать изъ разныхъ угловъ, и когда ударили въ котлы для призыва на раду, то сѣчевой майданъ (площадь) оказался малъ, вышли изъ крѣпости на просторное мѣсто, гдѣ и объявили войску, что начинается война противъ Поляковъ и что ханъ будетъ за казаковъ, благодаря старанію Хмельницкаго: тогда все войско закричало, чтобъ Хмельницкій былъ гетманомъ, и Богданъ принялъ опасную роль Павлюги и Остранина. Новый гетманъ постановилъ съ атаманами, чтобъ выступило въ походъ не болѣе осьми или десяти тысячъ казаковъ, а прочіе разошлись бы по своимъ мѣстамъ, къ своимъ промысламъ, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому [1]).

Между-тѣмъ уже давно по Украйнѣ несся слухъ, что на Запорожьи приготовляется возстаніе: народъ поднялъ головы и втихомолку готовитъ оружіе, ожидая избавителей. Хитрыя грамоты Хмельницкаго съ извѣстіемъ, что все дѣло состоитъ въ отправленіи казацкаго посольства къ королю съ челобитьемъ, таинственность, съ какою онъ дѣйствовалъ, умѣнье утаить свою поѣздку въ Крымъ—ничего не помогло; напуганные, чуткіе Поляки встрепенулись; коронный гетманъ Николай Потоцкій хорошо помнилъ послѣднія возстанія, хорошо зналъ, что при этихъ возстаніяхъ Поляки должны имѣть дѣло не съ горстью Запорожцевъ, но съ цѣлымъ низшимъ народонаселеніемъ Малороссіи и потому, несмотря на бездорожье, 18 февраля уже былъ на Украйнѣ; самъ онъ расположился въ Черкасахъ, а гетманъ польный Калиновскій въ Корсунѣ. Оправдывая свою поспѣшность, Потоцкій писалъ королю: „Не безъ важныхъ причинъ, не необдуманно двинулся я въ Украйну съ войскомъ вашей королевской милости. Склонила меня къ тому просьба любезныхъ братьевъ, изъ которыхъ одни, спасая жизнь и имѣніе, бѣжали изъ Украйны на поле битвы; другіе, оставаясь въ домахъ своихъ, не полагаясь на свои силы, горячими просьбами умоляли, чтобъ я своимъ присутствіемъ и помощію спасалъ Украйну и спѣшилъ потушить гибельное пламя, которое дотого уже разгорѣлось, что не было ни одной деревни, ни одного города, въ которомъ бы не раздавались призывы къ своеволію и гдѣ бы не умышляли на жизнь и имѣніе пановъ своихъ и державцевъ, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ и о частыхъ жалобахъ на обиды и притѣсненія. Это было только предлогомъ къ мятежамъ, потому что не столько ихъ терзали обиды и притѣсненія, сколько распоряженіе республики, постановленіе надъ ними старшихъ отъ вашей королевской милости; они хотятъ не только уничтожить эти распоряженія, но и самовластно господствовать въ Украйнѣ, заключать договоры съ посторонними государями и дѣлать все, что имъ угодно. Казалось бы, что значитъ 500 человѣкъ бунтовщиковъ; но если разсудить, съ какою смѣлостью и въ каждой надеждѣ поднятъ бунтъ, то каждый долженъ признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться противъ 500 человѣкъ, ибо эти 500 человѣкъ возмутились въ заговорѣ со всѣми казацкими полками, со всею Украйною. Еслибъ я этому движенію не противопоставилъ своей скорости, то въ Украйнѣ поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усиліями, или долгое время. Одинъ панъ, князь воевода Русскій (Іеремія Вишневецкій) отобралъ у своихъ крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ; то же сдѣлали и другіе; все это оружіе вмѣстѣ съ людьми перешло бы къ Хмельницкому. Хотя я и двинулся въ Украйну, но не для пролитія крови христіанской и въ свое время необходимой для республики, двинулся я для того, чтобъ однимъ страхомъ прекратить войну. Хотя я и знаю, что этотъ безразсудный человѣкъ, Хмельницкій, не преклоняется кротостію, однако не разъ уже я посылалъ къ нему съ предложеніемъ выйти изъ Запорожья, съ обѣщаніемъ помилованія и прощенія всѣхъ проступковъ. Но это на него нисколько не дѣйствуетъ; онъ даже удержалъ моихъ посланцовъ. Наконецъ, посылалъ я къ нему ротмистра Хмелецкаго, человѣка ловкаго и хорошо знающаго характеръ казацкій, съ убѣжденіемъ отстать отъ мятежа, и съ увѣреніемъ, что и волосъ съ головы его не спадетъ. Хмельницкій отпустилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ такими требованіями: вопервыхъ, чтобъ я съ войскомъ выступилъ изъ Украйны; вовторыхъ, чтобъ удалилъ полковниковъ и всѣхъ офицеровъ; втретьихъ, чтобъ уничтожилъ установленное республикою казацкое устройство, и чтобъ казаки оставались при такихъ вольностяхъ, при которыхъ они могли бы не только ссорить насъ съ посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество. Ясно видно, что къ этой цѣли стремится его честолюбіе. Въ настоящее время онъ послалъ въ Понизовье за помощью къ Татарамъ, которые стоятъ наготовѣ у Днѣпра, и осмѣлился нѣсколько сотъ изъ нихъ перевести на эту сторону, чтобъ они разогнали нашу стражу, поставленную мѣшать соединенію мятежниковъ съ Хмельницкимъ. Что онъ давно обдумалъ, какъ начать бунты и какъ дѣйствовать,—въ этомъ ваша королевская милость убѣдиться изволите, обративъ вниманіе на число его сообщниковъ, простирающееся теперь до 3,000. Сохрани Богъ, если онъ войдетъ съ ними въ Украйну! тогда эти три тысячи быстро возрастутъ до 100,000, и намъ будетъ трудная работа съ бунтовщиками. Для предохраненія отечества отъ этого зловреднаго человѣка есть средство, предлагаемое вашею королевскою милостію, а именно: позволить своевольнымъ побѣгп на море, сколько хотятъ. Но не на море

[1]) Лѣтопись Величка.

выйти хочетъ Хмельницкій, хочетъ онъ въ стародавнемъ жить своеволіи и сломать шею тѣмъ постановленіямъ, за которыми такъ много трудились, за которыя пролилось такъ много шляхетской крови. Призналъ бы я полезнымъ для общаго блага позволить казакамъ идти на море, и для того, чтобъ это войско не занимало полей и для того, чтобъ не отвыкало отъ давняго способа вести войну; но въ настоящее смутное время этому нельзя статься: частію потому, что челны еще не готовы, другіе и готовы, но не вооружены. Если суда и будутъ готовы, то главное въ томъ, чтобъ успокоенные казаки, какъ скоро наступитъ необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были въ надлежащемъ порядкѣ. Но сохрани Боже, если они выйдутъ въ море прежде укрощенія бунта: возвратясь, они произведутъ неугасимое возмущеніе, въ которомъ легко можетъ исчезнуть установленное казацкое устройство, а Турки, раздраженные казаками, вышлютъ противъ нихъ Татаръ“ [1]).

Предвѣщанія Потоцкаго сбылись: у Хмельницкаго было много войска въ Украйнѣ. 13 апрѣля двинулся передовой отрядъ польскихъ войскъ Днѣпромъ и сухимъ путемъ; двинулись и реестровые казаки съ Барабашемъ, полковникомъ Черкасскимъ: большая часть регулярнаго войска состояла изъ Русскихъ; предводителями были: казацкій коммисаръ Шембергъ и сынъ короннаго гетмана, Степанъ Потоцкій. 22 апрѣля выступилъ и Хмельницкій изъ-за Запорожья съ осьмитысячнымъ отрядомъ; Тугай-бей шелъ за нимъ съ Татарами; держали путь къ устью Тясмина, къ потоку *Желтыя Воды*. Реестровые казаки, шедшіе въ лодкахъ съ Барабашемъ и опередившіе сухопутную рать, вошли въ сношенія съ Хмельницкимъ и передались ему, убивши Барабаша и всѣхъ тѣхъ, кто былъ вѣренъ правительству. 5 мая у Желтыхъ Водъ встрѣтился Хмельницкій съ сухопутнымъ польскимъ войскомъ, и, послѣ трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая), Поляки потерпѣли страшное пораженіе, такъ что и десятка ихъ не успѣло спастись бѣгствомъ. Покончивъ съ молодымъ Потоцкимъ, который умеръ отъ ранъ въ плѣну, Хмельницкій двинулся на встрѣчу къ старому, сошелся съ нимъ 16 мая у Корсуня и поразилъ на-голову: оба гетмана—коронный великій Потоцкій и польный Калиновскій — попались въ плѣнъ и были отосланы къ хану въ Крымъ; Поляки потеряли 127 офицеровъ, 8,520 рядовыхъ, 41 пушку. Пораженіе приписывали неблагоразумному раздѣленію войска на двѣ части, отправленію одной изъ нихъ впередъ съ молодымъ Потоцкимъ: иные упрекали короннаго гетмана за несогласіе съ товарищемъ своимъ Калиновскимъ и за распутство, которому онъ былъ преданъ, несмотря на свои преклонныя лѣта. Укоры сыпались на побѣжденныхъ; какъ обыкновенно бываетъ, каждый говорилъ, что еслибъ сдѣлали иначе, еслибъ послушались его совѣтовъ, то не было бы бѣды. Извѣстный намъ Кисель писалъ къ архіепископу Гнѣзненскому (отъ 31 мая): „Рабы теперь господствуютъ надъ нами; измѣнникъ учреждаетъ новое княжество; несчастные братія наши, среди внезапной опасности, бросая родину, домы и другіе цѣнные предметы, бѣгутъ во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тѣмъ, что Хмельницкій щадитъ ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословіе, отворяетъ города, замки и вступаетъ въ его подданство. Я первый, хотя въ отечествѣ послѣдній, потерялъ за Днѣпромъ сто тысячъ доходу, едва имѣю отъ десяти до двадцати тысячъ, да и то одинъ Богъ знаетъ, не завладѣетъ ли и этимъ непріятель. Кромѣ того, я имѣю нѣсколько сотъ тысячъ долгу, нажитаго на службѣ королю и отечеству. Много и другихъ мнѣ подобныхъ. Мы будемъ нищими. Но откуда пришла эта бѣда, объ этомъ подробно объяснено въ моихъ письмахъ къ королю, потому что несчастное предвидѣніе моего ума, а больше свѣтъ разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось. Видя, что казаки, угнетенные болѣе простыхъ холоповъ и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляютъ заговоръ, я всѣми силами убѣждалъ пана кастеляна Краковскаго (Потоцкаго) не искать одного казака по Днѣпровскимъ потокамъ, а лучше всѣхъ казаковъ удерживать въ повиновеніи и, допуская для нихъ исключеніе изъ законовъ, какъ-нибудь приласкивать ихъ. Вовторыхъ, я совѣтовалъ не раздроблять малочисленнаго войска на отряды; втретьихъ, не выпускать за Днѣпръ извѣстія о дальнѣйшемъ мятежѣ казаковъ; вчетвертыхъ, чтобъ не раздражать Татаръ, не нужно высылать войско въ поле, но ожидать, что дома станетъ дѣлать измѣнникъ; а между-тѣмъ снестись съ беемъ Очаковскимъ и съ Крымомъ, чтобъ Хмельницкій не имѣлъ тамъ пристанища. Когда гетманъ не хотѣлъ принять моихъ совѣтовъ, то я послалъ ихъ къ королю; государь одобрилъ мое мнѣніе и послалъ приказъ, чтобъ отправка войскъ—одного за Днѣпръ, а другого въ степь—была пріостановлена. Но врагъ совѣтовъ—опрометчивость—все предупредила и погубила уже себя, насъ и большую часть отчизны“ [2]). Но мы видѣли, какъ оправдывалъ Потоцкій передъ королемъ свою поспѣшность, какъ боялся, чтобъ Хмельницкій не вошелъ на Украйну, гдѣ найдетъ сто тысячъ союзниковъ, съ которыми Полякамъ трудно будетъ сладить. Справедливости этихъ соображеній нельзя не признать; но раздѣленіе силъ дѣйствительно оправдать трудно.

Послѣ Корсунской побѣды, Хмельницкій подошелъ къ Бѣлой Церкви, расположился тамъ обозомъ и разослалъ 60 универсаловъ съ призывомъ къ возстанію; вся Украйна взволновалась; поднялись крестьяне, пошли въ казаки и стали свирѣпствовать противъ шляхты, Жидовъ и католиче-

---

[1]) Памятники, изд. Кіевск. коммис. I, отд. III, № 2.

[2]) Тамъ же, № 7.

скаго духовенства; они образовали нѣсколько шаекъ, или *гайдамацкихъ загоновъ*, какъ тогда называли, и разсѣялись въ разныхъ направленіяхъ подъ начальствомъ вождей, оставившихъ по себѣ кровавую память въ лѣтописяхъ и преданіяхъ народныхъ. Къ умноженію смуты и разнузданности, вдругъ разнеслась вѣсть о смерти короля Владислава. „Теперь", пишетъ Кисель къ архіепископу примасу: „теперь, когда насъ постигло такое сиротство, мы не знаемъ, что еще замышляетъ султанъ Турецкій и что замышляютъ Москвитяне, которые 30 мая дали знать о себѣ, что, вслѣдствіе моихъ писемъ, отправленныхъ по королевскому приказанію, царь ихъ, исполняя условія братскаго союза, отправилъ сорокъ тысячъ вспомогательнаго войска противъ Татаръ. Это войско стояло уже въ шести миляхъ отъ Путивля; но когда битва предварила ихъ прибытіе, когда успѣхи измѣнника уже стали имъ извѣстны, и когда сдѣлается еще извѣстнымъ, что мы не имѣемъ государя, то кто можетъ поручиться за нихъ? Одна кровь, одна религія!" Дѣйствительно, 1-го мая (с. с.) Кисель далъ знать Путивльскому воеводѣ Плещееву, что Татары 22 апрѣля на Желтыхъ Водахъ окружили польскій отрядъ, высланный противъ измѣнниковъ Черкасъ. Кисель требовалъ помощи отъ московскихъ воеводъ, по договору. 20 мая царь приказалъ своимъ ратнымъ людямъ сходиться съ Литовскими людьми, и съ ними заодно промышлять надъ Татарами; будучи въ Литовской Землѣ, дурна никакого не чинить, грабежу никакого бы не было, а хлѣбъ и что довелось—покупать; съ Литовскими людьми стоять смирно, дракъ бы и задоровъ никакихъ не было, не бражничать и табаку не покупать. Но вслѣдъ за этимъ получены были извѣстія, что Поляки разбиты, гетманы въ плѣну, казаки копятся во всѣхъ литовскихъ городахъ и идутъ безпрестанно въ сходъ къ гетману Богдану Хмельницкому. Путивльскій воевода Плещеевъ доносилъ, что Татары Запорожскимъ казакамъ становятся сильны, потому что ихъ вдвое больше, чѣмъ казаковъ; и Хмельницкій пишетъ по городамъ, чтобъ уѣздные люди отъ Татаръ береглись и бѣжали изъ уѣздовъ въ города; Хмельницкій же разсылаетъ отъ себя полковниковъ и сотниковъ съ Запорожскими казаками по сю сторону Днѣпра въ украйные города и велитъ имъ прибирать казаковъ, а урядниковъ, державцевъ, Поляковъ и Жидовъ велитъ побивать. Паны Поляки и Жиды всѣ бѣгутъ въ Польшу

Стародубецъ Григорій Климовъ разсказывалъ въ Посольскомъ приказѣ: посылали его изъ Сѣвска воеводы съ грамотами къ Адаму Киселю; ѣхалъ онъ изъ Сѣвска на Кіевъ, потому что Адама Киселя сказали за Кіевомъ во 150 верстахъ, въ городѣ Гощѣ. Съ версту отъ Кіева взяли его Крымскіе Татары и Запорожскіе казаки; казаки, увидя, что у него хохла нѣтъ, взяли его у Татаръ къ себѣ и отвели къ гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоялъ въ городѣ Мошняхъ, отъ Кіева верстахъ во ста. Хмельницкій взялъ у него листы, назначенные къ Киселю, и сказалъ: „Не почто тебѣ къ Адаму ѣхать, я тебѣ дамъ къ царскому величеству отъ себя грамоту. Прислали ко мнѣ грамоты князь Еремей Вишневецкій и Адамъ Кисель, просятъ, чтобъ я Татаръ не пускалъ къ нимъ въ дальнія мѣста, а держалъ бы ихъ въ степи, и просятъ мира. Я, по ихъ прошенью, велѣлъ Крымскому царевичу отступить въ степь къ Желтымъ Водамъ". Свое войско Хмельницкій распустилъ за Днѣпръ къ Путивльскому рубежу на маетности Потоцкаго, Вишневецкаго и Адама Киселя; города у нихъ всѣ побрали, а крестьяне пошли въ казаки. Новгородокъ-Сѣверскій взяли и Ляховъ вездѣ побивали, а отъ Новагородка пошли къ Чернигову. Сколько у нихъ войска,—сказать нельзя, потому что въ который городъ придутъ и тутъ у нихъ войска пребываетъ много, изо всякихъ чиновъ Русскіе люди, кромѣ Ляховъ; Жиды многіе крестятся и пристаютъ къ ихъ же войску, а Ляхъ хотя и захочетъ креститься—не принимаютъ, всѣхъ побиваютъ, говорятъ, чтобъ въ Польшѣ и Литвѣ всѣхъ Ляховъ побить за то, что вѣру христіанскую ломали и многихъ христіанъ побивали и насильно къ Ляхской вѣрѣ приводили. Хмельницкій говорилъ Климову: „Скажи въ Сѣвскѣ воеводамъ, а воеводы пусть отпишутъ къ царскому величеству, чтобъ царское величество войско Запорожское пожаловалъ денежнымъ жалованьемъ; теперь ему, государю, на Польшу и на Литву наступать пора; его бы государево войско шло къ Смоленску, а я, Хмельницкій, стану государю служить съ своимъ войскомъ съ другой стороны. Если тебя станутъ разспрашивать государевы приказные люди, то ты скажи имъ тайно, что королю смерть приключилась отъ Ляховъ: свѣдали Ляхи, что у короля съ казаками ссылка, послалъ отъ себя король грамоту въ Запорожье къ прежнему гетману, чтобъ казаки за вѣру христіанскую Греческаго закона стояли, а онъ, король, будетъ имъ на Ляховъ помощникъ; эта грамота королевская отъ прежняго гетмана досталась мнѣ, и я, надѣясь на то, войско собралъ и на Ляховъ стою". Въ грамотѣ своей къ царю, означенной осьмымъ числомъ іюня, Хмельницкій извѣщалъ о Желтоводской и Корсунской побѣдахъ, и о смерти королевской. „Думаемъ, писалъ Хмельницкій, что смерть приключилась отъ тѣхъ же безбожныхъ непріятелей его и нашихъ, которыхъ много королями въ Землѣ нашей; желали бы себѣ самодержца государя такого въ своей Землѣ, какъ ваша царская велеможность православный христіанскій царь. Еслибъ ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ услужить вашей царской велеможности готовы".

Путивльскій воевода Плещеевъ сносился съ княземъ Іеремією Вишневецкимъ о войнѣ противъ Татаръ. Посланецъ Плещеева былъ перехваченъ Хмельницкимъ, который прислалъ Путивльскому

воеводѣ укорительную грамоту, что Русскіе хотятъ помогать Полякамъ на казаковъ, ибо война у Поляковъ съ казаками, а не съ Татарами: „Мы желаемъ“, пишетъ Хмельницкій, „нетого, чтобъ православный государь Алексѣй Михайловичъ воевалъ съ нами, но чтобъ онъ былъ и Ляхамъ и намъ государемъ и царемъ, чтобъ Ляхи за вѣру нашу съ нами больше биться не помышляли“. Царь приказалъ Плещееву отписать Хмельницкому, что онъ никогда не писалъ къ Вишневецкому о соединеніи Русскихъ съ Поляками противъ казаковъ; что кто-нибудь распускаетъ объ этомъ слухъ на ссору. Но Хмельницкій не успокоился этимъ отвѣтомъ и писалъ опять къ Плещееву: „Уже третьяго посла вашего перехватываемъ, вы все сноситесь съ Ляхами на насъ. Если вы хотите на насъ, на свою вѣру православную христіанскую мечъ поднять, то будемъ Богу молиться, чтобъ вамъ не посчастливилось; легче намъ, побившись между собою, помириться, а помирившись, на васъ поворотиться. Мы вамъ желали всего добраго, царю вашему желали королевства Польскаго, а потомъ какъ себѣ хотите, такъ и начинайте, хотите съ Ляхами, хотите съ нами“ [1]).

Поднимая украинскій народъ и Московскаго царя противъ Польши, Хмельницкій въ то же время, по совѣту Киселя, рѣшился попробовать, какъ отзовется ему Польское правительство. Какъ бы еще не зная о смерти королевской, въ половинѣ іюня Хмельницкій отправилъ въ Варшаву четырехъ старшихъ съ пунктами, въ которыхъ заключались жалобы и просьбы казаковъ, и съ своимъ письмомъ къ королю. Пункты были слѣдующіе: 1) паны обходятся съ нами, людьми войсковыми, хуже чѣмъ съ невольниками: 2) хутора, луга, мельницы и все, что имъ понравится въ домахъ у казаковъ, берутъ насильно, мучатъ, убиваютъ; 3) берутъ десятину и поволовщину; 4) старыхъ казацкихъ женъ и отцовъ, хотя бы сынъ находился на службѣ, облагаютъ чиншемъ, какъ и другихъ крестьянъ; 5) казацкихъ женъ, тотчасъ по смерти казаковъ, заставляютъ безъ милости работать наравнѣ съ мѣщанами; 6) паны полковники насъ не защищаютъ, а еще помогаютъ обижать насъ; вещи наши и пожитки, подъ видомъ торга берутъ за половину цѣны: 7) жолнерская челядь забираетъ у казаковъ воловъ, скотъ и всякіе пожитки; 8) на Запорожьи и на Днѣпрѣ не даютъ промышлять, ни звѣрей, ни рыбы ловить, а съ головы каждаго казака берутъ по лисицѣ; если же не поймаетъ казакъ лисицы, то отбираютъ самопалы; панамъ полковникамъ подводы даемъ, или вмѣсто подводъ платимъ деньгами; 9) военную добычу и даже молодыхъ Татаръ паны полковники отнимаютъ у казаковъ; 10) нашедши какую-нибудь причину, тотчасъ сажаютъ казака въ тюрьму, и гдѣ чуютъ взятку—не выпустятъ, пока не получатъ добраго выкупу; 11) была воля королевская, чтобъ мы шли на море, и на челны выданы намъ деньги, а къ Запорожскому войску предполагалась прибавить еще 6,000; но старшіе наши не позволили, чтобъ войско наше состояло изъ 12,000, хотя мы обѣщаемъ и клянемся, что сверхъ этого числа принимать людей въ войско не будемъ; а съ 6,000 мы не можемъ оказывать услугъ ни королю, ни республикѣ; 12) чтобъ заслуженное жалованье, котораго мы не получали въ теченіе пяти лѣтъ, было сполна отправлено къ намъ вмѣстѣ съ коммисіею; 13) просимъ о духовенствѣ древней религіи Греческой, чтобъ оно оставалось неприкосновеннымъ; чтобъ церкви, отданныя уніатамъ, опять оставались при своихъ стародавнихъ правахъ. Въ своемъ письмѣ Хмельницкій повторялъ тѣ же жалобы: „Даже Жиды, въ надеждѣ на пановъ урядниковъ, также причиняютъ намъ великія обиды. Невѣроятно, чтобъ даже въ турецкой неволѣ христіане переносили такія несчастія, какія переносимъ мы, нижайшія подножія вашей королевской милости. Мы совершенно понимаемъ, что всѣ неистовства совершались надъ нами наперекоръ вашей королевской милости, потому что постоянно слышимъ: „Вотъ вамъ король! а пособитъ ли вамъ король, такія-то дѣти!“ Послѣ этого мы не можемъ уже переносить такихъ обидъ и незаслуженныхъ мученій. Не имѣя болѣе возможности жить въ домахъ своихъ, мы, бросивъ женъ, дѣтей и все убогое имущество, бѣжали въ Запорожье, откуда предки наши съ давняго времени привыкли служить коронѣ Польской и вашей королевской милости. Но и здѣсь обратили въ ничто наши воинскія привилегіи, тогда какъ Богъ свидѣтель, что мы не сдѣлали ничего своевольнаго. Когда панъ-кастелянъ Краковскій (Потоцкій) напалъ на насъ въ самомъ Запорожьи, то мы должны были призвать на помощь хана Крымскаго; по волѣ Божіей случилось, что при сухихъ дровахъ и сырымъ досталось. Кто тому причиною—разсудитъ насъ Богъ, а мы готовы жертвовать жизнію для республики. Затѣмъ нижайше просимъ вашу королевскую милость оказать намъ отеческое милосердіе, и, простивъ невольный грѣхъ, повелите оставить насъ при древнихъ правахъ и привилегіяхъ“. Посланцы казацкіе застали Владислава во гробѣ, были допущены поклониться тѣлу и получили такой отвѣтъ отъ временнаго правительства (отъ 22 іюля): „Нѣтъ надобности объяснять вамъ совершеннаго вами преступленія; хотя республика могла бы отмстить вамъ, но мы, не желая болѣе пролитія крови христіанской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить пановъ коммисаровъ, людей знатныхъ, которые объявятъ вамъ дальнѣйшую волю республики. Республика не откажетъ вамъ въ прошеніи, но требуетъ, чтобъ вы какъ можно скорѣе освободили всѣхъ плѣнныхъ, дѣятельно преслѣдовали предводителей разбойничьихъ шаекъ, которыя теперь собираются въ разныхъ мѣстахъ и нападаютъ на шляхетскіе дома, и чтобъ прервали всякую

[1] Москов. главн. арх. мин. ин. д.; дѣла Польскія

связь съ невѣрными". Назначены были и коммисары для переговоровъ съ Хмельницкимъ,—во главѣ ихъ Кисель.

Послѣдній велъ переговоры съ Хмельницкимъ посредствомъ одного монаха. Выставляя на видъ прелести польской воли, какой нельзя найти ни въ какомъ другомъ государствѣ, Кисель писалъ Хмельницкому: „Милостивый панъ *старшина* Запорожскаго войска республики, издавна любезный мнѣ панъ и пріятель! Вѣрно нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ другого государства, подобнаго нашему отечеству правами и свободою; и хотя бываютъ разныя непріятности, однако разумъ повелѣваетъ принять во вниманіе, что въ вольномъ государствѣ удобнѣе достигнуть удовлетворенія, между тѣмъ какъ, потерявъ отчизну нашу, мы не найдемъ другой ни въ христіанствѣ, ни въ поганствѣ: вездѣ неволя,—одно только королевство Польское славится вольностію. Вамъ и всему войску хорошо извѣстно, что я одинъ изъ христіанъ народа Русскаго служу сенаторомъ въ коронѣ Польской, ношу на раменахъ своихъ и Св. церкви и древности наши, и ненарушимо сохранилъ свою вѣру до сѣдыхъ волосъ, и сохраню, дастъ Богъ, до смерти. Всѣ такъ-же знаютъ о несчастномъ кровопролитіи; но я не обагрилъ рукъ своихъ казацкою христіанскою кровію. Поэтому ваша милость со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ можетъ совершенно положиться на меня, и я усердно прошу вашу милость имѣть ко мнѣ довѣріе. Нужно какъ можно скорѣе прекратить несчастное домашнее замѣшательство и водворить покой. Поэтому я желаю, чтобъ ваша милость отослалъ бы Татаръ, а самъ, оставаясь на обыкновенныхъ мѣстахъ, отправилъ бы посольство къ республикѣ съ изъясненіемъ причинъ, по которымъ произошло несчастное замѣшательство, и засвидѣтельствовалъ вѣрность свою и всего войска". Хмельницкій отвѣчалъ Киселю: „Очень сожалѣемъ о пораженіи, постигшемъ въ Землѣ нашей народъ христіанскій, хотя не мы тому причиною: при сухихъ дровахъ и сырымъ должно было достаться. Послушавъ совѣта вашей милости, стараго своего пріятеля, мы сами пріостановили свои военныя дѣйствія и Ордѣ приказали возвратиться, а къ республикѣ, съ покорностію и вѣрнымъ подданствомъ, отправили пословъ. Такъ какъ мы остались сиротами по смерти его королевской милости, то просимъ вашу милость удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ, чтобъ мы могли узнать, кого республика пожелаетъ имѣть королемъ, и чтобъ воспользоваться совѣтомъ вашей милости для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій". Самъ Кисель поспѣшилъ донести о слѣдствіяхъ своихъ сношеній архіепископу-примасу: „Развѣялъ Господь Богъ чрезъ меня, наименьшаго сына отечества, кровавую радугу и пріостановилъ ужасную внутреннюю войну; отецъ Ляшко, мой повѣренный, монахъ Греческаго исповѣданія, добрый шляхтичъ, возвратился и донесъ, что когда прибылъ къ Хмельницкому, то сначала встрѣченъ былъ сильнымъ огнемъ, наконецъ была рада военная, въ которой участвовало 70,000 казаковъ и на которой была читана моя грамота. Послѣ продолжительныхъ споровъ и шуму, самъ Хмельницкій началъ уговаривать, напоминая о моей искренности; ему помогли въ этомъ и другіе казацкіе старшины. Вслѣдствіе этого, Св. Духъ внушилъ имъ рѣшеніе: послушаться моего совѣта, имѣть ко мнѣ довѣріе, отправить пословъ, прекратить непріятельскія дѣйствія, задержать Орду въ степи, и меня пригласить пріѣхать къ нимъ. Я прошу, чтобъ настоящая моя вѣрная услуга и дальнѣйшая служба никѣмъ у меня не была отнимаема и не оставалась бы безъ памятника, заслуженнаго любовію къ отечеству".

Но Кисель еще очень рано замечталъ о наградѣ за свои подвиги. Рѣзня господствовала на Украйнѣ, и среди этой бойни казаки и вельможи соперничали въ звѣрствѣ. Въ то время какъ украинская шляхта, не думая о сопротивленіи, бѣжала или гибла подъ ножами возставшихъ хлоповъ, одинъ воевода Русскій, князь Іеремія Вишневецкій, выставилъ сопротивленіе. Недавній отступникъ отъ православія, съ ненавистію ренегата къ старой вѣрѣ, вѣрѣ хлопской, Іеремія соединялъ ненависть польскаго пана къ хлопамъ, усугубленную теперь возстаніемъ и кровавыми подвигами гайдамаковъ. Въ самомъ началѣ возстанія Хмельницкаго Іеремія былъ уже на восточной сторонѣ Днѣпра, намѣреваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслѣдъ за нею всеобщее возстаніе хлоповъ отбросили его на западъ: но онъ скоро остановился и съ отрядами своими выставилъ единственное сопротивленіе казачеству. Какого же рода было это сопротивленіе? Напавши врасплохъ на мѣстечко Погребища, преданное казакамъ, онъ перемучилъ его жителей, особенно священниковъ православныхъ; изъ Погребищъ Вишневецкій пошелъ къ принадлежащему ему городу Немирову; жители затворились-было отъ своего пана, но онъ взялъ городъ приступомъ, и выданные мѣщанами виновники возстанія погибли въ ужаснѣйшихъ мукахъ: „Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ!" кричалъ Вишневецкій палачамъ. Въ концѣ іюля подъ Константиновымъ встрѣтился Вишневецкій съ многочисленнымъ казацкимъ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Кривоноса; послѣ двухъ кровопролитныхъ стычекъ, Поляки принуждены были отступить.

Поляки видѣли свою малочисленность въ Украйнѣ; имъ важно было удержать Хмельницкаго въ бездѣйствіи, пока прибудутъ къ нимъ подкрѣпленія, пока выбранъ будетъ король. Назначенный главнымъ воеводою въ Украйну Владиславъ-Доминикъ, князь Острожскій, послалъ сказать Кривоносу, чтобъ не пускалъ Орды и не шелъ дальше опустошать шляхетскихъ имѣній, послалъ съ тѣмъ же и къ самому Хмельницкому. Кривоносъ отвѣчалъ: „Вашей милости извѣстно, какъ это началось и какъ утихло-было; не хотѣли мы больше пустошить Земли Польской; но ужъ очень заѣдаетъ насъ

князь Іеремія: людей сталъ мучить, головы отсѣкать, на колъ сажать, въ каждомъ городѣ среди рынка висѣлица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попамъ нашимъ буравомъ просверливалъ глаза. Мы, защищая нашу вѣру и жизнь, должны были стать за свою обиду. Кто хочетъ воевать съ нами, противъ того мы готовы; а кто спокоенъ, тотъ и будетъ оставленъ въ покоѣ. Прошло еще семь недѣль или больше какъ мы отправили пословъ своихъ къ королю и республикѣ; но о нихъ до сихъ поръ нѣтъ никакого достовѣрнаго извѣстія: вѣрно они спятъ, такъ что до сихъ поръ не могутъ проснуться. Все будетъ мирно, если ваша милость теперь же доставите пословъ нашихъ; но если послы не явятся, то я буду воевать вмѣстѣ съ Ордою; панъ гетманъ, который на дняхъ ожидаетъ Орды, двинется со всѣмъ войскомъ и заступитъ дорогу, гдѣ будете утекать. А Жидовъ ваша княжеская милость благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всѣхъ виноваты, они и васъ съ ума свели". Хмельницкій отвѣчалъ то же самое, что движенія Іеремія вызвали и его изъ бездѣйствія; также просилъ о возвращеніи пословъ казацкихъ, отправленныхъ въ Варшаву, послѣ чего, сообразуясь съ письмами сенаторовъ, онъ возвратится съ войскомъ и удержитъ Орду.

Князь Острожскій писалъ отчаянное письмо къ архіепископу-примасу: „Кчему обманывать республику ложною надеждою, когда въ отчаянныхъ обстоятельствахъ ежедневно прибавляются новыя бѣдствія? Я не могъ устоять подъ Константиновымъ, потому что сила непріятельская неслыханна. Теперь увѣдомляю, что уже пахнетъ конечною гибелью". Князь Домникъ не видалъ возможности мира и полагалъ единственную надежду на военную помощь изъ Польши. Такъ же смотрѣлъ на дѣло и Тышкевичъ, воевода Кіевскій: „Наибольшій вредъ", писалъ онъ, „состоитъ въ томъ, что братья наши дѣлаются добычею непріятеля; а мы ничего объ этомъ не знаемъ, или не можемъ знать, считая себя обезпеченными надеждою на трактаты и осѣненными мнимымъ облакомъ перемирія. Если это отъ кого-нибудь происходитъ, то мы надѣемся, что придетъ время, когда Богъ укажетъ виновника бѣдствій республики. Мы, по совѣсти, по любви къ отечеству и по долгу нашему сенаторскому, еще разъ предостерегаемъ, что непріятель, подъ предлогомъ обѣщаннаго мира, болѣе и болѣе свирѣпствуетъ, болѣе и болѣе усиливается, такъ-что теперь каждый холопъ есть нашъ непріятель, каждый городъ, каждое селеніе мы должны считать отрядомъ непріятельскимъ. И неудивительно, что они доходятъ до такого неистовства; при нашей безпечности, простой народъ думаетъ, что ему дозволено все противъ всѣхъ, даже противъ самого Бога. Поэтому остается одно средство къ прекращенію своеволія — показать непріятелю саблю. Лучше намъ отпоясать саблю, чѣмъ терпѣть такое поруганіе отъ собственныхъ холоповъ".

Тышкевичъ разумѣлъ Киселя, говоря о виновникѣ бѣдствій, который осѣнилъ Поляковъ мнимымъ облакомъ перемирія. Но Кисель, видя слабость государства и паническій страхъ, овладѣвшій всѣми, единственнымъ средствомъ спасенія считалъ миръ, хотя и не очень на него полагался. 9-го августа онъ писалъ коронному канцлеру: „Большая и жалкая перемѣна произошла въ моемъ предположеніи идти къ Кіеву. Еще до Гущи (имѣніе Киселя) опередили меня казаки или разбойники—не знаю какъ назвать ихъ. Что уцѣлѣло отъ одной толпы, то разорено до основанія другой; у меня и у слугъ моихъ пограблено домашней утвари болѣе чѣмъ на 30,000; въ форверкахъ также взяли все, что было; Жиды всѣ вырѣзаны, дворы и корчмы сожжены. Около Горыня постигла всѣхъ та же участь, что и меня. Кривоносъ взялъ Меджибожъ приступомъ и всѣхъ жителей перерѣзалъ. Слышно, что Шаръ-городъ подвергся той же участи, и что казаки обратились уже къ Бугу. Три дня измѣнники пробыли въ Гущѣ, грабили наѣздами всю окрестность; пьянствуя днемъ и ночью, выпили нѣсколько бочекъ вина и нѣсколько десятковъ бочекъ меда, потчивали моихъ и сосѣднихъ холопей, остальное поразданали имъ. Языкъ показалъ, что Хмельницкій съ 120,000 войска находится уже подъ Янушполемъ, недалеко отъ Любартова; тотъ же языкъ сказалъ, что послы казацкіе, отправленные въ Варшаву, до сихъ поръ еще не возвратились къ Хмельницкому, которому Кривоносъ далъ знать, что они посажены на колъ, и тогда Хмельницкій двинулся съ огромнымъ войскомъ и послалъ за Ордою. Въ такихъ обстоятельствахъ, я отправилъ одно письмо къ Хмельницкому отъ себя, другое отъ всѣхъ насъ, коммисаровъ. Войска наши не спѣшатъ соединиться, начальники не имѣютъ силы, на всѣхъ напалъ такой страхъ, что не только непріятель одерживаетъ верхъ, видя, что никто не смѣетъ смотрѣть ему въ глаза и всѣ обращаются въ бѣгство, но даже крестьяне, холопы издѣваются надъ нами, и вотъ вся чернь присоединяется къ этимъ войскамъ, казачьимъ или разбойничьимъ. Поэтому я отправилъ къ Хмельницкому письмо, желая узнать, не дошелъ ли онъ до послѣдней степени неистовства, а самъ, съ своимъ полкомъ и товарищами, медленно подвигаюсь, ожидая отвѣта; когда онъ мнѣ отвѣтитъ, что ждетъ меня къ себѣ, то поѣду и употреблю всевозможныя средства къ примиренію. Если же Хмельницкій отвергнетъ мои предложенія, то я съ своимъ полкомъ пойду днемъ и ночью на то мѣсто, гдѣ собираются войска республики".

Кисель, идя къ Хмельницкому для мирныхъ переговоровъ, требовалъ, чтобъ польское войско не нападало на казаковъ, не раздражало ихъ, не давало возможности говорить, что со стороны Поляковъ нѣтъ желанія мира. Онъ писалъ коронному канцлеру Оссолинскому, что со стороны Хмельницкаго можно надѣяться мирнаго расположенія: „Какъ скоро послы мои пріѣхали къ Хмельниц-

кому, то я тотчасъ получилъ извѣстіе, что Кривоносъ посаженъ на цѣпь и прикованъ къ пушкѣ за шею. Вся шляхта, сколько ея было въ плѣну у Кривоноса, выпущена, и велѣно отрубить головы болѣе чѣмъ сотнѣ разбойниковъ. Самъ Хмельницкій, остановивъ полки, отступилъ и ожидаетъ меня". Хмельницкій, дѣйствительно, приглашалъ Киселя къ Константинову для переговоровъ и, жалуясь на тиранства Вишневецкаго, писалъ: „Неудивительно было бы намъ, еслибъ дѣлалъ это простакъ какой-нибудь, напримѣръ, нашъ Кривоносъ, но между Вишневецкимъ и Кривоносомъ большая разница! Мы больше помнимъ Бога; ни одинъ Полякъ, доставшійся въ наши руки, не умерщвленъ". Но недолго манила бѣднаго Киселя надежда скоро начать и успѣшно кончить переговоры съ новымъ Тамерланомъ, какъ онъ называлъ Хмельницкаго; онъ съ своими товарищами, остальными коммисарами и провожавшимъ ихъ воруженнымъ отрядомъ приблизился къ Острогу; но въ это время казаки захватили городъ и выступили противъ коммисаркаго отряда, какъ непріятели. Кисель послалъ сказать имъ, что онъ съ товарищами—коммисары, ѣдущіе къ Хмельницкому, по письму послѣдняго. Казаки остановились, обязались нейти дальше во внутренность Волыни, съ обѣихъ сторонъ дано было по десяти человѣкъ въ заложники, и нѣсколько человѣкъ коммисарскаго отряда спокойно въѣхали въ городъ. Но вдругъ является отрядъ войска князя Острожскаго, приступаетъ къ воротамъ и начинаетъ схватку съ казаками. Тѣ, не разобравши, что это за войско, подумали, что это коммисары вѣроломно нападаютъ на нихъ, и принялись бить тѣхъ Поляковъ изъ Киселева отряда, которые были у нихъ въ городѣ. Поляки Острожскаго не могли взять города и отступили; но казаки не согласились уже пропустить коммисаровъ чрезъ Острогъ. Кисель, съ одной стороны, долженъ былъ писать къ Хмельницкому съ упреками, что въ то время, какъ онъ шелъ для мирныхъ переговоровъ, казаки захватили Баръ и и Острогъ; съ другой стороны, писалъ къ польскому войску, что оно разстраиваетъ все дѣло, нападая на казаковъ. Изъ войска дали ему жестокій отвѣтъ: „Съ удивленіемъ услыхали мы, что республика теряетъ крѣпкіе города передъ глазами вашей милости, хотя вы имѣли при себѣ значительное число войска. Это происходитъ, по нашему мнѣнію, оттого, что коммисія, по безполезной медленности, не приступала по сю пору ни къ какому дѣлу. Съ этимъ холопствомъ мы не можемъ придерживаться народнаго права, потому что оно не привыкло соблюдать вѣрность. Знаемъ, что республика, связавъ себѣ руки коммисіею, не желаетъ, чтобъ мы раздражали непріятеля; такой же совѣтъ мы принимаемъ и отъ вашей милости. Но еслибъ мы, смотря на необузданное высокомѣріе хлоповъ, дозволили имъ въ глазахъ своихъ брать города и замки и производить безпрестанныя убійства, то въ такомъ случаѣ и вѣрность наша сдѣлалась бы сомнительною въ глазахъ республики, и достоинство наше было бы унижено". Кисель оправдывался, что коммисіи нѣтъ никакой возможности спѣшить, да и самая медленность ея полезна, потому что даетъ время собирать войска; Острогъ былъ взятъ до прибытія коммисаровъ, отнимать же имъ городъ вооруженною рукою было бы несовмѣсто съ ихъ должностію и неблагоразумно; городъ освобождался отъ казаковъ въ силу переговоровъ, но польское войско своимъ нападеніемъ испортило все. Вишневецкій однако не переставалъ вооружаться противъ мирныхъ переговоровъ и противъ Киселя: „Если мы будемъ дожидаться союза поганыхъ съ своими домашними погаными, то намъ труднѣе будетъ покончить войну", писалъ онъ къ архіепископу-примасу 30 августа. „Казаки на сихъ дняхъ овладѣли Луцкомъ, Клеванью и другими городами на Волыни; 30,000 Татаръ переправились къ намъ на Мурахву. Изъ этихъ вѣстей ваша милость можете судить, какіе плоды принесло перемиріе, которое ведетъ насъ къ горькому концу. Непріятель беретъ города, а намъ велятъ молчать, связавъ намъ руки волею республики, потому что она изрекла миръ, а не войну".

Желаніе Вишневецкаго исполнилось. Хмельницкій, раздраженный тѣмъ, что Поляки въ другой разъ приступили къ Острогу, задержалъ посланцовъ Киселя, вслѣдствіе чего послѣдній не поѣхалъ къ нему и соединился съ войсками Острожскаго. Поляки отняли у казаковъ Константиновъ и встрѣтились съ самимъ Хмельницкимъ подъ Пилявцами. Богданъ началъ переговоры съ княземъ Острожскимъ и тянулъ время, дожидаясь Татаръ; 20 сентября началось сраженіе, и началось съ выгодою для Поляковъ; на другой день успѣхъ былъ на сторонѣ казаковъ, а вечеромъ въ ихъ станѣ раздались крики, возвѣщавшіе о приходѣ Татаръ. Поляки оробѣли. На третій день, на разсвѣтѣ, привелъ языка, который объявилъ, что пришло 40,000 Татаръ, тогда какъ ихъ пришло только 4,000; началось страшное смятеніе между Поляками; казаки напали и вырѣзали два полка; языки говорили, что идетъ самъ ханъ съ безчисленнымъ войскомъ. Вечеромъ предводители собрались на совѣтъ и рѣшили уходить; ночью съ 22 на 23 понеслась по лагерю вѣсть, что предводителей уже нѣтъ, и тогда все войско обратилось въ постыдное бѣгство, бросивши богатый обозъ въ пользу казаковъ. Тутъ, по однимъ извѣстіямъ, погибъ отъ Татаръ нашъ старый знакомый, Янъ Фаустинъ Луба, по другимъ же—онъ возвратился въ Польшу и кормился опять по панскимъ домамъ.

Послѣ этого неожиданнаго торжества, Хмельницкій занялъ безъ сопротивленія Константиновъ, Збаражъ и, слыша крики казаковъ: „Веди на Ляховъ!" —повелъ ихъ ко Львову, съ котораго взялъ огромный окупъ; жители принуждены были выдать все свои драгоцѣнности. Изъ-подъ Львова Хмельницкій подступилъ подъ Замостье, откуда 15 ноября послалъ письмо къ сенату, выставляя попрежнему,

что виновниками всѣхъ бѣдъ два пана—Конецпольскій и князь Вишневецкій; требовалъ, чтобъ они были объявлены виновными, и заключалъ письмо такъ: „Если ваша милость начнете войну противъ насъ, то мы примемъ это за знакъ, что вы не хотите имѣть насъ своими слугами". Въ отвѣтъ онъ получилъ извѣстіе объ избраніи новаго короля, Яна-Казиміра, брата Владиславова, который приказывалъ ему отступить отъ Замостья. Хмельницкій отвѣчалъ, что повинуется; на радостяхъ велѣлъ палить изъ пушекъ, пилъ и говорилъ посламъ: „Еслибъ вы на конвокаціи еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось; а еслибъ выбрали, какого-нибудь другого, а не Яна-Казиміра, то я пошелъ бы на Краковъ и далъ бы корону кому надобно". Отчего же такъ обрадовался Хмельницкій избранію Яна-Казиміра? Московскому гонцу Кунакову разсказывали въ Варшавѣ, что Янъ-Казиміръ еще до избранія писалъ къ Хмельницкому: „Если буду королемъ, то войну успокою и впередъ тебѣ и всему войску Запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкрѣплю лучше прежняго". Послалъ эту грамоту король съ шлятичемъ Юріемъ Ермоличемъ, который остался при Хмельницкомъ. Богданъ, по письму королевича, писалъ къ панамъ раднымъ: если они изберутъ на королевство пана его, королевча Казиміра, то онъ, Богданъ, будетъ во всей его волѣ; если же изберутъ кого-нибудь другого, то онъ, Богданъ, съ войскомъ Запорожскимъ и съ Татарами будетъ воевать большою войною.

Грамота, которую новый король послалъ къ Хмельницкому, подтверждала надежды казацкаго вождя: „Начиная счастливо наше царствованіе", писалъ король, „по примѣру предковъ нашихъ, пошлемъ булаву и хоругвь нашему вѣрному войску Запорожскому, пошлемъ въ ваши руки, какъ старшаго вождя этого войска, и обѣщаемся возвратить давнія рыцарскія вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сихъ поръ продожалась, то сами видимъ, что произошла она не отъ войска Запорожскаго, но по причинамъ, въ грамотѣ вашей означеннымъ". Янъ-Казиміръ обѣщалъ, что войско Запорожское будетъ подъ непосредственною властію короля, а не старостъ украинскихъ; обѣщалъ исполнить и желаніе казаковъ относительно уніи; но требовалъ за это, чтобъ Хмельницкій отослалъ Татаръ и распустилъ чернь. Богданъ исполнилъ все это; но тутъ же было видно, что онъ разнуздался успѣхомъ и готовъ былъ повиноваться только съ условіемъ, чтобъ исполнялись его желанія. Месть кипѣла въ его сердцѣ: воспоминанія о Чаплинскомъ, Конецпольскомъ, Вишневецкомъ не давали ему покоя: „Въ Бродахъ (имѣніе Конецпольскаго) камня на камнѣ не оставлю", говорилъ онъ, „съ землею сравняю, а этотъ князикъ Вишневецкій недолго будетъ у меня регimентовать; самъ въ Крымъ поѣду и освобожу гетмановъ съ условіемъ, если помирятся со мною и будутъ въ пріязни жить; если же нѣтъ, то прикажу имъ головы отрубить, а этотъ князикъ за Днѣпромъ у меня не показывайся!" Хмельницкій, надѣясь на короля, думалъ, что будутъ исполнены всѣ его желачія; но когда паны узнали, что король послалъ Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили къ нему съ шумомъ, особенно Поляки кричали: „Идемъ всею Рѣчью Посполитою! отъ Богдана Хмельницкаго, отъ Кривоноса и казаковъ разоренье и кровопролитіе большое, чего не бывало, какъ Польское королевство стало; а король казаковъ почитаетъ, какъ пріятелей своихъ!" Янъ-Казиміръ отвѣчалъ: „Если теперь Хмельницкаго и все войско Запорожское въ милость не принять, то отъ нихъ и впередъ будетъ большое разоренье, потому что войско Запорожское и хлопы гультяйство еще не усмирились; да у Богдана орда Крымская всегда наготовѣ; а на коронное и на литовское войско казнь Божія: чего никогда не бывало,—вездѣ казаки ихъ побиваютъ. Подумайте объ этомъ, чтобъ въ конечномъ разореньи не быть; да и то вамъ надобно разсудить, какія отъ казаковъ прежде бывали Рѣчи Посполитой кровныя службы и доброхотства, и что вы имъ за это воздали, кромѣ насильства и разоренья? А нынѣшнее междоусобіе начали они по крайней нуждѣ: все это сталось отъ пановъ, которые такихъ вѣчныхъ слугъ грабили и разоряли". Паны продолжали кричать: „Мы и вся Рѣчь Посполитая будемъ противъ войска Запорожскаго и противъ своихъ холоповъ войну вести и мстить имъ до кончины своей; либо казаковъ истребимъ, либо они насъ истребятъ; лучше намъ всѣмъ помереть, чѣмъ видѣть такое разоренье, упадокъ и вѣчное безславіе; лучше умереть, чѣмъ казакамъ и своимъ холопамъ въ чемъ уступить!" Такія большія надежды и требованія со стороны Хмельницкаго, и такая неуступчивость и ожесточеніе со стороны пановъ не предвѣщали скораго мира. Сильное негодованіе пановъ на короля было возбуждено и тѣмъ, что по смерти Тышкевича Янъ-Казиміръ отдалъ Кіевское воеводство Адаму Киселю, назначенному переговаривать съ Хмельницкимъ о мирѣ: Киселя величали измѣнникомъ за его православіе и боялись, нѣтъ ли у него съ королемъ какого умысла. Московскому гонцу Кунакову разсказывали, что король желаетъ, чтобъ Богданъ Хмельницкій пановъ радныхъ сломалъ и сдѣлалъ ему послушными.

По возвращеніи изъ похода, Хмельницкій съ торжествомъ въѣхалъ въ Кіевъ; около него ѣхали полковники въ золотѣ, серебрѣ, добытомъ у Поляковъ, несли польскія хоругви и другую военную добычу. Въ народѣ раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкаго; духовенство, академія вышли къ нему на встрѣчу, профессора говорили панегерики, называли Хмельницкаго Моисеемъ вѣры Русской, защитникомъ свободы Русскаго народа, новымъ Маккавеемъ. Побѣдителя немедленно окружили иностранные посланники. Богданъ усердно молился, раздавалъ богатые дары по церквамъ изъ польской добычи и

въ то же время ежедневно разспрашивалъ колдуновъ и колдуней о будущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ казакъ гулялъ на радостяхъ, пировалъ день и ночь, какъ подопьетъ — пѣсню затянетъ. Безпрестанно мѣнялся: то ласковъ, то вдругъ суровъ, то со всѣми за-панибрата, то вдругъ никого къ себѣ не допускаетъ; добродушно разговариваетъ—и вдругъ выдастъ свирѣпый приказъ. Мы поймемъ все это, если будемъ смотрѣть на Хмельницкаго прежде всего какъ на казака. Какъ бы ни былъ даровитъ членъ общества нецивилизованнаго, какъ бы высоко ни поставила его судьба, не можетъ онъ отречься отъ своей природы, дѣвственной еще, дѣтской, если угодно—грубой, не сдерживаемой извѣстными условіями образованнаго общества, не затянутой въ извѣстныя формы. Впечатлѣнія такого человѣка живы, сильны, быстро смѣняются, онъ рабски поддается имъ и не умѣетъ сдерживать своихъ чувствъ, не умѣетъ обращать холодное вниманіе на правильность, послѣдовательность ихъ выраженія; начнетъ что-нибудь, вдругъ, по непонятному для него самого сцѣпленію понятій, вспомнитъ о чемъ-нибудь другомъ и увлекается этимъ новымъ воспоминаніемъ; быстро, безотчетно смѣняются въ немъ мысли и чувства, быстро выражаются въ словѣ и дѣлѣ. Дикъ и страненъ кажется такой человѣкъ члену общества образованнаго; не понимаетъ образованный человѣкъ этой юности природы, и, глядя посвоему, готовъ счесть маскою то, что на самомъ дѣлѣ живой образъ. Наступило время, когда Хмель— такъ называли Поляки Богдана—вполнѣ выказалъ свой казацкій характеръ, чѣмъ озадачилъ и оскорбилъ людей изъ другого общества. Изъ Кіева поѣхалъ Богданъ въ Переяславль, и туда пріѣхали къ нему обѣщанные коммисары королевскіе, старый нашъ знакомецъ, многоученый и красноглаголивый Кисель съ товарищами. Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу въ поле съ полковниками, есаулами, сотниками, военною музыкою, съ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ; при въѣздѣ выпалили изъ двадцати пушекъ. Гетманъ позвалъ коммисаровъ обѣдать, и тутъ сейчасъ же горѣлка начала выводить наружу то, что было на сердцѣ у Богдана и его товарищей, полковниковъ: Вишневецкій, Конецпольскій, Чаплинскій не хорошо были помянуты. На другой день назначена была церемонія врученія Хмельницкому булавы и знамени королевскихъ. На широкой улицѣ, передъ дворомъ своимъ, стоялъ Хмельницкій подъ бунчукомъ, въ собольей, крытой парчею шубѣ, окруженный старшинами. Кисель началъ-было выказывать свое краснорѣчіе въ длинной рѣчи, выставлялъ милость королевскую, какъ вдругъ отозвался пьяный полковникъ Дзялакъ: „Король какъ король, а вы, королевята, князья, проказите много, надѣлали дѣла! А ты, Кисель, кость отъ костей нашихъ, отщепился отъ насъ и пристаешь къ Ляхамъ!“ Хмельницкій сталъ его унимать, и Дзялакъ, видя, что всѣ другіе молчатъ, убрался. Богданъ, какъ показалось коммисарамъ, принялъ гетманскіе знаки не съ большимъ усердіемъ.

Послѣ церемоніи гетманъ позвалъ коммисаровъ обѣдать. Передъ обѣдомъ Кисель опять распространился о великихъ милостяхъ королевскихъ: король прощаетъ Хмельницкаго, даетъ свободу древней православной религіи, позволяетъ увеличить число реестроваго войска, возстановляетъ прежнія права и преимущества его, наконецъ предоставляетъ гетманство ему, Хмельницкому. „Вы, гетманъ, съ своей стороны, должны показать себя благодарнымъ, должны стараться о прекращеніи смуты и кровопролитія, не принимать крестьянъ подъ свое покровительство, а внушать имъ повиновеніе законнымъ владѣльцамъ“. Не очень щедрыя для Корсунскаго и Пилявецкаго побѣдителя милости и неудобоисполнимое требованіе отказаться отъ союза съ простымъ народомъ въ пользу пановъ раздражали Хмельницкаго; раздражало и обращеніе къ нему, какъ вождю полновластному, тогда какъ онъ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія войска; а легко ли было удовлетворить требованіямъ этого войска, которое состояло изъ низшаго народонаселенія всей Украйны? Отъ Хмельницкаго требовали отдать панамъ въ неволю людей, которые дали ему такое могущество, и остаться начальникомъ войска въ 12 или много въ 15,000, какъ предлагали Поляки! Но что всего болѣе заставляло Хмельницкаго перемѣнить тонъ относительно Польскаго правительства, такъ это то, что ханъ, помогавшій ему до сихъ поръ изъ-подъ руки, однимъ отрядомъ Тугай-Беевымъ, теперь рѣшился прямо стать его защитникомъ, помогать ему всѣми силами; съ Турками заключенъ былъ союзъ; князь Трансильванскій, Юрій Рагоцы, также предлагалъ Хмельницкому воевать Польшу. Вотъ почему Богданъ отвѣчалъ Киселю: „За великія милости королевскія покорно благодарю; что же касается до коммисіи, то она въ настоящее время начаться и производить дѣлъ не можетъ: войска не собраны въ одно мѣсто, полковники и старшины далеко, а безъ нихъ я ничего рѣшать не могу и не смѣю; иначе могу поплатиться жизнію. Да притомъ я не получилъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Первый долженъ быть непремѣнно выданъ, а второй наказанъ, потому что они подали поводъ ко всѣмъ смутамъ и кровопролитію. Виноватъ и панъ кастелянъ Краковскій, который нападалъ на меня и преслѣдовалъ меня, когда я принужденъ былъ спасать жизнь свою въ пещерахъ Днѣпровскихъ; но онъ уже довольно награжденъ за дѣла свои, нашелъ, чего искалъ. Виноватъ и хорунжій (Конецпольскій), потому что лишилъ меня отчизны, отдалъ Украйну лисовщикамъ, которые казаковъ, оказавшихъ услуги республикѣ, обращали въ холоповъ, драли съ нихъ кожу, вырывали бороды, запрягали въ плуги; но все они не такъ виноваты, какъ Чаплинскій и Вишневецкій. Ничего изъ этого не будетъ, если одного изъ нихъ

не накажутъ, а другого мнѣ сюда не пришлютъ; въ противномъ случаѣ или мнѣ погибнуть со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, или пропасть Польской Землѣ, сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтамъ. Развѣ мало виноваты Ляхи, что льется кровь христіанская, что войско литовское вырѣзало Мозырь и Туровъ, что Янушъ Радзивилъ велѣлъ одного изъ нашихъ посадить на колъ? Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радзивилу писалъ, что если онъ поступилъ такимъ образомъ съ однимъ христіаниномъ, то я то же самое сдѣлаю съ 400 плѣнныхъ Поляковъ".

За столомъ новыя сцены. Полковники сильно сердились на Литовскаго гетмана Радзивила, который, воюя съ украинскими загонщиками, взялъ приступомъ и истребилъ два города, принявшіе ихъ сторону. Ксендзъ Лентовскій, пріѣхавшій съ королевскими грамотами, замѣтилъ, что слухи изъ Литвы могутъ быть и несправедливы. Тутъ старый Черкасскій полковникъ Ѳедоръ схватилъ булаву и закричалъ: „Молчи, попъ! не твое дѣло уличать меня во лжи; и ваши ксендзы, и наши попы всѣ такія-то дѣти; выходи, попъ, на дворъ, научу я тебя полковниковъ запорожскихъ почитать". Коммисары смягчали Хмеля, какъ могли; особенно истощалъ свое краснорѣчіе Кисель, но ничего не успѣлъ сдѣлать. На другой день Кисель приглашалъ къ себѣ гетмана обѣдать; но Хмельницкій пріѣхалъ вечеромъ съ нѣкоторыми полковниками, уже подпивши, и опять началъ срывать сердце, пересчитывать обиды, которыя получилъ отъ Поляковъ, и грозить местью. Потомъ пробрался въ комнату жены Киселевой и началъ прямо говорить ей, чтобы съ мужемъ отреклись отъ Поляковъ и остались съ казаками, потому что Польская Земля сгинетъ, а Русь будетъ господствовать въ томъ же году, очень скоро. На другой день долго спалъ Хмельницкій, потому что пилъ съ колдуньями, которыя ворожили ему счастья на войнѣ въ этотъ годъ. Какъ скоро можно стало къ нему являться, коммисары послали къ нему съ просьбою назначить время для переговоровъ. Посланные застали гетмана уже за ґорѣлкою, и получили такой отвѣтъ: „Завтра будетъ справа и расправа, потому что теперь я пьянъ, венгерскаго посла отправляю. Коротко скажу: изъ этой коммисіи ничего не будетъ, война должна черезъ три или четыре недѣли начаться; переверну васъ всѣхъ, Ляховъ, вверхъ ногами и потопчу такъ, что будете подъ моими ногами, а напослѣди отдамъ васъ царю Турецкому въ неволю. Король королемъ будетъ, чтобъ король казнилъ шляхту и дуковъ и князей, чтобъ былъ себѣ вольный. Провинится князь—рѣжь ему шею; провинится казакъ—и ему то же: вотъ будетъ правда! Я хоть себѣ худой, малый человѣкъ, но Богъ мнѣ далъ, что я теперь единовластный самодержецъ русскій. Если король не хочетъ вольнымъ королемъ быть, то какъ ему угодно. Скажите это пану воеводѣ (Киселю) и коммисарамъ. Стращаете меня Шведами—и тѣ мои будутъ, а хоть бы и не такъ, хоть бы ихъ было пятьсотъ тысячъ—не одолѣютъ они Русской, Запорожской и Татарской мочи. Съ этимъ и ступайте: завтра справа и расправа". Получивши такой отвѣтъ, коммисары стали совѣтываться и положили: требовать отъ Хмельницкаго, чтобъ онъ отпустилъ ихъ, и просить освобожденія плѣнныхъ Поляковъ.

На другой день коммисары отправились къ гетману, и Кисель началъ со слезами умилительную рѣчь, говорилъ, что Хмельницкій не только Польшу и Литву, но и Русскую вѣру, Святыя церкви хочетъ отдать поганымъ безъ причины. Если ему нанесена обида, если Чаплинскій виноватъ, то готова награда; если войско Запорожское обижено тѣмъ, что уменьшили его число, отняли земли, то король обѣщаетъ все вознаградить; пусть подумаетъ, что какъ Польша и Литва не удержатъ поганыхъ безъ Запорожья, такъ и Запорожье не защитится отъ поганства безъ польскаго войска; уговаривалъ, чтобъ отступился отъ черни, пусть крестьяне пашутъ, а казаки воюютъ; пусть реестровыхъ казаковъ будетъ 12 или 15,000; пусть идетъ лучше воевать поганыхъ за-границу. Богданъ отвѣчалъ: „Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкій гонялъ за Днѣпромъ, и на Днѣпрѣ было время, и послѣ Желтоводской, и послѣ Корсунской битвы, и послѣ Пилявецъ, и подъ Константиновымъ, и подъ Замостьемъ, и когда я изъ-подъ Замостья шесть недѣль шелъ до Кіева, а теперь уже не время; мнѣ удалось сдѣлать то, о чемъ и не мыслилъ, покажу потомъ и то, что замыслилъ. Выбью изъ польской неволи народъ Русскій весь. Сперва воевалъ я за свою обиду, теперь стану воевать за вѣру православную нашу. Вся чернь, которая ея держится, по Люблинъ, по Краковъ, поможетъ мнѣ въ этомъ, и я чернь не выдамъ, чтобъ вы, задавивши крестьянство, и на казаковъ не ударили. Буду имѣть двѣсти-триста тысячъ своихъ, всю Орду, подлѣ меня Тугай-Бей, братъ мой, душа моя, единственный соколъ на свѣтѣ, готовъ онъ все сдѣлать, что я ни захочу; вѣчна наша казацкая пріязнь, которой цѣлый свѣтъ не разорветъ. За границу войною не пойду, саблю на Турокъ и Татаръ не подниму: будетъ съ меня Украйны, Подола, Волыни, довольно добра въ землѣ и княжествѣ моемъ по Львовъ, Хельмъ и Галичъ, а ставши надъ Вислой, скажу остальнымъ Ляхамъ: сидите, молчите, Ляхи! Дуковъ и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станутъ, найду ихъ и тамъ; не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украйнѣ, а который захочетъ съ нами хлѣбъ ѣсть, пусть будетъ послушенъ войску Запорожскому, а на короля не брыкаетъ". Полковники поддакивали гетману; они говорили: „Прошли тѣ времена, когда Ляхи сѣдлали насъ нашими же людьми, христіанами; сильны были намъ драгуны, а теперь ихъ не боимся; узнали мы подъ Пилявцами, что теперь не тѣ Ляхи, какіе прежде бывали, какіе били Турокъ, Москву, Татаръ, Нѣмцевъ, не Жолкѣвскіе, не Ходкѣвичи, не Конецполь-

скіе или Хмелецкіе, но Тхоржевскіе, Зайонцковскіе (т.-е. Трусовецкіе, Зайцевскіе), ребята, одѣтые въ желѣзо, померли отъ страха, какъ только насъ увидали, и поутекали, хотя Татаръ въ середу не было больше 3,000, подождали бы до пятницы, такъ ни одинъ бы до Львова не добрался". Хмельницкій продолжалъ: „Патріархъ (Іерусалимскій) благословилъ меня въ Кіевѣ на эту войну, вѣнчалъ меня съ моей женой, разрѣшилъ меня отъ грѣховъ, хотя бы я и не исповѣдовался, и приказалъ доконать Ляховъ:—какъ же мнѣ не слушаться святаго владыки, начальнаго нашего человѣка и гостя любимаго. Я уже обослалъ полки, чтобъ коней кормили и въ дорогу были готовы, безъ возовъ, безъ пушекъ, все это я найду у Ляховъ; если казакъ возьметъ хотя одинъ возъ съ собою, велю ему голову отрубить; не возьму и самъ съ собой ничего" Говоря это, Хмельницкій пришелъ въ такую ярость, что вскакивалъ съ лавки, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. Коммисары обомлѣли отъ страха: никакія убѣжденія ихъ не помогали.

Стали они думать уже не о заключеніи мира, а о томъ, какъ бы уѣхать поздорову и выручить плѣнныхъ. Наконецъ гетманъ объявилъ имъ свои условія: „1) чтобъ имени, памяти и слѣда уніи не было; 2) митрополитъ Кіевскій по примасѣ Польскомъ первое мѣсто долженъ имѣть въ сенатѣ; 3) воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные Русскіе; 4) войско Запорожское по всей Украйнѣ при своихъ вольностяхъ давнихъ остается; 5) гетманъ казацкій подчиняется прямо королю; 6) Жиды изгоняются изо всей Украйны; 7) Іеремія Вишневецкій никогда не долженъ быть гетманомъ короннымъ". Здѣсь для Поляковъ недоставало самаго главнаго пункта:—какое число будетъ казаковъ? Кисель спросилъ объ этомъ у Богдана, и тотъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ писать это въ договоръ? Найдется насъ и 100,000, будетъ столько, сколько я скажу". Коммисары спросили о плѣнныхъ. „Это завоевано", отвѣчалъ Хмельницкій: „пусть король не думаетъ". Коммисары возражали, что и поганые отпускаютъ плѣнныхъ, какъ же онъ, гетманъ, не хочетъ отпустить плѣнниковъ, будучи подданнымъ короля? Хмельницкій отвѣчалъ: „Нечего толковать! ихъ мнѣ Богъ далъ; отпущу ихъ, если никакой зацѣпки отъ Литвы и отъ Ляховъ не будетъ; пусть Потоцкій подождетъ брата своего, старосту Каменецкаго, который у меня Баръ, мой городъ, заѣхалъ на Подолѣ, кровь христіанскую льетъ; я приказалъ туда полкамъ двинуться и живьемъ привести къ себѣ Потоцкаго".— „Казаки дѣлаютъ то же самое", возражали коммисары: „въ Кіевѣ днемъ и ночью льется невинная кровь потоками въ Днѣпръ; Ляховъ однихъ топятъ въ рѣкѣ, другихъ безчеловѣчно убиваютъ; все это дѣлаетъ Нечай, полковникъ Брацлавскій, и говоритъ, что имѣетъ на это твое приказаніе". *Хмельницкій:* „Не приказывалъ я убивать невинныхъ, а только тѣхъ, которые не хотятъ пристать къ намъ или креститься въ нашу вѣру. Вольно мнѣ тамъ рѣзать,—мой Кіевъ, и воевода Кіевскій; далъ мнѣ его Богъ безъ сабли; нечего тутъ толковать". Кисель спросилъ его, согласенъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, заключить договоръ теперь же? Хмельницкій отвѣчалъ: „Я уже сказалъ, что теперь нельзя: полки не собраны, да притомъ голодъ; коммисія отложится до зеленыхъ святокъ (Троицына дня), когда будетъ трава, чтобъ было чѣмъ пасти лошадей, а до того времени пусть коронныя и литовскія войска не входятъ въ Кіевское воеводство. Граница между нами Горынь и Припеть, а отъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ по Каменецъ". Коммисары предложили-было ему свои условія, но Хмельницкій зачеркнулъ ихъ, и такимъ образомъ заключено было только перемиріе до Троицына дня. Кисель однако продолжалъ свои увѣщанія, говорилъ о непостоянствѣ счастія, призрачнаго и хрупкаго, какъ стекло; говорилъ, какъ страшно для поддержанія вѣры православной искать покровительства Турокъ и Татаръ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы извести народъ Русскій; если Поляки, Литва и Русь будутъ губить другъ друга въ междоусобіяхъ, то сосѣдніе народы всѣхъ ихъ завоюютъ; наконецъ грозилъ мщеніемъ оскорбленнаго короля. Хмельницкій былъ тронутъ, но высказалъ необходимость войны, и противъ его причинъ не было возраженій: „Нельзя", отвѣчалъ онъ, „нельзя удержаться отъ войны; будемъ воевать, пока станетъ жизни и пока не добьемся вольности; лучше голову сложить, чѣмъ въ неволю возвратиться. Знаю, что фортуна склизка, но пусть торжествуетъ правда. Короля почитаемъ какъ государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти, и не будемъ имъ друзьми никогда. Если они перестанутъ дѣлать зло, то миръ заключить не трудно: пусть утвердятъ статьи мои. Если же станутъ хитрить, то война неизбѣжна. Плѣнныхъ я выдамъ на коммисіи. Скажите это королю; кромѣ написанныхъ условій, ничего не будетъ". Кажется, за эти слова польскіе историки не имѣли права обвинить Богдана въ неискренности; здѣсь его устами говорило все простонародье украинское, Русское, и характеръ борьбы выказался ярко, борьбы, возгорѣвшейся отъ смертельной ненависти къ панамъ и шляхтѣ. Миръ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ для ограниченнаго въ числѣ казачества, но съ возобновленіемъ прежнихъ условій для хлоповъ, былъ невозможенъ, какъ событія покажутъ намъ.

Коммисарамъ не хотѣлось выѣхать изъ Переяславля безъ польскихъ плѣнныхъ; они употребляли всѣ усилія, расточали просьбы и подарки, обѣщали по сту червонныхъ полковникамъ и писарямъ. Знали, что большимъ вліяніемъ пользуется обозный Чернота, и пошли къ нему съ подарками просить, чтобъ шелъ къ гетману и уговорилъ его отпустить плѣнниковъ. „Не пойду", отвѣчалъ Чернота, „я боленъ: вчера съ нимъ пили цѣлую ночь, оттого и хвораю. Да я ему не совѣтовалъ и не посовѣтую выпускать пташекъ изъ клѣтки; еслибъ

я былъ здоровъ, то наврядъ и сами вы вышли бы отсюда".

На прощаніи коммисаровъ съ гетманомъ плѣнныхъ привели; коммисары опять стали просить объ ихъ освобожденіи, плѣнные бросились къ ногамъ Богдана, но ничего не помогло: „Пусть Потоцкій", сказалъ онъ, „подождетъ брата своего: тогда этого велю посадить на колъ передъ городомъ, а того въ городѣ,—пусть глядятъ другъ на друга". Въ слѣдующихъ словахъ Хмельницкаго коммисарамъ заключалась опять сущая правда: „Не знаю, какъ состоится вторая коммисія, если молодцы не согласятся на 20 или 30 тысячъ реестроваго войска и не удовольствуются удѣльнымъ панствомъ своимъ; не самъ по себѣ я откладываю коммисію, а потому, что не смѣю поступать противъ воли рады, хотя и желалъ бы исполнить волю королевскую". На возвратномъ пути коммисары также имѣли случай убѣдиться въ характерѣ борьбы: прислуга ихъ обоего пола, даже дѣвушки, переходила къ казакамъ. Въ Кіевѣ шляхтичи, шляхтянки и чернь католическаго исповѣданія бросились къ коммисарамъ, чтобъ подъ ихъ покровительствомъ уйти изъ города; но казаки погнались за ними и не пустили, многихъ ободрали, били и топили. Въ Бѣлгородкѣ ночлегъ былъ не безопасенъ, потому что здѣсь преслѣдовали католиковъ. „Должно знать", писалъ одинъ изъ коммисаровъ, „что чернь вооружается, увлекаясь свободою отъ работъ, податей и желая навѣки избавиться отъ пановъ. Во всѣхъ городахъ и деревняхъ Хмельницкій набираетъ казаковъ, а нежелающихъ хватаютъ насильно, бьютъ, топятъ, грабятъ; гораздо большая половина желаетъ покоя и молитъ Бога объ отмщеніи Хмельницкому за своеволіе. Хмельницкій не надѣется долго жить, и дѣйствительно онъ имѣетъ между своими приближенными заклятыхъ враговъ. Онъ закопалъ въ Чигиринѣ нѣсколько бочекъ серебра, имѣетъ 130 турецкихъ коней, 24 сундука съ дорогимъ платьемъ. Украйна наполнена пилявскою добычею: ее преимущественно скупаютъ Москвитяне въ Кіевѣ, также по городамъ на рынкахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и еще дешевле. Одинъ кіевскій мѣщанинъ купилъ у казака за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, какой только можно было донести мужику".

Если Хмельницкій не могъ принять условій, предложенныхъ ему Польскимъ правительствомъ, то послѣднее, безъ крайней необходимости, не попытавшись, при болѣе счастливыхъ теперь обстоятельствахъ, оружіемъ усмирить хлоповъ, не могло согласиться на условія Хмельницкаго, и обѣ стороны воспользовались перемиріемъ только для того, чтобъ собраться съ новыми силами къ войнѣ; да и перемиріе было плохо сдерживаемо съ обѣихъ сторонъ. Поляки поняли наконецъ, что миръ или война не зависятъ отъ Хмельницкаго; въ апрѣлѣ писали изъ Волыни: „Чернь дотого разсвирѣпѣла, что рѣшилась или истребить шляхту, или сама гибнуть". Все поднялось въ казаки: „У Хмельницкаго", говоритъ очевидецъ, „было безчисленное войско, потому что въ иномъ полку было казачества больше двадцати тысячъ, что село,—то сотникъ, а въ иной сотнѣ человѣкъ съ тысячу народа. Все, что было живо, поднялось въ казачество; едва можно было найти въ селахъ семью, изъ которой кто-нибудь не пошелъ бы на войну: если отецъ не могъ идти, то посылалъ сына или паробка, а въ иныхъ семьяхъ всѣ взрослые мужчины пошли, оставивши только одного дома; все это дѣлалось потому, что прошлаго года очень обогатились грабежемъ имѣній шляхетскихъ и жидовскихъ. Даже въ городахъ, гдѣ было право Магдебургское, бурмистры и радцы присяжные покинули свои уряды, побрили бороды и пошли къ войску". Кромѣ этого, многочисленнаго своенароднаго ополченія, Хмельницкій ждалъ еще хана Крымскаго съ Ордою, ждалъ Турокъ, ждалъ Донцовъ, отправилъ въ Москву чигиринскаго полковника Вешняка, который въ маѣ подалъ царю грамоту: „Насъ, слугъ своихъ", писалъ Богданъ, „до милости царскаго своего величества прими и благослови рати своей наступить на враговъ нашихъ, а мы въ Божій часъ отсюда на нихъ пойдемъ. Вашему царскому величеству низко бьемъ челомъ: отъ милости своей не отдаляй насъ, а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ ваше царское величество, какъ правдивый и православный государь, надъ нами царемъ и самодержцемъ былъ". Царь отвѣчалъ, что вѣчнаго докончанія съ Поляками нарушить нельзя, „а если королевское величество тебя, гетмана, и все войско Запорожское освободитъ, то мы тебя и все войско пожалуемъ, подъ нашу высокую руку принять велимъ". Долго было дожидаться этого освобожденія; королевское величество собиралъ войско, но въ войскѣ этомъ между воеводами несогласіе, между ратными людьми неусердіе къ дѣлу; противъ Русскихъ, которые бились за вѣру, за свободу, одушевлялись ненавистію къ притѣснителямъ и воспоминаніемъ о недавнемъ громадномъ успѣхѣ, о добычѣ богатой,—противъ этихъ Русскихъ Поляки выставили иноземцевъ наемныхъ, правда искусныхъ и храбрыхъ, надежныхъ въ бою противъ толпы, неокуренной порохомъ, но покидающихъ знамена, какъ только задерживалось жалованье; войско своеземное подражало въ этомъ отношеніи иноземцамъ: „Денегъ, денегъ, какъ можно скорѣе денегъ"! писали изъ польскаго лагеря: „оставляютъ хоругви не только рекруты, но и товарищество, такъ что въ иныхъ отрядахъ находится налицо не болѣе половины людей, и даже менѣе. Иностранное войско сильно уменьшается; ратныхъ людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостію законовъ, а только деньгами"; и тутъ же читаемъ слѣдующія слова: „Очень трудно достать шпіона между этою Русью,—все измѣнники! а ежели добудутъ языка, то, хоть жги, правды не скажетъ".

Какъ скоро трава показалась на полѣ, стали сбираться хлопы подъ Кіевъ, подступили къ днѣ-

провскому перевозу въ числѣ 1,080 человѣкъ, а въ Кіевѣ ждалъ ихъ казакъ бывалый, мѣщанинъ Полегенькій, съ которымъ было все улажено: по данному знаку, Кіевъ обступили со всѣхъ сторонъ, и на улицахъ началась потѣха: начали разбивать католическіе монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монаховъ и ксендзовъ волочили по улицамъ, за шляхтою гонялись какъ за зайцами, съ торжествомъ великимъ и смѣхомъ хватали ихъ и побивали. Набравши на челны 113 человѣкъ ксендзовъ, шляхтичей и шляхтянокъ съ дѣтьми, побросали въ воду, запретивши подъ смертною казнію, чтобъ ни одинъ мѣщанинъ не смѣлъ укрывать шляхту въ своемъ домѣ, и вотъ испуганные мѣщане погнали несчастныхъ изъ домовъ своихъ на вѣрную смерть; тѣла убитыхъ оставались собакамъ. Ворвались и въ склепы, гдѣ хоронили мертвыхъ: трупы выбросили собакамъ, а которые еще были цѣлы, тѣ поставили по угламъ, подперши палками и вложивши книжки въ руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тотъ свѣтъ 300 душъ; спаслись только тѣ шляхтичи, которые успѣли скрыться въ православныхъ монастыряхъ.

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина и шелъ медленно, поджидая хана: Исламъ-Гирей соединился съ нимъ въ іюнѣ 1649 года; присоединилось и 6,000 Турокъ, пріѣхали и Донцы. 29 іюня войска Хмельницкаго встрѣтили подъ Збаражемъ польское войско, бывшее подъ начальствомъ Фирлея и Вишневецкаго. Поляки окопались въ лагерѣ и болѣе мѣсяца отбивались отъ осаждающихъ казаковъ и Татаръ, терпя голодъ. Въ началѣ августа Хмельницкій узналъ, что самъ король Янъ-Казиміръ съ главнымъ войскомъ стоитъ подъ Зборовымъ, и, оставивъ пѣхоту держать по-прежнему въ осадѣ Фирлея и Вишневецкаго подъ Збаражемъ, самъ съ конницею и съ ханомъ отправился къ Зборову; 5 августа дѣло началось сильнымъ пораженіемъ Поляковъ, не ожидавшихъ нападенія; къ ночи они были окружены со всѣхъ сторонъ. Тогда канцлеръ Оссолинскій придумалъ средство спасенія—отдѣлилъ хана отъ Хмельницкаго. Янъ-Казиміръ послалъ объявить Исламъ-Гирею свою пріязнь и напомнить о благодѣяніяхъ покойнаго короля Владислава, который нѣкогда выпустилъ Ислама изъ плѣна. Ханъ отвѣчалъ, что готовъ вступить въ переговоры. Хмельницкій писалъ королю, что никогда, отъ колыбели до сѣдинъ, не замышлялъ мятежа противъ него; что не изъ гордости, но вынужденный безмѣрными бѣдствіями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовскаго, прибѣгнулъ онъ къ ногамъ великаго хана Крымскаго, чтобъ при его содѣйствіи возвратить милость и благосклонность королевскую; изъявлялъ готовность уступить свою власть новому гетману, котораго незадолго передъ тѣмъ назначилъ король, объявивъ Хмельницкаго лишеннымъ булавы за мятежъ. 9 августа заключенъ былъ договоръ; ханъ взялъ съ короля обязательство прислать въ Крымъ единовременно 200,000 злотыхъ и потомъ присылать ежегодно по 90,000, а для своего союзника, Хмельницкаго, выговорилъ слѣдующія условія: 1) Число войска Запорожскаго будетъ простираться до 40,000 человѣкъ и составленіе списковъ поручается гетману; позволяется вписывать въ казаки какъ изъ шляхетскихъ, такъ и изъ королевскихъ имѣній, начавши отъ Днѣпра, на правой сторонѣ въ Димерѣ, въ Горностайполѣ, Корыстышовѣ, Наволочѣ, Погребищѣ, Прилукѣ, Винницѣ, Браславлѣ, Ямполѣ, въ Могилевѣ, до Днѣстра, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра—въ Острѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Ромнахъ, даже до Московскаго рубежа. 2) Чигиринъ съ округомъ долженъ всегда находиться во владѣніи гетмана Запорожскаго. 3) Прощеніе казакамъ и шляхтѣ, которая соединилась съ казаками. 4) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить реестровые казаки, коронныя войска не могутъ занимать квартиръ. 5) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться казацкіе полки, Жиды не будутъ терпимы. 6) Объ уніи, о церквахъ и имѣніяхъ ихъ будетъ сдѣлано постановленіе на будущемъ сеймѣ; король позволяетъ, чтобъ Кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ. 7) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Браславскомъ король обѣщаетъ раздавать только тамошней шляхтѣ Греческой вѣры. 8) Іезуиты не могутъ находиться въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть школы русскія, которыя всѣ должны оставаться въ цѣлости. 10 августа Хмельницкій представился Яну-Казиміру и, ставши на одно колѣно, произнесъ рѣчь, въ которой повторилъ, что у него и въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ короля, но что казаки возстали противъ шляхетства, которое угнетало ихъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ. Янъ-Казиміръ далъ ему поцѣловать руку, а Литовскій подканцлеръ прочелъ ему наставленіе, чтобъ вѣрностію и радѣніемъ загладилъ свое преступленіе. На другой день войска разошлись [1]).

Въ то время, когда на Украйнѣ происходила борьба, въ Москвѣ находились въ тревожномъ, вы-

---

[1]) Событія изложены по актамъ, находящимся въ памятникахъ, изд Кіевск. коммис. по лѣтописямъ Величка и Самовидца; по сочиненіямъ: Twardowskiego—Wojna domowa; Rudawskiego—Historia polska (въ изд.: Dziejopisowie Krajowi); Letopisiec J. Jerlicza Pamientniki o woinach Kozackich za Chmelnickiego; Historia panowania Jana Kazimiera—wydal Raczynski; Kochowski - Annalium poloniae climacteres; Voycicki — Pamietniki. Извѣстіе Кунакова чрезвычайно важно, ибо освѣщаетъ фактъ несомнѣнный: король Владиславъ сильно желалъ начать войну съ Турками и выслать для этого прежде всего казаковъ Днѣпромъ въ море; объ этомъ шли переговоры съ венеціанскимъ посланникомъ, который обѣщалъ деньги на предпріятіе; для этого наняты были иноземныя дружины; король отнесся къ дѣлу горячо, страстно, и если мы встрѣчаемъ извѣстіе, что король уже дѣлалъ распоряженія относительно выхода казаковъ, сносился съ ними, то конечно мы не будемъ отвергать этихъ извѣстій и не усумнимся привести въ связь украинское казацкое движеніе съ польскою борьбою между королемъ, панами и сеймомъ.

жидательномъ положенiи. Въ iюлѣ 1649 года распорядились такимъ образомъ: Черкасъ, которые изъ Литовской стороны придутъ въ Путивль на государево имя, принимать и устраивать въ службу отъ Крымской стороны, а въ городахъ, которые отъ Литовской стороны, быть имъ нельзя, потому что отъ этого можно поссориться съ Польшею, да и самимъ Черкасамъ жить въ этихъ порубежныхъ городахъ отъ Поляковъ опасно; принимать Черкасъ женатыхъ и семьянистыхъ, а одинокихъ, у которыхъ племени въ выходцахъ не будетъ, не принимать, сказывать имъ, чтобъ шли на Донъ, для чего давать имъ прохожiя памяти [1]). Пришла вѣсть о торжествѣ Хмельницкаго, о Зборовскомъ договорѣ. Царь приказалъ Путивльскимъ воеводамъ, князю Семену Прозоровскому съ товарищами, немедленно послать за рубежъ для провѣдыванiя вѣрныхъ вѣстей. Воеводы отправили двоихъ Путивльцевъ прямо къ Хмельницкому требовать наказанiя Конотопскому городовому атаману, который въ своей грамотѣ написалъ имя великаго государя непопригожу, жаловаться на Литовцевъ, захватывающихъ русскiя земли. Богданъ принялъ воеводскихъ посланцовъ не очень учтиво. Прочтя грамоту, онъ сказалъ: „Не поспѣлъ я изъ обоза прiѣхать, а съ государевой стороны уже начали прiѣзжать съ жалобами“; и когда посланцы пришли на другой день, то Богданъ началъ ихъ бранить: „Ѣздите вы не для расправы, для лазутчества; пусть ваши воеводы ждутъ меня къ себѣ въ гости въ Путивль скоро; иду я войною тотчасъ на Московское государство; вы о дубьѣ да о пасѣкахъ хлопочете, а я всѣ города московскiе и Москву сломаю; кто на Москвѣ сидитъ, и тотъ отъ меня на Москвѣ не отсидится, за то, что не помогъ онъ мнѣ ратными людьми на Поляковъ; я съ вами не мирился и крестъ не цѣловалъ, а который король Польскiй мирился и крестъ цѣловалъ, тотъ умеръ; говорю я вамъ не тайно, подлинно иду на Московское государство войною. Довелось васъ казнить смертiю; но я вамъ эту казнь отдаю, получше васъ королевскiе послы—и тѣхъ я казнилъ“. Посланцы донесли, что во всѣхъ городахъ казаки явно толкуютъ о войнѣ на Московское государство. Но самъ Богданъ отвѣчалъ письменно Путивльскимъ воеводамъ, чтобъ они не сердились на Конотопскаго атамана, человѣка простаго и неписьменнаго; что же касается до убытковъ, сдѣланныхъ Литовскими людьми Русскимъ, то онъ уже послалъ приказъ заплатить за нихъ. Въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ Богданъ и Брянскому воеводѣ, князю Мещерскому, на подобныя же жалобы: „Кто станетъ съ нашей стороны чинить неправду, такимъ своевольникамъ приказали мы головы рубить, а мы всегда со всѣмъ войскомъ нашимъ Запорожскимъ, какъ христiане съ христiанами, любви и прiязни желаемъ“. Посланцамъ Брянскаго воеводы гетманъ говорилъ: „Говорилъ мнѣ Крымскiй царь, чтобъ идти мнѣ съ нимъ заодно Московское государство воевать; но я Московское государство воевать не хочу, и Крымскаго царя уговорилъ, чтобъ Московское государство не воевать. Я великому государю готовъ служить, гдѣ ни прикажетъ. Не того мнѣ хотѣлось и не такъ было тому быть, да не хотѣлъ государь, не пожаловалъ, помощи намъ, христiанамъ, не далъ на враговъ, а они, Ляхи поганые, разныя у нихъ вѣры, и стоятъ заодно на насъ, христiанъ“. Говоря это, Хмельницкiй заплакалъ [2]). Получивши такiя различныя донесенiя, государь запретилъ Путивльскимъ воеводамъ сноситься съ Богданомъ и отправилъ къ нему своего посланника, Григорiя Неронова, который въ октябрѣ прiѣхалъ къ Хмельницкому съ такими рѣчами: „Вѣдомо великому государю учинилось: Крымскiй ханъ хвалился предъ тобою, что весною хочетъ идти на украинскiе города Московскаго государства, и ты, гетманъ, служа великому государю, хану отговорилъ; царское величество тебя за эту твою службу и раденье жалуетъ, милостиво похваляетъ; ты-бъ впредь за православную вѣру стоялъ, царскому величеству служилъ, служба ваша въ забвеньи никогда не будетъ“. Гетманъ отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ было. За обѣдомъ, какъ обыкновенно бывало, Богданъ сталъ высказывать, что у него было на сердцѣ: „Царскаго величества подданные, Донскiе казаки учинили мнѣ бѣду и досаду великую; какъ началась у меня съ Ляхами война, то я къ Донскимъ казакамъ писалъ, чтобъ они помощь мнѣ дали и на море для добычи и на крымскiе улусы войною не ходили; но Донскiе казаки моего письма не послушали, на крымскiе улусы приходили; такъ я Крымскому царю хочу помочь, чтобъ Донскихъ казаковъ впередъ не было. Донскiе казаки дѣлаютъ, забывъ Бога и православную вѣру; помощи мнѣ не дали и Крымскаго царя со мною ссорятъ; да и царское величество помощи мнѣ не подалъ и за христiанскую вѣру не вступился; а если царское величество меня не пожалуетъ, будетъ за Донскихъ казаковъ стоять, то я вмѣстѣ съ Крымскимъ царемъ буду наступать на московскiя украйны“. Богданъ сильно расходился; но Нероновъ, не смутясь, отвѣчалъ ему по московскому обычаю: „Донцы ссорятся и мирятся, не спрашиваясь государя, а между ними много Запорожскихъ казаковъ; тебѣ, гетману, такихъ рѣчей не только говорить, и мыслить о томъ непригоже. Царское величество съ панами радными, по ихъ присылкѣ, не соединился на казаковъ, и въ смутное ваше время, когда въ черкасскихъ городахъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, и соли, за войною, привоза не было, государь хлѣбъ и соль въ своихъ городахъ вамъ покупать позволилъ, и все войско Запорожское пожаловалъ, съ торговыхъ людей вашихъ, которые прiѣзжаютъ въ наши порубежные города

[1]) Архивъ министерства юстицiи, столбцы Малороссiйскаго приказа, № 5816.

[2]) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскiя 1649 г., связка 50.

съ товарами, пошлинъ брать не велѣлъ: это великаго государя къ тебѣ и войску Запорожскому большая милость и безъ ратныхъ людей!" Богданъ притихъ и отвѣчалъ: „Передъ Восточнымъ государемъ и свѣтиломъ Русскимъ виноватъ я, слуга и холопъ его; такое слово выговорилъ съ-сердца, потому что досадили мнѣ Донскіе казаки, а государева милость ко мнѣ и ко всему Запорожскому войску большая: въ хлѣбный недородъ насъ съ голоду не морилъ, велѣлъ насъ въ такое злое время прокормить и многія православныя души его царскимъ жалованьемъ отъ смерти освободились. Государь бы меня пожаловалъ, вину мою, что выговорилъ непригожее слово, простилъ, а эту вину стану покрывать своею службою; я на православную вѣру не посягалъ, Донскимъ казакамъ мстить не буду и съ Крымскимъ царемъ ихъ помирю". Отпуская посла, Хмельницкій говорилъ: „Какъ я призывалъ Крымскаго царя на помощь, то закрѣпили мы между собою душами— другъ на друга войною не приходить и другъ другу помогать; да Крымскій царь мнѣ говорилъ: „Какъ намъ Богъ помощь свою дастъ и Ляховъ побьемъ, то кого ты, гетманъ, надъ собою и войскомъ Запорожскимъ хочешь государемъ имѣть, тому и я буду служить". И какъ я, гетманъ, писалъ къ великому государю, чтобъ принялъ меня подъ свою высокую руку, то Крымскій царь мнѣ говорилъ, что хочетъ и онъ великаго государя надъ собою государемъ имѣть и со всею Ордою. Господь Богъ тому нынѣ быть еще не изволилъ, но приходитъ теперь то время, что всѣ бусурманскія и иныхъ вѣръ государства будутъ за православнымъ Восточнымъ великимъ государемъ вскорѣ, только не знаю, велитъ ли Богъ мнѣ до того времени дожить или нѣтъ". Практическій москаль выразилъ сомнѣніе: „Это дѣло нестаточное", сказалъ Нероновъ, „что Крымскій царь хотѣлъ имѣть надъ собою великаго государя нашего, потому что Крымскій царь живетъ въ подданствѣ у Турскаго царя". Богданъ отвѣчалъ: „Крымскихъ царей прежде Турскій царь перемѣнялъ часто и боялись Турскаго въ Крыму, а теперь самъ Турскій царь боится Крымскаго царя и великаго войска Запорожскаго, и никакой воли Турскій царь надъ Крымскимъ не имѣетъ". Потомъ продолжалъ: „Если Ляхи на правдѣ своей не устоятъ, то я имъ этого не попущу, а если Господь Богъ насъ не помилуетъ, выдастъ въ поруганье проклятымъ Ляхамъ, и стоять мнѣ противъ Ляховъ будетъ не въ силу, то я съ войскомъ Запорожскимъ на царскую милость надеженъ, отступлю и съ войскомъ Запорожскимъ отъ проклятыхъ Ляховъ въ царскаго величества сторону, а въ иныя государства переходить мысли у меня нѣтъ. А если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ Ляховъ освободитъ, то я, гетманъ, и войско иного государя, кромѣ великаго государя, свѣтила Русскаго, имѣть не будемъ; а я думаю, что Ляхамъ на правдѣ своей не устоять и на сеймѣ договорныхъ статей не закрѣплять, и войну противъ войска Запорожскаго начинать". *Нероновъ:* „Въ вѣчномъ докончаніи о перебѣжчикахъ не написано, и послѣ вѣчнаго докончанія на обѣ стороны переходить вольно". *Хмельницкій:* „Если Ляхи со мною договорныя статьи на сеймѣ совершатъ, то великому государю было бы вѣдомо, что, сложась съ Крымскимъ царемъ, съ Волохами, Сербами и Молдаванами, хочу промышлять надъ Турскимъ царемъ. Крымскій царь, Волохи, Сербы и Молдаване и Бѣлогородскіе (Акерманскіе) князья ко мнѣ объ этомъ безпрестанно присылаютъ, и теперь у меня изготовлено на Днѣпрѣ подъ Койдакомъ 300 струговъ, да велѣлъ еще прибавить 200, а самъ пойду съ большими силами сухимъ путемъ на Бѣлгородъ, въ Турской Землѣ мнѣ и войску Запорожскому зипунъ добыть есть гдѣ".

Проѣзжая чрезъ малороссійскіе города, Нероновъ прислушивался къ народному говору, и вотъ какія вѣсти привезъ въ Москву: всякихъ чиновъ люди говорятъ, что они отъ войны и разоренья погибаютъ, кровь льется безпрестанно, за войною хлѣба пахать и сѣна косить имъ стало некогда, помираютъ они голодною смертію и молятъ Бога, чтобъ великій государь надъ ними былъ государемъ; а иные многіе хотятъ и теперь въ государеву сторону перейти. Государство Московское хвалятъ: въ Московскомъ, говорятъ, государствѣ великій государь православной христіанской вѣры, и подданные его всѣ православные-жъ христіане, и войны въ Московскомъ государствѣ нѣтъ, и впредь не будетъ, потому что вѣра православная одна; а у нихъ и прежде съ Ляхами за вѣру война и разоренье бывало большое, а теперь хотя съ Ляхами и помирятся, потому что они теперь Ляховъ осилили и Ляхи имъ теперь уступаютъ во всемъ, но потомъ Ляхи надъ ними станутъ промышлять и за нынѣшнюю войну мстить; знаютъ они подлинно, что Ляхи противъ нихъ войну начнутъ [1]).

Нероновъ познакомился въ Чигиринѣ и съ писаремъ войска Запорожскаго, Иваномъ Выговскимъ. Выговскій былъ шляхтичъ православной вѣры и служилъ прежде канцеляристомъ въ Кіевѣ; за растерю книгъ былъ приговоренъ къ смертной казни, освободился отъ нея заступленіемъ пановъ, послѣ чего юридическое поприще ему опротивѣло и онъ пошелъ въ военную службу. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ писаремъ при польскомъ казацкомъ коммисарѣ. Въ битвѣ при Желтыхъ-Водахъ Выговскій попался въ плѣнъ къ казакамъ, но, какъ православный, не былъ убитъ, а взятъ Хмельницкимъ для письменныхъ дѣлъ. Здѣсь, какъ обыкновенно бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчиненіе, умѣло взять верхъ надъ саблей, и ловкій канцеляристъ Выговскій пріобрѣлъ большое вліяніе въ войскѣ и надъ самимъ Богданомъ, отклоняя вредныя слѣдствія его вспыльчивости за горѣлкою. Притворяясь поневолѣ казакомъ, Выговскій оставался въ душѣ шляхтичемъ,

---

[1]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійскаго приказа, № 5819.

т.-е. врагомъ казачества, и не переставалъ питать привязанности къ Польшѣ, этому шляхетскому царству, раю шляхты, не упускалъ случая служить панамъ, увѣдомляя ихъ объ опасности отъ хлопства. Предвидя, что рано или поздно казакамъ не уйти отъ подданства московскаго, Выговскій былъ очень любезенъ съ послами московскими, тѣмъ болѣе что они за эту любезность платили соболями. Нероновъ доносилъ, что онъ далъ лишніе соболи Выговскому, ибо тотъ сообщилъ ему списокъ зборовскихъ статей и про иныя дѣла разсказывалъ.

Въ Малороссіи гетманъ и народъ были далеки отъ увѣренности, что Зборовскій договоръ можетъ быть продолжителенъ; легко понять, что въ Польшѣ было еще больше неудовольствія. Короля въ Варшавѣ встрѣтили очень дурно; сеймъ хотя подтвердилъ вообще Зборовскій договоръ, но духовенство рѣшительно отказалось выполнить одну изъ главныхъ статей его—дать среди себя мѣсто Кіевскому православному митрополиту, и Сильвестръ Коссовъ выѣхалъ ни съ чѣмъ изъ Варшавы, куда-было пріѣхалъ для засѣданія въ сенатѣ. Съ своей стороны, Хмельницкій не имѣлъ никакой возможности соблюсти въ точности договоръ, ибо для этого соблюденія долженъ былъ, ограничивъ число казаковъ, поворотить гайдамаковъ въ крестьянъ, заставить ихъ повиноваться панамъ, которыхъ они выгнали, наслѣдникамъ тѣхъ, которыхъ они замучили. Начались опять волненія хлопства: шляхта, возвратившись въ Украйну, не могла жить въ своихъ владѣніяхъ и помирала съ голоду; Хмельницкій долженъ былъ свирѣпствовать противъ тѣхъ, кого недавно называлъ своими вѣрными союзниками. Но строгости не помогали; Хмельницкій, видя, что прежніе союзники могутъ сдѣлаться теперь опасными для него врагами, объявилъ, что въ реестръ принимать больше нельзя, но всякій можетъ быть охочимъ казакомъ. Онъ говорилъ Киселю, назначенному Кіевскимъ воеводою: „Поляки поддѣли меня,— по ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, котораго исполнить никакъ нельзя. Только 40,000 казаковъ! Что мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на Поляковъ все-таки поднимутся“. 20 марта 1650 года Хмельницкій писалъ королю: „Посылаю войсковые реестры и просимъ вашу королескую милость извинить, если покажется, что, по статьямъ Зборовскаго договора, слѣдовало бы еще больше уменьшить число войска, потому что мы уже и такъ имѣли большія затрудненія при опредѣленіи числа нашего войска. Тѣ, которые, по заключеніи мира, умертвили урядниковъ-пановъ своихъ, наказаны по мѣрѣ вины. Мы и впредь, сносясь съ воеводою Кіевскимъ, будемъ стараться свято охранять покой, преграждая непокорнымъ путь ко всякимъ мятежамъ. О томъ только просимъ вашу королевскую милость, чтобъ войска коронныя не приближались и тѣмъ не причиняли тревоги въ народѣ. Еще разъ просимъ, чтобъ не было больше разъединенія въ нашей Греческой религіи, и чтобъ по смерти властей уніатскихъ, владѣющихъ церквами и церковными имѣніями по привилегіямъ покойнаго короля, всѣ церкви и имѣнія отданы были нашему духовенству“. Кисель въ письмѣ къ королю хвалитъ поведеніе Хмельницкаго и старшинъ казацкихъ, но прибавляетъ: „Одна только чернь, исключенная изъ реестровъ, прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, чтобъ избавиться отъ подчиненности своимъ панамъ: одни продаютъ себя и, растративъ все, поступаютъ къ казакамъ погонщиками и прислужниками; другіе уходятъ за Днѣпръ со всѣмъ имѣніемъ, а нѣкоторые (и такихъ наименьшая часть) уже кланяются панамъ своимъ. Еслибъ я не видалъ такой силы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь; еслибъ могъ видѣть расторженіе союза Орды съ казаками, и еслибъ войско наше могло прійти сюда прежде вскрытія рѣкъ, то просилъ бы униженно вашу королевскую милость прибѣгнуть къ оружію, принимая во вниманіе униженіе, которое мы терпимъ въ мирѣ, похожемъ на рабство; лучше попытаться начать войну, чѣмъ имѣть подданныхъ и не владѣть ими. Если нуженъ поводъ къ войнѣ, то республика всегда можетъ имѣть его, какъ только будетъ готова. Если даже они будутъ желать оставить насъ въ мирѣ, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть то обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насъ, обиженныхъ, но несообразенъ съ самымъ договоромъ, заключеннымъ съ ними. Два важнѣйшія обстоятельства, именно—возстановленіе католическаго богослуженія и подданство прибыльное панамъ, не скоро могутъ придти въ свою колею, потому что они не хотятъ платить никакихъ податей, а желаютъ быть крестьянами, только по имени. Признаюсь чистосердечно, что такой миръ мнѣ не по-сердцу. Не по-сердцу онъ былъ и всей шляхтѣ въ шляхетскомъ государствѣ“ [1]).

Невозможностію сохраненія мира между казаками и Польшею хотѣла воспользоваться Москва. Въ январѣ 1650 года отправлены были въ Варшаву бояринъ Гаврила Пушкинъ, окольничій Степанъ Пушкинъ и дьякъ Гаврила Леонтьевъ. Въ отвѣтѣ съ панами радными послы прежде всего объявили требованіе, чтобъ по вѣчному докончанію были наказаны всѣ тѣ, которые неправильно писали титулъ великаго государя. Паны отвѣчали, что для кончины блаженной памяти двухъ государей, царя Михаила и короля Владислава, эти дѣла надобно оставить, потому что всегда по смерти государя прощаютъ людей противъ него виновныхъ; при новомъ же королѣ Янѣ-Казимірѣ никогда подобныхъ ошибокъ въ титулѣ не будетъ. Послы возражали, что паны говорятъ это, оставя Божій страхъ и людской стыдъ, и спросили: а что будетъ тѣмъ, которые и при королѣ Янѣ-Казимірѣ будутъ неправильно писать титулъ? Паны отвѣчали, что ихъ непремѣнно будутъ казнить безъ всякой пощады: тогда послы потребовали, чтобъ паны да-

[1]) См. издан. источники, перечисл. въ примѣч. 1-мъ, на стр. 1588.

ли о томъ на себя утвержденье крѣпкое, за своими руками и печатями. Паны, доложивши объ этомъ королю, передали посламъ отвѣтъ королевскій, что виновные въ умаленіи титула будутъ позваны на будущій сеймъ и наказаны по праву Польскому, а утвержденье на этотъ счетъ король дать имъ, панамъ, не позволилъ. Послы, стоя о томъ гораздо, говоря и споря пространными рѣчами, не могли добиться ничего другого, и перешли къ жалобѣ на новое оскорбленіе, злѣе прежняго: по повелѣнію короля Яна-Казиміра, въ первый годъ его царствованія, напечатаны въ Польшѣ многія книги и разнесены въ Московское царство и во всѣ окрестныя государства: въ этихъ книгахъ напечатано многое безчестье и укоризна отцу великаго государя, царю Михаилу Ѳеодоровичу, самому царю Алексѣю Михайловичу, боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ, чего по вѣчному докончанію и посольскимъ договорамъ не только печатать—и помыслить нельзя, отъ Бога въ грѣхъ и отъ людей въ стыдъ. Одна книга напечатана въ Краковѣ, въ 1648 году, Яномъ Александромъ Горчиномъ Напечатано въ этой книгѣ мимо всякой правды, будто Смоленскъ, который обманомъ былъ взятъ и сто лѣтъ жестокостію московскою притѣсняемъ, королевскаго величества побѣдою освобожденъ; Московскаго царя и братьевъ его выи и гордую упорность король подъ ноги свои подклонилъ; потомъ Владиславъ Московское государство разорилъ такъ, что до сихъ поръ не можетъ оправиться, и другія многія поносныя статьи про Московское государство и про смоленскую службу напечатаны. Въ другой книгѣ, которая напечатана въ 1643 году на латинскомъ языкѣ, въ Данцигѣ, около лика Владиславова противъ лѣвой руки написано: „Московія покорна учинена“; потомъ напечатано, что Владиславъ союзопреступныхъ Москвитянъ подъ Смоленскомъ осадилъ и въ такое отчаяніе ихъ привелъ, что жизнь и смерть всего войска въ его волѣ были, и Москвитяне, трижды преклонивъ колѣни свои, милости просили. Напечатано, что Москвитяне только по имени слывутъ христіанами, а дѣломъ и обычаемъ хуже варваровъ; что Михаилъ Ѳедоровичъ былъ возведенъ на престолъ людьми непостоянными. Въ третьей книгѣ, о житіи и славныхъ побѣдахъ Владислава, напечатанной въ 1649 году, также находятся царскому величеству и Московскому государству безчестья съ великою укоризною; напримѣръ: „Бѣдная Москва“ и другія многія хульныя слова, что и писать стыдно; Михаилъ Ѳедоровичъ Московскій написанъ мучителемъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ написанъ трубачемъ. Наконецъ, въ польской печатной книгѣ, о Черкасской войнѣ 1649 года, сказано, что Венгринъ и Москвитинъ изъ сосѣдей и пріятелей въ сторону скакнули. „За такимъ крѣпкимъ утвержденьемъ и вѣчнымъ докончаньемъ, такихъ неистовыхъ и поносныхъ словъ про великаго государя нашего и про все Московское государство не только въ книгахъ печатать, и мыслить не годилось, великаго государя безчестить, Москвитиномъ называть и ссоры въ людей вмѣщать, будто со стороны царскаго величества есть причины къ нарушенію вѣчнаго докончанія; на такое злое дѣло вы, паны радные, какъ дерзнули; какъ смѣли такія злыя досады и грубости износить? Да и то мы, великіе послы, вамъ, панамъ раднымъ, объявляемъ: когда Черкасскій гетманъ Землю королевскаго величества плѣнилъ, то прислалъ къ великому государю бить челомъ, чтобъ принялъ его со всѣми городами подъ свою высокую руку, потому что Запорожскіе Черкасы православной вѣры и отъ государя вашего и отъ всей Рѣчи Посполитой за вѣру всегда въ гоненіи пребываютъ и смертно страждутъ. Но великій государь нашъ, не хотя кровопролитія и нарушенія вѣчному докончанію, многому прибытку не порадовался, гетмана Богдана Хмельницкаго подъ свою высокую руку не принялъ, ожидаетъ отъ васъ въ великихъ неправдахъ исправленія. Если же не исправитесь, то великій государь нашъ велитъ учинить въ Москвѣ соборъ, на соборѣ велитъ быть патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ и всему священному собору, боярамъ, всему синклиту и всякихъ чиновъ людямъ, королевскія неправды на соборѣ велитъ вычесть; вычтя, пойдетъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и синклитомъ въ соборную церковь, куда велитъ предъ собою нести утвержденную грамоту короля Владислава во свидѣтельство нарушенія вѣчнаго докончанія съ королевской стороны, велитъ положить эту грамоту передъ образомъ Спасовымъ и Пречистой Богородицы, и, соверша молебное пѣніе о нарушителяхъ вѣчнаго докончанія, за честь отца своего, за свою собственную и за честь всего Московскаго государства стоять будетъ сколько ему милосердый Богъ помощи подастъ, и во всѣ окрестныя государства христіанскія и бусурманскія о вашихъ неправдахъ велитъ отписать подлинно, и всѣ окрестные государи царскому величеству помогать будутъ людьми и денежною казною; а про которыхъ великихъ государей въ тѣхъ вашихъ книгахъ напечатано непопригожу,—тѣ за свое безчестье станутъ сообща съ нашимъ великимъ государемъ на корону Польскую и великое княжество Литовское. Да и въ города королевскіе и къ Черкасскому гетману, Богдану Хмельницкому, и ко всему Черкасскому войску о тѣхъ вашихъ неправдахъ великій государь велитъ отписать, и городскіе всякихъ чиновъ люди и Запорожское войско сами на васъ возстанутъ. Если же король хочетъ сохранить миръ, то за такое безчестье великихъ государей пусть уступитъ тѣ города, которые отданы были царемъ Михаиломъ королю Владиславу, пусть казнитъ смертію гетмана Вишневецкаго и всякихъ чиновъ людей, которые писали, не остерегая государской чести, а за безчестье бояръ и всякихъ чиновъ людей пусть заплатятъ 500,000 золотыхъ червонныхъ. Въ вашихъ книгахъ напечатано: „Пусть Московія исподоволь возрастаетъ, чтобъ

тѣмъ съ большею силою вконецъ разрушиться"; вы дали нашимъ людямъ сроку до тѣхъ поръ, пока размножатся; и теперь ихъ родилось и подросло много сотъ тысячъ, ратному рыцарскому строю изучены и у великаго государя безпрестанно милости просятъ, чтобъ позволилъ идти на непріятелей, которые безчестятъ великихъ государей нашихъ, а насъ называютъ худыми людьми и побирохами."

Паны, выслушавши такія грозныя рѣчи, стали въ великомъ сомнѣніи, приложили свои руки къ себѣ и говорили: „Въ вашемъ посольскомъ письмѣ написано много непригожаго дѣла и неприличныхъ рѣчей,—донесемъ о нихъ королевскому величеству". Каштелянъ Гнѣзненскій, Янъ Лещинскій, сказалъ: „Про эти книги знали мы давно; только вамъ, царскаго величества посламъ, до тѣхъ книгъ дѣла нѣтъ". Послы отвѣчали: „Такъ ваша явная неправда, что, зная такія воровскія книги, тѣхъ воровъ, кто ихъ печаталъ, не велѣли казнить смертью, а книги сжечь". Послѣ долгихъ споровъ послы вышли изъ отвѣтной палаты. Въ слѣдующее засѣданье паны начали говорить: „Королевское величество и мы, паны радные, думаемъ, что вы, великіе послы, такія многія негодныя статьи написали безъ повелѣнія великаго государя своего, затѣвая ссору, потому что на посольствѣ у королевскаго величества вы говорили только о братской дружбѣ и любви, о покоѣ и тишинѣ и о всякомъ добрѣ. Король къ брату своему, великому государю вашему, хочетъ послать гонца съ объявленіемъ ѳ вашемъ къ доброму дѣлу несходствѣ, что вы написали все къ нарушенью вѣчнаго покоя, домогаетесь того, о чемъ мы и слышать не хотимъ, требуете городовъ да денегъ, хотите честь государя своего продать".

Послы отвѣчали: „Удивляемся, что вы, паны радные, насъ, великихъ пословъ, безчестите, говорите, что мы пишемъ безъ повелѣнья государя своего; быть можетъ, вы сами такъ дѣлаете безъ повелѣнія королевскаго, потому и про насъ такъ говорите; а мы и самаго малаго дѣла безъ наказа государева дѣлать не смѣемъ". *Паны:* „Мы васъ ничѣмъ не безчестимъ и безчестить не хотимъ; но королевское величество очень удивился, что вы хотите нарушить вѣчное докончаніе по причинѣ малыхъ и негодныхъ статей, что напечатали глупые и неподобные люди о давнихъ дѣлахъ въ государствѣ вашемъ. Король и мы книгъ печатать не заставляемъ и не запрещаемъ: который печатникъ напечатаетъ въ книгѣ хорошо, справедливо, и мы то хвалимъ; а если глупцы напечатаютъ что дурно, негодно и лживо,—надъ тѣмъ мы, паны радные, смѣемся. Если же книгъ не печатать, то потомкамъ нашимъ и знать будетъ непочему. Печатники печатаютъ не только о прежнихъ дѣлахъ Московскаго государства, но и другихъ окрестныхъ государствъ, точно также про Польшу и Литву. Да и въ окрестныхъ государствахъ про Московское государство пишутъ: доброе хвалятъ, дурное укоряютъ, точно также о Польшѣ и Литвѣ много безчестья печатаютъ, однако король и мы за безчестье того себѣ не ставимъ. Пусть великій государь вашъ велитъ у себя печатать о Польскомъ королевствѣ, что угодно: мы этого въ безчестье себѣ не поставимъ и вѣчнаго докончанья за то разрывать не станемъ". *Послы:* „Со стороны великаго государя нашего ни въ чемъ неправды никакой не бывало, а со стороны королевскаго величества вѣчное докончаніе нарушено; титулъ умаленъ и на всѣ жалобы нѣтъ никакого удовлетворенія. Вы говорите, зло ко злу прикладывая, будто мы хотимъ государскую честь продать, что просимъ городовъ: и такихъ непристойныхъ словъ вамъ говорить не годится. Государь нашъ не хочетъ видѣть, чтобъ Польша и Литва въ конечномъ разореньи были; за безчестье отца своего и за свое хочетъ взять города, потому что эти города отданы за честь отца государева, потому за безчестье взять ихъ назадъ годится". *Паны:* „Въ посольскомъ договорѣ не написано, чтобъ книгъ не печатать, и что ведется на свѣтѣ, о томъ не писать; и вамъ, какъ было не стыдно о томъ говорить, городовъ просить и разрывомъ вѣчнаго докончанія грозить" *Послы:* „Нечего намъ стыдиться, мы не перестанемъ обличать вашихъ неправдъ, и великій государь нашъ больше терпѣть ихъ не будетъ, за свою и за своего отца честь станетъ". *Паны:* „Король никакой причины къ нарушенію мира не ищетъ; мы никакихъ книгъ печатать не приказывали, и до нихъ королю и намъ дѣла нѣтъ; вы пріѣхали въ Польшу, накупили книгъ, и что въ нихъ глупые люди, пьяницы ксендзы, напечатали, то ставите причиною къ разрыву вѣчнаго докончанія; но вы на насъ не на сиротъ напали, будемъ съ вами биться, и васъ Богъ покараетъ, какъ покаралъ при короляхъ Сигизмундѣ и Владиславѣ". *Послы*: „Ваше злохитрое умышленіе явно; отговариваться вамъ нечѣмъ. Говорите: насъ Богъ покараетъ, какъ прежде покаралъ; но ратное дѣло на одной мѣрѣ не стоитъ, бывало, что и Россійскіе государи Польскихъ королей одолѣвали. Теперь вы сами видите надъ собою побѣду и одолѣніе и конечное разореніе отъ худыхъ людей, отъ подданныхъ своихъ, Запорожскихъ Черкасъ: они государство ваше повоевали довольно, города многіе взяли и гордыя ваши *пыхи* (гордости) поломали, домы ваши облупили, начальныхъ вашихъ людей и промышленниковъ гетмановъ въ полонъ взяли, лучшее ваше кварцяное войско побили; и еслибъ за такія ваши великія неправды государь нашъ велѣлъ Черкасскому войску помочь учинить, то коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому быть бы въ конечномъ разореніи и запустѣніи; а грамоты Богдана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго, въ которыхъ они просили государя принять ихъ подъ свою высокую руку,—эти подлинныя грамоты, за подписью Богдана Хмельницкаго и за печатью всего войска Запорожскаго, съ нами здѣсь". Тутъ послы показали панамъ грамоты. Паны отвѣчали: „Слышали мы и прежде,

что великій государь вашъ милосердіе свое надъ нами показалъ, вѣчнаго докончанія не нарушилъ и злодѣевъ бунтовщиковъ, измѣнниковъ Запорожскихъ казаковъ, принять не велѣлъ, и за то королевское величество и мы, паны радные, царскому величеству челомъ бьемъ, также и теперь просимъ, чтобъ царское величество былъ съ королемъ нашимъ въ братской дружбѣ на-вѣки неподвижно". *Послы:* „Королевское величество въ братствѣ быть хочетъ, а злодѣевъ, крестопреступниковъ, которые царскіе титулы писали съ измѣненіемъ и укоризною, до сихъ поръ казнить не велѣлъ; а теперь по повелѣнію королевскому печатано въ книгахъ всякое безчестье". *Паны:* „Книги напечатаны безъ повелѣнья королевскаго". Послы показывали книги, гдѣ было прямо сказано, что напечатаны онѣ по указу королевскому; паны отвѣчали, что книги напечатаны по привилегіи, а не съ позволенія королевскаго, и что безчестья въ книгахъ нѣтъ, а напечатано только то, что было; Филаретъ Никитичъ названъ не трубачемъ, а огласителемъ. „Мы тому очень дивимся", прибавили паны, „что вы сами и никто въ Московскомъ государствѣ попольски и по-латини не учится, а кто нибудь вамъ укажетъ на ссору—и вы вѣрите". *Послы:* „Сами вы говорите неученую и неучтивую рѣчь; мы польскихъ и латинскихъ письмъ себѣ въ диковину не ставимъ, учиться имъ и перенимать у васъ никакого ученья не хотимъ, по милости Божіей держимъ преданный намъ Славянскій языкъ твердо и нерушимо, догматы божественнаго писанія знаемъ, государскіе чины и посольскіе обычаи твердо разумѣемъ, и указъ великаго государя своего помнимъ, и съ нашей стороны никакого безчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, сами себя выхваляете и называетесь учеными людьми, а въ пятнадцать лѣтъ не можете научиться какъ именовать и описывать великихъ государей нашихъ, и намъ кажется, что вы ученые насъ ненавычныхъ стали глупѣе". Паны окончили разговоръ тѣмъ, что виновнымъ въ прописке титула будетъ судъ и каранье на сеймѣ, о книгахъ же король пишетъ особо къ царскому величеству.

Послѣ этого разговора велѣно было на посольскомъ дворѣ одни ворота забить, у другихъ поставить гайдуковъ, запрещено было всѣмъ Полякамъ ходить на Посольскій дворъ и покупать тамъ товары. Послы жаловались; имъ отвѣчали, что это сдѣлано на праздникъ Благовѣщенія, когда никто торговать не можетъ. Послы отвѣчали, что они въ этомъ видятъ угрозу, хотятъ тѣснотою заставить ихъ сдаться на волю королевскую; но этимъ только зло ко злу прилагается. Тогда имъ сказали прямо: „У васъ съ панами радными согласія никакого нѣтъ; если же между государствами война, то деньги, на которыя покупаются у насъ и у купцовъ вашихъ собольи шубы, годятся на жалованье войску".

На новомъ съѣздѣ паны уступали, что и сочинители книгъ будутъ позваны на сеймъ къ суду, хотя бы этого дѣлать и не довелось; послы настаивали на своемъ; тогда Литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радзивилъ сказалъ имъ съ сердцемъ: „Вы говорите, чтобъ за бредни, непечатанныя въ книгахъ, король отдалъ вамъ Смоленскъ и другіе города; но это дѣло несбыточное, добыты они кровью, кровью только можно ихъ и назадъ взять; если теперь за такіе пустяки дать вамъ столько городовъ и денегъ, то послѣ захотите вы и Варшаву взять; впередъ мы объ этихъ книгахъ съ вами говорить не будемъ". Потомъ паны перемѣнили рѣшеніе и объявили, что дѣло о книгахъ должно быть совершенно оставлено. „Если всякую книгу ставить въ дѣло", говорили они, „то этому и конца не будетъ; если за все, что напечатано и написано, смертью казнить, то это—значитъ всѣмъ государствомъ замутить и безпрестанно кровь проливать, а къ концу дѣло не привести; и у вашего государя напечатаютъ про нашу вѣру съ укоризною; а впередъ, хоть бы и не довелось въ такое дѣло вступаться, однако королевское величество велитъ учинить заказъ крѣпкій, чтобъ никто такихъ книгъ не печаталъ". Тогда послы, видя упорство пановъ радъ, по многимъ спорамъ и разговорамъ, сказали, что о казни этихъ людей, которые печатали книги, больше говорить не будутъ, а полагаютъ дѣло на волю царскаго величества; если великій государь простить этихъ людей не изволитъ, то велитъ говорить объ этомъ будущимъ своимъ посламъ или посланникамъ; но при этомъ послы требовали, чтобъ книги были собраны и сожжены при нихъ въ Варшавѣ и чтобъ впередъ такихъ книгъ не печаталось. Король не согласился на сожженіе книгъ; послы потребовали отпуска; тогда король велѣлъ предложить имъ, что истребятъ книги тайно, явно же на рынкѣ сжечь ихъ нельзя, потому что отъ этого будетъ позоръ Польшѣ отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ. Послы настаивали на своемъ; паны просили отложить дѣло до сейма; послы и на это не согласились. Тогда паны предложили, что изъ книгъ будутъ выдраны тѣ листы, которые содержатъ въ себѣ укоризны на Московскихъ государей, и сожгутся публично. Послы согласились; листы были выдраны немедленно и отправлены на рынокъ для сожженія, при которомъ присутствовалъ отъ пословъ дворянинъ Фустовъ съ подъячимъ и переводчикомъ. Послѣ сожженія листовъ было вытрублено, чтобъ никто этихъ книгъ, изъ которыхъ выдраны листы, у себя въ домахъ не держалъ, а приносили бы ихъ всѣ къ тому чиновнику, котораго назначитъ король; о томъ же разосланы были указы по областямъ. Фустовъ донесъ посламъ, что, когда листы жгли, то въ народѣ говорили: лучше бы король съ Московскимъ государствомъ миръ разорвалъ или города уступилъ, чѣмъ такое великое безчестье положено на корону Польскую и великое княжество Литовское: описаніе славныхъ дѣлъ королей Сигизмунда и Владислава на рынкѣ сожжено! Получивши это удовлетвореніе, послы вытребовали вне-

сенія въ договоръ статьи, что въ Зборовскомъ договорѣ съ ханомъ не постановлено ничего противнаго братской любви съ Московскимъ государемъ; вытребовали, наконецъ, чтобъ король послалъ своего дворянина, вмѣстѣ съ царскимъ дворяниномъ, въ войско Запорожское для поимки самозванца Тимошки Акундинова, который изъ Турціи, черезъ Венецію, пробрался въ Малороссію и былъ тамъ принятъ гетманомъ Хмельницкимъ [1])

Въ Москвѣ провѣдали, что Акундиновъ живетъ въ Лубнахъ, въ Преображенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, и вотъ отправились къ нему Путивльцы торговые люди Маркъ Антоновъ и Борисъ Салтановъ. Они говорили ему, чтобъ ѣхалъ въ Путивль, а государь его своимъ жалованьемъ пожалуетъ. Акундиновъ отвѣчалъ, что вѣрить ему однѣмъ словеснымъ рѣчамъ нельзя; онъ говорилъ, что ни царемъ, ни царевичемъ не называется, только онъ внукъ царя Василія Ивановича Шуйскаго; говорилъ, что, когда онъ былъ въ Турецкой Землѣ, то государевы послы, Степанъ Телепневъ и дьякъ Алферій Кузовлевъ, его уличали и обезчестили, и, по ихъ рѣчамъ, его засадили въ Царѣградѣ, и сидѣлъ онъ въ желѣзахъ три года; но въ то время, какъ Турки султана и визиря убили, онъ освободился и былъ въ разныхъ государствахъ. Акундиновъ сказалъ себѣ 32 года; утверждалъ, что многіе люди его на Вологдѣ знаютъ; что былъ онъ на государевой службѣ въ Перми, куда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ 1642 году, прислалъ ему грамоту о своемъ государевомъ дѣлѣ; что въ этой грамотѣ онъ названъ намѣстникомъ Пермскимъ, и грамоту эту онъ показывалъ Марку и Борису. Потомъ говорилъ, что въ Перми взяли его на бою въ плѣнъ Татары; что многіе государи звали его къ себѣ, но онъ не хочетъ отстать отъ православной вѣры и хочетъ служить царю Алексѣю Михайловичу.

О томъ же Тимошка писалъ изъ Чигирина и къ Путивльскому воеводѣ, боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому: „Князь Семенъ Васильевичъ государь! Не тайно тебѣ о разореньи московскомъ, о побоищахъ междоусобныхъ, о искорененьи царей и царскаго ихъ рода и о всякой злобѣ лѣтъ прошлыхъ, въ которыхъ воистину плачъ Іереміинъ въ Іерусалимѣ исполнился надъ царствомъ Московскимъ, и великородные тогда княжата скитались по разнымъ городамъ, какъ заблудшіе козлята, между которыми и родители мои незнатны и незнаемы въ разоренье московское, отъ страха недруговъ своихъ, невольниками были и со мною невинно страдали и терпѣли, а сущимъ своимъ прозвищемъ, Шуйскими не вездѣ называться смѣли. Объ этомъ житьѣ-бытьѣ нашемъ многословить не могу, только несчастью своему и бѣдамъ настоящее время послухомъ ставлю, которое время привело меня къ тому, что я теперь въ чужой Землѣ въ незнаемости окованъ сиротствомъ и безъ желѣзъ чуть дышу, и жалостную, плачевную грамотку къ тебѣ, государю своему, пишу: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши неволею и окруживши Турскія, Римскія, Италіанскія, Германскія, Нѣмецкія и иныя многія царства, наконецъ и Польское королевство, не желая никому на свѣтѣ поклониться, кланяюсь и покоряюсь только ясносіяющему царю Алексѣю Михайловичу, государю вашему и моему, къ которому я хочу идти съ правдою и вѣрою безъ боязни, потому что праведныя царскія свидѣтельства и грамоты, что при себѣ ношу, и природа моя княжеская неволею и нищетою вездѣ свѣтится, чести и имени гласовитаго своего рода не умаляетъ, но и въ далекихъ земляхъ звонитъ и какъ вода размножается. Все это дѣлается на счастье и прибыль отечеству моему и народу христоименитому, на убытокъ и безчестье государевымъ недругамъ, на славу великую великаго государя, котораго есть за мною великое царственнѣйшее дѣло и слово, и тайна; для этого я въ Чигиринѣ никому не сказываюся, кто я, во всемъ отъ чужихъ людей сердечную свою клѣть замыкаю, а ключъ въ руки тебѣ отдаю. Пожалуй не погордись, пришли ко мнѣ скрытно вѣрнаго человѣка, кто бы умѣлъ со мною говорить, и то царственное слово и дѣло тайно тебѣ сказать подлинно и совершенно, чтобъ ты самъ меня позналъ, какой я человѣкъ, добръ или золъ; а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать къ государю въ Москву, если захочешь, а ключи сердца моего къ себѣ въ руки возьмешь, съ чѣмъ я тебѣ, пріятелю своему, доброволько отдаюсь. Знаю я московскій обычай, станешь писать въ Москву объ указѣ теперь прежде дѣла, и пойдетъ на протяжку въ долгій ящикъ; но я ждать не буду, потому что дѣлаю это ни для богатства, ни для убожества, но пока плачевнаго живота станетъ, орелъ летать не перестанетъ, все надъ гнѣздомъ будетъ убиваться“.

По этому письму князь Прозоровскій прислалъ съ подьячимъ Мосолитиновымъ грамоту Акундинову: „Тебѣ бы ѣхать ко мнѣ въ Путивль тотчасъ безо всякаго опасенья; а великій государь тебя пожаловалъ, велѣлъ принять и въ Москву отпустить“. Акундиновъ, прочтя письмо, сказалъ: „Радъ я къ великому государю въ Москву ѣхать“, и велѣлъ подьячему побыть у себя три дня. 31 августа онъ исповѣдовался и пріобщился, и, призвавши къ себѣ Мосолитинова, сталъ говорить ему: „Пріѣхалъ ты по государеву указу?—не съ замысломъ ли какимъ-нибудь? нѣтъ ли у тебя подводныхъ людей; не будетъ ли мнѣ отъ тебя какого убійства?“ Подьячій клялся и божился, что присланъ по государеву указу и никакого дурна ему не учинится. Акундиновъ продолжалъ: „Въ прошлыхъ годахъ посылали мы въ Волошскую Землю въ монастырь построенія царя Ивана Васильевича для своего дѣла человѣка своего; но когда онъ пріѣхалъ къ Волошскому владѣтелю Василью, то этотъ велѣлъ ему назваться царемъ Димитріемъ, короновалъ его

[1]) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1650 года.

и послалъ къ Турскому султану въ Царьградъ. Былъ въ это время въ Волошской Землѣ государевъ посолъ Богданъ Дубровскій, довѣдался онъ про этого самозванца и написалъ государю въ Москву. Государь прислалъ указъ принять его честно; и тотъ нашъ человѣкъ, обрадовавшись, что его называютъ честнымъ человѣкомъ, поѣхалъ съ Дубровскимъ въ Москву. Но Дубровскій, выѣхавши въ степи, велѣлъ его зарѣзать, ободралъ съ него кожу, отсѣкъ голову и привезъ въ Москву: и ты не съ тѣмъ ли ко мнѣ пріѣхалъ? Я не запираюсь, что былъ въ подъячихъ: на комъ худоба не живетъ!— въ московское разоренье и всѣ князья, что овцы, по разнымъ государствамъ разбрелись; только называютъ меня подъячимъ, а я не подъячій, истинный князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій". Въ тотъ же день Акундиновъ позвалъ подъячаго съ провожатыми къ себѣ обѣдать; за обѣдомъ за государское здоровье чашу пилъ и говорилъ такое слово: „Съ мудрыми я мудрый, съ князьями—князь, съ простыми—простой, а съ измѣнниками государевыми и съ моими недругами разсудитъ меня сабля", послѣ чего объявилъ, что ѣхать раздумалъ и подъячаго своего Костку Евдокимова Конюхова не пошлетъ, потому что въ Москвѣ станутъ его пытать: „Присылаютъ ко мнѣ будто къ простому человѣку; добро бы прислали ко мнѣ московскаго человѣка, да съ Вологды пять человѣкъ, да изъ Перми пять же человѣкъ: тѣ меня знаютъ, кто я и таковъ. Если государь меня пожаловалъ, то прислалъ бы ко мнѣ свою государеву грамоту имянно, что пожаловалъ князя Ивана Шуйскаго, велѣлъ ѣхать въ Москву безъ всякаго сомнѣнья; а то меня обманываютъ. Не считайте меня за подъячаго: я истинный князь Иванъ Шуйскій". При отцѣ духовномъ Акундиновъ объявилъ подъячему свое имя: Тимоѳей, именинникъ 10 іюня [1]).

Мы видѣли, что въ Варшавѣ условлено было царскому послу Пушкину отправить въ Малороссію своего дворянина, а королю—своего, для поимки Акундинова. Дѣйствительно, царскій дворянинъ Протасьевъ и королевскій—Ермоличъ—поѣхали въ Кіевъ, гдѣ, взявши грамоты отъ Киселя и митрополита, отправились, къ Хмельницкому, котораго нашли въ Ямполѣ. 18 сентября имѣли они свиданіе съ гетманомъ, который сказалъ имъ: „У меня такой человѣкъ, который называется княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, а царю Василью сказывается внукъ, въ Чигиринѣ былъ и жилъ долгое время, недѣль съ десять и больше. И, живучи въ Чигиринѣ, мнѣ сказывалъ, будто государь вашъ хотѣлъ его казнить смертью невѣдомо за что, и онъ, боясь смертной казни, изъ Московскаго государства ушелъ, а мать его и родъ Шуйскихъ всѣ сосланы въ Сибирь, и въ Сибири родственники его казнены смертью, только мать осталась жива; а онъ, бѣгаючи, былъ во многихъ государствахъ, въ Польшѣ, въ Римѣ, въ Австріи, Венгріи, Молдавіи, Валахіи, Турціи, и изъ Турціи пришелъ ко мнѣ, гетману, въ Чигиринъ, и показывалъ мнѣ всѣхъ этихъ государствъ прохожіе листы, и говорилъ мнѣ, что хочетъ идти въ Московское государство, только, не списавшись съ государемъ не смѣетъ, боится смертной казни; просилъ меня, чтобъ я далъ ему прохожій листъ. И я ему прохожій листъ далъ до границъ Московскаго государства, велѣлъ ему давать кормъ и подводы, и онъ, уѣхавъ изъ Чигирина, остановился въ Лубнахъ, въ Спасскомъ монастырѣ, и какъ я пошелъ изъ Чигирина Молдавскую Землю воевать, съ тѣхъ поръ не знаю, живетъ ли тотъ воръ въ Лубнахъ или нѣтъ. По его рѣчамъ, думаю, что онъ пошелъ къ московской границѣ, и мнѣ сыскивать его негдѣ, да и такой у насъ обычай въ Запорожскомъ войскѣ: какой бы воръ ни прибѣжалъ, хотя бы великое зло въ своемъ государствѣ сдѣлавши, принимаютъ и никому не выдаютъ". Протасьевъ возразилъ: „Если бы этотъ воръ въ царское имя не влыгался, то царскому величеству до него и дѣла бы не было; много и знатныхъ людей, измѣняя, изъ Московскаго государства бѣгаютъ; но такъ какъ они называются своимъ настоящимъ именемъ, то живутъ себѣ спокойно въ Польшѣ,—великому государю до нихъ дѣла нѣтъ; но съ Тимошкою другое дѣло, и ты бы, гетманъ, свое радѣнье великому государю показалъ, вора сыскивалъ: за такую службу и радѣнье жалованье великаго государя будетъ къ тебѣ большое, и теперь великіе послы, бояринъ Пушкинъ съ товарищами, прислали тебѣ соболей. Богданъ отвѣчалъ: „Я и войско Запорожское великому государю всякаго добра хотимъ, но сыскивать вора мнѣ теперь никакъ нельзя, потому что самъ не знаю, гдѣ онъ; поѣду въ Браславль и разспрошу о немъ инымъ временемъ". Въ Браславлѣ гетманъ позвалъ Протасьева и Ермолича обѣдать, и за обѣдомъ началъ разсказывать: „Былъ и въ Молдавской Землѣ, Молдавскую Землю воевалъ, и стоялъ подъ Яссами, хотѣлъ взять самого Молдавскаго господаря, и господарь прислалъ ко мнѣ пословъ своихъ добивать челомъ, просить покою, и дарилъ меня дочерью своею за моего сына, и прислалъ ко мнѣ листъ за своею рукою и печатью, пишетъ подъ присягою, что дочь свою за моего сына выдастъ". Велѣлъ принести листъ и прочелъ его Протасьеву. Послѣ этого Ермоличъ началъ пить чашу за государево и королевское здоровье, и сказалъ: „Теперь великіе государи учинились въ братской дружбѣ и любви, и договоръ учинили—имѣть однихъ друзей и враговъ". Хмельницкій отвѣчалъ съ сердцемъ: „Этими словами ты меня не испугаешь; и если король Зборовскій договоръ нарушать будетъ, и хотя мало чего по договору не учинитъ, то я со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ королю буду первый непріятель, буду наступать и воевать его Землю по-прежнему; а великій государь королю за его неправды помогать не будетъ. Знаю я подлинно, что у короля ратныхъ людей мало, и стоять королю противъ меня не съ

[1]) Моск. гл. арх. мин. ин. д., дѣла Малорос. 1650 года.

кѣмъ, потому что всѣ лучшіе польскіе ратные люди казаками и Татарами побиты, а иные въ полонъ взяты; а если и государь, не жалѣя православной христіанской вѣры, королевской неправдѣ помогать будетъ, то я отдамся въ подданство Турскому царю, и съ Турками и Крымцами буду приходить войною на Московское государство". Протасьевъ сказалъ на это: „Осердясь на королевскаго дворянина, ты, гетманъ, хвалишься на Московское государство войною; но такія самохвальныя и непристойныя слова намъ не страшны; да и то надобно тебѣ знать и помнить, что великій государь нашъ для православной вѣры тебя жалуетъ". Гетманъ отвѣчалъ ему тихонько: „Говорилъ я эти похвальныя слова нарочно, чтобъ королевскій дворянинъ не зналъ о моей службѣ и радѣньи великому государю; а Ляхи мнѣ большіе непріятели, говорить и жить съ этими Ляхами всею правдою никакъ нельзя. Я давно хотѣлъ быть подъ государскою высокою рукою, поддаться ему со всѣмъ войскомъ и городами, да великій государь вашъ принять меня не изволилъ, и этимъ меня оскорбилъ. Но я и за эту государскую немилость никакого дурна не чинилъ, а еще больше прежняго правду свою показалъ: которое теперь разоренье и война сдѣлались въ Молдавской Землѣ, той было войнѣ быть въ Московскомъ государствѣ. Присылалъ ко мнѣ Крымскій царь, чтобъ шелъ я на Московское государство, писалъ съ грозами, что если не пойду, то дружбу разорветъ; а я, служа великому государю и проча себѣ его государскую милость впередъ, Крымскаго царя уговорилъ и Московское государство уберегъ, а вмѣсто него ходилъ съ Крымскимъ царемъ на Молдаванъ." О другихъ дѣлахъ Протасьевъ съ гетманомъ за обѣдомъ не могъ говорить, потому что гетманъ былъ пьянъ, да и постороннихъ людей было много. На дорогѣ въ Чигиринъ, подъ Савостьяновкою на стану, опять, за обѣдомъ, Богданъ говорилъ: „Король и паны великому государю солгутъ, знатныхъ людей за прописки въ титулѣ карать смертью не будутъ, и худаго шляхтича ни за какое дѣло никому не выдадутъ. Мнѣ король и Рѣчь Посполитая обѣщали подъ Зборовымъ выдать Чаплинскаго, и не выдали, и всякими мѣрами его укрываютъ". Послѣ обѣда гетманъ объявилъ Протасьеву, что посылаетъ въ Лубны универсалъ, чтобъ тамошнія власти, сыскавши Тимошку, выдали его ему, Протасьеву; если же воръ скроется, то онъ, гетманъ, сыскавъ его, пришлетъ къ великому государю. Но въ Лубнахъ Протасьевъ Тимошку не нашелъ, и дали ему знать, что воръ уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ Чигиринъ [5]). Сюда отправленъ былъ изъ Москвы посланникъ Василій Унковскій, который, пріѣхавши въ Чигиринъ, получилъ отъ Акундинова слѣдующее письмо: „Василій Яковлевичъ государь! Всемогущая Божія сила въ моей слабости такую крѣпость учинила, что, изъ смрадной челюсти турской меня освободивши, принудила, чтобъ шелъ къ Москвѣ и покорился добровольно холопски его царскому величеству, государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Руси самодержцу, о чемъ я писалъ къ нему, государю, въ Посольскій приказъ дважды, и указъ мнѣ былъ присланъ съ подъячимъ Тимоѳеемъ Мосолитиновымъ отъ государя. Но зависть вражія отъ Петра Протасьева сталась и возбранила мнѣ дорогу къ государю въ Москву, потому что онъ тайно совѣщался съ богатыми, какъ бы изловить и убить неповиннаго. Несмотря на то, выполняя завѣтъ мой, я готовъ ѣхать къ государю въ Москву, хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правдѣ моей и невинности, готовъ показать ясно, что хотя и въ подъячихъ тамъ былъ, однако благородія Шуйскихъ княжатъ не лишенъ. Обѣщаюсь словомъ моимъ крѣпкимъ и постояннымъ ѣхать къ государю въ Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидѣться и поговорить дружескимъ обычаемъ, что воистину будетъ на пользу государеву дѣлу и на прибыль, а тебѣ на честь и на славу, потому что познаешь какой цѣны мои камни: не найдется темности въ моей свѣтлости. Пожалуй же, Василій Яковлевичъ, отпиши ко мнѣ: — учинишь ли такъ или не учинишь? И если захочешь учинить, то прошу, чтобъ увидѣться, пока его милость, панъ гетманъ, не пріѣхалъ, чтобъ намъ самимъ другъ съ другомъ разсудиться, не ходя на судъ; лучше будетъ, положившись на Бога, учинить по Богу, Которому учинилъ я обѣтъ, что въ Москву ѣхать желаю. Тотъ меня избавилъ и избавляетъ, уповаю, что и еще избавитъ отъ враговъ моихъ".

Унковскій назначилъ свиданіе въ церкви. Здѣсь Акундиновъ говорилъ ему: „Я былъ на Вологдѣ посаженъ въ съѣзжей избѣ въ пищикахъ девятнадцати лѣтъ, въ то время, какъ былъ на Вологдѣ бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, ходившій за казаками. Тутъ я нашелъ въ съѣзжей избѣ о родителяхъ моихъ государеву грамоту, кто были мои родители; а грамотѣ меня отдавалъ учить Иванъ Партикѣевъ, и былъ до меня для моей бѣдности добръ, а того я не знаю, какого я роду; если меня называютъ царя Василья Ивановича сыномъ, то я самъ не называюсь, здѣсь меня такъ зовутъ, да и Русскіе люди меня такъ называютъ; они меня такъ и прозвали; я тебѣ скажу кто именно; а я не царя Василья сынъ, дочери его сынъ; дочь его въ разоренье взяли казаки, а послѣ казаковъ за отцомъ моимъ была". Унковскій отвѣчалъ: „Все это неправда; у царя Василья дѣтей не было; мы знаемъ, какъ отца твоего и мать звали и каковъ человѣкъ отецъ твой и мать были". *Акундиновъ:* „Былъ отецъ мой при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ намѣстникомъ въ Перми". *Унковскій:* „При царѣ Михаилѣ никто нигдѣ въ намѣстникахъ не бывалъ; ты всѣ эти напрасныя рѣчи оставь, дай мнѣ прямое слово безъ всякой хитрости, поѣзжай со мною къ великому государю и вину свою принеси, а государь вину твою велитъ отдать".

[5]) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія.

Акундиновъ перекрестился, смотря на образъ, и далъ руку Унковскому, что идетъ съ нимъ къ царскому величеству. Но потомъ, постоявъ долго, заговорилъ прежнее: „Какъ мнѣ отечество свое покинуть? Послѣ отца моего и духовная есть, если ты при гетманѣ станешь называть меня воромъ и поносить, то услышишь, сколько отъ меня будетъ рѣчей, и отъ гетмана добра себѣ не чайте. Не смѣю ѣхать, если не цѣлуете креста, что меня до Москвы не уморите и на Москвѣ меня не казнятъ, и дурнаго мнѣ ничего не будетъ". Унковскій не согласился цѣловать крестъ; онъ сталъ многими людьми промышлять и давать большія деньги, чтобъ Акундинова кто-нибудь убилъ или какою отравою окормилъ; но никто сдѣлать этого не захотѣлъ, боясь гетмана; а самимъ никакъ нельзя было его убить; жилъ очень бережно, прикормлено было казаковъ много, и гетманъ былъ къ нему добръ.

Хмельницкій пріѣхалъ наконецъ изъ своего Суботова въ Чигиринъ, и Унковскій обратился къ нему: „Не хотѣлъ ты Тимошку отдать Протасьеву: такъ теперь прямую свою службу государю повершп, вели вора отдать мнѣ". Хмельницкій отвѣчалъ: „Здѣсь казаки и вольность,—всякому человѣку вольно къ намъ пріѣхать отовсюду и жить безпенно; отдать мнѣ его безъ войсковаго вѣдома нельзя. Этотъ мужикъ у насъ не называется сыномъ царя Василья, мы про то у него не слыхали". *Унковскій:* „Въ грамотѣ, которую ты прислалъ на Донъ, а съ Дону казаки прислали къ государю, писалъ онъ, воръ, своею рукою, называлъ себя сыномъ царя Василья Ивановича; и ты, гетманъ, самъ писалъ въ Путивль къ князю Семену Васильевичу Прозоровскому, и въ своей грамотѣ назвалъ этого вора Шуйскимъ княземъ". *Богданъ:* „Мужикъ впередъ такъ называться не будетъ; а если услышимъ, что называться не только сыномъ царя Василья, хотя даже простымъ княземъ, сейчасъ велю казнить; а отдать мнѣ его нельзя: кто въ которую Землю ни пріѣдетъ, тѣхъ людей не выдаютъ; а къ царскому величеству я самъ хотѣлъ бѣжать отъ непріятелей своихъ, отъ Ляховъ, и государь бы меня королю не отдалъ; и еслибъ онъ меня отдалъ, и меня казнили, то ему государю былъ бы грѣхъ". *Унковскій:* „Ты бы, гетманъ, къ царскому величеству служить пріѣхалъ, ты властный человѣкъ и ни въ чье имя не влыгаешься; а этотъ воръ не въ пристойное имя влыгается, такихъ воровъ во всѣхъ государствахъ выдаютъ: король Польскій выдалъ Лубу, господарь Волошкій выдалъ посланнику Дубровскому другого самозванца". *Богданъ:* „Знаю я одно, что мнѣ отъ войска даромъ не пробыть, а знаешь самъ, съ чернью кто сговоритъ, когда встанутъ, отъ нихъ мнѣ только и рѣчей будетъ: кто тебѣ велѣлъ отдавать изъ войска людей вольныхъ въ неволю? У насъ здѣсь то же, что на Дону:—кто откуда ни пріѣдетъ—выдачи нѣтъ. Только я, уповая на Бога и помня царскую милость, вора Тимошку къ государю пришлю съ своими посланцами; созову всѣхъ полковниковъ и старшихъ, и, договорясь съ ними, пришлю подлинно". Это говорилъ Богданъ съ великою божбою.

Покончивши объ Акундиновѣ, стали говорить о другихъ государевыхъ дѣлахъ. Богданъ клялся, что никакого зла Московскому государству не мыслитъ; хвалилъ милость королевскую, но жаловался на обиды отъ пановъ: „У меня маетность старую неправдою отнялъ Конецпольскій и отдалъ своему приближенному, Чаплинскому; я королю и Рѣчи Посполитой билъ челомъ, но мнѣ не возвратили маетности; отдавъ дѣтей въ добрые люди, пошелъ я въ Запороги, и всего насъ въ сборѣ войска было 250 человѣкъ, какъ послалъ на насъ Потоцкій сына своего и коммисара; только бы я не соединился съ царемъ Крымскимъ и не перешло ко мнѣ отъ Потоцкаго нашихъ реестровыхъ казаковъ шесть тысячъ, то что̀ бы намъ было дѣлать"? Унковскій спрашивалъ у гетмана: какъ онъ помирился съ Поляками; зачѣмъ отправилъ пословъ къ королю; какъ онъ съ Крымомъ; зачѣмъ у него были разные послы? и потомъ провѣдывалъ у писарей и у другихъ знатныхъ людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавскаго, тайно, такъ ли его гетманская правда, какъ онъ сказывалъ ему, и они говорили тѣ же рѣчи, что и гетманъ.

Болѣе всего безпокоило Москву сношеніе гетмана съ Крымомъ. До Хмельницкаго Запорожскіе и Донскіе казаки составляли почти одно общество: Запорожцы жили на Дону, Донцы—на Запорожьи; Запорожцевъ на Дону насчитывали иногда съ 1,000 человѣкъ. Донцовъ въ Запорожьи—до 500; Запорожцы жили на Дону лѣтъ по пяти, по шести, по осьмнадцати. Но мы видѣли, что тѣсный союзъ Хмельницкаго съ ханомъ грозилъ-было порвать эти братскія отношенія. Съ Дону въ Москву дали знать, что лѣтомъ 1650 года приходили на Донъ сынъ Богдана Хмельницкаго да наказной атаманъ Демка, а съ ними Запорожцевъ тысячъ съ 5 или 6; стояли они двѣ недѣли на Міюсѣ, отъ Черкасскаго городка за днище, дожидались крымскихъ Татаръ, чтобъ вмѣстѣ идти на Донскихъ казаковъ. Донцы послали имъ сказать: „Мы съ вами люди одной православной вѣры, и вамъ, сложась съ бусурманами, на насъ, православныхъ христіанъ, войною приходить не годится; прежде вы съ нами всегда бывали въ дружбѣ и въ ссылкѣ, и зипуны добывали сообща, и когда у государя съ Польскимъ королемъ была ссора и война, то вы и тогда были съ нами въ мирѣ". Запорожскіе Черкасы отвѣчали: „Пришли мы на Донъ по письму Крымскаго царя, идти намъ сообща на горскихъ Черкасъ, а не на васъ; а если бы Крымскій царь велѣлъ намъ идти не только на васъ, но и на государевы города, то мы пойдемъ, потому что у насъ съ нимъ договоръ—другъ другу помогать, и когда у насъ была съ Поляками война, то Крымскій царь со всею Ордою намъ помогалъ". Но пришла грамота отъ хана, въ которой онъ приказывалъ казакамъ возвратиться назадъ, потому что степь вся

выгорѣла, и ему, за конскою безкормицею, идти нельзя [1]).

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобъ заставить Хмельницкаго хитрить со всѣми, давать всѣмъ обѣщанія, не становя ни съ кѣмъ ничего рѣшительнаго, выжидать, обращая все вниманіе на сцѣпленіе случайностей, и, глядя тревожно на всѣ стороны, пробираться между препятствіями, которыя судьба громоздила на его дорогѣ. Хмельницкій зналъ, что Зборовскій миръ ненадеженъ; не вѣрилъ хану, у котораго, какъ атамана разбойничьей шайки, не могло быть ни съ кѣмъ постоянныхъ союзовъ и постоянной вражды: не имѣя возможности послѣ Зборовскаго мира опустошать Польскія владѣнія, онъ звалъ короля и Хмельницкаго на московскія украйны. Но Богданъ, въ угоду варвару, не думалъ разрывать съ Москвою, на которую народный инстинктъ указывалъ, какъ на единственное прибѣжище, и раздражать которую было бы безразсудно, ибо ничѣмъ другимъ Хмельницкій не могъ такъ угодить Польшѣ, какъ поссорившись съ Москвою. Но Москва не могла дѣйствовать рѣшительно: Москва также выжидала. Москва привыкла къ подобному положенію и къ подобному поведенію, потому что, какъ начала себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствіями, должна была пробивать себѣ дорогу къ силѣ и величію осторожностію, выжиданіями, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Войны съ Баторіемъ, Сигизмундомъ III и Владиславомъ, конечно, не могли заставить Московскаго государя измѣнить осторожной политикѣ своихъ предшественниковъ. Хмельницкому естественно было, впрочемъ, сердиться на Москву за эту осторожность, медленность, нерѣшительность и, при случаѣ, срывать сердце, потому что эта нерѣшительность ставила его самого въ нерѣшительное положеніе, заставляя обращаться къ Турціи, которая, въ случаѣ крайности, могла быть временнымъ прибѣжищемъ. Крайности этой еще не было, а потому и въ сношеніяхъ съ султаномъ Хмельницкій избѣгалъ чего-либо рѣшительнаго.

Съ своей стороны, Польша хлопотала о томъ, чтобъ поссорить Москву съ Хмельницкимъ; но это не удалось. Въ концѣ 1650 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ, Альбрехтъ Пражмовскій, и объявилъ, что Богданъ Хмельницкій съ бунтовщиками, своевольными людьми, разлакомясь кровію христіанскою и своими воровскими прибытками, соединился съ Крымскимъ ханомъ, который ссылается съ нимъ, чтобъ былъ готовъ идти воевать Московское государство. Бояре отвѣчали: „Крымскій царь поклялся на Коранѣ, что ему на царскія украйны войною не ходить и никого другого не посылать, и потому отъ Крымскаго царя такого злаго умышленья нельзя ожидать; а Богдану Хмельницкому на царскія украйны съ крымскими Татарами какъ идти?—онъ православной христіанской вѣры! Притомъ же гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ учинился у королевскаго величества въ подданствѣ, и королевскому величеству, слыша отъ казаковъ такое злое умышленье, можно ихъ отъ самовольства унять. Великій государь на королевское величество, по вѣчному утвержденью, во всемъ этомъ надѣется и въ украйныхъ городахъ ратныхъ своихъ людей не держитъ, потому что король обязанъ подданныхъ своихъ, Запорожскихъ Черкасъ, отъ самовольства унимать; а если королевское величество подданныхъ своихъ, Запорожскихъ Черкасъ, не уйметъ, то это будетъ вѣчному докончанію нарушенье со стороны вашего государя, и такую явную неправду Богъ свыше зритъ; а крымскія рати царскому величеству не страшны, и на Украйнѣ противъ нихъ у царскаго величества люди готовы". Но изъ Крыма присылали въ Москву вѣсти: писалъ къ Крымскому царю Литовскій король, что Псковичи царскому величеству учинились непослушны и хотятъ измѣнить; Шведская королева съ царскимъ величествомъ хочетъ войну начать; такъ чтобъ Крымскій царь шелъ войною на государевы украйны и далъ бы знать объ этомъ Шведской королевѣ, и Шведская королева дастъ ему большіе подарки; Литовскій король также пойдетъ на государевы города. Ханъ повѣрилъ, послалъ въ Швецію за подарками, но тамъ сказали, что Шведская королева съ государемъ Московскимъ въ мирѣ [2]).

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Возвратившійся изъ крымскаго плѣна, коронный гетманъ Потоцкій доносилъ, что вся Украйна волнуется, Хмельницкій самовольничаетъ: безъ королевскаго позволенія принялъ на Украйну Татаръ и послалъ ихъ съ казаками опустошать союзную Польшѣ Молдавію, за то, что господарь Липулъ не хотѣлъ выдать дочери своей за Тимоѳея, сына гетманскаго; сносится съ Турціею, съ Швеціею; хлопы не думаютъ повиноваться панамъ, которые не получаютъ никакихъ доходовъ. Шляхта бѣжала изъ Украйны, какъ во время возстанія; договоръ былъ нарушенъ въ самой важной, самой чувствительной для Поляковъ статьѣ: съ другой стороны, для укрощенія хлопства, коронныя войска врывались за опредѣленную договоромъ черту. Въ концѣ года созванъ былъ сеймъ; явились послы отъ Хмельницкаго съ просьбою: 1) Чтобъ въ трехъ воеводствахъ—Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ—ни одинъ панъ-землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ крестьянами; пусть живетъ, если хочетъ, пользуясь одинаковыми правами со всѣми, и повинуется казацкому гетману. 2) Чтобъ унія, причина несчастій, была совершенно уничтожена не только въ Урайнѣ, но и во всѣхъ земляхъ короны Польской

[1]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малоросс. приказа № 5818; Москов. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Малороссійскія; разсказъ запорожца Шафранка; дѣла Донскія 1650 года.

[2]) Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, Крымскіе статейные списки, № 30.

и великаго княжества Литовскаго; чтобъ духовенство Греческой вѣры имѣло права и почести одинакія съ римскимъ духовенствомъ. 3) Эти статьи вмѣстѣ съ другими статьями Зборовскаго договора должны быть утверждены присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ, и со стороны Поляковъ должны быть даны въ залогъ четыре знатныхъ пана, и въ томъ числѣ князь Іеремія Вишневецкій; они должны жить въ Украйнѣ въ своихъ имѣніяхъ, но безъ всякой стражи.

Понятно, что при сильномъ раздраженіи противъ казаковъ, и безъ того уже господствовавшемъ въ шляхетскомъ государствѣ, эти статьи переполнили чашу: и въ сенатѣ, и въ избѣ посольской негодованіе выразилось единодушно, и 24 декабря война была опредѣлена. Въ февралѣ 1651 года война открылась, и Поляки были порадованы первымъ успѣхомъ надъ казацкимъ отрядомъ, который стоялъ въ мѣстечкѣ Красномъ, подъ начальствомъ удалаго полковника Нечая: отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Въ апрѣлѣ начали сходиться главныя силы; въ Польшѣ объявлено было посполитое рушенье, или поголовное вооруженіе шляхты; легатъ Иннокентія X привезъ Полякамъ благословеніе папы и отпущеніе грѣховъ, королю—мантію и освященный мечъ, и провозгласилъ Яна-Казиміра защитникомъ вѣры. У казаковъ Коринѳскій митрополитъ Іоасафъ опоясалъ Хмельницкаго мечемъ, освященнымъ на Гробѣ Господнемъ, кропилъ войско Святою водою и шелъ самъ при войскѣ. Вмѣстѣ съ Хмельницкимъ шелъ на Поляковъ Крымскій ханъ Исламъ-Гирей съ своею Ордою; но московскіе посланники дали знать изъ Крыма государю: „Татары говорятъ: если Польскіе и Литовскіе люди Черкасамъ и имъ, Татарамъ, будутъ сильны, то они противъ нихъ стоять не будутъ, а за выходъ свой у Черкасъ женъ и дѣтей заберутъ въ полонъ и приведутъ въ Крымъ,—то у Татаръ и сдумано“ [1]).

20 іюня враги столкнулись при Берестечкѣ, на рѣкѣ Стыри, съ обѣихъ сторонъ силы были велики, но перевѣсъ былъ на сторонѣ Поляковъ. Татары, любя подавлять непріятеля своею многочисленностію безъ большихъ усилій, вовсе не были охотники перевѣдываться съ непріятелемъ болѣе многочисленнымъ. Послѣ перваго напора Поляковъ, ханъ побѣжалъ и увлекъ за собою Татаръ, увлекъ и Хмельницкаго, который бросился-было догонять его, чтобъ уговорить возвратиться. Оставшіеся казаки окопались и съ отчаянною храбростію выдерживали осаду, наконецъ попытались-было уйти и потерпѣли при этомъ страшное пораженіе.

Послѣ побѣды, посполитое рушенье разошлось, король уѣхалъ въ Варшаву, и только не болѣе 30,000, преимущественно Нѣмцевъ, отправлено было съ гетманомъ на Украйну. Но прежде, чѣмъ достигнуть Украйны, это войско должно было проходить чрезъ опустошенную Волынь „Невольно проливаемъ мы слезы“, пишетъ очевидецъ: „видя какъ блестящая пѣхота королевская безполезно погибаетъ отъ голода. Нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ, потому что край, въ которомъ мы надѣемся имѣть хлѣбъ, еще далеко, а этотъ такъ опустошенъ, что о немъ можно сказать: земля была пуста и неустроена; нѣтъ ни городовъ, ни селъ,—одно поле и пепелъ; не видно ни людей, ни звѣрей живыхъ,—только птицы летаютъ; страшная непогода замедляетъ движеніе войска“. Во время этого похода, умеръ знаменитый Іеремія Вишневецкій; но смерть страшнаго соперника не поправила дѣлъ Хмельницкаго. Въ то время, какъ польскіе гетманы вступали въ Украйну съ одной стороны, литовскій гетманъ Радзивилъ занялъ Кіевъ: соборную церковь Богородицы каменную на посадѣ Ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорѣла, однѣ стѣны остались; въ церкви лошадей своихъ Жиды и Ляхи ставили; деревянныхъ церквей сгорѣло пять, а которыхъ не жгли, тѣ всѣ разорили, образа дорогіе окладные себѣ взяли, а иные поисщепали, колокола у всѣхъ церквей взяли и въ струги поклали; но изъ этихъ струговъ шесть казаки отгромили. Въ монастырѣ Печерскомъ казну также всю взяли; Радзивилъ велѣлъ взять и паникадило, присланное царемъ изъ Москвы, у Св. Софіи взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образъ Св. Софіи; всѣ монастыри разорили [2]).

Въ такихъ печальныхъ для Малороссіи обстоятельствахъ, два Грека, жившіе при Хмельницкомъ, Иванъ Петровъ Тофрали и монахъ Павелъ, сильно хлопотали о сближеніи гетмана съ царемъ. Павелъ, въ іюнѣ 1651 года, писалъ государю: „28 марта пришелъ изъ Царяграда посолъ къ гетману въ Животово съ тѣмъ: если ему, гетману, надобна рать, и ему султанъ пришлетъ сколько нужно. Гетманъ отказалъ: „Есть у меня много своего войска, а на султановой любви бью челомъ и благодарю“. И такъ ихъ мѣста разорены; въ Константинополь гетманъ отправилъ своего посла, а съ нимъ Ивана Петрова; а передъ этимъ Иванъ Петровъ былъ посыланъ въ Молдавію для вѣстей. Великое ваше царствіе — продолжаетъ Павелъ— послалъ бы вскорѣ гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и безъ того войска много, но надобно, чтобъ славилось имя великаго вашего царствія, что онъ имѣетъ помощь отъ васъ. А если теперь помощи не пришлете, то буди вѣдомо великому вашему царствію, что будетъ вамъ война: Татары давно бы его подняли, только война ему теперь помѣшала. Какими трудами потрудились мы съ Иваномъ Петровымъ,—о томъ Богу извѣстно. Если бы мы съ Иваномъ тутъ не случились, то онъ непремѣнно бы пришелъ внезапно на ваши украйны войною. Не думайте, что Ляхи одолѣютъ: хотя они и взду-

---

[1]) Моск. главн. арх. мин. ин. д., Крымскія статейн. списка, листъ 174.

[2]) Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1651 года, связка 55.

маютъ биться, но ихъ противъ ста человѣкъ и по одному человѣку не будетъ. Мы съ Иваномъ Петровымъ желаемъ, чтобъ было единое державство; гетману говорили и онъ былъ очень радъ; но посылаетъ онъ къ великому вашему царствію о соединеніи, а великое ваше царствіе то ставите въ посмѣхъ. Если вы изволите быть соединенію, то извольте писать къ писарю Выговскому, но имянно къ нему писать о томъ не велите, только воздавайте ему свое царское благодареніе и вѣдомость чините, а подлинно велите писать къ Ивану Петрову, и какъ Иванъ Петровъ пріѣдетъ сюда, то мы будемъ совершать головою своею и всею душою. 10 марта пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и гетманъ очень кручинился; я ходилъ къ нему утѣшать въ кручинѣ, а онъ въ разговорѣ говорилъ про Москву и клялся, смотря на образъ Спасовъ: „Кланусь Богомъ, что пойду на Москву и разорю пуще Литвы: я посылаю отъ всего сердца своего, а они лицу моему насмѣхаются“.

Тогда же подъячій Григорій Богдановъ, возвратившійся изъ Малороссіи, разсказывалъ: „Приходилъ ко мнѣ въ Корсуни писарь Иванъ Выговскій и наказывалъ, чтобъ его слова были извѣстны великому государю: къ нему, писарю, царская милость и жалованье, и онъ на государскомъ жалованьи челомъ бьетъ и обѣщается великому государю служить и всякаго добра хотѣть подъ присягою, и теперь, что у гетмана Богдана Хмельницкаго съ Польскимъ королемъ, Крымскимъ царемъ и другими государствами будетъ дѣлаться, онъ обо всемъ великому государю станетъ доносить, въ Путивль, тайнымъ дѣломъ къ боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому писать, только-бъ это никому не было извѣстно, потому что если узнаетъ объ этомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, то ему, писарю, не миновать наказанья. Потомъ Выговскій говорилъ, чтобъ великій государь непремѣнно всю Малую Русь теперь принять изволилъ, потому что всѣ единогласно молятъ Бога и хотятъ быть подъ его государскою высокою рукою; къ великому Московскому пространному и многолюдному государству безъ войны и кровопролитія будетъ прибавленье большое, овладѣетъ великій государь многою землею и городами, и съ тѣхъ городовъ, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и другихъ всякихъ промысловъ будетъ царской денежной казнѣ прибыль большая. Когда великій государь ихъ, православныхъ христіанъ, приметъ, то Польскій король будетъ отъ него въ большомъ страхѣ, и не только противъ великаго государя воевать, и говорить не будетъ, потому что Польскому королю противъ великаго государя стоять некѣмъ. Если же великій государь, принявъ ихъ, изволитъ послать своихъ ратныхъ людей и ихъ, казаковъ, то извѣстно навѣрное, что корона Польская и великое княжество Литовское и безъ войны учинятся подданными и будутъ подъ его государскою рукою, потому что Польша и Литва и отъ однихъ ихъ, казаковъ, живутъ въ великомъ страхѣ. Если же государь ихъ не приметъ теперь, и учинятся они подданными Польскому королю, то Польскій король противъ великаго государя войну начнетъ тотчасъ; онъ, писарь, опасается, чтобъ Поляки не прельстили и казаковъ, не уговорили ихъ идти вмѣстѣ съ ними на Московское государство, а Крымскій царь уже давно готовъ идти на Московское государство“ [1].

Но эти угрозы не помогли: Москва не трогалась, и Хмельницкій, ограбленный и покинутый ханомъ, сталъ хлопотать о мирѣ; коронный гетманъ Потоцкій также боялся осени въ Украйнѣ среди озлобленнаго народонаселенія, и 17 сентября, подъ Бѣлою Церковію, гдѣ сошлись оба гетмана, былъ подписанъ ими слѣдующій договоръ: 1) Войска Запорожскаго будетъ только двадцать тысячъ; оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ королевскихъ—въ воеводствѣ Кіевскомъ, не касаясь воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго. 2) Коронное войско не должно стоять въ воеводствѣ Кіевскомъ въ тѣхъ мѣстечкахъ, гдѣ будутъ реестровые казаки. 3) Обыватели воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, вступаютъ во владѣніе своими имѣніями и пользуются всѣми доходами и судопроизводствомъ. 4) Чигиринъ остается при гетманѣ, который долженъ состоять подъ властію гетмана короннаго. 5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ королевскихъ и шляхетскихъ. 6) Гетманъ Запорожскій долженъ отпустить Орду и впредъ не вступать ни въ какія сношенія съ нею и вообще съ иностранными государствами.

Въ Москвѣ знали о подробностяхъ этой войны обычнымъ путемъ: черезъ людей, посылаемыхъ порубежными воеводами за границу для вѣстей. Эти вѣстовщики доносили, что во всѣхъ черкасскихъ городахъ Черкасы и мѣщане говорятъ одно, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ принять, а они ему вѣчные холопы со всѣми городами, которые за ними; если же государь ихъ принять не велитъ, то они поневолѣ пристанутъ къ Турскому царю и къ Крымскимъ людямъ. Въ Смоленскѣ, Оршѣ, Минскѣ, Могилевѣ и другихъ городахъ православные толковали: „Когда у Поляковъ съ Черкасами будутъ бои, и станутъ Поляки Черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, поднимемся на Поляковъ и сдѣлаемъ у себя такихъ Хмельницкихъ десять человѣкъ, а войска 100,000, и станемъ Польшу и Литву воевать для того: если Поляки Черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ, православныхъ христіанъ, выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ Поляковъ стоять и биться, пока нашей мочи будетъ“ [2]. Поляки, дѣйствительно, опасались этого возстанія, и въ Смоленскѣ всѣхъ православныхъ выслали изъ города на посадъ, а ме-

---

[1]) Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Малороссійскія 1651 года.

[2]) Тамъ же, дѣла Польскія означеннаго года.

жду тѣмъ по-прежнему хлопотали, чтобъ втянуть Москву въ ссору къ казаками.

Еще въ мартѣ 1654 года пріѣзжали въ Москву полномочные послы королевскіе, Станиславъ Витовскій и Филиппъ Обуховичъ, и въ отвѣтѣ объявили боярамъ: учинилось у Крымскаго хана на Московское государство злое умышленье за то: какъ въ прошлыхъ годахъ присланы были къ царскому величеству крымскіе послы, и тѣхъ пословъ приняли и держали въ Москвѣ нечестно, не по прежнему обычаю, а иныхъ татарскихъ пословъ и не приняли, поворотили назадъ; да въ то же время Донскіе казаки ходили на Черное море и крымскіе улусы воевали. Съ этихъ поръ Крымскій ханъ и всѣ его Татары надъ Московскимъ государствомъ безпрестанно всякое зло умышляютъ, и къ королевскому величеству ханъ присылалъ съ просьбою, чтобъ король, соединясь съ нимъ, шелъ на Московское государство, и что на этой войнѣ возьмутъ городовъ и мѣстъ, то все пойдетъ королю, а ханъ возьметъ себѣ Казань и Астрахань. Но королевское величество, соблюдая вѣчное докончаніе, на такое зло не помыслилъ и велѣлъ войска свои изготовить около Львова и Каменца-Подольскаго, и войска эти не пропустили Крымцевъ, которые соединились съ Запорожскими Черкасами и ходили на Волоховъ. На весну Крымскій ханъ мыслитъ идти на Московское государство съ большою силою, и къ королевслому величеству пишетъ объ этомъ безпрестанно, да писалъ, чтобъ король пропустилъ пословъ его къ Шведской королевѣ Христинѣ, и эти послы уговаривали королеву послать войско на Московское государство. Зная эти умышленья, вся Рѣчь Посполитая приговорила, чтобъ король сослался со всѣми христіанскими государями о союзѣ противъ Крымскаго хана: за этимъ-то дѣломъ король прислалъ ихъ, пословъ, къ царскому величеству, и для удостовѣренія прислалъ съ ними подлинныя грамоты ханскія и ближнихъ его людей, писанныя къ королю и канцлеру. Король уже отправился на непріятелей: такъ чтобъ царское величество изволилъ приступить къ союзу самымъ дѣломъ, а не словомъ; если же царское величество отвѣту вскорѣ учинить не велитъ, то у королевскаго величества будетъ иная мысль. Бояре отвѣчали: „Сказываете вы, что присланы отъ короля о добромъ дѣлѣ, о союзѣ на общаго христіанскаго непріятеля, а теперь говорите какъ бы съ угрозами; но великому государю нашему ничьи угрозы не страшны, по всѣмъ нашимъ украйнамъ стоятъ войска готовыя многія. Просите вы о союзѣ скораго отвѣта; но о такомъ великомъ дѣлѣ, не намыслясь гораздо, отвѣту скораго дать нельзя; объ этомъ союзѣ и прежде у великаго государя нашего съ королевскимъ величествомъ ссылки были, но дѣло къ концу не приведено, за несходствомъ и проволокою съ королевской стороны“. Тутъ послы вымолвили настоящее дѣло: „Желаемъ скораго отвѣта, чтобъ король зналъ волю царскую; съ непріятелемъ христіанскимъ соединился королевскаго величества измѣнникъ Богданъ Хмельницкій съ Запорожскими Черкасами. Съ Хмельницкимъ и Черкасами и бои у насъ были, и на тѣхъ бояхъ королевскому величеству счастье есть; царское величество велѣлъ бы на этихъ общихъ непріятелей дать помощь королевскому величеству своими ратными людьми отъ Путивля, также изъ Астрахани указалъ бы послать на нихъ ратныхъ людей, чтобъ общими силами впасть въ ихъ гнѣзда“ Бояре отвѣчали: „Астрахань мѣсто дальнее, и если ждать ратныхъ людей изъ Астрахани, то пройдетъ много времени, а у великаго государя много ратныхъ людей и безъ Астрахани. Вы хотите такое великое дѣло сдѣлать въ короткое время, и чтобъ царское величество войска свои послалъ немедленно; но такого великаго дѣла вскорѣ не дѣлаютъ, надобно это дѣлать, намыслясь гораздо крѣпко и обстоятельно,—какъ идти на Крымъ, сколькимъ ратнымъ людямъ съ обѣихъ сторонъ быть, какимъ строемъ и гдѣ сходиться и стоять, и какъ надъ Татарами промышлять. Уговорившись обо всемъ, ратныхъ людей надобно изготовить, а изготовя ихъ большое число, идти прямо на Крымъ, чтобъ его разорить и бусурманъ съ юрта согнать. Не договорившись обо всѣхъ этихъ статьяхъ, царскому величеству ратей своихъ послать нельзя, потому что если царское величество соберетъ рати большія, а у королевскаго величества войска будетъ мало, то царскому величеству убытки будутъ большіе. Надобно прежде обо всемъ договориться, а потомъ и ратныхъ людей готовить, чтобъ было поровну“. *Послы:* „Королевское величество желаетъ, чтобъ царское величество помогъ ему ратными людьми на измѣнниковъ — Запорожскихъ Черкасъ и на крымскихъ Татаръ отъ Путивля; король самъ на коня сѣлъ и противъ измѣнниковъ своихъ пошелъ, и съ нимъ войска 50,000. Крымцы, услыша царскихъ и королевскихъ людей, отъ измѣнниковъ-Запорожцевъ отстанутъ, и когда, съ помощію царскаго величества, король съ своими измѣнниками управится, то послѣ станетъ съ царскимъ величествомъ ссылаться о соединеніи на крымскіе улусы“. *Бояре:* „Гетманъ Богданъ Хмельницкій къ великому государю писалъ, что онъ и Запорожскіе Черкасы противъ королевскаго величества начали стоять за православную вѣру и за Святыя Божіи церкви и за свои нестерпимыя обиды: и во всѣхъ христіанскихъ государствахъ въ вѣрѣ неволи никому не бываетъ, да и въ вашемъ государствѣ разныхъ вѣръ много и противныхъ христіанской вѣрѣ: Кальвиновъ, Люторовъ, Новокрещенцевъ (Анабаптистовъ), Армянъ и богоубійцъ Жидовъ, которыхъ всѣмъ христіанскимъ людямъ ненавидѣть должно, однако король и паны радные ихъ вѣры не трогаютъ, а христіанскихъ правовѣрныхъ людей одного государства и подавно надобно было оберегать. Великій государь нашъ брату своему, его королевскому величеству, по своей братской дружбѣ и любви, желаетъ, чтобъ напрасное это междоусобіе прекратилось безъ кровопролитія и были бы Запорожскіе

Черкасы у короля въ послушаньи попрежнему и отъ крымскихъ Татаръ отстали. Если же Запорожскіе Черкасы отъ вашего гоненія королю измѣнятъ и поддадутся Турскому султану или Крымскому хану, и королевскому величеству смирить ихъ будетъ нельзя, и отъ нихъ обоимъ государствамъ ждать всякаго зла: тогда измѣну ихъ чѣмъ унять и успокоить? Надобно это дѣло успокоить миромъ. Если король захочетъ, то царское величество къ гетману Богдану Хмельницкому и ко всему войску Запорожскому велитъ послать, чтобъ гетманъ съ королевскимъ величествомъ ссору и войну унялъ и былъ у короля въ подданствѣ попрежнему, а королевское величество и паны радные вѣры христіанской не гнали бы и напрасной тѣсноты казакамъ не дѣлали. И когда королевское величество съ Запорожскими Черкасами войну кончитъ, тогда царское величество обошлется съ нимъ о соединеніи на Крымскаго хана, чтобъ Крымъ разорить". *Послы:* „Гетманъ Богданъ Хмельницкій присылалъ къ царскому величеству воровствомъ, въ вѣрѣ имъ неволи никакой не бывало. Подъ Зборовымъ Хмельницкій присягалъ королю, чтобъ быть ему въ подданствѣ и послушаніи, и потомъ, разлакомясь воровскими добычами и надѣясь на тѣхъ же бунтовщиковъ Запорожскихъ Черкасъ, началъ мыслить всякими мѣрами, какъ бы ему отъ королевскаго величества изъ подданства высвободиться, и сталъ бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто начали стоять за вѣру; шляхту и урядниковъ въ имѣнія не пускаютъ, и которые начали пріѣзжать, тѣхъ стали побивать невинно; а теперь Хмельницкій поддался Крымскому хану, ему присягалъ и съ нимъ соединился". *Бояре:* „Пока Черкасы отъ Крымцевъ не отстанутъ, до тѣхъ поръ на Крымцевъ идти нельзя; если съ Крымцами теперь войну начать, то за Крымскаго хана и за Черкасъ вступится Турскій султанъ, одни войска пойдутъ на Московское государство, а другія на Польшу, и въ это время помогать другъ другу будетъ нельзя,—что̀ тогда будетъ дѣлать? Всего лучше Запорожскихъ Черкасъ отъ Крымцевъ оторвать покоемъ; а когда Черкасы усмирятся, то промышлять о томъ, чтобъ ихъ съ Крымцами ссорить, а поссоривъ ихъ, идти сообща на Крымъ". *Послы:* „Если царское величество хочетъ о мирѣ съ Черкасами быть посредникомъ, то за такое доброе дѣло ему и отъ Бога заплата будетъ; только намъ отъ короля дано полномочіе становить о помощи противъ Крымскаго хана, а о посредствѣ не наказано". Бояре дали отвѣтъ рѣшительный, что государь тогда только станетъ ссылаться съ королемъ о Крымской войнѣ, когда король Запорожскихъ Черкасъ смиритъ или миромъ успокоитъ.

Въ іюнѣ отправился къ королю гонецъ, подъячій Старого, съ такою царскою грамотою: „Вашего королевскаго величества великіе и полномочные послы, будучи у нашихъ великихъ бояръ и думныхъ людей въ отвѣтѣ, въ нашихъ титлахъ не дописывали: „Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинской Земли", а въ титлахъ вашего королевскаго величества приписали лишнее, и поѣхали, не бивъ челомъ намъ о тѣхъ своихъ винахъ, и поставили то ни во что. И намъ то въ подивленье, что нашей чести такое неостереганье учинилось отъ вашихъ пословъ". Король отвѣчалъ, что относительно прописки въ титулѣ послы его помирились съ боярами, и онъ удивляется, какимъ образомъ это дѣло поднимается вновь. Съ своей стороны, король жаловался, что бунтовщиковъ казаковъ Брянскіе воеводы пропустили чрезъ свой уѣздъ въ Литовскія области, и казаки эти взяли Рославль. Гонецъ привезъ вѣсти, что въ Дорогобужѣ, Смоленскѣ и въ иныхъ городахъ жители говорятъ: если въ ихъ мѣста казаки придутъ, то они къ казакамъ пристанутъ и начнутъ съ ними заодно Ляховъ воевать; никогда они за Ляховъ кровь свою проливать и съ своею братьею, православными христіанами, биться не станутъ.

Въ концѣ 1651 года отправлены были въ Польшу дворянинъ Аѳанасій Прончищевъ да дьякъ Алмазъ Ивановъ, для присутствія на сеймѣ при судѣ и наказаніи людей, виновныхъ въ пропискѣ титула. Виновные сами не явились на сеймъ, прислали за себя прокураторовъ. Мартынъ Калиновскій, Адамъ Кисель и Лука Жолкѣвскій были оправданы тѣмъ, что прописки въ ихъ грамотахъ были сдѣланы до внесенія въ конституцію сеймоваго рѣшенія о наказаніи за подобныя прописки. Про тѣ грамоты, у которыхъ не было подписей, прокураторы говорили: „Ясно дѣло, что эти грамоты писаны только именемъ обвиненныхъ, безъ нихъ, потому что еслибъ писаны были при нихъ, то они сами подписались бы. Въ которыхъ грамотахъ были подписи, о тѣхъ прокураторы говорили, что они этихъ рукъ не знаютъ, точно ли сами обвиненные подписались; а хотя бы и точно сами обвиненные подписались, то они не виноваты, а виноваты или нѣтъ писаря". Изъ другихъ обвиненныхъ многіе померли, иные побиты, и прокураторы били челомъ королю, панамъ раднымъ и всей Рѣчи Посполитой, и просили, чтобъ надъ прописчиками, мимо правъ коронныхъ и литовскихъ, ничего не дѣлать. Посланникамъ объявили королевскій приговоръ, что писавшіе грамоты неправильно до внесенія сеймоваго рѣшенія въ конституцію—не винны; что писавшимъ послѣ конституціи велѣно присягнуть, что они прописки сдѣлали безъ хитрости; умершіе находятся подъ судомъ Божіимъ; тѣхъ же, которые ни сами не явились на сеймъ, ни прокураторовъ не прислали, король, по конституціи, велѣлъ объявить баннитами, то-есть лишенными покровительства законовъ; убійство такого баннита въ вину не ставится. Посланники отвѣчали: „Мы этого декрета не принимаемъ, потому что онъ учиненъ мимо вѣчнаго докончанія и посольскаго договора; великому государю нашему не заплата, что худыхъ и невѣдомыхъ людей дѣлаете баннитами, а знатныхъ лучшихъ людей укрываете и отъ смертной казни освобождаете; по договору посоль-

скому, всѣхъ обвиненныхъ довелось казнить смертью при насъ на нынѣшнемъ сеймѣ. Если король, жалѣя знатныхъ людей, смертью казнить ихъ не велитъ, то пусть возьметъ у нихъ имѣнія себѣ, а царскому величеству вмѣсто того велитъ уступить города, отданные въ 1634 году".—„Если вы декрета не принимаете", сказали паны, „то мы вамъ больше объ этомъ говорить не станемъ; съ чѣмъ васъ королевское величество къ царскому величеству отправитъ, съ тѣмъ и поѣдете, а съ декретомъ нашъ государь пошлетъ къ вашему своихъ пословъ или посланниковъ". Съ этимъ посланники и возвратились въ Москву.

Съ декретомъ пріѣхали въ Москву, въ іюнѣ 1652 года, Албрехтъ Пенцлавскій и Казиміръ Униховскій. Между ними и боярами въ отвѣтѣ начались прежніе споры. Посланники утверждали, что какъ по ихъ стародавнимъ правамъ издавна повелось, такъ они и дѣлаютъ, а мимо правды ничего имъ дѣлать не возможно. Бояре отвѣчали: „Это право учинено у васъ въ своемъ государствѣ между людей посполитаго чина, что прокураторамъ отвѣчать, а къ государской чести это нейдетъ; еслибъ кто-нибудь противъ королевскаго величества какое зло учинилъ, то можно ли вмѣсто виноватаго отвѣчать прокураторамъ?—думаемъ, что нельзя". *Посланники:* „Хотя бы кто и самого короля чѣмъ обезчестилъ, то, по правамъ нашимъ, нельзя королю безъ сейма Рѣчи Посполитой этого виноватаго казнить; также нельзя запретить прокуратору отвѣчать вмѣсто виновнаго" Несмотря на то, государь указалъ и бояре приговорили: декрета не принимать, потому что онъ написанъ не по договору посольскому и не по конституціи [1]).

Такимъ образомъ, у Москвы постоянно оставался предлогъ къ разрыву съ Польшею, и все зависѣло отъ оборота, какой примутъ дѣла малороссійскія; а въ Малороссіи дѣла не могли окончиться мирно. Пораженіе подъ Берестечкомъ ясно показывало Хмельницкому и казакамъ, что имъ однимъ сладить съ Польшею нельзя, когда она напряжетъ всѣ свои силы, и на хана надѣяться такъ-же нельзя, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ сражаться съ многочисленнымъ войскомъ, а не грабить. Воспользовавшись своимъ торжествомъ, Поляки предписали казакамъ почти такія же условія, въ какихъ находились они до 1648 года; но теперь и для Хмельницкаго, привыкшаго къ царственному положенію, и для казаковъ, и для черни, освободившейся отъ пановъ и Жидовъ, привыкшей къ волѣ, условія эти были нестерпимы: четыре года гетманства Хмельницкаго прошли не даромъ: эти четыре года отрѣзали совершенно Малороссію отъ прошедшаго, возвратъ къ которому былъ невозможенъ, и Поляки, стремившіеся возвратить Малороссію къ этому прошедшему, прали противъ рожна. Хмельницкій сначала хотѣлъ отдохнуть, выждать время. 22-го октября 1651 года онъ писалъ къ Потоцкому, что будетъ смотрѣть зоркимъ окомъ на всѣ стороны и увѣдомлять его о приближеніи непріятеля. „До окончанія ревизіи", прибавляетъ Богданъ, „униженно прошу вашу милость приказать, чтобъ войска не шли далѣе на квартиры въ Брацлавское воеводство, пока мы не успокоимъ черни, и гдѣ остановятся, то чтобъ не слишкомъ надоѣдали простому народу. Я увѣренъ, что ваша милость изволили приказать пану Славковскому на первый разъ исподоволь пріучать крестьянъ". Писалъ къ Потоцкому и Выговскій: „Не только теперь, но и во всякое время я прилагалъ большое стараніе о томъ, чтобъ усердно и вѣрно служить его королевской милости. А что ваша милость въ послѣднемъ письмѣ увѣрять меня изволишь въ милосердіи его королевскаго величества и важномъ повышеніи, то за это буду отслуживать вашей милости во всю жизнь тѣмъ же усердіемъ и нижайшими услугами. Изволь, мой панъ и благодѣтель, думать обо мнѣ, какъ о вѣрномъ слугѣ своемъ; позволь, чтобъ я былъ предпочтенъ другимъ въ важнѣйшемъ дѣлѣ, касающемся его королевской милости. Объ одномъ прошу, чтобъ моя жизнь была въ безопасности: затѣмъ буду ожидать спокойно повышенія, обѣщаннаго вашею милостію. Объ одномъ прошу вашу милость, чтобъ зналъ, кому повѣрить секретнѣйшее".

Напрасно Хмельницкій желалъ отъ побѣдителей-Поляковъ осторожности и умѣренности въ пользованіи побѣдою. Въ декабрѣ того же 1651 года гетманъ польный, Мартынъ Калиновскій, долженъ былъ разослать универсалъ по кіевской шляхтѣ, въ которомъ писалъ: „Часто доходятъ до меня жалобы отъ пана гетмана и войска Запорожскаго на то, что, въ противность договорнымъ статьямъ, обыватели Кіевскаго воеводства препятствуютъ товариществу Запорожскаго войска свободно переходить изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ въ имѣнія королевскія, въ Кіевскомъ воеводствѣ лежащія, оставлять домы, продавать хлѣбъ, имѣніе; и уже теперь, не дожидаясь постановленнаго срока, въ противность тѣмъ же договорнымъ статьямъ, товарищество войска Запорожскаго подвергается изгнанію, лишается всего имѣнія. Доходятъ и другія жалобы, что нѣкоторые изъ пановъ обывателей запрещаютъ казакамъ переселяться изъ своихъ имѣній, и наказываютъ за то тюремнымъ заключеніемъ и смертію". Калиновскій именемъ любви къ отечеству заклиналъ своихъ пановъ и братій удерживаться отъ подобныхъ поступковъ [2]), но понапрасну. Чернь, отвыкнувъ отъ такого порядка вещей, не хотѣла снова привыкать къ нему, и вотъ потянулись переселенцы по давно указанному для Славянъ направленію, съ запада на востокъ, потянулись толпы украинцевъ за Днѣпръ, въ степныя владѣнія Московскаго государства, гдѣ основаны новыя слободы на пространствѣ отъ Путивля

[1]) Моск. гл. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1651 и 1652 года.

[2]) Памятники, изд. Временною кіевскою коммисіею.

до Острогожска и далѣе на югъ, удерживая свое старое казацкое устройство. Оставшіеся готовились къ войнѣ.

Прозоровскій доносилъ въ Москву: посылалъ гетманъ въ Корсунь полковника Михайлу Громыку переписывать Черкасъ, которымъ быть по договору въ двадцати тысячахъ; но корсунскіе Черкасы Громыку убили за то, что Хмельницкій и полковникъ мирились съ Поляками не по ихъ совѣту. Гетманъ велѣлъ за то казнить изъ нихъ лучшаго человѣка, который сталъ-было въ полковники на Громыкино мѣсто—Лукьяна Мозыру; да онъ же, гетманъ, разослалъ по всѣмъ городамъ листы, чтобъ Черкасы были всѣ наготовѣ: надобно думать, что будетъ у Черкасъ съ Поляками война попрежнему, потому что изъ панскихъ имѣній въ королевскіе города Черкасы идти не хотятъ. Богданъ велѣлъ сказать Прозоровскому чрезъ его посланца: „Хотя я съ Поляками теперь и помирился на чемъ-нибудь, только я великому государю служить радъ: кого онъ изволитъ къ намъ прислать,—и мы всѣ готовы ему крестъ цѣловать; а если государь насъ не пожалуетъ, принять не велитъ, то намъ поневолѣ промышлять какъ лучше; а миръ у насъ съ Поляками некрѣпокъ, потому что Поляки всегда лгутъ, на миру не стоятъ". То же писалъ Хмельницкій и въ грамотѣ своей къ Прозоровскому: „Хотя мы и приняли *перемирье*, однако знаемъ, что намъ и вѣрѣ нашей православной Поляки не желаютъ ничего добраго; надѣемся на Господа Бога и на милость его царскаго величества, что когда надъ церквами Восточными умилится и надъ вѣрою нашею православною, тогда Поляки не воспріимутъ потѣхи, а мы, какъ не одинъ разъ обѣщали быть желательными его царскому величеству, такъ и теперь истинными быть обѣщаемся". Новый Путивльскій воевода, князь Ѳедоръ Хилковъ, доносилъ, что пріѣхалъ въ Путивль на государево имя на вѣчное житье черниговскій полковникъ Иванъ Дзиковскій съ тремя сотниками и съ двумя тысячами казаковъ. Казаки остались на границѣ до указа изъ Москвы, а между тѣмъ королевскій полковникъ Маховскій писалъ Хилкову, что эти измѣнники и разбойники обиды великія чинятъ въ королевской сторонѣ, бояръ по дорогамъ побиваютъ, купцовъ разбиваютъ [1]).

Въ Москвѣ видѣли, что дѣйствитетьно у Поляковъ съ казаками миръ непроченъ, что скоро надобно рѣшиться или принять казаковъ и воевать съ Польшею, или видѣть подданство казаковъ султану и грани турецкія—подлѣ украинскихъ городовъ московскихъ. Попытались, нельзя ли избѣжать и того и другого. 22-го марта 1652 года государь приказалъ дьякамъ своимъ, Волошенинову и Немирову, поговорить съ гетманскимъ посланцомъ Искрою по любви, потому что они одной вѣры христіанской. Дьяки стали говорить Искрѣ: „Гетманъ въ письмѣ своемъ проситъ, чтобъ его царское величество держалъ Запорожское войско въ своемъ милостивомъ жалованьи; великій государь для православной вѣры держитъ къ казакамъ свое государское жалованье большое, а король, сенатъ и Рѣчь Посполитая на своей правдѣ мало стоятъ; и если они не исполнятъ своихъ договоровъ съ гетманомъ, то Запорожское войско не пойдетъ ли къ хану въ Крымъ, потому что у гетмана съ Крымскимъ ханомъ дружба большая?" Искра отвѣчалъ, что, въ случаѣ большаго притѣсненія отъ Поляковъ, гетману, кромѣ царя, некуда дѣться, и царь бы пожаловалъ, принялъ казаковъ въ свою сторону съ порубежными ихъ городами, которые близко къ Путивльскому рубежу. Запорожское войско въ союзѣ съ ханомъ поневолѣ, и союзъ этотъ дорого стоитъ, потому что Крымцы пустошатъ Малороссію; вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, и потому казаки къ Крымскому не пойдутъ, и кромѣ государской милости дѣться имъ негдѣ". Дьяки продолжали: „Если вамъ отъ Поляковъ будетъ утѣсненье, то гетманъ и Черкасы шли бы въ сторону царскаго величества; а у царскаго величества въ Московскомъ государствѣ земли великія, пространныя и изобильныя, поселиться имъ есть гдѣ; удобно имъ поселиться по рѣкамъ Донцу, Медвѣдицѣ и другимъ угожимъ и пространнымъ мѣстамъ. Если же имъ быть въ царскаго величества порубежныхъ городахъ, то всегда будетъ у нихъ съ Польскими людьми ссора, а чѣмъ дальше отъ нихъ,—тѣмъ лучше: безо всякаго будетъ задора. А перейти имъ въ царскаго величества сторону по вѣчному докончанью можно, потому что отдачи на обѣ стороны не бываетъ, кто въ которую сторону перейдетъ, тутъ и живетъ безъ выдачи; а къ Крымскому хану идти вамъ непригоже, потому что Крымцы бусурманы, и вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, и никакого добра отъ нихъ, кромѣ разоренья, нечего ждать",

Выговскій, стращая, что между казаками много такихъ, которые будутъ совѣтовать гетману поддаться Туркамъ или Крымцамъ, увѣрялъ въ своей преданности и готовилъ себѣ, на случай, убѣжище въ Москвѣ. Въ іюнѣ 1652 года онъ говорилъ съ московскимъ посланцомъ Унковскимъ: „Если государь не изволитъ насъ принять, то есть такіе люди многіе, что станутъ гетману наговаривать поддаться Турскому или Крымскому; а у меня того и въ умѣ нѣтъ, чтобъ кромѣ великаго государя куда помыслить, только бы великій государь пожаловалъ меня, холопа своего, велѣлъ обнадежить своею милостью, велѣлъ бы мнѣ свою грамоту прислать за рукою думнаго дьяка, чтобъ гетманъ и никто другой о томъ не зналъ;—и въ Путивль свою грамоту велѣлъ прислать, чтобъ меня приняли, когда я къ великому государю поѣду. Если государская милость ко мнѣ будетъ, то я съ отцомъ своимъ, братьями и пріятелями къ великому государю пріѣду, а лучшіе люди Запоржской Земли со мною же; да не думаю, чтобъ и гетманъ невѣрнымъ

---

[1]) Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1651 и 1652 г.

поддался. Меня и Венгерскій король зоветъ къ себѣ, власть мнѣ и жалованье великое даетъ: потому меня король Венгерскій знаетъ, что я у него бывалъ; и про то онъ знаетъ, что я отъ войска Запорожскаго почтенъ; но я, кромѣ великаго государя, не мыслю никуда ѣхать. Пока я здѣсь, уповаю на Бога, что удержу гетмана, все Запорожское войско и царя Крымскаго воевать московскія украйны не пойдутъ, потому что Крымскій царь и мурзы меня слушаютъ: извѣстно имъ, что я въ войскѣ Запорожскомъ владѣтель во всякихъ дѣлахъ, а гетманъ и полковники, и все войско Запорожское меня слушаютъ же и почитаютъ. Вы и сами видите, что гетманъ и лучшіе люди мнѣ вѣрятъ во всемъ". Перекрестившись передъ образомъ и поклонившись въ землю, Выговскій сказалъ: „Дай Господи, чтобъ великаго государя ко мнѣ, послѣднему холопу, милость была совершенна, а я какъ обѣщалъ ему, государю, служить и на чемъ образъ Спасовъ цѣловалъ, такъ и совершу" [1]).

Между тѣмъ несчастная Украйна, опустошенная войною, голодомъ, переселеніями, не переставала волноваться; жители ея вырѣзывали польскихъ солдатъ и вели гайдамацкую войну. Поляки мстили имъ, истребляя мятежныя селенія, вырѣзывая всѣхъ жителей. Чернь вооружалась и противъ Хмельницкаго, который, по обстоятельствамъ, медлилъ объявить себя на сторонѣ народнаго возстанія. Наконецъ, для собственной безопасности, онъ долженъ былъ опять расширить реестръ, вопреки Бѣлоцерковскому договору, и, видя невозможность мира, завелъ снова сношенія съ Татарами. Поводомъ къ новой войнѣ была свадьба гетманскаго сына Тимоѳея на дочери господаря Молдавскаго Липулы. Липула далъ прежде вынужденное страхомъ обѣщаніе выдать дочь за Тимоѳея, но, подъ разными предлогами, не исполнялъ его, и обратился къ Польшѣ съ просьбою о помощи противъ нежеланнаго свата, родство съ которымъ считалъ для себя унизительнымъ. Вслѣдствіе этой просьбы господаря, гетманъ Калиновскій сталъ лагеремъ на берегу Буга, близъ горы Батога, или Батова, недалеко отъ Ладыжина, чтобъ преградить путь жениху, который шелъ за невѣстой съ казацкимъ и татарскимъ войскомъ. Старый Хмельницкій предупредилъ Калиновскаго, чтобъ тотъ далъ дорогу его сыну, иначе можетъ произойти невыгодное для Поляковъ столкновеніе. Калиновскій не обратилъ вниманія на предостереженіе, напалъ на Тимоѳея и заплатилъ за это жизнію своею и двадцати тысячъ польскаго войска. Тимоѳей безпрепятственно продолжалъ путь въ Молдавію, гдѣ господарь долженъ былъ выдать за него дочь свою; а старикъ Хмельницкій, показывая видъ, что не одобряетъ Батогскаго дѣла, и оправдывая себя и сына предъ королемъ, между-тѣмъ осаждалъ Каменецъ, чтобъ укрѣпиться въ Подоліи. Король созвалъ чрезвычайный сеймъ, на которомъ положено было собрать 50,000 войска. На сеймъ явились казацкіе депутаты и божились, что гетманъ ихъ не зналъ о Батогскомъ дѣлѣ, и къ Хмельницкому въ Чигиринъ отправились коммисары отъ сейма съ требованіемъ, чтобъ онъ разорвалъ союзъ съ Татарами и отдалъ сына въ заложники. Богданъ вспыхнулъ, услыхавъ эти требованія, и, схватившись за саблю, сказалъ: „Еслибъ кто другой, а не вы, мои давніе знакомцы и друзья, были ко мнѣ присланы съ такими рѣчами, то я бы иначе съ вами распорядился. Развѣ вы не видите моего расположенія къ Польшѣ, что, поразивши васъ теперь на Батогѣ, я ничего не дѣлаю, тогда какъ могъ бы не только васъ вконецъ разорить, но, пославши многіе полки казацкіе и татарскіе, могъ бы васъ за самый Римъ загнать? Съ Татарами мнѣ разойтись нельзя; для коммисіи будетъ время, когда война перестанетъ; пусть самъ король ведетъ со мною переговоры, а когда и гдѣ быть коммисіи — это въ его королевской волѣ. Сына въ залогъ послать нельзя; одинъ еще малъ, а другой только-что женился. Прежде всего пусть король присягнетъ въ ненарушеніи Зборовскихъ условій". Хмельницкій дѣйствительно надѣялся легко управиться съ Польшею, опустошенною моровымъ повѣтріемъ, пожарами, голодомъ, наводненіями. Въ декабрѣ 1652 года явился въ Москву посолъ Хмельницкаго, войсковой судья Самойла Богдановичъ, съ низкимъ челобитьемъ, чтобъ государь умилосердился, велѣлъ принять Запорожское войско подъ свою высокую руку. Дьяки Посольскаго приказа спросили Богдановича: „Какъ тому быть, что гетману и всему войску Запорожскому быть подъ царскаго величества рукою, и какъ имъ жить,—такъ ли, въ своихъ городахъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ?—о томъ съ ними отъ гетмана наказано ли подлинно"? Богдановичъ отвѣчалъ: „Какъ гетману и всему войску Запорожскому быть подъ царскаго величества рукою, о томъ онъ не вѣдаетъ, и отъ гетмана съ нимъ о томъ ничего не наказано, вѣдаетъ то гетманъ; а съ нимъ только наказано царскому величеству бить челомъ: какъ прежде царское величество былъ къ гетману и ко всему войску Запорожскому милостивъ, такъ бы и теперь своей государской милости отъ нихъ не отдалялъ и непріятелямъ ихъ, Полякамъ, помощи на нихъ не давалъ; а кромѣ того ни о чемъ говорить не наказано".

Но 1653 годъ заставилъ Богдана перемѣнить мысли, которыя онъ имѣлъ въ 1652. Въ началѣ года, лучшій полководецъ польскій, Чарнецкій, ворвался въ Украйну и сильно опустошилъ ее; въ Польшѣ дѣлалось вооруженіе; въ Молдавіи Хмельницкому должно было защищать свата своего Липулу, противъ котораго встали господарь Волошскій и князь Трансильванскій Рагоци. Въ апрѣлѣ пріѣхали отъ гетмана въ Москву Кодратъ Бырляй и Силуанъ Мужиловскій съ просьбою, чтобъ великій государь пожаловалъ, для православной хри-

[1]) Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1652 года.

стіанской вѣры велѣлъ гетмана со всѣмъ войсколъ Запоржскимъ принять подъ свою государеву высокую руку, и учинилъ бы имъ на непріятелей ихъ, Поляковъ, помощь думою и своими государевыми ратными людьми. Къ нимъ писали и присылали много разъ Турскій султанъ и Крымскій ханъ, зовя къ себѣ въ подданство; но они въ томъ имъ отказали, что они, мимо великаго христіанскаго государя царя, къ бусурманамъ въ подданство идти не хотятъ. Если царское величество то ихъ междоусобіе успокоитъ миромъ черезъ своихъ пословъ, они и той государской милости ради и изъ воли его государской не выступаютъ, только-бъ изволилъ царское величество послать теперь поскорѣе къ королю гонца, чтобъ онъ войною на Запорожское войско не наступалъ и задоровъ никакихъ чинить не велѣлъ. Королева Шведская отправила пословъ своихъ къ гетману и ко всему войску Запорожскому неизвѣстно о какихъ дѣлахъ,—и тѣхъ ея пословъ на дорогѣ переняли Поляки: такъ гетманъ велѣлъ у царскаго величества милости просить, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ, посланниковъ, пропустить къ Шведской королевѣ черезъ свое государство провѣдать, для чего она своихъ пословъ къ нему посылала; а для вѣрности пусть царское величество пошлетъ съ ними въ Швецію отъ себя кого ему угодно. Бырляй и Мужиловскій привезли грамоты отъ Хмельницкаго къ патріарху Никону, къ боярамъ—Морозову, Милославскому, Пушкину, съ низкимъ челобитьемъ, смиренною просьбою, чтобъ они ходатайствовали передъ православнымъ царемъ за него, гетмана, прямаго слугу царскаго величества. Государь не велѣлъ пропускать Бырляя и Мужиловскаго въ Швецію на томъ основаніи, что это можетъ помѣшать переговорамъ съ Польшею. Въ это время принятіе въ подданство Малороссіи и война Польская были уже рѣшены въ Москвѣ: первая дума объ этомъ у государя съ боярами была 22 февраля 1653 года, въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста, а „совершися государская мысль въ семъ дѣлѣ“ въ понедѣльникъ третьей недѣли Великаго поста, марта 14 [1]).

Для послѣднихъ переговоровъ 24 апрѣля 1653 года отправлены были въ Польшу полномочные послы: бояринъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, бояринъ князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Волконскій и дьякъ Алмазъ Ивановичъ. Послы нашли Яна-Казиміра во Львовѣ 20 іюля, и потребовали, чтобъ король надъ виновными въ умаленіи государева титула велѣлъ справедливость учинить передъ ними же, великими послами, безъ отволоки. Потомъ послы объявили другое дѣло: присылалъ къ великому государю Запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій, что договоръ, заключенный съ казаками сперва подъ Зборовомъ, а потомъ подъ Бѣлою Церковью, не исполненъ съ королевской стороны: церкви не отданы, многихъ православныхъ христіанъ духовнаго и мірскаго чина невинно замучили, войска на нихъ коронныя и литовскія собраны, хотятъ на нихъ приходить тайно, чтобъ ихъ безвѣстно разорить и искоренить,—такъ чтобъ великій государь для православной вѣры милость надъ ними показалъ, за нихъ вступился и принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Если же царское величество ихъ не пожалуетъ, то они поневолѣ учинятся въ подданствѣ у Турскаго султана или Крымскаго хана, потому что впередъ панамъ раднымъ вѣрить нельзя, никогда они въ правдѣ своей не стоятъ; а подъ Турскимъ султаномъ живутъ многіе христіане, и такого гоненія отъ бусурманъ не бываетъ, какое имъ, Черкасамъ, отъ Поляковъ. Великій государь, остерегая вѣчное доконченіе, запорожскимъ посланцамъ велѣлъ сказать, чтобъ имъ быть попрежнему подъ королевскимъ повелѣньемъ безо всякаго сомнѣнія. Гетманъ и все войско Запорожское отвѣчало, что если государь подъ свою руку ихъ не принимаетъ и къ бусурманамъ въ подданство идти не велитъ, то чтобъ царское величество съ королемъ ихъ помирилъ черезъ своихъ великихъ пословъ, и быть имъ въ прежнихъ вольностяхъ безъ всякаго насилованія, а какъ миръ станется, то они сейчасъ же отъ бусурмановъ отстанутъ. И великій государь указалъ имъ, великимъ посламъ, панамъ раднымъ говорить, чтобъ королевское величество государства своего до раздѣленія и до большаго междоусобія и разоренія не допускалъ, подданныхъ своихъ Черкасъ отъ поганцевъ отлучилъ, договоръ съ ними учинилъ крѣпкій, чтобъ имъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было, и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ.

Паны отвѣчали: что Хмельницкій говоритъ все неправду; что онъ поддается Турскому султану и принялъ бусурманскую вѣру,—объ этомъ они узнали недавно; только бусурманскую вѣру принялъ онъ одинъ, Хмельницкій,—чернь султану поддаться не захотѣла, и королевское величество, не желая видѣть православныхъ христіанъ въ подданствѣ у султана, идетъ на Хмельницкаго самъ со многими войсками, и станетъ Хмельницкаго съ товарищами его добивать, чтобъ больше государству его разоренія отъ этихъ бунтовщиковъ не было. Послы возражали: „Вы, паны радные, говорите неправду: царскому величеству подлинно извѣстно, что православнымъ христіанамъ отъ васъ и отъ вашего духовенства въ вѣрѣ неволя большая“. Когда паны донесли королю о рѣчахъ посольскихъ, то Янъ-Казиміръ велѣлъ отвѣчать посламъ, что Хмельницкій требуетъ возобновленія Зборовскаго договора; но ему, королю, какъ стерпѣть, что подданный его, самый худой человѣкъ, хлопъ, пишетъ, чтобъ сдѣлано было по его хотѣнью, чего въ Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало, а теперь Хмельницкій поддается Турскому султану и зоветъ Крымскаго хана къ себѣ на помощь, обѣщаетъ султану, что приметъ бусурманскую вѣру. Хмельницкій самый лютый воръ, и такому вору какъ вѣрить! Паны

[1]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5821; Государств. архивъ мин. ин. дѣлъ (въ С.-Петербургѣ), столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 1.

объявили посламъ, что о Зборовскомъ договорѣ они и слышать не хотятъ, договоръ этотъ за неправды Хмельницкаго снесенъ саблею; но для царскаго величества король милосердіе свое покажетъ: если Хмельницкій добьетъ ему челомъ, булаву отдастъ и впередъ гетманомъ не будетъ; если и казаки добьютъ также челомъ, оружіе свое все положатъ и будутъ попрежнему въ хлопахъ у пановъ своихъ и пашню станутъ пахать, а реестровыхъ казаковъ будетъ попрежнему шесть тысячъ, и станутъ жить въ Запорожьи и гдѣ прежде живали, а въ Кіевѣ и другихъ городахъ по обѣ стороны Днѣпра будетъ стоять войско коронное и литовское. Если же Хмельницкій этого не сдержитъ, то царское величество помогъ бы на него королю своими ратными людьми. Послы настаивали, чтобъ король помирился съ казаками на зборовскихъ условіяхъ; паны повторяли, что они о Зборовскомъ договорѣ и слышать не хотятъ. Послы предложили, чтобъ король послалъ отъ себя своего дворянина, а они, послы, отправятъ своего—къ Хмельницкому для унятія крови христіанской. Паны, именемъ королевскимъ, отвѣчали, что не только королю, но и посламъ отправлять своего дворянина не годится: всякій подумаетъ, будто король у измѣнника своего мира проситъ, и, боясь его, позволилъ вамъ послать за миромъ къ такому измѣннику, кривоприсяжцѣ, худому человѣку, хлопу; — надобно было Хмельницкому напередъ прислать къ королевскому величеству съ челобитьемъ. Если царскому величеству надобно, чтобъ Хмельницкій былъ у королевскаго величества въ подданствѣ, то пусть пошлетъ отъ себя къ Хмельницкому, возьметъ у него статьи, на которыхъ онъ хочетъ быть въ подданствѣ, и перешлетъ эти статьи къ королю, а король рѣшитъ, на какія статьи можно согласиться и на какія—нѣтъ. Послы отвѣчали, что Хмельницкій, кромѣ Зборовскаго договора, ничего не приметъ. Паны говорили *гораздо сердито*, что Зборовскаго договора и на свѣтѣ нѣтъ, съ Хмельницкимъ у короля никакого договора не было, былъ договоръ подъ Зборовымъ съ Крымскимъ ханомъ; договоръ этотъ нарушенъ Хмельницкимъ, послѣ чего былъ другой договоръ подъ Бѣлою Церковію,—и тотъ нарушенъ Хмельницкимъ же, и теперь король всѣхъ этихъ измѣнниковъ снесетъ и до конца разоритъ. *Послы:* „Королевскому величеству и вамъ, панамъ, надобно разсудить: если вы этихъ своихъ подданныхъ побьете, города и мѣста разорите и сдѣлаете пустоту, то побьете и разорите не чужое государство, а свое; послѣ эти пустыя мѣста кѣмъ вамъ будетъ населить? Всякій государь славенъ и силенъ подданными своими, а у пустоты государю безсиліе и безславіе. Подъ Зборовымъ король договоръ учинилъ православной вѣры не тѣснить, а унію искоренить, и на этихъ зборовскихъ статьяхъ принялъ Хмельницкаго въ подданство, по просьбѣ бусурмана Крымскаго хана; но теперь бы королевское величество, по просьбѣ христіанскаго государя, царскаго величества, принялъ Хмельницкаго въ подданство по Зборовскому договору, и православной вѣры тѣснить не велѣлъ“.

Послѣ этихъ разговоровъ послы начали дѣло о новыхъ прописках въ титулѣ, требовали попрежнему смертной казни виновнымъ, и приводили въ примѣръ Персидскаго шаха, который прислалъ государю на смертную казнь виновнаго въ пропискѣ титула. Паны отвѣчали: „И король пришлетъ виноватыхъ къ вашему государю на смертную казнь, если государь вашъ пришлетъ напередъ къ королю голову своего патріарха за то, что онъ въ королевскихъ областяхъ, уступленныхъ по послѣднему миру, въ попы ставитъ и благословенныя грамоты даетъ, чѣмъ нарушаетъ мирное постановленье“. Потомъ возвратились къ дѣлу Хмельницкаго, и послы объявили, что король присягалъ не нарушать вѣры и вольности своихъ подданныхъ; если же онъ станетъ тѣснить православную вѣру, то подданные, какъ написано въ присягѣ, будутъ свободны отъ подданства. Паны отвѣчали, что посламъ въ эти дѣла, въ королевскія присяги, вступаться не довелось, и Греческой вѣрѣ утѣсненья въ Польшѣ и Литвѣ нѣтъ. Тутъ послы объявили, что если король перестанетъ тѣснить православную вѣру, уничтожитъ унію и приметъ Хмельницкаго въ подданство по Зборовскому договору, то государь, для такого добраго дѣла, велитъ всѣ прежнія ссоры отъ прописокъ въ титулѣ оставить. Паны отвѣчали: „Если царскому величеству угодно, чтобъ король простилъ Хмельницкаго и казаковъ, то пусть же послы отправятъ къ Хмельницкому отъ себя посольство и уговорятъ его выйти на встрѣчу къ королю и бить ему челомъ, когда король пойдетъ на него съ войскомъ“. Послы объявили прежнее, что если король хочетъ принять казаковъ по Зборовскому договору, то они, послы, могутъ быть посредниками. Паны отвѣчали: „Чѣмъ вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкій дѣйствительно захочетъ соблюдать миръ и не захочетъ многихъ прихотей? Этотъ измѣнникъ и врагъ Божій непостояненъ: три раза присягалъ и нарушалъ присягу. Да и то королевскому величеству не важное дѣло, если Хмельницкій и поддастся Турскому султану: чернь и казаки уже отъ него отстали и присылали къ королю кіевскаго полковника Антона Ждановича бить челомъ о винахъ своихъ“. *Послы:* „Мы будемъ уговаривать Хмельницкаго, чтобъ онъ, кромѣ вѣры, во всѣхъ другихъ статьяхъ отдался на волю королевскую; и если онъ согласится, то этимъ самымъ объявитъ свою правду“. Паны отвѣчали: „Король на зборовскихъ статьяхъ ни за что съ Хмельницкимъ не помирится, и унію уничтожить нельзя, потому что сами уніаты на это не согласятся. Дайте, великіе послы, обязательство, что если Хмельницкій помирится и мира не сдержитъ, то царское величество заплатитъ королю за теперешнія военныя издержки и поможетъ на Хмельницкаго своими ратными людьми“. Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили послѣднюю

мѣру: если Хмельницкій булаву положитъ и гетманомъ не будетъ, казаки оружіе свое передъ королемъ положатъ и станутъ просить милосердія, тогда король, для царскаго величества, окажетъ имъ милость. Несмотря, однако, на эту конечную мѣру, паны вскорѣ объявили посламъ, что король согласенъ, чтобъ они, послы, отправили своего дворянина къ Хмельницкому; но послы отвѣчали, что теперь имъ этого сдѣлать уже нельзя: они, получили вѣсть, что Хмельницкій идетъ на короля войною вмѣстѣ съ крымскими Татарами, чего онъ не долженъ былъ дѣлать, не получивши отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта о неуспѣшности ихъ переговоровъ. Такимъ образомъ Хмельницкій сдѣлался измѣнникомъ и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницкомъ больше говорить не будутъ. Такъ какъ король на уничтоженіе уніи не согласился, за что царь готовъ былъ оставить всѣ свои требованія относительно прописокъ въ титулѣ, то послы обратились снова къ этимъ требованіямъ. Паны отвѣчали, что насчетъ прежнихъ прописокъ постановленъ сеймовый декретъ, вопреки которому сдѣлать ничего нельзя; что же касается новыхъ прописокъ, сдѣланныхъ послѣ посольства Прончищева, то король посмотритъ, какъ царь распорядится: съ собственными подданными, виновными въ прпискѣ королевскаго титула, виновными въ пропускѣ Малороссійскихъ казаковъ черезъ Брянскій уѣздъ въ Литву на войну; съ патріархомъ, виновнымъ въ томъ, что ставилъ поповъ въ королевскую сторону. Съ этимъ послы и были отпущены [1]).

Въ то время, какъ Репнинъ съ товарищами вели эти переговоры во Львовѣ, Хмельницкій, угрозою поддаться Турецкому султану, торопилъ дѣло въ Москвѣ. Онъ объявилъ Сергѣю Яцыну, посланцу Путивльскаго воеводы, князя Хилкова: „Вижу, что государской милости не дождаться, не отойти мнѣ бусурманскихъ невѣрныхъ рукъ, и если государской милости не будетъ, то я слуга и холопъ Турскому“. 15 іюня Яцынъ пріѣхалъ въ Путивль и сказалъ, что у гетмана турецкіе послы были и еще полномочный посолъ идетъ, только присяги ждетъ. Получивши это донесеніе, царь послалъ къ гетману стольника Лодыженскаго съ слѣдующею грамотою (отъ 22 іюня): „Мы изволили васъ принять подъ нашу высокую руку, да не будете врагамъ креста Христова въ притчу и въ поношеніе, а ратные наши люди сбираются“. Хмельницкій отвѣчалъ 9 августа: „Пребываемъ благонадежны на премногую милость, которую намъ твое царское величество показать изволилъ, что не оставлены будемъ изъ-подъ крѣпкой руки твоего царскаго величества. Мы иному невѣрному царю служить не хотимъ, только тебѣ бьемъ челомъ, чтобъ твое царское величество не оставлялъ насъ. Король Польскій со всею силою ляцкою идетъ на насъ, погубить хотя вѣру православную. Съ извѣстіемъ объ этомъ отправили мы къ тебѣ посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресвѣтлому твоему лицу, чтобъ твое великое государство скорою и сильною ратію намъ руку помощи послать изволилъ, а мы мириться не будемъ съ королемъ до милостивой вѣсти отъ твоего великаго государства“. Выговскій въ то же время писалъ къ думному дьяку Ларіону Лопухину: „Татарамъ уже не вѣримъ, потому что только утробу свою насытить ищутъ“. [2])

Въ августѣ же отправился въ Малороссію подъячій Иванъ Ѳоминъ, который долженъ былъ отдать тайно Выговскому грамоты Турецкаго султана, Крымскаго хана, Силистрійскаго паши, гетмановъ Потоцкаго и Раздзивила къ Хмельницкому, ибо всѣ эти грамоты тайно пересланы были Выговскимъ въ Москву. За эту службу царь прислалъ Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрыхъ. Ѳоминъ такъ описываетъ пріемъ свой у Хмельницкаго: когда онъ подалъ гетману царскую грамоту, то Богданъ принялъ ее честно и учтиво, въ печать и въ грамоту любезно цѣловалъ; распечатавши и прочтя ее самъ, опять цѣловалъ, а середи свѣтлицы на государской милости поклонился въ землю и сказалъ: „Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой пресвѣтлый великій государь меня, холопа своего, и все войско Запорожское пожаловалъ своимъ царскимъ неизреченнымъ жалованьемъ“. Ѳоминъ говорилъ: „Божіею милостію великій государь жалуетъ тебя, гетмана Богдана Хмельницкаго, и писаря Ивана Выговскаго, и полковниковъ и все войско Запорожское православной христіанской вѣры, велѣлъ васъ спросить о здоровьи“. Гетманъ отвѣчалъ: „На премногой государской милости я и все войско много челомъ бьемъ, и, видя такую царскаго величества премногую милость, служить какъ Богу, такъ, ему государю, помазаннику Божію, и добра хотѣть во всемъ ради“. При этихъ словахъ всѣ поклонились низко. Гетману Ѳоминъ подалъ отъ государя 40 соболей да двѣ пары добрыхъ, значитъ—меньше чѣмъ Выговскому, которому при гетманѣ явно дана только пара соболей. Наединѣ Ѳоминъ говорилъ гетману: „Великій государь тебя, гетмана, и все войско Запорожское за вашу службу жалуетъ, милостиво похваляетъ: и ты-бъ, гетманъ, и все войско Запорожское и впередъ великому государю служили и радѣли во всемъ, а служба ваша у царскаго величества никогда забвенна не будетъ“. Гетманъ отвѣчалъ, что онъ и писарь и все войско великому государю служить рады, только-бъ великій государь изволилъ ихъ принять вскорѣ подъ свою высокую руку въ вѣчное холопство и своими ратными людьми на Ляховъ помощь велѣлъ дать также поскорѣе, потому что Ляхи уже наступаютъ. „Еслибъ“, говорилъ Хмельницкій, „царское величество изволилъ насъ принять вскорѣ и послалъ своихъ ратныхъ людей, то

[1]) Моск. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1553 года.

[2]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5814 и 5821.

я тотчасъ пошлю свои грамоты въ Оршу, Мстиславль и въ другіе города къ бѣлорусскимъ людямъ, которые живутъ за Литвою,—и они тотчасъ станутъ съ Ляхами биться, и будетъ ихъ съ 200,000".

6 сентября отправлены были къ Богдану новые посланники: стольникъ Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Бредихинъ, объявить, что если Поляки по посольству князя Репнина-Оболенскаго не исправятся, то государь приметъ казаковъ. Репнинъ возвратился и объявилъ о неудачѣ своего посольства; тогда, 20 сентября, послали гонца догнать Стрѣшнева и Бредихина на дорогѣ и отдать имъ новый наказъ: объявить гетману прямо, что государь принимаетъ его подъ свою высокую руку; а 1-го октября созванъ былъ соборъ изъ всякихъ чиновъ людей, которымъ объявлено о неправдахъ Литовскаго короля и присылкахъ гетмана Богдана Хмельницкаго съ челобитьемъ о подданствѣ. „Секретари королевскіе и воеводы порубежныхъ городовъ пишутъ царскій титулъ не по вѣчному доконченію, со многими перемѣнами; а иные злодѣи во многихъ листахъ писали съ великимъ безчестьемъ и укоризною. Отправляемы были къ королю великіе послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказанія ея оскорбителямъ; король Владиславъ обѣщалъ, что впередъ этого ничего не будетъ; но обѣщаніе не было исполнено. Мало того: появились въ Польшѣ книги, въ которыхъ про царя Михаила, отца его—патріарха Филарета—и про самого царя Алексѣя напечатаны злыя безчестья, укоризны и хулы, также про московскихъ бояръ и всякихъ чиновъ людей. Государь послалъ боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновнымъ; паны обѣщали; въ другой разъ посланъ былъ Прончищевъ требовать исполненія обѣщанія; король Янъ-Казиміръ отправилъ въ отвѣтъ своихъ посланниковъ въ Москву съ сеймовымъ декретомъ на обвиненныхъ; но этотъ декретъ поставленъ былъ не такъ, какъ требовалось: многіе виновные оправданы, а нѣкоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвѣстно, живы ли они или померли. Снова отправлены были великіе и полномочные послы—князь Репнинъ-Оболенскій съ товарищами, требовать, чтобъ король учинилъ пристойное исправленіе: паны радные отвѣчали, что все это требованія пустыя; что они постановили декретъ противъ виновныхъ, и впередъ будутъ судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнинъ ничего не могъ добиться. Кромѣ этого неисправленія, Янъ-Казиміръ ссылается съ Крымскимъ ханомъ противъ Московскаго государства, пропустилъ крымскаго посла чрезъ свою Землю въ Швецію; въ порубежныхъ мѣстахъ отъ Литовскихъ людей постоянные задоры. Наконецъ, въ прошлыхъ годахъ гетманъ Хмельницкій и все войско Запорожское много разъ присылали, жалуясь на гоненіе за вѣру и прося царское величество принять ихъ подъ свою высокую руку; если же государь ихъ не пожалуетъ, въ подданство не приметъ, то, по крайней мѣрѣ, вступился бы за нихъ, помирилъ съ Поляками. По этой просьбѣ царь велѣлъ князю Репнину ходатайствовать у короля за Малороссіянъ, и князь Репнинъ потребовалъ, чтобъ Поляки исполняли статьи Зборовскаго договора и возвратили православнымъ церкви ихъ, отнятыя уніатами; и если король исполнитъ это, то царь обѣщалъ простить всѣхъ виновныхъ въ умаленіи его титула. Это требованіе король и паны поставили ни во что, тогда какъ Янъ-Казиміръ, при избраніи своемъ, далъ клятву не тѣснить никого за вѣру, и, въ случаѣ нарушенія клятвы, освобождалъ подданныхъ отъ присяги. Теперь же гетманъ Богданъ Хмельницкій прислалъ опять посланца своего Лаврина Капусту съ тѣмъ, что король идетъ на Украйну войною, и казаки, не хотя монастырей, церквей Божіихъ и христіанъ въ мучительство выдать, бьютъ челомъ, чтобъ государь войска свои вскорѣ послать къ нимъ велѣлъ, да чтобъ государь велѣлъ прислать въ Кіевъ и въ другіе города своихъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей хотя съ 3,000 человѣкъ, и то для тѣхъ же государевыхъ воеводъ, а у гетмана людей много: да къ нему же хотѣлъ быть Крымскій ханъ съ Ордою, и иные Татары уже пришли и стоятъ подъ Бѣлой Церковію: да къ гетману же присылалъ Турскій султанъ звать его себѣ въ подданство, и гетманъ ему отказалъ, надѣясь на государеву милость. Если же государь его не пожалуетъ, принять не велитъ, то онъ станетъ свидѣтельствоваться Богомъ, что у государя милости просилъ много, а государь его не пожаловалъ; съ королемъ же у нихъ мира отнюдь не будетъ, будутъ противъ него стоять".

Выслушавъ это объявленіе, бояре приговорили: „За честь царей Михаила и Алексѣя стоять и противъ Польскаго короля войну вести, а терпѣть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами ихъ и землями чтобъ государь изволилъ принять подъ свою высокую руку, для православной христіанской вѣры и Святыхъ Божіихъ церквей; да и потому доведется ихъ принять: въ присягѣ Яна-Казиміра короля написано, что ему никакими мѣрами за вѣру самому не тѣснить и никому этого не позволять; а если онъ этой присяги не сдержитъ, то онъ подданныхъ своихъ отъ всякой вѣрности и послушанья дѣлаетъ свободными. Но Янъ-Казиміръ своей присяги не сдержалъ: и чтобъ казаковъ не отпустить въ подданство Турскому султану или Крымскому хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди,—надобно ихъ принять".

Стрѣшневъ и Бердихинъ не нашли Богдана въ Чигиринѣ: 13 августа изъ Переяславля онъ разослалъ универсалы, призывая народъ вооружиться противъ вѣроломныхъ Ляховъ, поднявшихъ на Украйну Трансильванскаго князя и Волоховъ. Около Богдана собралось 60,000 войска; но старый гетманъ не зналъ, куда съ нимъ двинуться: съ одной стороны шелъ на Украйну король, съ другой—пришла вѣсть изъ Молдавіи, что сынъ гетманскій, Тимоѳей Хмельницкій, осажденъ въ Сочавѣ воз-

ставшими противъ его тестя Молдаванами, Волохами, Трансильванцами и Поляками. Когда Богданъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ Боркомъ, пришла къ нему другая вѣсть, что Тимоѳей опасно раненъ; старикъ рѣшился двинуться въ Молдавію на помощь къ сыну, но пришли къ нему полковники и объявили: „Непотребно намъ чужую Землю оборонять, а свою безъ остереганья метать, будетъ съ насъ и того, что за себя стоять и свою Землю оборонять". У гетмана въ это время было подпито: онъ вынулъ саблю и порубилъ Черкасскаго полковника Еско по лѣвой рукѣ. Протрезвившись, онъ поспѣшилъ поправить дѣло: пришелъ къ казакамъ, поклонился трижды въ землю, велѣлъ выкатить имъ бочку меду и сказалъ: „Дѣтки мои! напейтесь и меня не подайте!" Казаки отвѣчали: „Панъ гетманъ! въ томъ воля твоя, а быть съ тобою мы всѣ готовы". Хмельницкій выступилъ въ Молдавію, но на дорогѣ встрѣтились ему казаки, вышедшіе изъ Сочавы, послѣ сдачи ея непріятелямъ: они везли съ собою гробъ молодаго Тимоѳея Хмельницкаго. Старику не было теперь болѣе нужды идти въ Молдавію; во второй половинѣ ноября вмѣстѣ съ ханомъ онъ двинулся на Поляковъ, которые стояли подъ Жванцомъ, на берегу Днѣстра, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца. Здѣсь повторилась зборовская исторія: король съ своимъ малочисленнымъ войскомъ находился въ отчаянномъ положеніи, но ханъ спасъ его, принявши мирныя предложенія; король обѣщалъ ему исправно посылать деньги, на основаніи Зборовскаго договора, и позволилъ Татарамъ въ продолженіи сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей въ польскихъ областяхъ, не касаясь Поляковъ. Хмельницкаго ханъ увѣрялъ, что выговорилъ для казаковъ зборовскія условія: но Богданъ, съ которымъ король не хотѣлъ входить ни въ какія сношенія, поспѣшилъ уйти съ своимъ войскомъ въ Чигиринъ, чтобъ покончить дѣло съ Москвою.

24 декабря пріѣхалъ Богданъ въ Чигиринъ, гдѣ дожидались его московскіе посланники — Стрѣшневъ и Бредихинъ, которые объявили, что царь велѣлъ принять казаковъ съ городами и землями подъ свою высокую руку. Гетманъ 28 декабря отвѣчалъ благодарственною грамотою, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ до лица земли низко челомъ билъ: „Рады твоему пресвѣтлому царскому величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать, и по повелѣнію твоего царскаго величества повиноваться готовы будемъ, понеже мы ни на кого, только на Бога и на твое пресвѣтлое царское величество надѣемся" Въ Москвѣ долго думали, но, надумавшись, спѣшили рѣшеннымъ дѣломъ. За Стрѣшневымъ и Бредихинымъ отправились въ Малороссію бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ принять присягу съ гетмана и со всего войска. Они выѣхали изъ Москвы 9 октября, но за рубежъ перешли только 22 декабря, и 23 Бутурлинъ писалъ къ Стрѣшневу въ Чигиринъ, спрашивалъ, видѣлся ли онъ съ гетманомъ и какъ у нихъ дѣло дѣлалось. Въ Малороссіи уже знали, зачѣмъ идетъ Бутурлинъ съ товарищами, и потому во всѣхъ городахъ встрѣчали его съ торжествомъ, духовенство съ крестами, мѣщане—съ хлѣбами. Бояринъ направлялъ путь къ Переяславлю. 31 декабря, за пять верстъ отъ этого города, выѣхалъ къ нему на встрѣчу Переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря и 600 казаковъ. Сойдя съ лошади, Тетеря говорилъ Бутурлину рѣчь: „Благовѣрный благовѣрнаго и благочестивый благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича его государскаго величества великій бояринъ и прочіе господа! Съ радостію ваше благополучное пріемлемъ пришествіе, отъ многаго бо времени сердце наше горѣло бѣ въ наю, слухомъ услаждаясь, яко со исполненіемъ царскаго обѣта грядете къ намъ, еже быти подъ высокою великодержавнаго благочестиваго царя Восточнаго рукою православному и преславному войску Запорожскому. Тѣмъ же азъ меньшій въ рабѣхъ того войска Запорожскаго, имѣя приказъ отъ Богомъ даннаго намъ гетмана Зиновія Хмельницкаго въ богоспасаемомъ градѣ Переяславлѣ, исшедъ во срѣтеніе ваю, радостное благородіямъ вашимъ привѣтствованіе сотворяю и нижайшее со всѣмъ войскомъ, въ томъ же градѣ содержащимся, творю поклоненіе, а въ упокоеніе труда путнаго милостей вашихъ въ обитель града Переяславля внити молю прилежно". При въѣздѣ въ городъ новая встрѣча отъ духовенства съ образами и хоругвями, новая рѣчь отъ протопопа. Тетеря объявилъ Бутурлину, что гетманъ хотѣлъ быть изъ Чигирина въ Переяславль прежде его, боярскаго, пріѣзда, но нельзя переѣхать черезъ Днѣпръ; по той же причинѣ долженъ былъ оставаться въ Чигиринѣ и Стрѣшневъ.

6 января 1654 года пріѣхалъ въ Переяславль и Хмельницкій; на другой день пріѣхалъ писарь Выговскій, съѣхались полковники и сотники. 8 числа, утромъ, пришелъ къ Бутурлину Выговскій и объявилъ, что у гетмана съ полковниками, судьями и есаулами была тайная рада, и полковники, судьи и есаулы подъ государеву высокую руку подклонились. Послѣ тайной рады въ тотъ же день назначена была явная. Съ ранняго утра начали бить въ барабанъ и били цѣлый часъ, чтобъ собирался народъ. Когда собралось много всякихъ чиновъ людей, сдѣлали кругъ пространный, куда вошелъ гетманъ подъ бунчукомъ, съ нимъ судьи, есаулы, писарь и всѣ полковники. Гетманъ сталъ посреди круга, войсковой есаулъ велѣлъ всѣмъ молчать, и гетманъ началъ говорить:

„Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и всѣ православные христіане! Вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ Церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего Восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить Церковь Божію, дабы имя Рус-

ское не помянулось въ Землѣ нашей, что уже очень намъ всѣмъ наскучило, и видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, кого хотите: первый царь Турецкій, который много разъ чрезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою власть; второй — ханъ Крымскій, третій — король Польскій, который, если захотимъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть православный Великой Россіи государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ Восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями нашими себѣ просимъ; тутъ котораго хотите—избирайте! Царь Турецкій бусурманъ: всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, Греки, бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ отъ безбожныхъ утѣсненіи; Крымскій ханъ—тоже бусурманъ, котораго мы по нуждѣ въ дружбу принявши, какія нестерпимыя обиды испытали! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что лучше Жида и пса, нежели христіанина, брата нашего, почитали. А православный христіанскій великій государь, царь Восточный, единаго съ нами благочестія, Греческаго закона, единаго исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, главу имѣя Іисуса Христа. Этотъ великій государь царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ Православной Церкви въ нашей Малой Россіи, шестилѣтнихъ нашихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислать изволилъ; если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ; если же кто съ нами не согласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога". Тутъ весь народъ завопилъ: „Волимъ подъ царя Восточнаго православнаго! лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться". Потомъ полковникъ Переяславскій Тетеря, ходя въ кругу, спрашивалъ на всѣ стороны: „Всѣ ли такъ соизволяете!"—„Всѣ единодушно!" — раздавался отвѣтъ. Гетманъ сталъ опять говорить: „Будь такъ, да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ насъ подъ его царскою крѣпкою рукою!" Народъ на это завопилъ единогласно: „Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ мы во-вѣки все едино были".

Послѣ рады гетманъ съ старшинами пріѣхалъ къ боярину, который объявилъ имъ: „Великій государь, видя съ королевской стороны неисправленье и досады и вѣчному докончанію нарушенье и не желая того слышать, чтобъ вамъ, единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ, быть въ конечномъ разореньи, а церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и поруганіи отъ Латиновъ, подъ свою высокую руку васъ, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами и землями, отъ королевскаго подданства преступленіемъ присяги его свободныхъ, принять велѣлъ и помощь вамъ, своими ратными людьми чинить велѣлъ. И ты-бъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско Запорожское, видя къ себѣ великаго государя милость и жалованье, государю служили, всякаго добра хотѣли и на его милость были надежны; а великій государь станетъ васъ держать въ своей милости и отъ недруговъ вашихъ въ оборонѣ".

Выслушавъ эту рѣчь, гетманъ и старшины на государевой милости били челомъ, и потомъ вмѣстѣ съ бояриномъ поѣхали въ каретѣ въ соборную церковь. Тамъ уже дожидались ихъ: казанскій Преображенскій архимандритъ Прохоръ, Рождественскій протопопъ Адріанъ, священники и дьяконы, которые пріѣхали изъ Москвы. Духовенство встрѣтило боярина и гетмана съ крестами и кадилами, пѣли: „Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!" Когда всѣ вошли въ церковь, то духовенство хотѣло уже начать приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы; но гетманъ подошелъ къ Бутурлину и сказалъ: „Тебѣ бы, боярину Василью Васильевичу съ товарищами, присягнуть за государя, что ему насъ Польскому королю не выдавать, за насъ стоять и вольностей не нарушать: кто былъ шляхтичъ или казакъ, или мѣщанинъ, и какія маетности у себя имѣлъ, тому бы всему быть попрежнему, и пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать намъ грамоты на наши маетности". Бутурлинъ отвѣчалъ: „Въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ присягали ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексѣю Михайловичу клянутся служить и прямить и всякаго добра хотѣть; а того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впредь не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ непристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю, и вы бы, какъ начали великому государю служить и о чемъ били челомъ, такъ бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповѣди безъ всякаго сомнѣнія, а великій государь вольностей у васъ не отнимаетъ и маетности каждому велитъ владѣть по-прежнему". Гетманъ сказалъ на это, что поговоритъ съ полковниками и со всѣми людьми, и, вышедши изъ церкви, пошелъ въ домъ къ Переяславскому полковнику Тетерѣ и долго говорилъ тамъ съ полковниками и со всѣми людьми, а бояринъ все дожидался въ церкви. Вошли въ церковь два полковника—Переяславскій Тетеря и Миргородскій Сахновичъ, и отъ имени гетмана начали говорить боярину тѣ же рѣчи, чтобъ присягнулъ за государя; Бутурлинъ отвѣчалъ прежнее: „Непристойное дѣло за государя присягать, никогда этого не повелось". Полковники замѣтили, что Польскіе короли подданнымъ своимъ всегда прися-

гаютъ; Бутурлинъ отвѣчалъ на это: „Польскіе короли подданнымъ своимъ присягаютъ, но этого въ образецъ ставить непристойно, потому что это короли невѣрные и не самодержцы, на чемъ и присягаютъ, на томъ никогда въ правдѣ своей не стоятъ". Полковники говорили: „Гетманъ и мы государскому слову вѣримъ, только казаки не вѣрятъ и хотятъ, чтобъ вы имъ присягнули". Бутурлинъ отвѣчалъ: „Великій государь изволилъ васъ принять подъ свою высокую руку по вашему челобитью, и вамъ его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радѣть и всякаго добра хотѣть, также стараться о томъ, чтобъ все войско Запорожское къ присягѣ привести; а если какіе-нибудь незнающіе люди такія непристойныя рѣчи и говорятъ, то вамъ надобно великому государю службу свою показать, а такихъ незнающихъ людей унимать".

Съ этимъ полковники пошли назадъ къ гетману; чрезъ нѣсколько времени явился самъ Хмельницкій и объявилъ боярину: „Мы во всемъ полагаемся на государеву милость, и присягу по евангельской заповѣди великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолѣтнее здоровье головы складывать рады, а о своихъ дѣлахъ станемъ мы бить челомъ великому государю". Архимандритъ началъ приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ; гетманъ, писарь и полковники плакали, произнося слова присяги. Потомъ, когда всѣ старшины присягнули, взошелъ на амвонъ Благовѣщенскій дьяконъ Алексѣй и началъ кликать многолѣтіе государю; народъ плакалъ отъ радости, что наконецъ сподобилъ ихъ Господь Богъ быть подъ государевою рукою. Послѣ всего этого гетманъ вмѣстѣ съ бояриномъ и товарищами его поѣхалъ изъ собора на съѣзжій дворъ въ каретѣ, а полковники и народъ шли пѣшкомъ. На съѣзжемъ дворѣ Бутурлинъ вручилъ Хмельницкому знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи, причемъ, подавая каждую вещь, говорилъ рѣчь; такъ, подавая знамя, говорилъ между прочимъ: „Царское величество сіе знаменіе тебѣ, благочестивый гетманъ, даруетъ,—на семъ царскомъ своемъ знаменіи Царя царствующихъ всемилостиваго Спаса написаннаго въ побѣду на враги, Пресвятую Богородицу въ покровъ и Преподобныхъ Печерскихъ со Святою Варварою Русскихъ молитвенниковъ въ ходатайство тебѣ и всему твоему православному воинству подавая" Вручая ферязь, говорилъ: „Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орелъ покрыти гнѣздо свое и на птенца своя вожделѣ, градъ Кіевъ съ прочими грады, царскаго своего орла нѣкогда гнѣздо сущіи хотяй милостію своею государскою покрыти, съ нимъ же и птенца своя вѣрныя нѣкогда подъ благочестивыхъ царей державою сущія въ защищеніе свое пріяти, въ знаменіе таковыя своея царскія милости тебѣ одежду сію даруетъ". Подавая шапку: „Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразумленной и промыслъ благоугодной о православія защищеніи смышляющей, сію шапку пресвѣтлое царское величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ, здраву голову твою соблюдая, всяцѣмъ разумомъ ко благому воинства православнаго строенію вразумляетъ".

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, писаря, казаки и мѣщане. 12 января пришли къ Бутурлину писарь Выговскій, войсковой судья Самойла, Переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, Миргородскій Григорій Сахновичъ и другіе полковники, и говорили: „Не изволили вы присягать за великаго государя, такъ дайте намъ письмо за своими руками, чтобъ вольностямъ нашимъ, правамъ и маетностямъ быть попрежнему, для того, чтобъ всякому полковнику было что показать, пріѣхавъ въ свой полкъ; прежде, какъ бывали у насъ договоры съ королемъ и панами радными, то намъ давали договоръ за сенаторскими руками. Вы отъ великаго государя присланы съ полною мочью, и если вы намъ такого письма не дадите, то стольникамъ и дворянамъ въ города ѣхать для привода къ присягѣ нельзя, потому что всѣмъ людямъ въ городахъ будетъ сомнительно. Да писали къ гетману изъ Бѣлой Церкви и изъ другихъ городовъ, что Татары наступаютъ, и стольникамъ и дворянамъ въ тѣ города ѣхать будетъ страшно". Бутурлинъ отвѣчалъ: „Дѣло нестаточное, что намъ дать вамъ письмо за руками своими, да и вамъ о томъ говорить непристойно; мы вамъ и прежде сказывали, что царское величество вольностей у васъ не отнимаетъ и въ городахъ у васъ указалъ государь до своего государева указа быть попрежнему вашимъ урядникамъ и судиться по своимъ правамъ, и маетностей вашихъ отнять государь не велитъ. Теперь надобно вамъ дѣлать такъ, чтобъ Божіе и государево дѣло во всемъ совершилось по его государскому указу, и чтобъ стольниковъ и дворянъ въ города послать и въ городахъ всѣхъ людей привести къ присягѣ, а если въ которомъ городѣ Татары объявятся, и они въ тотъ городъ не поѣдутъ". Писарь, судья и полковники спросили: „Долго ли стольникамъ и дворянамъ быть въ городахъ нашихъ?" Бутурлинъ отвѣчалъ: „Стольникамъ и дворянамъ въ вашихъ городахъ мѣшкать не для чего: какъ только людей къ присягѣ приведутъ, и они изъ городовъ уѣдутъ". Выговскій съ полковниками пошелъ сказать объ этомъ гетману и другимъ полковникамъ, послѣ чего пришелъ къ Бутурлину Миргородскій полковникъ Сахновичъ и сказалъ, что гетманъ и полковники положились во всемъ на государеву волю. Потомъ пришла къ Бутурлину шляхта и говорила, чтобъ шляхта была между казаками знатна и судилась бы по своимъ правамъ, маетностямъ быть за ними попрежнему, причемъ подали роспись, гдѣ расписали себѣ воеводства и уряды. Бутурлинъ отвѣчалъ шляхтѣ, что они это дѣлаютъ непристойнымъ обычаемъ: еще ничего не видя, сами себѣ写 писали воеводства и уряды, чего и въ мысли взять не годилось; объ этомъ, онъ, бояринъ, скажетъ гетману. Тутъ шляхта стала бить челомъ, чтобъ гетману не говорить: „Мы такъ ни-

*

сали отъ своей мысли, а не по гетманскому приказу,—это дѣло въ волѣ государевой".

14 января Бутурлинъ съ товарищами отправился въ Кіевъ; 16 числа, за полторы версты отъ Золотыхъ воротъ, встрѣтилъ его съ рѣчью митрополитъ Сильвестръ Коссовъ: „Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ онъ, благочестивый Владиміръ, великій князъ Русскій; цѣлуетъ васъ Святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семъ мѣстѣ велію просіяти славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется; цѣлуютъ васъ общему житію начальницы, Преподобный Антоній и Ѳеодосій Печерстіи и всѣ Преподобніи, лѣта и животъ свой о Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіе; цѣлуемъ и мы о Христѣ ваше благородіе со всѣмъ освященнымъ соборомъ, цѣлующе-жъ любовне взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія Русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится яко орля юность наслѣдія благочестивыхъ великихъ князей Русскихъ". Сильвестръ сталъ извѣстенъ въ Москвѣ лѣтомъ 1651 г., когда прислалъ государю слѣдующую грамоту: „Избранъ я на митрополію Кіевскую во время нужное, когда учинилась въ нашей Литовской Землѣ нынѣшняя междоусобная брань; крестьяне, приписанные къ церкви Св. Софіи, пошли теперь въ казаки, церкви доходовъ, послушанія и строенія отъ нихъ нѣтъ,—только надѣемся помощи отъ Бога и отъ твоего царскаго величества. Въ церкви Св. Софіи нѣтъ книгъ: двѣнадцати миней мѣсячныхъ, да прологовъ на весь годъ, да Ѳеофилакта, до устава большаго; а я отъ многихъ наѣздовъ властелинскихъ, которые властели пріѣзжаютъ въ Кіевъ изъ Польши отъ пановъ и отъ казацкихъ старшинъ, изнищенъ до конца, не могу ничего купить. Вели, государь дать свое жалованье: 12 миней мѣсячныхъ, да прологи сентябрскіе и мартовскіе, да Ѳеофилакта, да уставъ большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чѣмъ бы мнѣ зимою согрѣться". Просьба осталась безъ исполненія, потому что митрополитъ не подписался на грамотѣ своею рукою [1]). Во время послѣднихъ сношеній Хмельницкаго съ царемъ о подданствѣ, Сильвестръ не отозвался ни разу; въ Москвѣ показалось это очень страннымъ: дѣло идетъ объ избавленіи православныхъ отъ гоненія нечистивыхъ Латинъ, Малая Россія соединяется съ Великою во имя восточнаго православія, а митрополитъ молчитъ; помнили поведеніе Іова Борецкаго и тѣмъ болѣе изумлялись поведенію Сильвестра Коссова. Но между положеніемъ Іова и Сильвестра была большая разница: Іовъ держалъ митрополію во время сильнаго разгара борьбы между православіемъ и уніею, когда невопоставленные архіереи православные подвергались тяжелымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ; Іовъ въ крайности искалъ спасенія вездѣ, обрашался къ казакамъ, обращался въ Москвѣ, причемъ всѣ другіе разсчеты и соображенія были забыты. Но Сильвестръ правилъ Церковію совершенно въ иное время, когда, благодаря Хмельницкому, религіозныя преслѣдованія затихли: правда, католическіе прелаты не пустили Сильвестра въ сенатъ, за-то въ Кіевѣ его никто не трогалъ, въ Кіевѣ никто не запиралъ церквей православныхъ. Прекращеніе гоненій давало просторъ другимъ интересамъ: Сильвестръ былъ шляхтичъ, и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству; а главное, при польскомъ владычествѣ, онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго и слабаго патріарха Византійскаго была номинальная, тогда какъ при подданствѣ Малороссіи Московскому государю трудно было избѣжать зависимости отъ Московскаго патріарха, которая была уже не то.

Послѣ молебна спросилъ Бутурлинъ митрополита: „Почему въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско Запорожское много разъ били челомъ великому государю принять ихъ подъ свою высокую руку, ты никогда о томъ не билъ челомъ, не писалъ и не искалъ себѣ милости царской?" Сильвестръ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, а теперь за государево многолѣтнее здоровье, и за государыню царицу, и за благовѣрныхъ царевенъ онъ долженъ Бога молить. 17 января приведены были къ присягѣ сотники, есаулы, атаманы, казаки и мѣщане кіевскіе; но когда Бутурлинъ послалъ къ митрополиту и Печерскому архимандриту, чтобъ они прислали къ присягѣ шляхту, слугъ и всѣхъ своихъ дворовыхъ людей, то получилъ отвѣтъ, что, переговоря вмѣстѣ, дадутъ знать. На другой день, 18 числа, Бутурлинъ опять послалъ сказать митрополиту, чтобъ онъ, служа великому государю, склонялъ подвластныхъ своихъ къ присягѣ, не отвращалъ отъ нея. Митрополитъ отвѣчалъ, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежатъ къ Софійскому дому, служатъ ему по найму и потому негодится имъ присягать царю. Послы употребили угрозы, митрополитъ продолжалъ утверждать: что шляхта и дворовые люди его вольные; что онъ ихъ къ присягѣ не вышлетъ; что въ паствѣ его много епископовъ и духовенства, которые остаются въ литовскихъ городахъ; что если король узнаетъ о присягѣ его шляхты и дворовыхъ людей царю, то велитъ изрубить этихъ епископовъ и духовенство, и онъ, митрополитъ, обязанъ будетъ отвѣчать за души ихъ Богу. При этомъ Сильвестръ никакъ не хотѣлъ видѣться съ Бутурлинымъ. Наконецъ, 19 числа, митрополитъ уступилъ, и шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги Печерскаго архимандрита были приведены къ присягѣ.

Въ концѣ января Бутурлинъ съ товарищами отправился назадъ въ Москву. Стольникъ Головинъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Калугу съ государевымъ милостивымъ словомъ, и между прочимъ говорилъ: „А что было гетманъ и полковники гово-

[1]) Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія, связка 55.

рили вамъ, чтобъ за насъ, великаго государя, учинить присягу, что намъ за нихъ стоять и вольностей ихъ не нарушить, и вы, служа намъ, великому государю, то у нихъ отговорили, и все учинили по нашему указу". Въ началѣ марта пріѣхали въ Москву посланники Хмельницкаго: генеральный судья Самойла Богдановичъ Зарудный и Переяславскій полковникъ Тетеря, бить челомъ: 1) Чтобъ въ городахъ урядники были выбираемы изъ малороссіянъ, люди достойные, которые должны будутъ всѣмъ управлять и доходы въ казну царскую отдавать; если же пріѣдетъ царскій воевода и станетъ права ихъ ломать и уставы какіе-нибудь чинить, то это имъ будетъ въ великую досаду. Царь пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью, только прибавлено, что при сборѣ казны надъ малороссійскими урядниками наблюдаютъ люди, присланные государемъ. 2) Чтобъ вольно было гетману и войску Запорожскому принимать иностранныхъ пословъ; а еслибъ послы эти пришли съ чѣмъ-нибудь противнымъ царскому величеству, то давать знать объ этомъ государю.—Царь указалъ: о добрыхъ дѣлахъ пословъ принимать и отпускать, давая обо всемъ знать въ Москву подлинно и вскорѣ; пословъ, пришедшихъ съ противнымъ дѣломъ, не отпускать до указа царскаго; съ Турскимъ же султаномъ и Польскимъ королемъ, безъ указа царскаго, не ссылаться. 3) Чтобъ число реестровыхъ казаковъ было 60,000.—На это послѣдовало согласіе. 4) Чтобъ по смерти гетмана войско Запорожское само избирало новаго.—Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью. 5) Чтобъ права, данныя князьями и королями духовнымъ и мірскимъ людямъ, не были нарушены.—Послѣдовало согласіе. Хмельницкій выпросилъ у царя городъ Гадячъ съ принадлежностями въ потомственное владѣніе.

Съ посланниками гетманскими все было улажено; но вотъ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ пришла грамота изъ Кіева отъ воеводы князя Куракина съ товарищами: какъ пріѣхали они въ Кіевъ и города Кіева со всякими людьми осматривали, гдѣ бы построить крѣпость отъ прихода Польскихъ и Литовскихъ людей, и нашли мѣсто на горѣ близъ Софійскаго монастыря, то митрополитъ объявилъ имъ, что онъ этой земли не уступитъ и города или острога на этомъ мѣстѣ ставить не дастъ, потому что то земля его, митрополичья, Софійская, Архангельскаго и Николаевскаго монастырей и Десятинной церкви подъ его митрополичьею паствою. А если они, бояре, хотятъ Черкасъ оберегать, то они бы оберегали отъ Кіева верстъ за двадцать и больше; а если бояре начнутъ ставить городъ на томъ мѣстѣ, которое выбрали, то онъ станетъ съ ними биться. Хотя гетманъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и поддался государю, но онъ, митрополитъ, со всѣмъ соборомъ о томъ бить челомъ къ государю не посылывалъ и живетъ онъ съ духовными людьми самъ по себѣ ни подъ чьею властію; и началъ митрополитъ боярамъ грозить: „Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что надъ вами вскорѣ конецъ будетъ", и въ городовомъ дѣлѣ отказалъ впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будутъ, слушаютъ государева указа, и, поговоря съ полковниками и со всякими городскими людьми, начали ставить городъ на избранномъ мѣстѣ. Получивши это донесеніе отъ воеводъ, государь писалъ Хмельницкому, чтобъ онъ велѣлъ ѣхать митрополиту въ Москву—*дать о себѣ исправленье.* Но гетманъ вступился за митрополита и велѣлъ сказать воеводамъ, чтобъ они на томъ мѣстѣ острога не дѣлали, потому что правъ церковныхъ и даянья православныхъ князей ломать нельзя. Тогда царь написалъ къ гетману, что онъ, вмѣсто избранной подъ крѣпость земли, дастъ митрополиту и церквамъ другія земли, и чтобъ митрополитъ не оскорблялся.

Въ іюлѣ 1654 года пріѣхалъ въ Москву Никольскій игуменъ Иннокентій Гизель съ товарищами бить челомъ о подтвержденіи правъ малороссійскаго духовенства, и подалъ царю грамоту отъ митрополита Сильвестра, въ которой тотъ оправдывалъ свое сопротивленіе крѣпостной постройкѣ: „Извѣстно буди вашему царскому величеству, что я это сдѣлалъ не изъ сопротивленія вашему царскому величеству, какъ нѣкоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта съ древнихъ временъ принадлежитъ митрополіи, и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемникъ ихъ, не захотѣлъ этой земли отъ церкви Божіей отлучить, ибо и кормъ только отъ этой земли мнѣ идетъ. Вотъ почему я и спрашивалъ, есть ли письменное повелѣніе вашего царскаго величества строить твердыни града на церковной землѣ; встарину у насъ былъ такой обычай, что, прежде чѣмъ приказывать и брать, показывали письменное повелѣніе пославшаго; но воеводы не имѣли письменнаго повелѣнія вашего царскаго величества. Прости меня, всемилостивый царь! сдѣлалъ я это ради ревности къ мѣсту святому церковному, а не изъ сопротивленія вашему царскому величеству. Ктому же и отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, теперь нашей Земли начальника и повелителя, я имѣлъ приказаніе мимо его указа никому не позволять ничего дѣлать и брать, и я не смѣлъ преступить этого приказанія, а послалъ объявить объ этомъ гетману, и какъ скоро онъ прислалъ мнѣ указъ, чтобъ я позволилъ строить крѣпость, то я оставилъ всякое сопротивленіе, благословилъ воеводамъ строить. А что я не посылалъ до сихъ поръ посланниковъ моихъ съ челобитьемъ къ вашему царскому величеству, то это происходило не отъ нерадѣнія моего или презрѣнія вашей пресвѣтлой державы: я хотѣлъ немедленно послать, но гетманъ запретилъ посылать прежде, чѣмъ его посланники отъ вашего царскаго величества возвратятся". Хмельницкій въ своей грамотѣ также оправдывалъ митрополита: „Что прогнѣвалось-было твое царское величество на преосвященнаго пастыря нашего, какъ

будто онъ разорялъ дѣло Божіе и совокупленія православія не принималъ, то не вѣрь этому, ибо сколько зла претерпѣлъ онъ за вѣру и православіе Святое, и теперь онъ сильно радуется о мирѣ всего міра, всегда молится и о твоемъ царскомъ величествѣ. Изволь преосвященнаго пастыря и весь соборъ священный пожаловать, моленіе ихъ не презрѣть и прочимъ клеветамъ не вѣрить".

Гизель подалъ статьи, которыхъ утвержденія просило малороссійское духовенство; изъ нихъ важнѣйшія: 1) чтобъ малороссійское духовенство не было изъято изъ-подъ власти Константинопольскаго патріарха; 2) чтобъ духовныя власти удерживали свои должности до смерти, а преемники ихъ поступали бы посредствомъ вольнаго избранія какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей, и чтобъ государь Москвичей въ Малую Россію не присылалъ на духовныя мѣста; 3) чтобъ въ духовныхъ судахъ виноватыхъ не отсылать въ Великую Россію. Малороссійское духовенство било челомъ о всѣхъ этихъ правахъ, но особенно о первой вольности, которая всѣмъ вольностямъ и правамъ корень—быть подъ послушаніемъ Константинопольскаго патріарха. „На этомъ основаніи, — говорилось въ челобитной—всѣ наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалованія вашего царскаго величества, то митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ сильно скорбѣть и унывать начнутъ, и другіе духовные, которые еще не подъ рукою вашего царскаго величества, а только усердно желаютъ этого, видя нашу скорбь, начнутъ малодушествовать" Рѣшеніе на эти статьи государь отложилъ до возвращенія своего изъ похода [1]).

Но прежде, нежели приступимъ къ описанію этого похода, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ находился молодой царь къ сосѣднимъ и другимъ державамъ.

Съ Швеціею и въ первыя десять лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича продолжались такія же дружескія отношенія, какія мы видѣли въ царствованіе отца его послѣ Столбовскаго мира. Съ извѣстіемъ о воцареніи Алексѣя Михайловича отправленъ былъ къ королевѣ Христинѣ гонецъ Скрябинъ въ августѣ 1645 года. Королева царскую грамоту приняла честно и выслушала любительно; гонцу съ пріѣзда до отпуску было честно и въ кормахъ довольно. Въ мартѣ 1646 года отправлены были въ Швецію великіе послы, окольничій Григорій Пушкинъ и казначей Богданъ Дубровскій, съ подтвержденіемъ Столбовскаго договора, и королева потдвердила договоръ, несмотря на то, что въ царской грамотѣ имя великаго государя было написано съ повышеньемъ, а имя королевы съ умаленьемъ. Въ 1647 году пріѣхали въ Москву поздравить государя съ восшествіемъ на престолъ шведскіе послы Гилленштернъ и Врангель; они объявили, что королева приказала прежнему своему резиденту Крузбіорну ѣхать въ Швецію, а на его мѣсто прислала Карла Померенинга. Бояре отвѣчали, что королевинымъ резидентамъ впередъ быть на Москвѣ нельзя, ибо отъ нихъ чинятся ссоры многія: Крузбіорнъ взялъ взаймы на королевино имя 3,000 пудъ селитры, долга не заплатилъ, а къ королевѣ писалъ на ссору, что селитру всю отдалъ; да ему же дано взаймы 1,000 рублей денегъ, и деньги эти не заплачены. Тотъ же Крузбіорнъ не платитъ и своихъ долговъ, продавалъ запрещенные товары, вино и табакъ; да и въ вѣчномъ докончаніи о резидентахъ не написано, что имъ жить въ Москвѣ; но хотя резидентамъ и не довелось жить въ Москвѣ, однако для дружбы и любви съ королевою и для ея прошенья государь позволяетъ новому резиденту Померенингу быть въ Москвѣ на время; если же онъ, живя въ Москвѣ, станетъ какія-нибудь дурныя дѣла дѣлать, то великій государь терпѣть ему не будетъ и велитъ его изъ Москвы выслать тотчасъ. Въ 1649 году окольничій Борисъ Пушкинъ заключилъ въ Стокгольмѣ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, который былъ поводомъ къ возмущенію во Псковѣ. Чтобъ поступокъ Псковичей съ Нумменсомъ не прервалъ пріязненныхъ отношеній у Москвы съ Швеціею, въ апрѣлѣ 1650 года отправленъ былъ къ королевѣ гонецъ подъячій Стараго съ увѣреніемъ, что мятежники, обезчестившіе Нумменса, будутъ наказаны; Христина отвѣчала, что она надѣется, что мятежники будутъ наказаны, подданные ея вознаграждены и договоръ исполненъ. Договоръ былъ исполненъ и пріязнь продолжалась. Въ 1651 году переводчикъ Яковъ Розенліндъ (Рузенли), присланный королевою, объявилъ тайно боярину Милославскому, что зимою о Рождествѣ Христовѣ пріѣзжали въ Стоггольмъ крымскіе послы: пропустилъ ихъ черезъ свою Землю Польскій король Янъ-Казиміръ и прислалъ вмѣстѣ съ ними отъ себя іезуита съ извѣстіемъ, что онъ, король, вмѣстѣ съ ханомъ хотятъ вести войну съ Москвою и приглашаютъ къ тому же королеву. Розенліндъ прибавилъ, что королева велѣла отказать хану и королю. Царь въ іюнѣ написалъ ей въ отвѣтъ съ гонцомъ своимъ Головинымъ, что онъ принимаетъ это предостереженіе въ пріятную любовь и будетъ воздавать за это своею дружбою и любовью, причемъ просилъ, чтобъ королева прислала ему грамоты королевскую и ханскую. Королева отвѣчала что грамотъ къ ней не было ни отъ хана, ни отъ короля. Къ Головину въ Стокгольмѣ пришли русскіе торговые люди—Новгородецъ Михайла Стояновъ, Ладожeнинъ Антонъ Гиблой и новгородскій попъ Емельянъ, пріѣхавшій съ торговыми людьми, и сказали, что въ 1651 году пріѣхалъ изъ Ревеля въ Стокгольмъ Русскій человѣкъ въ лиговскомъ платьи, называетъ себя великороднымъ человѣкомъ, Иваномъ Васильевичемъ; говоритъ, что хочетъ ѣхать къ великому государю, а Шведы, приходя на русскій торговый дворъ, говорятъ, будто онъ роду Шуйскихъ князей, отецъ его былъ свезенъ въ Пермь

[1]) Московск. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1653 и 1654 годовъ; арх. Царства Польск., снош. съ Малороссіею, св. 1.

и постриженъ насильно. Онъ самъ, Иванъ, говорилъ священнику Емельяну: „Для чего Новгородцы и Псковичи великому государю добили челомъ, вотъ васъ велитъ государь перевѣшать такъ же, какъ царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ Новгородцевъ казнить и перевѣшать". Головинъ отвѣчалъ имъ, что это должно быть воръ подъячій Тимошка Акундиновъ: онъ волосомъ чернорусъ, лицо продолговатое, нижняя губа поотвисла немного. „Онъ и есть точь-въ-точь", сказалъ на это священникъ Емельянъ, „онъ мнѣ велѣлъ на молитвѣ поминать себя Тимоѳеемъ, потому что прямое имя его Тимоѳей, а прозвище Иванъ, и никому не велѣлъ говорить, что зовутъ его Тимоѳеемъ". Головинъ послалъ къ Акундинову толмача, которому самозванецъ сказалъ: „Зовутъ меня Иваномъ Васильевичемъ, а про родъ и прозвище вѣдомо на Москвѣ; ѣхать къ государю въ Москву опасаюсь, потому что мнѣ на Москвѣ недруги: бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ да бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, а за мною большое государево дѣло, и грамоты многія, которыя государю годны, у меня есть; чтобъ Головину самому со мною повидаться и обо всемъ переговорить?" Черезъ нѣсколько времени толмачъ привелъ къ Головину Русскаго человѣка, который объявилъ, что зовутъ его Константиномъ, сынъ стремяннаго конюха Евдокима Конюховскаго, былъ на Москвѣ въ подъячихъ, сначала въ приказѣ Большаго дворца, а послѣ въ приказѣ Казанскаго дворца, съ Москвы съѣхалъ съ государемъ своимъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, тому лѣтъ съ семь, оставя въ Москвѣ мать. Головинъ сказалъ ему: „Ты бы, Костка, помня Бога и великаго государя милость, обратился на истинный путь". Конюховскій, пожавъ плечами, сказалъ на это: „Милости великаго государя было много, только такъ учинилось", и, проговоривши это, бросился бѣжать вонъ. По наказу Головина, священникъ Емельянъ и ярославскій купецъ Силинъ задержали его на русскомъ торговомъ дворѣ, въ молитвенномъ амбарѣ, и дали знать Головину, который пришелъ въ амбаръ, велѣлъ связать Конюховскаго и отвести къ себѣ на подворье. Но королевины думные люди призвали къ себѣ Головина и сказали ему: „Въ докончаньи не написано, чтобъ, пріѣхавъ въ чью-нибудь Землю, хватать людей безъ приставовъ!" Головинъ отвѣчалъ: „Въ этой моей винѣ воленъ великій государь и королевино величество, а мнѣ было тому вору спустить не умѣть; хотя бы я и смерть видѣлъ, и тогда такимъ ворамъ не спустилъ бы; а еслибъ я о немъ объявилъ, то онъ бы изъ Стекольны ушелъ". Но Головину объявили, что королева велитъ Конюховскаго освободить и отпустить къ боярину его, Ягану Сенельсину, подъ какимъ именемъ Тимошка былъ присланъ изъ Венгріи отъ Рагоци; если же этотъ Сенельсинъ писался другимъ воровскимъ именемъ, то пусть царь ищетъ его въ Венгріи. Головинъ пріѣхалъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Тимошка уѣхалъ изъ Стокгольма въ Нарву и тамъ посаженъ въ тюрьму. Головинъ привезъ съ собою перехваченную переписку Акундинова съ Конюховскимъ, которому, между прочимъ, Тимошка давалъ слѣдующія наставленія: „Искать людей надобныхъ, кого бы можно посылать къ Москвѣ и въ мое властительство съ грамотками къ родителькѣ и къ сродникамъ, и къ сиротѣлымъ дѣткамъ, и прочее тайнымъ обычаемъ шпиговски, или лазутчески.—Чиновниковъ, чиноначальниковъ въ царствующемъ Иванѣгородѣ и во Псковѣ, духовныхъ и мірскихъ провѣдывая имена, совершенно писать ко мнѣ. Про семилѣтнее странствіе ни прибавлять, ни убавлять, въ-правду всякому обо всемъ, кому изъ нашихъ друзей понадобится, сказывать; Богу молиться, нашедши отца духовнаго, долгъ христіанскій на себѣ не держать, но съ исправленіемъ Богу, сколько возможно, нелицемѣрно угождать". Въ одномъ изъ писемъ Акундиновъ увѣдомляетъ Конюховскаго, что королева одарила его немалымъ числомъ въ золотѣ и серебрѣ деньгами

Немедленно въ сентябрѣ того же года отправленъ былъ въ Стокгольмъ подъячій Яковъ Козловъ съ требованіемъ выдачи Тимошки и Конюховскаго и съ жалобою на резидента Померенинга, который ѣздилъ безвременно ночью въ гости во многія мѣста, и, напившись пьянъ, чинилъ многіе задоры: когда однажды бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой ѣхалъ ночью на пожаръ,—резидентъ въ это время скакалъ изъ гостей пьяный, вынулъ шпагу на-голо; фонарь, который несли передъ бояриномъ, разбилъ, самого боярина хотѣлъ поколоть, троихъ стрѣльцовъ, ѣхавшихъ за бояриномъ, посѣкъ такъ, что двое изъ нихъ едва живы будутъ; да онъ же, Померенингъ, прислалъ въ Стрѣлецкій приказъ письмо, въ которомъ царя Михаила Ѳеодоровича именованье написано не по вѣчному докончанію,—а то начальное и главное дѣло обоихъ государей чести остерегать: „И вашему бы королевину величеству тому Карлу Померенингу учинить жестокое наказанье". Новгородскій воевода, князь Буйносовъ-Ростовскій, писалъ къ губернаторамъ нарвскому и ревельскому съ новгородскими купцами, Тетеринымъ и Воскобойниковымъ, чтобъ губернаторы прислали Акундинова и Конюховскаго къ нему въ Новгородъ. Тетеринъ и Воскобойниковъ узнали Тимошку въ Ревелѣ, и, взявъ людей у ратмановъ, схватили его за городомъ, но ревельскій губернаторъ Оксенштирна взялъ у нихъ Тимошку, объявивъ, что безъ королевина указа не можетъ его имъ выдать. Съ жалобою на это, въ ноябрѣ, отправленъ былъ гонецъ, дворянинъ Челищевъ. Пріѣхавши въ Ревель, Челищевъ узналъ, что Тимошка ушелъ изъ-подъ стражи, и когда гонецъ настаивалъ у губернатора, чтобъ вора сыскали, то губернаторъ отвѣчалъ: „Давно я вамъ отказалъ, что воръ Тимошка ушелъ и сыскать его негдѣ, а больше мнѣ съ вами и говорить нечего". Въ январѣ 1652 года, Челищевъ отправился изъ Ревеля въ Стокгольмъ, а въ апрѣлѣ Новгородецъ Микляевъ поѣхалъ въ Бранденбургію и Любекъ все по дѣлу самозванца, ибо въ Москву дали знать, что онъ

объявился въ Прусской Землѣ. 28 мая пріѣхалъ Челищевъ изъ Швеціи и привезъ съ собою Костку Конюховскаго, который у пытки разсказывалъ: „Спознался я съ Тимошкою, какъ сидѣлъ я въ Новой Четверти въ подъячихъ и жилъ у него. И какъ его, Тимошкина, мать вышла замужъ, а онъ, Тимошка, затягался со многими людьми, и въ то время, осердясь на мать свою, началъ мыслить, какъ бы убѣжать въ Литву, и ему, Косткѣ, про то говорилъ, чтобъ имъ вмѣстѣ бѣжать въ Литву, и тамъ имъ будетъ хорошо. И побѣжали мы съ нимъ въ Литву. И въ ту ночь, какъ побѣжали, Тимошка сына своего и дочь отвезъ на дворъ къ Ивану Пескову, а свой дворъ и жену ежегъ. Побѣжали мы изъ Москвы въ Тулу, нанявъ тульскаго извозчика; изъ Тулы побѣжали въ порубежные города проселочными дорогами и прибѣжали въ Новгородокъ-Сѣверскій, откуда отвели насъ къ королю въ Краковъ. Тимошка въ тѣ поры назывался Иваномъ Каразейскимъ, воеводою Вологодскимъ и намѣстникомъ Великопермскимъ; а изъ Литвы они сошли въ Царьгородъ, и тутъ Тимошка назывался государскимъ сыномъ Шуйскимъ. А идучи въ Царьгородъ, оставилъ Тимошка меня, Костку, въ Болгарской Землѣ, и я былъ тутъ шесть мѣсяцевъ, а Тимошка въ Царѣгородѣ бусурманился безъ меня: а изъ Царягорода Тимошка ушелъ и былъ у папы въ Римѣ и сакраментъ принималъ; а изъ Рима шли на Венецію и на Седмиградскую Землю и на иныя государства, и пришли въ Запороги къ гетману Богдану Хмельницому. А назвался Тимошка государевымъ сыномъ Шуйскимъ въ Царѣгородѣ, потому что онъ звѣздочетныя книги читалъ и остроломейскаго ученья держался, потому что онъ былъ нескудный человѣкъ и было ему что давать, и въ Литвѣ онъ и досталь тому научился, и та прелесть на такое дѣло его и привела. А я, Костка, звѣздочетью не умѣю и остроломеи не знаю и за тѣмъ не хаживалъ. А въ томъ я передъ Богомъ грѣшенъ и передъ государемъ виноватъ, что Тимошку слушалъ и государю измѣнилъ съ глупости. Печать у Тимошки была у государевой помѣстной грамоты на красномъ воску, и съ той печати въ Римѣ печать онъ сдѣлалъ, вымысля самъ собою. А какъ онъ пріѣхалъ къ гетману Запорожскому и помощи себѣ просилъ, и Хмельницкій его у себя держалъ въ чести и хотѣлъ ему помогать, и Выговскій ему учинился другъ большой и также ему помогалъ, и къ Рагоци Венгерскому о немъ писалъ съ прошеньемъ, чтобъ онъ, Рагоци, ему, Тимошкѣ, помогалъ, и къ Шведской королевѣ о немъ писалъ; и Рагоци къ Шведской королевѣ писалъ, и по тому письму Шведская королева Тимошкѣ повѣрила; а будучи Тимошка въ Швеціи, принялъ Люторскую вѣру; а я, Костка, вѣры христіанской не отбылъ, Папежской и Люторской вѣры не принималъ и не бусурманенъ“. Послѣ трехъ встрясокъ и 15 ударовъ, Костка говорилъ прежнія рѣчи. 10 іюня была новая пытка—встряски жестокія и 15 ударовъ, послѣ чего сказалъ: „Какъ Тимошка былъ въ Царѣгородѣ, и онъ у султана помощи себѣ просилъ, ратныхъ людей, хотѣлъ идти подъ Астрахань и Казань; да хотѣлъ ему въ томъ помогать Астраханскій архіепископъ Пахомій и дворовые его люди, потому что архіепископъ ему давно знакомъ и друженъ, съ тѣхъ поръ, какъ были на Вологдѣ вмѣстѣ“. Послѣ этого была другая пытка: встряска и 16 ударовъ и на огнѣ жгли дважды; говорилъ тѣ же рѣчи. 14 іюня Костка сказалъ: „Какъ былъ Тимошка у Хмельницкаго и послышалъ о псковскомъ смятеньи, то началъ просить гетмана, чтобъ отписать о немъ къ Шведской королевѣ, и Хмельницкій отказалъ, потому что у него ссылки съ Шведской королевою нѣтъ, а напишетъ о немъ къ Рагоци. А мыслилъ воръ Тимошка упросить у королевы, чтобъ ему позволили жить въ Швеціи подлѣ русской границы, чтобъ ему, спознався и сдружась съ пограничными Нѣмцами, ссылаться чрезъ нихъ съ псковскими мятежниками Теперь своему замыслу Тимошка ни отъ кого помощи, кромѣ Черкасъ, не чаетъ: писарь Выговскій ему другъ и братъ названный, по немъ онъ надежду на Черкасъ имѣетъ. Какъ былъ онъ у Хмельницкаго, и, въ то время, умысля съ Выговскимъ, писалъ къ Крымскому, чтобъ тотъ принялъ его къ себѣ, но Крымскій ничего на это ему не отвѣчалъ“

Государь писалъ къ королевѣ Христинѣ, что выдачу Конюховскаго онъ принимаетъ отъ нея въ любовь и противъ того будетъ воздавать, въ какихъ мѣрахъ будетъ возможно; но давалъ знать, что главный воръ, Акундиновъ, выпущенъ изъ Ревеля нарочно, потому что самому ему уйти никакъ было нельзя; кромѣ того, во время поимки Конюховскаго въ Ревелѣ, Шведы бросали въ Челищева каменями, чтобъ отбить Конюховскаго, и гонецъ изъ Ревеля едва уѣхалъ. Этимъ сношенія съ Швеціею по поводу Акундинова кончились, ибо узнали, что воръ скрылся въ Голштиніи. Съ требованіемъ его выдачи отправились туда подъячіе Шпилькинъ и Микляевъ; герцогъ Фридрихъ отвѣчалъ, что не выдастъ самозванца до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена ему запись о персидской торговлѣ, данная въ 1634 году Крузіусомъ и Брюгеманомъ, также всѣ подлинныя письма, касающіяся этого дѣла. Запись и грамоты были немедленно отправлены, и Тимошка привезенъ въ Москву. Говорятъ, что Тимошка хотѣлъ лишить себя жизни, бросившись съ телѣги подъ колеса, но это ему не удалось, и его привязали къ телѣгѣ. Въ Москвѣ онъ объявилъ, что разскажетъ все одному боярину Никитѣ Ивановичу Романову; но распорядились иначе.

28 декабря 1653 года Тимошка въ застѣнкѣ у пытки сказалъ: „Вину свою государю приношу и объявляю: я человѣкъ убогій, а отецъ мой и мать какіе люди, того не упомню, потому что остался малъ. Когда я съ молодыхъ лѣтъ жилъ у архіепископа Вологодскаго Варлаама, то архіепископъ, видя мой умъ, называлъ меня княжескимъ рожденіемъ и царевою палатою, и отъ этого прозванія

въ мысль мою вложилось, будто я впрямь честнаго человѣка сынъ. Послѣ того сталъ я проживать у дьяка Ивана Патрикѣева, и сидѣлъ въ Новой Чети въ подъячихъ, и былъ мнѣ Иванъ Патрикѣевъ другъ большой и оберегатель, и со мною обо всемъ совѣтовался, и бѣды свои я ему сказывалъ, и все мое умышленье онъ вѣдалъ. И какъ надъ Иваномъ Патрикѣевымъ бѣда учинилась, и я сталъ тужить, и отъ страху изъ Москвы сбѣжалъ въ Литву, и, будучи въ Литвѣ назывался, Иваномъ Каразейскимъ. Когда нѣкоторые государевы люди начали меня уличать, называть холопомъ дьяка Патрикѣева и убійцею брата своего, то архіепископъ Вологодскій Варлаамъ и дьякъ Патрикѣевъ прислали въ Литву свидѣтельственное письмо, что я не холопъ Патрикѣева, но лучше его самого, и брата своего не убивалъ". На вопросъ: кто его научилъ называться Шуйскимъ княземъ?—отвѣчалъ: „Отецъ мой Демка". Тутъ привели мать Тимошкину, монахиню Степаниду; взглянувъ на Тимошку, она сказала: „Это мой сынъ!" Тимошка долго молчалъ, потомъ спросилъ монахиню: „Какъ тебя зовутъ?"—„Въ мірѣ", сказала она, „звали меня Соломонидкою, а теперь въ монахиняхъ Стефанида". Тимошка сказалъ: „Эта старица мнѣ не мать, а матери моей сестра родная; а была до меня добра, вмѣсто матери". У монахини спросили: кто былъ ея мужъ. Она отвѣчала: „Мужъ мой былъ Демидка, его, Тимошкинъ отецъ, торговалъ сперва холстами, а послѣ жилъ у архіепископа Варлаама; Тимошка родился у меня на Вологдѣ и ему теперь 36 лѣтъ". Послѣ этого Тимошку четвертовали.

Сношенія съ другимъ Скандинавскимъ государствомъ, съ Даніею, не заключаютъ въ себѣ никакой важности; замѣчательнѣе были сношенія съ Англіею.

Въ Англію съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича, къ королю Карлу I-му, отправленъ былъ, въ 1645 году, гонецъ Герасимъ Дохтуровъ. Когда корабль, на которомъ ѣхалъ Дохтуровъ, приплылъ къ Гревезенду, то гонецъ встрѣченъ былъ купцами отъ имени компаніи, торгующей съ Россіею, перевели Дохтурова въ судно съ чердакомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, и повезли по Темзѣ въ Гринвичъ съ торжествомъ, при выстрѣлѣ изъ 16 пушекъ. Дорогою Дохтуровъ разспрашивалъ купцовъ: король ихъ Карлъ теперь въ Лондонѣ или въ другомъ какомъ-нибудь городѣ? Купцы отвѣчали: король теперь въ Лондонѣ не живетъ, а гдѣ теперь король, о томъ имъ подлинно неизвѣстно, потому что у нихъ съ королемъ война большая года съ четыре и больше; вмѣсто короля, Лондономъ и всею Англійскою и Шотландскою Землею владѣетъ парламентъ, изо всякихъ чиновъ выбраны думные люди. Дохтуровъ спросилъ: за что у нихъ междоусобіе и война съ королемъ начались; какъ давно у нихъ начали владѣть думные люди, изъ какого чину выбраны и сколько ихъ человѣкъ? Купцы отвѣчали: „У насъ война съ королемъ началась за вѣру; какъ женился король нашъ у Французскаго короля на дочери, а вѣры она папежской, то королева и короля привела въ свою папежскую вѣру; по ея велѣнью, король учинилъ арцыбискуповъ и іезуитовъ, и многіе люди, смотря на короля, приняли папежскую вѣру. Да, сверхъ того, король захотѣлъ владѣть всѣмъ королевствомъ по своей волѣ, какъ въ другихъ государствахъ государи владѣютъ, а здѣсь искони Земля вольная, и прежніе короли ничѣмъ не владѣли, а владѣлъ всѣмъ—парламентъ, думные люди. Началъ-было король все дѣлать по своей волѣ; но парламентъ этого не захотѣлъ, арцыбискупа и іезуитовъ многихъ казнили; и, видя король, что парламентъ началъ владѣть по своему обычаю, какъ искони повелось, а не по королевскому хотѣнію, выѣхалъ изъ Лондона съ королевою самъ, никто его не высылалъ, а сказалъ, что поѣхалъ гулять въ другіе города; выѣхавши изъ Лондона, королеву отпустилъ во Французскую Землю, а самъ началъ воевать; но парламентская сторона сильнѣе. Въ парламентѣ сидятъ въ двухъ палатахъ: въ одной палатѣ сидятъ бояре, въ другой—выборные изъ мірскихъ людей, изъ служилыхъ и торговыхъ; въ парламентѣ сидятъ съ 500 человѣкъ, а говоритъ за всѣхъ одинъ рѣчникъ"

Въ Гринвичѣ гонца встрѣтили отъ имени Англійскаго королевства бояре и всякихъ чиновъ думные люди, и повезли въ Лондонъ опять въ богато-убранномъ суднѣ. Въ Лондонѣ у гонца спросили: „Отъ царскаго величества къ парламенту съ тобою грамота и приказъ какой есть ли?" Дохтуровъ отвѣчалъ: „Къ парламенту грамоты и приказу никакого нѣтъ; пусть парламентъ отпуститъ меня къ королю немедленно, пристава, кормъ и подводы мнѣ дастъ, да велѣлъ бы парламентъ мнѣ быть къ себѣ, и я стану говорить имъ самимъ". Парламентъ долго не давалъ отвѣта, отговариваясь тѣмъ, что зашли воинскія дѣла многія, сидятъ, безпрестанно, готовятъ собранье большое ратнымъ людямъ. Наконецъ, 20 декабря парламентъ велѣлъ объявить Дохтурову: „Парламентъ тебя къ королевскому величеству не отпуститъ, чтобъ царскаго величества имени порухи не учинилось и на дорогѣ надъ тобой отъ воинскихъ людей какого дурна не было; да и потому не отпуститъ, что за королевскимъ величествомъ тѣхъ людей, которые торгуютъ въ Московскомъ государствѣ, никого нѣтъ, вся компанія за парламентомъ, а не за королемъ. Пишетъ къ парламенту король безпрестанно о мирѣ и хочетъ быть въ Лондонъ, и какъ скоро онъ въ Лондонъ пріѣдетъ, то тебѣ идти къ нему будетъ вольно; если же король въ Лондонъ не будетъ, то парламентъ отпуститъ тебя на первыхъ корабляхъ съ великою честію". Но Дохтуровъ не захотѣлъ дожидаться и потребовалъ отпуска домой черезъ Голландскую Землю. Гонца не отпустили, и 8 мая 1646 года онъ узналъ, что король сдался парламенту. Тогда гонецъ опять обратился съ требованіемъ, чтобъ его къ королю отпустили, потому что теперь король въ ихъ рукахъ. Ему отвѣчали:

„Хотя король и у парламента въ рукахъ, однако тебя къ нему отпустить нельзя, потому что онъ ничѣмъ не владѣетъ". Владѣющій парламентъ хлопоталъ, чтобъ сохранить съ Московскимъ государемъ прежнія дружелюбныя отношенія. Компанія предложила гонцу обѣдъ въ своемъ домѣ; гонецъ отказался на томъ основаніи, что его къ королю не отпустили; тогда ему предложили устроить обѣдъ у него на квартирѣ; Дохтуровъ согласился. На обѣдѣ лордъ Страффордъ и членъ парламента Флемингъ говорили гонцу: если царскому величеству нужны будутъ служилые люди, то у парламента для царскаго величества сколько угодно тысячъ солдатъ готово будетъ тотчасъ. 13 іюня Дохтуровъ былъ въ парламентѣ: бояре, сидя, шляпы сняли, и начальный человѣкъ, бояринъ милордъ Манчестръ, всталъ, когда гонецъ подошелъ къ нему, потомъ и всѣ встали, человѣкъ ихъ сорокъ, и Дохтуровъ говорилъ рѣчь: „Посланъ я отъ великаго государя къ вашему Англійскому Карлусу королю въ гонцахъ наскоро для великихъ государскихъ дѣлъ, которыя годны имъ, великимъ государямъ, и всему христіанству къ тишинѣ и покою. Пріѣхавши въ здѣшній городъ Лондонъ, съ 26 ноября по нынѣшній день говорилъ я вамъ безпрестанно и проѣзжую царскую грамоту вамъ казалъ много разъ, чтобъ вы меня къ королевскому величеству пропустили; и вы меня изъ Лондона не отпустили ни къ королю, ни къ царскому величеству, а во всѣхъ окрестныхъ государствахъ царскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ путь чистъ". Манчестеръ отвѣчалъ: „Почему мы тебя въ Лондонѣ держали и къ королевскому величеству не отпустили, о томъ къ царскому величеству писали мы подлинно". Послѣ этихъ словъ Манчестеръ сказалъ Дохтурову: „Добро пожаловать сѣсть!" Поднесли кресла, обитыя краснымъ атласомъ, по атласу шито золотомъ и обнизано жемчугомъ. Гонецъ сѣлъ въ кресла, сѣли и бояре. Дохтуровъ сталъ разсматривать палату: по серединѣ палаты, возлѣ стѣны, мѣсто королевское, поставлены кресла, обитыя краснымъ бархатомъ, низанныя жемчугомъ съ каменьемъ; на креслахъ подушка—бархатъ золотной, по стѣнамъ ковры золотные, а по полу ковры цвѣтные. Посидѣвъ немного, бояре встали, и милордъ Манчестеръ, взявши у секретаря листъ, сказалъ гонцу: „Какъ будешь у великаго государя, извѣсти ему, что мы, здѣшняго королевства бояре, ему, великому государю, челомъ бьемъ и о томъ просимъ и молимъ: дай Богъ ему, великому государю, многолѣтнее здоровье". Взявши грамоту, Дохтуровъ хотѣлъ выйти, но Флемингъ взялъ у него грамоту и сказалъ: „Не подосадуй, пойди со мной въ другой парламентъ, гдѣ сидятъ всякихъ чиновъ выборные люди отъ всего королевства 420 человѣкъ; у насъ такъ повелось: напередъ объявятъ и отдадутъ листъ бояре, а потомъ отдадутъ въ другомъ парламентѣ отъ всего королевства всякихъ чиновъ выборные люди". Дохтуровъ отправился въ другой парламентъ; какъ вошелъ сѣни, встрѣтили его съ державою королевства, а держава серебряная, золоченная, сдѣлана фонаремъ, и понесли державу въ палату передъ гонцомъ. Когда Дохтуровъ вошелъ въ палату, всѣ встали и шляпы сняли; а сидитъ парламентъ по ступенямъ на всѣ четыре стороны вверхъ по шести ступеней, а посередкѣ на низу за столомъ сидитъ рѣчникъ Ленталь, который за всѣхъ говоритъ. Гонецъ сказалъ и рѣчнику такую же рѣчь, какую говорилъ лордамъ, за чѣмъ послѣдовала такая же церемонія, какъ и въ верхнемъ парламентѣ. 23 іюня гонецъ былъ отпущенъ.

Вслѣдствіе извѣстій, привезенныхъ Дохтуровымъ, у англійскихъ купцовъ отнято было право безпошлинной торговли. Въ маѣ 1647 года пріѣхалъ въ Москву посланникъ Карла I-го Нейтингаль, объявилъ о неволѣ королевской и о томъ, что Карлъ доволенъ наложеніемъ пошлины на компанію, и что Англичане будутъ рады уничтоженію компанейской монополіи, когда всѣмъ будетъ позволено торговать съ Россіею. Нейтингаль просилъ также позволенія купить для короля 300,000 четвертей хлѣба; но ему позволили купить только 30,000 четвертей. Но въ то же время пріѣхалъ другой англійскій посланникъ, Бонде, съ королевскою грамотою, въ которой Карлъ просилъ государя возвратить компаніи прежнее право безпошлинной торговли. Съ Бонде отправленъ былъ отвѣтъ, что пошлина положена по причинѣ Крымской войны и за многія неправды англійскихъ купцовъ, которымъ, впрочемъ, убытка не будетъ, ибо они увеличатъ цѣны на свои товары. Въ февралѣ 1648 года пріѣхалъ въ Москву изъ Гаги, отъ королевича Карла (впослѣдствіи Карла II) полковникъ Кроа, съ просьбою позволить купить въ Россіи сорокъ тысячъ четвертей хлѣба, а хлѣбъ нуженъ королевичу потому, что онъ идетъ въ Хибирьскую Землю (Ирландію) на выручку къ отцу своему, королю Карлу, а Хибирьская Земля отъ хлѣбнаго недорода оскудѣла. Въ томъ же году пріѣхалъ опять Нейтингаль отъ самого короля Карла съ новою просьбою о покупкѣ хлѣба. Но одинъ изъ пріѣхавшихъ съ Нейтингалемъ Англичанъ объявилъ, что грамота королевская, привезенная Нейтингалемъ, подложна, писана въ Лондонѣ, а король, запертый на островѣ Вайтѣ, ничего о ней не знаетъ; собакъ, которыхъ Нейтингаль привезъ въ подарокъ отъ короля, купилъ онъ въ Лондонѣ, ошейники мѣдные съ выбитыми на нихъ словами: „*Карлусъ король*" заказывалъ онъ въ Лондонѣ же, а деньгами, сукнами и другими товарами для покупки хлѣба хотѣли его ссужать друзья его, королевскіе дворяне, да Лондонецъ торговый человѣкъ Горвей, все люди самые богатые. Англійскіе купцы-компанейцы также подали челобитную, что Нейтингаль не прямой посланникъ. Нейтингаль былъ призванъ въ Посольскій приказъ, гдѣ дьяки ему объявили, что государь надъ нимъ милость показалъ, смертью казнить за его воровство не велѣлъ, а велѣлъ изъ Московскаго государства выслать назадъ безъ дѣла.

Нейтингаль не хотѣлъ оставаться въ долгу компанейцевъ и подалъ боярину Милославскому доносъ, что они, сердясь за уничтоженіе льготной грамоты, хотятъ на военныхъ корабляхъ придти подъ Архангельскъ и ограбить Русскихъ торговыхъ людей. Нейтингаля послѣ этого отпустили, какъ посланника, а 1-го іюня 1649 года англійскимъ купцамъ былъ сказанъ извѣстный уже намъ государевъ указъ, по которому они лишались права жить во внутреннихъ городахъ государства.

Весною 1650 года пріѣхалъ въ Москву графъ Кульпеперъ, посолъ новаго Англійскаго короля Карла II. 14 мая въ отвѣтѣ у бояръ посолъ сказалъ, что король велѣлъ ему объявить: три королевства—Англійское, Шотландское и Ирландское—волнуются; король Карлъ I убитъ; но сынъ его, Карлъ II, хочетъ отмстить измѣнникамъ за смерть отца своего, войско у него конное и пѣшее изготовлено. Послѣ этого объявленія посолъ подалъ на письмѣ подробное изложеніе дѣла: „Три короны—Англійская, Шотландская и Ирландская,—по истинному утвержденному уложенію, не избирательныя, но вотчинныя и природныя, и никакого спору объ этомъ прежде не было. Покойный король владѣлъ этими коронами праведно послѣ кончины отца своего, короля Іакова, по прямому праву, по старой степени, отъ многихъ предковъ; двѣ платы парламента стоятъ только по королевской помѣтѣ, по его произволенью; король можетъ ихъ созвать и распустить; а нынѣшній парламентъ держится обманомъ и насиліемъ; большая часть королевства отъ его тяжкихъ налоговъ вздыхаетъ и сильно желаетъ возвратиться къ прирожденному королю“. Потомъ посолъ просилъ о возвращеніи англійскимъ купцамъ прежней льготной грамоты и о денежной помощи государю своему, просилъ 100,000 рублей. Царь отвѣчалъ Карлу: „Слыша про такое злое и страшное дѣло, что учинилось надъ отцомъ вашего королевскаго величества отъ подданныхъ его измѣнниковъ; слыша, что теперь тѣ же измѣнники и въ вашемъ королевскомъ достойномъ наслѣдіи помѣшку и непослушанье чинятъ и войну ведутъ, жалостно скорбимъ и, памятуя отца нашего съ вашимъ дѣдомъ и нашу съ отцомъ вашимъ братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наслѣдіе и надъ измѣнниками побѣды и одолѣнія, дали мы вашему послу, Джону Кульпеперу, соболей на 20,000 рублей“. Кульпеперъ далъ крѣпость за своею рукою и печатью, что Карлъ II черезъ три года заплатитъ эти 20,000 рублей, или 40,000 любскихъ ефимковъ, сполна и за такое милостивое вспоможенье долженъ вѣчно воздавать всякую любовью. Потомъ Кульпеперъ просилъ, чтобъ соболей отпущено было только на 10,000 рублей, а на другія 10,000 дано было хлѣба; но государь велѣлъ отпустить 15,000 мѣхами и пять—хлѣбомъ, именно 5,000 четвертей ржи, считая по два любскихъ ефимка за четверть.

Были сношенія и съ другимъ поморскимъ государствомъ—Голландіею. Въ 1646 году къ Генеральнымъ Штатамъ и къ принцу Генриху Нассаускому отправился въ послахъ стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій. Штаты представили послу жалобы: 1) на двойныя пошлины, наложенныя на голландскихъ купцовъ. Милославскій отвѣчалъ что пошлина наложена на всѣхъ, иностранцевъ и Русскихъ, для пополненья ратныхъ людей: „И вамъ бы, честнымъ владѣтелямъ, того въ оскорбленіе не ставить; тѣ пошлины ваши подданные разложатъ на товары свои и возьмутъ ихъ на Русскихъ людяхъ; убытка имъ отъ этого никакого не будетъ“. 2) Штаты жаловались, что купцамъ ихъ не даютъ праведнаго суда на должниковъ. Милославскій отвѣчалъ: „Такой неправды у великаго государя никто не дѣлаетъ; развѣ кто затѣялъ это на ссору“. 3) Жаловались на убійцъ и разбойниковъ. Милославскій отвѣчалъ: „Означьте по именамъ убійцъ и разбойниковъ, и кого именно изъ вашихъ подданныхъ убили и разграбили“. 4) Отъ воеводъ многія докуки чинятся: берутъ у купцовъ товары, будто купить хотятъ, и, взявши, не отдаютъ, а иные платятъ деньги, сколько имъ вздумается. Милославскій опять спросилъ: кто такіе воеводы, и Голландцы били ли челомъ государю на такихъ обидчиковъ? Потомъ посолъ сталъ жаловаться въ свою очередь: по указу царя Михаила велѣно Голландцу Филимону Филимонову (Акемѣ) и Петру Марселису дѣлать всякое желѣзное дѣло въ Тульскомъ уѣздѣ и на Вагѣ, и Русскихъ людей тому дѣлу научать, и онъ, Филимонъ Филимоновъ, съ товарищами мимо договора чинилъ многія неправды, припускалъ къ себѣ въ товарищи иноземцевъ безъ царскаго указа и Русскихъ людей никакому желѣзному дѣлу учить не велѣлъ, велѣлъ мастерамъ отъ нихъ скрываться, и надобныхъ желѣзныхъ дѣлъ въ 14 лѣтъ на тульскомъ заводѣ не завелъ, пушки ставилъ въ казну многимъ нѣмецкаго дѣла хуже, на сроки не поставили, а лили въ то время свои пушки на заморскую стать для своей прибыли. Штаты отвѣчали, что Петръ Марселисъ Гамбурецъ, а не Голландецъ, объ Акамѣ же они не знаютъ, гдѣ родился и жилъ и теперь гдѣ живетъ, и дѣла имъ до него никакого нѣтъ. У Акемы и Марселиса отняли заводъ, который взялъ одинъ Виніусъ, обязавшись ставить въ казну вещи дешевле прежняго. Но потомъ Штаты заступились за Акему, а Датскій король за Мерсилиса, и просили государя пересмотрѣть дѣло, потому что на Акему и Марселиса поданъ ложный доносъ. Доносчикомъ былъ товарищъ ихъ, знаменитый Андрей Виніусъ, который послѣ подалъ челобитную, что Акема и Марселисъ сильно бранятъ его. Марселисъ отвѣчалъ, что онъ въ этомъ не запирается, бездушникомъ и бездѣльникомъ Виніуса называлъ, потому что онъ таковъ на самомъ дѣлѣ, а у нихъ, иноземцевъ, въ обычаѣ: который человѣкъ во многихъ статьяхъ объявится неправдою и неправда его всѣмъ людямъ будетъ вѣдома, то его добрымъ человѣкомъ не называютъ, ни въ чемъ его не почитаютъ и

добрыхъ словъ про него не говорятъ. Виніусъ шелъ дальше, объявилъ: „Акема и Марселисъ говорили, что я хочу креститься, и потому они со мною не хотятъ ни пить, ни ѣсть; шлюсь я на всѣхъ Голландцевъ торговыхъ людей, что они, Петръ и Филимонъ, меня лаяли и безчестили, шельмою и бездушникомъ называли и про крещенье такія слова говорили". Акема слался также на всѣхъ Голландцевъ, что онъ про Виніуса ничего не говорилъ, а Марселисъ, что онъ про крещенье ничего не говорилъ, и, въ свою очередь, жаловался на Виніуса, что онъ безчеститъ его позорными словами. Свидѣтели показали, что Акема и Марселисъ Виніуса бранили, но о крещеньи ничего не говорили. Защищаясь отъ другихъ статей доноса, Акема и Марселисъ показывали, что они, по договору, вовсе не были обязаны учить Русскихъ, а только не скрывать отъ нихъ своего мастерства, что ими исполнено и въ томъ шлются на всѣхъ русскихъ работниковъ; утверждали, что никакихъ другихъ товарищей къ себѣ въ компанію не принимали; утверждали, что они ставили въ казну всѣ заказныя вещи. Обвиняютъ ихъ въ томъ, что они дощатаго желѣза и латъ не дѣлали; но они до сихъ поръ, несмотря на все свое стараніе, не могли добыть кузнеца, который доски куетъ; что же касается до латъ, то латный мастеръ нѣсколько лѣтъ былъ, но такъ какъ отъ царскаго величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назадъ за границу; пушки всегда доставляли хорошія, лучше привозныхъ, и въ томъ шлются на пушкарей. Дѣло кончилось тѣмъ, что Акемѣ и Марселису велѣно дать съ Виніусомъ очную ставку (торгъ) въ Пушкарскомъ приказѣ, и на этой очной ставкѣ они убавили цѣны связному желѣзу противъ Виніусова договора, а пушки, ядра и доски согласились ставить по той же цѣнѣ, какъ и Виніусъ. Вслѣдствіе этого, государь пожаловалъ ихъ тульскимъ желѣзнымъ промысломъ со всякими заводами на 20 лѣтъ съ перваго сентября 1648 года безоброчно и безпошлинно, быть промыслу за ними и ихъ наслѣдниками до урочныхъ лѣтъ безповоротно.

Но тульскій заводъ не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ военнаго дѣла: въ августѣ 1653 года, рѣшившись начать войну съ Польшею, государь отправилъ въ Голландію и другія государства капитана Фанъ-Керкъ-Говена для покупки карабинныхъ и пистолетныхъ замковъ, и для призыва мастеровъ, которые бы могли ихъ дѣлать; а въ октябрѣ отправленъ былъ въ Голландію подьячій Головинъ, съ просьбою позволить ему купить по обыкновенной цѣнѣ 20,000 мушкетовъ и 20 или 30,000 пудовъ пороху и свинцу. Просьба была исполнена Штатами. Такого рода закупки оружія въ Голландіи повторялись не разъ въ продолженіи войны. Закуплено было и въ Швеціи 20,000 мушкетовъ. Кромѣ того, еще Мислославскому наказано было прибрать въ Голландіи офицеровъ и солдатъ, что онъ и исполнилъ, сдѣлавши смотръ прибраннымъ. Описаніе этого смотра любопытно: „Майоръ фонъ Буковенъ, капитаны и солдаты пришли на Посольскій дворъ къ смотру: Филиппъ-Албертъ фонъ-Буковенъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, стрѣлялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и шпагою различныя штуки, и по досмотру *добръ добръ*; Виламъ Алимъ по досмотру *добръ*; Ефимъ вахмистръ по смотру *умѣетъ*; Яковъ Рокартъ *умѣетъ*; Юрій Гаріохъ по смотру *середній*, и майоръ фонъ-Буковинъ говорилъ, что Гаріоха съ капитанской чинъ не будетъ, какъ ему неученыхъ людей солдатской справкѣ выучить и къ бою привесть,—онъ и самъ ратнаго строя ничего не знаетъ." Послы маіоровы рѣчи велѣли записать и ему, майору, къ тѣмъ рѣчамъ велѣли руку приложить. „Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ, и застрѣлилъ трехъ человѣкъ, толмача Нечая Дрябина да двухъ солдатъ Нѣмцевъ, у Нечая да у Нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье, за пику солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру *худъ добръ*; а майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріохъ въ капитаны, а Стюартъ и въ солдаты не годится." Солдаты, числомъ 19, всѣ оказались годными.

Передъ началомъ Польской войны государь счелъ нужнымъ извѣстить о ней и Французскаго короля. Въ концѣ 1653 года отправился съ этимъ извѣщеніемъ гонецъ Мачехинъ. Въ Гаврѣ Мачехину въ кормѣ и подводахъ отказали, и онъ поѣхалъ въ Парижъ на своихъ проторяхъ, жилъ въ Сенъ-Дени 8 дней, и только 24 октября 1654 года въѣхалъ въ Парижъ въ королевской каретѣ. Въ Парижѣ отвели ему дворъ и дали кормъ, но приставы объявили, что, прежде чѣмъ допустятъ его къ королю, онъ долженъ быть у королевы и у графа де-Бріена, потому что король въ молодыхъ лѣтахъ, и всякія дѣла вѣдаетъ и слушаетъ королева, а посольскія дѣла приказаны графу де-Бріену, который, досмотря грамоты и подписи, сполна ли королевскаго величества именованье и титло написано, докладываетъ королю. Мачехинъ никакъ не согласился быть прежде у де-Бріена, и 30 октября представлялся прямо королю Людовику XIV, который, при его входѣ въ палату, всталъ и шляпу снялъ, потомъ сѣлъ и спросилъ о здоровьи царя. Мачехинъ замѣтилъ, что про здоровье великаго государя спрашиваютъ вставши; Людовикъ отвѣчалъ: „Про государево здоровье я спрашивалъ шляпу снявши, а того у насъ не ведется, что стоя спрашивать; но, сказавши это, всталъ и переспросилъ о здоровьи. „Кромѣ грамоты", спросилъ король Мачехина, „есть ли съ тобою царскаго величества приказъ о какомъ-нибудь дѣлѣ?" Мачехинъ отвѣчалъ: „Присланы со мною для подлиннаго вѣдома польскія печатныя книги, которыя покажу въ то время, когда королевское величество царскую грамоту выразумѣетъ". Король обѣщалъ грамоту выслушать и книги велѣлъ досмотрѣть своимъ думнымъ людямъ. Когда Мачехинъ выходилъ изъ палаты, королевскіе дво-

ряне сказали ему, что онъ долженъ идти теперь къ королевской матери. „За какимъ дѣломъ?“ спросилъ Мачехинъ. „Королева царскому величеству обрадовалась и велѣла быть къ себѣ“, отвѣчали дворяне. Мачехинъ пошелъ къ королевѣ Аннѣ. „Съ какимъ дѣломъ ты присланъ къ королю?“ спросила Анна. „Присланъ я отъ царскаго величества къ королевскому величеству съ любительною грамотою объ ихъ государскихъ великихъ дѣлахъ, и грамоту подалъ королю“, отвѣчалъ Мачехинъ. Королева сказала, что рада присылкѣ грамоты, и Мачехинъ, поклонясь, вышелъ изъ палаты. Король велѣлъ сказать Мачехину чрезъ графа де-Бріена: „Я царскаго величества грамоту прочелъ самъ, любительной грамотѣ этой обрадовался и радъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ и дружбѣ вѣчно; хочу также, чтобъ царское величество съ Польскимъ королемъ былъ въ мирѣ, потому что у нихъ государства смежны“. Съ этимъ Мачехинъ и былъ отпущенъ.

По поводу войны Польской сочли нужнымъ возобновить и сношенія съ Австріей, прерванныя при царѣ Михаилѣ. Въ 1654 году отправленъ былъ къ императору Фердинанду III дворянинъ Баклановскій съ извѣстіемъ о восшествіи Алексѣя Михайловича на престолъ и съ объявленіемъ о неправдахъ короля Яна-Казиміра, которыя вынуждаютъ царя идти войною на Польшу. „И если“, писалъ царь въ грамотѣ къ императору, „Янъ-Казиміръ король станетъ у васъ или у курфюрстовъ просить противъ насъ помощи, то вы бы ратныхъ людей и никакой помощи ему не давали и къ курфюрстамъ о томъ же написали, а мы станемъ вамъ за это воздавать нашею государскою любовью, въ чемъ будетъ возможно“. Посланнику, по-старинѣ, было наказано: „Если велятъ идти къ императрицѣ, то отговариваться; если же отговариваться будетъ нельзя, то идти и отъ государя поклонъ править. За столомъ у цесаря сидѣть вѣжливо и остерегательно; дворянамъ и подъячимъ, и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили; а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было“. Баклановскій привезъ отвѣтъ, что цесарь хочетъ быть въ-третьихъ межъ царемъ и королемъ Польскимъ, и третействомъ своимъ мирное постановленіе учинить, зачѣмъ шлетъ въ Москву своихъ пословъ [1]).

Глава IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Приготовленіе къ войнѣ.—Отпускъ князя Трубецкаго.—Выступленіе государя въ походъ.—Грамота царская къ православнымъ жителямъ Литвы.—Письмо царя къ сестрамъ и князю Трубецкому.—Успѣхи русскихъ войскъ.—Взятіе Смоленска. — Моровая язва въ Москвѣ и другихъ городахъ.—Первое раскольническое движеніе.—Ссора шляхтича съ казакомъ въ Бѣлоруссіи. — Поведеніе Хмельницкаго. — Приходъ Радзивила подъ Могилевъ.—Измѣна Поклонскаго.—Дѣйствія Хмельницкаго и Золотаренка.—Письмо Хмельницкаго къ Золотаренку.—Письма царя къ Морозову, Черкасскому, Долгорукому, Пушкину и Матвѣеву. — Второй походъ царя. — Обращеніе его къ ратнымъ людямъ. — Взятіе Вильны, Ковна и Гродна. — Походы Хмельницкаго и Бутурлина, Волконскаго и Урусова. — Жалобы ратныхъ людей на воеводъ Урусова и Борятинскаго.—Сношенія съ гетманомъ Павломъ Сапегою.—Успѣхи Шведовъ въ Польшѣ.—Сношенія Шведскаго короля съ царемъ. — Царское посольство къ Радзивилу. — Столкновенія у русскихъ войскъ со шведскими.—Императорскіе послы въ Москвѣ.—Посольство изъ Москвы къ Павлу Сапегѣ.—Посольство Галинскаго въ Москву. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій съ Поляками. — Переговоры съ шведскими послами.—Посольство въ Данію.—Царскій походъ въ Ливонію.—Неудачная осада Риги.—Виленскіе переговоры бояръ съ польскими коммисарами.—Посольство Матвѣева къ Гонсѣвскому.—Ординъ-Нащокинъ.—Переговоры съ Даніею.—Столкновеніе съ казаками въ Бѣлоруссіи.—Поведеніе Хмельницкаго и сношенія съ нимъ царя.—Смерть Хмельницкаго.

Еще лѣтомъ 1653 года государь почелъ нужнымъ внушить войску о возможности скораго похода; 28 іюня онъ дѣлалъ смотръ своему Двору на Дѣвичьемъ полѣ, послѣ чего приказалъ думному дьяку стать передъ собою и сказать войску: „Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы! Писано есть, яко всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше отъ Отца. Сего благословеньемъ, и Единороднаго Его Сына и Святаго Животворящаго Духа изволеніемъ, и всенадежныя заступницы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и всѣхъ Святыхъ молитвами, пришло въ мысль нашего царскаго величества осмотрѣть воинство наше, которымъ православная христіанская вѣра сохраняется въ мирѣ и въ тишинѣ и въ благоденствіи, и наше царское величество отъ супротивныхъ враговъ нашихъ ограждается, и ваша въ службѣ храбрость и мужество объявляется, и христіанское множество отъ всенаходящихъ бѣдъ спасается. Видя всеурядное тщаніе, благодаря Бога, по-прежнему радуемся, и ваше тщаніе къ службѣ и службу вашу хвалимъ. Когда же благоволитъ Богъ, по Его Святому смотрѣнію, супротивные воевать, и вамъ бы съ такимъ же тщаніемъ, какъ и нынѣ видимъ васъ, съ радостнымъ усердіемъ готовымъ быть, да не мимо идетъ и насъ Христово велѣніе: болѣе сея любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя. Воинствующіе за Святую, Соборную и Апостольскую Церковь и за православную вѣру противу своего

[1]) Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Шведскія, Голштинскія, Англійскія, Голландскія, Французскія и Австрійскія означенныхъ въ текстѣ годовъ.

достоянія, и отъ нашего царскаго величества милость получатъ, и небеснаго царствія сподобятся, какъ и первые побѣдоносцы, за православіе пострадавшіе". 23 октября, въ Успенскомъ соборѣ, государь объявилъ: „Мы, великій государь, положа упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу и на Московскихъ Чудотворцевъ, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, съ *великимъ государемъ*, святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, Польскаго короля; воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣстъ, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу и закрѣпили своею государскою рукою".

Въ началѣ 1654 года началось движеніе войскъ: 27 февраля отпущенъ былъ въ Вязьму нарядъ съ бояриномъ Далматовымъ-Карповымъ; 15 марта, въ присутствіи казацкихъ пословъ, былъ смотръ на Дѣвичьемъ полѣ рейтарскому и солдатскому ученью; 17 марта былъ повѣщенъ походъ въ Брянскъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами. 23 апрѣля въ Кремлѣ было большое торжество по поводу отпуска и угощенія Трубецкаго. Это было воскресенье; въ Успенскомъ соборѣ служилъ обѣдню великій государь святѣйшій патріархъ, присутствовалъ великій государь царь со всѣмъ синклитомъ, присутствовала царица и стояла на своемъ мѣстѣ за занавѣскою (запоною); налѣво отъ царицына мѣста стояли боярскія жены и прочія женщины; соборъ наполняли стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы, полковники и головы стрѣлецкіе, сотники и подъячіе, которые должны были идти въ походъ съ воеводами. Послѣ обѣдни служили молебенъ. Когда окончилось чтеніе Евангелія, патріархъ благословилъ бояръ и воеводъ и велѣлъ имъ идти прикладываться къ образамъ и мощамъ; когда они исполнили это, патріархъ и царь подошли къ образу Владимірской Богородицы, Никонъ прочелъ сначала молитву Богородицѣ, потомъ молитвы на рать идущимъ, причемъ помянулъ имена бояръ, воеводъ, дьяковъ и прочихъ начальниковъ. Послѣ этого царь поднесъ ему воеводскій наказъ, патріархъ положилъ его въ кіотъ Владимірской иконы на пелену, подозвалъ бояръ и воеводъ и началъ имъ говорить: „Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога и упованіе держите неизмѣнное, ибо самъ Господь рекъ: Имѣяй вѣру яко зерно горушично и проч. Идите радостно и дерзостно за Святыя Божія церкви, за благочестиваго государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ, и исполняйте государево повелѣніе безо всякаго преткновенія. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радѣть о государевѣ дѣлѣ, то воспріимите Ананіинъ и Сапфиринъ судъ". Трубецкой принялъ наказъ и поцѣловалъ руки у патріарха. Царь вышелъ изъ церкви, поддерживаемый двумя боярами, Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и Григоріемъ Семеновичемъ Куракинымъ, и, остановившись у соборныхъ дверей на рундукѣ, позволъ бояръ и воеводъ къ себѣ хлѣба ѣсть. Когда сѣли за столъ, принесли списки всѣхъ ратныхъ людей, отправляющихся въ походъ, и положили передъ государемъ, который, посидѣвъ немного, обратился къ Трубецкому съ такою рѣчью: „Князь Алексѣй Никитичъ съ товарищи! заповѣдую вамъ: заповѣди Божія соблюдайте и дѣла наши съ радостію исправляйте; творите судъ въ-правду, будьте милостивы, страннопріимцы, больныхъ питатели, ко всѣмъ любовны, примирительны, а враговъ Божіихъ и нашихъ не щадите, да не будутъ ихъ ради правые опорочены. Передаю вамъ эти списки вашихъ полчанъ, храните ихъ какъ зѣницу ока, любите и берегите по ихъ отечеству, а къ солдатамъ, стрѣльцамъ и прочему мелкому чину будьте милостивы къ добрымъ, а злыхъ не щадите; клеветниковъ и ссорщиковъ не допускайте до себя, особенно же пребывайте въ совѣтѣ и любви и упованіе держите несомнѣнное. Если же презрите заповѣди Божіи и преслушаетесь нашего слова, людей Божіихъ, преданныхъ вамъ, презрите,—то я передъ Богомъ не буду виноватъ, вы дадите отвѣтъ на страшномъ судѣ". Потомъ государь обратился съ рѣчью къ полчанамъ: „При васъ заповѣдалъ я боярамъ и воеводамъ заповѣди Божіи соблюдать, также и наши дѣла исправлять съ усердіемъ, судъ творить въ-правду и васъ беречь по вашему отечеству и любить добрыхъ какъ самихъ себя, а злыхъ не щадить: и вамъ бы, слыша отъ насъ такой милостивый и грозный приказъ, бояръ и воеводъ во всемъ почитать и слушать, и бояться какъ и насъ, и на всякія дѣла быть готовымъ безъ отговорокъ, а враговъ Божіихъ и нашихъ не таить и не покрывать, а извѣщать на нихъ боярамъ и воеводамъ. Еще же заповѣдую вамъ пребывать во всякой чистотѣ и цѣломудріи, потому что не знаете, въ какой часъ смерть постигнетъ".

Когде кончился обѣдъ и дворецкій снялъ скатерть, то царь, вставши съ своего мѣста, сталъ за столомъ, ссступя съ колодки на правую сторону. Въ это время ключарь съ соборомъ совершали хлѣбъ Богородицынъ: пѣвчіе пѣли: „Блажимъ тя вси роди, Богородице" и „Достойно есть"; священники говорили: „Святый Боже!" по „Отче нашъ!" и кондаки, а ключарь подносилъ панагію съ хлѣбомъ Богородицынымъ къ царю. Государь взялъ съ панагіи часть хлѣба Богородицына съ опасеніемъ и стоя потребилъ. Ключарь, поклонясь, отдалъ панагію и, взявши со стола Богородицыну чашу, поднесъ царю; государь испилъ трижды и подавалъ чашу боярамъ и воеводамъ по чину, кромѣ окольничьихъ: бояре и воеводы шли къ чашѣ одинъ за другимъ по чину, и, принявъ чашу, цѣловали царскую руку; потомъ подавалъ государь чашу ключарю съ братіею. Ключарь совершалъ столъ, говорилъ: „Благословенъ Богъ нашъ"; соверша столъ, поклонившись образамъ и

ударивъ челомъ государю, шелъ съ братіею за панагіею въ церковь, и изъ церкви домой. Отпустивъ панагію, царь сѣлъ на прежнее свое мѣсто, а бояре, воеводы, дьяки и полчане стояли; царь жаловалъ бояръ и воеводъ водкою и краснымъ медомъ, дьяковъ краснымъ и бѣлымъ медомъ, полчанъ бѣлымъ медомъ. Кончилось угощеніе и царь обратился къ боярамъ и воеводамъ съ рѣчью: „Князь Алексѣе су съ товарищи! Если дастъ Богъ здоровья вамъ и станете на указномъ мѣстѣ, то, пересмотря нашихъ ратныхъ людей, скажите имъ нашъ указъ: на первой недѣлѣ Петрова поста всѣмъ обновиться Св. покаяніемъ и восприятіемъ тѣла и крови Господни; вѣдаете и сами: аще христіанинъ три лѣта не причастится, нѣсть христіанинъ. Второе вамъ приказываю: если и въ походахъ будете, не оставьте сей Евангельской заповѣди, елико сила ваша можетъ, сотворите плоды послушанія, вѣдаете и сами, чѣмъ пророцы и законъ весь висятъ. Аще сію Христову заповѣдь сохраните и обновитеся Святымъ покаяніемъ и пріобщитеся безсмертной трапезѣ, то дорзостно реку вамъ: ей, ополчится Ангелъ Господенъ окрестъ полка вашего. Третье приказываю вамъ: непослушниковъ и силою приводить къ Святому покаянію; полагаю весь полкъ вашъ на васъ боярахъ и воеводахъ: если хотя одинъ человѣкъ нерадѣніемъ вашимъ не обновится покаяніемъ, то вы отвѣтъ дадите на страшномъ судѣ Христовѣ“.

Трубецкой отвѣчалъ: „О царю пресвѣтлый, премилостивый и премудрый, нашъ государь и отецъ и учитель! ей, насладились мы душевныхъ и полезныхъ учительскихъ словъ! Какого источника живыхъ водъ искали, такой и обрѣли. Пророкомъ Моисеемъ манна дана была Израильскимъ людямъ въ пищу; мы же не только тѣлесною снѣдью напитались отъ твоихъ царскихъ устъ, но и душевною пищею пресладкихъ и премудрыхъ глаголовъ Божіихъ, исходящихъ отъ устъ твоихъ царскихъ, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловѣрны, но устремляемся на всякое послушаніе благо, и Богъ помощникъ намъ будетъ“.

Начался отпускъ: первый пошелъ къ царской рукѣ старшій воевода, князь Трубецкой; царь взялъ обѣими руками его голову и прижалъ къ груди своей, „для его чести и старшинства, потому что многими сѣдинами украшенъ, мужъ благоговѣйный и изящный, мудрый въ Божественномъ писаніи, въ воинствѣ счастливъ и недругамъ страшенъ“. Растроганный до слезъ, воевода началъ кланяться въ землю разъ до тридцати. Отпустивъ начальныхъ людей, царь пошелъ въ сѣни Грановитой палаты и приказалъ позвать послѣднихъ полчанъ, которые обѣдали въ столовой, московскихъ дворянъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ Ярославцевъ, жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ въ ковшахъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь: „Въ прошломъ году были сборы не разъ, на которыхъ были и отъ насъ выборные, отъ всѣхъ городовъ дворяне по два человѣка; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ Польскихъ королей,—вы слышали это отъ своихъ выборныхъ; такъ вамъ бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять; а мы идемъ сами вскорѣ и за всѣхъ православныхъ христіанъ начнемъ стоять, и если Творецъ изволитъ и кровію намъ обагриться, то мы съ радостію готовы всякія раны принимать васъ ради православныхъ христіанъ, и радость и нужду всякую будемъ принимать вмѣстѣ съ вами“. Полчане возопили: „Что мы видимъ и слышимъ отъ тебя государя? За православныхъ христіанъ хочешь кровію обагриться! Нечего намъ уже послѣ того говорить: готовы за вѣру православную, за васъ, государей нашихъ, и за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы свои положить!“ Государь заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: „Обѣщаетесь, предобрые мои воины, на смерть, но Господь Богъ за ваше доброе хотѣніе даруетъ вамъ животъ, а мы готовы будемъ за вашу службу всякой милостію жаловать“.

26 числа войско выступило въ Брянскъ; оно шло черезъ кремль мимо дворца подъ переходы, на которыхъ сидѣлъ царь, и патріархъ Никонъ кропилъ проходящее войско Святою водою. Когда подъѣхали къ переходамъ бояре и воеводы, то сошли съ лошадей и поклонились по обычаю; государь спросилъ ихъ о здоровьи, и они поклонились до земли. Царь сказалъ имъ: „Поѣзжайте да послужите; Богъ съ вами, Той вамъ да поможетъ и васъ соблюдетъ“. Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Всталъ Никонъ, благословилъ ихъ и сказалъ рѣчь: „Упованіе крѣпко и несумнѣнно имѣйте въ умѣ своемъ на Господа Бога и Творца всего созданія, и общую заступницу, Пресвятую Богородицу, призывайте на помощь. Государевы дѣла дѣлайте съ усердіемъ, а во всемъ томъ Господь Богъ утвердитъ васъ и поможетъ вамъ на всякое доброе дѣло; да подастъ вамъ силою Животворящаго Креста побѣду и одолѣніе, и возвратитъ васъ здравыхъ со всякою доброю побѣдою“. Изговоря рѣчь, патріархъ опять благословилъ воеводъ и поклонился имъ по обычаю; воеводы поклонились ему въ землю, и Трубецкой говорилъ рѣчь: „О всеблаженнѣйшій и пресвятѣйшій отцамъ отецъ, великій государь, пресвятѣйшій Никонъ всея Великія и Малыя Россіи патріархъ! удивляемся и ужасаемся твоихъ государевыхъ учительныхъ словесъ, и надѣемся на твое государево благоутробіе, понеже не видимъ ни одного грѣшника кающагося отгоняема и озлобляема отъ тебя государя. Твоему пресвятому поученію, какъ евангельскому благовѣстію, радостно душою и съ радостными слезами веселимся и утѣшаемся; по волѣ Божіей, по государеву указу и по твоему благословенію и ученію, обѣщаемся съ радостію служить безо всякія хитрости; если же въ безхитростіи или въ недоумѣніи нашемъ преступленіе учинится,—молимъ тебя, пресвѣтлѣйшій владыка, о за-

ступленіи и о помощи". Въ то время, какъ говорилъ рѣчь Никонъ, царь, для его святительской рѣчи и достоинства, стоялъ.

Съѣздивши къ Троицѣ и въ Саввинъ монастырь, царь 10 мая осмотрѣлъ на Дѣвичьемъ полѣ всѣхъ ратныхъ людей, которые должны были идти съ нимъ въ походъ; 15 мая отпущена была въ Вязьму Иверская икона Богородицы, и въ тотъ же день отправились туда воеводы передоваго и ертаульнаго полка; на другой день выступили воеводы большаго и сторожеваго полка; 18 мая выступилъ самъ царь. Дворовыми воеводами при немъ были бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій; въ большомъ полку бояре—князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій и князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій; въ передовомъ полку—князь Никита Ивановичъ Одоевскій да князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ; въ сторожевомъ—князь Михаила Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій да Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Государева полка сотенныя головы и начальные люди съ полками, головы стрѣлецкія съ приказами собирались съ утра на Дѣвичьемъ полѣ, откуда шли сотнями черезъ дворецъ; здѣсь, изъ окна столовой избы, патріархъ кропилъ ихъ Святою водою. Въ воротахъ, черезъ которыя шелъ государь, по обѣ стороны сдѣланы были рундуки большіе ступенями и обиты краснымъ сукномъ; на рундукахъ стояло духовенство и кропило государя и ратныхъ людей Святою водою. Это главное войско отправилось на западъ, по Смоленской дорогѣ; Трубецкому изъ Брянска велѣно было идти въ Малороссію и, соединившись тамъ съ Хмельницкимъ, ударить на польскія области; съ своей стороны Хмельницкій отрядилъ въ Бѣлоруссію 20,000 казаковъ подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Никифоровича Золотаренка. Боярину Василью Борисовичу Шереметеву велѣно было двинуться изъ Путивля въ Бѣлгородъ или въ Карпово Стороженье, для обереганія южныхъ границъ отъ Крымскаго хана и Ногайскихъ людей [1]).

Надѣялись найти союзниковъ въ областяхъ королевскихъ, куда посланы были такія грамоты:

„Въ Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей, Святой Восточной Церкви сынамъ, Греческаго закона православнымъ архіереямъ, іереямъ и всего священнаго и иноческаго чина и всѣмъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста и достоянія, по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и весямъ: отъ многихъ временъ отъ Святыя Восточныя Церкви къ намъ, чадамъ ея, и отъ всѣхъ православныхъ христіанъ Малыя Россіи моленіе было, да законнымъ вспоможеніемъ, елико вѣрнымъ по вѣрныхъ достоитъ помогать, поможемъ. И вотъ теперь умилостивились мы, и Малую Россію, православныхъ христіанъ, подъ единаго словесныхъ овецъ Пастыря, Христа Бога нашего, державу рѣшились принять. И вотъ теперь всѣмъ извѣщаемъ, что богохранимое наше царское величество за Божіею помощію, собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей Св. Восточной Церкви Греческаго закона, на Поляковъ, вооружаемся, дабы Господь Богъ надъ всѣми нами православными христіанами умилосердился и чрезъ насъ, рабовъ своихъ, тѣмъ месть сотворилъ, и Св. Восточная Церковь отъ гоненія освободилась и греческими старыми законами красилась; чтобъ за многія королевскія неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія воздалась месть. И вы бы, православные христіане, освободившись отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія, раздѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ; хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите, и каждый противъ супостатъ Божіихъ да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государскаго пришествія извѣстны и вѣрны намъ учинятся, о тѣхъ мы въ войскѣ заказъ учинили крѣпкій, да сохранены будутъ ихъ домы и достояніе отъ воинскаго разоренія" [2]).

26 мая государь пріѣхалъ въ Можайскъ, откуда писалъ сестрамъ: „Изъ Можайска пойдемъ 28 числа; спѣшу, государыни мои, для того, что, сказываютъ, людей въ Смоленскѣ и около Смоленска нѣтъ никого, чтобъ поскорѣй захватить".

Алексѣй Михайловичъ, увѣренный въ необходимости предпріятія, увѣренный въ правотѣ своего дѣла, одушевленный религіознымъ чувствомъ, выступалъ въ походъ, по крайней мѣрѣ, съ тою смѣлостію, съ какою удерживался при гробѣ патріарха Іосифа, несмотря на разныя искушенія. Теперь, по выступленіи въ походъ, явились также искусители: то были люди, окружавшіе царя; имъ не нравилось предпріятіе, заставившее разстаться съ покойною московскою жизнію, имъ страшенъ былъ походъ къ Литовской границѣ, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо. Пользуясь добротою царя, они не скрывали при немъ своего неудовольствія и сильно огорчали Алексѣя. „А у насъ (писалъ государь къ князю Трубецкому 31 мая), у насъ ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какь есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся; иногда зноемъ и яростію и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ и обычаемъ московскимъ явятся, иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ; иногда тихостію и бѣдностію лица своего отходятъ, лукавымъ сердцемъ. Коротко вамъ пишу, потому что неколи писать, спѣшу въ Вязьму; а мнѣ, уже Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ. А потомъ здравствуйте и творите всякое дѣло съ упованіемъ къ Творцу свое-

[1]) Дворцовые разряды 1654 года (изд. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи); столбцы Приказа тайныхъ дѣлъ, въ Государст. архивѣ, № 10.

[2]) Моск. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1654 года.

му и будьте любовны между собою,—ей, Богъ съ вами, а ко мнѣ если бы не Его, Свѣтова, милость,—ей, сокрушеніе бы моему сердцу малодушіе оныхъ" [1]). Скоро однако эти непріятности исчезли, ибо начали приходить радостныя вѣсти.

Первую пріятную вѣсть получилъ государь на дорогѣ изъ Царева Займища въ Вязьмѣ, 4 іюня: дали знать, что едва толпа вяземскихъ охочихъ людей показалась передъ Дорогобужемъ, какъ Поляки побѣжали изъ города въ Смоленскъ, а посадскіе люди сдали Дорогобужъ безъ боя. На дорогѣ изъ Вязьмы въ Дорогобужъ, 11 іюня, царь получилъ вѣсть о сдачѣ его войскамъ Невля; 14 іюня въ Дорогобужъ пришла вѣсть о сдачѣ Бѣлой. 26 іюля передовой полкъ имѣлъ первую сшибку съ Поляками на рѣкѣ Колоднѣ, подъ Смоленскомъ; 28-го іюня самъ государь сталъ подъ Смоленскомъ въ Богдановой околицѣ, и на другой день его поздравили со сдачею Полоцка; іюля 2-го получена вѣсть о сдачѣ Рославля; 5-го іюля государь расположился станомъ на Дѣвичьей горѣ, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска; 20 дали знать о сдачѣ Мстиславля. Среди этихъ радостныхъ извѣстій было только одно печальное: подъ Оршею, трижды несчастною, Русскіе потерпѣли сильное пораженіе отъ Литвы, которая подкралась къ нимъ ночью и ударила на спящихъ. Но эта неудача не могла остановить быстраго успѣха Москвы, которая, какъ доносили королю его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостію и жалованьемъ царскимъ; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревнямъ и въ Полоцкѣ, была отправлена подъ Смоленскъ къ царю за жалованьемъ, которая не хотѣла сдаваться,—отпускалась безпрепятственно. Эта снисходительность имѣла то дѣйствіе, что не только простой народъ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бѣдные люди, служивые иноземцы, которые не надѣялись получить своего жалованья отъ Рѣчи Посполитой. „Мужики очень намъ враждебны", пишутъ Поляки, „вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; это зло будетъ и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь въ родѣ казацкой войны". 22 іюля выѣхалъ на государево имя могилевскій шляхтичъ Поклонскій и жалованъ въ полковники; ему поручено было уговаривать земляковъ, чтобъ поддавались государю и служили ему противъ Поляковъ, для чего велѣно было тому же Поклонскому всякихъ служилыхъ людей прибирать къ себѣ въ полкъ и обнадеживать ихъ государскимъ жалованьемъ. Уговаривать Могилевцевъ къ сдачѣ отправленъ былъ вмѣстѣ съ Поклонскимъ московскій дворянинъ Воейковъ съ отрядомъ ратныхъ людей. На дорогѣ прислали къ нимъ Чаусовцы съ просьбою принять ихъ подъ государеву руку, и Поклонскій набралъ изъ нихъ 800 человѣкъ пѣхоты. 24 іюля дали знать государю о сдачѣ Дисны и Друи, 2 августа—о взятіи Орши, оставленной гетманомъ Литовскимъ Радзивиломъ, который былъ нагнанъ Русскими и разбитъ. 9 августа бояринъ Василій Шереметевъ далъ знать о взятіи города Глубокаго, 20—о взятіи Озерища, и въ тотъ же день князь Алексѣй Трубецкой далъ знать о побѣдѣ надъ гетманомъ Радзивиломъ, одержанной въ 15 верстахъ отъ города Борисова, на рѣчкѣ Шкловкѣ: 12 полковниковъ, 270 всякихъ людей, знамя и бунчукъ гетманскій, знамена и литавры достались побѣдителямъ; раненый Радзивилъ спасся съ немногими людьми. Въ тотъ же день прискакалъ третій сеунчъ, или вѣстникъ побѣды, отъ гетмана Золотаренка: Гомель сдался ему. 24 августа сдался Могилевъ Поклонскому и Воейкову; послѣдній писалъ государю, что православныхъ Могилевцевъ онъ привелъ къ присягѣ, а католиковъ, которые хотятъ служить государю, приводить къ присягѣ не смѣетъ, потому что они не христіане. Жиды были побиты въ Могилевѣ; но мѣщане сложили эту вину на казаковъ Поклонскаго. Государь исполнилъ челобитье Могилевцевъ, чтобъ жить имъ подъ Магдебургскимъ правомъ, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтобъ не выселять ихъ въ другіе города; дворы ихъ были освобождены отъ военнаго постоя, позволено было выбирать изъ черни шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами городскими; обѣщано не допускать Ляховъ ни къ какой должности въ городѣ; казаки не могли жить въ Могилевѣ, развѣ по дѣламъ службы; Жиды также не допускались въ городъ на житье; школѣ быть по образцу кіевскихъ училищъ. Подобныя же грамоты даны были и другимъ покорившимся городамъ.

Августъ окончился удачными дѣйствіями Золотаренка, который 29 числа далъ знать о взятіи Чечерска, Новаго Быхова и Пропойска. А между тѣмъ уже два мѣсяца Смоленскъ былъ въ осадѣ; приступъ ночью на 16 августа не удался; по польскимъ извѣстіямъ, Русскихъ погибло 7,000 да ранено было 15,000. Царь же Алексѣй Михайловичъ писалъ сестрамъ: „Наши ратные люди зѣло храбро приступили и на башню и на стѣну взошли, и бой былъ великій; и, по грѣхамъ, подъ башню Польскіе люди подкатили порохъ, и наши ратные люди сошли со стѣны многіе, а иныхъ порохомъ опалило; Литовскихъ людей убито больше двухсотъ человѣкъ, а нашихъ ратныхъ людей убито съ триста человѣкъ, да ранено съ тысячу". Какъ бы то ни было, и осажденные понесли сильный уронъ и увидали, что держаться болѣе нельзя: укрѣпленія повреждены, всѣхъ защитниковъ не наберется и двухъ тысячъ, а защищать надобно стѣны, растянутыя на такомъ огромномъ пространствѣ, и 34 башни; наконецъ пороху недоставало. Шляхта, отчаявшись отбить непріятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шелъ на стѣны, никто не хотѣлъ работать для возстановленія укрѣпленій; казаки чуть-чуть не убили королевскаго инженера,

[1]) Письма царя Алексѣя Михайловича, хранящ. въ Государ. арх.; тамъ же столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 11.

когда онъ сталъ высылать ихъ на работу; толпами стали перебѣгать къ осаждающимъ; особенно бѣжали тѣ, которые не получали жалованья. Сентябрь начался счастливыми вѣстями для царя: 1-го числа получилъ онъ вѣсть о сдачѣ Усвята, 4—о сдачѣ Шклова. Смоленскій воевода Обуховичъ и полковникъ Корфъ прислали просить о начатіи переговоровъ; 10 сентября стольники—Иванъ Богдановичъ Милославскій и Семенъ Юрьевичъ Милославскій, да стрѣлецкій голова Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, на съѣздѣ съ Литовскими людьми, договорились о сдачѣ Смоленска: Обуховичъ и Корфъ получили позволеніе выѣхать въ Литву; остальной шляхтѣ и мѣщанамъ дано было на волю: или выѣхать въ Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотѣли тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотѣли ждать; они составили сеймики, на которыхъ главный голосъ принадлежалъ пану Голимонту и двоимъ Соколинскимъ; условились о сдачѣ, подговорили замковую пѣхоту, сорвали хоругвь съ воеводскаго дома, отворили ворота и пошли къ царю. 23 сентября подъ стѣнами Смоленска происходило обратное явленіе тому, какое видѣли здѣсь въ 1634 году: Литовскіе воеводы, выходя изъ Смоленска, били челомъ и клали знамена передъ государемъ Московскимъ. На другой день бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе и дворяне приходили поздравлять государя съ Смоленскомъ, подносили хлѣбъ и соболи. Въ столовомъ шатрѣ царь угощалъ обѣдомъ Грузинскихъ и Сибирскихъ царевичей, бояръ и окольничихъ, сотенныхъ головъ государева полка и Черкасскаго наказнаго гетмана Ивана Золотаренка съ товарищами. 28 числа угощалъ есауловъ своего полка и смоленскую шляхту. Получивши вѣсть о взятіи города Горъ, Государь 5 октября выступилъ изъ-подъ Смоленска въ Вязьму. На дорогѣ 16 числа получилъ вѣсть о сдачѣ Дубровны [1]).

Но въ то время, какъ съ запада приходили все вѣсти счастливыя, изъ Москвы давали знать, что здѣсь свирѣпствуетъ моровая язва. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, по распоряженію Никона, царица съ семействомъ выѣхала изъ столицы; выѣхалъ и патріархъ по указу царскому. Чтобъ сберечь государя и войско, поставлены были крѣпкія заставы по Смоленской дорогѣ, также по Троицкой, Владимірской и другимъ дорогамъ; людямъ, ѣдущимъ подъ Смоленскъ, велѣно говорить, чтобъ они въ Москву не заѣзжали, объѣзжали около Москвы. Здѣсь въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, двери и окна кирпичемъ заклали и глиною замазали, чтобъ вѣтеръ не проходилъ; съ дворовъ, гдѣ обнаружилось повѣтріе, оставшихся въ-живыхъ людей не велѣно выпускать; дворы эти были завалены и приставлена къ нимъ стража. Бѣдствіемъ воспользовались люди, которыхъ уже давно тревожили разныя новизны Морозовскія, Ртищевскія, Никоновскія. 25 августа князь Пронскій съ товарищами были у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; около церкви собралось много народа изъ разныхъ слободъ, принесли въ кіотѣ икону—Спасъ Нерукотворенный, лице и образъ соскребены. Когда бояринъ вышелъ отъ обѣдни, земскіе люди подошли къ нему и начали говорить: „Взятъ этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тяглеца Новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отданъ ему образъ изъ тіунской избы для переписки, лице выскреблено, а скребли образъ по патріархову указу". Выступилъ Софронъ Лапотниковъ и сталъ говорить: „Мнѣ было отъ этого образа явленіе, приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать". Мірскіе люди подхватили: „На всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе; такъ дѣлали иконоборцы; во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ; ведутъ насъ къ конечной погибели, а тотъ чернецъ за многія ереси, вмѣсто смерти, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь; патріарху пристойно было быть на Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ, а онъ Москву покинулъ, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались, православные христіане помираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу, чтобъ до государева указа патріархъ и старецъ Арсеній куда-нибудь не ушли".— Пронскій съ товарищами началъ уговаривать земскихъ людей всякими мѣрами, чтобъ они отъ такого дѣла отстали. „Святѣйшій патріархъ", говорилъ бояринъ: „пошелъ изъ Москвы по государеву указу, и когда сотскіе къ нему приходили бить челомъ, чтобъ онъ въ нынѣшнее время изъ Москвы не уѣзжалъ, то патріархъ казалъ имъ государеву грамоту, что онъ идетъ по государеву указу, а не по своей волѣ". Народъ выслушалъ это спокойно, но потомъ, въ тотъ же день, толпа явилась у Краснаго крыльца, принесли иконныя доски, говоря, что съ этихъ досокъ образа соскребены: „Мы", говорили изъ толпы, „мы эти доски разнесемъ во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу". При всемъ этомъ волненіи сотскіе не показывались, а предводительствовали и говорили гостиной сотни купцы Димитрій Заика, Александръ Баевъ да Кадашевецъ Иванъ Нагаевъ. Пронскій отписалъ объ этомъ дѣлѣ царицѣ и царевичу (т.-е. бывшему при нихъ Никону), и, по ихъ приказанію, призвалъ къ себѣ черныхъ сотенъ и слободъ сотскихъ и старостъ и лучшихъ людей, и говорилъ имъ, чтобъ они къ совѣту худыхъ людей не приставали, своей братьѣ говорили, чтобъ и они отъ такого злаго начинанія отстали, заводчиковъ воровства поймали и къ нимъ, боярамъ, привели. Сотскіе отвѣчали, что они къ злому заводу не пристаютъ и свою братью станутъ унимать. Потомъ Пронскій велѣлъ призвать троихъ

[1]) Дворцовые разряды 1654 г.; рукоп. Имп. публ. библ. отд. польск., № 48; дѣла Польскія въ арх. мин. ин. д., связка 63.

оставшихся въ Москвѣ гостей, изъ гостиной и суконной сотенъ лучшихъ и середнихъ людей, и велѣлъ имъ прочитать грамоту, присланную отъ царицы. Призванные, выслушавъ грамоту, отвѣчали, что они про патріарха никакихъ безчестныхъ словъ не говаривали, къ соборной церкви и къ Красному крыльцу не прихаживали, а которые воры приходили и тѣ рѣчи говорили, то они за нихъ не стоятъ и, провѣдавъ, имена ихъ принесутъ. Тутъ же черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ старосты и сотскіе били челомъ, чтобъ святѣйшій патріархъ пожаловалъ, благословилъ для нынѣшняго времени у приходскихъ церквей пѣть обѣдни въ часъ дня, и которые священники изъ Москвы сбѣжали и живутъ по деревнямъ, тѣхъ выслать назадъ въ Москву, а которые живутъ въ Москвѣ подъ запрещеніемъ, тѣмъ разрѣшить, потому что многія церкви стоятъ безъ пѣнія, православные христіане умираютъ безъ покаянія и причастія, и мертвыхъ погребать некому.

Не знаемъ, удовлетворено ли было это требованіе, но попытались еще разъ поднять народъ противъ печатанія книгъ, исправляемыхъ Арсеніемъ [1]). Въ началѣ сентября князь Пронскій далъ знать царицѣ, что моровое повѣтріе въ Москвѣ усиливается, православныхъ христіанъ остается немного; писалъ, что какая-то женщина, Степанида Калужанка, съ братомъ Терешкою разсказываютъ видѣнія и запрещаютъ печатать книги. Пронскому отъ имени царицы и царевича Алексѣя Алексѣевича отвѣчали (конечно Никонъ): „Степанида съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ рознились;—изъ этого ясно, что они солгали; и вы бы впередъ такимъ небыличнымъ вракамъ не вѣрили; печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ". Зараженныя деревни велѣно было засѣкать и разставлять около ихъ сторожи крѣпкія, на сторожахъ разложить огни часто; подъ смертною казнію, запрещено было сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями. Со стану, на рѣкѣ Нерли, царица отправлялась въ Калязинъ монастырь; дали знать, что черезъ дорогу въ Калязинъ провезено тѣло думной дворянки Гавреневой, умершей отъ заразы, и вотъ велѣно было на этомъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ стороны, саженъ по десяти и больше, накласть дровъ и выжечь гораздо, уголье и пепелъ вмѣстѣ съ землею свезть и насыпать новой земли, которую брать издалека. 11 сентября царское семейство уже было въ Калязинѣ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя сюда изъ Москвы отъ бояръ, переписывались черезъ огонь; въ этихъ грамотахъ присылались вѣсти нерадостныя: 11 сентября умеръ бояринъ князь Михайла Петровичъ Пронскій, 12—бояринъ князь Хилковъ; померли гости, бывшіе у государевыхъ дѣлъ; въ черныхъ сотняхъ и слободахъ жилецкихъ людей осталась самая малая часть; стрѣльцовъ изъ шести приказовъ и одного не осталось, многіе померли, другіе больны, иные разбѣжались; ряды всѣ заперты, въ лавкахъ никто не сидитъ; на дворахъ знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было нѣсколько дворовъ, а сыскивать и унимать воровъ некѣмъ; тюремные колодники проломились изъ тюрьмы и бѣжали изъ города, человѣкъ съ сорокъ переловили, но 35 ушло. Въ отвѣтъ былъ посланъ приказъ: въ кремлѣ запереть всѣ ворота и рѣшетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкій мостъ, и ту по ночамъ запирать. Съ 10 октября моръ началъ стихать, и зараженные стали выздоравливать. 21 октября государь пріѣхалъ въ Вязьму и, по случаю мороваго повѣтрія, не поѣхалъ далѣе; сюда къ нему пріѣхала и царица съ семействомъ изъ Калязина. Въ началѣ декабря государь послалъ досмотрѣть въ Москвѣ—сколько умерло и сколько осталось; донесли: въ Успенскомъ соборѣ остался одинъ священникъ да одинъ дьяконъ; въ Благовѣщенскомъ—одинъ священникъ, въ Архангельскомъ службы нѣтъ,—протопопъ сбѣжалъ въ деревню; во дворцѣ по двору едва можно пройти—сугробы снѣжные! На трехъ дворцахъ дворовыхъ людей осталось 15 человѣкъ. Въ Чудовѣ монастырѣ умерло 182 монаха, живыхъ осталось 26; въ Вознесенскомъ умерло 90 монахинь, осталось 38; въ Ивановскомъ умерло 100, осталось 30; въ Посольскомъ приказѣ переводчиковъ и толмачей 30 умерло, 30 осталось. На боярскихъ дворахъ: у Бориса Морозова умерло 343 человѣка, осталось 19; у князя Алексѣя Никитича Трубецкаго умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасскаго умерло 423, осталось 110; у князя Одоевскаго умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрѣшнева изо всей дворни остался въ живыхъ одинъ мальчикъ и т. д. Въ черныхъ сотняхъ и слободахъ: въ Кузнецкой умерло 173 человѣка, осталось 32; въ Новгородской сотнѣ умерло 438, осталось 72; въ Устюжской полусотнѣ умерло 320, осталось 40; въ Покровской сотнѣ умерло 477, осталось 40 и т. д. Въ другихъ городахъ: въ Костромѣ умерло 3,247 человѣкъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ 1,836, а въ уѣздѣ 3,666; въ Калугѣ посадскихъ людей умерло 1,836 (включая женъ, дѣтей, племянниковъ и зятьевъ), осталось 777; въ Троицкомъ монастырѣ и подмонастырскихъ слободахъ умерло 1,278 человѣкъ; въ Торжкѣ умерло 224, осталось всякихъ людей 686, въ уѣздѣ умерло 217, осталось 2,801; въ Звенигородѣ умерло 164, осталось съ женами и дѣтьми всего 197, въ уѣздѣ умерло 707, осталось 689; въ Вереѣ съ уѣздомъ умерло 1,524 человѣка; въ Кашинѣ умерло 109, осталось 300, въ уѣздѣ умерло 1,539, осталось 908; въ Твери умерло 336, осталось 388; въ Тулѣ умерло 1,808, осталось 760 мужскаго пола; въ Переяславлѣ-Рязанскомъ умерло 2,583 человѣка, осталось 434; въ Угличѣ умерло 319, осталось 376; въ Суздалѣ

[1]) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. архивѣ, № 67.

*

умерло 1,177, осталось 1,390 (съ женами и дѣтьми); въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ умерло 3,627, осталось 939. Эти извѣстія важны для насъ и въ томъ отношеніи, что даютъ намъ понятіе о населеніи городовъ Московскаго государства во второй половинѣ XVII вѣка.

Между тѣмъ война продолжалась въ Бѣлоруссіи: 22 ноября бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ далъ знать, что онъ взялъ съ боя Витебскъ. Это была послѣдняя радостная вѣсть въ 1654 году, затѣмъ стали приходить вѣсти непріятныя. Прежде всего началась ссора у шляхтича съ казакомъ: Могилевъ, какъ мы видѣли, былъ занятъ полковникомъ Поклонскимъ и Воейковымъ, которые и остались въ немъ начальствовать. 7 сентября прискакалъ изъ Могилева шляхтичъ Рудницкій и объявилъ государю, что прислалъ къ Поклонскому гетманъ Золотаренко изъ-подъ Быхова грамоту, пишетъ съ великими угрозами, хочетъ его убить, а сердится за то, зачѣмъ Могилевцы сдались Поклонскому; Рудницкій же донесъ, что Запорожцы воюютъ Могилевскій уѣздъ. Государь въ тотъ же день послалъ приказъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому отправить въ Могилевъ отрядъ ратныхъ людей; Трубецкой 12 сентября прислалъ въ Могилевъ стрѣлецкаго голову съ приказомъ, и Поклонскій съ Воейковымъ разослали этихъ стрѣльцовъ по уѣзду для обереганія крестьянъ отъ казаковъ. На другой день, 13 сентября, явился въ Могилевъ самъ наказный гетманъ Золотаренко, проѣздомъ подъ Смоленскъ, къ государю; Воейковъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ жаловаться гетману, что казаки наѣхали въ Могилевскій уѣздъ и распоряжаются: хлѣбъ, собранный на государя, велѣли возить къ себѣ подъ Быховъ, мельницы стали отдавать на оброкъ, денежные оброки съ крестьянъ выбираютъ, лошадей и животину всякую у нихъ берутъ. Золотаренко отвѣчалъ: „Чтожъ мы будемъ ѣсть, если намъ хлѣба, коровъ и лошадей не брать? вы готовите хлѣбъ на зиму для государевыхъ ратныхъ людей, а намъ надобно теперь".—„Кто же тебѣ мѣшаетъ готовить всякіе запасы въ Быховскомъ уѣздѣ?" возразилъ на это Воейковъ, и тѣмъ разговоръ кончился. Но дѣло не кончилось; 15 сентября новая жалоба отъ Поклонскаго: „Золотаренко, выѣхавши изъ Могилева, прибилъ встрѣтившихся ему людей моихъ и сказалъ имъ: „То же будетъ отъ меня и полковнику вашему." Послѣ этого всѣ мои казаки, испугавшись, отступились отъ меня, никто уже со мной не хочетъ быть, всѣ къ нему передались, и я, не имѣя людей, не могу больше быть полковникомъ, бью челомъ вашему царскому величеству, укажите мнѣ гдѣ-нибудь жить, а здѣсь подлѣ Золотаренка ни за что служить не стану, боюсь его пуще Ляховъ". Отъ Воейкова также приходили жалобы на казаковъ: 12 октября онъ доносилъ, что Золотаренко запретилъ крестьянамъ возить хлѣбъ и сѣно въ Могилевъ, велѣлъ возить къ себѣ въ войско Запорожское: стрѣльцы собрали-было по селамъ хлѣбъ и хотѣли молотить, но наѣхали казаки, стрѣльцовъ выбили, хлѣбъ отняли, и многіе изъ нихъ, ограбивъ крестьянъ, на службѣ не остались, разошлись по своимъ городамъ.

Черкасъ стало меньше; Поклонскій остался полковникомъ въ Могилевѣ; но вотъ взволновались Могилевцы: 14 октября бурмистры, райцы, лавники и мѣщане пришли къ Воейкову и говорили: „Изъ Смоленска государь изволилъ пойти къ столицѣ и своихъ ратныхъ людей отпустилъ, а къ намъ въ Могилевъ ратныхъ людей зимовать не прислало, пороху нѣтъ и пушекъ мало; мы видимъ и знаемъ, что государь хочетъ насъ выдать Ляхамъ въ руки; а на казаковъ Золотаренковыхъ нечего надѣяться: запустошивъ Могилевскій уѣздъ, всѣ разбѣгутся, и теперь уже больше половины разбѣжалось. Мы на своей присягѣ стоимъ, но однимъ намъ противъ Ляховъ стоить не умѣть".—Воейковъ тотчасъ далъ знать объ этомъ государю, и тотъ отвѣчалъ ему: „Собери всѣхъ мѣщанъ къ съѣзжему двору и скажи всѣмъ вслухъ, что государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ въ Могилевъ послать изъ Дубровны окольничаго и воеводу Алферьева, да солдатскаго строю полковника съ полкомъ, да двухъ стрѣлецкихъ головъ съ приказами; изъ Смоленска пришлется къ нимъ 300 пудъ зелья да 300 пудъ свинцу".

И Алферьевъ долженъ былъ начать свою службу въ Могилевѣ жалобою на казаковъ, только не на однихъ Черкасъ Золотаренковыхъ. 1 декабря писалъ онъ государю: „Могилевцамъ и Могилевскому уѣзду была обида большая отъ казаковъ, стаціи со всего Могилевскаго уѣзда они выбрали всѣ, и какъ скоро Золотаренковы казаки изъ Могилевскаго уѣзда вышли, то стали дѣлать обиды большія казакамъ Поклонскаго полка, лошадей и животину отнимаютъ и платье грабятъ, стрѣльцовъ и солдатъ въ уѣздѣ и въ городѣ на караулѣ по воротамъ бьютъ, и отъ ихъ побоевъ многіе стрѣльцы и солдаты лежатъ при смерти, и твоихъ государевыхъ запасовъ съ Могилевскаго уѣзда выбрать не дадутъ. А полковникъ Поклонскій казаковъ не унимаетъ, на твою государеву службу нейдетъ и казаковъ не посылаетъ; а на той сторонѣ рѣки Березы Ляхи, и отъ Могилева до рѣки Березы только 80 верстъ". Золотаренко отступилъ въ Новый Быховъ, не взявши Стараго; причину этого неуспѣха объяснили Быховцы, захваченные въ плѣнъ: „Когда Золотаренко стоялъ подъ Быховымъ, то Быховцы говорили одно: „Сколько Золотаренку ни стоять, а мы ему никогда не сдадимся; сдались ему добровольно Гомляне, и онъ ихъ всѣхъ перевязалъ да отвезъ государю подъ Смоленскъ." Когда въ Быховѣ узнали, что Могилевцы добили челомъ государю и живутъ всѣ по прежнему, то мѣщане быховскіе начали между собою толковать, какъ бы государю добить челомъ; только шляхта и другія люди, особенно Жиды, этого не хотѣли; да и мѣщане думали сдаться Поклонскому или государевымъ воеводамъ, а Золо-

таренку никогда бы не сдались, потому что ему не вѣрятъ" [1]).

Въ то время, когда Черкасы Запорожскіе мѣшали своимъ казацкимъ характеромъ успѣшному ходу дѣлъ въ Бѣлоруссіи, главный преводитель ихъ, Богданъ Хмельницкій, съ своимъ войскомъ оставался въ бездѣйствіи въ Малороссіи. Подданство этой страны Московскому православному государю отозвалось между православнымъ народонаселеніемъ Турецкихъ областей, возбудило большія надежды. Въ Москву приходили вѣсти: Греки Бога молятъ, чтобъ совокупилъ христіанство воедино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіанскимъ государемъ, только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай-рѣку перейдутъ или Хмельницкій съ Черкасами выступитъ, и они тотчасъ на Турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять сообща. Но Хмельницкій съ Черкасами хотя и выступилъ, но остановился въ таборахъ подъ Хвостовымъ. Царь отправилъ туда 20,000 жалованья для раздачи казакамъ; но Выговскій писалъ (19 іюля): „Жалованье царское, червонные золотые теперь нельзя казакамъ раздавать, потому что войско Запорожское не вмѣстѣ находится, и нельзя составлять списка, доколѣ Богъ подастъ побѣду надъ врагами; теперь больше 100,000 войска вышло на рать, а жалованья царскаго только 20,000; если этимъ раздѣлимъ, другіе забунгуютъ и на службу государеву не пойдутъ". Въ августѣ Хмельницкій извѣщалъ государя, что господарь Молдавскій и Волошскій и король Венгерскій хотятъ быть подъ царскою рукою; но Выговскій писалъ боярину Бутурлину, что Волохамъ вѣрить нельзя, потому что они вмѣстѣ съ Поляками отъ Днѣстра ударили на полкъ Браславскій. Государь не былъ доволенъ медленностію гетмана. Въ августѣ дворянинъ Ржевскій посланъ былъ сказать ему: „Государь самъ пошелъ на Поляковъ, а тебѣ, гетману, и всему войску Запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было надъ Польскимъ королемъ промышлять; а Крымскаго хана бояться нечего: отъ него защищаетъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, да и у тебя, гетмана, на Полтавѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда можно ожидать прихода Крымскихъ людей, полки казацкіе есть; кромѣ того, Донскимъ казакамъ велѣно идти войною на Крымъ и татарскіе юрты разорять". Хмельницкій отвѣчалъ, что еслибъ онъ не боялся хана, то давно бы пошелъ, и теперь выступаетъ по царскому указу. Дѣйствительно, онъ выступилъ изъ-подъ Хвостова, но не помѣшалъ Полякамъ свирѣпствовать въ Подоліи и Украйнѣ, гдѣ жители русскихъ городовъ, защищаясь отъ врага, ознаменовали себя геройскимъ, но безполезнымъ мужествомъ. Вмѣстѣ съ Хмельницкимъ долженъ былъ идти московскій воевода Андрей Бутурлинъ, который не былъ доволенъ распоряженіями гетмана и писалъ государю: „Я пошелъ отъ Хвостова августа 25, а гетманъ пошелъ 26 и настигъ меня въ Романовкѣ, а въ Романовкѣ далъ мнѣ вожа и велѣлъ идти передъ собою, велѣлъ меня вести и самъ идетъ за мною съ войскомъ Запорожскимъ пустымъ мѣстомъ, чернымъ шляхомъ, не спѣша. 6 сентября мы пришли подъ пустой городокъ Бердичевъ и стояли до 15 числа; ставится онъ, гетманъ, отъ меня особымъ обозомъ. Я пріѣзжалъ къ нему много разъ и говорилъ по твоему государеву указу, чтобъ шелъ, не мѣшкая, въ сходъ къ твоимъ боярамъ и воеводамъ, князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами, подъ Луцкъ жилыми мѣстами; но онъ мнѣ отказалъ тѣмъ, что со мною ратныхъ людей мало, а о князѣ Трубецкомъ подъ Луцкомъ не слыхалъ, а знаетъ онъ подлинно, что Польскій король съ гетманомъ идетъ противъ него; также знаетъ онъ навѣрное, что Польскій король Крымскаго хана подкупилъ, который сбирается войною подъ Черкасскіе города, и ему, гетману, идти противъ короля и надъ польскими городами промышлять не съ кѣмъ. У меня въ обозѣ—продолжаетъ Бутурлинъ—ратнымъ людямъ въ запасахъ оскудѣнье и многіе драгуны разбѣжались и лошадьми опали; а иные драгуны пошли для корму подъ польскіе города безъ моего вѣдома, и если гетманъ будетъ стоять въ пустыхъ мѣстахъ къ зимнему времени или поворотится назадъ къ Чигирину или къ Бѣлой Церкви, то Комарицкіе драгуны и остальные разъѣдутся, и твоей казны, наряду, зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ оберегать и везти будетъ некому". Опасенія Бутурлина оправдались: Хмельницкій отправился въ Чигиринъ, оставивъ московскаго воеводу у Бѣлой Церкви; Комарицкіе драгуны, иные съ голоду, другіе, пропившись и проворовавшись, покинули воеводу и разбѣжались по домамъ; унимать было ихъ некому, потому что Бутурлинъ заболѣлъ, а товарища у него не было.

Но, дѣйствуя медленно противъ враговъ, Хмельницкій извѣщалъ царя о вредныхъ замыслахъ противъ Москвы въ Малороссіи. Въ сентябрѣ пріѣхалъ къ государю уже извѣстный намъ Грекъ, Иванъ Петровъ Тафлары, высвободившійся изъ польскаго плѣна, въ который онъ попалъ подъ Берестечкомъ. Грекъ объявилъ, что еще въ Великій постъ, передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, присылали на сеймъ къ королю Кіевскій митрополитъ и другіе духовнаго чина люди двоихъ чернецовъ съ объявленіемъ, что имъ съ Московскими людьми быть въ союзѣ невозможно, и они этого никогда не желали; Москва хочетъ ихъ перекрещивать: такъ чтобъ король, собравши войско, высвобождалъ ихъ, а они изъ Кіева Московскихъ людей выбьютъ и будутъ подъ королевскою рукой попрежнему. Король написалъ универсалы, обольщая Малороссіянъ, и духовныхъ и мірскихъ людей, всякими прелестями. Развозить эти универсалы по Малороссіи король поручилъ ему, Ивану Петрову; но онъ, взявши универсалы, привезъ ихъ прямо къ гетману Хмельницкому и

[1]) Дѣла Польскія 1654 года въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ.

разсказалъ ему о присылкѣ митрополита къ королю. Богданъ отвѣчалъ ему: „Знаю я давно объ этомъ, и знаю что̀ дѣлать“, и послалъ его, Ивана, къ государю объявить обо всемъ. Сначала Поляки надѣялись на храбраго и ловкаго казацкаго полковника Богуна, который медлилъ присягою царю. Православный шляхтичъ Олекшичъ, желая удержать Богуна на сторонѣ королевской, писалъ ему: „Твоя милость хорошо вѣдать можешь, что въ эти годы, воюя только сами съ собою, мы сильно опустошили свою Землю; что же будетъ, когда столь многіе народы войдутъ въ страну нашу? Безъ сомнѣнія, придетъ тогда конечная погибель имени православному. Наводитъ немалую печаль намъ и всей братіи нашей, отъ единой крови происходящимъ и единую Церковь Восточную ма́теріею своею почитающимъ, когда слышимъ, что патріархъ Московскій духовнымъ нашимъ и всему міру христіанскому на повиновеніе себѣ присягать велитъ, отступивши отъ святѣйшаго патріарха Константинопольскаго; мы для этого и съ костеломъ Римскимъ уніи принять не хотѣли, и пастырю нашему старѣйшему, котораго намъ Богъ далъ, не противились“ [1]).

Такъ прошелъ 1654 годъ. Новый 1655 годъ начался вѣстями непріятными съ запада. Любовицкіе мѣщане измѣнили, воеводу Рожнова отдали Полякамъ; Оршане отложились и заставы поставили; жители Озерищъ связали воеводу и отослали къ гетману Литовскому Радзивилу, порубили 36 человѣкъ русскихъ солдатъ, ушли только четыре человѣка; въ Смоленскѣ измѣнили—молодой Соколинскій и двое Ляпуновыхъ. Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ разбилъ на-голову князя Лукомскаго, хотѣвшаго отнять дороги у Витебска [2]); но, съ другой стороны, гетманъ Радзивилъ предпринялъ наступательное движеніе на Русскихъ: 2-го января Золотаренко писалъ изъ Новаго Быхова, прося помочь ему противъ приближающагося Радзивила, а 7 января извѣщалъ, что онъ осажденъ 24,000 Литвы. Но Радзивилъ не сталъ медлить подъ Новымъ Быховымъ, когда ему представилась возможность овладѣть болѣе значительнымъ городомъ — Могилевомъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Поклонскимъ. Тотъ, какъ бы загодя оправдываясь въ измѣнѣ, писалъ 17 января боярину Василью Васильевичу Бутурлину: „Поддавшись разъ царю его милости, измѣнять не мыслю, и посылаю къ царскому величеству листы, писанные ко мнѣ Радзивиломъ; только надобно скоро людей: одни мы не можемъ съ королемъ Польскимъ воевать, и не надобно бы давать себя Ляхамъ на посмѣяніе“ Скоро послѣ того товарищъ Поклонскаго, Воейковъ, далъ знать князю Трубецкому объ измѣнѣ полковника-шляхтича: „На пятое февраля, за два часа до свѣта, полковникъ Поклонскій государю измѣнилъ съ могилевскою и другихъ городовъ шляхтою и съ казаками, которые у него въ полку были, гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго съ Польскими войсками въ большой земляной валъ впустилъ, и теперь я въ меньшемъ земляномъ валу сижу въ осадѣ съ государевыми ратными людьми и съ мѣщанами, которые съ нами; было три приступа и подъ валъ четыре подкопа, но подкопами намъ нечего не сдѣлали, и теперь мы ждемъ выручки отъ васъ“. Поклонскій, оправдывая свой поступокъ, писалъ Золотаренку: „Мы въ лучшей вольности прежде за Ляхами были, чемъ теперь живутъ наши; собственные мои глаза видѣли, какъ бездѣльно поступала Москва съ честными женами и дѣвицами“. Къ протопопу Нѣжинскому онъ писалъ: „Золотыя слова шляхтѣ и городамъ на бумагѣ надавали, а на ноги шляхтѣ и мѣщанамъ желѣзныя вольности наложили; насмотрѣлся я надъ кутеинскими монахами, какъ Москва почитаетъ духовенство и вещи церковныя: въ церкви престолы сами обдирали и все украшеніе церковное въ столицу отослали, а самихъ чернецовъ въ неволю загнали; а что съ отцомъ митрополитомъ и другими духовными дѣлаютъ! жаль: вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали“ Единомышленникамъ Поклонскаго, тѣмъ духовнымъ, которымъ казалось, что попали въ пущую неволю, не нравилось поведеніе могилевскихъ мѣщанъ, оставшихся вѣрными Москвѣ. Ѳеодосій Василевичъ, архимандритъ Слуцкій, игуменъ Михайловскій кіевскій, писалъ имъ, что Хмельницкій и Москва разбиты въ-пухъ: „А мы, убогіе, съ отцомъ митрополитомъ и со всѣми духовными полагаемъ надежду на пана гетмана, что дастъ намъ убѣжище въ Литвѣ: только одно намъ мѣшаетъ и по истинѣ всей вѣрѣ и народу нашему нестерпимую чинитъ трудность и хлопоты, что паны мѣщане могилевскіе не хотятъ князю, его милости (Радзивилу) покориться“ [3]).

Призывая къ себѣ казаковъ, бывшихъ прежде у него подъ начальствомъ, Поклонскій писалъ: „Съ Москвою намъ не вѣки жить; знаете, какія мерзости она надѣлала: Москва едва годится на то, чтобъ намъ служить, а не то, чтобъ мы ей служили; на Украйнѣ большая часть полковниковъ отъ нихъ отлучилась, а намъ и подавно отлучиться должно“ Къ мѣщанамъ могилевскимъ писалъ: „Чего вы ждете? умираете какъ псы, а государю своему королю поклониться не хотите; ждете помощи изъ Москвы, но скоро услышите, что сдѣлалось съ московскою помощію: царь сидитъ въ столицѣ, патріархъ убитъ народомъ, повѣтріе людей выгубило, на войну выйти некому, а кто покажется, того наши бьютъ. Мы отъ васъ не отойдемъ, а если и отойдемъ, то вырубятъ васъ защитники ваши, такъ какъ теперь изъ Смоленска вывели и шляхту и мѣщанъ, и послали воевать съ Калмыками“. Любо-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Малороссійскія и Польскія 1654 года; архивъ минист. юстиціи, столбцы Малоросс. приказа № 5824, 5827.

[2]) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 5.

[3]) Дѣла Малороссійскія 1655 года въ арх. мин. ин. дѣлъ.

пытно, что Никонъ почему-то отказался проклясть Поклонскаго и Василевича. [1]).

Въ то время, какъ эти событія происходили въ Бѣлоруссіи, на югѣ начались наконецъ военныя дѣйствія у Хмельницкаго съ Поляками и союзниками ихъ, Крымцами. Ханъ Магметъ-Гирей, видя большую опасность для себя отъ соединенія казаковъ съ Москвою, счелъ нужнымъ подкрѣпить Польшу. Еще въ 1653 году, когда разнеслись слухи о томъ, что казаки поддаются Москвѣ и что государь велѣлъ строить гетману города по рѣкамъ Осколу и Донцу, на Князь-Ивановомъ Лугу, то ханъ написалъ Богдану, чтобъ онъ сохранилъ твердо договоръ съ нимъ, и онъ, ханъ, съ своей стороны, придетъ къ нему на помощь при первой вѣсти о движеніяхъ короля. Если же гетманъ и Черкасы захотятъ себѣ покою, то пусть переходятъ жить на крымскій берегъ за Днѣпръ, и строятъ себѣ города; если же правда, что гетманъ билъ челомъ государю Московскому въ вѣчное холопство, то онъ, ханъ, спесшись съ Польскимъ королемъ, пойдетъ на Черкасъ войною съ большимъ собраньемъ. Приближенный ханскій, Сефергазы-ага, говорилъ московскому посланнику Жеребцову, который требовалъ, чтобъ ханъ обязался не воевать съ Запорожскими Черкасами: „Запорожскіе Черкасы съ 800 лѣтъ были въ подданствѣ у Польскихъ королей, а послѣ того были въ подданствѣ у насъ, Татаръ, лѣтъ съ семь, и мы, Крымскіе люди, прочая ихъ себѣ и чая отъ нихъ впередъ правды и постоянства, за нихъ стояли, съ Польскими и Литовскими людьми бились, и много неповинной крови проливали, и въ обиду ихъ никому не давали; въ то время Запорожскихъ Черкасъ было только 8,000, а мы, Татары, сдѣлали ихъ съ 20,000. Черкасамъ то любо, какъ мы за нихъ стояли и помощь имъ вездѣ подавали, а гетманъ Богданъ Хмельницкій въ то время и меня, Сефергазы-агу, цѣловалъ въ ногу и хотѣлъ быть за нами въ подданствѣ вѣчно; а теперь Запорожскіе Черкасы намъ солгали, воровствомъ своимъ отъ насъ отложились, доброту нашу забыли и называются государевыми. Вы, посланники, вѣдайте, что эти воры и бунтовщики, Запорожскіе Черкасы, и царскому величеству солгутъ такъ же, какъ Полякамъ и намъ солгали, а Магметъ-Гирею царю того сдѣлать неумѣть, чтобъ на такихъ воровъ войною не ходить и ихъ не разорять: развѣ у всѣхъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей не будетъ на рукахъ ногтей или глаза ихъ землею загребутъ,—тогда только они Запорожскимъ Черкасамъ воровства ихъ и измѣны мстить не будутъ“ [2]).

Въ январѣ Хмельницкій вмѣстѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ встрѣтился съ польскимъ и татарскимъ войскомъ подъ Ахматовымъ. Здѣсь Русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ непріятеля, и отступили въ Бѣлой Церкви, гдѣ находилось другое московское войско, подъ начальствомъ окольничаго Ѳедора Васильевича Бутурлина. Украйна была страшно опустошена Поляками и Татарами.

11 марта государь послалъ въ Бѣлую Церковь приказъ Шереметеву и Бутурлину быть съ себѣ въ Москву, а на ихъ мѣсто отправилъ въ Бѣлую Церковь боярина Василія Васильевича Бутурлина и стольника князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго; имъ велѣно было вмѣстѣ съ Хмельницкимъ идти подъ литовскіе города. Золотаренко по-прежнему стоялъ подъ Старымъ Быховымъ, и въ мартѣ писалъ къ государю, что глубокіе снѣга мѣшаютъ ему подать помощь Могилеву; но снѣга не помѣшали казакамъ взять Бобруйскъ, Глускъ, Королевскую Слободу и истребить ихъ жителей. Когда дороги попросохли, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они двинулись на помощь къ Могилеву вмѣстѣ съ Московскимъ воеводою Михайлою Дмитріевымъ; но Радзивилъ и Госѣвскій не дождались Золотаренка: 9 апрѣля ночью приступили они къ городу, взорвали три подкопа, а четвертый завалился и подавилъ Литовскихъ ратныхъ людей; тутъ осажденные сдѣлали вылазку и побили много непріятеля. Послѣ этой неудачи, гетманы 1-го мая сняли осаду Могилева и отступили къ Березинѣ; Золотаренко возвратился къ Старому Быхову; Дмитріевъ, поговоря съ нимъ, послалъ къ Березинѣ сына своего Василья да двухъ полковниковъ, Стародубскаго—Тимоѳея Аникѣева да наказнаго Нѣжинскаго—Уманца; посланные сошлись съ Поляками въ мѣстечкѣ Толочинѣ и побили непріятеля. Золотаренко писалъ къ Морозову, бывшему въ походѣ при царѣ дворовымъ воеводою: „Низко челомъ бью благодѣтелю моему,—изволь милость твоя побить челомъ его царскому величеству, чтобъ повелѣть изволилъ прислать ратныхъ людей своихъ нѣсколько тысячъ къ намъ, вѣрнымъ слугамъ своимъ“. Хмельницкому очень не нравилась эта безславная для казаковъ осада Стараго Быхова; 28 мая онъ писалъ брату Золотаренкову, Василью, полковнику Нѣжинскому: „Пріятно намъ слышать, что особымъ промысломъ вашей милости Богъ непріятелямъ далъ страхъ; дай Боже ихъ еще лучше побѣдить; только не надобно мѣшкать подъ курятниками, какъ прошлаго года; просто надобно идти туда, гдѣ голова или гдѣ особые полки непріятельскіе стоятъ. И прошлаго года много бы добраго сдѣлалось, если бы около курятниковъ не замѣшкались, а то только людей и нашихъ, и московскихъ, потеряли. Уговаривай и боярина, который тамъ будетъ начальствовать надъ войсками царскаго величества, чтобъ безъ задержки прямо съ вами на непріятеля шелъ, чтобъ и этого лѣта даромъ не потерять. Промышляйте надъ головою, а съ хвостами послѣ управитесь“ [3]).

[1]) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 71.

[2]) Крымскіе статейные списки въ архивѣ мин. ин. дѣлъ, № 34 и 37.

[3]) Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5829; дѣла Малорос. 1655 г., въ арх. мин. ин. дѣлъ.

Надъ головою хотѣлъ промышлять самъ царь. Новый 1655 годъ засталъ Алексѣя Михайловича въ Вязьмѣ, гдѣ онъ пережидалъ окончанія мора въ Москвѣ; здѣсь, какъ доносили государю, послѣ язвы физической начала свирѣпствовать нравственная. 15 января царь писалъ начальному въ Москвѣ боярину, Ивану Васильевичу Морозову: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ Москвѣ въ моровое повѣтріе мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а теперь изъ нихъ многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ; пьянство и воровство умножились. И вы бы велѣли провѣдать о томъ подлинно и къ намъ отписали тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ“. 19 числа, увѣдомляя князя Якова Куденетовича Черкасскаго объ осадѣ Поляками Новаго Быхова, царь писалъ: „Мы пойдемъ къ Москвѣ на малое время, легкимъ дѣломъ, оставя все въ Вязьмѣ; пойдемъ помолиться образу Пресвятыя Богородицы, приложиться къ мощамъ, бояръ и всѣхъ людей обвеселить отъ печали, и, отвезши сестеръ своихъ, царицу и дѣтей, назадъ возвратимся и пойдемъ противъ Польскаго короля“. Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому писалъ: „Ты бы шелъ, не мѣшкая, съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ, также и къ друзьямъ писалъ нашъ указъ и высылалъ по мѣстамъ, чтобъ не дать недругу войти въ наши города, чтобъ его встрѣтить въ его Землѣ, до тѣхъ поръ огонь и тушить, пока не разгорѣлся, а какъ разгорится, то уже некогда тушить“. 20 января въ Смоленскъ, Григорію Гавриловичу Пушкину, былъ посланъ такой приказъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что во многихъ шляхтичахъ шатость, начали измѣнять, отъѣзжать въ Литву;—и вы бы тѣхъ воровъ, отъ кого измѣны чаете, велѣли въ тюрьму сажать и высылайте ихъ къ намъ изъ города ночнымъ временемъ, чтобъ про то вскорѣ никому не было вѣдомо; а если почаете и ото всей шляхты и мѣщанъ измѣны, то всѣхъ къ намъ присылайте, поскольку человѣкъ возможно; а если посылать ихъ нельзя и ѣхать они не захотятъ, то посылайте въ Москву связанныхъ. Если же наглой измѣны или дурна большаго отъ нихъ почаете, то, по самой конечной мѣрѣ, велите сѣчь, кромѣ женъ и дѣтей“. Но самое любопытное письмо писалъ государь 23 января къ любимцу своему, Матвѣеву, котораго приблизилъ къ себѣ изъ дьячихъ дѣтей: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича вѣрному и избранному головѣ нашему, Артемону Сергѣевичу Матвѣеву; поздорову-ль ты, вѣрный нашъ рабъ! а мы, великій государь, въ славномъ градѣ Вязьмѣ, далъ Богъ, здорово со всѣми людьми Божіими и нашими; также и въ царствующемъ градѣ Москвѣ, далъ Богъ, подлинно утихло и здраво, лишь мы перебываемъ попрежнему въ тяжестяхъ великихъ душевныхъ, но не отчаяваемся своего спасенія. Къ сему же что речетъ великое солнце, пресвѣтлый Іоаннъ Златоустъ: не люто есть спотыкаться, люто—споткнувся не подняться. Добиваюся зѣло того, чтобъ быть не солнцемъ великимъ, а хотя бы малымъ свѣтиломъ, малою звѣздою тамъ, а не здѣсь... И въ томъ не осуди, что пишу: нечистъ отъ грѣха, потому что множество имѣю его въ себѣ, а о томъ зѣло возбраняетъ ми совѣсть писати, что чистъ отъ грѣха; охъ, люто тако глаголати человѣку, наипаче же мнѣ, что чистъ отъ грѣха! и сему конецъ; еще же за твою вѣрную службу пишу, что у насъ дѣлается.

„Посланникъ приходилъ отъ Шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудла, таковъ смышленъ, и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника. А присланъ нарокомъ такой глупецъ для провѣдыванья, что мы будемъ ли въ любви съ королемъ,—и про то намъ подлинно вѣдомо; а братомъ не смѣлъ король писаться, и и мы тому добрѣ ради, и зѣло отъ насъ страшны они, Свіяне. А какъ посланникъ у насъ былъ, и мы его пожаловали, велѣли сѣсть, и онъ сѣсть не смѣлъ. И Смоленскъ имъ не таковъ досаденъ, что Витепскъ, да Полотскъ, потому что отнятъ ходъ по Двинѣ въ Ригу. А король въ листу своемъ первомъ пишетъ, чтобъ вѣчное докончаніе подкрѣпить послами, да будто, любя меня, прислалъ обвѣстить посланника, думнаго человѣка: и мы мнимъ, сколько отъ любви, а вдвое того отъ страху; тако намъ, великому государю, то честь, что прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка, хотя и глупъ, да что же дѣлать?—така намъ честь! А въ другомъ листу пишетъ, чтобъ не воевать Курляндскаго для его королевской дружбы, а онъ, Курляндскій, ему королю другъ: и мы отказали тѣмъ, что подданный Польскому королю, а и обѣщался намъ не помогать королю Польскому, а нынѣ многіе курляндскіе Нѣмцы въ полонъ взяты и нынѣ многихъ посылаетъ, будто сами нанимаются.

„Подлинно Радивилъ да Гасевской пришли подъ Новый Быховъ, а съ ними пришло всякаго чина 12,000, и облегли Новый Быховъ въ двухъ и въ трехъ верстахъ, а на приступъ не смѣютъ идти; а сперва языки говорили 100,000, а другіе сказали 50,000, а третьи 40,000, а четвертые 24,000, да подлинно довѣдались, что 12,000, а съ Золотаренкомъ всего съ 6,000 сидитъ, и онъ выходилъ на князя Несвицкаго и его побилъ, и обозъ весь взялъ, и опять возвратился въ Быховъ. И мы по бояръ и по всѣхъ ратныхъ людей послали и велѣли со всѣми запасы идти на службу и ставиться по мѣстамъ безсрочно, потому что время приспѣло. А мы, великій государь, идемъ тоже, и не потому, что Радивилъ гордится передъ Богомъ и хочетъ взять Новый Быховъ, да Могилевъ, да Шкловъ, и, взявъ, идти къ Москвѣ; а король подлинно хотѣлъ посылать пословъ къ намъ, великому государю, да Радивилъ отговорилъ: я-де пойду еще отвѣдаю счастья своего и Золоторенка собью и городы от-

ворочу, и подъ Москву пойду, и король воротилъ пословъ".

Алексѣй Михайловичъ исполнилъ обѣщаніе: 10 февраля переѣхалъ въ Москву, а раннею весною отправился вторично въ Смоленскъ. Надобно было предупредить повтореніе зла, сдѣланнаго въ прошлогодній походъ, когда ратные люди свирѣпствовали въ Смоленскомъ и другихъ покорившихся уѣздахъ, насиловали женщинъ, убивали мужчинъ, чтобъ не было на нихъ челобитчиковъ. Государь назначилъ смертную казнь за такое поведеніе и торговую казнь господину, который позволитъ подобные поступки холопу своему. 24 мая государь выступилъ изъ Смоленска, обратившись къ ратнымъ людямъ съ такою сказкою: „Если король Польскій не вспомнитъ Бога, не признается къ намъ, великому государю, въ своей неправдѣ и не станетъ мириться такъ, какъ годно Богу и намъ, то мы, великій государь, прося милости у Бога и у престрашныя и грозныя воеводы, Пресвятыя Богородицы (Которая изволила Своимъ образомъ и до днесь воевать ихъ Литовскую и Польскую Землю, и не могутъ нигдѣ противу Нея стати, ибо писано: лихо противъ рожна прати), и, взявъ на помощь честный крестъ, за изгнаніе православной вѣры будемъ зимовать сами и воевать, доколѣ нашъ Владыка свое дѣло совершитъ, и какъ, дастъ Богъ, перейдемъ за рѣку Березину, то укажемъ вамъ всѣмъ вездѣ хлѣбъ и животину брать въ приставство. И вамъ бы служить, не щадя головъ своихъ, а деревень бы не жечь для того, что тѣ деревни вамъ же пригодятся на хлѣбъ и на пристанище; а кто станетъ жечь, и тому быть во всякомъ разореніи и ссылкѣ, а холопу, который сожжетъ, быть казнену безо всякой пощады. Если кто побѣжитъ со службы или болѣзнь прикинетъ, не хотя служить, то быть ему казнену безо всякой пощады. И вамъ бы потщиться вѣрою и правдою, отъ всего чистаго сердца, съ радостію, безо всякого сумнѣнія, безо всякаго ворчанія, и переговоровъ бы о томъ отнюдь не было; кто скуденъ, тотъ пусть милости проситъ у государя, а не ворчитъ и не бѣжитъ со службы; а кто будетъ съ радостію съ нами служить до отпуску, тотъ увидитъ, какая ему государская милость будетъ". Первая милость, какую царь счелъ нужнымъ оказать служивымъ людямъ, состояла въ принятіи мѣръ противъ побѣга отъ нихъ людей. Еще находясь въ Смоленскѣ, 26 апрѣля, государь писалъ боярину Василью Васильевичу Бутурлину. „Въ нынѣшнемъ году съ Москвы и со службы отъ насъ отъ многихъ бояръ и отъ всякихъ чиновъ людей побѣжали люди, сбираются въ глухихъ лѣсахъ, а собравшись, хотятъ ѣхать къ Хмельницкому; къ своей братьѣ пишутъ, будто сулятъ имъ Черкасы маетности, и многихъ своихъ бояръ поставили пѣшими и безодежными. И вы, поговоря съ гетманомъ и перехвативъ ихъ всѣхъ, велите изъ нихъ человѣкъ десять повѣсить въ нашихъ старыхъ городахъ, въ Путивлѣ съ товарищи, остальныхъ же, высѣкши кнутомъ, пришлите въ Москву, и заказъ крѣпкій учините, чтобъ впередъ Черкасы ихъ не принимали" [1]).

Въ началѣ іюня въ Шкловъ пріѣхалъ къ государю Золотаренко и отправленъ былъ за Березину; отряженный имъ Черниговскій полковникъ Поповичъ взялъ Свислочъ: „Непріятелей въ немъ всѣхъ подъ мечъ пустили, а самое мѣсто и зàмокъ огнемъ сожгли". Та же участь постигла Кайданы; Московскій воевода Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ взялъ Велижъ, бояринъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ овладѣлъ Минскомъ. 29 іюля бояринъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій, соединившись съ Золотаренкомъ, въ полмилѣ отъ Вильны, напалъ на обозъ гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго; бой длился отъ шестого часа дня до ночи; гетманы потерпѣли пораженіе и бѣжали за рѣку Вилію; а Русскіе приступили къ Вильнѣ и овладѣли этою столицею Литвы. Царь стоялъ въ деревнѣ Крапивнѣ, за 50 верстъ отъ Вильны, когда прискакалъ къ нему гонецъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. 9 августа пригнали новые сеунчики (вѣстники побѣды): Ковно былъ взятъ; 29 августа пришла вѣсть о взятіи Гродна.

Въ то же время, въ іюлѣ, Бутурлинъ и Хмельницкій выступили въ походъ и безпрепятственно вошли въ Галицію; гетманъ коронный Потоцкій потерпѣлъ пораженіе подлѣ Гродка; Русскіе подошли ко Львову, но ничего не сдѣлали городу по явному нежеланію Хмельницкаго дѣйствовать рѣшительно: онъ взялъ съ осажденныхъ 60,000 злотыхъ и удалился отъ города, а Выговскій прямо писалъ горожанамъ Львовскимъ, чтобъ не сдавались на царское имя. Рѣшительнѣе дѣйствовала подъ Люблиномъ часть соединеннаго войска, бывшая подъ начальствомъ Данилы Выговскаго, брата писарева, и Петра Потемкина; Люблинцы присягнули царю. Московскіе воеводы, одни безъ казаковъ, съ двухъ сторонъ воевали Литву. Въ сентябрѣ вышелъ на судахъ изъ Кіева князь Димитрій Волконскій; 15 числа пришелъ онъ подъ Туровъ; Туровцы вышли къ нему на-встрѣчу съ образами и присягнули царю. Не останавливаясь въ Туровѣ, Волконскій отправился сухимъ путемъ подъ городъ Давыдовъ; съ версту отъ города встрѣтило его литовское войско и завязало бой; Литва была втоптана въ городъ, который запылалъ, и Литва бросилась бѣжать изъ него (16 сентября). Побѣдители возвратились къ судамъ своимъ и поплыли внизъ по рѣкѣ Горыни къ рѣкѣ Припети, Припетью шли вверхъ до рѣки Вятлицы, отъ Вятлицы шли сухимъ путемъ до города Столина, котораго достигли 20 сентября. Литва, вышедъ изъ города, учинила бой большой, была побита, бѣжала, городъ былъ занятъ и сожженъ Русскими. Отъ Столина Волконскій возвратился къ Припети, къ судамъ своимъ, Припетью плылъ до рѣки Пины, и 25 сентября достигъ Пинска. Литва не пустила Русскихъ при-

---

[1]) Столбцы приказа тайн. дѣлъ, въ Госуд. арх., № 1, 19, 123.

стать къ берегу, и Волконскій долженъ былъ высадиться ниже города, у села Пенковичей; послѣ большаго бою Русскіе по слѣдамъ Литвы вошли въ Пинскъ и Литву выбили. Простоявши въ Пинскѣ двое сутокъ, чтобъ дать отдохнуть людямъ, Волконскій 27 сентября сжегъ городъ и слободы, пошелъ назадъ къ судамъ своимъ и поплылъ внизъ по Припети; въ селѣ Стаховѣ разбилъ отрядъ литовскаго войска, привелъ къ присягѣ жителей городовъ Кажана и Латвы, и опять Днѣпромъ возвратился въ Кіевъ и привелъ войско въ цѣлости: только у одного солдата подъ Пинскомъ руку оторвало изъ пушки, да двухъ человѣкъ изъ пищали ранили [1]).

Съ другой стороны, 23 октября князь Семенъ Андреевичъ Урусовъ и князь Юрій Борятинскій пошли съ войскомъ изъ Ковна къ Бресту и побили Поляковъ на Бѣлыхъ Пескахъ, въ 150 верстахъ отъ Бреста. 13 ноября подошли они къ этому городу и встрѣтились здѣсь съ новымъ гетманомъ Литовскимъ, Павломъ Сапѣгою; Урусовъ потерпѣлъ пораженіе, отступилъ отъ Бреста и сталъ обозомъ за рѣкою, но Литва выбила его оттуда. Урусовъ сталъ въ 25 верстахъ отъ Бреста, въ деревнѣ Верховичахъ; Сапѣга обошелъ его и тутъ, дорогу и воду отнялъ и двое сутокъ держалъ въ осадѣ, требуя, чтобъ все войско сдалось ему; Урусовъ не согласился и вступилъ въ битву, которая окончилась блистательнымъ торжествомъ для него: поразивъ Литву на-голову, Русскіе гнали ее шесть верстъ, взяли четыре пушки, 28 знаменъ [2]). Послѣ этого дѣла Урусовъ и Борятинскій пошли къ Вильнѣ. Между этими воеводами и полчанами ихъ было сильное неудовольствіе. Новгородскіе дворяне и дѣти боярскія били челомъ на Урусова, что, сказавши имъ государевъ указъ выступить изъ обоза, изъ Подберезья въ Вильно и дальше въ Ковно, приказалъ имъ приготовить всѣмъ полкамъ хлѣбныхъ запасовъ на кормъ ратнымъ людямъ, которые стояли въ Ковно. Они, дворяне, подали за руками челобитную, что имъ этого хлѣба и своихъ запасовъ, и конскихъ кормовъ везти съ собою въ Ковно невозможно. Урусовъ вышелъ изъ шатра и, не принявши челобитной, билъ ихъ булавою, и стрѣльцамъ велѣлъ бить ихъ ослопьемъ до умертвія, а иныхъ челобитчиковъ велѣлъ бить кнутомъ на козлѣ, безъ пощады. Они докладывали ему о полковыхъ и расправныхъ своихъ дѣлахъ: бояринъ, не выслушавъ ихъ челобитья, бранилъ ихъ... и билъ булавою, и ослопьемъ, и кнутомъ, и плетьми безъ пощады; не учиня никакой расправы и сыску, говорилъ имъ, будто указалъ государь, выбравъ изъ нихъ лучшихъ людей, вѣшать, а иныхъ бить кнутомъ, тогда какъ они передъ государемъ вины своей никакой не вѣдаютъ. Все это воевода мститъ имъ прежнюю недружбу, потому что они били челомъ на него царю Михаилу Ѳеодоровичу, а инымъ мститъ за новгородскую недружбу. Узнавши, что у кого-нибудь изъ нихъ есть плѣнники, воевода присылалъ друзей своихъ съ стрѣльцами и самъ выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силою и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великія Луки на государевыхъ подводахъ. Посылалъ головъ съ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, остальныхъ послалъ къ государю въ Вильну. Идучи дорогою, заставлялъ служилыхъ людей ловить рыбу изъ прудовъ, выпустя воду. Приказалъ идти подъ Брестъ наскоро съ вьюками, а дорогою свои и конскіе кормы и людей въ плѣнъ брать; они, дворяне, услыхавъ государеву милость, забыли свои великія нужды и безконство, на государеву службу пошли съ радостію; но, какъ только перешли рѣку Нѣманъ, Урусовъ и Борятинскій запретили имъ подъ смертною казнію брать что-либо у жителей, а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ утварь, въ костелахъ, по мѣстечкамъ, въ панскихъ маетностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ поморили голодною смертію. Къ Бресту пошли воеводы скорымъ походомъ, а отъ Бреста за пять верстъ черезъ рѣку и болота мостъ большой и худой, за которымъ стояли роты Литовскихъ людей. Воеводы велѣли за мостъ перебираться наскоро; Литовскіе люди, пострѣлявшись, отъ мосту побѣжали къ Бресту, а изъ Русскихъ многіе за тѣснотою по мосту перебраться не поспѣли, людей дворянскихъ съ простыми лошадьми по мосту не пропустили; нарядъ, казну и пѣшихъ людей воеводы велѣли оставить за рѣкою у мосту, а въ Брестъ послали атамана, пана Свяцкаго, и казака, и приказалъ имъ Урусовъ занять себѣ дворъ, потомъ, не сождавшись со всѣми ратными людьми, пошелъ за мостъ къ Бресту съ небольшимъ отрядомъ. Литовскіе люди присылали изъ города съ просьбой съѣхаться и говорить о добромъ дѣлѣ; но воеводы, не сказавши служилымъ людямъ ничего про битву, велѣли задоръ учинить Луцкимъ казакамъ; произошла битва, и, вслѣдствіе такого нестройства и безвѣстнаго боя, государевыхъ ратныхъ людей многихъ побили, ранили и въ плѣнъ взяли, и животворящій крестъ, который отъ государя былъ данъ, достался врагу. Изъ-подъ Бреста отошли они ночью за рѣку въ обозъ, а поутру пришли къ нимъ Литовскіе люди и начали по нихъ изъ наряда стрѣлять; воеводы пошли отъ нихъ въ обходъ и пришли въ деревню Верховичи — Литовскіе люди дорогу у нихъ отняли, и воеводы велѣли отступать другою дорогою; но они, служилые люди, говорили, что имъ за рѣками и топкими болотами въ обходъ нейти, мосты худые и разметаны и на засадахъ много непріятелей,—пусть воеводы

---

[1]) Kron. miasta Lwowa 338-376; Supplement. ad histor. russ. monum. 193—210; дѣла Польскія 1655 года, въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ; тамъ же, дѣла Малороссійскія 1657 года, статейный списокъ Бутурлина.

[2]) Дѣла Польск. 1655 года, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

велятъ имъ съ Литовскими людьми биться; вышли на бой съ своими людьми и Литовскихъ начальныхъ людей многихъ побили конныхъ, а пѣшихъ побили безъ остатка. Урусовъ на бою лошадей и платья у Литвы брать имъ не велѣлъ, сказалъ, что все будетъ на *черный пай*. Воеводы брали у шляхты подарки, что у кого полюбится или гдѣ что провѣдаютъ, и многіе изъ шляхты, узнавъ, что берутся подарки большіе, государю не присягали. Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, ихъ, дворянъ, безчестилъ, называлъ неслугами и небойцами, а на самомъ у Бреста и сабли не было; въ Верховичахъ, испугавшись пушечной стрѣльбы, съ бою уѣхалъ и государево знамя съ собою увезъ.—Урусовъ и Борятинскій отвѣчали, что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатовъ; сами нигдѣ ничего не грабили, противъ Бреста дѣйствовали враждебно, ибо оттуда прислали имъ сказать, что Брестъ принадлежитъ Шведскому королю; дворянамъ о предстоящей битвѣ давали знать, задираться не приказывали, и когда начался бой, то дворяне правой стороны поддержались, а лѣвой—побѣжали и воеводъ выдали; подъ Брестъ идти дворяне отказались; лошадей и платье брать у непріятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусовѣ всегда была и боя никогда онъ не оставлялъ [1]).

Урусовъ завязалъ дѣло подъ Брестомъ въ то время, когда уже шли дѣятельные мирные переговоры. Гетманъ польный Литовскій, Гонсѣвскій, прислалъ къ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ вопросомъ: изволитъ ли государь съ королемъ мирное постановленіе учинить? Государь послалъ къ Гонсѣвскому любимца своего, стольника Ѳедора Михайловича Большаго-Ртищева. Посланный нигдѣ не нашелъ Гонсѣвскаго, посаженнаго, какъ ему сказали, подъ стражу Радзивиломъ, а въ Брестѣ, въ концѣ сентября, нашелъ новаго гетмана Литовскаго Павла Сапѣгу, назначеннаго на мѣсто Радзивила. Ртищевъ объявилъ Сапѣгѣ, что государь соизволяетъ на мирное постановленье. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ, именемъ всего собранія, бьетъ челомъ великому государю, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, о покоѣ, покорно бьетъ челомъ за объявленное пожалованіе христіанское. Ртищевъ, какъ посланный къ Гонсѣвскому, а не къ Сапѣгѣ, не объявилъ послѣднему присланныхъ съ нимъ мирныхъ условій, говоря: „Что́ одинъ началъ, другой не можетъ совершить, потому—что́ человѣкъ, то разумъ". Онъ требовалъ, чтобъ Сапѣга объявилъ ему свои мирныя условія; тотъ отвѣчалъ, что имъ трудно дать статьи, не доложа королю. Положили до съѣзда великихъ пословъ прекратить непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Ртищевъ привезъ къ государю отъ Сапѣги посланника Глядовицкаго, съ которымъ велѣно говорить о дѣлахъ окольничему князю Семену Романовичу Пожарскому да думному дьяку Лопухину. Глядовицкій, отъ имени гетмана Сапѣги и сенаторовъ, билъ челомъ, чтобъ государь: 1) велѣлъ кровь утолить; 2) велѣлъ назначить мѣсто, куда король тотчасъ отправитъ пословъ своихъ; 3) удержалъ отъ войны гетмана Хмельницкаго и Кіевскихъ воеводъ; 4) чтобъ шляхтѣ и другимъ людямъ вольно было на пепелища свои возвратиться; 5) чтобъ учинена была размѣна плѣнныхъ. Принявши статьи, Пожарскій сказалъ посланнику, чтобъ онъ, когда будетъ у государя, отнюдь бы не называлъ Сапѣгу гетманомъ великаго княжества Литовскаго, а если назоветъ, то его вышлютъ съ великимъ безчестьемъ и отпуску ему не будетъ: такъ онъ бы гордость свою отложилъ; да и то ему говорено, за какія гордости смирилъ Богъ короля ихъ и пановъ радныхъ, какъ посыланы были отъ великаго государя великіе и полномочные послы и посланники къ королю, и король ни въ чемъ не исправился, и за то, „сами видите, какъ Богъ его смирилъ: покинувши все, съ немногими людьми убѣжалъ въ Венгерскія горы, но и тамъ ему мѣста нѣтъ; сенаторамъ бы вашимъ и вамъ всѣмъ давно поискать государской милости, ѣхать самимъ къ великому государю и милости просить не пересылкою. Ты говоришь, что королю присылать о мирѣ къ государю, но гдѣ вашего короля сыскать?" Глядовицкій отвѣчалъ: „Воля Божія совершилась; кто бываетъ на конѣ, тотъ бываетъ и подъ конемъ, а ужъ безъ пана намъ не быть, не тотъ панъ, такъ другой". *Пожарскій:* „Время вамъ бить челомъ великому государю, а не искать другого государя, и великій государь васъ пожалуетъ каждаго по вашему достоинству; скажи намъ послѣднее: какъ тебѣ гетмана назвать?" *Глядовицкій:* „Изговоря государское именованье и титло, скажу: посланный отъ Павла Сапѣги, гетмана великихъ войскъ литовскихъ". *Пожарскій:* „Говори: гетмана великихъ войскъ, а *литовскихъ* говорить тебѣ непристойно". Глядовицкій не согласился. 25 ноября онъ былъ у бояръ и думныхъ людей. Бояре отвѣчали Сапѣгѣ и сенаторамъ: „Вы въ своей грамотѣ просите насъ бить челомъ за васъ великому государю, а Яна-Казиміра, короля Польскаго, пишете великимъ княземъ Литовскимъ, и гетманъ подписался гетманомъ великаго княжества Литовскаго; но вамъ подлинно извѣстно, что даровалъ Богъ великому государю нашему взять у его королевскаго величества всю Бѣлую Русь и стольный городъ Вильну, и государь нашъ учинился на всей Бѣлой Россіи и на великомъ княжествѣ Литовскомъ, и на Волыни, и на Подоліи великимъ государемъ. Вамъ такъ писать не пристойно; лучше бы вамъ просить милости у его царскаго величества и быть подъ его высокою рукою, а государь вѣры, правъ и вольностей вашихъ нарушать ни въ чемъ не велитъ". То же писалъ и самъ царь Сапѣгѣ. Если великій государь царь хотѣлъ быть великимъ княземъ Литовскимъ, то великій государь патріархъ былъ

[1]) Столбцы приказа тайн. дѣлъ въ Госуд. арх., № 3.

честолюбивѣе: 29 іюня онъ писалъ Алексѣю Михайловичу, чтобъ тотъ не только оставилъ за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши, 1-сентября прислалъ онъ государю благословеніе писаться великимъ княземъ Литовскимъ [1]).

Но въ то время, какъ Алексѣй Михайловичъ считалъ несомнѣннымъ, что всѣ завоеванія его останутся за нимъ, и называлъ себя всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, явился ему опасный соперникъ: то былъ не Янъ-Казиміръ Польскій, но энергическій преемникъ Христины Шведской, Карлъ X Густавъ. Видя затруднительное положеніе Польши, онъ напалъ на нее подъ пустыми предлогами и овладѣлъ всею Великою Польшею, которая признала его своимъ королемъ; потомъ овладѣлъ Варшавою и Краковомъ; Янъ-Казиміръ бѣжалъ въ Силезію. Но Карлъ X-й не хотѣлъ довольствоваться одною Польшею, онъ обратилъ свои взоры и на Литву, гдѣ гетманъ Радзивилъ, потерявши Вильну, поддался Шведскому королю, къ чему особенно склоняло его единовѣріе: Радзивилъ былъ протестантъ. Принимая подъ свою руку Радзивила и другихъ пановъ литовскихъ, Карлъ обѣщалъ возвратить имъ всѣ ихъ владѣнія, занятыя Русскими. Легко понять то раздраженіе, какое обнаружилось противъ Шведскаго короля въ станѣ царя Московскаго. Еще въ іюлѣ пріѣхалъ къ царю въ Смоленскъ шведскій посланникъ Розенлиндъ и подалъ грамоту, въ которой король извѣщалъ о начатіи войны съ Польшею, потому что Янъ-Казиміръ въ грамотѣ своей писалъ короля Шведскаго не по достоинству и чинилъ ему убытки сколько ему возможно; поэтому королевское величество причину имѣетъ съ оружіемъ на Яна-Казиміра наступить и достать его земли, которыя поближе къ Швеціи; ожидаетъ король, что такіе его достойные умыслы у царскаго величества хорошо приняты и истолкованы будутъ, ибо клонятся къ тому, чтобъ стоять противъ недруга, который съ своими помощниками ищетъ обоимъ государямъ, и Московскому и Шведскому, вреда и разоренія. Царское величество изволилъ бы указать своимъ боярамъ и воеводамъ съ шведскими генералами всякую дружбу держать. Царь отвѣчалъ: „За многія злыя неправды къ намъ королей Владислава и Яна-Казиміра далъ Богъ намъ взять всю Бѣлую Русь и многія воеводства, города и мѣста съ уѣздами великаго княжества Литовскаго, да нашъ же бояринъ Бутурлинъ съ Запорожскимъ гетманомъ Хмельницкимъ въ коронѣ Польской, на Волыни и въ Подоліи побралъ многія воеводства, города и мѣста, и мы учинились на всей Бѣлой Руси и на великомъ княжествѣ Литовскомъ, и на Волыни и на Подоліи великимъ государемъ“. Этимъ царь ясно доказывалъ, чего Карлъ не долженъ былъ трогать, если хотѣлъ остаться въ мирѣ съ Москвою.

Тщетныя предосторожности! Столкновеніе было необходимо. Радзивилъ величалъ себя великимъ гетманомъ Шведскаго короля и великаго княжества Литовскаго, воеводою Виленскимъ. 18 августа отправленъ былъ къ нему дворянинъ Лихаревъ. Онъ нашелъ гетмана подъ Кайданами и говорилъ ему: „Писалъ ты къ боярамъ царскаго величества и въ грамотѣ своей написался Шведскаго короля и великаго княжества Литовскаго великимъ гетманомъ, Виленскимъ воеводою. Царскаго величества бояре и воеводы удивляются, что ты такъ написалъ, потому что великое княжество Литовское и городъ Вильна никогда не бывали за Шведскимъ королемъ. Вильна была Польскаго короля, а за его неправды взялъ этотъ городъ государь нашъ, и теперь Вильна и литовскіе города за государемъ нашимъ. Такъ ты даришь Шведскаго короля чужимъ; а у государя нашего съ Шведскимъ королемъ вѣчное докончаніе. Ближній бояринъ и воевода князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій велѣлъ тебѣ говорить: если ты хочешь быть Виленскимъ воеводою, то поищи государской милости къ тебѣ, и будь въ подданствѣ у царскаго величества; государь тебя пожалуетъ гетманствомъ Литовскимъ, воеводствомъ Виленскимъ, всѣми твоими маетностями, да сверхъ того пожалуетъ тебя великимъ своимъ царскимъ жалованьемъ, а вольности вашей и вѣры нарушить не велитъ“. Радзивилъ отвѣчалъ: „Хотимъ мы быть у великаго государя въ подданствѣ; но посланцовъ нашихъ задержали, и въ уѣздѣ около Вильны ратные государевы люди крестьянъ, женокъ и малыхъ ребятъ посѣкаютъ всѣхъ и домы палятъ; видя, что посланцовъ задержали, а Польскій король насъ покинулъ, я отдался въ подданство Шведскому королю“. Гонсѣвскій отвѣчалъ: „Государь показалъ бы милость, взялъ у Польскаго короля къ своему краю что́ хочетъ, а насъ бы подъ Польскимъ королемъ не трогалъ“. Въ другое свиданіе съ Лихаревымъ Радзивилъ сказалъ: „У насъ мысль наша вся разно пошла, у всѣхъ нашихъ людей мысль врознь“. Сношенія съ Радзивиломъ начаты были вопреки желанію Никона, который 19 іюля писалъ государю: „Радзивила не призывать,—его и такъ Богъ предастъ“.

Въ сентябрѣ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій отправилъ дворянина Нестерова къ шведскому генералу, графу Делагарди, который далъ знать боярину, что городъ Друя сдался Шведамъ. Нестеровъ доносилъ: шляхта, которая поддалась Шведскому королю, тужитъ и говоритъ: „Не знаемъ, какъ впередъ будемъ жить, не привыкнуть намъ жить въ подданствѣ у Шведскаго короля, мы шведскаго языка не знаемъ, а Шведы нашего языка не знаютъ, къ Русскимъ же людямъ были мы привычны, съ ними жили вмѣстѣ и языкъ у насъ одинъ былъ“. — Представленный Делагарди, Нестеровъ говорилъ ему: „Тебѣ извѣстно, что въ 1654 году

[1]) Дѣла Польск. 1655 года, въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ; столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 71.

бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ взялъ города: Друю, Дрису, Глубокое и людей привелъ ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли Шведы! Шведы приходятъ также къ Ковно, занятому Русскими; Радзивилъ пишется воеводою Виленскимъ и гетманомъ великаго княжества Литовскаго, тогда какъ Вильну Богъ далъ великому государю нашему. А когда, въ 1654 году, московскіе воеводы пошли-было на владѣнія Курляндскаго князя, и Шведскій король прислалъ просить государя, чтобъ Курляндскаго князя не воевать, то государь его просьбу исполнилъ". Делагарди отвѣчалъ: „Если по сыску окажется, что Русскіе прежде Шведовъ заняли Друю и Дрису, то король за эти города стоять не будетъ, а безъ вѣдома королевскаго я о нихъ ничего рѣшить не смѣю. Не знаю, какъ Шведы пріѣзжали къ Ковно, а если и пріѣзжали, то царскимъ людямъ вреда не сдѣлали. Съ Радзивиломъ я увижусь скоро и буду ему говорить, чтобъ онъ воеводою Виленскимъ и гетманомъ не писался". Делагарди обѣщался также освободить всѣхъ московскихъ плѣнниковъ, находившихся у Радзивила. Но эти учтивости не помогали; скоро явилась новая причина къ досадѣ: узнали, что Карлъ переписывался съ Хмельницкимъ и Золотаренкомъ [1]).

Но чѣмъ сильнѣе было раздраженіе противъ Шведовъ, тѣмъ охотнѣе склоняли слухъ къ предложеніямъ мира съ Польшею, истерзанною, безсильною, уступчивою и неопасною. Въ октябрѣ явились въ Москвѣ давно небывалые гости, цесарскіе послы Аллегретти и Лорбахъ. Опасно было для Австріи паденіе союзной католической Польши и усиленіе на ея развалинахъ враждебной, протестантской Швеціи, и вотъ Фердинандъ III поспѣшилъ явиться посредникомъ между царемъ и Яномъ-Казиміромъ, чтобъ освободить Польшу отъ Московской войны и, если можно, обратить царское оружіе противъ Швеціи. Съ самаго пріѣзда, въ разговорѣ съ приставами, послы уже начали толковать о коварствѣ Шведовъ, о необходимости мира съ Поляками, и всѣми средствами задабривать Русскихъ, льстить имъ, зная, что каждое слово, сказанное приставамъ, будетъ донесено царю. „Едва ли Богъ потерпитъ Шведамъ", говорилъ Аллегретти приставамъ, „не дождавшись исхода перемирныхъ урочныхъ лѣтъ, они напали на Поляковъ въ то время, когда царское величество изволилъ наступить на Литву съ своими ратными людьми. Издавна у Шведовъ такой лукавый умыселъ, что они нападаютъ на того, кто безсиленъ. А намъ извѣстно, какія неправды Польскаго короля Яна-Казиміра къ царскому величеству; Поляки уклонились на гордость и никакого исправленія во всѣхъ неправдахъ не учинили". Но потомъ Аллегретти началъ дѣлать намеки на то, что надобно защищать только свое, а не желать чужаго: „У цесарскаго величества была война съ Шведскимъ королевствомъ и съ иными государствами тридцать три года; съ обѣихъ сторонъ людямъ учинилась погибель великая, государствамъ запустѣніе и убытки; но сколько война ни велась, теперь успокоена миромъ, и стало это Богу любо и людямъ годно. За правду стоять надобно,—это не грѣхъ предъ Богомъ, но кто чужаго захочетъ, то, думаемъ мы, это не будетъ прочно впередъ". Боясь однако разсердить этимъ намекомъ, Аллегретти поспѣшилъ прибавить: „Мы это говоримъ съ вами не договоромъ, бесѣдною рѣчью, по пріятельской дружбѣ". Потомъ Аллегретти началъ рѣчь о необходимости всѣмъ христіанскимъ государямъ соединиться противъ невѣрныхъ: „Мнѣ случилось быть въ Царѣградѣ у Турскаго султана въ послахъ отъ короля Испанскаго, и видѣлъ я тамъ, какъ Татары продаютъ Русскихъ и Поляковъ въ работу. Прослезился я, видя, что такое мученіе чинили христіанамъ. Мы надивиться не можемъ, какъ такіе великіе государи до сихъ поръ терпятъ бусурманамъ? Мало того, что продаютъ христіанъ въ работы, на каторги: псы, вѣдомые враги Божіи, Жиды, покупаютъ младенцевъ и въ жидовство приводятъ! Какъ можно христіанамъ терпѣть такія злыя бѣды и досады?" Приставы возразили: „Крымскіе Татару берутъ много людей и изъ Нѣмецкихъ государствъ, также продаютъ въ работы и на каторги" Аллегретти отвѣчалъ: „Дай Боже намъ слышать и видѣть, чтобъ совокупились христіанскіе государи, бусурманъ покорили и власть ихъ разорили". Въѣзжая въ Моску, послы удивлялись церковному строенію, хвалили *стройство* ратныхъ людей; но не понравилось имъ на квартирѣ, хотя и велѣно было въ ней поставить столы и скамьи, перекрыть горницу, которая капала, послать 10 тарелокъ оловянныхъ да 36 тарелокъ деревянныхъ. Аллегретти говорилъ приставамъ: „У насъ посламъ отводятъ жилые дворы, на дворахъ постели и одѣяла изготовлены бываютъ стройныя, скатерти и сосуды всякіе, все готовое. Мы думая, что и у царскаго величества будетъ намъ такъ же, постели и сосудовъ съ собою не взяли, и теперь намъ безъ нихъ быть нельзя". Приставы отвѣчали: „У великихъ государей нашихъ того не повелось, чтобъ ставить пословъ на посадскихъ дворахъ, для нихъ устроены посольскіе дворы, а сосуды всякіе и постели послы привозятъ съ собою".

Въ ноябрѣ возвратился изъ похода государь и имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву: пришедши на Лобное мѣсто, Алексѣй Михайловичъ поклонился образу, поцѣловалъ крестъ изъ рукъ патріарха, указалъ спросить о здоровьи весь міръ, всѣхъ, которые стояли тутъ около Лобнаго мѣста: весь міръ въ землю челомъ ударилъ и царскому величеству многолѣтствовали [2]). 15 декабря Аллегретти съ товарищами представлялся государю, которому поднесъ въ двухъ стклянкахъ муро Чудотворца

[1]) Дѣла Шведскія 1655 года, въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ, столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 71.

[2]) Собр. госуд. гр. и дог. III, № 184

Николая, два кувшинца золотыхъ съ жемчугами, двѣ обьяри цвѣтныя, обьярь серебряную, часы золоченые, двѣ коробки аромату, двѣ коробки сахара составнаго. 17 числа послы были въ отвѣтѣ у бояръ, князей Алексѣя Никитича Трубецкаго, Григорья Семеновича Куракина, Юрья Алексѣевича Долгорукаго. Аллегретти говорилъ: „Цесарское величество прислалъ насъ къ царскому величеству поздравить великаго государя на его преславныхъ государствахъ и обновить прежнюю дружбу предковъ. Цесарское величество желаетъ и того, чтобъ укротилось кровопролитіе между царскимъ величествомъ и королемъ Польскимъ, и оружіе ихъ обратилось бы на общихъ христіанскихъ непріятелей, на бусурманъ. Всякой войнѣ бываетъ конецъ— миръ, а къ миру приводятъ посредники, и если царское величество не изволитъ заключить миръ съ Польскимъ королемъ посредствомъ цесарскаго величества, а потомъ заключитъ миръ посредствомъ другого какого-нибудь государя, то цесарскому величеству будетъ это безчестье". 20 декабря былъ другой съѣздъ, на которомъ бояре отвѣчали посламъ, что государь принимаетъ въ любовь доброхотный совѣтъ цесаря, и, для братской дружбы къ нему, соглашается на миръ съ Польшею, но требуетъ, чтобъ ему немедленно дано было знать, на какихъ статьяхъ быть миру, потому что у государя войска собраны многія и безъ дѣла держать ихъ убыточно. Послы отвѣчали, чтобъ государь назначилъ пограничное мѣсто для посольскаго съѣзда, они дадутъ знать объ этомъ императору, а тотъ въ свою очередь дастъ знать королю Яну-Казиміру, и что пересылка эта больше двухъ мѣсяцевъ не продлится. Бояре спросили: гдѣ теперь король Янъ-Казиміръ, паны радные при немъ ли, и нѣтъ ли между ними розни? Аллегретти отвѣчалъ: „Король Янъ-Казиміръ еще не сгинулъ, а при немъ есть и паны радные и Рѣчь Посполитая; теперь онъ стоитъ отъ Кракова близко въ Силезіи. Цесарь съ нимъ въ близкомъ свойствѣ—братъ двоюродный, а что теперь отстали отъ Польскаго короля Радзивилъ да подканцлеръ Радзіевскій, и это дѣло не большое:—тутъ не вся Земля. А которые вмѣстѣ съ ними поддались Шведскому королю, то дѣло это не можетъ надолго состояться, потому что у Поляковъ владѣютъ всѣмъ сперва духовные люди, и имъ, католикамъ, съ Лютеранами и Кальвинами какъ ужиться? И папа, и цесарь, и короли Испанскій и Французскій, и другіе государи католической вѣры вступятся и самой вѣрѣ сгинуть не дадутъ. Хотя теперь король Польскій и Кракова лишенъ, но и Москва была за Поляками, а потомъ Русскіе люди собрались и Поляковъ изъ Москвы выгнали".

На съѣздѣ 24 декабря бояре спросили пословъ: „Если Шведы Польшею завладѣютъ, то цесарь Польскому королю будетъ ли помогать противъ Шведовъ?" Аллегретти отвѣчалъ: „Если Польскій король будетъ въ крайности, т.-е. если царское величество помириться съ нимъ не изволитъ и цесаря въ посредники не возьметъ, то за Польскаго короля не одинъ цесарь, но и папа, и Французскій, и другіе государи двинутся". Потомъ Аллегретти спросилъ: „Хмельницкій царскому величеству вѣренъ ли и впередъ отъ него шатости въ какую-нибудь сторону не чаять ли?" Бояре спросили: „Зачѣмъ онъ это спрашиваетъ?" Посолъ отвѣчалъ: „У Шведовъ рѣчь несется, будто Хмельницкій хочетъ поддаться подъ Шведскую корону". Бояре отвѣчали: „Черкасы никогда отъ царскаго величества не отступятъ, нельзя этому быть" [1].

Въ Москвѣ хотѣли: удостовѣриться, дѣйствительно ли Янъ-Казиміръ еще имѣетъ какія-нибудь средства; узнать, какъ велика можетъ быть надежда для царя удержать не только великое княжество Литовское, но пріобрѣсти и корону Польскую. Въ февралѣ 1656 года отправленъ былъ дворянинъ Лихаревъ къ Литовскому гетману Павлу Сапѣгѣ и коронньмъ—Станиславу Потоцкому и Станиславу Лянцкорнскому. Въ апрѣлѣ Лихаревъ нашелъ Сапѣгу въ Люблинѣ, который по уходѣ русскаго войска занятъ былъ Шведами, а теперь сдался Литовскому гетману на имя Яна-Казиміра. На слова Лихарева, призывавшаго его подъ высокую руку великаго государя, Сапѣга отвѣчалъ: „На государевомъ жалованьи челомъ бью; еслибъ я не слыхалъ про пана своего короля, еслибъ онъ къ намъ не вернулся, то я бы со всею Литвою къ царскому величеству пошелъ въ подданство; не мы его покинули, онъ насъ покинулъ. А теперь слышу, что онъ къ намъ возвратился, пріѣхалъ во Львовъ и идетъ на Шведа; такъ я своего пана короля, своей вѣры и своего Сапѣжинскаго дома и права не могу покинуть, измѣнникомъ быть не хочу; государь же меня назоветъ измѣнникомъ, скажетъ: измѣнилъ ты королю, измѣнишь и мнѣ; скорѣе горло свое дамъ, а такъ не сдѣлаю. Княжество Литовское все хотѣло къ царскому величеству, но Урусовъ насъ задралъ и домы наши запустошилъ. И теперь все княжество Литовское хочетъ миру съ государемъ; а Польша хочетъ больше мира съ Шведскимъ королемъ". Изъ Люблина Лихаревъ поѣхалъ во Львовъ. Здѣсь Потоцкій далъ такой же отвѣтъ: „Неслыханное дѣло, чтобъ королю покинуть государство свое, или намъ отъ него отступить,—онъ тутъ родился, природный государь намъ, на время отъѣзжалъ, да и опять пріѣхалъ".

Но въ то время какъ Лихаревъ велъ эти переговоры съ гетманами, въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Москву польскій посланникъ Петръ Галинскій. Государь указалъ посольскому думному дьяку Алмазу Иванову ѣхать къ Галинскому и разспросить, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Посланникъ объявилъ, что онъ привезъ статьи, на которыхъ становить миръ между королемъ и великимъ государемъ, и если царское величество согласится, то долженъ быть назначенъ пограничный съѣздъ уполномоченныхъ

[1]) Памятники дипломатич. сношеній, изд. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

для окончательнаго постановленія. Да онъ же, посланникъ, долженъ объявить о замыслахъ Шведскаго короля противъ Московскаго государства: Карлъ X-й не только обѣщалъ Радзивилу съ товарищами возвратить земли, занятыя царскими войсками, но и хотѣлъ идти съ войскомъ прямо подъ Москву, обѣщалъ, что изъ Смоленска ни одинъ кирпичъ не пропадетъ; всѣ эти договоры и обязательства за рукою и печатями короля и графа Магнуса Делагарди у короля Яна-Казиміра и у полковниковъ есть, и съ этихъ подлинныхъ листовъ присланы съ нимъ, Галинскимъ, списки.—Безъ представленія государю, Галинскаго позвали въ отвѣтъ къ окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрову и дьяку Алмазу Иванову, несмотря на то, что посланникъ со слезами просилъ позволенія сперва поднести королевскую грамоту самому царю. Галинскій объявилъ слѣдующія статьи: 1) Король желаетъ мира; 2) чтобъ государь уступилъ королю все завоеванное. На замѣчаніе, что это дѣло нестаточное, Галинскій сказалъ: „Если мало попросить, такъ незачѣмъ и уговору быть, а какъ много попросить, такъ есть изъ чего убавить, а все это въ волѣ великаго государя". Галинскій больше всего старался произвести раздраженіе противъ Шведовъ: „Королю и народу", говорилъ онъ, „не такъ досадно на царское величество, хотя у нихъ государство опустошено, какъ досадно на Шведовъ, которые, видя ихъ упадокъ и разоренье, не выждавъ перемирныхъ семи лѣтъ, напали на нихъ невинно и, сговорясь съ еретиками Венграми, разоренье сдѣлали большое; мириться со Шведами король и сенаторы безъ воли царскаго величества не будутъ, въ томъ я дамъ письмо за своею рукою".

Послѣ этихъ объясненій Галинскій былъ представленъ государю и позванъ въ другой разъ въ отвѣтъ къ тѣмъ же Хитрову и Алмазу. Дьякъ объявилъ, что хотя великому государю за многія грубости и досады къ миру склонности учинить и не довелось, однако, по прошенію цесаря Фердинанда, на то изволяетъ. Галинскій далъ запись, что король безъ воли царской, до съѣзда великихъ пословъ, со Шведскимъ королемъ мириться не будетъ. Хитровъ же, со своей стороны, объявилъ, что если Шведскій король доконча̀нье нарушитъ и на царскія города наступитъ, то государь отпоръ ему давать велитъ. Условились, что до посольскаго съѣзда, который долженъ быть въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ, съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйствія прекращаются. Съ этимъ Галинскій и отправился изъ Москвы [1]).

Отправлены были и австрійскіе послы: 25 апрѣля имъ было сказано, что 27 числа они будутъ у государя на отпускѣ и у стола, а отпускъ имъ будетъ потому, что посланы отъ государя и отъ нихъ гонцы къ цесарю, положенъ имъ срокъ пріѣхать къ первому мая; май мѣсяцъ близко, а про гонцовъ и вѣсти нѣтъ; великому государю дожидаться нельзя,—въ первыхъ числахъ мая онъ идетъ на своего непріятеля со многими войсками, и потому имъ, посламъ, теперь дѣлать нечего; если же цесарь изволитъ для посредства прислать другихъ пословъ, то тѣ послы будутъ у царскаго величества въ походѣ. Тщетно послы возражали, что отпуска не примутъ, потому что гонецъ ихъ не бывалъ, а не дождався гонца, ѣхать имъ къ цесарю не-съ-чѣмъ; тщетно били челомъ, чтобъ государь взялъ ихъ съ собою въ походъ: имъ объявлено, что государь идетъ въ свои новопріемные города въ великое княжество Литовское; что посольскій съѣздъ будетъ въ Вильнѣ и никакъ не раньше послѣднихъ чиселъ іюля или первыхъ августа, и потому имъ, посламъ, ждать долго, а въ походъ за царскимъ величествомъ идти непристойно. Послы спрашивали: куда царскому величеству изъ литовскихъ нововзятыхъ городовъ походъ будетъ? Думный дьякъ отвѣчалъ: „Намъ царскаго величества мысль вѣдать нельзя, да и спрашивать о томъ страшно". На это Аллегретти сказалъ: „У Испанскаго короля однажды войска многія были изготовлены и корабли воинскіе; спрашивали у него ближніе люди, куда онъ эти корабли и войско изготовилъ? Король отвѣчалъ: что у него сдумано, того имъ вѣдать ненадобно; еслибъ онъ вѣдалъ, что рубашка его думу знала, то онъ бы ее сейчасъ въ огонь кинулъ".

Отправлены были послы польскій и австрійскіе, но оставались въ Москвѣ шведскіе, пріѣхавшіе еще въ декабрѣ 1655 года для подтвержденія Столбовскаго доконча̀нія. Послы эти были: Густавъ Белке, Александръ фонъ-Эссенъ и Филиппъ фонъ-Крузенштернъ. Съ самаго начала послы должны были увидать, что Столбовское доконча̀нье не будетъ подтверждено. Въ отвѣтѣ 17 января 1656 года послы сказали боярамъ. „Польскій король хотя теперь кажется и пропалъ, только у него друзей много, которые съ нимъ одной Римской вѣры; они, надобно думать, за него вступятся, чтобъ вѣра ихъ Римская не погибла; такъ царское величество изволилъ бы съ государемъ нашимъ королемъ на этого общаго непріятеля соединиться и укрѣпиться и стоять на него сообща. Оберегаться отъ него надобно гораздо, чтобъ за него иной какой недругъ не всталъ и ссоры и лиха какого не учинилъ; да чтобъ царское величество изволилъ послать къ королевскому величеству своихъ пословъ". Начались споры за новые царскіе титулы: „Бѣлой Россіи, Литовскій, Волынскій и Подольскій", которыхъ послы не хотѣли давать государю, отговариваясь новостію дѣла, своимъ незнаніемъ о немъ; особенно же казались посламъ сомнительны титулы: „Восточнаго и Западнаго, и Сѣвернаго", потому что владѣнія королевскія, говорили они, сходятся съ владѣніями царскаго величества. На вопросъ пословъ, зачѣмъ государь такъ началъ писаться? бояре отвѣчали: „За великимъ государемъ нашимъ въ тѣхъ странахъ государства есть: на востокъ царство Казанское и Астраханское, а на западѣ и сѣверѣ—Сибирское

[1]) Дѣла Польскія 1656 года, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

царство и иные многіе города и мѣста. Бояре объявили рѣшительно, что безъ грамоты, въ которой вполнѣ будутъ написаны царскіе титулы, не станутъ подтверждать вѣчнаго докончанія; не скрывали и главной причины неудовольствія. „Съ королевской стороны", говорили они, „дѣлается многая неправда къ нарушенію вѣчнаго докончанія: когда великій государь ходилъ на Польскаго короля своею парсуною и многія земли взялъ, а другія хотѣли добить ему челомъ, въ то время государь вашъ, видя, какъ Польша и Литва подъ государеву высокую руку мало не всѣ клонятся, не обославшись съ царскимъ величествомъ, пошелъ въ польскіе города войною и у царскихъ ратныхъ людей отъ Полоцка дорогу велѣлъ перенять, и подъ которыми городами царскіе ратные люди стояли и на время по прошенью осадныхъ сидѣльцевъ поотошли, королевскіе ратные люди, обольстя осадныхъ сидѣльцевъ, тѣ города взяли, и, пріѣзжая въ уѣзды, занятые царскими войсками, берутъ всякіе запасы самовольствомъ; города, покорившіеся царскому величеству, перезываютъ на свою сторону, безчестя государя и все Московское государство; Делагарди писалъ къ Полякамъ, перезывая ихъ на шведскую сторону съ устрашеньемъ, и въ той же грамотѣ царское величество написалъ непріятелемъ". Послы, по настоянію бояръ, отправили гонца къ своему королю, чтобъ позволилъ перемѣнить грамоту, написать въ ней новыя титла царскія. Послы жаловались боярамъ: „Которые Поляки поддались-было королевскому величеству, и тѣхъ Поляковъ они видѣли въ Москвѣ, и государемъ они пожалованы". Бояре отвѣчали: „Кто царскаго величества милости поищетъ и къ государю пріѣдетъ, тѣхъ царское величество жалуетъ. Вѣдомо царскому величеству учинилось, что королевское величество ссылается съ подданными царскими, съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ Васильемъ Золотаренкомъ, призываетъ ихъ къ себѣ въ подданство, отводя отъ высокой руки царской". Бояре показали и грамоту королевскую къ Золотаренку. Послы, посмотрѣвъ грамоту, сказали: „Переведена грамота не прямо: говорите, что король призываетъ Золотаренка въ подданство, а король только призываетъ его къ себѣ на помощь на общаго недруга; а къ Хмельницкому посылалъ король для того, что они сами королевскому величеству били челомъ въ подданство и приказывали говорить: если король ихъ не приметъ, то они опять поддадутся Польскому королю. Но король и не мыслитъ принять ихъ въ подданство, писалъ къ Золотаренку, чтобъ подождалъ указа и никуда не ходилъ, а къ Хмельницкому писалъ, чтобъ казаки Полякамъ не поддавались". *Бояре:* „Грамота переведена справчиво: король пишетъ Золотаренку, что за его службу, за исканіе королевской милости похваляетъ, а Золотаренко писалъ къ королю, поддаваясь ему нарочно, извѣдывая, какова королевская дружба къ царскому величеству, и когда король его грамоту принялъ съ радостію и отвѣчалъ съ похвалою, то Золотаренко грамоту королевскую для обличенья неправды тотчасъ къ царскому величеству прислалъ. Великое княжество Литовское Богъ далъ царскому величеству, и королю въ повѣты великаго княжества вступаться не довелось; королевскому величеству Богъ поручилъ въ коронѣ Польской взять Краковъ и Варшаву въ то время, какъ отъ царскихъ ратныхъ людей Польскіе и Литовскіе люди изнемогли; а когда Польскіе и Литовскіе люди были въ цѣлости, тогда король на нихъ не наступалъ. И если король, забывъ это, велѣлъ захватывать царскіе города и повѣты, то хотя и малыя мѣста неправдою захватили, однако за малыя придется отдать большія". Послы возражали, что о такихъ ссорахъ можно послать сыскать и дѣло исправить безспорно; но бояре прямо указывали на необходимость войны: „Этого дѣла вершить нечѣмъ, кромѣ того, что за малыя мѣста отдавать вамъ большія мѣста" [1]).

Чтобъ заставить Шведовъ за малыя области отдать большія, царь хотѣлъ вооружить противъ Карла X-го Данію. Въ мартѣ былъ отправленъ туда стольникъ, князь Данила Мышецкій, который объявилъ королю Фридриху III, что Шведскій король Карлъ-Густавъ, услышавъ царскаго величества промыселъ надъ Польскимъ королемъ, видя Поляковъ въ большомъ утѣсненьи, присталъ тутъ же со стороны и, не обославшись съ царскимъ величествомъ, въ то же время на Польскихъ людей войною наступилъ безвѣстно, у царскихъ ратныхъ людей въ войнѣ путь перенялъ и сталъ привлекать польскіе города на свою сторону, притворяясь союзникомъ царскаго величества; шведскіе генералы перешли въ области, занятыя царскими войсками, за Нѣманъ и Вилію; съ жителей, поддавшихся царю, сбираютъ стаціи и налоги чинятъ; король посылаетъ грамоты къ Запорожскимъ Черкасамъ, перезываетъ ихъ отъ царя къ себѣ въ подданство, обѣщалъ покорившимся ему Литовцамъ возвратить имъ всѣ завоеванія царскія. „Великому государю извѣстно", говорилъ Мышецкій Фридриху III, „что и вашему королевскому величеству съ Шведской стороны многія неправды; Шведскій король всякими мѣрами промышляетъ, чтобъ ему Варяжскимъ моремъ всѣмъ одному завладѣть, въ торговыхъ промыслахъ всѣмъ большое утѣсненье сдѣлать; время теперь приспѣло вашему королевскому величеству промыслъ надъ нимъ учинить и съ великимъ государемъ нашимъ соединиться". Фридрихъ отвѣчалъ, что отправляетъ къ государю своего посла [2]). Въ то же время отправленъ былъ стольникъ Алфимовъ къ Шведскому королю, съ выговоромъ за непріязненные поступки въ Литвѣ. Карлъ X отвѣчалъ увѣреніями въ дружбѣ; писалъ, что непріязненныя столкновенія случились не по его приказу, начальные люди поступали само-

[1]) Дѣла Шведскія 1655 и 1656 г., въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ.

[2]) Дѣла Шведскія 1655 и 1656 г., въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ; Датскій статейный списокъ, № 11.

вольно, обѣщалъ разыскать виновныхъ и наказать ихъ. Но эти увѣренія и обѣщанія не могли остановить войны уже рѣшенной, и это рѣшеніе не могло долго оставаться тайною.

Въ маѣ Белке сказалъ думному дьяку Алмазу Иванову: „Вѣсти носятся въ міру, будто царское величество хочетъ на Шведскую Землю наступить войною“. Дьякъ отвѣчалъ: „Если такая молва въ людяхъ и есть, то говорятъ это глупые люди, и такихъ пустыхъ рѣчей не переслушать; а со стороны короля явная неправда: договариваясь съ Радзивиломъ, обѣщалъ онъ всѣ имѣнія литовскихъ пановъ, которыя теперь у царскаго величества, возвратить назадъ“. Отвѣтъ не могъ успокоить пословъ, тѣмъ болѣе что съ ними стали обходиться дурно. 11 мая Белке прислалъ жалобу: „Запрещаютъ намъ ходить въ городъ и въ Нѣмецкую слободу, людей нашихъ и слугъ держатъ какъ плѣнныхъ, не пускаютъ со двора болѣе четырехъ человѣкъ разомъ, не велятъ ходить со шпагами; о томъ же нечего и говорить, какое намъ потчиванье въ корму бываетъ“. На жалобу эту посламъ отвѣчали: „Говорено вамъ было много разъ, что со стороны королевскаго величества дѣлаются многія неправды къ нарушенію вѣчнаго докончанія; для исправленія этихъ неправдъ послали вы къ королевскому величеству секретаря, и тотъ секретарь до сихъ поръ назадъ не бывалъ; потомъ отправленъ къ королю царскаго величества гонецъ, и тотъ задержанъ; поэтому видно, что королевское величество начинаетъ и ищетъ того, чтобъ учинить вѣчному докончанію нарушенье; да и кромѣ того многія съ королевской стороны неправды, и тѣми неправдами вѣчное докончаніе нарушено съ королевской стороны“. 17 мая велѣно объявить посламъ, что мирное докончаніе нарушено съ Шведской стороны, велѣно ихъ перевести съ Посольскаго двора въ Замоскворѣчье, кормъ давать противъ прежняго третью долю; но потомъ послѣднее приказаніе было отмѣнено.

Между тѣмъ, 15 мая государь уже выѣхалъ изъ Москвы; отрядъ войска, подъ начальствомъ Петра Потемкина, отправленъ былъ для занятія береговъ Финскаго залива, туда, гдѣ только спустя полвѣка суждено было Русскимъ стать твердою ногою; Никонъ, по обычаю своему, захватывалъ далеко: 25 мая онъ писалъ государю, что къ Потемкину отправлены Донскіе казаки, которыхъ онъ, патріархъ, благословилъ идти въ Стокгольмъ и въ другія мѣста моремъ: знаменитыхъ громителей береговъ Черноморскихъ хотѣли употребить для той же цѣли на Балтійскомъ морѣ! 30 іюня Никонъ увѣдомилъ государя о взятіи Канцевъ Потемкинымъ. 5 іюля царь торжественно въѣхалъ въ Полоцкъ, и 15 выступилъ съ полками противъ Шведовъ въ Ливонію; 31 іюля 3,400 русскихъ ратныхъ людей приступили къ Динабургу ночью, за два часа до свѣта; за полчаса до свѣта большой городъ былъ уже взятъ, потомъ взяли и меньшой, или верхній, гдѣ вырубили всѣхъ людей. Немедленно царь велѣлъ построить въ Динабургѣ церковь Св. Бориса и Глѣба и городъ назвать Борисоглѣбовымъ. Потомъ былъ взятъ Кокенгаузенъ; этотъ старинный русскій городъ Кукейносъ переименованъ былъ въ „Царевичевъ Димитріевъ городъ“. О немъ царь писалъ сестрамъ: „Крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокій, меньшой братъ нашему Кремлевскому рву, а крѣпостію сынъ Смоленску граду; ей, чрезъ мѣру крѣпокъ; а побито нашихъ 67, да ранено 430“. 23 августа самъ царь осадилъ Ригу; 1 сентября съ шести русскихъ батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днемъ, ни ночью; несмотря на то, губернаторъ Рижскій, графъ Магнусъ Делагарди, не сдавалъ города, а 2 октября осажденные ударили на укрѣпленія осаждающихъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Эта неудача, осеннее время, возстаніе крестьянъ, истреблявшихъ русскіе отряды, посылаемые для кормовъ; слухи, что самъ Карлъ X намѣренъ пріѣхать въ Ливонію,—все это заставило царя снять осаду Риги и отступить въ Полоцкъ. Дерптъ сдался русскимъ, но этимъ и кончились пріобрѣтенія ихъ въ Ливоніи [1]).

Въ Полоцкѣ Алексѣй Михайловичъ дожидался конца переговоровъ своихъ уполномоченныхъ съ польскими. Еще 13 іюля изъ соборной полоцкой Софійской церкви государь отпустилъ на съѣздъ съ польскими послами въ Вильну: боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго, окольничаго князя Ив. Ив. Лобанова-Ростовскаго, дьяковъ Дохтурова и Юрьева; польскіе коммисары были:—Янъ-Казиміръ Красинскій, воевода Полоцкій, и Христофъ Завиша, маршалокъ великій. Съѣздъ былъ назначенъ у Вильны, въ двухъ верстахъ отъ города, а польскимъ коммисарамъ стоять въ деревнѣ на рѣчкѣ Немежѣ, въ шести верстахъ отъ Вильны. Посрединѣ былъ поставленъ государевъ шатеръ для переговоровъ, около него особые для московскихъ, цесарскихъ и польскихъ пословъ. Въ то же время разосланы были царскія грамоты въ повѣты Лидскій, Слонимскій, въ воеводство Новгородское, въ повѣтъ Ошмянскій, въ воеводство Минское, въ повѣтъ Гродненскій, въ воеводство Троцкое, въ повѣтъ Волковыйскій, Мозырскій, Рѣчицкій, въ воеводство Виленское. Грамоты были такого содержанія: „Вамъ бы вѣрнымъ и подданнымъ нашего царскаго величества отчины, полковникамъ, ротмистрамъ, всякимъ урядникамъ и всей урожденной шляхтѣ и всему рыцарству учинить между собою сеймикъ и выбрать двухъ человѣкъ добрыхъ и умныхъ, которыхъ бы съ наше царское дѣло стало, а выбравъ послать ихъ на съѣздъ въ Вильну къ нашимъ полномочнымъ посламъ. И тѣ бы выборые люди, будучи на съѣздѣ, намъ, великому государю, по своему обѣщанью, служили, великаго княжества Литовскаго и короны Польской

[1]) Gründliche und Wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königl. Staat Riga 1657; письма царя Алекс Мих., хранящ. въ Госуд. арх.; тамъ же, столбцы приказа Тайныхъ дѣлъ, № 71.

сенаторамъ, полковникамъ, ротмистрамъ, и всей урожденной шляхтѣ, и всему рыцарству, и духовнаго всякаго чина людямъ, которые будутъ на съѣздѣ съ польскими послами, нашу государскую милость и жалованье къ себѣ выславляли, что мы васъ пожаловали, вѣры вашей, правъ и вольностей ни въ чемъ нарушить не велѣли, прежними маетностями владѣть велѣли, да и сверхъ прежнихъ маетностей пожаловали иными многими, чтобъ, слыша нашу государскую милость къ вамъ, литовскіе и польскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди нашей милости поискали, къ покою были склонны и были подъ нашею высокою рукою, и отъ нашего великаго княжества Литовскаго корона Польская не отлучилась бы. Да и про то выборные люди объявили бы, что мы, великій государь, великаго княжества Литовскаго Польскому королю Яну-Казиміру не уступимъ, потому что мы города и мѣста его взяли своею государскою особою, и жители ихъ, кромѣ насъ, никого государемъ имѣть не хотятъ. Если же польскіе и литовскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди станутъ отговариваться, что имъ отъ короля Яна-Казиміра, пока онъ живъ, отступить нельзя, ибо они ему присягали, то говорить, чтобъ они имѣли королемъ своимъ Яна-Казиміра, пока онъ живъ, а насъ бы, великаго государя, на корону Польскую царемъ себѣ выбрали, намъ и сыну нашему присягнули и кромѣ насъ на на королевство Польское, по смерти Яна-Казиміра, другого государя никого себѣ не выбирали, и въ конституцію бы это напечатали. А когда это доброе дѣло совершитъ Богъ, то мы пожалуемъ васъ нашимъ государскимъ жалованьемъ, чего у васъ и на умѣ нѣтъ".

12 августа былъ первый съѣздъ. Одоевскій потребовалъ, чтобъ король уступилъ царю все великое княжество Литовское и заплатилъ военные убытки, которые въ 1654 году простирались до 800,000 рублей, а въ 1655 до 500,000 рублей. 14 числа польскіе послы потребовали, чтобъ государь возвратилъ королю все завоеванное и заплатилъ убытки. Одоевскій отвѣчалъ: „Что великому государю Богъ подаровалъ, того онъ никогда не уступитъ". Начался длинный споръ о томъ, имѣлъ ли право Алексѣй Михайловичъ начать войну съ королемъ; Одоевскій доказывалъ это право съ большимъ вычетомъ; коммисары настаивали на своемъ, что нестерпимыя обиды учинились имъ отъ нарушенья вѣчнаго мира съ царской стороны, но что они полагаютъ это дѣло на волю Божію: попустилъ на нихъ Богъ такое разоренье за грѣхи ихъ. Коммисары дали понять посламъ, что слишкомъ большія требованія ихъ могутъ заставить короля заключить миръ съ Швеціею при посредствѣ Французскаго короля. Одоевскій отвѣчалъ: „Намъ извѣстно, что Французскій король предлагаетъ Яну-Казиміру королю миръ съ Швеціею на трехъ условіяхъ: 1) чтобъ Прусскому князю быть удѣльнымъ княземъ; 2) чтобъ Богуславу Радзивилу быть съ своимъ же удѣломъ; 3) чтобъ по смерти Яна-Казиміра быть королемъ Польскимъ Шведскому королю". Коммисары сказали на это: „Тому статься нельзя, чтобъ по смерти королевскаго величества быть въ Польшѣ Шведскому королю; намъ надобенъ король, который бы ходилъ въ нашей польской ферязи, а не въ нѣмецкихъ флюндрахъ, а эти намъ флюндры и такъ придокучили".

16 августа быть третій съѣздъ вмѣстѣ съ австрійскими послами. Коммисары объявили прежніе запросы, бояре отказали имъ впрямь и пошли-было изъ государева шатра вонъ. Тутъ вступились австрійскіе послы: „Надобно", говорили они, „старыя всякія причины, за что война началась, оставить, и говорить бы о томъ, какъ миръ учинить". Посредники объявили отъ имени коммисаровъ, что они отказываются отъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ войною, поэтому и государевымъ посламъ слѣдуетъ сдѣлать такъ же какую-нибудь уступку. „Полякамъ", говорилъ Аллегретти, „бѣднымъ и разоренным людямъ, царскому величеству уступить нечего, города княжества Литовскаго почти всѣ за великимъ государемъ; если же отъ васъ уступки имъ никакой не будетъ, то доброе дѣло не состоится, и посредничать намъ нечего; лучше ли будетъ, если Польскій король, вмѣсто мира съ царскимъ величествомъ, помирится съ Шведскимъ королемъ?" — „Царскому величеству", отвѣчалъ Одоевскій, „не страшно, если Янъ-Казиміръ помирится съ Шведскимъ королемъ: у царскаго величества войска много, есть съ кѣмъ и противъ обоихъ государствъ стоять". Тогда австрійскіе послы, осердившись, хотѣли-было уже выходить изъ шатра, но Одоевскій остановилъ ихъ и объявилъ, что царь соглашается не требовать отъ Поляковъ вознагражденія за военные убытки, пусть только отдадутъ всѣ литовскіе города.—„Запросы слишкомъ тяжелы", отвѣчалъ Аллегретти, „за такими запросами миру статься нельзя".

18 августа былъ четвертый съѣздъ. Одоевскій объявилъ, что государь отступается отъ тѣхъ литовскихъ городовъ, которые еще за королемъ. „Это не уступка", возражали коммисары. Послѣ споровъ, Одоевскій наконецъ объявилъ настоящее дѣло: „Государь вашъ въ совершенныхъ лѣтахъ, а наслѣдниковъ у него нѣтъ: такъ пусть Рѣчь Посполитая, по совѣту съ королемъ, пришлетъ къ нашему великому государю пословъ съ избраніемъ его великаго государя, и писать его обраннымъ коруны Польской великимъ государемъ, потому что великое княжество Литовское подъ царскою рукою утвердилось; а великій государь хочетъ васъ держать въ своей большой милости и вольностей вашихъ нарушать ничѣмъ не велитъ". Коммисары отвѣчали: „Это дѣло великое; скоро отвѣту дать нельзя". Назначивъ новый съѣздъ 20 августа, коммисары начали говорить объ успѣхахъ своего короля противъ Шведовъ, и потомъ сказали: „Королевское величество велѣлъ вамъ объявить, что гетманъ Хмельницкій ссылку держитъ съ Шведскимъ королемъ и съ Семиградскимъ княземъ Рагоци, потому что теперь между

царскимъ и королевскимъ величествомъ начались мирные переговоры, и Хмельницкій, опасаясь за свою измѣну всякаго зла, хочетъ отъ царскаго величества отстать". Одоевскій отвѣчалъ, что это несхожее дѣло.

20 августа, на пятомъ съѣздѣ, коммисары объявили, что предложеніе пословъ объ избраніи царя въ наслѣдники Польскаго престола принимаютъ любительно, но что это дѣло великое, безъ короля его сдѣлать нельзя, а королевской инструкціи насчетъ его имъ нѣтъ никакой; кромѣ того, Польшѣ безъ Литвы быть нельзя, а послы отъ литовскихъ городовъ не отступаются; пусть царское величество покажетъ свою любовь, уступитъ королю Литву, Бѣлую и Малую Русь. Въ споръ вступился Аллегретти и принялъ явно сторону польскихъ коммисаровъ, требуя уступокъ отъ бояръ. Одоевскій замѣтилъ ему, что онъ, вмѣсто посредничества, царскому дѣлу только помѣшку чинитъ. Аллегретти осердился и говорилъ: „О королевствѣ Польскомъ и прежде многіе государи христіанскіе старались, и теперь у цесаря есть братья и дѣти и другіе арцыкняжата одной съ Поляками Римской вѣры, и имъ не иного чего ожидать; государь, который хочетъ быть государемъ другого государства, не отнимаетъ у него стараго, но прибавляетъ новое". Одоевскій опять замѣтилъ, что Аллегретти, вмѣсто посредничества, говоритъ такія вещи, которыхъ и сами польскіе коммисары не говорятъ.

Шестой съѣздъ, 22 августа, прошелъ въ спорахъ объ условіяхъ избранія царя въ короли; бояре требовали, чтобъ Польскій престолъ былъ наслѣдственнымъ для царя и его потомства; паны утверждали, что Поляки никакъ не откажутся отъ права избранія; кромѣ того, паны настаивали, чтобъ Поляновскій договоръ остался во всей силѣ. 25 августа, на седьмомъ съѣздѣ, Аллегретти объявилъ, что онъ объ избраніи царя на Польскій престолъ и слышать не хочетъ, присланы они отъ императора для посредничества о мирѣ, а не объ избраніи. Одоевскій отвѣчалъ, что онъ, Аллегретти, говоритъ непристойныя рѣчи, и объявилъ коммисарамъ, что царь требуетъ навѣки Малую и Бѣлую Русь, Волынь и Подолію, а Литовскаго княжества требуетъ только на 20 лѣтъ за военные убытки. На осьмомъ съѣздѣ, 27 августа, цесарскіе послы такъ посредничали, что сами польскіе коммисары объявили Одоевскому: „Съѣхаться бы намъ завтра и о покоѣ христіанскомъ поговорить между собою, а цесаревымъ посламъ тутъ не быть, потому что отъ нихъ на обѣ стороны, кромѣ ссоры, добра никакого нѣтъ, не желаютъ, чтобъ былъ на Польскомъ престолѣ царь Алексѣй Михайловичъ, а прочатъ цесарева сына или брата". 28 августа коммисары начали говорить боярамъ: „Цесарскіе послы на насъ досадуютъ, зачѣмъ мы начали говорить объ избраніи царскаго величества; у императора есть дѣти и братья, и на королевствѣ Польскомъ есть кому быть; но намъ цесарева племени, Австрійскаго дома, короли уже наскучили: какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у насъ быть короли нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало-что не нищіе и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе послы рады не соединенію, а разорванью между нами; такъ мы станемъ между собою говорить о добромъ дѣлѣ сходительнымъ обычаемъ, и початокъ доброму дѣлу мы объявляемъ такой: государь нашъ уступаетъ царскому величеству все то, что уступлено было вамъ по Поляновскому договору; о Малой и Бѣлой Руси, о Волыни и Подоліи пошлемъ гонца къ королю, и вы пошлете съ своей стороны къ царскому величеству; что же касается Литвы, то царское величество поступился бы ею королю, потому что и такъ государство наше почти все разорено; объ избраніи царскаго величества мы уже писали къ королю и дожидаемся отвѣта". Одоевскій отвѣчалъ, что они, послы, обо всемъ этомъ отпишутъ къ великому государю. Коммисары начали-было толковать о возвращеніи въ королевскую сторону Запорожскихъ казаковъ съ ихъ землями; но послы имъ отказали: — то дѣло несхожее; Черкасы государю присягали, что быть подъ его рукою вовѣки, и отступиться отъ нихъ государю нельзя, да и потому нельзя отпустить Черкасъ къ королевскому величеству, что у нихъ съ Поляками давняя вражда, и усмирить ихъ никакъ невозможно, и только царскому величеству отъ себя ихъ отлучить, и они тотчасъ поддадутся или Турскому, или Крымскому, или Шведскому, и, соединясь съ ними, обоимъ государствамъ станутъ чинить всякое зло и разоренье, а какъ будетъ на коронѣ Польской государемъ его царское величество, то и Запорожскіе Черкасы будутъ заодно же.

29 августа получили послы государеву грамоту. Царь писалъ, что дѣло объ избраніи его на Польскій престолъ и о мирѣ отложить до другого времени, войска съ обѣихъ сторонъ задержать на полгода или больше, и обратить ихъ на общаго непріятеля—Шведа, съ которымъ не заключать отдѣльнаго мира; и только 18 сентября пришелъ царскій отвѣтъ на грамоту посольскую, отправленную послѣ съѣзда 28 августа; царь писалъ, чтобъ послы продолжали дѣло объ избраніи. 20 сентября былъ десятый съѣздъ. Коммисары объявили, что объ избраніи къ нимъ наказа еще не прислано, присланъ наказъ о мирномъ постановленьи. Одоевскій отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ лучше всего всякое дѣло отложить и двинуть войска на Шведа, съ которымъ порознь не мириться. Но коммисары предложили вопросъ: если царское величество избранъ будетъ въ короли, то уступитъ ли Малую и Бѣлую Русь королевству? Послы отвѣчали, что всего лучше это дѣло отложить на полгода или больше. Коммисары не согласились. Одоевскій предложилъ послѣднюю мѣру: въ государеву сторону Малую и Бѣлую Русь, Волынь и Подолію навѣки, а Вильну съ другими городами литовскими на 18 лѣтъ. Коммисары отказали и хотѣли вмѣстѣ съ австрійскими послами разъѣхаться безъ дѣла.

*

Тогда послы, чтобъ царскому избранію на Польскій престолъ помѣшки не учинились, предложили: избраніе царя въ наслѣдники королю Яну-Казиміру и уступку Малой и Бѣлой Руси Московскому государству; паны останутся при всѣхъ своихъ правахъ и при вольномъ избраніи короля; государь обѣщается возвратить Польшѣ Ливонію по Двину, кромѣ городовъ, принадлежавшихъ царю Ивану Васильевичу; обѣщается отыскивать и наслѣдственное Яна-Казиміра королевство Шведское; обѣщается возвратить всѣхъ плѣнниковъ, всѣ пушки, взятыя въ городахъ литовскихъ; имѣнія, отнятыя у православныхъ церквей и монастырей, возвращаются; духовенству православному быть въ прежней чести; унія должна быть уничтожена, ибо она Богу всемогущему грубна: это не вѣра, но замыселъ злыхъ людей, которые отступили отъ Греческаго закона, и между Греческимъ закономъ и Католическою вѣрною чинятъ ссору; православные имѣютъ одинакія права съ католиками. Коммисары отвѣчали на это, что прежде надобно заключить миръ, а потомъ уже вести дѣло объ избраніи, иначе избраніе будетъ невольное. Австрійскіе послы говорили, что объ избраніи они и слышать не хотятъ, ибо присланы быть посредниками только при заключеніи мира. Съ этимъ всѣ и разъѣхались.

Послѣ этого разрыва австрійскіе послы прислали сказать, что они переговорамъ объ избраніи царя мѣшать не будутъ, и какъ скоро начнутся объ этомъ разсужденія, то они будутъ выходить изъ шатра; польскіе коммисары не соглашались на это и предложили Одоевскому съѣхаться безъ австрійскихъ пословъ на какомъ-нибудь особенномъ мѣстѣ, и поэтому, 24 сентября, съѣзжались за слободою, на загородномъ шляхетскомъ пустомъ дворѣ, въ двухъ верстахъ отъ Вильны. Коммисары объявили, что получили отъ короля грамоту: Янъ-Казиміръ пишетъ, что по вопросу объ избраніи царя ему въ наслѣдники назначенъ сеймъ, который начнется 15 сентября новаго стиля; но чѣмъ сеймъ кончился, о томъ они, коммисары, ничего не знаютъ. Коммисары говорили также: „Пишутъ къ намъ пріятели, что они избранію царя въ короли рады, но не всѣ сенаторы на это согласны: одни хотятъ выбирать царевича Алексѣя Алексѣевича, другіе цесарева сына или брата, иные Венгерскаго; но если бы великій государь уступилъ Польшѣ Бѣлую Русь, то думаютъ они, коммисары, что всѣ сенаторы согласятся на царское избраніе, или на избраніе царевича; о Малой Россіи они способовъ искать станутъ, безъ Бѣлой же царскому избранію никакъ не состояться, потому что у многихъ сенаторовъ и шляхты города и маетности на Бѣлой Россіи за рѣкою Березиною. Сенаторы пишутъ къ намъ тайно, что королева хочетъ избранія царевича Алексѣя: король часто бываетъ нездоровъ, и когда умретъ, то она останется отъ него безплемянна, и царевичъ будетъ у нея вмѣсто сына, а она станетъ оберегать его здоровье". Взаключеніе коммисары объявили, что Запорожскіе казаки согласились съ Крымскомъ ханомъ, Волошскимъ господаремъ Рагоци мѣшать царскому избранію въ короли, ибо въ такомъ случаѣ имъ будетъ тѣсно, а Запорожцы опасаются мести отъ Поляковъ, и Шведскій король съ Хмельницкимъ ссылаются: казаки люди шаткіе, хотя и присягаютъ, но въ правдѣ не стоятъ. Австрійскіе послы, по требованію Одоевскаго, объявили, что они, и не выходя изъ шатра, не будетъ мѣшать переговорамъ о царскомъ избраніи, не будутъ ничего говорить ни за, ни противъ.

Съ 24 сентября по 6 октября не было съѣздовъ: коммисары дожидались королевскаго указа. Предполагая, что они проволакиваютъ дѣло, Одоевскій назначилъ съѣздъ 6 октября и потребовалъ отложить переговоры о мирѣ и объ избраніи на полгода или на годъ, прекратить войну и обратить войско на Шведовъ. Но коммисары настояли, чтобъ ждать еще королевской грамоты до 9 октября; а цесарскіе послы прислали сказать Одоевскому, что будутъ способствовать царскому избранію въ короли. На съѣздѣ 9 октября коммисары объявили, что указъ имъ присланъ: король и паны соглашаются на избраніе царя или царевича, если будетъ заключенъ миръ по Поляновскому договору; что же касается до вѣчнаго мира безъ избранія, то король уступаетъ царскому величеству Смоленскъ и всѣ города, уступленные по Поляновскому миру. Отвѣтъ былъ прежній, что царское величество безъ Малой и Бѣлой Россіи миру не заключитъ. 19 октября пришла къ посламъ царская грамота: договариваться, чтобъ учинить рубежъ по рѣку Березину, также Полоцку, Витебску и лифляндскимъ городамъ быть за государемъ: о Божіемъ дѣлѣ промышлять съ большимъ радѣньемъ, а иное и купить, сулить тысячи многія, пятьдесятъ и шестьдесятъ и больше обоимъ посламъ, а если дѣло не сдѣлается, то какъ-нибудь укрѣпиться, чтобъ войнѣ на обѣ стороны не быть и съ Шведомъ безъ обсылки не мириться, укрѣпиться хотя малою крѣпостью, но непремѣнно на то привести, чтобъ пословъ отпустить съ ласкою, войнѣ не быть и съ Шведскимъ королемъ не мириться.—Коммисары никакъ не согласились на уступки Малой и Бѣлой Руси, и потому положили, что по дѣлу объ избраніи государя отправятся къ королю на сеймъ царскіе полномочные послы, а пока договоръ совершится, положили рать съ обѣихъ сторонъ задержать, никакихъ зацѣпокъ не чинить и съ Шведскимъ королемъ не мириться.

По всему было видно, что въ Москвѣ всѣми средствами хотѣли поддержать нерѣшительное положеніе и не начинать войны съ Польшею, не окончивъ войны Шведской, а между тѣмъ подготовлять избраніе царя въ наслѣдники Яну-Казиміру; для этого хотѣлось пріобрѣсти себѣ сильную сторону между вельможами, изъ которыхъ склоннѣе другихъ къ Москвѣ казался гетманъ Гонсѣвскій.

4 ноября 1656 года изъ Полоцка государь от-

правилъ любимца своего, стольника Артемона Матвѣева, съ семью сороками соболей, цѣною на 700 рублей, къ гетману Винцентію Корвину Гонсѣвскому. Матвѣевъ нашелъ гетмана въ Кайданахъ, и, упомянувъ о Виленскомъ договорѣ насчетъ избранія царя въ короли Польскіе, прибавилъ: „Ты бы, гетманъ, служилъ и свою братью наговаривалъ, чтобъ они также великому государю служили и то дѣло привели къ совершенью". Гетманъ отвѣчалъ: „Тому дѣлу чинится помѣшка: Шведскій король въ союзѣ съ королемъ Французскимъ, который помогаетъ ему деньгами и людьми, и хочетъ, чтобъ Шведскій король былъ на коронѣ Польской, а Шведскій король ссылается съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ Рагоци Венгерскимъ, и дума у нихъ одна. Писалъ ко мнѣ маршалокъ надворный Юрій Любомірскій, что гетманъ Хмельницкій присягалъ предъ послами Рагоци быть во всей ихъ волѣ, а ѣздитъ отъ Хмельницкаго къ Шведу безпрестанно чернецъ. Великій государь изволилъ бы послать къ курфюрсту Бранденбургскому, чтобъ оторвать его отъ Шведа, и тогда Шведъ будетъ безсиленъ; но что будетъ писать курфюрстъ къ государю, тому бы государь не вѣрилъ, потому что курфюрстъ человѣкъ некрѣпкій, а вблизости при немъ живутъ Шведскіе люди; да послалъ бы царское величество къ цесарю, чтобъ цесарь наступилъ на Шведскаго короля; послалъ бы Датскому королю и къ Голландскимъ Штатамъ, чтобъ помѣшали на морѣ Шведскому королю, который хочетъ захватить свои руки зундскую пошлину. Цесарь присылаетъ, чтобъ выбрали сына его на корону Польскую; братъ цесаревъ Леопольдъ присылаетъ, чтобъ выбрали его; того же проситъ курфюрстъ Баварскій, и у сенаторовъ разныя мысли; но я ихъ наговариваю всячески, чтобъ избрали царское величество".

Матвѣевъ сталъ уговаривать гетмана постараться, чтобъ рубежу отъ Московскаго государства быть по рѣку Березину, а отъ короны Польской по рѣку Бугъ. Гетманъ отвѣчалъ: „Не только мнѣ сенаторовъ наговаривать, и помянуть объ этомъ дѣлѣ нельзя, назовутъ меня измѣнникомъ". Потомъ Гонсѣвскій говорилъ: „Изволилъ бы государь послать королевѣ подарокъ и слово ей далъ: какъ будетъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то женится на ея племянницѣ,—этимъ всего лучше государь утвердитъ свое дѣло". Матвѣевъ возразилъ: „Царевичъ малъ, а вѣра Греческая далека отъ Римской, и этому дѣлу отнюдь нельзя статься". Гетманъ отвѣчалъ: „Учинилъ бы государь соединеніе вѣръ, какъ прежде была единая благочестивая вѣра; король Владиславъ больше всего хотѣлъ соединенія вѣръ; изволилъ бы государь послать объ этомъ дѣлѣ къ королю, цесарю и папѣ, чтобъ учинить съѣздъ духовнымъ и мірскимъ людямъ и объ этомъ великомъ дѣлѣ разговоръ имѣть. Какъ узнаютъ, что царское величество старается о соединеніи вѣръ, то многіе народы покорятся ему. Самые сильные люди въ коронѣ: Юрій Любомірскій маршалокъ, который хочетъ цесаря или сына его; воевода Позпанськой Лещинскій, который хочетъ Рагоци; кромѣ нихъ, сильны Конецпольскій и Чарнецкій; этихъ людей великому государю надобно пожаловать; когда они будутъ служить царскому величеству, тогда все будетъ по его волѣ. Да чтобъ царское величество приказалъ посламъ своимъ на сеймѣ не спѣшить отдачею городовъ; велѣлъ бы и ратнымъ своимъ людямъ приблизиться къ Вильнѣ, чтобъ этими ратями сенаторовъ поусумнить. Если я буду годенъ въ службу къ великому государю, то чтобъ царское величество пожаловалъ меня маетностями, которыя прежде за мною были, да чтобъ пожаловалъ, велѣлъ мнѣ дать 5,000 мушкетовъ, 3,000 барабановъ, 3,000 паръ пистолей; да чтобъ пожаловалъ, далъ средства пріѣхать на сеймъ людно, потому что у нихъ кто люднѣе, того больше боятся и слушаютъ" [1]).

Война съ Швеціею была начата потому, что Польша почти не существовала, и неблагоразумно казалось усиливать на ея счетъ Швецію, съ которою предстояла потомъ опасная борьба. Но теперь обстоятельства перемѣнились: какъ Москва въ началѣ вѣка спаслась отъ внутренной смуты и внѣшняго порабощенія, благодаря религіозному одушевленію, охватившему весь народъ и объединившему его, такъ теперь религіозное одушевленіе охватило народъ Польскій и спасло государство. Карлъ X-й выгналъ Яна-Казиміра изъ Польши, отнялъ у него Варшаву и Краковъ, провозгласилъ себя королемъ Польскимъ; но онъ былъ протестантъ: католическая Польша въ XVII вѣкѣ, при господствѣ религіознаго интереса, не могла признать королемъ своимъ протестанта, тѣмъ болѣе что этотъ протестантъ и подданные его давали чувствовать католикамъ свой протестантизмъ; они рѣшились напасть на главную святыню королевства—монастырь Ченстоховскій, который теперь въ Польшѣ имѣлъ такое же значеніе, какое Троицкій монастырь имѣлъ въ Московскомъ государствѣ въ Смутное время. Церковь призвала народъ къ возстанію противъ враговъ иновѣрныхъ, и народъ повиновался; знаменитый полководецъ Чарнецкій началъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Шведовъ; Карлъ X-й увидѣлъ, что Польская корона ускользаетъ отъ него; Янъ-Казиміръ, поддерживаемый энергическою женою своею, ободрился.

Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ должна была перемѣниться и политика Московская: жаръ къ войнѣ со Шведами, охлажденный подъ Ригою, охладился еще болѣе, когда въ Карлѣ X-мъ перестали видѣть опаснаго соперника, когда усиленіе Яна-Казиміра и особенно отношенія малороссійскія начали грозить опасностію болѣе важною. 23 февраля 1657 года царь и бояре приговорили: промышлять всякими мѣрами, чтобъ привести Шведовъ къ миру;

[1]) Дѣла Польскія 1656 года, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

это порученіе было возложено на воеводу Царевича-Димитріева-города, Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Ординъ-Нащокинъ, псковской помѣщикъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича упоминается какъ участникъ въ посольскихъ съѣздахъ при размежеваніи и поправленіи границъ; въ началѣ возмущенія Нащокинъ жилъ во Псковѣ; когда гилевщики, послѣ разговора съ воеводою Собакинымъ на дворѣ архіепископскомъ, начали шумѣть, то изъ ихъ скопу прибѣжали на дворъ къ Нащокину: площадной подъячій да стрѣлецъ, и сказали ему: „Выѣзжай изъ Пскова въ свою деревню,—хотятъ убить тебя да Ѳедора Емельянова". Нащокинъ выѣхалъ въ деревню, а оттуда въ Москву, куда привезъ подробныя извѣстія о бунтѣ. Но когда Хованскій пошелъ подъ Псковъ, Нащокинъ отправился съ нимъ; ему поручилъ воевода уговаривать крестьянъ, чтобъ они обратились, изъ лѣсовъ вышли и жили по-прежнему. Какъ Нащокинъ исполнилъ свое порученіе,—видно изъ отзывовъ Хованскаго, который писалъ къ царю о его службѣ, работѣ и радѣньи во всякомъ дѣлѣ. Еще сильнѣе высказались усердіе и способности Нащокина во время Шведской войны: онъ сдѣлался воеводою Царевича-Димитріева-города и, по удаленіи царя изъ Ливоніи, сталъ главнымъ лицомъ здѣсь. Но, навлекши на себя прежде негодованіе псковскихъ гилевщиковъ, какъ дворянинъ, приверженецъ правительства Московскаго, теперь Нащокинъ возбудилъ противъ себя ненависть людей, которымъ не нравилось, что человѣкъ, сравнительно съ ними незначительный, успѣлъ личными достоинствами возвыситься и стать на первомъ планѣ. Эти люди стали мѣшать ему: не посылали нужнаго войска, разрушали то дѣло, о которомъ хлопоталъ Нащокинъ,— а хлопоталъ онъ о томъ, чтобъ стать твердою ногою въ Прибалтійскихъ областяхъ.

Въ іюлѣ писалъ Нащокинъ государю: „Извѣстно мнѣ, что изъ Риги бурмистры и лучшіе люди отъ морового повѣтрія выбѣжали, а служилые люди вышли къ Волмерю съ Магнусомъ Делагарди; но и въ обозѣ шведскомъ также тяжелая болѣзнь, самъ Делагарди умеръ. Писалъ ко мнѣ Яковъ, князь Курляндскій, что теперь удобное время для мира съ королемъ Шведскимъ; я отвѣчалъ ему: за нарушеніе вѣчнаго мира многія земли встали на Шведскаго короля, и, кромѣ видимой рати, теперь отъ Господа Бога послана на Ригу война невидимая, и если Рижане покорно къ подданству приступятъ, то отъ надлежащаго страха избудутъ и безъ печали въ свои домы возвратятся, и писалъ я съ большимъ подтвержденьемъ, чтобъ Курляндскій князь промышлялъ о подданствѣ Рижанъ. Но Курлянскій князь манитъ, дружа Шведамъ, чтобъ время безъ промыслу прошло. А промысла чинить намъ некѣмъ: твой государевъ указъ съ осени посланъ въ Полоцкъ, Витебскъ и Псковъ, чтобъ высылали въ Царевичевъ-Димитріевъ-городъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы, и до сего времени твой указъ не исполненъ, и тѣмъ на твоихъ государскихъ людей многія крови наведены. Еслибъ сначала твой указъ исполненъ былъ, то Шведамъ изъ Риги нельзя было бы выходить ко псковскимъ мѣстамъ. Еслибъ Шведы не боялись ратныхъ людей изъ Царевичева-Дмитріева-города, то съѣздовъ и перемирья безотступно не просили бы, а другихъ твоихъ государевыхъ городовъ Рижане не боятся, потому что далеко отъ нихъ. Но помощи мнѣ не даютъ по моей причинѣ: твое государево дѣло возненавидѣли для меня, холопа твоего. Четвертое лѣто безъ перемѣны я покинутъ въ самыхъ дверяхъ непріятельскихъ, и этимъ путемъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди на твои города не прихаживали; а которымъ ратнымъ людямъ, по твоему указу, со мною быть велѣно, и во все лѣто государевъ указъ не исполненъ, въ городахъ ратные люди и запасы полковые задержаны. Тебѣ, помазаннику Божію, Господь Богъ обо мнѣ явно учинилъ: „Аще бы отъ міра былъ, міръ убо своя любилъ бы". Изъ чужихъ непріятельскихъ земель послушаніе и вспоможеніе твоему государеву дѣлу чинятъ, а изъ твоихъ городовъ ни малой части твоего указа не исполняютъ, въ твоемъ государевомъ дѣлѣ многій промыслъ разрушаютъ и вовремя промыслу дѣлать мнѣ не даютъ. И въ томъ твоя царскаго величества воля! По твоему государеву указано велѣно городъ Друю вѣдать въ Царевичевѣ-Дмитріевомъ-городѣ, и послѣ твоего указа, не списываясь со мною, изъ Полоцка памяти посылаютъ къ бурмистрамъ и многіе налоги чинятъ и убытки многіе Друянамъ дѣлаютъ, волости Друйскія на разоренье казакамъ отдали, Друю хотятъ запустошить и отъ твоей высокой руки отогнать. Въ Резицкомъ и Лужскомъ уѣздахъ Полоцкіе казаки твои государевы волости безъ остатку разоряютъ, о тоихъ государевыхъ грамотахъ бьютъ челомъ въ Полоцкъ, зная, что ихъ за самовольство въ Полоцкѣ не унимаютъ, а мнѣ уберечь уѣздовъ отъ такихъ самовольныхъ людей нельзя. Въ ближнихъ къ Ригѣ уѣздахъ отъ Нѣмцевъ столько разоренья нѣтъ, сколько въ Друйскомъ, Резицкомъ и Лужскомъ уѣздахъ отъ казаковъ запустѣло. За мною во всѣ четыре года приставства нигдѣ не бывало, и по твоему государеву указу оберегаю я не выборомъ, и гдѣ въ разоренныхъ мѣстахъ крестьянъ собралъ, а изъ Полоцка пустушатъ. Въ грамотахъ великаго государя писано: которые уѣзды въ Ливоніи добровольно въ подданство не учинятся, тѣ мѣста ратнымъ людямъ безъ остатку велѣно разорять. И ратные люди, слыша такой указъ, не оставятъ живущему нигдѣ мѣста. А нынѣ Господь Богъ помазаннику своему явными знаками безъ крови ту Землю предаетъ, ничего иного не требуетъ Господь Богъ, только милосердія къ покорнымъ, а противные сами на себя жестокій судъ нанесутъ. У служилыхъ людей тотъ обычай, чтобъ непротивныхъ плѣнить безъ остатка; за что имъ и смертная казнь бываетъ, а права своего не откладываютъ. Этою зимою изо Пско-

ва служилые люди сосѣднихъ съ Юрьевымъ присяжныхъ крестьянъ посѣкли и деревни пожгли, и, то видя, въ иныхъ мѣстахъ отъ подданства бѣгутъ; а Нѣмцамъ то и надобно; уѣздныхъ людей къ себѣ привозятъ и полки свои пополняютъ, а пѣхота лучшая у Шведовъ Лифляндскіе люди. Рейтарамъ Царевичева-Дмитріева-города за разоренье крестьянъ много наказанья было, но они не унялись, зная, что въ другихъ городахъ отъ такого разоренья ихъ не унимаютъ; о такомъ ихъ самовольствѣ писано въ Рейтарскій приказъ, и по 5 іюля государева указа объ этомъ не прислано, а впередъ сдерживать рейтаръ отъ разоренья надъ уѣздными людьми нельзя. А если уѣзды пусты будутъ, то государевымъ служилымъ людямъ въ новопріобрѣтенныхъ городахъ держаться нельзя, а хлѣбные запасы изъ русскихъ городовъ туда возить убыточно. Для нынѣшняго посѣщенія Божія надъ Ригою покинуть безъ промыслу невозможно. Прошенья Рижанъ о съѣздѣ и присылкѣ теперь частыя въ Царевичевъ-Дмитріевъ-городъ, а начальные люди и бурмистры еще при Магнусѣ Делагарди тайными ссылками къ милости великаго государя приведены. Доброму дѣлу пакостникъ Магнусъ былъ, но животъ его на землѣ сгинулъ, и если Рижанъ вскорѣ не захватить, показавъ грозу ратныхъ людей, то они станутъ искать другихъ средствъ къ полученію помощи. Надобно Лифляндскую Землю занять прежде, чѣмъ Шведы оправятся отъ разрушенья, причиненнаго смертію Делагарди" [1]).

Когда Нащокинъ хлопоталъ объ утвержденіи Ливоніи за царемъ, князь Мышецкій велъ переговоры съ Даніею о войнѣ Шведской. Лѣтомъ 1656 года князь Мышецкій вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ Германомъ Косомъ нашли государя въ Ливоніи. Косъ объявилъ, что королевскіе ратные люди теперь не въ собраньи, а когда соберутся, то король выступитъ въ походъ противъ Шведовъ. Царь отвѣчалъ ему: „Князь Мышецкій намъ извѣщалъ, что люди у королевскаго величества готовы, и королевское величество шелъ бы не испустя времени, а только теперь не пойдетъ и время пройдетъ". 7 августа, изъ стана своего подъ Кокенгаузеномъ царь отпустилъ того же Мышецкаго опять въ Данію съ *грамотою за своею самодержавною рукою*. Объявивъ королю объ успѣхахъ царя въ Ливоніи и о походѣ его подъ Ригу, Мышецкій говорилъ: „И вашему бы королевскому величеству, со своей стороны, также идти на общаго недруга нынѣшнимъ лѣтомъ; и быть въ войнѣ обоимъ великимъ государямъ и одному безъ другого года два или три не мириться". Король отвѣчалъ: „У меня ратные люди готовы и я пойду на Шведовъ четырьмя полками: три полка пойдутъ сухимъ путемъ, а четвертый на Варяжское море съ корабельнымъ сборомъ. Прошу государя вашего въ прибавку къ датскимъ кораблямъ нанять еще у Голландцевъ 20 кораблей воинскихъ". Король сталъ требовать у Мышецкаго, чтобъ тотъ заключилъ подробный договоръ о союзѣ; но посланникъ отвѣчалъ, что безъ царскаго указа сдѣлать ему этого не умѣть. Все лѣто 1657 года Мышецкій прожилъ въ Копенгагенѣ; при немъ Фридрихъ III началъ войну со Шведами; но Поляки, а не Русскіе явились ему въ ней союзниками: въ Москвѣ совершенно охладѣли къ войнѣ Шведской, ибо все вниманіе сосредоточилось на Югѣ.

Въ то время, какъ царь, задержавши войну Польскую, обратилъ всѣ свои силы противъ Швеціи, изъ Бѣлоруссіи слышались сильныя жалобы на Черкасъ, которые, въ свою очередь, жаловались на воеводъ московскихъ. Самыя сильныя жалобы слышались на Чаусскаго наказнаго полковника, Ивана Нечая, который прибралъ къ себѣ многихъ гультяевъ, а иныхъ мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ захватилъ силою и записалъ въ казаки; во многихъ городахъ, селахъ и деревняхъ поставилъ казацкія залоги безъ царскаго повелѣнія; шляхту, мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ, которые не хотѣли записываться въ казаки, приказывалъ грабить, мучить и побивать до смерти; писался полковникомъ Бѣлорусскимъ, Гомельскимъ и иныхъ городовъ. Другой полковникъ, Ѳедоръ Константиновъ, приходилъ изъ-подъ Копысъ и побивалъ государевыхъ людей; третій, Иванъ Дорошенко, покинулъ Новый Быховъ безъ государева указа, и не видя на себя прихода ратныхъ людей ни откуда.

Для повѣрки этихъ жалобъ, въ апрѣлѣ 1656 года, отправился въ Бѣлоруссію отъ Хмельницкаго полковникъ Антонъ Ждановичъ вмѣстѣ съ московскимъ сотникомъ стрѣлецкимъ Сивцовымъ. Спросили они Ивана Дорошенка: зачѣмъ покинулъ Новый Быховъ. Тотъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это по приказу Василія Золотаренка, который, по смерти брата своего Ивана, былъ полковникомъ Нѣжинскимъ; всѣ подтвердили показаніе Дорошенка; но спросить Золотаренка было нельзя: онъ находился въ это время въ Чигиринѣ у гетмана, и дѣло осталось нерѣшеннымъ. Спросили Ѳедора Константинова: зачѣмъ побивалъ государевыхъ людей. Тотъ отвѣчалъ: „Былъ я полковникъ Польскій, передался къ войску Запорожскому съ шестью хоругвями и шелъ съ ними черезъ городъ Копысъ къ гетману Богдану; въ Копысѣ велѣли мнѣ ѣхать въ Москву; но я въ Москву ѣхать отказался; тогда меня хотѣли силою поворотить въ Москву, напали на меня ночью и стали бить моихъ людей; я также отбивался, но приступа къ городу никакого не дѣлалъ". Но малороссійскій сотникъ Дроздовичъ уличилъ его: по его показанію, Ѳедоръ, пришедши въ Копысъ на посадъ, сталъ бить и мучить жителей; воевода Толочановъ призвалъ его къ себѣ, угостилъ и сталъ ему говорить: „Для чего ты царскаго величества людей бьешь?" Тогда онъ на воеводу *фукнулъ*, пошелъ за городъ, и на другой день въ городъ стрѣлялъ и приступалъ:

[1]) Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла приказныя 1650 года; дѣла Шведскія 1657 года.

Толочановъ послалъ въ Могилевъ за войскомъ; явились московскіе солдаты, подошли къ отряду Ѳедора и послали сказать полковнику, чтобъ онъ переговорилъ съ ними, показалъ бы имъ царскую грамоту или приказъ гетманскій. Ѳедоръ отвѣчалъ: „Я вамъ покажу такую грамоту, что никто изъ васъ ногъ не унесетъ". Начался бой, и солдаты заставили Ѳедора уйти. Спросили Нечая: какъ смѣлъ свести царскіе солдатскіе гарнизоны и поставить свои, казацкіе? Нечай отвѣчалъ: „По гетманскому приказу", и показалъ грамоту, гдѣ Хмельницкій писалъ, чтобъ Нечай поставилъ казацкіе гарнизоны вездѣ, гдѣ стояли прежде Золотаренковы. Казаки-разбойники оправдали Нечая, показавши, что онъ не зналъ объ ихъ разбояхъ. Двое старшихъ изъ нихъ были повѣшены, другіе биты въ два кія до полусмерти по приказу Ждановича. Сотника Жуковскаго за разбой велѣлъ онъ казнить смертію; велѣлъ вывести отовсюду казацкіе гарнизоны.

Но надобно было удовлетворить и Малороссіянъ, ибо сотники войска Запорожскаго, стоявшаго въ Бѣлоруссіи, со всѣми товарищами били челомъ царю съ кровавыми слезами, что нестерпимыя обиды и смертное убійство терпятъ они отъ начальныхъ и ратныхъ людей московскихъ, находящихся подъ властію князя Ивана Борисовича Репнина, воеводы Могилевскаго, Мстиславскаго воеводы Дашкова и другихъ. При челобитной поданъ былъ длинный списокъ пограбленному. Стольникъ Леонтьевъ отправился для сыска. Могилевцы—священники, шляхта и чиновные горожане—объявили Леонтьеву, что ничего не знаютъ о насиліяхъ воеводы князя Репнина Черкасамъ. Сотенные люди сказали: „Воевода человѣкъ по сту Черкасъ въ тюрьму сажалъ ли,—не знаемъ; а Нѣжинскихъ четырехъ казаковъ кнутомъ въ проводку билъ, за что—не знаемъ, и другихъ человѣка по два и по три бивали. Написаны въ росписи рѣзанные Черкасы, но мы знаемъ, что ихъ четверыхъ порѣзали у вина, а кто рѣзалъ—не знаемъ; знаемъ, что воевода взялъ имѣніе по смерти одного казака, тогда какъ послѣ него остался братъ, имѣніе и этого брата было взято также вмѣстѣ съ имѣніемъ умершаго". Мстиславцы объявили, что не знаютъ объ обидахъ Черкасамъ отъ государевыхъ людей; но они, Мстиславцы, и маетности ихъ всѣ разорены Черкасами. Ждановичъ обвинялъ Шкловскаго воеводу, Василья Яковлева, что посылалъ солдатъ, которые выжгли деревни. Шкловцы на повальномъ обыскѣ объявили, что ничего объ этомъ не знаютъ и не слыхали, но что тѣснота имъ была отъ Черкасъ большая, нельзя было за городъ выѣхать—непремѣнно ограбятъ Черкасы.

Нечай, по отъѣздѣ Ждановича, продолжалъ разсылать гультяевъ по городамъ и селамъ, силою писать въ казаки шляхту и мужиковъ; а въ январѣ 1657 года самъ прислалъ въ Москву жалобу, что стоялъ онъ подъ Быховымъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, пошелъ на приступъ и былъ отбитъ, потому что Хованскій не помогъ ему. Но важнѣе были столкновенія съ самимъ Хмельницкимъ.

Мы видѣли, какъ Поляки, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались внушить, что Хмельницкому нельзя вѣрить, что онъ пересылается съ Шведскимъ королемъ. Русскіе отвѣчали имъ обыкновенно, что это дѣло нестаточное; но другое было у нихъ на сердцѣ. Василій Васильевичъ Бутурлинъ далъ знать царю, что Хмельницкій во время похода своего съ нимъ подо Львовъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. Когда, послѣ виленской коммисіи, царь далъ знать гетману о ея рѣшеніяхъ, то Богданъ, 9 декабря 1656 года, отвѣчалъ: „Какъ вѣрные вашего царскаго величества слуги, мы этимъ договоромъ усердно тѣшимся; только, какъ вѣрные слуги, о неправдахъ и хитростяхъ ляцкихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ: они и прежде ничего не хотѣли сдѣлать съ людьми, обвиненными въ безчестіи вашему царскому величеству, отъ сейма до сейма черезъ десять лѣтъ все отволакивали и никакого исправленья не чинили, хотя это дѣло крестнымъ цѣлованіемъ и конституціею остережно было. Столь явная неправда ляцкая передъ Богомъ и предъ тобою оказывается, что они на вѣру нашу православную давно воюютъ и ей никогда желательными быть не могутъ; а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобъ, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ Турскимъ, съ Татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать; ибо если они, Ляхи, въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на корону Польскую и великое княжество Литовское выбираютъ, то для чего же воеводу Познаньскаго и каштеляна Войницкаго послали къ цесарю Римскому просить брата его родного на королевство? Послы эти 12 октября пріѣхали въ столицу цесарскую и вели переговоры во время конца коммисіи виленской; прежде еще посылали Пражмовскаго къ Рагоци съ короною, скипетромъ и яблокомъ (державою), призывая его на королевство: все это знакъ явной неправды ляцкой! Ясно, что они Виленскаго договора не додержатъ, и кто знаетъ, будетъ ли еще этотъ договоръ принятъ на сеймѣ отъ всѣхъ чиновъ? Для вышереченной неправды мы Ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично тебя, великаго государя, единаго въ подсолнечной православнаго царя, молимъ: не подавай православнаго народа на поруганіе, о которомъ Ляхи помышляютъ".

Но православный царь не нуждался въ этой просьбѣ и предостереженіяхъ: онъ такъ же хорошо, какъ и Хмельницкій, зналъ, что избраніе его въ короли болѣе чѣмъ сомнительно; оно могло состояться только при новыхъ успѣхахъ его оружія, а для этихъ успѣховъ было необходимо, чтобъ силы Великой и Малой Россіи были соединены какъ

нельзя крѣпче. Но гетманъ Запорожскій, преслѣдуя свои особные интересы, нарушая единство государственнаго движенія, наносилъ ударъ могуществу царя и тѣмъ самымъ усиливалъ Ляховъ, къ которымъ питалъ такое нерасположеніе. 12 декабря Кіевскій воевода Андрей Бутурлинъ далъ знать въ Москву: сказывалъ ему наказной Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій: „Гетманъ опасается гнѣва государева, сильно сомнѣвается насчетъ Черкасъ, отправленныхъ имъ въ виленскую коммисію и еще не возвратившихся; думаетъ, что ихъ задержали, что государь приказалъ отдать казаковъ попрежнему Польскому королю и велѣлъ на нихъ идти войною. Опасаясь этого, гетманъ созвалъ сеймъ, на которомъ всѣ полковники, есаулы и сотники дали слово стоять заодно на всякаго, кто на нихъ наступитъ. Кромѣ того, Хмельницкій посылалъ къ Рагоци, къ воеводамъ Волошскому и Молдавскому, къ хану Крымскому, чтобъ они были съ нимъ въ соединеньи; ото всѣхъ этихъ владѣтелей были у него послы и учинили договоръ: если кто на него наступитъ, то они будутъ ему помогать; послы крымскіе у гетмана бываютъ часто". Пріѣхалъ въ Кіевъ отецъ писаря Выговскаго, Астаѳій: воевода зазвалъ его къ себѣ, подпоилъ, и старикъ подтвердилъ ему слова Дворецкаго. Люди, посланные для вѣстей въ Чигиринъ, доносили, что Хмельницкій договорился съ Рагоци помочь ему овладѣть Польскимъ престоломъ; замышляютъ отступить отъ государя гетманъ да писарь и съ ними немногіе начальные люди; замышляютъ они это потому, что государь помирился съ королемъ: опасаются, что ихъ выдадутъ Полякамъ. Гетманъ хочетъ отложиться при первомъ гнѣвѣ государевомъ, но казаки и черные люди на такую неправду ему не помогаютъ; наконецъ Хмельницкій посылалъ къ Быховцамъ, чтобъ государю не сдавались, а сдались на его гетманское имя.

Карлъ X-й, когда еще мечталъ быть королемъ Польскимъ, отправилъ къ Хмельницкому посла съ такимъ наказомъ: просить Хмельницкаго, чтобъ далъ знать, какого чина и какой власти ему хочется; хочетъ ли онъ вольнаго удѣльнаго княжества при польскомъ рубежѣ, или хочетъ съ казаками своими вмѣстѣ съ короною Польскою подъ шведскую защиту поддаться и при прежнихъ правахъ и вольностяхъ оставаться, или хочетъ онъ вассальныхъ правъ, съ обѣщаніемъ помогать королю и государству его ратными людьми и другими средствами. Указывать выгоды, которыя будутъ казакамъ, если они соединятся со Шведами, потому что они отъ Поляковъ никакой безопасности надѣяться не могутъ; если же соединятся со Шведами, то стѣснятъ такъ Поляковъ, что тѣ никакого зла имъ сдѣлать не будутъ въ состояніи. Шведы будутъ оберегать казаковъ отъ насильства шляхты, а казаки за это будутъ стараться, чтобъ Польша никакимъ образомъ не отлучилась отъ Шведскаго короля. Договариваться съ Хмельницкимъ о раздѣлѣ рубежа отъ Польши и отъ Москвы. Главное условіе договора должно состоять въ томъ, чтобъ онъ возбранялъ Татарамъ входъ въ польскіе и литовскіе рубежи, чтобъ не ходили черезъ Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ; кромѣ того, при всякой войнѣ Хмельницкій выставляетъ на помощь королю 40,000 человѣкъ на свой счетъ и держитъ ихъ въ службѣ три мѣсяца, по прошествіи которыхъ они, продолжая службу, будутъ получать на прокормъ изъ королевской казны, какъ и другіе ратные люди. Казаки должны обѣщаться ни съ какимъ государствомъ не соединяться и не договариваться безъ вѣдомаа королевскаго. Хмельницкій всякими мѣрами долженъ привести Москву къ тому, чтобъ она далѣе Березины не искала себѣ владѣній, и чтобъ вся Литва осталась за Шведами. Хмельницкій и казаки должны обѣщаться не начинать ни съ кѣмъ войны безъ воли королевской. Требовать, чтобъ въ большихъ городахъ можно было строить протестантскія церкви. Для удобства торговли выпросить часть земли у рѣкъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, гдѣ бы строить амбары; также требовать мѣстъ надъ Днѣпромъ, гдѣ король хочетъ построить крѣпости противъ Татаръ. Казаки не должны позволять крестьянамъ, которые теперь на тѣхъ мѣстахъ живутъ, бѣгать и къ нимъ переѣзжать, а если перебѣгутъ, отдавать назадъ: земля эта, которой хочетъ король, простирается на 12 миль отъ истоковъ рѣки Тетери до ея устья въ Днѣпръ, по Днѣстру на островѣ и по обѣимъ сторонамъ на 4 мили, а еще-бъ лучше, если-бъ уступили Кіевъ. Если Хмельницкій захочетъ быть удѣльнымъ, то вольно ему постановить у себя рѣчь посполитую казацкую, далъ бы казакамъ права и уложенье, какъ имъ жить и какъ наслѣдникамъ его властвовать. Остается у него во владѣніи только воеводство Кіевское, а воеводство Черниговское надобно уступить Москвѣ. Если же Хмельницкій не согласится, то уступить ему воеводство Брацлавское до Буга или даже до Ямполя, также можно уступить ему четвертую часть или половину торговыхъ пошлинъ. Если Хмельницкій захочетъ быть подъ королемъ Шведскимъ голдовникомъ (вассаломъ), то уступить ему воеводство Кіевское, и писаться ему княземъ Кіевскимъ и Черниговскимъ и гетманомъ войска Запорожскаго. Хмельницкій долженъ быть въ такомъ же отношеніи къ королю, какъ курфюрстъ Брандербургскій или герцогъ Курляндскій въ Польшѣ. Каждый новый гетманъ долженъ давать королю по 300,000 золотыхъ польскихъ; каждому новому королю долженъ давать 30,000 золотыхъ червонныхъ, также долженъ дарить королевскихъ сыновей, когда будутъ жениться, и дочерей, когда замужъ пойдутъ. Хмельницкій будетъ воленъ раздавать служилымъ своимъ людямъ маетности наслѣдственно или пожизненно. Хорошо было бы, еслибъ Хмельницкій всѣмъ крестьянамъ, которые у него въ подданствѣ, велѣлъ оставаться въ домахъ своихъ, чтобъ они ему и начальнымъ его людямъ давали оброки денежные и пашни не пустошили; впрочемъ это полагается на волю Хмельницкаго. Относительно духовнаго чина все будетъ по-

прежнему; митрополитъ Кіевскій не можетъ быть поставленъ безъ воли королевской.

Но въ началѣ 1657 года Карлъ X-й уже потерялъ надежду удержать за собою все королевство Яна-Казиміра, долженъ былъ искать союзниковъ и подѣлиться съ ними добычею: между Карломъ, Рагоци и Хмельницкимъ заключенъ былъ договоръ, по которому Украйна признавалась навсегда отдѣльною отъ Польши. Великая Польша, Данцигъ и Приморье отходили къ Швеціи; Малая Польша, Литва, Мазовія и Русь Галицкая доставалась Рагоци: отрядъ казацкаго войска отправился къ послѣднему, чтобъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ Поляковъ.

Какъ же Хмельницкій оправдывалъ свой поступокъ предъ царемъ Московскимъ? Въ февралѣ 1657 года онъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему каштелянъ Волынскій, Станиславъ Бенѣвскій, съ предложеніемъ передаться на сторону Яна-Казиміра; но что онъ, гетманъ, никакъ на это не рѣшится. Этотъ Бенѣвскій сказывалъ ему, что статьи виленской коммисіи никогда не состоятся; приходилъ къ нему, гетману, и писалъ отъ цесаря бискупъ Марціанополитанскій также съ убѣжденіемъ перейти на сторону короля Польскаго. „Вслѣдствіе такихъ хитростей и неправдъ“, писалъ Хмельницкій, „пустили мы противъ Ляховъ часть войска Запорожскаго“. Понятно, что въ глазахъ царя это письмо нисколько не оправдывало своеволія и явнаго нарушенія статьи, опредѣлявшей поведеніе гетмана относительно пословъ иностранныхъ, а тутъ еще вѣсти изъ Крыма: „Сказывалъ московскимъ посланникамъ переводчикъ: какъ онъ былъ у ближняго ханскаго человѣка Сефергазы-аги, то при немъ были посланники отъ Богдана Хмельницкаго пять человѣкъ и говорили, чтобъ ханъ по-прежнему стоялъ за Черкасъ и оберегалъ ихъ. Ближній человѣкъ замѣтилъ, что гетманъ учинился въ холопствѣ у государя Московскаго; тогда черкасскіе посланцы отвѣчали ему: „Какъ гетманъ билъ челомъ въ подданство Московскому царю, съ тѣхъ поръ отъ великаго государя никакой намъ помощи, заступленья и обереганья нѣтъ“.

23 апрѣля Хмельницкій писалъ государю съ посланцомъ Коробкою. „Турецкій султанъ сбирается на Украйну въ союзѣ съ королемъ Польскимъ и императоромъ Фердинандомъ; ханъ Крымскій также готовъ со всѣми ордами, только не знаемъ, гдѣ хочетъ ударить. Все это дѣлается по наученію ляцкому, потому что Ляхи искони извыкли прелестями своими разныя монархіи губить: такъ православныхъ Россійскихъ князей прельстили и сѣдалища ихъ пресвѣтлыя ни во что обратили; а теперь ни о чемъ больше не промышляютъ, какъ только о томъ, чтобъ разорить православіе, что не разъ и ваше царское величество узналъ. Теперь Ляхи, видя свою свыше отъ Бога назначенную погибель, вашему царскому величеству покоряются, а въ сердцахъ у нихъ ядъ змѣиной ярости кипитъ. Покоряются вашему царскому величеству, а сами къ султану Турецкому пословъ отправляютъ, просятъ, чтобъ помогалъ имъ христіанъ воевать, и за эту помощь всѣ вашего царскаго величества украинскіе города обѣщаютъ, отъ Каменца-Подольскаго начиная. Узнавши объ этомъ отъ владѣтеля Молдавскаго, извѣщаемъ тебѣ и молимъ твое царское величество, не вѣрь отступникамъ Ляхамъ. И то тебѣ, великому государю, извѣщаю, что, будучи недосужнымъ, за изволеніемъ всѣхъ полковниковъ, поручилъ я гетманство сыну своему Юрію Хмельницкому, о которомъ низко челомъ бью, и молю, чтобъ твое царское величество милостивъ къ нему былъ“.

Посланецъ Коробка говорилъ въ приказѣ, что Богданъ за старостію и болѣзнію гетманство сдалъ сыну своему Юрію, за радою полковниковъ и всего войска: Юрію Хмельницкому 16 лѣтъ; булаву гетманскую ему дали, только власти никакой не будетъ имѣть при жизни отцовской, владѣть всѣмъ и гетманомъ называться и писаться будетъ отецъ его, Богданъ Хмельницкій. Гетманъ и войско, всѣ отъ мала до велика, желаютъ того, чтобъ изволилъ пріѣхать въ Кіевъ великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, и тамъ бы митрополита на митрополію, а гетманскаго сына на гетманство благословилъ.—Царь отвѣчалъ Хмельницкому, чтобъ онъ старался не перепускать Турокъ черезъ Днѣстръ; относительно Юрія писалъ: „Вамъ бы, гетману, сыну своему Юрію приказать, чтобъ онъ намъ, великому государю, служилъ вѣрою и правдою, какъ вы, гетманъ, служили; а мы, увидя его вѣрную службу и въ цѣлости сохраненную присягу, станемъ держать его въ милостивомъ жалованьи“.

Хотя Хмельницкій и писалъ, что передалъ гетманство сыну по изволенію всѣхъ полковниковъ, однако не всѣ полковники изволяли на это. Богданъ свѣдалъ, что Миргородскій полковникъ Грицка Лесницкій прочитъ гетманство Выговскому. Старикъ велѣлъ призвать ихъ обоихъ къ себѣ. Лесницкаго хотѣлъ казнить смертью, а Выговскаго велѣлъ передъ собою расковать по рукамъ лицомъ къ землѣ, и держалъ его въ такомъ положеніи мало не цѣлый день, „пока у Богдана сердце ушло“; писарь лежалъ на землѣ, все плакалъ, и гетманъ наконецъ простилъ его.

19 апрѣля отправился къ Хмельницкому окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ да дьякъ Василій Михайловъ. 23 мая пріѣхали они въ Голево, гдѣ были встрѣчены старикомъ Астаѳьемъ Выговскимъ и священниками съ образами и хоругвями. Выговскій просилъ пословъ проводить честныя иконы до церкви, а изъ церкви позвалъ ихъ къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ Бутурлинъ началъ разспрашивать старика о дѣлахъ малороссійскихъ, и Астаѳій, выславши всѣхъ людей вонъ, началъ говорить: „Въ прошломъ году, когда царскіе послы, князь Одоевскій съ товарищами, заключили съ Поляками мирный договоръ, то, по указу царскаго величества, отправлены были туда въ Вильну и посланцы отъ гетмана Богдана Хмельницкаго и всего

войска Запорожскаго. Когда эти посланцы пріѣхали назадъ, то, ухватя гетмана за ноги и облившись слезами, завопили: „Сгинуло войско Запорожское въ Малой Россіи, нѣтъ ему помощи ниоткуда, некуда ему дѣться! На какихъ мѣрахъ у царскихъ пословъ съ польскими коммисарами учинился договоръ, про то намъ отнюдь ничего невѣдомо: царскіе послы не только съ нами ни о чемъ не совѣтовались, не только въ посольскій шатеръ не пускали, но и до шатерныхъ полъ не допускали,—словно псовъ въ церковь; а Ляхи намъ сказывали, что царскіе послы постановили договоръ по Поляновскимъ статьямъ, и войску Запорожскому со всею Малороссіею быть въ королевской сторонѣ попрежнему, и если казаки въ послушаніи у Ляховъ не будутъ, то царское величество станетъ Ляхамъ на казаковъ помогать". Выслушавъ эти вѣсти, полковники начали быть въ великомъ сомнѣніи: какими это мѣрами такъ надъ ними учинилось; а гетманъ Хмельницкій, какъ шальной, въ изступленіи ума завопилъ: „Дѣти, не горюйте, я уже знаю какъ сдѣлать; надобно отступить отъ царской руки, а пойдемъ, гдѣ Великій Владыка повелитъ быть, не подъ христіанскимъ государемъ, такъ подъ бусурманомъ", и велѣлъ посылать по всѣмъ полковникамъ, звать на раду. Тутъ сынъ мой, писарь Иванъ, ухватясь за ноги у гетмана, сталъ говорить ему наединѣ: „Гетманъ, надобно это дѣло дѣлать безъ запальчивости, разузнать, какъ что сдѣлано, послать къ царскому величеству и провѣдать подлинно, за какія наши вины такъ сдѣлано; а присяга дѣло великое, нарушить ея нельзя,—за это самъ Высшій Творецъ будетъ мстителемъ". И къ полковникамъ, которые въ то время были при гетманѣ, сынъ мой забѣгалъ и говорилъ съ плачемъ, чтобъ не отлучаться отъ высокой руки царскаго величества и не слыть по всему свѣту измѣнниками. Гетманъ сына моего не послушалъ, прямо отказалъ, что никакъ нельзя остаться подъ царскою рукою за такое государево немилосердіе. Дѣти мои, Иванъ и Данило, уговаривали полковниковъ, чтобъ не дѣлать этого. Собрали раду, и на радѣ полковники гетману отказали впрямь, что они отъ государя не отступятъ и по всему свѣту измѣнниками слыть не хотятъ: „Нестаточное дѣло", говорили они, „чтобъ царское величество, показавъ свое милосердіе надо всѣми нами, высвободя насъ отъ непріятельскихъ рукъ, отдалъ бы опять врагамъ христіанскимъ". И едва гетмана уговорили. А Богданъ Хмельницкій сильно ошалѣлъ, и въ болѣзни на всякаго сердится: лучше умереть или побѣжать куда, чтобъ только его не видать. Сынъ мой, писарь Иванъ, говорилъ мнѣ, что „на гетманово злодѣйство и неправду никакими мѣрами угодить нельзя: еслибъ не ты да не матка, то я бы давно отъ горести сердечной побѣжалъ къ царскому величеству или въ иныя государства; и, для вѣрной услуги царскому величеству, теперь сынъ мой Иванъ женился на шляхтянкѣ благочестивой христіанской вѣры, на дочери Богдана Станѣевича, у котораго маетности въ Оршанскомъ повѣтѣ, на своихъ земляхъ они и Кутеинскій монастырь построили; а другой мой сынъ, Константинъ, женился на дочери Ивана Мещерскаго, и хотятъ бить челомъ великому государю, чтобъ велѣлъ маетности ихъ дать имъ, также какъ царская милость была и къ инымъ шляхтичамъ".

3 іюня, не доѣзжая до Чигирина верстъ за десять, Бутурлинъ былъ встрѣченъ Миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Лесницкимъ, который объявилъ о себѣ, что онъ сдѣланъ наказнымъ гетманомъ надъ всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, чтобъ идти противъ Крымскаго хана; стоитъ онъ въ десяти верстахъ отъ Чигирина и сбирается съ войскомъ, а Крымскій ханъ со всѣми ордами переправился за Днѣпръ подъ Очаковымъ и стоитъ въ недальнихъ мѣстахъ. „Теперь", говорилъ Лесницкій, „слухъ до насъ доходитъ, что его царское величество, неизвѣстно по какимъ нашимъ винамъ, гнѣвъ свой на насъ положилъ и хочетъ послать на насъ ратныхъ воинскихъ людей; однако мы женъ своихъ и дѣтей оставимъ безо всякаго опасенья, хотя и постигнетъ насъ мечъ его царскаго величества,—мы подложимъ головы свои подъ мечъ этотъ безо всякаго сопротивленія: буди во всемъ воля великаго государя нашего".

Бутурлинъ отвѣчалъ: „Это вамъ кто-нибудь наговорилъ воровски, на ссору; великій государь держитъ васъ въ своей милости и жалованьи, и вамъ бы ему служить, воровскимъ рѣчамъ, смутнымъ рѣчамъ не вѣрить, а служба ваша у великаго государя забвенна не будетъ".

Верстъ за пять отъ Чигирина встрѣтили Бутурлина: сынъ Хмельницкаго Юрій, писарь Выговскій, есаулъ Иванъ Ковалевскій, съ ними казаковъ конныхъ человѣкъ съ двѣсти. Юрій сказалъ Бутурлину: „Не погнѣвайтесь, что отецъ мой самъ не выѣхалъ къ вамъ на встрѣчу,—онъ очень боленъ". На другой день Бутурлинъ былъ у гетмана, котораго нашелъ въ постели. По причинѣ болѣзни Богданъ отказался слушать рѣчи посольскія о великихъ государевыхъ дѣлахъ, отложилъ до другого раза. Бутурлинъ за это отказался-было обѣдать у него, но потомъ согласился, когда гетманъ объявилъ, что онъ почтетъ это за знакъ государевой немилости къ нему. За столъ сѣли и потчивали пословъ гетманова жена Анна и дочь Катерина, жена Данила Выговскаго, писарь Иванъ Выговскій и есаулъ Иванъ Ковалевскій, а самъ гетманъ за столомъ сидѣть не смогъ, лежалъ въ постели. Въ половинѣ стола Богданъ велѣлъ налить себѣ кубокъ венгерскаго, всталъ и, поддерживаемый слугами, пилъ за здоровье государя, царскаго семейства, за патріарха Никона, милостиваго заступника и ходатая.

На другой день Бутурлинъ разспрашивалъ писаря Выговскаго о вѣстяхъ. Тотъ, взирая на образъ Спасовъ, перекрестя лицо свое, съ великими клятвами говорилъ, что Хмельницкій и онъ, писарь, и все войско Запорожское великому государю во

всемъ истинные слуги и подданные безо всякой шатости; съ Шведскимъ королемъ, съ Рагоци, съ Молдаванами и Волохами гетманъ соединился не для чего иного, только на славу, честь и хвалу великому государю. Великій государь съ Поляками договоръ велѣлъ учинить по Поляновскимъ статьямъ, войску Запорожскому быть попрежнему въ коронѣ Польской; гетманъ и все войско Запорожское о томъ опечалились, а Поляки обрадовались покою, начали злохитрствовать, забѣгать во многія государства, чтобъ они вмѣстѣ съ ними войско Запорожское и православныхъ христіанъ воевали. Тогда гетманъ послалъ къ Венгерскому, Молдаванскому и Волошскому владѣтелямъ о дружбѣ; тѣ обрадовались и присягнули въ вѣчной дружбѣ. Это сдѣлано великому государю на вѣчную славу, что такіе честные владѣтели царскаго величества подданнымъ учинились въ дружбѣ и братствѣ и на недруговъ великаго государя въ соединеніи; а полковникъ Антонъ Ждановичъ ходилъ на Поляковъ не для того, чтобъ Рагоци быть на коронѣ Польской, а только для того, чтобъ Поляки съ окрестными государями дружбою не сносились и подданныхъ царскаго величества не разоряли. Бутурлинъ отвѣчалъ: „Намъ въ великое подивленье, какими мѣрами то чинится, что у гетмана и войска Запорожскаго съ непріятелемъ царскаго величества, Шведскимъ королемъ, ссылка и соединеніе, и всякое доброходство отъ великаго государя переносится на Шведскаго короля да на Рагоци Венгерскаго, и войско Запорожское всякое вспоможенье чинитъ непріятелямъ царскаго величества безъ воли и повелѣнья великаго государя. Дѣлаете вы это, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, данное предъ Св. Евангеліемъ; корону Польскую, на которую избрали великаго государя нашего, разоряете, крови христіанскія проливаете, православнымъ церквамъ Божіимъ и православнымъ христіанамъ, живущимъ въ Польшѣ, отъ Кальвиновъ разореніе и оскверненіе чинится многое, такъ что и слышать страшно: блюдитесь, чтобъ вамъ за такія неправды не навести на себя гнѣва Божія!“

Наконецъ Богданъ прислалъ звать къ себѣ Бутурлина на личное свиданіе. Посолъ повторилъ и ему тѣ же самыя слова, какія говорилъ Выговскому. Богданъ вспыхнулъ: „Отъ Шведскаго короля“, сказалъ онъ, „я никогда отлученъ не буду, потому что у насъ дружба давняя, больше шести лѣтъ; Шведы люди правдивые, всякую дружбу и пріязнь додерживаютъ, слово свое держатъ; а царское величество надо мною и надо всѣмъ войскомъ учинилъ-было немилосердіе свое: помирясь съ Поляками, хотѣлъ-было насъ отдать имъ въ руки; а теперь слухъ до насъ доходитъ, что государь изволилъ послать изъ Вильны противъ насъ, Шведовъ и Венгровъ, Ляхамъ на помощь 20,000 ратныхъ людей; а мы, когда еще и не были у царскаго величества въ подданствѣ, великому государю служили, Крымскаго хана воевать Московскія украйны не пускали девять лѣтъ, и теперь мы отъ царской высокой руки неотступны и идемъ воевать съ непріятелями царскаго величества, хотя бы мнѣ отъ нынѣшней моей болѣзни и смерть приключилась, для того веземъ съ собою и гробъ. Вѣрѣ христіанской никогда я разорителемъ не буду: были съ нами въ союзѣ и бусурманы, крымскіе Татары, и тѣ меня слушали, бились за церкви Божіи и за вѣру православную. Великому государю во всемъ воля; только мнѣ диво, что бояре ему ничего добраго не посовѣтуютъ: короною Польскою еще не овладѣли и мира въ совершенье еще не привели, а уже съ другимъ государствомъ, со Шведами, войну начали, а Шведскій король силенъ, у него въ союзѣ шестнадцать земель; и если бы я не соединился со Шведами, Венграми, Молдаванами и Волохами, то соединились бы съ ними Поляки, и насъ всѣхъ въ Малой Россіи вырубили бы и выжгли, царскаго величества рати къ намъ на помощь не подоспѣли, мы бы всѣ сгинули, а потомъ и Россійскому государству было бы нерадостно-жъ“.

Бутурлинъ отвѣчалъ: „Гетманъ, стыдно тебѣ говорить такія непристойныя слова! Надобно бы тебѣ помнить Бога и присягу свою, какъ обѣщался великому государю служить и прямить и всякаго добра хотѣть; надобно было тебѣ помнить царскаго величества милость и отъ непріятелей оборону; а теперь за помощію войска Запорожскаго Шведскій король и Рагоци побрали въ Польшѣ много городовъ и великое, неизреченное богатство пограбили; блюдитесь, чтобъ вамъ за ваши неправды не навести на себя гнѣва Божія! Когда побѣдою царскаго величества Поляки учинились безсильны, то на разоренье и на грабежъ много у васъ друзей стало; а какъ непріятели ваши Польскіе и Литовскіе люди вамъ были страшны и сильны, то освободиться отъ нихъ никто вамъ не помогъ, только одинъ великій государь нашъ. Когда вамъ отъ непріятелей было тѣсно, то ты, гетманъ, съ послами великаго государя говаривалъ поласковѣе; а теперь ты говоришь съ большими пыхами, невѣдомо по какой мѣрѣ. Тебѣ самому памятно, какъ приходилъ я со многими ратными людьми тебѣ на помощь противъ Поляковъ и крымскихъ Татаръ; въ то время ты былъ очень низокъ и къ намъ держалъ любовь большую; носи платье разноцвѣтное, а слово держи одинакое. Неправды Шведскаго короля не только великому государю нельзя было терпѣть, но и ты бы не стерпѣлъ; а служба твоя великому государю извѣстна, и никогда у него забвенна не будетъ; теперь великій государь тебя держитъ въ милости и великой чести, и впередъ на царскую милость будь надеженъ, а непристойныя и высокія мѣры отъ себя отложи. У великаго государя и въ мысли того не было, чтобъ отдать васъ Польскому королю; да и то дѣло несхожее, что государь послалъ на васъ изъ Вильны 20,000 ратныхъ людей: это кто-нибудь сказалъ на ссору, такъ тебѣ бы этому не вѣрить; царское величество васъ всѣхъ, православныхъ христіанъ единовѣрныхъ, держитъ въ своей милости“.

Рѣзкая правда въ началѣ рѣчи и мягкій конецъ произвели свое дѣйствіе; старикъ пріутихъ и отвѣчалъ: „Я вѣрный подданный царскаго величества и никогда отъ его высокой руки не отлучусь; царскаго величества милость и оборона намъ памятны; и за то готовы мы также царскому величеству служить и головъ своихъ не щадить. Только теперь дайте мнѣ покой; подумавши обо всемъ, вамъ отвѣтъ учинимъ въ другое время, потому: я страдаю отъ тяжкой болѣзни, не могу говорить". Постлали скатерть на столъ, и больной попросилъ Бутурлина по-пріятельски отобѣдать у него, чѣмъ Богъ послалъ; жена и дочь его попрежнему потчивали.

На другой день, 10 іюня, пришелъ къ Бутурлину писарь Выговскій и сказалъ: „Гетманъ велѣлъ вамъ сказать добрый день и о вашемъ здоровьи спросить; на вчерашнее же не сердитесь, потому что гетманъ очень боленъ; простите, что въ тяжкой своей болѣзни запальчиво говорилъ; въ болѣзни своей теперь на всѣхъ сердится, уже нравъ такой, насъ всѣхъ бранитъ, подойти нельзя! Гетманъ велѣлъ спросить: донесъ ли царскому величеству стольникъ Кикинъ о желаніи гетманскомъ написать къ Шведскому королю о его неправдахъ?" Бутурлинъ отвѣчалъ, что Кикинъ донесъ объ этомъ: пусть гетманъ пишетъ къ королю и пусть тотъ исправится передъ государемъ. „Но", прибавилъ посолъ, „перехвачена литовскими людьми грамота гетманская къ Шведскому королю, въ которой Хмельницкій пишетъ, подкрѣпляя договоръ свой съ королемъ, и ожидая отъ него великихъ пословъ". Выговскій отвѣчалъ: „Шведскіе послы должны быть сюда скоро; но въ грамотѣ не написано, что гетманъ подкрѣпляетъ договоръ свой, гетманъ писалъ только о дружбѣ, пріязни и любви". Бутурлинъ сказалъ на это: „Писарь Иванъ Выговскій! помни къ себѣ милость и жалованье великаго государя, служи и работай ему истиннымъ сердцемъ, правою душою, безо всякой хитрости и обману, а у царскаго величества твоя служба и работа незабвенна." Выговскій, по обычаю своему, клялся страшными клятвами, что служитъ великому государю всею душою, гетмана и полковниковъ укрѣпляетъ и отъ всякой шатости отводитъ, и, въ знакъ прямой службы и вѣрнаго подданства, женился на православной, и хочетъ просить, чтобъ тестевы имѣнія въ Оршанскомъ повѣтѣ перешли къ нему и женѣ его, а онъ великому государю вѣрный подданный до конца жизни.

12 іюня пріѣхали къ гетману шведскіе и венгерскіе послы. Бутурлинъ послалъ за Выговскимъ и спросилъ его, зачѣмъ пріѣхали послы. Писарь отвѣчалъ, что Карлъ X-й прислалъ о дружбѣ и любви съ гетманомъ и со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ. 13 числа гетманъ прислалъ звать къ себѣ царскихъ посланныхъ на разговоръ и встрѣтилъ ихъ такою рѣчью: „Увѣряю, что ни я, ни кто другой изъ живущихъ въ Малой Россіи отъ высокой руки царскаго величества не отступенъ. Просимъ васъ донести до царскаго величества наше моленіе и просьбу, чтобъ великій государь не вѣрилъ обличеніямъ на насъ; а что мы прибрали къ себѣ въ товарищество Шведа и Рагоци, не обославшись съ великимъ государемъ, то это сдѣлали мы изъ страха, потому что Ляхи задаютъ фантазіи великія, подъ клятвою утверждаютъ, что царское величество насъ отдалъ имъ, да и для того, чтобъ Ляхи не соединились со Шведомъ и Рагоци. Думаемъ, что Шведъ мирному договору будетъ радъ, а если мириться не захочетъ, то въ то время на Шведскаго короля иной способъ учинимъ; а теперь бы начатое дѣло съ Ляхами къ концу привести, чтобъ всѣми великими потугами съ обѣихъ сторонъ, и съ царскаго величества, и съ Шведской, Ляховъ бить, до конца искоренить и съ другими государствами соединиться не дать. А мы знаемъ навѣрное, что словомъ Ляхи великаго государя на корону избирали, а дѣломъ никакъ то не сталось, какъ видно изъ грамоты ихъ къ султану, которую я отослалъ къ царскому величеству".

Бутурлинъ, ничего не отвѣчая на это, началъ свои рѣчи. „Въ прошломъ 1655 году ходили вы на Ляховъ вмѣстѣ съ бояриномъ Васильемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, пришли подъ первый городъ Гусятинъ; боярскаго полка люди начали къ нему приступать и на городъ взошли, а ты, гетманъ, велѣлъ ихъ отъ города отбивать и на томъ отбоѣ многихъ людей посѣкли, а по тѣмъ людямъ, которые взошли-было на городъ, изъ пушекъ стрѣляли. Бояринъ послалъ къ тебѣ дворянъ спросить, что̀ это значитъ?—ты отвѣчалъ, что Гусятинцы прислали къ тебѣ бить челомъ, что сдадутся. Когда подъ Львовъ подошли государевы ратные люди и хотѣли надъ нимъ чинить промыслъ, то ты, гетманъ, промысла никакого чинить не далъ, а взялъ съ города пятьдесятъ тысячъ золотыхъ червонныхъ; а какъ посылали подъ Люблинъ Данила Выговскаго да Петра Потемкина, то въ Люблинѣ взяты взятьемъ только посады, а за̀мочекъ сдался, и въ за̀мочкѣ этомъ тамошнимъ людямъ тѣсноты никакой не чинили же и людей не выводили. А теперь которая шляхта великому государю присягнула и на маетности свои получила жалованныя грамоты, чтобъ жить безопасно, то Черкасы Нечаева полка разоряютъ ее, изъ маетностей выгоняютъ, иныхъ побиваютъ, крестьянъ отъ пашни отлучили и произвели такой голодъ, какого давно не слыхано, не только-что мертвечину и всякую нечистоту, но и человѣческое мясо ѣдятъ; и, на то смотря, другимъ Полякамъ въ Литвѣ подъ царскую руку поддаваться опасно. Когда полномочные царскіе послы говорили съ польскими коммисарами въ Вильнѣ объ избраніи царскаго величества на корону Польскую, и польскіе коммисары соглашались, лишь бы только права и вольности ихъ не были нарушены и маетностей не отнимали, въ то время ты, гетманъ, во всемъ

полагался на государское изволеніе, а теперь говорилъ стольнику Кикину и дьяку Ѳомину, что если царское величество съ Польскимъ королемъ и помирится, то ты съ Поляками никогда въ согласіи не будешь, либо ихъ разоришь, либо самъ пропадешь. Такимъ образомъ, въ словахъ твоихъ нѣтъ постоянства; сперва ты подъ Гусятинымъ говорилъ: хотя бы поддавались не только Поляки, но и Татары и Жиды, и тѣхъ для чего не принять?—тѣснить ихъ ни въ чемъ не годится; а теперь Поляки сами желаютъ быть подъ царскою рукою, и тебѣ какое пріобрѣтеніе, если отъ вашего гоненія и тѣсноты они поддадутся Шведскому королю или Рагоци?"

Гетманъ отвѣчалъ: „Правда, что подъ Гусятинымъ города добывать мы не давали, не потому, что Ляховъ берегли, а потому, что въ тѣхъ городахъ много православныхъ христіанъ, а мыслили мы начальное и главное дѣло—войска кварцяныя и гетмановъ побивши, идти далѣе въ Польшу и тамъ добывать коронныхъ городовъ, въ которыхъ Ляхи живутъ. Но этому нашему замыслу послушными быть не захотѣли, пошли за грабежемъ и гонялись за корыстью. А со Львова хотя что и взято, и то роздано ратнымъ бѣднымъ людямъ. Мы знаемъ, кто сами себѣ честь получили больше того, но мы ихъ передъ царскимъ величествомъ не выдаемъ; чтобъ царское величество надъ нами милость показалъ, тѣмъ, которые доносятъ на насъ невинно, вѣрить не велѣлъ; а я хотя бы и шальной былъ, то не могъ бы велѣть побивать изъ пушекъ царскихъ людей, единовѣрныхъ православныхъ христіанъ. Къ Ивану Нечаю послалъ я нарочно листы, чтобъ шляхтѣ кривдъ никакихъ не чинили".

Бутурлинъ продолжалъ: „Въ дорогѣ мы слышали отъ всякихъ людей, что была у тебя рада, и на той радѣ сдалъ ты гетманство сыну своему Юрью: и тебѣ бы велѣть сыну своему въ церкви Божіей, предъ Святымъ Евангеліемъ, при насъ, присягнуть на подданство великому государю, государынѣ и царевичу Алексѣю Алексѣевичу". Гетманъ отвѣчалъ: „Видите сами, что я сильно боленъ и въ старости, и я поговорилъ съ полковниками, чтобъ попомнили свою службу, промыслъ и радѣнье, по смерти моей выбрали на Запорожское гетманство сына моего Юрія; а нынѣ, пока живъ буду, гетманство и всякое старшинство держу при себѣ, а когда по моей смерти сдѣлается гетманомъ сынъ мой Юрій, то онъ царскому величеству присягу учинитъ".

Слѣдовала статья потруднѣе: „По указу великаго государя", говорилъ Бутурлинъ, „велѣно въ Кіевѣ стрѣльцамъ жить съ женами и дѣтьми и дать имъ подъ дворы мѣста и подъ пашни земли, чтобъ стрѣльцы въ Кіевѣ отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ всегда были готовы; но въ Кіевѣ полковникъ и войтъ безъ твоего гетманскаго письма подъ стрѣлецкіе дворы мѣстъ не даютъ, и стрѣльцы съ женами и дѣтьми живутъ по шелашамъ, и вы сами городу отъ непріятелей разоренье навести хотите, потому что стрѣльцы въ Кіевѣ безъ дворовъ жить не станутъ и побредутъ врознь, и если безъ ратныхъ осадныхъ людей что подъ Кіевомъ учинится, и то будетъ отъ васъ: такъ ты бы отписалъ въ Кіевъ поскорѣе, что мѣста и земли велѣлъ отвести". Гетманъ отвѣчалъ: „Въ Кіевѣ я давно не бывалъ; у кого и подъ городомъ отняты земли, отъ тѣхъ до сихъ поръ хлопоты и плачъ великій, на чужихъ земляхъ трудно поселить, это значитъ право нарушить". Тутъ писарь Выговскій и есаулъ Ковалевскій стали кричать: „Какъ это можно отнимать собственныя стародавнія мѣста, которыя даны церкви прежними князьями Рускими и королями Польскими, также собственные домы и земли казацкія и мѣщанскія отнять и отдать стрѣльцамъ! Этимъ наведемъ на себя лютую бѣду! Ляхи у гетмана отняли стародавную маетность Субботову, и за ту кривду до сихъ поръ кровь льется; въ Кіевѣ можно пробыть и безъ московскихъ стрѣльцовъ: такими малыми людьми отъ непріятеля не оборониться". И отказали впрямь. Бутурлинъ возражалъ: „Отговариваетесь мимо всякой правды, не дѣломъ; можно дать стрѣльцамъ земли митрополичьи, монастырскія, казацкія, мѣщанскія, а старымъ владѣльцамъ дать взамѣнъ земли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, хотя бы и больше прежняго. Пристойное ли вы дѣло говорите, что стрѣльцамъ и солдатамъ въ Кіевѣ не быть; гдѣ по указу царскаго величества честные люди бываютъ въ городахъ воеводами, и для ихъ чести и для обороны и для непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ живутъ конныя и пѣшія рати многія. Ты, гетманъ, самъ пишешь къ государю, что Турки и Татары идутъ на Малороссію, а въ Кіевѣ осадные люди только одни мѣщане, и тѣхъ немного, для своихъ торговыхъ промысловъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Царскіе стрѣльцы и солдаты пріѣхали въ Кіевъ другой годъ и до сихъ поръ не имѣютъ гдѣ головы преклонить, скитаются съ женами и малыми дѣтьми между дворовъ, и морозъ, и дождь, и слякоть, и солнечный жаръ терпятъ, и многіе помираютъ. Вамъ, писарю и есаулу, приставать къ гетмановымъ словамъ непригоже и говорить шумно негодится: это обычай негодныхъ людей. Въ домахъ своихъ вы не только челядникамъ своимъ покой строите, но и псамъ конуры, и лошадямъ конюшни, и скотинѣ хлѣвы; а царскаго величества ратные люди не имѣютъ гдѣ головы приклонить. Какъ вы Бога не боитесь и стыда не имѣете: это ли братская любовь?" Гетманъ отвѣчалъ: „Подумавши какъ это сдѣлать, дамъ вамъ знать".

У Бутурлина была еще статья: „Царскому величеству вѣдомо учинилось,—говоришь ты, гетманъ, что царское величество къ тебѣ и ко всему войску Запорожскому милостивъ, а бояре васъ ненавидятъ и службы прямыя ваши до государя не доносятъ; это тебѣ про бояръ кто-нибудь сказывалъ на ссору, ложно; боярамъ тебя ненавидѣть не за что, а служба твоя великому государю и боярамъ его вся извѣстна, и ничто отъ великаго государя не утае-

но: и тебѣ бы такимъ смутнымъ воровскимъ рѣчамъ не вѣрить".

На другой день, 14 іюня, пришелъ къ Бутурлину Выговскій и объявилъ, что въ Кіевъ уже отправленъ Иванъ Воловичъ для пріискиванія мѣста стрѣльцамъ. Бутурлинъ выговорилъ Выговскому за его вчерашнія *шумныя* и *развратныя* рѣчи; но Выговскій отвѣчалъ: „Говорилъ я такъ по гетманову приказу, а всѣхъ пуще въ томъ дѣлѣ помѣшку чинитъ есаулъ Иванъ Ковалевскій: со мною передъ гетманомъ сильно споритъ; хотя бы ему какой-нибудь подарокъ дать, чтобъ онъ въ этомъ дѣлѣ не мѣшалъ".

Это были послѣдніе переговоры съ Богданомъ: 27 іюля знаменитаго гетмана уже не было въ-живыхъ [1]).

Дополненіе къ десятому тому.

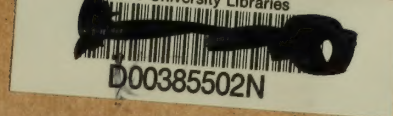
Стр. 1613 Кн. II. Любопытны разговоры Хмельницкаго и Выговскаго съ монахомъ Арсеніемъ Сухановымъ, ѣздившимъ на Востокъ и останавливавшимся въ Чигиринѣ. Выговскій пришелъ къ Арсенію, который стоялъ вмѣстѣ съ Назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ, и завязялся такой разговоръ. *Писарь:* „Какъ мы просили у государя помочи, и государь назвался-было намъ помогать, и ни въ чемъ не помогъ, и мы, видѣвъ, что отъ государя намъ помочи нѣту, и чтобъ Крымской царь не завладѣлъ государствомъ Польскимъ, если-бы короля взялъ, для того помирились съ королемъ, и король многіе городы отдалъ Татарамъ въ полонъ: тѣ-де души и кровь и полонъ взыщетъ Богъ на государѣ; а если бы отъ него была намъ помочь, и мы, на него, государя, надѣяся, съ королемъ не мирились, и тѣхъ бы городовъ король не отдавалъ хану". (И митрополитъ Назаретскій, прислонясь къ писарю, на ухо говорилъ: „Такъ есть истина, и патріархъ (Паисій Іерусалимскій) то-жъ говорилъ, что та кровь и полонъ взыщется на государѣ, что государь не помогъ вамъ." — А патріархъ, у себя будучи, тѣ рѣчи многажды Арсенію говорилъ, что для чего государь казаковъ не приметъ.)

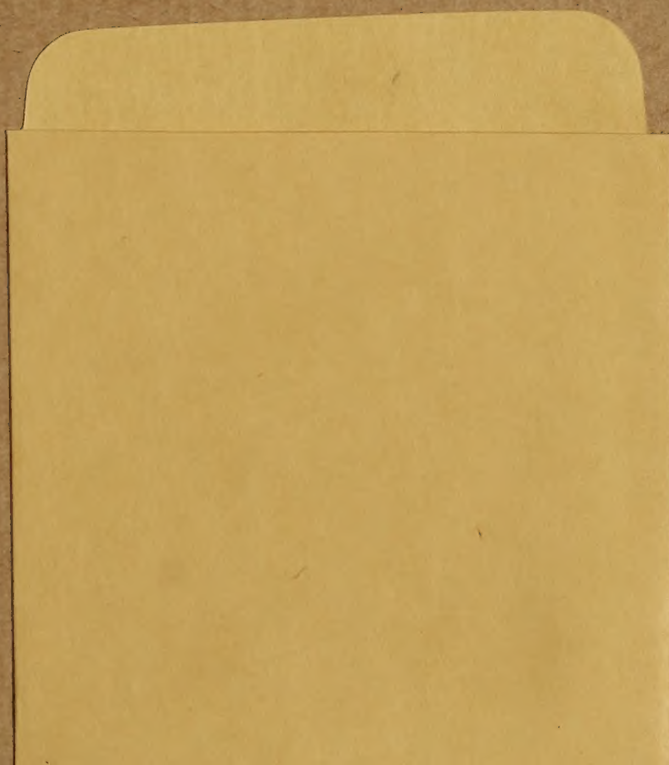
8 ноября (1650 года) митрополиты Коринѳской и Назаретской служили обѣдню въ церкви, что у гетманскаго двора: гетманъ стоялъ съ сыномъ на правомъ клиросѣ. По заамвонной молитвѣ оба митрополита вышли изъ алтаря Царскими дверьми, передъ которыми постлали коверъ, и призвали къ себѣ гетмана съ сыномъ и велѣли имъ обоимъ стать на коврѣ на колѣняхъ, а митрополиты положили имъ на главы омофоры свои и напередъ челъ молитву по-гречески Коринѳскій, потомъ челъ двѣ молитвы Назаретскій по-русски. Во многолѣтіи и ектеніяхъ митрополиты поминаютъ гетмана государемъ и гетманомъ Великія Россіи.

9 ноября пришелъ гетманъ на дворъ къ митрополиту Назаретскому и къ Арсенію въ келію, Грекамъ и своихъ всѣхъ велѣлъ выслать вонъ (кромѣ Выговскаго) и говорилъ: „Посылали мы къ государю царю пословъ своихъ, просили помочи и били челомъ, чтобъ государь насъ пожаловалъ, принялъ подъ свою державу. И государь-было сказалъ намъ хорошо и принялъ, добре, а такъ не учинилъ, какъ намъ сказалъ, и мы послѣ того опять послали, и государь сказалъ намъ инаково, будто вѣчный миръ съ королемъ, помогать будто не умѣтъ ему государю. А нынѣ чрезъ васъ, духовныхъ людей, еще ко государю словесно посылаю, чтобъ надъ нами милостиво учинилъ, насъ принялъ подъ свою царскую державу и помочь бы намъ подалъ, а я ему буду служить; чтобъ насъ государь не пустилъ до бусурманъ, и о томъ бы государь намъ вѣдомость далъ истинную чрезъ писаніе или чрезъ якого духовнаго человѣка, чтобъ намъ было на что надѣяться. А если государь насъ не пожалуетъ, и подъ свою державу не приметъ, и помочи не дастъ, что ему государю будетъ, какъ я сложусь съ Турками и съ Татары и съ Волохи и съ Мутьяны и съ Венгры, и пойду, и Землю его запустошу такъ же, какъ и Волоцкую?" И Арсеній говорилъ: „Мости пане гетмане! какъ государю идти на Ляховъ, преступать крестное цѣлованіе и нарушить вѣчное мирное постановленіе?..." *Гетманъ*: „Государь благочестивый мирное постановленіе преступить не хочетъ ради крестнаго цѣлованія: вотожъ Ляхи такъ преступаютъ, и папа въ томъ ихъ разрѣшаетъ. На такое дѣло благословятъ его, государя, четыре вселенскіе патріархи со всѣмъ своимъ православнымъ освященнымъ соборомъ и Бога молить за него станутъ вся Греческая страна и всѣ православніи, и въ той клятвѣ его разрѣшатъ и простятъ; то мнѣ вѣдомо, понеже пишетъ ко мнѣ о томъ вселенскій патріархъ Парѳеній Царяграда и Паисій Еросалимскій, да и всѣ благочестивіи того желаютъ Греци и Серби и Болгары и Волохи и Мутьяни, чтобъ намъ всѣмъ въ соединеніи быть. Ино папа отступной благословляетъ и разрѣшаетъ Ляховъ и во всякихъ заклинаніяхъ прощаетъ, а Ляхи на то надѣются: колми паче наши благочестивіи патріархи и весь освященный соборъ и иноци могутъ государя разрѣшити".

---

[1]) Симбирскій Сборникъ, стр. 142 и слѣд.; арх. мин. юстиц.; столбцы Малорос. приказа, № 5830, 5832, 5836, 5844; Крымскій статейный списокъ, № 40, въ Москов. арх. мин. ин. д.; тамъ же, дѣла Малорос. 1657 года. День смерти Хмельницкаго — 27 іюля — означенъ въ письмѣ Выговскаго къ Бутурлину въ Кіевъ; см. тамъ же донесеніе Бутурлина въ Москву.


D00385502N



D04502136L
Duke University Libraries